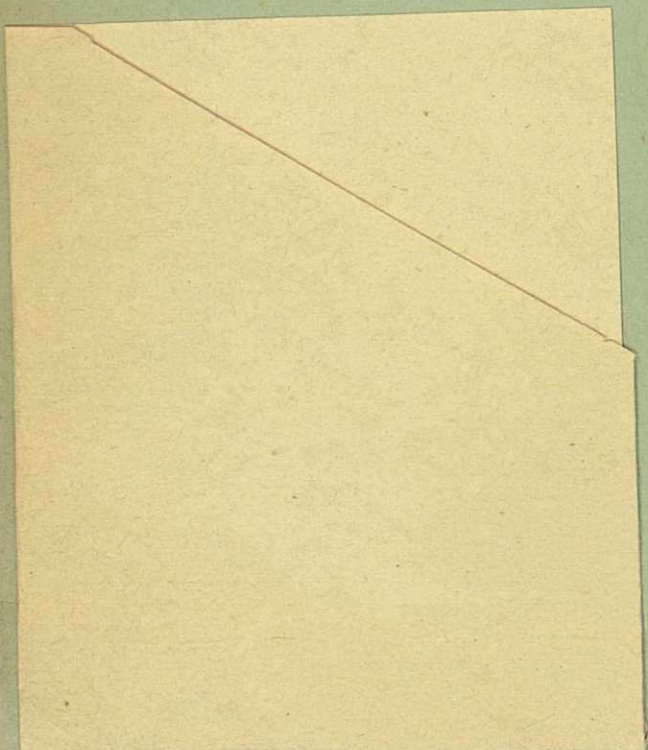

1
124

ИМЕЕТСЯ
МИКРОФИЛЬМ

1
124

ЖИВОИСКУСНОЕ ОБЗРѢНІЕ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

1879.

(ГОДЪ СЕДЬМЫЙ)

Цѣна въ бумажкѣ за годовое изданіе . . . . . 6 руб.
» » коленкоровомъ переплетѣ . . . . . 7 руб.

3/40

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)

1879.

Оглавление I тома „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“ за 1879 годъ.

Прозаическіе романы, повѣсти и рассказы.

	стр.
Бамбула (Негритянскіе нравы). <i>Корбьера</i>	67
Бой гладіаторовъ и травля звѣрей на аренѣ амфитеатра Помпеи, въ 79 г. по Р. Х., очеркъ <i>Симонса</i> , пер. <i>Е. А. Сисоевой</i>	447, 471, 491, 511
Власевна, рассказъ <i>Баранцевича</i>	530
Въ стоячей водѣ, рассказъ <i>Н. Ф. Бажина</i>	385, 405, 426, 465
Въ Новой Гвинее, изъ путешествія <i>Люи Трегана</i> , пер. <i>Н. М. Поль</i>	399, 420, 441, 459, 479, 497, 562
Герои и работники, очеркъ <i>А. Никто</i>	13
Драма въ гнѣздѣ, рассказъ.....	355
Жертва знанія, очеркъ <i>А. Никто</i>	15
Изъ моихъ воспоминаній, <i>Фридриха Шиллингена</i>	434, 448, 489, 549
Иза, романъ <i>А. Буве</i>	11, 39, 58, 79, 110, 143, 174, 198, 218, 237, 266, 286, 303, 328, 343, 371, 394, 418, 436, 456, 480, 502, 523, 542, 550
Идолъ, очеркъ <i>А. Н. Соковнина</i>	506
Козлы отпущенія, повѣсть <i>Н. И. Северина</i>	27, 49, 118, 162, 182, 227, 275, 293
Маленькая служанка, рассказъ <i>Катюля Мендеса</i> , пер. <i>Н. Вьянова</i>	395
Мужъ и жена, романъ <i>А. Михайлова</i>	4, 25, 75, 97, 138, 181, 209, 252
Норвежскія саги о чумѣ, <i>С. Толморова</i>	200
Отставная парица, очеркъ <i>А. Н. Соковнина</i>	362
Патеръ Грегоръ, психологическій очеркъ, <i>Е. Вербера</i>	531
Помпейскія ночи, отрывокъ изъ очерковъ древней римской жизни, <i>Симонса</i> , пер. <i>Е. А. Сисоевой</i>	296, 318, 352
Первое представленіе Ромео и Джульетты въ Лондонѣ, рассказъ.....	367
Сестра милосердія, романъ <i>Эдмона и Жюль Гонкуровъ</i> , пер. <i>Литтиса</i>	54, 98, 121, 167, 214, 225
Серватій и Панкратій, галиційскій рассказъ <i>Захера-Мазоха</i>	200, 230, 279, 322
Ткачъ изъ Штейнбаха, рассказъ <i>Эркмана Шатриана</i> , пер. <i>М. Минутъ</i>	451
Тайна смерти Беллы Пристлей, съ англійскаго.....	347
Членъ общества, очеркъ <i>А. Н. Соковнина</i>	558

Позмы, рассказы въ стихахъ, мелкія стихотворенія.

Аистъ, стихотвореніе <i>А. Петефи</i> , пер. <i>Д. Садовникова</i>	255
Ахъ ты молодость, ты молодость моя, пѣсня <i>Д. А. Рубина</i>	173
А. С. Грибоѣдову, стихи <i>Н. Д. Зубарева</i>	90
Блудныя дѣти, стихотвореніе <i>Д. Д. Минаева</i>	340
Боденштедтъ, пер. стиховъ <i>Якубовича</i>	274
Вдохновеніе, Ручей, Кашель, Ночь, стихотворенія <i>В. Юрьева</i>	181
Воспоминаніе, Ночью, стихотворенія <i>кн. Дм. Голицына</i>	318
Въ непогоду, изъ Альфреда Мюссе, пер. <i>С. Андреевскаго</i>	121
Вмѣсто предисловія, Подражаніе Гете, стихотворенія <i>Я. А. Старостина</i>	58
Въ своемъ углу, стихотвореніе <i>Д. А. Рубина</i>	38
Весталка, стихотвореніе <i>В. Левина</i>	10
Дума поэта, фантазія, изъ <i>Вл. Сырокомли</i> , пер. <i>Оммулевскаго</i>	374
Два желанія, стихотвореніе <i>С. Андреевскаго</i>	106
Деревенскій гусярь, стихотвореніе <i>Д. Д. Минаева</i>	49
День и ночь, стихотвореніе <i>Нико-Ники</i>	162
Дума, стихотвореніе <i>кн. Дм. Голицына</i>	471
Дорожныя картинки, стихотвореніе <i>Вл. Юрьева</i>	339
Зимнимъ вечеромъ, стихотвореніе <i>В. Левина</i>	137
Звѣздочка, стихотвореніе <i>Нико-Ники</i>	296
Изъ Байрона, стихотвореніе <i>кн. Дм. Голицына</i>	355
Изъ Гейне, стихотворенія, пер. <i>М. Шелунова</i>	425, 485, 529
Изъ прошлаго, стихотвореніе <i>В. Левина</i>	505
Листки изъ записной книжки, <i>В. Левина</i>	304
Лилии, баллада <i>Адама Мицкевича</i> , пер. <i>Оммулевскаго</i>	206
Минутой, стихотвореніе <i>Е. Воронова</i>	423
Міръ прекрасенъ, стихотвореніе <i>Оммулевскаго</i>	25
Ненастье, стихотворенія <i>кн. Дм. Голицына</i>	390, 549
Обѣтъ, <i>Оммулевскаго</i>	11
Оставъ ружье, стихотвореніе <i>В. Левина</i>	3

Пасхальная дума, изъ <i>Вл. Сырокомли</i> , стихотвореніе <i>Д. Д. Минаева</i>	315
Посмертныя стихотворенія, <i>Я. А. Старостина</i>	385
Посмертныя стихотворенія, изъ Гейне, <i>Я. А. Старостина</i>	405
Пѣсня, изъ Гюнтера, пер. <i>А. Комарова</i>	361
Полно, что томиться! стихотвореніе <i>кн. Дм. Голицына</i>	447
Рыцарь на стражѣ, геральдическое преданіе, стихотвореніе <i>В. Сырокомли</i> , пер. <i>Оммулевскаго</i>	78
Смерть Клеопатры, стихотвореніе <i>кн. Дм. Голицына</i>	410
Сказка о бѣломъ бычкѣ, рассказъ <i>А. Никто</i>	282
Сѣятель, стихотвореніе <i>А. М. Иванова</i>	142
Я желалъ бы съ тобой отъ столицы, стихотвореніе <i>Нико-Ники</i>	225

Статьи и замѣтки научнаго содержанія.

Во время войны, изъ записной книжки корреспондента, очерки <i>Г. К. Градовскаго</i>	110
Железная дорога черезъ Сахару.....	68
Изобрѣтенія и открытія, статьи <i>Л. Невольскаго</i>	185
Изъ индійской жизни.....	302
Какъ далеко отъ насъ звѣзды? статья <i>С. П. Толморова</i>	410
Кантъ и его мнѣніе о женщинахъ.....	534
Миланскій соборъ, листки изъ путевой книжки, статья <i>Е. Л. Маркова</i>	313, 337
Народы Россіи, статьи <i>С. С. Шашкова</i>	85, 127, 234, 261, 298, 315, 397, 411, 474, 487
Нѣмецкій буршъ прежде и теперь, статья <i>С. С. Шашкова</i>	61
Новая электрическая лампа.....	348
Объ охраняющемъ сходствѣ животныхъ съ окружающей ихъ средой.....	327
Орѣхотворки и чернильные орѣшки, статья <i>А. В. Е—ва</i>	494
О происхожденіи нравственныхъ чувствъ.....	454
О выборѣ книгъ, рѣчь <i>Фредерика Гаррисона</i> , пер. <i>М. К. Цебриковой</i>	476, 515
По Финляндіи.....	538
Проституція въ Египтѣ.....	431
Практическія послѣдствія суевѣрій, <i>Мамардта</i>	22, 30, 66, 107, 130, 152, 216, 242
При осадѣ Никшича, статья <i>д-ра В. А. Шербакъ</i>	519, 540
Раздвоеніе жизни.....	109
Рубенсъ, историческіе этюды <i>Диллетанта</i>	428, 445, 468, 485, 510
Священная война, историческіе этюды <i>Павла Скромнаго</i>	324, 339, 390, 406
Сцены изъ общественной жизни въ Китаѣ и Японіи.....	155
Сожженіе тѣлъ умершихъ, какъ средство противъ эпидемій, статья <i>С. Толморова</i>	190
Тихварское мѣсторожденіе каменнаго угля, ст. <i>Литхарда</i>	415
Умны мы или не умны? <i>Н. В. Шелунова</i>	3
Углеконы.....	151, 162, 211, 252, 258
Электрическое освѣщеніе, лекція <i>Джона Тиндала</i> , пер. <i>А. А. Разсказовой</i>	191, 238, 262

Кореспонденціи.

Изъ Лондона, письмо <i>Туриста</i>	374
Изъ Парижа, письма <i>Н. Тарже</i>	23, 44, 156, 176, 270, 304, 378, 400
Открытіе памятника Берье.....	142
По Германіи, письма <i>С. П. Талаева</i>	123

Къ рисункамъ.

Герцогъ Карлъ шведскій, оскорбляющій трупъ своего врага Флеминга.....	331
Графъ Кассельмонте.....	38
Дерево съ фантастическими корнями.....	43
Долина гигантскихъ кактусовъ.....	332
Жераръ д'Авенъ.....	332
Иоаннъ Грозный и Шибановъ.....	10
Къ рисункамъ.....	24, 47, 69, 95, 115, 134, 159, 177, 203, 222, 246, 271, 290, 307, 332, 356, 380, 402, 423, 443, 462, 483, 504, 526, 546, 567
Оригинальный городъ.....	284
Перепелки.....	283
Разливъ Вислы.....	269
Симонъ Домницкій, просящій милостыню на Пражскомъ мосту.....	372

Судъ надъ Жанною д'Аркъ.....	390
Сцена изъ комедіи А. С. Грибоѣдова «Горе отъ ума».....	90
Термиты.....	44

Биографіи.

Бомарше, статья <i>Е. А. Сисоевой</i>	193
Вотье, Веняминъ.....	336
Вагнеръ, Рихардъ.....	415
Греви, Жюль, президентъ Французской республики.....	171
Геккель, Эрнстъ, статья <i>Е. Литвина</i>	195
Генрихъ Гейне, биографическій очеркъ.....	562
Грибоѣдовъ, Александръ Сергѣевичъ, статья <i>Н. В. Шелунова</i>	87
Гунъ, Карлъ Федоровичъ, <i>А. Толморова</i>	103, 126, 165
Гуцковъ, Карлъ, статья <i>П. В. Быкова</i>	259
Грибоѣдова смерть, изъ воспоминаній барона К. К. Боде.....	94
Дове, Г. В.....	375
Макартъ, Гансъ, статья <i>П. Библиофила</i>	245
Мадрацо, Раймондъ.....	141
Мицкевичъ, Адамъ, биографическій очеркъ.....	207, 284
Пабло де-Сарасате.....	192
Смитъ, Адамъ, статья <i>Н. В. Шелунова</i>	249
Салля, Каролина, статья <i>З. С.</i>	235
Салтыковъ, М. Е., статья <i>Быкова</i>	19, 34
Самойловъ, В. В., статья <i>А. Комарова</i>	148
Стрепетова, Полина Антиповна, статья <i>Н. И. Шульмина</i>	90
Фонъ-Боденштедтъ, статья <i>П. В. Га—на</i>	273

Правительственныя распоряженія и сообщенія.

Высочайшій приказъ.....	334
Обязательное постановленіе временнаго петербургскаго генералъ-губернатора 8-го апрѣля 1879 г.....	358
Приказъ по войскамъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа.....	380
Правительственныя сообщенія.....	310, 332
Пожаръ въ Оренбургѣ.....	361
Правительственныя распоряженія.....	356, 380, 423
Приказъ С.-Петербургскаго Градоначальника.....	382
Указъ Правительствующему Сенату.....	333
Книжныя новости.....	259, 307, 355, 459
Новости наукъ и жизни.....	46, 70, 95, 115, 134, 159, 178, 203, 223, 246, 271, 291, 311, 334, 358, 382, 403, 424, 443, 462, 483, 504, 526, 547

Портреты.

Вотье, В.....	365
Вагнеръ, Рихардъ.....	417
Гунъ, К.....	100
Греви, Жюль.....	172
Геккель, Эрнстъ.....	197
Грибоѣдовъ, А. С.....	80
Макартъ, Гансъ.....	244
Мицкевичъ, медальонъ работы <i>В. Бродскаго</i>	205
Росси, Э., въ Гамбургѣ.....	133
Салля, Каролина, съ фотографіи <i>Г. Лаптева</i>	236
Смитъ, Адамъ.....	249
Самойловъ, В. В.....	149
Салтыковъ, М. Е., рисоваль и гравироваль <i>Г. Грачевъ</i>	21
Сарасате.....	143
Стрепетова, П. А., рисоваль <i>Михайловъ</i>	92
Фонъ-Боденштедтъ.....	273
Шанзи, генералъ, французскій посолъ при русскомъ дворѣ.....	201

Картини.

Андалузская пѣвица, картина <i>Р. Мадрацо</i>	145
Апостолъ Петръ, картина <i>Гвидо Рени</i>	232
А. С. Грибоѣдовъ, копія съ портрета, написаннаго <i>П. А. Каратыгинымъ</i>	73
Ариадна, картина <i>Паоло Кальви</i>	297
Апостолъ Петръ, послѣ отреченія отъ Христа, рисунокъ <i>Виды</i>	320
Амуръ-кузнецъ, изъ статуэтокъ <i>Г. Гирта</i>	288
Баль у Изы.....	561
Бамбула, картина нравовъ.....	68
Бельфоръ 3-го сентября, картина <i>Юинара</i>	544
Богиня пѣстовъ, скульптура <i>Барзими</i>	521
Бѣшеный Роландъ, рисунокъ <i>Г. Доре</i>	196
Въ своей кельѣ, картина <i>Грюннера</i>	313

СТР.	СТР.	СТР.
Видъ изъ окрестностей Петербурга, <i>Неролева</i> 493	Лилин. Баллада Мицкевича, рисунокъ <i>Пюнтков-</i> <i>скаго</i> 212	Сцена въ тавернѣ, картина <i>Торное</i> 264
Выборгъ, по дорогѣ въ Саймскій каналъ..... 532	Любитель древностей, картина <i>Шарлемона</i> 429	Сказаніе о кружкѣ слезъ, картина <i>Поля Тумана</i> 81
Валежникъ, картина <i>Р. Балака</i> 513	Лѣсникъ, картина <i>И. Крамскога</i> 16	Смерть Сократа, скульптура <i>Антокольскаго</i> 228
Выборгъ, картина <i>Вели</i> 516; 517	Людвикъ IX и прокаженный, картина <i>А. Мень-</i> <i>яна</i> 64	Свиданіе Серебрянаго съ Еленой Морозовой, <i>Адамова</i> 257
Вакханалія, картина <i>Рубенса</i> 521	Могила Грибоѣдова въ Тиѣлисѣ, рисоваль <i>П. Т.</i> <i>Михайловъ</i> 76	Соловки..... 376
Выборгъ..... 525	Музыка, картина <i>К. Перуджини</i> 239	Судья, картина <i>К. Роде</i> 377
Выборгъ, пейзажъ и лавки для хлѣбной тор- говли..... 533	Морозовъ, одѣтый шуткомъ, картина <i>Соколова</i> .. 392	Симонъ Ломницкій, просящій милостыню на Пражскомъ мосту, картина <i>Ярослава Чермака</i> 369
Въ мастерской башмачника, картина <i>А. Ротта</i> 536	Морозовъ въ тюрьмѣ, <i>Адамова</i> 256	Съ дровами, картина <i>Г. Гозанна</i> 412
Воръ, картина <i>Ф. Е. Кокса</i> 220	Нубійскія женщины, картина <i>Г. Макарта</i> 409	Судъ надъ Жанной д'Аркъ, картина <i>Серра</i> 388, 389
Валкирія, картина <i>Г. Макарта</i> 233	Наводненіе на Вислѣ, рисунокъ <i>Андріоли</i> 381	Семейныя драгоцѣнности, картина <i>Фр. Гюарда</i> 453
Возвращеніе съ охоты, оригинальный рисунокъ <i>Адамова</i> 157	Наводненіе въ Сегединѣ..... 305	Садъ любви, картина <i>Рубенса</i> 469
Весталка, картина <i>Малдарелли</i> 17	На колокольнѣ, картина <i>А. Грейла</i> 344	Сотрудничество, картина <i>Жерома</i> 492
Варфоломеевская ночь, картина <i>К. Ф. Гуна</i> 120	Новый фонтанъ въ Римѣ..... 34	Тавлинка, народы Россіи, рисунокъ <i>П. Камен-</i> <i>скаго</i> 128
Герцеговина въ 1877 году, <i>Ярослава Чермака</i> .. 512	Наблюдатель-туристъ, картина <i>Андріоли</i> 545	Термиты, рисунокъ..... 45
Горе отъ ума, Грибоѣдова, оригинальный рису- нокъ <i>П. Соколова</i> 89	Новая покупка, картина <i>С. Люкаса</i> 452	Тирольцы въ дорогѣ, картина <i>Матіаса Шмидта</i> 265
Группы къ фонтану, въ Римѣ..... 36	Обученіе попугая, картина <i>Р. Мадрацо</i> 143	Тихнарское мѣсторожденіе каменнаго угля, ри- сункъ <i>Г. фонъ-Липгардъ</i> 416
Горожанка, рисунокъ <i>Гупиля</i> 33	Отелло и Дездемона, рисунокъ <i>Котарбинскаго</i> .. 241	Тирольскіе контрабандисты, картина <i>Кацлера</i> .. 125
Гервасій, рисунокъ <i>Казакевича</i> 214	Охотничьи розсканіи, картина <i>Грюнцера</i> 317	Тирольская семья, картина <i>Ф. Дефренера</i> 105
Герцогъ Карлъ Шведскій, картина <i>Эдельфельда</i> .. 325	Отобраніе монастырскаго имущества въ XVI вѣкѣ..... 340, 341	Транстверинка, скульптура <i>В. Бродскаго</i> 57
Гутрюна даетъ Зигфриду волшебный напитокъ, картина <i>Т. Пиксиса</i> 413	Обученіе принца Дона Хуана, картина <i>Марти-</i> <i>неца Кубельса</i> 537	У источника, картина <i>П. Бретона</i> 433
Газетчики, скульптура <i>Фокарди</i> 353	Отдыхъ, картина <i>Мейссонье</i> 345	Укусить, картина <i>Бюрэра</i> 309
Гора Благодать..... 472, 473	Ограбленная, картина <i>Ярослава Чермака</i> 112	Услуга, картина <i>Ердмана</i> 169
Дженнеръ, прививающій оспу, скульптура <i>Мон-</i> <i>теверде</i> 321	Оригинальный городъ, рисунокъ..... 284	Утренній туалетъ, картина <i>Вотье</i> 104
Древній пиръ, картина <i>Р. Бомпиани</i> 432	Обѣтъ нищеты, рисунокъ <i>Карьера</i> 28	Финскій берегъ близъ Выборга, оригинальный рисунокъ <i>Г. Урлауба</i> 299
Деревенскій праздникъ, рисунокъ <i>П. Коверзнева</i> .. 40	Послѣ бала, картина <i>Г. Цедерштрема</i> 301	Хуцулы въ Карпатскихъ горахъ..... 553
Дерево съ фантастическими корнями, рисунокъ 44	Протестанты, покидающіе Циллерталь, карти- на <i>Матіаса Шмидта</i> 52, 53	Хадиша, картина <i>Пеллисе</i> 188
Диана и Эндиміонъ, картина <i>К. Брюлова</i> 4	Поселянка, рисунокъ <i>Бугеро</i> 32	Хорошая исторія, картина <i>Л. Кнауца</i> 65
Дуэль въ испанской тавернѣ, картина <i>Руже-</i> <i>рона</i> 289	Передъ ломбардомъ, картина <i>Д. Индуно</i> 281	Чума во Флоренціи 1348 г. картина <i>Люджи</i> <i>Савателли</i> 393
Долина кактусовъ, рисунокъ..... 333	Проба вина, картина <i>Ф. Винса</i> 162	Шиллеръ, читающій Разбойниковъ въ кругу школьныхъ товарищей, картина <i>Нерте</i> 501
Дитя Норвегій въ горахъ, картина <i>Зивальда Дала</i> .. 308	Первый барышъ, картина <i>Л. Кнауца</i> 140	Школьники передъ судомъ учителя, картина <i>В. Вотье</i> 368
Елена Форманъ, жена Рубенса, <i>П. Рубенса</i> 489	Первая любовь, картина <i>Лабришона</i> 460	Шуть короля, картина <i>Е. Замокоуса</i> 88
Жераръ д'Авень, картина <i>Г. Доре</i> 329	Половодье, картина <i>Г. Орловскаго</i> 437	
Итальянскіе музыканты, картина <i>К. Беккера</i> 221	Пациентъ, картина <i>Э. Фрера</i> 500	
Итальянскій чернорабочій, картина <i>М. Боткина</i> 56	Празднику, картина <i>Михайлова</i> 357	
Иматра, рисунокъ <i>А. Мещерскаго</i> 41	Погибшій товарищъ..... 373	
Иванъ Грозный, скульптура <i>Антокольскаго</i> 226	Перепела..... 276, 277	
Источникъ любви, картина <i>Ш. Брошара</i> 465	Продажа лошади, картина <i>Рикарда Балака</i> 124	
Иванъ Грозный и Шибановъ, картина <i>В. Швар-</i> <i>ца</i> 9	Ромео и Джульета, картина <i>Г. Перейры</i> 397	
Исповѣдь, картина <i>П. Соколова</i> 280	Разливъ Вислы, рисунокъ <i>Андріоли</i> 268	
Испанская цыганка, картина <i>Э. Лондирена</i> 401	Рабыня, картина <i>Франциско Масріера</i> 168	
Котята Ришелье, картина <i>Ламберта</i> 8	Рыбаки на Капри, картина <i>Ж. Морера</i> 189	
Кабардинскій кади, народы Россіи, рисунокъ <i>П. Каменскаго</i> 129	Раскопки въ Римѣ, картина <i>Ковалевскаго</i> .. 184, 185	
Катанье въ деревнѣ, картина <i>К. Ф. Гуна</i> 101	Спящая красавица, картина <i>Чауча</i> 556, 557	
Кегли, картина <i>Пабста</i> 477	Смерть Храма, картина <i>Люмина</i> 564	
	С. Себастьяно послѣ послѣдняго изверженія Ве- зувія..... 565	

Приложенія.

Арестъ капитана донъ-Альваро де-Атаиде.
Рейтанъ, *Яна Матейки*.
Христіане, пробирающіеся изъ катакомбъ, картина
Семирадскаго.

Преміи.

Графъ Кассельмонте (олеографія).
Наказанное любопытство (олеографія).
Мадонна Мурилло (гравюра на стали).

J. STEYER. A. ZAKOWSKI.

0 подпискѣ на ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ 1879 года:

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Журналъ выходитъ еженедѣльными нумерами не менѣе **двухъ съ половиною печатныхъ листовъ**, въ форматѣ лучшихъ иностранныхъ иллюстрацій (въ годъ 52 №№ или около 1,200 страницъ или 3,600 столбцевъ); въ каждомъ номерѣ помѣщается отъ восьми до пятнадцати художественныхъ рисунковъ (въ годъ около 500), исполненныхъ по заказу редакціи въ Россіи и за границей. Втеченіи года будетъ помѣщено нѣсколько

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ЛУЧШИХЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ АВТОРОВЪ.

Гг. годовые подписчики получаютъ безплатную **литературную иллюстрированную премію**.—При первомъ номерѣ гг. годовымъ подписчикамъ выдается на руки или разсылается по почтѣ **премія**, состоящая изъ **олеографической картины**.

Втеченіи года гг. подписчики получаютъ вторую художественную **премію**, тоже **олеографическую картину**.

Кромѣ того Редакція разошлетъ своимъ подписчикамъ въ видѣ четвертой **преміи гравюру**, длиною 1 арш. 4 верш., шириною 13 верш. Гравюра эта составляетъ копію съ картины художника, имѣющаго мировую извѣстность. Эта гравюра вырѣзана на стали. Стальная доска, какъ образецъ художественнаго исполненія, была на парижской всемірной выставкѣ нынѣшняго, 1878 года. Гравюра такъ хороша, что, вставленная въ раму, можетъ быть повѣшена въ любой гостиной.

Журналъ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“, поставленный, какъ періодическое изданіе, на солидныхъ основаніяхъ, вступаетъ въ седьмой годъ своего существованія. Редакція, задаваясь цѣлю удовлетворить всестороннимъ требованіямъ читающей публики, изъ года въ годъ старалась улучшать и расширять свое изданіе. Судя по ежегодно возрастающему числу своихъ читателей, Редакція имѣетъ основаніе предполагать, что ея усилія не остаются незамѣченными. При такихъ условіяхъ изданіе журнала, конечно, становится вполне прочнымъ и даетъ возможность Редакціи съ полною увѣренностью обѣщать улучшения и въ будущемъ году, какъ она сдѣлала это въ настоящемъ. Подписчики „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“ на 1878 годъ получили: художественныя преміи—1) гравюру съ картиною профессора Семирадскаго «СВѢТОЧИ ХРИСТИАНСТВА» (1½ арш. длины и 1 арш. ширины), 2) олеографію, портретъ извѣстной европейской красавицы, ГРАФИНИ ПОТОЦКОЙ; иллюстрированную литературную премію «ШЕКСПИРЪ», А. Дауденса, съ пятью гравюрами; ШЕСТЬ ГРАВЮРЪ на толстой бумагѣ, разосланныхъ въ видѣ приложений къ журналу. Кромѣ того гг. подписчики получили **три отдѣльные приложения**: 1) «Гигіену» соч. Виля и Гнема. 2) «Жизнь и Хозяйство», отдѣлъ техническій и хозяйственный и 3) Парижскія моды (рисунки и текстъ). Что касается текста самого журнала, Редакція можетъ указать на слѣдующія произведенія, помѣщенные ею втеченіи 1878 года: Шахъ и Мать, рассказъ Н. Ф. Бажина, Проманулисъ, комедія К. Залевского, Андронъ Голованъ, повѣсть Н. Н. Каразина, Уголки Юга, путевыя замѣтки, Е. Л. Маркова, Наши сосѣди и ихъ дѣти, А. Михайлова, Въ альбомѣ моему другу, повѣсть Н. Северина, Благотворительная комедія, повѣсть К. М. Станюковича, Декамеронъ, Бокаціо, въ переводѣ Н. И. Шульгина, Г-жа Жервезе, романъ Э. и Ж. Гонкуровъ, въ переводѣ П. Лѣтнева, Паскарь, романъ Уида въ переводѣ А. А. Разсказовой, Судебная ошибка, романъ Буагобея, въ переводѣ С. И. Воскресенской, Раздѣленіе труда въ жизни природы, Эрнеста Геккеля, На дальнемъ Западѣ, А. И. Елишева, Останъ Дашкевичъ, Д. Л. Мордовцева, Произвольныя измѣненія человѣческаго тѣла, Рюдингера, Состояніе дикихъ народовъ, Шафгаузена, Прокаженные и отверженные въ Европѣ и Чортъ и вѣдьма, С. С. Шашкова; рядъ очерковъ, подъ общимъ заглавіемъ, Наши влижніе, Нѣкто. Кромѣ того печатались стихотворенія: г-жѣ Владимірской и Охтенской; гг. Алеева, Андреевскаго, Бердяева, Дрентельна, Зубарева, Комарова, Константинова, Круглова, Левина, Лосіевскаго, Михайлова, Ники, Оболенскаго, Омелевскаго, Рубина, Старостина и Федорова.—Повѣсти и рассказы г-жѣ: Сальниковой и Сахаровой, гг. Алексѣева, Бодлера, Гальта, Додэ, Золя, Катреля, Малиновскаго, Мандеса, Салманова и др. Статьи по научнымъ вопросамъ гг. Елишева, Толифрова и др. Біографіи.—Рядъ статей и замѣтокъ изъ области литературы, наукъ и искусствъ.

Что касается гравюръ, Редакція старалась познакомить своихъ читателей съ произведеніями художниковъ различныхъ школъ и національностей. Въ ряду множества гравюръ, между прочими помѣщены копіи съ картинъ и рисунковъ гг.: Андріоли, Гарнье, Доре, Жерара, Каразина, Каульбаха, Крамского, Макарта, Матейко, Мещерскаго, Мункачи, Перова, Рубенса и Шишкина.

Такое веденіе очень дешеваго по подписной цѣнѣ журнала возможно только при значительныхъ матеріальныхъ, литературныхъ и художественныхъ силахъ, которыми располагаетъ журналъ.

Въ 1879 году журналъ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ будетъ издаваться при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ настоящемъ году и при широкомъ выполненіи программы журнала, обнимающей всѣ отрасли литературы, наукъ и искусствъ, въ которую входятъ слѣдующіе отдѣлы:

- 1) Романы, повѣсти, рассказы, очерки и біографіи.
- 2) Драмы, драматическія сцены.
- 3) Поэмы, сказки въ стихахъ и мелкія стихотворенія.
- 4) Этнографическіе очерки.
- 5) Иллюстрированныя путешествія.
- 6) Статьи научнаго содержанія, преимущественно по естествознанію, съ пояс-

- нительными рисунками и чертежами.
- 7) Статьи техническаго и хозяйственнаго содержанія.
- 8) Новости изъ области жизни, литературы, наукъ и искусствъ.
- 9) Объясненія гравюръ.
- 10) Телеграммы.
- 11) Шахматный листокъ.

По примѣру нынѣшняго года и въ будущемъ, 1879 году, нѣкоторыя, какъ беллетристическія произведенія, такъ и статьи научнаго, а въ особенности техническаго и хозяйственнаго отдѣловъ будутъ иллюстрированы.

Относительно будущаго, 1879 года, Редакція можетъ обѣщать своимъ подписчикамъ, что она обратитъ особенное вниманіе на беллетристическія произведенія. Обыкновенно въ иллюстрированныхъ изданіяхъ по необходимости помѣщаются произведенія не вполне обработанныя, не имѣющія возможности попасть въ ежемѣсячные журналы. Редакція „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“ постарается избѣжать именно этого недостатка, болѣе строго относясь къ выбору беллетристическихъ произведеній и помѣщая въ своемъ журналѣ только произведенія, имѣющія литературное значеніе.

Въ первыхъ нумерахъ „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“ 1879 года, между прочимъ, будутъ напечатаны слѣдующія произведенія: Мужъ и жена, романъ А. Михайлова, Козель отпущенія, повѣсть Северина, Сестра милосердія, романъ Э. и Ж. Гонкуровъ, въ переводѣ П. Лѣтнева, Рыцарь на стражѣ, поэма Омелевскаго, Изз, романъ А. Буве; повѣсти Н. Ф. Бажина и К. М. Станюковича; Лѣсное хозяйство, ст. Н. В. Шелгунова, Правда о женщинахъ, ст. Н. И. Шульгина. Изъ гравюръ будутъ помѣщены картины Н. А. Богданова, Брюлова, Гуна, А. И. Мещерскаго, И. Т. Михайлова и Шварца. Отдѣломъ гравированія заведуетъ А. А. Шлиперъ; кромѣ того, работы по этому отдѣлу исполняются гг. Грачевымъ, Пуцомъ и др. Заглавныя буквы и другія мелкія украшенія составляютъ А. С. Никитинымъ.

Въ будущемъ, 1879 году, Редакція намѣрена помѣстить значительное число гравюръ, представляющихъ собою копіи съ лучшихъ русскихъ художественныхъ произведеній; нѣсколько изъ нихъ уже заготовлены и заготовляются извѣстными граверами. Точно также въ распоряженіи Редакціи уже имѣются нѣсколько портретовъ и біографій выдающихся русскихъ дѣятелей изъ различныхъ сферъ общественной дѣятельности. Біографіи эти составляютъ подъ редакціей А. К. Шеллера (А. Михайлова) и Н. И. Шульгина. Въ первомъ номерѣ 1879 года помѣщается портретъ М. Е. Салтыкова (Щедрина), съ его автографомъ и біографіей.

Гг. подписчики будутъ получать по мѣрѣ выхода въ свѣтъ за-границей «ГИГЕНУ», соч. д-ра медицины Виля и проф. Гнема, какъ отдѣльное безплатное приложение.

Отдѣльнымъ же безплатнымъ приложеніемъ будетъ разсылаться гг. подписчикамъ отдѣлъ **ПАРИЖСКІЯ МОДЫ** (текстъ и рисунки).

Отдѣлъ техническій и хозяйственный, выходившій въ настоящемъ году отдѣльнымъ приложеніемъ, подъ именемъ «ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО», будетъ печататься въ текстѣ журнала. Вслѣдствіе этого размѣръ нумеровъ журнала будетъ значительно увеличенъ, что дастъ возможность помѣщать болѣе крупныя техническія рисунки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годовое изданіе „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“ изъ 52 №№, съ безплатными приложеніями и правомъ на полученіе всѣхъ премій втеченіи 1879 года:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	6 р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ, а также для иногородныхъ съ пересылкою и упаковкою	7 » — »
Заграницею	8 » 50 »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1) Въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи журнала, *Новый проспектъ д. № 20.* 2) Въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы «Живописнаго Обозрѣнія», въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на *Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.*

№ 1. Томъ I.

На годъ, съ доставкою и пересылкою — 7 руб.;
на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяцъ — 2 руб.
Отдѣльн. № 20 № по н.

С.-Петербургъ, 6 Января 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый
проспектъ, домъ № 20.

Годъ VII.

О ставь ружье, вложи скорѣе
Мечъ зазубрившійся въ ножны:
Влѣдѣйствуй тихо почъ войны,
Депъ мира брежжетъ все яснѣе.

Открой заплакавша вѣжды
И улыбнися: Новый годъ
Къ намъ не съ оружіемъ идетъ,
А съ твердымъ якоремъ надежды.

Умны мы или не умны?

Ст. Н. В. Шелгунова.

Мы переживаемъ время дефицитовъ. Дефицитъ, во всемъ — въ урожаѣ, въ торговлѣ, въ частномъ хозяйствѣ, въ умственномъ богатствѣ, въ государственномъ бюджетѣ. Всѣ жаждутся на дороговизну и на бѣдность. Петербургъ ходитъ съ вытянутой и растерянной физиономіей. У провинціи хотя и нѣтъ никакой физиономіи, хотя провинція и молчитъ, но вовсе не отъ изобилія. Никто не знаетъ, что дѣлать. Газеты наполнены разными мудрыми соображеніями и совѣтами, какъ сдѣлать Россію богатой и счастливой. Одни думаютъ, что лучше всего надѣлать, какъ можно больше новыхъ долговъ, другіе предлагаютъ купить за границей золота, третьи — заключить новый торговый трактатъ съ Германіей, четвертые — уничтожить таможенные пошлины, пятые — поднять уровень общаго образованія, шестые — дать свободу печати... А злоба дня остается той же злобой дня, дороговизна растетъ и всѣ становятся бѣднѣе. Ахъ, дорогой читатель, «оттого ли мы бѣдны, что глупы, или оттого мы глупы, что бѣдны»? Ровно двадцать лѣтъ назадъ былъ предложенъ этотъ вопросъ, но отвѣта не послѣдовало — да и будетъ ли? Мы были тогда бѣдны, но мы ликовали и надѣялись, вѣрили въ свою молодость, вѣрили въ свои силы, переживали медовой мѣсяцъ упованій, думали, что нѣтъ задачъ и вопросовъ неразрѣшимыхъ, и чувствовали себя очень умными. Теперь мы стали какъ будто и богаче, ибо платимъ за все вдвое, мы стали и зрѣлѣе, но отчего же мы плачемся на бѣдность...

И дѣйствительно, мы стали бѣднѣе, бѣднѣе духомъ, самоуверенностью, ликованиемъ. Что казалось намъ тогда такимъ простымъ, кажется теперь труднымъ и мы, повидимому, готовы сознаться, что «мы бѣдны, оттого что глупы».

Но что значить «умны», что значить «глупы»? Остановите на улицѣ двухъ любимыхъ прохожихъ и спросите ихъ, какая сегодня погода: одинъ скажетъ хорошая, другой — дурная; вы захотите узнать мнѣніе печати — и въ каждой газетѣ найдете свои метеорологическія таблицы. Мы точно въ Новомъ ковчегѣ или на Вавилонской башнѣ: каждый думаетъ свою думу, каждый говорить своимъ языкомъ и никто не понимаетъ другъ друга. Что же дѣлать?.. И снова повторяется тотъ же вопросъ объ умѣ, о бѣдности, та же нескончаемая сказка о бѣдомъ бѣжѣ, читатель снова попадаетъ въ недоумѣніе, не зная о чемъ думать и съ чего начать думать. Вопросовъ, дѣйствительно, много, злоба дня большая — тутъ и народное образованіе, и финансы, и земскіе вопросы, и врачебные курсы, и желѣзныя дороги, и почты, и телеграфы, и тюремный вопросъ; но если главный вопросъ, вопросъ всѣхъ вопросовъ, дороговизна, нужда, бѣдность и умъ... будемте, читатель, говорить объ умѣ и бѣдности. Но о чьей? «Нельзя же останавливаться передъ каждымъ болѣющимъ мизинцемъ», говаривалъ Гёте. Можетъ быть, это вѣрно для Германіи, но у насъ больше всего болѣющихъ мизинцевъ; начнемте поэтому съ нихъ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ одной петербургской газеты есть разсказъ объ ищущихъ работы. «Говорятъ, что Петербургъ переполненъ этими «ищущими»; и это не крестьяне, не отставные солдаты, не мѣщане, не взрослые, а учащіеся дѣти, да учащая молодежь. Тѣ, кто живетъ постоянно въ Петербургѣ, только и знаютъ, что помогать. Есть дома, гдѣ каждому гостю, прежде чѣмъ съ нимъ поздороваются, предлагается подписка въ пользу какого нибудь нуждающагося мизинца. Въ Петербургѣ, какъ говорятъ, бѣдствуютъ только русскіе; если нуждающійся мизинецъ явится между евреями, его пріютятъ, накормятъ и вытащатъ изъ нужды. Нѣмцы также помогаютъ своимъ нуждающимся мизинцамъ. Французы тоже. Почему же не умѣемъ дѣлать этого мы, русскіе, почему?...

Въ Саратовѣ, напримѣръ, съ прошлаго года епархіальное духовенство начало составлять студенческій капиталъ для помощи молодымъ людямъ, стремящимся къ высшему богословскому образованію; а въ Орѣ такое же православное духовенство думаетъ совсѣмъ иначе, точно оно не православное и точно оно гдѣ-то за океаномъ.

Вопросъ заключался въ томъ, должны ли монастыри помогать бѣдному духовенству и заботиться о воспитаніи дѣтей. Спросили монастыри, и два архимандрита, Герофей и Флорентій, дали такой отвѣтъ: Герофей посоветовалъ духовенству позаимствовать у монастырей «смиренный обычай нищенства» и послать благонадежныхъ священниковъ «по міру» для сбора «милостыни», а Флорентій — сравнилъ себя съ Іисусомъ Христомъ, а духовенство епархіи съ врагами, бившими его по ланитамъ. Это было въ 1873 году. Погоревало бѣдное бѣлое духовенство четыре года, собирало кое-какія свои послѣднія крохи на воспитаніе дѣтей и пынче снова затянуло свою старую пѣсню. И странная вещь, евангельскія заповѣди о ближнемъ нужно повторять тѣмъ, кто бы самъ долженъ поучать имъ. А если ужъ святые отцы нуждаются въ поученіи милосердію и благодати, то тѣмъ, кто на Вавилонской башнѣ не понимаетъ другъ друга, должно быть, ужъ самъ Богъ отпуститъ ихъ невмѣняемость.

И какія странныя противорѣчія! Въ Петербургѣ есть «Общество вспоможенія нуждающимся ученикамъ 6-ой гимназіи». Почему не лютый, не первой, или тамъ пѣть пужающихся? Есть. Что же дѣлаетъ это общество? А вотъ что. У него есть 124 дѣйствительныхъ члена, 22 почетныхъ. Въ приходѣ за истекшій годъ было у него 1254 р. 7 коп. Въ расходѣ — 1147 р. 62 коп. На что были израсходованы эти деньги — изъ газетъ не видно: вѣроятно, это секретъ общества. Но за то извѣстно, что общество въ прошедшемъ году постановило единогласно образовывать особый капиталъ для обученія въ 6-ой гимназіи одного ученика изъ сыновей офицеровъ, павшихъ въ войнѣ противъ турокъ. Такъ какъ офицеровъ пало нѣсколько тысячъ, то ленту эту на алтарь русскаго просвѣщенія нельзя считать особенно щедрой. Подписка, однако, была открыта и собраны деньги. Но вѣдь вопросъ о стипендіи не есть вопросъ о пужбѣ; это скорѣе вопросъ объ увеличеніи числа учениковъ. Общество, покровительствующее шестой гимназіи, желаетъ, чтобы учениковъ было больше; но едва ли то же самое желается вообще. Въ этомъ и противорѣчіе, согласить которое мы не беремся. «Русскій міръ», напримѣръ, пишетъ, что число кандидатовъ въ реальныя училища и въ военныя гимназіи настолько велико въ нынѣшнемъ году, что едва ли будетъ принята даже четвертая часть. Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» сообщаютъ, что въ Кіевѣ страшный наплывъ женщинъ въ университетскіе женскіе курсы. Собственно кіевлянокъ не больше 14%, все остальное прибы-

ло изъ другихъ близкихъ и далекихъ губерній. Въ тѣхъ же «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» сообщается о предстоящемъ сокращеніи числа воспитанниковъ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. И слухъ этотъ какъ будто бы оправдался объявленіемъ горнаго института, гласящимъ категорически, что «въ виду значительнаго увеличенія числа учащихся и являющагося вълѣдствіе того затрудненій, въ преподаваніи демонстративныхъ наукъ, особенно при ограниченности помѣщеній лабораторій и аудиторій, приема студентовъ и вольнослушателей въ 1878—79 году не будетъ». И затѣмъ они наплываютъ эти болѣющіе мизинцы, идущіе на нужду? А наплываютъ они повсюду. Наплывъ въ «женскіе врачебные курсы» такъ великъ, что будущей осенью экзамены для поступления на «женскіе врачебные курсы» будутъ уже состязательными. Однимъ словомъ, повсюду и вездѣ противъ страшнаго наплыва учащихся принимаются разныя ограничивающія средства. Значитъ ли это, что мы не хотимъ прибавить число учебныхъ заведеній, и выстроить болѣе вместительныя аудиторіи, или намъ просто ненужны желающіе учиться. Если мы «бѣдны оттого, что глухи», то намъ, конечно, нужны знающіе люди; если же мы становимъ заборъ желающимъ учиться,—значитъ, у насъ довольно знающихъ и умныхъ людей. Довольно ихъ или не довольно? Нужны они, или не нужны? Кто это знаетъ, кто рѣшитъ, что знаетъ общество? Въ «женскихъ врачебныхъ курсахъ» прежде поощрялся наплывъ, теперь противъ него приняты мѣры. Мало того, женщинамъ-врачамъ пока не разрѣшена практика. Или у насъ уже слишкомъ много докторовъ? Но война показала, что ихъ мало—выпускались студенты, не окончившіе курса. Въ «Голосѣ» пишутъ, что отъ земства поступаютъ постоянные запросы на женщинъ-врачей. И такъ какъ большинство перваго выпуска состоитъ изъ коренныхъ жительницъ Петербурга, которыя не желаютъ его оставить, то земствамъ придется подождать. Значитъ, врачей мало; отчего же мы стѣсняемъ поступленіе на женскіе курсы? Женское образованіе у насъ слабо: для женскаго труда нѣтъ мѣста, а между тѣмъ стремленіе къ самостоятельности все усиливается, да и жизнь предъявляетъ запросъ на женскій трудъ. Какъ же мы отвѣчаемъ этому запросу? Мы отвѣчаемъ ему возвышеніемъ платы за ученицъ. Плата для институтокъ въ нынѣшнемъ году увеличилась отъ 25 до 50 рублей, такъ что въ большинствѣ институтокъ она будетъ 350 рублей, въ трехъ институтахъ 400 рублей, въ пяти—300, въ одномъ 280 рублей. Самымъ счастливымъ оказывается оренбургскій николаевскій институтъ, гдѣ плата 150 рублей. Въ то же время въ петербургскихъ, въ московскихъ и въ царевосельскихъ гимназіяхъ плата увеличена болѣею частью на 15 рублей, только въ царскосельской на 20, такъ что годовой взносъ въ большинствѣ случаевъ доходитъ до 75 рублей. Очень можетъ быть, что на это увеличеніе платы повліяло какое-нибудь постороннее соображеніе, нѣчто въ родѣ паденія курса, дороговизны, но даже и въ этомъ случаѣ нужно смотрѣть на прибавку платы, какъ на явленіе очень прискорбное. Въ сущности, плата за ученіе не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только добавочнымъ налогомъ; она не можетъ и не должна покрывать всѣхъ расходовъ образованія и съ финансовой точки, особенно у насъ, гдѣ образованіе всегда было даровымъ, учебная плата не больше, какъ извѣстный налогъ за особую услугу государства, въ родѣ платы за пересылку писемъ, судебныя пошлины, шоссейные сборы и т. д. Между экономистами-теоретиками установился уже вполне взглядъ на значеніе подобныхъ налоговъ, и всѣ согласны, что для общаго благополучія не мѣшало бы за такія услуги, какъ почта, телеграфы,

народное образованіе не брать ничего или ограничить плату самымъ крайнимъ минимумомъ. Кажется, ничто не можетъ быть убыточнѣе для общества невѣжества и ничто такъ не нужно людямъ, какъ знаніе, и потому все, что мѣшаетъ правильному удовлетворенію потребности просвѣщенія, является чѣмъ-то очень прискорбнымъ и не только не желательнымъ, но даже вреднымъ и опаснымъ.

Въ «Женскомъ Образованіи» была помѣщена роспись учащихся въ петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ. Изъ росписи оказывается, что дочерей дворянъ учится 2216; изъ духовнаго званія—197; купческаго—688; мѣщанокъ—521. Дворянское сословіе оказывается господствующимъ; но что это за дворяне? Развѣ это миллионеры, крупные землевладѣльцы, графы, князья? Ихъ столько и не наберется въ Петербургѣ. Ясно, что это болѣе мелкіе чиновники, офицеры, служащіе, оставные, народъ, живущій на жалованье, народъ, переколачивающійся, тяготящійся петербургской дороговизной. И вотъ именно этотъ-то нуждающійся народъ, народъ, нуждающійся не только въ средствахъ, но и въ знаніяхъ, чтобы получить средства, долженъ покупать знанія цѣной непосильной, а подчасъ и совсѣмъ отказываться отъ образованія, потому что за него платить не въ состояніи. Такъ ли долженъ быть разрѣшенъ этотъ вопросъ обществомъ? Если намъ нужны образованіе и знающіе люди, будемте щедры и великодушны, это нашъ гражданскій долгъ. Пускай наши дѣти будутъ сыты и одѣты, пускай они учатся, пускай они будутъ умны. Вѣдь, голодъ только хорошій поваръ, но очень плохой учитель. Голодъ озлобляетъ, онъ портитъ нравственность, онъ разрушаетъ физическое здоровье, а вѣдь обществу нужны не только знающіе, но и здоровые граждане.

Въ «Обществѣ охраненія народнаго здравія» былъ поднятъ вопросъ о средствахъ питанія недостаточныхъ студентовъ. Изъ свѣдѣній, заявленныхъ профессоромъ Андреевскимъ, оказывается, что большая часть студентовъ университета и медико-хирургической академіи берутъ обѣды въ кухмистерскихъ Петербургской и Выборгской сторонъ за 15 до 40 копѣекъ за обѣдъ. Кухмистерскихъ этихъ насчитываютъ около 17, и ни одна изъ нихъ не удовлетворяетъ своему назначенію. Особенно плохо кормятъ въ «третьей столовой дешевыхъ обѣдовъ» на Выборгской сторонѣ. Самые бѣдные студенты обѣдаютъ въ народныхъ столовыхъ за 6 копѣекъ за обѣдъ. Какъ эти роскошные обѣды отражаются на молодыхъ организмахъ, изъ заявленія г-на Андреевскаго не обнаружилось. Но докторъ Гуцинъ на томъ же засѣданіи предложилъ на обсужденіе программу для собиранія школьно-гигиеническихъ свѣдѣній о среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Докторъ считалъ необходимымъ завести санитарные листки и въ нихъ отмѣчать ежегодныя измѣренія учениковъ, замѣтки о числѣ болѣзненныхъ дней, болѣзней и т. д. Въ засѣданіи школьно-гигиенической комиссіи педагогическаго музея, въ концѣ прошедшей зимы, профессоръ Лесгафтъ сообщилъ свои изслѣдованія надъ болѣзнями воспитанниковъ военныхъ гимназій. Интересны наблюденія надъ неправильностями сердцевенія. Эта болѣзненность замѣчается преимущественно въ четвертомъ классѣ и у 48% она происходитъ отъ малокровія и недостаточнаго питанія, а у 28% отъ неправильнаго развитія легкихъ.

Еще болѣе интересныя данныя сообщилъ г. Яновскій о смертности учениковъ гражданскихъ гимназій и прогимназій петербургскаго округа. Средняя смертность между учениками Петербурга составляетъ 0,46%, а внѣ города 0,35%, или въ Петербургѣ смертность сильнѣе, болѣе чѣмъ на одну четверть. Наименьшая смертность

была въ 1874 году и составляла всего 2%, какъ въ Петербургѣ, такъ и внѣ его. Затѣмъ въ теченіе шестилѣтняго періода съ 1872 по 1876 годъ смертность не обнаруживала тенденціи къ уменьшенію, а напротивъ, такъ что въ 1872 году она составляла 4% для Петербурга, 2% внѣ его, а въ 1876 году 5% для Петербурга и 4% внѣ его.

Мы не отрицаемъ поучительности этихъ цифръ, но насъ удивляетъ вовсе не это. Существуютъ ли или не существуютъ общія понятія о томъ, что человеку вообще, а ребенку въ особенности, требуются хорошая питательная пища, здоровый образъ жизни, занятія, не убивающія его силы, или же эти понятія должны быть только созданы или открыты, какъ новая Америка. Кого нужно убѣдить, что шестикопѣечный обѣдъ не вознаграждаетъ утраченныхъ силъ и ведетъ къ голодному тифу? Отчего «Общество охраненія народнаго здравія» пришло въ такой восторгъ, когда докторъ Гуцинъ предложилъ ввести санитарные листки? Ну, и заведемъ, будемъ производить измѣренія учениковъ, будемъ, подобно профессору Лесгафту, опредѣлять % малокровныхъ и дурнопитающихся учениковъ, будемъ выслушивать свѣдѣнія о процентѣ смертности. Сколько же лѣтъ мы будемъ заниматься этими теоретическими изслѣдованіями? Неужели только рефератами и докладами профессоровъ исчерпывается вопросъ, а общество будетъ также безучастно и скромно-молчаливо, какъ оно и нынче. А между тѣмъ, мы такъ много печалуемся, такъ жалѣемъ своихъ дѣтей, такъ сочувствуемъ имъ. И въ то же время, выслушивая доклады о шестикопѣечныхъ обѣдахъ, которыми отравляются студенты, мы ровно ничего не дѣлаемъ, чтобы организовать какую-нибудь дѣйствительную помощь всему тому, что надрыгаетъ свои молодые силы на жизни впроголодь и никогда ихъ не возстановитъ и не воротитъ. О, общество, общество! ты слушаешь отчеты о нуждѣ, читаешь о ней въ газетахъ—и молчишь... молчишь и читаешь. Право, можно подумать, что мы только нынче открыли первую школу, а вовсе не европейское общество, которое занимается своимъ просвѣщеніемъ со временъ Петра Великаго, т. е. 250 лѣтъ, и должно бы знать, что голодъ ни въ чемъ и нигдѣ не можетъ быть хорошимъ совѣтникомъ. Умны мы, или не умны?

«Да оставить человекъ отца и мать свою и прилѣпится къ женѣ своей и будутъ два плоть едина». Къ этимъ словамъ я должна была прислушаться въ ту минуту, когда я навсегда соединилась съ Максимомъ. Но я ихъ не слыхала тогда. Я только недавно прочла ихъ случайно, задумалась надъ ними. Только теперь я поняла ихъ глубокой смыслъ, только теперь я поняла, что все счастье супружеской жизни зависитъ отъ исполненія этой заповѣди и что исполнить эту заповѣдь не могли ни Максимъ, ни я. Вотъ почему мы оба были несчастны. Впрочемъ, нѣтъ. Несчастна была только я, а онъ даже и не подозревалъ о моемъ несчастіи...»

Часъ тому назадъ я прочитала эти строки въ тетрадь, исписанной мелкимъ почеркомъ моей жены.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА К. П. БРЮЛОВА.

Гос.
Публичная
Б-ка
в
Ленинграде.

Диана и Эндимионъ. Рисовать на деревѣ Борель, рѣзаль А. Шлипперъ.

Я прочитал их совершенно случайно, отыскивая въ ея столѣ чистый конвертъ. Я прочел их совершенно невольно, безъ задней мысли, безъ всякихъ подозрѣній.

Дочитавъ послѣднюю строку, я какъ то бессмысленно положилъ тетрадь снова на старое мѣсто и хотѣлъ выйти изъ комнаты. Я дошелъ уже до дверей и, словно что-то внезапно вспомнивъ, опять вернулся назадъ, опять взялъ эту тетрадь и сталъ перелистывать ея страницы.

«Я не вдругъ поняла, что я не пара Максиму, что я не могу быть съ нимъ счастлива, говорилось въ дневникѣ. — Онъ человѣкъ, закаленный въ нуждѣ, нашедшій себѣ опредѣленное полезное дѣло, а я вполнѣ дѣвочка, съ неопредѣлившимися стремленіями, съ какими-то смутными порывами. Онъ цѣлый день занятъ своей практикой, посѣщеніемъ бѣдныхъ больныхъ, учеными изысканіями, а я—я цѣлый день остаюсь одна дома, не зная, что съ собою подѣлать. Выѣзжать въ общество одной, веселиться на балахъ, когда онъ трудится и для пользы человѣчества и для поддержанія своей семьи, — мнѣ стыдно. Играть роль благотворительности, ѣздить по филантропическимъ комитетамъ—я не могу: онъ приучилъ меня не вѣрить въ пользу нашей филантропіи, да мнѣ и неловко было бы тратить на благотворенія его деньги, добываемыя упорнымъ трудомъ и нужныя на болѣе полезныя его предпріятія. Я могла бы заняться домашнею работою, работою жены и хозяйки, но развѣ я могу это сдѣлать? У него есть мать, у него есть тетка. Эти добрыя и честныя старушки давно уже посвятили ему всю свою жизнь и дѣлаютъ все, что нужно дѣлать въ домѣ. Отнять у нихъ право на эти хлопоты и заботы, лишить ихъ значенія хозяекъ было бы съ моей стороны безсердечіемъ,—да я и не сумѣла бы исполнить все то, что исполняютъ онѣ. Меня не приучили ни къ чему: я была барышней и только; теперь я играю роль любовницы своего мужа, и не болѣе того. Да, я не жена, не хозяйка, а любовница своего мужа. Я живу у него на содержаніи и отплачиваю за это только тѣмъ, что позволяю ему ласкать себя въ то время, когда онъ свободенъ отъ занятій. Эти часы рѣдки. Иногда мнѣ даже кажется, что онъ могъ бы во все обойтись безъ этихъ ласкъ, такъ какъ онѣ уже не составляютъ для него необходимой потребности; онѣ, можетъ быть, гораздо нужнѣе мнѣ, чѣмъ ему. И то сказать, я еще такъ молода, а онъ уже пожилъ, онъ уже почти отжилъ. Я чувствую иногда какое-то униженіе. Я краснѣю отъ стыда, когда порою я вхожу къ нему въ кабинетъ, обнимаю его, ласкаюсь къ нему, какъ ребенокъ, а онъ, цалуя меня нѣжно въ голову, говоритъ мнѣ:

— Ну, голубка, у меня еще есть спѣшная работа...

Я ухожу смущенная, сконфуженная, я мѣшаю ему своею любовью... Впрочемъ, я вѣдь мѣшаю въ этомъ домѣ и если меня здѣсь не оскорбляютъ, такъ это только потому, что все люди здѣсь безконечно добры. Выѣшная въ хозяйство, я мѣшаю его матери; принимаясь за шитье, я мѣшаю его теткѣ; начиная скучать, я беспокою и тревожу всѣхъ, потому что они не понимаютъ ни моей тревоги, ни моей скуки и, любя меня, стараются доискаться причины моего недовольства жизнью, боятся за себя, полагая, что они сдѣлали какую-нибудь непріятность мнѣ... А я не могу успокоить ихъ, сказавъ имъ правду, сказавъ имъ, что я стрекоза въ муравьиномъ гнѣздѣ, что для нашего общаго счастья нужно одно: мнѣ нужно уйти отъ нихъ».

Я читалъ, вдумываясь въ каждую фразу, перечитывалъ каждое слово. Я, кажется, хотѣлъ заучить все написанное наизусть, какъ старается школьникъ заучить трудный урокъ.

Въ комнатѣ послышались чьи-то шаги... и я

поспѣшно сунулъ тетрадь въ столъ. Въ моей головѣ мелькнула мысль, что это идетъ жена. Но я тотчасъ же горько усмѣхнулся, вспоминая, что моя жена не можетъ придти въ эту комнату теперь, что, можетъ быть, она не придетъ сюда никогда.

— Отвѣтъ-съ будетъ? раздался позади меня голосъ нашей горничной.

— Отвѣтъ? Что же я могу отвѣчать! воскликнулъ я, не сознавая, что говорю.

— Такъ прикажете лакею идти? спросила еще разъ горничная.

— Лакею? пробормоталъ я, потирая лобъ и стараясь понять, въ чемъ дѣло.

— Вы приказали ему ждать вашего письма, пояснила горничная.—Онъ уже часа два ждетъ.

— А! да, да! вспомнилъ я.—Сейчасъ, сейчасъ... Я искалъ конверта...

Я взялъ конвертъ, надписалъ адресъ, вложилъ написанное мною письмо и отдалъ его горничной.

Я никакъ не думалъ, что проведу въ кабинетѣ моей жены такъ много времени. Два часа! Мнѣ казалось, что это была одна минута, тяжелая, мучительная минута, втеченіи которой я передумалъ обо всей нашей прошлой жизни. Да, эта тетрадь, какъ молнія, внезапно озарила предо мною картину моего прошлаго, и я съ ужасомъ отступилъ передъ этою картиною. Я въ ней не узналъ копій съ моей мирной, счастливой, спокойной, семейной жизни. А между тѣмъ, это была вполнѣ вѣрная, вполнѣ правдивая копія съ этой жизни. Гдѣ же у меня были глаза прежде? Почему я не видалъ прежде того, что я увидалъ теперь? Отчего я не понималъ совершающейся въ моемъ домѣ драмы? И развѣ трудно было ее понять?

Вѣдь все совершившееся, все, о чемъ говорится въ запискахъ моей жены, было въ порядкѣ вещей, было неизбежно: если бы дѣла сложились иначе—это было бы чистою случайностью. Я долженъ былъ понять все это раньше. Но я не понималъ, не считалъ нужнымъ понимать, заниматься этими мелочами жизни. Я, во что-бы то ни стало, хотѣлъ быть счастливымъ; я хотѣлъ наслаждаться счастьемъ безъ думъ, безъ размышленій; я анализировалъ все постороннее мнѣ судилъ обо всемъ не касавшемся нашей семейной жизни, являлся строгимъ критикомъ людскихъ отношеній и закрывалъ глаза только передъ тѣмъ, что совершалось у моего домашнего очага, закрывалъ ихъ такъ плотно, такъ упорно, что понадобились эти записки, чтобы я очнулся, чтобы я трезво взглянулъ на самого себя, на свое поведеніе. Конечно, все равно, самъ ли проснется человѣкъ, или его разбудятъ, но не все равно, въ какое время настанетъ пробужденіе. Иногда могутъ разбудить слишкомъ поздно. Это случилось и со мною: меня разбудили, быть можетъ, слишкомъ поздно и хуже всего то, что я проснулся только для того, чтобы понять, что я почти убилъ любимое, дорогое мнѣ существо—свою жену. И съ какою чисто «мужскою», чисто «докторскою» тупостью, съ какою безсердечностью, съ какимъ отсутствіемъ всякой чуткости совершалъ я это дѣло! Я видѣлъ заплаканные глаза и говорилъ: «вѣрно нервы расходились», «погода влияетъ». Я видѣлъ блѣдность лица и ораторствовалъ «о недостаткѣ моціона», «о вредной привычкѣ женщины сидѣть дома», «о необходимости сырой говядины», «о женщинахъ, по своей винѣ страдающихъ малокровіемъ», «объ узкихъ корсетахъ». Я слышалъ первые припадки кашля и сердился на легкіе наряды, въ которыхъ такъ не трудно простудиться послѣ бала, послѣ театра. Скажу болѣе, я ощущалъ даже какое-то радостное чувство, замѣтивъ однажды, что у жены являются какіе-то новые капризы, что ея лицо по-

лучило какой-то особенный цвѣтъ,—и осторожно старался вывѣдать, не объ испытываемыхъ женою страданіяхъ, а о томъ, не готовитъ ли судьба для меня новой радости, не буду ли я отцомъ. А внутренняя жизнь жены? О, о ней я не подумалъ, не спросилъ ни разу! И что было спрашивать? Жену все любятъ, мы обожаемъ другъ друга, она не терпитъ недостатковъ, она полная хозяйка въ домѣ. Чего же спрашивать о ея внутренней жизни? Это свѣтлый рай. И вотъ теперь я узнаю, что этотъ свѣтлый рай былъ мрачнымъ адомъ для моей жены.

Она подробно описала эту жизнь и это описаніе является обвинительнымъ актомъ въ отношеніи ко мнѣ. Я ничего не стану, не могу отрицать изъ того, въ чемъ обвиняетъ меня этотъ документъ. Я просто, какъ подсудимый, только расскажу свою предшествовавшую жизнь,—расскажу ее, впрочемъ, не для того, чтобы получить прощеніе—тутъ дѣло не въ прощеніяхъ и наказаніяхъ—а для того, чтобы разсѣяться. Мнѣ тяжело молчать, мнѣ нужно говорить, рассказывать, бесѣдовать, иначе я сойду съ ума въ эти безсонныя, безмолвныя ночи, тишина которыхъ только изрѣдка прерывается хлопотами около постели моей жены, да рѣдкими вздохами моей матери и моей тетки, попеременно сидящихъ у постели больной. Сколько разъ пробовалъ я уговорить старушекъ возложить на меня обязанность сидѣлки, но онѣ постоянно замѣчали мнѣ:

— Полно, голубчикъ, кому же и ходить за нею, какъ не намъ!... Душу бы за нее отдали!...

Да, онѣ не лгутъ: онѣ добрыя, простыя созданія, отдали бы за нее душу. Я боялся, что женѣ тяжело слышать, какъ иногда вырываются у нихъ изъ груди тяжелые, невольные вздохи, и спросилъ, не хочетъ ли она, чтобы у ея постели сидѣлъ кто нибудь изъ прислуги, изъ ея родни, изъ постороннихъ.

— Нѣтъ, мой другъ, онѣ такія добрыя, онѣ такъ ухаживаютъ за мной! говоритъ она.—И я такъ люблю ихъ!

И она не жетъ. Да, мы все любимъ другъ друга и, между тѣмъ, мы все убивъ ее.

Мой отецъ, Иванъ Дмитриевичъ Гриднинъ, былъ жалкій, бѣдный чиновникъ, удаленный новымъ начальникомъ со службы за какую-то невѣрно переписанную бумагу. Впрочемъ, его сослуживцы говорили, что невѣрно переписанная бумага была тутъ не причемъ и что главною причиною отставки была «звѣроподобная» физіономія моего отца, не нравившаяся вообще никому и еще болѣе не нравившаяся его новому начальнику. Отецъ же, когда онъ бывалъ пьянъ, а онъ пилъ постоянно послѣ отставки, говорилъ, что онъ «пострадалъ за честность». Людскіе взгляды даже на самыя микроскопическія явленія всегда бываютъ различны и я не берусь рѣшить, который изъ этихъ трехъ мотивовъ вызвалъ отставку моего отца, такъ какъ это для меня не имѣетъ ровно никакого значенія.

Я помню только одно, что вслѣдствіе этой отставки мы остались почти нищими и имѣли несчастье ежедневно слышать, какъ бушевалъ отецъ, угрожая избить до полусмерти меня, моихъ двухъ младшихъ братьевъ и мою маленькую сестренку.

— Нарожала! кричалъ онъ нашей матери, точно она была единственной виновницей нашего существованія.

Въ эти минуты нашимъ ангеломъ-хранителемъ являлась наша мать.

Это была простая, худенькая, рано состарѣвшаяся женщина, неспособная обидѣть и мухи, боявшаяся домовыхъ, трехъ свѣчей на столѣ, просыпанной за обѣдомъ соли, воющей подъ окномъ собаки, черной кошки, перебѣжавшей дорожку, писавшая мѣломъ кресты наканунѣ «Кре-

щенья», но забывавшая все ужасы, когда дѣло шло о защитѣ дѣтей. У нея являлся громкій голосъ, у нея являлась сила, у нея являлось геройское мужество, когда нужно было стать грудью за насъ. И сколько разъ приходилось ей быть героиней!

Люди, хорошо знавшіе ее, говорили, что «Марья Петровна недалекая женщина», — говорили такъ, главнымъ образомъ, потому, что она не умѣла съ молодости прибрать къ рукамъ мужа, потому, что она не умѣла пролѣзть въ дома разныхъ благодѣтелей, потому, что она не умѣла обсуждать чужихъ дѣлъ и говорила, слушая разные исторіи про ближнихъ:

— Богъ съ ними! не намъ другихъ судить!

Дѣйствительно, ея умъ не принадлежалъ къ числу сильныхъ практическихъ умовъ: она не умѣла «извернуться» въ тяжелыя минуты, она не могла сразу сообразить, какъ выгоднѣе поступить въ томъ или другомъ случаѣ, она была не способна изобрѣтать средства для своего спасенія, подобно тому маленькому еврею, которому его отецъ далъ «золотой», приказавъ прокормить-ся въ теченіи дня и вечеромъ принести «золотой» обратно. Но когда нужно было спасти насъ отъ голода — мать спасала. Когда нужно было опредѣлить меня въ гимназію — мать опредѣлила. Это явленіе довольно трудно понять, но это было такъ: умъ этой женщины просыпался, когда ей нужно было являться въ роли матери.

Почему сошлась она съ моимъ отцомъ — я не могу опредѣлить вполне ясно. Вообще въ заключеніи большей части супружескихъ союзовъ, трудно пайти какой-нибудь здравый смыслъ, какія-нибудь логическія основанія. Люди, къ сожалѣнію, слишкомъ легко относятся къ этому важному шагу въ жизни. Быть можетъ, отецъ разжалобилъ мать тѣмъ, что былъ одинокимъ, безроднымъ болыдемъ, толковавшимъ довольно пространно и чувствительно съ семинарскимъ краснорѣчіемъ о «козняхъ враговъ», о «тоненіяхъ со стороны начальства», о «превратностяхъ судьбы», превратившихъ его изъ безшабашнаго бурсака въ мелкаго чиновника. Быть можетъ, ее увлекла его артистическая натура: онъ любилъ рисовать и изображалъ масляными красками какія-то мрачныя убійства, говоря, что это сцены изъ «Отелло», изъ «Гамлета», хотя герои этихъ сценъ выходили у него постоянно съ очень черными лицами, съ очень длинными руками, съ неизмѣнно косыми, вытаращенными глазами, и Шекспиръ, вѣроятно, не узналъ бы въ нихъ созданныхъ имъ образовъ; онъ иногда любилъ принимать участіе въ любительскихъ спектакляхъ, изображая постоянно героевъ съ звѣрскими инстинктами и пламенными страстями, причемъ онъ считалъ необходимымъ размахивать руками и не говорить, а рычать нечеловѣческимъ голосомъ; онъ очень часто, подыгрывая на гитарѣ, пѣвалъ мрачнымъ пословымъ тономъ о томъ, какъ «дубъ, одинъ, одинъ бѣдняжка» растетъ «на гладкой высотѣ», или какъ «подъ вечеръ осени ненастной» дѣва несла «плодъ несчастной любви». Быть можетъ, мать сошлась съ нимъ просто потому, что онъ первый сказалъ ей, однокрой, бѣдной швеѣ, страстное: «я тебя люблю». Какъ бы то ни было, но мать полюбила его и вышла за него замужъ, несмотря на все возраженія его сестры, Дарьи Дмитріевны Черепиной. Дарья Дмитріевна, женщина серьезная, рѣзкая и несѣбявшаяся, говоря людямъ въ глаза правду, безъ церемоній сказала молодой невѣстѣ, что она лѣзетъ сама въ петлю.

— Да въ сѣма сошли, что идете за моего брата, говорила она. — Онъ и самъ погибнетъ и васъ погубитъ.

— Я его люблю! отвѣчала застѣнчиво невѣста.

— Есть кого любить! Много такихъ-то подъ заборамъ умираетъ.

Невѣста просто душно передала эти слова своему жениху и онъ «гонимый всѣми», устроилъ бурную сцену своей сестрѣ, вследствие чего произошелъ полный разрывъ между братомъ и сестрой. Послѣ разрыва съ сестрою, братъ потропился свадьбою и ни онъ, ни его жена не дѣлали никакихъ попытокъ для встрѣчи или сближенія съ Дарьей Дмитріевной. Мужъ рассказывалъ разные ужасы о «властолюбін этой безсердечной женщины»; простодушная жена вѣрила ему на слово и составила себѣ понятіе объ этой женщинѣ, какъ о воплощеніи какой-то ужасающей суровости и холодности.

Когда мы, дѣти, слишкомъ сильно шалили, отецъ говорилъ:

— Васъ бы къ теткѣ Дарьѣ отправить! Она бы васъ вышколила.

И мифическая тетка дѣлалась для насъ пугаломъ.

Но судьба привела насъ къ сближенію съ ней, когда отецъ потерялъ свое мѣсто и началъ пить безъ просыпу.

Я помню тотъ день, когда мать пошла со мною, чтобы просить одну важную особу о моемъ опредѣленіи въ гимназію. Покровительство этой особы было нашею послѣднею надеждою. Мать всю дорогу шептала какія-то молитвы, поминала царя Давида съ его кротостью, крестилась на каждомъ перекресткѣ, твердила имена Кузмы и Демьяна безсеребренниковъ и повторяла мнѣ:

— Молись, Максимушка, молись, голубчикъ!

Она была сама на себя не похожа, когда она входила въ богатыя комнаты важной особы.

— Вы бы его лучше ремеслу какому-нибудь учиться отдали, посовѣтовала особа, окинувъ глазами наши убогіе наряды и, вѣроятно, замѣтивъ на моемъ сапогѣ ту предательскую дырку, съ которой я все время не спускалъ глазъ.

— Забьютъ, забьютъ его тамъ, ваше превосходительство. — Я вѣдь знаю эту жизнь, произнесла мать. — А онъ сынъ, сынъ мнѣ!

— Да, а въ гимназіи онъ все равно не кончитъ курса, совершенно основательно сообразила особа, — вамъ его содержать будетъ трудно, да и ему учиться будетъ неудобно. Вы, вѣроятно, тѣсно живете.

— Да я на улицѣ жить буду, только бы ему не мѣшать, воскликнула мать. — Я лучше по міру пойду, только бы онъ учился.

— Но я... я, право, не могу принять его на казенный счетъ, затруднялась особа.

— Будьте отцомъ роднымъ, ваше превосходительство! плакала мать.

— Эхъ, какія вы, право! начинала сердиться особа. — Говорятъ вамъ, это невозможно!

— Ну, ради самого Создателя! Ради...

Особа уже окончательно разсердилась на навязчивость моей матери.

— Меня ждуть-съ другіе просители! рѣзко проговорило его превосходительство.

— Батюшка, для матери! простонала мать и хотѣла словить руку особы.

Генералъ быстро пошелъ прочь.

— Да сжальтесь же! Вѣдь есть же и у васъ дѣти! простонала мать и рухнула на полъ.

Ее кое-какъ привели въ чувство и вывели на улицу. Она не могла понять, что она требовала невозможнаго.

— Да нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ ты мой, не погубятъ они тебя! рыдала она. — Не дамъ я погубить тебя! Пойдемъ къ теткѣ Дарьѣ, пойдемъ, въ ногахъ у нее выкланяюсь, а тебя опредѣлю...

Я вытаращилъ свои глазенки и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на мать. Мнѣ казалось, что я ослышался. Я зналъ, что моя тетка имѣла кое-какое состояніе, доставшееся ей послѣ смерти ея мужа. Я слышалъ, что она была женщина нѣсколько образованная, съ твердымъ характеромъ, очень самолюбивая и недоумѣчивая. Все эти ка-

чества ея характера выработались въ тяжелой школѣ: она провела молодость въ гувернанткахъ третьяго сорта. Когда-то она была дружна съ отцомъ, она помогла ему подняться на ноги, т. е. окончить ученіе въ бурсѣ. Потомъ она настаивала, чтобы онъ шелъ въ университетъ, но отецъ влюбился въ мою мать и женился на ней. Съ этого времени, братъ и сестра перестали видѣться. Сестра, слыша, какъ плохо идутъ дѣла отца, стала обвинять мою мать за то, что та не умѣла «поддерживать» мужа. Мать очень хорошо знала, какія чувства питаютъ къ ней Дарья Дмитріевна и боялась даже попадаться на дорогѣ этой женщинѣ. Теперь же она шла къ ней въ домъ, шла, вполне зная, какъ могутъ ее встрѣтить въ этомъ домѣ.

Когда мы переступили порогъ гостиной Дарьи Дмитріевны, матушка, блѣдная и похолодѣвшая отъ страха, но полная рѣшимости, робко и тихо перекрестилась. Дарья Дмитріевна вышла къ намъ изъ другой комнаты. Это была коренастая, невысокая женщина въ большомъ чепцѣ, шумѣвшая на ходу крѣпко накрахмаленной юбкой и сурово сдвигавшая брови.

— Съ братомъ случилось что-нибудь? быстро и отрывисто спросила она, и въ ея голосѣ послышалось худо скрытое волненіе.

— Нѣтъ, Ваня, славу Богу, начала матушка.

— Слава Богу, слава Богу! грубо и скороговоркой передразнила ее Дарья Дмитріевна и еще болѣе нахмурила брови. — Загубили человѣка, да теперь и поете: «славу Богу!»

— Ну, за это меня Богъ накажетъ, а не людямъ судить, тихо замѣтила матушка. — Я къ вамъ за милостыней пришла.

— А! милостыню собирать начали! тѣло замѣтила Дарья Дмитріевна.

— Не собирала еще, а вотъ у васъ просить хочу, продолжала матушка.

— Ну, я нищимъ не подаю! Руки есть, такъ пусть работаютъ!

— Какія руки-то? Что онъ можетъ работать? указала матушка на меня. — Выучить прежде надо.

— Ну, и учите! пробормотала Дарья Дмитріевна, отвернувшись въ сторону.

— Я и пришла просить... помогите, кротко промолвила матушка.

— То-то: помогите! тетка вздернула голову и взглянула на меня зоркими и суровыми глазами.

Я стоялъ, угрюмо потупивъ голову и недружелюбно смотря изподлобья на тетку.

— Ишь, волченокъ какимъ смотритъ! проговорила Дарья Дмитріевна и по ея лицу скользнуло что-то въ родѣ улыбки.

— Онъ робокъ... въ первый разъ васъ видитъ, начала боязливо мать оправдывать меня.

— Глупости! перебила ее сквозь зубы тетка. Въ меня, потому такъ и смотритъ...

Она взяла меня за подбородокъ широкою, почти мужскою рукою и грубо вздернула мою голову вверхъ.

— Ты учиться-то будешь? Или такъ на вѣтеръ за тебя деньги будутъ бросать? спросила она меня. — А?

— Буду учиться, хмуро отвѣтилъ я и движеніемъ головы упрямо освободилъ свой подбородокъ изъ ея руки.

— Что, не любишь этого? усмѣхнулась она. — Ужъ счастье ваше, что онъ въ меня, обратилась она къ матери. — Отдавайте, буду платить...

Мать стала изливаться въ благодарностяхъ.

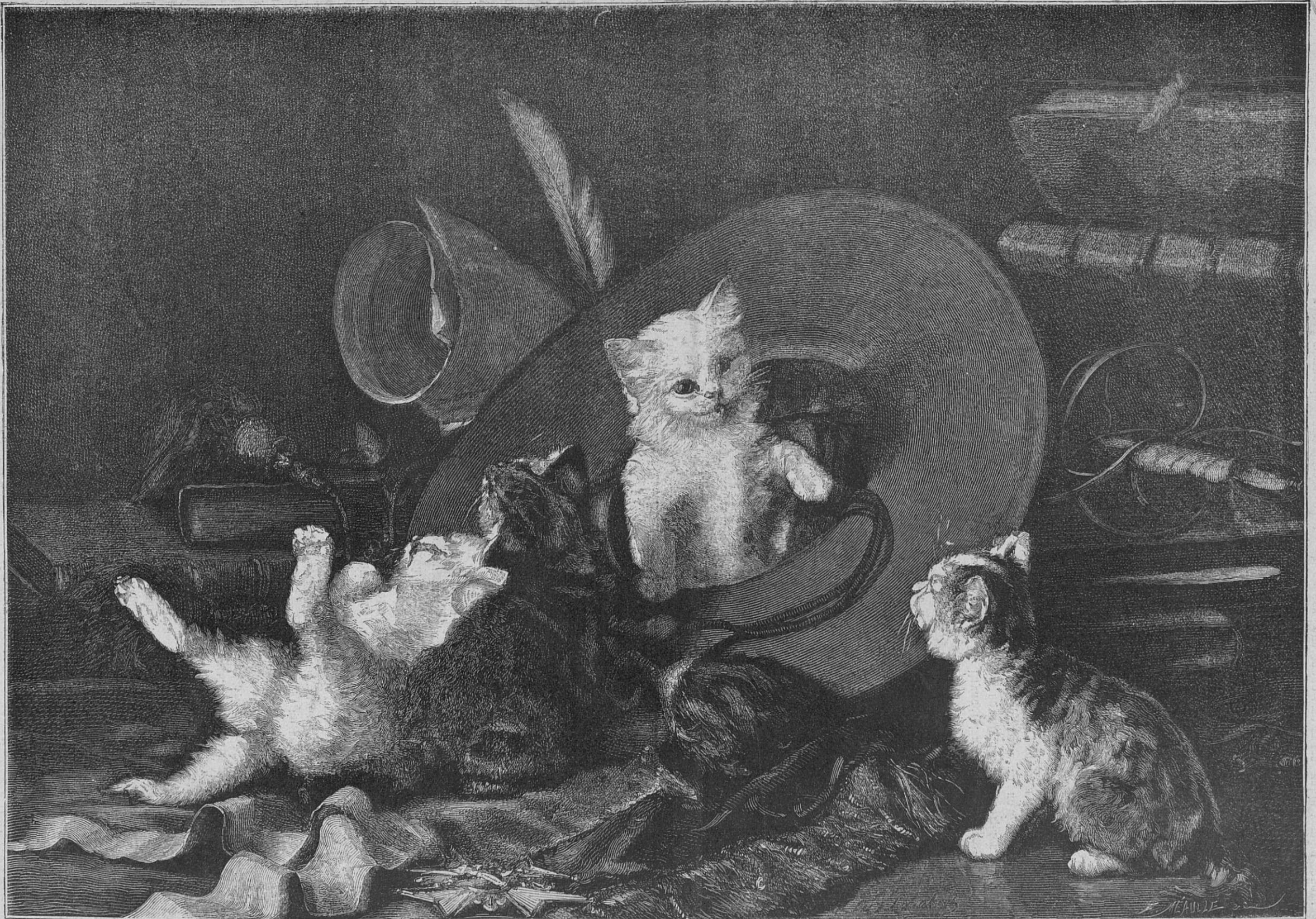
— Ну, ну, нечего миндальничать! перебила ее тетка. — Сапоги-то, сапоги-то у него какіе, вы взгляните!

Мать растерялась и не знала, что сказать: она давно уже знала, какіе у меня сапоги.

— Что-жъ, вы его въ этой амуниціи въ гимназію-то поведете, что ли? спросила Дарья Дмитріевна.

САЛОНЪ 1878 ГОДА ВЪ ПАРИЖѢ.
КАРТИНА ЛАМБЕРТА.

Кошки кардинала Ришелье.
Гравюра Меолля, по фотографіи Гупиля.

— Ужь гдѣ-же... вздохнула мать.

— Ну, такъ и договаривали бы, чего у него недостаетъ. Тоже не на посѣщеніи школьникамъ его вести будетъ надо...

— Добрая вы, добрая женщина! заплакала мать.

— Оно и видно, что доброй вы меня считали: въ десять лѣтъ въ первый разъ пришли! сурово произнесла Дарья Дмитріевна и отвернулась.

— Да вѣдь все равно, не стали бы вы вѣрить, что я изъ расположенія къ вамъ хожу въ вашъ домъ; за деньгами, думали бы, проговорила мать.

— А вотъ, пришли же.

— Не для себя, послышался тахій отвѣтъ.

— Не для себя! Вотъ и видно, какую доброю вы меня считаете, рѣзко пробормотала тетка и обернулась ко мнѣ:—Ты, волчонокъ, оставайся здѣсь. Пойдемъ сапоги покупать, обмундировываться... Бѣлыя есть? отрывисто обратилась она къ моей матери.

Мать только рукой махнула.

Черезъ полчаса я шелъ съ теткой на рынокъ. Мнѣ пришлось почти бѣжать за нею, такъ какъ она маршировала по солдатски, крупными твердыми шагами. Я долженъ былъ не только бѣжать за нею, но и слушать ее, потому что она говорила безъ умолку, отрывисто, рѣзко.

— У тебя честная мать, вотъ и будь такимъ, какъ она, говорила она, не глядя на меня и точно рубя что-то топоромъ,—никому не жаловалась, ни къ кому не таскалась съ протянутой рукой, а жилось-то не сладко. Ой, ой, ой, какъ не сладко! Она вопъ жиденькая, худенькая, плачетъ, такъ ты думаешь, что у нея и силъ нѣтъ. Неправда! То же такую-то жизнь вынести, да въ чужіе дома не идти со своимъ горемъ, на это нужна сила... Тоже твоего отца я знаю: крикунъ, буянъ, дикобразъ, а что онъ на дѣлѣ—тряпка, его поддерживать было надо, отъ перваго горя пить начиналъ. Съ другой женой онъ давно бы ужъ свислся съ круга или взяточникомъ сдѣлался бы, да подъ судъ попался бы. А она его десять лѣтъ спасала. Я отговаривала его жениться, потому ее было жалъ. Мало знала я ее, а жалъ было. Его-то я знала. Знала, что онъ все равно въ университетъ не пойдетъ, и такъ свою жизнь загубить у женской юбки. Думала только, лучше пусть на какой-нибудь богатой дурѣ-купчихѣ женится, хоть безъ нужды жить будетъ. Зло меня брало, когда твоя мать не послушалась и пошла за него: «петлю, говорю, падаєте»,—а она: «я его люблю». Пу вотъ и помучилась за любовь... И ужъ какъ же высохла-то, старуха-старухой стала, лица на ней нѣтъ! А, что за женщина была!

— А развѣ вамъ ее жалъ? сквозь зубы спросилъ я, исподлобья взглянувъ на тетку.

— Что-жъ ты не сказалъ: сапожную лавку прошли, а ты молчишь! сердито проговорила она вмѣсто отвѣта на мой вопросъ и шумно высморкалась.

Минутъ черезъ десять, мы маршировали дальше. Тетка въ эти десять минутъ уже успѣла пазвать куница, торговавшего сапогами, и христо-продавцемъ, и канномъ, и іудой, и мошенникомъ, несколько не стѣсняясь въ выборѣ эпитетовъ.

— Ты у меня смотри, учись, не то дуракомъ вырастешь, продолжала она говорить мнѣ. — А дураковъ-то и безъ тебя непочатой уголь. По моему, лучше подлець, чѣмъ дуракъ. Съ подлецомъ хоть остерегаешься, а дурака не боишься, онъ же и себя, и другихъ губитъ. Мать вотъ твоя была не умна. На путь истины ее некому было въ дѣтствѣ наставить. Я ее такъ и считала пустой дѣвчонкой. Рукой на нее махнула. Пусть гибнетъ, если сама петлю на себя надѣла. Но годы-то ее умудрили. Человѣкъ изъ нея вышелъ. А

какъ вышелъ? Ночей не спала, спину весь вѣкъ гнула надъ работой, со слезами каждый кусокъ хлѣба ѣла. Наука-то дорого обошлась. А вотъ, если учиться будешь, если умомъ съ дѣтства запасешься, такъ легче будетъ сдѣлаться человекомъ. И себя не загубишь и другимъ пользу принесешь. Тоже мать на старости лѣтъ отдохнетъ подъ твоимъ крыломъ, горе старое забудетъ, станетъ судьбу свою благословлять, поймешь, что не даромъ умудрялъ ее опытъ.

— Значитъ, вы ее любите, маму-то? спросилъ я опять, болѣе пристально взглянувъ на тетку.

— Ты себѣ-то подъ ноги смотри, себѣ! проговорила она, взглянувъ въ сторону влажными глазами.—Какое тебѣ до другихъ дѣло!.. Вотъ за бѣдѣмъ нужно зайти сюда, круго перемѣнила она разговоръ.

Черезъ нѣсколько минутъ, мы снова шли и снова тетка наставляла меня на путь истины. Посторонніе люди могли подумать, что она сильно журить меня за что-то, и, можетъ быть, удивились бы моей безчувственности, такъ какъ подъ звуки этихъ суровыхъ рѣчей, выбиваемыхъ, какъ маршъ на барабанѣ, я становился все веселѣе и веселѣе. Я начиналъ любить эту женщину, про которую потомъ говаривала моя мать:

— Языкъ-то у нея, какъ бритва, а сердце золотое.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Сонъ царитъ надъ старымъ Римомъ,
Для тревоги умолкають,
Надъ семью холмами въ небѣ
Звѣзды яркія мерцають.

Дремлетъ Campus Sceleratus
Съ подземельями своими,
Шелестя, разноситъ вѣтеръ
Ароматъ цвѣтовъ надъ ними.

Я иду росистымъ полемъ,
Воскресивъ въ воспоминаньи
Древній міръ,—и слышу говоръ,
Вижу факеловъ мерцанье.

Предо мной все ближе, ближе
Безконечной вереницей
Въ строгомъ шествіи проходятъ
Изъ временъ отжившихъ лица.

Блещутъ свѣтлыя сѣкиры,
Это ликторы сурово
Въ путь идутъ. Свой долгъ священный
Совершить они готовы.

Вотъ старикъ съ осанкой важной,
И съ надменнымъ римскимъ взглядомъ;
Это жрецъ верховный,—твердо
Правитъ онъ духовнымъ стадомъ.

Рядомъ съ нимъ я вижу группу
Строгихъ жрицъ въ повязкахъ алыхъ,
Въ бѣлоснѣжномъ одѣяніи,
Въ бѣлоснѣжныхъ покрывалахъ.

Цѣль ихъ—Campus Sceleratus.
Предо мною жрицы Весты
До него дошли,—и въ страхѣ
Я взглянулъ на это мѣсто.

Все замолкло. Жрецъ верховный
Подаль знакъ: къ землѣ припала
Съ крикомъ женщина,—грѣховной
Красотой она сіяла.

Покрывало и повязку,
Снявъ съ нея, онъ сжегъ безмолвно,

И разсыпались кудри
По плечамъ ея, какъ волны.

«Я дары твоей богинѣ
Возвращаю вновь: носила
Ты не долго ихъ. Давно-ли
Клятву ты произносила?»

Твой обѣтъ тобой нарушенъ,
Цѣломудріе забыто
И за грѣхъ свой ты въ могилѣ
Будешь заживо зарыта.

До послѣдней капли масло
Истребитъ огонь лампадный,
Исощится хлѣбъ, не станетъ
Ни глотка воды прохладной,

И замретъ съ остаткомъ силы
У тебя въ груди дыханье,—
Знай: тогда забудутъ грѣхъ твой
И твое существованье.

Жрецъ окончилъ рѣчь и молча
Ожидалъ кружокъ смущенный
Исполненія приговора
Надъ несчастной осужденной.

Руки сильныя схватили
Жертву юныхъ увлеченій
И къ могилѣ, къ царству смерти,
Указали ей ступени.

Я закрылъ глаза, но въ грезѣхъ
Представляется мнѣ живо,
Какъ мерцаетъ кротко лампа
Въ этой ямѣ молчаливой,

Какъ при факелахъ изъ склепа
Легкой лѣстницы ступени
Исчезають, какъ у жертвы
Подгибаются колѣни.

Ухожу я прочь отсюда
Съ тайной скорбью, тьмой объятый,
А ко мнѣ доноситъ пѣсню
Воздухъ, полный аромата.

И твержу я: съ колесницы,
Запряженной голубями,
Ты, Книприда, съ страшной силой
Управляешь въ жизни нами.

Іоаннъ Грозный и Шибановъ.

Къ картинѣ В. Шварца. (Стр. 9.)

Вторая половина XVI-го столѣтія, по отношенію къ исторіи Россіи, заслуживаетъ особаго вниманія. Благодаря упорной настойчивости своихъ державныхъ предшественниковъ, московскій князь къ этому времени становится могучимъ самодержцемъ: его воля—законъ, объ ограниченіи ея не можетъ быть и рѣчи; вопросъ объ автономіи силъ общественныхъ получаетъ самое неблагоприятное для себя рѣшеніе и Русь, въ своихъ судьбахъ послѣдующихъ, идетъ отнынѣ туда, куда указываетъ политическій тактъ ея повелителей.

Іоаннъ Васильевичъ Грозный былъ однимъ изъ первыхъ подобныхъ князей.

Онъ наслѣдовалъ своему отцу, великому князю московскому, еще въ малолѣтствѣ и первыя 15 лѣтъ былъ государемъ только по имени; за него управляли—сначала мать его, царица Елена, потомъ—бояре. О воспитаніи малолѣтняго царя никто не заботился,—его воспитали ссоры вельможъ, да вѣчная смѣна честолюбивыхъ правителей. Впечатлительный, нервный, самолюбивый отъ природы, Іоаннъ не могъ не сознавать всей униженности своего положенія и, въ безсильной злобѣ на своихъ непрошенныхъ попечителей, еще съ ранней юности привилъ себѣ какія-то звѣрскія, нечеловѣческія чувства: онъ любилъ мучить животныхъ; развѣзая по Москвѣ, любилъ давить конемъ встрѣчавшихся и т. п. Во всѣхъ такихъ забавахъ онъ не встрѣчалъ запрета: воспитатели царя не

обращали на него никакого вниманія, а окружавшая Иоанна челядь, въ силу холопескихъ традицій, могла отвѣчать только одобреніемъ. Мальчикъ росъ, а съ нимъ росла и его нравственная порча. Когда Иоаннъ достигъ тринадцатилѣтняго возраста, будущій грозный царь сказался въ немъ уже вполне отчетливо: разъ онъ велѣлъ схватить правителя Шуйскаго и отдать его на растерзаніе псамъ. Недолго послѣ того Иоаннъ терпѣлъ опеку: въ январѣ 1547 года онъ торжественно короновался, принявъ титулъ царя (титулъ, не принадлежавшій его предшественникамъ) и сталъ вполне самостоятельнымъ владыкой «всѣя великія Руси». Это второй періодъ жизни Иоанна.

Онъ распадается на три части:

Сначала Иоаннъ, испорченный воспитаніемъ въ дѣтствѣ, глядитъ на вѣнецъ свой царскій лишь какъ на средство для полнаго проявленія своей необузданной страсти; являются признаки своевольства, разврата, жестокости, — такъ продолжается до іюня мѣсяца. Въ это время въ Москвѣ случился пожаръ; пожаръ былъ особенно сильный и чернъ подняла мятежь, обвиняя въ своемъ несчастіи родственниковъ царя — Глинскихъ. Царь въ страхѣ удаляется въ село Воробьево. За нимъ слѣдуетъ протопопъ придворнаго собора Сильвестръ и, указывая царю на зарево пожара и народное волненіе, объясняетъ ихъ, какъ слѣдствіе безнравственной жизни Иоанна. Чувствительный къ вѣшнимъ ощущеніямъ, трусливый Иоаннъ рѣзко перемѣняетъ свое поведеніе и, взявъ себѣ въ совѣтники Сильвестра и его сторонниковъ, вступаетъ въ новый фазисъ своего правленія — фазисъ, ознаменованный признаками политической мудрости и заботъ о нравственномъ и матеріальномъ благосостояніи народа.

Къ сожалѣнію, эта счастливая эпоха продолжается недолго: самолюбивая до болѣзненности натура Иоанна не могла мириться съ мыслью о своей пассивной роли; къ тому же и передѣлывать себя было ужъ слишкомъ поздно. Иоаннъ тяготится наставниками, скучаетъ ихъ добродѣтелями и все сильнѣе и сильнѣе тяготеетъ къ тому, что напоминаетъ его вольную, безконтрольную жизнь. Отношенія къ Сильвестру съ каждымъ днемъ становятся натянутѣе, наконецъ, онъ свергаетъ съ себя власть своихъ опекуновъ и является необузданнымъ, трусливымъ и развратнымъ правителемъ. Такимъ онъ остался до своей смерти.

Народъ окрестилъ его именемъ «Грознаго».

Помѣщаемая нами картина извѣстнаго русскаго художника и знатока изображаемой эпохи, В. Шварца, относится по своему содержанію къ послѣдней эпохѣ царствованія Иоанна — эпохѣ 25-ти-лѣтнихъ казней и опричнины.

Покоритель Казани, одинъ изъ лучшихъ московскихъ воеводъ, князь Курбскій, опасаясь жестокостей Иоанна, бѣжалъ въ Литву. Изгнанникъ пожелалъ излить передъ царемъ все, что накопилось у него на сердцѣ, чего онъ не смѣлъ прежде высказать. Съ этою цѣлю онъ пишетъ письмо и отсылаетъ его къ царю черезъ вѣрнаго слугу своего, Василия Шибанова. Рассказываютъ, что Шибановъ отдалъ письмо царю на Красномъ крыльцѣ. Иоаннъ ударилъ его въ ногу желѣзнымъ копытлемъ своимъ и, пока продолжалось чтеніе письма, стоялъ опершись на копытль. Шибановъ не показывалъ и вида причиняемой ему боли; а потомъ, во время пытки, смѣло говорилъ въ оправданіе своего господина.

Обѣтъ.

Стих. Омулевскаго.

Съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ людей,
Обѣтъ, мной данный, не нарушу
До самой смерти я своей —
Не открывать имъ больше душу.

Затѣмъ, что долженъ я сберечь
Для нихъ же сердце молодое;
А то, отъ частыхъ съ ними встрѣчъ,
Оно состарится, большое.

Да! мнѣ не надо ничего —
Ни злобы ихъ, ни ихъ участія:
Съ меня довольно и того,
Что я тружусь для ихъ же счастья...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Насильственный бракъ.

Глава I.

Странное поведеніе невѣсты наканунѣ свадьбы.

Вѣсть о томъ, что красавица Сесиль, единственная дочь Клода Тюссо, фабриканта бронзовыхъ издѣлій, въ улицѣ Сен-Франсуа, выходитъ замужъ за долговязаго Гудара, прозваннаго Клячей, вызвала во всемъ кварталѣ Марэ общее удивленіе и негодованіе. Никто не хотѣлъ вѣрить этому браку. Виродолженіи десяти лѣтъ всѣ въ околоткѣ говорили, что фирма Тюссо существовала на деньги Гудара и объясняли это странное обстоятельство легкомысленнымъ поведеніемъ г-жи Тюссо. Только одинъ Клодъ, по общему мнѣнію, не зналъ своего позора.

Но всего болѣе возбуждало неудовольствіе слухъ, что г-жа Тюссо сама желала этого брака.

Обитатели квартала Марэ вообще большіе сплетники, почему и не было конца толкамъ объ этой свадьбѣ. Одни увѣряли, что Тюссо наканунѣ банкротства и выдаетъ свою дочь за Гудара затѣмъ, чтобъ взять въ компанію своего зятя и спасти фирму. Другіе рассказывали, что г-жа Тюссо выдавала замужъ свою дочь лишь съ цѣлю удержать при себѣ своего любовника. Третьи говорили, что красавица Сесиль страстно любила Мориса, ученика ея отца и товарища ея дѣтскихъ игръ, что родители были принуждены прогнать Мориса, сдѣлавшагося уже взрослымъ работникомъ и поскорѣе выдать замужъ дочь, такъ какъ нельзя было терять ни минуты. Многие еще болтали сосѣди; но мы скажемъ то, чего они не говорили, именно, правду.

Дѣйствительно, въ домѣ Клода Тюссо готовилась свадьба и нашъ рассказъ начинается наканунѣ дня, когда Андрѣ Гударь, по прозвищу Кляча, долженъ былъ жениться на юной и прелестной Сесиль.

Оставаясь случайно наединѣ съ Гударомъ, г-жа Тюссо сказала ему вполголоса:

— Наконецъ, вы поставили на своемъ. Да проститъ вамъ Господь.

А онъ съ веселой улыбкой отвѣчалъ громко:

— Ваша дочь, мамаша Тюссо, будетъ счастливѣйшая женщина.

Сама невѣста была совершенно спокойна и холодное суровое выраженіе ея лица поражаало всѣхъ. Это была прелестная дѣвушка шестнад-

цати лѣтъ, съ блестящими черными, какъ вороново крыло, волосами, голубыми глазами, ярко сверкавшими изъ-подъ густыхъ бровей, съ прямымъ носомъ и тонкими дѣтскими губами. Когда она улыбалась, конечно, не теперь, она обнаруживала маленькіе бѣлые зубы. Однимъ словомъ, она была прелестна, восхитительна. Но наканунѣ своей свадьбы она казалась одинокой среди шумной суматохи въ домѣ; она равнодушно смотрѣла на всѣ приготовленія, не хотѣла ничѣмъ сама заняться, презрительно бросала отрывочныя фразы своему жениху и на всѣ вопросы родителей отвѣчала:

— Дѣлайте, что хотите... Я сказала, что слушаюсь васъ.

Послѣ обѣда, на которомъ присутствовали гости, приглашенные въ качествѣ свидѣтелей свадьбы, г-жа Тюссо сказала безъ всякой церемоніи:

— Господа, мы очень устали отъ всѣхъ хлопотъ и просимъ позволенія отдохнуть. Вы видите, бѣдная Сесиль такъ хочетъ спать, что не сказала ни слова во весь вечеръ, а завтра намъ надо встать рано.

Всѣ засмѣялись и по дружески простились съ хозяйками, облизываясь при одной мысли о завтрашнемъ свадебномъ пирѣ. Долговязый Гударь, по прозвищу Кляча, подошелъ къ Сесиль и обнялъ ее, но она тихо оттолкнула его, боясь, чтобъ онъ не позволилъ себѣ какой-нибудь излишней вольности.

— Ну, Сесиль, сказалъ онъ, — ты твердо рѣшилась никогда не улыбнуться мнѣ?

— Я вамъ сказала, г. Гударь, что приученная съ дѣтства повиноваться родителямъ, я сдѣлаю то, что они считаютъ полезнымъ для меня. Но я не скрывала отъ васъ, какія чувства я питаю къ вамъ; вы не обратили на это вниманія... Вы будете отвѣчать за все, что можетъ случиться.

Злая улыбка исказила лицо Клячи и глаза его злобно сверкнули, но черезъ секунду онъ пожалъ плечами, глубоко засмѣялся и сказалъ съ напускной веселостью:

— Сесиль, я зналъ тебя малюткой и помню, что ты всегда была упрямой, капризной, но я такъ буду ухаживать за своей красавицей женой, окружу ее такой роскошью, что она пожалѣетъ о своихъ теперешнихъ словахъ... и будетъ любить меня.

При этихъ словахъ молодая дѣвушка бросила на него такой странный взглядъ, что Гударь напустилъ брови.

Эта маленькая сцена произошла въ паружныхъ дверяхъ и всѣ гости отошли въ сторону, чтобъ не мѣшать жениху проститься съ невѣстой. Гударь ушелъ, едва скрывая свое неудовольство, а Сесиль спокойно возвратилась въ комнату.

Прежде, чѣмъ отправиться въ свою спальню, г. и г-жа Тюссо нѣжно поцѣловали дочь и отца, лаская ее, сказали:

— Голубушка моя, Сесиль, будь умница, выспись хорошенько и перестань дуться. Я надѣюсь, что завтра ты не будешь такой сердитой.

— О нѣтъ, нѣтъ, я завтра не буду такой, какъ сегодня, отвѣчала она страннымъ тономъ.

— Конечно, тебѣ надо быть серьезной, ты вступаешь въ бракъ по разуму, а не по любви. Но, моя милая, ты не знаешь, какъ мало значенія имѣетъ въ семейной жизни любовь. Счастье заключается въ спокойствіи и въ обезпеченіи средствъ къ жизни. Ты не узнаешь, Сесиль, нищеты, а спроси твою мать, какую ужасную жизнь мы вели потому, что мы оба принесли въ приданное только нищету. Если для счастья достаточно любви, то не надо и жениться; любовь не переживаетъ свадьбы.

— Твой отецъ совершенно правъ, дитя мое, замѣтила г-жа Тюссо, поправляя свои напильотки.

Молодая дѣвушка подняла голову и, остано-

вившись передъ своими родителями, тихо сказала:

— А если я все же не послушаюсь и завтра скажу нѣтъ.

Клодь и Адель Тюссо посмотрѣли другъ на друга съ тревожнымъ безпокойствомъ.

— Какъ, несчастная! отвѣчалъ отецъ,—ты не послушаешься... да я тебя тогда прокляну... я тогда погибну... Я далъ слово Андрэ...

— Ваши интересы значить важнѣе всего, мрачно произнесла Сесиль,—но я могу умереть.

— Отъ этого не умираютъ, воскликнулъ строго Тюссо, покраснѣвъ отъ злости;—однако, намъ пора объясниться съ тобою на чистоту. Я тебѣ торжественно заявляю, что предпочту скорѣе твою смерть, чѣмъ осуществленіе твоихъ глупыхъ мечтаній...

— Замолчи, Клодь, ты съ ума спятилъ! сказала г-жа Тюссо, испуганная словами мужа, который, впрочемъ, вовсе не думалъ того, что говорилъ.—Оставь ее, она будетъ благоразумной и послушной.

Она поцѣловала дочь; когда же послѣдняя удалась, она сказала, обращаясь къ мужу:

— Пойми же, Клодь, что тяжело бѣдному ребенку отказаться отъ всѣхъ своихъ плановъ и надеждъ. Да, къ тому же она не сопротивляется нашей волѣ, а говоритъ, голубушка, что наша воля для нея законъ.

— А всего этого не было бы, еслибъ ты не позволила ей строить себѣ воздушные замки съ Морисомъ.

— Развѣ я могла предвидѣть... увѣ... то, что случилось.

Послѣ этого супруги удалились въ свою спальню.

Между тѣмъ Сесиль, простившись съ родителями, взошла по лѣстницѣ въ свою комнату и сѣла на кровать. Цѣлый часъ она оставалась неподвижной, устремивъ глаза въ пространство.

— Никогда... нѣтъ, никогда... особенно за него! воскликнула она вдругъ и задрожала всѣмъ тѣломъ, какъ бы отъ прикосновенія къ чему-то страшному, отвратительному.

Она встала, на ципочкахъ подошла къ шкапу, накинула себѣ на плеча ротонду, тихо спустилась внизъ и черезъ мастерскую вышла на улицу.

Очутившись внѣ дома, она ускорила шаги. На углу улицы Тюренъ, она посмотрѣла на часы въ окно виннаго погребка.

— Одиннадцать! прошептала она;—онъ, вѣрно, ждетъ меня.

И она побѣжала. Достигнувъ Бастильской площади, она остановилась на углу набережной Бурдонъ. Въ ту же минуту къ ней подошелъ молодой человѣкъ.

— Ну? сказалъ онъ, протягивая ей руку.

— Конечно! отвѣчала она задыхающимся голосомъ.

— Что же ты рѣшила? спросилъ юноша въ сильномъ волненіи.

— Да, да... я согласна, проговорила она прерывисто, падая въ его объятія.

Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ они крѣпко прижимались другъ къ другу и горько плакали. Наконецъ, молодая дѣвушка, пересиливъ свое волненіе, вырвалась изъ рукъ юноши и, поспѣшно отеревъ глаза, сказала:

— Я согласна, я желаю умереть, слышишь?

— Но зачѣмъ?

— Потому, что я тебя люблю и общаюсь быть твоей... Жизнь хочетъ насъ разлучить; смерть же соединитъ; такъ лучше умремъ.

— Мнѣ страшно теперь, что я тебѣ далъ эту мысль.

— Я вдохну въ тебя мужество. Выслушай меня, Морисъ. Мы знаемъ другъ друга съ дѣтства; у тебя не было семейства, кромѣ сестры, моей

подруги Амели. Ты выросъ въ нашей семьѣ; мы были братомъ и сестрой. Незамѣтно возникла между нами болѣе глубокая привязанность, но мы были честны и слишкомъ уважали другъ друга, чтобъ во зло употребить наши короткія отношенія. Мы мечтали о свадьбѣ и старались каждый съ своей стороны сдѣлаться; ты хорошимъ работникомъ, а я настоящей хозяйкой. Ты достигъ свой цѣли, мнѣ помѣшали. Наши родители—ты считаешь моихъ родителей своими—не имѣли никакихъ самолюбивыхъ видовъ и поддерживали наши надежды. Это насъ оправдываетъ, Морисъ, мы любили другъ друга и имѣли право любить.

Слезы катились по щекамъ молодого человѣка.

— Не кручинься, Морисъ, продолжала Сесиль съ грустной улыбкой,—сегодня день нашей свадьбы... Однажды въ нашъ домъ явился негодяй... другъ моего отца... другъ... ты знаешь... другъ моей матери... Ты помнишь, какъ я страдала, смотря на этотъ позоръ; но онъ далъ денегъ отцу и теперь можетъ одинъ спасти фирму отъ банкротства... что дѣлать? Сказать отцу, какую цѣною онъ купилъ помощь этого мерзавца... но вѣдь онъ прогонитъ, опозоритъ мать въ ту самую минуту, когда она раскаявается въ своемъ прошломъ... Самое ужасное, она согласна отдать меня этому человѣку... Я слышала ея разговоръ съ нимъ. Мѣсяцу тому назадъ она общалась мнѣ отказать ему; на другой день послѣ этого я убирала платья въ чуланъ за ея комнатою. Гударъ вошелъ; онъ получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она объявляла, что никогда не согласится на гнусность, которую онъ отъ нея требуетъ... Еслибъ ты зналъ, Морисъ, что я слышала... Какъ ни низко пала моя мать, но въ этотъ день я пожалѣла ее. О, бѣдная женщина, быть рабой такого мерзавца! Какое тяжкое наказаніе! Онъ требовалъ, онъ добился отъ нея обѣщанія молчать... Послѣ этой сцены я написала тебѣ, что намъ нечего болѣе надѣяться... Отецъ—слѣпая жертва, онъ видитъ только одно, что этимъ бракомъ его фирма будетъ спасена и моя судьба устроена. Что дѣлать? Сказать отцу, значить, погубить мать и фирму... сказать матери, что мнѣ все извѣстно... еще ужаснѣе... сказать этому... человѣку... я не могу. Онъ мнѣ гадокъ, ненавиденъ. Въ немъ все грязно, отвратительно... и взгляды, и жесты. Для него нѣтъ ни молодости, ни невинности; онъ обращается со всѣми женщинами, какъ съ уличными... Я на все готова, чтобъ только не принадлежать ему! Ты видишь, Морисъ, наше положеніе безысходное.

— Ты всегда возвращаешься къ мысли, которую я далъ тебѣ въ минуту безумнаго отчаянія.

— Морисъ, я пришла къ тебѣ сегодня... Я твоя невѣста... Я буду твоей женою... но завтра мы не проснемся...

Морисъ остановился. Онъ держалъ Сесиль за обѣ руки и смотрѣлъ ей прямо въ глаза.

— И ты умрешь безъ сожалѣнія, безъ упрековъ?

— Съ блаженствомъ.

— Силы тебѣ не измѣнять?

— Я тебя люблю.

И, въ пылу страсти, она обняла его и горячо поцѣловала.

— Морисъ, сказала она,—я хочу умереть въ твоихъ объятіяхъ съ сладкимъ лепетомъ: люблю тебя.

Потомъ она склонила свою голову къ нему на плечо и прибавила шепотомъ:

— Пойдемъ скорѣе, Морисъ, къ тебѣ... а то я боюсь за свои силы.

Онъ ничего не отвѣчалъ, схватилъ крѣпко ея руку и они быстрыми шагами направились къ набережной Контр-эскарпъ. Морисъ чувствовалъ себя очень твердымъ, непоколебимымъ, но и ему такъ же хотѣлось поскорѣе разрѣшить чѣмъ-нибудь ихъ тяжелое положеніе.

Ночь была великолѣпная; лѣтняя жара утихла свѣжимъ вѣтеркомъ. Небо было покрыто звѣздами, мирно отражавшимися въ водѣ. Хорошо было гулять, хорошо жить въ такую благодатную ночь.

Молодые люди шли молча, крѣпко прижимаясь другъ къ другу; глаза ихъ странно блестѣли и на губахъ ихъ играла улыбка.

— У тебя все готово? спросила вдругъ Сесиль глухимъ голосомъ.

— Да.

— Мы очень будемъ страдать?

— Нѣтъ... мы заснемъ... и никогда не проснемся.

Морисъ почувствовалъ, какъ молодая дѣвушка лихорадочно дрожала и онъ еще ускорилъ свои шаги, говоря:

— Идемъ скорѣе, скорѣе.

Они прошли мимо дома, гдѣ ежедневно давались публичные балы; звуки оркестра долетѣли до нихъ; Сесиль грустно улыбнулась.

— Это день нашей свадьбы... гости танцуютъ.

— Я живу какъ разъ за этимъ домомъ; музыка и шумъ будутъ беспокоить насъ.

— Напротивъ, это очень забавно.

Наступило молчаніе. Они повернули въ послѣднюю улицу, выходящую на набережную, почти противъ Аустерлицкаго моста. У второго дома Морисъ остановился.

— Здѣсь, сказалъ онъ.

Они вошли въ ворота, поднялись во второй этажъ и молодой человѣкъ отворилъ дверь въ освѣщенную комнату. Сесиль вошла и съ удивленіемъ стала смотрѣть вокругъ себя.

— Я все приготовилъ, сказалъ онъ.

— А это что? спросила она, указывая на столъ, на которомъ стояли бутылка, стаканы и корзинка съ бисквитами.

— Нашъ свадебный ужинъ, отвѣчалъ онъ съ улыбкой.

— А это? прибавила она, указывая на бутылку съ лихорадочною дрожью.

— Да.

Она сѣла на стулъ, а онъ опустился передъ нею на колѣни.

— Бѣдная моя Сесиль, думали-ли мы дѣтьми что такъ кончимъ?

— Ты сожалѣешь?

— Нѣтъ.

— Я сказала тебѣ, Морисъ, что я буду твоей... Они не хотятъ, чтобъ я была твоей женой, а честь запрещаетъ мнѣ быть твоей любовницей... Смерть насъ повѣнчаетъ.

Съ этими словами она взяла бутылку и налила въ стаканы роковую влагу.

— Не противно, сладко, сказала она, прикасаясь губами къ стакану.

Онъ выпилъ въ свою очередь и они поцѣловались. Онъ все еще стоялъ на колѣняхъ; она ласкала рукой его голову, а глаза ихъ сливались въ одинъ долгій пламенный взглядъ. Мысль о смерти, однако, была далека отъ нихъ, они думали только о своей любви.

— Какъ я тебя люблю! лепетала она.

— А я! отвѣчалъ онъ, цѣлуя ея руки.

Окно въ комнатѣ было полуоткрыто; оно выходило въ садъ публичнаго бала. Оркестръ игралъ прелюдію къ кадрили и распорядитель танцевъ громко кричалъ:

— Господа, по мѣстамъ; послѣдняя кадрили.

— Ты слышишь, сказала Сесиль,—послѣдняя... Она отпила еще изъ своего стакана.

— Оно, кажется, опьяняетъ, прибавила она.

— Это нарочно такъ сдѣлано.

— Такъ выпьемъ скорѣе.

Они чокнулись и поднесли стаканы къ губамъ.

— Встань, сказала Сесиль твердо и громко.

Морисъ повиновался. Она подвела его къ окну, положила свою руку въ его руку и, подни-

мая глаза къ звѣздному небу, сказала торжественно:

— Передъ Богомъ, на судъ котораго мы веко-рѣ предстанемъ, я заявляю, что поправа бы свя-тость таинства брака, еслибъ обвинчалась съ ненавистнымъ человѣкомъ, и беру въ мужья Мо-риса Ферана, любимаго мною всѣмъ сердцемъ...

Морисъ повторилъ тѣ же слова. Она почув-ствовала, что онъ надѣлъ ей на палецъ обру-чальное кольцо. Она поцѣловала кольцо и ска-зала поспѣшно, какъ бы желая поскорѣе все покончить:

— Мы соединены на вѣки, допьемъ.

Они осушили стаканы.

— Все кончено, воскликнула Сесиль съ глу-бокимъ вздохомъ; — оставь меня, Морисъ, на ми-нуту и вернись поскорѣе, я буду тебя ждать, мой мужъ.

Молодой человѣкъ повиновался. Оставшись одна, Сесиль погасила свѣчу, раздѣлась и легла въ постель.

— Это ты? спросила она, услыхавъ скрипъ двери.

— Да, моя Сесиль.

— Приходи скорѣе... Я боюсь умереть безъ тебя.

Въ саду на секунду умолкли звуки оркестра и распорядитель танцевъ воскликнулъ:

— Разъ, два, три, начинайте господа!

Глава II.

Конецъ свадебной ночи.

Вѣтеръ, едва дувшій въ началѣ ночи, все усп-ливался; безмолвная тишина замѣнилась шеле-стомъ листьевъ и трескомъ тяжело-нагруженныхъ судовъ, стоявшихъ на якорѣ передъ мостомъ. Собиралась гроза.

Въ маленькой комнатѣ Мориса все было ти-хо, только окно скрипѣло, колымаемое вѣтромъ. Было два съ половиною часа утра. Молодые лю-ди лежали на постели, какъ бы погруженные въ сонъ. Вдругъ одна изъ неподвижныхъ фигуръ за-шевелилась. Это была Сесиль. Она приподнялась, провела рукою по лбу, отбросила назадъ свои чудные черные волосы и окинула комнату блуж-дающими, удивленными взорами. Голова ея бы-ла тяжела, мысли путались. Она ничего не по-нимала. Гдѣ она? Не видитъ-ли она сонъ. Она хотѣла встать; случайно ея рука до-трогнулась до тѣла Мориса, который лежалъ ря-домъ съ нею. При этомъ холодномъ прикоснове-ніи, она хотѣла вскрикнуть, но голосъ ея за-меръ. Она схватилась за голову обѣими рука-ми. Вдругъ глухой стонъ вырвался изъ ея груди. Она вспомнила... Отчего она была жива? Что случилось? Неужели Морисъ обманулъ ее? Не-ужели вмѣсто яда онъ далъ ей только опьяняю-щего напитка? Это было бы слишкомъ ужасно! Она нагнулась къ своему возлюбленному и громко воскликнула:

— Морисъ! Морисъ!

Онъ не шевелился. Она взяла его за голову; кожа была холодная и отъ нея вѣяло смертью. Она задрожала всѣмъ тѣломъ, но старалась при-поднять его. Онъ упалъ, какъ безчувственный трупъ. Она вскрикнула отъ ужаса! Морисъ умеръ, а она жива!

Да, она была жива и ея почти обнаженное, лихорадочно пылавшее тѣло чувствовало при малѣйшемъ движеніи холодъ смерти.

Она сдѣлала надъ собой страшное усиліе и со-скочила съ постели съ распущенными волосами, обезумѣвъ отъ горя и отчаянія. Она бросилась на колѣни передъ кроватью и, схвативъ голову Мориса, покрывала ее поцѣлуями.

— Морисъ! лепетала она, — ты не умеръ! от-вѣчай мнѣ! Ты не обманулъ меня, ты не умеръ одинъ! Морисъ, умоляю тебя, проснись!

И слезы ручьемъ катились изъ ея глазъ.

— Боже мой! Боже мой! продолжала она, —

какая я проклятая! Боже, Ты берешь у меня единственнаго человѣка, котораго я любила, а меня оставляешь. Я не могу жить безъ него! Морисъ, мой мужъ, ты не умрешь одинъ. Я дол-жна, я хочу умереть.

Она припала своими губами къ поледенѣвшимъ губамъ молодого человѣка, какъ бы надѣясь вдохнуть въ себя смерть. Потомъ она вскочила и бросилась къ столу съ дикимъ воплемъ:

— Я хочу, хочу умереть!

Она схватила бутылку, но бутылка была пу-ста. Она стала пекать глазами ножа и поспѣшно обнажила свою юную, роскошную грудь! Но ни-какого орудія не было подъ рукою. Окно было отворено. Она подбѣжала къ нему. Оно выходи-ло въ садъ и выпрыгнуть изъ него не значило еще встрѣтить вѣрную смерть. Свѣжій вѣтеръ заставилъ ее вздрогнуть; увидавъ себя полуоб-наженной она отскочила; дѣвичья стыдливость сказала въ ней и она поспѣшно одѣлась. По-томъ она снова возвратилась къ бездыханному трупу своего возлюбленнаго.

— Морисъ! сказала она, — я теперь твоя же-на... Подожди, я послѣдую за тобою, мужъ мой!

Занавѣси кровати развѣвались отъ вѣтра; она положила тѣло Мориса среди постели, подняла занавѣси и хотѣла затворить окно. Вдругъ сви-стокъ паровой машины заставилъ ее посмотрѣть въ окно. Она увидала въ сотнѣ шагахъ, среди тумана, буксирный пароходъ и радостно вскрик-нула. Она вспомнила, что Сена протекаетъ въ очень близкомъ разстояніи и вѣрная смерть на-ходится въ ея распоряженіи. Въ этотъ ранній часъ мостъ и набережныя всегда бывають пусты. Сесиль закрыла окно и, подойдя къ тѣлу Мо-риса, прошептала:

— Я иду къ тебѣ мой милый! Наши души вскорѣ встрѣтятся... До свиданія!

Она еще разъ поцѣловала его, вышла изъ комнаты и поспѣшно спустилась съ лѣстницы. Очувшившись на улицѣ, она зашаталась и должна была прислониться къ воротамъ. Ядъ еще рабо-талъ въ ней, ей казалось, что она падаетъ, смертельный холодъ пробѣгалъ по всему ея тѣ-лу; она закрыла глаза. Но это продолжалось не болѣе минуты. Потомъ она подняла голову и по-смотрѣла по сторонамъ. Улица, набережныя и мостъ были пусты.

Старинный кварталъ Рапэ мало походитъ на часть оживленнаго Парижа, особенно въ такую глухую пору; легко было подумать, что нахо-дишься въ какомъ нибудь селеніи на берегу большой рѣки. Гроза миновала, вѣтеръ спалъ, и общая тишина только нарушалась шумомъ ко-лесъ буксирнаго парохода. Сѣрый туманъ засти-лалъ весь городъ. На горизонтѣ еще только свѣтилась небольшая, голубоватая линія. На противоположномъ берегу, совершенно скрытомъ въ туманѣ, слышны были по временамъ стукъ подковъ, скрипъ телегъ, и брань возницъ.

Очувшись изъ своего минутнаго забытья, и радуясь, что туманъ поможетъ ей достигнуть своей цѣли, она перешла улицу и побѣжала по берегу къ водѣ.

— Нѣтъ, здѣсь слишкомъ неудобно, прошеп-тала она; — теченіе можетъ тотчасъ же прибить меня обратно къ берегу, если я стану барах-таться.

Она пошла къ Аустерлицкому мосту и оста-новилась по самой срединѣ его. Вотъ лучшее мѣ-сто. Въ туманѣ едва видѣлась вода и никого не было вокругъ, насколько видѣлъ глазъ. Она осторожно перелѣзла черезъ перила, опираясь юбки и, стоя уже на краю бездны, обернулась, чтобъ бросить послѣдній взглядъ въ ту сторону, гдѣ еще недавно отпраздновала она свою свадьбу.

— Мой милый! прошептала она съ улыбкой, — я пришла, вотъ я!

И, закрывъ лицо руками, она соскользнула въ

бездну, безъ крика, безъ стопа. Послышался плескъ воды, туманъ нѣсколько разсѣялся и безчисленные круги побѣжали по гладкой по-верхности рѣки въ томъ мѣстѣ, гдѣ исчезла не-счастливая молодая дѣвушка.

Какъ будто день и жизнь ждали только этой минуты для своего появленія. Вдругъ все ожи-вилось, птицы запѣли, пѣтухи огласили воздухъ своимъ хриплымъ голосомъ. Мало по малу, Сена выступила изъ тумана. Небо, земля, вода стали видѣваться на сѣромъ фонѣ. Наконецъ, на гори-зонтѣ показалось и солнце.

На противоположномъ берегу раздался крикъ. Со всѣхъ сторонъ, изъ кабачковъ, съ судовъ сбѣжались люди на мостъ; другіе спѣшили въ лодкахъ на средину рѣки. Поднялся шумъ, су-матуха. Слышались крики:

— Тамъ, тамъ подъ третьей аркой?

Съ одного изъ судовъ бросился въ воду ка-кой-то человѣкъ и быстро поплылъ къ указан-ному мѣсту.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Фельетонные наброски А. Нѣто.

I.

Герои и работники.

— Мы сумѣли пережить страшное время войны, такъ чего же намъ опасаться за ходъ дѣлъ въ мирное время!

Такъ разсуждаетъ большинство. Но едва ли оно право...

При мнѣ недавно горѣла одна деревня. Это была страшная картина. Въ темнотѣ ночи, то тутъ, то тамъ показывались красные языки пла-мени; они злобно охватывали почернѣвшія избы; слышался страшный трескъ горящаго дерева; ржанье испуганныхъ лошадей и жалобное мы-чанье коровъ оглашали воздухъ; проносились крики вполосившагося народа и темныя тѣни растерявшихся людей безпомощно и безцѣльно сновали въ потьмахъ. Все это возбуждало первы, волновало кровь, подталкивало сдѣлать что-то для спасенія ближнихъ. Вдругъ, среди этого хаоса звуковъ отчетливо пронесся страшный вопль:

— Отцы родные, спасите!

Какая-то женщина забыла своего ребенка въ избѣ, уже обхваченной пламенемъ, и голосила. Къ ней бросилось нѣсколько человѣкъ съ распро-сами. Въ ту же минуту отъ толпы отдѣлился какой-то молодой парень, тщедушный и замо-реный на видъ, и бросился въ пламя спасать забытаго ребенка.

— Ой, сгоритъ!.. Ну, живъ не выйдетъ!.. Гдѣ

ужь изъ этого пекла живымъ выйти! говорили голоса въ смущенной толпѣ.

Но парень не сгорѣлъ, вышелъ изъ огня съ мальчуганомъ.

— Ай да Митрій!.. Ну, молодецъ!.. Доброе дѣло сдѣлалъ!.. Это тебѣ Богъ зачтетъ! послышалось въ толпѣ.

Мать повалилась въ ноги спасителю ея ребенка. Даже самъ господинъ исправникъ одобрилъ поступокъ парня и, потрепавъ по плечу героя, общалъ выхлопотать ему медаль...

Этому парню было лѣтъ двадцать пять. Съ пятнадцатилѣтняго возраста онъ остался старшимъ мужикомъ въ семьѣ. У него была мать, у него были малолѣтнія сестры. Ему приходилось кормить семью. Онъ работалъ на фабрикѣ. Ежедневная работа на фабрикѣ поглощала болѣе двѣнадцати часовъ въ сутки. Юношѣ нужно было работать неустанно, не пьянствуя, не гуляя, чтобы принести хоть какую-нибудь пользу своей семьѣ. У него хватило силъ на это: онъ сумѣлъ сдѣлаться лучшимъ работникомъ въ мастерской и сумѣлъ спасти свою семью отъ полной нищеты и разоренія. Втеченіи десяти лѣтъ онъ потерялъ на фабрикѣ все свои силы, все свое здоровье, получая въ сущности очень мало за работу, едва сводя концы съ концами, и спасъ семью. Вѣчно занятый тяжелою работою, немѣлющий ни желанія, ни средствъ, ни времени веселиться, сторонящийся отъ разгульной толпы, онъ былъ въ эти десять лѣтъ словно вычеркнутъ изъ списка живыхъ, былъ словно забытъ и, конечно, ни у кого не являлось заботливыхъ вопросовъ о томъ, выйдетъ-ли онъ живымъ сегодня или завтра изъ «пекла», называемаго мастерской, фабрикой, заводомъ. Медали ему за это никто не выхлопывалъ...

Призадумайтесь надъ этимъ явленіемъ и спросите себя, на что хватило бы васъ скорѣе: на минутный геройскій подвигъ этого парня, или на его долготѣннй неустанный трудъ? Я думаю, вы согласитесь, что вамъ было бы легче въ минуту душевнаго порыва броситься въ горящую избу и спасти ребенка, чѣмъ изо дня въ день, втеченіи десяти лѣтъ, не зная ни отдыха, ни радостей, проводить по двѣнадцати часовъ на фабрикѣ за тяжелой, неблагодарной, незамѣтной для постороннихъ глазъ работой.

Героевъ создаютъ минуты; выдержанные характеры труженниковъ создаются вѣками. Герои нужны только въ экстренныхъ случаяхъ; выдержанные характеры нужны всегда. Войну можно пережить съ однимъ героизмомъ; для мирнаго времени одного героизма очень недостаточно и тутъ нужны выдержанные характеры труженниковъ, работниковъ. Вотъ почему мы думаемъ, что далеко не правы люди, говорящіе намъ:

— Мы сумѣли пережить трудное время войны, такъ чего же опасаться намъ за ходъ дѣла въ мирное время?

Теперь все говорятъ о томъ, что намъ надо сдѣлать... Намъ надо поднять упавшій кредитъ, намъ надо развить національную промышленность, намъ надо расширить народное образованіе, намъ надо улучшить и умножить пути сообщенія, намъ надо... да мало-ли что еще намъ надо! Когда читаешь теперь газеты — голова идетъ кругомъ отъ той массы работы, которую нужно совершить нашему обществу, чтобы двинуться впередъ, чтобы загладить старые промахи. Чтобы все это сдѣлать, нужно работать честно, неустанно, неуклонно, не входя ни въ какія сдѣлки съ своею совѣстью, заботясь только объ общественной пользѣ, не помышляя о личной наживѣ и даже не ожидая, что кто-нибудь похлопочетъ о выдачѣ намъ за эту работу медали. Для такой работы нужны не просто увлекающіеся люди, способные на геройскіе подвиги, а чест-

ные работники съ выработанными характерами.

Много-ли у насъ этихъ характеровъ?

Послѣднее время было временемъ войны. Но рядомъ съ военными дѣйствіями продолжалась и мирная работа, — она была въ застоѣ, но все-таки продолжалась. Что же мы видѣли въ это время? Тамъ, на полѣ сраженій, выдвигались подвиги Шестаковыхъ, Дубасовыхъ, Гурко, Скобелевыхъ, Радецкихъ, Куропаткиныхъ, Барановыхъ, баронесъ Вревскихъ и тѣхъ сотенъ и сотенъ офицеровъ и солдатъ — имена ихъ, Господи, ты вѣси, — которые пали на Шинкѣ, подъ Плевной, на Зеленыхъ Горахъ, подъ Горнымъ Дубнякомъ. Здѣсь, въ сферѣ мирной дѣятельности, выдвинулись подвиги Овсянниковыхъ, Варшавскихъ, Поляковыхъ, Львовыхъ, Горвицевъ, Грегоровъ, Когановъ, Юханцевыхъ, Гулакъ-Артемовскихъ, директоровъ Московскаго банка, и тѣхъ сотенъ и сотенъ червонныхъ валоетовъ всехъ мастей и краповъ — имена ихъ, Господи, ты вѣси, — которые грабили, растрчивали, надували en gros et en détail и въ частной жизни, и въ общественныхъ учрежденіяхъ, и въ интеллигентствѣ, и въ банкахъ, и на родинѣ, и на поляхъ сраженій. Что же это такое: двѣ категоріи людей русскихъ, два совершенно отдѣльные лагеря русскихъ? Неужели война привлекла къ себѣ все лучшее, все честное и оставила мирной дѣятельности все худшее, все негодное? Конечно, нѣтъ. Все дѣло въ томъ, что у насъ можетъ не быть недостатка въ герояхъ, но у насъ покуда замѣчается положительный недостатокъ въ честныхъ труженникахъ съ выдержанными характерами. Мы нисколько не сомнѣваемся, что г. Юханцевъ — увлекающаяся натура, джентльменъ, страстный охотникъ, — былъ бы способенъ сдѣлать геройскій подвигъ, но мы глубоко сомнѣваемся, чтобы каждый герой неуклонно, неусыпно и честно исполнилъ непрѣмннѣе всѣ обязанности кассира Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, стоя въ той средѣ, въ той обстановкѣ и при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ стоялъ г. Юханцевъ. Вотъ почему насъ нисколько не удивляетъ характерная фраза одного изъ нашихъ храбрыхъ героевъ, замѣтившаго однажды въ своемъ кружкѣ:

— Я, право, не понимаю смысла въ мирномъ времени!

Дѣйствительно, что такое будетъ представлять собою онъ въ мирное время: онъ любитъ сраженія, рѣзню, драку; онъ воодушевляется въ бою; его охлещаютъ эти кровавыя свалки человечества; его самолюбіе, его тщеславіе удовлетворяются военною славою, орденами, побѣдами; а въ мирное время ему-ли съ страстнымъ темпераментомъ, съ капризнымъ нравомъ, съ безмѣрной суетностью, съ избалованностью женщины-кокетки тянуть одну и ту же лямку скучнаго будничнаго труда, поглощающаго все время, все вниманіе и не придающаго никакого блеска труженнику?

Все это серьезнѣе, чѣмъ думаетъ большинство, тѣмъ болѣе, что герои создаютъ случайныя событія, а выдержанные характеры труженниковъ воспитываются постоянно ихъ обстановкою, ихъ средою, окружающими ихъ людьми. Человѣкъ тонетъ и какой-нибудь прохожій, можетъ быть, воръ и карманникъ по профессіи, подъ вліяніемъ минутнаго нервнаго потрясенія, бросается за тонущимъ въ воду и спасаетъ его, рискуя своею жизнью. Случайное событіе побудило его сдѣлать геройскій подвигъ. Но плохо воспитанный семьей и обществомъ, низкій по нравственнымъ качествамъ человѣкъ никогда не превратится вдругъ въ честнаго труженника, съ выдержаннымъ характеромъ, видя, что его родина нуждается именно въ такихъ людяхъ. Такимъ образомъ, если мы нуждаемся въ подоб-

ныхъ труженникахъ, то на насъ, на семью, на общество лежитъ обязанность воспитать ихъ. Сами собою они не создадутся, какъ бы ни нуждались въ нихъ родина.

Родина — это великое слово. Но многие-ли вполне понимаютъ значеніе любви къ родинѣ?

У насъ часто смѣются надъ патріотами, называя ихъ квасными патріотами, русофилами, русофетами. Можетъ быть, эти люди и дѣйствительно смѣшны, но только потому, что они, въ сущности не будучи патріотами, рядятся въ чужую одежду. Осель, нарядившись въ шкуру льва, былъ, конечно, очень смѣшонъ, особенно потому, что онъ не могъ скрыть подъ царственной гривой своихъ длинныхъ ушей. Надъ истиннымъ патріотизмомъ глумиться невозможно. Никто не глумился надъ тѣмъ, что мясникъ Мининъ когда-то произносилъ пламенные патріотическія рѣчи въ Нижнемъ-Новгородѣ; но для рѣчей откушника и участника въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, г. Кокорева, нашлось надлежащее мѣсто только въ «Свистѣ». Сколько глумленій вызывали слащавыя патріотическія разсужденія Шевырева и Погодина о томъ, что русскій мужичокъ просто-душенъ, что летаетъ около него птица, а онъ ее не бьетъ, что плаваетъ около него рыба, а онъ ее не ловитъ, что не нужно русскому человѣку никакихъ счетовъ и отчетовъ, а нужно ему вести дѣло «по душѣ»; но кто же глумился въ Германіи, когда зимою въ 1807—1808 годахъ, старикъ Фихте произносилъ свои рѣчи къ нѣмецкой націи, указывая на то, что понизившаяся нѣмецкая народность можетъ быть восстановлена только при помощи совѣтъ новаго воспитанія, которое вырветъ зло съ корнемъ, и при помощи духа единодушія и принесенія въ жертву отечеству своихъ личныхъ интересовъ? Отъ патріотизма Кокоревыхъ, Шевыревыхъ и Погодиныхъ никому ни тепло, ни холодно и за нимъ; какъ за всякимъ пустозвоннымъ фразерствомъ, могутъ скрываться самыя жалкія нравственныя ничтожества; патріотизмъ Мининскихъ и Фихте имѣетъ глубокое значеніе для общества и нужно заботиться, чтобы онъ проявлялся не въ единичныхъ личностяхъ, а воспитывать его въ массѣ, такъ какъ только при этомъ условіи общество можетъ идти впередъ. Патріотизмъ первыхъ, по большей части, говоритъ, что у нихъ на родинѣ все обстоитъ благополучно, что она самая первая страна въ мірѣ, что въ ея народѣ собраны все доблести; патріотизмъ вторыхъ перфѣдко видитъ на родинѣ все въ мрачныхъ краскахъ, боится за будущность родины, бьетъ тревогу. Патріоты перваго типа въ этомъ отношеніи всегда Фамусовы и имъ все кажется, что «едва-ли другая сыщется столица, какъ Москва»; патріоты второго типа очень часто походятъ на Чацкаго и сознаются, что «въ Москвѣ дома новы, но предрассудки стары». Но первые усыпляютъ родину, вторые будятъ ее. Если мы хотимъ, чтобы мирное время дало плоды, — намъ нужно проснуться и сдѣлаться патріотами въ родѣ Мининскихъ и Фихте. Не будучи такими патріотами, мы будемъ господами Юханцевыми и Варшавскими въ зародышѣ, отличаясь отъ нихъ развѣ только тѣмъ, что у насъ не хватаетъ способностей, не достаетъ умѣнья и не представляется случаевъ украсть два милліона или заключить контрактъ съ погонцами. Средины между честнымъ патріотомъ и человѣкомъ наживы не существуетъ, потому что нельзя же считать средними между ними людьми тѣхъ, которые воруютъ по мелочамъ, а не оптомъ.

Объ этомъ обществу нужно сильно и сильно подумать въ мирное — въ трудное время, когда нужны не минутные геройскіе подвиги, а долговременная выдержка честныхъ характеровъ. Вѣдь не героизмъ же нужно, напимѣръ, для того, чтобы составить проектъ податной реформы, а

только упорное труженничество. Но именно этого качества и не вырабатываютъ въ насъ и вотъ мы видимъ, что проектъ, составившійся семь лѣтъ, основывается на статистическихъ данныхъ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ, а между тѣмъ, тутъ-то именно и нужна была прежде всего новая статистическая работа, такъ какъ старыя статистическія цифры у насъ нигде не годятся: въ Тифлисѣ считали-считали до семидесяти тысячъ населенія, а потомъ вдругъ насчитали сто семьдесятъ тысячъ; въ Кіевѣ тоже насчитывали отъ пятидесяти до семидесяти тысячъ народу, да вдругъ и досчитались до ста тридцати тысячъ; въ Москвѣ все учили цифру въ триста тысячъ жителей, а вышло больше шестисотъ тысячъ; въ самомъ Петербургѣ были внезапно поражены, что въ немъ оказалось противъ старыхъ счетовъ на сотню тысячъ болѣе жителей, а ужъ, кажется, въ Петербургѣ всѣ на счету люди.

Да, мирное время требуетъ большой усидчивости.

Сейчасъ, говоря о патріотахъ въ родѣ Кокоревыхъ, Шевыревыхъ, Погодиныхъ и Фамусовыхъ, я вспомнилъ одинъ подобный типъ, встрѣтившійся мнѣ недавно подъ Москвою.

Мы сидѣли въ вагонѣ второго класса московско-ярославской желѣзной дороги, возвращаясь отъ Троицы-Сергія. Въ наше отдѣленіе передъ самымъ отходомъ поѣзда вошли двѣ личности—какой-то комерсантъ съ подстриженной бородой и въ пѣмецкомъ платьѣ и какой-то гладко выбритый старикъ въ черной чуйкѣ, съ степенной, хотя пѣскольکو слащавой фізіономіей. Оба пассажира уѣхавъ возлѣ нашей компаніи и у нихъ тотчасъ же завязался разговоръ, служившій, по видимому, продолженіемъ уже начатой раньше бесѣды.

— Да-съ, окривѣлъ на одно ухо, со вздохомъ произнесъ старикъ.

— То есть на одинъ глазъ, поправилъ его купецъ.

— Да и другимъ ничего не видитъ, продолжалъ старикъ.

— Ну и старъ, замѣтилъ купецъ.

— Крѣпостью человѣческую жизнь одолѣваетъ, рѣшилъ старикъ.

Наступила короткая пауза.

— Какіе все люди, какіе люди! вздохнулъ старикъ.

— Платона теперь хоть бы взять, Филарета тоже.

— Да вѣдь и этотъ тоже каковъ, замѣтилъ купецъ.

— Какъ же-съ, какъ же-съ! На собакахъ ѣздилъ! благоговѣнно вздохнулъ старикъ.

— Какъ? переспросилъ купецъ.

— На собакахъ-съ, говорю, ѣздилъ, повторилъ старикъ.

— Гм... Да, да, замѣчательные люди! въ умилениіи прошепталъ купецъ.

Поѣздъ тронулся. Наши спутники широко перекрестились.

— Да и благодать же здѣсь, тишина святая, опять заговорилъ старикъ. — Не то что въ другихъ странахъ это моря бушуютъ...

— Да тамъ иногда вѣтеръ-то такой, что дома трясутся, замѣтилъ купецъ.

— По ихней сторонѣ это ураганъ называется, пояснилъ старикъ.

— Такъ, согласился купецъ.

— Извѣстно, море чистымъ покровомъ волнуетъ, разсуждалъ, философствуя, старикъ. — Это не то, что, примѣрно, платокъ полоскать.

Купецъ промолчалъ. По дорогѣ начали мелькать пригорки и холмы.

— И какъ это все здѣсь покрыто зеленью, точно коверъ стелется, произнесъ купецъ. — Благодать! Нѣтъ, тамъ что! Горы, камень да море...

— Изъ трехъ существъ все, степенно согласился старикъ.

— А здѣсь-то, здѣсь-то, — одинъ лѣсъ чего стоитъ! восторженно воскликнулъ купецъ.

— Въ Травенльваніи такихъ лѣсовъ и подъ Селестріей тоже, замѣтилъ старикъ.

Помолчали опять.

— Да вотъ хоть бы Соколыники взять, проговорилъ старикъ. — Одинъ рукавъ отъ соколыничкихъ лѣсовъ вплоть до Архангельска тянется. Это такъ и инженеры замѣчаютъ.

— Вишь ты! съ удивленіемъ покачалъ головою купецъ.

Помолчали снова.

— Въ военной служилъ-то? спросилъ купецъ.

— Я даже Кошута забиралъ-съ, пояснилъ старикъ.

— А!.. Чтожъ, молодой онъ былъ? полюбобытствовалъ купецъ.

— Все равно какъ теперь посмотрѣть на Гильденштубе, пояснилъ старикъ. — Такого же словенія и роста и примѣтъ, съ просьбью... Безъ насъ ничего бы и не подѣлалъ.

Еще помолчали. Старикъ заговорилъ первый.

— Императоръ Николай Павловичъ изволилъ сказать: «всѣхъ васъ покорилъ я, всѣхъ васъ покорилъ я и австріяку теперь отдамъ на порученіе...»

— Да, безъ насъ не одобровать бы, все мы, все мы, рѣшилъ купецъ.

— А австріякъ и теперь благодарить—въ затылокъ намъ, съ ироніей произнесъ старикъ.

— Мы-то по душѣ, а къ намъ-то съ кознью, вздохнулъ купецъ.

Въ этомъ духѣ шелъ весь разговоръ: у насъ оказывалось все на столько хорошимъ, что другимъ народамъ всего этого и во снѣ не спилось. Это были чистѣйшіе патріоты, что, впрочемъ, не мѣшало имъ обоимъ, какъ я узналъ послѣ, нажить на казенныхъ подрядкахъ, обещивать работающій людъ, устраивать злостныя банкротства и нажить на счетъ любимой ими родины и ея народа крупные капиталы.

Когда я говорю о любви къ родинѣ, мнѣ всегда вспоминается моя старая служанка. У нея былъ сынъ. У него была большая квадратная голова, выдающійся, какъ барабанъ, животъ и кривыя ноги. Она любила его горячо и искренно. Однажды онъ полетѣлъ со стола. Она вскрикнула и бросилась къ нему.

— Подлецъ! Разбойникъ! Вѣдь убиться бы могъ! закричала она и начала съ ожесточеніемъ его шлепать по чему попало.

Въ другой разъ я зашелъ въ кухню, когда рубили капусту, «Головастика», какъ мы называли мальчугана, стоялъ чинно около матери, придерживая спереди подолъ рубашки, куда мать очень серьезно опускала кочерыжку за кочерыжкой, тщательно вычищая и обрѣзая.

— Что это вы ему даете? спросилъ я.

— Пусть полакомится, все равно выбрасывать пужно, отвѣтила она.

— Да вѣдь онъ захворать отъ этого можетъ? замѣтилъ я.

— И я, что вы, батюшка, не хворають же другія дѣти отъ ѣды, отвѣтила она.

Я не могъ втолковать ей ничего; она стояла на одномъ: «ужъ что же это за мать, которой и кочерыжки-то жалъ для своего дѣтища».

Головастикъ захворалъ: обѣлся какой-то дрянью, — кажется, фунтомъ мятныхъ пряниковъ, и захворалъ. Начали мы его лечить и лечение шло довольно успѣшно, опасность почти миновала и мы перестали беспокоиться за его жизнь. Вдругъ однажды утромъ служанка вбѣгаетъ къ намъ въ комнату съ воплемъ:

— Умираетъ, умираетъ мой сердечный! Сейчасъ Богу душеньку отдать!

Мы побѣжали въ кухню, призвали опять доктора, но Головастикъ уже не поправился и отдалъ Богу душу. Начались распросы: какъ, почему, что повліяло? Отвѣта мы не могли добиться, да и совѣстно было приставать съ вопросами къ матери, которая словно обезумѣла отъ горя. На другой день, когда къ ней собрались ея товарищи, она немного поуспокоилась и начала имъ разсказывать, должно быть, уже въ сотый разъ исторію болѣзни своего сына.

— И поправляться началъ родной мой, читала она, — и глазки такіе веселенькіе сдѣлались, ну думала: вотъ встанетъ мой соколъ ясный, а вотъ онъ, голубчикъ мой, въ гробикѣ лежитъ теперь... ни словечка мнѣ, горемычной, не скажетъ... И блипочка-то второго не доѣлъ... съѣлъ это одинъ блипочекъ, «дай, говоритъ другой...» Дала я это ему, а онъ только на половину оглодалъ его, да и поспилъ и кончатся началъ...

Я такъ и остолбенѣлъ: масляница, видите-ли, была, такъ любящая мать не могла оставить безъ гречневыхъ блиновъ своего непамятного сына!..

Когда «Головастика» похоронили, его мать затосковала, затосковала и, наконецъ, попросила у насъ разсчитать.

— Пойду по святымъ мѣстамъ, говорила она, — что мнѣ такъ-то жить да грѣшнѣ. Не для кого... Душу бы свою теперь только спасти да грѣхъ замоить.

У нея не стало цѣли въ жизни безъ «Головастика».

Давно не видалъ я ее, давно исчезла могилка «Головастика», но мнѣ всегда вспоминается эта мать, когда я слышу о любви. Любовь прекрасное чувство. Но она приноситъ пользу любимому существу только тогда, когда любящій умѣетъ любить.

Любовь къ отчизнѣ можно внушить ребенку, но надо еще его приготовить къ тому, чтобы онъ не любилъ родину, какъ мать «Головастика» любила своего сына.

Эта задача очень трудная. Вы скажете, что Мипина никто не училъ умѣть любить отчизну. Я отвѣчу вамъ на это, что есть люди шестипалые, есть люди трехрукіе. Но вѣдь правило, что люди всегда бываютъ пятипалые и двурукіе, отъ этого не измѣняется. Мипинъ чуткимъ сердцемъ могъ угадать въ минуту опасности, что пужно было кликнуть кличъ обществу на спасеніе родины; но когда прошла военная гроза, никакое чуткое сердце не могло подсказать ему, въ чемъ нуждается родина и какъ удовлетворить ея нужды. Чтобы умѣть любить свою родину, то есть приносить ей пользу, нужна подготовка: если родина нуждается въ развитіи путей сообщенія и промышленности и если у нея есть тысячи самыхъ честныхъ патріотовъ, знающихъ нанзустъ и Виргилія, и Цицерона, и Гомера, то все таки она, при всемъ ихъ патріотизмѣ, можетъ остаться безъ путей сообщенія и безъ фабрикъ, такъ какъ самый великій патріотъ-классикъ не построишь и версты желѣзной дороги и не создастъ и одной фабрики.

На обществѣ лежитъ трудная обязанность подготовить патріотовъ, умѣющихъ быть полезными своею любовью родинѣ.

II.

Жертва знанія.

Мелкій и спорый осенній дождь шелъ, не переставая ни на минуту. На улицахъ стояла непроходимая грязь. Я пробирался по двору одного изъ деревянныхъ домовъ въ захолустномъ переулкѣ Выборгской стороны, направляясь къ лагучѣ дворника.

— Малышевъ дома? спросилъ я, отворяя обитую рогожей дверь.

Въ полутемной кухнѣ кто-то завопилъ и черезъ минуту изъ-за печки вышла растрепанная

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА КРАМСКОГО.

Лѣсникъ.

Рисоваль на деревѣ Дальковичъ. Рѣзалъ по заказу редакціи А. А. Шлипперъ.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА К. П. БРЮЛОВА.

Діана и Ендиміонъ. Рисоваль на деревѣ Борель, рѣзаль А. Шлипперъ.

женщина съ разбитымъ лицомъ, носившимъ ясные слѣды пьянства и разврата.

— Въ больницу свезли, отвѣтила она хриплымъ голосомъ.

— Въ больницу? Въ какую? Когда? торопливо спросилъ я.

— Не знаю я... Свезли, говорятъ, а куда не знаю, отвѣтила она.

Отъ нея пахло виномъ, глаза смотрѣли мутно, она говорила какъ бы въ полуснѣ. Я понялъ, что отъ нея ничего нельзя разузнать и вышелъ изъ душной конуры на воздухъ.

— Вамъ кого? послышался надо мною вопросъ.

Я поднялъ голову и увидалъ лицо какой-то старухи, съ любопытствомъ слѣдившей за мной съ галереи.

— Малышева, молодого человѣка, который здѣсь жилъ, сказалъ я.

— Нашли у кого спрашивать! произнесла старуха.— Они спились съ круга, память пропала, только и знаютъ, что дерутся...

— А вы не знаете, гдѣ онъ? спросилъ я.

— Это студентъ? спросила старуха.

— Да, то есть онъ долженъ былъ поступить въ академію, сказалъ я.

— Въ больницу свезли, въ больницу... Третьяго дня пришелъ домой, да на дворѣ и уналъ... Да что мудренаго захворать, конура-то у нихъ, какъ шадашъ, а тутъ дожди и пьянство это самое...

— Развѣ онъ пилъ? спросилъ я.

— Да не онъ, а они-то, дворникъ-то съ любовницей, пояснила старуха.— Вѣдь онъ разъ такъ на дворѣ и почевалъ... Переѣхать, конечно, надо бы ему было да задолжалъ имъ два рубля...

Мнѣ становилось тяжело слушать. Я перебилъ ее и спросилъ, въ какую больницу отвезли юношу. Она мнѣ сказала. Сначала я удивился, что его свезли не въ клинику; потомъ я вспомнилъ, что онъ сынъ рабочаго, что онъ еще не поступилъ въ академію, не имѣя еще возможности заплатить за себя, что у него не было въ Петербургѣ ни родныхъ, ни знакомыхъ, ни товарищей. Что же мудренаго, что дворникъ отвезъ его въ больницу для чернорабочихъ. Я побрелъ искать бѣдника...

— Когда привезли? Кто такой? Чѣмъ былъ боленъ?

Эти вопросы предложили мнѣ въ больницѣ. Я рассказалъ, что зналъ самъ. Начали рыться въ книгахъ, отыскали наконецъ, дали отвѣтъ:

— Вчера умеръ.

Простая, обыкновенная фраза, которую приходится слышать каждый день. Но меня точно холодной водой обдало. Я какъ-то растерялся, опустил руки, опустил голову и побрелъ изъ больницы. Я не знаю, было-ли мнѣ жаль его или было чего-то стыдно, точно я былъ виноватъ въ его смерти. Но чего же его жалѣть? Прошлое его было горько, настоящее безотраднo, въ будущемъ не было надежды. Чего я могу стыдиться? Вѣдь не я же былъ причиною его нищеты, его смерти. Я шелъ тихо, не замѣчая дождя, а предо мною вставалъ образъ того человѣка, который «вчера умеръ».

Онъ пришелъ ко мнѣ просить работы, какъ приходитъ ко мнѣ множество другихъ юношей, потому что я писатель, котораго имя извѣстно имъ. Я ему сказалъ, что у меня нѣтъ работы, но что я тотчасъ же дамъ ему знать, если работа найдетъ. Это говорится всѣмъ просящимъ работы. Онъ сказалъ мнѣ свой адресъ и хотѣлъ идти. Это было то же въ скверный дождливый день, а на юношѣ была только коломьянковая блуза, гимназическая фуражка и рваные сапоги; на его исхудаломъ серьезномъ лицѣ виднѣлись зловѣщіе красные пятна. Мнѣ стало совѣстно отпустить его такъ сейчасъ, въ эту не-

погоду. Я пригласилъ его остаться поговорить.

— Намъ нужно все-таки немного познакомиться, сказалъ я,— а то какъ же я буду рекомендовать васъ, не зная васъ.

Онъ маялъ свою шапку и конфузился.

— Наслѣжу я у васъ на паркетѣ, тихо проговорилъ онъ.

— Вотъ выдумали! разсмѣялся я и повелъ его къ себѣ въ кабинетъ.

Что-то скверное дѣлалось у меня въ душѣ, точно я устыдился, что у меня въ квартирѣ паркетный полъ.

— Вы изъ Сибири? спросилъ я.

— Да... но изъ не столь отдаленныхъ мѣстъ... изъ Западной, отвѣтилъ онъ и по его лицу скользнула грустная улыбка.

— Вашъ отецъ, началъ я.

— Умеръ отецъ, отвѣчалъ онъ коротко.— На заводѣ былъ рабочимъ.

— И матушка, опять началъ я.

— Матери у меня не было, еще короче отвѣтилъ онъ.

Мы помолчали.

— Меня отецъ въ гимназію отдалъ, потому что ужъ очень способности великія увидали во мнѣ, проговорилъ онъ, прерывая молчаніе.— Самоучкой, видите ли, и грамотѣ выучился и арифметикѣ. Потомъ отецъ умеръ,— рабочіе и мастера сложились и дали возможность кончить курсъ. «Лекаръ свой крѣпостной будетъ», шутили они...

— Вы давно въ Петербургъ пріѣхали? спросилъ я.

— Недѣли три какъ пришелъ, отвѣтилъ онъ и опять усмѣхнулся.— Совсѣмъ глупый я человѣкъ. Пошелъ пѣшкомъ, пристраивался къ обозамъ, все думалъ деньги сберечь, а въ Москвѣ и слегъ. Деньги-то все равно всѣ вышли. Едва хватило дотащиться сюда.

— Работы еще никакой не нашли?

— Нѣтъ, у переплетчика покуда фальцовую ласты. Вчера расчетъ за двѣ недѣли получилъ, шесть рублей пришлось. Еще не привыкъ, а можно больше заработать. Только неподходящая эта работа. Цѣлый день занятъ. Когда же учиться-то? Потому и ищу другой.

— Вы публиковали о себѣ въ газетахъ?

— Нѣтъ. Денегъ на это нѣтъ. Да все равно и не получишь черезъ газеты занятія. Нашего брата много публикуется и безъ меня.

Мы помолчали. Я перемѣнилъ разговоръ и спросилъ его, почему онъ именно выбралъ медицинскую академію въ Петербургѣ. Онъ сказалъ, что въ Петербургѣ все же легче найдти работу, чѣмъ въ Москвѣ. Медикомъ же онъ хочетъ быть потому, что это была его всегдашняя мечта. Онъ нѣсколько оживился и началъ мнѣ доказывать, какъ нуждается рабочее населеніе въ докторяхъ. На его щекахъ выступили еще болѣе яркіе румянецъ, когда онъ заговорилъ о положеніи народа.

— Я вѣдь это все на своей шкурѣ испыталъ, закончилъ онъ свой рассказъ.— Это вѣдь у меня наболѣвшее, а не надуманное.

У меня ронялся въ головѣ мысли, какъ бы помочь ему. Я предложилъ ему ходить ко мнѣ обѣдать.

— То есть какъ это обѣдать? спросилъ онъ, сдвигая брови.

— Да просто ходите ко мнѣ каждый день, пояснилъ я, немного конфузясь.— Расчету мнѣ это не сдѣлаетъ, а вы...

— Ну, это въ моей головѣ не укладывается, проговорилъ онъ.— Голодаю-то не я одинъ, такъ почему же это вы именно меня кормить будете, а не другого? Потому что именно я забѣжалъ къ вамъ, а не другой? Да, впрочемъ, въ этомъ и толку мало. Вы живете на Литейной, я живу на Выборгской, а работаю цѣлый день на Ва-

сильевскомъ острову. Стану ходить къ вамъ обѣдать—у переплетчика не будутъ держать, а безъ его работы покуда нечѣмъ платить за квартиру, не на что чаю купить... Нѣтъ, ужъ если у васъ найдетъ работа, такъ дайте, а иначе...

Онъ вдругъ поднялся съ мѣста и угловато простился со мною.

Я понималъ, что онъ вполне правъ: дѣйствительно, голодаеть не онъ одинъ, такъ почему же именно ему пользоваться моими даровыми обѣдами; въ его глазахъ это только могло имѣть такой видъ, что онъ «забѣжалъ» ко мнѣ, какъ нищій, за подачкой; помочь ему эти обѣды тоже не могли особенно много, такъ какъ бѣгать ежедневно съ Васильевского острова на Литейную обѣдать—это значило потерять работу. Я долго думалъ, какъ бы поделкатіе избавить его хотя отчасти отъ нищеты: очень ужъ онъ понравился мнѣ... Другіе, можетъ быть, нуждаются не менѣе, чѣмъ онъ, но они не производили на меня такого хорошаго впечатлѣнія... Въ моей головѣ вертѣлась мысль: не предложить ли ему переѣхать ко мнѣ? Но переѣдетъ ли онъ? Приметъ ли эту милостыню отъ меня? Можетъ быть, если бы я жилъ самъ по прежнему въ какой-нибудь трущобѣ, если бы я одѣвался по старому плохо, подобно ему, если бы моя нынѣшняя кухарка не готовила «за повара»,—онъ и переѣхалъ бы ко мнѣ дѣлать со мною мой уголъ, дѣлать со мною послѣдній кусокъ хлѣба, а теперь... Между мною и имъ лежала теперь цѣлая пропасть: онъ былъ голодный юноша, пробивающій себѣ дорогу; я былъ сытый писатель, уже пробившій себѣ путь.

— Ишь вѣдь наслѣдять всегда какъ! Хотѣли бы на лѣстницѣ вытирали ноги, а то только паркетъ да коверъ испакостятъ вѣчно! раздалось за моею спиною.

Я обернулся и увидалъ свою служанку, подтирающую тряпкою слѣды, оставленные Малышевымъ.

— Не нужно, не нужно! Убирайтесь вы со своею чистоплотностью! раздражительно крикнулъ я на нее и опустился на кресло у своего письменнаго стола.

На что это все, на что эти бронзовые подсвѣчники, эти бронзовые пепельницы, эта пятидесятирублевая лампа, эти портреты писателей въ дорогихъ рамахъ, эти книги въ роскошныхъ переплетахъ? Рядомъ молодые, полные надеждъ люди голодаютъ, какъ когда-то голодалъ и я самъ, а я стремлюсь къ изяществу своей обстановки, къ комфорту въ своемъ жилищѣ! Да нѣтъ, хуже всего то, что я даже и не стремлюсь къ этому, а такъ какъ-то прорываюсь и трачу деньги на эту мишуру, которая покажется смѣшной богачамъ и которая, въ то же время, отпугиваетъ отъ меня бѣдняковъ. Мнѣ вспомнилось даже, что разъ моя служанка говорила, что швейцаръ на нашемъ подъѣздѣ ворчитъ: «шупера къ вамъ разная ходитъ, ковры на лѣстницѣ пачкаетъ!» На душѣ моей поднялось какое то тяжелое, скверное чувство горечи за свою безхарактерность, за свою мелочность,—то чувство, которое, вѣроятно, поднималось въ душѣ могучаго поэта, когда онъ говорилъ:

Отъ ликующихъ, праздно-болтающихъ,
Обагрившихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви...

Я сталъ придумывать, какъ бы помочь Малышеву такъ, чтобы онъ не подумалъ, что я даю ему Христа ради. Я рѣшился дать ему дѣлать выписки изъ книгъ по женскому вопросу, сказавъ ему, что эти выписки нужны мнѣ для статьи. Черезъ два дня я пошелъ къ нему, въ его конуру. Онъ жилъ въ дворницкой, въ одной комнатѣ съ дворникомъ и его любовницей. Онъ смутился, увидавъ меня, и торопливо схватился за фуражку.

— Вамъ неудобно здѣсь говорить. Лучше переговоримте на улицѣ, сказалъ онъ.

Мнѣ неудобно говорить въ этой конурѣ! А каково ему жить въ ней?

Мы вышли; я передалъ ему, что было надо о работѣ.

— Вамъ не нужно-ли впередъ денегъ? спросилъ я.

— Что? переспросилъ онъ, наклоняясь въ мою сторону и тотчасъ же прибавилъ. — Вы меня извините, я немного не дослышу. Уши что-то заложило; шумъ въ головѣ...

— Вы бы поговорили съ докторомъ, посоветывалъ я.

— Лечиться?.. это при деньгахъ хорошо, сказалъ онъ. — Тутъ не вылечишься, когда и сыро и холодно... Ну, да это пустяки... Такъ вы думаете, что работы будетъ рублей на пятнадцать, на двадцать въ мѣсяцъ? Значитъ переплетную можно по боку? Чтожъ, это хорошо...

Онъ немного оживился.

— А въ деньги-то возьмите впередъ. Вѣдь нужны? сказалъ я.

— Нѣтъ, не нужны! шутливо засмѣялся онъ и совсѣмъ весело прибавилъ: — Знаете, я еще вчера думалъ, до чего же это я дойду?.. Сапоги каши просятъ, панталоны съ ногъ валяются, блуза, какъ въ сажѣ, а переѣхаться нечѣмъ...

— Вамъ надо переѣхать съ квартиры, сказалъ я.

— Что вы! Покуда обмундироваться надо, чтобы не пришлось гулять въ костюмѣ Адама...

— Да вы возьмите у меня побольше впередъ.

— А потомъ?.. Нѣтъ, ужъ вы лучше дайте мнѣ рублей пятнадцать. Ихъ я отработаю въ мѣсяцъ? Да?

— Отработаете... даже больше отработаете...

— Ну, посмотримъ...

Я далъ ему денегъ, пригласилъ его идти со мною, чтобы взять книги, изъ которыхъ нужно дѣлать выписки.

— Вотъ мнѣ счастье, наивно замѣтилъ онъ.

— А что?

— Да какъ же: пришелъ сюда — у переплетчика досталъ мѣсто; къ вамъ толкнулся — работу даете. Другіе-то ходятъ, ходятъ и ничего нѣтъ. Только тѣмъ и живутъ, что товарищи дадутъ. Вѣдь тоже внести въ академію нужно: стипендій на первомъ курсѣ нѣтъ почти. То же вотъ толкуютъ, зачѣмъ голь перекатная идетъ въ студенты. Да вѣдь подошли бы всѣ, если бы эта голь не шла изучать медицину. Только изъ нея и выходятъ доктора, а сами знаете, какой у насъ недочетъ въ докторсахъ вообще. Съ какой стати это богачи да матушкины сынки въ медику пойдутъ, въ крови пачкаться, зараженнымъ воздухомъ дышать, всю жизнь съ больными безъ отдыха возиться? Нѣтъ, безъ голи тутъ не обойдется государство. Да вотъ я теперь, если мнѣ удастся кончить курсъ, — я вѣдь впередъ знаю, что я могу въ своемъ краѣ принести пользу. Туда, въ глушь-то нашу, бѣлоручка не поѣдетъ, да и бѣднякъ-то не всякій рѣшится ѣхать. Мнѣ-то, конечно, тамъ хорошо будетъ, каждый кочегаръ — воспитатель... Знаете, по гривенникамъ да по пятачкамъ собирали, чтобы поднять меня на ноги...

Онъ улыбнулся ясной улыбкой ребенка, вспоминая о ласкахъ матери.

— Ну, вотъ вамъ и надо не отказываться отъ помощи, началъ я.

— То есть отъ какой это помощи? спросилъ онъ и снова по его лицу пробѣжала тѣнь. — Это отъ благотворительности-то?.. Видите ли, что я вамъ скажу: если бы мы съ вами были старые знакомые, такъ я бы, можетъ быть, и самъ пришелъ къ вамъ съ просьбой помочь мнѣ теперь съ тѣмъ, что я отдамъ вамъ послѣ. А такъ-то... я

къ вамъ съ вѣтра пришелъ, вы меня не знаете, можетъ быть, я мазурикъ просто...

— Ну, мазурики не таковы...

— Э, всякіе бываютъ!.. Такъ вотъ оно и приметъ такой видъ, что я, ловкій человѣкъ, забѣжалъ къ доброму барину, чтобы эксплуатировать его и, можетъ быть, отнять грошъ у другого мнѣ ловакаго бѣдняка, котораго онъ хорошо знаетъ и которому онъ могъ бы помочь, если бы не забѣжалъ къ нему я... Да вотъ я вамъ что скажу короче: если бы вы себя вообразили въ моей шкурѣ, такъ вы то же бы сдѣлали, или...

Онъ вдругъ оборвалъ рѣчь.

— Что же «или»? Договаривайте, сказалъ я.

— Да то, что прохвосты выходятъ изъ тѣхъ-то, которые на чужихъ хлѣбахъ въ наши годы, не красивъ, сидятъ, рѣзко окончилъ онъ.

Мы дошли до дому, онъ взялъ работу и даже расшутился, острилъ на счетъ того, что онъ сегодня пиръ у себя устроитъ: перепишкѣ за чаемъ будетъ заниматься, закусывая колбасой. Серьезность много испытавшаго бѣдняка и школьничество вчерашняго гимназиста составляли въ немъ прелестную смѣсь.

— А обѣдать все-таки не будете ходить ко мнѣ? спросилъ я.

— Ну, швейцаръ еще совсѣмъ заругается, разсмѣялся онъ.

— Швейцаръ? спросилъ я.

— Нѣтъ, оно точно, я прошлый разъ не обтеръ ногъ, серьезно сказалъ онъ. — Грязища была, ну, а сапоги-то воды набрали. Тоже я знаю, что это неприятно, когда полы да ковры пачкаешь... Ему же подтирать приходится...

Черезъ два дня онъ принесъ мнѣ переписку. Я далъ ему еще работы и спросилъ, не нужно ли ему еще денегъ.

— Нѣтъ, что же забираться впередъ... еще умру, пожалуй, сказалъ онъ.

— Ну, вотъ выдумали, замѣтилъ я шутливо, хотя мнѣ бросилась въ глаза какая-то переѣмна въ его лицѣ. — Вамъ нездоровится?

— Да такъ что-то сегодня не по себѣ, отвѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, васъ надо насильно перевезти на другую квартиру, сказалъ я.

Онъ нервно смялъ въ рукахъ фуражку и глянулъ въ сторону.

— Вотъ что, заговорилъ онъ глухимъ, словно не своимъ голосомъ. — Я, если хуже станетъ, пойду въ больницу; вылечусь тамъ, потомъ... видите ли что... я, право, не изъ тѣхъ, которые попрошайничаютъ, но вы меня устройте потомъ какъ нибудь, какъ нишатаго... Я вчера думалъ долго... не спалось, знаете, худо вдругъ сдѣлалось... ну и пришелъ къ выводу, что надо протянуть руку за подачкой, чтобы не поколѣть... То же, что за польза, если поколѣю? А то поможете мнѣ, добьюсь чего-нибудь, расплачусь...

— Такъ зачѣмъ же откладывать, заговорилъ я, обрадовавшись его согласію принять мою помощь.

— Нѣтъ, теперь надо подождать: или мнѣ станетъ дѣя черезъ три лучше или я пойду въ больницу и тамъ вылечусь, тогда и поговоримъ... а то теперь, — онъ усмѣхнулся печальною улыбкою, — затрачивать деньги будете на издыхающаго; умру, такъ, какъ отъ козла, не будетъ ни шерсти, ни молока.

— Право, послушайте моего совѣта и теперь же...

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ онъ. — Черезъ три дня я забреду къ вамъ, тогда увидимъ, что дѣлать: можетъ быть, болѣзнь моя пустяки, въ два, три дня сама пройдетъ, а можетъ быть, это ужъ смерть...

Онъ ушелъ...

Остальное я уже рассказавъ вамъ...

Все мое знакомство съ нимъ, всѣ мелочныя

подробности нашихъ встрѣчъ, всѣ наши разговоры прошли передо мной теперь быстро, какъ прохлѣвать въ нашемъ воображеніи сцены и событія во снѣ. Мнѣ было тяжело, горько, больно, точно я потерялъ брата, противъ котораго я въ чемъ-то виноватъ. У меня навертывались на глаза слезы. Наконецъ, я очнулся, вспомнивъ, что онъ еще не похороненъ. Я повернулъ назадъ.

— Гдѣ мертвецкая?

Мнѣ указали дорогу къ мертвецкой.

— Вамъ кого? спросилъ сторожъ.

— Малышевъ тутъ умеръ... молодой такой...

Сторожъ ввелъ меня въ полутемную комнату, пропитанную тяжелымъ запахомъ разлагающихся человѣческихъ труповъ. На грязныхъ, черныхъ скамьяхъ, прикрытые простынями, лежали длинные, остывшіе, посинѣвшіе трупы людей. То тутъ, то тамъ виднѣлись голыя, бѣлыя, костлявыя ноги. Я не боюсь покойниковъ, но мнѣ было какъ-то жутко смотрѣть на эти неподвижныя, исхудалыя лица, съ полуоткрытыми, мутными, стеклянными глазами...

Вотъ и онъ: худой, высокій, блѣдный, со впалыми щеками, съ длинными, темными рѣсницами, съ густыми, вьющимися волосами, съ серьезнымъ и строгимъ выраженіемъ на безмятежно-спокойномъ лицѣ. Сколько грѣзъ, сколько надеждъ, сколько плановъ роилось въ этой головѣ съ той минуты, когда люди, увидавъ, что мальчикъ самъ выучился и грамотѣ и арифметикѣ, сказали: «ишь Митька-то — голова парень!» Какая неутомимая жажда знанія явилась въ этой головѣ, когда юноша началъ принимать пятаки и гривенники простого добраго люда и сталъ все яснѣе и яснѣе сознать, какую пользу можетъ онъ принести этому люду, какъ можетъ отплатить этимъ бѣднякамъ за ихъ искреннее, простодушное благодѣяніе. Какая внутренняя борьба, какой страшный недугъ довели его наконецъ до того, что онъ рѣшился сказать мнѣ, постороннему, незнакомому человѣку: да, безъ помощи, безъ благотворительности, я не выбьюсь на дорогу. А теперь?

Я тихо наклонился и прильнулъ губами къ его широкому, холодному и блѣдному лбу.

— Средственникъ, вѣрно? спросилъ сторожъ.

— Меньшой братъ, студентъ... сквозь слезы сорвалось у меня съ языка.

Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ.

Ст. П. В. Быкова.

Всѣмъ извѣстно, въ какомъ положеніи застала насъ Крымская война. Извѣстно также, на сколько она открыла глаза русскому обществу и заставила его проснуться и оглядѣться на себя, на свое нестройство, на ту массу злоупотребленій, съ которыми оно сживалось, не замѣчая всей неприглядности своего положенія. Всѣ лучшіе люди, все мало-мальски разумное заговорило искренне, твердо, осмысленно противъ того внутреннего зла, которое, за много лѣтъ, пустило въ родной землѣ такіе глубокіе корни. Гласность — какъ слѣдствіе осмысленнаго самосознанія — стала насущной потребностью общества. Смѣло, открыто и громко начало выражать наше общественное мнѣніе свои симпатіи и антипатіи къ извѣстнымъ жизненнымъ явленіямъ и съ полнымъ единодушіемъ и добросовѣстностью, во имя высшей правды, принялось обнаруживать тайныя «общественныя раны», всевозможныя недостатки, слабости и пороки, какъ мелкіе, такъ и крупныя. Безкорыстно и исключительно стремясь къ общей пользѣ, мы предлагали посильную помощь власти, въ ея борьбѣ противъ темныхъ силъ нашей родины и въ ея благотворныхъ преобразованіяхъ. Однимъ словомъ, на Русь повѣяло новымъ духомъ, началась новая жизнь.

Въ это время всякихъ благихъ начинаній,

честныхъ стремленій и свѣтлыхъ надеждъ, и литература, естественно, не могла оставаться спокойной; получивъ еще большее общественное значеніе, она явилась разумной выразительницей стремленій общества и старалась привести ихъ въ ясность. Изъ міра чисто эстетическихъ и психологическихъ интересовъ, она перенесла свою дѣятельность на практическую почву; «изъ свѣтлыхъ высотъ фантазій» она должна была окунуться «въ омутъ грязной дѣйствительности», разрушая всѣ преграды, поставляемыя невѣжествомъ, омывая всѣ нечистоты, произведенныя въ русской жизни «силою эгоизма, корысти и лѣни общественной». Она занялась, почти исключительно, тѣми вопросами, на которыхъ было сосредоточено все вниманіе общества. Въ такую-то пору и явился съ своими «Губернскими Очерками» «надворный совѣтникъ Н. Щедринъ», изъ цѣлой фаланги молодыхъ писателей, лучше всѣхъ понявшій новыя требованія публики и вкусы большинства и, привѣтствуемый громкими одобреніями, стяжавшій сразу блестящій успѣхъ, сталъ во главѣ новаго направленія сатирической литературы. Онъ сдѣлался родоначальникомъ школы писателей, занявшихся исключительно «обличеніемъ» въ тѣсномъ смыслѣ. Заслуги Щедрина въ отечественной литературѣ и жизни очень важны. Помимо заслугъ, общихъ со всей школой, даровитый сатирикъ обладаетъ еще обычными достоинствами, присущими ему, какъ основателю школы: большимъ знаніемъ и горячею любовью къ своему дѣлу, вынесенной изъ жизни; разносторонностью содержания и неустаннымъ, вѣчнымъ преслѣдованіемъ зла во всѣхъ его видахъ и формахъ, въ разныя, пережитыя имъ и переживаемыя эпохи, вѣчнымъ, ревностнымъ исканіемъ истины. Ему безспорно принадлежатъ и необыкновенная наблюдательность и живая память, въ которой рѣзко и вѣрно запечатлѣвается все имъ видѣнное, слышанное и испытанное. Большой мастеръ рассказывать, онъ усвоилъ себѣ чрезвычайно оригинальную форму, высшей степени характеристическій стиль, по которому Щедрина сразу можно отличить отъ прочихъ писателей. Всесторонне знакомый съ бытомъ русскаго народа, умѣющій подмѣчать въ жизненныхъ явленіяхъ и то, чего не въ состояніи иногда подмѣтить другіе, Щедринъ имѣетъ благородное сердце, всегда живо сочувствующее высшимъ интересамъ времени. Онъ обладаетъ смѣлымъ, бойкимъ и проницательнымъ умомъ, который всегда умѣетъ отличить фальшь отъ истины и помогаетъ Щедрину вполне отвѣчать требованіямъ своей эпохи. Неисправимый сатирикъ по натурѣ, Щедринъ преданъ своему дѣлу, какъ фанатикъ; еще не было и нѣтъ такого, сколько нибудь выдающегося, интереснаго явленія, отрицательной стороны котораго не коснулся бы во время нашъ даровитый сатирикъ.

Родъ Салтыковыхъ принадлежитъ къ числу довольно древнихъ русскихъ родовъ, по крайней мѣрѣ, фамилія эта встрѣчается еще при царѣ Федорѣ Ивановичѣ и при Борисѣ Годуновѣ, во времена которыхъ, русскій бояринъ и воевода Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ заключилъ договоръ съ Литвою (въ 1601 г.). Многіе представители этой фамиліи отличались на военномъ и политическомъ поприщахъ. Сынъ довольно богатаго помѣщика, Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ родился съ селѣ Спасскомъ, или Спасъ-Уголь, тверской губерніи, калязинскаго уѣзда, 15-го января 1826 года, и первую пору своего малолѣтства, вплоть до 1836 года, провелъ въ домѣ родителей, среди деревенской природы, благотворно дѣйствовавшей на физическое и моральное развитіе ребенка. Когда ему было семь лѣтъ, родители начали учить его грамотѣ, для чего, по обычаю «добраго стараго времени», къ

Михаилу Евграфовичу былъ приставленъ, въ качествѣ наставника, крѣпостной человѣкъ Салтыковыхъ — Павелъ, живописецъ по профессіи, бойкій и смысленный малый, «видавшій виды» на своемъ вѣку. Къ своему дѣлу онъ торжественно, «съ указкой» въ рукѣ, приступилъ 15-го января 1833 года, т. е. какъ разъ въ день рожденія Михаила Евграфовича, но эти занятія продолжались только годъ, такъ какъ въ 1834 году, его старшая сестра Надежда Евграфовна, окончивъ курсъ въ московскомъ екатерининскомъ институтѣ, пріѣхала домой и взяла на себя заботы о дальнѣйшемъ обученіи брата, въ чемъ ей усердно помогала и ея институтская подруга Евдокія Петровна Васильевская, занявшая въ домѣ Салтыковыхъ мѣсто гувернантки. Независимо отъ нихъ, у Михаила Евграфовича было еще два наставника: священникъ села Заозерья, Иванъ Васильевичъ, преподававшій ему законъ Божій и латинскій языкъ, по руководству Кошанскаго, и Матвѣй Петровичъ Салминъ, студентъ троицкой духовной академіи, который два лѣта подъ рядъ, во время вакацій 1835 и 1836 годовъ, былъ приглашаемъ для занятій съ Михаиломъ Евграфовичемъ, оказывавшимъ видимые успѣхи, благодаря своей отличной памяти и хорошимъ способностямъ. Всѣми упомянутыми лицами онъ былъ настолько хорошо подготовленъ, что въ августѣ 1836 года могъ выдержать испытаніе для поступленія въ третій классъ московскаго дворянскаго института, въ ту пору только что преобразованнаго изъ университетскаго благороднаго пансіона и имѣвшаго шесть классовъ. Такъ какъ Салтыкову, при поступленіи его въ третій классъ, было всего 10 лѣтъ, то онъ и оставался въ немъ два года.

Учился онъ превосходно, за что и былъ переведенъ въ царскосельскій лицей, въ 1838 г., въ силу той привилегіи, которой пользовался московскій дворянскій институтъ, имѣвшій право отправлять въ лицей, каждые полтора года, двухъ самыхъ лучшихъ учениковъ своихъ, которые и поступали туда на казенное содержаніе. Еще будучи въ институтѣ, Михаилъ Евграфовичъ пристрастился къ чтенію, которое, по переходѣ его въ лицей, обратилось у него въ какую-то страсть, имѣвшую слѣдствіемъ то, что уже въ первомъ классѣ двѣнадцатилѣтній Салтыковъ обнаружилъ сильное влеченіе къ литературѣ и началъ писать стихи, которые, сколько помнятъ его товарищи, давались ему весьма легко и оттого, за все время пребыванія своего въ лицѣ, онъ написалъ ихъ цѣлую массу. Но такъ какъ въ тѣ времена въ учебныхъ заведеніяхъ существовали всякія строгости и все, что не входило въ кругъ школьныхъ занятій, нещадно преслѣдовалось, то Михаилу Евграфовичу порядкомъ таки доставалось отъ наставниковъ и за чтеніе «постороннихъ» книгъ, и за его «бесѣды съ музами». Юный поэтъ зачастую подвергался и насмѣшкамъ и наказаніямъ; особенно сильно преслѣдовалъ его учитель русскаго языка, Гроздовъ, сухой формалистъ и педантъ, требовавшій отъ воспитанника лишь отчетливаго знанія уроковъ — и ничего болѣе, и исключавшій всякую мысль о развитіи. Вѣднй поэтъ принужденъ бывалъ припрятывать плоды своей музы не только подъ куртку, въ рукава ея, но даже въ сапожное голенище; но, увы, запретный плодъ былъ находимъ всюду и безжалостно конфисковался; мало того, автору всѣхъ этихъ посланій «къ ней», «къ лунѣ» и т. п. ставилась за это далеко неудовлетворительная отмѣтка изъ поведенія. Вообще начальство заведенія смотрѣло на Салтыкова косо не за одно писаніе стиховъ, но и за «грубости» подъ которыми, въ то время, подразумѣвалось куреніе табаку, ношеніе треуголки не по формѣ, т. е. «съ поля», (что, — по замѣчанію одного біографа Салтыкова, — кстати, было необыкновенно трудно

и составляло само по себѣ цѣлую науку), разстегнутая пуговица на курткѣ или мундирѣ и тому подобныя «ужасныя» проступки. И однакожъ, эти проступки весьма вліяли на баллы изъ поведенія: за всю бытность свою въ лицѣ, Михаилъ Евграфовичъ, изъ полныхъ 12 балловъ, рѣдко когда имѣлъ свыше девяти, вплоть до послѣднихъ мѣсяцевъ передъ самымъ выпускомъ, когда обыкновенно всѣмъ и каждому ставится полный баллъ. Вотъ почему и въ аттестатѣ Салтыкова значится: «при довольно хорошемъ поведеніи» — выраженіе, обозначающее, что средній баллъ, за послѣдніе два года, былъ ниже восьми.

Во второмъ классѣ лицейстамъ разрѣшалось уже получать разные журналы и по этому, въ ту пору, воспитанниками выписывались (на свой счетъ, разумѣется) всѣ большіе журналы, начиная отъ только что перешедшихъ тогда (1839 г.) въ руки г. Краевскаго «Отечественныхъ Записокъ», — т. е. «Библіот. для Чтенія» — Сенковского, «Сынъ Отечества» — Полевого, «Маякъ» — Стефана Бурачка, «Репертуаръ — Песочкаго» и «Revue Etrangère». Вообще лицеисты находились въ то время подъ сильнымъ вліяніемъ литературы, и такъ какъ воспоминаніе о Пушкинѣ, скончавшемся года за два, за-три передъ тѣмъ было еще очень свѣжо у всѣхъ въ памяти, то молодежь непременно желала, въ каждомъ курсѣ, имѣть продолжателя Пушкина; такимъ поэтомъ, въ XI-мъ курсѣ товарищи считали Вл. Раф. Зотова, вступившаго своими стихами въ «Маякъ», гдѣ добродушный Бурачекъ, въ самомъ дѣлѣ, провозгласилъ его вторымъ Пушкинымъ; въ XII-мъ — такое же мѣсто занималъ нынѣшній сенаторъ Николай Петровичъ Семеновъ; въ XIII-мъ — М. Е. Салтыковъ и т. д. Мих. Евгр., по примѣру товарищей, отъ доски до доски, съ жадностью прочитывалъ всѣ журналы, но любилъ болѣе всего «Отечеств. Зап.», которыя, благодаря статьямъ Бѣлинскаго, Кудрявцева, повѣстямъ Ивана Панаева и друг., имѣли особенно сильное вліяніе на воспитанниковъ лицей.

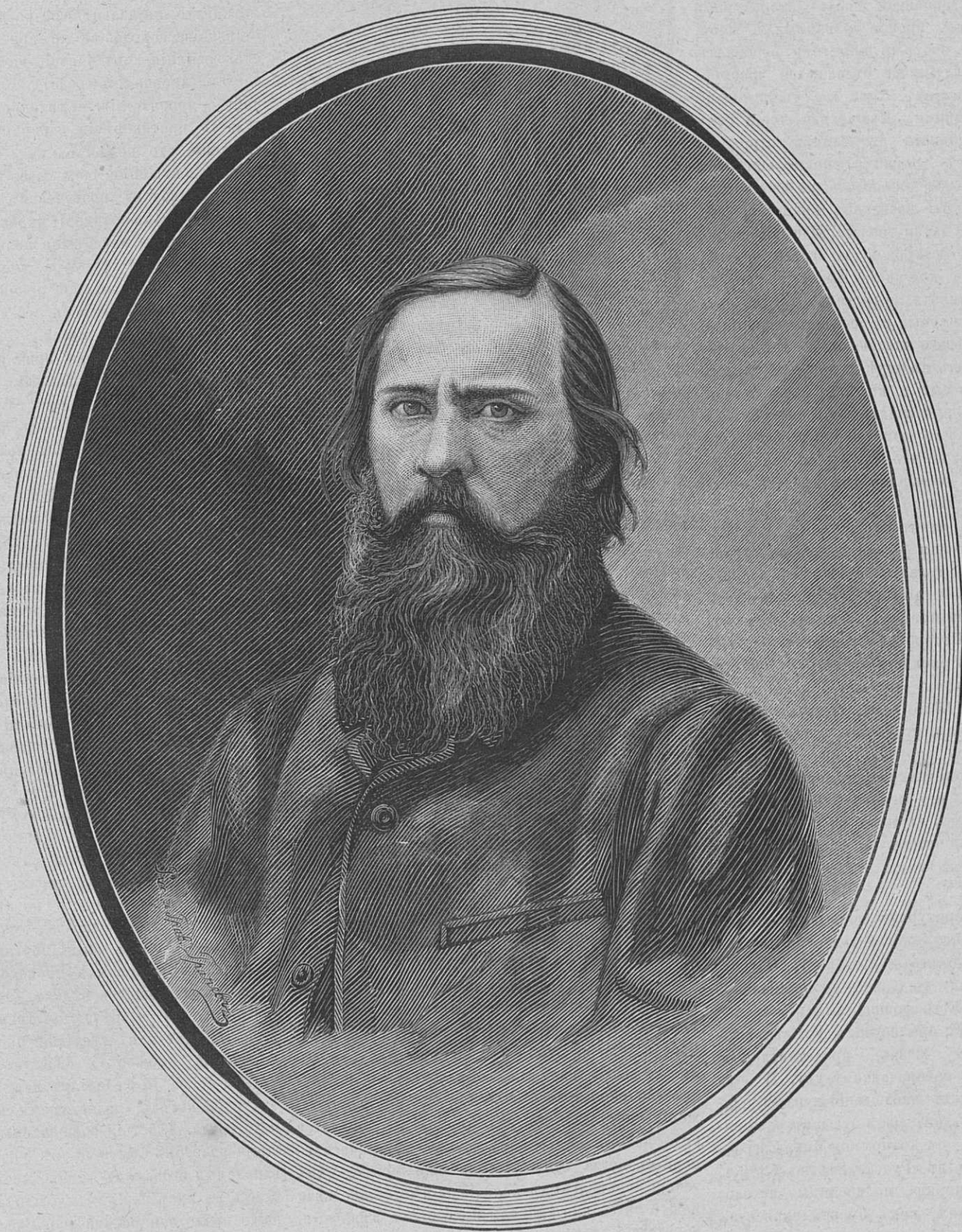
Михаилу Евграфовичу было всего 15 лѣтъ, когда онъ впервые напечаталъ свои стихи; они появились, подписанные первой буквой его фамиліи, въ «Библіотекѣ для чтенія» 1841 года, но были очень плохи сравнительно съ тѣми стихами, которые онъ, послѣ двухлѣтняго перерыва, помѣстилъ въ Плетневскомъ «Современникѣ» 1844 — 45 гг.; ихъ напечатано всего восемь пьесъ: «Нашъ Вѣкъ» (отрывокъ), «Весна», «Рыбачка», «Разбить мой талисманъ...» (изъ Байрона), «Зимняя Элегія», «Вечеръ», «Изъ Байрона», «Музыка». Многіе изъ нихъ были очень недурны и по мысли и по формѣ, но тѣмъ не менѣе ими поэтъ и завершилъ свое служеніе музамъ и никогда уже болѣе не писалъ стиховъ, если не считать небольшой пьесы изъ Байрона, помѣщенной въ «Современникѣ» 1860 г. и шуточныхъ стихковъ въ «Свисткѣ» того же журнала.

18-ти лѣтъ Салтыковъ окончилъ курсъ въ лицѣ, переименованномъ тогда въ Александровскій, и въ чинѣ X-го класса (слѣдовательно, въ числѣ далеко не отличныхъ учениковъ, такъ какъ изъ 23-хъ воспитанниковъ, состоявшихъ въ XIII курсѣ, 15 выпущены IX-мъ клас.) поступилъ на службу въ канцелярію военнаго министерства, при князѣ Чернышевѣ, гдѣ и прослужилъ до половины 1848 года. Черезъ три года по выходѣ изъ лицей, т. е. въ 1847 году, М. Е. Салтыковъ впервые серьезно дебютировалъ въ литературѣ, помѣстивъ въ ноябрьской книжкѣ «Отечеств. Записокъ» повѣсть «Противорѣчія», подписанную псевдонимомъ: М. Непановъ; а въ слѣдующемъ, 1848, году, напечаталъ тамъ же, въ мартовской книжкѣ, другое произведеніе: «Запутанное дѣло» (Случай), подъ буквами М. С. Хотя обѣ повѣсти не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго,

ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ:

М. Е. САЛТЫКОВЪ.

М. Е. Салтыков

Рисоваль и гравироваль Г. И. Грачевъ.

но и въ нихъ уже чувствовался будущій Щедринъ: онѣ отличались своеобразнымъ слогомъ, по которому такъ легко узнавать произведенія Михаила Евграфовича. Если онѣ не были замѣчены большинствомъ публики, то получили значеніе въ другомъ мѣстѣ: въ пору появленія ихъ, подъ вліяніемъ политическихъ событій въ западной Европѣ 1848—1849 гг., правительство зорко слѣдило за литературой и, недовольствуясь строгой цензурой, учредило особый комитетъ, пересматривавшій вновь литературныя произведенія, уже процензурованныя и напечатанныя. Вотъ этотъ-то комитетъ и нашелъ, что повѣсти Салтыкова отличаются чрезвычайнымъ свободомысліемъ, хотя въ сущности онѣ были весьма невинны. Напр., что могло быть особенно либеральнаго въ такихъ строкахъ: «Будь ласковъ съ старшими, невысокомѣренъ съ подчиненными, не прекословь, не спорь, смиряйся—и будешь ты вознесенъ премного; ибо ласковое теля двѣ матки сосеть». Или: «Конечно, и въ ступающемъ осторожно по грязи человѣчествѣ рождались кой-какія мысли по поводу дождя, вѣтра, слякоти и другихъ, но это скорѣе были мысли черныя и неблагонамѣренныя, вращавшіяся большею частью около того пункта, что есть-дескать въ мірѣ, и даже въ самомъ Петербургѣ, люди сытые, которые ѣдутъ теперь въ каретахъ, которые сидятъ себѣ спокойно въ театрахъ, или просто дома одинъ-на-одинъ, съ нѣжною подругою; но что этотъ господинъ, ѣдущій въ каретахъ, мигающій изъ креселъ смазливенькой и затѣйливо поднимающей ножку актрисѣ, сидящій одинъ-на-одинъ съ миловидной подругой и прочая — вовсе не оно, странствующее во мракѣ, грязи и невѣжествѣ человѣчество»... Но тогда и такія разсужденія казались вольными. Въ концѣ концовъ, Михаила Евграфовича удалили изъ Петербурга, переведя на службу въ Вятку, подъ опеку тамошняго губернатора. Здѣсь Салтыковъ пробылъ болѣе шести лѣтъ, до ноября 1855 года; служилъ сперва въ штатѣ губернскаго правленія, затѣмъ — чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, а потомъ и совѣтникомъ губернскаго правленія. Въ 1855 г. его перевели на службу въ Петербургъ, гдѣ онъ служилъ по министерству внутреннихъ дѣлъ, потомъ занималъ должность вице-губернатора въ рязанской и тверской губерніяхъ.

Послѣдствія литературнаго дебюта Салтыкова повліяли рѣшительнымъ образомъ и на его жизнь, и на литературную его дѣятельность. Оцувтившись лицомъ къ лицу съ нашей провинціальною жизнью, Михаилъ Евграфовичъ имѣлъ широкое поле для наблюденій; онъ изучалъ, во всѣхъ мелкихъ деталяхъ, эту жизнь, представлявшую обильную пищу его сатирическому уму. И вотъ богатый запасъ такихъ наблюденій и изслѣдованій выразился въ цѣломъ рядѣ этюдовъ изъ провинціального быта, съ которыми Мих. Евграфъ выступилъ впервые въ «Русск. Вѣстн.» 1856 г. Его «Губернскіе очерки», подписанные псевдонимомъ Н. Щедринъ, какъ бы откликаясь на голосъ общества, вопіявшего противъ злоупотребленій, выводили на свѣжую воду и безпощадно карали всѣ и тайныя, и явныя пороки мелкаго подъячества. Это была первая попытка разоблачить закулисную сторону нашей администраціи, съ которой такъ близко соприкасался самъ авторъ, вслѣдствіе чего, публика могла дать полную вѣру всему тому, что ей разсказывалъ даровитый сатирикъ, шедшій во главѣ похоронной процессіи, погребавшей старые порядки.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Практическія послѣдствія суевѣрія.

Ст. д-ра Мангардта.

I.

теченіи тысячелѣтій съ большимъ трудомъ подвигается человечество отъ первобытнаго варварства къ цивилизаціи. Тяжелою борьбою завоевываетъ оно

свою цѣль — добиться освобожденія отъ владычества природы и подчинить ее господству человеческого ума. Германскій народъ, напримеръ, по праву можетъ причислить себя къ числу тѣхъ нѣсколькихъ націй, которыя всѣхъ дальше ушли по пути прогресса. Доказательствомъ служить степень развитія, достигнутая массой народа въ Германіи, выражающаяся въ нравственныхъ идеалахъ господствующей религіи, въ духѣ законовъ и размѣрѣ научныхъ знаній, входящихъ въ кругъ общаго образованія и сообщаемыхъ, какъ въ низшихъ, такъ и въ высшихъ училищахъ. Но и среди нѣмецкаго народа встрѣчается еще много отдѣльных личностей, есть даже цѣлыя группы населенія, стоящія на несравненно низшей степени культурнаго развитія и служащія по этому тормазомъ для дальнѣйшаго нравственнаго и умственнаго прогресса. Справедливость этого мнѣнія подтверждается многими явленіями. Въ своихъ статьяхъ я позволю себѣ коснуться суевѣрія, и въ особенности вреднаго вліянія его, какъ повода къ проступкамъ и преступленіямъ противъ здоровья, жизни и собственности.

Сущность суевѣрія состоитъ въ ложномъ сочетаніи идей, при чемъ два явленія нравственнаго или матеріальнаго міра связываются между собою, какъ причина и слѣдствіе, между тѣмъ, какъ по природѣ вещей они не могутъ находиться въ подобномъ отношеніи другъ къ другу. Такое сочетаніе идей въ большинствѣ случаевъ произведено въ давно-минувшія времена, за цѣлыя столѣтія или даже тысячелѣтія и, преемственно передаваясь отъ отца къ сыну, въ продолженіи неисчислимаго ряда поколѣній, является уцѣлѣвшимъ памятникомъ ранняго историческаго періода, когда существовало еще менѣе, чѣмъ теперь, правильныхъ понятій объ истинной связи между явленіями природы и духовной жизнью и, вслѣдствіе этого, пробѣлы въ точныхъ знаніяхъ пополнялись воображеніемъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, суевѣрный вымыселъ является не преемственнымъ наслѣдіемъ прошлаго, а какъ современное созданіе, обусловленное существованіемъ того же умственнаго склада, который нѣкогда вызвалъ образованіе древнихъ суевѣрій и держится и до сихъ поръ, подобно рудиментарнымъ органамъ, открытымъ естествоиспытателями у высшихъ животныхъ, возникая вслѣдствіе атавизма. Во всѣхъ насъ уцѣлѣлъ еще, и отъ времени до времени обнаруживается, остатокъ непобѣжденной склонности, присущей первобытному человѣку, ставить самыя разнородныя, независимыя другъ отъ друга явленія въ отноше-

нія причинности. Я самъ долженъ сознаться, что на меня каждый разъ дѣйствуетъ непріятно, если я забуду въ обычное время завести часы и они останутся. Хотя меня ни на минуту не покидаетъ сознаніе ложности представленія, но мнѣ все-таки кажется, что порядокъ моей жизни нарушенъ и со мной въ этотъ день случится какая-нибудь непріятность. Чувство это происходитъ отъ сознанія извѣстнаго сходства между правильнымъ теченіемъ жизни и ходомъ часового механизма; но дальнѣйшее развитіе этого сопоставленія, доходящее до признанія симпатическаго вліянія хода часовъ на ходъ жизни, при чемъ остановка ихъ грозитъ появленіемъ какого-нибудь препятствія, — увлекаетъ насъ уже въ область противорѣчій здравому смыслу. Представленіе это не выходитъ у меня изъ темной области ощущеній; часы остаются для меня простымъ символомъ, поэтическимъ образомъ жизни. Но лишь только сравненіе переходитъ въ отождествленіе, какъ неизбежно является ложная посылка, которую дѣлаютъ тысячи людей: если гдѣ нибудь, безъ видимой причины, остановятся часы, непременно умретъ кто либо въ домѣ или изъ числа близкихъ друзей.

Изъ сказаннаго ясна причина, почему даже между высшими образованными классами суевѣріе еще не вымерло и при случаѣ возникаетъ вновь; въ этихъ классахъ оно, впрочемъ, встрѣчается гораздо рѣже, какъ явленіе единичное. Ослабѣвъ и утративъ свое первоначальное значеніе, оно не занимаетъ болѣе виднаго мѣста въ жизни общества или отдѣльных личностей; оно является взору наблюдателя въ видѣ поэтической непоследовательности, безвредной въ настоящемъ, обреченной на исчезновеніе въ ближайшемъ будущемъ. Совсѣмъ другая картина представится намъ, если мы спустимся въ менѣе образованные слои населенія. По мѣрѣ того, какъ въ нихъ уменьшается пониманіе природы и духовной жизни, возрастаетъ господство суевѣрія, при чемъ остается все болѣе широкое поле для сохраненія и возникновенія ложныхъ идей, замѣняющихъ понятіе объ истинной причинѣ и взаимной связи явленій. У нѣкоторыхъ отдѣльных личностей и въ отдѣльных группахъ населенія эти отжившіе остатки давно-минувшихъ культурныхъ стадій получаютъ такое преобладаніе, что сообщаютъ особый характеръ всему міросозерцанію. Эти личности видятъ всюду таинственное вмѣшательство живыхъ существъ: бурю и непогоду дѣлаетъ чортъ, почти каждая болѣзнь у людей и животныхъ происходитъ по злобѣ недоброежелательныхъ вѣдьмъ. Эти младенческія представленія встрѣчаютъ твердую опору въ эгоизмѣ, такъ какъ суевѣріе предлагаетъ неисчерпаемое множество средствъ къ измѣненію судьбы согласно желаніямъ каждаго и къ пріобрѣтенію выгодъ, недостижимыхъ путемъ честнаго труда. Дѣйствія, совершаемыя людьми, стоящими на этомъ умственномъ уровнѣ и обусловливаемыя эгоизмомъ и невѣжествомъ, возбуждаютъ въ насъ или улыбку, или же оскорбляютъ наше нравственное чувство. Вредное вліяніе ихъ обнаруживается въ особенности, когда они настолько уклоняются отъ низшаго уровня нравственныхъ требованій, что становятся въ разрѣзъ съ уголовными законами. Въ западной Пруссіи, которую я преимущественно имѣю въ виду, и-сосѣднихъ провинціяхъ, восточной Пруссіи, Познани, Помераніи и Бранденбургѣ, явленіе это не исключительное; напротивъ, довольно частое, въ особенностъ между сельскимъ польскимъ населеніемъ. Можно-ли, впрочемъ, ожидать много отъ людей, въ средѣ которыхъ даже наставники юности, какъ мы увидимъ ниже, попадаютъ вліянію господствующаго суевѣрія? Не далѣе какъ въ ноябрѣ 1870 г. католическій школьный учитель, Горскій, изъ Лаутенбурга,

два года поздне арестованный за дѣланіе фальшивой монеты, варилъ въ полночь на перекресткѣ черную кошку и летучую мышь, бормоча заклинанія и описывая круги вокругъ котла, въ которомъ при помощи дьявола должна была всплыть кость, доставляющая ей владѣльцу способность дѣлаться невидимымъ и добывать кладъ *).

Цѣлый рядъ проступковъ и преступленій, нарушение правъ собственности, клятвенное преступничество, изнасилованіе, оскверненіе могилъ, тѣлесныя поврежденія, разнородныя убійства возникаютъ вслѣдствіе суевѣрія или поддерживаются имъ. Кромѣ того, оно служитъ источникомъ разнообразнаго вреда для здоровья и имущества. Сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ еще не было, во всей совокупности, обращено вниманіе на практическія послѣдствія ложныхъ идей. Но такъ какъ познаніе болѣзни, во всей ея наготѣ и ужасѣ, есть первый шагъ къ исцѣленію, мнѣ кажется, что предпринятая мною задача—ознакомить большинство съ тѣми фактами, которые выродились въ нѣсколько лѣтъ собраны мною и почерпнуты изъ вполне достовѣрныхъ источниковъ,—не будетъ бесполезною или неблагоприятною.

Начнемъ обзоръ нашъ съ проступковъ противъ собственности, представляющихъ возбуждающую сожалѣніе, но часто комическую картину. Въ основаніи этихъ проступковъ всегда лежитъ расчетъ ловкихъ обманщиковъ на суевѣрную глупость ихъ согражданъ. Невѣроятно, до какой степени часто самыя грубыя средства вводятъ въ заблужденіе легковѣрныхъ. Три или четыре случая, взятые на выдержку изъ множества подобныхъ, могутъ дать понятіе о такихъ обманахъ. Въ 1873 г. одному землевладѣльцу Д., изъ деревни Вилло близъ Конца, колдунъ, жившій въ 3½ миляхъ въ мѣстечкѣ Старомъ Кншау, открылъ, кѣмъ украдены у него 2 четверика ржи. Оракулъ за 8 талеровъ указалъ на домашнихъ Д. Колдунъ предложилъ обличить воровъ при всемъ народѣ, но прибавилъ, что это обличеніе тяжелымъ бременемъ ляжетъ на совѣсти обворованнаго и его жены. Вслѣдствіе этого, супруги осѣдомились о подробныхъ примѣтахъ воровъ и вполне довольные вернулись во-свояси, а хитрый колдунъ съ удовольствіемъ опустил въ карманъ полученныя деньги.

2 декабря 1864 г. рабочій Андреасъ Клейнъ, изъ Данцига, былъ вызванъ въ судъ за то, что онъ обманомъ выманилъ у жены старосты Конкель изъ Гейстернеста, 23 зильбергроша, подъ предлогомъ, посредствомъ ворожбы, навести ее на слѣдъ воровъ, укравшихъ ее бѣлье. Онъ заперся въ комнатѣ съ этою женщиной, поставилъ на столъ двѣ свѣчи, пробормоталъ нѣсколько бессмысленныхъ словъ и объявилъ ей, что бѣлье ей найдется черезъ два дня. Судъ призналъ, что глупость старостики причиною потери денегъ и оправдалъ обвиненнаго. Если возможно, то въ

еще болѣе грубый обманъ была вовлечена въ 1872 г. въ Оберландѣ, вдова одного служащаго на мызѣ Д., у которой было накоплено 50 талеровъ. Разъ ночью, раздается стукъ въ ея окно; у него появляется бѣлая фигура, выдаетъ себя за апостола Петра и требуетъ 50 талеровъ, чтобы освободить мужа ея отъ адскихъ мученій, иначе для него, какъ великаго грѣшника, никогда не отверзнутся райскія двери. Испуганная женщина общается все, что угодно, и умоляетъ святого сдѣлать ей милость пожаловать слѣдующею ночью за полученіемъ выкупа, такъ какъ деньги отданы ею на сохраненіе главному смотрителю. Послѣ тревожной ночи, вдова на утро отправляется къ смотрителю, требуетъ у него свой капиталъ, причемъ подъ страшной тайной рассказываетъ о своемъ приключеніи. Въ 11 часовъ вечера, у окна появляется плутъ, беретъ деньги у пламенно-молящейся женщины, но тутъ же попадаетъ въ руки смотрителя и его рабочихъ. Тѣ стаскиваютъ съ него покрывало, узнаютъ рабочаго съ той же мызы и предають суду.

18 іюня, данцигскій уголовный судъ приговорилъ жену рабочаго, Гросъ, къ годовому тюремному заключенію и 150 талерамъ штрафа. Она выманила у пезамужнихъ работницъ Розалии Дроссель, Маргареты Панке и Оттиліи Риле около 20 талеровъ, чтобы съ помощью одной графини, знающей наизусть все пять книгъ Моисея, заставить вернуться къ нимъ ихъ невѣрныхъ жениховъ и побудить тѣхъ къ скорѣйшему вступленію въ бракъ; кромѣ денегъ, она взяла у нихъ лучшія платья, чтобы сжечь ихъ и изъ пепла приготовить любовное зелье. Сопложникъ Вернеръ и жена его заплатили ей 3 талера, чтобы ея молитвами, взятыми изъ пятикнижія, получить сразу, а не частями, всю сумму за содержаніе находящагося у нихъ на воспитаніи незаконнаго ребенка. Совершенно однородный рассказъ помѣщенъ въ Ost. preist. Zeitung, отъ 2-го марта 1865 г. «Нѣсколько дней тому назадъ въ уголовномъ отдѣленіи городского суда, жена почтальона, Клейнъ, обвинялась въ колдовствѣ. Обвиненная сначала выманила у глупой кухарки 15 зильбергрошей, чтобы заставить, посредствомъ нашенстванія, выпасть крупный выигрышъ на ея лотерейный билетъ. Затѣмъ, эта же дѣвушка пожаловалась ворожеѣ, что женихъ ея не возвращается изъ Силезіи. Обвиненная потребовала у глупой суевѣрной женщины рубашку, чтобы пойти въ ней въ церковь. Черезъ нѣсколько дней она возвратила рубашку, уверяя, что женихъ, побуждаемый непреодолимой силой, немедленно вернется къ своей возлюбленной, къ которой онъ уже теперь посылаетъ прежней страстью. За это ворожею потребовала 2 талера. Женихъ не вернулся, но кухарка утѣшилась любовью къ другому молодцу. Но и этотъ, хотя и мѣстный житель, оказался непостояннымъ; тогда покинутая имъ дѣвушка обратилась снова къ этой же ворожеѣ и просила ее употребить все свое искусство, чтобы приворожить къ ней этого жениха, на что пожертвовала 12½ зильбергрошей (на близкомъ разстояніи достаточно было дешеваго приворотнаго средства). Когда не удалась и эта продѣлка, обманутая дѣвушка привлекла ворожею въ судъ. Судъ приговорилъ ее къ 1 мѣсяцу тюремнаго заключенія, 50 талер. штрафа, а въ случаѣ несостоятельности еще къ 1 мѣсяцу заключенія и потерѣ правъ на 1 годъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Изъ Парижа.

(Письмо Н. Тарне.)

Вы требуете отъ меня отчета о книгахъ, въ данную минуту интересующихъ французское общество. Вы задали мнѣ трудную задачу. Всякая-

ли книга, возбуждающая интересъ во французскомъ обществѣ, въ такой же мѣрѣ интересна для вашихъ соотечественниковъ? Очевидно, нѣтъ. Слѣдовательно, мнѣ приходится выбрать. При выборѣ, я рѣшаюсь держаться такого правила: останавливать вниманіе вашихъ читателей на произведеніяхъ писателей, имѣющихъ мировую извѣстность, или же трактующихъ о писателяхъ, популярность которыхъ заходитъ далеко за предѣлы Франціи. Кромѣ того, меня нѣсколько стѣсняетъ отведенное для моихъ писемъ мѣсто. 300 строкъ, и то не въ каждомъ номерѣ—на такомъ пространствѣ не разгуляешься. Но буду довольствоваться тѣмъ, что есть и, безъ дальнѣйшихъ околичностей, приступаю къ дѣлу.

Свой обзоръ я начну съ писателя, въ настоящее время, самаго популярнаго, самаго талантливаго во Франціи. Я говорю о Викторѣ Гюго. Но не его собственное произведеніе будетъ предметомъ моей статьи, а книга, трактующая о немъ. Поэтъ Гюставъ Риве издалъ книгу «Victor Hugo chez lui» («Викторъ Гюго у себя дома»), представляющую нѣсколько любопытныхъ фактовъ изъ жизни великаго поэта. Это не біографія, а собраніе рассказовъ, которые авторъ записалъ, бывая на вечерахъ у Виктора Гюго, умѣющаго удивительно рассказывать. Въ книгѣ Риве заключаются, однакожъ, не одни только рассказы самаго Гюго; въ нее вошли также рассказы современниковъ о такихъ дѣйствіяхъ замѣчательнаго поэта и политическаго дѣятеля, о которыхъ онъ самъ умалчиваетъ. Такова, напримѣръ, часть главы о событіяхъ въ іюньскіе дни 1849 года, въ которыхъ Гюго является личностью чрезвычайно свѣтлою и великодушною. Онъ былъ противникомъ возстанія; когда же оно было подавлено, онъ, гдѣ только могъ, подавалъ руку помощи побѣжденнымъ.

Извѣстно, что національная гвардія, побѣдивъ возстаніе, въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаяхъ, позволила себѣ кровавое возмездіе, безъ суда разстрѣливая взятыхъ въ плѣнъ инсургентовъ. Викторъ Гюго задался цѣлю спасти сколько возможно жертвъ яростнаго озлобленія. И ему удалось это сдѣлать. Вотъ факты:

Какъ только окончилась борьба, Гюго, войдя во дворъ дома, гдѣ жилъ, увидѣлъ, что привратникъ этого дома, Демазьеръ, стоитъ на колѣняхъ, прислоненнымъ къ стѣнѣ, а нѣсколько національныхъ гвардейцевъ готовятся его разстрѣлять. Поэтъ бросается между несчастной жертвой и его импровизированными судьями, произноситъ пылкую рѣчь, въ которой говоритъ о стыдѣ такого дикаго возмездія, безчестящаго побѣду; рѣчь дѣйствуетъ и Демазьеръ спасенъ.

Затѣмъ Гюго идетъ въ мэрію, въ Вандомской улицѣ, и узнаетъ, что въ сосѣдствѣ намѣреваются разстрѣлять взятаго въ плѣнъ инсургента. Гюго бѣжитъ туда и находитъ, что у стѣны, съ завязанными глазами, стоитъ не одинъ, а три человека.

— Что вы дѣлаете! вскричалъ Гюго, выхватывая ружье у ближайшаго національнаго гвардейца.

— Гражданинъ-депутатъ! эти люди стрѣляли въ насъ.

— И вы хотите убить ихъ безъ суда. Нѣтъ, я этого не допущу. Еслибъ вы ихъ просто арестовали, я готовъ бы былъ помочь вамъ передать ихъ судебному слѣдователю; но вы хотѣли убить ихъ безъ суда и я отпускаю ихъ также безъ всякихъ формальностей.

Одинъ изъ этихъ спасенныхъ былъ литераторъ Б. (полной фамиліи его въ книгѣ не выставлено) и я не считаю себя въ правѣ произнести ее; онъ потомъ ежегодно въ іюнѣ дѣлалъ визитъ Виктору Гюго. Второй освобожденный былъ архитекторъ Роландъ, выстроившій вслѣдствіи домъ судебныхъ учрежденій въ Брюсселѣ. Третій былъ Жоржъ Бискара, погибшій на баррикадахъ 4-го декабря 1851 года.

Въ этотъ же день Викторъ Гюго спасъ еще четырехъ инсургентовъ, проведя ихъ черезъ военные посты, одного вслѣдъ за другимъ, въ качествѣ своего слуги.

Все это сдѣлалъ Гюго, не смотря на представлявшіяся затрудненія его великодушнымъ дѣ-

*) Вотъ рецептъ, которому слѣдовалъ Горскій: «Взять черную кошку на которой нѣтъ ни единого бѣлаго волоска, удушаютъ ее, и ночью, между 11 и 12 часами, варить, не снимая шкуры, на сильномъ огнѣ, до тѣхъ поръ, пока мясо не отвалится отъ костей. Тогда вынимаютъ кости по одиночкѣ, и держать ихъ передъ зеркаломъ. Между ними есть одна, которая не даетъ отраженія въ зеркалѣ. Эта кость обладаетъ способностью дѣлать невидимымъ того, у кого она находится». А вотъ и другой рецептъ: «Въ рождественскій сочельникъ удушаютъ чернаго кота, не повреждая костей, кипятятъ его въ сосудѣ до тѣхъ поръ, пока мясо не свалится съ костей, и берутъ вилообразную челюстную кость. Тотъ, у кого она находится, можетъ становиться невидимымъ, и съ ея помощью отыскивать и овладѣвать всѣми кладами, которые таятся въ погребкахъ, замкахъ, пещерахъ и стерегутся дьяволомъ въ образѣ собаки, козла или чернаго кота. Reinsberg. Dürigsfeld Festkaled a Böhmen». S. 581. Vgl. nach Wuttke S. 385, 474.

ствіямъ. По справедливому выраженію Гюго, «трудно представить себѣ кого-нибудь свирѣпѣе лавочника, котораго оторвали отъ торговли и когда онъ мститъ людямъ, послужившимъ невольной причиной его отстраненія отъ барышей».

Гюставъ Риве, задумавъ изданіе своей книги, посѣтилъ Виктора Гюго, прося его пересмотрѣть весь собранный матеріалъ и исправить погрѣшности, которыя легко могли вкрасться въ него.

— Представляю вамъ полное право вносить въ вашу книгу безусловно все, что вы слышали отъ меня, отвѣчалъ Гюго, — но я рѣшительно отказываюсь перечитывать вашу рукопись. Если я стану читать ее, я обязанъ буду вычеркнуть въ ней тѣ мѣста, которыя я найду для себя слишкомъ любезными; оставивъ же ихъ нетронутыми, я, тѣмъ самымъ, какъ бы одобряю ихъ. Что же касается неточностей, онѣ меня не беспокоятъ. Иначе и быть не можетъ: трудно сохранить въ памяти все до мельчайшихъ подробностей. Доказательство этому представляетъ книга, изданная моею женою.

Риве выразилъ изумленіе, какъ могло это случиться.

— Я расскажу вамъ, продолжалъ Гюго, — какимъ образомъ явилась эта книга. Прежде, какъ и теперь, на моихъ вечерахъ мнѣ часто приходилось рассказывать о событіяхъ изъ жизни моей и моихъ друзей. Однажды Вакри сказалъ моей женѣ: «Вы должны записать все, что рассказываетъ вашъ мужъ». — Но я не умѣю писать», отвѣчала г-жа Гюго. Вакри настаивалъ и былъ правъ: г-жа Гюго была способна написать книгу. И вотъ она стала день за днемъ записывать свои воспоминанія. Иногда она просила меня рассказать ту или другую исторію, которую она слышала отъ меня прежде. Я исполнялъ ея желаніе и она записывала. Когда она окончила свою книгу, она просила меня перечитать и исправить погрѣшности. Я отвѣчалъ ей тоже, что и вамъ, прибавивъ, что если я начну исправлять, то выйдетъ, что книга будетъ написана не ею, а мною. И я познакомился съ этой книгой только по выходѣ ея въ свѣтъ. Также я поступлю и съ вашей книгой... Повторяю вамъ, въ книгу моей жены проскользнуло нѣсколько ошибокъ.

Такимъ образомъ полная отвѣтственность за книгу лежитъ на одномъ Риве. Книга его очень интересна, хотя страдаетъ обиліемъ лирическихъ вставокъ, безъ которыхъ она могла бы обойтись. Викторъ Гюго составляетъ гордость Франціи; всѣ партіи согласны въ этомъ. Зачѣмъ же безпрестанно повторять въ книгѣ, что Гюго великъ. Достаточно было сказать объ этомъ въ предисловіи, если только нужно было повторять все извѣстное и нѣкѣмъ не оспариваемое, кромѣ личностей, въ родѣ пресловутаго Вельо, съ которыми ужъ никакъ не приходится препираться порядочному человѣку.

Я намѣренъ подробно ознакомить вашихъ читателей съ интересною книгою Риве; я возьму изъ нея много отдѣльныхъ эпизодовъ. Начну съ дѣтскаго воспоминанія Виктора Гюго. По словамъ Риве, Викторъ Гюго одинъ разъ рассказалъ своимъ собесѣдникамъ слѣдующее: «Мнѣ было пять или шесть лѣтъ. Я плакалъ. Отецъ услышалъ. Онъ не бранилъ меня, но выдѣлалъ такое наказаніе: «О, бѣдная маленькая дѣвочка, сказалъ онъ съ холодной проницательностью, — что съ нею? Ее вѣрно наказали за что-нибудь? Но я не желаю бранить ее; маленькія дѣвочки имѣютъ право плакать. Но зачѣмъ же надѣли на нее платье мальчика. Сдѣлайте ей хорошенькое платьице и завтра поведите ее въ немъ на прогулку въ тюльерійскій садъ...» На другой день, какъ приказалъ мой отецъ, на меня надѣли платье дѣвочки и повели въ тюльерійскій садъ. Я почувствовалъ себя до такой степени униженнымъ, что съ этого дня уже никогда болѣе не плакалъ».

Отецъ Виктора Гюго — генералъ, какъ вполнѣ военный человѣкъ, воспитывалъ своего сына по военному.

Разъ вечеромъ, у Виктора Гюго, вскорѣ послѣ возобновленія его драмы «Эрнани», разговоръ естественно зашелъ объ этомъ событіи и незамѣтно перешелъ къ первому представленію этой пьесы на «Французскомъ театрѣ» въ 1830 году. Викторъ Гюго припомнилъ тогда комическій случай, современный этому событію. Въ 1830 году, во «Французскомъ театрѣ» контролеромъ былъ нѣкто Л., сынъ кассирши этого театра. Этотъ Л. постоянно старался дѣлать непріятности авторамъ. Онъ забралъ въ свои руки всѣхъ и все въ театрѣ и, съ высоты своего величія, смотрѣлъ на остальное человѣчество, какъ на стадо барановъ. Разъ онъ не пустилъ въ театръ двухъ друзей Виктора Гюго, имѣвшихъ отъ него записку и пришедшихъ смотрѣть его пьесу. Такъ какъ подобныя выходки повторялись не разъ, Гюго рѣшился пожаловаться на наглеца директору театра.

— Я прошу васъ прогнать этого господина, сказалъ поэтъ, — иначе нога моя не будетъ у васъ въ театрѣ.

— Лично я не могу ничего сдѣлать, отвѣчалъ директоръ. — Артисты, составляющіе ассоціацію, сами выбираютъ служащихъ при театрѣ; обратитесь съ вашимъ требованіемъ къ нимъ.

Въ тотъ же вечеръ Гюго остановилъ Демуссо. — Г. Демуссо, сказалъ онъ, — вы не разъ говорили мнѣ о своемъ желаніи, чтобы я писалъ только для вашего театра.

— Ахъ, г. Гюго, вы знаете, какой я вашъ поклонникъ. Чѣмъ могу служить вамъ?

— У васъ здѣсь есть одинъ контролеръ, котораго я не могу выносить. Отставьте его, иначе я не могу болѣе показываться въ театрѣ.

— А! Л., невыносимый человѣкъ! негодный! Но, признаюсь вамъ, я не могу прогнать его... Это мой сынъ! закончилъ онъ уже шепотомъ, наклоняясь къ самому уху Виктора Гюго.

«Что дѣлать, обращаюсь къ другому», подумалъ поэтъ и, на другой день, встрѣтивъ Монроза за кулисами, сказалъ ему:

— Г. Монрозъ, вы постоянно выражали мнѣ свою симпатію.

— Ахъ, г. Гюго! вы наша надежда! Французскій театръ рассчитываетъ на васъ!

— Ну, я не могу оставаться здѣсь, если вы сохраните контролера, который...

— Л... да, отвратительное существо! но я не могу прогнать его... Это мой сынъ! заключилъ онъ, такъ же, какъ и Демуссо, шепотомъ.

Заинтересованный и находя исторію любопытной, Викторъ Гюго обратился и къ другимъ членамъ ассоціаціи. Каждый изъ нихъ отвѣчалъ: «Да, Л... животное! но я не могу прогнать его... это мой сынъ!»

— Очевидно, закончилъ Гюго, — что кассирша была одинаково любезна со всѣми членами ассоціаціи. И я не могъ выжить Л.

Вакри, бывший въ числѣ слушателей этой исторіи, рассказанной Гюго, дополнилъ ее, сообщивъ, какъ кончилъ Л. Выдавая замужъ свою дочь, онъ вздумалъ пригласить на свадьбу всѣхъ членовъ ассоціаціи «Французскаго театра». Вѣроятно, въ числѣ ихъ было нѣсколько и не считавшихъ его своимъ сыномъ. Актеры изумились, видя, что кватира контролера роскошно убрана. Удивленіе ихъ еще болѣе возросло, когда они осматрѣлись вокругъ себя.

— Эта лампа изъ нашего склада, сказалъ одинъ, совсѣмъ озадаченный.

— Я нисколько не ошибаюсь, сказалъ другой, — это тѣ самыя гардины, которыя мы искали и не нашли!

— И это кресло намъ хорошо знакомо, замѣтилъ третій.

Л. обмѣлировалъ свою квартиру мебелью и вещами изъ театральнаго склада и, при небольшомъ жалованьи, имъ получаемомъ, далъ за дочерью хорошее приданое.

На другой день отцы выгнали его изъ театра. (Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ.)

Къ рисункамъ.

Діана и Эндиміонъ. Имя творца «Послѣдняго дня Помпей», Карла Павловича Брюлова, конечно, знакомо каждому русскому, хотя сколько нибудь интересующемуся русской живописью, и распространяться здѣсь о значеніи этого художника не мѣсто. Мы должны только напомнить нашимъ читателямъ греческій мифъ, котораго касается картина Брюлова, копію съ которой мы предлагаемъ здѣсь. Эндиміонъ, сынъ Зевеса, по одному сказанію, или Этліоса, по другому, былъ замѣчательнымъ по своей красотѣ юношею. Его избрала своимъ возлюбленнымъ Селена (Луна, Діана) и увела на гору Латмосъ, гдѣ, когда онъ отдыхалъ послѣ охоты, она спускалась къ нему съ поцѣлуями. Художникъ передалъ именно эту минуту, когда Селена спускается къ Эндиміону, удерживаемая смѣющимся Сатиромъ.

Лѣсникъ. Лѣсникъ принадлежитъ къ числу самыхъ удачныхъ произведеній одного изъ нашихъ даровитѣйшихъ современныхъ художниковъ, И. Н. Крамского. Смотри на эту фигуру, вы, кажется, видите, какъ понемногу поворачивается эта голова чуть прислушивающагося человѣка. Онъ слышитъ, что гдѣ-то идетъ порубка лѣса, и застылъ на мѣстѣ, настороживъ уши. Выставленная не разъ въ академіи художествъ среди сотенъ самыхъ эффектныхъ картинъ, эта картина постоянно приковывала вниманіе зрителей, хотя въ ней нѣтъ никакихъ внѣшнихъ эффектовъ, никакого пикантнаго содержанія, никакого современнаго интереса, — она останавливала зрителей просто потому, что передъ ними на полотнѣ стоялъ «живой человѣкъ», — иначе нельзя выразиться объ этой дышущей правдой и жизнью фигурѣ.

Іоаннъ Грозный и Шибановъ. Мы помѣстили на девятой страницѣ настоящаго номера копію къ картины В. Шварца безъ всякой подписи. Это сдѣлано вслѣдствіе того, что намъ не хотѣлось уменьшать величину картины и въ тоже время не хотѣлось портить ее, помѣстивъ ее на двухъ страницахъ. При сгибаніи листа, картины, помѣщенные на двухъ страницахъ, конечно, много теряютъ, хотя иногда и приходится помѣщать такія картины, не имѣя возможности хорошо исполнить ихъ въ форматѣ, подходящемъ къ формату одной страницы нашего журнала. Картина В. Шварца рисована на деревѣ нашимъ постояннымъ сотрудникомъ И. Т. Михайловымъ и гравирована А. А. Шлипперомъ.

Котята Рипелъе. Изъ иностранныхъ картинъ мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ только двѣ картины. Объясненіе одной изъ этихъ картинъ читатели найдутъ въ стихотвореніи «Весталка». Другой картинѣ мы можемъ только замѣтить, что она произвела очень хорошее впечатлѣніе на зрителей въ «Салонѣ» 1878 года въ Парижѣ. Дѣйствительно, эти хозяйничавшіе по своему, среди кардинальскихъ бумагъ, книгъ и шляпы, котята очень милы. Котята были «слабостью» кардинала Рипелъе, какъ они были слабостью многихъ извѣстныхъ людей, поэта Бодлера, романиста Поль-де-Кока, пѣвицы Паолы Марье и т. п.

Христіане, пробирающіеся въ катакомбы. Кромѣ картинъ, помѣщенныхъ въ нынѣшнемъ номерѣ, гг. подписчики получаютъ при этомъ номерѣ, въ видѣ приложенія, отпечатанную на толстой велевовой бумагѣ картину г. Семирадскаго «Христіане, пробирающіеся въ катакомбы». Сюжетъ картины относится къ первымъ вѣкамъ христіанства, когда христіанамъ приходилось тайкомъ совершать свои обряды, тайкомъ молиться. На картинѣ изображено нѣсколько христіанъ, идущихъ въ темнотѣ къ катакомбамъ и не знающихъ, что въ лѣсу ихъ уже сторожатъ язычники, подсматривающіе за ними.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Стихотв. на новый годъ. — Умны мы или не умны. — Мужъ и жена. — Стихотв. «Весталка». — Иоаннъ Грозный и Шибановъ. — Стихотв. «Обѣтъ». — Иза. — Напи ближніе. — Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ. — Практическія послѣдствія суевѣрія. — Изъ Парижа. — Къ рисункамъ.

Гравюры: Новый годъ. — Весталка. — Кошки кардинала Рипелъе. — Иоаннъ Грозный и Шибановъ. — Лѣсникъ. — Діана и Эндиміонъ. — М. Салтыковъ.

Редакторъ-издатель Д. А. Карчъ-Карчевскій.

При этомъ номерѣ гг. подписчикамъ раздаются: 1) ПРЕМІЯ — ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ картина и 2) приложеніе — ГРАВЮРА, копія съ картины профессора Г. Семирадскаго «ХРИСТИАНЕ, ПРОБИРАЮЩЕСЯ ВЪ КАТАКОМБЫ».

Рис.
Публикация
Б-ка
Ленинград.

№ 2. Томъ I.

На годъ, съ доставкой и пересылкою—7 руб.;
на полгода—4 руб.; на 3 мѣсяц.—2 руб.
Отдѣльн. №№ по 20 к.

С.-Петербургъ, 13 Января 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый
проспектъ, домъ № 20.

Годъ VII.

Миръ прекрасенъ ..

Стих. Омелевскаго.

Миръ прекрасенъ, миръ чудесенъ...

О, не спорю я!

Только онъ немного тѣсенъ,

Только полонъ тайны весь онъ,

Только въ немъ не столько пѣсенъ,

Сколько слезъ, друзья!

Человѣкъ уменъ; онъ много

Дѣлаетъ добра...

Но у каждого порога,—

Будь то храмъ—жилище Бога,

Замокъ, хижина, берлога,—

Нищѣ съ утра!

Жизнь свѣтла, какъ солнце въ лѣто...

Да! но есть въ ней тѣнь:

Идъ вчера, сегодня гдѣ-то

Смерть съ мостъ, изъ пистолета

Кто-то бацнулъ въ лобъ,—и это

Каждый Божій день!

(Продолженіе.)

Терпѣть и молчать, считать свою избу съ краю, не соваться въ чужой монастырь со своимъ уставомъ, признавать, что весь свѣтъ не переучишь, не исправлять горбатого, котораго одна могила исправить, думать, что и всѣ-то мы «хороши», «ой, какъ хороши!» быть увѣренной, что на томъ свѣтѣ «всѣмъ Господь воздастъ по дѣламъ ихъ» и что «онъ одинъ всѣхъ насъ судья»,—это были правила моей матери.

«Оборвать человѣка», «рѣзать всю правду-матку», «выводить подлеца на свѣжую воду», «ткнуть дурака носомъ, куда слѣдуетъ», «вывести мошенника за ушко, да на солнышко»,—это все было правиломъ моей тетки.

Обѣ эти женщины, столь различныя по характерамъ, каждая по своему, умѣли бороться съ жизнью, умѣли честно пройти свой путь.

Когда онѣ сошлись послѣ десятилѣтней холод-

ности, даже враждебности, можно было думать, что онѣ никогда не уживутся вмѣстѣ, а между тѣмъ, уже черезъ три, черезъ четыре мѣсяца не было дня, когда бы онѣ ни сходились вмѣстѣ. Черезъ годъ умеръ мой отецъ, и тетюшка настояла, чтобы моя мать перебралась съ нами къ ней въ домъ, и въ этомъ домѣ прошли самые счастливые годы моего дѣтства, моей ранней юности.

Тетка была не бѣдна, но и не богата. Она должна была разсчитывать каждый грошъ, чтобы воспитать меня, моихъ братьевъ и мою сестру. Но она ничего не жалѣла для насъ и я увѣренъ, что она снова принялась бы за неблагодарный трудъ мелкой учительницы, еслибы это было нужно для поддержанія насъ. Моя мать признавала, что содержать насъ не легко, и помогала Дарьѣ Дмитриевнѣ, чѣмъ могла: она была въ домѣ и экономкой, и кухаркой и швеей.

— Да полноте вы работать, наработались ужъ довольно, ворчала нерѣдко Дарья Дмитриевна.— Ишь снѣпа-то какая горбатая стала!

— Оставьте меня! Довольно и того, что на вашу шею сѣли, отвѣчала грустно моя мать.— Безъ насъ жили бы вы въ свое удовольствіе.

— Да я вамъ жаловалась, что ли, что мнѣ тяжело? сердилась Дарья Дмитриевна.

— Не жаловались, а сама я знаю.

— Ничего вы не знаете, а просто неуживчивый вы человѣкъ, фанаберія у васъ. Ужъ поссоримся мы когда-нибудь!

— Вы, думаете? спрашивала мать, поднимая на нее свои добрые глаза.

— Ишь голубкой какой смотритъ, уже улыбалась тетка,—никто и не подумаетъ, что она у меня на шеѣ сидитъ, да кровь мою высасываетъ.

Мать съ улыбкой качала головой, а Дарья Дмитриевна толкала кого-нибудь изъ насъ къ матери и говорила:

— Цалуйте руки-то у метери, вонъ она весь вѣкъ не складываетъ ихъ ради васъ!

Сама Дарья Дмитриевна никогда не нѣжничала и когда мы, дѣти, бросались къ ней на шею и покрывали ея шаршавое лицо поцалуйми, она говорила, упорно отбиваясь отъ насъ:

— Ну, ну, пошли прочь, лизунчики!

Только разъ тайкомъ, изъ за угла, видѣлъ я, какъ она припала головой къ одному изъ насъ,— это было въ то время, когда умерла моя сестра. Дарья Дмитриевна прошла въ комнату, гдѣ лежала на столѣ сестра, остановилась въ слезахъ около маленькаго холоднаго трупца и

тихо прильнула губами къ холодному лбу моей бѣдной сестренки. Она такъ долго не поднимала головы, что мнѣ показалось, что съ ней сдѣлалось дурно. Когда она подняла голову, я увидѣлъ, что ея глаза были полны слезъ. Она молча, заботливо отерла лицо покойницы, смоченное ея слезами и тихо вышла изъ комнаты. На другой же день, когда хоронили мою сестру, Дарья Дмитриевна не плакала, утѣшала мою мать и была по обыкновенію холодна и сдержанна. Эта выработка характера была, вѣроятно, слѣдствіемъ долгаго пребыванія въ молодости въ чужихъ домахъ, среди чужихъ людей, которымъ «нѣтъ дѣла до нашего горя и до нашихъ радостей»; эта выработка была слѣдствіемъ долготѣхнхъ занятій съ чужими дѣтьми-учениками, при которыхъ нужно было скрывать свои личныя невзгоды, волненія и тревоги; эта выработка была слѣдствіемъ тяжелой брачной жизни, среди грубой и дикой купеческой семьи, пилившей свою новую родственницу изъ «учительшѣ», съ самодуромъ мужемъ, ломавшимся долгое время надъ женою и только исподволь, черезъ долгіе годы, подчинившимся окончательно ея твердому характеру.

Подъ вліяніемъ этихъ двухъ женщинъ выросъ я.

Смотря на мать, я рано началъ чувствовать, какъ много несчастій приходится переживать людямъ. Слушая тетку, я рано началъ сознавать, какъ много на свѣтѣ дурныхъ и глупыхъ «людишекъ»—тетка иначе не называла людей. Раньше всего я понялъ необходимость труда и уже на пятнадцатомъ году давалъ уроки, переписывалъ бумаги, чтобы облегчить трудъ этихъ двухъ женщинъ, платить за себя въ гимназію, одѣвать себя. Дѣтства, съ его безшабашнымъ весельемъ, съ его беззаботною рѣзвостью, съ его вѣтранными промахами, у меня не было: одиннадцатилѣтній мальчуганъ, я былъ уже «старшимъ мужчиною» въ домѣ, я уже присутствовалъ на всѣхъ совѣщаніяхъ матери и тетки, я уже несъ въ своей душѣ «всѣ заботы жизни». Это наложило на мою душу особую печать: я не умѣлъ увлекаться весельемъ, дурачествами, шалостями и сторонился отъ тѣхъ кружковъ, гдѣ дѣти, счастливыя дѣти, были вполнѣ дѣтьми. Быть можетъ, такая жизнь преждевременно убила бы и мое физическое здоровье, если бы я не былъ работникомъ въ домѣ: принести воды, наколоть дровъ, сходить рано утромъ на базаръ, вбить дома, гдѣ надо, гвозди, построгать и попилить, если въ этомъ встрѣчалась необходимость, все это входило въ

кругъ моихъ обязанностей и содѣйствовало развитію моихъ физическихъ силъ. Я былъ рослый, крѣпкій и здоровый юноша, съ загорѣлымъ лицомъ, съ густымъ румянцемъ на смуглыхъ щекахъ, съ большими мозолистыми руками.

Окончивъ ученіе въ гимназій, я поступилъ въ медицинскую академію въ Петербургѣ и жилъ здѣсь одинъ, безъ семьи, не прося помощи у тетки и матери, которымъ приходилось возиться съ моими братьями. Одинъ изъ братьевъ былъ вѣчно болѣлымъ, вѣчно требовавшимъ расходовъ на докторовъ и лекарства ребенкомъ, другой плохо подвигался впередъ въ гимназій, не имѣя особенно блестящихъ способностей.

Годы студенчества были трудными годами моей жизни. Я былъ немного дикъ, я сторонился отъ людей, какъ чужбѣ, видѣвшій отъ нихъ не мало горя. Посторонніе люди, въ сущности, не дали мнѣ ничего: иногда они дорожили мной, ухаживали за мной, но это дѣлалось только потому, что я хорошо дѣлалъ каждое дѣло, — и они наваливали на меня работу за троихъ и, видя мою застѣнчивость, платили меньше мнѣ, чѣмъ самымъ плохимъ работникамъ.

Товарищи не могли завлечь меня въ свои кружки, гдѣ вино, молодая веселость, юношескій развратецъ оттапливали меня, пугали меня. Каждая цѣпкая пирушка казалась мнѣ «пиромъ во время чумы»; въ каждомъ взрывѣ молодого смѣха я слышалъ горькія слова: «après nous le déluge!» Мнѣ казалось, что все это юношество слишкомъ легко смотритъ на жизнь, считаетъ ее «пустою и глупою шуткой». Не зная дѣтства, я, можетъ быть, не узналъ бы и юности, если бы мнѣ, въ эти дни увлеченія нѣкоторыми стихотвореніями Пушкина, Лермонтова и, главнымъ образомъ, Некрасова, не пришлось встрѣтиться съ кружкомъ юношей, гдѣ слышалось броженіе молодости, гдѣ кипѣла молодая кровь, но не при толкахъ о театрѣ Берга, не при разсказахъ о любовныхъ похожденияхъ, не при сборахъ на юношескій кутежъ. Въ этомъ кружкѣ горѣло юношеское пламя, но это не было пламя веселья. Я всецѣло отдался этому кружку. Здѣсь было у меня во время студенческой жизни пять-шесть горячо любимыхъ друзей, но эти люди, «волнуясь и скорбя», блеснули въ моей жизни какими-то яркими метеорами и исчезли... куда? какъ? что кому до этого теперь за дѣло? Это было такъ давно! Довольно сказать, что они пробудили во мнѣ страстность молодости, что воспоминанія о нихъ и до сихъ поръ растрavляютъ во мнѣ старыя, воюющія раны и что порою я жалѣю, что случай, рано задувшій огонекъ ихъ жизни, пощадилъ меня и не далъ мнѣ возможности спорить разомъ, а не петлявать медленно, свѣтя грошевымъ свѣтомъ своимъ ближнимъ. Искренне и честно, кромѣ этихъ людей, не сходился со мною никто, потому что меня считали гордецомъ, упрямцемъ, грубияномъ и вообще «озлобленнымъ и скучнымъ человѣкомъ». Я не встрѣтилъ, кромѣ ихъ, ни одного человѣка, который понималъ бы, что я не гордецъ, не упрямецъ, не грубиянъ, а просто довольно здоровая и прямая, нѣсколько мѣщанская патура, пробившая себѣ дорогу безъ всякой посторонней помощи и смотрящая серьезно на задачи жизни. Нѣкоторые товарищи, сошедшіеся со мною позже, не влюбились во меня за то, что я, быть можетъ, рѣзко и сурово, но всегда честно и искренне обрывалъ ихъ безконечныя мечты и ихъ воздушныя замки, указывая имъ на болѣе практическіе, на болѣе вѣрные пути и цѣли. Я говорилъ имъ:

— Не стройте безконечныхъ плановъ, а дѣлайте дѣло.

Они называли меня прозаикомъ, мѣщаниномъ, узкимъ и даже струсившимъ человѣкомъ и, конечно, не соглашались, когда я говорилъ, что самые широкіе планы пышнаго дворца ничтож-

нѣе небольшой построенной лачуги. Они говорили, что я противорѣчу себѣ, когда я самъ увлекался великими теоріями, гипотезами и утопіями, созданными человѣчествомъ, и никакъ не могли понять, какъ велика разница между неоснованною ни на чемъ мечтою невѣжественнаго болтуна и великимъ идеаломъ глубокаго мыслителя, созрѣвшимъ послѣ долгаго житейскаго опыта, послѣ долгаго изученія людей, природы и книгъ. Они воображали себя Колумбами, а я видѣлъ въ нихъ мальчишковъ, которые, по недостатку образованія, мечтаютъ въ девятнадцатомъ столѣтіи объ открытіи шестой части свѣта. Сначала они спорили со мной, потомъ я пересталъ имъ возражать. Они выносили мои противорѣчія, но не вынесли моего пренебреженія. Я нажилъ въ нихъ не враговъ, но шипящихъ клеветниковъ. Они отрицали во мнѣ все доброе и, главнымъ образомъ, искренность.

— Это человѣкъ себѣ на умѣ, съ этимъ человѣкомъ нужно держать камень за пазухой, это ходячее самолюбіе, измученное недостатками, говорили они про меня.

Они не отрицали во мнѣ только ума, но при этомъ они прибавляли, что я не только уменъ, но и хитеръ. Они говорили, что я дойду до степеней извѣстныхъ и сколочу деньги. Въ послѣднее предположеніе они стали такъ твердо вѣрить, что у меня вдругъ очутилось множество не друзей, а пріятелей. Какъ это случилось, я не знаю, но знаю я только то, что эти пріятели начали очень исправно обирать меня, и иногда мнѣ приходилось просиживать безъ свѣчей и чаю, когда мои пріятели на мои деньги гуляли въ трактирѣ, перечисляя за бутылкой вина все мои смертные грѣхи, и главнымъ образомъ, черствость, сухость и скупость. Впрочемъ, яснымъ доказательствомъ послѣдняго порока могло служить и мое отсутствіе на ихъ пирушкѣ. Я слышалъ даже, что какой-то остроумецъ, во время одной изъ подобныхъ пирушекъ нарисовалъ картину того, какъ провожу я, второй Плюшкинъ, вечеръ въ это время, какъ я сижу безъ свѣчи, какъ я разсуждаю, что вечеромъ можно лечь и безъ чаю, — жалъ, что онъ позабылъ прибавить, что я при лунномъ свѣтѣ просматриваю свою записную книжку и отмѣчаю въ ней, что я отдалъ ему послѣдніе пять рублей, жалъ и то, что онъ не спросилъ своихъ друзей:

— Кто, господа, изъ васъ устоитъ отъ искушенія и не передастъ Максиму всего того, что здѣсь говорилось объ немъ?

На послѣдній вопросъ все могли бы отвѣтить:

— Конечно, не мы, не мы!..

Скверное время пришлось мнѣ пережить, господа, послѣ разлуки съ моими единственными друзьями: Это было время какого-то шатанья молодежи изъ стороны въ сторону, безъ опредѣленной цѣли, безъ руководящей идеи, безъ властительнаго вождя. Въмѣсто идей въ обществѣ слышались прерѣканья и брань, вмѣсто стремленія опредѣлить цѣль замѣчалось стремленіе выдвинуть свою личность, вмѣсто заботы объ общемъ дѣлѣ слышались сплетни о костюмѣ такого-то, о любовникахъ такой-то. Когда начиналось это время, одинъ поэтъ написалъ къ нему эпиграфъ:

Слава намъ! Въ поганой лужѣ

Мы давно стоимъ

И чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже

Все себя грязнимъ.

Когда оно начало приходить къ концу, другой поэтъ написалъ ему эпиграфъ:

Бывали хуже времена,

Но не было подлѣй.

Въ такія времена люди, какъ улитки, почувствовавшія приближеніе врага, уходя въ свою раковину и ищутъ душевнаго успокоенія въ

семейной жизни, въ наукѣ, въ искусствѣ, въ пьянствѣ, въ развратѣ, во всемъ, кромѣ полезной общественной дѣятельности. Моей раковиной сдѣлалась наука. Я блистательно окончилъ курсъ, я остался въ Петербургѣ, я предался ученымъ изысканіямъ. Меня окружали по прежнему чужіе и чуждые мнѣ люди, занимавшіеся своими дѣлишками, своими дразгами, своими сплетнями. Я презиралъ людей этого времени, я сердился на нихъ, но вытолкать ихъ отъ себя, запереть отъ нихъ и домъ свой и свой кошелекъ я не могъ. Я, какъ тетка, называлъ ихъ «людишками» и, какъ мать, считалъ ихъ «несчастливыми». Я волновался въ душѣ при каждой ихъ подлости, я иногда дѣлался болѣе послѣ ихъ новыя, продѣлокъ, — но когда они являлись снова ко мнѣ, когда они лисили передо мной, когда они жаллись и ежились, выслушивая мои рѣзкости ради полученія нѣсколькихъ рублей взаймы; когда я понималъ, что они потому только и переносятъ эти рѣзкости, что уже забывъ, они твердо намѣреваются не отдать и чувствуютъ, что я сознаю это, что я не обманываюсь на ихъ счетъ; когда они клеветали другъ на друга, стараясь выставить на видъ свою преданность мнѣ, — они мнѣ казались не злодѣями, не гнусными мошенниками, а дѣтьми, больными, жалкими, изуродованными дѣтьми, обреченными на жалкое существованіе и на скорую смерть. Да, я думалъ въ эти минуты, что они должны завидовать мнѣ, должны раздражаться при видѣ меня, должны капризничать, глядя на меня, потому что я здоровъ, потому что я надѣюсь прожить долго, потому что у меня есть сила — сила переносить нападеніе врага и протягивать руку помощи ему, когда онъ утомится отъ борьбы со мною, — сила идти своимъ путемъ, не смотря ни на свистъ, ни на нападенія, ни на преграды, идти съ твердымъ убѣжденіемъ, что все это когда-нибудь кончится или я «кончусь самъ», то есть, что во всякомъ случаѣ меня ждетъ отдыхъ отъ невзгодъ. Мое твердое спокойствіе — это былъ тотъ красный цвѣтъ, которымъ дразнятъ быковъ: они забываютъ о блестящихъ передъ ними шпагахъ, они не чувствуютъ ранъ, они не слышатъ, какъ сочится ихъ кровь, и видятъ только этотъ ненавистный красный цвѣтъ, мелькающій передъ ихъ глазами. Тоже дѣлалъ я, дѣлалъ совершенно невольно со своими врагами. Они помирились бы съ самыми крупными моими недостатками, лишь бы только замѣтить, что я оскорбляюсь ихъ враждою, что я сержусь на ихъ выходки, что я волнуюсь ихъ нерасположеніемъ ко мнѣ. Но хлопотать, волноваться, измышлять интриги, унижать себя до клеветы, мारать свои руки грязью, бросая ее въ ближняго, кривить душою и звать, что все это дѣлается даромъ, что этотъ ближній остается спокоенъ, что онъ ихъ не считаетъ даже врагами, что онъ выражаетъ сожалѣніе о нихъ, о ихъ неудачахъ — это невыносимо. Сначала они еще имѣли утѣшеніе — они говорили, что я притворяюсь, что я рѣшусь своимъ равнодушіемъ и своимъ спокойствіемъ. Но шли дни, — я былъ здоровъ, румянъ, бодръ и дѣятеленъ, я ничѣмъ не проявилъ своего раздраженія, своей желчности, своего недовольства жизнью. Я не оттолкнулъ никого отъ себя, никому не высказалъ своего негодованія. Тогда пришлось назвать меня или героемъ, стоящимъ на недостижимой высотѣ надъ чернью, или пройдохою, желающимъ жить въ мирѣ со всѣми ради своихъ личныхъ интересовъ. Но какъ же назвать героемъ врага? Какъ объяснить, что ловкій пройдоха ради личныхъ выгодъ терпитъ около себя обираль-клеветниковъ? Враги раздѣлились тогда на два лагеря, одни признали меня безсердечнымъ и бездушнымъ циникомъ, у котораго нѣтъ ни симпатій, ни антипатій, который готовъ жать руку

каждому, не любя и не ненавидя никого, готовъ при случаѣ бросить рубль, сорвать десять, воспользоваться чужою женою и отдать другому свою жену, если бы она была; другіе сочли мей фапатикомъ идеи, который живетъ только ею, видитъ только ее, стремится только къ ней и смотритъ на міръ сквозь пальцы, не возмущаясь ничѣмъ, не радуясь ничему. Но гдѣ же были у первыхъ факты, что я готовъ обогатиться другимъ, охотно отдавая и свое, что я готовъ погубить человѣка такъ же равнодушно, какъ помогаю ему? Гдѣ были у вторыхъ свѣденія о той идее, во имя которой я оставляю безъ вниманія все совершающееся вокругъ? Первые видѣли, что до сихъ поръ я не воспользовался ничѣмъ чужимъ, не погубилъ никого; вторые видѣли, что я покуда просто изучаю гигиену и лечу людей и никакой особенной идеи не провожу въ жизнь. Но, какъ бы то ни было, пришедши къ этимъ выводамъ враги нѣсколько успокоились: одни начали остерегаться меня, какъ матеріалиста, безбожника; другіе начали ждать, какое чудо совершу я, чтобы разъяснить все, что дѣло, совершенное мною, не чудо, что оно выдуманное и не стоитъ, однимъ словомъ, поразить меня въ самое чувствительное мѣсто. Но я все еще не заускалъ руки въ чужой карманъ и не поражалъ міра чудомъ, а работалъ въ больницѣ, въ своемъ кабинетѣ, среди больныхъ бѣдняковъ...

Такимъ образомъ я сдѣлался «интереснымъ человѣкомъ», — человѣкомъ, о которомъ говорятъ, за которымъ слѣдятъ, котораго хотятъ разгадать. Барыни дѣлали мнѣ глазки, ихъ мужья держали ухо востро. Богѣе другихъ ухаживала за мною жена моего собрата по профессіи, Антонина Павловна Симоненко.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Поэзия Н. И. Северина.

I.

Сама Юлія Ивановна Савлина объясняла причины, заставившія ее примириться съ фальшивымъ положеніемъ «соломенной вдовы», слѣдующимъ образомъ:

— У насъ съ мужемъ почти съ первого же дня начались исторіи... Я въ немъ ужасно разочаровалась... Представьте себѣ, онъ вообразилъ, что я позволю ему распоряжаться моимъ состояніемъ, какъ его собственнымъ! Онъ считалъ меня совѣтъ душой и, кажется, женился на мнѣ только для того, чтобы заставлять меня подписывать всякія опасныя бумаги... Но, разумеется, онъ ошибся въ расчетѣ, и тогда у насъ пошли такія исторіи, такія исторіи... что даже тетенька Цыганова начала говорить, что намъ гораздо лучше раздѣхаться.. Да и не одна тетенька, все мои родные были того же мнѣнія, только татапа довольно долго его оттапывала, ей все казалось, что мнѣ хуже будетъ жить одной... Но когда я ей рассказала, какую онъ мнѣ сдѣлалъ сцену изъ-за моего дома на Ивановской, и какъ онъ подбирался ко мнѣ, чтобы купить дачу въ Павловскѣ, гдѣ у него эти амуры съ мадамъ Солнцевой завелись, ну, тогда и татапа должна была согласиться, что мнѣ не для чего гнаться за такимъ господиномъ!

О, да, господинъ Савлинъ ошибся въ расчетѣ, когда онъ женился на дѣвицѣ Глушковой! Да еще какъ ошибся! Эта маленькая, щедрая дѣ-

вушка, блѣдобрый и безбровый, съ мелкими, точно стертими чертами глуповатаго лица, оказалась далеко не душой и ему даже вскорѣ пришлось убѣдиться, что она во многомъ умнѣ его и что провести ее очень трудно.

Онъ взялъ ее изъ очень богатаго и солиднаго дома, въ которомъ никогда не занимались мечтаніями и легкомысленностями, не интересовались такими абстрактами и ни къ чему не ведущими вопросами, какъ политика, напримѣръ, литература или искусство, но за то каждому ребенку въ этомъ домѣ было извѣстно значеніе векселя, запродажной записи и разницы между нотаріальными и простыми документами. Въ этомъ домѣ была пропасть цѣнныхъ вещей — ковровъ, бронзы, мебели, фарфора, были даже хорошія картины, купленные, большею частью, по случаю, за безцѣнокъ, и множество, множество серебра.

Когда Юлія Ивановна сдѣлалась невѣстой и пришлось отдѣлать ей часть этого серебра, весь домъ Глушковыхъ отъ мала до велика, со всеми чадами и домочадцами, сочувствовалъ и раздѣлялъ благоговѣнное умиленіе, съ которымъ мать невѣсты, Авдотья Петровна, переступала черезъ порогъ заветной кладовой съ наставленными однимъ на другомъ ящиками, и указала на тѣ изъ нихъ, которые должны были, согласно завету ея покойнаго мужа, перейти ихъ дочери. При этомъ она обратилась къ жениху и невѣстѣ съ торжественной рѣчью:

— Желаю и вамъ, точно также цѣло и честно, передать это серебро дѣтямъ, которыхъ вамъ пошлетъ Господь, и даже приумножить его, какъ мы съ напѣнькой приумножили, проговорила она взволнованнымъ и глубоко расстроганымъ голосомъ, — и повѣрьте мнѣ, что это вовсе не такъ трудно, какъ думаютъ легкомысленные люди; стоитъ только придерживаться тому правилу, которому съ поконъ вѣка придерживаются въ нашей семьѣ, а именно: никогда ничего не продавать изъ дому, а напротивъ того, при всякомъ удобномъ случаѣ дешево пріобрѣтать такіе вещи, которыя цѣности своей терять не могутъ и съ каждымъ годомъ дѣлаются рѣдкостью и дороже. Вотъ и весь секретъ, и вотъ почему у насъ всего такъ много.

Она говорила правду, у нихъ всего было много, и даже въ Москвѣ, гдѣ богатымъ невѣстамъ, можно сказать, притонъ, Юлія Ивановна слыла лакомымъ призомъ. Какъ это случилось, что счастливымъ избранникомъ оказался гвардеецъ Савлинъ? Чѣмъ именно плѣнилъ онъ ее? Красивымъ лицомъ и длинными усами? Блестящимъ мундиромъ или ловкостью, съ которою онъ хватывалъ даму и высоко приподнималъ ее съ паркета, кружась съ нею въ мазуркѣ? А можетъ быть, очаровалъ онъ дѣвицу Глушкову тѣмъ, что никто лучше его не умѣлъ страстно выпиваться въ нее взглядомъ и возбуждать въ ней такое непреодолимое желаніе цаловаться, что даже по временамъ желаніе это затмѣвало въ ней разсудокъ и заставляло ее мысленно соображать, сколько серебрянныхъ ложекъ и кофейниковъ можно отдать за такой поцѣлуй?

И выдавались такіе минуты, когда дѣвицѣ Глушковой казалось, что цѣлымъ ящикомъ серебра не жалко пожертвовать за подобное блаженство!

Но, разумеется, до такой щедрости она доходила только въ мечтахъ, въ дѣйствительности же, послѣ того, какъ Юлія Ивановна получила не одинъ, а нѣсколько десятковъ поцѣлуевъ отъ гвардейца Савлина, и совершенно даромъ, (сдѣлавшись ея женихомъ, онъ же возилъ ей каждый день конфеты и подарки), — въ дѣйствительности, она глубоко оскорбилась при его первой попыткѣ злоупотребить ея слабостью къ нему.

Когда Алексѣй Алексѣевичъ Савлинъ, гремя шпорами и благоухая модными духами въодно пре-

красное утро влетѣлъ въ спальню своей супруги и, нѣжно поцаловавъ у нее ручку, предложилъ ей небрежнымъ тономъ, и какъ вещь самую обыкновенную, поставить свою подпись на длинненькой бумажкѣ съ просвѣчивающимъ въ срединѣ двуглавымъ орломъ, Юлія Ивановна очень обидѣлась. Чтожъ это, наконецъ, ее, кажется, совѣтъ за дурачку принимаютъ?

— Неужели вы думаете, что мнѣ неизвѣстно, чѣмъ я рискую, подписывая эту бумажку. Я отлично понимаю, что если я это только сдѣлаю, черезъ три мѣсяца мнѣ придется уплатить за васъ семь тысячъ... Гдѣ же вамъ достать такую сумму, у васъ ничего нѣтъ?

О! съ какимъ серьезнымъ презрѣніемъ выпучила она на него свои блѣдные глаза, произнося эти слова. Ему даже немножко холодно сдѣлалось отъ этого взгляда, но вмѣстѣ съ тѣмъ и смѣшно.

— До этого не дойдетъ, мой ангелъ, произнесъ онъ, закусывая себѣ подъ усамъ губы, чтобы не расхохотаться, — развѣ ты не знаешь, что у меня есть состояніе?

Нѣтъ, она этого не знала и даже была твердо убѣждена въ противномъ. Про его имѣніе въ смоленской губерніи она слышала, это правда, но вѣдь онъ же самъ не скрывалъ, что имѣніе это давнымъ давно заложено и перезаложено, что подъ него получены и прокучены всевозможныя ссуды, и долгосрочныя, и краткосрочныя... Въ семьѣ Глушковыхъ такіе имѣнія цѣнились очень низко и на обладателей ихъ смотрѣли съ глубокимъ презрѣніемъ.

— Ваше имѣніе заложено; какъ это у васъ достаетъ духу говорить про него! вскричала она съ большимъ негодованіемъ. — Оно заложено; мамаша говоритъ, что это все равно, что его нѣтъ.

Офицеръ тоже вскипѣлъ и началъ доказывать, заикаясь отъ гнѣва, что это вовсе не все равно.

Тутъ между молодыми произошла первая супружеская стычка, и Юлія Ивановна вполне выказала самостоятельность своего характера. До сихъ поръ, только нянюшки, гувернантки, да мамаша знали, что это за золото, но теперь и у молодого супруга открылись глаза. Разговоръ дѣлался все крупнѣе и крупнѣе, дошло до намековъ на разводъ. Юлія Ивановна первая произнесла это роковое слово, въ ней всегда рѣшительности было очень много.

— Возьмите ваши пожитки и убирайтесь вонъ! выговорила она дрожащими отъ ярости губами: — Домъ мой!

— А сами то вы чьи, какъ вы думаете? началъ извѣтельно произносить гвардеецъ. — Совѣтую вамъ спросить у знающихъ людей про мою власть надъ вами, они вамъ скажутъ, прибавилъ онъ, съ трудомъ сдерживая порывъ гнѣва и поспѣшными шагами направляясь къ двери.

Длинненькая бумажка, съ которой онъ полчаса назадъ такъ самоуверенно и легкомысленно влетѣлъ въ спальню жены, все въ томъ же видѣ дрожала въ его судорожно сжатой рукѣ; онъ сердитымъ жестомъ сунулъ ее въ боковой карманъ, сбѣжалъ съ лѣстницы и, вскопчивъ въ дождавшуюся у крыльца эгоистку, приказалъ везти себя къ тещѣ.

Юлинькина мамаша жила черезъ двѣ улицы, гнѣвъ Савлина не успѣлъ остыть во время перѣзда черезъ такое ничтожное пространство и онъ въ довольно сильныхъ выраженіяхъ излил передъ нею свое негодованіе на жену.

— Вы понимаете, татапа, чѣмъ все это можетъ кончиться? повторялъ онъ, путаясь отъ волненія въ словахъ. — Она позволила себѣ оскорбить меня такими пошлыми, такими наглými намеками, такіе слова не забываются, вы понимаете?.. Намъ теперь вмѣстѣ жить просто невозможно... вы понимаете, это будетъ невыноси-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА К. КАРТЕРА.

Съ фотографии Ангерера въ Вѣнѣ.

мая пытка... Я не зналъ, что у нее такой... такой чертовскій характеръ... вы должны были меня предупредить, понимаете?..

Мамапъ поняла, что только что слѣпившейся парочкѣ грозитъ разъединеніе и что однимъ изъ послѣдствій этого разъединенія будетъ возвращеніе Юлиньки въ родительскій домъ... Перспектива эта представляла такъ мало привлекательнаго, что старушка рѣшилась избрать изъ двухъ золъ меньшее и пожертвовать тѣми семью тысячами, изъ за которыхъ у молодыхъ «сыръ боръ загорался».

— Только, пожалуйста, mon cher, чтобъ это не повторялось, жалобно протянула она, подавая ему аккуратно перевязанныя пачки ассигнацій, — я не могу постоянно платить вашихъ долговъ, это вовсе не въ нашихъ правилахъ. Мы сами никогда никому не одолжаемся и терпѣть не можемъ безпорядка въ расходахъ... Юлиньку я не оправдываю, она могла бы совершенно спокойно и вѣжливо объяснить вамъ неловкость вашей просьбы, къ чему тутъ кричать и горячиться? Но возьмите въ соображеніе, что такіа выходки, какъ та, которую вы сегодня себѣ позволили, не приняты въ нашемъ семействѣ и что дочь моя никогда не видѣла и не слышала ничего подобнаго... Ея гнѣвъ и изумленіе весьма естественны; впрочемъ, я все-таки переговорю съ нею и посоветую ей извиниться передъ вами... Надѣюсь, что и вы, со своей стороны, будете остерегаться подавать поводъ къ подобнымъ неприятностямъ... Почтенная дама говорила очень тихо и вѣжливо, безъ злобы и жолчи; къ тому же, не дождавшись просьбы съ его стороны, она сама догадалась вручить ему пужныя деньги; по деньгамъ эти прожигали ему руки хуже, чѣмъ еслибы онѣ были заняты на огромные проценты у злѣйшаго ростовщика. У Савлина едва хватило силъ пробормотать благодарности; весь гнѣвъ волновавшій его полчаса тому назадъ, замѣнился какимъ-то гнетущимъ душу омерзѣніемъ... Никогда еще не испытывалъ онъ такой досады на всѣхъ, начиная отъ самого себя и кончая той вертлявой Арманей, для которой еще въ прошломъ году заявлялъ деньги подъ этотъ проклятый вексель. Ему казалось, что онъ испытываетъ ощущеніе чужака, получившаго помечину безъ свидѣтелей, и онъ въ такомъ смущеніи вернулся домой, что даже не замѣтилъ, съ какими боязливымъ любопытствомъ поглядываютъ на него жена.

Дѣло въ томъ, что въ тоже утро судьба послала Юлію Ивановну знающаго человѣка, который выяснилъ ей, какъ нельзя лучше, какія права имѣетъ надъ нею красивый гвардеецъ. Оказывалось, что съ нимъ вовсе не такъ легко разойтись, какъ она до сихъ поръ воображала, что онъ можетъ требовать ее къ себѣ отовсюду, не выдавать ей отдѣльнаго вида на жительство, таскать ее за собою, куда ему вздумается, и наконецъ, даже бить ее!.. Жаловаться мировымъ судьямъ жена имѣетъ право только тогда, когда побой, нанесенный ей мужемъ, смахиваютъ на увѣчья и оставили слѣды, обстоятельно объяснилъ Юлію Ивановну знающій человѣкъ.

Вотъ какую власть имѣлъ надъ нею господинъ, которому она сегодня такъ безцеремонно приказывала собрать свои пожитки и убраться вонъ изъ ея дома!

Правда, онъ не имѣетъ права отнять у нее этотъ домъ и даже долженъ выѣхать изъ него, если она будетъ на этомъ настаивать, но за то онъ и ее можетъ лишить удовольствія жить въ немъ, да и мало-ли какихъ удобствъ можетъ онъ ее лишить, и мало-ли какъ онъ можетъ ее мучить, оставаясь въ предѣлахъ законности и не подвергая себя за это ни малѣйшей отвѣтственности! Вотъ какой цѣной кушила она право безпрепятственно цаловаться съ красивымъ гвардейцемъ и носить его имя! Удовольствіе это

обошлось много дороже, чѣмъ она воображала, тутъ уже пахло не ящикомъ серебра, а, пожалуй, цѣлымъ состояніемъ... Кто его знаетъ, что онъ за человѣкъ, этотъ гвардеецъ, и до какихъ крайностей можетъ дойти?

Юлія Ивановна узнала это очень скоро и потому сама надъ собою хохотала, припоминая всѣ страхи, навѣянные на нее знающимъ человѣкомъ въ то достопамятное утро. Онъ ей сказалъ правду, этотъ знающій человѣкъ, у Савлина были огромные права на нее, но все это было опасно и страшно только въ теоріи; на практикѣ же выходило такъ, что вся сила заключается не въ правахъ, а въ умѣньими пользоваться. Убѣдившись разъ навсегда, что супругъ ея не одаренъ отъ природы такимъ искусствомъ, Юлія Иванова совершенно успокоилась и они зажили, какъ всѣ порядочные люди живутъ.

Разумѣется, безъ легкихъ уступокъ и съ ея стороны не обошлось; приходилось не только содержать красиваго гвардейца, но также время отъ времени принимать и угощать его друзей и знакомыхъ, приходилось дѣлать ему кое-когда подарки и даже уплачивать счета его портного и сапожника, такъ какъ жалованья его хватало только на перчатки да на сигары, но мамапъ совѣтывала ей не огорчаться такими неизбежными расходами, когда имѣешь молодого и красиваго мужа, служащаго въ гвардіи; ужъ безъ того нельзя, чтобъ иногда не поступиться правилами благоразумія и экономіи, что дѣлать! Юлія Ивановна должна еще считать себя счастливей другихъ... вонъ мужъ Лизы Комбиной содержитъ кокотку, для которой онъ заложилъ брильянты своей жены, а маркизу Ольгу супругъ обобралъ какъ липку и бросилъ съ четырьмя дѣтьми на произволъ родественниковъ, а Совичка Мухина, а Наденька Рославина?.. И сколько еще такихъ, которыхъ не изъ ихъ круга и которыхъ онѣ не знаютъ! Вѣроятно, и съ ними мужья поступаютъ точно также безцеремонно и не деликатно... Нѣтъ, ея Сержъ все же лучше другихъ; правда, онъ не отличается аккуратностью и умѣньемъ копить деньги; напротивъ того, сколько не дай ему рублей, онъ ихъ тотчасъ же всѣ спуститъ и на такіа глупости, что потомъ самому стыдно сознаться; нельзя также сказать, чтобъ онъ былъ очень нѣженъ и внимателенъ къ женѣ и охотно бы сидѣлъ дома, по таскается онъ больше по такимъ домамъ, гдѣ собирается приличное общество, дамы, дѣвицы, гдѣ играютъ въ petits jeux, занимаются музыкой и танцуютъ подъ фортопьяно... Что можетъ быть невиннѣе этого? Юлія Ивановна должна была благодарить Бога за такого мужа... Правда, въ ихъ кружкѣ болтали про мадамъ Солнцева и про то, что она неравнодушна къ моему Савлину, но мадамъ Савлина начала прислушиваться къ этимъ сплетнямъ только тогда, когда мужъ ея возмѣнилъ несообразную мысль заставить ее продать домъ на Ивановской и купить дачу въ Павловскѣ.

Такъ захотѣлось ему эту дачу, что онъ даже не въ силахъ былъ прилично перенести отказъ и запальчиво объявилъ, что все равно переѣдетъ на все лѣто и на всю осень въ Павловскъ, хотя бы за наемъ той дачи, которую онъ предлагаетъ купить, пришлось бы заплатить втридорога.

— А какъ же ваша служба? усмѣхнулась Юлія Ивановна.

— Я подаю въ отставку, проворчалъ онъ сквозь зубы.

— Отлично! Значитъ, вы ужъ тогда будете совсѣмъ жить на мои деньги?

Онъ поблѣднѣлъ и молча вышелъ изъ комнаты, изо-всей силы хлопнувъ дверью, а Юлія Ивановна громко расхохоталась ему вслѣдъ. Подобныя сцены довольно-таки часто разыгрывались между супругами Савлиными, и всегда кончались ничѣмъ, но на этотъ разъ послѣдствія вы-

шли самыя неожиданныя: красивый гвардеецъ вышелъ въ отставку и исчезъ безслѣдно, не только изъ Петербурга, но даже изъ его окрестностей. Одновременно съ нимъ выѣхала изъ Павловска и мадамъ Солнцева съ своей маленькой дочерью, и тоже ни съ кѣмъ не простившись и никому не сообщивши о томъ, куда она ѣдетъ.

Новость эта, съ быстротою молніи облетѣла всѣхъ родныхъ и знакомыхъ скрывшейся съ горизонта влюбленной парочки. У мадамъ Глушковой, въ одно утро перебивало болѣе двадцати пріятельницъ и почти столько же старичковъ-пріятелей. Только къ шести часамъ вечера удалось ей самей вырваться изъ дому и поспѣвать къ дочери.

— Что Юлинька? спросила она у старичка лакея, отворившаго ей дверь.

— Ничегось, онѣ изволятъ кушать.

Кушаетъ! Значитъ ничего еще не знаетъ, подумала почтенная дама, проникая черезъ гостиную въ довольно большую столовую, освѣщенную довольно тускло одной лампой. Среди этой комнаты стоялъ накрытый четырехъ-угольный столъ, за которымъ Юлія Ивановна, въ пестромъ ситцевомъ канотѣ, довольно грязномъ и смятомъ, съ большимъ апетитомъ кушала курицу съ рисомъ.

Появленіе матери въ такой неурочный часъ, кажется, удивило ее немножко.

— Это вы, мамапъ? Что это вамъ вздумалось ѣздить въ гости въ такое время? Всѣ обѣдаютъ... Вы ужъ кушали, вѣрно? спрашивала Юлія Ивановна, вытирая губы и пальцы и подходя къ рукѣ матери.

Авдотья Петровна еще не кушала, но ей сегодня было не до ѣды; она просила дочь не стѣсняться ея присутствіемъ и та снова принялась за свою курицу.

— А я думаю: кто это звонитъ? продолжала говорить Юлія Ивановна въ промежуткахъ между ѣдой, — вѣдь, кажется, должны знать, что я обѣдаю въ шесть часовъ, а все лѣзутъ!.. Удивительно право, сколько есть людей въ Петербургѣ, которые не готовятъ дома своего кушанья и расчитываютъ на чужой обѣдъ!

Движенія ея были такъ спокойны, голосъ и выраженіе лица такъ веселы, что мать подумала, что дочь ничего не знаетъ и что ей первой предстоитъ щекотливая задача сообщить дочери не-пріятное извѣстіе, о которомъ со вчерашняго дня бубнить весь городъ.

Опускаясь на стулъ, торопливо подставленный ей лакеемъ, старушка скорчила печальную гримасу и унылымъ тономъ освѣдомилась о здоровьи внука.

— Володя спитъ, кажется, онъ сегодня много гулялъ и очень усталъ, отвѣчала Юлія Ивановна.

Мадамъ Глушкова тяжело и глубоко вздохнула и, помолчавъ немного, еще ниже опустила углы губъ, еще мрачнѣе посмотрѣла на дочь и спросила, не получила ли она извѣстій отъ мужа?

— Сейчасъ я вамъ скажу, мамапъ, дайте мнѣ только пообѣдать, il faut renvoyer le domestique.

И съ этими словами, она нагнулась къ стоявшему передъ нею блюду, порылась въ немъ ложкой и вилкой, вытащила какой-то вкусный кусочекъ изъ подъ риса, облитого соусомъ, и положила его себѣ на тарелку. А затѣмъ, она обратилась къ лакею съ приказаніемъ отнести блюдо съ остаткомъ курицы и соуса въ кладовую и не возвращаться до тѣхъ поръ въ столовую, пока его не позовутъ.

— Со стола можно будетъ убрать, когда маленька уѣдетъ, пояснила она.

Когда старикъ лакей вышелъ, Юлія Ивановна, неторопясь, скушала все, что у нее было на тарелкѣ, вылила полстакана воды съ краснымъ

виномъ и, устремивъ на мать холодный, пронзительный взглядъ, спросила:

— Вы желаете знать, имѣла ли я извѣстія отъ Alexis, татап? Вы, вѣрно, ужь слышали что-нибудь? Да, я вчера получила отъ него письмо, онъ пишетъ, что рѣшился навсегда со мной разстаться... Онъ поселился въ своемъ имѣніи съ мадамъ Солнцевою.

Она смолкла, продолжая пристально смотрѣть на свою слушательницу и наслаждаясь эффектомъ своего сообщенія. Эффектъ вышелъ поразительный, чѣмъ она ожидала: мадамъ Глушкова выпучила глаза и открыла ротъ, но отъ изумленія не могла произнести ни слова.

— Что это вы такъ опѣшили, татап? засмѣялась Юлія Ивановна. — Чему тутъ дивиться? Этого надо было давно ожидать! Alexis никогда меня не любилъ и женился на мнѣ только изъ-за моего состоянія... Когда онъ убѣдился, что до моихъ денегъ ему никогда не добратся, что у меня ихъ ничѣмъ не выманить, ни лаской, ни хитростью, ну, тогда чтожъ ему оставалось дѣлать, судите сами? Надо только дивиться, какъ это онъ раньше не уѣхалъ отъ меня куда-нибудь!.. Впрочемъ, тутъ ужь Солнцева виновата; она говорятъ, долго не могла рѣшиться на такой esclandre, да и попятно, maintenant c'est une femme perdue de réputation и всѣ ее осуждаютъ...

— И не жалко тебѣ мужа, Юлинька? пробормотала старушка, озадаченная спокойствіемъ дочери, — вѣдь ты его любила!

— Полноте, татап! Можно ли вспоминать такой вздоръ? Я была совсѣмъ ребенокъ тогда и мнѣ приглянулась его рожица, вотъ и все! Каждой дѣвчонкѣ нравятся красивые мужчины и каждой хочется выйти замужъ за красавца, а не за уродъ... Но потомъ, я очень скоро узнала какой онъ ничтожный и легкомысленный человѣкъ, какъ онъ привыкъ тратить деньги по пустякамъ и какъ всякому мужику легко надуть его... Развѣ такого человѣка можно любить? Его даже уважать нельзя.

Юлія Ивановна отставила въ сторону тарелку съ обглоданными костями курицы, придвинула къ себѣ блюдечко съ остатками вчерашняго пирога и произнесла рѣшительнымъ тономъ: — Alexis очень глупый человѣкъ, татап, всѣ его поступки это доказываютъ.

Наступило молчаніе.

— Однако, все же онъ тебѣ мужъ, душа моя снова начала Авдотья Петровна, и мнѣ кажется, что такъ оставить нельзя...

— Почему же нельзя, татап? А по моему, непременно надо такъ оставить.

И старательно облизнувъ ложечку, къ которой пристало варенье отъ вафли, Юлія Ивановна начала доказывать матери, что сокрушаться объ исчезновеніи господина Савлина рѣшительно не стоитъ и даже, во многихъ отношеніяхъ, надо этому радоваться.

— Вы представить себѣ не можете, какъ мнѣ безъ него ловко, татап! Я совсѣмъ свободна, лошадей моихъ никто не беретъ, ѣзжу куда вздумается, неожиданныхъ гостей, какъ бывало при немъ, ни къ обѣду, ни къ завтраку не является, и сама я кушаю, что хочу и когда хочу... Денегъ выходитъ несравненно меньше. Вчера я рассчитала его камердинера, думаю также и повара отпустить... Съ меня и одной кухарки довольно, званныхъ обѣдовъ я терпѣть не могу задавать, для чего же мнѣ держать повара? Наконецъ, можно и квартиру выбрать поменьше, а эту съдать, все это составитъ около трехъ тысячъ экономіи въ годъ, право, я считала.

Мадамъ Глушкова не безъ досады покачала головой.

— Такъ разсуждать можно только тогда, когда человѣкъ умеръ, душа моя, а твой мужъ

живъ, и отъ него можно каждый день ждать неприятностей.

— Нѣтъ, татап, Alexis не можетъ мнѣ дѣлать неприятности... У меня противъ него такіа улики, что мнѣ ничего не стоитъ ихъ обоимъ въ монастырь сослать, вотъ что!

— Какія улики? встрепенулась старушка.

— Самые важныя, татап, собственноручное его письмо ко мнѣ, въ которомъ онъ во всемъ сознается и такъ компрометируетъ свою душу, что я и ее могу унечь, весело засмѣялась Юлинька.

— Неужели? Мнѣ очень хотѣлось бы видѣть это письмо.

— Что это, татап! Развѣ такіа письма можно показывать до поры, до времени! Ихъ даже опасно держать въ домѣ, вотъ что я вамъ скажу. Я тотчасъ же увезла это письмо въ надежное мѣсто и немедленно увѣдомила объ этомъ Алексѣя Алексѣевича, чтобъ онъ и не мечталъ отнять у меня его... Я вѣдь знаю, что изъ-за такихъ писемъ человѣкъ, когда опомнится, на всякое преступленіе готовъ пойти, и я оградилъ себя.

Слушая такіа рѣчи, мадамъ Глушкова просто ушамъ своимъ не вѣрила и надвинувшись не могла благоразумію и предусмотрительности своей дочери. Должно быть, чувства, волновавшія ее душу, очень явственно отражались на ея лицѣ, потому что Юлинька не могла удержаться отъ насмѣшливой и самодовольной улыбки и, лукаво прищуриваясь однимъ глазомъ, спросила:

— А вѣдь сознайтесь, татап, что вы до сихъ поръ считали меня совсѣмъ душой?

И не дождавшись отвѣта, она продолжала, не переставая ухмыляться:

— Но я вовсе не дура и никогда не была душой. Я, бывало, и маленькая только объ одномъ и думаю, какъ бы такъ устроить, чтобъ меня никто не обидѣлъ и не обманулъ, и чтобъ у меня ничего не отняли, а также объ томъ, чтобъ мнѣ всегда было хорошо и ни въ чемъ не нуждаться... У глупой женщины такихъ мыслей не можетъ быть на умѣ, спросите у кого хотите, всякій вамъ это скажетъ.

Мадамъ Глушковой нечего было спрашивать, она и сама это знала, но ее неотступно мучила другая забота.

— Все это хорошо, Юлинька, однако, съ кѣмъ же ты будешь жить? У меня, ты сама знаешь, нѣтъ такого помѣщенія въ домѣ, чтобъ тебѣ съ Володей покойно было... да и отвыкла я отъ твоихъ привычекъ, мы будемъ только стѣснять другъ друга.

— Я вовсе и не думаю съ вами жить, татап.

— А одной тебѣ неловко, vous êtes une jeune femme, Богъ знаетъ, что начнутъ говорить! вздохнула сантиментально старушка. — Да и трудно тебѣ будетъ, мой ангелъ, въ твои лѣта...

Дочь устала на нее своимъ холоднымъ взглядомъ.

— Что такое трудно, татап? Начали, такъ договаривайте, что такое трудно? настойчиво повторила она.

И при этомъ лицо у нее сдѣлалось пресердитое, губы и носъ, точно чѣмъ-то прищипнутые, сжались.

— Кончитесь тѣмъ, que vous prendrez un amant! бухнула раздражительно старушка.

Юлія Ивановна громко расхохоталась.

— А, договорились наконецъ! Я отлично видѣла, къ чему клонится ваша рѣчь... Извините меня, татап, но, право же, у васъ только глупости на умѣ. Да развѣ я мадамъ Солнцева, чтобъ всю жизнь амурами заниматься? Un amant! Вѣдь придетъ же въ голову! Какъ вы легкомысленно судите, татап. О такихъ глупостяхъ только дѣвчонкамъ позволительно мечтать, а я, слава Богу, не гимназистка какая-нибудь! Шесть лѣтъ была замужемъ, всѣ эти амуры на опытѣ испытала, знаю, чего

они стоятъ даже съ законнымъ мужемъ, и могу себѣ представить, до чего могутъ довести les amants самую умную, самую разсудительную женщину!

И, помолчавъ немного, она продолжала, посягая немножко свысока на сконфуженную старушку:

— Теперь другой вѣкъ, татап. Это въ ваше время однимъ только суицидами да сувенирами жили, но молодое поколѣніе на все иначе смотритъ и вотъ увидите, какъ я отлично устроюсь одна! Въ Петербургѣ мнѣ дѣлать нечего, и дорого, и климатъ сѣверный и на тряпки падо цѣны капиталы тратить, потому что носу нельзя показать на улицу, чтобъ не встрѣтить знакомыхъ. Заграницей на этотъ счетъ гораздо удобнѣе. Поселимся мы съ Володей въ Швейцарію; тамъ, говорятъ, за полтора рубля въ сутки можно все имѣть, и квартиру, и столъ отличный, и прислугу, и будемъ себѣ жить... Отличные фрукты по дешевой цѣнѣ кушать, великолѣпной природой даромъ любоваться, самую лучшую музыку за три копейки слушать и, наконецъ, здоровымъ, теплымъ воздухомъ наслаждаться, чего же лучше, скажите на милость?

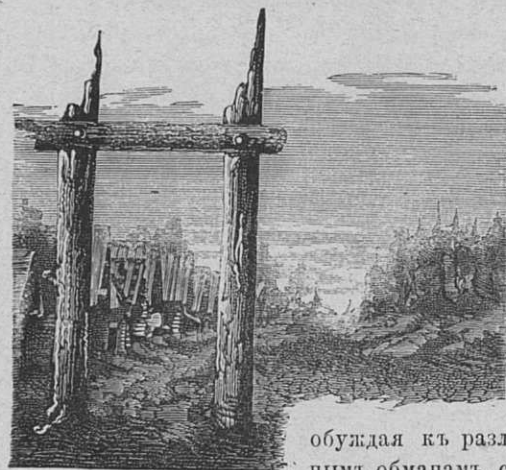
— Чего лучше, согласилась съ дочерью госпожа Глушкова.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Практическія послѣдствія суетвѣрій.

Ст. д-ра Мангардта.

(Продолженіе.)

обуждая къ различнымъ обманамъ, суетвѣріе нерѣдко ведетъ и къ клятвеннымъ преступленіямъ.

Въ подтвержденіе этого мнѣнія, я приведу рѣшеніе суда въ Данцигѣ, 24 октября 1863 г., которымъ было выяснено, что сапожникъ Вальдекъ, изъ Гинска, подговаривалъ рабочаго Вишневецкаго, изъ Артшау, дать ложную присягу по дѣлу о кражѣ снопа пшеницы, стараясь успокоить его религіозныя сомнѣнія тѣмъ, что «ложная присяга не имѣетъ никакихъ дурныхъ послѣдствій, если во время произнесенія ея держать подъ языкомъ горошину, а въ лѣвомъ карманѣ селедочную голову».

Чаще всего въ нашей мѣстности суду приходится имѣть дѣло съ «поврежденіями труповъ и оскверненіемъ могилъ». Преступленія эти совершаются по различнымъ причинамъ, чаще всего вслѣдствіе вѣры въ вампировъ. Это вѣрованіе возникло за тысячелѣтія до нашего времени и встрѣчается, какъ единичное явленіе, въ средѣ пѣмцевъ и, какъ заурядное, въ славянскомъ мірѣ. Душа умершаго, оставшая по сю сторону рѣки смерти, по немнѣнию плати за перевозъ, возвращается въ похороненный трупъ, сообщаетъ мягкость кожѣ и румянецъ, мертвецъ пачинаетъ грызть и сосать свой саванъ и, наконецъ, выходитъ по ночамъ изъ могилы, уводя съ собою сначала родственниковъ, а потомъ и постороннихъ, такъ что возникаетъ общая смертность, эпидемія. Уже за 900 лѣтъ упоминается объ этомъ вѣрованіи въ канонахъ Буркгардта Вормскаго, оно играетъ также значительную роль въ

сказанія о волшебникѣ Митотинѣ, возникшихъ въ самую раннюю эпоху римскаго язычества, и переданныхъ Саксомъ Грамматикомъ. У русскихъ, поляковъ, вендовъ, южныхъ славянъ, чеховъ, валлаховъ и ново-грековъ можно доказать существованіе вѣры въ вампировъ, подъ различными наименованіями, какъ въ древнѣйшія времена, такъ и нынѣ. Вырытіе предполагаемаго вампира, Арнольда Паоле, въ сербской деревнѣ Медвѣдіе въ 1727 г. получило извѣстность, благодаря сообщенію, сдѣланному въ берлинской академіи наукъ тогдашнимъ губернаторомъ Бѣлграда, принцемъ Карломъ-Александромъ Виртембергскимъ, и велѣдъ за этимъ возникла цѣлая литература по этому вопросу, подробный сводъ мнѣній которой можно найти въ трактатѣ Михеля Рапфта дьякона въ Небро, озаглавленномъ «О жеваніи и глотаніи мертвецовъ», Лейпцигъ, 1734 *).

У кассубовъ вѣра въ вампировъ выражается въ слѣдующей формѣ: человѣкъ, родившійся съ зубами или краснымъ пятномъ на тѣлѣ, или въ такъ называемой сорочкѣ, или умершій съ ненавистью къ кому нибудь, становится послѣ смерти вампиромъ, т. е. знающимъ, видящимъ, колдуномъ. Трупъ его остается румянымъ, живъ глазъ открытымъ. Онъ продолжаетъ жить въ гробу, тѣло его не разлагается. Ночью встаетъ онъ изъ могилы, приходитъ къ постели спящаго, ложится рядомъ и высасываетъ теплую кровь изъ сердца. На утро слѣдомъ ночного пощеченія остается только красное пятнышко, едва замѣтная ранка на лѣвой сторонѣ груди, по укушенный заболѣваетъ и умираетъ. За одною жертвою вскорѣ слѣдуетъ другая; сначала вампиръ убиваетъ родныхъ, а затѣмъ и прочихъ согражданъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ повѣрье, что первый, кто умретъ отъ чумы, не лежитъ, а сидитъ прямо въ могилѣ и грызетъ свой саванъ. Пока онъ не изгрызенъ, смертность не прекращается. Когда умрутъ родные и сосѣди вампира, онъ звонитъ въ церкви въ похоронный колоколъ, и на всемъ пространствѣ, гдѣ слышится его звонъ, все живущее подлежитъ смерти. Къ счастью, существуетъ не мало средствъ къ прекращенію такихъ бѣдствій; нужно вырыть вампира и вложить ему въ ротъ монету, положить основной крестъ на грудь или подъ подбородокъ и подъ обѣ руки. Мнѣ приводилось слышать не мало интересныхъ повѣрій отъ жены могильщика въ Клейнъ-Кацѣ, которую издали приглашали и католики и протестанты на совѣтъ къ роженницамъ и для одѣванія покойниковъ. Она признавалась мнѣ, что даетъ женщинамъ для облегченія родовъ несколько камня, упавшаго съ неба во время грозы и непременно каждому покойнику суеетъ въ ротъ ифенингъ и кладетъ основной крестъ на грудь и подъ мышки, изъ опасенія, чтобы онъ не вернулся на землю. Добрая старуха и не подозрѣвала, что она исполняетъ древнеязыческій обычай снабжать покойника деньгами для путешествія въ царство мертвыхъ. Слѣдующее средство считается также дѣйствительною предосторожностью. Мертвецу отдѣляютъ заступомъ голову отъ туловища и въ промежутокъ насыпаютъ земли. Есть и другія средства дать занятіе мертвецу и помѣшать его выходу изъ могилы. Его завертываютъ въ рыболовную сѣть и оборачиваютъ лицомъ къ землѣ или засыпаютъ гробъ до полна макомъ. Онъ долженъ принятъ за мучительную работу, пересчитать маковая зернышки и распушить петли. Заболѣвшіе отъ укушенія вампира выздоравливаютъ, если къ питью ихъ примѣшать нѣсколько капель крови изъ отрубленной головы **).

*) См. мое сочиненіе «Вампиризмъ» Zeitschrift für deutsche Mythol. IV. 259—282. Хануша о вампирахъ тамъ же, стр. 198—201.

**) Источникомъ служатъ мои собственныя наблю-

еще нерѣдко повторяется фактъ, бывшій въ 1700 г. на островѣ Миконѣ, при вырытіи изъ земли предполагаемаго вампира, что возбужденная толпа, безъ всякаго основанія, находить трупъ теплымъ и кровь красною.

Что же удивительнаго, если эти фантастическія представленія переходятъ въ факты? Къ священнику въ Клейнъ-Кацѣ является огорченный отецъ семейства у котораго умерло трое дѣтей, а четвертый заболѣлъ, и проситъ позволенія вырыть изъ могилы, одного недавно умершаго, котораго общая молва называетъ вампиромъ. Къ священнику въ Краковѣ обращаются съ подобною же просьбою. Родные братья покойника снѣшаютъ нарочно изъ Помераніи, чтобы вырыть его изъ могилы, такъ какъ въ семьѣ ихъ обнаружилась необычайная смертность. Священникъ не даетъ разрѣшенія, они ночью все-таки разрываютъ могилу. Подобная церемонія совершается, безчисленное множество разъ тайкомъ отъ священника, и только рѣдкіе случаи доходятъ до свѣденія властей и преслѣдуются судомъ. Я приведу только нѣсколько примѣровъ, изъ множества извѣстныхъ мнѣ, чтобы указать, что сто лѣтъ тому назадъ даже лица, принадлежавшія къ высшему классу, совершали эти преступленія. Умираетъ одинъ изъ потомковъ чрезвычайно уважаемой въ Западной Пруссіи фамиліи Вольшлегеръ и затѣмъ неожиданно слѣдуютъ нѣсколько родственниковъ, причина смерти которыхъ остается неразъясненной. Вспоминаютъ, что лицо умершаго не потеряло румянца и возникаетъ общее убѣжденіе, что онъ вампиръ — кровопийца. Созывается семейный совѣтъ и на немъ постановляется, что Іосифъ Вольшлегеръ, (умершій въ 1820, въ глубокой старости въ званіи ландшафтедиректора), въ ту пору совсѣмъ молодой человѣкъ, пользовавшійся репутаціею неустрашимаго храбреца, отрубилъ голову своему мертвому дядѣ. Въ сопровожденіи бернардинскаго монаха изъ якобсдорфскаго монастыря близъ Коница, отправляются они въ монастырскій склепъ; въ рукахъ у нихъ по зажженной свѣчѣ. Открываютъ гробъ и приподнимаютъ трупъ, чтобы положить его на край гроба. Вслѣдствіе этого движенія, голова покойника опрокидывается назадъ и нагоняетъ такой страхъ на монаха, что онъ роняетъ свѣчу и убѣгаетъ. Оставшись одинъ, Вольшлегеръ не теряетъ присутствія духа; принесеннымъ топоромъ онъ отрубаетъ голову, но ему кажется, что на него брызнулъ потокъ крови и въ тоже время гаснетъ послѣдняя свѣча. Съ величайшимъ трудомъ удается ему въ потьмахъ собрать нѣсколько капель крови и выбраться изъ склена. Съ нимъ дѣлается горячка. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, можно было еще видѣть трупъ съ отрубленной головой, лежащей между ногъ, въ наследственномъ склепѣ фамиліи Вольшлегеръ въ Якобсдорфѣ *).

Въ 1849 году, одна крестьянка изъ Бархфельда близъ Данцига, рассказывала мнѣ, что тамъ недавно умерла «старая Вельмше». Никто не обратилъ вниманія на то, что у покойницы было румяное лицо. Но вскорѣ она стала каждую ночь выходить изъ могилы, била и хлестала плеткой свою молоденькую дочь и до крови царапала ее своими длинными, острыми ногтями. Такъ какъ не было конца этому мученію, то обратились къ католическому священнику въ Мариензее, извѣстному во всемъ окологдѣ своимъ искусствомъ изгонять бѣсовъ. Онъ велѣлъ вырыть покойницу, отрубилъ ей голову и положить ее подъ мышку, затѣмъ снова похоронилъ на перекресткѣ, насыпавъ полный гробъ маку. Подоб-

денія надъ вѣрованіями въ вампиризмъ у кассубовъ, а также Fl. Ceypova de terrae Pucensis incolarum superstitione in re medica. Berol. 1851. Стр. 21.

*) Теттау и Темме. Народныя сказанія Восточной Пруссіи, Литвы и Западной Пруссіи. Стр. 275.

ные же факты записаны мною, какъ случившіеся въ слѣдующія десятилѣтія въ Путцигѣ, Мариензее, Рейнфельдѣ и Воннебергѣ.

Въ особенности часто повторяются такіе случаи во время эпидемій. При первомъ появленіи холеры въ 1831 г. въ окрестностяхъ Коница только энергическое вмѣшательство властей предупредило повсемѣстное распространеніе этихъ преступленій *), въ 1855 г. вмѣшательство снова понадобилось для предупрежденія ихъ. Когда первою жертвою болѣзни палъ всѣмъ уважаемый католическій священникъ въ предмѣстьи Св. Альбрехта въ Данцигѣ, возникла общая молва, что у него на лицѣ было красное пятно, и что онъ является по почамъ мѣстнымъ жителямъ. Въ пивоварнѣ Пеннера собрались рабочіе и уже рѣшили исполнить надъ трупомъ его суевѣрный обрядъ, но ихъ, хотя съ трудомъ, однакожъ, удалось отговорить. Въ 1870 году у меня записано не менѣе четырехъ случаевъ, къ которымъ я вернусь еще разъ впоследствии, чтобы показать, какіе различные приговоры по поводу ихъ постановляются судомъ.

Въ маѣ въ деревнѣ Бѣлицѣ близъ Бромберга, было остановлено покушеніе разрыть могилу одной извѣстной гадалщицы, велѣдъ за которой въ короткое время умерло ея три родственника. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 13 сентября, въ окружномъ судѣ въ Коницѣ обвинялись организаторъ Карпинскій изъ Нейкпрха, одинъ пильщикъ и помѣщикъ Джевицкій изъ Мюльхена въ недозволенномъ разрушеніи могилъ. Главною виновницею преступленія была умершая мать Джевицкаго, которая подговорила его, и другихъ лицъ открыть могилу отца, такъ какъ онъ сдѣлался вампиромъ и точитъ ея жизнь. Обвиненныхъ приговорили къ тремъ недѣлямъ тюремнаго заключенія. Къ болѣе высокой мѣрѣ наказанія, именно тремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, окружной судъ въ Шведцѣ приговорилъ Герке и Янке изъ Пневно за то, что они, спустя четыре недѣли послѣ погребенія, отрубили голову у трупа свояченицы Герке. Они оправдывались и доказывали въ судѣ пользу ихъ поступка тѣмъ, что вскорѣ по совершеніи его заболѣвшій мужъ покойницы выздоровѣлъ. Они апеллировали и высшая судебная инстанція въ Мариенвердерѣ въ ноябрѣ 1870 г. уменьшила срокъ наказанія однимъ мѣсяцемъ, принявъ, какъ смягчающее обстоятельство, что поступокъ этотъ совершенъ подъ вліяніемъ суевѣрія. 19 января 1871 г. подобный же случай, бывшій въ первой половинѣ 1870 г., подлежалъ разбирательству апелляціоннаго суда въ Цеслинѣ. Въ лауенбургскомъ округѣ 5 февраля 1870 г. умеръ помѣщикъ Францъ Поблодкій, вскорѣ за нимъ (28-го февраля) послѣдовалъ одинъ изъ его сыновей и заболѣли многіе изъ родственниковъ. Чтобы спасти ихъ, второй сынъ покойнаго рѣшился вырыть гробъ изъ могилы, заступомъ отрубилъ голову покойника и положить ее въ ногахъ, между тѣмъ какъ помощникъ его, подкупленный богатыми подарками, долженъ былъ набрать въ платокъ крови, чтобы примѣшать ее въ питье больныхъ. При первой попыткѣ имъ помѣшала мѣстный священникъ, но вторая удалась имъ позднимъ вечеромъ, послѣ чего они снова засыпали могилу. Но поступокъ этотъ не укрылся отъ посторонняго взора: одинъ пріѣзжій видѣлъ его и донесъ суду. Лауенбургскій окружной судъ 2-го сентября приговорилъ обвиненныхъ, одного къ тремъ, другого къ двумъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Апелляціонный судъ въ Цеслинѣ 19-го января 1871 года оправдалъ ихъ, такъ какъ обвиненные дѣйствовали безъ разумѣнія и въ полномъ убѣжденіи, что совершаютъ богоугодное дѣло. Но высшая государственная власть не удовольствовалась этимъ рѣшеніемъ, высшій судъ

*) Теттау и Темме, стр. 276.

САЛОНЪ 1878 ГОДА ВЪ ПАРИЖѢ.
КАРТИНА Ж. ГУПИЛЯ.

Горожанка.

Съ фотографіи Гупиля въ ПарижѢ.

САЛОНЪ 1878 ГОДА ВЪ ПАРИЖѢ.

КАРТИНА БУГЕРРО.

Поселянка.

Съ фотографіи Гупиля въ ПарижѢ.

отмѣнил рѣшеніе апелляціоннаго и передалъ дѣло для вторичнаго разбирательства во вторую инстанцію.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ мартѣ 1877 г., въ Гейдемулѣ въ шлохаускомъ округѣ, изуродованъ трупъ недавно умершаго ребенка и кусочекъ мяса данъ, какъ лекарство, одному больному ребенку. Подобные факты приводятъ къ убѣжденію, что противорѣчіе нравственнымъ вѣрованіямъ и научному развитію народа и уклоненіе отъ предписаній закона являются не эпидемическимъ, но эндемическимъ, очень распространеннымъ и сильнымъ зломъ въ средѣ кассубскаго населенія. Чтобы доказать, что описанныя выше дѣйствія не составляютъ исключительной особенности нашей мѣстности, я приведу еще одинъ фактъ, сообщенный журналомъ «Gartenlaube» и случившійся въ 1872 году въ сѣверной чисти Бранденбурга близъ мекленбургской границы, въ достаточномъ и почтенномъ семействѣ. Въ 1871 году умерла старая всеми любимая тетка, и такъ какъ она была довольно тучна, то животь очень вздулся у трупа. Чтобы помѣшать дальнѣйшему вздутію, на животь положили большое оловянное блюдо, забыли его потомъ убрать и похоронили съ нимъ «тетку». Вскорѣ послѣ того заболѣли и умерли многіе въ родственничкахъ «тетѣ» семействахъ, пошли различныя толки, и наконецъ женщина, мывшая трупъ, открыла причину грустнаго явленія, спрашивая, вынулъ-ли кто-нибудь изъ гроба оловянное блюдо. Такъ какъ этого блюда ни у кого не оказалось и никто не вынималъ его, утвердилось горестное сознаніе, что «тетя» приходитъ за членами семьи и будетъ являться за ними до тѣхъ поръ, пока зловонное блюдо останется въ гробу. Послѣ долгихъ семейныхъ совѣщаній рѣшили посвятить могильщика въ тайну, уговорили его открыть гробъ и вынуть блюдо. Это совершенно было темною ночью. Но впоследствии, дѣло это открылось и участники были приговорены судомъ, причемъ приняты во вниманіе смягчающія обстоятельства, къ тюремному заключенію на нѣсколько недѣль. Могильщикъ былъ смѣненъ.

Между южными славянами можно бы, по всей вѣроятности, легко найти и въ настоящее время доказательство подобныхъ же явленій, такъ какъ вѣра въ вампиризмъ распространена тамъ въ самыхъ различныхъ слояхъ народа. Газета «Фигаро» сообщаетъ, что 5 октября 1874 г. умеръ въ Парижѣ румынскій князь Боролайовацъ, котораго изгнали изъ отечества вслѣдствіе убѣжденія, что члены его семейства становятся послѣ смерти вампирами. Самъ онъ не отрицалъ этого суевѣрія и совѣтовалъ хозяйку дома, гдѣ онъ жилъ, вырвать у него послѣ смерти сердце, чтобы онъ не могъ являться въ образѣ вампира.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Блудныя дѣти.

Стих. Д. Д. Минаева.

Когда предъ нами въ образахъ поэта
Подъ сѣрымъ небомъ бѣдныхъ деревень
Встаетъ народъ, несущій ночь и день
Тяжелый крестъ, — до слезъ картина эта
Насъ трогаетъ... Двигаетъ насъ, сельскій людъ,
Порою, доводя до умиленія,
Твое неистощимое терпѣнье,
Безропотность и безконечный трудъ,
И сердце въ насъ становится моложе
Отъ грустныхъ нотъ пѣвца, и, наконецъ,
Отъ звонкихъ нервовъ растревожа,
Мы сами плачемъ, какъ пѣвецъ,
И чувствуемъ, что связаны судьбою
Съ тобой, народъ, что крѣвна эта связь...
Потомъ, исполнивъ довольные собою,
Чувствительностью собственной гордятся,

Какъ практики сухіе по природѣ,
Среди заботъ и нашихъ личныхъ нуждъ,
Позабываемъ скоро о народѣ,
Который намъ на самомъ дѣлѣ чуждъ.

Такъ блудный сынъ, усталый отъ разврата,
Въ минуту свѣтлую, чтобы успокоить мать,
Клянется всѣмъ, что дорого и свято
Еще ему, иную жизнь начать;
Клянется на колѣняхъ онъ, съ рыданьемъ—
Загладить прошлое безславіе и стыдъ...
Потомъ, очистивъ совѣсть покаяньемъ,
Опять на оргію полночную спѣшитъ.

Новый фонтанъ въ Римѣ.

въ числу работъ, произведенныхъ въ Италіи на общественный счетъ втеченіи послѣдняго десятилѣтія, принадлежитъ такъ называемый «Калдерарекій фонтанъ», воздвигнутый на площади Навона, въ Римѣ, и оконченный въ іюнь мѣсяцѣ 1878 года. Украшенія этого фонтана такъ изящны, что мы считаемъ не лишнимъ помѣстить два рисунка, изображающіе ихъ.

Эти скульптурныя работы исполнены, по заказу города, художниками Далла Витта и Грегорио Заппалѣ. Согласно заданной программѣ, новый фонтанъ долженъ былъ составлять «repandant» къ другому фонтану, украшающему противоположную оконечность площади, близъ дворца Браски, и не удалаться отъ стили и манеры работавшаго его Верини. На основаніи этого, новый фонтанъ украшенъ одною центральною группой, четырьмя большими, помѣщающимися въ самомъ бассейнѣ, на его вдающихся линіяхъ, и четырьмя меньшими группами, помѣщенными на самомъ парапетѣ бассейна, тамъ гдѣ онъ идетъ прямолинейно. Средняя группа, работы скульптора Далла Витта, изображаетъ морского труженника, схваченнаго за ногу чудовищнымъ полипомъ, отъ страшныхъ клешней котораго онъ старается отбиться копьемъ. Произведеніе Витты подверглось сильной критикѣ, которую нельзя признать несправедливою вполне, потому что его группа не удовлетворяетъ одному изъ главныхъ условій, требуемыхъ отъ статуй или группъ, стоящихъ уединенно, а именно, она не представляетъ красивыхъ очертаній для взгляда съ различныхъ пунктовъ площади. Однако, ее никакъ нельзя тоже назвать лишенною всякихъ достоинствъ.

Остальныя восемь группъ принадлежать рѣзцу Заппалѣ. Изъ четырехъ большихъ, двѣ изображаютъ морскихъ коней, выбивающихся изъ воды; cadaго изъ нихъ старается обуздать мальчикъ. Двѣ остальныя изображаютъ сирень, играющихъ на водѣ, выказывая свои роскошныя формы.

Четыре меньшія группы скомпонованы самымъ удачнымъ образомъ изъ различныхъ фигуръ: фантастическихъ рыбъ, въ родѣ дельфиновъ, геніевъ, раковинъ, морскихъ растений и пр. По отзыву «Illustrazione ita liana», Заппалѣ, хотя и принадлежитъ къ новѣйшей школѣ, не отрѣшился отъ трезвыхъ традицій старины и сумѣлъ соединить роскошь вымысла съ безупречностью линій и гармоніей всѣхъ частей. Вообще, новый фонтанъ принадлежитъ къ лучшимъ украшеніямъ Рима и дѣлаетъ честь, какъ исполнителямъ, такъ и городу, употребившему часть своихъ суммъ на подобный предметъ.

Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ.

Ст. П. В. Быкова.

(Окончаніе.)

Здѣсь мы намѣрены сдѣлать нѣкоторое отступленіе. Прежде, чѣмъ мы представимъ читателю очеркъ литературной дѣятельности почтеннаго писателя, не мѣшаетъ бросить бѣглый взглядъ на исторію и развитіе русской сатиры, самымъ крупнымъ и едва-ли не единственнымъ представителемъ которой является въ наше время Салтыковъ-Щедринъ. Сатира, въ настоящемъ своемъ значеніи, т. е. строгое обличеніе общественныхъ золъ, тормозящихъ прогрессивное движеніе, борьба съ господствующими въ обществѣ предразсудками и темными силами, борьба съ «болѣзнями вѣка», — обыкновенно появляется въ литературѣ какого-либо народа тогда, когда въ обществѣ видны ощутительные признаки самосознанія, когда оно достигаетъ значительной степени зрѣлости. У насъ же, къ справедливому изумленію иностранцевъ, сатира обнаружилась очень рано, — въ первое время сближенія нашего съ западомъ, когда петровская реформа внесла въ нашу жизнь цивилизующія начала; съ этихъ поръ она идетъ рука объ руку съ лучшими людьми нашей родины и если не всегда руководила совершенно движеніемъ общественной мысли, то, все-таки, являлась постоянно истинной, открытой выразительницей этого движенія и, такимъ образомъ, ей выпало на долю играть самую почетную, первую роль въ исторіи отечественной цивилизаціи. Въ силу этого изученіе нашей сатирической литературы, въ связи съ постепеннымъ развитіемъ цивилизаціи русскаго народа, является одною изъ существенныхъ и весьма любопытныхъ сторонъ въ исторіи нашей новой литературы и служитъ богатымъ матеріаломъ для серьезныхъ и талантливыхъ русскихъ ученыхъ послѣдняго времени.

Въ первое время зачатки сатиры, этой важной отрасли нашей литературы, были, подобно первымъ шагамъ ребенка, очень слабы; ни задачи, ни содержаніе ея не отличались разнообразіемъ въ направленіи и просто являлись выраженіемъ того самаго взгляда на явленія русской жизни, который вызвали реформы Петра. Какъ самъ онъ, такъ и сатирическіе писатели его эпохи, главнымъ образомъ, вели борьбу съ невѣжествомъ, дикими идеями, безмысленными обычаями и обрядами, въ которыхъ съ давнихъ поръ коснѣло русское общество; поэтому и при Петрѣ, и еще долго послѣ него, сатира наша была только вѣрной союзницей правительства, при его преобразованіяхъ, и имѣла характеръ не самостоятельной силы или личнаго самобытнаго творчества, не являлась выразительницей взглядовъ извѣстныхъ лицъ, а скорѣе помогала лишь власти въ «насажденіи цивилизаціи», — являлась играющею ролью подчиненной, что мы видимъ и въ «Духовномъ регламентѣ» и въ дѣятельности Феофана Прокоповича, какъ проповѣдника, сильнаго напегириста просвѣщенія и, по выраженію одного историка литературы, «критика двухъ временъ отходящаго и наступившаго, который вступили другъ съ другомъ въ состязаніе... Отсюда сатирическія выходы проповѣди, которыми духовное ораторство граничитъ съ свѣтскою сатирою». Затѣмъ, мы встрѣчаемся съ сатирой Кантемира, имѣющей болѣе строгую форму и, пожалуй, самостоятельное значеніе. Но и въ ней преобладаетъ все тоже направленіе — борьба съ людьми стараго порядка, съ хулителями просвѣщенія, въ образѣ разныхъ ханжей, дворянъ той поры, гулякъ и щеголей, каковы, напр., — въ первой сатирѣ Кантемира, наиболѣе выражающей задачи сатирика, — Критонъ, Сильванъ, Медоръ и Лука; щеголь Медоръ — есть новый типъ, гнилой продуктъ петровской реформы, живо подмѣченный сатирикомъ; но Кантемиръ, выведя его и предавъ

его осмѣянію и тѣмъ самымъ доказавъ свое безпристрастіе и проницательность, все-таки вторилъ общему тону реформы, но не выказалъ полной самобытности, умѣющей подмѣтить въ жизни то, что видитъ не всякій, посмотрѣть на вещи съ своей оригинальной точки зрѣнія. И все зло, которое такъ мѣтко, сильно и съ такимъ жаромъ обличалось Кантемиромъ, имѣло ожесточеннаго противника и въ самой реформѣ. Даже самая форма кантемировской сатиры, строго-классическая, заимствованная у лучшихъ иностранныхъ сатириковъ, плохо замаскировываетъ тѣсную связь этой сатиры съ дѣломъ реформы, хотя съ перваго взгляда и кажется, будто она есть плодъ оригинальнаго дарованія.

При Екатеринѣ взглядъ Петра на науку и просвѣщеніе получилъ иное направленіе; Екатерина не смотрѣла, подобно Петру, на русскій людъ, какъ на полудикое стадо животныхъ, требующихъ коренной переработки, начиная съ внѣшности и кончая ихъ внутреннимъ міромъ. «Она, — говоритъ Карамзинъ, — уважала въ подданномъ самъ человѣка, нравственнаго существа, созданнаго для счастья въ гражданской жизни». Въ силу такого гуманнаго взгляда лучшіе изъ современниковъ не могли не отнестись вполне сочувственно ко всѣмъ заботамъ и хлопотамъ правительства о развитіи просвѣщенія и гуманныхъ началъ въ обществѣ; а слѣдовательно и сатирической литературѣ, находившейся въ рукахъ этихъ «лучшихъ людей», оставалось только идти по стопамъ дѣятельной власти. Въ эту пору возникли сатирическіе журналы, появилась комедія, сперва и по формѣ, и по содержанію представлявшая лишь подражаніе иностраннымъ образцамъ, затѣмъ болѣе содержательная, болѣе совершенная по формѣ и, наконецъ, получившая болѣе или менѣе самостоятельное значеніе въ лицѣ Фонвизина. Однако, основные мотивы сатирической литературы были тѣ же, что и при Кантемирѣ: невѣжество во всѣхъ его проявленіяхъ, превратное образованіе, ложно направленное воспитаніе. Сумароковъ только продолжалъ развивать, въ своихъ сатирахъ и комедіяхъ, типы, намѣченные его предшественникомъ, и лишь прибавилъ къ нимъ одинъ новый — типъ педанта. Грабитель-подьячій, глупецъ-модникъ, гордецъ, неосновательно кичащійся знатными предками, грубый суетворъ, ханжа, латышникъ, «который не совреть безъ Ерго ничего», скунецъ, картежникъ, которыхъ громилъ сатирическіе журналы и Сумароковъ — все это тѣ самые враги, противъ которыхъ вооружалась и власть въ лицѣ Екатерины, писавшей также комедіи. Хотя такіе типы и являлись, какъ результаты наблюденія надъ жизнью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказывали, что тогдашняя сатира имѣла въ своемъ распоряженіи слишкомъ ограниченный кругъ предметовъ, а общественныхъ недуговъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и не пыталась затрогивать. И сатирическіе журналы — эти дѣти Сумарокова, въ свою очередь, подготовившіе почву для Фонвизина, руководствовались, опять-таки, тѣми же прежними мотивами. «Невѣжество и ложное просвѣщеніе, составлявшія главное условіе переходнаго быта, — говоритъ Н. Н. Буличъ, — преслѣдовались ожесточенно и всѣми возможными средствами, въ крупныхъ и яркихъ образахъ въ «Трутнѣ»; другіе журналы занимались почти тѣмъ же; нападая на переходные нравы и на страсть безъ разбора заимствовать чужое, страсть столь развитую въ тогдашнемъ обществѣ... издатель не забывалъ также и тѣхъ, которые жили въ мракѣ нелюбви къ просвѣщенію...» Новый мотивъ, затронутый въ этихъ журналахъ — была негуманность, съ какою общество относилось къ низшимъ классамъ, о которой трактовалось во многихъ статьяхъ, посвященныхъ описанію матеріальнаго и нравственнаго положенія крестьянъ. Сатирики ека-

терининскаго времени отличались еще и тѣмъ отъ сатириковъ эпохи Петра, что стояли за просвѣщеніе, какъ за средство къ возвышенію нравственной личности въ человѣкѣ, къ проведенію гуманныхъ началъ въ обществѣ. И «эту задачу, — говоритъ А. Д. Галаховъ, — предложило литераторамъ само правительство».

Наконецъ, сатирическія тенденціи екатерининскаго времени получили болѣе определенное, художественное выраженіе въ комедіяхъ Фонвизина. Сатира его представляетъ весьма полное и обстоятельное обозрѣніе господствовавшихъ тогда главныхъ пороковъ общества, насколько это допускалось Екатериной; и у него основными мотивами являются — преслѣдованіе невѣжества, лихомства и ложнаго воспитанія. Комедіи Фонвизина имѣютъ серьезное общественное значеніе и рисуютъ яркіе, художественные типы; онѣ есть результатъ взглядовъ и наблюденій человѣка даровитаго и страстно, глубоко убѣжденнаго. Тѣмъ не менѣе въ сатирѣ его ощущается недостатокъ самостоятельности, отсутствіе новыхъ воззрѣній на жизнь; она подсказана властью, потому что Фонвизинъ не гениальный писатель, идущій впереди своего вѣка, а просто дитя своего поколѣнія, хотя и человѣкъ въ высшей степени даровитый, но съ ограниченнымъ кругозоромъ и не берущій сюжетовъ для сатиры своей непосредственно изъ міра реального. Безъ сомнѣнія, на него, какъ и на другихъ сатириковъ, вліяло отчасти и то обстоятельство, что въ эпоху Екатерины предѣлы сатиры и «пытливость ума въ разрѣшеніи общественныхъ вопросовъ подлежали немалому ограниченію». А что сатирическій умъ Фонвизина занимали не одни только тѣ сюжеты, которые разрабатывались въ его произведеніяхъ, но и посторонніе, болѣе общіе вопросы, это явственно видно изъ его извѣстныхъ «Вопросовъ», на которые Екатерина давала отвѣты въ «Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова».

Минуя «Ябеду» В. В. Капниста, стоящую, такъ сказать, особнякомъ и затрогивающую заѣзженный, старый мотивъ, хотя въ обработкѣ его желчь и озлобленіе сатирика отзываются какимъ-то страшнымъ воплемъ, — мы должны перейти къ истинной, чуждой какимъ бы то ни было постороннимъ вліяніямъ, сатирѣ, выразившейся впервые въ комедіи безсмертнаго Грибоедова — «Горе отъ ума», который хотя, повидимому, и задается обрисовать извѣстный кругъ современнаго ему московскаго общества, но въ сущности даетъ полную и замѣчательную картину правотъ цѣлой эпохи. Мы не станемъ дѣлать здѣсь исторической оцѣнки грибоевской комедіи, это потребовало бы слишкомъ много мѣста, мы скажемъ только объ отличительномъ характерѣ этой сатиры. Она представляетъ не замкнутый, ограниченный кругъ вопросовъ, но задается весьма широкими планами, она является результатомъ вполне самостоятельнаго, свободного, личнаго творчества. Въ ней уже не преслѣдуется исключительная цѣль — намѣтить двѣ крайнія точки общественнаго строя жизни, съ одной стороны показать, для возбужденія негодованія, нравственную распущенность и невѣжество, а съ другой — нравственные качества и просвѣщеніе, для привлеченія сочувствія. Всѣ дѣйствующія лица «Горе отъ ума» — есть живые, реальные образы, какъ бы выхваченные прямо изъ жизни, выражающіеся обыкновеннымъ, натуральнымъ языкомъ; выведя на сцену рядъ своихъ фигуръ, объясняющихъ разнообразныя отношенія общества и наталкивающихъ нашу мысль на инныя соображенія и картины, помимо представленныхъ уже авторомъ, Грибоевъ предоставляет самому читателю произнести судъ надъ этими Фамусовыми, Чацкими, Молчаливыми, не навязывая ему своего личнаго взгляда, не наталкивая его на извѣстное мнѣніе, при

произнесеніи этого суда. Не одинъ только яркий, великій талантъ и самобытный, сильный умъ помогли сатирику отрѣшиться вполне отъ недостатковъ своихъ предшественниковъ, отъ узкой дидактической цѣли и подневольнаго, несвободнаго отношенія къ сюжету своего творенія, — въ этомъ помогли ему и значительно измѣнившіяся историческія обстоятельства; многія формы европейской цивилизаціи успѣли уже привиться къ обществу и дать и хорошіе, и дурные результаты; цѣлый рядъ правительственныхъ реформъ вызвалъ, между прочимъ, и въ интеллигентныхъ классахъ раздѣленіе идей и убѣжденій, а все общество, переваривая новыя начала, проявило и новыя пороки; недовольство проникло и въ просвѣщенную часть общества, а исторія Запада также сдѣлала свое дѣло, значительно повліявъ на умы. Наконецъ, само правительство перестало нуждаться, при приведеніи въ дѣйствіе реформъ и начертаній своихъ, въ той массѣ образованныхъ людей, которыхъ поддержкой оно пользовалось встарину. Вообще новыя условія жизни сняли оковы съ наблюдательныхъ умовъ, освободивъ ихъ отъ служенія правительственнымъ начинаніямъ и, слѣдовательно, отъ односторонняго воззрѣнія на общественныя явленія.

Еще далѣе, по этой новой дорогѣ, пошелъ незабвенный авторъ «Мертвыхъ душъ», проявившій вполне самостоятельное творческое воззрѣніе на дѣйствительность. Его сатира отличается глубиной, тонкостью анализа и шириной захвата; она не занимается борьбой съ какимъ либо частнымъ зломъ, или обличеніемъ присущихъ человѣчеству недостатковъ и пороковъ, не возстаетъ противъ того или другого злоупотребленія, — но въ ней сказался громкій протестъ и бичеваніе не только всего пошлаго въ жизни, но и пошлости самой жизни. Не задаваясь какой либо особенной специальностью и касаясь весьма разнообразныхъ жизненныхъ явленій и социальныхъ вопросовъ, сатира Гоголя, въ этомъ отношеніи шагнула весьма далеко; въ силу необыкновенно возвышенной, исходной точки своего комизма, Гоголь, какого-бы сюжета ни коснулся, блещетъ всегда основной принципомъ, а не единичный, отдѣльный фактъ, не пошлостъ явленія или субъектъ, а самую пошлость. Мѣткая и сильная сатира его коснулась и быта подьячихъ и купческаго, и военнаго сословія, и прочихъ сферъ, всего того, что и до сей поры разрабатывается въ нашей литературѣ, съ легкой руки писателя, такъ сказать, съ его благословенія. Гоголь поднялъ множество экономическихъ, общественныхъ и другихъ вопросовъ, а потому, при подобной широтѣ объема своей сатиры, не удовлетворился одной какой либо условной формой; онъ, кромѣ комедій, писалъ сценны, дневники, отрывки и, въ концѣ концовъ, выбралъ чрезвычайно удобную форму для своего безграничнаго сатирическаго дарованія, въ видѣ поэмы. Но неумолимая смерть остановила его на полѣ-пути... И все, что онъ успѣлъ мимоходомъ затронуть, пришлось, волей судьбы разрабатывать другимъ, — его послѣдователямъ, изъ которыхъ самымъ талантливымъ и усерднымъ является — Щедринъ; на долю его выпало, въ значительной степени, раздвинуть рамки гоголевской сатиры и подвести итоги жизни, особенно провинціальной, за извѣстные моменты чего не успѣлъ сдѣлать Гоголь. Щедрина, въ силу иныхъ требованій новой жизни, суждено было сдѣлаться основателемъ новаго рода литературы, получившей названіе обличительной и занявшей весьма видное мѣсто въ исторіи отечественной словесности. Изъ нашего бѣлаго очерка исторіи русской сатиры, читатель можетъ теперь вывести заключеніе относительно того, какое мѣсто занимаетъ Щедринъ въ цѣломъ ряду сатирическихъ дѣятелей и насколько кругъ его

НОВЫЙ ФОНТАНЪ ВЪ РИМѢ.
СКУЛЬПТУРНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ЗАПЛА.

Рос.
Одичная
Б-ка
Валитиане.

сатиры расширился и коснулся самых главных сторон жизни и общественных порядков нашего отечества, въ самом ихъ корнѣ. Если, какъ мы видѣли, въ былое время, русскіе сатирики шли рука объ руку съ реформами и воззрѣніями правительства и какъ бы находились у него въ подчиненіи, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ развитія нашего, то Щедринъ окончательно освободился изъ подъ этой «опеки» и, взглянувъ прямо и вполне самостоятельно на дѣйствительность, чуждый воззрѣній большинства, далъ должное направленіе русской сатирѣ, которая, во многихъ случаяхъ, стала теперь въ разрѣзъ съ дѣйствующими принципами и зачастую не признаетъ взглядовъ образованнаго большинства, не соблазняется рѣшительно никакими призрачными явленіями, а идетъ неуклонно своей дорогой. И относительно самой формы теперешняго сатира, въ лицѣ ея даровитаго представителя, избавилась отъ зависимости образцовъ западной сатирической литературы, какъ это существовало встарь; въ настоящее время ея свобода, въ этомъ отношеніи, не имѣетъ границъ; отличаясь необыкновеннымъ разнообразіемъ содержанія, произведенія нашего сатирика являются иногда въ самой причудливой, капризной формѣ, которая придаетъ имъ еще большій интересъ, еще большую самобытность.

Щедринъ породилъ тѣмъ подражателей, но самъ никогда не подражалъ никому, представляя съ самаго перваго появленія своего на литературной аренѣ, — явленіе вполне оригинальное. «Если бы мы хотѣли найти что нибудь подобное Щедрину въ исторіи нашей прежней сатиры, — говоритъ одинъ изъ критиковъ Щедрина, — то это будетъ развѣ та краткая, но плодотворная сатирическая дѣятельность нашихъ журналовъ сумароковской эпохи, которая подготовила Фонвизина... Но и по широтѣ круга задачъ, и по смѣлости, и свободѣ отношеній къ жизни, и по количеству просвѣщенныхъ взглядовъ, и по единству и выдержанности плана, разница между этою кратковременною старою журнальною дѣятельностью и дѣятельностью Н. Щедрина будетъ, по крайней мѣрѣ, столь же велика, какъ и разница между двумя самими эпохами».

«Губернскіе очерки», сразу доставили извѣстность ихъ автору и указали ему ту дорогу, которую ему было необходимо пройти, чтобы занять то почетное мѣсто, которое принадлежитъ ему теперь въ русской сатирической литературѣ настоящаго столѣтія. Они возбудили участіе всей читающей публики, безусловно восхитившейся и бойкостью разсказа и чрезвычайной смѣлостью изображеній, такъ, что когда въ 1857 г. всѣ эти очерки явились въ отдѣльной книгѣ, то изданіе было быстро раскуплено. Имя «на дворнаго совѣтника» Щедрина не сходило у всѣхъ съ языка, и съ той поры стало любимымъ и дорогимъ для каждаго образованнаго челоѣка нашей родины. Литературные органы также горячо привѣтствовали, въ лицѣ Салтыкова, новаго, даровитаго и совершенно оригинальнаго писателя и посвятили «Губернскимъ Очеркамъ» цѣлую массу критическихъ статей, рецензій, замѣтокъ; расходясь во взглядахъ на нѣкоторыя стороны дарованій Щедрина, всѣ критики единодушно признали его самымъ передовымъ выразителемъ большинства образованныхъ, развитыхъ людей, настоящимъ сатирикомъ, а не простымъ обличителемъ людскихъ безобразій только ради смѣха, сатирикомъ, у котораго главное качество — «возвышенная точка его взгляда, строгость его требованій отъ жизни», «Губернскіе очерки», во всѣхъ отношеніяхъ и даже по формѣ, рѣзко отличаются отъ прочихъ, послѣдующихъ его произведеній; въ «очеркахъ» его симпатіи и антипатіи высказываются рѣшительно, выступаютъ рельефно и ре-

зультаты его размышленій по поводу разныхъ общественныхъ вопросовъ, его наблюденія надъ жизненными явленіями и его взгляды формулируются имъ совершенно ясно, опредѣленно. Представляя въ яркихъ краскахъ зло, онъ указываетъ постоянно на причины его, какъ ближайшія, такъ и отдаленныя, и почти всегда изыскиваетъ способы къ его искорененію. Въ своихъ «Губернскихъ очеркахъ», Щедринъ не ограничился изображеніемъ однихъ только административныхъ злоупотребленій и картинъ чиновничьяго быта, а поставилъ себѣ прямой задачей разностороннее изображеніе бытовой жизни русскаго люда; онъ далъ намъ много разнообразныхъ типовъ изъ провинціальной жизни; правда, многіе изъ нихъ имѣютъ тѣсную связь и значительное сходство съ гоголевскими типами, но Щедринъ пошелъ далѣе Гоголя, онъ расширилъ его рамки, включивъ въ свои очерки и личности изъ народа, взглянувъ на него не такъ, какъ Гоголь, не съ одной лишь вѣншей стороны, а затронулъ и анализировалъ его внутренній міръ. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выказалъ много симпатій къ простонародью. «Сочувствіе къ неспорченному, простому классу народа, — говоритъ Добролюбовъ, — какъ и ко всему свѣжему, здоровому въ Россіи, выражается у г. Щедрина чрезвычайно живо. Мы думаемъ, что самый эстетическій, самый восторженный челоѣкъ можетъ отдохнуть на общей картинѣ богомольцевъ и странниковъ, ожидающихъ на соборной площади появленія святыхъ иконъ. Тутъ нѣтъ сантиментальничанья и ложной идеализаціи; народъ является, какъ есть, съ своими недостатками, грубостью и неразвитостью... Но эти бѣдныя, невѣжественныя странники, эти суевѣрные крестьянки возбуждаютъ въ насъ не насмѣшку, не отвращеніе, а жалость и сочувствіе... Въ массѣ народа, имя Щедрина, когда оно сдѣлается тамъ извѣстнымъ, будетъ всегда произносимо съ уваженіемъ и благодарностью: онъ любитъ этотъ народъ, онъ видитъ много добрыхъ, благородныхъ, хотя и неразвитыхъ, или невѣрно направленныхъ инстинктовъ въ этихъ смиренныхъ, простодушныхъ труженикахъ... Къ нимъ онъ относится безъ всякаго отрицанія».

Въ 1856 году, Михаилъ Евграфовичъ женился на Елизаветѣ Аполлоновнѣ Болтиной, отъ которой у него двое дѣтей: сынъ Константинъ и дочь Елизавета. Съ этого года, до выхода своего въ отставку (1863 г.), онъ, кромѣ «Русскаго Вѣстника», участвовалъ въ «Библіотекѣ для чтенія» («Просветли» — сцены, «Губернскіе честолубцы» — драмат. очеркъ), «Атенѣ» («Святочный разсказъ»), «Сборникѣ въ память Смирдина» («Яшенька» — пов.), «Времени» («Недавнія комедіи: 1. Соглашеніе. 2. Погоня за счастьемъ») и «Нашъ губернской день») и «Современникѣ» («Женитьба», «Скрежетъ зубовой», «Развеселое житье», «Литераторы-обыватели», «Клевета», «Наши глуповскія дѣла», «Къ читателю» и проч.), куда послѣ «Русск. Вѣстн.» онъ перенесъ свою литературную дѣятельность. Кромѣ того, напечаталъ нѣсколько статей и замѣтокъ объ общественныхъ вопросахъ въ «Московскихъ Вѣдом.» «Современ. лѣтописи» и друг., какова, напр., статья «Гдѣ истинные интересы дворянства?» Въ 1863 г. Мих. Евгр. собралъ свои очерки, печатавшіеся въ разныхъ журналахъ послѣ 1857 г. и издалъ ихъ въ двухъ отдѣльныхъ книжкахъ подъ заглавіемъ «Сатиры въ прозѣ» и «Невинные разсказы», которые были приняты и публикой, и журналистикой съ прежнимъ радушіемъ, хотя кругъ его поклонниковъ нѣсколько уменьшился, по той причинѣ, что отъ нихъ отпали тѣ личности, которые были затронуты наступившей реформой и сатирой и неисправимые оптимисты, обозлившіеся на Щедрина, отнесагося скептически къ эпохѣ возрожденія и реформъ» и подмѣтившаго, въ

пору всеобщихъ ликовацій и восторговъ, темныя стороны, и печальныя явленія этой поры. Обѣ названныя книжки вызвали рядъ критическихъ статей. Въ этихъ книжкахъ авторъ представилъ анализъ, оцѣнку и олицетвореніе «тѣхъ элементовъ общества, которые онъ нашелъ въ немъ, когда новый моральный принципъ, подъ видомъ крестьянской, административной и общественной реформы, насильно вторгся въ средину его, спасая его и обнаруживая всѣ тайныя его болѣзни». Выведа на сцену свой фантастическій или, если можно такъ выразиться, собирательный городъ Глуповъ, получившій съ тѣхъ поръ право гражданства и ставшій нарицательнымъ именемъ, Щедринъ, шагъ за шагомъ, прослѣживаетъ жизнь его обитателей въ разные эпохи совершившихся надъ ними реформъ, онъ безцеремонно и безпощадно обнаруживаетъ, фальшь и ложь, при неутомимомъ наблюденіи за всѣми проявленіями новыхъ формъ обновленія русскаго общества. «Картина, представленная Щедриннымъ, — говоритъ Анненковъ, — есть въ своемъ родѣ мастерская вещь и, какъ домашняя исторія общества, можетъ быть противопоставлена газетной или официальной исторіи положенія образованныхъ классовъ въ знаменитую эпоху перелома... Публика наша еще и не видала такого прямого, простого и яснаго способа относиться къ современности».

Въ томъ же, 1863 году, Мих. Евгр. вышелъ въ отставку и сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ «Современника», принявъ участіе въ трудахъ редакціи этого журнала. Кромѣ цѣлаго ряда беллетристическихъ очерковъ («Послѣ обѣда въ гостяхъ», «Какъ кому угодно», «Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою», «Здравствуй, милая, хорошая моя!», «На зарѣ ты ее не буди», «Она еще едва умѣетъ лепетать» и «Завѣщаніе моимъ дѣтямъ»), онъ помѣстилъ здѣсь массу рецензій, серьезныхъ статей и полемическихъ памфлетовъ, безъ подписи своего имени и подъ псевдонимомъ К. Гурина; втеченіи полутора года (1863—1864 гг.) велъ фельетонъ: «Наша общественная жизнь», возобновилъ «Свистокъ», гдѣ помѣстилъ множество юмористическихъ статей, прикрываясь псевдонимомъ Мих. Зміева-Младенцева и т. д., а также далъ нѣсколько статей о театрѣ. Эта усиленная дѣятельность его продолжалась до апрѣля 1866 г., когда «Современникъ» былъ прекращенъ. Съ обновленіемъ и переходомъ «Отеч. Зап.» къ Некрасову, въ 1868 г., Мих. Евгр. посвятилъ всѣ свои труды, всѣ свои силы этому журналу и сталъ однимъ изъ членовъ редакціи, которая въ 1878 году перешла къ нему окончательно. Съ 1868 по 1878 г. онъ работалъ въ названномъ журналѣ очень много, являясь то безъ подписи имени, то подъ буквами Н. Г., М. М., то подъ псевдонимомъ Н. Гурина. Въ 1868 г. имъ напечатаны: «Новый Нарцисъ», «Старый котъ на покое», «Легковѣсныя», «Старая помпадурша» и цѣлый рядъ фельетоновъ подъ заглавіемъ «Письма изъ провинціи» и «Признаки времени». Этимъ годомъ открывается второй и самый важный періодъ сатирической дѣятельности М. Е. Салтыкова, обнимающій явленія нашей общественной жизни, въ «эпоху реакціи», когда у многихъ явилось стремленіе всѣми силами возродить старыя времена въ новомъ видѣ; это стремленіе Щедринъ весьма удачно охарактеризовалъ остроумнымъ словомъ «подтягиваніе». «Трудно себѣ представить, — говоритъ сатирикъ, — что-нибудь болѣе уродливое, нежели жизнь, составленную изъ однихъ подтягиваній. Трудно выдумать нигилизмъ болѣе безсодержательный, нежели этотъ диковинный, подтягивательный нигилизмъ!»

Затѣмъ, въ слѣдующемъ году, Мих. Евгр. напечаталъ нѣсколько разсказовъ, подъ общимъ заглавіемъ «Для дѣтей», («Повѣсть о томъ, какъ одинъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ»

«Пропала совѣсть», «Годовщина», «Дикій помѣщикъ», «Добрая душа» и «Испорченные дѣти»), закончилъ «Признаки времени» и «Письма о провинціи», издавъ ихъ отдѣльной книжкой, подъ тѣмъ же заглавіемъ, и включивъ въ нее также нѣсколько своихъ прежнихъ вещей изъ «Современника», вывелъ новый типъ «Ташкентца», («Господа Ташкентцы» и «Что такое ташкентцы?») и, наконецъ, въ своей «Исторіи одного города» выступилъ впервые на новое поприще, попробовавъ свои силы на почвѣ исторической сатиры. Но эта попытка не вполне удалась ему.

Мы не станемъ слѣдить, шагъ за шагомъ, за дѣятельностью нашего даровитаго сатирика, въ послѣднія десять лѣтъ, — это не позволяютъ намъ сдѣлать размѣры нашего сжатого біографическаго очерка, мы скажемъ только, что Щедринъ не пропустилъ ни одного общественнаго явленія русской жизни послѣднихъ годовъ и, со свойственнымъ ему юморомъ, коснулся въ своихъ талантливыхъ этюдахъ, проникнутыхъ честнымъ отношеніемъ къ дѣлу, «облитыхъ горечью и злостью», — всѣхъ отрицательныхъ сторонъ нашей жизни, не увлекаясь никогда мишурой прогресса, соблазняющею зачастую даже умныхъ людей; онъ проникаетъ глубоко въ самую суть вещей, протестуя противъ мелкихъ интересовъ нашей жизни, противъ пустыхъ увлеченій варужнымъ блескомъ цивилизаціи, за которымъ не рѣдко скрываются грубый эгоизмъ, невѣжество, животныя страсти и полный умственный застой. Всѣ свои этюды, печатавшіеся въ «Отеч. Запискахъ» (1868—1878 г.), Щедринъ, отъ времени до времени, издавалъ отдѣльными томами, которыхъ по настоящее время вышло восемь томовъ: «Исторія одного города» (1870 г.), «Признаки времени и письма о провинціи» (1871 г.), «Господа ташкентцы» (1872 г.), «Дневникъ провинціала въ Петербургѣ» (1873 г.), «Помпадуры и помпадурши» (1873 г.), «Благонамѣренныя рѣчи» (1876 г.) и «Въ средѣ умѣренности и аккуратности» (1878 г.). Во всѣхъ этихъ этюдахъ передъ читателемъ, какъ въ разнообразной панорамѣ, проходятъ всевозможныя картины, разнообразныя типы русскіхъ «гражданъ»: малодушныхъ эгоистовъ («сѣятелей и дѣятелей»), реакціонеровъ, своеобразныхъ исторіографовъ, тормозящихъ прогрессъ, оргіи хищничества, кулачества и эксплуататорства, жадныхъ, злоупотребляющихъ своей профессіей, адвокатовъ, прокуроровъ, и администраторовъ, безшабашное, безграничное ташкентство, растлѣніе и деморализація русской журналистики, попавшей въ руки торгашей и спекуляторовъ-монополистовъ, представителей мнимой культуры и т. д., и т. д.

Въ настоящее время Михаилу Евграфовичу всего пятьдесятъ два года; много онъ сдѣлалъ, но еще большаго мы вправе ожидать отъ его дѣятельности. «Будущій историкъ нашего поколѣнія, при изученіи его нравовъ, — говоритъ одинъ біографъ Салтыкова, — не обойдется безъ того, чтобы не справиться въ зеркалѣ Щедрина, мимо котораго прошли вереницею типы и характеры третьей четверти переживаемаго нами столѣтія и отразились въ немъ съ неумолимою отчетливостью и полнотою...» Многія произведенія Мих. Евгр. выдержали по нѣскольку изданій, нѣкоторыя переведены на иностранныя языки.

Графъ Кассельмонте.

Карнаваль 1870 года, въ Римѣ, по обыкновенію открылся при шумныхъ рукоплесканіяхъ собравшейся толпы торжественной процессіей изъ членовъ городского управленія, прошедшей по Корсо и прилегающимъ улицамъ. Балконы и окна домовъ во всемъ городѣ были драпированы коврами и матеріями. На балконахъ сидѣли разодѣтыя дамы и дѣвочки высшихъ и богатыхъ клас-

совъ общества. Въ толпѣ, тѣснящейся на улицахъ, слышались смѣхъ и веселыя остроты; экипажи съ трудомъ двигались по Корсо, вѣлѣды за официальной процессіей. Но вотъ раздается дружный смѣхъ... экипажи засыпаны тучей «конфет». Ими же перебрасываются между собою толпы, тѣснящіяся на противоположныхъ тротуарахъ. «Конфети» — это небольшіе пакетики, наполненные мелкими липкими конфетами, а, еще чаще, просто мукою. «Конфети» пускаются мѣтко; рѣдко кому приходится спастись отъ нихъ и потому платья были покрыты мукою и липкими конфетами. Вдругъ, среди этого веселаго гама, раздался отчаянный вопль:

— Остановите ихъ! Остановите ихъ! Они украли моего ребенка!

Въ то же время въ коляскѣ, остановившейся на Корсо, стремительно поднялась женщина, сбросила съ себя маску и розовое домино и показала рукой на толпу быстро-удалявшихся замаскированныхъ людей, которые черезъ минуту скрылись въ ближайшемъ переулкѣ и скрылись такъ ловко, что погнавшіеся за ними не могли ихъ настичь.

Извѣстіе о печальномъ приключеніи внезапно распространилось въ окружающей Корсо толпѣ; также внезапно стихли смѣхъ и пѣсни и воздухъ оглашался только рыданіями несчастной матери, умолявшей о возвращеніи ей ея украденнаго ребенка.

Отчаніе бѣдной женщины тронуло даже самыхъ хладнокровныхъ людей. Вскорѣ во всемъ Римѣ распространилась вѣсть, что единственный сынъ графини Кассельмонте былъ украденъ на ея глазахъ бандой злоумышленниковъ.

Молодая графиня происходила отъ одной изъ самыхъ древнѣйшихъ итальянскихъ фамилій. Выйдя очень юной замужъ за графа Кассельмонте, типичнаго представителя римской аристократіи, она чрезъ нѣсколько лѣтъ осталась вдовою и перенесла на своего ребенка всю любовь, которую питала къ покойному мужу.

Вся римская полиція была поставлена на ноги; она тщательно перерыла всѣ притоны, которыми кишитъ вѣчный городъ, но не нашла рѣшительно никакихъ указаній, по которымъ можно бы было напасть на слѣды исчезнувшаго ребенка.

Впродолженіи двухъ лѣтъ графиня Кассельмонте, въ сопровожденіи ловкаго и вѣрнаго слуги, объѣздила всѣ главные города Европы, передала всѣмъ полиціямъ описаніе примѣтъ своего исчезнувшаго сына Педро и обѣщала значительную сумму денегъ за его отысканіе. Во всѣхъ извѣстныхъ европейскихъ газетахъ былъ напечатанъ и повторенъ нѣсколько разъ рассказъ о печальномъ происшествіи. Но ничто не помогло; мальчикъ точно канулъ въ воду. Несчастливая мать съ растерзаннымъ сердцемъ возвратилась въ Римъ. Она удалась отъ свѣта и вся предалась дѣламъ милосердія. Ни дурная погода, ни легкое нездоровье никогда не останавливали ее: по первому зову она слѣшила на помощь несчастнымъ. Вскорѣ во всемъ Римѣ она стала извѣстной подъ именемъ: «матери-утѣшительницы страждущихъ».

На парижской выставкѣ 1878 года появилась картина (извѣстная, впрочемъ, уже въ 1877 году) одного изъ извѣстныхъ французскихъ художниковъ, обратившая на себя особенное вниманіе посѣтителей выставки. *) Художественная критика отнеслась также съ большимъ сочувствіемъ къ этой картинѣ.

Однажды къ картинѣ подошла женщина, одѣтая вся въ черномъ и печально подняла голову, желая разсмотрѣть картину. Вдругъ она поблѣднѣла, зашаталась и упала безъ чувствъ на полъ съ глухимъ, едва слышимымъ восклицаніемъ.

*) Олеографическій снимокъ съ нея предложенъ Редакціей «Жив. Об.», какъ одна изъ премій гг. подписчикамъ на «Жив. Об.» 1879 года.

Вокругъ нея столпились посѣтители выставки. Когда незнакомка пришла въ себя, она объявила, что этотъ уличный музыкантъ, изображенный на картинѣ, — портретъ ея сына Педро, украденнаго восемь лѣтъ тому назадъ на Корсо въ день карнавала.

Черезъ часъ послѣ этой сцены, живо тронувшей всѣхъ, кому привелось быть ея свидѣтелемъ, графиня Кассельмонте сидѣла въ квартирѣ художника, автора картины, и, рассказавъ ему въ нѣсколькихъ словахъ свою исторію, умоляла его сообщить ей адресъ оригинала портрета.

Къ несчастію, какъ это часто случается въ Парижѣ, художникъ взялъ себѣ моделью встрѣчнаго юнаго уличнаго музыканта, вмѣстѣ съ другими своими товарищами, зашедшаго во дворъ дома, гдѣ находилась квартира художника. Мальчикъ понравился художнику и онъ съ трудомъ выпросилъ у хозяина труппы позволеніе снять портретъ съ красавчика. Художникъ могъ сообщить несчастной матери только, что мальчика звали Людовико и что уже цѣлый годъ ему, художнику, не приходилось встрѣчать его на парижскихъ улицахъ.

Съ такими ничтожными указаніями графиня представилась къ г. Жигу, префекту парижской полиціи. Префектъ охотно согласился помочь ей и предоставилъ въ ея полное распоряженіе ловкаго и опытнаго полицейскаго агента.

Агентъ отправился на поиски въ кварталъ Муфтаръ, гдѣ обыкновенно квартируютъ уличные музыканты. Въ одной изъ грязныхъ квартиръ въ улицѣ Буланже, куда онъ зашелъ вмѣстѣ съ графиней, они нашли двѣнадцать мальчиковъ, репетирующихъ музыкальную пьесу, подъ руководствомъ своего хозяина.

Графинѣ достаточно было одного взгляда, чтобы узнать своего сына. Она бросилась къ нему и заключила его въ свои объятія. Агентъ, конечно, поспѣшилъ составить законный протоколъ и арестовать хозяина уличнаго оркестра.

Получивъ своего сына, графиня, передъ отъѣздомъ въ Римъ, побывала у художника и купила у него за 20 тысячъ франковъ картину, представляющую портретъ ея сына.

Графиня ожила; къ ней возвратились прежняя бодрость и веселый нравъ. Она снова появилась въ свѣтѣ, считая необходимымъ для Педро бывать въ немъ, чтобы поскорѣе отвыкнуть отъ привычекъ, пріобрѣтенныхъ во время бродячей жизни.

Хозяинъ оркестра, въ которомъ находился Педро, и нѣсколько другихъ бродягъ были арестованы и произведенное парижскимъ судомъ слѣдствіе открыло, что Педро Кассельмонте былъ похищенъ по уговору двоюроднаго брата графини, который надѣлся наследовать ея состояніе въ случаѣ, если она умретъ бездѣтной. Графъ Кассельмонте завѣщавъ все состояніе своей женѣ, если бы его сынъ умеръ до истеченія его совершеннолѣтія. Родственникъ графини Кассельмонте былъ убѣжденъ, что Педро никогда не возвратится въ родительскій домъ, потому что онъ далъ приказаніе отвезти бѣднаго мальчика въ Америку.

Въ своемъ углу.

Стих. Д. А. Рубина.

Богомъ хранимый, святой уголокъ,
Вотъ и опять ты меня принимаешь,
Свѣтитъ привѣтомъ мнѣ твой огонекъ,
Плакать, молиться, — что дѣлать, не знаешь!..

Хочется здѣсь и пожить на свободѣ,
Хочется здѣсь и уснуть навсегда,
И не разстался-бъ я, будь въ моей волѣ,
Тихій мой уголокъ, съ тобой никогда!..

(Продолженіе.)

Глава III.

Отложенная свадьба.

До семи часовъ утра всѣ поднялись въ домѣ Клода Тюссо. Но г-жа Тюссо не позволила будить Сесиль.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала она, — дайте ей спать. У нея все готово. Пусть ее встанетъ какъ можно позже.

Никто ей не противорѣчилъ: Сесиль оставили въ покоѣ. Между тѣмъ, въ домѣ началась не-описанная суматоха; изъ лавокъ приносили послѣднія закупки, парикмахеръ создавалъ изъ волосъ г-жи Тюссо громадный памятникъ, мебель была завалена различными предметами женскаго туалета; повсюду видѣлись букеты. У подъѣзда уже стояли наемныя кареты, отданныя въ распоряженіе шафера, который долженъ былъ ѣхать самъ за ближайшими родственниками.

— Я не буду ждать цирюльника, а пойду къ нему самъ, сказалъ Клодъ Тюссо, видя, что, за сумятицей въ его домѣ, ему не съ кѣмъ перемолвить слова и некого послать въ цирюльню.

И онъ поспѣшно вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился съ слѣдами пудры на щекахъ. Жена хотѣла поцѣловать его дѣвственный подбородокъ, но онъ остановилъ ее.

— Нѣтъ, воскликнулъ онъ, — сегодня первой поцѣлуетъ меня невеста... А гдѣ же Сесиль?

— Она спитъ.

— Ты съума сошла, отчего ты ее не разбудишь? Она не будетъ готова, а гости тотчасъ станутъ собираться.

— Жюли, сказала г-жа Тюссо служанкѣ, — скажите барышнямъ, что пора вставать. Парикмахеръ давно ждетъ ее.

Дѣйствительно, парикмахеръ уже окончилъ монументъ на головѣ матери и г-жа Тюссо съ улыбкой спросила:

— Вы увѣрены, г. Рено, что это будетъ крѣпко держаться и волосы не упадутъ.

— Будьте спокойны, сударыня, отвѣчалъ парикмахеръ, — вы можете танцевать, сколько хотите, и ни одинъ волосокъ не шелохнется.

Служанка, войдя въ комнату, объявила, что она стучала въ дверь къ Сесиль три раза, но молодая дѣвушка не откликнулась.

— Какъ? спросилъ Тюссо, — развѣ она вышла сегодня изъ дома?

— Не можетъ быть. Она, вѣроятно, крѣпко спитъ и Жюли недовольно сильно стучала.

— Пойди къ ней сама и скажи, чтобъ она поторопилась. Кареты уже готовы, а если мы не приѣдемъ къ мѣру первыми, то намъ не придется сѣсть за завтракъ ранѣе часа.

— Хорошо, подождите немного, г. Рено. Она сейчасъ сойдетъ внизъ.

Нѣсколько гостей уже приѣхало и Тюссо очень любезно ихъ принималъ, но все же онъ уделилъ

минуту, чтобъ прислушаться, какъ жена его энергично барабанила въ дверь къ дочери.

— Сесиль!.. Сесиль! кричала г-жа Тюссо, — дитя мое, отвѣчай.

Черезъ минуту она возвратилась блѣдная.

— Тюссо, ея нѣтъ въ комнатѣ. Я боюсь...

— Чего бояться? ты съума сошла. Она просто спитъ.

— Нѣтъ, я посмотрѣла въ замочную скважину. Въ комнатѣ нѣтъ никого и постель не смята.

— Вздоръ! она просто пошла куда-нибудь; она всегда сама дѣлаетъ свою постель, сказалъ Тюссо, замѣтно взволнованный, но стараясь успокоить жену и гостей.

Всѣ присутствующіе переглянулись съ удивленіемъ. Г-жа Тюссо горько зарыдала.

— Боже мой! Боже мой! Съ моимъ ребенкомъ случилось несчастье!

— Полно, полно, Адель, будь благоразумна... Вѣдь мы не одни... Дай мнѣ другой ключъ отъ ея комнаты.

— Да, да, отвѣчала г-жа Тюссо и, бросившись къ комоду, вынула изъ одного ящика ключъ.

Тюссо поспѣшилъ съ женою наверхъ. Онъ отворилъ дверь и вошелъ въ комнату дочери. Все было въ ней въ порядкѣ. Г-жа Тюссо смотрѣла на мужа, боясь промолвить слово.

— Все въ порядкѣ... Она, вѣрно, пошла въ церковь... или въ ванну.

Онъ говорилъ глухимъ, дрожащимъ голосомъ, самъ не вѣря своимъ словамъ. Вдругъ онъ поднялъ голову и насунулъ брови. Его глаза остановились на листѣ бумаги, лежавшемъ на видномъ мѣстѣ на комодѣ. На листѣ было написано только двѣ строчки. Онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и протянулъ руку къ комоду. Г-жа Тюссо, слѣдившая за всѣми его движеніями, сказала сквозь слезы:

— Боже мой! Что съ нею случилось?

Тюссо взялъ бумагу. Онъ сразу узналъ почеркъ дочери, поблѣднѣлъ и опустился на кресло. Онъ не вскрикнулъ, а только крупныя слезы брызнули изъ его глазъ. Жена бросилась къ нему, желая поддержать его.

— Клодъ, что тутъ написано?

— Несчастная... У насъ нѣтъ болѣе дочери.

Адель Тюссо глухо застонала и, вырвавъ бумагу изъ рукъ мужа, прочла слѣдующее:

«Одиннадцать часовъ вечера.

«Простите меня, какъ я васъ прощаю. Я вамъ сказала: «скорѣе умру, чѣмъ выйду за этого чловѣка». Я умираю. Прощайте».

«Сесиль».

Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ г-жа Тюссо не могла придти въ себя и стояла точно оглушенная сильнымъ ударомъ грома. Руки ея судорожно дрожали. Потомъ въ груди ея заклокоталъ какъ бы предсмертный колоколецъ и она грохнулась на паркетъ къ ногамъ мужа. Нельзя описать, въ какомъ положеніи находился этотъ несчастный. Одна ужасная, невыносимая мысль заѣхала въ его голову: «Это мы убили нашего ребенка».

Услыхавъ паденіе тѣла, гости бросились наверхъ. Одни подняли г-жу Тюссо, другіе окружили ея мужа.

— Что случилось, что? спрашивали всѣ.

Онъ безчувственно смотрѣлъ вокругъ себя, какъ бы только проснувшись отъ ужаснаго сна:

— Сесиль, мое дитя!.. она наложила на себя руки.

— О, Боже мой!

Несчастнаго отца осторожно свели внизъ и гости, прочитавъ письмо Сесиль, посовѣтовали ему скорѣе начать поиски, но онъ ничего не понималъ, такъ поразилъ его неожиданный ударъ. Скажемъ къ его чести, что въ немъ страдалъ только отецъ и никакая себялюбивая мысль не входила ему въ голову. Двое изъ гостей отира-

вились съ нимъ въ полицейскую префектуру, въ большой парадной свадебной каретѣ, обитой бѣлымъ шелкомъ и запряженной двумя бѣлыми лошадьми, съ маленькими букетами на головахъ. Кучеръ, такъ же украшенный цвѣтами въ петлицѣ, торжественно возсѣдалъ на козлахъ, держа возжи руками, облеченными въ бѣлыя перчатки. Увидѣвъ, что въ карету сѣли отецъ невесты и двое изъ гостей, онъ съ веселой улыбкой спросилъ:

— Куда прикажете, господа?

Невозможно описать, какъ измѣнилось его лицо, когда одинъ изъ гостей отвѣчалъ въ полголоса:

— Къ Моргу... а оттуда въ полицейскую префектуру.

Онъ едва не упалъ съ козелъ, но все же удержался и лошади побѣжали крупной рысью къ величайшему изумленію собравшихся на улицѣ зѣвакъ, которые никакъ не могли понять, зачѣмъ отецъ невесты, побѣхалъ въ свадебной каретѣ съ двумя свидѣтелями.

Между тѣмъ, несчастную мать подняли съ полу и посадили на кровать дочери. Всѣхъ мужчинъ удалили изъ комнаты и служанка съ швейей разрѣзали корсетъ, который былъ такъ крѣпко стянута, что г-жа Тюссо едва не задохлась. Черезъ нѣсколько минутъ она очнулась и, сознавъ всю громадность своего несчастья, предалась самому мрачному отчаянію. Она покрывала подушками подушки дочери, грызла ея маленькій ночной чепчикъ, металась, рыдала, обвиняла себя, роптала на Бога. Тщетно старались успокоить ее ухаживавшія за нею женщины. Она не хотѣла слушать ихъ и повторяла безъ устали:

— О, моя бѣдная дочь... моя Сесиль!.. Я проклятая!.. Я ее убила!.. Я, несчастная, убила свою дочь!.. Мое милое дитя!.. Неужели я его не увижу... это невозможно!

И она еще болѣе рыдала, ломая себѣ руки и терзаясь укорами совѣсти. Вдругъ внизу послышался странный шумъ. Она прислушалась... Глаза ея заблестѣли, щеки покрылись страшной блѣдностью. Она узнала голосъ Андре Гудара. Она услышала его поспѣшные шаги по лѣстницѣ. Онъ не вѣрилъ сообщенной ему вѣсти и хотѣлъ самъ удостовѣриться. При входѣ его въ комнату г-жа Тюссо забыла, въ какомъ растрепанномъ видѣ она находилась, соскочила съ постели и знакомъ приказала обѣимъ женщинамъ удалиться.

— Такъ это правда, спросилъ Гударъ въ смущеніи.

Она не отвѣчала; молча заперла дверь и потомъ, бросившись на него съ кулаками, воскликнула:

— Негодай, обманщикъ, подлецъ!.. Ты все это надѣлалъ! Ты убилъ моего ребенка. Ты навлекъ на этотъ домъ позоръ и несчастье... Пусть я погибну, но погублю и тебя. Я скажу Клоду и всѣмъ, что ты за чловѣкъ. Тебя выгонять, тебя будутъ презирать, тебя заплуютъ, мерзавецъ. Хотя я немного отомщу за своего бѣднаго ребенка.

Гударъ такъ мало ожидалъ подобнаго пріема, что въ первую минуту испугался и отскочилъ, простирая руки для защиты отъ ударовъ. Но Адель продолжала наступать на него, не переставая осыпать его бранью и совершенно прижала къ двери. Тогда онъ немного оправился отъ смущенія и, схвативъ ее грубо за руку, потащилъ къ кровати и бросилъ на нее изо всей силы.

— Ну, довольно, слышишь.

— Силою ты и обезчестилъ меня съ самаго начала, прошептала она, приподнимаясь.

— И я съумѣю всегда заставить тебя молчать.

— Что же ты меня не бьешь, мерзавецъ!.. Это было бы не въ первый разъ, негодяй!

— Довольно, повторилъ онъ, зажимая ей ротъ

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.
ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ П. КОВЕРЗНЕВА.

Деревенскій праздникъ. Рѣзала на деревѣ Августа Шлехта.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА А. И. МЕЩЕРСКАГО.

Иматра, водопадъ въ Финляндіи.

рукой и съ такой силой, что она снова упала на кровать и от испуга замолчала.

Гударь бросился къ двери, отворилъ ее, посмотрѣлъ, не подслушиваетъ-ли ихъ кто-нибудь, и потомъ спокойно, хладнокровно сказалъ, остав-
ляя нарочно дверь отворенной:

— Сударыня, покажите мнѣ письмо вашей дочери.

Адель залилась слезами и ничего не отвѣчала.

Сжавъ кулаки и стиснувъ зубы, пораженный исчезновеніемъ своей невѣсты и взбѣшенный упреками ея матери, Андрэ Гударь едва сдерживалъ себя. Онъ прошелся раза два по комнатѣ, потомъ снова выглянулъ въ дверь и, убѣдившись, что никого не было вблизи, возвратился къ Адель, которая, закрывъ лицо руками, рыдала. Обнаженная грудь ея болѣзненно подымалась.

— Адель, сказала наконецъ Гударь, — посмотри на себя, на что ты походишь. Еслибъ кто-нибудь вошелъ сюда... то могъ бы подумать Богъ знаетъ что...

Г-жа Тюссо молча поправила свой корсажъ подшпиливъ его булавками.

— Поговоримъ дѣльно, продолжалъ Андрэ. — Что случилось вчера, послѣ моего ухода?

— Развѣ я что-нибудь помню? воскликнула Адель, вскакивая и направляясь къ двери, — я думаю только о моей дочери.

— Ты не сойдешь внизъ въ такомъ положеніи, произнесъ Гударь повелительнымъ тономъ и принудилъ ее опять опуститься на кровать.

— Боже мой! мой бѣдный ребенокъ, мой бѣдный ребенокъ, бормотала несчастная женщина, всхлиывая и закрывая лицо руками.

Андрэ Гударь, по прозвищу Кляча, скрежеталъ зубами отъ злобы, но чувствовалъ, что противъ такого горя онъ безпомощенъ, тѣмъ болѣе, что несчастье случилось по его винѣ. Наконецъ, онъ пожалъ плечами и рѣшился подождать, пока Адель хотя немного успокоится. Онъ подошелъ къ окну, отворилъ его и, высунувшись, сталъ смотрѣть на соседній садъ, но, въ сущности, онъ обдумывалъ все случившееся. Такъ какъ онъ представляетъ собою одно изъ главныхъ дѣствующихъ лицъ нашего разсказа, то воспользуемся этой спокойной минутой, чтобъ нарисовать его портретъ.

Это былъ здоровенный, сильный человѣкъ, лѣтъ сорока, который легко могъ убавить себя годовъ пять. Хорошо и красиво сложенный, онъ былъ совершенно въ своей тарелкѣ, въ парадномъ костюмѣ жениха, что рѣдкость среди буржуазіи. Большая голова, мускулистые руки, быстрая граціозная поступь, овальное лицо, каштановые завитые волосы, рыжая борода, раздвоенная на подбородкѣ, широкій ротъ, украшенный прекрасными зубами, какъ бы всегда готовыми грызть что-нибудь, толстыя губы, темнокаріе глаза, густыя рѣсницы и странный, пѣскольно дикій, жестокий взглядъ составляли главныя отличительныя черты его. Цвѣтъ его лица былъ матовый, выраженіе утомленное, разочарованное. Женщины говорили о немъ: «Онъ очень хорошъ собою, но пожилъ». Мужчины же замѣчали: «Молодецъ, себя на умѣ». Сосѣди прибавляли: «Гударь красавецъ, по настоящая Кляча»; а женщины, близко знавшія его, восклицали: «О! не говорите объ этомъ человѣкѣ, онъ подлецъ!» Наконецъ, его другъ, Клодъ Тюссо, былъ о немъ самаго лучшаго мнѣнія:

— Андрэ, добрый малый, я невидывалъ чело-
вѣка лучше и добрѣе его. Я ему много обязанъ.

Прошло нѣсколько минутъ и Гударь хотѣлъ уже подвергнуть строгому допросу г-жу Тюссо, которая перестала плакать и, опустивъ голову, нервно икала, какъ вдругъ внизу раздались крики:

— Вотъ они! вотъ они!

Андрэ выбѣжалъ изъ комнаты и явился въ гостиную, въ ту самую минуту, какъ возвратился

Тюссо съ двумя гостями. Онъ тотчасъ понялъ, по ихъ лицамъ, что они не привезли хорошихъ вѣстей. Увидѣвъ своего нарѣченнаго зятя, Тюссо протянулъ ему руку и проговорилъ со слезами:

— О, бѣдный Андрэ! Ты знаешь наше несчастье! Моя дочь умерла.

— Успокойся, Клодъ. Если Сесиль ушла, это еще не доказательство, что она умерла.

Клодъ Тюссо поднялъ голову и какъ будто лучъ надежды освѣтилъ его лицо.

Глава IV.

Что случилось съ юношей, любившимъ смотрѣть на восходъ солнца.

Возвратимся, однако, на берегъ Сены къ Аустерлицкому мосту, въ минуту восхода солнца, когда все воскресаетъ къ жизни и тысячи разнообразныхъ звуковъ смѣшиваются въ одинъ сложный, громадный хоръ.

Въ маленькомъ кабачкѣ подъ вывѣской «Свиданіе моряковъ», находившемся противъ пловучей прачешной, къ которой причалены десятки увеселительныхъ частныхъ лодокъ, толпа судовыхъ рабочихъ и извозчиковъ пила, шумѣла, кричала, болтала, смѣялась. Среди этихъ загорѣлыхъ, грубыхъ труженниковъ, съ мозолистыми руками, красными ушами, шапками, въ родѣ ко-
стрюль, и громадными сапогами, бѣгала и суетилась служанка, въ короткой юбкѣ съ веселыми, живыми глазами, толстой таліей, пунцовыми щеками, колоссальной грудью и чудовищными ботинками, на которыя спадали чулки. Она громче всѣхъ кричала и смѣялась, пересыная свою рѣчь крупными, бранными эпитетами и отвѣчала ловкими ударами на слишкомъ безцеремонныя любезности гостей.

— Жанна, дай мнѣ скорѣе рюмочку и ключъ отъ нашей лодки, сказалъ входя въ кабачекъ молодой человѣкъ, одѣтый, какъ всѣ работники, и, повидимому, хорошо знакомый завсегдатаямъ «Свиданія моряковъ».

— А, это вы, г. Аристидъ, отвѣчала служанка, быстро исполняя его приказанія; — вы завтра пожелаете?

— Да, мы отправимся по Марнѣ, а сегодня я общалъ вымыть лодку.

— Здравствуй, Шадн, выпьемъ, пріятель, воскликнулъ одинъ изъ рабочихъ, сидѣвшихъ за столомъ.

— Хорошо; Жанна подай намъ поскорѣе.

— Ты значить не работаешь сегодня. Еслибъ твой отецъ Лебланъ зналъ...

— Нѣтъ, я работаю. Но вѣдь такъ рано въ мастерскую не ходятъ. Я нарочно поднялся съ позаранка, чтобъ вымыть лодку, а потомъ поспѣю и на работу. Ну, Жанна, поварачивайся, мнѣ не время ждать.

Чокнувшись съ пріятелемъ, молодой человѣкъ, котораго звали и Аристидомъ, и Шадн, отправился на берегъ съ губкой и ковшемъ. Взойдя на пловучую прачешную, онъ пробрался по ея борту до своей лодки и прыгнулъ въ нее. Потомъ онъ снялъ пальто, жилетъ и носки, засучилъ панталоны, заворотилъ рукава рубашки до локтей и, отчаливъ лодку, спустился къ мосту, подъ аркой котораго можно было въ тѣни и на свободѣ заняться работой.

Аристидъ Лебланъ, по прозвищу Шадн, работалъ въ мастерской бронзоваго дѣла. Отецъ его, буржуа, имѣлъ нѣкоторыя средства и Аристидъ жилъ въ семействѣ на набережной близъ Аустерлицкаго моста. Вотъ почему друзья поручили ему вымыть лодку и почему его хорошо знали въ прибрежномъ кабачкѣ.

Портретъ его нарисовать не долго; это былъ коренастый молодчина, скорѣе малаго, чѣмъ большого роста, широкоплечій, мускулистый, не очень красивый, но добродушный, симпатичный, съ русыми волосами, голубыми глазами и свѣжимъ цвѣтомъ лица. Каждое утро, какая бы ни была

погода, онъ вставалъ рано и отправлялся на работу. Въ мастерской онъ цѣлый день работалъ безъ усталости. Онъ былъ не рабочимъ-художникомъ, а простымъ молотобойцемъ, но онъ привыкъ къ своему ремеслу и съ одинаковымъ удовольствіемъ и энергіей дѣйствовалъ молоткомъ, напилкомъ и скребкомъ. Возвращаясь домой, по вечерамъ, онъ былъ чрезвычайно утомленъ, но никогда не жаловался и, въ свободныя минуты, съ такимъ же жаромъ предавался удовольствію, какъ и работѣ. А главнымъ удовольствіемъ для Аристиды было грести въ лодкѣ.

По этому онъ теперь весело мылъ, чистилъ и скребъ внутри и снаружи свою шлюпку «Зыбь». Онъ даже затянулъ какую-то забубенную пѣсню, какъ вдругъ первый куплетъ замеръ на его губахъ. Гдѣ-то вблизи что-то тяжелое упало въ воду. Онъ вскочилъ и оглянулся. Сзади его лодки бѣгали круги по гладкой поверхности Сены. Онъ родился на берегу и питалъ къ водѣ такую же страсть, какъ ньюфаундлендскія собаки. Покупаться лишній разъ было для него всегда праздникомъ. «Это, вѣроятно, кто-нибудь бросился въ воду, по погоди, голубчикъ, я не дамъ тебѣ дурить», подумалъ Шадн и нырнулъ, какъ рыба.

Онъ плавалъ отлично и долго могъ держаться подъ водой. Черезъ минуту онъ появился на поверхности одинъ, но только перевелъ дыханіе, снова нырнулъ и вытащилъ тѣло Сесили, по оно было такъ тяжело, что онъ не могъ, несмотря на всѣ свои усилія, попасть въ лодку или перебросить туда тѣло. Тогда онъ громко, отчаянно закричалъ: «Помогите! помогите!» И со всѣхъ сторонъ побѣжали по берегу люди и лодки отчалили отовсюду, чтобы подать помощь.

Глава V.

Старая любовь.

Гударь одной фразой возвратилъ надежду несчастному: «Можетъ быть, его дочь не умерла». Мысль, которая наканунѣ взбѣсила бы Тюссо, теперь улыбалась ему, но онъ, конечно, не передавалъ ея своему нареченному зятю. «Моя дочь, думалъ онъ, — покинула родительскій домъ, потому, что не хотѣла выйти замужъ за Клячу; она любитъ Мориса Феррана и, вѣроятно, убѣжала къ нему, а намъ написала о своей смерти, чтобъ мы не искали ея у Мориса». И чего онъ прежде боялся? отъ любви вѣдь не умираютъ. Ну такъ чтожъ, она выйдетъ замужъ за Мориса, вотъ и все. Эта свадьба не блестящая, но ей по сердцу и, главное, его дочь жива и будетъ жить счастливо.

Успокоенный этими мыслями онъ весело сказалъ женѣ, спустившейся внизъ въ сильномъ волненіи:

— Не плачь, Адель, я сейчасъ приведу ее.

Гударь посмотрѣлъ на Клода съ удивленіемъ, но тотъ поспѣшно выбѣжалъ на улицу съ своими двумя пріятелями и крикнулъ кучеру:

— Въ улицу Лакюзъ, къ Аустерлицкому мосту.

Едва удалился Тюссо, какъ Гударь, попросивъ одного изъ родственниковъ принимать гостей, вернулся на лѣстницу г-жу Тюссо.

— Чего вы еще хотите отъ меня, спросила она вполголоса.

— Я хочу съ тобою серьезно объясниться и понять, наконецъ, какую комедію вы со мною разыграли; ну, ступай на верхъ.

Онъ произнесъ эти слова повелительнымъ, хотя слышнымъ ей одной голосомъ, однакожъ, Адель на этотъ разъ вздумала не подчиниться его непреклонной волѣ.

— Я хочу здѣсь остаться, твердо сказала она.

— Довольно, сказалъ онъ и, взявъ ее на руки, снесъ на верхъ и посадилъ на диванъ.

Эта смѣлость такъ перепугала несчастную женщину, что она не произнесла ни слова. Она боялась, чтобъ посторонніе не увидали, какую

странную власть имѣть надъ нею этотъ человѣкъ. Она притихла и сидѣла тихо, неподвижно, опутивъ голову, точно автоматъ.

Онъ заперъ дверь, развалился съ сапогами на дѣвственной постели Сесиль, какъ на диванѣ въ кабакѣ, и спокойно сказалъ:

— Ну, Адель, ты теперь одумалась. Поговоримъ серьезно. Какую комедію вы разыгрываете? Что все это значитъ? Я уже сомнѣваюсь, не дѣвица-ли Сесиль и ея маменька устроили это веселое представленіе. Если ты такъ держишь свое слово, то я тотчасъ пойду къ своему стряпчему и черезъ двадцать четыре часа Клодь будетъ банкротомъ.

Адель смотрѣла на него безчувственно, холодно, какъ бы ничего не понимая.

— Или ты думаешь, что я ребенокъ? Вы разыгрываете комедію самоубійства, полагая, что я зашелъ слишкомъ далеко и не могу покинуть васъ, даже еслибъ свадьба не состоялась. Иначе всѣ сосѣди сказали бы: «это была просто спекуляція». Ну, да, это спекуляція и болѣе ничего, вы торгуете своимъ ребенкомъ. Пусть обо мнѣ говорятъ, что я развратникъ и кутила. Какое мнѣ до этого дѣло! Напротивъ, я очень радъ. Недаромъ меня прозвали Клячей! А вы думали, что если свадьба не состоится, я все же останусь вашимъ другомъ? О, моя бѣдная Адель, развѣ не все уже давно кончено между нами?

— Не такъ давно, чтобъ я забыла свой позоръ.

— Пустяки!.. Все это слова!.. Не начинай, пожалуйста, глухой сцены, какъ въ тотъ день, когда я просилъ у тебя руки твоей дочери.. Не грози мнѣ, что скажешь все твоему мужу. Хорошо, что же изъ этого выйдетъ? Ты скажешь мужу: «Клодь, ты думалъ, что твоя жена и мать твоего ребенка честная женщина, нѣтъ, она любовница твоего лучшаго друга». По твоему онъ разсердится на меня? Нисколько, онъ только подумаетъ, что ты... да, ты сама знаешь, что. Онъ подумаетъ, что ты сама мнѣ бросилась на шею.

— О! воскликнула Адель, — подлецъ, мерзавецъ!.. замолчи! замолчи!

— Теперь твои крики не пугаютъ меня; я рѣшился на все. Если сосѣди узнаютъ, что г-жа Тюссо была моей любовницей, такъ что же? Развѣ свободный человѣкъ, какъ я, не беретъ любовь тамъ, гдѣ находитъ ее. Это цѣль его жизни. Мужчина не обязанъ хранить свою чистоту и супружескую вѣрность, это дѣло женщины. Ты понимаешь, что твои слезы кающейся Магдалины никого не тронуть.

— Такъ вы ничего не уважаете. Вы меня обольстили или, лучше сказать, силой овладѣли мною и теперь меня оскорбляете, и грозите мнѣ. Если вы не понимаете, что человѣкъ, обезчестившій женщину, долженъ уважать ее, то, по крайней мѣрѣ, пожалѣйте того, кого вы называете своимъ другомъ.

— Я думаю, что имѣю право называть его моимъ другомъ, произнесъ Гударъ съ циничной улыбкой: — я довольно дорого заплатилъ за эту дружбу. Если вы жили все это время припѣвая, то только по моей милости. Твоя любовь слишкомъ небольшой процентъ на затраченный мною на васъ капиталъ.

— Боже мой! Боже мой! воскликнула несчастная женщина, горько рыдая отъ стыда и отчаянія, — вы меня пугаете! Неужели я должна васъ благословлять за свой позоръ.

— Пора, кажется, узнать меня. Я очень хорошо вижу въ чемъ дѣло. Вы сказали себѣ, что послѣ такого скандала онъ откажется отъ брака. Прекрасно разыграли патетическую сцену. Теперь отецъ приведетъ Сесиль, вы извинитесь передо мною и отдадите ее замужъ за вашего херувимчика, бывшаго...

— Молчите, молчите! умолила Адель, которая

при этихъ словахъ Гудара начала надѣяться, что ея дочь найдетъ и не будетъ женой этого подлеца.

— Но, красавица Тюссо, какъ тебя называютъ въ околodкѣ, такіа шутки не выгораютъ; Кляча сдумѣетъ повернуть дѣло по своему.

— Что же вы сдѣлаете?

— Вотъ что: когда отецъ приведетъ Сесиль, я возьму ее и поѣду къ мѣру, или, при малѣйшемъ сопротивленіи, хотя бы съ ея стороны, я отправлюсь тотчасъ въ свадебной каретѣ въ коммерческій судъ и объявлю банкротомъ фирму Тюссо и К^о.

Адель ничего не отвѣчала. Она думала только о своей дочери, о томъ, что она, можетъ быть, не умерла.

— Ты развѣ не слышишь? воскликнулъ Гударъ.

— Слышу.

— Что же ты на это скажешь?

— Обдумавъ дѣло, я нахожу, что стоитъ купить счастье дочери, хотя бы несчастьемъ всей моей жизни. Мы будемъ разорены, но, по крайней мѣрѣ, Сесиль выйдетъ замужъ за человѣка, котораго она выбрала.

— Не она, а ты.

— Если я не могу иначе обезпечить счастье дочери, какъ принесъ въ жертву себя, — я на это готова.

— Но ты говоришь о себѣ, замѣтилъ съ бѣдкой улыбкой Гударъ, — а мой другъ Клодь, когда онъ узнаетъ, что я давалъ ему деньги потому только...

— Почему? спросила Адель, поднимая голову и сверкая глазами.

— Потому, что за это я пользовался твоей любовью...

— Вы ему это скажете, вы, вы?

— Да, такъ же хладнокровно, какъ говорю теперь.

— Въ такомъ случаѣ, клянусь головой моего ребенка, я скажу Тюссо: — «Онъ лжетъ изъ мести, и если ты, Клодь, любишь меня, уважаешь, убей этого мерзавца». Онъ мнѣ повѣритъ, я его знаю, и исполнитъ мою волю. Онъ добръ и мягокъ, но храбръ и жестокъ, когда затронутъ его жену или ребенка. Наконецъ, если понадобится, я сама помогу ему, слышите, г. Гударъ... Никогда, никогда, я не сознаюсь въ своемъ паденіи. Онъ умеръ бы отъ горя, а ужъ если суждено ему умереть, то лучше защищая оскорбленную честь своей жены.

Все это сказано было безъ крика, безъ пафоса, а просто, по каждое слово какъ бы ударило бичомъ по щекѣ Гудара. Когда она кончила, онъ всталъ, совершенно блѣдный. Онъ понялъ, что она не хвасталась, не лгала и отъ страха ему даже показалось, что у нея въ рукахъ блестящій ножъ.

— Ты увѣряешь, что была жертвой моего насилия, произнесъ онъ, желая скрыть свое волненіе, и уже болѣе мягкимъ тономъ; — и тогда ты могла такъ же защищаться.

— Развѣ я знала тогда, что надо защищаться. Всѣ мои друзья уважали домъ, въ которомъ они были приняты. Я считала васъ честнымъ человекомъ, потому что вы явились къ намъ съ цѣлью спасти насъ отъ несчастья. Довольно было, однако, часа, чтобъ раскусить васъ и этотъ часъ отравилъ всю мою жизнь. Наконецъ, знайте г. Гударъ, что это послѣдняя наша бесѣда. Вы можете насъ разорить, но не думайте насъ обезчестить... или...

— Или что? спросилъ онъ, подмигивая.

— Или я и Тюссо васъ задушимъ своими руками.

Онъ пожалъ плечами, но Адель видѣла, что онъ былъ побѣжденъ.

Въ эту минуту карета остановилась у подъ-

ѣзда. Гударъ сошелъ съ лѣстницы. Адель накинула на себя шаль и бросилась бѣгомъ внизъ, въ надеждѣ увидать дочь. Всѣ гости ждали въ столовой, недоумѣвая отчего проходила такая задержка, потому что грустную правду сказали шепотомъ только двумъ или тремъ ближайшимъ родственникамъ.

Въ дверяхъ показался Тюссо. Увидавъ его, несчастная мать потеряла всякую надежду и, кинувшись къ нему на шею, зарыдала.

— Ну, что, Клодь? спросила она, наконецъ.

— Ничего, отвѣчалъ онъ со слезами на глазахъ: — я былъ у Мориса, ея тамъ нѣтъ. Онъ вчера вернулся въ обыкновенное время, а сегодня утромъ ушелъ на работу. Его окно отворено какъ всегда... Бѣдная Адель... все кончено... у насъ нѣтъ ребенка.

И оба горько рыдали.

Гударъ, прислонясь къ косяку двери, выходившей на лѣстницу, молча смотрѣлъ на эту сцену, кусая усы и спрашивая себя: «что все это значило?» Онъ не вѣрилъ самоубійству молодой дѣвушки. Это было невозможно. Но его смутило неожиданное сопротивленіе г-жи Тюссо, ея откровенность, мужество и смѣлость. Онъ считалъ себя повелителемъ этой женщины, благодаря ея прошлому и вдругъ она подняла голову, грозная, гнѣвная, а онъ оказался виновнымъ, устранившимся.

Дѣйствительно, сцена, разыгравшаяся передъ нимъ, была очень печальная и скорѣе походила на похороны, чѣмъ на свадьбу. Всѣ плакали и утѣшали несчастныхъ. Изнемогая отъ тяжелой борьбы съ Гударомъ и убитая окончательно неудачею поисковъ мужа, г-жа Тюссо не долго крѣпилась. Она задрожала всѣмъ тѣломъ и грохнулась безъ чувствъ на землю. Клодь же, обвинявшій себя въ смерти дочери, въ отчаяніи опустился на стулъ, плача, какъ ребенокъ.

Одинъ Гударъ стоялъ спокойный, хладнокровный. Но гости были такъ заняты бѣдными родителями пропавшей невѣсты, что никто не замѣчалъ, какъ безучастенъ былъ къ общему горю женихъ.

— Гударъ, спросила, наконецъ, у него швея, — неужели вамъ все равно?

Онъ пожалъ плечами и отвѣчалъ съ злой усмѣшкой:

— Не даромъ меня зовутъ Клячей. Я вѣренъ своей клнчкѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Дерево съ фантастическими корнями.

(Рис. стр. 44.)

На нашемъ рисункѣ изображенъ уголокъ тропическаго пейзажа въ мѣстности, сосѣдней съ коралловыми островами, сами по себѣ представляющими предметъ очень любопытный для изученія.

Деревья, вырастающіе на плодородной почвѣ этихъ мѣстностей, поражаютъ своей громадной толщиной: они достигаютъ въ діаметрѣ 50 — 60 футовъ. Съ однимъ видомъ такихъ деревьевъ, извѣстнымъ подъ латинскимъ названіемъ «Avicennia Tomentosa», знакомитъ нашъ рисунокъ. Трудно представить себѣ что-нибудь любопытнѣе и пріятнѣе на видъ этихъ деревьевъ, имѣющихъ корни, похожіе на вѣтви и образующіе въ основаніи родъ грубой ткани, возвышающейся часто на 10 — 12 футовъ надъ почвой. Чрезвычайно любопытенъ видъ лѣса изъ этихъ деревьевъ, на вѣтвяхъ которыхъ копошится громадное населеніе птицъ, принадлежащихъ къ самымъ красивымъ и оригинальнымъ видамъ птичьяго семейства.

Термиты.

(Рис. стр. 45.)

Термитовъ зовутъ «бѣлыми муравьями» въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они водятся. Между тѣмъ, они принадлежатъ къ отдѣлу «сѣтчатокрылыхъ», тогда какъ муравьи къ отдѣлу «перепончатокрылыхъ». Отсюда ясно, что даваемое термитамъ названіе «бѣлыхъ муравьевъ» неправильно.

Какъ бы тамъ ни было, термиты живутъ обществами въ «термитникахъ», по устройству сходныхъ съ муравейниками, обитаемыми муравьями. Но сооруженія термитовъ несравненно совершеннѣе, чѣмъ постройки муравьевъ; они поражаютъ своимъ высокимъ искусствомъ. Размѣры комнатъ и галлерей въ ихъ дворцахъ до чрезвычайности громадны, если принять въ расчетъ величину самого животного-строителя. Случалось находить комнаты такого громаднаго размѣра, что въ нихъ могъ помѣститься человѣкъ во весь ростъ.

ные мастера; эта тяжелая, повидимому, работа дается имъ очень легко.

Термиты вторгаются на плантаціи и въ человѣческія жилища и производятъ тамъ страшныя опустошенія. Существуетъ разновидность этихъ насекомыхъ, нападающая на деревья и совершенно ихъ истребляющая. Любопытно, что они истребляютъ только внутреннее содержаніе деревянныхъ предметовъ, оставляя нетронутой вѣшную оболочку, что приводитъ иногда къ неприятнымъ случайностямъ. Нерѣдко бывало, что плантаторъ, послѣ двухдѣльнаго отсутствія, войдя въ свой сельскій домъ, находилъ только призракъ его внутренняго убранства: термиты пожрали всю внутренность вещей, оставивъ, точно на смѣхъ, нетронутой тонкую наружную оболочку. Плантаторъ садится на стулъ, тотъ разсыпается, обопрется онъ о столъ — и рука его внезапно опускается, ибо стола не осталось и слѣда; запе-

Викторъ Гюго въ качествѣ изгнанника, поселился въ Бельгіи. Когда же онъ написалъ и издалъ «Napoleon le Petit», бельгійское правительство, опасавшееся Наполеона, начинавшаго входить въ силу въ Европѣ, издало специальный законъ, въ силу котораго талантливый французскій поэтъ былъ изгнанъ изъ Бельгіи. Викторъ Гюго отправился въ Англію и поселился на островѣ Джерсеѣ, но напечатанныя имъ «Chatiments» до того успили къ Гюго ненависть бонапартистскаго правительства, что оно стало интриговать въ Англіи, нельзя-ли удалить поэта еще дальше отъ границъ Франціи. Результатомъ этихъ интригъ было переселеніе Гюго на островъ Гернсей, гдѣ онъ и прожилъ остальные шестнадцать лѣтъ своего изгнанія.

Мало-по-малу, на Гернсеѣ, обладающемъ превосходнымъ климатомъ, собралось много французскихъ изгнанниковъ, жертвъ декабрьскаго

Деревья съ фантастическими корнями.

Населеніе термитника состоитъ изъ самцовъ, самокъ, бесполохъ-работниковъ и бесполохъ-воиновъ. Последніе имѣютъ единственное назначеніе: защищать работниковъ и крѣпости; число ихъ ограничено. Однакожъ, существуетъ разновидность «воинственныхъ термитовъ», у которыхъ бесполое-воины значительно превосходятъ своей численностью работниковъ. Термитники этой разновидности представляютъ собою сильно укрѣпленныя сооруженія, обитатели которыхъ непрерывно производятъ набѣги и грабежи. Они вырываютъ подъ почвой длинныя галлерей, сообщающіяся съ термитникомъ, такъ что они могутъ выходить незамѣченными, нападать внезапно на непріятеля, брать его въ тылъ, и также внезапно скрываться, унося съ собою военную добычу. Даже предпринимая сравнительно отдаленныя экспедиціи, термиты все-таки стараются двигаться не по земной поверхности, а также роютъ длинныя галлерей, на что они замѣчатель-

но погу на лѣстничную ступень — лѣстница разлетается передъ нимъ пылью. Самыя двери уже не двери, а только подобіе дверей.

Термиты имѣютъ непримиримыхъ враговъ въ черныхъ муравьяхъ, почти равныхъ имъ по величинѣ и выдерживающихъ съ ними ожесточенныя битвы. Случается, черные осаждаютъ крѣпости термитовъ и если послѣдніе бѣгутъ побѣждены, побѣдители уводятъ ихъ въ плѣнъ, запираютъ и пожираютъ ихъ, но не разомъ, не въ одинъ обѣдъ, но постепенно, по мѣрѣ необходимости.

Изъ Парижа.

(Письмо Н. Тарже.)

(Окончаніе*.)

Послѣ декабрьскаго государственнаго переворота, создавшаго во Франціи вторую имперію,

*) См. № 1, «Жив. Об.»

переворота. Они зажили между собою дружно и образовали довольно значительную французскую колонію.

Понятно, возникновеніе такой оппозиціонной колоніи все-таки невадалекъ отъ границъ Франціи, должно было безпокоить правительство, достигшее власти путемъ насилія. Но что оно могло сдѣлать противъ этихъ людей? Потребовать удаленія ихъ изъ Англіи — не представлялось возможнымъ: какъ далеко ни заходило англійское министерство въ своемъ преклоненіи предъ «мудростью» французскаго императора, однакожъ, не согласилось бы принять какія-либо репрессивныя мѣры противъ французскихъ изгнанниковъ, такъ какъ этимъ оно навлекло бы на себя крайнюю непопулярность и могло бы даже лишиться власти. Французскому правительству оставалось прибѣгнуть къ много разъ уже испытанному средству: поселить раздоръ въ средѣ изгнанниковъ, — и оно ухватилось за это средство.

Однажды, рассказывает Риве, на остров прибыл новый изгнанникъ, Дамасенъ Гюберъ. Рѣзкія, страстные нападки на дѣятелей декабрьскаго переворота вскорѣ приобрѣли ему популярность между изгнанниками. Приобрѣти довѣріе, онъ сталъ сильно нападать на Виктора Гюго. «Этотъ тиранъ», говорилъ онъ; — когда мы вернемся во Францію, моя первая пуля будетъ направлена въ него».

— Я другъ людей, страдающихъ отъ нищеты, безпрестанно твердилъ Гюберъ, — и пока будутъ на свѣтѣ нищіе, я не позволю себѣ жить роскошью, чѣмъ живутъ они.

И дѣйствительно, онъ велъ самую суровую жизнь; квартировалъ въ подвалѣ, не имѣлъ постели, спалъ на камennomъ полу, питался хлѣбомъ и водою, одѣтъ былъ въ лохмотья. Такой стоицизмъ сильно подѣйствовалъ не только на изгнанниковъ, но даже и на мѣстныхъ жителей. Вскорѣ явилась масса почитателей Гюбера, изъ которыхъ нѣкоторые привязались къ нему до фанатизма.

Изгнанники образовали кассу вспоможенія, изъ которой ежедневно выдавалась опредѣленная сумма нуждавшимся изгнанникамъ; Гюберъ рѣшительно отказался получить пособие изъ этой кассы, когда оно было предложено ему.

Мѣстный островитянинъ, Кауэтъ, имѣющій нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ дохода и раздѣлявшій республиканскія убѣжденія, пораженный дикимъ величіемъ Гюбера, сталъ его другомъ и ревностнымъ почитателемъ.

— Я не хочу, чтобы ты жилъ въ подвалѣ, сказалъ онъ Гюберу; — переезжай ко мнѣ на домъ и живи со мною.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Гюберъ, — пока есть несчастные, неимѣющіе постели и я не желаю имѣть ее.

Какъ-то разъ, ночью, Викторъ Гюго былъ разбуженъ своимъ сыномъ Франсуа-Викторомъ.

— Что такое? спросилъ отецъ.

— Извини, что я побеспокоилъ тебя, отецъ, но тебѣ необходимо встать.

— Для чего?

— Дѣло идетъ о жизни человѣка; наше присутствіе необходимо; за нами пришелъ Кеслеръ.

Викторъ Гюго одѣлся и вмѣстѣ съ обоими сыновьями, Вакри и Кеслеромъ, вышелъ изъ дому. Путь ихъ лежалъ къ гостиницѣ нѣкоего Бове, въ подумлѣ отъ дома Виктора Гюго.

Они пришли туда въ часъ утра. Ихъ ввели въ залу, имѣвшую теперь видъ судилища. Зала была освѣщена всего четырьмя сальными свѣчами и въ ней толпилось болѣе сорока изгнанниковъ. За столомъ сидѣлъ президентъ собранія, тоже изгнанникъ, Казнь, а передъ столомъ на табуретѣ, съ видомъ дикаго звѣря, помѣщался безукоризненный демократъ Дамасенъ Гюберъ. Четверо изгнанниковъ, составлявшихъ его стражу, слѣдили за каждымъ его движеніемъ.

Вотъ что случилось.

Гюберъ заболѣлъ; изгнанники братски ухаживали за нимъ, по очереди проводя ночи у его постели — больной лежалъ на тюфякѣ, прислан-

номъ ему однимъ изъ изгнанниковъ. — Сыновья Виктора Гюго ухаживали за больнымъ паравнѣ съ прочими изгнанниками.

Надо сказать, что Гюберъ, отрицавшій самую рубашку, имѣлъ любовницей прачку. Незвѣстно по какому поводу, онъ возбудилъ въ ней ревность и ненависть къ себѣ. Въ этотъ вечеръ прачка вошла въ комнату больного яростная и накинулась на него съ угрозами и ругательствами. Ухаживавшіе за больнымъ двое изгнанниковъ вступились за него, энергично приглашая свирѣпую женщину оставить въ покоѣ ихъ друга.

— Други! вскричала она съ провіей. — Глупы же вы, я вижу, если не разгадали до сихъ поръ, съ кѣмъ имѣете дѣло. Какой онъ вамъ другъ! Онъ шпионитъ за вами!

Гюберъ, собравшись съ силами, въ свою очередь сталъ ругать свою любовницу.

— Вы слышали, Гюберъ, сказалъ одинъ изъ

Вынувъ оттуда нѣсколько тряпокъ и обшаривъ чемоданъ, они не нашли никакихъ бумагъ. Гюберъ начиналъ спокойно дышать.

— Видите, нѣтъ ничего, сказалъ онъ съ упрямствомъ.

— Вотъ простота-то! вскричала прачка. — Развѣ вы не видите, что отъ дна чемодана до пола еще большое пространство. Ясно, тутъ двойное дно; откройте его и найдете, что вамъ требуется.

Гюберъ зарычалъ. Изгнанники послѣдовали совѣту прачки и вскорѣ выложили на полъ цѣлый ворохъ бумагъ...

Немедленно послано было за всеми изгнанниками съ предложеніемъ тотчасъ же собраться въ гостиницѣ Бове. Туда же приведенъ былъ и Гюберъ. Судъ надъ нимъ начался въ ту минуту, какъ вошелъ Викторъ Гюго.

Бумаги, найденныя въ его чемоданѣ, не представляли никакого сомнѣнія въ его занятіи. Это была переписка между нимъ и префектомъ парижской полиціи Мона.

Негодование изгнанниковъ было крайнее. Особенно рѣзко оно выражалось самыми ревностными почитателями Гюбера, взбѣшенными, что этотъ пройдоха такъ ловко обманулъ ихъ. Самъ же обвиняемый свирѣпо смотрѣлъ изъ подлوبي и не хотѣлъ выговорить ни одного слова.

Нечего и говорить, что Гюберъ былъ осужденъ. Трактирщикъ Бове, бывшій фанатичнымъ послѣдователемъ Гюбера, теперь явился самымъ неумолимымъ противникомъ его. Онъ предложилъ связать Гюбера, завернуть его въ холстъ и бросить въ море.

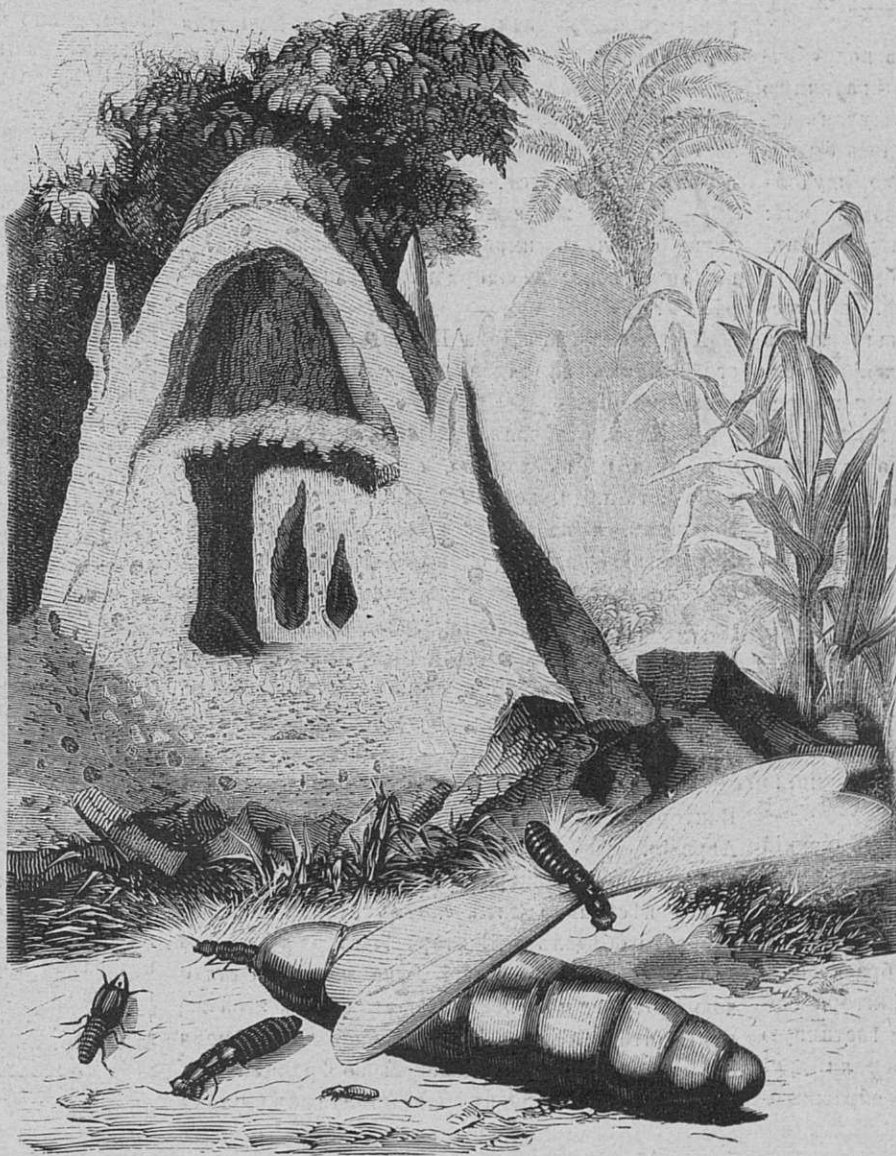
Викторъ Гюго, его сыновья, Вакри, Кеслеръ и еще нѣсколько изгнанниковъ высказались противъ смерти. Викторъ Гюго пропѣлъ рѣчь, въ которой напомнилъ изгнанникамъ, что они не имѣютъ никакого права прибѣгать къ самосуду; что они должны подчиняться законамъ страны, ихъ пріютившей; что англійскіе судьи не могутъ обратить вниманія на ихъ негодование и должны будутъ признать ихъ убійцами. Викторъ Гюго говорилъ такъ убѣдительно, что все безъ исключенія изгнанники раздѣлили его мнѣніе.

Затѣмъ поднятъ былъ вопросъ, какими же средствами сдѣлать безвреднымъ этого человѣка, избавить отъ него другихъ изгнанниковъ. Одинъ изъ присутствующихъ предложилъ отрѣзать кусокъ уха Гюберу.

— Это легкая, вовсе не мучительная рана, сказалъ онъ, — между тѣмъ каждый изъ изгнанниковъ — слѣдуетъ ихъ всѣхъ оповѣстить объ этомъ, — будетъ знать, что существуетъ негодяй съ обрѣзаннымъ ухомъ, котораго слѣдуетъ опасаться.

Викторъ Гюго воспротивился и этому наказанію.

Тогда трактирщикъ Бове предложилъ свое средство. Гюберъ долженъ былъ ему за квартиру и столъ сто франковъ. По англійскимъ законамъ, за неуплату долга можно было засадить въ тюрьму. На слѣдующее утро была подана жалоба на Гюбера и онъ попалъ въ долговое.

Термиты.

изгнанниковъ.

— Это неправда, отвѣчалъ онъ.

— Обищите его чемоданъ и вы убѣдитесь, настаивала женщина.

Изгнанники взялись за чемоданъ.

— Вы у меня въ квартирѣ, сказалъ Гюберъ, покраснѣвъ, — и я запрещаю вамъ дотрогиваться до моего чемодана.

— Дайте намъ ваши ключи, отвѣчали невозмутимо изгнанники, въ умѣ которыхъ уже зародилось подозрѣніе.

— Не дамъ! кричалъ Гюберъ. — Убирайтесь отсюда! Какъ смѣете вы распоряжаться у меня въ квартирѣ.

— Я знаю, гдѣ у него ключи, сказала прачка, съ радостью наблюдавшая всю эту сцену. — Они здѣсь.

И она указала на уголъ стѣны. Изгнанники взяли ключи и отперли чемоданъ.

Изгнанники обязаны были платить ежедневно по 15 пенсовъ на пищу заключенному въ долговое. Каждый уплачивалъ за недѣлю, по очереди. Гюберъ сидѣлъ въ тюрьмѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ. Пришла очередь платить Виктору Гюго.

— Неужели вы потерпите, чтобы человекъ, такъ долго сидѣвшій въ тюрьмѣ, оставался еще тамъ? сказалъ поэту Вакри.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Викторъ Гюго. — Завтра, когда придетъ чиновникъ за деньгами, скажите что меня нѣтъ дома.

Такъ какъ чиновникъ не получилъ слѣдующихъ денегъ, то, на основаніи англійскихъ законовъ, немедленно освободилъ заключеннаго.

Разумѣется, Гюберъ болѣе не показывался на островѣ.

Такимъ образомъ Викторъ Гюго два раза спасъ агента, посланнаго бонапартистскою полиціею съ цѣлю возстановить изгнанниковъ противъ него, Виктора Гюго. Много разъ въ жизни приходилось поэту такъ великодушно метить своимъ врагамъ.

Въ книгѣ Риве масса интересныхъ подробностей, живо характеризующихъ симпатичную личность Виктора Гюго. Еслибы я вздумалъ останавливаться на нихъ, то мнѣ пришлось бы написать почти всю книгу, что, очевидно, неудобно. Поэтому ограничусь еще однимъ эпизодомъ: свиданіемъ поэта съ бразильскимъ императоромъ.

Въ 1877 году, говоритъ Риве, — бразильскій императоръ, дон-Педро де-Алькантара, во второй разъ посѣтившій Францію, пожелалъ видѣть Виктора Гюго. Извѣстно, что бразильскій императоръ тяготится своимъ величіемъ; ему не нравится, что часто правила этикета противорѣчатъ его желаніямъ. Черезъ свое посольство онъ спросилъ Виктора Гюго, не побываетъ-ли онъ у него, но поэтъ отвѣчалъ, что онъ ни у кого не бываетъ. Императоръ снова послалъ объявить Гюго, что желалъ бы гдѣ-нибудь съ нимъ встрѣтиться. Поэтъ отвѣчалъ, что въ первую пятницу онъ будетъ въ Версали и если императору угодно видѣть его, Гюго можетъ представиться ему въ сенатскомъ бюро. Назначенная пятница приходилась 18 мая, но послѣдовалъ декретъ 16 мая о распущеніи палатъ и свиданіе не могло состояться.

Тогда дон-Педро рѣшился отбросить всякій этикетъ и послалъ сказать Гюго, что желаетъ посѣтить поэта, какъ частный человекъ, и прибудетъ къ нему одинъ, безъ всякой свиты.

22 мая, въ девять часовъ утра, бразильскій императоръ пріѣхалъ въ квартиру Виктора Гюго. Поэтъ пригласилъ гостя въ свою гостинную и тамъ между ними произошла искренняя дружеская бесѣда. Дон Педро, глубоко образованный и ученый человекъ, славится также, какъ замѣчательный собесѣдникъ. Искренній защитникъ идей прогресса и просвѣщенія, бразильскій императоръ произвелъ самое отрадное впечатлѣніе на талантливаго поэта. «Не часто мнѣ приходилось встрѣчать такихъ хорошихъ людей», говорилъ о немъ Викторъ Гюго.

Разговоръ коснулся и произведеній французскаго поэта. Императоръ сказалъ наизусть нѣсколько стиховъ изъ симпатичнаго произведенія Виктора Гюго «Искусство быть дѣдушкой», и затѣмъ просилъ чести быть представленнымъ м-ль Жаннѣ.

Викторъ Гюго позвалъ своихъ внучатъ.

— Жанна, сказалъ онъ, — представляю тебѣ бразильскаго императора.

— Позвольте поцѣловать васъ, м-ль, сказалъ Дон-Педро.

Жанна подставила императору свой лобъ.

— Поцѣлуемся какъ слѣдуетъ, сказалъ онъ.

М-ль Жанна обняла его и охватила своими рученками такъ крѣпко шею императора, что Викторъ Гюго невольно засмѣялся.

— Ты, пожалуй, задушишь моего гостя, сказалъ онъ.

Затѣмъ былъ представленъ внукъ Гюго, Жоржъ.

Разумѣется, Викторъ Гюго предложилъ императору свою книгу «Искусство быть дѣдушкой».

— Что вы написали на заглавномъ листѣ? спросилъ императоръ.

— Ваше имя и мое.

— Я только-что хотѣлъ просить васъ сдѣлать это.

Викторъ Гюго написалъ: «Дону Педро де-Алькантара, Викторъ Гюго».

Далѣе бесѣда продолжалась въ прежнемъ тонѣ.

— Вы меня сильно озабочиваете, сказалъ императоръ поэту. — Очень часто я спрашиваю: «что дѣлаетъ Викторъ Гюго въ этотъ часъ?» Я желалъ бы имѣть понятіе, какъ вы распределяете свое время.

Викторъ Гюго, сказавъ, что встаетъ очень рано, сообщилъ какъ распределяетъ день для своего труда.

— Послѣ завтрака, около часу по-полудни, заключилъ поэтъ, улыбаясь, — я выхожу и позволяю себѣ то, чего вы не можете себѣ позволить: я ѣзжу въ омнибусѣ.

— Почему же я не могу себѣ этого позволить, отвѣчалъ императоръ, улыбаясь; — мнѣ, кажется, вовсе не неприлично ѣздить на имперіалѣ?

Поэтъ спросилъ Дона Педро, не беспокоитъ-ли его, что онъ на такое долгое время оставилъ свою имперію.

— Нѣтъ, отвѣчалъ императоръ; — я увѣренъ, что дѣла идутъ хорошо и въ мое отсутствіе; тамъ есть люди, которые, право, лучше меня... Впрочемъ, я не теряю здѣсь даромъ времени. Я царствую надъ народомъ молодымъ, которому еще много чужно сдѣлать для просвѣщенія и развитія. Для достиженія этой цѣли я прибѣгаю къ моимъ правамъ... Что я говорю, у меня нѣтъ правъ; я долженъ былъ сказать: «прибѣгаю къ моей власти», которая досталась мнѣ въ силу моего рожденія...

— Государь, вы великій гражданинъ, сказалъ Викторъ Гюго; — вы истинный внукъ Марка-Аврелія.

Въ полдень императоръ и поэтъ разстались; чрезъ нѣсколько дней «внукъ Марка-Аврелія» запросто обѣдалъ у Виктора Гюго.

Болѣе сказать о книгѣ Риве нечего. Заключая свое письмо словами, взятыми изъ этой же книги, что «Викторъ Гюго въ настоящее время самый популярнѣйшій писатель во Франціи». Онъ извѣстенъ не только въ интеллигентныхъ кругахъ общества, его знаетъ и народная масса, — знаетъ не только, какъ писателя, но и какъ политическаго дѣятеля. Доказательство этому можно видѣть всякій разъ, какъ Викторъ Гюго появляется на парижскихъ улицахъ: всѣ встрѣчные почтительно кланяются ему; если онъ проходитъ мимо нѣсколькихъ человекъ идущихъ вмѣстѣ или стоя, кучкой, разговаривающихъ между собою, вы навѣрное услышите, что послѣ его прохода бесѣдующіе выскажутъ нѣсколько сочувственныхъ словъ о немъ. И у Виктора Гюго, конечно, есть слабости, но они такъ ничтожны передъ его достоинствами, что только послѣдніе и имѣются въ виду при оцѣнкѣ его, какъ человека, писателя и политическаго дѣятеля.

Новости наукъ и жизни.

— О волосахъ священниковъ. Подъ этимъ заглавіемъ въ «Церк. Общ. Вѣстн.» помѣщена слѣдующая интересная замѣтка: «Извѣстно, что надъ священниками, носящими длинные волосы и рясы издѣваются даже кондукторы ж. д. и

пассажиры-мужички. Издѣвательство это повсемѣстно на православной Руси. Вотъ вамъ недавній истинный фактъ, очевидцемъ котораго я былъ самъ. Идетъ священникъ (академическаго образованія и весьма прилично одѣтый) по улицѣ въ одномъ изъ прибалтійскихъ городовъ. За нимъ идетъ мужикъ-рабочій, православный русскій мужикъ, и поетъ дикимъ басомъ: «Господи помилуй». Опередивъ священника и обратившись къ нему лицомъ, онъ подпрыгиваетъ и оретъ во все горло: го, го, го! и-го, го, го! Иновѣрцы и православные останавливаются и хохочутъ. Жаль было мнѣ этого почтеннаго священника. На лицѣ его видно было невыразимое, тяжкое, нравственное страданіе. Удивительно-ли, послѣ этого, что люди, привыкшіе уважать себя и другихъ, не прельщаются и 1,300 р. жалованья и не идутъ въ священники. Кому охота сдѣлаться ни за-что, ни про-что посмѣшищемъ толпы? Идутъ въ священники нынѣ очень часто тѣ, кои неспособны ни къ какой другой службѣ. И почему подвергаются священники такому издѣвательству и поруганію толпы? Все изъ-за внѣшняго своего вида. Пора, давно пора сдѣлать длинные волосы и широкополая ряса въ историческіе музеи, въ особенности на иновѣрныхъ окраинахъ Россіи. Ап. Павелъ запрещаетъ мужчинамъ носить длинные волосы, потому что они безчестятъ мужчину. Виродолженіе первыхъ 6-ти вѣковъ христіанства духовенство нигдѣ не носило длинныхъ волосъ. Св. отцы церкви первыхъ вѣковъ изображаются и нынѣ на иконахъ съ остриженными волосами. Вселенскіе и помѣстные соборы, слѣдуя ап. Павлу, запрещали священнослужителямъ носить длинные волосы и предписывали имъ стричься. Длинныхъ волосъ не носили даже монахи. Объ Иларіонѣ великомъ въ житіи его говорится, что только одинъ разъ въ году остригалъ свои волосы. Вселенскій соборъ повелѣваетъ изгонять длинноволосыхъ, какъ дикарей изъ общества цивилизованныхъ людей. Когда же обычай отращивать длинные волосы вошелъ въ моду у православнаго духовенства, вопреки явному запрещенію апостола и соборовъ? Извѣстно, что 6-й вселенскій соборъ (Трулльскій) запретилъ посвящать въ епископы лицъ изъ бѣлаго духовенства и сдѣлалъ епископскій санъ исключительно привилегіею монаховъ, только не длинноволосыхъ пустынниковъ, а остриженныхъ монаховъ. Впослѣдствіи времени, когда монашество духовно оскудѣло, въ епископы стали избирать и длинноволосыхъ пустынниковъ, изгнанныхъ изъ градовъ 6-мъ вселенскимъ соборомъ. Эти длинноволосые епископы-пустынники, наконецъ, завладѣли всеми епископскими кафедрами востока и заставили, не только монаховъ, но и бѣлое духовенство принять ихъ волосатый образъ. Итакъ, стричь волосы духовенство имѣетъ право безъ всякихъ разрѣшеній. Имъ не только разрѣшаютъ, но прямо повелѣваютъ сдѣлать это ап. Павелъ и соборы».

— Чествованіе Крашевскаго въ мѣстѣ его родины. Предстоящій юбилей одного изъ популярнѣйшихъ и даровитѣйшихъ польскихъ писателей, г. Крашевскаго, пожелали привѣтствовать и въ мѣстѣ его родины, въ гродненской губерніи. Крашевскій уроженецъ пружанскаго уѣзда, гродненской губерніи; въ 10 верстахъ отъ уѣзднаго города Пружанъ, находится имѣніе Долгое, принадлежащее и теперь брату писателя, г. Крашевскому-же, который живетъ самъ въ своемъ имѣніи и хозяйничаетъ. Имѣніе Долгое находится не подалеку отъ р. Желды, имѣетъ старинный тѣнистый садъ и столь же старинный и прочно выстроенный домъ, въ которомъ, по мѣстнымъ разсказамъ, родился чествуемый нынѣ писатель. Желая почтить его юбилей, мѣстные землевладельцы рѣшили поднести г. Крашевскому изящный подарокъ — прессы-панье, изображающее зубра, на пьедесталѣ; зубръ будетъ изъ серебра, вызолоченнаго матомъ, пьедесталъ тоже серебряный, но безъ позолоты. Извѣстно, что зубръ — гербъ гродненской губерніи и что въ одной только этой губерніи (въ пружанскомъ же уѣздѣ, въ Бѣловѣжской Пущѣ) имѣются еще экземпляры этого рѣдкостнаго и вымирающаго уже на земномъ шарѣ животнаго. Въ настоящее время идетъ здѣсь, и довольно успѣшно, подписка на поднесеніе это-

го подарка г. Крашевскому, — и въ подпискѣ этой участвуютъ не только польскіе, но и русскіе землевладѣльцы. Крупный талантъ не есть достояніе одной національности, но принадлежитъ одинаково всѣмъ націямъ. Русская читающая публика достаточно знакома съ симпатичнымъ талантомъ г. Крашевскаго и, думаемъ, не отказалось бы принять участіе въ празднествѣ, устраиваемомъ польскому писателю. Остается прибавить, что починъ въ поднесеніи писателю подарка отъ его родины взялъ на себя пружанскій землевладѣлецъ г. Ш — скій.

— **Невознаградимая потеря.** Въ Бирмингемѣ (въ Англіи) пожаръ уничтожилъ бібліотеку, имѣвшую драгоценную коллекцію бумагъ и писемъ Шекспира. Огонь произошелъ отъ неосторожности газовщика. Пламя быстро распространилось по всему зданію и почти разомъ охватило читальную залу, въ которой и находилась Шекспировская коллекція. Мэръ Бирмингема, очень скоро явившійся на пожаръ, обратилъ вниманіе пожарныхъ на отличительные признаки предметовъ, заключающихся въ Шекспировской коллекціи; онъ самъ бросился для спасенія драгоценныхъ книгъ и бумагъ, но зала такъ быстро наполнилась густымъ и ѣдкимъ дымомъ, что оставаться тамъ для поисковъ не было никакой возможности. Успѣли спасти томовъ 200, но Шекспировская коллекція погибла.

— **Дива и фабрикантъ.** Въ Парижѣ, на дняхъ долженъ разбираться интересный процессъ. Истцей является «дива» театра «Folies-Dramatiques» (впрочемъ, далеко не первостепенная пѣвица) м-ль Конхита Желябертъ, а отвѣтчикомъ — фабрикантъ Легрю. Человѣкъ еще молодой, большой почитатель опереточной музыки, Легрю увлекся восхитительной Конхитой и повелѣлъ на чистоту: онъ предложилъ дивѣ руку и сердце. Возможность обзавестись «вполнѣ приличной» буржуазной обстановкой и опять пощекотала нервы м-ль Желябертъ и она, не задумываясь, дала свое согласіе. Но какъ ни любилъ фабрикантъ оперетку, онъ все таки, счелъ крайне-неудобнымъ его будущей женѣ появляться въ числѣ исполнительницъ каскаднаго пѣнія и потому предложилъ прелестной Конхитѣ немедленно распрощаться съ театральными подмостками. Представлялось только затрудненіе въ уплатѣ значительной неустойки, которою обыкновенно обязываетъ «дивѣ» директоръ театра «Folies-Dramatiques» изъ опасенія, что онѣ могутъ уорхвуть ранѣе времени и испортить ему дѣла. Легрю раскошелся, не поморщившись. Конхита была свободна. Безоблачное блаженство уже готово было осѣнить счастливую пару, но... ему помѣшала болязнь нашего вѣка: страсть къ самому подробному анализу. Легрю вздумалъ «изучать» свою пѣвисту. Обдумывая каждое ея движеніе, каждое ея слово, фабрикантъ пришелъ къ неутѣшительному выводу, что невозможно очаровательной дѣвушкѣ, вращаясь въ каскадномъ мірѣ, «оставаться чистой, яко горлица». А отсюда пришедшій въ отчаяніе фабрикантъ заключилъ, что ему нечего рассчитывать на тѣ сладкія утѣхи, которыхъ онъ ждалъ отъ брака съ очаровательнымъ существомъ. Мало-по-малу, онъ сталъ охлаждать къ Конхитѣ и, наконецъ, повернулъ оглобли.

Дива, конечно, вознегодовала. Все существо ея наполнилось мстью. Своимъ орудіемъ она избрала не ядъ или кинжалъ, а судъ. Ущербъ, нанесенный ей сватовствомъ фабриканта, она оцѣнила въ 28,000 франковъ и требуетъ возмѣщенія ихъ съ обидчика. По ея словамъ, въ свободное отъ занятій время она получала нѣсколько предложеній отъ различныхъ театровъ, не говоря уже о выходѣ изъ театра «Folies-Dramatique», гдѣ упрочилась ея сценическая слава. Далѣе, проицируя надъ колебаніями своего жениха, она утверждаетъ, что она «чиста, яко горлица», хотя вращаясь въ каскадномъ мірѣ она вынуждена была бороться съ массой соблазновъ и, разумеется, ей дѣлаетъ великую честь, что грязь не прилипла къ ней.

— **Географія Реклю.** Взявъ на себя переводъ всеобщей географіи Элизе Реклю, картографическое заведеніе А. Ильина выпустило на дняхъ въ свѣтъ третій томъ этого громаднаго труда, по-

священный описанію Швейцаріи, Австро-Венгріи и Германіи (831 стр. въ 6. 8°). Описанія этихъ странъ составлены Реклю при содѣйствіи массы другихъ лицъ, имена которыхъ перечисляются въ предисловіи, хотя замѣтимъ, что и самъ авторъ многое видѣлъ во время своихъ путешествій, почему трудъ его и не можетъ быть признаваемъ плодомъ исключительной кабинетной работы. Съ переводомъ труда Реклю наша литература получаетъ прекрасныя современныя описанія странъ Европы, такъ какъ трудъ Гельвальда сжаты и страдаетъ нѣкоторыми промахами. Въ Парижѣ уже выходитъ отдѣльными выпусками четвертый томъ географіи Реклю, въ составъ котораго войдутъ Швеція, Норвегія, Данія, Бельгія и Голландія, и который переведется одновременно на русскій языкъ. Въ отдѣльной продажѣ каждый томъ стоитъ 8 рублей; ихъ предвидится до десяти.

— **Общество для сожиганія труповъ.** Въ Готѣ, съ разрѣшенія властей, образовалось общество для сожиганія труповъ. Общество это обнародовало слѣдующія правила для пользованія его аппаратомъ. Аппаратъ для сожиганія труповъ находится въ скленѣ предназначеннаго для служенія напихидъ по усопшимъ зданія. Изъ этой залы гробъ съ трупомъ, посредствомъ особеннаго механизма, опускается въ особо-назначенное помѣщеніе, тамъ ставится на четырехколесный желѣзный вагонъ, который по рельсамъ катится въ печь. Послѣ снятія гроба съ вагона, послѣдній выѣзжаетъ, дверцы печи закрываются и начинается процессъ сожиганія. На процессъ сожиганія труповъ каждый разъ выдается особенное разрѣшеніе мѣстныхъ властей. Разрѣшеніе это дается только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если доказано, что или самъ усопшій законнымъ образомъ распорядился о такомъ способѣ похоронъ, или того пожелали родственники; 2) если будетъ представлено медицинское свидѣтельство, что послѣдовавшая смерть не есть результатъ преступленія. Плата за сожиганіе трупа назначена въ 30 марокъ, изъ коихъ 20 марокъ за расходъ на уголья, 4 марки за пользованіе аппаратомъ и 6 марокъ для прислуги.

— **Интересно, если не утка.** «Вѣдом. Одес. Градоначальства» заимствовали изъ венгерской газеты «Гонведъ» слѣдующій случай: Вдовствующая графиня Камила Штубенбергъ, урожденная Юланта Берчевицъ, живетъ одна въ своемъ замкѣ Кертвелесѣ. Прислуга ея состоитъ изъ камеристки, двухъ горничныхъ, лакея и двухъ кучеровъ. 22-го ноября, графиня возвратилась домой изъ Альмаса лишь около полуночи. Прежде нежели лечь спать, она подошла къ своему туалетному столику, чтобы запереть въ ящикъ бывшія на ней драгоценныя вещи. Совершенно случайно графиня взглянула въ это время на большую картину, висѣвшую противъ стола и закрывавшую собою сдѣланную въ стѣнѣ нишу. Ей показалось, что глаза Аполлона, изображеннаго на картинѣ, движутся. Сначала она не обратила на это вниманія; но взглянувъ еще разъ, она убѣдилась, что Аполлонъ моргаетъ глазами и что онъ не смотритъ въ обычномъ направленіи, а глядитъ въ уголъ, гдѣ находилась ея постель. Графиня немедленно представила весь ужасъ ея положенія. Дверь комнаты была заперта снаружи камеристкой, которая спала въ верхнемъ этажѣ; снурокъ колокольчика былъ перерѣзанъ. Графиня бросила еще взглядъ на картину. Теперь глаза были обращены прямо на нее и пристально слѣдили за ея движеніями. Послѣ небольшого раздумья, графиня, какъ будто ничего не замѣтивъ, опять подошла къ столу, отперла ящики и выложила на столъ все находившіяся въ нихъ вещи и деньги. Затѣмъ она легла и притворилась спящею, не рѣшившись однако погасить большую лампу, горѣвшую на столѣ. Она лежала безъ движенія и по временамъ взглядывала на картину: глаза Аполлона все еще были устремлены на нее. Такъ прошло два часа въ ужасномъ ожиданіи. Вдругъ послышался шумъ. Графиня взглянула на картину и увидала, что въ ужасномъ ожиданіи, рука отодвинула раму. Графиня взглянула на тѣмъ вышелъ мужчина. Бросивъ взглядъ на вещи, разложенныя по столу, онъ тихо приблизился къ

кровати, держа въ рукѣ ножъ. Графиня не двигалась. Мужчина нѣсколько минутъ стоялъ передъ кроватью; повидимому, онъ находился въ нерѣшительности. У графини мелькнула мысль, что ей, можетъ быть, предстоитъ вѣчто худшее, чѣмъ смерть. Мужчина наклонился къ ней, и чрезъ мгновеніе она почувствовала на своихъ губахъ горячій поцѣлуй. Она хотѣла вскрикнуть, но въ эту же минуту онъ уже отошелъ, приблизился къ столу, забралъ лежавшія на немъ вещи, отперъ отмычкой дверь и удалился. Графиня безъ сна пролежала всю ночь въ постели, пока утромъ не явилась наконецъ горничная. Не говоря ей ни слова о случившемся, графиня приказала закладывать лошадей тотчасъ же послѣ завтрака и поѣхала прямо въ Альмасъ. Приѣхавъ на городскую площадь, она позвала полицейскаго и сказала ему, чтобы онъ арестовалъ кучера, сидѣвшаго на козлахъ. Затѣмъ она отправилась къ судѣ и рассказала, что ея собственныя кучеръ обобралъ ее ночью. Она узнала его, когда онъ выходилъ изъ-за картинъ, и боялась, что онъ убьетъ ее, если она ранѣе времени обнаружитъ это.

Деревенскій праздникъ. Этотъ оригинальный рисунокъ, еще неизвѣстный русской публикѣ, принадлежитъ къ числу многихъ удачныхъ бытовыхъ сценъ, созданныхъ талантливымъ карандашемъ русскаго художника г. Ковверзнева. Смотри на эту бойкую и живую сцену народнаго веселья въ захолустной деревнѣ, на этихъ подгулявшихъ, пляшущихъ и поющихъ мужиковъ и бабъ, невольно приходишь къ мысли, что эта картина, вѣрная дѣйствительной жизни, навѣяна художнику превосходнымъ стихотвореніемъ Лермонтова «Родина», гдѣ поэтъ говоритъ:

Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужиковъ.

Поселянка и горожанка. Рядомъ съ чисто русскою бытовою сценою мы помѣщаемъ два французскіе типа: «поселянку» и «горожанку». Бугеро и Гуниль передали эти типы съ замѣчательной жизненной правдой, что составляетъ одно изъ драгоценнѣйшихъ качествъ художника. Простотой и здоровьемъ вѣсть отъ первой изъ этихъ двухъ женщинъ, молодой красавицы, опершейся на толстую палку, — можетъ быть, ручку грабли, метлы, косы или чего-нибудь подобнаго. Болѣе тонкости въ чертахъ лица, болѣе манерности въ его выраженіи, болѣе изысканности въ одеждѣ находимъ мы у второй женщины, держащей въ рукѣ молитвенникъ. Первая изъ этихъ женщинъ простая и сильная работница, выросшая среди природы и отличающаяся безхитростною наивностью; вторая — можетъ быть, лавочница, дочь мелкаго торговца, воспитанная въ городѣ, среди городскихъ вкусовъ и модъ, мечтающая о выгодной партіи, презрительно смотрящая на «необразованный народъ». Обѣ эти картины произвели хорошее впечатлѣніе на парижскую публику своею простотой и правдой, что составляетъ немалое достоинство въ настоящее время, когда художники все болѣе и болѣе гонятся за внѣшними эффектами, боясь, что у нихъ не хватитъ на столько таланта, чтобы обратить на себя вниманіе публики простою картиною безъ всякихъ лишннихъ претензій и прикрасъ. Впрочемъ, мы живемъ именно въ такое время, когда драмы держатся пистолетными вы-

стрѣлами, женщины привлекаютъ поклонниковъ привязными шнурками, художники стяжаютъ славу умѣньемъ рисовать разные сорта мѣди и перламутръ,—а есть ли во всемъ этомъ внутреннее содержаніе—объ этомъ мало заботится большинство. Вотъ почему нужна своего рода храбрость, чтобы представить на судъ публики на выставку какую-нибудь картину въ родѣ «Порожанки» Жюль Гунпиля, а тѣмъ болѣе въ родѣ «Лѣвника» г. Крамского. Эти картины слишкомъ просты для любителей пикантныхъ сюжетовъ.

Иматра. Наши читатели, конечно, знаютъ о существованіи водопада Иматра въ Финляндіи, недалеко отъ Выборга. Съ этого водопада не разъ уже дѣлались разные фотографическіе снимки. Но большая часть этихъ фотографій снималась съ очень неудачныхъ пунктовъ. Помѣщаемый нами рисунокъ сдѣланъ не по фотографіи. Нашъ даровитый пейзажистъ, академикъ А. И. Мещерскій, обязательно снялъ для нашего журнала видъ этого водопада съ самаго удачнаго пункта, такъ что водопадъ Иматра производитъ на этой картинѣ именно то грандіозное впечатлѣніе, какое онъ производитъ и въ дѣйствительности. Этимъ мастерски исполненнымъ

пейзажемъ мы начинаемъ рядъ картинъ, изображающихъ живописныя мѣстности Россіи.

Обѣтъ нищеты. Наши постоянные подписчики уже знакомы съ талантомъ молодого нѣмецкаго художника Каргера, такъ какъ въ прошломъ году въ нашемъ журналѣ уже была помѣщена копія съ его картины «Щекотливое обстоятельство». Каргеръ любитъ изображать бытъ католическаго духовенства, превосходно передавая разнообразныя типы патеровъ и монаховъ и оставаясь вполнѣ самостоятельнымъ художникомъ безъ подражанія Грюнверу и тому подобнымъ даровитымъ художникамъ, касающимся того же быта. «Обѣтъ нищеты» принадлежитъ къ числу самыхъ удачныхъ произведеній этого художника. Этотъ сибаритъ-патеръ, эта лукавая молоденькая служанка патера, этотъ смиренный нищенствующій монахъ, глядящій на окружающую его роскошь съ глуховато недоумѣвающимъ видомъ, все это передано съ замѣчательной правдой и юморомъ. Даже эта собаченка патера, обнюхивающая ноги монаха, очень комична. Картина Каргера, независимо отъ своихъ внутреннихъ достоинствъ, отличается и тщательностью отдѣлки: она нарисована искусною и опытною кистью и отдѣлана до мельчайшихъ подробностей.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Стихотв. «Миръ прекрасенъ»...—Мужъи Жена (продолж.).—Козлы отпущенія (продолж.).—Практическія послѣдствія суевѣрій (продолж.).—Стихотв. «Блудныя дѣти».—Новый фонтанъ въ Римѣ.—Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ (окончаніе).—Графъ Кассельмонтъ.—Стихотв. «Въ своемъ углу».—Иза (продолж.).—Дерево съ фантастическими корнями.—Термиты.—Изъ Парижа (оконч.).—Новости наукъ и жизни.—Къ рисункамъ.—Объявленія.

Гравюры: Съ фотографіи Ангера въ Вѣнѣ.—Порожанка.—Поселянка.—2 рис. къ ст. «Новый фонтанъ въ Римѣ».—Деревенскій праздникъ.—Иматра, водопадъ въ Финляндіи.—Деревья съ фантастическими корнями.—Термиты.

Издатель-Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“.

Въ 1-й книгѣ журнала «ДѢЛО», имѣющей выйти въ половинѣ января, между прочимъ, будутъ напечатаны: романы **Е. Л. Маркова**—БЕРЕГЪ МОРЯ; **Н. И. Северина**—ВЪ ЧУЖОЙ СЕМЬѢ; новый романъ автора Местіи Клодіона—Маттеи; Сибирское общество въ XIX вѣкѣ **С. С. Шашкова**; Отношеніе рус. бѣллетристовъ къ народу—**П. Никитина**; Афганистанъ и Англія; Картины общественной жизни и проч. и проч.

О подпискѣ на ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ 1879 года:

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Журналъ выходитъ еженедѣльными нумерами не менѣе **двухъ съ половиною печатныхъ листовъ**, въ форматѣ лучшихъ иностранныхъ иллюстрацій (въ годъ 52 №№ или около 1,200 страницъ или 3,600 столбцовъ); въ каждомъ номерѣ помѣщается отъ семи до пятнадцати художественныхъ рисунковъ (въ годъ около 500), исполненныхъ по заказу редакціи въ Россіи и за границей. Втеченіи года будетъ помѣщено нѣсколько

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ЛУЧШИХЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ АВТОРОВЪ.

Гг. годовые подписчики получаютъ бесплатную **литературную иллюстрированную премію**.—При первомъ номерѣ гг. годовымъ подписчикамъ выдается на руки **двѣ первыя преміи**, состоящія изъ **олеографическихъ картинъ**.

Кромѣ того Редакція разошлетъ своимъ подписчикамъ въ видѣ четвертой **преміи гравюру**, длиною 1 арш. 4 верш., шириною 13 верш. Гравюра эта составляетъ копію съ картины художника, имѣющаго мировую извѣстность. Эта гравюра вырѣзана на стали. Стальная доска, какъ образецъ художественнаго исполненія, была на парижской всемирной выставкѣ нынѣшняго, 1878 года. Гравюра такъ хороша, что, вставленная въ рамку, можетъ быть повѣшена въ любой гостиной.

Гг. подписчики получаютъ втеченіи года нѣсколько **художественныхъ приложений**, подобныхъ разосланной при первомъ номерѣ копіи съ картины профессора Семирадскаго «Христіане, пробирающіеся изъ Катакомбъ».

Журналъ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“, поставленный, какъ періодическое изданіе, на солидныхъ основаніяхъ, вступаетъ въ седьмой годъ своего существованія. Редакція, задавшаяся цѣлю удовлетворить всестороннимъ требованіямъ читающей публики, изъ года въ годъ старалась улучшать и расширять свое изданіе. Судя по ежегодно возрастающему числу своихъ читателей, Редакція имѣетъ основаніе предполагать, что ея усилія не остаются незамѣченными. При такихъ условіяхъ изданіе журнала, конечно, становится вполнѣ прочнымъ и даетъ возможность Редакціи съ полною увѣренностію обѣщать улучшения и въ настоящемъ году, какъ она сдѣлала это въ прошломъ. Редакція можетъ обѣщать своимъ подписчикамъ, что она обратитъ особенное вниманіе на бѣллетристическія произведенія. Обыкновенно въ иллюстрированныхъ изданіяхъ по необходимости помѣщаются произведенія не вполнѣ обработанныя, не имѣющія возможности попасть въ ежемѣсячные журналы. Редакція „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“ постарается избѣжать именно этого недостатка, болѣе строго относясь къ выбору бѣллетристическихъ произведеній и помѣщая въ своемъ журналѣ только произведенія, имѣющія литературное значеніе.

Въ ближайшихъ нумерахъ „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“, кромѣ продолженія уже начатыхъ, будутъ напечатаны слѣдующія произведенія: Стихотвореніе **Д. Д. Минаева**, Сестра милосердія, ром. **Э. и Ж. Гонкуровъ**, въ пер. **П. Лѣтнева**, Рыцарь на стражѣ, поэма **Омулевскаго**; повѣсти **Н. Ф. Бажина** и **К. М. Станюковича**; Наши корреспонденты, очеркъ **Г. К. Градовскаго** (Гаммы); Народы Россіи и Нѣмецкій буршъ ст. **С. С. Шашкова**; Лѣсное хозяйство, ст. **Н. В. Шелгунова**, Правда о женщинахъ, ст. **Н. И. Шулгина**. Редакція также намѣрена помѣстить значительное число гравюръ, представляющихъ собою копіи съ лучшихъ русскихъ художественныхъ произведеній. Она можетъ указать на картины такихъ извѣстныхъ художниковъ, какъ **И. Н. Крамской** и **К. Е. Маковский**, обѣщавшихъ намъ содѣйствіе своими трудами; можетъ указать на **Н. А. Богданова**, при содѣйствіи котораго въ «Живописномъ Обзорѣніи» появится нѣсколько копій съ картинъ извѣстнаго въ Россіи и за границей художника г. **Зичи**. Точно также въ распоряженіи Редакціи уже имѣются нѣсколько портретовъ и біографій выдающихся русскихъ дѣятелей изъ различныхъ сферъ общественной дѣятельности. Біографіи эти составляются подъ редакціей **А. К. Шеллера** (А. Михайлова) и **Н. И. Шулгина**. Въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ будутъ помѣщены портретъ и біографія высокоталантливой артистки **П. А. Стрепетовой**. Портретъ ея рѣзанъ на деревѣ г. **Грачевымъ**.

Гг. подписчики будутъ получать по мѣрѣ выхода въ свѣтъ за-границей «ГИГИЕНУ», соч. д-ра медицины **Виля** и проф. **Гнема**, какъ отдѣльное бесплатное приложение.

Отдѣльнымъ же бесплатнымъ приложеніемъ будетъ разсылаться гг. подписчикамъ отдѣлъ **ПАРИЖСКІЯ МОДЫ** (тексты и рисунки).

Отдѣлъ техническій и хозяйственный, выходившій въ настоящемъ году отдѣльнымъ приложеніемъ, подъ именемъ «ЖИЗНЬ и ХОЗЯЙСТВО», будетъ печататься въ текстѣ журнала. Вслѣдствіе этого размѣръ нумеровъ журнала будетъ значительно увеличенъ, что дастъ возможность помѣщать болѣе крупныя техническія рисунки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годовое изданіе „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“ изъ 52 №№, съ бесплатными приложеніями и правомъ на полученіе всѣхъ премій втеченіи 1879 года:

Безъ доставки въ С.-Петербургъ ..... 6 р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ, а также для иногородныхъ съ пересылкою и упаковкою 7 » — »
Заграницею ..... 8 » 50 »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1) Въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи журнала, *Новый проспектъ д. № 20.* 2) Въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы «Живописнаго Овозрѣнія», въ книжномъ магазинѣ **И. Г. Соловьева**, на *Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева*.

№ 3. Томъ I.

На годъ, съ доставкой и пересылкою—7 руб.;
на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб.
Отдѣльн. №№ по 20 к.

С.-Петербургъ, 20 Января 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый
проектъ, домъ № 20.

Годъ VII.

Деревенскій гусярь.

Изъ В. Сырономли. Пер. Д. Д. Минаева.

I.

Ты звонка, моя лира! Знать, волшебнаго мира
Въ тебѣ звуки таятся:
Лишь возьму тебя въ руки—запоютъ твои звуки,
Грудь начнетъ волноваться,
Въ сердцѣ радость я чувю, пѣсней сердце врачую
И гоню горе злое,
Всѣ заботы, утраты, коль отъ хаты до хаты
Прохожу все село я.
Отъ тебя нѣтъ отбою,—не натѣшусь тобою;
Подъ твой звонъ оживая,
Грудь кипитъ и трепещетъ, а въ лицо такъ и
хлещетъ

Кровь моя огневая.

Пусть въ рукѣ не та сила и все сердце изныло,
Но играть буду съ жаромъ...
Вѣдь ты, лира, — даръ Божій.. я гусярь пере-
хожій

И умру я гусяромъ.

II.

Ты звонка, моя лира, чародѣйка для міра,
Для пѣвца же опасна.
Адъ и рай въ тебѣ скрылся... кто съ тобою сдру-
жился,

Ты надъ тѣмъ полновластна.

Онъ покой свой погубитъ, его сердце полюбитъ
И тоской надорвется...

Привлечешь и заманишь, какъ пожемъ ты пора-
ппишь,

Кто къ тебѣ прикоснется.

Можетъ ножъ ранить тѣло, пѣсня-жъ вѣщая
смѣло,

Точно сталь, въ душу входитъ, —

А—еще того хуже—дѣло въ мірѣ кому же,
Что въ душѣ пѣвца бродитъ?..

Кто пойметъ, чѣмъ я занятъ, почему меня тя-
нетъ

Пѣть въ родимой деревнѣ,

Надъ рѣкой, въ чистомъ полѣ, или въ Божьемъ
костѣлѣ,

Добрымъ людямъ въ харчевнѣ,

Иль моей ненаглядной?.. Звуки пѣсни той складной
Пусть надъ нею летаютъ.

На гумнѣ, въ огородѣ, иль весной въ хороводѣ
Пусть ее окружаютъ

Наши хлопцы... Валяните: сколько юной въ нихъ
крыти!..

Всѣ они иресеѣшники!..

Тѣ свой усь завиваютъ и рублями бряцаютъ
Передъ нею ныне.

Мнѣ-жъ дано Богомъ больше, всѣхъ богаче я въ
Цольнѣ

И горжусь своимъ даромъ:

Моя лира—даръ Божій. Я гусярь переходжій
И умру я гусяромъ.

III.

Но, волшебница-лира, на тебя среди міра
Я надежду теряю.

Надоѣли мы, что-ли? Запою-ли въ костѣлѣ,
Предъ людьми-ли играю,

Всѣмъ нашъ голосъ сталъ скученъ, Богу, людямъ
докученъ,

Хоть и нѣтъ звуковъ краше.

Если стану во храмѣ громко пѣть я, очами
Ксензъ водить начинаетъ,

Говорить своимъ гнѣвомъ, что церковнымъ на-
пѣвамъ

Моя пѣсня мѣшаетъ,

Смотритъ онъ, негодуя... А на праздникъ приду я
И среди молодежи

Пѣснопѣнью дамъ волю, то клянусь свою долю,
Даже плачу, о Боже:

Дѣва слушаетъ пѣсни, но предъ ними, хоть тресни,
Сердце въ ней не забьется:

Пѣсня ласки лишь проситъ, а она мнѣ грошъ
броситъ

И съ другими смѣется.

Старики же не мало порицаютъ: «бывало,

«Пѣлъ гусярь—только слушай!—

«А теперь по наслышкѣ нѣтъ пустились маль-
чишки...

«Дать бы рогъ имъ наступій!»

Такъ одинъ порицаетъ, а другой восхваляетъ,
Но той чести я трушу:

Вѣдь, удачи нѣтъ плоше: бьютъ зачѣмъ-то въ
ладоши,

Отравивъ тебѣ душу.

Гдѣ же лиры улада? Иль разбитъ лиру надо
Мнѣ единымъ ударомъ?..

Но ты, лира,—даръ Божій.. я гусярь переходжій
И умру я гусяромъ.

IV.

Чародѣйная лира!.. Пусть не знаю я міра,
Слезъ питаюсь отравой,

Но въ тебѣ вижу силу, а сойду я въ могилу—
Ты моей будешь славой.

Поплавать твои звуки, будутъ знать ихъ и внуки
И—чужда ей преграда—

Моя пѣсня иная долетитъ до Дуная
И до Кіева-града,

И въ селѣ, можетъ статься, станутъ въ окна
стучаться

Пришлецы, узнавая:

«Вотъ пѣвецъ подъ курганомъ гдѣ здѣсь спитъ?»
Дорога намъ

Его пѣсня живая».

Все село соберется, общій говоръ начнется

О неслыханномъ чудѣ:

«Почему его знаютъ, почему почитаютъ

Эти-пришлые люди?»

Быстро вырастетъ сходка: парень, дѣвка, молодка,
Чтобъ гостей позабавить,

Мои пѣсни затянуть, ихъ хвалить не устанутъ
И пѣвца начнутъ славить

И, покинувъ жилище, повезутъ на кладбище
И подъ деревомъ старымъ

Скажутъ: «Здѣсь легъ рабъ Божій, нашъ гусярь
перехожій:

Жилъ и умеръ гусяромъ».

Повѣсть Н. И. Северина.

(Продолженіе.)

II.

Всѣ знакомые Павла Павловича Лѣтнева были
такого мнѣнія, что онъ живетъ въ очень поряд-
чномъ домѣ. И дѣйствительно, въ этомъ домѣ
помѣщалось одно только прачечное заведеніе,
двѣ мастерскихъ — переплетная и столярная, да
одинъ трактиръ; прочія квартиры были заняты
болѣе или менѣе солиднымъ и приличнымъ наро-
домъ; въ бельэтажѣ, кромѣ многочисленнаго се-
мейства еврейскаго происхожденія, у котораго
была красильня неподалеку, переѣхалъ недавно
пробывающійся въ извѣстность адвокатъ и зна-
комая его актриса съ матерью и сестрой; лѣст-
ницей выше, всѣ квартиры были биткомъ набиты
существами, большею частью, женскаго пола, ко-
торыхъ можно было каждую минуту встрѣчать
на лѣстницахъ и въ корридорахъ, а также ви-
дѣть во всѣхъ растворенныхъ окнахъ и дверяхъ,
но въ такомъ растерзанномъ и всклокоченномъ
видѣ, что опредѣлить къ какой именно обще-
ственной категоріи принадлежать эти обладатель-
ницы пронзительно крикливыхъ голосовъ, пере-
мятыхъ кофтъ, и косичекъ, заткнутыхъ кое-какъ
одной шпилькой и непременно на-бокъ, можно
было только тогда, когда послѣ продолжительной
возни въ заднихъ комнатахъ, среди картонокъ,
баночекъ и сткланочекъ, онѣ выходили со двора.
Тогда только можно было опредѣлить — сама-ли
барыня или барышня вышла погулять, или ку-
харка ихъ выскочила за ворота поглядѣться съ

знакомымъ человѣкомъ или въ лавочку съ какимъ-нибудь спѣшнымъ порученіемъ.

Что же касается до представителей непрекрасной половины человѣческаго рода, всѣхъ ихъ, и днемъ и ночью, и въ праздникъ и въ будни, и трезвыхъ и подгулявшихъ, можно было безошибочно принять за то, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ, то есть за мелкихъ чиновниковъ.

Еще выше лѣстницей находились крошечныя квартирныя въ три, двѣ и даже одну комнату, излюбленныя студентами, студентками и тому подобными людямъ. Вотъ тутъ-то и жилъ тотъ высочій, худошавый, рыжеватый кандидатъ юридическаго факультета, котораго всѣ звали Павломъ Павловичемъ. Фамилія его употреблялась такъ рѣдко, что онъ, кажется, и самъ не всегда ее помнилъ и, навѣрно, не обернулся бы, еслибъ кто-нибудь на улицѣ вздумалъ окликнуть его этимъ именемъ.

Павелъ Павловичъ жилъ не одинъ, но товарищъ у него былъ такой молчаливый и смиренный, что его какъ будто не было вовсе. Звали его Муравейко. Онъ уходилъ съ утра въ какой-то департаментъ, гдѣ служилъ писцомъ, питался неизвѣстно гдѣ и чѣмъ, а по возвращеніи домой тотчасъ же заваливался спать. Но иногда и такъ случалось, что онъ приносилъ работу на домъ и писалъ всю ночь на-пролетъ. Въ такія ночи Муравейко даже и не подходилъ къ желѣзной кровати, стоявшей рядомъ съ продавленнымъ клеенчатымъ диваномъ, на которомъ спалъ его пріятель въ маленькой комнаткѣ, служившей имъ спальней, а ограничивался тѣмъ, что, выливъ себѣ на голову лишній кувшинъ холодной воды, отправлялся въ урочный часъ, какъ ни въ чемъ не бывало, на службу.

Павелъ Павловичъ увѣрялъ, что отъ Муравейки несравненно меньше безпокойства и гораздо больше пользы, чѣмъ отъ того огромнаго лохматого пса, съ которымъ онъ принужденъ былъ разстаться, когда нашелъ себѣ сожителя. Это было справедливо; Муравейко не только умѣлъ самъ отворить и запереть за собою дверь, когда ему надо было выйти, но также откликался на стукъ посѣтителей, являющихся въ отсутствіе хозяина, и густымъ басомъ совѣтывалъ имъ не отбивать понапрасну кулаковъ объ дверь, такъ какъ никого дома нѣтъ. Кромѣ того, онъ умѣлъ ставить самоваръ, заправить лампу и даже заварить чай въ случаѣ надобности.

Въ нынѣшнемъ году Павлу Павловичу везло; кромѣ мизерныхъ уроковъ, оплачиваемыхъ тремя-четырьмя рублями въ мѣсяцъ, ему наворачулась подготовка юнаго балбеса въ аристократическое учебное заведеніе. Благодаря этому уроку, представилась возможность не только установить извѣстнаго рода послѣдовательность и порядокъ въ чаепитіи и въ тридцати копѣечныхъ обѣдахъ изъ сосѣдней кухмистерской, но также ублажить квартирную хозяйку за цѣлую треть впередъ и, наконецъ, приобрести для пріятеля широкополую войлочную шляпу.

Шляпа эта надѣлала большой переполохъ въ домѣ. До сихъ поръ никто изъ жильцовъ не обращалъ вниманія на молчаливаго сожителя Павла Павловича, но въ этой шляпѣ онъ сдѣлался такъ похожъ на испанца, что всѣ жидовочки второго этажа и всѣ чиновницы третьяго подбѣгали къ окнамъ, когда онъ проходилъ черезъ дворъ и кричали ему вслѣдъ, что онъ «душка» и «красавецъ». Нашлись даже такія, которыя выдумали посылать ему поцѣлуй ручкой... Ну, ужъ этого Муравейко не могъ вынести и съ этихъ поръ онъ взялъ привычку угрюмо нахлобучивать шляпу на лобъ и такъ высоко приподнимать воротничекъ пальто, что кромѣ кончика его длиннаго носа, ничего не было видно.

— Носъ! Носъ! шептали теперь шалуны, встрѣчаясь съ нимъ на лѣстницѣ.

— Носъ! Носъ! повторяло за ними дворовое

населеніе мальчишекъ и дѣвчонокъ. Но, повидимому, прозвище это вовсе не смущало его; онъ проходилъ мимо, не оглядываясь и ни единымъ словомъ не отгрызался.

Балбесъ экзамена въ высшее учебное заведеніе не выдержалъ, но такъ какъ провалился онъ именно изъ тѣхъ двухъ предметовъ, которыми готовился у другого учителя, то Павла Павловича пригласили продолжать свои уроки втеченіе всего слѣдующаго года; вотъ почему съ наступленіемъ осени онъ снова принялся ходить каждое утро въ домъ Юліи Ивановны Савлиной. Ученикъ его былъ сынъ мадамъ Савлиной, тотъ самый Володя, который такъ сладко спалъ въ то время, какъ жена красиваго гвардейца объясняла матери причины, заставлявшія ее мириться съ измѣной мужа и даже радоваться разрыву съ нимъ.

Съ тѣхъ поръ прошло лѣтъ двѣнадцать, но Юлія Ивановна мало измѣнилась, потолстѣла только и обрюзгла немножко, да волосъ стало еще меньше на головѣ; въ остальномъ она была все та же, все также ходила посѣшными шагами съ перевалкой, подбивая подолъ пятками, все также нахально смотрѣла прямо въ глаза собесѣднику, изрекая свои безапелляціонныя приговоры противъ всего того, въ чемъ она ничего не смыслила, и озадачивая скромныхъ и робкихъ людей настойчивостью и рѣшительностью своихъ словъ и дѣйствій; точно также, какъ и прежде, заботилась она только о себѣ, да о томъ, чтобы у нее всего было много и чтобы никто у нее ничего не просилъ.

Пословица вѣщаетъ, что на ловца и звѣрь бѣжитъ, а люди опытные утверждаютъ, что когда человѣкъ отъ всей души чего-нибудь хочетъ, ему всегда удается достигнуть желаемаго. Стоило только ближе ознакомиться съ жизнью и домашней обстановкой Юліи Ивановны, чтобы убѣдиться въ этой истинѣ; все у нее шло, какъ по писанному: нѣсколько лѣтъ сряду наслаждалась она мирно и безмятежно здоровымъ климатомъ, живописною природою и дешевою жизнью въ Швейцаріи и Германіи, а затѣмъ, набравшись тамъ здоровья и множества практическихъ идей, о которыхъ въ Россіи и понятія не имѣютъ, рѣшила, что пора вернуться на родину и пристально заняться извлеченіемъ доходовъ изъ своихъ домовъ и земель. Необходимо также было помѣстить сына въ какое-нибудь учебное заведеніе.

— Трудно вамъ тамъ будетъ послѣ заграничной жизни, предупреждали ее русскія дамы, недавно покинувшія родину, — у насъ все такъ дорого и столько глупыхъ, пустыхъ претензій, наше общество такое требовательное.

— А мнѣ-то какое дѣло до общества? возражала на это Юлія Ивановна. — Живу я для себя, а не для другихъ... вотъ увидите, что я и въ Россіи съумѣю отлично устроиться.

И въ самомъ дѣлѣ, она и здѣсь, какъ и вездѣ, умѣла доставать все, что ей было нужно, такъ дешево и выгодно, какъ никто. Въ ея домѣ вся прислуга, начиная отъ швейцара и кончая судомойкой, получала вдвое меньше жалованья, чѣмъ въ другихъ домахъ, учителя занимались съ ея Володей за полцѣны, полотеры натирали ея паркеты почти даромъ, управляющій ея домомъ служилъ изъ одного позволенія жить въ темной и холодной конуркѣ на заднемъ дворѣ, а главной распорядительницѣ въ ея имѣніяхъ, Лизаветѣ Петровнѣ Бѣлкиной, дочери мелкопомѣстнаго сосѣда, она платила за всѣ ея неуспѣшныя хлопоты только тѣмъ, что возила ее въ театръ, когда несчастная дѣвушка, продрогнувшая до костей, утомленная и оглушенная безсонною ночью, проведенной въ вагонѣ третьяго класса, пріѣзжала съ отчетами и деньгами къ концу года изъ деревни. Вирочемъ, лѣтъ пять тому назадъ, Лизавета Петровна получила отъ своей довѣрительницы

шерстяной матеріи на платье, а въ прошломъ году двѣ пары шведскихъ перчатокъ; нынѣшней же зимой мадамъ Савлина намѣревалась осчастливить свою управительницу новой шляпкой, если она не зазнается и не вздумаетъ сама напрашиваться на вознагражденіе.

Съ Володей у нее тоже до сихъ поръ была удача. Такого тихаго, безотвѣтнаго мальчика трудно было найти. Всѣмъ онъ былъ доволенъ, никогда ничего не просилъ и ни на что не ропталъ; одѣвъ его въ бархатъ или въ рогожу, ему все равно; накорми его чѣмъ хочешь, ткни спать куда ни пошло, ему безразлично, все-то онъ съѣстъ, вездѣ выспится и все тѣмъ же безмятежно задумчивымъ взглядомъ будетъ смотрѣть на міръ божій. Шалостей за Володей никакихъ не водилось, но онъ былъ всегда довольно лѣнивъ и очень упрямъ. Въ упрямствѣ онъ даже не уступалъ своей маменькѣ, а съ лѣтами началъ проявлять извѣстнаго рода самостоятельность, тѣмъ болѣе опаснаго и раздражительнаго свойства, что трудно было понять, откуда она у него берется. Последнее время, наиримѣрь, онъ взялъ привычку уходить безъ спросу изъ дому и пропадать Богъ знаетъ гдѣ.

— Я удивляюсь твоему равнодушію на счетъ Володи, сокрушалась тетенька Цыганова, которую такая независимость въ семнадцатилѣтнемъ мальчикѣ приводила въ неописанное негодованіе.

Тетенька Цыганова поселилась у племянницы, скорѣй послѣ пріѣзда изъ заграничья. Вдова заслуженнаго генерала, дама эта получала значительную пенсію, и кромѣ того, обладала капиталомъ тысячъ въ сто, помѣщеннымъ весьма выгодно въ надежныя руки — было изъ-чего жить своимъ домомъ и своимъ хозяйствомъ, но мадамъ Цыганова такъ привыкла разыгрывать всю свою жизнь роль робкой, неумѣлой и застѣнчивой женщины, стремящейся пріютиться подъ первое встрѣчное сильное крыло, что на старости лѣтъ роль эта превратилась у нее въ одну изъ тѣхъ маній, отъ которыхъ трудно исправиться, чѣмъ отъ врожденнаго порока.

Юлія Ивановна брала съ тетушки за столъ и квартиру весьма почтенную сумму, при полученіи которой между ними каждый мѣсяцъ неизмѣнно повторялась слѣдующая сцена:

— Сегодня первое число, тетенька, объявляла мадамъ Савлина, проникая тотчасъ же послѣ утренняго чая въ комнату своей жилищки и останавливаясь въ рѣшительной позѣ, передъ большимъ кресломъ у окна, на которомъ тетушка трудилась надъ вышиваньемъ затѣливаго экрана или подушки. — Вы приготовили сто рублей?

Мадамъ Цыганова немедленно скорчила обиженную мину. — Неужели тебѣ эти деньги такъ нужны, Юлинька, что ты и часу подождать не можешь? Я бы сама, безъ всякаго напоминанія, принесла тебѣ эти сто рублей.

— Нѣтъ ужъ, тетенька, позвольте вамъ не повѣрить, вы непременно бы забыли... Нѣтъ такого человѣка на свѣтѣ, который самъ вспомнилъ бы о долгѣ, надо всегда напоминать.

И помолчавъ немного, она продолжала настойчивымъ тономъ: — Пожалуйста деньги, ma tante, сегодня первое число, мнѣ надо внести эти деньги на приходъ; вы знаете, какъ я люблю акуратность... Да и нельзя иначе, не слѣди я сама за моими дѣлами, всѣ жили бы на мой счетъ.

Надо было только дивиться сдержанности и благососпитанности тетеньки Цыгановой! Злоба, досада, кипѣвшія въ ея груди проявлялись только ярко багровыми пятнами на ея щекахъ; губки же ея все также жеманно поджимались въ кислосладкую усмѣшку, а глаза, упорно опущенныя на работу, поднимались только на мгновеніе и съ такою быстротою мелькали передъ вами ихъ пронзительный взглядъ, что вывести какое бы то ни было заключеніе о немъ, было не-

возможно. Чтобы понять характер тетушки Цыгановой, надо было ее видѣть именно въ такія минуты, въ стычкахъ съ племянницей. Съ какимъ глубокимъ достоинствомъ поднималась она со своего кресла и, выпрямившись во весь ростъ, подходила къ маленькому пузатому бюро, изъ котораго вынимала требуемыя деньги! Сколько величавой укоризны было въ горделивомъ движеніи, съ которымъ она подавала ихъ племянницѣ! Ну, право же, всякая на мѣстѣ Юліи Ивановны, поняла бы значеніе этого нѣмого упрека и всякой сдѣлалось бы совѣстно, но Юлію Ивановну никогда подобные пассажи не смущали. Преспокойно пересчитывала она ассигнаціи, прежде чѣмъ уложить ихъ въ портмоне, приговаривая при этомъ:—вотъ такъ-то лучше, *ma tante*, и мнѣ веселѣе и вамъ покойнѣе, цѣлыхъ четыре недѣли заботиться не объ чемъ.

А затѣмъ, вѣроятно, въ видѣ утѣшенія, она иногда предлагала своей родственницѣ воспользоваться ея каретой.

— Сегодня я нигуда не ѣду, можете показаться... Разумѣется, куда-нибудь далеко Захаръ васъ не повезетъ, я ему не позволю мучить изъ-за васъ лошадей, но здѣсь, по близости, кое къ кому заѣхать можете... Я знаю, васъ ужъ давно подмываетъ посплетничать съ старой ханжей баронессой и посудачить съ графиней, да только платить извозчикамъ вы не долюбываете, вотъ въ чемъ бѣда!

И какъ ни зла была тетенька, какъ ни бѣснели ее оскорбительныя шуточки, которыми племянница приправляла свое предложеніе, однако у нее никогда не доставало духу отказаться отъ этого предложенія и Юлія Ивановна выходила изъ комнаты, объявляя, что сейчасъ прикажетъ закладывать карету.

Она отлично знала, что тетенька поѣдетъ по роднымъ и знакомымъ жаловаться на ея алчность и не деликатность—злой языкъ мадамъ Цыгановой былъ извѣстенъ всему Петербургу—но Юлія Ивановна никогда не заботилась объ общественномъ мнѣніи; ей было вполне безразлично, какимъ способомъ будетъ облегчать свою досаду тетенька и въ какомъ именно свѣтѣ будетъ она изображать свои отношенія къ племянницѣ.

Вечера онѣ обыкновенно проводили вмѣстѣ, въ синей гостиной мадамъ Савлиной. Тетенька раскладывала пасьянсъ, а племянница лежала на кушеткѣ, закинувъ назадъ руки и размышляя о разныхъ хозяйственныхъ соображеніяхъ. Обѣ по цѣлымъ часамъ молчали, но иногда между ними завязывался разговоръ, вотъ какъ сегодня, напри- мѣръ, когда мадамъ Цыганова замѣтила, что Володю совсѣмъ не видать дома по вечерамъ и что она удивляется равнодушію Юліи Ивановны на этотъ счетъ.

— Какъ это не заботиться о томъ, гдѣ проводитъ время мальчикъ? съ какими людьми? въ какихъ мѣстахъ?

— Полноте, *ma tante*, у васъ ужасно отсталая идея!.. За границей всюду пускаютъ дѣтей однихъ и никакой бѣды отъ того не случается.

— Однако, душа моя, наединѣ Захаръ встрѣтилъ твоего сына на берегу Невы, онъ сѣлся въ лодочку съ какимъ-то обремененнымъ человѣкомъ.

— Чтожъ изъ этого? У Володи денегъ нѣтъ, выманить у него ничего нельзя. Часы съ золотой цѣпочкой я ему не позволю надѣвать, когда онъ выходитъ на улицу.

— У тебя одни только деньги на умѣ, какъ будто другой бѣды, кромѣ потери денегъ съ мальчикомъ приключиться не можетъ?

Юлія Ивановна отвѣчала на это, что, во первыхъ, сынъ ея не мальчикъ, ему ужъ семнадцать лѣтъ, а во вторыхъ, она его характеръ отлично знаетъ и всегда можетъ себя представить, какими мечтами занимается онъ на досугѣ,—самымъ

безвреднымъ вздоромъ, за что смѣло можно было поручиться.

Правда, что иногда ему залѣзали предикіи фантазіи въ голову. Года три тому назадъ, напри- мѣръ, во время пребыванія ихъ въ Нѣмецкой Швейцаріи, Володѣ вдругъ вздумалось приставать къ матери, чтобы она отпустила его жить съ пастухами въ горы.

— Въ работники пожелать къ нимъ наняться, по цѣлымъ днямъ съ дудочкой за коровами, да за козами бѣгать...

Юлія Ивановна вспомнить не могла про этотъ эпизодъ безъ смѣха.—Вѣдь придетъ же въ голову! Благородный мальчикъ, старинной дворянской фамиліи, у матери такое состояніе, что она всѣхъ этихъ пастуховъ со всѣмъ ихъ скарбомъ, купить бы могла, и вдругъ такая дикая фантазія!

Ну, какъ не сказать, что Володя Савлинъ былъ странный мальчикъ? Онъ тогда такъ увлекся этой глупой мечтой, что пришлось не дождавшись осени вернуться въ городъ.

— Никакъ не усмотришь, того и гляди убѣжить, и розыскивай его потомъ по ущельямъ, да по скаламъ, нанимай для этого всякихъ гидовъ и плати имъ по золотому въ день, объясняла Юлія Ивановна теткѣ.—Я разсудила, что лучше скорѣе уѣхать отъ грѣха. И какъ бы вы думали? мнѣ тогда эта штука въ сто франковъ вѣхала! За пансіонъ было впередъ уплачено, а мы не дожили до срока цѣлыхъ двѣнадцать дней.

— Вотъ видишь, какой онъ у тебя взбалмошный, душа моя, а ты оставляешь его безъ всякаго надзора...

Но Юлія Ивановна нетерпѣливо прерывала родственницу.—Здѣсь ничего подобнаго съ нимъ случиться не можетъ. Вы тамошнихъ обычаевъ не знаете, тамъ и люди совсѣмъ другіе и на все смотрятъ иначе. Тамъ его каждый мужикъ, каждый пастухъ накормитъ и пригрѣетъ... разумѣется, въ надеждѣ содрать потомъ въ три доро- га съ родителей, а все же пріютить на время... здѣсь же совсѣмъ другіе порядки и онъ отлично понимаетъ, что рискуетъ провести ночь въ ку- тузкѣ и что никто ему куска хлѣба даромъ не предложитъ... Поневолѣ домой вернется, и къ обѣду, и если чаю захочется...

— Послушать тебя, такъ и гувернеровъ не надо брать дѣтямъ, продолжала спорить тетушка,—пусть ихъ растутъ на волѣ, какъ грибы въ лѣсу! Однако, во всѣхъ порядочныхъ домахъ принято держать гувернанокъ, гувернеровъ или, по крайней мѣрѣ, дядьку при мальчикахъ.

— Очень глупо дѣлають. Всѣ эти менторы и менторши переводъ деньгамъ, и больше ничего. Дѣтямъ отъ нихъ нѣтъ никакой пользы. Вотъ также дорогіе учителя... Ну, не глупость ли бросать сотни рублей тамъ, гдѣ можно обойтись десятками? Чистое безуміе! Для каждаго учебнаго заведенія существуютъ программы, въ нихъ все обстоятельно изложено, даже по какимъ книжкамъ учиться и сколько именно страницъ надо вы зубрить, чтобы поступить въ такой или такой классъ... И очень подробно все это тамъ обозначено, стоитъ только достать такую программу, купить книги и учиться по нимъ... Къ чему же тутъ дорогіе учителя, скажите на милость? Я все это разсудила и отыскала такого господина, который за одинъ рубль по три часа съ Володей бьется... Это выйдетъ немножко больше тридцати копѣекъ за часъ, а не три рубля, какъ другіе платятъ. И право же, мой Володя знаетъ не меньше тѣхъ мальчиковъ, на воспитаніе которыхъ не жалѣютъ денегъ... Какое глупое выраженіе! Ну, можно ли не жалѣть денегъ? Я даже этого и понять не могу.

При урокахъ сына, Юлія Ивановна никогда не присутствовала.—Къ чему я буду насиловать себя? говорила она тѣмъ маменькамъ, которыя

считали своею священной обязанностью лично слѣдить за преподаваніемъ учителей и за успѣхами учениковъ.—Развѣ меня могутъ интересовать Ассиріянскіе какіе-нибудь или грамматика? Объ этомъ и школьники только передъ экзаменами вспоминаютъ... Судить о томъ, хорошо или дурно толкуетъ учитель, я тоже не могу, стало быть не для чего мнѣ и торчать въ классѣ, никому отъ этого пользы не будетъ и даже напротивъ, Павелъ Павловичъ всегда цѣлымъ часомъ раньше уходитъ, когда ихъ потревожишь среди урока.

Съ учителемъ своимъ Володя жилъ въ большой дружбѣ и Юлія Ивановна была этимъ очень довольна. Она подозрѣвала, что они видятся не только во время уроковъ, но также и на квартирѣ г. Лѣтнева и ничего противъ такого сближенія не имѣла.

— Вѣрно, въ конурѣ какой-нибудь обитаетъ подъ самой крышей... Ну вотъ, мой Володя и узнаетъ, каково въ бѣдности жить, и какъ надо беречь деньги, чтобы самому ни въ чемъ не нуждаться! прибавляла Юлія Ивановна, полувопросительно поглядывая на свою слушательницу, и не дождавшись отъ нее отвѣта, она продолжала:—Вы, кажется, со мной несогласны, тетенька? Скажите, однако, въ чемъ же я ошиблась во всю мою жизнь? Кажется, всегда все выходило по моему и никогда никто не могъ меня переспорить!

— Гдѣ ужъ такую умницу переспорить, усмѣхнулась генеральша.

— Вы это съ насмѣшкой говорите, *ma tante*, а знаете, что я вамъ скажу? Я часто серьезно думаю, что умнѣе меня нѣтъ никого на свѣтѣ, право!

Предполагая, что сынъ ея часто посѣщаетъ вышеописанную квартиру въ четвертомъ этажѣ, занимаемую Лѣтневымъ и его сумрачнымъ товарищемъ, Юлія Ивановна не ошиблась. Съ Муравейко Володя сблизился на столько, что ему отпирали немедленно дверь, даже въ отсутствіи хозяина, приглашали войти и вступали съ нимъ въ бесѣду.

О чемъ разговаривалъ сынъ мадамъ Савлиной съ угрюмымъ малороссомъ, этого никто не зналъ, и даже самъ Павелъ Павловичъ никакъ не могъ себя представить. При его появленіи пріятель смолкалъ, расходился въ разныя стороны и, точно стоварившись, молчалъ весь вечеръ, каждый въ своемъ углу: Володя на стулѣ возлѣ печки, а Муравейко за письменнымъ столикомъ у окна.

Большую частью Павелъ Павловичъ возвращался домой въ сопровожденіи двухъ трехъ пріятелей, такихъ же долготерпѣливыхъ кандидатовъ на штатную должность, какъ и онъ самъ, и также перебивающихся уроками въ чайніи движенія въ томъ или другомъ департаментѣ. Поднимались оживленные споры за стаканами жидкаго чая, разливаемого Муравейкой; отъ множества выкуриваемыхъ папирсовъ въ комнатѣ стоялъ такой туманъ, что свѣтъ маленькой керасиновой лампочки почти совсѣмъ затмѣвался и гости различали другъ друга только по голосамъ. Иногда бесѣда затягивалась такъ поздно, что Павелъ Павловичъ самъ напоминалъ своему ученику, что ему пора отправляться домой.

— Вѣдь вы, юноша, въ зависимости отъ маменьки, этого обстоятельства отнюдь забывать не слѣдуетъ, говорилъ онъ ему съ насмѣшливой улыбкой, отъ которой Володя краснѣлъ до ушей и тотчасъ же неуклюже раскланивался и торопливо удалялся.

Но однажды, на подобное напоминаніе онъ, запинаясь, возразилъ, что ему хотѣлось бы посидѣть еще немножко, а когда гости разошлись, онъ собрался съ духомъ и безъ всякаго предисловія приступилъ къ г. Лѣтневу съ довольно странной и неожиданной просьбой.

— Мой отецъ скоро сюда пріѣдетъ, произ-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА МАТЮСА ШМИДТА.

Протестанты, покидающие Диллерталь в 1837 году.

несъ онъ скороговоркой и заглядывая своему слушателю въ глаза съ отчаянною рѣшимостью, — позвольте мнѣ съ нимъ видѣться на вашей квартирѣ?

— Откуда вы знаете, что у васъ есть отецъ? вырвалось у Лѣтнева.

Приглашая его давать уроки сыну, Юлія Ивановна говорила ему про своего мужа, но въ такихъ выраженіяхъ, что въ вопросѣ предложенномъ Володѣ не было ничего удивительнаго.

— Я всегда зналъ, что у меня есть отецъ, возразилъ этотъ послѣдній, обиженнымъ тономъ.

— Когда меня увезли за границу, я былъ не совсемъ маленькій, мнѣ ужъ было пять лѣтъ, а потомъ онъ писалъ мнѣ... и, наконецъ, въ прошломъ году мы съ нимъ видѣлись...

— Вотъ какъ! И, разумѣется, потихоньку отъ маменьки? Гдѣ же происходило это свиданіе, можно узнать?

Володя промолчалъ и, отвернувшись въ сторону, упорно уставилъ глазами на полурастворенную дверь въ маленькую прихожую.

— Почему же вамъ и теперь не видѣться тамъ, гдѣ вы въ прошломъ году видѣлись? продолжалъ любопытствовать Лѣтневъ.

— Ну, полноте, ну, что вы къ нему пристаёте! зарычалъ изъ своего угла Муравейко.

Допросъ, которому подвергнулся его юный другъ, давно ужъ нестерпимо раздражалъ его и давно ужъ дѣлалъ онъ Володѣ разные знаки головою и руками, на которые молодой Савлинъ не обращалъ никакого вниманія. Юноша продолжалъ упорно молчать; растерянный взглядъ его перебѣгалъ, ни на чемъ не останавливаясь, отъ двери къ столу, на которомъ скрипѣлъ перомъ его угрюмый пріятель, и отъ этого стола къ Павлу Павловичу, выжидавшему терпѣливо отвѣта на предложенный вопросъ; но, кажется, неожиданное вниманіе малоросса придало ему бодрости и заставило на мгновеніе сосредоточиться въ мысляхъ.

— Развѣ вы не знаете, какая она дикая женщина? повернулся онъ вдругъ и довольно рѣшительно къ своему учителю.

Павелъ Павловичъ усмѣхнулся и, не спуская съ юноши пытливаго взгляда, принялся по обыкновенію, его вышучивать.

— Это вы про мамашеньку изволите такъ непочтительно выражаться? Гмъ, такая продерзость съ вашей стороны одобренія не заслуживаетъ, тѣмъ болѣе не заслуживаетъ, что волею судьбы вы находитесь въ полнѣйшей отъ нее зависимости... Я слышалъ, будто вашъ отецъ самъ отказался отъ всякихъ правъ на васъ, правда это? Володя утвердительно кивнулъ головой.

— Ну, вотъ видите! Въ виду подобнаго обстоятельства, слѣдуетъ поразмыслить хорошенько, прежде чѣмъ очертя голову пускаться въ протестъ. Собственными силами вы ни единой копѣйки пріобрѣсти не можете, на отца вамъ рассчитывать нельзя... Не лучше-ли выставить ему на видъ письменно всѣ неудобства вашего положенія и отложить свиданіе съ нимъ до той минуты, когда вамъ можно будетъ располагать собою? Онъ и самъ долженъ это понимать, слава Богу, не маленький!

Володя порывистымъ движеніемъ сорвался съ мѣста, не говоря ни слова, отыскавъ свою шляпу и поспѣшно направился къ двери.

— Куда? Куда? вскопчилъ за нимъ Павелъ Павловичъ. — Развѣ можно такъ скоро? Вы меня не выслушали порядкомъ...

И Муравейко поднялся со своего стула и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ прихожей, гдѣ Володя, не внимая увѣщаніямъ учителя, поспѣшно стаскивалъ съ вѣшалки пальто и, натянувъ его кое-какъ на плечи, началъ спускаться по лѣстницѣ.

Онъ изо всѣхъ силъ сжималъ губы, чтобы удер-

живать слезы, подступавшія къ глазамъ, но едва успѣлъ перебѣжать дворъ, какъ онъ хлынули съ такой неудержимой силой, что бѣдный мальчикъ прошелъ цѣлую минуту, ничего не слыша и не видя. А между тѣмъ, за нимъ ужъ давно гнался Муравейко, тщетно стараясь его схватить длинной костлявой рукой за плечо и остановить. Наконецъ, ему это удалось.

— Да не бѣгите же такъ, чортъ васъ побери совсѣмъ! ворчалъ онъ, задыхаясь отъ усталости и пригибаясь къ уху юноши. — Насилу догналъ! Развѣ вы не замѣтили, что я вышелъ вслѣдъ за вами? Павелъ Павловичъ это видѣлъ и ничего не сказалъ... Онъ догадывается, для чего мнѣ надо было догнать васъ.

Они пошли рядомъ. Володя замедлилъ шагъ, но продолжалъ упорно молчать и отвертываться. Спутнику его приходилось одному поддерживать бесѣду. Никогда еще не говорилъ онъ такъ много заразы и отъ непривычки къ упражненію подобнаго рода, рѣчь его выходила довольно путанная.

— Вотъ что я вамъ скажу, вы совершенно напрасно такъ начали... надо было посоветываться со мной, я Павла Павловича отлично знаю, съ нимъ такъ нельзя... онъ человѣкъ политичный... Поймите меня, не то, чтобы осторожный, а политичный... Онъ вамъ даетъ уроки, ваша мать оказываетъ ему довѣріе, ну, для человѣка съ его характеромъ этого достаточно, онъ тотчасъ подумалъ: она на меня полагается, а я буду помогать ей сыну обманывать ее, какая подлость! Да, вотъ что онъ подумалъ и такую мысль онъ переварить не въ силахъ, я его знаю!.. Положимъ даже, что мысль эта фальшивая, но въ настоящую минуту онъ этого не сознаетъ, да и понятно!.. Я вотъ что придумалъ: зачѣмъ ему знать, что вы придете къ намъ съ вашимъ отцомъ? Кто ему это скажетъ? Никто не можетъ. Надо только выбрать такое время, когда его дома нѣтъ, вотъ и приходите тогда, я вамъ отворю дверь и все тутъ, право. Скажу вамъ больше, если даже онъ и узнаетъ потомъ, то притворится, что ничего не знаетъ... Вотъ для чего я побѣжалъ за вами, идеть, что-ли?

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, прошепталъ Володя дрожащимъ голосомъ.

— Почему же? Я могу уйти тогда въ кухню, вы будете совсѣмъ одни, настаивалъ добрый малороссъ.

Но Володя продолжалъ упорно трясти головой. Говорить онъ не могъ, рыданія душили его. Впрочемъ, онъ такъ сильно стиснулъ руку своего пріятеля, что сомнѣваться въ чувствахъ благодарности, волновавшихъ его душу, было довольно трудно. Муравейко было тоже глубоко тронутъ.

— Неужели вы обидѣлись на Павла Павловича? На него нельзя обижаться, онъ иначе не могъ поступить, поймите это, онъ такъ, какъ и всѣ...

— Ну да, онъ такъ, какъ и всѣ, повторилъ со вздохомъ молодой Савлинъ.

Муравейко не обратилъ вниманія на этотъ вздохъ. — Я пари держу, что теперь онъ раскаивается и жалѣетъ васъ... Онъ видѣлъ, какъ я побѣжалъ за вами и ничего не сказалъ... Ну полноте, ну, что тамъ! Эхъ, юноша, юноша, видно васъ мало еще жизнь-то мала!

— Не знаю, но мнѣ часто кажется, что не-счастьемъ меня нѣтъ никого на свѣтѣ!

— Это всегда такъ кажется.

Разговоръ порвался и они прошли всю улицу молча. У поворота къ тому переулку, въ концѣ котораго возвышался домъ Юліи Ивановны Савлиной, Муравейко снова попытался сломить упрямство своего юнаго пріятеля.

— Чтожъ, придете что-ли? Вы знаете, по вторникамъ и по пятницамъ онъ даетъ урокъ у живодъ, его цѣлый день дома нѣтъ.

— Нѣтъ, не приду, объявилъ Володя тихимъ,

но рѣшительнымъ тономъ. — Мы какъ-нибудь иначе устроимся... Мнѣ пришло въ голову воспользоваться вашей квартирой потому, что Павелъ Павловичъ знаетъ мою мать, мнѣ казалось, что онъ лучше другихъ пойметъ все... А вы вотъ говорите, что ему потому именно и не ловко, что онъ съ нею знакомъ... Можетъ быть, вы и правы, продолжалъ юноша, останавливаясь у входной двери родительскаго дома и дергая ручку звонка, — можетъ быть, вы и правы, но только зачѣмъ было выражаться такъ... такъ пренебрежительно и насмѣшливо? Вотъ что я не могу вынести! Когда оскорбляютъ меня лично, мнѣ какъ будто все равно, я никогда и виду не показываю, что мнѣ обидно, но когда при мнѣ нехорошо говорить про него, про моего отца, на меня находитъ такая злость... вы представить себѣ не можете! Я долженъ сейчасъ сказать такому человѣку, что онъ подлець, или убѣждать... Передайте это Павлу Павловичу, пожалуйста; онъ, можетъ быть, и безъ умысла, кто его знаетъ, но все равно, я простить этого не могу, скажите ему...

Въ эту минуту дверь отворилась и Володя, не окончивъ фразы, опрометью кинулся въ темныя сѣни, а пріятель его пустился въ обратный путь.

— Ну что, догнали? спросилъ Павелъ Павловичъ, выходя со свѣчей въ рукахъ встрѣчать своего сожителя на площадку лѣстницы. — Догнали и утѣшили?

— Догнать-то догнать... Что жъ касается до того, чтобы утѣшить, нѣтъ, этого не удалось. Онъ очень вамъ обиженъ и огорченъ. Онъ просилъ меня вамъ это сказать... Да и въ самомъ дѣлѣ, съ какой стати вы такъ презрительно относитесь къ г-ну Савлину, развѣ вы его знаете?

Павелъ Павловичъ пожалъ плечами. — Я знаю, что онъ скотъ, какъ всѣ ему подобные, да еще дуракъ въ придачу и потому этого вполне достаточно, чтобы презирать человѣка.

— Но почему же, однако, изъ чего вы это выводите?

— Изъ чего? Да изъ того, что онъ жевалъ изъ за денегъ на деревянномъ болванѣ, это первыхъ, а во-вторыхъ, совершивши такую пакость, онъ даже не сумѣлъ извлечь изъ нее надлежащей пользы, ни для себя, ни для того существа, которое онъ осмѣлился произвести на свѣтъ... Онъ бросилъ его на произволъ того нравственнаго урода, съ которымъ самъ и пяти лѣтъ не могъ ужиться, бросилъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ, вѣдь онъ знаетъ эту женщину, онъ знаетъ, что у нее вмѣсто сердца какой-то заржавленный мѣдный пятакъ!..

— А между тѣмъ, сынъ его любитъ, произнесъ раздумчиво Муравейко.

— Чтожъ это доказываетъ? Есть люди, которымъ непременно надо что-нибудь любить, они безъ этого жить не могутъ... Нашъ юноша принадлежитъ къ числу этихъ людей, вотъ и все. Еслибъ мать его была немножко похожа на человѣка, онъ бы и ее любилъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Сестра милосердія.

Романъ Эдмона и Жюль Гонкуръ.

Переводъ П. Лѣтнева.

I.

Высокая, просторная зала, — длинная, теряющаяся въ безконечной тѣни. Ночь. Зала освѣщена красноватымъ отблескомъ пламени двухъ печей. Тамъ и самъ угасающій огонь ночниковъ отбрасываетъ свѣтлую полосу на лоснящейся полъ. Въ колеблющемся полумракѣ, около стѣнъ, бѣлѣютъ занавѣсы и видѣются ряды кроватей. Въ углу залы, во мракѣ, неясно обрисовывается гипсовое изображеніе Божіей Матери. Воздухъ теплый и влажный, пропитанный приторнымъ запахомъ разогрѣтаго спуска и льнянаго сѣмени.

Все молчитъ; ни звука, ни движенія, только изрѣдка во мракѣ слышится шуршаніе простыни, заглушенная зѣвота, тихая жалоба, вздохъ... и снова все погружается въ глухое, таинственное безмолвіе. Возлѣ лампы съ абажуромъ, стоящей на соломенномъ стулѣ, дремлетъ на креслѣ, покрытомъ бѣлымъ чехломъ, толстая сидѣлка, упираясь ногами въ перекладину близъ стоящаго стула. Она встаетъ съ заспаннымъ лицомъ и всклокоченными волосами, заслоня своей тѣнью свѣтъ лампы, подходитъ къ печкѣ и, помѣшавъ угли кочергой, возвращается къ своему креслу, снова кладетъ ноги на перекладину и вытягивается бокомъ.

Пламя въ печахъ горитъ ярче. Свѣтъ лампы докъ въ ихъ продолговатыхъ стаканчикахъ, висѣющихъ на двухъ желѣзныхъ проволокахъ, то погасаетъ, то вспыхиваетъ, будто человеческое дыханіе. Колпаки, надѣтые сверху, качаются отъ дуновения пламени и отбрасываютъ на перекладины потолка огромныя, движущіяся тѣни. Внизу, направо, и надѣво, свѣтъ мягко падаетъ сверху на подножіе кроватей, на полотняные пологи, на занавѣсы, тѣнь которыхъ отражается полосой поперегъ тѣла больной, свернувшейся подъ одѣяломъ. Формы и линіи трепетно очерчиваются въ неясномъ полусвѣтѣ, между тѣмъ, какъ въ высокія окна, не плотно прикрытыя занавѣсами, проникаетъ голубоватый свѣтъ ясной, зимней, морозной ночи. Въ промежуткахъ между свѣтомъ и тѣнью, предметы сглаживаются и сливаются, тамъ и сямъ поднимаются громады тѣни и, соединяясь на потолкѣ, погружаютъ залу въ глубокой мракъ. Сверху какъ будто еще что-то бѣлѣетъ, затѣмъ все снова исчезаетъ въ непроглядной ночи.

Въ самой глубинѣ этого мрака, трепетно дрожитъ свѣтъ, какъ огненная искра. Этотъ свѣтъ, сначала далекій, все приближается и увеличивается, какъ огонекъ въ стѣнѣ, къ которому снѣшится заблудившійся путникъ. Свѣтъ появляется за большой, стеклянной дверью, отдѣляющей залу отъ другой, смежной комнаты; ясно очерчиваются дверныя стекла и переплеты, дверь открывается,—входятъ двѣ женщины въ бѣломъ со свѣчею въ рукахъ.—«А! это обходъ Матушки!» шепчетъ вполголоса больная, въ полуснѣ, перевертываясь отъ свѣта на другой бокъ.

Обѣ женщины проходятъ медленно и тихо. Онѣ ступаютъ такъ тихо, что шума ихъ шаговъ совсѣмъ не слышно, онѣ дышутъ, какъ тѣни, держа свѣчу передъ собой. У той, которая держится ближе къ кроватямъ, руки скрещены на груди. Она молода. Ея кроткое, спокойное лицо запечатлѣно улыбкой, которая бываетъ на лицахъ у спящихъ. На головѣ у нея—бѣлое покрывало послушницъ. Ея мягкое, шерстяное платье кажется желтоватымъ въ сравненіи съ бѣлоснѣжнымъ полотномъ простыни и наволочекъ. За сестрой милосердія идетъ слѣдомъ сидѣлка въ бѣлой кофтѣ, бѣлой юбкѣ и ночномъ чепцѣ. Она несетъ свѣчу, при свѣтѣ которой, ея увядшее лицо выглядитъ, какъ лицо стариннаго портрета изъ темной рамы. Свѣтъ, проникая сквозь отдернутыя занавѣсы кроватей, освѣщаетъ то спящую женщину съ полураскрытымъ ртомъ, съ впадинами ноздрямъ и запрокинутой головой, то худое лицо больной, съ сбившимися на глаза ночными повязками, сжимающей въ кулакъ одѣяло, надвинутое до самаго рта, то красивый изгибъ бюста спящей молодой женщины, подложившей руку подъ голову.

Взглядъ сестры Филомены скользитъ по спящимъ; тѣмъ изъ больныхъ, которыя не спятъ, она слегка киваетъ головой, улыбается и ласково поправляетъ простыни и подушки. Изъ одной кровати ей слышатся безсвязныя жалобы, сердитое бормотанье... Сестра Филомена подходитъ къ этой кровати, приподнимаетъ больную старуху, приго-

вариваетъ ее словами, произносимыми тѣмъ ласковымъ, пѣвучимъ голосомъ, какимъ матери или кормилицы укачиваютъ дѣтей. Она перевертываетъ ее, наклоняется надъ ея искривленной спиной, покрытой сединами и красными пятнами, приподнимаетъ ея сухія, ооченѣвшія ноги, которыя ударяются костями другъ о друга, и проворно выдергиваетъ изъ подъ нея грязную простыню. На ласковыя слова и легкое прикосновеніе сестры, больная отвѣчаетъ только нетерпѣливымъ, животнымъ ворчаньемъ.

— Нужно поставить горчичникъ, спрашиваетъ Филомена.

— Не хочу... не хочу... бормочетъ больная, съ трудомъ ворочая языкомъ.

Все также тихо и осторожно, сестра Филомена снова укладываетъ ее, поправляетъ ей чепчикъ, взбиваетъ смятую подушку и идетъ далѣе. Больныя смотрятъ ей вслѣдъ съ любопытствомъ, приподнимаясь на постеляхъ съ помощью висѣщихъ сверху подпорокъ, которыя еще долго колышутся, послѣ того какъ онѣ ихъ выпускаютъ изъ рукъ... У одной изъ кроватей, Филомена останавливается. Занавѣсы этой кровати, плотно задернутыя, падаютъ до полу прямыми, неподвижными складками, развязанные шнуры висятъ по обѣимъ сторонамъ, надъ изголовьемъ не прибито ярлыка на металлической дощечкѣ, какъ надъ другими кроватями. Сестра Филомена подходитъ къ этой кровати, полураздвигаетъ занавѣсы и исчезаетъ за ними на нѣсколько мгновений,—видно что она крестится и читаетъ молитву. Шаги ея замедляются, приближаясь къ дверямъ залы родильницъ, откуда несутся крики новорожденныхъ, то замолкая на минуту, то раздаваясь съ новымъ упорствомъ. Филомена внимательно прислушивается къ этому крикливому пѣнію; послѣ молчанія, стоновъ, глухихъ звуковъ болѣзни, страданія и смерти, въ этомъ дѣтскомъ крикѣ ей слышится жизнь.

Внезапно съ одной кровати раздается громкій вопль, и вслѣдъ за нимъ плачь, похожій на плачь ребенка. Яркое свѣтитъ огонь за занавѣсами этой кровати. Возлѣ стоитъ ассистентъ въ бѣломъ фартукѣ, прищипленномъ за верхнюю пуговицу его пальто, и, высоко поднимая свѣчу надъ головой, разсматриваетъ больную. Сестра Филомена подходитъ.—«Нѣтъ, не вы!» говоритъ онъ отрывисто и, взявъ бинтъ у нея изъ рукъ, передаетъ сидѣлкѣ и проворно дѣлаетъ перевязку. Филомена, не говоря ни слова, уходитъ изъ залы.

II.

Сестра Филомена находилась въ сильномъ волненіи, поступаая изъ монастыря въ госпиталь. За долго передъ тѣмъ, она старалась освоиться съ мыслью объ этомъ заведеніи; эта мысль преслѣдовала ее, какъ кошмаръ, наводила на нее ужасъ. Со дня на день, она ослабѣвала въ виду тѣхъ раздражающихъ представлений, которыя она составляла себѣ обо всемъ, что происходило тамъ. Воображеніе ея, работая въ неизвѣстной ей области, преувеличивало ужасъ дѣйствительности. Она представляла себѣ нѣчто похожее на раскрашенныя, анатомическія гравюры, видѣнныя ею когда-то въ дѣтствѣ. Дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу, когда она въ первый разъ вошла въ лазаретъ. Она приняла щипцы, лежавшіе на печкѣ для заграбання угольевъ, за инструменты, которыми прижигаютъ раны; ей казалось, что она видитъ на нихъ страшныя пятна, клочки мяса,—всѣ ужасныя принадлежности операций!

Вмѣсто всего этого, она увидѣла бѣлыя кровати съ бѣлыми занавѣсами и чистымъ бѣлымъ. Всюду пріятная для глазъ дѣвственная чистота, какъ въ комнатѣ молодой дѣвушки. На доснащемъ полу не видѣлось ни пылинки. Больныя лежали на подушкахъ, въ спокойныхъ позахъ. Розовый отблескъ зари яснаго, осенняго утра, озарялъ всѣ уголки залы. На полкахъ ярко бле-

стѣли вычищенные блюда изъ красной мѣди и ряды жестяныхъ кувшиновъ. Отголосокъ молодости слышался въ смѣхѣ ассистентовъ; выздоравливающіе больные разговаривали вполголоса другъ съ другомъ. И во всемъ лазаретѣ было столько свѣта, тишины и порядка, покровъ былъ такъ искусно накинутъ на безобразныя язвы и ужасъ болѣзней; страданіе было такъ спокойно, агонія такъ тиха, что сестра Филомена очень удивилась и совершенно успокоилась, перенесшись въ дѣйствительность. Съ нею какъ будто спала тяжесть; ею овладѣло чувство довѣрія и радости; она считала себя спасенною отъ ужасовъ, осаждавшихъ ее въ воображеніи, и почти гордилась, сознавая себя сильнѣе, чѣмъ ожидала.

Она очень боялась увидеть мертвеца, и вотъ она увидѣла одного, который только что умеръ. Онъ лежалъ на кровати, съ вытянутыми руками, ладонями вверхъ. Полурастегнутое темное пальто раскрывалось у него на груди. Двѣ подушки поддерживали его тѣло. Голова, свалившаяся немного на бокъ, была запрокинута. Видна была его шея, большая, черная борода, заостренный носъ, впадины глаза и волосы, плотно прилежавшіе къ головѣ. Ротъ, оставшійся открытымъ во всю величину, казалось непускалъ послѣднее, напряженное дыханіе, какъ будто послѣ долгой борьбы, вырванное смертью у жизни. Онъ лежалъ еще неостывшій, но уже окованный невидимыми цѣпями смерти. Сестра Филомена долго смотрѣла на него, чтобы испытать себя; она чувствовала также мало ужаса передъ этимъ трупомъ, какъ передъ восковымъ изображеніемъ.

Впродолженіе нѣсколькихъ дней, она находилась въ этомъ состояніи мужества и бодрости, и чувствовала большое удивленіе и довольство собой, что ей удалось такъ легко побороть свою слабость. Она считала уже себя недоступной никакому волненію, когда въ одинъ вечеръ, взглянувъ на одну спящую больную съ блѣднымъ лицомъ, она почувствовала, что у нея будто оторвалось сердце, и принуждена была схватиться за колонну кровати, чтобы не упасть. До сихъ поръ, благодаря энергіи, съ какою она исполняла свою обязанность, ей удалось избѣгнуть вліянія всего того, что она видѣла. Но настала часъ, когда вся масса волненія, накопившаяся въ ней, невѣдомо ей самой, прорвалась наружу. Въ нервахъ ея, находившихся въ постоянномъ раздраженіи, появилась какая-то болѣзненная чувствительность, и нѣкоторые звуки, какъ, напримѣръ, звонъ упавшаго стакана, заставляли ее болѣзненно вздрагивать.

Затѣмъ съ каждымъ днемъ, передъ нею открывалось то, что госпиталь умѣетъ такъ искусно скрывать при первомъ взглядѣ. Головы молодыхъ ассистентовъ, наклонившихся надъ кроватью больного, не могли такъ плотно сдвинуться, чтобы она не увидѣла черезъ нихъ обнаженную, животрепещущую рану на человеческомъ тѣлѣ. Она не видала смерти въ лицо, но встрѣчала на каждомъ шагѣ темныя ящички, выносимые служителями, и таинственность, сопровождавшая смерть, придавала ей еще болѣе ужаса. Всѣ предметы, смыслъ которыхъ ускользалъ отъ Филомены въ первое время, принимали теперь въ ея глазахъ свое настоящее значеніе. Она не могла взглянуть на нихъ, безъ того, чтобы они не возбудили въ ней болѣзненнаго воспоминанія или представленія. Предметы эти вызывали картины тѣхъ страданій, которыхъ они касались. Деревянныя носилки, опрокинутыя въ прихожей, вызывали въ ея воображеніи образы тѣхъ женщинъ, которыхъ ежедневно относили на этихъ носилкахъ въ операционную залу и приносили оттуда еще болѣе блѣдныхъ и изможденныхъ. Такимъ образомъ, всѣ предметы имѣли языкъ, проникавшій въ самую глубину ея существа; она

чувствовала невольное сжиманіе сердца, и холодъ пробѣгалъ по всѣмъ ея членамъ.

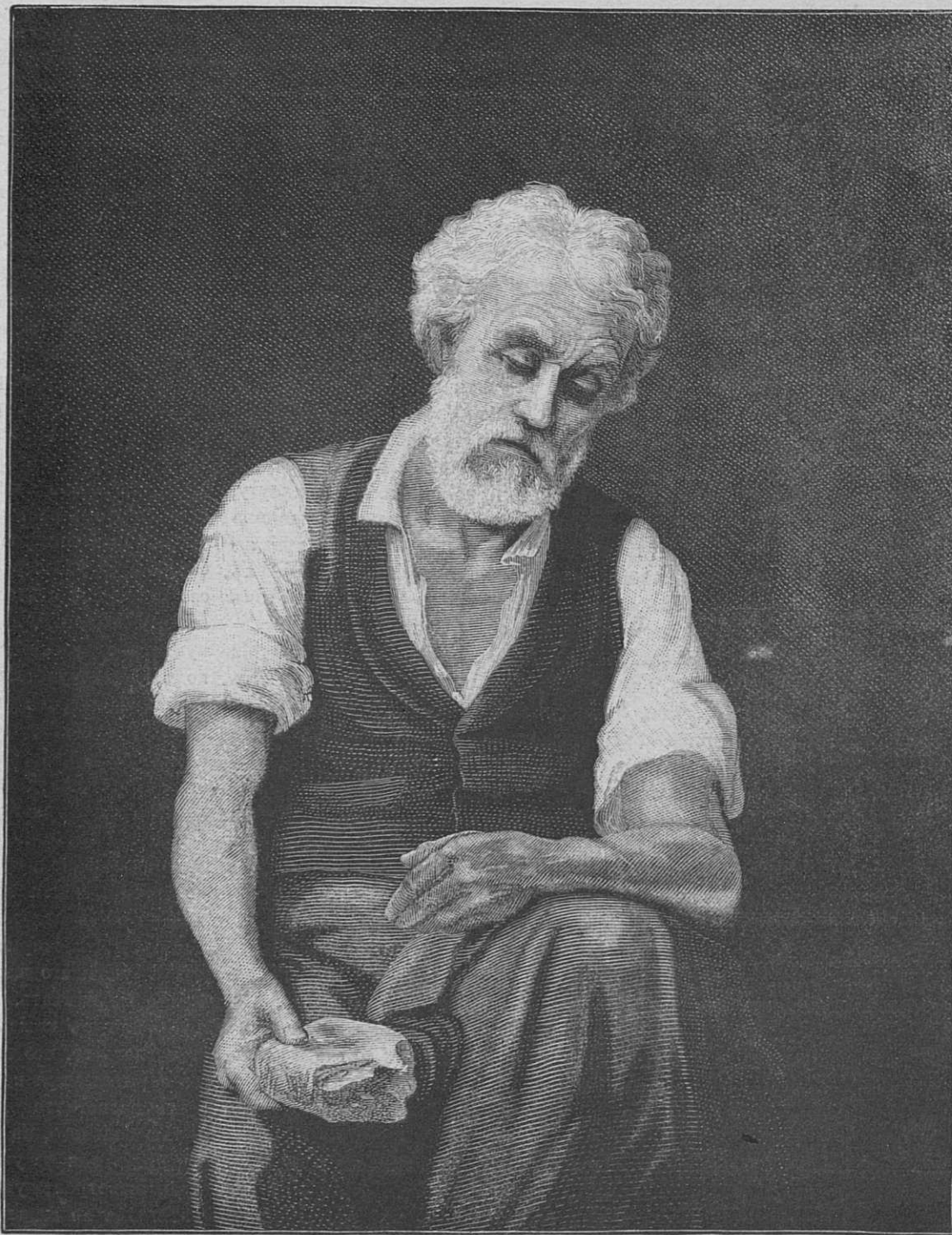
Вверху винтообразной лѣстницы, прямо изъ лазаретной залы, находилась площадка, примыкавшая къ стѣнѣ, мимо которой Филоменѣ нужно было проходить нѣсколько разъ въ день. Когда ея платье касалось этой стѣны, она чувствовала непреодолимый ужасъ, какъ ребенокъ, чего нибудь испугавшійся ночью. А между тѣмъ, эта стѣна была такая же, какъ и другая; на ней не

да ужасное ясновидѣніе, еще болѣе раздражаемое покровомъ, брошеннымъ на всѣ эти предметы. Случалось, что подъ мучительнымъ вліяніемъ этихъ безпрестанныхъ представлений, у нея вдругъ выступали на глазахъ слезы, которыя она напрасно старалась удержать. Самые обыденныя сцены, самые обыкновенные случаи больничной жизни, застигали ее врасплохъ и доводили почти до обморока. Всякая бездѣлица вызывала у нея слезы и бленіе сердца: для ея

дѣйствовать, суетилась, схватываясь за первый, попавшійся, предлогъ, бралась за дѣло, которое ей вовсе не нужно было дѣлать, и такимъ образомъ восстанавливала свои силы и поборала уныніе.

Вечеромъ, если она не была дежурною въ госпиталѣ, то возвращалась въ монастырь, съ пустой головой, съ отяжелѣвшей мыслью, неспособною ни къ какой дѣятельности. Она съ трудомъ могла слѣдить за смысломъ молитвъ и припоми-

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ. КАРТИНА М. БОТКИНА.

Итальянскій чернорабочій.

Рѣзалъ на деревѣ Діаментовскій.

было даже, какъ на другихъ стѣнахъ госпиталя, темныхъ пятенъ,—слѣдовъ окровавленной руки, оставленныхъ мимоходомъ... но позади нея находился амфитеатръ,—и Филомена это знала.

III.

Вскорѣ госпиталь, залы и кровати сдѣлались для нея тѣмъ же, чѣмъ эта стѣна; то, чего не видали ея глаза, видѣло ея воображеніе. Ея внутренний взоръ проникалъ сквозь занавѣсы, прокрадывался подъ простыни. Это было своего ро-

утонченной чувствительности, безпрестанно переламававшей себя, достаточно было капли воды, чтобъ переполнить чашу.

Всѣ эти волненія отзывались чрезвычайнымъ утомленіемъ на всемъ ея организмѣ, и истощали ее въ такой же степени, какъ бессонная ночь истощаетъ пирокка. По временамъ ею овладевало такое уныніе, что она готова была кричать: «Довольно! довольно на сегодняшний день!»—Но она тотчасъ же начинала двигаться, ходить,

нать слова. Мысли вертѣлись въ ея головѣ какъ то туго и машинально,—это было почти материальное отраженіе ея физическихъ ощущеній. Передъ нею проходили не воспоминанія, а образы,—образы до того живые, что они безпощадно переносили ее въ страшную дѣйствительность. Напрасно она молилась, напрасно отгоняла ихъ отъ себя... Запахъ, невыносимый запахъ, впитываемый одеждою, вдыхаемый черезъ всѣ поры, носился тутъ всегда, вѣчно, вокругъ нея: она не

только видѣла госпиталь,—она его чувствовала, носила его въ себѣ. Ей пришлось долго бороться и страдать отъ этихъ мучительныхъ ощущеній... она возносила свои страданія къ Богу и горячо молила Его дать ей силу привычки.

IV.

Всякое утро, въ госпиталь, въ извѣстные часы, однообразіе заведеннаго порядка нарушается шумомъ, движеніемъ, переходами туда и сюда, оживленіемъ больныхъ. Эти часы служатъ какъ

воскресіе больные, съ улыбающимися, успокоенными лицами, лежатъ на кроватяхъ съ видомъ довѣрія, покоя и даже нѣкотораго кокетства. Выздоровливающіе одѣваются, сидя на стульяхъ, вполонину обернувшись къ окнамъ, чувствуя себя счастливыми и утомленными, какъ бываетъ всегда, когда больной въ первый разъ пробуетъ свои силы. Медленно, разсѣянно и съ безпрестанными остановками доканчиваютъ они свой туалетъ, неопредѣленно смотря передъ собою.

горячаго бульона, другихъ, болѣе слабыхъ, съ трудомъ приподнимавшихся, при ея приближеніи, она пошла сама, одной рукой поддерживая имъ голову, а другой поднося къ губамъ чашку, дрожащую въ ихъ слабыхъ пальцахъ. За нею шла одна изъ выздоравливающихъ въ сѣрой блузѣ и несла хлѣба въ большой скатерти, завязанной у нея на шеѣ толстымъ узломъ. Сестра Филомена брала по ломтю хлѣба для каждой больной и клала на одѣяло, затѣмъ одѣяла виномъ, черная его малень-

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ. СКУЛЬПТУРА В. БРОДСКАГО.

Транстевринка.

Рѣзалъ на деревѣ Голевинскій.

будто отдыхомъ отъ дневныхъ трудовъ. Осмотръ и перевязка ранъ кончены. Видъ и слова доктора обнадежили и успокоили больныхъ, а искусная рука фельдшера облегчила страданія, сдѣлавъ новую перевязку и положивъ на раны свѣжей мази. Утѣшеніе коснулось какъ тѣла, такъ и души. Сидѣлка собравъ испачканное бѣлье въ огромную простыню, тащить ее за собою. Щетка проворно работаетъ около кроватей. Головы покоятся на бѣлыхъ, взбитыхъ подушкахъ; полу-

Вскорѣ появляется въ дверяхъ большая корзина, наполненная золотистыми, цѣльными хлѣбцами, на которыхъ ножомъ налѣчены четыре части, и потому маленькая тележка съ завтракомъ на бѣлой салфеткѣ.

Прежде всего, сестра Филомена разносила больнымъ бульонъ. Проворно и быстро переходила она отъ одной кровати къ другой, держа передъ собой жестяную миску, отъ которой паръ поднимался ей прямо въ лицо. Однимъ она отливала

кой жестяной мѣркой изъ деревяннаго жбана, разливая вино, она посматривала на листъ бумаги, приколотый къ ея рукаву, на которомъ обозначена была порція для каждой кровати. Вслѣдъ за виномъ, Филомена одѣяла больныхъ, еще не поступившихъ въ разрядъ выздоравливающихъ, разными вкусными кушаньями, не входившими въ составъ ежедневныхъ четырехъ порцій: тутъ были дышлята, котлеты, варенье. Сидѣлка или какая-нибудь выздоравливающая помогала ей въ раз-

дачѣ; затѣмъ, она сама возила маленькую телѣжку на колесахъ, съ кастрюлей молочной каши, блюдомъ варенаго чернослива и кусочками вареной говядины на подносѣ.

Во все время раздачи, чувство тихаго счастья выражалось на лицѣ сестры Филомены, освѣщенномъ внутреннею добротой ея сердца. Съ засученными рукавами на своихъ бѣлыхъ рукахъ, она переходила отъ одной кровати къ другой, разговаривая съ больными, съ улыбкой подшучивая надъ ихъ аппетитомъ, обѣщая одной прибавку порціи, если она будетъ вести себя благоразумно, другой какое-нибудь лакомство, наблюдая и заботясь обо всемъ, и въ тоже время подбывая крошки хлѣба, рассыпавшіяся на одеяло. То были счастливые часы для сестры Филомены. Она забывалась въ этой пріятной усталости и почерпала въ ней забвеніе всѣхъ ужасовъ, окружавшихъ ее. И эти утренніе часы наполняли ее такимъ счастьемъ, что она запасалась мужествомъ на цѣлый день.

V.

Впрочемъ, источникъ мужества, поддерживавшаго ее, заключался главное въ ней самой. Ее поддерживала иллюзія, благородная иллюзія, общая всѣмъ новичкамъ, вступающимъ въ госпиталь. Она вѣрила, что можетъ бороться даже со смертью. То была высокая вѣра, благородный энтузіазмъ любви къ человѣчеству, ниспосылаемые Богомъ всѣмъ тѣмъ, которые берутся за это трудное дѣло, для того, чтобы они могли, не ослабѣвая достигнуть, наконецъ, привычки. Она думала, что страданіе не можетъ устоять противъ ея заботъ, терпѣнія, ухаживанія, противъ ея страстнаго желанія и энергической воли спасти больного. Она надѣялась совершать чудеса, отдавая всю свою жизнь больнымъ, проводя возлѣ нихъ безсонныя ночи, передавая врачамъ малѣйшіе симптомы болѣзни, сама повѣряя и раздавая больнымъ лекарства, однимъ словомъ, постоянно, ежедневно, ежедневно, имѣя въ виду только одно: ихъ выздоровленіе. Она думала вырвать ихъ у болѣзни, окружая ихъ ласкою и любовью: она будетъ разговаривать съ ними, улыбаться имъ, поддерживать въ нихъ надежду, побуждать уныніе, она будетъ сестрою, матерью для тѣхъ, у кого нѣтъ ни семьи, ни родныхъ; смерть не осмѣлится вырвать ихъ изъ ея объятій.

Время и дѣйствительность доказали ей обманчивость этой мечты. Она узнала, что жизнь и смерть не находится въ рукахъ человѣка, она увидала, что смертный часъ неумолимъ, что никакія заботы и молитвы не въ состояніи измѣнить или смягчить законъ природы. Долгъ самоотверженія не умалился въ ея глазахъ, но ея миссія представилась ей уже болѣе смиренною: она ограничивалась возможностью облегчать человѣческія страданія. Но когда настало это разочарованіе и истина открылась ей послѣ долгихъ мѣсяцевъ борьбы и тревогъ, она была уже на столько сильна, что не нуждалась въ обманчивой иллюзіи для того, чтобы идти прямо и неуклонно по предназначенному ей пути. Вся ея нервная раздражительность потонула въ усиліяхъ слишкомъ горячаго усердія. Болѣзни и смерть сдѣлались ей привычными и не заставляли ее болѣе ослабѣвать и блѣднѣть. Женщина внезапно умерла въ ней,—осталась только сестра милосердія. Облеченная своей твердостью, какъ броней, она упала на колѣни, и съ радостнымъ порывомъ благодарила Бога.

Съ той минуты она укрѣпилась въ твердости, полной яснаго покоя, которую привычка не могла ожесточить. Ея ровная, неизмѣнная кротость не обратилась въ пошлую, обычную формулу: въ основаніи ея лежала глубокая привязанность къ больнымъ. И больные любили ея ухаживанія, потому что она всегда подходила къ нимъ съ видомъ нѣжнаго состраданія и участія. Они любили

ее за ея взглядъ, такъ краснорѣчиво говорившій имъ, за ея нѣжный, ласковый голосъ и за то волненіе, отъ котораго она не могла еще вполне отдѣлаться.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Вмѣсто предисловія.

Подражаніе Гёте. Стих. Я. А. Старостина.

Опять вокругъ меня роскошныя видѣнья,
Знакомцы прежніе души моей больной!
Обману сладкому, игрѣ воображенія
Отдамся-ли я вновь восторженной душой?
Межъ тѣмъ они встаютъ, бывшія заблужденія,
И снова властвуютъ и мыслью, и мечтой,
И я попрежнему таинственно взволнованъ
И, словно юноша, я жизнью очарованъ.

Отъ бора синяго, глубокаго оврага
Ко мнѣ несется рой тѣней знакомыхъ; вновь
Въ душѣ, какъ древняя таинственная сага,
Воскресли прежнія и дружба, и любовь;
Въ груди проснулась вновь уснувшая отвага,
И снова горячѣй по жиламъ льется кровь,
И смутно мой языкъ лепечетъ безъ сознанія
Давно забытыя, но милыя названія.

Но это только мигъ,—исчезнулъ рой видѣній!
И снова одинокъ и грустенъ я стою.
Гдѣ вы, наперстники бывалыхъ вдохновеній,
Кому я посвятилъ пѣснь первую мою!

Насъ всѣхъ размыкалъ вихрь житейскихъ тревогъ
и волненій

По разнымъ сторонамъ, и я въ чужомъ краю
Пою, и пѣснь моя полна тоски и муки,
Но люду чуждому не внятны эти звуки.

Но сердца тайное я чую трепетанье,
И пѣсня чудная въ душѣ родилась вдругъ,
Но какъ неясное ребенка лепетанье
Иль какъ задумчивый далекой арфы звукъ;
И снова таже грусть и тихое мечтанье,
И снова чую я таинственный испугъ
Передъ величіемъ внезапно вставшей грезы...
Я снова жить хочу, и снова льюсь слезы.

(Продолженіе.)

Глава VI.

Какъ Шади потерялъ день.

На отчаянный крикъ Шади поспѣшили лодки съ обоихъ береговъ. Онѣ подошли какъ разъ во время. Шади уже выбивался изъ силъ и быстрое теченіе едва не унесло его внизъ съ бѣдной дѣвушкой, которую онъ спасъ отъ вѣрной смерти. Прежде всѣхъ явились къ нему на выручку судовики, его пріятеля, которыхъ онъ только что видѣлъ въ кабачкѣ. Узнавъ Шади по голосу, они помогли ему взобраться въ ихъ лодку и втащить въ нее утопленницу. Потомъ они стали быстро грести къ берегу и одинъ изъ нихъ крикнулъ во все горло къ толпѣ, собравшейся на мосту.

— Скорѣе доктора!

Черезъ нѣсколько минутъ лодка пристала къ набережной, гдѣ уже собрались сотни зѣвакъ и ждалъ докторъ. Онъ посоветовалъ оставить молодую дѣвушку въ лодкѣ, гдѣ будетъ удобнѣе подать ей необходимую помощь. По счастью, она и безъ пособія медика стала приходить въ себя и Шади, выскочивъ на берегъ, весело говорилъ пріятелямъ, поздравлявшимъ его съ благороднымъ подвигомъ:

— Она еще жива и будетъ жить. Когда живымъ выходишь изъ воды, то нечего бояться.

Сесиль медленно раскрыла глаза и стала дышать привольно. Изъ сосѣдняго кабачка принесли согрѣтыя одеяла и покрыли ей ноги; теплота видимо возстановила слабыя силы молодой дѣвушки и докторъ, стоя передъ нею на колѣняхъ, спросилъ ее.

— Дитя мое, что у васъ болитъ?

Она открыла глаза и стала смотрѣть вокругъ себя, какъ бы стараясь отгадать, гдѣ она. Докторъ повторилъ свой вопросъ. Она устремила на него дикій взглядъ и пробормотала какія-то невнятные, безмысленныя слова. Докторъ съ удивленіемъ пристально посмотрѣлъ на нее, пощупалъ ея пульсъ и поспѣшно сказалъ:

— Носилки, поскорѣе носилки.

Двое близъ стоявшихъ людей бросились исполнять его приказаніе, а Шади, возвратясь къ спасенной имъ молодой дѣвушкѣ, спросилъ съ безпокойствомъ:

— Развѣ ей не хорошо? Я думалъ, она спасена.

— У нея какія-то усложненія, которыхъ я не могу понять. Оконечности у нея холодны, а животъ горитъ. Она была больна, бросаясь въ воду.

— Боже мой! Можетъ быть, она сдѣлала это въ припадкѣ бѣлой горячки.

Сесиль постоянно плакала и на губахъ ея показалась пѣна.

Вскорѣ принесли носилки и молодую дѣвушку положили на матрацъ, за которымъ Шади прислалъ къ себѣ. Любопытные зѣваки тѣснились вокругъ носилокъ:

— Бѣдный ребенокъ, какъ она хороша! слышалось въ толпѣ.

— О! прелестное созданіе!

— Такъ молода и думать о смерти!

— Бѣдняжку вѣрно обольстили и бросили!

— О! какъ она хороша!.. Точно невѣста!

При этихъ словахъ Сесиль, смотрѣвшая до сихъ поръ по сторонамъ совершенно безчувственно, вдругъ приподнялась и съ улыбкой прошептала:

— Да... да... я... невѣста.

Дѣйствительно, бѣдная Сесиль была очень хороша въ эту минуту. Въ лодкѣ, вдали отъ любопытныхъ глазъ, съ нея сняли мокрое платье и надѣли ей чистое бѣлье, принесенное изъ квартиры Шади и согрѣтое въ кабачкѣ толстой служанкой. Вся въ бѣломъ, лежа на носилкахъ, она была прелестна; прекрасныя, дѣтвенныя черты ея лица окаймлялись роскошными черными волосами, ея очаровательныя губки улыбались какому-то невидимому существу, ея щеки горѣли румянцемъ жизни. Она что-то бормотала, но такъ невнятно, что докторъ тщетно старался понять хоть одно слово.

— Ну, ребята, живѣе, сказалъ онъ принесшимъ носилки,—снесемъ ее въ сосѣднюю больницу. Я приму ее въ мою палату. Вы, мой другъ, пойдите съ нами, прибавилъ онъ, обращаясь къ Шади.

Въ эту минуту явились полицейскіе, они, какъ часто случается въ Парижѣ, опоздали. Докторъ сказалъ имъ, чтобы они не задерживали его, такъ какъ положеніе больной не допускало ни малѣйшей потери времени, а Шади по дорогѣ рассказывалъ имъ все, что случилось.

Въ больницѣ, благодаря доктору, Сесиль тотъ

часъ приняли и черезъ нѣсколько минутъ она уже лежала въ постели. Докторъ съ помощью фельдшеровъ, старательно освидѣтельствовалъ ее и прописалъ ей лекарство, которое тотчасъ на нее и подействовало.

— Что, докторъ, ей лучше? спросилъ Шади, поджидавшій его у двери палаты.

— Надѣюсь, теперь она въ опасности.

— Какъ? вы думали прежде, что она умретъ.

— Мало того, я не надѣялся донести ее живою до больницы.

— Бѣдняжка! такая молодая и броситься въ воду!

— Это ее только и спасло.

— Что? спросилъ Шади съ изумленіемъ, думая, что онъ ослышался;—она спасла себя, бросившись въ воду?

— Бѣдная дѣвушка, вѣроятно, очень несчастна и твердо рѣшилась умереть... Прежде чѣмъ броситься въ воду, она отравилась.

— Что вы? Она вамъ сама сказала?

— Нѣтъ, у нея бредъ. Послѣ лекарства ей легче, но у нея открылась сильнѣйшая горячка.

— Несчастный ребенокъ! Въ какомъ горѣ и отчаяніи теперь ея семейство.

— Вы правы!.. Вы напомнили мнѣ о нашей первой обязанности, о которой мы совершенно забыли.

Докторъ позвалъ сидѣлку, раздѣвавшую больную и спросилъ не нашла ли она въ ея платьѣ чего-нибудь, что могло бы удостовѣрить ея личность. Сидѣлка отвѣчала, что на ней были только кофта и юбка.

— Да, да! воскликнулъ Шади,—это вещи моей матери, я за ними посылалъ. А платье молодой дѣвушки сушится въ кабакѣ. Я сейчас пойду за нимъ.

— Но прежде, другъ мой, скажите, какъ васъ зовутъ?

— Аристидъ Лебланъ, по прозвищу Шади, бронзовщикъ, я живу на Гаврской набережной.

— Вы совершили славный подвигъ, храбрый юноша!

— Вздоръ, вы говорите это только для красиваго слова. Мнѣ надо благодарить судьбу, что я имѣлъ въ своихъ рукахъ такую красавицу хоть нѣсколько минутъ.

— Вы, другъ мой, вернетесь сюда, если что-нибудь узнаете объ ея личности.

— Нѣтъ, докторъ, я сейчасъ побѣгу въ кабакъ, посмотрю ея вещи и если найду въ нихъ адресъ, то сбѣгаю къ ея родителямъ, а потомъ я желалъ бы пойти на работу. Вѣдь сегодня суббота.

— Ничего, ужъ полѣнитесь сегодня, сказалъ докторъ, улыбаясь,—потеряйте одинъ день.

— Вы правы, докторъ... Я вернусь сюда съ извѣстіемъ, а потомъ dokonчу мытье своей лодки. До свиданія.

Шади бѣгомъ пустился къ кабакъ на набережной и спросилъ вещи утопленницы. Служанка указала на сушившіяся передъ каминомъ платье и юбку.

Спустя часъ Шади вошелъ въ квартиру Тюссо.

— Г. Тюссо? спросилъ онъ.

— Это я, отвѣчалъ несчастный отецъ, едва держась на ногахъ отъ горя и отчаянія,—что вамъ надо.

Адель, при входѣ незнакомца, подняла голову и, переставъ плакать, стала прислушиваться.

— Вы знаете эту вещь? продолжалъ Шади, подавая Тюссо маленький портмоне.

— Боже мой! Это портмоне Сесиль!

— Сесиль! воскликнула г-жа Тюссо, вскакивая.—Говорите, гдѣ она?

Гударъ насторожилъ уши и, подмигивая, сталъ слѣдить съ любопытствомъ за разыгрывавшейся передъ нимъ сценой. Шади былъ очень пораженъ, увидавъ передъ собою столько людей въ свадеб-

ной одеждѣ съ заплаканными лицами, и не зналъ, что сказать.

— Пойдемте со мною и вы увидите ее, сказалъ онъ наконецъ.

— Она жива? спросила г-жа Тюссо съ беспокойствомъ.

— Да.

— О! другъ мой! воскликнулъ Тюссо, обнимая юношу:—гдѣ она?

— Въ больницѣ.

Слово «больница» производитъ всегда тяжелое впечатлѣніе: все какъ бы обомлѣло. Одна г-жа Тюссо не потерялась; она схватила за руку Шади и спросила:

— Она жива?

— Да.

— Отчего она въ больницѣ? Что съ нею?

— Гдѣ она была? Случилось съ ней несчастье? спросилъ, въ свою очередь, Тюссо.

— Да, но несчастное. Она была больна?

— Нѣтъ, но ради Бога скажите, что съ нею?

— Она хотѣла утопиться.

— Боже мой! воскликнули все.

Гударъ слушалъ, повидимому, съ изумленіемъ.

— Утопиться! Утопиться! воскликнула г-жа Тюссо, испугавшись и едва не падая въ обморокъ.

— Да, она бросилась въ рѣку съ Аустерлицкаго моста. По счастью, я былъ близко, нырнулъ и вытащилъ ее.

— Вы, вы! вскричала Адель, цѣлуя Шади.

Все спѣшили благодарить и пожать ему руку. Тюссо просилъ рассказать подробности этой исторіи и молодой человѣкъ, очень смущенный общими привѣтствіями, просто и наивно рассказалъ о своемъ подвигѣ, которому онъ такъ мало придавалъ цѣны.

— Мой другъ, сказалъ Тюссо, когда Шади окончилъ свой рассказъ,—я вамъ обязанъ жизнью моего ребенка и никогда не буду въ состояніи расквитаться съ вами, но вы примите...

И онъ сталъ шарить въ карманѣ.

— Что вы! что вы! Развѣ я у васъ прошу денегъ? За кого вы меня принимаете? Вы мнѣ крѣпко пожали руку, ваша жена поцѣловала меня, когда ваша дочь выздоровѣла, вы позволите ей такъ же поцѣловать меня и мы квиты.

— Ну, пойдемъ скорѣе, воскликнулъ Тюссо, дружески обнимая юношу:—Гударъ, собирайся.

— Развѣ ты съума сошелъ? поспѣшно сказала его жена.—Вѣдь она, бѣдная, изъ за него хотѣла покончить съ своей жизнью.

— Правда... бѣднякъ.

— Пойдемъ, пойдемъ.

Гударъ все видѣлъ и слышалъ. Его глаза встрѣтились съ глазами г-жи Тюссо; не желая уступить ей, онъ подошелъ къ Шади:

— Поздравляю васъ съ вашимъ славнымъ подвигомъ, сказалъ онъ.

— Не за что.

— Тюссо, ступай за нею съ своей женой, а я останусь съ гостями. Надо извиниться.

— Ничего, это только отложено, пробормоталъ Тюссо, не желая ссориться съ Гударомъ.

— Еще бы, сказалъ послѣдній, пожимая ему руку и ехидно поглядывая на г-жу Тюссо.

— Пойдемъ, Клодъ, теперь не время болтать, воскликнула жена.

Они сѣли вмѣстѣ съ Шади въ одну изъ свадебныхъ каретъ. Юноша сначала отказывался, но г-жа Тюссо настояла на своемъ, называя его спасителемъ ея дочери.

Черезъ четверть часа они входили въ палату, гдѣ лежала Сесиль. При видѣ обнаженныхъ стѣпъ, маленькихъ кроватей и сидѣлокъ, тихо проходившихъ по залѣ, г-жа Тюссо вздрогнула. Кровь застыла въ ея жилахъ. Тюссо поблѣднѣлъ. Они боялись, что Шади обманулъ ихъ.

— Вотъ она, сказалъ наконецъ юноша, указывая на одну изъ кроватей.

Отецъ и мать бросились къ кровати, воскликнувъ въ одинъ голосъ:

— Сесиль, дитя мое!

Больная открыла глаза и дико посмотрѣла на нихъ. Она не узнавала ихъ.

Адель схватила ее за голову и покрыла поцелуями.

— Это мы, Сесиль, сказала она, — мы — твой отецъ и твоя мать.

Долго взглядъ молодой дѣвушки былъ безсознательно устремленъ на нихъ. Вдругъ что-то блеснуло въ немъ.

— Сесиль, моя радость, продолжала г-жа Тюссо,—мы возьмемъ тебя домой. Ты свободна... Ты не выйдешь замужъ за... Ты будешь женою того, кого ты захочешь... Ты увидишь Мориса.

Сесиль стала какъ бы приходить въ себя, но при послѣднемъ словѣ матери, она быстро вскочила и, отстранивъ отъ себя отца и мать, громко воскликнула:

— Морисъ, Морисъ, вотъ я... Подожди меня. И она упала безъ чувствъ на подушки. Докторъ бросился къ ней.

— Что вы сдѣлали! сказалъ онъ.

Клодъ и его жена, въ испугѣ упали на колѣни.

— Боже милостивый! произнесла г-жа Тюссо, простирая руки къ Небу,—сохрани намъ бѣднаго ребенка!

Глава VII.

Что думали друзья Тюссо.

Конечно, попытка Сесиль Тюссо утопиться, чтобъ избѣгнуть брака съ любовникомъ своей матери, произвела большой скандалъ въ околотѣ. Все признавали, что молодая дѣвушка поступила мужественно. Зная, что ея отказъ разорилъ бы отца, и чувствуя, что, какъ честная женщина, она не могла выйти замужъ за Гудара, она предпочла принести себя въ жертву. Ея смерть ставила въ необходимость Гудара, бывшаго причиной этого страшнаго самоубійства, не покидать ея родителей. Друзья семейства, видѣвшіе отчаяніе этихъ несчастныхъ и странное поведеніе Гудара при извѣстіи объ исчезновеніи Сесиль, склонились въ пользу матери и говорили, что свадьба Сесиль была насильно навязана ей мужемъ. Даже нѣкоторые, видя отношенія Адель Тюссо къ Гудару въ эту критическую минуту, убѣдились, что все толки объ ихъ связи были низкой клеветой. Что же касается Тюссо, все единогласно провозглашали его дуракомъ, находившимся всецѣло въ рукахъ Гудара, который взялъ у него жену, хотѣлъ взять дочь и возьметъ вскорѣ фирму.

Все это служило главнымъ предметомъ разговора въ околотѣ въ продолженіи двухъ недѣль. Сесиль между тѣмъ оставалась въ больницѣ и каждый день ожидали ея смерти. Она не узнавала никого, — даже своихъ родителей, которые помѣстились въ отдѣльную комнату и ежедневно навѣщали ее.

Гударъ рѣдко являлся къ Тюссо, и то лишь чтобъ узнать о здоровьи больной. Но на третій день послѣ исчезновенія Сесиль онъ сказалъ Тюссо:

— Это несчастье не должно насъ отвлекать отъ дѣла. Фирма нисколько не пострадаетъ. Ты сдѣлаешь, какъ всегда, балансъ въ концѣ мѣсяца, я представляю необходимыя деньги. Злые языки, увѣрявшіе, что ты дѣлалъ этой свадьбой спекуляцію, замолчатъ.

— Какой ты благородный человѣкъ, отвѣчалъ Тюссо, дружески пожимая ему руку,—еслибъ она знала тебя такъ же хорошо, какъ я, то поняла бы, что я только заботился объ ея счастьѣ.

— Спаси ее прежде всего. Можетъ быть, эта исторія и образумитъ ее.

— Будемъ надѣяться.

Тюссо по уговору съ Гударомъ свелъ счета

получилъ деньги и уплатилъ все долги, но ничего, не сказавъ женѣ, впрочемъ, не потому, чтобъ онъ боялся ея осужденія, но по простой причинѣ, что она ничего не поняла бы. Для бѣдной матери теперь ничего не существовало, кромѣ ея дочери, у постели которой она проводила цѣлые дни. Она винила себя во всемъ случившемся, вѣдь еслибъ она не была любовницей Гудара, онъ не настоялъ бы на этой ненавистной свадьбѣ и не вырвалъ бы у нея согласія. Да, она погубила свою дочь. Если судьбѣ было угодно отнять у нея Сесиль, она твердо рѣшилась броситься въ Сену, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ пыталась утопиться ея бѣдная дѣвочка. Но если напротивъ, Господь, внявъ ея раскаянію и пламеннымъ мольбамъ, возвратитъ къ жизни Сесиль, молодая дѣвушка никогда не выйдетъ за Гудара, а выберетъ сама себѣ мужа.

Такимъ образомъ для всѣхъ, родителей, друзей, сосѣдей и самого жениха происшествіе, случившееся въ день свадьбы, объяснялось очень просто и оставляло незанятнымъ цѣломудренную честь молодой дѣвушки.

Только по прошествіи мѣсяца докторъ объявилъ, что Сесиль спасена, но что ранѣ недѣли ее все же нельзя перевезти изъ больницы домой, въ улицу Сен-Франсуа. Адель Тюссо, видя себя отъ счастья, забыла обо всемъ и постоянно спрашивала у дочери:

— Ты не страдаешь, голубушка?

— Нѣтъ, мама.

— Такъ улыбнись, я такъ счастлива, а ты все скучная, мрачная.

Но Сесиль не улыбалась и только крѣпко сжимала руку матери. Тогда Адель, надѣясь развеселить ее, прибавляла:

— Теперь, моя маленькая Сесиль, не бойся ничего, ты дорогой цѣной купила право выбрать себѣ мужа. Гударъ никогда не переступитъ порога нашего дома. Мы его и то не видали съ памятнаго дня. Голубушка моя родная, ты выйдешь, за кого хочешь, ты понимаешь меня, Сесиль, за кого хочешь.

Но Сесиль закрывала лицо руками и горько плакала. Эта сцена повторялась нѣсколько разъ, но Сесиль никогда не объясняла тайной причины своихъ слезъ.

Видя, какъ грустно дѣйствуетъ на молодую дѣвушку воспоминаніе о Морисѣ, г-жа Тюссо перестала упоминать о немъ и, къ величайшему ея удивленію, сама Сесиль никогда о немъ не заговаривала, даже по возвращеніи домой, въ продолжительную эпоху ея медленнаго выздоровленія.

Однажды, друзья семейства, приглашенные нѣкогда на странную свадьбу, собрались провѣдать больную. Замѣтивъ, что она задремала отъ усталости, они тихонько удалились внизъ, въ столовую. Г-жа Тюссо, боясь не услышать ея зова, оставила приотворенной дверь ея комнаты на лѣстницу. Очутившись наединѣ съ родителями, гости естественно стали говорить о страшной катастрофѣ и, зная любовь молодой дѣвушки къ Морису, спросили, какъ онъ поживалъ. Сесиль, какъ всѣ больные, отличалась удивительно тонкимъ слухомъ, имя Мориса тотчасъ долетѣло до нея и она стала прислушиваться.

— Когда мы ее искали, отвѣчалъ Тюссо, — я зашелъ къ нему. Его не было дома. Но потомъ я слышалъ, что съ нимъ случилось несчастье. Нашъ пріятель Кошаръ, отправляясь, спустя нѣсколько часовъ, на желѣзную дорогу, увидѣлъ въ улицѣ

Лакюэ, передъ домомъ, гдѣ жилъ Морисъ, большую толпу и полицейскихъ. Ему не время было останавливаться, но онъ догадался, въ чемъ дѣло, и написалъ мнѣ. Бѣдный Морисъ такъ же наложилъ

не видали и его сестры. Вы понимаете, что мнѣ нельзя идти къ ней; вѣдь мы были причиной смерти ея брата. Бѣдный мальчикъ; всю жизнь я не прощу себѣ его гибели. Адель права, это былъ славный юноша, отличный работникъ... но, что же дѣлать, слезы ничего не помогутъ.

— А Гударъ?

— Бѣднякъ, онъ очень несчастенъ, это, право, хороший человѣкъ, чтобы о немъ ни говорили. Онъ приходитъ каждый день въ мастерскую узнавать о здоровьи Сесиль. Но сюда онъ не можетъ носа, зная, что Адель ненавидитъ его. Между нами, я не понимаю, Адель, что ты имѣешь противъ него... онъ всегда былъ къ тебѣ очень внимателенъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... я не хочу его видѣть!

— Конечно, его видѣ напоминаетъ тебѣ роковой день, но вѣдь, по счастью, онъ прошелъ.

— По счастью, а Морисъ?

— Я сказалъ: по счастью для насъ; Морисъ не принадлежитъ къ нашему семейству. Нѣтъ, право, господа, прибавилъ Тюссо, обращаясь ко всѣмъ присутствовавшимъ, — это непонятно. Вотъ молодой человѣкъ, красивый, умный, намъ очень преданный, богатый...

— Откуда пришло его богатство? перебила Адель.

— Я у него не спрашивала и не спрошу. Вы, всѣ женщины, одинаковы, ужъ если вамъ кто не нравится, то все въ немъ дурно. Ты не можешь сказать ни слова противъ его поведенія, такъ ты привязываешься къ его богатству... Вѣдь деньги не растутъ; чтобъ ихъ достать, надо вынуть ихъ изъ чьего-нибудь кармана; коммерческія дѣла именно и означаютъ переходъ денегъ изъ чужихъ кармановъ въ мой. Когда была рѣшена эта свадьба, ты сказала: мы женились безъ нотариуса, наша дочь можетъ такъ же обойтись безъ него передъ мѣромъ; каждый изъ супруговъ равенъ и подразумеваетъ, что оба приносятъ поровну въ общую кассу. Ты была права, у Сесиль не было ничего, а такимъ образомъ она

какъ будто пріобрѣтала въ приданное половину ихъ будущаго состоянія. Онъ не сморгнулъ и согласился. Я васъ увѣряю, никто не знаетъ, какъ добръ Гударъ. Но моя жена никогда не могла хладнокровно видѣть его.

— А ты согласенъ выдать замужъ твою дочь за перваго встрѣчнаго, только бы у него были деньги.

— Это доказываетъ, что я не хочу ея несчастья. Глухо слушать капризы ребенка.

— Все же умнѣ ихъ слушать, чѣмъ убить свою дочь.

— Ну, ты говоришь колкости; развѣ можно было ожидать такого несчастья? Эта бѣдная дѣвочка, на взглядъ такая тихая, смиренная, отличается моимъ дикимъ, бѣшеннымъ характеромъ... Ты видишь, что я теперь и не говорю ей ничего. Но все же я того мнѣнія, что гораздо лучше молодой дѣвушкѣ имѣть мужемъ человѣка серьезнаго, дѣловаго, основательнаго, чѣмъ мальчишку, который сначала будетъ смотрѣть въ глаза женѣ, а потомъ, когда это ему надоѣстъ, броситъ ее для первой попавшейся хорошенькой рожицы. Гударъ, по крайней мѣрѣ, уже пожилъ.

— Да, но съ кѣмъ? сказала съ презрѣніемъ г-жа Тюссо.

— Вотъ вы, строгія женщины, всегда такъ судите. Развѣ можно забавляться съ почтенными маменьками громадныхъ семействъ. Ты находишь

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

(Къ статѣ «Сандвичевы острова»).

на себя руку и, по несчастью, его не спасли. Они, вѣроятно, сговорились умереть въ одно время.

— Вы думаете, что онъ умеръ?

— Я въ этомъ убѣжденъ. Мы съ тѣхъ поръ

предосудительнымъ, что онъ не нарушалъ домашняго счастья и не вносилъ безчестія въ семью, а просто веселился съ кокотками и содержанками. У всякаго свой вкусъ; онъ любитъ шикъ и не скрываетъ этого. Когда дѣло шло о забавѣ, онъ выбиралъ самыхъ красивыхъ и нарядныхъ женщинъ Парижа, но, вздумавъ жениться, онъ оставился на честной молодой дѣвушкѣ, безъ всякаго состоянія. Кажется, тутъ онъ не могъ дѣйствовать изъ интереса, вѣдь мы не могли дать Сесиль никакого приданнаго.

— Но мы ему давали половину нашей фирмы.

Этотъ отвѣтъ поразилъ Клода, но при чужихъ онъ долженъ былъ поддержать жену.

— Это правда, онъ сдѣлалъ бы мой компаньономъ. Но все же вы видите, господа, какъ противенъ мой женѣ Гударъ и это всегда было такъ.

Всѣмъ присутствовавшимъ при этомъ странномъ разговорѣ между мужемъ и женою было очень неловко и они переглядывались съ удивленіемъ. Только г-жа Тюссо казалась совершенно спокойна.

— Такимъ образомъ, сказалъ одинъ изъ друзей, съ чисто буржуазнымъ хладнокровіемъ, — ваше положеніе теперь стало гораздо яснѣе и лучше. Гударъ возвратилъ Сесиль ея слово и вы отдѣлались отъ маленькаго Мориса, который могъ всегда скомпрометировать вашу милую дочь.

— Да.

— Значитъ, все къ лучшему, съ чѣмъ васъ и поздравляю, прибавилъ говорившій, вставая.

Всѣ гости послѣдовали его примѣру.

— Мы очень рады, что Сесиль поправилась, милая г-жа Тюссо, сказала одна изъ родственницъ.

— Да, еслибъ не частая рвота, остатокъ отравы, она была бы совершенно здорова.

— Это ничего, и я надѣюсь, что мы вскорѣ потанцуемъ на ея свадьбѣ.

— О, это было бы очень скоро, еслибъ она меня послушалась, замѣтилъ Тюссо.

Адель злобно взглянула на мужа и вмѣстѣ съ нимъ пошла провожать гостей на улицу.

Между тѣмъ, Сесиль, изъ своей комнаты, слышала весь разговоръ. При словахъ отца о смерти Мориса, она горько заплакала, а послѣднія замѣчанія гостей заставили ее злобно улыбнуться.

— Правда, прошептала она, — они отдѣлались отъ Мориса и я обязана вознаградить ихъ за неудавшійся балъ.

Возвратись съ улицы и проходя въ мастерскую, Тюссо услышалъ голосъ дочери, которая звала его къ себѣ.

— Ты меня звала, Сесиль? спросилъ онъ, входя тотчасъ въ ея комнату.

— Да, папа, я хотѣла спросить у тебя, что г. Гударъ никогда не заходилъ узнать о моемъ здоровьи.

— Еще бы! каждый день, но онъ не смѣетъ войти къ тебѣ.

— Когда онъ придетъ, папа, приведи его ко мнѣ. Я хочу поблагодарить его.

Г-жа Тюссо не вѣрила своимъ ушамъ и оба, она и мужъ, съ изумленіемъ переглянулись.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Сандвичевы острова.

Сандвичевы или Гавайскіе острова, вмѣстѣ съ соседними имъ островами Таити и Фиджи, въ послѣднее двадцатилѣтіе стали одною изъ производительнѣйшихъ странъ свѣта. Совершенство климата въ этомъ благословенномъ уголкѣ земли таково, что на гавайскомъ нарѣчій нѣтъ даже слова, выражающаго наше понятіе о погодѣ, въ смыслѣ нашихъ непріятныхъ атмосферическихъ перемѣнъ. Несмотря на большее обиліе дождей въ подвѣтренной части каждаго острова

(сѣверовосточной) и сравнительной засухѣ въ другой, температура и плотность атмосферы приблизительно одинаковы втеченіи всего года на Сандвичевомъ архипелагѣ, и именно благодаря этому условію, здѣсь достигаютъ полнаго роста и совершеннѣйшей зрѣлости тѣ растенія и плоды, которые не свойственны, повидному, тому полу, на которомъ раскинутъ архипелагъ. Въ Америкѣ, на примѣръ, нельзя еще встрѣтить, на той же широтѣ, тѣхъ роскошнѣйшихъ фруктовъ, которыми изобилуютъ Сандвичевы острова. Слишкомъ большого жара здѣсь нѣтъ, потому что воздухъ постоянно освѣжается морскимъ вѣтеркомъ; снѣговыя вершины горъ тоже распространяютъ прохладу, но общее впечатлѣніе климата на человѣческій организмъ таково, что занесенный судьбою въ этотъ край путешественникъ можетъ только воскликнуть: «Что за прелесть! Какая благодать!»

Почва Сандвичевыхъ острововъ красноватаго цвѣта, что объясняется ея происхожденіемъ изъ разложившихся вулканическихъ породъ. Она крайне суха и легка, мало способна обращаться въ грязь; черезъ часъ или два послѣ самого проливнаго дождя, дороги уже снова сухи, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя подвергаются частымъ ливнямъ. Большая часть пахенной земли лежитъ широкими наносными полосами, окаймляющими берегъ и простирающимися на пять, на десять, на двадцать миль внутрь страны. Далѣе лежатъ возвышенности, представляющія превосходныя пастбища, а за ними тянутся горные хребты, мрачные пики которыхъ высятся до десяти и пятнадцати тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Каждый изъ нихъ ничто иное, какъ потухшій кратеръ, нѣкогда выбросившій изъ своихъ нѣдръ то, что составляетъ теперь низменную часть острова. Какъ горы, такъ и лощины прорѣзаны густыми лѣсами, сквозь чащу которыхъ можно пробираться лишь съ топоромъ въ рукахъ. Эти лѣса пересѣкаются, въ свою очередь, множествомъ пропастей и глубокихъ котловинъ, указывающихъ и здѣсь на изобильное существованіе кратеровъ въ прежнія времена. Можно сказать, что почва была буквально изборозжена ими. Мѣстами тянутся широчайшія полосы окаменѣлой лавы, представляющія, конечно, не слишкомъ удобную почву для обработки, но эта самая лава, въ размельченномъ видѣ, удобряетъ землю самымъ великолѣпнымъ образомъ. Туземцы часто сѣютъ картофель на едва успѣвшей остать полосѣ лавы, только слегка разбивъ ее на поверхности и перемѣшавъ этотъ щебень съ вулканическою золой.

Изобиліе и роскошь фруктовъ здѣсь изумительны. Подъ благословеннымъ небомъ Сандвичевыхъ острововъ растутъ апельсины, бананы, кокосы, яблоки, фиги, тамарины, кирамои, аллигаторовы груши, а также всевозможные сорта дынь, персиковъ, лимоновъ, винограда и всѣхъ вкуснѣйшихъ плодовъ, тѣшащихъ вкусъ человѣка. Близость американскаго и австралійскаго рынковъ могла бы обратить эти плоды въ важный предметъ вывоза, но эта отрасль торговли находится, къ сожалѣнію, въ большомъ запускѣ; экипажи иностранныхъ судовъ жалуются на то, что съ трудомъ могутъ добывать фрукты даже для своего потребленія.

Низменные части острововъ изобилуютъ преимущественно тропическою растительностью; собственно хлѣба растутъ въ болѣе прохладныхъ, горныхъ мѣстностяхъ, крайне благопріятныхъ для хлѣбопашества. Къ сожалѣнію, и капиталы, и руки отвлекаются почти исключительно на сахарныя плантаціи. Уже въ 1873 г., вывозъ сахара равнялся 23,000,000 фун. Когда же правительства сѣверо-американскихъ штатовъ и Сандвичевыхъ острововъ заключили между собою договоръ, въ силу котораго островитяне по-

лучили право безпошлиннаго ввоза своего сахара въ сѣверо-американскія владѣнія, сахарныя плантаціи стали давать громадныя барыши. Привлеченные такою приманкой, всѣ производители бросились на столь выгодную отрасль промышленности, пренебрегая всѣми другими. Лица, не имѣвшія денегъ, прибѣгали къ займамъ, лишь бы получить пай въ сахарномъ производствѣ, или завести свою крохотную плантацію. Въ настоящее время, эта «сахарная лихорадка» охватила Сандвичевы острова, напоминая собою нѣсколько то движеніе, которое бушевало въ Калифорніи при открытіи въ ней золотыхъ приисковъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, Сѣверо-американскіе штаты покупаютъ теперь не менѣе, чѣмъ на полмилліона долларовъ сахара у счастливыхъ островитянъ, въ скоромъ времени количество это возвысится, вѣроятно, даже до милліона долларовъ. Многіе американцы находятъ такое положеніе дѣлъ убыточнымъ для своей страны и совѣтуютъ вашигтонскому правительству лучше купить Сандвичевы острова, которые, въ рукахъ предпринимчивыхъ янки, окажутся дѣйствительнымъ золотымъ дномъ. Въ настоящее время, торговлѣ крайне вредитъ отсутствіе хорошихъ дорогъ. Всѣ товары доставляются къ берегу на вьючныхъ животныхъ, которымъ приходится карабкаться по опаснѣйшимъ, первобытнымъ дорогамъ. Туземное правительство слишкомъ бѣдно безъ того, чтобы устроить болѣе правильные пути сообщенія.

На нашихъ рисункахъ изображены: 1) статуя, высѣченная изъ камня и представляющая бога — покровителя земледѣлія. 2) Жилище гавайскаго туземца, пребывающаго еще въ простотѣ своихъ нравовъ, и 3) одежда туземца, уже познакомившагося съ благами цивилизаціи.

Нѣмецкій буршъ прежде и теперь.

Ст. С. С. Шашкова.

Наши университеты имѣли свою героическую эпоху въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, когда студенческіе кутежи наполняли непрерывнымъ шумомъ университетскіе города, когда студенты то и дѣло учиняли какую-нибудь «исторію», забрасывали нелюбимыхъ актрисъ гнилыми яблоками, разносили увеселительные дома и т. д. Но съ конца пятидесятихъ годовъ эти безобразія начали быстро утихать и въ настоящее время живутъ только въ преданіяхъ.

Не то въ Германіи. Здѣсь въ продолженіи столѣтій студенческая жизнь была веселою, шумною, безшабашною жизнью кутящаго барича, она прочно укоренилась въ нравахъ и сдѣлалась почти обязательною. Удалство, во чтобы то ни стало, и корпоративная исключительность были главными отличительными свойствами нѣмецкаго бурша уже при первомъ его появленіи на сценѣ.

Духовная и свѣтская власть вообще покровительствовала университетамъ, каждый нѣмецкій государь желалъ имѣть свой университетъ, и если ему удавалось основать его, щедро одарялъ его привилегіями. Профессорамъ и студентамъ были предоставлены очень важныя въ тѣ времена права имѣть собственный судъ, свободно переходить изъ одного мѣста въ другое, охотиться и ловить рыбу, не платить никакихъ налоговъ, нанимать квартиры по удешевленной цѣнѣ и покупать безпошлинно потребное количество вина и пива. Буршъ, такимъ образомъ, принадлежалъ къ привилегированной корпораціи, въ знакъ чего онъ носилъ даже шляпу и перья на шляпѣ и хотя это право старался присвоить себѣ исключительно студенты аристократы, но бурши изъ бюргеровъ все-таки удержали его за собой. Этотъ споръ былъ только однимъ изъ эпизодовъ той постоянной внутренней борьбы, которую вели между собой за привилегію разныя отдѣлы студенческой корпораціи. По образцу французскихъ

и итальянскихъ университетовъ, нѣмецкіе раздѣлялись на націи; въ пражскомъ, напр., основанномъ въ 1348 г., было четыре націи: богемская (чехи, моравы, венгры и венгерскіе славяне); польская (поляки, силезцы, литвины, русскіе), баварская (австрійцы, швабы, рейнцы, франки) и саксонская (саксонцы, мейснерцы, тюрингенцы, датчане, шведы). Борьба этихъ націй была причиной паденія университета, особенно послѣ того, какъ въ 1409 г. богемская нація получила преобладаніе надъ другими, и нѣмцы оставили Прагу въ числѣ 24,000 студентовъ, если вѣрить тогдашнимъ источникамъ, которые доводятъ эту цифру даже до 40,000. Въ XV в. націи уже пали и студентомъ считался только тотъ, кто входилъ въ составъ извѣстной бурсы, какъ назывались первоначально дома, выстроенные для общежитія студентовъ, подъ надзоромъ ихъ преподавателей. Надзоръ этотъ первоначально былъ очень строгъ, бурсаки не могли безъ позволенія уходить съ квартиры и ночевать должны были во всякомъ разѣ дома, они могли носить только опредѣленное форменное платье и говорить между собою не иначе, какъ по латыни. Но всѣ эти строгости продолжались недолго, смотрители бурсы получили право принимать не однихъ только стипендіатовъ, но и другихъ студентовъ, съ которыхъ они брали деньги, и бурсы мало по малу изъ пріютовъ для бѣдныхъ учащихся превратились въ шумные притоны богатыхъ студентовъ, или, по выраженію одного стариннаго officialнаго акта, — въ «центры порока и праздности».

И въ средніе вѣка и послѣ реформации исторія нѣмецкихъ буршей только и говоритъ, что о скандалахъ, побоищахъ, раздорахъ съ обывателями, штурмованіи домовъ, изгнаніи начальства и т. д. Въ 1487 г., въ Ингольштатѣ, студенты, желая освободить своихъ товарищей, посаженныхъ въ карцеръ, учинили бунтъ. Подобные бунты особенно часты были въ Вѣнѣ. Въ XVI в. толпы вооруженныхъ студентовъ съ шумомъ рыскаютъ по улицамъ, выбиваютъ окна, врываются въ дома и все переворачиваютъ въ нихъ вверхъ дномъ, обижаютъ проходящихъ, разбиваютъ городскіе патрули, даже разрываютъ и грабятъ могилы. Въ 1567 г. былъ бунтъ въ Ингольштатѣ, во время котораго многіе были ранены; въ 1575 г. драка студентовъ съ патрулемъ, въ которой убитъ одинъ патрульный; въ 1579 г. междоусобица студентовъ съ обывателями, много раненыхъ и одинъ убитый булочникъ; въ 1521 г. большой бунтъ въ Лейпцигѣ по поводу закрытія пивныхъ; въ Эрфуртѣ въ 1510 г. борьба студентовъ съ обывателями, при чемъ послѣдніе дѣйствовали даже пушками и разграбили университетскую бібліотеку. Студенты особенно любили опустошать виноградники и производить скандалы на свадьбахъ. Въ 1510 г. въ Эрфуртѣ должны были колесовать студента за кражу церковнаго сосуда, но товарищи силою освободили его отъ эшафота. Въ 1567 г. въ Лейпцигѣ казненъ студентъ за истязаніе и ограбленіе аптекаря въ сообществѣ съ тремя товарищами, которые бѣжали. Въ XVII в., послѣ тридцатилѣтней войны студенческіе права еще болѣе огрубѣли и ученый Лоттихъ писалъ: «Въ нашихъ нѣмецкихъ университетахъ между студентами въ ходу вмѣсто книгъ ссоры, вмѣсто тетрадей кинжалы, вмѣсто перьевъ шпаги, вмѣсто ученыхъ бесѣдъ кровавые поединки, вмѣсто ученія непрерывные кутежи, вмѣсто кабинетовъ и бібліотекъ трактиры и публичные дома». Въ 1653 г. тюрингенскій университетскій сенатъ жаловался, что «студіозусы не только рыскаютъ, какъ бѣшеные скоты, съ дикими криками, бросаютъ камни и учиняютъ другіе безпорядки, но часто даже нападаютъ съ обнаженными кинжалами на людей, особенно на ночныхъ стражей». Въ Ингольштатѣ были бунты

въ 1642 и 1660 г., въ Іенѣ въ 1644 и 1660 и такъ далѣе. При усмирении этихъ бунтовъ дѣйствовали войска, были убитые и раненые. Въ каждомъ университетѣ въ продолженіи года погибало насильственной смертью отъ 3 до 6 студентовъ, заколотыхъ или застрѣленныхъ товарищами. Студенты нападали на виноградники, грабили крестьянъ на рынкахъ, мародерствовали по деревнямъ, на что жалуются даже народныя пѣсни. Въ 1699 г. изъ лейпцигскаго университета былъ исключенъ одинъ студентъ за то, какъ сказано въ приговорѣ, что онъ «занимался больше воровствомъ, чѣмъ ученіемъ». Своими маскарадными процессіями и факельдугами бурши не давали по ночамъ покоя обывателямъ, производили скандалы даже въ церквахъ, врываются на свадьбы, дебоширили на похоронахъ. Вслѣдствіе этихъ постоянныхъ свалокъ, дуэлей, бунтовъ, большинство буршей, по словамъ тогдашнихъ писателей, возвращались домой изъ университетовъ хромыми, одноглазыми, однорукими, безухими, въ рубцахъ и ранахъ, съ выбитыми зубами. Въ XVIII в. студенческіе права нисколько не смягчились и университетская жизнь была чрезвычайно шумна и бурна, особенно въ Галле. Въ 1704 г. студенты произвели скандалъ на свадьбѣ у одного городского чиновника, напали на ратушу, разбили городскую стражу и съ трудомъ были усмирены обывателями, сбѣжавшими на звукъ набата. Въ 1718 г. были большіе безпорядки по поводу запрещенія студенческихъ факельдуговъ. Въ 1724 г. пьяный студентъ напалъ на шедшаго въ синагогу еврея, но послѣдній обезоружилъ его и побилъ; студенты взволновались, синагога и многіе еврейскіе дома были разрушены и разграблены. Въ Геттингенѣ въ 1802 г. медицинская полемика по поводу студента, умершаго скарлатинной, кончилась волненіемъ, которое продолжалось 11 дней и вызвало даже призывъ королевскихъ войскъ. Дуэли не прекращались. Скандалы въ церквахъ при вѣнчаньяхъ и похоронахъ случались то и дѣло. Шумныя процессіи по улицамъ, съ факелами и въ маскахъ, съ музыкой, пѣснями, непристойнымъ шутствомъ, вторженіемъ въ дома, выбитіемъ стеколъ и т. д. продолжались по прежнему, равно какъ и набѣги на окрестныя деревни. «Вскорѣ послѣ моего поступленія въ Гиссенъ, рассказываетъ Лаукгартъ, мнѣ довелось участвовать въ крестовомъ походѣ. Дѣло было такъ: шесть здоровенныхъ буршей вооружились ружьями и вечеромъ пошли въ деревню, въ которой порядочно пображничали и отправились въ другую. Въ каждой деревнѣ разгоняли мужиковъ, отнимали у сторожей рога и трубили въ нихъ, словомъ, задавали такой спектакль, что мужичью приходилось жутко». Но изъ дальнѣйшаго разсказа видно, что по мѣстамъ крестьяне давали этимъ безобразникамъ надлежащій отпоръ и обращали ихъ въ бѣгство.

Скучно было бы поречислять всѣ тѣ строгости, которыя предпринимались противъ студентовъ и университетскими начальствами и правительственными властями; недостатка въ нихъ не было, но они далеко не достигали цѣли. Запрещали дуэли, но онѣ такъ прочно укоренились въ студенческихъ нравахъ, что продолжаютъ существовать даже до настоящаго времени. Запрещали носить оружіе, но кончили тѣмъ, что признали шпагу почетною принадлежностью бурши. Въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ городскими обывателями студенты въ концѣ концовъ тоже одерживали верхъ надъ ними, особенно въ въ небольшихъ университетскихъ городахъ, жители которыхъ кормились главнымъ образомъ отъ студентовъ. Раздраженное студенчество нерѣдко поголовно покидало городъ, торговлѣ и промышленности въ такомъ случаѣ грозилъ упадокъ, домохозяевамъ разореніе, князю позоръ, — и городъ по неволѣ дѣлалъ буршамъ уступки. Когда

въ XVIII в. студенты изъ Іены всѣ пошли въ Эрфуртъ, то были возвращены съ дороги просьбами герцога веймарскаго и университетскаго сената, а обыватели встрѣтили ихъ съ музыкою. Въ 1790 г. въ Геттингенѣ студенты повздорились съ мастерами, начались ежедневныя драки и безпорядки, городское управленіе не хотѣло удовлетворить самолюбивыхъ требованій буршей, и послѣдніе въ числѣ 700 выселились изъ города. Университетское начальство вступило съ ними въ переговоры, сдѣлало уступки и миръ былъ заключенъ. Студенты вступили въ городъ съ музыкой и съ распущенными знаменами, ихъ встрѣтили депутаціи отъ горожанъ и профессоровъ, а вечеромъ Геттингенъ былъ иллюминированъ.

Старая схоластическая наука не могла увлечь молодежь. Съ эпохой возрожденія и реформацией насталъ періодъ увлеченія наукой, но это увлеченіе не простиралось на студенческую массу и вообще продолжалось не долго: университетская наука снова превратилась въ рутинную схоластику. Профессора старались перещеголять другъ друга не качествомъ, а объемомъ и чудовищною скрупулезностью своихъ лекцій. Въ Тюбингенѣ Прельцеръ съ 27 марта 1620 г. по 23 августа 1624 г. прочелъ 312 лекцій объ одномъ только пророкѣ Даниилѣ, затѣмъ объявилъ программу курса объ Исаи изъ 1509 лекцій, на прочтеніе которыхъ требовалось 25 лѣтъ, но 10 апрѣля 1656 г. онъ закончилъ только первую половину курса и «въ тотъ же день почилъ въ Бозѣ, 80 лѣтъ отъ роду». Медикъ Кроціусъ въ Марбургѣ читалъ тринадцать лѣтъ (1660—73) свой курсъ о псалтирѣ. Понятно, что развеселыхъ, безшабашныхъ буршей нельзя было привлекать подобными лекціями въ аудиторіи, которыя и стояли болѣею частію пустыми. Противъ лѣности студентовъ пустились въ ходъ выговоры, штрафы, исключенія, но все напрасно. Въ 1600 г. ростокскій профессоръ Котманъ умолялъ студентовъ проводить въ аудиторіяхъ «по крайней мѣрѣ по 1 часу въ недѣлю». Въ 1608 г. въ Тюбингенѣ и въ 1696 г. въ Іенѣ профессора жаловались, что студенты считают за позоръ посѣщеніе аудиторій. «Аудиторій студентъ не посѣщаетъ, говоритъ одинъ профессоръ XVII вѣка, или посѣщаетъ очень рѣдко и лекцій вовсе не слушаетъ. Если изрѣдка онъ и забѣжитъ послушать, то вовсе не для того, чтобы узнать что-нибудь, а только для того, чтобы схватить нѣсколько изрѣченій и потомъ смѣшнить своихъ собутыльниковъ, передразнивая рѣчи и манеры профессора». Не занимаясь ничѣмъ серьезнымъ, студенчество посвящало все свое время непрерывнымъ кутежамъ и эта развеселая жизнь до того увлекла многихъ, что они оставались студентами вплоть до своей смерти. Въ Лейпцигѣ, напр., въ 1638 г. умеръ студентъ Генрихъ Ель ста лѣтъ отъ рода!.. Студенческое пьянство было возведено въ систему и выработался цѣлый уставъ его, *Saufcoment*, былъ учрежденъ орденъ пьянства и пьяницы получали степени магистра и доктора. Способъ питья по упомянутому уставу былъ двойной — *tatalis* и *partialis*. «*Modus bibendi totalis* (способъ питья полный) состоитъ въ томъ, чтобы пить или *continue*, т. е. залпомъ или *discontinue* т. е. съ передышкою. *Continue* раздѣляется въ свою очередь на *floricos* и *hausticos*. Пить *floricos* значитъ обхватить край сосуда, вмѣщающаго вино, губами и разомъ вылить его въ горло, послѣ чего отъ выдыханія появляются маленькіе пузырьки, называемые *floricos*, или цвѣточками. *Hausticos* пьютъ обыкновеннымъ образомъ. Къ питью по способу *floricos* принуждать нельзя, но пить *hausticos* обязанъ каждый, никакіе предлоги не допускаются для отказа, онъ долженъ пить, пока не выпучитъ глаза». Мошерошъ такъ изображаетъ картинку студенческой оргіи: «одни пьютъ, сидя на стульяхъ, лавкахъ, полу, другіе пьютъ черезъ руку, третьи

черезъ ногу, стоя на коѣнѣхъ, четвертые — про-
сунувъ голову между ногъ» и т. д. Попойка поч-
ти никогда не обходилась безъ драки, тѣмъ болѣе,
что азартныя игры были также популярны между
студентами, какъ вино и пиво. Въ нѣкоторые
кружки, славившіеся пьянствомъ, новыхъ членовъ
принимали не иначе, какъ подвергая ихъ испы-
танію. Въстѣ съ состязаніями по части пьянства
были чрезвычайно популярны состязанія по части
курения: выкурившій въ продолженіи пирушки 50
трубокъ дѣлался магистромъ, 80 — лиценціатомъ,
100 — докторомъ. Распущенность не знала гра-
ницъ; университетскіе акты то и дѣло жалуются,
что студенты нападаютъ на женщинъ не только
на улицахъ, но даже въ церквахъ, обращаясь къ
нимъ съ постыдными предложеніями. Особенно
безпорядочна была жизнь странствующихъ сту-
дентовъ, число которыхъ сильно увеличилось
послѣ тридцатилѣтней войны. Странствующие
студенты играли роль музыкантовъ и актеровъ,
астрологовъ и фокусниковъ, по утрамъ пропо-
вѣдывали въ деревенскихъ кирхахъ, а вечеромъ
кривлялись на подмосткахъ.

На вино и пиво, на оргіи и любовницъ, сту-
дентъ тратилъ множество денегъ. Буршъ всегда
былъ щеголемъ, всегда желалъ отличиться отъ
обыкновенныхъ смертныхъ своимъ плащомъ, сво-
ими перьями на шляпѣ, своею шпагою, своимъ
попстинѣмъ невообразимыми панталонами, на кото-
рые въ XVI в. уходило до 100 аршинъ матеріи.
Понятно, что кутить такъ могли только баричи,
сыновья болѣе или менѣе зажиточныхъ родите-
лей, бѣдняки же, какъ и въ наше время, голо-
дали или пропитывались, прислуживая своимъ
богатымъ товарищамъ. Богатые студенты жили
обыкновенно у профессоровъ, платя имъ за столъ
и квартиру и дѣлая приличные подарки «т. док-
тору» и «т-жѣ докторшѣ» къ большимъ праздни-
камъ. Они назывались профессорскими буршами
и пользовались огромными привилегіями. Для
нихъ отводились почетныя мѣста и въ церкви и
въ аудиторіи. Ихъ диссертациі печатались въ
листъ, а прочихъ студентовъ въ четвертую долю.
Въ университетскомъ погребкѣ для нихъ былъ
особый столъ, за который не смѣлъ садиться ни-
кто другой. Они имѣли право водить съ собой
своихъ собакъ и въ церковь, и въ аудиторію, и
достаточно было надписи на ошейникѣ собаки
с. п. б., чтобы предохранить ее отъ изгнанія. На
свадьбахъ профессорскіе бурши были почетными
гостями и начинали танцы; они не запирали ни-
когда дверей за собой, никому не уступали до-
роги на улицѣ и требовали, чтобы остальные сту-
денты снимали передъ ними шляпы.

Историки нѣмецкаго студенчества не говорятъ,
чтобы масса студенчества, хотя бы въ силу толь-
ко оскорбленнаго самолюбія, оказывала хоть ка-
кую-нибудь оппозицію этимъ безобразіямъ.
Напротивъ, подобное же безобразіе коренилось
въ жизни всей этой неаристократической массы
незнатныхъ и небогатыхъ буршей. Старые бурши
составляли изъ себя аристократію, молодые или
фуксы, — плебсъ. Принятіе фукса въ студенческое
общество, такъ называемая депозиція, сопровож-
далось цѣлымъ рядомъ шутовскихъ и унизи-
тельныхъ для него обрядовъ, побоями, издѣватель-
ствами. И все это дѣлалось торжественно, съ
участіемъ, университетскаго начальства! Цѣлый
первый годъ своей университетской жизни, фуксы
страдали, какъ на каторгѣ. Въ церкви имъ отво-
дился отдѣльный уголокъ; они не могли ни хо-
рошо одѣваться, ни носить шпаги; они были ла-
кеями старыхъ студентовъ, доставляли имъ вино
и карты, отдавали имъ свои книги и платье, чи-
стили сапоги, провожали на прогулки, набивали
трубки, бѣгали на посылкахъ, забавляли своихъ
господъ, лагая подлѣ столъ, лагая по собакамъ, мяукая
кошкой, или выпивая «шведскій напитокъ», со-
стоявшій изъ смѣси орѣховой скарлупы, чернилъ,

горчицы, прогорклаго масла и разной другой га-
дости. Фуксовъ старшіе били и истязали самымъ
звѣрскимъ образомъ. Это продолжалось въ нѣко-
торыхъ университетахъ до конца XVIII в..

Древнее дѣленіе студентовъ на націи сохра-
нилось въ нѣсколько измѣненной формѣ до но-
вѣйшаго времени, въ видѣ замкнутыхъ сами въ себя
студенческихъ корпорацій, раздѣленныхъ тоже
по принципу землячества (Landmannschaft). Каж-
дая корпорація держала себя отдѣльно отъ дру-
гой и ставила выше всего свои мелкіе грошевые
интересы. Даже въ концѣ XVIII в., по словамъ
Лаукгардта, студенческія корпораціи отличались
полнымъ невѣжествомъ и въ общественныхъ дѣ-
лахъ, и въ наукахъ. «Въ нашихъ университетахъ,
говоритъ онъ, едва-ли десятый студентъ слушаетъ
государственную исторію, едва знаетъ географію
только по имени, — государственное право слу-
шаетъ только юристъ, а десятый юристъ въ концѣ
курса знаетъ столько же, сколько въ началѣ, т. е.
ничего... Студенты проводятъ свое время за ви-
номъ и пивомъ, играютъ въ карты, разговарива-
ютъ о побойкахъ, о женщинахъ, дерутся съ ноче-
ными сторожами и оставляютъ въ покоѣ поли-
тику». Но движенія конца XVIII в. и начала
XIX в. затронули, наконецъ, и студенчество. «Со-
юзъ Добродѣтели», гимнастическіе фереины, на-
триотическая пропаганда Яна, фихтескія «Рѣчи
къ германскому народу», наконецъ, освободитель-
ная война съ французами, а затѣмъ философскія
движенія, Бёрне и Гейне во главѣ молодой Гер-
маніи — все это пробудило буршество къ новой
жизни, говорить о которой здѣсь неумѣстно, тѣмъ
болѣе, что тотъ кратковременный періодъ новѣй-
шихъ «буръ и увлеченій» (Sturm und Drang) за-
кончился реакціей въ прежнемъ направленіи. Въ
общественномъ отношеніи бурши превратились
въ вѣрнѣйшихъ сторонниковъ бисмарковской по-
литики, а во всемъ прочемъ остались прежними
буршами. Конечно, между ними есть честные тру-
женики науки, преимущественно изъ бѣдняковъ,
изъ которыхъ выходятъ знаменитые ученые и
заурядные гелертеры, но они составляютъ нич-
тожное меньшинство, масса же студенчества, юн-
керская и бюргерская, по прежнему кутить, по
прежнему распѣваетъ *gaudeamus* и другія пѣсни
XIV и XV в. Въ Тюбингенѣ, Іенѣ, Гейдельбергѣ
и другихъ университетскихъ городахъ, буршъ яв-
ляется до сихъ поръ полнымъ хозяиномъ, малень-
кимъ средневѣковымъ барономъ. Пивовары, вино-
торговцы, трактирщики, булочники, колбасники,
портные, прачки — все живутъ студентами и все
принуждены угождать имъ. Имя лица, чѣмъ-либо
неудовольствованнаго буршу, выставляется на черной
доскѣ къ позорному столбу и это лицо должно
закрывать свое заведеніе, — никто не придетъ къ
нему съ заказомъ или за покупкой. Жизнь бур-
шей по прежнему разгульна, по прежнему богата
скандалами и дуэлями; большинство ихъ прово-
дитъ время въ пивныхъ или, по домашнему, въ
халатахъ и туфляхъ, ходитъ по улицамъ, горла-
ния свои пѣсни. Они раздѣляются нынѣ на фереины,
изъ которыхъ каждый имѣетъ для своихъ засѣд-
ній особую пивную. Вотъ что рассказываетъ
Тиссо объ обычномъ засѣданіи фереина въ такой
пивной: «Мы пріѣхали въ 8 часовъ. Густой табач-
ный дымъ наполнялъ комнату и сквозь него мы
едва могли различить до 50 косматыхъ, съ длин-
ными бородами, студентовъ, изъ которыхъ одни
курили длинныя трубки, другіе съ жадностью по-
жирали ветчину. Гриляды были развѣшаны по
стѣнамъ, бюсты Бисмарка и императора Виль-
гельма добродушно улыбаются съ своихъ гипсе-
выхъ тумбъ. Едва мы усялись за столъ, какъ два
фукса принесли намъ пива и огня, чтобы заку-
рить сигары. Фуксами называются студенты-пер-
вокурсники, исполняющіе роль юнги на кораблѣ.
Они должны повиноваться и уважать старшихъ
студентовъ, они слуги и рабы. Они исполняютъ

роль виночерпѣевъ и платятъ все издержки по
празднеству. Имъ задаютъ непонятные вопросы,
заставляютъ отгадывать загадки, гримасничать,
танцевать медвѣжьей танецъ. Словомъ, это лакеи
и гаеры. Вдругъ встаетъ студентъ огромнаго ро-
ста, съ длинными бѣлокурыми волосами, перевя-
занный шелковымъ шарфомъ и, стуча ралирою
по столу, кричитъ: «Silentium!» Два студента про-
должаютъ разговаривать, президентъ снова сту-
читъ, обращаясь къ разговаривающимъ и называя
ихъ по именамъ, и предлагаетъ имъ выпить зал-
помъ изъ кружки. Затѣмъ онъ объявляетъ засѣ-
даніе открытымъ и назначаетъ пѣсню № 10 изъ
Коммершбуха. Все хоромъ запѣли:

«Са, са, са! Братія германцы! Испустите ра-
достный крикъ! Пойте ваши самыя веселыя пѣ-
сни! Пусть кричитъ тотъ, кто можетъ кричать!
Здѣсь, среди кружекъ пива, успокоивается и из-
лечивается больное сердце! О, доброе пиво, —
наслажденіе жизни! Ты доставляешь намъ сто
тысячъ радостей!»

Президентъ поднимаетъ свой стаканъ и пьетъ
одинъ.

«За здоровье жителей прирейнскихъ провинцій,
а также саксонцевъ и бранденбургцевъ. Ну, мяг-
кій, русый напитокъ, вливайся, вливайся въ мое
горло! Приди, дай мнѣ силы! Вотъ какъ надо
пить! Ну, братія, спойте хоромъ и пусть кричатъ
тѣ, кто можетъ кричать — жугъ-буръ, жугъ-буръ,
са, са, са, са, са!»

Вся зала чокается стаканами и повторяетъ
этотъ припѣвъ. Адскій шумъ.

— Замѣтили-ли вы, какъ славно пьетъ нашъ
президентъ? спросилъ меня мой спутникъ.

— Да, его кружка замѣчательныхъ размѣровъ.

— Въ нее входитъ цѣлый литръ. Нашъ прези-
дентъ поспорилъ въ прошлое воскресенье, что
онъ опорожнитъ 12 разъ свою кружку, пока часы
будутъ бить полдень; онъ выигралъ пари: послѣд-
няя кружка была выпита на одиннадцатомъ ударѣ.
Затѣмъ, президентъ отдаетъ приказаніе начи-
нать круговую пѣсню. Запѣваютъ съ правой
стороны отъ него.

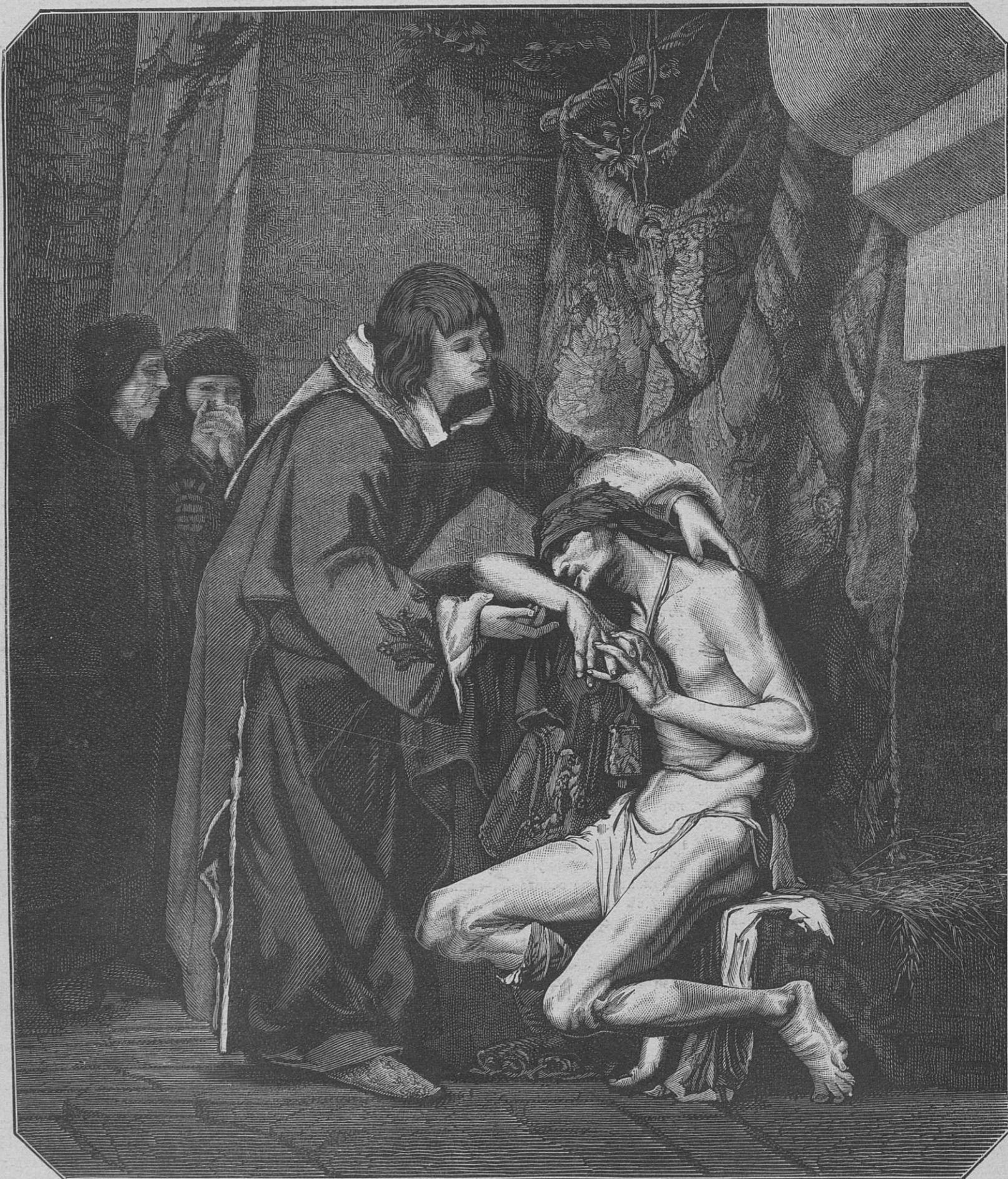
Круговая пѣсня длилась цѣлый часъ; весь ре-
пертуаръ вошелъ сюда. Тѣ, которые не пѣли,
были принуждены залпомъ опоражнивать свои
кружки. Хоръ до конца акомпанировалъ этой
операціи криками: пей, пей, пей! Въ видѣ интер-
медіи говорились разныя юмористическія рѣчи.
Много тривіальностей и ни капли остроумія.
Послѣ каждой рѣчи — обязательный тостъ въ честь
оратора. Такъ какъ вторая часть праздника есть
только повтореніе первой, то спутникъ мой пред-
ложилъ мнѣ удалиться. Не нужно большого уси-
лія воображенія, чтобы представить себѣ конецъ
оргіи: сыновья музъ сваливаются подлѣ столы и
ночной сторожъ вытаскиваетъ изъ ручья тѣхъ,
которые пробуютъ добраться домой. Я зналъ од-
ного студента мюнхенскаго университета, кото-
рый, прежде, чѣмъ идти въ пивную, приказывалъ
двумъ носильщикамъ явиться за нимъ въ часъ
утра, чтобы отвезти его домой.

Университетская жизнь для большинства бур-
шей — безшабашный праздникъ, о которомъ каж-
дый изъ нихъ съ умиленіемъ вспоминаетъ вплоть
до смерти, и историкъ нѣмецкаго студенчества,
Оскаръ Дольхъ, очертивъ безъ всякихъ прикрасъ
неприглядныя стороны его жизни, все-таки гово-
ритъ въ заключеніи, что это жизнь свѣтлая и
развеселая. «И пусть же каждый студентъ живетъ
такъ, чтобы въ старости онъ могъ съ удоволь-
ствіемъ вспоминать свои буршескіе годы! Да раз-
дается и въ позднѣйшія времена эта пѣсня, ко-
торая пѣлась еще въ 1454 г. «Что за развеселые
ребята, эти бурши! Никогда они не знаютъ заботъ,
и утромъ, и вечеромъ, постоянно веселятся! Богъ
далъ намъ свободную буршескую жизнь, чтобы
пить изъ этой чаши для разогнанія всякихъ печа-
лей и быть всегда веселыми!»

САЛОНЪ 1878 ГОДА ВЪ ПАРИЖѢ.

КАРТИНА А. МЕНЬЯНА.

Людвигъ ІХ и прокаженный.

Рѣзалъ на деревѣ А. Шлипперъ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Л. КНАУСА.

Хорошая история.

По фотолитографии г. Лаптева въ Петербургѣ, рѣзали на деревѣ В. Пуцъ и К. Мрувчинскій въ Варшавѣ.

Да отчего и не веселиться филистеру, когда у него есть свое пиво, своя колбаса, свой «железный канцлеръ» и свой фатерландъ, страшный всѣмъ другимъ народамъ?

Практическія послѣдствія суевѣрія.

Ст. д-ра Мангардта.

(Продолженіе.)

Дѣтская вѣра въ вампировъ является самою частою, но отнюдь не единственною причиною нарушенія покоя могилъ. Нерѣдко раскапываютъ гробы, чтобы добыть части трупа или одежды, съ цѣлью получить исцѣленіе или для ворожбы. Достаточно будетъ нѣсколькихъ примѣровъ, чтобы охарактеризовать эти случаи. Въ Мариензее, въ картезіанскомъ округѣ, въ мартѣ 1865 года, при похоронахъ какой-то старухи надорвался чело-вѣкъ, несшій ея гробъ. Ни одно домашнее средство не помогло ему. Тогда одна пятнадцатилѣтняя ясновидящая посоветовала достать кусочекъ дерева отъ гроба старухи, и лоскутокъ савана, съжечь ихъ и съѣсть зоду. Могильщикъ и священникъ запретили отрывать могилу; но жена больного, съ помощью пріятельницы разрыла ее потихоньку ночью, за что и была привлечена къ отвѣтственности окружнымъ судомъ.

Сильно распространено мнѣніе, что чело-вѣкъ, поставленный въ общеніе съ мертвецомъ, начинаетъ хирѣть и угасаетъ одновременно съ разложеніемъ трупа. Этого результата можно достигнуть двоякимъ способомъ: повѣсить въ дымовую трубу частицу трупа или положить въ гробъ какую-нибудь вещь или одежду, принадлежащую лицу, которому желаютъ повредить. «Одно другому не мѣшаетъ», подумала Альбертина Маевская, вдова садовника изъ Буцига, и рѣшилась сразу испробовать оба средства, затѣявъ въ маѣ 1875 г. отмстить своему любовнику, не исполнившему обѣщанія жениться на ней. Вскорѣ послѣ этого, жандармъ въ Омбѣ получилъ увѣдомленіе, что поврежденъ трупъ ребенка Маевской, умершаго 3 мѣсяца тому назадъ. Вырвавъ его, по требованію властей, нашли тѣло дѣйствительно изуродованнымъ: половыя части и пальцы лѣвой руки были оторваны, а остатокъ ручонки и лицо османы порохомъ. Маевская, заподозрѣнная въ этомъ преступленіи, созналась на допросѣ въ томъ, что съ помощью дѣвicy Паулины Шиковской открыла гробъ, чтобы еще разъ взглянуть на своего ребенка, но отрицала, что трупъ изуродованъ ею. Несмотря на это выяснилось, что она отрѣзала эти части тѣла, чтобы повѣсить ихъ въ трубу, въ квартирѣ ея бывшаго любовника, для того, «чтобы рука его отсохла, за данную имъ ложную клятву и онъ лишился своей производительной способности», а найденный въ гробу порохъ былъ взятъ у него же и положенъ въ могилу съ тѣмъ, чтобы невѣрный любовникъ зачахъ и умеръ одновременно съ разложеніемъ трупа. Окружной судъ, въ Швецѣ, 26 апрѣля 1876 г., приговорилъ Маевскую къ двумъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Высшая судебная инстанція въ Мариенвердерѣ утвердила этотъ приговоръ. Въ другомъ, однородномъ съ этимъ, случаѣ судъ ограничился угрозою.

Въ 1875 году въ деревнѣ Брусь одна крестьянка обвиняла своего сосѣда въ кражѣ карто-

феля, и когда тотъ, въ свою очередь, принесъ на нее жалобу за оскорбленіе и не хотѣлъ мириться, она стала грозить ему, что положить карто-фелину въ гробъ къ недавно умершей женщинѣ, и вслѣдствіе этого воръ получить сухотку и умереть. Эта угроза такъ подѣйствовала, что онъ отказался и отъ обвиненія, и отъ всякаго вознагражденія и согласился заплатить за покражу.

Самый ужасный изъ цѣлаго ряда подобныхъ случаевъ произошелъ наканунѣ новаго 1864 года. Въ Эмервальдѣ, близъ Эльбинга, совершенно было убійство 23-лѣтней Елизаветы Церникель, сопровождавшееся грабежемъ. Одежда, бѣлье, посуда и деньги были унесены изъ разломанныхъ ящиковъ и сундуковъ; кровавыя пятна шли изъ задней комнаты къ овину, гдѣ нашли несчастную уже мертвой, со множествомъ зияющихъ ранъ на головѣ и на шеѣ. Изъ ея живота былъ вырѣзанъ кусокъ въ 9 дюймовъ длины и ширины. Долго не удавалось напасть на слѣдъ преступника. 16 февраля 1865 г. поймали рабочаго Готфрида Дальяна изъ Нейкирха во время воровства въ овинѣ у Янца вѣ Эмервальдѣ и нашли у него совершенно новую свѣчу, состоящую изъ свѣтильни, заключенной въ цилиндръ и облитой довольно плотнымъ жиромъ, заряженный пистолетъ, пороховницу, ножъ. Сходство въ способѣ совершенія кражи съ грабежемъ у Пека и составъ свѣчи, заключавшей, повидимому, чело-вѣческой жиръ, возбудили подозрѣніе въ томъ, что и первое воровство сдѣлано Дальяномъ. При обыскѣ у него въ домѣ были найдены нѣкоторыя вещи, принадлежавшія Пеку. На судебномъ слѣдствіи убійца чистосердечно сознался. 31 декабря онъ намѣревался произвести только кражу, но громкій крикъ Церникель побудилъ его ударить ее палкой такъ, что она потеряла сознание, послѣ чего онъ связалъ ей руки и ноги и стащилъ ее въ овинъ. Тамъ, когда она очнулась, онъ перерѣзалъ ей горло ножомъ. Затѣмъ вернулся въ комнату, разломалъ сундукъ и ящикъ комода и взялъ все, что только могъ найти. Собравъ вещи, онъ опять пошелъ въ овинъ, и вырѣзалъ у убитой кусокъ мяса изъ живота. Дома онъ вытопилъ изъ него сало, прибавилъ къ нему немного говяжьего жира, приготовилъ воровскую свѣчу, а оставшіеся выжарки съѣлъ. Судъ въ Эльбингѣ приговорилъ его къ смертной казни 23 іюня 1865 г. Поводомъ къ преступленію послужило убѣжденіе въ томъ, что свѣча, приготовленная изъ чело-вѣческаго жира, горитъ при сильнѣйшемъ вѣтрѣ и можетъ быть залита только молокомъ; тотъ, у кого она находится въ рукахъ, остается невидимымъ для всѣхъ окружающихъ, которые, по его желанію, могутъ быть погружены въ глубокой сонъ. Такимъ образомъ, свѣча эта предохраняетъ вора отъ всякой помѣхи. Если же убійца вырѣжетъ кусокъ мяса изъ тѣла своей жертвы, изжаритъ его и съѣстъ, совѣсть его будетъ спокойна и онъ забудетъ о своемъ преступленіи.

Суевѣріе это имѣетъ большое сходство съ существующимъ предрасудкомъ, по которому сердце неродившагося еще ребенка служитъ предохранительнымъ средствомъ для воровъ и разбойниковъ. Сердце младенца, только что вырваннаго изъ утробы матери, разрѣзается на кусочки по числу участниковъ въ преступленіи и тотчасъ же съѣдается. Тотъ, кто отвѣдаетъ девять сердецъ, не попадетъ ни въ какомъ преступленіи, если же попадетъ случайно въ руки враговъ, то станетъ невидимымъ и немедленно освободится. Но дѣти должны непременно быть мужескаго пола; дѣвочки не годятся. Въ половинѣ XVII столѣтія, шайка разбойниковъ подъ предводительствомъ «Короля Даніила, прозваннаго народомъ Кикомъ Чортомъ», держала въ страхѣ весь Эрмеландъ. Пойманные впоследствии злодѣи сознались, что убили 14 беременныхъ женщинъ, но нашли

только нѣсколькихъ мальчиковъ. Подобные случаи, при чемъ вмѣсто сердца брали руку некрещенаго или утробнаго младенца, встрѣчались и въ другихъ мѣстностяхъ. Еще не такъ давно въ Пфальцѣ приходилось стеречь кладбище втеченіи продолжительнаго времени послѣ похоронъ некрещенаго ребенка, иначе трупъ оказывался изуродованнымъ *). Нюрнбергскій палачъ Франкъ рассказываетъ, что въ 1577 году онъ колесовалъ въ Бамбергѣ убійцу, разрѣзавшаго животъ тремъ беременнымъ женщинамъ. Въ 1601 г. онъ же казнилъ убійцу двадцати чело-вѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ беременныхъ женщинъ, которыхъ онъ разрѣзалъ и отрѣзалъ руки бывшимъ въ утробѣ младенцамъ, для приготовленія воровскихъ свѣчей. Въ окрестностяхъ Дюссельдорфа было совершено подобное же преступленіе въ началѣ XVIII в., о чемъ упоминается въ судебныхъ актахъ. Въ началѣ настоящаго столѣтія въ Ольденбургѣ нѣкто Кирхшниль Динклагге продалъ за 400 рейхсталеровъ свою беременную жену одному еврею, который хотѣлъ воспользоваться зародышемъ для колдовства. Братья спасли несчастную женщину, отколотили жида, и мужъ попалъ въ смиренный домъ. Этотъ рассказъ, впрочемъ, не отличается полною достоверностью, а походитъ болѣе на вымыселъ, сходный съ народною пѣсню о «проданной мельничихѣ», въ которой говорится объ упомянутомъ нами суевѣрїи **).

Отъ случаевъ, однородныхъ съ убійствомъ въ Эллервальдѣ, мы можемъ перейти къ новой категорїи проступковъ и преступленій, тѣлеснымъ и оврежденіямъ и убійствамъ. Предоставляя себѣ подробнѣе коснуться ихъ въ послѣдствіи, я упомяну теперь о случаяхъ жестокаго обращенія съ лицами, которыхъ подозрѣваютъ въ преступленіи на основаніи какой-нибудь суевѣрной примѣты. Подобные случаи самоуправства, жертвою которыхъ легко можетъ сдѣлаться невинный, заслуживаютъ особаго вниманія, такъ какъ ясно доказываютъ, что и въ наше время еще держится народное повѣрье, извѣстное по знаменитой сценѣ у гроба Зигфрида въ пѣснѣ Нибелунговъ, именно будто въ присутствіи убійцы снова раскрываются раны на тѣлѣ убитаго ***). Теплень подтверждаетъ существованіе этого повѣрья въ Восточной Пруссїи ****). 3 сентября 1862 г. въ данцигскомъ округѣ, близъ Бабенталя нашли убитую семнадцатилѣтнюю дѣвушку Анну Юрихъ, причемъ обнаружилось, что было сдѣлано грубое покушеніе на ея честь и что она убита въ упорной борьбѣ. Когда распространился слухъ объ этомъ происшествіи, весь Бабенталь собрался на мѣсто преступленія; одна изъ первыхъ подоспѣвшихъ женщинъ разрѣзала платье и сняла съ шеи убитой платокъ, послѣ чего, при приближеніи къ трупу 18-лѣтняго Антона Клемма, изо рта и носа несчастной хлынулъ цѣлый потокъ крови. Собравшаяся толпа закричала единогласно:

— Вотъ кто убійца! Вотъ у кого на совѣсти это дѣло!

— Посмотрите, вскричалъ кто-то, — одна щека у него красная, а на другой желтая и зеленая пятна отъ угрызеній совѣсти! Несомнѣнный признакъ убійства!

Собраніе оказалось единодушнымъ и юноша едва не заплатилъ тутъ же за взведенное на него преступленіе. Но здравый смыслъ все-таки восторжествовалъ. Клемма предали въ руки правосудія и онъ появился на скамьѣ подсудимыхъ, но былъ оправданъ по недостатку уликъ данцигскимъ уголовнымъ судомъ, 27 февраля 1863 года.

*) Bavaria IV, 2, 347.

**) Tettau und Temme 266; Wuttke § 184 — 190, Strackerjann, записки Францена, нюрнбергскаго палача, изданныя Эндтеромъ. Нюрнбергъ, 1801.

****) Vgl. Lachmann zu Nib. № 984. Grimm R. A. S. 930.

*****) Töppen. Aberglaube aus Masuren. Danzig 1867. S. 107.

Въ «Браунсбергской газетѣ» 1862 года разсказывается о другомъ случаѣ народной расправы. У одного мясника, въ Браунсбергѣ, украли 200 рейхсталеровъ. Въ кражѣ заподозрили служившаго въ лавкѣ Зимунда, по полицейской судъ оправдалъ его. Тогда хозяинъ съ хозяйкой и съ толпою соседей отправились къ гадальщицѣ. По ея указанію, жена мясника раскрыла молитвенникъ, положила на него ключъ и, придерживая рукою, стала спрашивать:

Bökske, bokske lewet
Lög nich, on drög nich!
Het de NN gestäle?

При этомъ называли различные имена. Когда произнесли имя Зимунда, книга и ключъ завертѣлись и упали на полъ, указывая такимъ образомъ на вора. Хозяинъ сталъ совѣщаться съ двумя помощниками, какимъ образомъ довести Зимунда до сознанія. Несмотря на то, что несчастный на колѣняхъ увѣрялъ въ своей невинности, его стали бить и прежде всего ударили кулакомъ подъ подбородокъ. Обливаясь кровью, онъ безъ чувствъ повалился на полъ. Ему обмотали веревку вокругъ шеи, другой конецъ ея закинули на крючекъ, на который обыкновенно вѣшали свиней, притянули его къверху, колотили его жгутами, вышибли ему зубы и не переставали терзать до тѣхъ поръ, пока у мучителей не явился страхъ за его жизнь. Когда же онъ снова втянулъ въ ротъ высунувшійся во время повѣшенія языкъ и проявилъ признаки жизни, его положили на стулъ и били его до того, что онъ отъ боли изгрызъ стулъ.

Иногда поводомъ къ преступленіямъ, жестокости, оставленію безъ помощи, является сохранившаяся до сихъ поръ вѣра въ языческихъ боговъ или полубоговъ. Вблизи бывшаго картезіанскаго монастыря, Маріенпарадизъ, въ глубокой, лѣсной долигѣ лежитъ такъ-называемое «Тихое озеро». Въ его ледяныхъ струяхъ отражаются холмы, на одномъ изъ которыхъ, Шлосбергъ, на самой вершинѣ, обросшей кустарниками, стоятъ развалины вендекаго укрѣпленія. Существуетъ преданіе, что въ волны этого озера погрузился замокъ. Повременамъ, заколдованная принцесса, вся въ бѣломъ, является какому-нибудь юношѣ, обладающему качествами, нужными для избавителя, и требуетъ, чтобы онъ снесъ ее на спинѣ въ озеро, не останавливаясь и не оборачиваясь. Если онъ соглашается, старый замокъ подымается все выше изъ воды съ своими стѣнами и зубцами, но до сихъ поръ никому изъ предпринимавшихъ избавленіе не удалось еще снести принцессу, которая становится все тяжелѣе, или удержаться отъ любопытства и не оглянуться. Тогда замокъ снова погружается въ глубину, а принцесса исчезаетъ съ крикомъ и воплями. По другимъ разсказамъ, заколдованная принцесса каждую ночь ѣздитъ для купанья на озеро на четвергѣхъ вороныхъ коней. Въ 1852 году, изъ Берлина въ Картаузъ пріѣзжала къ роднымъ одна знатная дама, чтобы насладиться лѣтнимъ временемъ въ этомъ очаровательномъ уголкѣ земли. Каждый день въ бѣломъ кунальномъ костюмѣ купалась она въ свѣтлыхъ волнахъ «Тихаго озера». Однажды, во время купанья, съ нею сдѣлались судороги и она криками стала звать къ себѣ на помощь. Работавшіе въ лѣсу дровосѣки сбѣжали на ея крикъ. Но, при видѣ бѣлой фигуры, ихъ охватилъ ужасъ. Вообразивъ, что ихъ манитъ заколдованная принцесса, они убѣгаютъ и, оставленная безъ помощи, несчастная тонетъ *).

Въ послѣднихъ числахъ 1871 г., близъ Трира, произошелъ совершенно подобный случай. Вечеромъ, 29 декабря, безжалостная мать оставила

на проѣздной дорогѣ, близъ деревни, свое полугоратое дитя, одѣтое въ легкое бумажное платьице и завернутое въ двѣ пеленки, для защиты отъ мороза. Мальчикъ стоналъ и звалъ на помощь. Мимо проходила женщина. Услыхавъ стоны, она вообразила, что это привидѣніе и со всѣхъ ногъ побѣжала прочь. На утро ребенка нашли замерзшимъ, оледѣнѣлыя слезы на щекахъ свидѣтельствовали о его мученической смерти.

Мы можемъ получить понятіе о фантастическомъ образѣ, преслѣдовавшемъ эту женщину, изъ легенды, разсказанной за 600 лѣтъ тому назадъ Томасомъ Шамтимире. Однажды, зимою, въ Брабантѣ, когда повсюду лежалъ густой снѣгъ, по полю проѣзжалъ монахъ, въ сопровожденіи послушника. Спустя нѣсколько времени, онъ отослалъ послушника въ ближайшую деревню, а самъ продолжалъ путь. Вдругъ онъ видитъ, что на снѣгу лежитъ трехлѣтнее дитя необыкновенной красоты и горько плачетъ и стонетъ. Добрый монахъ слѣзаетъ съ лошади, беретъ мальчика на руки и спрашиваетъ, что съ нимъ. Дитя, молча, плачетъ. «Ты потерялъ свою мать, гдѣ она?» продолжаетъ разспрашивать монахъ. Ребенокъ разражается еще сильнѣйшимъ плачемъ и восклицаетъ: «Увы! какъ мнѣ не плакать! Ты видишь, какъ я покинутъ и одинокъ, никого нѣтъ, кто-бы взялъ и пріютитъ меня!» Монахъ еще нѣжнѣе прижимаетъ къ себѣ ребенка и говоритъ: «Не плачь, дитя мое, успокойся, я дамъ тебѣ и пріютъ и пропитаніе!» Съ этими словами, держа мальчика на рукахъ, онъ хочетъ сѣсть на лошадь, но ребенокъ вырывается изъ его объятій и исчезаетъ *).

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Бамбула.

(Негритянскіе нравы.)

Ст. Корбьера.

Воздухъ былъ насыщенъ электричествомъ. Облака, гонимыя удручившимъ юго-восточнымъ вѣтромъ, отдѣлились отъ вершины Морнъ-д'Оранжа и нависли надъ городомъ Сен-Пьеръ. Корабли, стоявшіе полукругомъ на открытомъ рейдѣ, вздрагивали на крѣпко-натянутыхъ вѣтромъ канатахъ, а бушующія волны съ глухимъ рокотомъ ударили о берегъ, на которомъ стояли вытянутыя пирогы негровъ. Было воскресенье; ночь; вдали, въ тѣни высокихъ деревьевъ, я слышалъ звукъ тамбуриновъ и мѣрный ропотъ человѣческихъ голосовъ; я видѣлъ яркій блескъ факеловъ, двигавшихся, подобно блуждающимъ огонькамъ, внутри густыхъ лѣсовъ въ нашихъ странахъ.

Я спрашивалъ, что это за шумъ, что означаютъ эти огни подъ деревьями, въ концѣ города. Мнѣ отвѣтилъ негръ съ такимъ видомъ удивленія и радости, которая трудно было бы передать.

— Господинъ, это бамбула.

Я полюбопытствовалъ узнать, что такое «бамбула».

Приблизившись къ обширному двору, я увидѣлъ, подвѣтвими громадныхъ трескалокоманговыхъ деревьевъ, волнующуюся толпу негровъ съ дымными факелами въ рукахъ, издающими удручивый запахъ масла изъ клещевины. Отблескъ факеловъ, бросаемый на эти черныя, потныя лица, подвижность этихъ злобствующихъ фizioномій, глаза, блестящіе какъ свѣтляки, кривлянье и прыжки; пѣніе негровъ, то шумное, то глухое, по которому отдается въ моихъ ушахъ, какъ будто я слышалъ его только вчера, придавали этой сценѣ видъ, который я не въ силахъ описать. Всѣ, кто тутъ былъ, танцовали съ неистовствомъ, съ ожесточеніемъ. Я думалъ, что попалъ на настоящий праздникъ канибаловъ. Громаднаго роста негры, почти голые, въ одномъ изъ угловъ двора, сидя на большихъ мѣдныхъ барабанахъ, ударили по немъ кон-

чиками пальцевъ съ конвульсивной силой. То былъ оркестръ этого демонскаго бала. Содрогаюсь отъ ужаса, я разсматривалъ безобразныхъ исполнителей. Ихъ лица, покрытыя обильнымъ потомъ, корчились такъ ужасно, что было бы трудно найти что-нибудь человѣческое въ этихъ искаженныхъ фizioноміяхъ. При каждомъ темпѣ адской музыки, выбиваемомъ ими по кожѣ мѣдныхъ барабановъ, выраженіе лицъ измѣнялось, ротъ искривлялся, глаза наливались кровью и, наконецъ, не выдержавъ напряженія, ужасные музыканты корчились въ страшныхъ судорогахъ, къ восхищенію окружавшей ихъ толпы, видѣвшей въ этомъ проявленіе божественныхъ восторговъ. Вѣроятно, ихъ посѣщали фантастическія видѣнія. Послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго обморока ихъ приводили въ чувство стаканомъ прозрачной таффи (сахарная водка), которую тѣ поглощали какъ простую воду. Старыя негритянки пѣли импровизированныя куплеты, повторяемые хоромъ танцовщицами. У каждой корифейки было въ рукахъ по бубну, которымъ онѣ потрясали въ тактъ ударамъ барабановъ. Въ одной сторонѣ прыгали негры «пбо», небрежный танецъ которыхъ гармонировалъ съ ихъ лѣнивой наружностью. Далѣе, «кап-лаосты» подвигались съ вызывающимъ гордымъ видомъ, какъ бы на встрѣчу неприятелю. Около нихъ, «доанги» принимали сладострастные, изнѣженные позы. Каждая каста, при звукахъ однихъ и тѣхъ же инструментовъ, танцевала танецъ своей дальней родины. Бамбула соединяла въ одно различные характерные танцы всѣхъ народностей Африки. Я прошелъ курсъ исторіи о берегахъ Гвинеи, разсматривая это разнородное собраніе негровъ, страстно любящихъ разнаго рода увеселенія.

Креоль, съ которымъ я тутъ встрѣтился, флегматически разсказывалъ мнѣ, обходя вокругъ «бамбулы»:

— Вотъ негры отравители; тамъ далѣе первѣйшіе воры и лѣнтяи всего берега. Въ этомъ углу танцуютъ негры креолы.

Ни одинъ изъ послѣднихъ не былъ татуированъ.

— Ну, а тѣ, спросилъ я у своего товарища, — тѣ громадные негры, которые съ такимъ остервенѣніемъ бьютъ въ барабаны?

— Большею частью африканскіе принцы. Они всѣ почти чудовищной силы. Несмотря на видъ крайняго изнеможенія, они, можетъ быть, отправятся прямо съ «бамбулы» отравлять своихъ товарищей, родныхъ, господъ. Вы не можете себѣ представить, до какой степени эти возбуждающіе танцы располагаютъ негровъ къ выполненію самыхъ преступныхъ намѣреній. Конвульсивное состояніе и раздраженіе всѣхъ органовъ, возбужденныхъ до послѣдней степени пѣніемъ и движеніемъ, служатъ часто предвѣстниками ужасныхъ несчастій, которыя, къ сожалѣнію, намъ приходится нерѣдко оплакивать на нашемъ островѣ.

Послѣ этого объясненія «бамбула» приняла въ моихъ глазахъ характеръ еще болѣе адскій, чѣмъ прежде.

На приходской церкви въ гавани пробило девять часовъ; печальные звуки разнеслись по воздуху, который здѣсь съ большей ясностью, чѣмъ въ Европѣ, передаетъ заунывные колебанія колокола, нарушающія его спокойствіе. Крупный теплый сѣрнистый дождикъ началъ накрапывать при блѣдномъ свѣтѣ молній. Бамбула кончилась, что было очень жаль, потому что теперь именно она достигла своего полного развитія и дикаго блеска. Неистовство танцоровъ, казалось, удвоилось, чтобы воспользоваться послѣдними остающимися минутами празднества. Музыканты, выпуская ревоподобные звуки, приходили въ изступленіе, сидя на барабанахъ, по которымъ ударили лишь въ рѣдкія минуты между припадками нервной безчувственности. «Какъ-то все кончится?

*) Vgl. meine Sagen aus dem Kreise Karthaus. Alt-preuss. Monatschrift III. S. 322, und Schulze. Beiträge zu einer Beschreibung des Kreises Karthaus. Danzig 1869. S. 19.

*) Thom. Cantipratensis bonum universale de opibus II 1 ed Colven p. 122 J. W. Wolf. D. Sag. 356, 247.

думалъ я.—Кто осмѣлится положить конецъ этой сценѣ неистовства и зловѣщихъ наслажденій? Вдругъ полицейскіе, которыхъ я сначала не замѣтилъ, съ буйловыми жилами въ рукахъ, бросаются въ толпу, нанося удары всѣмъ встрѣчнымъ неграмъ. Тѣ же, увертываясь отъ нихъ,

ревомъ убѣгаютъ отъ кнута, гдѣ только находятъ какой-нибудь выходъ.

Въ четверть десятого дворъ опустѣлъ, полнѣйшая темнота заступила мѣсто величайшей суматохи, когда либо видѣнной мною. Мрачное молчаніе царило подъ большими деревьями, мокрыми

чутлѣніемъ страшнаго ночного кошмара, тяжесть котораго все еще сжимала мнѣ грудь.

Если вы будете когда-нибудь на Антильскихъ островахъ, пойдите посмотрѣть бѣна «бамбулу». Никакой балетъ со всей его поддѣльной пышностью не сравнится съ этимъ зрѣлищемъ.

КАРТИНЫ НРАВОВЪ.

Бамбула.

бросаются въ другой уголъ продолжать свои танцы при звукѣ барабановъ, которые сержанты вырываютъ изъ-подъ дрожащихъ отъ ярости исполнителей. Факелы гаснутъ или исчезаютъ въ рукахъ потрясающихъ ими, или отнимающихъ. Крики, удары, бѣгство и преслѣдованіе, и скоро толпа, изгнанная изъ всѣхъ закоулковъ двора, съ

отъ дождя, который смывалъ пыль съ листьевъ, занесенную туда во время праздника. Лишь время отъ времени гроза, развивавшаяся надъ Сен-Пьеромъ, освѣщала мѣсто, гдѣ я только что видѣлъ праздникъ демоновъ, слышалъ адскій шумъ!..

На слѣдующій день я былъ какъ бы подъ впе-

Желѣзная дорога черезъ Сахару.

Французскій инженеръ путей сообщенія, Дюпоншель нѣсколько лѣтъ тому назадъ составилъ проектъ постройки желѣзной дороги черезъ степь Сахару, отъ Алжира до Томбукту. Отъ этого послѣдняго пункта должны были пойти еще двѣ

вѣтви: одна къ озеру Техадъ, другая къ Сен-Лю; такимъ образомъ, Алжиръ соединился бы съ Сенегаліей.

Самая мысль подобной постройки, можетъ быть и очень смѣлой, но не превышающей человѣческихъ средствъ, не нова. Многие ученые и военные администраторы во Франціи мечтали о ней, но Дюпоншелю выпала честь воплотить эти пожеланія и расчеты въ видѣ законченнаго плана и смѣты. Отважный примѣръ, поданный америкадцами, заложившими, въ 1869 г., тихо-океанскую линію, между Миссури и Сакраменто, длиною въ 2600 верстъ, и докопавшими свое гигантское предпріятіе въ семь лѣтъ, не давалъ покоя Дюпоншелю. Предпримчивый французъ пришелъ къ убѣжденію о возможности проложить рельсы между Алжиромъ и Томбукту, на разстояніи 2340 верстъ, надѣясь преодолѣть всѣ затрудненія, то есть, жаркую температуру, стѣнные ураганы, недостатокъ воды и враждебность туземцевъ.

Дюпоншель хлопоталъ объ осуществленіи своего проекта, но, повидимому, никто не хотѣлъ обратить на него вниманіе. Наконецъ, отозвался одинъ изъ извѣстнѣйшихъ французскихъ финансистовъ, Делессеръ, который въ 1876 году написалъ Дюпоншелю слѣдующее: «Вы не принимаете въ расчетъ четырехъ непреодолимыхъ враговъ. Я разумѣю: 1) жаръ, 2) безводіе, 3) пески, 4) туземцевъ. Подумайте только: 60° (по Цел.) въ тѣни! Потомъ лихорадки и отсутствіе годной воды. Вы намѣреваетесь доставлять ее, но вамъ будетъ выгоднѣе питать вашихъ рабочихъ и паровозы шампанскимъ, по 8 фр. за бутылку, нежели водою, считая ее провозъ. Если это васъ не пугаетъ, то подумайте о бездонныхъ пескахъ, о сноркко, который передуть, въ одну какую-нибудь ночь, всѣхъ вашихъ людей и животныхъ, и погребетъ ваши локомотивы. Въ отношеніи туземцевъ, будьте увѣрены, что пройдетъ еще, по крайней мѣрѣ, сто лѣтъ, прежде, чѣмъ они дозволютъ вамъ проводить черезъ ихъ страны что-либо другое, кромѣ каравановъ, — которые они будутъ разграблять съ особеннымъ удовольствіемъ. Что же касается мѣстныхъ богатствъ, то гдѣ отыщите вы 300,000 тоннъ товара, необходимаго для того только, чтобы оплачивать проценты на затраченный капиталъ?»

Дюпоншель отвѣчалъ на это, что одинъ только продуктъ, именно соль, необходимая для пропитанія 15 милліоновъ жителей, населяющихъ бассейнъ верхняго Нигера и Судана, доставитъ уже 300,000 тоннъ, необходимыхъ для покрытія издержекъ, предвидимыхъ Делессеромъ. Что касается жара, то онъ, дѣйствительно, очень силенъ въ Сахарѣ втеченіе нѣкоторыхъ часовъ дня (хотя, можетъ быть, не многимъ сильнѣе, чѣмъ въ долині Хелифъ, въ Алжирѣ), но за то почти очень свѣжи, — даже слишкомъ свѣжи. Такимъ образомъ, поѣзды могутъ слѣдовать въ благоприятное время сутокъ, и отдыхать, во время сильной жары, въ приспособленныхъ къ тому оазисахъ. Недостатка воды нечего опасаться: если ея нѣтъ на поверхности земли, то она изобильна въ подпочвѣ. Кочующіе арабы съумѣли мѣстами устроить нѣсколько постоянныхъ колодезевъ. Въ Туатѣ встрѣчаются уже ключи въ видѣ настоящихъ потоковъ; наконецъ, въ нѣкоторыхъ долинахъ можно будетъ устроить плотины, которыя будутъ задерживать проточныя и дождевыя воды.

Наносные пески тоже не представляютъ опасности. Ими страшали и строителей суэзскаго канала, но онъ не потерялъ отъ нихъ до сихъ поръ; не повредятъ они и сахарской желѣзной дорогѣ, которую, сверхъ того, предполагается провести по долинамъ, защищеннымъ отъ песчаныхъ урагановъ; полоса сыпучихъ песковъ (дюны) будетъ оставлена въ сторонѣ.

Остается вопросъ о туземцахъ. По всей вѣро-

ятности, они окажутся миролюбивѣе краснокожихъ на тихо-океанской желѣзной дорогѣ. Осѣдлые жители оазисовъ встрѣтятъ даже съ радостью устройство рельсоваго пути, который принесетъ имъ удовольствіе матеріальными благами цивилизаціи, и позволить имъ обмѣнивать съ выгодой свои мѣстные продукты на европейскія мануфактурныя издѣлія.

Очевидно, противники проекта Дюпоншеля преднамѣренно преувеличили препятствія и опасности, ожидающія постройку желѣзной дороги черезъ великую африканскую пустыню. Какъ бы то ни было, Дюпоншель, признавшійся, въ своемъ отвѣтѣ Делессеру, въ томъ, что онъ «ѣздилъ по линіи Парижъ — Томбукту лишь до Марсели», былъ отправленъ, въ послѣднее время, въ Алжиръ, для спеціальнаго изученія своего проекта на мѣстѣ. Возвратясь и соединивъ всѣ свои предшествовавшія работы въ одну, онъ издалъ книгу, полную самого живого интереса. Многие изъ сообщаемыхъ въ ней фактовъ до сихъ поръ были совершенно неизвѣстны.

Предполагая, что стоимость всей линіи будетъ равняться 400 мил. франковъ, Дюпоншель высчитываетъ, что товары, съ самаго начала, будутъ пересылаться въ количествѣ неменѣе 280,000 тоннъ (отпускъ и привозъ), а именно:

Отпускъ.

Альфа.	50,000 тоннъ.
Финики и различныя продукты. . .	20,000 »
Сѣмена и масляныя произведенія	50,000 »
Хлопокъ, индиго, кожи, резина и пр.	20,000 »

Итого... 140,000 тоннъ.

Привозъ.

Припасы для военныхъ учрежденій	30,000 тоннъ.
Зерновой хлѣбъ для оазисовъ. . .	30,000 »
Соль для Судана.	50,000 »
Мануфактурныя издѣлія.	30,000 »

Итого... 140,000 тоннъ.

Сверхъ того, по расчету Дюпоншеля, пройдетъ, самое меньшее, 50,000 пассажировъ, что все, въ совокупности, дастъ, приблизительно, 45,500,000 фр. дохода, или же болѣе 10° на затраченный капиталъ.

Валового дохода въ 45 милліоновъ франковъ совершенно достаточно для покрытія уплаты процентовъ и издержекъ по эксплуатаціи дороги. По мнѣнію Дюпоншеля, доходъ отъ товарнаго и пассажирскаго движенія даже превыситъ вышеприведенныя смѣты.

На ряду съ описаннымъ нами проектомъ Дюпоншеля, нѣкто Рольфъ, нѣмецкій изслѣдователь, предлагаетъ другую желѣзную дорогу черезъ Сахару, по направленію отъ Триполи къ озеру Чадъ, находя ея болѣе цѣлесообразною, чѣмъ первая, — что понятно со стороны нѣмецкаго ученаго. При томъ Рольфу пришлось изучить преимущественно ту часть Африки, которая простирается отъ Триполи къ озеру Чадъ. На направленіе проектируемой имъ линіи оказали не малое вліяніе предположенія германскаго правительства, заявлявшаго одно время о своемъ желаніи утвердиться въ Триполи.

Кромѣ двухъ приведенныхъ проектовъ существуетъ еще третій, французскаго же инженера, Бо-де-Роша. Эту послѣднюю линію извѣщаетъ намѣреніе построить «общество развитія цивилизаціи и пресѣченія торговли невольниками, посредствомъ сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Африкѣ». Это общество существуетъ пока только въ зародышѣ и проектъ Бо-де-Роша еще не преданъ гласности. Извѣстно только, что линія, начинаясь тоже съ Алжира, пройдетъ между линіями Дюпоншеля и Рольфа. Авторъ проекта возлагаетъ свои надежды на реализацію капитала, необходимаго для постройки дороги, преимущественно на «филантроповъ». «Мы будемъ, говоритъ онъ, проводить желѣзныя дороги въ Африкѣ по долгу религіи и человѣколюбія, подобно тому, какъ люди

строили нѣкогда, изъ тѣхъ же побужденій, соборы и мосты...»

Все это прекрасно и призывъ къ благотворительности и безкорыстію дѣлаетъ честь французскому инженеру, но въ нашъ положительный XIX вѣкъ трудно привлечь акціонеровъ, обѣщая имъ только душевную уладу вмѣсто всякаго дивиденда. Однако, Бо-де-Роша, слѣпо вѣруя въ успѣхъ своей пропаганды, не довольствуется одной вышеуказанной линіей, а намѣренъ покрыть всю Африку сѣтью желѣзныхъ дорогъ, не забывая ни Сенегалии, ни Зазибара, ни большихъ озеръ, ни Бенгуелы, ни Мозамбика, и доходить даже до мыса Доброй Надежды, проложивъ, такимъ образомъ, рельсы на протяженіи 14,850 верстъ. Это уже значительно болѣе 2340 верстъ Дюпоншеля, что многихъ пугаетъ своей громадностью. Но, въ сущности, 14,850 верстъ, это только $\frac{4}{5}$ той желѣзнодорожной сѣти, которая покрываетъ Францію, слѣдовательно, не особенно много для африканскаго материка.

Нельзя отрицать, что съ послѣдняго времени Африка, болѣе, чѣмъ кака-либо другая страна, привлекаетъ на себя вниманіе не только изслѣдователей и географовъ, но также мыслителей и государственныхъ людей. Зародилось какое-то общее сочувственное стремленіе къ колонизаціи этой обширной части свѣта. Съ той минуты, какъ зазвучалъ заступъ Лессенса на обѣятой сномъ землѣ фараоновъ, и воды Средиземнаго моря слились съ Чернымъ моремъ, а Калье, Бартъ, Спикъ и Грантъ, Ливингстонъ, Камеронъ, Стенли проникли въ тайники загадочной страны, до самыхъ истоковъ Нила и до громадныхъ озеръ центральной Африки, подаря, такимъ образомъ, міру какъ бы новую часть свѣта, — этотъ міръ оцѣнилъ важность подобнаго открытія и созналъ, что необходимо разработать, колонизировать и избавить отъ ига варварства и невѣжества эту богато одаренную природой страну.

Международная коммиссія по изслѣдованію и цивилизаціи Африки, засѣдающая въ Брюсселѣ и дѣйствующая подъ покровительствомъ короля бельгійскаго, задалась цѣлью уничтожить невольничество, установивъ быстрый и постоянный наплывъ цивилизаціи въ Африку, съ помощью раскиданныхъ, съ запада на востокъ, научныхъ постовъ, станціонныхъ убѣжищъ и торговыхъ пунктовъ, между которыми будетъ состоять непрерывное сообщеніе.

Въ Берлинѣ образовалось «германско-африканское» общество, для котораго, по всей вѣроятности, и составилъ свой проектъ Гер. Рольфъ. Въ Англіи, никогда не терявшей изъ вида Африки, какъ части своихъ колоній, существуетъ «African Exploration Fund», правленіе котораго засѣдаетъ въ Лондонѣ. Португалія, Италия, даже Сѣв. Американскіе Штаты обращаютъ свое вниманіе на Африку, руководствуясь различными побужденіями. Франція, какъ видно изъ двухъ вышеприведенныхъ проектовъ, не отстаетъ отъ другихъ. Какъ извѣстно, Франція занимаетъ преобладающее мѣсто въ бельгійской международной африканской коммисіи.

Протестанты, покидающіе Циллерталь. Въ нынѣшнемъ номерѣ нашего журнала, наши постоянные читатели найдутъ нѣсколько картинъ, принадлежащихъ кисти художниковъ, произведенія которыхъ еще ни разу не появлялись на страницахъ нашего журнала и вообще мало знакомы или вовсе неизвѣстны русской публикѣ. Первое изъ этихъ произведеній «Протестанты, покидающіе Циллерталь» принадлежитъ кисти талантлив-

ваго нѣмецкаго художника Матіаса Шмидта. Это произведение принадлежит къ числу его лучших картинъ. Группировка и экспрессія лицъ несчастныхъ изгнанниковъ замѣчательны; всматриваясь въ эти лица, вы понимаете всю силу той драмы, которую переживаютъ они. Ихъ гонятъ съ родины за то, что они перешли въ протестанство изъ католичества; они навсегда должны разстаться со своими горами, со своими уютными гнѣздами; они — лучшія силы и гордость своей страны переселяются въ Германію, гдѣ они живутъ и теперь, съ 1837 года, основавъ новый Циллерталь на нѣмецкой почвѣ. Матіасъ Шмидтъ вообще отличается умѣньемъ передавать выраженія лицъ и любимые его сюжеты — простая народная жизнь съ ея скорбями и невзгодами. Мы еще не разъ возвратимся втеченіи года къ его произведениямъ, всегда обличающимъ мыслящаго человѣка въ художникѣ.

Людовикъ IX и прокаженный. На выставкѣ 1878 года, въ Парижѣ, вниманіе публики было остановлено картиной Альберта Меньяна — «Людовикъ IX и прокаженный». Содержание картины несложно: добродушный и челоуколюбивый король пришелъ въ жилище прокаженного, чтобы утѣшить его и помочь ему, брошенному всѣми. Художникъ умѣлъ довольно ловко передать фигуру несчастнаго прокаженного и выразить добродушіе и участіе въ образѣ юнаго короля, за которымъ стоятъ два царедворца, не скрывающіе своего отвращенія при видѣ прокаженного и при ощущеніи зараженнаго воздуха.

Хорошая исторія. Людвигъ Кнаусъ достаточно извѣстенъ нашимъ постояннымъ читателямъ, такъ какъ картины этого замѣчательнаго художника уже не разъ появлялись въ нашемъ журналѣ. Картина Л. Кнауса «Хорошая исторія» произвела сильное впечатлѣніе на послѣдней парижской выставкѣ. Кнаусъ, сколько намъ помнится, впервые коснулся еврейскихъ типовъ и эти типы вышли у него великолѣпно. Старикъ еврей въ лавкѣ всякаго старья добродушно рассказываетъ своему внуку «хорошую исторію», — вѣроятно, о хорошихъ барышахъ, — и внукъ смѣется искреннимъ смѣхомъ. И дѣдъ и внукъ — живые лица; зрителю кажется, что онъ гдѣ-то видѣлъ ихъ, видѣлъ именно съ такимъ выраженіемъ лицъ. Наша гравюра представляетъ фотографически вѣрную копію съ картины.

Итальянскій чернорабочій и Транстевринка. Изъ русскихъ произведеній въ нынѣшнемъ номерѣ, наши читатели найдутъ копію съ картины М. Боткина «Итальянскій чернорабочій» и съ статуи Б. Бродскаго «Транстевринка». Оба эти произведенія передаютъ характерныя черты двухъ итальянскихъ типовъ: полнаго благородной красоты старика чернорабочаго, задумавшагося надъ своимъ скуднымъ обѣдомъ, и молодой транстевринки, то есть уроженки той части Рима, гдѣ женщины отличаются замѣчательною правильностью и строгостью очертаній лица. Произведенія М. Боткина, нерѣдко появляющіяся на нашихъ ежегодныхъ выставкахъ, никогда не бьютъ на эффектъ и никогда не возбуждаютъ шумныхъ и противорѣчивыхъ толковъ, но нѣкоторые изъ нихъ, несмотря на простоту своего содержанія и небольшую величину, обращаютъ на себя вниманіе зрителя и остаются въ его памяти надолго; такова была участь и той картины, копію съ которой мы помѣщаемъ нынче: всѣ посѣщавшіе наши выставки, конечно, хорошо помнятъ характерное лицо этого старика итальянца, который, нужно кста-ти замѣтить, очень удачно вышелъ у насъ на гравюрѣ. Что касается изыскаго скульптурнаго произведенія г. Бродскаго, то мы воздержимся здѣсь отъ оцѣнки, какъ этого произведенія, такъ и таланта самого художника, о которомъ мы еще надѣемся поговорить въ послѣдствіи подробно. Здѣсь мы только замѣтимъ, что г. Бродскій принадле-

житъ къ числу тѣхъ молодыхъ польскихъ художниковъ, которые получили свое художественное образованіе въ петербургской академіи художествъ и быстро успѣли составить себѣ почетную извѣстность у насъ и за границей.

Новости наукъ и жизни.

— **Женщина-докторъ.** Недавно наша соотечественница, г-жа Берладская, защищала въ Парижѣ диссертацию на званіе доктора медицины «о строеніи артерій». Защита вызвала со стороны такихъ медицинскихъ авторитетовъ, какъ пр. Шарко, самые лестные отзывы. Шарко, между прочимъ, публично заявилъ, говоря о трудахъ г-жи Берладской, что «женщины, завоевывая себѣ область знаній, доступную пока лишь мужчинамъ, вносятъ въ нее ту тщательность и добросовѣстность, которыя онѣ привыкли вносить въ свои спеціально женскія занятія; не говоря уже о томъ, что онѣ своимъ серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу давно стали въ ряды лучшихъ студентовъ». Это вторая русская женщина (первая г-жа Гончарова), получившая званіе доктора медицины въ Парижѣ.

— **Памятникъ Бэру.** Извѣстному нашему ученому, Бэру, предполагается соорудить памятникъ въ Дерптѣ. Согласно высочайшему соизволенію, дерптскому университету предоставлено право открыть въ имперіи сборъ пожертвованій на сооруженіе памятника Бэру. Бронзовый памятникъ знаменитому ученому обойдется до 15,000 рублей. Пожертвованія могутъ быть адресованы въ Дерптъ, на имя профессоровъ — г. Драгендорфа или г. Шмидта.

Индійское селеніе, осажденное обезьянами. Въ 12 миляхъ къ сѣверу отъ Калькуты лежитъ небольшое селеніе Бенгала; оно состоитъ изъ сотни хижинъ, выстроенныхъ въ двѣ параллельныя линіи, раздѣленныхъ ручьемъ, вытекающимъ изъ горъ Гугли и впадающимъ въ одинъ изъ притоковъ великой рѣки. Горная цѣпь Гугли отлого спускается къ Бенгальскому заливу. Возвышенности, у подножья которыхъ расположено селеніе Бенгала, покрыты густымъ непроходимымъ лѣсомъ. 14 сентября 1878 года часа въ три пополудни, два индѣйца, работавшіе на маисовомъ полѣ неподалеку отъ деревни, услышали шумъ въ окружавшей ихъ высокой травѣ, но не обратили на него никакого вниманія. Шумъ приближался; изъ травы выскочили 4 громадныхъ обезьяны и увлекли индѣйцевъ съ быстротою молніи въ лѣсъ на вѣтви большого дерева; не долго оставались тамъ перетрусившіе до крайности люди; обезьяны, осмотрѣвъ ихъ, съ гримасами, столкнули съ дерева. Какъ достигли до земли, какъ приближались въ деревню, индѣйцы не помнятъ. Всѣ жители выбѣжали изъ хижинъ, но въ ту же минуту были осаждены толпою большихъ обезьянъ, выскочившихъ изъ лѣса. Женщины и дѣти сильно пострадали. Индѣйцы обратились въ бѣгство, спасаясь на вершину холма, господствовавшего надъ деревней. Вѣроятно, страхъ и суевѣріе играли не маловажную роль въ ихъ пораженіи. Наступила ночь; до нихъ долетали крики обезьянъ, перебѣгавшихъ изъ одного жилища въ другое; скоро красноватый отблескъ озарилъ небо; хижины по правому берегу ручья были въ огнѣ. Пожаръ прогналъ побѣдителей; испуганныя пламенемъ, обезьяны убѣжали въ лѣсъ, испуская страшный ревъ; онѣ все разграбили, все поломали. На слѣдующій день англійскіе офицеры посѣтили селеніе; хорошо вооруженные, они отирались въ лѣсъ, но нашли тамъ только слѣды странныхъ грабителей. Испуганные индѣйцы переселились ближе къ Калькутѣ.

Островъ Робинзона. Подлинный островъ Робинзона, островъ Жуана Фернандеса (въ Океаніи) только что сданъ правительствомъ Чили въ аренду на восемь лѣтъ одному швейцарцу, который хочетъ разводить на немъ скотъ для снабженія свѣжимъ мясомъ мимоидущихъ кораблей. Повидимому, на этомъ островѣ, какъ и во времена Сельбирка, водятся во множествѣ дикія козы, горныя рѣчки изобилуютъ рыбою; въ водѣ, годной для питья, и разнообразныхъ плодахъ тоже нѣтъ недостатка.

— **Эксцентричный обѣдъ.** Изъ Мюнхена сообщаютъ, что король Людвигъ баварскій далъ на дняхъ обѣдъ въ честь Людовика XIV. Столъ былъ богато сервированъ для 14 человѣкъ, но за столомъ сидѣлъ одинъ юный баварскій монархъ, громко бесѣдовавшій съ покойнымъ французскимъ королемъ и его умершими 12 сподвижниками.

— **Ужъ вовсе не-порыцарски.** Въ руанскомъ судѣ, во Франціи, скоро будетъ разбираться дѣло, возникшее по слѣдующему поводу: Молодая дама, Б., принадлежавшая къ лучшему мѣстному обществу, замѣтивъ, что Р., принятый въ ея семействѣ, назойливо сталъ ухаживать за нею, написавъ, наконецъ, вынужденно указать ему на дверь. Молодой повѣса, нѣсколько времени послѣ того прѣхавшій въ Діепшъ, на столько забылся однажды, что, проходя подлѣ г-жи Б. на террасѣ Казино, оскорбилъ ее словомъ. Молодая дама шла подъ руку съ однимъ пожилымъ господиномъ, который въ это время былъ чѣмъ-то развлеченъ, такъ что оскорбительное слово услышала только г-жа Б. Обстоятельство это она скрыла отъ своего мужа, порѣшивъ, при случаѣ, отомстить за оскорбленіе. Удобный случай не замедлил представиться. Г-жа Б. отлично плаваетъ и обладаетъ замѣчательною физическою силою. Однажды утромъ, увидѣвъ въ куалонѣ Р., убаюкиваемого волнами, она, въ свою очередь, вошла въ воду, потихоньку подплыла къ купающемуся, предупредивъ, однакожъ, о своемъ намѣреніи одну изъ своихъ подругъ, ловко схватила его за голову и въ нѣсколько приѣмовъ погрузила ее въ воду на довольно продолжительное время. Несчастный ловеласъ барахтается, какъ безумный, и готовъ лишиться чувствъ. Очевидно, г-жа Б. зашла дальше предполагаемой цѣли, но при помощи своей подруги она успѣла подвести къ берегу молодого человѣка, которому и была оказана надлежащая помощь въ приемномъ павильонѣ. Выздоровѣвъ, онъ посѣдѣлъ уѣхать изъ Діепша. О дѣлѣ этомъ уже было и забыли, прошло 4 мѣсяца, какъ вдругъ г-жа Б. получила извѣстіе, что молодой человѣкъ преслѣдуетъ ее судомъ за попытку къ убійству.

— **Реклама.** Г. П. Петровъ, парижскій корреспондентъ «Сиб. Вѣд.», приводитъ удивительную афишу о какой-то «женщинѣ-торпедо», дающую понятіе о французской рекламѣ. Афиша начинается такъ:

«Обитатели города!

«Рашель.

«Царица красавицъ прибыла въ ваши стѣны!!!
«Рашели 17 лѣтъ, и она не знаетъ соперницъ.
До сихъ поръ еще не видано ничего подобнаго.

«Красота, грація, молодость.

«Надо видѣть, чтобы повѣрить!

«Рашель необыкновенный феноменъ!!!

«Кромѣ несомнѣнной красоты своей, она, при малѣйшемъ соприкосновеніи, производитъ то-же дѣйствіе, какъ настоящее торпедо.

«Необычайнѣйшій сюрпризъ ожидаетъ васъ если вы взглянете на

«Рашель!!

«Приходите же ее смотрѣть, ласкать и трогать. Она теперь заряжена.

«Она васъ ждетъ!!!!»

Въ итогѣ, толстая, жирная, страшно намазанная баба лѣтъ сорока, подпрыгивающая, какъ бѣлуга, когда, по приглашенію «директора», вы ткнете ее пальцемъ.

— **Наша торговля.** «Голосу» сообщаютъ, что общая цѣнность торговыхъ оборотовъ въ 1877 году, по сравненію съ оборотами за предшествовавшіе два года, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

а) По отпуску товаровъ:

	По европейской границѣ.	Въ Финляндію.	По азіатской границѣ.
Въ рубляхъ.			
Въ 1875 г.	360,601,151	11,769,696	9,580,956
» 1876 »	379,257,762	12,027,782	9,414,905
» 1877 »	508,282,303	12,751,988	6,901,535

б) По привозу товаровъ:

Въ 1875 г.	498,886,301	11,330,911	20,839,194
» 1876 »	442,789,080	10,328,104	24,464,377
» 1877 »	291,461,344	9,029,700	20,545,943

Сводя итоги какъ по отпуску, такъ и по привозу, получимъ:

	Отпущено.	Привезено.
Въ р у б л я х ъ.		
Въ 1875 году	381,951,803	531,056,406
» 1876 »	400,700,449	477,581,561
» 1877 »	527,935,826	321,036,987

Вывозъ благородныхъ металловъ (золота и серебра, въ монетахъ и слиткахъ) простирается:

Въ 1875 году на	28,034,617 руб.
» 1876 »	» 103,254,167 »
» 1877 »	» 19,250,650 »

Втеченіи того же періода было привезено золота и серебра:

Въ 1875 году на	6,441,376 руб.
» 1876 »	» 5,425,394 »
» 1877 »	» 10,949,942 »

Товаровъ провезено транзитомъ: по европейской границѣ въ 1877 году 1,48 мил. руб., въ 1876—0,93 мил. руб.; по азиатской границѣ въ 1877 году 1,81 мил. р., въ 1876—4,67 мил. рублей.

Общій торговый оборотъ въ 1877 году, сравнительно съ оборотомъ 1876 года, представляется: по европейской границѣ уменьшение на 99,83 мил. руб., или на 10,74%, по торговлѣ съ Финляндіей уменьшение на 0,58 мил., или на 2,59%, по азиатской границѣ уменьшение на 9,70 мил., или на 23,84%, и вообще уменьшение на 110,11 мил. р., или на 11,09%.

Собственно товарный оборотъ за два послѣдніе года представляетъ слѣдующія данныя: товаровъ вывезено и привезено въ 1877 году, сравнительно съ 1876 годомъ: по европейской границѣ менше на 22,31 мил. руб. или на 2,72%; по торговлѣ съ Финляндіей менше на 0,58 мил., или на 2,59%, по азиатской границѣ менше на 6,42 мил., или на 18,95%, и вообще менше на 29,31 мил. р., или на 3,34%. Товаровъ вывезено въ 1877 году, сравнительно съ 1876 годомъ: по европейской границѣ болѣе на 129,02 мил. руб., или 34,02%, по торговлѣ съ Финляндіей болѣе на 0,72 мил., или на 5,99%, по азиатской границѣ менше на 2,51 мил., или на 26,67%; вообще же болѣе на 127,23 мил. руб., или на 31,75%. Товаровъ привезено: по европейской границѣ менше на 151,33 мил. р., или на 34,18%, по торговлѣ съ Финляндіей менше на 1,30 мил. р., или на 12,58%, по азиатской границѣ менше на 3,91 мил. р., на 15,98%, и вообще менше на 156,54 мил. р., или на 32,80%.

— Потери отъ чумы рогатаго скота. Приводимъ со словъ «Новаго Времени» слѣдующія цифровыя данныя, показывающія размѣры ущерба, понесеннаго крестьянскимъ населеніемъ петербургской губерніи за послѣдніе семь лѣтъ отъ чумы рогатаго скота. Въ 1871 г. въ петербургской губерніи пало отъ чумы 2,415 головъ и убито во время эпизоотіи 259 гол.; въ 1872 г. пало 1,902 гол. и убито 219 головъ; въ 1873 г. пало 300 головъ и убито 11 головъ; въ 1874 г. пало 83 гол. и убито 12 гол.; въ 1875 г. пало 336 гол. и убито 12 гол.; въ 1876 г. пало 4,017 гол. и убито 229 гол. и, наконецъ, въ 1877 г. пало 1,483 гол., сколько же убито — свѣдѣній не имѣется. Такимъ образомъ, за весь семилѣтній періодъ, въ нашей губерніи, чума истребила 11,778 головъ, изъ числа которыхъ 11,036 пало и 742 убито во время эпизоотіи. Въ текущемъ году отъ чумы пало: въ петербургскомъ уѣздѣ 88 гол. и въ царскосельскомъ—426 гол., т. е. всего 514 гол. По отзыву лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу, взаимнаго павшаго скота приобрѣтается новый, по недостатку средствъ для того, только не болѣе, какъ въ половинномъ количествѣ, вслѣдствіе чего размѣры скотоводства въ нашей губерніи видимо съ каждымъ годомъ уменьшаются—явленіе, конечно, прискорбное и заслуживающее того, чтобы на него было обращено особое вниманіе.

— Земледѣльческая выставка. Въ Лондонѣ идутъ приготовленія къ международной земледѣльческой выставкѣ, которая должна открыться въ іюль нынѣшняго года. Особенно интереснымъ обѣщаетъ быть на выставкѣ сравнительный музей древнихъ и новѣйшихъ земледѣльческихъ орудій и машинъ. Въ этомъ музеѣ будутъ собраны всевозможные плуги, сохи, бороны, катки, сѣялки, конныя грабли, соломорѣзки, корнерѣзки,

конные приводы, косилки, жнеи, паровые плуги, молотилки, локомобили, локомotive для движенія по полямъ и проселочнымъ дорогамъ и т. д.

— Лондонъ. Столица Великобританіи покрываетъ собою пространство въ 700 англійскихъ квадратныхъ миль. Въ Лондонѣ каждыя четыре минуты рождается одинъ человѣкъ, каждыя шесть минутъ одинъ умираетъ. Ежедневно населеніе увеличивается на 205 человѣкъ, ежегодно на 75,000. Улицы имѣютъ протяженіе въ 7,000 англ. миль; каждый годъ возникаютъ 28 англ. миль новыхъ улицъ и до 9,000 новыхъ домовъ. Въ лондонскомъ портѣ находится ежедневно 1,000 кораблей.

— Удивительная пещера. Въ Кентукки (Соединенные штаты сѣверной Америки) открыта недавно удивительная пещера. Пещера эта имѣетъ протяженіе въ 16 миль и своею грандіозностью превосходитъ все, что видано было до сихъ поръ въ этомъ родѣ. Въ одной изъ многочисленныхъ боковыхъ галлерей пещеры найдены были муміи человѣческихъ труповъ. Муміи эти, находящіяся здѣсь, повидимому, въ теченіи многихъ вѣковъ, лежали въ каменныхъ саркофагахъ грубой работы. Онѣ очень похожи на египетскія муміи. Понятно, что такое важное открытіе вызвало повсюду сильное волненіе. Томасъ Келли, владѣлецъ этой удивительной пещеры, былъ до сихъ поръ бѣднымъ человѣкомъ. Нынѣ онъ продаетъ каждую изъ найденныхъ имъ мумій чуть не на вѣсѣ золота, и за пещеру ему предлагаютъ баснословныя суммы. Пещера посѣщается массами людей, съ которыхъ взимается плата за входъ. Внутри пещеры находится судоходная рѣка, по которой предполагается устроить прогулки на пароходѣ съ музыкою и при электрическомъ освѣщеніи.

— Патріархъ лѣсовъ. Въ Калифорніи срубилъ «Патріарха лѣсовъ». Это—дерево, которому, по отзыву компетентныхъ лицъ, было 4840 лѣтъ. Въ его дуплѣ могли помѣститься до 300 человѣкъ.

— Фонометръ. Еще изобрѣтеніе Эдисона. Новая машина, имѣя придуманная, снабжена мундштукомъ, въ родѣ мундштука при фонографѣ. Мундштукъ этотъ имѣетъ видъ стакана съ эластическимъ дномъ; ко дну этого мундштука или къ его барабанной перепонкѣ приложена пружина, вставленная въ гуттаперчевую трубку; къ другому концу пружины придрѣзанъ крючекъ, задрѣзающій за зубчатое колесо, прикрѣпленное къ валу. Этотъ валъ, служащій двигателемъ, снабженъ маленькимъ маховикомъ для равномерности движенія. Какъ только особа въ фонометрическомъ мундштукѣ начнетъ говорить, и дно мундштука придетъ въ вибрацію, валъ начинаетъ вертѣться. Если въ валъ будетъ вставленъ буравъ, то онъ довольно скоро просверливаетъ небольшую доску: эти опыты надъ просверливаніемъ доски при помощи голоса и подали поводъ назвать новый аппаратъ—«голососверлителемъ».

— Испорченные продукты. Въ «Рус. Правдѣ» находимъ слѣдующее извѣстіе: Изъ отчетовъ химической лабораторіи городского вѣнскаго физика видно, что за 1878 годъ произведено было 178 анализовъ различнаго рода продуктовъ, употребляемыхъ вѣнцами въ пищу. При этомъ получены слѣдующіе результаты: Изъ 72 образчиковъ молока, 47 оказались значительно разбавленными водой. Въ одномъ найдена была, кромѣ того, значительная примѣсь муки. Въ десяти образчикахъ оказалась бура, въ 13—сода, а въ одномъ—мыльная эмульсія. Изъ 21 образчика бѣлыхъ винъ, одно было совершенно поддѣльное и состояло изъ водки съ примѣсью патоки и небольшого количества сѣрной кислоты. 12 образчиковъ были сильно разбавлены водой, причѣмъ къ нѣкоторымъ, для замаскированія поддѣлки, прибавлено было немного спирту. Въ трехъ образчикахъ найдено замѣтное количество сѣрнистой кислоты, которая могла, впрочемъ, образоваться при частомъ прокуриваніи бочекъ сѣрой. Изъ семи образчиковъ краснаго вина одинъ былъ подкрашенъ анилиномъ, а остальные—свежковичнымъ сокомъ и чернилами. Въ малагѣ, купленной для больного, найдена патока и большое количество прианостей. Муки было взято 9-ть образ-

чиковъ, изъ которыхъ въ одномъ оказалось 5% гипса, въ другихъ же найдена подмѣсь муки стручковыхъ растений. Въ семи образчикахъ было ненормально большое процентное содержаніе воды. Изъ пяти пробъ хлѣба, въ одной найдены квасцы, въ другой гипсъ, въ третьей пшеничныя отруби. Изъ четырнадцати образчиковъ масла, въ одномъ была примѣсь затхлаго сала, а въ другомъ тертаго картофеля, во всѣхъ остальныхъ было громадное количество воды, четыре образчика были, кромѣ того, подкрашены различными растительными веществами. Всѣ семь пробъ молотого кофе содержатъ отъ 30 до 40% дубовыхъ желудей и другихъ подобныхъ суррогатовъ. Пива взято было 13 пробъ, изъ которыхъ въ 9-ти найдена сѣрнистая кислота, двѣ оказались плохо выбродившимися, въ одной найдена шикриновая кислота, а въ другой примѣсь острыхъ прианостей. Третья часть толченнаго перца оказалась состоящею изъ хлѣбной корки въ мелкомъ раздробленіи. Кондитерскій товаръ (краснаго цвѣта) былъ подкрашенъ анилиновой краской. Изъ трехъ пробъ шоколада къ одной былъ примѣшанъ крахмалъ, а къ остальнымъ двумъ мука. Освобожденный отъ масла какао въ порошокъ, оказался съ примѣсью дубовыхъ желудей, крахмалу и т. п. Шесть предъявленныхъ къ изслѣдованію образчиковъ рома представляютъ собою водку, ароматизированную эссенціями чистаго дегтя и рома. Изъ четырехъ образчиковъ чаю, одинъ (зеленый чай) оказался съ содержаніемъ мѣди, другой былъ совершенно поддѣльный, остальные же два, состоявшіе изъ настоящихъ листьевъ чайнаго кустарника, не содержали и слѣдовъ тейна, т. е. представляли такъ называемый спитой чай. Кофе «мокка-зака» состоитъ изъ смѣси жаренаго ячменя и листьевъ мате.

— Сами себя охраняющіе столбы. Въ Австраліи введены телеграфные столбы, сами себя охраняющіе противъ всякаго преступнаго покушенія. Благодаря изобрѣтенной недавно системѣ, столбы эти дѣлаются электрическими, такъ что при малѣйшемъ прикосновеніи къ нимъ, получается сильный электрическій ударъ. Дикіе туземцы, сначала уничтожавшіе столбы, нынѣ боятся ихъ, какъ огня. Благодаря этому, расходы на наблюденіе за цѣлостью столбовъ доведены до минимума. Столбы телеграфные сами охраняютъ себя.

— Фильтрованіе воды. Во «Врачебныхъ Вѣд.» пишутъ: Д-ръ Нольтеръ, ассистентъ проф. гигиены послѣ цѣлага ряда тщательныхъ экспериментовъ, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ относительно фильтрованія воды. 1) Фильтрація черезъ песокъ есть процессъ чисто механическій. 2) При фильтрованіи черезъ животный уголь, вода очищается только отъ разложившихся органическихъ веществъ; свѣжія же органическія вещества проходятъ неизмѣненными. При долгомъ соприкосновеніи съ животнымъ углемъ, служившимъ для фильтрованія, уже очищенная вода можетъ снова воспринять различныя нечистоты изъ окружающей среды. 3) Губчатое желѣзо есть несомнѣнно наилучшій матеріалъ для фильтрованія воды. Очищая воду отъ всѣхъ органическихъ веществъ, какъ свѣжихъ, такъ и разложившихся, такой фильтръ дѣйствуетъ, правда, медленнѣе животнаго угля, но за то въ немъ можно безопасно оставлять воду на долгое время.

— Вахабиты. Секта вахабитовъ, которой прежніе султаны справедливо опасались и которую уже полвѣка считали несуществующею, воскресла изъ мертвыхъ и снова наводитъ страхъ на повелителей въ Стамбулѣ. Шейхъ Хадикатъ-Бен-Саудъ, внукъ шейма вахабитовъ Сауда, обезглавленнаго, шестьдесятъ лѣтъ назадъ, топоромъ палача на дворѣ Старога Серая, поднявъ знамя возстанія въ скалистыхъ горахъ Медіека и Джуданды. Тысячи людей являются на призывъ егъ и во главѣ ихъ онъ совершаетъ набѣги въ окрестностяхъ городовъ Мекки и Мединны. Тщетно вали йеменскій собралъ противъ него значительное число войскъ: дикіе бедуины разбили и разсѣяли войска, двинутыя противъ него Османомъ-беемъ, дошли съ оружіемъ въ рукахъ до воротъ самой Мекки и 24-го дзуль қава (21-го декабря 1878 года) пытались даже произвести нападеніе

на большой меккскій караванъ, который, на обратномъ пути въ Европу, за день передъ тѣмъ вышелъ изъ Медины. Хотя шерифъ меккскій выслалъ въ помощь каравану 600 человекъ конницы изъ племени алькаль, а мутесарифъ — дамасскскій батальонъ и значительный отрядъ жандармовъ, всего до 1,500 вооруженныхъ человекъ, однако, караванъ подвергся нападенію со стороны Сауда (придавшего себѣ недавно наименованіе шейха изъ шейховъ) во главѣ конницы изъ 1,300 бедуновъ. Атаковавшие завладѣли, прежде всего, верблюдами, навьюченными прѣсною водою, а потомъ напали на паломниковъ и принялись грабить и убивать. Быстро подоспѣвшій конвой успѣлъ, однако, помѣшать такому занятію и послѣ трехчасового, кровопролитнаго боя обратилъ грабителей-вахабитовъ въ бѣгство. Нападеніе на меккскій караванъ произвело повсюду сильнѣйшее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что ничего подобнаго не видано уже почти сто лѣтъ.

Исслѣдованіе о горбунахъ. «Пет. Газ.» сообщаетъ, что въ Парижѣ умеръ недавно одинъ горбунъ, посвящавшій всю дѣятельность свою статистическимъ изслѣдованіямъ о горбыхъ. По снятій печатей его наслѣдники нашли, вмѣсто духовнаго завѣщанія, объемистую рукопись — подробную и тщательно составленную монографію горба, заключающую въ себѣ около двухъ тысячъ четвертушекъ и трактовавшую исключительно о горбыхъ, что, замѣтимъ мимоходомъ, не слишкомъ пришлось по вкусу наслѣдникамъ. Холостой, богатый, ни отъ кого не зависѣвшій, обладавшій желѣзнымъ здоровьемъ, нашъ горбунъ не отступалъ ни предъ какими жертвами, трудами и опасностями, когда дѣло шло о пріобрѣтеніи запаса матеріаловъ, заключающихся въ его громадномъ произведеніи. Онъ путешествовалъ повсюду, и наибольшее число горбыхъ, страдающихъ рахитизмомъ, нашелъ въ умѣренномъ поясѣ Европѣ.

— **Торговля волосами во Франціи.** Ввозъ человѣческихъ волосъ во Францію все болѣе и болѣе увеличивается, особенно съ тѣхъ поръ, какъ значительныя закупки этого «товара» стали про-

изводиться въ Китаѣ. Втеченіи первыхъ 11 мѣсяцевъ 1878 года ввезено во Францію 100,000 килограммовъ (244,180 фунтовъ или 6,104 пуда) человѣческихъ волосъ, на сумму болѣе 3,000,000 франковъ. Большая половина этого ввоза, а именно 63,597 килограммовъ, прослѣдовала черезъ Марсель.

— **Любопытный островъ.** Осенью англійскій адмиралъ Дегорсей посѣтилъ островъ Приткернъ (въ группѣ Сандвичевыхъ острововъ), на которомъ въ 1790 году поселились возмущившіеся матросы со своими женами — тантянками. Потомки ихъ, числомъ 90 человекъ, составляютъ единственное населеніе острова: 16 мужчинъ, 19 женщинъ, 25 мальчиковъ и 30 молодыхъ дѣвушекъ. Старѣйшему изъ обитателей острова 59 лѣтъ и онъ приходится внукомъ Христіану, главному зачинщику возмущенія. Эта небольшая община имѣетъ республиканскій образъ правленія. Въ день новаго года избирается губернаторъ, во все время отправленія имъ своихъ обязанностей пользующійся диктаторскою властью. Жители Приткерна говорятъ только по-англійски и хотя они происходятъ отъ богатѣйшаго въ мірѣ народа, тѣмъ не менѣе употребленіе денегъ имъ неизвѣстно.

— **Шахматный турниръ.** На дняхъ, какъ сообщаютъ «Новости», окончился шахматный турниръ, устроенный по подпискѣ любителями шахматистами, для состязанія сильнѣйшихъ русскихъ шахматныхъ игроковъ. Этотъ турниръ происходилъ по вечерамъ въ помѣщеніи ресторана Мильбрэта. Въ турнирѣ принимали участіе девять игроковъ, болѣе извѣстныхъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Каждый съ каждымъ игралъ матчъ изъ одной партіи; выигравшій большинство партій считался побѣдителемъ; при равномъ числѣ выигранныхъ партій, конкуренты на призъ рѣшали споръ рѣшительной партіей. Вотъ результаты этого турнира: Первый призъ (125 р.) получилъ М. И. Чигоринъ (редакторъ-издатель «Шахматнаго Листка»), выигравшій всѣ партіи, кромѣ одной, которую онъ сдѣлалъ ничей съ г.

Алопинымъ, также выигравшимъ всѣ партіи. Но г. Алопинъ проигралъ рѣшительную партію г. Чигорину и поэтому получилъ второй призъ (50 р.); третій-же призъ (25 р.) достался пополамъ г. Соловцеву и г. Шифферсу. На будущее время кружокъ шахматистовъ будетъ собираться въ клубъ художниковъ.

Отъ Редакціи. Продолженіе романа А. Михайлова „Мужъ и Жена“ не появилось въ этомъ номерѣ по недостатку мѣста.

Поправка. Во время печатанія 2-го № «Жив. Об.» на стр. 47 въ среднемъ столбцѣ рассыпался шрифтъ и въ нѣкоторыхъ экземплярахъ строки 3-я и 4-я снизу оказались неправильно напечатанными. Слѣдуетъ такъ:

3) картину и увидала, что рама ея движется; чья-то 4) рука отодвинула раму въ сторону и изъ-за кар-

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Стихотв. «Деревенскій гусляръ». — Козлы отпущенія (продолж.). — Сестра милосердія (продолж.). — Стихотв. «Вмѣсто предисловія». — Иза (продолж.). — Сандвичевы острова. — Нѣмецкій буршъ прежде и теперь. — Практическія послѣдствія севѣрій (продолж.). — Бамбула. — Желѣзная дорога черезъ Сахару. — Къ рисункамъ. — Новости наукъ и жизни. — Объявленія.

Гравюры: Протестанты, покидающіе Циллерталь въ 1837 году. — Итальянскій чернорабочій. — Транстеринка. — 3 рис. къ ст. «Сандвичевы острова». — Людовикъ IX и прокаженный. — Хорошая исторія. — Бамбула.

Издатель-Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

Объявленія.

МАРШЪ РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

Оригинальное сочиненіе ФЛОРИАНА ГЕРМАНА (8 страницъ). Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 руб. 50 коп. Это музыкальное сочиненіе можно получить какъ въ конторѣ журнала «Живописное Обозрѣніе», такъ равно и въ музыкальных магазинахъ Бернара, Бесселя, Юргенсона и др., въ С.-Петербургѣ.

О подпискѣ на ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ 1879 года:

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Гг. годовые подписчики получаютъ бесплатную **литературную иллюстрированную премію**. — При первомъ номерѣ гг. годовымъ подписчикамъ выдается на руки **двѣ первыя преміи**, состоящія изъ **олеографическихъ картинъ**.

Кромѣ того Редакція разошлетъ своимъ подписчикамъ въ видѣ четвертой **преміи гравюру**, длиною 1 арш. 4 верш., шириною 13 верш. Гравюра эта составляетъ копію съ картины художника, имѣющаго мировую извѣстность. Эта гравюра вырѣзана на стали. Стальная доска, какъ образецъ художественнаго исполненія, была на парижской всемирной выставкѣ нынѣшняго, 1878 года. Гравюра такъ хороша, что, вставленная въ раму, можетъ быть повѣшена въ любой гостиной.

Гг. иногороднымъ подписчикамъ всѣ три художественныя преміи будутъ высланы одновременно, въ трубкѣ изъ папки, безъ особой приплаты за пересылку.

Гг. подписчики получаютъ втеченіи года нѣсколько **художественныхъ приложеній**, подобныхъ разосланной при первомъ номерѣ копіи съ картины профессора Семирадскаго «Христіане, пробирающіеся изъ Катакомбъ».

Въ ближайшихъ номерахъ „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“, кромѣ продолженія уже начатыхъ, будутъ напечатаны слѣдующія произведенія: Рыцарь на стражѣ, поэма Омелевскаго; повѣсти Н. Ф. Бажина и К. М. Станюковича; Во время войны, очеркъ Г. К. Градовскаго (Гаммы); Народы Россіи ст. С. С. Шашкова; Біографія Грибоедова и Лѣсное хозяйство, ст. Н. В. Шелгунова, Правда о женщинахъ, ст. Н. И. Шульгина. Редакція также намѣрена помѣстить значительное число гравюръ, представляющихъ собою копіи съ лучшихъ русскихъ художественныхъ произведеній. Она можетъ указать на картины такихъ извѣстныхъ художниковъ, какъ И. Н. Крамской и К. Е. Маковский, обѣщавшихъ намъ содѣйствіе своими трудами; можетъ указать на Н. А. Богданова, при содѣйствіи котораго въ «Живописномъ Обозрѣніи» появится нѣсколько копій съ картинъ извѣстнаго въ Россіи и за границей художника г. Зичи. Въ числѣ портретовъ, предназначенныхъ къ помѣщенію въ «Жив. Об.», имѣется портретъ пейзажиста Васильева, рисованный на деревѣ И. Н. Крамскимъ.

Гг. подписчики будутъ получать по мѣрѣ выхода въ свѣтъ за-границей «ГИГИЕНУ», соч. д-ра медицины Виля и проф. Гнема, какъ отдѣльное бесплатное приложеніе.

Отдѣльнымъ же бесплатнымъ приложеніемъ будетъ разсылаться гг. подписчикамъ отдѣлъ **ПАРИЖСКІЯ МОДЫ** (текстъ и рисунки).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годовое изданіе „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“ изъ 52 №№, съ бесплатными приложеніями и правомъ на полученіе всѣхъ премій втеченіи 1879 года:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ ..... 6 р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ, а также для иногородныхъ съ пересылкою и упаковкою ..... 7 » — »
За границу ..... 8 » 50 »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1) Въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи журнала, Новый проспектъ, д. № 20. 2) Въ Москвѣ въ отдѣленіи конторы «Живописнаго Обозрѣнія», въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

При этомъ номерѣ «Живоп. Обозрѣн.» разсылаются гг. подписчикамъ приложеніе: «Парижскія моды № 1 и 2.»

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНИИ УЧЕНАГО ЖУРНАЛА

„КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Съ января 1879 года издается въ Москвѣ, подъ редакціей нижеподписавшихся, безъ предварительной цензуры журналъ для научной критики и библиографіи въ области наукъ историко-филологическихъ, юридическихъ, экономическихъ и государственныхъ подъ названіемъ:

«КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ».

Журналъ будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ выпусками отъ 2-хъ до 4-хъ листовъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Критическія оцѣнки русскихъ и иностранныхъ сочиненій и журнальныхъ статей по всеобщей и русской исторіи, исторіи всеобщей и русской литературы, языковѣдѣнію, классической и славянской филологіи, этнографіи, мифологіи, исторіи искусствъ, философіи, психологіи, гражданскому и уголовному праву, каноническому праву, общественному или полицейскому праву, международному праву, исторіи русскаго и славянскаго права, исторіи иностранныхъ законодательствъ, праву государственному, статистикѣ, политической экономіи и наукѣ о финансахъ.

II. Библиографія русская и иностранная по вышеупомянутымъ наукамъ. Отчеты о засѣданіяхъ въ ученыхъ обществахъ и объ университетскихъ диспутахъ. Библиографическіе слухи, замѣтки, мелочи и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ: безъ доставки 6 р., съ пересылкой 7 р., съ пересылкой за границу 8 р.

На полгода: безъ доставки 4 р., съ пересылкой 4 р. 50 к., съ пересылкой за границу 5 р.

Подписка принимается въ Москвѣ въ книжныхъ магазинахъ: Соловьева (Страстной бульваръ), Ланга и Мамонтова (Кузнецкій мостъ), въ Центральномъ книжномъ магазинѣ (Никольская) и Салаева (Мясницкая). Гг. иногородныхъ подписчиковъ просятъ обращаться исключительно въ Редакцію (Пакровка, Машковъ пер., д. Миллера).

Редакторы-издатели: Всеволодъ Миллеръ и Максимъ Ковалевскій. 1—3.

ОБЪ ИЗДАНИИ
ВЪ 1879 ГОДУ ВЪ БАКУ

ГАЗЕТЫ

„БАКИНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ“.

Годъ четвертый.

Цѣна газеты на годъ въ Баку съ доставкой 5 р., на полгода — 3 р., на три мѣсяца 1 р. 75 к., въ мѣсяцъ 75 к. Съ пересылкой во всѣ города имперіи на годъ 6 р., на полгода 3 р. 50 к., на три мѣсяца 2 р., на мѣсяцъ 90 к.

Подписка принимается въ Баку, въ домѣ Дадашева, на Милитинской улицѣ, близъ гостиницы «Кавказъ» и въ Бакинскомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита.

Иногородные адресуютъ свои требованія исключительно: въ Баку, въ редакцію Бакинскихъ Извѣстій. 1—3.

О подпискѣ въ 1879 году

НА ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“,

ВЪ ПРОГРАММУ КОТОРОЙ ВОЙДУТЪ:

I. Отдѣлъ статей и изслѣдованій по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ и промышленности Оренбургскаго края. II. Отдѣлъ общихъ политическихъ извѣстій и политической телеграммы. III. Хроника, или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и оренбургскаго края. IV. Отдѣлъ хроники о театральнхъ и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ съ рецензіями о нихъ. V. Фелетонъ. Въ немъ будутъ помѣщаемы очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи. VI. Справочныя свѣденія по части торговой, промышленной, желѣзно-дорожной, театральной репертуаръ, почтовые и календарныя свѣденія, мѣстный метеорологическій бюллетень и т. п. свѣденія, а также разнаго рода частныя объявленія. VII. Прибавленіе къ «Оренбургскому Листку».

«ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ».

Этотъ отдѣлъ выходитъ по четвергамъ бесплатно и заключаетъ въ себѣ: политическія телеграммы, дневникъ мѣстныхъ происшествій, календарныя свѣденія и разнаго рода частныя объявленія.

Примѣчаніе. «Листокъ Объявленій» выходитъ въ форматѣ половины обыкновеннаго листа.

Газета «Оренбургскій Листокъ» выходитъ по воскресеньямъ, а «Листокъ Объявленій» по четвергамъ. Подписная цѣна годовому изданію съ «Прибавленіемъ» (52 №№ газеты и 52 №№ прибавленій) пять рублей съ доставкой и пересылкой. Редакція покорнѣйше проситъ лицъ, знающихъ мѣстный край, присылать ей какъ статьи и изслѣдованія, такъ и сообщенія свои, касающіяся мѣстной жизни съ какой бы то не было ея стороны. Статьи, корреспонденціи и требованія на высылку изданія, редакція проситъ адресовать: въ г. Оренбургъ, въ редакцію газеты «Оренбургскій Листокъ», Почтовая улица, домъ № 170, близъ Театра, при типографіи Ив. Евфимовскаго — Мировицкаго.

Редакторъ—Издатель Ив. Евфимовскій—Мировицкій. 1—3.

Библиографическое извѣстіе о подпискѣ на роскошное иллюстрированное изданіе подъ названіемъ:

ЖИВОПИСНАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ

РОССІИ.

Сочиненіе профессора исторіи и литературы въ Нанси и члена-корреспондента с.-петербургской академіи наукъ А. Рамбо, удостоенное Французскою академіей преміи въ 2.000 фр.

Сочиненіе посвящается русской семьѣ и школѣ.

Общій переводъ подъ редакціей извѣстнаго лингвиста А. Д. Михельсона.

Дополненія, поправки и измѣненія приняли на себя: по исторіи А. Е. Тихоміровъ; по политической экономіи, статистикѣ и финансамъ—Н. П. Бочаровъ; по этнографіи и географіи—Д. К. Влахопуловъ и др.

Политическіе рисунки въ текстѣ будутъ изображать: жилища, одежду, утварь, храмы, оружіе, вооруженія, виды городовъ и всѣ вообще замѣчательные предметы русской старины; сцены изъ жизни, нравовъ, обычаевъ, суевѣрій и другихъ сторонъ гражданскаго и военнаго быта обитателей древней и новой Россіи.

Отдѣльные гравированные эстампы будутъ состоять изъ точныхъ снимковъ съ картинъ, изображающихъ главнѣйшіе моменты государственной жизни Русскаго народа, писанныхъ на полотнѣ масляными красками, извѣстнѣйшими русскими художниками.

Виньетки, заглавныя буквы и другія типографскія украшенія принорованы къ характеру сочиненія.

Къ изданію будутъ приложены четыре географическія карты.

Сочиненіе печатается въ лучшей изъ московскихъ типографій (Лиссеръ и Романъ), въ большую четвертую (in quarto) долю листа, на превосходной сатирированной бумагѣ, новымъ, очень красивымъ шрифтомъ.

Полное изданіе будетъ представлять изящный, роскошный томъ, болѣе чѣмъ въ 500 страницъ, равныхъ тысячи слишкомъ страницамъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

Предлагаемое изданіе въ цѣломъ своемъ составѣ будетъ окончено въ теченіе одного года.

Разсылака иногороднымъ и выдача мѣстнымъ подписчикамъ будетъ производиться тетрадями одинъ разъ въ мѣсяцъ, между 20—25 числами. Первая же тетрадь выйдетъ 30 января 1879 года.

Въ половинѣ года, то-есть въ іюнь мѣсяцѣ, подписчикамъ будетъ выдана большая, около квадратнаго аршина, хлomorphicграфированная картина, изображающая «вой въ горахъ балкана».

Подписная цѣна на полное изданіе 6 руб., съ пересылкой и доставкой 8 руб. Допускаются взносы подписной цѣны и въ два срока, въ каждый по 4 руб., но такковыя подписчики лишаются права на получение картины-преміи.

По выходѣ первыхъ выпусковъ цѣна изданію будетъ увеличена.

«Знаніе исторіи не только полезно, но доставляетъ удовольствіе для сердца и разума. Любопытство средно челоуѣку.

«Исторія, представляя воображенію рядъ вѣковъ «сѣихъ отличительными отраслями, нравами, дѣянiami, расширяетъ предѣлы нашего собственнаго бытія, ея творческою силой мы живемъ съ людьми «всѣхъ временъ, видимъ и слышимъ ихъ, любимъ «и ненавидимъ...»

«Ненужно быть Русскимъ: надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ и удивленіемъ читать преданія народа.

«Случаи, картины, характеры нашей исторіи въ высшей степени интересны и любопытны...»

«Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на «чертежи морей»... Но и простой гражданинъ долженъ читать и знать исторію»... Такъ

говорилъ еще въ 1815 году своимъ друзьямъ нашъ безсмертный исторіографъ Н. М. Карамзинъ.

Взглянемъ теперь на истекшее съ тѣхъ поръ шестидесятилѣтіе. Въ нашей книжной исторической литературѣ и въ продажѣ существуютъ до сихъ поръ два рода рѣзко между собою противоположныхъ изданій: или учебники, или капитальныя историческія сочиненія и изслѣдованія. Первые изъ нихъ распадаются: на учебники въ строгомъ смыслѣ этого слова и на изданія для дѣтскаго возраста и для народа; вторыя для ученыхъ и специалистовъ.

Но есть еще другая масса читателей, къ которой и принадлежитъ почти вся интеллектуальная Россія, составляющая средину между дѣтскимъ возрастомъ, простымъ селяниномъ и ученымъ специалистомъ; и для этой массы не было до сихъ поръ ни одного изданія посвященнаго русской исторіи. Прекрасное по мысли изданіе исторіи Россіи проф. Бестужева-Рюмина, къ сожалѣнію, вполнѣ не осуществилось; почтенные труды г. Иловайскаго покуда выразились только въ «киевскомъ періодѣ»; капитальное произведеніе нашего историка, г. Соловьева недоступно для массы по своему объему и дороговизнѣ (27 томовъ 54 р.). Затѣмъ, упомянувъ о трудахъ Костомарова, Забѣлина и немногихъ другихъ, указать болѣе не на что.

Исторія, какъ общій учитель, ведущій къ правдѣ и истинѣ, уясняющій событія прошлаго и настоящаго, есть достояніе всенародное и всесловное. При томъ общеобразовательномъ значеніи, которое она имѣетъ, необходимо должно быть изданіе отечественной исторіи, изложенное правдиво, ясно, живымъ литературнымъ языкомъ, снабженное рисунками, какъ дополненіемъ къ тексту, и доступное по цѣнѣ.

Въ такомъ видѣ изданіе русской исторіи, по нашему мнѣнію, является потребностью и даже необходимостью для каждаго сколько-нибудь образованнаго челоуѣка, для каждой семьи и школы, служа дополненіемъ того, что пройдено въ учебныхъ заведеніяхъ, для дальнѣйшаго самообразованія, а также и настольною справочною книгой при чтеніи историческихъ сочиненій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и украшеніемъ домашней бібліотеки.

Удовлетворить этой потребности есть цѣль предпринятаго нами изданія. Желаніе наше состоитъ въ томъ чтобы доставить русской публикѣ роскошное иллюстрированное, недорогое, но въ то же время относительно весьма полное изданіе «исторіи Россіи».

Мы давно лелѣли себя мыслью, приступить къ изданію отечественной исторіи, предназначенной для массы читающей публики и постепенно готовились къ такому предпріятію, но выполняемъ ее только теперь, благодаря почтенному труду профессора Рамбо.

Еще къ болѣйшей рѣшимости воспользоваться трудомъ почтеннаго профессора Рамбо для нашего изданія побудило то обстоятельство, что лестные отзывы о его историческихъ трудахъ появились въ самыхъ разнообразныхъ и диаметрально противоположныхъ по своему направленію русскихъ періодическихъ изданіяхъ; такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ октябрьскихъ номеровъ Московскаго Вѣдомости весьма сочувственно отнеслись къ «Исторіи Россіи» соч. Рамбо, и въ своей библиографической замѣткѣ привѣтствуютъ появленіе этой книги. Вѣстникъ Европы изслѣдованія г. Рамбо относитъ къ разряду самыхъ почтенныхъ иностранныхъ трудовъ по русской литературѣ. Мы же, съ своей стороны, замѣтимъ, что она написана вся исключительно по однимъ только русскимъ источникамъ, доведена до 1877 года и впервые знакомитъ обстоятельно европейскую публику съ исторіей Россіи. Вѣстникъ Европы утверждаетъ, что проф. Рамбо былъ въ Россіи, хорошо знакомъ съ русскимъ языкомъ, трудами и изслѣдованіями нашихъ ученыхъ, историковъ и археологовъ. Достоинства, признанныя за книгой проф. Рамбо какъ Французскою Академіей, такъ и нашею прессой, вполнѣ убѣждаютъ насъ въ полезности предпринятаго нами изданія.

Въ художественномъ и техническомъ отношеніяхъ приняты нами всѣ мѣры къ тому, чтобы прилагаемые рисунки соотвѣтствовали тексту и служили къ нему, какъ бы нагляднымъ дополненіемъ. Для этой цѣли приглашены лица для выполненія всѣхъ художественно-техническихъ работъ, хорошо знакомыя какъ съ исторіей и археологіей вообще, такъ и съ историческою живописью въ частности. Такимъ образомъ, изданіе наше нисколько не будетъ уступать изданіямъ подобнаго рода исполняющимся за границей въ лучшихъ хромо-типо-литографскихъ заведеніяхъ.

Мы увѣрены, что наше предпріятіе будетъ встречено сочувственно русскимъ обществомъ.

Съ требованіемъ просимъ обращаться исключительно въ контору редакціи изданія «живописная исторія Россіи» при народной книжной торговлѣ Федора Васильевича Морозова, на Никольской ул., въ д. графа Орлова-Давыдова, въ Москвѣ. 1—2.

О подпискѣ на 1879 годъ на самый общедоступный по цѣнѣ иллюстрированный журналъ

„СВѢТЪ ВЪ КАРТИНАХЪ“

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Годовая цѣна 3 руб. 60 коп. За полгода 2 руб.

Успѣхъ журнала далъ намъ возможность увеличить объемъ его: въ будущемъ году наши подписчики получатъ

„24 №№, вмѣсто прежнихъ 15 №№ журнала“.

Въ журналѣ будутъ помѣщаемы: Романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, юмористическіе очерки и картинки; историческіе, біографическіе и бытовые очерки; общедоступныя бесѣды о наукахъ, искусствѣ, литературѣ и новѣйшихъ изобрѣтеніяхъ; отчеты о главнѣйшихъ процессахъ; мелкія замѣтки о замѣчательныхъ и курьезныхъ явленіяхъ, анекдоты и карикатуры; политическое обозрѣніе.

Въ 1879 году къ журналу будутъ приложены три олеографическія преміи. За каждую изъ двухъ премій меньшаго формата (11 $\frac{1}{2}$ вер. длины и 8 $\frac{3}{4}$ верш. шир.) прилагается—75 к.; за премію большаго формата (1 арш. длины и 11 верш. шир.) 1 руб. съ пересылкою.

Излишне распространяться о достоинствахъ нашихъ премій; всѣ, видѣвшіе ихъ, могли сами оцѣнить изысканность сюжета и исполненія; въ продажѣ всѣ три преміи стоятъ не менѣе десяти рублей.

Всѣ преміи высылаются годовымъ подписчикамъ немедленно по полученіи требованія.

Цѣна журнала 3 р. 60 коп. въ годъ съ пересылкою и доставкой; 2 руб. за полгода.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Ригѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Гауфа, на Александровскомъ бульварѣ. 1—3.

ЛѢСНОЙ ЖУРНАЛЪ, ОРГАНЪ ЛѢСНАГО ОБЩЕСТВА, въ 1879 году

Выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе трехъ съ половиною листовъ. Сверхъ того всѣ подписчики получаютъ бесплатно приложенія. Въ 1878 году въ видѣ приложеній даны были два переводныя сочиненія, стоящія въ отдѣльной продажѣ 3 руб. 50 коп., а въ 1879 году приложены будутъ, къ первой книжкѣ, Труды IV сѣзда русскихъ лѣсоводовъ, и затѣмъ редакція надѣется дать еще другое оригинальное приложеніе.

Цѣна четыре рубля въ годъ съ пересылкою и доставкой.

Объявленія—4 руб. за страницу и 2 руб. за полъ-страницы.

Подписка принимается: отъ городскихъ подписчиковъ въ книжномъ магазинѣ Мамонтова, Невскій, 46, а отъ иногороднихъ въ Редакціи Лѣснаго Журнала, въ Лѣсномъ Институтѣ.

Редакція проситъ при подпискѣ непременно указывать точное названіе того почтового мѣста, изъ котораго будетъ производиться выдача журнала, а самыя адреса писать четко. При извѣщеніи о перемѣнѣ адреса просить высылать, почтовыми марками, 24 копѣйки.

Редакторъ Ал. Рудзій. 1—2.

ОБЪ ИЗДАНИИ „МОСКОВСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ГАЗЕТЫ“ въ 1879 году.

„Московская Медицинская Газета“ — органъ общества Русскихъ Врачей въ Москвѣ — въ 1879 году (въ двадцать второй годъ своего существованія) будетъ выходить еженедѣльно въ объемѣ отъ одного до двухъ печатныхъ листовъ, исключая Рождественскихъ праздниковъ и Свѣтлыхъ недѣль, т. е. 50 №№ въ годъ (или около 100 печатныхъ листовъ).

Цѣна изданію восемь рублей въ годъ съ пересылкой въ города и доставкой на домъ. За полгода — 5 рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ: въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Л. Васильева на Страстномъ бульварѣ; въ С.-Петербургѣ: у книгопродавца К. Риккера, Невскій, № 14. Иногородныхъ проситъ адресоваться исключительно въ Москву, въ редакцію „Московской Медицинской Газеты“, адресъ которой извѣстенъ почтamtу.

Редакторы: докторъ В. И. Ельцинскій.
докторъ Н. О. Миллеръ. 1—3.

Вышла и продается новая книга

С. Н. КРИВЕНКО.

Физическій трудъ какъ необходимый
ЭЛЕМЕНТЪ ОБРАЗОВАНІЯ.

Цѣна 1 р. 50 коп. безъ пересылки. Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ типографіи Стасюлевича. 1—

ТЕЛЕГРАФЪ

САМАЯ ДЕШЕВАЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,
ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА.

Подписная цѣна съ доставкой на домъ въ Петербургъ и съ пересылкою иногороднымъ: на годъ—6 руб., на полгода—3 р. 50 к., на 3 мѣсяца 2 руб.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ, на Большой Конюшенной, д. № 15, квар. № 22. 1—

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА САМУЮ ДЕШЕВУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ
ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“

на 1879 годъ.

Газета „Новости“ выходитъ безъ предварительной цензуры ежедневно, не исключая поне-дѣльниковъ, полными нумерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетеней.

Газета „Новости“, по подписной цѣнѣ, на половину дешевле всѣхъ большихъ ежедневныхъ газетъ, а по разнообразію, полнотѣ и свѣжести содержанія, стоитъ на одномъ уровнѣ съ ними, въ чемъ можетъ убѣдиться каждый читатель, сравнивъ содержаніе любого нумера „Новостей“ съ нумерами другихъ газетъ, вышедшими въ одинъ и тотъ же день.

Что касается литературнаго отдѣла газеты, то редакція успѣла уже до первой половины сентября помѣстить въ газетѣ болѣе пятидесяти большихъ беллетристическихъ и публицистическихъ произведеній наиболѣе популярныхъ и серьезныхъ, русскихъ и иностранныхъ писателей. Вотъ названія главнѣйшихъ сочиненій: „Барбарусса“, ром. П. Гейзе. — „Трубачь голубыхъ гусаровъ“, Эркмана-Шатриана. — „Тысяча одна брачная ночь“, нѣсколько рассказовъ Катреля. — „Тактика маркиза“, разск. Уида. — „Исторія преступленій“, В. Гюго. — „Блудный сынъ“, I. I. Крашевскаго (еще печатается). — „Банкиръ воровъ“, романъ де-Лоней. — „Романъ княгини“, Поля Бонно. — „Огравительница“, рассказъ. — „Открытіе“, разск. — „Драматическій эпизодъ изъ исторіи Ватикана“. — „Не стая вороновъ сѣталась“, ориг. очеркъ. — „Среди милостивыхъ государей“, оригинальный очеркъ. — „Подъ шумъ войны“, ориг. романъ изъ петербургскихъ нравовъ. — „Среди мармоновъ“, оч. Пашино. — „Изъ области преступленій“, ориг. разск. — „Передъ подпиской“, ориг. очеркъ. — „Кавалеръ на часъ“, ориг. рассказъ. — „Въ пріемномъ покоѣ“, ориг. сцены. — „Букетъ изъ пѣнныхъ турокъ“, ориг. очеркъ Пашино. — „Осада Индѣйцевъ“, рассказъ. — „Воспоминаніе о королѣ Викторѣ-Эммануилѣ“, Пашино. — „Невидимые когти“, ориг. разск. — „Набобъ“, разск. Додэ. — „Семидесятилѣтняя годовщина Чарльза Дарвина“. — „На спиритическомъ сеансѣ у Слэда“, ориг. очеркъ. — „Что я видѣлъ и слышалъ у мистера Слэда“, ориг. очеркъ. — „Возможенъ ли походъ въ Индію“, Пашино. — „Генри Стэнли“, очеркъ. — „Возвращеніе Стэнли“, очеркъ. — „59-я годовщина с.-петербургск. университета“. — „Умственное движеніе во Франціи“. — „Очеркъ дѣятельности академика Бэра“. — „Сувѣрія, какъ источникъ преступленій“, очеркъ. — „Практическій взглядъ на предстоящую тюремную реформу“. — „Культь усопшихъ“, ст. Литрова. — „Мужичій поэтъ“ (характеристика Некрасова). — „Статьи Леруа-Болье и Петтенкофера“. — „Походныя письма сестры милосердія“ (8 пис.). — „Еще по поводу дѣятельности славянскаго общества“. — „Письма о парижской выставкѣ“. — „Первая любовь Нодье“, рассказъ Поля Феваля. — „Семейныя драмы“, рядъ романовъ Монтепена. — „Около чужихъ миллионеровъ“, ориг. очеркъ. — „Дневникъ молодой женщины“, романъ Октава Фелье. — „Розовое домино“, романъ Бувье (печатается). — „Интригантка“, романъ Г. Яковлева (печатается). — „Уголовно-интендантскіе мемуары“. — „Историческій очеркъ нашихъ сношеній съ Китаемъ“ по непереведеннымъ китайскимъ документамъ. — „Ядовитая трава“, разск., перев. съ китайскаго. — „Мелочи архіерейской жизни“, рядъ очерковъ Лѣскова — Стебницкаго (печатается). — „М. М. Антакольскій, біогр. оч. Л. Леванда, и т. д. Кромѣ того, рядомъ съ помѣщаемыми въ газетѣ оригинальными и переводными произведеніями извѣстныхъ писателей, Редакція знакомитъ читателей, посредствомъ компиляцій и извлеченій, съ наиболѣе выдающимися произведеніями нашей журнальной и книжной литературы.

Изъ всего изложеннаго здѣсь читатели могутъ убѣдиться въ томъ, что, при относительно крайне дешевой подписной цѣнѣ, газета „Новости“ даетъ самое разнообразное чтеніе, удовлетворяющее требованіямъ всѣхъ сословій и классовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ образованности.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой въ С.-Петербургѣ: на 1 г. 8 р., на 11 м. 7 р. 50 к., на 10 м. 7 р., на 9 м. 6 р. 50 к., на 8

м. 6 р., на 7 м. 5 р. 50 к., на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р. 50 к., на 4 м. 3 р. 80 к., на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

Съ пересылкою: на 1 г. 9 р., на 11 м. 8 р. 25 к., на 10 м. 7 р. 50 к., на 9 м. 7 р., на 8 м. 6 р. 50 к., на 7 м. 5 р. 75 к., на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р. 50 к., на 4 м. 4 р., на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

Подписывающіеся сразу на всѣ послѣдніе мѣсяцы 1878 г. и на весь 1879 годъ платятъ за время съ 1-го сентября 1878 г. по 31-е декабря 1879 г., т. е. за 16 мѣсяцевъ, всего 12 р. 50 к., съ 1-го октября 1878 года по 31-е декабря 1879 г., т. е. за 15 мѣсяцевъ — 11 р. 50 к., съ 1-го ноября — 10 р. 50 к., и съ 1-го декабря — 9 р. 75 к.

Разрочка платежа допускается чрезъ посредство казначеевъ или по соглашенію съ конторою редакціи.

Письма и деньги адресуются: въ Петербургъ, въ редакцію газеты „НОВОСТИ“. 4—6.

Поступила въ продажу новая книга для дѣтскаго чтенія:

ЖИЗНЬ РОБИНЗОНА.

Съ 125 картинками въ текстѣ. Составилъ Н. Блинновъ.

С.-Петербургъ, 1878 г. 362 стран. Цѣна 1 р. 30 к., въ папкѣ 1 р. 50. 1—

ОБЪ ИЗДАНИИ

„ИЗВѢСТІЙ И УЧЕНЫХЪ ЗАПИСОКЪ“

ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

въ 1879 году.

„ИЗВѢСТІЯ“ и „УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ“ Казанскаго Университета выходятъ шесть разъ въ годъ, начиная съ января мѣсяца, выпусками, содержащими въ себѣ до 15 и болѣе листовъ. По окончаніи года каждое изданіе составитъ отдѣльный томъ, до сорока листовъ съ особымъ заглавіемъ.

„Извѣстія“ представляютъ собою официальную исторію Университета, протоколы совѣтскихъ засѣданій, мнѣнія о диссертацияхъ на ученые степени, отчеты, программы курсовъ, замѣтки, касающіяся университетской жизни. — „Ученые Записки“ — труды казанскихъ профессоровъ по наукамъ историческимъ, филологическимъ, математическимъ, естественнымъ, юридическимъ и медицинскимъ, магистерскія и докторскія диссертации, пробныя и вступительныя лекціи, документы и неизданные памятники, отчеты факультетскихъ клиникъ и лабораторій и критико-библіографическій отдѣлъ, составляемый специалистами.

Подписная цѣна за оба изданія шесть рублей съ пересылкою. Студенты Казанскаго Университета платятъ за годовое изданіе два руб.; продажа отдѣльных книжекъ недопускается.

Заявленіе объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ Редакціи „Извѣстій“ и „Ученыхъ Записокъ“ Казанскаго Университета.

Подписка принимается въ редакціи „Извѣстій“ и „Ученыхъ Записокъ“ Казанскаго Университета, а также въ книжномъ магазинѣ Дубровина въ Казани.

Подъ редакціей А. Осипова. 3—4.

„ШУТЪ“

БОЛЬШОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ КАРИКАТУРЪ.

Будетъ выходить въ 1879 году съ 1-го января еженедѣльно, въ форматѣ большихъ иллюстрацій, помѣщая на своихъ страницахъ карикатуры, рисунки, стихотворенія, очерки, рассказы, сцены, монологи, анекдоты, афоризмы и проч. и проч. Художественный отдѣлъ, на который главнымъ образомъ обращено вниманіе задачи изданія, будетъ исполненъ массою талантливыхъ силъ лучшихъ художниковъ и карикатуристовъ, всесторонне касающихся текущей жизни и вообще интересовъ, горячо занимающихъ общество.

Годовые подписчики получаютъ въ видѣ премій два большихъ рисунка, исполненные красками, въ срединѣ и концѣ года, а подписавшимся до 15-го января будетъ выслано къ масленицѣ и пасхѣ еще двѣ другихъ преміи съ рисунками академика Микѣшина изъ „Альбома Сумасшедшаго“ и изъ коллекціи иностранныхъ художниковъ, тоже дополненные красками.

Цѣны: за годъ безъ доставки 5 р., на полгода 3 р., съ пересылкою и доставкой за годъ 6 р., за полгода 4 р.

Подписка открыта и принимается для иногородныхъ только въ редакціи „Художественнаго журнала Шутъ“, во 2-й ротѣ Измайловскаго полка, д. № 17, а для городскихъ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невск. просп., № 60. 2—3.

№ 4. Томъ I.

На годъ, съ доставкой и пересылкою — 7 руб.;
на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб.
Отдѣльн. №№ по 20 к.

С.-Петербургъ, 27 Января 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый
проектъ, домъ № 20.

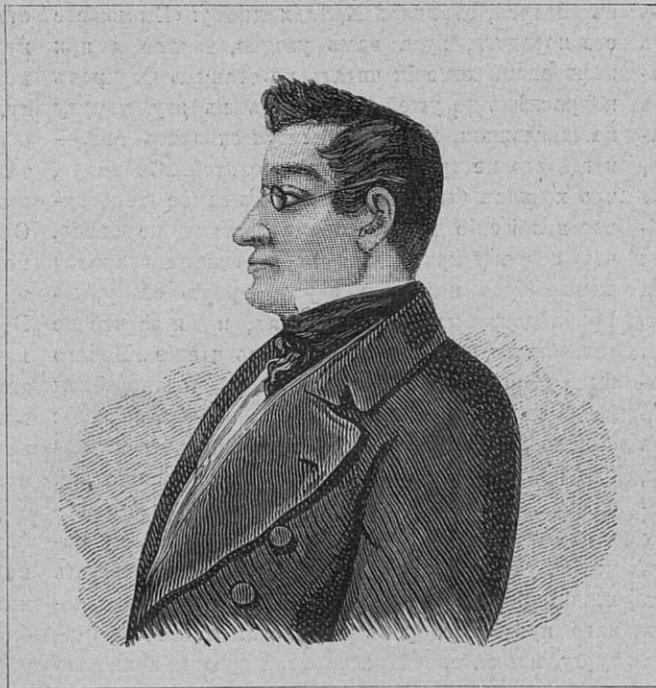
Годъ VII.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ *).

Изъ записокъ П. А. Каратыгина.

Въ театральномъ училищѣ, гдѣ я воспитывался, въ началѣ 1820-хъ годовъ, хотя и былъ уже устроенъ постоянный театръ, но на немъ играли только въ великій постъ, во время экзаменовъ, и иногда въ успенской постъ. Учителемъ драматическаго искусства былъ у насъ тогда князь Александръ Александровичъ Шаховской, считавшійся въ то время, и по справедливости, знаткомъ театральнаго дѣла. Когда же, въ 1822 году, любимыя ученицы князя были выпущены изъ училища, онъ пересталъ ѣздить въ школу, а продолжалъ свои уроки у себя на дому. Такимъ образомъ, училище оставалось безъ драматическаго учителя, а домашній нашъ театръ безъ употребленія. Мы тогда задумали устраивать, въ свободное время, домашніе спектакли собственными средствами. Инспекторомъ театральнаго училища былъ въ ту пору Иванъ Самойловичъ Бокъ, онъ же занималъ и докторскую должность при театрѣ. Это былъ человекъ очень добрый, простой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, слабый и трусливый до-нельзя. Онъ ни за что не позволялъ воспитанникамъ участвовать въ нашихъ спектакляхъ: «Играйте, говорятъ, одни, а я объ этомъ директора не смѣю просить». Нечего дѣлать, надо было выбирать пьесы безъ женскаго персонала, но это было довольно затруднительно, потому что таковыхъ въ тогдашнемъ репертуарѣ не имѣлось. Мои товарищи-однокашники избрали меня своимъ режиссеромъ и мы принуждены были играть тогда по большей части пародіи, недозволенные цензурой, какъ напримѣръ: «Митюху Валдайскаго» (пародія на Дмитрія Донскаго), «Трумфа» соч. Ивана Андреевича Крылова и нѣкоторыя другія... Чтобы помочь нашему бѣдному репертуару, я въ то время написалъ то же пародію, въ стихахъ, подъ названіемъ: «Неронъ» и потомъ «Сентябрьскую Ночь», сюжетъ которой заимствовалъ изъ разсказа Александра Бестужева, помѣщеннаго въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ журналу «Сынъ Отечества». Двѣ эти пьесы были безъ женскихъ ролей и имѣли на нашей миньютурной сценѣ большой успѣхъ.

Само собою разумѣется, что наша домашняя публика была не взыскательна и снисходительно относилась къ доморощенному автору. Главныя въ нихъ роли играли мои совоспитанники — Григорьевъ и Воробникоу. Петръ Ивановичъ Григорьевъ, впоследствии извѣстный актеръ и сочинитель, готовился тогда быть музыкантомъ и уже начиналъ играть на виолончелѣ въ театральномъ оркестрѣ. Я уговорилъ его принять участіе въ нашихъ спектакляхъ; онъ согласился попробовать свои средства и, сыгравъ удачно нѣсколько ролей, такъ пристрастился къ сценическимъ занятіямъ, что вскорѣ выпользъ изъ оркестра на сцену,

Портретъ А. С. Грибоѣдова.

Копія съ портрета, написаннаго П. А. Каратыгинымъ.

оставилъ свой инструментъ и рѣшился сдѣлаться актеромъ. Черезъ годъ послѣ того онъ началъ учиться у кн. Шаховскаго и дебютировалъ на публичной сценѣ.

По выходѣ моемъ изъ училища (въ 1823 году), я продолжалъ занимать принятую на себя должность режисера у прежнихъ своихъ однокашниковъ. Наши ребяческіе спектакли посѣщали нѣсколько разъ Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ — и они ему очень нравились... Я помню, какъ онъ отъ души хохоталъ, смотря моего «Нерона». Водевиль же мой «Сентябрьская Ночь» онъ даже уговаривалъ меня тогда поставить на пуб-

личномъ театрѣ, но я въ то время не смѣлъ и мечтать объ этой чести *).

Вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ посѣщали наши спектакли Александръ Бестужевъ. Однажды мнѣ случилось играть на нашемъ театрѣ роль офицера Хрустилина въ водевилѣ «Пурсоньякъ» (кн. Шаховскаго). Въ нашемъ театральномъ гардеробѣ мундиры были больно безобразны, и я выпросилъ у Бестужева его адъютантскій мундиръ со всѣми къ нему принадлежностями... И какъ же я былъ тогда доволенъ, что могъ на сценѣ пощеголять въ настоящей гвардейской формѣ, — что, разумѣется, не дозволено было на публичномъ театрѣ...

Думалъ-ли я тогда, что, можетъ быть, играю въ томъ самомъ мундирѣ, въ которомъ, черезъ нѣсколько времени, Бестужевъ будетъ разыгрывать злополучную роль на Сенатской площади и за которую его вызовутъ въ Петропавловскую крѣпость!!

Въ 1824 г. появилась въ рукописи безсмертная комедія Грибоѣдова. Въ печати были тогда только двѣ или три сцены изъ нея, помѣщенные въ альманахѣ, подъ названіемъ «Русская Талія», издан. Булгаринымъ; но вся комедія была въ то время запрещеннымъ плодомъ... Мы съ Григорьевымъ предложили Александру Сергѣевичу разыграть «Горе отъ ума» на нашемъ школьномъ театрѣ и онъ былъ въ восхищеніи отъ нашего предложенія... Большого труда намъ стоило упротить добраго инспектора Бока — дозволить и воспитанникамъ принять участіе въ этомъ спектаклѣ... наконецъ, онъ согласился, и мы живо принялись за дѣло; въ нѣсколько дней росписали роли, въ недѣлю ихъ выучили и дѣло пошло на ладъ **). Самъ Грибоѣдовъ пріѣзжалъ къ намъ на репетиціи и очень усердно училъ насъ... Надо было видѣть, съ какимъ простодушнымъ удовольствіемъ онъ потиралъ себѣ руки, видя свое «Горе отъ ума» на нашемъ ребяческомъ театрѣ!.. Хотя, конечно, мы откалывали его безсмертную комедію съ го-

*) Въ 1830 году этотъ водевиль былъ игранъ на Большомъ театрѣ, въ бенефисъ актера Рязанцева

П. К.

**) Вотъ фамилии воспитанниковъ и воспитанницъ, которые должны были участвовать въ комедіи: Григорьевъ — Чацкаго, Чайчиковъ — Фамусова, я — Репетилова, Экунинъ — Скалозуба, Софью — Прилуцкая, Лизу — Лебедева (впоследствии она вышла замужъ за танцора Шелихова), Хлестову — Ковалева (теперь она классная дама въ театральномъ училищѣ), остальныхъ не помню... Но чуть-ли не мы вдвоемъ съ Ковалевой изо-всего этого персонала и удѣляли на нашей жизненной сценѣ.

П. К.

*) Записки эти были напечатаны въ «Рус. Старинѣ» 1872 года т. V и перепечатываются въ «Жив. Об.» съ благосклоннаго согласія автора. Ред.

ремъ пополамъ, но онъ былъ очень доволенъ нами, а мы были въ восторгѣ, что могли угодить ему. На одну изъ репетицій онъ привелъ съ собою А. Бестужева и Вильгельма Кюхельбекера — и тѣ также насъ похваливали... Наконецъ, комедія была уже совсѣмъ приготовлена, на слѣдующій день назначенъ былъ спектакль... но, увы! всѣ наши хлопоты и надежды лопнули, какъ мыльный пузырь! Наканунѣ самаго представленія, во время послѣдней репетиціи, является къ намъ инспекторъ Бокъ, и объявляетъ намъ грозный фирманъ графа Милорадовича, (который имѣлъ тогда главное начальство надъ императорскими театрами и которому кто-то донесъ о нашихъ затѣяхъ), чтобъ мы не смѣли такъ либеральничать и что пьесу, неодобренную цензурой, нельзя позволить играть въ театральномъ училищѣ. Всѣ мы повѣсили носы отъ этого неожиданнаго извѣстія и пришлось намъ горемычнымъ повторить два стиха изъ запрещенной комедіи:

«Ни безпокойства, ни сомнѣнья,
А горе ждетъ изъ-за угла!»

Да, дѣйствительно, мы всѣ были въ страшномъ горѣ, а нашъ простодушный Бокъ перетрусился не на шутку; онъ, кажется, боялся, чтобъ за свою слабость къ намъ не попасть ему въ крѣпость!.. Но дѣло ограничилось однимъ только выговоромъ.

Мы съ Григорьевымъ отправились тотчасъ же къ Грибоѣдову съ этимъ роковымъ извѣстіемъ, что, конечно, его сильно огорчило.

Итакъ, поэту не суждено было видѣть на сценѣ (даже и въ такомъ горемычномъ исполненіи, какъ наше) своей безсмертной комедіи.

Въ этотъ періодъ времени, Грибоѣдовъ часто бывалъ у насъ въ домѣ, а мы съ братомъ, Васильемъ Андреевичемъ, еще чаще посѣщали его... Кромѣ его остроумной бесѣды, любилъ я слушать его великолѣпную игру на фортепьяно... сидеть онъ, бывало, къ намъ и начнетъ фантазировать... сколько было тутъ вкуса, силы, дивной мелодіи! Онъ былъ отличный пьянистъ и большой знатокъ музыки: Моцартъ, Бетховенъ, Гайднъ и Веберъ были его любимые композиторы. Однажды я сказалъ ему: «Ахъ, А. С., сколько Богъ далъ вамъ талантовъ: вы поэтъ, музыкантъ, были лихой кавалеристъ и, наконецъ, отличный лингвистъ!» (Онъ, кромѣ пяти европейскихъ языковъ, основательно зналъ персидскій и арабскій языки). Онъ улыбнулся, взглянулъ на меня умными своими глазами изъ-подъ очковъ и отвѣчалъ мнѣ: «Повѣрь мнѣ, Петруша, у кого много талантовъ, у того нѣтъ ни одного настоящаго». Онъ былъ скромнень и снисходителенъ въ кругу друзей, но сильно вспыльчивъ, заносчивъ и раздражителенъ, когда встрѣчалъ людей не по душѣ... Тутъ онъ готовъ былъ придаться къ нимъ изъ пустяковъ и горе тому, кто попадался къ нему на зубокъ... тогда соперникъ бывалъ разбитъ въ пухъ и прахъ, потому что сарказмы его были неотразимы! Вотъ одинъ изъ такихъ эпизодовъ: когда Грибоѣдовъ привезъ въ Петербургъ свою комедію, Николай Ивановичъ Хмѣльницкій просилъ его прочесть ее у него на дому; Грибоѣдовъ согласился. По этому случаю, Хмѣльницкій сдѣлалъ обѣдъ, на который, кромѣ Грибоѣдова, пригласилъ нѣсколькихъ литераторовъ и артистовъ, въ числѣ послѣднихъ были: Сосницкій, мой братъ и я. Хмѣльницкій жилъ тогда баринскомъ, въ собственномъ домѣ на Фонтанкѣ у Симіоновскаго моста. Въ назначенный часъ собралось у него небольшое общество. Обѣдъ былъ роскошенъ, веселье и шумень... Послѣ обѣда всѣ вышли въ гостинную, подали кофе и закурили сигары... Грибоѣдовъ положилъ рукопись своей комедіи на столъ; гости, въ нетерпѣливомъ ожиданіи, начали придвигать стулья; каждый старался помѣститься поближе, чтобъ не проронить ни одного слова... Въ числѣ гостей былъ тутъ нѣкто Василій Михайловичъ Оеодоровъ, сочинитель драмы «Лиза, или торжество благодарности»

и другихъ давно уже забытыхъ пьесъ... Онъ былъ человѣкъ очень добрый, простой, но имѣлъ претензію на остроуміе... Физиономія-ли его не поправилась Грибоѣдову, или можетъ быть старый шутникъ пересолить за обѣдомъ, рассказывая неостроумные анекдоты, только хозяину и его гостямъ пришлось быть свидѣтелями довольно неприятной сцены... Покуда Грибоѣдовъ закуривалъ свою сигару, Оеодоровъ, подойдя къ столу, взялъ комедію (которая была переписана довольно разгонисто), покачалъ ее на рукѣ и, съ простодушной улыбкой, сказалъ: «Ого! какая полновѣсная!.. Это стоитъ моей Лизы». Грибоѣдовъ посмотрѣлъ на него изъ-подъ очковъ и отвѣчалъ ему, сквозъ зубы: «Я пошлостей не пишу». Такой неожиданный отвѣтъ, разумѣется, огоршилъ Оеодорова и онъ, стараясь показать, что принимаетъ этотъ рѣзкій отвѣтъ за шутку, улыбнулся, и тутъ же поторопился прибавить: «Никто въ этомъ не сомнѣвается, Александръ Сергѣевичъ; я не только не хотѣлъ обидѣть васъ сравненіемъ со мной, но, право, готовъ первый смѣяться надъ своими произведеніями». — «Да, надъ собою-то вы можете смѣяться сколько вамъ угодно, а я надъ собою — никому не позволяю...» — Помилуйте, я говорилъ не о достоинствѣ вашихъ пьесъ, а только о числѣ листовъ». — «Достинствъ моей комедіи вы еще не можете знать, а достоинства вашихъ пьесъ всѣмъ давно извѣстны». — «Право, вы напрасно это говорите, я повторяю, что вовсе не думалъ васъ обидѣть». — «О, я увѣренъ, что вы сказали не подумавши, а обидѣть меня вы никогда не можете».

Хозяинъ отъ этихъ шилекъ былъ какъ на иголкахъ, и желая шуткой какъ-нибудь замѣть размовку, которая принимала не шуточный характеръ, взялъ за плечи Оеодорова и, смѣясь, сказалъ ему: «Мы за наказаніе посадимъ васъ въ задній рядъ кресель...»

Грибоѣдовъ, между тѣмъ, ходя по гостинной съ сигарой, отвѣчалъ Хмѣльницкому: «Вы можете его посадить, куда вамъ угодно, только я при немъ своей комедіи читать не стану...» Оеодоровъ покраснѣлъ до ушей и походилъ въ эту минуту на школьника, который силится схватить ежа — и гдѣ его не тронетъ, вездѣ уколится... Очевидно, что хозяинъ былъ поставленъ въ самое щекотливое положеніе между своими гостями, не зная, чью сторону принять, и всѣми силами старался какъ-нибудь потушить эту вздорную ссору, но Грибоѣдовъ былъ непреклоненъ, и ни за что не соглашался, при Оеодоровѣ начать чтеніе... Нечего было дѣлать... бѣдный авторъ добродѣтельной Лизы взялъ шляпу и, подойдя къ Грибоѣдову, сказалъ: «Очень жаль, Александръ Сергѣевичъ, что невинная моя шутка была причиной такой неприятной сцены... и я, чтобъ не лишать хозяина и его почетныхъ гостей удовольствія слышать вашу комедію, ухожу отсюда...» Грибоѣдовъ съ жестокимъ хладнокровіемъ отвѣчалъ ему на это: «Счастливаго пути!» Оеодоровъ скрылся... Итакъ, драматургу, изъ-за своей несчастной драмы, пришлось сыграть комическую роль, а комикъ чуть не разыгралъ драмы изъ-за своей комедіи.

По уходѣ Оеодорова, чтеніе началось — и нужно-ли говорить, какой эффектъ произвела эта комедія на слушателей!

Здѣсь, для контраста, приведу другой случай изъ домашней жизни покойнаго Александра Сергѣевича. Былъ у него камердинеръ, крѣпостной его человѣкъ, который съ малолѣтства находился при немъ для прислуги; онъ вмѣстѣ съ нимъ выросъ и былъ при немъ безотлучно во всѣхъ его путешествіяхъ. Грибоѣдовъ его очень любилъ и даже баловалъ, вслѣдствіе чего слуга зачастую фамильяричалъ со своимъ господиномъ. По какому-то странному случаю, этотъ слуга назывался Александромъ Грибовымъ и Грибоѣдовъ часто называлъ его тезкой. Грибовъ, по уходѣ его, за-

перъ квартиру на ключъ и самъ тоже куда-то отправился... Часу во второмъ ночи, Грибоѣдовъ воротился домой; звонить, стучить — дверей не отворяютъ... онъ еще сильнѣе — нѣтъ отвѣта. Помучившись напрасно съ четверть часа, онъ отправился почевать къ своему пріятелю Андрею Андреевичу Жандру, который жилъ тогда недалеко отъ него.

На другой день Грибоѣдовъ приходитъ домой; Грибовъ встрѣчаетъ его, какъ ни въ чемъ не бывало. «Сашка! куда ты вчера уходилъ? спрашиваетъ Грибоѣдовъ.

— Въ гости ходилъ... отвѣчаетъ Сашка.

— Но я во второмъ часу воротился, и тебя здѣсь не было.

— А почему же я зналъ, что вы такъ рано вернетесь? возражаетъ онъ такимъ тономъ, какъ будто вся вина была на сторонѣ барина, а не слуги.

— А ты въ которомъ часу пришелъ домой?

— Ровно въ три часа.

— Да, сказалъ Грибоѣдовъ, ты правъ, ты точно, въ такомъ случаѣ, не могъ мнѣ отворить дверей...

Нѣсколько дней спустя, Грибоѣдовъ сидѣлъ вечеромъ въ своемъ кабинетѣ и что-то писалъ... Александръ пришелъ къ нему и спросилъ его:

— А что, Александръ Сергѣевичъ, вы не увидите сегодня со двора?

— А тебѣ зачѣмъ?

— Да мнѣ бы пужно было сходить часа на два, на три въ гости.

— Ну, ступай, я останусь дома.

Грибовъ разфрантился, надѣлъ новый фракъ и отправился... Только-что онъ за ворота, Грибоѣдовъ снимаетъ халатъ, одѣлся, заперъ квартиру, взялъ ключъ съ собою и ушелъ опять почевать къ Жандру. Время было лѣтнее; Грибовъ воротился часу въ первомъ... звонить, стучить, двери не отворяются... Грибовъ видитъ, что дѣло плохо, стало быть, баринъ надулъ его... Уйти почевать куда-нибудь нельзя, неравно баринъ вернется ночью. Нечего было дѣлать; ложится онъ на полъ, около самыхъ дверей и засыпаетъ богатырскимъ сномъ. Рано по утру, Грибоѣдовъ воротился домой и видитъ что его тѣзка, какъ вѣрный песъ, растянулся у дверей своего господина. Онъ разбудилъ его и, потирая руки, самодовольно говоритъ ему: «А? что?.. франтъ-собака, каково я тебя прошколилъ... славно отометилъ тебѣ! Вотъ, еслибъ у меня не было по близости знакомаго, и мнѣ-бы пришлось на прошлой недѣлѣ также почевать, по твоей милости!» Грибовъ вскопчилъ, какъ встрепаанный, и, потягиваясь, сказалъ ему: «Куда какъ остроумно придумали!.. есть чѣмъ хвастать».

Другой разъ, при мнѣ, Грибоѣдовъ садится за фортепьяно, у которыхъ одна ножка была безъ колеса и для подпорки подъ нее обыкновенно подставляли какой-то брусокъ... на этотъ разъ бруска не оказалось и фортепьяно шаталось во всѣ стороны... Грибоѣдовъ зоветъ своего Грибова и говоритъ ему: «Ты вѣрно опять сегодня игралъ безъ меня на фортепьяно?

— Игралъ немножко... отвѣчаетъ онъ фамильярно.

— Ну, такъ и есть! — А куда дѣвался брусокъ?

— Не знаю.

— А что ты игралъ?

— «Барыню!»

— Ну-ка, сыграй... Слуга, безъ церемоніи, садится за фортепьяно и однимъ пальцемъ наигрываетъ извѣстную пѣсню: «Барыня-сударыня, протините ножку». Грибоѣдовъ прослушалъ его съ пол-минуты, покачалъ головою и сказалъ ему: «Ахъ, ты дрянъ этакая, понятія не имѣешь, какъ надо играть, а портить мнѣ фортепьяно!.. По-ш-ш-шелъ! играй лучше въ свайку, или въ бабки!»

Эти два анекдота ясно обрисовывают простодушный характер Грибофдова. Впоследствии, этот самый Грибовъ былъ вмѣстѣ со своимъ господиномъ въ Тегеранѣ и въ 1829 году, во время кровавой катастрофы, какъ мнѣ рассказывали, былъ изрубленъ вмѣстѣ съ нимъ.

Извѣстно, что Грибофдовъ, въ 1826 году, былъ вытребованъ изъ Тифлиса слѣдственною коммисіей по дѣлу 14 декабря; его подозрѣвали также прикосновеннымъ къ заговору; онъ былъ съ фельдшеремъ привезенъ въ Петербургъ и содержался нѣсколько дней подъ арестомъ въ главномъ штабѣ. Вскорѣ, однако, онъ былъ освобожденъ, потому что никакихъ уликъ противъ него не оказалось.

Въ началѣ весны, въ 1828 году, незадолго до своего отъѣзда въ Тегеранъ, Александръ Сергѣевичъ зашелъ ко мнѣ... Тогда я уже былъ женатъ; онъ желалъ поздравить меня и жену мою съ законнымъ бракомъ... (его не было въ Петербургѣ, когда мы сыграли нашу свадьбу *). Мы съ женою поздравляли его и съ царскою милостью, и съ блестящей карьерой (онъ тогда только-что былъ назначенъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ). На наше радужное привѣтствіе онъ отвѣчалъ какъ-то грустно, точно предчувствіе щемило его въ сердце: «Богъ съ ними, съ этими почестями!—говорилъ онъ—мнѣ-бы только устроить и обезпечить мою старушку-матушку,—а тамъ я бы опять вернулся сюда... дайте мнѣ мое свободное время, мое перо и чернилицу, больше мнѣ ничего не надо!» Когда же я заговорилъ объ его высокомъ назначеніи, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Не люблю я персіанъ, это самое коварное и предательское племя». Потомъ, когда онъ собирался уходить, жена моя сказала ему: «Неужели, Александръ Сергѣевичъ, Богъ не приведетъ вамъ увидѣть свою чудную комедію на нашей сценѣ?»—Онъ грустно улыбнулся, взглянулъ на нее изъ-подъ очковъ, и сказалъ ей: «А какая бы вы была славная Софья!» Грустно было на этотъ разъ наше прощаніе съ нимъ... Не прошло и году послѣ нашей разлуки, какъ его не стало: онъ погибъ въ Тегеранѣ 30 января 1829 года.

(Продолженіе.)

Докторъ Симоненко былъ бы самымъ несчастнымъ и жалкимъ человѣкомъ, если бы ему не удалось, какъ онъ самъ выражался, «дошутиться до благосостоянія».

Мать природа создала его человѣкомъ широкимъ въ кости, съ огромной пастью, и онъ былъ крайне смѣшонъ въ то время, когда эти широкія кости обтягивались тощей кожей, а эта огромная пасть рѣзала глаза, помѣщаясь на худомъ костлявомъ лицѣ.

За докторомъ, опять-таки по его же выраженію, «не водилось никакихъ качествъ», кромѣ двухъ,—одного отрицательнаго, а другого—положительнаго. Первое заключалось въ его волчьемъ аппетитѣ, второе—въ его способности балагурить во всякое время дня и ночи. Онъ понималъ, что ему нужно воспользоваться своимъ положительнымъ качествомъ, чтобы удовлетворить потребности своего отрицательнаго качества, и сталъ «вышучивать» себѣ завтраки, обѣды и ужины. На его счастье, одинъ изъ его пріятелей, Петръ Ивановичъ Гриневъ, ввелъ его въ домъ нѣкоего барона фонъ-Тифензее, близкаго родственника очень богатыхъ князей Грачевыхъ. На счастье же доктора Симоненко, у князей Грачевыхъ опасно заболѣлъ единственный наслѣдникъ и доктора пригласили жить при больномъ.

Больной скучалъ, былъ раздражителенъ и при-вередливъ, и веселый нравъ доктора былъ здѣсь какъ нельзя болѣе у мѣста. Докторъ Симоненко, какъ человѣкъ себѣ на умѣ, пустилъ въ ходъ весь запасъ своей природной веселости, своего остроумія и дошутился до того, что приобрѣлъ расположеніе всѣхъ родныхъ больного и послѣ смерти послѣдняго пріютился подъ крылышкомъ его матери, втерся черезъ нее въ аристократическіе дома, составилъ выгодную партію, женившись на довольно перерѣзкой, но богатой дѣвѣ.

Время его «бурь и порывовъ», заключавшихся въ стремленіи завоевать на всю жизнь право отлично обѣдать, оставило на немъ свою неизгладимую печать. Судьба отвѣсила ему на аптекарскихъ вѣсахъ и запасъ желчи и запасъ злобы. Но завоевывавъ себѣ обѣды, онъ все болѣе и болѣе сознавалъ, что и эти микроскопическіе запасы желчи и злобы могутъ служить помѣхой для достиженія завѣтной цѣли и потому постарался освободиться отъ нихъ совершенно. Кромѣ того, вращаясь среди разнохарактерныхъ личностей, онъ по необходимости привыкъ подлаживаться къ различнымъ взглядамъ, убѣжденіямъ и направленіямъ, сознавая, что у иного радикала подается такое бургонское, какъ нигдѣ, а у иного ретрограда готовится такая кулебяка, какой не ѣдалъ и самъ блаженной памяти Петръ Петровичъ Штухъ. Вслѣдствіе этого, съ теченіемъ времени, изъ него выработался совершенно своеобразный типъ всегда и всѣмъ улыбающагося человѣка.

Онъ считалъ себя другомъ всѣхъ и ставилъ себѣ въ обязанность знакомить всѣхъ, всѣхъ примирять, всѣхъ сватать, у всѣхъ крестить. Это былъ жирный, лоснящійся человѣкъ, вѣчно пожимавшій кому-нибудь руки, вѣчно убѣждавшій кого-нибудь въ чьихъ-нибудь добрыхъ качествахъ.

Постоянно обливаясь потомъ и постоянно потирая отъ удовольствія жирныя руки, онъ былъ счастливъ, воображая себя центромъ обширнаго кружка друзей, пріятелей, сослуживцевъ и знакомыхъ, и не замѣчая, что центромъ служить не онъ, а его открытый столъ. Онъ судилъ со всѣми и обо всемъ, хотя, въ сущности, онъ давно все позабылъ, давно ничѣмъ не интересовался и понималъ толкъ только въ хорошемъ винѣ, въ хорошихъ сигарахъ, въ хорошемъ ростбифѣ и хорошемъ сырѣ. Впрочемъ, у него была одна завѣтная идея: онъ былъ убѣжденъ, что всѣ болѣзни происходятъ отъ желудка и что разумный медикъ долженъ лечить исключительно одинъ желудокъ.

— Э, да у васъ желудочекъ пошаливаетъ! говорилъ онъ націенту, страдавшему зубною болью, и принимался разъяснять средства для возстановленія правильнаго пищеваженія.

— Но что же дѣлать съ зубною-то болью? перетиравивъ прерывалъ его націентъ.

— А вотъ возстановимъ-съ пищеваженіе, ус-

покоимъ желудокъ, тогда и зубы болѣть не будутъ. Причина-съ болѣзней одна! говорилъ, потирая свои жирныя руки, докторъ и принимался писать рецептъ.

— Но вѣдь это очень долго, тутъ прежде съума сойдемъ, возражалъ больной.

— Ну, ну, не сойдемте. Это не такъ легко! Барыня вы, что-ли? шутилъ докторъ. — Нужно принять лучше медленно дѣйствующія, но за то радикальныя мѣры... Зубы лечить — это паліатива...

— Радикальная мѣра до новаго разстройства желудка, сердился больной.

— А вы его не портите! Вы его берегите и онъ васъ сбережетъ, поучалъ медикъ.

Не смотря на это, докторъ Симоненко разстроивалъ чужіе желудки, какъ никто. Не нуждаясь болѣе въ чужихъ обѣдахъ и понимая всѣ недостатки этихъ обѣдовъ, онъ сталъ устроивать у себя разныя «закусочки», заботясь только о томъ, чтобы на нихъ было все «тонко». Эти «тонкія закуски» были самые человѣкоубійственные, самые непереваримые завтраки, обѣды и ужины, съ блюдами «холоднаго», «раковаго», «ростбифовъ», «устрицъ», «стерляжьей ухи», «сыровъ», «пикантныхъ соусовъ», «каенскаго перца», «англійскихъ пикулей». Докторъ, возвращаясь домой съ «визитовъ», не могъ не заѣхать къ Смурову, къ Колчипну, къ Елисѣеву и не справитъ, нѣтъ-ли чего-нибудь «новенькаго». Если «новенькое» находилось, докторъ осклаблялся и уже эта улыбка не сходила съ его лица вплоть до той торжественной минуты, когда онъ собиралъ всѣхъ своихъ друзей, пріятелей и знакомыхъ, заявляя всѣмъ и каждому:

— А ужъ какой я штучиной васъ нынче угощу! и докторъ при этомъ цаловалъ кончики своихъ, почти уже не сгибавшихся пальцевъ.

Затѣмъ всѣ гости съ нетерпѣніемъ ждали этой «штучины», наконецъ она появлялась и они приступали къ таинству пробы новаго кушанья.

— Ну, что? съ торжествующимъ видомъ спрашивалъ докторъ.

— Что, братъ, дрянъ! отзывался кто-нибудь изъ гостей, чувствуя чуть не тошноту отъ этой «штучины».

— Эхъ ты, профанъ! съ пренебреженіемъ отзывался докторъ, и самъ съ сіяющими глазками приступалъ къ пробѣ повникки.

— А вѣдь дѣйствительно дрянъ! отзывался другой изъ гостей.

— Ну, вотъ еще! почти сердился докторъ, едва осиливая кусокъ неудобосѣдаемой диковинки. — Съ непривычки такъ кажется. Вы разберите, какой ароматъ!

— Просто, братъ, вонь, а не ароматъ! уже смѣялись гости.

— Ну да!.. Вамъ кислая капуста ароматнѣе кажется! совѣтъ негодовалъ докторъ, съ трудомъ проглотивъ открытую имъ дрянъ.

— Да вѣдь ужъ чего скриваешься: самъ давишься.

— Вовсе не давишься, а чего же одному ѣсть!

Докторъ на нѣкоторое время омрачался, какъ омрачаются творцы гениальныхъ произведеній, слыша свистъ и насмѣшки толпы. Но слѣдующее блюдо и стаканъ вина успокоивали доктора и онъ уже начиналъ хохотать.

— А что, господа, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ штучина-то вышла дрянъ? говорилъ онъ. — И чортъ, дернулъ меня взять ее!.. Нѣтъ, вы попохайте ее какъ она, бестія, воняетъ-то!

И докторъ раздражался жирнымъ, захлебывающимся смѣхомъ.

Видя его колоссальныя «закусочки», каждый могъ заподозрить его въ преступномъ своекорыстіи и предположить, что онъ нарочно хочетъ этими завтраками, обѣдами и ужинами перепортить желудки всѣхъ своихъ гостей, чтобы иску-

*) Первая моя жена была Любовь Осиповна Дюрова (ученица кн. Шаховскаго), родная сестра извѣстнаго артиста Николая Осиповича Дюра. Она такъ же, какъ и братъ ея, была въ свое время любимцею публики. Она скончалась въ томъ же 1828 году.

ственнымъ образомъ увеличить число своихъ пациентовъ. Нечего и говорить, что доктору и въ умъ не приходили такіе злодѣйскіе планы и что онъ кормилъ гостей съ самою благонамѣренною цѣлью — съ цѣлью аппетитнѣе поѣсть самому, при видѣ чужого аппетита.

Глядя на него, я часто думалъ, что судьба посмѣялась надъ нимъ, сдѣлавъ его докторомъ, тогда какъ онъ родился трактирщикомъ.

Въ жизни доктора Симоненко, по его собственнымъ словамъ, было три періода: періодъ, когда онъ облизывался и глоталъ слюнки, смотря издали, какъ кормятся другіе люди; періодъ, когда онъ кормился за чужими столами; наконецъ, пе-

нибудь могъ работать желудокъ: онъ презиралъ только людей, у которыхъ желудки уже не варили.

Но почему я его любилъ—это объяснить трудно: можетъ быть, тутъ большую роль играла привычка къ этому человѣку; можетъ быть, повлияла на мою привязанность къ нему оригинальность его личности, доставлявшей неисчерпаемый матеріалъ для наблюдений. Какъ бы то ни было, но я его любилъ. Правда, я любилъ его не безъ примѣси снисходительности, не безъ примѣси провіи и юмора, ко все-таки любилъ. Иногда я просиживалъ у него цѣлые часы, слушая его остроумные или шутовскіе рассказы о

познакомить незнакомыхъ, угодить каждому и все это только для того, чтобы они съѣли до-чиста какой-нибудь изъ его невообразимыхъ ужिनновъ.

Впрочемъ, въ домѣ Симоненко достоинъ наблюденья былъ не одинъ хозяинъ. Не менѣе интересна была его жена.

Антонида Павловна вышла замужъ за доктора въ то время, когда она начинала терять всякую надежду на замужество, т. е. около тридцати двухъ лѣтъ. Почему она не вышла замужъ ранѣе—это трудно рѣшить. Мнѣ кажется, что единственная причина ея долгосрочной дѣвственности заключалась въ романтизмъ этой величествен-

МОГИЛА ГРИБОВѢДОВА . ВЪ ТИФЛИСѢ.

Съ фотографическаго снимка рисоваль И. Т. Михайловъ.

Рѣзали на деревѣ Б. Пуцъ и А. Висневскій въ Варшавѣ.

ріодъ, когда онъ кормилъ и себя и другихъ, и званныхъ и незванныхъ. Я зналъ его во всѣ періоды его жизни—въ первый періодъ я слышалъ его надрывающіе сердце вздохи о чужихъ объѣдахъ; во второй періодъ я внималъ его восторженнымъ описаніямъ съѣденныхъ имъ въ томъ или другомъ домѣ деликатныхъ блюдъ; въ третій періодъ я получалъ отъ него ежедневныя неотступныя приглашенія на его «тонкія закуськи». Вслѣдствіе этого, не смотря на различіе нашихъ лѣтъ, характеровъ и привычекъ, мы тѣсно сблизились съ нимъ.

Что онъ любилъ меня—это неудивительно, потому что онъ любилъ всѣхъ, у кого хотя сколько-

его бывшихъ похощеній въ время поисковъ за объѣдами, о его визитахъ къ разнымъ пациентамъ, о его открытіяхъ по части гастрономіи. Мнѣ было интересно слушать эти трагическіе эпизоды изъ его прошлаго, когда нерѣдко онъ уже обонялъ носомъ «тонкій объѣдъ» въ томъ или другомъ домѣ и не получалъ приглашенія; мнѣ было любопытно смотрѣть на оживленіе и пафосъ неглупаго человѣка во время описанія имъ какого-нибудь откормленнаго грѣцкими орѣхами индюка, мнѣ было занимательно смотрѣть, какъ этотъ богатый человѣкъ выбивался изъ силъ и хлопоталъ до поту въ лицѣ, чтобы созвать возможно большее число людей, примирить враждующихъ,

ной особы, съ томно поднимающимися къ небу глазами и протяжными вздохами, исходящими изъ ея груди, какъ изъ бездонной пропасти. Вматриваясь въ ея характеръ, каждый могъ бы подумать, что она родилась не въ нашъ вѣкъ, а во времена рыцарства, когда женщины высшихъ классовъ общества имѣли своихъ нажей, своихъ трубадуровъ, своихъ рыцарей. Но, конечно, такое предположеніе было бы ошибочно: Антонида Павловна родилась въ нашъ вѣкъ и просто провела семь лѣтъ затворнической жизни въ институтѣ, а потомъ нѣсколько лѣтъ въ домѣ богатой старой дѣвственницы тетки, жившей во вдовьемъ домѣ. Въ институтѣ она читала тайкомъ

романы и обожала всѣхъ мужчинъ, начиная съ учителя чистописанія, «имѣвшаго божественный почеркъ», и кончая швейцаромъ, «похожимъ на древняго патріарха». Въ домѣ старухи тетки она тоже читала романы и обожала всѣхъ мужчинъ, начиная съ глухого и слѣплого генерала, князя Грачева, казавшагося ей «великимъ героемъ», хотя онъ всю жизнь провелъ въ своемъ кабинетѣ, и кончая чахоточнымъ отцомъ Василюмъ Крестовоздвиженскимъ, служившимъ въ ихъ домѣ молебны и вечерни и казавшимся ей похожимъ «на пустынноика». Всѣ эти годы своего дѣвчества, Антониду Павловну или Тото, какъ ее называли ея подруги и ея тетка, была замужемъ, по крайней мѣрѣ, тысячу разъ, конечно, мысленно, и каждый ея новый мужъ былъ, по крайней мѣрѣ, величайшій полководецъ, или гениальнѣйшій и несчастнѣйшій геній. Одному изъ этихъ мужей она перевязывала кровавыя раны и онъ умиралъ на ея груди, другого она находила гдѣ-нибудь на чердакѣ «съ печатью мрачной думы и отверженія на челѣ» и падала передъ нимъ на колѣни со словами: «я твоя», но онъ смотрѣлъ на нее мрачно, блуждая очами, и подносилъ ко лбу пистолетъ; третій мужъ, — но нѣтъ, это былъ не мужъ — Тото краснѣла и смущалась, потому что этотъ третій, юный, какъ мальчикъ, свѣжій, какъ роза, стройный, какъ пальма, былъ ея «пажъ», — пажъ, съ которымъ она проводила цѣлыя ночи, мечтая, любуясь луной и уча его поцѣловать, такъ какъ онъ былъ такъ юнъ и невиненъ, что даже не умѣлъ цѣловать женщинъ. Постоянное пребываніе среди сантиментальныхъ дѣвственницъ и неутѣшныхъ вдовицъ вдовьяго дома, вѣчныя тревоги по поводу мысленныхъ замужествъ и похоронъ воображаемыхъ мужей, страстное и неудовлетворенное ожиданіе встрѣчи съ идеаломъ, все это не могло не отозваться вредно на здоровьѣ Тото. Она уже порядочно похудѣла, стала зеленѣть и страдать малокровіемъ, когда внезапно ей, какъ съ неба, упало значительное наслѣдство и случай столкнулъ ее съ докторомъ Симоненко, лечившимъ какую-то вдовствующую генеральшу во вдовьемъ домѣ. Самъ по себѣ, докторъ Симоненко никакъ не могъ показаться Тото за рыцаря, по судьба устроила такъ, что Тото открыла и въ докторѣ рыцарскія достоинства. Она трагически рассказывала въ его присутствіи, какъ ей сдѣлалось дурно, какъ она не могла пробраться среди массы народа изъ храма.

— Жаль, барышня, меня не было тамъ. Я бы васъ, какъ перышко, поднялъ на руки и пронесъ бы надъ этой толпой, пошутилъ докторъ.

— А развѣ вы такой сильный? закатила глазки Тото.

— Ничего-съ, съ медвѣдемъ справлюсь! засмѣялся докторъ, показывая свою здоровенную руку.

Тото задумалась: ей представилась картина — массы народа, она въ обморокѣ и докторъ Симоненко, несущій ее надъ толпою среди облаковъ дыма отъ «фиміама», какъ называла обыкновенно Тото ладонь.

«Ахъ, онъ настоящій Самсонъ!» съ сердечнымъ замѣчаніемъ подумала Тото.

Съ этой минуты участь доктора Симоненко была рѣшена. Онъ сдѣлался героемъ Тото, ея Самсономъ. Облѣбѣвшій Самсонъ очень ясно понималъ это изъ долгихъ и чувствительныхъ рукопожатій Тото и сообразилъ, что ея имѣніе будетъ не лишнею прибавкою къ его доходамъ, а она...

— Ее откормить еще можно! говорилъ мнѣ Симоненко, развивая свои планы на счетъ жепитбы.

Они повѣнчались послѣ полугодового знакомства и зажили довольно мирно, потому что докторъ не стѣснялъ ни въ чемъ свою жену и только старался ее откормить.

Антонида Павловна была тоже очень доволь-

на своею новою жизнью, такъ какъ около нея теперь вертѣлось много народу, она ѣздила на балы и въ театры, она могла дѣлать глазки, кому ей угодно. Несчастная страсть мысленно мѣнять жениховъ не оставила ее и теперь, и грозила переходомъ отъ теоріи къ практикѣ, изъ области воображенія въ дѣйствительность. Антониду Павловну даже очень занимала мысль о томъ, что скажетъ ея Самсонъ, узнавъ о ея имѣніи, какая драма послѣдуетъ затѣмъ, какъ онъ будетъ ревновать и сохнуть.

Съ нѣкоторыхъ поръ я началъ замѣчать, что Антониду Павловну особенно сильно вздыхаетъ при мнѣ и смотритъ на меня такими взорами какъ будто у меня на лицѣ нарисованы какіе-то особенные узоры. Меня это начинало сердить, потому что эти вздохи и эти взгляды ставили меня въ крайне неловкое положеніе. Я почувствовалъ, что мнѣ не удастся избѣгнуть объясненія съ Антонидай Павловной. Такъ и случилось.

Однажды мнѣ стало тошно смотрѣть на суетню доктора, потѣвшаго и вытѣзавшаго изъ кожи, услуживая гостямъ и ублажая ихъ, примирившаго спорившихъ и сводившаго враждующихъ. Я ушелъ въ его кабинетъ и сѣлъ на диванъ.

Въ кабинетѣ царствовалъ полумракъ, слабо озаряемый едва вспыхивавшими угольями въ каминѣ и матовымъ бѣлымъ фанаремъ, висѣвшимъ въ углу, въ бесѣдкѣ, сдѣланной изъ плюща. Слушая смутно доносившійся до меня говоръ гостей, я какъ-то устало думалъ въ этой полутьмѣ о разныхъ людскихъ глупостяхъ, о ихъ бессмысленной враждѣ, о ихъ бессмысленной дружбѣ, наконецъ я услышалъ, что около меня кто-то вздыхаетъ — вздыхаетъ такъ, что нужно обратить вниманіе. Я обернулся — накреслѣ сидѣла Антониды Павловны.

— Какъ-съ, я вамъ похвѣшала, робко спросила она, дѣлая видъ, что хочетъ уйти, и въ то же время желая, чтобы я ее удержалъ.

— Нисколько, отвѣтилъ я. — Вы видите, я ничего не дѣлаю.

— Ахъ, не церемоньтесь со мной, не скрытничайте, тошно замѣтила она. — Я знаю, вашъ умъ былъ занятъ...

Я взглянулъ на ея закатившіеся глазки и устыдился за нее, чувствуя, что она скажетъ какую-нибудь глупость и потому поспѣшилъ загворить.

— Я думалъ, чтобы мнѣ сдѣлать нынче на зиму: пальто или шинель, отвѣтилъ я улыбаясь.

— Затѣмъ вы напускаете на себя эту прозу? вздохнула она. — Развѣ вы похожи на моего Жана, на этого ходячій матеріализмъ?

— Кто это, Иванъ Ивановичъ-то матеріалистъ? засмѣялся я. — Да онъ поэтъ изъ поэтовъ, идеалистъ изъ идеалистовъ! Помилуйте, кто же, какъ не идеалистъ и не поэтъ можетъ предполагать у людей такія любвеобильныя сердца, которыя могли бы вмѣстить дружбу ко всѣмъ, встрѣчаемымъ въ его гостинной, и такіе идеальныя желудки, которые могли бы переваривать всѣ блюда его ужинновъ.

— Вы все шутите, все смѣетесь!

— О чемъ же плакать?

— И то сказать, довольно того, что за васъ плачутъ другіе, вздохнула она.

— За меня? изумился я.

— Какъ-съ, глубоко несчастны, вздохнула она.

— Не больше, не меньше, чѣмъ другіе, отвѣтилъ я. Каждый несчастливъ и счастливъ по своему. Впрочемъ, я уже счастливѣе другихъ потому, что очень хорошо понимаю и выгоды и невыгоды своего положенія и не томлюсь безпредметными мечтами, не стремлюсь постронить воздушные замки и поселиться въ этихъ головоломныхъ обителяхъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы неправы! съ чувствомъ заспо-

рида она. — Вполнѣ сознать все, видѣть пропасть, надъ которою стоишь, до мелочей понимать тѣхъ гадовъ, которые кишатъ въ ней, — это ужасно.

Я засмѣялся.

— Вы ошибаетесь: я вижу гадовъ и знаю, насколько они безвредны; а если бы я не зналъ этого, то можетъ быть боялся бы даже таракановъ, какъ ихъ боится нѣкая барыня, воображая, что тараканы очень больно кусаются.

— Но развѣ васъ не мучаетъ, Максъ, то, что васъ никто не понимаетъ? спросила хозяйка.

— Во первыхъ, я не справлялся, понимаю ли меня, или нѣтъ; а во вторыхъ люди не понимаютъ, по большей части, даже самихъ себя — и какой-нибудь сѣдовласый мужъ, рожденный пажемъ танцовщицы и прислужникомъ гаремныхъ обитательницъ, воображаетъ себя администраторомъ и громовержцемъ, а какая-нибудь барыня, рожденная кокеткой, представляетъ себѣ, что она идеалистка, поэтъ въ душѣ и непризнанное высшее существо. Я всегда имѣю это въ виду и не забочусь, понять я, или нѣтъ. Впрочемъ, меня и понять-то не трудно: изъ той же глины сдѣланъ, какъ и всѣ.

Я хотѣлъ встать, но она остановила меня.

— Нѣтъ, напрасно вы надѣваете эту маску равнодушія, Максъ, съ участіемъ замѣтила она. — Вы измучены, вы истерзаны, вы страдаете недостаткомъ сочувствія, любви, преданности. Вы, утомленные дневными встрѣчами съ глупцами, негодяями и злодѣями, приходите въ пустой уголокъ, васъ никто не встрѣчаетъ...

— Вы ошибаетесь, началъ я, но она уже закусила удила и остановить ее было невозможно.

— Вы остаетесь одни, одни на весь вечеръ, продолжала она. — Вамъ невкусенъ вашъ чай, вамъ жестка ваша постель. Около васъ неслышно ласковаго голоса, не видно веселаго и добраго лица...

— У меня есть мать...

— Ваша матушка стара. Она, можетъ быть, не сегодня такъ завтра умереть. Тогда вы будете совершенно одинъ, одинъ на всемъ свѣтѣ. Не явитесь вы завтра въ общество, — никто не спроситъ, почему, что съ вами, гдѣ вы? Вы можете уѣхать, — безъ васъ не станетъ пусто въ обществѣ. Вы можете умереть, — ваша смерть пройдетъ безслѣдно. И для кого вы живете?

— Можетъ быть, для пользы человѣчества, шуточно замѣтилъ я.

— Ну, нужно сдѣлать очень много, чтобы принести пользу человѣчеству. А кто считалъ ваши дни, кто знаетъ, что вы успѣете сдѣлать? Можетъ быть, вы не успѣете ничего сдѣлать для человѣчества, а куда выльчите отъ желудочнаго катара презираемаго вами растовщика Семена Ивановича, спасете отъ тифа гадкаго лове-ласа Матвѣя Матвѣевича, однимъ словомъ, можете всѣмъ тѣмъ, которые, по вашему внутреннему убѣжденію, сдѣлали бы больше пользы человѣчеству, если бы поскорѣй удалились со сцены. Право, вы должны согласиться, что куда вы приносите пользу только этимъ господамъ и, въ концѣ концовъ, можетъ быть, больше вредите человѣчеству, чѣмъ приносите ему пользы. А между тѣмъ, въ этомъ пока заключается вся ваша жизнь, на это вы тратите покуда всѣ свои силы.

Я не отвѣчалъ. Антониды Павловны отчасти бродила ошупью около правды.

— Вамъ нужна любящая, понимающая васъ женщина, съ возвышенной душой, съ нѣжной заботливостью. Другъ мой, вы не знаете, сколько блаженства можетъ дать женщина...

Антониды Павловны взяла меня за руку. Ея рукопожатіе ясно говорило, что этою любящею женщиною желаетъ быть она. Въ эту минуту изъ замъ донесся оглушительный смѣхъ Ивана Ивановича.

— Да, вы правы, любящая женщина можетъ

довести человека до высшего блаженства, отвѣтилъ я. — Вотъ вашъ мужъ смѣется такъ задушевно, какъ, конечно, никогда не смѣется мнѣ. Вы умѣли сдѣлать его счастливымъ и я съ глубочайшимъ уваженіемъ жму вашу руку, въ благодарность за счастье, доставленное вами моему другу.

Грудь Антониды Павловны заколыхалась, по ея лицу пошли пятна.

— Чѣмъ же вы меня считаете, если думаете, что я могу любить такого человека? рѣзко спросила она.

— Умною женщиною, которая знала и видѣла, какого мужа выбираетъ она и которая не измѣняетъ своихъ чувствъ къ нему, зная, что онъ остается все тѣмъ же Иваномъ Ивановичемъ, какимъ былъ во время женитьбы.

Тото въ кровь закусилъ свои губы.

— Я всегда завидовалъ Ивану, продолжалъ я. — Въ васъ онъ нашелъ именно такую женщину, какую долженъ желать каждый. Вы умны, вы были уже не ребенкомъ, когда шли за него. Вы долго были съ нимъ знакомы до свадьбы, вы не могли сомнѣваться ни относительно его достоинства, ни относительно его недостатковъ. Вы знали, что ждетъ васъ впереди и потому не боялись, не могли ошибиться. Это великое благо. Съ вами не можетъ случиться того, что бываетъ съ тѣми вѣтренными, молодецкими дѣвочками, идущими за перваго встрѣчнаго черезъ три дня знакомства, по волѣ папеньки или маменьки, и оправдывающими себя потомъ тѣмъ, что онѣ не видали лучшихъ людей, не видали тѣхъ, для кого онѣ вздумали измѣнить мужу. Я это зналъ впереди, и потому съ сочувствіемъ вслушивалъ всѣ безконечные восторги и изліянія Ивана передъ его женитьбою на васъ.

— Я никакъ не думала, что вы считали такою идеальною нашу супружескую жизнь, съ раздраженіемъ и провѣй замѣтила Антониды Павловна.

— Если бы я даже и не считалъ ее идеальною прежде, то послѣ сегодняшняго разговора съ вами я долженъ былъ придти къ этому заключенію, замѣтилъ я. — Вы, конечно, не стали бы мнѣ, вашему другу, совѣтывать жениться, говорить о сладостяхъ любви, если бы сами не испытывали горечь семейной жизни, если бы знали по опыту, какимъ гнетомъ становится супружество, когда мужъ или жена мечтаютъ только о выходѣ...

Въ эту минуту въ комнату вошла племянница Антониды Павловны. Хозяйка шумно отодвинула свое кресло и встала.

— Тетя, а я васъ искала, проговорила племянница. Мы опоздали сегодня, пріѣхали изъ театра. Маман прошла въ твой будуаръ.

— Я иду къ ней. Мы тутъ заговорились о супружеской жизни. Мосѣ Гриднинъ имѣетъ о ней такіа идеальныя понятія, съ провѣй отвѣтила хозяйка и вышла изъ комнаты, шумя шелковымъ платьемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Рыцарь на стражѣ.

Геральдическое преданіе.

Стих В. Сырокомли. Пер. Омлевскаго.

I.

Въ Польшѣ, какъ царствовалъ Лешекъ въ ней

Бѣлый,

Въ годы кровавыхъ расправъ за удѣлы,

Жилъ—говорить вѣковая былина—

Рыцарь Белина.

Гербъ его старъ былъ, какъ міръ подъ луною:

Рыцарскій шлемъ съ отсѣченной рукою,

Мечъ со крестомъ и надковы изъ стали

То подтверждали.

Рыцарь природный, хоть мягкой натуры,
Все же не минулъ онъ воинской шкуры,
Чуть лишь сѣкиры усвоилъ приемы
Такъ, какъ перо мы.

Если къ тому же прижать на услугу
Кованный панцирь, копьё и кольчугу,
Съ перьями шлемъ и стальное забрало—
Страшно бы стало!

Конь его ратный, мечтавшій о кормѣ,
Тоже былъ въ бляхахъ, по рыцарской формѣ;
Сѣдла, чепракъ и нагрудникъ—отъ стали
Такъ и блистали.

Рыцарей доля, извѣстно, какая, —
Лучше-жъ прикрыться, бѣды избѣгая:
Мечъ ли, копьё ли ударить съ размаха —
Выдержать бляха.

Только, къ несчастью, коль сердце тревожно,
Бляхай сковать его врядъ ли возможно,
Да и подъ этой броней оно все же
Трусить, вѣдь, тоже.

Впрочемъ, судя о вещахъ безпристрастно,
Рыцаря служба не такъ ужъ опасна:
Можно въ минуту рискованной схватки
Дернуть и въ прятки;

А при набѣгѣ, когда на добычу
Право приноситъ военный обычай,
Выйти впереди и хватать, при удачѣ,
Что побогаче.

Этимъ манеромъ, хоть нагло и грубо,
Славу и сумку наполнишь сугубо,
Если, вдобавокъ, способенъ съ излишкомъ
Быть хвастунишкой.

Такъ и Белина справлялъ свое дѣло,
Будучи опытенъ въ службѣ, и смѣло
Бралъ на себя хотя крошечку славы
Всякой расправы.

Правда, онъ сзади сражался, бывало,
Правда, онъ трусилъ при звукахъ сигнала, —
Все-жъ выносилъ онъ, читая молитвы,
Лавры изъ битвы.

II.

Разъ, какъ поляки сводили расчеты
Съ галицкимъ княземъ Романомъ,—ихъ роты
Гдѣ-то въ границахъ врага, предъ набѣгомъ,
Стали почлегомъ.

Кони безъ сѣделъ паслись на привалѣ;
Воины шлемы свои снимали
И у огня наслаждались другъ съ другомъ
Мирнымъ досугомъ.

Для соблюденія же рыцарскихъ правилъ.
Стражу начальникъ къ обозу приставилъ,
А впереди занимали другіе
Постъ часовые.

Вотъ и случилось, что холмъ на равнинѣ
Ночью пришлось караулить Белинѣ, —
Такъ ужъ приказано гетманомъ было
(Какъ это мило!).

Ночью... одинъ въ караулѣ... да въ полѣ...
Струсить, вѣдь, тутъ и храбрецъ поневолѣ:
Выскочить, разомъ, того и гляди ты,
Врагъ къ тебѣ скрытый.

Тутъ еще мѣсяцъ, на зло, изъ-за тучи
Блѣдныя очи на рыцаря пучить;
Съ ними и камень, и кустъ, прости Боже,
Кажутся рожей.

Лѣсъ, вонъ, къ тому же, съ своими вѣтвями,
Мысль наполняетъ невольно врагами;
Вѣтеръ качаетъ ихъ, будто нарочно —
Призраки, точно.

Ну, да и вѣтра обманчивы тоны;
Тутъ ужъ не ибшій мерещится—конный, —
Вотъ и угадывай: русскій ли скачетъ,
Вѣтеръ ли плачетъ?

Такъ размышляетъ на стражѣ Белина,
Жалуется гетмана въ «чортова сына»,
Молится, даромъ паслуется очи —
Всюду мракъ ночи!

Осенью, заяцъ—сей мученикъ глуши,
Морду поднявши и вытянувъ уши,
Слушаетъ чутко въ любое мгновенье
Листьевъ паденье;

Вдругъ притаится, замретъ, наблюдая,
Хоть не блѣднѣетъ (ужъ морда такая),
Но и при собственномъ звукѣ, примѣрно,
Тягу дастъ, вѣрно.

Такъ же, вотъ, точно и этотъ Белина:
Будь онъ не рыцарь, а просто мужичина —
Мѣсяцъ давно бы ужъ зналъ, что въ порядкѣ
Держить онъ пятки.

Нечего дѣлать—въ политику вдался:
— «Что это Лешекъ въ войну-то ввязался?
«Польшѣ-то будетъ, скажите, какая
«Польза большая?

«Впрочемъ... не знаю... случается всяко;
«Этакій гетманъ—несчастье, однако!
«Онъ, вѣдь, сюда, гдѣ навѣрно я сижу,
«Выслалъ Белину!

«Но... заглянувъ Провидѣнію въ очи...
«Міру на то и дается мракъ ночи,
«Чтобъ дворянникъ именитый, съ устатка,
«Выскался сладко.

«Я дворянникъ и послалъ бы съ охотой...
«Ну, а какъ русскіе двинуть пѣхотой?
«Вотъ и убьютъ... и прощай знаменитый
«Гербъ родовитый!»

Трусить Белина, глядитъ, размышляетъ;
Сонъ ему очи все больше слипаются —
И ужъ хранишь на копѣ своемъ ратномъ
Рыцарь нашъ зпотно.

Судить во снѣ онъ мудрѣе, короче:
Сонъ, вѣдь—преддверіе вѣчности—ночи,
Русскій же мигомъ спровадитъ Белину
Въ эту пучину.

Спитъ его тѣло, по духу не спитъ:
Грезитъ нашъ рыцарь, что лѣсъ шевелится,
Что непріятель несмѣтной толпою
Выступилъ къ бою;

Даже, что галицкій князь ужъ за горло
Держитъ его, что дыханіе снерло...
— «Рыцари, братья! спѣшите, спѣшите!
«Рѣжутъ! Спасите!»

Крикнулъ Белина съ просопокъ—и драла;
Но спохватился: не дать ли сигнала? —
И затрубилъ онъ зловѣще среди ночи
Въ роги, что есть мочи.

Горы соседнія, лѣсъ и долины
Громко отвѣтили звукамъ Белины;
Въ войскѣ пошла суматоха безъ цѣли,
Трубы гремѣли.

— «Въ сѣдла!» скомандовалъ гетманъ сурово:
Все закипѣло кругомъ безтолково;
Кто не дощется шлема, кто сбрую
Тащить чужую.

Еслибъ и точно, развѣдавъ про смуту,
Врагъ заглянулъ сюда въ эту минуту —
Рыцарство все, до единой особы,
Трупомъ легло бы.

Слышитъ Белина обозныя трубы,
Говоръ товарищей рѣзкій и грубый, —
Гдѣ-жъ непріятель, скакавшій несмѣтно?
И незамѣтно!

Крестится рыцарь, протеръ себѣ очи,
Смотритъ въ бездонныя пропасти ночи:
Что-то, кажись, шевельнулося гдѣ-то —
Дерево это!!

Войско, построившись грозной стѣною,

Стало, межъ тѣмъ, ужъ готовиться къ бою...
Съ кѣмъ же, однако? рѣшить трудновато:
Нѣту врага-то.

Въ полѣ гарцуютъ объѣзды почные —
Рады врагамъ, да нейдутъ никакіе;
Вѣсѣ съ другими, и рыцарь нашъ тоже
Лезетъ изъ кожи.

Громко кричитъ онъ, что русскихъ невидно,
Могутъ, молъ, рыцари спать безобидно, —
Это ему померещилось только,
Будто ихъ столько.

Но за бѣдою приходитъ другая:
Строги законы сарматскаго края
И, за оплошность, грозятъ они намъ
Смертью Белинѣ.

Стали въ нихъ рваться на скорую руку...
Плачетъ нашъ рыцарь, какъ баба отъ луку,
Смертной тревогѣ отдавши всецѣло
Храброе тѣло.

Грозный помазанникъ власти верховной
Выразилъ волю, чтобъ рыцарь виновный
Строго судимъ былъ, — и вотъ началось
Дѣло съ допроса.

Можетъ, враги подкупили Белину,
Чтобы отвелъ онъ, измѣнникъ, дружину
Фальшью коварной ночного сигнала
Прочь отъ привала?

Рыцарю — мужу правдиваго духа —
Эта неправда коробила ухо,
Такъ что онъ снова, отъ ужаса блѣдный,
Плакать сталъ, бѣдный.

И рассказалъ онъ, повергнувшись въ поги
Бѣлому Лешку, всю тайну тревоги:
Какъ принималъ за колонны густыя
Тѣни почини;

Какъ, замечтавшись на стужѣ не въ шутку,
Сномъ неповиннымъ вздремнулъ на минутку;
Какъ онъ былъ выпущенъ, мало по малу,
Грезой къ сигналу.

Слушалъ король его строго, степенно,
Слушалъ — и важность терялъ постепенно,
А при рассказѣ о грезѣ, признаться,
Началъ смѣяться.

Гетманъ и прочіе судьи Белины,
Какъ ни старались воздерживать мины,
Но, подъ конецъ, и они спасовали —
Всѣ хохотали.

Послѣ потѣшной такой передраги,
Приговоръ смертный не стоилъ бумаги, —
Ну, и король замѣнилъ его, точно,
Вотъ чѣмъ парочно:

Спать на гербѣ у Белины подковы,
Также и руку, — чтобъ родъ его повѣй
Глушостью дѣлъ не ронялъ у народа
Древняго рода.

Кромѣ того, повелѣлъ онъ Белинѣ
Лживымъ писаться на актахъ отнынѣ,
То есть, лгуномъ, выражаясь короче —
Въ память той ночи.

Такъ его родъ и доселѣ зовется,
Старый — при старомъ гербѣ остается,
Связь имъ родная едва ли знакома —
Разныхъ два дома.

Долго, однакожъ, Белина хвастливый
Гербъ свой приписывалъ битвѣ счастливой;
Но бытовой не смугили страницы
Тѣ небылицы:

Громко идетъ приключенье смѣшное
Изъ одного поколѣнья въ другое,
Чтобы и дѣдамъ, и поздному внуку
Было въ науку.

III.

Мы — первообразовъ этихъ потомки —
Прежняго быта хранимъ лишь обломки:

Боремся мы не мечемъ, а печатью
Съ вражеской ратью.

Нынѣ, когда, отъ трудовъ отдыхая,
Спитъ человечество — свѣточни край
Будятъ въ минуты его роковыя,
Какъ часовые.

Горе тебѣ, сочинитель кичливый,
Если ты ночью, какъ рыцарь трусливый,
Вызовешь смуту въ народѣ усталомъ
Вздорнымъ сигналомъ!

Если, въ печати, не викнувъ несколько
Въ то, что тебѣ померещилось только,
Будешь тревожить ты дожью вседневной
Миръ нашъ душевный!

Помни, что родина лживому сну
Тѣмъ же грозитъ, что постигло Беллну,
И хохотать надъ твоими строками
Будетъ вѣками!

(Продолженіе.)

Глава VIII.

Г-жа Тюссо все болѣе и болѣе изумляется.

Просьба Сесиль привела въ восторгъ Клода. Горячо поцѣловавъ дочь, онъ посѣдѣлъ въ мастерскую, боясь, чтобъ Гударъ не пришелъ безъ него. Надежда назвать его зятемъ казалась Клоду снова сбыточной и онъ желалъ поскорѣе привести Андре къ больной.

Совершенно иное дѣйствіе произвели слова дочери на Адель. Она тщетно старалась отгадать причину, побуждавшую молодую дѣвушку на такой странный шагъ. Не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что Сесиль ненавидѣла Клячу и если она знала о смерти Мориса, то эта ненависть могла только увеличиться, ибо Гударъ былъ виновенъ въ гибели любимаго ею человека. Нѣтъ, свадьба Сесиль съ Гударомъ была немислима! Но зачѣмъ же она желала видѣть его? Можетъ быть, она хотѣла рѣшительно объясниться съ своимъ бывшимъ женихомъ и попросить его, чтобъ ихъ окончательный разрывъ не послужилъ ко вреду ея отца. Это предположеніе было вѣроятно. Пристально смотря на свою дочь, Адель никакъ не могла узнать въ ней прежняго веселаго, вѣчно улыбающагося, легкомысленнаго ребенка.

Послѣ роковой катастрофы, Сесиль совершенно перемѣнилась. По прежнему прелестная, быть можетъ, еще прелестнѣе прежняго, она перестала быть ребенкомъ и сдѣлалась женщиной, спокойной, разсудительной, задумчивой, почти мрачной. Подъ ея очаровательнымъ бѣлымъ лбомъ, очевидно, работали серьезныя мысли; ея взглядъ сталъ проникательнѣе, рѣшительнѣе, а языкъ ея уже не болталъ безъ умолку. Юная душа уже освободилась изъ пеленокъ дѣтства и ее осыпалъ ореолъ сознательной зрѣлой жизни.

Адель не могла объяснить себѣ этой неож-

данной перемѣны. Замѣчая, что Сесиль, оставшись одна, часто горько плакала, она отнесла все это къ горю по случаю смерти Мориса. Тѣмъ болѣе, съ каждымъ днемъ усиливалась въ матери твердая рѣшимость помѣшать браку Сесиль съ Гударомъ, еслибъ мысль объ этомъ когда-нибудь возобновилась. Поэтому непостижимое желаніе дочери увидѣть Андре встревожило ее. Нѣтъ, во чтобы то ни стало, она не дозволитъ Сесиль второй разъ принести себя въ жертву и, если нужно, скорѣе сознается дочери, что Гударъ былъ ея любовникомъ, чѣмъ согласится на этотъ бракъ.

Оставшись наединѣ съ Сесиль, она хотѣла незамѣтно вывѣдать у нея причину ея страннаго поведенія.

— Ну, голубушка, Сесиль, спросила она; — тебѣ лучше? У тебя болитъ животъ?

— Да, немного.

— У тебя все еще горитъ внутри?

— Мнѣ гораздо лучше, но меня мучитъ тошнота.

— Это все пройдетъ, ты теперь гораздо сильнѣе.

— Не очень.

— Все же ты можешь говорить... ты сама просила позвать къ тебѣ Гудара.

— Мнѣ ему надо кое-что сказать.

Адель только что хотѣла спросить, — «что ты хочешь ему сказать», какъ дверь открылась и вошелъ докторъ.

Онъ посмотрѣлъ пристально на больную и сказалъ съ улыбкой матери:

— Ну, все идетъ прекрасно. Какъ вы себя чувствуете, дитя мое?

Сесиль попросила мать поднять стору и, воспользовавшись этой минутой, шепотомъ сказала доктору:

— Удалите маму, мнѣ надо съ вами поговорить.

Докторъ немного удивился, но все же, обращаясь къ г-жѣ Тюссо, сказалъ съ улыбкой:

— Будьте такъ добры, оставьте насъ на минуту вдвоемъ съ вашей дочерью. Я хочу разспросить ее о нѣкоторыхъ симптомахъ и, можетъ быть, при васъ ей будетъ неловко отвѣтить мнѣ.

Эти слова поразили Адель. Но дѣлать было нечего, врачамъ слѣдуетъ всегда повиноваться. Къ тому же возрастъ и репутація этого доктора внушали ей полное къ нему довѣріе. Она удалась, хотя очень неохотно.

По уходѣ матери, Сесиль приподнялась на своей постели.

— Къ врачу слѣдуетъ питать такое же довѣріе, какъ и къ духовнику, сказала она со слезами: — ему должно все сказать и онъ никогда не откроетъ тайны больного.

— Это нашъ первый долгъ.

— Я должна открыть вамъ очень важную тайну, но у меня не хватаетъ храбрости.

— Не бойтесь, дитя мое. Вы хотите спросить у меня совѣтъ?

— Нѣтъ, я хочу вамъ повѣриваться. Я до сихъ поръ не отвѣчала никому, даже вамъ на всѣ вопросы. Но вы вѣрно отгадали: я отравилась прежде, чѣмъ бросилась въ рѣку.

— Бѣдный ребенокъ! Вы были очень несчастны, если рѣшились...

— Я вамъ все разскажу.

— Я слушаю, сказалъ докторъ, смотря на больную съ тревожнымъ безпокойствомъ.

Сесиль подробно разсказала всѣ обстоятельства своего двойного самоубійства.

Прошло четверть часа, прежде, чѣмъ докторъ вышелъ изъ комнаты больной. Адель встрѣтила его со страхомъ и старалась отгадать по его лицу состояніе здоровья своей дочери, но его фізіономія была непроницаема.

— Сударыня, отвѣчалъ онъ, — ваша дочь со-

РУССКІЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

А. С. ГРИБОѢДОВЪ.

Griboedov

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ПОЛЯ ТУМАНА.

Сказаніе о кружкѣ слезъ.

Взято изъ галереи Фрейтага.

вершенно поправилась и теперь быстро выздоравливает, но она, бѣдная, такъ много страдала, что нуждается во всей вашей нѣжности и любви. Теперь главное: хорошо ухаживать за нею и ни въ чемъ не отказывать ей. Я иногда все же буду навѣщать ее.

— Такъ она спасена и внѣ опасности.

— Совершенно, только берегите ее.

Удивленная таинственными совѣтами доктора, Адель поспѣшила къ дочери. Сесиль лежала, отъвернувшись къ стѣнѣ, и матери показалось, что она плакала.

— Сесиль, дитя мое, что съ тобою? спросила она, наклоняясь къ больной;—докторъ тебя измучилъ?

— Нѣтъ, мама... но я устала... и хочу спать.

Г-жа Тюссо должна была удовольствоваться этимъ далеко неудовлетворительнымъ отвѣтомъ и тихо, на ципочкахъ, вышла изъ комнаты. Спустившись внизъ, она сѣла и глубоко задумалась. Успокоенная на счетъ здоровья дочери, она мысленно стала переживать всѣ ужасныя событія, такъ неожиданно взволновавшія ихъ мирную жизнь. Размышляя о причинахъ этой роковой трагедіи, она грустно опустила голову и, вся покраснѣвъ, прошептала сквозь зубы: «О, какъ я ненавижу его! Я невиновна, я была несчастной жертвой».

Адель Тюссо была въ это время еще молодой и красивой женщиной. Она вышла замужъ шестнадцати лѣтъ и ровно черезъ десять мѣсяцевъ у нея уже была дочь. Въ несчастный день, назначенный для свадьбы Сесиль, ей минуло семнадцать лѣтъ, такъ что теперь г-жѣ Тюссо было тридцать четыре года, но на взглядъ ей казалось еще менѣе. Прелестная собою, средняго роста, прекрасно сложенная, съ тонкой таліей, роскошными плечами, свѣжимъ, здоровымъ цвѣтомъ лица и бѣлоснѣжнымъ атласнымъ тѣломъ, Адель могла считаться красавицей. Прямой тонкій носъ съ маленькими легко подвижными ноздрями, аппетитный ротъ съ немного толстыми губами, полускрывавшими бѣлыя зубы, живые каріе глаза, окаймленные темными рѣсницами и русыми бровями, маленькія прозрачныя, розовыя уши, правильный овалъ лица и роскошныя, каштановыя волосы придавали ей красотѣ добрый, веселый, миловидный характеръ. Не даромъ ее называли въ околѣдѣ «красавица Тюссо». Въ настоящую минуту, задумчиво сядя у окна, вся залитая послѣдними лучами заходящаго солнца, она привела бы въ восторгъ любого художника.

— Адель, Адель, скажи дочери, что я иду къ ней съ Гударомъ, вдругъ раздался громкій голосъ ея мужа.

Бѣдная женщина очнулась изъ забытья съ судорожнымъ трепетомъ.

— Она спитъ, отвѣчала Адель гнѣвно.

— Пустяки, она только и дѣлаетъ, что спитъ. Разбуди ее, не велика бѣда. Она сама просила, чтобы я привелъ къ ней Андре.

Дѣлать было нечего, приходилось повиноваться. Г-жа Тюссо пошла наверхъ. Сесиль не спала. Она слышала слова отца и сказала страннымъ, изумившимъ мать, тономъ:

— Пусть войдутъ.

Черезъ минуту Гударъ подходилъ къ ея кровати. Она протянула ему руку. Онъ вздрогнулъ; рука молодой дѣвушки была ледяная.

Тюссо и его жена смотрѣли на эту сцену съ противоположными чувствами. Клодь улыбался; Адель насушила брови.

— Ну, что, Сесиль, наконецъ, тебѣ лучше, сказалъ Гударъ, который зналъ ее съ дѣтства и всегда говорилъ ей «ты».

— Да, слава Богу, все кончено... и я хотѣла поблагодарить васъ за то, что вы приходили узнавать о моемъ здоровьи.

— Не за что.

Наступило молчаніе.

— Я была сумасшедшая, произнесла, наконецъ, съ успіемъ больная,—я очень сожалею обо всемъ, что случилось. Вы на меня не сердитесь, Андре?

— О! милое дитя мое, какъ можно на тебя сердиться, ты такъ страдала, отвѣчала удивленный Гударъ.

— Эти два мѣсяца образумили меня, Андре. Я много думала и очень сожалѣла о горѣ, которое причинила всѣмъ любящимъ меня. Я поступила, какъ глупый ребенокъ. Мои родители были правы...

Она говорила отрывисто и съ большимъ трудомъ, но слушавшіе ее были такъ поражены ея словами, что ничего этого не замѣтили. Адель, внѣ себя отъ изумленія, дико смотрѣла на дочь, какъ бы ничего не понимая.

— Боже мой, Сесиль, отвѣчала Гударъ, — еслибъ ты сама не начала, я тебѣ ничего не сказалъ бы, но теперь сознаюсь, ты сдѣлала меня несчастнѣйшимъ человѣкомъ. Впрочемъ, я не осуждалъ тебя, я понялъ, подъ впечатлѣніемъ какого чувства ты такъ поступила.

Сесиль вопросительно взглянула на Гудара и онъ прибавилъ:

— Да, ты любила другого и я не имѣю права сердиться на это. Я понимаю, какъ человѣкъ можетъ страдать отъ любви; я тебя люблю, а ты меня не любишь.

— Андре, я прошу у васъ прощенія за все, что случилось, за непріятный для васъ скандалъ и готова заглавить его, если вы еще считаете меня достойной для васъ невѣстой.

Гударъ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ. Клодь улыбался.

— Что, что ты говоришь, Сесиль? воскликнула Адель.

Но Тюссо гнѣвно прикрикнулъ на нее:

— Адель, не вмешивайся не въ свое дѣло. Дай имъ объясниться.

Гударъ подошелъ еще ближе къ кровати, желая прочесть въ глазахъ Сесиль ея сокровенныя мысли, но молодая дѣвушка поникла головой.

— Сесиль, я не смѣю понять тебя. Мнѣ нечего прощать тебѣ; я самъ былъ невольной причиной всего. Что же касается скандала, я презираю общественное мнѣніе.

Гудару показалось, что губы Сесиль едва внятно пролепетали: «О, это я знаю». Но, конечно, онъ ошибся; она этого сказать не могла, и онъ продолжалъ:

— Сесиль, я люблю тебя и, если ты стала благоразумнѣе, понимаешь мою любовь и хочешь заглавить свою безумную вспышку... то я снова прошу твоей руки. Увы, теперь мнѣ не къ кому ревновать тебя.

Лицо молодой дѣвушки судорожно сжалось.

— Ты все та же, достойнѣйшая и прелестнѣйшая молодая дѣвушка, прибавилъ Гударъ.—Хочешь быть моей женою.

Сесиль положила свою руку въ грубую руку Гудара и отвѣтила съ тяжелымъ вздохомъ:

— Да.

— Слава Богу, вотъ теперь я узнаю свою дочь! воскликнулъ Тюссо, бросаясь къ Сесиль и цѣлуя ее.—У тебя мой характеръ. Ты сознаешь себя виновной и прямо, открыто, безъ ложнаго стыда заглаживаешь свою вину. Молодецъ, Сесиль, такъ и надо поступать.

Гударъ, внѣ себя отъ счастья, бросился на колѣни и цѣловалъ руку Сесиль. Только Адель удерживалась за кровать, чтобы не грохнуться на полъ. Наконецъ, она собралась съ силами и вскрикнула съ болѣзненнымъ стономъ:

— Это невозможно!

— Уйдите, сказала Сесиль, обращаясь къ отцу и Гудару,—я сказала «да» и дѣло кончено. Оставьте меня съ мамой.

Они повиновались. Гударъ бросилъ на Адель торжествующій взглядъ, она смѣло выдержала его и посмотрѣла на своего мучителя гнѣвно, грозно. Оставшіе же наединѣ съ дочерью, она бросилась передъ нею на колѣни и со слезами воскликнула:

— Сесиль, Сесиль, дитя мое, не выходи за этого человѣка.

— Не плачь, мама. Это рѣшено. Я выйду за него.

— Я не хочу этого... слышишь... Я не хочу. Это невозможно!

Сесиль обняла мать и, мѣшая свои слезы съ ея слезами, нѣжно прошептала:

— Бѣдная мама!

Удивленная и тронутая слезами и страннымъ тономъ дочери, Адель взглянула на нее пристально.

— Нѣтъ, Сесиль, сказала она умоляющимъ тономъ,—ты не можешь быть женою этого человѣка. Богъ, воскресивъ тебя отъ смерти, не допуститъ такого брака, который хуже смерти. Нѣтъ, нѣтъ, прошу тебя на колѣняхъ, откажись отъ этой ужасной мысли. Развѣ ты не любишь болѣе своей матери?

— Мама, встань. Моя рѣшимость непоколебима.

— Нѣтъ это невозможно!

И вдругъ, съ геройской рѣшимостью, несчастная женщина воскликнула:

— Отъ этого зависитъ твоя жизнь! Думай обо мнѣ что хочешь, я все скажу! Сесиль, этотъ человѣкъ не можетъ быть твоимъ мужемъ, онъ былъ моимъ...

При этихъ словахъ Сесиль соскочила съ постели и, обнявъ мать, закрыла ей рукою ротъ.

— Молчи... я знаю, прошептала она.

— Ты знаешь! произнесла Адель, блѣдная, съ дикоблуждающими глазами.

— Да.

Адель упала въ кресло, стоявшее подлѣ кровати и, поникнувъ головой отъ стыда, повторяла какъ бы про себя:

— Она знаетъ!.. Значитъ всѣ знаютъ.

Сесиль возвратилась въ постель, но протянувъ руку, обняла мать. Несчастная поцѣловала руку дочери и все еще не смѣя поднять на нее глазъ, сказала:

— Я недостойное, низкое созданіе! Но надо сжальться надо мною.

— Нѣтъ, мама, нѣтъ, воскликнула Сесиль;—ты жертва, я это знаю. Однажды я искала платье въ чуланѣ за твоей спальней и слышала твой разговоръ съ Андре. Я поняла изъ твоихъ словъ, что ты была рабой этого человѣка и должна была слѣпо повиноваться ему изъ боязни скандала и раззоренія мужа. Я поняла, о, дорогая мама, что онъ насильно обольстилъ тебя, что ты была несчастна, но осталась той же хорошей женщиной, какъ и прежде, а онъ мерзавецъ и подлецъ.

— И, бѣдное дитя мое, ты хочешь выйти за такого человѣка.

— Да, мама... быть можетъ, для того, чтобы отомстить за тебя.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я не хочу этой мести. Я рѣшилась принести себя въ жертву твоему счастью. Я не хочу, чтобы ты страдала отъ моего преступленія...

— Не преступленія, а несчастья... мама.

— Свѣтъ назоветъ это преступленіемъ. Нѣтъ ты слышишь, я не хочу, чтобы ты была женою моего любовника. Ты за него не выйдешь.

— Это необходимо.

— Отчего?

— Отчего! Выслушай меня, мама. Я могла теперь отказать Андре и тѣмъ дѣло окончилось бы.

— Я на это надѣялась.

— Но тогда онъ бросилъ бы насъ. Я веду книги нашей фирмы и знаю, въ какомъ положе-

нин дѣла. Мой отказъ навлекъ бы на отца банкротство, раззореніе, а на тебя позоръ. Вѣдь я слышала, какъ онъ грозилъ тебѣ рассказать всѣмъ свои отношенія съ тобою.

Закрывъ лицо руками, Адель судорожно рыдала.

— Не плачь, мама, твои испытанія кончились. Я знала, что моя смерть могла только вывести всѣхъ насъ изъ безвыходнаго положенія, ибо, чувствуя, что онъ невольная причина моего самоубійства, Гударъ никогда не рѣшился бы бросить насъ. Я любила Мориса, я все сказала ему и мы рѣшили, что если не можемъ жениться передъ людьми, то мы все-таки будемъ мужемъ и женою другъ передъ другомъ.

Адель подняла голову и внимательно слушала дочь, удивляясь, какъ Сесиль, которую она считала ребенкомъ, могла задумать и исполнить такой страшный планъ.

— Я ушла изъ дома не утромъ, какъ вы думали, а наканунѣ вечеромъ. Простившись съ вами, я написала записку, которую вы нашли на столѣ и отправилась на Бастильскую площадь, гдѣ ждалъ меня Морисъ. Онъ повелъ меня къ себѣ, гдѣ все было готово. Мы вышли яду, онъ надѣлъ мнѣ это кольцо и мы...

— Что? Что ты говоришь? воскликнула вѣ себя Адель.

— Я проснулась на развѣтѣ... Морисъ лежалъ подлѣ меня мертвый... Я не хотѣла пережить его... Я собралась съ послѣдними, оставшимися у меня силами и побѣжала къ рѣкѣ... Остальное ты знаешь.

— Боже мой! Боже мой! воскликнула бѣдная женщина.

Она не знала, что сказать, и дико, съ открытымъ ртомъ, смотрѣла на Сесиль.

— Мама, я была женою Мориса Феррана, я вдова его и... буду матерью его ребенка.

— Что? Ты...

— Я только что говорила откровенно съ докторомъ. Постоянная тошнота которую ты принимала за слѣдствіе отравы, — начало беременности.

— О, бѣдное дитя мое! Что намъ дѣлать! воскликнула мать съ отчаяніемъ.

— Я уже сказала тебѣ, мама... я выйду за Гудара, произнесла съ злобной улыбкой Сесиль;— моему ребенку нуженъ отецъ... мнѣ надо отомстить за Мориса... вѣдь Гударъ виноватъ въ его смерти. Ты видишь, продолжала она, какъ бы успокоившись послѣ своей чистосердечной исповѣди,—что мнѣ необходимо выйти замужъ за Гудара. Пусть хоть воспитаетъ сына, если онъ убилъ отца.

— Ты сама придумала этотъ планъ? Ты меня пугаешь!

— Ты увидишь, мама, какъ я жестоко отомщу этому человѣку; ты всего еще не знаешь... Но я очень устала... дай мнѣ уснуть... уже поздно. Пойди къ отцу и обрадуй его своимъ согласіемъ на этотъ бракъ. Прощай, мама.

Она произнесла послѣднія слова, какъ маленькій ребенокъ, и нѣжно поцѣловала мать. Адель вышла изъ комнаты, шатаясь, какъ пьяная, и придерживаясь за стѣну.

Въ ту минуту, какъ она вошла въ столовую, Гударъ и Тюссо пили водку.

— Что же ты будешь перечить теперь желаніямъ твоей дочери? спросилъ рѣзко ея мужъ.

Гударъ искалъ ея взгляда. Она съ улыбкой посмотрѣла на него.

— Нѣтъ, напротивъ, отвѣчала она;— мы поговорили съ нею серьезно и я вижу, что она права. Это теперь не самопожертвованіе съ ея стороны; послѣ всего случившагося она желаетъ поскорѣе выйти замужъ и я вполне одобряю ее.

Гударъ былъ пораженъ ея словами и тономъ.

— Наконецъ-то! весело воскликнулъ Тюссо.— Ну, мой зять, за твое здоровье!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Разведеніе страусовъ. *)

Безобразное сложеніе и непріятный голосъ страуса вошли въ пословицу съ незапамятныхъ временъ, но эти недостатки прощаются бѣдной птицѣ, благодаря великолѣпнымъ перьямъ, украшающимъ ея крылья и хвостъ. Въ самыя древнія времена страусовыя перья входили въ число царскихъ украшеній и сановныхъ отличій. Въ Египтѣ, во времена Іосифа, важность сановника опредѣлялась числомъ страусовыхъ перьевъ, возвышавшихся надъ его колесницей. Въ книгѣ Іова, столь древней, что ни одинъ историкъ не умѣлъ еще доказать съ достовѣрностью эпоху ея появленія, часто упоминается съ уваженіемъ о перьяхъ птицы страуса. Мясо страуса считалось, однако, у евреевъ нечистымъ,—по крайней мѣрѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ истолкователей, которые находятъ, что упоминаемое въ книгѣ Левитовъ названіе, переводимое обыкновенно словомъ «сычъ», слѣдуетъ понимать: «страусъ». При римскихъ императорахъ страусы часто появлялись въ публичныхъ спектакляхъ, а при Геліогабалѣ, мозги страуса считались изысканнымъ блюдомъ.

До настоящаго времени извѣстенъ лишь одинъ видъ этой громаднѣйшей изъ всѣхъ птицъ: «нанду» или южноамериканскій страусъ принадлежитъ въ сущности къ совершенно другой породѣ. Родина страусовъ—арабійскія и африканскія пустыни. Вышина этой птицы равняется 6—8 футамъ; вѣсъ вполне развитаго самца доходитъ до 200—300 фун. Голова и шея страуса почти обнажены; они покрыты лишь легкимъ пухомъ, сквозь который виднѣется кожа; но у птенчиковъ голова и шея одѣты перьями. Перья самца, большею частью, очень блестящія, чернаго цвѣта, а у самки и птенцовъ темно-сѣрыя съ легкимъ проблескомъ бѣлыхъ перьевъ. Длинные перья на хвостѣ и крыльяхъ бѣлаго цвѣта, иногда испещренныя чернымъ. На каждомъ крылѣ бываютъ два голые отростка, довольно похожіе на иглы дикобраза. Вся сила страуса въ его ногахъ. Птица не только способна къ быстрѣйшему бѣгу, но наноситъ страшные удары ногами тигру и другимъ крупнымъ хищнымъ животнымъ. Бываютъ примѣры, что она сразу кладетъ на мѣстѣ даже и человѣка.

Страусы питаются исключительно растительной пищею. Въ особенности любятъ они зерновые хлѣба, вѣдствие чего причиняютъ большія опустошенія въ пашняхъ. Они глотаютъ крупные камни съ тою же цѣлью, съ которою мелкая птица глотаетъ песчинки, а именно, для удобнѣйшаго размельченія пищи въ зобѣ. Прирученные страусы употребляютъ въ пищу безъ разбора все, что имъ попадается на глаза: куски кирпича, желѣзо, старые башмаки,—лишь бы только величина предмета позволяла ему пройти черезъ горло. Въ этомъ случаѣ инстинктъ не предохраняетъ страуса отъ проглатыванія даже самыхъ вредныхъ вещей: случается, что страусъ глотаетъ мѣдныя монеты, куски заостренныхъ палокъ и т. п. (одинъ страусъ проглотилъ кусокъ зонтика), при чемъ дѣло кончается плохо для неразборчиваго фдока.

Въ прежнее время добычею страусовыхъ перьевъ занимались только конные охотники, настигавшіе птицу въ пустынѣ, но теперь, съ возрастающимъ требованіемъ на эти перья, въ южной Африкѣ заведены страусовыя колоніи, и теперь торговля страусовыми перьями дошла до огромныхъ размѣровъ. Починъ этого дѣла принадлежитъ одному фермеру Капской колоніи, по фамиліи Дугласу. Послѣ нѣсколькихъ опытовъ надъ пойманными дикими страусами, онъ убѣдился, что

*) Къ этой статьѣ слѣдуетъ девять рисунковъ; изъ нихъ три помѣщаются въ настоящемъ номерѣ; остальные же будутъ напечатаны въ №№ 5 и 6-мъ.

они способны класть яйца и въ неволѣ, послѣ чего приступилъ къ изысканію способа для искусственнаго вывода птенцовъ. Впродолженіи трехъ лѣтъ, старанія его были безуспѣшны, но, наконецъ, ему удалось устроить аппаратъ, который приобрѣлъ теперь всемирную извѣстность. Этотъ аппаратъ изображенъ на одномъ изъ нашихъ рисунковъ и называется «инкубаторомъ».

Съ помощью этого аппарата, отъ 11 страусовъ, приобретенныхъ Дугласомъ первоначально, развелось на его фермѣ, въ самое непродолжительное время, до 900 штукъ птицъ, которыя будучи раскуплены сосѣдними фермерами, послужили основаніемъ страусоваго хозяйства въ южной Африкѣ, поставленнаго теперь почти на одну степень съ овцеводствомъ или разработкою брилліантовыхъ жилъ. Страусовая ферма Дугласа находится недалеко отъ Грэмстоуна и занимаетъ около 1,200 акровъ невоздѣланной земли, первоначально отведенной подъ выпасъ овечьихъ стадъ, но потомъ заброшенной вслѣдствіе захудѣнія почвы. Страусы, однако, менѣе взыскательны, чѣмъ овцы, и остаются довольны своимъ участкомъ.

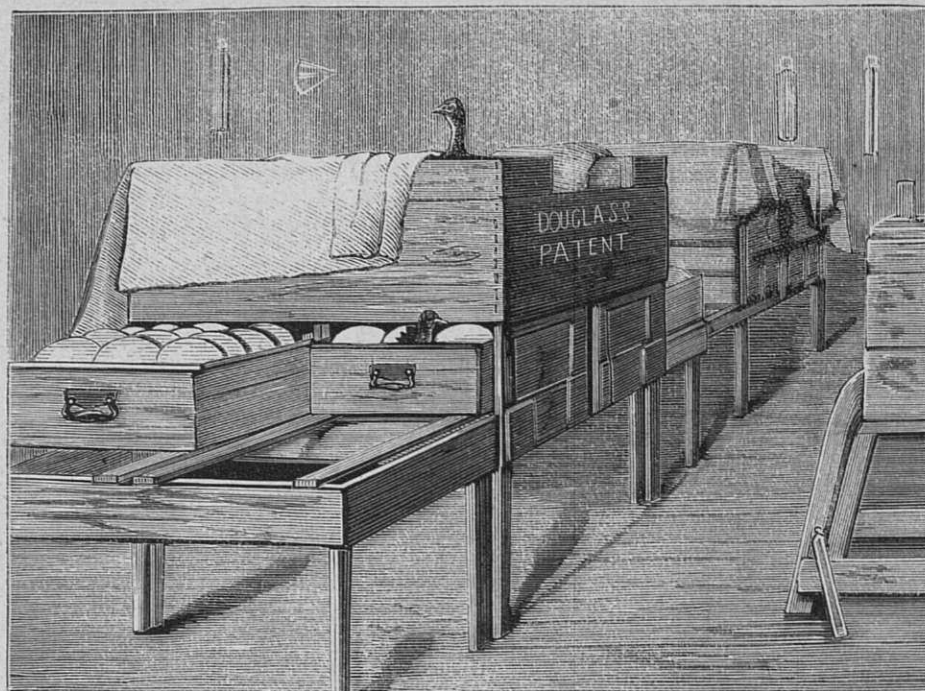
Въ настоящее время, на фермѣ находится до 300 птицъ; онѣ гуляютъ на обширныхъ отгороженныхъ пространствахъ, не входящихъ въ фермерскій участокъ. Одна изъ такихъ площадей, изображенная на нашемъ рисункѣ, занимаетъ пространство въ 3,000 акровъ. На ней находится стадо изъ 240 птицъ. Разъ въ недѣлю, конные пастухи загоняютъ ихъ на ферму, при чемъ одинъ ѣдетъ впереди, разсыпая зерно для приманки. На фермѣ устроены отдѣльныя клѣтки для каждой пары самокъ съ однимъ самцомъ. Молодые птицы (страусы не парятся ранѣе своего трехлѣтняго возраста) пасутся вмѣстѣ, стадами изъ 30—40 штукъ. За ними необходимъ хорошій присмотръ, потому что они подвержены разнымъ болѣзнямъ въ юности и, сверхъ того, очень способны наносить себѣ разный вредъ, то ломая себѣ кости, то увязая между чистоколомъ и пр. Но вообще страусъ очень сносливъ, легко выдерживаетъ и зной, и стужу, можетъ долго обходиться безъ воды и очень неразборчивъ на пищу. Разведеніе страусовъ, при существующихъ нынѣ цѣнахъ на ихъ перья, отлично вознаграждаетъ хозяина за его уходъ.

При искусственномъ выводѣ птенцовъ, первая забота состоитъ, разумѣется, въ томъ, чтобы добыть яйца. Для этой цѣли берутъ подложныя яйца, состоящія изъ склеенной яичной скорлупы, наполненной пескомъ. Съ помощью этихъ яицъ можно заставить дикую самку класть яйца въ извѣстное мѣсто. При большемъ ростѣ птицы и открытой мѣстности, нетрудно наблюдать за этою кладкою и добыть, такимъ образомъ, настоящія яйца. Такъ какъ каждое страусовое яйцо цѣнится въ 20—25 долларовъ, то, съ теченіемъ времени, эти яйца сдѣлаются, безъ сомнѣнія, предметомъ кражи, но, въ настоящую минуту, искушенія для воровъ нѣтъ, за неимѣніемъ рынковъ для сбыта подобнаго краденаго товара; брать краденныя страусовыя яйца, не имѣя приспособленій для вывода изъ нихъ птенцовъ, можетъ быть только совершенно бесполезнымъ рискомъ для покупателей.

Если инкубаторъ свободенъ, то собранныя яйца кладутся въ него тотчасъ же; въ противномъ случаѣ, ихъ можно сохранять нѣкоторое время безъ всякаго для нихъ вреда. Инкубаторъ состоитъ изъ большого деревяннаго стола, длиною въ 98 футъ и стоящаго на четырехъ ножкахъ. На каждомъ концѣ его находится по два ящика. Яйца обертываются фланелью и укладываются въ ящики, которые сообщаются съ винтовымъ приспособленіемъ, позволяющимъ повышать и понижать ихъ на 2—3 дюйма. Надъ ящиками, всю длину аппарата, идетъ помѣщеніе для горя-

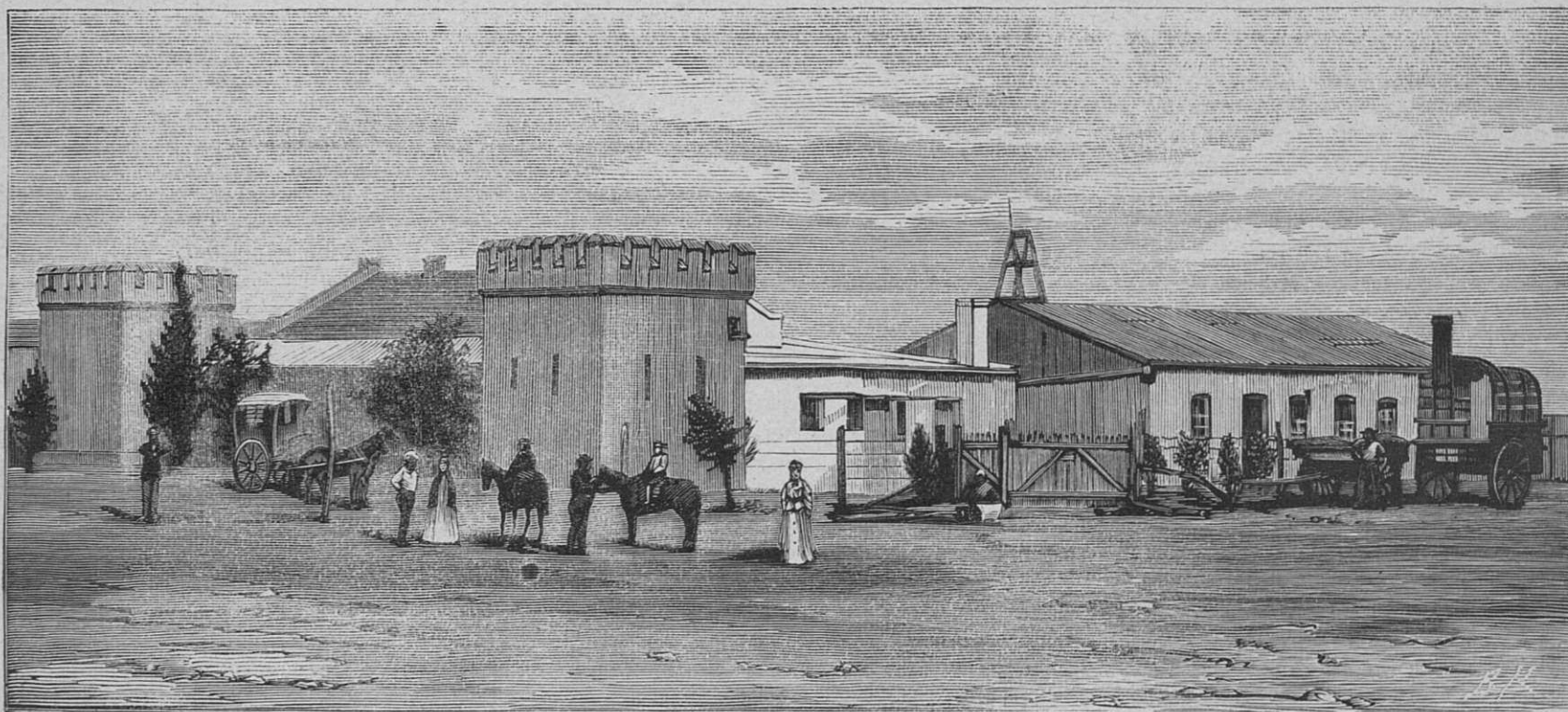

чей воды; каждое яйцо приходитъ въ соприкосновеніе съ нимъ одною своей стороною (въ каждомъ ящикѣ помѣщается по 15 яицъ). Подъ аппаратомъ, въ центрѣ его, горятъ лампы, поддерживающія температуру воды на требуемой степени. Инкубационное помѣщеніе, изображенное на одномъ изъ нашихъ рисунковъ, построено такъ, что не допускаетъ вліянія погоды на процессъ инкубации. Въ немъ работаютъ нѣсколько инкубаторовъ. На верху аппаратовъ устроены ночныя, тоже отопляемыя, насѣсти для подрастающихъ птенцовъ. На нашемъ рисункѣ аппаратъ изображенъ съ опущенными и открытыми ящиками. Не смотря на кажущуюся простоту этого аппарата, искусственная инкубация представляетъ весьма сложный

Инкубаторъ.

жій. М-ръ Дугласъ до того на-вострился въ своемъ дѣлѣ, что подмѣчаетъ признаки, по которымъ можетъ предсказать моментъ вылупленія птенцовъ, ошибаясь, приблизительно, не болѣе, какъ на одинъ часъ времени. Вылупившіеся птенцы требуютъ самого тщательнаго ухода. Большею частью, роль естественнаго ихъ охранителя, матери, поручается кулю. Каждая стая птенцовъ (штукъ 30) сдается на попеченіе такого дядьки, который ходитъ со своими питомцами отъ восхода солнца до его заката, срѣзываетъ для нихъ люцерну, размельчая кости, отыскивая крупный песокъ и воду. Обыкновенно птицы очень привязываются къ своему пѣсту и онъ, съ своей стороны, очень о нихъ заботится, потому что каждый вылупившійся птенецъ цѣнитъ

Гитертонъ-тоуеръ, ферма Дугласа.

процессъ, требующій не только внимательности, но и особой сноровки. Страусъ на свободѣ часто поворачиваетъ свои яйца, чему необходимо подражать и при искусственномъ способѣ ихъ высидиванія. Слѣдуетъ поворачивать яйца разъ въ сутки; требуется окружать ихъ нѣкоторою степенью влажности, подобною естественному испаренію изъ тѣла насѣдки. Степень жара должна тоже соблюдаться очень строго, и малѣйшая оплошность въ этомъ отношеніи можетъ быть пагубна для зародыша. При вылупленіи птенцовъ скорлупу разбиваютъ, иногда искусственно (если птенецъ слишкомъ слабъ). Эта деликатная операція производится съ помощью специальныхъ инструментовъ. Нашъ рисунокъ изображаетъ самого м-ра Дугласа, помогающаго такимъ образомъ слабому птенчику выглянуть на свѣтъ бо-

Сортировочная для перьевъ.

(Къ статьѣ «Разведеніе страусовъ».)

ся, среднимъ числомъ, въ 50 долларовъ. Потеря нѣсколькихъ птицъ, вѣдѣствіе плохого ухода за ними, отзывается тяжело на карманѣ хозяина. Цѣна взрослого страуса равняется 300—400 долларовъ. Птицъ начинаютъ ощипывать еще до достиженія ими одного года, но тотъ возрастъ, въ который онѣ перестаютъ доставлять сборъ, еще не опредѣленъ съ точностью. На фермѣ Дугласа находятся шестнадцатилѣтніе экземпляры, дающіе до сихъ поръ самыя лучшія перья. Когда наступаетъ время ощипыванія, птицъ заманиваютъ кукурузными зернами въ большую клѣтку, одна сторона которой состоитъ изъ подвижной стѣнки. Страусы очень лакомы до кукурузы и стремятся охотно за нею въ западню. Когда клѣтка наполнится, то подвижную стѣнку надвигаютъ въ такой степени, что птицы сжима-

ются въ тѣсную кучу, лишаясь возможности вступитъ въ какую-нибудь борьбу. Онѣ не могутъ расправить своихъ крыльевъ или ринуться впередъ, какъ они то обыкновенно дѣлаютъ, намѣреваясь ударить. Тогда люди входятъ въ клѣтѣ, приподнимаютъ имъ крылья и ощипываютъ или обрѣзаваютъ съ нихъ перья. Первый способъ предпочтительнѣе, во-первыхъ, потому, что выщипанные перья тяжелѣе, слѣдовательно выгоднѣе для продажи; во-вторыхъ, вмѣсто выщипанныхъ, растутъ тотчасъ же новыя перья, между тѣмъ какъ этотъ процессъ замедляется, если стволы перьевъ должны выпасть естественнымъ путемъ. Повидимому, выщипываніе перьевъ не причиняетъ страусу особенной боли; по крайней мѣрѣ, онъ едва обращаетъ вниманіе на производимую операцію. Какъ бы то ни было, перья собираются два раза ежегодно, причемъ у страуса ощипываютъ хвостъ и верхнюю часть крыльевъ, которые одни украшены бѣлыми перьями; перья нижней части крыла тоже цвѣтутъ, но менѣе первыхъ; они бываютъ чернаго цвѣта. Собранные перья относятся въ особое помѣщеніе, гдѣ сортируются съ исподняго края крыла. Фунтъ подобныхъ перьевъ продается часто не менѣе, какъ за 125 дол.

Торговля страусовыми перьями такъ выгодна при настоящемъ запросѣ на нихъ, что даетъ ежегодно до 50% дохода на затраченный капиталъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые лица раззорились на этой самой промышленности. Антони Троллопъ, изъ занимательной статьи котораго мы заимствуемъ эти подробности, постигъ ферму Дугласа въ 1877 году; по его мнѣнію, неудача нѣкоторыхъ другихъ заводчиковъ объясняется громадною цѣнностью птицы, подвергающей хоз-яевъ слишкомъ большому риску; между тѣмъ, дѣло еще такъ ново, что заводчики не успѣли ознакомиться вполне со всѣми методами для вывода птенцовъ, собиранія перьевъ и пр. Страусовый заводъ безъ инкубатора немислимъ, говоритъ Троллопъ. Самки портятъ свои перья, сидя на гнѣздѣ и притомъ теряютъ два мѣсяца на каждое высиживаніе. Число имѣющихъ выдти птенцовъ остается неопредѣленнымъ; вылупившіяся птицы подвергаются разнымъ опасностямъ. При инкубаторѣ, эти неудобства почти совсѣмъ устраняются. Троллопъ замѣчаетъ, между прочимъ, очень справедливо, что самое названіе «инкубаторъ» крайне нелѣпо, потому что этотъ аппаратъ придуманъ именно съ цѣлью сдѣлать излишнею всякую инкубацию (т. е. высиживаніе).

Страусовый заводъ Дугласа, устроенный съ полнымъ знаніемъ дѣла, процвѣтаетъ вполне. Каждая изъ его птицъ, считая среднимъ числомъ старыхъ и молодыхъ, представляетъ собою цѣнность въ 150 дол. и даетъ ежегодно перьевъ (тоже въ среднемъ выводѣ) на 75 дол. Весь уходъ лежитъ на куліяхъ, и лишь нѣкоторыя работы исполняются самимъ хозяиномъ и двумя или тремя молодыми людьми, изучающими дѣло подъ его руководствомъ. Куліи живутъ каждый въ своемъ палатѣ съ женами и дѣтьми. Они получаютъ отъ хозяина паекъ и до 7 дол. въ мѣсяцъ. Пакетъ состоитъ изъ 2 фун. (англійскихъ) мяса и 2 фун. кукурузы въ день. Для одного человѣка такой раціонъ даже великъ, но куліи, большею частью, народъ семейный. Хижины ихъ строятся ими, но на хозяйской землѣ; топливо дается тоже отъ хозяина. Кофе они могутъ покупать у него, если хотятъ позволить себѣ эту роскошь.

Домъ самого Дугласа, носящій названіе «Гитертонъ Тоуеръ», принадлежитъ къ красивѣйшимъ постройкамъ въ долинѣ Рыбной рѣки. По словамъ Троллопа, зданіе устроено такъ, что, въ случаѣ возстанія кафровъ, можетъ быть легко превращено въ блокгаузъ. Въ случаѣ нападенія, семья Дугласа можетъ укрыться въ башни, защищенные отъ выстрѣловъ, а съ окруженной парпетомъ платформы ихъ можно стрѣлять въ

непріятеля. «Не знаю, прибавляетъ Троллопъ, были-ли справедливы опасенія, побудившія м-ра Дугласа принять въ 1876 г. эти мѣры предосторожности, но, во всякомъ случаѣ, тревожное положеніе колонистовъ, живущихъ лишь въ 20 миляхъ отъ Грэмстоуна, не можетъ не отзываться неблагоприятно на мѣстной промышленности».

Два нашихъ рисунка изображаютъ страуса въ его дикомъ состояніи. На первомъ изъ нихъ видѣнъ страусъ-наседка; на второмъ тотъ же страусъ, застигнутый на гнѣздѣ охотникомъ. Страусъ принадлежитъ къ полигамическимъ птицамъ; съ однимъ самцомъ ходитъ отъ 2 до 7 самокъ, которыя устраиваютъ себѣ одно общее гнѣздо, слегка вырытая въ пескѣ углубленіе для всѣхъ яицъ. Каждая самка кладетъ до 10 яицъ; гнѣздо наполняется ими, но часто вокругъ него валяются непопавшія въ него яйца. Въ прежнее время предполагалось, что эти яйца назначаются для пищи птенцовъ, но гораздо вѣроятнѣе, что они просто кладутся самками, выжидающими болѣе удобнаго мѣста въ гнѣздѣ. Мнѣніе, что страусовая самка не сидитъ на яйцахъ, представляя согрѣваніе ихъ солнцу, ошибочно. Можетъ быть, такъ случается подъ экваторомъ, но въ нѣсколько менѣе жаркихъ странахъ, самки не покидаютъ своихъ гнѣздъ, и сидятъ на нихъ именно ночью, когда температура охлаждается, вставая лишь на короткое время днемъ, въ самые жаркіе часы. Самецъ раздѣляетъ заботы своихъ подругъ и стережетъ яйца во время отсутствія самокъ. Овладѣть гнѣздомъ нелегко. Разъяренная птица (въ особеннѣе самецъ) кидается часто на всадника, нанося удары ему и его лошади своими мускулистыми ногами, и иногда дѣйствуетъ такъ удачно, что заставляетъ его искать спасенія въ бѣгствѣ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что страусъ никогда не бѣжитъ назадъ, то есть не лягается, подобно лошади, но наноситъ передовые удары, какъ кенгуру.

Народы Россіи.

(Этнографическіе очерки.)

Ст. С. С. Шашкова.

I.

АЛЕУТЫ *)

тѣ американскаго полуострова Аляски идетъ къ Сибири черезъ Бобровое море рядъ Алеутскихъ острововъ, лучшее описаніе которыхъ принадлежитъ протоіерею Веніамину, нынѣшнему митрополиту московскому. На многихъ островахъ до сихъ поръ дѣйствуютъ вулканы, ихъ окружаетъ бурное море, по которому осенью и зимою плаваютъ страшныя ледяныя горы, а цѣлое лѣто стоятъ густыя туманы. Климатъ на островахъ до того суровъ, что на нихъ почти вовсе нѣтъ лѣсу, хотя и растутъ превосходныя травы. За то море, окружающее ихъ, изобилуетъ рыбою, китами, моржами, тюленями, морскими котиками и бобрами, а на самыхъ островахъ множество птицы. Какъ ни угрюма эта природа, но всетаки она несравненно лучше и для житья и для

*) Хотя алеуты нѣсколько лѣтъ назадъ уступлены Соединеннымъ Штатамъ, но мы всетаки начинаемъ свои очерки ими, такъ какъ характеръ и судьба этого маленькаго племени въ высшей степени интересны.

пропитанія человѣка, чѣмъ многія мѣстности крайняго сѣвера, гдѣ живутъ эскимосы въ сообществѣ съ моржами и бѣлыми медвѣдями, по цѣлымъ мѣсяцамъ не видя солнечнаго свѣта. Естественно, что попавъ когда-то на эти острова, эскимосское племя алеутовъ не имѣло желанія оставлять ихъ и, въ своей борьбѣ за существованіе, выработалось въ лихой звѣроловческой народецъ.

Отъ русскихъ, съ которыми алеуты сильно перемѣшались, они переняли много ремеслъ, теперь у нихъ есть кузнецы, слесари и т. д. Но и до прихода русскихъ матеріальная культура этого даровитаго и предприимчиваго народа была довольно высока. Для своихъ одеждъ и украшеній алеуты хорошо выдѣлываютъ кожи, готовятъ рѣзныя издѣлія изъ кости; на платьѣ, на сумкахъ и т. д. дѣлаютъ разноцвѣтныя вышивки очень красиваго рисунка. Жилище алеута не казисто, это—кажущаяся издали холмомъ землянка, въ которую спускаются черезъ крышу по столбу, но за то второе его жилище, челнокъ или байдара, въ которой онъ проводитъ значительную часть своей жизни, верхъ совершенства и даже изящества. Деревянный корпусъ байдары, чрезвычайно легкой, обтянутъ со всѣхъ сторонъ тюленьей шкурой, и только сверху на срединѣ сдѣлано для сѣдока отверстіе, опускается въ которое по поясъ, онъ такъ плотно затягиваетъ его около себя, что вода ни въ какомъ случаѣ не можетъ проникнуть внутрь этого челнока. Байдара, управляемая посредствомъ легкаго руля искусною рукою алеута, носится по волнамъ, какъ чайка, утонуть она не можетъ, развѣ только разобьется о скалу или при охотѣ на кита этотъ великанъ хлестнетъ по ней своимъ хвостомъ и разнесетъ ее въ дребезги. Большія байдары поднимаютъ до 20, даже до 50 человѣкъ. Алеутъ можетъ непрерывно плыть въ байдарѣ 10, 12, даже 16 часовъ и даже во время сильныхъ тумановъ такъ ловко умѣетъ ориентироваться, что непременно достигнетъ пункта, къ которому хочетъ направить свой легкой челнокъ.

Въ настоящее время алеуты охотятся уже съ ружьями, но не оставили еще своихъ стрѣлъ и своихъ отравленныхъ дротиковъ, которыми они дѣйствуютъ чрезвычайно мѣтко, какъ всѣ дикари. Въ апрѣлѣ начинается охота на морскихъ бобровъ, на которую алеуты выѣзжаютъ партиями отъ 20 до 30 байдаръ каждая. Не смотря на господствующія въ это время бури, партіи далеко проникаютъ въ море и каждая изъ нихъ, расположившись въ прямую линію, сторожитъ появленіе бобровъ. Лишь голова животного показывается надъ водой, въ нее уже летитъ стрѣла съ какой-нибудь байдары, которая и гонится за раненымъ бобромъ, а прочія байдары составляютъ кругъ около нея. Если боберъ еще выпрыгнетъ изъ воды, то въ него летятъ стрѣлы уже съ нѣсколькихъ байдаръ и на этотъ разъ онъ непременно убитъ. Зимою охота на бобровъ гораздо опаснѣе. Животныя укрываются на зиму на необитаемыхъ островахъ, засыная здѣсь въ пещерахъ и расщелинахъ скалъ. Охотникамъ приходится плыть на морозѣ; часто въ бурю и пробираться между носящимися по морю грозными ледяными горами. Въ байдарѣ сидятъ два охотника; одинъ изъ нихъ, съ ружьемъ въ рукахъ, пользуясь моментомъ прибой волнъ къ скользкому, обледенѣлому утесу, долженъ выскочить на него изъ лодки, застрѣлить бобра и, держа его въ рукахъ вмѣстѣ съ ружьемъ, снова уловить моментъ отбоя волнъ, чтобы соскочить съ утеса въ байдару. На морскихъ котиковъ, которыхъ алеуты убиваютъ ежегодно до 3½ мил. штукъ, они охотятся въ апрѣлѣ, при чемъ, нападъ на стадо ихъ, они стараются отрѣзать отъ него дѣтенышей, которыхъ однихъ только и убиваютъ, между тѣмъ какъ самокъ не трогаютъ, и послѣд-

нія, потерявъ потомство, долго еще плаваютъ у береговъ, оглашая море своимъ жалобнымъ воемъ. Охотится алеутъ и на кита, стараясь ранить его своей стрѣлой въ голову, потомъ воткнуть ему копьё подъ лѣвый плавникъ, затѣмъ быстро уплыть, чтобы китъ не погубилъ его ударомъ хвоста. Куда бы ни принесло трупъ подошедшаго кита, онъ принадлежитъ охотнику, который признается по значку его, находящемуся на стрѣлѣ. Не менѣе китовой, опасна охота на моржей, отправляясь на которую алеутъ прощается съ своимъ, словно идеть на вѣрную смерть. Въ моржа нужно попасть, когда онъ взбирается на берегъ, потомъ отрѣзать ему отступление къ морю и добить. У убитаго отрѣзываютъ клыки и снимаютъ шкуру, мясо же бросаютъ и ворвани изъ него не добываютъ.

Алеуты давно уже числятся православными христианами, хотя ихъ христианство на половину перемѣшано съ прежними языческими вѣрованіями. «Нѣкоторые изъ нихъ, по словамъ Банкрофта, говорятъ, что въ самомъ началѣ жила на островѣ Уналашкѣ Сука и что съ Кадьяка приплылъ къ ней большой Кобель; отъ этой-то пары произошло людское племя. Другіе же называютъ эту Суку, мать своего племени, Магахъ, и говорятъ, что къ ней явился нѣкій старецъ Пракдадагъ; результатомъ этого посѣщенія было рожденіе двухъ существъ, мужскаго и женскаго пола, которые были полулюдьми—полулисицами». Въ этой легендѣ мы видимъ слѣды поклоненія предкамъ, собственныя имена которыхъ, по обыкновенію дикарей, взятыя отъ животныхъ, и дали поводъ къ образованію мифа. До прихода русскихъ, алеуты раздѣлялись на роды, управляемые родоначальниками или тоенами, и имѣли военнопленныхъ рабовъ, съ которыми они обращались очень жестоко. У нихъ долго сохранялись слѣды первобытнаго комунального брака и хозяйнѣ ссужалъ гостя своею женою, которая, кромѣ того, имѣла не одного мужа. Протівоестественный порокъ былъ развитъ между ними очень сильно, а съ приходомъ русскихъ, алеуты сдѣлались еще и пьяницами. Какъ у всѣхъ дикарей, такъ и у алеутовъ, ихъ народный характеръ поражаетъ культурнаго человѣка своими внутренними противорѣчіями и невыдержанностью. Мы говорили выше объ ихъ охотничьей ловкости и смѣлости, предприимчивости и выносливости, но на основаніи этихъ чертъ алеутовъ вовсе нельзя представлять себѣ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, народомъ живымъ и энергическимъ, морскими черкесами. Напротивъ, въ настоящее время алеутъ вялъ и апатиченъ, только голодъ, только крайняя нужда заставляютъ его приняться за работу, во время процесса которой только и развертываются его силы. Путешественники рассказываютъ, что алеутъ будетъ лежать въ своей отвратительной землянкѣ безъ куса пищи, пока ему не прикажутъ добыть ее, въ противномъ случаѣ онъ будетъ голодать до послѣдней степени. Онъ никогда не выражаетъ недовольства своимъ положеніемъ, ни болѣзнь, ни голодъ не заставляютъ его жаловаться, не вызываютъ слезъ, даже у женщинъ и дѣтей. Во время самыхъ критическихъ бѣдствій, алеуты не волнуются и утѣшаютъ себя поговоркой: «вѣтеръ скоро прекратится и одежда высохнетъ». Они мало разговариваютъ между собою, а долгіе зимніе вечера коротаютъ тѣмъ, что слушаютъ сказки. Между ними вовсе не бываетъ убійствъ, воровство рѣдко, они чрезвычайно довѣрчивы и безусловно вѣрны своему слову. Алеутъ гостепріименъ, онъ готовъ подарить каждому послѣднее, что есть у него, а въ трудное время голодовки добыча рыбной ловли дѣлится поровну между всѣми нуждающимися, хотя бы сами они вовсе не участвовали въ работѣ. Алеутъ не забываетъ оказаннаго ему благодѣянія и его благодарности не ослабляютъ

даже нанесенныя потомъ обиды. Онъ очень привязанъ къ своему семейству, ему неизвѣстны ни побой, ни тѣлесныя наказанія, которыхъ онъ боится болѣе всего на свѣтѣ. Къ войнѣ алеуты нынѣ уже неспособны: онъ не боится кита и моржа, но труситъ пули или отравленной стрѣлы индѣйца.

Между тѣмъ, во время оно алеуты были воинственны, на что указываетъ уже то одно обстоятельство, что они имѣли рабовъ и жестоко обращались съ ними. Но ихъ характеръ сильно измѣнился во время столѣтняго владычества надъ ними русскихъ промышленниковъ, подвиги которыхъ описали такими живыми красками митрополитъ Иннокентій, Головинъ, Лангедорфъ и др. Вскорѣ послѣ того, какъ Берингъ и Чириковъ открыли Алеутскіе острова, на нихъ устремились изъ Сибири промышленники, компаніями и въ одиночку, начали покорять алеутовъ, обирать съ нихъ ясакъ въ пользу правительства и т. д. Съ 1743 г. до учрежденія русско-американской компаніи извѣстно болѣе 40 компаній и отдѣльных лицъ, промышленавшихъ на этихъ островахъ морского звѣря. Алеуты сначала принимали русскихъ промышленниковъ радушно, но выведенные изъ терпѣнія ихъ насиліемъ и пьяными безобразіями, въ одну зиму истребили три промышленныхъ судна и начали враждебно встрѣчать промышленниковъ, которые, понятно, въ долгу не остались. Промышленникъ Готовъ выжегъ всѣ селенія безъ остатка на Умнакѣ и истребилъ всѣхъ жителей Самаги и Четырехоспичныхъ острововъ. Промышленникъ Соловьевъ умертвилъ болѣе 5,000 алеутовъ, убивая ихъ часто только изъ одной глупой самодурной прихоти. Однажды, желая позаваняться, онъ согналъ въ одно укрѣпленное мѣсто 200 алеутовъ и взорвалъ ихъ на воздухъ. Въ другой разъ въ пьяной его головѣ возникъ вопросъ, сколько человѣкъ сразу можно прострѣлить; пулей; онъ велѣлъ привязать другъ къ другу въ одну линію двѣнадцать алеутовъ и выстрѣлилъ пулю остановилась, говорятъ, въ девятомъ. Другъ Соловьева, Натрубинъ, тоже истреблялъ алеутовъ безъ жалости. Илья Лазаревъ бросалъ ихъ въ море съ утеса, рѣзалъ ножемъ, убивалъ обухомъ топора за то только, что кто-нибудь взглянулъ на его любовницу. Нерѣдко промышленники выкапывали яму, ставили надъ нею алеутовъ и, убивая ихъ ударами дубинъ по головѣ, сваливали трупы въ яму; эти дубины нарочно привозились изъ Охотска и Камчатки, такъ какъ на большинствѣ Алеутскихъ острововъ нѣтъ лѣса. Съ особенною опустошительностью дѣйствовали промышленники, когда ходили наказывать инородцевъ за ихъ непокорность, болшею частію мнимую. На Умнакѣ партія промышленниковъ рѣшила истребить безъ остатка всѣхъ алеутовъ. Подойдя къ первому алеутскому селенію, промышленники напали на него врасплохъ и перерѣзали всѣхъ жителей, не ждавшихъ бѣды; также поступили они съ двумя слѣдующими селеніями, но подходя къ четвертому, они сильно продрогли и промокли отъ дождя. Здѣсь алеуты ничего еще не знали о судьбѣ сосѣдей и приняли русскихъ радушно, но, обогрѣвшись и наѣвшись, промышленники внезапно напали на хозяевъ и тоже перерѣзали. Съ той же цѣлью партія пошла къ пятому селенію, но была отбита съ урономъ. Такимъ образомъ къ концу XVIII столѣтія была истреблена большая часть алеутовъ, которыхъ на островахъ Уналашкинскаго отдѣла до прихода русскихъ было не менѣе 25,000 человѣкъ, а въ 1792 г. уже всего 2500 чел. *).

Въ числѣ упомянутыхъ промышленниковъ первое мѣсто принадлежало Григорію Шелехову, человѣку очень ловкому, котораго Державинъ

*) Подробности см. въ «Описаніи Алеутскихъ острововъ Уналашкинскаго отдѣла, І. Веняминаова (митроп. Иннокентія), Спб. 1840 г.

величалъ даже «россійскимъ Колумбомъ», по которому императрица Екатерина II за его злодѣянія угрожала даже «оковами». Шелехову удалось учредить первую монопольную компанію для эксплуатаціи острововъ и русской Америки. Императоръ Павелъ I узналъ о варварствахъ русскихъ промышленниковъ. «Такія жестокости, писалъ Головинъ въ 1818 г., — возбудили гнѣвъ Монарха и онъ совсѣмъ хотѣлъ уничтожить промышленность, для имперіи и для народа его ничего незначущую?» Но это намѣреніе выполнено не было и русско-американская компанія уничтожена только въ 60-хъ годахъ.

Промышленники, истребляя большинство алеутовъ, обращали оставшихся въ живыхъ въ своихъ невольниковъ, безслѣпныхъ къ сопротивленію и забитыхъ, которые, во все время владычества компаній, оставались у нея въ полномъ рабствѣ. Всѣ алеуты отъ 15 до 50-лѣтняго возраста должны были исполнять всѣ компанейскія работы, для которыхъ ихъ развозили по островамъ, въ Ситху и т. д. Значительная часть ихъ погибла во время этихъ переездовъ. Правитель колоній, Барановъ, въ 1799 г., вывезъ 550, а въ 1801 г. 740 байдаръ алеутовъ, и изъ нихъ погибло болѣе двухъ третей. Для промысловъ при Барановѣ, съ однихъ только острововъ кадьякскаго отдѣла ежегодно выѣзжало до 500 байдаръ. Часто алеутовъ истребляли на промыслахъ индѣйцы, въ 1802 г., напр., они перерѣзали партію алеутовъ, состоявшую изъ 90 байдаръ. Кромѣ промысловъ морскихъ звѣрей, на алеутахъ лежали всѣ другія работы компаній; даже когда она вздумала заняться хлѣбопашествомъ, то въ тяжелые, неуклюжіе плуги вырѣгали алеутовъ же. Развозя алеутовъ по разнымъ мѣстамъ колоній, компанія разрушала ихъ семейства, которая страшно бѣдствовала и голодала, а нерѣдко и умирали съ голода цѣлыми поселеніями, между тѣмъ, какъ алеутовъ-работниковъ силбшь и рядомъ сводила въ могилу тоска по родинѣ. На компанію работали и женщины, ловили рыбу, собирали ягоды, заготавливали одежду, сдавая ее въ компанейскія лавки, изъ которыхъ она продавалась тѣмъ же алеутамъ. Даже на старикахъ лежалъ тяжкій трудъ: собираніе птичьихъ яицъ изъ гнѣздъ, находящихся въ уступкахъ скалъ, для чего охотникъ опускался на ремняхъ съ вершины скалы и, случалось, летѣлъ въ пропасть. Плата алеутамъ, несмотря на страшную дороговизну въ колоніяхъ, была самая ничтожная и выдавалась не деньгами, а дорогими и дрянными товарами изъ компанейскихъ лавокъ. Работа только прокармливала алеутовъ, да и то съ грѣхомъ пополамъ. «Возмутительно видѣть, пишетъ Лангедорфъ, этихъ полуголодныхъ, полунагихъ людей, работающихъ, какъ арестанты, когда знаешь, что въ компанейскихъ магазинахъ есть и одежда и провизія». Алеутовъ кормили китовиной, рыбой и жиромъ, иногда испорченными, что же касается хлѣба, то компанія вовсе не давала имъ его, на томъ основаніи, что хлѣбъ будто бы вреденъ алеутамъ! Жилища алеутовъ компанія даже ухудшила, заставивъ строить ихъ по новому плану. «Какими, въ коихъ живутъ алеуты, пишетъ Лазаревъ, состоятъ изъ двухъ сараевъ съ разными отдѣленіями, подобными стойламъ въ конюшняхъ. Смрадъ и нечистота жилища, гдѣ помѣщается 150 алеутовъ съ ихъ женами и дѣтьми (въ лѣтнее время, по случаю промысла, число ихъ увеличивается до 500), ужасаютъ и не позволяютъ путешественнику имѣть подробнаго познанія о ихъ домашней жизни». Даже сами алеуты сознавали, въ чемъ заключается главное неудобство компанейскихъ жилищъ, — въ спертости воздуха, вслѣдствіе того, что онъ не могъ очищаться черезъ низкія двери и маленькія окна. Оспа, цынга, лихорадки, сифилисъ свирѣпствовали между алеутами, и подъ владычествомъ компаній, число алеутовъ уменьшилось почти вдвое. Агенты

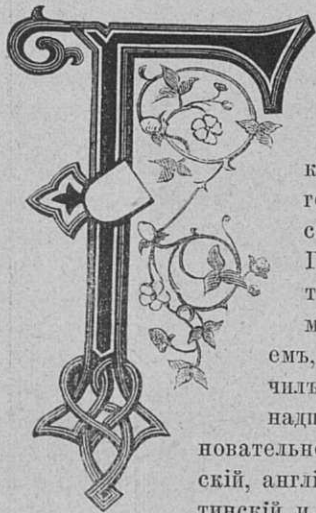
компаніи управляли инородцами совершенно произвольно.

Владычество компаніи превратило алеутовъ въ людей вялыхъ и апатичныхъ. Вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ, проектирована была и отмена обязательнаго труда алеутовъ. Въ то же время правительство рѣшилось уничтожить гибельную монополію россійско-американской компаніи. Въ 1867 г., Алеутскіе острова, вмѣстѣ съ Аляскою, уступлены Соединеннымъ Штатамъ, и алеуты очутились въ рукахъ новой промышленной компаніи, на которую они работаютъ, чтобы не умереть съ голода и имѣть орудія своего труда, байдару, стрѣлы и т. д. На югѣ, въ Индіи, напр., люди, находящіеся въ подобномъ жалкомъ положеніи идутъ въ дѣса, въ которыхъ они ведутъ жизнь парія; на крайнемъ же сѣверѣ они вымираютъ, какъ алеуты, которыхъ теперь всего только тысяча съ небольшимъ человекъ, или многочисленное нѣкогда племя курильцевъ, отъ которыхъ въ 60-хъ годахъ оставалось въ живыхъ только 66 человекъ обоаго пола.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ.

(Ст. Н. В. Шелгунова.)

Грибоѣдовъ происходилъ изъ старинной и богатой дворянской семьи и родился въ Москвѣ, въ январѣ 1795 года. Обезпеченному состоянію родителей, Грибоѣдовъ обязанъ тѣмъ блестящимъ домашнимъ воспитаніемъ, которое онъ получилъ. Грибоѣдовъ пятнадцати лѣтъ зналъ основательно языки: французскій, англійскій, нѣмецкій, латинскій и въ этомъ отношеніи

отличался далеко отъ современныхъ ему литераторовъ, образованіе которыхъ ограничивалось почти исключительно французскимъ языкомъ и свѣтскимъ лоскомъ. Пятнадцати лѣтъ Грибоѣдовъ поступилъ въ московскій университетъ и кончилъ курсъ кандидатомъ правъ.

Конечно, не впечатлительному, воспріимчивому, пылкому, увлекающемуся и даровитому Грибоѣдову приходилось бы успокоиться на чиновничьей дѣятельности въ какой-нибудь канцеляріи, тѣмъ болѣе, что Наполеонъ со своими полчищами шелъ на Россію. И вотъ, увлекаемый «патріотизмомъ», семнадцати-лѣтній Грибоѣдовъ поступаетъ въ гусарскій полкъ графа Салтыкова, формировавшійся тогда въ Москвѣ. Прослуживъ въ этомъ полку около четырехъ мѣсяцевъ, Грибоѣдовъ перешелъ въ Иркутскій гусарскій полкъ, стоявшій подъ Брестъ-Литовскомъ. Но увлекающемуся патріоту-поэту не пришлось ничего сдѣлать для спасенія отечества. Иркутскій полкъ вошелъ въ составъ резерва, такъ что Грибоѣдову не пришлось принять участія ни въ отечественной войнѣ, ни въ заграничныхъ походахъ послѣдующихъ годовъ. Въ 1815 году Грибоѣдовъ вышелъ въ отставку и переехалъ въ Петербургъ.

Этотъ періодъ въ жизни Грибоѣдова отличался шаловливыми порывами, разными юношескими увлеченіями и глупостями, не всегда простительными. Разъ, въ Брестъ-Литовскѣ, Грибоѣдовъ со своимъ пріятелемъ Бѣгичевымъ отправился къ обѣднѣ въ католическій монастырь. Бѣгичевъ остался внизу, а Грибоѣдовъ пошелъ на хоры къ органу; органиста не было. Началась служба. Грибоѣдовъ сталъ играть мессу и игралъ превосходно, съ увлеченіемъ; вдругъ звуки священнаго гимна

внезапно смолкли и съ хора раздалась камаринская... Въ другой разъ Грибоѣдовъ, съ тѣмъ же Бѣгичевымъ, вѣхали верхомъ на лошадяхъ на балъ, бывшій во второмъ этажѣ. Свои дурачества Грибоѣдовъ оправдывалъ тѣмъ, что онъ «пасынокъ здраваго разсудка», но въ этомъ «пасынкѣ» теплился священный огонь и въ самихъ шалостяхъ, въ которыхъ выливалась его внутренняя потребность къ дѣятельности, уже чувствовался сильный, своеобразный и даровитый человекъ.

Въ Петербургѣ онъ велъ себя уже нѣсколько степеннѣе, но былъ все-таки не въ силахъ оторваться отъ кружка, въ который онъ попалъ и отдался съ увлеченіемъ новой жизни. Кружокъ же, въ который онъ попалъ, состоялъ изъ театраловъ-актеровъ и драматическихъ писателей. Грибоѣдовъ увлекся закулисною жизнью. Хотя театральные нравы были тогда не особенно строги, но тѣмъ не менѣе нарушеніе приличій очень преслѣдовалось. Напримѣръ, Василій Андреевичъ Каратыгинъ былъ посаженъ въ крѣпость за грубость противъ Майкова, а грубость заключалась въ томъ, что онъ не всталъ, когда Майковъ проходилъ. Котевина за шиканье въ театрѣ выслали вонъ изъ Петербурга; Сушкова за такую же вину посадили на три дня въ крѣпость. При театрѣ состоялъ офиціальныи фискаль, должность котораго заключалась въ томъ, чтобы подслушивать, что говорилось между актерами и писателями. Грибоѣдовъ мало обращалъ вниманія на всѣ эти строгости и въ 1817 году ему изъ-за актрисы Истоминой пришлось выйти на дуэль. Дуэль была двойная—Грибоѣдову слѣдовало стрѣляться съ Якубовичемъ, Шереметьеву—съ Завадскимъ. Шереметьевъ былъ смертельно раненъ и смерть его произвела на Грибоѣдова самое подавляющее впечатлѣніе—ему захотѣлось даже бѣжать изъ Петербурга отъ его пустой, убивающей и развращающей жизни. Душа Грибоѣдова рвалась куда-то, чего-то хотѣла; онъ чувствовалъ въ себѣ талантъ, призваніе къ чему-то; въ немъ сидѣла какая-то увѣренность, что изъ него долженъ выйти замѣчательный человекъ, но на какомъ поприщѣ? Къ чему приложить свою силу Грибоѣдовъ не зналъ и его неудовлетворенныя исканія разрѣшились недовольствомъ собой и всѣмъ окружающимъ. Послѣ смерти Шереметьева, ему было предложено мѣсто при персидскомъ посольствѣ. При другихъ условіяхъ онъ можетъ быть отказался бы отъ него, но теперь принялъ и поѣхалъ въ Тегеранъ въ самомъ мрачномъ, подавленномъ настроеніи. На пути онъ остановился на нѣсколько времени въ Москвѣ и вотъ что онъ писалъ объ ней своему другу Бѣгичеву: «Въ Москвѣ все не по мнѣ, праздность, роскошь, несопряженная ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему-нибудь хорошему. Прежде тамъ любили музыку, нынче и она въ пренебреженіи, ни въ комъ нѣтъ любви ни къ чему изящному». Дальше онъ прибавляетъ, что «жить между готентотами участъ умныхъ людей и что большую часть жизни приходится проводить съ дураками, а какая ихъ бездна у насъ! Чуть-ли не больше, чѣмъ солдатъ!»

Оторвавшись отъ разсеянной столичной жизни, Грибоѣдовъ, конечно, не могъ удовлетвориться въ Персін жизнью между дикообразными азіятцами. Силы его просили дѣла и онъ принялся за изученіе языковъ: арабскаго и персидскаго. Послѣдній онъ изучилъ до того основательно, что писалъ на немъ стихи. Грибоѣдовъ ознакомился съ европейскими классиками, занимался археологіей и исторіей Россіи и писалъ стихами псалмы. Первые московскія вліянія и патріотическія увлеченія отозвались и на тѣхъ выводахъ, которые Грибоѣдовъ сдѣлалъ при изученіи русской исторіи. Грибоѣдовъ не любилъ Петра; онъ считалъ его поверхностнымъ реформаторомъ и тираномъ и порицалъ его за увлеченіе всѣмъ иностраннымъ. Въ то

же время Грибоѣдовъ не былъ славянофиломъ ужъ только потому, что ненавидѣлъ Москву. Увлекаясь древней до-петровской Русью, онъ плѣнялся въ ней зачатками широкаго самоуправленія, т. е. тѣмъ же, чѣмъ увлекались тогда наши передовые люди. То было своего рода западничество съ патріотическимъ протестомъ, отчасти революціоннаго характера. Не собственно петровскія реформы не нравились Грибоѣдову, а только извѣстный ихъ характеръ и обезьянничанье вѣшной европейской жизни.

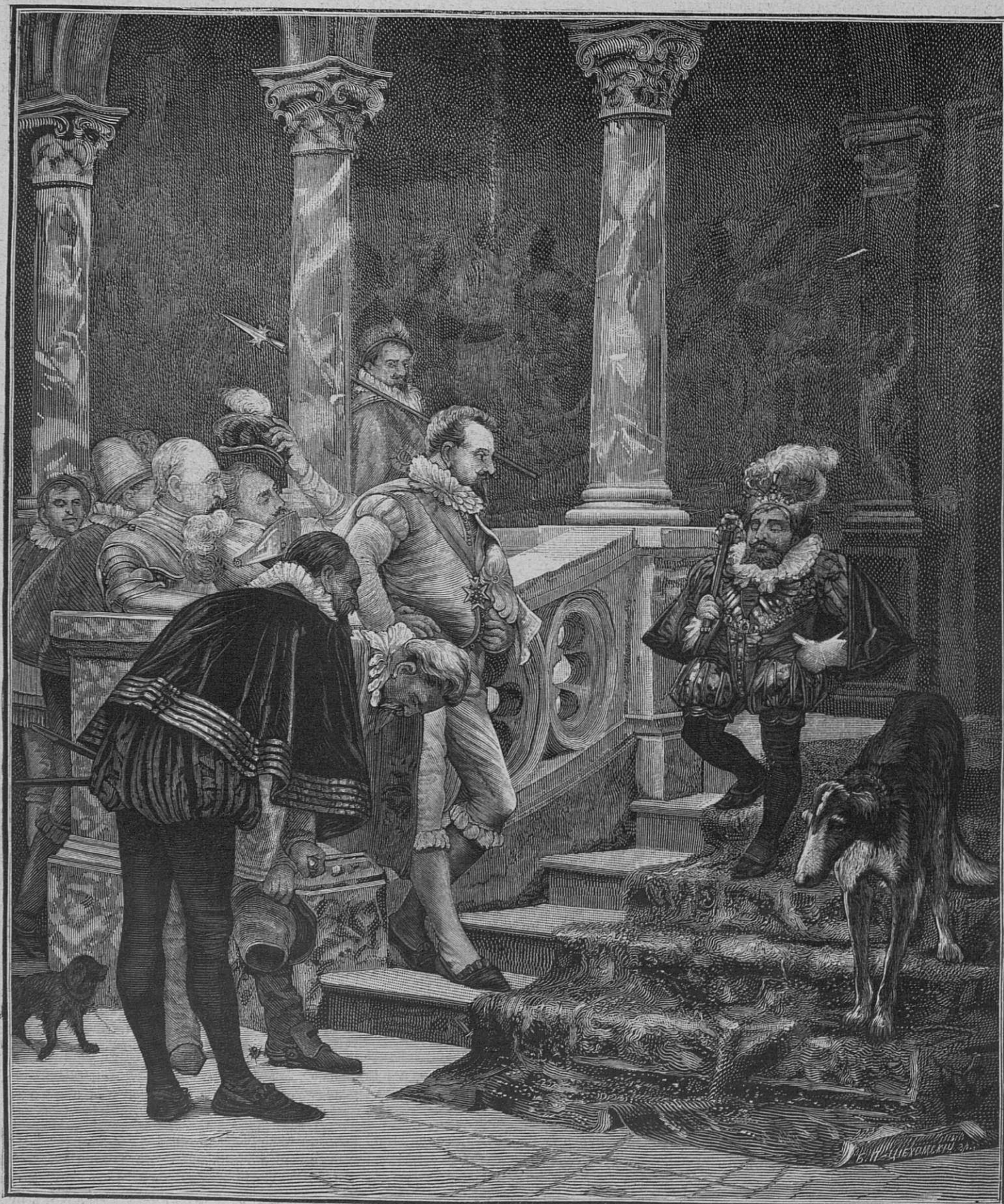
Жизнь въ Персін, наконецъ, надоѣла Грибоѣдову до того, что имъ овладѣла тоска. Онъ рѣшился просить отставки и писалъ въ это время къ одному высокопоставленному лицу въ Петербургѣ слѣдующее: «Чѣмъ человекъ просвѣщеннѣе, тѣмъ онъ лучше служитъ своей странѣ; чтобы пріобрѣсти средства и возможность къ просвѣщенію, я прошу отставки или отозванія меня изъ этого печальнаго государства, гдѣ не только нельзя чему-нибудь научиться, но и забудешь то, что зналъ раньше». Грибоѣдовъ былъ переведенъ чиновникомъ по дипломатической части къ Ермолову, въ Грузію. Но онъ не оставался въ ней долго и въ 1823 году отправился въ Москву. На этотъ разъ уже не безсознательное стремленіе заглушить тоску увлекало Грибоѣдова: во время пребыванія своего въ Персін, онъ началъ «Горе отъ ума», въ Тифлисѣ его окончилъ, и пріѣхавъ въ Москву для окончательной отдѣлки своего произведенія, съ тѣмъ, чтобы ѣхать въ Петербургъ поставить его на сцену. Это ему не удалось. Ему не только не удалось поставить пьесу на сцену, но не удалось даже добиться напечатанія ея. Онъ готовъ былъ на всѣ урѣзки и поправки, но цензура рѣшительно отказывала ему въ разрѣшеніи и «Горе отъ ума» явилось въ печати только черезъ десять лѣтъ, когда Грибоѣдовъ лежалъ уже въ могилѣ.

И вотъ, Грибоѣдовъ впадаетъ въ хандру. Никогда онъ еще не доходилъ до такой разочарованности и озлобленія. Тоска заѣла Грибоѣдова, онъ чувствовалъ, что ему нужны новыя впечатлѣнія и сталъ снова проситься въ Грузію къ Ермолову. На пути изъ Симферополя, онъ писалъ Бѣгичеву: «Наконецъ-то я ѣду къ Ермолову. Почти три мѣсяца провелъ я въ Тавридѣ, а результатъ нуль. Ничего не написалъ. Не знаю, не слишкомъ-ли я отъ себя требую? Умѣю-ли писать? Что у меня съ избыткомъ найдется, что сказать, за это ручаюсь, отчего же я нѣмъ—нѣмъ, какъ гробъ? Маленькій городъ сдѣлался для меня тошнѣе Петербурга. Наѣхали путешественники, которые знаютъ меня по журналамъ: сочинитель Фамусова и Скалозуба, слѣдовательно веселый человекъ! Фу, злодѣйство! Да, мнѣ не весело, скучно, отвратительно...» Дальше онъ пишетъ: «Пора умереть! Тоска неизвѣстная, если это долго меня промучитъ, я никакъ не намѣренъ вооружиться терпѣніемъ: пускай оно остается добродѣтелью тѣлаго скота... Буду-ли я когда независимымъ отъ людей? Зависимость отъ семейства, другая отъ службы, третья отъ цѣли жизни, которую себѣ назначилъ, и, можетъ статься, на переکورъ судьбѣ. Поэзія!! люблю ее безъ памяти, страстно, но любовь одна достаточна-ли, чтобы себя прославить и, наконецъ, что слава? По словамъ Пушкина, «яркая заплатка на ветхомъ рубищѣ иѣвца». Кто насъ уважаетъ иѣвцовъ истинно вдохновенныхъ въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ! Все-таки Шереметьевъ затмилъ бы у насъ Омпра... Мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ». Нѣсколько раньше, но въ томъ же году, до отъѣзда, Грибоѣдовъ, подъ впечатлѣніемъ петербургскихъ непріятностей, писалъ тому же Бѣгичеву: «Пишу къ тебѣ въ пятомъ часу утра—не спитъ! Нынче день моего рожденія, что же я сдѣлалъ на под-

САЛОНЪ 1878 ГОДА ВЪ ПАРИЖѢ.

КАРТИНА Е. ЗАМКОИСА.

Шутъ короля.

Рѣзали на деревѣ по заказу редакціи В. Пуцъ и Цехомскій въ Варшавѣ.

ИЛЛЮСТРАЦИИ КЪ СОЧИНЕНІЯМЪ РУССКИХЪ
ПИСАТЕЛЕЙ.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ П. СОКОЛОВА.

Горе отъ ума, Грибоедова. (Дѣйствіе IV, явленіе XIV.)

Рѣзалъ на деревѣ Діаментовскій, по фотографіи г. Лаптева.

Гос.
Публичная
Б-ка
в
Ленинградѣ.

пути моей жизни; скоро буду старъ и глупъ, какъ всѣ мои благородные современники. Вчера я обѣдалъ со всей сволочью здѣшнихъ литераторовъ, не могу пожаловаться: отовсюду колѣнопреклоненіе и фиміамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сытость отъ ихъ дурачествъ, ихъ сплетенъ, ихъ мншурныхъ талантовъ и мелкихъ ихъ душишекъ. Не отчаивайся, другъ почтенный: я еще не совсѣмъ погрязъ въ этомъ трясиномъ государствѣ, скоро отправлюсь и надолго... Какой міръ! Кѣмъ населенъ! И какая дурацкая его исторія!

Пріѣхавъ въ Грузію, Грибоѣдовъ состоялъ при Ермоловѣ, который очень любилъ его и оказалъ ему очень важную услугу. Грибоѣдовъ не принадлежалъ собственно къ заговору 1825 года; онъ даже не вѣрилъ въ его исходъ. «Сто человѣкъ прапорщиковъ, говорилъ онъ часто,—хотятъ измѣнить строй Россіи»; но онъ зналъ о заговорѣ, съ большею частью заговорщиковъ былъ знакомъ, а съ нѣкоторыми былъ въ перепискѣ. Этого было достаточно, чтобы «потянуть» его, какъ онъ самъ выражался. Ермоловъ сидѣлъ за ужиномъ въ своемъ обычномъ обществѣ, когда къ нему прискакалъ курьеръ изъ Петербурга. Получивъ денешу, Ермоловъ вышелъ въ другую комнату прочитать ее и сейчасъ же позвалъ туда Грибоѣдова. «Ступай домой и сожги все, что можетъ тебя компрометировать, сказалъ онъ,—за тобой прислали и я могу дать тебѣ только часъ времени». Грибоѣдовъ ушелъ и послѣ назначеннаго срока Ермоловъ съ начальникомъ штаба и адъютантами пришелъ арестовать его и сдать курьеру.

Здѣсь будетъ кстати замѣтить одну черту характера Грибоѣдова, которой объясняется и вниманіе къ нему Ермолова. Грибоѣдовъ имѣлъ рѣдкую способность привлекать и привязывать къ себѣ людей. «Противъ очарованія его характера, говорила его сестра,—устоять было нельзя, знать и не любить его было невозможно». Даже самъ Загоскинъ сказалъ ему: «Ты мой злодѣй, а я все-таки тебя люблю». Чарующій характеръ помогъ Грибоѣдову и въ заключеніи. Его очень полюбилъ надсмотрщикъ тюрьмы. Разъ Грибоѣдовъ, находясь въ сильномъ нервномъ возбужденіи, разразился въ своемъ казематѣ такой громкой бранью, что надсмотрщикъ отворилъ дверь въ его комнату. Грибоѣдовъ пустилъ въ него чубкомъ. Товарищи по заключенію думали, что ему не сдобровать, но вотъ черезъ полчаса дверь отворилась и надсмотрщикъ спрашиваетъ: «Александръ Сергѣевичъ вы еще сердиты или нѣтъ?»—«Нѣтъ, братецъ, нѣтъ» отвѣчалъ Грибоѣдовъ разсмѣявшись.—«Войти можно?»—«Можно».—«И чубкомъ пускать не будете».—«Нѣтъ, не буду».

Послѣ перваго же вопроса оказалось, что противъ Грибоѣдова нѣтъ никакихъ уликъ и его выпустили. Содержался онъ въ заключеніи всего четыре мѣсяца и затѣмъ явился въ Грузію съ чиномъ надворнаго совѣтника.

Въ это время пріѣхалъ въ Грузію Паскевичъ, присланный для надзора за Ермоловымъ и сдѣлавшійся его заклятымъ врагомъ. Паскевичъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ Грибоѣдова и могъ устроить ему блестящую карьеру. Грибоѣдовъ былъ слишкомъ сосредоточенный человѣкъ, чтобы жить наружнымъ блескомъ и потому служебная карьера не удовлетворяла его; но по просьбѣ матери онъ согласился служить съ Паскевичемъ. Онъ съ нимъ совершилъ персидскій походъ и съ Туркманчайскимъ договоромъ былъ отправленъ въ Петербургъ къ Государю. Грибоѣдовъ не хотѣлъ наградъ: «все, чѣмъ я занимаюсь, дѣла постороннія для меня, писалъ онъ Бѣгичеву,—призваніе мое—кабинетная жизнь. Голова моя полна и я чувствую необходимость писать». Но его назначили посланникомъ въ Персію. Дѣлать было нечего. Грибоѣдовъ предчувствовалъ, что онъ не вернется живымъ и всѣмъ высказывалъ свое предчувствіе. Правитель Пер-

сіи, зять шаха, былъ его личнымъ врагомъ, Туркманчайскій трактатъ, въ заключеніи котораго онъ участвовалъ, возбуждалъ противъ него тоже ненависть персіянъ. Грибоѣдовъ утѣжалъ мрачный, точно онъ вѣдалъ на явную смерть. На бѣду въ свѣтѣ Грибоѣдова было нѣсколько грузинъ и армянъ, позволявшихъ себѣ въ столицѣ шаха скандалы и дебоширства. Дѣло кончилось тѣмъ, что чернь возбудили противъ русскаго посольства, она напала на его домъ, и почти всѣ были перерѣзаны, а Грибоѣдовъ убитъ въ схваткѣ. Это случилось 31 января 1829 года. Грибоѣдову было 33 года. «Смерть, постигшая его посреди смѣлаго неравнаго боя, говоритъ Пушкинъ, не имѣла для него ничего томительнаго и ужаснаго. Она была мгновенна и прекрасна». Но было бы лучше, если бы этой прекрасной смерти вовсе не было. Грибоѣдовъ умеръ, не совершивъ того, что бы онъ могъ совершить; это такая же преждевременная смерть, какъ смерть Пушкина, Лермонтова. Предъ нами преждевременно погибшій поэтъ, не сказавшій, можетъ быть, и половины того, что онъ могъ бы сказать.

Извѣстность Грибоѣдову создало «Горе отъ ума», въ которомъ, начиная съ Фамусова, всѣ лица—портреты современныхъ Грибоѣдову москвичей. Но первымъ его произведеніемъ было описаніе праздника, бывшаго 22 іюля 1814 г. въ лагерѣ близъ Бреста. Оно написано въ видѣ «писемъ изъ Бреста» къ издателю «Вѣстника Европы». О достоинствѣ этого произведенія Грибоѣдова можно судить по примѣчанію, которое сдѣлалъ къ нему издатель. «Мы ничего не переправляли ни въ стихахъ, ни въ прозѣ, писалъ Измайловъ.—Впрочемъ, нельзя читателямъ требовать отъ марсовыхъ дѣтей того, что мы требуемъ отъ дѣтей аполоновыхъ въ условіи ихъ искусства». Черезъ шесть лѣтъ сынъ Марса былъ уже любимымъ сыномъ Аполлона и создалъ гениальное «Горе отъ ума». Все, что писалъ и переводилъ Грибоѣдовъ въ промежуткѣ этого времени, пробуя свои силы, было болѣе или менѣе слабо. Такъ въ 1815 г. онъ перевелъ съ французскаго комедію «Молодые супруги»; въ 1816 г. передѣлалъ съ Катенинымъ и Жандромъ, тоже съ французскаго, 3-хъ актную комедію «Студентъ», затѣмъ перевелъ «Притворную невѣрность». Если это было пробой пера, то становится совсѣмъ непонятнымъ, какимъ образомъ могъ совершиться такой рѣзкій и быстрый ростъ. Но секретъ этого роста заключался въ томъ страстномъ, страдающемъ и болѣющимъ чувствѣ, которое въ моментъ сильнѣйшей, накинѣвшейся злобы и горечи вылилось чуть-ли не въ безумномъ проклятіи: «Какой міръ! кѣмъ населенъ! и какая дурацкая его исторія!»

А. С. Грибоѣдову.

Стих. И. Д. Зубарева.

Въ душевной сферѣ московскаго барства
Молодые года онъ провелъ,
Канцелярій російскихъ мытарство
По родительской волѣ прошелъ;
Но тупого невѣжества сила,
Закосялости смрадная тьма
Въ немъ поэта души не убила,
Не убила живого ума.
Обличенія слово свободно
Полилося могучей рѣкой.
Вспоношилась толпа, обомлѣла,
Охватилъ всѣхъ паническій страхъ,
Рѣчь живая, неслыханно смѣлая,
Въ непривычныхъ звучала ухахъ.
Не дождался поэтъ незабвенный
Той поры, какъ запрета печать
Сняли съ рѣчи его вдохновенной.
Послѣ смерти поэта звучать
Громогласно лишь ей разрѣшили,
И полвѣка ужъ рѣчь та гремитъ,

Наизусть мы ее заучили
И потомство ее затвердить.
И доселѣ и живо и ново
Закосялость и тупость разить,
Въ цѣль попавшее, мѣткое слово,
И доселѣ оно шевелить
Благородныя, лучшія чувства,
Въ несовсѣмъ зачерствѣвшихъ сердцахъ;
Будить трезвыя мысли въ умахъ.
Таковы власть и сила искусства.

Сцена

изъ комедіи А. С. Грибоѣдова

„ГОРЕ ОТЪ УМА“.

(Рис. стр. 89.)

Дѣйствіе IV, явленіе XIV.

Фамусовъ.

Сюда, за мной! Скорѣй! Скорѣй!
Свѣчей побольше! Фонарей!
Гдѣ домовые? Ба! Знакомыя все лица!
Дочь! Софья Павловна! Срамница!
Безстыдница! Гдѣ? Съ кѣмъ? Ни дать, ни взять, она
Какъ мать ея, покойница жена!
Бывало я съ дражайшей половиной
Чуть врозь—ужъ гдѣ-нибудь съ мужчиной!
Побойся Бога! Какъ? Чѣмъ онъ тебя прельститъ?
Сама его безумнымъ называла!
Нѣтъ; глупость на меня и слѣнота напала!
Все это заговоръ, и въ заговорѣ былъ
Онъ самъ, и гости всѣ! За что я такъ наказанъ!
Чацкій (Софьѣ).

Такъ этимъ вымысломъ я вамъ еще обязанъ?

Фамусовъ.

Братъ, не финти: не дамъ я въ обманъ!
Хоть подеритесь—не повѣрю!
Ты, Филька, ты прямой чурбанъ!
Въ швейцары произвелъ лѣнивую тетерю!
Не знаетъ ни про что, не чуеъ никого...
Гдѣ былъ? Куда ты вышелъ?
Сѣней не заперъ для чего?
И какъ не досмотрѣлъ, и какъ ты не дослышалъ?
Въ работу васъ! на поселенье васъ!
За грошъ продать меня готовы!
Ты, быстроглазая! все отъ твоихъ проказы!..
Вотъ онъ, Кузнецкій мостъ, наряды да обновы!
Тамъ выучилась ты любовниковъ сводить!
Постой же, я тебя исправлю:
Изволь-ка въ избу,—маршъ!—за птицами ходить,
Да и тебя, мой другъ, я, дочка, не оставлю:
Еще дня два терпѣнія возьми,
Не будь тебѣ въ Москвѣ, не жить тебѣ съ людьми:
Подальше отъ этихъ хватовъ,
Въ деревню, къ теткѣ, въ глушь, въ Саратовъ!
Тамъ будешь горе горевать,
За пальцами сидѣть, за святцами зѣвать!
А васъ, сударь, прошу я толкомъ,
Туда не жаловать, ни прямо, ни проселкомъ;
И ваша такава послѣдняя черта,
Что, чай, ко всякому двери будетъ запрета!
Я постараюсь, въ набатъ я приударю
По городу всему надѣлаю хлопотъ,
И оглашу во весь народъ,
Въ сенатъ подамъ, министрамъ, Государю!

и т. д. и т. д.

Полина Антиповна Стрепетова.

Статья Н. И. Шульгина.

У большинства читающей публики утвердилось убѣжденіе, что жизнь выдающихся личностей складывается совершенно иначе, чѣмъ жизнь обыкновенныхъ смертныхъ, невыходящихъ изъ уровня средней посредственности; что она полна драматическими эпизодами, потрясающими нервы; что, наконецъ, въ самомъ дѣствѣ и юности талантливаго человѣка обнаруживаются факты, служащіе несомнѣннымъ доказательствомъ, что

на немъ лежитъ печать избранника. Въ исторіи, конечно, легко найти оправданіе этому мнѣнію. Не мало выдающихся личностей погибли въ борьбѣ съ окружающей пошлостью и невѣжествомъ; многимъ изъ нихъ приходилось начинать эту борьбу въ юности и даже дѣтствѣ. Съ неимоверными усиліями гениальный человѣкъ пробивалъ себѣ дорогу въ жизни; путемъ тяжелой борьбы доставалось ему осуществленіе его завѣтныхъ идей; на каждомъ шагѣ онъ подвергался злобѣ и клеветѣ, и хорошо еще, если ему удавалось хотя отчасти разрушить предрассудки, мѣшавшіе признанію его благотворной дѣятельности; чаще онъ умиралъ непризнаннымъ, его оцѣняли послѣдующія поколѣнія, иногда чрезъ столѣтіе и позже. А сколько гениальныхъ людей погибло въ темницахъ и на плахѣ! Понятно, жизнь такихъ личностей складывалась иначе, чѣмъ жизнь большинства дѣйствительно, она была переполнена драматическими потрясающими эпизодами.

Но если исторія представляетъ намъ не мало примѣровъ такой особенной исключительной жизни, она же указываетъ, что далеко не всѣмъ выдающимся людямъ приходится встрѣчать на своемъ пути только тернія и препятствія; что между ними бывали и такіе, жизнь которыхъ складывалась совсѣмъ буднично; что если и на ихъ долю выпадали препоны и затрудненія, то вѣдь отъ нихъ не бывають избавлены и люди самые обыкновенные. Жизнь многихъ выдающихся дѣятелей въ области политики, науки, литературы и искусства оказывается сѣренькой, обыденной нѣтъ въ ней ни особенныхъ потрясеній, ни драматическихъ эпизодовъ. И если она нѣсколько разнится отъ традиціонной свѣтской жизни—что всегда бываетъ—то это обуславливается высшимъ развитіемъ талантливаго человѣка, иными стремленіями и идеалами, чѣмъ идеалы и стремленія толпы, а болѣе всего преданностію дѣлу, которому онъ служитъ. Отличительнымъ характеромъ жизни такихъ талантливыхъ дѣятелей служитъ изумительная простота, преобладающая и въ отношеніяхъ ихъ къ окружающимъ людямъ.

Такимъ-то характеромъ отличается жизнь высоко-даровитой артистки, портретъ которой помѣщенъ въ настоящемъ номерѣ «Жив. Обозрѣнія». Полина Антиповна Стрепетова принадлежитъ именно къ числу тѣхъ симпатичныхъ натуръ, которые простотою и естественностью обращенія невольно увлекають каждого съ перваго же дня знакомства. Какъ всѣ истинные таланты, она очень скромно относится къ своимъ сценическимъ заслугамъ и всегда, съ умомъ и тактомъ, признаетъ дарованія другихъ. Какъ симпатична бываетъ Полина Антиповна въ то время, когда говоритъ о личностяхъ, способствовавшихъ своимъ указаніями развитію ея сценическаго дарованія! Позволю себѣ сдѣлать выписку изъ частнаго письма Полины Антиповны о московской артисткѣ Васильевой. «Въ Москвѣ, пишетъ г-жа Стрепетова,—я имѣла счастье познакомиться съ высокодаровитой артисткой, выше которой по таланту мнѣ не приводилось видѣть на русской сценѣ до сихъ поръ еще ни одной актрисы. Личность по моему исполнѣ гениальная. Я говорю о покойной Е. Н. Васильевой. Огромный талантъ, въ соединеніи съ глубокимъ умомъ, образованіемъ и замѣчательной сценической опытностью, дѣлали Васильеву женщиной обаятельной и симпатичной. Екатерина Николаевна полюбила меня. Мы часто видѣлись. Я ей обязана многимъ... Нѣкоторыя роли были разработаны мною подъ ея руководствомъ; а характеръ игры своей въ роли Марьи Андреевны («Вѣдная невѣста», Островскаго), я измѣнила въ весьма существенныхъ чертахъ единственно благодаря указаніямъ почтенной артистки. Такъ я играю эту роль до сихъ поръ и буду играть такъ

всегда... Если бы всѣ талантливые люди сцены относились къ молодымъ артисткамъ подобно Васильевой, быть можетъ, нашъ театръ и не страдалъ бы отсутствіемъ хорошихъ актеровъ въ такой значительной степени, какъ мы видимъ это въ настоящее время...»

Такое признаніе заслугъ и таланта другой артистки большая рѣдкость въ нашемъ сценическомъ мірѣ. Впрочемъ, у однихъ-ли насъ? Сценическія интриги и зависть господствуютъ вездѣ. Всякому, кто хорошо знакомъ съ сценическимъ міромъ, нерѣдко приходилось встрѣчаться съ поразительной заносчивостію и самолюбіемъ. Нигдѣ, можетъ быть, не приходится такъ часто слышать: «собственнымъ умомъ до всего дошелъ» и полнѣйшее отрицаніе вліянія на артиста другихъ болѣе талантливыхъ товарищей. Конечно, есть отрадные исключенія, но не о нихъ рѣчь. Чѣмъ рѣже явленіе, тѣмъ большую цѣну слѣдуетъ придавать ему. Потому-то я и не считалъ себя вправе умолчать о томъ, какъ относится г-жа Стрепетова къ артистамъ, оказавшимъ вліяніе на развитіе ея сценическаго дарованія. Не объ одной Васильевой вспоминаетъ она съ благодарностію; говоритъ она также и о другихъ товарищахъ, дававшихъ ей полезныя совѣты, но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

Не малое вліяніе на развитіе Полины Антиповны, какъ человѣка, оказалъ, какъ мы говорили, Модестъ Ивановичъ Писаревъ. Хорошо образованный, развитой человѣкъ, окончившій университетскій курсъ, г. Писаревъ, по страсти къ сценѣ, сдѣлался актеромъ. Не знаю хорошенько гдѣ, кажется, въ Симбирскѣ, г. Писаревъ познакомился съ Полиной Антиповной. Они подружились. Модестъ Ивановичъ помогъ г-жѣ Стрепетовой довершить полученное ею недостаточное образованіе. Свою любовь къ родной литературѣ и обстоятельное знакомство съ нею, Модестъ Ивановичъ очень скоро передалъ своей умной впечатлительной ученицѣ. Полина Антиповна теперь вполне образованная женщина, хорошо знакомая не только съ русской, но и съ западно-европейскими литературами. Не знаю также, вышла-ли замужъ за Писарева Полина Антиповна, но осенью почти всѣ газеты сообщали объ этомъ, какъ о совершившемся фактѣ. Во всякомъ случаѣ, отъ людей, хорошо знающихъ г-жу Стрепетову, мнѣ не разъ приходилось слышать о рѣшительномъ вліяніи, какое оказалъ Модестъ Ивановичъ на ея умственное развитіе и на ея сценическую подготовку.

При всемъ развитіи ея сценическаго дарованія Полина Антиповна еще молода и мы вправе ожидать, что ея талантъ будетъ еще развиваться и развиваться. Впрочемъ, трудно говорить о годахъ женщины и строить на нихъ какой-нибудь выводъ. Женщинѣ, сказала одинъ философъ, всегда столько лѣтъ, сколько кажется; актрисѣ же столько, сколько она сама захочетъ. Г-жа Стрепетова родилась въ Нижнемъ Новгородѣ въ октябрѣ 1850 года. Для своего рожденія она не знаетъ, какъ не знаетъ своихъ отца и матери. 4-го октября ее подкинули къ дверямъ квартиры парикмахера Антипа Григорьевича Стрепетова, который и принялъ ее въ свою семью, какъ родную дочь. Малютку крестили, назвавъ ее Пелагеей. Названные родители стали звать ее Полиной и это имя утвердилось за нею.

Стрепетовы, мужъ и жена, люди добрые и честные, имѣли еще другого пріемыша, взятаго ими отъ одной бѣдной и умирающей женщины. Имѣя родныхъ дѣтей, эти почтенные люди не дѣлали никогда различія между ними и пріемными дѣтьми. Это была первая и очень важная удача въ жизни Полины Антиповны. Попадъ она въ другую семью, ей пришлось бы испытать горькую участь, такъ часто выпадающую на долю пріемышей и, Богъ знаетъ, куда бросила бы судьба

нашу гениальную артистку; какую жизненную карьеру пришлось бы избрать ей?

Полина Антиповна съ удовольствіемъ и благодарностію вспоминаетъ о своемъ дѣтствѣ, проведенномъ въ домѣ названныхъ родителей. Надо думать, что дѣтство ея протекало весело и спокойно. Почтенные люди, пріютившіе ее, которыхъ она зоветъ своимъ «истинными отцомъ и матерью» и чувствуетъ къ нимъ безконечную любовь,—дали ей воспитаніе, которое могли дать по своимъ средствамъ въ городѣ, не богатомъ учебными заведеніями и учебными пособиями. Но для нея было важно, что въ семьѣ Стрепетовыхъ она могла получить начало своего сценическаго воспитанія.

Ея пріемная мать, Елизавета Ивановна, была въ молодости замѣчательной пѣвицей (сопрано); она пѣла въ нижегородской оперной труппѣ. Когда же оперный театръ въ Нижнемъ Новгородѣ прекратилъ свое существованіе, Елизавета Ивановна перешла въ драматическую труппу, на роли старухъ.

Четырнадцать лѣтъ съ небольшимъ Полина Антиповна въ первый разъ выступила на сценѣ, въ Рыбинскѣ. Она поступила въ мѣстную труппу вмѣстѣ съ своей матерью.

Страшная вещь первый дебютъ на сценѣ, въ особенности для дѣвушки. Съ какимъ трепетомъ выступаетъ она на подмостки, видя, какъ устремлены на нее глаза тысячеголоваго чудовища, называемаго публикой. Самая храбрая и рѣшительная невольно сробѣетъ и спутается и долго еще, впослѣдствіи, при каждомъ выходѣ на сцену будетъ трепетать ея сердце. Говорятъ, и самыя опытные артисты, выходя въ первый разъ передъ новой публикой, испытываютъ ощущенія, съ которыми знакомится дебютантка. Трудно сказать, какъ дѣйствовалъ первый дебютъ на Полину Антиповну: она была еще совсѣмъ ребенокъ, а дѣти, какъ извѣстно, несравненно храбрѣ взрослыхъ. Очень можетъ быть, что ощущенія дебютантки ей пришлось испытать впослѣдствіи, а не при первомъ дебютѣ.

Полина Антиповна явилась на сценѣ въ первый разъ 21 іюня 1865 года въ роли горпичной въ водевилѣ «Зачѣмъ иные люди женятся».

Имѣла-ли она успѣхъ? Вѣроятно. Какъ было не одобрить и не поощрить молоденькую дѣвочку, почти дитя, твердо выучившую свою роль и передающую ее весело и не безъ смысла.

Доказательствомъ успѣха служить и то, что Полина Антиповна была принята въ рыбинскую труппу. Два мѣсяца прослужила она безъ жалованья; на третій антрепренеръ назначилъ ей 18 руб. въ мѣсяцъ содержанія. Судите о положеніи молодой дѣвушки, цѣлый день занятой, то зубреніемъ роли, то репетиціей, то спектаклемъ, слѣдовательно, не имѣющей времени для посторонней работы и получающей жалованья всего 18 руб. въ мѣсяцъ. Нельзя же ей выступать на сцену въ поношенномъ платьѣ. А откуда взять средства для свѣжаго костюма? И на этотъ разъ судьба берегла Полину Антиповну. Молодая актриса служила вмѣстѣ съ названной матерью, слѣдовательно ей не приходилось терпѣть нужды и при ея ничтожномъ жалованьи.

Рыбинская публика видимо полюбила юную Стрепетову. Убѣдись въ этомъ, антрепренеръ рѣшился выпустить Полину Антиповну въ болѣе серьезной роли. Ей дали роль Вѣрочки въ драмѣ Боборыкина «Ребенокъ» *). Плохо или хорошо сыграла свою отвѣтственную роль Стрепетова, по ея словамъ, она не знаетъ; но публика осталась довольна. Но это была, по удачному выраженію одной артистки, публика невзыскательная, ярмарочная, «веселая», на судъ которой, конечно,

*) Замѣчательно, что и другая высоко-талантливая русская артистка, г-жа Федотова, дебютировала этой же ролью.

ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

П. А. СТРЕШЕТОВА.

П. Стрешетова.

нельзя полагаться. Одинъ изъ провинціальныхъ актеровъ, съ которымъ мнѣ пришлось говорить о г-жѣ Стрепетовой, слышалъ отъ одного изъ участвовавшихъ въ тотъ спектакль, что въ «Ребенкѣ» Полина Антиповна выказала задатки большого дарованія, хотя роль была сыграна ею неровно и весьма далеко отъ совершенства.

Зимой труппа перешла въ Ярославль. Полина Антиповна стала появляться только въ водевиляхъ. Впрочемъ, сыграла она разъ роль Данковой въ пьесѣ Устрялова «Чужое имя, но какъ роль случайная, она не выдвинула артистки и не послужила указаніемъ ея истиннаго амбула. Вскорѣ, однакожъ, явилось и это указаніе.

Въ февралѣ 1866 года назначенъ былъ бенефисъ актера Докучаева. Онъ выбралъ драму Самарина «Перемелется—мука будетъ», имѣвшую большой успѣхъ на московской сценѣ. Роль Софьи въ этой драмѣ онъ далъ г-жѣ Стрепетовой. Этотъ спектакль и слѣдуетъ считать дѣйствительнымъ первымъ дебютомъ талантливой актрисы, впрочемъ, все еще почти ребенка, такъ какъ ей было всего 15 лѣтъ и 4 мѣсяца. Успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія. Въ то время въ Ярославлѣ было нѣсколько человѣкъ любителей и знатоковъ искусства. Они поняли, что предъ ними большой талантъ и горячо привѣтствовали его. «Я останусь навсегда имъ признательной, говоритъ Полина Антиповна.—Ихъ вниманіе подарило меня большой нравственной поддержкой; въ самомъ началѣ всегда трудна артистическая карьера».

Въ виду несомнѣннаго успѣха юной артистки разчувствовался и самъ антрепренеръ. Желая поощрить ее, онъ прибавилъ ей 2 руб. въ мѣсяцъ жалованья. Такимъ образомъ, она стала получать уже не 18, а 20 руб.

Самые юные года въ жизни человѣка всегда остаются пріятнымъ для него воспоминаніемъ. Полина Антиповна, несмотря на нищенское содержаніе, получаемое ею въ Рыбинскѣ и Ярославлѣ, всегда тепло и сердечно вспоминаетъ о времени, проведенномъ ею тамъ въ 1866 году. Съ полной благодарностью она относится къ своимъ тогдашнимъ сослуживцамъ П. К. Глушковскому и Е. Ф. Красовской, которые, по ея словамъ, не оставили ее, юную и неопытную актрису, добрымъ словомъ и совѣтомъ.

Въ апрѣлѣ 1867 года Полина Антиповна была приглашена въ симбирскую труппу съ жалованьемъ въ 25 рублей въ мѣсяцъ. Съ первыхъ же дебютовъ она сдѣлалась любимцей публики. Но тутъ тотчасъ же ей, юной и неопытной, пришлось вынести на себѣ послѣдствія зависти. Полинѣ Антиповнѣ возненавидѣла тогдашняя симбирская примадонна, г-жа Б—ая. Начались интриги, мелкія, пошлыя театральныя интриги. «Много пережила я тяжелыхъ дней въ это грустное для меня время, говорила какъ-то г-жа Стрепетова.—Часто больную, подъ угрозой штрафа, меня заставляли являться на сценѣ... На долго останется памятенъ мнѣ спектакль, когда съ больной ногой, еле переступая, я вынуждена была «по приказанію» г-жи Б—ой изображать роль горничной Дарьи въ пьесѣ «Бѣдная невѣста», А. Н. Островскаго».

Публика точно поняла, какую муку терпитъ юная артистка. Все свое сочувствіе она отдала Полинѣ Антиповнѣ, награждая ее безпрерывными аплодисментами, а г-жу Б., игравшую главную роль «Марьи Андреевны», какъ будто вовсе не замѣчала. Нечего и говорить, что примадонна, какъ родственница антрепренера, имѣвшая большую силу въ театрѣ, вышла окончательно изъ себя, пришла въ изступленіе и разразилась самой оскорбительной бранью почти въ лицо юной Стрепетовой.

Непріятно упоминать о такихъ чисто-личныхъ фактахъ, но въ биографіи артистки ихъ обойти нельзя, потому что они характеризуютъ жизнь

провинціальныхъ труппъ. И только-ли провинціальныхъ?

До конца сезона было еще далеко и, вѣроятно, юной Полинѣ Антиповнѣ пришлось бы вынести еще много горя, но счастье и на этотъ разъ не оставило ее.

Самарскій театръ остался безъ арендатора. Городское общество предложило арендовать его антрепренеру симбирскаго театра. Дѣло было улажено и изъ Симбирска отправилась труппа, подъ управленіемъ одного изъ симбирскихъ актеровъ, г. Полторацкаго; въ числѣ ихъ отправилась и Полина Антиповна. Страстный любитель мелодрамъ, г. Полторацкій сталъ угощать ими самарскую публику. Г-жа Стрепетова играла въ нихъ постоянно главные роли. Велико же было ея дарованіе, если исполненіе неестественныхъ ролей, воспроизведеніе невозможныхъ лицъ и положеній, не могло испортить его. Лѣтомъ 1868 года г-жа Стрепетова играла въ Муромѣ, а затѣмъ съ труппой В-ва—Г-ва перѣехала во Владимірѣ. Здѣсь снова, 50-ти-лѣтняя древность, съ претензіей на красоту и молодость, примадонна, жена антрепренера, начала тѣснить Полинѣ Антиповнѣ и добилась того, что талантливую артистку стали затирать. Но счастливый случай снова выручилъ ее. Въ ней принялъ горячее участіе М. И. Огаревъ и, благодаря его рекомендаціи, она перешла въ новгородскую труппу. Тамъ дали ей 100 рублей жалованья и обязались, кромѣ драматическихъ ролей, не обременять ее никакими другими ролями.

Игра въ Новгородѣ не мало помогла развитію таланта Полинѣ Антиповнѣ, направленного на настоящій путь. Но ей суждено было вынести еще одно испытаніе. Въ 1869 году, она во второй разъ была приглашена въ Самару, въ труппу г. Разказова.

Положеніе нашихъ провинціальныхъ театровъ чрезвычайно затруднительное. Публика, посѣщающая театры въ провинціи, очень не велика. По этому, антрепренеру, волей-неволей, почти каждый спектакль приходится давать новыя пьесы. Рѣдкую пьесу можно повторять и то развѣ одинъ разъ, иначе можно рисковать остаться безъ зрителей. Каково же провинціальному артисту, осужденному выучивать каждую недѣлю три-четыре роли? Мало того, антрепренеръ по необходимости, долженъ угождать вкусамъ своей немногочисленной публики. Въ то время, какъ Полина Антиповна была во второй разъ приглашена въ Самару, въ моду вошли оперетки. Г. Разказовъ сталъ давать ихъ, и почти ихъ однихъ, и главные роли въ нихъ поручать г-жѣ Стрепетовой, артисткѣ драматической. Такимъ образомъ, Полина Антиповна переняла почти весь опереточный репертуаръ. Публика была въ восторгѣ отъ ея исполненій. Нашлись цѣнители, которые стали увѣрять, что каскадный жанръ и есть настоящее амбула даровитой артистки. Скажутъ, можетъ быть, зачѣмъ же талантливая актриса бралась за исполненіе ролей, вовсе несвойственныхъ ея дарованію? Но на провинціальной сценѣ, кромѣ нѣсколькихъ большихъ городовъ, и то въ недавнее время, артисткѣ не дается права выбирать: она должна играть все, что назначитъ антрепренеръ.

Наконецъ, въ концѣ 1871 года, Полина Антиповна попала на большую провинціальную сцену. Она была приглашена въ труппу г. Медвѣдева, въ Казани. Г. Медвѣдевъ былъ очень строгъ въ выборѣ артистовъ и попасть къ нему въ труппу было нелегко. Полина Антиповна настолько уже успѣла заявить свое дарованіе, что Медвѣдевъ, не колеблясь, предложилъ ей 200 рублей жалованья и первыя роли. Г-жа Стрепетова, въ свою очередь, поставила условіемъ не играть другихъ ролей, кромѣ драматическихъ. Она дебютировала въ Казани ролью Фадетты въ пьесѣ «Сверчокъ».

Большой успѣхъ и здѣсь достался на долю г-жи Стрепетовой, въ особенности въ «Марин Стюартъ». Исполненіе ею роли несчастной шотландской королевы вызвало положительный энтузіазмъ со стороны казанской публики. Въ Казани и до сихъ поръ вспоминаютъ Стрепетову-Марію Стюартъ. Въ Казани же она въ первый разъ играла роль Марьицы въ «Каширской старинѣ», одну изъ лучшихъ ролей ея репертуара.

Въ 1872 году казанская труппа, Медвѣдева, перѣехала въ Орелъ, гдѣ пробыла до поста 1874 года. Вѣсти о талантливой артисткѣ стали заходить въ обѣ столицы. Какъ бы много ни говорили о провинціальныхъ сценическихъ извѣстностяхъ, но пока ихъ не оцѣнитъ столичная публика, славу ихъ нельзя считать упроченной. Какъ провинціальная публика, такъ еще болѣе антрепренеры провинціальныхъ театровъ придаютъ большое значеніе патентамъ, выданнымъ столичными цѣнителями искусства.

Въ промежутокъ между двумя зимними сезонами, Медвѣдевъ, приглашенный режиссеромъ въ «Общедоступный» театръ въ Москвѣ, ангажировалъ туда и г-жу Стрепетову. Посторонней артисткѣ заслужить репутацію въ Москвѣ—дѣло не легкое. Москва, гордящаяся своимъ русскимъ театромъ, не охотно признаетъ дарованіе въ артистахъ, не принадлежащихъ къ составу труппы ея «малаго» театра и потому надо было имѣть громадный талантъ Стрепетовой, чтобы получить тѣ шумныя рукоплесканія, какія достались ей при дебютахъ въ «Общедоступномъ театрѣ».

Окончивъ лѣтній сезонъ въ «Общедоступномъ» театрѣ, Полина Антиповна въ 1874 и 1875 годахъ перѣезжала съ труппой Медвѣдева изъ Орла въ Астрахань, изъ Астрахани въ Казань, а затѣмъ лѣтомъ 1875 года окончательно переехала въ Москву, гдѣ играла сначала снова въ «Общедоступномъ» театрѣ, а затѣмъ въ «артистическомъ кружкѣ». Здѣсь кстати упомянуть о громадномъ успѣхѣ, выпавшемъ на долю Полинѣ Антиповнѣ въ роли, повидимому, мало согласовавшейся съ качествами ея таланта. Ей пришлось играть въ драмѣ Шиллера «Коварство и любовь». Какъ-то странно представить себѣ г-жу Стрепетову въ роли сентиментальной нѣмки. Но кто видѣлъ ея игру въ 3-мъ дѣйствіи драмы, когда она подъ диктовку Вурма пишетъ письмо, тотъ никогда не забудетъ этого момента. Надо и то сказать, что г. Максимовъ, исполнявшій роль Вурма, игралъ ее такъ, что лучше трудно играть, онъ былъ неподражаемъ.

Упомяну еще объ одномъ фактѣ, доказывающемъ глубокое художественное развитіе г-жи Стрепетовой и ея способность быстро увлекаться. Постоянно она жаждала явиться въ какой-нибудь изъ Шекспировскихъ ролей, но тому мѣшала невозможность обставить, какъ слѣдуетъ, пьесы Шекспира, а играть ихъ при слабомъ ансамблѣ значило, конечно, портить, чего не могла допустить артистическая добросовѣстность г-жи Стрепетовой. Разъ Полина Антиповна заговорила съ М. И. Писаревымъ о томъ, какую бы роль слѣдовало ей выбрать изъ Шекспира. Г. Писаревъ указалъ ей на роль Изабеллы въ «Мѣрѣ за мѣру», причемъ прочелъ ей статью Ф. Гюго объ этой пьесѣ. Г-жа Стрепетова такъ увлеклась этой статьей, что немедленно приступила къ изученію роли и выучила ее въ два дня. Суждено-ли будетъ намъ увидѣть Полинѣ Антиповнѣ въ этой роли? При настоящемъ состояніи нашего театра вообще это болѣе чѣмъ сомнительно. Гдѣ взять подходящихъ исполнителей?

Имя Полинѣ Антиповнѣ стало часто появляться въ газетахъ. О ней заговорили и въ Петербургѣ, но Петербургъ еще не видѣлъ ея игры. Наконецъ, по предложенію Н. Ф. Сазонова, петербургское собраніе художниковъ пригласило По-

лину Антиповну на нѣсколько спектаклей вначалѣ 1877 года. Она пріѣхала и побѣдила.

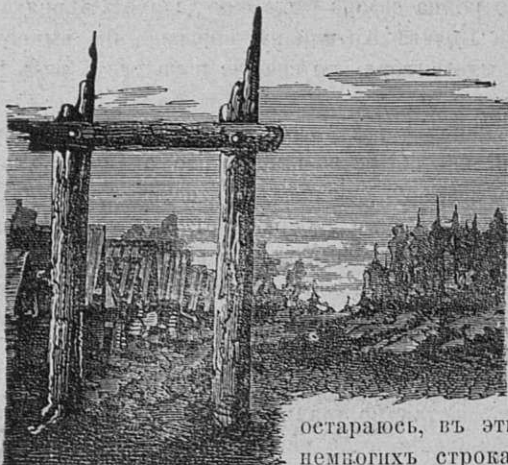
Публика петербургскаго собранія художниковъ очень скупа на аплодисменты; она съ трудомъ увлекается и нужно имѣть истинное дарованіе, чтобы вызвать ея энтузіазмъ. Уже въ первый свой пріѣздъ Полина Антиповна очаровала публику собранія художниковъ. Но высокоталантливая артистка пробыла недолго. Истинное торжество выпало на ея долю во второй ея пріѣздъ, въ концѣ того же 1877 года. Она играла много разъ въ собраніи художниковъ и каждый разъ огромная зала была переполнена публикой. Успѣхъ гениальной артистки былъ громадный, энтузіазмъ публики самый искренній, неудержимый. Не слѣдуетъ умалчивать о горячихъ статьяхъ г. Суворина, сдѣлавшаго сдѣлать истинную оцѣнку высокаго дарованія г-жи Стрепетовой. Его статьи были положительно лучшія изъ всѣхъ статей, вызванныхъ появленіемъ г-жи Стрепетовой въ Петербургѣ. А чтобы показать какой восторгъ возбуждала талантливая артистка въ публикѣ, передамъ слѣдующій случай. Графиня Л., принадлежащая къ высшему обществу, увлеченная безподобной игрой артистки, послала ей букетъ и свою карточку, на оборотѣ которой было написано: «Примите эти цвѣты взамѣнъ тѣхъ поэтическихъ цвѣтовъ, которые я уношу, смотря на вашу игру».

Въ нашемъ журналѣ, въ прошломъ году, данъ былъ довольно подробный отчетъ о спектакляхъ, въ которыхъ принимала участіе Полина Антиповна. Тамъ же была сдѣлана оцѣнка ея высокохудожественной игры. Не желая повторять того, что было сказано объ ея игрѣ и удлинняя эту біографическую замѣтку, скажу только нѣсколько словъ, вообще характеризующихъ безподобную игру талантливой артистки. Г-жа Стрепетова, своимъ артистическимъ чутьемъ, всегда вѣрно понимаетъ, гдѣ кончается предѣлъ, черезъ который не должна переступать петициалъ художественности. Поэтому игра ея, оставаясь всегда вполнѣ реальной, въ высшей степени художественна, проста и тонка. Она играетъ первыми; она въ совершенствѣ изучила психическія стороны человѣческой натуры. Полина Антиповна обладаетъ изумительной способностью быстро измѣнять выраженіе своего лица, блѣднѣть и краснѣть. Оттого игра ея чрезвычайно разнообразна; ни въ одной роли она не напоминаетъ саму себя. Никогда нельзя представить себѣ, какой явится г-жа Стрепетова въ данной роли. Она оригинальна, самобытна; на сценѣ она страдаетъ страданіями, радуется радостями изображаемаго ею лица. Лучшія мѣста ролей г-жи Стрепетовой публика слушаетъ въ полнѣйшемъ молчаніи; вниманіе у всѣхъ напряжено; духъ захватываетъ отъ ожиданія... Недостатки... бываютъ они въ исполненіи и самыхъ гениальнѣйшихъ артистовъ... Случается иногда Полинѣ Антиповнѣ сыграть слабо, чѣмъ она можетъ играть, — качество, присущее первымъ натурамъ, — но это бываетъ очень рѣдко и обыкновенно искупается гениальнымъ исполненіемъ двухъ-трехъ сценъ; такимъ образомъ неровности игры ступеньваются... Много видѣлъ Петербургъ знаменитыхъ артистовъ, многихъ встрѣчалъ онъ сочувственно, но давно уже такой громадный успѣхъ, какой выпалъ на долю г-жи Стрепетовой, не доставался въ Петербургѣ ни одной артисткѣ.

Нѣтъ ли зимой г-жа Стрепетова играла въ Харьковѣ и Кіевѣ и вызвала энтузіазмъ мѣстной публики. Она теперь пріѣхала въ Петербургъ и появилась уже на сценѣ петербургскаго собранія художниковъ, чѣмъ, конечно, доставила наслажденіе истиннымъ цѣнителямъ ея высокаго дарованія.

Смерть Грибоѣдова.

Изъ воспоминаній барона К. К. Боде *).

остараюсь, въ этихъ немногихъ строкахъ, передать тѣ свѣденія, на сколько они сохранились въ моей памяти, которая я почерпнулъ изъ личныхъ разспросовъ во время моего пребыванія въ Персіи о смерти Грибоѣдова въ Тегеранѣ, 30-го января 1829 года.

Не стану здѣсь разбирать всѣхъ причинъ непопулярности Грибоѣдова, какъ русскаго посланника при шахскомъ дворѣ, приведшей къ роковой катастрофѣ; ограничусь тѣмъ, что главная причина состояла въ неудовольствіи шаха и его сановниковъ противъ Александра Сергѣевича за настойчивость, съ которой онъ требовалъ выдачи нашихъ русскихъ плѣнныхъ, укрываемыхъ въ гаремахъ персидскихъ вельможъ и во дворцѣ самого шаха, равно какъ и за открытое покровительство, которое онъ оказывалъ тѣмъ русскимъ подданнымъ, которые прибѣгали къ его защитѣ.

Наконецъ, враждебно расположенные къ Грибоѣдову люди подстрекнули народъ осадить домъ посольства и силою вырвать изъ нашихъ рукъ укрывавшихся въ стѣнахъ его русскихъ пришельцевъ. Когда толпа тѣснилась около воротъ, дерзко требуя выдачи дезертировъ своихъ, какъ она выражалась, одинъ изъ конвойныхъ казаковъ, защищая входъ во дворъ, выстрѣломъ изъ пистолета убилъ, какъ говорятъ, персійнина. Ожесточенный народъ поднялъ и отнесъ бездыханный трупъ на шахскій майданъ (или дворцовую площадь), куда собралось многочисленное духовенство, разжигая страсти черни на мщеніе за пролитую мусульманскую кровь. Отъ словъ перешло скоро къ дѣлу. Народъ снова явился еще въ большемъ количествѣ къ дому посланника. Тогда Грибоѣдовъ и остальные чиновники миссіи, видя, что дѣло плохо, приготовились къ осадѣ и закрѣпили всѣ окна и двери; вооруженные и въ полной формѣ, они рѣшились защищаться до послѣдней капли крови. Должно замѣтить, что близъ самаго дома русскаго посольства помѣщались заложники персидскаго правительсва, бахтіарцы, племена луръ, одного изъ самыхъ буйныхъ и дикихъ племенъ, населяющихъ гористыя мѣстности къ югу и западу отъ Исфагана. Для нихъ этотъ случай представлялъ завидную поживу. Какъ кошки — они перелѣзли черезъ стѣны и забрались на плоскую (какъ всегда въ Персіи) крышу, просверлили широкія отверстія въ потолкѣ и начали стрѣлять въ нашихъ сверху внизъ. Между тѣмъ толпа ворвалась въ ворота и, положивъ наповаль всѣхъ казаковъ, вломилась въ дверь. Говорятъ, что Грибоѣдовъ однимъ изъ первыхъ былъ убитъ пулей изъ ружья бахтіарца; второй секретарь миссіи Аделунгъ и, въ особенности, молодой докторъ (имя котораго, къ сожалѣнію, ускользаетъ изъ моей памяти) дрались какъ львы; но бой былъ слишкомъ не равенъ, и вскорѣ все иностранство представило взору одну массу убитыхъ,

*) Почтенный авторъ состоялъ первымъ секретаремъ русскаго посольства въ Персіи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Впослѣдствіи онъ напечаталъ нѣсколько интересныхъ сочиненій, на англійскомъ и русскомъ языкахъ, о Персіи и сосѣднихъ странахъ.

пзрубленныхъ, обезглавленныхъ труповъ. Александра Сергѣевича, вѣроятно, отличили по его мундиру и вышнимъ украшеніямъ, потому что разъяренная толпа, ушпвшисъ кровью несчастныхъ русскихъ, повлекла трупъ нашего посланника по улицамъ и базарамъ города, съ дикими криками торжества *).

Когда все было кончено и наступила мертвая тишина, явилась на сцену городская стража и военный отрядъ, присланные, будто бы, по повелѣнію шаха, для умирненія народа. Это была горькая пропія, вслѣдъ за ужасной трагедіей. Узнавъ, что трупъ находится въ рукахъ черни, шахъ приказалъ отобрать его и увѣдомить перваго секретаря Мальцева, который одинъ изъ русскихъ спасся, какимъ-то чудомъ, потому что жилъ не въ посольскомъ домѣ, а на квартирѣ мехмандаря (т. е. персидскаго сановника, прикомандированнаго къ миссіи) что бюстители порядка успѣли вырвать тѣло русскаго посланника изъ рукъ разъяренной черни, и шахъ желаетъ знать, какое распоряженіе сдѣлаетъ Мальцевъ по этому случаю. Мальцевъ просилъ препроводить бранные останки посланника въ Тавризъ, куда и самъ отправился.

Пока эти печальныя событія происходили въ Тегеранѣ, молодая супруга Грибоѣдова, Нина Александровна, урожденная княжна Чавчевадзе, осталась въ Тавризѣ въ полномъ невѣдѣніи, ожидая съ нетерпѣніемъ возвращенія мужа. Даже когда тревожныя извѣстія проникли до Тавриза, никто не рѣшался сообщить о нихъ несчастной женщинѣ; еще въ то время беременной. Наконецъ было поручено одной французкѣ при дворѣ Наибъ-султана, г-жа де-ла-Мариньеръ (бывшей лектрисѣ неаполитанской королевы, младшей сестры Наполеона I), сообщить со всевозможною осторожностью г-жѣ Грибоѣдовой, что будтобы супругъ ея, озабоченный важными дѣлами, не можетъ писать ей; но просить ее выѣхать въ Тифлисъ, куда и самъ за нею немедленно послѣдуетъ. Г-жа Мариньеръ, исполнивъ порученіе, вызвалась въ тоже время сопутствовать несчастной. Нина Александровна смиренно покорилась мнимой волѣ мужа, и съ стѣпеннымъ сердцемъ выѣхала изъ Тавриза, но во время пути сердце предвѣщало ей нѣчто недоброе, ее смущало странное и таинственное обращеніе съ нею окружающей прислуги. Добравшись до Эривани, она приступила къ своей спутницѣ, умоляя ее слезами вывести ее изъ тяжкаго положенія и не скрывать отъ нея всей правды, присовокупляя, что самое тяжелое горе было бы для нея легче переносить, чѣмъ мучительную неизвѣстность. Однакожъ, вѣсть объ ужасной смерти мужа такъ сильно потрясла ее, что несчастная однимъ ударомъ, лишившись обожаемаго друга, потеряла и драгоценный залогъ ихъ любви. Безутѣшная вдова вернулась обратно подъ кровъ своихъ родителей.

Приведенныя здѣсь свѣденія были мнѣ переданы самой г-жей Мариньеръ. Я же имѣлъ счастье познакомиться впервые съ Ниной Александровной, въ концѣ 1837 года, въ домѣ графини Симоничъ, супруги бывшаго посланника нашего въ Персію, а въ 1838 г. на обратномъ пути изъ Россіи въ Персію, я опять посѣтилъ Тифлисъ, гдѣ имѣлъ случай короче оцѣнить всю прелесть души этой рѣдкой женщины. Узнавъ о желаніи моемъ взглянуть на могилу покойнаго ея супруга, Нина Александровна сама вызвалась быть моимъ путеводителемъ. По крутымъ тропинкамъ выѣтъ мы добрались пѣшкомъ до вершины горы, на которой стоитъ обитель св. Давида. Тутъ, въ пещерѣ, высѣченной въ дикой скалѣ, поставленъ

*) Въ мое время еще красовался одинъ персидскій серхенгъ (полковникъ) въ воротникѣ и въ обшлагахъ, черныхъ бархатныхъ съ густымъ серебрянымъ шитьемъ, снятыхъ должно быть съ мундира Грибоѣдова.

ея заботливой рукой памятникъ, подъ которымъ поконится прахъ высокоталантливого человѣка. Мы преклонили колѣна въ безмолвіи.

Грибоѣдовъ при жизни трудился для славы и вполне достигъ ея. Но что въ моихъ глазахъ ставитъ Грибоѣдова даже выше всѣхъ его литературныхъ заслугъ, какъ бы велики они ни были, это та настойчивость и неустрашимость, съ которою онъ умѣлъ поддерживать достоинство русскаго имени на Востока. Эти качества повсюду умѣстны въ государственномъ человѣкѣ, но на Западѣ они могутъ проявляться безъ особаго опасенія; совсѣмъ иное на Востока. Тамъ проявленіе ихъ часто сопряжено съ опасностью жизни и требуетъ особеннаго мужества и нравственной силы. Таково было положеніе нашего посланника въ Персіи. Имѣя предъ собою для руководства статьи Туркменчайскаго трактата, въ силу которыхъ персидское правительство обязывалось выдавать намъ безпрекословно, по требованію нашему, всѣхъ русскихъ подданныхъ, взятыхъ въ плѣнъ, не только въ продолженіи послѣдней войны, но и прежде, когда персіане дѣлали набѣги въ наши предѣлы и вводили въ рабство нашихъ кавказскихъ жителей, — Александръ Сергѣевичъ не давалъ потачки ни сановникамъ персидскаго двора, ни мусульманскимъ духовнымъ лицамъ, ни самому шаху, когда одни или другіе старались укрывать, и разными уловками не выдавать требуемыхъ нашею миссіею русскихъ невольниковъ. Такимъ образомъ онъ возстановилъ противъ себя почти всѣхъ вліятельныхъ лицъ, окружающихъ дворъ «Центра-Міра» — Кебелемъ, какъ величаютъ падишаха Ирана — и только пужна была одна искра, чтобы воспламенить всѣ тѣ горючія вещества, которыя окружали нашего посланника.

Изъ приведеннаго нами разсказа видно, что выстрѣлъ казака, защищавшаго доступъ въ жилище посланника, былъ той искрой, которую такъ жадно ожидали убійцы Грибоѣдова.

Отказать въ убѣжденію бѣднымъ русскимъ подданнымъ на чужбинѣ, искавшимъ нашей защиты, было бы крайне неполитично, не говоря уже о незаконности и безчеловѣчій такого поступка, слѣдовательно это было и невозможно для русскаго представителя въ Персіи; выдать же ихъ обратно персіанцамъ, когда они поступили уже подъ наше покровительство, значило обречь ихъ на вѣрную смерть, и въ тоже время покрыть себя вѣчнымъ позоромъ. Грибоѣдову не оставалось иного исхода, какъ отразить силу силою, и лечь на мѣстѣ, защищая святое дѣло права и человечества. Разбирая роковое событіе съ этой точки зрѣнія, — а нельзя смотрѣть на него иначе, — мы приходимъ къ заключенію, что заслуги Грибоѣдова предъ лицомъ всей Россіи истинно велики, и достойны всякаго уваженія; жаль только, что они не были достаточно признаны его современниками. Пусть же безпристрастное, но вмѣстѣ съ тѣмъ признательное потомство оцѣнитъ ихъ какъ слѣдуетъ.

Нельзя окончить повѣствованія о смерти Грибоѣдова, не упомянувъ также объ участи его товарищей, которые вмѣстѣ съ нимъ пали жертвой злобы персидской черни. Я упомянулъ выше, что тѣло Александра Сергѣевича было вывезено въ Тавризъ и оттуда на родину; но остальные убитые, члены миссіи и служители, были по распоряженію персидскаго начальства отнесены армянскими жителями Тегерана за городъ, на гласисъ коего за контръ-эскарпомъ была вырыта глубокая канава, куда тѣла ихъ были брошены и потомъ зарыты землею. Въ такомъ положеніи оставались они, когда нѣсколько лѣтъ спустя посольство графа Симонича явилось ко двору Фетх-Али-Шаха; но какъ посѣщеніе наше въ Тегеранъ было только временное, то невозможно было предпринять ничего серьезнаго для перенесенія

тѣлъ нашихъ погибшихъ соотечественниковъ въ болѣе приличное мѣсто; такъ дѣло оставалось до кончины стараго шаха. Когда же Могомедъ-шахъ принялъ бразды правленія, и русская миссія изъ Тавриза была переведена въ Тегеранъ, въ насъ возникла душевная мысль воздать злополучнымъ товарищамъ послѣднюю честь, и доставить христіанское погребеніе. Исполненіе этого желанія, послѣдовало однакожъ не ранѣе 1836 года, въ то время, когда шахъ выѣхалъ со своимъ дворомъ на лѣтнее кочевье въ Эльбурскихъ горахъ, а миссія наша въ урочищѣ Аргованъ, у подножія тѣхъ же горъ. На мою долю выпало завидное, но вмѣстѣ съ тѣмъ печальное порученіе заняться перенесеніемъ бранныхъ останковъ нашихъ соотечественниковъ въ приготовленную для нихъ общую могилу въ оградѣ армянской церкви, внутри города, въ шахъ-абдул-азимскомъ кварталѣ.

Сказаніе о кружкѣ слезъ. Среди поэтическихъ народныхъ сказаній въ Германіи, существуетъ одинъ крайне оригинальный разсказъ о слезахъ матерей. Въ древнія времена жила фрау Гульда въ облачномъ царствѣ, гдѣ рождаются туманы и роса. Здѣсь же зарождались и души дѣтей; фрау Гульда, спускаясь съ туманами на землю, приносила съ собою и души дѣтей; по не всѣ дѣти оставались долго на землѣ и ихъ души, спустившись съ туманомъ на землю, съ туманомъ же и поднимались въ царство Гульды. Такъ какъ дѣти любили тѣ мѣста, гдѣ они гостили на землѣ, то фрау Гульда нерѣдко брала дѣтей съ собою на землю и вмѣстѣ съ туманомъ пролетала и проходила съ ними по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они жили. На дѣтихъ лежала въ это время обязанность собирать слезы своихъ матерей, и если матери слишкомъ много плакали о погибшихъ дѣтихъ, то бѣднымъ малюткамъ становилось тяжело тащить эти кружки слезъ и они просили матерей перестать плакать и не отягощать ихъ непосильною ношею. Это сказаніе поэтически обработано извѣстнымъ писателемъ Фрейтагомъ, а Поль Туманъ сдѣлалъ къ этому разсказу прелестный рисунокъ, который мы и заимствуемъ изъ такъ-называемой «Фрейтаговской галереи». На рисункѣ художникъ передалъ моментъ встрѣчи съ матерью несущаго кружку слезъ ребенка, оставшаго отъ фрау Гульды, окруженной дѣтьми.

Шутъ короля. Картина Замакоиса, появившаяся въ салонѣ 1877 года, производитъ совсѣмъ иное впечатлѣніе, чѣмъ предыдущая картина. Это полное юмора произведеніе: важность шута, сознающаго свое значеніе при королѣ, степенный видъ королевской собаки, какъ-будто тоже понимающей, что она любимца короля, низкіе поклоны придворныхъ передъ шутомъ, все это схвачено ловко и бойко передано на полотнѣ. Если этому художнику и можно сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе, такъ развѣ только то, что группировка его фигуръ отчасти напоминаетъ знаменитую картину «Сѣрая эмпейція». Замакоисъ не новичекъ въ искусствѣ, его «Возвращеніе съ базара», «Полевые цвѣты» и тому подобныя произведенія уже достаточно извѣстны въ Европѣ; у насъ же въ Россіи его знаютъ мало въ публикѣ и онъ извѣстенъ развѣ только изучающимъ его художникамъ, у одного изъ которыхъ намъ пришлось даже найти полную коллекцію фотографій, снятыхъ съ этихъ произведеній.

Портреты А. С. Грибоѣдова. Портретовъ А. С. Грибоѣдова существуетъ только два. Одинъ изъ нихъ, гравированный Йорданомъ, извѣстенъ всѣмъ: онъ въ различныхъ снимкахъ прилагался

ко всѣмъ изданіямъ комедіи Грибоѣдова; съ него былъ сдѣланъ литографированный портретъ Мюнстеровской галереи писателей; съ него же помещается у насъ копія, исполненная Н. Т. Малымъ и Г. И. Грачевымъ. Другой портретъ Грибоѣдова совершенно неизвѣстенъ публикѣ и является впервые въ нашемъ журналѣ, благодаря любезности уважаемаго П. А. Каратыгина, давшего намъ возможность познакомить публику съ этимъ портретомъ. П. А. Каратыгинъ снялъ этотъ портретъ съ Грибоѣдова при жизни послѣдняго; портретъ нарисованъ красками на словеной кости; по словамъ знатоковъ, сходство портрета съ оригиналомъ замѣчательное. Наша копія сдѣлана по фотографическому снимку, изготовленному г. Лаптевымъ, и рѣзана на деревѣ г. Діамантовскимъ въ Петербургѣ.

Новости наукъ и жизни.

— **Измаиль Ивановичъ Срезневскій.** (Зам. Н. Н. Вакуловскаго). Вскорѣ предстоитъ празднованіе 50-лѣтія учено-литературной дѣятельности одного изъ выдающихся членовъ академіи наукъ, профессора Измаила Ивановича Срезневскаго. Вотъ краткія свѣденія о жизни и дѣятельности юбиляра, почерпнутыя изъ университетской исторіи и академическихъ изданій.

Сынъ харьковскаго профессора, И. И. воспитывался въ Харьковѣ, гдѣ въ 1829 году былъ удостоенъ степени кандидата по юридическому факультету. Нѣсколько лѣтъ послѣ того, онъ служилъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ Харькова, продолжая заниматься преимущественно политической экономіею и статистикою, вмѣстѣ съ тѣмъ изучая мѣстную старину и народную словесность, и въ тоже время испытывая свои силы въ небольшихъ литературныхъ произведеніяхъ. Вмѣстѣ съ Росковшенко онъ издалъ въ 1831 году «Украинскій альманахъ»; въ 1832 году «Словацкія пѣсни», записанныя въ Харьковѣ отъ заходившихъ туда словаковъ, въ 1833 году сборники: «Запорожская старина» и «Малороссійскія пословицы». Въ началѣ 1837 года, защитивъ диссертацию на степень магистра подъ заглавіемъ «Основныя мысли о сущности и содержаніи теоріи въ наукахъ политическихъ», назначенъ адъюнктомъ въ харьковскомъ университетѣ по кафедрѣ политической экономіи и статистики. Вступительная лекція его напечатана въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія за 1838 годъ. Въ томъ же году вышли въ свѣтъ его «Историческое обозрѣніе Слободской Украинны» и вторая часть «Запорожской старины». Въ 1839 и 1840 годахъ онъ издалъ двѣ книжки «Украинскаго сборника» и изслѣдованіе «Объ элементахъ и содержаніи статистики и политической экономіи». Склонившись, однако, на сторону филологіи и археологіи, Измаиль Ивановичъ получилъ въ 1840 году командировку въ славянскія земли, о которой онъ помѣстилъ подробные отчеты въ журналѣ министерства. Ему много помогло знакомство его съ Прейсомъ. Нѣсколько статей И. И. помѣстилъ въ «Часописи Чешскаго музея», «Татранкѣ» и «Денникѣ Варшавской». Въ 1842 году И. И. сдѣланъ экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ славянской филологіи въ харьковскомъ университетѣ. Въ 1847 году онъ защитилъ диссертацию на степень доктора и перешелъ въ петербургскій университетъ, гдѣ получилъ ту же кафедру въ главномъ педагогическомъ институтѣ. Въ 1849 году его избрало академикомъ отдѣленіе русскаго языка и словесности академіи наукъ.

Въ своихъ университетскихъ чтеніяхъ И. И. слѣдовалъ порядку, принятому имъ еще въ Харьковѣ: начальный курсъ чтеній онъ постоянно посвящалъ заціклоническому введенію, имѣющему цѣлью ознакомить слушателей съ славянскимъ племенемъ, какъ частью коренного народонаселенія повой Европы; съ его общими судьбами въ отношеніи политическомъ, религіозномъ, бытовомъ; съ характеристическими отличіями его нарѣчій; съ важнѣйшими явленіями его народной словесности и книжной литературы, а вмѣстѣ съ

тѣмъ и съ главными пособиями для обученія славянства. На второмъ году онъ читалъ: курсъ славянскихъ древностей; на третьемъ—курсъ исторіи языка и литературы западныхъ славянъ. Курсъ древностей состоялъ изъ разсмотрѣнія иностранныхъ и домашнихъ свидѣтельствъ, оставшихся о славянахъ древняго времени, и изъ систематическаго изложенія быта, общественнаго устройства и религіи каждаго изъ славянскихъ народовъ во времена, предшествовавшія утвержденію между ними христіанства. Курсъ исторіи языка и литературы заключалъ въ себѣ разсмотрѣніе измѣненій, которымъ подвергалось въ народномъ и письменномъ употребленіи каждаго изъ главныхъ нарѣчій славянскихъ, и судебъ народной поэзіи и литературы у каждаго изъ главныхъ народовъ славянскихъ. Заключительный, четвертый курсъ посвящался древностямъ русскаго языка, съ подробнымъ объясненіемъ главнѣйшихъ его памятниковъ. Кромѣ лекцій, профессоръ Срезневскій упражнялъ слушателей въ научныхъ работахъ филологическихъ и археологическихъ, имѣвшихъ цѣлью приучить ихъ къ самостоятельному разсмотрѣнію памятниковъ языка и письма, вслѣдствіе чего изъ школы его вышло много людей съ превосходнымъ ученіемъ направленіемъ, и столь рѣдкимъ еще у насъ умѣньемъ работать научно-образно. Самъ же онъ, послѣ возвращенія изъ заграничія въ 1842 году, издалъ такое громадное количество ученыхъ работъ по изслѣдованію отечественнаго и другихъ славянскихъ языковъ, по разъясненію древностей и народности племенъ славянскихъ, по разбору и изданію древнихъ и старинныхъ памятниковъ ихъ литературы, наконецъ, по исторіи библиографіи этихъ литературъ, — не говоря уже о многочисленныхъ экскурсіяхъ въ области знанія, сопредѣльныхъ съ его спеціальностью, — что этихъ трудовъ было бы достаточно для прославленія нѣсколькихъ ученыхъ, онъ же ими положилъ основаніе дальнейшей работѣ любимой имъ отрасли знанія и поставилъ свое имя на ряду съ именами Шафарика, Востокова и Палацкаго. Зимой, 1860 года, И. И. читалъ публичныя лекціи о русскомъ языкѣ. Съ 1863 года онъ состоитъ деканомъ историко-филологическаго факультета. Поѣздкамъ И. И. съ научною цѣлью почти нѣтъ счета, такъ же какъ трудно перечислить его многочисленные напечатанные труды. Заглавія ихъ придется считать сотнями.

— **И. О. Корженевскій.** Скончавшійся 10-го января въ Петербургѣ извѣстный нашъ хирургъ и профессоръ Ипполитъ Осиповичъ Корженев-

скій былъ сынъ знаменитаго польскаго писателя О. Корженевскаго. Онъ родился въ 1827 г. въ Кременѣ, гдѣ отецъ его въ это время былъ профессоромъ мѣстнаго лицея. По окончаніи курса наукъ въ харьковскомъ университетѣ и получивъ степень доктора медицины, молодой Корженевскій отправился на нѣсколько лѣтъ за-границу для усовершенствованія въ наукахъ. По возвращеніи на родину онъ занялъ должность доцента по кафедрѣ оперативной хирургіи въ варшавской медицинской академіи и затѣмъ былъ профессоромъ хирургіи въ варшавской главной школѣ, переименованной нынѣ въ варшавскій университетъ. Въ 1871 году онъ былъ приглашенъ профессоромъ въ медико-хирургическую академію въ Петербургъ и здѣсь въ скоромъ времени приобрѣлъ большую популярность, въ качествѣ отличнаго хирурга и профессора. Во время послѣдней войны онъ отправился, какъ хирургъ, на театръ военныхъ дѣйствій, а по окончаніи войны поселился въ Варшавѣ, гдѣ принялъ предложенную ему должность хирурга-консультанта при всѣхъ военныхъ варшавскихъ госпиталяхъ. Изъ ученыхъ сочиненій покойнаго профессора особенно извѣстностью пользуется его «Анатомія человѣческаго тѣла», изданная имъ вмѣстѣ съ докторомъ Гиршфельдтомъ. Смерть И. О. Корженевскаго послѣдовала во время его кратковременнаго пребыванія въ Петербургѣ, куда онъ былъ приглашенъ принять участіе въ экзаменахъ воспитанницъ женскихъ медицинскихъ высшихъ курсовъ.

— **Изверженія грязи.** Итальянскія газеты сообщаютъ объ одномъ вулканическомъ явленіи, заслуживающемъ вниманіе ученаго міра. По сообщенію съ Этной, близъ селенія Патерна, тѣ-же самыя вулканическія силы, которыя выбрасываютъ пламя изъ кратера, теперь извергаютъ громадную массу грязи. Масса матеріи, выбрасываемой спеціальными кратерами, скоро образуетъ обширное дымящееся озеро, окружность котораго возрастаетъ на глазахъ; 14 декабря явленіе совершилось съ необычайной силой, такъ что столбы поднятой на воздухъ грязи достигали высоты двухъ и трехъ метровъ выше поверхности почвы. Эти изверженія двухъ сортовъ и извергаются различными отверстіями. Одни состоятъ изъ густой земистой массы, другія изъ мутной воды, соленой и изобилующей нефтяной пѣной. Все это сопровождается изверженіемъ смертоносныхъ газовъ, сотрясеніями, глухими раскатами грома и т. д., придающимъ этому странному зрѣлищу адскій характеръ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ. — Мужъ и жена (продолж.). — Стихотв. «Рыцарь на стражѣ». — Иза (продолж.). — Разведеніе страусовъ. — Народы Россіи (продолж.). — Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ. — Стихотв. «А. С. Грибоѣдову». — Сцена изъ ком. А. С. Грибоѣдова «Горе отъ ума». — Полина Антипина Стрепетова. — Смерть Грибоѣдова. — Къ рисункамъ. — Новости наукъ и жизни. — Объявленія.

Гравюры: Портретъ А. С. Грибоѣдова — Могила Грибоѣдова въ Тифлисѣ. — А. С. Грибоѣдовъ. — Сказаніе о кружкѣ слезъ. — 3 рис. къ ст. «Разведеніе страусовъ». — Шутъ короля. — Горе отъ ума, Грибоѣдова. — П. А. Стрепетова.

Повѣсть г. Северина „Козлы отпущенія“ и романъ Гонкуровъ „Сестра милосердія“, по обилію матеріаловъ, отложены до слѣдующаго нумера.

ОТЪ РЕДАКЦИИ. 125 экземпляровъ настоящаго, 4 № „Жив. Об.“ отпечатаны на эстампной бумагѣ. Цѣна такому экземпляру въ отдѣльной продажѣ назначена 1 р. сер. Вся выручка съ этихъ экземпляровъ уступлена Редакціей въ пользу «Безплатной Рисовальной Школы при с.-петербургскомъ собраніи художниковъ» Въ пользу школы поступаетъ полная выручка, такъ какъ весь расходъ на эти экземпляры Редакція „Жив. Об.“ принимаетъ на свой счетъ. Гг. иногородные, желающіе получить такой экземпляръ, прилагаютъ на пересылку 30 коп.

Вслѣдствіе запросовъ нѣкоторыхъ изъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, когда будутъ разосланы преміи, контора «Живописнаго Обозрѣнія» имѣетъ честь уведомить всѣхъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, что обѣщанныя преміи: **двѣ олеографіи и гравюра** будутъ имъ высланы, всѣ три вмѣстѣ, по полученіи послѣдней изъ-за границы, втеченіи первой трети года. Снимокъ же съ картины профессора Семирадскаго «Христіане, пробирающіеся изъ катакомбъ», разосланъ при № 1 «Жив. Об.» не какъ премія, а какъ простое приложеніе.

Издатель-Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

Объ изданіи ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Гг. годовые подписчики получаютъ безплатную литературную и иллюстрированную премію. — Гг. годовымъ подписчикамъ выдаются **двѣ первыя преміи**, состоящія изъ олеографическихъ картинъ.

Редакція разошлетъ своимъ подписчикамъ въ видѣ четвертой преміи гравюру, длиною 1 арш. 4 верш., шириною 13 верш. Гравюра эта «Мадонна» составляетъ копію съ картины Мурильо. Она вырѣзана на стали. Стальная доска, какъ образецъ художественнаго исполненія, была на парижской всемирной выставкѣ 1878 года. Гравюра такъ хороша, что, вставленная въ рамку, можетъ быть повѣшена въ любой гостиной.

Гг. иногороднымъ подписчикамъ всѣ три художественныя преміи будутъ высланы одновременно, въ трубкѣ изъ папки, безъ особой приплаты за пересылку.

Гг. подписчики получаютъ втеченіи года нѣсколько **художественныхъ приложеній**, подобныхъ разосланной при первомъ номерѣ копіи съ картины профессора Семирадскаго «Христіане, пробирающіеся изъ Катакомбъ».

Гг. подписчики будутъ получать «ГИГИЕНУ», соч. д-ра медицины Виля и проф. Гнема, какъ отдѣльное безплатное приложеніе.

Отдѣльнымъ же безплатнымъ приложеніемъ будетъ разсылаться гг. подписчикамъ отдѣлъ **ПАРИЖСКІЯ МОДЫ** (текстъ и рисунки).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годовое изданіе „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“ изъ 52 №№, съ безплатными приложеніями и правомъ на полученіе всѣхъ премій втеченіи 1879 года:

Безъ доставки въ С.-Петербургъ	6 р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ, а также для иногородныхъ съ пересылкою и упаковкою	7 » — »
За границу	8 » 50 »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1) Въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи журнала, Новый проспектъ, д. № 20. 2) Въ Москвѣ въ отдѣленіи конторы «Живописнаго Обозрѣнія», въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

При этомъ номерѣ «Живоп. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ приложеніе: „Руководство къ Гигіенѣ“.

1879 годъ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 4

ВЪ ПАМЯТЬ А. С. ГРИБОѢДОВА

ЭКЗЕМПЛЯРЪ НА ЭСТАМПНОЙ БУМАГѢ

Цѣна 1 рубль

Вся выручка, безъ отчисленія расходовъ, поступаетъ въ пользу Бесплатной Рисовальной Школы при
С.-Петербургскомъ Собраніи Художниковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1879.

А. С. ГРИБОѢДОВЪ.

(1795 — 1829.)

Griboedov

№ 5. Томъ I.

На годъ, съ доставкой и пересылкою — 7 руб.;
на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб.
Отдѣльн. № 20 № по к.

С.-Петербургъ, 3 Февраля 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый
проспектъ, домъ № 20.

Годъ VII.

(Продолженіе.)

Мы остались вдвоемъ.

— Вы говорили о семейномъ счастьи, а я сейчас смотрѣла на картину семейнаго несчастья, замѣтила племянница Антонида Павловны, опускаясь въ кресло.

Племянница Антонида Павловны, Софья Николаевна Бѣлевцова, была высокая, стройная и граціозная дѣвушка, лѣтъ двадцати трехъ. Она поражала сразу не своею красотою, хотя она и была хороша собою, но своею врожденною способностью держать себя съ особеннымъ достоинствомъ. Это качество не имѣло источникомъ надменности или чопорности, но явилось у нея, какъ у каждаго человѣка, который рано побѣдоносно выдержалъ безмолвную, но тяжелую борьбу, привыкъ самостоятельно думать, и выработалъ извѣстный тактъ, извѣстную сдержанность. Она говорила неторопливо, какъ бы взвѣсивая свои слова, какъ бы разсуждая сама съ собою. Каждая неумѣстная шутка со стороны разговаривающаго съ нею обрывалась на полусловѣ при ея спокойномъ и пристальномъ взглядѣ, какъ бы говорившемъ: «меня этимъ нельзя удивить и потому лучше не тратьте даромъ своего остроумія».

— А что давалось въ театрѣ? спросилъ я ее.

— «Подруга жизни».

— А, эту пьесу не бесполезно смотрѣть молодымъ дѣвушкамъ.

— Отчего же только дѣвушкамъ? Я думаю, и молодые мужчины могутъ смотрѣть ее не безъ пользы. Вѣдь если героиня виновата, то виновать еще болѣе и герой. Онъ увлекся хорошенькимъ личкомъ, онъ не подумалъ даже, на комъ онъ женится, въ какой семьѣ росла его невѣста, какая жена будетъ стоять около него. Это было чистѣйшимъ *maisalliance*.

— А вы противъ всякихъ *maisalliances*? насмѣшливо спросилъ я ее.

— Вы, кажется, не такъ меня поняли, замѣтила она, чутко уловивъ мой тонъ и пристально взглянувъ на меня. — Я думаю, что княжна мо-

жетъ выйти за мѣщанина, и если они одинаково развиты, то это не будетъ *maisalliance*. Но я думаю, что развитой мѣщанинъ, женись на неразвитой мѣщанкѣ, сдѣлаетъ *maisalliance*. Мужъ и жена должны имѣть одни взгляды, одни убѣжденія, одно развитіе.

— Къ несчастью, это невозможно, замѣтилъ я. — Женское и мужское образованіе и воспитаніе такъ различны.

— Да, но вѣдь можно же найти людей, между которыми граница, отдѣляющая ихъ другъ отъ друга, не велика. Пусть мужъ будетъ по развитію гимназистъ седьмого класса, а жена-гимназистъ пятого класса, — тутъ все-таки можно надѣяться, что черезъ два года гимназистъ пятого класса доберется до седьмого.

— То есть въ то время, когда гимназистъ седьмого класса будетъ уже студентомъ? разсмѣялся я.

— Ну да. Тутъ уже различіе не велико: гимназистъ седьмого класса едва-ли во многомъ отличается отъ студента второго курса. При такихъ союзахъ все-таки больше шансовъ на согласіе, чѣмъ при союзѣ ученика приходской школы съ студентомъ университета.

— Пожалуй, что и такъ. Но въ томъ-то и бѣда, что каждый ученикъ приходскаго училища въ этихъ случаяхъ воображаетъ себя гимназистомъ пятого класса. Вы, я думаю, знаете, что у насъ всѣ стараются казаться развитѣе и образованнѣе, чѣмъ они есть въ дѣйствительности. Это очень естественно при повальномъ невѣжествѣ. Вѣдь говорить откровенно о своемъ невѣжествѣ можетъ только дѣйствительно развитой и знающій человѣкъ или исключительна честная натура. Обыкновенно же у насъ каждый выдаетъ вычитанный изъ середины книги знанія и идеи за результаты своихъ трудовъ и размышленій.

Софья Дмитриевна задумалась.

— Странно, начала она, — я не особенно развита, не особенно много знаю, но мнѣ не стыдно сознаться въ своемъ невѣжествѣ.

— Значитъ вы исключительная честная натура, опять не безъ прониіи улыбнулся я.

— Нѣтъ, не то, замѣтила она и снова бросила на меня пристальный взглядъ, заставившій меня смутиться за неумѣстную насмѣшку. — Я просто не стыжусь своего невѣжества потому, что не я же виновата въ немъ. Если бы меня болѣе учили, если бы меня болѣе развивали, — я, быть можетъ, и была бы не хуже другихъ.

— Ну, а сознайтесь, какъ на исповѣди, вѣдь

порою вы все-таки стараетесь выглядѣть и казаться гимназистомъ... ну хоть пятого класса?

— Ахъ, право нѣтъ! совершенно искренно произнесла она. — Я только стараюсь добратъ до пятого класса и объ этомъ я готова сказать всѣмъ и каждому. Но вѣдь это не значитъ, что я доберусь до пятого класса. Быть можетъ, я такъ и останусь на вѣки въ третьемъ.

— При извѣстныхъ условіяхъ все возможно.

— Конечно, конечно! задумчиво согласилась она. — Но каково добиваться до всего самой. Вы представьте себѣ: я хотѣла изучить физиологію — мнѣ предлагаютъ Лыса, Дренера, Молешотта. Я прочла и, просто стыдно сказать, половины не поняла, половину поняла, но въ видѣ какихъ-то афоризмовъ, въ родѣ «не убей», «не укради» и «не пожелай жены ближняго твоего». А почему? — этого-то я и не знаю.

Я разсмѣялся.

— Съ грамматики начали, не зная азбуки.

— Ну да. Но вѣдь азбуку-то учить надо непременно подъ чѣмъ-нибудь руководствомъ, а этого-то у насъ, у женщинъ, и нѣтъ. Подруги знаютъ столько же, сколько и я, мужчины же...

— Что же вы не договариваете? спросилъ я.

— Они юмористически относятся къ нашимъ попыткамъ учиться... вотъ такъ же, какъ и вы относитесь, кончила она.

— Я? Кто это вамъ сказалъ, что я такъ отношусь?

— Вы говорите со мной такимъ тономъ, что мнѣ ясна ваша мысль о томъ, что я хочу учиться отъ нечего дѣлать.

— Вы ошибаетесь. Я говорю иронически по привычкѣ и тутъ прониіа не относилась къ вашимъ стремленіямъ. Хотя, признаюсь, я не могъ не улыбнуться при словахъ: «хотѣла изучать физиологію». Это такая смѣшная, заѣзженная фраза.

— Да развѣ вы думаете, что безъ знанія физиологіи и гігіены можно быть вполне развитымъ человекомъ? горячо вступилась Софья Дмитриевна. — Развѣ можно быть вполне развитымъ, не зная ни своего организма, ни его потребностей, ни условій для его сохраненія? И какая же мать выйдетъ изъ женщины, которая не знаетъ, отъ чего зависитъ здоровье ребенка, какія перемѣны могутъ быть въ организмѣ дитяти, отъ чего происходятъ тѣ или другія явленія въ этомъ крошечномъ существѣ? Я думаю, что нѣтъ ничего смѣшного, если у женщины является подобное стремленіе.

— Да, но смѣшно то, что этимъ естествен-

нымъ стремленіемъ многія женщины нынче рисуются, позируютъ, хотя въ выдаться впередъ.

— Ахъ, это вовсе не смѣшно, это грустно, это обидно! воскликнула она.— Это доказываетъ только еще болѣе нашу неразвитость, наше недомысліе, нашу пустоту. Это то же, что рисоваться своею честностью: вѣдь и честностью рисуются только подлые въ душѣ люди. Такъ и тутъ: хвастаются и щеголяютъ своимъ стремленіемъ изучить что-нибудь или даже изученіемъ физиологій, гигиены и тому подобныхъ предметовъ только неразвитыя, глупыя и невѣжественныя личности. Мы должны скорбѣть, мы должны плакать, когда мы не знаемъ этихъ и тому подобныхъ предметовъ, но мы не имѣемъ никакихъ основаній гордиться ими, хвастать ихъ знаніемъ, потому что, если мы хотимъ быть матерями, то, само собою разумѣется, что мы хотимъ быть честными матерями, а не какими-нибудь безсмысленными дурочками, играющими съ ребенкомъ, какъ съ куклой.

— Эти взгляды дѣлаютъ честь вашимъ мнѣніямъ на счетъ призванія матерей, замѣтилъ я.— Но вы забыли главную причину, заставляющую хвастливо говорить: «я изучаю то-то и то-то»— это изученіе казовый конецъ. Тутъ товаръ лицомъ продается. Тутъ говорятъ: смотрите, какими мы матерями и женами будемъ, мы даже физиологію и гигиену изучили!

— Чтожъ, и это опять доказываетъ неразвитость и недомысліе нашихъ женщинъ, уже презрительно и холодно замѣтила Софья Дмитріевна.— Онѣ тратятъ напрасно порошекъ, онѣ хотятъ привлечь тѣмъ, что можетъ оттолкнуть. Развѣ вы, мужчины, согласитесь имѣть умную и развитую жену? Вѣдь при ней нужно быть осторожнѣе, опрятнѣе въ нравственномъ отношеніи.— Мой отецъ вполне выражаетъ взглядъ мужчинъ на женщинъ, когда говоритъ: «ну, матушка, все во фракѣ, да во фракѣ—это ужъ и тяжело, пужно же побыть и въ халатѣ на распашку». Если бы современныя дѣвушки были развитѣе и болѣе передумали, то онѣ поняли бы, что онѣ скорѣе отпугнутъ отъ себя мужчинъ, выставивъ на видъ даже мишуру развитія и ума, чѣмъ привлекутъ этимъ къ себѣ. Хорошенькое личико, женщина-игрушка, нѣсколько приданого, вотъ все, что нужно для вашего счастья...

Въ тонѣ ея голоса звучало презрѣніе и горечь.

— А «подругу-то жизни» вы забыли? разсмѣялся я.

— У нея не было достаточно приданого и были «свои идеи», положимъ, это были свои идеи о необходимости ложи въ итальянской оперѣ, о необходимости баловъ, но все же это были ея идеи, а не идеи ея мужа.

— Такъ что же выходитъ въ результатѣ? Вы говорили, что счастье возможно только тогда, когда и мужъ и жена подходятъ другъ къ другу по развитію, теперь же вы говорите, что жена, для полного счастья, должна быть рабой мужа.

— Въ чемъ же вы тутъ находите противорѣчіе? Я и теперь утверждаю, что мужъ и жена должны стоять на одной ступени развитія.

— Но вы представляете себѣ жену рабой, то есть существомъ совершенно неразвитымъ.

— Ну да, потому что и наши мужчины стоятъ на этой ступени, когда дѣло касается ихъ развитія въ отношеніи брака. Мнѣ кажется, что самые умные люди, самые развитые ученые и самые крайніе невѣжды совершенно одинаково смотрятъ на бракъ и въ этомъ отношеніи нечего заботиться о развитіи женщины. Мужъ рабъ—самый покладистый мужъ, жена раба—самая лучшая жена. Вы вдумайтесь въ «подругу жизни»: не будь у нея привычки къ оперѣ и къ баламъ, или будь у нея эта привычка да большія средства, и драмы не существовало бы. По своимъ

взглядамъ на бракъ она стояла ни выше, ни ниже своего супруга,—гибель вышла только изъ ея взглядовъ на аксесуары: она считала удовольствіемъ то, чего онъ не могъ считать удовольствіемъ по недостатку средствъ.

Она засмѣялась, но какимъ-то безотраднымъ смѣхомъ.

— Чему вы смѣетесь? спросилъ я.

— Мнѣ пришло въ голову, что я, выходя замужъ, справлюсь обо всѣхъ вкусахъ мужа: какія блюда онъ любить, какія книги онъ читаетъ, что ему доставляетъ удовольствіе, о чемъ съ нимъ можно говорить, любить ли онъ музыку или нѣтъ, и не спрошу только объ одномъ: какъ онъ смотритъ на супружескія отношенія вообще, потому что это я знаю и безъ того. И, конечно, мы будемъ счастливы. «Софи, поѣдемъ въ театръ», скажетъ онъ «Коко, я готова», отвѣчу я. «Коко, ты со мной танцуешь сегодня на балу», скажу я. «Софи, ты знаешь, что я твой неизмѣнный кавалеръ», отвѣтитъ онъ. И такъ пойдутъ дни, недѣли, мѣсяцы, годы.

Она вдругъ вздрогнула и закуталась въ свой бѣлый кашемировый бедуинъ. Я глядѣлъ въ полутьмѣ на ея выразительное лицо, съ глубокими черными глазами, съ слегка поблѣднѣвшими щеками, съ умнымъ блѣднѣющимъ лбомъ, надъ которымъ капризно вилась змѣйками пара локоновъ, достигавшихъ до темныхъ, правильныхъ и немного сдвинутыхъ бровей. Она задумчиво молчала, не то думала о чемъ-то, не то ждала, что скажу я. Но мнѣ не хотѣлось говорить. Мнѣ хотѣлось молча смотрѣть на эту прекрасную головку, вырисовывавшуюся передо мной въ полутьмѣ и слегка озаренную огнемъ, догоравшимъ въ каминѣ.

— Здѣсь холодно, лѣниво промолвила она черезъ минуту.

Я всталъ и размѣшалъ уголья въ каминѣ. Огонь вспыхнулъ и ярко озарилъ бѣлый нарядъ молодой дѣвушки; ея лицо показалось мнѣ еще блѣднѣе и еще прекраснѣе.

— Снилось ли вамъ когда-нибудь, что вы летаете по воздуху? вдругъ тихо спросила она, устремивъ глаза на огонь.

— Въ дѣтствѣ... давно... лѣниво отвѣтилъ я.

— Мнѣ и теперь иногда это снится, тѣмъ же задумчивымъ тономъ продолжала она.— Это такъ страшно,—летишь, чувствуешь, что у тебя нѣтъ опоры, хочешь схватиться, вездѣ пусто, вездѣ одинъ воздухъ, дыханіе сжимается, сердце замираетъ отъ страха, а ты все летишь и летишь... Мнѣ иногда такую представляется и наша жизнь: почвы у насъ нѣтъ подъ ногами. Мы похожи на пловцовъ, которые отплыли отъ одного берега до середины рѣки, не успѣли еще пристать къ другому, а ихъ уже понесло теченіемъ. Они плывутъ все дальше и дальше, а берега все одинаково далеки отъ нихъ и нѣтъ у нихъ силъ ни вернуться къ родному берегу, ни переплыть на другой. Насъ пугаетъ грубость невѣжества, но въ тоже время насъ давитъ, какъ колодка, непривычное развитіе. Если мужъ является деспотомъ, мы возмущаемся, мы роншаемъ, мы хотимъ разорвать оковы; если мужъ является нашимъ другомъ, дающимъ полную волю женѣ, она старается прибрать его къ рукамъ и изумляетъ всѣхъ своею разнузданностью. Если жена является кухаркой и нянькой, мужъ зѣваетъ съ нею и ищетъ на сторонѣ развлеченій; если она является вполне развитымъ существомъ, онъ боится ея контроля, онъ стѣсняется съ нею, онъ чувствуетъ присутствіе какого-то безсмысленнаго ревизора и обманываетъ ее, бѣжитъ отъ нее, считая невыносимымъ этотъ нравственный... фракъ.

— Золотая посредственность лу...

— Да какъ это тебѣ не стыдно, братецъ, вдругъ раздался укоризненный голосъ Ивана Ивановича и его лоснящаяся фигура, охваченная

отблескомъ пылавшихъ угольевъ, засіяла передо мною.— Вѣдь совѣмъ таетъ, а ты тутъ сидишь и горя тебѣ мало!

— Что случилось? спросилъ я.

— Да таетъ, понимаешь ты, таетъ! Принесли, поставили, приглашаю всѣхъ садиться, а тебя нѣтъ—я нескать,—а ты на вотъ! забился сюда и ухомъ не ведешь. Вѣдь ты бы вспомнилъ, какое сегодня холодное-то приготовлено!

— Ахъ, бѣдный дядя! Все-то ты печешься о ближнихъ! усмѣхнулась Софья Дмитріевна, и, положивъ руку на плечо доктора, припала къ нему головой и поща вмѣстѣ съ нимъ въ столовую.

— Что у тебя головка горячая? спросилъ онъ, проводя рукою по ея лбу.— Болитъ?

— Ничего, дядя, это отъ камина.

— Не хорошо, не хорошо! Совѣмъ горячая, совѣмъ горячая головка!

Въ моей головѣ мелькнула мысль, что у нея, вѣроятно, всегда «горячая головка» и что только добродушный Иванъ Ивановичъ и ему подобные простяки не замѣчаютъ этого.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Сестра милосердія.

Романъ Эдмона и Жюль Гонкуръ.

Переводъ П. Лѣтнева.

(Продолженіе.)

VI.

— Такъ и вамъ тоже трудно было привыкать къ госпиталю? вамъ — мужчинамъ?

— Да. Воображаютъ, что намъ это ничего не стоитъ... И не я одинъ, матушка... Повѣрите-ли, я съ полгода не могъ ѣсть съ аппетитомъ.

— Какъ я довольна, что слышу это отъ васъ! Мнѣ такъ стыдно было вначалѣ...

— И притомъ для насъ это еще ужаснѣе, чѣмъ для васъ. Когда я присутствовалъ въ клиникѣ въ первый разъ, при вскрытіи трупа, меня всего перевернуло... И потомъ нужно рыться во всемъ этомъ... а запахъ, которымъ пропитываются руки и одежда!.. Хорошо еще, что можно вымыться горчичнымъ сѣменемъ... Да, это тяжело для всѣхъ, въ первое время!

Такъ разговаривалъ съ сестрой Филоменой ассистентъ Барнье, прислонясь плечомъ къ косяку двери. Она стояла передъ нимъ въ своей бѣлой одеждѣ, освѣщенная яркими лучами солнца, вливавшимися въ окна со всѣхъ сторонъ. Ея голова, обрамленная повязкой и легкимъ покрываломъ, казалась окруженной ореоломъ.

— Вы одобряете меня, продолжала она послѣ минутнаго молчанія. А! вы смотрите, какую книгу я читаю?... Это «Руководство»... Я хотѣла просить васъ объяснить мнѣ многое...

— Очень хорошо, матушка. Я къ вашимъ услугамъ.

— Видите-ли: для того, чтобъ ухаживать за больными, надо знать немного медицину... Я не хочу, чтобъ вы меня отослали какъ наемника... помпите?... когда вы взяли бинтъ у меня изъ рукъ...

— Такъ я былъ очень грубъ?

— Почему же?

— Потому что вы все еще на меня сердитесь.

— Н...нѣтъ... такъ какъ я съ вами говорю объ этомъ. Вы боялись за меня, я понимаю... Теперь я стала гораздо храбрѣе... Я такъ молился, что Богъ далъ мнѣ силу... Испытайте, и вы увидите...

VII.

— Номеръ первый! Номеръ шестой! Номеръ одиннадцатый!

Такъ перекликались съ своихъ кроватей больные въ залѣ Св. Терезы. Почти всѣ лежали на кроватяхъ; только семь или восемь изъ нихъ вставши въ первый разъ, сидѣли на стульяхъ у изголовья. Нѣкоторые медленно прохаживались по залѣ. Одна изъ больныхъ, сидя на концѣ боль-

шого стола, писала подъ диктовку другой женщины, съ тѣмъ напряженнымъ стараніемъ, съ какимъ обыкновенно пишутъ люди, не привыкшіе къ этому занятию. Ассистентъ оканчивалъ свой послѣбодѣнный осмотръ. Слышались перекрестные разговоры съ кроватей.

— Что, завтра вы ждете къ себѣ кого-нибудь?

— Завтра? Ахъ, да, завтра четвергъ... не знаю...

— Я рассчитываю на трехъ, даже на четырехъ, продолжала больная считая по пальцамъ. — Вы видѣли моего мужа наемни?

— Видѣла; а вы думали, я сплю съ пластыремъ-то на животѣ.

— А вы ждете своихъ?

— О, мой мужъ и дѣти такъ далеко... почти за семьдесятъ миль...

— Такъ вы издалека?

— Да, по счастью, не изъ вашего Парижа... Что это за городъ! ни деревца, ни травки!.. Еще хорошо, у кого есть родные, а кому, вотъ какъ мнѣ, приходится лежать въ больницѣ... признаюсь, не весело въ этихъ больницахъ... Мнѣ кажется, я еще долго не опомнюсь отъ нихъ, какъ вернусь домой...

— А у васъ тамъ, дома, хорошо.

— У насъ то хорошо-ли?.. Вотъ глядите... вотъ большая улица... а тамъ на концѣ нашъ домъ... Входъ вотъ отсюда,—комната большая, просторная... Мнѣ теперь будетъ много чистки, потому что мужчины... понимаете?.. Потомъ еще двѣ комнаты, тамъ позади... и садъ... Въ саду, по лѣвую руку мастерская... Мужъ и дѣти тамъ работаютъ... они дѣлаютъ ножи и торгуютъ ими... Ну, такъ вотъ садъ... Тамъ у насъ грушевое дерево,—и столько на немъ грушъ, каждый годъ! А тамъ, въ четырехъ шагахъ отъ насъ, на концѣ деревни—рѣка... вода въ ней чистая, какъ стекло.

— Скажите № 9-й, при васъ тутъ лежала трипичникова жена?

— Нѣтъ...

— Представьте... У этой несчастной началась агонія съ утра, въ воскресенье... Мужъ пришелъ навѣстить ее... мужъ—негодяй, мошенникъ, пьяница... У нея было сбережено нѣсколько мелкихъ денегъ и она завязала ихъ въ рубашку... Чтожъ? онъ нагибается—будто поцѣловать ее,—да и хочетъ отнять деньги... Она закричала: караулъ!.. Поднялась суматоха...

Барнье обходилъ послѣднія кровати. Остановившись передъ одной больной, онъ сталъ тихонько царапать по одеялу около ноги.

— Я больше ужъ не щекотлива, г. Барнье, сказала почти весело женщина, у которой отрѣзали ногу, и послѣ минутнаго молчанія, продолжала, обращаясь къ сосѣдкѣ:—Правда, есть дурные люди на свѣтѣ, за то есть и хорошіе... Да вотъ г. Барнье... Какой добрый! какой внимательный къ больнымъ!.. Это кажется бьетъ половина пятого... Что это, матушка опоздала сегодня съ апельсинами?.. Какъ это славно освѣжаетъ... ломтикъ апельсина...

— Матушка? да вотъ она!

Сестра Филомена вышла изъ своей комнаты. Она шла держа подальше отъ платья, въ обѣихъ вытянутыхъ рукахъ—апельсинъ, и осторожно сдирала съ него кожу. Очистивъ, она медленно раздѣлила его по частямъ и, обходя кровати, клала въ ротъ каждой больной по сочному ломтику. При имени Барнье, похвалы ему посылались во всей залѣ. Его благодарили и благословляли.

— Да, говорила одна, хорошій человекъ! за нимъ служба не стоитъ!

— Вотъ онъ умѣетъ дѣлать перевязки... сначала обмоетъ теплой водой... и такъ легко, что не чувствуешь никакой боли.

— Онъ лечилъ моего мужа на дому и не хотѣлъ брать съ насъ денегъ.

Всѣ эти похвалы сладко отдавались въ сердцѣ

сестры Филомены. Она замедлила шаги, она чувствовала къ этимъ женщинамъ невольную симпатію, что-то въ родѣ благодарности.

— Завтра... завтра, говорила одна выздоравливающая другой, глядя кошку пріютившуюся у нея на кровати:—завтра, я выйду отсюда... я увижу моего маленькаго... какъ я довольна! Какъ я ни слаба, а все у меня хватитъ силъ выдти. Надо бы всѣмъ выходить въ одинъ день, а то жалъ оставлять товаровъ.

— О, мнѣ все равно—оставаться здѣсь или уйти... Я не страдаю болѣе, — а это главное... И потомъ, одна моя знакомая гадала мнѣ на кофейной гущѣ, и вышло, что я выздоровѣю черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Она всегда угадываетъ, что со мной случится... Потомъ, вотъ у меня работа... съ работой не скучно...

— Вы работаете что-то хорошенъкое, это выпиванье для какой-нибудь принцессы...

— Я вамъ скажу, сказала больная, осматривавшая, тутъ-ли сестра Филомена;—это подарокъ... оборка на юбку... Я здѣсь уже полгода... Г. Барнье такъ за мной ухаживалъ, и мнѣ пришлось въ голову сработать ему что-нибудь на память. Онъ вѣрно обзавелся женою... Ну, вотъ это будетъ ей на юбку...

— Кончите-ли вы болтать? Или опять хотите нажить лихорадку? сказала сестра Филомена почти строго, снова вернувшись въ залу.

VIII.

Сестра милосердія можетъ быть въ госпиталѣ—всѣмъ или ничѣмъ. Она ничто, если ей недостаетъ инициативы, дѣятельности и молодого, самоотверженнаго увлеченія. Кромѣ набожности и добродѣтели, у нея должно быть призваніе облегчать страданія своихъ ближнихъ; ее ни на минуту не должна покидать горячка самоотверженія и чело-вѣколюбія, составляющая божественное мученіе души и тѣла. Она ничто, если въ ней нѣтъ утонченнаго пониманія, заставляющаго ее находить облегченіе для душевныхъ страданій; она ничто, если она не проявляетъ материнскаго авторитета и участія къ нуждамъ своихъ больныхъ, если она не умѣетъ пріобщиться къ идеямъ и пріобрѣсти довѣріе этихъ простыхъ людей.

Если сестра милосердія лишена физической силы и здоровья, если у нея нѣтъ одной изъ тѣхъ привлекательныхъ и улыбающихся фizioномій, которыми больные любятъ видѣть у своего изго-ловья,—тогда она ничто, кромѣ сидѣлки, болѣе или менѣе усердной. Если же она одарена привлекательною и симпатичною наружностью, если она всегда готова къ услугамъ другихъ, она можетъ расширить, по мѣрѣ своей душевной доброты, ограниченный кругъ своихъ обязанностей, можетъ поднять свое дѣло до высоты самоотверженія, можетъ, однимъ словомъ, сдѣлаться настоящею сестрой милосердія, тогда все ей будетъ доступно, все—возможно.

Принимать медикаменты изъ аптеки, повѣрять ихъ, раздавать, одѣлать пищей и, въ особенности, виномъ, смотрѣть за тѣмъ, чтобы вино не было выпито сидѣлками или служителями, перемѣнять бѣлье у больныхъ, надсматривать за всѣмъ находящимся въ лазаретѣ—вотъ главныя обязанности сестры милосердія. Эти неопредѣленные и растяжимыя обязанности, въ своей узкой и сухой формѣ, не даютъ ничего, но если она захочетъ воспользоваться ихъ растяжимостью, они дадутъ ей въ руки полное управленіе лазаретомъ.

Такъ, напримѣръ, къ раздачѣ порцій и вина, сестра милосердія можетъ прибавить нѣкоторыя сладости для выздоравливающихъ и всегда получить на это позволеніе врача, если только сумѣетъ приняться за дѣло. Въ ея обязанности входитъ только раздача лекарствъ и ухаживанье за больными,—но развѣ ей запрещено возвыситься надъ обязанностями простой сидѣлки? Нѣсколько изу-

чивъ элементарную медицину и обогатившись опытомъ, вслѣдствіе ухаживанья за больными, она можетъ сообщать врачу свои замѣчанія, позвать во время фельдшера и ухаживать за больными съ нѣкоторымъ пониманіемъ ихъ болѣзни. Кромѣ матеріальнаго надзора, заключающагося въ наблюденіи за чистотой и порядкомъ, она имѣетъ право на надсмотръ нравственный. Она должна отмѣчать выздоравливающихъ, барышничавшихъ своимъ хлѣбомъ, выслушивать жалобы больныхъ и доводить ихъ до свѣденія начальства, обличать сидѣлокъ и служителей, берушихъ взятки, и добиваться ихъ смѣны. Но самая высокая обязанность сестры милосердія,—это утѣшеніе больныхъ. Она должна нести бремя всѣхъ этихъ страдальцевъ, поселая надежду между больными, которыхъ смерть такъ часто вырываетъ изъ среды живыхъ. Что можетъ быть выше и обширнѣе такой дѣятельности сестры милосердія?

Сестра Филомена, поступивъ въ лазаретъ, подъ руководствомъ старой и почтенной монахини, уже охладѣвшей къ своимъ обязанностямъ вслѣдствіе лѣтъ и привычки, вскорѣ привлекла на свою сторону врача и ассистентовъ и возвысилась въ ихъ глазахъ до авторитета. Вполнѣ свободная въ своей дѣятельности, не стѣсняемая своею начальницей, которая рада была найти въ ней помощницу, она развернулась и ежедневно проявляла все болѣе и болѣе свою благотѣльную власть.

Она была посредницей, улаживавшей все, что было непріятнаго въ больничныхъ порядкахъ,—рукой, тихо ласкавшей больного, голосомъ убаюкивавшимъ его. Она надзирала за ухаживаньемъ сидѣлокъ и требовала отъ нихъ добросовѣстности и чело-вѣколюбиваго обращенія; она замѣняла больнымъ семью, до такой степени она входила въ ихъ нужды, въ ихъ горести и радости. Переходя отъ кровати къ кровати, она всегда одѣлала чѣмъ-нибудь больныхъ, выражая взоромъ свое участіе къ нимъ, переходя отъ одного къ другому, изъ кухни въ лазаретъ, изъ лазарета въ свою комнату, сводя счеты, надсматривая, повѣряя, согнувшись надъ счетными книгами, не зная ни отдыха, ни покоя. Платье ея мелькало и тамъ, и сямъ, и вблизи, и вдали.

И потому въ госпиталѣ любили и уважали сестру Филомену. Старые больные поздравляли съ счастливою удачей новоприбывшихъ больныхъ, если тѣ попадали подъ надзоръ сестры Филомены. Она извѣстна была не въ одномъ своемъ отдѣленіи: больные другихъ отдѣленій отмѣчали тѣ ночи, которыя она дежурила у нихъ и ждали нетерпѣливо ея очереди. Когда днемъ она спускалась съ лѣтницы, выздоравливающіе, курившіе трубки въ сѣняхъ мужского отдѣленія или прохаживавшіеся на костыляхъ, низко кланяясь ей, снимали свои бумажные колпаки. Она пользовалась большою популярностью, ея имя повторялось даже за обѣдами ассистентовъ; одни говорили о ней съ энтузіазмомъ, другіе съ любопытствомъ. И всѣ они, врачи и ассистенты, втайнѣ гордились такой безподобной сестрой милосердія.

IX.

Больные въ госпиталѣхъ совсѣмъ не грубые существа съ очерствѣлыми инстинктами, которыхъ нищета сдѣлала дикими; напротивъ, они очень чувствительны къ хорошему обращенію съ ними и выказываютъ большую привязанность къ своимъ сидѣлкамъ.

Сестры милосердія подчиняются этому непреодолимому закону симпатіи. Ихъ невольно влечетъ туда, гдѣ ихъ забота болѣе вознаграждается, туда, гдѣ онѣ могутъ надѣяться съ большею легкостью посѣять добрыя нравственныя сѣмена. Исключительныя привязанности къ нѣкоторымъ больнымъ поддерживали мужество сестры Филомены. Онѣ были ея силой и опорой. Иногда, строго анализируя свои чувства, она укоряла себя въ

нихъ, говоря, что всякое предпочтеніе—несправедливо. Но такъ какъ совѣсть не упрекала ее, то она считала, что Богъ не требуетъ отъ нея этой жертвы. Эти привязанности, зарождавшіяся у изголовья больныхъ, и такъ часто прерываемыя смертью,—составляли всю ея жизнь. Съ какимъ грустнымъ утѣшеніемъ смотрѣла она на выздоравливающихъ, весело покидавшихъ больницу послѣ долгихъ дней страданія и тревогъ.

Сестра Филомена въ особенности была привязана къ одной молодой женщинѣ, которую вначалѣ доктора надѣялись спасти, но впоследствии оказавшеюся неизлѣчимою. Въ словахъ и обращеніи этой женщины, называвшей себя швеей и никогда не говорившей о своемъ прошломъ, проглядывали слѣды образованія и привычки къ комфорту. Видно было, что нищета застала ее внезапно и принудила ея бѣлыя руки къ тяжелой работѣ. Ея трогательная благодарность, глубокое, но сдержанное отчаяніе, ея покорность привлекли къ ней участіе врачей, ассистентовъ и самихъ больныхъ. Всякій день, пользуясь входомъ, дозволеннымъ дѣтямъ больныхъ, къ ней приходилъ маленькій мальчикъ, садился возлѣ ея изголовья и называлъ ее матерью. Онъ былъ одѣтъ въ поношенное платье богатыхъ дѣтей, изъ котораго онъ выросъ. Онъ сидѣлъ возлѣ кровати на высокомъ стулѣ, свѣсивъ ноги, и, удерживаясь отъ слезъ, смотрѣлъ на мать. Она была слишкомъ слаба, чтобъ говорить, и только пожирала его глазами.

Сестра Филомена любила этого ребенка и взяла его подъ свое покровительство. Каждый день она заготовляла ему какое-нибудь лакомство, придумывала забаву. Она вводила его въ свою комнату, разговаривала съ нимъ, показывала ему картинки въ книгахъ, или, усадивъ его за столъ, давала ему карандашъ и листъ бумаги и заставляла чертить что-нибудь. Иногда она умывала его, расчесывала ему волосы, дѣлала проборъ и потомъ, умытаго и причесанаго, приводила къ матери, которая оплачивала ей за это глубоко-благодарнымъ взглядомъ, въ которомъ выражалась искренняя любовь.

Больная ослабѣвала съ каждымъ днемъ. Однажды ребенокъ, сидя возлѣ матери, всматривался почти съ испугомъ въ ея лицо и не узнавалъ любимыя черты. Сестра Филомена ласкала его и старалась развлечь. Докторъ Барнье прикладывалъ подъ одышко горчичники къ ногамъ. Больная, обратившись къ Филоменѣ, говорила тихимъ, прерывающимся голосомъ:

— Нѣтъ, матушка... это не то, чтобъ умереть...

не это пугаетъ меня... я къ этому... но онъ... мой бѣдняжка!—она взглядомъ указала на ребенка—онъ такой маленький... что съ нимъ будетъ?..

— Вы еще выздоровѣете, сказала сестра Филомена,—мы васъ спасемъ, не правда-ли г. Барнье?

— Безъ сомнѣнія, мы васъ спасемъ, неохотно отвѣчалъ Барнье.

— Вы не знаете, матушка, сказала больная, съ горькой улыбкой полузакрывая глаза, — вѣдь онъ одинъ останется... у него никого нѣтъ, кромѣ меня...

— Сестра моя, вы христіанка и не должны

этимъ безутѣшными слезами, онъ обернулся и сказалъ отрывисто:

— Ну, если васъ мучить только это, вы можете быть спокойны... У меня въ деревнѣ живетъ мать... Домъ ей кажется слишкомъ просторенъ, съ тѣхъ поръ какъ меня тамъ нѣтъ... Ну, очень просто, она возьметъ вашего мальчика... И ручаюсь вамъ, что она умѣетъ обращаться съ дѣтьми...

— Богъ наградитъ васъ, прошептала больная, оживленная на минуту этими словами. И она съ жаромъ прижала къ себѣ ребенка, какъ бы желая перелить въ послѣднемъ объятіи всю нѣжность материнскаго сердца прежде, чѣмъ уступить его другой женщинѣ.

— Да, повторила Филомена, поднимая глаза на Барнье,—Богъ наградитъ васъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Во время войны.

(изъ записной книжки корреспондента).

Очерки Г. К. Градовскаго.

I

Тифлисъ и первые шаги военного корреспондента.

Дилижансъ нашъ довольно быстро катилъ по прекрасному шоссе, въ которое одѣлась теперь военно-грузинская дорога. Это монументальное сооруженіе. Въ благоприятное время года, поднявшись на высоту восьми тысячъ футовъ и спустившись съ нея можно въ каретѣ, на лежащихъ рессорахъ, ни на минуту не измѣняя крупной рыси. Двѣсти или около того верстъ, отдѣляющія Владикавказъ отъ Тифлиса, кажутся, поэтому, чѣмъ-то вродѣ увеселительной или вродѣ художественной прогулки. На каждомъ шагу живописные виды. Съ сѣвера они поражаютъ своею первобытною дикостью, создаютъ въ воображеніи представленіе о титаническихъ силахъ, переносятъ въ доисторическія времена геологическихъ переворотовъ; эти нагроможденные другъ на друга великаны, эти гигантскія разсѣлины, изъ которыхъ каждой ничего не стоитъ поглотить десятки ты-

сячъ людей, какъ будто раскрываютъ передъ вами тайники могучей природы, напоминая, что человѣкъ составляетъ только ничтожную крупицу мірозданія. Но на южной сторонѣ дикая величавость горъ пропадаетъ, природа ласкаетъ взоръ болѣе мягкими образами; непривѣтливая безжизненность голыхъ скалъ и обнаженій земной коры исчезла, все покрыто зеленью, холмы и покатоки кудряво одѣты въ густые лѣса всевозможныхъ лиственныхъ породъ. И когда вы мчитесь по какому-то карнизнику, недоумѣвая, какъ вы спустились съ чуть не отвѣсной горы, не зная, какъ вы очутились тамъ, далеко внизу,

ПОРТРЕТЪ К. ГУНА.

К. Гунъ

сомнѣваться въ милосердіи Божию... Богъ не оставитъ вашего ребенка...

— Да, матушка, я все это знаю, продолжала больная, вздыхая,—но умереть... не знаю, будетъ-ли у него завтра кусокъ хлѣба... О, еслибъ я знала только, что у него будетъ хлѣбъ... только хлѣбъ!..

И слезы потекли изъ глазъ умирающей.

Барнье, приложивъ горчичники, прислонился къ кровати, повернувшись спиной къ умирающей. Заложивъ руки за спину, онъ судорожно сжималъ желѣзную ручку кровати, затѣмъ, подъ вліяніемъ сильнаго впечатлѣнія, производимаго на него

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА К. О. ГУНА.

Катанье въ деревнѣ. Рисоваль Н. Т. Малышевъ, рѣзаль на деревѣ Діаментовскій.

гдѣ при безпрерывныхъ поворотахъ и зигзагахъ дороги мелькаетъ красная крыша станціоннаго домика; когда вы подымаете взоръ на боковыя возвышенности и замѣчаете гдѣ-то тамъ, на верху, пасущіеся скотъ, вспаханныя поля и сакли, пріютившіеся на такихъ отлогостяхъ, что, кажется, нѣтъ возможности не скатиться съ нихъ кувиркомъ;—когда вы увидите эти точно лицомъ къ лицу поставленныя силы природы и силы человека, то чувство подавленности и униженія мало по малу исчезаетъ, смѣняется уваженіемъ къ уму и труду человека, вы не безъ гордости смотрите уже на окружающую природу и сознаете, что все это дано людямъ, что они не рабы, а владыки ея.

Ѣхавшій съ нами докторъ не раздѣлялъ, однако, этихъ горделивыхъ мыслей. Онъ былъ изъ евреевъ, никогда не путешествовалъ и очень мало напоминалъ тѣхъ храбрыхъ предковъ, передъ которыми нѣкогда пали стѣны Иерихона. Мои молодые спутники сразу подмѣтили слабость доктора и всю дорогу помогали его страхамъ. Сначала намъ грозили взбунтовавшіеся черкесы: при каждой встрѣчѣ съ лезгинами, мирно погонявшими свои скрипучія арбы; къ бунтовавшимъ черкесамъ присоединился Терекъ, который, какъ нарочно, бушевалъ въ это время неистовѣе, нежели когда-нибудь, поломалъ какой-то мостъ и слизалъ шоссе на порядочномъ пространствѣ. Мы вынуждены были совершить объѣздъ по какой-то старой, запущенной дорогѣ. Ее исправляли кое-какъ во время самага нашего проѣзда. Иногда приходилось проѣзжать такъ близко отъ берега, что до насъ доносились брызги съ бѣсившейся по камнямъ рѣки. «И Терекъ бѣшенный, какъ львица, съ косматою гривой на спинѣ», декламировали мы доктору или приглашали его полюбоваться видомъ дарьяльскаго ущелья и «бѣшенной балкой»; но бѣдный докторъ только стоналъ и называлъ насъ самихъ бѣшенными среди этой «бѣшенной» природы. На перевалѣ громадный, небывалый снѣжный заваль еще не успѣлъ разтаять и загромождалъ дорогу на пространствѣ цѣлой станціи, покрывая шоссе въ иныхъ мѣстахъ слоемъ въ 12 сажень толщины. Далѣе, на южной сторонѣ, насъ встрѣтили обвалы и горные потоки отъ таявшихъ уже на вершинахъ снѣговъ. Обвалы сбрасывали на дорогу камни, а бурные потоки пересѣкали и портили шоссе, грозя снести карету внизъ, къ берегамъ Арагвы. При каждомъ подобномъ случаѣ, докторъ падалъ на дно дилижанса, хваталъ насъ за руки, просилъ, чтобы его выпустили или оставили на станціи. Во время переправы черезъ снѣжный заваль, въ болѣе сомнительныхъ мѣстахъ, мы вынуждены были тащить его подъ руки. Хотя теперь всѣ эти опасности, и старый Казбекъ, и сердитый Терекъ, и неожиданный заваль, были далеко за нами и мы ѣхали по ровному и прекрасному шоссе, приближаясь уже къ Тифлису, но докторъ продолжалъ задерживать нашу поѣздку. Каждые четверть часа мы вынуждены были останавливаться, такъ сильно отразились на немъ дѣйствительные и воображаемые страхи дороги. Серьезно опасаясь за здоровье бѣднаго, я выговаривалъ моимъ спутникамъ за ихъ ни на минуту не прерывавшуюся потѣху надъ слабостями доктора.

Благодаря всему этому, мы добрались въ Тифлисъ полусутками позже. Приключенія и разныя дорожныя препятствія иногда хорошо вспоминать, но переживать ихъ всегда непріятно. Задержки были для меня вдвойнѣ несносны. Я слышалъ въ армію, военныя дѣйствія уже начались, только что взятъ былъ Ардаганъ и, говорили, не сегодня-завтра ожидается штурмъ Карса. Паденіемъ этихъ двухъ крѣпостей, по соображеніямъ знакомыхъ мнѣ стратеговъ, должны были закончиться военныя операціи въ Малой Азіи. Такимъ образомъ, каждый день промедленія создавалъ для меня рискъ

прогулять тотъ быстрый разгромъ турецкой арміи, въ которомъ никто не сомнѣвался. Правда, легкое облачко ужъ налетѣло на горизонтъ, охлаждая нѣсколько эту увѣренность: со стороны Сухума получились какіе-то темныя слухи, недобрый вѣсти ходили также о настроеніи кавказскаго населенія, но всему этому никто не рѣшался придавать значенія, все это таили про себя, продолжая вслухъ ликовать. Самые скептическіе люди винили только начальника сухумскаго отряда, который не сумѣлъ прогнать турецкихъ броненосцевъ и допустилъ высадку; большинство же и вовсе не вѣрило паденію Сухума, тѣмъ болѣе, что въ только что полученномъ номерѣ «Московскихъ Вѣдомостей» очень остроумно глумились надъ турецкою телеграммою о сухумскомъ успѣхѣ. «Дѣйствительно, Сухумъ занятъ, но европейскіе вѣстовики забыли добавить одну подробность: онъ занятъ непріятельскими трупами».

Тифлисъ очень интересный городъ. Хотя онъ и господствуетъ надъ Кавказомъ, но самъ лежитъ въ глубокой котловинѣ, среди возвышенностей, въ которыхъ онъ долго скрывается отъ любопытныхъ глазъ путешественника. Вы сразу замѣтите на Тифлисѣ слѣды пережитыхъ имъ вѣковъ, народовъ, военныхъ буръ и политическихъ условій. Тысячелѣтніе грузинскіе и армянскіе храмы, развалины персидской крѣпости и вокзалъ желѣзной дороги могутъ дать благодарную пищу даже не особенно богатому воображенію. Рядомъ съ европейскими улицами, домами, магазинами, сохранились и азіатскіе кварталы, съ ихъ традиціоннымъ базаромъ; сохранились они во всей своей интересной, но узкой, грязной, тѣсной, извилистой и вонючей неприкосновенности. Уцѣлѣли и знаменитыя бани, воспѣтыя еще Пушкинымъ, но которыя поражаютъ теперь своею безыскусственностью, нечистоплотностью и вполнѣ обнаженнымъ развратомъ. Говорятъ, тифлискія дамы любятъ устраивать увеселительныя поѣздки въ бани, нѣчто въ родѣ женскихъ пикниковъ, прыть, ѣдятъ, поютъ и танцуютъ въ банѣ, по свѣжему человеку хочется скорѣе на просторъ изъ этихъ душливыхъ и грязныхъ помѣщеній, не обнаруживающихъ и понятія о комфортѣ и гігіенѣ. Восточная жизнь, выносящая на улицу почти всѣ свои отправления, поражаетъ непривычный глазъ своею первобытною беззастѣнчивостью. Вы колеблетесь сразу рѣшить, куда отнести это своего рода «откровенное направленіе», къ райской невинности или къ нравственной и умственной неразвитости, къ младенчеству или къ разложенію? Все это разношерстное, многоязычное, пестрое населеніе пьетъ, ѣстъ, варитъ, печетъ, куетъ, пьетъ, мастеритъ на улицѣ; на улицѣ же, въ открытую, оно торгуется, надуваетъ, бранится, дерется, кричитъ о своихъ частныхъ дразгахъ, устраиваетъ свои дѣлишки, угощаетъ и кутитъ. Попадъ въ эту суетню, въ это разнообразнѣйшее сплетеніе мелкихъ интересовъ, въ эту открытую борьбу за существованіе, гдѣ нѣтъ условныхъ приличій и сдержанности, созданныхъ изъ уваженія къ безгласности другихъ и ради своего человѣческаго достоинства, вы разомъ чувствуете, какъ оскорбляется ваше эстетическое чутье, какъ подрывается ваше представленіе о человѣкѣ, какъ о разумномъ и нравственномъ существѣ, способномъ сознавать и любить общее счастье, преслѣдовать общія цѣли; вы видите передъ собою только дикаго звѣря въ образѣ человека и не знаете, не подвергнетесь-ли вы сію минуту грубому оскорбленію, не накинется-ли на васъ эта алчная, себялюбивая толпа и не передерется-ли она между собою при дѣлежѣ добычи, потому что здѣсь каждый за себя и всѣ противъ всѣхъ.

Тифлисъ является культурнымъ рубежомъ между Европою и Азіею, и въ этомъ отношеніи имѣетъ сходство съ Константинополемъ. Пред-

ставителями Европы являются здѣсь русскіе, высшіе слои грузинскаго и армянскаго населенія, нѣмецкіе и французскіе переселенцы; вы видите и театръ, и книжныя лавки, свойственное нашему образованному міру платье, и порядочныя гостиницы, но вы не чувствуете все-таки европейской жизни; вы не можете безошибочно рѣшить, кто здѣсь уступаетъ другъ другу, востокъ или западъ; происходитъ-ли передъ вами медленная побѣда европейской цивилизаціи надъ азіатскимъ разложеніемъ, или подъ виѣшнимъ лоскомъ европеизма скрывается безнадежное зараженіе трупнымъ ядомъ отжившаго азіатства.

Мнѣ нельзя было, однако, обстоятельно знакомиться съ Тифлисомъ и нѣкогда было размышлять обо всемъ этомъ. Мнѣ необходимо было укрѣпить свои права на поѣздку въ армію, въ качествѣ военнаго корреспондента. Я слышалъ представиться начальнику штаба главнокомандующаго, чтобы исполнить всѣ необходимыя формальности, которыя никому хорошо не были извѣстны.

Начальникомъ штаба былъ генералъ Павловъ. Въ штабѣ видимо никто не отдавалъ себѣ хорошенько отчета въ значеніи корреспондента. Я упоминаю объ этомъ вовсе не въ укоръ тифлисскому штабу, но потому что съ подобными взглядами не разъ случалось встрѣчаться мнѣ и впоследствии, во всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ штабахъ, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло на обоихъ театрахъ войны. Общество должно знать, въ какія условія поставлены тѣ лица, которыя являются въ качествѣ его представителей на театрѣ войны, особенно въ томъ случаѣ, когда они ни на минуту не упускаютъ изъ виду служенія общественнымъ интересамъ, хотя бы это и не всегда согласовалось съ ихъ частными выгодами. Съ легкой руки талантливаго сатирика, у насъ любятъ обзывать заурядъ всѣхъ военныхъ корреспондентовъ Подхалимовыми. Но если общество дѣйствительно не могло создать ничего болѣе приличнаго и высокаго, какъ типъ Подхалимова, и если меткіе удары сатиры не въ состояніи ничего возбудить, кромѣ безотчетнаго тоготанія и хихиканія, то невольно приходится вспомнить слова Гоголя: «надъ чѣмъ смѣетесь? надъ собою смѣетесь?»

Въ Тифлисѣ я убѣдился, что предосторожности, принятыя мною въ Петербургѣ, передъ поѣздкой въ Тифлисъ, были вовсе не излишни. Я догадывался, что по новости дѣла, по неискоренившейся еще у насъ мнительности относительно печати и гласности, недостаточно корреспонденту обладать обычными качествами писателя, недостаточно даже литературнаго имени и большей или меньшей извѣстности; гораздо необходимѣе всего этого другія качества, которыя устанавливаются обыкновенно рекомендаціями и протекціями. Я чувствовалъ, что пріѣзжай я въ Тифлисъ безъ этого багажа, мнѣ трудно было бы добиться разрѣшенія ѣхать въ армію. Въ этомъ отношеніи мнѣ удалось удовлетворить всѣ требованія: благодаря любезному содѣйствію г. военнаго министра, я получилъ по телеграфу разрѣшеніе главнокомандующаго ѣхать въ кавказскую армію, въ качествѣ корреспондента. Слѣдовательно, оставалось оформить это разрѣшеніе въ штабѣ; но тамъ этимъ не удовольствовались и потребовали еще съ полдюжины моихъ фотографическихъ карточекъ, которыя предполагалось разослать во всѣ отряды кавказской дѣйствующей арміи, чтобы тамъ «чинили свободный пропускъ» и вѣрили, что находящіеся при мнѣ бумаги и разрѣшенія дѣйствительно принадлежать мнѣ. Замѣчу кетати, что меня привело въ недоумѣніе, почему это избобрѣтеніе испытывалось только на корреспондентахъ, а не на всякомъ лицѣ, прибывающемъ въ армію, будетъ-ли это маркитантъ, докторъ, уполномоченный «Краснаго Креста» или даже офицеръ генеральнаго штаба? Казалось бы, самозванство корреспондента гораздо невиннѣе, безопаснѣе для ар-

мій, чѣмъ самозванство доктора или офицера генеральнаго штаба. Редакціи знаютъ своихъ корреспондентовъ и, конечно, сейчасъ же обнаружатъ подлогъ, еслибъ предположить даже, что такое чудо совершилось; наконецъ, цензура, специально учрежденная для военныхъ корреспонденцій, дѣлала совершенно безразличнымъ вопросъ о томъ, кто пишетъ. Наоборотъ, еслибъ въ госпиталѣ завелся самозванецъ-докторъ, который обращался бы съ больными и ранеными, какъ мясникъ съ волами, пригнанными на бойню, а надѣвший мундиръ генеральнаго штаба ввелъ бы того или другого командира отряда въ заблужденіе, то въ подобныхъ случаяхъ произошелъ бы несомнѣнный и непоправимый вредъ. Легко замѣтить, конечно, по этому поводу, что случаи самозванства такъ рѣдки, что не стоитъ увеличивать доходы фотографій требованіемъ, чтобъ каждый служащій не разставался съ своимъ портретомъ, засвидѣтельствованнымъ и занумерованнымъ, какъ паспортъ; но я и не спорю противъ всего этого, я объясняю только то недоумѣніе, которое было вызвано во мнѣ установленіемъ въ отношеніи корреспондентовъ этого новаго вида паспортовъ.

Я заранѣе старался подготовить себя къ всевозможнымъ неожиданностямъ въ совершенно новой для меня сферѣ, я прошпиговалъ, такъ сказать, себя твердымъ намѣреніемъ ничѣму не удивляться, исполнять всѣ требованія и формальности безпрекословно. Словомъ, я отдалъ по своей внутренней стражѣ приказъ доказать, что не одни военные способны уважать дисциплину и оправдать высокое довѣріе, впервые оказываемое представителямъ журналистики въ арміи. По всѣмъ этимъ причинамъ, я не выразилъ ни малѣйшаго сомнѣнія по поводу необходимости фотографическихъ карточекъ, но принялъ это распоряженіе съ неразсуждающею готовностью къ исполненію, которой позавидовалъ-бы всякій ловкій ординарецъ. Я обѣщалъ генералу Павлову неукоснительно доставить доходъ лучшему тифлисскому фотографу, хотя одно это задерживало мою поѣздку въ армію на нѣсколько дней.

Генераль Павловъ, видимо довольный обнаруженною мною готовностью исполнить немедленно мѣропріятіе относительно корреспондентовъ и предупрежденный въ мою пользу рекомендаціею военнаго министра, любезно почтилъ меня небольшимъ разговоромъ.

Изъ разговора этого, я прежде всего узналъ о новой опасности, которая угрожала моему стремленію поскорѣе очутиться на театрѣ войны. Оказалось, что штабъ счелъ нужнымъ отмѣнить корреспондентовъ, помимо паспортовъ и фотографическихъ карточекъ, еще особымъ знакомъ. Проектировался какой-то знакъ, для ношенія на груди. Знакъ этотъ еще не былъ готовъ. Какъ ни лестно было получить это новое доказательство штабнаго вниманія къ обязанностямъ корреспондента, тѣмъ не менѣе, я очень обрадовался, когда начальникъ штаба заявилъ, что я могу и не дожидаться этого знака и что онъ будетъ присланъ мнѣ черезъ штабъ дѣйствующаго корпуса.

Поблагодаривъ за оказываемое мнѣ довѣріе и успокоивъ генерала обѣщаніемъ вести себя и безъ знака такъ, какъ бы онъ красовался у меня на груди, я удостоился нѣкотораго довѣрія. Генераль отдалъ справедливость той осмотрительности, съ которою я прибылъ въ Тифлисъ, не иначе, какъ рекомендованный и подлежаще разрѣшеній. Между тѣмъ, другіе совѣтъ не такъ и даже очень легкомысленно поступаютъ. Тутъ пріѣхалъ, наприимѣръ, какой-то корреспондентъ и разлетѣлся, давая ему разрѣшеніе въ армію. Генераль, конечно, осадилъ его холоднымъ «я васъ не знаю»; тотъ было полѣзъ въ карманъ за какимъ-то удостовѣреніемъ редакціи, но на это получилъ отвѣтъ, что удостовѣренія редакціи еще недостаточно.

Слушая этотъ разсказъ, я сильно заинтересовался участіемъ неосмотрительнаго корреспондента, такъ какъ имѣлъ основаніе заключить, что это былъ мой очень хорошій знакомый и сотрудникъ С—скій, случайно поѣхавшій корреспондентомъ отъ «Новаго Времени». Дѣйствительно, это оказался С—скій. Не зная еще, какъ можно было поправить дѣло и помочь ему, я освѣдомился у генерала объ окончательной судьбѣ С—скаго и гдѣ его найти въ Тифлисі. Сдѣлавъ я это, конечно, съ подобающею осторожностью, чтобъ не могло возникнуть даже и минутнаго сомнѣнія въ томъ, что я не порицаю неосторожнаго, полагавшаго, что въ армію могутъ пустить всякаго, особенно журналиста, безъ особыхъ рекомендацій, и узналъ, что С—скій уже вернулся въ Петербургъ.

Въ концѣ свиданія, генераль Павловъ намекнулъ мнѣ, что въ Сухумѣ дѣла, дѣйствительно, не совсѣмъ благополучны, но что туда отправился уже помощникъ Намѣстника, генераль Святополкъ-Мирскій, который все уладитъ. По возвращеніи генерала Святополкъ-Мирскаго, состоится уже подготовленный отъѣздъ главнокомандующаго на театръ войны, что съ главною квартирою отправится, конечно, и самъ генераль Павловъ и что тогда станутъ брать Карсъ, а до тѣхъ поръ никакихъ серьезныхъ дѣйствій ожидать нельзя, такъ что и торопиться мнѣ особенно нечего.

Слушая всѣ эти разсказы въ Тифлисі, какъ легко было взять Ардаганъ и какъ однимъ натискомъ полонять Карсъ и займутъ Эрзерумъ, и рядомъ видя самыя серьезныя взвѣшиванія и соображенія на счетъ пропуска и знаковъ корреспондентовъ, на счетъ удобства той или другой палатки, по поводу длинныхъ саногъ или непромокаемаго пальто, мнѣ казалось, иногда, что для многихъ война представляется чисто съ внѣшней стороны, какъ нѣчто разнообразящее жизнь, удовлетворяющее честолюбивымъ мечтамъ объ отличіяхъ и славѣ, безъ особаго риска и труда. Мнѣ чудилось, что нѣкоторые «играютъ въ войну», не воображая даже, какъ дорого можетъ обойтись эта опасная игрушка для другихъ, для всей страны. Я, конечно, отбрасывалъ всѣ эти сомнѣнія, приписывая ихъ только своей неопытности. Я успокаивалъ себя, что увѣренность другихъ въ безусловномъ успѣхѣ есть только результатъ основательнаго знакомства съ дѣломъ и мельчайшаго знанія своихъ и непріятельскихъ силъ, послѣдствіе глубокаго задуманнаго плана дѣйствій, словомъ, всего того, чего не доставало намъ, простымъ смертнымъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Карлъ Ѳедоровичъ Гунъ. *)

Ст. А. Н. Толитѣровой, съ набросками, картинами и портретомъ Гуна.

гдѣ его отецъ, родомъ изъ Эстляндіи, былъ церковнымъ органистомъ. Дѣдъ его также родился

*) Мелкіе рисунки въ этой статьѣ исполнены Н. Т. Малышевымъ и И. Т. Михайловымъ по наброскамъ К. Ѳ. Гуна.

въ Лифляндіи, въ имѣніи Киррепекъ, прихода Рингенъ, близъ Дерпта. На основаніи этихъ родословныхъ данныхъ К. Ѳ. Гунъ можетъ справедливо считаться латышемъ по происхожденію.

Родители К. Ѳ. Гуна, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, замѣтили въ своемъ сынѣ любовь къ искусству, которому онъ впослѣдствіи, какъ намъ извѣстно, всецѣло и посвятилъ себя.

Сначала онъ занимался рисованіемъ дома, а потомъ въ Ригѣ, въ Domschule, гдѣ и оставался до 18 лѣтъ. Какая среда окружала нашего будущаго художника до 18-лѣтняго возраста, какія обстоятельства вліяли на его развитіе—намъ ничего неизвѣстно. Извѣстно только, что по окончаніи курса въ Domschule, Гунъ не могъ тотчасъ же отправиться въ Петербургъ и поѣхалъ туда только въ 1850 году. Въ Петербургѣ, до поступленія въ академію художествъ, онъ занимался у г. Паппе (рисовальщика при академіи наукъ) копированіемъ рисунковъ по естественной исторіи и только въ 1852 году сталъ посѣщать вечерніе академическіе классы, не переставая въ то же время заниматься у Паппе. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, художественное развитіе Гуна шло довольно медленно. Но когда, по прошествіи двухъ лѣтъ, онъ окончательно оставилъ занятія у Паппе и отдался занятіямъ въ академіи, то въ продолженіи четырехъ лѣтъ онъ получилъ четыре серебряныя медали (2 малыя и 2 большія) за рисованіе въ 1855 году и за живопись въ 1857 году.

Въ 1859 году, Гунъ представилъ на конкурсъ для соисканія второй золотой медали свою программу: «Двѣнадцатилѣтній Іисусъ во храмѣ», но медали не получилъ; онъ получилъ эту медаль только въ 1860 году за программу «Олимпійскія игры».

Въ 1861 году, за программу, мастерски написанную, «Свадьба Василія Темнаго», Гунъ былъ награжденъ большою золотою медалью, дающей право на шестилѣтнее пребываніе на казенный счетъ за границей. За границу Гунъ отправился только въ 1863 году, а до этого времени онъ жилъ въ Елабугѣ (Вятской губерніи), гдѣ по заказу купца Стахѣева, вмѣстѣ съ В. П. Верещагинымъ (нынѣшнимъ профессоромъ академіи, получившимъ одновременно съ нимъ золотую медаль), онъ почти цѣлый годъ писалъ иконостасъ въ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы.

Гуномъ были написаны: мѣстный образъ Божіей Матери, два евангелиста въ царскихъ вратахъ и икона въ одной изъ боковыхъ дверей. В. П. Верещагинъ говоритъ, что и другія работы, предложенныя имъ въ Елабугѣ, были раздѣлены ими пополамъ. Такъ портретъ доктора Юзефовича былъ исполненъ имъ, Верещагинымъ, а портретъ его жены — Гуномъ. Изъ Елабуги Гунъ ѣздилъ осматривать Вятскую и Казанскую губерніи, записывалъ народныя преданія татаръ, чувашъ, черемисъ и мордвы, зачерчивалъ ихъ типы, костюмы, домашнюю утварь. Эти художественныя путевыя замѣтки, вошедшія впослѣдствіи въ трудъ Паули, положили начало извѣстному альбому Гуна, прибрѣтенному академіей художествъ, куда вошли, кромѣ нихъ, лифляндскіе и русскіе типы, преимущественно Симбирской и Нижегородской губерній. Нѣсколько рисунковъ этой коллекціи были помѣщены въ нѣмецкихъ иллюстраціяхъ: «Münchener-Bilderbogen» и друг.

Лѣтомъ 1863 года, Гунъ отправился за границу и по дорогѣ въ Парижъ, гдѣ онъ намѣревался провести большую часть своего заграничнаго пребыванія, онъ побывалъ въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Прагѣ, Вѣнѣ и Мюнхенѣ. Останиваясь въ этихъ городахъ, Гунъ зачерчивалъ въ свой альбомъ, который былъ постоянно при немъ, типы внутренности двориковъ, а иногда въ контурахъ и картины, которыя особенно по-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ВОТЬЕ.

Утренний туалетъ.

Рѣзалъ на деревѣ Брендамуръ въ Дюссельдорфѣ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ

КАРТИНА Ф. ДЕФРЕГГЕРА.

Тирольская семья.

Резаль на деревѣ Брендамуръ въ Дюссельдорфѣ.

ражали его. Изъ Парижа, куда онъ прибылъ зимой того же 1863 и гдѣ оставался до 1871 года онъ ѣздилъ для осмотра галлерей въ Голландію, Бельгію, Англію, Испанію, Италію и Германію.

Мнѣ пришлось познакомиться съ Гуномъ въ 1864 году въ Парижѣ. Это былъ человекъ средняго роста съ русыми волосами рыжеватой бородой и карики чрезвычайно добрыми глазами. Въ разговорѣ онъ былъ крайне сдержанъ, по характеру отчасти флегматикъ. Услыхать отъ него рѣзкій приговоръ какому-нибудь поступку, иногда по существу своему возмутительному, мнѣ никогда не приходилось. Для всякаго поступка онъ находилъ, такъ сказать, смягчающія обстоятельства, а если ихъ отыскать было нельзя, то доставалъ свой кожаный конвертъ гдѣ у него лежалъ табакъ, свертывалъ аккуратно папироску, просманный на столъ табакъ снова собиралъ въ конвертъ и упорно молчалъ. Только разъ во все время нашего знакомства я видѣла его взволнованнымъ. Одинъ изъ пенсіонеровъ академіи, семейный человекъ, очень нуждался. До получения пенсіона было еще довольно долго. Просить у товарищей, такихъ же пенсіонеровъ, какъ онъ самъ, онъ не рѣшался. А между тѣмъ жить было нужно. Ему приходитъ мысль обратиться въ русское посольство, и эта мысль имѣла свое основаніе: въ паспортахъ говорится, что посольства въ случаѣ нужды должны оказывать помощь. Задумано—сдѣлано. Пишется прошеніе, присоединяется къ нему паспортъ и все это сложенное въ конвертъ передается одному изъ мелкихъ чиновниковъ посольства. Чиновникъ принимаетъ и проситъ придти за отвѣтомъ «черезъ два дня». Для голодныхъ желудковъ два дня равняются двумъ мѣсяцамъ. Но голодъ и лишения для трудящагося люда не новость. Проходятъ эти «два дня», художникъ идетъ: мелкій чиновникъ возвращаетъ его пакетъ, говоря, что для помощи (хотя помощи просили въ видѣ выдачи денегъ заимообразно до получения пенсіи) суммъ при посольствѣ нѣтъ. Но что всего интереснѣе, такъ это то, что чиновникъ приподнесъ голодающему художнику два даровыхъ билета въ «Баль-Мабиль». Кстати замѣчу, что этотъ самый путешникъ-чиновникъ скоро былъ удаленъ со своего мѣста. Помню я тотъ вечеръ, когда художникъ, съ билетами въ рукахъ, рассказывалъ намъ эту исторію. Сколько желчи, сколько злобы слышалось въ его правдивыхъ упрекахъ.

— Да, сказалъ, вставая, Гунъ,—отъ меня бы они этими билетами не отверглись, я бы заставилъ ихъ выдать деньги и не ушелъ бы оттуда, не получивъ ихъ, или бы переѣхалъ къ нимъ со

всей семьей до получения пенсіона. Должны бы были меня кормить. Только вообще жалъ, что ты къ нимъ обратился, а не къ товарищамъ. Если бы у одного не нашлось, нашлось бы у всѣхъ вмѣстѣ, продолжалъ уже совершенно покойно Гунъ и, открывъ кошелекъ, отдалъ художнику изъ своихъ оставшихся двадцати золотыхъ—шестнадцать.

Г. И. Н., въ своемъ біографическомъ очеркѣ Гуна, рассказывалъ слѣдующее: «около Гуна, въ Парижѣ, жилъ молодой французъ, также художникъ, начинавшій свою карьеру, любившій пожить и повеселиться. По крайней бѣдности, у него часто не случалось чистой рубашки, и много разъ аккуратный Гунъ снабжалъ его своею рубашкою, которая, какъ говорится, «зачитывалась» и никогда не возвращалась».

Да, Гунъ, былъ очень добрый человекъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и расчетливый, онъ никогда не бросалъ денегъ зря, велъ жизнь самую умѣренную и допускалъ только одну трату (тогда, когда онъ сталъ довольно много зарабатывать) — это трату на фотографіи, разныя обрывки дорогихъ старыхъ матерій и кружевъ, старую мебель и разныя старинныя вещи. Но всѣ эти вещи, какъ бы онѣ рѣдки и дороги ни были, не имѣлись только для него лично, онѣ съ удовольствіемъ давались каждому, кто въ нихъ нуждался, только съ однимъ условіемъ «не потерять и не запачкать».

— А то, говорилъ онъ, завертывая тщательно въ бумагу старую матерію или кружево,—посмотришь, вашъ братъ вытретъ кружевомъ, за немѣнѣемъ тряпки, палитру, или кисти.

Въ чемъ замѣчался недостатокъ у Гуна это въ широкихъ взглядахъ. Онъ мало учился и мало читалъ, что касается до политическаго образованія, глубокаго внутренняго анализа, то они у него совершенно отсутствовали, что много ему мѣшало особенно въ историческихъ жанрахъ. Глядя на его картину «Сцена изъ Варооломеевской ночи» вы восторгаетесь его техникой, красками, рисункомъ, но вы не видите ясно, не раздѣляете внутренней борьбы. Въ женщинѣ, склонившейся надъ убитымъ мужемъ, которую силой отрываютъ отъ дорогого ей умершаго для того, чтобы сдѣлать ее жертвой насиія католическаго вельможи, вы видите прекрасно написанныя, во-первыхъ, драпировки, во-вторыхъ, уже лицо и грудь. Но скорби, борьбы вы не видите. А гдѣ бы и выразиться страстямъ, какъ не въ этотъ ужасный моментъ! Мужъ убитъ, его трупъ еще теплый, почти живой, кровь бѣжитъ ручьями, враги торжествуютъ... И что же... все ваше вниманіе обращено на аксессуары: бархатъ, атласъ, мебель, которые, замѣтимъ кстати, изумительно хорошо написаны. Нѣ-

сколько разъ, Гунъ пробовалъ себя на историческихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ трагическихъ сюжетахъ, но они никогда не удавались ему. Тоже случилось съ его картиной «Смерть Гаральда, убитаго въ сраженіи при Гастингсѣ, противъ Вильгельма Завоевателя». Сюжетомъ для картины былъ взятъ моментъ, когда жена Гаральда, ночью, съ факеломъ въ рукѣ, находитъ возлюбленнаго мужа. Кромѣ вышеупомянутыхъ историческихъ картинъ Гуномъ была задумана, но не исполнена, картина «Посѣщеніе умирающаго адмирала Колинны Карломъ IX», говорятъ что исполненію этой картины помѣшала франко-прусская война. По моему мнѣнію, самая лучшая изъ его картинъ историческаго жанра есть картина «Капунъ Варооломеевской ночи». На этой картинѣ изображенъ старый католикъ, который въ тишинѣ своей моленной нашиваетъ на шляпу крестъ. Въ ней все хорошо, начиная экспрессіей и оканчивая мраморнымъ поломъ. Но я прошу извиненія у читателя, за невольное уклоненіе отъ, такъ сказать, хронологическаго порядка. Теперь я приступаю къ характеристикѣ Гуна, какъ художника, на что, существуетъ больше матерьяла, такъ какъ покойный работалъ много, о чемъ свидѣтельствовала выставка его картинъ, эскизовъ и рисунковъ (600 №№), устроенная обществомъ «Передвижниковъ». На эту выставку не вошли многія изъ его картинъ и акварелей, которыя находятся въ частныхъ галлерейхъ, частью въ Россіи, частью за границей.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Два желанья.

Стих. С. Андреевскаго.

Въ тѣни дорогого алькова
Лежитъ онъ, безсилень и старъ,
И дряхлое тѣло больного
Сжигаетъ мучительный жаръ.
Онъ пожилъ богато и сыто
И дольше, чѣмъ можно желать,
Весь топкій развратъ сибарита
Ему довелось испытать.
И, видя, какъ жизни привольной
Предъ нимъ обрывается нить,
Онъ стонетъ, крахтитъ недовольный:
«Еще-бы... еще-бы пожить!»

Она молода и прекрасна.
Недавно ея нищета
Была нестерпимо-ужасна,
И вдругъ—золотая мечта!
Ей счастье на мигъ улыбнулось;
Дремавшая въ тяжелой пучкѣ
Любовь чародѣйка проснулась,
Заставивъ забыть о трудѣ
И шепчетъ она, молодая,
Слезамъ блаженства рыдая,
Усталая горе терпѣть:
«Теперь-бы... теперь умереть!»

Практическія послѣдствія суевѣрія.

Ст. д-ра Мангардта.

(Продолженіе.)

ерманцы и славяне, будучи язычниками, вѣрили въ существованіе невидимыхъ духовъ, составлявшихъ переходную ступень отъ боговъ къ людямъ, карликовъ (домовыхъ), жившихъ подъ землею, но очень охотно посѣщавшихъ человѣческія жилища, гдѣ любимое мѣсто-пробываніе ихъ было за печкой. По народнымъ повѣрьямъ, они воруютъ у женщинъ новорожденныхъ дѣтей и на мѣсто ихъ кладутъ своихъ толстоголовыхъ, неуклюжихъ. Но при этомъ подмѣня, надежда на возвратъ ребенка не потеряна, стоитъ только подкидыша высѣчь хорошенъко розгой и выбросить за окно на наземную кучу или сварить въ кипяткѣ, тогда духи вернутъ настоящее дитя и возьмутъ обратно подкидыша *). Кретиновъ, слабоумныхъ дѣтей съ большими головами часто считаютъ принесенными духами подкидышами, и поэтому имъ не сладко живется въ домѣ пріемныхъ родителей. Всякій вымѣщается на нихъ свое неудовольствіе и считаетъ дозволеннымъ обращаться съ ними сурово и грубо. Объ этомъ свидѣлствуетъ Вутке, и мнѣ самому пришлось видѣть въ 1850 году, въ деревнѣ Лоблау, какъ дурно обращалась съ четырехлѣтнимъ большоголовымъ ребенкомъ его родная мать, считая его подкидышемъ. Подобная грубость, конечно, очень прискорбна, но нерѣдко упомянутое нами суевѣріе порождаетъ несравненно худшіе факты. Въ журналѣ «Ausland», за 1877 годъ, разсказывается, что ирландцы-эмигранты сожгли въ Нью-Йоркѣ свое собственное дитя, считая его подкидышемъ, ребенкомъ эльфа. Подобный же случай былъ и въ Ирландіи. У одного ирландца родилось слабое дитя и, такъ какъ оно не поправлялось, родители пришли къ убѣжденію, что мать маленькаго эльфа украла ихъ здороваго ребенка и подкинула имъ своего больного. Чтобы принудить ее возвратитъ ихъ дитя, они положили слабаго четырехлѣтняго мальчика въ кипятокъ! Бѣдный ребенокъ кричалъ: «Я Хенсхенъ Махони, я вовсе не маленькій эльфъ!» Но напрасно! Мать эльфа не явилась за нимъ и бѣдное дитя умерло. Глухие родители были обвинены въ убійствѣ и наказаны.

Въ Познани, въ округѣ Шильдбергѣ, въ 1871 г., случилось слѣдующее преступленіе. Для появленія необходимо прибавить, что кобольдовъ или карликовъ, подмѣняющихъ дѣтей въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ считаютъ чертями **). Поденщикъ Бекеръ изъ Блекутце жилъ счастливо впродолженіи 14 лѣтъ со своею женою, у нихъ было пятеро дѣтей, которыхъ они очень любили. Благодаря неутомимому труду, имъ удалось приобрести маленькій домикъ. Овдовѣвшая свояченица Бекера, пріѣзжаетъ гостить къ нимъ изъ царства польскаго со своимъ пятилѣтнимъ сыномъ. Марианна Чернякъ, такъ звали эту женщину, утверждаетъ, что можетъ не только узнавать людей, одержимыхъ бѣсомъ, но и обладаетъ способностью нагонять бѣсовъ; себя она выдавала также за одержимую. Вслѣдствіе этого, въ деревнѣ прозвали ее вѣдьмой и очень боялись ее. Сестру свою,

которая была 15-ю годами моложе, Чернякъ совершенно подчинила своему вліянію. 19-го ноября, сходясь къ исповѣди, Чернякъ легла спокойно спать, но около полуночи сестра проснулась отъ ея крика и зажгла лампу. Бекеръ спала въ одной кровати съ своимъ годовалымъ сыномъ; Чернякъ принялась кричать ей: «Черти взяли твоего сына и подложили тебѣ подкидыша, бей его, бей, тогда они отдадутъ тебѣ твое дитя». Заразившись помѣшательствомъ сестры, несчастная женщина стала бить своего ребенка. Между тѣмъ, Чернякъ выскочила изъ постели, схватила ребенка и, показывая видъ, что хочетъ выбросить его въ окно, закричала: «Бери, бери его!» Затѣмъ она отдала ребенка сестрѣ, говоря: «Брось его объ полъ, колоти и убей его, тогда только вернешь свое дитя! Бей его, бей, приговаривала она, это не твой ребенокъ». Подъ вліяніемъ этихъ криковъ, Бекеръ схватила ремень и стала бить имъ ребенка, по совѣту сестры, бросивъ его на полъ. Между тѣмъ, проснулся мужъ, который наканунѣ, на чьихъ-то похоронахъ, порядкомъ выпилъ. Сначала онъ не повѣрилъ бѣсовскому наводненію и хотѣлъ защитить ребенка, но жена его, впаавшая въ бѣшенство, убѣдила его бить ребенка ремнемъ, а сама стала колотить его палкой, пока онъ не умеръ. Когда пятилѣтній сынъ Чернякъ съ плачемъ подошелъ къ трупу, жена Бекеръ принялась бить и его, вслѣдъ за возгласомъ сестры: «Бей его, бей, это не мое дитя! Не жалѣй его, будутъ другія дѣти!» Мужъ помогалъ ей при этихъ истязаніяхъ, пока ребенокъ не пересталъ подавать признаковъ жизни. Тогда супруги бросились съ побоями на Чернякъ, которая стала отрывать печные изразцы, крича, что въ печкѣ сидятъ черти. Спасаясь отъ побоевъ, Чернякъ выскочила въ окно. Рано, утромъ, мѣстный школьный учитель нашелъ ее у порога, въ одной рубашкѣ, а въ домѣ, гдѣ, благодаря суевѣрію, погибли двѣ человѣческія жизни, родители молились и ласкали трупъ убитаго ими ребенка. Обвиненные казались въ полномъ разумѣ, только Бекеръ, послѣ этой страшной ночи, впала на нѣсколько недѣль въ неистовство. Женщина эта, всѣхъ больше принимавшая участіе въ этой ужасающей драмѣ, всѣхъ больше возбуждала участіе и состраданіе. Выросшая въ религіи, возбуждающей наклонность къ мистицизму, она до такой степени подчинилась вліянію сестры, что убила собственное дитя. Судебное разбирательство состоялось 16 января 1872 г. д-ръ Хайнъ выразилъ мнѣніе, что обвиненные, во время совершенія преступленія, не находились въ умоизступленіи. Медицинская коллегія въ Познани признала, напротивъ, что они находились въ состояніи невмѣняемости. Высшая медицинская инстанція, въ Берлинѣ, согласилась съ мнѣніемъ доктора Хайна и признала только у одной Чернякъ періодическую манію и умственное разстройство во время совершенія преступленія. Присяжные, на основаніи фактовъ, вынесли другое убѣжденіе. По приговору ихъ, супруги Бекеръ дѣйствовали безъ разумія, Чернякъ же подстрекала ихъ съ заранѣе обдуманымъ намѣреніемъ и довела до преступленія жену Бекеръ. Они признали правильнымъ заключеніе доктора Хайна, по мнѣнію котораго Чернякъ злая, лѣнивая женщина, пользующаяся для своихъ цѣлей глупостью и суевѣріемъ другихъ, и что безумныя представленія, существованіе которыхъ она упорно отрицала во время слѣдствія, никогда не проявлялись у нея въ дѣйствительности, а только служили ей средствомъ къ вліянію надъ другими людьми, для достиженія спокойной и праздної жизни. Анализируя факты, раскрытые процессомъ, невольно спрашиваешь себя: неужели все это было заранѣе обдумано. Наука встрѣчается здѣсь съ трудною психологическою загадкою и этотъ случай заслуживаетъ болѣе тщательнаго обсужденія. По приговору присяжныхъ, Бекеръ, мужъ

и жена, оправданы, Чернякъ присуждена къ трехлѣтнему заключенію за участіе въ нанесеніи побоевъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ смерть. Она умерла въ маѣ 1872 г., въ Бреславлѣ, во время своего заключенія.

Мы дошли, наконецъ, до вѣрованія въ вѣдьмъ, главнаго источника всѣхъ преступленій, совершаемыхъ изъ суевѣрія, какъ противъ собственности, такъ въ особенности противъ жизни. Подобно прочимъ предрассудкамъ, оно возникло въ глубокой древности. Основаніемъ ему послужило добытое путемъ опыта убѣжденіе первобытныхъ людей, что сильная физическая боль, въ особенности при ранахъ отъ порѣза или укушенія производится людьми или животными. Посредствомъ невѣрной аналогіи, внутреннія страданія приписывались той же причинѣ; т. е. что злые невидимые духи, въ образѣ человѣка или животного, овладеваютъ тѣломъ больного, поселяются въ немъ, или же нападаютъ на него извнѣ, производя боль живота, головы, нарывы и другія болѣзни. *) Мы встрѣчаемъ и до сихъ поръ подобныя представленія среди дикарей, о нихъ же упоминается и въ египетскихъ напирисахъ временъ Монсея; такъ, напр., царская дочь больна, она одержима злымъ духомъ; присутствіе бога солнца Хона изгоняетъ его. **) Древніе евреи такимъ же образомъ объясняли происхожденіе болѣзней, и Спаситель и ученики его пользовались этимъ вѣрованіемъ. ***) Изъ смѣшенія понятій объ этихъ невидимыхъ духахъ или демонахъ съ представленіемъ сатаны и слугъ его возникло позднѣе у христіанъ суевѣрное убѣжденіе, что нѣкоторые больные одержимы бѣсомъ. Съ теченіемъ времени, понятіе о духахъ, производящихъ болѣзни, видоизмѣнилось; стали думать, что они появляются по волѣ злыхъ людей, обладающихъ сверхъестественною властью. Согласно такому вѣрованію, вѣдьмы находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ царствомъ сатаны и безчисленнымъ множествомъ демоновъ, неуспѣшно подстерегающихъ и нападающихъ на людей; съ помощью ихъ, онѣ безпрестанно стараются вредить своимъ ближнимъ. Теологи, вооружившись этимъ вѣрованіемъ, возбуждали страшные, продолжавшіеся съ XV по XVII столѣтія, процессы вѣдьмъ, жертвы которыхъ, какъ въ протестантскихъ, такъ и католическихъ странахъ считались милліонами. Непосредственнымъ результатомъ уснѣховъ цивилизаціи и ея вліянія на нравственные воззрѣнія, явился, полтора столѣтія тому назадъ, среди правящихъ классовъ народа упадокъ вѣры въ вѣдьмъ и сверхъестественныя причины болѣзней. ****) Костры не пылаютъ болѣе, развѣ въ одной Мехикѣ, гдѣ властвуютъ іезуиты. Но исчезло ли между нами суевѣріе? Нисколько. Въ польскихъ округахъ Пруссіи для каждаго престолоудина совершенно неоспоримъ фактъ, что во всякой деревнѣ есть хотя одна вѣдьма, что всѣ онѣ заключили союзъ противъ здоровья людей и насылаютъ на нихъ чертей, или какимъ-либо другимъ способомъ распространяютъ болѣзни, вредятъ скоту, кормовымъ травамъ, портятъ масло, повреждаютъ или уничтожаютъ посѣвы. Подъ вліяніемъ такихъ идей, у нѣкоторыхъ больныхъ нерѣдко возникаетъ заблужденіе, что они одержимы, не однимъ даже, а двумя бѣсами; въ мѣстечкѣ Альтъ-Грабау, картезіанскаго округа, въ одномъ больномъ ихъ поселилось, по его мнѣнію, цѣлая тройка, и несчастный разговаривалъ съ ними, умоляя ихъ

*) Wuttke, §§ 582—585.

**) S. Francisci höllischer Proteus. Nuernberg 1695 s. 940. Въ Пруссіи поляки (мазуры) подкладываютъ подъ голову новорожденному молитвенникъ, чтобы чортъ не унесъ ребенка и не положилъ въ колыбель подкидыша. Hintz, «die gute alte Sitte in Alt-preussen». Königsberg. 1862. s. 74. На островѣ Эзелѣ эсты не гасятъ огня до крестинъ, такъ какъ ребенокъ можетъ легко быть украденъ «нечистымъ». Holzmayer, Osiliana. S. 100

*) Mannhards, Baumkultus der Germanen und ihrer Nachbarstämme. Berlin. 1875.

**) Zeitschrift für deutsche Mithologie. IV. S. 255.

***) Baumkultus, S. 13. Anmerkungen.

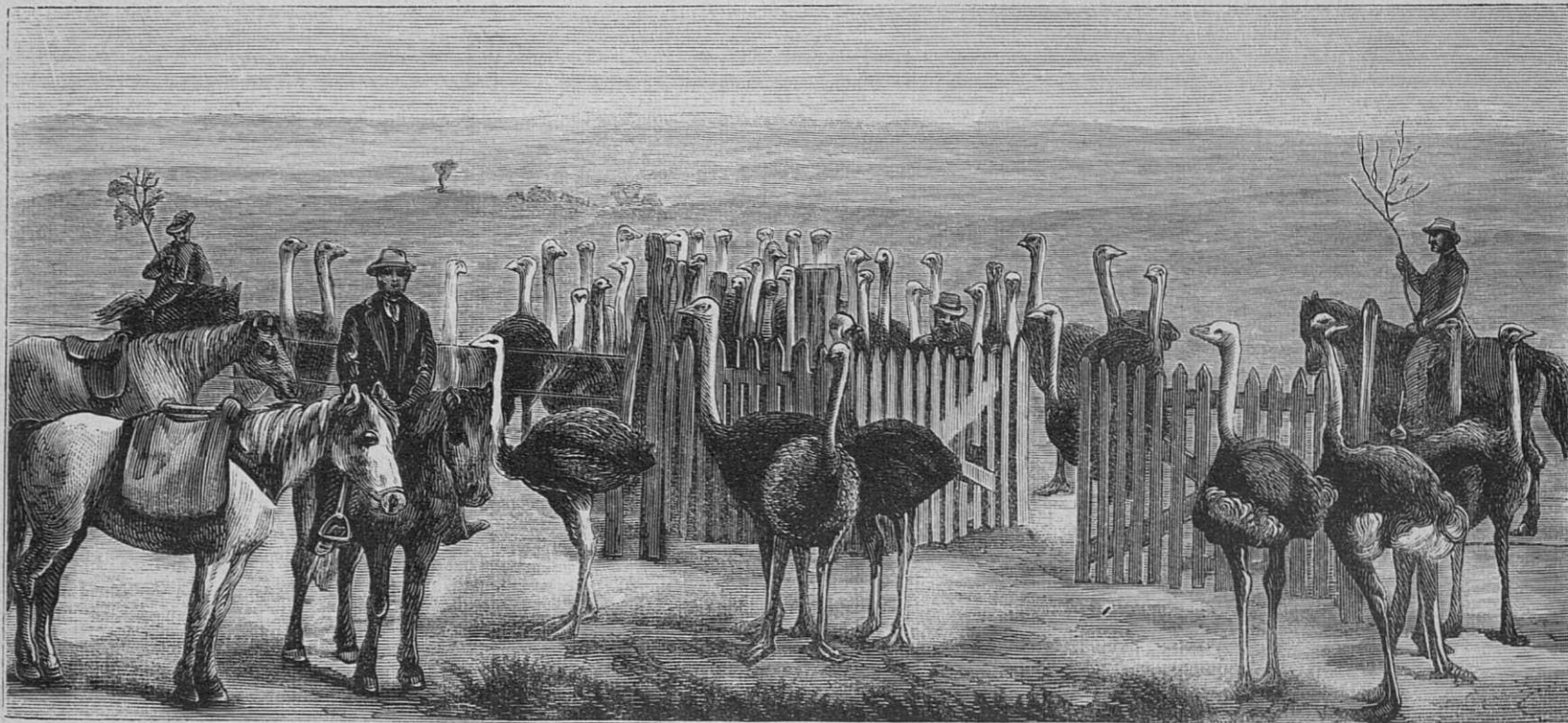
****) Сравни превосходныя сочиненія, Сольдана. Исторію процессовъ вѣдьмъ, Штутгартъ и Тюбингенъ, 1843 и Гартполя Тейки. Исторія происхожденія и вліянія цивилизаціи въ Европѣ. Leipzig und Heidelberg. 1868.

удалиться. Въ Тифенталѣ одинъ бѣсоватый указывалъ всѣхъ воровъ въ той мѣстности, и очевидно, что каждый, одержимый бѣсомъ, считаетъ себя въ состояніи безошибочно указать на человека, наставшаго на него порчу. Помѣшательство, послѣдородовая манія, эпилепсія, каталепсія, столбнякъ и подобныя болѣзни, принимающія подъ вліяніемъ суевѣрія опредѣленную форму, припи-

немедленно обнаруживаются. Каковы бываютъ иногда возрѣнія нѣкоторыхъ священниковъ доказываетъ недавній случай въ Баваріи, ясно обнаруживающій вредное вліяніе подобныхъ личностей. Въ половинѣ іюля 1868 г. у крестьянина Гартенбергера въ Ильявингѣ внезапно заболѣло нѣсколько штукъ скота. Гартенбергеръ, вообразивъ, что хлѣвъ его заколдованъ, бросилъ

во, что мой высокочтимый викарій, Яковъ Хейнингеръ, дважды совершилъ молебствіе на скотномъ дворѣ крестьянина Иоганна Гартенбергера, что онъ лично удостовѣряетъ; если же онъ и далъ какой-нибудь священный предметъ, чтобы повѣсить его въ хлѣвъ для охраненія скота, то это обстоятельство вовсе не касается ветеринарнаго врача, напротивъ, г. ветеринаръ подде-

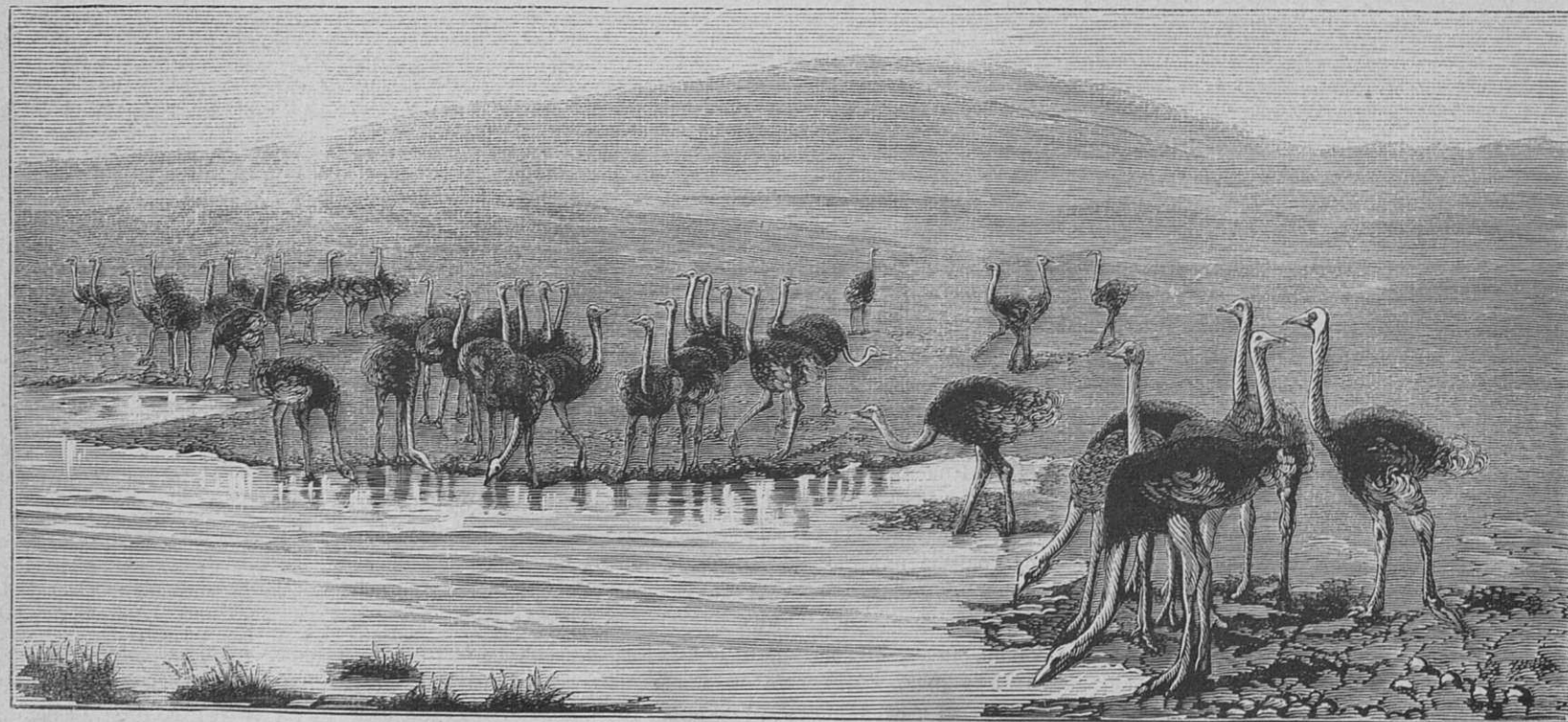
Сборъ перьевъ. (Къ ст. «Разведеніе страусовъ»—№ 4 Жив. Об.)

сываются обыкновенно бѣсовскому навожденію.

Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ колдовства считается заклинаніе бѣса католическимъ священникомъ. Католическая церковь сохранила со временъ среднихъ вѣковъ въ своихъ требникахъ множество заклинаній противъ разнообразнаго колдовства. Подъ влі-

яніемъ викарію съ просьбой выгнать вѣдму. Его преподобіе является, благословляетъ хлѣвъ, но его благословеніе должно быть оказалось недѣйствительнымъ, такъ какъ превосходный скотъ Гартенбергера продолжалъ падать штука за штукой. Бѣдный крестьянинъ снова обратился къ духовной помощи; викарій являлся неоднократно

жить наказанію за неумѣстное вмѣшательство въ дѣло религіи. За каждый разъ мой высокочтимый викарій получалъ по 1 флорину, а не по 2; означенныя деньги онъ получалъ за потраченное имъ время, а не за заклинаніе, точно также, какъ чиновникъ получаетъ вознагражденіе за время, а не за правосудіе. Католическій

Страусы на водопой. (Къ ст. «Разведеніе страусовъ»—№ 4 Жив. Об.)

ніемъ просвѣщенія, большинство священниковъ вывело ихъ изъ употребленія, но въ послѣднее время, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, подпавшимъ вліянію іезуитовъ, возобновляются и тщательно охраняются эти отжившіе обряды. *) Послѣдствія

*) Ниппольдъ. Современное возрожденіе вѣрованія въ вѣдмъ. Deutsche Zeit- und Streitfragen von Holtzendorff und Oucken. Berlin. 1875. S. 57—58.

(по 2 флорина за визитъ), заклиналъ, но проклятую вѣдму такъ и не удалось выгнать: околѣло пять лучшихъ быковъ и двѣ коровы. Наконецъ, окружное управленіе узнало объ этомъ надеждѣ, и потребовало объясненія отъ католическаго прихода въ Граттерсдорфѣ. Вотъ письменный отвѣтъ въ свое оправданіе священника Риттера фонъ-Хильгера: «Совершенно справедли-

священникъ получаетъ послѣ посвященія въ четыре низшія духовныя степени власть изгонять бѣсовъ; высокочтимый викарій Хейнингеръ спрашивалъ каждый разъ приходившихъ къ нему людей, не страдаетъ-ли животное какою-нибудь болѣзнію, такъ какъ онъ можетъ и соглашается помочь только въ томъ случаѣ, если оно испорчено; онъ можетъ изгнать вѣдму своимъ

заклинаніемъ, лечить же физическіе недуги онъ не въ состояніи. Въ томъ случаѣ только, если люди утверждаютъ, что животное испорчено и просятъ его придти и изгнать вѣдму, является онъ отчитывать; ни въ одномъ законѣ не сказано, что ветеринарные врачи въ то же время заклинатели вѣдмъ, и фактъ, дѣйствительно-ли въ животномъ сидитъ вѣдма, можетъ быть выясненъ только вѣдовскимъ процессомъ. Ни владѣлецъ скота, ни мой викарій, Хейнингъ не узнали болѣзни, что явствуетъ изъ того, что заклинаніе было направлено не противъ легочной сумы или другой болѣзни, а противъ вѣдмы, такъ что къ этому случаю совершенно не подходитъ 123 ст. уголовныхъ законовъ; требованіе умѣть распознавать болѣзни животныхъ можетъ быть предоставлено ветеринару, а не духовному лицу; точно также не было нарушенія и 112 ст. угол. закон., такъ какъ дѣло шло не о леченіи болѣзни, а лишь объ изгнаніи вѣдмы. Ни одинъ профессоръ ветеринарныхъ наукъ не станетъ утверждать, что вѣдма—болѣзнь.

Вслѣдствіе недостатка подходящей статьи закона, викарій Хейнингъ не могъ быть привлеченъ къ отвѣтственности. Что касается крестьянина Гартенбергера, то хенгебргскій окружной судъ 5 октября 1868 года приговорилъ его къ 25 флоринамъ штрафа или 8-дневному аресту за нарушеніе закона касательно заразныхъ болѣзней животныхъ. Онъ терпѣливо подчинился наказанію и его нельзя было убѣдить подать апелляціонный отзывъ; увѣренность его въ томъ, что вѣдма уморила его скотъ ни мало не поколебалась!

Въ провинціи Пруссіи встрѣчается чрезвычайно мало духовныхъ лицъ, которыя бы своими заклинаніями давали пищу народному суевѣрію, но въ требованіяхъ со стороны народа не бываетъ недостатка, тѣмъ болѣе, что и исповѣдующіе евангелическую вѣру приписываютъ католическимъ священникамъ большое знакомство съ сверхъестественными средствами противъ порчи и однородныхъ съ нею страданій. Во многихъ мѣстностяхъ провинціи Пруссіи существуетъ обычай давать въ пищу скоту освященныя травы; въ такихъ случаяхъ крестьянинъ обращается не къ своему пастору, утверждая, что онъ не умѣетъ совершать обрядъ освященія, а съ большими издержками приглашаетъ къ себѣ католическаго пастора. Вообще здѣсь сельское протестантское населеніе, въ случаяхъ, когда требуется непосредственное вмѣшательство не земныхъ силъ, напр., если нужно найти вора, обращается не къ своему, а къ католическому священнику. Во время общественныхъ бѣдствій прибѣгаютъ также къ его помощи; когда лѣтъ сорокъ тому назадъ появилась саранча въ такомъ страшномъ количествѣ, что грозила уничтоженіемъ всѣхъ посѣвовъ и потомъ также внезапно исчезла, въ околѣдѣ утвердилось мнѣніе, что какой-то священникъ, силою своихъ заклинаній, загналъ ее въ озеро, гдѣ она и погибла. Впрочемъ, и евангелическіе пасторы не всегда избавлены отъ требованій производить заклинанія. Ихъ прихожане, принадлежащіе къ литовскому племени, часто обращаются къ нимъ съ просьбою наслать злую болѣзнь на ихъ враговъ *) и я могъ бы назвать поименно многихъ пасторовъ, которые, не задумываясь, раздаютъ вино, служащее для причащенія вмѣсто лекарства больнымъ, или даютъ чашу, чтобы войти съ нею безъ свидѣтелей въ церковь и напечатать въ нее молитвы о выздоровленіи. Образъ дѣйствія католическихъ священниковъ еще грубѣе и дѣятельность ихъ въ этомъ направленіи, благодаря признательности лицъ, ищущихъ ихъ помощи, приноситъ имъ хорошій доходъ. Въ южной Германіи заклинаніями вѣдмъ занимаютъ

ся преимущественно капуцины; нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, бывшій монахъ, приходскій священникъ въ мѣстечкѣ Маріензее, картезійскаго округа, Мичниковскій, славился миль на 20 въ околѣдѣ. Къ нему приводили больныхъ не только изъ картезійскаго или берендскаго округовъ, но и изъ данцитскаго, даже изъ Пущига, Нейштадта и Штаргарда, и они обыкновенно въ большомъ числѣ осаждали его двери. Найдя, что болѣзнь происходитъ отъ демоническаго вліянія, а это случилось почти всегда, онъ брался за леченіе, при чемъ или отводилъ больного въ церковь и изгонялъ сидящаго въ немъ чорта въ озеро, молитвами, кажденіями, или обращался къ лекарственнымъ средствамъ, стараясь, по большей части, произвести колтунъ и посредствомъ его вывести болѣзнь изъ организма. Въ такихъ случаяхъ онъ намазывалъ голову больного освященнымъ елеемъ, прибавляя къ нему постороннюю примѣсь и надѣвалъ теплый колпакъ нерѣдко съ запрещеніемъ снимать его впродолженіи дѣлаго года. Естественно, что волосы легко сбивались въ войлокъ и образовались гнойныя струны. Когда они засыхали, Мичниковскій обрѣзалъ колтунъ и пряталъ его въ дуло старой ивы. Приготовомъ колтунѣ, онъ поступалъ точно такимъ же образомъ.

(Продолженіе будетъ.)

Раздвоеніе жизни.

Мы видимъ на небѣ, разбросанныя въ безпредѣльности двойныя звѣзды, соединенныя общимъ притяженіемъ, тепломъ и свѣтомъ; недавно мы видѣли комету, раздвоившуюся на двѣ части, которыя продолжали согласно идти однимъ и тѣмъ же путемъ въ двойной орбитѣ вокругъ солнца; въ настоящей замѣтѣ займемся раздвоившейся жизнью въ человѣческомъ организмѣ.

Живи эта жертва раздвоенія собственнаго сознанія столѣтія два назадъ, навѣрное, она погибла бы въ пожирающемъ пламени костра. Сколько колдуній, жизнь которыхъ представлялась несравненно менѣе загадочной, сожжены живыми.

Ни одинъ философъ, ни одинъ фیزیологъ не произнесли еще настоящаго слова о природѣ человѣческой души. Здѣсь царство схоластики, задерживающей всякій прогрессъ. Давно пора заняться въ психологіи тѣмъ, чѣмъ впродолженіи шести тысячъ лѣтъ мы занимаемся въ астрономіи: наблюденіями. Приводимые въ настоящей замѣткѣ факты—просто факты наблюденія. Пусть ихъ объясняетъ, кто можетъ. Самое главное—свободное наблюденіе. Эти факты сообщены въ «*Revue scientifique*» и послужили темой для интереснаго диспута во французскомъ «*Оществѣ поощренія наукъ*».

Дѣло идетъ о молодой женщинѣ, въ существованіи которой проявляется измѣненіе памяти, подобнаго которому наука еще не имѣла случая наблюдать; это измѣненіе таково, что поневолѣ рождается вопросъ, не одарена-ли эта женщина двумя жизнями!

Какова бы ни была причина этихъ явленій, они заслуживаютъ вниманія психолога, потому что, какъ для фیزیологіи необходимо изученіе болѣзней, такъ и для изученія умственныхъ способностей—также фیزیологія отравленій высшаго сорта—необходимъ подробный анализъ ихъ характера.

Особа, которою мы теперь займемся, родилась въ 1843 году въ Бордо отъ здоровыхъ родителей. Она рано лишилась отца, капитана купеческаго корабля; мать, оставшаяся въ стѣнныхъ обстоятельствахъ, должна была работать для воспитанія дѣтей. Явленія, служащія предметомъ этого разсказа, проявились впервые на пятнадцатомъ году жизни дѣвочки.

Безъ опредѣленной причины, иногда вслѣдствіе волненія, Фелида чувствовала сильную боль въ

вискахъ и впадала въ глубокое забытіе, похожее на сонъ. Такое состояніе продолжалось минутъ десять; послѣ чего она вдругъ открывала глаза, какъ бы пробуждаясь, и начинала новую жизнь, отличную отъ прежней; эта новая жизнь сначала продолжалась не болѣе часу или двухъ; затѣмъ забытіе и сонъ возвращались и Фелида приходила въ свое обыкновенное состояніе. Припадки повторялись каждыя пять, шесть дней, иногда рѣже. Ея родители и окружавшіе, замѣчая полную перемену привычекъ и поступковъ во время этой второй жизни и совершенное забвеніе ея по пробужденіи, считали Фелиду сумасшедшей.

Скоро признаки гистеріи усилились. Съ Фелидой дѣлались конвульсіи и проявленія воображаемаго сумасшествія становились тревожныѣе. Приглашенъ былъ докторъ Азамъ, къ которому, какъ къ врачу женскаго пріюта для умалишенныхъ, обратились для леченія болѣзни, считавшейся душевною.

Вотъ что онъ говорилъ въ октябрѣ 1858 года: «Фелида брюнетка, плотнаго сложенія, средняго роста, средней полноты, характера печальнаго, даже угрюмаго, съ твердой волей и чрезвычайно прилежна къ работѣ. Говоритъ она немного; ея разговоръ серьезенъ; чувства привязанности мало развиты. Она постоянно думаетъ о своемъ болѣзненномъ положеніи, которое внушаетъ ей серьезныя опасенія, и страдаетъ отъ сильныхъ болей въ разныхъ частяхъ тѣла, особенно же въ головѣ».

Внимательное наблюденіе за ея умственными способностями, поступками, мыслями, разговоромъ показываетъ, что она въ полномъ разсудкѣ. Почти каждый день безъ опредѣленной причины или подъ вліяніемъ волненія съ ней дѣлается то, что называютъ припадкомъ; въ дѣйствительности же, она приходитъ въ свое второе состояніе. Напримѣръ, она сидитъ съ шитьемъ въ рукахъ, вдругъ совершенно неожиданно, послѣ кратковременной, но сильной боли въ вискахъ, голова ея опускается на грудь, руки безжизненно падаютъ внизъ; она спитъ, или кажется что спитъ, но особеннымъ сномъ, изъ котораго ничто не можетъ пробудить ее: ни шумъ, ни возбужденіе, щипки или уколы; сонъ этотъ вступаетъ внезапно. Продолжается онъ двѣ или три минуты; прежде былъ значительно длиннѣе; послѣ чего молодая дѣвушка пробуждается, но уже не въ томъ умственномъ состояніи, въ которомъ была передъ сномъ. Перемѣна полная. Она поднимаетъ голову, открываетъ глаза, съ улыбкой раскланивается съ приходившими; лицо ея проясняется, веселѣетъ, разговоръ становится живѣе; напѣвая, она продолжаетъ работу, начатую въ предшествовавшемъ состояніи; она встаетъ, ея походка легче, она не жалуется на боли, отъ которыхъ страдала нѣсколько минутъ назадъ; она входитъ въ обыкновенныя заботы по хозяйству, выходитъ изъ дому, отправляется въ городъ, навѣщаетъ знакомыхъ, начинаетъ новыя работы; ея манеры, веселость соответствуютъ возрасту здоровой молодой дѣвушки ея лѣтъ. Характеръ ея совершенно перемѣнился; изъ скучнаго сдѣлался веселымъ, живость ея доходитъ до шумливости; воображеніе воспримчивѣе; пустыя причины приводятъ ее въ веселое или грустное настроеніе; изъ равнодушной ко всему она становится чувствительной до крайности. Въ этой жизни, какъ и въ той, она безспорно обладаетъ выполнѣ всѣми умственными и нравственными способностями, хотя онѣ совершенно разнятся между собою; ни одной мысли, напоминающей бредъ, ни одного ложнаго сужденія, никакой галлюцинаціи; даже, напротивъ, всѣ ея способности дѣлаются какъ бы развитѣе, полнѣе. Эта вторая жизнь безъ физическихъ страданій несравненно выше настоящей, особенно по тому странному явленію, что впродолженіи ея Фелида помнитъ не только то, что происходило во время

*) Vgl. Trischbier, Hexenspruch und Zauberbann. Berlin, 24. Settan und Temm s. 268. Hintz s. 12, № 15.

ея прежнихъ припадковъ, но и всю свою нормальную жизнь; тогда какъ въ жизни нормальной не помнить ничего, что было во время припадковъ. По истеченіи трехъ, четырехъ часовъ, почти ежедневно, какъ это было въ 1858 г., веселое настроеніе Фелиды исчезаетъ, голова опускается на грудь и она впадаетъ въ оцѣненное состояніе, описанное нами выше; черезъ три, четыре минуты она вновь открываетъ глаза и возвращается къ своему обыкновенному состоянію. Переходъ этотъ едва замѣтенъ, такъ какъ она продолжаетъ свою работу съ особымъ прилежаніемъ; въ большей части случаевъ это шитье, начатое ею въ предшествовавшій періодъ; она не понимаетъ цѣли этой работы и чтобы понять ей потребно значительное умственное усиліе; тѣмъ не менѣе она продолжаетъ ее, сокрушаясь о своемъ несчастномъ положеніи; семья же, привыкшая къ этимъ случаямъ, старается по возможности уяснить ей это».

Если у кого-нибудь возникли сомнѣнія насчетъ совершеннаго раздѣленія этихъ двухъ существованій, они будутъ сейчасъ уничтожены слѣдующимъ разсказомъ.

«Фелида съ дѣтства была дружна, говоритъ докторъ Азамъ, съ однимъ восемнадцатилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ; молодые люди питали взаимную привязанность и дали слово вступить въ бракъ. Разъ Фелида, болѣе обыкновеннаго грустная, разсказала доктору со слезами на глазахъ, что болѣзнь ея усложняется, что животъ ея увеличивается и каждое утро она чувствуетъ позывъ къ тошнотѣ; однимъ словомъ, она вполне описываетъ признаки начинающейся беременности. По встревоженнымъ лицамъ окружающихъ, я возмѣлъ подозрѣнія, которыя скоро подтвердились, прибавляетъ докторъ. Дѣйствительно, въ скоро затѣмъ послѣдовавшемъ припадкѣ, въ присутствіи тѣхъ же самыхъ лицъ, Фелида говоритъ мнѣ: «Я хорошо помню, что вамъ сказала и вы легко могли понять, я безъ утерокъ признаюсь... я полагаю, я беременна». Во второй ея жизни беременность не пугала ее и она легко мирилась со своимъ положеніемъ... Забеременивъ во второмъ состояніи, она не подозрѣвала этого во время своей нормальной жизни. Незнаніе не могло продолжаться долго; сосѣдка, при которой она сдѣлала признаніе, болѣе недовѣрчивая, чѣмъ бы слѣдовало, думая, что Фелида играла комедію, напомнила ей объ этомъ послѣ припадка. Это открытіе такъ сильно подѣйствовало на молодую дѣвушку, что съ нею сдѣлались сильнѣйшія истерическія конвульсіи и только послѣ двухъ или трехъ часовъ съ трудомъ удалось успокоить ее. Этому ребенку, зачатоу во время припадка, теперь уже девятнадцать лѣтъ».

Большая часть врачей, членовъ института и медицинской академіи, которымъ наблюдатель сообщилъ эти факты, исходя изъ того соображенія, что наука произнесла уже свое послѣднее слово о подобныхъ явленіяхъ, признали сообщенные Азамомъ факты или ошибочными, или сильно преувеличенными. Но, очевидно, что наука не только не произносила своего послѣдняго слова о природѣ человѣческой души, но даже не сказала еще перваго.

Всѣ эти наблюденія относятся къ состоянію молодой дѣвушки въ 1858 и 1859 годахъ. Къ концу послѣдняго года эти явленія ослабли, Фелида счастливо разрѣшилась отъ бремени и сама кормила малютку. Къ тому же она вышла замужъ за молодого человѣка, отца ребенка. Сдѣлавшись мужемъ, онъ съ особенною заботою сталъ наблюдать за разными измѣненіями состоянія своей жены и пришелъ къ слѣдующему выводу: впродолженіи шестнадцати лѣтъ, у Фелиды изъ одиннадцати беременностей или выкидышей (включая въ то число и первую 1859 года) осталось въ живыхъ двое дѣтей. Вотъ еще замѣчательная особенность.

Второе состояніе, періодъ припадка, (въ 1858 и 1859 годахъ) занимавшій одну десятую часть ея существованія, понемногу увеличивался; сначала сравнялся съ нормальной жизнью, затѣмъ ее превзошелъ, такъ что составляетъ теперь уже обыкновенное состояніе и наполняетъ почти всю жизнь.

Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ.

Разъ Фелида, въ своемъ обыкновенномъ состояніи (т. е. во второмъ), возвращалась въ каретѣ съ похороны знакомой дамы; на возвратномъ пути, она чувствуетъ приближеніе того, что теперь называется припадкомъ (нормального состоянія); она засыпаетъ на нѣсколько секундъ, такъ что дамы, ѣдущія съ нею, не замѣчаютъ этого. Пробудясь, Фелида рѣшительно не понимаетъ, почему она въ траурной каретѣ, съ особами, которыя по обыкновенію хвалятъ качества покойницы, имени которой она не знаетъ. Привыкнувъ къ подобнымъ положеніямъ, она выжидаетъ; ловкими вопросами узнаетъ, что нужно, и никто не подозрѣваетъ о случившемся.

Умирать ея невѣстка послѣ продолжительной болѣзни. Впродолженіи немногихъ часовъ нормального состоянія, Фелида совершенно не помнить объ этой смерти и только по траурному платью догадывается, что ея невѣстка умерла, такъ какъ знала, что та опасно больна.

Дѣти ея причащались во время второго состоянія и въ первомъ, нормальномъ, она этого не помнитъ.

Приведемъ еще собственныя указанія Фелиды, сдѣланныя ею съ полной откровенностью.

Впродолженіи припадка или второго состоянія она болѣе горда, безпечна, занята своимъ туалетомъ, не столь трудолюбива и гораздо чувствительнѣе; въ этомъ состояніи она питаетъ къ окружающимъ ее сильную привязанность. Чѣмъ приписать эту разницу съ нормальнымъ положеніемъ? Тому ли, что въ нормальномъ она теряетъ воспоминаніе, тогда какъ во второмъ сохраняетъ его?

Чувства привязанности въ первомъ состояніи далеко не таковы; они ничѣмъ не выражаются; Фелида равнодушно относится къ окружающимъ ее; возстаетъ противъ естественной власти мужа: «Онъ мнѣ безпрестанно говоритъ: «я хочу», разсказываетъ она; — мнѣ это не нравится; вѣроятно, въ моемъ второмъ состояніи я допустила его до такой привычки». «Меня приводитъ въ отчаяніе, продолжаетъ она, — что я не могу отъ него ничего скрыть, хотя мнѣ нечего скрывать въ своей жизни. Да если бы и хотѣла, я не могла бы. Въ моемъ второмъ состояніи я ему выскажу все, что думаю».

Отсюда выводится естественное заключеніе: у мужа Фелиды какъ бы двѣ жены, совершенно не похожія одна на другую; одна весела, мила, любезна, ласкова; другая задумчиваа грустна и слишкомъ молчалива. Можно навѣрное предположить, что онъ не любитъ ихъ одинаково и, вѣроятно, очарованія одной не разъ заставили его быть невѣрнымъ другой!

Какъ характеризовать состояніе этой интересной женщины? Представляетъ ли она раздвоеніе жизни, раздвоеніе личности? Случай-ли это двойного сознанія? Если это измѣненіе памяти, которое, измѣняя одно свойство человѣческаго организма, оставляетъ неприкосновенными всѣ остальные умственные способности?

Въ которомъ бы состояніи ни спросили Фелиду, что она думаетъ о себѣ, она никогда не считаетъ и не считала себя другимъ лицомъ и вполне сознаетъ, что она всегда остается самой собою. Тѣмъ не менѣе въ ней два существованія, независимыя одно отъ другого, двѣ жизни, нѣкоторымъ образомъ, двѣ души. Въ настоящее время ея второе состояніе сдѣлалось почти нормальной жизнью.

Теперь ей тридцать пять лѣтъ, живетъ она въ семьѣ съ мужемъ и дѣтьми, оставшимися въ живыхъ. Она безспорно представляетъ для фізіолога и философа въ высшей степени интересный предметъ для анализа, для познанія человѣческой природы.

(Продолженіе.)

Глава IX.

Гудара тревожитъ его счастье.

Вѣсть о свадьбѣ Сесиль Тюссо съ Гударомъ, послѣ происшедшаго скандала, естественно, привела въ изумленіе весь околосокъ. Злые языки говорили, что Сесиль разыграла комедію самоубійства только для того, чтобы освободиться отъ своего стараго любовника и даже на Гудара пало подозрѣніе, что онъ былъ уже ея вторымъ любовникомъ и соучастникомъ въ преступномъ дѣлѣ. Всѣ старыя дѣвы, всѣ горбатыя, косыя, хромыя и уродливыя дочери Евы, тѣсно вздыхавшія по женихамъ, рвали на части хорошенькую невѣсту. Но онѣ не знали правды; чтобы онѣ сказали, еслибъ имъ было все извѣстно?

Домъ Тюссо принялъ снова праздничный видъ; съ утра до вечера тамъ сновали модистки и бѣлошвейки.

— Я теперь спокоенъ, говорилъ Тюссо, — я увѣренъ въ своей дочери. У нея желѣзный характеръ; она долго раздумываетъ, но если дала обѣщаніе — вы можете быть увѣрены, что она сдержитъ его.

Сесиль удивительно измѣнилась. Ея прелестное лицо было всегда серьезно и лишь повременамъ на нее находили странныя, нервныя вспышки громкаго смѣха, отъ котораго становилось какъ-то жутко. Одна мать понимала настоящую причину этой минутной искусственной веселости, за которой слѣдовали дни мрачнаго унынія и безсонныя ночи. Она безпокоилась о бѣдной дочери, а сосѣдки приписывали ея грусть ревности къ Сесиль, выходившей замужъ за ея любовника.

Гудара также, хотя совершенно иначе, тревожили эти вспышки веселости и онъ вспоминалъ съ замираніемъ сердца послѣднія слова, произнесенныя Сесиль наканунѣ свадьбы: «Я вамъ сказала, г. Андре, что привыкла повиноваться родителямъ и теперь сдѣлаю то, что они сочтутъ для меня полезнымъ. Но вы знаете, какія чувства питаю я къ вамъ, вы не хотите обратиться на это вниманія, хорошо, но вы будете отвѣтственны за все, что можетъ случиться». Тогда онъ ехидно усмѣхнулся, пожалъ плечами и глаза его злобно засверкали, но теперь эта фраза не давала ему покоя. А что, если побѣжденная судьбой, не хотѣвшей ея смерти, Сесиль подчинилась волѣ родителей и выходила за него замужъ изъ «привычки повиноваться», но съ твердой рѣшимостью исполнить свою угрозу, ясно выразившуюся въ

ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

ПАБЛО САРАСАТЕ.

Рисоваль Н. Т. Малышевъ, рѣзалъ на деревѣ Діаментовскій.

шептала ей что-то на ухо. Сесиль улыбалась, чтобы успокоить ее.

Въ три часа ночи, по совѣту хорошенькой блондинки г-жи Буланъ, вышедшей недавно за третьяго мужа и знавшей прекрасно все мелочныя подробности свадебнаго церемоніяла, г-жа Тюссо незамѣтно проводила молодых до кареты, чтобы «не разстроить танцевъ». Дальнѣйшее правило церемоніяла хорошенькой блондинки требовало, чтобы мать молодой проводила ее до дома и присутствовала при ея раздѣваніи съ цѣлью показать семьѣ мужа «какое у жены тонкое бѣлье», но это не состоялось.

— Оставь меня, мама, рѣшительно сказала Сесиль, — я хочу быть одна съ нимъ.

Адель съ горемъ въ сердцѣ вернулась къ гостямъ.

Очутившись въ каретѣ наединѣ съ женою, Гударь взялъ ее за руку. Сесиль не отдернула ее.

— Милая Сесиль, сказалъ онъ, привлекая ее къ себѣ, — ты опять заставила меня ужасно страдать. Я молчалъ изъ приличія, но намъ слѣдовало бы теперь объясниться.

— Я съ вами согласна, Андрэ; вы хотите объясненія; оно будетъ не длинно.

— Если тебѣ угодно ты можешь сохранить это кольцо, но...

— Не продолжайте. Я буду носить одно это кольцо и никакое другое.

— Что ты? сказалъ онъ нѣжно, — вѣдь мы женаты, ты моя жена.

— Да, но только для свѣта.

— Что это значитъ?

— Это значитъ, что я никогда не буду женою подлеца, силой сдѣлавшагося любовникомъ моей матери.

— О! воскликнулъ Гударь, остоленѣвъ и смотря на Сесиль съ глупымъ выраженіемъ лица.

Сесиль была спокойна и говорила безъ всякаго возбужденія, но съ замѣтнымъ удареніемъ на каждомъ словѣ. Гударь теперь понялъ перемѣну, происшедшую въ молодой дѣвушкѣ; она исполняя обдуманнй заранѣе планъ — она метила. Ему стало стыдно.

— А твоя мать тебѣ все рассказала? сказалъ онъ. — Странное воспитаніе... Но перейдемъ къ дѣлу. Ты не хочешь быть моей женой, что же ты намѣрена дѣлать?

— Вы поймете меня легко. Мы женаты для свѣта, этого достаточно для моей цѣли.

— Но если ты такъ презирала человѣка, который, по словамъ твоей матери, былъ ея любовникомъ, то не слѣдовало выходить за него замужъ. Ты не можешь сказать, чтобы на этотъ разъ я насильствовалъ твою волю...

— Я знаю, что мой отецъ былъ бы раззоренъ, еслибъ вы, обезчестивъ его жену, не получили его дочери.

При всякомъ сопротивленіи злобная натура Клячи брала верхъ надъ всеми другими его чувствами.

— Ну, голубушка, сказалъ онъ, цинично засмѣявшись, — неужели ты думаешь, что если ты будешь моей женой только для смѣха, то я спасу отъ раззоренія фирму Адель Тюссо и К^о?

— Сегодня по закону я имѣю половину вашего состоянія.

— Ты думаешь?

— Я это знаю.

— Однако, для молоденькой дѣвушки ты отлично умѣешь обдѣлывать свои дѣлишки... ты сказала себѣ: мама мнѣ передала, что Андрэ подлецъ и силой опозорилъ ее, я отомщу за маму, выйду за него замужъ; у меня нѣтъ ничего, кромѣ семейства, а у него много денегъ; на другой день послѣ моей свадьбы, я буду также богата, какъ онъ, и вправѣ передать прибрѣтенное отъ

мужа богатство, родителямъ, устроившимъ вмѣстѣ со мною это чистенькое дѣльце... Я слишкомъ честная молодая дѣвушка, чтобы имѣть какія-нибудь отношенія съ господиномъ, который былъ любовникомъ моей матери... я выйду за него замужъ и первую брачную ночь мы проведемъ каждый въ своей комнатѣ.

— Вы совершенно вѣрно передаете мой планъ.

— И ты думала, что тебѣ удастся эта исторія. Ты думала, Гударь болванъ, его все боится; но я его укрошу и приберу къ рукамъ.

— Да, я и это думала, спокойно повторила Сесиль.

— Но ты забыла одно, что когда маленькія дѣвочки не слушаются — ихъ наказываютъ и когда онѣ не хотятъ идти, ихъ ведутъ за руку. Я такъ и поступлю. Конечно, все это очень оригинально и даже отчасти забавно... но прежде, чѣмъ довести меня до строгихъ мѣръ, выслушай, что я тебѣ скажу.

— Я васъ слушаю.

— Твоей матери вздумалось рассказать тебѣ то, что еслибъ оно и было правдой, она должна бы скрывать отъ тебя болѣе, чѣмъ отъ всѣхъ, но это ложь, я никогда не былъ любовникомъ твоей матери.

Сесиль взглянула на него и пожала плечами.

— Въ васъ еще осталось чувство брезгливости, сказала она, — это я цѣню. Но я знаю, г. Гударь, что вы были не любовникомъ моей матери, а подлецомъ, сдѣлавшимъ ее жертвой...

— Она вамъ сказала...

— Моя мать ничего мнѣ не говорила. Я сама слышала, какъ вы однажды мучили и оскорбляли ее съ цѣлью вырвать у нея согласіе на постыдный бракъ, совершенный сегодня...

— Хорошо. Если ты сама слышала, тѣмъ хуже для тебя. Окончимъ эту комедію. Теперь уже поздно, надо было подумать объ этомъ сегодня утромъ и... если вамъ такъ угодно, я не стану церемониться съ вами.

Сесиль ничего не отвѣчала. Она была совершенно спокойна и, что особенно бѣсило Гудара, она, повидимому, была убѣждена въ своей силѣ укротить его.

— Придуманная вами шутка была бы очень забавна, еслибъ я согласился на нее, продолжалъ Гударь, пожимая плечами, — ты читала въ романахъ, что молодая дѣвушка, выйдя замужъ, оставалась цѣломудренной... Такъ вотъ почему ты настаивала на двухъ отдѣльныхъ комнатахъ, а я думалъ, что это капризъ дѣвочки, вдругъ разбогатѣвшей, которая хочетъ сохранить всю поэзію брака и боится, чтобы мужъ не засталъ ее въ неавантажную минуту. Это было бы значитъ не капризъ, а заранѣе обдуманнй планъ моей дѣвушки-жены. Но, милая Сесиль, пора спуститься съ облаковъ фантазіи на землю. Ты будешь г-жей Гударь, настоящей женой и доброй хозяйкой.

Карета остановилась.

— Мы пріѣхали на лобное мѣсто, прибавилъ онъ, — хочешь выйти.

Сесиль презрительно пожала плечами.

— Сдѣлайте одолженіе, сказала она, — не вмѣшивайте кучера въ наши объясненія.

Онъ молча протянулъ ей руку. Она вышла изъ кареты, укутавшись въ шубу и держа въ рукахъ маленькій кожаный мѣшокъ, въ которомъ, вѣроятно, лежали предметы туалета.

— Я вамъ сказала, что для свѣта я жена, о которой вы мечтали, сказала Сесиль шепотомъ, опираясь на его руку и наклоняя свою голову къ его плечу.

— Пойдемъ, пойдемъ, Сесиль, сказалъ онъ съ громкимъ смѣхомъ.

Привратникъ ждалъ новобрачныхъ, освѣтилъ блестящимъ образомъ лѣстницу и положилъ на ступени коверъ. Онъ низко поклонился счастливой четѣ, а жена его замѣтила мужу:

— Она очень хорошенькая и, кажется, обожаешь его. Они будутъ славной парочкой.

— Онъ отличный человѣкъ. Все женщины, которыя ходили къ нему, были отъ него безъ ума.

Гударь отворилъ дверь своей квартиры и, проводя жену въ спальню, ушелъ въ кресло.

— Вотъ твоя комната, Сесиль, сказалъ онъ со смѣхомъ, — попробуй меня отсюда выгнать.

— Вы въ первый и въ послѣдній разъ въ этой комнатѣ, отвѣчала она рѣшительно.

Гударь посмотрѣлъ на нее пристально, сомнѣваясь не подѣйствовала ли болѣзнь на ея рассудокъ.

— Послушай, Сесиль, произнесъ онъ нѣжно, — мы теперь одни у себя; поговоримъ серьезно. Я женился для того, чтобы имѣть хорошую хозяйку и добрую мать семейства.

Сесиль, стоя у зеркала и снимая вѣнокъ съ головы, сказала спокойно, медленно:

— Для свѣта я буду всеѣмъ этимъ. На мертвомъ тѣлѣ единственнаго человѣка, котораго я любила, люблю и буду любить, я поклялась никогда не принадлежать никому другому. Я вдова, Андрэ, и черезъ шесть мѣсяцевъ буду матерью.

Лицо Гудара страшно измѣнилось. Онъ бросился на жену грозный, ужасный.

— Что ты говоришь? воскликнулъ онъ, — ты лжешь.

Сесиль выпрямилась во весь ростъ и, смотря прямо въ глаза Гудару, отвѣчала рѣшительнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, я не лгу, я вдова. Кольцо, которое вы хотѣли сорвать у меня съ пальца, надѣлъ мнѣ Морисъ въ ночь нашего брака. Простившись съ вами, въ памятный вечеръ, три мѣсяца тому назадъ, и сказавъ вамъ: «пеняйте на себя, вы будете отвѣтственны за все, что можетъ произойти», я отправилась къ Морису и отдалась ему. Я общалась ему, что буду женой только его одного. Остальное вы знаете... черезъ шесть мѣсяцевъ я буду матерью.

Это безстыдное хладнокровіе, это мгновенное превращеніе молоденькой дѣвочки въ смѣлую женщину привело въ туникъ Гудара. Онъ бросился съ сжатыми кулаками на Сесиль, но остановился и какъ бы приросъ къ землѣ. Его провели, какъ дурака. Онъ былъ теперь соединенъ вѣчными узами съ женщиной, которая приносила въ его домъ ребенка отъ другого человѣка.

— И ты думала, что я соглашусь на эту гнусную роль?

— По неволѣ согласитесь.

— А ты не подумала, что ты теперь моя жена, моя вещь и что я могу во зло употребить свои права?

— Я убѣждена, что вы этого не сдѣлаете.

— Я тебя задушю... а твоему ребенку разможду голову объ стѣну.

— Вы будете со мною почтительны, г. Гударь, сказала Сесиль, вынимая что-то изъ кожаннаго мѣшка.

— Ты моя жена и мнѣ нечего уважать тебя. Ты презрѣнная тварь и я такъ и буду обращаться съ тобою. Ну, скорѣе снимай подвѣчное платье.

Говоря это, Гударь съ злобой усмѣшкой сорвалъ съ себя бѣлый галстукъ, растегнулъ душившій его воротничекъ и, стиснувъ кулаки, бросился на Сесиль. Но въ ту же минуту передъ его глазами блеснуло дуло пистолета.

— Если вы дотронетесь до меня, я застрѣлю васъ, какъ собаку, сказала рѣшительно Сесиль, поднимая маленькій револьверъ.

Гударь отшатнулся. Голова его поникла, руки опустились.

— Г. Гударь, продолжала Сесиль, — вы внесли въ нашъ домъ горе и позоръ; сегодня я плачу

вамъ тѣмъ же. Вы разбили мою жизнь, я сегодня разбила вашу. Мы соединены на вѣки и вмѣсто любви вы найдете во мнѣ невинность; я буду ежедневнымъ, ежеминутнымъ укоромъ вашей совѣсти, вашей страшной карой. Ваша гордость будетъ уничтожена; я знала, что вы трусы и что я укрошу васъ, потому что не боюсь смерти. По вашей милости умеръ Морисъ и его ребенокъ остался бы безъ отца, поэтому вы, по справедливости, должны дать ему отца и имя, которое вы у него отняли. Онъ будетъ вашимъ законнымъ сыномъ, чтобы вы ни дѣлали. Если у васъ хватитъ мужества или цинизма требовать судомъ развода, то все же мой ребенокъ будетъ признанъ вашимъ и получить часть вашего состоянія. Вы прогнали Мориса отъ моего отца и вамъ придется воспитывать его сына. Ну, г. Гударъ, теперь уже поздно, не угодно-ли вамъ уйти къ себѣ въ комнату.

Говоря это, Сесиль хладнокровно играла револьверомъ. Гударъ стоялъ посреди комнаты, съ опущенной головой и широко открытыми глазами. Онъ ничего не видѣлъ, ничего не понималъ. Крупныя капли холодного пота выступили на его лицѣ. Въ головѣ у него помутилось и онъ едва переводилъ дыханіе. Онъ былъ совершенно уничтоженъ и безсознательно повторялъ одни и тѣ же слова:

— Морисъ былъ ея любовникомъ.

— Прощайте, Андрэ, прибавила Сесиль.

Онъ машинально сталъ пятиться къ двери, хватаясь за мебель, чтобы не упасть. Войдя въ соседнюю комнату, онъ остановился и припалъ головой къ стѣнѣ. Мало-по-малу онъ пришелъ въ себя, растегнулъ одежду и сталъ свободнѣе дышать.

Оставшись одна въ своей комнатѣ, Сесиль не затворила двери и прислушивалась къ удалявшимся шагамъ Гудара. Когда эти шаги замерли, она подошла къ туалету и положила револьверъ, но не стала раздѣваться, а только распустила свои волосы. Она знала хорошо Гудара и боялась, что онъ вернется. Онъ былъ пораженъ, но еще не побѣжденъ. Не желая быть застигнутой върасплохъ, она оставила дверь отворенной и не спускала съ нея глазъ.

Между тѣмъ, Гударъ, прислонясь къ стѣнѣ, думалъ. Онъ не могъ постигнуть, чтобы молодая дѣвушка, которую онъ ребенкомъ носилъ на рукахъ, этотъ ангелъ чистоты и цѣломудрія, была любовницей Мориса.

— Она его любитъ и теперь, сказалъ онъ. Онъ злобно засмѣялся и вернулся въ спальню.

— Это я, Сесиль, сказалъ онъ нѣжнымъ голосомъ, предварительно постучавъ въ притолку двери.

Сесиль тотчасъ была на сторожѣ и положила руку на револьверъ.

— Войдите, отвѣчала она.

Онъ вошелъ и тицетно она старалась прочесть на лицѣ Гудара его затаенныя мысли.

— Сесиль, дитя мое, продолжалъ онъ тѣмъ же нѣжнымъ тономъ, — ты понимаешь, что этотъ ударъ тяжело поразилъ меня. Я не ожидалъ такой жестокой кары. Что же дѣлать, ты любила, ты любишь... Лучше жить намъ такъ, какъ ты говоришь; иначе невозможно, зная то, что мы знаемъ другъ про друга. Ты будешь моею женою, вотъ и все, твой сынъ будетъ моимъ сыномъ, онъ получитъ все мое состояніе, но я по закону буду его повелителемъ. Ты будешь вести жизнь одинокую, мы только станемъ поддерживать тѣ дружескія отношенія, которыя обязательны въ глазахъ свѣта. Но если я, какъ ты говоришь, внесу безчестіе въ твой домъ, то я не позволю, чтобы тоже случилось въ моемъ домѣ.

— За кого вы меня принимаете?

— Позволь мнѣ поставить и свои условія. Я тебя выслушалъ и буду повиноваться, я требую отъ тебя того же.

Сесиль смотрѣла на него съ безпокойствомъ, спрашивая себя, какая западня скрывалась подъ этой болтовней.

— Если я дотронуся до тебя, ты меня убьешь, продолжалъ Гударъ, — хорошо, это условленно. Но если сюда когда-нибудь войдетъ другой человѣкъ, кромѣ меня, то будь увѣрена, что я его убью. Что съ тобой будетъ, мы увидимъ...

Сесиль молча пожала плечами.

— И такъ, этотъ вопросъ порѣшенъ и мнѣ остается только сказать тебѣ, Сесиль, что одно изъ обвиненій, взводимыхъ тобою на меня, совершенно ложно. Ты говоришь, что я былъ причиною смерти Мориса...

— Ну?

— Ты теперь моя жена и помни, что ты вышла за меня по своей волѣ. Ты ошибаешься, красавица, Морисъ не умеръ, онъ живъ... и ты не можешь быть его женою.

— Морисъ живъ! воскликнула внѣ себя Сесиль; — это невозможно!

— Милая Сесиль, клянусь тебѣ, что Морисъ живъ... и завтра я сообщу ему о нашей свадьбѣ. Прощай, Сесиль, доброй ночи, моя красавица, прибавилъ Гударъ съ улыбкой.

И, выйдя изъ комнаты, онъ затворилъ за собою дверь.

Сесиль посинѣла. Она провела рукой по глазамъ, чтобы отогнать мрачное облако, вдругъ опустившее ихъ. Она схватилась за кровать, потомъ, сдѣлавъ шага два, зашаталась и, повторяя: «Морисъ живъ!» упала безъ чувствъ на полъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Полдникъ. Францъ Дефреггеръ, уже въ молодыхъ лѣтахъ завоевавшій себѣ извѣстность въ Европѣ, принадлежитъ безспорно къ числу лучшихъ современныхъ художниковъ по части того безхитростнаго жанра, второй, съ легкой руки Мейсонье, Б. Вотье, Л. Кнауца, все болѣе и болѣе развивается въ Европѣ, напоминая содержаніемъ своихъ картинъ содержаніе картинъ старыхъ фламандцевъ въ родѣ Тенъера. Большая часть картинъ Ф. Дефреггера воспроизводитъ сцены изъ народной жизни родного ему Тироля. Лежащая передъ нами картина тоже изображаетъ семью тирольцевъ, гдѣ старшая сестра приготавливаетъ и дѣлитъ младшимъ членамъ семьи полдникъ. Въ подобныхъ картинахъ эффекты находятся на второмъ планѣ и прежде всего зрителя привлекаетъ къ картинѣ или предельная поэзія или тонкость юмора. Этими качествами и отличаются картины Ф. Дефреггера, хотя онъ умѣетъ быть и драматичнымъ въ высокой степени, что доказала его картина изъ временъ борьбы за освобожденіе Тироля, — картина, произведшая сильное впечатлѣніе на берлинской выставкѣ.

Утренній туалетъ. Швейцарецъ Веняминъ Вотье — одинъ изъ создателей или, лучше сказать, одинъ изъ воскресителей того жанра, о которомъ мы сейчасъ говорили, — онъ беретъ свои сюжеты вездѣ: на улицѣ, на дворѣ, въ кабачкѣ, въ деревенской избѣ и никогда не гонится за тѣмъ, чтобы сюжетъ былъ эффектенъ. Ему нужна правда въ картинѣ — и только. Но сила таланта и умѣнье мастера такъ велики, что вы не можете оторвать глазъ отъ этихъ выхваченныхъ изъ жизни сценокъ, всегда вѣющихъ здоровьемъ и трезвостью взглядовъ художника. Въ картинѣ «Утренній туалетъ» прекрасно схваченъ типъ здоровой молодой дѣвушки изъ простонародья, одѣвающейся безъ всякой церемоніи на дворѣ, вѣроятно, потому, что въ комнатахъ темно или

потому, что ей не хочется никого будить тамъ. Въ подобныхъ картинахъ всегда важны аксесуары и Вотье, подобно Л. Кнауцу, исполняетъ ихъ мастерски.

Ограбленная. Ярославъ Чермакъ — одинъ изъ славянскихъ художниковъ, составившихъ себѣ имя въ европейскомъ художественномъ мірѣ. Его картина «Ограбленная» относится къ событіямъ прошлой войны славянъ съ Турціей. Дѣло происходитъ въ горахъ; нѣсколько башни-бузукъ несутся по дорогѣ въ горы; они только что ограбили и опозорили женщину, которая лежитъ, уже мертвая, на травѣ. Эта тоже тема, которую разрабатывалъ въ своей извѣстной и прекрасной картинѣ К. Е. Маковский. Чермака не безъ основанія упрекаютъ за искусственность позы «ограбленной»: тѣло слишкомъ спокойно, слишкомъ театральнo лежитъ на травѣ и потому не сразу производитъ то потрясающее впечатлѣніе, которое желалъ вызвать въ зрителѣ авторъ картины.

Новости наукъ и жизни.

— **Брэтъ-Гартъ.** На-дняхъ, въ концертной залѣ сиденгемскаго хрустальнаго дворца (въ Лондонѣ) Брэтъ-Гартъ читалъ изъ рукописи, въ присутствіи многочисленной публики, нигдѣ еще не изданную новеллу «Аргонавты 1849 г.», въ которой описывается Калифорнія тридцать лѣтъ тому назадъ, во время наплыва туда золотоскателей.

— **Латышскій театръ.** «Балтійскій Вѣстникъ» сообщаетъ, что въ имѣніи Лоддигеръ, въ Лифляндіи, принадлежащемъ барону Кампенгаузену, происходило, 31 декабря прошлаго года, освященіе новаго латышскаго народнаго театра, устроеннаго въ верхнемъ этажѣ постоялаго двора при мѣстной церкви.

— **Замѣчательный теноръ.** Въ Римѣ производить фуроръ замѣчательный теноръ, монахъ францисканскаго ордена Дель-Папа; нѣвнѣ его въ римскихъ церквахъ произвелъ рѣшительный фуроръ. Сила и вмѣстѣ задумчивость его голоса живо напоминаютъ знаменитаго Рубини, и въ настоящее время у него нѣтъ соперниковъ; говорятъ, что онъ оставляетъ орденъ и появится скоро на публичной сценѣ.

— **Выставка.** Картина Макса «Ликъ Спасителя», которая была выставлена до сихъ поръ въ с.-петербургскомъ собраніи художниковъ, перенесена въ «общество поощренія художниковъ» (близъ Синяго моста, Большая Морская, № 40), гдѣ будетъ выставлена съ четверга, 25 сего января, еще на не продолжительный срокъ, ежедневно отъ 10 до 4 часовъ.

— **Легенда о чумѣ.** «Новое Время» передаетъ слѣдующую легенду, которую сообщившему ее лицу довелось слышать въ концѣ 60-хъ годовъ въ Каширскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи. Вотъ какъ описываетъ эта легенда происхожденіе страшной болѣзни. «Жилъ былъ добрый молодецъ, полюбилась ему красная дѣвица, да полюбилась не надолго; стала красная дѣвица его укорять, рассердился молодецъ, схватилъ красную дѣвицу и въ рѣкѣ Волгѣ потопилъ. Была-жъ та красная дѣвица по матери съ родни царю водяному, и вотъ царь водяной за такой позоръ порѣшилъ молодца наказать. Повелѣлъ онъ красной дѣвицѣ русалкой стать; силу, власть чудодѣйственную ей далъ, воду мертвую указалъ. Ходитъ молодецъ съ новой любушкой по берегу, нѣспи сладкія распѣваетъ ей. Слышитъ молодецъ зовутъ его по имени, по отчеству. Садитъ молодецъ любушку подъ дерево, а самъ къ берегу на зовъ идетъ. «Кто меня зоветъ, кто спрашиваетъ?» Видитъ красная дѣвица, имя покинутая, изъ рѣки выглядываетъ, въ царство подводное жить съ ней зоветъ, силою взять обѣщается. Испугался молодецъ, хочетъ къ любушкѣ бѣжать, ноги не двигаются, а дѣвица водяная мертвой водой на него кропитъ и гдѣ капля ее падетъ, тамъ пятно черное, огневое поидетъ. Проклинаетъ его дѣвица, на горе людямъ, по бѣду свѣту вѣки вѣчные скитаться осуждаетъ. Бредетъ молодецъ къ своей любушкѣ, самъ огнемъ горитъ. Увидала она его, испугалась, бѣжать бросилась и съ тѣхъ поръ

бродить безъ кола, двора, по бѣлу свѣту. Гдѣ пройдетъ — морь пойдетъ, люди валятся, язвой злой покрываются. Исходилъ весь міръ, поѣхалъ Москву, за морями бывалъ, а пристанища не нашелъ себѣ молодецъ».

— **Небывалая экспедиція.** Въ мартѣ этого года изъ Лондона отправится къ сѣверному полюсу новая экспедиція, подъ начальствомъ капитана Гейнса. Экспедиція эта постарается проникнуть туда на кораблѣ, насколько это окажется возможнымъ. Но если льдины не дозвоятъ дальнѣйшаго плаванія, то экспедиція будетъ продолжаться на воздушномъ шарѣ. Для этой цѣли взяты съ собою три гигантскихъ шара и необходимое количество газа въ сгущенномъ видѣ. Въ случаѣ надобности, шары, къ которымъ прикрѣплены лодки, сани и пр., спускаются, и поѣздка продолжается по льду.

— **Крупные алмазы.** Недавно въ Африкѣ въ алмазныхъ копяхъ, арендуемыхъ капитаномъ Джономъ, найденъ алмазъ, вѣсящій не менѣе 244 каратовъ, который, слѣдовательно, по своимъ размѣрамъ равняется трети «коинура». Правда, замѣчаетъ газета «Standart», этотъ алмазъ не чистѣйшей воды, — недостатокъ присущій всѣмъ алмазамъ Африки, — онъ слегка отдаетъ въ желтизну, но безъ малѣйшаго порока и, по мнѣнію экспертовъ, на судъ которыхъ онъ былъ представленъ, можетъ быть граненъ брилліантомъ съ небольшою сравнительно потерей. Это, конечно, сильно вліяетъ на стоимость неотдѣланнаго камня. Такъ, напримѣръ, «коинуръ» потерялъ при граненіи болѣе двухъ третей вѣсу и величины; онъ вѣсилъ 900 каратовъ; теперь же только 270. Если алмазъ капитана Джона, такъ его, вѣроятно, будутъ звать, потеряетъ не болѣе половины вѣса въ рукахъ брилліанщиковъ, онъ будетъ вѣсить 122 карата, почти половину «коинура». Во всякомъ случаѣ, это опасный соперникъ знаменитому алмазу Санси. До алмаза Джона, въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, года три назадъ былъ найденъ другой знаменитый алмазъ Спальдинга, вѣсившій 288½ каратовъ; слѣдовательно, на цѣлую треть больше сокровища капитана Джона. Однакожъ, разница между ними не столь значительна: если меньшій при граненіи потеряетъ такъ немного, какъ надѣются, онъ можетъ въ окончательной отдѣлкѣ затмить Спальдинга. Замѣчательно, какъ до сихъ поръ мало крупныхъ алмазовъ: особенно большихъ размѣровъ насчитываютъ не болѣе двадцати, и вообще не болѣе двухъ сотъ, о которыхъ стоило бы упомянуть. Самый крупный, въ подлинности котораго не можетъ быть никакого сомнѣнія, принадлежитъ раджѣ Матранскому, онъ

на цѣлую треть больше коинура; нѣсколько лѣтъ тому назадъ за него предлагали раджѣ два военные брига въ полномъ вооруженіи и полмилліона долларовъ. Это щедрое предложеніе было отвергнуто, потому что камень этотъ считается добрымъ талисманомъ, отъ котораго находится въ зависимости судьба династїи раджи. Коинуръ, напротивъ, приноситъ своимъ владѣльцамъ только несчастье. По словамъ генерала Фитча, индусы вѣрятъ, что владѣніе этой драгоцѣнностью гибельно, «монгольская династія, говорятъ они, выродилась съ тѣхъ поръ, какъ Арунзебъ завладѣлъ коинуромъ; онъ же принесъ несчастье фамилїи Ренджитъ-Синга. Престарѣлый владѣтель Пенджаба, желая избавиться отъ его дурного вліянія, завѣщалъ «гору свѣта» храму Джагерната, но его наслѣдники пожалѣли разстаться съ нимъ. Судьба ихъ извѣстна.

— **Серебряные рудники.** Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Утахской территоріи (лежащей между Орегономъ, Колорадою, Новой Мехикой и Невадой), найдены въ изобилїи чрезвычайно богатые серебряныя руды. На склонахъ горы встрѣчаются во многихъ мѣстахъ обнаженія серебряносныхъ жилъ, которыя могутъ удобно разрабатываться штольнями. Повидимому, Утаху суждено стать для серебра тѣмъ же, чѣмъ была Калифорнія для золота.

— **Возмутительное преступленіе.** Завѣдывающій везинскимъ приходомъ (между Версалью и С. Жер-Монсиньори) Маре, бывшій «Cameriere Segreto» Пія IX, епископъ «in partibus» и почетный каноникъ бордоскаго собора на-дняхъ арестованъ при версальской тюрьмѣ по обвиненію въ преступленіи противъ нравственности, совершенномъ имъ надъ 13-ти-лѣтней дѣвочкой. Мать этой дѣвочки обратилась сперва было съ жалобой къ версальскому епископу, но не была допущена предъ свѣтлые его очи. Тогда она заявила о случившемся везинскому мэру. Справки, наведенныя мэромъ у нѣсколькихъ дѣвушекъ, ходившихъ на исповѣдь къ Маре, обнаружили такіе вопіющіе факты, что прокурорскій надзоръ предписалъ немедленно арестовать почтеннаго монсиньора, который тѣмъ временемъ собирался уже бѣжать. Жандармы съ трудомъ лишь могли защитить Маре отъ разъяренной толпы, угрожавшей убить его тутъ же на мѣстѣ.

— **Кабинетная лампа.** Въ Петербургѣ появилась кабинетная электрическая лампа Ренье, бывшая, между прочимъ, на послѣдней парижской выставкѣ. Испытанія этой лампы, произведенныя въ лабораторіи артиллерійской академіи, показали, что она даетъ весьма прїятный и ров-

ный свѣтъ, при употребленіи десяти элементовъ Бунзена, снаряженныхъ азотною кислотой. Фотометрическія опредѣленія, произведенныя генераломъ Федоровымъ и полковникомъ Котиковымъ, показали, что при десяти бунзеновскихъ элементахъ сила свѣта этой лампы въ 47 разъ сильнѣе силы свѣта обыкновенной стеариновой свѣчи и въ 6,5 разъ сильнѣе свѣта газового рожка, сжигающаго въ часъ 10 куб. футовъ газа.

— **Кораблекрушенія.** По статистическимъ свѣдѣніямъ, обнародованнымъ британскимъ адмиралтействомъ, въ минувшемъ 1878 году, было 1,594 кораблекрушенія, причемъ лишилось жизни 4,000 человекъ и погибло имущества на 105,000,000 рублей.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Мужъ и жена (продолж.).—Сестра милосердія (продолж.).—Во время войны.—Карлъ Федоровичъ Гунъ.—Стихотв. «Два желанія».—Практическія послѣдствія суевѣрія (продолж.).—Раздвоеніе жизни.—Иза (продолж.).—Къ рисункамъ.—Новости наукъ и жизни.—Объявленіе. Гравюры: Портретъ К. Гуна.—Катанье въ деревнѣ.—Утренній туалетъ.—Тирольская семья.—3 рис. къ ст. К. Гуна.—Сборъ первевъ и Страусы на водопадѣ. Къ ст. «Разведеніе страусовъ».—Ограбленная.—Портретъ П. Сарасате.

Продолженіе повѣсти Северина „Козлы отпущенія“ будетъ напечатано въ слѣдующемъ номерѣ, такъ же, какъ и біографія П. Сарасате.

Отъ Редакціи. Нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ, не получавшихъ «Жив. Об.» въ прошломъ году, заявляя Редакціи о своемъ желаніи пріобрѣсти первые шесть двойныхъ листовъ „Гигіены“, разосланныхъ гг. подписчикамъ прошлаго года, какъ бесплатное приложеніе, — хотятъ знать, по какой цѣнѣ они могутъ получить эти листы. Собственно для гг. подписчиковъ Редакція назначаетъ за первые шесть двойныхъ листовъ „Гигіены“ 45 коп. безъ пересылки и 60 коп. съ пересылкой.

Подписчики нынѣшняго года получаютъ Гигіену съ 7-листа. Нумерація „Гигіены“ ведется по столбцамъ; также обозначаются и листы. Такимъ образомъ, 7-й двойной листъ состоитъ изъ 13-го и 14-го одиночныхъ листовъ и первый столбецъ его занумерованъ цифрою 193.

Издатель-Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

Объ изданіи ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Гг. годовые подписчики получаютъ бесплатную литературную иллюстрированную премію. — Гг. годовымъ подписчикамъ выдаются двѣ первыя преміи, состоящія изъ олеографическихъ картинъ.

Редакція разошлетъ своимъ подписчикамъ въ видѣ четвертой преміи гравюру, длиною 1 арш. 4 верш., шириною 13 верш. Гравюра эта «Мадонна» составляетъ копію съ картины Мурильо. Она вырѣзана на стали. Стальная доска, какъ образецъ художественнаго исполненія, была на парижской всемірной выставкѣ 1878 года. Гравюра такъ хороша, что, вставленная въ рамку, можетъ быть повѣшена въ любой гостиной.

Гг. иногороднымъ подписчикамъ всѣ три художественныя преміи будутъ посланы одновременно, въ трубкѣ изъ папки, безъ особой приплаты за пересылку.

Гг. подписчики получаютъ втеченіи года нѣсколько художественныхъ приложеній, подобныхъ разосланной при первомъ номерѣ копіи съ картины профессора Семирадскаго «Христіане, пробирающіеся изъ Катакомбъ».

Гг. подписчики будутъ получать «ГИГИЕНУ», соч. д-ра медицины Виля и проф. Гнема, какъ отдѣльное бесплатное приложеніе.

Отдѣльнымъ же бесплатнымъ приложеніемъ будетъ разсылаться гг. подписчикамъ отдѣлъ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (текстъ и рисунки).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годовое изданіе „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“ изъ 52 №№, съ бесплатными приложеніями и правомъ на полученіе всѣхъ премій втеченіи 1879 года:

Безъ доставки въ С.-Петербургъ ..... 6 р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ, а также для иногородныхъ съ пересылкою и упаковкою 7 » — »
За границу ..... 8 » 50 »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1) Въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи журнала, Новый проспектъ, д. № 20. 2) Въ Москвѣ въ отдѣленіи конторы «Живописнаго Овозрѣнія», въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

При этомъ номерѣ «Живоп. Овозрѣн.» разсылаются гг. подписчикамъ художественное приложеніе: „РЕЙТАНЪ“, картина Я. МАТЕЙКИ.

При этомъ номерѣ разсылаются всѣмъ иногороднымъ подписчикамъ объявленіе фирмы ОЛЬГИ КОРЕЩЕНКО.

СНИМОКЪ СЪ КАРТЫ ЯНА МАТЕЙКИ.

Приложение къ 5-му номеру журнала «Живописное Обозрѣніе» 1879 года.

РЕДНЪ.

Рѣзалъ на деревѣ И. умищскій въ Варшавѣ.

№ 6. Томъ I.

На годъ, съ доставкой и пересылкою — 7 руб.;
на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб.
Отдѣльныя №№ по 20 к.

С.-Петербургъ, 10 Февраля 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый
проспектъ, домъ № 20.

Годъ VII.

Повѣсть И. Н. Северина.
(Продолженіе.)

III.

Въ прихожей старій Филатычъ остановилъ Володю и сунулъ ему въ руки письмо.

— Изъ гостиницы Дагмары, просили передать вамъ погихонько отъ маменьки, прошепталъ онъ, таинственно понижая голосъ и боязливо оглядываясь по сторонамъ.

Вся кровь хлынула въ голову юношѣ, не успѣвшему еще оправиться отъ щекотливой бесѣды съ Лѣтневымъ и Муравейко. Онъ схватилъ дрожащими пальцами письмо и торопливо засунулъ его въ карманъ.

— Сдѣлайте вашу милость, сударь, не выдавайте меня, шамкалъ старикъ, провожая молодого барина мелкой рысцой до самой двери въ столовую. — Ваша мамашенька меня со свѣту сживетъ, если узнаетъ, что я вамъ отъ напennyки записочки передаю.

Изъ гостинной долетали рѣзкіе возгласы Юліи Ивановны, но у Володи стоялъ такой звонъ въ ушахъ, что онъ ничего не слышалъ. Не оглядываясь, пробѣжалъ онъ въ свою маленькую комнату, гдѣ заперся на ключъ.

— Вы слышали звонокъ, ma tante? спросила Юлія Ивановна, обрывая на полусловѣ оживленный споръ, въ которомъ она доказывала, что незаконныя дѣти и щенки это одно и то же.

— Нѣтъ, душа моя, не слыхала я никакого звонка. Трудно что либо слышать, когда ты говоришь, ты такъ кричишь...

— Я въ своемъ домѣ, ma tante, никто не можетъ запретить мнѣ кричать.

— Никто и не запрещаетъ; я только сказала, что за твоимъ крикомъ ничего не слышно.

— Ну да, но вы это сказали мнѣ въ осужденіе, я отлично понимаю... Вы всегда такъ, стоить только спросить что-нибудь, у васъ сейчасъ колкость готова.

— Не слыхала я никакого звонка, повторила съ сдержаннымъ раздраженіемъ тетюшка, — отстань, пожалуйста, что ты придираешься!

— А я слыхала. Филатычъ, кто тамъ звонилъ?

— Филатычъ глухъ, душа моя; дерни сонетку.

— Какой вздоръ! Съ чего вы взяли, что онъ

глухъ? Филатычъ! крикнула громче прежняго Юлія Ивановна.

— Ему около ста лѣтъ, вотъ съ чего я это взяла, произнесла съ большимъ достоинствомъ генеральша Цыганова, не поднимая глазъ съ работы и стараясь говорить какъ можно тише, сдержаннѣе и жеманнѣе, — въ эти лѣта слухъ всегда притупляется, это законъ природы... Дерни сонетку, тогда онъ услышитъ, колокольчикъ какъ разъ надъ его головой.

— Не хочу я дергать сонетку, я вамъ докажу, что онъ и такъ услышитъ... Филатычъ!

На этотъ разъ она гаркнула такъ громко, что дремавшій въ прихожей старикъ, точно ужаленный, вскочилъ со своего ложа и почти бѣгомъ вкатился въ гостинную.

— Чего изволите? спросилъ онъ, обводя растеряннымъ взглядомъ комнату.

— Кто это звонилъ?

— Когда-съ?

— Когда! Разумѣется, сейчасъ. Какой же ты однакожъ болванъ, Филатычъ!

— Владиміръ Лексѣичъ вернулись домой.

— Володя? Что жъ онъ нейдетъ сюда?

— Не могу знать-съ, они прошли въ свою комнату.

— Ему съ нами скучно, вмѣшалась въ разговоръ тетюшка, — да и понятно, весь день шатается, Богъ знаетъ гдѣ и съ кѣмъ... что ему съ нами дѣлать, онъ и держаться то въ порядочной гостинной разучился.

— Позови его сюда, обратилась Юлія Ивановна къ Филатычу, рѣзко возвышая голосъ надъ монотоннымъ и ровнымъ журчаніемъ тетки.

— Лишній трудъ, душа моя, вздохнула генеральша Цыганова, — онъ не придетъ.

— А вотъ увидите. Что это у васъ за манера вѣчно предполагать непріятныя вещи, ma tante?

— Я говорю правду, мой ангелъ, а правду всегда непріятно слушать.

— Баринъ, баринъ! пожалуйста къ маменькѣ, умолялъ жалобнымъ голосомъ Филатычъ, постукивая кулакомъ въ запертую дверь володиной комнаты.

Но отвѣта не было. Володя въ десятый разъ перечитывалъ записку отца, довольно впрочемъ лаконичную: «Мы пріѣхали сегодня утромъ и остановились въ гостинницѣ Дагмаръ, чтобъ быть къ тебѣ ближе. Приходи завтра пораньше. Твой отецъ и другъ А. Савлинъ».

Начерчивая эти строки наскоро и первымъ попавшимся перомъ, Алексѣй Алексѣевичъ, вѣ-

роятно, и не подозрѣвая, какую бурю онъ подымутъ въ душѣ его сына.

А между тѣмъ съ перваго же взгляда, брошеннаго на эту записку, душа Володи заволновалась самыми разнообразными и неожиданными выводами и предположеніями. «Мы пріѣхали... Значитъ, онъ, наконецъ, увидитъ ее, ту женщину, изъ-за которой отецъ бросилъ не только жену, но и сына... Какъ много и часто думалъ онъ объ этой женщинѣ и знакомствѣ съ нею!.. Въ томъ, что знакомство это наступитъ когда-нибудь, Володя никогда не сомнѣвался, но только онъ не ожидалъ, что это будетъ такъ скоро, завтра... Да, завтра, если никакихъ препятствій не представится... А препятствій предвидѣлось много. Еслибъ Алексѣй Алексѣевичъ Савлинъ имѣлъ понятіе о домашней обстановкѣ своего сына и о зависимости его отъ этой обстановки, онъ не написалъ бы безъ оговорокъ такую фразу: «приходи пораньше». Это легко сказать, но каково исполнить! Во первыхъ, у него утромъ урокъ до часу, а тамъ завтракъ... Въ домѣ Юліи Ивановны продолжительность завтраковъ и обѣдовъ зависѣла не отъ количества подаваемыхъ блюдъ и не отъ аппетита кушающихъ, а отъ того въ какомъ расположеніи духа хозяйка дома и ея родственница. Случалось иногда, что Юлія Ивановна съ первыхъ же словъ такъ оборветъ свою тетеньку, что та не выдержитъ и, не доѣвши куска, бѣжитъ вонъ изъ столовой, тогда завтракъ и двадцати минутъ не продолжится, но бываетъ и такъ, что мадамъ Савлина находится съ утра въ придиришвомъ расположеніи духа, а генеральша Цыганова въ терпѣливо разговорчивомъ, ну, тогда бѣда! Тогда конца не было спорамъ. Выйти же изъ-за стола прежде старшихъ, нечего было и думать! Наконецъ, можетъ случиться штука и похуже этой, можетъ случиться, что мадамъ Савлиной вздумается дѣлать визиты съ сыномъ, таскать его съ собою по разнымъ бабушкамъ, да дядюшкамъ...

Въ виду подобныхъ помѣхъ оставалось одно только средство — улучивъ удобную минуту улизнуть послѣ урока, никому не сказавшись, какъ прошлый разъ...

Малѣйшія подробности этого послѣдняго свиданія такъ ясно и живо представлялись его воображенію, какъ будто оно случилось только вчера, а не годъ тому назадъ. Надо и то сказать, что въ продолженіи этого года, дня не проходило, чтобъ Володя не припоминалъ какой-нибудь эпизодъ изъ этого свиданія. Онъ могъ бы послѣдовательно и безошибочно разсказать съ какимъ трепетомъ подходилъ онъ къ подъѣзду отеля, оз-

наченнаго Алексѣемъ Алексѣвичемъ въ такой же законической запискѣ, какъ та, что онъ получилъ сегодня, и которую точно такъ же, какъ и сегодня, таинственно передалъ ему старикъ Филатичъ. Голосъ его такъ дрожалъ, когда онъ спрашивалъ, въ какомъ номерѣ остановился Алексѣй Алексѣвичъ Савлинъ, что толстякъ швейцаръ заставилъ его два раза повторить одно и то же, а затѣмъ, притронувшись пальцемъ къ одной изъ бѣлыхъ пуговокъ, пестрящихъ черную доску на стѣнѣ, онъ густымъ, невозмутимымъ басомъ произнесъ: третій этажъ, корридоръ направо, № 76.

До сихъ поръ звучить у него въ ушахъ этотъ отвѣтъ и до сихъ поръ стоитъ передъ нимъ, какъ живая, высокая статная фигура, съ красивымъ лицомъ, обрамленнымъ густыми выхолощенными бакенбардами и съ смѣющимися глазами, встрѣтившая его въ дверяхъ этого 76-го номера!

Сколько разъ потомъ слезы умиленія подступали къ глазамъ Володи, при одномъ воспоминаніи объ этой встрѣчѣ! — «Володя! Мальчикъ мой дорогой! Какой же ты у меня молодецъ сталъ, какой большой!» повторялъ Алексѣй Алексѣвичъ взволнованнымъ голосомъ, обнимая сына и увлекая его въ комнату съ банальной «отельной» обстановкой: желѣзная кровать, небольшой диванъ, обитый темнокраснымъ трипомъ, такіе же стулья, мраморный умывальникъ, зеркало надъ диваномъ. Тутъ, Алексѣй Алексѣвичъ, взявъ сына за обѣ руки, нѣсколько минутъ молча всматривался въ его лицо... Вдругъ, въ глазахъ его блеснули слезы, онъ порывистымъ движеніемъ притянулъ его къ себѣ и крѣпко прижалъ къ своей широкой груди въ новомодномъ жилетѣ и туго накрахмаленной сорочкѣ. Когда господинъ Савлинъ выпустилъ, наконецъ, Володю изъ своихъ объятій, взглядъ его былъ такъ же ясенъ и безпечно веселъ, какъ и всегда, но сынъ его не могъ забыть слезы, блеснувшей въ его глазахъ, она прожгла ему сердце, эта слеза, и разлилась въ немъ такою страстною нѣжностью къ отцу, что онъ съ радостью отдалъ бы жизнь, не только за него, но и за близкихъ къ нему.

То, что произошло дальше при этомъ свиданіи, Володя помнилъ довольно смутно. Они пробыли вдвоемъ минутъ десять, больше. У Алексѣя Алексѣвича было множество друзей въ Петербургѣ; многимъ изъ нихъ онъ далъ знать о своемъ приѣздѣ, другіе узнали объ этомъ, прочитывая по привычкѣ фамиліи приѣзжихъ на доскѣ, вывѣшанной въ швейцарской той гостиницы съ моднымъ рестораномъ, въ которой онъ остановился; безпрестанно раздавались снизу электрическіе звонки, возвѣщавшіе о прибытіи посѣтителей къ г. Савлину и каждого изъ этихъ посѣтителей Алексѣй Алексѣвичъ встрѣчалъ у дверей со свойственнымъ ему шумнымъ радушіемъ. Со многими онъ обнимался почти такъ же нѣжно, какъ и съ Володей, и послѣ первыхъ привѣтствій, всѣ освѣдомлялись у него о здоровьѣ Марьи Николаевны.

Фамилія этой дамы не произносилась, но Володя догадался, что рѣчь идетъ о мадамъ Солнцевоу.

— Здорова, здорова, все съ дѣтьми возится... уговаривалъ провѣтриться немножко, прокатиться въ столицу, и слышать не хочетъ! Съ кѣмъ же останутся дѣти, на гувернанокъ и на нянекъ полагаться нельзя, объяснялъ Алексѣй Алексѣвичъ, съ веселой, самодовольной улыбкой.

А вслѣдъ затѣмъ, онъ каждый разъ обращался къ Володѣ, бралъ его за руку и представлялъ гостю: — Мой старшій сынъ, Владиміръ, рекомендую... воспитывался за границей, теперь готовится въ лицей...

И при этомъ лицо его дѣлалось серьезно, а гость, пожавъ Володи руку, торопливо заговаривалъ о чемъ нибудь совершенно новомъ.

Вотъ что еще замѣтилъ Володя: тѣ изъ друзей его отца, которымъ Алексѣй Алексѣвичъ рекомендовалъ сына тотчасъ же послѣ ихъ появленія, не освѣдомлялись о Маріи Николаевнѣ и уходили, не произнося ея имени. Но за то самъ Алексѣй Алексѣвичъ безпрестанно поминалъ о ней, называя ее при этомъ, то Маря, то Маня и всего рѣже по имени и отчеству. О присутствіи сына онъ, кажется, по временамъ, совершенно забывалъ.

Онъ пріѣхалъ сюда на нѣсколько дней. Черезъ ихъ уѣздъ прокладывалась боковая вѣтвь желѣзной дороги и ему хотѣлось, чтобы вѣтвь эта проходила версты на три поближе къ его имѣнію. Цѣлый годъ переписывался онъ по этому дѣлу со своими петербургскими друзьями, но ничего изъ этого не выходило, и вотъ онъ, наконецъ, самъ явился... Надо кетати повидать кое-кого изъ старыхъ полковыхъ товарищей, успѣвшихъ за послѣднія десять лѣтъ забраться довольно-таки высоко, навѣстить дочку Марьи Николаевны въ институтѣ... Мадемуазель Солнцева, — эти два слова онъ произнесъ съ особеннымъ удареніемъ, усмѣхаясь при этомъ довольно проницательно, — кромѣ того надо явиться къ министру... Нельзя, скоро выборы, къ нему ужъ подъѣзжаютъ... За послѣднія шесть лѣтъ его предводительства, онъ завоевалъ весь край... Его и прежде обожали за веселый нравъ и широкое гостепріимство, но теперь, ознакомившись поближе съ его административными способностями и оцѣнивъ по достоинству его умѣніе ладить съ людьми, вся губернія, отъ мала до велика, кричитъ: и давайте намъ Алексѣя Алексѣвича въ губернскіе! Лучше Алексѣя Алексѣвича намъ никого не найти!

Но Алексѣй Алексѣвичъ самъ не хочетъ въ губернскіе, ему довольно хлопотъ и по уѣзду... Одна Кривобоковская партія чего стоитъ! Подконы, грязь, интриги!.. И къ довершенію всего — чушь и скотство непроходимое, необразованіе, отсутствіе всякаго понятія объ общежитіи, ну, дикіе люди однимъ словомъ! — Вотъ, на примѣръ...

Сыпались анекдоты, одинъ другого курьезнѣе и сильнѣе. Всѣ до слезъ хохотали.

Володя забился въ уголокъ за дверью и терпѣливо ждалъ, чтобы ушли всѣ эти чужіе люди и оставили бы его вдвоемъ съ отцомъ, но ему пришлось ждать долго и ничего не дожидаться. Явился какой-то усатый полковникъ, котораго всѣ называли княземъ и съ первыхъ же словъ свернулъ разговоръ на свѣжую икру, да на устрицы, полученные на дняхъ у Елисеева. Съ полчаса времени толковали объ этихъ устрицахъ и, наконецъ, рѣшили всей компаніей всприснуть приѣздъ стараго товарища. Князь стремглавъ полетѣлъ заказывать завтракъ, за нимъ послѣдовали и остальные гости. Уходя, всѣ кричали Алексѣю Алексѣвичу, чтобъ онъ не опаздывалъ.

— Не безпокойтесь, сейчасъ, прежде васъ тамъ буду, весело повторялъ г. Савлинъ, провожая гостей до площадки и пожимая всѣмъ руки.

Вернувшись назадъ въ опустѣвшій номеръ и очутившись лицомъ къ лицу съ Володей, Алексѣй Алексѣвичъ смутился немножко. — Не дали намъ съ тобою и побесѣдовать, голубчикъ, такая досада! Завтра я весь день рыскаю по городу, раньше двухъ часовъ ночи не вернусь домой... Видѣлъ ты этого толстяка? Ну, отъ него зависитъ судьба моего прошенія... Если я съ нимъ не покучу, онъ ничего не сдѣлаетъ... А тотъ худой, блондинъ, намъ для Ольги нуженъ, онъ съ директрисой въ родствѣ...

— Когда же мы увидимся, папа? печально спросилъ Володя.

— Да ужъ не знаю, право!.. На бѣду, мнѣ оставаться здѣсь долго нельзя, перваго числа надо непременно быть дома, этотъ день мы всегда проводимъ въ семьѣ, въ этотъ день намъ Господь послалъ Ниночку... Что за прелестный ребенокъ!

Ты ее увидишь когда-нибудь, и поймешь наше пристрастіе къ ней... Да, я увѣренъ, что, со временемъ, ты все поймешь...

Онъ отыскалъ свою шляпу и началъ натягивать перчатки. На лицѣ его показалось какое-то скорбно тревожное выраженіе, углы губъ опустились, голосъ замѣтно дрожалъ, глаза упорно отвергивались въ сторону.

— Со временемъ ты все поймешь... Теперь, ты, можетъ быть, думаешь, что я виноватъ передъ тобой?.. Можно себѣ представить, въ какомъ черномъ цвѣтѣ она представляетъ тебѣ всѣ мои поступки, какъ она ругаетъ меня! Вѣдь я ее знаю, она и понятія не имѣетъ о деликатности, о томъ, что можно говорить сыну про отца и о чѣмъ нельзя... Но, прошу тебя не судить меня до поры, до времени, мой другъ; наступитъ минута, когда все объяснится и тогда ты дружески протянешь мнѣ руку, проговорилъ онъ, вскидывая мелькомъ пытливый взглядъ на смущеннаго юношу и съ нервной торопливостью натягивая перчатки. — Скажу тебѣ одно, я долго терпѣлъ, я терпѣлъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтилъ Марю... Тутъ только я спросилъ себя: имѣю-ли я право?.. Да, я серьезно задалъ себѣ этотъ вопросъ и рѣшилъ его по совѣсти... Не думай, пожалуйста, чтобы дѣло обошлось безъ борьбы...

Онъ вынулъ часы. — Нѣтъ, лучше не затрогивать сегодня этого вопроса, это завлечетъ насъ слишкомъ далеко... Знаешь что, мой другъ, я привезу сюда Марю, привезу ее для того, чтобы ты съ нею познакомился... Когда ты ее увидишь, ты все поймешь!.. Грація, красота, кротость, изящество... Ну, однимъ словомъ, идеаль женщины! Имѣть женою вѣдму и встрѣтить ангела, который кидается въ твои объятія и говоритъ: я твоя, возьми меня! Ну, какъ тутъ устоять? Чѣмъ только заслужилъ я такое счастье? За что мнѣ оно дано? Каждый день на молитвѣ предлагаю я этотъ вопросъ Господу... за что? Нѣтъ, Володя, тебѣ надо ее видѣть, чтобы понять мое счастье... Она тоже желаетъ съ тобою познакомиться... Знаешь, какъ она тебя называетъ? Notre aîné! Неправда-ли мило? Приходи послѣ завтра, я покажу тебѣ ея портретъ, а теперь прощай пока, ты слышалъ, какъ меня просили не опаздывать?

Они не видались съ тѣхъ поръ. На другой день Филатичъ вручилъ Володи записку, въ которой отецъ извѣщалъ его о своемъ немедленномъ отъѣздѣ. Пришла денеша изъ дома, Марью Николаевну разбила лошадь и Алексѣй Алексѣвичъ долженъ скакать въ деревню, поручивъ пріятелямъ, съ которыми кутилъ цѣлые сутки, окончаніе дѣла, вызвавшихъ его въ Петербургъ. Эти друзья, отличные ребята, ни на минуту не расстаются съ нимъ... Вотъ и теперь, пока онъ пишетъ записку сыну, номеръ его биткомъ набитъ народомъ... крикъ, шумъ, голова идетъ кругомъ. «Тебѣ нечего приходить, намъ все равно не дадутъ сказать другъ другу ни одного слова».

Слѣдовалъ postscriptum длиннѣе самой записки, въ которомъ Алексѣй Алексѣвичъ распространялся о приключеніи, постигнувшемъ его семейство: «сани опрокинулись, но, къ счастью, весьма удачно, прямо въ сугробъ и, благодаря такой счастливой случайности, Маня съ дѣтьми не ушиблась, но воображаю, какъ она бѣдная перепугалась! Разумѣется, меня тотчасъ же выписали...»

Втеченіи слѣдующаго года Володя получалъ письма отъ отца довольно часто. Длинныя письма, самого дружескаго содержанія, наполненныя непонятными для него подробностями о незнакомыхъ ему людяхъ, намеками на прошествія и обстоятельства совершенно чуждаго ему міра, но тонъ этихъ писемъ дышалъ такой лаской, такимъ дружескимъ желаніемъ втянуть его въ интимность, считать его близкимъ человѣкомъ, что не полюбить отца за такіа письма еще силь-

нѣе было невозможно. Мѣсяца три тому назадъ сама Марья Николаевна написала ему нѣсколько умныхъ и глубокопрочувствованныхъ строкъ: «*Mon cher Voldemar, l'amitié que je porte à Votre père m'autorise à Vous considérer comme l'un de nos meilleurs amis...*» и такъ далѣе, все въ томъ же тепломъ, лестномъ и мягкомъ тонѣ. Въ концѣ своего посланія Марья Николаевна поручила и себя и своихъ дѣтей нѣтолько его расположенію, но также и покровительству.

Письмо это Володя вытерпѣлъ наизусть. Отвѣчать на него у него не хватило ни смѣлости, ни умѣнія, но онъ надѣялся быть отвѣтъ при личномъ свиданіи и выразить Маріи Николаевнѣ на словахъ, какъ глубоко онъ тронутъ ея довѣріемъ и дружбой.

Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ этой минуты, и вотъ она, наконецъ, наступила, завтра онъ увидитъ мадамъ Солнцева...

— Баринъ, баринъ! пожалуйста къ маменькѣ, повторяетъ между тѣмъ Филатъ, снова принимаясь стучать въ запертую дверь, — онъ изволятъ гнѣваться...

Юлія Ивановна дѣйствительно гнѣвалась, но только не на Володю, а на тетеньку. Между ними снова завязался тотъ разговоръ о незаконныхъ дѣтяхъ, прерванный на полусловѣ звонкомъ молодого Савлина и бесѣдой съ Филатомъ. Отправивъ этого послѣдняго за сыномъ, Юлія Ивановна опять принялась терзать свою любимую тѣму. Сегодня генеральша была въ ударѣ и такъ ловко парировала медвѣжьи нападки племянницы, что этой послѣдней оставалось только кинуться въ личности и метать свои стрѣлы не въ бровь, а прямо въ глазъ.

— Понятно, почему вы заступаетесь за этихъ щенятъ, кричала она, размахивая руками, — родная племянница вашего мужа каждый годъ плодитъ эту гадость!

— Извини, мой ангелъ, Зиночка въ прошломъ году вышла замужъ за Опалина и всѣ ихъ дѣти будутъ признаны законными.

— И это нравственно по вашему?

— Ужъ тамъ нравственно, нѣтъ-ли, а только это фактъ.

— Да еще узаконить-ли! Теперь на этотъ счетъ стали смотрѣть строже, и давно пора!

— Непремѣнно узаконить. Я слышала, что бабушка Микурина перемѣнила въ ихъ пользу свое духовное завѣщаніе... Ты знаешь бабушку Микурину, она для незаконныхъ дѣтей мѣняетъ духовное завѣщаніе не станетъ.

— Старая дура! А вамъ, ma tante, ужъ вовсе не къ лицу потакать такому разврату... Что вы за нигилистка! У васъ есть капиталъ, зачѣмъ вамъ попираетъ ногами законы общественной морали? Это даже неприлично для женщины вашихъ лѣтъ... И, наконецъ, вы вдова заслуженнаго генерала...

Генеральша нервно засмѣялась. — Откуда только у тебя берутся такіе несообразности, Юлинка! Съ чего ты взяла, что я нигилистка? Я, матушка, два раза въ годъ говѣю, меня и въ Александро-Невской Лаврѣ и въ Новодѣвичьемъ монастырѣ знаютъ и всегда за обѣдней отдѣльную просвиру подають, я не изъ тѣхъ, что монаховъ со двора гоняють, я свою родную мать не попрекаю тѣмъ, что она, для спасенія своей души, храмъ въ сто тысячъ выстроила, я понимаю, что забота о будущей жизни должна стоять у каждого человѣка на первомъ планѣ и что ему много легче умирать, когда онъ знаетъ, что надъ его могилой воздвигнутъ храмъ, въ которомъ каждый день будутъ молиться за упокоеніе его грѣшной души!

— А еслибъ церковь стояла не сто, а двадцать пять тысячъ, развѣ бы въ ней не поминали до скончанія вѣка строителей? Развѣ Богу не все равно? прервала ее Юлія Ивановна.

— Вотъ ужъ это нигилистическое соображеніе и даже, можно сказать, кощунство, возразила съ недоумѣніемъ генеральша, — хоть у кого хочешь спроси, всякій тебѣ это скажетъ.

— Скажите, пожалуйста! У кого же мнѣ спрашивать? Ужъ не у вашего-ли любезнаго Иванушки?

— Хотя бы у него. Онъ святой человѣкъ, съ нимъ совѣтуются люди поумнѣ насъ съ тобой.

— Знаю я! Въ прошломъ году, я сдѣлала такую глупость, отправилась къ нему за совѣтомъ... Помните, на счетъ того, начинать-ли мнѣ искъ на Алексѣя Алексѣевича за володино воспитаніе и содержаніе?

— Ну, и чтожь?

— Разумѣется, вздоръ одинъ вышелъ... Я ему дѣло объясняю, и онъ началъ нести эрунду о сребролюбцахъ, да объ Лазаряхъ какихъ-то, а тамъ вдругъ ни съ того, ни съ сего пѣтухомъ заплѣлъ, руками машетъ, кричитъ, что отъ меня псомъ смердящимъ несетъ... Ну, сумасшедшій человѣкъ, однимъ словомъ, мнѣ даже совѣстно стало, что я къ нему поѣхала. А все потому, что васъ послушалась.

— Не знаю, душа моя, съ тобою все какія-то странности случаются... При мнѣ Иванушка никогда не поетъ пѣтухомъ... Что же касается до его изрѣченій, я предупреждала тебя, что ихъ надо понимать въ иносказательномъ смыслѣ и что обижаться его словами нельзя.

— Да я и не обижаюсь, я только говорю, что все это глупости и больше ничего... При васъ не поетъ пѣтухомъ, при мнѣ заплѣлъ, говоритъ иносказательно, ругается дурными словами... Ну, чтожь это доказываетъ, скажите, пожалуйста? И въ концѣ концовъ, мнѣ все же пришлось тамъ рубль шестьдесятъ копѣекъ оставить; ему рубль, да той бабѣ, что его показываетъ, тридцать копѣекъ, да въ кружку тридцать копѣекъ... Просили еще на какіе-то калачики, да я не дала.

— Это заключеннымъ, душа моя, онъ, мой голубчикъ, для себя никогда ничего не проситъ, все для другихъ!

— Ну вотъ, скажите, пожалуйста! Очень мнѣ нужно всякихъ мошенниковъ, что въ острогѣ сидятъ, калачами кормить! Извините меня, ma tante, но право же, это чистое безуміе, и только такому юродивому, какъ вашъ Иванушка, простительно такой эрундой увлекаться.

Наступило молчаніе, но оно длилось не долго.

— А все же, я, кажется, мой искъ противъ Алексѣя Алексѣевича выиграю, снова начала Юлія Ивановна. — Нашелся адвокатъ, который берется взыскать съ него десять тысячъ. На дняхъ мы, вѣроятно, и условіе заключимъ, если онъ согласится получить вознагражденіе не прежде, а послѣ...

— Послѣ чего!

— Послѣ того, какъ деньги у меня будутъ въ рукахъ, это всегда такъ дѣлается.

— Съ чего только вы взыскивать то будете! Сама же ты говоришь, что Алексѣй Алексѣевичъ прокутилъ все свое состояніе.

— Ну, это только такъ говорится! Найдется что нибудь; нѣтъ такого человѣка на свѣтѣ, у которого не было бы чего нибудь. Достаетъ же у него средствъ содержать щенковъ мадамъ Солнцевой, а на законнаго сына средствъ нѣтъ? Помните, да всякій вамъ скажетъ, что это возмутительно!

Въ сосѣдней комнатѣ роздались шаги и генеральша съ любопытствомъ оглянулась на дверь.

— Ты бы потише говорила, душа моя, Володя дома, онъ можетъ услышать...

— Скажите, пожалуйста, какія деликатности! Очень мнѣ нужно скрывать отъ него пошлости его отца, пусть знаетъ, напротивъ, и пусть видитъ разницу между мной и имъ.

Однако, она смолкла при появленіи сына.

Разспышалъ ли ея послѣднія слова Володя? Онъ входилъ въ гостинную, когда она произносила ихъ, но въ комнатѣ было темно; свѣтъ отъ керосиновой лампы, покрытой абажуромъ, освѣщавъ только небольшое пространство вокругъ стола, у котораго помѣщалась генеральша Цыганова со своимъ вѣчнымъ вышиваньемъ по канвѣ, а Володя сѣлъ, по своему обыкновенію, въ такой уголокъ, гдѣ съ трудомъ можно было различать очертаніе его фигуры. Какъ ни напрягала свое зрѣніе тетенька, какъ ни старалась она всматриваться въ выраженіе его лица, всѣ успѣха ея остались тщетны и только по его голосу, хриплому и рѣзкому, могла она составить себѣ маленькое понятіе о чувствахъ, волновавшихъ его душу.

— Ты охрипъ, Володя? У тебя, вѣрно, горло болитъ? спросила она его съ тѣмъ притворно нѣжнымъ участіемъ, которое раздразняло юношу сильнѣе грубыхъ выходокъ матери.

Онъ объявилъ, что у него ничего не болитъ, и объявилъ это такимъ тономъ, что обѣ дамы поняли бесполезность дальнѣйшихъ распрашиваній и оставили его въ покоѣ.

— Сегодня утромъ опять приходилъ Лошинъ, начала рассказывать Юлія Ивановна, вытягивалась на своей кушеткѣ и повертывалась спиной къ сыну. — Вы его видѣли, ma tante? Нѣтъ? Однако, онъ о васъ спрашивалъ и я ему сказала, что вы дома. Онъ опять съ билетами явился... Я ему говорю: съ чего вы взяли, что я поѣду къ вашимъ нищимъ? Да еще за деньги! Ихъ и даромъ то слушать тошно... А онъ все свое: богатые люди должны поддерживать и поощрять талантъ, это ихъ прямая обязанность... Богатые! Да потому-то я и богата, что понимаю, какъ легко сдѣлаться бѣдной и воздерживаюсь отъ всякихъ лишнихъ расходовъ... Теперь у меня это воздержаніе вошло въ привычку и ничего мнѣ не стоитъ, но прежде, когда я была молода, у меня тоже были искушенія...

— Когда это, скажи на милость? усмѣхнулась генеральша, — ты, кажется, и молода-то никогда не была!

— Какъ не была? Вотъ еще новости! Вы сегодня, Богъ знаетъ, что выдумываете, ma tante, съ вами просто говорить нельзя!

Она съ досадой отвернулась къ сыну и, помолчавъ немного, спросила у него, съ кѣмъ живетъ Павелъ Павловичъ?

Володя такъ далеко ушелъ въ мысляхъ, что голосъ матери заставилъ его вздрогнуть.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ тономъ человѣка, котораго неловко разбудили отъ глубокаго сладкаго сна.

Юлія Ивановна повторила свой вопросъ:

— Съ кѣмъ живетъ твой учитель?

— Съ товарищемъ, неохотно отвѣчалъ Володя.

— А каковъ изъ себя этотъ товарищъ? Брюнетъ, длинноносый, съ большущими глазами, красавецъ, однимъ словомъ, вѣдь такъ?

Володя, молча, кивнулъ головой. Нельзя было не согласиться, что портретъ Муравейко, начерченный Юліей Ивановной, былъ довольно схожъ съ оригиналомъ.

— Онъ служитъ чѣмъ-то въ судѣ, продолжала торжествующимъ тономъ мадамъ Савлина, — писцомъ вѣрно, изъ самыхъ маленькихъ, потому что въ университетѣ кончить курсъ не хватило средствъ, однимъ словомъ, толь перекатная, вѣрно, я описываю? Мнѣ все это портниха Даша насаждала. Она живетъ въ одномъ домѣ съ нашимъ Павломъ Павловичемъ и, кажется, въ амурахъ съ этимъ его пріятелемъ... Вотъ какъ я это узнала...

Но Володѣ, вѣроятно, не захотѣлось слушать подробности объ амурахъ швеи Даши съ Муравейко, онъ нетерпѣливо сорвался съ мѣста и объявилъ, что идетъ спать. Послѣ его ухода,

Варфоломеевская ночь.

Рисоваль И. Т. Михайловъ, рѣзалъ на деревѣ Б. Пуцъ и Діаментовскій.

Юлія Ивановна снова принялась за свой рассказъ.

— Вотъ какъ я это узнала... Слушайте, тетенька, это по вашей части, вы такъ любите романы и такъ интересуетесь пролетаріями...

Но сегодня ей, видно, не суждено было окончить благополучно начинаемое въ третій разъ повѣствованіе, генеральша прервала ее вопросомъ насчетъ Володи. Замятила-ли она, какой онъ сегодня странный? Блѣдный, взволнованный?

Ничего подобнаго Юлія Ивановна не замѣтила. Чего ему волноваться? У него все есть и онъ отлично знаетъ, что у него всегда все будетъ, и пальто теплое на зиму, и платье, какое нужно... Онъ знаетъ, что дома его всегда ждетъ хорошій обѣдъ и теплая комната, чего же еще? Чего ему волноваться?

Тетенька замѣтила на это, что у Володи очень скрытный характеръ, что отчужденіе его отъ дома съ каждымъ днемъ дѣлается замѣтнѣе. Онъ чѣмъ-то озабоченъ и такъ разсѣянъ, точно живетъ въ другомъ мірѣ... — У него, можетъ быть, такія радости и печали, о которыхъ мы и понятія не имѣемъ! сантиментально вздохнула генеральша, — въ эти лѣта душа такъ воспримчива и первы такъ чутки!

— Изъ какой книжки вы это вычитали? захихикала Юлія Ивановна, — внутренний жаръ какой-то, да воспримчивость души, что за пустозвонъ! Я вамъ въ двухъ словахъ объясню его меланхолію — давно не давала я ему денегъ, вотъ и весь секретъ. У меня были свои причины на это, но ужъ такъ и быть, если завтра Павелъ Павловичъ мнѣ скажетъ, что онъ имъ доволенъ, я подарю ему три рубля, и вотъ увидите, какъ всю эту меланхолію и воспримчивость души точно рукой сниметъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Въ непогоду.

Изъ Альфреда Мюссе, пер. С. Андреевскаго.

Съ той поры, какъ васъ люблю я,
(Ужъ давно, а можетъ вѣчно),
Сколько платьевъ, не сочту я,
Износили вы безвѣчно.

Но я помню день дождливый,
Холодъ былъ невыносимый,
Съ вами парочкой счастливой
Въ рошѣ подъ руку брели мы.

Вы такъ весело шутили,
Пробирался по дорожкѣ,
И въ грязи тогда смочили
Вы хорошенекія ножки.

Ты мечтала-ль той минутой,
Эта ножка дороган,
Башмачками быть обутой
Изъ парчи и горностае?

Если время въ сердцѣ выжжетъ
У меня тотъ мигъ блаженный —
Пусть лицо мнѣ грязь забрызжетъ
Изъ подъ ножки незабвенной!

Сестра милосердія.

Романъ Эдмона и Жюль Гонкуръ.

Переводъ П. Лѣтнева.

(Продолженіе.)

X.

Сестра Филомена привыкла къ госпиталю и стала находить странную пріятность въ жизни, заключенной въ стѣнахъ лазаретной залы. Она привязалась къ ней, привязалась къ этому мѣсту, гдѣ проходили всѣ ея дни, и гдѣ былъ просторъ ея самоотверженію. Остальной міръ съ его тревоженіями, былъ для нея отдаленнымъ, почти неслышнымъ отголоскомъ. Весь ея физическій и умственный горизонтъ ограничивался для

нея стѣнами лазарета и больными, — она не искала и не думала ни о чемъ другомъ. И она находила въ этой жизни покой и миръ безконечный. Самоотверженіе, трудъ, жизнь, полная благотворной дѣятельности, поддерживали въ ней бодрость духа. Душа ея была также здорова, какъ тѣло; она наслаждалась полнотой благодати, ничѣмъ не помраченной, черная непрерывно изъ истощающаго источника божественной любви дары и наслажденія земного блаженства, свѣтлую радость, мирное веселье, улыбки и ласки, — все, что дѣлаетъ женщину похожею на ангела. Всѣ ея душевныя потребности были удовлетворены, ея пылкая чувствительность, стремленія къ любви и привязанности нашли исходъ въ человеколюбіи и составляли для нея цѣль, занятіе, долгъ и наслажденіе.

По окончаніи дня, проведеннаго ею въ перевязываніи ранъ и уходѣ за больными, сестра Филомена, оставшись одна въ своей комнатѣ, мысленно перебирала все, что ей удалось въ этотъ день облегчить, успокоить, умилостворить, и въ сердцѣ ея навсегда запечатлѣвались взгляды и слова благодарности всѣхъ этихъ страждущихъ, успокоенныхъ ею, и тогда изъ глубины души ея поднималась радость неизъяснимая, радость неземная, ничѣмъ не напоминавшая человѣческія радости и удовольствія, — радость, въ которой звучало ликованіе удовлетворенной души.

XI.

Ребеночъ, найдя пріютъ у матери Барнье, сдѣлался связью между сестрой Филоменой и молодымъ ассистентомъ, общимъ звѣномъ, сближавшимъ ихъ. Мысли ихъ часто встрѣчались на этомъ маленькомъ опротивѣвшемъ мальчигѣ.

— Мать мнѣ пишетъ, мальчуганъ васъ цѣлуетъ, говорилъ Барнье, проходя мимо сестры Филомены во время утренняго обхода.

Мало по малу, короткія фразы замѣнились большими разговорами, то шутивными, то серьезными о госпиталѣ и больныхъ. Если перевязка оканчивалась ранѣ обыкновеннаго, и у Барнье оставалось свободное время, онъ входилъ въ рабочій кабинетъ сестры Филомены и тамъ, сидя на стулѣ возлѣ ея соломеннаго кресла, разговаривалъ съ нею четверть часа, рѣдко долѣе. Молодая послушница, вѣчно занятая своими больными, спрашивала его о способѣ и средствахъ леченія; затѣмъ, увлекаясь разговоромъ, они переходили къ усовершенствованіямъ, которыя полезно было бы ввести въ ихъ лазаретъ. Они мечтали объ улучшеніяхъ и вообще создавали какую-то идеальную больницу.

Въ будущемъ, Филомена видѣла Барнье — знаменитымъ хирургомъ. Они обсуждали много предметовъ, находили, что нужно бы чаще возобновлять воздухъ: стоило только найти систему вентиляціи, которая, преніяствуя вторженію холода, уносила бы испорченный воздухъ и выпускала чистый. Филомена находила, что въ оловянной посудѣ скоро стынуть кушанья и что ее надо замѣнить фарфоровой, хотя она и не такъ прочна; затѣмъ мертвыхъ слѣдовало бы выносить не такъ явно и не въ такомъ ужасномъ ящикѣ, а, напримѣръ, на носилкахъ, какъ больныхъ. Надзирателямъ и сидѣлкамъ нужно прибавить жалованье, тогда они не будутъ тянуть съ живого и съ мертвого, не будутъ накладывать налоги на больныхъ и обкрадывать мертвыхъ...

— Г. Барнье, сказала сестра Филомена, оканчивая разговоръ, — дайте мнѣ только одно обѣщаніе.

— Какое, матушка.

— Когда вы будете знаменитымъ врачомъ, я... если я буду еще жива... ничто не измѣнится... я только буду пострижена, и по прежнему въ больницѣ... Ну, если мнѣ случайно придется быть въ одномъ съ вами лазаретѣ, я хочу, чтобъ вы мнѣ обѣщали удовлетворять всѣ прихоти моихъ больныхъ и не отказывать имъ ни въ чемъ.

— Если вамъ нужно только это, сказалъ Барнье, протягивая ей руку, — то даю вамъ честное слово разорить госпитальное начальство требованіями на вино, на куринныя крылышки и на варенья.

XII.

Мало-по-малу, эти разговоры доставляли удовольствіе сестрѣ Филоменѣ, становились все чаще и продолжительнѣе. Это было развлеченіе послѣ трудового дня, выходившее изъ обыкновеннаго круга привычекъ и дѣйствовавшее на нее какъ вторженіе свѣжаго воздуха въ душную комнату. Она чувствовала себя обновленною черезъ этотъ обмѣнъ мыслей, прерывавшихъ обычный ходъ ея занятій, и поддавалась откровенному изліянію, отъ котораго замкнутая жизнь отучила ее, и развлеченію вѣчно новому, затрогивавшему ея любопытство и воображеніе, на счетъ неизвѣстныхъ ей предметовъ. Она вела разговоръ съ простотою и полнымъ отсутствіемъ смущенія и лицемѣрной стыдливости. Она разговаривала съ Барнье, какъ съ братомъ, и часто дѣлала ему вопросы, затруднявшіе его своею наивностью. Не думая ни о чемъ нечистомъ, она говорила съ полнымъ простодушіемъ невѣденія. Ея должность, сближавшая ее безъ разбора съ мужчинами и женщинами, и ежедневное упражненіе въ этой должности, пріучавшее ее къ мужеству, несвойственному женщинѣ, вкладывали въ ея уста смѣлую откровенность мужской рѣчи, не лишенную граціи.

Отъ больницы разговоры переходили мало по малу къ внѣшнимъ предметамъ. Филомена интересовалась знать, что происходило въ Парижѣ, который она давно не видала. Барнье шутилъ съ нею и иногда рассказывалъ ей разныя небылицы; замѣчая, что она имъ вѣритъ, онъ останавливался, не будучи въ состояніи удержаться отъ смѣха. Одинъ разъ онъ упомянулъ въ разговорѣ что проходилъ по улицѣ Шоссе-д'Антенъ. Она тотчасъ же спросила у него, не видалъ-ли онъ въ этой улицѣ такого-то дома, за такимъ-то номеромъ, все-ли еще существовала лавочка на лѣво и торговалъ-ли въ ней тотъ-же лавочникъ?

— Неужели вы думаете, что у меня только и дѣла, что замѣчать дома на улицѣ, по которой я прохожу? сказалъ Барнье, улыбаясь.

— Я такъ и вижу передъ собой этотъ домъ, какъ живой, наивно отвѣчала Филомена.

— Ну вотъ, въ будущій вторникъ, когда опять пойду туда, я постараюсь замѣтить домъ.

— Хорошо... Запомните-ли вы номеръ?... Въ лавочкѣ, на лѣво, вы увидите толстаго купца, съ коротенькими руками, а на право, маленькую дѣвочку... она теперь должна быть уже большая! Вы ее узнаете по рыжимъ волосамъ... Я все это помню такъ живо, какъ будто видѣла только вчера... Это оттого, что я тамъ жила маленькая... въ этомъ домѣ, въ четвертомъ этажѣ, пояснила Филомена, — и мнѣ такъ интересно все это знать.

Иногда Барнье, чтобъ подразнить ее, начиналъ съ ней споръ о вопросахъ религіозныхъ и соприкасающихся съ религіей. Онъ приводилъ аргументы, философствовалъ, опровергалъ, по поверхности, слегка, съ тактомъ челоѣка образованнаго, который подсмѣивается надъ убѣжденіями женщины, которую, однако, вполнѣ уважаетъ. Онъ нарочно подразнивалъ ее, чтобъ заставить ее высказаться, съ серьезнымъ видомъ приискивая доводы, которые бы могли затруднить ее. Ему хотѣлось вывести ее изъ терпѣнія, но Филомена угадывала его мысли въ его смѣющихся глазахъ; она позволяла ему говорить все, что хотѣлось, и отвѣчала смѣхомъ, шуткой или здравомыслящимъ замѣчаніемъ.

Разъ, оканчивая споръ, Барнье сказалъ ей:

— Однако, согласитесь: еслибъ не было рая, вамъ пришлось бы плохо...

— Да, отвѣчала Филомена смѣясь,—но вамъ еще хуже, что рай существуетъ.

XIII.

— Я видѣла вашу больную, матушка... Черезъ недѣлю она будетъ на ногахъ... Но что съ вами? вы какъ будто чѣмъ-то недовольны?

— Да, я сегодня не въ хорошемъ расположеніи духа...—Она остановилась, и видя что Барнье молчитъ, продолжала:—Впрочемъ это не тайна. Видите-ли, монахини не должны ни къ чему привязываться, и потому насъ, послушницъ, заставляютъ часто мѣнять мѣста... Ну, я знала, что этого надо ожидать, я часто объ этомъ думала... Но когда мнѣ сказали, что я перейду въ другое отдѣленіе, это меня такъ огорчило... такъ огорчило... Я такъ привыкла къ своимъ больнымъ, къ однимъ и тѣмъ же лицамъ, къ моей комнатѣ, ко всему... Въ другомъ отдѣленіи будетъ все совсѣмъ другое... Я знаю, что грѣшно такъ думать, но не въ силахъ побороть своего чувства...

— Развѣ это уже рѣшено?

— Нѣтъ еще, но я боюсь...

— Въ такомъ случаѣ, намъ обоимъ предстоитъ одно и тоже. Только я не перейду въ другое отдѣленіе, а, вѣроятно, совсѣмъ оставлю госпиталь. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ окончатся положенные два года испытанія и мнѣ, можетъ быть, придется перейти отсюда... Мнѣ тоже не хочется мѣнять мѣсто, какъ и вамъ... Конечно, начальство довольно мной, и если я попрошу, меня оставятъ здѣсь и на третій годъ.

— А! вамъ тоже не хочется отсюда? сказала она, опустивъ голову,—но вы не то, что мы. Для насъ обязанность—дѣлать не то, что мы желаемъ... А для васъ, не существуетъ этихъ причинъ... Просите, чтобъ васъ оставили, г. Барнье... Воображаю, какъ бы приняли меня больные, еслибъ я имъ объявила, что вы уходите отсюда!

XIV.

Сестра Филомена, стоя однимъ колѣномъ на креслѣ, въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, ловко и проворно сметала крыломъ пыль съ своего письменнаго стола, съ литографіи св. Терезы въ черной рамкѣ, и съ большой счетной книги. Барнье прошелъ мимо. Слегка повернувшись къ нему голову, она сказала ему, черезъ плечо и улыбаясь, одно только слово: «Остаюсь!»... и продолжала убирать комнату такъ энергично, сметая пыль со стола, что книга упала на полъ.

XV.

Это было наканунѣ Нового года. Филомена, полу-шутя, полу-серьезно, съ видомъ старшей сестры, читающей мораль двадцатилѣтнему брату, выговаривала Барнье за то, что онъ наканунѣ вернулся очень поздно съ какой-то пирушки.

— Это все вашъ пріятель Маливуаръ увлекаетъ васъ... И что тамъ веселого?... что вы дѣлаете цѣлую ночь, вмѣсто того, чтобъ спать?... Еслибъ меня не будилъ колоколь, я бы спала весь день... Лѣнь—это мой главный грѣхъ... Неужели вы такъ любите танцевать?..

— Я совсѣмъ не танцевала...

— Ну, такъ, вѣрно, курили цѣлый вечеръ?... это такъ вредно... и потомъ, вѣрно, играли въ карты—и въ деньги... Какъ это гадко! вмѣсто того, чтобъ спокойно лежать въ постели и спать... Я совсѣмъ не шучу... Ваша мать вамъ сказала бы тоже...

— Что это такое? спросилъ Барнье, зацѣпляя ногой за какой-то узелъ, лежавшій подъ столомъ и желая перебить затруднявшій его разговоръ.

— Тише! вы у меня все перебьете... Тутъ у меня подарки для дѣтей къ Новому году. Дѣти, которыя придутъ навѣстить больныхъ въ этотъ день, получать игрушки и гостинцы... Не знаю, право, кому это доставитъ болѣе удовольствія—имъ или мнѣ?..

XVI.

— Мы были тамъ вчетверомъ: я, Дюбертранъ, Ноэль и его любовница... Она очень мила...

Такъ говорилъ студентъ Маливуаръ, зажигая свѣчу о газовый рожокъ, въ дежурной залѣ, и, обращаясь къ Барнье, сидѣвшему, опустивъ голову на руки, за чтеніемъ медицинской книги.

— Было очень весело... Мы много пили...

Маливуаръ сѣлъ на столъ, держа въ рукахъ зажженую свѣчу.

— Любовница Ноэля очень миленькая...

— Какое мнѣ дѣло? сказалъ Барнье.

— Хочешь, я тебѣ скажу, что было за обѣдомъ?... Представь себѣ: мы пріѣзжаемъ,—за столомъ нѣтъ мѣста... Насъ помѣстили въ комнату жены хозяина... Тамъ, надъ ея кроватью, висѣла подъ стекломъ ея вѣнчанная гирлянда... такъ это глупо... мы ее изорвали въ клочки... Ахъ, да! была и Эмма... Она спрашивала о тебѣ... Знаешь, Барнье... это, право, удивительно!

— Что?

— Что у тебя до сихъ поръ не было любовницы... настоящей... понимаешь? Ты не сходился ни съ одной женщиной... долѣе сутокъ.

— Что-жъ? развѣ этого мало? цѣлые сутки...

И Барнье, перевернувъ стулъ, сѣлъ на него верхомъ и заговорилъ, протягивая руку къ забытой трубкѣ:

— Маливуаръ! я не понимаю тебя... у тебя какія-то превратныя понятія о женщинахъ!... Знаешь-ли, какъ смотрѣли на это наши предшественники?... Гораздо правильнѣе, чѣмъ теперь. Проработавъ цѣлый мѣсяцъ,—а работали они день и ночь, не замѣчая часовъ, работали такъ, что даже обѣды имъ приносили въ амфитеатръ, чтобъ не терять времени,—и послѣ такого трудового мѣсяца, какъ голодные волки, отправлялись въ Парижъ, прямо въ такое мѣсто, гдѣ можно найти вино, обѣды и женщинъ... Пировали они около полутора сутокъ... Это были врачи старой школы... Бишъ и другіе,—люди крѣпкаго закала, которые не станутъ пробавляться зельтерской водицей. Вотъ это были люди!

— А я, напротивъ, утверждаю,—ты скажешь, что это глупость... но это правда... я утверждаю, что именно намъ, въ нашей профессіи, нужно въ любви нѣчто болѣе, чѣмъ животное наслажденіе... Это похоже на парадоксъ, но это вѣрно! Намъ нужна не одна только женщина; нужны всѣ эти атрибуты, иллюзіи, весь этотъ очаровательный вздоръ!... однимъ словомъ, чтобъ не сводилось къ одному только матеріальному обладанію... Вотъ это-то насъ и влечетъ, именно потому, что наша профессія черезчуръ матеріальна и не оставляетъ мѣста для фантазіи!..

— Ты пьянъ, Маливуаръ, и оттого необыкновенно сентименталенъ...

— Совсѣмъ нѣтъ... Я только говорю...

— Ты говоришь нелѣпости! возразилъ Барнье и, оживляясь мало-по-малу, продолжалъ:—Другое дѣло, еслибъ ты сказалъ, что послѣ того, что мы видимъ ежедневно послѣ безобразія болѣзней, старости, дряхлости, мы чувствуемъ потребность любить существо молодое и свѣжее, полное жизни и силы, съ атласистой кожей, подъ которой сквозила бы молодая кровь, съ первымъ пухомъ юности на щекахъ, однимъ словомъ, женщину, которая была бы—сама жизнь!

Барнье остановился, взглянулъ въ раздумьи на столъ, уставленный пустыми бутылками, стаканами, блюдечками, въ которыхъ валялись окурки сигаръ и сѣрныя спички, на закапанную скатерть и разбросанныя трубки, и сказалъ, обернувшись къ Маливуару:

— Ты думаешь, я не любилъ? ты увѣренъ, что я никогда не любилъ въ моей жизни?

Въ эту минуту, стеклянная дверь дежурной залы отворилась и вошелъ служитель, засунувъ руки въ карманы панталонъ.

— Я пришелъ за вами, сказалъ онъ Барнье,—№ 9-й что-то беспокоенъ... тотъ, котораго вы вы-

слушивали сегодня утромъ... Онъ говоритъ, что задыхается... Я пришелъ за вами...

XVII.

— Это ужасно, г. Барнье! говорила въ одинъ вечеръ сестра Филомена,—я не могу освободиться отъ этихъ проклятыхъ мигреней... Вотъ и сегодня, я дурно себя чувствую... Нѣтъ-ли у васъ лекарства отъ мигрени?

— Не знаю... кажется, нѣтъ... впрочемъ, есть. Есть одно, которое мнѣ помогаетъ, можетъ быть, поможетъ и вамъ.

Барнье велѣлъ сидѣлкѣ принести чашку чернаго кофе, и накапалъ туда нѣсколько капель опиума.

— Вотъ, сказалъ онъ,—пятнадцать капель опиума въ чашкѣ кофе,—это мое лекарство.

— Пятнадцать капель! сказала Филомена съ испугомъ.

— Я бы принялъ сорокъ, а вамъ налью только десять... И, медленно отсчитавъ десять капель, онъ продолжалъ:—Это два противоположные элемента, которые, соединяясь, производятъ... Впрочемъ, говоря откровенно, я самъ не знаю, что они производятъ: одно только вѣрно—что это снимаетъ невралгію какъ рукой... Вы только заснете... вотъ и все! Теперь выпейте и скажите, помогло-ли вамъ?

Отпивъ глотокъ, Филомена остановилась и весело сказала:

— Надѣюсь, вы придете завтра узнать, не отравили-ли меня?

— Завтра? невозможно! Завтра я уѣзжаю на два дня въ деревню, къ пріятелю. Онъ писалъ, что у него водятся дикія утки... Видите, я не очень боюсь за васъ!

XVIII.

Сестра Филомена, къ концу дня, обыкновенно чувствовала себя совершенно разбитою и какъ бы мертвою, а между тѣмъ ей нужно было переламывать себя и бороться со сномъ для того, чтобъ прочесть вечернія молитвы. Въ одну ночь усталость и лихорадочное состояніе не позволили ей сомкнуть глазъ. Она провела ночные часы, слыша, какъ звонила каждая четверть, и перевертываясь подъ душившимъ ее одѣяломъ и напрасно ища мѣста, гдѣ бы успокоить свои члены. Лишь только она закрывала глаза, какъ чувствовала сотрясеніе во всемъ тѣлѣ, съ головы до ногъ, производившее на нее такое впечатлѣніе, какъ будто она падала. Сонъ представлялъ ей видѣнія, составляющія мученія цѣломудренныхъ женщинъ. Она находилась въ пространствахъ, гдѣ все было свѣтъ,—свѣтъ, похожій на отблескъ солнца или на сіяніе лѣтняго дня. Это были пространства, не населенныя ни людьми, ни животными, но они не казались ни печальными, ни одинокими. Жизнь присутствовала всюду, какъ въ солнечномъ лучѣ, ослѣпительная и невидимая. Въ ней слышалось безмолвіе жаркаго, полуденнаго дня, тихій шелестъ вѣтра, шорохъ спящей травы, безшумное рѣяніе птицъ по воздуху, мелодія, похожая на журчаніе. Филомена вдыхала вѣтерокъ, напоенный каплями росы, нѣчто подобное влажнымъ брызгамъ фонтана. Мягкій свѣтъ, тихая гармонія навѣвали на нее тихія, пріятныя ощущенія, воздушные сны... Вдругъ она почувствовала щекотаніе,—будто муха ползала по ея лицу, шелестя крылышками. Она хотѣла прекратить это щекотаніе, надавливая ей своею назойливостью, но рука ея лѣниво опускалась и ощущеніе дѣлалось раздражающимъ, почти пріятнымъ... То была уже не муха, перелетавшая съ мѣста на мѣсто; ей казалось, что крылья бабочки трепетали около ея лица, все быстрѣе и быстрѣе. Трепетаніе переходило въ ласку,—крылья блуждали по ея лицу: то были губы, одинъ только губы, безъ тѣла и безъ лица, свободныя и единственныя въ пространствѣ. То былъ ротъ и поцѣлуй,—сначала ласково раз-

дражительный, и наконец острый, как укушеніе.

XIX.

Половина девятого. Утро выходит лѣниво изъ мрака длинной, февральской ночи, и первый разсвѣтъ яснаго, зимняго дня встаетъ и разливается по залѣ Св. Терезы.

Посреди лазарета, кружокъ молодыхъ людей: ассистентовъ и студентовъ съ картонами въ рукахъ, собрался около печки. Они окружаютъ своего учителя, старика съ блѣднымъ лицомъ, сѣдыми волосами, зачесанными за ухо, и черными бровями, безпрестанно двигающимися надъ маленькими, но полными жизни и молодости глазами. Старикъ весь въ черномъ, съ ленточкой почетнаго легіона, бѣлый фартукъ подвязанъ у него у самой шеи. Темная, бархатная шапочка, открывая его высокій лобъ, надѣта на сѣдыхъ волосахъ. Онъ спокоенъ и смотритъ съ улыбкой на молодыхъ людей, разсѣянно водя руками по печной трубѣ, и какъ бы подсмѣиваясь самъ съ собою какой-то шуткѣ, которая просится на его тонкія губы.

Студенты тоже въ длинныхъ, бѣлыхъ фартукахъ, прищипленныхъ къ верхней пуговицѣ; всѣ они разговариваютъ весело, но тихо, изъ уваженія къ мѣсту и профессору. Молодежь здоровается другъ съ другомъ, въ кружкѣ слышится по временамъ женское имя и разсказъ о вчерашнемъ балѣ. Отдѣльныя группы разговариваютъ съ больными. Два очень юные студента гоняются другъ за другомъ, и остановившись у кровати, гдѣ больная, вся скорчившись, сидитъ, уткнувшись подбородкомъ въ колѣна, они присаживаются съ краю и борются рѣзвясь, какъ молодые щенки, и пробуя свою силу.

На длинномъ столѣ, между двухъ печей, лежатъ свернутые въ клубокъ полотняные бинты; пирамида небольшихъ губокъ возвышается возлѣ цѣлаго вороха бѣлоснѣжной корпии. Маленькій попугай, раздѣленный на отдѣлы, наполненъ баночками съ мазями темнаго и желтаго цвѣта, воткнутыми въ нихъ лопаточками. Длинное пламя небольшой спиртовой лампы отбрасываетъ красноватые отблески въ мѣдные тазы. По обѣимъ сторонамъ стола, на жестяномъ рукомойникѣ и чайникѣ свѣтъ скользитъ длинными и прямыми полосами.

Студентъ, наклонившись надъ столомъ, перелистываетъ книгу съ слѣдующими надписями вверху каждой графы. Лекарства — внутреннія — наружныя — суши: съ рисомъ, вермишелью, молочные, постные, скоромные: — кушанья питательныя: 1, 2, 3, 4; — питье: — вино, молоко. Прислонившись къ столу, неуклюжая сидѣлка вытираетъ салфеткой жестяной рукомойникъ, прищуривая подслѣповатые глаза. Въ провѣтреномъ лазаретѣ не чувствуется никакого запаха, а только присутствіе влажной теплоты, какъ въ банѣ.

Въ блѣдномъ холодномъ свѣтѣ зимняго дня отчетливо обрисовывается каждая кровать бѣлымъ четвероугольникомъ, съ перкалевыми занавѣсами и шерстянымъ одѣяломъ. Лучъ солнца приникъ къ подножію, играетъ на одѣялѣ, перескакиваетъ на рубашку больной, сидящей на постели. Ярлыки тянутся, бѣлѣя, вдоль стѣнъ, за исключеніемъ опустѣвшихъ кроватей. Въ глубинѣ кроватей, надъ головами больныхъ, придѣланы небольшія полки и на нихъ разставлены банки съ вереньемъ, стклянки съ лекарствомъ, разложены апельсины и книги. Между занавѣсами виднѣются подпорки, висяція на проволокахъ, съ помощью которыхъ больные приподнимаются.

Изъ лежащихъ женщинъ, нѣкоторыя завернулись въ одѣяло съ головой, — видно только немного лба, кончикъ щеки и съжившееся въ кучу тѣло. Другія лежатъ неподвижно на спинѣ, съ приподнятыми вверхъ колѣнами. Многія, высоко

положивъ головы на подушки, держатся лѣвой рукой за правую, какъ бы шупая пульсъ. На кроватяхъ, стоящихъ ближе къ входу, замѣтно движеніе; приготовленія къ туалету, поползновенія къ кокетству придаютъ силы выздоравливающимъ. Худыя, дрожація руки съ синими жилками, застегиваютъ рукава у рубашки, разглаживаютъ складки на кофтѣ. Одна снимаетъ вышитый чепчикъ, приколотый булавками къ занавѣсамъ, другая приглаживаетъ волосы.

Блѣдность всѣхъ этихъ лицъ принимаетъ почти землистый оттѣнокъ, выдѣляясь на бѣлоснѣжныхъ наволочкахъ и занавѣсахъ. Всѣ эти простыя, чернорабочія женщины, съ блѣдными лицами, съ расширившимися глазами, носятъ на себѣ странную печать изнѣженія, накладываемую страданіемъ и уравнивающую всѣ сословія. Студенты положили свои шляпы на полочки, стулья отодвинуты, чтобъ дать свободный проходъ врачу. Стоя у окна, полузакрѣтая складками своего бѣлаго покрывала, сестра Филомена вяжетъ чулокъ.

— Пойдемте господа! говоритъ врачъ и начинаетъ свой обходъ съ первой кровати на лѣво отъ входа. За нимъ идетъ сидѣлка съ салфеткой и жестянымъ кувшиномъ въ одной рукѣ и съ тазомъ въ другой. Каждая кровать, у которой останавливается врачъ, окружена столпившимися студентами, разсматривающими больную. Зала полна торжественнаго, почтительнаго безмолвія. Слышенъ только скрипъ пера студента, записывающаго рецепты въ книгу. Уста сомкнуты, страданіе молчитъ во время обхода врача, переходящаго отъ одной кровати къ другой, съ неизмѣнно яснымъ лицомъ, съ одобрительной улыбкой, съ словами утѣшенія и даже добродушными шутками.

— Ну, говоритъ онъ больной, которой на дняхъ сдѣлалъ операцію въ горлѣ, — вы общали сегодня съѣсть намъ что-нибудь... Посмотримъ, какъ-то вы сдержите свое слово..

И онъ прислушивается къ звукамъ, которые повеселѣвшая больная пробуетъ воспроизвести.

— Порцію № 9-му! говоритъ онъ, останавливаясь на минуту передъ кроватью, гдѣ сидитъ молодая женщина, и этихъ словъ достаточно, чтобъ воскресить ее: жизнь радостной молніей загорается въ ея глазахъ.

Врачъ подходитъ къ предпоследней кровати, къ № 29.

— А! это вчерашняя! говоритъ онъ, взглянувъ на табличку:

Больная растегнула кофту и открыла грудь. Одинъ изъ студентовъ отдернулъ занавѣсъ у кровати, чтобъ свѣтъ могъ проникнуть изъ окна. Докторъ началъ осмотръ. Больная глядѣла ему въ глаза, но ничего не могла прочесть въ нихъ. Черезъ минуту занавѣсъ снова опустился. Женщина закрыла глаза, прислушиваясь къ удалявшимся шагамъ доктора. Ею овладѣлъ внезапный и безпричинный ужасъ; мурашки пробѣжали у ней по спинѣ. Она завернулась въ одѣяло и зарылась съ головой въ подушки.

— Г. Барнье нѣтъ здѣсь? спросилъ докторъ переходя къ сосѣдней кровати и всматриваясь въ группу студентовъ.

— Вотъ онъ; онъ сейчасъ пришелъ, сказалъ чей-то голосъ.

Студенты окружили кровать, у изголовья которой остановился докторъ. Барнье проскользнулъ туда же, въ свободное пространство, оставшееся между кроватями. Онъ стоялъ, ожидая, чтобъ докторъ заговорилъ съ нимъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что чья-то рука сзади схватила его за руку. Онъ обернулся и отступилъ въ испугъ, какъ человѣкъ, который видитъ призракъ женщины, когда-то ему знакомой.

— Что они со мной сдѣлаютъ, Барнье?.. Скажи, что они со мной сдѣлаютъ?.. спросила

больная, та самая, у которой только-что осматривали грудь.

— Ты? сказалъ Барнье, — это ты?..

— Что они сдѣлаютъ со мной, да говори же!

— Г. Барнье! позволь доктору, подходя къ дверямъ. Барнье подошелъ.

— Г. Барнье, сказалъ докторъ, — мнѣ извѣстно что ассистенты и студенты жалуются, что имъ не даютъ практиковать на операціяхъ. Ну, я хочу попробовать. Завтра, вы сдѣлаете операцію новопривывшей, № 29-му... У нея воспаленіе въ правой груди. Я вамъ совѣтую употребить выпуклый ножъ для вскрытія оболочки и прямой для остальнаго. И сдѣлайте надрѣзъ боку...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

По Германіи.

(Письма С. П. Талаева.)

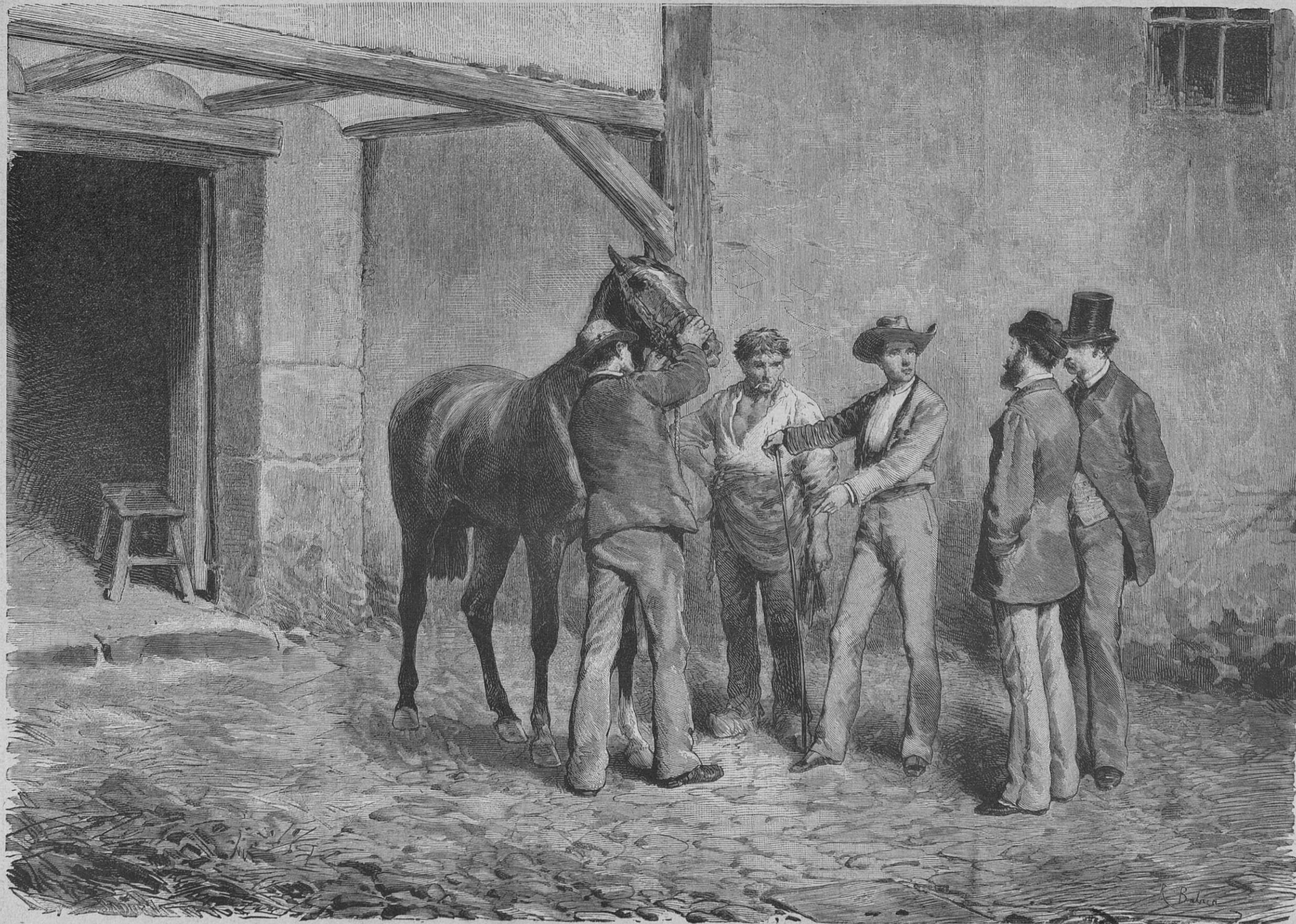
Нѣмцы и чума. — Карантины. — Сожиганіе труповъ въ Готѣ. — Гота и ея достопримѣчательности. — Географическое заведеніе Юстуса Пертеса. — Страховыя учрежденія. — Игрушечная и колбасная фабрики. — Зданіе для сожиганія труповъ. — Описаніе церемоній.

Чума, чума и чума! Только и слышно о ней въ Германіи. Она заставила всѣхъ заговорить о себѣ: и въ вагонѣ, и за «общимъ столомъ», и въ пивной или кнейпѣ, и въ гостиницѣ аристократическихъ домовъ и въ лачугѣ фабричныхъ, которые имѣютъ всего больше права говорить и думать о чумѣ. Въ виду всеобщей боязни и германское правительство стало приготовляться къ крупнымъ мѣрамъ: къ карантину товаровъ, а затѣмъ дѣло дойдетъ и до карантина людей.

Мнѣ было иногда очень неловко среди простодушныхъ нѣмцевъ, которые принимали меня, по своей наивности, за зачумленнаго, узнавая, что я пріѣхалъ изъ Россіи. Многіе нѣмцы, въ особенности изъ необразованныхъ, воображаютъ, что въ Россіи до сихъ поръ царитъ варварство XIV — XV столѣтій, что у насъ существуютъ пытки и проч. И вотъ эти нѣмцы, съ которыми всего чаще встрѣчаешься въ вагонѣ или кнейпѣ, видѣли во мнѣ живую чуму. Смѣшно мнѣ было, но и непріятно въ тоже время.

Я долженъ сознаться, что и я увлеченъ мыслью и страхомъ о чумѣ. Что бы предпринять противъ нея? Немудрствуя лукаво, я купилъ пару брошюръ о чумѣ; которыя уже выпущены въ свѣтъ предпріимчивыми нѣмцами, а главное, — я познакомился на мѣстѣ съ процессомъ сожиганія труповъ, которое уже введено въ Готѣ. Въ этомъ городѣ я бывалъ и раньше: мнѣ пришлось прожить тамъ два лѣта — 1872 и 1873 годовъ. Я познакомился и сошелся тамъ со многими горожанами и учителями. Гота небольшой городъ (всего 24,000 жит.), но представляетъ много интереснаго и замѣчательнаго, какъ въ научномъ, такъ и въ социальномъ отношеніи. Здѣсь знаменитое картографическое заведеніе Юстуса Пертеса, по картамъ котораго учатся миллионы учениковъ во всѣхъ концахъ свѣта; Здѣсь издается уже болѣе ста лѣтъ «Готскій Альманахъ»; въ Готѣ знаменитая обсерваторія, лучшая бібліотека по количеству арабскихъ рукописей. Здѣсь, въ Готѣ, учреждено первое въ Германіи общество взаимнаго страхованія пожизненныхъ доходовъ и капиталовъ, и здѣсь же учреждено второе страховое отъ огня общество, которое не ликвидировало своихъ дѣлъ въ то время, какъ гамбургское общество, подъ вліяніемъ бѣдствій 1848 года, прекратило платежи. Далѣе, Гота первая вступила въ германскій союзъ. Если наконецъ заглянуть въ исторію Готы и ея окрестностей, то на первое мѣсто выступитъ особенная черта — духъ либерализма и протестантизма. Въ Тюрингенскихъ горахъ укрывался Лютеръ и положилъ твердое начало своему ученію. Въ Готѣ поселились всѣ политическіе агитаторы, которые въ 1848 году считались опасными въ остальныхъ

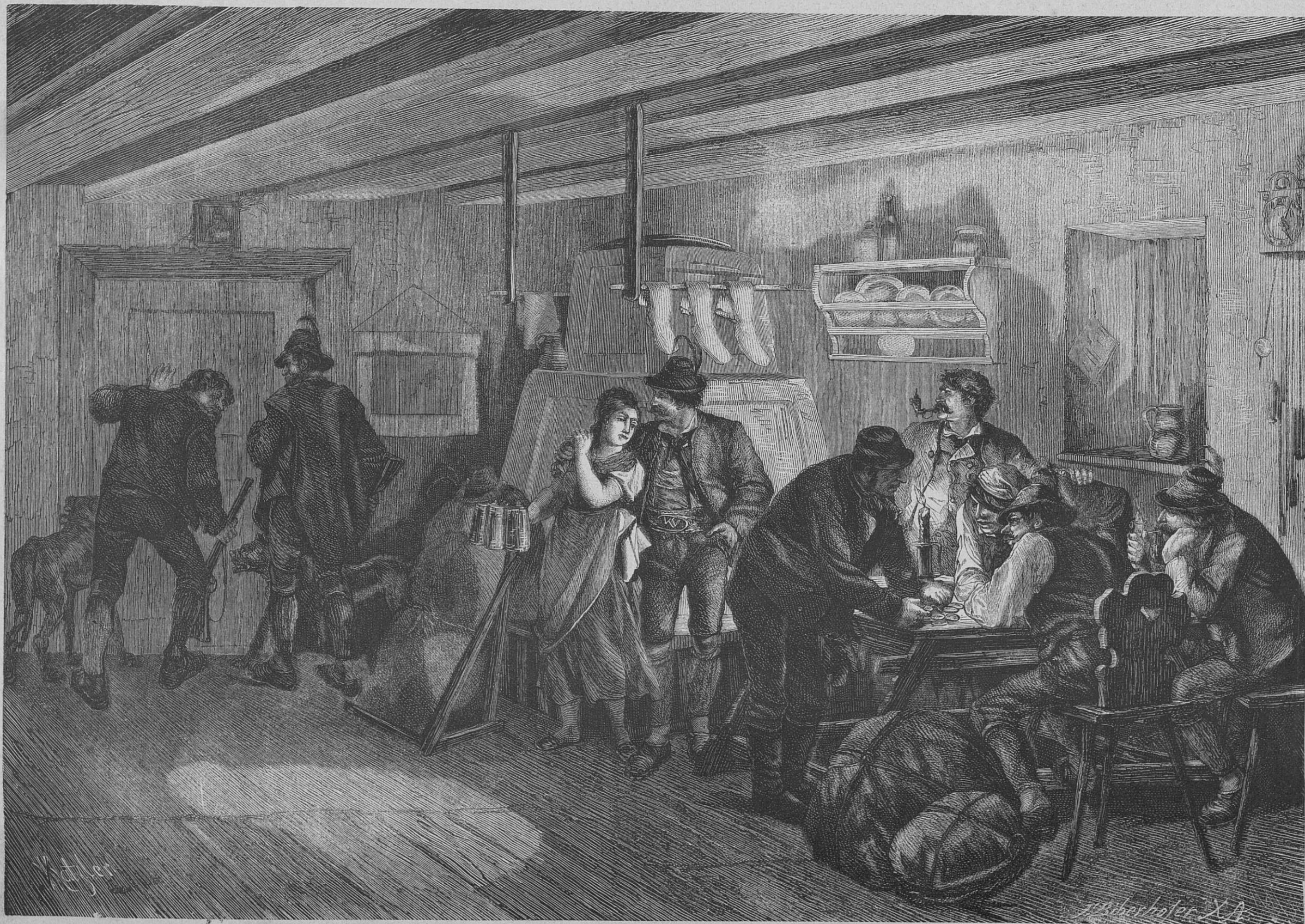

Продажа лошади.
Ръзатъ на деревѣ Целестино Садурни въ Барселонѣ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА КАЦЛЕРА.

Тиро́льскіе контрабандисты.
Рѣзаль на деревѣ Вибергоферъ.

государствахъ Германіи; благодаря такому положенію дѣль въ Готѣ соединялись лучшія силы страны, и въ ней всегда переживались, такъ сказать, всѣ животрепещущіе вопросы Германіи. Въ послѣднее время Гота служила убѣжищемъ многимъ изъ экс-коронованныхъ особъ: тутъ жилъ португальскій король, герцогъ голштинскій, еще два-три князя, оставшихся за штатомъ послѣ 1866 года. Всѣ они превратились въ скромныхъ буржуа, и жизнь ихъ невольно слилась съ жизнью простыхъ горожанъ.

Изъ другихъ учреждений, заслуживающихъ вниманія, слѣдуетъ упомянуть о фабрикахъ дѣтскихъ оловянныхъ игрушекъ: солдатиковъ, лошадокъ и о колбасной фабрикѣ Ауэрбаха. Оловянные игрушки изготовляются только въ Готѣ и вывозятся громадными транспортами по всѣмъ направленіямъ, и за океанъ, и на континентъ, и на дальній Востокъ. Вы встрѣтите готскія игрушки и въ Рио-Жанейро, и на берегахъ Соляного озера, и въ Англіи, и во всей Европѣ, и затѣмъ во Владивостокѣ, Енисейскѣ и Ташкентѣ! Масса рабочихъ и работниковъ занята въ мастерскихъ оловянной фабрики. Еще въ прежнее мое посѣщеніе Готы, я заинтересовался этой громадной фабрикой и, долженъ сознаться, вынесъ самое лучшее о ней впечатлѣніе. На фабрикѣ существуетъ сохранная касса, куда рабочіе могутъ вносить вклады, начиная отъ одного гроша; рабочіе устроили артельные магазины и лавки припасовъ; у нихъ существуетъ взаимное страхованіе жизни, вдовьи кассы, пособие для увѣчныхъ, и все это основано на твердомъ, непоколебимомъ началѣ взаимности. Госпиталь, аптека обязательно должны быть на каждой фабрикѣ.

Обороты другой выдающейся фабрики—колбасной—не уступаютъ оборотамъ игрушечной. Она мелочной торговли не производитъ вовсе, а торгуетъ оптомъ, и преимущественно заграницей. Товаръ Ауэрбаха завозится въ самыя отдаленныя мѣста всего свѣта; я очень хорошо помню, съ какимъ удовольствіемъ я покупалъ въ Перчинскѣ и во Владивостокѣ колбасные консервы своей знакомой фабрики! Управляющій фабрикой, съ которымъ я хорошо познакомился, объяснялъ мнѣ, что для каждой страны приходится готовить товаръ особеннымъ образомъ, поддѣлываясь подъ требованія покупателей.

Наконецъ, и это самое главное, въ Готѣ построено первое зданіе для сожиганія тѣлъ умершихъ. Уже давно въ Германіи и Швейцаріи зародилась мысль ввести въ обычай сожиганіе тѣлъ, но суевѣрія, существовавшія въ народѣ втеченіе тысячелѣтій, представляли непреодолимые препятствія. Пришлось дѣйствовать исподволь, путемъ прессы, приводить ясныя и убѣдительныя доказательства въ пользу и необходимости сожиганія труповъ и выставить наружу весь вредъ, происходящій отъ преданія ихъ землѣ. Составилось общество, съ разрѣшенія властей, «для сожиганія тѣлъ умершихъ». Оно получило отъ швейцарскаго и германскаго правительствъ разрѣшеніе сожигать тѣла умершихъ, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы были соблюдены всѣ требованія медицинско-полицейскія и чтобы не было никакого насилія, т. е. чтобы умершій, въ своемъ завѣщаніи, ясно высказалъ свое желаніе быть сожженнымъ послѣ смерти, и чтобы оставшіеся въ живыхъ наследники не противились тому. Въ данномъ случаѣ полицейская или административная власть должна была первая согласиться на подобный способъ погребенія умершихъ, такъ какъ этотъ обрядъ былъ вызванъ въ древности условіями общественной гигиены; и правительство, сознавъ всю пользу его, ни минуты не колебалось дать согласіе. 10 декабря, прошлаго года совершенно первое погребеніе по новому-христіанскому обряду. На церемонію собрались депутаты отъ различныхъ городовъ Гер-

маніи, Англіи, Швеции и Франціи. Всѣ живо интересовались полезнымъ нововведеніемъ. Пасторъ въ своей рѣчи сказалъ: «Сегодня въ первый разъ послѣ Рождества Христова совершается въ Германіи погребеніе умершаго путемъ сожиганія тѣла. Лютеранская церковь заявляетъ здѣсь, что обрядъ этотъ нисколько не противорѣчитъ догматамъ христіанской религіи, такъ какъ въ данномъ случаѣ человекъ одинаковымъ образомъ возвращается къ своему первоначальному земному состоянію, какъ и при погребеніи въ землю».

Гробъ съ покойникомъ ставится посреди церкви и прикрывается саркофагомъ. Затѣмъ, во время хорового пѣнія, особымъ механизмомъ, незамѣтнымъ для публики, гробъ спускается въ нижній этажъ зданія и втеченіи двадцати минутъ сожигается вмѣстѣ съ трупомъ. По окончаніи проповѣди родственники получаютъ въ урнѣ пепелъ, который они могутъ сохранять въ особомъ зданіи, называемомъ «колумбаріемъ». Саркофагъ, прикрывающій гробъ, остается все время на мѣстѣ.

Храмъ для сожиганія тѣлъ умершихъ построенъ по проекту знаменитаго архитектора Бонштедта, получившаго первую премію за проектъ германскаго рейхстага. Церковь помѣщается въ срединѣ и окружена обширнымъ «колумбаріемъ»; отъ нея направо и налево идутъ корридоры къ пристройкамъ, изъ которыхъ одна служитъ для трехдневнаго обязательнаго храненія умершихъ и содержитъ комнату для медицинскаго вскрытія тѣлъ, а въ другой помѣщаются сторожъ, смотритель и прочіе служащіе. Частныхъ средствъ не хватило на постройку этого зданія, и городская дума Готы, съ полнымъ либерализмомъ и сочувствіемъ, явилась на помощь молодому обществу. Имя Готы и ея городской думы будетъ на вѣки занесено въ исторію.

Возвращаясь къ злобѣ дня—чумѣ, я не стану предлагать никакихъ средствъ,—и безъ меня ихъ много предлагаютъ, но не могу не замѣтить, что сожиганіе тѣлъ умершихъ должно обратить на себя вниманіе всѣхъ лицъ, заинтересованныхъ въ прекращеніи чумы. Какъ избавиться отъ чумы, мы рѣшительно не знаемъ, за то должны принимать въ соображеніе и приводить въ исполненіе всякую мелочь, которая, очевидно, служитъ къ прекращенію распространенія народнаго бѣдствія, а извѣстно, что кладбища и ихъ окрестности представляютъ самыя нездоровыя мѣстности и всегда служатъ плодородною почвою для распространенія всѣхъ эпидемій. Все это уничтожится при сожиганіи тѣлъ умершихъ. Безъ сомнѣнія, ввести это полезное нововведеніе не легко, но можно поступить также, какъ поступило швейцарское и германское правительства: дозволить сожиганіе труповъ, и затѣмъ можно ожидать, что въ самомъ скоромъ времени этотъ обрядъ, если не будетъ обязательнымъ, то очень распространится.

Карлъ Федоровичъ Гунъ.

Ст. А. Н. Толитѣровой, съ набросками, картинами и портретомъ Гуна.

(Продолженіе.)

Живя въ Парижѣ, К. Ф. Гунъ занимался ретушированіемъ акварелью, фотографическихъ портретовъ, и за такую работу онъ получалъ отъ 150 до 200 франковъ за портретъ. Гунъ былъ прекрасный акварелистъ! Его акварели были также хороши, какъ извѣстныя испанскія и итальянскія акварели, напоминающія своею силою масляныя краски. Одинъ изъ удачныхъ его акварельныхъ портретовъ былъ портретъ императрицы Евгеніи. Этотъ портретъ былъ сдѣланъ Гуномъ по просьбѣ фотографа Лежена, преемника Левицкаго. Когда императрица увидѣла свой портретъ,

ей такъ понравилась тонкая и изящная работа Гуна, что она пожелала видѣть художника и когда онъ ей былъ представленъ, взяла у него нѣсколько уроковъ.

Многіе художники упрекали Гуна за ретушированіе фотографій, говорили, что эта механическая работа можетъ убить талантъ. Но эта механическая работа находила себѣ объясненіе въ необходимости имѣть лишніе деньги для исполненія извѣстныхъ работъ. И дѣйствительно, можетъ-ли художникъ на 900 руб., получаемыхъ отъ казны, жить, брать модель и покупать необходимые костюмы. Судя по роду живописи Гуна, ему нужны были богатые костюмы, богатая мебель и богатый фарфоръ. И все это онъ, будучи страстнымъ любителемъ старыхъ вещей—покупалъ. Зная это, дѣлается понятнымъ, почему Гунъ брался за механическія работы. Онъ много работалъ по фотографіи и это, можетъ быть, отчасти и выработало въ немъ ту отчетливость, которая появляется во всѣхъ деталяхъ его картинъ. Кромѣ вышеупомянутыхъ картинъ, Гунъ написалъ въ Парижѣ еще одну: «Изъ кавказской жизни». Матеріаломъ для этой картины ему служили этюды художника Грузинскаго. Самъ Гунъ не былъ на Кавказѣ. Картина эта была куплена принцемъ Уэльскимъ на лондонской выставкѣ. Кромѣ историческихъ и жанровыхъ картинъ, Гунъ любилъ писать пейзажи и цвѣты. Къ цвѣтамъ у него была особенная слабость. Въ какое бы время года вы ни зашли въ его мастерскую, у него всегда были цвѣты: въ вазахъ, въ горшкахъ, въ стаканахъ и даже на балконѣ въ особенно устроенныхъ ящикахъ. «Когда пріятель, говоритъ И. Н., надѣдалъ ему разговорами, мѣшая работать, онъ обыкновенно просилъ ихъ отправляться на балконъ—поливать цвѣты». А какъ прекрасно онъ писалъ цвѣты! Кто видѣлъ его «Итальянку съ цвѣтами», тотъ вѣрно помнитъ, до какой степени были хороши цвѣты! Ихъ разнообразные колера нисколько не убивались нестротой итальянскаго фартука, въ который они были набраны, до того умѣлъ Гунъ привести все въ гармонію. Какъ бы его картина ни была пестра по костюмамъ и аксессуарамъ, онъ всегда умѣлъ выдержать тона и пятна свѣта.

Первый портретъ, написанный Гуномъ въ Парижѣ масляными красками, былъ портретъ Марка Вовчка, автора симпатичныхъ малороссійскихъ рассказовъ «Игрушечка», «Червонный король» и др. Французскіе художественные критики съ большою похвалою относились къ таланту Гуна и сравнивали его съ Хейлбутомъ и Кантомъ. Фо-

гографіи съ его картинъ раскупались на расхватъ. Съ нимъ вели дѣятельную переписку многіе любители и торговцы, предлагая ему разные заказы.

А вѣдь русскихъ художниковъ, за весьма немногими исключеніями, французы не очень любятъ. Особенно за краски и неряшливость письма.

Лѣто К. Ф. проводилъ или въ окрестности Парижа или въ Нормандіи. Тамъ онъ написалъ много этюдовъ и два прекрасныхъ жанра «Большое дитя» и «Дѣти съ котятками». Эти картины удостоились преміи въ 1,000 руб. и медали за экспрессию на петербургской выставкѣ 1872 года. Особенно удачна по экспрессіи картина «Дѣти съ котятками». На ней изображена внутренность нормандской избы. Подлѣ печки на маленькомъ коврикѣ сидятъ, передъ блюдомъ съ молокомъ, два котенка, третьяго молодая женщина взяла на руку и показываетъ его своимъ дѣтямъ; старшій мальчикъ бережно гладитъ котенка, а маленькая дѣвочка хочетъ дотронуться до него не иначе, какъ кончикомъ своего фартука. Какая веселая улыбка на лицѣ матери, какъ вся обстановка дышетъ семей. Въ изображеніи тихого, спокойнаго счастья Гунъ особенно хорошъ. Дѣти на всѣхъ его картинахъ поэтичны и вырваны, что называется, прямо изъ жизни. Въ его картинѣ «Попался», вы чувствуете, что мальчика бранятъ, читаютъ ему натацію. Сцена происходитъ во дворѣ. На первомъ планѣ стоитъ осликъ. Отецъ съ ведромъ въ рукахъ пристально смотритъ на провинившагося; мать, оставя на минуту стирку бѣлья, тоже вноситъ въ натацію отца долю упрековъ. А мальчикъ, засунувъ руки глубоко въ карманы, стоитъ у стѣны и съ стойкостью выслушиваетъ заслуженную кару. Изъ-за столба выглядываетъ, превратившійся въ слухъ его товарищъ по игрѣ, за котораго спряталась крошечная дѣвочка, держа въ рукѣ громадный змѣй. Картина эта имѣетъ 64 сантиметра въ длину и 49 въ ширину. Но не смотря на свои миниатюрные размѣры, она выполнена крайне бойко, въ ней нѣтъ сухости кисти, и она не выписана, а написана широко, ловко, точно въ ней мѣра—цѣлая сажень. Свѣтъ на картину проходитъ изъ крошечнаго окна, составленнаго изъ маленькихъ стеколъ, какъ это всегда дѣлается въ нормандскихъ деревняхъ. Такое освѣщеніе Гунъ очень любилъ. Его картина «Счастливая мать» также полна поэзіи. Содержаніе ея крайне просто: молодая мать держитъ на рукахъ ребенка, который тянется къ старшему брату, сидящему подлѣ матери на полу. Какъ хороши экспрессіи на лицѣ матери и сына. Въ ногахъ у женщины стоитъ постель ребенка, защищенная отъ свѣта соломенной шляпой, съ широкими полями. Въ эту-то кроватку маленькая дѣвочка, вообразивъ себя матерью, укладываетъ своего ребенка—куклу. Каменный полъ, посуда, зелень, холщевая тряпка, на которой лежитъ хлѣбъ,—всѣ эти мелочи домашней обстановки мастерски написаны. Эти двѣ картины «Попался» и «Счастливая мать» были послѣдними картинами Гуна. Онъ ихъ кончилъ, живя въ Ментонѣ.

Война 1870 года заставила Гуна оставить Парижъ. И онъ поѣхалъ сначала въ любимую имъ Нормандію, затѣмъ въ Брюссель. Въ этомъ же году, въ академіи художествъ произошелъ переломъ. Совѣтъ понялъ, что со старыми, хотя и заслуженными профессорами, долѣе оставлять академію нельзя и рѣшилъ привлечь къ занятію съ учениками молодые новые силы. Къ кому же, какъ не къ Гуну могла обратиться академія. Гунъ своими работами, за которыя онъ получилъ и медали, и денежныя преміи, а также званіе академика и

профессора, могъ принести несомнѣнную пользу своимъ ученикамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Народы Россіи.

(Этнографическіе очерки.)

Ст. С. С. Шашкова.

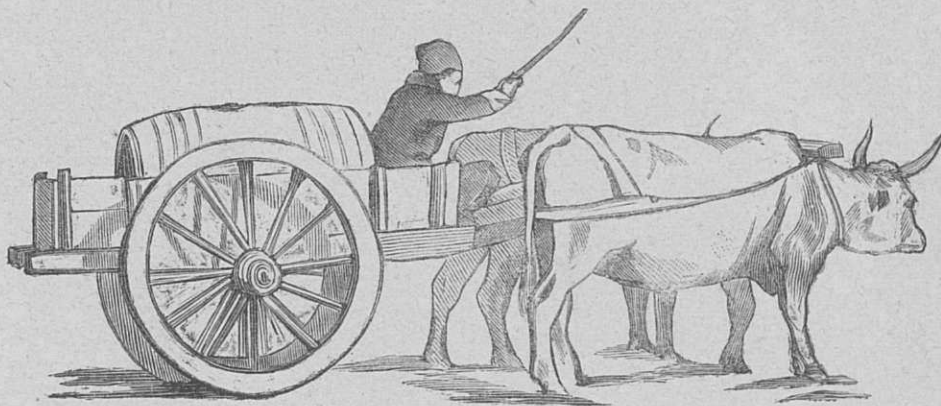
II.

Камчадалы.

амчатка нерѣдко представляется чѣмъ-то въ родѣ ада, послѣднимъ мѣстомъ на землѣ, между тѣмъ природа этого отдаленнаго полуострова далеко не угрюма, а климатъ довольно сносенъ, благодаря близости моря и вулканамъ или сопкамъ, изъ которыхъ двѣнадцать дѣйствуютъ изрѣдка до сихъ поръ и достигаютъ значительной вышины, Ключевская, напр., 14,790 фут.

Камчатка занимаетъ пространство въ 4,000 кв. миль, слѣдовательно, она вдвое больше Румыніи и Португаліи, внятеро больше Сербіи, вшестеро—Швейцаріи. Камчатка очень богата. Въ ней водятся лучшіе въ мірѣ соболи и лисицы, горностаи,

(Къ статьѣ К. Ф. Гунъ.)

разсомахы, песцы, медвѣди, волки, дикіе бараны и олени, а въ устьяхъ рѣкъ превосходные морскіе бобры. Травы въ Камчаткѣ роскошныя и здѣсь могло бы развиваться скотоводство во всякомъ разѣ не хуже, чѣмъ въ холмогорскомъ уѣздѣ архангельской губерніи. Весь островъ покрытъ низкими сланцемъ—кедровникомъ, дающимъ превосходные орѣхи; ягодъ—морозики, брусники, черемхи, жимолости, голубицы,—множество. Много птицы, но еще болѣе разнообразной и превосходной рыбы, которую въ устьяхъ рѣкъ можно ловить просто голыми руками; въ морѣ много китовъ.

Въ Камчаткѣ живетъ нѣкогда довольно многочисленное и, по всей вѣроятности, родственное съ эскимосами племя камчадаловъ. Живутъ камчадалы зимою въ землянкахъ-юртахъ, которыя такъ описываетъ Кукъ: «на глубинѣ 6 футовъ выкапывается въ землѣ четырехугольникъ продолговатый; величина его зависитъ отъ числа лицъ, для которыхъ предназначается юрта (причемъ нужно замѣтить, что обыкновенно въ одной и той же куртѣ живетъ по нѣскольку семействъ). Внутри сдѣланной, такимъ образомъ, четырехугольной ямы ставятся крѣпкіе столбы или подпоры,—на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого, а на нихъ кладутся перекладины, долженствующія поддерживать крышу. Послѣдняя состоитъ изъ наискось положенныхъ жердей, одинъ конецъ которыхъ упирается въ землю, а другой лежитъ на перекладинахъ. Пространство между жердями

забирается новыми прутьями, а поверхъ накладывается дернъ, такъ что издали такая юрта имѣетъ видъ низкаго, круглаго холма. Въ самой срединѣ дѣлается отверстіе для прохода дыма, оно же служитъ вмѣсто окна и двери. За неимѣніемъ лѣсеницы, обитатели хижины лазаютъ вверхъ и внизъ по толстому бревну, на которомъ сдѣланы едва достаточныя для ножныхъ пальцевъ зарубки. Чаше однако этотъ входъ замѣняется выкопаннымъ въ землѣ корридормъ. Для лѣтняго жилья и храненія своихъ припасовъ отъ звѣрей, камчадалы строятъ воздушныя шалаши и склады на высокихъ столбахъ, нѣчто вродѣ извѣстныхъ свайныхъ построекъ доисторической древности. Вся одежда камчадала дѣлается изъ оленьихъ и другихъ шкуръ и по мѣстамъ вышивается разноцвѣтными узорами. До прихода русскихъ камчадалы жили въ каменномъ вѣкѣ и всѣ орудія ихъ были изъ дерева, камня, кости, оленьяго рога. Пища камчадаловъ, кромѣ ягодъ и въ новѣйшее время небольшого количества хлѣба, преимущественно животная—оленье мясо, трупы китовъ, выброшенныхъ на берегъ, рыба, которая заготавливается въ прокъ самымъ первобытнымъ способомъ: сваливается просто въ ямы, которыя потомъ закрываются, рыба гниетъ и превращается въ отвратительную кашу, съ удовольствіемъ, однако, употребляемую камчадалами. Рыбу дѣлятъ также въ сушеномъ видѣ (юкола). Хлѣбъ для камчадала—лакомство, котораго онъ часто не видитъ по нѣскольку лѣтъ. На рыбу иногда бь-

ваетъ неудовольствіе, и тогда наступаетъ голодъ. «Въ одно лѣто, говоритъ Кеннанъ, жители могли бы наловить и засушить столько рыбы, что ея хватило бы года на три, но, вмѣсто того, они запасаютъ себѣ продовольствіе только на одну зиму, рискуя на слѣдующую умереть съ голоду. Ни тяжелый опытъ, ни громадныя страданія, не дѣлаютъ ихъ предусмотрительнѣе. Даже если они видятъ, что голодъ неизбеженъ, то не принимаютъ никакихъ мѣръ для предупрежденія и облегченія его, пока, наконецъ, не

уничтожится послѣдняя крошка пищи». Такая безпечность, впрочемъ, свойственна всѣмъ народамъ, стоящимъ на низшихъ ступеняхъ культуры. Подобно всѣмъ инородцамъ сѣверовосточной Сибири, камчадалы имѣютъ свой хмѣльной или, вѣрнѣе, одуряющій напитокъ. У него нѣтъ ни винограда, ни саговой пальмы для приготовленія вина, нѣтъ даже кобыль, изъ молока которыхъ онъ могъ бы гнать, какъ монголы, молочную водку (тарасунъ) или дѣлать кумысъ, и онъ довольствуется настоемъ мухомора («шибко, бестія, забираетъ», выразился мнѣ однажды одинъ русскій, живавшій въ Камчаткѣ). Настояй этотъ обходится несравненно дешевле водки, привозимой въ малыхъ количествахъ за тысячи верстъ, да и дѣйствіе его гораздо продолжительнѣе. Ъздаютъ камчадалы на собакахъ, запрягаемыхъ въ легкія санки и нарты, устройство которыхъ, въ сущности, одинаково по всему крайнему сѣверу Сибири и Россіи. Нарта похожа на салазки, но на ней сдѣлана маленькая кибитка изъ шкуръ, до того низенькая, что ѣдущій заползаетъ въ нее и долженъ лежать, править же собаками каюръ (ямщикъ), сидящій снаружи. Ъздовыя собаки, съ длинной желтовато-бѣлой шерстью, довольно большого роста и похожи на дворняжекъ. Онѣ очень смиренны и на людей не бросаются. Лѣтомъ собаки ходятъ на волѣ и сами ловятъ себѣ рыбу въ рѣкахъ, при обиліи которой онѣ сильно жирѣютъ къ осени; тогда хозяева привязываютъ ихъ и кормятъ дня черезъ два; жиръ спадаетъ, и собака становится годною

для ѣзды, къ которой ее приучаютъ съ дѣтства. Для своза 10 пудовъ нужно семь собакъ, которыхъ впрягаютъ попарно, пуская впередъ лучшую изъ нихъ, понимающую команду сѣдока: пошелъ, стой, направо, налево. Чутье этихъ животныхъ изумительное, онѣ не сбиваются съ дороги въ самую сильную мятель, если же холодъ и вѣтеръ становятся нестерпимыми, онѣ сбиваются въ кучу, ложатся вокругъ ѣздока и согреваютъ его. Но если собаки не обманываются чутьемъ, то напавъ на слѣдъ звѣря, онѣ неистово бросаются по слѣду и, въ такомъ случаѣ, ничто не можетъ остановить ихъ. Если имъ попадется на дорогѣ что нибудь съѣстное, трупъ звѣря, рыба и т. д., онѣ останавливаются, начинаютъ драку и до того перенутиваются въ своей упряжи, что сѣдоку приходится часа два распутывать ихъ. Для управленія санками ѣздохъ держитъ въ рукахъ шесть съ острымъ наконечникомъ, которымъ онъ предохраняетъ санки отъ толчковъ о деревья и камни на узкихъ собачьихъ дорожкахъ, удерживаетъ отъ раскатовъ въ сторону, тормозитъ при спускѣ и т. д.

Кормясь охотою и рыбною ловлею, камчадалъ продаетъ часть своей добычи русскимъ купцамъ, получая отъ нихъ желѣзо, табакъ, водку и т. д. Какъ вездѣ въ Сибири, такъ и въ Камчаткѣ, эта торговля ведетъ за собой кабалу инородца, и то, что писалъ Головинъ 60 лѣтъ назадъ, приложимо и къ нынѣшнимъ камчадаламъ. «Всякій камчадалъ имѣетъ между купцами своего кредитора, у котораго во всякое время беретъ въ долгъ разныя бездѣлицы, не спрашивая о цѣнѣ ихъ; купецъ записываетъ въ свою книгу за всякую вещь десятирную цѣну, такъ что по книгамъ купца камчадалъ долженъ ему рублей 1,000 и болѣе, а на самомъ дѣлѣ и на 100 не будетъ. Когда купцы ѣздятъ по Камчаткѣ, то спрашиваютъ камчадаловъ — помнятъ ли они свои долги? — «Помню», отвѣчаетъ камчадалъ. — «А сколько ты мнѣ долженъ?» — «Почемъ мнѣ знать, — ты грамотный, посмотри въ книгу, она скажетъ!» — Купецъ сказываетъ ему долгъ его въ сотняхъ или тысячахъ. — «Знать, такъ, отвѣчаетъ камчадалъ, книга не солжетъ!» Но когда купецъ потребуетъ платы, то камчадалъ, жалясь на худой промыселъ, предлагаетъ ему въ уплату соболей десятокъ и увѣряетъ божбою, что у него только

и есть. Десять соболей купецъ цѣнитъ рублей въ 50—60, тогда какъ настоящая цѣна имъ на мѣстѣ рублей 150. Послѣ уплаты должникъ еще въ долгъ проситъ что-нибудь и получаетъ бездѣлушекъ рублей на 10, которые въ книгу вносятся рублей на 100 и болѣе. Такимъ образомъ, купецъ обманываетъ камчадаловъ, а камчадалы воображаютъ, что купца обманули... Въ нашу бытность

Тотъ же путешественникъ приводитъ характеристическій примѣръ встрѣченнаго имъ кулака-промышленника. Это былъ зажиточный мѣщанинъ Смоленниковъ, жившій на р. Воровской. «Онъ нажилъ порядочный домикъ, который хорошо убралъ и снабженъ хорошею мебелью, посудой и всею нужнымъ въ домашнемъ быту. Пользуясь слабостью камчадаловъ, онъ продаетъ имъ

крѣпкіе напитки за соболей и другихъ дорогихъ звѣрей по неумѣреннымъ цѣнамъ и тѣмъ приводитъ ихъ въ бѣдность. Сверхъ того, когда они имѣютъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ для себя и въ кормъ для собакъ, то онъ снабжаетъ ихъ тѣмъ и другимъ на весьма тягостныхъ условіяхъ, а именно, чтобы они лѣтомъ работали на него извѣстное время, и тѣмъ получаетъ десятирной барышъ. Такимъ образомъ, онъ приобретаетъ пущее ему количество сѣна для скота и множество рыбы, которую, выждавъ время голода, опять отдаетъ камчадаламъ на тѣхъ же условіяхъ». Въ добавокъ къ русскимъ, въ послѣднее время камчадаловъ начали сильно эксплуатировать еще американскіе торговцы, спаивающіе ихъ водкой и скупающіе за безцѣнокъ ихъ мѣхъ.

До прихода русскихъ камчадалы жили въ каменномъ вѣкѣ, не зная ни бронзы, ни желѣза и употребляя года по два, напр., на то, чтобы выдолбить лодку; они вели патриархальную жизнь, раздѣляясь на роды, подчиненные родоначальникамъ вели небольшую мѣновую торговлю съ сосѣдними племенами и были гораздо многочисленнѣе нынѣшняго. Покоривъ Камчатку въ XVII ст. русскіе казаки, удаленные на тысячи верстъ отъ всякаго центральнаго начальства, дѣлали здѣсь что хотѣли, нѣсколько разъ бунтовали сами, нѣсколько разъ доводили до бунта камчадаловъ. Положеніе послѣднихъ было до того плохо, что даже въ Москвѣ были поражены извѣстіями о эпидемическихъ самоубійствахъ между ними. Не разъ слу-

НАРОДЫ РОССІИ.

РИСУНОКЪ П. КАМЕНСКАГО.

Тавлинка.

Рѣзалъ на деревѣ Діаментовскій.

(1809—1811) камчадалы должны были русско-американской компаніи 150,000 рублей. Долги эти ревизоры компанейскіе желали продать за 16,000 рублей. Но купецъ Мясниковъ, прежде самъ бывшій ревизоромъ, весьма хорошо зналъ, что они стоятъ, и по совѣсти объявилъ, «что товары, розданные камчадаламъ на вышеупомянутую сумму, не стоятъ болѣе 11,000 рублей».

чалось, что бунтовскіе камчадалы, преслѣдуемые казаками, собственноручно перерѣзывали своихъ женъ и дѣтей, потомъ бросались на казаковъ и все погибали въ битвѣ? Обѣ стороны, въ случаѣ успѣха, ужасно метили другъ другу; камчадалы, напр., захвативъ казака и распоровъ ему животъ, медленно выматывали у него кишки, отчего онъ погибалъ въ припадкахъ ужаснаго хохота. Въ концѣ XVIII

Въ концѣ XVIII

вѣрка камчадалы присмирѣли окончательно... Почти всѣ прежніе начальники Камчатки оставили мрачную память о себѣ въ сибирскихъ лѣтописяхъ. Одинъ изъ нихъ такъ управлялъ краемъ, что о немъ составила поговорка: «на небѣ Богъ, въ Камчаткѣ Кохъ». Другой, Козловъ-Угрѣинъ, былъ еще страшнѣе. Въ Камчаткѣ вѣсто дорогъ тропинки и можно ѣздить только въ небольшихъ санкахъ или партѣ, между тѣмъ Козловъ разѣзжалъ въ возкѣ со стеклами и не иначе, какъ съ двумя своими любовницами. Подъ возокъ запрягали не менѣе 50 собакъ, а камчадалы по всей дорогѣ вырубали лѣсъ, чтобы экипажъ не завязъ. Эти разѣзды были до того пагубны для собакъ, что все управление Козлова-Угрѣина сохранилось въ памяти народа подъ именемъ собачьей оспы. Разѣзжалъ, впрочемъ, пышно не одинъ Козловъ, а всѣ русскіе, поголовно, торговавшіе съ камчадалами, мѣнявшіи соборей на водку и т. д. Когда въ Камчаткѣ учредили областное управление и ввели туда батальонъ, тамъ поселилось много чиновниковъ и офицеровъ. Батальонъ размѣстился по разнымъ частямъ полуострова. И вотъ тутъ-то разные чины начали разѣзжать по Камчаткѣ подъ предлогомъ разныхъ смотровъ, свидѣтельствъ и проч., а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы вымѣнивать у камчадаловъ на водку соборей и лисницъ. «Мода путешествовать, пишетъ Головинъ, отъ чиновниковъ распространилась даже на простыхъ подъячихъ и солдатъ, которые просидѣли въ отпускѣ, съ тѣмъ, чтобы промыслить для себя и для собакъ корму, по, купивъ вина, ѣздили по острожкамъ и обманывали камчадаловъ. Я зналъ одного офицера, который отпускалъ изъ своей команды солдатъ въ отпускъ и давалъ имъ денегъ на покупку вина, за который бралъ проценты по два собора съ 25 р.; очень вѣроятно, что и многіе такъ дѣлали». Съ присоединеніемъ къ Россіи Амура, русскихъ осталось въ Камчаткѣ очень мало, такъ какъ большая часть управленій переведена въ Николаевскъ. Впрочемъ, и камчадаловъ къ этому времени тоже осталось очень немного.

Камчадалы давно уже числятся христіанами, но языческіе вѣрованія и обряды до сихъ поръ занимаютъ въ ихъ жизни чрезвычайно важное мѣсто и даже преобладаютъ надъ христіанскими.

Главный богъ камчадаловъ «Кутху» жилъ сначала на небѣ, потомъ снесъ съ неба землю, утвердилъ ее на морѣ и поселился въ Камчаткѣ вмѣстѣ съ своею женою Ильхумъ. У нихъ родились сынъ Тыжилъ-Кутху и дочь Сидуку, которые потомъ вступили между собою въ супружескія отношенія. Кутху и жена его долго жили въ Камчаткѣ, ходили въ платьѣ, сдѣланномъ изъ

сынъ Амлея и дочь Сидукамшичъ, которые по примѣру своихъ родителей тоже вступили между собою въ бракъ. Люди размножились, и Тыжилъ создалъ для нихъ звѣрей, научилъ ихъ шить одежду изъ кожъ и ловить рыбу сѣтями, сдѣланными изъ крапивы.

У Тыжилъ-Кутху есть пастухъ Пилячучъ; онъ живетъ на облакахъ, малъ ростомъ, ходитъ всег-

да въ россомачьемъ платьѣ, ѣздитъ въ саняхъ, запряженныхъ куропатками, и счастливъ человѣкъ, которому удастся увидѣть слѣды его, которыми считаются струйки на поверхности снѣга, производимыя вѣтромъ. Пилячучъ производитъ громъ и молнію, а радуга—подзоръ на его платьѣ? За одно только не любятъ его камчадалы—онъ уноситъ вихрями дѣтей и употребляетъ ихъ вмѣсто подставокъ подъ жаровни плошки, которыми освѣщается его жилище. Богъ огня и чадородія—Помъ. Въ честь его дѣлаютъ соломенный идолъ, конецъ котораго обжигаютъ въ огнѣ и начинаютъ махать имъ на стоящихъ въ юртѣ, приговаривая «подай!» Морской богъ, Митгъ, имѣетъ видъ огромной рыбы, живетъ въ морѣ, которое онъ самъ создалъ; рыбы служатъ ему; онъ, напр., посылаетъ ихъ въ рѣки за лѣсомъ себѣ на лодки.

Кромѣ этихъ главныхъ боговъ есть множество второстепенныхъ, какъ, напр., камуленъ, которые живутъ на горахъ и питаются рыбой, за которою ночью летаютъ на море и, принеся на каждомъ пальцѣ по рыбѣ, варятъ и пекутъ ее, употребляя вмѣсто дровъ китовый жиръ и кости. Въ лѣсахъ живутъ ушахчу, имѣющіе видъ человѣка, а жены ихъ носятъ дѣтей, приросшихъ къ спинѣ ихъ и постоянно плачущихъ; ушахчу едятъ людей съ пути и мѣшаютъ снова найти его. Души людей утонувшихъ, погибшихъ въ лѣсу, замерзшихъ, тоже превращаются въ духовъ, вредящихъ человѣку. Этими духами, которыми наполнены лѣса, воды, особенно же вулканы, управляетъ продувной хитрецъ

и обманщикъ Канна. Одинъ шаманъ рассказывалъ, что духи приходятъ къ нему изъ разныхъ мѣстъ и въ разномъ видѣ—одни изъ моря, другіе изъ сопокъ, большіе и маленькіе, безрукіе, безбокіе, обгорѣлые; морскіе богаче другихъ и одѣты въ платье изъ травы шелковника. Сравнивая эти вѣрованія съ первичными религіозными представленіями другихъ народовъ, невольно приходишь къ заключенію, что

НАРОДЫ РОССІИ.

РИСУНОКЪ П. КАМЕНСКАГО.

Кабардинскій кади.

Рѣзалъ на деревѣ Діаментовскій.

древесныхъ листьевъ, или березовую и таловую кору, потому что ловить рыбы не умѣли, а звѣрей еще не было. Кутху научился дѣлать лодки и лыжи, и вскорѣ послѣ этого отправился изъ дома на лыжахъ, при чемъ земля гнулась подъ нимъ, какъ тонкій ледъ, и такимъ образомъ явились горы и долины.

Когда отецъ ушелъ, у Тыжилъ-Кутху родился

камчатская мифология не ушла дальше той ступени развитія, на которой первое мѣсто принадлежит культу предковъ. Главные боги камчадала Кутху и др.,—его первые предки, а тѣмъ только что упомянутыхъ второстепенныхъ боговъ—позднѣйшіе предки, которые живутъ въ сонкахъ, въ лѣсахъ, во внутренности земли. Они посылаютъ на землю ящерицъ, чтобы тѣ посмотрѣли, какому человѣку пора умереть; поэтому, если камчадалъ увидитъ ящерицу, то убиваетъ ее и разрываетъ на части; если же ящерицъ удастся уйти отъ него, онъ впадаетъ въ страшную тоску и каждый часъ ожидаетъ смерти. Смерти и покойниковъ камчадалы боятся болѣе всего, и даже въ XVIII столѣтіи они своихъ мертвецовъ не хоронили, а просто бросали на сѣденье собакамъ. Кромѣ ящерицъ, камчадалы почитаютъ медвѣдей, волковъ, китовъ, тюленей; голову убитого медвѣдя или тюленя они вѣшаютъ на дерево и относятся къ ней съ большимъ уваженіемъ. Мыши тоже входятъ въ составъ этого пантеона. Мыши кочуютъ въ Камчаткѣ съ мѣста на мѣсто и иногда на нѣсколько лѣтъ куда-то исчезаютъ съ полуострова, это считается предвѣстіемъ дурной погоды и звѣринаго неурожа. Возвращеніе же мышей приноситъ камчадаламъ великую радость и они рассылаютъ другъ другу извѣстія объ этомъ событіи. Когда мыши уходятъ изъ Камчатки, то камчадалы говорятъ, что онѣ ушли за море на ловлю звѣрей; судами мышей считаются раковины, которыя поэтому и называются мышиными байдарами.

Мы не будемъ описывать ни жертвоприношеній камчадаловъ, ни того, какъ ворожатъ и вызываютъ духовъ ихъ шаманы, потому что камчадалскіе обряды ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ обрядовъ другихъ шаманистовъ, о которыхъ мы будемъ говорить не разъ. Здѣсь же замѣтимъ только, что, не смотря на свое номинальное христіанство, камчадалы до сихъ поръ остаются почти полными язычниками. Въ сороковыхъ годахъ, напр., ихъ уже давно считали христіанами, а между тѣмъ, въ 1847 г., по всему сѣверу Камчатки разнесся слухъ, что изъ глубины сѣвера на оленяхъ ѣдетъ камчадалскій богъ Кутху; что онъ надѣляетъ всѣхъ лучшими оленями, рыболовными сѣтями и другими подарками; куда ни приходитъ онъ, всюду исчезаетъ снѣгъ, являются цвѣты и зелень. Всѣ и крещенные и некрещенные инородцы съ полною вѣрою и большимъ нетерпѣніемъ ожидали Кутху въ мартѣ 1848 г. Они бросали свою старую утварь, сѣти, оружіе; убивали своихъ лучшихъ оленей, часто безъ всякой надобности, и многіе, поэтому, лишились своихъ стадъ. Но Кутху не пришелъ, а вмѣсто него поѣхалъ по Камчаткѣ начальникъ ея, Голенищевъ-Кутузовъ... Культурное вліяніе русскихъ не только не усиливается, но даже ослабѣло послѣ перелома административныхъ управленій на Амуръ.

Еще въ XVIII в. бытъ камчадаловъ до того разстроился, что они начали вымирать, особенно отъ эпидемій, занесенныхъ русскими. Камчатку страшно опустошала оспа, потомъ явился сифилисъ. По словамъ камчатскаго корреспондента «Сибирскаго Вѣстника» (1866 г. № 14), «начальство, при появленіи этой болѣзни, не обратило на нее вниманія. А камчадалы, не имѣя понятія о ея приличности, по простотѣ нравовъ, а болѣею частью по неосторожности, разнесли ее по всему краю. Въ настоящее время очень немногіе заражены ею. Большая же часть инородцевъ заражены и обезображены ею до крайности. Есть острожки, въ которыхъ за десять лѣтъ населеніе считали сотнями душъ, а нынѣ едва-ли наберется десятокъ человѣкъ, да и то калѣки. Отъ камчадаловъ эта болѣзнь перешла къ корякамъ и ламутамъ и губитъ ихъ ужасно. Надняхъ мнѣ рассказывали объ одной юртѣ, въ которой нѣтъ ни одного человѣка, который могъ бы ходить и смѣяться за оленями, кромѣ дряхлаго старика. По-

жалуй, что люди всѣ умрутъ безъ всякой помощи, а олени разсѣются... По причинѣ страшнаго распространенія сифилиса, большая часть населенія, при рыбной и перьяной пищѣ, въ скоромъ времени должна погибнуть». Въ 1744 г. камчадаловъ было 20,000 чел., въ 1816 г. 10,700 чел., а въ 1850 г. всего только 1,951.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Практическія послѣдствія суевѣрія.

Ст. д-ра Мангардта.

(Продолженіе.)

Въ послѣднее время, по слѣдамъ Мичниковскаго, пошелъ священникъ N въ X, о личности и дѣятельности котораго я получилъ письменный отзывъ отъ человѣка, отличающагося своимъ безпристрастіемъ и хорошо знакомаго съ нею, благодаря его служебному положенію. Священникъ этотъ, какъ говорятъ, энергическій, дѣятельный и, въ практической жизни, необыкновенно ловкій человѣкъ. Услужливый, всегда готовый помочь, никогда не вступающій въ споры или ссоры, другъ всего

свѣта, онъ вращается и въ католическомъ, и въ протестантскомъ обществѣ и вездѣ принятъ радушно. Къ нему стекаются, начиная съ восточной границы картезіанскаго округа до югозападной штатгардтскаго, всевозможные больные, испытывшіе уже домашнее лечение и симпатическія средства, а иногда и докторскіе совѣты; къ нему приводятъ душевнобольныхъ и увѣчныхъ. Онъ считаетъ себя благодѣтелемъ, полезнымъ совѣтникомъ и другомъ страждущаго человѣчества, и, быть можетъ, отчасти и заслуживаетъ это названіе. Къ врачу подобные люди не обратились бы, во избѣжаніе издержекъ, а если бы и обратились, то совершенно напрасно, такъ какъ они принимаютъ путешествіе къ священнику N, нерѣдко послѣ долголѣтнихъ страданій, въ такомъ состояніи здоровья, когда психическое дѣйствіе на душу и фантазію больного можетъ еще принести кратковременное облегченіе, тамъ, гдѣ другія врачебныя средства уже утратили свою силу. Священникъ N — заклинатель бѣсовъ и врачъ въ одно и то же время: лекарства его состоятъ, главнымъ образомъ, въ чтеніи обѣдни и освященномъ винѣ. Благодарный кассубъ при каждомъ посѣщеніи даетъ три или четыре марки, изъ которыхъ образуется приличная сумма, такъ какъ нерѣдко собираются разомъ отъ 30 до 40 пациентовъ. Такимъ образомъ, священникъ, пользующійся скуднымъ содержаніемъ, получаетъ втрое или вчетверо больше за постороннюю дѣятельность. Протестанту трактирщику также на руку такое стеченіе пришлаго народа; онъ связанъ взаимною выгодною съ патеромъ и они готовы на все, другъ для друга. Въ особенности славится священникъ N своимъ искусствомъ при леченіи колтуна. «Съ этою болѣзнію, говоритъ упомянутый мною свидѣтель, кассубъ никогда не обратится къ доктору, такъ какъ онъ считаетъ колтунъ бѣсовскимъ новожденіемъ, а не слѣдствіемъ своей неряшливости и небрежности. Священникъ раздѣляетъ это мнѣніе и назначаетъ сроки, когда можно снять колтунъ. Больной явится къ нему, по крайней мѣрѣ, два раза впродолженіи года, а такъ какъ кассубскія деревни щедро одѣлены этимъ недугомъ, число прибѣгающихъ къ помощи священника значительно». Я позволю себѣ сдѣлать краткое замѣчаніе о способѣ леченія колтуна. Народъ считаетъ Placa Polonica дѣломъ или воплощеніемъ, наружнымъ проявленіемъ духовъ. Такъ какъ и вну-

треннія болѣзни считаются послѣдствіемъ пребыванія въ организмѣ духовъ-паразитовъ, то присутствіе колтуна легко могло быть сочтено за доказательство того, что духи, покинувъ тѣло, обнаружили себя подобнымъ проявленіемъ; также легко могло возникнуть убѣжденіе, что съ удаленіемъ колтуна они совершенно исчезаютъ. Изъ этого становится понятнымъ, почему нѣкоторые патеры, считающіе этихъ духовъ, созданныхъ народною фантазіею, дьявольскими существами, противъ которыхъ возможно только дѣйствіе церковныхъ заклинаній, признаютъ колтунъ и его леченіе подлежащими своему вѣденію. Въ извѣстныхъ случаяхъ такіе патеры даже производятъ колтунъ искусственно и въ послѣдствіи отрѣзаютъ, чтобы посредствомъ этой операціи выманить и изгнать бѣсовъ изъ тѣла. Такой образъ дѣйствія, съ точки зрѣнія народной медицины, не противорѣчитъ здравому смыслу, такъ какъ послѣдствія его бываютъ иногда благопріятными: колтунъ, при своемъ возникновеніи, часто вызываетъ внутреннія страданія, которыя прекращаются одновременно съ засыханіемъ сныи. Къ сожалѣнію, достовѣрно, что народъ, благодаря подобному образу дѣйствія духовныхъ лицъ, укрѣпляется въ своемъ вѣрованіи въ вѣдмъ и колдовство и нерѣдко впадаетъ въ самые прискорбные проступки. Что же касается патера N, то невозможно усомниться въ томъ, что онъ, не получивъ научнаго образованія, котораго, впрочемъ, никто изъ пациентовъ его и не требуетъ, проникнутый средневѣковыми понятіями, дѣйствуетъ вполне искренно и не только убѣжденъ въ существованіи болѣзней отъ бѣсовскаго навожденія, но вѣритъ въ дѣйствительность своихъ приемовъ въ борьбѣ съ этимъ зломъ. Несмотря на это, даже человѣкъ, стоящій съ нимъ на одинаковой степени развитія и раздѣляющій его взгляды, удивился бы, какое обширное поле отводитъ онъ для болѣзней демоническаго происхожденія. Извиненіемъ ему могутъ служить настоячивыя требованія народа и трудность опредѣлить границы сверхъестественнаго, если въ принципѣ допущено бѣсовское вліяніе на здоровье человѣка. Желая просвѣтить и научить народъ, отказывая въ исполненіи его требованій, патеръ вызвалъ бы взрывъ страшнаго отчаянія и былъ бы осажденъ просьбами, противостоять которымъ не имѣлъ бы силы.

Въ восточной Пруссіи, въ Дитрихсвальдѣ, близъ Остероде, священникъ Вейксель, имя котораго часто упоминалось въ послѣднее время, принадлежитъ къ самымъ яркимъ приверженцамъ заклинаній. Онъ обладаетъ также искусствомъ излечивать колтунъ и изгонять бѣсовъ, при чемъ пользуется формулой заклинаній, одобренной епископомъ Эрмеланда, д-ромъ Кременцомъ. На прежнемъ мѣстѣ, въ Лешиненѣ, отецъ Вейксель занимался преимущественно подобными чудесными излеченіями, теперь же, съ іюля 1878 года, онъ посвятилъ себя болѣе высокой цѣли, поставить свое мѣстечко Дитрихсвальдъ на одну степень съ Лурдомъ и Марпингеномъ; для этого онъ выискиваетъ счастливыхъ избранниковъ, имѣвшихъ видѣнія подъ священнымъ кленомъ, и составляетъ протоколы этихъ видѣній. Въ настоящее время къ чудесному клену ежедневно стекаются тысячи богомольцевъ за чудотворною водою, «обладающею цѣлебными свойствами противъ всѣхъ болѣзней безъ исключенія»; между тѣмъ во всей окрестности стоятъ неубранныя поля! Все это засвидѣтельствовано очевидцемъ Л. Нибарскимъ, какъ въ его собственномъ сочиненіи (Новый Марпингенъ въ Пруссіи), такъ и въ журналѣ «Daheim» № 2, 1878 г.

Кромѣ патеровъ, обратившихъ въ ремесло искусство изгонять бѣсовъ, чудесными излеченіями занимаются иногда и монахи. Въ Берентѣ существуетъ католическое воспитательное заведеніе,

управляемое монахинями ордена св. Вицента. Вода въ этой обители приобрѣла большую славу и требуется и раздается въ невѣроятномъ количествѣ. За нее приносятся щедрое вознагражденіе яйцами, масломъ и курами. Къ помощи монахинь прибѣгаютъ какъ протестанты, такъ и католики. Народъ считаетъ себя обязаннымъ оказывать посильную помощь монахинямъ и, вмѣсто совѣта врача, довольствуется этимъ простымъ средствомъ.

Тамъ, гдѣ нельзя найти духовной помощи, прибѣгаютъ къ старымъ женщинамъ, пользующимся извѣстностью подъ именемъ «знахарокъ». Дѣятельности ихъ предоставленъ значительный просторъ. Хотя только рѣдкіе изъ многочисленныхъ случаевъ, въ которыхъ онѣ приносятъ вредъ, доходятъ до свѣденія суда, онѣ все-таки не всегда избѣгаютъ наказанія за недозволенное врачеваніе. Я расскажу слѣдующій случай. Лѣтомъ, 1862 г., заболѣла жена рабочаго Дроциковскаго, въ мѣстечкѣ Олива. Она предположила, что у нея колтунъ и попросила мужа сходить въ Данцигъ къ знахаркѣ, и попросить ея помощи. Врача она не пожелала. Она имѣла особенное довѣріе къ этой знахаркѣ, потому что та отрѣзала ей колтунъ 12 лѣтъ тому назадъ и вообще пользовалась въ народѣ большою извѣстностью за искусное отрѣзываніе колтуновъ. Дроциковскій охотно отправился въ Данцигъ. Знахарка объявила, что соглашается помочь, если ей тотчасъ же заплатятъ впередъ 2 талера. Получивъ ихъ, она отправилась къ больной въ Оливу, отрѣзала ей колтунъ и намазала голову какой-то бѣлой мазью. Черезъ нѣсколько дней послѣ начатого леченія Дроциковская впала въ помѣшательство и снова понадобилась помощь знахарки. Та обрѣзала ей все волосы и вымазала голову меркуріальною мазью. Такъ какъ улучшенія не послѣдовало, то знахарка продолжала свои посѣщенія, требуя за каждое по 15 зильбергршей. Такимъ образомъ, она получила отъ Дроциковскаго 8 талеровъ. Эта знахарка, по имени Табертъ, очутилась 10 января 1863 г. на скамьѣ подсудимыхъ, по обвиненію въ недозволенномъ врачеваніи. Она призналась, что занималась леченіемъ, но отрицала полученіе за него платы. Дроциковскій, правда, далъ ей нѣсколько талеровъ, но, по словамъ ея, она истратила ихъ на путевыя издержки и другіе расходы, такъ что она занималась челоуколюбивою дѣятельностью безъ всякой корыстной цѣли. Между тѣмъ Дроциковскій заявилъ подъ присягою, что онъ заплатилъ ей 8 талеровъ за леченіе. Судъ присудилъ ее къ добавочнымъ 10 талерамъ штрафа, такъ какъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ она уже судилась за знахарство, или же къ 4 днямъ тюремнаго заключенія.

Въ незначительныхъ болѣзняхъ, не грозящихъ опасностью, обращаются къ не столь знаменитымъ старухамъ, въ случаѣ же опасной болѣзни не останавливаются передъ дальнимъ путешествіемъ за пользующейся славой знахаркой. Этотъ обычай водится какъ въ западной, такъ и въ восточной Пруссіи. Въ Мазуріи, въ каждой деревнѣ есть нѣсколько лицъ, по большей части женщинъ, которыя славятся, какъ искусныя заклинательницы. Чаще всего это какіе-нибудь калѣки или вообще люди, отличающіеся тѣлесными недостатками. Въ мѣстечкѣ К., близъ Хоэнштейна, подобною извѣстностью пользуется карликъ. Иногда цѣлая деревня или даже нѣсколько сразу, прибѣгаютъ къ помощи знахара, напр., прося огрادیть, за приличное вознагражденіе, стадо отъ порчи. Для этой цѣли, какъ и въ трудныхъ болѣзняхъ, нужна, впрочемъ, помощь, необыкновенно-опытнаго, сильнаго колдуна. Священникъ Крольчикъ изъ Куркена пишетъ слѣдующее объ этихъ колдунахъ, власти которыхъ, по народному вѣрованію, подчинены высшіе злые духи: «О нихъ

думаютъ, что они уничтожаютъ порчу, а не производятъ ее; но бываютъ и исключенія. Нерѣдко, по мнѣнію народа, вредитъ они тѣмъ, кто приносить имъ недостаточные подарки. Тотъ, на кого они напашутъ болѣзнь, самъ виноватъ въ ней. Онъ долженъ тогда отправиться миль за 10 или за 15 къ другому, болѣе сильному колдуну. Люди много рассказываютъ о горячихъ спорахъ духовъ, подчиненныхъ различнымъ колдунамъ. По большей части, споры эти происходятъ въ кухнѣ, чаще всего въ полночь, иногда до восхода или тотчасъ послѣ заката солнца. Въ нейденбургскомъ округѣ колдуны имѣются въ деревнѣ, принадлежащей къ приходу Сольдау и Куркенъ, и въ деревушкѣ, принадлежащей къ приходу Раушкенъ. Практика ихъ простирается на 3—4 мили. Живущій въ приходѣ Раушкенъ колдунъ держитъ лошадей и экипажъ и разъѣзжаетъ по окрестностямъ вплоть до Алленштейна и Гильгенбурга. Онъ получилъ эту практику въ наслѣдство отъ главной знахарки изъ Нейбартельсдорфа (алленштейнскаго округа). Ее звали Ринцика. Она, точно также, какъ и ея мать, обѣзжала 4 округа: алленштейнскій, нейденбургскій, остеродекскій и ортельсбургскій. Кромѣ обычнаго знахарства, она предсказывала будущее и указывала кладъ. Лѣтъ десять тому назадъ, съ помощью нейбартельсдорфскаго учителя, католическаго патера, ей удалось завладѣть почти всею имѣніемъ достаточнаго хозяина въ Пильграмсдорфѣ, которому она обѣщала отыскать кладъ на его землѣ. За это она, вмѣстѣ съ наставникомъ, попала въ смиренный домъ. Чаще всего знахари имѣютъ дѣло съ колтуномъ. Знахаръ въ Г. излечиваетъ всевозможныя болѣзни, производя искусственно колтунъ. Онъ употребляетъ при этомъ и заклинанія и различныя травы. Можно сказать съ увѣренностью, что у всехъ пациентовъ его, дня черезъ три, четыре по возвращеніи изъ Г., является колтунъ вмѣсто прежней болѣзни. Черезъ нѣсколько времени знахаръ отрѣзаетъ его, не подвергая больного ни малѣйшей опасности. *) Въ прусской Литвѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ деревнѣ Карчаникенъ, близъ Пилькаленъ, пѣкто Радзувейтъ, извѣстный «заклинатель бѣсовъ», производилъ чудесныя излеченія заговоромъ, при чемъ, призывая имя Божіе, надѣвалъ на шею больному «Отче нашъ» и поилъ наговорнымъ пивомъ. Склонность народа обращаться за совѣтомъ въ болѣзняхъ къ знахарямъ даетъ часто поводъ къ самому грубому обману, доказательствомъ чего можетъ служить случай, бывшій въ упомянутой нами деревнѣ Карчаникенъ въ 1875 году. 1 июля 1875 г. ко вдовѣ Мезеръ (мужъ ея былъ убитъ во время послѣдней франко-прусской войны), работавшей у себя въ саду, подошла старая, сгорбленная цыганка и вступила съ нею въ бесѣду. Послѣ разговора о томъ, о семъ, старуха замѣтила ей, что она страдаетъ опасною болѣзью, которая дошла уже до глазъ (у нея было воспаление глазъ) и происходитъ единственно отъ порчи. Сначала Мезеръ не соглашалась съ этимъ предположеніемъ, но когда старуха описала ей въ краснорѣчивыхъ и убѣдительныхъ выраженіяхъ (!) ея положеніе и причины его, и наконецъ грустную копчину, ожидающую ее, она созналась, что съ давнихъ поръ чувствуетъ необыкновенную боль въ животѣ и жженіе въ глазахъ. Самое трудное было достигнуто цыганкой. Она отвела вдову въ домъ, чтобы точнѣе изслѣдовать болѣзнь, и тогда ей стало вполне очевидно, что Мезеръ испорчена «злою женщиной». Къ счастью, она умѣетъ уничтожать наговоры, но для этого ей необходимы нѣкоторыя вещи, чтобы снести ихъ за «девять земель». Черезъ нѣсколько

дней она принесетъ ихъ обратно и состояніе больной должно значительно улучшиться въ этотъ промежутокъ. Сначала вдова не поддавалась на уговариванія старухи, но сильныя, жгучія боли въ головѣ и глазахъ (чего не сдѣлаетъ воображеніе) и надежда на полное выздоровленіе заставили ее наконецъ рѣшиться открыть сундукъ съ платками, и вотъ старуха отправляется «съ тремя лучшими юбками» Мезеръ за «девять земель». 3 июля она дѣйствительно вернулась, какъ было обѣщано, принесла въ цѣлости юбки и освѣдомилась о состояніи здоровья больной. Но той сдѣлалось хуже. «Вотъ видишь-ли, дитятко, тебя сильно испортили; ты должна дать мнѣ свое лучшее платье, я съ нимъ отправлюсь въ прежній путь. Въ понедѣльникъ я вернусь». Она уходитъ съ «тремя юбками» и «лучшимъ платьемъ» и возвращается 5, въ понедѣльникъ. Такъ какъ Мезеръ еще не выздоровѣла, то цыганка спрашиваетъ «пару брюкъ и сапоги покойнаго мужа, кое-какую одежду маленькаго сына, одѣло, горшокъ и яйцо. Когда все это было подано, старуха, крестясь и приговаривая, разбиваетъ яйцо и, къ ужасу Мезеръ, вытаскиваетъ изъ него пучекъ волосъ. Тутъ ей становится ясно, что не только она испорчена, но весь домъ ея околдованъ и ей необходимо пуще прежняго остерегаться «злой женщины», которая живетъ съ нею въ сосѣдствѣ. Старуха освѣдомляется, есть-ли въ домѣ деньги и совѣтуетъ хорошенько беречь ихъ. Когда, по ея настоянію, Мезеръ открываетъ ящикъ съ деньгами и показываетъ ей 3 монеты по 20 марокъ, цыганка приказываетъ поскорѣе замкнуть ихъ, беретъ себѣ ключъ отъ ящика, чтобы спрятать его отъ «злой женщины» и уходитъ, тяжело нагруженная одеждой, обѣщая вернуться въ четвергъ, 8-го. Но на этотъ разъ она не возвратилась, по крайней мѣрѣ, вдова не видала ее болѣе, а отворивъ денежный ящикъ другимъ ключомъ, не нашла денегъ.

Палачи и живодеры пользуются репутаціей колдуновъ. Нѣкоторые изъ нихъ сохраняютъ кровь казненныхъ, какъ волшебное средство, знаютъ множество заклинаній и пользуются благоприятнымъ для нихъ предрасудкомъ, чтобы обирать народъ. Въ деревнѣ Даркеменъ (округъ Гумбиненъ) въ 1870 г. семья живодеровъ обманула одну крестьянку. Ей дали въ руки стаканъ съ водою и велѣли пристально смотрѣть въ него, не проливъ ни капли, пока снимутъ порчу съ больного животнаго. Пока эта женщина смотрѣла въ стаканъ, воры пробрались къ ней въ комнату и обокрали ее *).

Кромѣ мѣстныхъ заклинателей, народъ приглашаетъ съ особенною охотою, когда представляется случай, русскихъ вожаковъ медвѣдей и они изъ корыстолюбія злоупотребляютъ простодушіемъ своихъ кліентовъ. Существуетъ повѣрье, что если запереть медвѣдя въ хлѣвъ, онъ тотчасъ же выскребетъ лапами спрятанные въ дѣмою предметы, которыми она нагоняетъ порчу на скотъ (по большей части пучекъ волосъ или пару метлъ **). У вожаковъ медвѣдей существуетъ прочная организація. Чтобы развѣдать объ одержимыхъ бѣсомъ, и мимоходомъ наколотъ булавами ноги домашнимъ животнымъ, заставить ихъ хромать и приготовить въ хлѣвѣ все нужное для предстоящей комедіи, шайка высылаетъ впередъ лазутчиковъ. Тѣ предлагаютъ узнать, замѣшано-ли въ дѣлѣ колдовство. Если хлѣвъ околдованъ, медвѣдь входитъ въ него неохотно, по принужденію, а это случается каждый разъ. Послѣ этого за-

*) Frischbier a. a. O. 24.

**) Если кто заросъ въ хлѣву пучекъ волосъ, нѣсколько дюймовъ выше каменъ, еще повыше двѣ метлы, скотъ начнетъ околѣвать. Если хотѣть найти мѣсто, гдѣ зарыты эти предметы, нужно впустить въ хлѣвъ медвѣдя, который тотчасъ же выскребетъ ихъ своими лапами. Westpreussen, 1850, сравни также Grimm, Mythol. CLVIII, 1099.

*) Evangel. Gemeindeblatt Jahrg. 1857, № 50. Beiblatt zu den fliegenden Blättern des rauhen Hauses. IX 1858. № 6. Föppen. 36, 39, 56.

ключается условіе (1—10 талеровъ). Изгнаніе бѣса всегда удается; въ доказательство, что хлѣвъ совершенно освобожденъ отъ чертовщины, медвѣдь входилъ въ него добровольно. 12 сентября 1869 г. одинъ изъ такихъ вожаковъ, въ бѣдой деревушкѣ, населенной поденицами, выманилъ кромѣ свиней и гусей 9 талеровъ, 12 зильбергрошей чистыми деньгами. Такъ какъ подобное обирательство постоянно усиливалось,

объявленія, вожаки были пойманы въ данцигскомъ судебномъ округѣ и осуждены за мошенничество.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Пабло де-Сарасате.

(См. портретъ въ № 5.)

Благодаря инициативѣ «Русскаго Музыкаль-

разъ выступилъ въ публичномъ концертѣ. Хотя игра его въ то время не могла отличаться чѣмъ-нибудь особеннымъ, публика однако рукоплескала молоденькому артисту. Восьми лѣтъ Сарасате приводитъ уже въ восторгъ мадридскую публику. Въ то время стали предсказывать юному скрипачу громадный успѣхъ въ будущемъ если онъ изучитъ основательно теоретически и практически музыку. Десяти лѣтъ онъ поступилъ въ

Спугнутая насѣдка.

Страусъ-насѣдка.

(Къ ст. «Разведеніе страусовъ»—№ 4 Жив. Об.)

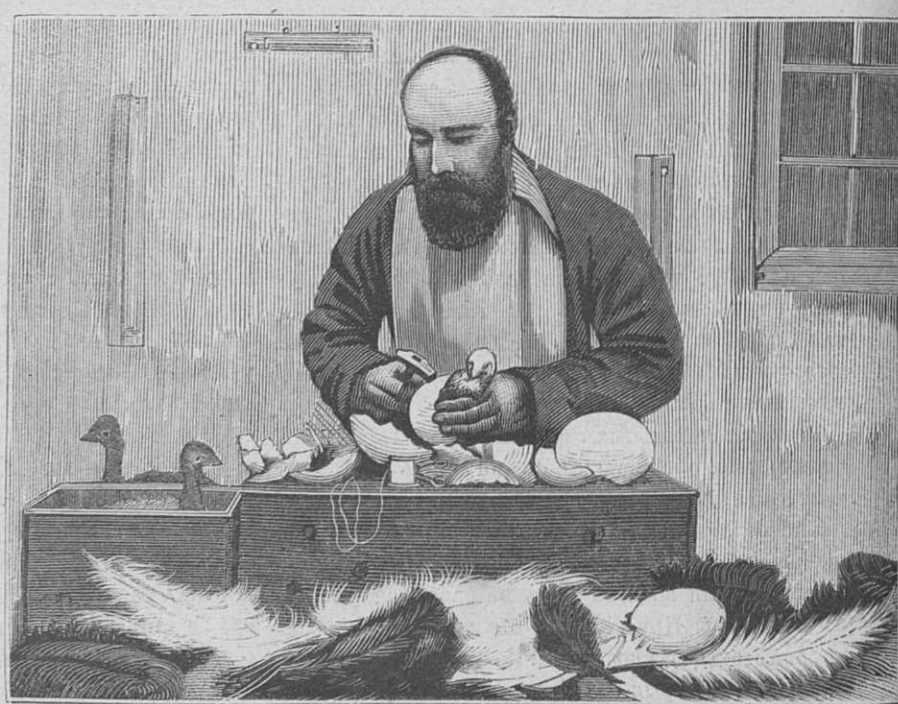
ландратъ берентекаго округа вынужденъ былъ обнародовать слѣдующее заявленіе: «Неоднократно случалось, что вожаки медвѣдей, злоупотребляя суевѣріемъ необразованныхъ людей, занимались заклинаніями и заставляли платить себѣ отъ 3 до 10 талеровъ. Мѣстные власти обязаны предупредить о подобныхъ обманахъ, а вожаковъ, виновныхъ въ нихъ, подвергать аресту, донося

наго Общества» Пабло де-Сарасате, знаменитый скрипачъ, посѣтилъ Петербургъ. Любители и цѣнители искусства не находятъ словъ въ лексиконѣ самыхъ восторженныхъ похвалъ для выраженія того удивленія, которое овладѣваетъ слушателемъ во время игры знаменитаго Пабло де-Сарасате. Скрипка въ его рукахъ превращается въ какой-то волшебный инструментъ, изъ котораго

парижскую консерваторію ученикомъ къ знаменитому Алару. Сарасате черезъ девять мѣсяцевъ оканчиваетъ съ полнымъ успѣхомъ курсъ консерваторіи и получаетъ первую премію. Онъ оставался однако въ консерваторіи еще четыре года для ознакомленія и съ игрою на другихъ инструментахъ. Семнадцати лѣтъ Сарасате концертируетъ въ Мадридѣ. Успѣхъ его былъ громадный.

Кулій пѣстунъ.

Искусственное вылупливаніе слабаго птенца.

(Къ ст. «Разведеніе страусовъ»—№ 4 Жив. Об.)

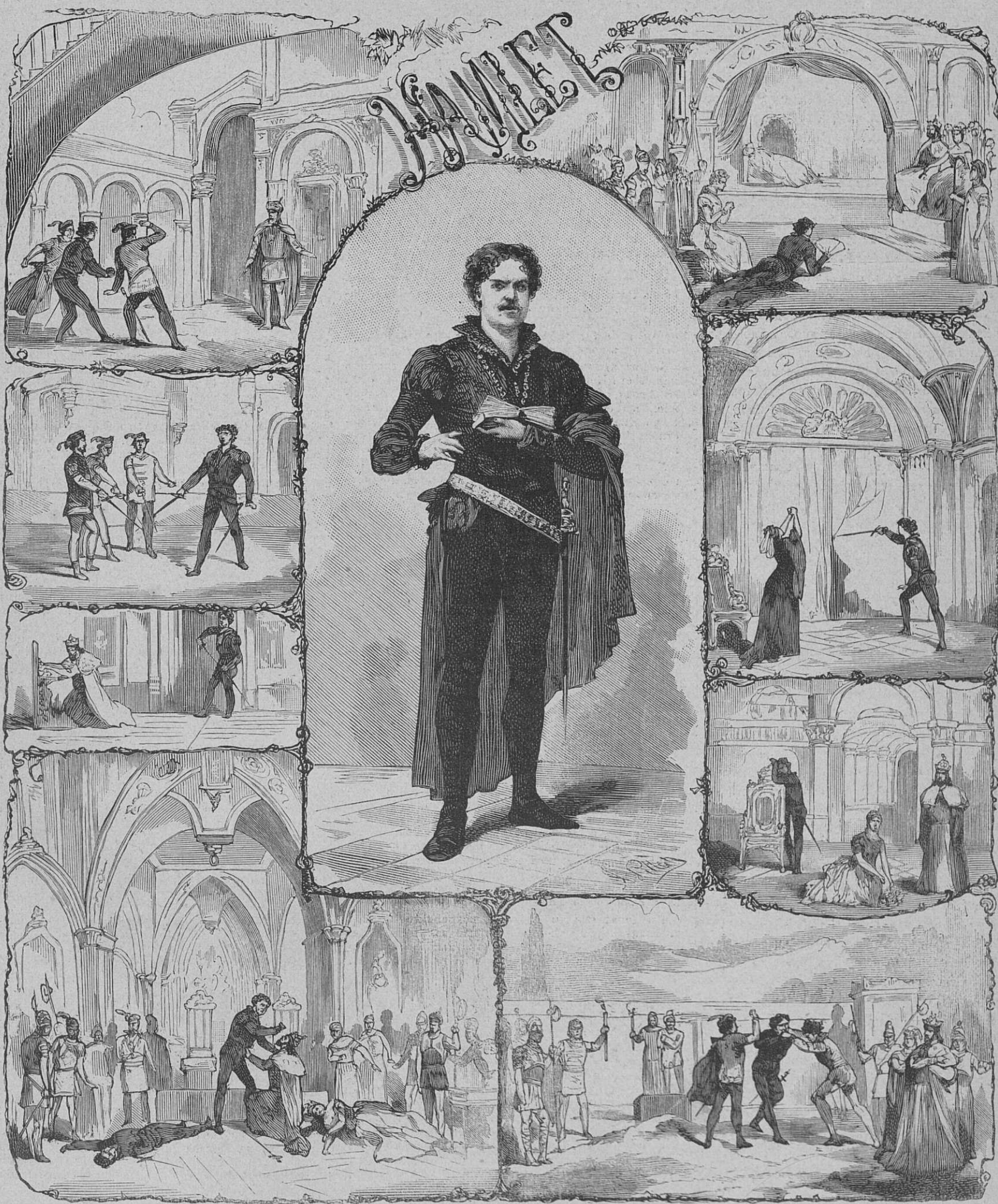
подробно объ ихъ дѣйствіяхъ». Въ то же время, въ Маріенвердерѣ, 29 сентября 1869 г., издано было такое объявленіе: «Въ послѣднее время, шайка вожаковъ медвѣдей, состоящая изъ 6 человекъ, совершила множество мошенничествъ въ округѣ Штумъ. По всей вѣроятности, шайка эта дѣйствуетъ теперь въ данцигскомъ округѣ. Требуется поскорѣ накрыть ихъ, арестовать и сообщить скорія свѣденія». Вскорѣ послѣ этого

де-Сарасате извлекаетъ чудные звуки. Знатоки не умѣютъ иначе выразить своего удивленія, какъ говоря, что Сарасате играетъ феноменально! Дѣйствительно только этимъ словомъ можно охарактеризовать выполненіе самыхъ трудныхъ пьесъ, съ той удивительною легкостью, съ какою Сарасате играетъ на скрипкѣ.

Пабло де-Сарасате родился въ Сарагосѣ 16 марта 1846 года. Семилѣтній мальчикъ первый

Королева Изабелла, которой игра Сарасате понравилась, подарила ему скрипку работы Страдивариуса, оценываемую знатоками въ 25,000 франковъ. Двадцати-трехъ лѣтъ Пабло де-Сарасате предпринялъ первое продолжительное путешествіе, концертируя въ разныхъ городахъ Сѣверной и Южной Америки впродолженіи четырехъ лѣтъ. Слава, которую успѣлъ составить себѣ Сарасате въ Америкѣ, была лучшей реко-

Э. Росси въ „Гамлетѣ“.

мендаціей для молодого артиста при первомъ его выступленіи въ Парижѣ. Съ этого времени нужно считать, что концерты Сарасате во многихъ городахъ Бельгіи, Голландіи, Англіи, Германіи, Швеціи, Норвегіи, Даніи и Англіи — это триумфальное шествіе феноменальнаго явленія въ мірѣ искусства. Первый разъ Сарасате выступилъ передъ петербургской публикой 8 января въ 7-мъ концертѣ «Русскаго Музыкальнаго Общества». Въ нѣсколькихъ концертахъ, въ которыхъ Сарасате принималъ затѣмъ участіе, онъ доказалъ вполне, что заслужилъ всѣ похвальные отзывы, которые объ немъ дѣлаютъ цѣнители музыки.

Продажа лошади. Балака одинъ изъ испанскихъ художниковъ-реалистовъ, любящій передавать родные типы и родныя народныя сценки. Одну изъ такихъ сценъ — сцену продажи лошади — читатели найдутъ въ настоящемъ номерѣ нашего журнала. Эта ловко и бойко написанная жанровая картинка очень мила. Но помимо достоинствъ картины, зависящихъ отъ художника, надо обратить вниманіе на искусство гравера, исполнившаго на деревѣ эту картину. Испанскіе граверы исполняютъ свое дѣло отлично, крайне оригинально, такъ что, глядя на испанскую гравюру, вы сразу можете угадать, что это не нѣмецкая, не польская, не англійская работа. Втеченіи года мы надѣемся довольно разносторонне познакомить читателей съ испанскими гравюрами: на нѣсколькихъ изъ нихъ передаются замѣчательно нѣкоторые эффекты, какой-нибудь струящийся между травой ручей, какой-нибудь мозаичный мраморный полъ и т. п. И на прилагаемой картинѣ изумительно хорошо переданы нѣкоторые детали, наиримѣръ, сильное тѣло на открытой груди мужика: лучше исполнить это на гравюрѣ невозможно.

Тирольскіе контрабандисты. Картина Кацлера совсѣмъ иного свойства: здѣсь вы видите не одну изъ будничныхъ сценъ, попадающихся на глаза на каждомъ шагу, — а сцену закулисной, тайной дѣятельности людей. Это шайка контрабандистовъ въ плохой пограничной тавернѣ, бражничающая и въ тоже время боящаяся нападенія, изображена и живо и бойко. Кацлеръ сумѣлъ здѣсь удержаться на реальной почвѣ и изобразилъ настоящихъ контрабандистовъ, оборванныхъ, задорныхъ, подульяныхъ и дикихъ, а не тѣхъ контрабандистовъ, которые такъ часто фигурировали въ старинныхъ романахъ въ видѣ какихъ-то поэтическихъ героевъ.

Кабардинскій кади и Тавлика. Втеченіи года мы хотимъ помѣстить въ своемъ журналѣ рядъ этнографическихъ статей, касающихся Россіи и уже начатыхъ г. Шашковымъ. Рядомъ съ этими статьями мы представимъ нашимъ читателямъ въ картинахъ нѣсколько типовъ различныхъ племенъ, населяющихъ Россію. Два кавказскіе типа, помѣщаемые въ настоящемъ номерѣ нашего журнала, исполнены г. Каменскимъ.

Э. Россіи въ Гамлетѣ. Въ настоящее время въ Петербургѣ уже состоялся абонементъ на представленія даровитаго исполнителя Шекспировскихъ пьесъ, извѣстнаго уже нашимъ читателямъ по многимъ статьямъ, говорившимъ о немъ, — и мы сочли нелишнимъ воспроизвести въ своемъ журналѣ гравюру, изображающую Э. Россіи въ одной изъ его лучшихъ Шекспировскихъ ролей.

Картина Я. Матейки. При пятомъ номерѣ нашего журнала была приложена копія съ одной изъ замѣчательнѣйшихъ картинъ Я. Матейки —

этого лучшаго современнаго художника по части историческаго жанра. Сюжетъ картины касается того момента во время раздѣленія Польши, когда одинъ изъ патриотовъ сказалъ, что къ акту раздѣленія Польши перейдутъ только черезъ его трупъ. Независимо отъ превосходнаго чисто техническаго исполненія, картина эта отличается замѣчательною экспрессіей лицъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ,
царь польскій, великій князь финляндскій
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ.

Въ 27-й день минувшаго января заключенъ, съ соизволенія Нашего, посломъ нашимъ въ Константинополь и сего числа Нами утвержденъ окончательный мирный договоръ съ Оттоманскою Портою. Вслѣдствіе сего повелѣли войскамъ нашимъ, находящимся на Балканскомъ полуостровѣ, возвратиться въ Россію, оставляя временно въ Болгаріи и Восточной Румеліи, согласно постановленію берлинскаго конгресса, лишь оккупационный корпусъ, для обезпеченія того новаго порядка, который имѣетъ быть тамъ водворенъ.

Всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ извѣстны изъ манифеста Нашего, изданнаго въ 12-й день апрѣля 1877 года, причины, побудившія Насъ поднять оружіе, въ твердомъ сознаніи правоты предпринятаго Нами дѣла, въ непоколебимомъ довѣріи къ доблестямъ Нашего побѣдоноснаго войска и въ смиренномъ упованіи на милосердіе Божіе.

Упорная борьба окончилась, благодаря Всевышняго, рядомъ блестящихъ военныхъ событій, покрывшихъ оружіе Наше новою неувядаемою славой, и достиженіемъ существенныхъ результатовъ, въ отношеніи столь желаннаго улучшенія быта христіанскихъ населеній Турціи. Подвиги доблестныхъ войскъ нашихъ въ Европѣ и Азіи, переходъ черезъ Дунай, геройская защита Шипки и Баязета, плѣненіе турецкихъ армій, взятіе Карса, переходъ черезъ Балканы и, наконецъ, побѣдоносное наступленіе отъ Софіи къ Филиппополю и Адрианополю, въ самое суровое зимнее время, пребудутъ неизгладимыми страницами въ военныхъ лѣтописяхъ всего міра.

Быстрымъ затѣмъ движеніемъ войскъ нашихъ на Константинополь, турецкое правительство принуждено было обратиться къ Намъ съ предложеніемъ о заключеніи немедленнаго перемирія и опредѣленіи мирныхъ условий. Таковыя условія, Нами предварительно постановленныя, были приняты Портою. Санъ-Стефанскій предварительный договоръ требовалъ въ отношеніи нашихъ международныхъ съ другими великими державами обязательствъ общаго съ ними по нѣкоторымъ статьямъ соглашенія.

Въ видахъ достиженія онаго, во избѣжаніе новыхъ столкновеній и въ непрестанномъ желаніи положить конецъ кровопролитію и всѣмъ бѣдствіямъ войны, тяготѣвшимъ надъ любезнымъ отечествомъ нашимъ, Мы изъявили согласіе на созваніе въ Берлинѣ конгресса изъ представителей всѣхъ великихъ державъ, для обсужденія подлежащихъ общему соглашенію статей санъ-стефанскаго предварительнаго договора.

Въ доказательство Нашего искренняго желанія достигнуть умиротворенія и признавая постановленія берлинскаго конгресса совмѣстными съ преслѣдуемою Нами цѣлью улучшенія быта христіанъ на Востокѣ, Мы признали за благо утвердить составленный конгрессомъ международный трактатъ и принять оный въ основаніе для заключеннаго нынѣ окончательнаго мирнаго договора съ Оттоманскою Портою.

Отнынѣ всѣми признана полная независимость Румыніи, Сербіи и Черногоріи, и владѣнія сихъ княжествъ расширены; сѣверная Болгарія возведена въ самостоятельное княжество, — турецкія крѣпости въ ней имѣютъ быть срыты; большей части южной Болгаріи, подлѣ наименованіемъ Восточной Румеліи, предоставлена автономія, подлѣ управленіемъ генералъ-губернатора христіанскаго вѣроисповѣданія; Турція обязалась даровать прочимъ ея областямъ въ Европѣ новыя административныя учрежденія; Россіи возвращена часть Бессарабіи, отторгнутая отъ нея парижскимъ трактатомъ 1856 года; въ Азіатской Турціи владѣнія наши расширились присоединеніемъ Карса, Ардагана и Багума, съ прилегающею къ нимъ территоріею.

Таковы результаты предпринятой Нами и нынѣ оконченой войны.

Возвѣщая любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ о благополучномъ возстановленіи мира, Мы увѣрены, что они соединятъ молитвы свои съ Нашими, въ воздаяніе благодаренія Всевышнему, даровавшему Россіи новыя побѣды, новую славу и признательность освобожденныхъ ею племенъ христіанскихъ.

Данъ въ С-Петербурѣ, февраля 3-го дня, лѣта

отъ Рождества Христова въ тысячу восемьсотъ семьдесятъ девятое, царствованія же Нашего въ двадцать четвертое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Высочайше утвержденная инструкция, данная генералу-адъютанту, генералу-отъ-кавалеріи графу Лорисъ-Меликову на время исполненія возложеннаго на него, по высочайшему повелѣнію, порученія, представленнаго правительствующему сенату управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ 27-го января.

Государь Императоръ, въ видахъ безотлагательнаго принятія мѣръ къ прекращенію обнаружившейся въ Астраханской губерніи заразы и предупрежденія дальнѣйшаго ея распространенія на другія мѣстности, высочайше повелѣтъ соизволить: командировать генерала-отъ-кавалеріи генерала-адъютанта графа Лорисъ-Меликова на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

1) Генералу-адъютанту графу Лорисъ-Меликову присвоиваются званіе и права временнаго генерала-губернатора Астраханской и сопредѣльныхъ съ нею губерній.

2) Губернаторы: астраханскій, саратовскій, самарскій и ставропольскій, а также начальники сопредѣльныхъ съ Астраханскою губерніею областей исполняютъ всѣ предложенія и распоряженія, которыя генералъ-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ признаетъ нужнымъ сдѣлать для успѣшнаго исполненія возложеннаго на него высочайшею властью порученія.

3) Генералъ-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ уполномочивается дѣлать распоряженія именемъ Его Императорскаго Величества.

4) Генералу-адъютанту графу Лорисъ-Меликову представляется, въ случаяхъ признанной имъ необходимости, объявлять части Астраханской и сопредѣльныхъ съ нею губерній или цѣлыя губерніи на военномъ подожженіи.

5) Въ случаяхъ особой важности, генералу-адъютанту графу Лорисъ-Меликову предоставляется доносить непосредственно Его Императорскому Величеству.

6) Отдѣльныя части войскъ, командированныя въ распоряженіе генерала-адъютанта графа Лорисъ-Меликова, а равно войска, расквартированныя въ предѣлахъ губерній: Астраханской, Самарской и Саратовской, подчиняются ему во всѣхъ отношеніяхъ, причѣмъ ему присваиваются права командира отдѣльнаго корпуса въ военное время.

7) Чины всѣхъ безъ исключенія вѣдомствъ обязаны неукоснительно исполнять приказанія и распоряженія генерала-адъютанта графа Лорисъ-Меликова.

8) Генералу-адъютанту графу Лорисъ-Меликову предоставляется предлагать земскимъ и городскимъ управамъ къ исполненію всѣ тѣ мѣры, которыя имъ будутъ признаны необходимыми.

9) Генералъ-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ входитъ въ текущія дѣла губернской администраціи, мѣстнаго хозяйства, судопроизводства, торговли и промышленности, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣла сии имѣютъ прямое соотношеніе къ возложенному на него порученію. Ему предоставляется полное право принимать всѣ признаваемые имъ нужными мѣры относительно учрежденія карантинныхъ, оцѣленія отдѣльныхъ поселеній и цѣлыхъ мѣстностей, прекращенія почтоваго, торговаго и всякаго иного движенія или сообщенія, и направленія такового движенія иными путями.

10) При генералъ-адъютантѣ графѣ Лорисъ-Меликовѣ состоятъ: совѣщательно-санитарная комісія, которая имѣетъ быть образована на основаніи высочайше утвержденаго 18-го января сего года положенія комитета министровъ, и нужное число чиновъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, назначаемыхъ по соглашенію его съ подлежащими министерствами.

11) Генералу-адъютанту графу Лорисъ-Меликову предоставляется приводить въ исполненіе всѣ тѣ мѣры къ прекращенію дальнѣйшаго развитія и распространенія заразы, кои указаны въ высочайше утвержденномъ 18 сего января положеніи комитета министровъ. Въ полномъ его подчиненіи находится учреждаемая, на основаніи означеннаго положенія комитета, подлѣ предсѣдательствомъ астраханскаго губернскаго мѣстнаго комитета для оцѣнки передаваемыхъ сожженію движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ и для выдачи за оныя вознагражденія,

и 12) Всѣ министерства и вѣдомства оказываютъ генералу-адъютанту графу Лорисъ-Меликову полное содѣйствіе.

Новости наукъ и жизни.

— Находчивость ребенка. Жанна, внучка Виктора Гюго, едва не сдѣлалась жертвой пламени. Играя подлѣ камина, она вдругъ почувствовала, что платье на ней загорѣлось. Ребенокъ

не потерялъ присутствія духа. Жанна вспомнила слышанный ею рассказ о молодой женщинѣ, которая, находясь въ подобной же опасности, легла на коверъ, закутала имъ себя и тѣмъ потушила пылавшее платье. Маленькая Жанна прибѣгла къ этому же средству и отдѣлалась незначительными обжогами.

— **Находчивость женщины.** М-съ Изидора Миддлтонъ, красавица и очень вліятельная дама въ Мобилѣ (въ штатѣ Алабама), разъ вечеромъ, перебирая вещи на своемъ туалетѣ, замѣтила, что благодаря свѣту лампы, поставленной на стулѣ въ углу комнаты, на полу отразился силуэтъ мужчины, подлѣзшаго подъ круглый столъ, стоящій посрединѣ комнаты. М-съ Миддлтонъ замѣтила также, что на одной рукѣ этого мужчины было всего два пальца и припомнила, что въ послѣднее время въ городѣ совершенно нѣсколько значительныхъ покражъ и молва приписывала ихъ страшному разбойнику негру, отличавшемуся той особенностью, что на правой рукѣ у него было всего два пальца. Мужа м-съ Миддлтонъ не было въ городѣ и въ настоящую минуту въ домѣ находилась всего одна служанка. Не потерявшись и не зовя на помощь, мужественная женщина сѣла къ тому столу, подъ которымъ былъ спрятанъ разбойникъ, позвонила служанку и стали писать.

— Бригита, сказала она спокойнымъ тономъ, — вотъ вамъ письмо, снесите его къ брильянщику, м-ру Форферу и получите отъ него мое брильянтовое кольцо и серьги, которыя нѣсколько дней тому назадъ я отдала ему для передѣлки. Если бы онъ еще не окончилъ работы, все равно возьмите; эти вещи мнѣ крайне необходимы.

Нужно-ли говорить, что письмо заключало въ себѣ просьбу къ брильянщику, другу мужа м-съ Миддлтонъ, придти какъ можно поспѣшнѣе и изъавить ее отъ ужаснаго гостя. Можно судить о критическомъ положеніи молодой женщины, оставшейся наединѣ съ разбойникомъ, извѣстнымъ за человека жестокаго и грубаго. Она перелистывала книгу, напѣвала оперную арію и безпрестанно поглядывала на стрѣлки стѣнныхъ часовъ. Наконецъ послышался звонокъ. Она спокойно пошла отворить. Хитрость ея вполне удалась. Пришли не только Бригита и Форферъ, но вмѣстѣ съ ними и трое дюжихъ полицейскихъ. Последніе вошли въ комнату потихоньку и разомъ бросились на разбойника. Неожиданное нападеніе такъ поразило его, что онъ даже не защищался. Это дѣйствительно былъ разбойникъ-негръ Клафамъ, болѣе извѣстный подъ именемъ двупалаго Джефа.

— **Истребленіе иностранныхъ словъ.** Подъ предѣлательствомъ императорскаго архитектора Куно, во Франкфуртѣ на Майнѣ, образовалось общество для изгнанія изъ употребленія иностранныхъ словъ. Куно и Фиреку поручено, при содѣйствіи нѣкоторыхъ купцовъ, ремесленниковъ и адвокатовъ, выработать основныя положенія общества и представить ихъ собранію, которое состоится въ Заальбау. Въ составъ общества войдутъ лица изъ всѣхъ слоевъ населенія. Затѣмъ будутъ открыты секціи: строителей, ученыхъ, учителей, чиновниковъ, адвокатовъ, купцовъ и проч.

— **Кабинетная электрическая лампа.** Въ одной американской газетѣ описывается электрическая лампа, примѣненная для комнатнаго освѣщенія, которая, вѣроятно, изгонитъ изъ употребленія газъ. Горѣлка помѣщается въ стеклянномъ, вверху расширенномъ, цилиндрѣ, нижняя часть котораго заключена въ металлическомъ резервуарѣ. Отъ этого металлическаго основанія идутъ вверхъ два мѣдные стержня; на концѣ одного изъ нихъ прикрѣпленъ тонкій угольный штифтикъ, а на концѣ другого согнута подъ прямымъ угломъ крѣпкая проволока, касающаяся угля. Верхняя часть лампы тщательно отдѣлена отъ нижней тремя плотными пластинками, такъ что вполне избѣгается передача тепла изъ одного отдѣленія въ другое. Чтобы предупредить часто встрѣчающееся отдѣленіе искръ отъ угля, приписываемое окисленію, верхняя часть цилиндра наполняется азотомъ, въ которомъ не можетъ происходить это явленіе. Съ этою же цѣлью устроенъ задерживающій аппаратъ, состоящій изъ нѣсколькихъ отдѣ-

леній. Для того, чтобы зажечь лампу, поворачиваютъ ручку, причемъ проходящій черезъ лампу токъ усиливается постепенно и уголь не съ разу доходитъ до блага каленія. Приспособленный къ лампѣ часовой механизмъ указываетъ продолженіе какого времени горѣла лампа.

— **Золото въ Индіи.** Британское правительство получило недавно подробный отчетъ объ открытыхъ Кларкомъ золотыхъ россыпяхъ на громаднѣйшей площади, въ мадрасскомъ округѣ. По описанію Кларка, золото превосходнаго качества, золотоносный пластъ очень великъ, и разработка его дастъ значительный доходъ на многіе годы. Въ настоящее время, когда Индія пережила массу невзгодъ, какъ разъ кстати эта находка: можно дать работу тысячамъ голодающаго населенія обширной Индіи. Нѣкоторые же изъ англійскихъ экономистовъ доказываютъ, что обиліе золота въ странѣ можетъ принести лишь вредъ ей, а не пользу; во всякомъ случаѣ увеличеніе добычи золота приведетъ къ пониженію его цѣнности, а соотвѣственно этому поднимется цѣна на жизненные продукты.

— **Разработка петроля въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.** Въ 1861 г., послѣ открытія петролейныхъ источниковъ полковникомъ Дрэккомъ, вывезено было 27,000 бочекъ петроля, стоимостью въ 1 миллионъ долларовъ. Въ 1877 году было вывезено 14½ миллионъ бочекъ, стоимостью въ 62 миллиона долларовъ. Несмотря на столь значительную разработку петроля, вывозъ его, въ отношеніи стоимости, стоитъ на четвертомъ мѣстѣ въ ряду произведеній, вывозимыхъ изъ Соединенныхъ Штатовъ. Во главѣ стоитъ вывозъ хлопчатой бумаги болѣе, чѣмъ на одинъ миллиардъ франковъ; затѣмъ слѣдуетъ рожь и мука болѣе, чѣмъ на 800 миллионъ франковъ, свинина на 400 миллионъ и, наконецъ, петроль на 300 миллионъ франковъ.

— **Какъ нѣкогда дѣлали чуму.** Извѣстный въ Германіи писатель, Фридрихъ фон-Боденштедтъ, бывшій на Кавказѣ (въ 1845—48), передаетъ рассказъ одного мѣстнаго стараго служака, между прочимъ, о томъ, какъ въ былое время практиковалось тамъ «дѣланіе чумы». Это была спекуляція, какъ и многія другія. Врачъ, пользуясь первымъ случаемъ скоротечной болѣзни умершаго пациента, собиралъ старшинъ селенія и объявлялъ имъ о появленіи чумы. Мѣстные жители, зная по опыту, какія послѣдствія ведетъ за собою донесеніе врача по начальству о появленіи чумы, и не желая подвергаться надзору оцѣняющихъ въ такомъ случаѣ ихъ селеніе войскъ, и потерѣ большей части своего имущества по распоряженію властей, приказывающихъ зарывать сомнительнаго качества провизію, сжигать вещи, принадлежавшія больнымъ, окуривать жилища, и разнаго рода другимъ стѣсненіямъ со стороны полиціи, — конечно, желали избавиться отъ всѣхъ подобныхъ невзгодъ. Они настойчиво просили врача употребить всѣ усилія, чтобы изгнать опасную болѣзнь подалѣе отъ нихъ, обѣщая за предстоящія ему при этомъ труды собрать съ жителей, по возможности, болѣе денегъ и другихъ приношеній натурою. Въ такихъ случаяхъ, врачъ назначалъ короткій срокъ для сбора приношеній, и если сумма ихъ оказывалась достаточною, то донесенія о появленіи чумы не дѣлалось. Если же приподносимый врачу сборъ оказывался незначительнымъ, онъ спѣшилъ донести по начальству о появленіи чумы, а равно и о принятыхъ имъ энергическихъ мѣрахъ противъ ея развитія. Разумѣется, всѣ предохранительныя мѣры строго приводились въ исполненіе, и бѣдные жители рѣшались, наконецъ, сдѣлать болѣе щедрую складчину въ пользу врача, который и спѣшилъ донести начальству о благополучномъ прекращеніи эпидеміи (Собраніе сочиненій Боденштедта, томъ I, стр. 92).

— **Средство противъ чумы.** Преподаватель новгородской гимназіи К. Клодье, напечаталъ въ «Нов. Времени» слѣдующую замѣтку о предохранительномъ и цѣлебномъ средствѣ отъ чумы, испытанномъ англійскимъ генеральнымъ консуломъ Георгіемъ Балдиномъ въ 1795 г. Балдинъ наблюдалъ чуму во время своего многолѣтняго пребыванія въ Турціи и замѣтилъ, что носильщики

деревяннаго масла въ Верхнемъ и Нижнемъ Египтѣ не заботѣлись чумою. Изъ этого онъ заключилъ, что деревянное масло предохраняло этихъ людей отъ заразы. Свое наблюденіе и заключеніе онъ сообщилъ Людвигу фон-Павде, священнику и главному бюстигелю госпиталя для одержимыхъ чумою въ Смирнѣ, и просилъ испытать это средство. Въ госпиталѣ оно употреблялось съ большимъ успѣхомъ, а въ 1797 году было обнародовано графомъ Леопольдомъ фон-Брехфельдомъ, который объ употребленіи его сообщаетъ слѣдующее: При первыхъ признакахъ болѣзни все тѣло заболѣваго чумою смазывалось и натиралось деревяннымъ масломъ. Послѣ этого больной, положенный въ постель, сильно потѣлъ. Для поддержанія испарины и утоленія сильной жажды больныхъ пили бузиновымъ чаемъ. Опухли желѣзъ также смазывались масломъ и приводились въ нагноеніе согрѣвающимися компрессами. Предохраняющее и цѣлебное дѣйствіе этого средства испытано, кромѣ Смирны, въ различныхъ мѣстностяхъ Египта и считается тамъ радикальнымъ. Въ настоящее время одинъ изъ представителей новѣйшаго врачеванія, основаннаго на цѣлебныхъ силахъ нашего организма, докторъ Ф. Ханъ, сочиненіе котораго «Praktisches Handbuch der naturgemässen Heilweise v. Theodor Hahn» недавно переведено на русскій языкъ подъ заглавіемъ «Практическое руководство врачеванія», предлагаетъ слѣдующій способъ леченія одержимыхъ чумою: «Такъ какъ въ этой болѣзни, говоритъ онъ, прежде всего должно умѣрить сильный лихорадочный жаръ, то больного пужно обливать водою (температурою 10° по Реом.), затѣмъ завернуть въ мокрую простыню и прикрыть теплымъ одеяломъ. Для утоленія сильной жажды пужно давать больному пить холодную воду».

— **Эпидемическій листокъ.** Медицинскій департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ предполагаетъ, въ случаѣ усиленія чумы, приступить къ изданію спеціальной ежедневной газеты, подъ заглавіемъ «Эпидемическій Листокъ», въ которой будутъ, между прочимъ, печататься статьи, заключающія въ себѣ подробные отчеты о развитіи и распространеніи этой болѣзни, а также и о средствахъ, предпринимаемыхъ къ ограниченію заразы.

— **Проф. Эйхвальдтъ.** Газетѣ «Русская Правда» сообщаютъ, что профессоръ Эйхвальдтъ ѣдетъ на-дняхъ въ астраханскую губернію для изученія чумы на мѣстѣ. На лекціи своей въ медицинско-хирургической академіи, 1-го февраля, заявивъ объ этой поѣздкѣ, профессоръ сказалъ: «Когда чумы нѣтъ — ее изучаютъ по книгамъ; но когда она есть, ее надо изслѣдовать на мѣстѣ».

— **У страха глаза велики.** Въ «Сарат. Справ. Листкѣ» пишутъ: «Городскіе слухи разнесли по Саратову ужасный рассказъ о повальномъ зараженіи «ветлянской» болѣзنیю цѣлой семьи. Тамъ, гдѣ-то въ нагорной части города, въ одномъ домѣ обнаружилась страшная гостья, забравшаяся туда, минуя всѣ заставы и карантинныя огражденія и поразившая разомъ всю семью, состоящую изъ отца, матери и троихъ дѣтей! Сначала прислуга, затѣмъ сосѣди, а потомъ цѣлая улица взволновались, и испуганный народъ хлынулъ къ злополучному дому, образовавъ вокругъ него сплошную толпу. Пошли толки, сужденія и догадки. Кто-то предложилъ даже заколотить домъ, замуравить двери, окна и всѣ отверстія «прокаженного дома». Сами заболѣвшіе въ испугѣ стояли и металась въ тоскѣ, ожидая, что «чума» пожретъ ихъ сейчасъ. Послали за докторами, и, не въ обиду будъ сказано этому почтенному сословію, трое прибывшихъ врачей, говоря, не пошли далѣе прихожей и... возвратились вспять! Наконецъ, среди врачующаго персонала отыскался фельдшеръ, который мужественно рѣшился пойти на врага. Онъ всенародно раздѣлся, обнажилъ дѣтенышъ и нефтью и въ видѣ пахучаго амура ринулся въ зараженный домъ. Всѣхъ пятерыхъ больныхъ онъ нашелъ съ головною болью, головокруженіемъ и тошнотою. Оказалось, что семья заболѣла угаромъ».

— **Полезное средство.** Докторъ Дусонъ Дэй изъ Гилонга, въ Австраліи, рекомендуетъ для

употребленія въ гражданскихъ и военныхъ госпиталяхъ новое дезинфицирующее средство, способное уничтожать зародыши вѣтренной оспы, краснухи, лихорадки и, вообще, инфекціонныхъ болѣзней. Составъ его слѣдующій: на 1 часть терпентиннаго масла берется 7 частей бензина, съ прибавленіемъ на каждый унцъ этой смѣси пяти капель вербеноваго масла. По словамъ д-ра Дая, очищающимъ и дезинфицирующимъ своимъ свойствомъ составъ этотъ обязанъ способностью, которой обладаютъ его составныя части: поглощать кислородъ воздуха и образовывать перекись водорода, агента, какъ извѣстно, въ высшей степени окисляющаго и весьма похожаго по своимъ свойствамъ на озонъ. Одежда, мебель, экипажы, шерсть, бумага, книги, газеты, письма и прочее могутъ быть безъ всякой порчи дезинфицируемы посредствомъ этого состава. Если дезинфицировать имъ вообще неровныя, пористыя тѣла, то его дѣйствіе будетъ весьма продолжительно, что легко доказать во всякое время слѣдующимъ образомъ: на подобную, подвергнутую дѣйствію этого состава, вещь стоитъ только налить нѣсколько капель раствора іодистаго натрія, и тогда перекись водорода, постоянно образующаяся, быстро реагируетъ на іодистый натрій и, освобождая іодъ изъ его соединенія съ натріемъ, даетъ темно-коричневые пятна.

— **Байронъ.** Памятникъ Байрону работы Бельта, будетъ поставленъ мѣсяцевъ черезъ 6. Фигура имѣетъ 9 футовъ въ вышину и представляетъ Байрона сидящимъ на скалѣ. На лѣвомъ колѣнѣ поэта лежитъ рукопись «Чайльдъ-Гарольда». Пьедесталъ изъ краснаго мрамора, подарокъ греческаго правительства, уже находится на пути въ Англію.

— **Отмѣна торговли невольниками.** Англія и Португалія подписали конвенцію объ отмѣнѣ торговли неграми, производящагося на берегахъ Мозамбика и Мадагаскара.

— **Новое примѣненіе хлороформа.** На желѣзныхъ дорогахъ южной полосы Россіи практикуется, въ послѣднее время, новый и довольно оригинальный способъ обирая сонныхъ пассажировъ посредствомъ хлороформированія. По свѣдѣніямъ «Крымскаго Листка», министерство путей сообщенія принимаетъ дѣятельныя мѣры, чтобы понудить администрацію южныхъ желѣзныхъ дорогъ устранить возможность хлороформированія пробуждающихся пассажировъ.

— **Самовращательная машина.** Изъ сел. Воскресенки (эриванской губерніи) сообщаютъ «Кавказу»: «Одинъ изъ здѣшнихъ жителей, Василій Шубинъ, трудится надъ устройствомъ самовращательной машины. Работа его продолжается уже около 12 лѣтъ и поглотила почти все его состоя-

ніе. Теперь же, по его личному заявленію, имъ открыта самовращающаяся машина, которая движется безъ помощи какой-нибудь посторонней силы. Главное ея устройство состоитъ изъ шести крыльевъ, приводимыхъ въ движеніе посредствомъ давленія воздуха. По его словамъ, остановка машины можетъ произойти только вѣдствіемъ перетирания осей у колесъ, которыя можно, между прочимъ, быстро замѣнить другими, не приостанавливая движенія. Маленькая модель у него уже готова и, какъ онъ объясняетъ, вполне удовлетворительна. Теперь онъ занятъ приготовленіемъ настоящей модели; она будетъ имѣть около 2 пудовъ вѣса и будетъ заключена въ небольшой квадратный ящикъ. Въ случаѣ удачнаго окончательнаго устройства машины, онъ обѣщаетъ сообщить подробности ея устройства. Изобрѣтатель изъ простаго званія, около 60 лѣтъ отъ роду, по ремеслу кузнецъ, нигдѣ неучившійся, но грамотный и много читавшій, принадлежитъ къ сектѣ раскольниковъ прыгуновъ».

— **Карта планеты Марсъ.** Знаменитый миланскій астрономъ Скиапарелли издалъ недавно, на основаніи строго-научныхъ наблюденій, карту планеты Марса — планеты, о спутникахъ которой въ послѣднее время много было говорено. По этой картѣ, на поверхности Марса находятся очертанія, схожія съ нашею землею. На Марсѣ, такъ же, какъ и у насъ, существуютъ сѣверный и южный полюсы со льдами. Таяніе и возростаніе ледяныхъ массъ на этой планетѣ вполне удовлетворены. На Марсѣ, точно такъ же, какъ и у насъ, имѣются материкъ и океаны. На картѣ изображены даже рѣки, устья которыхъ въ океанѣ видны совершенно ясно.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Козлы отпущенія (продолж.) — Стихотв. Въ непогоду. — Сестра милосердія (продолж.) — По Германіи. — Карлъ Федоровичъ Гунъ (продолж.) — Народы Россіи (продолж.) — Практическія послѣдствія суевѣрія (продолж.) — Пабло де-Сарасате. — Къ рисункамъ. — Манифестъ. — Новости наукъ и жизни. — Объявленія.

Гравюры: Варфоломеевская ночь. — Продажа лошади. — Тирольскіе контрабандисты. — 2 рис. къ ст. К. Гуна. — Тавлинка. — Кабардинскій кади. — 4 рис. къ ст. «Разведеніе страусовъ». — Э. Россі въ «Гамлетѣ».

Продолженіе романа «Мужъ и жена» отлагается до слѣдующаго №.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 5-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 3-го февраля въ 6 ч. 15 м. утра, на иногороднюю почту 4-го февраля въ 1 ч. 10 м. пополудни.

Контора «Живописнаго Обозрѣнія» покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ при перемѣнѣ адреса высылать старый адресъ съ бандеролью и деньгами или марками:

При перемѣнѣ городского на иногородный . . . . . — р. 85 к.
Иногороднаго на городской. . . . . 1 » — »
Иногороднаго на иногородный. . . . . — » 24 »

Безъ означенныхъ приложеній адресъ не перемѣняется.

Въ случаѣ же неполученія къмѣ-либо изъ гг. подписчиковъ номера журнала, контора покорнѣйше проситъ заявить объ этомъ немедленно по полученіи слѣдующаго номера, чтобы имѣть возможность отыскать на почтѣ утеранный номеръ. Заявленія же, поступающія по прошествіи мѣсяца, остаются безъ послѣдствій.

ОПЕЧАТКА

Въ № 5 на первой стр. 1-мъ столбцѣ строки 6 и 7-я напечатано *слѣдуетъ*
Софья Николаевна: Софья Дмитріевна:

Издатель-Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

Объявленія.

Въ Книжномъ магазинѣ

С. П. ГЛАЗЕНАПА.

(Поварской пер. № 15 въ С.-Петербургѣ.)

продаются между прочимъ слѣдующіе книги:

Ю. Чудновскій: Предохранительныя мѣры противъ чумы. Ц. 20 к. съ пер. 25 коп.

Евгеній Марковъ: Собраніе сочиненій, въ двухъ томахъ, съ портретомъ автора. Вѣсов. за 4 ф. Цѣна 4 р.

Мюрже: Сцены изъ жизни литераторовъ, артистовъ и пр. Цѣна 1 р. 50 коп. съ перес. 1 р. 75 к.

Тюмофьевъ: Изъ воспоминаній судебного слѣдователя. Ц. 2 р. (съ перес. 2 р. 50 к.)

Козыревъ: Изъ народнаго житія бытѣ. Цѣна 1 р. съ перес. 1 р. 20 коп.

Книжный магазинъ С. П. Глазенапа высылаетъ всѣ вновь выходящія книги, по цѣнамъ, публикованнымъ въ газетахъ, и исполняетъ требованія на другой же день по полученіи денегъ съ почты. Принимается подписка на всѣ журналы и газеты по редакционнымъ цѣнамъ.

ОБЩЕПОЯТНЫЯ медицинскія книги: „Пора знать каждому, что такое медицина и какъ она исцѣляетъ“. Изд. 2-е Ц. 50 к., съ перес. 70 к. „Будьте осторожны!“ Ц. 30 к. съ перес. 40 к. Продаются въ г. Новгородѣ у учителя гимназіи Н. Клоссе и въ С.-Петербургѣ въ книжн. магазинахъ Н. Фену, В. Печаткина и друг. 1.—

Объ изданіи ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Гг. годовые подписчики получаютъ безплатную литературную иллюстрированную премію. — Гг. годовымъ подписчикамъ выдаются двѣ первыя преміи, состоящія изъ олеографическихъ картинъ.

Редакція разошлетъ своимъ подписчикамъ въ видѣ четвертой преміи гравюру, длиною 1 арш. 4 верш., шириною 13 верш. Гравюра эта «Мадонна» составляетъ копію съ картины Мурильо. Она вырѣзана на стали. Стальная доска, какъ образецъ художественнаго исполненія, была на парижской всемірной выставкѣ 1878 года. Гравюра такъ хороша, что, вставленная въ рамку, можетъ быть повѣшена въ любой гостиной.

Гг. иногороднымъ подписчикамъ всѣ три художественныя преміи будутъ высланы одновременно, въ трубкѣ изъ папки, безъ особой приплаты за пересылку.

Гг. подписчики получаютъ втеченіи года нѣсколько художественныхъ приложеній, подобныхъ разосланной при первомъ номерѣ копіи съ картины профессора Семирадскаго «Христіане, пробирающіеся изъ Катакомбъ».

Гг. подписчики будутъ получать «ГИГИЕНУ», соч. д-ра медицины Виля и проф. Гнема, какъ отдѣльное безплатное приложеніе.

Отдѣльнымъ же безплатнымъ приложеніемъ будетъ разсылаться гг. подписчикамъ отдѣлъ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (текстъ и рисунки).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годовое изданіе „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“ изъ 52 №№, съ безплатными приложеніями и правомъ на полученіе всѣхъ премій втеченіи 1879 года:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . . 6 р. — к.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ, а также для иногородныхъ съ пересылкою и упаковкою 7 » — »

За границею . . . . . 8 » 50 »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1) Въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи журнала, Новый проспектъ, д. № 20. 2) Въ Москвѣ въ отдѣленіи конторы «Живописнаго Обозрѣнія», въ книжномъ магазинѣ П. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

При этомъ номерѣ «Живоп. Обозрѣн.» разсылаются гг. подписчикамъ приложеніе: № 3-й и 4-й «Парижскія Моды».

№ 7. Томъ I.

На годъ, съ доставкой и пересылкою — 7 руб.;
на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб.
Отдѣльн. №№ по 20 н.

С.-Петербургъ, 17 Февраля 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый
проспектъ, домъ № 20.

Годъ VII.

Зимнимъ вечеромъ.

Стих. Б. Левина.

Снѣжныя волокна
Падаютъ весь день;
Хмуро смотритъ въ окна
Ночи зимней тѣни.

Вѣтеръ съ дикой силой
Воетъ и реветъ;
Сорванный, уныло
Ставень въ стѣну бьетъ.

Занесло дороги;
Какъ медвѣдь, сиди
У себя въ берлогѣ
И гостей не жди.

Вымеръ домъ, сдается;
Слышишь въ эту тишь
Только, какъ скребется
Гдѣ-то робко мышь.

Какъ въ углу безсмѣнно
Маятникъ стучитъ,
Какъ въ печи полѣно
На огнѣ трещитъ.

Дѣло не спорится,
Силы нѣтъ уснуть
И тоской томится
Безотчетно грудь.

Длинной вереницей
Въ памяти твоей
Пролетаютъ лица
Близкихъ и друзей.

Думаешь уныло:
Что имъ жизнь дала,
Какъ ихъ пріютила,
Гдѣ гнѣздо свила?

Близко или далеко?..
Если бы теперь
Ими вдругъ широко,
Распахнулась дверь!

Полились бы снова
Говоръ, шумъ и гамъ,
Приговоръ суровый
Съ смѣхомъ пополамъ,

Споры молодые
О вопросахъ дня...
Гдѣ же вы, бывше
Милые друзья?

Минувшіе годы, событія и лица
Предъ памятью длинной встаютъ вереницей

И—скорбнаго дѣтства друзей—
Я вижу сосѣднихъ дѣтей.

На улицахъ пыльных, въ дешевенькой школѣ
Со смѣхомъ безпечнымъ въ тяжелой недолѣ
Со мною рѣзвились они—
И быстро мелькнули тѣ дни.

Дѣтей-горемыкъ нищета и невзгоды
Къ труду приковали, лишили свободы,
Подъ грохотъ фабричныхъ колесъ
Затихнуть ихъ смѣху пришлось.

Другіе попали въ лавчонки куда-то
Учиться торговлѣ за жалкую плату—
Науку пробить себѣ путь
Умѣемъ ловчѣе надуть.

Со мной они стали стѣсняться при встрѣчѣ,
Смущали меня ихъ недѣтскія рѣчи,—
И цѣлая пропасть потомъ
Легла между нашимъ кружкомъ.

Одинъ я пошелъ по великой дорогѣ
Развитія и знанья, въ сердечной тревогѣ
Тверди свой завѣтный обѣтъ
Пробиться изъ мрака на свѣтъ...

Юность, любимый кружокъ,
Новыхъ стремленій потокъ,
Страстность горячихъ рѣчей...
Мнѣ не забыть этихъ дней!

Вотъ эти юноши бѣдные,
Лица худыя и блѣдныя,
Горькая жизнь бѣдняковъ
И къ угнетеннымъ любовь.

Помню я эти углы,
Гдѣ посреди полумглы
Множество радужныхъ грезъ
Въ юныхъ умахъ пронеслось.

Страстно они увлекались,
Страстно они заблуждались,
Но и ошибки-то ихъ
Полны стремленій святыхъ.

Нужды забывши свои,
Счастья желали они,
Родина-мать, для тебя,
Бѣдный народъ твой любя.

Если ихъ думы завѣтныя
Даже плоды чуть замѣтныя
Дали тебѣ—и тогда
Ихъ не кори никогда.

Дѣтски наивенъ упрекъ,
Если не каждый цвѣтокъ

Въ пору лихихъ непогодъ
Дастъ ожидаемый плодъ.

Но гдѣ-жъ они теперь? Какъ смутныйрой видный,
Проходятъ предо мной знакомыя ихъ тѣни:
Внезапная гроза слетѣвшая на нихъ,
Умчала въ край иной безжалостно однихъ;
Другіе, уступивъ въ борьбѣ незримой силѣ,
Хирѣя, добреши давно къ сырой могилѣ;
Иные... одного изъ нашего кружка
Однажды встрѣтилъ я. Онъ брелъ изъ кабака,
Оборванный, худой, съ потухшими глазами...
Не сладилъ онъ съ судьбой, не справился съ

врагами,

Въ тупомъ отчаяньи махнулъ рукой на все
И запыль... На его угрюмое лицо
Легли слѣды тоски, унынья и безсилья...
О, если у орла надломите вы крылья
И бросите его на грязный птичій дворъ,—
Не будетъ-ли и онъ, властитель вышнихъ горъ,
И жалокъ и угрюмъ, въ густой грязи шагая
И зная, какъ чиста даль неба голубая?..
Да много сгнбло силъ прекрасныхъ и живыхъ
Среди житейскихъ дрягъ. Но для друзей бывшихъ
Порой иной удѣлъ готовился въ грядущемъ
И пролетаріямъ голоднымъ, немущимъ,
Какъ замороженнымъ псамъ, бросаю коварный рокъъ
Въ добычу лакомый, заманчивый кусокъ,
Какъ будто тѣшась тѣмъ, какъ съ бѣшенною

злостью

Они начнутъ грызнуть надъ брошеною костью...
Да, эти жалкіе избранники судьбы
Одни съ трофеями выходятъ изъ борьбы,
Чтобъ въ грязь топтать все то, что дорого и

свято,

Казалось, было имъ, какъ ихъ друзьямъ, когда-то,
И, на костяхъ бойцовъ справляя гнусный пиръ,
Предписывать на вѣкъ всѣмъ людямъ жалкій

миръ.

Они не умерли. Не ихъ-ли посѣщенья
Такъ страстно я желалъ въ своемъ уединеньи?

Прочь, ненавистные, прочь!..
Нѣтъ, это грезы оди!
Въ эту ненастную ночь
Люди не придутъ ко мнѣ.

Люди не придутъ и самъ
Я затворилъ бы теперь
Этимъ постылымъ друзьямъ
Въ уголъ завѣтныи свой зверь.

Пой же, мятель на дворѣ,
Вихрями снѣгъ завивай,

№ 7. Томъ I.

На годъ, съ доставкою и пересылкою — 7 руб.;
на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб.
Отдѣльн. №№ по 20 к.

С.-Петербургъ, 17 Февраля 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый
проспектъ, домъ № 20.

Годъ VII.

Зимнимъ вечеромъ.

Стих. Б. Левина.

Снѣжныя волокна
Падаютъ весь день;
Хмуро смотреть въ окна
Ночи зимней тѣнь.

Вѣтеръ съ дикой силой
Воетъ и реветъ;
Сорванный, уныло
Ставень въ стѣну бьетъ.

Занесло дороги;
Какъ медвѣдь, сиди
У себя въ берлогу
И гостей не жди.

Вымеръ домъ, сдается;
Слышишь въ эту тишь
Только, какъ скребется
Гдѣ-то робко мышь.

Какъ въ углу безсмѣнно
Маятникъ стучитъ,
Какъ въ печи полено
На огнѣ трещитъ.

Дѣло не спорится,
Силы нѣтъ уснуть
И тоской томится
Безотчетно грудь.

Длинной вереницей
Въ памяти твоей
Пролетаютъ лица
Блискихъ и друзей.

Думаешь уныло:
Что имъ жизнь дала,
Какъ ихъ пріютила,
Гдѣ гнѣздо свила?

Близко или далеко?..
Если бы теперь
Ими вдругъ широко,
Распахнулась дверь!

Полился бы снова
Говоръ, шумъ и гамъ,
Приговоръ суровый
Съ смѣхомъ пополамъ,

Споры молодые
О вопросахъ дня...
Гдѣ же вы, бывле
Милые друзья?

Минувшіе годы, событія и лица
Предъ памятью длинной встаютъ вереницей

И — скорбнаго дѣтства друзей —
Я вижу сосѣднихъ дѣтей.

На улицахъ пыльных, въ дешевенькой школѣ
Со смѣхомъ безпечнымъ въ тяжелой недолѣ
Со мною рѣзались они —
И быстро мелькнули тѣ дни.

Дѣтей-горемыкъ нищета и невзгоды
Къ труду приковали, лишили свободы,
Подъ грохотъ фабричныхъ колесъ
Затихнуть ихъ смѣху пришлось.

Другіе попали въ лавчонки куда-то
Учиться торговлѣ за жалкую плату —
Науку пробить себѣ путь
Умѣньемъ ловчѣе надуть.

Со мной они стали стѣсняться при встрѣчѣ,
Смущали меня ихъ недѣтскія рѣчи, —
И цѣлая пропасть потомъ
Легла между нашимъ кружкомъ.

Одинъ я пошелъ по великой дорогѣ
Развѣнья и знанья, въ сердечной тревогѣ
Твердя свой завѣтный обѣтъ
Пробиться изъ мрака на свѣтъ...

Юность, любимый кружокъ,
Новыхъ стремлений потокъ,
Страстность горячихъ рѣчей...
Мнѣ не забыть этихъ дней!

Вотъ эти юноши бѣдные,
Лица худыя и блѣдныя,
Горькая жизнь бѣдняковъ
И къ угнетеннымъ любовь.

Помню я эти углы,
Гдѣ посреди полумглы
Множество радужныхъ грезъ
Въ юныхъ умахъ пронеслось.

Страстно они увлекались,
Страстно они заблуждались,
Но и ошибки-то ихъ
Полны стремлений святыхъ.

Нужды забывши свои,
Счастья желали они,
Родина-мать, для тебя,
Бѣдный народъ твой любя.

Если ихъ думы завѣтныя
Даже плоды чуть замѣтныя
Дали тебѣ — и тогда
Ихъ не кори никогда.

Дѣтски наивенъ упрекъ,
Если не каждый цвѣтокъ

Въ пору лихихъ непогодъ
Дастъ ожидаемый плодъ.

Но гдѣ-жъ они теперь? Какъ смутный рой видѣній,
Проходятъ предо мной знакомыя ихъ тѣни:
Внезапная гроза слетѣвшая на нихъ,
Умчала въ край иной безжалостно однихъ;
Другіе, уступивъ въ борьбѣ незримой силѣ,
Хирѣя, добрели давно къ сырой могилѣ;
Иные... одного изъ нашего кружка
Однажды встрѣтилъ я. Онъ брелъ изъ кабака,
Оборванный, худой, съ потухшими глазами...
Не сладилъ онъ съ судьбой, не справился съ
врагами,

Въ тупомъ отчаяньи махнулъ рукой на все
И запылъ... На его угрюмое лицо
Легли слѣды тоски, унынья и безсилія...
О, если у орла надломите вы крылья
И бросите его на грязный птичій дворъ, —
Не будетъ-ли и онъ, властитель высшихъ горъ,
И жалокъ и угрюмъ, въ густой грязи шагая
И зная, какъ чиста даль неба голубая?..
Да много сгибло силъ прекрасныхъ и живыхъ
Среди житейскихъ дрызгъ. Но для друзей бывшихъ
Порой иной удѣлъ готовился въ грядущемъ
И пролетаріямъ голоднымъ, немущимъ,
Какъ замореннымъ неамъ, бросалъ коварный рокъ
Въ добычу лакомый, заманчивый кусокъ,
Какъ будто тѣшась тѣмъ, какъ съ бышенною
злостью

Они начнутъ грызть надъ брошенною костью...
Да, эти жалкіе избранники судьбы
Одни съ трофеями выходятъ изъ борьбы,
Чтобъ въ грязь топтать все то, что дорого и
свято,

Казалось, было имъ, какъ ихъ друзьямъ, когда-то,
И, на костяхъ бойцовъ справляя гнусный пиръ,
Предписывать на вѣкъ векамъ людямъ жалкій
миръ.

Они не умерли. Не ихъ-ли посѣщенія
Такъ страстно я желалъ въ своемъ уединеніи?

Прочь, ненавистные, прочь!..
Нѣтъ, это грезы одні!
Въ эту ненастную ночь
Люди не придутъ ко мнѣ.
Люди не придутъ и самъ
Я затворилъ бы теперь
Этимъ постылымъ друзьямъ
Въ уголъ завѣтный свой дверь.

Пой же, мятель на дворъ,
Вихрями снѣгъ завивай,

Снѣгомъ къ моей конурѣ,
Путь для друзей заметай.
Пой, чтобъ подь пѣсню твою
Здѣсь посреди тишины
Скорбную душу мою
Тѣшили свѣтлые сны.
Пой, мои вѣжды сплываютъ
И, забываясь сномъ,
Слышу я, какъ разливается
Буйная пѣсни кругомъ:

«Вьюги, метели, морозы суровые,
Дѣти угрюмой зимы,
Вѣчно къ борьбѣ безпощадной готовы,
Съ жизнью сражаемся мы.

«Стынутъ подь нашимъ дыханьемъ
Буйныя волны морей,
Въ лѣсъ мы свернемъ, — съ замираніемъ
Падаютъ листья съ вѣтвей.

«Мы пронесемся надъ нивами, —
Окаменѣетъ земля,
Больше цвѣтами красивыми
Не запестрѣютъ поля.

«Снѣжной шагая дорогою,
Путникъ предъ нами дрожитъ
И съ затаенной тревогою
Къ первой берлогѣ спѣшитъ.

«Множество божьихъ работниковъ,
Странничковъ, нищихъ съ сумой,
Бѣлаго люда, охотничковъ
Пало здѣсь въ битвѣ съ зимой.

«Гдѣ загостимся, незваные, —
Холодно, голодно тамъ,
Люди идутъ, безталанные,
Хлѣбъ собирать по домамъ.

«Много ихъ въ землю холодную
Втоптано въ тысячу лѣтъ,
Только на силу народную,
Видно, и гибели нѣтъ.

«Рать ея все прибавляется:
Сгубишь десятокъ бойцевъ —
Сотня, глядишь, нарождается
Новыхъ лихихъ удалцовъ.

«Что разнесешь непогодами, —
Въ первые вѣтніе дни,
Словно глумясь надъ невзгодами,
Снова наладятъ они.

«Иль мы не войско могучее?
Иль мы умѣемъ шадить?
Иль это племя живучее
Вовсе нельзя побѣдить?»

Громко поютъ-заливаются
Вьюга, метель и морозъ,
А у меня поднимаются,
Въ образы, въ звуки слагаются
Тысячи радужныхъ грезъ.

Снятся мнѣ наши родимые
Нивы, поля и лѣса,
Снѣгомъ зимой заносимые,
Солнышкомъ лѣтомъ палимые...
Здѣсь-ли не ширь, не краса?

Слышу я звуки могучіе
Заступовъ, пилъ, топоровъ...
Всюду-то дѣло кипучее
Дѣлаетъ племя живучее —
Племя родныхъ мужиковъ.

Велѣдъ за сраженными взводами
Выдвинувъ новыя въ бой,
Бьется оно съ непогодами,
Бьется съ лихими невзгодами,
Бьется съ самою судьбой.

Чу! проносится пѣснь забубенная.
Каждый звукъ ея мнѣ говоритъ,

Что поетъ то не рать побѣжденная:
Въ этихъ звукахъ ничѣмъ не смущенная
Молодецкая удалъ звучитъ...

Когда мы входили въ столовую, въ ней звѣлѣлъ серебристый смѣхъ Саши, младшей сестры Софьи Дмитриевны. Я взглянулъ невольно на ея почти дѣтское, круглое и простое лицо, съ просто зачесанными, нѣсколько вьющимися, темнорусыми волосами, съ яркимъ здоровымъ румянцемъ, съ темными, блестящими, живыми и бойкими глазами: оно было оживлено, беззаветно весело и дышало молодою жизнью. Она поминутно шевелилась, не могла посидѣть покойно на мѣстѣ, часто вскрикивала и заливалась звонкимъ смѣхомъ, быстро щуя свои сверкающіе глазенки.

— Такъ вамъ не понравилась пьеса? спросилъ ее кто-то изъ гостей, очевидно, продолжая начатый разговоръ.

— Ахъ, подите, скучная такая! воскликнула она, быстро махая маленькой ручкой съ коротенькими пухленькими пальцами.

— То есть, вы хотѣли сказать грустная, вскользь замѣтилъ я.

— Я сказала то, что хотѣла сказать, вспыльчиво отвѣтила она, бросая на меня вызывающій взглядъ. — Удивительно грустно, что какой-то дурачекъ могъ жить только на тридцать рублей въ мѣсяцъ, а жилъ на двѣсти и потому смертію умеръ!

— Ну, онъ не оттого умеръ...

— Нѣтъ, оттого, оттого! Заработался и умеръ! закивала она настойчиво головой.

Мнѣ такъ и показалось, что она топаетъ подь столѣмъ на меня ногою, какъ своеправное дитя!

— А жена, по вашему, тутъ была не причѣмъ? спросилъ я.

— Да что же она-то тутъ? Она чѣмъ была въ дѣвушкахъ, тѣмъ осталась и послѣ свадьбы.

— Можетъ быть, вы и правы, но все же грустно, что подобныя явленія могутъ происходить въ жизни.

— Не знаю, мнѣ никогда не бываетъ грустно, когда пайа рассказываетъ, что кто-нибудь изъ его пациентовъ умеръ отъ обжорства. Если бы подобную смерть представили на сценѣ, я не плакала бы, а зѣвала бы. Грустно только, когда люди умираютъ съ голоду, съ холоду...

— А вотъ мы только-что говорили съ вашей сестрой, что эта пьеса очень поучительна.

— Ну да, это оттого, что Соня и вы давно уже забыли прописи, гдѣ написано: «всякъ сверчокъ знай свой шестокъ», «не въ свои сани не садись» и «по одеждѣ протягивай ножки». А мнѣ это такъ памятно, такъ памятно, что я не могла не зѣвать, смотря на прописи въ лицахъ, растянутую на четыре акта.

— Ты, Саша, на все смотришь, какъ ребенокъ, замѣтила Софья Дмитриевна.

— Не могу же я смотрѣть, какъ пятидесятилѣтняя старуха, когда мнѣ вчера минуло семнадцать лѣтъ, засмѣялась бойкая дѣвочка.

— Да не тараторьте вы ради самого Создателя! Тутъ кушанья на столѣ, а онѣ тараторятъ, плачущимъ тономъ вступился Иванъ Ивановичъ за свой ужинъ.

Дѣйствительно, Александра Дмитриевна была

ребенкомъ, прекраснымъ, живымъ и веселымъ ребенкомъ, не смотря на то, что она съ дѣтскою гордостью называла себя «совершеннолѣтнею». Я зналъ ее давно. Я любовался ею постоянно. Въ ней не было хитрости и злобы. Она говорила все, что было у нея на душѣ. Она не старалась казаться ни лучше, ни хуже, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Она была одинакова съ мужчинами и женщинами, съ стариками и молодыми. Это была одна изъ тѣхъ натуръ, которыя можно опредѣлить сразу, не боясь ошибиться. Увидѣвъ ее, можно было сказать, что эта дѣвушка можетъ любить страстно, что она не потерпитъ никакой узды, что она не сдѣлаетъ никакой подлости, что она сумѣетъ понять каждое явленіе правильно и быстро. Ея живой и бойкій умъ, ея независимый характеръ проглядывали во всемъ.

Саша была балованное дитя своей сестры. Она осталась послѣ смерти своей матери шести лѣтъ. Софья Дмитриевна шелъ тогда тринадцатый годъ и потому она стала играть въ домѣ роль хозяйки и перенесла на сестру всю любовь, которую она питала къ покойной матери. Года два прошли для дѣвочки очень спокойно. Ихъ отецъ, докторъ Дмитрій Васильевичъ Бѣлевцевъ, по цѣлымъ днямъ дѣлалъ визиты къ своимъ пациентамъ и не стѣснялъ дѣтей, являясь домой только на два, на три часа. Находявшаяся при дѣтяхъ гувернантка была довольно добродушное созданіе и любила своихъ воспитанницъ. Но положеніе дѣтей тотчасъ измѣнилось, какъ только въ ихъ домѣ явилась новая личность — вторая жена Дмитрія Васильевича.

Екатерина Ивановна — такъ звали вторую жену Бѣлевцева, была одною изъ тѣхъ мелочныхъ личностей, которыя могутъ отравить ежеминутными придирками, каждодневными сценами, безконечнымъ пиленьемъ любую жизнь. Она любила наряды, балы и театры, но мужъ отказывалъ ей во многомъ, говоря:

— У насъ растутъ дѣти!

— Ахъ, Боже мой, развѣ это мои дѣти! восклицала Екатерина Ивановна, и въ ея пустое сердце закрадывалась мелочная ненависть къ бѣднымъ дѣтямъ.

Но ненависть Екатерины Ивановны могла проявляться только въ мелочахъ, такъ какъ эта женщина была такъ же мелочна, какъ та среда, изъ которой она вышла. Въ этой средѣ, свившей гнѣздо своей общественной дѣятельности въ разныхъ департаментахъ и образовавшей арену для своихъ общественныхъ развлеченій въ «благородномъ собраніи», статскіе совѣтники воображаютъ, что они генералы, и оскорбляются, когда ихъ не величаютъ «превосходительствами»; семьи, купившія на тридцать, на сорокъ «благопріобрѣтенныхъ» тысячъ разныхъ акцій, считаютъ себя крупными представителями финансоваго міра и чуть не миллионерами; женщины, научившіяся въ «пансіонахъ» для благородныхъ дѣвицъ говорить по-французски, произнося въ носъ и на распѣвъ: «certement» вмѣсто «oui» и «si», твердо вѣрятъ въ свой аристократизмъ; юноши, при первой возможности, стремятся проѣхаться по Невскому на наемной эгоисткѣ, дѣлая видъ, что это ихъ собственный экипажъ, врутъ про свои любовныя связи съ знаменитыми камеліями и жаждутъ единственного блага — блага публично кланяться съ графомъ NN и княземъ ZZ, увѣряя въ своемъ круту, что эти князья и графы ихъ друзья; дѣвушки декольтируются до послѣдней степени, пускаютъ въ ходъ все средства доморощеннаго кокетства и съ замираніемъ сердца ждутъ выгодныхъ жениховъ, проводя всю дѣвическую жизнь между грязными дразгами глупой семейной жизни и пошлыми любезностями и двусмысленностями разныхъ, задолжавшихся въ полку, прапорщиковъ, ищущихъ въ каждомъ салонѣ, въ каждомъ собраніи, на каждомъ балу, или даровыхъ любовницъ, или бога-

тыхъ невѣсть. Воспитанная этою средою, Екатерина Ивановна усвоила все, что можно усвоить въ этой средѣ: она внесла въ мирный домъ нѣсколько простоватаго и вѣчно занятаго дѣломъ Бѣлевцева и дразни съ гувернанткою за то, что она «хочетъ играть изъ себя роль какой-то барышни» и придирки къ дѣтямъ за то, что они «не умѣютъ себя прилично держать», и брань съ горничными, кухарками и лакеями за то, что «это все воры и лѣнтяи» и, наконецъ, свой собственный мелкій, гаденкій развратецъ — развратецъ безъ страсти, безъ увлеченія, развратецъ отъ нечего дѣлать, отъ скуки, отъ недомыслия. Старшая дочь Бѣлевцева первая сдѣлалась жертвою мелкихъ придирокъ со стороны мачихи и первая же сдѣлалась случайною, незамѣченною свидѣтельницею загрызаній мачихи и какого-то прапорщика, не принявшихъ даже предосторожностей для того, чтобы никто не сдѣлался свидѣлемъ ихъ нравственной грязи. Все это смутило и оскорбило маленькую дѣвочку и изъ нея начала вырабатываться сильная, сосредоточенная, непрклонная личность, готовая отстаивать свои интересы и интересы дорогихъ ей людей. Дороже всѣхъ другихъ людей ей была младшая сестра Саша, и этого-то ребенка охраняла Софья Дмитриевна отъ всякихъ бурь и волненій въ болотѣ глупой семейной жизни. Довольно долго борьба была не по силамъ для смѣлой дѣвочки и эта дѣвочка, можетъ быть, упала бы духомъ, если бы не ласки, не веселость младшей сестры. Если старшая сестра служила защитницей младшей, то младшая сестра, въ свою очередь, была вдохновительницей старшей. Только на восемнадцатомъ году своей жизни Софья Дмитриевна удалось окончательно сломить своего увертливаго, въ сущности трусливаго врага, привыкшаго къ нападеніямъ изъ-за угла, къ колонью шпильками, къ наущничеству, къ составленію интригъ. Какъ-то разъ Софья Дмитриевна попалась подъ руку томнаго французскаго романа, въ который была всунута записочка, адресованная къ Екатерине Ивановне и обличавшая всю гнусность поведенія этой женщины. Это было уже не первое любовное письмо, заснутое вѣтренной женщиной въ книгу, забытое потомъ ею и появившееся въ руки падчерицы. Софья Дмитриевна не обратила особеннаго вниманія на письмо и теперь, и спрятала книгу въ карманъ, чтобы передать ее потомъ мачихѣ, но забыла сдѣлать это въ тотъ же день. На другой день у нея была одна изъ обычныхъ стычекъ съ Екатериною Ивановною и послѣдняя воспользовалась поводомъ жаловаться мужу на свою падчерицу.

— Что это, Соня, у тебя за характеръ, замѣтилъ за обѣдомъ Бѣлевцевъ нелюбившій по своей лѣнливой натурѣ никакихъ сценъ и разбирательствъ. — На тебя все жалуюсь.

Софья Дмитриевна пристально посмотрѣла на него.

— Кто же жалуется, папа? спросила она.

— Ну вотъ еще, стану я тебѣ рассказывать, кто. Довольно того, что жалуются, замѣтилъ онъ.

— Мнѣ, право, странно, кто бы могъ на меня жаловаться тебѣ, проговорила Софья Дмитриевна. — Прислуга, Шурка, наша добрая Елизавета Федоровна, всѣ, кажется, не могутъ быть недобрыми мною. Я надѣюсь, что и вы не могли на меня жаловаться, обратилась она къ мачихѣ, — уже потому не могли, что отецъ и безъ того такъ всегда озабоченъ и занятъ, что его нечего беспокоить семейными дразнями.

Екатерина Ивановна вспыхнула и хотѣла отвѣчать, но Софья Дмитриевна вдругъ что-то вспомнила и не дала ей заговорить.

— Да, чтобы не забыть, начала она, устремивъ пристальный взглядъ на мачиху, — вы оставили вчера въ залѣ вотъ эту книжку и это письмо.

Софья Дмитриевна вынула изъ кармана книгу и письмо. Екатерина Ивановна поблѣднѣла и про-

тянула руку, чтобы взять предательское письмо, но Софья Дмитриевна повернула лице къ отцу и сдѣлала видъ, что она не замѣтила движенія мачихи.

— Но я еще не кончила своего оправданія, обратилась она къ отцу, играя книгой. — Ты кажется, вовсе не знаешь меня, папа. Ты слишкомъ занятъ, ты слишкомъ много живешь на улицѣ, и потому лучше знаешь своихъ пациентовъ, чѣмъ насъ всѣхъ. Я, право, не такъ дурна, какъ, можетъ быть, тебѣ кажется. Правда, я самостоятельна, не особенно покорна, но развѣ это преступленіе? Я просто стараюсь объ одномъ, чтобы мнѣ не мѣшали спокойно жить и заниматься. Если меня не тронуть, то, повѣрь, что я не задѣну никого и буду смотрѣть сквозь пальцы на все, что дѣлается вокругъ меня. Я вѣдь на тебя похожа, улыбнулась Софья Дмитриевна, я больше люблю спокойствіе, чѣмъ волненія... Ты на меня не сердись? спросила она, ласково взглянувъ на отца, и засмѣялась. — Впрочемъ, что же я спрашиваю! Развѣ ты умѣешь сердиться!

Отецъ только погрозили ей пальцемъ и ласково проговорилъ:

— Лиса ты у меня.

Софья Дмитриевна улыбнулась и неторопливо, точно по разсѣянности, снова запрятала въ карманъ книгу и письмо. Екатерина Ивановна обомлѣла.

— Софи, ты хотѣла, начала она.

— Что? спросила Софья Дмитриевна. — Ахъ, да я хотѣла передать вамъ книгу и письмо. Извините, я такъ разсѣянна!

Она снова вынула изъ кармана книгу и письмо и передала ихъ мачихѣ. Та вздохнула свободнѣе.

— Можете представить, до чего доходитъ моя разсѣянность, обратилась Софья Дмитриевна къ мачихѣ и опять пристально взглянула на ее прояснившееся лице. — Я два дня носила эти вещи въ карманѣ, и все забывала отдать вамъ ихъ. Но этого мало. У меня есть еще одно изъ писемъ, адресованныхъ къ вамъ, которое я тоже нашла въ книгѣ уже годъ тому назадъ и я до сихъ поръ забывала его отдать вамъ. За это стоило бы меня пожуричь, не правда-ли?

Екатерина Ивановна сидѣла, какъ на иголкахъ.

— Вотъ, папа, за что тебѣ могли бы на меня пожаловаться, засмѣялась Софья Дмитриевна. — Да ужъ я покаялась, значить жаловаться нельзя. Впрочемъ, вы сами виноваты, обратилась она къ мачихѣ, — вы засовываете письма въ первую попавшуюся книгу и потомъ забываете ихъ вынуть снова изъ книги, такъ что они попадаютъ въ чужія руки... и еще хорошо, если только въ мои руки.

— Да ужъ всѣ вы женщины хороши въ этомъ отношеніи, засмѣялся Бѣлевцевъ. — Ведете обширныя корреспонденціи, таскаете въ своихъ карманахъ по десятку записочекъ, изъ которыхъ ни одна не стоитъ ни гроша.

— Ну, ужъ будто бы это и правда? улыбнулась Софья Дмитриевна. — Вотъ письмо, адресованное къ вамъ, замѣтила она мачихѣ, — занимаетъ четыре страницы и, вѣрно, интересно и ужъ во всякомъ случаѣ стоитъ болѣе гроша.

Екатерина Ивановна кусала свои губы и то блѣднѣла, то краснѣла. Впервые это маленькое, юркое и увертливое существо сознавало, что оно поймано въ западню. Обѣдъ кончился. Софья Дмитриевна неторопливо ушла въ свою комнату. Черезъ четверть часа у дверей послышался легкій стукъ.

— Можно войти? раздался вопросъ.

— Войдите, отвѣчала Софья Дмитриевна.

Въ комнату вошла Екатерина Ивановна.

— Ты одна?

— Одна.

Екатерина Ивановна не сразу могла выгово-

рить, зачѣмъ она пришла. Софья Дмитриевна не начинала разговора. Она спокойно и холодно смотрѣла на смущенную мачиху.

— Я пришла, наконецъ проговорила мачиха, — взять у тебя... это... письмо. Ты говорила...

— Я вамъ его не отдамъ, равнымъ и невозмутимымъ тономъ отвѣтила Софья Дмитриевна.

— Не отдашь? почти воскликнула Екатерина Ивановна.

— Не отдамъ, повторила Софья Дмитриевна.

— Какъ это мило... какъ это честно съ вашей стороны! загорячилась Екатерина Ивановна.

— Я не знаю, честно или безчестно убивать тѣхъ комаровъ, которые насъ жалятъ, но я ихъ всегда убиваю, замѣтила Софья Дмитриевна, — и меня нисколько не заботитъ, какой взглядъ имѣютъ они на мой образъ дѣйствій.

— А, такъ вы вотъ какъ! Я комаръ? Я васъ жаляю? Вы хотите меня убить?

Екатерина Ивановна была внѣ себя и забывала по комнатѣ. Софья Дмитриевна сидѣла на диванѣ съ выраженіемъ невозмутимаго спокойствія.

— Прекрасно! кричала мачиха, за мной шпіонять, за мной слѣдить, у меня крадутъ письма, читаютъ ихъ и не отдаютъ ихъ мнѣ! И это дѣвушки, которыя считаютъ себя честными, безупречными! Хороша честность! Добровольно исполнять полицейскія обязанности, — обязанности сыщиковъ!.. Но вы думаете, что я совѣмъ беззащитна, что меня можетъ здѣсь оскорблять всякій? Вы ошибаетесь. Я все расскажу вашему отцу. Я открою ему глаза на образъ вашихъ дѣйствій. Вы думаете, что я боюсь сознаться въ своемъ минутномъ увлеченіи? Вы ошибаетесь! Я лучше перенесу все стѣ мужа, чѣмъ отъ васъ.... Да что же вы молчите? Онѣмѣли вы, что ли? вдругъ воскликнула Екатерина Ивановна, оставившаяся передъ падчерицей.

— Мнѣ нечего говорить, потому что я вамъ уже сказала все, что нужно, отвѣтила Софья Дмитриевна.

— Вы мнѣ ничего не сказали, вы отмалчиваетесь думаете!

— Я вамъ сказала, что я не отдамъ письма, чего же вы хотите отъ меня еще? А что будете вы дѣлать — это ваше дѣло, не касающееся меня.

Софья Дмитриевна поднялась съ мѣста и вѣтала передъ мачихой, которая казалась въ эту минуту еще ниже ростомъ.

— Теперь я васъ попрошу выйти, начала Софья Дмитриевна. Но прежде позвольте вамъ замѣтить одно. Съ сегодняшняго дня вы не будете вмѣшиваться въ мои дѣла и въ дѣла моей сестры и нашей гувернантки; вы никогда и ни за что не будете жаловаться на насъ отцу; вы никогда не будете переступать порога этой комнаты. Говорить вамъ о томъ, что я никому и никогда даже не намекну о томъ, что я знаю о васъ, — а я знаю очень многое, — мнѣ не нужно. Вы знаете, что я не говорила объ этомъ и прежде, и не мѣшала вамъ даже въ тѣ минуты, когда вы имѣли наглость цаловать какихъ-то пегодяевъ въ томъ домѣ, гдѣ живутъ молоденькія дочери вашего мужа, — цаловать, не затворивъ даже дверей, не опустивъ сторѣ... Теперь вы можете идти...

Екатерина Ивановна открыла ротъ, чтобы сказать что-то, но глаза Софьи Дмитриевны вдругъ сверкнули гнѣвомъ.

— Я думаю, что послѣ всего сказаннаго вы поймете, насколько неприлично для меня всякое дальнѣйшее объясненіе съ вами, проговорила она. — Вѣдь вы даже не можете оправдать своего паденія любовью, потому что любить сегодня одного, а завтра другого — нельзя; вы даже не можете, какъ жалкія продажныя женщины, извинить своихъ ошибокъ ницетою, потому что у васъ есть все. Мнѣ совѣстно самой себя, что я

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Л. КНАУСА.

Первый барышъ.

По фотографіи г. Лаптева въ С.-Петербургѣ, рѣзали въ варшавской полиграфіи г. Хелмицкаго.

даже говорю съ вами, потому что никакія мои объясненія не могутъ исправить, а могутъ только запугать васъ.

Съ этой поры Екатерина Ивановна не пробовала бороться съ падчерицей и если не сдѣлалась ни лучше, ни добрѣе, то стала трусливѣе и безобиднѣе въ отношеніяхъ къ дочерямъ своего мужа. Люди, которымъ дороги балы, дорогія тряпки, цѣнные украшенія, всегда являются трусами въ ту минуту, когда приходится ставить на карту всю эту мишуру. Екатерина Ивановна очень хорошо знала, что Бѣлевцевъ, не смотря на свою доброту, разстанется съ нею тотчасъ же, какъ только узнаетъ все ея продѣлки. Что же тогда дѣлать? Мужъ, конечно, не дастъ ей большихъ средствъ. Не идти ли къ родителям? Но они надули Бѣлевцева на приданомъ и очень рады, что пристроили и сбывли съ шен лишній ротъ; они, конечно, не станутъ заботиться объ этомъ отрѣзанномъ ломѣ, не станутъ ей покровительствовать за то, что она, дура, не умѣла пользоваться счастьемъ и «не сумѣла даже и мужа-то водить за носъ». Не идти ли къ возлюбленному? Но къ которому? Изъ нихъ каждый былъ радъ найти въ ней даровую и безопасную во всѣхъ отношеніяхъ любовницу, но и только; они не дорожили ею даже на столько, чтобы быть вѣрными или постоянными въ отношеніи къ ней: они пользовались ея услугами только до болѣе выгодной свѣзды. Екатерина Ивановна, если не сообразила и не взвѣсила всего этого, то угадывала кое-что воображеніемъ, перепуганнымъ мрачною картиною изгнанія изъ того дома, гдѣ ей не доставало только «птичьего молока», какъ выражалась ея прислуга. И вотъ она струсила, покорилась, согласилась лучше видѣть постоянно презирающую ее личность, чѣмъ бросить этотъ домъ, или отречься отъ своихъ привычекъ.

Эта борьба не легко досталась Софьѣ Дмитріевнѣ и сдѣлала изъ нея дѣвчушку, которую называли то пуританкою, то синимъ чулкомъ, то философомъ въ юбкѣ, то сантиментальной мечтательницей, то безсердечнымъ кумиромъ, жаждущимъ поклоненія. Ее многіе боялись, многіе не любили, но уважали ее почти все. Ее можно было чаще встрѣтить въ мужскомъ обществѣ, чѣмъ въ кругу женщинъ и чаще въ кругу женщинъ среднихъ лѣтъ, чѣмъ въ кругу очень молоденькихъ дѣвушекъ. Говоря съ нею, нельзя было не замѣтить въ ея рѣчахъ оттѣнка грусти, недовольства, преждевременной невеселой опытности. Въ близкихъ сердечныхъ отношеніяхъ она стояла съ немногими людьми и прежде всего со своею сестрою, обожавшею свою «Софочку».

Сестра Софьи Дмитріевны «Шура», какъ ее звали въ домѣ, была совсѣмъ другой чело-вѣкъ. Она не знала ни горя, ни притѣненій, ни грязи, происходившей въ домѣ. Старшая сестра отстраняла отъ нее все, что было возможно отстранить, и изъ Шурки выработался прелестный ребенокъ. Певысокая ростомъ, съ круглымъ личкомъ, съ нѣсколько кудрявыми темнорусыми волосами, заплетенными въ двѣ не длинныя, но толстыя и пушистыя косы, съ большими черными близорукими глазами, съ живыми и быстрыми движеніями, она походила на шаловливаго и смышленнаго котенка. У нея было много граціозныхъ кошачьихъ ухватокъ. Она любила сидѣть на скамѣйкѣхъ передъ топящеюся печкой въ темной комнатѣ и смотрѣть, шуруя большіе свѣтящіеся, какъ угольки, глаза, на огонь. Она любила помѣститься у ногъ Софочки и шаловливо заигрывать съ нею и прятать голову въ ея колѣни. Она иногда вдругъ всакивала, озаренная какою-нибудь внезапною мыслію

а иногда вдругъ притихала и только шурила свои близорукіе глаза, свѣтившіеся необыкновеннымъ блескомъ. Софья Дмитріевна, говоря про нее, называла ее своимъ «котенкомъ», вслѣдствіе чего, Шурка, въ свою очередь, звала Софью Дмитріевну своею «собаченькой», — впрочемъ, эпитетъ «собаченька» былъ самый ласкательный на языкѣ шалуньи, и когда она говорила: «ахъ, это такая собаченька» — это означало: «ахъ, это такая прелестная особа или вещь».

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Раймондъ Мадрадо.

о времени послѣдней парижской выставки имя Р. Мадрадо стало извѣстно массѣ публики, хотя въ мірѣ художниковъ и цѣнителей искусства оно уже и прежде пользовалось заслуженною репутаціей. Посѣтители выставки, входя въ испанскій отдѣлъ художественныхъ произведеній, невольно останавливались передъ картинами Р. Мадрадо, такъ какъ эти картины, яркія и бле-

стящія, какъ все произведенія испанской школы, поражали оригинальной и самостоятельной манерой художника. На всѣхъ произведеніяхъ Мадрадо лежитъ печать самобытности и въ этомъ его главное достоинство. Люди, хорошо знакомые съ нимъ лично, говорятъ, что Мадрадо отлично изучилъ свое дѣло, то есть онъ прошелъ хорошую школу, онъ знаетъ произведенія всѣхъ луч-

шихъ мастеровъ, онъ изучилъ разные музеи и галереи живописи, но при всемъ этомъ онъ не заразился ничѣмъ исключительнымъ вліяніемъ, остался самимъ собою и не утратилъ печати своей національности. «Никогда Мадрадо, встрѣчаясь съ какими-нибудь затрудненіями, говоритъ Емилъ Бержеръ, не задаетъ себѣ вопроса: какъ сдѣлать бы это Веласкесъ? какъ написалъ бы это Веронезъ? Онъ говоритъ: какъ сдѣлаю это я? И всегда онъ находитъ самостоятельный выходъ». Это обстоятельство очень важно. Еще недавно намъ пришлось говорить съ однимъ изъ нашихъ замѣчательныхъ художниковъ объ одной критической статьѣ, въ которой указывалось, какъ нерѣдко дурно вліяетъ на русскихъ художниковъ пребываніе за-границей, уничтожающее въ этихъ художникахъ самобытность и самостоятельность. «Къ сожалѣнію, это правда, замѣтилъ намъ художникъ. — Русскіе художники очень часто отправляются за-границу безъ опредѣленныхъ взглядовъ, съ неустановившимися возрѣніями, съ смутнымъ пониманіемъ лежащихъ на нихъ задачъ и обязанностей, и, встрѣчаясь съ великими европейскими мастерами, подчиняются то тому, то другому вліянію, все болѣе и болѣе теряя свою русскую самобытность и въ тоже время не находя прочной опоры въ чуждой имъ жизни западной Европы. Они тамъ теряются, не знаютъ, за что взяться, и въ сущности больше утрачиваютъ, чѣмъ

приобрѣтаютъ, оторвавшись отъ родной почвы, отъ родной жизни. Поселиться надолго за-границей художникъ можетъ, безъ опасности для себя, только развѣ тогда, когда онъ уже вполне сформировался въ умственномъ отношеніи, когда онъ вполне развился и намѣтилъ себѣ и пути, и цѣли, или когда художникъ является гениальнымъ, могучимъ талантомъ». Только очень сильныя таланты остаются самобытными даже и тогда, когда ихъ очень рано стараются подчинить разнымъ сильнымъ вліяніямъ. Мадрадо именно такой талантъ: онъ росъ въ такихъ условіяхъ и въ такой средѣ, что едва-ли можно было ожидать отъ него самобытности.

Раймондъ Мадрадо сынъ довольно извѣстнаго и очень ученаго художника, который долго былъ хранителемъ мадридскаго музея. Мальчика воспитали въ духѣ уваженія къ классическимъ произведеніямъ, его учили видѣть и находить прекрасное только въ извѣстныхъ условныхъ формахъ. Въ Мадридѣ онъ учился подъ руководствомъ отца и потомъ, по вѣтмъ правиламъ классическаго образованія художниковъ, былъ посланъ въ Римъ для окончательнаго усовершенствованія на образцахъ Рафаэля и Микель-Анджело. Но природа взяла свое. Изъ Рима Мадрадо переѣхалъ въ Парижъ и вскорѣ началъ работать здѣсь, рука объ руку съ знаменитымъ Фортунни, который впоследствии женился на сестрѣ Раймонда Мадрадо. При жизни Фортунни молодой Мадрадо не выдвигался особенно впередъ и былъ извѣстенъ больше въ художественномъ мірѣ, чѣмъ въ обществѣ. Тутъ, по словамъ Емиля Бержеръ, можетъ быть, былъ даже умыселъ: ревнивые къ славѣ Парижане едва-ли признали бы разомъ двухъ вожаковъ въ дѣлѣ искусства, принадлежавшихъ къ испанской національности, а не къ французской. Мадрадо скромничалъ до того, что

даже никогда не выставялъ въ салонѣ своихъ картинъ. Но на послѣдней выставкѣ въ Парижѣ все должны были признать въ немъ сильнаго и самостоятельнаго художника. Его стали даже цѣнить выше Фортунни, находя въ послѣднемъ слѣды то итальянскаго, то французскаго вліяній, тогда какъ Мадрадо остается вполне испанцемъ, прямымъ наслѣдникомъ раз-

ныхъ Рибейра и Гойа. Красота женскихъ и дѣтскихъ лицъ на картинахъ Мадрацо, чисто испанская красота; колоритъ этихъ сверкающихъ картинъ, чисто испанскій колоритъ. «Смотря на картины испанской школы, замѣтилъ намъ одинъ русскій художникъ, — невольно думаешь: Господи, что за благословенная страна! сколько солнца, сколько красоты, сколько счастья!» Дѣйствительно, такое впечатлѣніе производитъ испанская школа вообще и картины Мадрацо по преимуществу, потому что Мадрацо главный выразитель испанскаго искусства. Но какъ далеки эти милыя личики, эти яркія краски отъ классическихъ образцовъ Рафаэля и Микель-Анджело. Кака-нибудь лукавая плутовка съ полумаской въ рукѣ вовсе не напоминаетъ о томъ, что ея создатель изучалъ рафаэлевскихъ Мадоннъ.

Классическихъ лицъ, классическихъ позъ, классическихъ сценъ, — ничего этого вы не найдете у Мадрацо, — онъ весь поглощенъ современною жизнью, она бьетъ у него ключемъ и только въ ней почерпаетъ онъ вдохновеніе, при чемъ онъ постоянно остается испанцемъ и только испанцемъ. Въ этомъ его сила и его слабости. Какъ испанецъ, онъ удивительный колористъ, онъ крайне эффектенъ, онъ всегда страстенъ и горячъ. Но въ тоже время не ищите у него гражданскихъ мотивовъ, не требуйте отъ него высокихъ сюжетовъ, не ищите въ немъ глубокой мысли: онъ поэтъ, виртуозъ, но не мыслитель, не боецъ. Въ этомъ отношеніи онъ является яркой противоположностью венгерца Мункачи, нашего Рѣпина и тому подобныхъ художниковъ, далеко уступающихъ ему въ блескъ, во внѣшности. Со времени парижской всемірной выставки, когда Мадрацо соединилъ лучшія свои произведенія въ одной залѣ, имя его сдѣлалось популярнымъ на столько же, на сколько популярно имя Фортунни. Парижъ впервые увидалъ его во всемъ блескѣ, во всей полнотѣ его дѣятельности. Талантъ у Мадрацо чисто наслѣдственный: его родные всѣ художники; не одинъ вѣкъ видѣлъ произведенія семьи Мадрацо; въ настоящее время онъ тоже не одинъ изъ семьи занимается живописью. Но, конечно, только онъ одинъ достигъ такой громкой славы и такого виднаго мѣста въ искусствѣ. Какъ чловѣкъ и какъ товарищъ, Мадрацо является очень симпатичною личностью. Изъ его произведений мы даемъ два: обученіе попугая и андалузскую пѣвицу; кромѣ того, мы помѣщаемъ снимокъ съ его наброска женской фигуры съ полумаской.

Свѣдѣніе.

Стихъ А. М. Иванова.

Ты говоришь: «Да что ты сдѣлалъ?»
Я, другъ мой, много слезъ посѣялъ,
И ничего — свидѣтель Богъ —
Ужъ больше міру дать не могъ.
Другіе болѣе имѣютъ, —
Пукай сокровища и сѣютъ:
На алтарѣ святой любви,
И слезы — лента отъ вдовы.

Открытие памятника Берье.

Въ 1792 году въ городѣ Блуа, одинъ изъ извѣстныхъ парижскихъ адвокатовъ защищалъ въ судѣ какое-то дѣло. Въ залѣ находилась его жена и сынъ, двухъ съ половиною лѣтъ. Противникъ адвоката, извѣстный ходатай по дѣламъ, говорилъ скучно, утомительно, безсвязно и нелзя было предвидѣть конца его рѣчи. Вдругъ ребенокъ воскликнулъ громкимъ внятнымъ голосомъ: «Мама, довольно, мнѣ скучно, пойдемъ отсюда». — «Дѣло выяснено, произнесъ председатель, обрадованный счастливою выходкой ребенка; — судъ постановить рѣшеніе».

Ровно черезъ сорокъ лѣтъ, въ томъ же городѣ, въ этой же залѣ суда, этотъ же ребенокъ, став-

ши уже знаменитымъ адвокатомъ, защищалъ свою свободу и жизнь по обвиненію его въ участіи въ вандейскомъ возстаніи герцогини Берійской, тогда какъ, напротивъ, онъ предпринялъ съ большою опасностью романтическое странствіе по отдаленнымъ закоулкамъ Вандеи и, найдя герцогиню въ убогой хижинѣ, цѣлую ночь тщетно рачталъ свое пламенное краснорѣчіе, чтобы отговорить ее отъ безумнаго плана насильственного возстановленія старшей линіи Бурбоновъ. Всѣ: зрители, адвокаты, присяжные почтительно встали при входѣ въ судебную залу обвиняемаго, сердце каждаго сочувственно откликалось на его смѣлую, могучую рѣчь; ему достаточно было нѣсколькихъ словъ, чтобы вырвать у прокурора отказъ отъ обвиненія и у судей единогласное оправданіе. Когда онъ умолкъ, всѣ еще его слушали и никто не подумалъ сказать: «довольно, мнѣ скучно».

Прошло еще восемь лѣтъ и въ другомъ судѣ, тотъ же адвокатъ защищалъ по обвиненію въ возстаніи противъ установленнаго правительства, принца Луи Бонапарта, преданнаго суду палаты перовъ за его неудачную, булонскую комедію съ прирученнымъ орломъ. Нисколько не сочувствуя своему кліенту, какъ легитимистъ, по своимъ симпатіямъ и стойкій защитникъ конституціонной свободы по убѣжденію, адвокатъ, однакожъ, смѣло бросилъ перчатку судьямъ, въ числѣ которыхъ было много старыхъ слугъ Наполеона I: «Вы смѣтаетесь, сказалъ Берье, — надъ слабостью попытки, надъ нелѣпностью предпріятія, не имѣвшего никакихъ шансовъ на успѣхъ, но если все дѣло въ успѣхѣ, то я спрошу васъ, представителей высшаго политическаго собранія, можетъ-ли каждый изъ васъ передъ лицомъ верховнаго судьи и всѣхъ судей и подсудимыхъ, передъ страной, прислушивающейся къ вашему приговору, сказать по совѣсти: — «Еслибъ онъ одержалъ успѣхъ и его предполагаемая права восторжествовали, то я не призналъ бы ни его, ни его правъ, отказался бы отъ всякой доли въ его власти и отрекся бы отъ него». Что касается меня, то я соглашаюсь на этотъ искъ и признаю судьей въ этомъ дѣлѣ только того, кто честно скажетъ: «еслибъ онъ восторжествовалъ, то я отъ него отрекся бы».

И эти слова не были пустой ораторскою фразой. Когда черезъ одиннадцать лѣтъ, 2 декабря 1851 года, готъ же Бонапартъ успѣшно совершилъ государственный переворотъ, поправъ права, свободу и честь страны, его бывший защитникъ первый предложилъ своимъ товарищамъ, членамъ разогнанной палаты представителей, издать декретъ о низверженіи клятвопреступнаго президента, поднявшаго руку на республику, въ вѣрности которой онъ присягалъ, и объявилъ самъ изъ окна собравшейся толпѣ объ этомъ декретѣ, отрекаясь, такимъ образомъ, публично отъ торжествующаго преступника, нѣкогда его кліента.

Ребенокъ, скучавшій въ судѣ во время безконечной рѣчи провинціальнаго ходатая по дѣламъ, знаменитый адвокатъ и поборникъ легитимизма, защитникъ неудачнаго, молодого искателя приключеній и каратель торжествующаго преступника, — былъ Пьеръ Антуанъ Берье, статуя котораго 20 января настоящаго года воздвигнута въ залѣ «потерянныхъ шаговъ» парижскаго зданія судовъ. Кромѣ Мальзербъ, защитника Людовика XVI, ни одному изъ французскихъ адвокатовъ не было оказано такой чести. И Берье вполне заслужилъ ее какъ своимъ талантомъ, такъ и стойкостью своихъ нравственныхъ принциповъ, составляющей столь рѣдкое явленіе въ наши дни всевозможныхъ измѣнъ, волненій и сдѣлокъ съ совѣстью.

Конечно, нельзя не пожалѣть, что этотъ краснорѣчивый ораторъ, одно изъ свѣтилъ французской трибуны, по справедливости названный

старымъ Мирабо, посвятилъ свои могучія силы защитѣ отжившаго прошлаго. Впрочемъ, онъ никогда не былъ слѣпымъ, отсталымъ консерватормъ ни по убѣжденію, ни изъ личныхъ расчетовъ. Онъ самъ сказалъ однажды въ палатѣ депутатовъ: «Я цѣню могучую силу легитимизма, не въ интересъ короля, но въ интересъ народа, который подъ эгидой твердаго, незыблемаго закона чувствуетъ обезпеченными свою свободу, независимость и развитіе всѣхъ своихъ производительныхъ силъ». Насколько онъ держался этого убѣжденія, доказываетъ его независимое отношеніе ко всѣмъ правительствамъ, быстро перемѣнявшимся во Франціи и даже къ бурбонской династіи до 1830 года, отъ которой онъ не добивался ни почестей, ни власти, ни богатства; напротивъ, онъ смѣло защищалъ жертвъ ея несправедливыхъ гоненій, какъ, напр., маршала Нея, генерала Камбона и прочихъ. Точно также и въ качествѣ депутата при Бурбонахъ, Орлеанахъ и февральской республикѣ онъ всегда отстаивалъ конституціонную и гражданскую свободу, а если въ дѣлѣ общественныхъ реформъ не шелъ далѣе извѣстныхъ довольно узкихъ границъ, то въ этомъ были виноваты его клерикальное воспитаніе и легитимистскіе принципы, но не корыстные личные интересы, такъ часто прикрывающіеся маской консерватизма. Политическая дѣятельность не только не обогатила его, но едва не лишила прекраснаго помѣтія, купленнаго на деньги, заработанныя адвокатскимъ трудомъ, и только публичная подписка, открытая между легитимистами, не давшая, однако, очень блестящихъ результатовъ, помогла ему выйти изъ затрудненія. Конечно, странная похвала общественному дѣятелю, что онъ не воръ, не лицемеръ, не измѣнникъ, но во время почти повальной погони за наживой и властью, во всѣхъ ея формахъ, и такіа отрицательныя достоинства приобретаютъ большое значеніе, и потому нельзя не поставить въ заслугу Берье, что хотя онъ не сдѣлалъ Франціи, а тѣмъ менѣе всему чловѣчеству, никакой великой услуги, онъ никогда не торговалъ своею совѣстью и не совершилъ прямого вреда, тогда какъ съ его громаднымъ ораторскимъ талантомъ онъ могъ сдѣлаться опаснымъ поборникомъ торжествующаго зла.

Свой громадный талантъ Берье выказалъ скорѣе въ адвокатурѣ, чѣмъ на политической аренѣ, гдѣ онъ и не добивался занимать первенствующаго значенія. Между адвокатами, онъ не имѣлъ соперниковъ, какъ по своему увлекательному, непреодолимому краснорѣчію, такъ и по глубокимъ знаніямъ юридической практики и добросовѣстному, честному отношенію къ дѣлу. И здѣсь, какъ и въ политикѣ, личный интересъ для него не существовалъ: много рассказываютъ анекдотовъ объ его даровыхъ защитахъ несчастныхъ, несправедливо обвиняемыхъ въ тяжелыхъ преступленіяхъ. Такъ, напр., въ знаменитомъ дѣлѣ Дубса, онъ два раза кассировалъ смертныя приговоры суда и на третій разъ ему удалось вырвать у присяжныхъ оправдательный вердиктъ. Внѣ себя отъ счастья, Дубсъ является тотчасъ къ своему спасителю съ сыномъ и дочерью, и въ знакъ благодарности приноситъ ему пачку банковыхъ билетовъ, которые составляли все его состояніе. Берье раздѣлилъ эти билеты на двѣ равныя части и отдалъ одну дочери въ приданое, а другую сыну на окончаніе его воспитанія.

Что касается характера краснорѣчія Берье, то Николе, старшина парижскихъ адвокатовъ, въ своей рѣчи при открытіи памятника такъ обрисовалъ его: «Какъ могуче и какъ просто было его краснорѣчіе. Не ищите его силы въ ученыхъ приемахъ ораторскаго искусства. Конечно, никто лучше его не умѣлъ воспользоваться всѣми преимуществами строгаго метода, расположить въ логическомъ порядкѣ всѣ свои доводы, вдохнуть

жизнь въ самые сухіе факты, придать интерес даже голымъ цифрамъ, но не ждите отъ него заранее подготовленныхъ фразъ, вымышленной, блестящей формы, игры словъ, вообще цвѣтовъ краснорѣчія; онъ ихъ не знаетъ, не заботится о нихъ и самъ однажды признался съ гордымъ смиреніемъ: я никогда не умѣлъ ни читать, ни писать. Его сила была въ чемъ-то иномъ. Онъ весь отдавался защищаемому дѣлу, оно вполне овладевало имъ и какъ бы само говорило его устами. Говорить такъ, какъ говорилъ онъ, могли только мать, защищавшая будущность своихъ дѣтей, чело-вѣкъ, отстаивавшій свою честь, несчастный, чувствующій свою невинную голову уже въ рукахъ палача, святое право, немилосердно по-правное зломъ. Поэтому никто и не могъ противостоятъ этому пламенному краснорѣчію мольбы, слезъ, страданія, благогоуднаго гнѣва, оскорблен-ной невинности, выражавшихся только устами оратора, почти совершенно ступевывавшаго себя.

Рѣчи Берье въ дѣлахъ Сегена, Кастена, Де-гора и пр. считаются образцами адвокатскаго искусства, а его защита Монталамбера, преслѣдуе-мого второй имперіей за напечатаніе брошюры, въ которой свободныя учрежденія Англіи про-тивопоставлялись порядкамъ, существовавшимъ тогда во Франціи, была по выраженію Вильмена: «величайшимъ его подвигомъ, какъ адвоката и трибуна». Особенно замѣчательнъ былъ въ этомъ дѣлѣ его отвѣтъ предсѣдателью, который торже-ственно заявилъ, что онъ не можетъ позволить ему утверждать, что во Франціи нѣтъ болѣе сво-боды. «А если такъ, г. предсѣдатель, воскликнулъ Берье,—если надо отрицать то, что ясное дня, если мнѣ надо лгать, лгать и ничего болѣе, какъ лгать въ продолженіи всей моей рѣчи, то я лучше замолчу, сяду и откажусь отъ защиты». Сконфу-женный предсѣдатель извинился и успокоилъ разгнѣваннаго Берье.

Къ этой краткой характеристикѣ Берье из-лишне прибавлять, что онъ пользовался при жизни и пользуется до сихъ поръ общимъ ува-женіемъ всѣхъ партій. Открытіе его памятника происходило 20 января. Публика собралась мно-гочисленная; конечно, преобладали легитимисты и адвокаты, въ числѣ которыхъ находился и Гам-бета, въ адвокатской мантіи.

Статуя Берье—произведеніе извѣстнаго фран-цузскаго скульптора Шаю, вызвала лестныя по-хвалы знатоковъ. Великій ораторъ изображенъ стоя, въ его обычной позѣ на трибунѣ, съ не-много закинутой головой, поднятыми къверху глазами и правой рукой, покоящейся на груди. По бокамъ статуи помѣщены двѣ сидячія фигу-ры: Краснорѣчія и Вѣрности.

(Продолженіе.)

Глава X.

Что случилось съ Морисомъ.

Морисъ, дѣйствительно, былъ живъ. На слѣ-

дующее утро послѣ того рокового дня, когда начался нашъ разговоръ, сестра его пришла по обыкновенію, чтобъ прибрать его комнату. У нея былъ свой ключъ, она отворила дверь, вошла въ комнату и, видя, что братъ лежитъ неподвижно на постелѣ, подумала, что онъ нездо-ровъ. Она заговорила съ нимъ; онъ ничего не отвѣчалъ. Она подошла, нагнулась къ нему и вскрикнула отъ ужаса. Онъ лежалъ блѣдный, посинѣлый, почти холодный. Но Амели Феранъ, не смотря на крайнюю молодость, была дѣвушка серьезная, логичная, не тратившая на тщетные крики и слезы времени, которое можно было упо-требить гораздо полезнѣе. Она частью отгадала то, что произошло, т. е. подумала, что ея братъ не хотѣлъ пережить дня, въ который любимая имъ дѣвушка должна была выйти замужъ за другого. Ясно было, что онъ отравился. Она по-ложила руку къ нему на сердце; оно не билось, она пощупала его пульсъ, не было слышно и пульса, но грудь и руки Мориса горѣли, а ногти были черны. Она взяла бутылку, стоявшую на столѣ, и побѣжала въ аптеку; по счастью, апте-каръ оказался опытнымъ химикомъ. Онъ выслу-шалъ рассказъ молодой дѣвушки, взялъ прине-сенную ею бутылку, изслѣдовалъ оставшуюся жидкость въ своей лабораторіи и легко нашелъ присутствіе яда. Онъ немедленно далъ Амели Феранъ противоядіе и объяснилъ, какъ упо-треблять его.

Испуганная дѣвушка бѣгомъ возвратилась къ брату и стала аккуратно исполнять предписаніе аптекаря.

Часа черезъ четыре Морисъ очнулся. Онъ по-смотрѣлъ вокругъ себя съ удивленіемъ, не вѣря, что еще живъ. Сестра рассказала ему, что, вой-дя къ нему въ комнату утромъ, нашла его поч-ти мертвымъ. Морисъ не отвѣчалъ, слезы брыз-нули изъ его глазъ; страшная мысль блеснула въ его головѣ. Не видя подлѣ себя Сесиль, онъ по-думалъ, что она разыграла съ нимъ ужасную комедію, съ цѣлью освободиться отъ компроме-тировавшаго ее чело-вѣка и спокойно выйти за-мужъ за другого. Она только представилась, что пьетъ ядъ, а въ сущности прикасалась къ стака-ну лишь губами, потомъ, когда ядъ началъ дѣй-ствовать на Мориса, она встала, одѣлась и, дож-давшись его обморока, ушла. Какъ было иначе объяснить случившееся? Если Сесиль чудеснымъ образомъ спаслась отъ рокового дѣйствія яда, то она подала бы помощь и умирающему Морису; если кто-нибудь вошелъ въ комнату и спасъ Се-силь, то въ то же время спасли бы и его. Ясно, Сесиль просто ушла, затворивъ за собою дверь, спокойно возвратилась домой, и въ это самое вре-мя низкая измѣнница съ цѣломудренными цвѣ-тами на груди и съ едва остывшими поцѣлуями Мориса на щекахъ, выходила замужъ за Гудара.

Морисъ не хотѣлъ ничего сказать объ этомъ сестрѣ, сохранивъ въ глубинѣ сердца свое горе и злобу. На всѣ ея разпросы онъ отвѣчалъ только, что сильно страдалъ. Амели Феранъ яс-но видѣла, что если ея братъ и былъ спасенъ отъ смерти, то все же его здоровье было совершен-но разстроено и требовало самыхъ заботливыхъ попеченій. Но такъ какъ они оба принуждены были зарабатывать свой кусокъ хлѣба, то Амели не могла ухаживать за братомъ и оставалось только положить его въ больницу, что невольно пугало молодую дѣвушку... Что ей было дѣлать? Она вдругъ вспомнила о старой теткѣ, жившей въ десяти миляхъ отъ Парижа, которая часто приглашала ихъ прѣхать къ ней на нѣсколько дней. Не воспользоваться-ли имъ теперь этимъ приглашеніемъ? Она передала свою мысль брату.

— Тетка Феранъ, прибавила она, — станетъ съ удовольствіемъ ухаживать за тобою и тебѣ это не будетъ ничего стоить.

— Да, это отличный планъ... и никто не уз-

наетъ о случившемся. Умоляю тебя, Амели, не говори никому ни слова.

— Кому же я скажу, если я поѣду съ тобою? Если ты хочешь, прежде, чѣмъ мы уѣдемъ, я по- стараюсь увидать Сесиль.

— Нѣтъ! воскликнулъ съ жаромъ Морисъ,— не смѣй никогда упоминать при мнѣ ея имя.

— Но вѣдь это не ея вина.

— Молчи, Амели... Знай, что я не люблю Се- силь... я презираю ее... я ее ненавижу.

Молодая дѣвушка была поражена словами бра- та, но, понимая, какія страданія онъ долженъ былъ переносить при мысли, что любимая имъ женщина будетъ женою другого, она замолчала.

Несчастный юноша метался на постели и, сре- ди глубокихъ стонów и пламенныхъ проклятій, бормоталъ сквозь зубы:

— Зачѣмъ мнѣ не дали умереть! Я такъ ужас- но страдаю за эту низкую, презрѣнную тварь!

Испуганная Амели обнимала и цѣловала бра- та, стараясь успокоить его.

— Нѣтъ! нѣтъ! воскликнулъ онъ, наконецъ;— я этого не переживу, во второй разъ я съумѣю лучше покончить съ собою.

— Морисъ, Морисъ, неужели ты меня не лю- бишь? отвѣчала Амели умоляющимъ голосомъ, бросаясь передъ братомъ на колѣни; ты поклялся нашимъ умирающимъ родителямъ быть всегда со мною. Развѣ я сдѣлала что нибудь дурное противъ тебя, что ты хочешь умереть? Развѣ я для тебя ничто? Морисъ, у меня нѣтъ никого на свѣтѣ, кромѣ тебя, ты меня не покинешь! Если она тебя не любитъ, то я тебя люблю. Ты меня не оставишь одну на свѣтѣ! Подумай, что будетъ со мною, когда тебя не станетъ.

Это страстное заклинаніе взволновало Мо- риса.

— О, Амели, какъ я несчастливъ! сказалъ онъ сквозь слезы.

— Бѣдный братъ, отвѣчала молодая дѣвушка, всхлипывая,—я никогда тебя не покину. Дай клятву, Морисъ, что ты не наложишь на себя рукъ.

— Боже мой! Боже мой! стоналъ несчастный.

— Поклянись прахомъ нашей матери, а то я всегда буду бояться.

— Клянусь... Амели!

И долго они оба плакали, обнявшись, не смѣя произнести любимого и ненавистнаго имени— Сесиль.

Они не хотѣли, чтобъ въ домѣ подозрѣвали о случившемся; неудавшееся самоубійство всегда набрасываетъ какую-то смѣшную тѣнь. Амели тихонько свела едва державшагося на ногахъ брата съ лѣстницы, позвала фіакръ и приказала ѣхать на Сен-Лазарскую станцію желѣзной до- роги.

По счастью, у нея было немного денегъ, отло- женныхъ на черный день, и она взяла два биле- та второго класса въ Триель, гдѣ жила вдова Феранъ, сестра ихъ отца.

Тамъ-то медленно оправлялся бѣдный Мо- рисъ, пока происходили всѣ рассказанные нами сцены.

Въ семьѣ Тюссо всѣ были убѣждены, что Мо- рисъ умеръ. Конечно, не трудно было бы наве- сти справку, но Тюссо, считая себя отчасти при- чиною самоубійства несчастнаго юноши, не хо- тѣлъ видѣть его сестры и даже никогда не про- ходилъ мимо дома, гдѣ жилъ Морисъ, предпочи- тая сдѣлать большой крюкъ. Одинъ Гударъ зналъ правду; его слишкомъ интересовала судьба че- ловѣка, котораго любила его невѣста, и онъ по- спѣшилъ освѣдомиться о немъ.

Въ тотъ самый день, когда Сесиль предложила возобновить порванные между ними узы, онъ услышалъ, что молодой чело-вѣкъ съ горя уѣхалъ въ провинцію къ родственникамъ. Еслибъ Се- силь узнала, что онъ живъ, то, вѣроятно, нико-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Р. МАДРАЦО.

Обучение попугая.

Резаль на деревѣ Маришаль въ Барселонѣ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Р. МАДРАЦО.

Андалузская пѣвица.

Рѣзалъ на деревѣ Маршалъ въ Барселонѣ.

гда не согласилась бы на бракъ съ Гударомъ; поэтому онъ хранилъ это въ самой строжайшей тайнѣ. Мы видѣли, какъ эта вѣсть, долженствовавшая принести ей величайшее счастье, повергла ее въ отчаяніе.

Выйдя изъ комнаты Сесиль, Гударъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ ощущалъ дикую радость. Онъ забылъ все, и какъ его одурачили, и какое презрѣніе ему оказала жена. Онъ торжествовалъ отъ причиненнаго зла. Сесиль думала, что она метитъ ему, уничтожая его ненавистью и презрѣніемъ, а на повѣрку вышло, что онъ, почтительный, нѣжный дыхатель, пресмыкавшійся у ея ногъ цѣлый мѣсяцъ, поразилъ ее въ самое сердце, доказывая всю справедливость своего прозвища—Кляча.

Потирая руки, онъ вернулся въ свою комнату, раздѣлся и, снимая жилетъ, ощущалъ въ карманѣ вѣнчальное кольцо, которое Сесиль презрительно отвергла. Онъ спряталъ его въ футляръ. «Ты проснешься однажды красавица съ этимъ кольцомъ на пальцѣ, думалъ онъ. Нѣтъ, дѣвица Тюссо, вы носите теперь имя г-жи Гударъ и вы будете г-жею Гударъ. Ты увидишь, какъ я обхожусь съ женщинами. Можно уберечь себя недѣлю, мѣсяцъ, я подожду, но придетъ минута, когда я возьму и не только отомщу тебѣ, но и твоему ребенку, котораго ты насильно хочешь навязать мнѣ. Ты меня обманула прежде, но послѣ я не стану разыгрывать смѣшной роли».

Онъ подошелъ къ окну, отворилъ его и сталъ жадно вдыхать свѣжій воздухъ. «Однако, подумалъ онъ,—глупо проводить такъ свадебную ночь... Объ этомъ могутъ узнать... Надо такъ сдѣлать, чтобъ сказали: какой циничный кутила, этотъ Кляча, онъ не почевалъ дома въ первую брачную ночь».

Онъ взялъ изъ своего гардероба платье, не желая будить слугу, которому наканунѣ приказалъ лечь спать, но дожидаясь его возвращенія. Онъ одѣлся очень аккуратно, громко разговаривая самъ съ собою:

— Все рано или поздно узнается. По крайней мѣрѣ, будутъ смѣяться не надо мною. Прежде всего завтра утромъ Сесиль спроситъ, гдѣ я; она захочетъ получить отъ меня добавочныя свѣденія о Морисѣ. Вотъ будетъ забавно, какое лицо она сдѣлаетъ передъ слугами. Вѣдь по нашему условію она должна представиться, что я только что вышелъ изъ спальни. А дура Адель прійдетъ завтра взглянуть на свою дочь. Вѣдь свадьба не бываетъ безъ завтрашняго дня. Впрочемъ, Адель, вѣроятно, все знаетъ; онѣ вмѣстѣ составили этотъ планъ. Но Тюссо ужаснется, а гости? Я слышу ужъ теперь, какъ они на всѣ тоны будутъ восклицать:—«Каковъ Кляча!» Но всего любопытнѣе, какъ будетъ держать себя Сесиль!

Онъ громко засмѣялся. Потомъ онъ отворилъ ящики и, вынувъ нѣсколько золотыхъ монетъ, сунулъ ихъ въ карманъ; но они показались ему тяжелы и онъ снова положилъ ихъ въ ящикъ, вынувъ изъ другого пачку банковыхъ билетовъ. При этомъ онъ переложилъ съ мѣста на мѣсто кипу денежныхъ документовъ.

— Мнѣ надо будетъ предпринять путешествіе, чтобъ отдѣлаться отъ нихъ, промолвилъ онъ, смотря на эти бумаги:—здѣсь беречь ихъ неосторожно.

Онъ заперъ ящикъ, посмотрѣлся въ зеркало и тихонько, не слышно вышелъ изъ квартиры. Очувтившись на улицѣ, онъ позвалъ фіакръ и, развалясь на подушкѣ, закурилъ сигару.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ проѣхалъ мимо ресторана, гдѣ продолжался свадебный пиръ. Гударъ увидалъ у одного изъ освѣщенныхъ оконъ Адель Тюссо. Она плакала.

«Вотъ былъ бы эффектъ, еслибъ я вошелъ къ нимъ теперь, подумалъ Гударъ, смѣясь во все горло,—ничего и завтра будетъ забава, когда я имъ скажу:—«Что же дѣлать? Я держалъ пари,

что уѣду къ Изѣ, оставивъ молодую въ первую же брачную ночь одну»... Воображаю, какъ закричатъ всѣ:—«Настоящая Кляча! Правильно его прозвали!»

И фіакръ направился къ Елисейскимъ полямъ.

Глава XI.

Горькая любовь.

Сесиль очнулась только на разсвѣтѣ. Впрочемъ, она вернулась съ Гударомъ съ свадебнаго бала очень поздно и ихъ объясненіе продолжалось довольно долго, такъ что ея обморокъ былъ не очень долгій.

Открывъ глаза, она съ удивленіемъ посмотрѣла вокругъ себя. Минутная иллюзія овладѣла ею. Не во снѣ-ли видѣла она свою свадьбу? Не отравлялась-ли она только наканунѣ? Не рядомъ-ли съ нею на постели лежатъ трупъ Мориса? Но эта иллюзія мгновенно исчезла. Вскочивъ съ постели, она увидала свое подвѣсочное платье и букетъ невесты. Въ ту же минуту она вспомнила страшную сцену съ Гударомъ и извѣстіе, которымъ онъ поразилъ ее. Она упала въ кресла и залилась слезами. Морисъ былъ живъ и она ему измѣнила. Но могла-ли въ чемъ-нибудь упрекнуть ее совѣсть? Нѣтъ, но кто ей повѣритъ и къ тому же это должно быть тайной между нею и мужемъ. Гударъ обязался скрыть паденіе своей жены, но она должна была не обнаруживать его смѣшной роли. Еслибъ Гударъ остался въ спальнѣ жены еще лишнюю минуту и увидалъ, какъ она упала безъ чувствъ, то все погибло бы. Онъ воспользовался бы этой случайностью, чтобъ уничтожить всѣ ея смѣлые планы.

И такъ, она была замужемъ, а Морисъ былъ живъ. Не зная ничего, что съ нею случилось, онъ могъ отомстить ей за измѣну и это было ему очень легко, стоило только рассказать всю правду. Что было дѣлать? Прежде всего надо было помѣшкать, чтобъ Морисъ узналъ, что ребенокъ, котораго она носила подъ своимъ сердцемъ, былъ его.

Видѣться съ Морисомъ, чтобъ вымолить у него прощеніе и забвеніе было неосторожно; Гударъ предупредилъ ее, что будетъ за нею слѣдить и притомъ она не чувствовала въ себѣ достаточно силъ на такое свиданіе. Поэтому она рѣшила написать ему письмо. Но какъ отправить письмо, по какому адресу? Во всякомъ случаѣ, надо было прежде приготовить письмо, а способъ доставки отыщется впоследствии.

Заперевъ дверь на ключъ, она подняла занавѣси на окнахъ, сѣла къ письменному столу и написала слѣдующее:

«Мой другъ,

«Я должна просить у тебя прощенія, я только сегодня узнала, что ты живъ, и я болѣе не надежду себѣ. Мѣсяцъ тому назадъ мои родители согласились бы на все. Я должна тебѣ подробно рассказать случившееся. Помнишь, какъ мы поцѣловались въ послѣдній разъ и какъ моя голова поникла. Я слышала, какъ ты сказалъ: «Прощай Сесиль, мы вскорѣ будемъ снова вмѣстѣ». Тутъ я лишилась чувствъ. Я очнулась на разсвѣтѣ: я ужасно страдала и не могла понять, гдѣ я. Вдругъ я увидала тебя подлѣ на постели... Я стала звать тебя, тереть тебѣ руки, лобъ... Ты былъ холоденъ, я подумала, что ты умеръ. Это было страшно! Суди самъ, ты мертвый и я подлѣ тебя живая. Ты былъ мой мужъ и я осталась вдовой! Это было невозможно! Я была твоей и потому, къ чему мнѣ было жить. Вѣрно исполняя свою клятву, я рѣшилась умереть... Я выглянула изъ окна, думая броситься изъ него на землю, но тутъ увидала Сену, которая течетъ вблизи твоего дома. Мой планъ тотчасъ созрѣлъ. Я поспѣшно одѣлась, поцѣловала тебя и пошла на мостъ, чтобъ броситься оттуда въ воду.

«Невозможно сказать, какъ я страдала и ка-

кихъ усилій мнѣ стоило, чтобъ дотащиться до моста. Падая въ воду я почувствовала неописанное блаженство; все мое тѣло горѣло. Я почти мгновенно потеряла сознание. Когда я открыла глаза, я лежала на носилкахъ и меня окружала толпа. Меня отнесли въ больницу и послали за отцомъ. Цѣлыхъ два мѣсяца я оставалась тамъ въ бреду, почти безумная. Каждую минуту ожидали моей смерти... Ты понимаешь, какъ все это меня измѣнило; выздоравливая, я невольно страшилась моего поступка. Для меня ты былъ мертвый, потому что я оставила тебя холодного, неподвижного... Ты понимаешь, что о тебѣ никто не говорилъ. Мои родители полагаютъ, что я только утромъ убѣжала изъ дома и бросилась въ рѣку. Еслибъ я сомнѣвалась въ твоей смерти, то и это сомнѣніе вскорѣ должно было исчезнуть. Крошаръ (ты его часто видалъ у насъ), вечеромъ послѣ переполоха, надѣланнаго моей попыткой на самоубійство, проѣзжалъ мимо улицы Лакюзъ, гдѣ увидалъ большую толпу. Ему нельзя было остановиться, но все-такъ онъ узналъ, что произошло убійство или самоубійство; въ домъ нашли кого-то мертвымъ и потому на улицѣ стояла толпа. Послѣ этого уже не могло оставаться и тѣни сомнѣнія. Сочинилъ-ли онъ все это для того, чтобъ отнять у меня всякую надежду и побудить меня выйти замужъ, какъ я теперь и сдѣлала,—право, не знаю, но я ему повѣрила. Съ того времени твой призракъ не покидалъ моей постели... Я очень плакала, очень страдала.

«Что могла сдѣлать я одна? Моя увѣренность въ твоей смерти еще усилилась тѣмъ, что я ни разу не видѣла Амели. Она даже не зашла узнать обо мнѣ. Морисъ, у тебя доброе сердце, ты знаешь, какъ люблю я своихъ родителей; видя ихъ отчаяніе и страшную перемену, происшедшую въ нихъ отъ одной возможности моей смерти, я не нашла въ себѣ достаточно силы, чтобъ отказать имъ и сказала: «да». Прости меня, Морисъ, прости... но я не виновна, я несчастная жертва. Твой образъ останется вѣчно запечатленнымъ въ моемъ сердцѣ, но я должна отнестись честно къ принятой на себя обязанности, я не имѣю права видѣться съ тобою, и если я не могу уничтожить проведеннаго съ тобою часа неизрѣченной любви и счастья, то прошу тебя на колѣняхъ: забудь объ этомъ... Я знаю, ты слишкомъ благороденъ и не откажешь мнѣ въ этомъ... Если когда-нибудь злые языки станутъ утверждать, что я была твоей любовницей въ продолженіи часа, ты поклянешься, что это ложь... Вотъ послѣдняя милость, которую я прошу у тебя, Морисъ. Я могу жить несчастной, но не обезчещенной. Морисъ, дай мнѣ клятву что всегда, при всякихъ обстоятельствахъ ты будешь утверждать, что я не была у тебя ночью 20 іюля, что ты меня не видалъ въ этотъ день и что, слѣдовательно, какъ всѣ полагаютъ, я ушла утромъ изъ дома и бросилась въ рѣку.

«Теперь я замужемъ за человекомъ, котораго презираю и ненавижу; ты понимаешь, что я мысленно буду всегда съ тобою, но во мнѣ достаточно силъ сдерживать эту любовь, которая никогда во мнѣ не исчезнетъ.

«Мой мужъ... Гударъ, очень ревнивъ, онъ мнѣ это уже объявилъ и строго слѣдитъ за мною. Онъ не остановится передъ нарушеніемъ тайны письма, адресованнаго на мое имя... Поэтому отвѣчай мнѣ на имя Сесиль Тюссо, до востребованія.

Прощай, мой возлюбленный и прости той, которая тебя любитъ и страдаетъ.

«Сесиль».

Она запечатала это письмо и написала на конвертѣ: Г. Морису Ферану въ собственныя руки. Потомъ она вложила этотъ конвертъ въ другой, на которомъ сдѣлала адресъ:—Амели Феранъ, работницъ у г. Лелана, золотиль-

щика, въ улицѣ Теръ-Фортъ, съ просьбой переслать ей въ случаѣ отсутствія. Наконецъ, спрятавъ письмо подъ подушку и, раздѣвшись, она легла въ постель.

Когда пришла ея мать, Сесиль рассказала все, что случилось; Адель же сообщила ей, что слуга не нашелъ Гудара утромъ въ его комнатѣ. Подозрѣвая скандалъ, который Гударъ хотѣлъ ей сдѣлать, Сесиль попросила мать принять гостей, собиравшихся мало по малу въ гостиную, и сказать имъ, что Андре ушелъ отъ нея только два часа тому назадъ, обѣщая вернуться къ двѣнадцати часамъ.

Дѣйствительно, какъ только пробило на часахъ двѣнадцать, позвонилъ Гударъ и Сесиль встрѣтила его слѣдующими словами:

— Вы видите, какъ онъ акуратенъ. Я только что говорила, другъ мой, что вы, уходя утромъ, обѣщали вернуться прежде, чѣмъ я успѣю одѣться.

Гударъ былъ пораженъ смѣлостью Сесили. «Она ловкая женщина», подумалъ онъ и еще болѣе убѣдился въ этомъ, когда она нѣжно взяла его за руку и съ любовью прижала головой къ его плечу.

— Посмотрите, какъ она его обожаетъ, сказали вполголоса Тюссо.

Впродолженіи дня Сесиль нашла удобную минуту и бросила письмо въ почтовый ящикъ. Два дня спустя она отпиралась на почту, гдѣ и получила письмо на имя Сесиль Тюссо. Возвратясь домой и запершись въ своей комнатѣ, она прочитала слѣдующее:

«Милая Сесиль,

«Я тебя люблю и прощаю, но я умру. Проклятомъ матери клянусь, что никогда никому не скажу о случившемся ночью 20 іюля; клянусь, что опровергну всѣ злые толки.

«Прощай... Умирающій ради тебя,

«Морисъ».

Письмо выпало изъ ея рукъ и она горько зарыдала.

Она чувствовала, что новая опасность грозила ей въ будущемъ. Она любила Мориса и видѣла по его письму, что онъ прощаетъ ей, понимая, что она была жертвою несчастныхъ обстоятельствъ. Ясно было, что онъ считалъ ее достойной своей любви и любилъ ее по прежнему. Хотя онъ и говорилъ о смерти, но Сесиль надѣялась найти средство заставить его отказаться отъ этого плана. Отчаяніе, которымъ дышало письмо, не столько тронуло ее, какъ великодушная преданность и безграничная любовь, говорившая въ каждомъ словѣ.

Письмо имѣло штемпель одного изъ парижскихъ почтовыхъ отдѣленій, слѣдовательно, Морисъ былъ недалеко и она могла встрѣтить его случайно каждую минуту. Это радовало ее и вмѣстѣ съ тѣмъ тревожило. Слезы, которыя потокомъ лились изъ ея глазъ, немного успокоили ее. Давно она не предавалась всецѣло такому нѣжному чувству.

Со времени свадьбы, она видалась съ Гударомъ только за обѣдомъ. Ихъ отношенія другъ съ другомъ остались прежнія. Гударъ говорилъ ей «ты»; она ему «вы». Во время обѣда они разговаривали о всякихъ пустякахъ. Имя Мориса не было произнесено ими ни разу, что очень удивляло Гудара, который зорко слѣдилъ за женою.

Онъ почти никогда не почевалъ дома и Сесиль, не желая, чтобъ слуги болтали объ этой постоянной измѣнѣ мужа, говорила во всеуслышаніе, что при ея разстроенномъ здоровьи она должна была очень беречься. Однимъ словомъ, мирная тишина еще царяла у этого отравленного семейнаго очага, но собирались черныя, грозовыя тучи.

Вернемся къ Морису. Попеченія сестры и тетки Феранъ вскорѣ поставили его на ноги. Пока онъ еще находился въ Триель, Амели вер-

нулась въ Парижъ на работу и, узнавъ о подготавливающейся свадьбѣ Сесиль, рассказала объ этомъ брату. Взбѣшенная этимъ низкимъ поведеніемъ молодой дѣвушки въ отношеніи Мориса, она рѣшилась никогда болѣе не видаться съ нею. Она вполнѣ раздѣляла мнѣніе Мориса, что Сесиль обманула его и одурачила самымъ позорнымъ образомъ.

Оправившись совершенно, Морисъ поѣхалъ въ Парижъ и снова принялся за свою работу. Во время его отсутствія, Амели перевезла всѣ вещи изъ его холостой комнаты въ маленькую квартиру въ улицѣ Рамэ, близъ Мениль-Монтана. Они жили теперь вмѣстѣ; у нихъ была у каждого своя комната и общая столовая. Амели сократила на одинъ часъ свою работу, занималась хозяйствомъ и стряпала кушанье. Вмѣсто того, чтобъ обѣдать по прежнему въ кабачкѣ, Морисъ возвращался съ работы домой и ѣлъ вмѣстѣ съ сестрою. Все это устроила Амели, испуганная печальной перемѣной въ Морисѣ, благодаря болѣзни, а главное, измѣнѣ любимой женщины. Всегда задумчивый и грустный, онъ улыбался только этой мужественной молодой дѣвушкѣ, которая, хотя и была моложе его на годъ, однакожъ, пеклась о немъ, какъ мать, не жалуясь на его капризы и гнѣвные вспышки.

Получивъ письмо Сесиль въ своей мастерской, Амели поблѣднѣла; она тотчасъ узнала ее по черкѣ. Что заключалось въ этомъ письмѣ? Благодарно-ли было отдать его брату? Не лучше-ли отправить его обратно нераспечатаннымъ? Она едва не рѣшилась на это и ее только удержала мысль, что Морисъ, узнавъ когда-нибудь о такой смѣлости съ ея стороны, серьезно разсердится. Въ тотъ же день, послѣ обѣда, она осторожно начала разговоръ о Сесиль.

Морисъ, по обыкновенію, стоялъ у окна, погруженный въ мечты, уносившія его въ памятную ночь 20 іюля. Образъ любимой женщины, ея пламенные ласки не выходили никогда изъ его головы; обливаясь слезами, онъ мысленно переживалъ блаженные, но роковыя минуты.

— Морисъ, сказала Амели, — мнѣ надо съ тобою поговорить.

Онъ не слышалъ ея словъ.

— У меня есть кое-что передать тебѣ очень важное; только обѣдай быть благоразумнымъ.

Онъ не пошевелился и что-то вполголоса бормоталъ про себя.

— Морисъ, я тебѣ принесла извѣстіе о ней.

Онъ тотчасъ очнулся и, пристально смотря на нее, какъ бы желая отгадать, не обманываетъ-ли она его, повторилъ:

— Извѣстія о ней. Ты была у нея?

— Нѣтъ, ты мнѣ запретилъ.

— Ты ее встрѣтила?

— Нѣтъ, но я боюсь сказать.

Морисъ быстро отошелъ отъ окна и воскликнулъ дрожащимъ голосомъ:

— Амели, пожалуйста, не мучь меня. Скажи скорѣе, что ты знаешь.

И блѣдный юноша протягивалъ къ ней руки съ жалобной мольбой. Видя его страшное волненіе, Амели пожалѣла, что не сожгла письма. При одной мысли, что онъ получитъ извѣстіе о Сесиль, имя которой втеченіи двухъ долгихъ мѣсяцевъ онъ не произнесъ ни разу, Морисъ совершенно преобразился; онъ мгновенно сталъ прежнимъ юнымъ красавцемъ, который въ памятный вечеръ ждалъ Сесиль на Бастильской площади.

Дѣйствительно, онъ былъ очень хорошъ собою. Девятнадцати лѣтъ, высокаго роста, статный, хорошо сложенный, съ красивыми манерами, онъ былъ вполнѣ изященъ. Онъ носилъ темную куртку и такой же жилетъ, черный галстухъ и бѣлые, откидные воротнички. Его руки, хотя толстыя, были очень бѣлы и только нѣсколько мозолей обнаруживали, что онъ привыкъ къ работѣ. Лицо

его было слишкомъ красиво для мужчины и имѣло въ себѣ что-то женственное; черные глаза, съ зеленоватымъ отливомъ, были окаймлены длинными каштановыми бровями и рѣсницами, которыя еще болѣе выставляли нѣжный блескъ его взгляда, прямой и тонкій носъ, маленькій ротъ съ рыжеватыми усами, длинный овалъ лица, длинные русые волосы и розовыя щеки довершали его портретъ. Вообще, онъ былъ красавецъ, скромный, застѣнчивый, какъ хорошо воспитанный ребенокъ.

— Морисъ, ты обѣщаешь быть благоразумнымъ? спросила Амели.

— Да, да, только говори...

— Вотъ тебѣ письмо отъ нея.

— Отъ нея, повторилъ онъ съ радостью, цѣлуя конвертъ.

Онъ распечаталъ письмо и прочелъ его разомъ, не переводя духа, какъ томимый жаждою пьетъ живительную воду. Сестра съ безпокойствомъ слѣдила за всѣми быстрыми перемѣнами, которыми подвергалось его лицо, смотря потому, какія чувства возбуждались въ его сердцѣ при чтеніи письма. Наконецъ, онъ кончилъ и слезы хлынули изъ его глазъ.

— Ну, что, Морисъ? спросила она.

— Милая Мели, сказалъ онъ, падая на стулъ и громко рыдая, — какъ я несчастливъ!

— Ну, будь благоразуменъ. Не заставь меня сожалѣть, что я отдала тебѣ письмо... Вѣдь ты давно знаешь, какая она неблагодарная, презрѣнная тварь...

Морисъ вскочилъ и, закрывая ротъ сестрѣ, воскликнулъ:

— Молчи, молчи, Мели!.. Мы ничего не знали... Она очень несчастна.

Удивленная Амели протянула руку, чтобъ взять письмо, но Морисъ поспѣшно отнялъ его. Онъ отеръ слезы, сѣлъ въ кресло и медленно перечелъ письмо. Онъ понималъ, что для лучшаго сохраненія въ тайнѣ ночи 20-го іюля необходимо сказать что-нибудь Амели о содержаніи письма.

— Бѣдная Мели, сказалъ онъ, наконецъ, — въ то самое время, когда я отравился, Сесиль убѣжала изъ дома и бросилась въ рѣку.

— Откуда ты это взяла?

— Изъ письма. Спасенная чудеснымъ образомъ изъ воды и отнесенная въ больницу, она была больна два мѣсяца. Очнувшись, она спросила обо мнѣ и ее увѣрили, что я умеръ. Только вчера она узнала всю правду.

— Это невозможно.

— Она такъ пишетъ. По ея словамъ, она, главнымъ образомъ, убѣдилась въ моей смерти изъ того, что ты не приходила къ ней, а также изъ разказа одного ея родственника, который сообщилъ ей, что въ домѣ, гдѣ я жилъ, произошло въ тотъ самый день убійство или самоубійство.

— Что же она пишетъ еще?

— Что она замужемъ и что я не долженъ болѣе видѣть ее. Она довольно страдала и я, конечно, не увеличу еще ея страданій. Но я желалъ бы узнать, дѣйствительно-ли произошло что-нибудь въ домѣ, гдѣ я жилъ, въ тотъ самый день или это новая ложь, сочиненная ея домашними, чтобъ обмануть ее.

— Что же мнѣ сдѣлать? спросила поспѣшно Амели, всегда готовая услужить своему брату. — Хочешь я пойду къ Сесиль и разспрошу у нея всѣ подробности.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ Морисъ, тяжело вздыхая, — мы не должны болѣе думать о Сесили. Она для насъ умерла.

— О, она этого требуетъ?

Морисъ ничего не отвѣтилъ на вопросъ сестры, но продолжалъ:

— Я хочу, милая Мели, чтобъ ты пошла, если можно, завтра же въ улицу Лакюзэ и узнала, что тамъ случилось.

— Хорошо, я пойду.

Было уже поздно и Амели занялась приборкой посуды, а Морисъ, перечитавъ еще разъ письмо Сесиль, написалъ уже извѣстный намъ отвѣтъ. Потомъ, простясь съ сестрою, онъ ушелъ къ себѣ въ комнату. Всю ночь онъ метался на постели, рыдалъ и покрывалъ поцѣлуями драгоценное письмо. Только на разсвѣтѣ онъ заснулъ.

На слѣдующее утро онъ рѣшился отнести письмо въ мастерскую, боясь, чтобъ Амели изъ любопытства не перерыла всѣхъ его вещей, и не отыскала бы письма. По возвращеніи домой, онъ хотѣлъ объявить ей, что сжегъ письмо и потомъ, дней черезъ десять, когда всѣ поиски сестры оказались бы тщетными, онъ могъ принести снова его и скрыть гдѣ-нибудь въ своей комнатѣ, такъ какъ уничтожить его онъ не имѣлъ силы.

За обѣдомъ Амели рассказала ему, что она ходила въ улицу Лакюз. Дѣйствительно, въ домѣ противъ его прежней квартиры умерла въ ночь 20 іюля женщина. Одни говорили, что она сама наложила на себя руку, другіе, что ее отравили, третьи, что она умерла отъ аневризмы. Однимъ словомъ, эта смерть переполошила весь кварталъ. О ней узнали только утромъ, явилась полиція, но толпа стояла на улицѣ весь день и трупъ несчастной увезли въ Моргъ. Болѣе ничего не было извѣстно объ этой таинственной исторіи.

— Ты видишь, Морисъ, прибавила Амели, — стоило только навести маленькую справку и тотчасъ бы узнали, что въ улицѣ Лакюз умерла женщина. Я не обвиняю Сесиль, она была больна, почти сумасшедшая отъ горя и страданій. Но ея домашніе составили заговоръ противъ васъ обоихъ.

Морисъ ничего не отвѣчалъ. Онъ поникъ головою и глубоко задумался. Рѣшительно судьба была противъ нихъ. Амели не знала, что Сесиль ушла изъ его комнаты, убѣжденная, что онъ умеръ и потому извѣстіе объ его смерти несколько не удивило ее, напротивъ, еслибъ ей сказали, что онъ живъ, она могла бы въ этомъ усомниться. Что же касается ея домашнихъ, имъ незачѣмъ было и удостоверяться, живъ-ли онъ; его смерть была имъ на руку и имъ пріятно было ей вѣрить. Все же виною былъ его отъѣздъ съ сестрой изъ Парижа, подтверждавшій извѣстіе о его смерти, столь желанной для многихъ.

— Никого не надо обвинять, сказалъ онъ, наконецъ, — это моя судьба. Надо мною тяготѣть какое-то проклятіе.

На слѣдующій день, на разсвѣтѣ, кто-то постучалъ въ наружную дверь ихъ квартиры. Морисъ соскочилъ съ постели въ одной рубашкѣ и, подойдя къ двери, спросилъ:

— Кто тамъ?

— Именемъ закона отворите.

— Боже мой, что случилось? воскликнула съ ужасомъ Амели изъ своей комнаты.

Морисъ съ удивленіемъ отворилъ дверь. Въ комнату вошли полицейскій комиссаръ съ двумя агентами.

— Морисъ Феранъ? спросилъ онъ.

— Это я, отвѣчалъ молодой человѣкъ дрожащимъ голосомъ.

— Именемъ закона я васъ арестую.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

В. В. Самойловъ.

Ст. А. Комарова.

Наше общество все еще остается, сравнительно, мало образованнымъ обществомъ и это вполнѣ отражается на большинствѣ артистовъ. Геніальнѣйшій изъ нашихъ артистовъ, покойный М. С. Щепкинъ, былъ почти самоучка. Одна изъ знаменитыхъ сестеръ Семеновыхъ не имѣла вовсе музыкальнаго образованія и заучивала свои роли у Кавоса почти «съ голоса». Другая сестра отли-

чалась тоже необразованностью и учила роли при помощи, если не ошибаюсь, Катенина. Осипъ Афонасьевичъ Петровъ началъ учиться тайкомъ играть на гитарѣ и эта гитара не разъ разбивалась о его голову, такъ какъ родные желали отучить его отъ этого баловства; дальнѣйшее его музыкальное образованіе шло подъ руководствомъ полкового капельмейстера и только случай помогъ ему сдѣлаться знаменитымъ пѣвцомъ. Въ провинціи еще въ очень недавнее время, можно было встрѣтить множество безграмотныхъ актрисъ и актеровъ изъ бродячихъ труппъ: одна изъ такихъ артистокъ, довольно коротко знакомая мнѣ, играла довольно долго классическихъ царицъ, вращалась въ кругу покойнаго Варламова, была близка съ семействомъ Щепкина и все-таки не научилась не только писать, но даже и разбирать по складамъ печатное. Рядомъ съ этими людьми, случайно или по природному призванію попавшими на театральные подмостки, идутъ артисты, выпущенные изъ театральнхъ школъ. Но какое образованіе получалось въ этихъ школахъ? Оно почти равнялось нулю: мы не знаемъ ни одного артиста, который научился бы въ этихъ школахъ иностраннымъ языкамъ; цѣлая масса бывшихъ учениковъ этихъ школъ не умѣла и не умѣетъ грамотно написать пару строкъ по-русски, не сдѣлавъ самыхъ грубыхъ ошибокъ; объ общемъ образованіи этихъ людей и говорить нечего; исторія драматическаго искусства, его условія, его состояніе на западѣ, обширная драматическая литература — все это для нихъ такъ же мало извѣстно, какъ для васъ, читатель, языкъ готтентотовъ. При такихъ условіяхъ, весьма естественно то явленіе, что эти люди не могутъ заботиться объ интересахъ своего искусства, т. е. не только хорошо играть, но и стараться о поднятій развитія своихъ собратій, о приготовленіи преемниковъ себѣ — о созданіи своей «школы». Намъ могутъ замѣтить, что заботился же объ этомъ самоучка Щепкинъ. Да, это правда, но вѣдь такіе умы и, главнымъ образомъ, такіа сердца являются очень рѣдко. Щепкинъ былъ крайне уменъ и безгранично добръ и потому онъ многое сдѣлалъ для успѣха драматическаго искусства, хотя можно все-таки пожалѣть о томъ, что онъ долженъ былъ все сдѣланное имъ дѣлать ошунью, по чутью, а не потому, что ему съ раннихъ лѣтъ объяснили высоту его призванія и тѣ средства, при помощи которыхъ онъ долженъ былъ достигать своихъ цѣлей, т. е. поддержанія и развитія драматическаго искусства. Большинство же людей, съ недалекимъ умомъ и съ самымъ обыкновеннымъ сердцемъ, не получивъ никакого образованія, выступая на сцену только съ мыслью завоевать расположеніе публики, является далеко не поддержкою искусства. Эти люди ревниво заботятся только о своей славѣ и враждуютъ съ каждымъ новымъ талантомъ, видя въ немъ своего соперника, а не своего сподвижника.

Школу артиста-самоучки пришлось, въ сущности, пройти и Василию Михайловичу Самойлову, отцу нашего извѣстнаго артиста. Василий Михайловичъ происходилъ изъ купцовъ. Онъ страстно полюбилъ музыку: въ первый разъ услышанные «звуки кларнета, по его словамъ, произвели на него такое впечатлѣніе, что онъ положительно обомлѣлъ, какая-то искра пробѣжала по всѣмъ его суставчикамъ и съ тѣхъ поръ, каждую ночь, онъ спалъ и видѣлъ, какъ бы ему дождаться утренней зари, чтобы снова услышать эти звуки». «Когда онъ пѣлъ, то душа его была выше тѣса стоячаго, выше облака ходячаго, а когда возвращался въ лавку, къ дневнымъ своимъ занятіямъ, то бѣдная душенька падала въ омутъ барышничества». Это заставило его сбросить «рыночное бремя» и уйти въ Петербургъ, почти пѣшкомъ. Къ его счастью, судьба улыбнулась ему: его голосъ оцѣнили, его приняли въ оперную труппу, на него

посыпались милости. Въ числѣ милостей было и то, что его двухъ сыновей, которые у него родились отъ брака съ воспитанницей театральнаго училища Софьей Васильевной Черниковой, приняли на казенный счетъ въ Горный корпусъ. Одинъ изъ этихъ сыновей былъ Василій Васильевичъ Самойловъ.

Кончивъ курсъ въ Горномъ корпусѣ и поступивъ на службу, Василій Васильевичъ вовсе не думалъ объ артистической карьерѣ, онъ, повидимому, даже не чувствовалъ къ ней особеннаго призванія. Самойловъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Я никогда не имѣлъ особеннаго влеченія къ сценѣ, хотя отецъ мой принадлежалъ къ театру и былъ извѣстный пѣвецъ. На сцену я попалъ почти случайно.

Какъ-то разъ, покойный императоръ Николай Павловичъ, встрѣтись съ отцомъ моимъ, спросилъ: отчего онъ ни одного изъ своихъ сыновей не опредѣлилъ на сцену?

— Развѣ ни одинъ изъ нихъ не наследовалъ твоего таланта? спросилъ при этомъ государь.

— Таланты есть, отвѣчалъ отецъ, — но всѣ сыновья мои на службѣ, и каждый изъ нихъ обязанъ десять лѣтъ отслужить за свое образованіе, которое получили отъ покойнаго императора Александра.

— А если таланты есть, возразилъ Государь, то давай ихъ къ намъ на сцену; офицеровъ всегда сдѣлать можно, а артистовъ — нѣтъ.

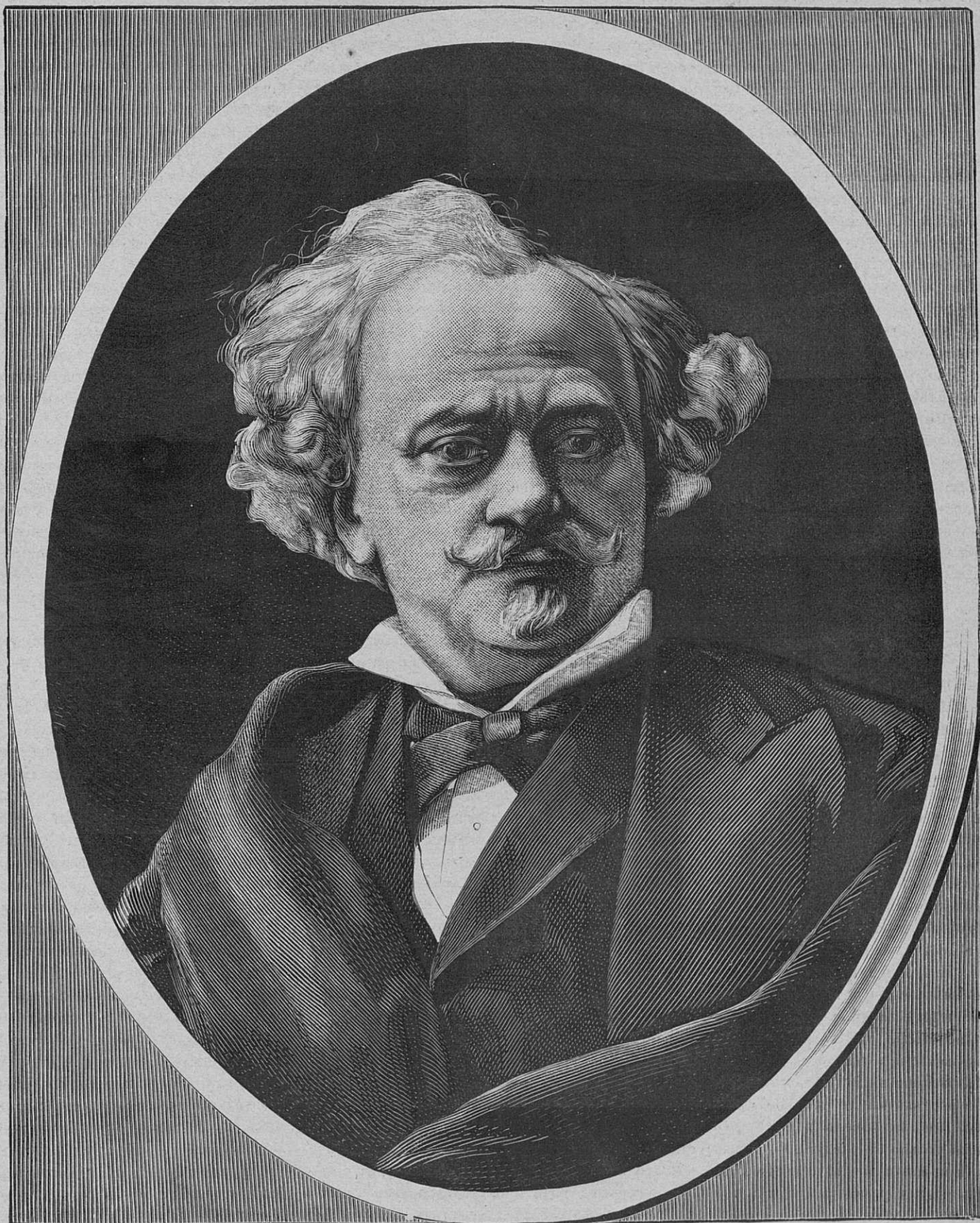
Въ то время я былъ офицеромъ и пріѣхалъ въ Петербургъ въ отпускъ къ отцу. Онъ передалъ мнѣ свой разговоръ съ государемъ и объявилъ о своемъ желаніи. Хотя оно и не совсѣмъ согласовалось съ моимъ, но я не хотѣлъ идти противъ воли отца.

Но этого мало: молодой человѣкъ не только охотно вступаетъ въ актеры, но едва не убѣгаетъ со сцены въ день перваго представленія... «Я пріѣхалъ, пишетъ онъ, въ Большой театръ, вѣбеть съ отцомъ, который въ той же оперѣ (въ «Иосифѣ Прекрасномъ») исполнялъ роль Симеона. Когда я одѣлся и вышелъ за кулисы, случайно мнѣ вздумалось посмотрѣть сквозь занавѣсъ на публику. Зала была полна народомъ; я увидѣлъ множество моихъ товарищей по корпусу, которые пришли на меня посмотрѣть. Сердце мое въ первый разъ дрогнуло и мучительно сжалось какимъ-то страхомъ; я какъ будто только что сейчасъ узналъ, что дебютировать буду я, а не кто другой. Голова закружилась отъ множества мыслей, одна другой грознѣе, одна другой неутѣшительнѣе, вихремъ закрутившихся передо мною. Незвѣстность, чѣмъ все это кончится, неуверенность въ себѣ, боязнь явиться передъ такой многочисленной публикой, въ особенности, какой-то ложный стыдъ показаться смѣшнымъ въ глазахъ товарищей и знакомыхъ, мысль о совершенной неудачѣ, о томъ, что черезъ какой-нибудь часъ уже будетъ поздно возвращаться съ той дороги, на которую я вступаю... однимъ словомъ, я совсѣмъ оробѣлъ и растерялся. Не понимая хорошенько, что дѣлаю, я бросился къ отцу, котораго засталъ уже совсѣмъ закосмопированнымъ, и рѣшительно объявилъ ему, что играть не буду и на сцену ни за что не выйду! Отецъ испугался, началъ меня урезонивать, а между тѣмъ сыгралъ уже увертюру и занавѣсъ поднялся. Первый выходъ былъ мой. Отецъ понималъ, что въ эту минуту никакія убѣжденія на меня не подѣйствуютъ и рѣшился на отчаянное и послѣднее средство: схватилъ меня за руку и насильно вытолкнулъ на сцену». Успѣхъ молодого пѣвца былъ полный и послѣ этого перваго дебюта въ январѣ 1835 года В. В. Самойловъ былъ принятъ на службу на амплуа первыхъ любовниковъ, какъ въ операхъ, такъ и въ водевиляхъ, съ жалованьемъ по двѣ съ половиною тысячи рублей ассигнаціями въ годъ.

ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

В. В. САМОИЛОВЪ.

В. В. Самоиловъ

Такимъ образомъ, одинъ изъ лучшихъ современныхъ артистовъ сдѣлался артистомъ безъ всякаго призванія, невольно, насильно, перемѣнивъ по высочайшей волѣ офицерскій мундиръ на театральные костюмы и выйдя впервые на театральные подмостки вслѣдствіе отцовскаго толчка! Въ какой другой области искусства встрѣчается что нибудь подобное? Кто насильно тянулъ въ поэты Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Некрасова, Тургенева? Кто, такъ сказать, за волосы тащилъ къ палитрѣ Брюлова, Верещагина, Крамского и т. п. Да, драматическое искусство стоитъ у насъ на самой жалкой степени въ общественномъ сознаніи! Но какъ же выработалъ въ себѣ способности г. Самойловъ?

«Если, пишетъ онъ, я съ первыхъ же дней пошелъ такъ быстро впередъ и началъ трудиться серьезно, то обязанъ этимъ единственно тому, что былъ очень несчастливъ на сценѣ. Не мало притѣсненій и гоненій пришлось испытать мнѣ. Благодаря сильному и твердому моему характеру, я не унадалъ духомъ; не чуждый самолюбія — не хотѣлъ оставаться послѣднимъ по таланту. Быть можетъ, при иныхъ обстоятельствахъ, при другой, болѣе приятной обстановкѣ, мое дарованіе и не такъ-бы скоро развилось. Но, во всякомъ случаѣ, не дай Богъ никому такой цѣною покупать себѣ славу и благосостояніе. До сихъ поръ съ ужасомъ припоминаю о томъ, что мнѣ довелось переживать. Тогдашняя театральная администрація, благоволя и покровительствуя питомцамъ театрального училища, неприязненно относилась къ лицамъ, поступавшимъ на сцену не изъ этого разсадника талантовъ. Не я одинъ испытывалъ послѣдствія подобныхъ отношеній администраціи къ артистамъ не воспитанникамъ: Асенкова, А. Я. Воробьева (супруга О. А. Петрова), обѣ сестры мои и многіе другіе не были счастливы меня. Особенно памятенъ мнѣ одинъ случай изъ моей жизни, относящійся ко времени, отдѣленному нѣсколькими годами отъ моего дебюта. Тогда изъ оперы я уже перешелъ въ драматическую труппу, такъ какъ послѣ неожиданной и несчастной смерти моего отца, опера почти разстроилась, въ Александринскомъ же театрѣ мой голосъ могъ быть полезенъ въ разныхъ опереткахъ, которыя тамъ ставились довольно часто. Я уже былъ женатъ и имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей. Жалованье, которое я получалъ (500 руб. по нынѣшнему счету на серебро), далеко не доставало не только на содержаніе семьи, но и на самое необходимое, и я принужденъ былъ заниматься частною работою. Болѣе всего меня выручала живопись: я работалъ по заказу небольшія картины масляными красками, карандашемъ, и только благодаря способности моей къ рисованью, могъ кое-какъ существовать. Я не ропталъ на то, что получалъ малое жалованье, понимая очень хорошо, что прибавка возможна только за заслуги, болѣе или менѣе блестящія и признанныя. Но для этого надобно было играть роли хорошія, видныя, а мнѣ ихъ не давали; за тѣ же роли, которыя я игралъ, плата, по мнѣнію администраціи, была недостаточная. Я просилъ давать мнѣ роли труднѣйшія, въ которыхъ я могъ бы выказать свое дарованіе, а не роли въ родѣ «Гильденштерна» — въ Гамлетѣ, выпадавшія исключительно на мою долю. Мнѣ отвѣчали, что онѣ вполне соответствуютъ моему дарованію. Я предложилъ перепрочитать попеременно всѣ мужскія роли въ драмѣ: «Материнское благословеніе» (*La Nouvelle Fanchon*), бывшей тогда въ большой модѣ; предложилъ это съ условіемъ, что если я хоть въ одной роли буду хуже тѣхъ, которые играли до меня, то подвергаюсь штрафу, какой угодно будетъ назначить. Согласія не послѣдовало. Наконецъ, я заявилъ администраціи, что готовъ служить даромъ цѣлый годъ (какъ мнѣ это ни тяжело съ большою семь-

ею), то есть не получать разовыхъ, а довольствоваться однимъ убогимъ жалованьемъ, съ тѣмъ, чтобы въ теченіе театральнаго сезона мнѣ дали двѣ—три хорошія роли.

Это предложеніе было принято.

Съ жаромъ принялся я за свою частную работу; не отдыхалъ ни днемъ, ни ночью, чтобы наверстать тѣ рубли, отъ которыхъ отказался. Меня поддерживала мысль, что, наконецъ, бѣдствія мои прекратятся и дорогое, святое для меня искусство будетъ исключительнымъ моимъ занятіемъ. Но время уходило а новыхъ ролей, кромѣ самыхъ ничтожныхъ, почти «выходныхъ», мнѣ не давали. Я выбивался изъ силъ, но все еще надѣялся...

Сезонъ окончился и отъ администраціи былъ мною полученъ слѣдующій отвѣтъ: «Ролей мнѣ не давали, считая это лишнимъ, разовыхъ же мнѣ не выдадутъ, такъ какъ я же самъ вызвался служить даромъ».

Мною овладѣло отчаяніе; натура моя не выдержала и я захворалъ; у меня разлилась желчь. Я былъ въ отчаянномъ положеніи, но молодость свое взяла. Я поправился, и когда всталъ съ постели, то почувствовалъ себя какъ бы новымъ человекомъ, и духомъ, кажется, сильнѣй прежняго. Меня возмущали и несправедливость, и деспотическій произволъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ зависѣла моя будущая артистическая участь. Готовый ко всему, я рѣшился бороться до послѣднихъ силъ и, при всемъ сознаніи своей слабости, ни разу не подумалъ сложить оружіе. Началъ терпѣливо выжидать... чего? и самъ не знаю; какого нибудь случая. Я выжидалъ—долго выжидалъ, слишкомъ десять лѣтъ, и, наконецъ—таки, выждалъ удобнаго случая».

Но какъ же явился этотъ случай? Мартыновъ случайно не прибылъ во время изъ отпуска и потому, по необходимости, во время одного изъ бенефисовъ дали видную роль г. Самойлову,—государь Николай Павловичъ случайно присутствовалъ на этотъ разъ въ театрѣ и замѣтилъ игру г. Самойлова,—и вотъ артиста вознаграждаютъ за десять лѣтъ терпѣнія! А если бы Николай Павловичъ, цѣнитель драматическаго искусства, почему либо не былъ на этомъ спектаклѣ,—сколько лѣтъ еще пришлось бы ждать г. Самойлову видныхъ ролей? А если бы Мартыновъ успѣлъ возвратиться изъ отпуска къ этому бенефису,—что бы игралъ г. Самойловъ въ теченіи еще нѣсколькихъ лѣтъ? Можетъ-ли быть что нибудь подобное въ области литературы, музыки и пр. Нужно-ли заболѣть или быть въ «отпуску» Тургеневу, чтобы выдвинулся гр. Л. Толстой? Нужно ли поощреніе, чтобы замѣтили Гончарова или признали бы Некрасова? А между тѣмъ, на театрѣ у насъ пужна именно такая случайность: незначительный случай помогъ г. Самойлову, послѣ десятилѣтней безплодной борьбы, стать на ноги и какъ быстро зашагалъ онъ впередъ съ этой минуты,—зашагалъ такъ, что обогналъ такого же, какъ онъ талантливаго отъ природы, но менѣе твердаго по характеру и менѣе разносторонняго Мартынова,—этого гения, котораго признали въ сущности только тогда, когда неизлечимая чахотка быстро сводила его на вѣчный отдыхъ отъ низкихъ интригъ, зависти и злобы тѣхъ, кому было досадно смотрѣть на этого честнаго и незлобиваго любимца Петербурга. В. В. Самойлову предстояла, можетъ быть, та же участь, если бы не случайная удача. И сколько талантовъ забивалось на театрѣ въ прежнее время интригами и сколько талантовъ спасъ только случай! «Помню я, пишетъ г. Самойловъ, какъ талантливую пѣвицу А. Я. Воробьеву (Петрову), заставили пѣть партію Арзаса, въ оперѣ «Семерамъ», въ тотъ самый день, когда у ней скончалась мать. Въ другой разъ начальство разгнѣвалось на ту же самую пѣвицу, артистку съ

замѣчательнымъ голосомъ и дарованіемъ, и, въ видѣ поучительнаго наказанія, причислило ее къ опернымъ хорамъ, въ которыхъ она и пѣла въ теченіи года и нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Тогда случившаго подобнаго самоуправства никого не удивляло. Произволъ и капризъ замѣняли нашему театру началу и законъ и здравый смыслъ, какъ при опалахъ, такъ и при милостяхъ. Нѣкто актеръ Аванасьевъ, по своему дарованію не имѣвшій никакого значенія на сценѣ, разъ, какъ-то, въ театрѣ выпилъ лишнюю рюмку и что-то набубанилъ. Объ этомъ былъ составленъ и поданъ, куда слѣдуетъ, рапортъ; во избѣжаніе могущаго повториться скандала слѣдовало оштрафовать виновнаго, но рѣшеніе послѣдовало иное: «дать актеру Аванасьеву бенефисъ, такъ какъ, конечно, онъ пьянъ напился съ горя». И Аванасьеву дали бенефисъ... Какъ послѣ этого не вѣрить по словицѣ: «не родись ни умный, ни пригожъ, а родись счастливымъ!»

Завоевавъ себѣ прочное положеніе въ театрѣ, В. В. Самойловъ создалъ цѣлый рядъ типовъ, спасъ, отъ паденія цѣлый рядъ пьесъ, воспроизвелъ живыя личности изъ такого драматическаго матеріала, изъ котораго обыкновенному актеру не удалось бы ничего сдѣлать. Перечислить всѣ созданныя имъ роли невозможно, такъ какъ его талантъ былъ всегда крайне разностороненъ, почти всеобъемлющъ: онъ являлся и какимъ-нибудь чухонцемъ, и королемъ Лиромъ и принадлежалъ во всѣхъ случаяхъ къ числу рѣдкихъ артистовъ, никогда не портящихъ ролей. Если кѣмъ-нибудь могли дорожить драматурги, такъ именно имъ, потому что роль, порученная Самойлову, всегда выходила удачною. Онъ переигралъ роли Кулибина, Кострова, Третьяковского, Сумарокова, Дмитревскаго, Волинскаго, Ришелье, Людовика XI, короля Лира, Гамлета, Шейлока, Кречинскаго и т. д. Съ 1834 года по 1875 годъ въ репертуарѣ В. В. Самойлова насчитывается до пятисотъ ролей и, вѣроятно, онъ еще долго украшалъ бы александринскую сцену, если бы не какія-то интриги, заставившія его сойти со сцены, гдѣ онъ былъ первымъ, гдѣ онъ былъ единственнымъ истиннымъ артистомъ. Сороколѣтнее честное служеніе искусству не спасло его отъ неприятной необходимости покинуть навсегда сцену. Теперь онъ является порою только въ любительскихъ спектакляхъ и энтузіазмъ публики ясно показываетъ, что публика вполне сознаетъ, какого артиста лишилась она въ лицѣ В. В. Самойлова.

О талантѣ В. В. Самойлова много писали, много спорили. При жизни Мартынова почти постоянно сравнивали этихъ двухъ артистовъ и унижали одного во имя другого. Эти сравненія всегда безтактны, всегда прискорбны. Мартыновъ, дѣйствительно, можетъ быть, и былъ выше В. В. Самойлова по природному таланту; но В. В. Самойловъ по разносторонности образованія, по умѣнью отдѣлывать детали, по ровности игры, по разнообразію таланта, стоялъ, въ свою очередь, выше Мартынова. Сравнить ихъ и мѣрить на вершикахъ ихъ достоинства уже потому негнѣно, что характеры ихъ талантовъ были различны, какъ характеры талантовъ Садовскаго и Шумскаго, Мочалова и Каратыгина 1, Федотовой и Стрепетовой, В. В. Самойлова и П. В. Васильева 2, Паска и Деларпортъ и т. п. Самойловъ не довѣрялъ никогда игрѣ «изъ нутра», какъ выражался П. В. Васильевъ 2; В. В. Самойловъ изучалъ, отдѣлывалъ роль до мелочей, не полагаясь вовсе на одно вдохновеніе. Вслѣдствіе этого у В. В. Самойлова была всегда «ровность игры» и зритель не могъ опасаться, что сегодня или завтра Самойловъ будетъ «не въ ударѣ». Одна изъ поразительныхъ особенностей В. В. Самойлова—его голосъ, проникающій въ душу; трогающій зрителя и передающій малѣйшіе оттѣнки внутренняго настроенія арти-

ста. Къ этому нужно прибавить, что Самойловъ, какъ хорошій художникъ и каррикатуристъ, умѣлъ загримировываться, какъ никто. Онъ заносилъ предварительно въ свой альбомъ тотъ типъ, который онъ хотѣлъ изобразить, и загримировывался согласно съ этимъ рисункомъ. Было бы интересно, если бы этотъ альбомъ появился когда-нибудь въ свѣтъ: это была бы своего рода школа для гримировки. В. В. Самойловъ силой своего таланта производилъ впечатлѣніе не на одну публику: его великія способности сумѣли оцѣнить и его собратья по искусству, отбросивъ всякую зависть. Такъ великій трагикъ Айра Олриджъ, увидавъ В. В. Самойлова въ королѣ Лирѣ, написалъ ему: «Мой дорогой сэръ и другъ! Я считалъ бы себя недостаточно вѣжливымъ, если бы не успѣвши выразить мой восторгъ по поводу Вашего вѣрнаго, художественнаго представленія стараго короля. Ваша игра доставила мнѣ великое удовольствіе. Многія мѣста, которыя были для меня цѣсколько темны, Вы окончательно разъяснили мнѣ; относительно другихъ, Вашъ великій талантъ утвердилъ меня въ моемъ собственномъ, прежде усвоенномъ, пониманіи ихъ. Живите долго, чтобы украшать искусство, котораго Вы служите такимъ блестящимъ представителемъ; вотъ истинное желаніе африканскаго трагика, истинно преданнаго Вамъ Айра Олриджа».

Къ сожалѣнію, какъ бы ни былъ гениаленъ артистъ, онъ не можетъ спастись отъ тѣхъ интригъ, пронековъ и недоброжелательствъ, которые дѣлаютъ для него невозможнымъ дальнѣйшее служеніе искусству...

(См. рис. на стр. 152 и 153.)

I.

Теперь все большую и большую область дѣятельности захватываетъ паровая машина: желѣзныя дороги, пароходы, заводы, фабрики, орудія сельскаго труда, швейныя машины, все это мало по малу начинаетъ приводиться въ движеніе, главнымъ образомъ, паромъ. Это широкое примѣненіе паровыхъ машинъ было бы невозможно безъ каменнаго угля, такъ какъ никакихъ лѣсовъ не хватило бы на всю эту массу существующихъ уже теперь во всѣхъ частяхъ свѣта паровиковъ. Только каменный уголь даетъ покуда возможность такъ быстро и разнообразно примѣнять силу пара къ различнымъ отраслямъ производства, къ различнымъ способамъ передвиженія. Залежи каменнаго угля очень велики и почти неисчислимы. Самая богатая каменнымъ углемъ страна есть сѣверная Америка, гдѣ его залежи занимаютъ 30,000,000 гектаровъ; потомъ слѣдуетъ Англія съ 1,570,000 гектарами, Франція съ 350,000 гектарами, Пруссія и Саксонія съ 300,000 гектарами въ каждой, Бельгія, Испанія и Австрія съ 150,000 гектарами въ каждой и т. д.

Вслѣдствіе такого обширнаго распространенія залежей каменнаго угля возможно не опасаться за дальнѣйшіе успѣхи и развитіе промышленности, немислимые въ наше время безъ силы пара, а значить и безъ каменнаго угля. Это высокое значеніе каменнаго угля въ развитіи благосостоянія общества, конечно, извѣстно каждому, кто хоть разъ путешествовалъ на какомъ-нибудь

пароходѣ или присматривался къ заводской и фабричной дѣятельности. Но, вѣроятно, не многіе люди задумываются надъ вопросомъ: «во что обходится человѣчеству каменный уголь?» Это вопросъ интересный и вотъ что говорить о немъ одинъ изъ современныхъ намъ французскихъ писателей, графъ Парижскій: «Изъ 174 милліоновъ тоннъ каменнаго угля, проданныхъ въ 1867 году во всемъ мірѣ, 101 милліонъ тоннъ былъ проданъ Англіи. Этотъ уголь былъ добытъ изъ 3195 каменноугольныхъ копей, гдѣ работало до 282,000 рабочихъ. Въ этотъ же 1867 годъ число смертныхъ случаевъ, происшедшихъ вслѣдствіе несчастій доходило до 1190 (въ 1866 году ихъ было 1484), и 286 изъ этихъ случаевъ смерти произошли вслѣдствіе рудничнаго газа. Такимъ образомъ втеченіи года среди этой тяжелой работы погибалъ одинъ человѣкъ изъ 280 лицъ, и каждый разъ, когда въ торговлѣ появлялось 88,000 тоннъ каменнаго угля, нужно было, чтобы узнать ихъ стоимость, прикладывать къ обыкновенной цѣнѣ производства случайную смерть одного человѣка». Но, прибавляя къ рыночной стоимости каменнаго угля извѣстное число умершихъ отъ несчастій людей, мы далеко еще не получимъ настоящаго понятія о стоимости этого важнаго и необходимаго продукта. Добываніе каменнаго угля крайне тяжело и сопряжено со множествомъ вредныхъ вліяній на здоровье и жизнь человѣка; люди умираютъ при добываніи каменнаго угля не отъ однихъ случайныхъ несчастій, но и отъ болѣзней, которыя такъ и называются болѣзнями углекоповъ, болѣзнями рудокоповъ.

Атмосфера копей большею частью бываетъ сырая и теплая, что производитъ вредное вліяніе на работающихъ. «Угольные копи очень дурно вліяютъ на работающихъ здѣсь, вслѣдствіе того, что температура тутъ доходитъ до 30—38° по Цельсію, говоритъ Эйленбергъ,—что принуждаетъ очень часто народъ работать здѣсь безъ всякой одежды. Здѣсь болѣе или менѣе соединяются всѣ вредныя стороны жарко-сырого тропическаго воздуха, съ тою только разницею, что въ угольныхъ копияхъ нѣтъ внѣшнихъ вліяній, сообщающихъ температурѣ измѣнчивость; температура копей остается устойчивою, такъ какъ ея тепло обуславливается теплотою земли. Кромѣ сырости и жара воздухъ копей отличается очень значительнымъ содержаніемъ углерода, пыли и т. п., что и дѣлаетъ трудъ работающихъ крайне вреднымъ; нужно принять за тахімумъ рабочаго времени здѣсь не болѣе 6 часовъ, такъ какъ болѣе продолжительный трудъ отзывается уже крайне вредно на здоровьи; кромѣ того нужно правильное чередованіе работы подъ землею съ работою на воздухѣ; нужно устройство ваннъ для восстановленія отравленной кожи; нужно учрежденіе подходящихъ помѣщеній для переодѣванья при выходѣ изъ копей; въ противномъ случаѣ нечего и ждать правильнаго теченія жизни этихъ труженниковъ». Въ глубокихъ копияхъ, по большей части, при этомъ вовсе не бываетъ движенія воздуха, вслѣдствіе чего люди испытываютъ здѣсь то тяжелое чувство, которое въ меньшей мѣрѣ испытываемъ мы въ затѣнь передъ грозой. Въ такихъ случаяхъ чаще всего происходятъ смертельные обмороки углекоповъ—*asphyxia fossorum*. Но не лучше бывають послѣдствія и тамъ, гдѣ при сырой и жаркой атмосферѣ являются постоянные сквозные вѣтры, быстро охватывающіе работниковъ, съ которыхъ льетъ градомъ потъ: сильныя ревматическія страданія являются здѣсь неизбѣжными. Способствуетъ порчѣ воздуха въ копияхъ и то обстоятельство, что работающій людъ превращаетъ ихъ въ отхожія мѣста; вслѣдствіе этого здѣсь нерѣдко бываетъ страшное зловоніе и въ холерные года можетъ явиться начало эпидеміи;

такъ въ 1866 году въ одной изъ подобныхъ копей въ пять дней изъ 600 рабочихъ заболѣло 130 человѣкъ, такъ что нужно было прекратить здѣсь работу. Перемежающаяся лихорадка и тифъ свирѣпствуютъ особенно часто въ копияхъ особенно среди новичковъ, еще не привыкшихъ къ воздуху копей. Подъ вліяніемъ атмосферы копей и пыли возникаютъ здѣсь хроническія катарры легкихъ и одышка рудокоповъ—*miner's asthma*, при чемъ легкія рудокоповъ покрываются слоемъ черной пыли. Въ Англіи статистическія цифры указывали, что изъ сотни умершихъ углекоповъ 53 страдали грудными болѣзнями, а 47 страдали вполне развитою одышкою рудокоповъ. При развитіи неправильной работы легкихъ, при сильныхъ ревматическихъ боляхъ, при чрезмѣрныхъ усиліяхъ въ работѣ немудрено развиться у углекоповъ порокамъ и болѣзнямъ сердца и малокровію; о малокровіи рудокоповъ—*Anaemie der Bergleute, oligoemia montana*—уже давно было говорено у разныхъ нѣмецкихъ писателей, какъ о недостаткахъ, которыми болѣе всего страдаютъ молодые рудокопы. Травматическая слѣпота, производимая пыльною атмосферою, темнотою копей и тому подобными вліяніями, нерѣдко поражаетъ рудокоповъ; вслѣдствіе согнутаго положенія они страдаютъ болью поясницы, синны, ослабленіемъ ногъ и рукъ, искривленіями конечностей, хромотою и т. п. Такимъ образомъ, говоря о всѣмъ извѣстной рыночной стоимости каменнаго угля, постоянно приходится прибавлять къ ней извѣстное число никому невѣдомыхъ человѣческихъ жертвъ.

Но всѣ успѣхи промышленности, цивилизаціи и прогресса покупаются цѣною человѣческихъ жертвъ и на человечествѣ лежитъ великая обязанность заботиться о томъ, чтобы съ теченіемъ времени число этихъ жертвъ все болѣе и болѣе уменьшалось при помощи мѣръ, на которыя указываютъ опытъ и наука. Возьмемъ для примѣра взрывы рудничнаго газа, происходящіе при первомъ столкновеніи газа съ огнемъ и приносящіе не мало вреда углекопамъ, которые должны брать съ собою лампы. До 1816 года несчастій отъ взрывовъ было гораздо больше, чѣмъ теперь, и этимъ уменьшеніемъ числа несчастій углекопы обязаны извѣстному химикъ Гумфри Дэви (1778—1829 годъ), который изобрѣлъ предохранительную лампу. Въ лампѣ Дэви пламя заключается въ закрытый со всѣхъ сторонъ цилиндръ, сдѣланный изъ частой проволоки (115 отверстій на квадратномъ сантиметрѣ); газъ хотя и проникаетъ въ лампу и воспламеняется въ ней, но зато пламя не вырывается наружу черезъ проволоку, такъ какъ металл поглощаетъ слишкомъ много теплоты. Когда Дэви изобрѣлъ эту лампу, всѣ думали, что рабочіе совершенно застрахованы отъ взрывовъ. Но опытъ показалъ, что и эта лампа имѣетъ свои недостатки: пламя пробивается и изъ нея, если она случайно подвергнется сильному сквозному вѣтру (болѣе, 1,52 метра въ секунду); кромѣ того нерѣдко случались взрывы и при этой лампѣ, когда неосторожные рабочіе, поправляя въ ней свѣтильню, открывали ее во время присутствія въ воздухѣ рудничнаго газа. Вслѣдствіе этого были сдѣланы измѣненія и дополненія къ изобрѣтенію Дэви. Такъ изобрѣли лампы, которыя гаснутъ при открываніи ихъ, потомъ стали дѣлать лампы, которыя открываются только при помощи сильнаго магнита, далѣе Мюслеръ изобрѣлъ лампу, которая при накопленіи газа и при сильномъ движеніи гаснетъ, наконецъ, видя, что при всѣхъ системахъ предохранительныхъ лампъ взрывы все-таки повторяются при малѣйшей неосторожности, люди стали обращать вниманіе, главнымъ образомъ, на хорошую вентиляцію копей. Хорошая вентиляція копей въ сущности важнѣе всего и нужно только ждать хорошихъ изобрѣтеній, усо-

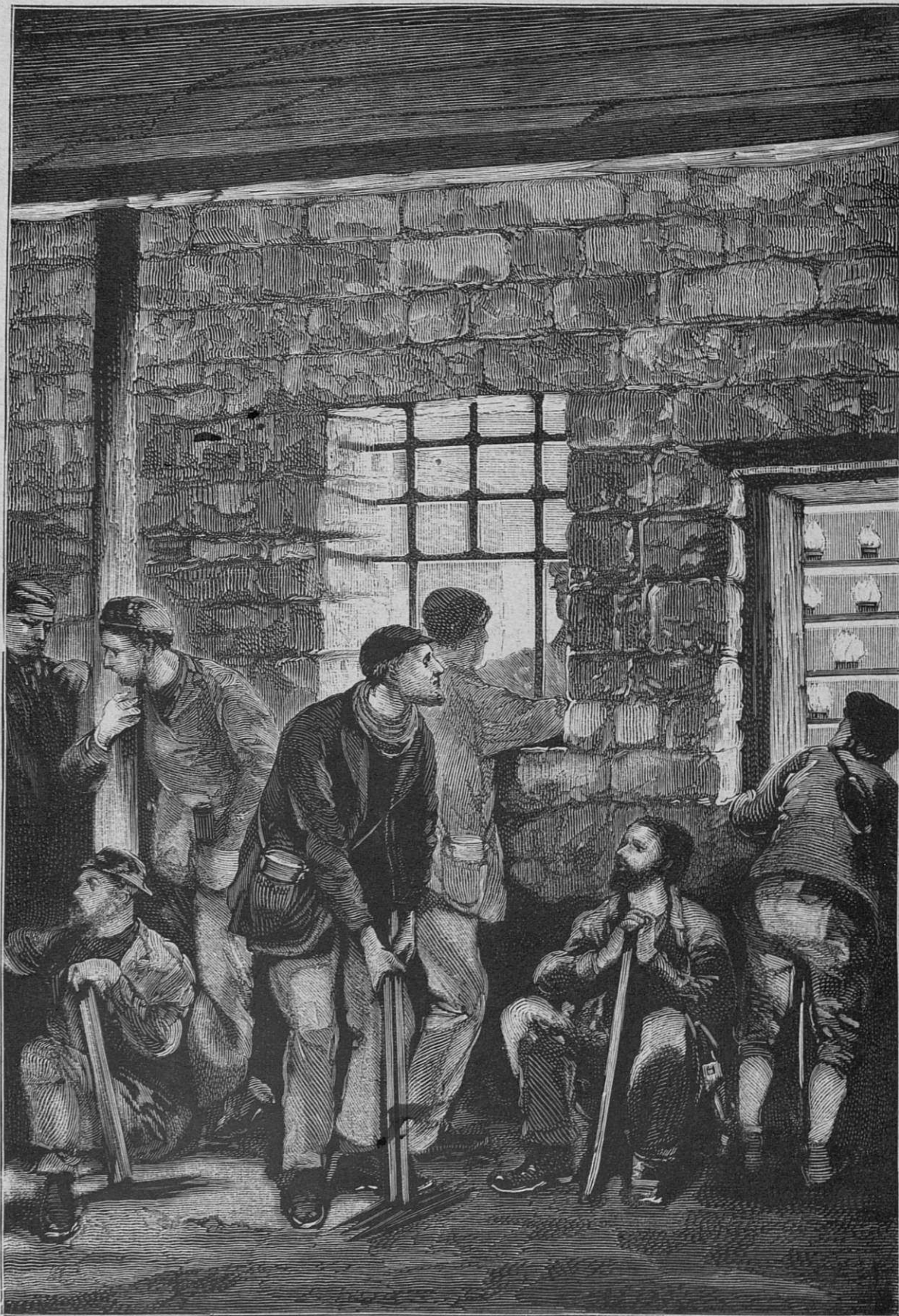
вершенствованій и приспособленій въ этомъ дѣлѣ. До сихъ поръ вентиляціонныя копей находятъ еще въ младенческомъ состояніи и иногда, какъ мы увидимъ ниже, оно, очищая воздухъ, крайне вредно дѣйствуетъ на тѣхъ, которые приводятъ въ движеніе вентиляторы.

Такъ шагъ за шагомъ должны будутъ совершиться извѣстные улучшенія и усовершенствованія, которыя сдѣлаютъ менѣе опасною и менѣе вредною работу въ коняхъ. Но покуда она, конечно, и трудна, и опасна, какъ никакая другая работа.

Рано утромъ, едва едва забрежжетъ день, собираются работники-углекопы за лампами. На каждой лампѣ выбито по номеру и она сохраняется для каждаго рабочаго, противъ имени котораго въ книгѣ записанъ ея номеръ. По окончаніи дневной работы рабочіе берутъ сѣтку и верхнія части своихъ лампъ съ собою на домъ, чтобы тамъ вычистить ихъ, тогда какъ резервуары лампъ остаются въ особой будкѣ, гдѣ ихъ наполняютъ горючимъ матеріаломъ и подрѣзываютъ въ нихъ свѣтлыни. Когда народъ снова приходитъ на работу, лампы, уже приготовленныя къ дѣлу, стоятъ на полкахъ и подъ каждой лампой написанъ соответствующій ей номеръ. Ламповщикъ внимательно осматриваетъ каждую лампу, записываетъ ее и запираетъ, такъ что она не можетъ быть отворена, пока рабочіе находятся въ шахтахъ. Если лампа погаснетъ во время самой работы, то она можетъ быть отнесена только въ извѣстное опредѣленное мѣсто особо назначенными для этого людьми. Всѣ эти мѣры принимаются съ цѣлью устранить по возможности несчастія. Для этой же цѣли рабочіе берутъ съ собою въ шахты спасительныя веревки, обматывая ихъ вокругъ шеи, и т. п.

Самое спусканіе въ это подземное царство далеко не легкое дѣло: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рабочіе спускаются просто на веревкѣ, сидя на деревянной перекладинѣ; въ другихъ мѣстахъ въ отверстіи стѣны идетъ небольшимъ откосомъ и въ ней выбиваются ступени; въ третьихъ мѣстахъ для опусканія въ копи употребляются тѣ же средства, которыя употребляются и для вытаскиванія изъ копей добытаго продукта. Такъ каменный уголь въ Англіи вытягивается иногда

изъ копей, при помощи особенныхъ подъемныхъ машинъ, въ приемникахъ, имѣющихъ форму ведеръ. Въ этихъ ведрахъ не только опускаются рабочіе, но они, сидя въ этихъ ведрахъ, могутъ производить работы, относящіяся къ укрѣпленію и отдѣлкѣ стѣнъ колодца, ведущаго въ копи. Способъ опусканія рудокоповъ въ шахты вообще занималъ многихъ и усовершенствованія въ этомъ отношеніи дѣлались не разъ: особенно упоминанія заслуживаетъ здѣсь специальное при-

Раздача лампъ.

(Къ ст. «Углекопы».)

способленіе для опусканія рабочихъ въ шахты, изобрѣтенное въ 1833 году Дереллемъ и дающее возможность опускаться въ шахты и достаточно быстро и безъ особенной опасности каждому рабочему отдѣльно. Но все таки всѣ существующіе до сихъ поръ способы спусканья еще далеки отъ совершенства.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Практическія послѣдствія суевѣрія.

Ст. д-ра Мангардта.

(Продолженіе.)

Не такъ значителенъ вредъ, приносимый народному благосостоянію вѣрою въ вѣдьмъ, какъ велика опасность, грозящая здоровью и жизни людей и животныхъ. Ей подвергается и больной, и предполагаемая виновница зла, вѣдьма. Я не стану много распространяться о случаяхъ легкомысленнаго употребленія различныхъ средствъ отъ порчи, и вреда, проистекающаго отъ нихъ. То okolъбаетъ короля у бѣднаго школьнаго учителя, изъ-за того, что онъ записалъ ей въ горло цѣлую селедку, въ предохраненіе отъ порчи; то крестьянинъ производитъ поджогъ (1857 г. въ провинціи Бранденбургъ), чтобы предохранить отъ чумы свой скотъ, или застрѣливается нечаянно человекъ, страдающій зубной болью, который, съ цѣлю испугать злыхъ духовъ, причиняющихъ ему это страданіе, спускаетъ курокъ пистолета у самаго уха и всаживаетъ въ себя пулю, предназначенную духамъ.

Причиной смерти нерѣдко бываетъ неразумное употребленіе травъ и другихъ возбуждающихъ средствъ, которыя обыкновенно освящаются въ день Успенія Божіей Матери (15 августа) и даются больнымъ, какъ предохранительное средство противъ болѣзней демоническаго происхожденія. Вотъ что сообщаетъ въ 1852 г. одинъ докторъ изъ окрестностей Пуцига: «Въ одной деревнѣ умерло двое людей, вслѣдствіе употребленія такъ называемыхъ освященныхъ лекарствъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одна женщина приняла для облегченія родовъ нѣсколько освященныхъ перечныхъ зеренъ и вкорѣ послѣ приема,

скончалась. Два года тому назадъ, нѣкто Яркъ, еще совсемъ молодой человекъ, выпилъ крѣпкаго отвара освященной бѣлены и черезъ 14 часовъ умеръ». Д-ръ Мостъ рассказываетъ, что какой-то человекъ, думая вылечить отъ падучей болѣзни, выпилъ еще горячей крови казненаго и, отойдя сто шаговъ, упалъ мертвымъ. *) Многочисленные случаи, когда довѣріе къ суевѣрнымъ средствамъ, безвреднымъ по своей сущности, препятствуетъ

*) Most, Simpathetische Mittel 1842. стр. 150.

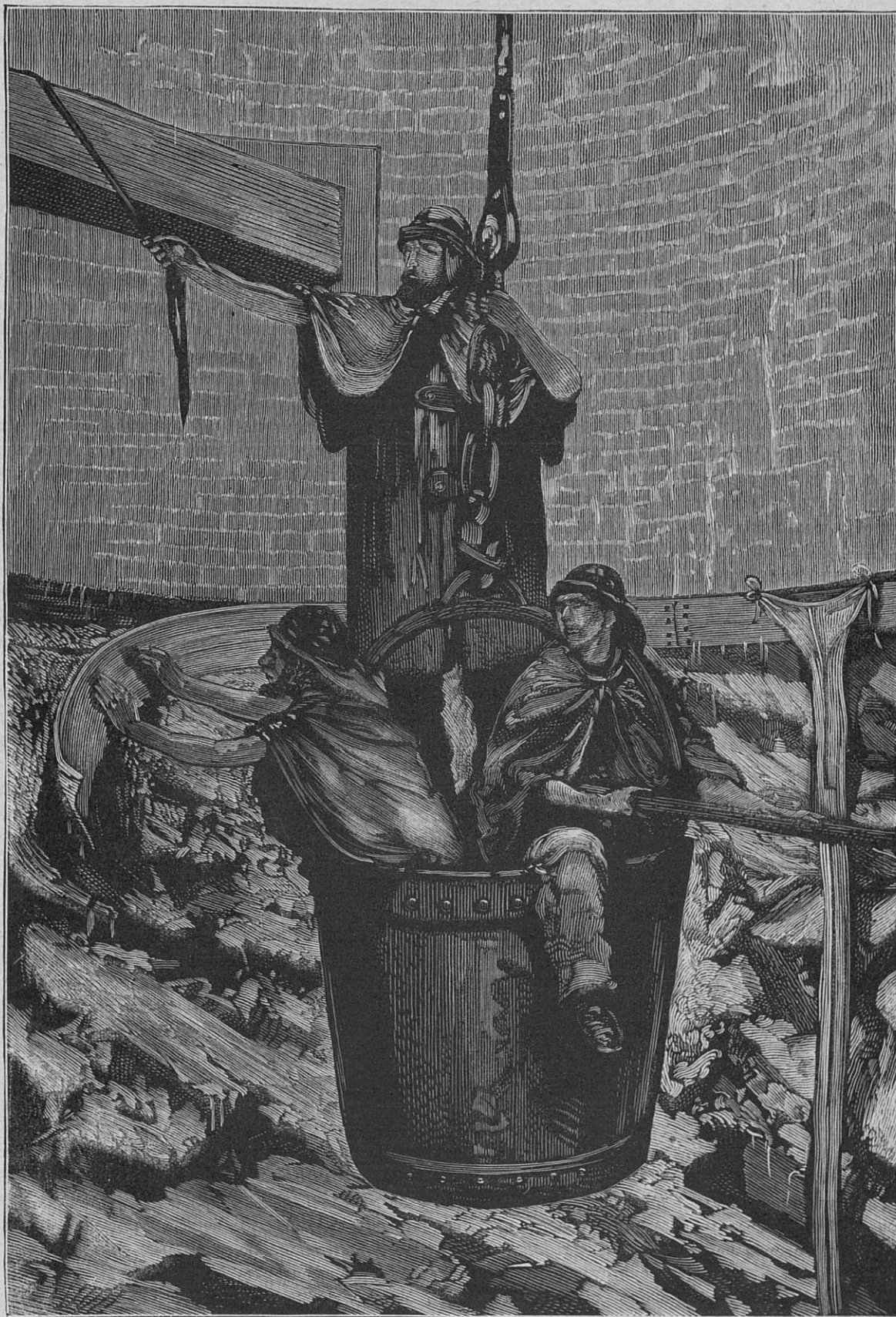
своевременной медицинской помощи и тѣмъ подвергаетъ опасности жизнь и здоровье больного. Увеличеніе цифры смертности въ Марпингенѣ, съ тѣхъ поръ, какъ вода этого мѣстечка стала пользоваться цѣлительной славой, говоритъ само за себя. Во всемъ округѣ Алевейеръ насчитывается 7,976 душъ, изъ которыхъ 1,637 р., почти пятая часть, приходится на Марпингенъ. Современіи возникновенія вѣры въ цѣлительное дѣйствіе марпингенской воды и вслѣдствіе того увеличившагося пренебреженія къ врачебной помощи, въ первое полугодіе 1877 г. во всемъ округѣ было 178 смертныхъ случаевъ, на 101 болѣе, чѣмъ въ тотъ же промежутокъ времени въ прошломъ году. Изъ этого числа смертныхъ случаевъ, 60 приходится на Марпингенъ, изъ нихъ 43—дѣти моложе 14 лѣтъ и только 3 стариковъ. Изъ всѣхъ умершихъ, врачебною помощью пользовались только 4 ребенка и 3 взрослыхъ. Ближайшіе родственники, заявляя о смерти больного, не были въ состояніи объяснить причину ея, успокоивая себя тѣмъ, что «нельзя было помочь», т. е. что цѣлительная вода не произвела желаемого дѣйствія. «Многія изъ умершихъ дѣтей, замѣчаетъ «Новая евангелическая церковная газета», многія изъ женъ и матерей, окончившихъ жизнь въ невообразимыхъ страданіяхъ, безъ сомнѣнія были бы спасены своевременнымъ медицинскимъ пособіемъ». Это наблюденіе, произведенное въ выходящемъ изъ ряду вещей случаѣ, можетъ служить доказательствомъ того, сколько въ обыкновенное время погибаетъ больныхъ отъ того, что различнымъ суевѣрнымъ врачеваннымъ средствамъ отдается предпочтеніе передъ медицинской помощью. «Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ мартѣ 1877 г. работница,

го раза ребенокъ, къ радости матери, замѣтно оправился. Это улучшеніе продолжалось нѣсколько недѣль. Но теперь болѣзнь снова усилилась и бѣдное дитя должно умереть. Къ какимъ страшнымъ послѣдствіямъ могутъ привести средства, рекомендуемыя народною медициною, доказываетъ признаніе одного убійцы, что убійство совершено имъ для того, чтобы напиться крови, для излеченія отъ падучей». *)

Очень часто для больныхъ бываетъ опаснымъ

те!» Мужъ и дочь колотятъ ее деревянными башмаками по зубамъ, такъ что изо рта начинается течь кровь. «Ахъ, теперь она у меня въ груди, бейте, бейте!» Они принимаютъ бить еще съ большимъ ожесточеніемъ, и вскорѣ больная лишается жизни. Убійство совершено съ самыми лучшими намѣреніями. Случай этотъ отнюдь не исключительный. Въ іюнѣ 1873 г. въ нашемъ сосѣдствѣ произошелъ совершенно подобный же, о которомъ рассказывалось слѣдующее

въ газетѣ, издаваемой въ Пелплинѣ: «Въ деревнѣ Модрицѣ, бютовскаго округа, одна женщина объявила, что въ ней сидитъ чортъ. Ея невѣстка пригласила сосѣдей помолиться сообща объ освобожденіи больной отъ непріятнаго гостя. Во время пѣнія благочестивыхъ псалмовъ, невѣстка кидается на свекровь и душистъ ее съ такою силою, что та падаетъ мертвой. Невѣстка радостно объявляетъ присутствующимъ, что чортъ навсегда оставилъ старуху. Внезапно дочь ея вскрикиваетъ, что чортъ переселился въ нее. Снова начинается пѣніе молитвъ, и эта же женщина, тѣмъ же способомъ, т. е. удушеніемъ, освобождаетъ отъ нечистой силы и дочь свою. На утро мужъ объявляетъ, что бѣсъ перешелъ въ него. Жена, не задумываясь, берется за прежнее средство. Онъ умоляетъ о пощаду, зоветъ на помощь: все напрасно! Такъ какъ чортъ не выходитъ изъ него съ такою же легкостью, какъ изъ тѣла женщины, то присутствующіе начинаютъ немилосердно бить его и рать, а жена раздираетъ ему ротъ, чтобы увеличить отверстіе, и облегчить выходъ непрошенному гостю. Несчастный падаетъ, обливаясь кровью и навѣрное сдѣлался бы въ свою очередь жертвою суевѣрія, еслибы въ са-

Работа въ подъемной машинѣ.

(Къ ст. «Углекопы»).

жившая въ Мульдѣ, близъ Данцига, рассказывала у насъ въ кухнѣ, что ребенокъ ея испорченъ и получилъ сухотку. Она обратилась за совѣтомъ къ одной нищей. Та велѣла ей три пятницы подъ рядъ, послѣ восхода солнца, сажать ребенка въ большой горшокъ, на очагъ, причемъ горшокъ обкладывать горящими дровами. Сама нищая бѣгала въ это время вокругъ дома и кричала: «что ты варишь?» Мать пациента должна была отвѣчать: «я вывариваю сухотку изъ моего ребенка!» Послѣ треть-

ихъ собственное убѣжденіе въ томъ, что въ нихъ сидитъ бѣсъ. Въ судебно-медицинской газетѣ Каспара 1855 г. рассказывается случай, въ свое время надѣлавшій много шума въ Мекленбургѣ. Одна женщина чувствовала сильное стѣсненіе въ груди и приписывала свое удущье вѣдьмѣ, которая черезъ ротъ забиралась ей въ грудь. Разъ вечеромъ она зоветъ мужа и дочь: «вѣдьма опять пришла, я держу ее зубами. Бейте, бейте!»

*) Wuttke, S. 190.

мую критическую минуту не явился начальникъ мѣстечка и не спасъ несчастнаго. Двое людей погибли отъ суевѣрія, и третій едва спасся отъ смерти; убійца ожидаетъ въ Бютовѣ приговора. 1 мая 1877 г. въ Зандгофѣ близъ Мариенбурга была арестована работница за жестокое обращеніе съ девятилѣтнимъ сыномъ, котораго она считала одержимымъ бѣсомъ, причемъ только случайно ей не удалось убійство.

Убѣжденіе больного въ томъ, что онъ испор-

чень, производить пагубное вліяніе на его здоровье и жизнь, приводя его въ возбужденное состояніе и подтачивая его силы. Это часто случается вслѣдствіе такъ называемаго отпѣванія. Думаютъ, что каждый можетъ нагнать болѣзни на своего врага, или даже свести его со свѣта, если въ три воскресенья къ ряду пропоетъ за алтаремъ извѣстныхъ духовныхъ пѣсней и пожертвуетъ при этомъ хотя бездѣлицу на церковныя нужды, или же впродолженіе года будетъ пѣть утромъ и вечеромъ извѣстный псаломъ. Накликаемый недугъ непременно поражаетъ врага, если только никто не прерветъ молящагося ни однимъ словомъ. Теплень утверждаетъ, что многіе люди, если они узнаютъ о подобныхъ поступкахъ ихъ недоброжелателя, впадаютъ въ такой страхъ, что заболѣваютъ и умираютъ. Въ 1833 г. крестьянинъ изъ села Зееръ жаловался суду, что жена пастуха отпѣла его и его жену; желая повредить имъ, она три воскресенья къ ряду пѣла молитвы за алтаремъ; въ силу этого отпѣванія они дѣйствительно заболѣли и только благодаря вмѣшательству священника, который помѣшалъ вѣдьмѣ, спросивъ ее, что она дѣлаетъ, они избѣжали неминуемой смерти и почувствовали облегченіе. Жена пастуха созналась, что она дѣйствительно молилась у алтаря два воскресенья подрядъ, и священникъ дѣйствительно говорилъ съ нею, но въ первый разъ она пожертвовала зильбергрошъ и благодарила Бога за то, что по Его милости ей удалось выгодно продать поросенка, а во второй разъ она приносила благодарность за то, что по милости Божіей продала корову за 14 талеровъ *).

Еще опаснѣе положеніе лицъ, которыхъ по ихъ внѣшности или своеобразнымъ и страннымъ поступкамъ, народная молва начинаетъ считать вѣдьмами и колдунями. Многочисленныя процедуры, посредствомъ которыхъ стараются убѣдиться, дѣйствительно-ли извѣстное лицо принадлежитъ къ категоріи колдуновъ или вѣдьмъ, бывають всегда опасны, а часто даже кончаются смертью этихъ несчастныхъ. Очень характеристичный случай былъ въ августѣ 1862 г. въ Борсѣ, въ Познани. Полицейскій служитель отобралъ корову у одной бѣдной старухи, за то, что та паста ее на чужой землѣ, и несчастная отправилась въ ратушу, просить бургомистра о возвращеніи своего единственнаго достоянія. Въ зданіи ратуши жилъ и полицейскій, жена котораго принадлежала къ числу суевѣрныхъ бабъ, готовыхъ во всякой старухѣ видѣть вѣдьму. Она тоже бросилась къ бургомистру и съ страшными воплями умоляла его выгнать вѣдьму, если онъ не хочетъ накликать величайшую бѣду на домъ; покрайней мѣрѣ, пусть онъ позволитъ выкупить старуху, чтобы узнать, дѣйствительно-ли она безвредное существо. Встрѣтивъ суровый отказъ со стороны бургомистра, она отправилась въ аптеку за ассафетидой (вонючей камедью) и накурила ею комнату, гдѣ находились бургомистръ и старуха. Ассафетида изетари извѣстное средство, по которому узнають вѣдьмъ: та, которая не въ состояніи выдержать ея невыносимаго запаха, осуждена на вѣчное проклятіе. Естественно, что старуха и вслѣдъ за нею и самъ бургомистръ убѣжались отъ этого дьявольскаго зелья. Взманимая женщина объявила, что и бургомистръ поддерживаетъ сношенія съ вѣдьмами. На рынокъ собралась толпа, многіе присоединились къ мнѣнію суевѣрной бабы и только, благодаря своей энергіи, бургомистру удалось защититъ себя и старуху отъ оскорбленій изувѣровъ.

Очень часто не ожидаютъ результатовъ испытанія, а прямо хватаютъ лицо подозрѣваемое въ колдовствѣ, бьютъ до крови и даютъ пить эту кровь больному или обмываютъ его ею. Истязанія продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока вѣдьма

согласится снять порчу, выжить чорта. Подобные случаи чуть не безпрестанно бывають въ кассубскихъ деревняхъ, но немногіе доходятъ до свѣденія властей и предаются гласности. Несмотря на это, въ выборѣ примѣровъ не представляется затрудненій. Я обращаю вниманіе читателя лишь на нѣкоторые случаи, представляющіе особенный интересъ. Въ ноябрѣ 1866 г. въ Шензее, въ округѣ Торнѣ, заболѣлъ работавшій въ мѣстной церкви живописецъ и позолотчикъ Поль Кульмъ. У него распухло лицо, онъ вообразилъ что его испортила жена столяра въ Шензее и заманилъ ее къ себѣ въ домъ, гдѣ сталъ безжалостно колотить ее желѣзнымъ прутомъ, приговаривая: «вѣдьма, верни мнѣ здоровье», такъ что несчастная, окровавленная и израненная упала замертво на полъ. Въ январѣ 1874 г. въ страсбургскомъ округѣ сельскій школьный учитель совершилъ подобный же поступокъ. По совѣту одной ясновидящей, онъ вмѣстѣ съ женою колотилъ ея родную тетку кочергой до крови; этой кровью суевѣрная баба вымазала своего ребенка, предполагая, что онъ испорченъ этою женщиной. Въ томъ же году и въ томъ же округѣ произошли два случая, подобнаго же насилія, совершенные каменщикомъ и какою-то женщиною надъ старухой и молодою дѣвушкою. Обвиненные были приговорены страсбургскимъ окружнымъ судомъ къ 4 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, хотя каменщикъ и оправдывался тѣмъ, что его попуталъ бѣсъ. Въ 1875 г. въ томъ же округѣ заподозрили кухарку одного помѣщика: потому, что она изъ акуратности не наступила на метлу, положенную у порога, ее прославили колдуней на всю деревню. Она пожаловалась мировому судѣ на кузнеца и каретника; во время суда выяснилось, что они неоднократно обкрадывали помѣщика. Помѣщикъ отказался преслѣдовать ихъ, но оба они, съ нѣсколькими сосѣдами, рѣшились переселиться въ Америку, не желая жить въ одной мѣстности съ колдуней, репутація которой съ этихъ поръ окончательно упростилась. Окружный судъ въ Христбургѣ приговорилъ къ тремъ недѣлямъ тюремнаго заключенія двухъ молодыхъ дѣвушекъ изъ Анкемита, Марію и Каролину Гильдебрандтъ, 13 и 15 лѣтъ, за то, что онѣ 3 ноября 1873 г. избили до крови и исцарапали слабую шестидесятилѣтнюю жену рабочаго, Гаевскую, подозрѣвая ее въ вѣдовствѣ и желая спасти свою больную мать. Въ ночь на новый 1870 годъ братья Бишофъ, въ Штенлау, близъ Диршау, избили палками и ножами 68-лѣтнюю Краузе, требуя, чтобы она вылечила ихъ двадцати-двухлѣтнюю сестру, больную тифомъ. Поводомъ къ подозрѣнію послужило то обстоятельство, что Краузе, которую всѣ боялись и которая дѣйствительно при своемъ маленькомъ ростѣ, крупныхъ чертахъ лица, въ черномъ платьѣ, черномъ платкѣ на головѣ и бѣлой оборкѣ вокругъ шеи, съ успѣхомъ могла бы выполнить главную роль въ первой сценѣ Макбета, — дала этой молоденькой дѣвушкѣ кусочекъ поджареннаго сала, которое та съѣла съ хлѣбомъ и на другой день слегла. Во время судебного разбирательства въ штатгартскомъ окружномъ судѣ, 7 апрѣля 1870 г., за нѣсколько времени до котораго скончалась заболѣвшая дѣвушка, свидѣтельница Краузе торжественно утверждала, что покойную испортила другая женщина, а не она, такъ какъ она всегда любила эту дѣвушку. Старшій Гильдебрантъ требовалъ на судѣ, чтобы Краузе присягнула въ церкви, стоя между 12 заряженными ружьями; въ случаѣ ложной присяги, ружье выстрѣлило бы непременно само *).

*) Vgl. Если кто произнесетъ ложную присягу, когда вблизи находится заряженное ружье, оно выстрѣлитъ и пуля поразитъ виновнаго. Отсюда происходитъ извѣстное нѣмецкое выраженіе: «Я могу поклясться въ этомъ хоть при сотнѣ ружей». Төррен, s. 12.

силе на это предложеніе и приговорилъ братьевъ Гильдебрандъ, принимая во вниманіе «смягчающія обстоятельства, къ 6 недѣлямъ тюремнаго заключенія, за нанесенные ими тяжкіе побои.

Недавно случилось слѣдующее происшествіе: крестьянинъ изъ деревни Яшхюте, перевоза дрова, переломилъ себѣ берцовую кость. Онъ не обратился къ врачебной помощи. Концы сломанной кости не были соединены, почему произошло не костное, а хрящевое сращеніе, нога у него вилась во всѣ стороны и не могла служить. Въ такомъ положеніи онъ пролежалъ мѣсяцевъ 9 и вдобавокъ заболѣлъ тифомъ. Навѣщавшіе его сосѣди убѣдили его, что его испортила одна деревенская женщина, наславшая на него своего двадцати-пятиго бѣса Петра. Колдунью, молодую 26-лѣтнюю родственницу больного, призываютъ къ нему въ домъ и присутствующіе требуютъ, чтобы она напоила испорченнаго своею кровью, такъ какъ бѣсъ Петръ только въ этомъ случаѣ оставитъ одержимаго. Послѣ долгихъ уговариваній, женщина эта соглашается расцарапать себѣ иголкою руку, чтобы добыть крови. Но присутствующіе находятъ это недостаточнымъ и двое изъ нихъ вынуждаютъ у нея согласіе на то, чтобы ей кулаками разбили до крови носъ. Первая попытка не удается. Нужно придумать новое средство. Одинъ изъ участниковъ выходитъ на дворъ, пачкаетъ руки въ навозъ, и дѣлаетъ на нихъ три креста. Новые кулачные удары достигли желанной цѣли. Колдунья заставила лечь на кровать къ больному, чтобы капавшая изъ носу кровь стекала ему прямо въ ротъ. Послѣ этого бѣсъ, повидимому, оставилъ больного, такъ какъ онъ былъ въ состояніи проговорить: «ну вотъ мнѣ и полегчало!» Все еще продолжавшая течь кровь была собрана въ чашку, для употребленія въ случаѣ надобности. Потерпѣвшая, простая, но, повидимому, разсудительная и добродушная женщина обратилась къ врачу и затѣмъ потребовала слѣдствія. Берлинскій окружной судъ приговорилъ, 16 октября 1868 г., обоимъ главнымъ зачинателямъ къ тремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, а «одержимый» крестьянинъ былъ оправданъ. Къ сожалѣнію, дѣло не всегда ограничивается одними тѣлесными поврежденіями. Фанатическая ярость доходитъ иногда до такой степени, что несчастная жертва ея перѣдко бываетъ убита или же умираетъ отъ жестокихъ истязаній. Въ 1875 г., въ Баваріи, крестьянскій мальчикъ смертельно ранилъ предполагаемую вѣдьму. Другое убійство, также совершенное изъ суевѣрія, у многихъ еще свѣжо въ памяти. Утромъ 27 іюля 1865 г. плотникъ Уговскій нашелъ на шоссе, въ окрестностяхъ Мариенбурга, слѣды крови и, слѣдуя по нимъ, отыскалъ старуху, у которой вся голова была залита кровью. Она рассказала, что наканунѣ вечеромъ ее избилъ подмастерье каменщика Рудедей. Онъ упрекалъ ее въ томъ, что она испортила его ребенка. Старуху отвезли въ деревенскую больницу, гдѣ она и умерла въ тотъ же день. При вскрытіи найдено много поврежденій: голова была вся покрыта ранами, носовая кость и 8 реберъ сломаны. Врачи дали заключеніе, что смерть послѣдовала отъ этихъ тяжкихъ поврежденій. Это была старуха, 70 лѣтъ, нищая Маріана Науке. Она впродолженіи 40 лѣтъ служила посылной пріѣзжимъ на воды въ Цонпотъ, а также исполняла порученія духовныхъ лицъ, священниковъ и капелановъ; она пользовалась такимъ ихъ расположеніемъ, что они охотно пускали ее къ себѣ гостить на нѣсколько дней. Такимъ образомъ перебивалась она во время зимней безработицы, навѣщая поочередно своихъ покровителей. Часто ходила она на богомолья. По возвращеніи изъ такого странствія съ ней и случилось несчастіе, поводомъ къ которому по-

*) Теттау и Темме, стр. 267.

служила ей паружность: она была косая и до крайности безобразна. 26 іюля 1865 г. она шла съ Мартыномъ Рудсеемъ изъ Браунсвальда въ Маріенбургъ. Недалеко отъ Вилленберга, Рудсей, бывший нѣсколько пьянымъ, бросился на Науке, повалилъ ее на землю и долго билъ суковатою палкою, крича: «ты вѣдьма, ты испортила моего ребенка», и т. д. Рудсей убѣжалъ, крича идущимъ къ старухѣ людямъ, чтобы они не подходили близко, такъ какъ на дорогѣ лежитъ чортъ, и Науке пролежала до слѣдующаго утра. Жившіе вблизи люди не помогли несчастной, думая, что она вѣдьма и можетъ ихъ также испортить. Рудсей, обвиненный въ нанесеніи побоевъ, за которыми послѣдовала смерть, говорилъ на судѣ въ Эльбингѣ, что ничего не знаетъ и не помнитъ, потому что былъ въ то время совершенно пьянъ. По выслушаніи свидѣтелей, присяжные признали его виновнымъ, дѣйствовавшимъ при полномъ разумѣнн и не заслуживающимъ снисхожденія. Судъ приговорилъ его въ смиренный домъ на 10 лѣтъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Сцены изъ общественной жизни въ Китаѣ и въ Японіи.

I.

Европеецъ, посѣтившій Кантонъ, уже при первомъ вступленіи въ городъ бываетъ пораженъ видомъ такъ называемаго предмѣстья; по узкимъ улицамъ этого предмѣстья приходится пробираться всякому судну, покажется оно не войдетъ въ самый городъ. Контингентъ населенія такого пловучаго предмѣстья доставляютъ не только корабли разныхъ націй, привозящіе сюда товары обонхъ свѣтовъ, не только мѣстные джонки, но также особаго вида пловучіе дома-судна, которые придаютъ этой части Кантона своеобразный колоритъ и всего болѣе подали поводъ европейцамъ называть эту часть Кантона китайскою Венеціей. Здѣсь вы увидите плавающія гостиницы, въ которыхъ находятъ убѣжище всѣ прибывшіе на джонкахъ и не попавшіе въ городъ по той причинѣ, что ворота были уже закрыты. Но много семействъ не знаетъ иного пристанища, кромѣ утлой джонки, на которой проводить всю жизнь. Среди этихъ плавающихъ поселеній здѣсь и тамъ виднѣются такъ называемыя тспинъ-сонъ-сампанъ или барки цвѣтовъ. Вечеромъ, когда тысячи цвѣтныхъ фонариковъ бросаютъ фантастическій свѣтъ на узкія, полныя движенія и жизни, улицы, вы увидите солидныхъ обитателей Небесной имперіи, торопливо пробирающихся со всѣхъ сторонъ въ эти «цвѣточные лодки». Послѣдуемъ за этимъ сановитымъ мандариномъ по узкому мостику, напоминающему тотъ, шириною въ остріе шпаги, мостикъ, по которому фантазія мусульманъ заставляетъ пробираться въ рай души правовѣрныхъ сыновъ Аллаха.

Отворивъ дверь, мы видимъ передъ собою двѣ роскошно убранныя залы, разгорюченные затѣйливыми, витыми колоннами и арками, съ искусною деревянною рѣзною орнаментацией. Уродливыя статуэткы, своеобразная живопись, позолоченныя рѣшетки, разноцвѣтныя стекла, раскрашенные фонарики и т. д., — все это составляетъ полную особую оригинальности декорацію. По срединѣ громадный мраморный столъ уставленъ чайниками, прозрачными чашками, апельсинами, поджаренными лимонными зернышками, металлическими зеркальцами, фарфоровыми вазочками, лакированными ящичками самыхъ причудливыхъ формъ. Вокругъ этого стола, неподвижны, какъ статуи, сидятъ 15 — 20 молодыхъ женщинъ въ голубыхъ атласныхъ платьяхъ. Между этими кра-

савицами вы видите и китайку, съ прилизанными на вискахъ волосами, и татарку съ длинной, падающей на плечи, косой, и индо-китайку, которая цвѣтомъ кожи и по очертанію лица мало разнится отъ бѣлой женщины. Наблюдая издали эти неподвижныя фигуры, трудно вѣрить, что это живыя существа, а не безжизненные манекены. Впрочемъ, время отъ времени, та или другая изъ женщинъ автоматически протягиваетъ руку за чашкой съ чаемъ, за поджареннымъ лимоннымъ зернышкомъ, или же — что случается чаще — за кистью для наложенія новаго слоя бѣлилъ на лицо, для подведенія бровей или же для сообщенія свѣжести губамъ.

Между тѣмъ, число гостей возрастаетъ, зала биткомъ набита посѣтителемъ; концертъ можетъ начинаться. И дѣйствительно, человекъ десять музыкантовъ располагаются шеренгой въ глубинѣ залы. Они не заставляютъ ждать долго, и вскорѣ ваша барабанная перепонка начинаетъ испытывать всю артистическую прелесть адской какофоніи. Одинъ изъ артистовъ, что есть мочи колотитъ въ громадные цимбалы, другой немилосердно деретъ на маленькой скрипкѣ странной формы, извлекая звуки, способные привести въ отчаяніе гармоническое ухо европейца-гостя. Первое мѣсто въ программѣ концерта занимаетъ, конечно, пресловутый гонгъ; женщина, весьма миловидной наружности, на огромной гитарѣ повторяетъ одинъ и тотъ-же аккордъ; другая аккомпанируетъ ей, извлекая изъ желѣзнаго котелка помощью двухъ палочекъ, звуки, напоминающіе уличу котельщиковъ въ Генуѣ. Какой-то саженный дѣтина усердно пристукиваетъ двумя деревянками, какъ бы аплодируя, а толстенный человѣчекъ отчаянно задуетъ въ непомерно-длинную флейту, звуки которой мастерски воспроизводятъ въ воображеніи слушателя вопли души, обреченной на адскія муки. Наконецъ, хоръ цѣлцовъ въ униссонъ повторяетъ какой-то невѣроятный мотивъ.

Но о вкусахъ не спорятъ — и эта музыка, отъ которой европеецъ радъ бы удрать на другой конецъ Азіи, на желтолицую публику дѣйствуетъ, повидному, совершенно обратно. Всѣ пришли въ артистическій экстазъ: кругомъ смѣхъ, пѣніе, шутки, раскраснѣвшіеся отъ волненія физиономіи; забыты чопорность и этикетъ и, въ чаду безшабашнаго веселья, солидные отцы семействъ, мандарины, ученые и чиновные, позволяютъ себѣ даже такія вольности, какъ хватаніе другъ друга за почетныя косички, до которыхъ дотрогнуться имѣетъ право одинъ ангелъ смерти.

Общее веселье, наконецъ, начинаетъ заразительно сказываться на неподвижныхъ доселѣ женщинахъ. Ихъ глаза сверкаютъ страстью, полуоткрытыя соблазнительно уста обнаруживаютъ мелкіе, бѣлые, блестящіе зубы. Одна подчуетъ гостей чашками ароматнаго чая, другая фамильярно вкладываетъ сосѣду въ ротъ кусокъ апельсина или поджаренное лимонное зернышко. Вотъ цѣлая компанія услаждаетъ свой апетитъ деликатесами китайской кухни, между которыми главную роль играютъ варенья разнообразнѣйшихъ цвѣтовъ и вкусовъ. Разгулъ идетъ crescendo. А въ сторонѣ, на циновахъ, расположились страстные любители опиума, стараясь сладостной мечтой вознаградить себя за то, въ чемъ имъ отказываетъ холодная дѣйствительность...

Опускаемъ занавѣсъ передъ читателемъ и оставляемъ шумную залу цвѣточной барки. Въ проявленіяхъ «общественнаго темперамента», человекъ на всѣхъ точкахъ земного шара до приторности однообразенъ...

II.

Если бы волею судьбы вы, читатель, были заброшены когда-нибудь въ Японію, то ужъ заранѣе можно предупредить васъ, что вы ни въ какомъ случаѣ не посѣтуете на скуку и недоста-

токъ развлеченій. Іеддо — городъ удовольствій по преимуществу. Солнечный зной умѣряется влажнымъ и прохладнымъ дыханіемъ океана, земля сверкаетъ свѣжею и сочною зеленью и, въ добавокъ, женщины, которыхъ по справедливости называютъ французенками Востока, улыбаются такъ заманчиво... Если вы желаете на себѣ испытать силу чаръ здѣшнихъ женщинъ, то отправляйтесь, въ сопровожденіи туземца, въ одну изъ кофеенъ или, лучше сказать, въ одну изъ чайныхъ, которыя, кромѣ того, играютъ здѣсь роль и клуба, и гостиницы, и даже — бани, такъ какъ очаровательная простота нравовъ позволяетъ здѣсь совмѣстить эти три, повидному, несомнѣстными назначенія.

Тша-дьясь — это родъ концертнаго зала, куда по вечерамъ собираются попить саки, послушать пѣвицъ при аккомпаниментѣ гитары самъ-синнъ и полюбоваться ловкими одурисъ, танцовщицами, исполняющими національный японскій танецъ шири-фури. Каждая компанія посѣтелей требуетъ отдѣльную залу, куда приглашается большее или меньшее количество молодыхъ танцовщицъ. Подаютъ чай, саки (вино рисовое, горячее), сласти и трубки. Танцовщицы перемишляются съ публикою и занимаютъ гостей пѣніемъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ самъ-синнъ. Когда, подъ вліяніемъ оживленной бесѣды, пѣнія и, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ саки, въ обществѣ проявится извѣстное возбужденіе, тогда раздастся мелодія шири-фури и танцовщицы раздѣляются на двѣ группы. Каждая изъ танцующихъ ударяетъ въ тактъ ладонями и, танцуя, поетъ вызывающую строфу, на которую отвѣчаетъ тѣмъ же танцовщица другой группы. Затѣмъ, такимъ же порядкомъ, выступаетъ вторая, третья пара и т. д. Слова пѣсни обыкновенно импровизируются, но, тѣмъ не менѣе, они полны фантазіи, игривости и соли. Если танцующая собьется въ тактъ или въ словахъ пѣсни, она, въ наказаніе, должна, въ видѣ фанта, снять часть своего туалета... Мало-по-малу всѣ приходятъ въ неописанное возбужденіе. Танцовщицы соперничаютъ другъ передъ другомъ въ ловкости, остроуміи и изобрѣтательности и, время отъ времени, неумолкаемый гулъ голосовъ покрывается раскатистыми взрывами отчаяннаго хохота.

Шири-фури можно видѣть не только въ кофейняхъ. Его танцуютъ въ самомъ избранномъ обществѣ; ни одно торжество не обходится безъ шири-фури. На всѣхъ званыхъ пирахъ у мѣстной знати, и даже у европейскихъ консуловъ, какъ неизбѣжную декорацію вы непременно увидите въ глубинѣ залы, на циновахъ, танцовщицъ съ гитарами въ рукахъ. Ихъ монотонныя и меланхолическія пѣсни вскорѣ, подъ вліяніемъ саки, смѣняются безшабашнымъ веселіемъ шири-фури. Во время пира танцовщицы три раза мѣняютъ наряды и за каждымъ переодѣваньемъ слѣдуетъ новый танецъ, новая пантомима. Онѣ одѣты въ сѣро-голубыя шелковыя платья, нарумянены и набѣлены, а масса лакированныхъ шпилекъ въ волосахъ образуетъ нѣчто вродѣ діадемы. Общій видъ таковъ, что и бѣлый гость можетъ заглядѣться на этихъ очаровательницъ не только по принципу безрыбыя.

Обѣденный столъ японцевъ представляетъ чрезвычайно любопытное зрѣлище. Кромѣ рыбы, печеній и сладостей, лучшимъ украшеніемъ стола бывають предметы, искусно сдѣланные изъ разныхъ блюдъ. Вотъ, на примѣръ, пейзажъ, достойный кисти художника и составленный изъ яицъ, рыбы, цвѣтовъ и всевозможныхъ овощей; здѣсь вы увидите и рѣчки съ плавающими на нихъ утками, и зеленѣющія поля, и лѣса, и зданія. Вотъ аллегорическая картина, изображающая рыбную ловлю: на картофельной скалѣ, гордо торчащей среди волнъ маіонеза, сидитъ рыбакъ и събѣю

ловить устрицы. Вотъ еще рыба, искусно переланная въ корабль съ мачтами и надутыми вѣтромъ парусами.

Съ танцовщицами и пѣвицами, въ ихъ профессіи, весьма сильно конкурируютъ — слѣпые, которыхъ въ Японіи весьма много. Главная профессія этихъ слѣпыхъ — музыка и усмирение. Последняя операція весьма обыкновенна на Востока послѣ купанья или къ ночи. Весьма часто послѣ знойнаго дня вы долго ворочаетесь на циновкѣ, тщетно призывая Морфея, благосклонность которого вы забыли приобрести цѣною труда или усталости. Вдругъ при звукахъ флейты и колокольчика тихо раздвигается закрывающая васъ ширма и передъ вами является человекъ съ фонаремъ въ рукѣ. Это слѣпой и онъ умѣлою рукой низведетъ на васъ давно ожидаемый вами сонъ.

Проходя по улицамъ японскаго города, вы увидите, что плоскія крыши домовъ усажены великолѣпно цвѣтущими лиліями. На вашъ вопросъ, почему для роста этихъ цвѣтѣвъ отводятся такое странное мѣсто, вы услышите поэтическую легенду, завѣщанную однимъ древнимъ японскимъ микадо:

«Богиня солнца дала намъ землю для того, чтобы мы засѣвали ее растеніями полезными, дающими пропитаніе и женщинамъ, которыя составляютъ украшеніе домашняго очага, и воинамъ, оберегающимъ честь отчизны. Что касается лилій, то эту эмблему роскоши богиня запретила воздѣлывать на святой кормилицѣ-землѣ; но ее можно сѣять на крышахъ домовъ, въ мѣстахъ, негодныхъ для произрастанія полезныхъ растеній. Лиліи, украшающія головы женщинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ да будутъ красой и живымъ вѣнцомъ для нашихъ жилищъ».

Согласитесь, что самая холодная утилитарность скрасится въ такомъ поэтическомъ образѣ.

Изъ Парижа.

(Письмо Н. Тарже.)

Въ Петербургъ назначенъ новый посолъ, генералъ Шанзи. Отставка маршала Мак-Магона и избраніе президентомъ французской республики Жюль Гриви, искренняго республиканца и безукоризненно-честнаго человека, несомнѣнно послужатъ къ окончательному утвержденію республиканскаго образа правленія во Франціи. Простое Гриви позволяетъ надѣяться, что его «не загложетъ червь честолюбія», что онъ не кинется въ авантюризмъ и постоянно будетъ точнымъ исполнителемъ конституціи. Обладая твердымъ характеромъ, нравственной силой и достаточной дозой авторитета, Гриви сумѣетъ во время сдерживать министровъ, которые по укоренившейся, къ несчастію, во Франціи привычкѣ, пытаются по временамъ выходить изъ предѣловъ, предоставленныхъ имъ конституціей правъ и наложенныхъ на нихъ обязанностей. Со вступленіемъ Гриви въ управленіе начало исполняться требованіе, давно уже заявленное общественнымъ мнѣніемъ страны объ измѣненіи административнаго персонала. Многіе изъ видныхъ и вліятельныхъ должностей занимали противники существующаго образа правленія. Въ палатѣ безпрестанно заявлялось требованіе, что пора положить предѣлы этому неестественному положенію. Прежнія республиканскія министерства, изъ опасенія раздражить монархическія партіи, имѣвшія большинство въ сенатѣ, но желая вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя отчасти, удовлетворить общественное мнѣніе страны, увольняли нѣсколько особенно враждебныхъ республикѣ личностей въ провинціальной администраціи и замѣщали ихъ болѣе надежными людьми. Но извѣстно, что республиканскія министерства замѣнялись такими реакціонными группами, какъ министерство Бюфе или министерство

Брольи. Захвативъ власть, реакціонеры тотчасъ же увольняли республиканцевъ и замѣщали ихъ своими клевретами. Эта перетасовка происходила почти исключительно въ учрежденіяхъ, подвѣдомственныхъ министерству внутреннихъ дѣлъ и нѣсколько не касалась министерствъ: военнаго и юстиціи, въ персоналѣ которыхъ было особенно много бонапартистовъ, изъ такъ называемыхъ «воинствующихъ», заклятыхъ враговъ существующаго правительства. Пока въ сенатѣ большинство отставало чиновниковъ, враждебныхъ правительству, президентъ министровъ Дюфоръ могъ откладывать въ долгій ящикъ удовлетвореніе справедливыхъ требованій страны объ измѣненіяхъ административнаго персонала. Но вотъ военный министръ, генералъ Борель, подъ давленіемъ общественного мнѣнія, замѣщенъ искреннимъ республиканцемъ, генераломъ Грели; выборы въ сенатъ окончились въ пользу республиканской партіи, въ сенатѣ явилось значительное республиканское большинство. Отсрочивать долѣе мѣру, теперь уже настоятельно требуемую общественнымъ мнѣніемъ, оказалось невозможнымъ. Начали съ военнаго министерства. Грели, съ согласія прочихъ членовъ кабинета министровъ, составилъ списокъ новыхъ корпусныхъ командировъ: изъ прежнихъ оставались немногіе, остальные отчислялись въ резервъ или же получали должности генералъ-инспекторовъ арміи. Но встрѣтилось новое препятствіе: президентъ республики, маршалъ Мак-Магонъ, отказался подписать декретъ о новыхъ назначеніяхъ по военному министерству. Уговариванія министровъ не привели ни къ чему и маршалъ подалъ въ отставку. Сенатъ и національное собраніе соединились въ конгрессъ и громаднымъ большинствомъ избрали президентомъ Жюль Гриви. Затѣмъ Дюфоръ подалъ въ отставку, говоря, что для установленія новаго порядка необходимы и новые люди. Образовалось министерство Вадингтона, бывшаго министромъ иностранныхъ дѣлъ въ министерствѣ Дюфора. Въ составъ министерства, состоявшаго при Дюфорѣ почти исключительно изъ представителей лѣваго центра, вошли болѣе твердые республиканскіе элементы изъ партій: республиканской лѣвой и республиканскаго союза, такъ что теперь только крайняя лѣвая не имѣетъ своихъ представителей въ средѣ министерства. Новое министерство живо покончило съ вопросомъ объ измѣненіи административнаго персонала. Новые корпусные командиры были утверждены президентомъ республики; уволено нѣсколько прокуроровъ-бонапартистовъ и замѣщены республиканцами. Оставалось нетронутымъ только министерство иностранныхъ дѣлъ. Президентъ министровъ, Вадингтонъ, сохранившій за собой и портфель министра иностранныхъ дѣлъ, понялъ, что будетъ неловко, если его вѣдомство останется въ сторонѣ отъ общаго движенія и представителями французской республики при иностранныхъ дворахъ будутъ попрежнему противники установленнаго правительства. Послѣдовали перемѣны и въ его министерствѣ. Нѣсколько пословъ уволены или получили другое назначеніе, и въ числѣ ихъ генералъ Леффо, посолъ въ Петербургѣ, замѣщенный генераломъ Шанзи.

Полагаю, что имя храбраго и способнаго генерала небылъ извѣстно въ Россіи. Во время послѣдней несчастной войны Франціи съ Германіей, генералы Орель де-Паладинъ, Федебръ и Шанзи спасли честь французскаго знамени и этого, конечно, никогда не забудетъ Франція. Альфредъ Шанзи родился 6 (18) марта 1822 года. Отецъ его, отставной кирасирскій капитанъ, страстный охотникъ, поселился въ Нуардѣ, въ Арденскихъ горахъ. Дѣтство будущаго посланника прошло среди охотниковъ, среди бесѣдъ о волкахъ и кабанахъ. Рано развились въ немъ способности къ

военной карьерѣ. И отецъ торопился пустить сына въ свѣтъ. Шанзи еще не было полныхъ 16 лѣтъ, какъ его опредѣлили во флотъ. Въ 1838 году юный морякъ отправился въ море на фрегатѣ «Марна». Поднялась страшная буря и фрегатъ бросило къ алжирскому берегу, недалеко отъ поселенія Стора. Половина экипажа погибла. Юный Шанзи не потерялъ присутствія духа во время бури; напротивъ, онъ выказалъ такую энергію, такое хладнокровіе, что поразилъ самыхъ старыхъ привычныхъ моряковъ. Употребивъ немовѣрные усилія, онъ поборолъ бушующія волны и благополучно выплылъ на берегъ.

Это кораблекрушеніе, однакожъ, измѣнило судьбу Шанзи. Отецъ не захотѣлъ, чтобы онъ оставался во флотѣ и перевелъ его въ сухопутную артиллерію. Молодой Альфредъ Шанзи, желая пополнить свое недостаточное образованіе, поступилъ въ сен-сирскую школу. По выходѣ изъ школы, онъ возвратился не въ артиллерію, а предпочелъ зуавовъ. Въ Алжирѣ въ то время происходили чуть не ежедневныя битвы и немудрено, что Шанзи быстро пошелъ по службѣ. Съ своимъ полкомъ онъ побывалъ въ Италіи и въ Сиріи, участвовалъ и въ римской экспедиціи, послѣ которой онъ получилъ чинъ генерала. Правительство національной обороны произвело его, 22 октября 1870 года, въ дивизіонные генералы, вызвало его изъ Алжира и назначило командиромъ 16-го корпуса въ дуарской арміи.

Во Франціи не знали генерала Шанзи, лучше сказать знали его только по словамъ, сказаннымъ ему Абдель-Кадеромъ въ Сиріи: «Ты принадлежишь къ расѣ великихъ военныхъ людей; я читаю это въ твоёмъ глазу также легко, какъ еслибъ читалъ въ глазу арабской лошади, изъ какой семьи она происходитъ».

Правительство національной обороны, давая Шанзи корпусъ, руководствовалось, конечно, не этой похвалой знаменитаго противника Франціи, а скорѣе отзывомъ Мак-Магона, писавшаго, изъ плѣна, о Шанзи слѣдующее: «Никто изъ нашихъ генераловъ такъ искусно не маневрируетъ, какъ Шанзи; онъ можетъ быть очень полезнымъ въ настоящее время».

Послѣ сѣданскаго пораженія, сдачи Мэца и обложенія Парижа, казалось Франціи почти невозможно было думать о противодѣйствіи торжествующему побѣдителю, не только-что о побѣдѣ. Но нашлись энергическіе люди, думавшіе иначе. Кто не помнитъ путешествія Гамбеты на воздушномъ шарѣ и учрежденія въ Турѣ делегаціи правительства народнои обороны! Гамбета быстро сформировалъ новую армію и эта армія новобранцевъ, предводимая такими генералами, какъ Орель де-Паладинъ и Шанзи, одержала побѣду надъ нѣмцами подъ Кульмье, 9 ноября 1870 года. Замѣчательнѣе приказъ генерала Шанзи по корпусу, изданный имъ наканунѣ сраженія. Этотъ приказъ лучше всего показываетъ, какими недюжинными военными способностями обладаетъ генералъ Шанзи, какъ заботливо относился онъ къ солдату; какъ умно распорядился онъ своей, плохо организованной, бѣдно снабженной военными припасами частью. Честь побѣды подъ Кульмье приписана, конечно, главнокомандующему Орель де-Паладину, но вся тяжесть боя пала на корпусъ генерала Шанзи и рѣшительная побѣда одержана имъ же. И правъ былъ генералъ, обратившись съ слѣдующими словами къ своимъ солдатамъ: «Ваши усилія, если и не всегда сопровождались успѣхомъ, но они составляютъ славу страны, они спасли ея честь». Эти слова, сказанныя послѣ заключенія перемирія, совершенно справедливо могутъ быть отнесены и къ самому Шанзи.

Послѣ сраженія подъ Кульмье, дуарская армія раздѣлилась на двѣ отдѣльныя арміи; начальство надъ одной изъ нихъ было поручено ген.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.
ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ АДАМОВА.

Возвращение съ охоты.

Рѣзала на деревѣ А. Шлехта въ Петербургѣ.

Шанзи. Втеченіи двухъ мѣсяцевъ онъ съ перемѣннымъ успѣхомъ боролся съ значительно-превосходящими его силами непріятеля. Отступленіе его, прозванное «адскимъ», должно быть отнесено къ числу выдающихся подвиговъ и займетъ очень видное мѣсто въ лѣтописяхъ военной исторіи.

8 февраля 1871 года, Шанзи былъ избранъ своимъ департаментомъ депутатомъ въ законодательное собраніе.

Шанзи не политикъ; его политическая дѣятельность ничѣмъ особеннымъ не выдается, хотя благодаря своей популярности, какъ талантливаго генерала, Шанзи одно время былъ въ числѣ серьезныхъ кандидатовъ на должность президента французской республики. Но мало-по-малу популярность его ослабла и въ послѣдніе выборы никто уже не смотрѣлъ серьезно на его кандидатуру.

По своимъ политическимъ убѣжденіямъ Шанзи принадлежить къ партіи лѣваго центра. Одно время онъ былъ даже президентомъ этой парламентской фракціи. Принимая эту обязанность, онъ въ своей рѣчи точно объяснилъ свои политическія убѣжденія.

«Я не обладаю, подобно всѣмъ вамъ, сказалъ между прочимъ Шанзи,—привилегіей войти въ это собраніе съ установившейся политической программой. Въ февралѣ 1871 года, въ моментъ заключенія перемирія, я командовалъ второй лорарской арміей; мое назначеніе было чисто военное; всѣ мои мысли были направлены къ тому, чтобы возможно лучше служить моей родинѣ на избранномъ мною поприщѣ... Признаюсь, когда меня удостоили избраніемъ, я не могъ точно опредѣлить, къ какой парламентской группѣ мнѣ слѣдуетъ примкнуть; я рѣшился только въ тотъ день, когда мнѣ въ первый разъ пришлось быть въ собраніи республиканцевъ-консерваторовъ; председателемъ этаго собранія въ то время былъ человѣкъ, честность и патріотизмъ котораго уничтожили во мнѣ послѣдніе сомнѣнія. Я говорю о достопочтенномъ графѣ Рампонѣ... По моему мнѣнію, лѣвый центръ долженъ быть собраніемъ всѣхъ либеральныхъ консерваторовъ, которые, отрѣшившись отъ своихъ прежнихъ стремленій, сошлись на нейтральной почвѣ, на которой они сообща будутъ работать для блага и возрожденія дорогой родины, искренно отдавшись служенію республикѣ, опытъ установленія которой производится въ настоящее время...»

Когда учредился сенатъ Шанзи былъ избранъ пожизненнымъ сенаторомъ. Въ сенатѣ его дѣятельность была незамѣтна. Онъ, впрочемъ, почти и не засѣдалъ въ сенатѣ, живя, большею частію, въ Алжирѣ, гдѣ онъ занималъ должность генералъ-губернатора.

Трудно опредѣлить, обладаетъ-ли Шанзи способностями хорошаго администратора. Система управленія Алжиромъ настолько несовершенна, что и самый лучшій администраторъ, оставаясь на легальной почвѣ, долженъ будетъ совершить не мало несправедливостей и ошибокъ. Не избѣгъ ихъ, конечно, и генералъ Шанзи, хотя—что слѣдуетъ отнестись къ его чести,—онъ дѣлалъ все возможное, чтобы избѣгать ихъ. Но что онъ могъ подѣлать съ всюду царящимъ произволомъ! Французы, какъ извѣстно, плохіе колонизаторы, болѣе всего потому, что они съ высока смотрятъ на туземное населеніе. Такъ поступаютъ они и въ Алжирѣ. Много лѣтъ владѣтъ Франція этой страной, а ея прошлое населеніе, колонисты, до сихъ поръ сторонятся отъ туземцевъ, которые, въ свою очередь, съ недоверіемъ и ненавистью относятся къ своимъ побѣдителямъ. Можно-ли при такихъ условіяхъ рассчитывать на сліяніе, на ассимиляцію туземцевъ, приходящихъ въ соприкосновеніе съ высшей культурой. Между тѣмъ алжирскіе туземцы принадлежатъ къ даровитой

расѣ, очень способной къ воспринятію цивилизаціи. А посмотрите, что дѣлается тамъ? Обѣ враждебныя расы—пришлая и туземная—должны постоянно держать оружіе на готовѣ, потому что никто не можетъ поручиться за то, что завтрашній день не произойдетъ кроваваго враждебнаго столкновенія, что гдѣ-нибудь туземцы перерѣжутъ французовъ или на оборотъ. Недавно случившееся событіе показываетъ, какъ сильна еще ненависть побѣжденныхъ къ побѣдителямъ.

Мѣсяцъ слишкомъ тому назадъ исчезъ одинъ лѣсничій, недавно назначенный на эту должность. Онъ служилъ въ полку, квартировавшемъ въ Оранѣ и былъ извѣстенъ, какъ честный и добрый человѣкъ, очень любимый своими товарищами. Туземцы его совершенно не знали, такъ какъ никогда ему не приходилось имѣть съ ними никакихъ сношеній. Уходя изъ дому, онъ заявилъ своей семьѣ, что отправляется на охоту и, вѣроятно, скоро вернется. Но прошелъ цѣлый мѣсяцъ, а о немъ не получалось ни откуда никакого извѣстія и самъ онъ не подавалъ о себѣ никакихъ вѣстей.

Онъ былъ убитъ! Эту тайну неосторожно выдала арабская женщина, сообщивъ при томъ имена убійцы и о тѣхъ ужасныхъ мученіяхъ, какимъ убійцы подвергли несчастнаго. Нечего и говорить, что убійцами оказались арабы.

Въ несчастнаго лѣсничаго выстрѣлили изъ засады и онъ получилъ двѣ раны. Онъ лишился чувствъ и его перенесли въ домъ убійцы, гдѣ онъ прожилъ еще 15 дней. Варвары ежедневно отрѣзывали у него по куску мяса. Можно вообразить себѣ мученія несчастнаго, который притомъ долженъ былъ переносить ихъ втеченіи 15 дней!

Трупъ замученнаго лѣсничаго, брошенный въ яму и засыпанный арабами, былъ вырытъ и положенъ въ гробъ. Военныя власти сдѣлали торжественныя похороны страдальцу. Весь оранскій гарнизонъ провожалъ его до могилы. Войсками командовалъ генералъ. За гробомъ шла огромная толпа гражданскаго населенія Орана и ближайшихъ окрестностей.

Убійцы, въ числѣ 17, арестованы и преданы военному суду, который, вѣроятно, присудитъ ихъ къ самому суровому наказанію, такъ какъ здѣсь дѣло пойдетъ уже о возмездіи.

Конечно, арабы совершили возмутительное преступленіе. Но каковъ долженъ быть порядокъ управленія, при которомъ возможенъ подобный фактъ? Вѣдь мучители совершенно не знали своей жертвы, она не сдѣлала имъ никакого зла. Слѣдовательно ими руководила только одна ненависть къ «французамъ». Для нихъ было безразлично, кого они схватили; они знали только, что это «французъ», которому надо было мстить, а врагъ-ли онъ имъ или другъ, этотъ вопросъ и не могъ прийти имъ въ голову. Фанатизмъ всегда слѣпъ, а жажда мести у африканца до такой степени овладѣваетъ имъ, что онъ находится почти въ состояніи невмѣняемости, когда прибѣгаетъ къ мести, въ особенности, если мститъ французамъ, съ которыми онъ поклялся вѣчно враждовать, не щадя ни пола, ни возраста. Очень можетъ быть, что варвары, замучившіе несчастнаго лѣсничаго, принадлежатъ къ числу трудолюбивыхъ и въ отношеніяхъ своихъ съ соплеменниками, честныхъ и добрыхъ людей. Они, очевидно, дошли до потери самосознанія, совершая свое ужасное преступленіе. Можетъ-ли человѣкъ, обладающій вполне своими умственными способностями, рѣшиться на подобное звѣрство?

Ненормальныя отношенія между побѣдителями и побѣжденными постоянно возбуждали вниманіе во французскомъ обществѣ. Безпрестанно въ литературѣ и перѣдко въ законодательныхъ собраніяхъ поднимался вопросъ о необходимости реформъ въ управленіи Алжиромъ. Всѣ противники

существовавшаго порядка въ управленіи колоніей сходились въ одномъ, что необходимо замѣнить тамъ военное управленіе гражданскимъ, по возможности примѣнивъ и законы, дѣйствующие въ метрополіи. Но извѣстно, какъ трудно побороть установившіяся понятія. Управляющіе классы во Франціи были убѣждены, что Франція можетъ удерживать за собой Алжиръ только при военномъ управленіи страной; и что разъ утвердятся тамъ гражданское управленіе, неминуемо произойдетъ общее возстаніе покоренныхъ племенъ. Выборъ Гриви президентомъ республики помогъ разрѣшенію и алжирскаго вопроса. Въ настоящее время рѣшено замѣнить военное управленіе въ Алжирѣ гражданскимъ. Генералъ Шанзи уже уволенъ отъ должности генералъ-губернатора этой колоніи, но на мѣсто его еще не назначенъ гражданскій губернаторъ. Постъ этотъ былъ предложенъ сенатору Кранцу, устроителю всемірной выставки прошлаго года, но онъ отказался. Сенаторы и депутаты алжирской провинціи обратилась къ президенту министровъ, Ваддингтону, съ просьбой о назначеніи на постъ алжирскаго губернатора Альберта Гриви, брата президента республики, но Ваддингтонъ, посоветовавшись съ своими товарищами по министерству, отвѣчалъ, что онъ не можетъ исполнить желанія достопочтенныхъ сенаторовъ и депутатовъ. Ходитъ слухъ, что назначеніе это находитъ неудобнымъ президентъ республики и, вѣроятно, самъ Альбертъ Гриви откажется отъ предлагаемой ему чести.

Увольненіе генерала Шанзи отъ должности алжирскаго генералъ-губернатора и послужило главной причиной назначенія его на постъ посланника въ Петербургъ. Министерство сочло своимъ долгомъ вознаградить его за потерю такого виднаго мѣста. Слухъ о новомъ назначеніи Шанзи быстро распространился въ Парижѣ задолго до его officialнаго подтвержденія. Незавѣстно почему, рядомъ съ нимъ, выросъ другой слухъ, будто бы Шанзи не встрѣтитъ въ Петербургѣ сочувственнаго приѣма, потому что генералъ Лефло тамъ очень популяренъ. Какъ бы въ отвѣтъ на этотъ ни на чемъ не основанный слухъ, русскій посланникъ, князь Орловъ, сдѣлалъ визитъ генералу Шанзи, причемъ сообщилъ, что въ Петербургѣ съ большимъ удовольствіемъ узнали о назначеніи посломъ знаменитаго генерала и что ему предстоитъ встрѣтить самый радостный приѣмъ въ русской столицѣ. Конечно, объ этомъ визитѣ тотчасъ же узналъ весь Парижъ и прекратились неосновательныя толки. Однакожъ, далеко не всѣ партіи довольны новымъ назначеніемъ генерала Шанзи, хотя, повидимому, онъ именно такой человѣкъ, прошлое котораго можетъ удовлетворить требованія различныхъ партій, съ которыми онъ относится къ послу Франціи. Шанзи нѣсколько повредило въ общественномъ мнѣніи принятіе имъ приглашенія на обѣдъ отъ одного изъ прежнихъ знакомыхъ; обѣдъ этотъ, конечно, помимо желанія самого Шанзи, обратился въ бонапартистскую манифестацію, а бонапартисты такъ поставили себя въ послѣднее время, что всякія сношенія съ ними стали компрометирующими. Нѣтъ сомнѣнія, что Шанзи не зналъ о готовящейся манифестаціи, иначе онъ никогда не принялъ бы приглашенія. Шанзи и во время второй имперіи не былъ бонапартистомъ, странно было бы предполагать, что у него внезапно явились симпатіи къ этой партіи.

Генералъ Шанзи написалъ и издалъ книгу: «Вторая лорарская армія». Книга написана хорошо и вполне безпристрастно. Цѣль изданія этой книги, по словамъ самого автора, заключалась въ томъ, чтобы показать, какія усилія сдѣлала страна, дабы, послѣ цѣлаго ряда поражений, добиться нѣкоторыхъ успѣховъ, которыми она

имѣть полное право гордиться. Шанзи описалъ только то, что самъ видѣлъ, не касаясь дѣйствій французскихъ армій на другихъ театрахъ войны.

Первый барышъ. Недавно мы помѣстили копію съ прелестной картины Л. Кнауза «Хорошая исторія». На этой картинѣ Кнаузъ удивительно вѣрно передалъ два еврейскіе типа. Въ настоящемъ номерѣ мы помѣщаемъ копію съ другой картины Кнауза, гдѣ художникъ опять изображаетъ еврейскій типъ. На картинѣ только одна фигура, но сколько жизни и юмора въ этой фигурѣ! Такія произведенія создаются только первостепенными мастерами и мы очень рады, что наша гравюра, исполненная по заказу редакціи въ варшавской полиграфіи, вышла вполне удачно, вѣрно передающею всѣ мелочные оттѣнки фizioноміи маленькаго еврейчика.

Медвѣжья охота. Возвращеніе съ медвѣжьей охоты—это оригинальный рисунокъ г. Адамова, не требующій, кажется, объясненій: кто не видалъ подобныхъ возвращеній съ медвѣжьей охоты, когда крестьянскія лошаденки едва вытаскиваютъ изъ снѣжныхъ сугробовъ сани съ убитымъ медвѣдемъ, когда какой-нибудь мужиченко хлопчетъ около этихъ саней и подталкивая ихъ сзади, и понукая на лошадокъ? Тутъ все—и пейзажъ, и люди, и положенія—наше знакомое, родное, схваченное вѣрно художникомъ и хорошо переданное рѣзчикомъ.

Новости наукъ и жизни.

— **Князь Крапоткинъ.** Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатаны слѣдующія телеграммы: 1) 9-го февраля, въ 11 часовъ вечера, харьковскій губернаторъ, князь Крапоткинъ, возвращаясь съ бала въ харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, на углу Вознесенскаго сквера, неизвестно кѣмъ раненъ выстрѣломъ изъ револьвера. Положеніе больного внушаетъ серьезное опасеніе. Слѣдствіе начато. Убійца розыскивается. 2) Ночью князь Крапоткинъ спалъ нѣсколько часовъ; общее состояніе спокойнѣе, но замѣтнаго улучшенія, по мнѣнію врачей, нѣтъ. Розыскъ дѣйтельно продолжается. 3) Лихорадочное состояніе больного усилилось, вслѣдствіе чего общее состояніе ухудшилось. Опасность очень велика.

— **Возвращеніе нашихъ войскъ съ Балканскаго полуострова.** «Голосу пишутъ изъ Одессы: «Начальникъ штаба дѣйствующей арміи, князь Имеретинскій, прислалъ на имя дирекціи русскаго общества пароходства и торговли телеграмму, извѣщающую, что выступленіе войскъ начнется 6-го февраля, а 15-го февраля должна быть начата въ Бургасѣ посадка войскъ на суда. На этомъ основаніи, двѣнадцать пароходовъ русскаго общества пароходства и торговли приготавливаются къ предстоящей перевозкѣ войскъ. Суда добровольнаго флота также привлекаются для этой цѣли. Разсчитываютъ, что раньше начала мая не будетъ физической возможности перевезти 170,000 человекъ».

— **Женщины въ лондонскомъ университетѣ.** Уже нѣсколько лѣтъ какъ лондонскій университетъ выдаетъ спеціальныя дипломы женщинамъ. Съ 1879 года вступаетъ въ силу новый законъ, открывающій женщинамъ доступъ ко всѣмъ степенямъ. Вслѣдствіе этого 11 женщинъ явились на экзаменъ для внесенія въ матрикулы, что соотвѣтствуетъ степени бакалавра словесности во французскихъ университетахъ. Одна не выдержала, 10 были приняты, 9 съ отличіемъ. Юноши оказались не столь счастливы: изъ 511 кандидатовъ 253 не были допущены. Факультеты юридическій и искусствъ въ университетской коллегіи, въ осенній семестръ, съ октября по Рождество,

посѣщались 225 дѣвушками, изъ которыхъ 72 посвятили себя исключительно изученію искусствъ. Нѣкоторые классы посѣщаются только женщинами; большая же часть имѣетъ смѣшанныхъ слушателей.

— **Жизнь въ Нью-Йоркѣ.** Изъ свѣдѣній, доставленныхъ статистическимъ комитетомъ о смертности Нью-Йорка, видно, что въ 1878 году въ этомъ городѣ было 27,005 смертныхъ случаевъ, т. е. на 802 случая болѣе предъидущаго 1877 года. Изъ этого числа 4,477 умерло отъ чахотки, 2,964 отъ разстройства желудка, 2,416 отъ воспаленія мозга и болѣзней нервной системы, 1,098 отъ болѣзней сердца, 1,155 отъ воспаленія и болѣзней почекъ, 445 отъ апоплексіи и солнечнаго удара и только 2 отъ оспы. Самоубійствъ было 137. Въ числѣ умершихъ 7,090 имѣли меньше года, 12,354 меньше пяти и 1,600 перешли за семьдесятъ. Число рожденій достигло до 25,729, въ числѣ которыхъ насчитывается до 2,292 мертворожденныхъ. Втеченіи этого года 20 матерей разрѣшились четырнадцатымъ ребенкомъ, 10 пятнадцатымъ, 4 шестнадцатымъ и 3 семнадцатымъ. Оказалось, что двѣ изъ матерей имѣли не болѣе пятнадцати лѣтъ каждая, и обѣ разрѣшились уже вторымъ ребенкомъ; съ другой стороны 442 перешли за пятидесятилѣтній возрастъ.

— **Затраты на объявленія.** Въ одной нѣмецкой газетѣ приведены любопытныя свѣдѣнія о суммахъ, затрачиваемыхъ англичанами и американцами на напечатаніе объявленій. Свѣдѣнія эти выбраны изъ памятной книги одного англійскаго бюро объявленій. Профессоръ Голловей, извѣстный изобрѣтатель пилуль, опубликовалъ въ первый разъ свое изобрѣтеніе въ 1837 г.; въ 1842 г. онъ изстратилъ на объявленія 100,000 марокъ, въ 1845 г. — 200,000, въ 1851 г. — 400,000, въ 1855 г. — 600,000 п, наконецъ, въ послѣдніе года по 800,000 ежегодно. Газета высказываетъ свое удовольствіе по поводу того, что профессоръ удѣлилъ изъ своего громаднаго состоянія, составившагося «благодаря этимъ объявленіямъ», не меньше 11,600,000 на благотворительныя учрежденія. Торговый домъ готового платья, извѣстный подъ фирмою «Моисей и сынъ», истративаетъ ежегодно на печатаніе объявленій 200,000 марокъ. Такую же сумму затрачиваетъ фирма «Роландъ и сынъ» на объявленія о мажорсарскомъ мастѣ, а докторъ Джондъ на объявленія о тресковомъ жирѣ. Фирма «Гифа и сына», торгующая постельнымъ бѣльемъ, расходуетъ ежегодно 120,000 марокъ; портной Никольсъ — 100,000. Но всѣхъ больше затрачиваетъ на объявленія дрогистъ Гамбольдъ, въ Нью-Йоркѣ, именно 40,000 марокъ въ недѣлю! Его объявленія печатаются, по крайней мѣрѣ, въ 3,000 газетахъ. Онъ заплатилъ однажды 15,000 марокъ за одно большое и особеннымъ образомъ расположенное объявленіе; въ другой разъ онъ предлагалъ газетѣ «New-York-Herald» 20,000 марокъ за одну страницу, но такъ какъ въ этотъ день пришло извѣстіе о паденіи Ричмонда, то ему было отказано за неимѣніемъ мѣста. Читая все это, невольно задаешься вопросомъ: неужели эти чудовищныя затраты окупаются? Богатство перечисленныхъ промышленниковъ вполне доказываетъ это: у профессора Голловея, по крайней мѣрѣ, 40,000,000 марокъ капитала, всѣ остальные тоже обладаютъ громадными состояніями.

— **Англійская почта.** Джонъ Маннерсъ, почт-директоръ въ Англіи, издалъ передъ Рождествомъ синюю книгу почтоваго управленія. Въ книгѣ этой, такъ же какъ и въ тѣхъ, которыя были изданы въ предъидущіе года, есть много интересныхъ свѣдѣній. Почтовыхъ отдѣленій въ Англіи 13,763; ящиковъ для писемъ на улицахъ и желѣзныхъ дорогахъ 11,319; слѣдовательно, 25,082 мѣста для опусканія писемъ. Въ 1867 г. такихъ мѣстъ было 17,225, въ 1840 только 4,500. Въ одномъ Лондонѣ 1,881 ящикъ. Въ теченіи года черезъ почту прошло писемъ, карточекъ, пакетовъ съ книгами и газетами и др., всего 1 биліонъ 477,828,200 штукъ. Изъ этого огромнаго числа не дошло по адресу 4,873,625. Около 28,500 были вовсе безъ адреса, въ 757 было денегъ или денежныхъ бумагъ. Пакетовъ не оплаченныхъ марками, было 52,856. На Рождествѣ

писемъ было на $4\frac{1}{2}$ милліона больше обыкновеннаго. Большая часть ихъ поступила утромъ въ первый день праздника, для разности потребовалось 1,000 лишнихъ сумокъ. Три писмоносеца умерли во время исполненія своихъ обязанностей.

— **Опасность погибнуть на желѣзной дорогѣ.** По вычисленіямъ французскаго статистика Гарило оказывается слѣдующее: въ то время, когда въ Франціи ходили diligences и почтовые кареты, на 300,000 пассажировъ приходился одинъ смертный случай и на 30,000 — одно раненіе. Въ первые два десятилѣтія существованія желѣзныхъ дорогъ, 1835—1855 гг., одинъ смертный случай приходился на 2,000,000 пассажировъ и одно раненіе на 500,000. Въ промежутокъ между 1855—1875 г. одинъ смертный случай приходился на 6,000,000 и одно раненіе на 600,000. Въ настоящее время, полагаетъ онъ, одинъ смертный случай приходится на 45,000,000 и одно раненіе на 1,000,000, выключая, конечно, тѣ случаи смерти и раненія, которыя происходятъ по личной неосмотрительности пассажировъ. Изъ этихъ цифръ онъ выводитъ слѣдующее остроумное заключеніе: если-бы кто-нибудь проѣзжалъ ежедневно 10 часовъ по желѣзной дорогѣ, дѣлая по 40 миль въ часъ, то лишь по теченіи 7,439 лѣтъ былъ бы вправѣ опасаться за свою жизнь.

— **Г-жа Федотова.** «Новое Время» слышало, что артистка московскаго театра, Г. Н. Федотова, пріѣдетъ на второй недѣлѣ поста въ Петербургъ.

— **Новая картина Семирадскаго.** «Kur. Warsz.» сообщаетъ, что графъ Орловскій, владѣлецъ значительной коллекціи художественныхъ произведеній въ Галиціи, приобрѣлъ новѣйшую картину Семирадскаго «Танцовщица» за 20,000 франковъ. Картина находится еще въ Римѣ, гдѣ привлекаетъ значительную массу знатоковъ въ мастерскую художника. Одна изъ римскихъ газетъ съ энтузіазмомъ отзывается о новомъ произведеніи Семирадскаго.

— **Мѣры для огражденія лося отъ истребленія.** Для огражденія лося отъ окончательнаго истребленія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ охота на него не составляетъ промысла, т. е. гдѣ онъ находится въ періодъ вымиранія, рѣшено совершенно прекратить ее на 5 лѣтъ. На первыхъ порахъ предложено примѣнить законъ къ губерніямъ: московской, тверской, смоленской, владимірской, нижегородской, калужской, орловской и черниговской. Истребленіе лося находится въ связи съ увеличеніемъ народонаселенія, но главнымъ образомъ зависитъ отъ губительнаго способа охоты, при которой не щадятъ и самокъ, между тѣмъ, какъ лоси плодятся и вырастаютъ, сравнительно, довольно медленно. Установленіе правилъ относительно охоты на лося въ Пруссіи, вызвало немедленно размноженіе этихъ животныхъ. Вредъ, производимый ими порчею молодыхъ деревьевъ, во многомъ уступаетъ приносимой ими пользѣ мясомъ и кожей. Въ настоящее время, въ Европѣ лось попадаетъ лишь въ восточной Пруссіи, сѣверо-западной, средней и сѣверной частяхъ Россіи, въ Скандинавіи, а въ Азіи—въ Сибири. Между тѣмъ еще въ прошломъ столѣтіи экземпляры его попадались въ Германіи и Австріи повсемѣстно.

— **Всемирная выставка въ Австраліи.** 1-го октября 1880 года, въ Мельбурнѣ (въ Австраліи) состоится открытіе первой всемирной выставки въ этой части свѣта. Выставка будетъ помѣщаться въ особомъ, выстроенномъ для нея зданіи, въ центрѣ города, и продолжится до 1-го апрѣля, т. е. въ теченіи шести мѣсяцевъ. На устройство выставки ассигновано уже 2,300,000 франковъ. Предметы, подлежащіе къ экспонированію, будутъ принимаемы съ 31-го мая по 31-е августа 1880 года. Подробныя свѣдѣнія о самой выставкѣ и объ условіяхъ для иностранныхъ экспонентовъ желающіе могутъ получить чрезъ посредство секретаря выставки, адресуясь къ нему по слѣдующему адресу: «George Collins Levey, London. 8. Victoria Chambers, Victoria Street, Westminster».

— **Бунтъ въ Египтѣ.** Въ Каирѣ множество

офицеровъ и солдатъ, уволенныхъ въѣздѣмъ сокращенія расходовъ на содержаніе египетской арміи, направились къ дому министра финансовъ и требовали уплаты недоплатнаго жалованья, протестуя въ то же время противъ сокращенія дѣйствительнаго состава арміи. Толпа ворвалась въ домъ и нанесла оскорбленіе какъ министру, такъ и м-ру Уильсону. По прибытіи войскъ, бунтовщики, однако, разошлись; нѣсколько человекъ арестовано. Хедивъ и иностранные консулы находились въ это время въ министерствѣ финансовъ. Матаежники окружили и домъ министра юстиціи Нубара-пашы, но войска освободили его. Въ безпорядкахъ, по дальнѣйшимъ извѣстіямъ отъ 19-го февраля, участвовали 400 офицеровъ, оставленныхъ безъ содержанія. Хедивъ послѣдшилъ на мѣсто происшествія и тщетно убѣждалъ офицеровъ успокоиться. Онъ самъ подвергся оскорбленіямъ. Тѣлохранители хедива разогнали бунтовщиковъ. Нубаръ-паша и двое слугъ хедива ранены.

— **Благодѣтельное средство.** Въ газетѣ «Pester Lloyd» пишутъ: «Мы имѣемъ передъ собой важное приобрѣтеніе, которое просто, какъ всякое открытіе, естественно, какъ всякое благое изобрѣтеніе. Суровая медицина боролась желѣзомъ и огнемъ, чтобы задержать разрушенія ядовитыхъ оспинъ. Ей это не удалось. Въ старину очень кротко обходились съ врагомъ: пациенты враги рекомендовали мазаться свинымъ саломъ. Но и это былъ напрасный трудъ. Даже повѣйшее средство—салициловая кислота не смогла помочь бѣдѣ, хотя исправила не одну бѣду. Съ этимъ зломъ слѣдуетъ бороться не изнутри, а снаружи. Докторъ Швиммеръ смѣло, но скромно, обратился къ карболовой кислотѣ, выпустилъ ее въ прованскомъ маслѣ и смѣшалъ этотъ растворъ съ мѣломъ. Затѣмъ онъ очень аккуратно выкроилъ изъ полотна маску съ отверстиями для глазъ, носа и рта, покрылъ приготовленной мазью и наложилъ на лицо своего пациента, покрытое жгучими пустулами (прыщами). Бѣдный страдалецъ глубоко вздохнулъ, потому что тотчасъ же почувствовалъ пріятное облегченіе. Когда, спустя недѣлю, съ него сняли маску и бѣлая кора слезла, кожа подъ ней оказалась гладкой и ровной; пыльному глазу уже не представились извѣстныя черноватые ямки или рябины; выздоравливающій имѣлъ обычный здоровый цвѣтъ лица и съ благодарностью оставилъ госпиталь».

— **Вода, какъ источникъ свѣта и теплоты.** Въ настоящее время всѣ дома въ городѣ на Мичиганѣ (Соединенныхъ Штатахъ сѣверной Америки) отапливаются, освѣщаются и снабжаются водою изъ одного центрального пункта. Стоить только повернуть какой-либо кранъ и является теплота, свѣтъ и вода.

— **Электрическое освѣщеніе.** Американская газета «Demokrat» сообщаетъ, что въ недалекомъ будущемъ электрическое освѣщеніе будетъ устроено во всемъ городѣ Санъ-Франциско. Это первый городъ въ мірѣ, всѣ улицы котораго будутъ освѣщаться электрическимъ свѣтомъ.

— **Ядовитая вода.** Въ прошломъ году, сэръ Бартль-Фреръ отправилъ къ королю малабелскаго племени, Лобенгули, посольство, состоявшее изъ трехъ европейцевъ (капитана Паттерсона, Д. Б. Серджента и переводчика Моргана Томаса), съ соотвѣтственной свитой изъ туземцевъ. Страна малабелей лежитъ между сѣверной границей трансваальской территоріи и рѣкой Замбезе. Британскому посольству удалось заключить съ королемъ Лобенгули нѣчто въ родѣ торговаго договора, какъ укрѣпляютъ весьма выгоднаго для англичанъ. На возвратномъ пути, оно направилось къ водопадамъ Викторіи (на рѣкѣ Замбезе). При этомъ ему пришлось идти двое сутокъ по безводной степи. Добравшись, наконецъ, до источника, путники, разумѣется, поспѣшили утолить свою жажду. Векоръ послѣ того у нихъ обнаружился признаки отравленія. Всѣ трое европейцевъ и пятеро туземцевъ изъ ихъ свиты умерли, немного лишь не доходя водопадовъ Вик-

торіи. По мнѣнію англійскихъ газетъ, въ данномъ случаѣ нѣтъ повода предполагать умышленную отраву. Ядовитое дѣйствіе воды зависитъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, отъ какой-либо естественной мѣстной причины.

— **Каменный уголь.** По приблизительному исчисленію въ европейскіхъ каменноугольныхъ залежахъ имѣется въ настоящее время еще около 21,420 милліардовъ пудъ каменнаго угля, между тѣмъ, какъ въ Америкѣ запасъ минеральнаго топлива простирается до 180,000 милліардовъ пудъ. Изъ европейскихъ государствъ богаче другихъ каменнымъ углемъ Англія, обладающая запасомъ въ 12,000 милліардовъ пудъ, затѣмъ идетъ Франція съ запасомъ въ 2,000 милліардовъ пудъ, Германія съ 1,800 милліардовъ пудъ и т. д. Если принять за норму нынѣшнее годовичное потребленіе минеральнаго топлива, то для Франціи собственнаго ея запаса хватитъ еще на 1,143 года, для Англіи всего на 800, для Бельгіи на 750, Германіи на 307 лѣтъ и т. д.

— **Змѣиный ядъ.** Парижской академіи наукъ представлено было на дняхъ отчетъ объ опытахъ надъ змѣинымъ ядомъ, которые производились профессоромъ Лачердой, въ лабораторіи музея въ Рио-Жанейро. До сихъ поръ считали этотъ ядъ чѣмъ-то въ родѣ ядовитой слюны, дѣйствующей на подобіе растворимыхъ ферментовъ. Между тѣмъ, опыты, произведенные Лачердой, повидимому, доказываютъ, что дѣятельное вещество змѣиного яда обуславливается структурными ферментами, аналогичными бактеріямъ. Капля яду, извлеченная у змѣи, подвергнутая предварительно дѣйствію хлороформа, представлялась подъ микроскопомъ въ видѣ агрегата протоплазматическихъ клѣточекъ, образующаго нити, изъ которыхъ развиваются споры. По мѣрѣ распаденія нитей, споры эти освобождаются. Размноженіе этихъ споръ пронесодитъ, какъ путемъ дѣленія, такъ и чрезъ образованіе внутреннихъ ядеръ. Въ крови животныхъ, ужаленныхъ змѣей, Лачерда наблюдалъ слѣдующія явленія: на поверхности красныхъ кровяныхъ шариковъ начинаютъ появляться маленькія блестящія точки. Шарикъ разрушается и взамѣнъ его получается множество блестящихъ яйцеобразныхъ тѣлецъ, одаренныхъ произвольнымъ ритмическимъ движеніемъ. Животныя, которымъ дѣлали подкожныя впрыскиванія незначительной дозой подобной отравленной крови, погибали со всѣми признаками отравленія змѣинымъ ядомъ. Кровь ихъ представляла тѣ же измѣненія, какія получалась при непосредственномъ ужаленіи змѣею. Лачерда нашелъ, что противъ открытаго имъ структурнаго фермента лучшимъ противоядіемъ является алкоголь въ формѣ подкожнаго впрыскиванія или даже просто-на-просто приема во внутрь.

— **Снѣжный мостъ.** На Ніагарѣ, нѣсколько ниже знаменитаго водопада, образовался мостъ изъ льда и снѣга, длиною около 1½ версты и шириной приблизительно въ 9 сажень. Пѣшеходы могутъ переходить по этому мосту съ американскаго берега на канадскій, подвергаясь развѣ лишь опасности поскользнуться, если только они не запаслись надежными палками съ заостренными желѣзными наконечниками. Этотъ замѣчательный мостъ, привлекающій теперь къ Ніагарскому водопаду многочисленныя толпы туристовъ, представляетъ особую въ сущности плотину изъ льдовъ, принесенныхъ съ озера Эри. Рѣка продолжала себѣ путь подъ этой плотиною, которая простояла, вѣроятно, до конца зимы.

— **Дерево-гигантъ.** Въ Сенегамбіи открытъ замѣчательный ботаническій экземпляръ. Это громадная смоковница, стволъ которой при высотѣ въ 8 сажень имѣетъ 20 сажень въ обхватѣ! Стволъ этотъ состоитъ какъ-бы изъ нѣсколькихъ слившихся въ общую массу колонъ. Вѣтви этого дерева раскидываются во всѣ стороны такъ широко, что образуютъ шатеръ до сорока сажень въ окружности, подъ которымъ мѣстные жители и проводятъ большую часть дня. Извѣстно, что толщина (въ обхватѣ) наибольшихъ изъ извѣстныхъ въ настоящее время кедровъ не превышаетъ

есть 4—5 сажень; такимъ образомъ, альбредская смоковница можетъ быть названа величайшимъ (по своей толщинѣ) деревомъ земнаго шара.

— **Замѣчательный тюлень.** Въ Вестминстерскомъ акваріумѣ въ Лондонѣ привлекаетъ массу посѣтителъ прирученный дрессированный тюлень, который играетъ на гитарѣ, бьетъ въ барабанъ, куритъ, ходитъ, по лѣстницѣ и проч.

— **Сфигмофонъ.** Недавно изобрѣтенъ новый аппаратъ, который съ помощью телефона способуется ясно слышать бѣненіе сердца и пульса. Аппаратъ этотъ названъ сфигмофонъ и можетъ съ чрезвычайною пользою служить для медиковъ при болѣзняхъ сердца.

— **Историческая прялка.** Недавно изъ Парижа прислана въ Австрію прялка королевы Маріи-Антуанеты. Прялка эта, служившая ей во время ея заключенія, была, послѣ ея казни, подарена на память одной изъ дамъ ея свиты. Отъ нея она перешла въ семейство Брасси-Ренсенъ, послѣдняя представительница котораго г-жа Ренсенъ скончалась на дняхъ. Прялка эта фигурировала на всемирной выставкѣ 1867 г., гдѣ подлинность ея была признана окончательно. Она изъ чернаго дерева съ серебрянными украшениями, а веретено изъ слоновой кости; на ней остались еще волокна пеньки, которой касалась рука Маріи-Антуанеты въ день ея смерти. Г-жа Ренсенъ оставила эту рѣдкость одной венгерской дамѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Стихотв. «Зимнимъ вечеромъ».—Мужъ и жена (продолж.).—Раймондъ Мадрапо.—Стихотв. «Сѣ-ятель».—Открытіе памятника Берье.—Иза (продолж.).—В. В. Самойловъ.—Угаскопы (продолж.).—Практическія послѣдствія суетвѣрія (продолж.).—Сцены изъ общественной жизни въ Китаѣ и въ Японіи.—Изъ Парижа.—Къ рисункамъ.—Новости наукъ и жизни.—Объявленія.

Гравюры: Первый барышъ.—1 рис. къ ст. «Раймондъ Мадрапо».—Обученіе поугая.—Андалузская пѣвица.—В. В. Самойловъ.—Раздача лампъ.—Работа въ подъемной машинѣ.—Возвращеніе съ охоты.

Издатель-Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ книжномъ магазинѣ

С. П. ГЛАЗЕНАПА

(Поварской пер. № 15, С.-Петербургъ)

продаются, между прочимъ, слѣдующія книги: Гриммъ Насѣкомыя и ихъ значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ. Ц. 1 р. съ пер. 1. 25 к.

Гаакъ. Практическое рыбоводство; перев. подъ ред. и съ примѣч. проф. О. А. Гримма. Ц. 75 коп., съ пер. 1 р.

Владимірскій. Обзоръ современнаго сельскаго хозяйства въ Россіи по достовѣрнымъ источникамъ. Ц. 30 коп., съ пер. 40 к.

Илинскій. Что такое чума. Ц. 5 коп., съ пер. 10 к.

Ю. Чудновскій. Предохранительныя мѣры отъ чумы. Ц. 20 коп., съ пер. 25 коп.

Святловскій. О чумѣ у человека и о мѣрахъ противъ этой болѣзни. Ц. 15 коп., съ пер. 20 коп.

Требованія исполняются немедленно. При выпискѣ нѣсколькихъ книгъ за пересылку платится по вѣсу и разстоянію.

Въ Книжномъ магазинѣ

С. П. ГЛАЗЕНАПА

(Поварской Пер., д. № 15, въ С.-Петербургѣ)

продаются, между прочимъ, слѣдующія книги. А. Р. Уоллзъ. Естественный подборъ; переводъ подъ редакціою Проф. Н. П. Вагнера; роскошное, иллюстрированное изданіе. Цѣна 3 рубл. (за пересылку ничего не платится); въ перепл. 3 р. 50 коп.

Послѣднее путешествіе Ливингстона по Африкѣ, иллюстрированное изданіе, съ картою Африки и портретомъ Ливингстона, цѣна 2 р., въ перепл. 2 р. 50 (за перес. ничего не платится).

Грибоѣдовъ. Горь отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ; съ примѣчаніями и объясненіями. Ц. 1 р. 75 к. съ перес. 2 руб.

Всевозможныя требованія книгъ исполняются немедленно. Принимается подписка на всѣ журналы и газеты по редакціоннымъ цѣнамъ. 1.—

При этомъ номерѣ «Живоп. Обзоръ» разсылаются гг. подписчикамъ приложеніе: „Руководство къ Гигіенѣ“.

№ 8. Томъ I.

На годъ, съ доставкой и пересылкою — 7 руб.;
на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб.
Отдѣлы. №№ по 20 н.

С.-Петербургъ, 24 Февраля 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ. Новый
проспектъ, домъ № 20.

Годъ VII.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Ф. ВИНЕА.

Проба вина.

Рисоваль на деревѣ В. Альбрехтъ въ Лейпцигѣ.

День и ночь.

Стих. Нико-Ники.

Передо мной шелъ день. Сіяющимъ нарядомъ
Манилъ идти ему во слѣдъ,
Улыбкой радостной, волшебнымъ, яснымъ взгля-
домъ

Судилъ мнѣ радости побѣдъ.

Въ живительныхъ лучахъ онъ міру несъ для
блага

Дары всецѣльной красоты;
Помчался ручеекъ по выступамъ оврага
И распускалися цвѣты.

Омылся берегъ вновь волною говорливой,
Зазеленѣлъ веселый лѣсъ,
Загѣли хоры птицъ и надъ землей счастливой
Лазурь смѣялася небесъ...

Но вслѣдъ за днемъ шла ночь и мракомъ не-
прогляднымъ

Безпомощно зіяла даль,
Грозя могильнымъ сномъ, покоемъ безотрад-
нымъ,

Суля безмолвную печаль.

И свѣтъ смѣнялся тьмой, смѣняли радость муки,
Дышала ночь могучимъ зломъ
И отравляла жизнь всею ужасомъ разлуки
Со счастьемъ, свѣтомъ и тепломъ...

А день все шелъ впередъ съ ласкающимъ при-
вѣтомъ;

Не могъ замѣтить онъ никакъ,
Что позади ужъ тьма боролася со свѣтомъ
И куталъ землю полумракъ!

II.

пустившись въ подземное царство, гдѣ и темно, и жарко, и сыро, углекомъ долженъ прорываться и отыскивать пути, буквально какъ кротъ. Подземные проходы и галереи иногда бываютъ такъ низки, что люди могутъ здѣсь пробраться только лежа на своихъ низенькихъ, четырехколесныхъ тѣлѣжкахъ, держа передъ собою лампу, которая даетъ имъ возможность смотрѣть впередъ, обозрѣвая мѣстность. Вырубать каменный уголь и расчищать себѣ дорогу приходится тоже сначала въ лежачемъ положеніи. Такъ какъ подъ землею температура сильно нагрѣта, то вы увидите здѣсь людей, по большей части, раздѣтыми. Тамъ, гдѣ выбито много каменного угля, рабочіе дѣлаютъ разные подпоры и устои, чтобы не быть задавленными готовою обвалиться массою каменного угля. Пролѣзая сквозь узкія отверстія, осматриваясь осторожно по сторонамъ, выйдя въ болѣе свободныя пространства, рабочіе вездѣ идутъ, держа передъ собою свою лампу. Иногда имъ приходится натолкнуться на цѣлыя каскады воды, порою они стоятъ по колѣно въ этой водѣ, измѣряя ея глубину, ища средствъ къ дальнѣйшей работѣ.

Много нужно терпѣнія и мужества, чтобы отдаться этой работѣ, и среди углекомовъ встрѣчаются замѣчательные типы.

Одинъ изъ нихъ, на примѣръ, Дональдъ, такъ рассказываетъ свою жизнь. Онъ родился лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, въ Шотландіи, и сдѣлался рудокопомъ на восьмомъ году жизни. Ему нужно было вставать и лѣтомъ, и зимою въ два часа ночи, чтобы идти на работу, съ которой онъ

возвращался домой не ранѣе семи часовъ вечера. Впродолженіе шестнадцати и семнадцати часовъ ребенокъ таскалъ тачки въ подземныхъ галереяхъ, которыя иногда были низки до послѣдней степени, такъ что мальчикъ долженъ былъ проталкиваться сквозь нихъ съ большими усиліями. Воздухъ въ этихъ галереяхъ былъ спертый, тяжелый и различныя испаренія бывали такъ сильны, что порою нельзя было ничего разсмотрѣть кругомъ, даже вооружившись тремя или четырьмя лампами. При такихъ условіяхъ, изъ двадцати товарищей Дональда ни одинъ не пережилъ своего печальнаго дѣтства. Изъ этихъ коней Дональдъ перешелъ потомъ въ другія, гдѣ работало вмѣстѣ съ нимъ до тридцати мальчиковъ и не малое число дѣвочекъ. Эти новые товарищи по труду тоже не вынесли работы и умерли всѣ за, исключеніемъ Дональда и его брата; тяжелая атмосфера, непосильный трудъ убили этихъ дѣтей. Не смотря на всѣ эти испытанія, Дональдъ, когда онъ сдѣлался уже молодымъ человѣкомъ, не только не бросилъ своего рода занятія, но даже взялся за самое трудное дѣло: онъ, желая скорѣе выбиться изъ нищеты и обезпечить себя, рѣшился приняться за трудъ пробыванія подземныхъ галерей въ горахъ, гдѣ приходилось работать по колѣно въ водѣ и подъ цѣлымъ ливнемъ сочившейся между камнями воды. «Чтобы избѣжать непріятнаго ощущенія этихъ постоянныхъ душъ, говоритъ онъ, я обыкновенно предварительно весь опускался въ воду и только потомъ принимался за работу». И не смотря на всѣ эти испытанія, онъ находилъ еще возможность посѣщать вечерніе классы, въ то время только что основанные для разныхъ подобныхъ труженниковъ. Къ двадцати первому году ему удалось уже скопить кое-какія средства; тогда онъ раздѣлилъ свою жизнь слѣдующимъ образомъ: лѣтомъ онъ продолжалъ работать въ коняхъ, зимою онъ посѣщалъ Глазгоускій университетъ, изучая здѣсь греческій и латинскій языки, риторику и математику, на что нужно было употреблять по 60 фунтовъ стерлинговъ въ каждые шесть мѣсяцевъ. Въ концѣ шестидесятихъ годовъ, Дональдъ уже не былъ простымъ рудокопомъ и занималъ, между прочимъ, высокій постъ президента въ «Национальной ассоціаціи рудокомовъ», — постъ, на который его призвали единодушно всѣ его товарищи.

Такой же яркій типъ мужественнаго и сильнаго человѣка представляетъ Джоржъ Эллиотъ, который лѣтъ тридцать семь тому назадъ, ребенкомъ былъ принужденъ заниматься тяжелымъ трудомъ рудокопа. Черезъ нѣсколько лѣтъ, ему, тогда еще молодому человѣку, удалось добиться повышенія платы рудокопамъ, о чемъ онъ говорить съ величайшею гордостью, такъ какъ его старанія сильно отразились на участи англійскихъ рудокомовъ, находившихся въ то время еще въ невыносимо скверныхъ условіяхъ. Уже на двадцатомъ году жизни, благодаря своей энергіи и уму, онъ началъ быстро подвигаться впередъ и пересталъ быть простымъ углекомомъ. Пройдя различныя степени въ іерархіи углекомовъ, сдѣлавшись сначала инспекторомъ, потомъ агентомъ, онъ дошелъ до того, что въ настоящее время онъ состоитъ собственникомъ многихъ коней въ разныхъ частяхъ Англіи. Въ своихъ коняхъ и въ коняхъ своихъ друзей, поручившихъ ему эксплуатацію этихъ коней, онъ занималъ въ концѣ шестидесятихъ годовъ до десяти тысячъ рабочихъ и добывалъ въ годъ до двухъ миллионъ тоннъ каменного угля, т. е. восемьдесятъ восьмую часть всего количества угля, добывавшагося во всемъ мірѣ. Онъ, вѣрный своему прошлому, остался въ лучшихъ отношеніяхъ съ рабочими и говоритъ о нихъ: «Вообще, углекомы превосходный народъ. Въ мірѣ нѣтъ корпораціи болѣе прекрасной, съ которой было бы такъ легко ладить, если только умѣешь по человѣчески относиться къ ней».

Изъ двухъ приведенныхъ нами примѣровъ ясно видно, что и эти подземные кроты стремятся къ свѣту, къ развитію, къ образованію, къ улучшенію своей участи и участи ближнихъ; вотъ почему перѣдко, по свидѣтельству наблюдателей, въ этихъ подземныхъ порахъ можно натолкнуться на сцену споровъ между рабочими объ экономическихъ, политическихъ и другихъ болѣе или менѣе отвлеченныхъ вопросахъ; какіе-нибудь два полунагіе углекома, усѣвшись гдѣ-нибудь въ шахтѣ, ведутъ самыя оживленныя пренія о занимающихъ ихъ вопросахъ и кто знаетъ — можетъ быть, изъ этихъ споровъ выйдутъ такіе же результаты, какихъ удалось достигнуть юношѣ Джоржу Эллиоту, добившемуся повышенія платы своимъ собратьямъ.

Но, вообще, трудъ углекомовъ, какъ мы сказали выше, сильно вліяетъ на физическія силы людей и убиваетъ многихъ преждевременно, такъ какъ, съ одной стороны, покуда разные усовершенствованія и улучшенія въ этомъ дѣлѣ далеко еще не дошли до той степени, до которой было бы желательно довести ихъ, а, съ другой стороны, разные предприниматели и аферисты еще не поставлены закономъ въ такое положеніе, чтобы они не могли злоупотреблять своими правами. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ наука и законодательство подвигаются впередъ, по мѣрѣ того, какъ опытъ указываетъ имъ на необходимость этого движенія. И такъ, покуда этотъ трудъ дѣйствуетъ перѣдко убивающимъ образомъ и на умственные способности, когда за него принимаются въ раннемъ возрастѣ. Еще не особенно давно, до изданія разныхъ правительственныхъ распоряженій, касающихся труда дѣтей и женщинъ въ коняхъ, въ этихъ подземныхъ царствахъ труда работали дѣти четырехъ, пяти, семи лѣтъ, какъ свидѣтельствовали правительственныя лица Англіи, посланные изслѣдовать это дѣло. Главный трудъ дѣтей состоялъ въ слѣдующемъ: дѣти приставлялись къ дверямъ, которыми раздѣлялись разные шахты и галереи; здѣсь дѣти должны были оставаться въ потьмахъ втеченіи двѣнадцати часовъ, въ сырыхъ проходахъ, сидя безъ дѣла и ожидая, когда имъ нужно будетъ открыть или закрыть дверь; это страшно отупляло дѣтей и отзывалось на ихъ здоровьи. Еще вреднѣе дѣйствовала на дѣтей обязанность втеченіи нѣсколькихъ часовъ сряду приводить въ движеніе вентиляторы, — этой работы дѣти не выносили долго и буквально теряли отъ нее сознаніе. Дѣти болѣе взрослые и дѣвушки употреблялись здѣсь на работу, состоявшую изъ передвиженія тѣлѣжекъ; иногда тѣлѣжки нужно было протаскивать въ низкихъ проходахъ, иногда по грязи, иногда по водѣ, иногда въ гору. Допущеніе дѣтей и дѣвушекъ до подобной работы было очень вредно, какъ въ гигиеническомъ, такъ и въ нравственныхъ отношеніяхъ и потому въ разныхъ государствахъ состоялось множество законодательныхъ распоряженій, запрещающихъ дѣтямъ и дѣвушкамъ работать въ коняхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

(Продолженіе.)

Глава IV.

Надо было согласиться на предложеніе добройшей сосѣдки, старушки Варвары Петровны, и поручить ей Ниночку... Тогда можно было бы оставить дома Варюшу. Но разъ что повезли въ Петербургъ Ниночку, нельзя было не повезти и Варюшу... а ужъ если брать Варюшу, то надо брать и Тоничку, потому что никто не умѣетъ

такъ ловко растирать Тоничку ножку, какъ Варюша.

— Ты замѣтилъ, мой милый Вольдемаръ, что у Тонички лѣвая ножка короче правой? Доктора увѣряютъ, что это золотуха и непременно пройдетъ современемъ, но только надо растирать іодомъ.

Эти слова говорила Володѣ хорошенькая женщина съ вьющимися бѣлокурыми волосами и такимъ моложавымъ лицомъ, что ее можно было принять за старшую сестру, а ужъ никакъ ни за мать черноватой институтки, которая сидѣла рядомъ съ Володей у большого круглаго стола передъ диваномъ.

На диванѣ же, уютно поджавъ подъ себя ножки, полулежала Марья Николаевна Солнцева.

Сына Юліи Ивановны Савлиной и институтку Ольгу Солнцеву познакомили сегодня въ первый разъ и усадили рядомъ съ убѣдительною просьбой сойтись и подружиться. Но сближеніе между ними подвигалось туго: вотъ уже съ часъ времени, какъ они сидятъ рядомъ, не говоря ни слова и только изрѣдка, да и то украдкой, взглядывая другъ на друга. Ни малѣйшаго дружелюбія не замѣтно было въ этихъ взглядахъ, напротивъ того, по всему было видно, что Володя не правится институткѣ, что она считаетъ его глупымъ, неразвитымъ мальчишкой, а Володя, въ свою очередь, думаетъ: какая жалость, что у Марьи Николаевны такая не симпатичная дочка, такая некрасивая и хитрая должно быть, зная, такъ остро глядитъ она своими маленькими, круглыми глазами, такъ непріятно кривитъ тонкія губы?

Алексѣй Алексѣвичъ прохаживался взадъ и впередъ по комнатѣ, покуривая сигару и безпрестанно подходя то къ сыну, то къ дочери Марьи Николаевны, то къ самой Марьѣ Николаевнѣ съ какой-нибудь шуткой или лаской. По временамъ онъ заглядывалъ въ дверь, отворенную въ сосѣдній номеръ, гдѣ завтракали дѣти подъ наблюдениемъ двухъ нянекъ и Варюши, той самой Варюши, что такъ ловко умѣетъ натирать Тоничку ножку.

Разговоръ шелъ о томъ, не выгоднѣе ли будетъ нанять меблированную квартиру на время ихъ пребыванія въ Петербургѣ? Жизнь въ гостинницѣ оказывалась слишкомъ убыточной; всего только три дня какъ они здѣсь, а сегодня имъ ужъ подали счетъ въ сорокъ рублей! И все за самое необходимое; дѣти привыкли въ деревнѣ кушать каждый день молоко, янца въ сметку, циплять, нельзя же имъ голодать ради того, что здѣсь все такъ безобразно дорого?

— Разумѣется, нельзя, пусть кушаютъ на здоровье, добродушно улыбался Алексѣй Алексѣвичъ.

И остановившись за стуломъ институтки, онъ довольно низко нагнулся къ ея шиньону изъ густыхъ черныхъ косъ, завернутыхъ неуклюжимъ узломъ на затылкѣ, и прошепталъ ей на ухо:— А васъ, барышня, говорятъ соусомъ изъ грифелей въ институтѣ кормятъ, правда это?

— Намъ жареныхъ циплять не подаютъ, сухо и громко отвѣчала мадемуазель Солнцева, рѣзкимъ движеніемъ отклоняясь въ сторону.

А Марья Николаевна, между тѣмъ, продолжала:— Я говорю, что Тоничку нельзя было не взять въ Петербургъ, ему нужнѣ полегчить, чѣмъ Егорушкѣ. Съ косыми глазками легче прожить, чѣмъ съ кривой ножкой, не правда ли, mon cher Woldemar?

За Попку Марью Николаевну тоже нельзя упрекать. Всѣмъ извѣстно, что это за капризный и своенравный ребенокъ; ее ни на минуту нельзя оставлять съ прислугой. Бѣдняжка не виновата, у нея были конвульси въ раннемъ дѣтствѣ и болѣзнь эта такъ повліяла на весь ея организмъ, что возни съ нею вдвое больше, чѣмъ съ други-

ми дѣтьми.— Quand la rage la prend, elle mord et elle griffe, comme un animal, добавила Марья Николаевна, обращая свое озабоченное личико къ Володѣ,—и я одна умѣю съ нею ладить...

Но все таки она поступила опрометчиво, пускаясь въ путь съ такимъ огромнымъ семействомъ, не разсчитавъ предварительно издержекъ.

— Мнѣ не слѣдовало никого слушать, не сдаваться ни на какіе уговоры...

При этихъ словахъ она съ очаровательной усмѣшкой взглянула на Алексѣя Алексѣвича.

— Надо было высчитать аккуратно каждую копѣйку и остаться дома.

Да, надо было остаться дома, не взирая на все желаніе повидать дочь, познакомиться съ Володей и показать докторамъ косые глазки Егорушки и кривую ножку Тонички, это было бы много благоразумнѣе, потому что тратить такіе деньги имъ, право же, не по состоянію!

— Сорокъ рублей въ три дня, это ужасно, ужасно! повторяла она своимъ пѣвучимъ, пѣжнымъ голосомъ, склоняя при этомъ голову набокъ, приподнимая съ наивнымъ ужасомъ тонкія, точно кистью выведенныя, брови и оттопыривая нижнюю губку.

Гримаска эта удивительно шла къ ней и она, вѣроятно, это знала, потому что всегда пускала ее въ ходъ, когда требовалось извлечь изъ какого нибудь посторонняго сердца снисхожденіе или состраданіе.

Алексѣй Алексѣвичъ никогда не могъ устоять противъ этой гримаски, да и не онъ одинъ, всѣ, рѣшительно всѣ, называли мадамъ Солнцеву прелестной женщиной. Каждое ея движеніе, каждое слово дышало такой граціей, во взглядѣ ея большихъ голубыхъ глазъ теплилось столько доброты и наивнаго чистосердечія, ротикъ ея, съ приподнятой верхней губкой надъ бѣлыми зубками, улыбался такой свѣтлой, веселой улыбкой! Никогда никто не слышалъ отъ нее другихъ словъ, кромѣ самыхъ пріятныхъ и деликатныхъ. Прислугѣ она говорила: «мой милый», «моя голубушка», «пожалуйста», какъ то особенно привѣтливо и убѣдительно напирая на второй слогъ этого послѣдняго слова. Дѣтей она иначе не звала, какъ «мое счастье» и «моя радость»; съ каждымъ постороннимъ умѣла заговорить всегда о такомъ предметѣ, который ему особенно близокъ къ сердцу и интересенъ. Спорить о чемъ бы то ни было Марья Николаевна терпѣть не могла, злыхъ толковъ о ближнихъ не переносила, называла каждое осужденіе сплетней и отказывалась ему вѣрить.

Бѣдная Юлія Ивановна Савлина! Въ цѣломъ мірѣ не нашлось бы человѣка, который, познакомившись съ мадамъ Солнцевой, не одобрилъ бы вкуса Алексѣя Алексѣвича и не извинилъ бы его увлеченія со всѣми его послѣдствіями: мадамъ Солнцева представляла такой рѣшительный контрастъ съ его законной супругой.

— Ты такъ добръ, что не бранишь меня, Алексѣй, продолжала распространяться Марья Николаевна, томно поводя усталыми глазами и останавливая ихъ, то на Савлинѣ, то на его сынѣ,—ты очень добръ, но мнѣ отъ этого не легче и я никогда себя не прошу...

— Ну полно, полно, прервалъ онъ ее расчувствованнымъ тономъ,—не мучь себя, ради Бога, такими пустяками! Деньги у насъ еще есть, а выйдутъ всѣ, такъ достанемъ, не безпокойся, подумай лучше о томъ, въ чемъ ты пойдешь сегодня къ графинѣ, у тебя нѣтъ ни одного порядочнаго платья...

— Какъ нѣтъ? встрепетнулась Марья Николаевна,—а сѣрое поплиновое? Оно очень еще прилично.

— Ну, нѣтъ, я съ этимъ вовсе не согласенъ и, какъ хочешь, я не позволю тебѣ ѣхать въ та-

комъ платьѣ! Этотъ сѣрый тюникъ просто отвращеніе! Ленты на немъ перематы, бахрома обдерганная... Если ты будешь продолжать надѣвать его въ гости, клянусь тебѣ честью, что я его сожгу!..

Онъ громко расхохотался; она тоже улыбнулась, но продолжала стоять на своемъ, увѣряя, что ей ничего не надо, что она сюда пріѣхала вовсе не для того, чтобъ заниматься нарядами, и наконецъ:

— Я старуха, у меня дочь пятнадцати лѣтъ, мы лучше ей что-нибудь купимъ, прибавила она, обращая свое улыбающееся личико къ Володѣ.— Такъ-ли я говорю, mon ami?

Онъ въ эту минуту смотрѣлъ на свою сосѣдку: опять та же пронырская усмѣшка безобразила ее и безъ того некрасивое лицо. Володя подумалъ, что она препротивная. Ему въ особенности не нравилось пронзительное любопытство, загорававшееся въ ея глазахъ каждый разъ, когда она взглядывала на Алексѣя Алексѣвича. А взглядывала она на него безпрестанно, кстатіи не некстатіи, но всегда угрюмо и обидчиво, не выказывая ни малѣйшаго расположенія относиться снисходительно къ его шуткамъ и добродушной внимательности къ ней. Володѣ было досадно за отца... Онъ такъ ухаживаетъ за этой дѣвчонкой, а она фыркаетъ и смотритъ на него такъ недружелюбно, враждебно, даже и съ замѣтнымъ отгѣвкомъ презрѣнія... Неужели онъ этого не замѣчаетъ? Вѣдь стоитъ только пристальнѣе взглянуть въ выраженіе ея лица, чтобъ убѣдиться въ этомъ.

Выраженіе это не ускользнуло отъ проницательности Марьи Николаевны. Не даромъ избѣгаетъ она такъ тщательно встрѣтиться взглядомъ съ глазами дочери и такъ тревожно поглядываетъ на Володю каждый разъ, когда Алексѣй Алексѣвичъ обращается къ ея дочери.

— Мы заѣдемъ въ гостинный дворъ, тамъ, вѣроятно, найдемъ что-нибудь подходящее и для барышни, продолжалъ между тѣмъ распространяться г. Савлинъ,—одно другому не мѣшаетъ, а тебѣ все-таки придется серьезно заняться костюмомъ...

Пронзительный крикъ изъ сосѣдней комнаты заставилъ его оборвать рѣчь на полусловѣ. Марья Николаевна вскочила съ дивана и начала прислушиваться.

— Господи! Что случилось?... Няня! Мина Андреевна! Что тамъ у васъ?

И, не дождавшись отвѣта, она выпорхнула съ легкостью пятнадцатилѣтней дѣвочки въ сосѣдную комнату, гдѣ слѣдующая сцена представилась ея глазамъ: злющая Попка, вся позелѣвѣвъ отъ ярости, одной рукой вырывала куклу у трехлѣтней сестренки, а другой теребила ее за длинныя бѣлокурыя кудри. Ниночка неистово визжала, отстаивая свою собственность на сколько хватало силенокъ, а няньки безъ толку суетились кругомъ, тщетно пытаясь растащить сѣдлившихся дѣтей.

У стола, заставленнаго остатками завтрака, большелобый Егорушка съ такимъ интересомъ слѣдилъ за дракой сестеръ, что забывалъ пить молоко, налитое ему на блюдечко заботливой Миной Андреевной. Онъ даже не замѣчалъ, какъ блюдечко это, приподнятое со стола жирной ручонкой съ неловкими пальчиками, мало по малу наклонялось въ сторону и какъ молоко выливалось на его фартучекъ и на столъ.

Когда, благодаря появленію матери и ея мастерекому умѣнью ладить съ дѣтьми, дѣвочки поуспокоились и даже помирились, Егорушка рѣшилъ, что смотрѣть больше не на что; онъ вспомнилъ про свой завтракъ, укусилъ сухарикъ, стиснутый въ лѣвой ручонкѣ и поднесъ къ губамъ блюдечко... Но, увы! оно было пусто, на скатерти передъ нимъ стояла лужа и мальчикъ заоралъ

такимъ благимъ матомъ, что Марья Николаевна принуждена была покинуть Ниночку съ Попкой и кинуться къ нему.

— Вотъ почему досадно, что мы ихъ всѣхъ сюда притащили, проговорилъ Алексѣй Алексѣвичъ, — они ей не дадутъ ни минуты покоя, она и здѣсь будетъ съ ними возиться день и ночь, какъ дома... Эй вы, отпѣтая команда! Подите-ка сюда, что я вамъ покажу...

Въ дверяхъ затолпились Тоничка, Ниночка и взбѣрошенная Попка.

— Что тамъ случилось? о чемъ реветъ Егорушка? ласково обратился къ нимъ отецъ.

Дѣти начали переминаться и переглядываться, потомъ за толкались, захихикали и, наконецъ, всѣ сразу заговорили съ большимъ оживленіемъ и стараясь перекричать другъ друга. За ними показалась Марья Николаевна съ Егорушкой на рукахъ. Ему нашли молока и онъ утѣшился, но слѣды недавнихъ слезъ еще видѣлись на лоснящемся красномъ личикѣ, которымъ онъ прижимался къ щекамъ матери.

Поднялся хохотъ, пискъ, возня. Алексѣй Алексѣвичъ тормозилъ дѣтей, щеко-талъ ихъ и заставлялъ перебѣгать отъ себя къ Володѣ, а отъ Володи къ барышнѣ Солнцевой.

Нинетитутка такъ холодно и неохотно относилась къ этимъ попыткамъ заигрыванія, что ее вскорѣ оставили въ покоѣ и кидались со всѣхъ ногъ только на Володѣ, да на отца.

Марья Николаевна начала вынимать шляпу изъ картонки.

— Ыдемъ, Ыдемъ, Маничка! повторялъ Савлинъ, въ промежуткахъ между такими упражненіями, какъ прогулки на четверинкахъ съ Попкой или съ Тоничкой на спинѣ. — Ыдемъ! Надо вернуться домой къ пяти часамъ, графиня обѣдаетъ въ семь... Да еще найдемъ-ли готовое платье, которое тебѣ было въ вѣху?

— О, непременно найдешь! Готовые костюмы мы всегда вѣху. За границей я всегда покупаю готовое платье.

— Еще бы, ты такъ великолѣпно сложена! Но все-таки проклажаться нечего, чего ты медлишь, я не понимаю?

— Мы хотѣлось бы дожидаться Сеню съ Левой, мой другъ, странно, что они до сихъ поръ не возвращаются... Нельзя-ли за ними послать, мой другъ?..

И вдругъ, обернувшись къ двери, она радостно вскричала: — Вотъ они!

По корридолу раздавались торопливые шаги маленькихъ ногъ, обутыхъ въ теплые сапожки,

даже два раза улицу, въ то время, когда по ней проѣзжали сотни, тысячи экипажей и проходили солдаты, а Лева разговаривалъ съ двумя дворниками, съ однимъ городовымъ и съ извозникомъ. Городовой ему сказалъ, что его золотая бляха стоитъ три рубля, а извозчикъ предложилъ прокатить его по всему городу за полтинникъ.

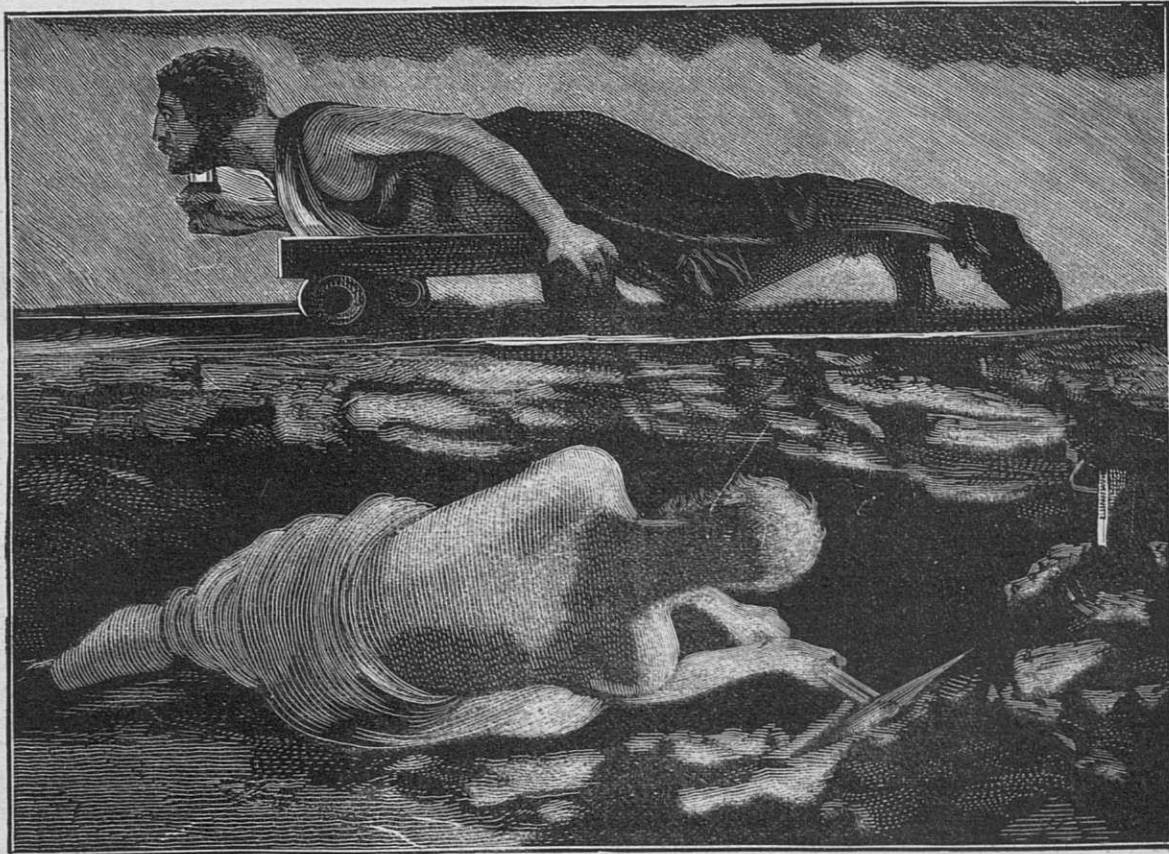
Маленькія окружили мальчиковъ и слушали

всѣ эти чудеса, разинувъ ротъ отъ изумленія, но изъ старшихъ одна только нинетитутка внимательно прислушивалась къ ихъ болтовнѣ. Володя размышлялъ о неприятной сценѣ, ожидавшей его дома.

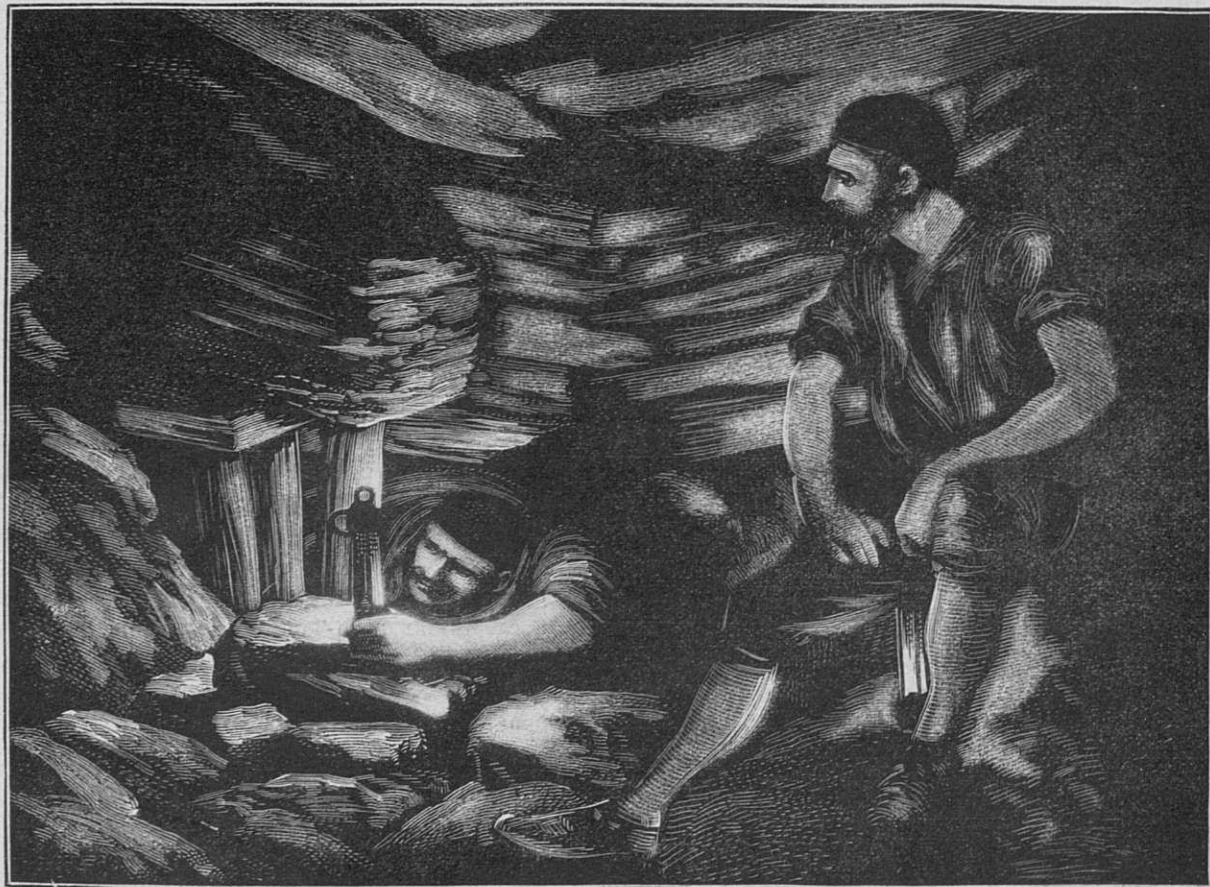
Сегодня, когда онъ передъ завтракомъ задумалъ выйти незаметно изъ дому, ему это не удалось; Юлія Ивановна остановила его въ дверяхъ прихожей и, Богъ знаетъ, почему, пристала съ расспросами: куда онъ идетъ и скоро-ли вернется домой.

Онъ отвѣчалъ ей скороговоркой и сквозь зубы, что идетъ гулять и будетъ дома къ обѣду, она что-то закричала ему вслѣдъ, но что именно — этого онъ не разслышалъ, потому что, пробѣжавъ безъ оглядки прихожую и сѣни, спустился стремглавъ полѣстницѣ и перевелъ духъ только въ концѣ соседняго переулочка.

Только тутъ почувствовалъ онъ себя въ безопасности. Сюда Оплатичъ не заглядывалъ, если даже ему и прикажутъ бѣжать за Володей и непременно вернуть его. Старикъ доплетется до крыльца, постонитъ тутъ съ минуту, глаза на право и на лѣво улицы, а затѣмъ, вернется тѣмъ же медленнымъ шагомъ назадъ и объявитъ барышнѣ, что молодого барина нигдѣ не пайти. Юлія Ивановна накинется на него, на крикъ выйдетъ изъ своихъ апартаментовъ тетенька и примется извѣстить племянницу... И пойдетъ исторія на цѣлый день! Очень мо-

Въ низкомъ проходѣ. Выбиваніе угля.

Осмотръ галереи.

(Къ ст. «Углекопы».)

дверь съ шумомъ растворилась и старшія дѣти, Сеня съ Левой, вбѣжали въ комнату.

Они вернулись съ прогулки по тротуару передъ гостиницей и пока ихъ раскутывали, болтали безъ умолку, хвастаясь другъ передъ другомъ отважностью и непослушаніемъ.

Имъ позволили доходить только до угла, но они пробѣжали гораздо дальше! Сеня перебѣжалъ

жеть быть, что диспутъ затянется до вечера, такъ что Володѣ представится возможность проскользнуть незаметно въ свою комнату и улечься спать безъ объясненій... Но завтра? Удастся-ли все такъ хорошо, какъ сегодня? А слѣдующіе дни?..

По всему видно, что отецъ останется здѣсь довольно долго... Есть-ли возможность такъ устроить, чтобы Юлія Ивановна никогда не узнала

что Володя видится съ нимъ? Это ужасно трудно. И что будетъ, если все откроется?

У Володи болѣзненно сжималось сердце и въ головѣ путалось при этой мысли.

Отецъ съ Марьей Николаевной занимались распредѣленіемъ разѣздовъ: куда заѣхать прежде, куда послѣ, чтобъ меньше времени держать карету и раньше вернуться домой.

Говорилъ больше Алексѣй Алексѣвичъ. Мадамъ Солнцева только утвердительно кивала головкой на все его доводы, видимо размышляя о другомъ. Вдругъ, она вскинула на г. Савлина умоляющій взглядъ и першительнымъ голосомъ предложила взять съ собою Попку.

— Она посидитъ въ каретѣ, пока мы будемъ ходить по лавкамъ, а здѣсь будетъ безъ нее много спокоейше, прибавила она, краснѣя и съ безпокойствомъ ожидая отвѣта.

Но Алексѣй Алексѣвичъ наотрѣзъ отказался обременять себя Попкой на сегодняшнее утро.

— Она насъ такъ стѣснитъ, что мы рѣшительно ничего не успѣемъ сдѣлать... Какъ это тебѣ не надоесть вѣчно съ ними возиться! замѣтилъ онъ довольно нетерпѣливо.

Марья Николаевна не настаивала. Она надѣла пальто, поправила вуалетку на шляпѣ и начала прощаться съ дѣтьми. Каждого изъ нихъ обнимала она и цѣловала такъ долго и нѣжно, какъ будто разставалась съ ними на цѣлый мѣсяцъ, каждому шептала отдельное правоученіе на ухо, а Попочку подзвала къ себѣ послѣ всѣхъ и дольше всѣхъ умоляла ее не ссориться и не драться съ братьями и сестрами.

Володѣ она крѣпко пожала руку и тоже что то прошептала ему на ухо. Одной только дочери не нашла она ничего сказать

и, наскоро поцѣловавъ ее въ лобъ, торопливо поспѣшала за Алексѣемъ Алексѣвичемъ, который уже спускался съ лѣстницы.

— Мы тебя застанемъ здѣсь, Володя? закричалъ онъ сыну со второй площадки.

Марья Николаевна отвѣчала за молодого Савлина, что онъ далъ ей слово присмотрѣть за дѣтьми во время ихъ отсутствія и провести весь

сегодняшній день у нихъ.

— Я его ужасно полюбила, продолжала она, усаживаясь въ карету и нѣжно поглядывая на своего спутника, — онъ такой милый, весь въ тебя!

И, помолчавъ немного, она прибавила: — Она даетъ ему много свободы. У него даже не спрашиваютъ, гдѣ онъ проводить свободное время

милая, разсѣянно возразилъ Алексѣй Алексѣвичъ.

— Насчетъ сходства съ покойнымъ Петромъ Петровичемъ, я съ тобой не согласенъ... Она добрая должна быть, но только застѣнчива, разумѣется, и неловка, какъ всѣ дѣвушки ея лѣтъ...

Марья Николаевна пристально на него посмотрѣла и въ глазахъ ея блеснули слезы. — Алепа,

ты... ты просто ангелъ! прошептала она въ сильномъ волненіи.

И хотѣла еще что-то прибавить, но смолкла и только крѣпко пожала ему руку.

Онъ, должно быть, понялъ значеніе этой ласки, потому что нѣжно поцѣловалъ ея ручку и, не выпуская ее изъ своей руки, отвернулся къ окну, чтобъ скрыть смущеніе. Они молча проѣхали до Караванной улицы.

Тутъ Марья Николаевна, весьма кстати, вспомнила рассказы одной барыни соседки, большой щеголихи, постоянно ѣздившей за туалетами въ столицу. Барыня эта рекомендовала ей одинъ магазинъ именно на этой улицѣ, магазинъ готовыхъ платьевъ, бурнусовъ и тому подобныхъ confections.

— Не заѣхать ли намъ прежде сюда, а ужъ потомъ въ гостинный дворъ? предложила мадамъ Солнцева.

Мысль вышла прудчая. Въ означенномъ магазинѣ нашлось все, рѣшительно все, что было нужно, въ наилучшемъ видѣ и не особенно дорого, если взять въ соображеніе доброкачественность матеріала, изящность фасона и отдѣлокъ.

Пока она примѣривала новый костюмъ и вертѣлась въ немъ передъ зеркаломъ, Алексѣй Алексѣвичъ отправился за другими покупками и такъ загромождилъ ими переднее сидѣніе кареты, что картонки съ нарядами, выбранными Марьей Николаевной, пришлось ставить на колѣни.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Карлъ Федоровичъ Гунь.

Ст. А. Н. Толиѣровой, съ набросками, картинами и портретомъ Гуна.

(Окончаніе.)

По пріѣздѣ въ Россію, въ 1872 году, Гунь былъ избранъ членомъ совѣта академіи худо-

Межеваніе въ водѣ.

Споръ подъ землей.

(Къ ст. «Углекопы».)

между уроками.

— Слава Богу хоть за это! замѣтилъ съ легкимъ вздохомъ Савлинъ.

— А съ моей Олей Володя, кажется, не сошелся, проговорила немного спустя г-жа Солнцева, — да и не мудрено, она такая... непривѣтливая, такъ напоминаетъ отца!

— Ты думаешь? Почему же? Твоя Оля тоже

жествъ и назначенъ штатнымъ профессоромъ. Въ академіи онъ былъ однимъ изъ лучшихъ профессоровъ. И съ его смертію академія понесла незамѣнимую утрату. Правда, засѣдая въ совѣтѣ, онъ не могъ произвести коренныхъ перемѣнъ, пересоздать нѣкоторые правила, на которыхъ лежало густой слой рутинной пыли, но самъ лично онъ смотрѣлъ иными глазами на задачу искусства и этотъ-то свѣжій взглядъ онъ сообщалъ и ученикамъ. Гунъ не былъ инициаторомъ, по свойству своей натуры онъ публично не нападалъ на пороки, но за то онъ никогда не могъ лѣстить и въ угоду другимъ, даже еслибы эти другіе составляли большинство и были великіе міра сего, не мѣнялъ своихъ убѣжденій.

Сдѣлавшись профессоромъ, онъ отдался вполне своей задачѣ, ученики любили и уважали его. Въ академіи Гунъ пробылъ до 1874 года. Въ это время онъ покончилъ нѣсколько картинокъ и акварелей, начатыхъ еще за-границей.

Написалъ портреты: Римскаго-Корсакова, г-жи Солдатенковой, урожденной Филипповъ, и княгини Барятинской, плафонъ на главную лѣстницу Анничкова дворца, изображающій улетающую ночь и появленіе Авроры, образа св. Анны Пророчицы и Благовѣщенія для Государыни Императрицы, нагорную проповѣдь Христа и явленіе Спасителя Маріи Магдалины для православной церкви, построенной фонъ-Дервизомъ въ Лугано, великомученицы Варвары для памятника г-жи Орловой и св. Николая Чудотворца, для яхты «Держава».

Изъ его акварелей, особенно были хороши виды окрестностей Ланьи во Франціи, мѣстечко Байе въ Нормандіи, Сиракузы и Джирженти въ Сициліи.

Лѣтомъ, 1873 года, Гунъ сдѣлалъ поѣздку во внутрь Россіи. Изъ этой поѣздки онъ привезъ новую коллекцію рисунковъ и акварелей, этюдъ съ натуры «Возка сноповъ въ полѣ» и картинку «Крестьяне на сѣнокосѣ».

Въ большой картинѣ, заказанной А. П. Боголюбову по случаю празднованія двухсотлѣтняго юбилея рожденія Петра Великаго, всѣ фигуры были написаны Гуномъ. Самостоятельной работой Гуна, по случаю того же праздника, была прекрасная акварель «Видъ на церемонію, во время молебствія, съ лѣстницы сената». Эта акварель составляетъ собственность великаго князя Владиміра Александровича.

Въ началѣ 1874 года Гунъ женился на дочери извѣстнаго архитектора Монигетти, Вѣрѣ Ипполитовнѣ Монигетти. Весною того же года онъ заболѣлъ воспаленіемъ. Будучи человѣкомъ не особенно крѣпкаго сложенія, онъ вскорѣ почувствовалъ замѣтный упадокъ силъ. Доктора посоветовали ему поѣхать въ Самару для леченія кумысомъ. Во время пребыванія на кумысѣ кромѣ рисунковъ карандашомъ, зачерченныхъ изъ приволжскихъ окрестностей Самары, и прекрасной акварели «Крестьянскій дворъ при солнечномъ освѣщеніи», онъ написалъ превосходную картину «Перевозъ на рѣкѣ Самаркѣ». Болѣзнь помѣшала Гуна кончить эту картину, точно также, какъ эта картина, въ свою очередь, помѣшала Гуна поправить свое разстроенное здоровье.

Такъ какъ она начата была при солнечномъ освѣщеніи, то лучшее время для прогулки онъ проводилъ за работой. Только послѣ заката солнца Гунъ позволялъ себѣ отдыхъ и шелъ на прогулку. Понятно, такой образъ жизни не могъ возстановить силъ. Въ картинѣ «Перевозъ на рѣкѣ Самаркѣ», Гунъ проявилъ тонкій наблюдательный талантъ. На картинѣ изображенъ ясный день. Рѣка не шелухнетъ. У берега, на паромѣ, стоятъ: возъ сѣна и нагруженный телеги, на берегу подлѣ выпряженныхъ лошадей стоитъ группа мужиковъ. На лѣво, на пригоркѣ расположена деревенька.

По возвращеніи въ Петербургъ, Гунъ не чувствовалъ облегченія. И доктора совѣтовали ему бѣжать отъ русской зимы въ Ментону. Гунъ взялъ четырехмѣсячный отпускъ и отправился за-границу, возлагая всѣ свои надежды на теплый климатъ южной Франціи. Живя въ Ментонѣ, онъ много зачерчивалъ съ натуры, думалъ было окончить свой «Перевозъ». Но этого онъ сдѣлать не могъ, другое освѣщеніе, другая обстановка, ставили художника въ нѣвыгодныя условія и онъ, не находя возможнымъ писать по памяти, оставилъ ее окончаніе до Россіи.

Въ началѣ 1875 года онъ оставилъ Ментону и перѣхалъ въ Парижъ, гдѣ окончилъ свою картину «Одаиску», осматривалъ французскую выставку и затѣмъ направился сначала къ своимъ родственникамъ въ Липландію и осенью вернулся въ Петербургъ для того, чтобы покончить съ своими дѣлами и потомъ перѣхать на постоянное жительство въ теплый климатъ.

А между тѣмъ болѣзнь дѣлала свое дѣло... Силы больного все болѣе и болѣе ослабѣвали, къ тому же, влѣдствіе дурныхъ климатическихъ условій, у него началось кровохарканіе. Это послѣднее обстоятельство испугало Гуна и онъ рѣшился тотчасъ же оставить Петербургъ и поѣхать въ Каиръ. Но прежде, чѣмъ привести въ исполненіе это свое намѣреніе, онъ обратился къ докторамъ, которые одобрили его намѣреніе и посоветовали, какъ можно скорѣй оставить Петербургъ и ѣхать или въ Каиръ, или въ Италію. Передъ отъѣздомъ, Гунъ, любившій порядокъ, самъ переписалъ все свое имущество и оставилъ его у своихъ товарищей. Съ собой же взялъ только нѣсколько рисунковъ.

Въ декабрѣ 1875 года, Гунъ, вмѣстѣ съ своею женою, направился въ Вѣну. Провожающимъ его друзьямъ было ясно, что эта поѣздка будетъ послѣдней и что онъ болѣе не вернется въ ихъ тѣсный кружокъ. Онъ и самъ, повидимому, признавалъ свое положеніе, но только ему было страшно въ этомъ сознаться даже передъ самимъ собой.

По пріѣздѣ въ Вѣну, Гунъ совѣтовался съ извѣстнымъ діагностомъ Б. и по его совѣту поѣхалъ зимовать не въ Каиръ, а въ Ачиреале въ Сицилію. Хорошій климатъ возстановилъ на нѣкоторое время его силы и онъ тотчасъ же принялся за кисти и началъ съ увлеченіемъ работать. Въ Ачиреале онъ написалъ нѣсколько прекрасныхъ акварелей: «Катанія», «Таурмандскаго театра», «Этны», «Дворъ Палаццо Карвая» и еще оставшіеся, къ несчастію, неоконченными этюдъ, «Нищій въ шалашѣ».

Въ 1876 году, весною, Гунъ поѣхалъ черезъ Неаполь въ Римъ, Флоренцію, Туринъ, Женеву и оттуда въ Гейдельбергъ, гдѣ и совѣтовался съ докторомъ Фридрихомъ. По его совѣту, онъ лечился водами въ Соденѣ, а оттуда, мѣсяцъ спустя, перѣхалъ въ Баденъ-Баденъ. Почувствовавши, что соденскія воды ослабили его, онъ снова поѣхалъ въ Гейдельбергъ къ тому же Фридриху, но, не заставъ его, посоветовался съ другимъ докторомъ фонъ-Душемъ. Фонъ-Душъ посоветовалъ ему перѣхать изъ Баденъ-Бадена въ Швейцарію, и затѣмъ, если не будетъ лихорадочнаго состоянія, въ концѣ сентября перѣхать на зиму

въ Давосъ, въ кантонъ Граубюнденъ, гдѣ и пробыть до весны. А весною, когда снѣгъ начнетъ таять, поѣхать въ Италію. При отправленіи Гуна въ Давосъ, докторъ предупредилъ его, что горный воздухъ сильно дѣйствуетъ на легкія и производитъ тотчасъ же или облегченіе, или ухудшеніе. Гунъ, нисколько не колеблясь, оставилъ въ половинѣ августа Баденъ-Баденъ и поѣхалъ черезъ Страсбургъ въ Люцернъ. Этотъ перѣздъ нисколько не утомилъ его, такъ что онъ, въ Люцернѣ, ходилъ пѣшкомъ. Изъ Лютерна Гунъ поѣхалъ черезъ Цюрихъ въ Гейденъ и оттуда въ половинѣ сентября въ Давосъ. Какъ только въ октябрѣ мѣсяцъ выпалъ снѣгъ, Гуна сдѣлалось хуже. Но онъ оставался тамъ, думая, что ухудшеніе произошло оттого, что онъ не умѣлъ освоиться съ климатомъ.

Вотъ что сообщаетъ Г. П. Н. въ своемъ биографическомъ очеркѣ, изъ дневника покойнаго Гуна.

7-го (19) декабря сказано: «вѣрно, Давосъ мало годится для больныхъ; по нашему корридору, за послѣдніе дни, уже слегло восемь человѣкъ». Смерть нѣсколькихъ больныхъ разрушительно подѣйствовала на состояніе духа Гуна и онъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ Давоса, проситъ писать ему какъ можно больше: «пишите мнѣ письма не меньше трехъ аршинъ длины со всѣми сплетнями и новостями, иначе я умру отъ скуки». Но, не смотря на скуку и не хорошо дѣйствующій климатъ Давоса, Гунъ началъ поправляться, онъ лучше спалъ и голосъ его сталъ чище.

Но послѣ того, какъ онъ, опуская подъемную машину въ кургаузѣ, надорвался, ему сдѣлалось гораздо хуже, боль въ боку, одышка и кашель такъ мучили его, что онъ не могъ лежать и спать только сидя и то очень немного. Въ своемъ дневникѣ 13-го, 14-го и 15-го января онъ жалуется на безпокойство, тяжесть головы, трудность сообщенія и крайнюю потерю силъ, а на слѣдующія сутки, 16-го (28) января 1877 года, Гуна уже не стало. Онъ умеръ на сорокъ седьмомъ году жизни.

Жена перевезла его тѣло, согласно его желанію на родину, въ Сиссегаль, гдѣ К. О. Гунъ и похороненъ рядомъ съ своимъ отцомъ и матерью, которыхъ онъ страстно любилъ и при жизни постоянно о нихъ заботился. Нельзя глубоко не пожалѣть, что неумолимая смерть отняла его въ то именно время, когда онъ могъ принести столько пользы, какъ профессоръ. Изъ наличныхъ академическихъ силъ никто не можетъ замѣнить его. Его мѣсто въ академіи останется до тѣхъ поръ не занятымъ, пока не явится новое лицо, которое будетъ обладать такими же знаніями, какими обладалъ Гунъ, и такимъ же честнымъ отношеніемъ къ своему дѣлу.

Для почитателей таланта покойнаго К. О. Гуна, я считаю нужнымъ привести списокъ извѣстныхъ его работъ, а также указать мѣста, гдѣ онъ находится и способъ, которымъ онъ былъ воспроизведенъ.

І. КАРТИНЫ.

1) І. Х. отрокъ между книжниками и фарисеями въ Храмѣ. (Акад. выст. 1859 г.); Купл. г. Безе въ Финляндію. 2) Олимпийскія игры (2 зол. мед. на акад. выст. 1860 г.); у г. Ульмана. 3) Вел. княг. Софія Витовтовна вырываетъ поясъ у В. К. Василія Косого на свадьбѣ Василія III Темнаго. (1 зол. мед. на акад. выст. 1861 г.); у г. Медвѣдниковъ въ Москвѣ. 4—6) образа для иконостаса церкви Покрова въ Елабугѣ Вят. Губ., по заказу купца Стахѣева: мѣстный Б. М., двухъ евангелистовъ въ цар. вратахъ и икона въ

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ФРАНЦИСКО МАСПЕРА.

Рабыня.

Рѣзано на деревѣ въ Барселонѣ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ЕРДМАНА.

Услуга.

Резать на деревѣ Брендамуръ.

наній вѣяло дикою прелестью полевого цвѣтка или лѣсного плода. На каждой минутѣ его охватывало бурное желаніе повидаться съ Роменой, но онъ не смѣлъ подойти къ ея кровати, онъ боялся каждаго слова, каждаго вопроса. Онъ думалъ, что Филомена уже говорила съ нею и дрожалъ при мысли, что ея переговоры неуспѣшны и она не убѣдитъ Ромену согласиться на операцію. Минуту спустя онъ убѣждался въ противоположномъ и вздрагивалъ, думая о завтрашнемъ днѣ. Онъ говорилъ себѣ, что долженъ идти къ больной и помочь сестрѣ Филоменѣ восторжествовать надъ ея слабостью, что онъ долженъ говорить съ Роменой, сказать ей, съ какой осторожностью онъ будетъ обращаться съ ея тѣломъ... Но онъ оставался, чувствуя, что у него не хватаетъ силъ, и невольно останавливалъ взоръ на холодной стали своихъ инструментовъ.

XXII.

Въ залѣ св. Терезы разговаривали двѣ женщины, сидѣли на кроватяхъ; одна вышивала, другая была старуха, съ повязкой на глазахъ.

— Кажется, скоро четыре часа? спросила старуха у швен.

— Да, уже темнѣетъ...

— Темнѣетъ? А мнѣ всегда темно...

— Ахъ да, это правда!

— Отчего сегодня не слышать сестры Филомены? Она всегда такъ акуратна... Можетъ быть, она нездорова... У нея что-то не хорошо видѣ... Она не подзывала къ себѣ дѣвочку № 5-й, и ничего ей не давала по своему обыкновенію... Ахъ, да вотъ она... Она возлѣ № 29-го... Сидѣлка мнѣ сказала, что будутъ что-то рѣзать завтра № 29-му... Такъ вотъ она и уговариваетъ ее... Вамъ слышно, какъ она ее уговариваетъ?.. Вы отъ нея близко...

— Странно! У нея нѣтъ того ласковаго голоса, которымъ она такъ и забирается въ душу, и заставляетъ дѣлать все, что хочетъ...

— Это, можетъ быть, потому, что времени мало, а та отказывается... Когда есть время, они васъ не торопятъ... Я все эти дѣла знаю... Они берутъ васъ потихоньку... Они хитрые... они сейчасъ понимаютъ, что вы нервная, какъ они выражаются... И тогда впродолженіи двухъ или трехъ дней, они вамъ говорятъ... да просто ничего не говорятъ... «Тамъ увидимъ... Посмотримъ!» вотъ все какія слова. Такъ и не знаешь, будутъ-ли они дѣлать операцію или нѣтъ, а между тѣмъ голова работаетъ и мало-по-малу приучаешь къ этой мысли... Когда они видятъ васъ въ этомъ расположеніи, то начинаютъ говорить такъ равнодушно, не подавая виду: «Еслибъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, еслибъ у меня было тоже, что у васъ, я бы непременно отдѣлался отъ этого... впрочемъ, дѣлайте, какъ знаете?..» И оставляютъ васъ въ покоѣ на два или три дня, пока у васъ все это не переработается въ головѣ... И наконецъ, въ одно прекрасное утро, они говорятъ безъ всякихъ приготовленій: «Если вы не согласны на операцію, ваша болѣзнь неизлѣчима»... Это заставляетъ окончательно рѣшиться, такъ какъ уже вы мало-по-малу подготовлены... А что касается до этой... До № 29-го? Что она отвѣчаетъ?.. рѣшается?

— Она что-то бормочетъ о своемъ тѣлѣ: «Мое бѣдное тѣло!» вотъ и все... А сестра Филомена такъ сурово уговариваетъ ее, пугаетъ ее смертью...

— Видите-ли, немного напугать не мѣшаетъ... Но, вотъ и кончено! вотъ и сестра Филомена... Какой у нея болѣзненный видъ!

XXIII.

На другой день, около одиннадцати часовъ, два служителя въ фуражкахъ, помѣченныхъ двумя красными буквами А. П., вносили на верхъ носилки, на которыхъ лежала блѣдная женщина, съ видомъ унылымъ и какъ бы поработаннымъ,

съ испуганнымъ взглядомъ, съ чертами, искаженными страданіемъ. Барнье и сестра Филомена, съ помощью сидѣлки, уложили ее на кровать съ безконечными предосторожностями. Когда Ромена улеглась, ея молчаливая запуганность смѣнилась бурнымъ потокомъ изліяній.

— Я люблю тебя, Барнье, вскричала она, и цѣлый потокъ нѣжныхъ выраженій сорвался съ ея губъ; въ ея глазахъ горѣла страсть.

Барнье знакомъ просилъ ее замолчать и успокоиться, и поспѣшно вышелъ изъ залы, между тѣмъ, какъ на табличкѣ, внизу кровати записывали: «операція сдѣлана 7 февраля». Онъ встрѣтилъ Маливуара на лѣстницѣ.

— Придешь завтракать? спросилъ тотъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Барнье, — я не голоденъ сегодня.

И, поспѣшно войдя въ свою комнату, онъ упалъ въ кресло. Было время: у него подкашивались ноги. Тѣло этой женщины явилось передъ нимъ и онъ не могъ отогнать этого видѣнія. Глаза его покоились на этой молодой, дѣвственной груди, маленькой, полной, свѣжей, на которой когда-то отдыхала его голова, и его ножъ погружался въ эту грудь, его рука запускала туда холодную сталь... Страшное видѣніе преслѣдовало его всюду: все начиналось съизнова, и только что оконченная имъ операція длилась вѣчно, вѣчно! Его фартукъ былъ запятнанъ кровью; сначала онъ этого не замѣтилъ... Онъ сорвалъ его съ себя и вышелъ въ залу св. Терезы. Увидя его, Ромена улыбнулась ему своими большими, полужакрытыми глазами, обведенными темными кругами, одной изъ тѣхъ улыбокъ, которыми больные просятъ оставить ихъ въ покоѣ. Онъ возвращался нѣсколько разъ. Ромена смотрѣла на него все съ той же лѣнливой, полусонной улыбкой. Наконецъ, когда онъ пришелъ въ послѣдній разъ ночью, она сказала ему такъ тихо, что онъ принужденъ былъ наклониться къ ней:

— Барнье! ты видѣлъ меня... ты видѣлъ мое тѣло послѣ операціи?.. Я ужасна?.. я страшна?.. Лучше было бы умереть, не правда-ли?.. Зачѣмъ меня уговаривали?.. Кому я нужна теперь? И ты такъ гордился мною... помнишь-ли?.. Ты находилъ, что я хорошо сложена... Ахъ, лучше, лучше было бы покончить меня разомъ!..

XXIV.

— Зачѣмъ вы все дѣлаетесь моя милая? Лежите смирно! сказалъ докторъ на другой день. Онъ подошелъ къ ней, осмотрѣлъ ее, послушалъ кожу, затѣмъ, открывъ ей грудь, долго прислушивался.

— Г. Барнье! вы не находите ничего неправильнаго въ сердцѣ и въ легкихъ?

— Ничего... ничего...

— И я тоже... Все идетъ хорошо, моя милая... Дойдя до конца залы, докторъ обратился къ студентамъ:

— Господа! я сказалъ, что клиника не будетъ... Я передумалъ... сойдемъ внизъ!

И когда студенты собрались вокругъ него на ступеняхъ амфитеатра, онъ сказалъ:

— Господа! я хочу говорить съ вами о № 29. Операція была превосходно сдѣлана... Я самъ не сдѣлалъ бы лучше, чѣмъ г. Барнье. Вы видѣли эту бѣдную женщину, вы замѣтили, съ какимъ стараніемъ я выслушивалъ ее. Я просилъ г. Барнье сдѣлать тоже, и мы нашли всѣ органы въ нормальномъ состояніи... У больной нѣтъ ни рожи, ни кровяного вереда, ни воспаления, однимъ словомъ, ничего опаснаго, а между тѣмъ, скажу вамъ, я боюсь... Надо признать, господа, чего бы намъ это ни стоило, что наука и опытъ наталкиваются иногда на тайны, которыя какъ будто издѣваются надъ нами, на тайны, непонятныя намъ, не смотря на всю нашу ученость, и къ которымъ мы можемъ примѣнить одно

только слово: случай! потому что, однимъ только этимъ словомъ можно обозначить неизвѣстное... Пять или шесть лѣтъ тому назадъ, я дѣлалъ точно такую же операцію, надъ такой же больной. На другой день послѣ того, я нашелъ больную безпокойною, взволнованною, безпрестанно мѣняющею мѣсто; впрочемъ, никакого внутренняго поврежденія, какъ и въ настоящемъ случаѣ. Она умерла черезъ три дня, и вскрытіе не показало мнѣ причины ея смерти и никакого матеріальнаго поврежденія. Г. Барнье, вы предупреждены теперь... Слѣдите за больной... Лечение должно быть самое энергическое.

XXV.

— Пить! дайте мнѣ пить! сказала Ромена Барнье, когда онъ подошелъ къ ея кровати. — Ахъ! мнѣ не хорошо...

Она безпрестанно двигалась, ворочалась, повертывала голову въ разныя стороны, вытятивала и сжимала руки, поднимала одну ногу и опускала другую. Она жаловалась на одышку, на боль въ спинѣ, на тошноту и на общую боль во всѣхъ членахъ. Барнье провелъ цѣлый день и ночь, ухаживая за нею, стараясь побѣдить болѣзнь сильными лекарствами. Все было напрасно: онъ не могъ разогнать волненія, утишить лихорадку, утолить жажду, успокоить безпокойные члены, поминутно ворочавшіеся подъ одеяломъ.

Во время утренняго обхода, врачъ приподнял повязку. Въ ранѣ не оказывалось ничего дурного. Но больная находилась въ возбужденномъ состояніи, граничившемъ съ бредомъ, и всякая надежда исчезла.

Ромена не говорила болѣе съ Барнье. Вдругъ она схватила порывисто и яростно его руки, обвила пальцами вокругъ его пальцевъ и впилась въ него взглядомъ своихъ большихъ глазъ, въ которыхъ зрачокъ свѣтился, какъ точка.

— Я не умру, Барнье? заговорила она прерывисто, — я не хочу умереть... не хочу... не хочу!.. Барнье! сдѣлай, чтобы я была жива... Я такъ молода... Что же вы все здѣсь за доктора, если не можете спасти меня?.. О, я тебя крѣпко держу... я тебя не выпущу... Ну, мнѣ все равно... хороша я или нѣтъ... Пусть со мной дѣлаютъ, что хотятъ... только, чтобы я жила... жить... я жить хочу!..

Оттолкнувъ съ ужасомъ руки Барнье, которыми сжимала, какъ въ тискахъ, она снова заговорила:

— А! мясникъ! какъ ты усердно работаешь! какъ ты рѣзалъ!.. Для тебя это только кусокъ мяса—больше ничего... Оставь меня!.. Я рада, что бросила тебя... Я жалѣю, что мало гуляла, мало обмывала васъ, мужчинъ!

И она улыбнулась болѣзненной улыбкой, которая тотчасъ же исчезла.

— Ромена! умоляю тебя! говорилъ Барнье.

Но умирающая прицѣпилась къ нему и, стараясь схватиться за его руки, продолжала:

— Другія!.. Какое мнѣ дѣло до другихъ!.. Пусть онѣ умираютъ все! Я еще не покончила съ жизнью... У васъ въ семьѣ живутъ долго... я сильна... я всегда была здорова... Я ходила зимою въ морозы въ одномъ платьѣ, помнишь?.. Боже! какъ я страдаю... какая жажда... А! палачъ! еслибъ мнѣ въ зубы попалось твое тѣло, ты бы увидѣлъ, какъ я кусаюсь! Дай пить... пить... дай... у меня языкъ, точно деревянный!

Ей дали пить,—пальцы ея разжались и она впиалась въ тяжелый сонъ, предвѣстникъ смерти. У Барнье не хватало силъ оставаться долѣе. Онъ убѣжалъ. Мимоходомъ онъ услышалъ за занавѣсами одной кровати голосъ сестры Филомены, говорившій:

— Да, въ самомъ дѣлѣ, это ужасно... Не надо было бы принимать сюда этихъ женщинъ, или отводить имъ отдѣльныя комнаты... По крайней мѣрѣ, онѣ умирали бы, не производя скандала...

XXVI.

Обѣдъ только что кончился. Послѣдняя корка

хлѣба, хрустѣвшая на зубахъ больного, производила звукъ, похожій на грызенье мыши. День склонился къ вечеру и погасалъ. Таинственный полумракъ сумерекъ проникалъ мало-по-малу въ залу, окутанную первыми вечерними тѣнями, борющимися съ блѣдными, утѣшающимъ дневнымъ свѣтомъ, отражавшимся блѣловатымъ лучомъ на верхнихъ переплетахъ оконъ. Оба конца залы были уже погружены во мракъ, только въ глубинѣ, на стеклянной двери, ведущей въ комнату сестры Филомены, скользила слабая полоса свѣта, сквозь кисейныя занавѣси, и въ туманѣ сумерекъ неясно вырисовывались похожія на тѣни фигуры прохаживающихся больныхъ. Сидѣлка спустила лампадки и зажгла ихъ одна за другою.

Тогда въ самомъ темномъ углу залы, при трепетномъ свѣтѣ лампадки, горѣвшей надъ небольшимъ алтаремъ, мракъ населенъ образами и формами, которые двигались безшумно, какъ духи, только по временамъ слышалось шуршанье ихъ одежды. Дойдя до свѣтлаго круга, образуемаго свѣтомъ лампадки, больные появлялись, съ трудомъ таща за собой стулья. Впереди шла высокая, худая женщина, вся въ черномъ, закутанная въ небольшую черную шаль, завязанную на спинѣ, вытягивая руки впередъ, какъ бы боясь упасть; за нею медленно брели двѣ сгорбленныя старухи тоже со стуломъ въ рукахъ; высокая молодая женщина, съ нѣсколькими растрепавшимися черными волосами, шла одна, изящная и стройная, въ сѣрой больничной блузѣ; съ нею шли двѣ маленькія дѣвочки весело смѣясь; за ними переступали женщина съ перевязанной рукой и крестьянка въ крестьянскомъ чепчикѣ. Поддерживаемая подъ руки двумя выздоравливающимъ, подвигалась съ трудомъ хорошенькая молодая женщина, немного запрокинувъ голову и улыбаясь болѣзненной улыбкой.

Сестра Филомена, взойдя на ступени алтаря, зажгла одну за другой всѣ восемь свѣчей въ обѣихъ канделябрахъ и, не обертываясь, говорила по временамъ: «тебѣ», когда больные разговаривали слишкомъ громко.

Больные усеѣлись въ кружокъ на стульяхъ. Молодую женщину усадили въ единственное кресло, которое тутъ находилось, такъ какъ она была слабѣе всѣхъ. Ея обѣ спутницы подложили ей подушку за спину и покрыли ноги одѣяломъ. Филомена подошла къ колокольчику, вдѣланному въ стѣну, и дала первый звонокъ; затѣмъ, подождавъ, чтобъ наступила тишина, она позвонила во второй разъ и сказавъ ясно и отчетливо: — «Помолимся!» — стала на колѣни передъ алтаремъ посреди собравшагося кружка больныхъ.

И вотъ голосъ ея, слегка дрожащій и кроткій, раздался посреди совершеннаго безмолвія и пошелъ подъ своды. То былъ голосъ звонкій и разлѣтливый, чистый, какъ звонъ хрусталя, ясный и отчетливый, какъ урокъ, произносимый ребенкомъ, дѣтвенный, какъ пѣніе птицы, голосъ, похожій на одушевленный инструментъ, проникавшій въ глубину души слушателей.

— Увы, Господи! какъ могу я достойно возблагодарить Тебя за Твои неизрѣченныя щедроты? молилась Филомена. — Хвалите Его вмѣстѣ со мной, Ангелы небесные, Херувимы и Серафимы, хвалите Его за Его милосердіе къ намъ, грѣшнымъ и недостойнымъ...

И изъ глубины залы самые трудные больные повторяли за нею шепотомъ слова молитвы. При звукахъ этого религіознаго пѣнія, раздался крикъ изъ кровати Ромены и безсвязныя слова прервали на минуту молитвенное пѣніе.

— Священникъ... вотъ онъ!.. тутъ.. задержите занавѣси... бредила Ромена: — Они поютъ... они служатъ обѣдню... не хочу слушать... и дверь растворили... Барнѣ! А! они поднимаются по лѣстницѣ... входятъ сюда... Прочь, проклятый докторъ! Ты принесть мнѣ смерть!..

— Помолимся! сказала Филомена строго и повелительно: — Отче нашъ! иже еси на небесахъ...

И больные со стульевъ и кроватей повторяли за ней слова молитвы, закончившіяся торжественнымъ возгласомъ: — «Аминь»

— Довольно пѣнія! бредила Ромена. — Оно меня беспокоитъ... Унесите цвѣты... у нихъ такой противный запахъ... Они не умѣютъ пѣть... Я тоже знаю пѣсеню... вотъ на этотъ пафѣвъ...

И Ромена запѣла простонародную пѣсню.

— Богородице Дѣво радуйся, благодатная Маріа, пѣла Филомена все громче, сильнѣе и властительнѣе.

— Уйдемъ! кричала Ромена въ бреду, — перепрыгнемъ черезъ заборъ... А! этотъ любилъ меня... очень любилъ...

— Вѣрую Господи и исповѣдую... говорила Филомена твердымъ голосомъ, который требовалъ безмолвія вокругъ себя и, какъ желѣзные тиски, замыкалъ уста умирающей. — Господи! сжался надъ нами! Иисусе, не остави насъ!

— Барнѣ! позвала Ромена разбитымъ голосомъ, похожимъ на стонъ, — я хочу... мои волосы и зубы... положить вмѣстѣ со мною... не отдавать никому... я не хочу...

— Ты, заступница грѣшныхъ, одѣяніе нагихъ, больныхъ исцѣленіе, продолжала Филомена, и голосъ ея утратилъ безжалостные звуки; онъ снова и мало-по-малу вернулъ свою мягкость и нѣжность.

— Тамъ, говорила Ромена слабѣющимъ голосомъ, — тамъ... подъ моими рубашками... пици... тамъ, мой молитвенникъ... пици же, тамъ... подъ низомъ... Нѣтъ! нѣтъ! не нужно молитвенника! не нужно!..

— Исцѣлительница скорбящихъ, Матерь Божія, сжался надъ нами! докончила Филомена голосомъ обезоруженнымъ и дрожащимъ отъ волненія. По временамъ она пугалась и забывала слова.

— Нѣтъ... нѣтъ! повторяла Ромена все въ бреду. И то, что она хотѣла сказать, замерло у нея на губахъ, подъ вліяніемъ тихаго голоса Филомены, ласковаго и трогательнаго, будто голосъ ангела-хранителя, склонившагося надъ душою, готовую взлетѣть на небо.

Вдругъ раздался ужасный крикъ: — «Скорѣй! скорѣй! ко мнѣ!» и сестра Филомена подбѣжала къ кровати. Опустившись на колѣни, она оставалась погруженной въ молитву до тѣхъ поръ, пока руки умирающей не похолодѣли, сжимая ея руки.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Жюль Гревъ, президентъ французской республики.

30 января 1879 года останется въ исторіи Франціи однимъ изъ самыхъ памятныхъ дней. Для характеристики совершившагося факта, по мѣткому выраженію газеты «Republique Française», слѣдуетъ сказать только: «съ этого дня французскій народъ дѣйствительно имѣетъ республику».

Утромъ 30 января президентъ Макъ-Магонъ, по его собственному выраженію, «находясь въ разногласіи съ министрами и не будучи въ состояніи составить новаго кабинета», подаетъ въ отставку; въ 4½ часа собирается въ Версали конгрессъ или соединенное засѣданіе сената и палаты депутатовъ, черезъ два часа объявляютъ избраніе новаго президента Жюль Гревъ громаднымъ большинствомъ 464 голосовъ среди восторженныхъ криковъ: «Да здравствуетъ республика», а вечеромъ герцогъ маджентскій является съ поздравленіями къ своему преемнику.

Въ нѣсколько часовъ просто, спокойно, правильно, строго законно и не только безъ кровопролитія, но даже безъ борьбы произошла эта перемѣна главы государства въ странѣ, гдѣ въ

послѣднее столѣтіе подобное событіе почти всегда обставилось государственными переворотами, всѣми ужасами междоусобной войны или, по крайней мѣрѣ, долгими, тяжелыми потрясеніями. Но не только въ конститучіонной правильности этого событія и сопровождавшей его безмятежной тишинѣ заключается его громадное значеніе, а еще болѣе въ выборѣ именно Жюль Гревъ. Новый президентъ французской республики не геніальный полководецъ, не племянникъ своего дяди, не искатель приключеній, не ловкій интриганъ, не политическій хамелеонъ, мѣняющій свои убѣжденія по дуновенію вѣтра, не счастливый воинъ, а просто честный человѣкъ, искренный, стойкій республиканецъ и благородный, любящій свою родину, гражданинъ. Избраніе главою государства такого человѣка доказываетъ несомнѣнно живучесть и практичность республиканскаго строя во Франціи.

Франсуа-Поль-Жюль Гревъ, родился въ Монсу-Водри, въ департаментѣ Юры, 25 августа 1813 г., получилъ воспитаніе въ коллегіи сѣднѣяго города Полинъ, потомъ окончилъ блестяще курсъ юридическихъ наукъ въ Парижѣ и поступилъ въ адвокаты. Принявъ участіе въ водвореніи во Франціи Орлеанской династіи, молодой Гревъ вскорѣ сдѣлался ея краснорѣчивымъ противникомъ. Слѣдуетъ замѣтить, что онъ никогда не билъ на эффектъ въ своихъ адвокатскихъ рѣчахъ и не старался сдѣлать себѣ пьедесталъ изъ своихъ кліентовъ, которыхъ часто удивляло, что онъ болѣе заботится объ ихъ интересахъ, чѣмъ о своихъ. Ученый юристъ, дѣловой, честный адвокатъ, отличавшійся искреннимъ, трезвымъ краснорѣчіемъ, онъ долго не выходилъ на политическую арену. Революція 1848 года впервые выдвинула Гревъ въ число политическихъ дѣятелей. Временное правительство послало его комиссаромъ въ родной его департаментъ, Юру, гдѣ онъ заслужилъ всеобщую любовь и уваженіе, какъ способный и разумный администраторъ. Лучшей наградой за такую полезную дѣятельность, примирившую перепуганныхъ провинціаловъ съ республикой было избраніе его громаднымъ большинствомъ въ члены учредительнаго собранія.

Избранный вскорѣ однимъ изъ вице-президентовъ собранія, онъ занималъ въ немъ совершенно независимое, уединенное мѣсто, не сочувствуя социалистамъ, но подавая почти всегда голосъ съ крайнею лѣвой, постоянно поддерживая радикальныя демократическія мѣры и горячо возстававшая противъ всякой реакціонной интриги. Вотъ какъ Даніель Стернь рисуетъ его портретъ въ Histoire de la Revolution de 1848. Это былъ твердый и скромный умъ, которому любовь къ добру и привычка дѣйствовать честно указывали всегда безъ его собственныхъ усилий прямой путь. Его рѣчь была вѣска и ясна; онъ обладалъ той непреодолимой логикой искренности, которая подчиняетъ себѣ всѣ здравыя разсудки. Новичекъ въ палатѣ, онъ немедленно приобрѣлъ себѣ безъ всякихъ интригъ, даже безъ честолюбивыхъ стремленій, особое положеніе. Республиканецъ болѣе по уму, чѣмъ по увлеченію, онъ понималъ прогрессъ лишь въ формѣ свободы. Придерживаясь этого простаго, но очень рѣдкаго при враждѣ партій, понятія, онъ постоянно являлся въ палатѣ скромнымъ выраженіемъ ея лучшей совѣсти и блистательнымъ примѣромъ парламентскаго ума, искренно прилагаемаго къ утвержденію и расширенію республиканскихъ учрежденій.

Къ этой эпохѣ относится главный актъ общественной дѣятельности Гревъ, который доказываетъ всю глубину и здравую мудрость его политическихъ идей. Мы говоримъ о знаменитой поправкѣ Гревъ во время преній объ учрежденіи

СОВРЕМЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

Жюль Гриви,
президентъ французской республики.

президентской власти. Вотъ текстъ этого предложения, которое въ случаѣ его принятія, измѣнило бы всю послѣдующую исторію Франціи, избавивъ ее отъ многихъ несчастій, страданій и позора: Статья I. Національное собраніе поручаетъ исполнительную власть одному гражданину, получающему названіе «президента совѣта министровъ». Статья II. Президентъ совѣта министровъ избирается національнымъ собраніемъ тайной баллотировкой и простымъ большинствомъ. Статья III. Президентъ совѣта министровъ избирается на неопредѣленное время и можетъ быть смѣненъ всегда.

Собраніе было поражено радикальностью этой простой системы государственнаго управленія и не могло понять, какъ Гревь, человѣкъ умѣренный, разумный и практической, могъ рѣшиться на такую революціонную мѣру, которая, одна-кожъ, черезъ 30 лѣтъ вошла краугольнымъ камнемъ въ конституцію третьей республики, составленной самой реакціонной палатой, какая только существовала во Франціи. Но не только въ своемъ предложеніи, но и въ краснорѣчивой рѣчи, въ которой онъ поддерживалъ его, Гревь доказалъ прозорливость своего политическаго ума. Онъ предчувствовалъ государственный переворотъ 2 декабря въ выборѣ президента всеобщей подачей голосовъ, искусственно подготовленной, и хотѣлъ благоразумно предупредить попытку преступленія. «Увѣрены-ли вы, говорилъ онъ,—что въ длинной серіи лицъ, которыя будутъ чередоваться каждые четыре года на президентскомъ посту будутъ все чистые республиканцы, готовые добровольно сойти съ него по наступленіи срока своей власти? Увѣрены-ли вы, что между ними не найдется честолюбца, который вздумаетъ удержать свою власть? Можете-ли вы поручиться, что такой честолюбецъ, если онъ потомокъ царствовавшей во Франціи династіи и никогда не отказывался отъ того, что онъ называетъ своими правами, не погубитъ республики въ минуту общественнаго кризиса и разочарованія, когда народъ страдаетъ и торговля въ упадкѣ?» Но голосъ Гревя остался голо-сомъ вопиющаго въ пустынь. На него не только набросились консерваторы съ Токвилемъ и Дюфоромъ во главѣ, во имя идей государства, власти и порядка, но даже пламенные республиканцы, во имя оскорбленнаго имъ принципа всеобщей подачи голосовъ, какъ Викторъ Гюго, Ламартинъ и пр. Только немногіе, напримѣръ, Прудонъ, Ледрю-Ролень, Араго, Кине, поддержали поправку Гревя и она была отвергнута 643 голо-сами противъ 158.

Предсказаніе Гревя исполнилось. Президентомъ былъ избранъ общей подачей голосовъ Люи-Наполеонъ. Національное собраніе заняло мѣсто учредительнаго и Гревь, представлявшій въ немъ попрежнему свой родной департаментъ, явился однимъ изъ самыхъ серьезныхъ противниковъ правительства, быстро спускавшагося по наклонной плоскости къ неизбежному, роковому 2-му декабря. Гревь горячо протестовалъ противъ закона 31-го мая, ограничившаго общую подачу голосовъ, противникомъ которой его такъ легкомысленно провозглашали люди, позорившіе во Франціи этотъ принципъ; возставалъ противъ реакціонныхъ мѣръ, направленныхъ противъ свободы печати и сходовъ и энергично клеймилъ римскую экспедицію.

Когда, наконецъ, грянулъ громъ, противъ котораго онъ тщетно старался водрузить спасительный громоотводъ, Гревь надѣлъ свою адвокатскую мантию и покинулъ политическую арену, гдѣ не было уже мѣста такому безусловно честному человѣку, какъ онъ. Парижская адвокатура избрала его своимъ старшиной и въ продолженіи 17 лѣтъ онъ оставался поневолѣ простымъ зрителемъ безобразій, совершаемыхъ надъ Франціей.

Но какъ только проглянулъ хотя и слабый лучъ возможной борьбы съ торжествующимъ, но уже шатавшимся зломъ, Гревь снова явился бойцомъ за поруганную свободу и честь своего народа. Департаментъ Юры почти единогласно избралъ его два раза членомъ законодательнаго корпуса въ 1868 и 1869 годахъ. Но Гревь былъ депутатомъ безъ рѣчей въ этой палатѣ, набитой официальными кандидатами, не видя никакой пользы въ пустой тратѣ словъ и предоставляя второй имперіи дойти самой до неминуемой смерти. Только два раза онъ возвысилъ свой честный голосъ противъ плебисцита и предложенія оппозиціи дозволить Орлеанскимъ принцамъ вернуться во Францію. Въ послѣднемъ случаѣ онъ разошелся съ либеральной партіей, утверждая, что присутствіе претендентовъ на французской почвѣ усилитъ роялистскія интриги въ то самое время, когда имперія приходила въ упадокъ. Снова Гревь являлся пророкомъ, но республиканцы и тутъ его не поняли, даже нашли такіе наивные политики въ рядахъ оппозиціи, которые прямо укоряли его въ поддержкѣ правительства. На это Гревь гордо отвѣчалъ:—«Я говорю не какъ сторонникъ правительства, а какъ республиканецъ, не желающій быть ни жертвой, ни сообщникомъ». Эти послѣднія слова служили вѣчнымъ девизомъ человѣка, которому суждено было, послѣ долгихъ тревоженій, наконецъ, увидѣть торжество своихъ политическихъ идей и самому явиться ихъ славнымъ воплощеніемъ.

Придерживаясь строго и всегда законности, пламенный противникъ всякаго насилия, съ какой бы стороны оно ни шло, съ верха или съ низу, Гревь отказался отъ всякаго участія въ революціи 4 сентября и въ правительствѣ національной обороны, требуя, чтобы немедленно было созвано національное собраніе, которое одно имѣло право взять въ руки власть, выпавшую изъ рукъ седанскаго плѣнника. Однакожъ, онъ не возставалъ противъ своихъ товарищей, рѣшившихся отправиться въ городскую ратушу и мужественно взяться за кормило правленія въ такую минуту, когда ихъ могла ожидать только печальная борьба, поражение и смерть. Грустно смотря имъ въ слѣдъ, онъ съ глубокимъ чувствомъ сказалъ: «Мнѣ кажется, что я вижу передъ собою гражданъ Кале, приносящихъ себя въ жертву своей родинѣ». Самъ же онъ удалился въ Юрскія горы и одиноко оплакивалъ тамъ бѣдствіе своего отечества, которое легко могло предотвратить ихъ, внявъ во время его предостереженій. Но какъ только раздался кличъ изъ Бордо о созывѣ національнаго собранія, Гревь пламенно откликнулся и, въ своемъ воззваніи, обращенномъ къ избирателямъ, смѣло заявилъ свою программу:—«Республика и миръ всѣми возможными средствами, подъ условіемъ однако возмездія».

16 февраля 1871 года, Гревь былъ избранъ президентомъ національнаго собранія и занималъ этотъ высокій постъ въ продолженіи трехъ лѣтъ, сначала въ Бордо, а потомъ въ Версали. По своему ровному, прямому характеру, строгому такту, безусловной честности и совершенному безпристрастію, онъ былъ идеальнымъ президентомъ и пользовался одинаковымъ уваженіемъ всѣхъ партій. Врагъ всякой афектаціи, столь же простой и строгій во внѣшности, какъ въ рѣчи, Гревь засѣдалъ на своемъ президентскомъ креслѣ въ скрутокъ и черномъ галстухѣ, а когда, усмиряя расхажившихъ депутатовъ, онъ вставалъ, выпрямившись во весь ростъ и скрестивъ руки на груди, его фигура невольно поражала величіемъ. Этотъ человѣкъ небольшого роста, съ большимъ лбомъ, почтенной лысиной, круглой, кольцеобразной, коротко-обстриженной, сѣдовой бородкой, сѣрыми подвижными глазами, повелительнымъ голосомъ и достойной осанкой, казался олицетвореніемъ справедливости и президентской власти. Ему не

приходилось прибѣгать къ рѣзкимъ выраженіямъ и къ остроумнымъ выходкамъ, чтобы заставить уважать каждое его слово и никакой президентъ политическаго собранія никогда не пользовался такимъ безусловнымъ и вполне заслуженнымъ вліяніемъ.

Естественно поэтому, что Гревь не могъ вынести неприличныхъ выходокъ, когда реакція подняла голову въ послѣднее время президентства Тьера; помня свой старый девизъ «не жертва и не сообщникъ», Гревь подалъ въ отставку при первомъ громкомъ выраженіи неудовольствія правой стороны, по случаю призыва имъ къ порядку одного изъ ея безшабашныхъ ораторовъ.

Это было въ апрѣлѣ 1873 года и въ томъ же году онъ издалъ брошюру: «Необходимое правительство», въ которой краснорѣчиво доказывалъ всю тщетность интригъ реакціонеровъ, грозившихъ тогда опутать Францію, «для которой, по его словамъ, было только одно спасеніе, одна гавань — республика».

Послѣ паденія Тьера и при правительствѣ правительственнаго порядка, Гревь, въ качествѣ депутата, энергично противодействовалъ всѣмъ попыткамъ торжествующей реакціи и много содѣйствовалъ благоразумному сплоченію республиканцевъ всѣхъ оттѣнковъ. Когда же проски реакціонеровъ были побѣждены февральскими выборами 1876 года, Гревь снова былъ избранъ президентомъ палаты депутатовъ и оставался на этомъ посту до послѣдняго времени. Смерть Тьера поставила его во главѣ всей республиканской партіи, видѣвшей въ немъ своего прямого предводителя и будущаго президента, послѣ окончанія сенатата Макъ-Магона. Но судьбѣ было угодно, чтобы это событіе совершилось ранѣе.

Въ частной жизни, Гревь тотъ же честный, серьезный, всѣми уважаемый человѣкъ, какъ и въ общественной. Онъ любитъ литературу, читаетъ классиковъ по гречески и по латыни, а въ свободныя минуты охотно играетъ на бильярдѣ и питаетъ особенную страсть къ шахматамъ. Онъ имѣетъ хорошее состояніе, преданную жену и красавицу дочь.

Чѣмъ будетъ Жюль Гревь въ Елисейскомъ дворцѣ? На это одинъ отвѣтъ. Вся его прошлая жизнь ручается, что онъ останется честнымъ человѣкомъ и преданнымъ слугою республики, вѣрнымъ своему постоянному правилу «менѣе говорить и болѣе дѣлать». Можно теперь съ спокойной надеждою смотрѣть на будущее Франціи. «Пока Гревь на кораблѣ, сказалъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстный англійскій публицистъ Гренвилль-Муррей, указывая на Гревя, какъ на достойнѣйшаго преемника Тьера, — республика не погибнетъ, потому что мужественный и энергичный человѣкъ будетъ стоять у кормила».

Ахъ ты молодость, ты молодость моя.

Пѣсня Д. А. Рубина.

Ахъ ты молодость, ты молодость моя,
Я за что, про что стубилъ, злодѣй, тебя!

Было время что я соколомъ леталъ,
Ни тоски, ни злой кручины не знавалъ.

Пѣлъ, гулялъ, да вотъ пришлось теперь тужить,
Мнѣ не съ милой, а съ постылой нужно жить.

Ясный соколъ мокрой курицею сталъ,
Съ той поры, какъ цѣпью самъ себя сковалъ.
Въ цѣпи той всего лишь только два кольца,
Да сковала она крѣпко молодца!...

На бѣду узналъ негаданно вдругъ я,
Что меня любитъ желанная моя.

Слезы горькія со мной въ разлукѣ льетъ,
Злую мачиху-судьбу нашу клянетъ.

Не хочу-жъ на свѣтѣ жить я безъ тебя,
Радость — счастье, голубушка моя!...

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

УБИЙСТВО.

I.

Что случилось въ улицѣ Лакюзъ ночью 20 іюня.

Вернемся къ тому дню, когда въ первый разъ была назначена свадьба Люси, прерванная ея попыткой на самоубійство. Въ шесть часовъ вечера, многочисленная толпа стояла въ улицѣ Лакюзъ передъ домомъ, какъ разъ напротивъ того дома, гдѣ наканунѣ провели ночь Морисъ и Сесиль. Тѣснившіеся тутъ зѣваки рассказывали, что въ этомъ маленькомъ изящномъ домѣ была убита жившая въ немъ таинственная, ни кому не извѣстная въ околodкѣ, молодая дама. Ее нашли въ спальнѣ мертвою; одни увѣрили, что она была задушена, другіе, что отравлена.

— Сегодня не везетъ женщинамъ, сказалъ въ толпѣ нашъ знакомецъ Шади:—утромъ одна бросилась въ воду, вечеромъ другую нашли отравленной. Теперь за кѣмъ очередь? И обѣ онѣ красавицы?

— А вы ее знали? вы ее знали? раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Я зналъ ее, не зная, какъ можно знать хорошенькую женщину, живущую въ одномъ съ вами околodкѣ. Всякій разъ, когда я встрѣчался съ нею или видалъ, какъ она выходила изъ кареты, я съ восторгомъ облизывался, думая: «вотъ мнѣ въ руки такая не понадеется». Блондинка высокого роста, лѣтъ двадцати пяти или тридцати, одѣтая съ шикомъ, съ великолѣпными глазами и маленькими ручками, такъ, что ея четыре руки можно было спрятать въ одну мою, она была вохитительна. Она жила одна, рассказывали даже, что она прѣзжала только въ извѣстные дни для свиданій съ какимъ-то господиномъ. Женщина же, убиравшая комнаты, являлась въ домъ только два раза въ недѣлю и рѣдко видала красавицу. Это Катерина, жена обручника Гюдена. Войдя въ спальню, чтобъ привести все въ порядокъ, Катерина нашла красавицу мертвой...

— Говорятъ, она была очень мало одѣта, замѣтила женщина, небольшого роста, съ живыми глазами.

— Еще бы, обнаженная, какъ Ева... Жаль, что меня не пригласили на дознание.

Въ эту минуту къ дому подъѣхала карета и толпа разступилась.

— Это комисаръ, сказалъ Шади.

Дѣйствительно, изъ кареты вышелъ полицейскій комисаръ, съ тремя сыщиками. Онъ поступалъ въ дверь; ударъ глухо раздался, словно въ пустомъ домѣ. Дверь немедленно отворилась, комисаръ съ сыщиками вошелъ, и дверь снова захлопнулась подъ самымъ носомъ любопытныхъ.

— Вы завѣдывали хозяйствомъ въ этомъ домѣ и убрали комнаты? спросилъ комисаръ, обращаясь къ женщинѣ, отворившей дверь.

— Да, г. комисаръ.

— Вы сегодня пришли сюда по обыкновенію?

— Да; каждую пятницу госпожа прѣзжала днемъ и оставалась до двѣнадцати часовъ утра субботы. Я приходила почти всегда въ два часа для приведенія всего въ порядокъ.

— А сегодня вы пришли въ которомъ часу?

— Около пяти.

— И вы нашли вашу госпожу мертвой?

— Да.

— Войдя, вы не замѣтили никакого безпорядка?

— Никакого?

— Дверь была заперта.

— Да, на ключъ и ключа въ замкѣ не было.

— Вы оставили все такъ, какъ было?

— О! г. комисаръ, увидавъ мертвую, я выбѣжала изъ комнаты и не смѣла болѣе входить туда... Я послала мужа за вами, а сама сидѣла здѣсь.

— Хорошо, укажите намъ дорогу.

— Въ ту комнату? спросила она, дрожа отъ страха.

— Да.

— Идите, сказала она, указывая на лѣстницу и давая дорогу полицейскимъ чиновникамъ.

Они поднялись во второй этажъ и вошли чрезъ отворенную дверь въ большую гостинную. Женщина протянула руку по направленію къ другой, такъ же отворенной двери и сказала:

— Тамъ.

— Двери были отворены, когда вы вошли?

— Нѣтъ, увидавъ мертвое тѣло, я бросилась вонъ и съ испуга забыла затворить дверь.

Они вошли въ спальню; тамъ было темно; свѣтъ почти не проникалъ чрезъ ставни и занавѣси; въ комнатѣ царил полутемнота, которая позволяла только замѣтить мертвое тѣло, рельефно бѣлѣвшееся на черномъ фонѣ медвѣжьей шкуры.

По приказанію комисара отворили окна, но тотчасъ ихъ закрыли, такъ какъ громко долеталъ говоръ толпы. Комисаръ поручилъ одному изъ сыщиковъ записать данныя, необходимыя для предварительнаго протокола. Въ комнатѣ, гдѣ произошло убійство или самоубійство, была большая кровать изъ чернаго дерева съ рѣзбою, широкая, почти квадратная, стоявшая у задней стѣны, а надъ нею возвышался балдахинъ, съ изящными колонками и занавѣсками блѣдно-голубыми. Къ кровати вели три ступени, покрытыя черной медвѣжьей шкурой. Кровать помѣщалась напротивъ двухъ оконъ, выходившихъ на улицу Лакюзъ; между ними стояла шифоньерка. На ея черной мраморной доскѣ красовался цѣлый арсеналъ туалетныхъ принадлежностей изъ перламутра: щетокъ, гребней, пилочекъ, ножницъ; на верху венеціанское зеркало, въ рѣзной дубовой рамѣ, немного нагнутое впередъ, отражало мертвое тѣло. Въ каждомъ углѣ комнаты стояло по низенькому креслу и стулу, обитыхъ шелковой, блѣдно-голубой матеріей. Направо отъ кровати находился большой каминъ, украшенный великолѣпными бронзами. Посреди комнаты стоялъ низенькій столикъ, который, очевидно, оставили, ложась въ постель. На немъ видѣлись два прибора, два круглыхъ шампанскихъ бокала и двѣ пустыя бутылки изъ-подъ вина.

Прежде, чѣмъ лечь, бѣдная жертва, очевидно, ѣла фрукты и пирожки, остатки которыхъ сохранились на тарелкахъ. На длинномъ креслѣ валялись двѣ батистовыя юбки со шлейфомъ, длинный свѣтло-голубой шелковый пеньюаръ, съ валансенскими кружевами, и прозрачные, такъ же шелковые, чулки. На полу подлѣ стула видѣлись голубыя шелковыя подвязки и маленькія, почти дѣтскія, ботинки; на черной спинкѣ кровати была перекинута очень тонкая батистовая рубашка съ кружевами.

Осмотрѣвъ комнату и удостовѣрившись, что все въ порядкѣ, полицейскіе чиновники оберну-

лись къ жертвѣ и невольно вздрогнули отъ восхищенія.

Мертвое тѣло, совершенно обнаженное, лежало на ступеняхъ кровати, головою внизъ, причемъ его бѣлизна рельефно выступала на черной шкурѣ медвѣдя; ноги оставались на верхней ступени, а голова покоилась на немного согнутой правой рукѣ и роскошныхъ свѣтлорусыхъ волосахъ, составлявшихъ блестящій ореолъ; другая рука инстинктивно приняла стыдливую позу. Никакой скульпторъ не сумѣлъ бы граціознѣе позировать свою натурщицу для спящей нимфы.

Жертва таинственнаго преступленія была совершенствомъ красоты.

Записавъ все необходимое въ протоколъ, комисаръ сталъ ожидать доктора для медицинскаго удостовѣренія смерти, жока отъ нечего дѣлать сталъ искать на тѣлѣ слѣдовъ удара или рапы, но тщетно. Даже на лицѣ не сохранилось болѣзненного выраженія, напротивъ, оно было спокойное и улыбка замерла на ея губахъ, точно красавица видѣла сладостный сонъ.

— Видѣли вы послѣднюю личность, принявшую несчастной жертвой наकाунѣ преступленія? спросилъ комисаръ у служанки.

— Нѣтъ.

— Знаете вы кого она обыкновенно принимала?

— Нѣтъ.

— Вы видали, чтобъ кто-нибудь приходилъ къ ней?

— Да, я видѣла двухъ, но издали, такъ что я ихъ не узнаю.

— Все-таки опишите ихъ, сколько помните.

— Одинъ былъ молодой человѣкъ, а другой патеръ.

— А! прошепталъ съ гримасой комисаръ,— т. е. вы хотите сказать, что одинъ изъ нихъ былъ въ одеждѣ патера?

— Можетъ быть; я не видала его лица.

— Покойная не имѣла знакомыхъ въ околodкѣ?

— Нѣтъ.

— Надо будетъ сдѣлать строгое дознаніе въ околodкѣ, не видалъ-ли кто-нибудь, какъ она возвратилась вчера, одна или съ кѣмъ-нибудь, замѣтилъ комисаръ и, обращаясь къ служанкѣ, спросилъ:

— При квартирѣ есть погребъ?

— Да.

— Это вино изъ него? спросилъ комисаръ, указывая на пустыя шампанскія бутылки на столѣ.

— Нѣтъ, въ погребѣ у насъ не держали вина. Однажды госпожа получила корзину съ бутылками бордосскаго вина и приказала поставить ее въ людскую.

— Эта корзина пришла по желѣзной дорогѣ и у васъ, можетъ быть, остался адресъ отправителя.

— Нѣтъ, госпожа сама привезла ее въ каретѣ. Потомъ мой мужъ, понимающій толкъ въ винѣ, сказалъ, что, судя по пробкамъ, каждая бутылка стояла франковъ пятнадцать.

— Знаете вы, какъ звали вашу госпожу?

— Она наняла эту квартиру просто подъ именемъ Леи... но она получала письма два раза въ мѣсяцъ и на конвертахъ стоялъ адресъ: Эллѣ Меданъ.

— Откуда были эти письма?

— Изъ Германіи и Пруссіи.

— Всѣ.

— Да.

— Онѣ приходили въ положенное время?

— Почти каждыя двѣ недѣли.

— Были-ли у нея особые поставщики припасовъ?

— Нѣтъ; я все покупала на чистыя деньги.

Она даже не позволяла, чтобы провизію приносили на домъ, и я таскала ее сама.

— Вы не можете дать намъ никакихъ свѣденій.

— Никакихъ; вотъ уже два часа я не могу придти въ себя отъ испуга. Никто сюда не приходилъ, у нея не было враговъ, она была такъ же добра, какъ хороша собою и очень щедра.

— Извѣстно вамъ, есть-ли у нея здѣсь драгоценности или денежные документы?

— Нѣтъ.

Комисаръ нагнулся къ трупу и, посмотрѣвъ пристально на руки и уши, спросилъ:

— Она носила серьги?

— Да, иногда. Я видала у нея въ ушахъ брилліантовые, дорогія серьги, но не постоянно.

— А кольца?

— Чаше.

— Въ этомъ легко убѣдиться, сказалъ одинъ изъ полицейскихъ агентовъ, который не переставалъ рыться во всѣхъ углахъ комнаты. Онъ осмотрѣлъ руки умершей и прибавилъ:

— Да у нея было три кольца на одной рукѣ и два на другой. Слѣды ихъ замѣтны.

— Очень хорошо, значитъ, поводъ къ преступленію кража.

— Непремѣнно, а воръ—человѣкъ, знающій хорошо это помѣщеніе и очень осторожный; посмотрите, всѣ ящики снова закрыты.

— У васъ было серебро? спросилъ комисаръ у служанки.

— Да.

— Посмотрите, все-ли на лицо.

Она побѣжала въ столовую и черезъ минуту возвратилась.

— Серебро на мѣстѣ, къ нему не прикасались, сказала она.

Тогда комисаръ обратился къ полицейскому агенту.

— Бойе, у васъ есть инструментъ?

— Да, г. комисаръ.

— Отпирайте ящики.

Сыщикъ повиновался. Онъ отперъ шкафъ, шифоньерку и маленькое бюро, только въ шкафу нашлось бѣлье.

Очень разочарованный тщетными поисками, комисаръ перечитывалъ протоколъ, составленный третьимъ агентомъ, какъ явился докторъ. Онъ тотчасъ приступилъ къ подробному освидѣтельствованію трупа и объявилъ, что молодая женщина умерла отъ яда. Она, вѣроятно, лежала въ постели и, терзаемая спазмами, скатилась съ постели на коверъ полумертвая, какъ бы отъ ошпаренія и тамъ заснула, чтобы уже никогда не просыпаться. Онъ полагалъ, что это былъ случай самоубійства и комисаръ тотчасъ съ нимъ согласился. Умершая сначала, должно быть, напилась до пьяна для храбрости, а потомъ приняла одинъ изъ тѣхъ таинственныхъ ядовъ, которые причиняютъ смерть среди самыхъ страшныхъ сновъ. На ея лицѣ предсмертная агонія оставила только слѣдъ пріятнаго впечатлѣнія.

— Мы, по всей вѣроятности, имѣемъ дѣло съ несчастной, подвергавшейся истерическимъ припадкамъ, сказалъ подъ конецъ докторъ, — и умершей въ одинъ изъ такихъ припадковъ отъ яда, причиняющаго смерть среди сладострастныхъ сновъ.

Полицейскій агентъ Бойе стоялъ, выпрямившись, и покусывалъ усы, углубившись въ тяжелую думу.

— Какъ вы думаете, Бойе? спросилъ его комисаръ.

Онъ молча покачалъ головой.

— Вы видите здѣсь убійство? спросилъ докторъ, смотря на него пристально,

— Да, отвѣчалъ сыщикъ, послѣ минутнаго размышленія.

— А на основаніи какихъ данныхъ?

Бойе молча сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, зорко оглядывая всѣ углы. Потомъ онъ вернулся къ комисару и доктору.

— Я вамъ сейчасъ скажу, почему я полагаю, что здѣсь совершенно убійство, сказалъ онъ. — Огюсть, записывайте мои слова. Г. докторъ, какъ вы объясните, что модная изящная дама убиваетъ себя въ обнаженномъ видѣ?

— Ужасной жарой вчерашней ночи; вечеромъ была гроза.

Бойе слегка пожалъ плечами и, указывая палкой на рубашку, висѣвшую на спинкѣ кровати, продолжалъ:

— Отъ этой паутины не будетъ жарко. Въ этомъ вижу доказательство безстыднаго поведения этой женщины и болѣе ничего. Вотъ на постели мѣсто, гдѣ она лежала, и на подушкѣ, гдѣ покоилась ея голова. Слѣды совершенно сохранились. Рядомъ, какъ на постели, такъ и на подушкѣ видны слѣды другого тѣла и другой головы. Наклонитесь, г. докторъ, подушка пахнетъ тѣми же духами, какъ ея волосы. Другая подушка такъ не пахнетъ; здѣсь на постели лежало двое.

— Можетъ быть.

— Непремѣнно. Никто не садился за столъ, чтобы ѣсть фрукты и пирожки, подлѣ нѣтъ стульевъ, а пили и ѣли въ постели, гдѣ сохранились крошки. Столикъ стоялъ на медвѣжьей шкурѣ, и его отодвинули въ ту минуту, когда женщина, ошпаривъ и безсознательно умирая, соскользнула на медвѣжью шкуру, гдѣ и заснула, принявъ сладострастную позу. Она не упала, а улеглась нарочно, желая показаться бѣлье и прелестнѣе тому, кого она считала своимъ любовникомъ и который былъ ея убійцей... Теперь посмотрите бокалы; оставшіяся капли шампанскаго въ одномъ изъ нихъ золотистаго оттенка, а въ другомъ мутнаго: тамъ какой-то осадокъ. Одна изъ бутылокъ была отравлена... Убійца, вѣроятно, предложилъ выпить каждому свою бутылку; посмотрите, послѣдніе глотки выпиты прямо изъ бутылокъ: на коричневомъ сургучѣ вокругъ горлышка бутылокъ видны слѣды губъ... Въ бутылкѣ съ чистымъ шампанскимъ осталось полстакана, въ другой ни одной капли; остатокъ вина изъ отравленной бутылки выплеснули въ каминъ. Посмотрите, зола сырая. У этой женщины были серьги въ ушахъ и кольца на пальцахъ; отъ того и другого остались несомнѣнные слѣды. Ну, докторъ, вы все еще вѣрите въ самоубійство?

Докторъ внимательно слушалъ замѣчанія и выводы Бойе; онъ не рѣшался высказать свое мнѣніе и молчалъ.

— Тутъ, очевидно, убійство, продолжалъ Бойе; — любовникъ этой женщины убилъ ее съ цѣлью обворовать. Все равно, умерла-ли она въ этой позѣ или онъ ее потомъ такъ положилъ. Она умерла безъ страданій, совершенно счастливая. Всѣ наши поиски должны сосредоточиться на розысканіи того или тѣхъ, кого она здѣсь принимала. Эта женщина имѣла тутъ только временное пристанище для свиданій съ любовникомъ или любовниками. Эта роскошь, ея туалетъ и особенная изысканность бѣлья ясно доказываютъ, какого рода была эта женщина...

Внизу послышался стукъ въ дверь. Служанка посмотрѣла съ удивленіемъ на полицейскихъ чиновниковъ.

— Отворите скорѣе, сказалъ комисаръ; это, вѣроятно, слѣдователь.

Служанка повиновалась, а Бойе началъ снова свои поиски.

Дѣйствительно, пріѣхалъ слѣдователь съ своимъ секретаремъ и еще какимъ-то господиномъ. Комисаръ поспѣшилъ къ нему на встрѣчу и, представивъ ему доктора и агентовъ, рассказалъ о результатѣ предварительнаго дознанія. Потомъ

онъ провелъ слѣдователя въ комнату, гдѣ совершилось преступленіе.

— Вы сдѣлали обыскъ?

— Да, но ничего не найдено; все взято; осталось только бѣлье.

— Вы не нашли никакихъ бумагъ?

— Нѣтъ.

— Въ бумагахъ, которую я получилъ изъ министерства, говорится, что цѣль убійства кража очень важныхъ бумагъ.

Сыщикъ посмотрѣлъ на доктора.

— А вы имѣете свѣденія объ общественномъ положеніи жертвы этого таинственнаго преступленія?

— Да, развѣ вамъ это еще не сообщено? Ее звали Элла Кермеданъ, по прозвищу Леа Меданъ. Она жила въ улицѣ Байронъ, въ Елисейскихъ поляхъ; она австрійская подданная и родилась въ Вѣнѣ... Во что бы то ни стало, надо отыскать виновнаго? Кому вы поручите розыски по этому важному дѣлу.

— Сыщику Бойе, которого я только что имѣлъ честь представить вамъ. Онъ доказалъ неопровержимыми доводами, что здѣсь совершилось убійство, а не самоубійство, какъ полагалъ докторъ.

— Хорошо. Что вы намѣрены дѣлать, г. Бойе?

— У меня есть два помощника и мы перешаримъ весь околосокъ... Мы знаемъ черезъ служанку, что въ погребѣ ея госпожи не было шампанскаго, и потому мы прежде всего постараемся узнать, гдѣ и у кого куплено шампанское. Вотъ два пирожка; такіе же справки мы наведемъ и объ нихъ. Получивъ эти свѣденія, мы добьемся, можетъ быть, и примѣтъ виновнаго. Потомъ надо узнать, въ какомъ часу она сюда явилась, въ каретѣ или пѣшкомъ.

— Я могу вамъ сообщить, что она прибыла вчера поздно, сказала служанка, — я заходила сюда въ девять часовъ съ бѣльемъ и здѣсь ничего не было... Она никогда не доѣзжала до дома въ каретѣ, а оставляла ее на Бастильской площади и приходила отсюда пѣшкомъ.

— Это очень драгоценное свѣденіе.

Слѣдователь разспросилъ о всѣхъ извѣстныхъ уже намъ подробностяхъ, потомъ подписалъ разрѣшеніе отправить трупъ въ Моргъ, гдѣ должно было произойти вскрытіе тѣла умершей, приказавъ запечатать все имущество въ квартирѣ и уѣхавъ, прося комисара и сыщиковъ записать этимъ дѣломъ, какъ можно энергичнѣе, и доносить ему о результатахъ. Не успѣлъ онъ удалиться, какъ посыльщики, дожидавшіеся на улицѣ, вошли въ домъ и вынесли тѣло въ Моргъ. Одинъ изъ писцовъ слѣдователя забралъ платье и бѣлье несчастной и унесъ съ собою. Наложивъ вездѣ печати, комисаръ также отправился домой съ своими агентами.

Только одинъ Бойе, не смотря на позднее время, не хотѣлъ откладывать до слѣдующаго дня начала своей дѣятельности. Онъ взялъ щепотку сырой золы изъ камина и, разставившись на улицѣ съ товарищами, пошелъ бродить по улицамъ въ надеждѣ что-нибудь найти. Вдругъ онъ былъ почти ослѣпленъ краснымъ свѣтомъ шаровъ, выставляемыхъ на окнахъ аптекъ. Онъ машинально поднялъ голову и увидалъ на стеклянной двери надпись: «Опытный химикъ».

— Вотъ съ этого и начнемъ, воскликнулъ онъ и, войдя въ аптеку, рассказалъ хозяину, что одна особа отравилась и ему хотѣлось бы знать, какимъ ядомъ.

— Вотъ все, что я нашелъ, прибавилъ онъ, подавая коробку съ сырой золой.

Химикъ посмотрѣлъ и объявилъ, что для разложенія этой золы надо много времени. Полагая, что существуетъ другой поводъ къ подобной отсрочкѣ, Бойе показалъ свой билетъ полицейскаго сыщика.

— Я вовсе не желалъ отказать вамъ, сказалъ поспѣшно химикъ,—но, право, мнѣ надо на это время. Ядъ, вѣроятно, смѣшанъ съ какимъ-нибудь напиткомъ и потому въ этой золѣ можно будетъ найти самую ничтожную часть его.

— Ядъ былъ положенъ въ шампанское.

— Вотъ странно.

— Что же тутъ страннаго? спросилъ съ любопытствомъ сыщикъ.

— Сегодня утромъ ко мнѣ уже приходили за противоядіемъ противъ яда, распушеннаго въ шампанскомъ.

— Сегодня утромъ? Значитъ вы можете тотчасъ опредѣлить, находится-ли въ этой золѣ тотъ же ядъ.

— Конечно. Подождите минутку.

Старый химикъ ушелъ въ свою лабораторію и черезъ пять минутъ возвратился.

— Это рѣшительно то же самое, сказалъ онъ.

— А! И сегодня у васъ просили противоядія?

— Да.

— Чтожь, вы дали?

— Еще бы, немедленно. Къ тому же это наркотическое средство очень часто употребляется съ тѣхъ поръ, какъ описаны его странныя свойства. Молодежь неосторожна... она думаетъ только объ удовольствіи и забываетъ опасность; жажда сладострастія, она рискуетъ жизнью. Таковъ былъ и утренній случай; ко мнѣ прибѣгла за противоядіемъ молодая дѣвушка, лѣтъ восемнадцать, съ распущенными волосами и обезумѣвъ отъ страха. Мнѣ кажется, я встрѣчалъ ее и прежде.

— Что это за личность? спросилъ Бойе, внимательно слушая.

— Работница. Эти бѣдныя созданія всегда довѣряютъ фантазіямъ и воображаютъ, что одна капля какого-нибудь зелья можетъ перенести ихъ въ Магометовъ рай и доставить имъ во снѣ сладостное счастье, не лишая ихъ невинности.

Бойе слушалъ аптекаря, но мысли его были далеко; собравъ и старательно записавъ всѣ свѣдѣнія о молодой дѣвушкѣ, онъ удалился.

По дорогѣ домой онъ безсознательно въ полголоса разговаривалъ самъ съ собою.

— Убийца живетъ въ окологдѣ. Онъ такъ же, вѣроятно, былъ принужденъ выпить изъ отравленной бутылки, чтобъ успокоить свою жертву. Онъ выпилъ слишкомъ мало для того, чтобы умереть, но вернувшись къ себѣ, послалъ свою перепуганную любовницу за противоядіемъ... Она не возвращалась, значитъ онъ спасенъ... Надо искать здѣсь въ окологдѣ. Завтра я примусь за дѣло. Мы, конечно, найдемъ торговцевъ, продавшихъ шампанское и пирожки... они же мнѣ сообщатъ примѣты виновнаго.

Очень довольный собою, Бойе вернулся домой и легъ спать.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Изъ Парижа.

(Письмо Н. Тарже.)

Въ настоящее время въ Парижѣ много толковъ возбуждаетъ письмо къ министру иностранныхъ дѣлъ генерала Лефло, бывшаго посла въ Петербургѣ. Этимъ письмомъ генералъ Лефло хотѣлъ убѣдить публику, что онъ самъ просилъ объ увольненіи отъ званія посла. Но не въ этомъ дѣло. Публика готова вѣрить почтенному генералу, пользовавшемуся популярностью за то, что онъ отказался принять участіе въ декабрьскомъ государственномъ переворотѣ, совершенномъ Наполеономъ III,—отказался, несмотря на великія и богатія милости, сулимые ему бонапартистами. Этотъ отказъ далъ ему уваженіе всѣхъ партій, кромѣ, конечно, бонапартистовъ. Лефло никогда

никогда. Мои семейныя обстоятельства могли бы служить достаточнымъ побужденіемъ для принятія этого рѣшенія; но я почти за честь удалить-ся вслѣдъ за славнымъ солдатомъ, бывшимъ президентомъ республики. Какъ онъ, я глубоко убѣжденъ, что военное управленіе и даже дипломатія не должны подчиняться измѣненіямъ слишкомъ подвижнаго общественнаго мнѣнія, иначе могутъ произойти большія опасности, какъ для правительства, такъ и для самой страны. Въ виду этого имѣю честь просить васъ о моемъ увольненіи, а также объ испрошеніи согласія на то г. президента республики.

«Примите и пр.

Друзья уважаемаго генерала очень огорчены, что онъ, изъ похвального чувства личной привязанности къ бывшему президенту республики, обмолвился такъ неудачно.

Ни для кого уже теперь не новость, что перѣдко судебные процессы обнаруживаютъ такіе чудовищные факты реальной жизни, передъ которыми пасуетъ самая пылкая фантазія самыхъ неумѣренныхъ романистовъ, изобрѣтающихъ, по-видимому, невозможныя приключенія для своихъ героевъ, съ цѣлю сильнѣе подѣйствовать на читателей, питающихъ особенную страсть къ романамъ съ сложной интригой, съ вулканическими страстями героевъ и пр. Въ прошломъ письмѣ я передалъ вамъ объ ужасномъ событіи въ Алжирѣ. На этотъ разъ я также намѣренъ остановиться на двухъ процессахъ послѣдняго времени, однакожь, не заключающихъ въ себѣ ничего необыкновеннаго; событія, послужившія поводомъ къ процессамъ, просты до крайности, но они представляютъ интересъ потому, что характеризуютъ наши нравы.

Въ деревнѣ Лаваньякъ, въ департаментѣ Жиронды проживала очень молодая дѣвушка, красавица собой, Мари Мартенъ. Она поправилась молодому парню, далеко не такому чистому и прекрасному, какъ она, по фамиліи Фондраонзу. Парень объявилъ Мари о своей любви и умолялъ вступить съ нимъ въ связь. Долго крѣпилась дѣвушка и, наконецъ, получивъ клятву отъ влюбленнаго, что онъ непремѣнно женится на ней, отдалась ему.

Мари забеременѣла, что побудило ее напомнить своему возлюбленному о данномъ имъ обѣщаніи. Она умоляла его поспѣшить необходимыми формальностями для заключенія брачнаго союза. Парень сталъ отлынивать; онъ выдумывалъ разные предлоги, будто бы, мѣшавшіе ему жениться. Наконецъ, бѣдная Мари поняла, что Фондраонзъ обманулъ ее.

Между тѣмъ деревенскія кумушки стали уже шушукаться между собою на счетъ положенія бѣдной дѣвушки. Очевидно, въ скоромъ времени долженъ былъ обнаружиться ея позоръ. Какъ ни юна была Мари (ей не было еще 16 лѣтъ), она не могла безъ ужаса подумать о будущемъ, въ которомъ ее ожидали только горе и страданія. Она рѣшилась еще на попытку.

(Къ статьѣ «К. Ф. Гунъ».)

не имѣлъ строго-опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій, но во всѣхъ рѣчахъ, имъ произносимыхъ въ разное время, онъ всегда отстаивалъ общественное мнѣніе; всегда твердилъ, что оно должно имѣть рѣшающее значеніе во всѣхъ вопросахъ. И вдругъ, въ своемъ письмѣ, онъ говоритъ противъ своего же излюбленнаго принципа. Вотъ это письмо:

«Г. министръ,

«Послѣ поразившаго меня въ прошломъ году несчастія, я согласился возвратиться временно къ своему посту посланника въ Петербургѣ, только вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ маршала Мак-Магона и вашихъ, ваше превосходительство. Но въ настоящее время мнѣ рѣшительно невозможно занимать эту высокую долж-

Встрѣтивъ своего обольстителя на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нерѣдко происходили ихъ свиданія, она снова стала умолять, чтобы онъ женился на ней. Фондрадонъ рѣшительно отказался.

Тогда она показала ему револьверъ, взятый ею у отца, съ цѣлью, какъ она объяснила слѣдователю, испугать Фондрадонза.

— Если ты не женишься на мнѣ, сказала она, — ты не возьмешь въ жены никакой другой женщины: вотъ этимъ я покончу съ тобою счеты.

— Стрѣлай, если ты не трусишь, отвѣчалъ Фондрадонъ, — я заслуживаю наказанія.

Мари выстрѣлила, Фондрадонъ упалъ; молодая дѣвушка бросилась бѣжать безъ оглядки.

На слѣдующее утро нашли трупъ ея возлюбленнаго; горло у него было насквозь прострѣлено пулей.

Мари Мартенъ сама явилась въ жандармское управленіе кантона, рассказала обо всемъ подробно и была посажена въ тюрьму.

Наканунѣ дня появленія ея въ судѣ, она разрѣшилась отъ бремени въ тюрьмѣ. Судъ во вниманіе къ ея болѣзненному состоянію хотѣлъ отложить разбирательство дѣла, но она на это не согласилась. Она не могла ходить и ее, слабую, умирающую, внесъ на рукахъ въ судъ ея старикъ отецъ. Она не могла говорить, отвѣчала знаками, но сохранила полное присутствіе духа и хладнокровіе.

Присяжные вынесли оправданіе и этотъ приговоръ былъ встрѣченъ шумными рукоплесканіями публики.

Надо замѣтить, что во Франціи рѣдки оправдательные приговоры въ подобныхъ дѣлахъ, когда подсудимой является женщина. Мужчинъ, убивающихъ своихъ женъ и любовницъ, оправдываютъ гораздо чаще. Выраженному къ ней сочувствію Мари Мартенъ болѣе всего обязана той печальной обстановкѣ, въ которой она предстала передъ судомъ.

А вотъ романъ между дѣтьми, окончившійся вовсе не по дѣтски.

Дѣвица Бартоломи, очень набожная, часто посѣщающая церковь, взяла на воспитаніе тринадцатилѣтнюю дѣвочку Анжелину Петито, свою крестницу, дочь горничной, много лѣтъ служившей у нея въ домѣ. М-ль Анжелина, несмотря на свой дѣтскій возрастъ, была большей руки кокетка. Опасаясь, что дочка не устоитъ передъ обольщеніемъ, ея набожная воспитательница, уходя изъ дома, обыкновенно запирала ее въ ея комнату, но, зная свою разсѣянность, ключъ не брала съ собою, а клала въ определенное мѣсто, за цвѣточный горшокъ.

Въ домѣ, въ качествѣ грума служилъ пятнадцатилѣтній мальчикъ, Антуанъ Атэнъ. Онъ крѣпко по происхожденію, родился въ Кантонѣ и ребенкомъ былъ завезенъ въ Лиму, проданный въ одно испанское семейство, а оттуда привезенъ во Францію, и здѣсь совершенно офранцузился.

Антуанъ замѣтилъ мѣсто, куда клала ключъ дѣвица Бартоломи. Желая подслужиться Анжелине, онъ взялъ ключъ и выпустилъ плѣнницу. Ко времени возвращенія домой ея воспитательницы, Анжелина была снова заперта. Такъ случилось каждый разъ, какъ дѣвица Бартоломи уходила изъ дому, съ тою только разницею, что Анжелина не выходила изъ своей комнаты, а запиралась въ ней съ юнымъ Атэномъ. Прошло девять мѣсяцевъ и дѣвочка принесла въ домъ ребенка.

Произошелъ страшный переполохъ въ благочестивомъ домѣ. Кто виновникъ грѣха? Подозрѣніе пало на китайца. Онъ сталъ отрицаться, ссылаясь на свои года. Наконецъ онъ сознался въ своемъ проступкѣ, но заявилъ, что не онъ

явился передъ судомъ исправительной полиціи, обвиняемый въ обольщеніи несовершеннолѣтней дѣвушки. Адвокатъ его, главнымъ образомъ, настаивалъ на томъ, что кліентъ его, въ моментъ совершенія преступленія, не имѣлъ шестнадцати лѣтъ, слѣдовательно дѣйствовалъ по неразумію. Судьи, не зная какъ рѣшить дѣло, отложили свой приговоръ на десять дней.

Гдѣ, въ какомъ мѣстѣ только не зарождается любовь! На балахъ, на гуляньяхъ, на морскихъ купаньяхъ, у фортепьяно, во время игры въ крокетъ и пр. и пр. начинается тяготѣніе одного пола къ другому. Наконецъ, мѣстомъ зарожденія любви явился и воздушный шаръ. Нынѣшнимъ лѣтомъ извѣстный воздухоплаватель Гастонъ Тисандье поднимался на извѣстномъ привязномъ воздушномъ шарѣ Жифара. Вмѣстѣ съ нимъ поднимались незнакомыя ему маменька и дочка, обѣ очень красивыя собою. Путешественники разговорились въ воздушномъ пространствѣ. Обѣ дамы оказались очень образованными женщинами, въ особенности младшая, увлекшая Тисандье своимъ высокимъ развитіемъ. Послѣ путешествія, очарованный прекрасной дѣвицей, Тисандье сталъ часто бывать у новыхъ знакомыхъ. Скоро онъ сдѣлался женихомъ дочери, дѣвицы Анны Арбузъ и свадьба ихъ должна состояться 4 марта. Тисандье всегда говорилъ, что онъ иначе не женится, какъ въ воздушномъ шарѣ. Судьба помогла ему сдержать свое слово.

Въ прошломъ письмѣ я упомянулъ о томъ, что, кажется, президентъ республики находитъ неудобнымъ назначить своего брата гражданскимъ губернаторомъ Алжира. Какъ говорятъ, затрудненіе устроено и Альберъ Гриви получить назначеніе послѣ прочтенія въ палатѣ доклада слѣдственной комиссіи о дѣйствіяхъ министерства 16 мая. Президентомъ ея состоитъ Альберъ Гриви.

Вы просите сообщить вамъ о городскомъ хозяйствѣ Парижа. Этимъ предметомъ я займусь въ слѣдующемъ письмѣ.

Къ рисункамъ.

Рабыня, Услуга и Проба вина. Помѣщенные въ настоящемъ номерѣ картины принадлежатъ кисти трехъ художниковъ разныхъ національностей и переносятъ насъ въ три различныя сферы жизни. Картина «Рабыня» — произведеніе испанскаго художника Франциско Масеріера, бывшее на послѣдней мадридской выставкѣ художественныхъ произведеній, заслужившее медаль и прибрѣтенное испанскимъ королемъ; сюжетъ картины — рабыня въ восточномъ гаремѣ, съ бубномъ въ рукѣ, отдыхающая отъ пляски, это полная сладострастія и лѣни, нѣсколько тяжеловатая женщина Востока, воспитанная гаремомъ и годная только для животной гаремной жизни. Совсѣмъ другого рода типы передаетъ на своей картинѣ нѣмецкій художникъ Ердманнъ: тонкія

(Къ статьѣ К. Ф. «Гунъ».)

одинъ утѣшалъ плѣнницу, но что эту заботу съ нимъ раздѣляли оба очень юные сыновья консула, жившаго по сосѣдству, и часто посѣщавшаго домъ дѣвицы Бартоломи.

Анжелина подтвердила слова Атэна. Консульскіе сыновья также сперва отрицали свою виновность, но и они сознались. Однакожь, наружность ребенка доказывала, что отцемъ ребенка могъ быть только Антуанъ Атэнъ; его именемъ и былъ записанъ новорожденный въ мѣри.

Этимъ остался недоволенъ отецъ Анжелины, г. Петито, утверждавшій, что отцомъ ребенка гораздо лучше было признать одного изъ консульскихъ сыновей. Онъ подалъ жалобу въ судъ и, неизвѣстно въ силу какихъ соображеній, послѣдовалъ приказъ объ арестѣ юнаго китайца. Онъ

и нѣжныя черты дѣйствующихъ лицъ, изысканный нарядъ, утонченная вѣжливость мужчины, помогающаго изящной дамѣ перейти черезъ ручей въ полъаршина ширины, все это переноситъ насъ въ прошлые вѣка «петиметровъ», «маркизовъ» и «маркизовъ» старой Франціи, когда были еще въ модѣ подстриженные сады, утонченныя любезности, вычурные стихи Делиля, пастушки и пастушки Вато и т. д. Здѣсь прикрашенная жизнь и природа, здѣсь жеманство, замѣняющее настоящія чувства, здѣсь такъ и хочется сказать, что эти господа встрѣтились

Près du riant Marli,

Que Louis, la nature et l'art ont embelli...

И какой жизненной простотой дышать, рядомъ съ этими лицами, типы, передаваемые флорентинскимъ художникомъ Ф. Винеа въ его картинѣ «Проба вина». И этотъ старикъ-хозяинъ, съ плотоядной улыбкой смакующій вино и заглядывшійся на дѣвушку, наливающую вино, и эта дѣвушка, съ итальянской красотой и лукавой усмѣшкой, исполнены превосходно. Отъ этой картины такъ и вѣетъ реальной жизнью.

Высочайшій манифестъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ,

царь польскій, великій князь финляндскій

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ нашимъ подданнымъ:

Въ 15-й день сего мѣсяца, по волѣ Бога всемогущаго, любезнѣйшій племянникъ Нашъ, его императорское высочество великій князь Вячеславъ Константиновичъ, скончался послѣ кратковременной и тяжелой болѣзни.

Возвѣщая о такомъ горестномъ для Насъ и для всего императорскаго дома Нашего событіи, Мы вполне убѣждены, что всѣ вѣрные наши подданные примутъ искреннее участіе въ Нашей семейной скорби и соединятъ съ Нашими молитвами свои къ Верховному Полателю благъ объ усопшемъ великомъ князѣ и о ниспосланіи родителямъ его утѣшенія, даруемаго вѣрою въ святой несповѣдимый Промыслъ.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 15-й день февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ семьдесятъ девятое, царствованія же Нашего въ двадцать четвертое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Новости наукъ и жизни.

— **Князь Крапоткинъ.** Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» объявлено, что князь Крапоткинъ скончался 15 февраля.

— **Арестъ.** Прокуроромъ г. Сабуровымъ, опечатаны всѣ документы и книги кронштадскаго коммерческаго банка. Судебнымъ слѣдователемъ города Кронштадта, г. Порецкимъ, начато предварительное слѣдствіе, подъ наблюдениемъ товарища прокурора Жадринскаго. По распоряженію прокурора, директоръ банка Лангвагенъ арестованъ при полиціи. Предсѣдатель правленія М. Синебрюховъ подвергнутъ домашнему аресту. О заарестованіи членовъ правленія—Шеньяна, Сутугина и Фитингофа—проживающихъ въ Петербургѣ, сообщено кому слѣдуетъ.

— **Ужасная мать.** Генріета Бергеръ прожила 17 лѣтъ въ Лейпцигѣ, въ домѣ у г-жи Шеферъ, занимаясь воспитаніемъ ея дѣтей. Въ прошломъ году она возвратилась въ Бернъ, свой родной городъ. 33 лѣтъ отъ роду, съ выразительными глазами и прекрасными густыми черными волосами, Генріета очень красива собою. Въ Лейпцигѣ она находилась въ связи съ трубочистомъ, который думалъ жениться на ней, но въ 1870 г. поступилъ въ армію и пропалъ безъ вѣсти. Отъ этой связи Генріета имѣла дочь, которую воспитывала въ Бернѣ. Возвратясь на родину, Генріета поступила въ модный магазинъ. Въ нее

влюблялся одинъ молодой человекъ и въ августѣ, за 2 мѣсяца до совершенія преступленія, Генріета оставила магазинъ, объявивъ, что выходитъ замужъ. Она не хотѣла признаться жениху въ прежней связи и въ головѣ ея созрѣлъ планъ избавиться отъ дочери, которой было 13 лѣтъ отъ роду. 15 октября Генріета объявила своимъ родителямъ, что отправляетъ свою дочь въ Германію. Обѣ женщины сѣли на поѣздъ, отходившій изъ Берна; черезъ часъ съ четвертью онѣ пріѣхали въ Фрейбургъ, вышли изъ воксала и отправились на дугъ, пограничный съ станціей. Вскорѣ онѣ вошли въ сарай, заваленный досками и бревнами. Предложивъ дочери сѣсть подлѣ себя, Генріета, послѣ нѣкотораго молчанія, сказала ей: «Селина, я выхожу замужъ, но свадьба можетъ разстроиться, если узнаютъ, что у меня есть дочь. Я должна умертвить тебя». Бѣдная дѣвочка въ крайнемъ смущеніи отвѣтила: «Я готова умереть, чтобы доставить тебѣ удовольствіе, мама». Генріета накинула ей петлю на шею; Селина не сопротивлялась, только страшно вскрикнула. Мать зажала ей ротъ рукою; крикъ былъ услышанъ на станціи, однакожъ, никто не вышелъ узнать, отчего онъ произошелъ. Задушивъ дочь, Генріета вложила въ карманъ платя дѣвочки заранѣе приготовленное письмо, въ которомъ Селина объявляла, что рѣшилась на самоубійство, потому что съ нею дурно обращались родные. Затѣмъ Генріета отправилась на станцію и съ первымъ поѣздомъ возвратилась въ Бернъ, а черезъ два дня вышла замужъ. Между тѣмъ трупъ Селины былъ найденъ и на слѣдствіи обнаружилось, что произошло не самоубійство, а убійство. Во всѣ мѣстности Швейцаріи были разосланы фотографическія карточки убитой дѣвочки и вскорѣ Генріета была арестована. Когда ее ввозили въ Фрейбургъ въ каретѣ, пришлось защищать ее отъ нападенія женщинъ, желавшихъ разорвать на части эту возмутительно-жестокую мать. На судѣ Генріета чистосердечно призналась во всемъ и приговорена къ пожизненному тюремному заключенію. Мужъ Генріеты съ рыданіями заявилъ, что онъ непременно усыновилъ бы Селину и прежній проступокъ жены не могъ бы послужить поводомъ къ отказу его отъ женитьбы на женщинѣ, которую онъ страстно любилъ.

— **Сожженная колдунья.** Изъ Тихвина сообщаютъ въ «Голосъ»: «4 февраля, въ новгородской губерніи, тихвинскаго уѣзда, въ селѣ Врачево, крестьянка Аграфена Игнатьева сожжена крестьянами того же села, подозрѣвавшими ее въ колдовствѣ. Забивъ предварительно досками двери и окна въ избѣ вдовы Игнатьевой, крестьяне соломой подожгли избу, которая сгорѣла вмѣстѣ съ колдуньей. На зрѣлище собралось болѣе ста крестьянъ, а процессъ сожиганія учинили восемь человекъ, которые не запираются въ совершенномъ звѣрствѣ, убѣжденные, что они поступили законно».

— **Пророчица.** Въ Ярославлѣ, какъ пишутъ «Русскимъ Вѣдомостямъ», живетъ какая-то пророчица «Сашенька», слава которой между всѣми необразованными и полубразованными слоями населенія города и окружающихъ Ярославль, селъ и деревень, годъ отъ года возрастаетъ. Квартира ея полна посѣтителями; каждый оплачиваетъ свой визитъ деньгами или какими-нибудь припасами. Любопытно, что при ней состоитъ, въ качествѣ помощницы, монахиня ярославскаго монастыря.

— **Парусные вагоны.** Американцы вводятъ въ употребленіе парусные вагоны, приводимые въ движеніе вѣтромъ. Въ случаѣ вѣтряной погоды быстрота такого поѣзда равняется 50 колометр. въ часъ. Механизмъ ихъ настолько несложенъ, что, быть можетъ, современемъ, усовершенствовавшись, вытѣснятъ дорогіе паровые локомотивы. Любопытное зрѣлище долженъ представлять длинный поѣздъ съ распушенными парусами.

— **Фальшивыя яйца.** Въ С.-Франциско появился новый родъ промышленности: поддѣлываются яйца, которыя во вкусѣ мало различаются отъ куриныхъ, очень питательны и притомъ гораздо дешевле. Торговля ими ведется уже въ громадныхъ размѣрахъ.

— **Двоемужство.** Въ парижскомъ окружномъ

судѣ будетъ разсматриваться на-дняхъ дѣло о двоемужствѣ, возникшее при слѣдующихъ оригинальныхъ обстоятельствахъ: Во время франко-прусской войны, нѣкто NN остался за-мертво на полѣ битвы при Куломье. Въ строевомъ рапортѣ по полку его показали въ числѣ убитыхъ въ сраженіи. Получивъ извѣстіе о смерти NN, жена его стала хлопотать о принсканіи себѣ работы и вскорѣ получила мѣсто кассирши въ магазинѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, она вышла замужъ за одного изъ прикащиковъ этого же магазина. Между тѣмъ, г. NN, подобранный прусскими санитарями, оправился отъ полученной имъ въ бою опасной раны и сталъ розыскивать свою жену. Уѣзжая въ Парижъ, она не оставила своего адреса, а потому не могла получать писемъ мужа. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ и г. NN начиналъ уже отчаяваться розыскать когда-либо свою дражайшую половину, какъ вдругъ на-дняхъ, собиравая уплатить по счету въ одномъ магазинѣ, онъ взглянулъ на кассиршу и вскричалъ: «Да вѣдь это моя Адель!» Адель съ своей стороны, какъ и слѣдовало ожидать, упала въ обморокъ. Затѣмъ она сообщила г. NN о своемъ второмъ бракѣ. NN обратился тогда въ судъ, съ просьбой возвратитъ ему жену, которую нельзя обвинить ни въ чемъ, кромѣ чрезмѣрной поспѣшности утѣшиться въ потерѣ своего супруга.

— **Ошиканная дива.** Съ знаменитой Аделиной Патти случилось необычайное событіе: публика театра Сан-Карло въ Неаполѣ ошкарала ее! Въ оперѣ «Риголетто» пѣвицѣ почему-то вздумалось пропустить нѣсколько особенно эффектныхъ мѣстъ (увѣряютъ, что по настоянію Николини). Поднялся скандалъ, публика стала свистать и шикать, раздались крики «basso Patti! Fuori!» (долой Патти! Вонъ ее!). Режиссеръ вынужденъ былъ прекратить представленіе; расхившейся публикѣ возвратили деньги; Патти-же и Николини уѣхали изъ Неаполя въ тотъ же вечеръ.

— **Германскія женщины.** Профессоръ медицины, д-ръ Лейденъ, читалъ на дняхъ въ Берлинѣ публичную лекцію о «женщинахъ-медикахъ». Хотя, закончилъ почтенный лекторъ, указомъ Фридриха великаго, Доротея-Христина Эрслебенъ и была допущена къ экзамену на степень доктора, въ іюнѣ 1754 г., но въ Германіи это дѣло все еще обстоитъ такъ, что нѣмецкимъ женщинамъ пріятнѣе назваться «женами докторовъ» (Frau Doctorin), чѣмъ самимъ быть «докторами чужихъ мужей».

— **Откуда идетъ чума.** Тѣ именно мѣстности, въ которыхъ, согласно Библии, Богъ сотворилъ первыхъ людей, и гдѣ они вкусили плода древа познанія добра и зла, словомъ тѣ мѣстности, гдѣ былъ Эдемъ или рай земной—издавна были гнѣздомъ и разсадникомъ чумы. Страны, лежащая между Евфратомъ и Тигромъ, давно уже представляютъ безотрадную пустыню. Мѣстечки, населенныя арабами, полны скорпіоновъ и другихъ ядовитыхъ насѣкомыхъ; персидскіе караваны, перевозившіе тѣла богатыхъ персійцевъ къ священнымъ гробницамъ Недсефъ, заносятъ съ собою чуму. Зловоніе отъ гніенія труповъ въ гробахъ заражаетъ воздухъ, и въ тѣхъ мѣстностяхъ, черезъ которыя проносятся эти гробы, изъ года въ годъ свирѣпствуетъ страшный моръ.

— **Б. Тэйлоръ.** 7 (19) декабря, 1878 года, въ Берлинѣ, скончался отъ водяной Джемсъ-Бэй-ардъ Тэйлоръ, посланникъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, писатель и журналистъ, — личность весьма замѣчательная. Онъ родился въ бѣдной семьѣ, среди нищенской обстановки, въ одномъ изъ уголковъ Пенсильваніи, 11 января 1825 года. Получивъ первоначальное образованіе въ одной изъ бѣднѣйшихъ школъ, онъ ребенкомъ поступилъ въ типографію газеты «Tribune», гдѣ долженъ былъ трудиться, зарабатывая хлѣбъ и для себя и для своихъ родителей. Даровитый отъ природы, онъ, будучи наборщикомъ, сочинялъ для этой же газеты, въ то время, когда всѣ отдыхали, небольшія беллетристическія статьи, а также писалъ стихи. Издатель газеты, видя съ какого сорта юношей онъ имѣетъ дѣло, почувствовалъ къ нему и уваженіе и расположеніе; онъ далъ заимообразно способному юношѣ 500 долларовъ на путешествіе по Европѣ, съ тѣмъ, чтобы Бэй-

ярдъ уплачивалъ ему долгъ статьями, корреспонденціею изъ Старого Свѣта. Имѣя такую незначительную сумму въ карманѣ, Тейлоръ, съ сумкой за плечами и съ палкой въ рукѣ исходилъ пѣшкомъ почти всю Европу, посѣтивъ Англію, Францію, Швейцарію и Италію, преодолевая всѣ трудности и изучая на пути иностранные языки, которые давались ему легко, благодаря его настойчивости и замѣчательнымъ способностямъ. Свои путевыя впечатлѣнія онъ излагалъ въ корреспонденціяхъ на родину, печатавшихся подъ заглавіемъ «Впечатлѣнія пѣшехода или Европа, видимая для путешественника съ сумкой и палкой». Въ то же время онъ написалъ свою поэму «Химена» и нѣсколько большихъ стихотвореній. По возвращеніи на родину, съ запасомъ знаній, великолѣпно владѣющій языками, онъ сталъ работать во многихъ журналахъ и, между прочимъ, издалъ свои путевыя письма, обратившія на себя вниманіе публики. Въ 1849 г. онъ становится сперва дѣйтельнымъ сотрудникомъ, а потомъ и однимъ изъ издателей газеты «New York Tribune»; но страсть къ путешествіямъ заставляетъ его скоро оставить это дѣло; въ слѣдующемъ году онъ посѣтилъ Мексику и Калифорнію, а въ 1851 г. отправился изучать Старый Свѣтъ, но на этотъ разъ не ограничился Европой, а побывалъ въ Азіи и Африкѣ, пройдя до 60,000 миль; онъ изучилъ арабскій языкъ и говорилъ на немъ, какъ на своемъ природномъ. Возвратившись въ Соединенные Штаты, онъ издалъ свои путешествія, написалъ нѣсколько правоописательныхъ романовъ, каковъ, напр., романъ изъ американской жизни «Ганна Торнстонъ» (перев. на русск. яз.) и прочелъ нѣсколько публичныхъ лекцій. Не довольствуясь этой дѣятельностью онъ снова предпринялъ путешествіе, въ іюль 1856 года, по Восточной Европѣ, имѣя въ виду изучить страны, мало извѣстныя ему: для этой цѣли онъ, впроодложеніи двухъ лѣтъ, извѣздилъ Швецію, Норвегію и Данію, превосходно изучивъ мѣстные языки, давшіе ему возможность осуществить давнишнее свое желаніе — познакомиться съ скандинавской мифологіей и основательно изучить въ оригиналѣ саги, которыя впоследствии переведены имъ на англійскій языкъ, стихами. Не задолго до отъѣзда въ Америку, Тейлоръ, въ 1859 г. женился на дочери готского астронома Гансена. Съ 1862 г. Тейлоръ выступаетъ на поприще политическаго дѣятеля, продолжая по прежнему заниматься и литературой; сперва его назначаютъ первымъ секретаремъ посольства Соединенныхъ Штатовъ въ Петербургѣ, а въ 1863 г. повѣреннымъ въ дѣлахъ того же посольства. Занимая этотъ постъ, Тейлоръ употребилъ съ пользою время, проведенное имъ въ Россіи: онъ основательно изучилъ нашъ языкъ и хорошо познакомился съ русскими народными пѣснями, которыя произвели на него сильное, глубокое впечатлѣніе и заставили его на столько, что онъ и впоследствии очень часто декламировалъ ихъ, имѣя правильный и ясный выговоръ, не смотря на то, что прожилъ въ Россіи только два года. Въ 1864 году, возвратясь изъ Россіи, Тейлоръ исключительно занимался журналистикой и публичными лекціями; въ это же время нѣкоторые штаты выставили его, какъ кандидата на президентскій постъ, но партія Линкольна одержала верхъ. Въ 1873 г. онъ снова предпринялъ продолжительное путешествіе, побывавъ, между прочимъ, въ Исландіи, Тибетѣ и Египтѣ. Спустя 5 лѣтъ, въ февралѣ 1878 г. его назначили на почетный постъ — полномочнаго министра при германскомъ правительствѣ; на этомъ посту онъ оставался до самой смерти, не покидая вмѣстѣ съ тѣмъ и своихъ литературныхъ занятій и продолжая участвовать въ изданіи «New York Tribune». Талантливый, оригинальный писатель, наблюдательный путешественникъ и хорошій этнографъ, замѣчательный лингвистъ, Джамсъ-Бэйрдъ Тейлоръ своими солидными познаніями, серьезнымъ образованіемъ, развитіемъ и почетнымъ общественнымъ положеніемъ, обязанъ единственно самому себѣ. Онъ выбился на хорошую и честную дорогу изъ страшной нищеты, безъ посторонняго содѣйствія, и выйдя изъ борьбы съ жизнью полнымъ побѣдителемъ, доказалъ самымъ нагляднымъ образомъ, что можетъ

сдѣлать свѣтлый умъ, при помощи энергіи и упорнаго труда....

— **Разбойники.** Въ Мехикѣ, между городами Пуэбло и Веракрусомъ, совершено недавно смѣлое ограбленіе желѣзно-дорожнаго поѣзда. Около дюжины разбойниковъ забрались въ вагонъ третьяго класса, позади товарнаго вагона, въ которомъ находилось 28,000 ф. ст. Во время движенія поѣзда они отцѣпили задніе вагоны и заставили машиниста ѣхать до мѣста, гдѣ ихъ ждали 25 всадниковъ. Здѣсь деньги были нагружены на муловъ и пассажиры, двое изъ которыхъ были ранены, представлены ихъ участи.

— **Во что китайцы цѣнятъ свою косу.** Въ сѣверо-американскихъ штатахъ, вообще говоря, недолюбливаютъ китайцевъ и стараются сдѣлать для нихъ пребываніе на территоріи союза по возможности неприятнымъ. Такъ, муниципальный совѣтъ города Сан-Франциско постановилъ стричь волосы всѣмъ китайцамъ, которые по какому-бы то ни было поводу подвергаются аресту при тюрьмѣ. Мѣра эта чрезвычайно не правится подданнымъ богдыхана, для которыхъ утрата косы является почти равноцѣнной потерей чести. Недавно четверо сыновъ небесной имперіи, основываясь на трактатѣ, заключенномъ между ихъ отечествомъ и Соединенными Штатами, предъявили, по выходѣ своемъ изъ тюрьмы, искъ къ шерифу города Сан-Франциско на сумму 10,000 долларовъ за косы.

— **Обмѣленіе рѣки.** Населеніе побережья рѣки Амазонки сильно встревожено тѣмъ, что за послѣднее время рѣка эта быстро суживается и мелѣетъ. Причины этого замѣчательнаго явленія невыяснены. Корреспондентъ одной изъ нью-йоркскихъ газетъ, сообщая объ этомъ невѣроятномъ фактѣ, утверждаетъ, будто судоходство въ нѣкоторыхъ участкахъ теченія приостановлено за мелководіемъ.

— **Новый врагъ.** Въ засѣданіи французской академіи наукъ представлено было на-дняхъ сообщеніе г. Жюберн, командированнаго французскимъ правительствомъ съ научной цѣлью въ Бразилію, объ особомъ жучкѣ, личинки котораго (длиною въ $\frac{1}{4}$ миллиметра) наносятъ страшный вредъ виноградникамъ и кофейнымъ плантаціямъ. Личинки эти объѣдаютъ съ корней одѣвающую ихъ кожу и такимъ образомъ убиваютъ деревья и кустарники, которыя осчастливливаютъ своимъ посѣщеніемъ.

— **Любопытное судебное рѣшеніе.** Американскіе суды въ своихъ приговорахъ руководствуются подчасъ такими практическими соображеніями, которыя были бы совершенно немислимы въ Европѣ. Таковъ, напримѣръ, приговоръ, сообщаемый вѣстникомъ «Sonntags und Feiertags Courier». Истецъ — вдова машиниста, бывшаго жертвой столкновенія двухъ поѣздовъ; судъ присудилъ обществу желѣзной дороги заплатить ей 5,000 долларовъ убытковъ, между тѣмъ, какъ тотъ же судъ присудилъ вознагражденіе 15,000 долларовъ работнику, который, въ томъ же столкновеніи поѣздовъ, потерялъ ногу. Вдова считаетъ себя обиженной. Отчего же, спрашиваетъ она, — пятнадцать тысячъ долларовъ за одну ногу? Развѣ нога второе дорожное цѣлаго мужчины? Рѣшеніе суда совершенно справедливо, — отвѣчаетъ судья. — Мужчина, потерявшій ногу, не можетъ ее приобрести даже и за 15,000 долларовъ, между тѣмъ, какъ вдова, имѣющая 5,000 долларовъ, весьма легко можетъ отыскать другого мужа, не только совершенно новаго, но даже и гораздо лучше, чѣмъ первый.

— **Новая миноноска.** Изобрѣтатель мониторовъ, Эриксонъ, придумалъ и отчасти испыталъ уже небольшое судно, стоимостью въ 60,000 металлическихъ рублей, которое, по его писемъ, напечатанному въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ», въ состояніи однимъ своимъ особаго рода сильнымъ выстрѣломъ потопить англійскаго броненосца «Инфлексибл», стоящаго 4.000,000 мил. руб. По словамъ автора, придуманный имъ «снарядъ-мина» имѣлъ на опытахъ въ рѣкѣ Гудзонъ начальную скорость 233 фута въ секунду; но Эриксонъ рассчитываетъ въ будущемъ на большую скорость. «Снарядъ-мина», начиненный динамитомъ, выбрасывается изъ особой трубы посредствомъ сжа-

таго воздуха; изъ той же трубы можно одновременно выбросить и нѣсколько снарядовъ наименьшихъ размѣровъ. «Считаю излишнимъ объяснять, говоритъ изобрѣтатель, что эти малые снаряды, бѣгущіе по поверхности воды, представляютъ на близкомъ разстояніи опасныя орудія противъ неброненосныхъ судовъ. Что же касается нападенія на большіе броненосцы, то также слѣдуетъ замѣтить, что мои атакующія суда, снабженные большимъ снарядомъ, должны быть во время атаки поддержаны спутниками, имѣющими въ своемъ распоряженіи малые снаряды для взрыва неприятельскихъ миноносныхъ шлюпокъ».

— **Неожиданное наслѣдство.** Въ Манчестерѣ скончался недавно старый холостякъ Х., послѣ котораго осталось значительное состояніе. Близкихъ родственниковъ у г. Х. не было, а потому въ городѣ сильно интересовались вопросомъ о томъ, кого именно назначилъ онъ своимъ наслѣдникомъ. При вскрытіи завѣщанія оказалось, что послѣдняя воля г. Х. была выражена слѣдующимъ образомъ: «Все мое имущество должно быть раздѣлено поровну между 31 особой прекраснаго пола (слѣдуетъ перечисленіе именъ съ указаніемъ мѣстожителства), къ которымъ я обращался въ разныя времена съ предложеніемъ вступить со мною въ законный бракъ. Благодаря отказу означенныхъ особъ принять мое предложеніе, приобрѣлъ я возможность спокойно и счастливо прожить до самой моей кончины, за что и считаю себя обязаннымъ выразить имъ искреннюю мою признательность».

— **Артистическая поѣздка.** Между антрепренеромъ итальянской оперы въ Лондонѣ и директоромъ пенсильванской желѣзной дороги заключенъ договоръ, въ силу котораго члены лондонской оперы совершаютъ слѣдующимъ образомъ артистическую поѣздку по Соединеннымъ штатамъ. Для труппы, состоящей всего изъ 246 человѣкъ, отдается специальный поѣздъ. Поѣздка рассчитана въ 4,000 миль, за что уплачивается 15,000 дол. Въ вагонѣ, предназначенномъ для антрепренера, будетъ: приемная, спальная, курительная, ванная и пр. На щегольски отдѣланной наружности этого дворца-вагона красуется надпись: «Her Majesty's opera». За этимъ вагономъ слѣдуетъ особый вагонъ, съ кухней и столовою. Затѣмъ, нѣсколько вагоновъ, предназначенныхъ для членовъ оперной труппы, которые во все время пребыванія ихъ въ разныхъ городахъ Америки будутъ жить въ этихъ вагонахъ. Кромѣ того, одинъ вагонъ отданъ въ распоряженіе представителей печати, которые будутъ сопровождать оперную труппу, составлять отчеты и печатать ихъ во время пути. Въ вагонѣ для печати устроена типографія съ машинами и пр. Этотъ любопытный «оперный поѣздъ» долженъ былъ отправиться изъ Нью-Йорка въ Бостонъ 28 января; оттуда далѣе: въ Чикаго, Сан-Луи, Цинцинати, Луизилль, Балтимору, Филадельфію, Вашингтонъ, Спрингфилдъ, Нью-Генъ и Гартфордъ.

— **Изумительная скорость работы.** Желѣзно-дорожная линія, длиною въ 86 верстъ, соединяющая Филадельфію съ Атлантик-Сити, начатая постройкой 1 апрѣля 1877 года, была совершенно окончена и уже открыта для движенія 7 іюля того же года. Наибольшая насыпь достигаетъ на этой дорогѣ 5 слишкомъ сажень, а глубочайшая выемка $4\frac{1}{2}$ сажень; вообще, земляныя работы, при постройкѣ этой дороги, были весьма значительны. Насыпь въ 220 сажень длиною, потребовавшая подсыпки 812,000 кубич. футъ земли, устроена была втеченіи одной недѣли. Въ одинъ день проложено около 8 верстъ желѣзнаго пути. На небольшомъ, сравнительно, протяженіи дороги построено до ста различной величины мостовъ, три главнѣйшіе изъ которыхъ имѣютъ общую длину въ 200 сажень. Въ два мѣсяца устроена была совершенно 13-ти верстная дамба. Въ самый день открытія дороги оставалось еще проложить до 3-хъ верстъ пути, и работа эта окончена была въ продолженіи 2 часовъ. Дорога работаетъ съ тѣхъ поръ безостановочно. Такимъ образомъ, пословица: «скоро не бываетъ спора» — оказывается не вездѣ примѣнимою.

— **Фотографія, открывающая поддѣлки.** Французскій банкъ придумалъ весьма остроумную

систему провѣрки сомнительныхъ документовъ. Онъ прибѣгнулъ къ фотографіи, и въ числѣ служащихъ завелъ фотографа, который разсматриваетъ въ камеру подозрительные документы, причемъ открываются такія мелочи, которыя неприимѣтны для простаго глаза. Гдѣ, напримѣръ, сдѣлана подчистка, въ камерѣ это немедленно открывается, какъ-бы искусно это ни было сдѣлано; между тѣмъ, какъ слово или знакъ, искусно замаранные для простаго глаза, ясно выступаютъ на фотографіи документа. Если вѣрить послѣднимъ извѣстіямъ, полученнымъ англійскими газетами, то французскій банкъ, въ числѣ прочихъ предосторожностей, завелъ незримую фотографическую мастерскую, скрытую въ галереѣ, позади касирова. За тяжелыми занавѣсами помѣщается камера, и по знаку котораго нибудь изъ касировъ, фотографъ снимаетъ фотографіи съ посетителя, стоящаго у конторки. Послѣ того камера подготавливается для новыхъ снимковъ. Насколько такая мѣра практически полезна, окажется на дѣлѣ; но главное отдѣленіе парижскаго банка несомнѣнно обязано въ послѣднее время фотографіи открытіемъ нѣсколькихъ поддѣлокъ. Фотографическій аппаратъ составляетъ теперь неотъемлемую принадлежность этого учрежденія, и съ самихъ служащихъ снимаются фотографическіе портреты на всякій случай, такъ что, еслибы кто изъ нихъ вздумалъ бѣжать, то знаетъ, что оставляетъ позади себя свой портретъ, по которому его легко могутъ розыскать.

— **Театръ на водѣ.** Желая обойти законъ, воспреещающій театральныя представленія въ праздничные и воскресные дни, въ Нью-Йоркѣ устраивается пловучій театръ. Большая барка приспособлена для сцены и для зрительной залы на 800 человекъ. Театръ этотъ называется New-York Excursion theatre. Въ воскресные лѣтніе дни, когда театры на сушѣ закрыты, открываются театральныя представленія на водѣ.

— **Находчивость.** Изъ Тагилы, отъ 30-го января, пишутъ въ «Совр. Изв.»: «Нѣкто В., торгующій на Невьянскомъ заводѣ, пермской губерніи, отправился на Ирбитскую ярмарку 26 января. Въ его домѣ остались беременная жена и родственница ея, дѣвочка лѣтъ 13. Хозяйка просила своего мужа нанять сторожа, потому что здѣсь очень часто повторяются случаи грабежа и убійствъ; но хозяинъ сказалъ, что сторожа не нужно, и положилъ за зеркало заряженный револьверъ, потомъ уѣхалъ. Вечеромъ, когда хозяйка готовилась ложиться спать, раздался стукъ въ окно, и женскій голосъ сказалъ: «Пусти, ночевать». — Нелзя мнѣ пустить васъ, мужъ уѣхалъ, сказала хозяйка. — «Мы знаемъ, что уѣхалъ; мы видѣли его. Пусти, матушка, сдѣлай милость. Видишь, темень какая, того и гляди ограбятъ». Хозяйка подумала, что ей охотнѣе будетъ ночевать съ ними: не такъ опасно, да и жалко ей стало ихъ, потому что ходить по Невьянскому дѣйствительно опасно ночью, и послала дѣвочку отворить имъ ворота. Дѣвочка вышла на дворъ, и, немного погодя, въ комнату вошли двѣ закутанныя женщины. Онѣ стояли у двери и осматривались. — Чего же стоите, миленькія? раздѣвайтесь, сказала хозяйка. Но одна изъ женщинъ вытащила длинный ножъ и сказала: «ну, тутъ еще раздѣваться! Давай-ка деньги». Хозяйка поняла, что передъ нею стоятъ грабители, и отвѣтила, что деньги, какія есть, она отдастъ, и просила, чтобы они не губили ея души. «Давай деньги! крикнулъ злодѣй: не на рынокъ съ тобой торговаться; не то, тебѣ будетъ то же, что твоей дѣвкѣ» (дѣвочка была зарѣзана у воротъ). Женщина вынула деньги около ста рублей кредитными билетами и подала грабителямъ. — Мало, сказали они; мы знаемъ, что денегъ больше тебѣ мужъ оставилъ. — Да нѣтъ же, какъ угодно побожусь, всѣ съ собою взялъ на ярмарку. — «А, такъ ты такъ-то! Да нѣтъ, врешь, скажешь!» И злодѣй, схвативъ ее за голову, хотѣлъ перерѣзать ей горло. Хозяйка поняла, что смерть ея неизбежна, потому что грабители зарѣжутъ ее, чтобы скрыть слѣды своего преступленія. Чтобы хотя на малое время отдалить роковую минуту,

она сказала, что деньги есть въ кладовой, но что мужъ прячетъ ихъ самъ и не говоритъ куда, но что если поискать хорошенько, ихъ найти можно. Она повела грабителей въ кладовую, отперла дверь; одинъ изъ нихъ вошелъ туда и началъ искать деньги, другой держалъ свѣчу, стоя на порогѣ, рядомъ съ хозяйкою, и свѣтилъ первому. Вѣроятно, думая, что полумертвая отъ страха хозяйка не убѣжитъ отъ нихъ, и опасаясь, что товарищъ его, найдя деньги спрячетъ отъ него и скажетъ, что не нашелъ, — другой грабитель началъ внимательно слѣдить за операціями перваго въ кладовой и сдѣлалъ два шага впередъ, чтобы удобнѣе было свѣтить. Между тѣмъ хозяйка сообразила, что грабители, не найдя денегъ, со злости убьютъ ее, такъ какъ очень хорошо знала, что деньги увезены мужемъ. Кромѣ того, не миновать ей смерти и потому, что разбойники не оставляютъ въ живыхъ свидѣтелей преступленія. Оставалось одно: дѣйствовать рѣшительно, рѣшиться на что-нибудь отчаянное. Она бросилась на грабителя, выбила у него изъ руки свѣчку, толкнула его въ кладовую заперла за нимъ дверь на ключъ и, взявъ его съ собою, вышла въ избу. Она сѣла и у нея начались муки преждевременныхъ родовъ. Вдругъ кто-то сильно постучался въ окно, и рѣзкій голосъ съ улицы гаркнулъ: «Пусти ночевать!» — Не пушу, у меня неблагополучно и мужа нѣтъ дома, отвѣтила хозяйка. — «Говорятъ — пусти», крикнулъ третій грабитель. — Не пушу и не пушу? отвѣчала женщина. Стекла вылетѣли изъ рамы, и злодѣй началъ выламывать раму. — «Честью говорю, пусти, не то смерть тебѣ будетъ», говорилъ злодѣй и, выломавъ раму, полѣзъ въ окно. Хозяйка вспомнила про револьверъ, оставленный мужемъ за зеркаломъ. Когда третій гость до половины влѣзъ въ окно, она убила его наповалъ выстрѣломъ изъ пистолета и тутъ же родила живого ребенка. Она просидѣла до утра съ ребенкомъ на рукахъ и съ револьверомъ. Утромъ народъ собрался у дома, но войти внутрь не могъ никто: убитый продолжалъ лежать на окнѣ; голова и туловище были въ комнатѣ; а ноги наружи. «Есть ли кто живъ чело-вѣкъ?» спросилъ сотскій въ окно. — Я жива, отвѣчала женщина; томайте ворота, а я не могу встать отворить вамъ. Ворота были взломаны, народъ вошелъ на дворъ, и первое, что представилось его глазамъ, была зарѣзанная дѣвочка. Потомъ, когда полиція вошла въ комнату, хозяйка подала ключъ и сказала, что въ кладовой заперты еще двое. Выходи, сказалъ сотскій. Изъ кладовой не было отвѣта. — Выходи! сказалъ онъ вторично. Тоже молчали. Вошли внутрь и увидѣли, что злодѣи удавились. Они рѣшились повѣситься, чтобы не попасть въ руки правосудія. Женщина лежитъ въ горячкѣ; ребенокъ живъ.

— **Новые порты.** Датское правительство занимается въ настоящее время обсужденіемъ вопроса въ высшей степени интереснаго для всѣхъ государствъ, прилегающихъ къ Балтійскому морю. Дѣло идетъ объ устройствѣ удобнаго искусственнаго порта въ Каттегатѣ. Извѣстно, что послѣ Ламанша, Каттегатъ и Скагеракъ наиболѣе посѣщаемые судами морскіе проливы въ Европѣ. Такъ черезъ Каттегатъ проходитъ ежегодно среднимъ числомъ до 50,000 кораблей, изъ которыхъ приблизительно 60 терпятъ крушеніе. Пролитъ этотъ для парусныхъ судовъ въ неблагоприятную погоду довольно опасенъ, такъ какъ датскій его берегъ усянъ песчаными отмелями, а шведскій изобилуетъ скалами и рифами. У шведскаго берега имѣются хорошіе порты, но они лежатъ въ сторонѣ отъ обыкновеннаго пути слѣдованія судовъ, которыя всегда держатъ курсъ по возможности ближе къ мысу Скагену. Большинство капитановъ кораблей, а также ученыхъ общества, географическое и техническое, высказались въ пользу устройства порта, близъ острова Гризгольма, лежащаго невдалекѣ отъ Скагена, почти на срединѣ Каттегата, въ пяти верстахъ отъ материка Ютландіи. На соединеніе его съ материкомъ, посредствомъ плотины, требуется по примѣрному исчисленію, до 8,000,000 рублей.

— **Какъ узнать подмѣси въ молоко.** Погрузите въ молоко хорошо отполированную визальную иглу и выньте тотчасъ же, держа въ наклонномъ положеніи. Если молоко не разбавлено водой, на концѣ иглы останется капелька; если же оно разбавлено, хотя самымъ небольшимъ количествомъ воды — капли не будетъ и игла останется совершенно чиста.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Стихотв. «День и ночь». — Углекопы (продолж.). — Козлы отпущенія (продолж.). — Карлъ Федоровичъ Гунъ (оконч.). — Сестра Милосердія (продолж.). — Жюль Греви, президентъ французской республики — Стихотв. «Ахъ ты молодость, ты молодость моя». — Иза (продолж.). — Изъ Парижа. — Къ рисункамъ. — Манифестъ. — Новости наукъ и жизни. — Объявленія.

Гравюры: Проба вина. — Въ низкомъ проходѣ. Выбываніе угля. — Осмотръ галереи. — Межеваніе въ водѣ. — Споръ подъ землей. — 2 рис. къ ст. «Гунъ». — Рабыня. — Услуга. — Жюль Греви, президентъ французской республики. — 2 рис. къ ст. «Гунъ».

ОТЪ КОНТОРЫ. № 7-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту въ 7 ч. утра, 18 го февраля, на иногородную почту 18-го февраля въ 1 ч. 10 м. дня.

Контора журнала покорнѣйше проситъ гг. подписавшихся съ разсрочкой, прилагать при досылкѣ денегъ адресъ съ бандеролями или указывать въ письмѣ, что нумера ими уже получаются, чтобы не контору журнала не пришлось высылать вторичныхъ экземпляровъ.

„Живописное Обозрѣніе“ за 1874, 1875, 1876, 1877, 1878 гг. можно приобрести въ конторѣ журнала по 3 р. за каждый томъ 1874, 1875, 1876 и по 6 р. за 1877 и 1878 гг. безъ переплета и пересылки. Приобрѣтающіе три или два экземпляра журнала за 1874, 1875 и 1876 пользуются скидкой по 50 коп. на экземпляръ. Желаящіе имѣть экземпляры 1875 и 1876 гг. въ роскошныхъ переплетахъ, доплачиваютъ по рублю за каждый экземпляръ, а за экземпляръ журнала 1878 г. два рубля.

Деньги на пересылку высылаются по разстоянію: за одинъ томъ на 8 фунтовъ, за два тома 16 фунтовъ. До 1,000 верстъ прилагается по 1 р. на пересылку каждаго тома, сверхъ же 1,000 верстъ, на каждыя сто верстъ прилагается 7 к. на томъ.

Издатель-Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

Объявленія.

Рекомендуется, для необходимой предосторожности въ гигиеническомъ отношеніи, разрѣшенная врачевнымъ присут. Спб. градонач.

ДЕЗИНФЕКЦИОННАЯ ЖИДКОСТЬ Л. ПЕЛЬЦА и К^о.

Предупреждающая и уничтожающая запахъ по-та ногъ и другихъ частей тѣла, также прѣвнѣ тѣла въ складахъ. Ц. 60 коп.; съ пересылкой не менѣе двухъ флаконовъ 2 р., за 10-ть флак. 7 р. Продается въ С.-Петербургѣ, въ магазинѣ В. ЛЕБЕДЕВА, на Невск. проспек., д. № 67 и въ гостин., дворѣ у УШАКОВА и ПАРИКОВА. Въ г. Новгородѣ въ магазинѣ ГУНИНА. ДЕПО на Пескахъ 2-ая ул., д. № 20, квар. № 7. Высылаетъ по почтѣ только депо.

Въ Книжномъ магазинѣ

С. П. ГЛАЗЕНАПА

(Поварской Пер., д. № 15, въ С.-Петербургѣ)

продаются, между прочимъ, слѣдующія книги:

А. Михайловъ, Собраніе сочиненій въ 5 томахъ, цѣна 10 руб. съ пересылкой 12 руб.

Гѣте, Собраніе сочиненій въ 5 томахъ, цѣна 8 руб. съ пересылкой 9 р. 50 к.

В. Даль, Собраніе сочиненій въ 8 томахъ, цѣна 10 р. съ пересылкой 11 р. 50 к.

Ж. Сандъ, Бабушкины сказки, цѣна 1 р. 50 к. въ переплетѣ 2 р. (за пересылку ничего не прилагается). Всевозможныя требованія книгъ исполняются немедленно. Принимается подписка на всѣ журналы и газеты по редакціоннымъ цѣнамъ. 1.—

№ 9. Томъ I.

На годъ, съ доставкой и пересылкою — 7 руб.;
на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб.
Отдѣльн. №№ по 20 к.

С.-Петербургъ, 4 Марта 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ. Новый
проспектъ, домъ № 20.

Годъ VII.

Стихотворенія Владимира Юрѣва.

1.

Вдохновеніе.

Море безбрежное,
Злое, мятежное,
Вѣчно шумить и грохочетъ волной.
Ночь непроглядная, —
Тьма безотрадная
Мірѣ одѣваетъ густой пеленой.
Черныя, грозныя,
Тучи серьезные
Въ небѣ куда-то далеко спѣшать.
Волны упорныя,
Всѣмъ непокорныя,
Бьются въ подножье гранитныхъ громадъ.
Чувства ревнивыя,
Мысли пытливыя
Въ душу ворвались отважной толпой.
Мірѣ вдохновенія,
Воображенія
Снова владѣетъ смущенной душой!

2.

Ручей.

Въ глубокомъ ущельи межъ скалъ и камней
Сверкаетъ, играетъ студеной ручей.
Сквозь камни волной пробивается онъ путь,
Ломаю утесовъ гранитную грудь.
Лишь горная серна въ полуденный зной
Въ ручѣ освѣжалась прозрачной волной.
Знакомый туманамъ однимъ да вѣтрамъ,
Шумѣлъ и бѣжалъ онъ, струясь по камнямъ.
Смѣялись озера надъ бѣднымъ ручьемъ,
Когда узнавали отъ вѣтра о немъ.
Но мчались за дьями все новыя дни, —
Мельчали, нескромъ заносились они. —
Однажды весною въ горахъ былъ обвалъ,
Снѣгъ страшную глыбой въ ущелье уналъ, —
Съ дотогѣ невѣдомой силой ручей
Пробилъ себѣ путь между скалъ и камней.
И сталъ онъ великой и сильной рѣкой,
И пользу приноситъ странѣ онъ родной.

3.

Кашель.

Другъ мой, кашель душилъ!
Охъ, дышать нѣтъ силъ...
Что-то грудь мнѣ давить,
Какъ земля могилы.
Погляди въ окошко:
Свѣтитъ солнце ярко...
Лишь меня не грѣетъ,
Только мнѣ не жарко.
Вотъ заплѣла въ рошѣ
Птичка беззаботно...

Охъ, когда-бъ не кашель,
Снѣла-бъ я охотно!

Дышетъ все весною,
Вновь все оживаетъ,
А на жизнь надежда
Въ сердцѣ умираетъ.

Охъ, когда-бы зналъ ты
Какъ любить хочу я!
Ждетъ чего-то сердце,
Ноя и тоску...

Ждетъ оно и рвется,
Чтобъ любить всей страстью,
Чтобъ, прощаясь съ міромъ,
Я узнала счастье...

Снова кашель душитъ, —
А мнѣ жить охота...
Поетъ сердце, рвется;
Ждетъ оно чего-то!...

4.

Ночь.

Заснули плакучія нивы
Надъ гладью затихшей рѣки,
Сверкаютъ далеко пугливо
Рыбачихъ костровъ огоньки.

Чуть слышно дыханіе ночи...
Тамъ въ рошѣ заплѣлъ соловей...
Сомкнитеесь, усталыя очи
Трудившихся честно людей!...

Свѣча у меня догораетъ,
Сижу я одинъ у окна,
Серебряный свѣтъ свой бросаетъ
На міръ задремавшій луна.

Усталъ я, работалъ день цѣлый;
Теперь я могу отдохнуть:
Мечтою и думою смѣлой
И умъ успокою и грудь.

Шура, какъ я сказалъ, относилась ко всѣмъ
очень просто, но былъ одинъ человѣкъ, къ кото-
рому она всегда относилась вызывающимъ то-

номъ, передъ которымъ она поднимала голову.
Этотъ человѣкъ былъ я. Съ самаго ранняго дѣт-
ства она привыкла слышать обо мнѣ, какъ о че-
ловѣкѣ недюжинномъ, который выбился на доро-
гу своимъ трудомъ, который не кланялся нико-
му, который ни передъ кѣмъ не раскрывалъ сво-
ей души, который относился ко всѣмъ или недо-
вѣрчиво, или пропически. Это заставило дѣвочку,
говоря ея собственнымъ языкомъ, «бояться меня,
какъ инспектора». Она хмурилась при моемъ по-
явленіи и спѣшила уйти, чтобы я не сталъ на-
смѣхаться надъ нею. Слѣдствіемъ этого удаленія
было то, что я почти не зналъ ее. Я встрѣчалъ
ее рѣдко, при встрѣчахъ со мною она обыкно-
венно молчала и я почти не обращалъ на нее
вниманія. Моя невнимательность къ ней объяс-
нялась вообще моими отношеніями къ людямъ,
къ которымъ я никогда не подходилъ первый, съ
которыми я сближался только послѣ ихъ настоя-
чивыхъ приставаній ко мнѣ. Но Шура объясняла
себѣ мое поведеніе иначе: ей казалось, что я ее
«презираю». Эта мысль заставила ее платить мнѣ
тѣмъ-же: она «дѣлала видъ», что вовсе не замѣ-
чаетъ меня. Къ несчастію, она могла не замѣ-
чать меня, но она не могла не слышать обо мнѣ,
такъ какъ обо мнѣ часто говорили въ ея при-
сутствіи, то какъ о хорошемъ докторѣ, то какъ
о добросовѣстномъ ученомъ, то какъ о честномъ
и добромъ, но странномъ человѣкѣ, это должно
было заинтересовать ее. Рядомъ съ этимъ она
часто слышала мои споры въ обществѣ, изъ ко-
торыхъ я, вслѣдствіе слабости противниковъ и
моихъ діалектическихъ способностей, постоянно
выходилъ побѣдителемъ. Разъ во время одного
подобнаго спора, когда былъ задѣтъ близкій мо-
ему сердцу вопросъ о положеніи рабочихъ, я
сильно разгорячился и говорилъ очень смѣло,
страстно и увлекательно; Шура притаила дыха-
ніе и не проронила ни слова; когда я кончилъ,
она невольно схватила за руку сестру и восклик-
нула:

— Вотъ-то собаченька!

Она тотчасъ же опомнилась, сконфузилась и
убѣжала изъ комнаты.

Я не обратилъ бы на это никакого вниманія,
если бы мнѣ не замѣтилъ одинъ изъ моихъ при-
телей:

— А ты произвелъ сильное впечатлѣніе на
Шуру Вѣлевцеву.

Я пожалъ плечами.

— Я думаю, она даже и не поняла, о чемъ я
говорилъ, сказалъ я. — Ее еще куклы, вѣроятно,
занимаютъ.

— Да, да, толкуй! А самъ, я думаю, радъ бы

влюбить въ себя такую красотку, пошутить пріятель.

— У васъ только и на умѣ, что влюблять кого нибудь въ себя, сказалъ я.

Этотъ разговоръ забылся мною, какъ и всякія другія глупости. Но Шура не забыла обо мнѣ. Добрые друзья постарались напомнить ей обо мнѣ. Они стали какъ-то бранить меня при ней.

— Вы это можете доказать, что онъ такой злой? спросила она, сдвинувъ брови.

— Да это всѣ знаютъ, отвѣтили ей.

— А вы это ему скажете въ глаза? спросила она.

— Что мы учить его, что-ли, будемъ? разсмѣялись они.

— Ну, а если не скажете, такъ, значить, вы или лжете, или бонтесь его, горячо рѣшила она. — Онъ вотъ никогда никого не бранить за глаза, а говорить все прямо въ глаза. Вы за это его и не любите.

Она горячо вступилась за меня.

— А вѣдь Шура Бѣлевцева окончателно влюбилась въ тебя, говорили мнѣ тѣ-же пріятель. — Даромъ, что ребенокъ, а то-же влюбляется. Я разсердился.

— Вы не вздумайте просвѣщать этого ребенка, сказалъ я. — Думалъ бы побольше о дѣлѣ, а не о томъ, кто въ кого влюбленъ!

И опять я забылъ этотъ разговоръ. А Шура все пристальнѣе и пристальнѣе всматривалась въ меня, все подробнѣе и подробнѣе осведомлялась обо мнѣ, все чаще и чаще прислушивалась къ моимъ рѣчамъ и начинала убѣждаться, что я иной человѣкъ, чѣмъ ея отецъ, чѣмъ дядя Ваня, чѣмъ разные офицеры, окружавшіе ея маму и тетю Тото.

Однажды я былъ въ Павловскѣ на дачѣ у Бѣлевцевыхъ. Мы пили на балконѣ чай.

— А гдѣ же Шура? спросила хозяйка дома.

— Она, кажется, ушла къ пруду, читаетъ, отвѣтилъ кто-то.

— Надо ее позвать.

— А вотъ я ее приведу, сказалъ я безъ всякаго умысла.

Я пошелъ за нею и скоро нашелъ ее.

— Мнѣ велѣно васъ сейчасъ привести къ вашей мамѣ, сказалъ я.

Она вся вспыхнула.

— Велѣно? Если вы покорно исполняете чужія приказанія, то это не значитъ, что и я должна ихъ исполнять, но дѣтски капризно сказала она, разсерженная моимъ тономъ.

— Ну, ужъ какъ тамъ хотите, а я возьму и приведу васъ, пошутить я.

— Что-же вы силу употребите, что-ли? сказала она, чуть не со слезами въ голосѣ.

Меня изумилъ этотъ тонъ.

— Что это вы, кажется, плакать хотите? спросилъ я.

— Я не люблю неумѣстныхъ шутокъ, сказала она.

— Неумѣстныхъ? Это почему?

— Потому что шутятъ только со знакомыми или... съ маленькими дѣтми, отвѣчала она, заппалась.

— Да вѣдь мы-же знакомые, сказалъ я.

— Вы знакомы съ моею семьею, а не со мною, отвѣтила она. — Вы едва ли узнали бы меня въ лицо, если бы встрѣтили на улицѣ.

— Ну, такъ познакомимтесь, сказалъ я весело. — Я буду очень радъ, если вамъ не скучно будетъ знакомство съ такимъ скучнымъ старикомъ, какъ я.

— Вы старикъ? воскликнула она и засмѣялась. — Съ чего вы это выдумали, вы молодой, совсѣмъ молодой.

— Ну, положимъ, что такъ, сказалъ я. — Но идти къ мамѣ все-же надо. Давайте руку. Вы не сердитесь теперь на меня?

— Нѣтъ, сказала она и сжала мою руку.

Мы пошли.

— А вы знаете, что я васъ очень боялась, сказала она.

— Боялись? спросилъ я.

— Да. Васъ всѣ такими красками рисуютъ.

Она замолчала.

— Скажите, за что васъ такъ часто бранятъ? вдругъ спросила она.

— Да когда-же вы слышали, чтобы меня бранили?

— Всегда, всегда!

— Я что-то не слыхалъ.

— Еще бы! Васъ боялся, въ глаза не станутъ бранить...

— А, значить, бранятъ за-глаза, засмѣялся я.

— Но за то васъ никто и не любитъ, откровенно сказала она и сощурила глаза, всматриваясь въ меня.

— И вы не любите? спросилъ я, самъ не зная для чего.

— Я васъ совсѣмъ не знаю...

— Ну, а вашего кучера сынчика не любите? спросилъ я.

Она разсмѣялась.

— Дѣти васъ любятъ. Вѣдь вы смѣетесь только надъ большими.

— Потому что надъ дѣтми глупо смѣяться. Ихъ учить надо.

Мы дошли до балкона, гдѣ Софья Дмитріевна и два гостя какъ-то подозрительно взглянули на насъ. Шура весело подбѣжала сзади къ сестрѣ и звонко поцаловала ее въ шею.

— Что съ тобой? спросила Софья Дмитріевна.

— Ничего, ничего!

— Что же ты цалуешься?

— Такъ, захотѣлось поцаловать, — вотъ и цалую, засмѣялась Шура. — И еще, и еще поцалую тебя, продолжала она, покрывая поцалуями шею сестры.

Софья Дмитріевна пристально взглянула на меня и, кажется, изумилась, встрѣтивъ на моемъ лицѣ выраженіе полнѣйшаго внутренняго счастья.

О, если бы она знала, какъ счастливъ, какъ веселъ я былъ въ эту минуту. Мнѣ не хотѣлось говорить, мнѣ не хотѣлось смѣяться, мнѣ хотѣлось только скорѣе вырваться изъ ихъ кружка и уйти далеко, далеко куда нибудь въ поле, въ деревню, гдѣ живутъ простые люди, такіе же простые, какъ это дитя, весело и безопасно рѣзвившееся около насъ.

Впервые я почувствовалъ, что та доля фатовства, та доля высокомерія, которая постоянно присутствовала во мнѣ, вдругъ исчезла и я думалъ только объ одномъ, что я рѣшусь на всѣ жертвы, на всѣ испытанія, чтобы Шура была моимъ другомъ, моею спутницею, моею женою. Я думалъ только о себѣ... Впрочемъ, кто же изъ насъ, мужчинъ, думаетъ о судьбѣ той женщины, которую онъ любитъ и изъ которой онъ хочетъ сдѣлать любовницу или жену?..

Мы сблизились не постепенно, не исподволь, а сошлись вдругъ. Черезъ пять, шесть дней намъ казалось, что мы знаемъ другъ друга уже десятки лѣтъ, что въ нашей жизни не было времени, когда бы мы не были знакомы. Она потребовала, чтобы я рассказалъ ей «всю, всю свою жизнь до капельки». Я просилъ, чтобы она рассказала мнѣ и свою жизнь.

— Ахъ, моя жизнь! — это одинъ день. Утромъ темное платьице и уроки французскаго, нѣмецкаго и русскаго языковъ, арифметики, географіи и исторіи. За завтракомъ — свѣтлое платьице и потомъ прогулка. Въ обѣдъ третье платьице и потомъ урокъ музыки. Утромъ наставленія гувернантки: «какъ вы сидите?» Въ обѣдъ наставле-

нія мамы: «веди себя прилично». Вечеромъ наставленія сестры: «не вѣтренничай». Вотъ и все.

— А внутренняя жизнь?

— Меня удивляло, какъ мама не устанетъ одѣваться три и четыре раза въ день, и какъ она не соскучится читать романы. Мнѣ было удивительно, почему сестра все сидитъ въ своей комнатѣ за книгами, когда у мамы слышится громкій смѣхъ офицеровъ. Меня изумляло, какъ это можетъ папа все ѣздить и ѣздить цѣлый день по домамъ больныхъ и никогда не жить для себя.

— Но были же какія нибудь желанія?

— Мнѣ хотѣлось, чтобы сестра была счастливою, чтобы папа былъ счастливъ, чтобы я была счастливою...

— А какъ?

— Этого я не представляла себѣ, мнѣ просто хотѣлось, чтобы мы всѣ, всѣ были счастливы.

— И теперь то-же вы не представляете себѣ картины этого счастья?

Она взглянула въ сторону и покраснѣла.

— Вы не отвѣчаете?

Она быстро обернулась ко мнѣ и горячо страстно обвила руками мою шею. Я сошелъ съ ума: я цаловалъ ея руки, ея глаза, ея губы. Я не понималъ, не хотѣлъ понять, что мнѣ бросался въ эту минуту на шею ребенокъ, а не взрослая дѣвушка, и рѣшилъ, что это любящее созданіе будетъ моею женою. Когда Шура объявила сестрѣ, что она «обогащаетъ» меня, та смутилась и начала уговаривать ее не выходить за меня замужъ. Но Шура ничего не хотѣла слушать и только повторяла, что она любитъ, боготворитъ, обогащаетъ меня. Софья Дмитріевна пробовала, какъ умѣла, объяснить ей, что я вдвое старше ее, что я скоро сдѣлаюсь старикомъ, что я слишкомъ серьезенъ для нея, что у меня тяжелый характеръ, — Шура смѣялась и затыкала уши. Софья Дмитріевна была огорчена, опечалена, но мнѣ она не рѣшалась сказать, что я дѣлаю безумный шагъ, что я поступаю нечестно, женясь на ея сестрѣ: она была дѣвушка и ей было «неловко» говорить объ этомъ со мною. Я могъ бы еще, пожалуй, подумать, что она сама имѣетъ виды на меня!

Я женился.

Какъ веселъ, какъ доволенъ, какъ счастливъ былъ я вплоть до того дня, когда меня встревожила болѣзнь жены. Я не отходилъ по ночамъ отъ ея постели, я боялся потерять въ ней все счастье моей жизни, я сходилъ съ ума, думая объ опасности ея болѣзни, какъ вдругъ мнѣ попался подъ руки ея дневникъ, открывшій мнѣ глаза. Прочтите этотъ дневникъ и вы поймете, безъ объясненій, безъ добавленій ту жизнь, на которую я безсознательно, туго и спокойно обрекъ этого ребенка. Это поучительная исторія, потому что она, къ несчастію, повторяется сплошь и рядомъ. Вотъ эти скорбныя страницы, начало которыхъ я уже передалъ вамъ, приступая къ своей исповѣди:

(Продолженіе слѣдуетъ.)

(Продолженіе.)

Они заѣхали вдвоемъ еще въ два-три мѣста и только часа черезъ два вернулись домой. Началась распаковка покупокъ и раздача подарковъ дѣтямъ. Всѣ три комнаты, занимаемыя ихъ семействомъ въ гостинницѣ, загромодились ящиками и картонками, паркетъ покрылся скопканной оберточной бумагой, бичевочками, разноцвѣтными ленточками и тесемочками, запахло свѣжей кра-

ской, лакомъ и клеємъ отъ новыхъ игрушекъ и тѣмъ тонкимъ, неуловимымъ ароматомъ, которымъ всегда слегка пропитаны вещи, купленные въ хорошихъ магазинахъ. Всѣ кресла и столы были заставлены красивыми коробками съ конфетами, корзинками съ цвѣтами, свертками орѣховъ, фи-сташекъ, пряниковъ. Всего этого было накуплено очень много.

— По крайней мѣрѣ, рублей на сорокъ, думала про себя институтка.

Что же касается до костюма матери, то она съ перваго же взгляда оцѣнила его въ полтора рубля и ошиблась рублемъ на пятнадцать, не больше.

Дѣти не помнили себя отъ радости и подняли такой визгъ, что изъ сосѣдняго номера, занятого какой-то больной дамой, пришли попросить: нельзя ли потише?

Алексѣй Алексѣевичъ блаженствовалъ. Блаженство это выражалось и въ улыбкѣ, съ которой онъ унималъ дѣтей, и во взглядахъ, которыми онъ слѣдилъ за порхающей изъ комнаты въ комнату Марьей Николаевной, и въ громкомъ добродушномъ смѣхѣ, которымъ онъ приправлялъ свои шуточки съ сыномъ и съ барышней Солнцовой.

Марья Николаевна совершенно преобразилась. Отъ утренней томности и покорной озабоченности не оставалось и слѣда; она такъ весело болтала и смѣялась, такъ проворно и ловко помогала горничной вынимать и оправлять привезенные наряды, что одушевление ея невольно сообщалось присутствующимъ.

Къ Володѣ она каждую минуту обращалась то съ тѣмъ, то съ другимъ, кидая ему на ходу милые слова и вопросы. Между прочимъ, она ему объявила, что желала бы подарить ему запонки на память, но не знаетъ, позволятъ-ли ему ихъ носить?

На вопросительный взглядъ, которымъ она подчеркнула эти слова, сынъ Юліи Ивановны прошепталъ въ большомъ смущеніи что-то непонятное, но Марья Николаевна поняла этотъ отвѣтъ какъ нельзя лучше и, граціозно закивавъ головкой, торопливо проговорила.

— Ну да, ну да, я и сама такъ думала... Мы потолкуемъ съ вами объ этомъ въ другой разъ, mon cher Voldemar... Намъ надо о многомъ съ вами поговорить.

И, выбѣгая въ другую комнату, служившую ей уборной и спальней, она на лету прикоснулась губами къ его лбу и ласковымъ движеніемъ огладила ему назадъ волосы.

Институткѣ Алексѣй Алексѣевичъ подносилъ, въ эту самую минуту, презабавливую и предорогую штуку, съ двумя большими флаконами духовъ изъ граненаго хрусталя.

Но видно не суждено ему было тронуть сердце черствой дѣвицы ничѣмъ, ни словами, ни подарками. Она съ презрительной усмѣшкой приняла его приношеніе и, сдѣлавъ обязательный книксенъ, немедленно отставила подарокъ въ сторону, не удостоивъ его даже и взглядомъ.

Алексѣй Алексѣевичъ съ безпокойствомъ обернулся, но Марья Николаевна въ комнатѣ не было и глаза его встрѣтились только съ негодующимъ взглядомъ Володи, онъ отвѣтилъ на него комичнымъ подмигиваніемъ и тѣмъ движеніемъ головой и руками, которое на всѣхъ языкахъ можетъ быть переведено только слѣдующей фразой: — что прикажете дѣлать, ничѣмъ не угодишь!

Институтка не замѣтила ни этого жеста, ни улыбки Володи, ее въ эту минуту позвали къ матери, которая одѣвалась въ спальнѣ.

Марья Николаевна отправлялась къ графинѣ одна.

Графиня ей приходилась немножко сродни. Она слыла въ обществѣ странной женщиной и

даже, по мнѣнію нѣкоторыхъ, немного съ придурью. Свою хорошенькую родственницу, Мари Солнцеву, она совершенно игнорировала въ то время, какъ эта послѣдняя вела себя прилично и какъ подобаетъ порядочной женщинѣ; она занялась ею только тогда, когда всѣ отвернулись отъ нее за esclandre съ Савлинымъ, и занялась такъ усердно, что однажды, она даже открыто заступилась за нее въ какой-то великосвѣтской гостиной и, по поводу ея бѣгства съ красивымъ гвардейцемъ, выразила во всеуслышаніе такое мнѣніе, что гораздо честнѣе уйти отъ мужа и открыто жить съ любовникомъ, чѣмъ амуриться за спиной супруга.

Слухи объ этомъ заступничествѣ дошли до Марьи Николаевны и такъ глубоко ее тронули, что она не могла удержаться отъ искушенія письменно поблагодарить свою отважную заступницу. Этотъ сердечный порывъ понравился эксцентричной барынѣ и она немедленно отвѣчала на него просьбой продолжать переписку.

Марья Николаевна очень ловко и съ большимъ тактомъ воспользовалась этимъ предложеніемъ. Уже Богъ ее знаетъ, какъ она умѣла это устроить, но только письма ея, какъ изъ заграницы, такъ и изъ Россіи, являлись всегда кстаті и всегда заключали въ себѣ что нибудь интересное, что нибудь такое, о чемъ никто еще не слышалъ, а между тѣмъ, всякому было лестно узнать раньше другихъ.

Переписка эта на столько ихъ сблизила, что при свиданіи въ Парижѣ, лѣтъ пять тому назадъ, онѣ встрѣтились совершенно по родственному и очень подружались.

Алексѣя Алексѣевича графиня тоже видѣла почти каждый день заграницей и отъ всей души полюбила его. Его пелъза было не полюбить, онъ былъ такой милый, добрый, симпатичный человекъ, характеръ у него былъ такой веселый и откровенный. А ужъ про любовь его къ Мари Солнцовой и къ дѣтямъ, говорить нечего!

И дѣтей ихъ графиня нашла прелестными и отлично воспитанными.

— Un ménage charmant! повторяла она потомъ на всѣ лады всѣмъ, кто еще настолько помнилъ преступную мадамъ Солнцеву и м-сье Савлина, чтобъ интересоваться ихъ судьбой. — Такая жалость, что имъ нельзя выхлопотать себѣ разводъ и обвѣнчаться.

Въ запискѣ, полученной сегодня утромъ съ приглашеніемъ къ обѣду, упоминалось и объ Алексѣѣ Алексѣевичѣ, но Марья Николаевна рѣшила, что имъ лучше на первый разъ не являться въ свѣтъ вмѣстѣ. Кто знаетъ, съ кѣмъ можно встрѣтиться, вѣдь здѣсь Петербургъ, а не Парижъ!..

Графиня должна была пригласить ихъ обоихъ, она не могла поступить иначе послѣ того, какъ они вмѣстѣ бывали у нее за границей, но здѣсь она, не взирая на всю свою самостоятельность, все-таки въ завѣсности отъ общества, и съ ихъ стороны было бы непростительно ставить ее въ неловкое положеніе передъ этимъ обществомъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній было рѣшено, что сегодня Марья Николаевна поѣдетъ одна на обѣдъ, а завтра Алексѣй Алексѣевичъ, въ свою очередь, явится одинъ съ утреннимъ визитомъ къ графинѣ и поблагодаритъ ее за вниманіе.

Володя вернулся домой довольно рано и весь вечеръ просидѣлъ въ своей комнатѣ за книгами. Но занятія не шли ему на умъ; трудно было оторвать ему мысли отъ тѣхъ трехъ комнатъ въ маленькой гостинницѣ на площади, гдѣ ему сегодня въ первый разъ въ жизни довелось видѣть вблизи чужое семейное счастье. Эти ссоры, драки, примиренія, взрывы смѣха и слезъ, радости и печали между братьями и сестрами, споры и разсужденія чисто питимнаго свойства между

родителями — сколько во всемъ этомъ проявлялось теплоты, довѣрія и любви! Какая сильная, крѣпкая связь чувствовалась между всѣми членами этого маленькаго, отдѣльнаго мірка и какое блаженное невѣденіе и отчужденіе отъ всего остальнаго міра!

Стоило только пробить нѣсколько часовъ въ этомъ семействѣ, чтобъ убѣдиться, что всѣ его члены отъ мала до велика, при первомъ удобномъ случаѣ, станутъ горой другъ за друга противъ всякаго чужого...

Счастливыя дѣти! Имъ незнакомы такіа чувства, какъ страхъ, робость, недовѣріе и ненависть! Они понятія не имѣютъ о гнетущемъ сознаніи одиночества, о тоскливомъ и тщетномъ стремленіи къ любви и ласкамъ, ихъ не дадутъ въ обиду, надъ ними никто не позволитъ себѣ смѣяться, никто на нихъ не ворчитъ, никто не извѣститъ ихъ злыми попреками. Они могутъ быть увѣрены, что тѣ люди, отъ которыхъ они зависятъ, счастливы только ихъ счастьемъ, покойны только ихъ спокойствіемъ и довольствомъ! И за всѣ радости, за всѣ заботы отъ нихъ ничего не требуютъ, никакихъ проявленій благодарности, никакой сердечной или умственной ломки! Счастливыя дѣти! Имъ даже и въ голову не приходитъ спросить, всѣмъ-ли дѣтямъ на свѣтѣ выпало такое счастье, какъ имъ? Всѣ-ли отцы и матери любятъ другъ друга такъ, какъ любятъ ихъ родители? Въ каждомъ-ли домѣ царитъ такое полнѣйшее согласіе во вкусахъ и взглядахъ, какъ въ ихъ домѣ?

Нѣтъ, они слишкомъ еще малы и глупы, чтобъ задумываться надъ подобными вопросами и сознательно относиться къ своему счастью. Однако, когда сегодня, на вопросъ Сенички, съ какими дѣтьми онъ живетъ, Володя отвѣчалъ, что онъ всегда жилъ одинъ, одинъ учился и одинъ игралъ, Лѣва вскричалъ:

— Ахъ, какъ тебѣ должно быть скучно!

А Понкѣ сдѣлалось такъ его жалко, что она подлѣзла къ нему сзади и молча начала его цѣловать въ затылокъ, крѣпко обнявъ рученками за шею.

— За то господинъ Вольдемаръ былъ заграница, онъ видѣлъ тамъ Бердинъ и Генфѣ и ходилъ тамъ въ школу, замѣтила Минна Андреевна, слышавшая всѣ эти подробности о Володиномъ воспитаніи отъ Алексѣя Алексѣевича еще въ прошломъ году. — Заграница можно много видѣть и многому научиться! О, да! Расскажите намъ, мосье Вольдемаръ, что вы тамъ видѣли и слышали.

Мальчики двинулись еще ближе къ Володѣ и устремили на него взгляды, полные жгучаго любопытства и вниманія, а маленькая Ниночка взгромоздилась даже на его колѣни, чтобъ лучше слушать.

Володя началъ рассказывать о своей жизни заграницей. Впрочемъ, о себѣ онъ почти ничего не говорилъ, а распространялся больше о людяхъ, съ которыми ему тамъ приходилось встрѣчаться, а также о чудной природѣ.

— Съ кѣмъ же вы тамъ жили? спросила институтка, прерывая его рѣчь на полусловѣ, — съ вашей матерью?

Она до сихъ поръ не вступала въ разговоръ, ни съ Володей, ни съ дѣтьми. Можно было думать, что она не слышитъ ни слова изъ того, что говорилось въ группѣ, толпившейся вокругъ Володи у растворенной двери въ сосѣдную комнату, такъ внимательно перелистывала она альбомъ съ фотографіями, въ противоположномъ углу гостиной, но въ ея вопросѣ не было ничего удивительнаго...

— Это даже былъ весьма естественный вопросъ, думалъ теперь Володя, припоминая подробности сцены, такъ упорно застѣвшей въ его памяти, что какъ ни старался онъ думать о дру-

гомъ, она постоянно вслѣживала надъ всѣми остальными впечатлѣніями и ощущеніями, вынесенными имъ въ этотъ достопамятный день. Да, это былъ несъема естественный вопросъ... Почему же онъ такъ смущился имъ? Почему это напоминаніе о матери ему было такъ непріятно, именно въ ту минуту и въ той обстановкѣ? Дан не ему одному стало неловко отъ этого вопроса.

Ему даже показалось, будто неожиданное внимательство баришни Солнцевой въ бесѣду заставило обѣихъ нянекъ знаменательно переглянуться между собою, а дѣтей потупиться и при-смирѣть. Институтка же, какъ-будто желая вознаградить себя за долгое молчаніе, повела длинную, безконечную рѣчь о доблестяхъ своего покойнаго отца. Говорила она невнятно и сбивчиво, ни къ кому собственно не обращаясь и даже не измѣняя своей пелюхой позы у стола, снисходительной ко всей остальной компаніи, но каждое ея слово пензливо вѣшивалось въ память Володи. Изъ этого разсказа оказывалось, что покойный Солнцевъ вѣчно любилъ свою дочь и каждое воскресенье ѣздилъ навѣщать ее въ институтъ, что онъ возилъ ей конфеты и множество другихъ подарковъ, сулилъ ей невозможныя удовольствія и развлеченія по выходѣ ея изъ института, мечталъ съ нею о путешествіяхъ заграницу и о жизни въ Парижѣ, постоянно утѣрялъ ее въ томъ, что онъ живетъ только для нее, только для нее хлопочетъ объ увеличеніи своего состоянія и о блестящемъ положеніи въ обществѣ... Правду-ли говорилъ г. Солнцевъ? Но дочь ему вѣрила и считала себя, при его жизни, счастливѣйшимъ существомъ въ мірѣ.

— И тогда была со-всѣмъ другая дѣвочка, объяснила она со слезами въ голосѣ.

Она такъ и сказала «дѣвочка», совершенно забывъ роль взрослой и разочарованной дѣвочки, которую она до сихъ поръ разыгрывала такъ усердно и удачно, что ее дѣйствительно можно было принять скорѣе за старую, жолчную и высохшую старую дѣву, чѣмъ за пятнадцатилѣтнюю дѣвушку. И вдругъ, обернувшись къ слушателямъ, и обводя ихъ вызывающимъ взглядомъ, она продолжала, все болѣе и болѣе оживляясь:

— Онъ дарилъ мнѣ много, много денегъ, я

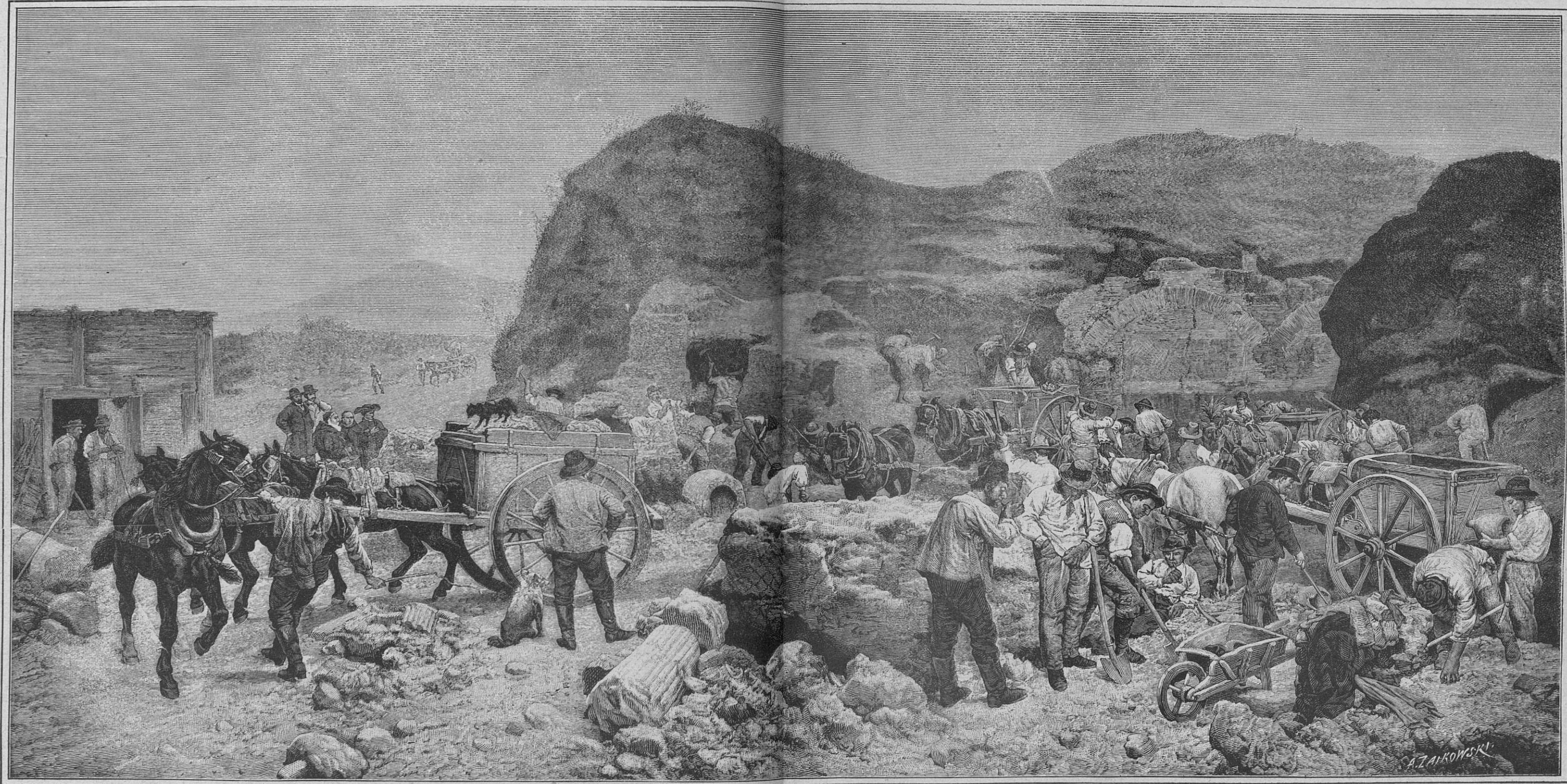
была всѣхъ богаче въ моемъ классѣ и всѣ мнѣ завидовали.. Разъ папаша привезъ мнѣ десять золотыхъ заравъ, право! Вы, можетъ быть, не вѣрите, но я вамъ даю честное слово, что это правда!

Возраженія не послѣдовало. Дѣти усталились

А баришня Солнцева, между тѣмъ, продолжала. Да, отецъ очень вѣжно ее любилъ и она съ нимъ все потеряла, рѣшительно все! Теперь она сирота... хуже, чѣмъ сирота!.. Когда ей сказали, что онъ умеръ, съ нею сдѣлалось душно и она такъ плакала и рыдала, что заболѣла... Но не на столько

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ

КАРТИНА КОВАЛЕВСКАГО.

Раскопки въ Римѣ.

Рѣзалъ на деревѣ Зайковскій въ Варшавѣ.

на нее любопытными глазами съ той самой минуты, какъ она заговорила, да такъ и застыли въ своемъ вниманіи, вслушиваясь гораздо больше въ звукъ ея голоса, чѣмъ въ смыслъ произносимыхъ ею словъ; они сидѣли смиренно, не шевелясь, и только время отъ времени поглядывали съ недоумѣніемъ на Володю.

же она была больна, чтобъ лежать въ лазаретѣ, а, между тѣмъ, ее продержали тамъ цѣлую недѣлю, нарочно для того, чтобъ не пустить на похороны и не дать ей проститься съ тѣломъ отца! Она знаетъ, кто упрямилъ доктора объявить директрисѣ, что перны ея не выдержатъ печальной церемоніи, что она можетъ просту-

диться на кладбищѣ, и тому подобныя глупости! О да, она это знаетъ и никогда, никогда не проститъ этому человѣку! Онъ можетъ всю жизнь записывать въ ней, но ей все равно, ей ничего не надо отъ него, ни вниманія, ни подарковъ, ничего, ничего!

— Неужели они думаютъ, что я буду съ ними жить когда-нибудь? продолжала между тѣмъ институтка. — Никогда! Я перейду на педагогическіе курсы, пойду въ гувернантку, въ няньки, въ горничныя... Я лучше брошусь въ Фонтанку, чѣмъ съ ними жить!

Изобрѣтенія и открытія.

Ст. Л. Невольскаго.

Годъ изобрѣтеній. — Вѣроятность смерти на войнѣ. — Слѣдствія войны. — Что знаетъ наука о чумѣ. — Судьба изобрѣтеній. — Кто первый открылъ микрофонъ? — Новѣйшія примѣненія микрофона. — Телемахонъ. — Электрическая лампа Дюкретѣ. — Новости телеграфіи. — Телеграфная проволока изъ алюминія. — Новый порохъ. — Рѣдкіе металлы на парижской выставкѣ 1878 г. — Дѣйствующій вулканъ на лунѣ. — Исчезновеніе Телавикскихъ пѣлебныхъ пестичниковъ. — Проектъ наводненія Сахары. — Длинна желѣзныхъ дорогъ на земномъ шарѣ.

Истекшій годъ былъ годомъ изобрѣтеній по преимуществу. Прогрессъ словѣческихъ знаній шагнулъ далеко впередъ, обогатившись такими фактами, которые обусловили необходимость реформирования самой науки. Такія пертурбаціи испытала химія. Кальсте и Никте сгущаютъ постоянные газы въ жидкое и даже въ твердое состояніе, а Локіеръ простою химическою реакціей превращаетъ одни металлы въ другіе, подкрѣпляя своимъ открытіемъ теоретическій законъ однородности физической природы атомовъ различныхъ тѣлъ, извѣстной подъ именемъ закона «единства матеріи». Третьимъ, по научной важности, нужно считать фонографъ — блестящее изобрѣтеніе Эдисона. Намѣреваясь придать нашей хроникѣ въ нынѣшнемъ году, характеръ періодичности, мы постараемся знакомить читателей со всѣми новѣйшими «обѣдами человѣческаго ума», систематизируя нашъ матеріалъ въ извѣстномъ порядкѣ, причемъ, главною задачею поставляемъ себѣ выборъ такихъ фактовъ, которые имѣютъ или особый научный интересъ, или же могутъ найти примѣненіе въ жизни. Само собою разумѣется, что изложеніе наше будетъ возможно популярно, хотя заранѣе можно предвидѣть, что въ работѣ, подобной нашей, трудно, даже невозможно, избѣжать научной терминологіи. Также мы попросимъ иногда нашего читателя обратить вниманіе на какую-нибудь красочную статистическую таблицу, которая обыкновенно принято называть «сухоню цифирью», хотя, вспоминается, и былъ такой древній философъ, который утверждалъ, что цифри управляютъ міромъ.

Господи! Какъ всѣмъ было тяжело это слушать и какъ всѣмъ обрадовались, когда явился Алексѣй Алексѣвичъ съ предложеніемъ идти въ общую столовую обѣдать.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

При этихъ словахъ, она бросила презрительный взглядъ на хрустальные флаконы, красовавшиеся на окнѣ, а оттуда перевела глаза на Володю. Но Володя и безъ этихъ взглядовъ давно уже понялъ, что рѣчь идетъ объ Алексѣѣ Алексѣвичѣ; смущеніе его возросло съ минуты на минуту.

Начнемъ же—съ цифръ и отведемъ первое мѣсто въ нашей хроникѣ тому вопросу, который въ послѣднее время особенно интересовалъ наше общество, т. е. войнѣ. Французскіе доктора Шассанъ и Дебрусь, въ своей книгѣ («Guide médical pratique de l'officier»), говорятъ, что въ крымскую кампанію въ арміи союзниковъ приходило 1 убитый на 33; въ Италіи въ 1859 г. 1 на 45, а въ 1870—71 г. 1 на 53 челов. Количество раненыхъ во всѣ эти кампаніи было почти одно и то же—1 на 7. Изъ этихъ цифръ авторы заключаютъ, что каждый солдатъ имѣетъ болѣе или менѣе въ 44 раза большую вѣроятность остаться живымъ на войнѣ, чѣмъ быть убитымъ, и въ 7 разъ большую вѣроятность остаться цѣлымъ, нежели быть раненымъ. Полководецъ, считающій на полѣ битвы трупы непріятеля, можетъ довольно близко къ истинѣ опредѣлить, дѣйствительную силу непріятеля, помноживъ число труповъ на известное число.

Весьма интересныя статистическія данныя по тому же вопросу представляетъ только что изданная австрійскимъ генеральнымъ штабомъ карта центральной и западной Европы, которая, помощью различной густоты краски, наглядно показываетъ территориальное распредѣленіе сраженій, которыя выпали на долю Австріи въ различныхъ кампаніяхъ, начиная съ 1495 года. Оказывается, что съ 1495 по 1601 г. въ Европѣ шли непрерывныя войны. Съ 1601 г. по настоящее время на 116 лѣтъ мира, приходится 160 лѣтъ войны, а въ продолженіи 375 лѣтъ (1495—1870) Австрія выдержала 6,839 сраженій. Карта снабжена статистическими таблицами и, хотя нѣтъ сомнѣній, что вычисленія австрійскаго генеральнаго штаба ниже дѣйствительности, тѣмъ не менѣе оказывается, что Австрія за это время потеряла 261 генерала, 17,096 офицеровъ и 1,068,574 рядовыхъ! Да, читатель, эта грандіозная гекатомба и это кроваво-красная карта австрійскаго генеральнаго штаба порождаютъ не совсѣмъ лестное убѣжденіе насчетъ хваленной, современной цивилизаціи. Порадуемся же заключенному недавно миру и займемся изученіемъ новаго, болѣе страшнаго врага—чумы.

Отдавая дань этой «злой дѣлѣ», мы прослѣдимъ лишь научную сторону вопроса, насколько онъ разработанъ такими учеными, какъ Вирховъ, Гиршъ, Бруннеръ, Тардье и друг. Изъ этихъ изслѣдованій видно, что чума принадлежитъ къ заразительнымъ болѣзнямъ и проявляется въ цивилизованной Европѣ лишь заноснымъ путемъ, изъ Азіи и Африки; что чумная зараза не передается атмосферой, но сообщается лишь при непосредственномъ соприкосновеніи съ больными и окружающей ихъ обстановкой. Известно также, что иногда чума сопровождается различными осложнениями, относящимися въ особенности къ страданіямъ дыхательныхъ путей; что присутствіе этихъ осложнений характеризуетъ чуму индійскую, которая проявилась за Гималаями въ началѣ нынѣшняго столѣтія и свирѣпствовала тамъ въ 1815 и 1836—37 годахъ; что эта индійская чума аналогична съ зарозой, проявившейся нынѣ въ астраханской губерніи, и напоминаетъ ту «черную смерть», которая въ половинѣ XIV вѣка почти обезлюдила Европу; что, выше-сказанными осложнениями, индійская чума отличается отъ обыкновенной чумы Востока, или такъ называемой левантской, которая появилась впервые въ 547 г. послѣ Р. Х. и съ тѣхъ поръ многократно посѣщала Европу—послѣдній разъ она была въ Германіи въ 1714 году, въ Марсели въ 1720 г., въ Москвѣ въ 1772 г., въ Украинѣ въ концѣ прошлаго вѣка, на островѣ Мальтѣ въ 1813 г., въ Одессѣ въ 1837 г., въ Месопотаміи въ 1858 г., въ Курдистанѣ въ 1871 г. и т. д. Констатируется также, что каждый разъ чума появляется внезапно и свирѣпствуетъ въ

данной мѣстности 5 или 6 мѣсяцевъ, что повтореніе эпидеміи черезъ нѣсколько лѣтъ въ данной мѣстности слѣдуетъ считать вновь самостоятельно зародившейся эпидеміей; что максимумъ времени для проявленія болѣзни въ зараженномъ организмѣ не превышаетъ 20 дней, обыкновенный же срокъ 2—7 дней; что заразительность можетъ долго удерживаться грязнымъ бѣльемъ, постелями; наконецъ, что чумная зараза преимущественно облюбовала страны съ умѣреннымъ климатомъ и не посѣщаетъ странъ полярныхъ и экваторіальныхъ, а развитіе эпидеміи усиливается весною, подъ влияніемъ южныхъ вѣтровъ и сырыхъ тумановъ. Вотъ и все, что наука знаетъ объ этой страшной гостьѣ, исполнѣ заслуживающей тѣхъ экстренныхъ мѣръ предосторожности, которыя принимаются и у насъ, и даже на крайнемъ западѣ Европы.

Отъ этихъ мрачныхъ картинъ человѣческихъ бѣдствій, мы съ удовольствіемъ переведемъ вниманіе читателя къ картинамъ мирнаго человѣческаго прогресса. Удивительное повтореніе историческихъ фактовъ! Известно, что великія европейскія открытія XV вѣка—книгопечатаніе, компасъ, порохъ—оснаряжаются китайцами, которыми эти изобрѣтенія были будто бы известны спокойнѣе вѣковъ. Подобная же судьба постигаетъ и современныя изобрѣтенія. Тѣ же китайцы утверждаютъ, что имъ давнымъ-давно известенъ «говорящій тростникъ», т. е. телефонъ, а въ послѣднее время въ роли китайцевъ выступили нѣмцы. Какъ известно, честь первоначальнаго открытія микрофона оснарявалась англичаниномъ Юзомъ и американцемъ Эдисономъ. Между тѣмъ, по опредѣленію имперскаго патентнаго учрежденія, состоявшемуся 2 августа прошлаго года, явствуетъ, что «честь изобрѣтенія микрофона, по справедливости, принадлежитъ нѣмцу, а именно доктору Людтге изъ Берлина, который уже въ началѣ января 1878 г. приборъ свой, названный имъ «универсальнымъ телефономъ» и въ идеѣ своей совершенно сходный съ микрофономъ,—представилъ вышесказанному учрежденію, съ цѣлью получить патентъ, а слѣдовательно, изобрѣтеніе микрофона гарантировано этимъ же патентомъ». Здѣсь довольно странно то обстоятельство, что имперское патентное учрежденіе оказывается непростительно нерадивымъ по отношенію къ славіе своихъ изобрѣтателей, ибо съ своимъ постановленіемъ оно медлитъ цѣлыхъ 9 мѣсяцевъ и обнародовало его лишь тогда, когда изобрѣтеніе Юза или Эдисона приобрѣло мировую известность. Но умиротворѣе всего скромное замѣчаніе газеты «Ausland», которая, сообщая выше-сказанное постановленіе имперскаго патентнаго учрежденія, добавляетъ отъ себя: «постояннѣ было не дальновидно съ нашей стороны допускать, что такое важное открытіе могло быть сдѣлано кѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ нѣмца!» Чтожъ, пожалуй, можно выдать нѣмцамъ общій патентъ на всѣ изобрѣтенія, если они ухитрились выдумать даже обезьяну.

Говоря о микрофонѣ, кстати будетъ сказать о новомъ примѣненіи этого инструмента для метеорологическихъ цѣлей. Въ засѣданіи парижской академіи наукъ 30 декабря, какъ сообщаетъ «Revue scientifique», обсуждалось мнѣніе Росси о томъ, что микрофонъ можетъ оказать большія услуги въ дѣлѣ изслѣдованія вулканической дѣятельности земли, обнаруживая заблаговременно всѣ подземные симптомы, предшествующіе землетрясеніямъ. Очень можетъ быть, что микрофонъ дастъ возможность объяснить нѣкоторыя неизвѣстныя еще причины землетрясеній. Вотъ почему желательны бы были опыты съ микрофономъ на всѣхъ метеорологическихъ обсерваторіяхъ.

Микрофонъ остроумно примѣненъ и въ общезжитіи. Одинъ англичанинъ, живущій въ Индіи,

замѣтилъ, что запасы растительнаго масла въ его погребѣ таинственно и быстро сокращаются. Онъ прикрѣпилъ микрофонъ къ сосудамъ съ масломъ, проволоку провелъ къ себѣ въ спальню и сталъ выжидать результатовъ своего опыта, и дѣйствительно, вскорѣ онъ услышалъ звукъ стеклянной посуды, а затѣмъ характерный шумъ вытекающей жидкости. Быстро сбѣжавъ внизъ, англичанинъ схватилъ вора съ полчинымъ.

Изъ новѣйшихъ открытій въ области физики и механики заслуживаетъ вниманія телемахонъ. Американскія газеты сообщаютъ, что нѣкто Уильямъ Уэлесъ изъ Авзоніи, въ Конектикутѣ, изобрѣлъ новый приборъ, помощью котораго можно переносить на сотни верстъ двигательную силу для машинъ. Одна фабрика въ Нью-Йоркѣ, при помощи простой веревки, будетъ будто бы получать двигательную силу непосредственно изъ каменноугольнаго округа Пенсильваніи. Хотя увлекающіеся каждою новинкою янки и мечтаютъ уже о томъ времени, когда всѣ машины Нью-Йорка будутъ получать двигательную силу прямо изъ Ниагарскаго водопада и хотя наше время считается новою эпохою изобрѣтеній и открытій, но, кажется, однако, что безусловную вѣру въ чудодѣйственный телемахонъ рациональнѣе будетъ отложить до болѣе обстоятельныхъ извѣстій изъ Америки.

Въ № 28 журнала «Revue Scientifique» находимъ краткое описаніе новой электрической лампы Дюкрете, отличающейся необыкновенною простотой и дешевизною. Въ ртутный столбъ погружаются угольные стержни, взаимное разстояніе между которыми регулируется самою разницею между плотностями ртути и угля. Чѣмъ тяжеле уголь, тѣмъ глубже онъ погружается въ ртуть; по мѣрѣ же старанія въсѣмъ углю мало-по-малу уменьшается и онъ все болѣе и болѣе выталкивается ртутью, такъ что концы углей равномѣрно и постоянно сближаются между собою до полнаго ихъ сгоранія. Употребляя токъ 10 бунзеновскихъ элементовъ, можно получить свѣтлое и ровное пламя; болѣе сильный токъ оказывается достаточно для одновременнаго горѣнія нѣсколькихъ такихъ лампъ. Струя кислорода, направленная на раскаленную часть углей, даже при слабомъ токѣ, даетъ необыкновенно яркое пламя. Простота и дешевизна лампы Дюкрете позволяютъ надѣяться, что эта лампа найдетъ большое примѣненіе въ промышленности и въ жизни.

Что касается новостей телеграфіи, то на первомъ планѣ стоитъ остроумное усовершенствованіе Прескота и Эдисона, благодаря которому можно одновременно передавать по одной проволоцѣ четыре денешни, изъ которыхъ двѣ направлены въ одну сторону, а другія двѣ плутъ первымъ на-встрѣчу. Въ послѣднее же время прогрессъ телеграфіи выразился изобрѣтеніемъ Коупера, который нашелъ способъ передавать по телеграфу факсимиле, рисунки, чертежи, поты и т. п. На станціи отправленія, помощью особаго электрическаго пера, вы пишете, чертите, рисуете, а на пріемной станціи другое такое же перо съ поразительною точностью воспроизводитъ все написанное вами. Къ сожалѣнію, мы пока не въ состояніи обстоятельнѣе изложить сущность этого важнаго изобрѣтенія, такъ какъ подробности устройства аппарата держатся пока въ тайнѣ.

Обыкновенная телеграфная проволока тоже готовится уступить мѣсто проволоцѣ изъ алюминія (глинія). Известно, что въ настоящее время въ телеграфномъ дѣлѣ почти исключительно употребляется желѣзная гальванизованная проволока и очень рѣдко стальная или мѣдно-стальная. Между тѣмъ, физическія свойства желѣза и въ особенности его непрочность, обуславливающая употребленіе толстой проволоки, а потому хуже проводящей токъ, несоотвѣтствуютъ точности те-

леграфических аппаратов. Рядъ опытовъ въ этомъ направленіи показалъ, что металлъ алюминій болѣе пригоденъ для телеграфнаго проводника, чѣмъ желѣзо. При одинаковой толщинѣ съ желѣзной, алюминиевая проволока вдвое лучше проводитъ токъ. Можно, наконецъ, брать алюминій лишь для покрытія имъ обыкновеннаго желѣзнаго проводника, толщина котораго, такимъ образомъ, значительно уменьшится, а проводимость увеличится. Такая желѣзно-алюминиевая проволока въ особенности должна оказаться примѣнимой для военно-походныхъ телеграфовъ, гдѣ легкость проводника тѣмъ желательнѣе, ибо такая проволока свернутая носится солдатами черезъ плечо.

Такая же замѣна одного вещества другимъ предвидится въ пиротехникѣ. Взрывчатые вещества, какъ порохъ, динамитъ, имѣютъ громадное примѣненіе въ горнозаводскомъ дѣлѣ. Въ послѣднее время пришли къ открытію, что эти опасныя и сравнительно дорого стоящіе вещества съ одинаковымъ результатомъ можно замѣнить обыкновенною известью. Для этого берутъ известь или въ видѣ особыхъ зарядовъ, или же просто набиваютъ ею отвѣртія въ скалѣ или въ горной породѣ. На известку льютъ воду, вслѣдствіе чего негашеная известь превращается въ водную известь и значительно увеличивается въ объемѣ, чѣмъ и пользуются въ горномъ дѣлѣ для раскалыванія горныхъ породъ. Въ особенности, негашеная известь должна оказать большую услугу каменноугольной промышленности, такъ какъ, дѣйствуя несравненно слабѣ пороха и динамита, она не грозитъ опасностью рудокопу, не такъ дробитъ уголь и скорѣе очищаетъ, чѣмъ портитъ воздухъ въ кони.

Въ числѣ диковинокъ парижской выставки 1878 г., лишь специалисты замѣтили и оцѣнили по достоинству интересную витрину металовъ и издѣлій изъ нихъ, выставленную Джонсономъ и К°. Въ этой замѣчательной коллекціи можно было видѣть въ издѣліяхъ и въ чистомъ видѣ металлы осмій, рутеній, придій, паладій, родій, которые въ химіи считаются рѣдкими и получаютъ исключительно при разработкѣ платины и золота. Тамъ былъ, напр., кусокъ чистаго рутенія вѣсомъ въ 5 фунтовъ; этотъ кусокъ, оцѣненный въ 40,000 фр., нужно было извлечь изъ массы платины, стоимостью выше 10 мил. доллар. Такими же кусками фигурировали и другіе рѣдкіе металлы. Кусокъ паладія вѣсомъ около 160 ф. оцѣнивался въ 260,000 фр. и для своей добычи потребовалъ переработки золота и платины на сумму около 125 мил. фр. Интересно отношеніе паладія къ водороду,—фактъ, хорошо извѣстный химикамъ и описанный впервые Грагамомъ. Паладій можетъ поглотить на одинъ свой объемъ свыше тысячи такихъ же объемовъ водорода, не теряя его при обыкновенной температурѣ. Фактъ этотъ объясняютъ тѣмъ, что водородъ, давно признанный въ химіи за металлъ въ газообразномъ состояніи, входитъ въ сплавъ съ паладіемъ,—гипотеза, наглядно подтвержденная особымъ приборомъ, который можно было видѣть въ витринѣ Джонсона. Интересны также образцовые модели метра, надъ которымъ въ настоящее время работаетъ международная метрическая коммиссія. Для этого выбранъ сплавъ изъ 10% придія и 90% платины, какъ обладающій такими достоинствами, которыя лишь были желательны во всѣхъ другихъ металахъ, употреблявшихся прежде на выдѣлку типическихъ мѣръ. Платина, какъ извѣстно, весьма важна въ химіи и въ промышленности: безъ платиновой посуды немисливо бы было, напр., добываніе сѣрной кислоты, а безъ послѣдней не могли бы существовать разнообразныя фабрики предметовъ первой необходимости. Вотъ почему особеннаго интереса въ витринѣ Джонсона заслуживали разнообразныя издѣлія изъ платины, начиная съ платиновыхъ тиглей

почтенныхъ размѣровъ и кончая платиновой трубкой длиною въ 500 миллиметровъ (19,5 дюм.) и только 0,05 мил. (0,0195 линіи) въ діаметрѣ. Общая цѣнность выставленныхъ фирмой Джонсонъ и К° предметовъ, по меньшей мѣрѣ, достигала 100,000 фунт. стерл.

Читатель, позвольте поздравить васъ съ интереснымъ знакомствомъ—съ обитателями луны. Кромѣ шутокъ, это знакомство, да и самое существованіе этихъ обитателей все болѣе и болѣе дѣлается вѣроятнымъ и, чего добраго, таинственное даhin, куда до сихъ поръ мы летали лишь «мечтой крылатой», выйдетъ изъ мрака раньше даже того, какъ мы успѣемъ ознакомиться со всѣми закоулками нашей матери-земли. Да и пора же, читатель: человѣчество ведетъ себя такъ, какъ будто бы давнымъ давно ему стало тѣсно на земномъ шарѣ. Посмотримъ же, насколько вѣроятна завоеваніе луны, которая, будучи спутникомъ земли, уже по одному этому должна же когда-нибудь возвратиться къ настоящимъ своимъ владѣльцамъ, отъ которыхъ она была «отчуждена» силою какого-то шального переворота. А что дѣло не обойдется безъ оружія, то прецедентъ этому мы имѣемъ въ томъ угрожающемъ ядрѣ, которымъ выпалилъ по лунѣ знаменитый Жюль Вернь. Однако, къ дѣлу. Съ нѣкоторыхъ поръ въ наукѣ установилось убѣжденіе, что луна—мертвая планета. Тѣмъ не менѣе извѣстный ученый Нейсонъ, въ своемъ сочиненіи о лунѣ, приводитъ довольно вѣскую аргументацію противъ этого установившагося мнѣнія. Такъ, напр., обширный лунный кратеръ, извѣстный по прежнимъ картамъ луны, недавно исчезъ, по всей вѣроятности, будучи выполненъ матеріей изнутри. Но, все-таки, ни одному изъ астрономовъ не удалось подмѣтить никакихъ признаковъ вулканической дѣятельности на лунѣ. Въ послѣднее время такимъ счастливымъ оказался нѣкто Гемсъ въ соед. штатахъ, который, въ письмѣ своемъ къ адмиралу Роджерсу, директору морской астрономической обсерваторіи въ Вашингтонѣ, сообщаетъ, что, наблюдая луну 12 ноября, въ 8½ часовъ вечеромъ, въ городѣ Оскалооса, въ штатѣ Іова, подъ 40° 30' сѣв. широты, онъ видѣлъ на лунѣ поблизости пятенъ, извѣстныхъ подъ именемъ Бако, Бароціусъ и Николаи и обозначенныхъ на лунныхъ картахъ Баера и Мѣдлера,—высокій снопъ лучей, горѣвшій въ продолженіи получаса и приницаемый наблюдателемъ вулканическому изверженію на лунѣ. Явленіе это было наблюдаемо и нѣсколькими посторонними лицами, показанія которыхъ засвидѣтельствованы мѣстными властями. Въ слѣдъ затѣмъ, французскія газеты сообщили, что извѣстный астрономъ Фламарионъ открылъ подписку на сооруженіе гигантскаго телескопа, помощью котораго можно было бы изслѣдовать луну и ея населеніе, такъ какъ, по словамъ Фламариона, «нѣтъ основанія предполагать, что луна — мертвая планета». И такъ, въ добрый часъ и да подготовится человѣчество къ предстоящему «вводу во владѣніе»—луною...

Не знаю, утѣшались-ли этою перспективою пріобрѣтенія жители чешскаго города Теплица, которыхъ на дняхъ постигло нежданное бѣдствіе. Дѣло въ томъ, что теплые цѣлебные источники, привлекавшіе въ этотъ городокъ массу публики, внезапно изсякли, а сосѣднія каменноугольныя шахты залило водой температуры до 21° по Цельзію, причемъ 24 работника сдѣлались жертвою хлынувшей въ шахту воды. Вѣроятно, при разработкѣ шахты подошли близко къ подземному бассейну, питавшему теплицкіе источники. По мнѣнію геолога, профессора Зюсса, источники погибли безвозвратно, такъ какъ прежніе каналы неминуемо должны были обвалиться. Главный источникъ «Шпрудель» изсякъ вечеромъ 1 февраля, а къ утру 3-го февраля перестали показы-

ваться изъ него даже пары. Произведенныя раскопки вполне подтвердили предположеніе профессора Зюсса. Нужно замѣтить, что до сихъ поръ «Шпрудель» останавливался лишь одинъ разъ, и то лишь на нѣсколько минутъ, во время лиссабонскаго землетрясенія 1755 г. Горе теплицкихъ жителей было безпредѣльно, но по послѣднимъ извѣстіямъ, источникъ снова выступилъ на землю и теплицкіе жители успокоились.

Мысль утилизировать мертвую пустыню Сахару, затопивъ ее водою, не оставлена окончательно. Авторъ этого проекта Рудеръ, въ обществѣ извѣстнаго Лессенса, инженеровъ и нѣсколькихъ частныхъ лицъ, 9 ноября опять отправился въ Африку, чтобы изслѣдовать природу мѣстности, отдѣляющей Шотъ-эль-Джеридъ отъ залива Габесъ. Въ настоящее время Лессенсъ уже вернулся и въ засѣданіи парижской академіи наукъ 9 декабря сообщилъ, что Рудеръ приступилъ къ буровымъ изслѣдованіямъ мѣстности, отдѣляющей Сахару отъ Средиземнаго моря и надѣется окончить ихъ чрезъ 6 мѣсяцевъ, послѣ чего можно будетъ опредѣлить денежную сумму, необходимую для осуществленія этого грандіознаго предпріятія.

Въ заключеніе приводимъ интересную таблицу, показывающую распредѣленіе желѣзныхъ дорогъ по государствамъ и частямъ свѣта и прогрессивное развитіе желѣзнодорожной сѣти на земномъ шарѣ съ 1821—1878 годъ.

Въ 1821 г. на земномъ шарѣ было	желѣзныхъ дорогъ...	48 килом.
» 1830.....	506	»
» 1840.....	7,508	»
» 1850.....	41,897	»
» 1860.....	108,626	»
» 1870.....	211,109	»
» 1873.....	268,323	»
» 1875.....	293,813	»
» 1878.....	321,272	»

Въ концѣ 1877 г. эта цифра желѣзныхъ дорогъ, по государствамъ и частямъ свѣта, распредѣлялась слѣдующимъ образомъ:

Государства и части свѣта.	Желѣзн. дорогъ вообще.	На 100 кв. килом.	На 10,000 жителей.
Германія.....	30,303	5,6	7,1
Великобританія..	27,540	8,7	8,1
Франція.....	23,383	4,4	6,3
Россія.....	20,467	0,38	2,8
Австро-Венгрія..	18,058	2,9	4,8
Италія.....	8,210	2,8	2,9
Испанія.....	6,199	1,2	3,7
Швеція.....	4,791	1,1	10,8
Бельгія.....	3,710	12,6	6,8
Швейцарія.....	2,565	6,2	9,3
Голландія и Люксембургъ.....	1,974	5,5	4,8
Турція.....	1,537	0,42	1,6
Данія.....	1,446	3,8	7,6
Румынія.....	1,233	1,0	2,4
Португалія.....	968	1,1	2,3
Норвегія.....	802	0,25	4,4
Греція.....	12	0,024	0,08
Всего въ Европѣ	153,198	1,5	4,9
въ Азіи...	13,096	0,03	0,16
въ Африкѣ.	3,255	0,01	0,17
Въ соединен. штатахъ.....	128,187	1,3	32,9
Въ остальной Америкѣ.....	18,752		
Всего въ Америкѣ	146,939	0,35	17,2
въ Австраліи.....	4,784	0,05	10,6
Всего на земномъ шарѣ.....	321,272	0,24	2,3

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА ПЕЛЛСЕ.

Хадиша. Рѣзано на деревѣ въ Барселонѣ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА Ж. МОРЕРА.

Рыбаки на Капри. Рѣзано на деревѣ въ Барселонѣ.

Сожженіе тѣлъ умершихъ.

(Какъ средство противъ эпидемій.)

Ст. С. Толиѣрова.

Народныя бѣдствія всегда вызываютъ предупредительныя мѣры для охраненія здоровья. Послѣ франко-прусской войны, напирѣмъ, бельгійское правительство приняло мѣры для дезинфекціи полей подлѣ Седана, на которыхъ происходило сраженіе, причемъ, даже раскапывались могилы и сожигались полусгнившіе трупы. Во время послѣдней войны также приводились въ исполненіе тѣ или другія улучшенія въ устройствѣ госпиталей, барачныхъ и пр. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, прежде всего имѣлось въ виду охранить оставшихся въ живыхъ отъ заразы зловреднымъ воздухомъ и водою, которые могутъ содержать въ себѣ продукты гніенія. Но не смотря на гигиеническія нововведенія, не смотря на различныя улучшенія условій общественной жизни, ни перемежающіяся лихорадки, ни тифъ, ни поносъ, ни холера, ни оспа не переводятся и, къ довершенію всего, въ послѣднее время, въ астраханской губерніи появилась новая заразительная болѣзнь.

Изучая причины эпидемическихъ болѣзней, мы, въ настоящее время, уже имѣемъ возможность сказать, что тѣ или другія причины вызываютъ, напр., тифъ или лихорадки; но этого недостаточно: необходимо, чтобы въ каждомъ частномъ случаѣ являлась возможность съ достовѣрностью опредѣлить причину появленія эпидеміи. Этого мы достигнемъ послѣ того, какъ будутъ изучены эпидемическія болѣзни и всевозможныя причины ихъ возникновенія; къ сожалѣнію, въ настоящее время, ни медицина, ни гигиена не стоятъ на указанномъ уровнѣ. Поэтому всякое изученіе одной изъ причинъ эпидеміи и затѣмъ непремѣнное ея удаленіе является желаемымъ улучшеніемъ условій нашей общественной жизни.

Наука требуетъ, какъ необходимаго условія для здоровой жизни, чтобы въ почвѣ было по возможности меньше органическихъ остатковъ, подверженныхъ гніенію, такъ какъ они заражаютъ почвенную воду и почвенный воздухъ, подражая подлѣ именемъ почвенной воды ту, которая впитывается и содержится въ почвѣ, а подлѣ именемъ почвеннаго воздуха, тотъ слой воздуха, который непосредственно касается почвы, а также и заключается въ ней. Дѣйствительно, если почва содержитъ массу гнѣющихъ органическихъ тѣлъ, то почвенный воздухъ пропитывается ими, и при первомъ дождѣ выпавшею водою вытѣсняется изъ почвы; вода же, проникая въ почву, сама пропитывается заразительными, гнѣющими остатками. Этотъ воздухъ, содержащій въ изобиліи продукты органическаго гніенія, разносится воздушными теченіями или вѣтрами по окрестностямъ, проникаетъ въ наши дыхательныя органы и производитъ болѣзни. Въ свою очередь, и вода, просачиваясь по подземнымъ жиламъ до ключей, заражаетъ послѣдніе и, будучи принята съ пищею, производитъ зараженіе крови и тѣмъ можетъ положить начало эпидеміи или послужить средствомъ къ ея распространенію.

Все зло заключается въ гніеніи. Разберемъ же условія, при которыхъ происходитъ гніеніе.

Отжившіе организмы — животныя или растительныя — разлагаются съ теченіемъ времени на составныя части. Разложеніе это можетъ происходить двоякимъ образомъ: или путемъ истлѣнія, или же путемъ гніенія.

Истлѣніе происходитъ въ томъ случаѣ, когда къ разлагающемуся тѣлу атмосферный кислородъ, или, проще, воздухъ, имѣетъ свободный доступъ. Процессъ, происходящій при этомъ, ничто иное, какъ медленное горѣніе. Углеродъ, входящій въ составъ всѣхъ органическихъ тѣлъ, соединяется съ кислородомъ воздуха и образуетъ слож-

ный, безвредный газъ — угольную кислоту, служащій питаніемъ для растений.

Если же атмосферный воздухъ не имѣетъ свободного доступа къ отжившему организму, то происходитъ гніеніе. При этомъ въ организмѣ начинается броженіе, зарождаются мелкіе организмы — животныя и растительныя — и отдѣляются газы съ особеннымъ пронизательнымъ запахомъ. Мало-по-малу гніеніе охватываетъ весь организмъ. Почвенная вода размываетъ части организма и уноситъ съ собою продукты гніенія; окрестная же атмосфера пропитывается этими газами съ рѣзкимъ, пронизательнымъ запахомъ гнѣющего организма.

Такъ какъ для тлѣнія или горѣнія необходимо свободный доступъ воздуха, то очевидно, что не въ почвѣ въ одинаковой степени могутъ благоприятствовать тому или другому процессу. Если почва сухая и пористая, — состоитъ, напирѣмъ, изъ крупнаго песка, такъ что воздухъ въ изобиліи заключается въ ней, — то возможно истлѣніе, т. е. медленное горѣніе; если же, наоборотъ, почва сырая, глинистая, и непористая, вслѣдствіе чего воздухъ не имѣетъ свободного въ нее доступа, то истлѣніе невозможно, а происходитъ гніеніе, неминуемо влекущее за собою вышеизложенныя послѣдствія, т. е. зараженіе воздуха и воды.

Вотъ условія, при которыхъ происходитъ тотъ или другой процессъ разложенія органическаго тѣла. Очевидно, что растительныя организмы, какъ болѣе сухіе и легко испаряющіе воду, болѣе способны къ истлѣнію, чѣмъ животныя.

О вредномъ влияніи почвенной воды мы имѣемъ положительныя данныя. Изъ наблюденій выяснилось, что нѣкоторыя тифозныя эпидеміи произошли отъ употребленія нечистой воды. Въ особенности характеренъ одинъ случай, бывшій въ Ислингтонѣ (предмѣстѣ Лондона). Въ 67 домахъ, населенныхъ преимущественно зажиточными людьми, захворало 168 человекъ. При ближайшемъ изслѣдованіи оказалось, что всѣ заболѣвшіе питались молокомъ, которое покупалось у одного и того же купца. Къ молоку же была подмѣшана вода, испорченная отъ сосѣднихъ ямъ нечистотъ. Вода въ колодезѣ вдругъ испортилась отъ того, что водяныя крысы прорыли подземный ходъ между колодезѣмъ и ямою нечистотъ. Относительно эпидемій, происшедшихъ отъ испорченнаго или зараженнаго воздуха, въ настоящее время еще нѣтъ столь характерныхъ наблюденій и доказательствъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые случаи тифозныхъ и тому подобныхъ эпидемій вполне объясняются дѣйствіемъ нечистаго воздуха, наполненнаго продуктами органическаго гніенія. Далѣе были произведены опыты надъ животными, которыхъ держали довольно долго въ воздухѣ, наполненномъ холерными миазмами, или же въ воздухѣ помойныхъ и отхожихъ ямъ. Эти животныя дѣйствительно заболѣвали.

И такъ, можно утвердительно сказать, что продукты органическаго гніенія, примѣшанные къ воздуху, способны произвести серьезныя болѣзни.

Отъ этихъ общихъ разсмотрѣній, перейдемъ теперь къ главному нашему вопросу: о погребеніи умершихъ въ землю и о послѣдствіяхъ этого погребенія.

Что происходитъ при погребеніи человѣческаго тѣла въ землю? Что происходитъ съ самимъ трупомъ, съ окружающею почвою, съ почвенной водою и воздухомъ? Наконецъ, что происходитъ съ воздухомъ кладбища и ихъ окрестностей.

Человѣческое тѣло представляетъ значительную массу органическаго вещества, содержащаго въ себѣ приблизительно $\frac{3}{4}$ воды, и по своему объему и формѣ способнаго разлагаться скорѣе гніеніемъ, чѣмъ истлѣніемъ. Изъ этого слѣдуетъ, что для уменьшенія гніенія почва кладбища дол-

жна быть, по возможности, пористая, чтобы воздухъ имѣлъ свободный доступъ и не содержалъ органическихъ остатковъ; наконецъ, чтобы онъ содержалъ въ изобиліи кислородъ, — главный матеріалъ, необходимый для горѣнія, а равно и для истлѣнія. Далѣе необходимо, чтобы мѣстность, предназначенная для погребенія умершихъ, была защищена отъ солнечныхъ лучей, такъ какъ увеличеніе температуры почвы способствуетъ гніенію; необходимо, кромѣ того, чтобы почва не пропитывалась водою, т. е. чтобы вода въ ней не стояла постоянно. Всѣмъ этимъ условіямъ удовлетворяетъ невысокій песчаный холмъ, поросшій тѣнистыми деревьями. Не подлежитъ сомнѣнію, что многія села и немногочисленные города имѣютъ возможность выбрать для своихъ кладбищъ удобныя мѣста; но хорошія условія всякаго кладбища не долговременны. По истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго промежутка времени, земля пропитается продуктами разложенія, и свободному доступу воздуха будетъ положена преграда. Тогда уже истлѣніе вполне замѣнится гніеніемъ, влекущимъ за собою, какъ мы видѣли, массу вредныхъ послѣдствій. Вслѣдствіе этого, можно допустить, безъ всякихъ ограниченій, что ни одно кладбище не удовлетворитъ (или въ скоромъ времени не будетъ удовлетворять) требованіямъ охраненія общественнаго здоровья.

Правда, до сихъ поръ еще нѣтъ строгихъ доказательствъ, что то или другое кладбище служило причиною эпидемическихъ болѣзней, но никто не станетъ отрицать слѣдующихъ извѣстныхъ фактовъ. Когда дозволялось выставлять тѣла умершихъ въ городскихъ церквахъ, то трупный ядъ проникалъ въ темныя углы церквей, гдѣ происходилъ медленный обмѣнъ воздуха, и въ нихъ заболѣвали прихожане: это обстоятельство и послужило причиною отмены отпѣванія и погребенія покойниковъ въ городскихъ церквахъ. Далѣе, нѣкоторыя кладбища закладывались въ низкихъ мѣстахъ, на берегу большихъ рѣкъ: во время сильнаго вѣсennяго разлива берегъ размывался, и всѣ похороненные уносились вмѣстѣ съ гробами на большое разстояніе. Лѣтомъ они предавались гніенію и производили заразу воздуха. Во Франціи констатировано, что нѣкоторые изъ жителей захворали оттого, что пили воду изъ колодца, вырытаго по близости съ кладбищемъ. Это обстоятельство послужило причиною изданія закона, чтобы не было колодцевъ вблизи кладбищъ; существующіе же колодцы должны быть зарыты. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вода колодцевъ, вырытыхъ возлѣ самыхъ кладбищъ, оказывалась превосходнаго качества, какъ, напирѣмъ, въ Берлинѣ; тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ избѣгать подобныхъ колодцевъ, ибо можетъ случиться, что послѣ проливнаго дождя почвенная вода найдетъ себѣ стокъ въ сосѣдній колодезь и испортитъ его воду. Это же самое можетъ случиться и весной, или же, наконецъ, водяныя крысы могутъ прорыть проходъ между подземнымъ бассейномъ зараженной кладбищенской воды и чистою водою хорошаго источника. Хотя, какъ я упомянулъ, нѣтъ фактическихъ доказательствъ, что то или другое кладбище служило причиною эпидеміи, но никто не станетъ отвергать, что приведенные случаи могутъ содержать въ себѣ въ одно и то же время и причину, и средство къ распространенію заразительныхъ болѣзней.

Упомянемъ еще объ эпидемическихъ бѣдствіяхъ во время войны. Войны всегда влекутъ за собою различныя эпидемическія болѣзни, какъ-то: тифъ, возвратныя горячки, оспу, поносы, холеру и пр. При этомъ замѣтили, что эпидемическія болѣзни появляются, главнѣйшимъ образомъ, въ мѣстахъ продолжительныхъ лагерныхъ стоянокъ. Статистическія данныя показываютъ, что гораздо больше солдатъ умираетъ отъ эпидемическихъ болѣзней, чѣмъ отъ непріятельскихъ пуль, — это

одно изъ самыхъ печальныхъ и неизбежныхъ золь всѣхъ войнъ. Тифъ во время крымской войны, холера во время войны 1866 года, дезинтерія и тифъ во время франко-прусской войны унесли въ могилу гораздо болѣе жертвъ, чѣмъ уничтожающая сила непріятельскаго огня. Въ послѣднюю русско-турецкую войну пало не мало жертвъ отъ госпитальныхъ и лагерныхъ эпидемій.

Для предохраненія отъ развитія эпидемій необходимо удалить тѣла умершихъ такъ, чтобы разложеніе ихъ было безвредно для живыхъ, т. е. чтобы не было убійственнаго гніенія, въ противномъ случаѣ, почвенный воздухъ и почвенная вода могутъ испортиться и разносить продукты гніенія по окрестностямъ. Но такъ какъ избѣгнуть гніенія, при погребеніи умершихъ въ землю, почти нѣтъ возможности, то само погребеніе является въ этомъ случаѣ не цѣлесообразнымъ.

При погребеніи тѣло разлагается въ большинствѣ случаевъ не истлѣніемъ, а гніеніемъ. Гніеніе же вредно и потому должно быть удалено. Ради сохраненія и обезпеченія оставшихся въ живыхъ, разложеніе тѣла умершихъ должно происходить исключительно путемъ истлѣнія, а мы знаемъ, что истлѣніе ничто иное, какъ медленное горѣніе, поэтому:

Сожженіе труповъ является самымъ цѣлесообразнымъ погребеніемъ умершихъ.

При сожженіи труповъ искусственно производится то, что совершается въ природѣ медленно, втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а иногда и цѣлыхъ годовъ; далѣе, при сожженіи гніенія вовсе не бываетъ, а слѣдовательно и не можетъ быть причинъ къ происхожденію и распространенію заразительныхъ болѣзней, къ зараженію почвенной воды и пр. Мы скажемъ поэтому, что сожженіе тѣла умершихъ является не только самымъ цѣлесообразнымъ, но и единственнымъ способомъ погребенія съ точки зрѣнія охраненія общественнаго здоровья.

Исходя изъ этихъ положеній, швейцарское и германское правительства разрѣшили сожженіе умершихъ, не сдѣлавъ его, однако, обязательнымъ. Германское правительство обставило сожженіе труповъ извѣстными формальностями, безъ соблюденія которыхъ не допускается сожженіе. Прежде всего требуется, чтобы въ завѣщаніи покойнаго было выражено желаніе о сожженіи тѣла при погребеніи; затѣмъ наслѣдники или родственники ничего не должны имѣть противъ этого. Далѣе, передъ сожженіемъ обязательно должно быть произведено вскрытіе тѣла для медицинскаго изслѣдованія его. Однимъ словомъ, сожженіе допускается лишь въ томъ случаѣ, когда соблюдены всѣ формальности, необходимыя при обыкновенномъ погребеніи, и когда сожженіе не противно желанію покойнаго. Съ разрѣшенія германскаго правительства составилось общество послѣдователей сожженія тѣла умершихъ, собраны деньги, и въ Готѣ построено первое зданіе для сожженія тѣла умершихъ и первый колумбарій для храненія пепла. На первое сожженіе явились представители отъ многихъ городовъ и иностранныхъ государствъ, съ цѣлью изучить устройство печей и зданія, и присутствовать при сожженіи. На ту же процессію явился и лютеранское духовенство, которое, въ лицѣ мѣтнаго благочиннаго, заявило, что сожженіе умершихъ не противорѣчитъ христіанскимъ догматамъ, такъ какъ при сожженіи въ короткое время происходитъ то, что въ дѣйствительности совершается въ нѣсколько мѣсяцевъ или даже болѣе; тутъ происходитъ истинное истлѣніе тѣла и разложеніе его на составныя части, а не гніеніе.

Такимъ образомъ, введенъ въ Европѣ обычай сжигать тѣла умершихъ.

Нѣкоторые (изъ недоброжелателей) говорятъ въ шутку, что при сожженіи можно быть покойнымъ, что заживо не похоронять. Дѣйствительно,

заживо въ этомъ случаѣ ужъ не похоронять! Но спрашивается, что лучше: быть-ли заживо похороненнымъ или заживо сожженнымъ? Кажется, и то, и другое одинаково ужасно, и лучше избѣгать всякаго помышленія объ этихъ ужасахъ. Однако, сколько существуетъ разсказовъ про мнимо-умершихъ и заживо-погребенныхъ! Не проходитъ года, чтобы не пронесся слухъ, что тамъ-то и тамъ былъ кто-то за-живо похороненъ, или же чуть не похороненъ. Въ Германіи даже вышла книжка, написанная г-жей Кеминеръ, въ которой собрано множество случаевъ заживо погребенныхъ. Сколько ужасовъ въ ней содержится! Все это, однако, исчезаетъ при medico-полицейскомъ осмотрѣ умершихъ. До сожженія, какъ и до обыкновеннаго погребенія, фактъ смерти долженъ быть официально констатированъ. Мы укажемъ на то, что нѣтъ лучшаго признака дѣйствительной смерти, какъ наступленіе гніенія. Слѣдовательно, погребеніе не должно быть допускаемо прежде, чѣмъ обнаружится разложеніе или гніеніе; и такъ какъ для однихъ періодъ этотъ наступаетъ раньше, а для другихъ позже, то нельзя опредѣлить обязательнаго числа дней для храненія покойниковъ до погребенія, а необходимо, чтобы для каждаго частнаго случая погребеніе совершалось послѣ наступленія періода разложенія. Необходимо устроить усыпальницы, куда обязательно выставлялись бы всѣ покойники для избѣжанія погребенія мнимо-умершихъ. Въ нихъ должна быть хорошая комната для оживающихъ, долженъ быть дежурный врачъ и пр., однимъ словомъ, должны быть всѣ удобства хорошей лечебницы.

Есть еще одинъ упрекъ противъ сожженія труповъ, именно, что послѣ сожженія нельзя уже доказать, произошла-ли смерть естественнымъ или же насильственнымъ путемъ. Но этотъ упрекъ неоснователенъ, потому что передъ каждымъ погребеніемъ должно быть произведено медицинское вскрытіе тѣла и его изслѣдованіе. Такой порядокъ уже введенъ въ Англіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ штатахъ, гдѣ ни одинъ покойникъ не погребается безъ официального вскрытія. Дѣйствительность показала, что съ этимъ порядкомъ народъ свыкается очень скоро.

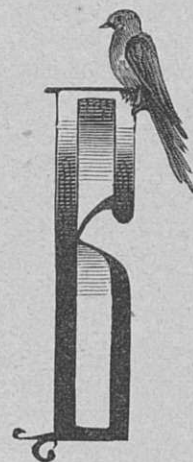
Администрація, въ лицѣ полиціи и врача, должна опредѣлить дѣйствительность смерти и ея причины, въ случаѣ же необходимости, произвести и судебно-медицинское изслѣдованіе. Это гарантируетъ какъ отъ возможности погребенія мнимо-умершихъ, такъ и отъ утаенія насильственной смерти.

Нельзя не замѣтить здѣсь, что многіе имѣютъ ошибочное представленіе о сожженіи тѣла. Представленія эти заимствованы изъ описанія жизни прошлыхъ временъ; вслѣдствіе этого, со словомъ «сожженіе», связываютъ понятіе о какихъ-то ужасахъ. Представляется, напримѣръ, что сожженіе будетъ производиться такъ, какъ оно производится въ Индіи, гдѣ покойника сжигаютъ прямо на кострѣ. Римляне тоже сжигали своихъ умершихъ на кострахъ, но сжигали плохо и не вполне, о чемъ свидѣлствуютъ кости, попадающіяся среди пепла усопшихъ, въ сохранившихся до нашего времени урнахъ. Вспоминаются и тѣ средства, которыя приводились въ исполненіе во время дезинфекціи полей сраженія, когда разрывались общія могилы и сжигались полусгнившіе трупы, послѣ чего могилы снова закапывались. Но, съ одной стороны, мы далеко ушли отъ дохристіанскихъ временъ и обычаевъ, съ другой, намъ нѣтъ необходимости брать примѣръ съ дезинфекціонныхъ приемовъ на поляхъ сраженій. Желая разсѣять эти ошибочныя понятія о сожженіи труповъ, мы въ нѣсколькихъ словахъ опишемъ, какъ могло бы совершаться, и отчасти уже совершается въ Готѣ, напримѣръ, сожженіе тѣла умершихъ.

Допустимъ, что соблюдены всѣ формальности, о которыхъ выше упомянуто. Тогда, послѣ исполненія всѣхъ христіанскихъ обрядовъ, покойника, какъ бы хоронять въ землю, опускаютъ его въ люкъ, помѣщенный въ подпольѣ особой комнаты. Послѣ того, какъ гробъ опущенъ, родственники и знакомые отдають покойному послѣднюю честь — бросаютъ на гробъ по горсти земли; затѣмъ, люкъ закрывается и все прикрывается приличнымъ катафаломъ. Когда погребеніе совершено, но гробъ съ покойникомъ переносится невидимыми для присутствующихъ машинами въ особую устроенную печь, и сжигается, на что требуется 40—50 минутъ. Тутъ же можетъ быть устроенъ и колумбарій для храненія пепла.

2 Электрическое освѣщеніе.

Лекція Джона Тиндала. Пер. А. А. Разсказовой.

Въ 1800 году міръ узналъ о безсмертномъ изобрѣтеніи вольтова столба. Сильно возбужденные споромъ между Гальвани и Вольтомъ, ученые того времени съ жаромъ набросились на новое открытіе, повторяя опыты Вольта и разнообразя ихъ на тысячи способовъ. Особенное вниманіе обращали на себя свѣтъ и теплота, получаемые посредствомъ прибора Вольта; во всѣхъ безчисленныхъ испытаніяхъ, которыми подвергалось открытіе Вольта, универсально была при-

знана польза платины и угля, какъ средствъ, придающихъ свѣту особенную силу и блескъ. Шильдрень, посредствомъ столба, превосходящаго силою всѣ до тѣхъ поръ устроенные, растопилъ платиновую проволоку въ 18 дюймовъ длины, тогда какъ «заостренные углы давали столь сильный свѣтъ, что при немъ блескъ солнца казался сравнительно слабѣе». Опыты эти возобновились въ увеличенныхъ размѣрахъ въ 1803 году, когда, благодаря щедрости нѣкоторыхъ членовъ королевской академіи, Дэви устроилъ батарею изъ двухъ тысячъ элементовъ, и получилъ отъ нея теплоту и свѣтъ, превосходившіе все, когда либо произведенное до того времени. Огненная дуга между двумя оконечностями углей имѣла 4 дюйма длины и жаръ при этомъ былъ столь великъ, что кварцъ, сафиръ, магnezія и известъ таяли, какъ воскъ, отъ пламени свѣчи; осколки же алмаза и графитъ исчезали, какъ паръ *).

Необходимое условіе для полученія свѣта и теплоты заключается въ томъ, чтобы заставить электрической токъ преодолѣть встрѣчающееся сопротивленіе. Токъ, проходя по хорошему проводнику, какова бы ни была его сила, не даетъ ни свѣта, ни теплоты. Мѣдный прутъ, превосходный проводникъ, далеко передаетъ сильный электрический зарядъ, отъ котораго въ щепки разлетится крѣпкій дубъ, самъ не только не уничтожится, но даже и не разгорячится. Я пропускаю токъ черезъ проволоку, составленную попеременно изъ серебра и платины. Серебро не представляетъ препятствія, платина же — большое. Вслѣдствіе этого, послѣдній металл раскаляется до бѣла, тогда какъ первый не разгорячается видимо. Тоже наблюдается въ заостренныхъ уг-

*) Въ своемъ послѣднемъ засѣданіи въ королевской академіи въ іюнѣ 1810 г., Дэви показывалъ силу этого столба. Онъ растопилъ иридій, смѣсь иридия съ осміемъ и другія огнеупорныя вещества. Кетеле приписываетъ Курте честь излеченія первой искры между оконечностями углей въ 1802 г. Однакожь, достовѣрно, что въ этомъ самомъ году въ амфитеатрѣ королевской академіи Дэви показывалъ свѣтъ изъ угля со столбомъ изъ 150 паръ.

ляхъ, употребляемыхъ при произведеніи электрическаго свѣта. Промежутокъ, раздѣляющій ихъ, представляетъ энергичное сопротивленіе току, который, только скопивъ необходимую силу, чтобы перескочить черезъ этотъ промежутокъ, можетъ привести уголь въ сильное частичное колебаніе, называемое теплотой, и которому онъ обязанъ своимъ свѣтомъ. Тончайшій слой воздуха достаточенъ для удержанія тока. Но когда заостренные концы углей сначала приведены въ соприкосновеніе, потомъ разъединены, въ нихъ происходитъ разряженіе раскаленного до бѣла вещества, которое увлекаетъ или можетъ увлечь, токъ, перенося его черезъ значительное пространство. Свѣтъ испускается почти весь одними углями. Промежуточное пространство наполняется синеватымъ пламенемъ, кризиса котораго, происходящая отъ дѣйствія земного магнетизма, называется вольтовой дугой.

Почти семьдесятъ лѣтъ мы знакомы съ этимъ великолѣпнымъ свѣтомъ, не примѣняя его къ освѣщенію нашихъ домовъ и улицъ. Понятно, мысль о примѣненіи его зародилась съ самаго начала, но выполненіе ея встрѣтилось съ большими затрудненіями. Первое происходило отъ порчи углей, которые уничтожаются частью отъ сгорания, частью вслѣдствіе передачи электрическаго тока отъ одного угля другому. Изобрѣтено не мало регуляторовъ для поддержанія углей въ должномъ разстояніи: первый, кажется, Стэтомъ, лучшіе — Дюбоскомъ, Фуко и Сереномъ, за которыми послѣдовали Холмсъ, Сиенсъ, Браунингъ, Каре, Грамъ, Лонтенъ и другіе. Такимъ образомъ, первое затрудненіе было побѣждено; но есть и второе, болѣе важное и, по всей вѣроятности, неразлучное съ устройствомъ вольтова столба. Оно обуславливается тѣмъ неумолимымъ закономъ, который съ одного конца видимой вселенной до другого требуетъ око за око, зубъ за зубъ, препятствуя намъ получить малѣйшій лучъ тепла, малѣйшую искру свѣта, не расходуя равнаго количества какой-нибудь другой силы. Вслѣдствіе этого выгоды какого-либо видоизмѣненія измѣняются относительно цѣнности потраченного и приобрѣтеннаго.

Цинкъ — металлъ сгораемый, какъ бумага, можно довести его до калѣнія при прикосновеніи съ пламенемъ, но можно также сжечь его и на воздухѣ при комнатной температурѣ, не употребляя посторонней теплоты. Этого достигаютъ, помещая листокъ металла въ фокусѣ вогнутаго зеркала, концентрирующаго въ одной точкѣ расходящіеся электрическіе лучи, не согревающие воздухъ. Цинкъ сгораетъ въ этомъ фокусѣ лиловымъ пламенемъ, при чемъ легко опредѣлить количество теплоты, получаемой при горѣніи.

Можно сжечь цинкъ не только на воздухѣ, но и въ жидкости. Такимъ образомъ, онъ сгораетъ въ вольтовомъ столбѣ. Здѣсь, для полученія необходимаго для горѣнія кислорода, цинкъ долженъ отдѣлится отъ него водорода, въ соединеніи съ которымъ тотъ находится. Изъ этого слѣдуетъ, что теплота, развивающаяся при горѣніи въ жидкости, менѣе той, которая получается при горѣніи на воздухѣ, и именно на количество, потраченное для отдѣленія кислорода отъ водорода. Четыре пятыхъ теплоты совершенно поглощаются этой работой частицъ и только одна пятая остается для нагрѣванія столба. На этомъ-то остаткѣ намъ слѣдуетъ сосредоточить все наше вниманіе, потому что онъ производитъ электрическій свѣтъ.

Возьмемъ два небольшихъ столба въ десять паръ каждый. Оба полюса одного соединены толстой мѣдной проволокой; тонкая платиновая проволока введена въ другой. Платина доведена до бѣлаго калѣнія, тогда какъ мѣдная проволока даже не нагрѣлась. И такъ, унцъ цинка, также какъ унцъ угля, при своемъ совершен-

номъ сгораніи на воздухѣ даютъ опредѣленное количество теплоты. Количество теплоты, развивающейся при соединеніи унца цинка съ кислородомъ внутри столба, тоже неизмѣнно. Приведемъ въ дѣйствіе обѣ батареи, пока не израсходуется цинкъ въ той и другой. Въ первомъ случаѣ, производимая теплота чисто внутренняя; она проявляется лишь въ фокусѣ, гдѣ происходитъ горѣніе, т. е., въ соединеніяхъ столба. Во второмъ теплота частью внутренняя, частью наружная, частью въ столбѣ, частью внѣ его. Одна изъ фундаментальныхъ истинъ, которую должно всегда имѣть въ виду, состоитъ въ томъ, что сумма теплоты внутренней и наружной постоянна и неизмѣнна. Отсюда вытекаетъ, что для полученія внѣшней теплоты надо позаимствоваться внутренней.

Это замѣчаніе приложимо къ электрическому свѣту. Черезъ посредство тока умѣренная теплота столба не только переносится, но концентрируется на дальнемъ разстояніи отъ своего источника, производя теплоту, уступающую лишь солнечной. Слѣдовательно, можно бы опредѣлить токъ, назвавъ его быстроходной колесницей теплоты, которая, нагруженная невидимой силой, съ быстротой передвиженія, далеко превосходящей всѣ мечты алхимиковъ, въ секунду времени переноситъ свой грузъ теплоты и свѣта на другой конецъ земного шара.

Такимъ образомъ, свѣтъ и теплота, производимые внѣ столба, замѣтуются у металлическаго топлива, сжигаемаго внутри; а такъ какъ цинкъ матеріалъ очень дорогой, то и стоимость электрическаго свѣта, который извѣстенъ намъ болѣе 70 лѣтъ, оказывалась слишкомъ высокой, чтобы онъ могъ войти во всеобщее употребленіе. Къ счастью, осенью 1831 г., Фарадей открылъ новый источникъ электричества, изученіемъ котораго мы теперь и займемся.

На столѣ передо мною лежитъ шпилька съ мѣдной проволокой, обвитой шелкомъ, концы которой не соединены. Я приподнимаю шпильку и для этой операціи употребляю простое мускульное усиліе, равное ея тяжести. Затѣмъ, я соединяю два конца проволоки и повторяю опытъ. При точномъ измѣреніи оказывается, что настоящее усиліе гораздо значительнѣе предыдущаго. Это происходитъ отъ того, что, приподнимая шпильку, я измѣняю путь, по которому пробѣгаетъ токъ земного магнетизма, и что подобное измѣненіе, какъ доказалъ Фарадей, всегда сопровождается въ замкнутой окружности «вводнымъ» электрическимъ токомъ, который, пока концы проволоки не были соединены, не имѣлъ проводника, по которому бы могъ обращаться. Развивающійся, такимъ образомъ токъ исчезаетъ, переходя непосредственно въ теплоту; а теплота равна усилію, которое я употребилъ при поднятіи шпильки.

Выпущенная изъ рукъ шпилька падаетъ на столъ, и если концы проволоки соединены, она должна при паденіи преодолѣть большее препятствіе, чѣмъ сопротивленіе воздуха. При паденіи она порождаетъ электрическій токъ, противоположный первому по направленію, вслѣдствіе чего сила удара о столъ уменьшается. И опять это уменьшеніе равно теплотѣ, развиваемой въ шпилькѣ кратковременнымъ токомъ.

Для опредѣленія силы напряженія этихъ вводныхъ токовъ было придумано нѣсколько системъ, изъ которыхъ системы Рикси, Кларке и Сакстона пользовались наибольшей извѣстностью. Фарадей предвидѣлъ, что будутъ дѣлаться попытки въ этомъ направленіи, но заботу о нихъ предоставилъ механикамъ, а самъ занялся изученіемъ высшихъ силъ и принциповъ. «Я стремился, пишетъ онъ въ 1831 году, къ открытію новыхъ законовъ, новыхъ силъ въ электро-магнетизмѣ, а не къ увеличенію могущества уже извѣстныхъ

фактовъ, потому что былъ увѣренъ, что тѣ, рано-ли, поздно-ли, достигнутъ своего полнаго развитія».

Виродолженіи 20 лѣтъ электро-магнетизмъ служилъ только своей первой и высшей цѣли: увеличенію познаній о силахъ природы. Онъ былъ открытъ и употреблялся для полученія чисто умственныхъ результатовъ; примѣненіе его къ повседневной жизни казалось немыслимымъ. Другимъ свѣтъ впервые повлекъ за собой надежды и проекты для усовершенствованія публичнаго освѣщенія. Многіе изобрѣтатели отыскивали средство доставать его дешевымъ способомъ; въ 1853 году въ Парижѣ организовалась компанія съ цѣлью полученія — посредствомъ разложенія воды очень сильной электро-магнитной машиной, построенной Нолле, — кислорода и водорода, необходимыхъ для произведенія свѣта на раскаленной до бѣла извести. Попытка не удалась; но аппаратъ, употреблявшійся для этой цѣли, послужилъ Холмсу для другихъ, болѣе удачныхъ изобрѣтеній.

Отбросивъ идею получить свѣтъ на извести, Холмсъ съ похвальной настойчивостью продолжалъ совершенствовать аппаратъ, увеличивать его силу, пока не произвелъ электро-магнитный свѣтъ, подобный свѣту вольтова столба. Сравнительно съ машинами нашего времени, его аппаратъ показался бы теперь въ высшей степени громоздкимъ и неуклюжимъ, но, по сравненію съ прежними, онъ представлялъ уже значительный успѣхъ.

Фарадей сильно интересовался развитіемъ, которымъ шло его открытіе. Дирекція Тринити-гоуза *) пригласила его въ члены правленія, какъ «ученаго совѣтника». Интересно замѣтить въ его отношеніяхъ къ свѣту смѣсь энтузіазма и осторожности, всегда характеризовавшія его. Его энтузіазмъ былъ могущественнымъ двигателемъ, управляемымъ и контролируемымъ строгимъ разсудкомъ. Онъ садился на него, какъ на боевого коня крѣпко подобранныхъ поводья. Внимательно разсмотрѣвъ машину Холмса, онъ приводитъ доводы и за и противъ нея. Онъ умѣряетъ пылкость изобрѣтателя, и когда дѣло идетъ объ опредѣленіи стоимости, онъ отбрасываетъ слишкомъ оптимистическую оцѣнку, настаивая въ то же время на необходимости продолжать опыты для разрѣшенія этого важнаго вопроса. Окончательное его мнѣніе сильно склонялось въ пользу Холмса. «Я, не колеблясь, утверждаю, пишетъ онъ въ своемъ докладѣ директорамъ, что по моему мнѣнію, профессоръ Холмсъ на практикѣ доказалъ примѣнимость электро-магнитнаго освѣщенія для маяковъ. Свѣтъ этотъ превосходитъ все, до сихъ поръ употреблявшееся, и въ принципѣ сила его можетъ быть увеличена по желанію; въ фонарѣ онъ горитъ правильно; управленіе имъ легко и можетъ быть довѣрено сколько-нибудь внимательному сторожу съ первоначальнымъ образованіемъ, но большой долей здраваго смысла».

Что же касается содѣйствія профессора Холмса этимъ памятнымъ опытамъ, справедливо будетъ прибавить здѣсь замѣчаніе, которымъ Фарадей оканчиваетъ свой докладъ директорамъ Тринити-гоуза, 29 апрѣля 1859 года: «Я долженъ засвидѣтельствовать, говоритъ онъ, о полнѣйшей искренности, правдивости и откровенности профессора Холмса. Во время моихъ неоднократныхъ строгихъ испытаній, онъ отвѣчалъ мнѣ, — на обязанности котораго лежало открыть дѣйствительные недостатки и возможные возраженія, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, — на всѣ вопросы съ изысканной любезностью, не скрывая слабыхъ сторонъ, объясняя примѣненіе всѣхъ принциповъ и причины сдѣланныхъ измѣненій въ томъ или другомъ направленіи **). Скоро послѣ этого дирекція Тринити-гоуза, осмѣлилась

*) Главное управленіе маяковъ въ Англіи.

**) Холмсъ предложилъ въ первый разъ свою машину Тринити-гоузу 2 февраля 1857 г.

поставить въ Дунгенсѣ электро-магнитный аппаратъ, который вирожденіи многихъ лѣтъ изливалъ оттуда свой свѣтъ.

За этимъ аппаратомъ скоро послѣдовала электро-магнитная машина «союзной компаніи», которая во многихъ отношеніяхъ стояла выше его. Къ тому же, по совѣту Массона, уничтожили совершенно коммутаторъ, придававшій свѣту неправильный блескъ, и пѣжность которого была причиной постоянной порчи машины Холмса; введенъ былъ въ употребленіе попеременный токъ вмѣсто прямого. Серенъ передѣлалъ свою великолѣпную лампу, чтобы она могла дѣйствовать попеременнымъ токомъ. На международной выставкѣ 1862 года, гдѣ находилась и эта машина, Берлиозъ предложилъ директорамъ Тринити-гоуза ввести въ употребленіе его изобрѣтеніе. Тѣ обратились за совѣтомъ къ Фарадею, который отвѣтилъ имъ слѣдующее: «Сколько мнѣ извѣстно, правленіе Тринити-гоуза не рѣшило еще, будутъ-ли ему нужны электро-магнитныя машины; а въ случаѣ, если онѣ нужны, то предполагать-ли оно, что существующія теперь машины плохи и не въ состояніи болѣе исполнять свое назначеніе. И потому я не вижу необходимости покупки новой машины». Фарадей, очевидно, хотѣлъ поддержать Холмса, храбраго піонера въ предпріятіи, трудности котораго выпали все на его долю. Союзная машина была съ успѣхомъ поставлена на мысѣ Гевъ, близъ Гавра. Дирекція Тринити-гоуза, желая непремѣнно обладать лучшей существующей системой, ввела въ 1868 г., аппараты, основанные на принципахъ «Союза» въ маякахъ Соутеръ-Поннтъ и Саутъ-Форландѣ. Аппараты эти были устроены Холмсомъ и дѣйствуютъ до сихъ поръ. И такъ, примѣненіе электричества къ освѣщенію маяковъ шло слѣдующимъ путемъ: Дунгенскій маякъ положилъ основаніе 31 января 1862 г., Гевскій устроенъ 26 декабря 1863 г., т. е. почти два года позднѣе. Попытки же Фарадея на саутъ-форландскомъ маякѣ предшествовали болѣе, чѣмъ на два года устройству электрическаго освѣщенія въ Дунгенсѣ. Позднѣе, оно было введено на мысѣ Сѣрый-Носъ. Въ Саутъ-Поннтѣ оно появилось 11 января 1871 г. и въ Саутъ-Форландѣ 1 января 1872 г. Наконецъ, на мысѣ Лизардъ находится, вѣроятно, самый новый и сильный аппаратъ, устройство котораго восходитъ не далѣе 1 января 1878 года.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Бомарше.

Ст. Е. А. Сысоевой.

Бомарше, имя котораго такъ сильно волновало все высшее французское общество въ концѣ прошлаго столѣтія, у насъ мало писали, и потому теперь, когда безсмертное его произведеніе «Свадьба Фигаро», все чаще и чаще начинаетъ появляться на сценахъ русскихъ театровъ, не лишнимъ будетъ напомнить нашимъ читателямъ объ этой выдающейся личности, поговорить объ этомъ сынѣ народа, первомъ французскомъ гражданинѣ, какъ онъ самъ называлъ себя.

Вотъ какъ Жюль Жаненъ, разбирая историческое значеніе литературной дѣятельности Бомарше, обрисовываетъ въ нѣсколькихъ мѣткихъ

чертахъ личность автора знаменитой трилогіи: «Севильскій Цирюльникъ» (1775 г.), «Свадьба Фигаро» (1784 г.) и «Винная Мать» (1792 г.): «Бомарше — это Фигаро, человекъ, вышедшій изъ народа, попавшій въ знатъ и оставшійся простолюдиномъ, словомъ, это плебей, представитель народной оппозиціи конца XVIII столѣтія. Все главные борцы великой арміи философовъ и либераловъ, застрѣльщикомъ которой можно назвать Бомарше, все, болѣе или менѣе, поддерживали связи съ аристократіей — одни изъ тщеславія, другіе по привычкѣ. Бюффонъ былъ вельможа-философъ, Вольтеръ — вельможа-поэтъ, Жанъ-Жанъ Руссо — важный и гордый гражданинъ Женевы. Все они водили знакомство съ коронованными особами и знатю, тогда какъ Бомарше вездѣ и всегда стоялъ особнякомъ — въ толпѣ и внѣ толпы, въ высшихъ и въ низшихъ сферахъ, при дворѣ и въ тюрьмѣ. Торгуешь-ли онъ книгами или фруктами, занимается-ли адвокатурой, издаетъ-ли свои драматическія произведенія, пускается-ли въ торговые предпріятія, затѣваетъ-ли ссору съ кѣмъ-нибудь, — онъ постоянно остается сыномъ народа, его поэтомъ, его излюбленнымъ писателемъ. Онъ упрямъ, насмѣшливъ, гибокъ, золъ и терпѣливъ, какъ истый французскій простолюдинъ. Сколько у него ума, отваги, дерзости! это воплощенный революціонеръ».

Пьеръ-Огюстенъ Каронъ де-Бомарше родился въ 1732 г., въ Парижѣ, и умеръ тамъ же, въ 1799 г. Надъ нимъ разразилась гроза, вызванная его предшественниками; подъ старость лѣтъ, ему пришлось быть свидѣтелемъ революціи; онъ былъ даже временнымъ членомъ парижскаго городского управленія; во время террора онъ попалъ въ тюрьму и спасся отъ эшафота бѣгствомъ; послѣ того онъ тщательно скрывался и умеръ внезапно.

Смолodu онъ былъ часовщикомъ, усердно работалъ въ мастерской своего отца и изобрѣлъ даже часы съ особаго рода ходомъ; затѣмъ онъ сдѣлался музыкантомъ, не такимъ, какъ Фигаро, но дѣйствительно серьезнымъ артистомъ. Музыка отворила ему двери той половины дворца, гдѣ жили дочери Людовика XV; благодаря своей искусной игрѣ на арфѣ, Бомарше проникъ даже въ семейные королевскіе апартаменты въ Версали. Сама судьба способствовала тому, чтобы сдѣлать его имя извѣстнымъ; процессъ же съ Гецманомъ выставилъ его впервые, въ совершенно новомъ видѣ, передъ цѣлой Франціей. Онъ явился на трибунѣ самобытнымъ ораторомъ, и своимъ краснорѣчіемъ, совсѣмъ непохожимъ на краснорѣчіе присяжныхъ адвокатовъ, увлекъ публику.

Процессъ этотъ довольно оригиналенъ. Бомарше, благодаря покровительству придворнаго казначея, Париса Дюверне, дѣлается поставщикомъ оружія и боевыхъ припасовъ для американцевъ, во время войны ихъ за независимость, и быстро богатѣетъ. Вдругъ Дюверне умираетъ; душеприкащикъ его предъявляетъ къ Бомарше искъ въ 150 тысячъ франковъ; Бомарше отказывается отъ уплаты и затѣвается процессъ. Бомарше заключаетъ слѣдующаго рода условіе съ Гецманомъ, докладчикомъ гражданскихъ дѣлъ въ парламентѣ: онъ обязуется внести ему впередъ 115 лундоровъ и подарить часы, украшенные брилліантами, но съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ проигрыша процесса, деньги и часы были возвращены назадъ. Процессъ кончается не въ пользу Бомарше; Гецманъ возвращаетъ часы и 100 лундоровъ; Бомарше требуетъ остальные 15; Гецманъ принимаетъ это за личное оскорбленіе и затѣваетъ новый процессъ въ оклеветаніи его. Бомарше на судѣ защищаетъ себя самъ. Трудно повѣрить, сколько онъ потратилъ юмора, остроумія, воображенія, ума и всего болѣе сарказма, при отстанваніи своихъ 15 лундоровъ. Эти 15 лундоровъ вымостили, такъ сказать, широкій путь

для цѣлой серіи новыхъ ораторовъ, силою слова разрушившихъ до основанія старую Францію, это прочное на видъ зданіе, но уже подточенное въ своемъ основаніи. Бомарше сразу попалъ въ тонъ общественнаго мнѣнія, начинавшаго уже давать чувствовать свою власть. «Я гражданинъ! восклицалъ Бомарше въ парламентѣ, во время суда, — т. е. я не придворный, не абатъ, не дворянинъ, не финансистъ и не фаворитъ, словомъ, я не «сила», какъ у насъ привыкли выражаться, но я «гражданинъ», — нѣчто новое, незнакомое, немыслимое до сихъ поръ во Франціи. Я то, чѣмъ французы должны были бы быть 200 лѣтъ тому назадъ и чѣмъ они будутъ черезъ 20 лѣтъ!» Уловивъ слово «гражданинъ», столь новое въ 1774 г., публика притихла и стала чутко вслушиваться. Понятно, Бомарше игралъ въ опасную игру; Франція той эпохи видала принцевъ крови во главѣ заговорщиковъ, видала парламентъ въ борьбѣ съ королями, видала іезуитовъ, поднимающихъ верхъ дномъ все государство изъ-за напсикихъ буллъ; но чтобы подсудимый изъ толпы, человекъ безъ роду и племени, задиравъ такъ надменно голову и громко, смѣло, какъ равный съ равнымъ, позволялъ себѣ возражать парламенту... нѣтъ! этого Франція никогда еще не видывала! Но мужество ничтожнаго червяка, незахотѣвшаго быть раздавленнымъ докладчикомъ Гецманомъ, привело ее въ восторгъ и она признала за Бомарше титулъ гражданина, присвоенный имъ самимъ, — титулъ, которымъ онъ гордился болѣе, чѣмъ Фигаро, хваставшій, что онъ похищенный цыганами сынъ принца.

Съ этого дня Бомарше сталъ на одну доску съ Монморанси: тотъ получилъ прозвище перваго христіанскаго барона, а Бомарше — перваго французскаго гражданина. Когда Мону, президентъ парламента, невольно оробѣвъ передъ новой, невѣдомой силой, дрожащимъ голосомъ произнесъ приговоръ не въ пользу Бомарше, публика громкими криками протестовала, и рѣшеніе было кассировано.

Весь Парижъ повалилъ съ визитомъ къ гражданину Бомарше; принцъ Конти, первый вельможа того времени, пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ; Сартинъ, начальникъ полиціи, человекъ очень тонкій, публично поздравилъ смѣлаго оратора съ успѣхомъ; вся Франція воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы закидать грязью парламентъ Мону. Были у Бомарше послѣ того еще два процесса при Конвентѣ, также привлеченіе общее вниманіе; но уже первый восторгъ публики къ ораторскому таланту тяжущагося замѣтно охладѣлъ, и хотя Бомарше оба раза вышелъ побѣдителемъ на судѣ, но въ общественномъ мнѣніи онъ отъ этого ничего не выигралъ. Да притомъ и Конвентъ былъ далеко не то, что парламентъ; его рѣшенія не подлежали кассациі; вотъ почему злой на языкъ, бойкій, остроумный Бомарше предсталъ предъ новыми судьями сдержаннымъ, скромнымъ, почтительнымъ истцомъ, словомъ, настоящимъ Фигаро.

Въ этой личности воплотился весь характеръ Бомарше. Бѣдный деревенскій цирюльникъ роищется на неравенство общественнаго положенія людей рѣче и сильнѣе, чѣмъ Руссо; вдругъ, силою обстоятельствъ, Фигаро становится членомъ средняго сословія и перестаетъ уже проводить философскіе принципы, потому что народъ, съ которымъ онъ идетъ рука объ руку, занятъ не философіей, а дѣломъ. Что такое «Свадьба Фигаро», какъ не изображеніе удачной борьбы народа съ аристократіей, побѣды слуги надъ господиномъ? Графъ Альмавива, благовоспитанный аристократъ, очень умный, очень щедрый, словомъ, истый кастильскій грандъ, на каждомъ шагу проводится своимъ лакеемъ Фигаро. Да еще какъ! онъ чуть-чуть не отбиваетъ у него графиню; ему стоило бы только захотѣть этого; но

дѣло въ томъ, что Фигаро самъ этого не хочетъ. Бомарше представилъ героя своей комедіи честнымъ человѣкомъ, сдѣлавшимся такимъ силою обстоятельствъ; авантюристъ вначалѣ, онъ дѣлается прекраснымъ мужемъ и прекраснымъ сыномъ.

Написать «Свадьбу Фигаро» не такъ было трудно для Бомарше, какъ добиться, чтобъ ее приняли на сцену; комедію не разрѣшали къ представленію, хотя всѣ знали ее наизусть; она пугала высшее французское общество столько же, какъ и взятіе Бастиліи. Людовикъ XVI, выслушавъ чтеніе пьесы въ рукописи, воскликнулъ, что въ его царствованіе ее никогда не поставятъ на сцену; а черезъ шесть мѣсяцевъ ее чуть не ежедневно давали въ Парижѣ.

Вотъ, между прочимъ, рассказъ одного современника о впечатлѣніи, вынесенномъ его матерью, знатной женщиной, отъ перваго представленія «Свадьбы Фигаро»: «Я удостоился въ этотъ день чести, писать онъ, сопровождать мою матушку во «Французскій театръ». Надо было заручиться сильной протекціей, чтобы добыть ложу; хотя мы поѣхали въ театръ заранѣе, но все-таки намъ пришлось ждать довольно долго у входа. Когда мы, наконецъ, вошли, зала была переполнена сверху до низу; на всѣхъ лицахъ читалось нетерпѣливое ожиданіе; повидимому, многіе изъ зрителей провели ночь въ своихъ ложахъ и теперь только что вскочили съ просонка, испуганные шумомъ ввалившейся толпы; нѣкоторые изъ нихъ оправляли еще свой туалетъ и прическу. Четыре часа ждали мы поднятія занавѣса. Наконецъ, онъ взвился. Мы увидѣли на сценѣ молодого лакея въ раззолоченной ливрѣ; этотъ щеголь-острякъ принялся судить и рядить всѣхъ и каждого; а своего барина, конечно, перваго. Каламбуры сыпались у него градомъ; изъ неумолкаемой его болтовни мы узнали, что онъ поэтъ, ораторъ, дипломатъ, юристъ, бывший журналистъ, ветеринаръ, музыкантъ, цирюльникъ и отчаянный политикъ; что онъ никого не уважаетъ, начиная съ своихъ господъ, никого не боится и готовъ на все; и все это онъ намъ сообщилъ прыгая, смѣясь, жестикулируя. Это былъ герой пьесы!.. Моя мать совершенно растерялась... Вслѣдъ затѣмъ появился испанскій грандъ, графъ Альмавива, элегантный, стройный, со всѣми обходительный, немного философъ, знатокъ въ женщинахъ, отличный хозяинъ богатаго помѣстья, полноправный властелинъ, но никогда не злоупотребляющій властью, когда его страсти не возбуждены, — словомъ, баринъ самаго хорошаго тона. И такого-то барина лакей начинаетъ всячески оскорблять! Онъ пристаётъ къ нему, придирается къ каждому его слову, интригуетъ противъ него, отбиваетъ отъ него субретку, за которой бѣдному графу Альмавивѣ вздумалось приволочнуться; мало того, онъ добивается даже до графини. А какія грубости онъ отпускаетъ своему барину! «На вашу долю, ваше сіятельство, выпалъ только одинъ трудъ — это трудъ родиться». Какова фраза? Каково было выслушать ее моей матери, урожденной принцессѣ вольфенбютельской? Не даромъ она вышла изъ себя! На что это похоже! субретка Сюзанна, и та пренебрегаетъ графомъ, передаетъ своему будущему мужу всѣ подробности его ухаживанья за нею! Необразованная вассалка, задорная шалунья, податливая только по наружности, разряженная, какъ какая-нибудь донна, трещотка, влюбленная по уши въ своего Фигаро и не думающая даже скрывать этого! Каковы нравы въ домѣ испанскаго гранда, кавалера ордена Золотого Руна! Что это за домъ! что за тонъ!.. Матушка просто не могла опомниться. Но что съ нею случилось, когда, въ самомъ разгарѣ всевозможныхъ интригъ, передъ зрителями появился высокаго роста человѣкъ, въ длинной, черной сутанѣ, съ трехуголкой на головѣ, въ бѣлыхъ

брызжахъ, преподлой наружности, съ ввалившимися глазами, съ глупымъ выраженіемъ въ лицѣ, съ гладко прилизанными волосами, съ ехидной улыбкой на губахъ и съ кошачьей походкой. Такъ и есть: это служитель церкви, карикатура капеллана, салоннаго проповѣдника, прототипъ льстеца всѣмъ домашнимъ, угодника барину, барынѣ, прислугѣ и даже маленькой барской собачонкѣ. Какъ хотите, а не узнать нельзя: это онъ святой отецъ, и его-то вмѣшали въ любовную интригу... Вдругъ—о, Боже! на сцену выпархиваетъ какое-то граціозное существо, хорошенькое, свѣжее, нарядное, безпечное и легкое, какъ мотылекъ. Это пажъ Керубино. Смѣясь, напѣвая, онъ бѣгаетъ за женщинами, движимый однимъ инстинктомъ, рассказываетъ о своихъ сердечныхъ волненіяхъ облакамъ, деревьямъ, цвѣтамъ, прозрачному ручейку, старой экономкѣ Марселинѣ. Женщины—берегитесь! первый пламень опасенъ; губы Керубино жгутъ, его улыбка, взглядъ, голосъ, жестъ,—все можетъ мгновенно пробудить въ васъ страсть. Смотрите, Сюзанна цѣлуетъ его и потомъ раскывается; графиня, замужняя женщина, супруга важнаго барина,—и та вздыхаетъ, съ нѣжностью поглядываетъ на него, а онъ клается на шею старухѣ Марселинѣ. Смотрите, какъ графиня и Сюзанна раздѣваютъ его въ будуарѣ, какъ онѣ любятъ на его бѣлые руки, плечи, грудь. Этого ребенка всѣ боготворятъ; у него уже есть завистники, враги, соперники; женщины лѣзутъ къ хорошему пажику, не смѣя объяснить то, что ему такъ хочется узнать. Керубино, Керубино! бѣда, если ты все узнаешь!.. Рядомъ съ нимъ вы видите другое, еще болѣе невинное созданіе, — Фаншету, дочь графскаго садовника, пьяницы, переносчика и сплетника; дѣвочка еще ничего не понимаетъ, но охотно позволяетъ себя учить. Съ Фаншетой Керубино повторяетъ то, чему онъ урывками научился у другихъ; съ нею онъ смѣется, какъ взрослый; онъ осыпаетъ ее поцѣлуями, въ которыхъ ему отказываетъ Сюзанна. Наблюдайте за дѣвочкой и вы замѣтите, что она уже украдкой вздыхаетъ, ждетъ чего-то, предается мечтамъ, угадываетъ нѣчто, но скорѣе умереть, нежели рѣшится сдѣлать первый шагъ къ неизвѣстной, влекущей ее къ себѣ тайнѣ. Всѣ эти возбужденныя страсти — смѣлая любовь Фигаро, опытное кокетство Сюзанной, робкое увлеченіе графини, почти ребяческія чувства Фаншеты, пламенные порывы Керубино, расчетливое ухаживанье доктора Бартоло, утонченное сластолюбіе графа, грѣховное возбужденіе Марселины, — все это сталкивается между собой, смѣшивается, переплетается и приводитъ къ самому заманчивому и безнравственному результату, который ни одинъ драматическій писатель не рѣшился бы выставить такъ откровенно на судъ многочисленной публики. Этой комедіей Бомарше расшаталъ сверху до низу все зданіе общественнаго строя Франціи. Всѣ семейныя добродѣтели отданы имъ на поруганіе: у него лакей обманываетъ своего господина, мужъ обманываетъ жену, жена — мужа; мать хочетъ выйти замужъ за своего сына, а этотъ сынъ говорить дерзости въ глаза матери. У Бомарше мужики разсуждаютъ, дѣти, не имѣющія понятія о добрѣ и злѣ, заводятъ уже любовныя интриги; абатъ потворствуетъ разврату; словомъ, каждый дѣйствуетъ въ какомъ-то чаду и, въ то же время, толкуетъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ. Сумбуръ страшный; ночью, въ саду происходятъ сцены самаго соблазнительнаго свойства; весь послѣдній актъ есть чистое воспроизведеніе той эпохи. Женщины, нравы, любовь, остроуміе — все современно.

«Дворъ и городская публика неистово аплодировали этой странной пьесѣ; толпа страстно прислушивалась къ каждому слову комедіи; она помирала со смѣху, любясь на то, какъ безпо-

щадно хлещутъ большого барина и внутренно радовалась, что на сцену выведены на этотъ разъ не скупой, не тартюфъ, не мизантропъ, не одуроченный старикъ, а сильный міра сего. Комедія, въ концѣ XVIII столѣтія, сдѣлала страшные успѣхи. Въ ней авторы низвергали все, начиная съ королевскаго престожа, до самыхъ священныя человѣческихъ обязанностей; они ругались надъ всѣмъ, кромѣ народа; ему же они льстили, кадили, угождали во всевозможныхъ формахъ. У нихъ слабый всегда торжествовалъ надъ сильнымъ, бѣдный надъ богатымъ; изящный, образованный придворный выставился въ самомъ униженномъ видѣ рядомъ съ грубымъ крестьяниномъ или глуповатымъ буржуа. Французскій маркизъ, уже заклеянный Мольеромъ, былъ окончательно свергнутъ съ пьедестала Бомарше. Мудрено-ли, что народъ неудержимо ликовалъ? Въ ложахъ перваго яруса, наполненныхъ придворными дамами, замѣчалось сильное волненіе. Въ ту эпоху женщины жили и дышали только любовью, а въ свадьбѣ Фигаро всѣ пять женщинъ страстно влюблены; какъ же не волноваться, не сочувствовать имъ? Мужчины высшего круга, втоптанные въ грязь первымъ монологомъ Фигаро, силились улыбаться, считая особаго рода геройствомъ скрыть испытываемыя ими нравственныя мученія. Не такъ поступили щеголеватые маркизы временъ Людовика XIV, когда король приказалъ Мольеру отдѣлать ихъ, какъ слѣдуетъ: они подняли крикъ. При появленіи графа Альмавивы, придворные весело и дружно уже смѣялись. Еще бы! Авторъ выставилъ такого ловкаго, остроумнаго, изящнаго аристократа, какихъ и при дворѣ не сыщешь; наконецъ, собраніе столькохъ хорошихъ женщинъ на сценѣ: развѣ это не выкупаютъ все, что есть непріятнаго въ пьесѣ? Пажъ Керубино — какая прелесть! Мужчины и женщины пожирали его глазами, распалая свое воображеніе самыми сладострастными мечтами. Каждая дама мысленно уже выбирала себѣ въ пажи другого Керубино, который, конечно, входя къ ней въ будуаръ, будетъ смѣяться и предпринимать. Словомъ, комедіей незамѣтно увлекся весь цвѣтъ французскаго общества, и высшіе его представители, сходясь въ антрактахъ, разсуждали между собой съ гордымъ самоудовольствіемъ, что тутъ, въ сущности, и обижаться-то нечѣмъ. «Ничтожныя произведенія могутъ наводить страхъ только на ничтожныхъ людей», говорили они. Въ партерѣ, на самыхъ видныхъ мѣстахъ, возсѣдали щеголи абаты и разныя другіе сановники церкви, раздушенные, упитанные, съ выхолонными бѣлыми руками; они отъ души потѣшались надъ Базиліо. Да и можно ли было, въ самомъ дѣлѣ, признать за одного изъ представителей французскаго духовенства, всегда такого благовоспитаннаго, изящнаго, любезнаго, этого грязнаго педанта пошляка Базиліо? Его, вѣрно, выгнали бы изъ кухонь кардинала де-Рогана?»

«Не могу передать, продолжаетъ свой рассказъ тотъ же очевидецъ перваго представленія комедіи Бомарше,—до чего дошли изумленіе и негодованіе моей матери. Ей казалось, что она находится подъ гнетомъ какого-то кошмара; она задыхалась, краснѣла, выпускала вздохи и восклицанія и непремѣнно бы крикнула: рѣжьте! — если бы ее не удерживало приличіе. Она ежеминутно ожидала, что адскій пламень пожретъ, какъ въ Дон-Жуанѣ, всѣхъ этихъ нечестивцевъ. Но, увы! ничего подобнаго не случилось и пьеса закончилась мирной свадьбой. Въ отчаяніи, моя матушка закрыла лицо руками; она не могла подумать безъ ужаса, что, если при дворѣ и въ Германіи узнаютъ, что она была въ открытой ложѣ, вмѣстѣ съ своей дочерью, на представленіи такой непозволительной пьесы! Уничтоженная, какъ бы подавленная стыдомъ, она, всегда

такая гордая, величественная, точно разом опустилась, выжидала, чтобы вся публика разошлась, взяла меня под руку и, согнувшись, быстро перешла театральную залу. Со стороны можно бы было подумать, что ей нанесли личное оскорбление и что я за нее не заступился. Вернувшись домой она в этот же вечер рассчитала своего управителя, которым прежде очень дорожила, за то, что он почему-то показавшись ей теперь не довольно почтительным».

Такое впечатлѣніе производила «Свадьба Фигаро» на современников Бомарше. Но в настоящее время французскіе графы, передѣланные въ испанскіе гранды, пажі, право сеньера, поднесеніе букетовъ мирными поселянами, судъ и расправа, чинимые владѣльцемъ богатаго помѣстья надъ своими подданными у себя въ замкѣ, съ высоты трона, абатъ, учащій пѣнію и игра на гитарѣ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, наконецъ, фамиліарныя отношенія лакея и субретки къ господамъ,—все это рядъ анахронизмовъ, и для людей, не вникающихъ въ глубокой смыслъ комедіи, обстановка ея можетъ показаться, пожалуй, даже нѣсколько скучной. Но она навсегда останется безсмертнымъ произведеніемъ, потому что Бомарше заклеилъ ею все, что было безнравственнаго и пошлаго въ общественномъ строѣ тогдашней Франціи.

Нѣсколько словъ о личности Эрнста Геккеля.

Ст. Е. Литвина.

въ настоящей статьѣ, мы не имѣемъ въ виду представить читателю полного біографическаго очерка Эрнста Геккеля, этого, безспорно блестящаго и самаго популярнаго представителя дарвинизма въ Германіи; для біографіи у насъ нѣтъ еще достаточно данныхъ. Но

отрывочныя свѣдѣнія, которыми мы располагаемъ, имѣютъ вѣсь потому, что знакомятъ съ личностью извѣстнаго естествоиспытателя или, вѣрнѣе, натуръ-философа *) нашего времени, бросають на эту личность настоящій свѣтъ, вслѣдствіе чего она является не совсѣмъ такою, какою старался ее выставить г. Ціонъ, въ статьѣ своей: «Происхожденіе человѣка по Геккелю», помѣщенной въ январской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за прошлый годъ.

Эрнстъ Геккель родился въ Потсдамѣ. Онъ сначала думалъ посвятить себя исключительно медицинѣ и занимался этою наукой въ Вюрцбургѣ и Берлинѣ, подъ руководствомъ извѣстныхъ ученыхъ: Мюллера, Вирхова, Броуна, Келликера и многихъ другихъ. Затѣмъ онъ перешелъ въ Вѣну и занимался тамъ той же наукой, а по возвращеніи своемъ изъ Вѣны въ Берлинъ намѣревался сдѣлаться практическимъ врачомъ: онъ началъ свою врачебную дѣятельность въ Берлинѣ, но она, какъ оказалось, совершенно не соотвѣтствовала его склонностямъ; онъ вскорѣ оставилъ медицинскую практику, твердо рѣшившись посвятить себя наукѣ и предаться исключительно изученію зоологіи. Съ этою цѣлью онъ отправился въ Неаполь, а потомъ въ Мессину и въ 1861 г. сдѣлался доцентомъ зоологіи въ іенскомъ университетѣ, а въ 1865 году занялъ кафедру орди-

нарнаго профессора въ томъ же университетѣ, и вскорѣ послѣ того предпринялъ нѣсколько путешествій съ научною цѣлью; онъ былъ въ Лиссабонѣ, Мадридѣ, въ Норвегіи, въ Сиріи, въ Египтѣ, въ Корсикѣ и Сардиніи. Эти путешествія обогатили его весьма интересными и разнообразными наблюденіями, которыми онъ, какъ нельзя лучше, воспользовался, изложивъ ихъ весьма понятно и живо въ слѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ: «Общая морфологія организмовъ», «Естественная исторія сотворенія міра», «О происхожденіи человѣческаго рода», «О распредѣленіи труда въ природѣ и у людей» *) и многихъ другихъ.

Самыя заглавія сочиненій показываютъ, на какіе предметы направлена мысль Геккеля; въ нихъ излагаетъ онъ преимущественно свои взгляды на происхожденіе человѣка; эти взгляды, главнымъ образомъ, высказаны въ двухъ сочиненіяхъ: «Die Schöpfungsgeschichte» и «Die Antropogenie»; въ первомъ онъ, впрочемъ, больше говоритъ о происхожденіи организмовъ и неорганическихъ веществъ, второе же исключительно посвящено вопросу о происхожденіи человѣка. Эти сочиненія, вполне доступныя, по своему изложенію, всей образованной публикѣ, произвели большое впечатлѣніе, доставили Геккелю популярность въ публикѣ и эта популярность заставила, наконецъ, ученыхъ обратить вниманіе на труды Геккеля, которые прежде весьма мало ихъ интересовали.

Мы видимъ, что и самъ Геккель успѣхъ свой, главнымъ образомъ, приписываетъ сочувствію публики; онъ говоритъ: «Мою попытку реформы совершенно убили бы молчаніемъ специалисты, если бы я не изложилъ ее въ «Антропогеніи» въ популярной формѣ и этимъ бы не сдѣлалъ своихъ идей доступными болѣе обширной части образованной публики. Интересъ, возбужденный этимъ сочиненіемъ въ публикѣ, задалъ за живое специалистовъ и заставилъ ихъ, такимъ образомъ, обратить вниманіе на мои новыя воззрѣнія». Такое отношеніе специалистовъ совершенно понятно; специалисты всегда заняты разработкой какихъ-нибудь частныхъ вопросовъ, они, болѣею частью, знаютъ только свой шестокъ и не легки на подъемъ, когда имъ предлагаютъ какую-нибудь реформу общихъ принциповъ и т. д. Такое отношеніе къ дѣлу, вообще говоря, если далеко не всегда плодотворно, то все-таки имѣетъ свое основаніе, но въ то же время нельзя отрицать, что всякая болѣе или менѣе удачная попытка произвести реформу въ принципахъ науки бываетъ всегда не бесполезна уже и потому, что заставляетъ специалистовъ искать связи между отдѣльными частными вопросами.

Мы уже имѣли случай упомянуть, что Геккель представитель дарвинизма въ Германіи; мы видѣли, что въ трудахъ его вопросъ о происхожденіи и развитіи организмовъ занимаетъ весьма видное мѣсто. Съ точки же зрѣнія Дарвина, происхожденіе различныхъ организмовъ объясняется: 1) борьбою за существованіе; 2) естественнымъ подборомъ; 3) приспособленіемъ къ окружающей средѣ и 4) наслѣдственной передачей врожденныхъ или приобрѣтенныхъ качествъ и особенностей. Геккель, глубоко вѣрующій въ справедливость положеній Дарвина, стремится, въ своей «Антропогеніи», къ дальнѣйшему развитію идей Дарвина и сводитъ всѣ существующія формы животныхъ на одну первоначальную форму, состоящую изъ одной клѣточки. Мы не станемъ заниматься здѣсь критической оцѣнкой Геккелевскихъ реформъ, такъ какъ цѣль наша только нѣсколько выяснитъ читателю самую личность Геккеля. Дѣло въ томъ, что г. Ціонъ въ статьѣ своей, о которой мы уже упоминали, говоря о

*) Последнее изъ этихъ произведеній было переведено на русскій языкъ и напечатано въ нашемъ журналѣ за прошлый годъ.

научныхъ воззрѣній Геккеля, стремится въ то же время бросить тѣнь на самую личность Геккеля. Геккель, по словамъ г. Ціона, не болѣе какъ шарлатанъ, приобрѣтающій себѣ популярность всевозможными неправдами. Онъ обвиняетъ Геккеля въ неопозволительныхъ фокусахъ, въ умышленномъ искаженіи истины, въ выдуманіи небывалыхъ рисунковъ и т. д. На все это мы можемъ замѣтить, что Геккель, ни по своему темпераменту, ни по складу ума своего не принадлежитъ къ разряду естествоиспытателей; онъ не въ силахъ долго наблюдать, выжидать, проверять и взвѣшивать, это, какъ по всему видно, человѣкъ пылкій, увлекающійся, съ такъ-называемымъ философскимъ направленіемъ ума; онъ стремится создать изъ отдѣльныхъ фактовъ стройное цѣлое, объяснить все, исходя изъ какого-нибудь одного принципа, нѣсколько не смущаясь нѣкоторыми противорѣчащими подробностями и т. д. Эта черта общая всѣмъ умамъ, одержимымъ страстью къ обобщеніямъ. Если назвать Геккеля шарлатаномъ и фокусникомъ, умышленно обманывающимъ публику, то такой же участи слѣдуетъ подвергнуть всѣхъ философовъ, начиная съ самого Платона и кончая Гегелемъ, Шопенгауэромъ и т. д. Если воззрѣнія Геккеля не всегда вѣрны и доказательства иногда натянуты, а приведенные факты не совсѣмъ точно описаны, то вѣдь такого же рода погрѣшности встрѣчаются у каждаго философа, стремящагося во что бы то ни стало объяснить явленія. Въ доказательство справедливости этого замѣчанія, что Геккель не шарлатанъ, а только смѣлый философъ, мы приведемъ отрывокъ изъ предисловія Геккеля къ третьему изданію «Антропогеніи», въ которомъ онъ возражаетъ на обвиненія, высказанныя противъ него нѣкоторыми учеными за не точность помѣщенныхъ имъ рисунковъ; онъ говоритъ: «Схематическіе рисунки Антропогеніи заслужили особенно рѣзкое порицаніе со стороны естествоиспытателей. Особенно эмбриологи-специалисты осмыслили меня самыми тяжелыми упреками и совѣтовали мнѣ, вмѣсто приведенныхъ мною изображеній, дать большее число хорошо исполненныхъ и, по возможности, точныхъ рисунковъ. Я, однако, считаю первые поучительнѣе, особенно въ популярно-научныхъ статьяхъ. Каждое схематическое изображеніе передаетъ только главнѣйшія форменныя отношенія, которыми оно объясняется, оставляя въ сторонѣ не важныя подробности, которыя при точныхъ рисункахъ болѣе мѣшаютъ и запутываютъ, чѣмъ объясняютъ дѣло. Если моимъ схематическимъ рисункамъ дѣлаютъ упрекъ, что они выдуманы и меня обвиняютъ въ «фальсификаціи науки», то то же самое слѣдуетъ отнести и ко всѣмъ другимъ диаграммамъ ежедневно употребляемымъ въ преподаваніи».

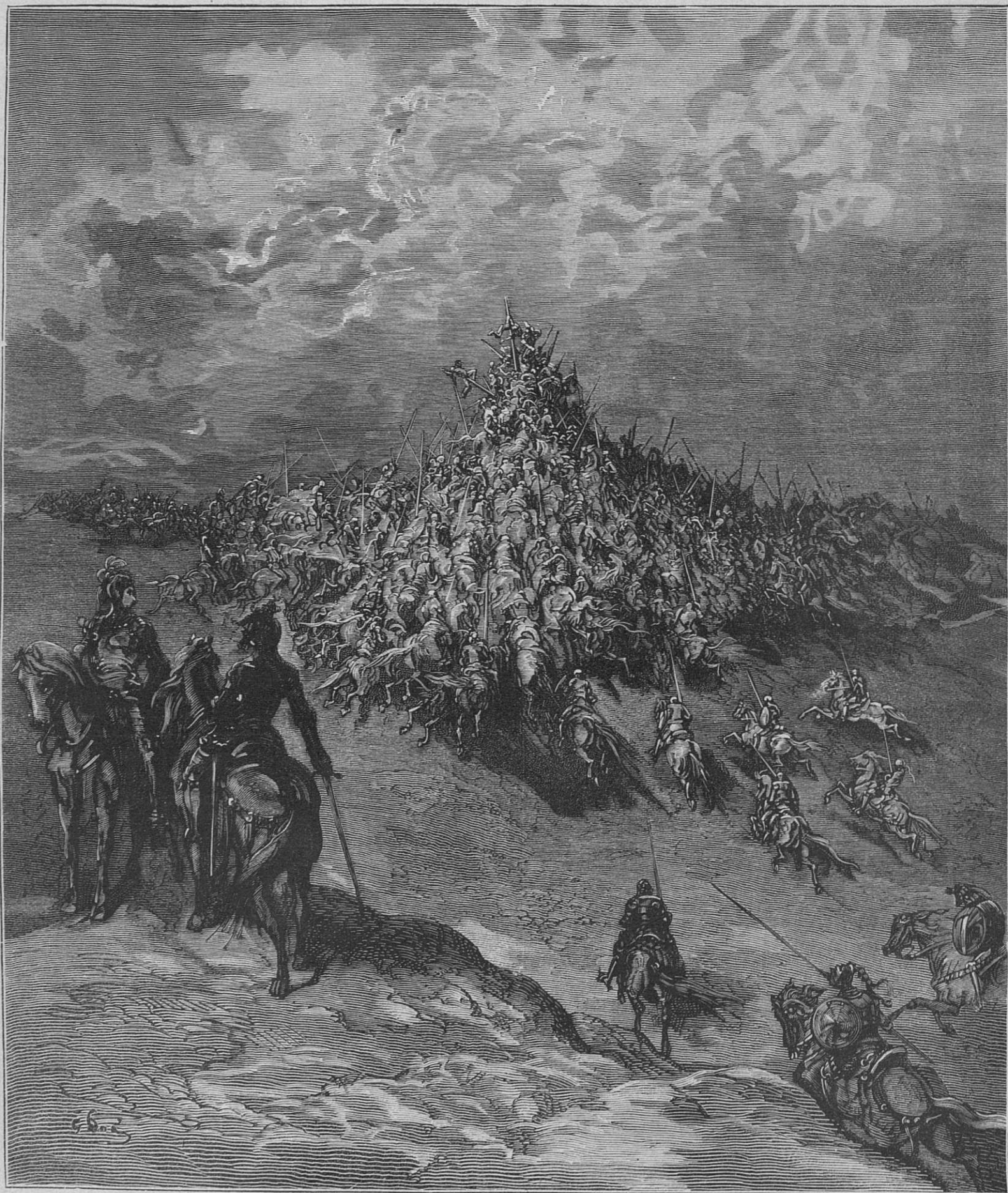
Эти слова весьма характеристичны, они показываютъ, что Геккель и въ своихъ собственныхъ глазахъ является, такъ сказать, преподавателемъ дарвинизма, а совсѣмъ не специалистомъ-ислѣдователемъ. Намъ могутъ замѣтить, что и отъ преподавателя требуется точная передача фактовъ и, во всякомъ случаѣ, искаженіе фактовъ является неопозволительнымъ и тутъ. Но вѣдь Геккеля нельзя упрекнуть въ искаженіи фактовъ, а только въ упущеніи извѣстныхъ подробностей, весьма важныхъ для специалистовъ и, въ большинствѣ случаевъ, только для однихъ специалистовъ. Если учитель географіи, желая обратить вниманіе ученика преимущественно на общее очертаніе границъ какого-нибудь государства, представитъ ему карту безъ обозначенія городовъ и рѣкъ, то никто не упрекнетъ его въ фальсификаціи науки. Не то же-ли дѣлаетъ и Геккель? Всякому, кто ознакомился съ предисловіями Геккеля къ различнымъ его сочиненіямъ, покажется несомнѣннымъ, что Геккель, во-первыхъ, глубоко

*) Мы употребляемъ слово натуръ-философъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ этимъ именемъ называли древнихъ греческихъ философовъ, стремящихся объяснить всѣ явленія природы, исходя изъ какого-нибудь одного принципа.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ Г. ДОРЕ.

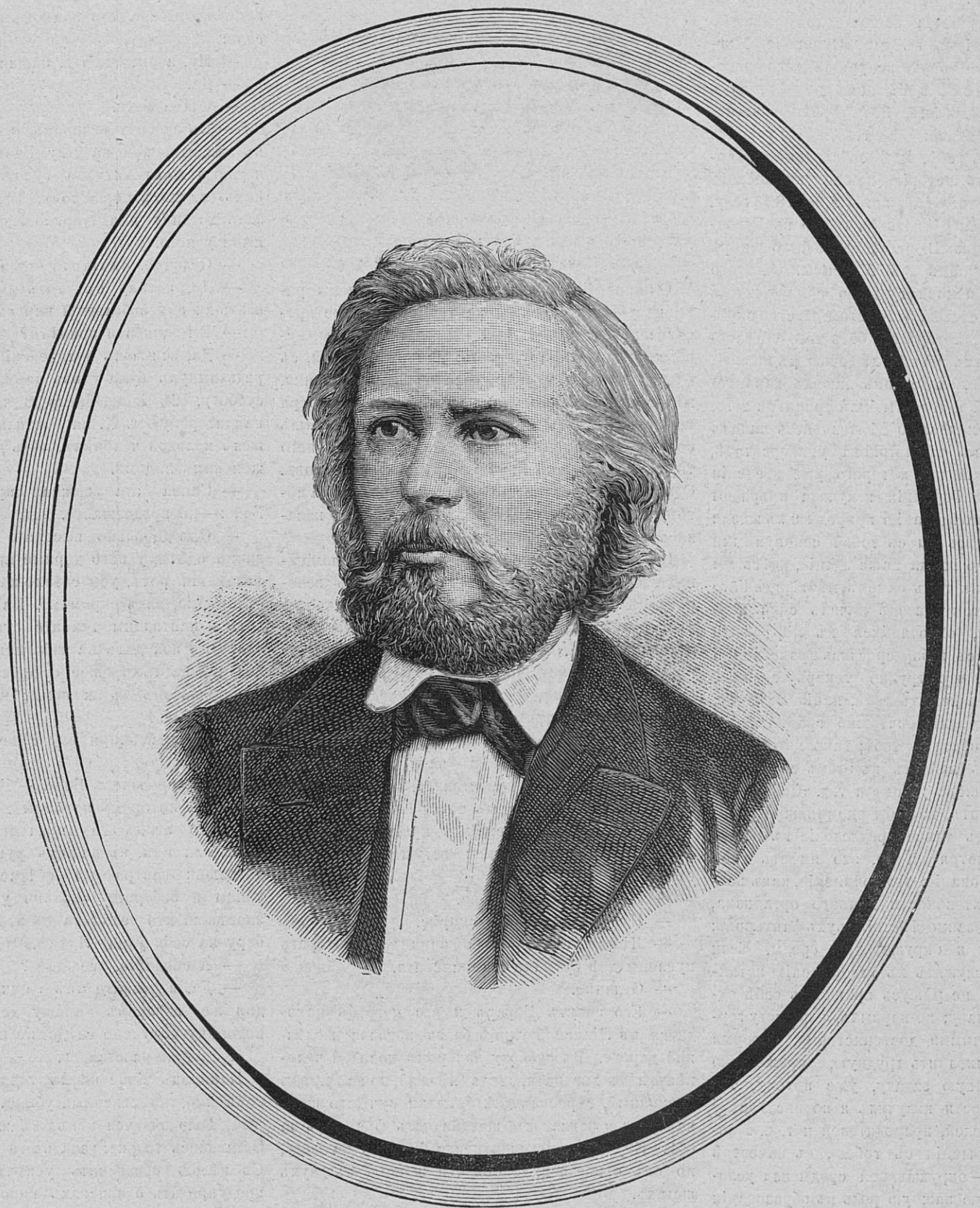
Бѣшеный Роландъ.

ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

ЭРНСТЪ ГЕККЕЛЬ.

Ernst Haeckel.

вѣруеть въ то, въ чемъ старается убѣдить другихъ; а во-вторыхъ, что онъ, всюду являясь какъ бы миссіонеромъ дарвинизма, увлекаетъ совсѣмъ не потому, что онъ шарлатанъ, а напротивъ потому, что онъ самъ горячо преданъ своимъ воззрѣніямъ, обладаетъ живымъ воображеніемъ и умѣетъ излагать свои мысли и просто, и остроумно. Убѣжденные въ томъ, что никто не можетъ такъ защитить человѣка отъ несправедливыхъ обвиненій, какъ онъ самъ, мы приводимъ письмо Геккеля къ Гегенбауэру, профессору въ іенскомъ университетѣ; письмо это помѣщено передъ предисловіемъ къ его «Generelle Morphologie»; оно проникнуто искренностью, переходящею въ наивность, и въ немъ видѣтъ, какъ говорится, весь человѣкъ. Вотъ краткое извлеченіе изъ этого письма: «Для того, чтобы уяснить мои отношенія къ тебѣ, мнѣ собственно слѣдовало бы изложить исторію нашего дружескаго союза, начавъ съ того дня, когда я, въ 1853 году, въ первый разъ встрѣтился съ тобою въ Гутенбергскомъ лѣсу близъ Вюрцбурга, это было вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ Мессины. Съ этого дня между твоей и моей судьбою обнаружилось замѣчательное сходство; это обстоятельство скрѣпило нашъ союзъ, который и безъ того обусловливался общей намъ обоимъ любовью къ истинѣ, къ естествознанію, сходствомъ нашихъ характеровъ, склонностей и т. д. Ты былъ причиной того, что я свою академическую дѣятельность началъ здѣсь, въ Іенѣ, въ тюрингскомъ университетѣ, въ сердцѣ Германіи, изъ котораго уже втеченіи трехъ вѣковъ вся Германія получала импульсы къ свободному изслѣдованію природы и къ жизни духа вообще. Здѣсь мы съ тобою совокупными усиліями довели до конца наше зданіе, здѣсь мы учили и учились въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Гёте пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ началъ свои первыя изслѣдованія, относящіяся къ морфологическимъ организмамъ. Мы съ тобою срослись нравственно до такой степени, что трудно теперь сказать, какія мысли принадлежать тебѣ, какія мнѣ. То, что я для тебя сдѣлалъ, ничтожно сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ я обязанъ тебѣ; такъ многое изъ того, что читатель найдетъ въ этомъ сочиненіи, навѣяно и вскормлено тобою» и т. д. «Покажется страннымъ, говорить, какъ бы опомнившись Геккель, предпосылать такое предисловіе къ общей морфологическому, несмотря на то, это имѣетъ свои права и свое основаніе: это сочиненіе, какъ всякій продуктъ дѣятельности даннаго организма, есть результатъ взаимодействія двухъ факторовъ: наследственности и окружающей среды. Если это сочиненіе послужитъ къ утвержденію истиннаго знанія, то я не рѣшусь приписать себѣ одному успѣхъ и славу; во-первыхъ, я не могу гордиться своими личными достоинствами, которыя позволили мнѣ выполнить трудную, сопряженную съ борьбой, великую задачу, уже потому, что всѣ свои способности получилъ я по наследству отъ своихъ родителей, прародителей и т. д., а во-вторыхъ, мои сношенія съ тобою, въ качествѣ второго фактора—окружающей среды или условій,—играли такую важную роль въ образованіи моихъ взглядовъ; кромѣ того въ нихъ черпалъ я силу, ведя святую борьбу за истинное знаніе; потому я далека отъ того, чтобы приписать одному себѣ славу» и т. д.

Все это, правда, нѣсколько въ нѣмецкомъ духѣ, но въ то же время, искренно; дружба Геккеля съ Гегенбауэромъ хорошо извѣстна всякому, кто вращался въ кружкѣ нѣмецкихъ ученыхъ. Кромѣ того, здѣсь слышенъ голосъ человѣка вѣрующаго, а вѣрующій человѣкъ не можетъ быть шарлатаномъ.

(Продолженіе.)

Глава II.

Почему арестовали Мориса?

Сыщикъ Бойе, которому былъ порученъ розыскъ убійцы, совершившаго таинственное преступленіе въ улицѣ Лакюзъ, имѣлъ странную, необыкновенную наружность; длинный, худой, съ острой, какъ у кунницы, головой и маленькими, живыми, вѣчно бѣгающими глазами, онъ, несмотря на свои тридцать, много тридцать пять лѣтъ, былъ совершенно лысый и только надъ ушами у него торчало нѣсколько гладкихъ, рѣдкихъ волосковъ. Одежда его была всегда узкая и короткая, а потому его ноги и руки, особенно послѣднія, казались чудовищно длинными.

На слѣдующій день Бойе и его два помощника обѣгали весь кварталъ и сошлись вечеромъ въ кабачкѣ на набережной Ралэ, подъ выѣзской «Справка». Это странное названіе происходитъ отъ большой доски, висѣвшей надъ вырубкой и на которой любители гребцы, отправляясь на пикники, обыкновенно писали своимъ опоздавшимъ товарищамъ, гдѣ назначено мѣсто свиданія. Несмотря на всѣ усилія, поиски полицейскихъ не повели ни къ чему и Бойе былъ очень не въ духѣ. Они разстались, назначивъ себѣ свиданіе черезъ двадцать четыре часа тамъ же.

На второй разъ первымъ пришелъ сыщикъ Борель и на вопросъ Бойе: «есть-ли что поваго», отвѣчалъ:

— Есть, господинъ Бойе.

— Ну, рассказывайте скорѣе.

— Я нашелъ торговца виномъ, у котораго куплены двѣ бутылки шампанскаго.

— Отлично.

— Его зовутъ Бераръ и его погребъ находится въ Лионской улицѣ близъ вокзала желѣзной дороги. Въ субботу вечеромъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, очень блѣдный, но на взглядъ спокойный, спросилъ двѣ бутылки лучшаго шампанскаго и заплатилъ шестнадцать франковъ за обѣ. Ему предложили отнести бутылки на домъ, но онъ отказался, говоря что живетъ въ двухъ шагахъ.

— Спросили вы его примѣты?

— Да, и подробно ихъ записалъ. Пока торговецъ ходилъ въ погребъ за виномъ, жена его оставалась за конторкой въ магазинѣ и любовалась красивымъ юношей. Она сама мнѣ сказала: «онъ такъ былъ красивъ, что я даже спрашивала себя, не переодѣтая-ли это женщина».

— Гм! прозвесь Бойе, наостривъ уши, — эту подробность надо запомнить... Переодѣтая женщина... чтожь, и это возможно. Гдѣ же примѣты?

— Вотъ, отвѣчалъ сыщикъ и, вынувъ изъ своего портфеля локутокъ бумаги, прочелъ вслухъ: «ростъ довольно высокій, хорошо сложенъ, двадцать лѣтъ, черные, мягкіе глаза, брови и рѣсницы каштановыя, носъ прямой, ротъ маленькій,

цвѣтъ лица свѣтлый, усы рыжіе, волосы русые, длинные, видъ скромный, манеры изящныя. Одежда:—темный суконный сюртукъ, рубашка съ большимъ откиднымъ воротничкомъ, черный галстукъ, маленькая круглая шляпа. По всей вѣроятности, онъ живетъ въ околodкѣ, такъ какъ по словамъ г-жи Бераръ, онъ часто проходилъ по утрамъ и по вечерамъ мимо ея оконъ».

— Прекрасно.

Въ эту минуту въ кабачекъ вошелъ сыщикъ Огюсть и искалъ глазами своихъ товарищей. Бойе подозвалъ его знакомъ и поспѣшно спросилъ:

— Ну, а вы, Огюсть, нашли что-нибудь?

— Да.

— Слава Богу.

— Въ субботу вечеромъ, около осьми часовъ, въ кондитерской на углу Бастильской площади и улицы Сент-Антуана куплено два фунта медкихъ сладкихъ пирожковъ. Тѣ, которыя я показалъ хозяину кондитерской, оказались купленными у него.

— Отлично. Замѣтилъ онъ покупателя?

— Да, потому что тотъ долго колебался, не взять-ли ему и большой пирогъ для ужина.

— Вы записали примѣты?

— Да, отвѣчалъ полицейскій и, въ свою очередь вынувъ бумагу изъ кармана, прочелъ: «Въ субботу, 20 іюня, около 8 часовъ вечера, въ кондитерскую г. Х. на Бастильской площади вошелъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, съ чисто женскимъ лицомъ».

— Снова эта важная примѣта, замѣтилъ Бойе:—но продолжайте.

— Онъ довольно высокаго роста, очень прилично одѣтъ, у него черные глаза, прямой носъ, маленькій ротъ, усы свѣтло-каштановые, волосы бѣлокурные, видъ скромный. На немъ куртка, жилетъ и панталоны темнаго сукна, шляпа круглая. Онъ походитъ на работника или чиновника, получающаго хорошее содержаніе. Неизвѣстно, живетъ-ли онъ въ околodкѣ; кондитеръ видѣлъ его впервые.

— Прекрасно, примѣты тѣже, воскликнулъ Борель.

— Да, произнесъ Бойе, — Борель нашелъ погребъ, въ которомъ куплены двѣ бутылки шампанскаго этимъ самымъ господиномъ. Хорошо, онъ... или она, въ нашихъ рукахъ. На сегодня довольно; завтра вы обѣгаете всѣ сосѣднія улицы и соберете справки у лавочниковъ, не знаетъ-ли кто человѣка съ этими примѣтами. Я беру на себя улицу Лакюзъ.

— А свиданіе, все здѣсь?

— Да, передайте мнѣ ваши замѣтки, а сегодня же вечеромъ напишу докладъ прокурору, которому поручено слѣдствіе по этому дѣлу.

И сыщики разстались.

Наконецъ Бойе имѣлъ точныя свѣдѣнія; несомнѣнно, таинственный убійца былъ этотъ странный молодой человѣкъ, съ женскимъ лицомъ. Оставалось только: узнать его имя и арестовать. Съ цѣлью обезпечить успѣхъ слѣдствія и не предупредить о поискахъ виновнаго, полиція не возвращалась болѣе въ домъ, гдѣ совершенно преступленіе и въ околodкѣ распустили слухъ, что въ виду особыхъ обстоятельствъ все дѣло затушено.

На слѣдующій день Бойе отправился въ улицу Лакюзъ и сталъ спрашивать у привратниковъ, не жилъ-ли въ ихъ домѣ молодой человѣкъ, котораго имя онъ забылъ, но хорошо зналъ примѣты. Онъ, такимъ образомъ, посѣтилъ шесть домовъ безъ всякаго результата. Въ седьмомъ не оказалось привратника. Взойдя по лѣстницѣ до верха, Бойе сошелъ внизъ, раздумывая, къ кому обратиться за справкой, какъ вдругъ содержатель фруктовой лавки въ нижнемъ этажѣ отворилъ дверь и довольно грубо спросилъ, что ему надо.

— Я ищу молодого человѣка, фамилію котораго я забылъ, отвѣчалъ сыщикъ, — но онъ, кажется, живетъ здѣсь.

— Кто онъ такой?

— Не знаю.

— Ого, вы ищете человѣка, котораго вы все не знаете.

— Нѣтъ, извините, отвѣчалъ Бойе, и объявилъ всѣ примѣты неизвѣстнаго.

— Это юноша, живущій въ третьемъ этажѣ: Феранъ. Онъ работникъ, бронзовщикъ.

— Да, это онъ. Его зовутъ Феранъ... да... да.

— Морисъ Феранъ.

— Такъ онъ живетъ въ третьемъ этажѣ, повторилъ сыщикъ и повернулся, чтобъ снова подняться по лѣстницѣ.

— Но онъ здѣсь болѣе не живетъ. Онъ переехалъ.

— Неужели, когда?

— Два дня.

— А куда?

— Онъ мнѣ не сказалъ и я у него не спрашивалъ.

— Позвольте мнѣ сказать вамъ два слова, сказалъ сыщикъ, входя въ лавку удивленнаго торговца фруктами. — Я полицейскій сыщикъ и отыскиваю Мориса Ферана. Прошу васъ, расскажите мнѣ все, что вы о немъ знаете.

Пораженный словами Бойе, торговецъ провелъ его въ комнату за лавкой и сказалъ поспѣшно:

— Я не могу вамъ многого сообщить. Я его очень мало зналъ, но задавайте мнѣ вопросы и я вамъ отвѣчу, на сколько могу.

— Морисъ Феранъ велъ жизнь скромную?

— О, это образецъ благоразумія. Каждое утро, подметая тротуаръ передъ моею лавкой, я видалъ, какъ онъ отправлялся на работу...

— Вы видѣли его утромъ три дня тому назадъ?

— Три дня тому назадъ, въ воскресенье... нѣтъ. По праздникамъ онъ вставалъ поздно и въ тотъ день я увидалъ его только въ четыре часа. Онъ отправился, какъ рассказывали, на дачу, на нѣсколько времени. На слѣдующій день его сестра вернулась, уплатила деньги за квартиру и увезла мебель. Кажется, она продала ее и отправилась къ брату куда-то въ провинцію.

— Вамъ слышно, когда ходятъ по лѣстницѣ ночью?

— Нисколько. Моя комната на другой сторонѣ дома и тамъ ничего не слышно.

— Вы не знаете, былъ-ли Морисъ Феранъ съ кѣмъ-нибудь въ связи?

— Нѣтъ, онъ очень скромный и застѣнчивый юноша. Я всегда видалъ его одного... Вѣроятно, его ищутъ по какому-нибудь пустому дѣлу; я не думаю, чтобъ онъ былъ въ состояніи сдѣлать преступленіе.

— Да, это семейное дѣло. Но, живя одинъ, онъ все же долженъ былъ покупать гдѣ-нибудь провизію. Не знаете-ли вы, кто были его обычные поставщики?

— Бакалейщикъ на углу улицы, отвѣчалъ торговецъ.

Бойе поблагодарилъ его и отправился прямо въ бакалейную лавку. Хозяйка не оказалось дома, но его жена, стоявшая за прилавкомъ, объявила, что она къ услугамъ посѣтителя, такъ какъ понимаетъ дѣла не хуже мужа. Сыщикъ вполголоса сказалъ ей причину своего посѣщенія. Въ первую минуту она испугалась, какъ всякій буржуа, при одномъ словѣ полиція, но потомъ, отличаясь страстью къ сплетнямъ, она даже обрадовалась случаю позлословить о сосѣдяхъ и повела Бойе въ столовую.

— Что вамъ угодно знать, спрашивайте, сказала она, очутившись наединѣ съ сыщикомъ.

— Знаете вы г. Мориса Ферана?

— Г. Мориса, хорошенькаго мальчика, лѣтъ

двадцати, бѣлокурого, съ прелестными глазами, жившаго въ улицѣ Лакюз?

— Да.

— Конечно... знаю... онъ часто заходилъ къ намъ... Это невпивный ребенокъ. Онъ краснѣлъ, когда я смотрѣла на него... Развѣ онъ что-нибудь сдѣлалъ дурное? Это невозможно.

— Нѣтъ, сударыня. Онъ исчезъ и мы его ищемъ, боясь, что онъ палъ жертвою какого-нибудь преступленія.

— Не бойтесь, если онъ сдѣлался жертвою, такъ развѣ только похищенія, отвѣчала красивая лавочница со смѣхомъ.

— Когда вы видѣли его въ послѣдній разъ?

— Вѣроятно, въ минуту его исчезновенія, отвѣчала весело кумушка.

— Что вы хотите этимъ сказать? спросилъ сыщикъ, обратившись весь въ слухъ.

— Я видѣла его въ субботу, вечеромъ.

— Въ прошедшую субботу? переспросилъ Бойе, съ безпокойствомъ.

— Да. Я возвращалась изъ театра съ мальчикомъ, котораго прислалъ мнѣ навстрѣчу мужъ, и на Бастильской площади увидала г. Мориса. Онъ шелъ обнявшись съ молодой дѣвушкой, которая мнѣ показалась очень хорошенькой. Они такъ горячо цѣловались, что кровь кипѣла, смотря на нихъ. Я опустила глаза, но замѣтила, что они направились къ нему на квартиру.

— Наконецъ-то! Я былъ въ этомъ убѣжденъ! воскликнулъ Бойе съ радостью.

Послѣ столькихъ поисковъ слѣдъ былъ найденъ; въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія.

— Въ которомъ это было часу? спросилъ сыщикъ.

— Около половины двѣнадцатаго.

— Вѣрно... Видѣли вы, откуда пришла молодая женщина?

— Нѣтъ, когда я ихъ увидала, они уже шли обнявшись и цѣловались. Впрочемъ, это понятно, онъ очень... но знаете очень хорошенькій мальчикъ.

— А женщину вы рассмотрѣли хорошо?

— Не очень; я ее видѣла только одну минуту, когда они проходили мимо фонаря: она также чрезвычайно хорошенькая. Они, повидимому, обожали другъ друга.

— Это была молодая дѣвушка обыкновеннаго роста, бѣлокурая?

— Не могу сказать навѣрно; вы знаете, что въ темнотѣ не распознаешь блондинку отъ брюнетки.

— Она была изящно одѣта?

— Да, кажется, но повторяю была ночь, а Контрэскарпскій бульваръ не очень хорошо освѣщенъ.

— Вы сказали, что они направились въ улицу Лакюз?

— Да, мы потеряли ихъ изъ вида въ ту самую минуту, какъ они вошли въ улицу Лакюз.

— Вы слѣдовали за ними?

— Нѣтъ. Мальчикъ, посланный мнѣ на встрѣчу мужемъ, живетъ не у насъ, и я просила его погулять со мною по бульвару. Вечеръ былъ прекрасный и мы сѣли на бульварѣ въ темную утолку, гдѣ насъ не было видно.

Говоря это красивая лавочница покраснѣла, но Бойе, какъ бы не замѣчая ея смущенія, замѣтилъ:

— Это очень понятно... И вы остались долго на бульварѣ?

— Да... часовъ до двухъ... Ужасно было душно... готовилась гроза... вы понимаете, въ комнатахъ...

— Да, да, я понимаю. А вы не слышали-ли, что говорила эта парочка?

— Да... я слышала нѣсколько словъ... которые обыкновенно говорятъ влюбленные... возвращаясь домой ночью... Онъ говорилъ: «я страдаю, я не

могу жить безъ тебя». А она отвѣчала: «я тебя люблю, я хотѣла бы умереть въ твоихъ объятіяхъ».

— Вы не видали, чтобъ Морисъ вышелъ изъ дома? Онъ не прошелъ вторично мимо васъ?

— Вотъ странный вопросъ. Я вѣдь вамъ сказала, что они шли домой и казались влюбленными до ушей другъ въ друга.

— Вы правы. Благодарю васъ сударыня. Послѣ той ночи вы его болѣе не видали?

— Нѣтъ. Я видѣла потомъ однажды его сестру. Она приходила къ намъ за веревками, третьяго дня... въ понедѣльникъ.

— Еще разъ, я вамъ очень благодаренъ, сударыня, за всѣ ваши свѣденія. Не знаете-ли вы, были-ли у него друзья?

— Нѣтъ.

— Я полагаю, излишне разспрашивать мальчика, прислуживающаго въ вашей лавкѣ. Вы знаете столько же, сколько онъ.

— Да, отвѣчала краснѣя молодая женщина.

— До свиданія, сударыня, сказалъ сыщикъ и поспѣшно вышелъ на улицу.

Очутившись одинъ, онъ посмотрѣлъ на часы и сталъ разсуждать самъ съ собою:

— Я еще успѣю написать докладъ; теперь все это дѣло какъ на ладони. Юный работникъ, видя, что красивая женщина, вся въ брильянтахъ прѣзжаетъ два раза въ недѣлю въ квартиру, находившуюся прямо противъ его комнаты, подумалъ, что это кладъ, которымъ можно сразу обезпечить себя на всю жизнь. При его красотѣ побѣда досталась ему легко. Онъ попался ей постоянно на встрѣчу, они познакомились и выбрали мѣстомъ свиданія ея квартиру: онъ предложилъ принести угощеніе и самъ купилъ около осьми часовъ пирожки и двѣ бутылки шампанскаго. Приготовивъ вино, какъ слѣдовало у себя на дому, онъ отправился на встрѣчу къ красавицѣ Леѣ въ одиннадцать часовъ. Они обнялись и пошли въ улицу Лакюз, тамъ она вошла къ себѣ, а онъ въ свою комнату, взялъ угощеніе, перебѣжалъ черезъ улицу, отперъ дверь ключомъ, который ему дала Леа, и засталъ ее уже въ постели. Онъ такъ же легъ и, среди смѣха и шутокъ, они стали ѣсть и пить. Вскорѣ подѣйствовалъ ядъ и она умерла въ его объятіяхъ, потомъ онъ положилъ ее на коверъ, обшарилъ комоды, взялъ всѣ найденныя драгоценности и удалился, заперевъ за собою дверь. Онъ преспокойно вернулся домой, увѣренный, что его преступленіе обнаружится только въ тотъ день, когда Леа обыкновенно являлась въ свою квартиру, которую передъ каждымъ ея посѣщеніемъ убирала горничная. Но черезъ нѣсколько времени, онъ почувствовалъ себя очень дурно; быть можетъ, онъ нечаянно выпилъ глотокъ отравленнаго вина; онъ тотчасъ послалъ сестру въ аптеку за противоядіемъ. Преступленіе было, однако, открыто въ тотъ же день, онъ потерялъ голову и тотчасъ уѣхалъ изъ Парижа, поручивъ сестрѣ перевезти мебель. Все это ясно, но гдѣ онъ? Надо прослѣдить, куда повезли мебель. Теперь, когда мы знаемъ суть дѣла и имя преступника, найти его уже будетъ нетрудно.

Въ тотъ же вечеръ сыщикъ представилъ свой подробный докладъ слѣдователю, и на слѣдующій день получилъ письменное разрѣшеніе арестовать Мориса Ферана, двадцати лѣтъ, работника по бронзовому дѣлу, безъ опредѣленнаго мѣстожителства.

Впродолженіи трехъ мѣсяцевъ, Бойе тщетно искалъ свою жертву и нашелъ ее наконецъ, только благодаря тому, что сестра Мориса явилась въ улицу Лакюз, чтобъ уяснить себѣ непонятныя слова въ письмѣ Сесиль о какомъ-то преступленіи, совершенномъ тамъ въ роковую ночь 20-го іюня. Сосѣди узнали ее и довели объ этомъ до свѣденія сыщика, который прослѣдилъ ее до по-

вой ихъ квартиры. На слѣдующее утро, какъ мы уже знаемъ, Морисъ былъ арестованъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Норвежскія саги о чумѣ.

Ст. С. Толмачева.

I. Куропатка въ Инстедаль.

Въ неприступныхъ горахъ Норвегіи, въ округѣ Согнъ, лежитъ небольшая долина Инстедаль. Эта долина защищена со всѣхъ сторонъ высокими горами и имѣетъ выходъ только съ юга. Съ сосѣднихъ горъ постоянно сносится обильными дождями множество органическихъ остатковъ, что придаетъ долину плодородіе. Трава здѣсь сочная, высокая, и имѣетъ свѣжій видъ въ самое жаркое время лѣта, когда внизу, въ равнинѣ, трава совсѣмъ выгораетъ. Тогда пастухи перекочевываютъ съ своими стадами въ эту роскошную долину.

Приволье здѣсь! Вѣтра совсѣмъ нѣтъ, хотя за горами онъ и бушуетъ довольно сильно. Отъ дождя можно спрятаться подъ любой вѣковой дубъ, листва котораго такъ густа, что не пропускаетъ ни одной капли дождя. Отъ грозы же можно укрыться въ одну изъ пещеръ, которыхъ достаточно по сторонамъ. Тутъ жилище безчисленнаго множества разныхъ ночныхъ животныхъ: филиновъ, летучихъ мышей и пр.

Посреди долины видѣются остатки какихъ-то человѣческихъ жилищъ: сгнившія бревна, развалившіяся печи, груды кирпичей и камней и пр. Изъ окрестныхъ жителей никто не знаетъ, что было здѣсь раньше: стоялъ-ли здѣсь городъ или деревня; жили-ли здѣсь мирные поселяне или же хищные разбойники. Что могутъ сказать безмолвные развалины и бездушные камни?

А между тѣмъ старики записали, со словъ своихъ отцовъ, сагу, въ которой сказано, что жилъ здѣсь и что здѣсь случилось.

Давно, пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, по всему околodu свирѣствовала страшная чума, прозванная черною смертью. Черная смерть никого не щадила: ни старыхъ, ни молодыхъ, ни женъ, ни мужей, ни отцовъ, ни матерей, даже дѣти младенцы — и тѣ помирали неумолимою смертию. Плачь, слезы и вопли не умолкали ни днемъ, ни ночью. Наиболѣе богатые, желая избѣгнуть черной смерти, рѣшились переселиться въ горную, уединенную долину Инстедаль. Съ собою они забрали только скотъ и кое-какіе припасы; все же остальное побросали. Уходя, они условились съ оставшимися, которые не имѣли возможности переселиться, чтобы съ долиной не было никакихъ сношеній, а если кто захочетъ послать письмо, тогъ долженъ положить его подъ указаннымъ большой камень, который и донныи называется «почтовымъ камнемъ». Тѣмъ не менѣе чума зашла въ долину и произвела жестокаго опустошенія. Вымерли всѣ жители, и осталась только одна дѣвочка изъ семейства Биркехангъ. После того, какъ вымерло все селеніе, скотъ ушелъ въ лѣсъ, и послѣ долгихъ странствованій пришелъ цѣлымъ стадомъ въ сосѣднее село, жители котораго удивились, увидя, что за стадомъ не являлись хозяева. Они задержали скотъ, и полагая, что въ Инстедаль случилось что-нибудь недоброе, рѣшились разузнать, въ чемъ дѣло. Нѣкоторые отправились въ долину. Всюду, куда-бы они ни приходили, лежали мертвые, и всѣ дома были пусты. После того, какъ были осмотрѣны всѣ дома и нигдѣ не найдено ни одного живого существа,

искавшіе потеряли всякую надежду найти кого-бы то ни было и рѣшились уже вернуться, какъ увидѣли въ сосѣднемъ биркехангскомъ лѣсу какую-то дѣвочку, которая, при видѣ чужихъ, убѣжала въ лѣсъ. Они ее окликнули, но она, какъ преслѣдуемая дикая коза, исчезла въ чащѣ лѣса. Они рѣшились догнать ее, что имъ и удалось сдѣлать послѣ долгихъ стараній. Она была такъ быстра и дика, какъ птица, почему ее и прозвали куропаткой, «Рипа». Она ихъ рѣшительно не понимала, точно такъ же, какъ и они, не смотря на всѣ свои старанія, не могли ее понять. Они взяли пойманную дѣвочку съ собою, въ деревню, гдѣ изъ нея вышла очень хорошая дѣвушка. Нѣсколько лѣтъ долина Инстедаль оставалась пустою, но затѣмъ нѣсколько крестьянъ изъ Нордъярда переселилось туда и стало разрабатывать запущенныя поля.

Когда Рипа выросла, она возвратилась на родину, гдѣ вышла замужъ и жила счастливо до глубокой старости. У нея осталось многочисленное потомство, которое еще втеченіи нѣсколькихъ столѣтій носило имя «Рипа» и пользовалось всеобщимъ уваженіемъ.

II. Гедальская церковь въ Вальдерѣ.

Также и въ сосѣднихъ горныхъ долинахъ Вальдера сильно свирѣствовала жестокая черная смерть. Во многихъ домахъ и въ уединенныхъ долинахъ вымерли всѣ жители, и все поросло лѣсомъ. Эти мѣста были всѣмъ забыты, и впоследствии никто не зналъ о ихъ прошломъ существованіи. Нѣсколько столѣтій тому назадъ, въ этихъ, когда-то населенныхъ мѣстахъ, охотился за куропатками одинъ охотникъ. Когда онъ высмотрѣлъ на деревѣ птицу и пустилъ въ нее стрѣлу, то услышалъ, что стрѣла ударилась о что-то и издала какой-то волшебный звукъ. Съ любопытствомъ приблизился онъ къ тому мѣсту, и, къ своему удивленію, увидѣлъ передъ собою старую церковь. По общему народному повѣрью, такіа чудесныя или кажущіяся вещи, встрѣченныя на пути или въ лѣсу, мгновенно исчезаютъ, если черезъ найденное перебросятъ кремневую сталь. Онъ вспомнилъ объ этомъ и тотчасъ же перебросилъ черезъ встрѣченную церковь сталь отъ своего кремня. На томъ мѣстѣ, куда упала брошенная имъ сталь, былъ впоследствии построенъ домъ съ огороженнымъ дворомъ, который еще и сегодня, въ память этого событія, называется «домомъ кремневой стали». После того, какъ охотникъ выполнилъ эти мѣры предосторожности, рѣшился онъ осмотрѣть церковь и даже войти въ нее. Въ полуотворенной двери церкви видѣлся ключъ. Посреди церкви, на полу, стоялъ большой колоколъ, а у подножія алтаря громадный медвѣдь сложилъ себѣ берлогу. Опытный охотникъ напавъ убилъ медвѣдя и повѣсилъ его шкуру на память въ церкви, гдѣ еще и сегодня видѣются ея остатки. Въ церкви онъ, между прочимъ, нашелъ нѣсколько образовъ, небольшую латунный ковчежецъ и четыре большихъ колокола съ однимъ маленькимъ. Объ одинъ изъ этихъ колоколовъ ударила его стрѣла и издала тотъ необыкновенный звукъ, который обратилъ его вниманіе. До сихъ поръ еще звонитъ маленький колоколъ, когда кто-нибудь заблудится въ лѣсу; заблудившійся всегда услышитъ его звонъ и выйдетъ на вѣрную дорогу. Изъ остальныхъ четырехъ колоколовъ хотѣли одинъ перевезти въ главную церковь, но когда его перевозили черезъ небольшое озеро, то опрокинулся онъ черезъ бортъ въ воду, чего иначе и нельзя было ожидать, когда увозятъ колоколъ отъ его братьевъ. При спокойной водѣ, въ тихую погоду колоколъ еще и теперь видѣнъ въ озерѣ; вытащить же его изъ воды нѣтъ никакой возможности, такъ какъ на то необходимо семь родныхъ братьевъ, которые бы во время работы не про-

ронили ни одного слова. Однажды семь братьевъ пробовали вытаскивать его; работа шла успѣшно, и имъ уже удалось поднять колоколъ до борта лодки, но тогда, отъ радости, вскрикнулъ одинъ изъ семи родныхъ братьевъ: «Слава богу, онъ въ нашихъ рукахъ!» — и въ то же мгновеніе колоколъ погрузился въ глубокое озеро.

Серватій и Панкратій.

Галиційскій разсказъ Захеръ-Мазоха.

На свѣтѣ бываютъ счастливцы и неудачники. Счастливымъ все удается, даже тогда, когда выборъ ими дороги для достиженія цѣли не отличается разумностью и когда капелька мужества, данная имъ природою, исчезаетъ даже при самомъ ничтожномъ препятствіи. У неудачниковъ ихъ умъ, терпѣніе, прилежаніе, способности терпѣть пораженіе въ самыхъ ничтожныхъ предпріятіяхъ, и эти люди остаются всегда побѣжденными, посватаются-ли они за любимую дѣвушку, отъ обладанія которою зависить ихъ счастье, или удовольствуются только тѣмъ, чтобы идти по слѣдамъ какой-нибудь никому не нужной дурнушки. Счастливы тѣ, для кого цвѣты цвѣтутъ и зимою, и каждая елка въ песчаной пустынѣ увѣшана золотыми орѣхами, цвѣтными свѣчами и подарками; неудачники тѣ, у кого въ каждомъ яблокѣ находится непременно червякъ и кому даже во снѣ снятся только чудовища.

Серватія и Панкратія, по справедливости, нельзя было причислить ни къ первымъ, ни къ послѣднимъ, такъ какъ во всемъ ихъ ожидала довольно сносная удача, покуда одинъ изъ нихъ предпринималъ что-нибудь независимо отъ другого; но какъ только они встрѣчались на одномъ пути, или замыслили исполнить вмѣстѣ какое-нибудь дѣло, такъ тотчасъ же на нихъ обрушивалась большая или меньшая бѣда. Несмотря на это, они любили другъ друга съ колыбели, любили даже очень пѣжно и любятъ даже и теперь, когда они съ огорченными сердцами стараются не встрѣчаться другъ съ другомъ на жизненномъ пути.

Они далеко не романтическіе герои и даже не интересныя личности, въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова. Это просто два галичаннина, почти крестьяне, по своей одеждѣ и по своему образу жизни, простые люди по своимъ идеямъ, настроенію, образованію и требованіямъ, честные до глупости и добродушные до слабости простяки.

Оба они явились на свѣтъ въ маѣ, Панкратій — въ день, когда празднуютъ память этого святого, а Серватій — на слѣдующій день, посвященный памяти Серватія, вслѣдствіе чего ихъ обоимъ и осчастливили именами этихъ замѣчательныхъ мучениковъ.

Уже въ колыбели выказали они удивительнымъ образомъ свою взаимную любовь и свою обоюдную неудачливость. Каждый изъ нихъ развивался отлично безъ всякихъ невзгодъ; ихъ матери боялись постоянно только быть оглушенными, такъ хорошо росли дѣти. Но однажды мать Панкратія посѣтила мать Серватія. Обѣ женщины болтали, и притомъ съ самой похвальной горячностью о великихъ міровыхъ событіяхъ, насколько эти событія проникаютъ въ маленькіе господскіе дворы Галиціи, — онѣ болтали о новыхъ модахъ, подъ которыми подразумѣвались моды прошлаго и позапрошлаго года, объ интересныхъ книгахъ, уже совсѣмъ позабывшихся на западѣ Европы, и о мелкихъ хозяйственныхъ заботахъ. Чтобы удобнѣе переговорить обо всемъ этомъ, женщины положили маленькаго, бѣленькаго, какъ молоко, Панкратія въ люльку черномазаго Серватія, такъ что дѣти очутились рядомъ другъ съ другомъ. Дѣти, какъ по данному сигналу, въ одну и ту же минуту повернули одинъ къ другому головки, посмотрѣли другъ другу въ лицо и улыбнулись

ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Генераль Шанзи *), французскій посолъ при русскомъ дворѣ.

*) Біографическія свѣденія о ген. Шанзи сообщены въ „Писемъ изъ Парижа“ въ № 7 „Жив. Об.“

въ одно и то же время и привѣтливо, и застѣнчиво. Женщины продолжали болтать и качать колыбаль съ дѣтми ровно и въ тактъ, одна съ правой, другая съ лѣвой стороны, сидя одна противъ другой, и чѣмъ горячѣе становился разговоръ, тѣмъ сильнѣе и порывистѣе качалась люлька. Вдругъ изъ люльки вылетѣлъ Панкратій и, какъ бы по долгу службы, полетѣлъ за нимъ и Серватій, такъ быстро, точно онъ давно уже приготовился сдѣлать это и только ждалъ, когда ему покажетъ примѣръ старшій товарищъ. Матери вскрикнули, дѣти начали орать; каждая изъ женщинъ схватила своего ребенка, чтобы поскорѣй убѣдиться, что дитя не убилося и отдѣлалось только незначительными поврежденіями. Въ то время никто еще не подозрѣвалъ объ этомъ смѣшномъ событіи, постигшемъ дѣтей, а матери сочли его просто несчастною случайностью и скоро забыли о немъ.

Серватій и Панкратій росли и казались неразлучными; ихъ взаимная пѣжность доходила до удивительныхъ размѣровъ; никогда не было такого случая, чтобы одинъ взялъ у другого наильно игрушку или что-нибудь съѣстное; напротивъ того, они дѣлились всею и стремились играть только вмѣстѣ; но при этомъ, хотя никогда не было между ними зависти и никогда они не ссорились, ихъ невинныя бесѣды, все-таки, кончались шипками и синяками. У родителей Серватія были большіе шварцвальдскіе часы съ превосходной кукушкой. Едва началъ ребенокъ бѣгать, какъ эти часы обратили на себя его особенное вниманіе; каждый разъ, когда онъ оставался одинъ въ комнатѣ, онъ хватался за цѣпочку и смѣялся блаженнымъ смѣхомъ, видя, какъ выскакивала и начинала свою смѣшную пѣсню кукушка. Казалось, что птица разговаривала съ ребенкомъ, такъ, по крайней мѣрѣ, полагалъ самъ ребенокъ и каждый разъ давалъ ей отвѣтъ на своемъ дѣтскомъ языкѣ, достойномъ древнихъ римлянъ, по своему лапизму, похожемъ на голоса лѣса и лѣсныхъ обитателей по своему таинственному смыслу. Однажды при этомъ присутствовалъ Панкратій. Евреймясникъ купилъ въ домѣ телянка и долженъ былъ въ этотъ день увести его; такое событіе, конечно, заставило всѣхъ взрослыхъ собраться на дворѣ; вслѣдствіе этого дѣти остались въ комнатѣ одни съ большими часами. Серватій, съ чистѣйшимъ намѣреніемъ доставить удовольствіе своему пріятелю, съ серьезнѣйшимъ видомъ потянулъ за цѣпочку и когда кукушка выскочила и начала громко куковать, оба мальчика взглянули другъ на друга и начали громко и весело смѣяться. Тогда Панкратій потянулъ за цѣпочку, при помощи которой поднималась гири; Серватій послѣдовалъ его примѣру и они стали чередоваться, какъ бы желая дружески пособить другъ другу въ тяжелой работѣ. Оба они работали съ похвальнымъ рвеніемъ, такъ что темное лицо маленькаго Серватія, обрамленное черными волосами и смотрѣвшее двумя блестящими, черными глазами, также разгорѣлось, какъ и бѣленькое личико бѣлокурого и голубоглазаго Панкратія, сіявшее прелестнымъ румянцемъ. Наконецъ, гири была поднята до самаго верха и дальше подтянуть ее было невозможно, тогда друзья соединили вмѣстѣ свои силы и стали тянуть цѣпь разомъ, все сильнѣе и сильнѣе, какъ веревку церковнаго колокола, покуда не достигли счастливаго окончанія своего дѣла—паденія часовъ. Страшный стукъ возвѣстилъ о бѣдѣ. Обѣ матери въ испугѣ вбѣжали въ комнату и нашли дѣтей, лежащими на полу въ крови и въ слезахъ, прекрасные же часы были такъ попорчены, что бѣдная кукушка должна была замолчать надолго.

Панкратій получилъ въ день своего рожденія въ подарокъ деревянную, качающуюся лошадь. Онъ скакалъ на ней съ отвагою козака и ни-

когда съ нимъ не случалось никакого несчастія. Однажды къ нему явился Серватій; Панкратій вскочилъ на деревяннаго коня, чтобы выказать, его съ выгодной стороны передъ другомъ, а Серватій схватилъ стоявшій въ углу, большой бичъ, съ безкорыстнымъ намѣреніемъ поддать жару страшно размалеванной лошади сильными ударами. Панкратій скакалъ съ возрастающею отвагою, какъ вдругъ лошадь вмѣстѣ съ нимъ перекувырнулась впередъ и черезъ нѣсколько минутъ бѣдокъ поднялся, дрожа и плача, съ полу, съ огромной шишкой на лбу. Друзья смотрѣли испуганно другъ на друга, но ни одинъ не смѣлъ плакать; но когда Серватій увидалъ шишку на лбу товарища, его охватилъ такой неизъяснимый ужасъ, что онъ быстро залѣзъ подъ печку, тогда какъ Панкратій спрятался за пологъ кровати. Но происшествіе скоро вышло наружу и когда Серватій былъ вытащенъ изъ своего убѣжища, началась экзекуція розгою, красовавшейся обыкновенно въ видѣ украшенія семейнаго жилища за зеркаломъ и внушавшей дѣтямъ гораздо большее уваженіе, чѣмъ кривая сабля, которая висѣла на другой стѣнѣ и которою, въ былые времена, была отдѣлена отъ туловища не одна турецкая голова.

Когда Серватій и Панкратій стали посѣщать школу, они, какъ и слѣдовало ожидать, сидѣли на одной скамьѣ, плотно прижавшись другъ къ другу, какъ двѣ птички въ одномъ гнѣздѣ, и помогали одинъ другому, какъ только могли, своими небольшими и ограниченными, дѣтскими познаніями.

Традиціонная забава школьниковъ состояла въ одномъ и томъ же удовольствіи: проходя передъ классами или послѣ классовъ мимо шинка, арендуемаго евреемъ, они бросали въ еврея, если онъ имѣлъ неосторожность появляться въ это время на улицѣ, недозрѣлыми яблоками и сливами лѣткомъ и комками снѣга зимою, причемъ, добродушно Мошкѣ и въ голову не приходило бросить въ маленькихъ преслѣдователей тѣмъ же, и онъ постоянно только пускался въ бѣгство съ жалобными криками, которые были слышны такъ далеко, что можно было думать, что дѣло идетъ о кровавомъ нападеніи. Однажды Панкратій и Серватій, шагая вмѣстѣ изъ школы по глубокому снѣгу, увидели въ ста шагахъ отъ себя человека въ длинномъ, черномъ плащѣ и мѣховой шапкѣ на головѣ. Это былъ, конечно, никто иной, какъ еврей; у нихъ тотчасъ же промелькнула одна и та же мысль, нѣсколько снѣжныхъ комковъ было быстро сдѣлано и мальчики въ припрыжку побѣжали за несчастнымъ, начавъ свою усиленную бомбардировку. Если бы Панкратій былъ одинъ, то еврей такъ и остался бы евреемъ, тутъ же онъ вдругъ сдѣлался не евреемъ, а учителемъ закона божія. Въ ту минуту, когда Панкратій сблизъ съ него шапку, а Серватій насадилъ ему на спину бѣлый комъ, осаждаемый обернулся и оба ребенка съ ужасомъ увидѣли жирное, багровое отъ гнѣва лицо своего смиреннаго пастыря. Тщетно попробовали они перескочить черезъ изгородь, тщетно изорвали себѣ одежду,—они избѣжали только первой вспышки гнѣва почтеннаго пастыря, но тѣмъ не менѣе, на слѣдующій день совершилось нѣчто въ родѣ суда надъ еретиками и оба святотатца были торжественно заключены изъ училища. Родителямъ оставалось только одно: учить съ этихъ поръ дѣтей на дому, что требовало не малыхъ расходовъ, и возить ихъ въ окружный городъ на экзаменъ.

Оба мальчика отличались передовыми взглядами и не были заражены тѣми предрасудками, которыя на Западѣ приписываются главнымъ образомъ буржуазіи, а на Востокѣ—дворянству. Они отличались очень здравыми коммунистическими воззрѣніями и брали въ прекрасные лѣтніе дни разные плоды и овощи всюду, гдѣ они

были вырощены щедротами Господа Бога. Они никогда еще не были пойманы, такъ какъ они совершали эти набѣги или по одиночкѣ, или въ обществѣ другихъ мальчиковъ. Но въ одинъ несчастный день они сговорились совершить большой грабительскій походъ на сады окружного управляющаго въ Слатинѣ, такъ какъ въ этихъ садахъ были даже перенки и виноградъ, никогда еще не попадавшіе въ ротъ двумъ неразлучнымъ товарищамъ. Во время вечернихъ сумерковъ перелѣзли они счастливо черезъ заборъ, пробрались незамѣченными въ высокой травѣ до перенковыхъ деревьевъ и полѣзли на нихъ. Каждый изъ нихъ сорвалъ уже по перенку, какъ вдругъ сучокъ, на которомъ сидѣлъ Панкратій, треснулъ такъ громко, какъ будто пистолетный выстрѣлъ прокатился по саду, и несчастный мальчуганъ полетѣлъ на землю. Серватій, предчувствуя бѣду, хотѣлъ спуститься съ дерева, но зацѣпился за сучекъ, потерявъ равновѣсіе и повисъ въ воздухѣ, какъ вифлеемскій ангелъ надъ яслями. Вотъ прибѣжали и собаки, а за ними появились и сторожа сада, предводитель которыхъ поднялъ съ земли сіяшаго всею цвѣтами радуги Панкратія, снялъ съ дерева, висѣвшаго въ воздухѣ Серватія и взялъ обоихъ преступниковъ за уши. И что это за руки дали ему небесныя силы въ распоряженіе,—чистыя медвѣжьи лапы! Къ счастію, одинъ изъ присутствующихъ призналъ въ обоихъ мальчикахъ сыновей землевладельцевъ и они были отпущены съ нѣсколькими, не особенно лестными названіями и только послѣ, когда ихъ родителямъ пришлось заплатить денежныя штрафы, ихъ хохлы попали въ родительскія руки и тѣ же руки вздули ихъ спины. Панкратій втеченіи цѣлой недѣли чуть не каждаго четверть часа хватался за свое правое ухо, а Серватій такъ же пугливо ощупывалъ свое лѣвое ухо, такъ какъ у обоихъ было одно и тоже прямое ощущеніе: имъ казалось, что у нихъ оторваны уши.

Въ обществѣ мальчиковъ и дѣвочекъ, во время игры въ фанты, дѣти любили называть Панкратія «испанскимъ королемъ»; понятно, что это у Серватія обратилось въ страсть. Шутка всегда достигала назначенія и проходила безъ всякихъ непріятныхъ приключеній. Впрочемъ, что же дурного могло произойти отъ такого невиннаго и неопаснаго обстоятельства? Въ домѣ одного изъ сосѣдей, между прочимъ, капризный случай заставилъ при разборѣ фантовъ двухъ маленькихъ друзей разыграть вмѣстѣ шутливую сцену. По серединѣ комнаты отвели для нихъ свободное мѣсто и каждый изъ нихъ всталъ со свѣчею въ рукѣ на противоположномъ концѣ. Помня главное условіе игры: не смѣяться ни въ какомъ случаѣ, оба состроили ужасно серьезныя фізіономіи и пошли другъ къ другу большими, торжественными шагами; когда они, наконецъ, сошлись, Панкратій началъ съ театральнымъ пафосомъ:

— Испанскій король умеръ!

— Если умеръ, то помини его Господи! отвѣтилъ Серватій, съ такимъ же серьезнымъ видомъ, но въ ту минуту, когда они должны были одинъ у другого потушить свѣчи, на обоихъ напала смѣшливость. Тщетно они кусали себѣ губы и отворачивались, смѣшливость взяла свое и они разразились хохотомъ, при чемъ свѣча Панкратія ткнулась въ черные волосы Серватія, а свѣча послѣдняго подошла бѣлокурые волосы Панкратія. Въ одно мгновеніе обѣ головы охватило огнемъ и только присутствіе духа одной, болѣе взрослой дѣвочки, бросившей на ихъ головы одѣяло, помогло потушить огонь, прежде чѣмъ оба неудачника получили серьезные обжоги.

Каждая изъ обѣихъ матерей приписывала вину этого трагическаго происшествія не своему ребенку, каждая защищала свое дитя съ такою горячностью, что обѣ дамы окончательно разо-

рились и Серватій не смѣлъ болѣе играть съ Панкратіемъ. Тогда все естественнымъ образомъ пошло отлично и года два пролетѣли въ безмятежномъ счастьи.

Быль канунъ «Богоявленія» или праздника «Трехъ царей». Панкратій, съ двумя другими мальчиками задумалъ нарядиться и обойти барекіе дома и деревушки по сосѣдству, распѣвая старыя, наивныя священные пѣсни и подшучивая надъ сосѣдями. Необходимая одежда была сдѣлана, большая раззолоченная звѣзда была изготовлена безъ особенныхъ затрудненій, родители охотно дали свое согласіе, значить все предвѣщало только радости и удовольствія. Панкратій долженъ былъ изображать царя негровъ. Естественно, что Серватій долженъ былъ тоже придти къ этой мысли. И онъ вырядился съ двумя другими мальчиками и рѣшился разыграть роль царя негровъ. Три святые царя, къ которымъ принадлежалъ Панкратій, назначили свиданіе въ шинкѣ села Брештока. Разумѣется, и Серватій не могъ придти ни къ какой иной мысли, кромѣ назначенія своимъ товарищамъ свиданія въ Брештоке, и именно въ шинкѣ.

Случилось такъ, что они, конечно, выбрали одинъ и тотъ же часъ для путешествія, что Панкратій, съ трудомъ пробравшись по глубокому снѣгу и дотавившись до шинка, при неясномъ освѣщеніи зимняго звѣзднаго неба натолкнулся на Серватія. Оба они позабыли, что каждый изъ нихъ былъ черенъ, и испустили одновременно пронзительные крики, пустившись въ бѣгство, при чемъ Панкратій бросился въ уличную канаву, а Серватій свалился на кучу, покрытую снѣгомъ. На ихъ крики о помощи явились ихъ товарищи, съ коронами изъ золотой бумаги на головахъ, со скипетрами и звѣздами въ рукахъ, и вмѣстѣ съ ними явился и шинкаръ, чтобы вытащить обоихъ неудачниковъ изъ снѣга.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Бѣшеный Роландъ. Въ прошломъ году, въ нашемъ журналѣ было помѣщено не малое число рисунковъ Густава Дорѣ, этого гениальнаго иллюстратора великихъ произведеній; въ нынѣшнемъ году мы надѣемся тоже помѣстить нѣсколько образцовъ его новѣйшихъ иллюстрацій и на первый разъ беремъ его картину фантастическаго боя изъ поэмы Аріосто «Бѣшеный Роландъ». Эта поэма, отличающаяся замѣчательною фантазіей, необыкновенной живостью, чисто итальянскою страстностью, состоитъ собственно изъ трехъ различныхъ сюжетовъ: изъ войны Карла Великаго съ сарацинами, изъ сумасшествія Роланда и изъ любви Рожера и Брадаманты. Чтобы иллюстрировать подобную поэму, художнику нужно быть самому вдохновеннымъ поэтомъ, съ неисчерпаемымъ запасомъ самаго смѣлаго воображенія. Такимъ иллюстраторомъ явился здѣсь Г. Дорѣ, о чемъ наши читатели могутъ уже судить по одному прилагаемому образцу иллюстрацій къ «Бѣшеному Роланду». Какое нужно имѣть воображеніе, чтобы создать образъ этой бѣшеной фантастической битвы, гдѣ люди и лошади, друзья и враги, все смѣшалось въ какую-то кипящую кучу обезумѣвшихъ созданий, стремящихся только истребить другъ друга.

Хадиша и Маленькіе рыболовы. Двѣ испанскія гравюры, помѣщаемыя въ настоящемъ номерѣ, переносятъ насъ въ благодатныя южныя края, на берега Средиземнаго моря. Хадиша — это одинъ изъ женскихъ типовъ, занесенный художникомъ Пеллисе, во время пребыванія послѣдняго въ Танжерѣ (Тандша, на языкѣ тузем-

цевъ), въ прибрежномъ городѣ марокканскаго государства. Типичное лицо этой дѣвушки, отдыхающей стоя у стѣны съ руками, заложенными на голову, съ которой только что снятъ кувшинъ съ водою, характерная одежда этой дѣвушки, оригинальная отдѣлка пола и стѣны, форма и узоры кувшина, все это списано художникомъ съ натуры и можетъ перенести насъ на минуту въ незнакомый намъ край, въ новую обстановку. Картина Ж. Морера — сцена на островѣ Капри, на одной изъ его голыхъ скалъ, куда забрались дѣти ловить рыбу; должно быть, дѣло происходитъ въ одинъ изъ знойныхъ дней, потому что рыболовъ безцеремонно раздѣтъ до-нага.

Раскопки въ Римѣ. Изъ оригинальныхъ русскихъ произведеній, въ настоящемъ номерѣ мы помѣщаемъ картину г. Ковалевскаго, обратившую на себя всеобщее вниманіе на прошлогодней выставкѣ. Это произведеніе по истинѣ замѣчательно по техникѣ, по вѣрности колорита, по мелкимъ подробностямъ; здѣсь всѣ фигуры живыя, характерныя; эту картину, по ея содержанію, можно назвать бытовой сценой, этнографическимъ очеркомъ. Мы очень рады, что намъ удалось воспроизвести эту картину въ отличномъ исполненной гравюрѣ. Гравированіе — это слабая сторона всѣхъ русскихъ иллюстрированныхъ изданій и, кажется, мы еще не скоро дождемся лучшаго положенія дѣла въ этомъ отношеніи. Въ Россіи покуда никакъ нельзя поручиться впередъ, что та или другая картина не будетъ испорчена въ гравюрѣ. Вслѣдствіе этого, невольно обращаешь вниманіе на рѣдкіе удачные образцы гравировальнаго искусства, появляющіеся отъ времени до времени въ русскихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ.

Новости наукъ и жизни.

— **Азартная игра.** Г. управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, по спомненію съ главнымъ начальникомъ 3-го отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, призналъ необходимымъ воспретить во всѣхъ столичныхъ общественныхъ собраніяхъ игру «баккара», какъ имѣющую всѣ свойства игры азартной.

— **Новая картина.** Римская газета «Diritto», отъ 23-го февраля, сообщаетъ, что извѣстный художникъ Семпрадскій, авторъ «Свѣточей Нерона», окончилъ картину, названіе которой «Пляска между шагами». Эта работа талантливаго художника выставлена, для осмотра публики, въ его римской мастерской, находящейся на via Margutta, 5.

— **Смертный приговоръ.** 20-го февраля, въ одесскомъ военно-окружномъ судѣ, разсматривалось дѣло о рядовомъ Семенѣ Шишовѣ, обвинявшемся въ убійствѣ для ограбленія. Лѣтомъ прошлаго года, подъ кучею камней, близъ Дюковского сада, найденъ былъ убитымъ солдатъ; въ совершеніи этого преступленія былъ изобличенъ рядовой Семенъ Шишовъ, который, вышедши съ покойнымъ изъ лазарета, чтобы «выпить» и увидѣвъ у него нѣсколько десятковъ рублей, нанесъ ему смертельные раны камнемъ въ голову, послѣ чего ограбилъ бывшаго при немъ деньги. Судъ призналъ Шишова виновнымъ въ убійствѣ для ограбленія и приговорилъ его къ смертной казни черезъ разстрѣліаніе.

— **Истязаніе ребенка.** «Рус. Вѣд.» пишутъ изъ Кирсанова: «Недавно, среди ночной тишины, проходящій по улицѣ мѣщанинъ былъ остановленъ болѣзненными дѣтскими стопами, выходившими изъ запертаго холоднаго помѣщенія, примыкающаго къ дому, гдѣ живетъ семейство З. Разломавъ нетолстыя стѣны чулана, онъ былъ пораженъ ужаснымъ зрѣлищемъ; его глазамъ представила 5-ти-лѣтняя малютка, вся пораненая, обнаженная, облитая водой и въ такомъ видѣ обреченная дѣйствію мороза. Мѣщанинъ взялъ дѣвочку къ себѣ, отогрѣлъ и тутъ изъ ея рассказовъ узналъ возмутительные факты, среди которыхъ текла полная слезъ и страданій жизнь ребенка. По ея словамъ, ее содержали вмѣстѣ съ собаками.

ми. Въ обществѣ этихъ, прославившихся своею вѣрностью, четвероногихъ друзей проходили ея дни и ночи, такъ какъ здѣсь же на соломѣ она и спала, согрѣваемая скученностью постоянныхъ товарищей своего дѣтства; съ ними же дѣлила она и приносимую имъ пищу: глодала кости, хлеба изъ одного котелка. Кромѣ того, ее били всегда и чѣмъ почало: «панаша» — шпорами, колоть ножемъ, жегъ на свѣчѣ ея пальцы. Но каково было обращеніе съ нею ея матери — можно судить изъ того, что дѣвочка передаетъ: «папа, говоритъ, добрый, папа только пальчики жегъ мнѣ, а, вотъ, мама...» и рыданія ребенка прерываютъ ея рассказы и нить незлобивыхъ воспоминаній малютки. Дѣло это уже поступило въ вѣдѣніе судебной власти, и, быть можетъ, выяснятся мотивы этого звѣрства, которые теперь въ высшей степени гадательны. Подкладка преступленія, говорятъ, романтическая».

— **Живая мученица.** Газетѣ «Новости» пишутъ изъ Мышкина: «Во вторникъ, 13-го февраля, въ здѣшнюю земскую больницу доставлена чрезвычайно интересная пациентка, извѣстная въ народѣ подъ названіемъ «живой мученицы». Это дѣвица В., которая втеченіи шести лѣтъ просидѣла на привязи, въ страшномъ заточеніи, въ хлѣбѣ или овчарникѣ, вмѣстѣ со скотиной. Вотъ исторія этого по истинѣ варварскаго факта. 8 лѣтъ тому назадъ, дѣвица В., живя въ домѣ своего родителя, сблизилась съ однимъ изъ причетниковъ сосѣдняго села, С.... и забеременѣла. Замѣтивъ это позорное обстоятельство, отецъ подвергъ ее жестокому истязаніямъ и, засадивъ ее въ хлѣбъ, продолжалъ ее тамъ довольно продолжительное время. Затѣмъ отецъ умеръ, и дѣвушка, освободившись изъ заточенія и разрѣшившись отъ бремени, не прекращала своей связи съ причетникомъ. Прошло нѣкоторое время, и дѣвушка во второй и третій разъ разрѣшилась отъ бремени. Въ послѣдній разъ братья и мачиха ея рѣшились раздѣлаться съ нею по примѣру ея покойнаго отца, но съ еще болѣею жестокостью. Несчастную приковали желѣзною цѣпью въ одномъ изъ угловъ хлѣва, предварительно снявъ съ нея все верхнее платье и обувь и оставивъ на ней только набойчатый сарафанъ и холстинную рубашку. Уголъ-же, въ который ее засадили, огородили доскою такимъ образомъ, что все мѣсто заточенія представляло небольшое стойло, шириною не болѣе одного аршина. Не выпуская несчастную ни на одну минуту изъ этого страшнаго заточенія, ея человѣколюбивые опекуны не забывали, однако, о ея желудкѣ и ежедневно бросали ей, какъ цѣпной собакѣ, маленькіе кусочки хлѣба, овощи и сырой картофель. Первоначально, какъ рассказывали сосѣди, несчастная мученица долго неистовствовала: кричала, плакала, рвала на себѣ волосы и т. д. Но потомъ, лишившись разсудка и выбившись изъ силъ, она примирѣлась. Находясь-же въ этомъ положеніи, она какъ-бы свыклась съ своимъ заточеніемъ и не покидала своего угла, даже тогда, когда желѣзная цѣпь была снята съ нея. Въ настоящее время, несчастная находится въ земской больницѣ, подъ покровительствомъ здѣшняго предводителя дворянства г. Опочинина и подъ особымъ наблюденіемъ врача г. Шверина. Палата, въ которой находится больная, открыта во всякое время, какъ для любопытныхъ, такъ и для жертвователей. Какъ первыхъ, такъ и вторыхъ у нея бываетъ много. Отъ роду несчастная имѣетъ 27 лѣтъ, но по росту она кажется десятилѣтнимъ ребенкомъ. Сквозь сине-желтоватаго цвѣта кожу просвѣчивается одинъ остовъ костей. Тоненькія ноги ея, отъ постоянного сидѣнія на корточкахъ, не разгибаются, такъ что верхняя часть ляжки и колѣна, отъ самаго туловища, какъ будто приросли къ животу и нижней части груди; берцовыя кости съ пятками также, какъ будто, приросли къ заднему проходу. Варварство это, благодаря счастливой случайности, открыто мѣстнымъ предводителемъ дворянства, г. Опочининымъ, въ то время, когда онъ развѣзжалъ по уѣзду. Дѣти несчастной, какъ говорятъ, отправлены въ воспитательный домъ; но этотъ слухъ едва-ли вѣренъ. Обо всемъ случившемся составленъ протоколъ, и началось слѣдствіе».

— **Еще о сожженной колдунѣ.** Вот подробности этого факта, краткое извѣстіе о котором сообщено въ 8 № «Жив. Об.» Въ деревнѣ Врачевѣ, деревской волости, тихвинскаго уѣзда, крестьяне сожгли вдову Аграфену Игнатьеву, въ ея избѣ, по подозрѣнію въ колдовствѣ. Въ этой мѣстности, гдѣ находится дер. Врачева, съ давняго времени составилось между крестьянами убѣжденіе, что проживающая въ означенной деревнѣ солдатская вдова Аграфена Игнатьева — колдунья и ворожея, чего, впрочемъ, и сама Игнатьева не отвергала, а напротивъ, поддерживала эту мысль между народомъ, вѣроятно, въ тѣхъ видахъ, чтобы жить на чужой счетъ. При такомъ убѣжденіи мѣстныхъ жителей, каждый изъ нихъ старался съ полною готовностію не только исполнять, но и предупреждать ея малѣйшія просьбы. Такимъ образомъ, Игнатьева, не имѣя средствъ къ жизни, выпрашивала въ околѣдѣ, для дневного пропитанія, съѣстные припасы и все необходимое въ крестьянскомъ быту, и никто ни въ чемъ ей не отказывалъ, изъ опасенія, чтобы она не внесла въ домъ порчу. Что «порча» существовала — крестьяне сдѣлали заключеніе изъ тѣхъ фактовъ, которые были у нихъ на глазахъ: въ той мѣстности, гдѣ жила Аграфена Игнатьева, вслѣдствіе-ли мѣстныхъ условій, или какихъ-либо другихъ причинъ, было много больныхъ, повидимому, одержимыхъ падучею болѣзнію. Убѣжденіе-же, что больныхъ портила Игнатьева, сложилось изъ того, что во время пароксизма больные, вмѣстѣ съ другимъ бредомъ, выкликаютъ ея имя. Такъ, отецъ одной крестьянки изъ дер. Порога рассказывалъ, что дочь его, будто-бы, во время пароксизма выликала крестьянъ дер. Врачева, Кончина и Сдорового, крича, чтобы они «забили Грушку въ срубъ и сожгли за то, что она ее испортила» (Кончинъ и Сдоровый участники въ сожженіи Игнатьевой). Такіе случаи и укрѣпили въ народѣ убѣжденіе, что Игнатьева дѣйствительно колдунья, за что ее и сожгли 4-го сего февраля. Рѣшеніе объ этомъ состоялось на сходѣ, который былъ созванъ въ деревнѣ Врачевѣ для раздѣла имущества четырехъ братьевъ-крестьянъ. На сходѣ находились сельскій староста березниковскаго общества и двадцать человѣкъ крестьянъ. Послѣ раздѣла, крестьяне, сговорившись между собою, пошли, по ихъ выраженію, «печатать Грушку», забравъ съ собою гвозди. Подойдя къ избушкѣ, гдѣ жила Аграфена Игнатьева, они нашли сѣни запертыми, и дверь сломали; четверо изъ крестьянъ вошли въ кладовую для поиска «зелія и заговоровъ», а шестеро вошли въ самую избушку; послѣ переговоровъ съ Игнатьевой, одинъ изъ крестьянъ взялъ доску, которой накрывается обѣденный столъ, и затѣмъ всѣ отправились «печатать» домъ. Съ этою цѣлю входную дверь въ избу заложили коломъ и заколотили принесенными съ собою гвоздями; потомъ, выйдя на улицу, принесенную со стола доску приколотили гвоздями къ большому окну, а на два маленькія окна приколотили тоже гвоздями полѣнья дровъ, такъ что выходъ Игнатьевой совершенно былъ прекращенъ. Послѣ этого, около 5 часовъ пополудни, въ сѣняхъ были зажжены пучки соломы и вѣники, и изба сожжена до основанія, подъ наблюденіемъ цѣлой толпы народа, до двухсотъ человѣкъ, собравшихся на это зрѣлище изъ дер. Врачева и окрестныхъ 4 или 5 небольшихъ деревень, расположенныхъ не далѣе одной версты. Толпа эта стерегла также, чтобы Игнатьева не выскочила изъ избы. Сожженная изба была небольшая (2 и 3 сажени), стояла на открытомъ мѣстѣ, на задворкахъ, отдѣльно отъ другихъ строеній; кромѣ бани, расположенной въ 5 саженьяхъ отъ избы, другихъ построекъ ближе 10 сажень не было, а потому, кромѣ избы Игнатьевой, другихъ строеній не сгорѣло.

— **Молоко какъ оживляющее средство.** По словамъ англійскаго Freeman's Journal, въ одномъ дубинскомъ госпиталѣ недавно произведена была операція, въ первый разъ совершенная въ Англии. Она состояла въ томъ, что въ кровь пациента, умира-

вшаго отъ истощенія, было вприсунуто молоко. Операція удалась какъ нельзя лучше. Больной, очевидно, лежавшій при послѣднемъ издыханіи, выздоровѣлъ послѣ операціи. Въ кровь его было введено около полшотфа только что надоеннаго парного молока.

— **Новые вагоны.** Англійскій журналъ «Railway and Tramway Record» сообщаетъ, что компанія «Universal Tram-Car Company», занимающаяся постройкою локомотивовъ и вагоновъ, купила патентъ г. Арзеу и теперь строитъ вагоны, которые будутъ приводиться въ движеніе, въ замѣнъ лошадиной силы, патентованною машиною г. Арзеу. Эта машина занимаетъ очень мало мѣста на входной платформѣ и топится углемъ, недающимъ дыма. Въ вагонѣ восемь колесъ и каждыя четыре колеса имѣютъ центральный штырь, на которомъ сидитъ основаніе вагона. Такое устройство даетъ колесамъ возможность измѣнять свое положеніе относительно долевой оси вагона или, другими словами, даетъ вагону возможность, несмотря на его большую длину, дѣлать крутые повороты.

— **Взрывъ.** 7-го февраля въ селѣ Вчерайшемъ, бердичевскаго уѣзда, случилось страшное происшествіе. Въ мѣстномъ винокуренномъ заводѣ загорѣлась сажа; рабочіе, желая прекратить начавшійся пожаръ, начали лить воду въ печку подъ паровикомъ. Послѣдовалъ страшный взрывъ, стѣны завода и все въ немъ находившееся разлетано; восемь человѣкъ убиты, четверо опасно ранены и обварены. При этомъ чудомъ какимъ-то спаслись: помощникъ окружнаго надзирателя, г. Бардашевскій, прибывшій для ревизіи завода и находившійся въ комнатѣ при заводѣ, и жена управляющаго съ ребенкомъ. Послѣднюю выбросило изъ второго этажа, безъ всякаго вреда; ребенокъ только немного обваренъ. Контрольный снарядъ также остался цѣль и невредимъ.

— **Удобный способъ починки платьевъ.** Изорванные платья начинаютъ въ настоящее время чинить гутаперчею такъ искусно, что отъ прорѣхи не остается видимаго слѣда. Для этого нужно какъ можно аккуратно сложить край изорванной части на доску гутаперчи, продвинутой между верхомъ и подкладкой и провести по этому мѣсту горячимъ утюгомъ. Этотъ способъ особенно удаченъ на шерстяныхъ тканяхъ, тогда какъ на бумажныхъ и т. д. всего лучше англійскій пластырь. Не слѣдуетъ только слишкомъ смачивать приложенный кусокъ пластыря. Во всякомъ случаѣ такой способъ рациональнѣе зашиванья и штопанья.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Стихотв. Владиміра Юрєва. — Мужъ и жена (продолж.). — Козлы отлученія (продолж.). — Изобрѣтенія и открытія. — Сожженіе тѣлъ умершихъ. — Электрическое освѣщеніе. — Бомарше. — Нѣсколько словъ о личности Эрнста Геккеля. — Иза (продолж.). — Норвежскія саги о чумѣ. — Серватій и Панкратій. — Къ рисункамъ. — Новости наукъ и жизни. — Объявленія. Гравюры: Раскопки въ Римѣ. — Хадиса. — Рыбаки на Капри. — Бѣшеный Роландъ. — Эрнстъ Геккель. — Генераль Шанзи.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 8-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту февраля 25-го въ 7 часовъ 15 минутъ утра, на иногородную почту февраля 25 въ 1 часъ 10 минутъ пополудни.

ОТЪ РЕДАКЦИИ. Премія — гравюра Мадонна, копія съ картины Мурильо, получена въ Редакціи и будетъ раздаваться

въ Петербургѣ при 10 № «Жив. Об.» всѣмъ гг. подписчикамъ, уплатившимъ полную годовую подписную сумму. Гг. подписчики, подписавшіеся съ разсрочкой, получаютъ эту премію только по уплатѣ ими полной годовой подписной суммы. Гг. иногороднымъ подписчикамъ премія эта, вмѣстѣ съ другими двумя преміями — олеографическими картинами, разсылается такъ: при 10 № «Жив. Об.» преміи будутъ разосланы по трактатамъ: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14 и 15. По остальнымъ же трактатамъ при слѣдующихъ нумерахъ «Жив. Об.», о чемъ будетъ объявляться каждый разъ особо. Этотъ порядокъ принять въ виду физической невозможности сдать разомъ, въ одну отправку, преміи (посылаемые въ папковой трубкѣ) на всѣ тракты. Число трактовъ, по которымъ отправляются въ одинъ разъ наши преміи, соображается съ числомъ гг. подписчиковъ, получающихъ журналъ по этимъ трактатамъ; такимъ образомъ, въ одну отправку можетъ быть послано по 15 трактатамъ, въ другую только по 4. На адресѣ, по которому гг. подписчики получаютъ журналъ, обозначенъ трактъ, слѣдовательно, каждый изъ нихъ, взглянувъ на адресъ, будетъ знать, когда именно посланы ему преміи.

Издатель-Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

Объявленія.

МАРШЪ РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ. ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

Оригинальное сочиненіе ФЛОРИАНА ГЕРМАНА (8 страницъ). Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 руб. 50 коп. Это музыкальное сочиненіе можно получать какъ въ конторѣ журнала «Живописное Обозрѣніе», такъ равно и въ музыкальных магазинахъ Бернара, Бесселя, Юргенсона и др., въ С.-Петербургѣ.

Еженедѣльное «Новое Время» Еженедѣльное «Новое Время»

еженедѣльный литературно-научный журналъ, изданіе А. С. Суворина. Цѣна 4 р. за годъ и 2 р. за полгода для всѣхъ; для подписчиковъ ежедневнаго «Новаго Времени» 3 р. за годъ и 1 р. за третью года, съ перес. и дост.

Еженедѣльное «Новое Время»

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ литературно-научный журналъ, издаваемый А. С. Суворинымъ; съ марта настоящаго года по январь будущаго выйдетъ 52 номера, каждый въ два печатныхъ листа, равняющихся по объему почти четыремъ листамъ еженедѣльных журналовъ, въ форматѣ «Вѣстника Европы», въ два столбца. Въ журналѣ будутъ помѣщаться романы, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія, мемуары, историческіе очерки и рассказы, біографіи, путешествія, научныя статьи, замѣчательныя иностранныя процессы и проч. Подписчики адресуются въ С.-Петербургъ, въ книжный магазинъ «Новаго Времени», Невскій, № 60: для подписчиковъ **ЕЖЕДНЕВНАГО «НОВАГО ВРЕМЕНИ»** три рубля въ годъ, **ОДИНЪ** рубль за третью года, **ДВА** рубля за двѣ трети; для неподписчиковъ **ЧЕТЫРЕ** рубля въ годъ и **ДВА** рубля за полгода, съ перес. и дост. На другіе сроки подписка не принимается.

Съ первыхъ номеровъ мы начнемъ печатать **ЦАРЬ И ГЕТМАНЪ** (Петръ и Мазепа), историческій романъ въ 2 част. Д. Л. Мордовцева; **НАКАЗАНІЕ**, романъ Э. Зола; **БѢЖЕНКА**, рассказъ В. И. Немировича-Данченко; **ЖЕНСКІЕ ОБРАЗЫ** и **ТѢНИ**, рядъ рассказовъ Отжившаго; **НОВЫЕ РАССКАЗЫ** И. Ф. Горбунова; **КУПЕЧЕСКАЯ КАРЬЕРА**, рассказъ К. Максимова; **ПО БОСНИИ**, очерки П. Ровинскаго; **ГАЛЛЮЦИНАТЪ**, рассказъ Бѣжецаго; **КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЖСКАЯ** и **КНЯЗЬ РЕПНИНЪ** (изъ записокъ герцога Лозена); **ИСТОРИЯ** и **ФАНТАЗІЯ**, рядъ рассказовъ Н. К. Случевского и проч. и проч.

Лилии.

Баллада Адама Мицкевича. Пер. Омелевскаго.

Неслышанное дѣло:
Убила пани пана;
Убивъ его, зарыла
Подъ рощей, гдѣ поляна,
И лиліей сверхъ тѣла
Засѣявъ землю, пѣла:
«Рости, цвѣтокъ, высоко,
Какъ панъ лежитъ глубоко;
Какъ панъ лежитъ глубоко,
Такъ ты рости высоко».

Потомъ, не смывши крови,
Разбойница стрѣлою
Бѣжать пустилась лугомъ,
Оврагами, горою.
Дуль вѣтеръ и на землю
Спускался мракъ все гуще,
То каркала ворона,
То филинъ гукалъ въ пущѣ.

Она ручья достигла,
Гдѣ росъ столѣтній букъ
И жилъ отшельникъ въ хатѣ:
Стукъ-стукъ, стукъ-стукъ.

«Кто тамъ?» — запоръ подался,
Глядитъ ей старецъ въ очи;
Она вбѣгаетъ съ крикомъ,
Какъ привидѣнье ночи.
Уста убійцы сини
И взоръ недвижно тупъ,
Сама блѣднѣе смерти:
«А! мужъ — онъ трупъ!»

«Какими ты судьбами,
Жена, Господь съ тобою?
Что дѣлаешь въ лѣсу ты
Одна ночью порою?»

— «Вонъ тамъ, гдѣ прудъ, за лѣсомъ,
Нашъ замокъ видѣнъ справа;
Мой мужъ пошелъ на Кіевъ
Съ войсками Болеслава.
Уходитъ годъ за годомъ —
Не шлетъ женѣ онъ вѣсти,
А кровь во мнѣ кипѣла...
Скользка дорога чести!
Бѣда мнѣ! измѣнила
Я мужу и святымъ:
Король суровъ къ измѣнѣ...
Мужья вернулись нынѣ...

«А! мужъ вдовѣ не страшенъ!
Вотъ ножъ! вотъ крови слѣды!
Покаялась тебѣ я:
Его ужъ нѣтъ, ужъ нѣтъ!
Твое святое мѣстечко
Хочу я знать: что дѣлать,
Чтобъ вымолить прощенье?
Хоть въ адъ пойду, готова
На всякое мученье,
Лишь скрыть бы мнѣ отъ міра
На вѣки преступленье».

«Жена! промолвилъ старецъ, —
Тебя не злое дѣло
Страшитъ, а только кара?
Иди же въ замокъ смѣло
И знай, что тайной вѣчной
Покрѣпъ твой грѣхъ сердечный.
Таковъ ужъ Промыслъ Божій,
Что мужъ одинъ лишь въ силѣ
Жены измѣну выдать, —
А мужъ твой спать въ могилѣ».

Обрадовалась пани,
Бѣжать пустилась снова, —
Въ потьмахъ достигла дому,
Ни съ кѣмъ не молвя слова.
Стоять у замка дѣти,
Кричатъ они: «Мамаша!
А гдѣ же дѣлся пана?»
— «Покойникъ? вашъ панаша?»...
Она молчитъ и жметъся:
«Онъ тамъ, гдѣ роща наша,
Онъ вечеромъ вернется».

Весь вечеръ ждали дѣти,
Потомъ другой и третій;

Недѣлю ждали, ныли —
И, наконецъ, забыли.

А ей забыться трудно,
Нельзя прогнать кручину:
Всегда на сердцѣ тяжесть,
Улыбки нѣтъ помину,
Не знаютъ сна зеницы!
Ночной порою часто
То въ дверь стучится кто-то,
То ходитъ вдоль свѣтлицы.
«О, дѣти! слышно гдѣ-то:
«Отецъ вашъ — я, вѣдь, это!»

Минула ночь, не спится,
Нельзя прогнать кручину:
Всегда на сердцѣ тяжесть,
Улыбки нѣтъ помину!
«Бѣги скорѣе, Ганка,
Узнай ты, ради Бога,
Не къ намъ ли ѣдутъ гости?
Столбомъ пылитъ дорога
И топотъ все слышнѣе, —
Бѣги, узнай скорѣе».

«Да, ѣдутъ, ѣдутъ къ замку,
Отъ пыли небу жарко,
Ржутъ кони вороные,
Блещутъ сабли ярко.
Да, ѣдутъ, ѣдутъ гости —
Покойника родные!»

«А! здравствуй! здравствуй снова,
Невѣстка! все-ль здорова?
Гдѣ братъ?» — «Его ужъ нѣтъ,
Покинулъ онъ нашъ свѣтъ!»
— «Когда?» — «Вотъ годъ ужъ минулъ!
Онъ умеръ... въ битвѣ сгинулъ».
— «Не вѣрь ты въ сказку эту,
Войны ужъ больше нѣту;
Своими ты глазами
Его увидишь съ нами».

А пани, какъ стояла,
Такъ тутъ же и упала, —
Сталъ взоръ недвижно тупъ,
Забилъ грудь тревогу:
«Гдѣ онъ? гдѣ мужъ? гдѣ трупъ?»
Очнулась понемногу
И будто въ упоеньи
Спросила черезъ силу:
«Когда же онъ вернется,
Мой ненаглядный, милый?»

«Мы ѣхали все вмѣстѣ,
Но братъ умчался вскорѣ:
Хотѣлъ дружину встрѣтить,
Тебя утѣшить въ горѣ;
Онъ завтра-жъ будетъ съ нами.
Должно быть, онъ дорогой
Съ пути прямого сбился.
Пообождемъ немного,
Пошлемъ людей верхами, —
Онъ завтра-жъ будетъ съ нами!»

Послали слугъ и точно,
Ждутъ день, другой нарочно;
Но такъ какъ тиетно ждали —
Рѣшились ѣхать далѣй.

Невѣстка встрепелась,
«Родные!» молвить живо:
«Осенній путь не сладокъ —
И вѣтеръ, и дождливо;
Вы брата ждали больше,
Такъ ждите ужъ и дольше».

И ждутъ. Зима минула,
Но брата не вернула.
Все ждутъ; толкуютъ: можетъ,
Вернется онъ весною?
А братъ лежитъ въ могилѣ,
И надъ могилой тою
Цвѣты растутъ высоко,
Какъ онъ лежитъ глубоко.
Всю весну братья ждали —
И ужъ не ѣдутъ далѣй.

Имъ любо промедленье:
Хозяйка — заглядѣнье;
Сберутся будто ѣхать,
А сами ждутъ возврата, —

Прождали такъ до лѣта
И позабыли брата.

Имъ любо промедленье:
Хозяйка — заглядѣнье:
Какъ оба загостились,
Такъ оба и влюбились.
Надежда у обоихъ,
И кровь играетъ въ жилахъ,
Не могутъ жить съ ней оба,
А безъ нея — не въ силахъ.
И вотъ они, по чести,
Идутъ къ ней оба вмѣстѣ.

— «Невѣстка! не прими ты
Въ обиду нашей рѣчи:
Сидимъ мы здѣсь напрасно —
Не будетъ съ братомъ встрѣчи.
Теперь ты въ полномъ цвѣтѣ,
А молодость на свѣтѣ
Прожидать безъ возврата:
Возьми за брата брата».

Сказали это братья —
И смотрять такъ сурово;
То тотъ, то этотъ гнѣвно
Свое промолвилъ слово;
Рука дрожить и саблю
Ужъ обнажить готова.

Примѣтя гнѣвъ ихъ, пани
Замылась и смутилась,
Отерочки попросила
И въ лѣсъ бѣжать пустилась.
Она ручья достигла
Гдѣ росъ столѣтній букъ
И жилъ отшельникъ въ хатѣ:
Стукъ-стукъ, стукъ-стукъ.
Теперь ей пужень снова
Совѣтъ отца святого.

«Ахъ, что мнѣ дѣлать?! Братья
Въ меня влюбились оба,
И я люблю обоихъ, —
Такъ чѣй мнѣ быть до гроба?
Богатою вдовою
Осталась я съ дѣтми,
И мнѣ одной, безъ мужа,
Не справиться съ дѣлами.
Но я любви не стою,
Не быть ужъ мнѣ женою!
Меня, за преступленье,
Ужасное видѣнье
Преслѣдуетъ ногами;
Стучитъ оно дверями
И ходитъ по покою.
Я часто надъ собою
Дыханье слышу трупа
И озираюсь тупо!
Онъ ножъ, покрытый кровью,
Подноситъ къ изголовью,
Устами искры сылетъ,
Влечетъ меня и щиплетъ.
Довольно я терпѣла:
До замка нѣтъ мнѣ дѣла...
Но я любви не стою,
Не быть ужъ мнѣ женою!»

«Безъ мзды, промолвилъ старецъ, —
Зладѣйства не бываетъ;
Но если грѣхъ оплаканъ, —
Богъ грѣшникамъ внимаетъ.
Свершить могу я чудо,
Дана мнѣ власть Господня:
Хоть годъ, какъ сгинулъ мужъ твой, —
Воскреснетъ онъ сегодня».

«Воскреснетъ? что ты, отецъ!
Вѣдь онъ ужъ мнѣ не милъ!
Убійцы ножъ на вѣки
Насъ съ мужемъ разлучилъ!
За грѣхъ мой тяжкій, снова
Я все снести готова,
Чтобъ отогнать видѣнье:
Пускай лишусь я крова,
Приму хоть постриженье,
Пойду хоть въ тьму могилъ...
Но, нѣтъ! не дѣлай чуда!
Вѣдь, онъ ужъ мнѣ не милъ!
Убійцы ножъ на вѣки
Насъ съ мужемъ разлучилъ!»

Вздохнулъ глубоко старецъ,
Закрывъ лицо руками,
Потомъ воздѣлъ ихъ къ небу
И залился слезами.
— «Иди скорѣе замужъ,
Не бойся привидѣнья:
Усопшимъ нѣтъ возврата,
Ихъ сонъ безъ пробужденія,—
И мужъ твой не возстанетъ
Безъ твоего велѣнья».

«Но братья любятъ оба,
Такъ чей мнѣ быть до гроба?»
— «Всего вѣрнѣй предаться
Судьбѣ и божьей волѣ.
Предъ утренней росой
Пусть оба выйдутъ въ поле,
И каждый тамъ, на мѣстѣ,
Сплететъ вѣнокъ невѣстѣ.
Пусть вѣнки означатъ
Примѣтою любовью
И въ храмѣ ихъ, на выборѣ,
Положатъ предъ тобою:
Чей выберешь ты первый,
Того и будь женою».

Довольная совѣтомъ,
Теперь ужъ привидѣнья
Убийца не боится:
Оно къ ней, безъ сомнѣнья,
Не явится безъ зова,
А ужъ она—ни слова.
Обрадовалась пани
Рѣшенію такому
И вновь пустилась, молча,
Бѣжать обратно къ дому.
Бѣжитъ она, то лугомъ,
То лѣсомъ, то горою,
И слышитъ чью-то поступь
Какъ будто за собою.
Темно кругомъ, ненастно;
А чей-то шопотъ ясно
Ночную будитъ глушь:
«Вѣдь, это я—твой мужъ!»
Убийца ошалѣла,
У ней сталъ дыбомъ волосъ,
А оглянуться страшно:
Въ кустахъ все тотъ же голосъ
Ночную будитъ глушь:
«Вѣдь, это я—твой мужъ!»

Но вотъ насталъ день свадьбы.
Соперники, съ вѣнками,
Пришли съ зарей изъ поля
И къ храмъ снесли ихъ сами.
Невѣста, вслѣдъ за ними,
Съ подругами своими
Вступаетъ въ глубь костела
И, взявъ вѣнокъ съ престола,
Подходитъ къ братьямъ ближе:
«Тутъ лилія съ травой...
Такъ чья же это, чья же?
Кого мнѣ быть женою?»

Одинъ изъ братьевъ, старшій,
Благословляя рокъ,
Къ невѣстѣ подбѣгаетъ:
«Моя ты—мой вѣнокъ!
Нарочно между лилій,
Какъ знакъ условный свой,
Я вилелъ вотъ эту ленту...
Онъ мой, онъ мой, онъ мой!»

«Неправда! крикнулъ младшій:
Увидите вы сами
То мѣсто, гдѣ занесся
Я этими цвѣтами;
Я сорвалъ утромъ рано
Подъ рощей, гдѣ поляна,
Съ могилы ихъ одной...
Онъ мой, онъ мой, онъ мой!»

Попшла межъ братьевъ ссора,
Содомъ стоитъ отъ спора,
Готовъ начаться бой;
Стучатъ они мечами
И рвутъ вѣнокъ руками:
«Онъ мой, онъ мой, онъ мой!»

Все злѣй звучали рѣчи,
Какъ вдругъ погасли свѣчи

И затрещали двери,—
У всѣхъ сталъ дыбомъ волосъ:
Вошла особа въ бѣломъ.
Знакомый видъ... и голосъ
Звучитъ, какъ изъ-за гроба:
«Мои цвѣты! Вы оба
Вѣнкомъ съ моей могилы
Скрѣпили нашъ союзъ.
Вѣда тебѣ, убійца!
Вѣдь, это я—твой мужъ!
Вамъ, братья, горе тоже!
Ни бой, ни брака ложе
Васъ не спасутъ, увѣ!
Съ преступною женою...
Идите же за мною:
Вѣнокъ и вы—мой!»

И вдругъ поколебался
Весь храмъ до основанія,
И треснулъ сводъ и рухнулъ
Средь общаго стenanья.
То мѣсто все покрыли
Ряды цвѣтущихъ лилій
И такъ растутъ высоко,
Какъ панъ лежалъ глубоко.

Адамъ Мицкевичъ.

(Биографическій очеркъ).

наменитый польскій поэтъ, имя котораго стоитъ въ заголовкѣ нашего очерка, родился въ деревнѣ Осовицъ Новогрудскаго уѣзда Минской губерніи, въ самый канунъ Рождества 1798 г. Родители Мицкевича, имѣвшіе, кромѣ поэта, еще трехъ сыновей, были собственниками небольшого имѣнья въ окрестности Новогрудка. Старинный, здѣсь же размножившійся родъ ихъ, хотя и состоялъ въ связи съ нѣкоторыми княжескими домами, въ послѣдствіи обѣднѣлъ, или, какъ выражается одинъ изъ биографовъ поэта, Семенскій, «дошелъ до того состоянія честной дворянской посредственности, при которомъ легче было сохранить домашнія и общественныя добродѣтели, нежели высокомеріе и богатство».

Мать Адама Мицкевича, столь горячо имъ любимая, была, какъ надо думать, не совсѣмъ обыкновенной женщиной; отецъ почитывалъ стихотворенія Кокановскаго и самъ иногда упражнялся въ писаніи стиховъ,—все это очень рано должно было вліять на умъ и душу юнаго поэта, считавшагося въ семьѣ любимымъ ребенкомъ. По выходѣ Адама изъ дѣтскихъ лѣтъ, родители пристроили его въ ближайшую уѣздную школу, находившуюся въ Новогрудкѣ подъ управленіемъ отцовъ доминиканцевъ. Здѣсь, рядомъ съ религіознымъ воспитаніемъ, бывшимъ какъ бы продолженіемъ домашняго, онъ привыкъ къ труду и усвоилъ основныя начала наукъ. Въ это время, особеннымъ расположеніемъ поэта пользовалась химія. Въ домѣ, гдѣ жилъ будущій великій лирикъ, помѣщалась аптека, откуда онъ и доставлялъ необходимые приборы для своихъ опытовъ, которые производилъ передъ его глазами одинъ изъ отцовъ доминиканцевъ, преподававшій химию. Мицкевичъ долго еще потомъ сохранялъ эту склонность къ физическимъ и естественнымъ наукамъ, что замѣтно отразилось даже и на нѣкоторыхъ его піесахъ. «Въ этомъ (говоритъ Семенскій) онъ похожъ на Гёте, съ тою разницей, что въ минуты, когда общественное дѣло нуждалось въ его мысли, либо сочувствіи, онъ не писалъ ни о метапсихозѣ растений, ни о цвѣтахъ».

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, уже и въ этой школѣ, Мицкевичъ явно обнаружилъ свое поэтическое призваніе. Руководствуясь польскимъ прозаическимъ переводомъ Каминскаго, онъ перекладывалъ въ стихи «Нуму Помпилія» Флоріана, когда

одинъ печальный случай вдохновилъ его оригинальнымъ произведеніемъ. Среди темной ночи въ Новогрудкѣ вспыхнулъ большой пожаръ. Эта необычная картина, прекрасная уже по самому своему ужасу—при общемъ смятеніи, крикѣ спасающихся, отчаяніи и воплѣ погорѣльцевъ,—сильно поразила юное воображеніе Мицкевича: она вызвала у него стихи, которые, къ несчастью, затерялись и не дошли до насъ.

Еще болѣе сильное впечатлѣніе, о которомъ часто самъ Мицкевичъ охотно рассказывалъ, было вынесено имъ во время вступленія въ Литву, въ 1812 г. наполеоновской арміи. Двадцатью годами позже, при созданіи своей лучшей поэмы «Панъ Тадеушъ», онъ очень живо передалъ въ ней тѣ чувства, какими обуревалась пробужденная въ то время душа юнаго поэта. «Въ домѣ его родителей (рассказываетъ Семенскій) стоялъ на постой какой-то старшій служака, истый лагерный типъ и отъявленный поклонникъ Бонапарта, который, кстатіи и некстатіи, примѣшивалъ во все своего любимаго императора и постоянно клялся и божился «именемъ великаго Наполеона». Эта слѣпая вѣра въ одного человѣка, держащаго въ своей рукѣ судьбы народовъ, сообщила и юношѣ; призракъ военной славы сталъ преслѣдовать его на яву и во снѣ, а такъ какъ въ подобномъ возрастѣ дѣло слѣдуетъ тотчасъ же за мыслью, то и поэтъ нашъ также явился съ нѣсколькими товарищами къ какому-то военному начальнику, выражая желаніе, чтобы его, вмѣстѣ съ другими, приняли въ ряды войска. Тринадцатилѣтній школьникъ возбудилъ только улыбку на усатомъ лицѣ стараго солдата; тѣмъ не менѣе, принятый на службу, какъ принимается вдовій грошъ, онъ возился съ карабиномъ и, кажется, участвовалъ въ нѣсколькихъ стычкахъ. Но это не было его призваніемъ: судьба предназначила ему иное поприще, на которомъ онъ не имѣлъ себѣ равнаго. Завершивъ кампанію прежде, чѣмъ она окончилась, поэтъ могъ созерцать, съ мирной школьной скамьи, остатки разбитой великой арміи, погребаемые и гонимые снѣжными метелями».

10 іюня 1815 г. Мицкевичъ получилъ, наконецъ, дипломъ VI класса Новогрудской школы. Имѣя всего только семнадцать лѣтъ отъ роду, онъ отправился въ Вильно для изученія наукъ въ тамошнемъ университетѣ. Приѣхавъ туда, Мицкевичъ, обязанный сдать вступительный экзамень, прежде, чѣмъ записаться на факультетъ, ожидалъ въ сосѣдней залѣ своей очереди вмѣстѣ съ другими учениками, прибывшими изъ различныхъ школъ. «Случилось какъ-то такъ (говоритъ Семенскій), что онъ очутился на скамьѣ подлѣ неизвѣстнаго ему молодого человѣка, съ выразительнымъ и мыслящимъ лицомъ, чрезвычайно привлекательной и благородной наружности. Почувствовавъ необъяснимое влеченіе къ своему сосѣду, поэтъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ, познакомился—и въ нѣсколько дней самое тѣсное согласіе мыслей и чувствъ соединило ихъ неразрывными узами». Этимъ другомъ поэта оказался Тома Завъ, въ послѣдствіи извѣстный польскій писатель и политическій дѣятель.

По сдачѣ экзамена, Мицкевичъ съ жаромъ отдался университетскимъ наукамъ. «Онъ сразу (говоритъ тотъ же биографъ его) избралъ своимъ предметомъ физическія и математическія знанія, но, очутившись среди фигуръ и чиселъ, вскорѣ почувствовалъ себя не въ свойственной ему стихіи. Слава тогдашнихъ профессоровъ, Готфрида, Гродека и Леона Боровскаго, излагавшихъ древнюю и новую литературу живо и увлекательно, а главное—съ основательной ученостью, привлекла къ себѣ поэта, тѣмъ болѣе, что теперь онъ уже созналъ свое природное влеченіе къ произведеніямъ поэзіи. Такимъ образомъ, Мицкевичъ перешелъ съ математическаго фа-

культета на филологическій. Боровскій, самъ заслуженный критикъ и литераторъ, сумѣвшій открыть слушателямъ болѣе широкую и высшую сферу, чѣмъ та, которую обрабатывали его коллеги, не выходявшіе изъ рамокъ различныхъ Буало и Лагарповъ, ввелъ будущаго поэта въ новый міръ понятій и образовъ, какими въ бытѣ снабжала его иностранная литература—итальянская, нѣмецкая и англійская. Присоединяя къ этому основательное изученіе древнихъ образцовъ, въ особенности греческихъ, Мицкевичъ постепенно совершенствовался и все болѣе запасался тѣмъ сокровищами, которыми впоследствии онъ заявилъ себя народу со всею мощью творческаго генія. Но Боровскій, все-таки, былъ человѣкомъ не вполне отрѣшившимся отъ рутины, и понятно, что, слѣдуя рабски по стопамъ его, Мицкевичъ не могъ бы уйти слишкомъ далеко. Что преимущественно способствовало повороту нашего поэта въ сторону самостоятельности,—на это обстоятельно указываетъ нашъ А. Е. Одынецъ, соученикъ Мицкевича и его школьный товарищъ.

«Серьезно занятый (говоритъ онъ) другими науками и любившій поэзію, только какъ развлеченіе, Мицкевичъ не придавалъ ей значенія ни искусства, ни будущей славы для себя, а занимался ею по своему, по вдохновенію своего сердца, не заботясь о книжныхъ правилахъ, любя все и всѣхъ. Каждымъ хорошимъ впечатлѣніемъ (а онъ умѣлъ ихъ извлечь изъ всего) поэтъ жаждалъ тотчасъ же подѣлиться съ товарищами, избравъ, какъ средство для этого, поэзію. Такимъ образомъ, онъ описывалъ стихами свои собственныя чувства и мысли, свой отдыхъ и прогулки, свои канникулярныя развлеченія, разные мелочные случаи изъ дѣйствительной жизни, и чтеніемъ этихъ набросковъ передъ пріятелями оживлялъ ихъ вечернія собранія. Въ этихъ стихахъ, съ виду легкихъ, было столько прелести, столько красоты и чувства, иногда столько искренней и трогательной грусти, что одну изъ своихъ элегій, написанную по случаю отъѣзда пенсіонерки Ф***, съ которою, въ теченіи года, Адамъ проводилъ, обыкновенно, воскресные дни въ домѣ общихъ друзей, онъ постоянно, до послѣднихъ минутъ, носилъ съ собою и, читая ее, повторялъ: «Я никогда не думалъ, чтобы въ обыденныхъ подробностяхъ дѣйствительности могло быть столько сокровищъ поэзіи». Мысль эта глубоко проникла въ его душу и понятіе о правдѣ въ поэзіи или, вѣрнѣе, о поэзіи въ правдѣ перенесла изъ обыденной жизни въ духовную. Такимъ образомъ, эта мысль зародилась въ нашихъ сердцахъ и мысляхъ гораздо раньше, чѣмъ мы познакомились съ нѣмецкой и англійской поэзіей, заключающей въ себѣ тоже самое начало; она вытекла не изъ школы, не изъ книжекъ, не изъ подражанія нѣмцамъ или англичанамъ, а непосредственно изъ жизни, изъ правды, изъ любви—словомъ, изъ вдохновенія, охватившаго, по милости одного человѣка, и насъ всѣхъ».

Въ кружкѣ вотъ этой-то молодежи и появилась въ первый разъ на польскомъ языкѣ баллада. Игнатій Ходзько, въ своемъ наброскѣ «Двѣ бесѣды изъ прошлаго», такъ описываетъ ея происхождение: «Въ томъ самомъ корридорѣ университетскихъ стѣнъ, гдѣ жили Мицкевичъ, Ома Занъ и другіе его пріятели, помѣщался также и сынъ профессора русской литературы Чернявскій, молодой человѣкъ, живой, веселый, всѣми любимый. И вотъ, однажды, когда товарищи собрались всѣ вмѣстѣ, онъ восторженно вбѣжалъ къ нимъ съ только что вышедшей въ то время балладой Жуковского «Людмила»—мастерскимъ переводомъ или, вѣрнѣе сказать, передѣлкой баллады Бюргера «Ленора». Случай этотъ, равно какъ и прелесть самой поэзіи произвели на всѣхъ очень сильное впечатлѣніе, и Занъ на другой же

день написалъ свою «Нерину»—первую на польскомъ языкѣ балладу, за которой вскорѣ послѣдовали другія, а послѣ нихъ уже появились «Свитезянка», «Лилия» *) и прочія баллады Мицкевича, написанныя имъ прежде, чѣмъ дошли до него нѣмецкія баллады въ оригиналѣ».

По окончаніи университетскаго курса, пройденнаго Мицкевичемъ въ качествѣ казеннаго стипендіата, онъ вынужденъ былъ принять мѣсто учителя польскаго и латинскаго языка въ Ковно, въ тамошней школѣ. Кажется, что еще будучи студентомъ, поэтъ почувствовалъ сильную, пламенную привязанность къ Маріи Верещацкѣ, сестрѣ одного изъ школьных пріятелей. Прибывъ въ Ковно, онъ перенесъ всевозможныя муки молодой и пылкой души, благодаря такъ несчастливо окончившейся его первой любви: обожаемая имъ Марія отдала свою руку другому, болѣе богатому человѣку. Надломленный этой горькой насмѣшкой судьбы, но, все-таки, самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполняя обязанность учителя, Мицкевичъ жилъ въ Ковно совершеннымъ нелюдимомъ. Матѣйшее воспоминаніе о прошломъ глубоко возмущало поэта.

«Весной 1823 г. (разсказываетъ Одынецъ въ своемъ письмѣ къ Войццкому) пріѣхалъ я навѣстить его въ Ковно. Въ первый же вечеръ послѣ долгой прогулки въ долину, вернувшись домой почти уже въ полночь, онъ декламировалъ мнѣ свой новый переводъ «Прощанье Чайльд-Гарольда». Уже съ самаго начала лицо его приняло глубоко взволнованное выраженіе, а произнося стихи:

«Чего же мнѣ плакать, о чемъ и по комъ?

По мнѣ, вѣдь, никто не заплачетъ!»

онъ вдругъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и упалъ въ обморокъ на полъ. Ты легко поймешь, какъ это поразило меня. Я едва могъ привести его въ чувство, обливая ему виски холодной водой, и первымъ его словомъ послѣ того, какъ онъ пришелъ въ себя, была просьба, чтобы я никому не говорилъ объ этомъ».

Нѣкоторые изъ біографовъ Мицкевича сообщаютъ весьма любопытный и характерный разсказъ о прибытіи и пребываніи его въ Ковно, записанный со словъ инспектора тогдашней ковенской школы, старика Добровольскаго. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи познакомить читателя съ этимъ интереснымъ документомъ, дышащимъ такой безыскусственностью и добродушіемъ. Вотъ онъ, почти дословно:

«Это было въ 1820 г., когда съ должности учителя польскаго и латинскаго языка, а также исторіи, я поступилъ на мѣсто инспектора здѣшней школы. Ожидая мой преемникъ: вакаціи ужъ кончались, миновалъ торжественный актъ открытія учебнаго года, нѣсколько дней уже велись списки ученикамъ, возвращавшимся отъ родителей,—а преемникъ мой все не являлся. Однажды, подъ вечеръ, я сидѣлъ со всѣмъ семействомъ за ужиномъ, когда дверь отворилась и вошелъ молодой человѣкъ, очень скромно одѣтый, вѣжливо поклонился и освѣдомился объ инспекторѣ ковенской школы. «Это я», отвѣтилъ я, вставая изъ-за стола, и прибавилъ: «но съ кѣмъ имѣю честь говорить?»—«Съ Адамомъ Мицкевичемъ», тихо отозвался юноша: «я назначенъ учителемъ здѣшней школы»,—и онъ вручилъ мнѣ письмо и связку бумагъ отъ ректора виленскаго университета. Я пригласилъ его къ ужину, посадилъ рядомъ съ собой, подѣлился съ нимъ, чѣмъ Богъ послалъ—и, съ тѣхъ поръ, этотъ день, въ который онъ въ первый разъ пріютился за моимъ столомъ, подъ моей кровлей, я навсегда отмѣтилъ въ памяти моего сердца. Послѣ ужина, поподчивавъ новаго коллегу трубочкой, я пере-

*) Балладу «Лилия» читатели найдутъ на страницахъ нашего журнала въ переводѣ г. Омурскаго. Прим. Ред.

смотрѣлъ присланныя бумаги, послѣ чего мы допоздна разговаривали съ нимъ,—и такъ началось наше знакомство, перешедшее впоследствии въ ничѣмъ ненарушимую дружбу, которая продолжалась до самой гробовой доски. На завтра я ввелъ пана Адама въ нашу школу и познакомилъ съ новой обязанностью. Въ теченіи нѣкотораго времени, мы видѣлись съ нимъ только въ пору учебныхъ часовъ, такъ какъ сейчасъ же послѣ уроковъ онъ какъ можно скорѣе возвращался домой, запирался въ своей комнатѣ, или же, сторонясь отъ людей, искалъ уединенія въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ, забирался въ какую-нибудь лѣсную чащу и пропадалъ въ обрывахъ гористыхъ береговъ Нѣмана. Съ того времени,—было-ли это весной, среди майскихъ цвѣтовъ, или лѣтомъ, при бурѣ, громѣ и молніи, или же въ пору зимней мятелы,—любимымъ мѣстомъ его прогулокъ сдѣлалась извѣстная долина, увѣнчанная славой его имени.

«Сначала товарищи принимали его за чудака, я же говорилъ, что онъ или влюбленъ, или поэтъ. Меня, однакожъ, беспокоила его несмѣняемая одежда, все больше и больше потерянная; беспокоило также и то, что я не зналъ, гдѣ онъ держитъ столъ, что ѣстъ, а мысль, что онъ, можетъ быть, нуждается, начинала болѣзненно докучать мнѣ, тѣмъ болѣе, что новый нашъ colega, акуратностью въ исполненіи обязанностей, мягкимъ и терпѣливымъ обращеніемъ съ учениками, почтительностью и уваженіемъ къ старшимъ, располагалъ къ себѣ всѣхъ. Вдругъ я узналъ, что на немъ обрѣталось *omniamea mecum porto* *), а пара рубашекъ въ камодномъ ящикѣ, плащъ, которымъ онъ накрывался и прикрывался, да кожаная подушка составляли весь его гардеробъ и постель. Я узналъ также, что печеный картофель служилъ ему ежедневнымъ пропитаніемъ, а всю его роскошь составляли чай и кофе, все утѣшеніе—трубка табаку! Мнѣ хотѣлось сблизиться съ нимъ, хотя это и было трудно: послѣ двухмѣсячныхъ стараній мы сблизились, какъ бы нехотя, и я достигъ того, что онъ часто обѣдалъ у меня и, наконецъ, сталъ держать столъ. Жена моя распорядилась спить ему дюжину рубашекъ, позаботилась объ его гардеробѣ и, не желая быть неudelikatной, вычитала ежемѣсячно издержки по покункѣ этихъ предметовъ изъ его жалованья».

«Однажды я зашелъ къ пану Адаму подъ вечеръ и засталъ его раздѣтымъ, съ растрепанными волосами, съ трубкой во рту, ходящимъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Губы его, казалось, что-то невнятно шептали, глаза горѣли необычнымъ лихорадочнымъ огнемъ, а черезчуръ блѣдное лицо приняло синеватый оттѣнокъ. Увидѣвъ, что я вхожу въ комнату, онъ нѣсколько успокоился, привѣтливо поклонился и усадилъ меня на стулъ. Началась бесѣда, но она шла какъ-то вяло: онъ былъ грустенъ, неразговорчивъ, казался только что пробужденнымъ, только-что вернувшимся къ дѣйствительности изъ міра грезъ, мечтаній и сновъ; я же, болѣе изъ дружбы, чѣмъ изъ любопытства, хотѣлъ его выпытать, понять, распространить о физическомъ или нравственномъ страданіи, чтобы имѣть возможность помочь ему, либо утѣшить его».

— Пана Адама, спросилъ я, — вы больны?

— Можетъ быть, отозвался онъ, — голова у меня болитъ.

— Можетъ, сердце? прибавилъ я.

— Сердце? повторилъ онъ:

«Оно тревогу бьетъ, спираетъ мнѣ дыханье, Блѣднѣю я, какъ смерть, а взоръ горитъ огнемъ; Чужія судятъ въ слухъ о здравіи моемъ, Въ умѣ-ли онъ?—идетъ ихъ шопотъ состраданья. Когда же, послѣ мукъ, на ложе я паду Въ надеждѣ, что во снѣ утишатся страданья,— Мечты мой разумъ жгутъ, и снова я въ аду!»

*) Все мое съ собою ношу.

— Да вы, сударь, кажется, поэт! воскликнул я. — Послушайся-ка, молодой человек, здравого совѣта, основаннаго на опытѣ: брось поэзію, она тебя ни къ чему не приведетъ, вернись лучше къ почтенной прозѣ. Проза развивается умъ, а поэзія извращаетъ его. Поэзія взбудоражитъ твоё воображеніе, раздражитъ чувство, ты научишься летать по воздуху и не съумѣешь ходить по землѣ, когда это понадобится. Ты погубишь лучшіе годы, мнѣ жаль твоей юности.

«О, юность! пари надъ землею,
И око, какъ солнце, впередъ
Въ пространства, громады людскія
Проникни ты съ края до края!»

Отвѣтилъ онъ, какъ бы въ помѣшательствѣ.

— Горе мнѣ съ тобой! воскликнулъ я, — ты человекъ погибшій, нечего съ тобой дѣлать. Понеже Адамъ! прибавилъ я послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, — у тебя много способностей, но ты еще очень молодъ, неопытенъ. Ты занялъ должность, которую я исполнялъ болѣе десяти лѣтъ; желая учить другихъ, надобно много знать самому, а старшіе годами, натурально, владѣть большимъ запасомъ, чѣмъ молодой, такъ-какъ у него было больше времени для пріобрѣтенія. По этой причинѣ, желая доказать тебѣ мою привязанность, я уступаю въ твою пользу мои рукописныя лекціи, разсужденія, замѣтки; они пригодятся тебѣ непременно, и я увѣренъ, что ты не замедлишь воспользоваться ими.

«Сказавши это, я вручилъ ему собственноручно мной исписанныя тетради. Онъ принялъ ихъ съ благодарностью, поцѣловалъ меня въ плечо и, когда я уходилъ, поблагодарилъ снова и проводилъ до самой лѣстницы.

«Жаль мнѣ его», подумалъ я, возвращаясь домой: «парень хорошій, способный, скромный, послушный, но эта несчастная поэзія совсѣмъ собьетъ его съ толку».

«Черезъ нѣсколько дней, разговаривая съ нимъ послѣ ужина о томъ же самомъ предметѣ, я разбивалъ, сколько могъ, его возрастающую пинтическую повадку, какъ я называлъ ее тогда.

— Г. инспекторъ! вскричалъ онъ, — вы возстаєте противъ поэзіи, а я ручаюсь, что сами пишете стихи.

«Я немного покраснѣлъ, какъ будто онъ поймалъ меня на мѣстѣ преступленія, признался въ винѣ и старался доказать, что для молодого человека поэзія — опасная дурь, а для старика — пріятное развлеченіе. Едва-ли я убѣдилъ его, — сомнѣваюсь. Но когда онъ сталъ приставать ко мнѣ, чтобы я прочиталъ ему что-нибудь изъ своихъ произведеній, — желаніе его было исполнено. Слушая мое марапанье, Адамъ, иногда улыбался, а когда я освѣдомился объ его мнѣніи (вѣдь, кто же изъ пишущихъ не самолюбивъ?) — хвалилъ, дѣлалъ нѣкоторые замѣчанія: онъ, юноша, поощрялъ и поправлялъ меня, старика, а я ужъ и тогда слушалъ его, какъ учителя. Не было-ли это предчувствіе?

«Прошла зима, наступила весна. Ничто, однакожъ, не измѣнилось въ образѣ жизни Адама; онъ исполнялъ свои обязанности съ самой добросовѣстной акуратностью, но постоянно былъ грустенъ, задумчивъ, нелюдимъ, бывалъ только у меня и, вообще, ни съ кѣмъ не знался. Уже нѣкоторые его наброски переходили изъ рукъ въ руки, имъ уже были написаны «Пашки» — посланіе къ брату, ода, къ Лелевелю; говорили, что онъ работаетъ надъ болѣе серьезной поэмой. Однакожъ, подобно тому, какъ его продолжительныя прогулки за городъ были для многихъ загадкой, оставались тайной для всѣхъ и его писанія. Наступилъ годовой экзаменъ, подоспѣли вакаціи: молодежь разбѣжалась по домамъ, почти всѣ учителя оставили городъ; я съ семействомъ отдыхалъ послѣ годового труда вотъ подъ этой сельской кровлей, а Мицкевичъ остался въ городѣ.

«Узнавши, что трое университетскихъ товарищей пѣшкомъ пришли изъ Вильно навѣстить нашего Адама, я возымѣлъ охоту познакомиться съ ними. Съ этой цѣлью, однажды, подъ вечеръ, я отправился въ городъ.

— Благословенъ Богъ нашъ всегда и нынѣ и присно, сказалъ я, постучавъ въ дверь и входя въ комнату.

— И во вѣки вѣковъ аминь, отвѣтили мнѣ.

«Адамъ вскочилъ съ мѣста, поздоровался со мной, послѣ чего, обратившись къ своимъ товарищамъ, сказалъ мнѣ:

— Представляю вамъ, г. инспекторъ, моихъ друзей и товарищей.

«Прекрасные это были молодые люди: красивые, ловкіе, приличные, вѣжливые, предупредительные и скромные. Тотчасъ же завязалось знакомство; мы усѣлись вокругъ простого стола, подали чай и трубки. Разговоръ все болѣе оживлялся, блѣдныя лица зардѣлись румянцемъ, глаза горѣли огнемъ, на каждомъ челѣ отражалась дума. Мицкевичъ всталъ и началъ читать намъ наизусть первую часть «Гражины». Мы слушали съ восхищеніемъ. Пока одинъ пожиралъ каждое слово, другой попеременно краснѣлъ и блѣднѣлъ, третій, вмѣстѣ съ поэтомъ, переносился на крыльяхъ восторга въ далекое прошлое и въ очію созерцалъ сіяющую красотой и молодостью Гражину; у меня текли по щекамъ слезы умиленія. Поэтъ кончилъ, наступило молчаніе, продолжавшееся нѣсколько минутъ, ибо каждый боялся нарушить его, боялся прервать очарованіе, отъ котораго было такъ хорошо ему.

— Адамъ! отозвался я, наконецъ, — годъ тому назадъ я привѣтствовалъ тебя, какъ моего коллегу, потомъ совѣтовалъ бросить поэзію, совѣтовалъ обратиться къ низменной прозѣ, а теперь поздравляю тебя первымъ польскимъ поэтомъ! Земные предѣлы слишкомъ тѣсны для тебя, ты орелъ, тебѣ нужны пространства съ бурей, съ молніей, съ громомъ; твоя слава — наслѣдіе твоей отчизны, а твое — безсмертіе.

«Пробило полночь. Я простился съ обществомъ и, отведя Мицкевича въ сторону, сказалъ ему:

— Учитель! Отдай мнѣ мои тетради, мое марапанье, они ни къ чему не пригодятся тебѣ. Не мнѣ давать тебѣ наставленія, — приходится учиться у тебя, удивляться тебѣ, прославлять твой гений.

«И, обнявши его сердечно, я перекрестилъ ему лобъ.

— Тетради твои, отвѣтилъ онъ, — я сохранию въ память дружбы; радъ и всегда буду слушать наставленія старшаго, а крестное знаменіе принимаю, какъ отцовское благословеніе.

«Все время вакацій товарищи Мицкевича провели съ нимъ въ Ковно. Послѣ разлуки съ ними, то-ли оживленный дружескимъ пожатіемъ ихъ рукъ, то-ли вслѣдствіе лучшаго душевнаго настроенія, онъ меньше избѣгалъ людей, сталъ появляться въ нѣкоторыхъ обществахъ. Его всюду приглашали, принимали, брали нарасхватъ; прекрасный полъ сходилъ отъ него съ ума, читали его стихи, заучивали ихъ на память, — и Мицкевичъ былъ въ устахъ у всѣхъ, не у одной въ сердцѣ.

«Второй учебный годъ окончился. Адама призывали въ Вильно. Наканунъ своего отъѣзда, онъ приглашенъ былъ нами на вечеринку въ долину. Собралось многочисленное общество обоего пола, звуки музыки разносились эхомъ по соседнимъ холмамъ и рощамъ; веселье овладѣло сердцами; гуляли, разговаривали, время шло незамѣтно; царствовала милая и блаженная свобода. Подали ужинъ, мы усѣлись за разставленными на лугу столами. Обыкновенно, пасмурное чело поэта прояснилось, когда, по просьбѣ нашей, онъ сталъ читать намъ отрывокъ изъ «Гражины». Въ концѣ ужина, одна изъ прекрасныхъ здѣшнихъ обывательницъ, выбранная нами хозяйкой на этотъ

праздникъ, взявъ въ руки бокалъ съ шампанскимъ, сказала:

— Пью за здоровье нашего поэта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагаю, чтобы долина, которую онъ такъ любилъ, гдѣ искалъ и находилъ вдохновеніе, гдѣ каждый порывъ вѣтра охлаждалъ его чело, разгоряченное мыслями, а пѣніе птицъ вторило его пѣсни, — чтобы эта долина получила отнынѣ названіе Долины Адама Мицкевича!

«Мы съ жаромъ поднялись съ мѣстъ, выпили за дорогое намъ здоровье и, раздѣляя счастливую мысль, единогласно подтвердили названіе, которое въ позднѣйшіе вѣка останется святыней прошлаго для Ковно. Мицкевичъ со слезами признательности на глазахъ благодарилъ всѣхъ, пожималъ протянутыя ему руки; потомъ, — въ такую близкую минуту разлуки съ нами, въ минуту удаленія отъ мѣстъ столь любимыхъ, гдѣ онъ такъ много пережилъ, передумалъ и перечувствовалъ, готовясь къ той будущей борьбѣ, которая кончится развѣ только за гробомъ, — поэтъ еще разъ взглянулъ на свою долину, и въ его взглядѣ было послѣднее прощаніе: ему ужъ не пришлось увидѣть ее больше... И заходящее солнце выглянуло изъ-за тучи и еще разъ позолотило и луга, и лѣса, и пригорки, какъ будто оно еще разъ хотѣло проститься съ нашимъ поэтомъ. Возвращаясь въ городъ, все общество завернуло ко мнѣ, и здѣсь, подъ моей кровлей, не расходясь до поздней ночи, мы въ послѣдній разъ видѣли нашего дорогого поэта. А тамъ, въ долину, гдѣ за минуту передъ тѣмъ было веселье, слышались шумъ и смѣхъ, раздавались звуки музыки, теперь стало глухо и пусто.

«На другой день Мицкевичъ уѣхалъ въ Вильно и уже не вернулся къ намъ оттуда.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

«Когда я дала слово Максиму, Соня пришла въ ужасъ.

— Подумай, что ты дѣлаешь, говорила она въ тревогѣ. — Онъ болѣе, чѣмъ вдвое старше тебя.

— Неужели ты думаешь, что мнѣ нуженъ непременно мужъ мальчикъ? сказала я.

— Не мальчикъ, но и не такой немолодой человекъ, замѣтила сестра. — Максимъ рано началъ жить, онъ слишкомъ опытенъ, слишкомъ серьезенъ для тебя...

— Ты меня оскорбляешь, Соня, обидѣлась я. — Я вовсе не желаю, чтобы мой мужъ былъ глупымъ и пустымъ человекомъ...

Соня покачала головой.

— Я не то хотѣла сказать, проговорила она съ грустью. — Я хотѣла сказать, что ваши лѣта, ваши характеры, вашъ образъ жизни, ваши взгляды, — все это крайне различно, противоположно, что вы не сойдетесь ни на чемъ, такъ какъ у васъ нѣтъ ничего общаго.

— У насъ есть любовь, отвѣтила я.

Соня вздохнула и начала убѣждать меня, что мы, я и Максимъ, оба обманываемся въ своихъ чувствахъ, что я увлекаюсь Максимомъ, какъ умнымъ и честнымъ человекомъ, а онъ увлекается мною, какъ живой и наивной дѣвочкой, но что этого очень недостаточно для супружеской жизни. Она даже бранила Максима, говоря, что онъ поступаетъ, какъ мальчикъ, какъ эго-

истъ. Но я ничего не хотѣла слушать. Я любила и этого было довольно, чтобы заставить молчать разсудокъ. Я поняла, что Соня была права, только послѣ, когда было уже поздно думать о спасеніи. Я поняла это не вдругъ, а постепенно, позже другихъ, постороннихъ людей. Сначала мнѣ казалось, что я вполне счастлива. Моя жизнь съ Максимомъ шла тихо и мирно: онъ ласкалъ меня, его мать и его тетка ухаживали за мной, меня ни въ чемъ не стѣсняли, я не терпѣла никакихъ недостатковъ—и мнѣ казалось, что я счастлива. Правда, иногда на меня нападало гнетущее чувство скуки, какой-то пустоты, но я не придавала этому особеннаго значенія, покуда посторонніе люди не указали мнѣ на это.

Какъ-то разъ я зашла утромъ къ дядѣ Ванѣ, онъ по обыкновенію обрадовался мнѣ и, потирая руки, сказалъ:

— Ну, и отлично, и отлично! Вмѣстѣ позавтракаемъ!

Дядя Ваня всегда радъ съ кѣмъ-нибудь поѣсть вмѣстѣ. Потомъ онъ спросилъ меня:

— А что твой благовѣрный?

— Ничего, здоровъ, отвѣтила я.

— Чтожь ты его съ собой не притащила? спросилъ онъ.

— Ахъ, станеть-ли Максимъ гулять съ женою! воскликнула со вздохомъ Антонида Павловна.— У него серьезныя дѣла!

— Да, онъ уѣхалъ по дѣламъ, отвѣтила я.

— Куда? спросилъ дядя.

— Что ты ее спрашиваешь, Жанъ! Развѣ она знаетъ дѣла своего мужа! опять воскликнула тетя.

Я покраснѣла, точно меня задѣли за живое слова тети.

— Вы ошибаетесь, тетя, сказала я.—У Максима нѣтъ отъ меня тайнъ, но я не считаю нужнымъ разспрашивать, куда онъ ѣздитъ и что дѣлаетъ.

— И хорошо дѣлаешь, опять вздохнула тетя.—Онъ все равно не сказалъ бы тебѣ ничего. Гдѣ же ему, такому серьезному человѣку, дѣлать своею повѣренною такую малютку, какъ ты! У нихъ, у этихъ серьезныхъ людей, идетъ своя жизнь, не имѣющая ничего общаго съ жизнью ихъ женъ. Къ женамъ они приходятъ только въ свободныя минуты за ласками и поцелуями, какъ могли бы придти къ любовницамъ, и жены должны довольствоваться этимъ, потому что ихъ содержать мужья на свои деньги.

— Ну, матушка, чего же ты еще хочешь, сказалъ дядя Ваня.—И то хорошо, что мужъ ласкаетъ, а не посвящать же ему въ самомъ дѣлѣ жену въ свои дѣловыя занятія или ученія работы. Ты, Шура, я думаю и не поняла бы ничего изъ того, что занимается Максимъ!

Я ничего не отвѣтила. Я точно не понимала тѣхъ ученыхъ трудовъ, которыми занимался Максимъ.

— Да, у васъ у всѣхъ такіе взгляды, сказала тетя.—Жена не подруга, не товарищъ, а просто любовница. За то какъ весело живетъ женамъ: онѣ всегда одни, онѣ умираютъ отъ скуки, онѣ не могутъ даже поговорить серьезно съ своими мужьями, боясь вѣчно услышать одно и то же: «это не твое дѣло», «ты этого не поймешь»... Я думаю, ты очень скучаешь? обратилась тетя ко мнѣ.

— Я? Нѣтъ... я не скучаю, отвѣтила я въ смущеніи, сознавая, что я лгу.

— Но вѣдь ты вѣчно сидишь одна, Максимъ то ѣздитъ по своимъ больнымъ, то сидитъ со своими книгами...

— Ну, тетя, не всегда же онъ у больныхъ или за книгами, постаралась я улыбнуться.—Бываетъ онъ и со мною...

— Еще бы! проговорила она.—До тебя онъ, вѣроятно, ѣздилъ въ свободныя часы къ какой-

нибудь любовницѣ, а теперь удобно—жена подъ рукой и можно приласкать ее, когда вздумается,—конечно, ему, а не ей... Если она сама придетъ къ нему съ ласками,—ей говорятъ: «извини, милочка, я занятъ», «не мѣшай мнѣ, милочка, я долженъ кончить работу», «дай мнѣ, милочка, отдохнуть»...

— Ты, Шура, ее не слушай! Она врагъ всѣхъ мужей! засмѣялся дядя Ваня.

— Я думаю, каждая женщина, переживъ всѣ эти униженія, должна сдѣлаться врагомъ мужей, сказала тетя.—Шура тоже пойметъ все это очень скоро, тѣмъ болѣе, что она уже совершенно одинока дома...

— Вы забыли, тетя, что у насъ живутъ со мною мать и тетка Максима, сказала я.

— Ну, что же онѣ могутъ навѣять на тебя, кромѣ скуки! пожала плечами тетя.—Мать Максима довольно ограниченная и крайне отсталая женщина, а тетка—тамбуръ-мажоръ въ юбкѣ...

— Это добрыя и честныя женщины! заступилась я съ горячностью за милыхъ мнѣ старушекъ.

— Я не говорю противнаго, но и съ добрыми и честными людьми можно скучать, когда съ ними не о чемъ говорить, сказала тетя.—Не могутъ же эти старушки интересоваться тѣмъ, что интересуется молодежь и не можешь-же ты интересоваться ихъ старческими воспоминаніями о чуждой для тебя жизни. Я даже думаю, что тебѣ было бы лучше, если бы онѣ не жили у васъ въ домѣ, у тебя хоть работа была бы, ты могла бы заняться хозяйствомъ, а вѣдь теперь ты сидишь, сложа руки...

Я ничего не возражала и перемѣнила разговоръ.

Возвращаясь домой, я была въ странномъ настроеніи: мнѣ казалось, что тетя сказала все то, что я смутно угадывала сама.

Съ этого дня я стала вглядываться въ свою собственную жизнь, припоминать мелкія подробности этой жизни. Это была скучная и однообразная жизнь. Утромъ Максимъ уѣзжалъ къ своимъ больнымъ; потомъ онъ возвращался домой усталый къ обѣду; послѣ обѣда онъ спалъ втеченіи часа; затѣмъ, онъ принимался за свои ученые работы. Я его видѣла только урывками, только по нѣсколько минутъ въ сутки. Мать и тетка Максима оставались постоянно дома, со мною. Но онѣ не могли ни развеселить, ни развлечь меня. Это были, какъ я сказала тетѣ, добрыя и честныя женщины, но у меня не было ничего общаго съ ними. Мать Максима была женщина ограниченная, малоразвитая, отсталая по образованію и по уму, но она смотрѣла на людей слишкомъ мрачно и сурово и недовѣрчиво относилась ко всему новому. Обѣ эти женщины распредѣлили между собою занятія: мать Максима хозяйничала, постоянно заглядывала въ кухню, вѣчно хлопотала объ обѣдѣ, завтракѣ и ужинѣ, тетка Максима постоянно шила бѣлье, штопала носки, вязала кофты и шарфы. Ихъ разговоры вертѣлись на воспоминаніяхъ о прошломъ, о томъ, что не интересовало меня, что было чуждо мнѣ. Когда разговоръ касался современной жизни и молодежи, обѣ старушки высказывали такія мысли, которыя возмущали меня и мнѣ приходилось, или молчать, или горячо спорить съ ними,—я молчала. Иногда мнѣ становилось такъ скучно, такъ тяжело, что я удалялась въ кабинетъ къ Максиму.

— А, это ты, птичка, говорилъ онъ мнѣ ласково и привлекалъ меня къ себѣ.—Ну, что скажешь?

— Я пришла посидѣть съ тобою, замѣчала я.

— Ну и отлично, только чуръ сидѣть смирно и не мѣшать мнѣ! шутиливо замѣчалъ онъ и, поцѣловавъ меня, снова принимался за работу.

А я?—Я садилась съ поникшей головой на

диванъ, раскрывала книгу и — не читала. Меня и здѣсь томила скука, скука и скука...

Мнѣ вспомнилось, что у насъ, въ домѣ у отца, вѣроятно, идетъ въ это время смѣхъ и говоръ гостей...

— Не могу-ли я помочь тебѣ работать? спросила я разъ Максима.

— Нѣтъ, голубка, мнѣ вѣдь приходится дѣлать выдержки и переводы изъ англійскихъ и нѣмецкихъ книгъ, по вопросамъ спеціальнымъ, и ты въ этомъ случаѣ не можешь помочь мнѣ, отвѣчалъ онъ.

— А ты научи меня, настаивала я.

— Долго будетъ, это не такъ легко... Да я и одинъ справлюсь...

Я подавляла свой вздохъ и уходила.

— Ты нигде сегодня не ѣдешь? спрашивалъ онъ меня.

— Нѣтъ.

— Соня, я слышала, ѣдетъ сегодня въ театръ, ты бы поѣхала съ ней.

— А ты?

— У меня работа... Впрочемъ, я заѣду къ послѣднему дѣйствию въ театръ за тобою...

Я ѣхала въ театръ, онъ заѣзжалъ за мною туда въ концѣ спектакля.

— Усталъ я сегодня, замѣчалъ онъ мнѣ дорогой.—Такая масса больныхъ, что становится просто страшно.

— Ты не ѣздилъ бы столько съ визитами... убавилъ бы практику... совѣтовала я.

— Нельзя, Шура... Бѣдняковъ такая масса, а докторовъ мало.

Я знала, что большая часть его больныхъ состояла изъ бѣдняковъ и сама стыдилась, что совѣтовала ему сократить его практику.

— Да, бѣдность все растетъ и растетъ при возрастающей дороговизнѣ жизни, задумчиво говорилъ онъ,—и до чего это дойдетъ — трудно и предвидѣть...

— Ахъ, кстати, замѣтила я,—мнѣ предлагала тетя Тото записаться членомъ въ благотворительное общество для пособія бѣднымъ женщинамъ.

— Чтожь, запишись, если хочешь, отвѣтила Максимъ.—Посмотришь, какъ люди баклуши бьютъ.

— Развѣ ты не видишь пользы отъ подобныхъ обществъ? спросила я.

— Да какая же можетъ быть отъ нихъ польза, развиваютъ попрошайство, а отъ нищеты никого не спасаютъ. Внесетъ каждый членъ десятокъ рублей въ годъ, станеть ѣздить въ комитеты, въ маскарады, въ спектакли съ благотворительной цѣлью, какой-нибудь казначей или секретарь будетъ нагрѣвать руки, бѣдные получать по рублю или по полтора рубля въ годъ — вотъ и все.

Не смотря на это, я все-таки вступила въ члены общества для пособія бѣднымъ женщинамъ. Меня тотчасъ же выбрали въ комитетъ и дали порученіе посѣтить бѣдныхъ. Боже мой, что за картины нищеты увидела я. Не дожидаясь рѣшенія комитета, я помогла бѣднякамъ. Потомъ мнѣ еще дали адреса бѣдныхъ и снова мнѣ пришлось имъ помочь изъ своего кармана. Далѣе мнѣ прислали билеты на лотерею и спектакль... Мнѣ пришлось задуматься: у меня не было своихъ денегъ и мнѣ нужно было просить ихъ у мужа. Я знала, что онъ не откажетъ. Но какъ же просить на дѣло, которому онъ не сочувствуетъ? Какъ просить у человѣка, который добываетъ каждый грошъ усиленнымъ трудомъ? Наконецъ, что это за сострадательность, что это за благотворительность изъ чужого кармана? Нѣтъ, надо будетъ какъ-нибудь самой заработать деньги и помогать ближнимъ изъ нихъ.

Я обрадовалась этой идеи и разъ сказала Максиму:

— Ты не разсердишься, если я буду давать уроки музыки?

— Нѣтъ. Но что это тебѣ вздумалось? спросилъ онъ.

— Мнѣ хочется работать, чтобы имѣть свои деньги, сказала я.

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Голубка, развѣ тебѣ нужны деньги? Зачѣмъ же ты не скажешь? Мои деньги — твои деньги. Ради Бога, не раздѣляй никогда ничего на твое и мое. Ты — моя и все мое — твое.

Онъ встревожился и огорчился. Я поспѣшила объяснить ему дѣло.

— Я всегда и считала все твое своимъ, сказала я, — но я не хочу раздавать бѣднымъ то, что заработала трудомъ ты; мнѣ было бы пріятнѣе дать бѣднымъ деньги, добытыя мною.

Онъ задумался и покачалъ головою.

— Видишь-ли, Шура, что я долженъ тебѣ сказать, началъ онъ. — Принципъ благотворительности вообще ложенъ и ведетъ ко множеству абсурдовъ. Было когда-то время крѣпостничества, богачи брали огромные оброки и налоги съ крестьянъ, часто разоряя ихъ, и въ тоже время изъ этихъ денегъ бросали сотую часть другимъ бѣднякамъ, то есть пускали по міру тысячу людей и спасали отъ голода десятокъ людей. Такіе абсурды встрѣчаются всегда въ благотворительности: барыни устраиваютъ спектакль съ благотворительною цѣлью, тратятъ тысячи на костюмы, на закуски, на развѣзды и получаютъ со спектакля сотню рублей барыша, тогда какъ имъ стоило бы пожертвовать затраченные ими деньги и у бѣдняковъ были бы тысячи. Вотъ и тебя смутила мысль, что ты будешь тратить деньги на бѣдняковъ, а мнѣ придется изъ-за этого удвоить свой трудъ, то есть ты будешь загребать уголья чужими руками, и ты рѣшилась зарабатывать деньги сама. Но ты подумай о томъ, что, давая уроки за плату, ты отобьешь эти уроки у тѣхъ учительницъ, которыя пужаются, которыя даютъ уроки изъ-за куска насущнаго хлѣба... Подавая одной рукой милостыню, ты будешь другою плодить нищету.

Я смутилась: я не подумала объ этомъ прежде.

Я долго толковала съ Максимомъ о филантропії и отказалась, наконецъ, совѣтъ отъ роли благотворительницы. Эта роль была намъ не по карману. Снова я почувствовала пустоту своей жизни. Я начала изыскивать средства искусственно подавить свою скуку, избрѣсти какое-нибудь занятіе. Я остановилась на мысли о безплатной школѣ. Но мнѣ нужно было для этого получить дипломъ, получить разрѣшеніе. Почти годъ я готовилась къ экзамену, готовилась безъ учителей, такъ какъ мнѣ было совѣстно опять просить денегъ у мужа, и, наконецъ, кое-какъ выдержала экзаменъ. Я была очень рада этому и начала хлопотать о разрѣшеніи открыть безплатную школу, — разрѣшенія не послѣдовало и мнѣ предложили открыть обыкновенную платную школу, чего я вовсе не желала. Впрочемъ, можетъ быть, это случилось и къ счастью. Какую пользу принесла бы моя безплатная школа, если бы я учила въ ней одна? Открыть же школу большую съ учителями и учительницами я не имѣла средствъ и мнѣ опять пришлось бы благотворить изъ кармана мужа, а Максимъ и безъ того бился какъ рыба объ ледъ, чтобы его семья не терпѣла недостатковъ. Началось опять избрѣтеніе средствъ убить свое время. Я рѣшилась учиться акушерству.

— Что это за мысль пришла тебѣ? спросилъ Максимъ.

— А что?

— Такъ, общество тамъ скверное въ этихъ родильныхъ домахъ... И, признаюсь тебѣ, я не особенно буду радъ, если ты познакомишься съ этой грязной стороной жизни, если ты будешь

практиковать... Я немного отсталый въ этомъ случаѣ человекъ и эстетикъ... мнѣ не хочется, чтобы моя милая жена была практикующей акушеркой...

Я опечалилась.

— Впрочемъ, поспѣшилъ онъ прибавить, — я не насилию твоей воли. Дѣлай, что хочешь и какъ хочешь. Я тебѣ высказалъ только свой взглядъ. Я самъ докторъ и потому знаю, сколько нравственной чистоты, сколько женственной скромности, сколько сердечной мягкости теряется въ этихъ палатахъ, въ этихъ анатомическихъ театрахъ, — вотъ почему мнѣ было бы грустно видѣть тебя въ роли акушерки...

Я ничего не отвѣчала. Онъ притянулъ меня къ себѣ, поцаловалъ, взялъ мои руки.

— Да ты и сама не выдержала бы тамъ, сказалъ онъ. — Не этимъ крошечнымъ, бѣленькимъ ручкамъ дѣлать операціи, пачкаться въ крови. Ты съ перваго же взгляда на эти занятія почувствовала бы къ нимъ отвращеніе. Ты не такъ воспитана, ты изнѣжена, а тамъ требуется извѣстная выносливость, извѣстный закалъ.

Онъ еще долго развѣселялъ мнѣ, что я сама ушла бы изъ родильнаго дома послѣ первой операціи, и, можетъ быть, онъ былъ правъ. Но было бы лучше, если бы онъ не отговаривалъ меня поступать туда и ждалъ бы спокойно, когда я сама разочаруюсь въ этой профессіи. Теперь же меня тяжелымъ гнетомъ давила мысль о томъ, что онъ «не позволилъ» мнѣ идти въ акушерку. Правда, онъ не запрещалъ мнѣ идти туда, но онъ сказалъ, что это будетъ ему непріятно, а это равнялось отказу. Нѣсколько дней я ходила печальною и скукающею, не зная, за что приняться... Между мною и имъ точно что-то порвалось...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

(Продолженіе.)

III.

слѣдствіе вредныхъ вліяній работы въ коняхъ, особенно на дѣтей и женщинъ, вопросъ о дѣтскомъ и женскомъ трудѣ въ этихъ подземельяхъ обсуждался не разъ разными правительственными. Такъ, наприимѣръ, въ 1874 году французское законодательство занялось этимъ вопросомъ и, конечно, симпатіи большинства, обсуждавшего этотъ вопросъ, лежали на сторонѣ несчастныхъ людей. Но все же нашлись люди, которые старались найдти лазейку для того, чтобы все осталось по старому. Такъ правительству былъ сдѣланъ слѣдующій докладъ господиномъ де-Фрейсине: «На вопросы, предложенные комиссіей, мы получили отъ администрацій копей свѣденія о томъ, что работа дѣтей въ подземныхъ галереяхъ обыкновенно продолжается въ томъ же размѣрѣ, какъ и работа взрослыхъ. Этого нужно было и ожидать, такъ какъ это во многихъ отношеніяхъ неизбѣжно. Дѣти опускаются въ копи и поднимаются изъ нихъ при помощи подъемныхъ машинъ, устроенныхъ въ подземныхъ колодцахъ. Поднятіе и опусканіе дѣтей не въ тѣ опредѣленные часы, когда поднимаютъ и опускаютъ взрослыхъ, помѣшало бы правильному выгрузенію угля и нанесло бы извѣстный ущербъ производителямъ. Сверхъ того пришлось бы сопровождать дѣтей особымъ лицамъ въ ихъ небезопасномъ путеше-

ствѣ, тогда какъ, при теперешнемъ положеніи дѣлъ, дѣти опускаются и поднимаются вмѣстѣ съ взрослыми, состоящими, большею частью, изъ родственниковъ или родителей дѣтей. Даже самый приходъ дѣтей въ подземныя галереи во время возки телѣжекъ былъ бы не безопасенъ». Не смотря на такое мнѣніе де-Фрейсине, французское правительство нашло необходимымъ сократить срокъ работы дѣтей и издало 12 мая 1875 года слѣдующій декретъ: «Ни одинъ ребенокъ до того времени, когда ему исполнится двѣнадцать лѣтъ, не можетъ быть употребленъ на подземныя работы въ коняхъ. Дѣвушки и женщины не должны допускаться къ этимъ работамъ; продолжительность работы дѣтей мужского пола отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ въ подземныхъ галереяхъ копей не можетъ продолжаться болѣе восьми часовъ въ сутки и должна раздѣляться на двѣ части съ часомъ отдыха. Дѣти отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ не могутъ быть употребляемы на настоящую работу рудокоповъ, то есть, на добываніе угля или металловъ, на проведеніе подземныхъ галерей и т. п. Они могутъ только нагружать добытыя произведенія, возить тачки, смотрѣть за дверями, приводить въ движеніе вентиляторы и т. п. Дѣти, приводящіе въ движеніе вентиляторы, не могутъ быть заняты этимъ дѣломъ, вслѣдствіе утомительности этой работы, долѣе четырехъ часовъ въ сутки съ получасомъ отдыха. Въ коняхъ, гдѣ въ настоящее время работа продолжается десять часовъ, дѣти могутъ заниматься работой столько же времени, но только до 1 января 1878 года; съ этого же дня они должны будутъ работать не болѣе восьми часовъ». Таковы законодательныя распоряженія во Франціи относительно работы дѣтей въ коняхъ. Въ Англіи первый законъ, касавшійся копей, былъ изданъ 10 августа 1842 года — Act to prohibit the Employment of Women and Girls in Mines and Collieries to regulate the Employment of Boys and to make other Provisions relating to Persons working therein.

Этотъ законъ, касающійся запрещенія женщинамъ и дѣвушкамъ работать въ рудникахъ и угольныхъ коняхъ и устанавливающій правила для работы мальчиковъ и другихъ лицъ, занимающихся въ коняхъ, призналъ, что работа въ коняхъ непригодна для женщинъ и дѣвушекъ, вслѣдствіе чего она и запрещается, а что дѣти мужского пола должны начинать подобную работу не ранѣе десятилѣтняго возраста, при чемъ контрактъ заключается только на восемь лѣтъ; до пятнадцати лѣтъ дѣтей запрещалось ставить къ паровымъ и тому подобнымъ машинамъ для надзора; деньги выплачивать въ харчевняхъ не дозволялось; надъ конями назначались инспектора, не имѣвшіе, впрочемъ, полномочій фабричныхъ инспекторовъ; они только инспектировали и доносили правительству о томъ, что имъ удалось замѣтить. Распоряженіе на счетъ женщинъ и дѣвушекъ было необходимо, такъ какъ, по словамъ Тардѣ, «въ коняхъ рабочіе безъ различія пола, молоденькія дѣвушки и замужнія женщины, нерѣдко работали въ положеніи полнѣйшей наготы», что, конечно, не особенно хорошо вліяло на нравственность. Въ 1850 году и въ 1855 году въ Англіи были изданы законы, касавшіеся только угольныхъ копей. Первый изъ этихъ законовъ расширялъ нѣсколько власть инспекторовъ и ставилъ имъ въ обязанность доносить статсъ-секретарю о всѣхъ несчастныхъ случаяхъ и случаяхъ смерти въ коняхъ. Вторымъ закономъ еще болѣе расширялъ власть инспекторовъ и давалъ имъ право вмѣстѣ съ статсъ-секретаремъ составлять отдѣльные правила для отдѣльных копей; эти правила вывѣшивались въ коняхъ и раздавались всѣмъ рабочимъ. Въ 1860 году является законъ, запрещающій работать въ коняхъ ранѣе двѣнадцатилѣтняго возраста; исклю-

РИСУНКИ ПОЛЬСКИХЪ ИЛЛЮСТРАТОРОВЪ.
РИСУНОКЪ ПОНТКОВСКАГО.

„Лилия“. Баллада Мицкевича.
Рѣзалъ на деревѣ Конаржевскій въ Варшавѣ.

Гервасій.

Изъ поэмы Мицкевича «Панъ Тадеушъ». Рѣзалъ на деревѣ К. Нейманъ въ Варшавѣ.

Сестра милосердія.

Романъ Эдмона и Жюль Гонкуръ.

Переводъ П. Лѣтнева.

(Продолженіе.)

XXVII.

ченіе дѣлается для дѣтей десятилѣтняго возраста, представившихъ свидѣтельство, что они умѣютъ читать и писать, или что они, по крайней мѣрѣ, два раза въ недѣлю посвящаютъ по три часа школь. Для наблюденія за паровиками признается возможнымъ допускать только восемнадцатилѣтнихъ юношей. Такъ постепенно улучшалось въ Англіи положеніе рабочихъ въ коняхъ и сами рабочіе стремились къ этимъ улучшеніямъ. Въ 1860 году они писали: «Глубоко сознавая благотворное вліяніе законодательныхъ постановленій, мы просимъ инспекцію угольныхъ копей о совершенномъ исключеніи изъ угольныхъ копей женщинъ и дѣтей моложе десяти лѣтъ» и «желаемъ, чтобы эти правила распространились и на копи желѣзной руды, а также просимъ объ устройствѣ школъ для обученія рудокоповъ, чтобы они могли лучше исполнять свое дѣло». «Изъ практики они видятъ, что, занимая дѣтей отъ 10 до 14 лѣтъ работой болѣе чѣмъ втеченіи восьми часовъ, нечего думать о хорошихъ результатахъ ученія, а невѣжество есть главная причина низкаго общественнаго положенія рудокоповъ вообще. Вслѣдствіе этого они просятъ въ слѣдующемъ биллѣ обратить вниманіе на обученіе дѣтей отъ 10 до 14 лѣтъ». Болѣе широкаго образованія и болѣе настоятельнымъ образомъ просили рудокопы и углекопы въ 1860 году. Далѣе они предлагали въ 1864 году смѣнную систему, чтобы дѣти работали и въ коняхъ и въ школь,—не менѣе четырехъ часовъ въ день въ послѣдней. Такъ шагъ за шагомъ, при помощи заявленій со стороны самихъ рудокоповъ и при помощи новыхъ законодательныхъ мѣръ, улучшалось положеніе этихъ труженниковъ въ Англіи. Въ Пруссіи, кромѣ основныхъ законовъ, касающихся подземныхъ работъ, издано множество полицейскихъ распоряженій, которыя довольно полно предусматриваютъ разныя мелочи, могущія гибельно отозваться на работающихъ въ коняхъ. Такъ, напримѣръ, полицейское распоряженіе, изданное въ Галлѣ въ 1873 году и вступившее въ силу съ 1 января 1874 года, заключаетъ въ себѣ до 123 параграфовъ, опредѣляющихъ весь ходъ подземныхъ работъ, всѣ предосторожности, всѣ способы разработки. Всѣ подобныя распоряженія, конечно, значительно улучшаютъ положеніе рудокоповъ и углекоповъ. Оно теперь стоитъ гораздо лучше, чѣмъ было въ тѣ времена, о которыхъ писалъ, напримѣръ, Энгельсъ, въ своемъ замѣчательномъ трудѣ, но еще законодательству и наукѣ остается сдѣлать многое, чтобы этотъ трудъ не такъ вредно дѣйствовалъ на людей. Можно только радоваться, что мы уже далеко ушли отъ того времени, когда и ученые, и правительства, и общества смотрѣли на это дѣло такъ, какъ смотрѣлъ на него, напримѣръ, знаменитый Тюрго. Онъ не признавалъ полезными даже простыя полицейскія правила для охраненія безопасности рабочихъ и говорилъ: «Каждый человѣкъ на столько заинтересованъ сохраненіемъ своей жизни, что нечего напоминать ему о предосторожностяхъ въ подземныхъ работахъ». Эти времена отъ насъ далеки.

Въ работѣ углекоповъ нужно покуда, какъ мы уже говорили, употреблять не мало напряженія и усилій. Съ опасностью жизни ищетъ иногда углекопъ выхода изъ копей, гдѣ уже выбранный весь уголь и гдѣ своды грозятъ ежеминутно обрушиться. Еще тяжелѣе ему въ узкихъ и низкихъ проходахъ протаскивать ящики съ углемъ; каждый ящикъ одинъ рудокопъ тащитъ впередъ, другой толкаетъ сзади. Не мало напряженія тратится на это дѣло, прежде чѣмъ уголь доставится къ подъемной машинѣ, гдѣ его накладываютъ въ ведра или корзины и поднимаютъ вверхъ въ подъемномъ колодцѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Барнье до слѣдующаго утра не появлялся въ больницѣ. На другой день онъ вернулся, испачканный до колѣнъ землею и грязью. Никто не зналъ, гдѣ онъ провелъ эту ночь. Онъ взбѣжалъ на лѣстницу и машинально дошелъ до половины залы. Занавѣсы у кровати Ромены были задернуты, ящикъ снятъ. Онъ пошатнулся, искалъ на что опереться. Наткнувшись на столъ, онъ сѣлъ на него, свѣсивъ ноги. За нимъ слышенъ былъ шумъ шаговъ людей, что-то несущихъ. Шопотъ ужаса пробѣжалъ по кроватямъ. Два служителя съ закрытыми носилками задѣли его мимоходомъ. Они осторожно поставили носилки возлѣ кровати, сняли и положили на полъ выпуклую крышку, покрытую навощеннымъ полотномъ. Занавѣсы раздвинулись на желѣзныхъ прутьяхъ, и появилась, лежавшая на кровати, длинная фигура, завернутая въ простыню, завязанную большимъ узломъ сверху и снизу. Одинъ изъ служителей взялся за верхній узелъ, другой—за нижній; они подошли къ носилкамъ и, низко согнувшись, опустили въ ящикъ то, что было завернуто въ простыню. Крышка упала съ глухимъ стукомъ и служители удалились съ своей тяжелой ношей.

Барнье сидѣлъ, не двигаясь, и смотрѣлъ, ничего не видя, все на одно и то же мѣсто. Передъ нимъ была пустая кровать съ занавѣсами, переброшенными черезъ перекладину. Откинутае одѣяло спускалось на полъ. Подушка и скомканныя простыни валялись возлѣ кровати, и на полнявшемъ матрацѣ косвенный лучъ солнца обрисовывалъ вдавленную форму тѣла.

XXVIII.

Въ этотъ вечеръ царствовало большее оживленіе въ дежурной залѣ, гдѣ студенты давали обѣдъ ассистентамъ. Послѣ обѣда, за чашками кофе завязались споры, и въ залѣ, наполненной табачнымъ дымомъ, поднялся шумъ и крикъ. Въ ту минуту, какъ бутылка съ коньякомъ, переходя изъ рукъ въ руки, дошла до Барнье, онъ, никогда не пившій вина, схватилъ ее и налилъ до половины свою пустую чашку.

— О, эти сестры милосердія,—я ихъ очень хорошо знаю! говорилъ кто-то пронзительнымъ голосомъ, на другомъ концѣ стола:—я тебѣ говорю, что когда лежала въ госпиталѣ моя любовница, такъ онѣ даже не перемѣняли на ней бѣлья,—и все потому, что она была незамужняя... Вотъ какова ихъ прославленная христіанская любовь! И потомъ, какая разница въ ихъ обращеніи съ тѣми больными, которые исповѣдуются и другими... Все это обычно... я ничего не говорю противъ этого... но ужъ слишкомъ превозносятся этихъ сестеръ милосердія! Многія сидѣлки и надзирательницы не хуже ихъ... а о нихъ не кричать!

— О! о! заговорило нѣсколько голосовъ.

— Такъ, по твоему, несправедливо превозносятся сестеръ милосердія? серьезно спросилъ Барнье, положивъ трубку на столъ.—Да развѣ мы ихъ не знаемъ также хорошо, какъ ты? Развѣ мы ихъ не видимъ? Развѣ здѣсь есть такіе, которыя отвертываются отъ больной, только потому, что у нея нѣтъ брачнаго свидѣтельства?.. Чортъ возьми! эти женщины отказываются отъ всего, проводятъ день и ночь въ госпиталѣ, трудятся какъ какія-нибудь машины, находятся въ безпрестанномъ соприкосновеніи съ самыми отвратительными изъями и болѣзнями! Эти женщины проводятъ жизнь, утѣшая больныхъ, напутствуя умирающихъ,—и не имѣютъ взамѣнъ той поддержки, которая есть у насъ,—общественной жизни, честолубія, любви къ наукѣ... И ты на-

ходишь, что всего этого мало!.. Да я приведу тебѣ сюда перваго бродягу съ улицы, пусть онъ посмотритъ, какъ онѣ обмываютъ и перевязываютъ раны, въ которыхъ завелись черви... такъ и онъ поклонится имъ!.. Передъ такимъ самоотверженіемъ, какъ ни философствуй, а невольно преклонится всякій!..

— Какъ ты горячишься, Барнье! прервалъ его противникъ;—впрочемъ, это неудивительно... этотъ вопросъ задѣваетъ тебя лично... У тебя свои причины принимать сторону сестеръ милосердія.

— Причины? какія же? спросилъ Барнье, опираясь залпомъ чашку съ коньякомъ.

— Не ребячься... ты очень хорошо знаешь... Мы здѣсь между своимъ, нечего таиться!

— Когда ты кончишь, сказалъ Барнье, опершись подбородкомъ на руку.

— Честное слово! ты не разыгрываешь романа съ сестрой Филоменой, вотъ уже годъ?

Барнье пожалъ плечами.

— Я считалъ тебя глупымъ, сказалъ онъ,—но все не такъ.

— Ты-то, можетъ быть, и не задѣтъ... не знаю. Что же касается сестры Филомены...

— Оставь меня въ покоѣ!

— Она... это дѣло другое! Ты вскружилъ ей голову... И не мудрено! У сестеръ милосердія воображеніе ничѣмъ не занято...

— Послушай, сказалъ Барнье, поднося къ губамъ пустую чашку,—ты пьянъ.

— Не потому-ли, что я вижу то, что видятъ всѣ. Сестра Филомена вертится вокругъ тебя, какъ бабочка вокругъ огня, и смотритъ на тебя такими глазами... однимъ словомъ, такими, какъ онѣ всегда смотрятъ, когда затроуты... Нечего отнекиваться! я тебѣ говорю то, что извѣстно всѣмъ, даже сидѣлки объ этомъ толкуютъ!

— Такъ ты говоришь, что сестра Филомена...

Внезапный свѣтъ озарилъ Барнье. Онъ припомнилъ всѣ ничтожныя обстоятельства, всѣ мелочи, на которыя онъ не обращалъ вниманія во время болѣзни Ромены, и ему стало ясно значеніе всего этого.

— Ну, согласенъ-ли ты теперь?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Барнье, наливая себѣ еще коньяку.

— А! такъ это скромность?.. Поздравляю!

— Ну! вскричалъ Барнье,—ты дурной человѣкъ!

И, положивъ локти на столъ, онъ сталъ пить медленными глотками коньякъ изъ своей чашки. Онъ чувствовалъ, что съ каждой минутой пьянѣетъ все болѣе и болѣе.

— Какъ ты пьешь сегодня! сказалъ ему Маллиуаръ:—что съ тобой?

— Ничего, сегодня мнѣ хочется пить, отвѣчалъ Барнье отрывисто и началъ пристально слѣдить за карточной игрой двухъ ассистентовъ. Чрезъ полчаса онъ подошелъ къ товарищу, и, какъ бы пробуждаясь отъ сна, сказалъ:—Такъ правда то, что ты говорилъ про сестру Филомену? ты въ этомъ увѣренъ?..

Тотъ пожалъ плечами. Барнье обнялъ его за шею и продолжалъ нагнувшись къ нему:

— Видишь-ли... я хочу спросить у тебя... ты опытишь всѣхъ насъ... ты долженъ былъ испытать все это... Ну! скажи мнѣ, случалось тебѣ когда-нибудь думать о монахинѣ? Это нѣчто недоступное... что пугаетъ и въ то же время привлекаетъ... Въ этомъ-то и заключается вся прелесть... въ запретномъ плодѣ! докончилъ Барнье съ блестящими глазами.

— Такъ что-жъ изъ этого? спросилъ Маллиуаръ.

— То, что она сейчасъ будетъ обходить больныхъ, и мы посмотримъ...

Барнье всталъ.

— Постой, Барнье, ты пьянъ... ты надѣлаешь глупостей!

Но Барнье, довольно твердо державшійся на ногахъ, уже вышелъ, прошелъ дворъ, взомель на лѣстницу и, войдя въ первую залу, увидѣлъ сестру Филомену одну, въ кухнѣ. Онъ вошелъ туда. Въ маленькой комнатѣ было жарко, какъ въ банѣ, и горячій воздухъ такъ и пахнулъ ему въ лицо. Филомена, стоя къ нему спиной, разогрѣвала какое-то лекарство. Онъ схватилъ ее за обѣ руки и приблизилъ къ ней губы, но Филомена, собравъ всѣ силы, освободилась изъ его рукъ и ударила Барнье въ лицо... Одно мгновеніе онъ хотѣлъ отвѣчать ей тѣмъ же, но испугался самого себя... Выйдя изъ залы, онъ быстро спустился съ лѣстницы и, сѣвъ на ступеняхъ крыльца, захватилъ въ горсть снѣгу и приложилъ его къ головѣ. Онъ вошелъ въ залу совершенно отрешенный.

— Ну? спросилъ его товарищъ.

— Ну, я дамъ пощечину тому, кто осмѣлится отнестись къ сестрѣ Филоменѣ не съ должнымъ уваженіемъ.

XXIX.

На другой день Барнье проснулся съ чувствомъ отвращенія къ самому себѣ и той низкой трусости за послѣдствія, какую обыкновенно испытываютъ послѣ безчестнаго поступка. Когда насталъ вечеръ, онъ очень удивился, что не получилъ выговора отъ начальства. На другой день онъ все еще ждалъ, и такъ прошла недѣля. Отъ сестры Филомены не поступило никакой жалобы къ начальству.

По временамъ, при воспоминаніи того, что онъ сдѣлалъ, краска стыда бросалась ему въ лицо. Въ своихъ собственныхъ глазахъ онъ ничѣмъ не могъ извинить себя. Онъ не любилъ Филомену, ему никогда даже не приходила въ голову мысль о любви къ ней. Конечно, онъ находилъ удовольствіе въ разговорахъ съ нею; ему пріятны были тѣ минуты, которыя онъ проводилъ съ нею въ ея рабочемъ кабинетѣ, въ атмосферѣ тихаго сіянія, окружавшаго ее. Онъ привыкъ къ ея голосу, взгляду, жестамъ, къ ея дружеской фамильярности, и ни разу мысль его не развѣнчивала ее отъ ореола чистоты и самоотверженія. Въ часы самыхъ дружескихъ бесѣдъ, она была для него болѣе, какъ другомъ, и онъ считалъ, что она тоже смотритъ на него, какъ на товарища. Его послѣдняя дерзкая выходка была сдѣлана подъ вліяніемъ безумнаго отчаянія и потрясенія послѣ смерти Ромены; подъ возбужденіемъ виновныхъ паровъ, онъ бросался на рискъ безъ надежды и даже безъ желанія успѣха, чтобъ только какъ-нибудь освободиться отъ преслѣдовавшихъ его мучительныхъ сожалѣній.

Мало-по-малу мысль о Филоменѣ въ немъ исчезла и онъ вернулся къ воспоминанію о Роменѣ. Онъ могъ думать только о ней.

Онъ вспоминалъ о томъ времени, когда разстался съ нею впервые, и для того, чтобъ забыть отъ этихъ воспоминаній, онъ окунулся съ головой въ самыя грязныя наслажденія, стараясь заглушить вопль разбитаго сердца! Онъ свидѣлся съ нею въ госпиталѣ, какъ съ любовницей, съ которой разстался на время. При взглядѣ на нее, онъ забылъ все: ея измѣну, ея любовниковъ, все ея прошлое. И вотъ, снова наставала разлука, и на этотъ разъ уже вѣчная! Все было кончено; отъ нея не оставалось ничего, кромѣ воспоминанія объ исчезнувшей любви. Онъ желалъ бы вѣрить, надѣяться на свиданіе въ лучшемъ мірѣ... И мысль о ея смерти не давала ему покоя,—она преслѣдовала, окружала, привлекала, охватывала его воображеніе, какъ взглядъ охватываетъ пространство. Все въ немъ и вокругъ него казалось носило трауръ по этой жемчужинѣ. Онъ задыхался подъ тяжестью самыхъ мрачныхъ, угрюмыхъ мыслей и чувствовалъ себя

безсильнымъ противъ осаждавшихъ его воспоминаній, которыя онъ самъ противъ воли вызывалъ ежеминутно въ своемъ воображеніи. Тогда онъ началъ пить, для того, чтобъ забыться.

XXX.

Барнье ежедневно погружался въ забытие опьяненія съ такою же страстью, какъ восточные народы предаются употребленію хашша. Ему нравилось это почти мгновенное опьяненіе, приливавшее къ его мозгу изъ всѣхъ поръ его существа,—опьяненіе легкое, духовное, во время котораго у него выросли крылья, уносившія его далеко въ область безумныхъ грезъ.

Онъ съ наслажденіемъ приступалъ къ приготовленію напитка: наливъ абсента на дно стакана, онъ вдыхалъ въ себя ароматный запахъ травъ, изъ которыхъ составлена эта водка, затѣмъ капля по каплѣ вливалъ туда воды, отчего образовывались на жидкости небольшіе бѣловатые разводы перламутроваго цвѣта; онъ долго всматривался въ нихъ, затѣмъ снова брался за графинъ, наклонялъ его, наливалъ полный стаканъ и выпивалъ зеленоватую жидкость. Онъ пилъ—и какъ будто пробуждался отъ кошмара. Мрачныя мысли исчезали, улечивались самими собою. Умершая Ромена превращалась въ какой-то блѣдный призракъ. На воспоминанія былъ наброшенъ розовый покровъ. Онъ пилъ и наслаждался горячкой крови, электричествомъ, отъ котораго содрогалось все его внутреннее существо, обрывками идей, оживленно бродившими въ его головѣ, и новой, усиленной дѣятельностью умственныхъ способностей. То не было тупое, животное, чувственное опьяненіе; напротивъ, то была острота ощущеній, переходившая изъ его вѣнечныхъ органовъ, въ таинственные, внутренніе проводники впечатлѣній и чувствъ. Его умъ и воображеніе, такъ сказать, улечивались, дѣлались чувствительнѣе, ему представлялись поэтическіе образы, быстро мѣнявшіеся, какъ во снѣ. Душа его рвалась въ невѣдомыя пространства, распускалась въ неизъяснимомъ щекотаніи блаженства, въ порывѣ къ чему-то лучезарному, какъ младенецъ, который порывается къ видѣніямъ, окружающимъ его колыбель. Какой-нибудь обрывокъ фразы упорно запечатлѣвался въ его памяти; мало-по-малу образы становились волнистѣе, неопредѣленнѣе, туманнѣе; имъ овладѣвала блаженная истома: Барнье засыпалъ съ открытыми глазами, въ счастливой безсознательности растенія, нѣжащагося въ атмосферѣ теплой оранжереи, или мечтателя, пригрѣтаго солнечнымъ лучомъ.

Чѣмъ болѣе Барнье упивался этой ненормальной жизнью, ея наслажденіями и экстазами, тѣмъ глубже чувствовалъ онъ свое паденіе, отрезвляясь. Обыденная жизнь и обыденныя чувства сдѣлались для него невыносимо однообразны. Пошлость дѣйствительности нагоняла на него безпредѣльное отвращеніе и скуку. Въ тѣсной атмосферѣ, окружавшей его, онъ испытывалъ то же, что человѣкъ, запертый въ подземельи и видящій въ отверстіи лучъ солнца, какъ бы дразнящій его. А воспоминанія не переставали преслѣдовать его... Состояніе опьяненія сдѣлалось для него почти нормальнымъ, а дѣйствительная жизнь—тяжелымъ бременемъ, ложью, мистификаціей. Даже силы для умственного труда онъ почерпалъ въ винѣ; ему казалось, что его отяжелѣвшій мозгъ внезапно наполняется какимъ-то тонкимъ, острымъ, свѣтлымъ газомъ, способность къ пониманію усиливается такъ, какъ будто онъ былъ одаренъ ясновидѣніемъ. Онъ разрѣшалъ съ перваго раза все, что прежде такъ затрудняло его. Передъ нимъ открывались новыя сферы, самыя трудныя вопросы дѣлались легкими. Онъ находилъ въ своемъ умѣ остроту пониманія, которую прежде не создавалъ. И это возбужденное, лихорадочное состояніе дѣйствовало не на одинъ

его умъ, но и на тѣло. Никогда еще онъ такъ ловко не исполнялъ своего ремесла, никогда руки его не дѣлали искуснѣе, тверже и заботливѣе небольшихъ операцій и перевязокъ.

Но вскорѣ привычка притупила въ немъ блаженныя ощущенія, возбуждаемыя винными парами. Они не переносили его уже въ другой міръ, гдѣ возобновлялся весь его организмъ. Теперь ему вступалъ въ голову только временный туманъ, минутное заблужденіе, которые тотчасъ же разсѣивались, снова предоставляя его дѣйствительной жизни и самому себѣ. Понадобилось увеличить порцію яда. Каждый день онъ прибавлялъ по немногу и довелъ дозу абсента до того количества, когда она, повидимому, должна убить человѣка на мѣстѣ, мгновенно, какъ ударомъ грома: онъ дошелъ до того, что пилъ почти чистый алкоголь въ семьдесятъ градусовъ. И съ каждымъ днемъ онъ погружался все болѣе и болѣе въ это искусственное блаженство, прекращавшее его муки и боль его сердца. Вино не приводило его въ состояніе возбужденія, такъ восхищавшее его вначалѣ; оно погружало его только въ сладкую истома, въ сладострастное головокруженіе, въ изнѣженное, расслабляющее безчувствіе, въ экстазъ, полный призрачныхъ видѣній, ублаживавшихъ его, какъ тихое качаніе гамака, уносившихъ его мысль въ безпредѣльное пространство.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ много пить, онъ почти ничего не ѣлъ. Онъ не чувствовалъ голода. Его желудокъ, повидимому, отвергалъ все, кромѣ жгучаго напитка. За обѣдомъ онъ разрѣзывать мясо на куски, разбрасывалъ ихъ по тарелкѣ и оставлялъ нетронутыми. Сначала товарищи пробовали шутить надъ нимъ, но Барнье отвѣчалъ на шутки съ такимъ бѣшеннымъ гнѣвомъ, что его оставили въ покоѣ. Однако, онъ не худѣлъ; напротивъ, его охватила та нездоровая полнота, которая происходитъ отъ излишествъ. Маливуаръ замѣтилъ, что у него явилась привычка безсознательно загигать большой палецъ,—и ему стало страшно за эту привычку, которая почти всегда появлялась у больныхъ, незадолго до смерти.

XXXI.

— Такъ ты хочешь убить себя? сказалъ Маливуаръ Барнье, наливавшему себѣ шестой стаканъ абсента.

— Убить себя!.. и Барнье презрительно пожалъ плечами вмѣсто отвѣта.

Маливуаръ, пріятель и сверстникъ Барнье, былъ искренно къ нему привязанъ и всѣми силами старался отвлечь его отъ употребленія опаснаго напитка. Ни просьбы, ни угрозы не помогали; Барнье выслушивалъ его въ молчаніи, пожималъ плечами и продолжалъ пить. Барнье, подъ наружнымъ покровомъ холодности, обладалъ одной изъ тѣхъ страстныхъ, сосредоточенныхъ натуръ, которыя остаются незамѣченными для поверхностнаго наблюдателя и выдаютъ себя глубоко затаеннымъ огнемъ взгляда и силой краснорѣчія. У него былъ одинъ изъ тѣхъ нервно-желчныхъ темпераментовъ, гдѣ самостоятельный складъ ума соединяется съ рѣшительной волей и нравственнымъ мужествомъ и заставляетъ идти наперекоръ принятымъ идеямъ, усвоеннымъ средой и воспитаніемъ.

На минуту, однако, Барнье остановился на краю пропасти. Посреди бездны унынія, распушенности и отвращенія къ жизни, въ немъ оставалось еще одно живое, не совсѣмъ умершее чувство: честолюбіе. Онъ хотѣлъ добиться золотой медали, составляющей предметъ всѣхъ мечтаній ассистента. Онъ не выдержалъ экзамена и въ больницѣ начинали жаловаться на его небрежность къ службѣ; онъ понималъ, что медаль, на которую онъ имѣлъ право рассчитывать, ускользаетъ изъ его рукъ. Эта горькая мысль отрешивала его. Онъ опомнился, анализировалъ себя и испугался. Умъ его отяжелѣлъ и впалъ въ ка-

Практическія послѣдствія суевѣрія.

Ст. д-ра Мангардта.

(Продолженіе.)

Расскажу теперь о печальномъ случаѣ, получившемъ обширную извѣстность,—о томъ, какъ утопили вѣдму на Гела. Случай этотъ единственный въ своемъ родѣ, такъ какъ въ совершеніи

ствомъ. Умѣя читать и писать, нахватавшись нѣсколько латинскихъ словъ, слышанныхъ имъ въ церкви и смия имъ на право и на лѣво, произведя нѣсколько удачныхъ леченій, Каминскій достигъ извѣстности и славы, какъ искусный врачъ людей и животныхъ.

Иоганъ Конкель изъ Цейнова болѣлъ съ начала 1834 г., а съ Троицына дня 1836 г. лежалъ въ постели. Жена его отправилась въ концѣ іюля этого года въ Пуцигъ, съ цѣлю пригласить къ больному живаго по близости въ мѣстечкѣ Польшау, знахаря Станислава Каминскаго. Она встрѣтила его въ Пуцигѣ и повела съ собою. Онъ прописалъ ванны и втиранія; сходявъ въ пуцигскую аптеку за лекарствомъ, онъ пробылъ около недѣли у больного. Большую часть времени онъ проводилъ въ трактирѣ, и пилъ водку; въ остальное время онъ занимался больнымъ, гулялъ или игралъ съ дѣтьми своего пациента. Ни съ кѣмъ изъ обитателей Цейнова онъ не сближался. Болѣзнь Конкеля была извѣстна въ деревнѣ; онъ страдалъ вздутіемъ живота, водяной.

Каминскій впродолженіи многихъ лѣтъ занимался знахарствомъ въ окрестностяхъ Пуцига, Нейштадта и Лауенбурга. Онъ былъ шесть разъ привлеченъ къ суду и подвергнутъ наказанію за недозволенное врачеваніе; съ 1828 года, ему запрещено было жить въ этой провинціи, но онъ все-таки ухитрился въ ней остаться.

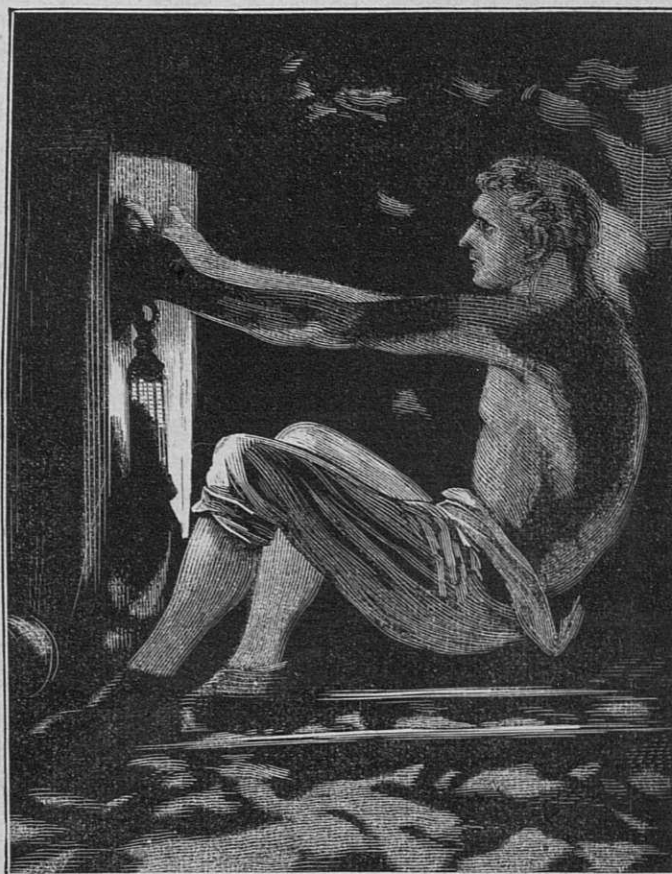
Леченіе Конкеля не имѣло успѣха. Жившая въ Цейновѣ вдова Цейнова (совпаденіе именъ, кажется, случайное) высказала, что онъ не поможетъ больному. Это мнѣніе очень разсердило его и, по собственному

признанію его на судѣ, онъ, по глупости, злобѣ и чувству мести, подумалъ: «если она говоритъ, что я не могу помочь, въ такомъ случаѣ, она сама должна помочь больному».

Вдова Цейнова, 51 года, мать пятирехъ дѣтей, изъ которыхъ старшему было 13, а младшему 4 года, снискивала себѣ пропитаніе тѣмъ, что плела сѣти, пасла скотъ и ловила рыбу. Крестьяне не всегда были довольны тѣмъ, какъ она пасла скотъ, и у нихъ возникло мнѣніе, что она нарочно вредитъ скоту. Мало по малу образовалось убѣжденіе, что она вѣдма, по крайней мѣрѣ, въ деревнѣ всѣ считали ее колдуньей. Если кто заболѣвалъ или умиралъ, изъ людей или животныхъ, всѣ говорили:

«это сдѣлала Цейнова». Она не была замѣчена въ чемъ либо дурномъ, но любила пить водку.

Подобно увѣренности въ колдовствѣ Цейновой, въ жителяхъ деревни сложилось твердое убѣжденіе, что болѣзнь Конкеля происходитъ отъ чорта, что онъ одержимъ злымъ духомъ. Въ дурную погоду, рассказываютъ участники преступленія, у него являлись сильныя боли и животъ становился чернымъ; чортъ ворочался въ немъ

Вывозъ тачки.

Вывозъ тачки.

(Къ ст. «Углекопы».)

кую-то спячку, способность пониманія, вначалѣ возбужденная, почти угасла и ему требовалось невыразимыхъ усилій пробудить ее. Память ускользала отъ него; для того, чтобы удержать что-нибудь въ памяти на нѣсколько дней, ему нужно было сильное напряженіе воли. Въ спорахъ съ товарищами, онъ увидѣлъ себя побитымъ и униженнымъ,—онъ, съ его точнымъ, яснымъ умомъ, былъ пораженъ своей собственной нелогичностью, своей запутанной аргументаціей, вертѣвшейся вокругъ одного предмета, не находя выхода. Онъ сталъ прислушиваться къ самому себѣ, къ своему разговору: въ немъ не было и тѣни ни одной точной, ясной мысли; приливъ образовъ, наплывъ ощущеній не давалъ ему времени обдумать фразу и отлить слова въ форму: онъ вырывался у него безсвязно, отрывисто. Смутныя, разбросанныя мысли не составляли ничего цѣльнаго; нить мышленія внезапно прерывалась въ его мозгу. По временамъ, онъ могъ найти еще острое слово, мѣткое замѣчаніе, но не могъ связать предшествующаго смысла съ предыдущимъ. Онъ колебался, вдругъ останавливался посреди разговора или разсказа, какъ музыкантъ, отыскивая недостающую клавишу. Анализируя себя глубже, онъ нашелъ характеръ свой ожесточеннымъ, первы — разстроенными, расположеніе духа — постоянно раздражительнымъ, тревожнымъ. Въ разговорахъ ему безпрестанно хотѣлось противорѣчить, уязвить своего противника, такъ что товарищи стали, наконецъ, удалиться отъ него. Онъ понялъ, какъ низко онъ упалъ и какъ унижительно была страсть, порабоцавшая его. Нерѣшительность, нравственная распушенность, пассивное равнодушіе къ добру и злу,—вотъ все, что ему осталось взамѣнъ его прежней, благородной личности, и свободнаго, смѣлаго, искренняго мышленія!

Въ физическомъ отношеніи вредъ оказывался еще ужаснѣе. Барнѣе могъ узнать на самомъ себѣ симптомы, описаніе которыхъ онъ читалъ въ медицинскихъ книгахъ: ослабленіе напряженности мускуловъ, слабость въ ногахъ, и по временамъ легкое дрожаніе языка. Охваченный ужасомъ, свойственнымъ тѣмъ, которые изучаютъ различныя болѣзни и видятъ на себѣ ихъ признаки, Барнѣе, блѣднѣя, сталъ изучать самого себя, и, исходя отъ первоначальной идеи до самыхъ страшныхъ примѣровъ, которые представляетъ наука, онъ живо нарисовалъ себѣ ужасные случаи зараженія крови вслѣдствіе чрезмѣрнаго употребленія алкоголя,—онъ зналъ, что людей, злоупотреблявшихъ спиртными напитками, можно считать за живо умершими, за живо охваченными могильнымъ тлѣніемъ!

(Окончаніе слѣдуетъ.)

преступленія замѣшана цѣлая деревня, причемъ всѣ участники дѣйствовали, не подозрѣвая преступности своего дѣйствія и очнулись только, когда умерла ихъ жертва. Мѣстомъ дѣйствія страшной драмы была уединенная прибрежная деревушка Цейново, на полуостровѣ Гела, населенная кассубами, рыбаками; главнымъ дѣйствующимъ лицомъ—нѣкто Каминскій, занимавшійся холощеніемъ скота, кровопусканіемъ и знахар-

и на тѣлѣ въ разныхъ мѣстахъ появлялись толстыя опухоли; часто бывало, что ему ломало все кости. Супруги Конкель говорятъ, что не знали о причинѣ болѣзни, но утверждаютъ, что Каминскій сказалъ тотчасъ же, какъ увидѣлъ больного, что онъ испорченъ. Одинъ изъ подсудимыхъ увѣряетъ, что Конкель, еще до прибытія Каминскаго, выражалъ мнѣніе, что Цейнова испортила его. Самъ Каминскій сказалъ, что онъ тотчасъ же по прибытіи нашель, что больной испорченъ, но въ то время ни на кого еще не имѣлъ подозрѣнія, между тѣмъ до него дошли толки о колдовствахъ Цейновой. Онъ видѣлъ, какъ она, недалеко отъ дома Конкель, копала картофель. Жена Конкеля указала ему на нее, какъ на вѣдьму, испортившую его мужа.

Каминскій узналъ о сомнѣніи въ его врачебныхъ талантахъ, выраженномъ Цейновой, и пожелалъ ей отомстить. Ему было непріятно высказанное ею мнѣніе; оно могло подорвать его знахарскую славу, ослабить уваженіе, которымъ онъ пользовался у остальныхъ жителей деревни. Онъ хотѣлъ во чтобы то ни стало помѣшать этому и средствомъ къ исполненію его намѣренія должна была послужить сама Цейнова.

Утромъ 3-го августа, будучи въ трактирѣ съ двумя пріятелями, Каминскій предложилъ показать имъ вѣдьму, если они созовутъ всехъ деревенскихъ женщинъ. Оба изъявили полную готовность. Тотчасъ послали къ старостѣ. Каминскій повторилъ ему свое предложеніе и указалъ на Цейнову, какъ на вѣдьму. Староста, молодой челов. 23 лѣтъ, послалъ своего помощника въ деревню, созвать всехъ женщинъ съ мужьями въ правленіе. Каминскій, какъ онъ говоритъ, нарочно созвалъ столько народа, чтобы придать гласность дѣлу и имѣть свидѣтелей колдовства Цейновой. Онъ отправился со старостой въ правленіе, куда въ какой нибудь часъ собралось все населеніе деревни. Каминскій разбѣлѣлъ всехъ, сообразно возрасту и полу, сѣлъ за столъ и начертилъ на немъ мѣломъ различныя фигуры, требуя у собравшагося народа, вывести за дверь тѣхъ, на кого онъ укажетъ. Затѣмъ онъ всталъ, подошелъ къ Цейновой и сказалъ:

— Вотъ вѣдьма, которая наслала болѣзнь на Конкеля. 5 лѣтъ тому назадъ, ты повстрѣчалась съ Конкелемъ, когда онъ вернулся съ моря, прошла мимо него и дотронулась до него рукою. Первые два года онъ былъ здоровъ, а съ тѣхъ поръ заболѣлъ по твоей милости.

— Безстыдникъ, какъ смѣешь ты говорить такъ? Можешь-ли ты доказать это? возразила Цейнова.

— Да, отвѣчалъ Каминскій, обратился къ старостѣ и спросилъ, согласенъ-ли онъ предоставить эту женщину въ его распоряженіе? Староста согласился. Каминскій приказалъ вывести Цейнову и объявилъ, что станетъ бороться съ нею, какъ старшій вѣдунъ. Цейнову вывели за дверь. Тутъ знахарь напалъ на нее и сталъ колотить кула-

ками по лицу, носу и рту. Между ними возникла борьба; Цейнова защищалась сколько могла и, наконецъ, обратилась въ бѣгство. Зрители смотрѣли на драку, не принимая въ ней никакого участія, какъ имъ приказалъ Каминскій. Велѣвъ Цейновой Каминскій бросилъ три или четыре камня, величиною съ кулакъ, и однимъ изъ нихъ попалъ ей въ спину. Она хотѣла перелѣзть черезъ заборъ, преграждавшій ей путь, но староста помѣшалъ ей и она принуждена была вернуться къ своему мучителю. Ей снова удалось бѣжать, она бросилась на дорогу въ Гросендорфъ, встрѣтилась тутъ съ своею дочерью Маріаною и объявила ей, что хочетъ бѣжать къ священнику въ Шварцау. Каминскій крикнулъ, чтобы задержали ее, и самъ пустился за нею въ погоню. Маріана Цейнова подошла къ нему и стала просить, чтобы онъ отпустилъ ее мать; онъ было оставилъ ее, но присутствующіе потребовали, чтобы она вернулась. Каминскій приказалъ отвести ее къ больному, что и было исполнено, причемъ вся толпа сопровождала ее. Когда несчастную женщину ввели въ комнату больного

больного, а сама хочетъ свести со свѣта такого молодого человѣка, какъ Конкель. Она переносила спокойно и брань, и побои.

Около полудня, Конкель, по наущенію Каминскаго, побилъ ее въ третій разъ. Послѣ этого, она снова стала растирать ему животъ и просить чорта, чтобы онъ оставилъ больного.

Послѣ обѣда, къ которому допустили и Цейнову, Каминскій легъ спать, потомъ пошелъ въ трактиръ и только въ 4 часа вернулся къ Конкелю. Онъ спросилъ больного, помогла-ли ему Цейнова и, получивъ отрицательный отвѣтъ, посоветовалъ снова побить ее. Больной прибилъ ее въ четвертый разъ; Каминскій снова толкалъ ее погами и сказалъ: «Чортъ не чувствуетъ побоевъ, ее надо бить такъ, чтобы кровь пошла». Тогда Конкель сталъ бить ее палкою по рту, пока не разбилъ въ кровь верхней губы, а Каминскій колотилъ ее каблукомъ по затылку, говоря, что ему нужна ее кровь. Къ вечеру караульные ушли, Каминскій не допустилъ замѣнить ихъ, сказавъ, что въ нихъ нѣтъ надобности, и взялся самъ караулить Цейнову.

Послѣ общаго ужина, состоявшаго изъ молока и мучного кушанья, Каминскій раздѣлся, легъ въ одну постель съ Цейновой, долго говорилъ съ нею вполголоса о томъ, что она испортила больного и должна непременно помочь ему, и проспалъ всю ночь рядомъ съ нею.

Утромъ слѣдующаго дня, выпивъ водки, онъ отправился въ трактиръ. Ему пришлось въ голову испытать Цейнову водою, о чемъ онъ и сообщилъ Конкелю. Одинъ изъ свидѣтелей показалъ, что Каминскій былъ у него въ домѣ, когда прибѣжала жена Конкеля съ извѣстіемъ, что Цейнова хочетъ убѣжать. Все они тотчасъ же отправились въ домъ Конкеля, гдѣ ихъ угощали водкой. Цейнову спросили снова

Исканье выхода.

(Къ ст. «Углекопы».)

со словами «вотъ вѣдьма, которая тебя испортила», Конкель, бывшій до того слабымъ, что не могъ вставать съ постели, приподнялся, вскочилъ, схватилъ палку и бросился на Цейнову. Одинъ изъ крестьянъ, которому Каминскій сказалъ, что Цейнова и его сглазила, ударилъ ее по головѣ, такъ что она упала, а Каминскій сталъ толкать ее ногами, обутыми въ толстые, подбитые гвоздями сапоги; все требовали, чтобы она вылечила больного. Наконецъ, измученная, избитая и запуганная женщина сказала: «да, это я испортила больного, я же и вылечу его. Я помогу тебѣ, Юганъ, но на это нужно время». Тогда ее оставили, она сѣла на постель къ больному, растирала ему животъ и утѣшала его.

Собраніе, мало-по-малу, разошлось. Каминскій потребовалъ поставить караульных, чтобы не дать убѣжать Цейновой. Это было тотчасъ же исполнено. Караульные засѣли за карты, а Цейнова почти все время читала молитвенникъ. Послѣ нѣкотораго затишья, Каминскій посоветовалъ больному снова побить вѣдьму, чтобы заставить ее помочь ему, а самъ упрекалъ ее въ томъ, что она сказала, будто онъ не вылечитъ

намѣрена-ли она, наконецъ, вылечить Конкеля? Она обѣщала вылечить его къ 7 часамъ утра.

Настало 7 часовъ; больной, не почувствовавшій ни малѣйшаго облегченія, снова побилъ ее. Одинъ изъ гостей выразилъ сомнѣніе, дѣйствительно-ли Цейнова вѣдьма. Каминскій вызвался тотчасъ же доказать это, сказавъ, что вѣдьмы плаваютъ на поверхности воды, и что онъ намѣренъ произвести это испытаніе. Онъ пожелалъ, чтобы староста и домохозяева присутствовали при этомъ опытѣ, желая тѣмъ придать дѣлу болѣе гласности и имѣть свидѣтелей колдовства Цейновой. Собрались все, кромѣ старосты, который былъ въ Нейштадтѣ. Каминскій потребовалъ веревку, которую подала ему жена Конкеля. По его требованію несчастной связали руки на груди. Шаговъ за 20 отъ дома Конкеля стояла лодка. Къ ней подвели Цейнову, которая безъ сопротивленія вошла въ нее. Вмѣстѣ съ Цейновой сѣли Каминскій и пятеро крестьянъ, которые на судѣ увѣрили, что вошли въ лодку только въслѣдствіе угрозъ Каминскаго, съ тѣмъ, чтобы посмотреть, какъ Цейнова будетъ плавать. Они отбѣхали шаговъ на триста, до мѣста, гдѣ было около трехъ

сажень глубины. Тутъ Каминскій велѣлъ остано- виться и приказалъ Цейновой спрыгнуть въ воду. Такъ какъ она продолжала сидѣть, несмотря на его приказаніе, онъ велѣлъ ей сосѣду схватить ее и бросить за бортъ. Тотъ исполнилъ приказаніе, уговаривая Цейнову не бояться, такъ какъ ей не дадутъ утонуть. Она держалась на водѣ, при чемъ выдавались плечи и голова; по времени она ложилась на бокъ и погружалась съ головою. Платье ея, изъ толстой шерстяной матеріи, стояло коломъ вокругъ нея. «Если вы хотите утопить меня, топите», кричала она по временамъ. Каминскій обращалъ вниманіе своихъ спутниковъ на то, какъ она хорошо плаваетъ, говоря, что это доказательство того, что она вѣдьма. Тѣ смотрѣли на нее съ удивленіемъ, смѣясь и подшучивая надъ ея искусствомъ. Заставивъ ее проплавать втеченіи четверти часа, Каминскій велѣлъ ѣхать къ берегу, таща за лодкой Цейнову на веревкѣ. Выбравшись на мелкое мѣсто, гдѣ она могла достать дно, Цейнова встала на ноги и толчками помогала движенію лодки.

Все общество направилось въ домъ Конкеля. Каминскій хотѣлъ было отпустить Цейнову домой, но жена Конкеля и нѣсколько другихъ женщинъ не допустили этого. Цейновой развязали руки и она принуждена была снова пойти къ больному. Дрожа отъ холода, она сѣла на сундукъ у кровати, и стала читать молитвенникъ, но была такъ изнурена, что попросила вина для поддержанія силъ, которое было ей дано по настоянію Каминскаго.

Больной вскорѣ снова сталъ требовать, чтобы она помогла ему. Она объявила, что не въ состояніи и онъ схватилъ палку и опять прибилъ ее. Каминскій сдернулъ ее съ сундука, ударилъ нѣсколько разъ по головѣ кулакомъ и палкой, такъ что она упала и толкнувъ каблукъ въ голову. Когда она поднялась на ноги, на полу, гдѣ она лежала, оказалось кровавое пятно. Каминскій утверждаетъ, что одинъ изъ крестьянъ ударилъ ее въ голову желѣзнымъ утюгомъ.

Наконецъ, чтобы выплатить время, Цейнова обѣщала вылечить больного къ 12 часамъ дня. Ее оставили въ покоѣ. Она стала снова читать молитвенникъ, растирала больному животъ, заклинала чорта, просила его оставить больного и уйти въ болота и трясины; называла чорта «Петромъ», увѣряя, что только этотъ чортъ и сидитъ въ Конкелѣ, и что она можетъ вылечить его, произведя колтунъ.

Между тѣмъ, въ домъ Конкеля постоянно приходили мужчины, женщины и дѣти, чтобы посмотрѣть, что будетъ и начала-ли Цейнова леченіе. Всѣ они, казалось, были очень раздражены противъ нея. Каминскій, между тѣмъ, сидѣлъ въ трактирѣ. По возвращеніи, онъ снова упрекалъ Цейнову за то, что она осмѣлилась сказать, что онъ не поможетъ больному. Около 12 часовъ собралось много народа, чтобы присутствовать при обѣщанномъ выздоровленіи Конкеля. Въ 12 часовъ Каминскій спросилъ его, лучше-ли ему, и когда тотъ пожаловался, что все время чувствуетъ боль, рѣшили снова выкупать Цейнову, чтобы припугнуть ее и понудить къ скорѣйшему излеченію.

Ей снова связали руки, и въ сопровожденіи глязюющей толпы вывели за дверь. Цейнова повалилась у порога и отказывалась идти. Каминскій приказалъ поднять ее и отнести въ лодку. Ее силою стащили туда.

Кромѣ Каминскаго и Цейновой, на этотъ разъ сѣли въ лодку шестеро крестьянъ. Всѣ они утверждаютъ, что Каминскій принудилъ ихъ къ этому угрозами и побоями. Когда они отѣхали шаговъ на 200, Каминскій приказалъ остановиться и бросить Цейнову въ воду. Цейнова, до сихъ поръ смирно сидѣвшая въ лодкѣ, стала про-

сить, чтобы пощадили ея жизнь, такъ какъ она желаетъ помочь больному, но Каминскій возразилъ, что она постоянно даетъ это обѣщаніе и не исполняетъ его, почему необходимо ее выкупать, приказалъ спустить ее въ море. Несчастную схватили за плечи и за ноги и выбросили за бортъ. Хотя платье ея не просохло еще отъ перваго купанья, она все-таки держалась на водѣ и плыла. На этотъ разъ она много кричала. Сначала присутствующіе смотрѣли на это купанье со смѣхомъ и любопытствомъ, но, наконецъ, имъ пришло въ голову, что она должна быть страшною питкою для Цейновой, они замѣтили ея утомленіе и изнуреніе, и сказали Каминскому, что онъ долженъ взять ее въ лодку, иначе она утонетъ. Онъ высказалъ мнѣніе, что эта женщина (вѣдьма) и можетъ пробыть 4 часа подъ водою, но все-таки тотчасъ же притянулъ за веревку Цейнову къ лодкѣ и приказалъ грести къ берегу. Онъ придерживалъ несчастную за плечо, а она ухватилась рукою за край лодки. На возвратномъ пути, онъ сказалъ присутствующимъ: «Мы должны выгнать чорта, посмотрите какъ онъ смѣется». Когда они добралась до отмели, Цейнова упала и нѣсколько разъ погружалась съ головою въ воду, а Каминскій приговаривалъ: «Смотрите, чортъ хочетъ утопиться». Отъ боли, причиненной побоями, отъ ранъ на головѣ, и отъ пребыванія въ водѣ, Цейнова совершенно ослабла и изнемогла. Когда лодка подъѣхала къ берегу, сидѣвшіе въ ней увидѣли братьевъ Цейновой, рыбаковъ Зеллинь изъ Хейтерпита, которыхъ позвала Констанція Цейнова. Разсудивъ, что братья несчастной могутъ поколотить ихъ, они выскочили изъ лодки и убѣжали. Каминскій остался въ лодкѣ а Цейнова лежала возлѣ него въ водѣ, внизъ лицомъ. «Когда причалили, говоритъ Каминскій, она вздохнула въ послѣдній разъ и умерла.» Онъ сѣлъ на край лодки выпнулъ перочинный ножикъ, приподнял трупъ за веревку и раза 4 ударилъ по затылку ножомъ. По словамъ его, онъ сдѣлалъ это, чтобы вернуть Цейнову къ жизни. Послѣ этого Каминскій вышелъ изъ лодки, отправился въ домъ Конкеля, объявилъ присутствующимъ, что «чортъ унесъ бабу», и улегся вблизи подъ явкой.

Одинъ изъ крестьянъ выбѣжалъ изъ дому и нашелъ Цейнову, сидящей въ водѣ, прислонясь къ лодкѣ. Она была мертва. Ее вытащили на берегъ, спустя много времени.

Остальные также пришли взглянуть на трупъ; одни трогали его, другіе проходили мимо. Стали совѣщаться, что дѣлать, приставили караулъ къ Каминскому, что бы онъ не убѣжалъ, поручили помощнику старосты созвать народъ и порѣшили общимъ собраніемъ арестовать Каминскаго и донести о случившемся властямъ. Когда это рѣшеніе было объявлено Каминскому, онъ сначала не соглашался, но его принудили подчиниться.

Прочіе участники были также арестованы уже по предписанію суда и приговорены, смотря по винѣ, одни къ пожизненному, другіе къ 20—25-лѣтнему заключенію въ каторжной тюрьмѣ. Сынъ утопленницы, въ то время безпомощный ребенокъ, живетъ и теперь въ Пуцигѣ, занимаясь по- денною работою. Зовутъ его Бернгардтъ Цейновъ. *)

(Окончаніе слѣдуетъ.)

(Продолженіе.)

Глава III.

Героиня является на сцену.

На другой день послѣ ареста Мориса былъ блестящій вечеръ въ красивомъ домѣ въ Отейлѣ, хорошо извѣстномъ «всему Парижу» и находившемся близъ Булонскаго лѣса. Золоченая рѣшетка, выходившая на улицу, и громадная куртина цвѣтовъ среди двора были роскошно плюминованы газовыми рожками и шарами. По обѣимъ сторонамъ подъѣзда, превращеннаго въ палатку съ бархатными занавѣсками, украшенными золотой бахромой, возвышались два грандіозные канделябра. Окна въ обоихъ этажахъ дома, очень высокія и узкія, ярко блестѣли на мрачномъ фонѣ лѣса; садъ, расположенный позади и освѣщенный цвѣтными фонарями, казался лучезарнымъ ореоломъ.

Къ одиннадцати часамъ роскошныя гостинныя и садовыя аллеи кишѣли пестрой толпой, въ которой мѣшались всѣ слои общества, по преобладалъ артистическій міръ. Многочисленныя группы поклонниковъ окружали извѣстныхъ парижскихъ красавицъ.

Среди этой блестящей давки, серьезно расхаживали два человѣка, съ сосредоточенными судейскими физіономіями; одному изъ нихъ было на видъ лѣтъ пятьдесятъ, другому сорокъ и послѣдній былъ очень хорошъ собою.

— Любезный товарищъ, сказалъ старшій, по-видимому, другъ дома, — пойдемъ лучше покурить на терасу; здѣсь страшная духота.

— Нѣтъ, почтенный учитель, обойдемъ еще разъ гостинныя. Я желаю бы снова увидать ее.

— Но для этого намъ пришлось бы пробиться чрезъ тѣсно сжатую толпу. Имѣйте терпѣнье, повторяю, она говорила со мною о васъ.

— Боже мой! что она могла обо мнѣ сказать? Она меня не знаетъ.

— Вы увѣряете, что она васъ не знаетъ, но вы слѣдуете за нею всюду, гдѣ она только появляется и не спускаете съ нея вашихъ пламенныхъ взглядовъ. Когда случайно ея глаза устремляются на васъ, вы краснѣете, какъ ребенокъ, а шепель ея платья заставляетъ васъ вздрагивать. Вы говорите, что она васъ не знаетъ, помилуйте, она васъ только и видитъ. Вы замѣтили, что, проходя по гостиннымъ, она искала кого-то глазами.

— Вы хотите увѣрить, что она искала меня.

— Безъ всякаго сомнѣнія... Три дня тому назадъ, на балу у министра юстиціи, она спросила у меня, какъ васъ зовутъ. Я отвѣчалъ: «это новый слѣдователь, онъ изъ Пуатье, Оскаръ Вершемонтъ». Она тогда спросила: «ему, кажется, поручено, слѣдствіе по дѣлу бѣдной Лей Меданъ?» Вы видите, мой другъ, что она васъ знаетъ и интересуется вами.

— Или скорѣе несчастной Меданъ, съ которой, говорятъ, она была дружна.

*) Сравни Böttcher, der Seebadeort Zoppot. Danzig 1842. S. 70 Fl. Ceypowa a. a. O. 16 ff, а также сочиненіе пастора X, «Ein finsterner Winkel im deutschen Vaterlande», Gartenlaube 1872. № 12, въ которомъ нѣкоторые указанія сдѣланы со словъ очевидца, со- сѣдняго помѣщика. Къ сожалѣнію, рассказанная тутъ же романическая исторія Мрачежа и Эсфири Стреллинь составляетъ вымыселъ сочинителя.

— Не думаю.

— Но кто же она такая, наконец? Я не разъ предлагалъ вамъ этотъ вопросъ и всегда вы отвѣчали съ улыбкой: «это очень важная и вліятельная особа, а главное, это самая красивая женщина въ Парижѣ». Но этого мнѣ мало.

— Хорошо, я передамъ вамъ все, что знаю о ней, но, ради Бога, пойдѣте въ курильную, тамъ, кажется, мало публики.

И наши друзья поспѣшно направились въ курильную, устроенную на терасѣ, усѣлись передъ окномъ, выходившемъ въ садъ, и закурили сигары.

— Я буду съ вами откровененъ, началъ собесѣдникъ Вершмона. — Что дѣлаетъ эта женщина? Никто не знаетъ. Ея жизнь для всѣхъ тайна, ея поведеніе безукоризненно, она живетъ на большую ногу. Откуда у нея столько денегъ? Никому не извѣстно. На нее хорошо смотреть при дворѣ и она часто бываетъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, но она нигдѣ не принята официально. Вотъ факты. Теперь перейдемъ къ толкамъ. Говорятъ, что она нѣмецкая шпионка, что она не француженка, а молдаванка, и находится на службѣ Пруссіи. Другіе увѣряютъ, что она нѣкогда доставала много денегъ займы императору Наполеону, третьи утверждаютъ, что она его любовница, а я полагаю, хотя не могу утверждать, что все это неправда... Вернемся къ фактамъ. Ее зовутъ Иза-Жоржина Зинска. Ея семья княжеская; она пріѣхала во Францію нѣсколько лѣтъ тому назадъ и вышла замужъ за богатаго финансиста Фернана Сеглена. Она поэтому теперь вдова Сегленъ, но ее всѣ знаютъ подъ именемъ красавицы Изы Сегленъ-Зинска. Банкиръ, какъ всѣ банкиры, которые женятся на княжнахъ, разорился. Потомъ онъ умеръ въ сумасшедшемъ домѣ, а вдова, по ликвидаціи его дѣлъ, получила обратно свое приданое. Теперь она очень богата и говоритъ всѣмъ открыто, что желаетъ любить, но не желаетъ снова выйти замужъ. Вотъ все, что я могу сказать вамъ о ней... Но объ чемъ это вы такъ задумались.

Молодой человѣкъ пристально смотрѣлъ въ садъ.

— А! продолжалъ его собесѣдникъ, — вы видите какъ мы хорошо сдѣлали, что пришли сюда. Въ гостинныхъ мы едва-ли бы могли подойти къ ней, а теперь она идетъ сюда, къ намъ, привлекаясь вашей тайной притягательной силой.

Молодой человѣкъ поспѣшно отскочилъ отъ окна, опустивъ голову и схватившись рукою за сердце. Его глаза только что встрѣтились съ глазами красавицы.

— Чортъ возьми, да вы не на шутку влюблись, надо принять мѣры, сказалъ со смѣхомъ его другъ.

Молодая женщина, возбуждавшая эту пламенную любовь, была вполнѣ ея достойна. Она шла, окруженная толпою поклонниковъ и сіяла своей чарующей красотой, отъ которой меркли блескъ люстры и газовой иллюминаціи.

На взглядъ ей было лѣтъ двадцать, двадцать пять; ея каріе бархатные глаза окаймлялись длинными рѣсницами, придававшими нѣжную томность ея взгляду; длинный, слегка сгорбленный носъ отличался утонченной, благородной линіей; розовыя ноздри соблазнительно раздувались въ минуты волненія; пунцовыя губы, великолѣпно очерченныя, обнаруживали въ прелестной улыбкѣ рядъ перламутровыхъ зубовъ; маленькія уши казались прозрачными, а прекрасный, невинный лобъ былъ осыненъ роскошными, черными, какъ вороново крыло, волосами.

Мы можемъ указать цвѣтъ и вообще вѣнныя признаки ея лица и фигуры, но невозможно передать словами всей прелести дикой граціи и очаровательнаго достоинства этой великолѣпной женщины. Сложенная, какъ древнія красавицы,

которыхъ обезсмертили греческіе скульпторы, она была большого роста, полная, гибкая, съ роскошными, молодыми, изящными формами. Ея блестящій взглядъ и соблазнительная улыбка обнаруживали страстный пылъ, нисколько не оправдываемый ея жизнью.

Прелестная Иза Сегленъ-Зинска была великолѣпно одѣта. На ней было длинное бѣлое шелковое узкое платье, обрисовывавшее ея античное тѣло; открытый корсажъ, походившій скорѣе на кушакъ, обнаруживалъ блестящія плечи и шею, а длинныя, почти до локтя, перчатки обхватывали маленькія, совершенно дѣтскія руки. Общее впечатлѣніе, производимое ею, выражалось однимъ восторженнымъ крикомъ:

— Ахъ, какъ она хороша!

Глаза красавицы Изы встрѣтились съ глазами Оскара Вершмона и онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ ея пламеннаго взгляда, опустилъ голову и машинально бросилъ сигару.

— Пользуйтесь удобнымъ случаемъ, замѣтилъ его другъ и, взявъ его за руку, повелъ къ группѣ, окружавшей Изу.

Оскаръ Вершмонъ повиновался, не давая себѣ яснаго отчета, что онъ дѣлалъ, или, лучше сказать, что съ нимъ дѣлали.

Друзья сошли нѣсколько ступеней, отдѣлявшихъ курильную отъ сада и направились къ хозяйкѣ. Въ двухъ шагахъ отъ нея, Оскаръ вдругъ остановился и какъ бы приросъ къ землѣ.

— Прелестная хозяйка, сказалъ его другъ, — позвольте мнѣ выразить вамъ весь мой восторгъ. Вы прелестнѣйшая и граціознѣйшая изъ женщинъ, вы лучезарное свѣтило, вокругъ котораго мы всѣ вращаемся.

— А вы самый любезный и милый мужчина.

— Позвольте представить вамъ моего молодого друга, Оскара Вершмона, одного изъ самыхъ пламенныхъ вашихъ поклонниковъ.

— Я буду очень рада, если вы согласитесь сопровождать на мои вечера г. Матъе-де-Талли, моего лучшаго совѣтника и друга.

Молодой слѣдователь былъ смущенъ ея прелестной улыбкой, онъ не зналъ, что сказать и молча держалъ въ своей дрожащей рукѣ протянутую ему прелестную руку.

— Я сочту... это за величайшую честь, пробормоталъ онъ, наконецъ; — я не знаю выше счастья...

Матъе съ улыбкой смотрѣлъ на смущеніе своего пріятеля и знаменательно переглянулся съ красавицей Изой, какъ бы говоря: «а что я вамъ сказалъ, развѣ онъ не влюбленъ въ васъ до безумія».

Въ эту минуту раздался въ залѣ звуки веселаго вальса и онъ воспользовался этимъ, чтобъ вывести Оскара изъ затруднительнаго положенія, которое уже принимало комичный характеръ.

— Вы слышите, любезный Оскаръ, сказалъ онъ: — вальсъ. Онъ не смѣетъ, судариня, пригласить васъ, а старается отъ желанія съ вами танцовать.

— Извините, я ослѣпленъ вашей красотой и, правда, не рѣшаюсь попросить у васъ туръ вальса.

— Пойдемте, отвѣчала она, подавая ему руку.

И они пошли въ бальную залу. Иза сіяла удовольствіемъ, а Оскаръ, надо сознаться, шелъ нерѣшительно, дрожа всѣмъ тѣломъ, какъ пьяный или больной въ лихорадкѣ. Когда же онъ въ залѣ обнялъ своей рукой ея тонкую талію, почувствовалъ на своемъ плечѣ ея руку, а передъ глазами всю роскошь ея бѣлоснѣжныхъ плечъ, онъ поблѣднѣлъ и едва не упалъ, но мгновенно поборолъ свое волненіе, крѣпко прижалъ ее къ себѣ, впился глазами въ ея глаза и прошепталъ:

— О, какъ я счастливъ!

— Что вы говорите? поспѣшно спросила Иза.

— Виновать... ничего.

И они понеслись подъ звуки оркестра. Они оба были отличные танцоры и всѣ съ завистью смотрѣли на эту сладострастную пару, кружившуюся въ какомъ-то чудномъ упоеніи.

Послѣ вальса, Оскаръ хотѣлъ отвести свою даму въ маленькую гостиную, полагая, что она захочетъ отдохнуть, но Иза, небрежно опираясь на его руку, сказала:

— Нѣтъ, я не хочу садиться. Если вы согласны, мы обойдемъ всѣ комнаты.

— Вы не понимаете, какъ я счастливъ... всѣ мнѣ будутъ завидовать.

— Въ чемъ?

— Въ чести быть вашимъ кавалеромъ. Вы не знаете, какъ я давно жаждалъ съ вами познакомиться.

— Давно?

— Да, очень давно.

— А вашъ другъ Матъе, только нѣсколько дней тому назадъ въ первый разъ заговорилъ со мною о васъ и просилъ позволенія васъ представить. Я васъ ранѣе и не замѣчала... Впрочемъ, вы недавно пріѣхали въ Парижъ.

— Уже четыре года.

— Но вы недавно назначены слѣдователемъ...

— Да, я слѣдователемъ только полгода.

— Слѣдователь... Его обязанность разыскивать преступниковъ, неправда-ли?

— Да, судариня.

— Эта обязанность, должно быть, очень тяжелая и грустная.

— Иногда, но скоро привыкаешь. Большая часть лицъ, противъ которыхъ ведешь дѣло, мало заслуживаетъ сожалѣнія.

— Я очень люблю присутствовать на выдающихся процессахъ. Часто, по любезности г. Матъе, я бывала въ судѣ и все, что я тамъ видѣла и слышала, производило на меня сильное впечатлѣніе.

Молодой слѣдователь хотѣлъ раза два переменить этотъ разговоръ, но красавица упорно возвращалась къ уголовнымъ процессамъ, что показалось ему нѣсколько страннымъ. Но ему говорили и прежде, что она отличалась странностями.

— Нѣтъ-ли у васъ теперь интересныхъ дѣлъ? спросила она.

— Всегда бываютъ. Но, право, это неприятный разговоръ для такой красавицы, какъ вы.

— Я люблю уголовные процессы и если у васъ будетъ интересное дѣло достаньте мнѣ билетъ въ судъ. Спросите у г. Матъе... онъ знаетъ мою страсть. Ну, пожалуйста, расскажите, нѣтъ-ли у васъ важнаго преступленія.

— Да, мнѣ поручено слѣдствіе по одному очень таинственному дѣлу... впрочемъ, я слышала, что вы были знакомы съ несчастной жертвой этого преступленія.

— Я?

— Да. Дѣло идетъ объ убійствѣ очень хорошенькой молодой женщины Лей Меданъ.

— Я никогда не знала ее, но видѣла въ Булонскомъ лѣсу на гуляньѣ и читала объ ея смерти въ газетахъ. Вотъ и все. Я никогда съ нею не была знакома.

— Тѣмъ лучше, замѣтилъ съ улыбкой слѣдователь.

— А на чемъ остановилось это дѣло? спросила съ любопытствомъ Иза.

— Мы нашли одного изъ виновныхъ.

— А!

— Впрочемъ, мнѣ все еще это дѣло кажется таинственнымъ и непонятнымъ.

— Если вы захватили виновного, то скорѣе все выяснится.

— Вотъ видите, хотя мое ремесло и не совсемъ пріятное, но я къ нему отношусь серьезно и посвящаю ему всю мою логику, весь мой здравый смыслъ. Полицейскіе сыщики слишкомъ быстро обвиняютъ людей, и я не слѣдую въ этомъ

Итальянскіе музыканты.

Съ фотографіи Берлинскаго фотографическаго общества рѣзалъ на деревѣ Брендамуръ.

ихъ примѣру; я не довѣряюсь слѣпо произведенному полиціей слѣдствію. Въ этомъ дѣлѣ, напримѣръ, я сдѣлалъ самъ дознаніе и, не придя ни къ какому положительному убѣжденію, отложилъ дѣло для новаго перензслѣдованія.

— О! сказала Иза какимъ-то страннымъ тономъ:—вы приказали съизнова пересмотрѣть дѣло?

— Да, и я самъ приму участіе въ слѣдствіи.

Наступило молчаніе. Черезъ нѣсколько минутъ Иза сказала, что ей пора отдохнуть и попросила слѣдователя проводить ее въ маленькую гостиную, гдѣ были приготовлены столы для картъ. Однакожь, тамъ не было никого. Опустившись на диванъ, Иза указала Оскару на кресло рядомъ съ собою.

— Извините меня, г. Вершемонъ, сказала она, играя вѣромъ, — я надѣла вамъ моимъ любопытствомъ, но меня такъ интересуютъ процессы... гдѣ примѣшиваются любовь и убійство.

— Они интересуютъ васъ, какъ мелодрама? спросилъ со смѣхомъ Оскаръ.

— Да... Расскажите мнѣ эту исторію убійства въ улицѣ Лакюз... что вы нашли... что вы думаете...

— Боже мой! До сихъ поръ еще ничего не открыто достовѣрнаго. Вы читали, при какихъ условіяхъ найденъ былъ трупъ?

— Да, отвѣчала она, улыбаясь и закрывая себѣ лицо вѣромъ.

— Сначала позагали, что убійство сдѣлано любовникомъ несчастной съ цѣлью кражи, такъ какъ въ квартирѣ не найдено ни денегъ, ни драгоценностей. Мы отыскали работника, такого красиваго, что можно было бы понять любовь къ нему женщины двусмысленнаго поведенія, какъ Леа Меданъ. Но вотъ и все. Я подробно допросилъ этого юношу и онъ мнѣ кажется неспособнымъ на такое преступленіе. По этому, несмотря на многочисленныя улики противъ него, я не могу признать его виновнымъ и снова ищущу...

— Имѣете вы противоположныя доказательства?

— Да, отвѣчалъ просто молодой судья.

— А! воскликнула Иза, слегка вздрогнувъ, и мрачное облако заволгло ее лобъ.

Оскаръ замѣтилъ это невольное движеніе молодой женщины, но объяснилъ его тѣмъ, что она любила процессы, какъ источникъ сильнаго ощущенія, и что теперь мысль о появленіи невиннаго человѣка на скамьѣ подсудимыхъ возбудила въ ней понятный страхъ. Видя, что Иза очень интересовалась этимъ таинственнымъ дѣломъ, онъ продолжалъ:

— Это слѣдствіе очень важно для меня, оно первый мой дебютъ и къ тому же въ немъ замѣшана политика.

— Да, я слышала объ этомъ.

— Похищены бумаги, очень компрометирующія одного посланника. Намъ необходимо найти настоящаго преступника. Тотъ, кого мы отыскали, былъ сообщникомъ, это вполне доказано, но не онъ убійца.

— Какъ должно быть трудно производить такіе таинственные поиски. Я желала бы присутствовать на нихъ. Что же вы ищете вездѣ?

— Да, вездѣ.

— Но вѣдь надо имѣть хоть какой-нибудь слѣдъ.

— Напавъ на слѣдъ, мы вскорѣ отыскиваемъ и виновнаго; но мы уже безъ всякаго результата бросили такихъ слѣдовъ съ десятокъ. Впрочемъ, я не унываю и увѣренъ, что, въ концѣ концовъ, найду настоящаго убійцу.

— Но арестованный вами человѣкъ не признаетъ себя виновнымъ.

— Да, не признаетъ, но онъ слѣдуетъ системѣ всѣхъ обвиняемыхъ. Преступленіе, въ которомъ его обвиняютъ, такъ страшно, и его прошедшая

жизнь такъ краснорѣчиво говоритъ за его невинность, что онъ не хочетъ отвѣчать; когда ему доказываютъ, что онъ купилъ предметы, найденные въ комнатѣ, гдѣ совершено преступленіе, онъ молча пожимаетъ плечами; на всѣ вопросы, что онъ дѣлалъ въ эту роковую ночь, онъ только заявляетъ, что ему недостойно оправдываться по такому постыдному обвиненію.

— Такъ онъ увѣряетъ, что не зналъ Леа Меданъ?

— По его словамъ, онъ никогда не видалъ ее и, хотя жилъ противъ ея квартиры, не слышалъ даже о таинственномъ убійствѣ.

— Въ новыхъ вашихъ поискахъ, по вашимъ словамъ, вы напали на другіе слѣды. Расскажите мнѣ, что вы открыли. Вамъ, можетъ быть, мое любопытство кажется страннымъ, но, при чтеніи юридическихъ романовъ, меня всего болѣе интересуетъ цѣпь уликъ, звѣнья которой навизываетъ одно за другимъ полицейскій сыщикъ.

— Во-первыхъ, у насъ есть нумера похищенныхъ процентныхъ бумагъ, на которыя уже наложено запрещеніе.

— Но онъ можетъ долго не пускать ихъ въ обращеніе.

— Вѣроятно, онъ такъ и сдѣлаетъ. Мы еще надѣмся, что заставимъ арестованнаго юношу выдать своего сообщника. Такъ какъ политическія бумаги, о которыхъ я вамъ говорилъ, важны только для извѣстныхъ лицъ, то мы будемъ зорко слѣдить за этими лицами... и, вообще, я считаю поимку убійцы лишь вопросомъ времени.

— Но, однако, вы ничего не нашли у несчастной такого, что могло бы навести васъ на слѣдъ убійцы?

— Ничего.

— И вы убѣждены, что вы отыщете другого, настоящаго убійцу?

— Да.

— Г. Вершемонъ, хотите сдѣлать меня счастливѣйшей женщиной на свѣтѣ?

— Какъ вы можете въ этомъ сомнѣваться?

— Я надѣюсь, что теперь, познакомившись со мною, вы будете аккуратно посѣщать мои четверги.

— Я съ восторгомъ воспользуюсь вашимъ любезнымъ приглашеніемъ.

— Такъ сообщайте мнѣ постоянно о ходѣ вашего слѣдствія, чтобы я поняла, какъ правосудіе исполняетъ свое высокое призваніе и находитъ укрывающихся отъ него злодѣевъ.

— Каждый четвергъ я буду представлять вамъ докладъ.

— Благодарю васъ. По какимъ слѣдамъ вы нашли вашего арестанта?

— Въ комнатѣ, гдѣ была найдена мертвой женщина, на столѣ находились двѣ бутылки шампанскаго и сладкіе пирожки... Сыщики стали розыскивать, гдѣ куплены вино и пирожки, такъ какъ мы знаемъ, что Леа Меданъ пришла къ себѣ въ квартиру пѣшкомъ и ничего не принесла съ собою... и, наконецъ, нашли торговцевъ, продавшихъ и то, и другое.

— И они вамъ сказали, что купилъ вино и пирожки юноша, котораго вы арестовали.

— Они дали намъ его примѣты. Они признали, что эти бутылки и пирожки куплены у нихъ, а потомъ на очной ставкѣ признали и юношу. Даже онъ принужденъ былъ сознаться, что дѣйствительно купилъ у нихъ вино и пирожки.

— Какъ, онъ сознался?

— Да.

— Что же онъ теперь говоритъ?

— Онъ отказывается отвѣчать. Вы видите, онъ очень себя компрометируетъ, но, повторяю, онъ соучастникъ, а не убійца.

— На чемъ вы основываете это мнѣніе?

— Боже мой! Я не могу вамъ ни въ чемъ отказать, но это очень щекотливо сказать.

— Полноте, возразила Иза добродушно, — говорите со мною, какъ съ товарищемъ. Я не молодая дѣвушка... а вдова.

— Вы помните, при какихъ обстоятельствахъ открыто преступленіе?

— Очень хорошо, эта исторія была такъ скандальна, что тотчасъ заинтересовала всѣхъ, особенно женщинъ. Я не хотѣла вѣрить убійству, а думала, что несчастная сама наложила на себя руку въ минуту отчаянной страсти.

— Вы помните, что женщина лежала въ постели съ своимъ любовникомъ; слѣдъ обѣихъ тѣлъ видѣлся на простынѣ, а двѣ подушки издавали разное благоуханіе. На одной же изъ нихъ, именно, на подушкѣ мужчины, впоследствии нашлось нѣсколько волосъ.

Иза внимательно слушала Оскара и повторила тихо:

— Нашелся клочъ волосъ... а!

— Тотъ, кого мы нашли и обвиняемъ въ убійствѣ, Морисъ Феранъ, бѣлокурый, сказалъ слѣдователь, — а волоса, оторванные перламутровой пуговкой наволочки, очень темныя. Жертва преступленія была также бѣлокурая.

— А! прошептала Иза, поблѣднѣвъ.

— Еще разъ, арестованный юноша сообщникъ, онъ взялся все купить и приготовить ядъ, но собственно отравилъ несчастную другой, и мы его найдемъ, заставивъ Мориса открыть его имя.

— У васъ нѣтъ никакихъ другихъ свѣдѣній объ этомъ таинственномъ незнакомцѣ.

— Никакихъ, но мы ихъ добьемся отъ Мориса.

— Будемъ надѣяться, сказала Иза, вставая съ видимымъ волненіемъ.

— Что съ вами? спросилъ Оскаръ.

— О! Ничего... здѣсь душно и вашъ рассказъ встревожилъ меня. Дайте мнѣ вашу руку, г. Вершемонъ, и пойдете въ садъ.

— Какъ прикажете.

И они спустились по ступенямъ въ аллею. Оскаръ чувствовалъ, что рука Изы дрожала.

«Всѣ женщины одинаковы, подумалъ онъ, — рассказы объ убійствахъ ихъ пугаютъ и волнуютъ, но все же онъ жадно ихъ слушаетъ».

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Воръ. При первомъ взглядѣ на типичную фигуру этой стройной дѣвушки, вы вѣроятно, угадаете къ какой націи принадлежитъ художникъ, создавшій этотъ образъ, — это образъ англійской красавицы, въ которой нѣтъ ни бойкости французенки, ни страстности испанки, въ которой есть много чисто англійской воздержанности, чисто англійской холодности. Художникъ назвалъ этотъ этюдъ «молодой дѣвушкой, гуляющей съ собакой», оригинальнымъ названіемъ: «Воръ». Гдѣ же воръ? Это, вѣроятно, тотъ человѣкъ, стоящій у изгороди, отъ котораго удаляется молодая дѣвушка; укралъ онъ у нея не часы, не платокъ, а ея дѣвичье сердце, ея любовь; за это, повидимому, негодуетъ на него даже собака молоденькой миссъ, оборачивающаяся недружелюбно на вора.

Итальянскіе музыканты. У художниковъ, какъ и у поэтовъ, есть излюбленные темы, есть излюбленные типы. Если у лирическихъ поэтовъ вы непременно найдете въ стихахъ хотя одного соловья и хоть кусочекъ луны, то у современныхъ европейскихъ художниковъ вы непременно встрѣтите какого-нибудь уличнаго музыканта. Оправданіе въ этомъ для художниковъ есть: типы этихъ уличныхъ музыкантовъ иногда бываютъ поразительно прекрасны; такъ дѣтъ пять

тому назадъ въ Петербургѣ по дачамъ бродили братья и сестра итальянцы, — такую красоту, какъ красота этихъ мальчика и дѣвочки, трудно было бы сыскать гдѣ-нибудь еще. Что же мудреного, если бы художникъ взялъ этихъ бродячихъ артистовъ для натуры и увѣковѣчилъ бы ихъ красоту? Въ Европѣ такъ и сдѣлали бы: тамъ художники ловятъ удобные случаи для того, чтобы начертить или написать тотъ или другой поразившій ихъ оригинальностью типъ, ту или другую заинтересовавшую ихъ сцену. Встрѣчая очень часто оригинальную красоту среди бродячихъ музыкантовъ, художники заносятъ въ свои альбомы и эти типы. Къ числу такихъ этюдовъ съ натуры, къ числу портретовъ съ затерявшейся въ грязи и въ нищетѣ красоты, принадлежитъ и картина Беккера, съумѣвшего уловить и благородство формъ, и мягкость очертаній и грустное выраженіе лица въ бродячѣ-итальянцѣ.

Новости наукъ и жизни.

— **Новая картина.** Высоко-талантливый иллюстраторъ Гюставъ Дорѣ окончилъ большую картину для выставки нынѣшняго года «Орфей и Менады».

— **Барбарина Реутеръ.** Судьба этой знаменитой наѣздницы чрезвычайно любопытна. Она родомъ изъ Голландіи. Единственная дочь, она была утѣхой семьи. Разъ вечеромъ, въ то время, какъ она играла въ саду на дачѣ, ее похитили цыгане. Ей было 5 лѣтъ отъ роду. Проданная въ труппу бродячаго цирка, дѣвочка ѣздила съ нею по Европѣ. Въ труппѣ цирка она была извѣстна подъ именемъ Барбаринны Реутеръ. Она выказала замѣчательныя способности къ наѣздничеству и двѣнадцатилѣтней дѣвочки уже принадлежала къ числу знаменитостей. Въ это время труппа заѣхала въ одинъ изъ бельгійскихъ городовъ. На представленіе, главной приманкой котораго была Барбарина, сошлась масса зрителей. Барбарина, при громѣ рукоплесканій, вскочила на лошадь. Вдругъ дама и мужчина, сидѣвшіе въ первомъ ряду, въ одинъ голосъ вскричали: «Это наша дочь!» Произошла суматоха. Барбарина соскочила съ лошади, публика начала кричать, требуя продолженія представленія, но когда увидѣла, что родители и ихъ дочь плачутъ отъ восторга и цѣлуются, стала неистово аплодировать. 5 лѣтъ прожила молодая дѣвушка мирно и счастливо, 17-ти лѣтъ она осталась круглой сиротою и безъ состоянія. Она припомнила свою дѣтскую славу, поступила въ труппу цирка и вскорѣ опять сдѣлалась знаменитой наѣздницей. Последній разъ ей пришлось явиться передъ миланской публикой. Производя свои упражненія на лошади, Барбарина потеряла равновѣсіе, упала и получила рану въ животъ. Нѣсколько мѣсяцевъ она промучилась и умерла въ февралѣ этого года, имѣя отъ роду всего 26 лѣтъ.

— **Никправдоподобно, а истинная правда.** Въ послѣднее время въ Неаполѣ была извѣстна нищая старуха, пользовавшаяся особеннымъ вниманіемъ публики. Съ согнутымъ до крайности станомъ, съ лицомъ, искаженнымъ страданіями, она невольно возбуждала жалость и получала много подаваній. Полиція почему-то почувствовала сомнѣніе и арестовала эту нищую. Ее привели въ больницу для осмотра. Когда ее раздѣли, оказалось, что это очень хорошенькая молодая дѣвушка, великолѣпно загримированная старухой; чтобы держаться въ согбенномъ положеніи, она накидывала себѣ на шею веревку, которую привязывала къ ногѣ. Имя дѣвушки Роза-Виченца-Гаэтана дель-Прете; она дочь доктора, умершаго 3 года тому назадъ. Оставшись послѣ отца съ состояніемъ, хотя и безбѣднымъ, но не роскошнымъ, молодая дѣвушка, желая блистать и, по ея словамъ, оставаться честной, рѣшилась прошеніемъ милостыни увеличивать свои средства къ жизни. Днемъ она являлась нищей старухой, а вечеромъ красивой, изящно-одѣтой молодой дѣвушкой; днемъ она просила милостыню, а вечеромъ танцевала и выслушивала комплименты отъ своихъ многочисленныхъ поклонниковъ.

— **Любопытный случай.** Корреспондентъ «Саратовскаго Дневника» изъ Балахова передаетъ, что на балѣ въ послѣдній день масляницы въ мѣстномъ клубѣ, въ то время, когда общество было уже въ полномъ сборѣ, явилась въ танцевальную залу молодая дѣвушка, съ ношей въ рукахъ и, ставши среди залы, сказала: «слушайте господа! Это для П. А. Б.» и, положивъ ее тутъ же немедленно скрылась. Когда развернули эту ношу, оказался ребенокъ мужского пола, по видимому, около 6 мѣсяцевъ.

— **Женщина обѣдненная крысами.** Въ «Од. Вѣст.» сообщаютъ: Одесскій мѣщ. Егоръ Слѣпченко заявилъ полиціи, что 14-го февраля, уходя на поденную работу, онъ оставилъ на квартирѣ своей, въ д. Степанова, по Глухому переулку, больную мать свою Меланью Слѣпченко, которая была настолько слаба, что не могла встать съ постели. Возвратясь домой съ работы вечеромъ, сынъ подходитъ къ кровати матери, окликается ее, но отвѣта, увы, нѣтъ... Всмотривается, и его глазамъ представилась ужасная картина. На матери лица не было. По осмотру тѣла оказывается, что крысами выѣдены совершенно оба глаза, переносы до костей, подбородокъ до самого языка; руки, ноги, плечи — все это было обглодано до костей; словомъ, тѣло несчастной женщины было обѣдено крысами.

— **А. Э. Брахфогель.** 27 ноября 1878 г. скончался въ Берлинѣ, отъ апоплексіи, нѣмецкій драматургъ и романистъ Альбертъ-Эмиль Брахфогель. Необыкновенно плодовитый, отличавшійся оригинальнымъ талантомъ, писатель этотъ родился въ 1824 году, въ Бреславлѣ, гдѣ и получилъ первоначальное образованіе въ реальномъ училищѣ; по окончаніи курса въ гимназій Св. Магдалены, онъ наѣзжался, чувствуя съ самыхъ юныхъ лѣтъ страсть къ театру, посвятить себя сценической дѣятельности, но родители воспротивились этому и принудили его поступить къ граверу. Тѣмъ не менѣе, по смерти матери, онъ сдѣлался актеромъ, но дебютъ его на сценѣ вѣнскаго театра окончился полной неудачей, что и заставило его навсегда отказаться отъ артистической дѣятельности; съ горя онъ принялся за изученіе теологій, вскорѣ, однако, оставивъ и это занятіе, и сталъ заниматься литературой: писалъ лирическія стихотворенія, рецензій, повѣсти и т. п.; но очень долгое время не находилъ для себя издателя. Въ 1847 г. онъ переехалъ въ Берлинъ, скоро прожилъ весь свой капиталъ, доставшійся ему въ наслѣдство отъ матери, и сталъ сильно нуждаться. Бѣдственное положеніе принудило его сдѣлаться въ 1853 г. секретаремъ при театрѣ Кроля; занимая это мѣсто, онъ написалъ въ 1856 году свою трагедію «Нарциссъ», которая произвела фуроръ и сдѣлала имя Брахфогеля извѣстнымъ какъ въ отечествѣ, такъ и за предѣлами его, потому что, быстро обойдя всѣ германскіе театры, она была переведена почти на всѣ европейскіе языки и заняла постоянное мѣсто въ репертуарѣ европейскихъ театровъ. Выдержавъ нѣсколько изданій, пьеса эта нѣсколько поправила дѣла Брахфогеля. Слѣдовавшія за «Нарциссомъ», драматическія произведенія Брахфогеля, не смотря на ихъ сценичскій и многія достоинства, имѣли гораздо менѣе успѣхъ, хотя все-таки принимались публикой радушно; изъ нихъ заслуживаютъ вниманія: «Адальбертъ изъ Бабенберга» (1858), «Узурпаторъ» (1860), «Судьба гения» и др. Брахфогель извѣстенъ также какъ недюжинный беллетристъ, имѣющій немало почитателей въ своемъ отечествѣ; онъ произвелъ множество романовъ и повѣстей, но большинство ихъ ничѣмъ не выдѣляется изъ той массы беллетристическихъ произведеній, которая наводняетъ ежегодно европейскіе книжные рынки и появляется въ многочисленныхъ періодическихъ изданіяхъ. Изъ цѣлаго ряда романовъ наибольшаго вниманія заслуживаютъ: «Фридеманъ Бахъ» (1858), «Бенони» (1860), «Старьевщикъ» (1862), «Новый Фальстафъ» (1862), «Вильгельмъ Гогартъ», «Шубертъ и его современники» (1863), «Людовикъ XIV или Комедія жизни». Всѣ его произведенія, написанныя живо и увлекательно, прекраснымъ, зачастую поэтическимъ, языкомъ, читаются легко и возбуждаютъ интересъ ловко вѣденной интригой,

разнообразіемъ сюжетовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они не оставляютъ глубокаго впечатлѣнія въ душѣ читателя и скоро забываются; кромѣ того, Брахфогель страдаетъ еще однимъ недостаткомъ — чрезмѣрнымъ оригинальничаньемъ, которое иногда выходитъ у него просто страннымъ и даже смѣшнымъ. Стихотворенія Брахфогеля, подъ заглавіемъ «Пѣсни и лирическія произведенія» были изданы въ 1861 году, а собраніе историческихъ повѣстей въ 1863-мъ; въ этомъ году вышла и его серьезная книга, обратившая на себя вниманіе всѣхъ, сколько нибудь интересующихся сценическимъ искусствомъ — «Театральные этюды». Вообще драматическое искусство всегда занимало Брахфогеля и послѣдніе годы своей жизни, онъ, вмѣстѣ съ Лаваладомъ, дѣятельно работалъ надъ большимъ трудомъ — «Исторіей королевскаго театра въ Берлинѣ», первый томъ которой, вышедшій не такъ давно, обнимаетъ время отъ 1786 по 1796 годъ; трудъ этотъ, судя по первому тому, обѣщавъ быть очень интереснымъ, такъ какъ составлялся на основаніи любопытныхъ документовъ, извлеченныхъ изъ прусскаго государственнаго и берлинскаго театральнаго архивовъ; Брахфогелю не удалось довести до конца своей работы: смерть пришла къ нему внезапно; онъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ, и такъ и скончался, пораженный апоплексическимъ ударомъ, выронивъ перо изъ рукъ. На русскій языкъ переведены немногія произведенія Брахфогеля, а именно: «Театральные этюды», А. И. Пальминнымъ («Русск. Сцена» 1864), «Уильямъ Гогартъ» (Спб. 1868, изд. Н. С. Львова), «Людовикъ XIV или Комедія жизни» (изд. Г. Гоппе), «Нарциссъ» и «Судьба Гения», трагед., А. Н. Плещеевымъ.

— **Опредѣленіе чумы.** Въ «Варш. Дневникѣ» пишутъ: Сообщаемъ слѣдующія небезынтересныя свѣденія о чумѣ изъ записокъ австрійскаго врача Бернгарда Бека, лечившаго большое число заболѣвшихъ этою болѣзью. «Я видѣлъ, пишетъ г. Бекъ: — болѣе 800 больныхъ чумою во время эпидеміи, свирѣпствовавшей въ Месопотаміи въ 1876 и 1877 г., и лечилъ около 500 чумныхъ пациентовъ въ Багдадѣ. Свои наблюденія и научныя взгляды о значеніи и способахъ леченія болѣзни я изложилъ въ статьяхъ, напечатанныхъ въ 1876 и 1877 г. въ «Медицинской Прессѣ» и въ «Медицинскомъ Ежедневникѣ». Благодаря очень обстоятельнымъ изслѣдованіямъ, произведеннымъ мною на мѣстѣ существованія болѣзни, благодаря очень богатому матеріалу, находившемуся въ моемъ распоряженіи втеченіи двухъ лѣтъ, я приобрѣлъ непреклонное убѣжденіе, что чума чисто мiasmатическая, а не прилицивая болѣзнь. Но такъ какъ чума не прилицивая болѣзнь, то она не можетъ быть переносима ни живыми, ни безжизненными существами. Гнѣздѣлица ея: болота, лужи, рѣчныя и озерныя нечистоты. Грязь, гниль и нищета — единственные посетители этой болѣзни, съ которыми она связана и отъ которыхъ до тѣхъ поръ не отдѣляется, пока бури не унесутъ мазмовъ, наполняющихъ воздухъ зараженной мѣстности. По этому чумная зараза можетъ быть запесена только на такое разстояніе отъ мѣста ея возникновенія, на какое хватитъ силы переносающаго ее вѣтра. Разумѣется, разносимыя вѣтромъ бактеріи, будучи вдыхаемы или, если онѣ вогнаны бурей въ воду, выпиваемы, могутъ порождать подобные же болѣзненные симптомы, какъ и на мѣстахъ своего возникновенія; но если мѣстность, въ которую заносятся бактеріи, вообще здорова и грибы не находятъ помянутыхъ условий для своего развитія и размноженія, то тогда могутъ обнаруживаться только спорадическіе случаи заболѣванія чумою, но болѣзнь не упрочивается и не принимаетъ эпидемическаго характера. Подобные внезапно появляющіеся отдѣльные случаи чумы нерѣдко обнаруживались и въ Месопотаміи, послѣ бурныхъ дней, въ недалекомъ разстояніи отъ гнѣздъ заразы, но всегда въ направленіи вѣтра, не дѣйствуя заразительно на окрестности. Большая часть Европы, со времени очищенія рѣкъ и со времени успѣховъ, сдѣланныхъ народами въ гигиеническомъ отношеніи, какъ относительно образа жизни отдѣльныхъ людей, чистоты ихъ жилищъ, такъ и общаго санитарнаго состоянія, уже не

представляет почвы, на которой может распространиться чума, это, такъ сказать, болѣзнь грязи по преимуществу. Азія, Африка—вотъ тѣ части свѣта, въ которыхъ народъ живетъ въ такой глубокой грязи, что для обмытія его, мало было бы второго потопа. При всѣхъ случаяхъ чумы, которые мнѣ приходилось лечить, я тщательно изслѣдовалъ, можно ли было обнаружить присутствіе прямого или несомнѣннаго зараженія отъ людей или вещей, но мнѣ ни разу не удалось открывать чего-либо подобнаго. Не придавая никакой вѣры живымъ розсказаніямъ суевѣрныхъ больныхъ, я пытался самъ изслѣдовать источники заразы, и причиною болѣзни всегда былъ или зараженный воздухъ, или гнилая почва жилья, или испорченная вода, которую пациенты пили, или въ которой купались. Переноса болѣзненной матеріи съ людей или вещей на людей я не могъ открыть и слѣда. По моимъ личнымъ наблюденіямъ и опытамъ, собраннымъ на мѣстѣ эпидеміи, чума не что иное, какъ видъ злокачественной болотной лихорадки, которая въ холодное время года (за исключеніемъ очень сильныхъ морозовъ) сопровождается воспаленіемъ железъ, а въ жаркое—обнаруживается безъ бубновъ. Эти опухоли железъ, которыя, замѣтитъ кстати, не бываютъ почти у половины больныхъ чумою, исчезаютъ обыкновенно въ половинѣ іюня, и тогда господствуетъ злокачественная или простая болотная лихорадка. Я ввелъ въ кровь двухъ моихъ собакъ, посредствомъ вспрыскиванія, гной, взятый изъ волдыря человѣка, зараженнаго чумою, и животныя остались здоровы и даже не лишились аппетита. Я ежедневно бралъ урину моихъ больныхъ для производства анализа и кровь для микроскопическихъ изслѣдованій и никогда не чувствовалъ себя больнымъ. Въ моей больницѣ ежедневно бывало отъ 50 до 60 человекъ больныхъ чумою, которые частью сами приходили, частью были привозимы на вьючныхъ животныхъ, но въ моемъ домѣ и въ сосѣднихъ не заболѣло ни одного человѣка. На визиты я всегда отправлялся въ сопровожденіи восьми—десяти лицъ, депутатовъ отъ общины, подававшихъ помощь бѣднѣйшимъ больнымъ. Эти депутаты садились со мною на постели больныхъ, поднимали, укладывали, переодѣвали ихъ, держали ихъ головы при рвотѣ (одинъ изъ симптомовъ чумы), и никто изъ моей свиты не заболѣлъ. Я производилъ демонстративныя постукиванія по обнаженному желудку и прикладывалъ свое ухо къ обнаженной груди пациента и т. д. и всегда оставался здоровъ. Кто послѣ такихъ опытовъ можетъ вѣрить въ прилипчивость чумы? Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что чума есть злокачественная лихорадка, соединенная съ опухолью железъ. Главная причина этой лихорадки—болота, а происхожденія опуханія железъ слѣдуетъ искать въ грязи и скотской жизни населенія.

— **Гаванскія сигары.** Во многихъ сѣверныхъ приморскихъ городахъ процвѣтаетъ особая отрасль промышленности. Сигарные ящики наполняются простыми дешевыми сигарами, оклеиваются этикетками лучшихъ гаванскихъ фабрикъ, отсылаются на ближайшую пароходную станцію, сдаются тамъ приходящимъ изъ Америки пароходамъ и оплачиваются въ таможенѣ, какъ заграничный товаръ. Обманутая этикетками и увѣренная въ томъ, что простой, дешевый табакъ не стали бы оплачивать высокой пошлиной, публика не замѣчаетъ покушенія на ея карманъ и платитъ за мѣстныхъ произведеній самыя высокія цѣны. Между тѣмъ, въ этихъ сигарахъ неподдѣленъ одинъ этикетъ.

— **Странныя совпаденія.** Недавно въ Вѣнѣ произошло странное совпаденіе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, застрѣлился извѣстный, пользующійся общимъ уваженіемъ адвокатъ. У него было два молодыхъ помощника, которые, по смерти его, открыли каждый свою контору и приобрѣли хорошую практику. Одинъ изъ нихъ застрѣлился годъ тому назадъ, а другой всего нѣсколько недѣль. Жены ихъ были пріятельницами. Случайно,

во время первой катастрофы, жена адвоката О., была въ гостяхъ у своей подруги. Г-жа Б., въ свою очередь была у г-жи О., когда застрѣлился ея мужъ, такъ что ей пришлось утѣшить свою несчастную пріятельницу въ горѣ, которое она сама испытала въ прошломъ году. Въ романѣ сочли бы неправдоподобнымъ подобное совпаденіе, но жизнь самый причудливый романъ.

— **Неразгаданная тайна.** Недавно умерла, «Офенбахская женщина», загадочное приключеніе которой надѣлало много шума 20 лѣтъ тому назадъ. Она была родомъ изъ Венгрии, но происхожденіе ея покрыто глубокой тайной. 9 ноября 1853 г. въ большемъ лѣсу, близъ Франкфурта, остановился барскій экипажъ и пожилая женщина вывела изъ него молоденькую дѣвушку, дала ей завернутые въ тонкомъ носовомъ платкѣ нѣсколько фунтовъ хлѣба и холодное жаркое, завела ее въ чащу и сказала по венгерски: «Мнѣ нужно вернуться къ каретѣ, подожди меня, я тебя отвезу къ мамѣ». Но она не возвратилась. Дѣвушка блуждала трое сутокъ, плакала и мерзла, безпрестанно призывая «Маму и Бергу». На четвертый день утромъ ее нашла крестьянская дѣвушка, въ то время, какъ та заснула подъ деревомъ. Дѣвушка разбудила и отвела ее въ одинъ изъ ближайшихъ домовъ сосѣдней деревни, гдѣ ее оставили переночевать, а на другое утро сняли съ нея нарядное платье, серьги и золотой медальонъ, одѣли ее въ лохмотья и лѣсомъ провели на проѣзжую дорогу, гдѣ и оставили. Она продолжала блуждать два дня шла по этой дорогѣ, подходя къ каждому встрѣчному, спрашивая: «гдѣ мама?» Наконецъ она добралась до деревни Вейнкирхенъ. Никто не понималъ ея мадьярскаго нарѣчія и ее отвели къ судѣ, который сталъ расспрашивать ее, но бесполезно, такъ какъ она знала только венгерскій языкъ. Подумали, что она притворяется и на нѣсколько мѣсяцевъ посадили ее въ тюрьму. Спокойствіе вернуло ей прежнюю красоту. Ея наивность ясно доказывала, что она невинна и несчастна. Ее выпустили изъ заключенія, но она осталась у тюремнаго смотрителя и научилась читать и писать по нѣмецки. Городскія власти Офенбаха, близъ Франкфурта, гдѣ случилось это происшествіе, рѣшили дать воспитаніе совершенно несвѣдущей семнадцатилѣтней дѣвушкѣ. Превосходный учитель, Фридрихъ Экъ началъ учить ее, 28 ноября 1854 года, и вскорѣ оказалось, что она очень способна. Пасторъ Брейнтштейнъ имѣлъ на нее большое вліяніе. Мало-по-малу, ее стали спрашивать объ ея прошломъ. Она сказала, что съ пятилѣтняго возраста, ее вмѣстѣ съ братомъ держали въ погребѣ, гдѣ жила также и собака. Ей не позволяли выходить; ничему не учили; родной языкъ ея мадьярскій, но и ему она выучилась до пяти лѣтъ. Два имени остались у нея въ памяти «Темезеръ» и «Берта». Первое изъ нихъ, по всей вѣроятности, означало Темешваръ. Бертою звали женщину, которая вывела ее изъ погреба и, послѣ продолжительнаго путешествія, оставила ее въ лѣсу. Въ 1855 г. Фридрихъ Экъ издалъ объ этой жертвѣ тайнаго преступленія брошюру, произведшую сильное впечатлѣніе. Вѣнскія газеты требовали, что-бы въ окрестностяхъ Темешвара начали быть розыскъ, но онъ не былъ произведенъ. Профессоръ Германъ Веберъ посѣтилъ эту дѣвушку въ 1855 г. въ Офенбахѣ и говорилъ съ нею на мадьярскомъ языкѣ. Также и Зигмундъ Кемени интересовался этимъ загадочнымъ случаемъ, но ему не удалось раскрыть тайну. Дѣвушка эта вышла въ 1858 г. замужъ въ Офенба-

хѣ, жила очень счастливо и имѣла двухъ дѣтей. Но нѣкоторая меланхолія не оставляла ее до конца жизни.

— **Примѣръ рѣднаго долготѣя.** Въ мѣстечкѣ Брошонѣ (въ котъ-д'орскомъ департаментѣ) проживаетъ семейство, представляющее необыкновенный феноменъ долготѣя. Нѣкто Денисъ Пансіо, сержантъ рейнской арміи, подъ командой Моро, имѣлъ семерыхъ сыновей, изъ коихъ старшій родился 2 февраля IV года, а младшій 5 апрѣля 1814. Всѣ они проживаютъ въ брошонской общинѣ, пользуются вожделѣннымъ здоровьемъ и работаютъ отлично. Втеченіи восьмидесяти одного года въ этомъ семействѣ не было ни одного смертнаго случая.

Предназначенная къ напечатанію въ настоящемъ № «Жив. Об.» біографія новаго посла Англіи при русскомъ дворѣ, лорда Дѣфферина, отложена по недостатку мѣста до слѣдующаго 11 №.

При этомъ № раздается гг. городскимъ подписчикамъ и разсылается иногороднимъ, на условіяхъ и по трактатамъ указаннымъ въ объявленіи «Отъ Редакціи», напечатанномъ въ прошломъ, 9 № «Жив. Об.»,—премія «Мадонна», копія съ картины Мурильо, рѣзанная на стали.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 9-й «Живописное Обозрѣніе» сданъ на городскую почту марта 3-го въ 6 часовъ 50 минутъ утра, на иногородную почту марта 4 въ 1 часъ 30 минутъ пополудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Стихотв. Лилии.—Адамъ Мицкевичъ (оконч.).—Мужъ и жена (продолж.).—Углекопы (продолж.).—Сестра милосердія (продолж.).—Практическія послѣдствія суевѣрія (продолж.).—Иза (продолж.).—Къ рисункамъ.—Новости наукъ и жизни.—Объявленія.

Гравюры: Адамъ Мицкевичъ.—«Лилии».—Гервасій.—3 рис. къ ст. «Углекопы».—Воръ.—Итальянскіе музыканты.

Издатель-Редакторъ Д. А. Нарчъ-Карчевскій.

Объявленія.

Еженедѣльное «Новое Время» Еженедѣльное «Новое Время»

еженедѣльный литературно-научный журналъ, изданіе А. С. Суворина. Цѣна 4 р. за годъ и 2 р. за полгода для всѣхъ; для подписчиковъ ежедневнаго «Новаго Времени» 3 р. за годъ и 1 р. за треть года, съ перес. и дост.

Еженедѣльное «Новое Время»

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ литературно-научный журналъ, издаваемый А. С. Суворинымъ; съ марта настоящаго года по январь будущаго выйдетъ 52 номера, каждый въ два печатныхъ листа, равняющихся по объему почти четырѣмъ листамъ еженедѣльныхъ журналовъ, въ форматѣ «Вѣстника Европы», въ два столбца. Въ журналѣ будутъ помѣщаться романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, мемуары, историческіе очерки и разсказы, біографіи, путешествія, научныя статьи, замѣчательныя иностранныя процессы и проч. Подписчики адресуются въ С.-Петербургъ, въ книжный магазинъ «Новаго Времени», Невскій, № 60: для подписчиковъ **ЕЖЕДНЕВНАГО «НОВАГО ВРЕМЕНИ» ТРИ** рубля въ годъ, **ОДИНЪ** рубль за треть года, **ДВА** рубля за двѣ трети; для неподписчиковъ **ЧЕТЫРЕ** рубля въ годъ и **ДВА** рубля за полгода, съ перес. и дост. На другіе сроки подписка не принимается.

Съ первыхъ номеровъ мы начнемъ печатать **ЦАРЬ И ГЕТМАНЪ** (Петръ и Мазепа), историческій романъ въ 2 част. Д. Л. Мордовцева; **НАКАЗАНІЕ**, романъ Э. Золя; **БѢЖЕНКА**, разсказъ В. И. Немировича-Данченко; **ЖЕНСКІЕ ОБРАЗЫ И ТѢНИ**, рядъ разсказовъ Отнивишаго; **НОВЫЕ РАЗСКАЗЫ** И. Ѳ. Горбунова, **КУПЕЧЕСКАЯ КАРЬЕРА**, разсказъ К. Максимова; **ПО БОСНИ**, очерки П. Ровинскаго; **ГАЛЛЮЦИНАТЪ**, разсказъ Бѣнецаго; **КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЖСКАЯ** и **КНЯЗЬ РЕПНИНЪ** (изъ записокъ герцога Лозена); **ИСТОРІЯ И ФАНТАЗІЯ**, рядъ разсказовъ К. Н. Случевского и проч.

При этомъ номерѣ «Живопис. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ приложение: «Парижскія Моды», Мартъ.

№ 11. Томъ I.

На годъ, съ доставкой и пересылкою — 7 руб.;
на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб.
Отдѣлн. №№ по 20 к.

С.-Петербургъ, 17 Марта 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый
проспектъ, домъ № 20.

Годъ VII.

Стихотворенія Нико-Ники.

1.

Я желать бы съ тобой отъ столицы
Въ лѣсъ умчаться на крыльяхъ мечты,
Гдѣ щебечуть о счастіи птицы,
Гдѣ трепещутъ отъ страсти листья...
И подъ эти пѣвучіе звуки
Я хотѣлъ бы тебѣ рассказать
Про любовь и страданья разлукъ:
Но не смѣю желать!

Я хотѣлъ бы, голубка, съ тобою
Улетѣть подъ покровомъ ночей
Въ даль, гдѣ шепчутся звѣзды съ
волною,
Гдѣ журчатъ о блаженствѣ ручей;
Я хотѣлъ бы подъ это журчанье
Въ твои ясныя очи глядѣть
И шептать про любовь и страданье:
Но не смѣю хотѣть!

2.

Покинувъ городъ безсердечный,
Бѣжалъ развѣять я печаль
На берегъ моря безконечный,
Въ лѣсовъ задумчивую даль;
Но въ пѣскахъ волнъ холодныхъ
моря,
Въ уныломъ шестѣ берёзъ
Узналъ я тѣ же стоны горя
И боль не выплаканныхъ слезъ...

Сестра милосердія.

Романъ Эдмона и Жюль Гонкуръ.

Переводъ П. Лѣтнева.

(Окончаніе.)

XXXII.

Тогда у Барнье началась борьба между волей и привычкой. Онъ сталъ оспаривать и вырывать самого себя у своей страсти. Онъ перешелъ черезъ всѣ муки и терзанія, то одерживая отчаянную побѣду надъ собой, то предаваясь постыдной слабости. Онъ испыталъ всѣ переходы страданія и борьбы, которые, наконецъ, убиваютъ энергію и дѣлаютъ человека безоружнымъ передъ болѣзненными искушеніями истощеннаго разума, вселяя въ него только одну мысль, одно желаніе успокоиться на вѣки. Терзаніе и неизвѣстный исходъ борьбы ожесточили его характеръ въ высшей степени. Онъ впалъ въ мрачную, сосредоточенную задумчивость. Горечь, накопившая въ

немъ, прорывалась въ злой ироніи. Въ тѣ дни, когда онъ не хотѣлъ пить, и ему удавалось поставить на своемъ, передъ нимъ рисовалась ужасная картина его погубленной жизни, испорченной карьеры, навсегда утраченнаго здоровья, и взоръ его не смѣлъ заглядывать въ будущее. Въ эти дни, въ немъ сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, пробуждалось воспоминаніе о Роменѣ, и сѣтны какъ бы ждала его у полуотворенныхъ дверей.

былъ пораженъ худобой и блѣдностью сестры Филомены и замѣтилъ ей это.

— Чтожь дѣлать? отвѣчала Филомена: — Веѣмъ няются... вотъ и г. Барнье... Говорятъ, онъ убиваетъ себя... Неужели у него нѣтъ друзей?.. Неужели они не могутъ спасти его?..

Сестра Филомена дѣйствительно очень измѣнилась. Въ ея похудѣвшемъ лицѣ видны были только одни большіе, печальные глаза. На немъ не выражались болѣе ясность и спокойствіе духа; на губахъ не блуждала прежняя, веселая улыбка, и когда она дѣлала надъ собой успіе, чтобъ казаться веселою, подходя къ кровати больного, — это натянутое веселье черезъ нѣсколько минутъ исчезало. Она не могла уже болѣе ободрять и подкрѣплять больныхъ, вселять въ нихъ довѣріе и надежду, которыми прежде такъ полно было все ея существо; ноги не носили ее уже съ такою легкостью отъ кровати къ кровати.

И, между тѣмъ, она никогда еще съ такимъ рвеніемъ не исполняла свои обязанности, никогда она такъ не трудилась и не утомляла себя физически. Ея дни, почти, вся ея жизнь — были непрерывнымъ подвигомъ самоотверженія; она какъ бы хотѣла довести до послѣднихъ предѣловъ свое мужество и энергію, — съ такимъ жаромъ брала она на себя уходъ за самыми трудными больными и перевязку самыхъ тяжелыхъ, отвратительныхъ ранъ.

Въ ночь, предшествовавшую поступленію Ромены въ больницу, Филомена проснулась, вся дрожа, подъ впечатліемъ тревожныхъ сновидѣній; бросившись на колѣни, она простояла такъ до четырехъ часовъ утра, погруженная въ молитву, волнуемая чувствомъ какого-то неяснаго

страха, безотчетной тоски. И, при всемъ этомъ, ее ни на минуту не осынило откровеніе; въ ея простодушномъ, непорочномъ сердцѣ ни на минуту не пробудилось сознаніе, что причиною всему — любовь. Наединѣ съ своею совѣстью, она провела весь день, разсматривая и допрашивая себя, и тогда ее поразило сходство того, что она считала дозволенной привязанностью, братской дружбой съ любовью, или, по крайней мѣрѣ, съ тѣмъ понятіемъ о любви, которое она себѣ со-

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ. СКУЛЬПТУРА АНТОКОЛЬСКАГО.

Иванъ Грозный.

Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политехницѣ“.

Онъ хотѣлъ разогнать эти видѣнія физическою усталостью и для этого ходилъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ по улицамъ Парижа, никого не видя, не чувствуя, какъ его толкали, идя все впередъ до тѣхъ поръ, пока не подкашивались ноги, и возвращался въ госпиталь къ обѣду, совершенно истощенный и постарѣвшій на нѣсколько лѣтъ въ эти немногіе часы.

XXXIII.

Маливуаръ, часто замѣнявшій Барнье по службѣ,

ставила по немногимъ романамъ, когда-то прочтеннымъ ею. Перебравъ одно за другимъ, цѣль воспоминаній, за эти послѣдніе мѣсяцы, съ того дня, когда Барнье съѣзъ возлѣ нея въ первый разъ, въ этомъ самомъ рабочемъ кабинетѣ, она припомнила, какъ она охотно забывалась, разговаривая съ нимъ, какое удовольствіе доставляли ей эти разговоры и какъ быстро пролетало время? Она сознала, какъ сильно радовали ее похвалы Барнье и какое соревнованіе онъ пробуждалъ въ ней! Этотъ тщательный анализъ напугалъ и поразилъ ее какъ открытіемъ, когда она вспомнила, сколько стремленій, желаній, горечи и радости порождали въ ней его слова и какое глубокое впечатлѣніе онъ оставилъ въ ея сердцѣ и умѣ. Разбирая до мелочи всѣ свои ощущенія, она упрекала себя за свою снисходительность, за терпимость, съ какою она выслушивала нападки Барнье на религію, за свои робкія возраженія, за свой смѣхъ и шуточный тонъ. Смутно подозревая что-то и осуждая себя, по все еще не приведя ничего въ ясность, она рѣшилась открыться духовнику и просить о переводѣ въ другое отдѣленіе.

Вступленіе Ромены въ госпиталь и терзанія ревности дали ей, наконецъ, понять ея чувства. Внезапная переменъ, происшедшая въ ней, сверхъестественныя усиленія ея надъ собою, чтобъ заглушить ненависть къ этой женщинѣ и замѣнить ее христіанскимъ состраданіемъ, затѣмъ сцена, когда она, убѣгая отъ поцѣлуя Барнье, почувствовала въ глубинѣ души столько слабости, что призвала къ себѣ на помощь жестокость: все это были молніи, разорвавшія завѣсу передъ ея глазами; яркій свѣтъ озарилъ ея совѣсть и заставилъ измѣнить ея намѣреніе. Стыдясь и ужасаясь самой себя, презирая себя за свою слабость и свое чувство, въ которомъ видѣла только грѣхъ, она рѣшилась сама наказывать себя. Она не исповѣдывалась духовнику, не просила о переводѣ въ другое отдѣленіе, — она осталась тутъ, рѣшившись раскаиваться, страдать и нести искупленіе на томъ самомъ мѣстѣ, которое было свидѣлемъ ея любви. Она хотѣла нарочно растравлять свои раны ежедневнымъ искушеніемъ присутствія Барнье, для того, чтобъ ей было больнѣе побуждать себя, для того, чтобъ наказывать ежесекундно и безпощадно свои чувства и свою душу непрерывной пыткой угрызений и неудовлетворенностью желаній. Она хотѣла носить эту любовь, какъ власяницу, на своемъ сердцѣ и безпрестанно вонзать ее въ свои раны. И ей все еще казалось недостаточнымъ одно правдивое раскаяніе: она физически умерщвляла свою плоть всевозможными терзаніями, какія только могла припомнить изъ жизни мучениковъ и святыхъ. Съ каждымъ днемъ, дѣлаясь все блѣднѣе и худѣе, она видѣла не безъ тайной радости, какъ исчезало ея здоровье: то былъ мученическій вѣнецъ, приносимый ею въ жертву Богу.

XXXIV.

Въ тѣ дни, когда Барнье появлялся въ залѣ Св. Терезы, Филомена не избѣгала его: она только отстранялась отъ него съ холоднымъ видомъ и держалась поодаль, какъ отъ человѣка совершенно чужого. Она избѣгала всего, что могло сблизить ее съ нимъ и обмѣнивалась только короткими, необходимыми фразами. Барнье нѣсколько разъ хотѣлъ заговорить съ нею, но она всегда умѣла ускользнуть отъ него, и оградить себя присутствіемъ сидѣлки или больныхъ. Наконецъ, въ одинъ день, окончивъ осмотръ и улучивъ минуту, когда она была одна, Барнье поспѣшно сказалъ ей:

— Матушка! простите меня... скажите одно только слово, что вы меня прощаете...

Филомена съ удивленіемъ услышала этотъ взволнованный голосъ. Она взглянула на Барнье своими кроткими, печальными глазами, открыла губы

какъ бы для того, чтобы сказать что-то, и вдругъ остановилась. Пройдя мимо него, она вошла въ свою комнату и затворила за собою дверь.

XXXV.

Въ этотъ день, около четырехъ часовъ пополудни, Барнье вмѣстѣ съ Маливуаромъ выходилъ изъ амфитеатра, гдѣ онъ вскрывалъ трупъ.

— Мы вернемся нѣшкомъ? спросилъ Маливуаръ, закуривая трубку.

— Какъ хочешь...

— Знаешь, Барнье, я тебѣ завидую, сказалъ Маливуаръ, идя съ нимъ по тротуару.

— Почему?

— Почему? Да вѣдь черезъ десять дней ты сдашь экзаменъ и распростнешься навсегда съ госпиталемъ. Ты начнешь практиковать и, если будетъ удача, твоя карьера сдѣлана... Ахъ да, кстати... что твоя диссертация?.. ты не совѣмъ удачно выбралъ тему: о взаимномъ сообщеніи сосудовъ шейнаго узла.

— Нѣтъ, я уже перемѣнилъ... я выбралъ другую тему...

— Какую же?..

— Смерть.

— Ба!..

— Да, я объясню тебѣ мою идею... Я хочу доказать, что естественной смерти нѣтъ болѣе, той смерти, которая существовала въ первобытныя времена... Въ наше время люди умираютъ вслѣдствіе случая или обстоятельствъ. Жизнь не расходится болѣе: она обрывается... Это самоубійство болѣе или менѣе скорое... Однако, возьмемъ фіакръ...

— Что съ тобою?.. Ты дрожишь...

— Не знаю... Я чувствую во всемъ тѣлѣ какую-то непріятную дрожь...

— Это все отъ твоего проклятаго абсента... тѣ же слѣдствія, что отъ англійскаго джина... Нѣтъ, право! брось все это!..

— Ну, хорошо!.. я не буду больше пить... обещаю тебѣ... но не мучь меня... не говори мнѣ болѣе объ этомъ...

И Барнье забился въ уголь фіакра.

Вернувшись въ госпиталь, онъ тотчасъ же легъ въ постель.

XXXVI.

На другое утро, всему госпиталю было извѣстно, что Барнье, дѣлая накупѣ вскрытіе трупа, зараженнаго гнойною язвой, оцарапалъ себѣ руку и умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Въ четыре часа, когда Маливуаръ отошелъ отъ постели больного, чтобъ замѣнить его по службѣ, сестра Филомена послѣдовала за нимъ. Она, какъ тѣнь, упорно переходила за нимъ отъ кровати къ кровати, не сводя съ него глазъ, но не говоря ни слова. Маливуаръ чувствовалъ на себѣ ея взглядъ и въ ту минуту, какъ онъ выходилъ изъ лазарета, она остановила его.

— Ну? спросила она отрывисто, тономъ, показывавшимъ, что она потеряла всякую надежду.

— Погибъ! отвѣчалъ Маливуаръ, махнувъ рукой: — никакой надежды!.. началось съ правой лодыжки и захватило всю ногу, бедро и суставы... А какія страданія!.. Бѣдняга!.. Одного только можно желать, чтобъ скорѣй кончилось...

— Онъ не умретъ еще сегодня вечеромъ? спросила Филомена.

— О! нѣтъ... онъ переживетъ еще эту ночь... Это тотъ же случай, что съ Радиго... три года тому назадъ... Радиго прожилъ двое сутокъ.

XXXVII.

Въ десять часовъ, Филомена была въ церкви; ей сказали, что священникъ только что ушелъ. Филомена спросила его адресъ: онъ жилъ въ двухъ шагахъ отъ церкви, въ улицѣ Банкъ. Священникъ только что вернулся домой, когда Филомена постучала въ дверь его квартиры.

— Войдите дочь моя, сказалъ онъ, раскры-

вая свой мокрый зонтикъ и ставя его въ уголь. Онъ обернулся: она стояла передъ нимъ на колѣняхъ.

— Что вы дѣлаете? вскричалъ онъ съ удивленіемъ: — встаньте, дитя мое! здѣсь не мѣсто... встаньте же!

— Вы спасете его?.. неправда-ли?..

И Филомена схватила руки священника, которыя онъ протянулъ, чтобъ поднять ее.

— Оставьте меня такъ... Что вамъ за нужда, что я останусь на колѣняхъ.

— Успокойтесь, дитя мое, Богу все возможно. А я могу только молиться.

— Да, вы можете только молиться, сказала она, какъ бы обманутая въ ожиданіи. — Да, это правда.

И глаза ея опустились въ землю... Настало молчаніе.

— Сядьте, дитя мое! Успокойтесь и расскажите мнѣ въ чемъ дѣло.

— Онъ умираетъ, сказала Филомена, быстро приподнимаясь съ колѣнь: — онъ не переживетъ, можетъ быть, этой ночи. — И она заплакала. — Это молодой человѣкъ двадцати семи лѣтъ; онъ не былъ ни разу въ церкви, со дня своего перваго причащенія... Онъ не знаетъ ни одной молитвы... онъ не послушаетъ ни священника... никого, а между тѣмъ... все кончено... онъ долженъ умереть. Тогда я подумала о вашемъ «Обществѣ Братства»... такъ какъ оно основано именно для невѣрующихъ... Надо спасти его.

— Дочь моя!

— Вы его спасете?.. Общайтесь мнѣ... вы сдѣлаете все, что нужно... вы соберете всѣхъ и начнете читать молитвы.

— Но, дитя мое, сегодня пятница, а общество собирается только по четвергамъ.

— По четвергамъ?.. отчего же?.. это слишкомъ поздно, въ четвергъ... Онъ не доживетъ до четверга... Его надобно спасти... вѣдь спасали же другихъ...

Филомена смотрѣла на священника своими большими глазами, и въ ея взглядѣ, сквозь слезы, выражалось петербургское возмущеніе, повелительное требованіе. На минуту, другъ передъ другомъ стояли не монахиня и священникъ, а только женщина и старикъ.

— Все, что я могу сдѣлать для этого молодого человѣка, — это молиться за него, отъ лица всего нашего братства, завтра за обѣдней, сказалъ священникъ.

— Хорошо, отвѣчала Филомена, чувствуя, что ея глаза снова наполняются слезами: — я вѣрю... вѣрю, что онъ обратится... Богъ сжалятся надъ нимъ... Благословите его заочно, отецъ мой!

— Дочь моя, я благословляю только въ церкви, здѣсь совѣмъ не мѣсто.

— Это все равно... Вы служитель Божій... благословите меня вмѣсто него... я отнесу ему ваше благословеніе... Не отказывайте мнѣ... я прошу васъ... онъ умираетъ.

Она снова упала на колѣни.

Священникъ благословилъ ее и сказалъ:

— Дочь моя! скоро одиннадцать часовъ, а вамъ такъ далеко идти ночью — одной!

— О, я не боюсь! отвѣчала Филомена: — Богу извѣстно, зачѣмъ я вышла такъ поздно... притомъ, я буду дорогой читать молитвы, и Богъ не оставитъ меня!

XXXVIII.

Въ тотъ же вечеръ Барнье, въ первый разъ во весь день прерывая молчаніе, говорилъ Маливуару:

— Напиши моей матери... напиши, что это случается часто въ нашемъ ремеслѣ.

— Но, сказалъ Маливуаръ, наклонившись надъ кроватью, — ты еще не такъ опасенъ... я надѣюсь спасти тебя!..

— Нѣтъ... я рассчиталъ вѣрно... я обманулъ

тебя, Маливуаръ, продолжалъ онъ съ легкой усмѣшкой. — Понимаешь?.. я не могъ убить себя... потому что у меня мать... Но несчастный случай... это совсѣмъ не рѣдкость... это все улаживается... несчастный случай?.. Возьми себѣ мои книги... и инструменты... береги ихъ... слышишь?.. А зачѣмъ я убилъ себя? Наклонись ближе... Это все изъ-за нея... изъ-за этой женщины... Она одна только была у меня въ жизни... Они дали ей недостаточную дозу хлороформу... я говорилъ имъ... Ахъ! ея крикъ, когда она проснулась... я не могу его забыть... онъ постоянно слышится мнѣ, съ той самой минуты... Ну! такъ она умерла!.. договорилъ онъ, судорожно вздрагивая: — Мнѣ пришло на-мысль, что я ее убилъ... Она постоянно являлась мнѣ... вся въ крови... И я старался потушить свое горе въ винѣ... потому что я все еще люблю ее... Вотъ и все... все!..

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ снова заговорилъ:

— Скажи матери, чтобъ берегла мальчика... Сестра Филомена вѣрно помолится обо мнѣ... Который часъ? спросилъ онъ вдругъ.

— Одиннадцать.

— Какъ долго!.. боюсь... протяну еще до завтра...

Немного спустя, онъ снова спросилъ: который часъ? и, скрестивъ руки на груди, подозвалъ Маливуара слабымъ голосомъ, и хотѣлъ что-то сказать ему, но Маливуаръ не могъ разобрать его словъ.

Предсмертная агонія продолжалась до разсвѣта.

XXXIX.

Въ комнатѣ горѣла свѣча.

То была большая комната, съ бѣлыми стѣнами, на которыхъ выдѣлялись окрашенный охрой, плинтусъ двери, зеркало, каминъ подъ мраморъ, и два шкафа. Въ одномъ изъ шкафовъ безъ дверецъ, навалена была гора книгъ, въ другомъ — стоялъ фаянсовый, цвѣточный горшокъ. Въ углу, возлѣ стѣны испорченной зажиганьемъ спичекъ, висѣло маленькое зеркальцо, оклеенное золотой бумагой, — вѣроятно, воспоминаніе какой-нибудь увеселительной поѣздки въ окрестностяхъ Парижа. Въ окно безъ занавѣсъ глядѣлъ ночной мракъ и кровля сосѣдняго дома. На желѣзной кровати съ бѣлыми занавѣсами простыня приподнималась и обрисовывала, съ непреклонной суровостью смерти, окоченѣлыя линіи трупа, начиная отъ ногъ до заостреннаго профиля.

Маливуаръ дремалъ, сидя въ соломенномъ креслѣ у стола. Въ ночномъ безмолвіи, слышно было только тиканье часовъ умершаго. За дверью послышался легкій шорохъ; кто-то повернулъ ключъ и сестра Филомена тихо вошла въ комнату. Не глядя на Маливуара, не видя его, она опустилась на колѣни передъ кроватью и молилась... Ни одна складка на ея платѣ не шевелилась, точно будто она была мраморное изваяніе, а не живое существо. Черезъ четверть часа она встала, вышла, не оборачиваясь, и исчезла.

На другой день, Маливуаръ, смутно припоминая ночное видѣніе и желая удостовѣриться въ его дѣйствительности, машинально подошелъ къ столику, куда онъ положилъ прядь волосъ, отрѣзанную имъ для матери Барнье: ея уже тамъ не было.

(Продолженіе.)

V.

— Пріѣхалъ вашъ отецъ? Видитесь вы съ

нимъ? спрашивалъ у Володи нѣсколько дней спустя Павелъ Павловичъ.

Вопросъ этотъ немножко удивилъ молодого Савлина. Ему казалось, что его учитель не имѣетъ права предлагать ему подобные вопросы, въ отношеніяхъ ихъ установилась извѣстнаго рода холодность съ того вечера, когда между ними произошелъ тотъ разговоръ объ Алексѣѣ Алексѣвичѣ, въ которомъ Павелъ Павловичъ отнесся такъ неодобрительно къ тайнымъ сношеніямъ Володи съ отцомъ.

— Я у васъ вотъ почему это спрашиваю, невозмутимо продолжалъ Лѣгневъ, — вчера ваша маменька изволила полюбопытствовать, провели-ли вы у насъ вечеръ во вторникъ.

Юлія Ивановна предложила ему этотъ вопросъ тотчасъ же послѣ того, какъ Володя, по своему обыкновенію, удизнулъ передъ завтракомъ и, признаться сказать, поставила его этимъ въ большое затрудненіе. Павлу Павловичу неизвѣстно, чѣмъ объясняетъ Володя свои частыя отлучки изъ родительскаго дома. Пришлось отфланиваться уклончивостью.

— Я ей сказалъ, что во вторникъ меня весь вечеръ не было дома, но что, кажется, вы дѣйствительно провели этотъ вечеръ съ моимъ товарищемъ. На этотъ разъ, она удовольствовалась подобнымъ объясненіемъ, но за будущее ручаться нельзя и я совѣтую вамъ принять этотъ фактъ къ свѣденію. У нее есть шпионы въ нашемъ домѣ, ей могутъ донести, что васъ съ незапамятныхъ временъ не видать въ нашихъ краяхъ, прибавилъ онъ съ усмѣшкой.

Володя вспомнилъ про швею Дашу и покраснѣлъ до ушей.

— Благодарю васъ, прошепталъ онъ съ большимъ смущеніемъ, — я и безъ того хотѣлъ зайти къ вамъ на дняхъ.

— Заходите. Вы знаете, намъ нѣтъ никакой надобности отмѣчать по часамъ, сколько именно времени вы у насъ проеидите.

Съ этого дня молодому Савлину сдѣлалось еще удобнѣе и безопаснѣе посѣщать семейство отца. Онъ сначала забѣгалъ на квартиру своего учителя и, пробывъ тамъ минутъ двадцать, отправлялся, иногда одинъ, а иногда въ сопровожденіи Муравейки, на площадь у Николаевской желѣзной дороги.

Всю дорогу, вплоть до гостиницы, болталъ онъ безъ умолку со своимъ пріятелемъ объ отцѣ, о Марьѣ Николаевнѣ и объ ихъ дѣтяхъ. Повидимому, хмурому малороссу не наскучало слушать эти рассказы; онъ самъ заводилъ рѣчь на эту тему, когда Володя находился въ задумчивомъ и молчаливомъ расположеніи духа.

Однажды Володя ему сказалъ: — Зайдемъ къ нимъ, я васъ познакомя... Марья Николаевна будетъ очень рада.

— Развѣ вы ей говорили когда-нибудь про меня? спросилъ испуганнымъ тономъ Муравейко.

— Разумѣется, говорилъ, отвѣчалъ Володя.

И помолчавъ немного, онъ прибавилъ:

— Я ей все говорю.

А пройдя еще нѣсколько шаговъ, онъ продолжалъ: — Сегодня она одна съ дѣтьми, отца дома нѣтъ... Почему бы вамъ не зайти? Я очень былъ бы радъ васъ познакомить у нихъ.

Муравейко ничего не возражалъ и, дойдя до подъѣзда гостиницы, объявилъ, что готовъ исполнить просьбу своего пріятеля и познакомиться съ Марьей Николаевной и съ ея дѣтьми.

— Вы ей про меня говорили, она, стало быть, имѣетъ понятіе о моей дикости и неотесанности, прибавилъ онъ въ видѣ оправданія, — я, пожалуй, зайду съ вами на минутку.

— Имѣетъ, имѣетъ, весело закивалъ головой юноша, поспѣшно вбѣгая по лѣстницѣ и торопливо растворяя дверь знакомаго номера.

— Марья Николаевна, я къ вамъ Муравейку

привелъ! закричалъ онъ такъ громко, что голосъ его на мгновеніе покрылъ радостные возгласы, веселый пискъ и визгъ, которыми дѣти имѣли обыкновеніе привѣтствовать появленіе брата Володи.

— Очень рада всѣмъ твоимъ друзьямъ, мой голубчикъ, милости просимъ, раздался въ отвѣтъ мягкій, привѣтливый женскій голосъ.

Вмѣсто минутки, Муравейко проеидѣлъ здѣсь весь вечеръ и разстался большимъ пріятелемъ съ Марьей Николаевной и со всѣми дѣтьми, даже съ злѣй Пошкой, которая, вѣроятно, благодаря его присутствію, сегодня весь вечеръ не капризничала и не дразнила сестру.

— Ну что? Развѣ я былъ не правъ, когда говорилъ вамъ, что у нихъ чудо какъ ловко и тепло? Что съ ними очень легко сойтись и что Марью Николаевну нельзя не любить? спрашивалъ у него Володя на возвратномъ пути.

— Скучно вамъ будетъ, когда ихъ здѣсь не будетъ, замѣтилъ ему на это малоросецъ.

Володя ничего не возражалъ и онъ, молча, дошли до того переулка, отъ котораго одному путь лежалъ направо, а другому налево.

До Рождества время пролетѣло незамѣтно. Въ Сочельникъ пришло письмо изъ деревни съ извѣстіемъ объ удачной продажѣ хлѣба и о выѣздѣ въ Петербургъ управительницы Лизаветы Петровны Бѣлкиной съ годовыми отчетами и деньгами.

Юлія Ивановна ликовала. На радостяхъ она даже предложила тетенькѣ взять понаамъ ложу въ 4-мъ ярусѣ большого театра.

— Это обойдется всего только на полтора рубля дороже, чѣмъ мѣста въ балконѣ, сообразила она, — потому что мнѣ хочется и Володѣ доставить удовольствіе.

Но тетенька отказалась отъ театра, подѣлѣвъ предлогомъ, что балеты вообще наводятъ на нее скуку и сонъ, а тѣ, что даютъ по большимъ праздникамъ, для толпы, ей просто невыносимы.

Она это сказала Юліи Ивановнѣ, кузинѣ же своей, мадамъ Дубновской, захватившей навѣститъ ее въ тотъ же день, она по секрету сообщила, что ей просто стыдно показываться въ свѣтъ съ Юліей Ивановной. — Вѣчно вырядится кутафѣй какой-то, въ допотопное платье, кричитъ во все горло и руками машетъ, tout à fait mauvais genre, срамъ да и только!

Въ назначенный день Юлія Ивановна рано утромъ послала за газетой къ одному изъ жильцовъ и, вычитавъ изъ нее, что въ большомъ театрѣ даютъ Конька Горбунка, отправилась сама за билетами. Вернулась она домой презлая. Тѣхъ билетовъ, которые она желала получить, не оказалось, пришлось довольствоваться такими, что были и дороже, и хуже, такая досада!

За то она взяла только два билета. Володѣ можно дать рубль, пусть отправляется, куда хочетъ. Если онъ будетъ уменъ, то пойдетъ на самый верхъ, тогда у него останутся деньги на яблоки или на пастилу.

Но Володя къ завтраку не явился.

— Съ ранняго утра ушли-съ, объявилъ Оплатъ.

Къ обѣду онъ тоже не пришелъ.

— Увидишь, что раньше ночи мы его не увидимъ, замѣтила тетенька.

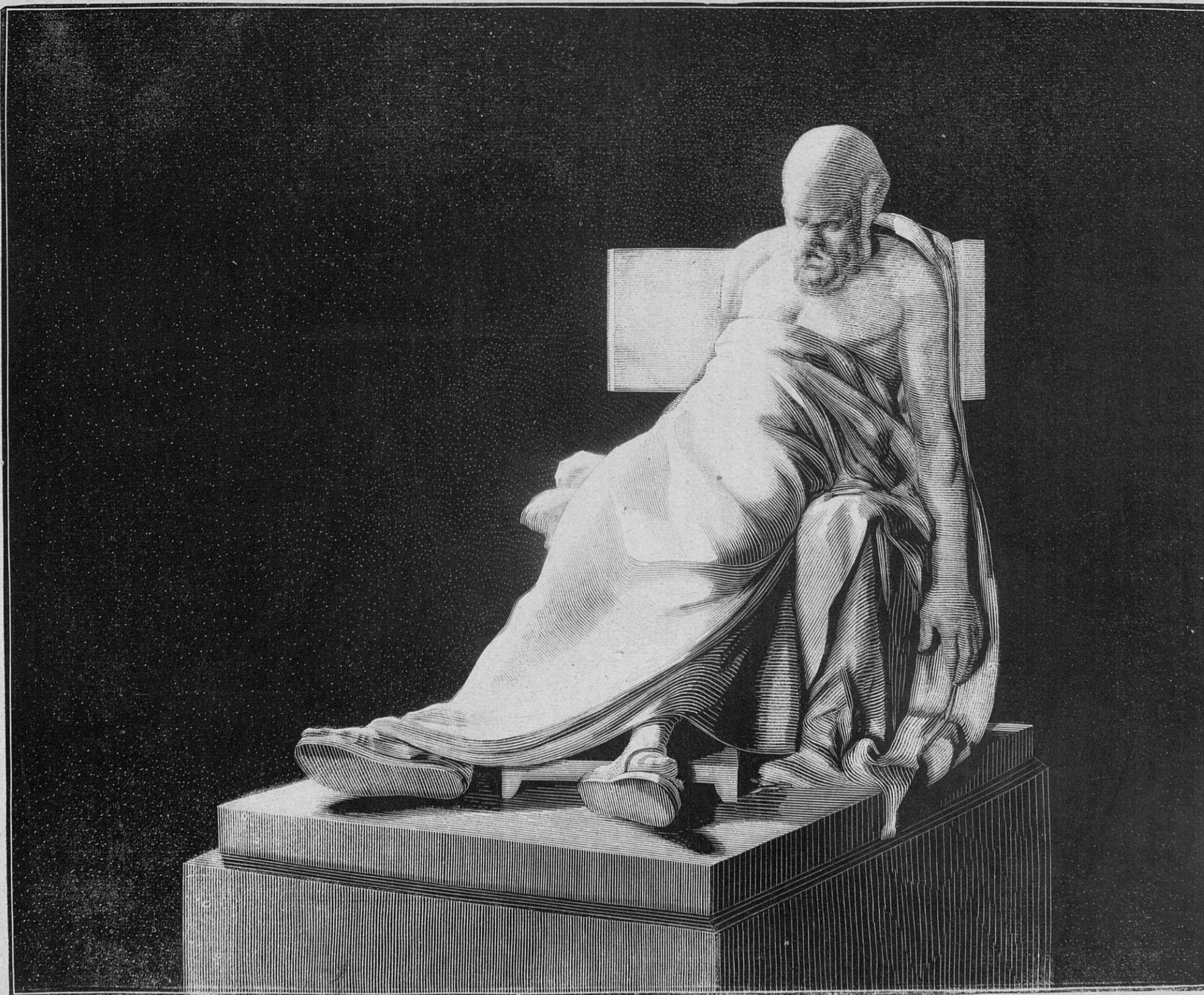
— Въ такомъ случаѣ, ему не видать моего рубля, какъ своихъ ушей, объявила Юлія Ивановна.

— Онъ даже тебя съ праздникомъ забылъ поздравить, продолжала подзадоривать генеральша.

— Правда! Какой однакожь дерзкій мальчишка! Онъ, кажется, воображаетъ себя совсѣмъ взрослымъ и самостоятельнымъ человѣкомъ... Но я собью съ него эту дурь, дайте срокъ! Вотъ только бы мнѣ съ Лизанькой все счеты кончить,

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.
СКУЛЬПТУРА АНТОКОЛЬСКАГО.

Смерть Сократа.

Съ фотолитографіи Гупиля, рисоваль И. Михайловъ. Рѣзалъ на деревѣ Діаментовскій.

да отправить ее обратно въ деревню, нечего ей тутъ заживаться, тамъ на дняхъ молотба начнется, а ужъ потомъ я примусь серьезно за Владимира Алексѣевича.

— Не поздно-ли будетъ? усмѣхнулась генеральша.

Но Юлія Ивановна даже не удостоила возражать на это замѣчаніе, до такой степени оно ей показалось глупымъ. Она позвала Филатыча и приказала ему передать Володѣ, чтобъ завтра онъ никуда не отлучался безъ позволенія, но повидавшись прежде съ нею.

— Скажи ему, что мнѣ надо съ нимъ переговорить, слышишь? И что, вообще, это постоянное его шатаніе по улицамъ мнѣ ужасно надоѣло.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ старикъ.

По случаю театра, сегодня обѣдали раньше. Къ семи часамъ Филатычъ доложилъ, что карета у крыльца. Явилась изъ заднихъ комнатъ дѣвица Бѣлкина въ лучшемъ своемъ платьѣ, свѣтло-коричневомъ альпага и съ малиновыми бантами на шляпѣ, такими же яркими, какъ ея щеки, подрумяненные вѣтромъ и морозомъ. Юлія Ивановна нахлобучила себѣ на лобъ шляпу весьма эксцентричной формы, купленную лѣтъ пять тому назадъ въ какомъ-то нѣмецкомъ городѣ. Шляпа эта напоминала лодку и была украшена отчаяннымъ перомъ, длиннымъ, мохнатымъ, съ зеленоватымъ отливомъ. Потомъ она натянула себѣ на плечи сѣрую кофту и принялась напирать теплыми перчатками.

Тетенька молча смотрѣла на это одѣванье. Губы ея по обыкновенію складывались въ улыбку, но съ каждой минутой въ этой улыбкѣ все сильнѣе и сильнѣе проглядывало отвращеніе и даже гадливость какая-то. Большихъ усилий стоило генеральшѣ удержать замѣчаніе, вертѣвшееся на ея языкѣ, наконецъ, она не вытерпѣла.

— Какъ это тебѣ не стыдно показываться въ свѣтъ въ такомъ костюмѣ, Юлинька? сорвалось у нее. — Тебя за салонницу можно принять!.. Неужели такъ трудно одѣться прилично? У тебя есть и платья, и шляпы...

— Мало-ли что есть! озлилась г-жа Савлина. — У меня вотъ четырнадцать тысячъ лежатъ въ бюро, не прикажете-ли нашить пачки ассигнацій къ платью вмѣсто букетовъ? Пусть ужъ всѣ знаютъ и вѣдаютъ, сколько я отвезу денегъ завтра въ банкъ!

— Да зачѣмъ же людей-то пугать, скажи на милость? настаивала тетенька.

— Никого не испугаешь, не беспокойтесь. Поѣдемте, Лизанька, еще опоздаемъ, пожалуй. Очень весело, заплативши такія большія деньги, къ концу прѣѣзжать! Да и народу найдеть пропасть, мѣста у насъ хотя и пумерованныя, а все же продирается трудно будетъ.

Уѣхали. Тетенька вернулась въ свою комнату и, усѣвшись на диванъ передъ столомъ, принялась раскладывать пасьянсъ. Въ домѣ воцарилась глубокая тишина. Люди отправились въ кухню справлять праздникъ къ кухаркѣ. Погасивъ лампы въ столовой и въ прихожей, Филатычъ сладко уснулъ на своемъ деревянномъ ларѣ.

Когда на часахъ гостинной прозвонило десять, генеральша подумала, что гостей нельзя ждать въ такую позднюю пору и что можно снять довольно пеловкое нарядное платье, надѣтое ради праздника съ самаго утра. Окончивъ пасьянсъ, она, не торопясь, сложила карты въ футляръ, поднялась съ мѣста и зашла за ширму, чтобъ переодѣться, какъ вдругъ сильный звонокъ заставилъ ее вздрогнуть и опустить руку, уже поднятую къ пуговицамъ у лифа.

Кто могъ звонить такъ сильно? Неужели Володя? Но въ такомъ случаѣ мальчикъ совсѣмъ съума сошелъ или пьянъ... Какъ смѣетъ онъ подымать такой гвалтъ въ домѣ матери? Вотъ что значитъ путаться по цѣлымъ днямъ съ разными

нигилистами!.. Юлинька еще не такихъ штукъ дождался отъ своего тихони.

Размысленія генеральши были прерваны новымъ звонкомъ, громче и нетерпѣливѣе перваго. На этотъ разъ Филатычъ проснулся и бросился со всѣхъ ногъ отмыкать дверь и громкій голосъ Юліи Ивановны раздался по всему дому. Не прошло и двухъ минутъ, какъ она, хлопая на ходу дверьми и стуча каблуками, вкатилась въ теткинну комнату.

На ней просто лица не было. Никогда еще генеральша не видывала Юлію Ивановну въ подобномъ раздраженіи. По ея лицу выступали багровыя пятна, глаза сверкали зловѣщимъ блескомъ, побѣлѣвшія губы дрожали, а голосъ сдѣлался глухой, надтреснутый.

Съ нею, должно быть, была истерика или обморокъ дорогой отъ театра къ дому: платье было растегнуто и всѣ юбки развязаны. Она задыхалась отъ волненія и въ изнеможеніи упала на первый попавшійся стулъ.

— Что случилось? Васъ лошади разбили? Карета сломалась? засуетилась г-жа Цыганова вокругъ племянницы, предлагая ей воды и нюхательнаго спирта.

— Дайте отдышаться... я вамъ все расскажу по порядку... Такіе казусы только со мной случаются!

Она выпила стаканъ воды, понюхала спиртъ, пересѣла на диванъ и начала рассказывать. Трудно было ее понять. Восклицанія, въ родѣ «представьте только себѣ!» «Вѣдь надо же было!» «Въ кои-то вѣки выѣхала и вдругъ!..» такъ пестрили ея рѣчь, что долго нельзя было добраться до самой сути, но мало-по-малу генеральшѣ все сдѣлалось ясно и она перестала изумляться... Было съ чего растрепаться и волноваться до истерики!

— Оказывается, что они уже давно здѣсь, объясняла Юлія Ивановна, поуспокоившись немножко, — я встрѣтила въ фойе Щеточкина и онъ мнѣ все рассказалъ... Хороши у меня родственники и знакомые, нечего сказать! Всѣ знали и никто не могъ меня предупредить!.. Кузина Синицына провела съ нею цѣлый вечеръ у графини, а Пьеръ Оврагинъ каждый день играетъ съ нимъ въ клубъ... И никто мнѣ ни слова! Нѣтъ! Вы представьте себѣ не можете, что со мной сдѣлалось, когда я ихъ всѣхъ узнала! Мнѣ, казалось, что я просто лопну отъ злости!.. Спросите у Лизаньки... Она даже испугалась и хотѣла тотчасъ же увести меня домой... Но я осталась, мнѣ захотѣлось досмотрѣть всю эту комедію до конца...

Она нервно захохотала, потребовала себѣ еще стаканъ воды и выпила его залпомъ.

— И представьте себѣ, точно нарочно, право, прямо противъ насъ!.. Ниже, разумѣется, въ бельэтажѣ, но какъ разъ напротивъ... онъ, она и всѣ щенята съ ними... И мой Володька тамъ же! Какъ-то? Какъ вамъ это правится?

Тетенька давно уже поняла, что рѣчь идетъ о Савлинѣ и объ его незаконномъ семействѣ, и давно уже живѣйшее любопытство изображалось на ея лицѣ, но при имени Володи она даже привскочила съ мѣста отъ волненія.

— Ахъ, Боже мой! Какая неприятная встрѣча! вскричала она, придвигаясь ближе и заранѣе предвкушая наслажденіе услышать подробности крупнаго, выходящаго изъ ряда вонъ скандала. — Бѣдная ты моя! воображаю, какъ тебѣ было тяжело!

— Нѣтъ! выслушайте! Я вамъ пачку съ самаго начала, по порядку, говорила Юлія Ивановна. — Лѣземъ мы съ Лизанькой, продираемся къ нашимъ мѣстамъ... Народу пропасть, яблоку упасть негдѣ, чуть-чуть билеты у меня не вышибли изъ рукъ въ тѣснотѣ! Протискались, наконецъ, хотимъ садиться—некуда! Мѣста наши заняты, какой-то франтъ съ дѣвицей изъ стриженныхъ! Я имъ тычу наши билеты подъ самый носъ,

а онъ: у меня у самаго такіе же, говоритъ. Поднимается гвалтъ... Я, разумѣется, не уступаю, онъ кричитъ, а я еще громче...

— Можно себѣ представить, замѣтила вполголоса генеральша.

Она при этомъ вспомнила, какъ въ прошломъ году, на какомъ-то интересномъ дѣлѣ въ окружномъ судѣ, Юлія Ивановна перешагнула черезъ головы двухъ-трехъ дамъ, чтобъ занять приглянувшееся ей мѣстечко на передней скамейкѣ. При одномъ воспоминаніи о скандалѣ, послѣдовавшемъ за такимъ отважнымъ поступкомъ, у генеральши морозъ подиралъ по кожѣ. Съ этого достопамятнаго дня, тетенька Цыганова поклялась никогда не показываться въ публичнѣ съ племянницей.

А г-жа Савлина, между тѣмъ, продолжала свой рассказъ.

— Лизанька моя чуть не плачетъ отъ страха, дергается меня сзади за кофту: Юлія Ивановна, Юлія Ивановна, уѣдте лучше!.. Вотъ дура-то! Я, конечно, вниманія на нее не обращаю и стою на своемъ... Покажите вашъ билетъ, говорю. Ну и другіе вступились: покажите билетъ, кричатъ. Долго артачился мой франтъ, однакожъ, вынулъ-таки билетъ изъ задняго кармана и, какъ взглянулъ на номеръ, тотчасъ же самъ поднялся съ мѣста, извинился и потащилъ свою нигилистку въ третій рядъ. Ну, слава Богу, думаю, кончилась исторія, можно сѣсть и успокоиться. Усѣлись. Заиграли увертюру. Лизанька взяла мой бинокль и начала обводить всѣ ложы... И вдругъ толкаетъ меня: посмотрите, говоритъ, Юлія Ивановна, что за прелестныя дѣтишки въ ложѣ напротивъ, третья отъ сцены. Беру бинокль, смотрю... А дура-то моя все мнѣ шепчетъ на ухо: посмотрите, посмотрите, вонъ та бѣлокуренькая въ голубомъ, точно ангелъ! А черненькая съ красными бантиками, херувимъ да и только. А мальчики-то какіе красавцы, одинъ другого лучше, не знаешь, на котораго смотрѣть, глаза разбѣгаются! Душки! И какъ одѣты, какъ завиты, восторгъ!.. Вошла дама въ черномъ, начала дѣтей разсаживать... И надъ ней начала ахать и умиляться. Ну, совсѣмъ раскисла, однимъ словомъ, сейчасъ видно, что старая дѣва и, кромѣ деревенскаго мурья, ничего не видала, все-то ей въ диковинку! Однакожъ, такъ трещитъ мнѣ подъ самое ухо, что волей-неволей смотришь въ ту сторону. Да и не я одна, всѣ наши сосѣди устали на эту ложу и тоже повторяютъ: ахъ, прелесть! ахъ, красота!.. Я все смотрю... Точно мнѣ самъ чортъ бинокль въ ту сторону воротить... И вдругъ, чтожъ я вижу? Въ дверяхъ ложы показались мужчины... Мой благовѣрный съ Володькой! Каковъ сюрпризъ?

— Юлинька, душа моя! Какъ же ты это вынесла? Вѣдь значитъ дама-то въ черномъ была Солнцева?

— Ну да, Солнцева, со всѣми своими щенками! Я ихъ тутъ всѣхъ разглядѣла, теперь наизустъ знаю! Нѣтъ, вы мнѣ вотъ что скажите, какова пагость? Явиться въ Петербургъ, разсѣсться въ ложѣ бель-этажа и выставить на показъ все свое поганое отродье! Да еще въ такихъ костюмахъ, что вся зала съ нихъ глазъ не спускаетъ!.. И сама тоже презфектно одѣта, вся въ черномъ... Шея такъ и бѣлѣется сквозь кружево... Chantilly рублей въ триста... На рукахъ золотой браслетъ сверкаетъ, пятирублевая перчатка на десять пуговицъ застегнута!.. А за столомъ этой твари мой г. Савлинъ ухмыляется... Распредовольно, что удалось свою кокотку всему Петербургу показать! И каждую минуту нагибается къ ней, смѣется, съ дѣтми болтаетъ... Срамъ да и только! Ни стыда, ни совѣсти, чистый развратъ!.. То и дѣло изъ ложы высовывается, да со знакомыми въ партерѣ раскланивается... Но вы подождите, еще это не все, продолжала Юлія

Ивановна, забывая, что она уже упоминала о Володѣ въ началѣ своего повѣствованія. — Вижу я, еще кто-то у нихъ въ ложѣ копошится... Наверно бинокль... Володька! Да-съ, вотъ я сегодня съ какимъ очутилась праздникомъ! Стоить послѣ того всю жизнь воздерживаться отъ пакостей и беречь свою репутацію и состояніе для сына! Вы думаете, легко это оставаться добродѣтельной женщиной? Легко всю жизнь бороться съ искушеніями, отказываться отъ всякихъ удовольствій и развлеченій? Надо быть дуракомъ, чтобъ не понимать, чего стоятъ эти жертвы, это вѣчное воздержаніе! Даромъ, что я не такая писанная красавица, какъ Солнцева, а за мной вѣдь тоже ухаживали... докторъ въ Женевѣ, и сынъ моей квартирной хозяйки въ Парижѣ... Наконецъ, въ Вѣнѣ, одинъ офицеръ мнѣ предложеніе сдѣлалъ и, когда я ему отказала, онъ грозилъ застрѣлиться... Я, можетъ быть, постоянно больна отъ этого воздержанія... Одинъ докторъ, въ Дрезденѣ, мнѣ прямо такъ и сказала, но я ему отвѣтила: ну, и пусть, j'aime mieux cela qu'un amant!.. И послѣ всего этого меня смѣютъ оскорблять, смѣютъ сближать моего сына съ этой тварью Солнцевой, смѣютъ появляться съ нею въ публикѣ, какъ будто меня ужъ и нѣтъ на свѣтѣ! Какъ будто я не могу отомстить за себя? Но я этого такъ не оставляю, я имъ покажу!.. Я буду жаловаться, просить развода... У меня всѣ права, всѣ доказательства... Развѣ такъ можно? Гдѣ же послѣ того справедливость? гдѣ же награда за добродѣтель?..

Послѣднія слова тетенька не разлышала, они были заглушены истерическими рыданіями; съ Юліей Ивановной сдѣлался сильный первый припадокъ.

На слѣдующій день, послѣ продолжительной бесѣды съ дѣвицей Бѣлкиной, которая разсказывала всю исторію со своей точки зрѣнія, генеральша Цыганова еще лучше поняла злость и досаду племянницы и, въ послѣдствіи, передавая этотъ казусъ своимъ безчисленнымъ знакомымъ, всегда прибавляла со вздохомъ:

— Согласитесь, однако, что положеніе несчастной Юлиньки было весьма неприятно? Разумѣется, нельзя вѣрить вполне всему тому, что она тогда мнѣ высказала въ порывѣ гнѣва про женевского доктора, про австрійскаго офицера и про другихъ, но, можетъ, ей въ самомъ дѣлѣ кто-нибудь нравился, когда она была моложе... Можетъ быть, и она тоже правила... Это кажется невѣроятнымъ, но чего на свѣтѣ не бываетъ и встрѣчаются мужчины съ такими странными вкусами! Я думаю, что даже и теперь нашлись бы охотники попользоваться ея состояніемъ и если только ей удастся выхлопотать себѣ разводъ, въ женихахъ недостатка не будетъ, вотъ увидите!.. Алексѣй Алексѣвичъ напрасно бравируетъ ея гнѣвомъ, она глубоко оскорблена и, право же, не безъ причинъ, надо знать всѣ подробности...

Подробности эти генеральша узнала отъ дѣвицы Бѣлкиной. Лизанька, между прочимъ, разсказывала, что въ ложу къ мадамъ Солнцевой безпрестанно входили знакомые мужчины изъ партера и изъ другихъ ложъ, все личности извѣстныя по своему положенію въ свѣтѣ, по знатности или по богатству. Личности эти обращались съ Марьей Николаевной далеко не какъ съ потерянной женщиной и ласкали ея дѣтей такъ, какъ будто они законныя дѣти, а не щенки. Володя же былъ такъ увлеченъ представленіемъ и веселымъ обществомъ, среди котораго онъ находился, что ему и въ голову не приходило вглядываться въ темненькую и сѣренькую толпу, тѣснившуюся на галереяхъ и балконахъ, а тѣмъ менѣе отыскивать въ этой толпѣ свою мать.

По мнѣнію дѣвицы Бѣлкиной, Алексѣй Алексѣвичъ такой молодецъ, какихъ мало. Очень хо-

рошъ собой, очень молодецъ. Лицо у него открытое, доброе, манеры прекрасныя и одѣтъ безукоризненно. Про мадамъ Солнцеву и говорить нечего, просто душка! Такая прелесть, что разцѣловать хочется! А ужъ въ особенности, когда сравнишь ее съ нашей кикиморой, прибавила она, понижая голосъ, и указывая глазами по направлению къ той комнатѣ, гдѣ сидѣла Юлія Ивановна.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Серватій и Панкратій.

Галиційскій разсказъ Захеръ-Мазоха.

(Продолженіе.)

Наконецъ, настало время, когда Серватій и Панкратій должны были начать посѣщать гимназію. Когда родители Панкратія узнали, что Серватія привезли для этой цѣли въ Коломанъ, они отправили своего сына въ Черновіцъ. Оба мальчика учились отлично и ежегодно привозили домой съ подарками. Между тѣмъ, родители Панкратія узнали отъ сына греко-католическаго священника, изучавшаго теологію и проводившаго праздники у отца, что образованіе, даваемое въ гимназіи главнаго города, отличается отъ образованія, даваемого въ гимназіяхъ окружныхъ городовъ, какъ день отъ ночи. Какъ добрые родители, они не могли примириться съ мыслью, что ихъ сынъ останется во мракѣ невѣжества и послали его въ слѣдующемъ учебномъ году въ Лембергъ. Панкратій, придя впервые въ этотъ годъ въ классъ, былъ не мало изумленъ и обрадованъ, увидавъ здѣсь внезапно смуглое лицо Серватія, родители котораго съ тою же цѣлью, какъ и родители Панкратія, послали своего сына въ столичную гимназію. Оба мальчика быстро подошли одинъ къ другому и тотчасъ же, застывши, опустили глаза къ полу.

— И ты здѣсь? началъ Панкратій, причемъ онъ сталъ рѣзать своимъ перочиннымъ ножомъ школьную скамью.

— Да, и я здѣсь, отвѣтилъ Серватій, разглаживая рукою лежавшую передъ нимъ карту Иллирій.

Оба немного помолчали, потомъ поглядѣли другъ на друга съ нѣжными улыбками и, послѣ классовъ, вмѣстѣ пошли бродить по улицамъ, что они и стали дѣлать ежедневно, такъ что каждый считалъ ихъ за братьевъ-близнецовъ. Въ классѣ сидѣли они рядомъ, такъ какъ ихъ фамиліи стояли рядомъ по алфавиту; это обстоятельство обоимъ показалось за особое покровительство судьбы, хотя, въ дѣйствительности, именно здѣсь-то и крылся источникъ ихъ баснословной неудачливости. Сначала, конечно, они не замѣчали ничего; одинъ помогалъ другому, какъ могъ; если вызывали Серватія, то Панкратій подшептывалъ все, что было нужно, и, наоборотъ, Панкратій подсказывалъ ему. Они посѣщали одинъ другого, учились вмѣстѣ дома, читали и играли бумажными солдатиками, которыхъ у Панкратія была цѣлая армія, или занимались театромъ Серватія.

До этой поры, каждый изъ нихъ очень удачно переводилъ латинскихъ классиковъ, вложивъ въ книгу печатный переводъ и, считывая его, къ удовольствію учителя, съ приличными случаями паузами. Теперь же дѣло начало складываться иначе; однажды, Серватій долженъ былъ перевести изъ Корнелія Непота, а Панкратій въ своемъ слѣпкомъ рвеніи перепуталъ приготовленные листки и вложилъ въ книгу друга біографію Плутарха. Серватій, согласно съ тогдашнимъ чисто механическимъ способомъ преподаванія, вовсе не обращалъ вниманія на сущность перевода, маго и читалъ заданное безъ всякаго смысла, какъ еврейскій молещикъ, — онъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ сначала прочелъ латинскій текстъ изъ Корнелія Непота: *Themistocles Neocli filius Atheniensis. Hujus vitia ineuntis ado-*

lescentia magnis sunt emendata virtutibus, adeo ut anteferatur huic nemo, pauci pares putentur. (Фемистоклъ, сынъ Неокла, былъ родомъ изъ Афинъ. Беспорядочность своей ранней юности онъ счѣмъ исправилъ своими большими способностями, такъ что никто не стоитъ выше него и только не многіе могутъ быть поставлены рядомъ съ нимъ). Прочитавъ латинскій текстъ, Серватій съ обычными, хорошо заученными запинками и затрудненіями сталъ считывать переводъ изъ Плутарха: «Тимолеонъ, сынъ Тимодема и Димаристы, происходилъ изъ знатной фамиліи изъ Коринфа. Это былъ другъ отечества, крайне мягкосердечный человѣкъ, но непримиримый врагъ тирановъ».

Учитель былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ гладко причесанными волосами, придававшими ему видъ человѣка, только-что выкупавшагося; онъ постоянно относился ко всѣмъ кротко и слащаво, такъ какъ онъ бредилъ, говоря его собственнымъ языкомъ, «эстетическими проявленіями человѣка». Когда Серватій началъ медленно расписывать переводъ изъ Плутарха, учитель приподнял немного голову и улыбнулся сладенькой улыбкой.

— Дитя мое, началъ онъ, совсѣмъ не сердясь и не возвышая голоса, — ты ошибся. Мы переводимъ Корнелія Непота, а не Плутарха.

Серватій взглянулъ въ книгу и сильно испугался. Онъ покраснѣлъ, какъ ракъ, тогда какъ Панкратій поблѣднѣлъ. Учитель смотрѣлъ все также улыбаясь, отнюдь не иронически, но вполне эстетично.

— Ахъ, воскликнулъ онъ Панкратію, — развѣ ты соучастникъ? прекрасно. Идите же оба сюда на кафедру и мы посмотримъ, какъ вы оба умѣете переводить, когда съ вами нѣтъ вашего печатнаго ангела-хранителя.

Серватій и Панкратій медленно, съ опущенными внизъ глазами, поднялись на деревянные подмостки, на которыхъ они стояли теперь, какъ два преступника около висѣлицы. Серватій былъ вполне уничтоженъ, такъ что даже забылъ выбросить изъ книги листокъ, вырванный изъ Плутарха. Учитель съ эстетически красивымъ движеніемъ взялъ этотъ листокъ изъ проклятаго Корнелія Непота, посмотрѣлъ на него съ кроткою улыбкою, подвергъ, все также улыбаясь, и книгу Панкратія, и книгу Серватія предварительному осмотру и велѣлъ потомъ первому изъ нихъ начать переводить біографію Фемистокла. Панкратій, дѣлая видъ, что онъ стоитъ вполне на высотѣ своей задачи, бодро выставилъ впередъ правую ногу и началъ скоро и громко:

— Фемистоклъ, сынъ Неокла, афинянинъ.

— Такъ-ли? спросилъ сладкимъ, ласкающимъ голосомъ учитель у Серватія.

Серватій, конечно, не могъ обличать во лжи Панкратія, да сверхъ того, онъ понималъ латынь еще менѣе, чѣмъ Панкратій.

— Ну, далѣе, сказалъ учитель.

— Пороки этого... который...

Панкратій упорно смолкъ. Учитель обратился къ Серватію.

— Продолжай далѣе.

Но у Серватія былъ тоже характеръ и онъ не удостоилъ учителя никакимъ отвѣтомъ.

Къ концу учебнаго года выводились средніе баллы. Панкратія боги толкнули въ третій разрядъ, Серватій испугался и потонулъ въ землѣ. Когда же судьба послала ему тѣ же самые баллы, его цыганское лицо просвѣтлѣло и онъ взглянулъ на Панкратія съ радостнымъ видомъ, тогда какъ Панкратій тихо-тихо кивалъ ему головою. Когда на этотъ разъ они оба возвратились домой безъ наградъ и, сверхъ того, должны были просидѣть въ будущемъ году въ томъ же классѣ, — ихъ родители сильно обидѣлись на это и, чтобы придать дѣлу лучший оборотъ, торжественно объя-

вили, что сыновья имъ нужны теперь для хозяйства. Серватій и Панкратій, такимъ образомъ, окончили ученіе, остались дома и предались тому дѣятельному бездѣлю, которое тогдашними галиційскими землевладѣльцами называлось «управленіемъ своимъ имѣніемъ». Они ѣздили верхомъ, ловили рыбу, охотились и, то тутъ, то тамъ, приглядывали, какъ жнутъ и молотятъ.

Каждому изъ нихъ минуло въ то время четырнадцатый годъ; они были высоки ростомъ, но въ нихъ еще оставалось много ребяческаго, какъ это часто бываетъ у насъ съ молодыми людьми, когда ихъ щеки и подбородокъ начинаютъ покрываться первымъ пушкомъ. Въ это время Панкратію пришла въ голову удивительная мысль: пародиться на масляницѣ волкомъ. Эта идея не была собственно его изобрѣтеніемъ: у его отца былъ волчій мѣхъ и это навело юношу на мысль нарядиться въ этотъ мѣхъ. На этотъ разъ, конечно, Серватій не пришелъ бы къ такой же мысли, если бы злая судьба не явилась къ нему именно въ этотъ день, въ лицѣ стараго еврея, молившаго купить у него громадную волчью шкуру. Серватій разбилъ свою «копилку», увидалъ, что денегъ у него почти хватитъ на покупку, потогривался, купилъ мѣхъ и рѣшился тотчасъ же такъ же замаскироваться, какъ Панкратій.

Какъ только насталъ вечеръ, Панкратій взялъ мѣхъ и прокрался въ пекарню, гдѣ работникъ уже покорно ожидалъ его, чтобы зашить юношу въ мѣхъ. Хотя работа была легка, но работникъ такъ страшно пыхтѣлъ и софѣлъ, что Панкратію становилось не по себѣ. Наконецъ, послѣдній стежокъ былъ сдѣланъ, работникъ всталъ передъ Панкратіемъ, чтобы полюбоваться своимъ произведеніемъ, и страшно расхохотался.

— Вы, молодой баринъ, воскликнулъ онъ, — совсѣмъ сдѣлались волкомъ. Если бы я васъ въ лѣсу встрѣтилъ, то уложилъ бы на мѣстѣ. И какъ блестятъ ваши глаза! Васъ просто испугаться можно!

Онъ снова разразился смѣхомъ и смѣялся такъ долго, что у него заболѣли бока.

Какъ разъ въ то же время старый Сильвестри, съ серьезностью, прилично старому слугѣ, зашивалъ Серватія точно также въ волчій мѣхъ. Когда онъ кончилъ работу, онъ ограничился только тѣмъ, что покачалъ головою и взялъ изъ своей берестовой тавлинки понюшку табаку. Серватій бодро вышелъ изъ дома. На дворѣ онъ встрѣтилъ комнатную служанку и кухарку, обѣ женщины испугались, стали креститься и пустились бѣжать. Серватій гордо вышелъ изъ воротъ и пошелъ по дорогѣ въ село между полями и лѣсомъ.

Луна таинственно свѣтила между широко простертыми, покрытыми снѣгомъ, вѣтвями елей, разливая серебристый свѣтъ по деревьямъ и снѣгу. Въ кроткихъ, блѣскавыхъ сумеркахъ лунной ночи, Серватій, приблизившись къ селу, увидалъ фигуру, смѣло шедшую ему на встрѣчу, и счелъ за лучшее притаиться къ землѣ. Когда черезъ нѣсколько мгновений онъ снова поднялъ свою голову съ острыми волчьими ушами, — фигура исчезла. Эта фигура была ничто иное, какъ Панкратій, который, испугавшись, при видѣ Серватія, точно также припалъ къ землѣ и былъ также убѣжденъ, что онъ скрылся незамѣченнымъ отъ встрѣтившагося ему существа. Они, все-таки, пришли къ той мысли, что имъ лучше остаться вѣрными своей роли, и потому они пошелъ на четверенькахъ вдоль забора и изгородей, окаймлявшихъ здѣсь сельскую дорогу. Каково же было ихъ изумленіе, когда они столкнулись на одномъ изъ поворотовъ. Каждый изъ нихъ считалъ другого за дѣйствительнаго волка, у обоихъ билось сердце, но тѣлу обоихъ пробѣгала дрожь отъ ужаса. Панкратій вспомнилъ всадника, котораго недавно разорвали волки вмѣстѣ съ его лошадыо

недалеко отъ окружнаго города, а Серватій вспомнилъ о сторожѣ, на котораго въ Лембергѣ напалъ волкъ въ его будѣ. Каждый изъ нихъ инстинктивно постарался внушить предполагаемому волку уваженіе и потому оба въ одно и то же время начали страшно вить.

Въ эту минуту въ головѣ Панкратія мелькнула мысль. «Ну, сотворилъ же я отличную глупость. Волкъ теперь обнюхаетъ меня и откроетъ, что я вовсе не волкъ, а жалкій человѣкъ. Конечно, онъ тотчасъ же познакомитъ меня со своими зубами. Ужъ не испугается-ли онъ, если я вдругъ поднимусь передъ нимъ, какъ человѣкъ, созданный по образу и подобию божію?» Онъ тотчасъ же быстро вскочилъ на ноги и громко крикнулъ своимъ собственнымъ голосомъ. Къ его величайшему ужасу и другой волкъ тоже поднялся на ноги и кричалъ человѣческимъ голосомъ, такъ какъ Серватій въ своемъ смертельномъ страхѣ пришелъ къ одной и той же мысли съ Панкратіемъ: съ минуту смотрѣли они со страхомъ другъ на друга, потомъ обоимъ пришла въ голову мысль, что чудовище съ человѣческимъ голосомъ, навѣрное, ничто иное, какъ оборотень, и потому оба упали на колѣни и жалостными голосами взмолились о пощадѣ. Шумъ привлекъ народъ изъ ближайшихъ домовъ, отворились двери, яркій свѣтъ озарилъ двухъ волковъ и со всѣхъ сторонъ бросились крестьяне, мужчины, женщины, дѣвушки и дѣти со своими большими волкодавами на непрощенныхъ гостей. Тогда каждый изъ волковъ быстро поднялся и испуганнымъ человѣческимъ голосомъ закричалъ:

— Я не волкъ! Я человѣкъ!

Нападающіе на минуту остановились. Однако, одинъ старый, опытный мужикъ рѣшилъ дѣло, осѣнившіе крестнымъ знаменіемъ и крикнувъ:

— Это оборотни!

Всѣ бросились бить несчастныхъ, которыхъ собаки уже повалили на землю. Тщетно кричали Серватій и Панкратій о помощи, крестьяне избивали ихъ до полусмерти и, вѣроятно, добились совсѣмъ, если бы Серватій не воскликнулъ въ ужасѣ жалобнымъ голосомъ:

— Господи Іисусе! Дѣва Марія!

Тогда нападавшіе остановились. Старый, опытный крестьянинъ почесалъ въ затылкѣ и выразилъ снова свое мнѣніе:

— А вѣдь, пожалуй, они и не оборотни. Оборотни, поди, не стали бы Господа Бога да Матерь Божію поминать.

Это дало, наконецъ, несчастнымъ, которые были скорѣе полумертвыми, чѣмъ живыми, возможность объясниться и спасти свою жизнь. Ихъ отнесли домой въ самомъ жалкомъ состояніи, покрытыхъ шишками и сипяками. Каждый изъ нихъ пролежалъ нѣсколько недѣль въ постелѣ. Панкратій изъ этой масляничной забавы вынесъ на всю жизнь порядочный шрамъ на головѣ, тогда какъ у Серватія уцѣлѣла навсегда лѣвая рука.

Вслѣдствіе этого печальнаго происшествія неприязненныя отношенія обѣихъ матерей дошли до полнѣйшей вражды. Всякія сообщенія между Панкратіемъ и Серватіемъ отнынѣ были прерваны подъ наблюденіемъ родителей, родственниковъ и прислуги, — но прерваны только на известное время. Оба юноши достигли того возраста, когда молодые люди внезапно становятся страшно серьезными, когда они, повидимому, всегда заняты въ высшей степени важными дѣлами, когда они начинаютъ философствовать, курить трубки и увлекаться тѣмъ или другимъ идеаломъ съ длинными косами и развѣвающимися и шумящими юбками; въ это время Серватій и Панкратій сознали себя мужчинами и начали сходиться вмѣстѣ, сначала тайно, или только въ важныхъ случаяхъ, а потомъ и явно, ни передъ кѣмъ не скрываясь, и прошло немного мѣсяцевъ

какъ юноши снова стали неразлучными, подобно тому, какъ это было въ дѣтствѣ.

Оба юноши нравились дѣвушкамъ, имъ даже, какъ они говорили въ своей невинности, выпадало счастье свозъ дымъ ладона въ церкви уловить ласковый дѣвичій взглядъ, получить горячій поцалуй во время фантовъ, одержать побѣду надъ соперникомъ въ котильонѣ. Высокій, сильный Панкратій, съ бѣлымъ, краснощекимъ и открытымъ лицомъ, съ бѣлокатыми кудрями, съ полными добродушія голубыми глазами и маленькимъ, задорнымъ курносомъ, правился особенно стройнымъ смуглянкомъ; Серватій, напротивъ, былъ высокъ, худощавъ, смуглъ, со впалыми щеками, съ черными волосами, съ черными, смѣлыми и страстными глазами и съ небольшимъ горбатымъ носомъ, — онъ восхищалъ нѣжныхъ блондинокъ. Слѣдствіемъ этого было то, что молодые люди не являлись соперниками; впрочемъ, даже любовь къ одной и той же дѣвушкѣ не могла разъединить эти два добрыхъ, благородныхъ сердца. Юношамъ шелъ уже девятнадцатый годъ, когда Панкратій влюбился одновременно съ Серватіемъ и влюбился въ ту же дѣвушку, въ которую былъ влюбленъ его другъ. Какъ и слѣдовало ожидать, новымъ идеаломъ была не блондинка и не брюнетка, а дѣвушка съ обильными, мягко прилежавшими къ вискамъ и ласкавшими ея упругую шею темно русыми волосами и съ парой чудесныхъ голубыхъ глазъ.

Друзья увидали дѣвушку впервые въ церкви. Это была дочь греко-католическаго священника, только что возвратившаяся изъ Лемберга, гдѣ она получила очень порядочное образованіе. Дѣвица Анастасія Піотровичъ, была прежде всего очень романтична, она читала всевозможныя книги и читала во всякое время, не запуская, впрочемъ, при этомъ хозяйства. Ее можно было, напримѣръ, увидѣть въ кухнѣ въ то время, когда она правой рукой размѣшивала варившіяся овощи, а въ лѣвой держала стихотворенія Шиллера, читая ихъ не безъ нѣкотораго затрудненія. Она также играла на фортепьяно, не дурно пѣла, любила носить старо-русскую боярскую одежду и были люди, которые даже говорили, что она пишетъ въ «Утреннюю зорю» въ Лембергѣ. На эту-то дѣвушку засмотрѣлись друзья во время обѣдни и когда она внезапно подняла, какъ бы съ удивленіемъ, свои большіе, прекрасные глаза, — дѣло было кончено: Панкратій и Серватій влюбились въ нее. Когда она вышла изъ церкви, Панкратій остался стоять подъ цвѣтущимъ деревомъ, полнымъ аромата, свѣта и пѣнія птицъ.

— Знаешь-ли ты, Серватій, что я люблю? началъ онъ.

— Ну, отвѣтилъ Серватій, — я только что хотѣлъ сдѣлать тебѣ такое же признаніе. Кого же ты любишь?

— Кого же я могу любить, какъ не Анастасію Піотровичъ.

— Если ты не можешь любить никого кромѣ этой очаровательной дѣвушки, отвѣтилъ Серватій, — то ты, конечно, поймешь, что и я могу любить только Анастасію.

— О, я понимаю! воскликнулъ радостно Панкратій. — И такъ ты точно любишь ее? Ты обожаешь ее?

— Да.

— Дай мнѣ тебя обнять, мой братъ!

Они нѣжно поцаловались, тогда какъ дерево, точно смѣясь надъ ними, осыпало ихъ своими бѣлыми цвѣточными лепестками.

Такимъ образомъ, и эта дѣвушка не могла ихъ разъединить; ни тотъ, ни другой изъ нихъ не чувствовалъ ни зависти, ни ревности къ сопернику; ни одинъ изъ нихъ даже не думалъ оттѣснить отъ Анастасіи своего друга; оба они дали другъ другу, священную клятву, что одинъ изъ нихъ тотчасъ же удалится безъ злобы, безъ не-

удовольствія, какъ только другой вполнѣ убѣдился въ своемъ успѣхѣ у молодой дѣвушки. Они назначили даже, въ своемъ сердечномъ единодушіи, извѣстные дни, когда или одинъ Панкратій, или одинъ Серватій могъ посѣщать домъ достоуважаемаго отца Піотровича, видѣть Анастасію,

нецъ, проливъ одинаково много пота и слезъ, высидѣлъ цѣлыхъ шесть строфъ. Онъ самъ былъ такъ тронутъ своею поэмою, что ни одной минуты не сомнѣвался въ томъ, какое дѣйствіе произведетъ она на молодую красавицу, и потому считалъ нечестнымъ завоевать Анастасію

— Я думаю, что да, отвѣтилъ Серватій, — и потому я хотѣлъ посоветоваться съ тобою...

— А я съ тобою, засмѣялся Панкратій, — впрочемъ, моя поэма готова.

Онъ вынулъ изъ кармана свои стихи.

— Моя тоже, воскликнулъ Серватій. — Я только

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

ГВИДО РЕНИ.

Апостоль Петръ.

Съ оригинала, находящагося въ Императорскомъ эрмитажѣ въ С.-Петербургѣ.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской полиטיפажнѣ».

ухаживать за нею. Анастасія была любезна съ обоими и, кажется, не отдавала предпочтенія ни одному изъ нихъ. Вслѣдствіе этого, Панкратій рѣшился въ торжественно безмолвный полуночный часъ тронуть ея сердце стихами, онъ просидѣлъ до бѣла дня въ своей комнатѣ, при свѣтѣ двухъ оплывавшихъ салыхъ свѣчей и, нако-

этой поэзію, не показавъ предварительно Серватію своего оружія. Онъ пошелъ къ другу, составилъ серьезное лицо и спросилъ:

— Скажи мнѣ откровенно, любить-ли тебя Анастасія?

— Откровенно говоря, я думаю, что нѣтъ.

— Какъ ты думаешь, могутъ-ли ее тронуть стихи?

что хотѣлъ идти къ тебѣ, чтобы прочесть ее.

Панкратій всталъ на середину комнаты и началъ декламировать свои строфы, причемъ голосъ его сначала звучалъ ужасно героическимъ тономъ, а потомъ замеръ въ слезахъ.

— Ну, сказалъ онъ наконецъ, — какъ ты это находишь?

— Это гораздо лучше, чѣмъ у меня.

— Не скромничай, сказалъ Панкратій. — Послушаемъ, что ты написалъ.

Тогда сталъ читать Серватій и Панкратій объявить съ неподдѣльнымъ восторгомъ, что эти стихи достойны какого-нибудь Пушкина.

тала о катаньяхъ на гондолахъ и серенадахъ, — о послѣднихъ она мечтала даже съ извѣстнымъ экстазомъ и постоянствомъ. Приблизился день ея именинъ и Панкратій рѣшился устроить Анастасіи серенаду наканунѣ ея именинъ. Тоже пришло въ голову Серватію. Ихъ злой рокъ под-

Лордъ Дѣфферинъ *).

Новый посолъ Англіи при русскомъ дворѣ вручилъ свои кредитивныя грамоты 27 февраля. Несомнѣнно, общее любопытство возбуждено той ролью, которую онъ будетъ играть въ качествѣ

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Г. МАКАРТА.

Валкирія.

Гравировали В. Пуцъ и К^о въ Варшавѣ.

Въ тотъ же день Анастасія получила оба стихотворенія, написанныя на розовыхъ листкахъ, нашла ихъ миленькими, похвалила талантъ юныхъ поэтовъ, но, повидимому, ничуть не была тронута. Полетъ ея фантазій былъ выше; она мечтала о дуэляхъ, нападеніяхъ, похищеніи и тому подобныхъ прекрасныхъ поступкахъ. Она меч-

сказала имъ, что въ настоящемъ случаѣ они должны скрыть одинъ отъ другого свое намѣреніе, на томъ простомъ основаніи, что если можно приподнести двѣмъ одновременно два стихотворенія, то никакъ нельзя, уже вслѣдствіе простыхъ условій гармоніи, въ одно и то же время снѣтъ ей двѣ разныя серенады.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

примирителя туркофильской политики Биконсфильда съ интересами Россіи на Востокѣ. А что цѣль посольства лорда Дѣфферина, именно заключается въ этомъ примиреніи, подтверждаютъ англійскія газеты, всевозможныхъ оттѣнковъ, кото-

*) Портретъ лорда Дѣфферина будетъ помѣщенъ въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ «Жив. Об.».

рыя въ одинъ голосъ говорить, что «назначеніе лорда Дѣфферина посломъ въ Петербургъ служитъ явнымъ доказательствомъ, что англійскій кабинетъ находится въ болѣе дружескихъ отношеніяхъ съ русскимъ и желаетъ, наконецъ, придти къ такому соглашенію насчетъ взаимныхъ интересовъ обѣихъ странъ на Востокѣ, которое исполнѣ согласовалось бы съ международнымъ довѣріемъ и дружбой». Насколько возможно такое соглашеніе противоположныхъ стремленій на Востокѣ русскаго народа и стремленій лорда Биконсфильда покажетъ время. Но мы видали въ послѣднее время столько неожиданностей въ области политики, что, быть можетъ, хитрымъ дипломатамъ и удастся смѣшать теоретически на бумагѣ масло съ водою, интересы Турціи съ каждой къ свободѣ и жизни угнетенныхъ ею народовъ, освобожденныхъ фактически русской кровью и вновь закабаленныхъ, еще болѣе фактически, европейской дипломатіей. Но приведетъ-ли подобное смѣшеніе къ какому-нибудь практическому и благотворному результатамъ, это опять другой вопросъ. Конечно, возможность примиренія интересовъ Россіи и Англіи на Востокѣ окончательнымъ и безповоротнымъ освобожденіемъ народовъ Балканскаго полуострова отъ турецкаго ярма, доказана во-очію положеніемъ, принятымъ въ восточномъ вопросѣ либеральной партіей въ Англіи, съ ея талантливымъ предводителемъ Гладстономъ, но для осуществленія такой *via desideria* необходимо паденіе торійскаго или, какъ принято теперь его называть, джингонтскаго министерства, а это давно желанное и успѣшно подготовляемое самимъ пророкомъ джингонизма событіе еще только смутно нарождается во мракѣ. Пока же надъ англійской политикой все еще царитъ Бенъ I, король іерусалимскій, какъ его величаютъ карикатурные лондонскіе листки и новый посолъ, только членъ либеральной партіи, а не официальный представитель ея торжества. Во всякомъ случаѣ, уже одно то обстоятельство, что Биконсфильдъ не рѣшился назначить на столь важный постъ никого изъ своихъ излюбленныхъ джингонстовъ, а обратился къ помощи стойкаго и просвѣщеннаго либерала, говоритъ краснорѣчивѣе всякихъ разглагольствованій, что столь дорого-стоящее и въ нравственномъ, и матеріальномъ отношеніи англійскому народу господство джингонизма, благополучно приближается къ концу. Такимъ образомъ, помимо таинственныхъ цѣлей Биконсфильда, быть можетъ, желающаго бросить пылъ въ глаза Россіи и отвлечь ея вниманіе отъ своихъ плановъ официальными дружескими сношеніями, появленіе въ Петербургѣ лорда Дѣфферина, особенно послѣ его предшественника, не можетъ не быть встрѣчено сочувственно русскимъ обществомъ.

Фредрикъ Темль-Влаквудъ, графъ Дѣфферинъ, родомъ ирландецъ, единственный сынъ барона Дѣфферина и внучка знаменитаго Шеридана, получилъ воспитаніе въ Итонѣ и Оксфордѣ. Еще недостигнувъ совершеннолѣтія, въ 1841 году, онъ за смертью отца наслѣдовалъ его титулъ и, такимъ образомъ, прямо поступилъ въ палату лордовъ, не побывавъ предварительно въ палатѣ депутатовъ, какъ большинство молодыхъ англійскихъ аристократовъ. Принадлежа по своимъ родственнымъ связямъ къ партіи виговъ, онъ при либеральныхъ министерствахъ занималъ разнообразныя высокія посты, но кромѣ сопровожденія лорда Джона Росселя въ 1855 г. въ Вѣну, онъ никогда не служилъ собственно по дипломатіи, если не считать дипломатическимъ порученіемъ посылку его Пальмерстономъ въ Сирію въ 1860 г., въ качествѣ англійскаго комисара, для изслѣдованія поголовнаго избіенія христіанъ, при чемъ онъ выказалъ замѣчательную энергію. Потомъ онъ былъ послѣдовательно товарищемъ министровъ: по индійскимъ дѣламъ и военнаго,

канцлеромъ ланкаширскаго герцогства и, наконецъ, назначенъ въ 1872 году, при министерствѣ Гладстона, генераль-губернаторомъ Канады. Этотъ важный отвѣтственный постъ онъ занималъ до настоящаго времени, несмотря на переходъ власти изъ рукъ либераловъ къ торіямъ, которые рады были воспользоваться услугами одного изъ самыхъ способнѣйшихъ администраторовъ Англіи, по единодушному мнѣнію всѣхъ партій. Вѣроятно, онъ долго бы еще управлялъ громадной колоніей, въ которой онъ съ рѣдкимъ искусствомъ умѣлъ мирить противоположные интересы ея разнообразнаго населенія, еслибы не потребовалось передать его мѣсто зятю королевы, маркизу Лорну; съ другой стороны, говорятъ, что лордъ Дѣфферинъ нѣсколько разстроилъ свои финансы роскошной жизнью въ Канадѣ и потому самъ желалъ другого поста, не требующаго чрезмѣрныхъ расходовъ.

Какъ высоко цѣнятъ въ Англіи общественныя заслуги и особенно канадскую дѣятельность лорда Дѣфферина, можетъ служить краснорѣчивымъ доказательствомъ блестящій пиръ, данный въ честь его въ Лондонѣ клубомъ реформы, передъ самымъ его отъѣздомъ, 22-го февраля. Всѣ главнѣйшіе представители либеральной партіи достойно чествовали въ этотъ день своего талантливаго сотоварища. Предсѣдатель, лордъ Гренвилъ, въ краснорѣчивой рѣчи указалъ на настоящую роль Англіи въ отношеніи своихъ колоній, и на блестящее примѣненіе лордомъ Дѣффериномъ этой разумной, колониальной политики. «Отношенія метрополіи къ своей колоніи, сказалъ онъ, между прочимъ,—не могутъ быть основаны на одной обязанности послѣдней повиноваться первой, а на единеніи интересовъ и чувствъ. Никто изъ здѣсь присутствующихъ, конечно, не захотѣлъ бы, еслибы оно и было возможно, утвердить насильственными мѣрами связь между Англіей и ея самоуправляющимися колоніями. Можетъ быть, многіе изъ васъ не помнятъ, но я хорошо помню, что, въ 1848 году, въ Брюсселѣ, произошли демонстраціи противъ короля Леопольда, и король не призвалъ къ себѣ на помощь армію, не потребовалъ ослабленія конституціи и усиленія его власти, а просто написалъ брюссельскому бургомистру письмо, въ которомъ прямо объявилъ, что если его присутствіе въ Бельгіи не нравится народу, то онъ не желаетъ насильственно ему навязываться и немедленно уѣдетъ. На эти благородныя слова вся нація сочувственно откликнулась и съ этой минуты до самой смерти Леопольда окружала его самой теплой, преданной любовью. Я полагаю, что тотъ же элементъ долженъ лежать въ основѣ нашихъ отношеній къ колоніямъ. Англосаксонская раса любитъ свободу и ее крѣпче сдерживаетъ шелковый свурокъ, чѣмъ желѣзныя оковы». Далѣе, представивъ очеркъ дѣятельности лорда Дѣфферина, строго придерживавшагося этой либеральной колониальной политикѣ, ораторъ прибавилъ: «Своей энергіей, тактомъ, безпристрастіемъ и любезной предупредительностью, онъ сумѣлъ заслужить въ Канадѣ всеобщую любовь, а постоянной готовностью содѣйствовать улучшенію промышленности страны и развитію самоуправления, онъ, я смѣло скажу, создалъ Канаду, какъ Вальтеръ-Скотъ создалъ Шотландію. Не только онъ распространилъ въ Англіи и Европѣ здравыя понятія о Канадѣ, но внушилъ своими краснорѣчивыми рѣчами и мудрой дѣятельностью самимъ канадцамъ благородныя идеи и стремленія, лучшіе взгляды на производительныя силы страны и истинный патріотизмъ». Въ отвѣтъ на эти лестныя слова, виновникъ праздника старался съ похвальной скромностью доказать, что если ему и удалось достигнуть счастливыхъ результатовъ во время семилѣтняго управленія Канадой, то это благодаря патріотизму, высокимъ стремленіямъ и самодѣятельности самого населе-

нія страны, тѣмъ болѣе, что, по его словамъ: «плохой былъ бы комплиментъ главѣ самоуправляющейся общины, еслибы полагали, что онъ проводилъ какую-нибудь свою самопроизвольную личную политику и диктаторскую инициативу въ общественныхъ дѣлахъ».

Относительно будущей дѣятельности Дѣфферина, какъ англійскаго посла въ Россіи, естественно и онъ самъ, и чествовавшіе его политическіе дѣятели говорили очень мало, только выражали надежду, что его усилія приведутъ къ здоровой дружеской связи двухъ могущественныхъ народовъ.

Помимо своей политической дѣятельности, лордъ Дѣфферинъ извѣстенъ еще и какъ литераторъ. Идя по стопамъ своего прадѣда, знаменитаго автора «Школы злословія», матери, извѣстной многими поэтическими произведеніями, и тетки, м-съ Нортонъ, автора ряда популярныхъ романовъ, онъ еще юношей, въ 1846 году, напечаталъ юмористическое описаніе поѣздки въ Ирландію. Впоследствии имѣли большой успѣхъ его путешествіе въ Исландію, сатира на великобританское общество, подъ названіемъ «Мистрисъ Гушингтонъ», и нѣсколько брошюръ о современномъ положеніи Ирландіи. Вообще лордъ Дѣфферинъ, а также его жена, дочь капитана Гамильтона, считаются одними изъ образованнѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ представителей современной англійской аристократіи.

Народы Россіи.

(Этнографическіе очерки.)

Ст. С. С. Шашкова.

III.

Чукчи.

Ужасенъ крайній сѣверовосточный уголъ енисейской земли между Беринговымъ проливомъ и берегомъ Ледовитаго моря; здѣсь растетъ только мохъ да мизерный низенкій тальникъ прозябаетъ въ долинахъ, прорѣзывающихъ цѣпи совершенно голыхъ горъ. Здѣсь лѣто начинается въ концѣ іюля, а послѣ 20 августа уже наступаетъ зима, и вѣчный снѣгъ лежитъ не только на горахъ, но и въ оврагахъ. Земля усеяна осколками скалъ и камней, трескающихся отъ мороза.

Здѣсь живетъ эскимосское племя чукчей, численность которыхъ полагаютъ въ 10,000 челов. Козаки, завоеватели Сибири, встрѣтились съ чукчами еще въ 1644 г., но съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени русскимъ не удалось покорить чукчей. Въ 1755 г. изъ Якутска противъ нихъ была отправлена довольно сильная военная экспедиція; чукчи были разбиты и бѣжали въ свою неприступную землю, проникать въ которую русскіе не рискнули. Казаки пошли обратно, захвативъ съ собою множество плѣнниковъ, которые, впрочемъ, всѣ умерли дорогою. Съ тѣхъ поръ русскіе оставили чукчей въ покоѣ; въ русскомъ подданствѣ, въ округахъ витимскомъ и колымскомъ, чукчей живетъ около 3000, остальные независимы, хотя номинально и считаются въ нашемъ подданствѣ и на пограничную ярмарку вывозятъ ежегодно добровольную дань («бѣлому царю»). Равнымъ образомъ неудачны были и всѣ попытки обратить чукчей въ христіанство. Чукчи иногда принимали и крещеніе, но чисто формально, изъ однихъ выгодъ, какъ это рассказываетъ, напр., Мотюшкинъ въ извѣстномъ «Путешествіи» Врангеля. Въ мѣстечкѣ Островномъ, во время пріѣзда чукчей на ярмарку, туда пріѣзжаетъ священникъ и обыкновенно креститъ нѣсколько чукчей. Мотюшкинъ, присутствовавшій при одномъ изъ такихъ крещеній, рассказываетъ, что чукча согласился окреститься за нѣсколько фунтовъ табаку. Привели его въ часовню, гдѣ уже была готова бочка, замѣнявшая купель

Чукчи предложили окунуться, но онъ началъ спорить, доказывая, что можно обойтись и безъ этого: «давай мой табакъ», твердилъ онъ. Только послѣ долгаго спора онъ рѣшился войти въ купель; но, окунувшись разъ, тотчасъ выскочилъ и, бѣгая по часовнѣ, кричалъ: «давай табакъ! мой табакъ!» Всѣ убѣжденія окунуться еще два раза не повели ни къ чему, — на нихъ чукча отвѣчалъ одно: «давай табакъ!» Чукчи убѣждены, что обращеніе въ христіанство гибельно дѣйствуетъ на ихъ благосостояніе. Чукоцкій шаманъ Тиепа, напр., такъ отвѣчалъ на проповѣдь миссіонера Аргентова: «Вы — люди русскіе, Богъ далъ вамъ и вѣру русскую, и лошадей; мы люди — чукчи, Богъ далъ намъ и вѣру чукотскую, и оленей. И такъ вы, русскіе, вѣруйте же по русски и оставайтесь съ вашими лошадьми, а мы, чукчи, будемъ вѣровать по чукотски и останемся съ нашими оленями. Богъ же, присматривающій за всѣми вѣрами и всѣми народами, будетъ глядѣть съ неба и наблюдать — по-русски-ли живутъ русскіе, по-чукотски-ли чукчи». Другой чукча говорилъ Аргентову: «я былъ молодъ; русскіе предлагали мнѣ свое знакомство, лаская дружбою; сопротивляться было нельзя, и я окрестился. Теперь я гляжу на былое иными глазами, стариковскими! Что принесло намъ крещеніе? Испыталъ я на себѣ, видѣлъ и на другихъ, что, крестившись, люди бѣдѣютъ, стада ихъ уменьшаются, олени переводятся; да и сами люди переводятся, съ тѣхъ поръ какъ начали креститься. Стариковъ почти вовсе не стало. Многіе умерли не людски. Въ старину не водилось этого съ нашимъ народомъ. Бывало, всѣ умирали по нашему. Нѣтъ, я не позволю никому креститься и самъ хочу умереть по-человѣчески». Когда кончилъ эту рѣчь старшина Ульбекъ, стоявшій тутъ молодой шаманъ, обратясь къ чукчамъ, выразительно произнесъ: «не надобно!» а миссіонеру — «не хотимъ!» и вышелъ изъ шатра. Сынъ Ульбека говорилъ: «Мы живы оленями, а безъ нихъ намъ нельзя быть живыми въ здѣшнемъ краѣ. Уменьшенія въ стадахъ не желаемъ, къ нищетѣ не расположены, креститься не хотимъ». Вѣрованія чукчей подробно неизвѣстны, но о нихъ можно судить приблизительно вѣрно по аналогіи съ вѣрованіями другихъ инородцевъ сѣвера, о которыхъ мы будемъ говорить дальше. Извѣстно, впрочемъ, что чукчи приносятъ иногда въ жертву людей и въ трудныя времена голода убиваютъ своихъ больныхъ и стариковъ. Въ послѣднее время крещено уже много чукчей, но все-таки ихъ нельзя называть христіанами. Послѣ 1866 г., когда изъ края откочевали къ югу тунгусы, много чукчей тоже подвинулось съ сѣвера, заняло ихъ мѣста и вступило вполне въ русское подданство, кромѣ носовыхъ.

Чукчи раздѣляются на кочевыхъ или оленевыхъ, и осѣдлыхъ или береговыхъ, которые живутъ по берегу моря небольшими поселеніями, состоящими изъ юртъ, сдѣланныхъ изъ китовыхъ реберъ и обтянутыхъ сверху оленьими шкурами. Сѣверная сторона этой юрты сильно выгнута наружу и въ этой выпуклости дѣлается вторая низенькая палатка изъ двойныхъ оленьихъ шкуръ, въ которой, во время сильныхъ морозовъ, помѣщается очагъ. Кочевые чукчи живутъ главнымъ образомъ стадами своихъ оленей, на которыхъ они ѣздятъ, береговые же ѣздятъ на собакахъ, а живутъ тюленями, моржами, рыбою, трупами выброшенныхъ на берегъ китовъ. Тюленей они ловятъ ремнями сѣтями, растянутыми подолдомъ, а волковъ умерщвляютъ очень оригинальнымъ способомъ. Китовый усъ, заостренный съ обоихъ концовъ, свертывается въ кольцо, перевязывается ремешкомъ и поливается водой, превращающейся въ ледъ; когда это кольцо смерзнется, перевязку съ него снимаютъ, а ледъ покрываютъ толстымъ слоемъ жира; жадный волкъ

проглатываетъ кольцо, но во внутренностяхъ ледъ немедленно таетъ, китовый усъ распрямляется, острые концы его прободаютъ стѣнки желудка, и волкъ дохнетъ. Чукчи охотятся также на бѣлаго медвѣдя, но особенно на моржа, толстая шкура котораго идетъ у нихъ на оленью сбрую и на подошвы, внутренности на легкую непромокаемую рубаху, сало въ пищу и на освѣщеніе. Подобно всѣмъ эскимосамъ, чукчи, послѣ удачной охоты, наѣдаются буквально до потери сознанія. Капитанъ Лионъ слѣдующимъ образомъ описываетъ состояніе нажравшагося, такимъ образомъ, старшины Кулитука: «Онъ ѣлъ до тѣхъ поръ, покуда не впалъ въ совершенно безсознательное состояніе. Лицо его разгорѣлось и побагровѣло, ротъ раскрылся, сонъ безпрестанно одолевалъ его. Возлѣ него сидѣла Арналуа (его жена), которая наблюдала за его котелкомъ и, отъ времени до времени, будила своего супруга, чтобы съ помощью указательнаго пальца засунуть ему въ ротъ по возможности большій кусокъ полусырого мяса, подрѣзывая его ножомъ возлѣ самаго рта. Кулитукъ медленно пережевывалъ мясо и, какъ только получалось немножко свободного мѣста, жена снова засовывала ему сырой ворвани. При этомъ счастливый человѣкъ не шевелилъ ни однимъ членомъ, за исключеніемъ челюстей, и даже не открывалъ своихъ глазъ. Только по временамъ, когда получалось свободное мѣсто для прохожденія звука, онъ издавалъ какое-то хрюканье, которое должно было выражать крайнее его удовольствіе. Падающія капли лакомой пищи покрывали въ изобиліи его шею и лицо и все это произвело на меня такое непріятное впечатлѣніе, что, по моему крайнему убѣжденію, обжирался, такимъ образомъ, человѣкъ, болѣе приближается къ животному, чѣмъ тотъ, который доводитъ себя до безсознательнаго состоянія съ помощью спиртныхъ напитковъ. Успивъ такимъ образомъ свою лучшую половину, женщины не забываютъ и себя, и наѣвшись вдоволь, только тѣмъ и занимаются, что проводятъ время въ болтовнѣ». Кочевые чукчи очень богаты, у нихъ есть стада по 20,000 оленей, сидіе же бѣдны и находятся въ экономической зависимости у оленевыхъ.

Носовые чукчи народецъ довольно предприимчивый. Они давно уже служатъ торговыми посредниками между крайними пунктами русскихъ поселеній на сѣверовостокахъ Сибири и эскимосскими племенами сѣверной Америки. Они переплываютъ въ Америку черезъ Беринговъ проливъ на своихъ кожаныхъ байдаркахъ и вымѣниваютъ у эскимосовъ мѣха и моржевые клыки на табакъ и желѣзо, полученные отъ русскихъ. Вернувшись домой съ этими товарами, они складываютъ ихъ въ чемоданы изъ тюленьихъ шкуръ и на своихъ нартахъ (собачьихъ или оленьихъ санкахъ) везутъ ихъ за 1000 верстъ, на ярмарку въ Анюйскую крѣпость*). Путь ихъ лежитъ по такимъ ужаснымъ мѣстамъ, въ которыхъ нерѣдко нельзя найти даже мха для корма оленямъ, и чукчи принуждены возить съ собой запасъ этого мха. Караванъ ихъ, состоящій обыкновенно изъ 300, бываетъ въ дорогѣ 5 — 6 мѣсяцевъ, и немедленно по окончаніи ярмарки, они начинаютъ приготовляться къ слѣдующей. Кромѣ чукчей и русскихъ купцовъ, привозящихъ табакъ, желѣзные издѣлія, чай, сахаръ, въ Анюйскъ съѣзжаются русскіе съ Колымы, коряки, юкагиры, тунгусы. Чукчи привозятъ шкуры чернобурыхъ и серебряныхъ лисицъ, песцовъ, росомахъ, куницъ, медвѣдей, моржевые клыки и ремни. Эта самая сѣверная изъ существующихъ ярмарокъ, подлѣ 68° с. ш., представляетъ особенно по вечерамъ самую оригинальную картину: нѣкоторые инородцы располагаются вокругъ сво-

*) Эта ярмарка лѣтъ сорокъ назадъ перенесена сюда изъ м. Островнаго.

ихъ костровъ, подлѣ открытымъ мартовскимъ небомъ, устланнымъ звѣздами и залитымъ переливами сѣвернаго сіянія; изъ чукотскихъ шатровъ поднимается вверхъ красный дымъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слышится заунывный звукъ шаманскихъ бубновъ, и по всему лагерю разносится вой и лай нѣсколькихъ сотъ собакъ, а въ русскихъ избушкахъ идетъ пьянство. Мѣхъ, купленный въ Америкѣ за $\frac{1}{2}$ пуда листового табаку, чукча обыкновенно продаетъ русскому купцу за 2 пуда, купецъ сбываетъ его въ Якутскѣ за 250 — 300 р., а въ Петербургѣ онъ продается уже за 500 — 600 р. За одно древко для копья, чукча даетъ бобра, за 1 ф. табаку — живого оленя, сквернѣйшую разведенную водку купецъ продаетъ по 40 — 50 р. ведро. При торговлѣ русскій можетъ обмануть чукчу только въ томъ случаѣ, если привезъ съ собой водки, если же этого нѣтъ, дикарь смотритъ въ оба, и хотя у него вовсе нѣтъ вѣсовъ, но онъ на рукѣ слышитъ, когда въ пудѣ табаку не достанетъ хотя $\frac{1}{4}$ ф.

Ярмарка продолжается не болѣе трехъ дней, затѣмъ всѣ разъѣзжаются во свои и въ Анюйскѣ остается до слѣдующаго марта лишь нѣсколько человѣкъ жителей.

Въ послѣднее время чукчей сильно спиваютъ водкой американскіе китобой. «Дураки эти американцы, говорилъ въ 1875 г. Нейману одинъ чукча, — вовсе не знаютъ цѣны: за живого оленя даютъ цѣлую бутылку водки!»

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Каролина Салля.

Ст. Z. S.

Хотя молодая артистка можетъ быть причислена къ современнымъ музыкальнымъ знаменитостямъ, а лучшіе оперные театры стараются включить ее въ составъ персонала, — подробная біографія новой звѣзды (простите общепринятый астрономическій терминъ) мало кому извѣстна: она такъ недавно взшла на горизонтъ лирической сцены. Въ виду всеобщаго интереса, возбужденнаго талантиной пѣвицей-актрисой, дебюта которой въ Петербургѣ и Москвѣ могутъ быть отнесены къ самымъ удачнымъ въ настоящее время сезоновъ, помѣщаемъ біографію г-жи Салля, составленную по достовѣрнымъ источникамъ.

Каролина-Люиза Салля (псевдонимъ) родилась въ Парижѣ и принадлежитъ по происхожденію къ зажиточному семейству, пользовавшемуся хорошимъ общественнымъ положеніемъ. Ея отецъ служилъ въ управленіи изящныхъ искусствъ; въ качествѣ образованнаго человѣка, онъ состоялъ сотрудникомъ Гизо въ его ученыхъ изысканіяхъ. Со смертью главы семейства, дѣла пришли въ упадокъ, и молодая Каролина рѣшилась воспользоваться природными данными, чтобы помочь своимъ роднымъ. Будучи хорошей пианисткой и чувствуя призваніе къ артистической дѣятельности, она отправилась въ Италію, гдѣ развила достаточно свой красивый голосъ, а затѣмъ много занималась въ Вѣнѣ у знаменитой Маркеси, образовавшей Геретеръ, Эннъ, Анжери и много другихъ извѣстныхъ вокалистовъ. Судьба, конечно, случайно бросила г-жу Салля на подмостки; но за то хорошее домашнее воспитаніе, изящество манеры и солидное эстетическое развитіе интеллигентной артистки, само собою разумѣется, сказываются теперь въ ея исполненіи, помимо непосредственнаго творчества и таланта.

Первое ея появленіе передъ публикою, послѣ возвращенія въ Парижъ, было въ «Marie-Madeleine» Массене*), послѣ чего девятнадцатилѣтнюю дебютантку ангажировали въ Брюссель на контраaltoвыя партіи, такъ какъ большой и эластичный медіумъ ея голоса далъ возмож-

*) Отрывки исполнялись нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ концертѣ г. Корсова.

ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Каролина Салля.

Съ фотографіи г. Лаптева рѣзалъ на деревѣ Діаментовскій.

пость г-жѣ Салля исполнять послѣдовательно низкія партіи въ «Карлѣ V», «Фавориткѣ», «Мартѣ» (Нанси) и другихъ операхъ, вводя въ обманъ Кампо-Кассо, директора мѣстнаго опернаго театра. Мягкій тѣмбръ ея симпатичнаго голоса, пониманіе драматическихъ положеній, сознательная игра, счастливая сценическая наружность и выразительное лицо, отражающее всегда вполне внутренний міръ выходящей изъ ряда обыкновеннаго артистки, расположили критику въ пользу любимицы брусельской публики. Печать отводила ей видное мѣсто въ искусствѣ, но, все-таки, упрекала дирекцію, поручившую молодой, непробывшей себя пѣвицѣ несвойственный ей репертуаръ. Однако, кому неизвѣстно, театральная администрація ошибается подчасъ добровольно; по крайней мѣрѣ, въ этотъ разъ г-жу Салля заставили пѣть Азучену въ «Трубадурѣ». Хотя низкія ноты стѣснили ее, исполненіе ответственной драматической партіи превзошло всякія ожиданія. Тогда, упрочившая свою репутацію, пѣвица была приглашена участвовать въ брусельской *grande Harmonie*, что, по обычаямъ страны, равносильно чести подвизаться въ нашихъ симфоническихъ собраніяхъ. Колдунья Ульрика въ оперѣ «Баль-Маскарадъ», гдѣ вымазавшаяся до самоотверженія, красивая женщина сумѣла очаровать слушателей; Катерина въ «Кипрекой королевѣ» и королева въ «Гамлетѣ» А. Тома, несмотря на опасное соучастіе знаменитой Нильсонъ въ партіи Офеліи, увеличили успѣхъ г-жи Салля и убѣдили въ податливости ея послушнаго голоса. Сама же она сознала необходимость избрать болѣе подходящее амплуа.

Сезонъ 1875—1876 года, Салля провела въ Лютихѣ. Послѣ дебюта въ «Фавориткѣ», трудный репертуаръ большихъ французскихъ оперъ — Рахиль — въ «Жидовкѣ», Валентина — въ «Гугенотахъ», Алиса — въ «Робертѣ», Селика — въ «Африканкѣ», Миньона — въ «Миньонѣ», Маргарита — въ «Фаустѣ» и т. п. — опредѣлили окончательно степенъ ея дарованія и пригодность для драматическихъ соприкосновеній партій. Оваціи, букеты, цвѣты и подарки сопровождали прощальный бенефисъ этой избранницы искусства (3 апрѣля 1876 г.). Не мудрено: вездѣ, какъ и у насъ, Салля стоитъ на высотѣ задачи и подкупающе дѣйствуетъ на слушателя-зрителя.

За этимъ въ ея карьерѣ произошелъ неблагоприятный поворотъ. Винченнины ангажировали ее для лирическаго театра въ Парижѣ, гдѣ появленіе въ безцвѣтной партіи въ «Оберонѣ» и въ немнѣвшей успѣха оперѣ «Timbre d'argent» не могло обнаружить всего богатства артистическихъ данныхъ г-жи Салля, тѣмъ болѣе, что, векорѣ покинувъ сцену, она не имѣла случая выказать себя съ выгодной стороны. «Быль молодцу не укоръ»; не сдѣлавшись тогда пророкомъ въ отечествѣ, не по своей винѣ, талантливая артистка, безспорно, можетъ быть всегда украшеніемъ «Большой парижской оперы». Наконецъ, М. Менльсонъ, извѣстный импресарио театра *Her Majesty's*, въ Лондонѣ, оцѣнилъ г-жу Салля по достоинству и ангажировалъ въ итальянскую оперу на сезонъ 1877—1878 года. Какъ и слѣдовало ожидать, ея участіе въ «Баль-Маскарадѣ» въ «Робертѣ» и въ «Гугенотахъ» возбудили фанатическій энтузіазмъ среди холодныхъ сыновъ Альбіона. Побывавъ въ Дублинѣ, Ливерпулѣ, Коркѣ, Бельфастѣ и другихъ большихъ городахъ, Салля закончила блистательно лондонскій оперный сезонъ Маргаритой въ «Фаустѣ», Элеонорой въ «Трубадурѣ» и созданной ролью Маріи въ «Рюи-Блязѣ» Маркетти, — типомъ столь симпатично обрисованнымъ ею и на нашихъ столичныхъ сценахъ.

Не смотря на выгодныя предложенія — 2,000 франковъ поспектакльной платы, — г-жа Салля, за недостаткомъ времени, отказалась пѣть «Травиату» въ Мадридѣ, весною 1878 года, но приняла

ангажементъ въ Вѣну. Здѣсь она исполняла съ неизмѣннымъ успѣхомъ лучшія роли своего репертуара, обогативъ его «Сен-Марсомъ» Гуно. Одновременно съ нею подвизалась знаменитая Нильсонъ, долго бывшая *enfant-gâté* вѣнской публики; однако, послѣдняя сумѣла оцѣнить по достоинству капитальныя качества и драматическій талантъ г-жи Салля, такъ что пребываніе въ столицѣ Австріи только увеличило авторитетъ вновь появившейся звѣзды.

Лѣтомъ, того же года, молодая артистка вторично отправилась въ Лондонъ, не переставая быть пансіонеркой тамошней итальянской оперы, а затѣмъ ее пригласили къ намъ.

Въ Петербургѣ, г-жа Салля исполняла «Африканку», «Рюи-Блязъ» (Каталонская мѣсть), главную роль въ «Аидѣ», «Жидовку» и Розину въ «Севильскомъ цирюльникѣ», а въ Москвѣ, кромѣ нѣкоторыхъ изъ названныхъ партій, она пѣла «Трубадура», «Гугенотовъ» и другія оперы, съ неизмѣннымъ, вполне заслуженнымъ успѣхомъ, заявивъ себя съ выгодной стороны, какъ пѣвица и драматическая актриса. Голосъ г-жи Салля средней силы, но звонокъ, методиченъ, добротенъ и одинаково слышенъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ (*Une voix qui porte*). Артистка посылаетъ его мягко и кругло, избѣгая грубыхъ эффектовъ. Легкость, ясность, выразительность декламации, отсутствіе шаржа, самая задушевная искренность просто выраженаго чувства и симпатичный органъ, въ которомъ кроется неистощимое богатство оттѣнковъ музыкальной мысли — дѣлаютъ исполненіе Салля привлекательнымъ, такъ что увлеченный жизненною правдою слушатель забываетъ, что артистка на сценѣ. Это не обманъ искусства, выхваченный изъ жизни, но настоящая жизнь, перенесенная на подмостки и воспроизведенная съ похвальною умѣренностью средствъ. Трудно полагать, чтобы лицо человѣческое было до такой степени богато чертами. Заботясь старательно о деталяхъ, г-жа Салля художественно обрисовываетъ изображаемую личность, съ вѣчно новымъ и привлекательнымъ содержаніемъ; она замѣчательно умѣетъ поддѣлаться подъ разнообразныя характеры и типы. Болѣе счастливаго сочетанія голоса, благодарной внѣшности и талантливой игры — требовать трудно.

(Продолженіе.)

Глава III.

Тюссо очень счастливъ.

Убіенство въ улицѣ Лакюз, несмотря на его странныя таинственныя подробности, мало интересовало публику; въ газетахъ о немъ почти не писали и многіе, прочтя описаніе этого происшествія въ отдѣлѣ разныхъ извѣстій, приняли его даже за утку, сочиненную репортеромъ, который не зналъ, чѣмъ наполнить столбцы газеты. Слѣ-

ствіе производилось подъ шумокъ, точно въ дѣлѣ были такія подробности, которыя хотѣли скрыть отъ публики, изъ боязни скомпрометировать знатныхъ особъ. Когда арестовали лицо, подозрѣваемое въ убійствѣ, только въ нѣсколькихъ газетахъ появилось очень лаконическое объ этомъ извѣстіе, безъ означенія имени и адреса обвиняемаго. Вотъ и все; очевидно, пресса молчала по приказанію свыше, а публика, которой не напоминали ежедневно объ этой исторіи, мало-помалу, забыла о ней, и арестъ подозрѣваемаго убійцы не произвелъ никакого впечатлѣнія. Даже въ кварталѣ Марэ, друзья и знакомые Мориса не знали ничего объ его арестѣ и взведенномъ на него страшномъ обвиненіи.

Въ домѣ Тюссо, со времени свадьбы Сесиль, никто не вспоминалъ о бѣдномъ юности. Впрочемъ, здѣсь никто не зналъ объ убійствѣ въ улицѣ Лакюз, такъ какъ оно случилось въ день несчастья съ Сесиль и, конечно, семьѣ молодой дѣвушки было не до чужихъ драмъ. Такимъ образомъ, для Клода, Адели, Гудара и Сесили, бѣдный Морисъ, оправившійся отъ болѣзни и возвратившійся въ Парижъ, какъ бы не существовалъ. Онъ же работалъ въ другомъ кварталѣ, проклиная и стараясь забыть ту, которую онъ обвинялъ въ низкой измѣнѣ.

Почти каждый день, Сесиль приходила къ матери въ улицу Сен-Франсуа. Она по старому вела конторскія книги отца. По окончаніи ея работы, мать и дочь обыкновенно нѣкоторое время разговаривали наединѣ. Адель старалась утѣшить дочь, которую постоянно мучили укоры совѣсти, а утѣшеніе она находила только въ надеждѣ на скорое преждевременное вдовство Сесиль, что дозволило бы ей вернуться въ объятія любимаго Мориса. Смерть Гудара обсуждалась спокойно, хладнокровно, какъ нѣчто совершенно простое, естественное. О немъ же самомъ онѣ никогда не говорили и онъ очень рѣдко приходилъ въ квартиру Тюссо.

Черезъ три дня послѣ своей свадьбы, Гударъ явился въ улицу Сен-Франсуа, отвелъ Тюссо въ контору и, усѣвшись рядомъ съ нимъ, сказалъ: — Ну, теперь все кончено, поговоримъ о дѣлахъ. Сколько тебѣ нужно денегъ, чтобы поставить фирму на ноги?

— Боже мой! воскликнулъ Тюссо, покраснѣвъ отъ смущенія и не зная какъ высказать всю правду зятю. — Вотъ что я хотѣлъ просить у тебя. Ты уже мнѣ одолжилъ отъ восемнадцати до двадцати тысячъ франковъ: еслибъ ты могъ дополнить эту сумму до пятидесяти, то наши доли были бы равныя, и я платилъ бы тебѣ съ женою ежемѣсячно по тысячѣ франковъ, безъ всякихъ хлопотъ для васъ.

Говоря это, Тюссо смотрѣлъ прямо въ глаза зятю, стараясь отгадать произведенное его словами впечатлѣніе и боясь отказа. Но Гударъ спокойно отвѣчалъ:

— Нечего упоминать о внесенныхъ уже мною деньгахъ, онѣ записаны въ книгахъ, вотъ и все. Но тебѣ надо наполнить кассу, не такъ-ли?

— Конечно, отвѣчалъ Тюссо.

— Не будемъ говорить много, но толково. Я твой зять, у тебя одна дочь, фирма наша, а послѣ твоей смерти, очевидно, она перейдетъ ко мнѣ. Все, что я кладу въ это дѣло, пишется мнѣ на приходъ. Главное повести дѣла такъ, чтобы наша фирма была хорошей и основательной. У меня есть восемьдесятъ тысячъ франковъ процентными бумагами, съ которыхъ я получаю шесть тысячъ дохода, но если я помѣщу ихъ въ нашу фирму, то они мнѣ принесутъ вдвое.

— Вдвое! воскликнулъ Тюссо, взволнованный при одной мысли, что такая сумма поступитъ въ его распоряженіе: — нѣтъ, вчетверо.

— Не будемъ преувеличивать; съ пятьюдесятью тысячами ты можешь повести дѣло?

— Половины этой суммы достаточно. Не забывай, что мы ничего не должны, я уплатилъ всемъ кредиторамъ изъ денегъ, которыя ты мнѣ одолжилъ.

— Но лучше излишекъ, чѣмъ недостатокъ.

— Конечно.

— Мои бумаги хорошия, надежныя, и я ни за что не желалъ бы съ ними разстаться.

— Но ихъ можно заложить, замѣтилъ поспѣшно Тюссо.

— Еще бы. Но ты понимаешь, я не хочу быть такимъ дуракомъ, какъ многіе, которые, положивъ свои фонды у мѣнялы и взявъ небольшую сумму авансомъ, въ одно прекрасное утро узнаютъ, что мѣняла съ ихъ деньгами скрылся.

— Конечно, нѣтъ, это слишкомъ глупо! воскликнулъ Тюссо, смѣясь.

— Вотъ что намъ надо сдѣлать. У меня, какъ я тебѣ сказалъ, восемьдесятъ тысячъ франковъ процентными бумагами. Я возьму займы подъ нихъ шестьдесятъ тысячъ и охотно уплачу проценты, но мои бумаги не выйдутъ изъ сундука заломателя, а по купонамъ получать буду я самъ. Ты понимаешь, я знакомъ со многими чиновниками; они привыкли, что я самъ получаю деньги по купонамъ и я не хочу, чтобы они подумали, что я продалъ свои бумаги. Такимъ образомъ, мои фонды будутъ такъ же вѣрно сохраняться, какъ въ моихъ собственныхъ рукахъ.

— Ты очень умно придумалъ, но вѣдь надо для такой сдѣлки прискать пріятеля.

— Да, нѣтъ-ли у тебя подходящаго человека?

Тюссо задумался. Гударъ смотрѣлъ на него молча, крутя усы.

— Дѣло въ шляпѣ! воскликнулъ, наконецъ, бронзовщикъ: — одна пріятельница Адель, или, лучше сказать, старый другъ моей матери, у которой я иногда бралъ деньги займы, продала на прошлой недѣлѣ свой домъ въ улицѣ Сен-Поль. Она хочетъ купить на вырученные деньги облигаціи и жить безъ хлопотъ на проценты. Ты ее знаешь, это старушка Пальяръ, бывшая на твоей свадьбѣ въ старомодной шали.

— Помню.

— Ну, ты отдашь ей свои бумаги на восемьдесятъ тысячъ по курсу и получишь отъ нея шестьдесятъ тысячъ. Мы дадимъ ей восемь процентовъ, и она не посмѣетъ тронуть бумагъ, а я самъ буду отрѣзывать купоны.

— Да, да.

— Ну, любезный Андре, приноси бумаги, а я пошлю Адель устроить это дѣло.

— Бумаги? Онѣ со мною.

Съ этими словами Гударъ вынулъ изъ кармана большой свертокъ денежныхъ документовъ и передалъ Тюссо.

Въ тотъ же вечеръ дѣло было улажено и старуха Пальяръ, придя обѣдать къ Тюссо, принесла съ собою шестьдесятъ тысячъ франковъ, а вернулась домой съ процентными бумагами Гудара, запечатанными въ конвертъ, и сама, для полнѣйшаго обезпеченія, что она къ нимъ не прикоснется.

Изъ полученныхъ денегъ Андре взялъ себѣ десять тысячъ, а остальные пятьдесятъ вложилъ въ кассу Тюссо. Еслибъ послѣ этого памятнаго дня кто-нибудь осмѣлился сказать Тюссо дурное слово объ его зятѣ, онъ былъ бы способенъ даже задушить его собственными руками. Торговый домъ Тюссо былъ возстановленъ съ новымъ блескомъ.

Самъ Тюссо совершенно преобразился. Всѣ его мечты сбылись. Раззорившаяся фирма, не пользовавшаяся никакимъ кредитомъ, пустой магазинъ и плохо работавшая мастерская вдругъ ожили. Къ громкимъ пѣснямъ рабочихъ примѣшивались звуки молотковъ, напильковъ и прочихъ инструментовъ, весело раздававшіеся въ

мастерской, освѣщенной громаднымъ пламенемъ горна. Въ магазинѣ всѣ полки и столы были завалены неотдѣланными бронзами, дожидавшимися покупателей, чтобы принять свою конечную художественную форму.

Сидя въ своей маленькой конторѣ, Тюссо принималъ скульпторовъ и постоянно покупалъ новыя модели, счастливый, довольный, повторяя съ особеннымъ удареніемъ на каждомъ словѣ:

— Вы должны мнѣ дѣлать уступку, вѣдь я покупаю на чистые деньги.

Когда у него были посѣтители въ конторѣ, онъ съ удовольствіемъ открывалъ кассу и при нихъ пересчитывалъ деньги, лежавшія въ порядкѣ, золото и серебро колонками, а билеты пачками. А съ какимъ гордымъ торжествомъ, съ какой лихорадочной энергіей онъ ходилъ изъ магазина въ мастерскую и обратно, бросая по дорогѣ одному совѣтъ, другому похвалу, третьему замѣчаніе, какъ настоящій главнокомандующій этой арміи труженниковъ. Счастливейшимъ днемъ его жизни была отправка первыхъ заказовъ за границу. Весь дворъ былъ заваленъ ящиками и Тюссо съ сладостнымъ упоеніемъ прислушивался къ однообразному вколачиванію гвоздей, презрительно отвѣчая на поздравленія завистливыхъ сосѣдей:

— Этотъ маленькій заказъ мнѣ надоѣлъ; я очень радъ, что онъ конченъ, покрайней мѣрѣ, я могу приняться за большія работы.

Такимъ образомъ, фирма Тюссо возстановила свою славу и злые языки умолкли. Даже тѣ, которые всего болѣе осуждали Тюссо за бракъ Сесиль съ Гударомъ, теперь спѣшили поздравить его съ счастливымъ событіемъ.

Между тѣмъ, скандалъ, о которомъ мечталъ Гударъ въ первую свою брачную ночь, не удался и, одумавшись или послушавъ добраго совѣта, онъ не повторялъ уже своей попытки; напротивъ, всѣ считали молодую чету чрезвычайно счастливой.

Всѣ думали, что Сесиль очень легко примирилась съ своимъ новымъ положеніемъ и что она, молодая, красивая, жила прекрасно съ мужемъ, также молодымъ, красивымъ и чрезвычайно любезнымъ. Гударъ показывался мало въ своемъ околоткѣ и могъ потому незамѣтно для всѣхъ предпринять двѣ непродолжительныя поѣздки изъ Парижа, о которыхъ, конечно, и Сесиль не сказала никому ни слова.

Только одна мать молодой дѣвушки знала всю правду объ ея брачной жизни. На ея груди искала бѣдная Сесиль утѣшенія отъ горя. Въ минуты ея мрачнаго отчаянія, Адель изъ жалости къ дочери и терзаемая укорами совѣсти предлагала ей устроить свиданіе съ Морисомъ, но молодая женщина всегда отвѣчала съ оскорбленнымъ величіемъ:

— За кого вы меня принимаете?

Сесиль охотно говорила о прошломъ, о Морисѣ, объ его сестрѣ, она допускала возможность смерти Гудара и послѣдующаго ея брака съ Морисомъ, но пока ея мужъ былъ живъ, она рѣшила остаться незамѣтной. Въ глубинѣ своего сердца, она съ гордой радостью говорила себѣ, что хотя и замужемъ, она оставалась вѣрной любимому человеку, который обвинялъ ее въ измѣнѣ.

Одинъ лишь Тюссо былъ убѣжденъ, что его дочь любила своего мужа, который обожалъ ее.

Однажды Тюссо назвался обѣдать къ Сесиль, говоря, что давно не видалъ Гудара. Она посмотрѣла на мать и Адель поспѣшно сказала, что не можетъ сопровождать мужа.

За обѣдомъ, Сесиль была, какъ всегда, очень тиха и сдержанна, что нѣсколько не удивило отца; Гударъ былъ очень веселъ и разговорчивъ. Тюссо не могъ нарадоваться на счастье своихъ дѣтей, а когда молодой женщиной вдругъ сдѣла-

лось дурно, то онъ сталъ отпускать двусмысленныя шутки на счетъ зятя. Гударъ позеленѣлъ отъ злобы, а Сесиль молча, саркастически смѣялась, смотря на мужа. Послѣ обѣда, провожая до лѣстницы тестя, Гударъ снова долженъ былъ вытерпѣть его грубыя шутки.

Онъ возвратился въ гостиную внѣ себя отъ гнѣва, произнося самыя страшныя ругательства и проклятія. Сесиль хотѣла молча уйти къ себѣ въ комнату, но онъ преградилъ ей дорогу.

— Нѣтъ, чортъ возьми, довольно этой адской жизни!

— Извините, г. Гударъ, она будетъ длиться вѣчно.

— Пусти, кончимъ разомъ, ты будешь въ заправду моей женой! воскликнулъ онъ, бросаясь на Сесиль.

Онъ хотѣлъ схватить ее, но Сесиль ловко вернулась изъ его могучихъ рукъ, подбѣжала къ столу и, схвативъ ножъ, сказала спокойно:

— Еще одинъ шагъ, и я васъ убью.

Гударъ видѣлъ по ея глазамъ, что она исполнить угрозу и съ страшными проклятіями пропустилъ ее въ ея комнату. Дверь за нею съ шумомъ затворилась и ключъ звякнулъ въ замкѣ.

— Какой я подлецъ, что всегда ей уступаю! воскликнулъ съ отчаяніемъ Гударъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Электрическое освѣщеніе.

Статья Джона Тиндала, переводъ А. А. Разсказовой.

(Продолженіе.)

Теперь я долженъ остановиться на фактѣ, повидимому, небольшой важности, но который, въ дѣйствительности, составляетъ значительный успѣхъ въ ходѣ вопроса объ электрическомъ освѣщеніи. Я говорю о формѣ, данной вращательной аппаратурѣ докторомъ Вернеромъ Сименсомъ изъ Берлина въ 1857 г. Въмѣсто употребленія катушки изъ проволоки, навитой поперекъ вокругъ желѣзнаго стержня, какъ въ машинахъ Сакстона, Сименсъ, придавъ желѣзному брусу соответственную форму, наворачивалъ на него проволоку вдоль и получалъ, такимъ образомъ, между значительно удаленными магнитными полюсами, болѣе сильное дѣйствіе. Подобная аппаратура помѣщена въ маленькой, электро-магнитной машинѣ, пожертвованной обществу Генрихомъ Вильде изъ Манчестера. Здѣсь находится 16 сильныхъ подковообразныхъ магнитовъ, расположенныхъ параллельно, между полюсами которыхъ помѣщена аппаратура Сименса. Концы проволоки, обвивающей ее, не соединены, и когда я поворачиваю ручку для приведенія въ движеніе аппаратуры, я преодолеваю легкое сопротивленіе, происходящее отъ обыкновеннаго, механическаго тренія. Затѣмъ я соединяю два конца проволоки и тотчасъ же чувствую, что сопротивленіе при вращеніи ручки усилилось. Я долженъ преодолѣть теперь сопротивленіе болѣе сильное, чѣмъ простое механическое треніе и для этого прибавляю добавочное количество мускульной силы. Излишекъ работы, произведенный моею рукой, равенъ въ точности возбужденному электрическому току и теплотѣ, произведенной имъ при прохожденіи черезъ катушку аппаратуры. Можно сдѣлать видимой часть этой теплоты, стоитъ лишь замкнуть цѣпь посредствомъ очень тонкой платиновой проволоки. Если я буду быстро поворачивать ручку, платина раскалится, дойдетъ сначала до краснаго каленія, затѣмъ до бѣлаго и наконецъ вступитъ въ періодъ плавленія. Когда вълѣдствіе плавленія цѣпь размыкается, сила сопротивленія, преодолеваемого моею рукой, немедленно ослабѣваетъ.

Уясните себѣ хорошенько, гдѣ находится си-

ла, равная произведенной теплотѣ. Когда я вертѣлъ ручку, нѣкоторое количество стараемаго вещества окислилось или сгорѣло въ нервѣхъ моей руки. Если бы рука не производила внѣшней работы, потребленное вещество произвело бы опредѣленное количество теплоты. Развившаяся при верченіи ручки мускульная теплота менѣе этого количества и разница равна теплотѣ, сообщившейся раскаленной платинѣ и другимъ частямъ машины. Такимъ образомъ, электрическій токъ служитъ посредникомъ между мускулами моей руки и возбужденной теплотой, также какъ въ предыдущемъ случаѣ между вольтовымъ столбомъ и производимой имъ теплотой. Электрическій токъ во всѣхъ отношеніяхъ настоящая колесница, переносящая, по желанію, теплоту какъ мускуловъ, такъ и столба на дальнее разстояніе отъ фокуса, гдѣ происходитъ горѣніе. И не только токъ переноситъ эту волшебную силу, но увеличиваетъ ея напряженіе. Температура моей руки круглыми цифрами равна 100 градусамъ Фаренгейта (38° Цельсія) и этой-то теплотой въ напряженномъ состояніи расплавляется одинъ изъ самыхъ огнеупорныхъ металловъ, точка плавленія котораго начинается при 3,000 градусамъ Фаренгейта.

Цинкъ, какъ я уже замѣтилъ, металлъ слишкомъ дорогой, чтобы можно было ввести въ употребленіе въ повседневной жизни электрическій свѣтъ, происходящій отъ его горѣнія, и, конечно, понятно, что человѣческіе мускулы и даже лошадиная сила обошлись бы еще дорожѣ. Однакожъ, мы можемъ употребить для верченія нашей машины силу, развивающуюся при горѣніи каменнаго угля; и эта, открытая Фарадеемъ, возможность употреблять для этой цѣли самое экономическое топливо, позволяетъ надѣяться въ будущемъ на примѣненіе электрическаго освѣщенія въ нашей обыденной жизни.

Въ 1866 году Генрихъ Вильде сдѣлалъ большой шагъ впередъ для увеличенія напряженія индуктированныхъ токовъ и, слѣдовательно, для электро-магнитнаго освѣщенія. Королевское общество поручило мнѣ составить докладъ по этому предмету. Прежде, чѣмъ приступить къ этой работѣ, я отправился въ Манчестеръ лично присутствовать при опытахъ Вильде. Вотъ какъ онъ поступалъ. Принявъ за исходную точку небольшую машину, въ родѣ той, которую я только что показывалъ, онъ направлялъ ея токъ на электро-магнитъ особой формы, между полюсами котораго вращалась катушка Сименса *). Катушка давала токъ гораздо сильнѣйшій, чѣмъ первая маленькая электро-магнитная машина. Этотъ токъ уже можно было употребить для произведенія электрическаго свѣта; вмѣсто того его заставляли проходить черезъ второй, болѣе сильный электро-магнитъ, между полюсами котораго вращалась соотвѣтственной величины катушка Сименса. Такимъ образомъ, здѣсь соединена была работа трехъ арматуръ: во-первыхъ, маленькой электро-магнитной машины; во-вторыхъ, перваго электро-магнита довольно большой величины; и въ третьихъ, катушка второго электро-магнита, очень уже значительныхъ размѣровъ. Изъ этой-то третьей катушки Вильде получалъ свѣтъ и теплоту, сила которыхъ далеко оставила за собой все вышеописанное **).

Перейдемъ теперь къ открытію, болѣе всѣхъ другихъ двинувшему впередъ практическій вопросъ объ электрическомъ освѣщеніи. Сименсъ

представилъ въ королевское общество, 4 февраля 1867 года, записку, озаглавленную: «Объ обращеніи силы динамической въ силу электрическую безъ помощи искусственнаго магнетизма *). 14 февраля представлена была Чарльзомъ Ветстономъ другая записка, подъ заглавіемъ: «Объ увеличеніи силы магнита посредствомъ обратнаго дѣйствія на этотъ магнитъ индуктированныхъ токовъ, развиваемыхъ имъ же самимъ». Эти двѣ записки объ одномъ и томъ же открытіи, подтвержденномъ многочисленными опытами, были прочтаны въ засѣданіи 14 февраля. Едва-ли во всемъ обширномъ царствѣ науки встрѣтится другой болѣе изумительный примѣръ взаимной реакціи силъ природы. Нѣтъ кусочка желѣза, напримѣръ, старой подковы, въ которомъ не было бы признаковъ магнетизма. Изъ этого, едва замѣтнаго источника, посредствомъ цѣлаго ряда взаимной реакціи между магнитомъ и его арматурой, Сименсъ и Ветстонъ достигли до такой степени магнитнаго напряженія, до какой еще никогда не доходили прежде.

Утвердимъ арматуру Сименса между полюсами соотвѣтственной величины электро-магнита и предположимъ, что въ немъ существуютъ уже съ самаго начала очень слабыя слѣды магнетизма. При вращеніи арматуры въ окружающей ее спирали появляются безконечно малые токи. Соединимъ концы спирали съ концами проволоки, окружающей электромагнитъ. Безконечно малый токъ, развившійся въ арматурѣ, обойдетъ вокругъ электро-магнита и увеличитъ его силу на очень малую часть. Усиленный, такимъ образомъ, магнитъ обратно дѣйствуетъ на катушку и возбуждаетъ въ ней болѣе значительный токъ. Этотъ токъ, обходя снова вокругъ магнита, развиваетъ въ немъ новую силу, которая опять обратно дѣйствуетъ на катушку и такъ далѣе. Изъ этого ряда взаимодѣйствія между магнитомъ и его арматурой вытекаетъ, что сила перваго, сначала равная нулю, постепенно увеличивается до полнаго магнитнаго насыщенія.

Расположенные, такимъ образомъ, магнитъ и арматура могутъ производить токи съ очень сильнымъ напряженіемъ; и если въ цѣль между магнитомъ и его арматурой будетъ введена электрическая лампа, мы можемъ получить очень сильный свѣтъ **). Это открытіе избавляетъ насъ отъ неудобствъ и дороговизны, неразлучныхъ съ употребленіемъ искусственныхъ магнитовъ; оно позволяетъ намъ обходиться безъ возбуждательной магнито-электрической машины и умноженія электро-магнитовъ. Однимъ словомъ, электрическое производство упрощается и становится на столько дешевле, что въ настоящее время, электрическое освѣщеніе смѣло можетъ войти въ состязаніе съ другими родами освѣщенія.

*) Записка доктора Вернера Сименса объ этомъ же предметѣ прочитана была въ королевской академіи наукъ, въ Берлинѣ, 17 января 1867 года. Въ письмѣ своемъ въ «Engineering № 622» Робертъ Сабинъ увѣряетъ, что машину Ветстона устроилъ Стро въ іюль и августъ 1866 года. Я нисколько не сомнѣваюсь въ увѣреніи Р. Сабина, но было бы чрезвычайно опасно нарушать правило, на выполненіе котораго особенно настаивалъ Фарадей: что время открытія считается со дня его обнародованія. Въ концѣ декабря 1866 г. Альфредъ Варлей представилъ временное описаніе (запечатаннымъ письмомъ если я не ошибаюсь), заключающее принципы динамо-электрической машины; но прошло нѣсколько лѣтъ, прежде, чѣмъ онъ что-нибудь напечаталъ. Братъ его, Кромвель Варлей, въ своемъ сочиненіи объ этомъ же предметѣ въ 1867 году, не упоминаетъ о немъ. Вѣроятно, это зависитъ частью отъ національнаго характера, что запечатанные сообщенія, допущенныя во Франціи, никогда не были признаны учеными обществами въ Англіи.

**) Въ 1867 г. Лодъ ввелъ значительное измѣненіе, состоящее въ томъ, что онъ раздѣлялъ арматуру на двѣ отдѣльныя катушки, изъ которыхъ одна дѣйствовала на магнитъ, а другая снабжала индуктированными токами.

Скоро послѣ того, какъ Сименсъ и Ветстонъ обнародовали свое открытіе, Холмсъ, по требованію дирекціи Тринити-Гоуза, занялся примѣненіемъ его къ освѣщенію маяковъ. Уже весной 1869 г. у него была готова машина, которая, несмотря на свои многочисленные недостатки, обладала чрезвычайной силой. Свѣтъ исходилъ изъ фокуса діоптрическаго аппарата, установленнаго на набережной Тринити въ Блэквалѣ. Для оцѣнки его, мы, т. е. директоръ, Дугласъ и я, помѣстились на обсервационномъ пунктѣ въ Шарльтонѣ, на другомъ берегу Темзы. Свѣтъ, проникая черезъ туманъ, поднимавшійся съ рѣки, освѣщалъ атмосферу на нѣсколько миль въ окружности. Едва-ли кто-нибудь раньше видѣлъ свѣтъ, столь приближающійся къ солнечному. Однакожъ, аппаратъ Холмса скоро былъ вытѣсненъ болѣе сильными и прочными машинами Сименса и Грама.

Первый шагъ въ освѣщеніи маяковъ сдѣланъ былъ директорами Тринити-Гоуза въ 1876—77 годахъ. Рѣшившись ввести электрическій свѣтъ на мысъ Лизардъ, въ Корнвалісѣ, дирекція произвела цѣлый рядъ сравнительныхъ опытовъ между машинами Холмса, общества Альянсъ, Сименса и Грама. Двѣ послѣднія дѣйствовали прямымъ токомъ, двѣ первыя попеременно. Машины Сименса и Грама давали свѣтъ равный во всѣхъ точкахъ горизонта, тогда какъ машины Холмса и Альянсъ неодинаково сильны въ разныхъ направленіяхъ. Это происходило оттого, что разряженіе электричества направлялось такимъ образомъ, чтобы произвести особенно сильный лучъ свѣта въ одномъ данномъ направленіи. Слѣдующая таблица представляетъ, сравнительно со свѣтомъ свѣчей, относительную силу этихъ машинъ: *)

Названіе машинъ.	Максимумъ.	Минимумъ.
Холмса.....	1,523	1,523
Альянсъ.....	1,953	1,953
Грама (№ 1).....	6,663	4,016
Грама (№ 2).....	6,663	4,016
Сименса (большая).....	14,818	8,932
Сименса (малая № 1)...	5,539	3,339
Сименса (малая № 2)...	6,864	4,138
Двѣ соединенныя Холмса.	2,811	2,811
Двѣ Грама.....	11,396	6,869
Двѣ Сименса (№№ 1 и 2).	14,134	8,520

Мысль этого испытанія принадлежала главному инженеру Тринити-Гоуза Дугласу и его помощнику Айру. Послѣ этого вполне безпристрастнаго испытанія выборъ палъ на малыя машины Сименса, которыя и были поставлены на мысъ Лизардъ **).

У насъ есть машины, производящія только одинъ свѣтъ, есть и такія, которыя поддерживаютъ нѣсколько. Напримѣръ, машина Грама, въ которой горятъ свѣчи Яблочкова, надъ плотной Темзы на Гольборнскомъ мосту даетъ 4 тока, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою отдѣльную цѣпь. Въ каждой цѣпи по 5 лампъ, черезъ которыя токъ пробѣгаетъ поочередно. Сколько свѣтовъ, столько и промежуточныхъ пространствъ, представляющихъ сопротивленіе, черезъ которое должны перенестись токъ, и эта именно сила, способствующая ему сдѣлать скачекъ, производить

*) Во время наблюденій съ моря, произведенныхъ 21 ноября 1876 года, машины Грама и малая Сименса на практикѣ оказались равны машинѣ Альянсъ. Но фотометрическія наблюденія, при которыхъ было устранено внѣшнее сопротивленіе, и люди, которымъ порученъ былъ присмотръ за машинами, достаточно ознакомившись съ управленіемъ прямымъ токомъ, показали разницу, означенную въ таблицѣ. Вслѣдствіе продолжительныхъ занятій въ Саутъ-Форландѣ для изученія этихъ машинъ, у меня облупилась на лицѣ вся кожа, какъ бы обожженная солнцемъ.

**) Вслѣдствіе недавнихъ опытовъ, произведенныхъ Швендеромъ, онъ также былъ выбранъ для Индіи.

*) Пажъ и Моанъ доказали уже, что электро-магнитный токъ можетъ производить сильныя электро-магниты.

**) Въ моемъ докладѣ директорамъ Тринити-Гоуза, 17 мая 1866 года, я въ краткихъ словахъ изложилъ свое мнѣніе о машинѣ Вильде: «Я счастливъ, что могу засвидѣтельствовать о высокоомъ достоинствѣ машины, превосходящей по силѣ всѣ другіе аппараты того же рода».

Музыка.

Рѣзаль на деревѣ съ фотографическаго снимка А. Шлипперъ въ Петербургѣ.

Отелло и Дездемона.

Рѣзано въ Варшавской полициѣ.

свѣтъ. Что же касается тока, проходящаго черезъ 5 лампъ, или питающаго одну, это чисто дѣло строителя. Для руководства онъ имѣетъ ясно опредѣленные законы Ома, извѣстные болѣе подувѣка.

Омъ научилъ насъ какъ расположить элементы столба для увеличенія напряженія или электро-двигательной силы, которая гонитъ токъ впередъ и даетъ ему возможность преодолѣть внѣшнее сопротивление. Для этого достаточно соединить вмѣстѣ всѣ пары, такимъ образомъ, чтобы токъ производимый каждой изъ нихъ, проходилъ черезъ всѣ остальные, прибавляя къ нимъ электро-двигательную силу свою. Правда, что этимъ самымъ мы увеличиваемъ сопротивление столба, чѣмъ уменьшается сила тока каждой пары; но въ общемъ мы много увеличиваемъ способность тока побѣждать внѣшнее сопротивление. Внутреннее сопротивление столба можетъ быть такъ увеличено, что передъ нимъ совершенно исчезнетъ всякое другое.

Что здѣсь говорится о столбѣ, относится равнымъ образомъ и къ магнито-электрическимъ машинамъ. Если мы желаемъ, чтобы токъ переносился черезъ 5 промежутковъ или перерывовъ въ цѣпи для поддержанія 5 лампъ сразу, надо снабдить его достаточной электро-двигательной силой. Для достиженія этого, мы должны увеличить, употребленіемъ болѣе тонкой проволоки, число оборотовъ вращательной armатуры, все равно какъ увеличивали число паръ въ вольтовомъ столбѣ. Каждый отдѣльный оборотъ, какъ каждый отдѣльный элементъ, прибавляетъ свою электро-двигательную силу къ другимъ, и хотя онъ, въ тоже время, прибавляетъ свое сопротивление и уменьшаетъ силу тока, производимую каждымъ оборотомъ, за то въ цѣломъ токъ приобретаетъ способность переноситься послѣдовательно черезъ промежутки, необходимые для произведенія свѣта. Одновременнымъ прибавленіемъ внутреннего сопротивления и электро-двигательной силы токъ становится, такъ сказать, легче, острѣе.

Съ другой стороны, машины, производящія одинъ свѣтъ, обладаютъ слабымъ внутреннимъ сопротивленіемъ въ соединеніи съ небольшою электро-двигательной силой. Проволока катушекъ armатуры относительно толста и коротка; обыкновенно даже употребляютъ вмѣсто проволоки мѣдную ленту. Эти машины даютъ большое количество электричества, но со слабымъ напряженіемъ, т. е. не обладаютъ большою силой преодолевать внѣшнее сопротивление. Производя яркій свѣтъ, когда вся ихъ сила сосредоточена на одномъ промежуткѣ, токъ не можетъ проложить себѣ путь, когда промежутковъ нѣсколько.

Такимъ образомъ, увеличивая число оборотовъ спирали въ нашихъ машинахъ, мы жертвуемъ небольшимъ количествомъ электричества, но выигрываемъ въ электро-двигательной силѣ; тогда какъ при уменьшеніи ихъ, наоборотъ, увеличивается количество электричества, но уменьшается его напряженіе. Выборъ между этими машинами зависитъ единственно отъ внѣшней работы, которая имѣется въ виду. Если мы желаемъ получить одинъ свѣтъ большой силы, намъ слѣдуетъ употребить машину большого количества, но слабого сопротивления. Если же, напротивъ, мы желаемъ ввести въ цѣпь нѣсколько лампъ умѣренной силы, мы обращаемся къ машинамъ съ сильнымъ внутреннимъ сопротивленіемъ, но съ большою электро-двигательной силой.

Когда изолированная проволочная спираль обходитъ вокругъ желѣзнаго бруска и два конца этой спирали соединены, всякое измѣненіе въ магнетизмъ бруска сопровождается развитіемъ индуктированнаго тока въ спирали; но токъ этотъ возбуждается лишь въ моментъ измѣненія въ магнитномъ состояніи. Магнитъ въ состояніи

покоя, какъ бы силенъ онъ ни былъ, не возбуждаетъ никакого тока. Предположимъ, что магнитный полюсъ, находящійся у одной изъ оконечностей бруска, будетъ двигаться вдоль его къ другому концу. Во все время этого движенія, въ магнетизмъ бруска будутъ происходить постоянныя измѣненія, слѣдствіемъ которыхъ мы будемъ имѣть индуктированный токъ въ окружающей бруску спирали. Если же вмѣсто движенія магнита мы будемъ перемѣщать желѣзный брусокъ, окруженный спиралью, произойдутъ тѣ же измѣненія въ магнетизмъ бруска, тѣ же индуктированные токи въ проволоку. На этомъ-то принципѣ Грамъ устроилъ свою прекрасную машину. Онъ задался цѣлью придать бруску постоянное движеніе, подобное тому, о которомъ мы только что говорили; для этого онъ согнулъ брусокъ въ форму кольца, которое при помощи особаго механизма заставилъ быстро вращаться между полюсами подковообразнаго магнита. Направленіе тока измѣнялось сообразно съ движеніемъ и свойствомъ ближайшаго полюса. Изъ этого выходило, что въ двухъ частяхъ спирали, окружающей двѣ половины кольца, токи шли въ разныхъ направленіяхъ; но не трудно было, съ помощію уравнивателя, называемаго коммутаторомъ, соединить эти токи и направить въ одну сторону. Первые машины Грама давали прямой токъ, какъ въ вольтовомъ столбѣ. Изобрѣтатель впоследствии передѣлалъ ихъ, чтобы онѣ дѣйствовали попеременно токкомъ. Таковы машины, освѣщающія въ настоящее время плотину Темзы съ Гольборнскаго моста.

Машина Лонтена пользуется также извѣстностью. Она имѣетъ форму зубчатаго желѣзнаго колеса, каждый изъ зубьевъ котораго образуетъ стержень катушки, покрытой мѣдною проволокой. Колесо это вращается между противоположными полюсами очень сильнаго электро-магнита. Проходя мимо каждаго полюса, зубья колеса сильно намагничиваются и развиваютъ въ окружающей ихъ спирали соотвѣтственной силы токъ. Токи, развивающіеся при приближеніи, проходятъ и удаленіи отъ полюсовъ, двигаются въ противоположныхъ направленіяхъ, но посредствомъ коммутатора всѣ эти токи соединяются въ одинъ, идущій по опредѣленному направленію. Можно увеличивать по желанію число катушекъ, въ которыхъ развиваются токи и тѣмъ самымъ увеличивать силу машины. Для приведенія въ дѣйствіе электро-магнитовъ, Лонтенъ примѣняетъ принципъ Вильде. Прямой токъ маленькой машины пропускается черезъ электро-магниты другой большой. Этотъ принципъ Вильде также примѣненъ къ освѣщенію плотины Темзы съ Гольборнскаго моста; маленькая Грамовская машина употребляется каждый разъ для приведенія въ дѣйствіе электро-магнитовъ большой.

Машина Фармеръ-Валласа имѣетъ также значительныя достоинства. Она состоитъ изъ катушекъ для индуктированныхъ токовъ и индуктирующихъ электро-магнитовъ; послѣдніе приводятся въ дѣйствіе по методу Сименса и Ветстона. Въ машинахъ, предназначаемыхъ для произведенія электрическаго свѣта, электро-двигательная сила на столько велика, что позволяетъ вводить нѣсколько лампъ въ одну цѣпь. Новая особенность системы Фармеръ-Валласа заключается въ формѣ углей. Вмѣсто конусообразныхъ палочекъ, онъ употребляетъ широкія пластинки, срезанныя клиномъ и расположенныя одна надъ другою. Разряженіе электричества происходитъ между двумя ребрами и вольтова дуга перемѣняетъ мѣсто по мѣрѣ уменьшенія углей. Такимъ образомъ, продолжительность свѣта имѣетъ здѣсь значительный перевѣсъ по сравненію съ машинами съ угольными конусами. Я видѣлъ 4 лампы, введенныя въ одну цѣпь въ мастерской Лада въ Сити; сколько мнѣ помнится, такія же машины поставлены на станціи городской желѣзной до-

роги въ Ливерпульской улицѣ. «Количественная машина» Фармеръ-Валласа даетъ электрическій токъ слабого напряженія. Токъ этотъ не можетъ перенестись черезъ промежутокъ для произведенія электрическаго свѣта, но можетъ растопить толстую мѣдную проволоку. Когда его пропускаютъ черезъ короткую полоску придія, этотъ огнеупорный металлъ испускаетъ чрезвычайно яркій свѣтъ *).

Машина де-Меритенса — новѣйшая изъ всѣхъ. При ея постройкѣ Меритенсъ руководился принципами магнито-электрическихъ машинъ и употреблялъ сильныя магниты для возбужденія индуктированныхъ токовъ. Позаимствовавшись магнитами компаніи Альянсъ, Меритенсъ, посредствомъ удачнаго расположенія катушекъ, произвелъ съ помощію 8 только магнитовъ свѣтъ, одинаковой силы съ получаемымъ машиною Альянсъ отъ 40. Запимаемое ею пространство въ 5 разъ менѣе, а стоимость, по крайней мѣрѣ, въ 4 раза дешевле. Въ машинѣ Меритенса коммутаторъ уничтоженъ, внутренняя теплота едва чувствительна и потеря силы, сравнительно съ получаемымъ дѣйствіемъ, очень мала. Въ своей большой машинѣ де-Меритенсъ вводитъ нѣсколько лампъ въ одну цѣпь **).

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Практическія послѣдствія суевѣрій.

Ст. д-ра Мангардта.

(Окончаніе.)

Мнѣ остается прибавить немного къ моимъ замѣткамъ. Факты, нарочно сопоставленные безъ всякаго обсужденія ихъ, дополненные только самыми необходимыми объясненіями народнаго суевѣрія, говорятъ сами за себя и обнаруживаютъ зло, глубоко вкоренившееся въ жизнь какъ сельскаго населенія, такъ и населенія мелкихъ городковъ. Внимательному читателю должно быть очевидно, что дѣло идетъ не объ отдѣльных, случайно возникшихъ фактахъ; неоднократное повтореніе однородныхъ преступленій, вслѣдствіе одинаковыхъ побудительныхъ причинъ, служитъ признакомъ постоянного, всегда готоваго обнаружиться, болѣзненнаго состоянія. Набросанная картина представится еще мрачнѣе, если сообразить, что собранные мною факты не исчерпываютъ всѣхъ дѣйствительно, бывшихъ случаевъ, даже въ одномъ данцигскомъ округѣ, а грубыя и бросающіяся въ глаза нарушенія народнаго благосостоянія постоянно сопровождаются безчисленнымъ множествомъ болѣе мелкихъ, представляющихъ частью острый, частью хроническій характеръ и угрожающихъ жизни семьи и общества. Съ другой стороны, тотъ, кто захочетъ составить себѣ понятіе о цѣлой массѣ народа по тѣмъ ужасающимъ преступленіямъ, которыя раскрыты, неизбежно впадетъ въ заблужденіе. Правда, человѣкъ образованный встрѣтитъ передъ собою совершенно чуждый ему міръ, съ своеобразнымъ міросозерцаніемъ; передъ нимъ возникнетъ умственный складъ, свойственный мрачнымъ временамъ среднихъ вѣковъ и первобытному варварству, но все-таки не слѣдуетъ забывать, что возникшая мрачная картина образовалась, благодаря тому, что мы собрали въ одинъ фокусъ сотни мелкихъ мрачныхъ чертъ, разбѣянныхъ въ дѣйствительности на значительномъ пространствѣ, повторяющихся въ рѣдкіе промежутки и, какъ мнѣ извѣстно изъ личнаго опыта, ускользающихъ отъ вниманія духовныхъ лицъ и врачей, живущихъ среди этого населенія. Во

*) Лэдъ показывалъ свѣтъ придія. Онъ блистательно освѣтилъ имъ амфитеатръ кортлевскаго общества.

**) Теплота и свѣтъ маленькой машины равны 5 четвертямъ паровой лошадиной силы и даютъ свѣтъ равный свѣту 1,900 свѣчей; большая тоже равна 5 лошадинымъ силамъ и свѣту въ 9,000 свѣчей.

всякомъ случаѣ, эти темныя черты указываютъ на существованіе опаснѣйшей болѣзни въ народномъ организмѣ, но на ряду съ ними и христіанскія возрѣнія приносятъ плоды, обнаруживающіеся въ церковной и частной дѣятельности.

У меня не хватаетъ точныхъ данныхъ для того, чтобы опредѣлить, насколько восточная прусская провинція отличается въ дѣлѣ распространения суевѣрія отъ прочихъ частей германской имперіи и другихъ европейскихъ странъ; я могу съ увѣренностью утверждать только, что не всѣ мѣстности и слои населенія одинаково страдаютъ отъ этого зла. Во многихъ мѣстностяхъ, напр., въ низменностяхъ Вислы, и во многихъ слояхъ населенія, напр., въ среднемъ классѣ большихъ городовъ восточной провинціи, въ послѣднія 25 лѣтъ замѣтенъ утѣшительный прогрессъ въ умственномъ и нравственномъ развитіи: приведенные Нипольдомъ примѣры доказываютъ, что Вестфалія, Рейнская провинція и даже Франція, не имѣютъ еще права относиться съ высокоуміемъ къ восточной Пруссіи. Если сильное впечатлѣніе, произведенное въ 1836 г. убійствомъ вѣдьмы на полуостровѣ Гела, можетъ служить доказательствомъ, что въ то время не бывало подобныхъ примѣровъ, бесчисленное множество современныхъ преступленій, совершенныхъ изъ суевѣрія, способно породить мнѣніе, что въ настоящее время послѣдовала регрессъ, сравнительно съ предыдущимъ періодомъ.

Вѣроятнѣе, впрочемъ, что въ прежнее время многочисленныя однородныя преступленія оставались неизвѣстными публикѣ; возникавшая же съ тѣхъ поръ провинціальная пресса сообщаетъ о многихъ изъ нихъ; во всякомъ случаѣ, собранный за прежніе года матеріалъ недостаточенъ для вывода вѣрнаго заключенія. Сравнительно съ положеніемъ дѣла въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія *) замѣчено нѣкоторое улучшеніе, хотя, къ стыду нашему, и очень незначительное.

*) Такъ, напримѣръ, въ 1787 году въ трехъ пунктахъ, въ окрестностяхъ Бютова, Руммельсбургѣ и Шлохау, стала появляться эпидемическая бѣсноватость, порча, и вслѣдствіе ихъ повторяются оскорбленія, опасныя для жизни побои, утопленіе вѣдьмы и т. д. Наконецъ, мужъ одной изъ одержимыхъ бѣсомъ женщинъ обратился къ королю, прося изгнать бѣсовъ. Ландрату фонъ-Вуссову, просвѣщенному человѣку и окружному доктору Готтелю было поручено произвести слѣдствіе. Д-ръ Готтель, во многихъ случаяхъ, нашелъ дѣйствительную физическую болѣзнь, въ другихъ обманъ, а въ нѣкоторыхъ и то, и другое. Почти въ то же время въ королевскій лауэнбургскій судъ поступило слѣдующее донесеніе католическаго священника изъ Пархова: «Свѣтлѣйшій государь и т. д. Здѣсь совершаются *Mira et Mirabilia* кацее, о чемъ я считаю своимъ непремѣннымъ долгомъ всеподданнѣе донести ваш. вел. Въ дер. Цуковкѣ явилось 5 вѣдьмъ, изъ которыхъ 4 лютеранки и 1 католичка, и 2 колдуна; одинъ изъ нихъ католикъ, дворянинъ, юноша 15—16 лѣтъ. Въ Яменѣ и Гольцовѣ также есть нѣсколько вѣдьмъ, но въ особенности сильна дьявольская шайка въ Парховѣ, гдѣ вѣдьмы безбоязненно вредятъ здоровью и даже жизни людей и скота; всѣ ихъ угрозы несомнѣнно сбываются, въ чемъ я удостовѣрился на самомъ себѣ и моемъ скотѣ, и самъ видѣлъ и слышалъ in vigilia St. Joannis вмѣстѣ съ другою личностью, которая готова присягнуть въ справедливости своего показанія. Одна одержимая бѣсомъ лютеранка въ Вульфсбергѣ говоритъ на различныхъ языкахъ, указываетъ de nomine et cognomine и опредѣляетъ, когда, гдѣ и что произведено злого колдунами; я сначала не хотѣлъ придавать этому вѣры, и, какъ духовникъ, потребовалъ у умирающей полнаго признанія; теперь же я вполне убѣжденъ, что зло принимаетъ большіе размѣры, и всеподданнѣе прошу ваше велич. немедленно подвергнуть владѣльцевъ деревни Цуковке и Пархова испытанію водою. Извѣстно, что это единственное испытанное средство распознавать колдуновъ, кот. плаваютъ, какъ утки, и никогда не идутъ ко дну. По этому я желаю присутствовать *qua loci Parochus* при испытаніи и сообщу *fideliter et conscientiose* о всемъ видѣнномъ. Всеподданнѣе прошу положить скорѣе милостивое рѣшеніе, *quia periculum in mora* и по смерти остаюсь вѣрноподданнѣмъ Роговскій, *Parochus Parchowienis* Парховъ, 20 іюня 1787 г. Къ этому прошенію былъ приложенъ поименованный списокъ вѣдьмъ и колдуновъ. О дер. Парховѣ была сдѣлана слѣдующая замѣтка: тутъ найдется еще не мало колдуновъ, нужно только всѣхъ жителей деревни подвергнуть испытанію водою!

Цѣль моего сочиненія была бы вполне достигнута, если бы мнѣ удалось пробудить сознаніе серьезныхъ обязанностей, неотложныхъ культурныхъ задачъ, лежащихъ на каждомъ человѣкѣ, любящемъ свое отечество, и въ особенности на тѣхъ, кто призванъ заботиться о духовномъ и матеріальномъ благѣ народа. Я не стану распространяться о той дѣятельности, которая предстоптъ каждому отцу семейства, каждому учителю, ни о той пользѣ, которую военные начальники могутъ принести, просвѣщая своихъ подчиненныхъ. Всякій, кому только представится случай, долженъ содѣйствовать искорененію суевѣрія. Но прежде всего, на школъ, церкви и правительствѣ лежитъ обязанность зорче и настойчивѣе, чѣмъ доселѣ, слѣдить за указаннымъ зломъ, и общими, соединенными силами бороться и искоренять въ умахъ возрѣнія, составляющія отличительную черту первобытныхъ временъ и замѣнять ихъ болѣе высокимъ и чистымъ міросозерцаніемъ. Учителя должны быть достаточно подготовлены для исполненія этой высокой и трудной задачи. Не оказалось-ли бы полезнымъ, посвящать въ семинаріяхъ въ связи съ рединовѣдѣніемъ хоть нѣсколько часовъ изученію свойствъ и сущности народныхъ вѣрованій? Изученію этому должны бы подлежать только главныя формы суевѣрія, и его послѣдствія, при чемъ должно указывать на физическія и латаргическія причины его возникновенія, и давать совѣты, какимъ образомъ всего легче придти на помощь простодушному. Недостаточно выразить порицаніе или сомнѣніе; суевѣрный человѣкъ чувствуетъ, что на дѣлѣ есть что-то, и только уясненіе, какимъ образомъ возникли отдѣльныя формы суевѣрія, можетъ вселить въ него убѣжденіе въ ошибочности его возрѣній. Тамъ же, гдѣ зло достигло такого ужасающаго размѣра и силы, какъ въ восточной прусской провинціи, гдѣ народные учителя до сихъ поръ участвовали въ совершеніи преступленій изъ суевѣрія, гдѣ бѣдность сельскаго населенія представляетъ преграду успѣхамъ школьнаго дѣла, необходимы чрезвычайныя усилія и величайшія жертвы, чтобы призвать къ дѣлу лучшія силы. Нуженъ упорный трудъ и энергія тамъ, гдѣ дѣти, ничему не научившіяся, требуютъ увольненія изъ школы, на томъ основаніи, что священникъ допустилъ ихъ къ конфирмаціи. Въ штатгардскомъ округѣ это случалось неоднократно. Все настоятельнѣе и настоятельнѣе является требованіе обязательнаго посѣщенія школы и черезъ нѣсколько десятилѣтій непремѣнно обнаружатся благотѣльные послѣдствія этого требованія, если будутъ держаться его, несмотря на сопротивленіе, которое оно встрѣчаетъ; но развѣ возможно и должно ждать полстолѣтія? Всякое промедленіе опасно. Ускореніе прогресса въ значительной степени зависитъ отъ способностей предусмотрительности и дѣятельности школьнаго учителя, отъ одновременнаго, единодушнаго содѣйствія учителей. Дѣло сводится на потребность въ людяхъ.

Дѣло священника, главнымъ образомъ, бороться съ эгоизмомъ и обращать вниманіе прихожанъ на противорѣчія, въ которомъ находятся суевѣрныя понятія съ идеею всемогущества, милосердія и святости Божіей и любви къ ближнимъ. Въ средніе вѣка, какъ и теперь, не было недостатка въ высшихъ сановникахъ католической церкви, вооружавшихся духовными мѣрами на борьбу съ суевѣріемъ. Достаточно вспомнить о епископѣ Христофорѣ-Антоніи въ Слюповѣ-Чембекѣ, издавшемъ въ 1727 г. распоряженіе, въ которомъ онъ требовалъ отъ свѣтскихъ судебныхъ властей, чтобы они, держа въ тюрьмѣ обвиненныхъ въ вѣдовствѣ, оставляли ихъ «безъ тяжелыхъ цѣпей, не завязывая глазъ, не подвергая испытанію водою и остерегались наносить

раны при арестованіи и не позволяли себѣ, въ отношеніи ихъ, ни малѣйшаго суевѣрнаго обряда». Строжайшимъ образомъ запрещаетъ онъ предсказывать будущее, гадать посредствомъ воды, огня, растопленнаго олова или воска, «сжигать болѣзнь». Но подобный образъ дѣйствія является совершенно исключительнымъ, притомъ же, недостаточно одного запрещенія, такъ какъ зло не уничтожается въ корнѣ. Не вышнимъ давленіемъ, а только распространеніемъ ясныхъ понятій о злѣ, можетъ быть достигнуто избавленіе. Противъ дѣйствительнаго средства къ этому избавленію:—общаго основательнаго, школьнаго образованія,—возстаетъ духовенство и могущественное вліяніе его можетъ на долго затормозить дѣло и остановить прогрессъ. Какая страшная опасность будетъ создана, если разовьется іезуитическое направленіе, поставившее себѣ задачею покровительствовать суевѣрію рядомъ съ вѣрою въ чудеса! Гдѣ совершаются чудесныя излеченія, при содѣйствіи духовныхъ лицъ, на глазахъ толпы, говоритъ Францъ фонъ-Гельцендорфъ въ своемъ превосходномъ сочиненіи «Психологія убійства», тамъ, на основаніи естественныхъ законовъ, обнаруживается и обратная сторона дѣла, причѣмъ всѣ ненормальныя заболѣванія, поврежденія, въ особенности у домашнихъ животныхъ, будутъ считаться дѣломъ чорта и состоящихъ въ союзѣ съ нимъ вѣдьмъ. *).

*) Привожу отчетъ о случаѣ, бывшемъ въ Штаргардѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. У Теофили Бизикъ начали гнить десна и выпадать зубы. Мужъ ея, слѣдуя множеству полученныхъ совѣтовъ, отправился въ Осеккѣ, въ округѣ Вильдунгенѣ, чтобы поговорить съ тамошней «знахаркой». Посмотрѣвъ принесенную мочу больной, знахарка объявила, что больная испорчена. Она дала пузырекъ съ лекарствомъ и велѣла запереть дверь дома и наблюдать, кто первый пожелаетъ видѣть больную послѣ пріема лекарства. Чортъ непремѣнно подтолкнетъ вѣдьму приди развѣдать. Если вѣдьмѣ удастся дотронуться до больной или стащить соломенку съ крыши, лекарство окажется неэффективнымъ. За совѣтъ своей знахарки потребовала 2 марки, но, поторогавшись и принявъ во вниманіе бѣдность Бизика, удовольствовалась 1 маркою 20 пфенигами. Къ больной пришла, тотчасъ послѣ пріема лекарства, соседка ея, 50 лѣтняя Ева Бобковская, пользующаяся самою лучшею репутаціею, очень опрятная и неспособная производить сколько-нибудь непріятное впечатлѣніе. Она и прежде часто навѣщала больную, и теперь подошла къ ея постели и дотронулась до ея лица. Вѣдьма была найдена; все мѣстечко узнало, что именно Ева испортила Бизикъ. Увѣренность въ этомъ возрасла еще болѣе, такъ какъ лекарство не подѣйствовало. Больная отправилась къ священнику NN въ N, заплатила 3 марки за обѣдню и получила освѣщеннаго вина, за которое должна была уплатить 2 марки. Мужъ ея говорилъ впоследствии, что и эта поѣздка не принесла ей пользы, хотя она и получила вскорѣ колтунъ. Съ этихъ поръ Бобковскую стали обвинять во всѣхъ случаяхъ, когда появлялась какая-нибудь необыкновенная болѣзнь. Окружной докторъ Мернеръ нашелъ въ Штаргардѣ нѣсколько случаевъ доброкачественной дисентеріи; Бобковская произвела ее. Иоганна Линде вывихнула себѣ ногу, и въ этомъ оказалось виноватою Бобковская. Всѣхъ больше ожесточилась противъ нея 35-лѣтняя дѣвушка Юліана Моква. Дѣвушка эта отличается большимъ развитіемъ, сравнительно съ прочими жителями. Она говоритъ по польски и по нѣмцки и разбираетъ польскую печать. «Вѣрую» она знаетъ по польски, «Отче нашъ» на обоихъ языкахъ, «Заповѣди» ей неизвѣстны. Она знаетъ, кто были Христосъ и Божія Матерь, понимаетъ значеніе праздниковъ Рождества и Пасхи, значеніе праздника Троицы ей неизвѣстно. Эта-то дѣвушка заболѣла истерическими припадками; она чувствовала, какъ будто у нея что-то ворочалось въ животѣ, доходило до горла и душило ее. Въ то же время, она испытывала непреодолимое половое влеченіе къ 25-лѣтнему слабоумному пріемщику Бобковской, влеченіе, которое ей удавалось побороть съ величайшимъ трудомъ. Состояніе это продолжалось 14 дней. Бобковская дѣлала ей выговоры, что она навязывается этому юношѣ; Моква же, въ свою очередь, обвиняла Еву въ томъ, что она ворожею довела ее до болѣзненнаго состоянія. Женщины разсорились и Моква вышла отъ Бобковской. Чтобы окончательно освободиться отъ порчи, Моква, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими женщинами, между которыми была и Иоганна Линде, отправилась въ N. Какъ только священникъ NN увидѣлъ ихъ, не спрашивая о болѣзни, сказалъ Линде: «Хорошо, что ты пришла, иначе у тебя вышли бы кости изъ ноги», а Моквѣ: «Тебя задушило бы въ этотъ же годъ». Моква пожаловалась, что старуха испортила

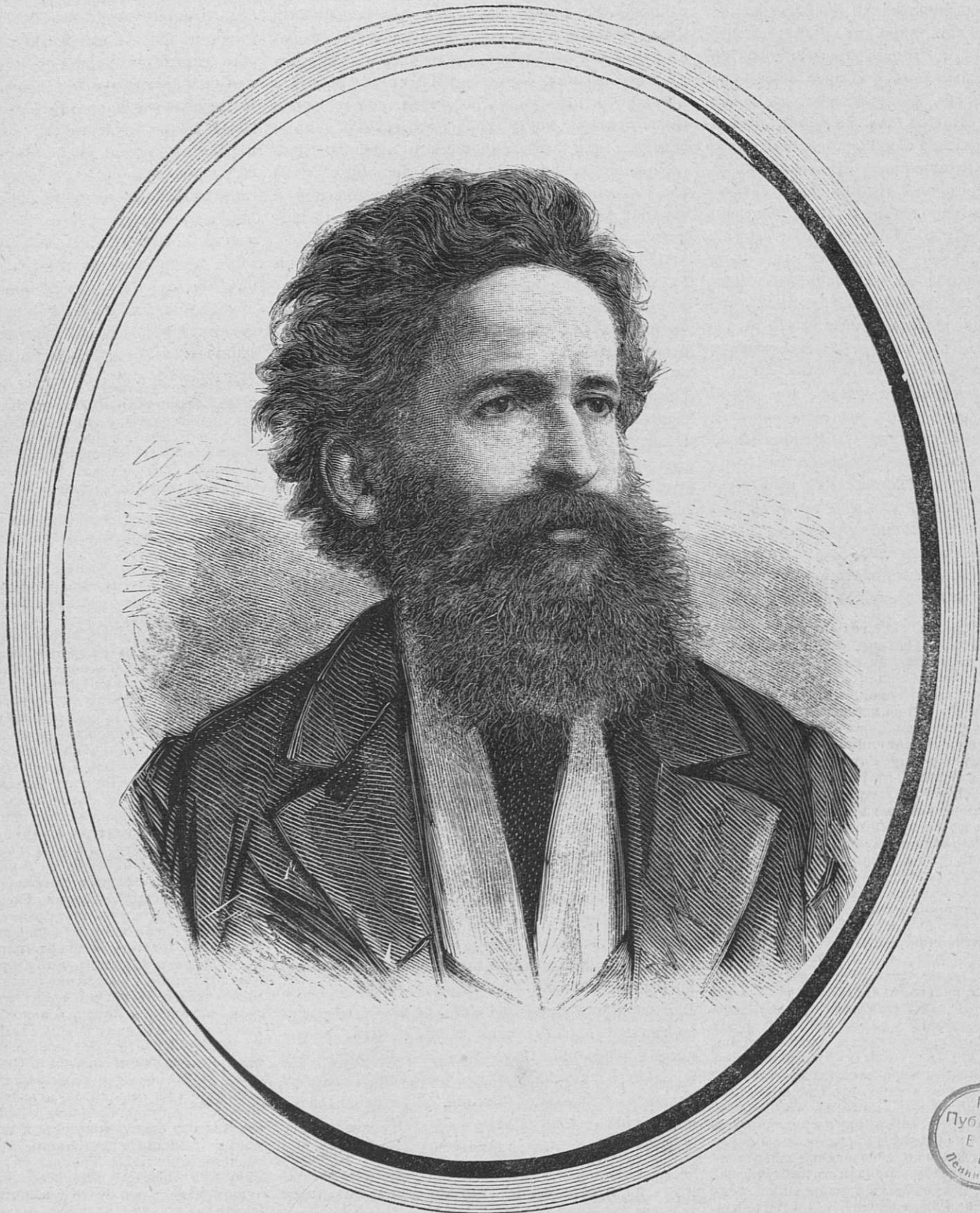

должны вѣрить въ вѣдьмъ, объясняетъ пасторъ NN изъ N, «но все-таки, онѣ существуютъ». На это священникъ отвѣчалъ: «Богъ поможетъ вамъ, если вы будете усердно молиться и исполнять, что я вамъ велю. Иногда могутъ помочь и доктора, но въ этомъ случаѣ, помощь придетъ отъ Бога». Пасторъ велѣлъ всѣмъ женщинамъ встать на колѣни, положилъ на голову больнымъ распятіе, окропилъ ихъ святою водою и прочелъ молитву. За обѣдню Моква заплатила 3 марки, спутницы ея по 2 марки каждая. Какъ только онѣ вышли изъ церкви, по

ютъ». Случай въ Дитрихсвальдѣ показываетъ, насколько слѣдуетъ остерегаться успѣховъ іезуитизма. Со стороны евангелической церкви была начата борьба съ суевѣріемъ, сначала во время реформаціи, позднѣе въ эпоху возрожденія, часто очень неуспѣшно, но всегда съ большимъ рвеніемъ, случалось и не безуспѣшно. Со времени релігіозной реакціи, въ періодъ возникновенія рационализма, многіе изъ протестантскихъ свя-

новало себя большою заслугою, указавъ церкви и ея служителямъ ихъ обязанность, занявшись обсужденіемъ суевѣрія во время съѣзда въ Гамбургѣ, въ 1858 г., побудивъ многихъ пасторовъ сдѣлать сообщенія о состояніи ихъ приходовъ и вызвавъ превосходное сочиненіе профессора Вутке «Современное народное суевѣріе», въ которомъ самымъ нагляднымъ образомъ указываются безчисленные суевѣрные понятія и обычаи

ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Гансъ Макартъ.

ихъ словамъ, онѣ тотчасъ почувствовали облегченіе, Линде могла даже ступать свободно. Чтобы окончательно убѣдиться въ томъ, дѣйствительно-ли Бобковская причинила ей болѣзнь, Моква отправилась на данцигскую ярмарку къ чернокушечнику. Выслушавъ рассказъ о ея болѣзни, чернокушечникъ велѣлъ ей смотрѣть въ волшебное зеркало. Взглянувъ въ него, она тотчасъ же узнала Бобковскую. Последствіемъ постоянныхъ обвиненій были неоднократныя покушенія на жизнь Бобковской. Линде, съ другою женщиной, напали на нее, желая заколотъ. 18-лѣтняя Маріанна Цигорская столкнула ее въ озеро, въ то время, какъ Ева черпала воду, и когда той

щенниковъ боялся, какъ бы вмѣстѣ съ уничтоженіемъ суевѣрія не пошатнуть и вѣры. Большинство ихъ держится совершенно въ сторонѣ. Центральное общество ревнителей вѣры ознаменовалось выкабачкою, побѣжала въ деревню, крича, что Бобковская несомнѣнно колдунья, такъ какъ упала въ воду и осталась сухою. Наконецъ, Бобковская должна была обратиться къ защитѣ властей. Во время слѣдствія, Моква и прочіе жители продолжали утверждать, что Бобковская вѣдьма и требовали ея наказанія.

народа и ихъ отношеніе къ религіи. То обстоятельство, что эта замѣчательная въ научномъ отношеніи книга, которая должна бы быть настольною книгою всякаго священника, къ какому бы вѣроисповѣданію онъ ни принадлежалъ, выдержала до сихъ поръ всего два изданія, должно служить прискорбнымъ доказательствомъ, что данное центральнымъ обществомъ возбужденіе было непрочнымъ, и первоначальное рвеніе быстро

охладилось. Гораздо удобнѣе и легче возвѣщать готовые догматы и богословскія положенія, чѣмъ изучать дѣйствія, стремленія и понятія своей паствы, внимательно слѣдить за ея развитіемъ и потребностями и просвѣщать свѣтомъ евангелія.

Для того, чтобы вліяніе школы и церкви на умъ и сердце, понятія и волю отдѣльных личностей могло принести пользу, необходимо, чтобы государственное и мѣстное, провинціальное управление позаботилось объ условіяхъ, при которыхъ только и можетъ обнаружиться духовный и нравственный прогрессъ. Оно должно измѣнить тѣ изъ нихъ, которыя препятствуютъ развитію народнаго образованія. Несомнѣнно, что изолированность, недостатокъ путей сообщенія, разсѣянность жилищъ на большое пространство, отсутствіе образовательныхъ центровъ, борьба единственно за дневное существованіе, задерживающая проявленіе духовной жизни, были главными причинами, почему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ суевѣріе могло до сихъ поръ сохранить свое господство. Всѣ эти обстоятельства оказали одновременное вліяніе на польскіе округа, Нейштадтъ, Берендъ, Картаузы и Штаргардъ, служащіе главнымъ гнѣздомъ заразы. Сравнительно рѣдкое населеніе (менѣе 2,000 чел. на 1 кв. м.), живущее по отдѣльнымъ пустошамъ, центромъ которыхъ является одинъ, много два ничтожныхъ городка; католическая учительская семинарія и католическая гимназія—единственныя высшія учебныя заведенія во всемъ краѣ, очень рѣдкіе шоссе, почти никакихъ желѣзныхъ дорогъ; тощая почва даетъ скудную жатву;—все это способствуетъ, что понятія простолюдина находятся на очень низкой степени развитія. Нельзя отрицать, что со времени Фридриха II, прусское правительство сдѣлало не мало въ пользу этихъ мѣстностей, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо нужна культурная работа. Задача не будетъ вполне рѣшена съ поднятіемъ благосостоянія, но пусть оно возвысится, насколько это зависитъ отъ государственнаго устройства и правительственныхъ мѣръ; пусть будутъ сглажены и указаны народу пути къ умственному развитію, улучшатся пути сообщенія и округа, стоявшіе до сихъ поръ отдѣльно, будутъ вовлечены въ кипучую, современную жизнь, тогда сама жизнь возьметъ на себя существенную часть труда и въ союзѣ съ школою и церковью уничтожитъ слѣды первобытнаго варварства.

Гансъ Макартъ.

Ст. П. Вибліофила.

Гансъ Макартъ — это иностранное имя повторялось нѣмнѣйшій годъ не разъ той частью русской публики, которая посѣщала выставочныя залы петербургской академіи художествъ, откуда бѣжали десятки русскихъ талантовъ и гдѣ остались сотни русскихъ бездарностей. Гансъ Макартъ поразилъ эту публику своей картиной, хотя эта картина успѣла въ значительной

степени выпѣсти, хотя рисунокъ на этой картинѣ очень часто прихрамываетъ, хотя эта картина принадлежитъ далеко не къ лучшимъ произведеніямъ этого, очень крупнаго таланта. Но какъ явился Гансъ Макартъ на нашей выставкѣ? Зачѣмъ онъ прислалъ такую старую и такую плохую вещь? Или онъ такъ не уважаетъ рус-

скую публику и русскую академію, что считаетъ ихъ недостойными чего-нибудь лучшаго? Нѣтъ, это не Гансъ Макартъ не уважаетъ русскую публику и русскую академію, а сама академія не уважаетъ себя, занимаясь дѣломъ разныхъ показывателей художественнаго старья. Мы не знаемъ, гдѣ выкопала академія художествъ эту картину; вѣрно только одно, что эта картина довольно стара и что ее прислалъ на выставку не самъ художникъ. Послѣднее обстоятельство крайне интересно: обыкновенно на выставки всѣхъ европейскихъ академій художествъ художники сами присылаютъ свои произведенія и академіи принимаютъ далеко не все присылаемое, не желая наполнять свои залы хламомъ. У насъ дѣло дѣлается не такъ, художники вовсе не считаютъ за честь видѣть свои произведенія помѣщенными на академической выставкѣ и если эти произведенія сколько-нибудь сносны, то они появляются на передвижной выставкѣ. Такъ, ни г. Крамской, ни г. Кундзи, ни гг. Маковскіе, ни г. Мисофдовъ, ни г. Рѣпинъ, ни г. Максимовъ, ни г. Харламовъ не дадутъ своихъ произведеній на выставку академіи художествъ. Видя, что отъ нея бѣгутъ чуть не всѣ талантливые люди, наша академія художествъ, въ сущности, сознаетъ невозможность устраивать ежегодныя выставки, такъ какъ выставлѣть ей ровно нечего. Но нельзя же сказать высшему начальству, нельзя же объявить публикѣ, что выставлѣть нечего, что всѣ талантливые люди разбѣжались, что остался теперь просторъ для однихъ только гг. Якобьевъ, но что гг. Якоби сами стыдливо зачеркиваютъ себя въ каталогѣ, сознавая, что имъ стыдно показаться передъ публикой со своими «Ледяными домами», такъ какъ эти «Ледяные дома» только до тѣхъ поръ и могли интересовать эту публику, покуда о нихъ можно было врать ей, что ихъ нельзя будто бы показывать по какимъ-то независимымъ обстоятельствамъ. Вслѣдствіе всего этого начинаются поиски за картинками и въ залы академіи художествъ на ежегодную выставку притаскивается разное старье. Академія, въ этомъ случаѣ, является замѣчательно невѣжественной, такъ какъ она доказываетъ здѣсь даже непониманіе прямого значенія ежегодныхъ художественныхъ выставокъ: ежегодная выставка произведеній искусства—это годовою отчетъ искусства, и натаскивать на такую выставку залежавшееся, всѣмъ извѣстное старье или вещи, ничего общаго съ искусствомъ неимѣющія,—просто нелѣпо. Такъ случилось и нынче: на академическую выставку поставлено очень мало порядочныхъ произведеній; выставили здѣсь свои младенческіе и старческіе грѣхи такіе люди, которые никогда и не были художниками, какъ напримѣръ, нашъ высокоталантливый артистъ В. В. Самойловъ, вовсе не умѣющій писать масляными красками и совсѣмъ плохо понимающій рисунокъ; но подобными произведеніями дилетантовъ или бездарностей въ живописи трудно наполнить всѣ залы, вслѣдствіе этого академія художествъ, во первыхъ, выставила такіе вещи, какъ геліоминьютюры, самі по себѣ скверно сдѣланныя и съ искусствомъ вообще ничего общаго неимѣющія, а во вторыхъ, насобирала гдѣ-то старыхъ вещей въ родѣ рисунковъ Зичи, давно всѣмъ извѣстныхъ, давно воспроизведенныхъ въ гравюрахъ, давно выставившихся на окнахъ эстампныхъ магазиновъ. Въ числѣ старья былъ добытъ гдѣ-то и Гансъ Макартъ начала семидесятыхъ годовъ,—Макартъ, сильно выпѣтшій, съ нѣсколькими плохими еще рисункомъ, воспроизведенный уже въ гравюрахъ и за-границей, и у насъ *). Конечно, какъ ни плохъ этотъ образецъ, онъ все-таки во сто разъ лучше сотни

*) Въ прошломъ году еще «Живописное Обозрѣніе» дало копію съ этой картины Г. Макарта, приложивъ ее къ своей преміи «Шекспиръ».

другихъ произведеній, стоящихъ рядомъ съ нимъ на академической выставкѣ, и потому публика смотритъ не безъ удивленія на эту страстную сцену свиданія «Ромео и Джульетты». Но все-таки нельзя судить о Гансѣ Макартѣ по этой картинѣ, написанной лѣтъ шесть тому назадъ: Гансъ Макартъ идетъ впередъ быстрыми шагами и не перестаетъ исправлять тѣ ошибки и недостатки, которыми полна эта картина. Выносить на выставку новыхъ художественныхъ произведеній старую и, относительно, довольно слабую картину художника, быстро шагающаго впередъ,—это крайне безтактно и едва-ли можетъ за это поблагодарить художникъ. Правда, есть такіе художники, которымъ было-бы выгодно, если-бы на выставкахъ являлись только ихъ старыя произведенія; напримѣръ, г. Якоби могъ бы радоваться, если-бы ежегодно выставлѣлись только его «Приваль арестантовъ» и «Робеспьеръ», но Гансъ Макартъ не принадлежитъ къ числу такихъ регрессирующихъ художниковъ. Онъ, подобно извѣстному Михаилу Мункачи, идетъ впередъ, а не назадъ.

Читатели нашего журнала отчасти уже знакомы съ талантомъ Ганса Макарта. Кромѣ «Ромео и Джульетты», у насъ были помѣщены копіи съ картины изъ его египетскаго альбома и съ его картины «Клеопатра». Въ настоящемъ номерѣ нашего журнала читатели найдутъ его «Валкирію»—прекрасный образъ мифической женщины-воина. Кромѣ того, въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ мы надѣмся помѣстить еще пару копій съ картинъ этого блестящаго художника, обратившаго на себя особенное вниманіе европейской публики, въ послѣднее время, картиною «Въѣздъ Карла V въ Антверпенъ».

Гансъ Макартъ уроженецъ города Зальцбурга. Онъ родился 18 мая 1840 года, такъ что ему еще нѣтъ сорока лѣтъ и, по всей вѣроятности, онъ еще сдѣлаетъ много успѣховъ въ будущемъ. Онъ провелъ крайне тревожную и необезпеченную юность. Сначала онъ учился въ гимназіи своего роднаго города, потомъ на восемнадцатомъ году вступилъ въ академію въ Вѣнѣ. Къ несчастію, онъ не долго оставался здѣсь: черезъ два-три мѣсяца онъ снова является въ своемъ родномъ городѣ и ради куска хлѣба начинаетъ рисовать гербы. Проходитъ еще немного времени и онъ является въ Мюнхенъ, чтобы учиться гравированію, но, вмѣсто того, тотчасъ же поступаетъ въ школу Пидоти. Три года остается онъ въ этой школѣ, съ 1862 по 1865 годъ и быстро завоевываетъ себѣ извѣстность, хотя въ то время онъ еще не былъ оригинальнымъ, а подражалъ манерѣ старыхъ мастеровъ. Такъ, одною изъ его замѣчательныхъ юношескихъ работъ былъ портретъ Лавуазье, въ темницѣ,—картина, написанная въ рембрантовскомъ вкусѣ. Въ это же время онъ написалъ большую декоративную картину для одной изъ петербургскихъ роскошныхъ столовыхъ залъ. Уже въ это время Гансъ Макартъ отличался быстротою работы; «Рыцарь и Русалка», «Леда», большой итальянскій пейзажъ, «Чума во Флоренціи», «Юлія» и многія другія картины слѣдовали быстро одна за другой. Въ 1869 году Гансу Макарту предложили занять въ Вѣнѣ профессорскую кафедру; но онъ отказался отъ мѣста, хотя и основалъ въ этомъ городѣ мастерскую. Здѣсь онъ написалъ, кромѣ другихъ произведеній, занавѣсъ для вѣнскаго городского театра, «Фауста въ темницѣ у Маргариты» и, какъ панданъ къ этой вещи, «Ромео и Джульетту на свиданіи». Въ 1876 году Гансъ Макартъ совершилъ большое путешествіе въ Египетъ и создалъ рядъ бытовыхъ картинъ изъ египетской жизни, написавъ въ то же время свою знаменитую картину «Клеопатра». Въ послѣднее время, особеннаго шуму надѣлала его картина «Въѣздъ Карла V въ Антверпенъ». Число написанныхъ Гансомъ Мака-

томъ картинъ, портретовъ, этюдовъ, отдѣльных фигуръ очень велико, такъ какъ Макаръ пишетъ замѣчательно быстро, такъ «Чуму во Флоренціи» онъ кончилъ въ три мѣсяца, «Сцену на Нильскомъ берегу» онъ написалъ въ четырнадцать дней. Гансъ Макаръ—гений-колористъ. Говоря о немъ, нѣмецкіе критики замѣчаютъ, что едва-ли кто-нибудь изъ современныхъ художниковъ обладаетъ въ такой степени тайной свѣто-тѣни, какъ онъ. Богатство и разнообразіе воображенія, способность къ декоративности, страстность, переходящая иногда въ чувственность, умѣнье группировать массы, все это главные достоинства Ганса Макара. Смотри даже на такое слабое произведеніе, какъ «Ромео и Джульетта», вы изумляетесь тому свѣту, которымъ блещетъ эта картина; при входѣ въ академическій залъ, вы издали уже видите эту картину, она словно свѣтится тамъ вдали луннымъ свѣтомъ южной лѣтней ночи. За этотъ свѣтъ вы прощаете ея недостатки. А этихъ недостатковъ не мало, особенно въ первыхъ произведеніяхъ Ганса Макара. Рисунокъ у него часто бываетъ неправиленъ, порой видна торопливость работы, иногда распушенность, если можно такъ выразиться, содержаніе дѣйствуетъ непріятно. Но съ годами у него недостатки дѣлаются меньше, а достоинства дѣлаются сильнѣе. Изъ современныхъ европейскихъ художниковъ, онъ едва-ли не самый блестящій. Онъ является самою крайнею противоположностью Михаила Мункачи, у котораго мрачность красокъ соответствуетъ мрачности сюжетовъ. Смотри на картины Макара, съ трудомъ вѣришь, что это не французъ и не испанецъ, а нѣмецъ и притомъ довольно угрюмый и скучный нѣмецъ. По своему личному характеру Макаръ очень нелюдимый, очень не разговорчивый человекъ. Про него недавно еще ходилъ анекдотъ слѣдующаго рода: Макаръ очень любитъ играть въ шахматы, но играетъ постоянно молча. Одинъ господинъ желалъ съ нимъ познакомиться и ему сказали, что это можно сдѣлать просто: стоитъ придти въ кафе, сѣсть за шахматный столъ противъ Макара и начать съ нимъ играть молча.

Господинъ такъ и сдѣлалъ. Когда партія кончалась, онъ замѣтилъ:

— Вы проиграли.

Макаръ отодвинулъ стулъ.

— Не угодно-ли еще партію? спросилъ господинъ.

— Я съ болтунами не играю, отвѣтилъ Макаръ.

Это характерно.

Голова апостола Петра. Среди массы картинъ, хранящихся въ императорскомъ эрмитажѣ въ Петербургѣ, есть не мало сокровищъ живописи. Однимъ изъ такихъ сокровищъ искусства является голова апостола Петра, написанная художникомъ болоньской школы Гвидо Рени, жившемъ за триста лѣтъ до нашего времени. Намъ вспомнилась эта голова, замѣчательная по простотѣ, по выраженію лица, по работѣ, вспомнилась именно тогда, когда петербургская публика восхищалась фокусамъ Габріеля Макса, изображавшаго Христа съ четырьмя глазами. Мы сочли не лишнимъ дать копію съ этого прекраснаго и благороднаго образца. Эта голова апостола, голова Іоанна Крестителя, написанная покойнымъ А. А. Ивановымъ,—вотъ образцы, достойные искусства, а издѣлія, въ родѣ «Нерукотвореннаго образа» Габріеля Макса, являются ничѣмъ инымъ, какъ жалкимъ шарлатанствомъ,

поражающимъ только невѣжественную публику.

«Музыка» и «Отелло и Дездемона». Картина Перуджини «Музыка» принадлежитъ къ числу очень симпатичныхъ жанровыхъ сценъ; содержаніе ея просто и понятно само собою: старшій братишка проводитъ смычкомъ по виолончели, а младшая сестренка, сидя на полу, прижимаетъ къ музыкальному инструменту и какъ бы поражена его звуками; тутъ нѣтъ ни особенной глубины мысли, ни современной тенденціи; но, не смотря на это, художникъ прекрасно передалъ выраженіе дѣтскихъ лицъ, особенно лица маленькой дѣвочки и придавъ сценкѣ столько граціи, что вниманіе невольно останавливается на ней. Оригинальный рисунокъ г. Котарбинскаго «Отелло и Дездемона» передаетъ вѣрно тотъ моментъ, когда Отелло подходитъ съ ножичкомъ въ рукѣ къ постелѣ жены, чтобы разбудить ее въ послѣдній разъ передъ убійствомъ.

«Иванъ Грозный» и «Смерть Сократа». Изъ русскихъ скульпторовъ безспорно первое мѣсто занимаетъ г. Антокольскій, но съ послѣдней парижской выставки онъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ не только среди нашихъ ваятелей, а и среди скульпторовъ всей Европы, такъ какъ его «Смерть Сократа» и «Голова Христа» удостоились первой награды на всемирной выставкѣ. Въ настоящемъ номерѣ мы помѣщаемъ копію съ его статуи «Иванъ Грозный» и «Смерть Сократа». Въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ мы надѣемся представить подробный отчетъ о дѣятельности г. Антокольскаго, на котораго въ настоящее время возлагается такъ много надеждъ.

Новости наукъ и жизни.

— **Г-жа Бестужева-Рюмина.** Международная медицинская коммиссія, прибывъ въ Ветлянку, рѣшила сдѣлать медицинскій осмотръ всѣмъ жителямъ этой станицы, получившей печальную, всемирную извѣстность. Женщины, проживающія въ станицѣ, были осмотрѣны женщиной-врачемъ, г-жей Бестужевой-Рюминой. По окончаніи осмотра, по словамъ телеграммы газеты «Голосъ», женское населеніе станицы приготовило весьма трогательную овацію г-жѣ Бестужевой-Рюминой, которая одна осмотрѣла всѣхъ ветлянскихъ женщинъ. Осмотръ производился въ станичномъ правленіи; когда стало извѣстно, что г-жа Бестужева-Рюмина осматриваетъ послѣднюю женщину, всѣ осмотрѣнныя уже женщины собрались къ дому правленія и, ставъ на колѣни, вмѣстѣ съ своими дѣтьми, ожидали ея выхода. Они встрѣтили выраженіями горячей благодарности и проводили благословеніями первую женщину-врача, такъ много потрудившуюся для Ветлянки. Г-жа Бестужева-Рюмина вовсе не ожидала подобной оваціи и была глубоко тронута чистыми чувствами этихъ простыхъ женщинъ.

— **Новая гимназія.** «Новое Время» сообщаетъ, что, по слухамъ, съ будущаго учебнаго года, къ числу петербургскихъ гимназій прибавится еще одна, которая образуется изъ второй шестиклассной прогимназіи (что на Пескахъ) и получитъ наименованіе седьмой. Такимъ образомъ, здѣсь составится девять классическихъ гимназій (считая филологическую и гимназію человеколюбиваго общества), съ пятью прогимназіями, тогда какъ реальныхъ училищъ существуетъ только три.

— **Премія.** Въ медико-хирургической академіи появилось слѣдующее объявленіе: «Великобританскій посолъ, въ С.-Петербургѣ, увѣдомилъ управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, что королевская врачебная коллегія, въ Лондонѣ, ходатайствуетъ о доведеніи до свѣдѣнія русскихъ врачей-специалистовъ правилъ, касательно преміи В. Ф. Бенстъ-Станфорда въ сто фунговъ стерлинговъ за сочиненіе о водобоязни, ея свойствахъ, предохранительныхъ отъ нея мѣрахъ и леченіи. 1) Сочиненіе должно быть на англійскомъ языкѣ или сопровождаться англійскимъ переводомъ.

2) Сочиненіе должно быть прислано въ коммиссію не позже 1 января 1880 года (нов. ст.). 3) Къ каждому сочиненію долженъ быть приложенъ запечатанный конвертъ, содержащій въ себѣ фамилію и адресъ автора, съ девизомъ спаружки конверта; тотъ же девизъ долженъ быть и на сочиненіи. 4) Сочиненіе можетъ быть совокупнымъ произведеніемъ двухъ и болѣе авторовъ. 5) Если сочиненіе не будетъ издано авторомъ, в теченіи одного года, со времени представленія, то оно дѣлается собственностью коллегіи. 6) Премія будетъ присуждена только въ такомъ случаѣ, если будетъ представлено сочиненіе удовлетворительнаго достоинства. Вопросы, которые коллегія признаетъ требующими особеннаго изслѣдованія, слѣдующіе: а) происхожденіе и петорія появленій бѣшенства (Rabies) въ особенности въ Соединенномъ королевствѣ Великобританіи и ея владѣніяхъ; б) лучший способъ предупрежденія бѣшенства; в) характеристическія черты бѣшенства; г) происхожденіе его у человека; е) химическія и анатомическія измѣненія; ф) признаки бѣззани; г) распознаваніе ея въ сомнительныхъ случаяхъ; h) предполагаемая продолжительность скрытности; i) дѣйствительность различныхъ средствъ и которое наиболѣе цѣлительно.

— **Новое изданіе сочиненій С. И. Тургенева.**

Книжный магазинъ г. Салаева приобрѣлъ отъ П. С. Тургенева право на новое изданіе его сочиненія, которое будетъ состоять изъ слѣдующаго: т. 1—«Воспоминанія литературныя и житейскія», съ прибавленіемъ статей о Грановскомъ, Герценѣ и славянофилахъ, а также критическихъ статей о Фаустѣ и другихъ; т. 2—«Записки охотника», въполнѣ, съ особымъ предисловіемъ; томы 3, 4, 5—романы: «Рудинъ», «Дворянское гнѣздо», «Наканунъ», «Отцы и дѣти», «Дымъ» и «Новъ», съ особымъ большимъ предисловіемъ ко всѣмъ 6 романамъ; тома 6, 7, 8—всѣ повѣсти въ хронологическомъ порядкѣ, съ особымъ предисловіемъ; томъ 9—драматическія сочиненія.

— **Шахматная задача.** Г. Матвѣевъ сообщилъ намъ слѣдующую шахматную задачу:

Бѣлые. Король e7, ладья d2, слонъ b2, конь f7. Пѣшки: b4, c3, f3, g4.

Черные. Король d5, слонъ c4, пѣшки: b5, d3, f4. Бѣлые начинаютъ и дѣлаютъ матъ въ 3 хода.

— **Грозное наводненіе.** Гор. Сегединъ, въ Венгріи, постигло страшное бѣдствіе: онъ почти весь разрушенъ наводненіемъ. Сегединъ расположенъ на низменной мѣстности, на берегу Тейсы, при слияніи ея съ ея притокомъ Марошемъ. Отъ разливовъ рѣки, бывавшихъ ежегодно, городъ былъ огражденъ хорошо устроенной плотной. Когда, въ нынѣшнемъ году, вода стала прибывать сильнѣе, чѣмъ въ прежніе разливы, городское управленіе объявило городъ на военномъ положеніи и предписало всѣмъ жителямъ, безъ различія званія, пола и возраста, «подъ страхомъ смертной казни» за неисполненіе, являться на земляныя работы для возвышенія плотины. Работа шла и днемъ, и ночью, плотина росла, но и вода продолжала прибывать... 27 февраля (11 марта) поднялся сильный вѣтеръ; вода стала прибывать съ ужасающей быстротой. Вдругъ, ночью раздался зловѣщій крикъ: «Плотину прорвало». Большинство жителей города работало на плотинѣ. Можно судить, какая суматоха произошла при этомъ грозномъ извѣстіи. Всѣ бросились къ городу, который уже начало заливать. Черезъ нѣсколько часовъ весь городъ, за исключеніемъ холма, на которомъ расположена цитадель, находился уже подъ водою. Вода съ такимъ бѣшенствомъ налетѣла на городъ, что подъ ея ударами, одинъ за другимъ, разрушались дома. Болѣе двухъ третей городскихъ зданій разрушено этимъ грознымъ наводненіемъ; погибло до 2,000 человекъ. Городъ Сегединъ, съ населеніемъ въ 75,000 человекъ, принадлежалъ къ числу лучшихъ городовъ Венгріи; онъ производилъ обширную торговлю.

— **Истязаніе.** По словамъ корреспондента «Сиб. Вѣд.», въ сѣнинскомъ уѣздѣ, могиловской губерніи, живутъ два богача-брата—владѣльцы имѣнія. Младшій женатъ и имѣетъ двухъ сыновей. Для присмотра за хозяйствомъ они выписали

экономку, которая успѣла въ скоромъ времени плѣнить сердца обоихъ братьевъ; поэтому жена-тый братъ уговорилъ жену уѣхать въ Вильно, для приготовленія дѣтей въ военную гимназію. Когда, лѣтомъ, она пріѣхала съ дѣтми къ мужу, отношенія его къ ней были до крайности странны; тогда она рѣшилась больше не уѣзжать; но ее силою выпроводили одну безъ дѣтей: отвезли въ вокзалъ, купили билетъ, посадили въ вагонъ и, съ Богомъ, въ Вильно. Тамъ несчастная пролежала въ больницѣ нѣсколько мѣсяцевъ, а къ новому 1879 г. ее выслали по этапу на мѣсто жительства. Въ усадьбѣ ее, какъ не пужную вещь, бросили въ полутемную лакейскую и заперли. Ни бѣлья, ни платья ей не дали. Постелью служила солома, брошенная на полъ. Кормить ее не кормили, а ѣла она то, что тайкомъ приносила служанка отъ своей скудной транеи. Что перенесла въ это время несчастная женщина отъ экономки, и пересказать трудно. Экономка не стѣнялась бить ее даже при свидѣтеляхъ, т. е. работникахъ и служанкахъ, да и управляющаго не церемонилась. Такъ прошло больше мѣсяца. 16-го февраля, въ полночь послышались шаги въ коридорѣ, шелкнулъ замокъ, и старшій братъ вошелъ со свѣчей въ рукѣ. «Я бросилась, рассказывала несчастная, передъ нимъ на колѣни и умоляла: позвольте мнѣ увидѣть мужа, поговорить съ нимъ. — Да, это необходимо, пожалуйста, отвѣчалъ онъ. Я пошла за нимъ. Въ концѣ коридора, я повернула налево, въ комнату мужа. «Нѣтъ, не туда, сюда входите!» сказалъ мой спутникъ, и втолкнулъ меня въ комнату направо. Я увидѣла скамью, веревки, кнутъ, завѣшанное платкомъ окно. Я хотѣла вырваться, но на меня бросилась экономка и головой меня объ стѣну, объ стѣну... Самъ онъ повалилъ меня на скамью, къ которой меня привязали за руки и за ноги. Ротъ забили мокрой тряпкой и голову обвязали платкомъ. Я не могла кричать, да меня и не слышали бы: комната единственнымъ окномъ выходила въ садъ, службы были далеко. Началось бичеваніе. Онъ билъ долго, приговаривая: «къ намъ не ходи, денегъ не проси; мужъ не умѣетъ расправиться, я стѣмлю». Потомъ съ головы сняли платокъ; я могла видѣть. Двери были настежь отворены и въ этой комнатѣ, и въ комнатѣ мужа. Они пили водку и закусывали. Я поняла насмѣшку. Слезы меня душили, стыдъ, злоба, все было. Я нарочно закрыла глаза, чтобы не видѣть ихъ. Я думала, что кончилось пестизаніе, — оказалось, что нѣтъ. Послѣ ужина повторилось бичеваніе. Мнѣ сдѣлалось дурно. Но обо мнѣ не заботились, я очулась привязанною. Мнѣ удалось кое-какъ выпутать руки, и я убижала, въ чемъ была». Дѣйствительно, почти въ одномъ бѣлѣ, въ туфляхъ набосу ногу, она бѣжала до первой деревни. Теперь она у одного сосѣдняго помѣщика. Рѣшилась затѣять процессъ. Да поможетъ ей Богъ! Всѣ ей желаютъ успѣха. Къ несчастью, она слегла 18-го февраля въ постель. На тѣло ея страшно было смотрѣть: оно казалось обвитымъ черными бархатными лентами.

— **Похищеніе крыши.** Газетъ «Волга» сообщаютъ о слѣдующемъ курьезномъ случаѣ въ Астрахани: къ часовому мѣстнаго порохового склада, подходитъ мужичокъ, называетъ себя кровельщикомъ и объявляетъ ему, что онъ отъ подрядчика, который взялся перекрывать крышу зданія склада и что подрядчикъ, съ разрѣшенія начальства, послалъ его сюда и велѣлъ снять съ зданія старую крышу. Крыша желѣзная. «Такъ ты, братъ, того, обращается мужикъ къ солдату, допустя, а я, значитъ, сейчасъ и за дѣло примусь, крыть вновь-то будемъ дня черезъ два». Часовой не соглашается, отсылаетъ его къ ефрейтору, прибавляя, что если тотъ прикажетъ, то онъ, часовой, прекословить ни въ чемъ уже не можетъ: потому начальство. Мужичокъ къ ефрейтору. Объяснивъ почему и зачѣмъ онъ приступилъ къ крышечной операціи. Ефрейторъ, глуповатый малый, абсолютно повѣрилъ мужику и приказалъ часовому, чтобы тотъ не пренитствовалъ ему. Такимъ образомъ, заручившись приказомъ ефрейтора, мужичокъ принялся за работу. Такъ какъ самое зданіе не особенно ве-

лико, то онъ свою работу окончилъ менѣе, чѣмъ въ полчаса. Листы желѣза мужичокъ уложилъ, съ помощью ефрейтора, на заблаговременно припасеннаго извозчика и... слѣдъ простылъ. Дня черезъ четыре пріѣзжаетъ начальникъ склада. Смотритъ... что за исторія! Гдѣ же крыша? Обращается къ часовому, ефрейтору—тѣ ему объясняютъ, что, вѣдь, крыша снята по приказу начальства. «Стара вишь; новую дѣлать хотѣли». — «Какъ по приказанію начальства?» — «Да такъ!» и часовые обстоятельно изложили ему весь процессъ спятія крыши. Начальникъ и ротъ разинулъ и ушамъ не вѣритъ. Среди бѣлаго дня, въ присутствіи караула—крышу украли! Долго не думая, начальникъ даетъ знать полиціи и съ помощью ея отыскали сначала слѣды виноватаго, а потомъ уже его самого.

— **Леченіе крупы и дифтерита.** Нѣмецкій докторъ Таубе и американскій Эдель, какъ сообщаетъ «Военно-Медиц. Журналъ», предлагаютъ лечить крупу и дифтеритъ вдыханіемъ паровъ терпентиннаго масла (чистаго бѣлаго скипидара). Вдыханіе паровъ лучше производить при помощи пульверизатора, которымъ вдвѣвать пары въ ротъ; если же пульверизатора нѣтъ, то слѣдуетъ заставить больного дышать надъ сосудомъ наполненнымъ терпентиннымъ масломъ. Сеансъ вдыханія долженъ продолжаться 8—10 минутъ каждый часъ. Чтобы брызги терпентина не попадали въ глаза и не раздѣляли лицо, необходимо во время сеанса закрывать глаза и смазывать лицо масломъ. Названные авторы получали отъ такого леченія блестящіе результаты при всѣхъ многочисленныхъ опытахъ.

— **Новое средство отъ лихорадки.** Нужно взять стволъ подсолнечника, разрѣзать его тонкими кружками и высушить въ негорячей печкѣ или на солнцѣ; затѣмъ всыпать ихъ въ бутылку, налить ее водкой покрѣче и, поставивъ на солнцѣ, дать настояться втеченіи нѣсколькихъ дней. Принимать это лекарство—по $\frac{1}{2}$ рюмки три раза въ день—нужно въ тотъ день, когда не бываетъ пароксизма.

— **Усовершенствованные очки.** Строейвъ, оптикъ во Франкфуртѣ (на Майнѣ), обратилъ вниманіе на жалобы своихъ покупателей, что тѣ очки, которые они носятъ по предписанію врачей, даютъ имъ возможность вполнѣ хорошо видѣть только въ прямомъ направленіи, а никакъ не тогда, когда они смотрятъ внизъ, при работѣ или чтеніи. Строейвъ сталъ вдумываться и нашелъ, что 1) когда читаютъ сквозь очки, то зрительная ось направляется подъ тупымъ угломъ въ плоскости стеколъ, проходя около нижняго ободка стеколъ, почему происходитъ значительное разсѣяніе свѣтовыхъ лучей и изображение предмета дѣлается неяснымъ, и что 2) самымъ яснымъ оно бываетъ тогда, когда зрительная ось направляется подъ прямымъ угломъ по отношенію къ плоскости стеколъ. Отсюда уже было не трудно придти къ заключенію о необходимости сдѣлать ободки со стеклами на шпалерахъ, чтобы придавать имъ желаемое положеніе по отношенію къ направленію зрительной оси. Это усовершенствованіе одобрено первѣйшими окулистами, какъ въ высшей степени полезное.

— **Средство уничтожающее плѣшивость.** Д-ръ Шмилъцъ, дѣлая подкожныя впрыскиванія пилоскарпина (*pilocarpinum muraticum*) при болѣзняхъ глазъ, замѣтилъ очень оригинальное побочное дѣйствіе этого алколоида. Такъ, одинъ изъ его больныхъ, 60-лѣтній старикъ, былъ совершенно плѣшивъ, лишь на затылкѣ оставалось немножко сѣдыхъ волосъ. Но послѣ трехъ впрыскиваній, втеченіи двухъ недѣль, вся голова сперва густо покрылась пушкомъ, а затѣмъ появились и болѣе толстые волосы, сѣдые, съ просѣдью и черные. Изъ нихъ послѣдніе расположены были островками. У другого 34-лѣтняго мужчины, имѣвшаго плѣшь, величиною въ игральную карту, пушокъ появился на всемъ протяженіи лишенной волосъ кожи, уже чрезъ нѣсколько дней послѣ начала леченія.

— **Подсолнечники.** Подсолнечники, родомъ изъ Мексики и Колумбіи, воздѣлываются въ значительномъ размѣрѣ въ Китаѣ и Россіи для добы-

ванія подсолнечнаго масла и сѣмянъ. Въ Германіи подсолнечникъ произрастаетъ также очень хорошо и уже были произведены попытки къ болѣе обширному разведенію его. Растеніе въ особенности хорошо родится на влажной, рыхлой почвѣ. Во Франціи совѣтуютъ размножать подсолнечники на болотистыхъ мѣстностяхъ, такъ какъ растеніе поглощаетъ сырость и вредные газы и выдѣляетъ озонированный кислородъ. Въ сѣменахъ заключается около 40% масла, они составляютъ хорошую пищу для домашней птицы; мука, добытая изъ нихъ, питательна и вкусна, индѣйцы готовятъ изъ нея хлѣбъ. Цвѣты даже позднѣю осенью доставляютъ пищу пчеламъ. Листья годятся въ кормъ скоту, шелуха отъ высушенныхъ зеренъ и сердцевинныя стебли идутъ на выдѣлку бумаги, упругія волокна могутъ быть употреблены на выдѣлку тончайшихъ тканей. Въ стебляхъ заключается много азота и кали, такъ что они могутъ служить не только превосходнымъ удобреніемъ, но, какъ это дѣлается въ Россіи, доставлять поташъ. Витштейнъ совѣтуетъ разводить подсолнечники специально съ этою цѣлью. По его вычисленію засѣянная ими баварская десятина даетъ въ годъ 1,150 килограмм. поташа. Отнятое у почвы кали можно возвращать ей дешевыми калиевыми удобреніями. При разведеніи подсолнечниковъ, съ цѣлью добыванія масла, слѣдуетъ обламывать боковыя вѣтви и слабыя почки, для того, чтобы остающіеся становились сильнѣе.

— **Пчелы въ Америкѣ.** Въ Соединенныхъ штатахъ имѣется 2 милліона ульевъ, изъ которыхъ каждый среднимъ числомъ даетъ около 22 фунтовъ меда въ годъ. Средняя цѣна меда—25 центовъ за фунтъ—такъ что пчелы приносятъ болѣе 8,800,000 долларовъ дохода. Въ 1863 г. было добыто болѣе 23 милліоновъ фунтовъ воску. Разведеніе пчелъ въ Америкѣ принадлежитъ къ числу наиболѣе выгодныхъ предпріятій, такъ какъ чистый доходъ отъ продажи меда приноситъ отъ 50 до 100 процентовъ на затраченный капиталъ.

— **Поправка зеркалъ.** Поправка зеркалъ считается очень труднымъ дѣломъ. Слѣдующій способъ рекомендуется по своей простотѣ и практичности. Мѣсто, съ котораго сошла наводка, очищается ватой самымъ тщательнымъ образомъ до тѣхъ поръ, пока на немъ не останется слѣда пыли или жиру. (При небрежной очисткѣ, остается кружокъ около исправленнаго мѣста.) Затѣмъ берутъ другой кусокъ зеркала и надрѣзаютъ наводку ножомъ, стараясь, чтобы надрѣзанная поверхность была больше, чѣмъ назначенная къ исправленію на испорченномъ зеркалѣ. Далѣе на это мѣсто опускаютъ каплю ртути (на поверхность, величиною въ ноготь довольно капли съ булавочную головку), ртуть тогчасъ же растворяетъ амальгаму до самыхъ краевъ надрѣза, такъ что ее можно сдвинуть съ мѣста. Теперь настаетъ самая трудная часть работы. Амальгаму переводятъ на испорченное зеркало, даютъ ей снова отвердѣть, и зеркало становится, «какъ новое».

— **Приготовленіе пудры.** Надо взять 180 частей тончайшаго крахмала, 1 часть ультрамарина, $\frac{1}{4}$ часть розоваго масла, $\frac{1}{16}$ тинктуры мускуса.

— **Яичный порошокъ.** Въ Америкѣ открылась фабрика, пускающая въ обращеніе сушенныя яйца, которые очень долго могутъ сохраняться въ свѣжемъ состояніи. Способъ сушенія яицъ слѣдующій: сперва каждое яйцо тщательно изслѣдуется, свѣжо-ли оно, затѣмъ машина ломаетъ яйцо и отдѣляетъ скорлупу отъ желтка и бѣлка, которые превращаются въ порошокъ. Этотъ-то порошокъ вполнѣ замѣняетъ свѣжія яйца и разсыпается въ бочкахъ. Фабрика приготовляетъ, такимъ образомъ, ежедневно до 10,000 дюжинъ яицъ.

— **Средство предохранять отъ сырости каменные и кирпичныя стѣны.** Обмазываютъ стѣну 0,34 килограмма мыла, распущеннаго въ $4\frac{1}{2}$ литрахъ горячей воды. Черезъ 24 часа снова покрываютъ ее растворомъ 0,226 килограмма квасцовъ въ 18 литрахъ воды.

— **Газовая лампа.** На гейльбронской ламповой фарникѣ Фаутъ и К^о, изобрѣтена новая газовая лампа, при употребленіи которой соблюдается большая экономія въ газѣ, устраняется вредное

вліяніе на зрительные и головные нервы и поглощеніе влажности въ комнатномъ воздухѣ. Небольшое пламя горитъ въ стеклянномъ полушаріи, наполненномъ водою. Вода усиливаетъ свѣтъ, причемъ лучи пріятнаго синеватаго цвѣта, похожаго на электрической, не падаютъ непосредственно на глазъ и не подвергаютъ жару, распространяемому прежними газовыми лампами, при употребленіи которыхъ, во время продолжительной ночной работы, являлись головныя боли. Къ этимъ главнымъ преимуществамъ присоединяются и другія: экономія на стеклахъ и шары, такъ какъ въ нихъ нѣтъ надобности, отсутствіе копоти, невозможность взрывовъ, такъ что вскорѣ можно ожидать, что эта лампа будетъ введена во всеобщее употребленіе въ мастерскихъ, кабинетахъ, школахъ и т. д. Множество похвальныхъ отзывовъ свидѣтельствуютъ о достоинствахъ этой лампы. Заказы могутъ быть сдѣланы въ Штутгартѣ въ техническомъ бюро Макса Везмера, на Hauptstätterstrasse, 122.

— **Глубина океана.** По новѣйшимъ изслѣдованіямъ оказывается, что средняя глубина океана 2,000 саж.; глубина въ 4,000 саженой составляетъ рѣдкое и исключительное мѣстное явленіе, причемъ интересенъ тотъ фактъ, что такая глубина встрѣчается только по сосѣдству съ вулканическими островами. Дно моря представляетъ различныя наслоенія: въ большей части морей, на глубинѣ до 2 т. саж., встрѣчается илѣ, образованный изъ ракушекъ микроскопическихъ животныхъ; въ другихъ же (въ Атлантическомъ и Тихомъ океанахъ и южныхъ моряхъ) дно состоитъ изъ вещества, похожаго на мѣль. Тамъ, гдѣ глубина достигаетъ 2½—3 т. саж., дно морей обыкновенно имѣетъ грунтъ изъ вещества, похожаго на красную глину съ остатками породъ вулканическаго происхожденія и окаменѣлыми костями морскихъ чудовищъ, должно быть еще первобытнаго міра. Впрочемъ, не должно полагать, что океаніческая красная глина похожа по составу своему на известныя у насъ породы глины; она составляетъ продуктъ совершенно своеобразный и новый въ геологіи.

— **Фонометръ.** Въ американскихъ газетахъ пишутъ, что знаменитый изобрѣтатель телефона, фонографа и микрофона, Эдисонъ, изобрѣлъ еще новый аппаратъ, посредствомъ котораго можно звукомъ «человѣческаго голоса сверлить въ доскахъ дыры». Аппаратъ этотъ, посредствомъ звукопріемника и особеннаго механизма, заставляетъ колебаться пружину, которая приводитъ въ движеніе зубчатое колесо, могущее быть приспособленнымъ къ какой угодно механической работѣ, такъ что имъ можно работать, какъ и паромъ. Изобрѣтатель назвалъ его «фонометромъ».

— **Нужно-ли ковать лошадей.** Въ Лондонѣ въ настоящее время дѣйтельно обсуждается вопросъ: слѣдуетъ-ли подковывать лошадей? По мнѣнію нѣкоторыхъ англійскихъ физиологовъ, употребленіе подковъ никакимъ образомъ не можетъ быть оправдываемо. Прикрѣпленіе подковъ посредствомъ гвоздей къ копыту не только вредно дѣйствуетъ на послѣднее, но и служитъ вѣроятною причиною различныхъ болѣзней въ ногахъ лошадей. Англійскіе физиологи утверждаютъ, что копыто можетъ быть приучено ступать даже по каменной мостовой безъ «варварской» защиты подковами. Предполагается произвести рядъ опытовъ надъ жеребятиками, никогда еще не носившими подковъ, чтобы достигнуть этимъ окончательнаго разъясненія спорнаго вопроса. Еслибъ опыты доказали необходимость защищать копыта, подковы предполагаютъ замѣнить какимъ-либо другимъ предохранительнымъ средствомъ, и то лишь по отношенію къ вольнымъ лошадямъ. Что касается верховыхъ лошадей, то подковываніе ихъ предполагается совершенно устранить.

— **Тормазъ.** На французскихъ желѣзныхъ дорогахъ сдѣланы на дняхъ опыты съ новымъ тормазомъ, имѣвшимъ блистательный успѣхъ. Мчавшійся на всѣхъ парахъ со скоростью свыше 80 верстъ, поѣздъ былъ остановленъ почти мгновенно безъ потрясеній.

— **Два Робинзона.** Въ буэнос-айресской газетѣ «Standart» разсказываютъ, что во время стоянки англійскаго корабля «Чаленгеръ» у Тристанъ-д'Акунья (принадлежащая англичанамъ группа вулканическихъ острововъ въ южной части Атлантическаго океана), матросы этого корабля нашли на одномъ изъ острововъ двухъ нѣмцевъ. Они жили, по примѣру Робинзона Крузе, на островѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ скалами, къ которому ведутъ всего два или три очень затруднительныхъ прохода, почему и островъ получилъ названіе «Непреступнаго». Нѣмцы эти прожили два года на островѣ, въ хижинѣ, выстроенной ими недалеко отъ водопада. Фамилія ихъ Штольтенгофъ; отецъ ихъ былъ фабрикантомъ чернилъ въ Ахенѣ. Одинъ изъ нихъ пустился въ море, потерпѣвъ кораблекрушеніе близъ Тристанъ-д'Акунья, но былъ спасенъ вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами по несчастію и вернулся на родину. Выслушавъ разсказъ о его приключеніяхъ, братъ его рѣшился послѣдовать за нимъ на Тристанъ-д'Акунья и устроить тамъ станцію для ловли тюленей. Они отправились на китоловномъ суднѣ, капитанъ котораго посовѣтовалъ имъ высадиться на «Непреступномъ островѣ», гдѣ бываетъ самый лучшій ловъ тюленей. Черезъ нѣсколько дней по прибытіи ихъ на островъ, туда явились жители острововъ Тристанъ-д'Акунья, ежегодно пріѣзжающіе охотиться на «Непреступномъ». Отъ нихъ нѣмцы получили всѣ необходимыя свѣдѣнія: гдѣ выбрать самое удобное мѣсто для постройки хижины, гдѣ дорога къ плоскогорью, центральному пункту острова и т. д. Послѣ того братья принялись за рыбную ловлю, но однажды лодка ихъ разбилась и у нихъ исчезла возможность поддерживать сношенія съ вѣнскимъ міромъ; кромѣ того, пожаръ истребилъ кустарники и деревья лѣса, черезъ который они пробивались въ горную страну. Такимъ образомъ, они были вынуждены поселиться на берегу. Въ зимнее время положеніе ихъ было отчаянное, и они бы, навѣрное, погибли, еслибъ не стаи птицъ «бобо», которыя прилетали на островъ. Бобо до такой степени смиренъ и не пугливъ, что его можно убить палкой, яйца его очень вкусны. На слѣдующее лѣто, братья переплыли узкій каналъ, отдѣляющій ихъ отъ плоскогорья и захватили съ собою пороку и зарядовъ; тамъ пробыли они мѣсяцъ и настрѣляли множество дичи. Въ декабрѣ прибыли снова люди съ Тристанскихъ острововъ, но не могли отыскать нѣмцевъ. Фридрихъ Штольтенгофъ остался въ горной странѣ, откуда по веревкѣ спускалъ убитую дичь своему брату. Имъ надобла, наконецъ, ихъ монотонная жизнь и они просили капитана «Чаленгера» взять ихъ съ собою. Капитанъ съ удовольствіемъ согласился. На возвратномъ пути нѣмцы сообщили ему много интересныхъ, сдѣланныхъ ими естественно научныхъ наблюденій.

— **Старѣйшая газета.** Старѣйшая печатная газета по мнѣнію англійскаго историка Чальмерса «Gezetta di Venezia» начало которой относится имъ къ 1536 г., къ той эпохѣ, когда могущественный и грозный султанъ Салиманъ объявилъ войну Венеціи, во время которой могучая республика лишилась своихъ левантскихъ владѣній. Венеція, а за нею и вся Италия съ живымъ участіемъ слѣдили за военными событіями, имѣвшими такое важное значеніе. Такъ какъ частная корреспонденція была недостаточна для распространенія извѣстій въ народѣ — ихъ стали печатать на отдѣльныхъ листкахъ, которые продавались за одну венеціанскую монету, называвшуюся га-

zetta. Отсюда произошло и самое названіе газетъ.

Отъ редакціи. Премія «Мадонна» при настоящемъ, 11 №, разсылается по трактатамъ 16, 17, 18 и 19.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 10-й «Живописное Обозрѣніе» данъ на городскую почту марта 10-го въ 6 часовъ 50 минутъ утра, на иногороднюю почту марта 11 въ 1 часъ пополудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Стихотв. Нико-Ники.—Сестра милосердія (оконч.).—Козлы отпущенія (продолж.).—Серватій и Панкратій (продолж.).—Лордъ Дефферинъ.—Народы Россіи (продолж.).—Каролина Салля.—Иза (продолж.).—Электрическое освѣщеніе (продолж.).—Практическія послѣдствія суевѣрія (оконч.).—Гансъ Макартъ.—Къ рисункамъ.—Новости наукъ и жизни.—Объявленія.

Гравюры: Иванъ Грозный.—Смерть Сократа.—Апостолъ Петръ.—Валкирія.—Каролина Салля.—Музыка.—Отелло и Дездемона.—Гансъ Макартъ.

Издатель-Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

Объявленія.

МАРШЪ РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ. ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

Оригинальное сочиненіе ФЛОРИАНА ГЕРМАНА (8 страницъ). Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 руб. 50 коп. Это музыкальное сочиненіе можно получать какъ въ конторѣ журнала «Живописное Обозрѣніе», такъ равно и въ музыкальныхъ магазинахъ Бернара, Бесселя, Юргенсона и др., въ С.-Петербургѣ.

Въ Книжномъ магазинѣ

С. П. ГЛАЗЕНАПА

(Поварской Пер., д. № 15, въ С.-Петербургѣ)

продаются, между прочимъ, слѣдующія книги:

Стихотворенія Н. А. Некрасова (посмертное изданіе) съ портретомъ, факсимиле, біографіею, примѣчаніями и т. д. Спб. 1879, въ четырехъ томахъ. Ц. 7 рубл. въ перепл. 9 р. на вѣленовой бумагѣ 9 рубл., а въ перепл. 12 руб. За пересылку одного экземпляра прилагается 1 р.

„Гроза“. В. И. Немировича-Данченко, романъ изъ событій послѣдней войны. Ц. 2 р. 50 коп., съ перес. 3 рубл.

Берне: Сочиненія, перев. П. Вейнберга, въ 2-хъ том. съ статьей о жизни и литературной дѣятельности автора, и его портретомъ. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 20 к.

Буагобей: Шпіонъ, романъ, перев. Солодовниковой, Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 65 к.

Требованія исполняются немедленно. Принимается подписка на всѣ журналы и газеты по редакціоннымъ цѣнамъ.

Еженедѣльное „Новое Время“ Еженедѣльное „Новое Время“

еженедѣльный литературно-научный журналъ, изданіе А. С. Суворина. Цѣна 4 р. за годъ и 2 р. за полгода для всѣхъ; для подписчиковъ ежедневнаго „Новаго Времени“ 3 р. за годъ и 1 р. за треть года, съ перес. и дост.

Еженедѣльное „Новое Время“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ литературно-научный журналъ, издаваемый А. С. Суворинымъ; съ марта настоящаго года по январь будущаго выйдетъ 52 номера, каждый въ два печатныхъ листа, равняющихся по объему почти четыремъ листамъ еженедѣльныхъ журналовъ, въ форматѣ „Вѣстника Европы“, въ два столбца. Въ журналѣ будутъ помѣщаться романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, мемуары, историческіе очерки и разсказы, біографіи, путешествія, научныя статьи, замѣчательныя иностранныя процессы и проч. Подписчики адресуются въ С.-Петербургъ, въ книжный магазинъ „Новаго Времени“, Невскій, № 60: для подписчиковъ ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО „НОВАГО ВРЕМЕНИ“ 4 р. рубль въ годъ, ОДИНЪ рубль за третъ года, ДВА рубля за двѣ трети; для неподписчиковъ ЧЕТЫРЕ рубля въ годъ и ДВА рубля за полгода, съ перес. и дост. На другіе сроки подписка не принимается.

Съ первыхъ номеровъ мы начнемъ печатать ЦАРЬ и ГЕТМАНЪ (Петръ и Мазепа), историческій романъ въ 2 част. Д. Л. Мордовцева; НАКАЗАНІЕ, романъ Э. Золя; БѢЖЕННА, разсказъ В. И. Немировича-Данченко; ЖЕНСКІЕ ОБРАЗЫ и ТѢНИ, рядъ разсказовъ Отжившаго; НОВЫЕ РАЗСКАЗЫ И. Ѳ. Горбунова, КУПЕЧЕСКАЯ КАРЬЕРА, разсказъ К. Максимовъ; ПО БОСНИИ, очерки П. Ровинскаго; ГАЛЛОЦИНАТЪ, разсказъ Бѣнецаго; КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЖСКАЯ и КНЯЗЬ РЕПНИНЪ (изъ записокъ герцога Лозена); ИСТОРИЯ и ФАНТАЗІЯ, рядъ разсказовъ К. Н. Случевского и проч. и проч.

При этомъ номерѣ «Живоп. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ приложеніе: „Руководство къ Гигіенѣ“.

№ 12. Томъ I.

На годъ, съ доставкой и пересылкою — 7 руб.;
на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб.
Отдѣльн. №№ по 20 к.

С.-Петербургъ, 24 Марта 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новая
улица, домъ № 6.

Годъ VII.

Адамъ Смитъ.

Ст. Н. В. Шелгунова.

Жизнь великихъ мыслителей рѣдко представляетъ вѣншій интересъ. Да и въ чемъ можетъ быть ея интересъ, когда она вся проходитъ въ четырехъ стѣнахъ кабинета, вся въ умственномъ трудѣ. Сравнительно съ подвигами Наполеона I или Александра Македонскаго, трудовая жизнь какого-нибудь Адама Смита является совершенно незамѣтной. Въ то время, какъ каждому понятны подвиги физическаго мужества, очень немногіе въ состояніи оцѣнить подвиги гражданскаго и умственнаго мужества. Очень часто имя генія повторяется безъ сознательнаго представленія величія созданной имъ идеи, рѣдко совершенно измѣняющей все общественное сознаніе.

Къ числу этихъ великихъ людей принадлежить Адамъ Смитъ.

О жизни его почти ничего неизвѣстно, да жизнь его и не представляла ничего ярко выдающагося. Извѣстно только, что онъ родился 5-го іюня 1723 г., что отецъ его умеръ нѣсколькими мѣсяцами ранѣе его рожденія и что онъ былъ очень слабого здоровья. Извѣстно еще, что трехъ лѣтъ онъ былъ украденъ толпою цыганъ, но цыгане были настигнуты и ребенокъ отнятъ.

Конечно, и безъ слабого тѣлосложенія, Адамъ Смитъ вышелъ бы великимъ мыслителемъ, хотя, въ то же время, физическая слабость была одною изъ причинъ, что Смитъ съ дѣтства жилъ больше умственною, чѣмъ физическою жизнью. Онъ рѣдко принималъ участіе въ дѣтскихъ играхъ своихъ школьныхъ товарищей, большею частью

держался въ сторонѣ и велъ сосредоточенную, внутреннюю жизнь. Какъ всѣ сосредоточенныя дѣти, онъ былъ задумчивъ, разсѣянъ и рѣдко говорилъ громко самъ съ собою. Уже въ школѣ своего родного города Киркальди, Адамъ Смитъ отличался замѣчательною памятью, страстью къ чтенію и любовью къ труду. Окончивъ школу,

Родители геніальныхъ дѣтей, большею частію, ошибаются въ ихъ наклонностяхъ. Тоже повторилось и съ Адамомъ Смитомъ. Его назначали къ духовному званію, къ которому онъ не чувствовалъ никакой охоты. Въ то время въ философіи царили Вольтеръ и Юмъ и ихъ скептическое отношеніе привлекло къ себѣ всѣ умственные симпатіи Адама Смита и дало его мыслямъ критическое направленіе. Сочиненія Юма имѣли на Адама Смита, кажется, самое сильное вліяніе, а впоследствии онъ былъ связанъ съ нимъ самой искренней дружбою. Знакомство съ французскими писателями не осталось тоже безъ вліянія, особенно когда онъ вступилъ въ сношенія съ французскими экономистами и энциклопедистами.

Кончивъ курсъ въ Оксфордѣ, Адамъ Смитъ поселился въ Единбургѣ и сейчасъ же обратилъ на себя вниманіе лекціями словесности. Успѣхъ его чтеній былъ такъ великъ, что три года спустя, а именно въ 1751, когда Адаму Смиту было всего 28 лѣтъ, его пригласили въ Глазговскій университетъ на кафедру логики, а черезъ годъ предложили кафедру нравственной философіи. Тринадцать лѣтъ будущій великій экономистъ занималъ эту кафедру съ такимъ успѣхомъ, что слушатели стекались къ нему со всѣхъ концовъ Англіи и Шотландіи. Не силѣ красно-

Адамъ Смитъ.

Адамъ Смитъ поступилъ въ Глазговскій университетъ, но ни въ школѣ, ни въ университетѣ онъ не обнаруживалъ особенной наклонности къ какому-нибудь опредѣленному роду занятій и только поступивши въ Балльскую коллегію въ Оксфордѣ, онъ отдался изученію нравственныхъ и политическихъ наукъ.

рѣчія обязанъ былъ Адамъ Смитъ этимъ успѣхомъ; напротивъ, рѣчь его не отличалась никакой вѣншей красотой, но въ его чтеніи было нѣчто больше, чѣмъ красота формы. Адамъ Смитъ владелъ неисчерпаемымъ запасомъ фактическихъ знаній, подавлялъ своихъ слушателей массою фактовъ, которые онъ умѣлъ сопоставлять и комбиниро-

вать съ невиданною до тѣхъ поръ проникательностью, остроуміемъ и тонкостью логическаго, послѣдовательнаго мышленія. Занимая кафедру Глазговскаго университета, Адамъ Смитъ собралъ массу матеріаловъ, дальнѣйшей обработкой которыхъ онъ создалъ свои два великія сочиненія: теорію нравственныхъ чувствъ и изслѣдованіе о природѣ причины богатства народа.

Занимаясь разрѣшеніемъ нравственныхъ вопросовъ, Адамъ Смитъ заплатилъ дань своему времени и хотя его теорія нравственныхъ чувствъ и имѣла необыкновенный успѣхъ, но не въ ней, собственно, заключается его великое слово и не въ ней его заслуга передъ человѣчествомъ.

Очень можетъ быть, что при иныхъ обстоятельствахъ, т. е. при замкнутой уединенной жизни профессора, Адамъ Смитъ и не достигъ бы тѣхъ результатовъ въ экономической наукѣ, какихъ онъ достигнулъ. Расширенію его знаній и наблюдательности особенно помогла поѣздка во Францію, произведшая на него глубокое впечатлѣніе. Во вторую свою поѣздку въ Парижъ, Адамъ Смитъ, по рекомендаціи Юма, вошелъ въ сношенія съ знаменитыми авторами энциклопедіи, съ Тюрго и Кенэ. Къ этому времени относятся и окончательно выработанное воззрѣніе Смита на экономическія явленія, которому очень помогло знакомство съ французскими фізіократами. Адамъ Смитъ хотѣлъ даже посвятить свое сочиненіе о богатствѣ народовъ Кенэ и, конечно, сдѣлалъ бы это, если бы Кенэ не умеръ раньше появленія его книги. Какъ бы, впрочемъ, воззрѣнія Смита не разошлись съ воззрѣніями Кенэ, но заслуги послѣдняго останутся велики уже потому, что ему принадлежитъ честь первой экономической системы, что онъ обратилъ общественное вниманіе на общественные вопросы, что ему и его школѣ принадлежатъ первыя доказательства въ пользу свободной торговли и потому, наконецъ, что самыя ошибки его послужили основаніемъ успѣховъ Адама Смита. Кенэ принадлежитъ знаменитый афоризмъ «богатъ народъ, богато государство, богатъ король», афоризмъ, къ которому снова обращается экономическая политика современной Европы.

Воротившись изъ Франціи, Адамъ Смитъ прожилъ десять лѣтъ въ самомъ глубокомъ уединеніи, посвятивъ всѣ свои силы экономическимъ изслѣдованіямъ, результатомъ которыхъ явился его безсмертный «опытъ». Наконецъ, послѣ десяти лѣтъ упорнаго труда и упрямаго одиночества, послѣ неутomимой работы, Адамъ Смитъ, въ началѣ 1776 года, издалъ свой великій трудъ, который долженъ былъ совершенно измѣнить всѣ экономическія понятія, царившія до того времени. По новизнѣ идей, по глубинѣ изслѣдованія, по богатству мыслей, сочиненіе это, хотя и написанное вполнѣ простымъ и понятнымъ языкомъ, могло быть сначала оцѣнено только людьми такой же умственной силы, какъ Адамъ Смитъ. Единственный человѣкъ, который могъ въ то время помѣряться умомъ и знаніемъ съ Адамомъ Смитомъ, его другъ, Юмъ, писалъ ему по выходѣ книги слѣдующее: «Мужайтесь, мой любезный Смитъ—ваша книга доставила мнѣ большое удовольствіе и, читая ее, я вышелъ изъ тягостнаго безпокойства. Сочиненіе это держало въ такомъ недоумѣніи друзей вашихъ и публику, что я трепеталъ при его появленіи въ свѣтъ; наконецъ, мнѣ стало легче. Я знаю, какого внимательнаго чтенія требуетъ ваша книга и какъ трудно ожидать этой внимательности отъ публики, только этимъ можетъ быть объяснено мое сомнѣніе въ томъ, что она замедлитъ на нѣкоторое время съ выраженіемъ своего одобренія, но въ вашей книгѣ разсѣяно столько глубоко основательныхъ мыслей, столько проникательныхъ и остроумныхъ взглядовъ, такое множество любопытныхъ фактовъ, что, рано или поздно, такіа дос-

тоинства должны обратить на себя всеобщее вниманіе».

Во Франціи, гдѣ преобладали взгляды фізіократовъ и представителемъ ихъ въ практикѣ былъ Тюрго, имѣвшій, какъ министръ, достаточную возможность проводить ученіе Кенэ въ жизнь, теорія Адама Смита, конечно, не могла произвести особеннаго впечатлѣнія. Въ Англіи было совсѣмъ иначе. Такъ, при появленіи «изслѣдованія о причинахъ богатства» мыслящими людьми овладѣлъ такой энтузіазмъ, точно Адамъ Смитъ освѣтилъ ихъ понятія небывалымъ свѣтомъ и произнесъ магическое слово. Слово его было дѣйствительно магическимъ, потому что всѣ экономическія понятія, бывшія до того времени, онъ разрушилъ съ разу точно дѣтскую картонную постройку.

Въ послѣдствіе отъ древняго міра досталось новой Европѣ экономическое убѣжденіе, что самымъ вѣрнымъ источникомъ обогащенія служитъ торговля съ отдаленными странами. Исторія даже одного Карфагена, не говоря про греческія колоніи, представлялась убѣдительнымъ доказательствомъ вѣрности этого убѣжденія. Торговая система явилась, такимъ образомъ, умственнымъ наслѣдіемъ отъ древняго міра и главной силой, на которой построилась экономическая политика Европы. И очевидность была вполнѣ на сторонѣ этого ученія.

Деньги считались всегда самою существенною частью богатства частнаго человѣка и каждому было ясно, что, чѣмъ больше у него денегъ, тѣмъ больше производительной силы, больше возможности приобрести новыя деньги. Думая по аналогіи можно было сдѣлать только одинъ выводъ, что такъ какъ каждый отдѣльный человѣкъ становится тѣмъ богаче, чѣмъ больше у него денегъ, слѣдовательно, и народъ, и государство будутъ тѣмъ богаче, чѣмъ болѣе скопится у нихъ денегъ, а если отъ торговли богатѣютъ отдѣльные люди, то отъ той же торговли должны богатѣть народы и государства. Историческій опытъ, повидимому, вполнѣ подтверждалъ правильность этой мысли и въ Европѣ сложилось убѣжденіе, что только отъ вѣншей торговли могутъ богатѣть народы, что богатствъ тѣмъ больше, чѣмъ болѣе звонкой монеты, что отливъ денегъ за границу есть обѣднѣніе и что, слѣдовательно, чѣмъ болѣе приливъ и чѣмъ меньше отливъ монеты, тѣмъ вѣрнѣе идетъ государство къ своему обогащенію. Отсюда было очень просто заключить, что если стѣснить привозъ предметовъ и облегчить вывозъ и вообще устроить такую систему въ международной мѣнѣ, которая способствовала бы приливу монеты, то это будетъ лучшей системой экономическаго управленія страной. Торговая система стоила и древнему и новому міру весьма дорого и не разъ возбуждала весьма кровавыя и опустошительныя войны.

Въ связи съ торговлею, какъ средствомъ обогащенія, находилась система фабричная; болѣе яркимъ представителемъ которой явился министръ Людовика XIV, Кольберъ. Хотя фабричная или мануфактурная система существовала до него, но собственно онъ придалъ ей новое значеніе. Разными искусственными средствами онъ старался привлечь французскіе капиталы къ фабричному производству и отвлекалъ ихъ отъ земледѣлія. Владѣя достаточною для того властью, Кольберъ, разными правительственными средствами, создалъ во Франціи небывалую до него фабричную и мануфактурную промышленность. Средства его были средства деспотическія. Особыми декретами предписывалось фабрикантамъ ткать матеріи непременно той или другой ширины, декретами повелѣвалось, какому числу питей слѣдовало быть въ основѣ путей, декретами узаконялись даже приемы производства и надо отдать справедливость Кольберу, что его

настойчивая энергія дѣйствительно подняла французскую промышленность.

Торговая система и ошибочное значеніе, которое придавали деньгамъ, приводили не разъ Европу почти въ безвыходное положеніе и неурядицы этого рода, чудовищнымъ примѣромъ которыхъ служила система Лау, не могли не вызвать попытки выяснитъ причины подобныхъ путаницъ, кончавшихся всеобщимъ разореніемъ и чуть не государственными банкротствами. Во Франціи, въ прошедшемъ столѣтіи, явилось нѣсколько даровитыхъ, наблюдательныхъ и знающихъ людей, надѣленныхъ достаточно критической мыслью, которые наблюдая экономическія явленія не могли не замѣтить, что торговля и фабричное производство не служатъ исключительнымъ источникомъ богатства, глубже этихъ кажущихся источниковъ лежитъ болѣе основной—земля, безъ которой не можетъ существовать никакая промышленность, ибо только земля даетъ какъ всѣ средства для существованія работника, такъ и сырье, служащее матеріаломъ фабричной обработки.

Сдѣлавъ землю основнымъ источникомъ производства, экономическіе мыслители доказывали, что трудъ, приложенный къ обработкѣ земли, даетъ не только возможность существованію работника во все время продолженія его работы, но еще и избытокъ. Этотъ избытокъ, присоединяясь къ массѣ предыдущихъ накопленій, образуетъ чистый доходъ, составляющій неотъемлемую собственность владѣльца земли. Экономисты доказывали, что ни торговый, ни промышленный трудъ не можетъ прибавить ничего къ труду земледѣльческому, а если предметы, произведенные изъ земледѣльческаго сырья, имѣютъ болѣе высокую цѣну, то цѣна эта образовалась изъ болѣе или менѣе высокой платы работнику и равна тому, что было потреблено работниками, предпринявшими новое производство. Если, такимъ образомъ, только земли и земледѣльческій трудъ служили источникомъ богатства, то ясно, что фабричный, ремесленный и торговый трудъ, какъ бы онъ ни былъ необходимъ и полезенъ являлся сравнительно съ земледѣльческимъ трудомъ, трудомъ нѣсколько не увеличивающимъ общей суммы богатствъ и, слѣдовательно, трудомъ безплоднымъ.

По ученію экономистовъ этой школы, общій интересъ народа и государства заключается въ возможно большемъ увеличеніи земледѣльческихъ произведеній. Чѣмъ будетъ больше сырья и чѣмъ будетъ оно дешевле, тѣмъ болѣе дѣла явится для ремесленниковъ, купцовъ и фабрикантовъ, а такъ какъ дешевизна сырьевыхъ припасовъ и сырья вызоветъ большее ихъ потребленіе, то ясно, что каждый будетъ имѣть большую возможность работать и, слѣдовательно, жить въ болѣешемъ довольствѣ. Въ этомъ видѣли естественный ходъ экономическаго труда и отъ правительства фізіократы требовали одного, чтобы оно не вмѣшивалось и дало бы труду возможность идти своимъ естественнымъ порядкомъ, безъ всякихъ стѣсненій и преградъ.

Въ то время, какъ система фізіократовъ достигла полнаго развитія и привлекала на свою сторону практическихъ государственныхъ дѣятелей, примѣнявшихъ ее къ государственному хозяйству, явился Адамъ Смитъ, пытливаго ума котораго искусственная система фізіократовъ удовлетворить не могла. Для него было совершенно ясно, что одна земля не составляетъ еще источника умноженія богатствъ, но что есть еще нѣчто, болѣе основное и всемогущее. Адамъ Смитъ первыми словами своего «изслѣдованія» устанавливаетъ коренную глубокую разницу въ воззрѣніяхъ его и фізіократовъ; по ихъ ученію, источникомъ богатства есть земля, по ученію Смита, только въ трудѣ заключается единствен-

ная сила благосостоянія. По учению физиократовъ человекъ, какъ производящая сила, привязанъ къ землѣ и одного изслѣдованія законовъ ея производительныхъ силъ достаточно для опредѣленія законовъ человеческого благосостоянія. Смитъ говоритъ совсѣмъ другое; онъ говоритъ, что человекъ не больше, какъ орудіе труда и вся производящая сила заключается исключительно въ трудѣ; если человекъ есть орудіе, то ясно, что расширение силы, имъ создаваемой, вполнѣ зависитъ отъ умственныхъ способностей и ловкости человека и отъ усовершенствованія этой силы вслѣдствіе воспитанія, развитія, размышленія; а такъ какъ умственные способности безграничны, слѣдовательно, безгранична и сила труда. Сравнительно съ силою труда, зависящей вполнѣ отъ власти человека, земля является чѣмъ-то ограниченнымъ и находится рѣшительно внѣ нашей власти, потому что мы не въ состояніи ни увеличить земного шара, ни измѣнить физическихъ свойствъ его. Какъ одинъ изъ элементовъ производства, земля является чѣмъ-то очень ограниченнымъ, безвѣдательнымъ и неподдающимся безконечному развитію, какъ трудъ и умственные силы. Такимъ образомъ, Адамъ Смитъ положилъ не только совершенно новое основаніе экономическимъ знаніямъ, но и ввелъ экономическую науку въ число нравственныхъ знаній, поставивъ ее въ зависимость отъ стремленій къ усовершенствованію умственному и нравственному, насколько только человечество окажется для того способнымъ. Связанная такимъ образомъ съ нравственнымъ и умственнымъ усовершенствованіемъ человека, экономическая наука допускаетъ возможность безконечнаго ея усовершенствованія.

Сущность учения Адама Смита очень проста: основная сила, создающая богатства, есть трудъ, по мѣрѣ увеличенія производящей силы увеличиваются и богатства, производящая же сила можетъ увеличиться или отъ усиленія ея энергіи, или же отъ расширенія ея дѣятельности. Главнымъ источникомъ усиленія энергіи служитъ раздѣленіе труда.

Главою о раздѣленіи труда Адамъ Смитъ начинаетъ свое изслѣдованіе. Можетъ быть, этой главѣ слѣдовало быть и не тутъ, но видно, что самъ Адамъ Смитъ былъ пораженъ громадною ролью въ производительности раздѣленія труда и нельзя не согласиться, что, начавъ сочиненіе именно этой главой, онъ, можетъ быть, сильнѣе всего подѣйствовалъ на читателей.

Какъ на примѣръ значенія раздѣленія труда, Адамъ Смитъ указываетъ на булавочное производство. Онъ говоритъ, что отдѣльный человекъ какъ бы ни былъ ловокъ, но еслибы онъ хотѣлъ производить булавку съ начала до конца, то едва ли былъ-бы въ состояніи сдѣлать въ день одну булавку и ужъ, безъ всякаго сомнѣнія, не сдѣлалъ бы двадцати. Теперь же булавочное производство составляетъ не только отдѣльное ремесло, но раздѣлено еще на многія вѣтви, изъ которыхъ почти каждая составляетъ отдѣльное ремесло. «Одинъ работникъ, говоритъ Адамъ Смитъ, тянетъ проволоку, другой выпрямляетъ ее, третій рѣжетъ, четвертый заостриваетъ, пятый обтачиваетъ конецъ для головки. Сама головка представляетъ предметъ двухъ или трехъ особенныхъ операций, выбить ее составляетъ отдѣльное занятіе, чистка булавокъ другое, даже прокалывать бумажки и вкалывать въ нихъ булавки составляетъ особенное и отдѣльное занятіе. Словомъ, все булавочное производство раздѣляется на восемнадцать или около того отдѣльныхъ занятій, которыя на нѣкоторыхъ фабрикахъ исполняются такимъ же числомъ рабочихъ, хотя на другихъ одинъ и тотъ же работникъ исполняетъ два или три дѣла. «Я видѣлъ небольшое заведеніе такого рода, говоритъ Адамъ

Смитъ, употреблявшее только десять рабочихъ и въ которомъ, поэтому, одному и тому же работнику поручено было два или три занятія. Но, несмотря на то, что заведеніе это было весьма бѣдно и снабжено дурно, когда работники усердно принимались за дѣло, то они были въ состояніи приготовить въ день около двѣнадцати фунтовъ булавокъ: а въ фунтѣ бываетъ болѣе четырехъ тысячъ булавокъ средней величины. Такимъ образомъ, десять человекъ рабочихъ могли сдѣлать болѣе сорока восьми тысячъ булавокъ въ день, слѣдовательно, на долю каждого изъ десяти приходилось болѣе 4,800 штукъ. Но, если бы каждый изъ нихъ работалъ отдѣльно отъ прочихъ и они не были бы обучены этому дѣлу, то, разумѣется, ни одинъ изъ нихъ не приготовилъ бы и двадцати, а другой, можетъ быть, не сдѣлалъ бы ни одной впродолженіи цѣлаго дня, т. е. безъ всякаго сомнѣнія, они не приготовили бы одной двѣсти сороковой или даже четыре тысячи восьмисотой части того, что они въ состояніи сдѣлать теперь, вслѣдствіе раздѣленія всего производства и искуснаго соединенія различныхъ занятій».

Во всякомъ другомъ ремеслѣ и фабричномъ производствѣ раздѣленіе труда является силой, увеличивающей энергію. Раздѣленіе труда вызываетъ въ каждомъ производствѣ соответствующее ему увеличеніе въ производительной силѣ труда. Выгода эта, говоритъ Адамъ Смитъ, породила раздѣленіе различныхъ ремеселъ и занятій и подобное раздѣленіе въ странахъ, отличающихся высшей степенью развитія, бываетъ доведено до большихъ размѣровъ. Что въ грубомъ еще обществѣ составляетъ работу одного человека, то въ болѣе развитомъ обществѣ составляетъ предметъ занятій нѣсколькихъ лицъ. Одно только земледѣліе по природѣ своей не допускаетъ такого раздѣленія работъ, какъ ремесла или фабричное производство, и между человекомъ, занимающимся откармливаніемъ скота, и человекомъ, обрабатывающимъ землю, невозможно провести такого рѣзкаго разграниченія, какое существуетъ, напр., между плотникомъ и кузнецомъ. Ткачъ почти никогда не бываетъ лудильщикомъ, но весьма часто одинъ и тотъ же человекъ бываетъ пахаремъ, сѣятелемъ и жнецомъ.

Громадное приращеніе въ количествѣ работъ, которую можетъ исполнить одно и то же число рукъ, вслѣдствіе раздѣленія труда, зависитъ отъ увеличенія ловкости работника, отъ сбереженія времени, теряющагося при переходѣ отъ одного занятія къ другому, и отъ изобрѣтенія множества машинъ, облегчающихъ и сокращающихъ трудъ.

Обратите вниманіе на то, говоритъ Адамъ Смитъ, что составляетъ движимое имущество простого поденщика или послѣдняго черноработчаго въ странѣ образованной и цвѣтущей, и вы увидите, что число людей, принимавшихъ участіе въ доставленіи ему всего необходимаго выше всякаго исчисленія. Шерстяная куртка, напр., въ которой ходитъ поденщикъ, какъ бы груба она ни была, есть совокупность труда безчисленнаго множества людей. Пастухъ, сортировщикъ, тесальщикъ, красильщикъ, прядильщикъ, ткачъ, валяльщикъ, ворсовщикъ и множество другихъ принимали участіе въ приготовленіи этого грубого произведенія. Сверхъ того, какое число купцовъ и извозчиковъ занималось доставленіемъ различныхъ матеріаловъ всѣмъ этимъ работникамъ, нерѣдко работающимъ весьма на значительное разстояніе другъ отъ друга. Какое количество дѣятельности вызвано имъ въ торговлѣ и мореплаваніи, сколько кораблестроителей, матросовъ, работниковъ, приготовляющихъ паруса и снасти, занято перевозкою, нерѣдко съ концовъ свѣта, различныхъ матеріаловъ, необходимыхъ для красильщика. Сверхъ того, какія раз-

нообразныя работы вызываются изготовленіемъ для каждого изъ этихъ работниковъ, не говоря уже о самыхъ сложныхъ сооруженіяхъ, какъ купеческій корабль, валяльная машина или даже ткацкій станокъ, посмотрите только, какое количество работъ требуетъ самый простой инструментъ — ножницы, которыми пастухъ стрижетъ овецъ.

Огромное увеличеніе количества произведеній во всѣхъ искусствахъ и ремеслахъ, вытекающее изъ раздѣленія труда, вызываетъ общее благосостояніе, разливающееся до самыхъ послѣднихъ классовъ народа. «У каждого работника является излишекъ въ произведеніяхъ его труда, которымъ, за удовлетвореніемъ своихъ потребностей, онъ можетъ распорядиться по своему усмотрѣнію, а такъ какъ прочіе работники находятся въ такомъ же положеніи, то у него является возможность обмѣнить значительное количество изготовленныхъ имъ произведеній на значительное количество предметовъ, ими изготовленныхъ, или, что тоже, на цѣну этихъ предметовъ. Онъ можетъ снабдить этихъ работниковъ тѣмъ, что имъ нужно, и взаменъ получить отъ нихъ необходимые для себя предметы, такъ что по всѣмъ классамъ общества разливается всеобщее довольство.

Такимъ образомъ, Адамъ Смитъ понимаетъ слово богатство совершенно иначе, чѣмъ школа физиократовъ. Они считали богатствомъ произведенія, создаваемые почвой и затѣмъ видоизмѣняемые обработкой. Смитъ говоритъ, что богатство состоитъ изъ всего, что служитъ людямъ пищу, одежду, жилищемъ, все, что производится землею и приспособляется къ потребностямъ, все, что удовлетворяетъ нуждамъ человека или доставляетъ ему удобство и наслажденіе.

По учению Адама Смита, первая побудительная причина увеличенія народнаго богатства, есть врожденное желаніе каждого улучшить свое положеніе и если это желаніе не обращается ко вреду ближняго, то должно пользоваться полнѣйшею свободою. Сущность общественнаго интереса заключается въ совокупности интересовъ всѣхъ частныхъ лицъ, направленныхъ къ общей цѣли. Нельзя оказать услуги общественному дѣлу, принося одни частные интересы въ жертву другимъ. Общественныя силы, переданныя въ руки правительства, должны имѣть одну цѣль — безпристрастное покровительство свободнаго труда и если оно не поступаетъ такимъ образомъ, если оно разными стѣсненіями мѣшаетъ развитію бѣдныхъ классовъ, когда оно поощреніями, наградами и другими мѣрами направляетъ трудъ не по его естественному пути — оно вмѣсто благосостоянія создаетъ бѣдность. Съ особенной энергіей возстаетъ Адамъ Смитъ противъ всякихъ монополій. «Торговля, говоритъ онъ, которая должна бы связывать, какъ народы, такъ и отдѣльныя лица союзомъ и дружбою, стала неизсякаемымъ источникомъ разногласія и вражды. Своенравное честолюбіе государей и министровъ не было такъ пагубно для благоденствія Европы, какъ безразсудная зависть торговцевъ и промышленниковъ. Насиліе и несправедливость тѣхъ, кто управляетъ міромъ, составляетъ зло, которое идетъ искономъ вѣка и противъ котораго природа людскихъ дѣяній не даетъ надежды на вѣрное средство. Но гнусная хищность, монополизмъ трудъ торговцевъ и промышленниковъ, которые не владѣютъ и не должны владѣть міромъ, хотя и составляютъ несправильные, быть можетъ, пороки, но не трудно воспрепятствовать, чтобы они не возмущали спокойствія кого бы то ни было, кромѣ тѣхъ, которые предаются имъ».

Чтобы закончить нашъ очеркъ, мы не находимъ лучшаго, какъ привести характеристику Адама Смита, сдѣланную Бланки. «До настоящей

минуты, жизнь подорвала во мнѣ одно только положеніе Адама Смита, я говорю объ ученіи его, передающемъ безусловно свободной промышленности заботу объ удовлетвореніи всѣхъ общественныхъ потребностей и надежду осуществить при ея содѣйствіи всякаго рода развитіе. Великій экономистъ этотъ сказалъ въ одномъ мѣстѣ: «чтобы поднять государство съ послѣдней ступени варварства на высшую степень благоденствія, необходимы три вещи: миръ, умѣренные налоги и сносное устройство суда. Остальное придетъ естественнымъ ходомъ вещей». Мы убѣдились, съ тѣхъ поръ, что естественный ходъ вещей породилъ плачевныя послѣдствія и вызвалъ анархію въ производствѣ, войну въ сбытѣ и хищничество въ конкуренціи. Раздѣленіе труда и усовершенствованіе машинъ, которыя должны были доставить хоть какой-нибудь досугъ великой рабочей половинѣ человѣческаго рода и поднять ея достоинства, породили во многихъ отношеніяхъ только одичалость ея и нищету! Когда писалъ Адамъ Смитъ, еще не знали свободы съ ея неудобствами и злоупотребленіями. Глазговскій профессоръ предвидѣлъ только свѣтлыя ея стороны. Онъ полагалъ, что вѣчная весна царитъ въ новооткрытой имъ странѣ; на долю его послѣдователей должна была выпасть суровая зима и, разумѣется, Смитъ писалъ бы, какъ Спемонди, еслибы онъ былъ свидѣтелемъ печальнаго состоянія Ирландіи и мануфактурныхъ округовъ Англіи въ наше время. Тяжкимъ опытомъ мы узнали въ Европѣ, что правительства могутъ быть полезны и что плохо взрожденная свобода, подобно всѣмъ дикимъ деревьямъ, даетъ нерѣдко весьма горькіе плоды. Промышленный горизонтъ былъ весьма не широкъ, когда Адамъ Смитъ былъ въ состояніи проникнуть его насквозь въ путешествіи отъ Глазго до Тулузы. Соединенные Штаты имѣли тогда полтора, а не двадцать милліоновъ жителей, а Остъ-Индская компанія не угрожала, какъ въ настоящую минуту, стѣнамъ Пекина. Смитъ горько жаловался на внутреннія таможи и на ничтожныя препятствія его времени. Что сказалъ бы онъ о континентальной блокадѣ?»

Все измѣнилось со времени книги Смита и настоящая Европа не имѣетъ ничего общаго съ современной ему Европой. Тѣмъ не менѣе, произведеніе его остается безсмертнымъ, говоритъ дальше Бланки. «Оно можетъ быть резюмировано въ двухъ словахъ: миръ и трудъ! Этою двойною дорогою человѣчество шло къ развитію, которое нынче ничѣмъ не можетъ быть остановлено. Заслуга Смита состоитъ въ томъ, что онъ не только указалъ на нее, но и доказалъ прен-

нашъ, мы увидимъ, что народы благоденствуютъ, когда остаются вѣрны экономической мудрости, что нищета поражаетъ страны незнакомыя съ этой мудростью. На Адама Смита выпала счастливая судьба быть истолкователемъ той коллективной мудрости, раскрытой его вѣкомъ и его гениемъ, которая названа экономической наукой. Какіе бы успѣхи ни сдѣлала эта наука въ будущемъ, глазговскій профессоръ всегда будетъ считаться основателемъ ея, а изученіе его книги

будетъ всегда плодотворно, даже въ случаѣ, еслибы появились лучшія сочиненія».

Частная жизнь Адама Смита почти неизвестна и отъ него не осталось даже портрета. Остался одинъ только медальонъ въ профиль и силуэтъ во весь ростъ, нарисованный въ 1790, въ годъ его смерти.

Мужъ и жена. (Окончаніе.)

Такъ шли дни, когда однажды тетя Тото пригласила меня съ собою на балъ въ благородное собраніе. Я сказала мужу о приглашеніи.

— Чтожъ, и отлично! Ты все сидишь дома. Нужно повеселиться, сказалъ онъ.

— А ты поѣдешь? спросила я.

— Нѣтъ, я занятъ... Но ради Бога, не лишай себя удовольствія изъ-за меня, сказалъ Максимъ.

Я поѣхала и первый человѣкъ, встрѣтившійся мнѣ на подъѣздѣ благороднаго собранія, былъ нѣкто Зоринъ. Зоринъ былъ гусаръ, ухаживавшій за мною въ Павловскѣ въ то время, когда я дала слово Максиму.

— Боже мой, какая неожиданная встрѣча! воскликнулъ онъ. — Васъ-ли я вижу, Александра Дмитриевна? Я уже не надѣялся васъ когда нибудь видѣть!

— Ахъ, она все сидитъ дома и дома! проговорила тетя, прежде чѣмъ я успѣ-

ла открыть ротъ.

— Семейная идиллія? произнесъ Зоринъ вопросительнымъ тономъ.

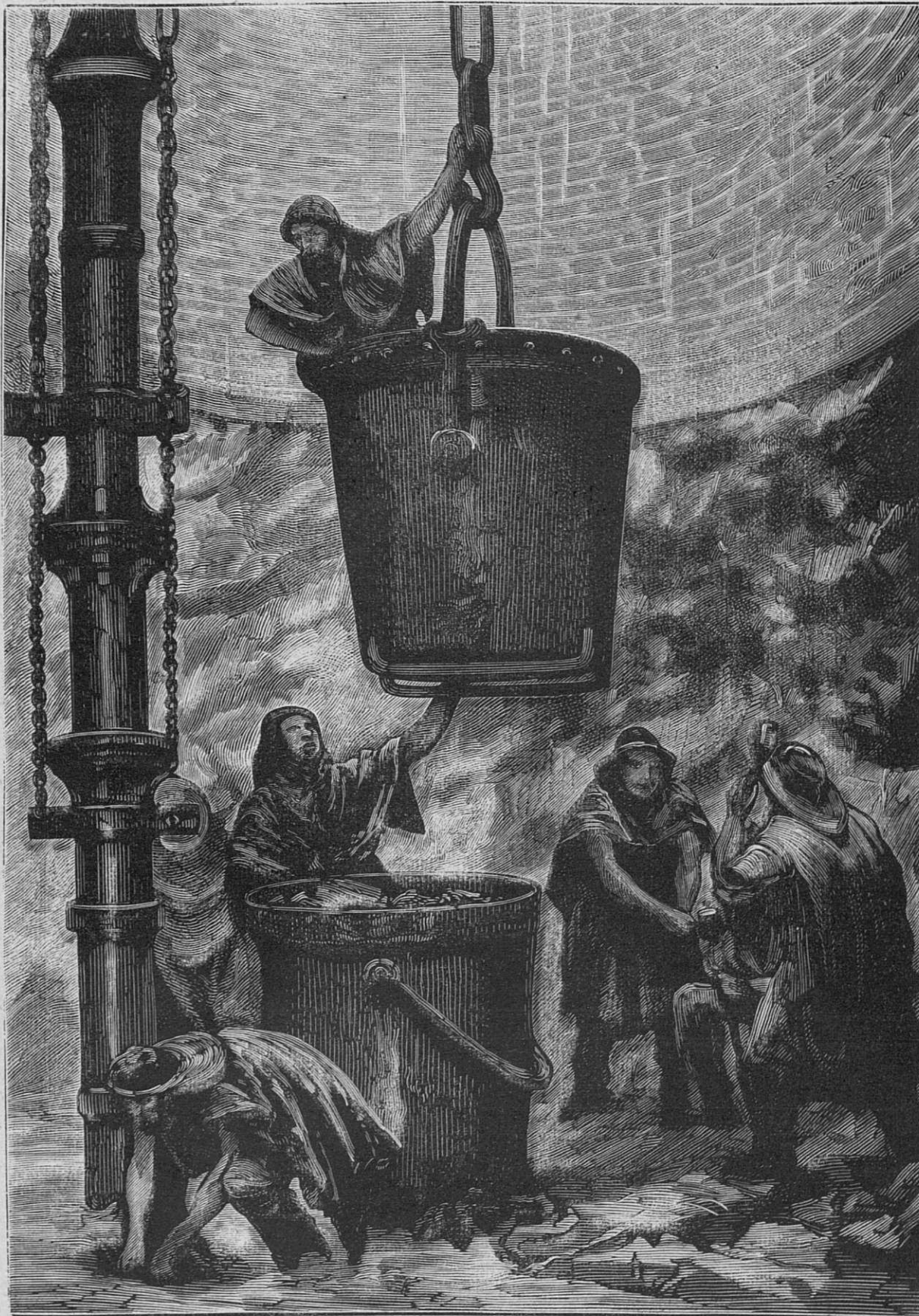
— Нѣтъ, просто скука, отвѣтила тетя.

— Я такъ счастлива дома, что выѣзжаю очень рѣдко, отвѣтила я.

— А вашъ мужъ здѣсь? спросилъ Зоринъ.

— Помилуйте, развѣ можно ѣздить на балы такимъ серьезнымъ людямъ! проговорила тетя.

Меня сердили ея отвѣты за меня и я поста-

Подъемная машина.
(Къ ст. «Углекопы».)

мущество ея надъ всѣми прочими. Благодаря ему, въ настоящее время самыя лестныя для великихъ народовъ побѣды, суть побѣды надъ природою. Благодаря духу, одушевляющему его произведенія и распространившемуся особенно въ Соединенныхъ Штатахъ, страна покрылась каналами обработанными землями. Нарушеніе указанныхъ имъ правилъ опустошаетъ, въ настоящее время, страну банкротствами и раззореніями. На какую бы точку земного шара мы ни обратили взглядъ

ла открыть ротъ.

ралась принять равнодушное выражение лица, замѣтивъ Зорину:

— Я сегодня первый разъ вышла безъ мужа...

Мы вошли въ залъ. Зоринъ пригласилъ меня на первый кадрилъ. Я не могла отказать ему.

— Вотъ я никакъ не думала, что вы такъ всецѣло отдадитесь семейной жизни, сказалъ онъ мнѣ во время танцевъ.

— Развѣ вы меня считали такой вѣтренницей? улыбнулась я.

— Нѣтъ, но вы были живымъ ребенкомъ, вы любили спорить, горячиться среди общества и вдругъ вы запираетесь въ четырехъ стѣнахъ, наслаждаясь только однимъ семейнымъ счастьемъ, не показываясь въ обществѣ...

— Вы ошибаетесь, я бываю въ театрахъ, у родныхъ...

— Онъ зорко посмотрѣлъ на меня и тихо спросилъ.

— Вы счастливы?

Я покраснѣла, но прежде чѣмъ я отвѣтила, онъ поспѣшилъ прибавить:

— Простите мою нескромность, мою безтактность! Но вѣрьте мнѣ, что я горячо интересуюсь вашею участіемъ и искренно желаю бы убѣдиться, что вы не ошиблись въ своемъ выборѣ...

— Конечно, я счастлива, отвѣтила я веселымъ тономъ,—и только потому и прощаю васъ за нескромный вопросъ.

Онъ вздохнулъ и перемѣнилъ разговоръ.

— Я радъ, что встрѣтился съ вами до моего отъѣзда, сказалъ онъ.

— А вы уѣзжаете? спросила я.

— Да, думаю уѣхать...

— Куда?

— Въ Ташкентъ, въ Оренбургъ, — почему я знаю! Я просилъ куда-нибудь усадить меня подалее.

— Что за желаніе?

— Скучно и тяжело жить здѣсь на чужомъ пиру, сказалъ онъ.—Мнѣ не везетъ въ жизни, я одинокъ, друзей нѣтъ, тѣ, кого я любилъ... Впрочемъ, что это я похоронный тонъ принимаю на праздниѣ, да еще передъ вами: счастливые не понимаютъ тѣхъ, кому плохо живется...

Онъ началъ смѣяться и зло подшучивалъ надъ обществомъ. Что-то неестественное, что-то натянутое было въ его шуткахъ, точно ему было не до шутокъ. Онъ провелъ вечеръ, почти не отходя отъ меня.

— Вы будете здѣсь еще разъ? спросилъ онъ меня при выходѣ изъ залы.

— Не знаю, можетъ быть, отвѣтила я.

— Пріѣзжайте, ради Бога! тихо сказалъ онъ.

Когда мы выходили изъ собранія, онъ заботливо подаль мнѣ ротонду и головной шарфъ, говоря, чтобы я хорошенько укрывалась, такъ какъ послѣ бала легко простудиться. Заботясь обо мнѣ, онъ чуть не выбѣжалъ въ одномъ мундирѣ, чтобы усадить меня въ карету.

— Твой медвѣдь, я думаю, даже и не знаетъ, въ чемъ ты поѣхала на балъ, въ одномъ платьѣ или въ шубѣ, замѣтила мнѣ тетя, когда мы уже сидѣли въ каретѣ.

Я промолчала.

— А ты знаешь, что Зоринъ хотѣлъ застрѣлиться, когда узналъ о твоей свадьбѣ? спросила тетя.

— И раздумалъ? улыбнулась я.

Тетя пожала плечами.

— Я никакъ не думала, что тебѣ могла бы доставить удовольствіе его смерть изъ-за тебя, сказала она.

— Его смерть изъ-за меня не доставила бы мнѣ удовольствія, отвѣтила я, — но нельзя же не смѣяться, когда слышишь, что человѣкъ хотѣлъ застрѣлиться и вмѣсто того сталъ рыскать по баламъ.

— Я думаю, человѣкъ можетъ, Богъ знаетъ, въ какой омутъ броситься, стараясь забыться, сухо отвѣтила тетя.—Впрочемъ, ни ты, ни твой Максимъ, конечно, не поймете этого: вы заперлись у себя и довольны судьбою, благо она послала вамъ мѣщанское счастье. Максимъ такъ доволенъ самимъ собою и своею судьбою; что, вѣроятно, изумился бы, если бы ему сказали, что такой-то человѣкъ хочетъ забыться. Ты тоже скоро сдѣлаешься похожей на него...

Черезъ нѣсколько дней я поѣхала вечеромъ къ дядѣ Ванѣ. У него были гости и въ числѣ ихъ былъ Зоринъ. Онъ поздоровался со мною и спросилъ о Максимѣ.

— Мой мужъ пріѣдетъ, когда кончитъ свою работу, отвѣтила я.

Въ гостиной шелъ общій разговоръ «о женскомъ вопросѣ», на эту вѣдь надобную тему шли постоянно разговоры въ гостиной у тети Тото.

— Самое лучшее семейное положеніе то, когда семья ограничивается своимъ мѣщанскимъ счастьемъ и затыкаетъ глаза и уши для всего окружающаго, говорилъ одинъ изъ гостей.— Мужъ добываетъ деньги, поитъ, кормитъ и одѣваетъ жену, она за это обязывается ласкать его, когда ему угодно, и хозяйничать, если онъ прикажетъ, и оба они счастливы. Она проживетъ до могилы и никто не осмѣлится сказать ей, что она не бодѣ, какъ содержанка своего мужа, а не жена, потому что сказать ей это—значитъ нажить въ ней себѣ врага.

— Ну, я сказалъ бы это подобной женѣ, хотя бы и пришлось нажить врага, сказалъ Зоринъ.—Я думаю, что лучше нажить врага, чѣмъ оставлять человѣка бродить и гибнуть въ потьмахъ.

— Да вѣдь я же вамъ говорю, что подобныя жены счастливы, сказалъ первый собесѣдникъ.

— Ну, что это за счастье! По моему лучше честно погибнуть, чѣмъ позорно существовать, проговорилъ Зоринъ.—Мнѣ кажется, что нужно открывать глаза людямъ даже и въ томъ случаѣ, если они, открывъ глаза, увидятъ себя стопами надъ пропастью. Мнѣ кажутся безчестными тѣ люди, которые смѣются за угломъ надъ ложнымъ или постыднымъ положеніемъ своего ближняго и молчатъ ему въ глаза.

— А вы какой идеалъ супружеской жизни составили себѣ? спросила тетя у Зорина.

— Какъ вамъ сказать, началъ онъ въ раздумьи,—я во-первыхъ люблю супружескую жизнь, напоминающую весну, то тихую и безоблачную съ цвѣтами и ароматомъ лѣсовъ, то бурную и тревожную съ мимолетными дождями и освѣжительными грозами; во-вторыхъ я люблю супружескую жизнь, напоминающую дружескій или товарищескій союзъ съ общою казною, съ общою работою, съ общими кутежами и общими невзгодами; однимъ словомъ, я люблю супружескую жизнь, въ которой есть поэзія молодости, свѣжести и порывовъ и въ которой нѣтъ ни установившихся пороковъ, ни установившихся добродѣтелей, ни установившейся рутины... Мужъ и жена должны жить одной жизнью, искать вмѣстѣ настоящей дороги, одинаково заблуждаться и ошибаться...

Я слушала эти толки и они, казалось мнѣ, были полны намеками на мою жизнь. Можетъ быть, это произошло оттого, что я стала въ послѣднее время вообще очень чутко ловить всѣ разсужденія о семейной жизни и всюду видѣла намеки на свою собственную судьбу. Мнѣ стало какъ-то не по себѣ и я ушла въ залъ, сѣла къ роялю и стала перебирать клавиши. Прошло съ полчаса. Въ залъ вошелъ Зоринъ. Онъ попросилъ меня спѣть что-нибудь.

— Я совсѣмъ не пою теперь, отвѣтила я.

— И вашъ мужъ позволяетъ вамъ не пѣть? спросилъ онъ.

— Мой мужъ не даетъ мнѣ позволеній и не дѣлаетъ никакихъ запрещеній, отвѣтила я сухо и почему-то раздражительно.

— Вы меня не такъ поняли, сказалъ Зоринъ.—Если бы моя жена пѣла, какъ вы, я сдѣлалъ бы все возможное, чтобы она не бросала пѣнія, хоть бы пришлось крупно поссориться изъ-за этого... Вѣроятно, и для вашего мужа составляетъ не малое огорченіе ваше охлажденіе къ пѣнью...

Я промолчала. Мой мужъ вовсе не интересовался моимъ голосомъ: я могла пѣть—онъ не запрещалъ, я могла не пѣть—онъ не просилъ, ссориться же изъ-за такихъ пустяковъ, какъ мое пѣніе,—это вызвало бы только сострадательную улыбку у Максима. Да у него и не было свободного времени для слушанія моихъ романсовъ, не было возможности интересоваться такими пустяками, когда на его глазахъ ежедневно заболѣвали и умирали десятки людей отъ голода, холода, бѣдности и безработицы. Проза жизни слишкомъ сильно была ему въ глаза, слишкомъ близко касалась его, чтобы онъ могъ думать о поэзіи жизни.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, спойте что-нибудь, просилъ меня Зоринъ.—Помните, вы пѣли изъ «Фауста».

Я заплѣла какой-то романсъ, арію—не помню теперь, что именно. Зоринъ не спускалъ съ меня глазъ и жадно ловилъ каждую нотку. Мнѣ стало какъ-то неловко, досадно, грустно и я вдругъ замолчала, не кончивъ романса. Я поднялась съ мѣста.

— Только-то? Недобрыя вы! проговорилъ съ грустью Зоринъ.

— Зоринъ, Зоринъ, спойте вы что-нибудь! послышался голосъ тети Тото.

Зоринъ прісѣлъ къ роялю, взявъ нѣсколько аккордовъ и заплѣлъ. Онъ пѣлъ недурно, съ чувствомъ, удачно фразируя. Онъ выбралъ грустную пѣсню и, казалось, что онъ переживаетъ то, что поетъ. Я сидѣла на небольшомъ диванчикѣ и задумалась, сама не зная о чемъ, какъ вдругъ меня поразили буйные, бойкіе звуки удалой русской народной пѣсни съ цыганскимъ пошибомъ. Зоринъ пѣлъ эту пѣсню со всею энергіею и ухарствомъ широкой русской природы и, вдругъ оборвавъ пѣніе, проговорилъ:

— Вотъ такъ-то веселятся наши, когда горе совсѣмъ за горло сдавигитъ!..

Рисовался онъ предо мною? Лгалъ онъ предо мною? Почему я знаю! Мнѣ не съ кѣмъ было посоветоваться, не съ кѣмъ было поговорить о томъ, что начинало происходить со мною. Я не скажу, что я полюбила Зорина, но я сознавала, что съ нимъ мнѣ было бы легче, веселѣе жить, чѣмъ съ Максимомъ...

Какъ передать всѣ тѣ мелочи, которыя тревожили меня дома, отталкивали меня отъ моей семьи, заставляли меня искать развлеченій и удовольствій? Какъ передать и тѣ мелочи, которыя привлекали меня къ Зорину, выставляли его въ лучшемъ свѣтѣ, заставляли меня сожалѣть о немъ? Иногда на меня нападалъ какой-то безотчетный страхъ и я рѣшалась запереться дома, не выѣзжать никуда. Я исполняла свое намереніе и оставалась дома одна съ матерью и теткою Максима. Что это были за дни! Мать Максима хлопочетъ и бѣгаетъ, тетка его молча шьетъ, а я читаю какой-нибудь романъ—и ничего не понимаю. Меня не занимаетъ чтеніе, мнѣ скучно, тяжело, невыносимо, а въ комнатахъ такъ тихо, тихо, слышно только, какъ ходить маятники часовъ. Мнѣ даже не хочется уже и работать, сыскать занятіе, найти цѣль въ жизни. Чего же мнѣ нужно? Ласкъ, ласкъ и ласкъ! Да, мнѣ стыдно сознаться, но въ это время я отдавала бы все за страстные, горячія ласки Максима, мнѣ хотѣлось, чтобы онъ доказалъ,

чтобы онъ повторялъ, что онъ любить, любить меня. Однажды, подъ вліяніемъ этого настроенія, я вошла въ кабинетъ Максима и бросилась къ нему на грудь, обвила его шею и расплакалась.

— Что съ тобой? Что съ тобой, птичка? спросилъ онъ въ тревогѣ.

— Максимъ, любишь-ли ты меня? прошептала я.

— И ты еще спрашиваешь! воскликнулъ онъ. — Что это тебѣ пришло въ голову? Наговорили тебѣ чего-нибудь, что-ли? А?

— Нѣтъ... но... мнѣ кажется, что ты меня не любишь, что ты холоденъ ко мнѣ...

Я не знала, что сказать.

— Дитя, дитя! Да я готовъ все, все отдать тебѣ. Дороже тебя для меня никого нѣтъ, признаешь онъ, глядя мою голову, какъ отецъ. — Если порою тебѣ можетъ показаться, что я холоденъ, такъ это потому, что я не юноша, что я пожилъ, что я не могу быть страстнымъ, какъ мальчикъ. Но страсть и любовь—два разные чувства; страсть можетъ пройти, остынуть; любовь же можетъ уцѣлѣть навсегда и моя любовь къ тебѣ именно такова, что ее не убьютъ годы...

Онъ поцаловалъ меня въ лобъ, погладилъ мои волосы и съ улыбкой сказалъ мнѣ:

— Ну, ты теперь успокоилась?

— Да, тихо и въ смущеніи проговорила я, опустивъ глаза.

Мнѣ было стыдно смотрѣть на него.

— Ну, ступай же спать! Я еще долженъ кончить работу!

Я встала и пошла, смущенная и словно униженная.

— А больше не будешь думать, что я разлюбилъ тебя? спросилъ онъ, провожая меня до двери и заглядывая мнѣ въ лицо.

— Нѣтъ, отвѣтила я едва слышно.

Я вошла въ спальню, бросилась на постель и зарыдала...

Да, да, онъ, быть можетъ, и любить меня, но мнѣ нужно не такой любви. Зоринъ любилъ бы не такъ! Господи, что со мною дѣлается, чего я хочу, къ чему стремлюсь?

Мои мысли начинаютъ путаться, я не знаю, что со мной дѣлается послѣ вчерашняго дня. Я не смѣю взглянуть въ глаза Максиму, его матери, его теткѣ.

Вчера мы были всѣ у дяди Вани. Часовъ въ девять вечера Зоринъ предложилъ ѣхать кататься на тройкахъ. Всѣ согласились, за исключеніемъ Максима. Тетка всплила и замѣтила ему:

— Вы бы хоть для жены, Максъ, сдѣлали это удовольствие!

— Да она можетъ и безъ меня ѣхать, спокойно отвѣтилъ онъ.

— Она не поѣдетъ безъ васъ, сказала тетя.

— Вы ошибаетесь, отвѣтилъ онъ — Шура знаетъ, что я не ѣду только потому, что я сегодня усталъ, она же не устала и ей не для чего отказываться отъ удовольствія.

Онъ ласково кивнулъ мнѣ головой и проговорилъ:

— Вѣдь правда, ты поѣдешь?

— Пожалуй, отвѣтила я.

Мы поѣхали. Вечеръ былъ слегка морозный, лунный, безъ вѣтра. Мнѣ было хорошо нестись на тройкѣ, обдававшей меня снѣжною пылью. Когда мы пріѣхали въ Ливадію, мое лицо горѣло, глаза искрились.

— Ужинать, ужинать! кричалъ дядя Ваня, бѣгая то въ буфетъ, то въ комнату, гдѣ мы помѣстились.

Къ намъ доносились звуки музыки и пѣнія, говоръ веселыхъ посѣтителей, шуршанье женскихъ платьевъ, торопливые шаги прислуги. Кругомъ все было освѣщено, иллюминировано, залы, коридоры, зимній садъ, горы. Я пріотворила дверь взятой нами комнаты и съ любопытствомъ

смотрѣла какъ двинулись и смѣялись люди, проходившіе мимо меня. Здѣсь все было для меня ново, я впервые была въ подобномъ мѣстѣ зимнихъ увеселеній.

— Хотите пройти въ залъ? спросилъ меня Зоринъ, нагнувшись къ моему уху.

— А развѣ можно? спросила я.

— Одной неловко, а съ мужчиной ничего, отвѣтилъ онъ.

Онъ предложилъ мнѣ руку и мы пошли. Я немного робѣла, смотря на это пирующее общество молодежи, цыганокъ, военныхъ, прислушиваясь къ этимъ звукамъ музыки, пѣнья, смѣха и говора.

— Неужели вы здѣсь никогда не бывали? спросилъ Зоринъ.

— Нѣтъ, съ кѣмъ-же? спросила я.

— Да, вашъ мужъ, вѣроятно, не любитъ пикниковъ, сказалъ онъ. — Но это интересно... я, признаюсь вамъ, люблю иногда взглянуть на эти вакханаліи, отъ нихъ голова кружится, забывается будничная жизнь...

Онъ положилъ свою руку на мою и тихимъ ласковымъ шепотомъ сказалъ мнѣ.

— Признайтесь, что и вамъ иногда хотѣлось бы забыться отъ будничной жизни и вспомнить, что вы молоды, что вы еще не жили?

Я такъ близко чувствовала его дыханіе, я видѣла, какъ горѣли его глаза, и мнѣ стало неловко.

— Вернемтесь, тихо сказала я.

— О, если бы вы знали, началъ онъ со вздохомъ и не кончилъ начатой фразы, прибавивъ съ горечью: — Впрочемъ, что вамъ за дѣло до моихъ чувствъ!..

Мы шли молча по корридору.

— Знаете-ли, что мнѣ часто приходитъ въ голову, сказалъ онъ, помолчавъ. — Мнѣ кажется, что если бы мнѣ сказали: хочешь-ли быть на минуту счастливымъ и потомъ умереть? или: хочешь-ли весь вѣкъ влечить сѣренькую, будничную жизнь и прожить десятки лѣтъ? — я выбралъ бы первое...

— Что вы называете счастьемъ? спросила я.

— Сознаніе, что я люблю и любимъ взаимно, страстное наслажденіе этою любовью, забвеніе въ этой любви всего міра, отвѣтилъ онъ съ страстнымъ порывомъ.

Я нечего не отвѣтила. Мы дошли до занятой нами комнаты и дядя уже звалъ насъ ужинать. Ужинъ былъ изысканный, вина было много, послѣ ужина рѣшено было покататься съ горъ и потомъ вернуться выпить на дорогу шампанскаго. Ужинъ прошелъ шумно и вся наша компанія двинулась къ горамъ. Зоринъ предложилъ мнѣ скатиться съ горы съ нимъ. Я согласилась. Какое-то особенное ощущеніе испытывала я, держась за его плечи руками, прижимаясь къ нему всѣмъ тѣломъ и волнуясь отъ страха. Мнѣ было хорошо и жутко. Наконецъ, катанье кончилось, мы пошли всѣ обратно въ комнату, по дорогѣ Зоринъ сжалъ мнѣ руку и прошепталъ:

— Я васъ люблю болѣе жизни!..

Я хотѣла вырвать свою руку и не могла, я хотѣла что-то сказать и промолчала.

— Шампанскаго и домой! командовалъ дядя. — Ну, за здоровье того, кто любитъ кого!

Зоринъ снова прошепталъ мнѣ:

— Я люблю за ваше!

Мы поѣхали обратно, я вдругъ стала почему-то беззастѣнчиво весела, я болтала, смѣялась, шутила.

— Вы сегодня прелестны! шепталъ Зоринъ.

— Вотъ мы и дома, сказалъ мнѣ дядя. — А твой медвѣдь еще работаетъ—вонъ у него огонь.

— Я сейчасъ оторву его отъ работы! засмѣялась я.

— О счастливцевъ! тихо сказалъ Зоринъ со вздохомъ.

Я торопливо позвонила у подъѣзда, я быстро

вбѣжала по лѣстницѣ, я куда попало сбросила съ себя ретонду и, вся сіяющая, вся раскрасѣвшаяся отъ мороза, внеслась въ комнату Максима. Онъ быстро обернулся.

— А, это ты, птичка, пріѣхала, сказалъ онъ ласково. — Ну, что, веселилась?

— Да, да, тамъ очень весело! Ахъ зачѣмъ ты все сидишь дома! Ты долженъ тоже жить! проговорила я, бросаясь къ нему и обвивая его руки.

— Да развѣ я не живу? усмѣхнулся онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не жизнь! Брось работу, я не хочу, чтобы ты работалъ, я хочу, чтобы ты сидѣлъ не за работой, а здѣсь, со мною...

Я притянула его къ себѣ, я не выпускала его изъ своихъ объятій, но онъ, отстранивъ немного меня, какъ расшалившагося ребенка, и проговорилъ:

— Ну, довольно, довольно! Ты сегодня какая-то восторженная, экзальтированная...

Онъ немного нахмурился и мелькомъ спросилъ:

— Вы, вѣрно, ужинали тамъ, что такъ поздно?

— Да ужинали, отвѣтила я.

— Дядюшка радъ придратъ къ случаю, чтобы облить людей шампанскимъ, сказалъ онъ.

Въ моей головѣ мелькнула молніей мысль, что онъ меня считаетъ возбужденной отъ вина. Я покраснѣла и съ раздраженіемъ сказала:

— Да, вино липлось рѣкой и, конечно, только ради него я рѣшилась помѣшать тебѣ!

Онъ вопросительно посмотрѣлъ на меня.

— Ты за что-то сердилась? спросилъ онъ.

— Я не сержусь, но мнѣ больно, что каждый разъ, когда я прихожу къ тебѣ съ лаской,—ты бываешь занятъ, я тебѣ мѣшаю. Но вѣдь приходишь же иногда и ты самъ съ ласками ко мнѣ и не гоню же я тебя, не говорю же я тебѣ, что ты мѣшаешь!

— Другъ мой, если я когда-нибудь помѣшаю тебѣ моими ласками—скажи мнѣ и я уйду, спокойно и серьезно отвѣтилъ онъ. — Въ супружескихъ отношеніяхъ выше всего должны быть равноправность и откровенность. Если я тебѣ могу сказать: я теперь занятъ,—то точно тоже можешь сказать и ты...

Я молча встала и вышла изъ его кабинета.

Сегодня мнѣ было стыдно смотрѣть на него: мнѣ казалось, что вчера онъ счелъ меня какой-то вакханкой, что это ему не понравилось, что ему нужна жена болѣе сдержанная, болѣе пожилая. Но Максимъ былъ по обыкновенію спокоенъ и ровенъ въ обращеніи со мною, точно ничего и не произошло вчера. Только его тетка, когда мы безъ Максима одни сидѣли за завтракомъ, спросила меня:

— Вы вчера куда-то на пикникъ ѣздили?

— Да, отвѣчала я.

— Охота вамъ ѣздить въ эти кабаки, сказала она.

— Я не знаю, почему вы называете кабаками мѣста загородныхъ гуляній, пожала я плечами. — Мы были въ отдѣльной комнатѣ и провели очень весело вечеръ...

— Можетъ быть, я потому такъ рѣзко выражаюсь объ этихъ мѣстахъ гульбы и пьянства, что я сама тамъ никогда не бывала, сказала она.

— Нельзя же и не повеселиться, замѣтила я.

— Ну, веселье весельемъ рознь, проговорила тетка Максима. — Впрочемъ, теперь вѣдь семейная жизнь, семейная дома, семейная удовольствія—все это преданія, теперь на сцену выплыли клубы, пикники, собранія, трактиры, кафешантаны, публичный разгулъ въ публичныхъ домахъ...

— Я никакъ не думала, что мнѣ дадутъ выговоры за эту невинную поѣздку, сдѣланную съ позволенія мужа, замѣтила я.

— Я не имѣю никакого права дѣлать вамъ

выговоры, но высказывать свои взгляды может каждый, отвѣтила тетка Максима.—И повѣрьте мнѣ, что я высказала въ этомъ случаѣ свой взглядъ только потому, что мнѣ хотѣлось бы видѣть васъ всегда такой же чистой, какой вы были до сихъ поръ. Я опытиѣ васъ и знаю, къ чему ведутъ эти интрижки...

Я разсердилась, надулась на нее, потому что она сказала мнѣ правду...

Я сама не знаю, что со мной дѣлается. Я нахожусь въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи; у меня разстроены нервы: то мнѣ хочется плакать, то хочется смѣяться; передъ моими глазами носится образъ Зорина, я слышу его страстный шепотъ: «за минуту счастья я отдалъ бы жизнь». А я? Но развѣ я люблю его? Ахъ, я ничего не могу понять, но мнѣ душно, скучно, тяжело здѣсь среди мѣщанскаго счастья, среди мѣщанской добродѣтели, среди мѣщанской морали... Но гдѣ же другое счастье, другія добродѣтели, другая мораль? Кто дастъ мнѣ отвѣты? Ужъ не Максимъ-ли?.. Нѣтъ, ему «некогда».

Кончено, все кончено, я не могу жить болѣе въ этомъ домѣ! Я узнала, что значить настоящая любовь, и поняла, что Максимъ никогда не любилъ меня такою любовью, онъ былъ мнѣ отцемъ, братомъ, но онъ никогда не могъ любить меня той страстной любовью, которой жаждало мое сердце. Отъ этой любви кружится голова, занимается духъ въ груди, мутится въ глазахъ. Она не даетъ покоя, она мучаетъ, но это сладкія муки. Когда онъ, мой Лева, упалъ къ моимъ ногамъ и обнялъ мои колѣни, когда онъ цаловалъ мое платье, когда онъ сжималъ меня въ объятіяхъ, я забыла все и всѣхъ, для меня не существовало весь міръ, а существовалъ только онъ одинъ.

Какъ это все случилось—я сама не знаю.

Мы были опять на пикникѣ, онъ повелъ меня въ залъ, мы вошли въ отдѣльную комнату и онъ упалъ передо мною. Я хотѣла крикнуть, хотѣла бѣжать, но онъ сжималъ меня своими объятіями, онъ удержалъ меня насильно! Насильно! Что я говорю! Развѣ можетъ быть рѣчь о насиліи, когда я ощущала впервые блаженство полного сознанія любви? Нѣтъ, я сама, сама отдалась ему; если бы онъ не взялъ меня, я бросилась бы къ нему на шею, упала бы къ его ногамъ, унизилась бы до мольбы о ласкѣ, объ одной его ласкѣ; теперь мнѣ не нужно ничего, кромѣ его любви, кромѣ его ласкъ, кромѣ его поцалуевъ. Теперь я не знаю скуки, я живу только мыслью о немъ, о свиданіяхъ съ нимъ, о той минутѣ, когда я уѣду отсюда далеко, далеко...

Мнѣ даже не жаль Максима, когда я думаю о своемъ отъѣздѣ. Его поразить мое рѣшеніе, но вѣдь онъ долженъ былъ ожидать этого, не могъ же онъ думать, что я вынесу такія отношенія, какъ наши. Я слишкомъ молода, чтобы довольствоваться тѣми крохами любви и ласкъ, которыя онъ удѣляетъ мнѣ «въ свободное отъ занятій время». Мнѣ нужно болѣе сильное чувство, мнѣ нужны болѣе страстные отношенія, большая полнота любви. Я не хочу быть дополненіемъ къ ученымъ занятіямъ мужа: я хочу быть его жизнью, его цѣлью, его всѣмъ. О, для чего женился на мнѣ Максимъ! Какъ онъ, умный и опытный, не могъ понять, что я увлекалась, какъ ребенокъ, его умомъ, его горячими рѣчами, увлекалась, какъ увлекаются институтки учителями.

Но какъ я скажу ему, на что я рѣшилась? Что скажутъ его мать и тетка? Онѣ, добрыя, не поймутъ ничего и обвинять меня, будутъ плакать о Максимѣ. Онѣ вѣдь любили и лелѣли меня по своему. Онѣ не поймутъ, что я билась у нихъ, какъ птица въ кліткѣ, хотя у меня было все, все,—да, все, кромѣ жизни и свободы. Нѣтъ, я попрошу Максима не говорить имъ о моемъ рѣ-

шеніи до моего отъѣзда. Мнѣ будетъ стыдно глядѣть на нихъ. Пусть онѣ послѣ узнаютъ, что я уѣхала. Да я и лишняя въ ихъ домѣ, я стрекоза въ муравейникѣ, онѣ всѣ будутъ и безъ меня попрежнему счастливы и довольны, я не была ихъ помощницей, а была лишнимъ ртомъ и лишней обузой, я ненужна даже Максиму: онъ такъ рѣдко ласкалъ меня, что, вѣроятно, обойдется и безъ этихъ рѣдкихъ ласкъ.

Но когда же я скажу ему все? Не лучше-ли уйдти и оставить письмо? Надо поговорить объ этомъ съ Левой.

Вотъ уже два дня, какъ я не видала его и эти дни показались мнѣ вѣчностью. Мнѣ нужно видѣть его каждый день, каждый часъ, каждую минуту, онъ мнѣ нуженъ, какъ воздухъ, какъ свѣтъ. И какъ я могла не влюбиться въ Лева, когда я была дѣвушкой? Какъ я могла отдать предпочтеніе Максиму? Лева красавецъ, Лева молодецъ, а Максимъ и не хорошъ собою, и не молодецъ; Лева весь дышетъ жизнью и страстью, а Максимъ отжилъ, онъ холоденъ и, что хуже всего, смотритъ на всѣхъ людей съ какимъ-то обиднымъ снисхожденіемъ, близкимъ къ пренебреженію; Лева относится ко мнѣ, какъ равный къ равной, а Максимъ или выслушиваетъ меня съ снисходительной улыбкой, какъ лепечущаго ребенка, или съ лаской отца даетъ мнѣ серьезно добрыя наставленія; Левъ я смѣло говорю все, что придетъ въ голову, а съ Максимомъ я боюсь говорить, боюсь сказать глупость, вызвать правоученія. Лева возмущаетъ отношенія Максима ко мнѣ; онъ говоритъ, что такъ можно относиться только къ рабѣ, къ любовницѣ, къ содержанкѣ, къ низшему существу... О, если бы мнѣ скорѣе выпряться отсюда!..

Мое положеніе съ каждымъ днемъ становится все невыносимѣе. Я не умѣю ни лгать, ни притворяться, а между тѣмъ мнѣ приходится лгать и притворяться. Лева говоритъ, что покуда нужно скрывать наши отношенія, такъ какъ онъ покуда не можетъ взять меня къ себѣ, одной же мнѣ жить неловко и не изъ чего. Лева надѣется, что ему удастся устроить свои дѣла и тогда мы будемъ жить вмѣстѣ. Я жду этого дня съ мучительной тревогой, такъ какъ здѣсь я изстрадаюсь совѣсть отъ однихъ распросовъ мужа. Онъ видитъ во мнѣ какую-то перемѣну и доискивается причинъ:

— Ты больна, Шура? Ты, Шура, худѣешь! Ты побереги себя, Шура!..

Эти фразы я слышу каждый день и не смѣю сказать правды, признаться во всемъ. Добрыя старушки, тетка и мать Максима, ухаживаютъ за мною болѣе, чѣмъ когда-нибудь и съ добродушными улыбками намекаютъ мнѣ, что, вѣроятно, я сама не знаю причины происходящей во мнѣ перемѣны, а что эта причина такъ естественна: онѣ подозреваютъ, что я готовлюсь сдѣлаться матерью. А что, если и въ самомъ дѣлѣ? Что тогда будетъ? Чей будетъ этотъ ребенокъ? Да нѣтъ, не можетъ быть!.. Нѣтъ, надо скорѣе, скорѣе уговорить Лева покончить все. Ну, пусть мнѣ будетъ тяжело жить, пусть я встану въ ложное положеніе, пусть я буду терпѣть нужду, все это будетъ легче теперешней гнусной жизни обманщицы и лгуны. Я всегда говорила честно правду и мнѣ противна ложь даже неизбѣжная, вызванная необходимостью... Завтра же скажу Левѣ, что я рѣшилась все покончить съ Максимомъ, признаться ему во всемъ.

На этомъ мѣстѣ обрывается дневникъ моей жены. Послѣднія строки, какъ видно изъ помѣтки надъ ними, были написаны 20 февраля, а 21-го февраля Шуру привезли домой уже больную, въ бреду... Я не знаю, что произошло между нею и Зоринимъ, но я думаю, что онъ, услышавъ ея

рѣшеніе, сказалъ ей прямо, что онъ просто поигралъ съ нею въ любовь, что онъ серьезно никогда не думалъ сойтись съ нею... Вѣдь все это такъ часто повторяется на свѣтѣ, такъ обыкновенно! Кто же перемонится съ замужней женщиной, отдавшей ему? Кто смотритъ серьезно на эти связи?..

Трудно передать то, что я переживала, читая этотъ дневникъ загубленной мною дѣвочки, ребенка, судьбу котораго я такъ неосторожно, такъ эгоистично связала съ своею судьбою... Вина въ всемъ я и только я одинъ: она пла за меня замужъ, не зная ни жизни, ни людей, а вѣдь я пожилая, я отжилъ, я могъ предвидѣть, что можетъ выйдти изъ подобнаго брака, и все-таки я женился, потому что мнѣ было пріятно слышать около себя щебетанье это птички, потому что мнѣ было пріятно слышать слова любви изъ устъ этого ребенка... И сколько подобныхъ браковъ заключается на свѣтѣ! Я не первый и не послѣдній, но и первому и послѣднему въ подобныхъ случаяхъ приходится дорого платиться за свое эгоистическое стремленіе насладиться радостями жизни, не думая о послѣдствіяхъ. Къ несчастію, раскаяніе является всегда поздно... Чего бы я не отдалъ теперь, чтобы только спасти ее, но все золота міра и всѣ знанія медицины не спасутъ разбитой жизни, не воскресятъ убитой мною малютки... Я вижу, я понимаю, какъ близко приближается она къ могилѣ безропотно, тихо, молчаливо и покорно... Меня рѣжетъ по сердцу эта покорность, этотъ взглядъ провинившагося ребенка и мнѣ хочется упасть передъ нею на колѣни и сказать: «брани, упрекай, проклинай меня; мнѣ легче будутъ твои упреки, чѣмъ твоя покорность, ни въ чемъ неповинное созданіе». Но я не смѣю сказать ей даже этого, не смѣю хоть взглядомъ показать ей, что я все знаю: это взволнуетъ ее, а ей вредны волненія... Какую пытку выносимъ мы оба: она умираетъ, обвиняя во всемъ себя; я смотрю на ея увиданье, сознавая, что я погубилъ ее... Но близко уже день, когда ея страданія прекратятся,—а мой?..

Конецъ

Августъ.

Стих. А. Петѣфи. Пер. Д. Садовникова.

Много птицъ на свѣтѣ; у однихъ мы цѣнимъ
Звонкое ихъ пѣнье;
У другихъ же любимъ лѣстивые для глаза
Цвѣтъ и оперенье;
Но окраска самой дорогой мнѣ птицы
Глазъ не поражаетъ.
Наше платье схоже: и она на черный
Бѣлый цвѣтъ мѣняетъ.

Изо всѣхъ прилетныхъ вѣстниковъ крылатыхъ
Ангелъ—мой любимый;
Спутникъ неизмѣнный, поселенецъ вѣрный
Стороны родимой.
Какъ не привязаться къ этой милой птицѣ?—
Съ самой колыбели,
Гдѣ я громко плакалъ, надъ родною крышей
Ангелъ шумѣли;

Выросъ вмѣстѣ съ ними рѣзвымъ мальчуганомъ
И когда съ зарею
Гнали ребятнишки отъ околлицъ стадо
Шумною толпою,—
Крался на гумно я, гдѣ скирды стояли,
Съ цѣлью любоваться,
Какъ птенцы безсильно расправляютъ крылья,
Думая подняться.

Морозовъ въ тюрьмѣ.
(Князь Серебряный, гр. А. К. Толстого). Рѣзаль на деревѣ А. Шлипперъ.

ИЛЛЮСТРАЦИИ КЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.
ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ АДАМОВА.

Свиданіе Серебрянаго съ Еленой Морозовой.
(Князь Серебряный, гр. А. К. Толстаго.) Рѣзала на деревѣ А. Шлехта.

Въ головѣ нерѣдко быстро проносились
Мысли вереницы:
«Отчего безъ крыльевъ мы людьми родились?
Почему не птицы?»
На ногахъ проворныхъ убѣжать далѣко
Можно по дорогѣ,
Но съ земли подняться, поноситься въ небѣ
Не помогутъ ноги.
Солнце молодое, что лучистой шапкой
Землю накрывало!
Помню, неспыталъ я, на тебя любуясь,
Зависти не мало.
«Но зачѣмъ же въ небѣ много алой крови
Въ часъ его заката?
Кто его такъ мучить? Передъ кѣмъ и въ чемъ же
Солнце виновато?»

Дѣти очень любятъ осень золотую,
И, какъ мать родная,
Шла она, плоды имъ изъ корзины полной
Щедро раздавая.
Не любилъ я осень; въ ней врага я чувствую,
Не бралъ винограда.
«Аистовъ любимыхъ напугать пришла ты.—
Отойди! Не надо!»

Долго забыть мнѣ дня, когда къ отлѣту
Собрались станицы...
Юность отлетѣла отъ меня навѣки,
Какъ и эти птицы.
Всюду лишь чернѣли брошенные гнѣзда;
Вьюга завывала,
Сердце замирало, полное предчувствій
И дурного ждало.

Вотъ весна настала, подъ улыбкой солнца
Все зазеленѣло;
Мѣхомъ серебристымъ вынававшего снѣга
Поле не бѣлѣло.
Сердце билось чаще, чувало тревогу,
На просторъ просилось
И на слабыхъ крыльяхъ въ встрѣчу вольнымъ пти-
цамъ
Смѣло уносилося.

Изъ ничтожной искры разгорѣлось пламя;
Возмужало тѣло,
Юношею сталъ я... Скакуна за гриву
Ухвативши смѣло,
Я вскочилъ, поводья бросилъ и понесся
Въ эту ширь степную
Погоняться вдоволь съ вѣтромъ перелетнымъ
Тамъ на удачу.

Ахъ, люблю я степи! ихъ просторъ и воля
Для меня отрада;
Въ ихъ кругу волшебномъ нѣтъ ни въ чемъ помѣхи
Для людского взгляда.
Не встаютъ стѣнами грозные утесы,
Не тѣснятъ дышанья;
Шумъ ключа степного вовсе не походитъ
На цѣпей бряцанье.

Степи такъ прекрасны, что не можетъ даже
Быть о томъ и спора,
Но красу ихъ часто дымка застилаетъ
Отъ чужого взора:
Дѣвушка боится сразу показаться,
Если незнакома;
Но за то волшебной красотой своею
Не скупится дома.

Да, мнѣ милы степи и верхомъ не рѣдко
Ими проѣзжая,
Безъ слѣдовъ и пятенъ отъ людской подошвы,
Находилъ мѣста я.
Гдѣ нибудь поближе къ озеру ложился
На коверъ прибрежный,
А немного ѳдалъ надъ водой садился
Аистъ бѣлоснѣжный.

Провожалъ меня онъ въ эту степь далеко;
Здѣсь мы съ нимъ мечтали!

На воду глядѣлъ онъ; я терялся взоромъ
Въ голубѣвшей дали.
Не было у этой бѣлокрылой птицы
Пышнаго наряда;
Но ее любилъ я, къ ней привыкъ я съ дѣтства,—
Красокъ мнѣ не надо.

И теперь мнѣ, аистъ, ты все также дорогъ,
Какъ остатокъ были,
Какъ одна бывшая правда, что мечты мнѣ
Въ жизни удѣлили.
Радуюсь, встрѣчая твой прилетъ весенній
Съ солнечнаго юга;
При отлетѣ такъ же грустно провожаю,
Какъ любимца—друга.

(Окончаніе.)

IV.

о вотъ уголь положенъ въ ведро или въ корзину подъемной машины и поднятъ наверхъ, на свѣтъ дневной, на свѣжій воздухъ; труженникамъ дѣлается легче, работа дѣлается сноснѣе. Къ сожалѣнію, здѣсь приходится работать не тѣмъ людямъ, которые роются подъ землею: специализация работы существуетъ и здѣсь, и тотъ, кто добываетъ уголь,—не принимаетъ его наверху. На свѣжемъ воздухѣ работаетъ много женщинъ, возя тележки, накладывая и вываливая уголь.

Прежде всего уголь привозится къ мѣсту, гдѣ его вѣшаютъ. На каждой тележкѣ въ Англіи есть оловянный значекъ съ номеромъ углекопа, привезшаго уголь. Этотъ номеръ выкликивается мальчикомъ; въ будкѣ вѣсовщика хозяина записывается въ книгѣ противъ этого номера вѣсъ угля; списокъ этотъ сохраняется вѣсовщикомъ-контролеромъ. Когда тележка опорожнится—значекъ съ нея снимается мальчикомъ, на обязанности котораго лежитъ собирать значки для употребленія ихъ рабочими на слѣдующій день. Кромѣ взвѣшиванія угля наверху происходитъ и другая работа: просѣиваніе угля при помощи особыхъ машинъ. Тележки съ углемъ устанавливаются вверху машины и при помощи рычаговъ опрокидываются вверхъ дномъ, такъ что уголь падаетъ внизъ на рѣшета. Когда уголь высыпается, тележку переворачиваютъ снова машиной и отвозятъ опять въ шахту для новой нагрузки. «Декъ», мелкій уголь, пройдя черезъ перегородки рѣшета, падаетъ на желѣзный склонъ, откуда скатывается прямо въ вагонъ, стоящій внизу. Между тѣмъ, крупный каменный уголь скатывается съ рѣшета въ другой вагонъ; паденіе угля замедляется внизу тяжелой задвижкой и рычагомъ; соръ или камни, попадающіе вмѣстѣ съ углемъ, выбираются рукою у подножія рѣшета.

Таковы въ главныхъ чертахъ работы углекоповъ.

Какъ онѣ ни трудны, но едва-ли онѣ однѣ служили, по большей части, причиною несчастій углекоповъ и рудокоповъ. Однимъ изъ главныхъ золъ была нищета и дурная обстановка въ домашней жизни этихъ людей. Такъ, въ сороковыхъ годахъ, по официальнымъ отчетамъ, въ одномъ мѣстѣ комиссаръ Митчелъ нашелъ помѣщеніе для этихъ труженниковъ въ 18 футовъ въ длину и въ 15 футовъ въ ширину; въ этомъ помѣщеніи ночевало 42 взрослыхъ и 14 мальчиковъ, т. е.

56 человѣкъ на 14 постеляхъ, устроенныхъ въ видѣ наръ или каютныхъ помѣщеній. Вентиляціи здѣсь не было никакой, кромѣ двери не было никакого отверстія. Когда Митчелъ посѣтилъ этотъ притонъ, воздухъ былъ здѣсь таковъ, что въ немъ трудно было оставаться свѣжему человеку, а между тѣмъ въ этомъ помѣщеніи люди не почевали уже трое сутокъ. Каковъ же воздухъ долженъ былъ быть здѣсь, когда собирались всѣ постояльцы? Конечно, подобное домашнее положеніе вліяетъ на углекоповъ не менѣе сильно, чѣмъ тяжелый воздухъ коней и трудная работа въ подземныхъ шахтахъ. Также дурно отзывались на нихъ разныя злоупотребленія хозяевъ и начальниковъ коней, уменьшавшія бюджетъ рабочихъ до послѣдней степени. Такъ, напримѣръ, во многихъ коняхъ уголь принимался не на вѣсъ, а по тележкамъ: здѣсь царствовалъ въ такомъ случаѣ полный произволъ: не доложитъ углекопъ угля—его штрафуютъ, переложитъ онъ уголь—ему не платятъ за излишекъ. Въ другихъ мѣстахъ были завѣдомо неправильные вѣсы и, такимъ образомъ, углекопы постоянно надувались на размахъ угля; при этомъ въ нѣкоторыхъ коняхъ за правило было принято слѣдующее постановленіе: рабочий, если онъ желаетъ жаловаться на неправильный вѣсъ, долженъ заявлять объ этомъ надсмотрщику «за три недѣли впередъ!» Въ извѣстныхъ мѣстностяхъ было въ обычаѣ нанимать рудокоповъ на годъ съ условіемъ, чтобы они не брали никакой другой работы, тогда какъ наниматели не обязывались не брать лишнихъ рабочихъ или доставлять нанятымъ постоянное занятіе; такимъ образомъ, углекопы часто оставались безъ дѣла втеченіи цѣлыхъ мѣсяцевъ. Часто штрафы разоряли этихъ труженниковъ, платившихъ даже за то, что уголь былъ не чистъ, хотя это зависѣло не отъ нихъ, а отъ состава коней. Удаленность коней отъ населенныхъ мѣстностей дѣлала возможною извѣстную систему платы натурой, т. е. свѣтными припасами, одеждой и т. п. Эта расплата всегда шла во вредъ углекопамъ, такъ какъ припасы выдавались дурные и негодные. Порой расплата происходила прямо въ кабакахъ, трактирахъ, распивочныхъ, т. е. обманъ шелъ повальный. Также отдаленность коней отъ населенныхъ мѣстностей дѣлала менѣе зоркимъ наблюденіе правительственныхъ инспекторовъ за копами и потому даже послѣ изданія англійскаго закона, запрещаваго женщинамъ работать въ подземныхъ шахтахъ, то и дѣло появлялись извѣстія о взрывахъ въ подземныхъ галереяхъ, гдѣ при этомъ погибло столько-то женщинъ, или о томъ, что въ такихъ-то коняхъ работаетъ столько-то женщинъ. Случались и исторіи, въ родѣ той, которая разыгралась въ 1837 году, во Франціи. Во Франціи было дано шестьдесятъ пять концесій на разработку каменнаго угля въ лоарскомъ округѣ. Всѣ эти компаніи конкурировали между собой и давали разныя льготы и выгоды углекопамъ, чтобы только удержать ихъ у себя. Но въ 1837 году, видя невыгоды для себя конкуренціи, эти общества соединились въ три компаніи, а вслѣдъ затѣмъ, видя, что конкуренція все-таки продолжается, слились въ одну общую компанію «соединенныхъ каменноугольныхъ раскопокъ». Эта компанія сразу проявила свое направленіе: она съ одной стороны сильно подняла въ цѣнѣ уголь, находившійся всецѣло въ ея рукахъ, а съ другой—измѣнила условія труда рудокоповъ не въ пользу послѣднихъ, а въ двухъ колодцахъ прямо понизила заработную плату. Это была прямая и открытая стачка компаній, вредившая интересамъ частныхъ лицъ и интересамъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ рабочихъ силъ. Эта печальная продѣлка компаній не прошла даромъ и вызвала, 31 марта 1844 года, страшное волненіе въ средѣ углекоповъ, переставшихъ работать, закрывшихъ колодцы, не пу-

скавшихъ даже конюховъ въ копи, чтобы покорить лошадей. На улицахъ были развѣшены и наклеены воззванія противъ компаніи; въ иныхъ мѣстахъ били тѣхъ, которые, томясь отъ нужды и голода, соглашались работать; порой собирались солдаты противъ толпы углекоповъ, вооружавшихся камнями; много избитыхъ, изувѣченныхъ и убитыхъ было въ эти дни; восемнадцать человѣкъ были приговорены судомъ къ строгому наказанію, и т. п.

Всѣ эти злоупотребленія, недостатки и мелочи невозможно было предусмотрѣть впередъ и потому, какъ мы сказали, улучшенія въ этомъ дѣлѣ идутъ постепенно, медленно, съ каждымъ годомъ пресѣкая то или другое злоупотребленіе, то или другое неудобство. Но далеко еще и теперь до полного устройства этого дѣла, до полной обезпеченности углекоповъ.

Мы можемъ сказать, не боясь ошибиться или впасть въ оптимизмъ, только одно: теперь углекопамъ и рудокопамъ въ Европѣ живется нѣсколько лучше и работается нѣсколько легче, чѣмъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Но это не даетъ никому права благодушно удовлетвориться такимъ улучшеніемъ дѣла и сложить руки: работы по дѣлу новыхъ улучшеній и усовершенствованій впереди еще много и эта работа тѣмъ важнѣе, чѣмъ больше и больше съ каждымъ годомъ требуется каменнаго угля. Если онъ даетъ намъ возможность развивать и увеличивать наше матеріальное благосостояніе и умственное усовершенствованіе, то должны и мы позаботиться о тѣхъ, которые добываютъ намъ этотъ важный продуктъ.

Книжныя новости.

С. Н. Кривенко. Физическій трудъ какъ необходимая элементъ образованія. СПб. 1879 г. 1 р. 50 к.

Книжка г. Кривенко является въ настоящее время какъ нельзя болѣе кстати. Открытый въ настоящаго времени вопросъ образованія или вѣрнѣе воспитанія, вопросъ самый главный и имѣющій громадное значеніе не только для человѣка, взятаго отдѣльно, но и для цѣлаго общества, не смотря на многотомные труды ученыхъ и специалистовъ; для массы публики именно по поводу многотомности и неудобочитаемости ученыхъ трактатовъ остается неизвѣданною страню. Чтобы въ этомъ убѣдиться достаточно поговорить съ любымъ папенькой или маменькой о томъ, чѣмъ они руководятся при воспитаніи своихъ дѣтей. Еслибы кто нибудь вздумалъ переспросить объ этомъ хоть два-три десятка родителей навѣрное пришелъ бы къ самому печальному выводу. Разнохарактерность, почти всегда полнѣйшее отсутствіе элементарныхъ понятій о воспитаніи и кое-гдѣ нѣчто въ родѣ рациональнаго взгляда на это дѣло—вотъ что, къ крайнему его огорченію, бросилось бы ему въ глаза. А между тѣмъ, нужно сознаться, нѣтъ человѣка, который не умѣлъ бы говорить о воспитаніи. Это, впрочемъ, свойственно человѣческой природѣ. Въдѣ обыкновенно больше всего разсуждаютъ о томъ,

чего не понимаютъ. Политика по газетнымъ даннымъ, самаго невѣроятнаго характера, безпощадное осужденіе или чрезмѣрное, ни на чемъ неоснованное восхваленіе произведеній искусства, осужденіе медицины, поклоненіе шарлатанамъ, умѣющимъ ловко надувать легковѣрныхъ и т. п.—вотъ обыкновенныя темы нашихъ бесѣдъ и разговоровъ. Къ этому числу принадлежитъ и воспитаніе. Кто не толкуетъ объ немъ? Объемистыя книги доступны только немногимъ. Обыкновеннымъ читателямъ нужны книжки, въ которыхъ онъ могъ бы безъ особаго труда найти выводы науки и притомъ въ такой формѣ, чтобы не нужно было ломать себѣ головы надъ ихъ пониманіемъ. Трудъ г. Кривенко вполне отвѣчаетъ послѣднимъ требованіямъ. «Я не задаюсь широкою задачею написать цѣлый трактатъ объ образованіи: это дѣло специалистовъ, присяжныхъ педагоговъ,—говоритъ авторъ въ предисловіи.—Цѣль моя гораздо скромнѣе: я хочу только указать и констатировать одинъ важный пробѣлъ современнаго образованія (преимущественно образованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитанія), а именно—пробѣлъ физическаго труда». Вотъ задача, которую поставилъ себѣ авторъ. За ея разрѣшеніемъ г. Кривенко взялся съ любовью, свойственною людямъ преданнымъ своей идеѣ. Онъ горячо преданъ ей, отъ чего, конечно, книжка его написана живымъ и увлекательнымъ языкомъ. Не вдаваясь въ подробности, мы рекомендуемъ ее нашимъ читателямъ, какъ очень полезную книжку, занимающуюся одной и притомъ очень важной стороной образованія и воспитанія, въ ихъ обширномъ значеніи. «Задача моя, говоритъ авторъ, сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) что физическій трудъ есть не только лучшее средство для развитія физическихъ силъ подростающихъ поколѣній, но и необходимое условіе правильнаго духовнаго развитія и умственной дѣятельности; 2) что, пріучая подростающія поколѣнія къ физическому труду, мы можемъ ожидать въ высшей степени полезныхъ интеллектуальныхъ, нравственныхъ и экономическихъ послѣдствій; а отсюда, само собою слѣдуетъ, 3) что физическій трудъ долженъ занять въ програмѣ каждой школы если не первое, то равное мѣсто съ главными предметами образованія».

В. Э. Иверсенъ: Женскія ремесленныя (профессіональныя) школы во Франціи, Бельгіи, Австро-Венгріи и Германіи. СПб. 1879 г.

Трудъ г. Иверсена знакомитъ съ организаціей тѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній, которыя возникли въ послѣднее время во всѣхъ почти значительныхъ городахъ западной Европы подъ именемъ профессиональных или ремесленныхъ школъ для женщинъ. Авторъ непосредственно черпалъ свои свѣдѣнія на мѣстѣ. Онъ посѣтилъ минувшимъ лѣтомъ парижскую выставку, ознакомился тамъ съ выставленными ученическими работами и на пути туда и обратно былъ во многихъ нѣмецкихъ и французскихъ ремесленныхъ школахъ. Такимъ образомъ данные касательно этого предмета, собранные въ брошюрѣ г. Иверсена, заслуживаютъ полнаго вниманія людей, занимающихся этимъ вопросомъ. Авторъ льститъ себя надеждой, что трудъ его послужитъ матеріаломъ для соображеній при дальнѣйшемъ развитіи и практическомъ осуществленіи вопроса объ организаціи женскихъ руководящихъ и ремесленныхъ школъ въ Россіи.

Карль Гуцковъ.

(Ст. П. В. Быкова.)

Недавно Германія лишилась одного изъ своихъ видныхъ литературныхъ дѣятелей. Въ ночь съ 15 на 16 декабря прошлаго года, во Франкфуртѣ, скончался Гуцковъ, извѣстнѣйшій современный романистъ, публицистъ, критикъ и драматургъ, авторъ трагедій «Уріэль Акоста» и «Неронъ», даровитый представитель литературной партіи, извѣстной подъ именемъ «молодой Германіи». Современная литературная школа въ Германіи несомнѣнно обязана ему своимъ развитіемъ

и долгое время находилась подъ его благотворнымъ вліяніемъ, считала его своимъ руководителемъ. Это былъ писатель честный, немало претерпѣвшій на своемъ вѣку «изъ-за идей»... Упорно борясь со зломъ и горячо протестуя въ своихъ произведеніяхъ противъ всякихъ неправдъ, Гуцковъ употреблялъ всѣ силы своего таланта, чтобы подѣйствовать на умы современниковъ; потерпѣвъ неудачу, вслѣдствіе различныхъ стѣсненій, излагать свои мысли въ публицистическихъ статьяхъ, онъ вынужденъ былъ избрать тѣсныя рамки беллетристики и оттого многіе романы его и драматическія произведенія не столько художественны, сколько проникнуты серьезной идеей, тенденціей. Вообще, по складу своего дарованія, Гуцковъ былъ скорѣе публицистъ, чѣмъ поэтъ и романистъ. Тѣмъ не менѣе, большинство его произведеній и въ особенности его историческія драмы отличаются строгой выдержанностью, образнымъ языкомъ, интереснымъ сюжетомъ и другими достоинствами и пріобрѣли ему громкую славу въ Германіи, гдѣ въ числѣ современныхъ драматурговъ, онъ считается однимъ изъ самыхъ блестящихъ. Карль-Фердинандъ Гуцковъ родился въ Берлинѣ, 17 марта 1811 года и первоначальное образованіе получилъ въ одной изъ тамошнихъ школъ высшаго разряда, гдѣ былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ. Затѣмъ онъ поступилъ въ берлинскій университетъ, который въ ту пору находился въ апогеѣ своей славы, и старательно изучалъ философію, имѣя возможность слушать лекціи такихъ корифеевъ этой науки, какъ Гегель и Фихте. По желанію своихъ родителей, онъ, впрочемъ, сперва поступилъ на богословскій факультетъ, но позднѣе началъ заниматься юриспруденціей и окончилъ курсъ блистательно, получивъ, спустя нѣсколько времени, званіе доктора философіи; ему было предложено остаться при университетѣ и, такимъ образомъ, представлялся случай сдѣлать хорошую карьеру, но Гуцковъ, почувствовавшій еще на школьной скамейкѣ наклонности и любовь къ литературѣ, пренебрегъ тѣми занятіями, единственная цѣль которыхъ—добываніе средствъ къ жизни и смѣло пошелъ скользкой, трудной дорогой писателя, продолжая и впослѣдствіи идти по ней неуклонно. Его первыя литературныя попытки относятся къ тому времени, когда только что окончился іюльскій переворотъ во Франціи, заставившій встрепенуться сонныхъ нѣмцевъ, для которыхъ наступили тогда знаменательные дни. Это была пора надеждъ и ожиданій, когда всѣ стали толковать о свободѣ и объединеніи и, вмѣсто прежней вражды, почувствовали живую симпатію къ французамъ, стараясь брать за образецъ ихъ политическую и умственную жизнь. Французское вліяніе отразилось, между прочимъ, и на нѣмецкой литературѣ, ставшей во главѣ либеральнаго движенія и явившейся отголоскомъ общественнаго мнѣнія, которое требовало теперь обновленія, сознавая всю несостоятельность старыхъ порядковъ, политическихъ, социальныхъ и литературныхъ. Эти новыя идеи вызвали появленіе кружка писателей, которые получили названіе «Молодой Германіи», считающей своимъ родоначальникомъ гениальнаго Гейне. «Молодая Германія» высоко держала свое знамя и основнымъ принципомъ считала свободу индивидуальности; она безпощадно осмѣивала узкій нѣмецкій патріотизмъ, которому противопоставляла космополитизмъ и требовала эмансипаціи евреевъ и женской эмансипаціи. Воздемъ этой литературной партіи, вмѣстѣ съ Генрихомъ Лаубе, былъ Карль Гуцковъ, оказывавшій большое вліяніе не только на кружокъ, но и на большинство своихъ единоплеменниковъ. Сперва имя Гуцкова было почти неизвѣстно, несмотря на то, что онъ слишкомъ два года участвовалъ во многихъ берлинскихъ изданіяхъ и затѣмъ дѣятельно работалъ болѣе года

въ журналѣ знаменитаго Менцеля-французоѣда, въ ту пору не опозорившаго еще своего органа, который выходилъ тогда въ Штутгартѣ. Но вотъ въ 1832 году, въ Гамбургѣ появились, надѣлавшія большого шума «Письма дурака къ дурѣ» и романъ въ фантастическомъ родѣ «Маха Гуру» — и имя Гуцкова сразу сдѣлалось извѣстнымъ во всей Германіи; въ обоихъ этихъ произведеніяхъ, авторъ проводитъ критическія тенденціи, замаскировавъ ихъ фантастической формой; онъ съ полнымъ презрѣніемъ и негодованіемъ относится къ порядкамъ своей разъединенной родины и горькой и злой сатирой клеймитъ окружающее его общество. Въ 1835 г. вышли: его трагикомедія «Неронъ» и романъ «Валли - Септимиъ», а въ слѣдующемъ году серьезное изслѣдованіе «Goethe im Wendepunkte zweier Jahrhunderte» (Berl., 1836); эти произведенія еще болѣе упрочили извѣстность Гуцкова, какъ писателя, и какъ дѣятельнаго члена «Молодой Германіи». Но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ этого времени онъ начинаетъ приобретать множество враговъ и въ литературномъ мірѣ и среди администраціи. Однимъ изъ главныхъ его противниковъ явился Менцель, тотъ самый, у котораго работалъ Гуцковъ при началѣ своей литературной карьеры; сдѣлавшись отъявленнымъ клеветникомъ и донощикомъ, Менцель, преслѣдовавшій самыми грязными инсинуаціями молодыхъ писателей, объявилъ, что въ романѣ Гуцкова «Валли» проводятся самыя вредныя идеи. Вслѣдствіе его доноса, правительство, которое давно уже смотрѣло недружелюбно на представителей «Молодой Германіи», придавая этой партіи серьезное политическое значеніе, привлекло къ отвѣтственности Гуцкова; онъ былъ обвиненъ въ стремленіи поколебать, въ своихъ сочиненіяхъ, основы христіанства и приговоренъ къ заключенію на три мѣсяца въ тюрьмѣ, мангеймскимъ судомъ, который запретилъ также всѣ его сочиненія, не только уже напечатанныя, но и тѣ, которыя Гуцковъ могъ издать и впослѣдствіи.

Тяжело пришлось Гуцкову: онъ существовалъ только литературнымъ трудомъ и долженъ былъ содержать свою семью, такъ какъ запрещеніе всѣхъ его сочиненій застало его уже женатымъ;

но, энергичный по натурѣ, онъ постарался преодолѣть эту тяжесть своего положенія; сидя въ тюрьмѣ, онъ написалъ изслѣдованіе «О философіи въ исторіи» и издалъ его въ Гамбургѣ, перенеся, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этотъ городъ и изданіе своего журнала «Телеграфъ». Вскорѣ послѣ этого онъ написалъ романы: «Серафима» (1838), «Благедовъ и его сынъ» (1838-39) и біографію Бёрне (1840). Поселившись въ Гамбургѣ, Гуцковъ вскоре оставилъ на долгое время журнальную дѣ-

неръ», «Ричардъ Севеджъ», «Неронъ», «Пугачевъ», «Паткуль», «Лейтенантъ Короля» и «Первообразъ Тартюфа», доставившія Гуцкову громадную славу въ Германіи, гдѣ онъ считается однимъ изъ первыхъ драматурговъ нашего времени. Обратившись къ исторической драмѣ, Гуцковъ сдѣлался менѣе рѣзокъ, вслѣдствіе чего, въ 1847 году былъ даже назначенъ придворнымъ драматургомъ королевскаго театра въ Дрезденѣ и занималъ эту должность до 1850 года. Въ 1852 году онъ издалъ

свои автобіографическія записки и предпринялъ изданіе еженедѣльнаго беллетристическаго журнала: «Бесѣды у домашнего очага», пользовавшагося большой популярностью. Съ этого же времени, онъ вновь принялся за писаніе романовъ и повѣстей, которые были впослѣдствіи изданы въ 23 томахъ; всѣ его романы талантливо написаны и имѣютъ обширный кругъ читателей въ Германіи, но особеннаго вниманія, по интересному сюжету и разнообразію характеровъ, заслуживаютъ: «Рыцари Духа» и «Римскій волшебникъ». Въ 1860 году Гуцковъ является однимъ изъ ревностныхъ основателей «Шиллеровскаго общества» въ Веймарѣ, секретаремъ котораго былъ избранъ въ 1862 году и въ этой должности сдѣлалъ много полезнаго для національной литературы. Однакожъ, какъ вслѣдствіе принадлежности его къ этому обществу, такъ и по причинѣ разныхъ литературныхъ непріятностей, преслѣдуемый старыми и новыми врагами, которые съ наступленіемъ реакціи (въ 1863 г.) въ Германіи относились все ожесточеннѣе и ожесточеннѣе къ злополучному писателю, Гуцковъ очутился въ весьма непріятномъ положеніи; оно усилило въ немъ его болѣзненную раздражительность, доведшую его

Сѣятельная машина.

(Къ ст. «Углекопы».)

тельность и отдалъ всѣ свои силы и дарованіе театру, видя, что этимъ путемъ гораздо удобнѣе вести борьбу противъ реакціонной партіи и протестовать противъ всякихъ общественныхъ золь. Съ 1840 по 1850 г., трудясь исключительно на поприщѣ драматургіи, онъ написалъ очень много пьесъ. Его драматическія произведенія, занимающія болѣе 20 томовъ, обличаютъ въ ихъ авторѣ несомнѣнный талантъ и знаніе сцены, но особенный успѣхъ имѣли пьесы: «Уріэль Акоста», «Вер-

до умопомѣшательства, которымъ онъ страдалъ почти два года. Послѣ неудавшейся попытки къ самоубійству, Гуцковъ былъ помѣщенъ, въ 1866 году, въ байретскій госпиталь для душевно-больныхъ, изъ котораго, оправившись отъ недуга, вышелъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Но припадки болѣзни возвращались къ нему иногда, вслѣдствіе чего онъ велъ жизнь крайне странную, терпѣлъ нужду и почти ничего не писалъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины онъ выпустилъ

брошюру, въ которой желчно и съ крайнимъ раздраженіемъ напалъ на своихъ собратовъ по перу; эта брошюра вызвала переполохъ въ нѣмецкой литературѣ и имя Гуцкова прогремѣло въ послѣдній разъ всюду въ Германіи.

Смерть Гуцкова случилась при загадочныхъ обстоятельствахъ. Принявъ на ночь большую дозу хлораль-гидрата, онъ заснулъ такъ крѣпко, что не слышалъ, какъ, упавшая со стола его свѣча, зажегла столъ; по крайней мѣрѣ, утромъ его нашли мертвымъ въ постели, при чемъ вся комната была наполнена дымомъ; это заставило многихъ подозрѣвать, что онъ отравился.

Русская публика достаточно знакома съ дарованіемъ Гуцкова, по переводамъ наиболѣе выдающихся его произведеній; переводы эти слѣдующіе: «Вернеръ, или сердце и свѣтъ», драма въ 5 д. перев. Н. П. Мундта («Репертуаръ» 1842 г.), «Рыцари Духа» (изд. Львова), «Неронъ» — трагикомедія въ переводѣ В. П. Буренина («Вѣстн. Европы» 1869), «Уриэль Акоста» — трагед. въ перев. П. И. Вейнберга («От. Зап.» 1872), «Сквозь мракъ къ свѣту» — пов. («Отеч. Зап.» 1870), «Новые Серапионовы братья», ром. («Вѣстн. Европы» 1877 г.) и друг.

Народы Россіи.

(Этнографическіе очерки.)

Ст. С. С. Шашкова.

IV.

Коряки и юкагиры.

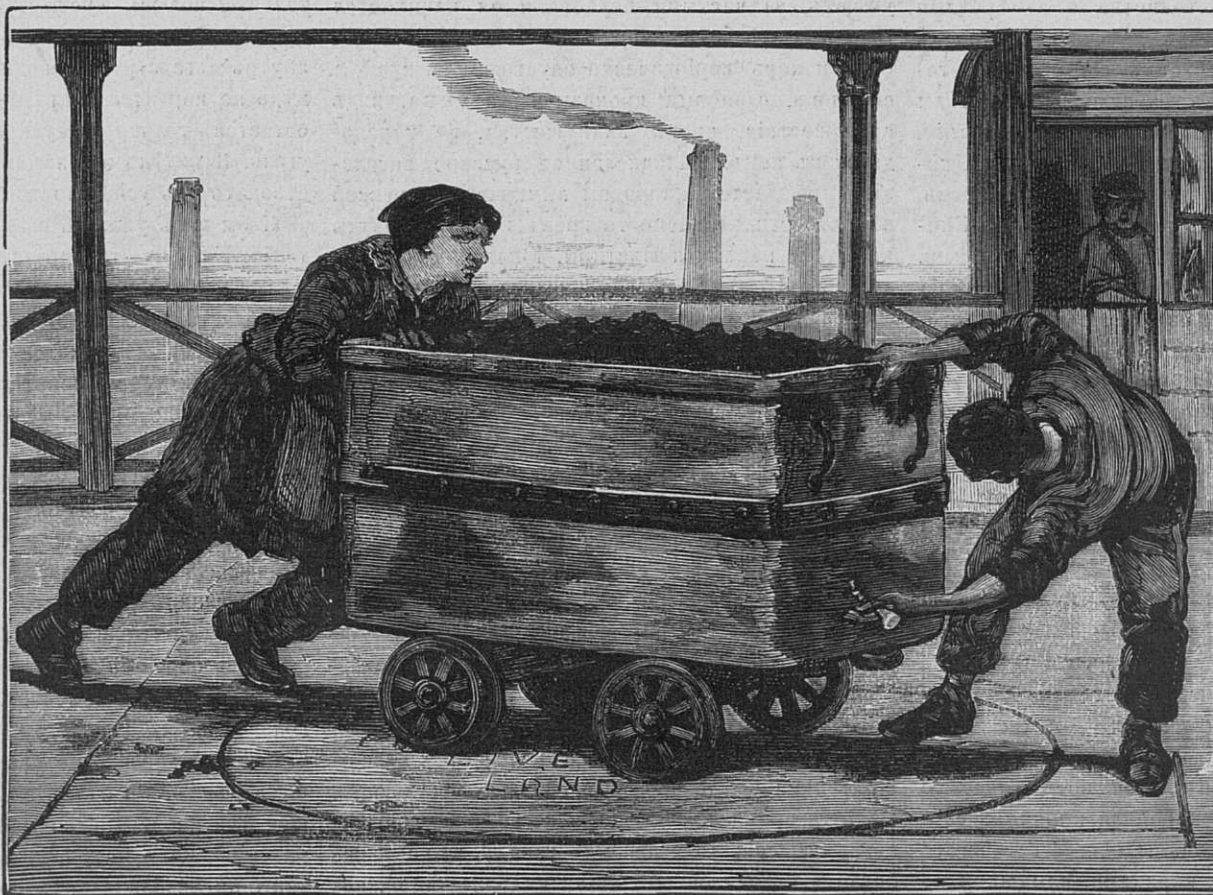
Къ западу и югозападу отъ чукотской земли, по р. Колымѣ, Янѣ, Индигиркѣ, Анюю и Охотскому побережью, лежатъ обширные округа, по которымъ кочевали нѣкогда многочисленныя племена омоковъ, олюторцевъ, шелогцевъ, и др., теперь ужъ вымершихъ инородцевъ. Ужасная зима, во время которой морозы доходили до 43° R., тянется здѣсь 9 мѣсяцевъ, а съ 22 ноября наступаетъ тридцати-восьми-суточная ночь. Сѣверовосточные вѣтры дуютъ почти непрерывно и даже среди лѣта поднимаютъ иногда снѣжныя мятели. Лѣто продолжается отъ 2 до 2½ мѣсяцевъ; съ 15 мая по 6 іюня солнце не закатывается; стоитъ тепло, но отъ болотныхъ испареній воздухъ влаженъ, какъ въ банѣ, тучи комаровъ и мошекъ причиняютъ и людямъ и животнымъ гораздо больше мученій, чѣмъ лютые морозы. Растительность въ этихъ мѣстахъ самая скудная, нѣтъ даже сосны, ели и пихты, береза и ольха превращается здѣсь въ низкорослый кустарникъ, сибирскій кедръ — въ стланецъ, а ближе къ Ледовитому океану, растительность прекращается вовсе и тамъ разстилается безлѣсная тундра. Въ мѣстахъ, защищенныхъ горами отъ сѣвернаго вѣтра растутъ ягоды, богородская трава, полярныя. Южнѣе, по лѣсамъ водятся лоси, олени, медвѣди, лисы, собаки, бѣлые куропатки, а въ тундрѣ песцы. Человѣкъ здѣсь, по выраженію миссіонера Аргентова, «уподобляется полярному медвѣдю и въ образѣ жизни и въ способѣ питанія. Тамъ человѣкъ довольствуется сыродствомъ и дикорастеніями. Самое жилище у туземца носитъ характеръ медвѣжьей берлоги. Та-

ковы юрты сѣверныхъ кочевниковъ, изъ которыхъ иные довольствуются снѣжнымъ шалашемъ, по якутски хар-балатанъ. Иные живутъ въ погребкахъ, мрачныхъ подвалахъ. Не угодно-ли будетъ взглянуть на картину изъ домашнего быта въ человѣческой берлогѣ крайняго сѣвера? На пространствѣ одной квадратной сажени усьлось, на оленьихъ шкурахъ, семь человѣкъ, дѣтей, женщинъ, мужчинъ, въ числѣ которыхъ пишущій эти строки, — всѣ до-нага раздѣтые по-полюсь. Сидимъ въ чукотскомъ большомъ пологу и потѣмъ. Вверху подоткнувъ бубень, штаны, рукавицы для просушки. Въ переднемъ мѣстѣ черная лаханка и неугасимый ночникъ, наполненный ворванью, гдѣ свѣтильнею служитъ мохъ. Дымящая трубка, ходитъ по рукамъ и хозяинъ затягивается первый, т. е. съ наслажденіемъ глотаетъ изъ трубки вы-сосанный дымъ, который потомъ черезъ минуту, иногда черезъ двѣ выпускается колючкомъ. Въ пологѣ сплошное облако табачнаго дыма. Этотъ хозяинъ хлѣбосоль. По его распоряженію подали беремя оленьихъ ногъ, только что освѣжанныхъ животныхъ. На долю мою досталась бычачья

лодовъ, возвращаются въ лѣса. Во время этихъ періодическихъ перекочевокъ они переправляются черезъ р. Колыму, и все племя юкагировъ спускается въ своихъ лодкахъ внизъ по этой рѣкѣ къ мѣсту оленьей переправы. Каждое оленье стадо, предводимое здоровымъ и сильнымъ вожакомъ, спускается вслѣдъ за нимъ въ воду, и на него мгновенно нападаютъ изъ своей засады юкагиры, окружая его въ своихъ лодкахъ и врѣзываясь въ самую средину его. Самцы отбиваются и рогами, и ногами, самки нападаютъ на лодки, стараясь опрокинуть ихъ своими передними ногами, но охотники ловко увертываются, наносятъ раны вожакамъ, и наиболѣе сильные изъ нихъ въ какіе-нибудь полчаса успѣваютъ убить оленей по 100 каждый. Тѣла ихъ спускаютъ въ воду, чтобы не портились, потомъ мясо вялятъ, коптятъ или замораживаютъ. Въ послѣднее время эта охота быстро падаетъ, потому что олени выбираютъ для своихъ переходовъ какіе-то другіе пути.

Изъ оленьихъ шкуръ коряки и юкагиры дѣлаютъ себѣ платье; оленью кровь любятъ въ

сыромъ мерзломъ видѣ; жиръ и кровь перемѣшиваются еще съ горькими растеніями, иногда съ таловымъ листомъ, заготовленнымъ съ лѣта. Рыбу ѣдятъ тоже больше сырую и мерзлую (строганина). Табакъ курятъ, нюхаютъ и кладутъ за щеку. Юрту топятъ разъ по 8 въ день, что содѣйствуетъ хорошей ея вентиляціи. У осѣдлыхъ юрта имѣетъ видъ землянки, у кочевыхъ — шатра, покрываемого оленьими шкурами. Торговля съ русскими не приноситъ инородцамъ никакихъ выгодъ и только ведетъ за собою неизбежную кабалу ихъ. Особенно плохо приходится инородцамъ, когда торговлю съ ними захватываютъ въ свои руки мелкіе чиновники. Такъ, по словамъ «Си-

Всѣй груза.

(Къ ст. «Углекопы».)

нога, еще не вовсе остывшая. Принялись мы свѣжевать, т. е. буквально драть когтями — ногтями, пилить ножами, глотать зубами. Эта живая картина туземнаго быта мнѣ всегда казалась поразительною. При тускломъ мерцаніи ночника въ кучку собрались нагіе люди и глотаютъ сырую кость. Живое подобіе полярнаго медвѣдя въ семейной медвѣжьей берлогѣ. Таковъ полярный человѣкъ.

Единственная забота жителя этихъ краевъ состоитъ въ томъ, чтобы не умереть съ голода. Лѣтомъ здѣсь бываетъ множество утокъ, гусей, лебедей, чаекъ, альбатросовъ. Въ рѣки заходитъ съ моря множество превосходной рыбы, сель, муксумъ, пятичетвертная нельма, полуцудовые гольцы, стерлядь, омули. Немногочисленное чукотское племя коряковъ, кочующее по Анадыру, и юкагиры, бродящіе по берегамъ Яны, Индигирки, Алазея, Колымы и Анюя, кормятся преимущественно дикими оленями, шкуры которыхъ превосходно выдѣлываются ихъ женами. Весною, съ появленіемъ комаровъ и мошки олени уходятъ отъ нихъ въ прохладныя и богатые мхомъ тундры сѣвера, а осенью, съ приближеніемъ хо-

бирскаго Вѣстника» (1866 г. № 13), «въ Гижигѣ частная торговля идетъ плохо, потому что тамъ черезъ исправника торгуетъ казна товарами, посылаемыми канцеляріей изъ Николаевска, подъ предлогомъ обезпеченія казаковъ и инородцевъ. Исправникъ имѣетъ и свои товары... Всѣ эти товары и хлѣбъ находятся въ распоряженіи урядника, который продаетъ ихъ инородцамъ за звѣрей, а казакамъ даетъ въ счетъ будущаго жалованья. Но самыя нужныя и ходовыя вещи отдѣляются для Р., который записавшись въ гильдію, разбѣгаетъ по округу и беретъ по хорошей шкурѣ съ каждаго инородца. Чтобы дѣла шли успѣшнѣе, онъ снабжается и пороховъ, который для другихъ есть товаръ недоступный... Гижигинскіе куцы, въ виду конкуренціи со стороны казенной торговли, совсѣмъ опустили руки... Инородцы всѣ должны купцамъ и не въ состояніи уплатить этого долга, хотя взмысканіе его купцы производятъ съ примѣрною строгостью, обирая у инородцевъ всѣхъ соболей, и не оставляя нисколько у нихъ даже для уплаты ясака... Между товарами исправника, первое мѣсто и значеніе имѣетъ водка, которою распоряжается

супруга исправника через вѣстового казака». Кроме того, тамошніе инородцы страстно любятъ настой мухомора на уринѣ. «Чукчи и коряки предпочитаютъ мухоморъ даже водкѣ, потому что послѣ опьяненія отъ него не чувствуется головной боли. Мухоморъ растетъ по всему Охотскому побережью, но самый обильный сборъ его бываетъ въ Ямскѣ, откуда онъ и привозится въ Гижигу для коряковъ и чукчей. Чрезмѣрное употребленіе мухомора часто бываетъ причиною смерти. Торговля мухоморомъ въ Андырскѣ укоренилась давно. Здѣсь его закупаютъ анадырскіе чукчи; они идутъ на встрѣчу носовымъ чукчамъ, возвращающимся съ колымской ярмарки, и вымѣниваютъ его на табакъ очень выгодно». Главная торговля мухоморомъ находится въ рукахъ купца К...

Въ настоящее время, коряки и юкагиры совершенно мирны, но въ XVII и XVIII в., когда они были гораздо многочисленнѣе, они своими постоянными бунтами держали въ страхѣ всѣ русскія поселенія сѣверовосточной Сибири. Иркутская провинціальная канцелярія 9 іюля 1752 года предписывала начальникамъ гижигинской, анадырской и охотской военныхъ командъ—инородцевъ, «за ихъ непостоянства и замѣрзлыя издревле злодѣйства всѣхъ побить и въ конецъ раззорить, кромѣ малолѣтнихъ дѣтей ихъ», которыя предназначались въ рабство. Но команды не могли буквально исполнить этого предписанія. Казаки вообще бѣдствовали, болѣли цынгой, ходили нагишемъ даже въ походы, часто голодали, а начальникъ сибирскихъ войскъ, генералъ Киндерманъ, проектировалъ «убійная казны ея и. в. уцѣрба, продовольствовать ихъ вмѣсто хлѣба толченою сосною корою». Но съ другой стороны, походъ на инородцевъ былъ для войска источникомъ пропитанія и обогащенія, и они старались по мѣрѣ силъ своихъ. Вотъ, напр., капитанъ Шатиловъ, съ командою идетъ въ Тайгунось «для призыву измѣнниковъ корякъ въ подданство и въ ясачной платежъ. И апрѣля 9-го за противность, ихъ, какъ они вѣрноподанныхъ ея и. в. народовъ непріятельски смертно побивали и въ конецъ раззоряли, такими же мѣрами и они, измѣнники, сами побиты и вовсе искоренены, числомъ однихъ лучниковъ до 120 чел., кромѣ подростковъ и малыхъ ребятъ, а всѣхъ поголовно, большихъ и малыхъ, ста съ два и больше, и при томъ взято въ плѣнъ мужеска и женска полу 12 человекъ». Или вотъ какъ, по словамъ ихъ рапорта, искореняли коряковъ сержанты Игнатьевъ и Бѣлобородовъ. 4-го августа Игнатьевъ погнался за коряками, плывшими по морю на 21 байдарѣ въ Тайгуносу, и «призывая Всемогушаго Бога въ помощь началъ ихъ на водѣ штурмовать, а которые выбѣгали на берегъ, тѣхъ побивалъ сержантъ Бѣлобородовъ съ оленями тунгусами. Сколько было побито, знать невозможно, потому что баталія происходила на водѣ, но напр., по ихъ обращенію, въ каждой байдарѣ бываетъ, кромѣ женскаго пола и малолѣтнихъ дѣтей, человекъ по 15 и по 20, а менѣе того мало бываетъ, и ежели въ показанныхъ 21 байдарѣ исчислить по примѣру хоша по 15, и того съ помощью Божіей побито съ 350 человекъ, а 21 байдара въ добычу получена, сухого рыбнаго корму, юколы, взято вязокъ близко до 1000, а въ каждой вязкѣ исчислить вѣсу по пуду, то имѣетъ быть 1000, а китовыхъ жировъ получено многое число», и т. д. Въ дальнѣйшихъ свѣдѣніяхъ сержанты убили 152 коряка, да въ плѣнъ взяли 141 ч. и въ заключеніе своего рапорта писали: «И за такую ихъ противъ непріятелей бунтовщиковъ и измѣнниковъ корякъ благополучность и поискъ, служилые люди обѣщаніе положили на этой р. Гижигѣ построить церковь во имя архангела Михаила, и просить, чтобы истребовать, откуда надлежитъ, благословеніе, также и антмосу и церковной утвари».

Эти походы сильно поубавили инородцевъ, а когда прекратились походы, начались другія бѣдствія. У коряковъ даже въ началѣ настоящаго столѣтія были оленьи стада по 10,000 головъ, но жители Гижиги, при каждомъ неудовѣ рыбы и голодовкѣ, начали отнимать у нихъ оленей. Въ 1831 г., напр., корякъ Кегылтаевъ кочевалъ на р. Таловкѣ. Приѣхалъ лекарь Ивановъ и объявилъ ему, что по случаю голодовки въ Гижигѣ, онъ долженъ прикочевать со своими оленями къ городу. Только по усиленнымъ просьбамъ Кегылтаева ему дозволено вмѣсто Гижиги идти къ Паренгѣ, гдѣ взяли у него и тотчасъ угнали въ Гижигу всѣхъ оленей. Число оленей, отнятыхъ у инородцевъ русскими, было: въ 1816—1818 г. на 9194 р., въ 1826—1828 г. на 5707 р., въ 1832 г. на 2435 р., въ 1840 г. на 2060 р.; въ 1841—1843 г. на 2990 р. и т. д. Коряки лишились своихъ стадъ и многіе умерли съ голода. Случается иногда, что дикіе олени, при упомянутой переправѣ черезъ Калыму, перебираются черезъ нее не въ томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ стерегутъ юкагиры, и за неудачною охотою на нихъ слѣдуетъ голодъ. Заготовлять въ прокъ рыбу инородцы не умѣютъ, за частыми неудовами ея начинается голодъ и слѣдуетъ смерть отъ голоднаго тифа. Оспа и корь періодически опустошаютъ край, а сифилисъ, слоновья проказы и жиганка, видъ сумасшествія, врождѣ клікушества, не переводятся въ немъ. Малочисленное русское населеніе вырождается, инородцы вымираютъ и, по всей вѣроятности, недалеко то время, когда погибнутъ послѣдніе коряки и юкагиры. Юкагировъ остается всего 1500 ч.; всѣ они числятся христианами, говорятъ порусски и совершенно забыли свой языкъ.

Кромѣ чукчей, коряковъ и юкагировъ въ упомянутыхъ округахъ живутъ до 3000 тунгусовъ и остатки племени чуванцевъ, около 250 ч. Чуванцы тоже забыли свой языкъ, превратились въ батраковъ и говорятъ на языкахъ своихъ хозяевъ, по-чукотски, по-корякски, по-русски.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Электрическое освѣщеніе.

Статья Джона Тиндала, переводъ А. А. Разсказовой. (Окончаніе.)

Изобрѣтатели, занимающіеся изучаемымъ нами предметомъ, дѣлятся на два класса: на дѣлающихъ машины и придумывающихъ регуляторы. Рапиевъ принадлежалъ до сихъ поръ къ послѣдней категоріи; но я недавно узналъ, что онъ работаетъ въ настоящее время надъ машиной, которая позволитъ причислить его къ первой. Вмѣсто двухъ угольныхъ конусовъ, Рапиевъ употребляетъ двѣ пары, каждая въ видѣ буквы V. Свѣтъ производится въ точкѣ соединенія четырехъ углей. Система регулятора изъ самыхъ простыхъ. У основанія, на которомъ прикрѣплены угли, находятся 2 маленькіе электро-магнита. Одинъ изъ нихъ, при прохожденіи тока, сближаетъ угли и тѣмъ самымъ отбрасывается въ цѣпи, предоставляя другому заботу регулированія свѣта. Угли сближаются подъ вліяніемъ тяжести, дѣйствующей за одно съ электро-магнитомъ. Благодаря щедрости издателей Times'a, Рапиевъ могъ заняться усовершенствованіемъ и упрощеніемъ своего изобрѣтенія въ скверѣ Принтинъ-гоуза. Освѣщеніе типографіи, которымъ я имѣлъ удовольствие любоваться въ сопровожденіи самого Рапиева, чрезвычайно сильное и пріятное для глазъ. Онъ, кажется, помѣщаетъ по 5 лампъ въ одну цѣпь, а регуляторы устроены такимъ образомъ, что можно потушить одну лампу, не прекращая дѣйствія другихъ. Рапиевъ недавно еще болѣе усовершенствовалъ свой регуляторъ.

Я могу упомянуть здѣсь еще нѣсколькихъ изобрѣтателей, число которыхъ увеличивается съ каждымъ днемъ.

Репутація Вердермана уже давно установилась. Употребляя дискъ вмѣсто отрицательнаго угля и угольный конусъ вмѣсто положительнаго, онъ достигъ, какъ меня увѣряли, удовлетворительныхъ результатовъ. Вслѣдствіе небольшого сопротивленія, соответствующаго длинѣ вольтовой дуги, Вердерманъ можетъ вводить нѣсколько лампъ въ цѣпь тока съ умѣреннымъ напряженіемъ.

Ренье тоже изобрѣлъ небольшую, но очень хорошенъкую лампу, въ которой вершина тоненькаго угольнаго конуса соприкасается съ поверхностью, вращающагося подъ нею, небольшого плоскаго круга изъ того же матеріала. Свѣтъ исходитъ изъ точки соприкосновенія.

Наконецъ, одинъ изъ послѣднихъ успѣховъ въ усовершенствованіи регуляторовъ, хотя мнѣ извѣстно, что это уже не послѣдній, состоитъ въ слѣдующемъ. Положительный уголь портится скорѣе отрицательнаго, и это приписываютъ большей теплотѣ перваго. Вильяму Сименсу пришла мысль охлаждать искусственнымъ способомъ отрицательный уголь, чтобы уменьшить или задержать его порчу. Онъ достигаетъ этого, покрывая отрицательный полюсъ пустымъ мѣднымъ конусомъ, и чрезвычайно остроумнымъ способомъ, впуская внутрь него струйку воды. Эта отрицательная мѣда не портится и крѣпко держится на мѣстѣ, остается только регулировать положительный уголь. Я видѣлъ эту лампу и могу засвидѣтельствовать объ успѣшности этой системы.

Я бы могъ указать еще много другихъ изобрѣтеній. Есть что-то поразительное въ томъ энтузіазмѣ, съ которымъ всѣ изобрѣтатели пускаются въ область прикладнаго электричества. Состояніе вопроса измѣняется ежедневно, благодаря успѣхамъ и усовершенствованіямъ, какъ машинъ, такъ и регуляторовъ. Я не сомнѣваюсь, что въ близкомъ будущемъ электрической свѣтъ вытѣснитъ въ публичномъ освѣщеніи газъ, но не столь увѣренъ въ этомъ отношеніи освѣщенія внутренности нашихъ жилищъ. Однакожъ, изъ боязни поколебать какимъ-либо неосторожно вырвавшимся словомъ направленіе теченія, я ограничусь только-что высказаннымъ замѣчаніемъ.

Честь обращенія конусообразныхъ углей какъ бы въ настоящія свѣчи для горѣнія, выпала на долю молодого русскаго офицера Яблочкова. Онъ ставитъ два небольшіе угля вертикально, на близкомъ разстояніи одинъ отъ другого, а раздѣляющее ихъ пространство наполняетъ изолирующей матеріей, какъ, на примѣръ, гипсомъ. Угли утверждены на металлическихъ подставкахъ. Первоначальное сообщеніе между ними происходитъ черезъ маленькую поперечину изъ того же вещества, положенную горизонтально между двумя верхними оконечностями. Эта поперечина немедленно уничтожается или сбрасывается токомъ, а разъ установленное сообщеніе поддерживается уже само-собою. Угли понемногу уменьшаются, а изолирующая ихъ матерія таетъ, какъ воскъ. Это сравненіе относится только къ таянію, такъ какъ, по отношенію къ току, изолирующій гипсъ совершенно бездѣтеленъ. Рапиевъ и Вильде доказали, что изолирующее вещество можно уничтожить и токъ будетъ безпрепятственно переноситься съ одного угля на другой.

Меритенсъ недавно представилъ другую свѣчу, въ которой гипсъ уничтоженъ, а вмѣсто него между двумя главными углями помѣщается третій, такой же формы, изолированный. Съ помощью небольшой машины этого же изобрѣтателя я могу зажечь передъ вами обѣ свѣчи, дающія очень яркій свѣтъ *).

*) Машины Меритенса и Фармеръ-Валласа приводились въ дѣйствіе машиной, дѣйствующей газомъ, данной для опытовъ Крослеемъ изъ Манчестера. Машина Сименса приводилась въ дѣйствіе паромъ.

При свѣтѣ Яблочкова необходимо, чтобы угли сгорали съ одинаковой скоростью, отсюда вытекаетъ необходимость попеременнаго тока, обеспечивающаго равное потребленіе углей. Понятно, что Яблочковъ совершенно уничтожилъ регуляторы, замѣнивъ ихъ своей свѣчей. Свѣтъ, разливаемый ею надъ плотиною Темзы съ Гольборнскаго моста, чрезвычайно силенъ, несмотря на то, что большое его количество теряется въ пространствѣ. Лампы Яблочкова выигрываютъ бы болѣе въ улицахъ отъ отраженія свѣта соседними домами, чѣмъ въ томъ положеніи, какое онѣ занимаютъ теперь въ Лондонѣ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда мнѣ нуженъ былъ какой-нибудь новый сложный инструментъ, я имѣлъ обыкновеніе отпраляться къ строителю, которому желалъ поручить его устройство и вмѣстѣ съ нимъ разсматривалъ проектъ. Наблюденія надъ духомъ изобрѣтателей, которыя я имѣлъ возможность дѣлать при этомъ, были для меня въ высшей степени интересны. Особенно сильное впечатлѣніе производилъ на меня покойный Даркеръ, фабрикантъ физическихъ инструментовъ въ Ламбетѣ. Жизнь этого человѣка была постоянной борьбой, и это понятно. Какъ ни прибыльна въ промышленномъ отношеніи его работа, онъ отодвигалъ ее на задній планъ, стараясь усвоить и осуществить мысль ученаго. Онъ обладалъ талантомъ изобрѣтателя и жилъ его радостями. Бекеръ также былъ одаренъ въ высшей степени этой способностью. На континентѣ можно указать на Фромана, Брегета, Зауервальда и другихъ, какъ на подобные же выдающіеся таланты. Такіе умы похожи на жидкость въ моментъ кристаллизаціи. Какъ скоро ими овладѣваетъ кака-нибудь идея, кристаллы мысли стремятся со всѣхъ сторонъ въ ихъ мозгъ для ея осуществленія. Сдѣланное уже Эдисономъ показываетъ, что онъ одаренъ высшей степенью этого созерцательнаго могущества. Онъ обладаетъ проницательностью, помогающей ему усвоивать отношеніе между фактомъ и принципомъ, а также искусствомъ извлекать отсюда новыя конкретныя соединенія. И хотя онъ ничего не сдѣлалъ для электрическаго освѣщенія, чтобы можно было признать совершенно новымъ, это не даетъ намъ права заключать, что онъ былъ бы не въ состояніи исполнить разрѣшить занимающую его проблему.

Постараюсь объяснить вамъ, какъ можно проще, систему электрическаго освѣщенія, приписываемую Эдисону. Для этого я напомнимъ о законахъ движенія тока—Ома, и объ отношеніи, существующемъ между сопротивленіемъ и произведеніемъ теплоты и свѣта—Жуля. Отъ одного изъ полюсовъ столба идетъ проволока, развѣтвляющаяся на данномъ разстояніи на двѣ вѣтви, которыя опять соединяются въ одну, прикрѣпленную къ другому полюсу. Исходя изъ положительнаго полюса, токъ направляется по проволоцѣ до точки ея развѣтвленія, гдѣ онъ дѣлится на двѣ вѣтви, дѣйствуя по извѣстному закону. Если обѣ вѣтви представляютъ одинаковое сопротивленіе, токъ дѣлится между ними поровну. Если сопротивленіе въ одной менѣе, чѣмъ въ другой, большая половина тока направится по легчайшему пути. Законъ таковъ, что токъ дѣлится обратно пропорціонально сопротивленію.

Вода даетъ намъ видимый примѣръ примѣненія этого закона. Когда рѣка на пути встрѣчаетъ островъ, теченіе ея раздвоявается; вода, обойдя препятствіе съ обѣихъ сторонъ, соединяется въ одно русло. Если оба русла имѣютъ одинаковую глубину, ширину и покатость, вода дѣлится между ними поровну. Если же между ними есть разница, вода въ большемъ количествѣ устремляется въ широкій протокъ. И какъ рѣка можетъ образовывать въ своемъ теченіи безчисленное количество островковъ, подраздѣляясь на множество протоковъ, такъ и число развѣтвленій электрическаго

тока можетъ быть неограниченно, и токъ раздѣлится между ними согласно закону, устанавливающему отношеніе между истеченіемъ и сопротивленіемъ.

Примѣнимъ этотъ принципъ. Предположимъ, что изолированный мѣдный прутъ, который мы назовемъ «большимъ электрическимъ проводникомъ», проходитъ вдоль нашихъ улицъ, напр., Странда. Соединимъ этотъ прутъ съ однимъ изъ полюсовъ очень сильной батареи, другой же полюсъ соединимъ посредствомъ металлическаго проводника съ газовыми трубами нашихъ улицъ. Пока электрическій проводникъ не соединенъ съ трубами, цѣпь не замкнута, и никакой токъ не можетъ пройти; но какъ скоро кака-нибудь часть проводника, на какомъ бы то ни было разстояніи отъ батареи, будетъ соединена съ газовыми трубами, цѣпь замкнется и токъ пройдетъ по ней. Положимъ, что батарея помѣщена въ Чаринъ-Кроссѣ, а развѣтвленіе мѣднаго прута произошло у Сомерсетъ-гоуза; проволока, составляющая вѣтвь прута, можетъ проникнуть въ домъ, гдѣ, идущій по ней токъ, можетъ быть подраздѣленъ на неограниченное число второстепенныхъ развѣтвленій, соединяющихся въ послѣдствіи и посредствомъ газовыхъ трубъ возвращающихся къ батарее. Всѣ эти второстепенныя токи могутъ привести въ каленіе одинъ изъ огнеупорныхъ металловъ, напр., иридій или одно изъ его соединеній. Вмѣсто одного развѣтвленія главный проводникъ можетъ образовать сотни. Токъ раздѣлится всегда строго въ предѣлахъ закона, способность произведенія свѣта ограничивается единственно силой его напряженія. Способъ дѣленія тока имѣетъ много общаго съ циркуляціей крови: главный электрическій проводникъ, по которому токъ выходитъ изъ батареи, похожъ на главную артерію: газовыя трубы, по которымъ онъ возвращается назадъ—на вены; а промежуточные развѣтвленія—на различныя кровеносныя сосуды, разносящія кровь по всему тѣлу.

Таковъ, если я хорошо понялъ, способъ электрическаго освѣщенія, предложенный Эдисономъ. Мы уже имѣемъ электрическую силу. Мы также знаемъ огнеупорныя металлы, переносящіе высокое каленіе. Принципы дѣленія тока, такъ же, какъ произведеніе имъ свѣта и теплоты, давно извѣстны. Здѣсь уже нѣтъ мѣста «открытію» въ научномъ значеніи этого слова, но широкое поле для механическаго усовершенствованія, которому мы уже обязаны швейной машинѣ и многими другими полезными изобрѣтеніями. Хорошо понимая сложность задачи, я предпочитаю видѣть ее въ рукахъ Эдисона, чѣмъ въ моихъ *).

Часто указываютъ, какъ на одно изъ качествъ электрическаго свѣта, на свѣтъ безъ теплоты; но для доказательства ложности этого мнѣнія стоитъ только указать на опыты Дэви, который доказалъ, что жаръ вольтовой дуги превосходитъ всякую другую земную теплоту. Можно бы въ точности анализировать, что испускаютъ изъ себя оконечности углей. Для упрощенія вопроса изслѣдуемъ платиновую проволоку, сперва нагрѣтую слегка токомъ, затѣмъ, постепеннымъ его усиленіемъ, доведенную до бѣлаго каленія. Въ первомъ періодѣ нагрѣванія проволока испускаетъ лучи, не дѣйствующіе на зрительный нервъ. Это мы называемъ невидимыми лучами. Проволока начинаетъ испускать слабый красноватый свѣтъ при температурѣ 1,000 градусовъ Фаренгейта (538 Цельсія). Лучи, испускаемые до краснаго каленія—лучи невидимые, которые согреваютъ руку, но не производятъ впечатлѣнія на глазной нервъ. Когда же температура проволоки доходитъ до бѣлаго каленія, темныя лучи не только не уничтожаются, но сила ихъ гро-

мнымъ образомъ увеличивается. Они составляютъ около 95 на 100 всего лучеиспусканія платиновой проволоки, доведенной до бѣлаго каленія. Они составляютъ около 90 на 100 при испусканіи великолѣпнаго электрическаго свѣта. Совершенно немислимо получать угольный электрическій свѣтъ безъ этого невидимаго лучеиспусканія. Видимое лучеиспусканіе основано, такъ сказать, на невидимомъ, какъ на необходимомъ фундаментѣ.

Не трудно убѣдиться нагляднымъ образомъ, какъ возрастаетъ сила невидимыхъ лучей, по мѣрѣ того какъ увеличивается лучеиспусканіе. Простые газы и металлоиды, каковы: кислородъ, водородъ, азотъ, хлоръ, іодъ, бромъ, сѣра, фосфоръ и даже уголь обладаютъ чрезвычайной «теплопрозрачностью» для невидимыхъ лучей. Растворенный въ надлежащей жидкости, іодъ совершенно останавливаетъ видимое лучеиспусканіе и выявляетъ невидимое. Профессоръ Деваръ, растворивши іодъ въ сѣрѣ, далъ намъ еще одну превосходную лучевую фильтру. Этотъ растворъ столь же непроницаемъ для лучей видимыхъ, какъ смола, и совершенно прозраченъ для невидимыхъ. Съ такими фильтрами легко отдѣлять невидимые лучи отъ полнаго лучеиспусканія и слѣдить за ихъ увеличеніемъ при усиленіи свѣта. Принимая за единицу лучеиспусканія платиновую проволоку въ тотъ моментъ, когда она становится теплой на осязаніе,—когда слѣдовательно всѣ ея лучи невидимы,—невидимое лучеиспусканіе этой же проволоки, доведенной до бѣлаго каленія, можетъ быть выражено цифрою 500 или даже болѣе.

Свѣтовое испусканіе мы приобретаемъ не черезъ уменьшеніе или превращеніе испусканія невидимаго; теплородные лучи не уступаютъ по силѣ свѣтовымъ; они ихъ предшественники и необходимыя спутники. Изолированныя и концентрированныя, эти могущественныя теплородные лучи могутъ производить тоже дѣйствіе, какое приписывалось зеркаламъ Архимеда во время осады Сиракузъ. Не испуская ни малѣйшаго свѣта, не колебля самаго чувствительнаго воздушнаго термометра, они воспламеняютъ бумагу, сожгутъ кусокъ дерева, приведутъ въ раскаленное состояніе сгораемые металлы. Если же они натолкнутся на огнеупорный металлъ, который выдержитъ силу ихъ удара не расплавляясь, они могутъ довести его до такой степени бѣлаго каленія и сіянія, что испускаемая имъ теплота становится доступной спектральному анализу. Такимъ образомъ, темныя лучи, выдѣляемые раскаленнымъ углемъ, обращаются въ свѣтовые всѣхъ цвѣтовъ. Но такъ-же безсиліе этихъ лучей дѣйствовать на зрѣніе, что глазъ, приблизившись къ самому фокусу, гдѣ листокъ платины приходитъ въ красное каленіе, не испытываетъ никакого ощущенія.

При одинаковомъ свѣтѣ, безъ сомнѣнія, количество теплоты, распространяемой въ окружающемъ воздухѣ раскаленными углями, гораздо менѣе, чѣмъ количество, распространяемое газовымъ пламенемъ. Ея менѣе отъ незначительнаго объема угля и относительно небольшого количества горячаго матеріала. Ея менѣе потому, что воздухъ не можетъ такъ примѣшиваться къ углямъ, какъ къ пламени. Температура послѣдняго уменьшается примѣсью газа, составляющаго $\frac{4}{5}$ нашей атмосферы и который, поглощая и разсѣивая теплоту, ничѣмъ не способствуетъ горѣнію; и это уменьшеніе температуры пламени бездѣйственнымъ азотомъ атмосферы заставляя сжигать большее количество газа для произведенія необходимаго свѣта. Въ дѣйствительности же, какъ это не звучитъ парадоксально, единственной причиной кажущейся холодности электрическаго свѣта—его чрезвычайно возвышенная температура. Эта температура дѣлаетъ разницу между свѣтовой теплотой и невидимой большею

*) Тридцать лѣтъ назадъ лучеиспусканіе раскаленной до-бѣла платины было хорошо изслѣдовано докторомъ Драперомъ изъ Нью-Йорка.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА ТОРНОЕ.

Сцена въ тавернѣ.
Рѣзаль на деревѣ А. А. Шлипперъ, въ С.-Петербурѣ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА МАТИАСА ШМИДТА.

Тирольцы въ дорогѣ.

Съ фотографическаго снимка рѣзалъ на деревѣ А. А. Шлипперъ, въ С.-Петербургѣ.

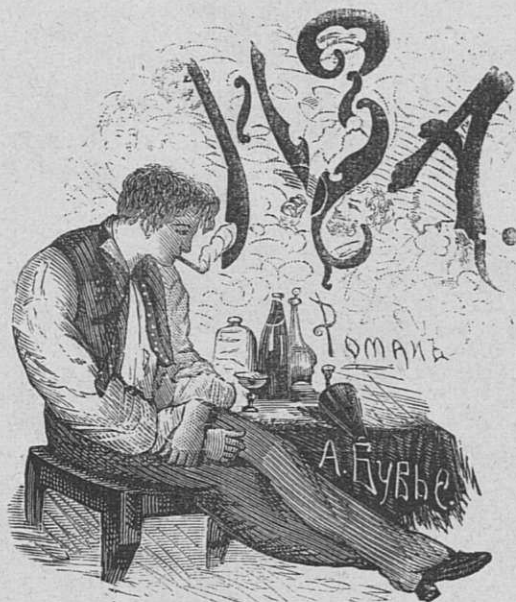
въ электрическомъ свѣтѣ, чѣмъ въ самомъ яркомъ пламени. Къ тому же электрическій свѣтъ не нуждается въ воздухѣ для поддержки; онъ свѣтитъ въ совершенной пустотѣ. Его теплота и свѣтъ существуютъ, слѣдовательно, не на счетъ жизненнаго элемента атмосферы; онъ разливаетъ свой свѣтъ не въ ущербъ воздуху.

Два рода умовъ особенно способствовали успѣхамъ изучаемаго нами вопроса; во-первыхъ, искатели, которые открывали съ цѣлью чисто научной, не заботясь о практическихъ результатахъ; во-вторыхъ, механики, имѣвшіе въ виду уже промышленную цѣль. Въ большинствѣ случаевъ можно, конечно, сказать, что первые ищутъ только познаній, вторые — пріобрѣтенія денегъ; но не рѣдкость встрѣтить механика, который, забывая выгоды, увлекается интересующей его работой. Однакожъ, какъ часто члены одной изъ этихъ категорій полезныхъ людей презираютъ членовъ другой. Кювье, напримѣръ, съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ предоставляет свои научныя открытія людямъ, примѣняющимъ ихъ: «Ваши величайшіе практическіе подвиги, только легкое примѣненіе истинъ, открытыхъ не съ этой цѣлью, — истинъ, къ которымъ открыватели стремились ради самой истины, увлекаемые жаждой знанія. Примѣнители не могли бы сами дойти до нихъ, тогда какъ открыватели не имѣли ни времени, ни желанія привести ихъ къ практическимъ результатамъ. Постройка фабрикъ, основаніе колоній, корабли, бороздящіе моря, это изобиліе, роскошь, шумъ» — «это волненіе» прибавилъ бы онъ, если бы жилъ въ настоящее время, по вопросу объ электрическомъ освѣщеніи — все имѣетъ начало въ научныхъ открытіяхъ, хотя остается имъ чуждо. Какъ только открытіе появляется на рынокѣ, оно покидается сдѣлавшимъ его и не касается до него болѣе.

При начертаніи этихъ строкъ, Кювье, конечно, не подумалъ, какое вліяніе на науку можетъ имѣть практическое примѣненіе этой самой науки. Усовершенствованіе стараго инструмента или изобрѣтеніе новаго, придають часто новую силу и способность научному изслѣдователю. А развѣ улучшеніе народнаго благосостоянія не есть цѣль, достойная лучшихъ стремленій человѣческаго ума. Однакожъ не слѣдуетъ забывать, что эти практическія примѣненія, поражающія глаза публики и вызывающія восторгъ, обязаны своимъ происхожденіемъ усидчивымъ трудамъ, начатымъ, продолжаемымъ и кончаемымъ съ чисто-научной цѣлью. «Очень немногіе, говоритъ Пастеръ, понимаютъ дѣйствительное начало чудесъ промышленности и народнаго богатства. Лучшимъ доказательствомъ этому служить такъ часто употребляемое на конференціяхъ, въ рѣчахъ и официальномъ языкѣ, ложное выраженіе «прикладныя знанія». Недавно одинъ изъ высокочтимыхъ государственныхъ людей сказалъ, что царство теоретической науки уступило свое мѣсто прикладнымъ знаніямъ. Что можетъ быть опаснѣе, даже для практической жизни, послѣдствій, которыя могутъ повлечь за собой эти слова. Они доказываютъ только настоятельную необходимость реформы въ нашемъ высшемъ образованіи. Не существуетъ отдѣла наукъ, которому бы было приложимо названіе «прикладныя знанія». У насъ есть наука и ея примѣненія, двѣ вещи столь же тѣсно соединенныя между собой, какъ дерево и его плодъ.

Позвольте еще одно послѣднее замѣчаніе. Между нами есть небольшая кучка преобразователей, — людей съ высшими мыслями и возвышенными стремленіями, — которые хотѣли бы научные процессы ума подчинить контролю особаго рода іерархіи; отъ нея ученый получалъ бы указаніе на цѣль, къ достиженію которой долженъ стремиться. Какимъ образомъ пріобрѣтеть эта іерархія нужная для этого познанія, они не ука-

зываютъ. Они осуждаютъ научныя теоріи; они не хотятъ слышать объ эфирѣ или атомахъ, по ихъ мнѣнію, стоящихъ внѣ міра фактовъ; однакожъ эти понятія (объ эфирѣ, атомахъ и пр.), ускользающія отъ нашихъ чувствъ, не разъ наводили на слѣды важныхъ открытій. Это идеальный источникъ, изъ котораго истинныя адепты натуральной философіи почерпаютъ вдохновеніе и средства для объясненія общности наблюдаемыхъ фактовъ. Въ этомъ идеальномъ мірѣ жилъ Фарадей. Когда полстолѣтія назадъ этотъ великій чело-вѣкъ извлекъ изъ магнита первую искру, одинъ изъ сановниковъ оксфордскаго университета выразилъ свое сожалѣніе, что подобное открытіе дастъ только въ руки поджигателей новое удобное орудіе для преступленія. Къ этому сожалѣнію іерархія позитивистовъ присоединила бы, конечно, запрещеніе; она отослала бы Фарадея къ его переплетному ремеслу, какъ болѣе почетному и полезному занятію, чѣмъ забава съ магнитомъ. И однакожъ, эта искра Фарадея освѣщаетъ теперь наши берега, общается въ недалекомъ будущемъ освѣщать наши улицы, набережныя, площади, дворцы, магазины и, можетъ быть, даже наши дома.

(Продолженіе.)

Глава IV.

Морисъ ничего не понимаетъ.

Когда Мориса арестовали въ его квартирѣ, Амели бросилась на полицейскихъ съ крикомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не возьмете моего брата.

Морисъ поцѣловалъ ее и, нѣжно оттолкнувъ, сказалъ:

— Замолчи, Мели, тутъ недоразумѣніе. Людей ни въ чемъ невиновныхъ не арестуютъ. Я поѣду съ этими господами въ префектуру, тамъ все объяснится и я вернусь очень скоро... приготовь завтракъ.

Но стараясь казаться хладнокровнымъ, Морисъ былъ въ сущности сильно взволнованъ, голосъ его дрожалъ.

— Въ чемъ его обвиняютъ? спросила Амели со слезами у полицейскаго комисара.

— Я только исполняю приказъ объ арестѣ и не знаю, чѣмъ оно мотивовано, отвѣчалъ комисаръ, тронутый отчаяніемъ молодой дѣвушки: — если тутъ ошибка, какъ говоритъ вашъ братъ, то въ префектурѣ все объяснится въ двѣ минуты. Отпустите его безъ всякаго опасенія.

— Позвольте мнѣ отправиться съ нимъ.

— Нѣтъ, это невозможно. Господа, сопровождающіе насъ (и онъ указалъ на сыщиковъ), должны произвести здѣсь обыскъ и, конечно, имъ понадобится распросить васъ кое о чемъ.

— Обыскъ! повторилъ Морисъ съ изумленіемъ.

— Ну, одѣвайтесь скорѣе, намъ пора ѣхать, сказалъ комисаръ, принимая сухой, повелительный тонъ.

Пораженный удивленіемъ и страхомъ, Морисъ удался въ свою комнату въ сопровожденіи двухъ сыщиковъ. Комисаръ позвалъ съ лѣстницы еще трехъ полицейскихъ.

— Вотъ сестра, сказалъ онъ.

Видя столько народа, Амели покраснѣла и хотѣла убѣжать въ свою комнату, чтобы одѣться, но одинъ изъ агентовъ схватилъ ее за руку.

— Куда, сказалъ онъ грубо.

— Позвольте мнѣ одѣться, сказала Амели, широко раскрывая глаза отъ удивленія.

— Успѣете, оставайтесь здѣсь.

Потомъ, сдѣлавъ знакъ своимъ товарищамъ, сыщикъ прибавилъ:

— Идите скорѣе и произведите обыскъ.

Полицейскіе повиновались и сыщикъ хотѣлъ приступить къ допросу молодой дѣвушки, но комисаръ остановилъ его словами:

— Подождите, пока мы уйдемъ.

Смущенная Амели забила въ уголокъ и молча плакала отъ стыда и страха. На ней была только одна юбка и она старалась прикрыть свои обнаженные плечи платкомъ. Черезъ нѣсколько минутъ Морисъ вышелъ изъ своей комнаты одѣтый. Два агента слѣдовали за нимъ. Сестра бросилась къ нему на шею.

— О, возвратись, скорѣе, скорѣе, бормотала она сквозь слезы и, желая что-то прибавить шепотомъ, нагнулась къ его уху, но комисаръ сдѣлалъ знакъ полицейскимъ и одинъ изъ нихъ оттащилъ ее въ сторону, а другой быстро вывелъ изъ комнаты Мориса.

Бѣдный юноша шелъ не твердыми шагами и дрожа всѣмъ тѣломъ. Теперь не надо было казаться хладнокровнымъ для успокоенія сестры и онъ вполне предался отчаянію. Ему помогли сѣсть въ карету. Комисаръ помѣстился съ нимъ рядомъ, а два сыщика напротивъ, на передней скамейкѣ. Лошади тронулись. Морисъ хотѣлъ говорить, но слова замирали на его губахъ. Полицейскіе, обходившіеся съ нимъ въ квартирѣ довольно мягко, чтобы избѣжать скандала, теперь приняли мрачный, строгій видъ. Внѣ себя отъ волненія, Морисъ безсознательно смотрѣлъ по сторонамъ и, видя шедшихъ по улицѣ рабочихъ, спрашивалъ себя, что скажутъ о немъ товарищи, узнавъ объ его арестѣ. Наконецъ, онъ собрался съ силами и спросилъ у комисара:

— Вы не хотѣли сказать при моей сестрѣ причину моего ареста; но теперь вы мнѣ объясните, зачѣмъ меня взяли.

— Мнѣ нечего вамъ объяснять, вы сами должны знать.

И всѣ три полицейскіе переглянулись, какъ бы говоря: «онъ прикидывается невиннымъ, мы знаемъ эту уловку».

— Клянусь, господа, что я ничего не знаю, продолжалъ Морисъ, замѣтивъ, что агенты переглянулись; — я ничего не сдѣлалъ, чтобы заслужить арестъ. Я простой рабочій и живу честно своимъ трудомъ. У меня даже нѣтъ долговъ.

— Нѣтъ долговъ, значитъ вы всѣ заплатили, сказалъ страннымъ тономъ комисаръ.

— У меня никогда ихъ не было.

— Увидимъ.

— Я не сдѣлалъ никому ни малѣйшаго вреда и не занимаюсь политикой.

— Вы знаете, что политика не замѣшана въ вашемъ дѣлѣ. Избавьте насъ отъ этой комедіи. Мы васъ ни о чемъ не спрашиваемъ. Совѣтуемъ вамъ лучше приготовиться къ допросу, которому сейчасъ подвергнутъ васъ. Всѣ вы одного поля ягода.

— Одного поля ягода! повторилъ машинально Морисъ. — Бѣдная Амели, въ какомъ ужасномъ положеніи она осталась и это послѣ столькихъ заботъ и ухода за мною, во время моей болѣзни.

— А, вы были больны, сказалъ комисаръ, снова переглядываясь съ своими товарищами.

— Два мѣсяца.

— Да, да. Вы немного сами хлебнули. Мы это знаемъ.

При этихъ словахъ Морисъ вспрыгнулъ на своемъ мѣстѣ и съ ужасомъ посмотрѣлъ на полицейскихъ, не зная, какъ избавиться отъ ихъ инквизиціонныхъ взглядовъ. Теперь все было для него ясно. Полиція знала объ его покушеніи на самоубійство и за это его арестовали.

— А, вы это знаете, невольно сказалъ онъ, опуская глаза.

— Да, это знаютъ, отвѣчалъ съ улыбкой комисаръ; — вы теперь болѣе не спросите, зачѣмъ васъ арестуютъ.

Морисъ поднялъ голову и пристально посмотрѣлъ на полицейскихъ. Онъ снова ничего не понималъ. Комисаръ же окончательно поставилъ его въ тупикъ.

— Ваша сестра ходила за противоядіемъ на другое утро, сказалъ онъ; — мы узнали ее по примѣтамъ.

Не было никакого сомнѣнія, что Мориса арестовали за покушеніе на самоубійство, но онъ спрашивалъ себя, какое же тутъ преступленіе? Въ чемъ могли его обвинять? Во всякомъ случаѣ, его станутъ разспрашивать о ночи на 20 іюня, а онъ обѣщалъ молчать. Теперь онъ понимаетъ письмо Сесиль. Она узнала, что начато слѣдствіе объ этомъ предметѣ и вотъ почему она предупредила его и потребовала клятвеннаго обѣщанія молчать.

Полицейскіе, повидимому, торжествовали. Морисъ сидѣлъ молча, понуривъ голову. Зная теперь въ чемъ дѣло, онъ далъ себѣ слово, чтобы ни случилось, исполнить свою клятву и быть нѣмымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ломалъ себѣ голову, желая найти причину своего ареста. Сесиль была жива и единственной жертвой происшедшаго былъ онъ. Однако, всѣ его усилія понять эту тайну были тщетны; безмолвныя слезы покатылись по его щекамъ.

Наконецъ, проѣхавъ почти весь Парижъ, съ одного конца на другой, карета остановилась подъ мрачными сводами Консьержери. Тяжелыя ворота съ шумомъ затворились и кровь Мориса застыла въ его жилахъ. Его прямо привели въ контору. Комисаръ представилъ приказъ объ арестѣ молодого человѣка, и регистраторъ, открывъ большую книгу, сталъ записывать въ нее со словъ Мориса необходимыя свѣденія.

— Ваше имя?

— Морисъ Феранъ.

— Лѣтъ?

— Двадцать.

— Ремесло?

— Бронзовщикъ.

— Жительство?

— Въ улицѣ Морэ.

— Хорошо.

Регистраторъ подписалъ страницу въ книгѣ и передалъ перо комиссару, который сдѣлалъ тоже.

— Проводите въ № 6, сказалъ тогда регистраторъ, обращаясь къ одному изъ тюремщиковъ, который, грубо взявъ за плечо Мориса, потащилъ его.

— Ну, пойдемъ, сказалъ онъ.

Бѣдный юноша слышалъ какъ регистраторъ сказалъ комиссару:

— Смотри на него невѣришь, что онъ преступникъ. Ему патеръ далъ бы причастіе безъ исповѣди.

— Ну, нѣтъ, онъ мнѣ кажется ловкимъ, хитрымъ негодиемъ, отвѣчалъ полицейскій.

Увлекаемый по коридору тюремщикомъ Морисъ шелъ, какъ пьяный. Въ глазахъ у него было темно, и морозъ пробѣжалъ по всему его тѣлу,

когда его втолкнули въ келью и ключъ заскрипѣлъ въ двери.

Очутившись въ четырехъ стѣнахъ тюремной кельи, видя небо только въ узкія отверстія между желѣзными рѣшетками окна, несчастный юноша далъ волю своимъ рыданіямъ. Какъ онъ ни рылся въ своемъ умѣ и совѣсти, онъ не могъ найти ничего предосудительнаго въ своемъ прошломъ или тѣмъ болѣе въ настоящемъ поведеніи. И однако обвиненіе, взведенное на него, должно было имѣть очень серьезный характеръ, судя по обращенію и взглядамъ полицейскихъ, а такъ же по тому, что его подвергли одиночному заключенію.

— Значитъ, у меня есть враги, хотя я никому никогда не дѣлалъ вреда, произнесъ онъ про себя съ отчаяніемъ и злобою.

Весь день, показавшійся ему ужасно длиннымъ, онъ не видалъ никого. Вечеромъ ему принесли обѣдъ и онъ началъ разспрашивать тюремщика о причинахъ его ареста, но не могъ добиться отвѣта. Онъ не прикоснулся къ ѣдѣ и, бросившись на постель, старался уснуть. Но сонъ не смыкалъ его глазъ. Когда стемнѣло, въ его келью вошли два полицейскіе агента и снова обыскали его. Онъ замѣтилъ, что его уже разъ обыскивали и взяли все, что на немъ было. Они не отвѣчали ни слова и молча удалились, заперевъ на замокъ и засовъ дверь кельи.

Цѣлую ночь Морисъ не спалъ. Его теперь болѣе всего мучила мысль о сестрѣ. Вспоминая, какъ грубо обращались съ нею полицейскіе и слова комисара, что она купила противоядіе, Морисъ боялся, чтобы и ее не арестовали. Образъ бѣдной Амели, обезумѣвшей отъ отчаянія и совершенно безпомощной въ рукахъ полицейскихъ агентовъ, которые принимали ихъ обоихъ за преступниковъ, — не давалъ ему ни минуты покоя. Наконецъ, разсвѣло и онъ заснулъ.

Было уже поздно, когда онъ открылъ глаза. Увидавъ передъ собою принесенную наканунѣ пищу, онъ попробовалъ ее, но не могъ ѣсть. Въ десять часовъ въ келью вошелъ тюремщикъ и приказалъ ему слѣдовать за собой. Морисъ этому очень обрадовался; наконецъ-то его подвергнуть допросу и отпустить на свободу. Его повели черезъ длинный рядъ коридоровъ; поднявшись въ третій этажъ онъ очутился въ большой, но низкой комнатѣ, окна которой выходили на Севастопольской бульваръ. За двумя отдѣльными письменными столами сидѣли слѣдователь и его секретарь.

— Подойдите, Феранъ, сказалъ слѣдователь, Оскаръ Вершемонъ. — Во время вашего ареста вы притворялись, что не знаете, зачѣмъ васъ арестовали. Мы имѣемъ много уликъ противъ васъ; бросьте играть комедію и отвѣчайте мнѣ чистосердечно.

Морисъ смотрѣлъ на слѣдователя, широко открывъ глаза и ротъ отъ изумленія. Онъ не могъ произнести ни слова.

— Отъ вашего чистосердечія зависитъ ваша дальнѣйшая судьба, продолжалъ Вершемонъ. — Мы знаемъ, что вы не одинъ замѣшаны въ этомъ дѣлѣ. Скажите, кому вы помогали?

— Я рѣшительно не понимаю, чего вы отъ меня хотите, произнесъ, наконецъ, Морисъ съ большимъ усиліемъ.

— Помните, Феранъ, что слѣдствіе продолжается болѣе мѣсяца. Мы знаемъ все и ваши ложные отвѣты только усиливаютъ заслуженное вами наказаніе.

— Клянусь, что я чистосердечно отвѣчу на всѣ ваши вопросы. Я еще болѣе васъ желаю разъяснить это дѣло, но даю вамъ честное слово, что не понимаю вашихъ угрозъ.

Выраженіе лица Мориса было такъ искренно, что судья пристально посмотрѣлъ на него. Мо-

лодой человѣкъ, не моргнувъ, выдержалъ этотъ пристальный взглядъ.

— Вы давно знаете Лею Меданъ?

— Я вовсе не знаю этой особы. Впрочемъ, я убѣжденъ, что я жертва ошибки.

— Отвѣчайте. Вы знали Лею Меданъ и часто посѣщали ее?

— Повторяю, что я не знаю никакой Леи Меданъ.

— Вы отрицаете свое знакомство съ нею. Хорошо, мы васъ сейчасъ уличимъ.

Судья сдѣлалъ знакъ секретарю и послѣдній вынулъ изъ шкапа двѣ пустыя шампанскія бутылки. Морисъ съ безпокойствомъ слѣдилъ за нимъ.

— Отрицаете вы, продолжалъ судья, — что вы 20 іюня, въ восемь часовъ вечера купили эти двѣ бутылки шампанстаго у Безара, торговца виномъ въ Лионской улицѣ близъ вокзала желѣзной дороги.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Морисъ, покраснѣвъ, — дѣйствительно, я покупалъ двѣ бутылки шампанскаго.

— Хорошо. Признаете вы также, что въ тотъ же день вы купили у пирожника въ улицѣ Сент-Антуанъ сладкіе пирожки въ родѣ вотъ этого.

— Да, признаю.

— Поручилъ вамъ кто-нибудь сдѣлать эти покупки?

— Нѣтъ.

— Вы признаете, что купили шампанское и пирожки для себя?

— Да.

— Для чего вы ихъ купили?

— Для моего употребленія.

— Вы знаете, что одна изъ этихъ бутылокъ не заключала въ себѣ чистое вино.

— Да. Въ ней былъ ядъ.

— А! вы, наконецъ, сознаетесь. Что же вы сдѣлали съ этимъ ядомъ?

— Я хотѣлъ отравить себя и для этой цѣли приготовилъ вино.

— Феранъ, сказалъ слѣдователь, пожимая плечами, — ваша система защиты никуда не годится. Ваши слова просто нелѣпы. Вы купили эти двѣ бутылки и пирожки вечеромъ 20 іюня. Потомъ вы вернулись домой въ улицу Лакюзъ?

— Да.

— Вы дома подмѣшали въ вино ядъ. Гдѣ вы купили ядъ?

— Наканунѣ, въ улицѣ Ломбаръ, такъ какъ въ аптекѣ мнѣ не дали бы. Желая умереть какъ можно спокойнѣе, я составилъ по рецепту, который можно найти у меня въ столѣ, такой ядъ, который, по словамъ Клода Бернара, въ его книгѣ о ядахъ, производитъ пріятный сладострастный сонъ.

— Приготовивъ ядъ и положивъ его въ вино, вы ушли изъ дома и возвратились на Бастильскую площадь.

— Да.

— Тамъ вы ждали до одиннадцати часовъ, когда Лея Меданъ явилась на свиданіе съ вами.

— Повторяю еще разъ, что не знаю никакой Леи Меданъ, отвѣчалъ Морисъ, еще болѣе покраснѣвъ.

— Положимъ. Къ вамъ подошла женщина и вы ей подали руку...

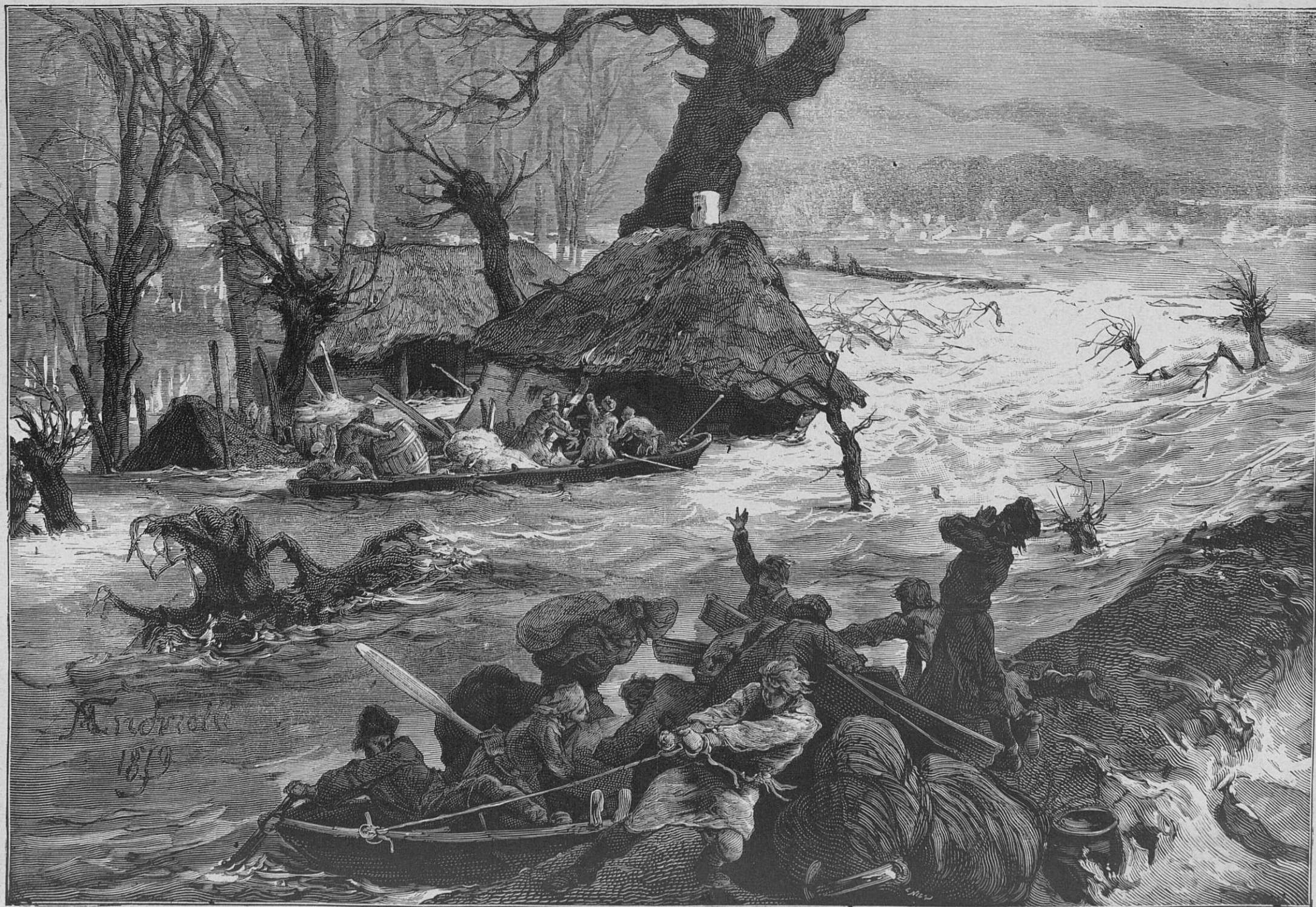
Морисъ поникъ головой. Что ему было сказать? Онъ поклялся, что не выдастъ тайны этой роковой ночи.

— Ну, что же вы не отвѣчаете? спросилъ слѣдователь страннымъ тономъ.

— Нѣтъ, сказалъ Морисъ, поднявъ голову: — я никого не видалъ на Бастильской площади.

— А, сказалъ Вершемонъ съ саркастической улыбкой, — вы это отрицаете. Хорошо. Но, прежде, чѣмъ мы пойдемъ далѣе, я долженъ вамъ сказать еще разъ, Феранъ, что всѣ ваши дѣй-

Разливъ Вислы. Рѣзано на деревѣ въ Варшавѣ.

ствія намъ извѣстны, и ваше заирательство ни къ чему не послужитъ. Каждый вашъ шагъ, отъ одиннадцати часовъ вечера до часа ночи, когда вы вернулись съ вашей жертвой...

— Съ моей жертвой, повторилъ Морисъ въ себя отъ изумленія.

Что значили эти слова? Неужели Мориса арестовали по жалобѣ родителей или мужа Сесиль? Неужели она должна была во всемъ сознаться и, во имя правдивости, или оскорбленной гордости мужа, ночи 20 іюня хотѣли придать характеръ злоумышленной записки? Неужели его сообщницу хотѣли превратить въ жертву? Неужели его обвиняли въ обольщеніи несовершеннолѣтней дѣвушки? Всѣ эти вопросы Морисъ задавалъ себѣ, не слушая дальнѣйшихъ словъ слѣдователя, который старался убѣдить его въ необходимости чистосердечнаго признанія. Да, теперь все становилось ему ясно. Конечно, его обвиняла не Сесиль, а ея родители. Ея мужъ узналъ, что она провела ночь у Мориса и грозилъ развестись съ нею. Тогда родители и сама Сесиль объяснили ему, что она была жертвою возмутительнаго злодѣйства, что отвергнутый поклонникъ заманилъ ее къ себѣ, опойлъ, одуряющимъ зельемъ и совершилъ надъ нею насиліе. Сесиль было только 17 лѣтъ и взведенное на Мориса обвиненіе могло привести его къ пожизненной каторжной работѣ. Морозъ пробѣжалъ по его тѣлу. Что было ему дѣлать? Молчать. Сесиль умоляла его сохранить ея тайну и онъ далъ клятву молчать. Ему оставалось только одно: исполнить свое обѣщаніе и ждать. По необходимости, его должны будутъ впоследствии поставить на очную ставку съ Сесиль и тогда, само-собою, дѣло объяснится. Теперь же ему слѣдовало быть очень осторожнымъ и сдержаннымъ.

Пока всѣ эти мысли бродили въ его умѣ, слѣдователь не могъ понять его внезапнаго молчанія.

— Васъ удивляетъ ваше собственное смущеніе, сказалъ онъ въ третій разъ. — Вы все же отказываетесь отвѣчать.

— На что? спросилъ Морисъ, какъ бы очнувшись отъ сна.

— Кто была женщина, съ которой вы шли по Контрэкарпскому бульвару, 20 іюня, въ 11½ часовъ ночи? Вы ей сказали: «Я страдаю, я не могу жить безъ тебя», а она отвѣчала: «Я тебя люблю и хотѣла бы умереть въ твоихъ объятіяхъ».

— Мнѣ нечего отвѣчать.

— И вы думаете подобной защитой спасти себя? Вы признаете, что купили ядъ и приготовили его. Когда же васъ спрашиваютъ, съ какою цѣлью вы это сдѣлали, вы отвѣчаете, что предназначали ядъ для себя... Дѣйствительно, мы знаемъ, что вы приняли ядъ противъ своего желанія и въ такой дозѣ, которая не могла сдѣлать вамъ много вреда. Вы также сознаетесь, что купили пирожки, вѣроятно, съ цѣлью не умереть съ пустымъ желудкомъ. Хорошо, это похвальная предосторожность. Но, продолжайте по вашей прекрасной системѣ и скажите, что вы дѣлали ночью 20 іюня, послѣ того, какъ купили шампанское и приготовили ядъ?

— Мнѣ нечего отвѣчать, повторилъ Морисъ, смущенный тѣмъ, что не только его видѣли съ Сесиль къ эту роковую ночь, но даже слышали, что они говорили другъ другу.

— Вы рѣшительно отказываетесь отвѣчать?

— Да, къ чему мнѣ говорить, когда мнѣ не вѣрятъ.

— Берегитесь, ваше смущеніе и невозможность объяснить, что вы дѣлали въ ночь преступленія служатъ безмолвнымъ признаніемъ.

— Въ ночь преступленія! повторилъ Морисъ съ ужасомъ.

— Въ послѣдній разъ, Морисъ Феранъ, хотѣте вы отвѣчать или нѣтъ?

— Нѣтъ, я повторяю, что никогда не видалъ женщины, о которой вы мнѣ говорите и въ случаѣ необходимости я требую очной ставки съ нею.

— О! вскричалъ судья съ отвращеніемъ, — это ужъ слишкомъ цинично.

Морисъ бросилъ на него вопросительный взглядъ. Онъ не понималъ, въ чемъ проявилъ онъ цинизмъ.

— Хорошо, продолжалъ Вершмонъ, — мы васъ поставимъ на очную ставку и увидимъ, выдержите-ли вы свое циничное хладнокровіе передъ трупомъ вашей жертвы.

Морисъ поднялъ голову. Это еще что значило? Трупъ его жертвы! Чтоже случилось съ Сесиль въ тѣ четыре или пять дней, которые прошли послѣ ея письма?

— Что вы говорите? Какой трупъ моей жертвы? спросилъ Морисъ такъ искренно и просто, что на этотъ разъ слѣдователь посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ, даже съ восторгомъ, такъ прекрасно, по его мнѣнію, онъ игралъ свою роль.

— Мы велимъ выкопать изъ могилы тѣло Лей Меданъ.

— Тѣло Лей Меданъ! Да въ чемъ же меня обвиняютъ?

Судья молча пожалъ плечами. Только въ эту минуту Морисъ понялъ, что онъ дѣйствительно былъ жертвою ошибки, и что его обвиняли въ преступленіи гораздо ужаснѣе того, которое онъ воображалъ.

— Да, скажите же мнѣ наконецъ прямо, въ чемъ меня обвиняютъ, воскликнулъ онъ съ жаромъ, подходя ближе къ слѣдователю; — уже часъ вы меня терзаете вопросами, которыхъ я не понимаю. Въ чемъ меня обвиняютъ?

Вершмонъ обмѣнялся взглядами съ своимъ секретаремъ и, по выраженію ихъ лицъ, ясно было, что они восхищались удивительной игрой преступника.

— Феранъ, сказалъ слѣдователь холоднымъ, внушительнымъ тономъ, — будьте спокойнѣе или я позову сторожей.

— Я не могу быть спокоенъ, мнѣ страшно вашихъ словъ. Умоляю васъ, скажите, въ чемъ вы меня обвиняете?

Слѣдователь пожалъ плечами, полагая, что преступникъ продолжаетъ играть комедію и небрежнымъ тономъ, какъ бы исполняя пустую формальность, сказалъ:

— Морисъ Феранъ, васъ арестовали по обвиненію въ убійствѣ Лей Меданъ, въ ея квартирѣ, въ улицѣ Лакюэ, въ ночь на 20 іюня.

Невозможно описать выраженія лица несчастнаго юноши въ эту минуту. Онъ ждалъ всего, но не этого. Онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, страшная блѣдность покрыла его лицо, и глаза его дико блуждали, ясно говоря: «Нѣтъ, это не правда, вы меня пугаете». Крупныя капли холоднаго пота выступили на его лбѣ.

— Убійца! Я убійца! прошепталъ онъ едва внятно съ какимъ-то смертельнымъ колокольцемъ въ груди. — Нѣтъ, меня не могутъ обвинять въ убійствѣ! Я не убійца!

И онъ быстро поворачивался во всѣ стороны, какъ бы отыскивая кого-нибудь, кто-бы подтвердилъ, что онъ не убійца.

Вершмонъ былъ пораженъ необыкновенной переменой, произведенной его словами въ лицѣ и во всей фигурѣ Мориса. Ясно, это не была комедія! Онъ взглянулъ на своего секретаря и тотъ былъ не менѣе изумленъ.

— Послушайте, Феранъ, сказалъ Вершмонъ болѣе нѣжнымъ, ободряющимъ тономъ, — отвѣйте мнѣ на одинъ вопросъ: что вы дѣлали ночью 20 іюня.

Морисъ дико посмотрѣлъ на него, стараясь понять его слова. Ноги у него подкашивались. Онъ закрылъ лицо руками и зарыдалъ.

— Нѣтъ, я не могу, я не могу, прошепталъ онъ задыхаясь, — я убійца... я... О!

Онъ простеръ руки какъ бы стараясь удержаться за что-нибудь, заматался и съ раздражающимъ воплемъ упалъ на полъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Разливъ Вислы.

См. рис. стр. 268.

редъ вами, читатель, рисунокъ, который, если не предупредить васъ, что онъ на дняхъ списанъ съ натуры, — пожалуй, промелькнетъ передъ вашими глазами, какъ промелькнули тысячи нныхъ «пейзажей». А между тѣмъ, здѣсь безотрадная картина человеческой безпомощности въ борьбѣ съ яростью стихій и вамъ словно чудятся застывшіе въ воздухѣ вопли злопучнаго населенія, теряющаго свой

кровъ и свои жалкіе достатки. Повидимому, нечего жалѣть и этой полуразрушенной хаты, и этихъ жалкихъ предметовъ обихода бѣднаго сельскаго люда: а между тѣмъ вы чувствуете сердцемъ, что трагизмъ положенія человека, теряющаго всю свою, хотя и скудную, но добытую тяжелымъ трудомъ, обстановку, посерьезнѣе потери легко прибрѣтенныхъ миллионъ.

Не проходитъ весны, чтобы газеты не сообщили намъ о болѣе или менѣе разрушительныхъ разливахъ рѣкъ. Такъ и теперь газеты пестрят телеграммами изъ венгерскаго города Сегедина, который страшнымъ разливомъ буквально смытъ съ лица земли. Болѣе трети построекъ Сегедина снесено водой, причемъ погибло нѣсколько сотъ людей. Остальное населеніе, объятые паническимъ ужасомъ, разбѣжалось. По официальнымъ извѣстіямъ отъ 28 февраля Сегединъ уничтоженъ.

Почти одновременно съ этой катастрофой случился разливъ Вислы. Обыкновенно спокойная «хлѣбославная», какъ ее называлъ польскій поэтъ Нѣмцевичъ, Висла разбушевалась не на шутку и дала почувствовать свою грозную силу нѣсколькимъ прибрежнымъ деревнямъ въ окрестностяхъ Варшавы, въ такъ называемой Мочидловской долины. Впрочемъ, рѣка выступила изъ береговъ во многихъ мѣстахъ своего теченія и сильнѣе всего разливъ свирѣпствовалъ въ окрестностяхъ гор. Сандомира, лежащаго въ верхнемъ теченіи рѣки. Причиной разлива были такъ называемыя зажоры отъ скопившагося илаучаго льда, преградившаго мощнымъ барьеромъ фарватеръ рѣки. Причину же этихъ зажоръ мѣстные гидрографы усматриваютъ въ томъ обстоятельстве, что Висла покрылась льдомъ при высокомъ уровнѣ воды, а разошлась при низкомъ, вслѣдствіе чего, ледъ, хотя и тонкій, сплотился въ такіе толстыя массы, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ, на много верстъ въ длину, фарватеръ до самаго дна загроможденъ ледяными валами, загородившими дорогу водѣ и принудившими ее пробивать себѣ новое русло.

Нужно замѣтить, что подобные разливы Вислы въ этой мѣстности повторяются довольно часто, а до постройки мочидловской насыпи свирѣпствовали почти ежегодно. Въ 1828 году, на частныя средства была выстроена земляная дамба, которая, однако, прорывалась разливомъ рѣки въ 1830 и въ 1844 г. Въ 1847 году насыпь перестроена при участіи инженеровъ отъ правительства, благодаря чему она устояла во время сильныхъ разливовъ Вислы въ 1855, 1865 и 1872 г.

Въ нынѣшнемъ году чрезвычайно сильныя зажоры предсказывали бѣдствіе и будь заблаговременно приготовлено нѣсколько центнеровъ дина-

мита, — фунтъ котораго, насколько помнится, стоит около 50 коп. — катастрофа была бы устранена. Между тѣмъ, при очевидности катастрофы, всѣ мѣры были забыты и насыпь укрѣплялась и защищалась лишь усиліями нѣсколькихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ какъ сельское население, въ понятной паникѣ, занялось своими личными дѣлами, спасая скарбъ и выгоняя скотъ на болѣе возвышенные пункты. Какъ ни энергично боролись защитники насыпи, но всѣ ихъ усилія привели лишь къ тому, что имъ удалось отсрочить катастрофу на нѣсколько часовъ, послѣ чего насыпь уступила разрушительному напору воды и чрезъ три бреши въ насыпи, рѣка бѣшено устремилась на берегаемые насыпью прибрежныя селенія, напоръ воды былъ настолько неустойчивъ, что на пути ея строенія и громадныя деревья были скошены мчащимися лдинами. Къ счастью, население не сдѣлалось жертвою воды, но за то оно лишилось крова и плодовъ осенняго посѣва, который неминуемо окажется уничтоженнымъ водою.

Присланная на мѣсто команда санероу не могла уже поправить дѣла и заборы были взорваны уже въ то время, когда они готовы были добровольно дать мѣсто водѣ. Въ Варшавѣ, съ разрѣшенія начальника края и по инициативѣ населенія, организованъ дѣятельный сборъ пожертвованій деньгами и вещами въ пользу пострадавшихъ. Но независимо отъ этого было бы весьма цѣлесообразно позаботиться о скорѣйшемъ и капитальнѣйшемъ переустройствѣ мочидловской дамбы, такъ какъ повтореніе катастрофы весьма возможно съ наступленіемъ теплаго времени, когда начнутъ таять снѣга въ верховьяхъ Вислы, въ Карпатскихъ горахъ.

Въ заключеніе нужно сказать, что затопленныя окрестности были прекрасно воздѣланы и мѣстное население, испытавъ уже нѣсколько подобныхъ катастрофъ, не покидаетъ опаснаго соседства, а каждый разъ съ новой энергіей принимается возобновлять то, что было уничтожено грозною стихіею. И теперь эти злосчастные подумываютъ о возобновленіи утраченнаго крова и на напоминанія о возможности повторенія разлива въ будущемъ замѣчаютъ, что это еще не причина для того, чтобы имъ опустить руки.

Во всякомъ случаѣ нужно согласиться, что это отвѣтъ, достойный человѣка, умѣющаго бороться съ природой.

Арестъ капитана донъ-Альваро де-Атаиде.

Редакція испанскаго журнала «*Ilustración española y americana*» въ 1878 г. назначила двѣ преміи: въ 10,000 и 5,000 реаловъ за лучшія гравюры, съ изображеніемъ безсмертныхъ типовъ Дон-Кихота и Санхо-Пансы. Но такъ какъ, по рѣшенію присяжныхъ артистовъ, ни одна изъ представленныхъ на конкурсѣ рисунковъ и гравюръ не удовлетворила требованіямъ программы, то вторая премія, въ 5,000 реаловъ, была раздѣлена на двѣ части (въ 3 и 2 т. реаловъ) и первая изъ этихъ двухъ премій была присуждена дону Энрико Эстебану, превосходно передавшему одну изъ главныхъ сценъ въ извѣстной комедіи Кальдерона: «Заламейскій алькаидъ». Гравюра изображаетъ моментъ арестованія капитана Альваро. Группировка дѣйствующихъ лицъ, выразительность ихъ физіономій, равно какъ техническое совершенство гравюры говорятъ въ пользу испанскаго художника и редакціи, умѣвшей оцѣнить такое мастерское произведеніе.

Копію съ этой прекрасной гравюры мы предлагаемъ нашимъ читателямъ, какъ третье художественное приложеніе въ нынѣшнемъ году.

Изъ Парижа.

(Письмо Н. Тарже.)

Исполняя ваше желаніе, настоящее письмо свое я посвящаю очерку хозяйства города Парижа. Заранѣе прошу моихъ читателей не сѣтовать на меня за то, что моя замѣтка будетъ испещрена массой цифръ. Но возможно-ли ограничивать ихъ число, трактуя о такомъ предметѣ, какъ хозяйство французской столицы, по всей справедливости, называемой всемірнымъ городомъ; возможно-ли избѣгать ихъ, имѣя дѣло съ бюджетомъ слишкомъ въ 200,000,000 фр., превышающимъ бюджеты многихъ европейскихъ государствъ?

Начну съ городского управленія. Управленіе Парижемъ, какъ отдѣльной громадой общины, значительно разнится отъ управленія, признаннаго нормальнымъ для всѣхъ прочихъ общинъ во Франціи. Во главѣ парижской администраціи поставлены: префектъ департамента Сены и префектъ полиціи. Первый въ отношеніяхъ къ своему департаменту ничѣмъ не отличается отъ прочихъ префектовъ; въ отношеніи же городского управленія, онъ мэръ, но только не по выбору гражданъ, какъ другіе мэры во Франціи, а по назначенію центральнаго правительства. Онъ исполняетъ всѣ тѣ обязанности, какія законодательство возлагаетъ вообще на мэра, за исключеніемъ полицейскихъ, которыми завѣдуетъ префектъ полиціи, такимъ образомъ, исполняющій также часть обязанностей мэра города Парижа. И выходитъ, что Парижъ управляется двумя мэрами, независимыми другъ отъ друга при исполненіи обязанностей, специально на каждого возложенныхъ. Ихъ управленіе контролируется муниципальнымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ 80 членовъ, избранныхъ 80-ю участками, на которые раздѣленъ Парижъ. Каждый участокъ избираетъ отдѣльно своего представителя, при чемъ не принимается въ расчетъ цифра населенія участка. Кромѣ этого совѣта существуетъ центральная мэрія, представляющая собою исполнительную власть.

Кромѣ 80 участковъ, Парижъ раздѣленъ на 20 округовъ, избирающихъ каждый своего мэра и его помощника. Эти должностныя лица подчинены центральной мэріи. Они получаютъ опредѣленное содержаніе изъ городской казны и потому на нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на чиновниковъ города. Управленія окружныхъ мэровъ ничто иное, какъ отдѣленія центральной мэріи, для удобства публики расположенныя въ различныхъ частяхъ города. Муниципальный совѣтъ занимается окружными мэріями только по вопросу ихъ частнаго, мѣстнаго бюджета.

Каковы же отношенія между центральной мэріей и муниципальнымъ совѣтомъ? Центральная мэрія представляетъ проектъ годового бюджета муниципальному совѣту, который разсматриваетъ его и вотируетъ по статьямъ. Кромѣ обычнаго бюджета, т. е. смѣты прихода и расхода, центральная мэрія представляетъ муниципальному совѣту, для принятія въ принципъ, различные предположенія на будущее время. Займы, значительныя общественныя работы, измѣненія въ городской администраціи, однимъ словомъ, всякія нововведенія не могутъ осуществиться иначе, какъ по предварительному соглашенію мэріи съ совѣтомъ. Въ свою очередь, и совѣтъ можетъ брать на себя инициативу, предлагая городской администраціи обратить вниманіе на то или на другое, но если она отказывается, совѣту остается преклониться передъ такимъ рѣшеніемъ: онъ можетъ только подавать совѣтъ; исполненіе же не въ его волѣ. Если же онъ вздумаетъ поставить на своемъ и сдѣлаетъ постановленіе, то оно, какъ не одобренное мэромъ-префектомъ и представленное на распоряженіе министра вну-

тренныхъ дѣлъ, будетъ признано министромъ «неподлежащимъ исполненію», незаконнымъ. При существованіи такого порядка очень трудно добиться принятія нѣкоторыхъ прогрессивныхъ мѣръ; вообще же при всякомъ нововведеніи той или другой сторонѣ — администраціи или совѣту — приходится дѣлать уступки для того, чтобы придти къ какому-нибудь практическому соглашенію.

Для болѣе удобнаго разсмотрѣнія бюджета и различныхъ проектовъ, вносимыхъ администраціей, муниципальный совѣтъ образуетъ изъ себя семь слѣдующихъ постоянныхъ комиссій: 1) финансовая; 2) смѣшанная (разсматривающая статьи бюджета, отправленіе воинской повинности, приходскія дѣла, бібліотека, архивы, музеи, историческія труды и пр.); 3) путей сообщенія; 4) общественнаго обученія и призрѣнія; 5) архитектуры и искусствъ; 6) водная и 7) городскихъ имуществъ; эта комиссія занимается также специально бюджетомъ полицейской префектуры. Въ случаяхъ необходимости, муниципальный совѣтъ избираетъ временныя спеціальныя комиссіи.

Муниципальный совѣтъ, если исключить ваканціи съ конца августа до начала октября, имѣетъ почти непрерывныя засѣданія. Такъ въ послѣдніе три года онъ засѣдалъ 250 разъ; въ это же время его комиссіи имѣли 926 засѣданій. Онъ рѣшилъ 8,143 дѣла, кромѣ разсмотрѣнія 1835 статей бюджетовъ 1876, 1877 и 1878 годовъ. Не надо забывать при томъ, что члены муниципальнаго совѣта исполняютъ свои обязанности безвозмездно.

Для лучшаго уясненія, какимъ образомъ Парижъ получаетъ свой громадный доходъ, посмотримъ какъ распределяется населеніе столицы Франціи.

Жителей въ Парижѣ считается 1,988,806 человекъ, изъ которыхъ 1,007,968 женщинъ и 980,838 мужчинъ. По возрастамъ это населеніе распределяется такъ: дѣтей до 5 лѣтъ — 141,162; отъ 5 до 12 — 178,891; отъ 12 до 16 — 112,405; отъ 16 до 21 года — 175,674; всего дѣтей и юношей 680,132.

Перейдемъ къ старикамъ: отъ 60 до 65 лѣтъ — 58,932; отъ 65 до 70 — 36,863; отъ 70 до 75 — 23,525; свыше 75 лѣтъ 22,429, изъ которыхъ 3 женщины переступили уже столѣтній возрастъ; всего стариковъ 141,737.

Такимъ образомъ, дѣйствительная рабочая сила парижскаго населенія, т. е. женщины и мужчины въ возрастѣ отъ 21 года до 60 лѣтъ выражается цифрой въ 1,328,937. Пропорція чрезвычайно благоприятная.

Изъ общей цифры парижскаго населенія 1,239,000 лицъ, считая въ томъ числѣ 303,000 дѣтей и стариковъ, живутъ болѣе или менѣе значительнымъ заработкомъ, получаемымъ ими отъ занятій или промысловъ. Выключая дѣтей и стариковъ, 935,785 взрослыхъ по занятіямъ и промысламъ, ими избраннымъ для приобрѣтенія средствъ къ жизни, распределяются такъ:

Домашняя прислуга — 125,313 человекъ, въ томъ числѣ 91,847 женщинъ; поденщики и привратники — 177,062; рабочіе — 450,978, изъ которыхъ 199,752 женщины; прикащики — 182,432, изъ которыхъ 43,594 женщины.

Если мы перейдемъ къ болѣе обеспеченному классу населенія, численность котораго опредѣляется цифрой 680,438 (въ томъ числѣ женщинъ, стариковъ и дѣтей 375,000), то оно по своимъ занятіямъ распределяется такъ: собственниковъ, капиталистовъ, живущихъ процентами съ капитала, и пенсіонеровъ 217,260 чел.; фабрикантовъ, промышленниковъ и хозяевъ ремесленныхъ заведеній — 295,720; лицъ, занимающихся либеральными профессіями — 167,458; изъ нихъ 66,866 чиновниковъ; 27,576 артистовъ; 22,915 медиковъ, аптекарей, зубныхъ врачей и акуше-

рокъ; 21,318 адвокатовъ, стряпчихъ и нотариусовъ; 21,598 учителей и учительницъ, 6,185 ученыхъ и публицистовъ.

Кромѣ поименованныхъ, остальное парижское население принадлежитъ слѣдующимъ категориямъ: 21,612 (считая въ томъ числѣ членовъ семьи) жандармовъ и полиціи; 13,176 священниковъ, монаховъ и монахинь; 18,380 военно-служащихъ; 10,673 молодыхъ людей и дѣтей, числящихся въ лицахъ и пансіонахъ.

Въ парижскихъ больницахъ среднее число больныхъ отъ 7 до 8,000 чел.; въ парижскихъ тюрьмахъ содержится среднимъ числомъ до 4,000 заключенныхъ.

Банковое дѣло и крупная торговля даютъ средства къ жизни 139,800 лицъ; лавочная торговля и промыслы—339,000 лицъ.

Населеніе Парижа живетъ въ 75,274 домахъ, имѣющихъ 4,259,613 оконъ. Квартиръ въ этихъ домахъ 685,000. Изъ числа этихъ квартиръ 412,000 ходятъ въ годъ 300 франковъ и менѣе; 74,369—отъ 3 до 500 фр. въ годъ. Эти обѣ категории квартиръ освобождены отъ квартирного налога. Въ остальныхъ затѣмъ квартирахъ годовая наемная плата слѣдующая: въ 56,576 менѣе 500 фр., но эти квартиры обложены налогомъ; въ 81,250—отъ 500 до 1,000 фр.; въ 23,395—отъ 1,000 до 1,500 фр.; въ 21,453—отъ 1,500 до 3,000 фр.; въ 10,000 отъ 3 до 6,000 фр.; въ 3,000 отъ 6 до 10,000 фр. и наконецъ въ 1,834 свыше 10,000 фр.

Главнѣйшій доходъ, поступающій въ городскую казну Парижа, составляетъ налогъ на предметы первой необходимости. Въ послѣдній отчетный годъ эта статья дала 126,703,100 фр. Налогъ на съѣстные припасы давно уже осужденъ экономической наукой, потому что вся тяжесть его ложится на бѣдные классы населенія. На богатыхъ же классахъ онъ отражается почти незамѣтно. Поэтому, неудивительно, что въ парижскомъ муниципальномъ совѣтѣ ежегодно поднимается вопросъ о несправедливости обложенія этимъ налогомъ, но, къ несчастію, и до сихъ поръ еще не предвидится возможности въ ближайшемъ будущемъ отмѣнить этотъ налогъ.

Вышеупомянутые 126,703,100 фр. налога на предметы первой необходимости получаютъ съ слѣдующихъ статей: 1) налогъ на съѣстные припасы даетъ 26,312,510 фр.; 2) напитки (вино, сидръ, пиво) 54,639,728 франковъ; 3) налогъ на строительные матеріалы 13 милліоновъ фр. 4) налогъ на предметы освѣщенія 5 милліоновъ фр., 5) налогъ на топливо 10 милліоновъ фр.; 6) налогъ на спиртъ безразлично для какой цѣли онъ употребляется,—8 милліоновъ фр.; 7) налогъ на перевозку людей и товаровъ—4 милліона фр. Это главнѣйшія статьи. Остальные 5 милліоновъ франковъ получаютъ съ нѣсколькихъ другихъ болѣе мелкихъ обложеній предметовъ, по качеству своему однородныхъ съ вышеупомянутыми предметами.

Ясно, что налогъ на предметы первой необходимости, составляющій двѣ трети бюджета, какимъ располагаетъ городская казна Парижа, составляетъ главный источникъ его дохода, лишившись котораго городское управленіе было бы поставлено въ невозможность удовлетворить насущнымъ потребностямъ городского хозяйства. Нерѣдко являлись предложенія замѣнить этотъ несправедливый налогъ прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ, но ни одно изъ до сихъ поръ существовавшихъ городскихъ управленій, даже самыхъ радикальныхъ, не рѣшалось прибѣгнуть къ такой рѣшительной мѣрѣ. Всегда оказывалось, что введеніе подоходнаго налога будто бы должно встрѣтить на практикѣ непреодолимые препятствія. Такимъ образомъ, рѣшеніе этого насущнаго вопроса постоянно отлагается на неопредѣленное время, хотя всѣ сознаютъ, что непременно надо покончить съ нимъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ другимъ статьямъ дохода, скажу нѣсколько словъ по поводу налога, будто бы лежащаго на домовладѣльцевъ и торговцевъ. Но развѣ они несутъ тяготу мірскую? Домовладѣльцы и торговцы являются только посредниками при взиманіи налога, дѣйствительными же плательщиками налога оказываются наниматели квартиръ и покупатели товаровъ, при чемъ домовладѣльцы и торговцы за свое посредничество получаютъ съ дѣйствительныхъ плательщиковъ довольно значительный налогъ въ свою пользу. Приведу хорошо извѣстный мнѣ примѣръ. Въ 1876 году городское управленіе постановило увеличить налогъ на городскія имуществы; увеличеніе это было сравнительно небольшое и на домовладѣльца, котораго я имѣю въ виду, пало 100 франковъ. По обычаю онъ эти 100 фр. разложилъ на нанимателей квартиръ, съ которыхъ взялъ уже 800 фр. Нецѣлесообразнѣе ли устроить дѣло такъ, чтобы возможно было обходиться безъ посредниковъ: косвенные плательщики отъ такой реформы значительно выиграли бы. На это можетъ быть только одно возраженіе, что при такомъ способѣ взиманія налоговъ, можетъ увеличиться статья бюджета: расходъ по взиманію доходовъ. Несомнѣнно, расходъ увеличится, но дѣйствительнымъ плательщикамъ, вносящимъ теперь, благодаря бесполезному посредничеству, за франкъ 8 франковъ, придется вносить $1\frac{1}{4}$, много $1\frac{1}{2}$ фр. Выигрышъ для нихъ очевидный.

Перехожу къ другимъ доходнымъ статьямъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Морозовъ въ тюрьмѣ и Свиданіе князя Серебрянаго съ Еленой Морозовою. Покойному графу А. К. Толстому посчастливилось у нашихъ художниковъ: они съ охотою иллюстрируютъ его произведенія, въ особенности романъ «Князь Серебряный». Много иллюстрацій къ нему было помѣщено въ другихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Нѣсколько будетъ напечатано и въ нашемъ журналѣ. Въ настоящемъ номерѣ появляются двѣ такихъ иллюстраціи. Въ своемъ романѣ гр. Толстой представилъ борьбу двухъ враждебныхъ партій, на которыя въ то время дѣлилось русское общество: земщины съ опричниной. Представителями первой, къ которой лежатъ всѣ симпатіи автора, въ романѣ являются бояринъ Морозовъ и князь Серебряный. Честный, умный Морозовъ возбудилъ къ себѣ ненависть царя Ивана Грознаго и опричнины. Онъ находился въ опалѣ. Наконецъ, съ него снята была опала и ему велѣно было явиться въ Александровскую слободу. Царь сначала обласкалъ его, но это было лицемеріе: Морозову было приготовлено страшное униженіе. Грозный приказалъ облечь стараго боярина въ шутовской костюмъ и велѣлъ ему исполнять обязанности шута. Униженный, оскорбленный Морозовъ высказалъ Грозному горькую правду въ глаза, при многочисленномъ собраніи опричниковъ. Грозный молчалъ, опричники уже приготовились убить дерзкаго, но царь велѣлъ отвести его въ тюрьму и затѣмъ казнить на плахѣ. У старика Морозова была молодая жена Елена. Дѣвушкой она обѣщала Серебряному выйти за него замужъ. Серебряный отправился въ военный походъ, въ Литву, гдѣ пробылъ нѣсколько лѣтъ. Въ его отсутствіе въ Елену влюбился князь Афонасій Вяземскій. Дѣвушка отвергла его и Вяземскій пошелъ въ опричники и сталъ любимцемъ Грознаго. Узнавъ о горѣ своего удалого (какъ называлъ его царь) опричника, царь Иванъ Васильевичъ объявилъ,

что пошлетъ къ красавицѣ сватовъ и думаетъ, что дѣвушка не посмѣетъ отказать избранному имъ жениху. Слухъ объ этомъ дошелъ до Елены; она отправилась въ церковь молиться и встрѣтилась тамъ съ Морозовымъ, другомъ своего покойнаго отца. Видя горькія слезы дѣвушки, бояринъ спросилъ ее о причинѣ ихъ. Елена рассказала ему о грозившемъ сватовствѣ, причемъ заявила, что ей лучше умереть, чѣмъ выйти за Вяземскаго. Морозовъ предложилъ ей выдти замужъ за него. Еленѣ не оставалось другого выхода и она согласилась. Между тѣмъ вернулся Серебряный. Вскорѣ, по его возвращеніи, Елена была похищена Вяземскимъ, и спаслась благодаря хитрости мельника, въ домъ котораго привелъ ее похититель. Такъ какъ Морозовъ узналъ о любви своей жены къ Серебряному, то Елена, не желая уже возвращаться къ мужу, поступила въ монастырь. Серебряный, едва не погибшій на плахѣ за ссору съ опричниками, не могшій снести окружающихъ безобразій, отпросился на службу въ пограничную Украину, гдѣ вскорѣ и былъ убитъ. По дорогѣ туда, онъ заѣхалъ въ монастырь, гдѣ находилась Елена и, съ согласія игуменьи, свидѣлся съ женщиной, которую не переставалъ любить. Вотъ этотъ-то моментъ свиданія и изображенъ на рисункѣ г. Адамова. Темой для другого рисунка послужилъ допросъ Морозова въ тюрьмѣ.

«Сцена въ Тавернѣ» и «Тирольцы въ доорѣ». Двѣ жанровыя картинки Торное и Матіаса Шмидта, помѣщенные въ настоящемъ номерѣ очень характерны. Художникъ зашелъ въ итальянскую таверну и встрѣтилъ тамъ за столомъ красивую итальянку; онъ всматривается въ нее, заговариваетъ съ ней, предлагаетъ ей вина; она интересуется его, какъ характерный типъ, какъ «натура»; но, Боже мой, что за взгляды бросаетъ на него сидящій тутъ же и курящій трубку итальянецъ; это, вѣроятно, женихъ или мужъ красавицы. Эту простую безпритязательную сценку, съ замѣчательной ловкостью передаетъ Торное. Совѣтъ иного рода впечатлѣніе производитъ картина Матіаса Шмидта, съ которымъ уже знакомы наши читатели по картинѣ «Протестанты, покидающіе Циллерталь». Здѣсь вы видите оборванныхъ тирольцевъ, впряженныхъ въ возъ, подобно вычному скоту. Эти фигуры производятъ тяжелое впечатлѣніе. Особенно характерна одна черта: эти люди измучились, истомились и все-таки отецъ семьи не забываетъ снять подобострастно шляпу передъ Распятіемъ. Эта картина Матіаса Шмидта есть еще въ другомъ вариантѣ: переселяющіеся тирольцы тащутъ свой возъ мимо мирно бесѣдующихъ, откормленныхъ монаховъ. Но выбранная нами картина проще и менѣе тенденціозна.

Новости наукъ и жизни.

— **Женщина-адвокатъ.** М-съ Локвудъ, извѣстная американская законовѣдка, допущена рѣшеніемъ верховнаго суда Соединенныхъ штатовъ къ адвокатской практикѣ. Американскія газеты предсказываютъ, что развѣ ей удалось добиться этого, ничто уже болѣе не мѣшаетъ ей уже слѣжаться предсѣдательницею суда.

— **Женщина-докторъ.** При цюрихскомъ университетѣ выдержала экзаменъ на степень доктора медицины, первая сербская женщина, дѣвица Лойницъ.

— **Новый журналъ.** «Совр. Изв.» сообщаютъ за достовѣрное, что изданіе въ Москвѣ новаго политическаго и литературнаго журнала, подъ названіемъ «Русская Мысль», на дняхъ разрѣшено С. А. Юрьеву, бывшему редактору-издателю журнала «Бесѣда».

— **Премія.** Графъ Орловъ-Давыдовъ, въ виду пользы, которую можетъ принести сочиненіе «О системѣ фермерскаго хозяйства и о возможномъ ея примѣненіи къ сельскому хозяйству въ

Россіи», пожертвовалъ капиталъ въ 10,000 руб., для назначенія премій за сочиненіе на эту тему, которое по конкурсу будетъ признано, по разсмотрѣніи ученымъ комитетомъ министерства государственныхъ имуществъ, самымъ полнымъ и лучшимъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Рѣшеніе задачи. Шахматная задача, сообщенная въ прошломъ № Жив. Об., рѣшается слѣдующимъ образомъ:

$$1) \frac{f7-e5}{d5:e5} \quad 2) \frac{d2:d3}{e4:d3} \quad 3) \frac{c3-c4}{\times} \text{ и матъ.}$$

Ходъ бѣлыхъ остается тотъ же и при другомъ ходѣ черныхъ.

— **Ревнивый мужъ.** Въ Макренн, въ Молдавіи, 80-лѣтній старикъ убилъ изъ ревности свою 78-лѣтнюю жену, которую засталъ наединѣ съ другимъ дома, имѣющимъ 85 лѣтъ отъ роду.

— **Рожденіе въ гробу.** Въ сел. Кюрнахъ, близъ Вюрцбурга, разнесся слухъ, что похоронена женщина въ летаргическомъ усыпленіи, что, раскопавъ гробъ, нашли ее съ окровавленными пальцами, изломанными ногтями и ребенкомъ, котораго несчастная родила въ гробу. Вюрцбургскій окружный судъ возбудилъ слѣдствіе, которымъ выяснилось, что при вскрытіи гроба, покойница найдена въ той же позѣ, въ какой была погребена; возлѣ нея дѣйствительно трупъ ребенка, рожденіе котораго было вызвано процесомъ гніенія. По заключенію врачей, ребенокъ жилъ нѣсколько часовъ по рожденіи.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 11-й «Живописное Обозрѣніе» данъ на городскую почту марта 17-го въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту марта 18 въ 1 часъ пополудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Адамъ Смитъ.—Мужъ и жена (оконч.).—Стихотв. Аистъ.—Углекислоты (оконч.).—Книжные новости.—Карлъ Гукковъ.—Народы Россіи (продолж.).—Электрическое освѣщеніе (оконч.).—Иза (продолж.).—Разливъ Вислы.—Арестъ капитана донъ-Альваро де-Атаиде.—Изъ Парижа.—Къ рисункамъ.—Новости наукъ и жизни.—Объявленія. Гравюры: Адамъ Смитъ.—Подъемная машина.—Морозовъ въ тюрьмѣ.—Свиданіе Серебрянаго съ Еленой Морозовой.—Сѣятельная машина.—Вѣсъ груза.—Сцена въ тавернѣ.—Тирольцы въ дорогѣ.—Разливъ Вислы.

Издатель-Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

Объявленія.

ДЛЯ ПОДАРКОВЪ!

Картины, карточки съ цвѣтами, кресты съ цвѣтами, карточки для дѣтей и поздравительныя. Образы и религіозныя картины, головки, пейзажи и сцены, въ Главн. депо для Россіи (основ. 1864 г.).

Олеографическихъ картинъ.

Портреты И. И. Величества и Импер. фамилии. Зеркала.

Писанныя картины очень дешево.

Рамы и багеты собств. фабрики вставленіе въ рамы премій и друг. Картинъ всякаго рода. Э. Г. Кезлеръ угловой магазинъ (Гороховой и Мойки) у Краснаго моста.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ИЗДАНІЯ

КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ

А. Ф. ДЕВРІЕНА,

КОММИССИОНЕРА ДЕПАРТАМЕНТА ЗЕМЛЕДѢЛІЯ И СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ, ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО И ЛѢСНОГО ОБЩЕСТВЪ.

С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, Большой просп., № 8.

Чувствительный недостатокъ въ Русской литературѣ краткихъ, дешевыхъ, популярно изложенныхъ и практическихъ руководствъ и монографій по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства побудилъ нижеподписавшагося издателя приступить къ изданію ряда такихъ сочиненій, имѣющихъ выходить отдѣльными книгами, но подъ общимъ заглавіемъ:

„СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА“.

Въ составъ этой библіотеки войдутъ отдѣльныя, краткія, общепонятныя и исключительно практическія руководства и монографіи по разнымъ отрас-

лямъ сельскаго хозяйства: земледѣлію, скотоводству, сельско-хозяйственной экономіи, ученію о сельско-хозяйственныхъ машинахъ и орудіяхъ, садоводству, строительному дѣлу, лѣсоводству (для сельскихъ хозяевъ не-специалистовъ), по разнымъ отраслямъ сельско-хозяйственной промышленности и проч.

Нѣкоторые изъ такихъ руководствъ и монографій будутъ представлять оригинальныя сочиненія, другія будутъ составлены на основаніи лучшихъ иностранныхъ сочиненій по данному предмету и наконецъ третьи состоятъ изъ переводовъ выдающихся произведеній иностранной литературы, съ примѣненіями къ русскому сельскому хозяйству.

Каждая отдѣльная книга будетъ, по своему содержанию, составлять самостоятельное сочиненіе, а всѣ книги сельско-хозяйственной библіотеки представлять собою полную картину и вмѣстѣ съ тѣмъ справочную энциклопедію сельскаго хозяйства во всѣхъ его отрасляхъ.

Для составленія руководствъ, обработки матеріаловъ выбора иностранныхъ сочиненій, наиболѣе годныхъ для перевода и передѣлки сообразно съ нашими условіями, издатель обѣщали свое содѣйствіе многіе изъ болѣе извѣстныхъ специалистовъ по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства.

Пользуясь сотрудничествомъ и совѣтомъ опытныхъ и извѣстныхъ болѣею частью публикѣ лицъ, нижеподписавшійся издатель надѣется, что ему удастся доставить сельскимъ хозяевамъ сводъ, который, не будучи переполненъ подробностями, удовлетворитъ всѣмъ потребностямъ практики.

Каждый томъ „Сельско-хозяйственной библіотеки“ объемомъ отъ 8 до 12 и болѣе листовъ убористой печати (болѣею частью съ полтипажами) будетъ продаваться отдѣльно по 1 р. 25 к. Но для удобства провинціальной публики, для которой затруднительна многократная выписка книгъ съ пересылкою денегъ, „Сельско-хозяйственная библіотека“ будетъ выпущена и серіями, на которыя открывается подписка. Каждая серія будетъ состоять изъ 6-ти книгъ, представляющихъ отдѣльныя руководства. Подписная цѣна на серію 6 р. съ пересылкою, такъ что подписчикъ пользуется кромѣ пересылки уступкою 20% противъ продажной цѣны отдѣльныхъ томовъ.

Въ составъ первыхъ двухъ серій имѣютъ войти:

1. «Практическое руководство къ веденію молочнаго хозяйства». Соч. Петерсена. Перев. П. А. Костычева.
2. «О посѣвѣ сельско-хозяйственныхъ растений». Соч. В. В. Черныяева и П. А. Костычева.
3. «Животноводство» по Зеттегасту, подъ редакц. О. А. Баталина.
4. «Системы полеводства и сѣвообороты». Соч. А. Ермолова.
5. «Домашнее птицеводство». Соч. Л. Прибыля. Перев. съ нѣмецкаго.
6. «Воздѣлываніе клевера». Соч. П. А. Костычева.
7. «Руководство къ выбору сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ». Соч. Черныяева.
8. «Овцеводство». Соч. Роде.
9. «О различныхъ способахъ постройки сельскихъ зданій».
10. «О сортированіи сѣмянъ и подготовкѣ ихъ для посѣва». Соч. Черныяева и Костычева.
11. «Ученіе объ удобрѣніи». Сост. П. А. Костычевымъ.
12. «Практическое руководство для кованія домашнихъ животныхъ».

Первый томъ, которымъ и открывается подписка на первую серію, поступитъ въ продажу къ 20-му Марту, другіе тома будутъ выпущены приблизительно въ промежуткѣ отъ одного до двухъ мѣсяцевъ.

А. Ф. ДЕВРІЕНЪ.

„СОВРЕМЕННОСТЬ“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Съ 1-го февраля перешла къ новому издателю А. А. Старчевскому и вполне преобразована.

Въ редакціи принимаетъ участіе А. В. Старчевскій, оставившій редакцію газеты «Сынъ Отечества» въ началѣ 1877 г.

Подписка продолжается; подписная цѣна за годъ 6 р. съ пересылкою и доставкой на домъ. Гг. иногородные благоволятъ обращаться прямо въ редакцію газеты «Современность» въ Спбъ въ Свѣчномъ пер., домъ № 9, кв. 18, на имя издателя А. А. Старчевскаго.

Газета «Современность» издается безъ предварительной цензуры. Въ ней будутъ помѣщаться: I. Передовыя статьи по вопросамъ политическимъ, учебно-воспитательнымъ, церковно-общественнымъ, юридическимъ, литературнымъ и др. Обзорнія: внутреннее, имѣющее своимъ предметомъ обсужденіе болѣе крупныхъ фактовъ изъ современной общественной жизни; иностранное и политическое. II. Правительственные распоряженія, касающіяся всѣхъ вообще вѣдомствъ; III. Хроника, въ которую войдутъ разные слухи и свѣдѣнія о событіяхъ, преимущественно, столичной жизни. IV. Журнальные и газетные толки, или выдержки изъ статей, заслуживающихъ почему-либо особеннаго общественнаго вниманія. V. Внутреннія извѣстія, гдѣ первое мѣсто будетъ предоставлено разнаго рода корреспонденціямъ, чуж-

дымъ всякихъ личностей и провинціальныхъ дрязгъ а также интересныя, въ какомъ бы то ни было отношеніи, извѣстія, заимствованныя изъ другихъ газетъ. VI. Судебный отдѣлъ, въ которомъ будутъ печататься обстоятельныя отчеты о болѣе или менѣе замѣчательныхъ и поглощающихъ общественное вниманіе судебныхъ процессахъ. VII. Иностранныя извѣстія, касающіяся политической и внутренней жизни разныхъ чужеземныхъ народовъ. VIII. Разныя мелкія извѣстія, изъ внутренней и иностранной жизни, имѣющія юмористическій или анекдотическій характеръ. IX. Фельетонъ, въ которомъ, между прочимъ, будетъ помѣщаться обзоръ текущей журналистики, какъ свѣтской, такъ и духовной, а равно и статьи ученаго и беллетристическаго характера. X. Биржевыя свѣдѣнія въ каждомъ субботнемъ № газеты. Словомъ, со стороны редакціи будутъ употреблены всѣ усилія къ тому, чтобы ея газета имѣла живой и разнообразный интересъ, и, полнотою сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній, могла вполне удовлетворять любознательности всѣхъ тѣхъ, которые не имѣютъ или времени читать, или средствъ выписывать дорогія ежедневныя изданія. 1—2.

Поступило въ продажу новое—посмертное изданіе:

СТИХОТВОРЕНІЯ П. А. НЕКРАСОВА

съ портретомъ, факсимиле, біографіею, приложеніями, примѣчаніями и т. д.

Спб. 1879. Тип. М. Стасюлевича. Т. I. LXXXII и 318; т. II: 417; т. III: 404; т. IV: 131 и ССХ. Біографія, въ первомъ томѣ, составлена А. М. Скабичевскимъ; примѣчанія, въ четвертомъ томѣ, были приготовлены отчасти самимъ поэтомъ и дополнены С. И. Пономаревымъ.

Четыре тома, на обыкновен. бумагѣ: 7 руб. въ оберткѣ, и 9 руб. въ перепл. съ перес. 8 р. и 10 р. На веленовой бумагѣ: и 12 руб. въ переплѣтѣ. Съ перес. 14 р.

Главный складъ изданія: Книжный магазинъ Типографіи М. Стасюлевича, въ Спб., Вас. Остр. 2-я лин. 7.— Книгопродавцамъ и учебнымъ заведеніямъ обычная уступка. 1—3.

„ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ“

БЫВШІЙ

„ДѢТСКІЙ САДЪ“.

Будетъ выходить въ 1879 г. въ направленіи, принятомъ съ 1876 г. Правильное практическое воспитаніе возможно лишь тогда, когда выяснена теорія. Редакція поставила себѣ задачей въ статьяхъ о развитіи умственнаго и нравственнаго строя ребенка и о предметахъ преподаванія, выяснять теоріи, на которой должно быть основано воспитаніе. Въ отдѣлѣ критики и бібліографіи даются отзывы о педагогическихъ и дѣтскихъ книгахъ и журналахъ. Въ отдѣлѣ смѣси замѣтки изъ воспитательной практики. Въ отдѣлѣ чтенія для дѣтей старшаго и младшаго возраста помѣщаются рассказы, стихотворенія, біографіи, статьи естественно-научнаго содержанія, путешествія. Для младшаго возраста прилагаются рисунки. Въ 1878 г. были помѣщены статьи, въ педагогическомъ отдѣлѣ: Вліяніе семьи и школы, Забывчивость, Мнѣніе англійскаго педагога объ экзаменахъ, Теорія воспитанія Спенсера, Дюбуа Реймонъ о современномъ образованіи, Причина дѣтской смертности Португалава, Женское руководствъ М. Артемьевой. Дѣти игрушки, Что должно требовать отъ учителя, Чтеніе, Какъ воспитывать женщину, Воля, Преподаваніе географіи, Глухота къ нотамъ. Въ отдѣлѣ чтенія для дѣтей старшаго возраста: Вильямъ Пенъ, Сказка о рубашкѣ, Булатъ и мысль, Стихотвореніе. Бури и кораблекрушенія, Зеленый Островъ. Изъ пѣсенъ о городѣ, стихотвореніе, А. Михайлова. Н. А. Некрасовъ, М. Артемьевой, съ портретомъ Некрасова. Для младшаго возраста: Встрѣча, съ рисункомъ, Пропаша Лены, Каучукъ и гуттаперча, Погоня при луномъ свѣтѣ, Алена, рассказъ М. Артемьевой, съ рисункомъ, Пчелы, съ рисункомъ.

Журналъ выходитъ въ объемѣ отъ 5—6 листовъ въ 8-ю долю большаго формата. Цѣна 4 р. 50 к. безъ доставки, съ пересылкой и доставкой 5 р.

Подписка принимается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, и въ редакціи: Екатеринбургскій проспектъ д. 51 кв. 4.

Издатель А. Поповъ. Редакторъ Н. Бѣлозерская.

Изданія въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ М. Цебриковой.

Эмилъ XIX вѣка А. Эскироса съ приложеніемъ статьи Теорія Воспитанія Спенсера 2-е изданіе П. 1. р. 25 к.

Новая жизнь, романъ Ауэрбаха изъ быта народныхъ учителей П. 2 р. 20 к.

Медицина и Медики Э. Литтре. П. 2 р.

Рассказы о погибшихъ дѣтяхъ Н. Р. Выпускъ 1-ый повѣсть «Маменьки». П. 60 к. «Самадуръ». П. 50 к.

Депутатъ города Парижа. Романъ изъ временъ 2-ой Французской имперіи. П. 2 р. —1.

При этомъ номерѣ «Живоп. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ приложеніе: Арестъ капитана донъ-Альваро де-Атаиде.

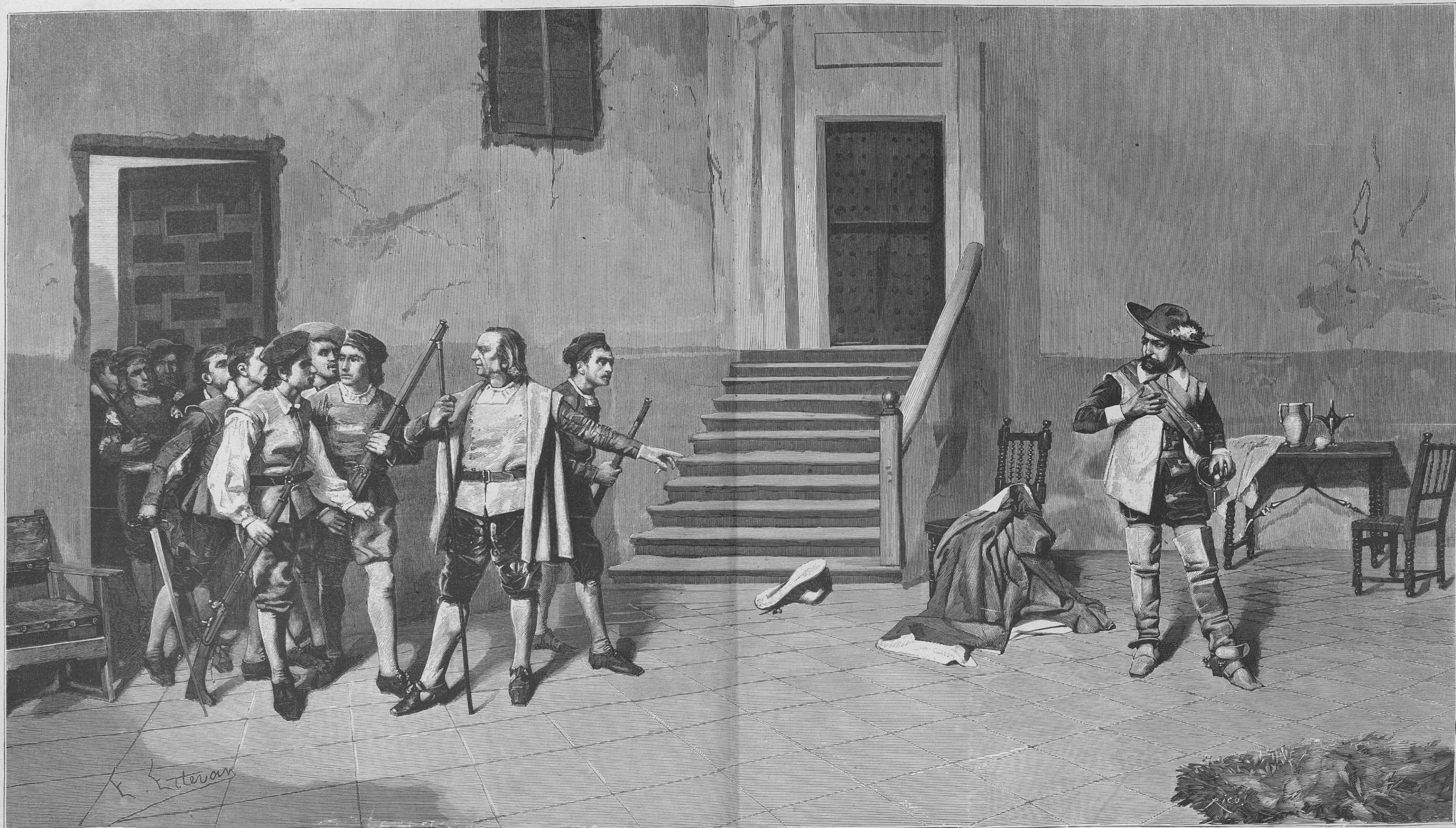
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 Марта 1879 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)

№ 13. Томъ I.

На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.;
на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяцъ. — 2 руб.
Отдѣльныя №№ по 20 к.

С.-Петербургъ, 31 Марта 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новая
улица, домъ № 6.

Годъ VII.

Фридрихъ фонъ-Боденштедтъ.

Ст. П. В. Га—на.

Едва-ли кто изъ иностранныхъ писателей съ такою любовью, какъ Фридрихъ фонъ-Боденштедтъ, отнесся къ нашимъ поэтамъ, произведенія которыхъ онъ перевелъ на нѣмецкій языкъ съ неоспоримымъ талантомъ. Можно сказать, что онъ былъ единственнымъ истолкователемъ въ Германіи заслугъ нашихъ извѣстныхъ писателей и поэтовъ, изложивъ и краткіе біографическіе очерки ихъ. Изъ произведеній Пушкина переведено Боденштедтомъ сорокъ три стихотворенія, въ томъ числѣ и большія поэмы: «Бахчисарайскій фонтанъ», «Братья разбойники», «Графъ Нулинъ», «Полтава» и вся поэма «Евгеній Онѣгинъ». Изъ произведеній Лермонтова, онъ перевелъ еще болѣе, до пятидесяти трехъ стихотвореній, между которыми и такія поэмы, какъ «Пѣснь о Царѣ Иванѣ Васильевичѣ и о купеческомъ сынѣ Калашниковѣ», «Мцыри», «Казначейша», «Хаджи Абрекъ», «Измаилъ бей». Изъ Кольцова переведены имъ десять стихотвореній: «Молитва», «Гробъ», «Тайна», «Сяду я за столъ», «Вопросъ», «Лѣсъ», «Пѣсня пахаря», «Послѣдняя битва», «Скажи зачѣмъ», «Теплѣе забилося сердце». Изъ Фета: «Двѣ розы», «Звѣзды», «Тихая ночь», «Золотятся горы вершины», «Шепчутъ, тихо-замирая», «Полуночныя картины». Но этимъ Боденштедтъ не ограничился; онъ далъ образчики поэтическихъ произведеній и другихъ нашихъ поэтовъ. Изъ Державина онъ перевелъ оду «Богъ». Изъ Карамзина—«Пѣсню о добромъ царѣ». Изъ Жуковского—«Ночь». Изъ Ростопчиной—«Падучая звѣзда», и «Осенній вечеръ». Изъ Давыдова—«Утренняя звѣзда», и «Вечеръ въ юнѣ». Затѣмъ слѣдуютъ переводы разсказовъ Тургенева, и

стихотвореній: Алексѣева, Батюшкова, Воскресенскаго, князя Вяземскаго, Грекова, Дельвига, Давыдова, Дмитріева, Тютчева, Половцова, Суханова и басень Крылова. Не одними перево-

двѣ поэмы: «Андрей и Марѳа» и «Иванъ, сынъ старости». Сюжетъ для первой взятъ изъ русской исторіи, временъ Ивана Грознаго, тотъ моментъ его жизни, когда изъ жестокаго правителя, казнившего даже близкихъ себя людей, онъ дѣлается ханжей. Паденіе Новгорода; личноститероевъ поэмы: Андрея и Марѳы, избранной царемъ въ невѣсты изъ 2000 красавицъ, собранныхъ со всей Россіи, очерчены поэтомъ мастерски, какъ равно и бесѣды царя съ Марѳою, ненавидѣвшей его за смерть близкихъ ея сердцу людей. Сюжетъ второй его поэмы «Сынъ старости» взятъ изъ народнаго быта. Пребываніе поэта на Кавказѣ дало ему матеріалъ также для большой поэмы, въ 73-хъ пѣсняхъ, подъ названіемъ: «Ада, лезгинка». На 250 страницахъ своей поэмы, Боденштедтъ яркими красками рисуетъ жизнь восточныхъ женщинъ и бытъ жителей Кавказа. Кромѣ того, во время путешествія по южной Россіи, онъ собралъ двадцать шесть малороссійскихъ пѣсень и перевелъ ихъ съ сохраненіемъ народнаго характера. Послѣдній, двѣнадцатый томъ его сочиненій заключаетъ въ себѣ воспоминанія о Россіи и состоитъ изъ слѣдующихъ статей: о народной поэзіи славянъ; о московскомъ Кремлѣ, какъ средоточіи русской исторіи; о Петрѣ Великомъ; о положеніи женщинъ на Востокѣ и на Западѣ; о социальномъ значеніи русскаго театра. Въ этой послѣдней статьѣ Боденштедтъ является глубокимъ цѣнителемъ таланта автора комедіи «Горе отъ ума» и не только разбираетъ подробно эту безсмертную сатиру на тогдашнее общество,

Фридрихъ фонъ-Боденштедтъ.

дамы 160 произведеній нашихъ поэтовъ и писателей познакомили Боденштедта нѣмецкую публику съ русской литературой. Въ послѣднихъ томахъ его избранныхъ сочиненій напечатаны

но и въ мастерскомъ переводѣ даетъ своимъ читателямъ возможность ознакомиться съ лучшими мѣстами комедіи, въ шести отрывкахъ *).

*) Замѣчательное мнѣніе Боденштедта о комедіи

Разобравъ потомъ комедію Гоголя «Ревизоръ», въ которой такъ картинно изображены подкупность и грубость чиновниковъ того времени, Боденштедтъ знакомитъ и съ свѣтлыми сторонами характера русскаго народа, бьющими, такъ сказать, ключемъ въ поэтическомъ произведеніи Константина Аксакова, въ его комедіи «Князь Луповицкій», изданной въ 1857 г. Разборомъ трехъ названныхъ комедій, какъ говоритъ Боденштедтъ, онъ вовсе не исчерпываетъ обзора соціального значенія нашего театра, но полагаетъ, что Грибоѣдовъ, Гоголь и Аксаковъ, положили прочное основаніе, другимъ русскимъ писателямъ для дальнѣйшаго образованія и развитія въ публикѣ сочувствія къ благороднымъ поступкамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и презрѣнія къ постыдному стремленію противозаконной наживы большинства ихъ современниковъ. Нашимъ читателямъ, конечно, не безынтересно будетъ узнать нѣкоторыя подробности о жизни Боденштедта, оказавшаго такое рѣдкое вниманіе иностранца къ русской литературѣ, познакомивъ своими прекрасными переводами съ произведеніями болѣе чѣмъ двадцати ея представителей. Фридрихъ фонъ-Боденштедтъ, замѣчательный современный поэтъ и писатель, родился 22 апрѣля 1819 г. въ бывшемъ Ганноверскомъ королевствѣ, въ городкѣ Пейнѣ. Происходя изъ купеческаго сословія, онъ въ ранней молодости занимался торговлей; но смерть отца дала другое направленіе дѣятельности Боденштедта. Желая получить высшее образованіе, онъ слушалъ университетскія лекціи въ Геттингенѣ, Мюнхенѣ и въ Берлинѣ, гдѣ въ особенности изучалъ исторію литературы и лингвистику, т. е. сравнительную филологію (языкознаніе). Успѣхи Боденштедта обратили на себя вниманіе университетскаго начальства, и когда посланникъ нашъ при берлинскомъ дворѣ, по желанію извѣстнаго сановника, князя Голицына, жившаго въ Москвѣ, обратился съ просьбою о рекомендаціи ученаго филолога для занятій съ молодымъ княземъ, то ректоръ берлинскаго университета указалъ на Ф. Боденштедта, какъ на такого знатока древнихъ и новыхъ языковъ, какового только могъ желать для своего сына князь Голицынъ.

На двадцать второмъ году возраста, Боденштедтъ былъ уже въ Москвѣ въ званіи наставника молодого князя. Въ подобномъ положеніи, ему открывалась полная возможность не только часто бывать въ кругу свѣтскаго общества, но и находить время и всѣ удобства для основательнаго изученія русскаго языка и русской исторіи. Обладая замѣчательными способностями, Боденштедтъ могъ, проживъ всего два года въ Москвѣ, издать въ переводѣ не мало произведеній нашихъ любимыхъ поэтовъ: Пушкина, Лермонтова, Кольцова и другихъ, въ пяти томахъ (Лейпцигъ 1843). Получивъ въ 1844 г. приглашеніе кавказскаго намѣстника, генералъ-адъютанта Нейдгарда, занять въ Тифлисѣ должность директора педагогическаго института и старшаго преподавателя языковъ латинскаго и французскаго въ гимназій, Боденштедтъ оставилъ Москву и, во время поѣздки своей на Кавказъ, чрезъ Воронежъ и степи донскихъ казаковъ, усердно собиралъ народныя пѣсни. Проживъ годъ въ Тифлисѣ, онъ отправился въ Арменію и, вернувшись обратно въ Тифлисъ, вмѣстѣ съ Сеймуромъ и Розеномъ, прусскимъ консуломъ, Боденштедтъ изучалъ, втеченіи двухъ лѣтъ, татарскій языкъ у одного изъ мѣстныхъ ученыхъ, Мирзы Шафи, получавшаго отъ него по серебряному рублю за урокъ. Результаты путешествій

«Горе отъ ума» заслуживаетъ, чтобы повторить его: «Одна комедія Грибоѣдова принесла болѣе добра Россіи, чѣмъ всѣ правительственныя мѣры, клонящіяся къ улучшенію народной нравственности». Стр. 223.

его по Закавказью, и знакомство съ Кавказомъ были изложены въ двухъ его сочиненіяхъ: «Народы Кавказа и войны ихъ за свободу съ русскими»; (два тома, Франкфуртъ 1848, и 2-е изданіе, Берлинъ 1855); и «Тысяча и одинъ день на Востокѣ» (три тома, Берлинъ 1850 г., 3-е изданіе, 1859 г.). Эти два сочиненія доставили Боденштедту обширную извѣстность. Еще въ 1845 году въ Штутгартѣ были изданы двадцать шесть собранныхъ имъ южнорусскихъ народныхъ пѣсень съ описаніемъ исторіи происхожденія казацкаго войска, подъ общимъ заглавіемъ «Поэтическая Украина». Возвратясь чрезъ Черное море, Крымъ, Одессу, Константинополь, Малую Азію и Греческіе острова, въ 1846 г. въ Германію, Боденштедтъ провелъ осень и зиму въ Мюнхенѣ, а въ слѣдующемъ году уѣхалъ въ Италію, для изученія древнихъ памятниковъ искусства. Чрезъ два года онъ вернулся въ Германію и принялъ на себя обязанности главнаго редактора либеральнаго органа печати «Австрійскаго Лойда», издававшагося въ Триестѣ. Переѣхавъ потомъ въ Берлинъ, онъ въ 1849 г. былъ отправленъ въ Парижъ въ качествѣ представителя прусскихъ интересовъ партіи свободной торговли, а въ 1850 г. онъ посланъ былъ въ Франкфуртъ для участія на конгрессѣ о судьбѣ Шлезвигъ-Гольштейна. Окончивъ это порученіе, Боденштедтъ редактировалъ, втеченіи двухъ лѣтъ, «Везерскую газету». Проживъ два года (1852—54) въ Англіи и у тестя своего, близъ Касселя, онъ, по приглашенію баварскаго короля, переѣхалъ въ 1854 г. въ Мюнхенъ, въ университетъ котораго и занялъ кафедру славянскихъ языковъ; а въ 1858 г. перешелъ на кафедру древне-англійской литературы.

Живя въ Мюнхенѣ, Боденштедтъ, по особому желанію короля, наблюдалъ также и за постановкою классическихъ драмъ на королевскомъ театрѣ. Получивъ въ 1866 г. приглашеніе герцога Мейнингенскаго принять на себя непосредственное управленіе придворнымъ театромъ, Боденштедтъ поселился въ Мейнингенѣ, какъ кажется, если не навсегда, то на долгое время. Придворный театръ герцога доведенъ былъ Боденштедтомъ до возможнаго совершенства, какъ въ сценическомъ отношеніи, такъ и въ избранномъ репертуарѣ пьесъ, состоящихъ изъ лучшихъ классическихъ драмъ. Самъ герцогъ принималъ нерѣдко въ нихъ участіе. Заслуги директора театра были оцѣнены признательнымъ герцогомъ и Боденштедтъ, возведенный въ дворянское достоинство и награжденный другими отличіями, продолжаетъ и теперь свои литературныя занятія, давшія ему полное право считать себя однимъ изъ замѣчательныхъ современныхъ писателей и поэтовъ. Проведенное Боденштедтомъ время на Кавказѣ и за Кавказомъ составляетъ два года и девять мѣсяцевъ, или 1001 день; вотъ почему воспоминанія свои объ этомъ времени поэтъ и озаглавилъ: «Тысяча и одинъ день на Востокѣ». Три первые тома избранныхъ его сочиненій составляютъ описаніе знакомства его съ восточными окраинами нашего отечества, не только въ прозѣ, но и въ 150 стихотвореніяхъ, въ числѣ которыхъ переведены также и пѣсни: курдовъ, персовъ, татаръ, армянъ, грузинъ и черкесъ. Слѣдующіе затѣмъ четыре тома (4—7), заключають въ себѣ лучшія произведенія нашихъ поэтовъ въ 156-ти образцахъ, переведенныхъ съ сохраненіемъ всѣхъ красотъ моделинниковъ. Къ числу ихъ слѣдуетъ отнести и такія поэмы, какъ Пушкина: «Евгеній Онѣгинъ» (240 страницъ), и Лермонтова «Измаиль Бей» (102 страницъ). Восьмой томъ заключають въ себѣ переводы 156 сонетовъ знаменитаго Вильяма Шекспира. Послѣдніе четыре тома (9—12) также заключають въ себѣ описанія жизни восточныхъ племенъ Россіи. Такъ въ 9, 10 и 11 томахъ, подъ за-

главіемъ «Старыя и новыя стихотворенія», включено болѣе сорока восточныхъ стихотвореній; а половина десятого тома состоитъ изъ двухъ поэмъ: «Андрей и Марѳа», изъ русской исторіи, и «Сынъ старости», изъ народной жизни. Весь одиннадцатый томъ, составляющій поэтическое описаніе восточной жизни, озаглавленъ: «Ада, Лезгинка», восточная поэма. Послѣдній, двѣнадцатый томъ, названный авторомъ: «Съ Востока и Запада», составляетъ изложеніе семи публичныхъ лекцій, посвященныхъ преимущественно воспоминанію о Россіи *). Литературныя произведенія Фридриха фонъ-Боденштедта имѣють для насъ особенное значеніе, такъ какъ онъ, одинъ изъ весьма немногихъ поэтовъ-иностранцевъ, имѣлъ возможность ознакомиться съ произведеніями нашихъ поэтовъ и съ жизнью племенъ, населяющихъ окраины Россіи, своихъ соотечественниковъ, германцевъ. Къ числу лучшихъ стихотвореній его слѣдуетъ отнести «Пѣсни Мирзы Шафи», изданныя въ 1851 г., которыя съ тѣхъ поръ ежегодно являлись въ новомъ изданіи; такъ въ 1874 г. въ Берлинѣ эти пѣсни были отпечатаны сорокъ девятымъ изданіемъ и не только переведены почти на всѣ европейскіе языки, но даже и на татарскій языкъ. Долгое время авторомъ ихъ считали Мирзу Шафи, а Боденштедта только ихъ переводчикомъ, но наконецъ дѣйствительнымъ авторомъ ихъ оказался самъ Боденштедтъ. Содержаніе ста сорока пѣсень, наввно веселое, имѣетъ сходство съ поученіями персидскаго поэта, Гафиза **), и отличается прелестною формою изложенія. Черезъ годъ по изданіи «Пѣсень Мирзы Шафи», изданъ въ Берлинѣ (1852) сборникъ его «Стихотвореній», выдержавшій также значительное число изданій. Въ этихъ 168 стихотвореніяхъ, Боденштедтъ является поэтомъ исчезающей школы великаго Гёте. Эпическое содержаніе въ нихъ, образъ мыслей и чувствъ поэта невольно увлекають читателя и вызываютъ глубокое уваженіе къ автору за его возвышенныя и благородныя чувства.

Изъ всего сказаннаго о литературныхъ произведеніяхъ Фридриха фонъ-Боденштедта видно, съ какою любовью и сочувствіемъ относился онъ къ Россіи. Желая познакомить нашихъ читателей съ его поэтическими произведеніями, мы помѣщаемъ нѣсколько стихотвореній изъ «Пѣсень Мирзы Шафи». Переводъ этихъ стихотвореній сдѣланъ П. Якубовичемъ.

Изъ «пѣсень любви».

1.

Въ твоихъ устахъ, какъ поцѣлуй, такъ
Слова,—скажи же ты:

Зачѣмъ въ поляхъ весной благоухаютъ
Ожившіе цвѣты?

*) Кромѣ перечисленныхъ двѣнадцати томовъ сочиненій Боденштедта (Берлинъ 1865—69), относящихся, преимущественно, къ знакомству его съ Россіей и съ ея литературой, онъ издалъ еще много и другихъ трудовъ своихъ, не вошедшихъ въ собраніе его сочиненій. Такъ въ 1856 г. была напечатана трагедія «Димитрій». Въ 1857 г. два тома его стихотвореній подъ заглавіемъ «Изъ отчизны и далека». Въ 1860 г. комедія «Сватовство короля Отариса», имѣвшая значительный успѣхъ. Въ 1863 г. «Эпическія стихотворенія» и небольшіе рассказы. Въ 1864 г. переводъ нѣкоторыхъ повѣстей и разсказовъ Тургенева. Съ 1866—72 г. былъ изданъ, въ Лейпцигѣ, новый переводъ многихъ изъ драматическихъ произведеній Шекспира и разныя историческіе рассказы въ семи томахъ. Въ 1874 г. изданъ литературнымъ германскимъ обществомъ сборникъ изъ 150 новыхъ стихотвореній Боденштедта, подъ заглавіемъ «Изъ посмертныхъ стихотвореній Мирзы Шафи».

**) Извѣстный лирический поэтъ, Гафизъ, умеръ въ 1391 г. Въ стихотвореніяхъ подъ названіемъ «Диванъ» (въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, изданъ въ Лейпцигѣ, 1854—62), Гафизъ восхваляетъ красоту, любовь и удовольствія.

Зачѣмъ, въ лѣсу проснувшись гуляя,
Дрожу восторгомъ я?
Не о тебѣ-ль, не о тебѣ-ль мечтаю,
Прекрасная моя?

2.

Тебѣ подарить собираюсь вѣнокъ,
Однажды цвѣтовъ отыскать я не могъ...
Теперь же, когда они блещутъ вокругъ, —
Ахъ, гдѣ ты, безцѣнный мой другъ?

3.

Спустился вечеръ...
Луна изъ тучъ.
На грозный глетчеръ
Бросаетъ лучъ.
Такъ сердцу больно!
Слеза течетъ,
А вѣтеръ вольный
Кругомъ поетъ...
Бушуютъ волны...
И стонъ и вой...
Но думы полны
Мои тобой!

Ужъ берегъ дальний
Изъ глазъ исчезъ.
Гляжу, печальный,
На край небесъ...
На крыльяхъ пѣсень
Назадъ лечу:
«Твой взоръ чудесенъ,
Сродни лучу!
Пусть хлещутъ волны
О челонъ мой,
Но думы полны
Мои тобой!

4.

Я стараюсь всѣми силами
Образъ дивный отогнать...
Ахъ, съ мечтами сердцу милымъ
Трудно, трудно воевать!

Когда вечеромъ солнце плыветъ на покой,
То склоняются лозы за нимъ виноградныя...
Такъ же рвется и сердце мое за тобой,
Мое солнце, моя ненаглядная!

5.

Когда порой—и милый, и веселый—
Твой взоръ такъ ласково покоится на мнѣ,
Мой духъ, подавленный заботою тяжелой,
Расплавится, какъ золото въ огнѣ.

Уходишь ты... Но сердце берегаешь
Въ себѣ твой дорогой завѣтъ—
И образы живые выливаетъ
На память о тебѣ поэтъ.

Изъ «книги изреченій».

1.

Есть дороги черезъ горы,
Черезъ рѣки и пески,
Но длиннѣе всѣхъ отъ сердца
Путь до пишущей руки!

2.

Если ты за добродѣтель хочешь
Отыскать награду на землѣ,—
Милый другъ! Напрасно ты хлопочешь:
Не откроешь истины во мглѣ!

3.

Отъ одного къ другому наслажденью
Безъ усталости спѣшимъ на зовъ мечты:
Погоня глупая за призрачною тѣнью,
Залогъ душевной пустоты!

4.

Шепчутъ мнѣ на ухо каждый свое—
Разумъ и бѣдное сердце мое:
Это твердить про любовь и любовь,
Тотъ охлаждаетъ горячую кровь.

Разумъ на видъ выставляетъ расчетъ,
Сердце слѣпымъ и безумнымъ зоветъ;
Сердце-же любить всей силой любви
И повторять завѣты свои.

Изъ книги «Кипарисовъ и розъ».

1.

Мѣсяцъ ясный высоко по небу плыветъ;
Ночь душна, какъ предвѣстница бури...
На прощаньи гляжу я на зеркало водъ,
Отразившее своды небесной лазури.

Точно призракъ, корабль показался вдали;
Чуть мелькнулъ огонекъ—и упала завѣса...
Легкой дымкой туманы на поле легли —
До далекой опушки уснувшего лѣса.

Тихо, съ ропотомъ легкимъ на берегъ морской
Катятся плышу свою серебристую волны.
Я безмолвно гляжу на прибой и отбой,
Созерцанія тихаго полный...

И невольно на память, въ ночной тишинѣ,
Мнѣ приходятъ другія прекрасныя ночи.
Ахъ, то время умчалось подобно волнѣ,
За которой слѣдять утомленные очи!..

И цвѣты унесла роковая гроза
И пѣвца уже въ роцѣ не слышно;
Но весна, поражающая слухъ и глаза,
Сохранилась въ душѣ моей пышно...

2.

Свободы дерево, роскошный кипарисъ
Вѣтвями никогда не поникаетъ внизъ:
Онъ рвется на просторъ къ лазурнымъ небе-
самъ—

И строенъ, и могучъ, и прямъ.

Покрытый тучею зеленою листовъ,
Не удрученъ онъ пошею плодовъ...
Невозмутимая и гордая краса!
Не сами-ли объ ней пекутся небеса?

Кладбище мирное собой украсилъ онъ,
Любя таинственный и вѣчно тихій сонъ...
Прохладна и сладка его густая тѣнь
Въ томительно-палящій лѣтній день.

Святой символъ смиренія земли,
Зеленой башнею онъ высится вдали;
Подъ нимъ червей раздольные ширь,
Надъ нимъ же звѣзды привѣтныя мѣры...

Изъ «восточныхъ образовъ и разсказовъ».

Тимуръ.

«Горе, если разрушенъ
Ищешь славы на землѣ;
Глухъ Господь къ твоимъ молениямъ,
Ты съ проклятьемъ на челѣ!»

Мрачный Тимуръ разъ услышалъ
Этотъ мстительный напѣвъ,—
Изъ себя властитель вышелъ,
Закричалъ, побавровѣвъ:

«Пусть пѣвецъ сюда предстанетъ!»
Тотъ приходитъ во дворецъ...
— «Если царь сурово взглянетъ,
Ты расквѣсься-ль, пѣвецъ?»

«Въ чемъ раскажусь? Укоризнѣ
Мѣста нѣтъ для струнъ пѣвца!»
— «Но цари лишаютъ жизни».
«И безъ царскаго вѣнца

Убиваетъ тигръ въ пустынѣ,
Даже камень, съ высоты
Крыши падая... И чинѣ
То же сдѣлать хочешь ты?»

Долго, полночи чернѣе,
Тимуръ думалъ...— «Такъ возьми-жь
Перстень мой! Бѣги скорѣе,
Если жизнью дорожишь!»

И съ тѣхъ поръ тирану хуже —
До кончины онъ хирѣлъ,
А пѣвецъ все пѣсю ту же
Угрожающую пѣлъ;

«Горе, если разрушенъ
Ищешь славы на землѣ;
Глухъ Господь къ твоимъ молениямъ,
Ты съ проклятьемъ на челѣ!»

Изъ «пѣсень утѣшенія».

Гляжу на васъ, звѣзды, въ нѣмомъ упоеньи—
И такъ высоко, высоко я!
Отъ вѣчности вы получили стремленье
И къ ней же несетесь, не зная покоя...
И я—эта искорка, свѣточъ мгновенный,
Который чуть вспыхнетъ и гаснетъ—
Отважусь подняться до перловъ вселенной,
Лишь зная, что гордости въ васъ нѣтъ,
Что Зодчій, могучею силой искусства
Создавшій гормонію эту,
Сознанье мнѣ далъ и глубокое чувство—
Ступень къ неизмѣнному свѣту.
И пусть вы въ своемъ безконечномъ полетѣ
Въ дали безпредѣльной повисли,
Вы въ этой душѣ хоть минуту блеснете,
Какъ яркія, свѣтлыя мысли!
И даже, въ дремотѣ томительно-сладкой
Закрывъ утомленные очи,
Могу я васъ вызвать, о звѣзды, украдкой
Въ мозгу, какъ товарищей ночи.
О, ризы Господней алмазныя точки,
Я вашимъ сіяньемъ блистаю:
Васъ, звѣзды, какъ дѣти въ гирляндѣ цвѣточки,
Въ пѣвучій свой стихъ я влетаю...

(Продолженіе.)

Когда, дня черезъ три послѣ происшествія въ театръ, Павелъ Павловичъ пришелъ на урокъ къ Савлиннымъ, ему объявили, что молодого барина больше нѣтъ въ домѣ.

— Изволили въ гостиницу къ паненкѣ переехать, сказали Филатычъ.

— Совсѣмъ?

— Совсѣмъ-съ. Имъ туда и бѣлье ихъ отнесли и книжки. Прочія вещи барыня не приказали выдавать, сложили все въ ихнюю комнату и дверь на ключъ заперли. Впрочемъ, надо такъ полагать, что они немного наживутъ у паненки, разсуждалъ старикъ, покачивая головой, — Алексѣя Алексѣевича мы очень даже хорошо знаемъ, душа человѣкъ и сердце золотое, добрый предобрый! Но гдѣ имъ, при ихнемъ положеніи и даже можно сказать легкомысліи, молодого барина при себѣ содержать? Достатковъ у нихъ совсѣмъ мало, даже, съ позволенія сказать, частехонько великую нужду въ деньгахъ приходится терпѣть... Ну, и во всѣхъ прочихъ обстоятельствахъ никакой у нихъ нѣтъ солидности... Чай, про госпожу Солнцева, да про ихъ дѣтокъ изволили слышать?.. Если желаете барыню видѣть, я сейчасъ доложу, спохватился вдругъ Филатычъ, — онѣ таперича немножко въ чувствіе пришли отъ намеренной исторіи и, надо полагать, рады будутъ съ чужимъ человѣкомъ разговоромъ себя развлечь.

Но Павелъ Павловичъ не пожелалъ развлекать Юлію Ивановну разговорами и поспѣшилъ удалиться.

Въ тотъ же день вечеромъ, зашелъ Володя къ нему и привелъ съ собою отца.

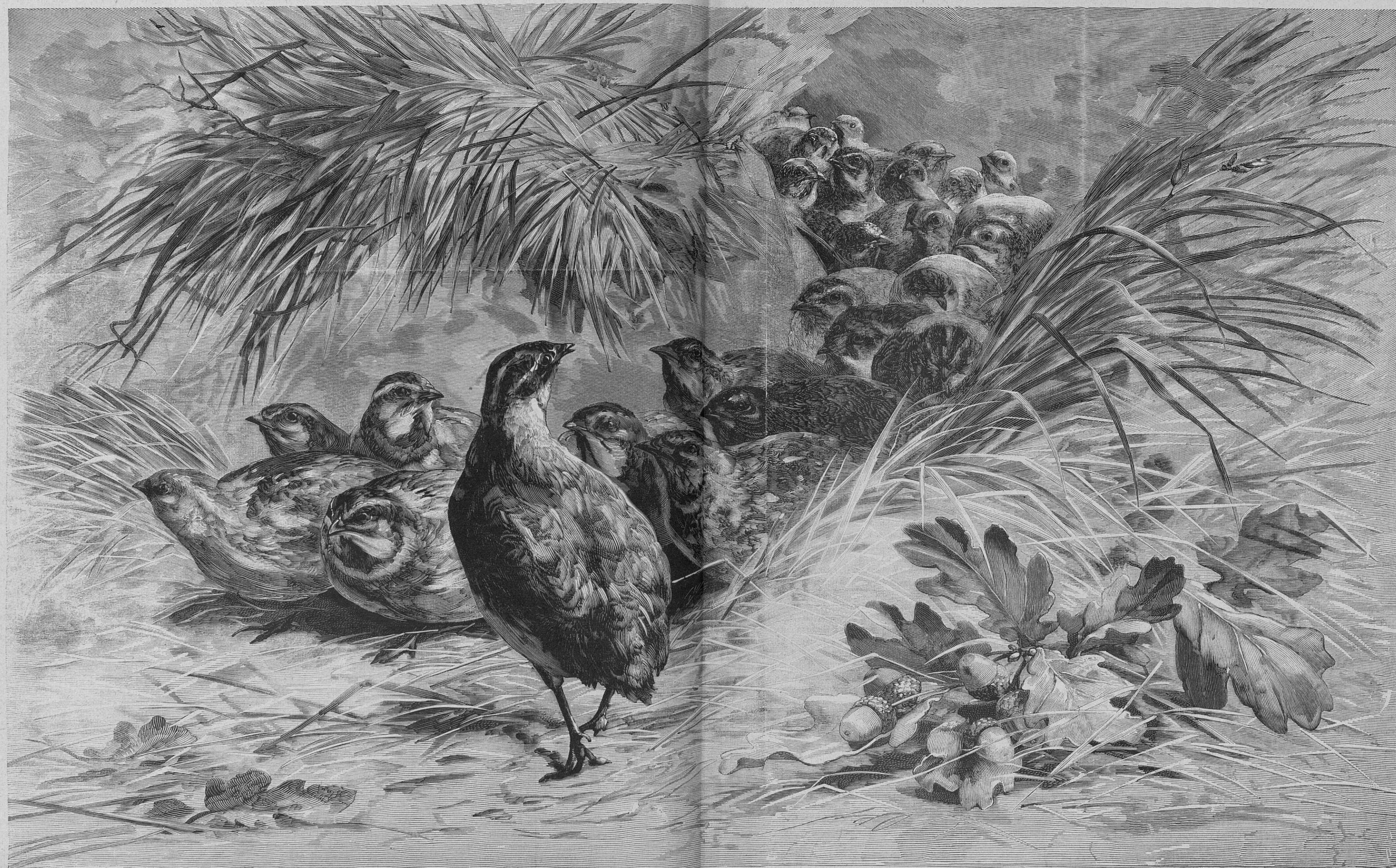
Алексѣй Алексѣевичъ объявилъ, что онъ давно уже искалъ удобнаго случая познакомиться съ господиномъ Лѣтневымъ, чтобы поблагодарить его за благотворное вліяніе на характеръ и умственное развитіе сына.

— Теперь случай этотъ представился...

Онъ заглянулъ и мелькомъ глянулъ на юношу, который уходилъ въ сосѣдную комнату, къ своему пріятелю Муравейко.

— Вы, вѣроятно, уже слышали объ его благородномъ поступкѣ? спросилъ г. Савлинъ, указывая головой на дверь.

ПЕРЕЛА.

И не дожидаясь отвѣта, онъ началъ разсказывать подробности этого поступка, какъ Володя вступился за честь отца и объявилъ Юліи Ивановнѣ, что онъ никому въ мірѣ не позволитъ относиться къ Алексѣю Алексѣвичу непочтительно въ своемъ присутствіи!

По всей вѣроятности, этотъ благородный порывъ не пройдетъ ему даромъ; Юлія Ивановна не изъ тѣхъ, что сознаются въ своихъ заблужденіяхъ и ошибкахъ, она никогда не проститъ сыну и всѣми способами постарается отомстить ему... Но это тѣмъ болѣе ему дѣлаетъ чести, не правда ли?

Самъ Алексѣй Алексѣвичъ всю свою жизнь только и дѣлалъ, что увлекался благородными порывами, никогда не останавливаясь ни передъ какими жертвами, никогда не считывая... Онъ даже не понимаетъ возможности колебаться въ выборѣ между чувствомъ и матеріальными выгодами. *Fais ce que dois adviennne se que pourra!* Вотъ ихъ девизъ, и въ данномъ случаѣ, Володя вполне доказалъ, что онъ тоже Савлинъ.

И вдругъ, свернувъ совершенно неожиданно рѣчь на другую тему, онъ замѣтилъ, что Володѣ гораздо лучше и во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе и удобнѣе готовиться въ университетъ, а не въ лицей.

— Но почему же? удивился Павелъ Павловичъ.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ явился въ видѣ страннаго разсужденія о воспитаніи вообще и о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ особенности. Съ непривычки толковать о предметахъ подобнаго рода, Алексѣй Алексѣвичъ немилосердно путался и заворачивался, но, въ конецъ-концовъ, оказывалось, что важнѣйшимъ аргументомъ противъ лицейской службы въ его глазахъ та довольно значительная сумма денегъ, внесеніе которой обязательно для всѣхъ воспитанниковъ, поступающихъ въ это заведеніе на свой счетъ.

Договорившись до такого неожиданнаго заключенія, г. Савлинъ заторопился домой и при прощаніи началъ просить Павла Павловича продолжать заниматься съ его сыномъ.

— Къ сожалѣнію, мы въ настоящее время живемъ въ такомъ тѣсномъ и неудобномъ помѣщеніи, что не можемъ просить васъ немедленно приступить за ваши занятія съ Володей, но мы предлагаемъ мѣсто въ Петербургѣ... Сергій Тюфякинъ, знаете? Тотъ самый Тюфякинъ, который вертитъ всѣмъ министерствомъ, вы, вѣрно, слышали? Мы ужъ и квартиру прискакали, остается только купить мебель, лошадей, экипажи и найти надежную прислугу... Какъ только мы устроимся, Володя забѣжитъ къ вамъ... Это будетъ, по всей вѣроятности, на дняхъ.

Однако, съ тѣхъ поръ прошло недѣль шесть, а Володя, хотя и заходилъ время отъ времени къ своему бывшему учителю, но объ урокахъ съ нимъ не заговаривалъ.

А черезъ Муравейко, довольно-таки часто посѣщавшаго семейство Алексѣя Алексѣвича Савлина, Павлу Павловичу было извѣстно, что они все еще живутъ въ гостинницѣ, что у нихъ все также шумно и безпорядочно и что, благодаря присутствію Володѣ, стало еще тѣснѣе прежняго.

Муравейко отъ всей души жалѣлъ бѣдную Марью Николаевну и надивиться не могъ ея герпѣи и умѣнью примѣняться къ обстоятельствамъ среди безчисленныхъ хлопотъ, заботъ и всяческихъ неудобствъ, которыми она была окружена.

— Теперь они, кажется, терпятъ большую нужду въ деньгахъ, разсказывалъ онъ однажды вечеромъ своему сожителю. — Сегодня, поднимаясь къ нимъ, я встрѣтилъ на лѣстницѣ одну личность весьма извѣстную въ нуждающемся мірѣ. Личность эту я тоже знаю и злѣйшему врагу моему не посоветывалъ бы съ нею путаться.

Ростовщикъ выходилъ изъ комнаты, служившей Володину отцу спальней и кабинетомъ и, оставившись на площадкѣ передъ Муравейко, обратился къ нему съ вопросомъ о степени матеріальной состоятельности г-на Савлина.

Со свойственной ему осторожностью, малороссы отвѣчали, что ничего объ этомъ не знаютъ.

Но на этотъ разъ осторожность была не умѣста и скоро пришлось въ ней раскапываться.

Марья Николаевна вышла къ нему, какъ всегда, спокойная и ясная, какъ всегда, привѣтливо распрашивала объ его здоровьѣ и занятіяхъ, но глаза ея были заплаканы, а руки немножко холодны.

Между этими заплаканными глазами и посѣщеніемъ личности, только что встрѣтившейся на лѣстницѣ, существовала тѣсная связь, — Муравейко въ этомъ не сомнѣвался.

— Ей еще не разъ придется отъ него плакать, думалъ малороссы, невольно припоминая умишку ростовщика при его уклончивомъ отвѣтѣ о состояніи Савлина. — Врядъ-ли онъ имъ теперь дастъ денегъ взаймы!

Въ этотъ вечеръ, Марья Николаевна, въ первый разъ заговорила съ нимъ о володиной матери. Она спросила, правда-ли, что у Юліи Ивановны тридцать тысячъ годового дохода?

— Правда, отвѣчалъ Муравейко, не запинаясь.

Ему можно было говорить такъ утвердительно о состояніи г-жи Савлиной; подробности объ этомъ состояніи онъ зналъ черезъ Дашу, которая была дочь крѣпостной горничной Юліи Ивановны и сохранила дружескія отношенія со всей прислугой Юліи Ивановны и даже часто бесѣдовала съ самой барыней.

Марья Николаевна ничего больше не спрашивала о мадамъ Савлиной; она только внимательно посмотрѣла на своего собесѣдника и глубоко задумалась, а потомъ, весь остальной вечеръ была очень разсѣянна и даже слегка раздражительна. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ они познакомились, позволила она себѣ нѣчто вроде жалобы на то, что въ Петербургѣ у нее нѣтъ ни минуты покоя. Съ дѣтьми просто сладу нѣтъ: имъ здѣсь такъ скучно и тѣсно, что они вдвое больше капризничаютъ и упрямятся, чѣмъ въ деревнѣ. Лечение тоничной ножки вовсе не подвигается, кажется, доктора не понимаютъ болѣзни, это можно заключить ужъ изъ того, что они постоянно мѣняютъ лекарства, а между тѣмъ, ребенокъ все также хромаетъ. Егорюшкѣ не совѣтуютъ дѣлать операцію, говорятъ, совсѣмъ безъ глаза можетъ остаться. У Лелечки постоянный насморкъ и кашлять начала, а Понка сдѣлалась здѣсь такъ дерзка, что даже позволяетъ себѣ кричать и топтать ногами на старшихъ, когда ее останавливаютъ... Но всѣ эти непріятности ничто передъ ея тревогой за судьбу Володи! Милый мальчикъ, съ такой благородной довѣрчивостью явился къ нимъ; онъ такъ честно, такъ открыто заявилъ во всеуслышаніе полнѣйшую невозможность жить въ домѣ, гдѣ съ утра до вечера поносятъ его отца, а они не въ состояніи даже оказать ему необходимое содѣйствіе для поступленія въ университетъ! Это ужасно, ужасно! Марья Николаевна не разъ подумывала о томъ, чтобъ заложить всѣ свои золотыя вещи и заплатить въ какой нибудь приготовительный пансіонъ, но Алексѣй Алексѣвичъ объ этомъ и слышать не хочетъ. Онъ все мечтаетъ о мѣстѣ, о возможности устроиться удобно и прилично въ Петербургѣ, а между тѣмъ, время идетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Володя у нихъ, онъ не взялъ книги въ руки... Выдержитъ-ли онъ экзаментъ, если теперь приметъ усердно за работу? Это сомнительно! У него, кажется, не особенно блестящія способности, а силы воли и энергіи еще меньше.

Муравейко ее слушалъ такъ внимательно и

глядѣлъ на нее съ такимъ участіемъ, что Марья Николаевна окончательно пожаловала его въ друзья. Интимныя бесѣды, вроде вышеописанной, возобновлялись между ними все чаще и чаще. Она разсказала ему всю свою жизнь, горести и страданія съ мужемъ, описывала свою любовь къ Алексѣю Алексѣвичу и ихъ жизнь въ деревнѣ. Эта любовь была такъ сильна, такъ искренна и такъ цѣнна, что, не взирая на всѣ житейскія дразни и тревоги, Марья Николаевна Солнцева могла себя считать счастливой женщиной.

— Вотъ только бы дѣтей вырастить и вылечить, самые крупные долги уплатить, да снискать любовь и уваженіе Олиньки, прибавляла она съ легкимъ вздохомъ.

Отчужденіе дочери и ея предвзятая враждебность къ г. Савлину и къ ихъ дѣтямъ мучили Марью Николаевну гораздо сильнѣе, чѣмъ можно было предполагать. Можетъ быть, поэтому казалось она такъ рѣдко этого вопроса, даже съ Муравейко, съ которымъ во всемъ остальномъ она была вполне откровенна.

— Володя такъ порядочно ихъ стѣсняетъ, разсказывалъ онъ, нѣсколько дней спустя, Павлу Павловичу. — Иначе и быть не можетъ, онъ тамъ совсѣмъ не у мѣста. Дѣти маленькія, всѣ привыкли къ всѣмъ, такъ сказать, жизни домашнихъ для нихъ приспособлена... Съ юношей такихъ лѣтъ, какъ нашъ пріятель, они не умѣютъ обращаться. То ласкаютъ его и балуютъ глупыми подарками, точно малое дитя, то начинаютъ бесѣдовать и совѣтываться съ нимъ о вещахъ, недоступныхъ его пониманію и вовсе для него неинтересныхъ. О занятіяхъ и подготовкѣ къ экзамену — помни нѣтъ...

Иначе и быть не можетъ. Возможно-ли заниматься такими сухими предметами, какъ математика или географія въ той, вѣчно праздничной атмосферѣ постоянныхъ игръ, смѣха, дѣтскихъ шалостей и шутокъ, въ которой дышали окружающіе его люди?

Марья Николаевна понимала это лучше, чѣмъ кто-либо. У нее было столько хлопотъ съ старшими дѣтьми, Сеней и Лѣвой! Мальчишковые никакъ не могли засадить за книги, ничѣмъ нельзя было пріохотить къ ученію. А сколько непріятностей, сколько разочарованій приходилось ей выносить отъ гувернанокъ и учителей, страсти! Никто не хотѣлъ у нихъ долго жить, всѣ уверяли, что такихъ балованныхъ дѣтей, какъ ея дѣти, ничѣмъ нельзя выучить... Правда, что въ ихъ хозяйствѣ никогда не хватало денегъ ни на жалованье учителямъ, ни на книги... Можетъ быть, по этому учителя были такъ злы и такъ безбожно взыскательны?

Какъ бы тамъ ни было, но Марья Николаевна вполне понимала, что Володѣ нельзя учиться въ ихъ домѣ, и это ужасно сокрушало ее.

— Сегодня она опять спрашивала объ его матери, говорилъ Муравейко, припоминая подробности разговора, происходившаго между нимъ и мадамъ Солнцовой, съ часъ тому назадъ. — Ее, кажется, всего больше беспокоитъ намѣреніе госпожи Савлиной начать бракоразводный процессъ...

Павелъ Павловичъ замѣтилъ на это, что мадамъ Солнцева напрасно беспокоится.

Юлія Ивановна совѣтывалась по этому поводу со многими адвокатами и всѣ ей сказали, что удовольствіе преслѣдовать супруга за измѣну, обойдется въ нѣсколько тысячъ... Обстоятельство это порядкомъ-таки охладило не только ея жажду мщенія, но также и озлобленіе къ сыну.

Не дальше, какъ вчера, посылала она за Павломъ Павловичемъ, чтобъ разузнать о «скверномъ Володѣ», и въ разговорѣ высыпала передъ нимъ всѣ свои претензіи, планы и желанія. О разводѣ она упоминала только изрѣдка и какъ о самомъ крайнемъ средствѣ.

Надо и то сказать, что противъ развода сильно

возставала генеральша Цыганова. Какъ женщина дальновидная и умная, она предвидѣла, въ какія эксцентричности способна метнуться такая шальная душа, какъ ея племянница, если ей удастся заполучить себѣ полную свободу и возможность искать новой судьбы! Подобный переворотъ въ жизни женщины ея дѣтъ и понятій могъ повлечь за собою самыя неожиданныя и противуестественныя послѣдствія.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Серватій и Панкратій.

Галиційскій разсказъ Захеръ-Мазоха.

(Продолженіе.)

тоила ясная звѣздная ночь; воздухъ былъ пропитанъ тѣмъ горьковатымъ ароматомъ, который окружаетъ наши деревни весною; въ сонномъ затишѣ только слышалось, какъ журчитъ маленькій

ручей, какъ отъ времени до времени гдѣ-нибудь залаетъ собака или какъ протяжно крикнетъ ночной сторожъ, охраняющій и село, и поля. Въ эту пору прокрадывался къ дому священника Панкратій, закутанный въ длинный черный плащъ, въ большой соломенной шляпѣ на головѣ, съ гитарой на полинявшей голубой лентѣ подъ плащемъ. У него была приготовлена пѣсня и подобранъ къ ней музыкальный мотивъ и онъ надѣялся поразить этимъ вдвойнѣ прелестную, романтически настроенную дѣвушку. Но, въ сущности, ему было не до серенады; у него не хватало смѣлости и веселаго расположенія духа; его сердце билось сильно и кромѣ того ему казалось, что кто-то подсмѣивается надъ нимъ, хотя онъ и не могъ отдать себѣ отчета въ томъ, кто именно. Звѣзды глядѣли такъ насмѣшливо съ неба и такъ мерпали, точно тамъ кто-то подмигивалъ на него; деревья такъ быстро шелестили своими листьями, словно они шептались что-то на его счетъ; цвѣты покачивали головками, въ травѣ слышалось какое-то хихиканье и отъ времени до времени очень ясно раздавался совинный крикъ, похожій на хохотъ. Панкратій осматривался то направо, то налево, потомъ онъ опять обращалъ глаза къ освѣщенному окну Анастасіи, и, вѣроятно, для разнообразія оборачивался порою назадъ. Онъ откашливался, задропировался довольно живописно въ свой плащъ, отодвинулъ нѣсколько на затылокъ свою шляпу, снялъ съ плеча гитару, но начать серенады не рѣшался, не смѣя взять даже пары вступительныхъ аккордовъ. Вдругъ онъ услышалъ медленные, осторожные шаги и быстро надвинулъ на лобъ свою соломенную шляпу, замѣтивъ, что къ нему приближается человѣкъ тоже въ плащѣ и соломенной шляпѣ. Это былъ Серватій, несшій также подъ плащемъ гитару; впрочемъ, его гитара висѣла на совершенно поvenileй розовой лентѣ, только что купленной въ этотъ день у еврея Кнобелеса. Все несчастіе обоихъ друзей заключалось въ томъ, что каждый изъ нихъ считалъ своего противника за ночного сторожа, извѣстнаго всѣмъ и своею большою соломенною шляпою, и своимъ широчайшимъ плащемъ:

Сначала оба храбро остановились, потомъ они быстро спрятались за домъ. Каждый былъ убѣжденъ, что мнимый ночной сторожъ мирно пройдетъ своей дорогой. Прошло нѣсколько минутъ полной тишины. Панкратій собрался съ духомъ, прокрадся изъ-за угла дома и осторожно осмотрѣлся кругомъ; тоже самое въ это время дѣлалъ Серватій. Замѣтивъ другъ друга, они разбѣ-

жались съ быстротою молніи въ разныя стороны.

— Однако, это скверная будетъ штука, если придется подражаться съ ночнымъ сторожемъ у окна Анастасіи, подумалъ Панкратій.

— Мнѣ, видно, никакъ не удастся спѣть серенаду, размышлялъ Серватій,—по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока стоитъ тутъ этотъ разбойникъ, вѣроятно, уже пропустившій въ свою утробу не мало водки.

Оба стали выжидать и, спустя нѣкоторое время, горбатый постъ Серватія первый выглянулъ изъ-за угла. Недолго заставилъ ждать себя и курносый носъ Панкратія. Но оба носа тотчасъ же спрятались снова.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ выслѣживаетъ меня, подумалъ Серватій.—За кого онъ меня считаетъ? За мазурика, должно быть?

— Онъ, вѣроятно, полагаетъ, что я хочу пробраться въ домъ священника, разсуждалъ Панкратій.—Онъ не трогается съ мѣста.

Еще прошло нѣсколько минутъ, еще разъ оба выглянули изъ-за угловъ и еще разъ въ отчаянныя спрятались за домъ.

— При такихъ обстоятельствахъ лучше всего удалиться и отвлечь этимъ отсюда вниманіе сторожа,—эта мысль промелькнула въ обоихъ головахъ и тотчасъ же привелась въ исполненіе.

Оба друга удалились тихо, на цыпочкахъ, въ разныя стороны. Они не отошли отъ дома священника и двухсотъ шаговъ, какъ около него неожиданно послышалось пѣніе. У Панкратія, также какъ и у Серватія, промелькнула недобрая мысль, такъ какъ они знали, что одинъ молодой хорошенькій богословъ ухаживалъ за прелестной Анастасіей; оба друга воротились почти бѣгомъ и дѣйствительно передъ домомъ стоялъ молодой богословъ и пѣлъ подъ звуки гитары пѣсню.

— Такъ серенада все-таки состоялась, подумали оба.—Но гдѣ же сторожъ?

Раздался звукъ отворяемаго окна; Анастасія выглянула изъ него, при чемъ ея красивое, кругленькое личико при волшебномъ свѣтѣ звѣздной ночи было очаровательно; она кивнула головкой любезному богослову, при чемъ сдѣлала какой-то знакъ, котораго никакъ не могли понять Серватій и Панкратій. Но богословъ его понялъ и въ ту же минуту скрылся, должно быть, перескочивъ черезъ заборъ въ садъ судьи. Тутъ-то поняли и оба друга знакъ Анастасіи, увидавъ, какъ выскочилъ изъ дверей почтенный пастыръ съ черешневымъ чубукомъ въ рукахъ и очень удачно схватилъ за плащъ Панкратія, тогда какъ его не менѣе достойная супруга, слѣдуя быстро за мужемъ, успѣла захватить несчастнаго Серватія. Оба друга дрожали, какъ въ лихорадкѣ, и что-то бормотали, какъ пойманные воры; оба отрицали взводимое на нихъ обвиненіе, оба были уличены гитарами, какъ «поличнымъ»; но наконецъ священникъ и его жена достали пѣвниковъ до воротъ, гдѣ и встрѣтились вмѣстѣ,—и въ ту же минуту прекрасная, звѣтлая пѣсня, нарушившая ночной покой почтенной четы и заставившая стариковъ подняться съ постели, послышалась въ отдаленіи.

— Вотъ вамъ голосъ преступника! воскликнули Панкратій и Серватій.

— А вамъ что нужно было съ вашими гитарами? кричалъ священникъ.—У васъ было тоже намѣреніе и потому васъ стоитъ отдуть хорошенько.

— Безъ сомнѣнія, ваше преосвященство, отвѣтилъ Панкратій,—но я думаю тотъ заслуживаетъ большаго наказанія, кто пропѣлъ серенаду; если ужъ вамъ непременно хочется побить кого-нибудь, то начните съ него.

Въ эту минуту, какъ ангель-хранитель, явилась и Анастасія въ бѣлой ночной одеждѣ съ длинными, какъ бѣлыя крылья, греческими рука-

вами. Достойная чета успокоилась и Серватій съ Панкратіемъ отдѣлились на этотъ разъ дешево, заплатившись только страхомъ, но за то оба сдѣлались настолько смѣшными, что долго не могли появиться въ обществѣ молодыхъ дѣвушекъ безъ того, чтобы эти дѣвушки не закрыли себѣ рта платками. Но хуже всего было то, что богослову, вмѣсто побоевъ, досталась дѣвушка.

Несчастье въ любви—счастье въ картахъ и въ охотѣ, подумали Серватій и Панкратій послѣ этой исторіи и эта мысль пришла имъ обоимъ въ голову одновременно, какъ обыкновенно бывало съ ихъ мыслями и ощущеніями. Они одновременно сдѣлались страстными охотниками и объ этомъ стали говорить даже посторонніе люди. Серватій особенно удачно охотился за драхвой, тогда какъ Панкратію удавалась охота на бекаса. Впрочемъ, и немудрено было, что имъ везло: опасаясь смертоноснаго оружія, съ которымъ молодые люди выходили на охоту, ихъ несчастныя матери упростили ихъ охотиться отдѣльно.

Но чортъ всегда подвернется подъ руку. Однажды Панкратія пригласили на большую волчью охоту къ барону Бруницкому. Серватій приглашенія не получилъ, но передъ самымъ началомъ охоты съ нимъ встрѣтился одинъ изъ его друзей и уговорилъ его ѣхать вмѣстѣ на эту охоту. На первыхъ порахъ было запрещено на охотѣ стрѣлять какую-нибудь дичь, чтобы не спугнуть преждевременно волковъ. Когда уже начали стрѣлять, Серватій, стоя по колѣно въ снѣгу, вдругъ увидалъ, на разстояніи семидесяти шаговъ, выглянувшую изъ занесеннаго снѣгомъ куста рыжую голову. Убѣжденный, что онъ видитъ лисенцу, онъ выстрѣлилъ, но, къ своему несчастью, попалъ въ собаку, которая выскочила изъ снѣга, завертѣлась, какъ волчокъ, на мѣстѣ, потомъ наконецъ присѣла, чтобы разразиться страшнымъ жалобнымъ воемъ. Серватій готовъ былъ тотчасъ же собственными руками надрать себѣ уши отъ стыда; онъ перебросилъ черезъ плечо ружье и попробовалъ удалиться прежде, чѣмъ кто-нибудь увидитъ слѣды его постыднаго выстрѣла. Но въ то время какъ онъ наклонился, пробираясь ползкомъ за кустами, чтобы не быть замѣченнымъ никѣмъ изъ егерей и добраться до просѣки лѣса, мимо него прошелъ Панкратій и замѣтилъ его или, вѣрнѣе сказать, его шапку изъ лисьяго мѣха. Не отдавая себѣ яснаго отчета, кого онъ встрѣтилъ, Панкратій видѣлъ только, что ему дается въ руки добыча, спустилъ курокъ и порядочно ранилъ бѣднаго Серватія. Раненый закричалъ во все горло, чтобы въ придачу къ драбѣ, попавшей въ него, его не угостили и пудей. Панкратій поспѣшилъ къ нему и, узнавъ своего друга, упалъ къ нему на шею, назвалъ себя величайшимъ осломъ во всемъ королевствѣ и началъ плакать, какъ ребенокъ, такъ что раненому Серватію пришлось въ концѣ концовъ утѣшать его.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ и многихъ другихъ несчастныхъ происшествій у всѣхъ, наконецъ, сложилось убѣжденіе, что Серватій и Панкратій по какимъ-то загадочнымъ причинамъ приносятъ другъ другу несчастье. Составился большой семейный совѣтъ, на который съѣхались отсюду всѣ родные какъ того, такъ и другого. Отецъ Панкратія давно уже поконился на погостѣ ихъ села, вслѣдствіе чего отецъ Серватія занялъ должность предсѣдателя на совѣтѣ и исполнилъ ее съ большою парламентскою ловкостью и желѣзной стойкостью. Хотя присутствовало болѣе женщинъ, чѣмъ мужчинъ, но все-таки каждый получилъ право слова и только разъ двѣ старыя тетки заговорили вмѣстѣ, однако, предсѣдатель успѣлъ призвать ихъ къ порядку. Наконецъ было принято рѣшеніе, что одна семья должна покинуть этотъ край и, покинувъ этотъ край, переселиться подальше; жребій же долженъ былъ

ИЛЛЮСТРАЦИИ КЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ РУССКИХЪ
АВТОРОВЪ.

РИСУНОКЪ ПАВЛ. СОКОЛОВА.

Исповѣдь.

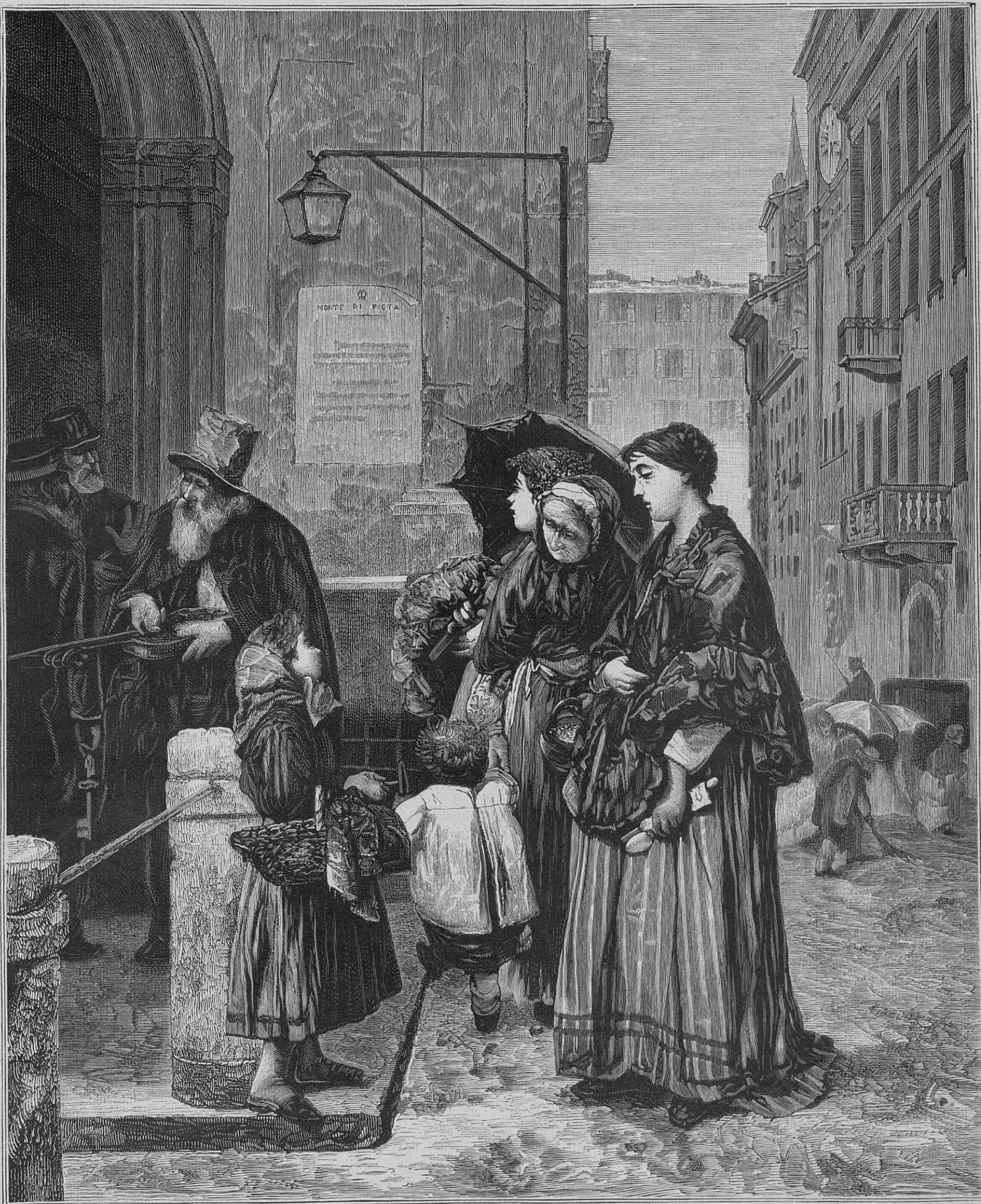
(Князь Серебряный, гр. А. К. Толстого.) Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской полиטיפажнѣ».

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ

КАРТИНА Д. ИНДУНО.

Передъ ломбардомъ.

По фотографіи рѣзалъ на деревѣ А. Шлипперъ.

рѣшить, которая изъ семей должна переселиться. Предложеніе рѣшить дѣло «на узелки» было признано неприличнымъ, такъ какъ этотъ способъ бросать жеребій давно устарѣлъ; потомъ пришли къ убѣжденію, что негдѣ достать бѣлыхъ и черныхъ балотировочныхъ шаровъ для рѣшенія вопроса; наконецъ, отыскали гдѣ-то два шара—синій и желтый—отъ бильярда, сваленнаго въ кладовую. Эти шары были положены въ урну, сильно напоминавшую пуншевую чашу, и синій шаръ, выпутый однимъ изъ тянувшихъ жеребій, обязывалъ къ переселенію.

Въ минуту, когда Панкратій и Серватій опустили свои руки въ урну, отецъ послѣдняго воскликнулъ:

— Я увѣренъ, что они оба вытянули бы синіе шары, если бы синихъ шаровъ было нѣсколько; теперь же они, безъ сомнѣнія, оба схватятся за одинъ и тотъ же шаръ.

Во всѣхъ лицахъ выражалось напряженное ожиданіе, когда, наконецъ, шары были выпуты.

— У меня синій, сказалъ Серватій.

— Ну, значитъ нужно только очистить мѣсто, сказалъ его отецъ со вздохомъ.

Обѣ матери усмѣхнулись.

Дѣйствительно, родители Серватія продали свою землю и купили новое мѣсто по другую сторону Днѣстра. Оба друга впали въ неописанную тоску, когда первыя приготовления къ переселенію не оставили и тѣни сомнѣнія на счетъ того, что страшное для нихъ рѣшеніе будетъ исполнено. Когда Серватій уѣзжалъ со своими родными,—въ числѣ провожавшихъ его друзей былъ, конечно, и Панкратій. Оба друга безъ счету цѣловались и смотрѣли другъ на друга, точно каждый изъ нихъ хотѣлъ навсегда запечатлѣть въ своей памяти дорогія для него черты.

— Мы расстаемся не навсегда, сказалъ Серватій, когда Панкратій уже былъ не въ силахъ болѣе говорить.

Оба друга заплакали. Повозка тронулась, наконецъ, съ мѣста, но уже при первыхъ же шагахъ горячихъ вороныхъ коней у нея лопнула ось. Покуда кучеръ кое-какъ поправлялъ бѣду, мать Серватія воскликнула:

— Мы еще всѣ переломаемъ себѣ шею, если этотъ несчастный не уйдетъ отсюда.

Панкратій надвинулъ на брови шапку, пожалъ еще разъ руку Серватію и побѣжалъ, какъ только могъ, цѣликомъ черезъ поля домой, а Серватій и точно добѣжалъ теперь безъ всякихъ приключеній со своими родными до своей новой отчины.

Но человѣкъ располагаетъ, а Богъ опредѣляетъ. Что пользы для мухи въ томъ, если она предположить не летѣть на огонь? Покуда горитъ огонь, она все-таки можетъ полетѣть на него. Конечно, Серватій и Панкратій видѣлись теперь только изрѣдка, вслѣдствіе чего имъ обоимъ сразу повезло во всемъ; но какъ только случай сводилъ ихъ вмѣстѣ, — такъ тотчасъ же постигали ихъ разныя серьезныя или смѣшныя неудачи; сводилъ же ихъ вмѣстѣ и не одинъ случай, а то обстоятельство, что они не могли жить и не видѣться другъ съ другомъ.

Насталъ годъ, когда они должны были отбывать воинскую повинность. У Серватія нашлись тѣлесные недостатки и онъ не былъ признанъ годнымъ къ службѣ, чего онъ и ждалъ; но у Панкратія не было ни малѣйшихъ тѣлесныхъ недостатковъ. Онъ выросъ, какъ какой-нибудь запорожскій казакъ, и могъ бы служить въ гренадерахъ при Фридрихѣ-Вильгельмѣ I. Его, конечно, и приняли бы на службу, если бы при приѣмѣ присутствовалъ Серватій, но, по счастью, тотъ уже сидѣлъ въ шинелѣ за бутылкой токайскаго вина и потому всѣ шансы къ удачѣ были возможны: такъ Панкратію пришла мысль для шутки надѣть синія очки учительскаго помощника, какъ

вдругъ фельдфебель крикнулъ его имя; Панкратій такъ быстро вскочилъ съ мѣста, что забылъ снять очки, и предсталъ такимъ образомъ передъ комиссіей въ видѣ карикатуры на Геркулеса.

— Вы близоруки? спросилъ полковой врачъ.

— Я? — Нисколько! пробормоталъ Панкратій.

— Ага, воскликнулъ докторъ, — вотъ еще одинъ, котораго привлекаетъ двухцвѣтный шарфъ и который надѣется на золотую португую, потому что онъ шляхтичъ. Но, напрасно; васъ не примутъ, такъ какъ вы близоруки.

— Но я васъ увѣряю...

— Затѣмъ вы ждете? Вы же носите очки на носу!

Панкратій въ тревогѣ схватилъ себя за свой коротенькій носъ и только теперь увидалъ, что онъ не снялъ очковъ; до этой минуты онъ полагалъ, что ему кажется все синимъ въ приемной залѣ только вслѣдствіе его страха передъ военной службой. Такимъ образомъ, его не приняли и ради его близорукости объявили совсѣмъ негоднымъ къ военной службѣ. Серватій и Панкратій нѣсколько разъ вмѣстѣ принимали участіе въ томболѣ и ни разу не угадали ни одного нумера. Только разъ, когда Серватій, задумавъ ѣхать въ окрестной городъ, забылъ принять участіе въ лотерей, — всѣ нумера были угаданы. Тутъ даже и комическій сонъ явился на помощь Панкратію. Ему снилось, что онъ стоитъ въ полѣ среди косцовъ, работающихъ на этомъ полѣ; удивительные ароматы поднимались съ поля и онъ вливалъ ихъ полной грудью. Вдругъ люди на полѣ превратились въ цифры и онъ постарался запомнить ихъ, чтобы поставить на нихъ ставку въ лотерею. Затѣмъ онъ проснулся; былъ уже бѣлый день; онъ вскочилъ съ постели, взялъ сонникъ и прочелъ въ немъ слѣдующее: видѣть числа—счастье въ лотерей, 53; ароматы—богатство, 36; косцовъ видѣть работающими—счастье и благословеніе, 45. Онъ поставилъ такимъ образомъ ставку на цифры: 53, 36, 45 и за поставленный гульденъ приобрѣлъ 4,800 флориновъ. (Продолженіе слѣдуетъ.)

Сказка о бѣломъ бычкѣ.

Разсказъ А. Нѣкто.

I.

Въ долгій зимній вечеръ послѣ дня работы Отдохнуть хочу я, отогнавъ заботы О насущномъ хлѣбѣ, о вопросахъ дня, Въ тишинѣ съ тобою сидя у огня. Коротая время, скуку разгоняя, Сказкою потѣшу я тебя, родная.— Сказкой безъ русалокъ, лѣшихъ и чертей, Сказкой въ новомъ родѣ и не для дѣтей... (Дѣтямъ знатъ полезнѣй не о нашемъ вѣкѣ, А о томъ, какъ жили римляне и греки,—

II.

Взрослые-жъ имѣютъ право для поэмы Брать иныхъ героевъ и иныхъ темъ.) Мой герой въ томъ царствѣ родился и росъ, Гдѣ гостить по-долгу дѣдушка-морозъ, Гдѣ порою печи топятъ даже лѣтомъ, Гдѣ отдаться грезамъ не легко поэтамъ, Гдѣ гораздо проще думать въ холода, Какъ бы поскорѣе, съ помощью труда, Иль продѣлки ловкой или плутни грубой, Запастись на случай... ну, хотя бы шубой.

III.

Въ этомъ царствѣ прозы въ вѣкѣ, когда Державинъ Сказкой о Фелицѣ знатенъ сталъ и славенъ, Счастливо и ловко вынырнулъ на свѣтъ Моего героя достославный дѣдъ. Не писалъ онъ сказокъ, но за то въ прихожей Въ время съ улыбкой гнулъ предъ вельможей, Баринѣ-старухѣ поднималъ платокъ, Слушалъ наставленій старческихъ потокъ

И не прекословилъ... При такихъ задаткахъ Поднялся онъ въ гору на чужихъ запяткахъ.

IV.

Дворянинъ ничтожный сталъ лицомъ чиновнымъ, Быстро втерся въ милость къ барамъ чистокровнымъ,

Породнился съ знатью, сталъ давать пиры, Но не соразмѣрилъ съ средствами игры: Промоталъ до нитки женино имѣнье, Задолжалъ повсюду и не ждалъ спасенья, Сознавая съ злобой, какъ его начнетъ, Выскочку, позорить разный мелкій сбродъ, Съ завистью смотрѣвшій на его успѣхи... Не развеселился отъ такой потѣхи!

V.

Вновь узнать былъ долженъ онъ нужду-злѣйку И, сыскать стараясь гдѣ-нибудь лазейку, Онъ обрыскалъ городъ: у тузовъ въ домахъ, Плача, унижаясь, каялся въ грѣхахъ; Позабывъ про чинъ свой, посреди моленій, Одному вельможѣ обнималъ колѣни, У другого руки рабски цаловалъ, Передъ третьимъ злобно самъ себя ругалъ Развращеннымъ мотомъ, гнуснымъ негодяемъ,— И въ припадкахъ скорби былъ неузнаваемъ...

VI.

Много лбомъ онъ бился, много унижался, Но за то въ накладѣ послѣ не остался: Для кутилы кто-то—дядя или тестъ,— Своего семейства охраняя честь, Хлѣбное мѣстечко подготовилъ скоро, Дальше отъ столицы, дальше отъ надзора, Чтобы подкормиться могъ свободнѣй онъ, Не боясь различныхъ толковъ и препонъ... (Всѣмъ давно извѣстно, что вольнѣй и шире Дѣйствовать мы можемъ гдѣ-нибудь въ Сибири).

VII.

Быстро снарядился баринъ въ путь-дорогу, Дотащился къ мѣсту, началъ понемногу Въ незнакомомъ краѣ привыкать къ дѣламъ: Какъ, и гдѣ и сколько было можно тамъ Брать ему по чину,—и привыкъ скоренько: Домъ купилъ сначала, послѣ деревенька У жены явилась и—не стану лгать— Рубль за рубль долги онъ началъ отдавать... Но о немъ довольно! Прямо отъ него я Перейду къ разсказу объ отцѣ героя.

VIII.

Разъ, въ разгаръ сезона, въ зимніе морозы, Въ день, когда герой мой лилъ впервые слезы, Оглашая крикомъ старый барскій домъ, Онъ, отецъ малютки, съ пасмурнымъ лицомъ, Съ потускнѣвшимъ взглядомъ, съ сжатыми губами

Мѣрлялъ кабинетъ свой крупными шагами. Не о томъ онъ думалъ, кто ему въ ту ночь Былъ на радость небомъ посланъ: сынъ или дочь? Нѣтъ, домой вернувшись, онъ ходилъ въ волненіи,

Такъ какъ проигралъ онъ въ карты все имѣнье.

IX.

Все, что по наслѣдству у него осталось, Что отцемъ на службѣ долго наживалось, Что цѣною вдовьихъ и сиротскихъ слезъ Добывалось,—разомъ прахомъ разнеслось; А съ такимъ наслѣдствомъ, еслибъ жить съ умѣньемъ, Капиталъ пристроить, управлять имѣньемъ И не битъ баклуши,—можно бы прожить Цѣлый вѣкъ безбѣдно, да и отложить Можно-бъ и въ доходовъ крупныя остатки... Но совсѣмъ иные въ домѣ или порядки...

X.

Думалъ онъ о прошломъ: женины наряды, Пикники на тройкахъ, дома маскарады, Ложи въ бельэтажѣ, крупная игра... Шумныхъ наслажденій чудная пора, Точно сонъ волшебный, промелькнула скоро И теперь... Нахлынетъ кредиторовъ свора;

Въ домѣ все опишутъ: статуи, фарфоръ,
Бронзу и картины... Комнатъ весь уборъ
Скупятъ за безцѣнокъ маклаки-Иуды,—
И начтутся толки, сплетни, пересуды!..

XI.

Выдумаютъ люди тысячи исторій...
Городъ весь объѣздитъ милый князь Григорій
Съ крикомъ: «новость! новость!» Но не онъ
одинъ

Страшенъ: не пугаютъ языки мужчинъ,—
Женщины опасны! Вѣстовщицы, ровной
Съ тетушкой, княгиней Пелагеей Львовной,
Не найдется въ мірѣ. Завтра же она
Отъ своихъ служанокъ все узнать должна—
И забьетъ тревогу... Все она откроетъ,
Въ закулисной жизни всѣ углы разроетъ.

XII.

Ничего не скроешь отъ ея надзора,
Въ домъ она вотрется незамѣтнѣй вора,
Заберется въ душу, всю подниметъ грязь,
Скажетъ: «Мужъ-безстыдникъ свелъ съ цыганкой
связь,

А супруга—тоже хороша!—съ корнетомъ
Завела интрижку позашапшымъ лѣтомъ.
У него-то, впрочемъ, и отецъ былъ мотъ,
Дралъ онъ по двѣ шкуры съ подчиненныхъ въ
годъ,

Для своихъ амуровъ, для своихъ обѣдовъ,
Гдѣ-то у тунгусовъ или самоѣдовъ»...

XIII.

И подхватятъ сплетни, понесутъ ихъ дальше
Эти баронессы, эти генеральши,
Такъ какъ въ дѣлѣ сплетень титулъ или чинъ
Не спасаетъ нашихъ Кэтти и Полинъ
Отъ инстинктовъ грубыхъ, отъ простыхъ зама-
шекъ

Разныхъ деревенскихъ Катекъ и Палашекъ...
Разоренный баринъ свѣтскій свой кружокъ
Изучилъ съ пеленокъ вдоль и поперекъ
И теперь, предвидя пересуды эти,
Видѣлъ все спасенье только—въ пистолетѣ.

XIV.

Можно бы, конечно, точно такъ же ловко
Жизнь окончить, шею затянувъ веревкой,—
Но кто благороденъ, тотъ и умереть
Хочетъ благородно,—въ петлѣ же висѣть
Вовсе неприлично... Онъ къ тому же не даромъ
Прежде былъ бреттеромъ, былъ сперва гусаромъ...
Но, къ несчастью, было въ барскомъ домѣ все,
Цѣнные бездѣлки, цѣнное тряпье,
А орудья смерти здѣсь не находилось,—
И самоубійства ночью не случилось.

XV.

Утромъ... Настроенье утромъ измѣнилось,
Снова жажда жизни въ сердцѣ пробудилась,
Мысли о цыганкѣ пронеслись—и вдругъ
Вспомнился казенный денежный сундукъ.
Въ сундукѣ томъ денегъ было много, много
И къ нему лежала торная дорога,
Такъ какъ нашъ кутила гдѣ-то занималъ
Постъ довольно видный и еще не ждалъ
Близости ревизій... Значить, было можно
У казны взять ссуду,—только осторожно...

XVI.

Полная побѣда—храбрости награда...
Взялъ онъ денегъ столько, сколько было надо,
И опять сталъ веселъ. Даже о женѣ,
О новорожденномъ разспросилъ вполне:
Все-ль благополучно? Кто ниспосланъ Богомъ?
Нанята-ли мамка? И еще о многомъ
Спрашивалъ родитель, радуясь тому,
Что въ живыхъ остаться удалось ему,
Что заткнетъ онъ плетки разнымъ кредиторамъ,
Что не дастъ онъ нищи злобнымъ разговорамъ.

XVII.

Какъ всегда онъ можетъ дать зимой два бала;
Также врать и кушать будетъ до отвала
Милый князь Григорій на его пирахъ;

Также къ нимъ пріѣдетъ, въ лентахъ и цвѣтахъ,
Первой, улыбаясь мягко и любовно,
Тетушка, княгиня Пелагея Львовна,
И какъ прежде будетъ весело имъ жить...
Но опять рассказа оборву я нить:
Перейдти я долженъ, наконецъ, къ герою,
Созданному нашей новою порою.

XVIII.

Дѣдъ его былъ низкимъ выскочкой, пролазой,
Онъ же—онъ не гнулся ни предъ кѣмъ ни разу;
Былъ его родитель грубъ, разнузданъ, дикъ,
Онъ же къ утонченной свѣтскости привыкъ.
Былъ онъ въ годы дѣтства въ пансіонѣ модномъ,
Тщательно воспитанъ въ духѣ благородномъ,
Отличался женской мягкостью манеръ,
Зналъ языкъ французскій и на букву г
Нѣсколько картавилъ, впрочемъ, ради моды,
Такъ какъ онъ картавыми не былъ отъ природы.

XIX.

Правда, подвигался туго онъ въ ученіи,
Такъ какъ въ немъ таились высшія влеченья:
Мальчикомъ любилъ онъ кровныхъ рысаковъ,
Юношей къ балету чувствовалъ любовь,
Далѣе къ театру Берга пристрастился,
Полюбилъ кокотокъ,—и не доучился.
Юнкеромъ зачисленъ въ гвардію онъ былъ,
Вышелъ въ офицеры, съ годикъ послужилъ
И сыскалъ невѣсту съ сильными связями
Между биржевыми крупными тузами.

XX.

У него къ ней вовсе не было влеченья...
Но въ нашъ вѣкъ практичный разныя томленья,
Оханья и вздохи двухъ влюбленныхъ душъ
Даже гимназисты признаютъ за чужь.
Мой герой, привыкшій жизнь вести широко,
Силу капитала понималъ глубоко.
Взявъ себѣ отставку, въ банкъ какой-то онъ
Женниной роднею былъ опредѣленъ,
Сдѣлался кассиромъ, сталъ вертѣть дѣлами...
Какъ живутъ кассиры знаете вы сами.

XXI.

Юханцевъ объ этомъ на своемъ процессѣ
Разсказалъ подробно. Нашему повѣстѣ
Точно также въ мірѣ жалобъ, нуждъ и слезъ
Хорошо дышалось, хорошо жилось...
Сдѣлался онъ другомъ всѣхъ тузовъ столицы,
Съ нимъ свели знакомство полусвѣта львицы,
Свѣтской молодежи сталъ онъ божествомъ,
Говорилъ весь городъ съ завистью о немъ,
А враги шипѣли, очень громко даже,
О какихъ-то плутняхъ, о какой-то кражѣ...

XXII.

Слухи разрослись, разносились свѣтомъ,
Все яснѣй, все громче толки шли объ этомъ,
Обсуждали люди: сколько тысячъ въ годъ
Жалованья въ банкѣ мой герой беретъ?
Много-ль за женою взялъ онъ капитала?
Что ему въ наслѣдство тетка завѣщала?
Что отецъ оставилъ? И откуда онъ,
Роскошью и блескомъ вѣчно окруженъ,
Добываетъ средства для своихъ капризовъ,
Для толпы кокотокъ, стаи блюдолизовъ?

XXIII.

Говорилось это и въ салонахъ знати,
И въ коморкахъ бѣдныхъ, и въ самой печати,
И нетерпѣливо ждали всѣ, когда
Явится герой мой на скамѣ суда.
Только члены банка въ банкѣ засѣдали
И объ этихъ слухахъ ничего не знали.
А когда внезапно грянула гроза,
Мудрецы открыли широко глаза
И принять рѣшились поскорѣ мѣры,
Чтобъ покрыли кражу ихъ акціонеры.

XXIV.

Началась тревога: общія собранья,
На собраньяхъ общихъ брань и пререканья,
Ловкія интриги опытныхъ дѣльцовъ,
Глухие проекты,—и въ концѣ концовъ,

Большинствомъ огромнымъ принято рѣшеніе,
Чтобъ еще двухъ членовъ посадить въ правленіе,
Давъ имъ содержанье тысячъ въ шесть или въ
семь,

А вопросъ о кражѣ порѣшили тѣмъ,
Что убытки банка три-четыре года
Будутъ пополняться съ чистаго дохода.

XXV.

А кассиръ? кассиръ нашъ заплатился тоже,
Такъ какъ въ наше время смотрять вдвое
строже,

Чѣмъ въ былые годы, на такихъ господъ;
Воръ отъ наказанья нынче не уйдетъ,
Какъ отцы и дѣды прежде уходили...
О кассирѣ громко цѣлый годъ трубили
Разныя газеты, къ дальней ссылокъ онъ
На судѣ публично былъ приговоренъ
И въ Сибирь съ женою жить поѣхалъ вмѣстѣ,—
Сохранивъ въ разгромѣ только тысячъ двѣсти...

XXVI.

Что случилось дальше—я и самъ не знаю
И на этомъ мѣстѣ круто обрываю
Свой разсказъ о вѣчномъ бѣленькомъ бычкѣ.
Ходить слухъ, что нѣжно о своемъ сынкѣ
Мой герой печется... Но о немъ покуда
Не могу сказать я ни добра, ни худа,
Такъ какъ этотъ мальчикъ только началъ жить,
Онъ еще не можетъ вовсе говорить,
Еле-еле ходитъ и, ужъ безъ сомнѣнья,
Не вступилъ покуда ни въ одно правленіе.

Перепелки.

Очень немногія птицы пользуются такимъ расположеніемъ челоѣка, какъ перепелки. Потому-то, вѣроятно, ни одна изъ птичьихъ породъ не подвергается такому истребленію отъ челоѣка, какъ перепелки. Вездѣ люди гонятся за перепелками и убиваютъ ихъ сотнями тысячъ. Правда, между людьми находятся отдѣльныя личности, до фанатизма привязанные къ этой рѣзвой, веселой птицѣ, можно сказать, влюбленные въ нее, правильнѣе, въ ея рѣзкій голосъ. Но о такихъ любителяхъ перепелки будетъ сказано ниже; теперь же рѣчь пойдетъ о ней самой. Наше описаніе мы занимаемъ изъ книги Брэма.

Перепелка принадлежитъ къ семейству «куриныхъ», но нѣкоторые изъ натуралистовъ составляютъ изъ нѣсколькихъ видовъ перепелки особое подсемейство «перепелковыхъ». Отличительные признаки перепелокъ: небольшая длина, сильное и плотное тѣлосложеніе, длинныя и острые крылья, двѣнадцатиперый, мягкій и очень короткоокругленный хвостъ, маленькій, возвышенный у основанія клювъ, короткія или средней длины ноги безъ шпоръ и вполнѣ одѣвающее голову опереніе, цвѣтъ котораго различается, смотря по полу и времени года. Обыкновенная перепелка, изображенная на нашемъ рисункѣ, достигаетъ длины $7\frac{1}{2}$, а ширины 13 дюймовъ, длина крыла у нея 4, а хвоста $1\frac{3}{4}$ дюйма.

Обыкновенная перепелка водится почти вездѣ въ Старомъ Свѣтѣ. Въ сѣверномъ полушаріи ее встрѣчаютъ даже подъ 60° сѣв. шир., но во множествѣ она появляется начиная съ 50° и далѣе на югъ; въ тропикахъ перепелка снова нападается рѣже, такъ что ее слѣдуетъ считать птицей умѣреннаго пояса. Пища ея состоитъ изъ

разнаго рода зеренъ, кончиковъ листьевъ, почекъ, а также изъ разнаго рода насѣкомыхъ; она проглатываетъ маленькіе камушки, содѣйствующіе пищеваренію.

Правы перепелокъ очень любопытны. Перепелки живутъ въ многобрачїи, однакожь, самцы очень ревнивы и свирѣпо дерутся между собою за самку. И съ самкой самецъ обходится далеко не нѣжно: онъ наноситъ ей удары и раны, если она не подчиняется его требованіямъ. Когда на перепела находитъ любовный задоръ, онъ совокупляется съ птицами и другихъ породъ, если только онѣ расположены къ этому. Естественнѣйшій Науманъ самъ видѣлъ, какъ одинъ перепелъ, потерявъ голову отъ любовнаго возбужденія, топтался съ кукушкой. Самка-перепелка очень хорошая мать. На яйцахъ она сидитъ отъ 18 до 20 дней, не даетъ себя согнать и потому нѣрѣдко становится жертвой своей преданности. Въ это время ея супругъ, ослѣпленный любовью, мечется по всему полю и гоняется за всякой самкой, нисколько не заботясь о своемъ потомствѣ. Птенцы растутъ очень быстро; на второй недѣлѣ своей жизни они начинаютъ перепархивать, а на пятой или шестой вырастаютъ вполнѣ. Яйца самка кладетъ въ началѣ лѣта.

Перелеты перепелокъ совершаются ежегодно; нѣкоторые перепелки, повидимому, переселяются круглый годъ; даже и тѣ, которыя остаются лѣтомъ въ извѣстной мѣстности для размноженія, оставляютъ эту мѣстность далеко не всѣ въ одно время. Главный перелетъ совершается въ сентябрѣ (нѣкоторые улетаютъ уже въ іюлѣ и августѣ), но продолжается весь октябрь и даже часть ноябрю. Птицы, повидимому, не сообщаются вмѣстѣ передъ отлетомъ; отдѣльныя перепелки начинаютъ перелетъ, не заботясь о другихъ; но по дорогѣ одна пристаетъ къ другой и пока онѣ достигнутъ южной Европы, собираются въ многочисленное стадо. Изъ южной Европы они летятъ чрезъ Средиземное море въ Африку. Любопытно наблюдать ихъ, когда онѣ достигаютъ африканскаго берега. Вначалѣ замѣчается темное облако, парящее невысоко надъ водою, которое быстро приближается, опускается при этомъ все болѣе и болѣе книзу. Непосредственно, у самаго края крайней волны, вся эта, до смерти усталая, масса птицъ бросается на землю. Здѣсь лежатъ эти несчастныя существа нѣсколько минутъ, точно оглушенныя, не имѣя почти возможности двигаться; но состояніе это быстро проходитъ: въ кучѣ замѣчается движеніе, кто-нибудь начинаетъ шевелиться, и вотъ всѣ бѣгутъ и спѣшатъ, какъ можно скорѣе, по голому песку, къ болѣе удобнымъ мѣстамъ. Проходитъ не мало времени, пока перепелка рѣшится опять пустить въ дѣло истощенныя крылья.

Мясо перепелокъ очень вкусно и потому человѣкъ неустанно охотится за нею во всякое время и вездѣ, гдѣ и когда только можетъ настичъ ее. Но особенному истребленію перепелки подвергаются во время осенняго перелета. Вдоль

сѣвернаго, западнаго и восточнаго побережья Средиземнаго моря всюду разставляются для нихъ сѣти и западни. Этимъ путемъ истребляются сотни тысячъ птицъ. Если принять въ соображеніе, что изъ числа перепелокъ, избѣгнувшихъ преслѣдованія человека и хищныхъ животныхъ, еще цѣлыя тысячи птицъ погибаютъ въ морѣ, то не трудно понять, что только довольно сильное размноженіе перепелокъ можетъ пополнять такіа страшныя потери.

Плѣненные перепелки становятся очень милыми комнатными птицами. Своимъ рѣзвымъ нравомъ, истребленіемъ разныхъ насѣкомыхъ и добродушнымъ обращеніемъ съ собаками, кошками и другими домашними животными онѣ привлекаютъ къ себѣ своихъ хозяевъ, которые не могутъ уже относиться къ нимъ иначе, какъ дружелюбно.

Въ Россіи, въ особенности въ великороссійскихъ губерніяхъ, встрѣчаются страстные любители перепелинаго крика. За хорошихъ—въ этомъ смыслѣ—перепеловъ они платятъ большія деньги. Случается, прослышать такой любитель, что верстъ за 100, за 150, а то и болѣе, появился хорошій перепелъ, и ѣдетъ онъ ловить драгоценную птицу. Въ очень интересной статьѣ г. Турбина «Перепелятники», напечатанной въ журна-

ла, по такому не случилось. Послушали, послушали этого да и домой. А отчего онъ въ руки не давался? Глупые люди говорятъ, что это не просто. Пустое: набаяли (наманили) очень, напугали: всякому поймать лестно, вотъ онъ и ловить, а птица учится, она вѣдь тоже понимаетъ. Вотъ и не дается».

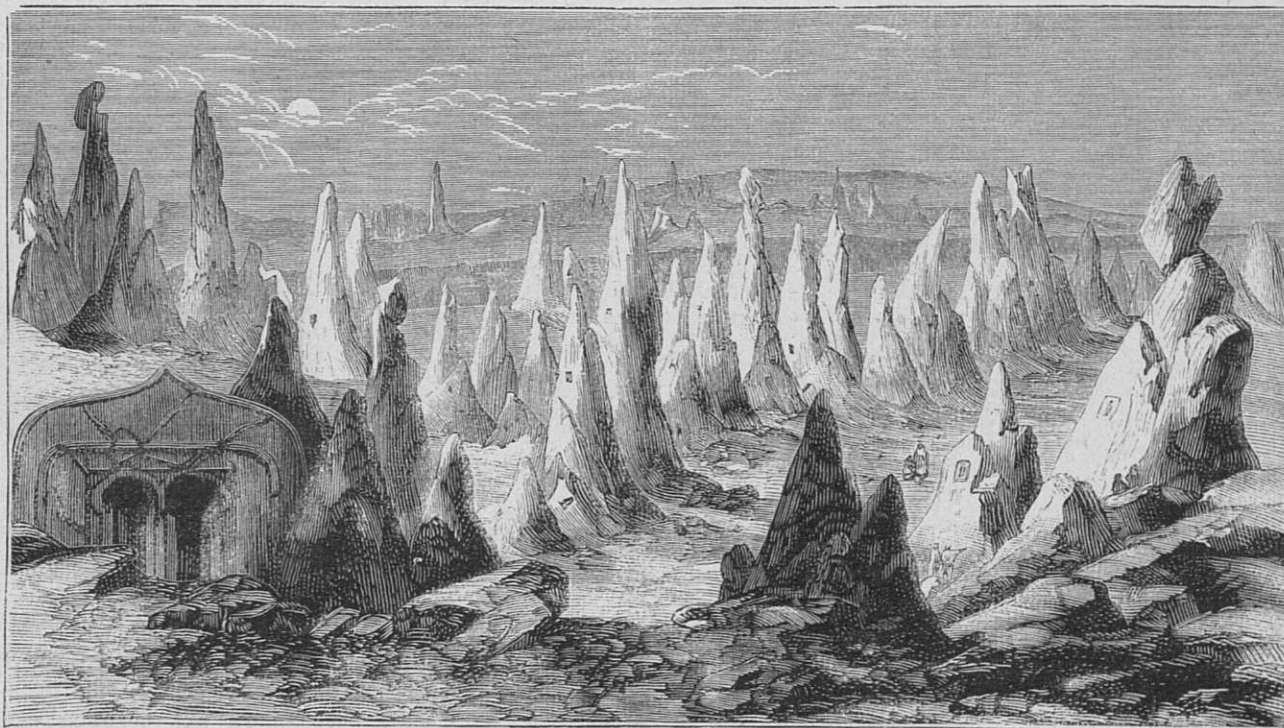
Оригинальный городъ.

Въ огромной долигѣ въ Канадоки, въ Малой Азїи, находится оригинальный городъ, подобнаго которому нельзя найти нигдѣ въ цѣломъ мірѣ. Съ страннымъ видомъ этого удивительнаго, по своей исключительной оригинальности города, наши читатели могутъ ознакомиться изъ помѣщеннаго на этой страницѣ рисунка.

Имя этому городу Ургубъ и онъ весь состоитъ изъ могильныхъ памятниковъ. Иноземца, вѣхавшаго въ этотъ городъ, кромѣ конечно, внѣшняго вида, какъ мы уже сказали, не идущаго въ сравненіе ни съ какимъ другимъ городомъ, поразитъ отсутствіе двухъ обычныхъ принадлежностей каждаго человѣческаго поселенія: воды и зелени. Въ Ургубѣ нѣтъ ни того, ни другого; за водой приходится ходить далеко, а зелень плохо растетъ

въ каменистой почвѣ и жители нашли болѣе удобнымъ со-
всѣмъ не разводить ея.

На томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Ургубъ, въ древности существовало громадное кладбище съ гигантскими могильными памятниками, сооруженными изъ известковаго камня и имѣющими конусообразную фигуру. Давно уже, въ какое именно время опредѣлить невозможно по неимѣнію положительныхъ данныхъ, кучка людей, принужденная скрываться отъ преслѣ-

Оригинальный городъ.

лѣ «Природа и Охота», мы находимъ слѣдующій рассказъ по этому поводу:

«Лѣтъ 25 тому назадъ, рассказывалъ автору его тесть,—тебя (т. е. г. Турбина) тогда пожалуй и на свѣтъ не было, приходитъ ко мнѣ нашъ елецкій молодецъ и говоритъ, что за Суржею (такъ обыкновенно называютъ г. Суджу, курской губ.), недалеко отъ Юоновки (большая слобода сумскаго уѣзда харьковской губ.), онъ слышалъ такого перепела, что просто на удивленіе. Не повѣрить нельзя, человѣкъ стоящій и знаетъ дѣло твердо. «Что же ты самъ не ловилъ?» спрашиваю. «Снасти у меня настоящей нѣтъ», говоритъ. «Хорошо, говорю, поѣдешь со мною?»—«Куда вамъ угодно».—Сговорились, поѣхали. Дорога знакомая, да и не очень далеко, верстъ ста три съ прибавкомъ, не больше. Поѣхали, я двухъ самокъ взялъ. Прїѣзжаемъ, слушаемъ. Есть! Да, вѣдь, братецъ ты мой, удивленіе. Подошли, сѣтъ разсыпали, идетъ, шибко идетъ. Дошелъ до сѣти и шабашъ! ни съ мѣста, какъ прикованный. Мы и такъ, и этакъ... Подъ сѣтъ нейдетъ, что хочешь! Вились, бились, а все безъ толка. Не попробовали-ли наволокомъ? Попробовали. Куда! точно смѣется надъ нами. Вѣришь-ли, нѣтъ-ли, цѣлую недѣлю мы пропутались, и все понапрасну. Да. Скажу только, болѣе 50 лѣтъ перепеловъ я слу-

дованій, воспользовалась готовыми уже сооружениями для своихъ жилищъ. Въ настоящее время нѣсколько сотъ могильныхъ камней обращены въ жилища дома: комнаты высѣчены въ камнѣ, такъ же, какъ и наружныя лѣстницы, ведущія въ верхніе этажи. Нѣкоторые изъ этихъ могильныхъ камней громадной величины: высота ихъ доходитъ до 50 сажень и даже болѣе. Число этихъ камней—обращенныхъ въ дома и оставшихся въ первобытномъ видѣ—нѣсколько тысячъ. Улицъ въ городѣ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, нѣтъ, а дорога безпорядочно вьется между камнями-домами, расположенными неправильно, безъ всякой системы. Наружнымъ видомъ своимъ эти могильные камни напоминаютъ гигантскіе кегли.

Адамъ Мицкевичъ.

(Биографическій очеркъ.)

(Окончаніе.)

Пребываніе поэта въ бывшей литовской столицѣ придавало новую жизнь и безъ того уже оживленному кружку его ровесниковъ, главнѣйшей цѣлью котораго была разработка науки и оказываніе денежной и научной помощи бѣднымъ студентамъ, лишеннымъ средствъ и уроковъ. Впрочемъ, Мицкевичъ недолго оставался въ

Вильно. Въ концѣ августа 1824 г., его, вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами, вызвали въ Петербургъ: предполагалось размѣстить ихъ всѣхъ по учебнымъ заведеніямъ различныхъ русскихъ губерній. Поэтъ и на этотъ разъ какъ бы предчувствовалъ, что ему уже не увидѣть больше Литвы: въ самый день отъѣзда, передъ тѣмъ, какъ сѣсть въ экипажъ, онъ написалъ, по просьбѣ Игнатія Ходзько, слѣдующій экспромтъ въ альбомъ его невѣсты:

«Чужой, незнакомой, безвѣстный, чужой,
Когда угрожаетъ разлука намъ снова,
Я шлю вамъ короткій привѣтъ роковой:
«Прощайте и здравствуйте!»—только два слова.
Такъ путникъ, блуждая въ альпійской странѣ,
Поэтъ, чтобъ развлечься, и если подруга
Ему ужъ не можетъ внимать на землѣ,—
Онъ пѣснь обращаетъ къ наперсницѣ друга;
Но прежде, чѣмъ къ ней эта пѣсня дойдетъ,
Быть можетъ, ужъ путника снѣгъ занесетъ».

Поэту не повезло на дальнѣйшей службѣ. Въ Петербургѣ, согласно его желанію, онъ получилъ отъ министра народнаго просвѣщенія Шишкова назначеніе состоять при одесскомъ музеѣ Рипшеле, куда былъ назначенъ также и его товарищъ Ежовскій. Они прибыли туда въ февралѣ 1825 г., но не исполняли здѣсь своихъ профессорскихъ обязанностей и ничего не читали по немѣдленно вакантныхъ мѣстѣ, а, можетъ быть, и потому еще, что въ мартѣ мѣсяцѣ того же года полученъ былъ въ Одессѣ высочайшій приказъ императора Александра I: «не оставляя Мицкевича и Ежовскаго на службѣ лица Рипшеле (и, вообще, въ южныхъ губерніяхъ), опредѣлить ихъ въ другія русскія губерніи, согласно ихъ выбору и на такого рода службу, какой они пожелаютъ сами; кромѣ того: «имѣя въ виду ихъ бѣдность, дать имъ надлежащее вспомошествованіе». Мицкевичъ изъявилъ желаніе перейти на службу въ Москву, въ тамошній архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Управлявшій этимъ архивомъ тайный совѣтникъ Дидовъ отозвался, что «вслѣдствіе многочисленности лицъ, состоящихъ въ штатѣ помѣнутаго архива, не представляется возможности помѣстить при немъ кандидата Мицкевича, тѣмъ болѣе, что архивъ не имѣетъ лишннихъ средствъ, изъ которыхъ можно было бы назначить даже самое малое жалованье». На новый запросъ по этому поводу со стороны министерства народнаго просвѣщенія, Мицкевичъ изъявилъ желаніе поступить въ канцелярію московскаго военнаго генералъ-губернатора, князя Голицына. Переписка объ этомъ тянулась очень долго, и только въ половинѣ ноября 1825 г. были выданы поэту подорожная на проѣздъ отъ Одессы до Москвы и 300 руб. асс. подъемныхъ денегъ.

Прибывъ въ Москву уже въ декабрѣ мѣсяцѣ, Мицкевичъ сперва велъ здѣсь очень плохую жизнь въ кружкѣ нѣсколькихъ пріятелей. Потомъ онъ сильно заболѣлъ грудью. Имя его уже пользовалось тогда извѣстностью, да кромѣ того, у него были еще и рекомендательныя письма,—немудрено послѣ этого, что въ Москвѣ весьма многіе заинтересовались печальной судьбой молодого поэта. Но настоящимъ ангеломъ-хранителемъ его здѣсь была русская женщина, княгиня Зинаида Волконская. Она доставила ему возможность свободно проживать въ Москвѣ, открыла для него двери собственнаго дома, ввела его въ лучшее общество, переводила его поэзію; позднѣе, по ея протекціи, онъ даже получилъ безсрочный паспортъ для путешествія по Германіи, Италіи и Франціи, въ которомъ, при описаніи его личности, значилась еще, между прочимъ, и почетная отмѣтка: «извѣстный польскій поэтъ». Поправившись здоровьемъ, Мицкевичъ совершенно ободрился и даже вылечился

отъ своей первой привязанности. Продолжая жить въ Москвѣ, онъ окончилъ въ 1828 г. «Конрада Валленрода», начатаго имъ еще въ Одессѣ. Въ Москвѣ же издалъ онъ и свои знаменитые «Крымскіе сонеты», написанные имъ осенью 1825 г., во время его непродолжительной поѣздки въ Крымъ.

Въ 1828 г., Мицкевичъ, вмѣстѣ съ московскимъ губернаторомъ княземъ Волконскимъ, отправился въ Петербургъ, куда уже онъ пріѣзжалъ передъ тѣмъ, но не надолго. Здѣсь поэтъ познакомился со многими русскими литераторами, между прочимъ, съ Козловымъ и Жуковскимъ, и встрѣтилъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ искреннее расположеніе къ себѣ, какъ говоритъ онъ самъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Здѣсь же произошло и его знакомство съ Пушкинымъ. Нечаянная встрѣча двухъ знаменитыхъ поэтовъ весьма мѣтко обрисовываетъ ихъ, такъ сказать, рыцарскій характеръ. Рассказываютъ, что они шли однажды по Адмиралтейскому бульвару на встрѣчу другъ другу. Пушкинъ, знавшій въ лицо Мицкевича, приближаясь къ нему, уступилъ ему дорогу и почтительно сказалъ какъ бы про себя:—«Прочь съ дороги, двойка!—тузъ идетъ».—«Козырная двойка и туза бьетъ», отозвался Мицкевичъ тотчасъ же и тѣмъ же тономъ. Они поговорились, заговорили,—и съ этой минуты завязалось ихъ знакомство и даже дружба.

Въ 1829 г. Мицкевичъ издалъ въ Петербургѣ новое собраніе своихъ стиховъ въ двухъ томахъ, значительно дополненное въ сравненіи съ первымъ, вышедшимъ въ 1822 г. въ Вильно. Теперь, будучи уже на верху своей славы, онъ встрѣтилъ самый восторженный пріемъ въ русской столицѣ. Въ одномъ изъ дружески расположенныхъ къ нему домовъ, былъ устроенъ въ честь поэта праздникъ въ день его именинъ, наканунѣ Рождества. Собравшійся съ этой цѣлью кружокъ состоялъ изъ избранныхъ представителей литературнаго и артистическаго міра. Хозяинъ съ неисчерпаемымъ остроуміемъ оживлялъ все общество, Орловскій набрасывалъ геніальные рисунки, какой-то виртуозъ игралъ на фортепьяно. Дошла очередь и до Мицкевича; ему задали тему для импровизаціи: «Самуилъ Сборовскій». Поэтъ намѣтилъ планъ въ размѣрѣ шекспировской драмы и сталъ превосходно импровизировать сцену за сценой. Подъ конецъ, онъ такъ увлекся этимъ, что его физическія силы не справились съ силами вдохновенія—и поэтъ упалъ въ обморокъ. Къ сожалѣнію, изъ этой драмы записано было, на память, лишь нѣсколько стиховъ.

Вообще говоря, Мицкевичъ импровизировалъ довольно рѣдко и не иначе, какъ въ сопровожденіи музыки и, притомъ, только въ обществѣ задушевныхъ пріятелей. Однимъ изъ самыхъ любимыхъ его мотивовъ былъ менуэтъ изъ «Донъ Жуана». Можно было наигрывать его по цѣлымъ часамъ—и все-таки не вполне удовлетворить поэта. Мелодія эта въ особенности поддерживала его вдохновеніе при импровизаціяхъ. Самую обширную изъ нихъ онъ произнесъ на извѣстномъ прощальномъ вечерѣ въ Петербургѣ, передъ отъѣздомъ за границу, когда литераторы и поклонники его поднесли ему на память прекрасный серебряный кубокъ, вырѣзавъ на немъ свои имена. Содержаніемъ этой импровизаціи былъ пилигримъ, который, будучи гостепріимно принятъ во время своего странствія и получивши столь драгоценный даръ, идетъ въ чужіе края—и умираетъ отъ жажды, голода и тоски подъ знойнымъ небомъ; въ складкахъ его плаща нашли потомъ этотъ кубокъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1829 г., А. Е. Одынецъ, жившій въ то время въ Варшавѣ, получилъ извѣстіе, что Мицкевичъ собирается за границу, и поспѣшилъ въ Петербургъ, чтобъ проститься съ поэтомъ. Здѣсь между ними состоялось соглаше-

ніе совмѣстнаго путешествія. Мицкевичъ отплылъ 13-го мая на пароходѣ въ Любекъ, а его спутникъ, выѣхавшій позднѣе черезъ Вильно, присоединился только 10-го августа. Въ своемъ письмѣ къ Войницкому, Одынецъ очень подробно описываетъ это путешествіе. Къ сожалѣнію, размѣры настоящей статьи не позволяютъ намъ воспользоваться вполне его рассказомъ, и мы вынуждены ограничиться въ нашемъ познствѣваніи оттуда лишь самыми бѣглыми свѣдѣніями.

Основываясь на повѣствованіи Одынца, можно безъ преувеличенія сказать, что путешествіе Мицкевича по Европѣ было однимъ сплошнымъ артистическимъ праздникомъ для него, какимъ-то волшебнымъ калейдоскопомъ безпрестанно мѣняющихся впечатлѣній. Въ Веймарѣ, напримѣръ, онъ знакомится съ Гёте, извѣстный французскій скульпторъ Давидъ дѣлитъ съ него медальонъ; въ Боннѣ его привѣтствуетъ Вильгельмъ Шлегель; во Флоренціи онъ проводитъ дружескіе вечера съ Огинскимъ; въ Римѣ поэтъ присутствуетъ на вечернихъ собраніяхъ королевы Гортензіи, посѣщаетъ снова салонъ княгини Зинаиды Волконской, знакомится съ романистомъ Куперомъ, Торвальдсеномъ и другими знаменитостями; въ Миланѣ съ нимъ встрѣчается поэтъ Манцони, и т. д. Мицкевичъ, то забавляется, съ студенческой живостью, спихиваніемъ внизъ камней въ проходѣ черезъ Сплугенъ; то подвергаетъ себя опасности на морѣ льдовъ, около Монблана, проходя черезъ такъ-называемый мостъ (Pont), то любитъ съ Капитолія статуей Марка Аврелія, то спускается на самое дно перваго кратера Везувія, закуриваетъ сигару въ одной изъ его разщелинъ и, стоя на вершинѣ горы, прикрываетъ плащомъ *) отъ вѣтра своего спутника.

Схоронивъ, въ 1833 г., въ Авиньонѣ, своего любимца, молодого поэта Степана Гарчинскаго, умершаго отъ чахотки, и возмущенный многими другими непріятностями, Мицкевичъ почувствовалъ нерасположеніе къ Европѣ и серьезно помышлялъ уже о путешествіи въ Южную Америку. Чтобы помѣшать этому, друзья привлекли его въ Парижъ и предложили ему нѣсколько проектовъ женитьбы. У случившагося тамъ знакомаго изъ Петербурга, поэтъ сталъ разспрашивать, между прочимъ, о семействѣ извѣстной піанистки Шимановской. Мицкевичъ узналъ отъ него, что Целина, которую онъ оставилъ въ Петербургѣ почти ребенкомъ, выросла теперь прелестной дѣвушкой.

— Я готовъ бы жениться на ней, еслибъ она была здѣсь, сказалъ равнодушно поэтъ, пуская клубъ дыму.

Фраза эта была передана кому слѣдуетъ, и Целина вскорѣ очутилась въ Парижѣ. Мицкевичъ не отрекся отъ своего слова, и въ 1834 г. женился на ней. Сдѣлавшись мужемъ и отцомъ семейства, онъ какъ-будто позабылъ свою лиру и умолкъ навсегда.

Въ 1839 г. академія въ Лозаннѣ предложила ему кафедру древней литературы, которую онъ и занималъ до 1840 г., когда французскій министръ народнаго просвѣщенія Кузень вызвалъ его читать славянскую литературу въ Collège de France. Втеченіи двухъ лѣтъ, Мицкевичъ исполнялъ эту обязанность съ рѣдкимъ талантомъ и увлекательностью, но потомъ, къ удивленію всѣхъ, лекціи его круто измѣнили свой первоначальный характеръ. Причиной этого было знакомство поэта съ извѣстнымъ мистикомъ Андреемъ Товянскимъ, котораго онъ зналъ еще въ Вильно. Прибывъ въ Парижъ въ 1841 г., Товянскій однажды навѣстилъ Мицкевича, объявивъ себя посланни-

*) Плащъ этотъ красно-бронзоваго цвѣта былъ очень долго неизмѣннымъ спутникомъ поэта; въ немъ онъ стоялъ въ полночь, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, передъ памятникомъ Петра I, въ Петербургѣ, подъ проливнымъ дождемъ. Въ Женевѣ, Мицкевичъ подарилъ его, на память, Одынцу.

комъ Бога, имѣющимъ къ нему небесную миссію. Поэтъ, какъ разъ въ то время пораженный бо-
лѣзнью жены, которую принужденъ былъ отпра-
вить въ домъ сумасшедшихъ, принявъ очень близко
къ сердцу слова Товянскаго, тѣмъ болѣе, что
послѣдній общалъ ему вылѣчить ее. Мицкевичъ
повѣрилъ этому: они вмѣстѣ ѣдутъ въ госпиталь,
—и исцѣленная чудеснымъ образомъ, почти од-
ной лишь силою слова, больная возвращается въ
лоно семейства. Такъ, по крайней мѣрѣ, всѣ био-
графы Мицкевича объясняютъ удивительное влия-
ніе на него Товянскаго; поэтъ признавался по-
томъ, что послѣдній сообщилъ ему такіа тайны
его жизни, о которыхъ, какъ онъ самъ выразился,
«зналъ только Богъ да я». Впослѣдствіи, это ясно-
видѣніе объяснилось довольно просто: въ быт-
ность свою въ Вильно, Одынецъ разсказалъ То-
вянскому весьма многое изъ того, что повѣрялъ
ему Мицкевичъ во время ихъ совместнаго путе-
шества. Съ лѣтами, поэтъ забылъ о своей испо-
вѣди, и слова Товянскаго, вмѣстѣ съ выздоров-
леніемъ жены, покорили его окончательно.

Какъ бы то ни было, съ этого времени кафе-
дра славянской литературы въ Collège de France
обратилась въ какую-то трибуну мистическихъ
разглагольствованій, на которой Мицкевичъ по-
явился въ послѣдній разъ 28 мая 1844 года: его
смѣстили и назначили хранителемъ арсенальной
библіотеки. Въ 1846 году, умъ поэта нѣсколько
отрезвился, но за то 1848 годъ, потрясшій такъ
сильно всю Европу, порвалъ послѣднія нити той
слабой ткани, которая связывала еще этотъ умъ
съ его свѣтлой дѣятельностью въ прошедшемъ.
Товянскій, изгнанный изъ Франціи, поселился въ
Швейцаріи. Хотя теперь и наступилъ оконча-
тельный разрывъ между нимъ и Мицкевичемъ,
но послѣдній не имѣлъ духу заявить объ этомъ
публично и громко опровергнуть то, что такъ не-
давно еще проповѣдывалъ съ кафедры. «Къ не-
счастью, говоритъ Семевскій, на поэта наброси-
лись и влекли его, какъ ободранное тѣло Гек-
тора за колесницей, — съ той разницей, что въ
ней не стоялъ ни одинъ Ахиллесъ, а везли ее
только простые Автомефоны».

Въ 1852 г. Мицкевича назначили бібліотека-
ремъ арсенала. Живя очень скуднымъ жаловань-
емъ, при многочисленномъ семействѣ, онъ посто-
янно нуждался. Въ началѣ 1855 года, поэтъ по-
стигло новое несчастье: умерла его жена, оста-
вивъ ему шестерыхъ сиротъ. Поручивъ малолѣт-
нихъ дѣтей двоюродной сестрѣ покойной, Софѣ
Шимаповской, онъ въ томъ же году уѣхалъ въ
Константинополь, въ сопровожденіи Арманда
Леви и Генриха Служальскаго, котораго очень
любилъ за его забавные разсказы. Въ столицѣ
Турціи, Мицкевичъ сдѣлался предметомъ особен-
наго вниманія и попеченій. Посольства предла-
гали ему помѣщеніе у себя, но онъ отклонилъ
ихъ любезность и поселился въ частномъ домикѣ
на Ени-Шері, въ улицѣ Календзи-Кулюкъ. Здѣсь
поэтъ занималъ большую комнату въ одно ква-
дратное окно, въ которую вели такіа же про-
сторныя сѣни. Меблировка ея состояла изъ стола,
нѣсколькихъ простыхъ креселъ и еще болѣе про-
стой кровати въ углу, покрытой соломеннымъ
тюфякомъ и турецкимъ ковромъ. Отъ этой ком-
наты вѣяло какой-то пустотой, она была темна
и даже сыра, напоминая собой малороссійскія
корчмныя избы.

Выѣхавъ вскорѣ въ Бургасъ, Мицкевичъ про-
велъ тамъ двѣ недѣли подъ палаткой, которою
обзавелся еще передъ отъѣздомъ изъ Парижа.
Его невыразимо плѣнила его жизнь, онъ ѣздилъ
верхомъ на охоту, ѣлъ простое солдатское ку-
шанье; но такой непосредственный переходъ отъ
парижскихъ привычекъ былъ уже черезъ-чуръ
крутъ и неостороженъ. Поэта не умѣли предо-
стеречь и даже вызывали на различныя полевые
развлеченія, видя какъ это нравится ему. Миц-

кевичу казалось, что онъ молодъ и крѣпокъ, ка-
кимъ нѣкогда былъ на скалѣ Аюдага, и что этотъ
вольный воздухъ, эта приготовленная на коче-
вомъ огнѣ пища возвращаютъ ему силы, растр-
аченныя за книжками и на парижской мостовой.
Въ Бургасѣ онъ захворалъ, проболѣлъ нѣсколько
дней, но потомъ поправился и вернулся въ Кон-
стантинополь. Лица, часто посѣщавшія его здѣсь,
разсказываютъ, что Мицкевичъ не соблюдалъ ни
дѣты, ни другихъ необходимыхъ предосторожно-
стей и, какъ бы наперекоръ всему, хотѣлъ приу-
чить себя къ суровой жизни. Тѣмъ не менѣе, со-
стояніе его здоровья не было угрожающимъ даже
до 26 ноября, хотя смерть и приближалась къ
нему быстрыми шагами. Зенонъ Фишъ, со словъ
очевидцевъ, передаетъ слѣдующее о послѣднихъ
минутахъ поэта:

«Ипполитъ Кучинскій такъ сообщалъ мнѣ объ
этомъ: «Въ понедѣльникъ утромъ, около десяти
часовъ, я пришелъ къ Мицкевичу. Онъ разска-
зывалъ именно о новостяхъ, полученныхъ изъ
Бургаса. Леви передалъ мнѣ о немъ, что прош-
лой ночью онъ страдалъ, но я засталъ его до-
вольно спокойнымъ; потомъ онъ началъ разго-
воръ о своихъ дѣтяхъ и кончилъ замѣчаніемъ,
что въ самомъ младшемъ, Езѣ, онъ усматриваетъ
умъ не по дѣтскому возрасту. «Кучинскій», ска-
залъ онъ, между прочимъ: «знаешь-ли, я началъ
учиться по-турецки. Боюсь только, чтобы со
мною не случилось, какъ съ однимъ изъ нашихъ
королей, который уже недурно читалъ по скла-
дамъ, когда его застигла смерть». Въ половинѣ
двѣнадцатаго, онъ почувствовалъ головокруженіе
и легкую діарею, и легъ въ постель, но симптомы
страданій были такъ слабы, что не встревожили
ни насъ, ни его». Около трехъ часовъ, Мицке-
вичъ почувствовалъ себя легче и пожелалъ от-
дохнуть. Леви и Кучинскій вышли, а Служальскій
остался. Едва прошелъ часъ, какъ боли возоб-
новились сильнѣе, и Служальскій позвалъ док-
тора Генбинскаго. Онъ тотчасъ же далъ Миц-
кевичу laudanum и велѣлъ согрѣвать тѣло, и
на вопросъ Служальскаго отвѣчалъ, что больной
въ очень опасномъ положеніи. Мицкевичъ прочелъ
эту опасность на встревоженномъ лицѣ Служаль-
скаго и спросилъ его: «Скажи мнѣ правду, Служ-
альскій, что говорятъ обо мнѣ доктора?» Кромѣ
Генбинскаго, тутъ были еще два другихъ лекаря:
Шостаковский и Беднавскій. Служальскій со
слезами на глазахъ отвѣчалъ: «Говорятъ, что ты
можешь умереть». Тогда онъ сказалъ: «Прикажи
позвать ко мнѣ ксендза Лавриновича». Потомъ
велѣлъ подать себѣ перо и хотѣлъ писать, но
когда Служальскій принесъ бумагу, сказалъ:
«Силы нѣтъ» — и упалъ на постель. Былъ уже
пятый часъ, когда вернулся Леви и вскорѣ за
нимъ пришелъ докторъ Дроздовскій. Мнѣ потомъ
говорили, что кромѣ Генбинскаго, который былъ
докторомъ по профессіи, трое другихъ, по-турец-
кому обыкновенію, не учились медицинѣ, но
практиковали. Послали за ксендзомъ, а тѣмъ
временемъ доктора растирали больному тѣло и
прописали повтореніе laudanum, котораго онъ
не хотѣлъ принять. Послѣ минутной боли, онъ
снова успокоился. Думали, что Мицкевичъ зас-
нетъ, и всѣ вышли изъ комнаты; по желанію
больного, остались Леви и Служальскій. «Они не
знаютъ чѣмъ со мною», сказалъ имъ Мицкевичъ:
«Хотятъ меня согрѣть, а я весь въ огнѣ». Ска-
завши это, онъ склонилъ голову и заснулъ, но
на минуту, — тутъ прибылъ ксендзъ. За нимъ во-
шелъ Дроздовскій и повторилъ натираніе, когда
съ больнымъ сдѣлались колики. «Они съ меня
кожу сдерутъ, какъ съ бѣднаго полковника Идзи-
ковскаго, а она у меня ужъ не отростетъ снова»,
закричалъ Мицкевичъ отъ боли. Ему опять дали
laudanum, но боли усилились, и черезъ минуту
больной лежалъ, не произнося ни малѣйшей жа-
лобы. Когда подошелъ Служальскій, онъ сказалъ

ему: «Передай моимъ дѣтямъ, пусть любятъ другъ
друга». Когда его спросили, гдѣ бы онъ желалъ
быть похороненнымъ, онъ объявилъ, что на клад-
бищѣ Монморанси, возлѣ своей жены. Замѣтивъ,
въ шестомъ часу, входящаго Кучинскаго, онъ
узналъ его, потомъ лежалъ спокойно, а ксендзъ
Лавриновичъ помазалъ его святымъ елеемъ. Въ
девятомъ часу онъ сталъ кончаться...

«Горькія слезы полились у насъ изъ глазъ, го-
ворилъ мнѣ Кучинскій, когда мы взглянули сперва
другъ на друга, а потомъ на трупъ. Чувствомъ
сиротства и какой-то пустоты жизни повѣяло на
насъ... Мы протянули руки другъ другу и, рыдая,
общались исполнить достойно и съ непоколеби-
мымъ мужествомъ наше призваніе. Мы смотрѣли
на эту благородную голову, по которой въ без-
порядкѣ разбросались длинныя бѣлые волосы, и
на эти полуоткрытые, но посинѣвшіе уста, какъ
бы готовые отвѣтаться, — и молчали гробовымъ
молчаніемъ».

Это было 28 ноября 1855 г.

Набалъзамированное тѣло Мицкевича, заклю-
ченное въ два гроба — свинцовый и деревянный,
вслѣдствіе различныхъ недоразумѣній, простояло
болѣе мѣсяца въ томъ самомъ домѣ, гдѣ жилъ
покойный; затѣмъ, оно было перевезено въ Па-
рижъ и предано землѣ на кладбищѣ въ Монмо-
ранси.

Что касается характеристики знаменитаго
поэта, мы можемъ прибавить весьма немногое къ
уже изложенному. Мицкевичъ былъ не охотникъ
до постоянной работы; онъ всегда больше читалъ
и размышлялъ, нежели писалъ, любилъ играть въ
шахматы и шашки, любилъ потолковать съ прия-
телями за трубкой. Прочитанной книги поэтъ не
берегъ. Когда одинъ изъ англійскихъ писателей
послалъ ему изъ Парижа свои стихи, изданные
въ роскошномъ переплетѣ, Мицкевичъ, нало-
живши трубку табакомъ и не зная, чѣмъ раску-
рить ее, хотѣлъ было выдрать страницу изъ этой
книжки, но его удержала жена. Одынецъ, описы-
вая свое путешествіе съ нимъ, приводитъ, между
прочимъ, слѣдующій курьезный фактъ:

«Я постоянно настаивалъ, чтобы Адамъ запи-
сывалъ свои впечатлѣнія и воспоминанія. Онъ
всегда общалъ мнѣ это, и вотъ, наконецъ, на
послѣднемъ ночлегѣ въ Германіи, зоветъ меня и
говоритъ, что дѣло уже сдѣлано. Я гляжу, а у
него въ записной книжкѣ значится: «Германія.
Гамбургъ — бифштексъ. Веймаръ — Гете. Боннъ —
картофель». Дѣйствительно, въ Боннѣ намъ по-
дали превосходно поджаренный картофель».

Относительно основныхъ нравственныхъ ка-
чествъ, Мицкевичъ стоялъ чрезвычайно высоко.
«Доброта, сострадательность, простота (говоритъ
тотъ же Одынецъ) запечатлѣвали этого замѣча-
тельнаго человѣка, во сто кратъ болѣе великаго
въ самомъ себѣ, нежели даже въ своихъ произве-
деніяхъ. Какъ нѣкогда въ Крыму, такъ потомъ
и въ Италіи, и всегда и вездѣ, онъ все, что ви-
дѣлъ, чувствовалъ и думалъ — все рѣшительно
относилъ къ родинѣ, къ Литвѣ. Въ этой идеѣ
онъ жилъ, работалъ и позабывалъ о себѣ, а это
забвеніе себя было одной изъ самыхъ выдаю-
щихся чертъ его личности, характера, сердца и
духа».

И з а.

Романъ А. Бувье.

(Продолженіе.)

Глава VI.

Что за человѣкъ былъ сыщикъ Бойе.

Полицейскій, сказавшій регистратору въ Кон-
сьержери, удивлявшемуся скромной и честной
наружности Мориса Ферана, обвиняемаго въ убій-
ствѣ, что онъ ему кажется ловкимъ негодяемъ, —
былъ сыщикъ Бойе.

Былъ-ли Бойе, представлявшій собою ориги-

нальный типъ, честнымъ человѣкомъ? Нѣтъ. Онъ былъ сынъ дамы-ханжи и неизвѣстнаго отца. Онъ получилъ воспитаніе у отцовъ іезуитовъ, научившихъ его съ дѣтства ремеслу ловкаго сыщика. Они вдолбили ему въ голову презрѣніе къ ближнимъ и человѣческимъ законамъ. Велѣдствіе этого, начавъ жить въ обществѣ, которое онъ привыкъ ненавидѣть, молодой Бойе подвергся многимъ непріятностямъ и такъ какъ его нравственные понятія были очень эластичны, то онъ вскорѣ попалъ въ исправительный пріютъ, а потомъ и въ тюрьму. Тамъ своей мягкой скромностью, перенятой у іезуитовъ, онъ добился милости тюремнаго начальства, а набожностью — снисхожденія абата. Этого было достаточно, чтобъ заслужить помилованіе, а въ виду его зоркой наблюдательности и страсти къ доносамъ, было рѣшено воспользоваться его талантами. Онъ поступилъ въ сыскную полицію; эта служба вполне соответствовала натурѣ ученика іезуитовъ. О дальнейшей жизни и дѣятельности сыщика Бойе лучше промолчимъ.

Изъ Консьержери Бойе отправился прямо къ слѣдователю Вершемону и подробно рассказалъ ему объ арестѣ Мориса Ферана. Когда же слѣдователь замѣтилъ, что, по его мнѣнію, это былъ только сообщникъ преступленія, а не убійца, онъ вполне съ нимъ согласился.

— Я поэтому и явился къ вамъ, сказалъ онъ, — какъ прикажете далѣе дѣйствовать.

— Мы нашли маклера, у котораго куплены послѣднія бумаги несчастной Леей Меданъ и у насъ находятся нумера этихъ денежныхъ бумагъ. Ваши розыски должны теперь сосредоточиться на этой сторонѣ дѣла.

— Надо наложить запрещеніе на эти билеты.

— Это уже сдѣлано нѣсколько дней тому назадъ и приняты мѣры къ задержанію лица, которое представило бы ихъ. Драгоценности, похищенные у Лей Меданъ, были проданы въ Лондонѣ, черезъ три дня послѣ преступленія, прежде, чѣмъ туда пришли извѣстія о немъ. Примѣты лица, продававшего эти драгоценности, вовсе не подходятъ къ задержанному юношѣ. Записку объ этихъ примѣтахъ и нумера денежныхъ бумагъ вамъ тотчасъ передастъ мой секретарь.

— У васъ нѣтъ другихъ свѣдѣній?

— Никакихъ. Я приступаю къ допросу Ферана, можетъ быть удастся вырвать отъ него хоть одно слово, которое могло бы навести насъ на слѣдъ.

— Вамъ будетъ очень трудно что-нибудь вывѣдать отъ него. Онъ на взглядъ такой спокойный, скромный, невинный. О, это ловкій мошенникъ.

— Но вѣдь онъ новичекъ. Всѣ свѣдѣнія о его прежней жизни безусловно свидѣтельствуютъ въ его пользу.

— Это правда, но очень нетрудно обманывать внѣшностью. Половина людей, кажущихся легкомысленными кутилами, самые благоразумные, серьезные люди. Я никогда не поддаюсь на удочку подобныхъ аттестатовъ. Одно важно, набоженъ-ли онъ? Если нѣтъ, то это дѣйствительно дурной аттестатъ.

— Я это увижу, отвѣчалъ Вершемонъ, и повторилъ, желая окончить разговоръ: — возьмите у секретаря записку съ необходимыми свѣдѣніями и нумерами денежныхъ документовъ.

Бойе почтительно поклонился, вышелъ изъ комнаты и, получивъ въ канцеляріи премію за арестъ розыскиваемого преступника, отправился домой отдыхать, такъ какъ онъ рано всталъ въ этотъ день. Онъ жилъ въ улицѣ Мюскъ. При входѣ на лѣстницу, его остановила привратница.

— Г. Бойе, сказала она, — за вами только-что приходили отъ вашей тетки, г-жи Пальяръ. Она больна и проситъ васъ тотчасъ придти къ ней.

— Хорошо, я отправлюсь, отвѣчалъ Бойе.

Придя въ улицу Сен-Поль, гдѣ жила г-жа Паль-

яръ, онъ узналъ, что со старухой утромъ былъ ударъ, но что теперь ей немного лучше. За нимъ же послали потому, что сына г-жи Пальяръ не было въ Парижѣ. Бойе быстро взобрался по лѣстницѣ въ третій этажъ и, испуганный, растерянный, вбѣжалъ въ комнату, занимаемую старухой.

— Что съ тобой, тетка Маріана? воскликнулъ онъ, со слезами на глазахъ: — ты больна!.. Боже мой! Боже мой! Узнавъ объ этомъ несчастіи, я бросилъ мои занятія въ канцеляріи и прискакалъ сюда. Что съ тобой случилось?

— Ничего, ничего, мое дитя, теперь мнѣ лучше, отвѣчала старуха, тронутая краснорѣчивыми доказательствами любви къ ней племянника и прибавила, почти плача: — отчего мой сынъ не похожъ на тебя?

— Теперь не время объ этомъ говорить. Онъ еще молодъ и одумается. Не тревожьтесь, я буду ухаживать за вами.

— Да, да, дитя мое, я увѣрена, что ты меня не оставишь. Ты мой второй сынъ... и гораздо лучше перваго.

— Что вамъ нужно, тетка Маріана? Я свободенъ и останусь у васъ. Я только напишу записку директору канцеляріи.

Бойе увѣрялъ всѣхъ, что онъ служитъ чиновникомъ въ префектурѣ, почему и сохранилъ нѣкоторыя связи. Роль, разыгрываемая имъ въ домѣ тетки Пальяръ, можно объяснить въ двухъ словахъ. Сынъ старухи, благородный юноша, немного увлекающийся и доверчивый, прожилъ деньги, полученныя имъ въ наслѣдство послѣ отца, благодаря неудачнымъ спекуляціямъ и съ тѣхъ поръ ревностно работалъ, съ цѣлью поправить свои дѣла. Мать очень любила его, но независимая натура Люи Пальяра пугала ее, а его мнѣнія о патерахъ, приводили ее въ ужасъ. Онъ никогда не отказывалъ себѣ въ удовольствіи прочесть ей въ слухъ отчетъ о скандальномъ процесѣ какого-нибудь патера, обвиняемого въ проступкѣ противъ нравственности. Старуха выходила изъ себя, упрекала сына за безбожіе и указывала на племянника Бойе, какъ на образецъ набожности. Тогда Люи не на шутку сердился.

— Не говорите мнѣ никогда объ этомъ ханжѣ, объ этомъ наглѣмъ сыщикѣ, восклицала онъ: — пусть лучше онъ неприходитъ сюда въ моему присутствіи, а то я его...

Бойе зналъ обо всемъ, что дѣлается въ домѣ тетки и подливалъ масла въ огонь. Наконецъ, благодаря его поджигательству, мать и сынъ совершенно поссорились. Они иногда видались, но очень рѣдко и Бойе старался замѣнить старухѣ сына, надѣясь, что она оставитъ ему часть своего состоянія. По этому онъ, какъ хищная птица, ждалъ ея смерти.

— Да, тетка Маріана, продолжалъ Бойе, — Богъ знаетъ, что можетъ случиться, я лучше останусь съ тобою весь день.

— Благодарю, дитя мое. Я очень испугалась утромъ, я думала, что пришелъ конецъ. Я ничего не видѣла, ничего не слышала.

— Вы послали, по крайней мѣрѣ, за патеромъ?

— Нѣтъ, дитя мое, но я желала бы видѣть патера. Сходи за нимъ; отъ этого скорѣе не умрешь, но какъ-то легче.

При этихъ словахъ Бойе взглянулъ на старуху. Она должна была чувствовать себя очень дурно, если рѣшалась такъ говорить. Послѣдующія ея слова еще болѣе убѣдили его въ справедливости своей догадки.

— Пошли пожалуйста депешу Люи. Я хочу его видѣть. Но ты ему не говори, что я просила патера.

«Рѣшительно теткѣ Маріанѣ плохо, подумалъ Бойе съ какимъ-то злорадствомъ: надо принять мѣры къ обезпеченію моихъ интересовъ».

Онъ старался прежде всего успокоить старуху, увѣряя ее, что она вовсе не была опасно больна,

а потомъ отправился за ея врачомъ и за своимъ знакомымъ патеромъ.

— Отецъ мой, сказалъ Бойе патеру, заливаясь слезами. — Меня поразило страшное несчастіе. Тетка, воспитавшая меня, какъ мать, умираетъ. Это единственная личность, которую я люблю на землѣ, и я боюсь, что Богъ отниметъ ее у меня.

— Если такова воля Божья, сынъ мой, то ты обязанъ смиренно покориться. Онъ переселитъ ее въ лучший міръ. Только надо позаботиться, чтобъ ея смерть была истинно христіанская.

— Отецъ мой, нельзя всегда сдерживать свое горе. Тетка желаетъ сама умереть по христіански и я пришелъ за вами. Я не знаю, имѣла-ли она постоянного духовника, но теперь она предпочитаетъ обратиться къ незнакомому ей служителю олтара.

— Я сейчасъ исполню ея желаніе, дитя мое.

— Моя бѣдная тетка святая женщина, продолжалъ Бойе, пока патеръ собирался идти, — а ея сынъ негодяй, свободный мыслитель, человѣкъ безъ совѣсти и чести, онъ составляетъ горе ея жизни. Послѣ смерти его отца, а моего дяди, этотъ мерзавецъ прокутилъ все полученное имъ наслѣдство и теперь тетка желала бы устранить его отъ наслѣдства, боясь, чтобъ онъ не сдѣлалъ бы того же. Впрочемъ, я гораздо болѣе ея сынъ, чѣмъ Люи, если взять въ соображеніе мою любовь къ ней. Хотя тетка и не богата, но все-таки имѣетъ хорошій капиталъ, и я былъ бы очень вамъ благодаренъ, г. абатъ, еслибъ вы въ эту торжественную минуту помѣшали ей изъ ложнаго уваженія къ закону оставить все человѣку, который ея сынъ только по имени. Вы меня знаете, святой отецъ, и поймете, что я говорю не въ своемъ интересѣ, но есть много бѣдныхъ людей, которые часто обращались къ ней и я могъ бы, еслибъ она захотѣла, продолжать имъ ея благотворенія. Право, грѣшно пожертвовать ими и ради кого?

— Я васъ слишкомъ хорошо знаю, дитя мое, чтобы могъ сомнѣваться въ вашихъ побужденіяхъ. Я напому вашей родственницѣ, въ чемъ, по моему мнѣнію, заключается ея долгъ, и уговорю ее исполнить ея послѣднюю обязанность.

Бойе очень смиренно привелъ патера къ старухѣ. Она не тѣшила себя пустыми надеждами на выздоровленіе и очень обрадовалась патеру.

— Благодарю тебя, дитя мое, сказала она, обращаясь къ Бойе; — ты не пашель моего духовника и привелъ другого патера. Ты отлично сдѣлалъ, я чувствую себя нехорошо.

Бойе удалился изъ комнаты, затворилъ за собою дверь и припалъ ухомъ къ замочной скважинѣ.

Бѣдная старуха покалывалась въ какихъ-то дѣтскихъ грѣхахъ и, главное, упрекала себя въ излишней строгости къ сыну. Патеръ началъ было говорить о немъ въ духѣ Бойе, но умирающая остановила его.

— Нѣтъ, отецъ мой, Люи честный человѣкъ, сказала она: — онъ, правда, прожилъ наслѣдство отца, но не переставая работать и только благодаря неудачнымъ спекуляціямъ. Онъ добрый сынъ и благороднѣйшій человѣкъ. Онъ не возстаетъ противъ религіи, а просто не исполняетъ ея требъ. Онъ еще болѣе меня будетъ помогать бѣднымъ послѣ моей смерти, и вотъ почему я не сдѣлала и не сдѣлаю завѣщанія. Все, что я имѣю, принадлежитъ ему, и послѣ моей смерти перейдетъ прямо къ нему, какъ къ моему единственному сыну.

— Надо всегда быть справедливой. Нѣтъ-ли у васъ другихъ родственниковъ, которые васъ любятъ не менѣе вашего сына и съ которыми вы обращались, какъ съ родными дѣтьми.

— Вы, можетъ быть, говорите о Бойе. Это славный мальчикъ, но онъ имѣетъ отличное мѣсто и живетъ пригнѣвочни. Онъ самъ мнѣ постоянно

говорить, что ни въ чемъ не нуждается. Впрочемъ, еслибъ съ нимъ когда-нибудь случилось несчастье, то Люи не оставить его.

Абатъ сталъ говорить о церкви и о бѣдныхъ, которыхъ не надо было забывать.

Бойе уже болѣе не слушалъ. Онъ выпрямился во весь ростъ, насунулъ брови, прикусилъ губу и прошепталъ злобно:

— А! ты все оставишь ему... а мнѣ ничего. Увидимъ! Ты не сдѣлала завѣщанія! Увидимъ!

Когда батеръ отворилъ дверь, Бойе мгновенно принялъ печальное выраженіе лица и спросилъ съ безпокойствомъ:

— Чтоже, святой отецъ, ей очень плохо?

— Это достойная, святая женщина, сказалъ батеръ, уклоняясь отъ прямого отвѣта;—увѣдомили вы ея сына?

— Да, я телеграфировалъ ему.

— Пошлите вторую депешу. Ей надо непременно его видѣть. Потерпите его пріѣздъ. Прощайте, другъ мой, молитесь за нее.

Не успѣлъ удалиться батеръ, какъ пришелъ докторъ. Ему достаточно было одного взгляда, чтобъ убѣдиться въ какомъ положеніи находилась старуха. Онъ прописалъ рецептъ, сказалъ нѣсколько словъ, чтобъ ободрить больную и, выйдя на лѣстницу вмѣстѣ съ Бойе, объявилъ ему:

— Теткѣ конецъ, она едва-ли переживетъ ночь. Это четвертый ударъ паралича. Черезъ часъ она лишится языка... Надо тотчасъ увѣдомить Люи. Пусть онъ пріѣдетъ какъ можно скорѣе. Онъ никогда себѣ не проститъ, если она умретъ безъ него.

— Я уже послалъ депешу, докторъ.

— Удивляюсь, что онъ еще не пріѣхалъ. Вѣдь тутъ всего часъ ѣзды по желѣзной дорогѣ. Пошлите вторую депешу, дѣло неотложное.

— Я сейчасъ пойду на телеграфъ, отвѣчалъ Бойе.

— Хорошо, ступайте, и вернитесь скорѣе; а я посижу у больной. Ее не слѣдуетъ оставлять одну.

Бойе солгалъ и батеру и доктору; онъ не посылалъ никакой депеши своему двоюродному брату, но теперь, успокоенный словами доктора, что черезъ часъ старуха лишится языка, онъ рѣшился телеграфировать и выбѣжалъ изъ комнаты, бормоча сквозь зубы:

— Прежде, чѣмъ онъ пріѣдетъ, я устрою дѣльце.

Докторъ возвратился къ постели умирающей.

— Добрая Маріана, сказалъ онъ,—это такой же припадокъ, какъ тѣ, отъ которыхъ я васъ вылечилъ; и вы скоро поправитесь, но все же лучше бы вамъ привести свои дѣла въ порядокъ. Вѣдь это не значитъ умирать. Люи теперь сталъ благоразумнымъ юношей, ваши припадки могутъ усилиться и ему слѣдовало бы знать, въ какомъ положеніи ваши дѣла.

— Докторъ, отвѣчала старуха слабымъ голосомъ,—я такъ и хочу сдѣлать. Я ему передамъ все мои дѣла, а онъ пусть живетъ со мною.

— Это всего благоразумнѣе.

— У меня есть денежные бумаги, которыя мнѣ не принадлежатъ. Я дала подъ нихъ деньги. Мнѣ надо это объяснить ему. Остальное все у нотариуса. Онъ тамъ и получитъ.

— Хотите мнѣ пока поручить что-нибудь.

— Нѣтъ, нѣтъ, я могу говорить объ этомъ только съ нимъ.

— Вы можете мнѣ сказать фамиліи лицъ, взявшихъ у васъ займы деньги?

— Нѣтъ, нѣтъ, я скажу только ему.

Докторъ находился въ большемъ смущеніи; онъ не смѣлъ сказать ей прямо, въ какомъ она была опасномъ положеніи, что могло очень дурно подействовать на нее, но, съ другой стороны, онъ боялся чтобъ Люи Пальяръ не пріѣхалъ слишкомъ поздно. Къ Бойе докторъ, старый другъ

установилась стеклянными глазами въ пространство и уже не могла промолвить ни слова. Предсмертный колоколецъ слышался въ ея груди. Испугъ Бойе однако былъ непродолжительный, лицо его тотчасъ приняло злобное, торжествующее выраженіе и онъ гордо поднялъ голову.

— Наконецъ, я здѣсь хозяинъ, сказалъ онъ съ дьявольскимъ смѣхомъ и, обратясь къ старухѣ, потухающій взглядъ которой вдругъ съ удивленіемъ остановился на немъ, цинично воскликнулъ:—старая дура, ты не хочешь мнѣ ничего оставить. Хорошо, я возьму все, что найду.

Глаза умирающей раскрылись такъ широко, какъ будто хотѣли выскочить, но она не могла ни двинуться, ни крикнуть. Она только безпомощно слѣдила за всѣми движеніями чудовищнаго вора.

— А, ты мнѣ ничего не завѣщала, продолжалъ Бойе,—такъ околѣй собака и когда Люи пріѣдетъ, я уже припасу себѣ львиную долю...

Онъ снова дико захохоталъ и, взявъ связку ключей, спокойно подыскалъ подходящій ключъ къ конторкѣ старухи, отперъ ее и сталъ перебирать все находившіяся въ ней бумаги.

Въ комнатѣ царилъ безмолвная тишина, только прерываемая монотоннымъ стукомъ маятника и предсмертнымъ колоколомъ умирающей.

Старуха лежала неподвижно на постели, совершенно безпомощная, но въ полномъ сознаніи. Она все видѣла, слышала и понимала. Она чувствовала, что смерть мало по малу овладевала ею. Она старалась закричать, но только усиливала этимъ роковой колоколецъ. Она хотѣла сказать, что денежные бумаги, находившіяся въ конторкѣ, не ея собственность, а только даны ей подъ залогъ занятыхъ денегъ, но не могла промолвить ни слова. Презрѣнный негодяй, котораго она предпочитала своему сыну, былъ просто воръ и въ минуту ея предсмертной агоніи грабилъ ее, похищая данный ей залогъ и оскверняя ея память чернымъ пятномъ.

Въ глазахъ ея уже потемнѣло, когда Бойе, перешаривъ все ящики, нашелъ запечатанный пакетъ. Вскрывъ его, онъ вскрикнулъ отъ радости при видѣ большой кучи денежныхъ бумагъ на предъявителя. Онъ

аккуратно пересчиталъ ихъ и подвелъ итогъ.

— Старуха не говорила, что у нея столько денегъ, сказалъ онъ съ улыбкой удовольствія;—это дѣловое состояніе. Ну, тетка Маріана, я теперь получилъ свою долю наслѣдства и болѣе не сержусь на тебя. Умирай себѣ спокойно... По крайней мѣрѣ, раздѣлъ вышелъ справедливый. Люи получитъ все, что находится у нотариуса.

Онъ подошелъ къ постели умирающей и пристально взглянулъ на нее.

— Э! конецъ уже близокъ, прошепталъ онъ;—но какъ это долго продолжается. Она уже четыре часа умираетъ.

Возвратясь къ конторкѣ онъ привелъ въ порядокъ все бумаги, уничтожилъ или конфисковалъ нѣкоторыя, положилъ къ себѣ въ карманъ

ПАРИЖСКАЯ ВСЕМИРНАЯ ВЫСТАВКА 1878 Г.

ИЗЪ СТАТУЭТОКЪ I. ГИРТА.

Амуръ-кузнецъ.

семьи, питалъ глубокое презрѣніе, зная его за иніона и, конечно, никогда не посоветовалъ бы умирающей довѣриться ему.

Вернувшись съ телеграфа, Бойе показалъ доктору квитанцію и тотъ удалился, сказавъ, чтобъ прислали за нимъ, если Люи Пальяръ пріѣдетъ поздно, когда уже тетка Маріана будетъ безъ языка.

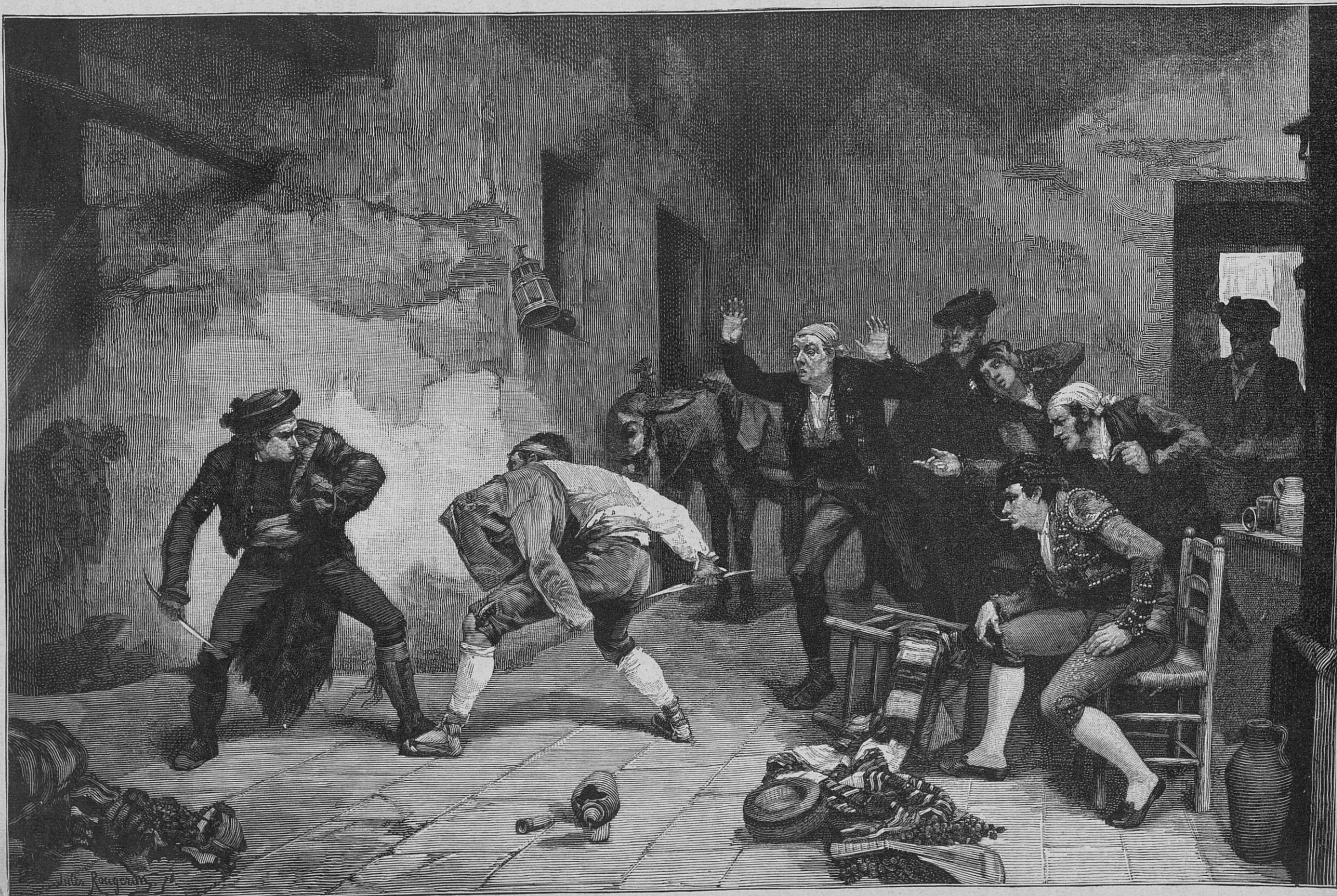
Бойе остался одинъ у постели умирающей. Она, казалось, къ чему-то жадно прислушивалась при каждомъ шумѣ на лѣстницѣ и говорила все болѣе и болѣе слабымъ голосомъ:

— Посмотри, Бойе, это вѣрно Люи...

Черезъ нѣсколько времени Бойе вышелъ на минуту въ кухню, чтобъ приготовить питье для больной и, возвратясь, остоленѣлъ. Старуха

ПАРИЖСКАЯ ВСЕМИРНАЯ ВЫСТАВКА.
КАРТИНА РУЖЕРОНА.

Дуэль въ панацкой тавернѣ.

пакетъ съ денежными документами и заперъ на ключъ конторку. Потомъ онъ вышелъ изъ комнаты и спустился по лѣстницѣ. Слезы струились по его щекамъ.

— Каково вашей теткѣ? спросила привратница.

— Она кончается, моя бѣдная тетка Маріана, моя вторая мать! сказалъ всхлипывая сыщикъ:—Боже мой! Боже мой!

— Полноте, г. Бойе. Не плачьте такъ. Вѣдь въ ея годы надо было ожидать, что она умретъ сегодня или завтра.

— Конечно, но какъ тяжело видѣть страданія любимаго человѣка. И Люи не пріѣзжаетъ. По крайней мѣрѣ, она умерла бы спокойно.

— Такъ нѣтъ болѣе надежды?

— Нѣтъ! Часъ тому началась предсмертная агонія... Она никого не узнаетъ. Я бѣгу въ церковь заказать отходную.

— Боже мой! Боже мой! вскричала привратница, набожно крестясь и подумала: «бѣдный молодой человѣкъ, онъ любитъ ее, какъ мать».

Бойе поспѣшилъ въ церковь св. Павла, заказать тамъ отходную и пустился бѣгомъ въ улицу Мюскъ. Но прежде, чѣмъ войти на крыльцо, принявъ снова свой печальный, плачущій видъ.

— Что это? воскликнула и вторая привратница, тронутая его слезами: — вашей теткѣ хуже?

— Она умерла! отвѣчалъ онъ, громко рыдая.

— Бѣдный г. Бойе! Это ваша единственная родственница.

— Да. Теперь, когда тетки Маріаны нѣтъ на свѣтѣ, мнѣ нечего дѣлать въ Парижѣ. Я уѣду.

— Полноте, надо быть благоразумнымъ. А ваша служба?

— Я подамъ въ отставку и поселюсь въ провинціи. Мнѣ хватитъ моихъ малыхъ достатковъ.

Хотя привратница въ первый разъ слышала отъ него такую фразу, но она показала ей очень естественной.

— Могу я быть вамъ чѣмъ-нибудь полезной? спросила она.

— Нѣтъ, я жду пріѣзда ея сына; если онъ захочетъ, я останусь съ нимъ всю ночь у трупа. Я пріѣхалъ сюда только за маленькимъ расплатомъ, которое я положу ей на грудь.

Онъ поспѣшно направился къ себѣ.

— Вотъ достойный человѣкъ! прошептала привратница. — Отчего это судьба преслѣдуетъ такихъ людей!

Очутившись въ своей квартирѣ, Бойе старательно заперъ всѣ двери, спустилъ занавѣси на окнахъ, затѣмъ спряталъ въ секретный ящикъ денежные бумаги, взятые у тетки Пальяръ. Пакетъ онъ сжегъ и списалъ въ свою записную книжку номера билетовъ. Тутъ онъ невольно вспомнилъ, что слѣдователь велѣлъ ему взять въ канцеляріи записку съ номерами билетовъ, похищенныхъ у Лен Меданъ, и что онъ этого не сдѣлалъ.

«Тѣмъ лучше, подумалъ онъ, — у меня теперь нѣтъ никакихъ бумагъ по этому дѣлу, я получилъ сегодня деньги за арестъ Мориса Ферана и теперь какъ нельзя болѣе кѣсати подать въ отставку; я стану жить капиталистомъ».

И, взявъ перо, онъ написалъ:

«Милостивый государь!

«Большое несчастье поразило меня; возвратясь домой, я узналъ, что моя тетка, бывшая мнѣ второй матерью, сильно занемогла; я побѣжалъ къ ней; бѣдная женщина умерла на моихъ рукахъ. Передъ смертью она взяла съ меня слово, что я оставляю свою службу; я обѣщала исполнить ея желаніе. Мнѣ удалось очень мало отложить на черный день, но все же съ этими крохами я могу жить въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ».

«Прошу васъ, милостивый государь, принять мою отставку. Я, кажется, всегда строго испол-

нялъ свои обязанности и администрація не можетъ меня ни въ чемъ упрекнуть. Если моихъ финансовыхъ средствъ не хватитъ на скромную жизнь въ провинціи, то я попрошу васъ рекомендовать меня администраціи того департамента, гдѣ я поселюсь».

«Преданный императорскому правительству, я употреблю всѣ усилія, чтобы достойно служить ему и на другомъ поприщѣ. Хотя я не хочу служить сыщикомъ, но, быть можетъ, я могу сдѣлаться полезнымъ политическимъ агентомъ въ мѣстности, гдѣ меня никто не знаетъ».

Написавъ адресъ на конвертѣ, Бойе самодовольно проговорилъ:

— Умно придумано. Я теперь могу спокойно жить вдали отъ любопытныхъ завистливыхъ глазъ, которымъ показалось бы подозрительнымъ мое неожиданное обогащеніе.

Онъ вышелъ изъ дома, опустилъ въ почтовый ящикъ просьбу объ отставкѣ и побѣжалъ къ теткѣ Пальяръ.

Колоколецъ умирающей становился все слабѣе и отрывочнѣе.

«Она сейчасъ умретъ, подумалъ онъ, смотря на нее пристально и, подойдя къ шкапу, вынулъ бутылку вина, налилъ себѣ стаканъ и залпомъ выпилъ:—уф! какъ жарко! я ужасно усталъ».

Онъ хотѣлъ было поискать въ шкапу чего-нибудь съѣстнаго, но въ эту минуту раздался стукъ въ дверь. Онъ обтеръ себѣ ротъ рукавомъ и со слезами на глазахъ пошелъ отпереть дверь.

Колоколецъ бѣдной тетки Пальяръ вдругъ прекратился и она стала, повидимому, легче дышать. Ея потухшій взглядъ просвѣтлѣлъ, глаза уставились на дверь: «это онъ», казалось, прошептала она.

Дверь отворилась и молодой человѣкъ, оттолкнувъ Бойе, бросился къ постели умирающей съ громкимъ крикомъ:

— Мама! Мама! Это я!

Этотъ крикъ, этотъ голосъ произвели потрясающее впечатлѣніе на старуху. Она приподнялась и, указывая на конторку, прошептала едва слышно:

— Люи... тамъ... взя....

И она упала мертвая въ объятія сына, который, думая, что она въ обморокѣ, бережно положилъ ее на постель.

— Боже мой! Боже мой! Она лишилась чувствъ! сказалъ онъ.—Мама, мама, очнись, это я, твой Люи.

Только теперь, тревожно осматриваясь по сторонамъ и спрашивая себя, что ему дѣлать, Люи впервые замѣтилъ Бойе. Сыщикъ стоялъ въ углу комнаты, блѣдный, дрожа всѣмъ тѣломъ. Онъ пережилъ страшную минуту, когда умирающая произнесла свои послѣднія слова, указывая на конторку, и въ его ухахъ еще раздавалась вся фраза, которую она, конечно, хотѣла, но не могла сказать:

— Люи, онъ тамъ взялъ деньги.

— А это ты, сказалъ Люи;—ты всегда, какъ воронъ, тамъ, гдѣ несчастье. Что же ты стоишь, развѣ не видишь, что она въ обморокѣ.

— Это не обморокъ, Люи. Докторъ меня предупредилъ. Насъ постигло великое горе!

— Что ты говоришь! воскликнулъ молодой человѣкъ и, схвативъ голову матери обѣими руками, упалъ на колѣни съ крикомъ отчаянія.

— Я побѣгу за докторомъ, сказалъ Бойе и вышелъ изъ комнаты.

Когда пришелъ докторъ, Люи все еще стоялъ на колѣняхъ передъ кроватью умершей матери и рыдалъ, какъ ребенокъ.

— Все кончено, у меня нѣтъ матері! прошептала онъ, протягивая руку доктору.

— Я это зналъ; зачѣмъ ты такъ поздно пріѣхалъ? замѣтилъ докторъ.

— Я сейчасъ поѣхалъ, какъ только получилъ

дешену и то вовсе не спѣшную, отвѣчалъ съ удивленіемъ Люи.

— Ты получилъ ихъ двѣ.

— Нѣтъ, одну, въ 2 часа. Вотъ она: «Пріѣзжай если можешь, твоя мать нездорова». Ты можешь себѣ представить, что я не ожидалъ этого несчастья. Опоздай я десять минутъ и она не умерла бы на моихъ рукахъ.

Докторъ обернулся, отыскивая глазами Бойе, который пришелъ съ нимъ, но благоразумно скрылся, боясь объясненій.

— Это опять штуки этого ханжи, сказалъ докторъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Исповѣдь. У Малюты Скуратова былъ сынъ Максимъ, юноша пылкій и честный. Онъ тоже былъ опричникомъ. Жестокость и лицемеріе, господствовавшіе въ Александровской слободѣ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ ежедневно, глубоко возмущали неспорченную натуру юноши и вызвали въ немъ негодованіе. Въ его присутствіи Серебряный смѣло и прямо высказалъ царю Ивану Васильевичу свое честное мнѣніе объ опричницѣ. Благородная откровенность князя такъ сильно подѣйствовала на молодого опричника, что онъ тотчасъ же сталъ просить у царя позволенія ѣхать въ Украину, въ пограничную рать, которой постоянно приходилось вести борьбу съ татарами. Отецъ его, Малюта Скуратовъ, постарался замѣять этотъ непріятный для него разговоръ, такъ что царь не успѣлъ выразить ни своего отказа, ни своего согласія. Дома Малюта объявилъ сыну, что расправится съ нимъ, если онъ не оставитъ своего намѣренія, мало того, объявилъ ему, что заставитъ его исполнять должность палача при казняхъ. Этой же ночью Максимъ бѣжалъ изъ Александровской слободы. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ монастырь. Изображеніе «Страшнаго суда» на стѣнахъ церкви произвело на юношу такое сильное впечатлѣніе, что у него явилось желаніе немедленно исповѣдываться. Исповѣдь отъ него принялъ игумень лавры. Максимъ не утаилъ отъ него ни одной подробности и получилъ отпущеніе. «Сынъ мой, сказалъ игумень, твоя исповѣдь тебя очистила. Святая церковь не поставяетъ тебѣ въ вину, что ты бросилъ Слободу. Вѣжаты отъ соблазна можетъ и воленъ всякій». Этотъ-то моментъ избралъ г. Соловьевъ для своего рисунка, напечатаннаго на стр. 280 настоящаго номера.

Передъ ломбардомъ. На стѣнѣ дома съ лѣвой стороны, вы видите на этой картинѣ надпись: «Monte di pieta»—это такая же роковая для Италіи надпись, какъ для насъ надписи: «частный ломбардъ», «касса ссудъ», «общество для заклада движимостей» и т. п. Сюда несутъ бѣдняки послѣднія крохи свои въ закладъ—какую-нибудь чайную ложку, какой-нибудь платчишко, какой-нибудь салонишко. Иногда несется не послѣдній скарбъ, а орудіе труда, средство для добыванія куска хлѣба: швея несетъ въ закладъ швейную машинку, скрипачъ закладываетъ свою скрипку и т. д. Закладываютъ всегда, чтобы «обернуться», «на время», съ надеждой выкупить. Въ дѣйствительности-же деньги продаются, новыхъ средствъ для выкупа заложенного не является, приходится еще болѣе бѣднымъ. Итальянскій художникъ, картину котораго мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ, передаетъ тѣ характерные типы бѣдняковъ, которые перѣдко встрѣчаются передъ дверями monte di pieta.

Амуръ-кузнецъ. Мюнхенскій скульпторъ

Гирть создалъ цѣлый рядъ небольшихъ амурчиковъ въ различныхъ положеніяхъ: стрѣляющихъ изъ лука, изготовляющихъ въ роли кузнеца стрѣлы и т. д. Всѣ эти игрушки, конечно, не могутъ имѣть серьезнаго значенія въ области искусства, но тѣмъ не менѣе, всѣ эти вещи, служащія для украшенія барскихъ комнатъ, прелестно скомпонованы, со вкусомъ исполнены, полны комизма и граціи. Какъ образчикъ этихъ произведеній, имѣющихъ не малый сбытъ въ Европѣ, мы представляемъ копію съ амура-кузнеца.

«Дуэль въ испанской тавернѣ». Ружеронъ выхватилъ изъ испанской жизни одну изъ характерныхъ сценъ. Испанія—страна довольно оригинальныхъ нравовъ, дышущихъ то страстностью, то дикостью, то мистицизмомъ. Это страна, гдѣ уцѣлѣли разные религіозные обряды временъ инквизиціи, гдѣ бой быковъ является однимъ изъ варварскихъ наслажденій, гдѣ вы рискуете, при первой ссорѣ, попасть подъ ножъ противника и т. д. Вотъ именно такую-то ссору въ тавернѣ, дошедшую до ножей, до смертоубійства, изобразилъ Ружеронъ, вѣрно передавшій и обстановку, и костюмы дѣйствующихъ лицъ.

Новости наукъ и жизни.

— **Страшная мятель.** «Молвъ» изъ Ельца пишутъ, что 9 марта случилась тамъ жестокая мятель. Отъ нея многіе пострадали. Въ четырехъ верстахъ отъ Ельца нашли 19 замерзшихъ труповъ; въ 4 верстахъ откопали въ снѣгу помѣщика Голоствѣнова съ кучеромъ и тройкой лошадей; въ городѣ замерзло 6 чел. Многіе случаи еще до сихъ поръ неизвѣстны, хотя и при настоящихъ данныхъ число жертвъ простирается до 40 чел.

— **Пожертвованіе.** Почетный гражданинъ Сибиряковъ, пожертвовавшій уже въ прошломъ году 100,000 р. для учреждаемаго въ Сибири университета, присовокупилъ, какъ сообщаютъ въ «Пет. Листъ», въ настоящее время къ этому пожертвованію еще купленную имъ у наследниковъ покойнаго поэта Жуковскаго бібліотеку въ пользу того-же университета.

— **Женщина Робинзонъ.** Въ одномъ изъ журналовъ, издающихся въ Сан-Франциско, напечатанъ интересный рассказъ объ индѣйской женщинѣ, случайно покинутой на островѣ Св. Николая, къ западу отъ южныхъ береговъ Калифорніи и проведшей на немъ 18 лѣтъ. Ея существованіе на островѣ было открыто капитаномъ корабля, сошедшимъ на островъ для охоты за выдрой. Онъ замѣтилъ глубокой отпечатокъ погъ на песокъ, но не могъ долго идти по этимъ слѣдамъ. Три года спустя одинъ изъ матросовъ его корабля неожиданно очутился передъ предметомъ ихъ поисковъ. Женщина эта жила въ устроенной изъ вѣтвей, круглой хижинѣ около 5 футовъ въ вышину, 6 въ ширину и съ узкимъ отверстіемъ для входа съ боку. Одежда женщины была сдѣлана изъ кожи особой породы дикой утки, которая не можетъ ни летать, ни ходить, и доходила женщинѣ почти до ногъ. Въ ту минуту, когда ее открыли, она сидѣла, поджавъ подъ себя ноги и снимала съ тюлена кожу грубымъ пожемъ изъ желѣзнаго кружка съ придѣланнымъ къ нему кускомъ дерева. Голова ея была не покрыта, если не считать за покрывку массу волосъ рыжеватого-каштановаго цвѣта, вѣроятно, приобретшихъ этотъ оттѣнокъ отъ соединеннаго дѣйствія солнца и непогоды; волосы были коротки, а концы ихъ какъ бы истерлись отъ времени. На островѣ было нѣсколько дикихъ собакъ, изъ которыхъ нѣкоторыя держались около нея, признавая ее своей госпожей. Пища ея состояла изъ растеній, походяго на капушту, которое жители Калифорніи называютъ «паласанто», и корня, извѣстнаго подъ именемъ «кореомита», а также изъ мяса и жира различныхъ породъ тюленей. Въ хижинѣ у нея нашли толстыя сѣти для ловли раковинъ и грубую удочку, сдѣланную изъ тюленьей кишки, что свидѣтельствовало, что женщина занималась рыбной ловлей въ морѣ. Выраженіе ея физионо-

міи было пріятно, черты правильны и симметричны, цвѣтъ лица гораздо свѣтлѣе, чѣмъ у женщинъ сѣгодняго материка. Она ничего не понимала изъ того, что ей говорили на разныхъ нарѣчіяхъ южной Калифорніи, но обладала замѣчательной способностью разговаривать знаками. Она не потеряла ни одного зуба, хотя всѣ они были сильно стерты отъ употребленія жесткой пищи, которую ей приходилось пережевывать. На видъ ей было лѣтъ 50. Она кланялась всѣмъ подходившимъ къ ней и привѣтливо имъ улыбалась. Эта бѣдная женщина добровольно послѣдовала на корабль за людьми, открывшими ее, сохраняя все время женскую скромность и сдержанность. Съ особымъ искусствомъ она лѣпила посуду изъ травы и асфальта, находящагося въ изобиліи на островѣ Св. Николая и соседнемъ материкѣ и, повидимому, узнала многіе предметы, составляющіе принадлежность болѣе цивилизованной жизни. Она умерла нѣсколько недѣль спустя послѣ своего возвращенія въ Америку, вслѣдствіе диссентеріи, полученной ею отъ излишняго употребленія фруктовъ и овощей.

— **Двѣ кражи.** Недавно обнаружены два довольно рѣдкихъ случая. Одна знатная дама за границею выдала замужъ дочь свою, здоровье которой въ послѣднее время было нехорошо. На другой день новаго года къ ней является незнакомецъ и объявляетъ, что она должна торопиться, если хочетъ застать дочь въ живыхъ. Дама падаетъ въ обморокъ. Очнувшись, она увидѣла, что она одна, но всѣ ящики и сундуки открыты и взломаны; не доставало драгоценныхъ украшеній и пачки банковыхъ билетовъ. Дочь ея, къ которой она немедленно отправилась, оказалась совершенно здоровой. Другой случай состоитъ въ слѣдующемъ: Человѣкъ съ большою и тяжелою ношею на спинѣ натянулся на магазинную выставку, и разбиваетъ не только витрину, но и нѣкоторыя выставленныя стеклянные вещи. Хозяинъ лавки бѣжитъ за нимъ, ловить и требуетъ вознагражденія за убытокъ. Тотъ увѣряетъ, что онъ ровно ничего не имѣетъ. Двое прохожихъ совѣтуютъ хозяину осмотрѣть неловкаго носильщика. Его обшариваютъ и находятъ билетъ въ тысячу франковъ. Онъ увѣряетъ, что деньги принадлежатъ его хозяйнѣ и, наконецъ, грозитъ полиціей. Ничто не помогаетъ: хозяинъ лавки отбираетъ свои двѣсти франковъ и даетъ 800 франковъ сдачи. Тотъ уходитъ съ бранью и угрозами, но за угломъ разражается хохотомъ, которому вторятъ и двое непрошенныхъ совѣтниковъ; разсмотрѣвъ хорошенько полученный билетъ, лавочникъ находитъ его фальшивымъ.

— **Переселеніе съ грандіозной задачей.** Коре-спондентъ англійской газеты «Times» пишетъ: «Я сообщалъ уже вамъ, что Менотти Гарибальди и его товарищъ по оружію, Ахилесъ Фаззари, намѣрены, если только Англія не поставитъ никакихъ препятствій, отправиться, лѣтомъ или осенью, съ 3000 итальянцами на южный берегъ Новой Гвинее основать тамъ колонію и построить новый городъ, подъ именемъ «Италія». Цѣль ихъ заключается въ томъ, чтобъ дать исходъ тому духу предпримчивости и жажды къ приключеніямъ, который вызванъ былъ у многихъ, еще оставшихся молодыми людьми послѣ созданія Италіи. Больше восьми лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ осуществилось ихъ патріотическое дѣло. Надобно предполагать, что участники этого освободенія устроились въ это время и дѣйствительно многіе изъ нихъ устроились; но между ними есть и такіе, которые или неспособны вернуться къ тихой рутинѣ обыденной жизни, вслѣдствіе-ли недостатка ранняго воспитанія или же невозможности приложить къ дѣлу свое искусство въ странѣ, гдѣ стремленія громадны, но средства къ ихъ осуществленію почти ничтожны, гдѣ соре-снотателей много, а наградъ мало, притомъ, онѣ ничтожны. Экспедиція въ Новую Гвинее, колонизація недоступной страны и основаніе въ ней новаго города — вотъ тѣ средства, съ помощью которыхъ Менотти Гарибальди надѣется дать требуемый исходъ, открыть поприще, которыхъ не могутъ найти дома, и избавить страну отъ множества безпокойныхъ умовъ, которые, за недостаткомъ другихъ занятій, поднимаютъ крикъ

о «Неискупленной Италіи» или же мечтаютъ о томъ, что республика дастъ имъ все, что имъ нужно. Мнѣ сообщаютъ, что всѣ приготовленія почти окончены, что требуемая сумма, около 30,000,000 франковъ, готова и что желающихъ участвовать въ экспедиціи болѣе, нежели сколько ихъ можно перевезти. Въ числѣ участниковъ находится отъ 20 до 30 членовъ парламента. Все число переселенцевъ будетъ простирается до 3,000 человекъ, которые раздѣлятся на два отдѣла: военныхъ, подъ командою Фаззари, для защиты колонистовъ отъ туземцевъ; землевладѣльцевъ и ремесленниковъ, которые должны положить настоящія основанія колоніи и пользоваться ресурсами страны. Наняты будутъ четыре парохода для доставленія колонистовъ на мѣсто, а также для навозки всѣхъ необходимыхъ продуктовъ и принадлежностей хозяйства, начиная отъ лопаты, кирки, пилы и кончая типографскими станками и телеграфною проволокою, съ помощью которой можно было бы немедленно же установить сообщеніе съ крайнею сѣверною оконечностью Австраліи. Колонисты намѣрены высадиться у устья одной изъ рѣкъ, раскинуть лагерь и помѣститься частью подъ палатками, частью же на пароходахъ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ рѣшено выбрать самое здоровое мѣсто для основанія новаго города. Участники этого предпріятія надѣются доставить пристанище шестидесяти и болѣе тысячамъ эмигрантамъ, ежегодно уѣзжающимъ изъ Италіи въ Южную Америку, чтобъ встрѣтить тамъ жалкую участь, вмѣсто улучшенія своей судьбы».

— **Любопытное духовное завѣщаніе.** Джонъ Ридъ состоялъ въ продолженіе 40 лѣтъ газетчикомъ при уольнетскомъ театрѣ въ Филадельфіи. За все время своей службы онъ не пропускалъ ни одного представленія. Въ его духовномъ завѣщаніи помѣщенъ слѣдующій пунктъ: «Желаю, чтобъ голова моя была отрублена отъ тѣла и трупъ погребенъ какъ слѣдуетъ. Голову же завѣщаю уольнетскому театру для сцены Гамлета съ черепомъ».

— **Какъ не богатѣть Парижу!** Въ минувшемъ году въ Парижѣ наплывъ иностранцевъ и провинціаловъ изъ внутреннихъ департаментовъ достигъ небывалой въ лѣтописяхъ этого города цифры. Пока имѣются официальные цифры за первые девять мѣсяцевъ 1878 г. Втеченіи этого времени прибыло въ Парижъ 37,467,799 чел.; половина изъ прибывшихъ упадетъ на парижскую станцію западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ предпослѣднюю выставку весь наплывъ иностранцевъ въ Парижъ простирался всего до 13,000,000 человекъ. Неговоря уже о доходахъ желѣзныхъ дорогъ, городъ Парижъ выручилъ за эти девять мѣсяцевъ «милліарды» франковъ, такъ какъ рѣдкій изъ этихъ пріѣзжихъ не издержалъ, въ бытность свою въ Парижѣ, сто франковъ, а даже и при этой умѣренной цифрѣ Парижъ выручилъ слишкомъ 3,746 милліоновъ франковъ; по этому нечего удивляться, что городъ богатѣетъ, а торговля и промышленность его процвѣтаютъ и развиваются годъ отъ году.

— **Королевская одежда въ древней Мехикѣ.** Д-ръ Хоштеттеръ, профессоръ политехнической школы въ Вѣнѣ, открылъ недавно почти забытый образчикъ мексиканской одежды, прекрасно сохранившійся, быть можетъ, единственный во всѣхъ европейскихъ музеяхъ, имѣющій вслѣдствіе этого большое значеніе для мексиканской археологіи. Эта находка, покрытая пылью, находилась въ одномъ углу знаменитой «Ambraser Sammlung» въ бельведерскомъ дворцѣ австрійской столицы. Вещь, о которой мы говоримъ, сдѣлана изъ перьевъ и отличается очень хорошей и изящной работой. Перья украшены черепахой и золотыми полумѣсяцами и пуговицами. Эта вещь составляла часть одежды; попала же она въ Европу, по всей вѣроятности, вмѣстѣ съ предметами и драгоценностями, которые похитилъ Фернандо Кортесъ у Монтезумы и затѣмъ отправилъ императору Карлу V. Мы говоримъ «по всей вѣроятности» на томъ основаніи, что нѣтъ никакихъ точныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ. Въ каталогѣ музея 1596 года вещь, о которой идетъ рѣчь, значится подъ именемъ «мавританской шляпы».

Въ каталогѣ 1819 года она помѣчена: «мавританскій султанъ, надѣваемый на голову коня (но, вѣроятно, индѣйскій передникъ)». На самомъ же дѣлѣ эта вещь иного происхожденія. Перья, изъ которыхъ она составлена, принадлежатъ яркимъ пернатымъ тропическихъ лѣсовъ Мексики и Гватемалы. Верхній рядъ состоитъ изъ перьевъ голубого цвѣта красной птицы Cotinga maupana; онъ украшенъ черепахой и золотыми полудюжками и пуговицами. Второй рядъ перьевъ огненного цвѣта принадлежитъ мексиканской птицѣ Guacamaya colorada или Ara-canga. Третій рядъ зеленого цвѣта составленъ изъ крыльевъ самой красивой птицы во всей Америкѣ, — священной птицы племени кишэ, называемой аптеками «кветцаль» и известной въ зоологій подъ именемъ Trogon radonius. Последній рядъ, украшенный золотыми пуговицами, сдѣланъ изъ перьевъ миловидной птицы, называемой мексиканцами «вакери». Изъ этихъ данныхъ можно заключить, что описываемая вещь принадлежитъ къ мексиканско-гватемальскимъ произведеніямъ, которые стали исчезать послѣ захвата ихъ испанцами. Достоверныхъ же свѣдѣній, т. е. письменныхъ, объ этомъ нѣтъ. Въ томъ же музеѣ есть трость или посохъ, который считаютъ принадлежащимъ Монтезумѣ. Это основано на томъ предположеніи, что форма его похожа на посохи, существовавшіе въ Мексикѣ. Если это справедливо, то дальнѣйшія походы посоха достоверно известны. Кортесъ отослалъ его папѣ, который подарилъ его какому-то архіепископу, а этотъ послѣдній отказалъ его по завѣщанію вѣнскому музею. Свою находку д-ръ Хохштеттеръ, вычистилъ, зачинилъ поврежденные мѣста и вставилъ за стекло въ ящикъ, который предохранить его отъ пыли и послужить новымъ украшеніемъ богатѣйшаго «Ambraser Sammlung» бельведерскаго дворца.

— «Ну, господинъ Гевельке мы пошли!» Это выраженіе очень популярно въ Пруссіи. Вотъ его происхожденіе: Въ концѣ прошлаго столѣтія, въ Кенигсбергѣ жилъ купецъ, по имени Гевельке. Прикащики его, уходя вечеромъ изъ конторы, говорили обыкновенно: «ну, г. Гевельке, мы пошли!» давая знать этимъ, что работа ихъ кончена. Попугай Гевельке, клѣтка котораго стояла возлѣ конторы, затвердилъ эту фразу, повторявшуюся безчисленное множество разъ. Однажды кошкѣ удалось схватить попугая, и она, съ своею добычею, побѣжала съ лѣстницы. Несчастный попугай призвалъ на помощь всѣ свои разговорныя познанія и со всей мочи закричалъ: «Ну, г. Гевельке, мы пошли!» Услышали его зовъ, но не могли уже спасти бѣднягу. Последнія слова его получили общую известность и съ тѣхъ поръ выраженіе это стало равносильнымъ, что «кому нибудь приходится плохо, настаетъ копецъ».

— **Новая вистѣлица.** Недавно въ Камденѣ (въ Нью-Джерсеѣ) была испробована новая вистѣлица, неудачное дѣйствіе которой сопровождалось потрясающими обстоятельствами. Къ повѣщенію приговоренъ былъ негоціантъ Бенжаминъ Гюнтеръ, приговоренный къ казни за убійство своего компаньона, Джона Армстронга, жизнь котораго онъ застраховалъ въ нѣсколькихъ страховыхъ обществахъ и заставилъ его переуступить себѣ страховые полисы. Вистѣлица была устроена въ домѣ по новой системѣ, изобрѣтенной шерифомъ-механикомъ. Эшафота не было; видны были только двѣ веревки, на разстояніи 4 футъ одна отъ другой, спускавшіяся съ потолка. Въ дѣйствительности же эти двѣ веревки составляли одну, пропущенную черезъ блокъ, установленный въ верхнемъ помѣщеніи и слѣдовательно невидимый. На томъ концѣ веревки, гдѣ слѣдовало повѣсить осужденнаго, была мертвая петля. Другой же конецъ, исчезая въ дырѣ, продѣланной въ полу, проходилъ въ нижнее помѣщеніе, гдѣ къ нему прикрѣплялась тяжесть, которая въ данную минуту должна была служить противувѣсомъ и поднять преступника. Бенжаминъ Гюнтеръ всталъ въ 6 часовъ и отказался отъ принятія пищи. Истощеніе его достигло крайней степени. Когда за

нимъ пришли въ 20 минутъ 12-го часа, онъ пошелъ на безжизненную массу; пришлось нести его къ мѣсту казни. 4 человека поддерживали его пока ему увязывали голову въ бѣлый бумажный колпакъ и надѣвали петлю на шею. Шерифъ для соблюденія формальности предложилъ ему обычные вопросы, но осужденный ничего не отвѣчалъ, да, вѣроятно, ничего и не слышалъ. Въ 25 минутъ 12-го онъ былъ повѣшенъ; но изобрѣтеніе шерифа не оправдало ожиданій. Едва осужденный былъ приподнятъ надъ поломъ, какъ повалился назадъ и былъ подхваченъ нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ, не допустившими его до совершеннаго паденія. Другіе изъ присутствовавшихъ ухватились руками за другой конецъ веревки, чтобы пополнить недостающую тяжести и держались за нее до смерти осужденнаго, послѣдовавшей безъ всякихъ конвульсій отъ удавленія въ 40 минутъ 12-го.

Въ 15 и 16 №№ будетъ напечатанъ очеркъ **Е. Л. Маркова «Миланскій соборъ».**

При настоящемъ № премія „Мадонна“ разсылается по всѣмъ остальнымъ трактатамъ, т. е. 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28 и 29.

Гг. годовые подписчики, получающіе «Живописное Обозрѣніе» въ Москвѣ, благоволятъ получать всѣ три художественныя преміи нынѣшняго года: двѣ олеографіи и гравюру, въ книжномъ магазинѣ **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ.

Первое изданіе „Гигіены“, (листы, вышедшіе въ прошломъ году) все разошлось. Между тѣмъ требованія высылки этихъ листовъ продолжаютъ. Редакція «Жив. Об.» приступила къ 2-му изданію, которое выйдетъ втеченіи апрѣля мѣсяца. Тогда и будутъ разосланы эти листы тѣмъ изъ гг. подписчиковъ, требованія которыхъ уже поступили въ Редакцію и въ настоящее время не могутъ быть удовлетворены.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 12-й «Живописное Обозрѣніе» сданъ на городскую почту марта 24-го въ 7 часовъ 10 минутъ утра, на инородную почту марта 25 въ 1 часть пополудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Фридрихъ фонъ-Боденштедтъ.—Козлы отпущенія (продолж.)—Серватій и Панкратій (продолж.)—Сказка о бѣломъ бычкѣ.—Церепежки.—Оригинальный городъ.—Адамъ Мицкевичъ (оконч.)—Иза (продолж.)—Къ рисункамъ.—Новости наукъ и жизни.—Объявленія.

Гравюры: Фридрихъ фонъ-Боденштедтъ.—Перепела.—Исповѣдь.—Передъ ломбардомъ.—Оригинальный городъ.—Амуръ-кузнецъ.—Дуэль въ испанской тавернѣ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

20-го сего апрѣля поступитъ въ продажу книга:

СБОРНИКЪ ПРОГРАММЪ И ПРАВИЛЪ ПРИЕМА ВЪ МУЖСКІЯ И ЖЕНСКІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВСѢХЪ ВѢДОМСТВЪ на 1879 и 1880 учеб. годъ.

съ приложеніемъ правилъ и программъ частныхъ учебныхъ заведеній и специальныхъ испытаній по всѣмъ вѣдомствамъ

Составилъ, на основаніи официальныхъ данныхъ, опубликованныхъ и непосредственно сообщенныхъ начальствами учебныхъ заведеній, **Д. Влахопуловъ**, кандидатъ Московскаго университета, б. преподаватель Тамбовской женской гимназіи и Александринскаго института благородныхъ дѣвицъ.

Къ сборнику прилагаются хромофотографированныя (красками) таблицы, съ объяснительнымъ къ нимъ текстомъ, форменной одежды воспитанниковъ и воспитанницъ казенныхъ учебныхъ заведеній.

Весьма многіе родители, особенно живущіе вдали отъ столицы, крайне затрудняются выборомъ того или другаго учебнаго заведенія, куда они хотѣли бы отдать своего сына или дочь; само собою разумѣется, беря, главнымъ образомъ, во вниманіе тѣ права и преимущества, какія даетъ учебное заведеніе и свое матеріальное состояніе.

Изъ всѣхъ учебныхъ заведеній болѣе другихъ известны лишь одни мужскія гимназіи и то известность ихъ ограничивается тѣмъ, что гимназіи не даютъ право поступленія въ университетъ безъ экзамена. Но такого рода свѣдѣній для выбора учебнаго заведенія еще далеко не достаточно.

Для болѣе или менѣе безошибочнаго, правильнаго и разумнаго выбора необходимо знать: 1. Какія права и преимущества даетъ заведеніе по отношенію къ поступленію въ высшія учебныя заведенія и на государственную службу. 2. Къ какому разряду относится по отбыванію воинской повинности. 3. Есть ли при заведеніи пансіонъ или только одни приходящіе; какаѣ платы за пансіонера (своекоштнаго), полупансіонера и приходящаго. 4. Есть ли казенно-коштные воспитанники въ заведеніи; какія условія приема на казенное содержаніе. 5. Какіхъ познаній требуется отъ поступающаго въ извѣстный классъ. 6. Какіе документы требуются при поступленіи. 7. Куда слѣдуетъ обращаться для опредѣленія на казенное содержаніе. 8. Форма прошеній, обязательствъ, подписокъ и проч.

Чтобы дать свѣдѣнія родителямъ и воспитателямъ по каждому учебному заведенію на всѣ эти пункты, мы рѣшили издать полный «сборникъ программъ и правилъ приема» во всѣ мужскія и женскія учебныя заведенія, какъ казенныя, такъ и содержимыя на счетъ общества и частными лицами. Въ немъ можно найти подробные отвѣты на всѣ эти данныя.

Кромѣ того въ сборникѣ помѣщены еще: отсрочки и льготы по образованію къ отбыванію воинской повинности, специальные испытанія по всѣмъ вѣдомствамъ и мног. др. свѣдѣнія.

Сборникъ заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

I. Мужскія учебныя заведенія. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщены программы и правила приема во всѣ мужскія казенныя учебныя заведенія, а также содержимыя на счетъ общества и частными лицами.

II. Женскія учебныя заведенія. Въ отдѣлѣ этомъ помѣщены программы и правила приема во всѣ женскія учебныя заведенія, какъ казенныя такъ и содержимыя на счетъ общества и частными лицами.

III. Учебныя заведенія для обоихъ половъ. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщены казенныя, общественныя и частныя учебныя заведенія (какъ мужскія, такъ и женскія) для обоихъ половъ, каковы напр. дѣтскіе пріюты, театральныя училища, консерваторіи и др.

IV. Специальные испытанія. Для желающихъ преподавать въ заведеніяхъ вѣдомствъ военнаго, Министерства Народнаго Просвѣщенія и Императрицы Маріи, для полученія степени кандидата университетовъ, магистра, для ищущихъ званій и степеней ветеринара, аптекарскаго помощника и провизора, для желающихъ получить льготу по образованію 2, 3 и 4 разрядовъ, для желающихъ получить первый классный чинъ и др.

V. Льготы и отсрочки по отбыванію воинской повинности, разряды учеб. зав. по отбыв. воинской повинности.

VI. Адрессы. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщены адрессы главныхъ и центральныхъ управленій казенными и общественными учебными заведеніями, адрессы частныхъ учебныхъ заведеній.

VII. Форма учащихся. Отдѣлъ этотъ служитъ объяснительнымъ текстомъ къ таблицамъ.

Кромѣ того къ сборнику будутъ приложены:

Объявленія о подпискѣ на журналы и газеты.

Списокъ учебныхъ руководствъ и пособій, рекомендуемыхъ настоящими программами и имѣющихся въ книжномъ магазинѣ **Ө. И. Салаева** въ Москвѣ.

Объявленія отъ склада книгъ при конторѣ типографіи **Ф. К. Югансонъ** въ Москвѣ

Весь «Сборникъ», безъ объявленій, будетъ заключать въ себѣ до 500 страницъ 8-ми дюймаго формата и напечатанъ плотнымъ и убористымъ шрифтомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ удобнымъ для чтенія.

Цѣна за «сборникъ» назначается 2 р. с. съ упаковкой и пересылкой во всѣ города и мѣстечки Россійской Имперіи, для выписывающихъ прямо изъ редакціи.

Желающихъ заявить свои требованія на сборникъ ранѣе 20-го апрѣля, просимъ покорнѣе обращаться въ редакцію «сборника программъ и правилъ приема во всѣ учебныя заведенія», по слѣд. адресу. Москва, Садовая улица, близъ Яузской части, д. Медынцева, контора типографіи **Ф. К. Югансонъ**.

Съ 20-го же апрѣля его можно будетъ выписывать, какъ изъ редакціи, такъ и изъ книжныхъ магазиновъ въ Москвѣ: **Салаева** (Мясницкая ул.), **Мамонтова**, **Глазунова** и **Вольфа** (Кузнецкій мостъ), **Соловьева** и **Васильева** (Страстной бульваръ), Центрального книжнаго магазина и **Прѣнова** (Никольская ул.) и **Шмидта** (Никитскія ворота)

№ 14. Томъ I.

На годъ, съ доставкою и пересылкою — 7 руб.;
на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсц. — 2 руб.
Отдѣльн. №№ по 20 н.

С.-Петербургъ, 7 Апрѣля 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новая
улица, домъ № 6.

Годъ VII.

(Окончаніе.)

VI.

Но Марья Николаевна Солнцева имѣла самое смутное понятіе о характерѣ своей соперницы и о томъ, какую роль играютъ въ ея жизни деньги и тетенька Цыганова, а потому слухи о предполагаемомъ разводномъ процессѣ наводили на нее по временамъ паническій ужасъ.

Большого труда стоило Алексѣю Алексѣвичу ее успокоить въ такія минуты.

— Я всегда этого боялась, всегда, всегда, повторяла она, прижимаясь къ нему и рыдая на его плечѣ. — Мнѣ только стыдно было тебѣ въ этомъ сознаться...

— Совершенно напрасно, я бы давно успокоилъ, урезонилъ мою неразумную кошечку, доказалъ бы ей, что бояться рѣшительно нечего.

Онъ пѣжно ласкалъ ее, страстно цаловалъ ея личико, плававшее отъ слезъ и волненія, но сегодня глупые толки такъ ее разстроили, что она никакихъ словъ не принимала и продолжала печалиться.

— Все это надѣлала глупая поѣздка въ Петербургъ! Намъ было такъ хорошо, такъ весело дома, очень нужно было трогаться съ мѣста!.. Кромѣ горя да издержекъ, эта поѣздка намъ ничего не принесетъ, вотъ увидишь!.. Алеша, милый, уѣдемъ скорѣе отсюда!.. Брось все, уѣдемъ!..

— Ты знаешь, цыпочка, что это невозможно, надо прежде достать денегъ.

— Господи, я и забыла про деньги!

Она громко зарыдала.

— Послушай, душка, надо быть умницей, надо разсуждать, говорилъ Алексѣй Алексѣвичъ, пересыпая свою рѣчь жаркими поцалуями, — вспомни только, сколько у насъ было причинъ сюда ѣхать и везти дѣтей!.. Надо было навѣстить твою дочь...

— Не говори мнѣ про нее, Алеша! Есть минуты, когда мнѣ особенно тяжело вспоминать про нее, теперь именно такая минута... Ради Бога, не говори мнѣ про нее!

— Ну, хорошо, хорошо, прости меня... Я хотѣлъ доказать тебѣ, что мы не безъ причинъ рѣшились на эту поѣздку, надо было показать докторамъ таничкину ножку, познакомить тебя

съ Володей, похлопотать объ устройствѣ старшихъ мальчиковъ въ приготовительный пансіонъ... Наконецъ, то мѣсто, которое мнѣ обѣщали...

Но тутъ Марья Николаевна снова прервала его.

— Это мѣсто тебѣ никогда не дадутъ, напрасно только ты мечтаешь о немъ...

— И право же, я буду этому очень, очень рада... Мнѣ теперь такъ страшно жить въ Петербургѣ, я такъ боюсь встрѣтиться съ твоей женой, ужасъ! Посмотри, при одной мысли объ этомъ я вся дрожу!

И въ самомъ дѣлѣ, она дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Ланочка! Неужели ты думаешь, что я позволю кому бы то ни было оскорбить тебя? обиженнымъ тономъ произнесъ Савлинъ.

— Я и за тебя боюсь, еще больше, чѣмъ за себя... Она на все способна, твоя Юлія Ивановна, продолжала Марья Николаевна съ возрастающимъ ужасомъ въ голосѣ.

— Меня увѣрили, что она зимой разѣзжаетъ на лыжахъ по своимъ лѣсамъ... и что у нее сапоги выше коленъ, и будто она на охоту ходитъ и стрѣляетъ, какъ мужчина...

Савлинъ засмѣялся. — Очень можетъ быть, но намъ то что до этого за дѣло? Вчера въ клубѣ Саша Собакинъ намъ рассказывалъ, что онъ встрѣтился съ нею у большого театра при разѣздѣ... Стоитъ среди публики въ какомъ-то допотопномъ кораблѣ на головѣ, руки засунула въ карманы, подбоченая фертомъ, и свсю карету высвистываетъ, вотъ такъ: «Захаръ! фьююю! Захаръ! фьююю!» Je la vois d'ici!..

Онъ еще разъ тихонько свиснулъ и расхохотался. Марья Николаевна тоже смѣялась сквозь слезы.

— Ну вотъ, такъ-то лучше, моя цыпочка! Стоитъ-ли эта кикимора, чтобъ изъ-за нее портились такіе прелестные глазки!

Алексѣй Алексѣвичъ началъ цаловать эти глазки и цаловалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока въ нихъ и слѣда не осталось слезъ.

Сцена эта происходила во второмъ часу ночи, въ спальнѣ мадамъ Солнцовой.

Алексѣй Алексѣвичъ пришелъ сюда послѣ того, какъ всѣ птенцы въ ихъ гнѣздѣ совершенно утомонились и даже няньки спали мирнымъ и сладкимъ сномъ. Володя, которому стали постель на диванѣ въ комнатѣ отца, тоже давно уже храпѣлъ. Въ минуту глубокаго молчанія, наступившаго среди интимной бесѣды его отца съ Марьей Николаевной, храпъ этотъ очень явствен-

но долетѣлъ до ихъ слуха. Спальня освѣщалась только одной лампой подъ довольно темнымъ абажуромъ, однако, Алексѣй Алексѣвичъ подмѣтилъ гримаску, появившуюся на хорошенькомъ личикѣ въ кружевномъ ночномъ чепчикѣ, которымъ онъ залюбовался до забвенія всякихъ бѣдствій, хлопотъ и заботъ, какъ настоящихъ, такъ и грядущихъ.

Гримаска эта внезапно отрезвила его и брови его тоже озабоченно сдвинулись.

— Онъ тебя беспокоитъ, душа моя? Я забылъ плотно притворить дверь...

Г. Савлинъ сдѣлалъ движеніе, чтобъ сойти съ кровати, но маленькая блѣдная ручка, выступившая изъ подъ розоваго стеганого одѣяла, удержала его.

— Не надо, оставь, пожалуйста!.. Меня вовсе не то беспокоитъ, проговорила Марья Николаевна, притягивая его голову къ своимъ губамъ. — Знаешь, что я тебѣ скажу... Только ты пожалуйста, не смѣйся надо мной и не сердись... Мнѣ все кажется... я даже увѣрена, что намъ ничего не будетъ удаваться, пока онъ здѣсь...

И не поднимая головы съ подушки, она указала движеніемъ подбородка въ ту сторону, откуда раздавался храпъ.

— Все пошло скверно съ тѣхъ поръ, какъ онъ къ намъ переселился... И наконецъ, этотъ процессъ... вѣдь до сихъ поръ она и не думала о немъ... Разумѣется, онъ не виноватъ, но подумай только, какой это будетъ скандалъ, какой страмъ для меня!.. И все это черезъ него!.. Опять же повторяю, онъ не виноватъ, онъ милый, добрый мальчикъ и такъ къ намъ ко всѣмъ привязанъ, что мнѣ даже совѣстно... За что?.. Я сама его люблю, но только, право же, Алеша, ему здѣсь вовсе не мѣсто... Вѣдь подумай, онъ иногда такъ меня стѣсняетъ, что я не знаю, куда дѣваться!.. Да и тебя тоже, не отговаривайся пожалуйста, я все вижу.

— Чистое воображеніе, Мани! Чѣмъ онъ можетъ меня стѣснять? Про наши отношенія ему ужъ давно все извѣстно, и ты сама видишь, какъ онъ къ этому относится, какъ онъ любитъ нашихъ дѣтей...

— Да, но все-таки... Нѣтъ, нѣтъ, Алеша, не спорь со мной, сдѣлай милость не спорь! Ты мужчина, ты многихъ вещей не понимаешь, да и понять не можешь, повѣрь мнѣ на слово, я отлично все замѣчаю, отъ меня никакая мелочь не ускользнетъ... Ему здѣсь вовсе не мѣсто, вовсе не мѣсто, повторила она, настойчиво качая головой.

— Какже быть, душа моя? Онъ самъ къ намъ пришелъ, она его выгнала изъ дому изъ-за насъ... Не на улицѣ же ему оставаться?

— Господи! Какіе ты ужасы говоришь, Алеша! Какъ будто я такая злая!.. Можно подумать, что я желаю отдалить сына отъ отца, посѣять между вами раздоръ!

— Что мы, что мы, Мама! Христосъ съ тобой! Кто же можетъ подумать такой вздоръ, скажи на-милость? Не ты-ли сама такъ съумѣла приглубить бѣднаго мальчишку, что онъ теперь жить безъ насъ не можетъ? Я отлично знаю, что мнѣ одному никогда бы не удалось возбудить въ немъ столько любви, столько самоотверженія... Никогда не рѣшился бы онъ высказать Юлію Ивановнѣ то, что онъ ей высказалъ, никогда не хватило бы у него смѣлости уйти отъ нее... Это все ты... Но вѣдь вы извѣстная чародѣйка, сударыня, прибавилъ онъ шутливо, — кто же въ силахъ противиться вашему обаянію?

Онъ смѣялся, не замѣчая, какъ омрачалось постепенно личико его подруги.

— Ты говоришь правду, Алеша, прервала она его серьезнымъ, почти строгимъ тономъ, — я всему причиной и вотъ почему меня это такъ мучить... Черезъ меня онъ можетъ лишиться большого состоянія, черезъ меня онъ поставленъ въ невозможность окончить свое воспитаніе... И я же отняла у него отца, когда онъ былъ еще совсѣмъ маленькій, когда ему были такъ нужны ласки и заботы...

Голосъ ея порвался и она на минуту смолкла, а затѣмъ снова заговорила, но ужъ совершенно другимъ тономъ, боязливо и съ мольбой во взглядѣ своихъ большихъ, голубыхъ глазъ, подернутыхъ слезами.

— Алеша, радость моя! позволь мнѣ хоть немножко заглядить мою вину порядѣ нимъ, позволь мнѣ съ нимъ переговорить...

Алексѣй Алексѣвичъ окончательно растерялся. У него тоже слезы подступали къ горлу и онъ изо всѣхъ силъ кусалъ свои усы, чтобъ скрыть волненіе.

— Чего тутъ позволять, мой ангелъ? Я тебя не понимаю... Дѣлай, какъ хочешь, очень нужно меня спрашивать! Развѣ ты не знаешь, что у меня нѣтъ другихъ желаній, кромѣ твоихъ желаній, что я счастливъ только твоимъ счастьемъ?

Горячія губки, страстно прижавшіяся къ его губамъ, заглушили эти послѣднія слова. Алексѣй Алексѣвичъ произнесъ ихъ про себя.

Не теряя золотого времени, Марья Николаевна на другой же день переговорила съ Володей.

Что именно объясняли они другъ другу, затворившись въ комнату Алексѣя Алексѣвича, — который отправился съ утра по дѣламъ, обѣщая вернуться къ обѣду, никто изъ домашнихъ не слышалъ. День былъ теплый и на рѣдкость солнечный и веселый; дѣтей отправили гулять въ Лѣтній садъ съ няньками и съ Варюшей, а когда они вернулись назадъ Марья Николаевна не было дома, старшаго брата тоже.

— Вѣрно съ мамашей кататься поѣхалъ, замѣтила Попочка.

А мысленно она добавила: — Заѣдутъ въ кандистерскую и привезутъ бомбошекъ или пирожного къ обѣду, а можетъ быть, и того, и другого. И дѣвочка сладко улыбалась при этой мысли.

Мама вернулась, часа полтора спустя, но безъ бомбошекъ и безъ Володи, и первый ея вопросъ былъ о немъ.

Значитъ, она не съ нимъ каталась, а одна. Въ рукахъ у нее ничего не было кромѣ красиваго новаго зонтика.

Она сказала нянѣ Терезѣ, что заѣзжала въ институтъ и отвезла точно такой же зонтикъ старшей дочери.

— Ну теперь, понятно, почему мама такая

скучная! Ужъ давно дѣти замѣтили, какую тоску навѣваютъ на нее свиданія съ дочерью.

— Ты намъ ничего не привезла, мамочка? обступили они ее со всѣхъ сторонъ, пока она снимала передъ зеркаломъ шляпу, перчатки и модный теплый шарфикъ съ шен.

— Ничего. А что? Развѣ я вамъ обѣщала что нибудь?

— Нѣтъ... Но вѣдь ты всегда привозишь! печально замѣтила Ниночка.

Марья Николаевна оставила эти слова безъ вниманія. Она была очень разсѣянна сегодня и чѣмъ-то озабочена. Переспросивъ раза три у нянекъ, не замѣтили ли онѣ, въ которомъ именно часу вышелъ Володя, и убѣдившись наконецъ, что онѣ не могутъ дать ей отвѣта на этотъ вопросъ, она попросила Варюшу спуститься внизъ къ швейцару и спросить у него, въ которомъ часу молодой Савлинъ вышелъ изъ гостиницы!

Но швейцаръ былъ не изъ привѣтливыхъ; онъ даже не захотѣлъ разговаривать съ Варюшей. Мало-ли господъ, молодыхъ и старыхъ, проходило сегодня мимо него! Гдѣ же всѣхъ упомянуть! Съ тѣхъ поръ пришло два поѣзда желѣзной дороги; нѣсколько семействъ выѣхало въ Москву, а другіе пріѣхали оттуда.

Марья Николаевна такъ и не узнала, въ которомъ часу Володя ушелъ отъ нихъ. Она не узнала этого ни сегодня, ни завтра, ни въ послѣдующіе дни, потому что Володя никогда больше не возвращался къ нимъ.

Въ тотъ же день, часу въ седьмомъ вечера, пришелъ Муравейко. Алексѣй Алексѣвичъ самъ только недавно вернулся домой. Дѣти такъ проголодались во время прогулки, что тотчасъ же подали кушать, и онъ не успѣлъ еще ни объ чемъ переговорить съ Марьей Николаевной, не успѣлъ даже замѣтить отсутствіе Володи за семейнымъ столомъ, но появленіе Муравейко напомнило ему о старшемъ сынѣ.

— Гдѣ же Володя? спросилъ онъ, обводя глазами присутствующихъ.

— Онъ не у васъ? обратилась Марья Николаевна къ гостю.

Муравейко отвѣчалъ, что Володя вернулся къ своей матери.

Кто изъ двухъ больше изумился и опечалился при этомъ извѣстїи, трудно рѣшить: Алексѣй Алексѣвичъ покраснѣлъ и Марья Николаевна слегка покраснѣла отъ волненія и оба вскрикнули въ одинъ голосъ: — Что вы говорите! Неужели?

Муравейко подтвердилъ свое заявленіе энергичнымъ кивкомъ головы:

— Что это значитъ, Алеша? Я, право же, тутъ ровно ничего не понимаю! растерянно повторяла мадамъ Солнцева, тревожно взглядывая то на Савлина, то на Муравейко.

— Вы его видѣли сегодня? спросилъ Савлинъ у малоросса.

— Нѣтъ. Онъ не засталъ меня дома и оставилъ записку... Вотъ она.

Въ запискѣ стояло: «Сходите, пожалуйста, въ гостиницу Дагмаръ и скажите тамъ, что я ушелъ къ матери».

И только. Даже подписи не было. Но онъ узналъ почеркъ своего пріятеля и поспѣшилъ исполнить его просьбу.

Хорошо, что въ этотъ вечеръ пріѣхали къ Савлину друзья, Саша Лунатиковъ, Миша Бездомный и еще кое-кто изъ добрыхъ малыхъ, съ которыми онъ по утрамъ завтракалъ въ ресторанахъ, а по вечерамъ игралъ въ клубѣ, хорошо, однимъ словомъ, что въ тотъ день пріѣхали гости и что хозяйева ни минуты не оставались наединѣ. Имъ было бы довольно неловко и даже, пожалуй, тягостно вдвоемъ. Кто знаетъ! Они, можетъ быть, договорились бы до такихъ вещей, которыя никогда не слѣдуетъ высказывать вслухъ!

Къ вечернему чаю пріѣхала графиня. Она привезла отличныя вѣсти. Сегодня утромъ былъ у нее баронъ Поузахъ и просилъ передать à la charmante m-me Солнцевой, что м-сье Савлинъ можетъ вполне разсчитывать на получение желаемого мѣста... Но только не въ Петербургѣ; всѣ знаютъ, какъ трудно получить такое мѣсто въ Петербургѣ; а въ одномъ изъ самыхъ большихъ городовъ Россіи.

Въ этомъ городѣ отличная гимназія, стало быть можно не тратиться съ мѣста лѣтъ десять, по крайней мѣрѣ. Ихъ старшему сыну, Сеничкѣ, всего только девять лѣтъ. Самая мѣстность, гдѣ находится этотъ городъ, расположена прелестно, недалеко отъ границы. Климатъ здоровый, множество фруктовъ, жизнь дешевая...

Цѣлый вечеръ разговаривали про этотъ городъ, про тамошнее общество и про дѣятельность, предстоящую тамъ Алексѣю Алексѣвичу. Дѣятельность эта тоже оказывалась изъ самыхъ полезныхъ и пріятныхъ.

Когда гости разъѣхались, Алексѣй Алексѣвичъ передалъ своей Манѣ, что хлопоты его по займу наконецъ увѣнчались успѣхомъ: ему обѣщали доставить на-дняхъ тѣ двѣ тысячи, которыя имъ были необходимы, чтобъ здѣсь все уплатить и выѣхать.

— Я и забылъ тебѣ это сказать сразу, такъ меня огоршило внезапное исчезновеніе Володи...

По одной интонаціи, съ которой онъ произнесъ имя сына, Марья Николаевна могла убѣдиться, что тягостное впечатлѣніе, произведенное на Савлина заявленіемъ Муравейко, значительно охладѣло. Однако, она все-таки нашла нужнымъ свернуть разговоръ на другой предметъ и на его вопросъ: — Что это значитъ, что Володя ушелъ такъ неожиданно и ни съ кѣмъ не простившись? она отвѣчала, что ничего тутъ не понимаетъ... они разговаривали сегодня утромъ, какъ всегда, очень миролюбиво и разстались друзьями.

— Но надо полагать, что у него ужъ давно было намѣреніе вернуться домой... Послѣднее время онъ замѣтно скучалъ, да и понятно, все же она ему мать и онъ привыкъ къ ней больше, чѣмъ къ намъ... Все это я давно замѣчала, а также изъ сегодняшней моей бесѣды съ нимъ... Впрочемъ, онъ не высказалъ мнѣ ничего опредѣленнаго, а все такъ, вокругъ да около...

И помолчавъ немного, произнесла она съ глубокимъ вздохомъ: — Ахъ, Алеша, еслибъ ты только зналъ, какъ мнѣ грустно!

— Что такое, моя милочка?

— Да все съ моей Ольгой.

Она рассказала про неприятность, которую ей пришлось вынести отъ дочери. Утромъ она вспомнила, что сегодня четвергъ, и воспользовалась яснымъ днемъ и свободнымъ временемъ, чтобъ съѣздить въ институтъ. Купила дорогой хорошенькій зонтикъ, конфетъ, апельсиновъ, а злая дѣвочка даже и выйти къ ней не захотѣла! Прислала сказать черезъ какую-то подругу, что она занята уроками.

— Можешь себѣ представить мое положеніе? Я просто не помню, какъ сошла съ лѣстницы и какъ назадъ уѣхала... Чуть чуть при всѣхъ не расплакалась!

— Однако, характерецъ! процѣдилъ сквозь зубы Савлинъ. — Да ты бы къ классной дамѣ обратилась, чтобъ ее вызвать, она тогда не посмѣла бы такъ поступить.

— Милый мой, какой ты наивный! Да она именно потому и груба со мной, что съ начальствомъ на меня косится, неужели ты этого не понимаешь? Я была у директрисы вскорѣ послѣ нашего пріѣзда сюда, помнишь? Она прищипала меня такъ сухо, что я второй разъ ни за что къ ней не поѣду. Вѣдь Ольгу помѣстилъ въ инсти-

тутъ отецъ... Можно себя представить, какими красками онъ меня тамъ расписалъ?

Г. Савлинъ ничего не возражалъ. Черезъ минуту они снова разговаривали между собою и съ большимъ оживленіемъ, но въ бесѣдѣ ихъ ни разу не упоминалось больше, ни о Володѣ, ни объ Ольгѣ Солнцевой.

Съ тѣхъ поръ прошло мѣсяца три и лѣто было въ полномъ разгарѣ.

Медленно подвигалась красивая шлюбка «Милашка», осторожно пробираясь между барками съ дровами, пескомъ и кирпичами, сновавшими взадъ и впередъ по каналу. Кормчій хладнокровно отдавалъ приказанія и благодаря его искусству, лодка благополучно миновала тяжелыя бары, грозившія ежеминутно раздавить ее, какъ скорлупку, скользнула мимо послѣдняго моста и выплыла въ Неву.

Въ лодкѣ, кромѣ кормчаго, да Володи съ Муравейко, сидѣло еще двое мальчиковъ лѣтъ четырнадцати: Вася, дальній родственникъ Савлинныхъ, и Миша, его пріятель, оба гимназисты.

Рѣшено было ѣхать по малой Невѣ на острова. Погода была великолѣпная и множество празднаго народа сѣвшило подышать свѣжимъ воздухомъ и полюбоваться зеленью. Верхомъ и пѣшкомъ, въ щегольскихъ коляскахъ и на трясучихъ дрожкахъ, все стремились изъ пыльнаго, душнаго города. Омнибусы были биткомъ набиты пассажирами; на маленькихъ пароводкахъ, снующихъ взадъ и впередъ, съ трудомъ можно было отыскать мѣсто.

Общество на «Милашкѣ» стремилось туда же, куда и все. Гребцы трудились такъ неутомимо, что, не взирая на вечернюю пору и на свѣжесть, появляющуюся въ воздухѣ вмѣстѣ съ заходомъ солнца, имъ было очень жарко и все они, не только сняли куртки, но также разстегнули жилеты.

Чтобъ попасть въ Малую Невку, приходилось пересѣкать рѣку наискосокъ, противъ теченія, а такой маневръ требовалъ не малой силы, не малаго напряженія. На всѣхъ лицахъ читалось сосредоточенное вниманіе, все пригибалось впередъ и откидывалось назадъ одновременно и однимъ и тѣмъ же автоматическимъ движеніемъ. Никто не смотрѣлъ по сторонамъ, никому и въ голову не приходило болтать. Одинъ только рулевой, спокойно закуривъ папироску, весело поглядывалъ вокругъ и по временамъ нарушалъ молчаніе рѣзкими и одобрительными возгласами.

— Дружно гребти!

Онъ все еще сердился на упрямое весло, которое такъ коварно его зашибло, время отъ времени подносилъ руку къ груди и морщился.

— Эхъ вы, маменькинъ сыночекъ! Вамъ бы все коляски! подтрунили надъ нимъ.

— Какая же особенная пріятность въ лодкѣ-то! Устанешь, какъ собака, вотъ и все, особенно когда, на обратномъ пути, погребешь нѣсколько часовъ сряду противъ теченія.

— А знаешь пословицу—люби кататься, люби и саночки возить?

— Глухая эта пословица, господа, и весьма несправедливая, вступился въ разговоръ Муравейко, — обыкновенно такъ бываетъ, что тѣмъ, кто катается, никогда не доводится возить санки и наоборотъ. Правду я говорю, Володя?

Но Володя ничего не отвѣчалъ. Онъ не спускалъ глазъ съ развалинъ сгорѣвшей въ прошломъ году фабрики, на ея мрачныя стѣны, пронизанныя множествомъ отверстій, ярко освѣщенный пурпуровымъ блескомъ заходящаго солнца, на одиноко торчащую черную трубу, уцѣлѣвшую, какимъ-то чудомъ, среди всеобщаго погрома. Володя такъ засмотрѣлся на эти живописныя развалины, что ничего не слышалъ.

— Вотъ у него и экипажи есть и лошади за-

водскія, а онъ иначе не катается, какъ въ лодкѣ, и чтобъ самому гребти, сказалъ вполголоса кормчій, указывая движеніемъ головы на сына Юлія Ивановны Савлиной.

Муравейко звонко расхохотался.

— Ничего подобнаго у нихъ нѣтъ, а есть старый допотопный рыдванъ, сѣденный наполовину молю и мышами, да двѣ старыя клячи, на которыхъ приличнѣе возить покойниковъ на кладбище, чѣмъ живыхъ людей на гулянье. Такъ-ли я говорю, дружище?

Володя, не оборачиваясь, кивнулъ головой. Онъ продолжалъ смотрѣть на обгорѣвшіе остатки фабрики, но теперь, повидимому, прислушивался къ разговору, задумчивая улыбка блуждала на его губахъ.

— Можетъ быть, но у васъ все это могло бы быть, да и будетъ со временемъ, продолжалъ кормчій, — мать ваша такъ богата! Говорятъ, у нее тысячъ сорокъ годового дохода, а вѣдь вы единственный сынъ, полувопросительно прибавилъ онъ, — вамъ же все достанется...

Володю передернуло. — Непремѣнно достанется, отвѣчалъ онъ съ раздраженіемъ въ голосѣ.

Но вотъ одному изъ шалуновъ надобно утомительное и однообразное взмахиваніе весломъ, онъ опустил руку въ воду, и засмотрѣлся на свѣтлыя струйки, скользящія между его широкопалыми пальцами, на синее небо и на изумрудныя рожицы, отражающіяся въ водѣ.

— Вася, опять раковъ ловить! Долго-ли лодку опрокинуть? прикрикнулъ на него Муравейко.

И Вася, пойманный врасплохъ среди глупаго мечтательнаго порыва любоваться природой не во время, тщетно усиливается повернуть весло, опущенное плашмя на волны. Весло не поворачивается съ желаемой быстротой, но мальчикъ такъ усердствуетъ, что ему наконецъ удается преодолѣть напоръ воды и поставить весло въ надлежащее положеніе. Побѣда досталась не легко бѣдному гимназисту, онъ такъ сильно ударилъ себя валькомъ въ грудь, что закусываетъ себя губы отъ боли, стараясь попасть въ тактъ съ другими гребцами.

Наконецъ, раздается нетерпѣливо ожидаемая команда: «навались!» Еще нѣсколько ударовъ веселъ и лодка, повернувъ влѣво, выплываетъ въ теченіе Малой Невки.

— Теперь, я думаю, можно и отдохнуть? спросилъ Вася, обращаясь къ старшимъ.

Володя утвердительно кивнулъ ему головой.

Мальчикъ поспѣшно выпустилъ весло изъ рукъ и началъ тереть себѣ грудь.

— А вы такъ больно хватились? усмѣхнулся Муравейко, искоса поглядывая на него.

Вася покраснѣлъ до ушей, торопливо отдернулъ руку отъ зашибленнаго мѣста и глухимъ голосомъ проворчалъ: — Ничего, мнѣ ужъ теперь не больно!

— Однако, всемъ нельзя покладывать весла, господа, замѣтилъ рулевой, высокій юноша лѣтъ восемнадцати, — придется еще гребти, подѣзжая къ мосту, а то насъ, пожалуй, нанесетъ на быки... не вкусно это будетъ, какъ вы думаете?

Володя отложилъ въ сторону вынутый изъ кармана портсигаръ и снова взялся за весло.

Но вотъ миновали благополучно мостъ и вся компанія растянулась на скамьяхъ; изъ-за борта красивой шлюпки виднѣются одиѣ головы, безъ шапокъ, съ развѣвающимися кудрями по вѣтру.

— А вѣдь пріятно проѣхаться въ такую погоду на *pointe*, замѣтилъ товарищъ Васи.

— Да, но только не въ лодкѣ, а въ коляскѣ, возразилъ Вася.

— Счастливецъ! вздохнулъ онъ черезъ минуту. Слышалъ-ли это восклицаніе Володя? По лицу его нельзя было этого замѣтить, онъ теперь упорнѣе прежняго отвертывался отъ товарищей, пристально всматриваясь вдаль. На горизонтѣ за-

чернѣлась точка... Точка эта начала расти съ изумительной быстротой.

— Пароходъ! произнесъ молодой Савлинъ, почти не возвышая голоса и не измѣняя своей позы.

Все вскочили. Рулевой скомандовалъ: «на весла!» и лодочка пришла въ сильное движеніе.

— Подѣдьте поближе, чтобъ покачаться на волнахъ, это такъ весело! взмолились мальчики.

Муравейко нерѣшительно переглянулся съ рулевымъ, но Володя быстрымъ и сильнымъ движеніемъ весла повернулъ лодку прямо въ разрѣзъ винтовому пароходнику, который отвезши свой грузъ, человекъ полтора, на Крестовскій, почти пустой летѣлъ за новыми пассажирами.

«Милашка» подплыла къ пароходнику совсѣмъ близко и у самой кормы перерѣзала его фарватеръ. Весла были брошены, лодочку сильно раскачивало на волнахъ... Вдругъ съ противоположной стороны раздался свистокъ... Другой пароходъ шелъ навстрѣчу первому. Замѣтивъ глупую шлюпку и ея безумную пляску на чужомъ фарватерѣ, онъ далъ свистокъ.

— На весла! громко скомандовалъ кормчій, хватаясь за руль.

Опасность была велика. Не замѣтивъ за первымъ пароходомъ приближенія второго, лодка очутилась въ десяти, двѣнадцати саженьяхъ отъ него. Гребцы торопливо разсаживались на банки, поспѣшно разбирали весла и принялись изо всѣхъ силъ гребти, но чудовище, грозящее поглотить ихъ, приближалось съ такой ужасной скоростью, что имъ казалось, будто все усилія ихъ тщетны и что они не трогаются съ мѣста. Новый свистокъ, пронзительнѣе перваго, заставилъ всѣхъ вздрогнуть, кромѣ Володи, и повернуть головы въ ту сторону, откуда на нихъ шла бѣда.

Страшно близко показался имъ острый носъ парохода, быстро разсѣкавшій пѣнящуюся воду. Напрасно кричалъ рулевой съ Муравейко: «Навались правымъ! Табанъ лѣвымъ!» Мальчики совершенно растерялись; слушалъ команду и машинально повиновался ей одинъ только Володя, маленькіе же его товарищи не въ силахъ были оторвать глаза съ великана, грозившаго поглотить ихъ, и производили руками безпорядочныя движенія, вовсе не согласовавшіяся съ приказаніями кормчаго.

А пароходъ, между тѣмъ, летѣлъ на нихъ все быстрѣе и быстрѣе.

Вдругъ все четверо: Муравейко, кормчій и оба мальчика, точно по данному знаку, сорвались съ мѣста и, съ громкимъ, пронзительнымъ крикомъ, выпрыгнули черезъ бортъ.

Въ лодкѣ остался одинъ Володя. Окинувъ бѣглымъ взглядомъ барахтающихся въ водѣ товарищей, сынъ Юлія Ивановны спокойно подошелъ къ рулю и сильнымъ движеніемъ повернулъ его вправо... Легкая скорлупка, задѣтая острымъ носомъ чудовища, въ одно мгновеніе захлестнулась волной.

На пароходѣ поднялась суматоха; крики: «Спасите ихъ! Помогите!» ни на минуту не умолкали. Съ дамами дѣлались истерики, обмороки, многіе мужчины начали торопливо сбрасывать съ себя верхнее платье, какой-то студентъ совсѣмъ одѣтый бросился въ воду... Оба буя у руля были закинута искусной рукой чухонца рулевого: за одинъ изъ нихъ ухватился Вася, за другой кормчій «Милашки». Этотъ послѣдній тащилъ за волосы захлебнувшася Мишу.

Муравейко отлично плавалъ, онъ безъ всякой посторонней помощи достигъ до парохода и первый его вопросъ былъ про Володю. Но Володю нигдѣ не могли отыскать. Только лодка его да весла съ баграми ныряли вдали, торопливо спускались внизъ по теченію, точно сѣмша къ какой-то неизвѣстной пристани... «Милашку» перевер-

нуло вверхъ дномъ въ этомъ отчаянномъ бѣгствѣ, а весла разбрасывались въ разные стороны.

Описаніе катастрофы съ «Милашкой» появилось во всѣхъ газетахъ. Недѣли двѣ сряду перепуганные родители запрещали дѣтямъ кататься на лодкахъ, страшая ихъ примѣромъ несчастнаго Володи Савлина.

— Самъ виноватъ, зачѣмъ оставался въ лодкѣ, когда мы все выпрыгнули! повторялъ Вася. — Онъ не могъ не видѣть опасности, мы все ее видѣли и чувствовали, что погибнемъ, если останемся въ лодкѣ.

— Я самъ слышалъ, какъ Муравейко ему крикнулъ: Володя, спасайтесь! а онъ и не слушаетъ, точно нарочно, право, разсуждалъ другой гимназистъ.

Тоже самое говорилъ и рулевой, и Муравейко, когда имъ приходилось разсказывать подробности ихъ несчастнаго приключенія.

И въ самомъ дѣлѣ, почему Володя остался въ лодкѣ?

Звѣздочка.

Стих. Нико-Ники.

Глядя на небо лазурное, море
Въ звѣздочку страстно влюбилось
И объ утесы въ безпомощномъ горѣ
Волнами синими билось.

Тотчасъ утесамъ объ этой печали
Молвили волны мятежныя,
Буйному вѣтру потомъ разсказали
Скалы объ этомъ прибрежныя.

Вѣтеръ повѣдалъ сейчасъ-же все тучѣ,
Туча всеѣмъ звѣздамъ открылася..
Звѣздочка стала звѣздой падучей,
Къ морю въ объятья скатилася.

Помпейскія ночи.

Отрывокъ и изъ очерковъ древней римской жизни, Симонса. Переводъ Е. А. Сысоевой.

1) Юба.

— Гадко, скверно, ворчать себѣ въ бороду Скауръ, верховный судья Помпей, поправляя съ недовольной миной шелковыя подушки, на которыхъ онъ возлежалъ предъ роскошно сервированнымъ столомъ Эдина, и слѣдя, прищурившись, за борьбой двухъ гладиаторовъ, выписанныхъ нарочно изъ главной фехтовальной школы въ Путеолы, для развлечения приглашенныхъ на ужинъ гостей, и съ бѣшенствомъ рубившихъ, въ эту минуту, другъ друга тупыми мечами. — Жалкая дрянь! они не имѣютъ понятія о приличіи; ихъ даже не приучили терпѣливо переносить физическую боль. Такую сволочь можно встрѣтить только у насъ. Миръ, положительно, вырождается, продолжалъ онъ сердито ворчать, взявъ съ серебряной тарелки кончиками пальцевъ тщательно выхолощенной руки два, отваренные въ винѣ, пѣтушья грешка и препроводивъ ихъ въ ротъ.

Желая достойно отпраздновать день рожденія умершаго Юлія Цезаря *), Эдинъ Наквинъ Прокъ пригласилъ къ себѣ на ужинъ друзей въ

*) До временъ триумвирата не устраивалось никакихъ публичныхъ празднествъ, по случаю дня рожденія высокихъ особъ; но за 42 года до Р. Х., т. е. два года послѣ смерти Юлія Цезаря, римскій сенатъ издалъ повелѣніе, чтобы въ память этого великаго человѣка день его рожденія праздновался публично и чтобы каждый, въ знакъ выраженія своей радости, украшалъ себя лаврами; за неисполненіе этого повелѣнія, виновные подвергались строгимъ наказаніямъ. Въ этотъ день дома и городскія улицы разукрашивались; въ театрахъ и циркахъ устраивались представленія. Въ послѣдствіи день рожденія Тита сопровождался въ Римѣ особаго рода оваціями въ честь этого народнаго любимца; въ провинціяхъ же день этотъ былъ причисленъ къ тѣмъ годовымъ праздникамъ, въ которые прекращались всѣ работы,

великолѣпную свою виллу *), близъ Ноланскихъ воротъ Помпей, и угощать ихъ въ парадныхъ покояхъ. Здѣсь присутствовали представители знатнѣйшихъ фамилій страны: Скаури, Сирици, Фабіевъ, Цертіевъ, Диомедовъ, Плиніевъ, Руфа и Фаустула, дабы вмѣстѣ съ своимъ амфитріономъ изобразить число музъ.

Обнесли уже вкусныя кушанья первой перемены, удалились гладиаторы, оставя послѣ себя лужи крови на мозаиковомъ полу; въ залу вбѣжали рабы-прислужники съ ведрами и губками, чтобы смыть эти непріятныя слѣды и поскорѣе наполнить благовоннымъ пардовымъ масломъ сотни лампъ, такъ какъ дневной свѣтъ началъ уже меркнуть.

Одинъ изъ рабовъ возлагаетъ свѣжій вѣнокъ изъ фіалокъ на кудрявые, темные волосы молодого, богатаго развратника Поппидіа Руфа, котораго вся Помпея знаетъ, ненавидитъ и любитъ въ одно и то же время. Другой невольникъ поливаетъ духами блѣдныя, аристократическія руки

*) Древніе чрезвычайно любили сельскую жизнь; считалось хорошимъ тономъ имѣть по близости отъ города помѣстье, гдѣ-бы можно было отдохнуть отъ дѣла, не утомляя себя длиннымъ переѣздомъ. Эти загородные дома назывались *suburbana* или *praediola urbana*; если же при нихъ состояло полное сельское хозяйство, то они получали названіе виллы. Мы составили себѣ невѣрное понятіе о словѣ вилла; богатые римляне имѣли по нѣсколько такихъ помѣстій и переѣзжали изъ одного въ другое; если ѣхать приходилось болѣе сутокъ, то дорогой, обыкновенно, останавливались въ такъ-называемыхъ *deversoriolis* и проводили тамъ ночь, избѣгая нищенскихъ постоялыхъ дворовъ. Болѣе отдаленныя виллы отдавались въ аренду колонистамъ на пять лѣтъ; оброки уплачивались въ мартѣ мѣсяцѣ. На каждого невольника возлагалась обработка около 2,4 гектаровъ земли.

Благоустроенная вилла состояла изъ трехъ отдѣленій: а) *urbana* — покои, гдѣ жили господа; б) *rustica* — гдѣ помѣщались невольники и домашнія животныя; в) *fructuaria* — мѣсто, гдѣ складывались всевозможные запасы и плоды.

Описываемыя нами сцены происходили въ *urbana* Эдила Плавтія, къ которой, вѣроятно, примыкалъ прекрасный садъ.

Сады древнихъ римлянъ разбивались по одному стереотипному плану, образецъ котораго сохранился до сихъ поръ въ садахъ Боргезе, въ Римѣ: широкія кипарисовыя аллеи, цвѣточныя клумбы, окаймленные малорослыми деревьями, подстриженный буксъ, которому придана форма различныхъ животныхъ; далѣе *xystus* — большая круглая площадка, обнесенная каменными лавками съ высокими спинками, и съ фонтаномъ посрединѣ; лабиринты, крытыя аллеи, гиподромъ для игръ и гимнастическихъ упражненій, иногда даже звѣринцы съ заморскими животными; кромѣ того, множество лужаекъ, орошаемыхъ ручейками, и на каждомъ шагѣ статуи.

Rustica близко стояла отъ *urbana*; тамъ жилъ главный управитель или прокураторъ (*villicus*). Въ этомъ зданіи заключались: стойла для рогатаго скота (*ubilia*), хлѣвы для овецъ (*ovilia*), конюшни для лошадей и ословъ (*equilia*), помѣщеніе для рабовъ (*ergastula*), больница (*valetudinarium*), птичникъ (*aviaria*), свинарникъ (*gallinaria*) и, наконецъ, сарай для земледѣльческихъ орудій (*horreum*).

Въ *fructuaria* находились: давяльни для винограда и маслинъ (*torcularium*), погреба для храненія винъ (*cellae*), кладовая для фруктовъ (*penus*) и хлѣбный амбаръ (*oporotheke*).

На заднемъ дворѣ были устроены водопой для скота и большой ровъ, куда сваливался навозъ. Остальные надворныя строенія состояли изъ пекарни, сѣновала, запасныхъ магазиновъ и молотильнаго сарая.

Земледѣльческія орудія были слѣдующія: особаго рода бороны, соломорѣзки, молотильныя цѣпы и разныхъ сортовъ плуги. При каждой виллѣ, сверхъ того, имѣлся разсадникъ деревьевъ (*romarium*), находившійся подъ наблюденіемъ арборатора; къ фруктовому саду примыкали всегда огорода и пчельникъ; въ виваріяхъ держали дичь, въ глираріяхъ откармливались мыши и сурки, въ кохлеаріяхъ разводились улитки, въ piscинахъ — рыбы въ громадномъ количествѣ. Развалины подобныхъ виллъ попадаются почти во всѣхъ концахъ Европы, преимущественно же, въ живописныхъ и плодородныхъ мѣстностяхъ. По мозаиковымъ поламъ и статуямъ, можно судить о непомѣрной роскоши того времени.

закадычнаго своего друга Марка Фаустула, юнаго кутилы, которому пять отцовскихъ торговыхъ галерей доставляютъ довольно средствъ для безумнаго мотовства.

Но вотъ зажгли лампы; при свѣтѣ ихъ еще ярче бросается въ глаза великолѣпныя столовой залы; отполированныя, какъ зеркало, стѣны, мраморныя колонны, съ ихъ стройными капителями, карнизы, изразцы и гѣпная работа на потолкѣ, — все это носитъ на себѣ печать богатства, вкуса и роскоши. Въ нишахъ навалены груды ароматическихъ цвѣтовъ, доставленныхъ изъ Кампаньи; они ласкаютъ взоръ и пріятно раздражаютъ обоняніе. Обѣденный столъ ломится подъ тяжестью драгоценныхъ сосудовъ, образцовыхъ произведеній искусства, переходившихъ, втеченіи нѣсколькихъ вѣковъ, отъ отца къ сыну, по наслѣдству. Полновѣсная серебряная и золотая посуда давить поставцы до такой степени, что тѣ чуть не гнутся подъ нею.

Начинаютъ разносить вторую перемену кушаний. Количество и качество рыбъ свидѣтельствуя о страсти хозяина и еще болѣе возвышаютъ славу его *piscines* (рыбныхъ садковъ), равныхъ которымъ по размѣрамъ и содержанию нѣтъ во всей римской имперіи.

Раки, черепакожыя, устрицы, улитки, морскіе звѣзды и ежи, авернскіе пауки, раковины, безподобная окраска которыхъ можетъ смѣло соперничать съ отмытымъ вкусомъ ихъ внутренностей, повидимому, мать-природа создала ихъ только затѣмъ, чтобы люди любовались ими; все эти рѣдкости разложены на гигантскихъ блюдахъ, въ видѣ гарнира, вокругъ самыхъ разнообразныхъ кушаний, ежеминутно посылаемыхъ главнымъ поваромъ въ новыхъ, невиданныхъ формахъ. Гости, истые гастрономы, притрогиваются къ каждому блюду и пробуютъ кушанья съ равнодушной миной, какъ это и подобаетъ настоящимъ свѣтскимъ людямъ. За второй переменной радушный хозяинъ позаботился потѣшить гостей новымъ зрѣлищемъ; борьба и кровавыя сцены успѣли уже имъ надоесть — вѣдь эта исторія повторяется почти ежедневно: надо, чтобы чары пляски дополнили сладость пира. «Эвоэ!» разнесся тихій шепотъ по залѣ. Смуглотакая дѣвочка робко входитъ, скорѣе втащенная, чѣмъ введенная распорядителемъ праздника, и останавливается предъ полукруглымъ столомъ, осматривая своимъ большими глазами присутствующихъ и окружающую ихъ обстановку. Личико она прикрыла тамбуриномъ, стараясь защитить себя отъ сладострастныхъ взглядовъ и отъ блеска лампъ, вызвавшихъ яркій румянецъ стыда на ея щеки. Появленіе этой дѣвочки-полуробенка возбудило всеобщее изумленіе даже въ самыхъ равнодушныхъ изъ собиравшихся здѣсь сластолюбцевъ.

На хорошенькой танцовщицѣ нѣтъ ни драгоценныхъ тканей, ни прозрачныхъ покрываль, нѣтъ браслетовъ, колецъ, цѣпей, — этихъ обычныхъ прикрасъ ея сестеръ по ремеслу. Ея благородныя, дѣвственныя формы облечены въ узкую, пожелтѣвшую, истасканную шерстяную туннику; вмѣсто пояса, ея станъ охватываетъ темный шнурокъ; крошечныя, голыя ноги посѣютъ на себѣ слѣды ежедневной ходьбы по мостовой; руки прикрыты широкими, короткими рукавами; на изящной шеѣ, вмѣсто жемчужнаго ожерелья, болтается амулетка на пеньковомъ шнуркѣ, какія носили нищія уличныя дѣти; въ лѣвой рукѣ она держитъ тамбуринъ. И въ этомъ-то скудномъ одѣяніи беззащитный ребенокъ стоитъ передъ глазами нѣсколькихъ развратниковъ, заинтересованныхъ уже самою неожиданностью такого явленія.

Свѣжій полевой цвѣтокъ въ драгоценной вазѣ, мелкая мѣдная монетка въ грудѣ золотыхъ зеренъ, — вотъ съ чѣмъ можно сравнить присутствіе бѣдной малютки въ роскошной столовой Эдила. Замѣтный трепетъ во всѣхъ членахъ и

блѣдность лица ясно обнаруживали, въ какой степени ей было стыдно и страшно очутиться въ обществѣ людей, для которыхъ женская невинность и женское достоинство не существовали даже на словахъ. Главный управитель дома схватилъ ее у воротъ виллы въ ту минуту, когда она просила милостыню или куска хлѣба для своей голодающей семьи, — схватилъ и, съ хохотомъ, силой потащилъ къ пирующимъ. Гдѣ тутъ толковать о средствахъ, когда надо, во что бы то ни стало, достигнуть цѣли! Гости жаждали развлечения, случай послалъ имъ желаемое; ну, что-жь? берите игрушку, наслаждайтесь ею до-сыта и, затѣмъ, выбросьте ее въ навозъ, какъ негодную шелуху!

Дѣвочка безсознательно подняла свой тамбуринъ и, съ первымъ же ударомъ по нему, робость ея исчезла; инструментъ — кормилецъ, помощникъ въ горѣ и нуждѣ, и на этотъ разъ явился избавителемъ.

Самыя гастрономическія лакомства — мурены, угри, устрицы, улитки на серебряныхъ блюдахъ, раки, гомары, морскіе пауки и ежи, лягушачьи ляжки, паштеты, ракушки всѣхъ сортовъ, такъ пріятно раздражающія избалованное нѣбо, фалернское вино, пурпуровый сокъ винограда фаустиніановскихъ садовъ, уже одобренный виночерпиемъ, который выразительно прищелкнулъ языкомъ, смакуя его, — все это разомъ потеряло цѣну въ глазахъ пирующихъ, при видѣ красавицы-подростка, дочери дикихъ степей Берберин. Стройная, изящная фигура ея, матово-коричневая округлая руки, пламенные глаза, бросающіе вокругъ губительныя стрѣлы, густая масса черныхъ волосъ, до которыхъ, повидимому, никогда не касался гребень, — все это было до-нельзя обворожительно, обаятельно, особенно при той естественной граціи, съ которой Юба исполняла теперь неизвѣстный, но полный сладострастія танецъ.

Тонкіе пальцы ея, то тихо, то громко, ударили по свѣтлопалевой козье шкурѣ, пятавнотой на тамбуринѣ; она быстро провела большимъ пальцемъ правой руки по кожаной обшивкѣ инструмента и металлическіе бубенчики, привѣшенныя кругомъ его на проволокахъ, мягко зазвенѣли. Въ тактъ со звуками тамбурина двигались крошечныя ножки, на которыхъ танцовщица, то приподнималась, то кружилась, причѣмъ, съ самой безыскусственной граціей, откидывала голову назадъ. Танцу юной африканки нельзя было

подобрать никакого названія; это было что-то дикое, фантастическое, огненное и вмѣстѣ дѣтское; она то шевелила всѣми членами, то дрожала отъ головы до ногъ. Страстно раскрывъ ротъ, Юба все сильнѣе и сильнѣе отбивала дробь на тамбуринѣ,

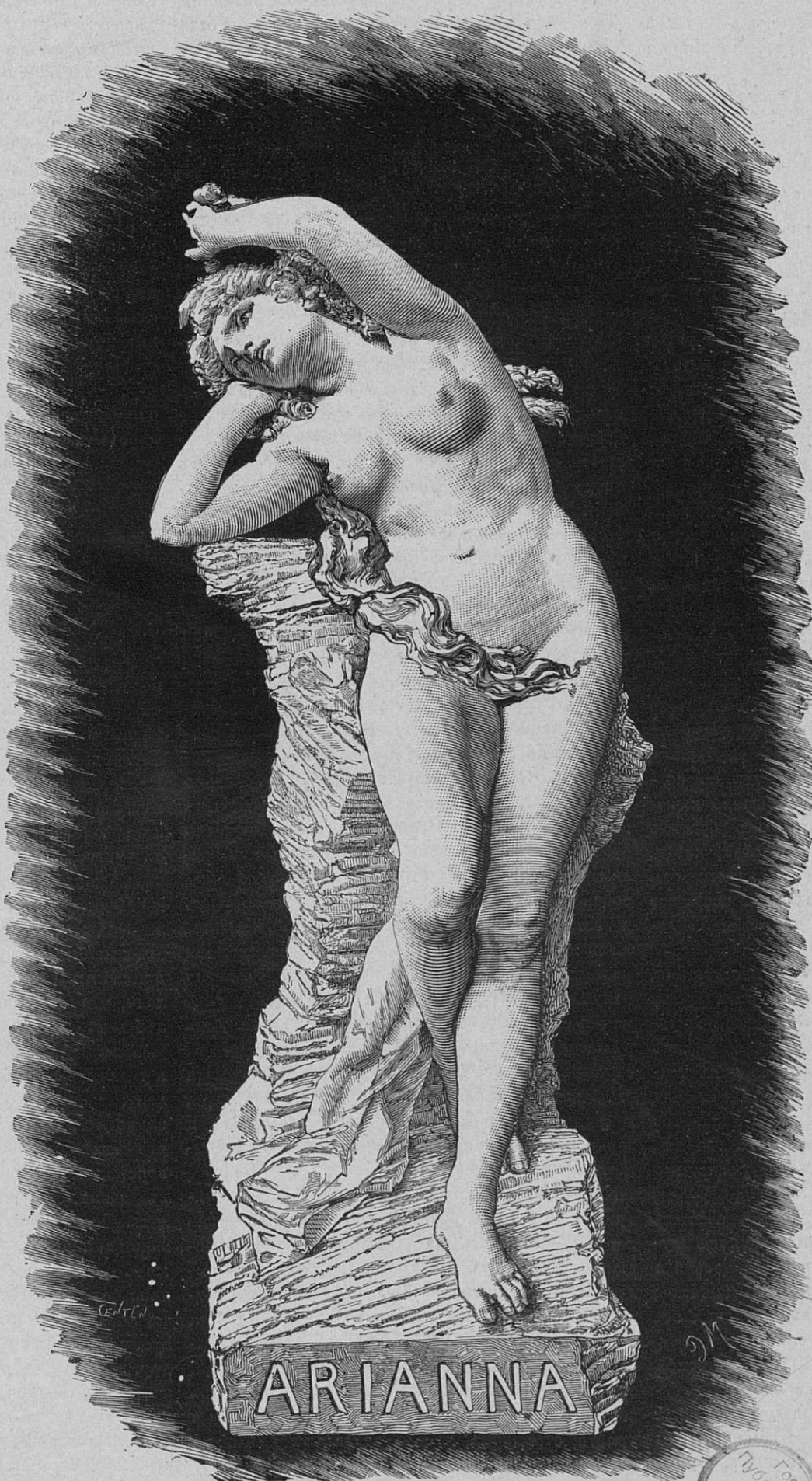
глаза, распяляла губы. Зрители, точно околдованные, не могли оторваться отъ этой картины.

Всѣ они, не помня себя, сидѣли съ раскрытыми ртами и чувствовали, какъ каждый ударъ тамбурина отзывается въ ихъ сердцахъ; начиная отъ старика эдила Паквина Прокула, всѣ онѣмѣли отъ восторга и увлеклись до самозабвенія. У одного изъ невольниковъ опустилась рука съ золотымъ кувшиномъ и онъ жаднымъ взоромъ слѣдилъ за движеніями танцовщицы, совершенно позабывъ, что ему слѣдовало наполнить кувшинъ виномъ. Рабы перестали разносить блюда — о фѣдиппѣхъ всѣ забыли; жаркія, паштеты, рыбы и похлебки грозили перестояться въ желѣзныхъ шкафахъ, ожидая своей очереди. Столовая эдила напоминала въ эту минуту амфитеатръ, а его гости — зрители.

Но вотъ Юба опускается на одно колѣно, и опрокидывается назадъ, такъ что густые ея волосы касаются мозаики пола; затѣмъ, быстро выпрямившись, точно тетива лука, она вскакиваетъ на ноги; красиво округливъ руку, беретъ со стола золотой кубокъ и, граціознымъ жестомъ вакханки, начинаетъ вливать въ свой миниатюрный ротъ тонкой струей вино изъ высоко приподнятаго кубка; два ряда мелкихъ, ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ сверкаютъ при этомъ между алыми ея губами, точно зубы молодого тигренка. Зашатавшись, какъ-будто пьяная, танцовщица швырнула, наконецъ, кубокъ на средину комнаты и словно юркая черная пантера мгновенно прошмыгнула мимо зрителей и скрылась.

Но не въ область чистаго эфира унеслось это дитя боговъ; нѣтъ — маленькая танцовщица убѣжала въ кухню, откуда до нея доносился соблазнительный запахъ жира и жаркого. Малютка голодна, очень голодна; вотъ уже нѣсколько дней, какъ она питается выбросками на улицахъ; съ мольбой во взорѣ, съ протянутыми впередъ руками, стоитъ бѣдняжка у дверей своего рая, гдѣ въ исполнскихъ печахъ пылаетъ яркій огонь и гдѣ, изъ горшковъ всевозможныхъ величинъ и формъ, исходитъ пріятно раздражающій обоняніе запахъ. Повара и кухонная прислуга про-

ПАРИЖСКАЯ ВСЕМИРНАЯ ВЫСТАВКА 1878 ГОДА. СКУЛЬПТУРА ПАОЛО КАЛЬВИ.

Ариадна. Рисоваль Микетти.

все быстрѣе и быстрѣе потрясала имъ, держа его въ лѣвой рукѣ, высоко надъ головой; яркій румянецъ выступилъ на ея смуглыхъ щекахъ, лихорадочное волненіе вздымало грудь; горячая южная кровь клокотала въ ея жилахъ, зажигала

ворно дѣйствуютъ своими скипетрами, т. е. уполонниками и ножами: кто разрѣзаетъ рыбу или ощипываетъ дичь, кто шингуетъ голубей и зайцевъ, бѣлымъ, какъ снѣгъ, шпекомъ, кто валяетъ тѣсто въ большой чашѣ (trua), приготовляя его къ при-

нятію фарша, который еще варится въ большомъ кубѣ; раки ползаютъ по каменному полу, гладко-кожіе угри вьются, какъ змѣи, въ чанахъ съ водой. Въ одномъ углу кухни громко кряхтитъ невольникъ, котораго приставили къ вертелу, обремененному жаркими; рядомъ съ нимъ повара усердно поливаютъ стекающимъ жиромъ откормленных овсянокъ, гусей и куръ, которые безостановочно вертятся предъ пылающимъ огнемъ, подставляя ему поочередно, то одинъ, то другой свой бокъ. Окруженная облаками пряного пара, вся эта фаланга поваровъ печетъ, жаритъ и варитъ, работаетъ не покладая рукъ. Чрезмѣрное изобиліе припасовъ и нерасчетливая трата ихъ вполне соответствовали жадѣ гастрономическаго наслажденія пирующихъ.

Тантазовы муки должна была испытывать голодная нищенка, стоя съ тамбуриномъ въ рукѣ у притолки кухонной двери и завистливымъ окомъ слѣдя за грудю жаркихъ и разукрашенными блюдами съ рыбой, которыя ежеминутно проносились мимо нея въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Хоть бы кусочекъ вонъ той курицы, что точно таетъ въ своемъ жиру, или крылышко голубя, или ломтикъ гигантской, сочной колбасы, которую старшій поваръ такъ проворно и ловко изрѣзалъ на множество кусковъ, — хоть бы что-нибудь попало въ ротъ бѣдняжкѣ! Желудокъ, этотъ неугомонный крикунъ, одинаково терзающій и богатаго, и бѣднаго, когда не скоро удовлетворяютъ его требованіямъ и нерѣдко карающій смертью человѣка за небрежное отношеніе къ нему, давалъ себя все болѣе и болѣе чувствовать несчастной.

— Мнѣ вѣсть хочется! крикнула, наконецъ, не выдержавъ, бѣдная Юба. — Я голодна! прибавила она, робко поманивъ къ себѣ пузатаго невольника, который несъ изъ столовой грудю объѣдковъ — вѣроятно, кормъ для собакъ, сваленный, какъ попало, на огромномъ подносѣ. Малютка выразительно подняла свои волшебные глаза на невольника и протянула ему свой тамбуринъ; толстякъ расхохотался и свалилъ туда съ подноса кучу всякой всячины, насмѣшливо пожелавъ хорошаго аппетита. Затѣмъ, онъ бросилъ вслѣдъ Юбѣ цѣлую пригоршню остатковъ хлѣба, пахтетныхъ корокъ и яичной скорлупы; она обернулась, поспѣшно подобрала съ полу все это и присоединила къ своей драгоценной добычѣ.

Широкая мраморная лѣстница, съ блестящими, гладко отполированными ступенями, вела прямо въ паркъ; по обѣимъ сторонамъ ея было наставлено такое множество статуй боговъ и амфоровъ съ цвѣтами, что этимъ даже портилось впечатлѣніе красоты. Когда хорошенькая танцовщица быстро побѣжала по этой лѣстницѣ внизъ, ее можно было принять за одну изъ тѣхъ лѣсныхъ нимфъ, которыя ночью носятъ по росистымъ лугамъ.

Яркая луна обдавала обманчивымъ свѣтомъ весь паркъ; прозрачный голубоватый туманъ клубился надъ зелеными лужайками, гдѣ свистѣли и трещали миллиарды травяныхъ лягушекъ и цикадъ; въ лавровыхъ кустахъ заливались соловьи; слычн громко укали, призывая своихъ самокъ.

Легкая, какъ газель, бѣжитъ Юба по широкой кипарисовой аллеѣ внизъ; сердце ея такъ и тупаетъ въ груди; она поминутно вздрагиваетъ. И не мудрено: на то она дѣвочка, чтобы ощущать страхъ, очутившись одна среди темныхъ, огромныхъ деревьевъ.

Но вотъ аллея кончилась, Юба выбѣжала на поляну, гдѣ на правильно разбитыхъ лужайкахъ сидѣли и лежали въ различныхъ позахъ звѣри-чудовища, искусственно созданные, при помощи ножа и ножницъ, изъ подстриженного букса. Тутъ притаилась гигантская бѣлка съ вздернутымъ вверхъ хвостомъ; тамъ медвѣдь сердито всталъ

на заднія лапы; далѣе видны рысь, волкъ, крокодилъ, кабанъ, еще болѣе страшные отъ прихотливаго свѣта луны. Какъ бы для дополненія эффекта, изъ дальняго звѣринца доносится глухой ревъ льва, завыванье запертыхъ медвѣдей, крикъ и визгъ обезьянъ; а тутъ, какъ нарочно, черезъ дорогу перебѣжалъ испуганный заяцъ, и рядомъ, въ пустомъ дуллѣ, стонетъ и вздыхаетъ ночная сова.

Дѣвочка крѣпче прижимаетъ правой рукой свою амулетку къ груди, мысленно призываетъ на помощь своихъ защитниковъ ларъ и, не оглядываясь ни на право, ни на лѣво, бѣжитъ прямо къ цвѣтнику, гдѣ, на большой площадкѣ, усыпанной мелкимъ гравіемъ, бьетъ фонтанъ. Слава богамъ, она достигла, наконецъ, цѣли.

Прозрачная струя воды вылетаетъ изъ витой раковины въ формѣ трубы, приставленной ко рту каменнаго тритона и, сверкая мелкими брызгами, падаетъ обратно въ бассейнъ, изображающій громадную чашу. Темнозеленныя, покрытыя иломъ водоросли, тысячами нитей опутываютъ края чаши и какъ-будто вздрагиваютъ, обдаваемые дождемъ водяныхъ капель.

Фонтанъ окруженъ рядомъ каменныхъ же скамеекъ съ такими высокими спинками и такихъ большихъ размѣровъ, точно ихъ назначали для исполиновъ. Но грозный видъ этихъ скамеекъ не испугалъ Юбу; напротивъ, ей здѣсь легче дышется, мѣсто открытое, свѣтло, отъ воды вѣетъ прохладой. Она опустила свой тамбуринъ, наполненный разной смѣсью, на широкую оканну бассейна, припала къ водѣ и, зачерпнувъ ее въ пригоршни, начала жадно пить холодную влагу; затѣмъ, она сѣла и съ улыбкой запустила пальцы въ грудю лакомыхъ кусковъ, которыми такъ щедро надѣлилъ ее невольникъ-слуга. Какъ знатная римлянка съ наслажденіемъ перебираетъ свои кольца, драгоценные камни и жемчуги, поочередно, любясь то на одно, то на другое сокровище, такъ Юба роется въ грудѣ объѣдковъ, сваленныхъ въ ея тамбуринъ: вотъ обглоданная косточка цыпленка, крылышко голубя, нѣсколько рыбьихъ костей, съ приставшимъ къ нимъ бѣлымъ жиромъ. Дѣвочка разгрызаетъ своими острыми зубами раковья клешни и высасываетъ ихъ, вылизываетъ внутренность устричныхъ раковинъ, соскабливаетъ погтемъ вкусную бѣловину съ известковой скорлупы, словомъ, грызетъ и точитъ, какъ мышенокъ, все эти объѣдки, въ первый разъ въ жизни попадающіе ей въ ротъ. Красивыя ракушки обращаютъ на себя особенное ея вниманіе; она долго смотритъ на нихъ, прежде чѣмъ рѣшится расколоть ихъ о камень. Десертомъ ей служатъ остатки пахтетныхъ корокъ, обгрызки сладкихъ пирожковъ и фруктовыхъ конфетъ, кусочки каштановъ въ меду, луковый салатъ и зерна морской капусты, маринованной въ лимонномъ соку.

Самые знаменитые повара, конечно, не придумали бы такого разнообразнаго и оригинальнаго меню, какимъ наслаждалась теперь хорошенькая нищенка. Недаромъ говорятъ, что голодъ лучшая приправа; Юба съ истиннымъ удовольствіемъ облизала пальцы по окончаніи ужина и низко нагнулась, чтобы обтереть свою замасляную рожицу о подолъ ветхой туники; затѣмъ, она подставила запачканный тамбуринъ подъ водяную струю фонтана, обмыла его средину и края и, отряхнувъ, весело зазвенѣла имъ надъ головой.

Но, поднимаясь на ноги, Юба замѣтила вдругъ на пескѣ, усыпанномъ гравіемъ, свою собственную тѣнь, рѣзко обозначившуюся при яркомъ свѣтѣ луны. Въ порывѣ дѣтской шаловливости, Юба затѣяла фантастическій танецъ съ своимъ двойникомъ; поднимая къверху красиво закругленные руки, она начала носиться по площадкѣ, вертѣлась, прыгала, то со смѣхомъ убѣжала отъ

преслѣдующаго ее темнаго призрака, то гналась за нимъ, дразнила его, наклоняла свой гибкій станъ въ разныя стороны и очень была довольна, что тѣнь вѣрно передаетъ каждое ея движеніе. Она разговаривала съ нею, какъ съ подругой, кивала ей головой, словомъ, шалила, какъ настоящее дитя, а черная тѣнь, повинаясь приказаніямъ серебристаго мѣсяца, въ точности исполняла все ея причуды.

Но что же это? тѣнь вдругъ исчезла, не простившись съ Юбой! «Мѣсяцъ легъ спать», думаетъ дѣвочка, поднимая глаза къ небу и слѣдя за темными, съ золотистыми окраинами, облаками, которыя, по ея мнѣнію, должны были служить ложемъ ночному свѣтилу. «Покойной ночи!» шепнула она, прощаясь движеніемъ руки съ скрывшимся мѣсяцемъ, взяла свой тамбуринъ, перекинула его черезъ плечо и направилась къ забору, густо поросшему жасминами и розами въ полномъ цвѣту; одуряющій ароматъ волнами лился изъ раскрытыхъ ихъ чашечекъ. Дѣвочка, припрыгивая, начала рвать роскошные цвѣты, связывать ихъ нардовой травой въ мелкие букеты и бросать въ тамбуринъ, тихо посмѣиваясь надъ своимъ невиннымъ воровствомъ. Точно газель, пасущаяся въ высокой травѣ оазиса, мелькаетъ стройная фигура Юбы между лавровыми и тамариндовыми кустами, приближаясь къ выходнымъ воротамъ парка.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Народы Россіи.

(Этнографическіе очерки.)

Ст. С. С. Шашкова.

V.

Якуты.

Якуты въ древности отдѣлились отъ другихъ родственныхъ имъ татарскихъ племенъ и жили въ окрестностяхъ Байкала, пока въ XIV в. ихъ не вытѣснили отсюда бурята. Небольшая часть якутовъ поселилась послѣ этого въ низовьяхъ Енисея, а главная масса ихъ разсѣялась по нынѣшней якутской области, вытѣсняя отсюда омокъ, юкагировъ, чукчей и сильно смѣшиваясь съ тунгусами, отчего ихъ татарскій типъ получилъ монгольскій отпечатокъ. Покоренные въ XVII в. русскими казаками, якуты долго боролись съ завоевателями, бунтовали, но, наконецъ, должны были смириться и нести ярмо воеводъ и приказныхъ, которые въ отдаленномъ краѣ дѣлали, что хотѣли. Якутскіе воеводы, при малѣйшемъ неповиновеніи со стороны якутовъ, ужасно карали ихъ, «четвертовали, руки, ноги, и головы отсѣкали, и головы на колья втыкали, а инымъ уши и носы обрѣзали». Иногда воевода казнилъ инородцевъ потому только, что «хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ и кормить ихъ, воровъ, нечѣмъ». Вотъ, напр., якуты убили въ своихъ улусахъ 40 казаковъ и отказались платить дань. Воевода Головинъ, захвативъ зачинщиковъ бунта, «началъ ихъ пытать и огнемъ жечь и кнутомъ бить больше мѣсяца въ три налacha безъ пощады, и съ того кнуты многіе якуты померли». Допытываясь, кто подучалъ ихъ къ бунту, Головинъ вымогалъ у нихъ показанія на другихъ якутовъ и на русскихъ. По этимъ показаніямъ онъ производилъ новыя аресты «служилыхъ, и торговыхъ, промышленныхъ, и всякихъ чиновъ многихъ людей пыталъ и жегъ и въ тюрьму и за приставы отдавалъ, и въ тюрьмахъ русскіе люди и якуты съ тѣхъ пытокъ и съ голоду и со всякой тюремной нужи умирали». Этотъ терроръ продолжался нѣсколько мѣсяцевъ, изъ Якутска разбѣгались жители, не пріѣзжали купцы и торговля прекратилась. Не одинъ разъ выполнили такой терроръ якуты, но они все вытерпѣли, не раззорились, не вымерли и помогли русскимъ докончить покореніе сѣверо-восточной

Сибири. Якутъ акклиматизировать лошадей на самомъ крайнемъ сѣверѣ, во множествѣ развелъ ихъ, и только съ помощью якута и его неутомимой лошади русскіе могли пробраться въ Охотскъ, въ Камчатку и поддерживать сношенія съ этими мѣстностями по ужаснымъ дорогамъ, по которымъ невозможна ѣзда ни въ какомъ экипажѣ, черезъ Стаповой хребетъ, по необитаемымъ пустынямъ и болотамъ. Всѣ эти дороги постоянно усыяны трупами и костями якутскихъ вьючныхъ лошадей, которыя выносливостью уступаютъ только своимъ хозяевамъ. «9 декабря, говоритъ Врангель, при 33° мы провели ночь на открытомъ, ничѣмъ отъ сѣвернаго вѣтра незащищенномъ, плоскомъ пастбищѣ, вокругъ костра, разложеннаго подъ чистымъ небомъ. Здѣсь я имѣлъ случай наблюдать на сопровождавшихъ насъ якутахъ, на сколько человекъ можетъ привыкнуть къ холоду и неудобствамъ. Якуты не берутъ съ собою въ самыя далекія зимнія поѣздки ни палатокъ, ни одеялъ, ни даже большихъ шубъ. Якутъ во время своихъ путешествій носитъ свое обыкновенное домашнее платье и при этомъ почти всегда проводитъ ночи подъ открытымъ небомъ; разосланная на снѣгу попона служитъ ему постелью, деревянное сѣдло вмѣсто подушки. Мѣховой курткой, которая днемъ служила ему платьемъ и которую снимаетъ на ночь, покрываетъ онъ себѣ спину и плечи, а переднюю часть тѣла, почти совершенно раскрытую, обращаетъ къ огню. Полежавъ такимъ образомъ и согрѣвшись почти до поту, якутъ затыкаетъ себѣ носъ и уши клочками шерсти и закрываетъ себѣ лицо, оставляя лишь маленькое отверстіе для дыханія, вотъ все, что якуту нужно, чтобы не замерзнуть во время сна при самыхъ сильныхъ морозахъ. Даже въ Сибири якутовъ называютъ желѣзными людьми. Безсчетное число разъ я видалъ, какъ они спали совершенно спокойно на открытомъ воздухѣ, при 20°, короткое саннахъ свалилось съ плечъ, костеръ давно потухъ и все, почти обнаженное, тѣло спящаго покрылось толстымъ слоемъ инея». Къ физическимъ преимуществамъ якутовъ должно отнести и необычайно острое зрѣніе. Одинъ якутъ увѣрялъ Анжу, что не разъ видалъ (при этомъ онъ показывалъ на Юпитера), какъ эта голубая звѣзда проглатываетъ другую маленькую звѣздочку и вскорѣ послѣ того выпускаетъ снова. На столько же удивительна ихъ память, особенно память мѣстности: лужа, камень, одинокій кустъ глубоко западаютъ въ память этого необразованнаго дикаря, и спустя годы вѣрно направляютъ его путь по неизмѣримой степи.

Якутовъ въ настоящее время около 210,000 человекъ; они составляютъ громадное большинство населенія области, которая по пространству (70,000 кв. миль) немногимъ меньше всей европейской Россіи. Область эта во всѣхъ отношеніяхъ якутская, такъ какъ здѣсь на всемъ русскомъ населеніи лежитъ печать якутской культуры, въ самомъ Якутскѣ даже русскія дамы говорятъ между собою по-якутски, дѣтей священниковъ при поступленіи въ семинарію приходится учить сначала по-русски, есть даже русскія села, какъ Амга, въ которыхъ никто не знаетъ по-русски. Якуты — скотоводы и звѣроловы, главное богатство ихъ лошади, коровы и мѣха. Якуты живутъ общинами или улусами, заключающими въ себѣ отъ 30 до 100 членовъ мужскаго пола, происходящихъ отъ одного родоначальника. Изъ нѣсколькихъ такихъ родовъ составляетъ родовой союзъ, или наслегъ, управляемый старшиною. Но якуты, входящіе въ составъ наслегъ, живутъ не сосредоточенно, а отдѣльными родами и даже семействами, верстахъ въ 50, 100, 300, даже 500 отъ центра наслегъ, переходя лѣтомъ въ мѣста, обильныя подножнымъ кормомъ, а зимою туда, гдѣ заготовлено

ими сѣно. Всѣ земли, принадлежащія наслегу, находятся въ общинномъ пользованіи, которое въ отдаленныхъ мѣстахъ до сихъ поръ носитъ первобытный характеръ. Таковъ, напр., Жиганскій улусъ; населенный кромѣ якутовъ совершенно обьякутившимися тунгусами и русскими. Въ лѣтнюю пору рассказываетъ миссіонеръ Хитровъ, нѣсколько семействъ вмѣстѣ кочуютъ съ своими стадами оленей по болотистымъ обнаженнымъ тундрамъ близъ береговъ Ледовитаго моря и питаются продуктами промысла дикихъ оленей. Два или три искусныхъ стрѣлка отправляются съ ружьемъ или луками къ оленьимъ табунамъ и убиваютъ по нѣскольку штукъ. Воротясь домой, они извѣщаютъ свой таборъ, что тамъ-то и тамъ-то подстрѣлены ими олени. Тотчасъ добычу приводятъ въ таборъ, и мясо этихъ оленей раздѣляется по числу наличныхъ членовъ, а кожа, по общему приговору, дается кому-нибудь одному. По туземному, этотъ даръ называется ниматъ. Въ правѣ на ниматъ соблюдается очередь, на которую не претендуетъ только самъ промышленникъ. Такимъ образомъ, убьетъ-ли онъ втеченіи лѣта 100 штукъ, или одну, польза для него одинакова, т. е., онъ не получаетъ себѣ ничего и не имѣетъ никакого права претендовать на то. Такой обычай основанъ у туземцевъ на тѣхъ понятіяхъ о промыслѣ божіемъ, что стрѣлокъ убиваетъ добычу не собственнымъ искусствомъ, а по соизволенію божію, и не для себя, а для всѣхъ вообще, и если бы промышленникъ началъ споръ о томъ, то долженъ навсегда лишиться таланта въ охотѣ. Звѣри будутъ убивать его, глазъ измѣнять ему, и самое оружіе лишится своей силы. Другой не менѣ оригинальный обычай существуетъ между туземцами — помогать единоплеменникамъ. Случается, что волки нападаютъ на стадо оленей, истребляютъ его на повалъ, и бѣдняга якутъ или тунгусъ, среди безпредѣльныхъ и безжизненныхъ тундръ, подвергается опасности умереть отъ голода и холода. При первой возможности, онъ обращается къ своимъ родичамъ за помощью. Они ему тотчасъ же даютъ до 30 оленей, и бѣднякъ живетъ опять своимъ домомъ и въ своей семьѣ. Но въ другихъ общинахъ якутовъ давно уже нѣтъ такого братства и хотя по всему пространству наслегъ каждый якутъ имѣетъ право промыслять рыбу и звѣря, но сѣнокосныя земли передѣляются уже не по принципу равенства, а сообразно съ степенью зажиточности: кто богаче, тотъ больше платитъ по раскладкѣ налоговъ и больше получаетъ родовой земли. Относительно пользованія землей и раскладки ясака члены рода раздѣляются на 4 или 5 разрядовъ: богатые, имѣющіе не менѣе 100 скотинъ, «посредственно-богатые», «имѣющіе большой достатокъ», «могущіе пропитывать себя безбѣдно» и «бѣдные». Даже старинное гостепріимство пало, и хотя угощеніе гостя по прежнему обязательно, но и гость обязанъ тоже что-нибудь подарить хозяину и въ судебныхъ мѣстахъ Якуска то и дѣло разбираются тяжбы по поводу расчетовъ за гостепріимство.

Этому паденію общиннаго духа сильно содѣйствовали отношенія якута къ людямъ другихъ племенъ. Среди этихъ добродушныхъ, гостепріимныхъ, увлекающихся инородцевъ, тунгусовъ, коряковъ, юкагировъ, ловкій изворотливый якутъ выучился играть роль еврея, онъ торгуетъ съ ними, выманиваетъ у нихъ все цѣнное, безбожно обманываетъ на каждомъ шагѣ и на вѣки забываетъ себѣ. Если люди ничего не хотятъ брать, рассказываетъ одинъ якутъ Миддендорфу, такъ угостишь ихъ, тогда сердце ихъ растаетъ. Сначала они рѣшались, можетъ быть, спросить только кремень, но потомъ является одно за другимъ. Когда угостишь ихъ хорошенько, такъ они берутъ все, что ни вытащишь, а на цѣны они соглашаются безъ спора. Главное дѣло угощеніе.

Заваришь чаю, подашь сахару, сухарей, масла, и въ заключеніе сварить большой котелъ саламаты. Вотъ что радуетъ тунгуса непомѣрно и уже навѣрное изъ благодарности подаритъ соболя; самый бѣдный и тотъ принесетъ, по крайней мѣрѣ, кабарговую струю. Затѣмъ торгъ идетъ, какъ по маслу, и тунгусъ дешевле отдаетъ соболей. Коль у него ихъ нѣтъ въ то время, то это ничего не значитъ, и какъ даровой, такъ и продажный соболю ставятся въ счетъ. Если же можешь дать водки, то все получишь; но она рѣдка и ее нужно провозить въ маслѣ, потому что она запрещена. Тунгусъ такой человекъ, что если я поклонюсь знакомому полпудомъ сала, такъ онъ уже непременно отвѣтитъ на мой поклонъ соболемъ. Встрѣчается, правда, кое-гдѣ и такой тунгусъ, который, хотя его и угостишь, не считаетъ себя за это въ долгу, но такихъ осуждаетъ общее мнѣніе.

Торгуя съ инородцами, якуты вступали въ конкуренцію съ русскими купцами и чиновниками, но умѣли принорочиться и здѣсь. «Мирно властвуя надъ пріотившими его, говоритъ Миддендорфъ, якутъ въ скоромъ времени начинаетъ эксплуатировать ихъ. Являясь среди русскихъ, онъ вскорѣ пріучается возвышаться до ихъ уровня; затѣмъ, благодаря своему знанію людей и хитрости, быстро подмѣчаетъ ихъ слабости и тотчасъ же ловко принаравливается къ новымъ условіямъ. Какъ только онъ попадаетъ подъ гнетъ чиновнаго взяточничества, такъ онъ съ замѣчательною быстротою осваивается со всею грязью официального бумажнаго прикрывательства и надувательства, знакомится съ тонкостями разныхъ формальностей и дѣлового хода, эксплуатируетъ взяточничество и, подъ самолюбивымъ руководствомъ своихъ наслѣдственно посвященныхъ во все это наставниковъ, становится однимъ изъ самыхъ отъявленныхъ клузниковъ и крючкотворовъ. Немало удивился я, когда тунгусъ въ дебряхъ Станового хребта сталъ спрашивать моего совѣта, хорошо-ли составлена бережно припрятанная бумага, которую онъ предъявилъ. Это было прошеніе, написанное для тунгуса якутомъ города Якутска, обращенное ни къ кому иному, какъ прямо къ министру государственныхъ имуществъ, въ лежащей за десять тысячъ верстъ столицѣ, и начинавшееся словами: «Съ тѣхъ поръ какъ якуты имѣютъ счастье находиться подъ скипетромъ императора» и т. д.

Походя на еврея своею плутоватостью, изворотливостью, якутъ двумя чертами характера существенно отличается отъ потомства авраамова. Во-первыхъ, якутъ трудолюбивъ, онъ превосходный скотоводъ, онъ отлично выдѣлываетъ мѣха, приготовляетъ разнообразныя издѣлія изъ кости, мѣди, желѣза, онъ еще до прихода русскихъ выплавлялъ желѣзную руду и приготовлялъ великолѣпное желѣзо. Во-вторыхъ, якутъ не бережливъ, любитъ покутить, пощеголять, беззаботно входитъ въ долги и съ азартомъ играетъ въ карты, съ которыми многіе не расстаются даже во время путешествій и дуются на каждомъ привалѣ.

При всей наклонности якута къ щегольству и роскоши, онъ кромѣ картъ, почти ничего не усвоилъ себѣ изъ русской культуры; напротивъ, русскіе въ большинствѣ случаевъ перенимали у него его платье, пищу, жилище, образъ жизни. Якутъ щеголяетъ до сихъ поръ только своими мѣхами, искусно сдѣланными ножами и сѣдлами, металлическими украшеніями на поясахъ, а женщины бусами, серьгами, серебряными монетами на шеѣ. Живетъ якутъ лѣтомъ въ берестяномъ шалашѣ, а зимой въ юртѣ, сдѣланной изъ тонкихъ бревенъ и обложенной сверху землей и дерномъ; посреди юрты чувалъ или очагъ, а надъ нимъ въ потолокъ деревянная труба; вдоль стѣнъ юрты — лавки, въ маленькихъ окнахъ вмѣ-

Финскій берегъ близъ Выборга.
Оригинальный рисунокъ Г. Урлауба.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ
КАРТИНА Г. ЦЕДЕРШТРЕМА.

Послѣ бала.

сто стеколь льдины или промасленная бумага; около юрты навѣсы для коровъ. Какъ скотоводъ, якутъ питается почти исключительно мясомъ, масломъ, молокомъ, кумысомъ и мучной кашей на маслѣ (саламата). Богатое якутское семейство, кромѣ дичи, рыбы, ягодъ и изрѣдка муки, потребляетъ въ годъ чаю 20—30 ф., сахару 40—80 ф., водки 5 и болѣе ведеръ, конины 30 и болѣе пудовъ, коровьяго мяса 20—30 пуд., масла до 40 п., творогу 25 п. Бѣдняки, попятно, ѣдятъ несравненно хуже и бѣдное семейство, кромѣ разныхъ кореньевъ, сѣждаетъ въ годъ до 16 пудовъ муки изъ сосновой коры, приготовленной особеннымъ образомъ съ молокомъ. Якуты страшные обжоры. Путешественникъ Симпсонъ призвалъ къ себѣ въ Якутскъ двухъ извѣстныхъ ѣдоковъ и поставилъ передъ ними два пуда вареной говядины и пудъ растопленного масла, каждому дали ровно по пуду мяса, а масло должны были они пить или ѣсть большими ложками. Одинъ якутъ былъ старъ и опытенъ, другой молодъ и жаденъ. Послѣдній сначала имѣлъ перевѣсъ. «У него зубы хороши, сказалъ старикъ, но съ помощью божіею (здѣсь онъ перекрестился) я его скоро догоню». Когда половина была сѣдена, Симпсонъ оставилъ благодарныхъ гостей подъ надзоромъ своего секретаря. Когда путешественникъ возвратился черезъ два часа, секретарь доложилъ ему, что все было сѣдено, что подтвердили и растянувшіеся на полу обжоры, которые, цѣлуя землю, благодарили за обильный обѣдъ. Послѣ такого турнира, бойцы, какъ змѣи, 3 дня пробыли въ какомъ-то полусознательномъ состояніи, не пили и не ѣли, и только часто катались по полу, чтобы возбудить пищевареніе. На свадьбахъ и релігиозныхъ празднествахъ, это обжорство и пьянство, подъ раздражающіе звуки туземной скрипки, доходятъ до послѣдней крайности. Вообще, неутомимый на работѣ, якутъ страстно любитъ повѣститься на досугѣ и всѣ свои многочисленные праздники проводить во снѣ, даже ходить спать въ гости! Зимой они вообще спятъ, слѣдя за днями только по костяному календарю, состоящему изъ пластинокъ съ нарѣзками. Обыкновенныя зарубки между знаками обозначаютъ число дней, а знаки—праздники: изображеніе звѣря вверху на лѣвой пластинкѣ—Егорьевъ день; + — крещенье, . . . — сорока святыхъ и т. д.

Почти всѣ якуты христіане, въ Якутскѣ даже совершается постоянное богослуженіе по якутски; они ходятъ въ церковь, справляютъ посты и праздники, но большинство остается въ сущности язычниками. Релігія якутовъ состоитъ въ поклоненіи предкамъ, личности которыхъ влѣдствіе мифологическаго процесса, отчасти уже превратились въ божества, какъ, напр., правящая міромъ божественная чета Аръ-Тоень и Кубей-Хатунъ, податели всѣхъ благъ, живущіе на небѣ. Имъ приносятъ въ жертву кумысъ и якуты увѣрены, что при этомъ Аръ Тоень невидимо является на небѣ, сидя на молочномъ престолѣ и пьетъ предлагаемый ему кумысъ. Далѣе слѣдуютъ богиня земли и плодородія, живущая въ горахъ (Ай-Дарханъ—Хатунъ), богъ скотоводства (Бечи-Хатунъ), богъ рыболовства живущій въ водѣ (Укуланъ), богъ звѣроловства (Бай-Баянай), сопутствующій охотнику, который обыкновенно, отправляясь на охоту, дѣлаетъ его идола и вымазываетъ его кровью принесенной въ жертву скотины; богъ грома, «Страшный топоръ господинъ» (Ордахъ-Дзусюгъ-Тоень), наконецъ, эсхенты—души предковъ, духи хранители, живущіе въ каждомъ родѣ якутовъ подъ видомъ какого-нибудь животнаго, бѣлогубаго или косматого жеребца, ворона, орла, журавля и т. д. Злые духи: Абасы, причиняющій людямъ всевозможное зло, посылающій болѣзни, падежи скота, безсонницу и т. д.; Болагуръ-Хатунъ и Дожунъ-Дуанъ,

мужчина и женщина, бывшіе нѣкогда людьми, лишаютъ людей разсудка; Юрюнь-Огустахъ, бывшій шаманъ: у него украли бѣлаго быка и онъ со злости сдѣлался злымъ духомъ; Сордихъ-Чонахъ, бывшая шаманка, однорукая, одноногая, съ однимъ глазомъ посреди лба, посылаетъ эпидеміи; Кяжай тоже бывшая шаманка, идолъ которой (Кысь-Тагара, «богъ дѣвка») переходитъ у якутовъ изъ рода въ родъ и считается величайшею святыней; Сыры-Коса, тоже шаманка, ведущая людей на преступленія; эрь-обассы,—души старыхъ дѣвокъ, причиняющія зло особенно молодымъ женщинамъ. Кромѣ того, всѣ горы, скалы, рѣки, озера, урочища наполнены легіонами духовъ, окружающихъ человѣка на каждомъ шагѣ и пропускающихъ его благополучно только въ томъ случаѣ, если онъ дастъ имъ взятку, жертву. Вотъ молитва якута во время такого дорожнаго жертвоприношенія:

«Бабушка Кербе, отъ вѣка древняя! И ты дѣдушка Бурей (обѣ рѣки), равный первой годами! Пошлите милость намъ, путешествующимъ по вашимъ скрытымъ оврагамъ, защитите, одарите, счастьемъ и благословите насъ! Мы идемъ во имя великаго духа! Вы, стекающія съ пѣніемъ съ высокихъ горъ! во имя ваше мы идемъ, пусть 9 разъ будетъ счастливо наше шествіе!

«И ты, живущая на нашемъ пути, ты вдругъ и повсюду являющаяся и подобно снѣгу исчезающая, необъяснимо быстрая, волшебная дѣва Сыринай, ты, быстро бѣгущій Кархачи, и вы, духи, живущіе справа на 9, а слѣва на 8 горахъ, будьте милостивы къ намъ!

«Я васъ всѣхъ угощаю заразъ (въ это время изъ торжественно поднятаго котла бросается на огонь три ложки масла и саламаты) кушайте!—лакомтесь!—но не пробуйте разборчивымъ языкомъ, будьте довольны.

«Молясь, взываю къ вамъ: ведите насъ счастливо, чтобы мы шли рядомъ съ лучшими и обогнали посредственныхъ?»

«Ты же, здѣсь управляющій горный старецъ, ты, страшно богатый Барилахъ, доставь намъ въ утреннемъ сумракѣ темныхъ звѣрей и на ранней утренней зарѣ ярко блестящихъ звѣрей, дорогіе мѣха! наполни наши широкіе выюки, навѣсь соболей на наши длинные ремни, наведи на насъ краснаго звѣря!

«Ты же, древній Чандай (злое начало), не порази хромотой наши члены, не нападай на нашихъ 16-лѣтковъ, не моргай, не смотри сюда твоими искрометными очами и не говори твоимъ злымъ языкомъ!

«Счастье и благословеніе намъ на пути!!!»

Понятія якутовъ о душѣ до сихъ поръ носятъ слѣды первобытнаго міросозерцанія. Душа—двойникъ тѣла, который во время сна уходитъ изъ тѣла, странствуетъ по разнымъ мѣстамъ, видится съ умершими и т. д. (сновидѣнія). Случается, что душа одного человѣка возрождается въ тѣлѣ другого. Вотъ одинъ изъ рассказовъ объ этомъ переселеніи душъ. Лѣтъ 30 назадъ, въ верховьяхъ округѣ, безвѣстно скрылась одна тунгуска, ѣздившая съ мужемъ ловить звѣрей. Предполагали, что она или заблудилась или сѣдена хищными звѣрями. Вскорѣ мужъ ея женился на другой женщинѣ и у нихъ родилась дочь. Когда ребенокъ этотъ подросъ, то первыми словами его былъ упрекъ отцу: «вѣдь ты мнѣ вовсе не отецъ, а мужъ; вѣдь ты убилъ меня въ тундрѣ (назвала мѣсто происшествія), зарылъ меня въ снѣгъ, и уѣхалъ. Мнѣ стало жалъ тебя и я каждый день прилетала къ твоему дому. Разъ, когда жена твоя вышла на дворъ, я птичкой опустилась къ ней на темя. Отъ этого она и родила меня. А вотъ тебѣ доказательство: у меня на правой рукѣ нѣтъ трехъ пальцевъ. Это, когда ты зарылъ мою прежнюю оболочку въ снѣгъ и завалилъ хворостомъ,—дня черезъ два или три открыли мою

руку песцы и съѣли мои пальцы». Кромѣ того дѣвочка узнавала платье прежней жены тунгуса и говорила, что это ея платье.

Вышедшую изъ тѣла душу нѣрѣдко захватываютъ демоны, и человѣкъ болѣетъ; чтобы уложить демоновъ отпустить душу, нужны жертвы и посредничество шамановъ, до сихъ поръ играющихъ чрезвычайно важную роль. Шаманъ приносить жертвы, вызываетъ духовъ, узнаетъ отъ нихъ будущее, отыскиваетъ украденное, творитъ разныя чудеса, т. е. фокусы и т. д. Даже русскіе вѣрятъ въ шамановъ, ворожатъ и лечатся у нихъ, прибегаютъ къ ихъ помощи въ случаѣ воровства и т. д.

При малочисленности русскихъ въ области, не можетъ быть надежды на скорое обрусѣніе якутовъ, тѣмъ болѣе, что школы для нихъ, кромѣ классической прогимназіи въ Якутскѣ, почти вовсе нѣтъ.

Изъ индійской жизни.

Одинъ изъ французскихъ путешественниковъ описываетъ нижеслѣдующимъ образомъ приѣмъ, сдѣланный ему тангорскимъ набобомъ. Разсказъ этотъ даетъ нѣсколько любопытныхъ подробностей о нравахъ и обычаяхъ страны. «Тангорскій раджа принялъ насъ съ внимательностью и гостепріимствомъ набоба. Мы приѣхали къ нему послѣ полудня, когда онъ только что проснулся отъ своего послѣобѣденнаго сна. Онъ встрѣтилъ насъ при входѣ во дворецъ, стоя, окруженный свитой, состоявшей изъ его старшаго брата, переводчика, младшаго изъ дѣтей и любимой жены. Свѣтлѣйшій раджа ввелъ насъ въ свое великолѣпное жилище, гдѣ готовился къ вечеру, въ честь нашего прибытія, роскошный праздникъ.

Раджа—мужчина лѣтъ 35, высокаго роста, съ замѣчательно утонченными манерами, имѣлъ во всей своей фигурѣ отпечатокъ непринужденности и свободы. Какъ и большинство индійцевъ, онъ страстно любилъ роскошь и окружилъ себя обстановкой принца. Когда мы пришли къ нему вечеромъ, насъ ввели въ залу, уставленную по всѣмъ простѣнкамъ великолѣпными зеркалами англійской фабрикаціи въ богатыхъ золоченыхъ рамахъ. Зеркала эти доходили почти до потолка комнаты, повторяя ея размѣры безчисленное множество разъ.

У индійскихъ принцевъ господствующая страсть—выставлять на показъ свое богатство и тратить громадныя суммы на меблировку и убранство своихъ жилищъ. Однакожъ, въ ихъ домахъ болѣе роскоши, чѣмъ удобства.

Скоро толпа приглашенныхъ наполнила залу. По окончаніи церемоніи поклоновъ и сырыскиванія розовою водою, выпивъ маленькими глотками прохладительное, слегка кисловатое питье, похожее на нашъ лимонадъ, посѣтители расположились на небольшихъ, съ затѣйливыми узорами, персидскихъ коврикахъ, положенныхъ на тростниковыя циновки, поразительной бѣлизны и чрезвычайно нѣжной ткани. Музыканты открыли праздникъ, и въ продолженіи получаса наши уши должны были выносить адскую музыку. Когда же этотъ образецъ восточной музыки пересталъ наконецъ терзать наши нервы, мы увидѣли входящаго въ двери индійца съ развернутымъ на высотѣ лба хлопчатобумажнымъ, бѣлымъ ковромъ въ рукахъ. И, только, когда онъ дошелъ до середины залы, мы увидѣли второго индійца, несущаго другой конецъ ковра. Посреди этой первобытной занавѣси скрывались байдерики и танцовщицы, въ то время какъ «туру»—комическое лицо трушны—припавъ, разсказывалъ, на распѣвъ прологъ представленія, которое давалъ раджа своимъ гостямъ.

Наконецъ, занавѣсъ опустился, образовавъ ко-

веръ подъ ногами двухъ баядерокъ, представившихъ нашимъ изумленнымъ глазамъ очень правильныя фізіономіи съ миловидными чертами лица, блестящими глазами и въ костюмахъ, украшенныхъ погремущками и драгоценными камнями. На нихъ были шелковые панталоны ярко-краснаго цвѣта, собранные около щиколки. Изъ подъ панталонъ виднѣлись золотые обручи, усыпанные жемчугомъ, и увѣшанные серебрянными бубенчиками, которые издавали при каждомъ движеніи танцовщицъ тихіе, мелодическіе звуки. Красиво округленная талія была стянута шелковой черной съ золотомъ жакеткой, опускавшейся ниже груди. Отсюда шла юбка изъ легкой матеріи, доходившая немного ниже колѣнъ; на плечи былъ наброшенъ газовый вуаль, скрещивавшійся на груди, съ которымъ баядерки выдѣлываютъ во время танцевъ разныя граціозныя движенія. Золотыя украшения, надѣтыя на нихъ, достигали, какъ намъ говорили, весьма значительной цѣнности. Ихъ шеи были украшены золотыми бляхами и ожерельями изъ жемчуга въ золотой оправѣ взяточной работы. Громадныя серьги обрамляли ихъ щеки; на лбу красовались тонкіе, золотые колокольчики съ небольшими птичками изъ того же металла по сторонамъ.

Какъ ни презираютъ этихъ дѣвушекъ въ странѣ, ни одинъ раджа или остъ-индскій европеецъ, не забудетъ пригласить ихъ къ себѣ на праздникъ для увеселенія общества. Надо отдать имъ справедливость, замѣчаетъ путешественникъ, у котораго мы заимствуемъ этотъ разсказъ, что эти танцовщицы, приглашенныя для увеселенія избранной публики, ничѣмъ не нарушаютъ приличій. Ихъ танцы, чтобы о нихъ ни говорили, гораздо скромнѣе тѣхъ, которымъ аплодируютъ на европейскихъ театрахъ.

Впрочемъ, праздники этого рода не отличаются своимъ разнообразіемъ. Общество, расположившись на коврахъ, образовало группы, которыя вели между собою оживленные разговоры, сопровождаемые чрезвычайно энергичными жестами; смотрѣли на танцовщицъ и поощряли ихъ неистовыми аплодисментами, совершенно заглушавшими звуки флейтъ, цитръ и барабановъ, съ помощью которыхъ раджа желалъ пополнить удовольствія этого вечера.

Въ порывистыхъ, бурныхъ танцахъ баядерокъ насъ особенно поражаало змѣеобразное движеніе громаднхъ косъ, украшавшихъ ихъ головы. Мы пожелали узнать, собственныя-ли это ихъ волосы и одна изъ нихъ, по приказанію раджи, сняла всѣ, сдерживавшія косу, украшения, и быстрымъ движеніемъ и взмахомъ головы очутилась подъ густымъ вуалемъ, блестящимъ, какъ гадать.

Танцы возобновились съ удвоенной энергіей. Двѣ баядерки, возбуждаемыя двумя танцорами—одинъ въ высокой тюрбанѣ, другой въ газовомъ тюрбанѣ—прыгали, приседали, выпрямлялись, вы бы подумали, что это съумасшедшіе, сбѣжавшіе изъ дома умалишенныхъ. Во все время музыка не умолкала ни на минуту; сцена освѣщалась дюжиной факеловъ въ рукахъ рабовъ, которые примѣшивали свои нестройные голоса къ «мелодіи» индусскихъ музыкантовъ.

Въ антрактахъ между танцами выходили на сцену три лица, изображавшія изъ себя комиковъ. Должно быть, они дѣйствительно были забавны, такъ какъ при ихъ выходкахъ слушатели, понимавшіе языкъ, покатывались со смѣху. Одинъ изъ нихъ изображалъ старика «нищаго». У него была длинная борода и остроконечная шляпа съ вогнутой внутрь верхушкой. Представьте себѣ твердый колпакъ изъ бумажной матеріи, сильно накрахмаленный, короткую закругленную палку въ одной рукѣ и свертокъ въ другой. За нимъ слѣдовала женщина съ деревяннымъ ребенкомъ на рукахъ и съ бутылкой вмѣсто рожка. Одежда ея состояла изъ скрепленна-

го на груди шарфа и широчайшихъ панталонъ. Третье лицо представляло «съумасшедшаго» въ холщевыхъ панталонахъ, съ лысиной, прикрытой тюрбаномъ. Колеблющаяся походка этихъ трехъ клоуновъ и ихъ выходки не представляли ничего смѣшнаго для насъ, европейцевъ; тѣмъ не менѣе все это имѣло очень характеристичный мѣстный оттѣнокъ. Вечеръ закончился общимъ балетомъ, продолженіемъ котораго баядерки все время держались на первомъ планѣ.

Уступая настойчивымъ просьбамъ нашего хозяина, мы сдались на его приглашеніе принять на слѣдующій день участіе въ охотѣ на кабана. Эта часть программы праздника имѣла обыкновенный характеръ, свойственный всѣмъ охотничьимъ экскурсіямъ. По окончаніи охоты всѣ участники собрались въ палатку, разбитую на берегу рѣки, гдѣ для нихъ была приготовлена жареная часть вепря, убитаго самимъ раджей. Голову же кабана, украшенную клыками, поставили на средину стола, вложивъ ей въ ротъ большой апельсинъ, убранный вѣнкомъ изъ укропа.

Хотя и послѣдователь Магомета, раджа не думалъ отказываться отъ вкусной дичины, записывая ее великолѣпнымъ шампанскимъ и это въ присутствіи своихъ подданныхъ, которые, даже создавая его ошибку, не осмѣлились бы сдѣлать ему ни малѣйшаго замѣчанія. Вообще убѣжденія раджи въ догматахъ религіи были, кажется, не особенно прочны, что онъ и доказывалъ при всякомъ случаѣ. Тангорскій раджа такъ увлекся удовольствіями этого гастрономическаго торжества, что на возвратномъ пути долженъ былъ отказаться отъ верховой лошади и сѣсть въ паланкинъ, въ которомъ былъ доставленъ домой на плечахъ четырехъ здоровенныхъ слугъ.

Такъ закончился праздникъ раджи. На слѣдующій день, простившись съ хозяиномъ, мы продолжали свое путешествіе.

(Продолженіе.)

Глава VII.

Отъѣздъ Бойе.

Люи Пальяръ отдалъ послѣдній долгъ своей матери. Когда отъ нея осталось только одно воспоминаніе и пришлось заняться финансовыми дѣлами, онъ посѣтилъ нотариуса; послѣдній очень удивился, узнавъ, что все наслѣдство, доставшееся Люи, ограничивалось тѣми суммами, которыя находились у него, нотариуса. Это было тѣмъ страннѣе, что старуха недавно продала свой домъ въ улицѣ Сен-Поль. Но Люи не обратилъ большаго вниманія на это обстоятельство; онъ подумалъ, что, вѣроятно, мать его, сдѣлавшаяся въ послѣднее время очень набожной, пожертвовала эти деньги въ церковь или на какое-нибудь богоугодное дѣло. Если же она отдала въ долгъ часть вырученной отъ продажи дома суммы, то, конечно, заемщики сами явятся къ нему. Къ тому же,

несмотря на все это, онъ получилъ довольно круглое состояніе.

Какъ добрый сынъ, искренно чтившій память матери, Люи поселился въ квартирѣ, которую она занимала и гдѣ прежде жилъ его отецъ и оставилъ все въ томъ видѣ, какъ было при старухѣ. Одинъ, безъ всякой помощи, занимаясь приготовленіями къ похоронамъ, онъ принужденъ былъ разсылать и пригласительныя билеты. Не зная многихъ изъ знакомыхъ своей матери, онъ не увѣдомилъ объ ея смерти Тюссо, который такимъ образомъ не зналъ, что умерла женщина, давшая ему займы 60,000 фр. подъ залогъ денежныхъ бумагъ, похищенныхъ Бойе.

Бойе явился съ предложеніемъ своихъ услугъ, когда уже покойница лежала въ гробу и сосѣди приходили проститься съ нею. На это время докторъ увезъ Люи къ себѣ, чтобы избавить его отъ непріятности выслушивать пошлыя выраженія неискреннихъ, официальныхъ сожалѣній. Сыщикъ же тутъ былъ въ исполнѣйшей своей собственности его лицемѣрію атмосферѣ: всѣ посѣтители, особенно старыя кумушки, приходили въ восторгъ отъ его набожности и любви къ теткѣ. Онъ почти цѣлый день стоялъ на колѣняхъ передъ гробомъ и молился, плакалъ и стоналъ, такъ безутѣшно и велико казалось его горе. Всѣ, видѣвшіе его, не могли не сравнить этого племянника, ухаживавшаго, какъ сестра милосердія, за больной старухой и оплакивавшего ее такъ трогательно, съ роднымъ ея сыномъ, который пріѣхалъ лишь послѣ ея смерти и потомъ бросилъ ея тѣло снова на попеченія племянника, не получившаго отъ покойницы за всю его любовь даже носового платка, чтобы отереть слезы.

Только на кладбищѣ искреннее горе Люи, который упалъ почти безъ чувствъ на грудь доктора, когда опускали въ могилу гробъ, возвратило ему поколебавшееся уваженіе сосѣдей. Но и тутъ Бойе съ своимъ заплаканнымъ печальнымъ лицомъ раздѣлилъ съ нимъ сочувствіе толпы.

Когда все было кончено и Люи Пальяръ, опираясь на руку доктора, направился къ воротамъ кладбища, сыщикъ протянулъ ему руку и сказалъ, что онъ нашелъ себѣ хорошее мѣсто въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ, куда и намѣренъ тотчасъ переселиться.

— Люи, прибавилъ онъ, — я до конца исполнилъ свой долгъ въ отношеніи тетки. Ты знаешь, какъ я любилъ ее... ты даже, кажется, одно время завидовалъ предпочтенію, которое она оказывала мнѣ.

Люи ничего не отвѣчалъ, а только взглянулъ на доктора.

— Она, продолжалъ Бойе, — была для меня второй матерью и я былъ бы очень радъ, еслибъ ты далъ мнѣ на память объ ней какую-нибудь бездѣлку.

Несмотря на грустную минуту, докторъ не могъ удержаться отъ смѣха.

— Чтожъ, дать вамъ развѣ банковый билетъ? замѣтилъ онъ, подмигивая Люи.

При этихъ словахъ и взглядѣ сыщика поблѣднѣлъ. Что могли они значить?

— До своего отъѣзда заходи ко мнѣ и выбери самъ, что хочешь, сказалъ Люи безъ всякой горечи, желая поскорѣе отъ него отдѣлаться; — только я очень сожалѣю, что ты не нашелъ нужнымъ увѣдомить меня ранѣе о грозившемъ мнѣ несчастіи.

— Я послалъ тебѣ двѣ депеши и та, которую ты показывалъ, — первая. Вторая была совершенно полная, такъ какъ я писалъ ее подъ впечатлѣніемъ словъ доктора о неминуемости страшной катастрофы.

— Я охотнѣе буду обвинять судьбу, чѣмъ тебя. Оставимъ этотъ разговоръ, упреки теперь ни къ чему не поведутъ.

Люи пожалъ руку двоюродному брату и отправился съ докторомъ домой.

Бойе какъ бы приросъ къ землѣ отъ удивленія и гнѣва. Отчего Люи не пригласилъ его съ собою; онъ былъ его ближайшій родственникъ. По какой причинѣ онъ выказывалъ ему такъ открыто свое презрѣніе? Конечно, они никогда не любили другъ друга; но въ такія минуты все забывается. Вѣроятно, Люи зналъ или подозрѣвалъ о похищеніи бумагъ. Слова доктора раздавались еще въ ушахъ сыщика. Безъ сомнѣнія, докторъ произнесъ ихъ съ цѣлью, но зналъ-ли онъ, что у тетки Маріаны было различныхъ денежныхъ бумагъ на 80,000 франковъ, и подозрѣвалъ-ли онъ, что Бойе взялъ ихъ? Впервые этотъ человѣкъ, преслѣдовавшій другихъ, самъ дрожалъ отъ страха. Однако, онъ вскорѣ поборолъ свое смущеніе и, принявъ гордый, вызывающій видъ, играя тростью, какъ саблей, направился въ улицу Мюскъ.

По дорогѣ онъ обдумалъ свое положеніе и составилъ планъ дѣйствія. Онъ немного поторопился съ отставкой, но ее могли объяснить неприязненными отношеніями къ Люи Пальяру, съ которымъ онъ не хотѣлъ жить въ одномъ городѣ. Что же касается взятыхъ имъ денежныхъ бумагъ, то никто не зналъ, что, онѣ находились у старухи, да если и будетъ узнано, что онѣ у него, то она могла передъ смертью передать ихъ ему изъ рукъ въ руки. Подобный даръ былъ очень вѣроятенъ; тѣмъ болѣе, что всѣ знали, какъ покойница любила его. Такимъ образомъ уголовного преслѣдованія онъ нисколько не боялся, но Люи Пальяръ могъ предъявить къ нему гражданскій искъ, требуя возврата денегъ; слѣдовательно было благоразумнѣе помѣстить эти суммы въ такое вѣрное мѣсто, гдѣ ихъ не могли бы разыскать. Для этого ему необходимо было обратиться къ какому-нибудь дѣльцу, который знаетъ наизусть всѣ лазейки кодекса и... уже разъ десять заслужилъ каторгу. Бойе слишкомъ часто видѣлъ, какъ мошенники выходили сухими изъ воды, чтобъ самому не сдѣлать того же.

Возвратясь домой и принявъ свой обычный печальный, плачущій видъ, онъ медленно поднялся по лѣстницѣ, выжидая, чтобъ привратница остановила его. То, чего онъ желалъ, согласно задуманному плану, конечно, случилось.

— Ну, г. Бойе, вы съ кладбища, сказала привратница;—я проводила процессію только до церкви и могу сказать: славныя были похороны. Вы должны быть довольны.

— Я усталъ отъ горя и хлопотъ. Я теперь лягу отдохнуть, а завтра я пойду за городъ.

«Бѣдный человѣкъ!» подумала привратница.

Сыщикъ быстро поднялся къ себѣ и заперъ дверь квартиры. Онъ достигъ того, что привратница его видѣла и была убѣждена, что, оставшись дома, онъ ляжетъ спать. Еслибъ дѣло дошло до слѣдствія, то она такъ и покажетъ. Оставшись одинъ, онъ переодѣлся и, съ помощью румянъ, бѣлизъ и прочихъ сценическихъ приспособленій, придавъ себѣ совершенно иное лицо. Теперь никто не узналъ бы его. Волоса у него посѣдѣли, на щекахъ явились бакенбарды котлетами, глаза весело заблестали подъ густыми серебристыми бровями, носъ покраснѣлъ, какъ у пьяницы.

Бережно опустивъ въ боковой карманъ пальто связку денежныхъ бумагъ, онъ тихо вышелъ изъ квартиры, заперъ за собою дверь и неслышно спустился по лѣстницѣ. Привратница видѣла издали, какъ онъ прошелъ и подумала, что это чужой, бывшій въ гостяхъ у кого-нибудь изъ жильцевъ.

Спустя полчаса сыщикъ отправился по желѣзной дорогѣ въ Реймсъ, куда и прибылъ къ вечеру. Онъ прямо отправился къ знакомому нотариусу, сказалъ ему, что хочетъ купить помѣстье

въ окрестностяхъ, объяснилъ какую даетъ цѣну и внесъ подъ росписку свои денежные бумаги въ видѣ обезпеченія для торговъ. Въ ту же ночь онъ возвратился въ Парижъ и незамѣтно проскользнулъ въ темнотѣ мимо привратницы.

На слѣдующее утро, около двѣнадцати часовъ, привратница постучала къ нему въ дверь, безпокоясь, что такъ поздно уже, а онъ не выходитъ. Бойе отворилъ дверь въ одной рубашкѣ и попросилъ ее убрать комнату, пока онъ одѣнется.

— Еслибъ вы не пришли, сказалъ онъ,—я проспалъ бы еще долго. Я очень измучился и всю ночь мнѣ мерещилась бѣдная тетка Маріана. Я почти не сомкнулъ глазъ; мнѣ такъ нездоровилось, у меня былъ сильный жаръ.

— Зачѣмъ вы меня не позвали, я бы сбѣгала за докторомъ.

— Вы видите и такъ прошло. Я теперь пойду къ двоюродному брату, а потомъ отправлюсь за городъ. Мнѣ надо отдохнуть.

— Да, вы очень устали, не шутка день и ночь сторожить тѣло и хлопотать о похоронахъ.

— Конечно, но не забудьте, я теперь пролежалъ въ постели осемнадцать часовъ.

— Правда. Вы тотчасъ легли, какъ вернулись вчера домой.

— Да, я не могъ стоять на ногахъ.

Планъ сыщика удался какъ нельзя лучше. Привратница была убѣждена, что онъ наканунѣ весь день и всю ночь провелъ дома, а слѣдовательно не могъ убѣжать изъ Парижа. Такимъ образомъ, онъ могъ спокойно ждать слѣдствія и обыска. У него въ квартирѣ ничего не найдутъ и, конечно, никому не придетъ въ голову искать украденныя имъ деньги тамъ, куда онъ ихъ помѣстилъ.

Одѣвшись, Бойе отправился къ Люи Пальяру, который не могъ скрыть своего отвращенія при видѣ его.

— Ты просилъ у меня что-нибудь на память о матери, сказалъ онъ;—вотъ я приготовилъ тебѣ ея кольцо. Ты уѣзжаешь изъ Парижа. Я очень радъ. Твое присутствіе меня возмущаетъ. Какъ ты хочешь, а я никогда тебѣ не прощу, что ты ссорилъ меня съ матерью и что по твоей милости я не могъ ухаживать за нею передъ ея смертью. Ты укралъ у меня послѣднія минуты моей матери.

Неожиданный отъѣздъ Бойе нисколько не удивлялъ Люи, который зналъ какимъ ремесломъ занимался его двоюродный братъ. Въ ту эпоху, каждый разъ, когда императорскому правительству предстояло внести въ законодательный корпусъ новый законъ или провести на выборахъ своего кандидата, тотчасъ устраивался маленький заговоръ противъ императора. Общество пугалось и цѣль бывала достигнута. Пальяръ подумалъ, что Бойе посылалъ въ провинцію, какъ агента-подстрекателя. Поэтому онъ не обратилъ особаго вниманія на этотъ отъѣздъ.

— Пока моя мать была жива, сказалъ онъ, когда сыщикъ сталъ прощаться,—я не могъ помѣшать тебѣ приходить сюда и мы иногда съ тобой видались, но теперь для общаго спокойствія намъ бы лучше никогда болѣе не встрѣчаться.

— Я долженъ былъ ожидать отъ тебя такой черной неблагодарности, отвѣчалъ Бойе.—Но я не прихожу въ отчаяніе: религія дастъ мнѣ силу перенести твои оскорбленія и даже простить тебя. Однако чтобы ты ни говорилъ и ни дѣлалъ противъ меня, если я тебѣ могу пригодиться, ты всегда можешь разсчитывать на меня.

И онъ вышелъ изъ комнаты безъ гнѣва, хотя видимо огорченный.

Но, очутившись одинъ на лѣстницѣ, онъ обернулся къ двери и, грозя кулакомъ, громко сказалъ:

— Дуракъ, ты не знаешь, какъ страшна моя

ненависть. Ты увидишь, какъ я отомщу за себя! между нами теперь борьба на смерть... слышишь: на смерть.

Въ эту минуту чья-то рука опустилась на его плечо. Онъ вздрогнулъ и услышалъ голосъ доктора, который сказалъ со смѣхомъ:

— Именно такъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Листки изъ записной книжки.

Стих. Б. Левина.

I.

ще не все у жизни взято,
Еще утрачено не все,—
И сердце страстное мое
Съ весной ждетъ лучшихъ дней возврата.

Ихъ и не будетъ, можетъ быть,
Но еслибъ не было надежды,—
Я вѣчнымъ своимъ смежилъ бы вѣжды,
Сказавъ: «не стоитъ больше жить!»

II.

И звонкая трель соловья,
И запахъ отъ сосенъ смолистый,
И мѣсяца блескъ серебристый...
Пахнуло весной на меня!

И грезится юность моя,
И грудь мою давить сильнѣе,
И кажется смерть мнѣ страшнѣе...
Пахнуло весной на меня.

III.

Свѣтаетъ. Ночь къ концу пришла,
Съ полей сѣдыхъ тумановъ мгла
Ползетъ, сливаясь въ облака
Подъ дуновеньемъ вѣтерка.

Сейчасъ проснется и народъ...
Но гдѣ-жъ тотъ вихрь, что унесетъ
Туманъ печалей и скорбей
Его страдающихъ дѣтей?

IV.

Тебѣ, Христосъ, отъ Бога власть дана,
На свадебномъ пиру свершилъ ты чудо:
Когда на немъ изсякъ запасъ вина,—
Ты повелѣлъ водой налить сосуды
И, какъ вино, заискрилась она...

Направь и къ намъ, Господь, стопы свои!
Мы жизни пиръ затихнувшимъ застали,
Не дай съ него съ проклятьемъ намъ уйти
И духъ тоски, унынья и печали
Въ духъ бодрости и силы преврати.

V.

Блаженъ, кто шель земнымъ путемъ,
Отбросивъ думъ зловѣщихъ гнетъ,—
Не думалъ вовсе о быломъ
И не заглядывалъ впередъ:

Въ грядущемъ царствуетъ одна
Непроницаемая тьма,
А въ прошломъ,—въ прошломъ жизнь полна
Ошибокъ сердца и ума.

VI.

Жизни моей неудачную нить
Старая Парка ворчливо прядетъ:
Спутался ленъ, надобно сучить,
Скоро-она эту нить оборветъ.

Изъ Парижа *).

(Письмо Н. Тарже.)

Слѣдующая по величинѣ за налогомъ на съѣстные припасы статья бюджета—налогъ на недвижимыя имущества и право торговли. Отъ этой статьи городская касса получаетъ 23,976,100 фр. По какимъ-то страннымъ соображеніямъ соста-

*) См. № 12, «Жив. Об.».

Наводненіє въ Сегединѣ.

вители бюджета къ этой статьѣ добавляют налогъ на собакъ, приносящій 600,000 фр., такъ что весь доходъ по этой статьѣ въ бюджетѣ опредѣляется цифрой въ 24,576,100 фр. Нечего и говорить, что эта бюджетная статья имѣетъ привилегію возбуждать постоянно горячія пренія въ муниципальномъ совѣтѣ. Французскіе буржуа крѣпко держатся за свой карманъ и хотя въ данномъ случаѣ налогъ, падающій на домовладѣльцевъ и торговцевъ, въ сущности, уплачивается не ими, а нанимателями квартиръ и покупателями товаровъ, они, домовладѣльцы и торговцы, какъ бы считаютъ своей обязанностью охотъ и плакать, что они падаютъ подъ непосильной для нихъ тяжестью налоговъ. Лучше бы имъ взять примѣръ съ заморскихъ сосѣдей. Англичане всегда съ достоинствомъ платятъ налоги, они никогда не ропшутъ; напротивъ, въ раскладкѣ налоговъ, у нихъ господствуетъ принципъ обложенія болѣе состоятельныхъ классовъ. Французъ же любитъ вѣчно жаловаться, что его дожимаютъ государственные и общественные налоги и что, вслѣдствіе того, ему грозитъ раззореніе. Онъ жалуется и богатѣетъ и хотя въ Англіи можно насчитать большее число крупныхъ капиталистовъ, чѣмъ во Франціи, но за то среднихъ и мелкихъ капиталистовъ и собственниковъ во Франціи несравненно болѣе, чѣмъ въ Великобританіи: ни въ одномъ народѣ, можетъ быть, не развита въ такой степени способность къ сбереженію и накопленію, какъ во французскомъ. Отсюда прямой выводъ, что жалобы французскаго буржуа чисто фиктивны, а падающій на него налогъ не можетъ считаться непосильнымъ.

Водопроводы и вообще гидравлическія учрежденія даютъ парижской городской казнѣ значительную цифру: 9,888,657 фр. Сборъ по этой статьѣ съ каждымъ годомъ замѣтно увеличивается, среднимъ числомъ на 10% въ годъ, что, разумѣется, свидѣтельствуетъ объ увеличеніи комфорта въ парижскомъ населеніи.

Первыя попытки газоваго освѣщенія были сдѣланы въ Парижѣ еще въ 1824 году. До 1855 года городская казна съ этой статьи не получала никакого дохода. Въ этомъ же году 6 различныхъ компаній соединились въ одну, получившую отъ города монополію до 1905 года, при чемъ городъ оставилъ за собою право примѣнять на своей страхъ всѣ другіе способы освѣщенія, кромѣ газоваго, напримѣръ, электрическое. Цѣна за газъ опредѣлена двоякая: одна для частныхъ лицъ, другая для потребностей города. За кубическій метръ газа частные потребители платятъ 30, а городъ 15 сантимовъ. Компанія же вноситъ городу: 200,000 фр. ежегодно за свои помѣщенія; по 2 сантима съ куб. метра потребленнаго газа; не избавляется отъ платежа установленнаго за ввозимые въ городъ продукты, необходимые для ея производства. Сверхъ того, доходъ, оставшійся, за отчисленіемъ 10% въ пользу акціонеровъ, дѣлится поровну между компаніей и городомъ. Доходъ города по этой статьѣ постоянно усиливается въ значительной пропорціи. Такъ въ 1873 году онъ простирался до 5,100,000 фр., въ 1874 году, онъ уже достигъ 6,000,000; въ 1875 г. — 8,000,000; въ 1876 — 8,300,000, а въ 1877 — 8,500,000 фр. Кромѣ этого нормальнаго дохода городская казна, въ силу особаго контракта съ компаніей, получаетъ добавочныхъ (еще по 2 сант. съ куб. метра газа) за освѣщеніе 3,400,000 фр.

Отдача рыночныхъ помѣщеній, боенъ, пользованіе городскими вѣсами и т. п., даютъ городской казнѣ доходъ въ 6,945,000 фр. Строительныя работы и мостовыя приносятъ 2,591,595 фр. Общественные экипажи платятъ налога 4,330,500 фр. За право битъ скотъ въ общественныхъ бойняхъ (показанный выше доходъ съ боенъ получается специально за пользованіе городскими помѣщеніями) въ пользу городской казны вно-

сится 2,950,000 фр. На содержаніе въ чистотѣ и порядкѣ парижскихъ улицъ, городская казна беретъ съ домовладѣльцевъ специальный налогъ, доставляющій 2,600,000 фр. Платы съ учениковъ и др. доходовъ въ городскихъ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ поступаетъ въ городскую казну 2,513,931 фр. Отдача въ наемъ анбаровъ и пакгаузовъ даетъ городу 2,100,000 фр. Съ кладбищъ получается 1,721,700 фр. За вывозку грязи и нечистоты городъ получаетъ 1,593,000 фр. Дохода съ общественныхъ заведеній поступаетъ 1,289,168 фр. 66 сант. За право ставить столы и стулья на улицахъ передъ кафе, ставить скамейки и стулья въ паркахъ, имѣть кіоски, переносныя лавки, лари и пр. въ городскую казну вносится 904,815 фр. Различные другіе доходы, перечислять которые мы не будемъ, иначе пришлось бы исписать нашу замѣтку еще нѣсколькими десятками цифръ, простираются до 4,043,481 фр. 30 сант. Кромѣ того государство вноситъ въ городскую казну добавочныхъ на содержаніе муниципальной полиціи 7,693,825 фр., и 3,400,000 фр. въ возмѣщеніе городу за разныя спеціальныя траты.

Если мы присоединимъ къ доходу по перечисленнымъ статьямъ, налогъ на акціи, облигаціи, фонды и пр., доставляющій 4,973,000 фр., то бюджетъ города Парижа по отдѣлу дохода выразится громадной цифрой въ 222,714,172 фр. 96 сант.

Обратимся теперь къ расходамъ.

Почти половина ежегоднаго дохода города Парижа идетъ на уплату процентовъ и погашенія по долгамъ, въ разное время заключеннымъ городомъ; 106,370,478 фр. 9 сант. должна заплатить городская казна въ текущемъ бюджетномъ году по этой статьѣ.

Громадный долгъ гор. Парижа главнѣйше образовался во время второй имперіи и пошелъ на удовлетвореніе обуявшей страсти къ перестройкѣ, что обусловливалось собою насильственный выкупъ имуществъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Парижъ дѣйствительно украсился и улучшился съ гигиенической точки зрѣнія. Много полезнаго для города совершенно благодаря этимъ займамъ, но является вопросъ, не получились-ли бы болѣе благотворные результаты, еслибы городская администрація съ меньшимъ рвеніемъ занялась перестройками и украшениями, слѣдовательно не почувствовала бы необходимости прибѣгать къ громаднымъ займамъ, тяжесть которыхъ ложится не только на дѣйствующія поколѣнія, но и на будущія? Мы полагаемъ, что сдержанность въ этомъ отношеніи несомнѣнно принесла бы пользу. Для удовлетворенія затѣй префекта Гаусмана, откликнувшихся, конечно, на требованія свѣше и обусловленныхъ правительственной системой второй имперіи, Парижъ израсходовалъ почти два миллиарда. Въ 1855 году городская администрація заняла 67,082,305 фр. въ 1860 — 134,264,610; въ 1865 — 723,177,890; въ 1867 и 68 — 562,316,317; въ 1869 — 443,740,980 фр. Конечно, расходуя два миллиарда, можно было сдѣлать для блага города несравненно болѣе, чѣмъ сдѣлано, руководствуясь прежде всего исполненіемъ предначертаній, имѣвшихъ мало общаго съ удовлетвореніемъ насущныхъ потребностей населенія.

Правительственная система второй имперіи вызвала войну съ Пруссіей и затѣмъ осаду Парижа, что повлекло за собой большія бѣдствія для города. Городской администраціи пришлось уплатить контрибуцію пруссакамъ, а затѣмъ возмѣстить многочисленныя потери частнымъ лицамъ и общественнымъ учрежденіямъ. Пришлось снова прибѣгнуть къ займу и весьма значительному. Въ 1871 году городъ Парижъ занялъ 1,272,756,460 фр. Между тѣмъ наступило время окончательнаго погашенія старыхъ долговъ, сдѣланныхъ до 1855 года, что возможно было осу-

ществить только новыми займами. Въ 1875 году городъ занялъ 810,943,260, а въ 1876 — 420,371,150 фр.; три послѣдніе займа долгосрочные, на 71 годъ; первый — трехпроцентный; остальные — четырехпроцентные. Въ настоящее время долгъ гор. Парижа простирается до 4½ миллиардовъ франковъ. Не надо забывать, что уплачивая проценты и погашеніе, въ концѣ концовъ придется уплатить вдвое и даже болѣе противъ занятой цифры.

Вторая значительная статья расхода — содержаніе полицейской префектуры — 21,950,836 фр. 29 сан. Но изъ этой цифры надо вычесть 7,693,825 фр., отнимаемые государствомъ, такъ что собственно на городскую казну падаетъ 14,257,011 фр. 29 сан.

На содержаніе въ исправности дорогъ, улицъ, тротуаровъ и пр. городъ тратитъ 15,956,900 фр. но и эта цифра уменьшается на 3,400,000 фр., возмѣщаемые государствомъ за работы на государственныхъ дорогахъ, проходящихъ въ чертѣ гор. Парижа; такимъ образомъ городъ тратитъ по этой статьѣ только 12,557,000 фр.

Остальные расходы, показанные въ бюджетѣ, выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ: общественное призрѣніе 13,676,000 фр.; общественное обученіе 12,284,994 фр.; удаленіе грязи, нечистоты и пр. 8,660,164 фр.; парки, скверы, освѣщеніе 8,379,600 фр.; по взиманію налоговъ съ предметовъ первой необходимости 6,474,750 фр.; содержаніе департаментской префектуры и центральной мэрии 5,066,090; архитектура и некуства 4,914,150; республиканская гвардія 3,176,300 фр.; содержаніе рынковъ и вообще городскихъ имуществъ 1,322,850 фр.; содержаніе окружныхъ мэрій 730,500 фр.; пенсіи и пособія 645,441 фр. 66 сант.; по статьѣ вѣроисповѣданій 171,816 фр.; отчислены въ запасный капиталъ 1,496,310 фр. 89 сант.; остальные затѣмъ расходы по многочисленнымъ статьямъ, которые мы перечислять не будемъ, простираются до 11,436,982 фр. 3 сант.

Весь расходъ исчисленъ въ 222,714,172 фр. 96 сант.

Мы представили смѣту обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ. Но къ нимъ еще слѣдуетъ прибавить чрезвычайные расходы, исчисленные на 1879 г. всего въ 4,042,500 франковъ, которые городская администрація предполагаетъ покрыть чрезвычайными же доходами, не прибѣгая къ новому займу; что сдѣлало бы ей большую честь, если бы только она получила ихъ не прибѣгая къ чрезвычайнымъ средствамъ, но она этого сдѣлать не можетъ. Чрезвычайные расходы предполагаются на учрежденіе новаго факультета въ Сорбоннѣ и на расширеніе зданія, гдѣ помѣщается это учрежденіе; на устройство школы практической медицины и новаго родовспомогательнаго заведенія; на работы по водопроводамъ, на устройство новыхъ тротуаровъ и пр. Недостающую для чрезвычайныхъ расходовъ сумму городская администрація предполагаетъ получить преимущественно отъ продажи нѣсколькихъ участковъ земли изъ числа принадлежащихъ городу. Покрывать такимъ путемъ чрезвычайные расходы не большая хитрость. Впрочемъ, городская администрація достойна похвалы и за то, что въ бюджетъ 1879 года ввела сравнительно небольшіе чрезвычайные расходы. Въ прежніе года эти расходы составляли дѣйствительно «чрезвычайный» расходъ. Такъ, въ 1876 году чрезвычайные расходы простирались до 104 миллионовъ фр., въ 1878 году до 36,356,000 франковъ.

Городская администрація образовала комиссію, которой поручила составить предположительную смѣту работъ, необходимыхъ въ ближайшемъ будущемъ. Комиссія отнеслась къ дѣлу очень добросовѣстно, вполне изучила пучки и потребно-

сти городского населенія и результатомъ ея работъ явился обстоятельный томъ, въ которомъ излагаются проекты будущихъ работъ и указывается откуда взять средства для ихъ осуществленія. Работъ этихъ оказывается очень много, а сумма, необходимая для ихъ осуществленія, исчислена въ 594,523,824 франка. Комиссія находитъ возможнымъ начать эти работы въ будущемъ 1880 году, отпустивъ на нихъ изъ обыкновеннаго бюджета 43,872,802 фр. Комиссія находитъ эти работы существенно-необходимыми. Муниципальный совѣтъ согласился съ этимъ мнѣніемъ, другими словами, приступитъ къ указаннымъ работамъ.

Въ слѣдующемъ письмѣ я представляю очеркъ учреждений города Парижа.

«Покинутая Ариадна» — сюжетъ излюбленный скульпторами всѣхъ временъ. Втеченіе двадцати столѣтій мраморъ не переставалъ воспроизводить юную красавицу, покинутую Тезеемъ и взирающую съ отчаяніемъ, съ высоты своего утеса, на корабль, уносящій въ роуломнаго отъ тѣхъ береговъ, на которыхъ она подарила его своею любовью. Эта тема даетъ художникамъ возможность изобразить обчаженное женское тѣло и передатъ въ лицѣ Ариадны выраженіе тоски и отчаянія. Скульпторъ Кальви счастливо вдохновился этимъ поэтическимъ преданіемъ. Его «Ариадна» составляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній, посланныхъ Италіею на парижскую всемірную выставку. Кальви выставилъ еще двѣ вещи: «Отелло» и «Селика», тоже обращающія на себя вниманіе своею экспрессіею.

«Видъ близъ Выборга», «Послѣ бала», «Карлъ XII», «Норвежанка» и «Укусить». Сурова и дика природа Финляндіи, Швеціи и Норвегіи. Тысячи быстрыхъ горныхъ рѣчекъ, сотни озеръ, множество горъ и холмовъ, каменистые берега моря, мрачные сосны, ели, мохъ, повсюду разбросанныя массы гранита, все это дѣлаетъ здѣсь природу какою-то строгою, неприступною, хотя и не лишенною своеобразной прелести. Эта природа навѣваетъ нерѣдко тоскливое чувство. Я помню, какія тяжелыя чувства пробудила во мнѣ финская природа, когда я впервые попалъ въ Финляндію; въ моей записной книжкѣ уцѣлѣли еще листики, на которыхъ я выразилъ эти чувства въ слѣдующихъ отрывочныхъ строфахъ:

I.

Здѣсь видъ природы мнѣ несносенъ,
Здѣсь все стѣсняетъ кругозоръ —
И цѣпи жалкихъ, мелкихъ горъ
И группы полуголыхъ сосенъ.

И чѣмъ сильнѣе блещетъ солнце,
Тѣмъ безотраднѣй и страшнѣй
И входы тощія полей
И бѣдность робкая чухонца.

II.

Какая бѣдность, Боже мой!
Какія ветхія лачуги!
Здѣсь даже дикій звѣрь зимой
Не могъ бы спрятаться отъ вьюги.

А между тѣмъ, изъ вѣка въ вѣкъ,
Гонимый бѣдностью своею,
Здѣсь жизнь проводитъ человѣкъ
И дорожитъ зачѣмъ-то ею.

III.

Что здѣсь за люди! Бѣдный сынъ
Суровой махи-природы,

Всегда угрюмый, дикій финнъ
Выносить молча всѣ невзгоды.

Но если хочешь ты узнать,
Что грудь его сосетъ и гложетъ,
Подслушай пѣснь его — рыдать
Тоскливой женщина не можетъ.

IV.

Гранитъ, песокъ, сосна да мохъ,
Все мрачныя наводитъ думы, —
И, какъ на грѣхъ, у самыхъ ногъ
Чернѣетъ озеро угрюмо.

Шагъ, только шагъ одинъ впередъ
И отъ всего, что такъ тревожитъ,
Въ холодной безднѣ этихъ водъ
На вѣки скрыться сердце можетъ.

V.

«Здѣсь море близко!» — Я оставилъ
Лѣсную глушь, лѣсную тьму
И торопливо шагъ направилъ
Къ былому другу своему.

Но не узналъ я здѣсь то море,
Чьей мощи нѣтъ границъ и мѣръ:
Оно, какъ узникъ, о просторѣ
Здѣсь только стонетъ между шхеръ.

VI.

Что за виды! что за картины!
Но дѣти — дѣти этихъ горъ —
Опять съ кошелками малины
Стоять на пристаняхъ озеръ.
Они не просятъ подавня, —
Они не нищія... О, нѣтъ!
И все же ихъ существованье —
Рядъ дней голодныхъ, нужды и бѣды.

VII.

Болотный мохъ, приземистая ель,
Свинцовая окраска небосвода...
Нѣтъ, не взроститъ такая колыбель
Могучаго и страстнаго народа.

Всегда одной заботой поглощенъ:
Добыть себѣ кусокъ насущный хлѣба,
Не привлечетъ къ себѣ собратъевъ онъ,
Какъ и его безрадостное небо.

VIII.

Мы совершали путь лѣниво.
Все спало мирно въ сладкомъ снѣ:
И лѣсъ на скалахъ молчаливый,
Темнѣвшій въ свѣтлой вышинѣ,
И водъ широкіе разливы,
Невозмутимые вполнѣ,
И только канделе тоскливо
Рыдало въ этой тишинѣ.

И подъ рыдающіе звуки
Я думалъ: Боже, отзовись
На этотъ вопль сердечной муки,
Къ народу бѣдному склонись
И, протянувъ страдальцу руки,
Промолви Лазарю: «Очнись!»

Среди такой природы — мы въ нынѣшнемъ году уже помѣтили одинъ изъ пейзажей, взятыхъ изъ этой природы, то былъ видъ Иматры, теперь мы помѣщаемъ видъ берега близъ Выборга, — среди такой природы, конечно, нерѣдко создаются невеселыя легенды, невеселыя картины, невеселыя пѣсни. Двѣ картины, навѣяныя мрачной природой сѣвера, находятся передъ глазами нашихъ читателей. Одна изъ нихъ — «Послѣ бала» — принадлежитъ кисти шведскаго художника. Ея сюжетъ невеселъ: балъ кончился, гости много пили, много шумѣли, тутъ были женщины, что видно по разбросаннымъ на полу цвѣтамъ, по женской перчаткѣ, валяющейся тутъ же, и среди этого кутежа затѣялась ссора, началась дуэль, — гости разбѣжались въ страхъ, пиръ кончился, но одинъ изъ пирующихъ палъ кровавою жертвою оргіи. Картина написана мастерски. Другая картина принадлежитъ кисти знакомаго

уже нашимъ читателямъ финскаго художника Едельфельда; его «Королева Бланка» была помѣщена у насъ въ прошломъ году; настоящая его картина красуется теперь на выставкѣ въ академіи художествъ. Она производитъ не менѣе мрачное впечатлѣніе, чѣмъ картина «Послѣ бала». Это надруганіе надъ мертвымъ врагомъ, надруганіе передъ лицомъ родственницъ этого врага, пробуждаетъ тяжелое чувство. Но не все же мракъ и слезы! Та же суровая природа сѣвера вырабатываетъ прелестные типы въ народѣ, и мы беремъ и эту сторону сѣверной жизни.

Въ горной природѣ есть что-то облагораживающее, простирающееся не только на человѣка, но даже и на животныхъ. Горецъ не походитъ на жителя равнины; горныя стада подвижнѣе, не жели пасущіеся на низменностяхъ. Самыя опасности горной жизни и рѣзкій, но живительный воздухъ горъ поддерживаютъ въ человѣкѣ и животныхъ свѣжесть и бодрость, и сообщаютъ удивительную упругость всему ихъ организму. Картина Ганса переноситъ насъ въ горы Норвегіи. Какою свѣжестью дышетъ все существо изображенной имъ поселенки! И вся атмосфера вокругъ нея какъ бы пропитана здоровымъ вѣтеркомъ, который дуетъ съ вершинъ, отнимая у солнечныхъ лучей ихъ зной и окружая все живущее лишь одною пріятною теплотою. Все согласно между собою въ этой природѣ, все какъ бы создано во-едино: горы, озера и человѣкъ... Все это просто, но какъ все сильно, величественно и прекрасно...

Картина Бюргера переноситъ насъ въ сферу безхитростныхъ шутокъ, замѣняющихъ у простыхъ людей болѣе утонченные приемы любезности. Рослый дѣтина, рыбакъ по профессіи, какъ это видно по стоящей за дверью корзинѣ съ рыбой, находитъ остроумнымъ пугать хорошенькую работницу большимъ морскимъ ракомъ, готовымъ ущемить своими клешнями ея полную, бѣлую руку. Дѣвушка сопротивляется, но, по лицу ея видно, что она не особенно досадуетъ на шутку. Одно только страшно: не застала бы сердитая хозяйка подобной сцены, а подурачиться Гансу позволительно...

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

Русскіе и турки, съ географической, этнологической и исторической точки зрѣнія, соч. Р. Дж. Латама.

Необходимо замѣтить, что во всей области этнологіи нѣтъ болѣе труднаго вопроса, какъ тотъ, которому Латамъ посвятилъ свой трудъ и свои знанія, и который имъ изложенъ въ интересной книгѣ: «Русскіе и турки».

Громадныя равнины сѣверной Азіи представляютъ самыя обширныя пространства въ свѣтѣ, гдѣ преобладаетъ лишь незначительное число общихъ условий, но въ каждой отдѣльной странѣ, весьма обширной по своему протяженію, — однообразію природы соответствуетъ однообразіе населенія, въ которомъ, какъ и въ самой странѣ, замѣчаются общіе признаки: лица жителей одинаково плоски повсюду. Они всѣ имѣютъ плоскій носъ, выдающіяся скулы и широкія кости. Эти характерные признаки, правда, мѣняются въ различныхъ мѣстностяхъ, но незначительно, такъ что они не могутъ быть лишены названія «характерныхъ».

Различіе въ физическомъ, интеллектуальномъ и моральномъ типѣ племенъ, также несущественно; тогда какъ число самихъ племенъ весьма значительно, въ тоже время каждое отдѣльное племя очень немногочисленно. Исторія показала намъ, что почти всѣ азіатскія племена мѣняютъ свое названіе отъ времени до времени, и въ различныхъ столѣтія мы встрѣчаемся съ тѣми же самыми племенами, но подъ различными на-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ

КАРТИНА ЗИГВАЛЬДА ДАЛЯ.

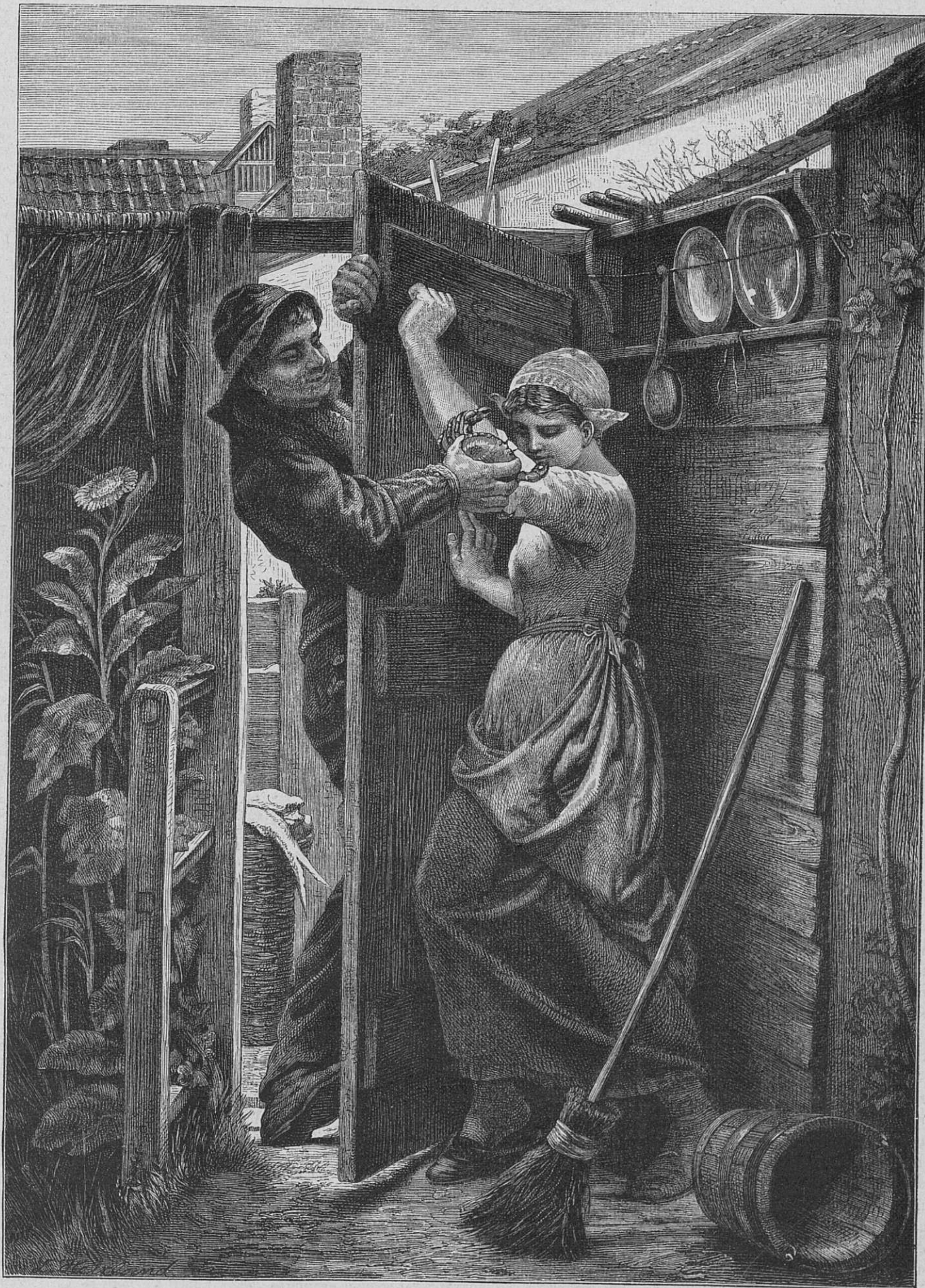
Дитя Норвегии въ горахъ.

Рѣзалъ на деревѣ Гейтландъ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА БЮРГЕРА.

Укусить.

Рѣзано на деревѣ съ фотографіи Брауна и К^о въ Дорнахѣ.

званіями; они перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто—то на сѣверъ, то на югъ, то на востокъ, то на западъ, часто на громадныя пространства. Природа имѣла гораздо меньшее вліяніе на раздѣленіе монголовъ, турокъ, татаръ и финновъ другъ отъ друга и отъ древнихъ славянъ, чѣмъ историческія причины. Латамъ полагаютъ, что татары въ громадномъ большинствѣ суть турки, но только подъ другимъ именемъ. Онъ говоритъ, что многочисленныя набѣги изъ Азіи производились кровными колѣнами или подраздѣленіями большого тюркескаго племени. Гунны самымъ очевиднымъ образомъ подтверждаютъ, что эти завоеватели принадлежали къ тюркскому племени. Относительно же аваровъ не можетъ быть основательнаго сомнѣнія. Авары, даже болѣе, чѣмъ гунны, представляли военную силу тюркескаго племени. Хозары же, болѣе миролюбивое и осѣдлое племя, были больше кушцами, чѣмъ воинами. Куманскіе турки служили какъ бы авангардомъ этой громадной арміи завоевателей, которые много столѣтій тому назадъ наводнили Анатолію и Европу. Что касается сельджуковъ, которые во всѣхъ курсахъ исторіи описываются, какъ потомки извѣстной семьи въ Бухарѣ, отъ которой произошли родоназчальники современныхъ турокъ, распространявшихъ свое владычество на западъ и югъ, и бывшихъ главами царствующихъ домовъ въ Персіи, Сиріи, Месопотаміи и малой Азіи, то Латамъ указываетъ на неточность этого мнѣнія. «Мнѣ кажется, говоритъ онъ, что настоящій Сельджукъ ни болѣе, ни менѣе, какъ историческій Селевкъ».

Турки, принявъ религію арабовъ, невольно слились съ ними. Тѣмъ не менѣе, между ними существуетъ различіе, которое не слѣдуетъ упускать изъ виду въ настоящее, критическое для турокъ, время. Объ этомъ различіи Латамъ говоритъ слѣдующее: «Между арабами и турками существуетъ замѣтная антипатія, происхождение которой трудно объяснить. Она во всякомъ случаѣ не происходитъ отъ религіи; она, по всей вѣроятности, расовая, принимая это слово въ самомъ обширномъ его значеніи. Эта антипатія не покоится на историческихъ воспоминаніяхъ. Во всякомъ случаѣ, ненависть существуетъ и, вѣроятно, составляетъ результатъ безчисленныхъ индивидуальныхъ антипатій. Турокъ гордъ, отваженъ и надмѣненъ, вслѣдствіе чего грекъ презираетъ и избѣгаетъ его. Арабъ, какъ магометанинъ, носящій оружіе, стоитъ къ турку ближе, боится его менѣе, ненавидитъ его меньше, чѣмъ грекъ, но очень далекъ отъ взаимной симпатіи. Совокупность индивидуальныхъ враждебныхъ отношеній производитъ общій разладъ и отвращеніе, хотя между отдѣльными личностями можно нерѣдко встрѣтить дружбу и взаимное уваженіе. Тутъ происходитъ то, что имѣетъ мѣсто и среди европейскихъ народовъ, у которыхъ иногда существуетъ національная вражда въ то время, какъ девять десятыхъ населенія обѣихъ странъ уважаютъ другъ друга».

Изъ краткой картины прогресса и упадка турецкой имперіи видно, что турки одерживали побѣду за побѣдой, пока воевали противъ другихъ азіатскихъ или европейскихъ народовъ, стоявшихъ, по цивилизаціи, ниже турокъ. Но какъ скоро они приходили въ прикосновеніе съ другими, вышшими расами, какъ-то: испанцами и нѣмцами, они были всегда побѣждаемы. До Лепантскаго сраженія, въ которомъ Іоаннъ Австрійскій побѣдилъ ихъ, вслѣдствіе чего сдѣлался самымъ популярнымъ героемъ христіанства, турецкая имперія росла и увеличивалась. Она еще была сильна и могущественна, когда Елизавета многократно обращалась къ Амурату III съ просьбой о помощи на морѣ противъ Армады, причемъ она себя позволяла называть султана «защитникомъ истинной вѣры противъ идолопо-

клонниковъ, ложно псовѣдывающихъ имя Христова». Во время царствованія султана, побѣжденнаго въ Лепантскомъ сраженіи, возникла война между Россіей и Турціей. Съ этихъ поръ начинается паденіе Турціи, которое, можно сказать безъ преувеличенія, шло такъ же быстро, какъ усиленіе Россіи. Съ этихъ поръ военное счастье оставило Турцію; ей пришлось заключать неблагоприятныя для нея трактаты, самымъ губительнымъ изъ которыхъ былъ заключенный 150 лѣтъ тому назадъ, въ силу трактата, между русскимъ царемъ и султаномъ дружественный союзъ на вѣчныя времена. Этотъ союзъ въ самомъ своемъ основаніи былъ неблагоприятенъ для турокъ: русскій царь полагалъ, что старое, пустившее глубокіе корни, разногласіе между ними можетъ быть искоренено, а султанъ былъ настолько близорукъ, что согласился на раздѣленіе и раздробленіе Персіи. Съ самаго же начала, вмѣсто дружбы, образовались натянутыя отношенія: Турція всегда видѣла въ Россіи своего исконнаго врага и никогда не могла примириться съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ; она охотнѣе бы соединилась съ другимъ врагомъ, лишь бы избавиться отъ дружбы Россіи. Вслѣдствіи войны на Кавказѣ, и занятіе восточной его части вызвали зависть въ Турціи, а благодаря религіозному единству турокъ съ побѣжденными горцами, скрытая ненависть обнаруживалась все болѣе и болѣе. Нейтралитетъ, объявленный въ то время Турціей, если и не дружественный, по своей сущности, ставилъ ее въ неловкое и неопредѣленное положеніе относительно побѣжденных и непобѣжденных горцевъ, которые постоянно ожидали помощи изъ Константинополя и вѣчно бывали обмануты въ своихъ ожиданіяхъ. Всѣ эти и многія другія причины повели къ войнамъ между Турціей и Россіей. Турція искусственно поддерживаемая посторонними вѣнскими силами, временно, казалось, одержала верхъ; но какъ все искусственное должно со временемъ пасть, такъ пала и эта искусственно-поддерживаемая сила турокъ, пало ихъ видимое могущество, обнаживъ при этомъ уже разлагавшуюся внутренность, прикрытую блестящею мишурою. Событія быстро мѣнялись и привели Турцію къ ея современному состоянію.

Въ описаніи политическихъ причинъ ея паденія, Латамъ не можетъ вполне избавиться отъ своихъ великобританскихъ воззрѣній и все сваливаетъ на неумѣло-составленные трактаты и союзы. Это не вѣрно: пусть Турція заключаетъ какіе ей угодно трактаты, пусть ее поддерживаютъ англичане и деньгами и оружіемъ, но въ силу самихъ вещей, Турція должна уступить славянамъ, и это единственно въ силу вещей,—въ силу того, что славяне, въ племенномъ отношеніи, стоятъ выше турокъ, а противъ этого могучаго всемірнаго закона не можетъ устоять ни одно племя земного шара.

Правительственныя сообщенія.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатано: Съ Высочайшаго соизволенія положено, съ началомъ будущаго учебнаго 1879—1880 года, приступить къ преобразованію Императорской медико-хирургической академіи на слѣдующихъ главныхъ началахъ:

1. Академія имѣетъ исключительнымъ назначеніемъ приготовленіе молодыхъ врачей для военно-медицинскаго вѣдомства и научное совершенствованіе состоящихъ въ ономъ на службѣ, почему и переименовывается въ Императорскую военно-медицинскую академію.

2. Соотвѣственно такому назначенію академіи, образовательныя силы ея сосредоточиваются на преподаваніи спеціально медицинскихъ наукъ, и учебный курсъ, продолжаясь три года, объемлетъ лишь предметы, преподаваемые нынѣ на трехъ высшихъ ея курсахъ, а учебныя пособія, для возможно основательнаго и всесторонняго изученія этихъ предметовъ, имѣютъ быть расширены сообразно потребностямъ и представляемымъ, чрезъ упраздненіе двухъ младшихъ курсовъ, средствамъ.

3. Соотвѣственно размѣрамъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, коими владѣетъ нынѣ академія, обучающихся въ ней полагается сначала 500 человекъ, съ дальнѣйшимъ же развитіемъ первыхъ, число обучающихся можетъ быть увеличено до 650 человекъ.

4. Пріемъ въ академію, сначала въ числѣ около 180 человекъ, полагается изъ числа получившихъ отъ университетовъ свидѣтельство объ успѣшномъ выдержаніи испытанія изъ приготовительныхъ къ изученію медицины наукъ, на первыхъ двухъ курсахъ медицинскихъ или естественныхъ факультетовъ.

5. Всѣ поступившіе въ комплектъ учащихся въ Императорской военно-медицинской академіи считаются на государственной службѣ, съ званіемъ «кандидата медицины».

6. При поступленіи въ академію, они приносятъ установленную присягу. Всѣ обязаны носить формульную одежду и подчиняться исполнѣ общему порядку, установленному въ военномъ вѣдомствѣ для другихъ военныхъ академій.

7. Всѣ они пользуются стипендіею по 300 рублей въ годъ и, сверхъ того, получаютъ пособие на обмундированіе, какъ при вступленіи въ академію, такъ и при выпускѣ ихъ врачами.

8. По окончаніи курса академіи, они обязаны прослужить въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ по полтора года за каждый годъ пребыванія въ академіи. Отъ обязанности этой не освобождаются и тѣ, кои, не окончивъ въ академіи полного курса, перейдутъ для окончанія его на медицинскіе факультеты университетовъ.

9. Поступившимъ по окончаніи курса въ академію на службу въ военно-медицинское вѣдомство и прослужившимъ въ немъ установленное число лѣтъ, время, проведенное въ академіи до полученія лекарской степени (не свыше, однакожъ, трехъ съ половиною лѣтъ), зачисляются въ срокъ службы на пенсію по военно-медицинской службѣ.

Составленный нынѣ на изложенныхъ главныхъ основаніяхъ проектъ положенія для Императорской военно-медицинской академіи предполагается, по утвержденіи его въ установленномъ порядкѣ, ввести въ дѣйствіе въ слѣдующей постепенности:

1. Съ наступающаго 1879—1880 учебнаго года закрывается первый курсъ и прекращается на будущее время пріемъ на оный.

2. Выдержавшіе въ текущемъ учебномъ году переходный экзаменъ съ I на II курсъ, въ назначенный конференціею для переходныхъ испытаній срокъ, переводятся во II курсъ, но переходъ на оный изъ университетовъ нынѣ же прекращается. Не выдержавшимъ переходнаго экзамена и пробывшимъ въ курсѣ не болѣе одного года предоставляется право перейти на медицинскіе факультеты университетовъ, на основаніи существующихъ въ нихъ правилъ.

Вмѣстѣ и одновременно со студентами допускаются къ переходному испытанію и посторонніе слушатели, поступившіе въ академію въ продолженіи перваго полугодія, и тѣ изъ нихъ, которые съ успѣхомъ выдержатъ испытаніе и представятъ всѣ требующія для пріема въ академію документы — переводятся на II курсъ.

3. Въ комплектъ военно-медицинской академіи поступаютъ изъ студентовъ III, IV и V курсовъ всѣ получающіе нынѣ академическіе стипендіи, какъ обязательныя за то, что служатъ въ военномъ вѣдомствѣ. Число ихъ дополняется изъ желающихъ тѣхъ же курсовъ, по выбору начальства академіи, по мѣрѣ учрежденія новыхъ стипендій и перечисленія въ распоряженіе академіи военно-медицинскихъ стипендій изъ университетовъ.

4. Всѣ невошедшіе въ составъ военно-медицинской академіи студенты, перешедшіе на V, IV и III курсы, считаются вольно-слушателями, съ предоставленіемъ имъ пользоваться теперешними правами студентовъ до окончанія курса. То же самое распространяется втеченіи учебнаго 1879—1880 года и на II курсъ, послѣ чего курсъ этотъ закрывается, и обучающіеся въ немъ переводятся въ III курсъ на изложенныхъ въ п. 2 условіяхъ.

5. Пополненіе академіи переходомъ изъ университетовъ начнется только съ сентября 1881 года.

6. Тѣ изъ студентовъ, пользующихся нынѣ обязывающими военною службою стипендіями, которые не пожелаютъ зачислиться въ комплектъ военной академіи, могутъ окончить курсъ въ числѣ вольно-слушателей, съ прекращеніемъ дальнѣйшей выдачи стипендій и съ сохраненіемъ за ними обязанности прослужить по военно-медицинскому вѣдомству положенный срокъ за полученную уже стипендію.

7. Стипендіаты казачьихъ войскъ донскаго, сибирскаго, кубанскаго, уральскаго и астраханскаго, обязанные за получаемыя стипендіи прослужить опредѣленный срокъ въ этихъ войскахъ, а равно стипендіаты частныхъ лицъ, для которыхъ капиталы находятся въ распоряженіи военнаго министерства, зачисляются въ военно-медицинскую академію сверхъ комплекта.

8. Всѣ же стипендіи не военнаго вѣдомства, производимыя изъ капиталовъ, не состоящихъ въ распоряженіи военнаго министерства, сохраняются за получающими ихъ до окончанія ими курса на существующихъ положеніяхъ, но стипендіаты эти считаются вольнослушателями.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатаны слѣдующія правительственные сообщенія:

1. «Датское министерство юстиціи, отъ 7-го (19-го) февраля 1879 года, по поводу эпидеміи въ Россіи, объявило о запрещеніи привоза изъ Россіи слѣдующихъ товаровъ и вещей: старого платья, постельнаго бѣлья и льняныхъ вещей, доскутывъ и тряпца, шерсти, бумажныхъ обрѣзковъ, мягкой рухляди и мѣховыхъ издѣлій, шкуръ и кожи, дубленыхъ и недубленыхъ, выдѣланныхъ и невыдѣланныхъ, пузрей и кишечъ, сухихъ, свѣжихъ и соленыхъ, войлока, волоса, щетины, перьевъ и пуха, рыбы и произведеній изъ рыбы, сарептскаго балъзама.

«Это запрещеніе не касается бѣлья и платья, которыя съ собою привозятъ лица, приѣзжающія въ Данію моремъ. Но такія вещи должны быть дезинфекцированы, если судно не имѣетъ свидѣтельства датскаго консула или мѣстнаго начальства того мѣста, откуда судно ушло, что никто изъ лицъ, которыя находятся на суднѣ, втеченіи послѣднихъ двадцати дней не былъ на мѣстѣ, зараженномъ чумою.

«Въ дополненіе къ этому, датскимъ министерствомъ юстиціи сдѣланы слѣдующія распоряженія:

(1) Привозъ шерсти изъ Россіи воспрещенъ, исключая промытой на фабрикахъ.

(2) Карантинныя комиссіи должны заботиться, чтобъ каждому шкиперу, приѣхавшему изъ какого-нибудь русскаго порта, былъ сдѣланъ запросъ о томъ, не имѣетъ-ли онъ на суднѣ товаровъ, ввозъ которыхъ воспрещенъ упомянутымъ распоряженіемъ, а также о томъ, имѣетъ-ли онъ требуемое свидѣтельство. Шкиперы судовъ, прибывшихъ изъ другихъ иностранныхъ портовъ, должны на дѣлаемые имъ запросы объявлять, не принято-ли ими на пути упомянутыхъ товаровъ съ судовъ, прибывшихъ изъ русскихъ портовъ.

(3) Помнятыя въ § 2-мъ свидѣтельства должны обстоятельно поименовать каждое лицо, находящееся на суднѣ.

(4) При прибытіи какого-нибудь судна въ датскую территорію, если его грузъ или часть груза состоитъ изъ товаровъ, ввозъ которыхъ воспрещенъ распоряженіемъ отъ 7-го (19-го) февраля, то ничего изъ груза не можетъ быть свезено на берегъ безъ особеннаго позволенія карантинной комиссіи, а также никто изъ лицъ, находящихся на суднѣ, не можетъ сходить на берегъ до дезинфекцированія бѣлья и платья.

«Но дезинфекцированіе не необходимо для лодчановъ, а также для людей, которые только короткое время и подъ надзоромъ карантинныхъ служителей имѣли сообщенія съ такими судами.

(5) Въ случаѣ крушенія, а также касательно товаровъ, прибывшихъ къ берегу, если не можетъ быть удостовѣрено, что товары эти не принадлежатъ къ числу запрещенныхъ, то относительно ихъ должно сообщаться съ существующими распоряженіями, но съ снисхожденіями, заслуживаемыми обстоятельствами, особенно во всемъ, что касается спасенія жизни человѣческой. Но товары, ввозъ которыхъ воспрещенъ въ Данію, строго запрещено свозить на берегъ, и если товары не могутъ быть увезены далѣе безъ всякой помощи съ берега, то они должны быть уничтожены и безъ всякаго права на вознагражденіе за нихъ.

(6) Дезинфекція бѣлья, платья и дорожныхъ вещей должна, по возможности, происходить въ дезинфекціонныхъ печахъ, нагрѣваемыхъ до 120° по Цельсію. Если такихъ печей не оказывается, то должно употребить окуриваніе вещей сѣрою втеченіи шести часовъ въ помѣщеніи, плотно запираемомъ, считая одинъ квинтъ на каждый кубическій локоть.

«Чемоданы и ящики, въ которыхъ находились вещи, должны быть тщательно вымываемы растворомъ изъ одной доли цинковаго хлора и 50 долей воды».

II. «Со стороны Румыніи учрежденъ санитарный кордонъ вдоль рѣки Прута до слиянія ея съ Дунаемъ, а оттуда по Дунаю до Версіорова. Въ Добруджѣ имѣетъ быть установленъ санитарный кордонъ вдоль границъ по Дунаю, у Чернаго моря и на сухопутномъ пути, но установленіе этого кордона, равно какъ и другія предохранительныя санитарныя мѣры на этихъ границахъ будутъ приведены въ исполненіе по соглашенію съ командующими русскою арміей. Путешественники и товары, прибывающіе изъ Добруджи въ Румынію, лежащую по сѣверную сторону Дуная, будутъ подвергаться санитарному осмотру, а въ случаѣ надобности — карантину. Русскія суда, плавающія вверхъ и внизъ по Дунаю, если пожелаютъ сообщаться съ лѣвымъ берегомъ этой рѣки, будутъ также подвергнуты санитарному осмотру и, въ случаѣ надобности, карантину. Сверхъ того, румынскимъ правительствомъ, вслѣдствіе выраженнаго европейскою дунайскою комиссіей желанія касательно принятія предохранительныхъ противъ чумы мѣръ, рѣшено изолировать Сулинскій Портъ отъ Добруджи посредствомъ санитарнаго кордона».

III. «Карантинныя мѣры, принятія правительствомъ острова Мальты въ отношеніи судовъ, прибывающихъ изъ Чернаго и Азовскаго морей, ограничены тремя днями».

IV. «Циркулярномъ междунаrodnаго санитарнаго совѣта въ Каирѣ, отъ 18-го февраля 1879 года новаго стиля, объявлено, что суда, прибывающія въ

Египетъ изъ Азовскаго и Чернаго морей, даже и съ чистыми патентами, не будутъ допускаемы къ сообщенію съ берегомъ, въ виду, съ одной стороны, того, что въ настоящее время въ нѣкоторыхъ странахъ Европы помнятыя суда съ чистыми патентами подвергаются тѣмъ же мѣрамъ, какъ и суда съ нечистыми патентами, а съ другой стороны, что въ Египтѣ, на берегу Средиземнаго моря, нѣтъ лаварета, въ которомъ можно было бы принимать карантинныя мѣры».

Въ особомъ прибавленіи къ «Правительственному Вѣстнику», 2 апрѣля, напечатано слѣдующее правительственное сообщеніе:

«Сегодня, въ 9-мъ часу утра, въ то время, когда Государь Императоръ изволилъ по обычаю прогуливаться въ мѣстности, окружающей Зимній дворецъ, на тротуарѣ, прилегающемъ къ зданію штаба петербургскаго военнаго округа, на встрѣчу Его Императорскаго Величества съ противоположной стороны зданія вышелъ человѣкъ, весьма прилично одѣтый, въ форменной гражданской съ кокардою фуражкѣ. Подойдя ближе къ Государю Императору, человѣкъ этотъ вынулъ изъ кармана пальто револьверъ, выстрѣлилъ въ Его Величество и вслѣдъ за этимъ сдѣлалъ еще нѣсколько выстрѣловъ. Проходившіе вблизи люди, а равно и городовые немедленно бросились на злоумышленника и схватили его, причѣмъ неизвѣстный успѣлъ дать еще одинъ выстрѣлъ, которымъ легко ранилъ въ щѣку одного изъ окружившихъ его людей.

«Божіе Провидѣніе сохранило невредимо драгоцѣнные для Россіи дни Августѣйшаго нашего Государя. Злодѣй арестованъ. Разслѣдованіе начато».

Новости науки и жизни.

— **Убийство.** 15-го марта, вечеромъ, у дворянина Бортынскаго, въ домѣ Квиріна, въ Москвѣ, собралось нѣсколько гостей, въ числѣ которыхъ былъ дворянинъ Байрашевскій, 22-хъ лѣтъ. Въ девятомъ часу вечера въ квартиру явилась прибывшая изъ Петербурга дворянка, дѣвица Прасковья Качка, 19-ти лѣтъ. Поздоровавшись, она вынула изъ кармана револьверъ и прицѣлилась въ Байрашевскаго. Прежде чѣмъ присутствовавшіе въ квартирѣ опомнились отъ невольнаго изумленія и успѣли схватить г-жу Качку за руку, раздался выстрѣлъ и Байрашевскій повалился на полъ. Пуля попала ему въ правый високъ. Г-жа Качка отказалась объяснить причину совершеннаго ею убійства, заявивъ только, что она была знакома съ Байрашевскимъ больше года и убила его съ обдуманнѣйшимъ намѣреніемъ. Она арестована. По послѣднимъ извѣстіямъ убійство произошло изъ-за любви.

— **Помилуваніе.** Покушавшійся на жизнь итальянскаго короля, Пассананте помилованъ королемъ. Это помилованіе произвело сильное, чрезвычайно благоприятное впечатлѣніе въ странѣ. Пассананте, 30-го марта, вечеромъ, перевезенъ на островъ Эльбу. Когда его, по прочтеніи указа о помилованіи, отвели обратно въ его тюремную келью, онъ заплакалъ и нѣсколько разъ восклицалъ: «Сердце, бьющееся въ груди савойскаго дома, не могло поступить иначе».

— **Какъ въ порядки на желѣзной дорогѣ!** «Голосу» пишутъ изъ Бѣлостока объ ужасномъ происшествіи, случившемся у тамошней станціи бресто-гравековской желѣзной дороги: «Съ этой станціи ежедневно отходятъ особые пассажирскослужебные поѣзды съ служащими и рабочими механическихъ мастерскихъ дороги къ станціи Старосельскія, гдѣ эти мастерскія устроены. Передъ отходомъ, надняхъ, такого поѣзда, ровно въ семь часовъ 30 минутъ утра, данъ былъ сигналъ пассажирамъ садиться въ вагоны. Поѣздъ стоялъ на третьей линіи рельсовъ отъ станціоннаго зданія, а передъ нимъ ближе къ станціи находился товарный поѣздъ, маневрировавшій у станціи, и только-что остановившійся. Пассажирамъ, желавшимъ попасть въ пассажирскослужебный поѣздъ,

предстояло или обойти сзади очень длинный товарный поѣздъ, или тутъ же пройти передъ его паровозомъ. Нѣкоторые пассажиры избрали этотъ послѣдній путь. Но въ то время, когда они переходили черезъ рельсы, паровозъ, отпѣленный отъ товарнаго поѣзда, мгновенно и неожиданно двинулся впередъ и ударилъ собою въ нѣкоторые пассажирскіе вагоны, которые, только благодаря находчивости, успѣли избѣжать несчастія. Одна только дѣвица С., упавшая между рельсами, очутилась подъ паровозомъ. Машинистъ, управлявшій локомотивомъ, не видя передъ собою никого за тендеромъ, не могъ сразу и мгновенно сообщить причину крика тѣхъ, кого онъ толкнулъ и, по данному ему сигналу, остановилъ паровозъ въ то время, когда тендеръ прошелъ надъ дѣвицею С., крайне испуганною, но, по счастью, оставшеюся цѣлою и невредимою. Но въ тотъ моментъ, какъ паровозъ остановился, дѣвица поспѣшила выбраться изъ-подъ тендера въ отверстіе между нимъ и паровозомъ и, прежде всего, просунула въ отверстіе своимъ перенукавшимся братьямъ муфту, держась одною рукою за рельсы, чтобъ приподняться; въ это самое мгновеніе паровозъ, получившій контрпаръ, подается назадъ и колеса его переѣзжаютъ по рукѣ дѣвицы; она теряетъ сознаніе и голова ея падаетъ на полотно дороги, попадая шею на рельсы. Колеса паровоза проходятъ по шеѣ, и голова, отрѣзанная колесомъ, отваливается отъ туловища».

— **Самоубійство изъ предразсудка.** Въ Варшавѣ, пишутъ «Голосу», очень молодая, красивая, зажиточная и хорошо образованная женщина лишила себя жизни по весьма оригинальной причинѣ. Ей сдѣлалъ предложеніе молодой человѣкъ, искренно ее любившій и къ которому она имѣла влеченіе. Предложеніе было принято съ удовольствіемъ, и въ назначенный день должно было состояться бракосочетаніе, но когда молодая фхала въ церковь для вѣнчанія, у ея кареты, въ недалекомъ разстояніи отъ церкви, слетѣли съ задней оси оба колеса, карета перевернулась, молодая вывалилась изъ кареты въ грязь и, по необходимости, пришлось отказать въ тотъ день отъ вѣнчанія, которое отложено было на другое воскресенье; но и въ этотъ день явилась неудача. Во время вѣнчанія молодыхъ, совершавшій надъ ними обрядъ вѣнчанія, пасторъ Шлитинскій скоропостижно умеръ, не окончивъ обряда. Это послѣднее обстоятельство, въ совокупности съ предыдущимъ, такъ неприятно подѣйствовало на молодую женщину, что она начала замѣтно тосковать. Въ обихѣ неудачахъ она увидѣла, что ей не суждено выйти замужъ, что сама судьба мѣшала ея бракосочетанію, которое, все-таки, состоялось, а потому, какъ совершившееся противъ воли судьбы, не общается ей впереди никакого счастья. Говорятъ, на нее эти обстоятельства съ каждымъ днемъ производили все болѣе и болѣе подавляющее дѣйствіе, доведшее ее въ скоромъ времени до меланхолическаго настроенія, которое окончилось самоубійствомъ.

— **Пропажъ завѣщанія.** Въ иностранныхъ газетахъ много говорятъ о таинственномъ печеновеніи завѣщанія, оставленнаго принцемъ Генрихомъ Нидерландскимъ. Принцъ носилъ на цѣпочкѣ своихъ часовъ золотой ключикъ отъ секретной шкатулки, въ которой хранилъ важныя бумаги, въ томъ числѣ и завѣщаніе. Часы съ ключикомъ и цѣпочкой лежали во время его болѣзни на ночномъ его столѣ. Посреди смятенія, господствовавшего въ замкѣ Вальдерзее послѣ кончины принца, люксембургскій министръ Брокхаузенъ обратился къ овдовѣвшей принцессѣ съ настоятельною просьбою дать ему означенный ключикъ, чтобъ вынуть изъ шкатулки важныя государственныя бумаги. Когда приѣхалъ потомъ принцъ Фридрихъ-Карлъ, онъ тотчасъ освѣдомился, куда дѣвалось завѣщаніе. Ключъ, между тѣмъ, былъ возвращенъ, но завѣщанія въ шкатулкѣ не оказалось. Нашли только письменное распоряженіе принца о томъ, чтобъ завѣщаніе было вскрыто черезъ девять мѣсяцовъ послѣ его смерти.

— **Король д'Ивето.** Въ Нормандіи есть городокъ Ивето, который нѣкогда вмѣстѣ съ прилегающею къ нему мѣстностью составлялъ независимое княжеское владѣніе и былъ извѣстенъ,

въ народѣ, подъ названіемъ королевства д'Ивето. По преданію, Вальтеръ Готье, владѣлецъ Ивето, вассалъ короля Клотара, возбудилъ гнѣвъ своего сюзерена и бѣжалъ за границу, чтобы испустить свой проступокъ въ борьбѣ съ невѣрными. Когда черезъ 10 лѣтъ, покрытый славой и съ папскою индульгенціею, онъ вернулся и явился въ вербную пятницу 537 г. въ суассонскій соборъ, чтобы испросить себѣ прощенье у короля, тотъ ударилъ его мечемъ въ грудь. Впослѣдствіи, рассказывая въ своемъ необдуманномъ поступкѣ, Клотаръ призналъ владѣнія убитого независимымъ королевствомъ, но это несогласно съ исторіею, такъ какъ владѣльцы д'Ивето приняли королевскій титулъ только въ 1372 году. Въ 1681 году парламентъ отнялъ у Ивето права отдѣльнаго государства. Послѣдняго короля д'Ивето звали Камилла д'Альбанъ. Онъ и его потомки продолжали до революціи 1789 года носить титулъ принцевъ д'Ивето и населеніе было свободно отъ всякихъ податей въ пользу французскаго государства. Подобно всѣмъ ланцамъ, съ грѣмкимъ титуломъ и пустымъ карманомъ, принцамъ д'Ивето пришлось вынести не мало насмѣшекъ; знаменитый поэтъ Беранже увѣковѣчилъ имя ихъ въ своей прелестной пѣснѣ «Король д'Ивето». Монархъ д'Ивето представленъ въ ней любезнымъ, безпечнымъ гулякой, любящимъ хорошо поѣсть и попить, которому хорошенькая Жаннета напяливаетъ ночной колпакъ, и который всего болѣе дорожитъ своимъ личнымъ спокойствіемъ. Нельзя сказать съ достовѣрностью, дѣйствительно-ли Беранже соединялъ съ этой пѣснью какой-нибудь злой намекъ. Первоначально считали это стихотвореніе насмѣшкой надъ Людовикомъ XVIII, написанною ради прославленія Наполеона I, по просьбѣ Люсьена Бонапарта, покровителя Беранже. И дѣйствительно, впоследствии народъ далъ не воинственному Людовику XVIII прозвище короля д'Ивето. Вскорѣ, впрочемъ, это стихотвореніе послужило также страшнымъ оружіемъ и «противъ» Наполеона I. Въ октябрѣ 1813 г. надломилась крылья побѣдоноснаго французскаго орла и союзники шли на Парижъ. Но у Наполеона было еще 60,000 испытаннаго войска, былъ его геній, и онъ могъ бы еще удержаться, еслибы Франція этого хотѣла. Сенатъ, нѣкогда покорное орудіе его воли, одинъ могъ помочь ему. Какъ представитель націи и ея верховной власти онъ долженъ былъ призвать къ оружію все населеніе Франціи. Могучій императоръ, съ 300,000 войска, обѣщалъ изгнать враговъ за предѣлы отечества и тогда снова миръ и благоденствіе должны были снизойти на Францію и благодатныя реформы осястливить народъ. Сенатъ колебался, начались совѣщанія и всѣмъ склонялись уже въ пользу императора. Неожиданно Парижъ наводнился сотнями тысячъ экземпляровъ пѣсни Беранже «Король д'Ивето». Дѣйствіе было столько же рѣшительно, какъ и внезапно. Тутъ только поняли иронію, заключенную въ этой простой, повидимому, безобидной пѣснѣ. Народъ не захотѣлъ болѣе императорскаго правленія, онъ усталъ отъ вѣчныхъ поборовъ и контрибуцій на армію, отъ рекрутскихъ наборовъ, при которыхъ не падали даже единственныхъ сыновей и которые стоили народу болѣе милліона лучшихъ цвѣтущихъ людей. Побѣды, завоеванія, громкіе манифесты, Наполеоновская слава со всѣми ея атрибутами, плѣнными неприятели, отнятыми пушками, знаменами и другими трофеями, показались, наконецъ, недостаточнымъ вознагражденіемъ за принесенныя жертвы; народъ хотѣлъ спокойствія, спокойствія во что бы то ни стало! Это спокойствіе обезпечивалось скорѣе королемъ д'Ивето, чѣмъ увѣчанымъ лаврами Наполеономъ. Въ первый разъ сенатъ рѣшился воспротивиться грозному властелину, полагаясь на общественное мнѣніе, т. е. на народную волю. Онъ объявилъ императора Наполеона лишеннымъ престола, и король явился со своимъ ночнымъ колпакомъ въ Парижъ и началъ свое царствованіе.

— **Изъ заграничной судебной практики.** 1) Въ вѣнскихъ газетахъ помѣщенъ слѣдующій любопытный отчетъ о судебномъ разбирательствѣ. Какой-то еврей изъ Галиціи обвиняется въ кражѣ. Судья къ подсудимому: Вы слышали обвиненіе? Чѣмъ вы можете защищаться? *Подсуд.* Развѣ я адвокатъ, что я долженъ защищаться. *Судья.* Значитъ, вы сознаетесь въ кражѣ. *Подсуд.* Честный человекъ никогда не сознается въ томъ. *Судья.* Ваше отрицаніе не поможетъ, такъ какъ есть достаточно доказательствъ вашей виновности. *Подсуд.* Если мое отрицаніе ничему не поможетъ, то почему же вы допрашиваете меня? *Судья.* Нечего разсуждать, а отвѣчайте на мои вопросы. *Подсуд.* Что же мнѣ отвѣчать, когда вы мнѣ не вѣрите. 2) Дѣло происходитъ въ Баваріи, въ судебной камерѣ. *Судья.* Жандармъ, введите слѣдующаго свидѣтеля! Жандармъ уходитъ и вводитъ скорѣй какого-то человека. *Судья.* Какъ васъ зовутъ? *Яковъ.* Яковъ Лорхъ. *Судья.* Сколько вамъ лѣтъ? *Яковъ.* Мнѣ кажется, что это совсѣмъ не относится къ дѣлу. *Судья.* Неудобно-ли вамъ немедленно отвѣчать, сколько вамъ лѣтъ? *Яковъ.* Тридцать три года. *Судья.* Какого вы вѣроисповѣданія, лютеранскаго или католическаго? *Яковъ.* Но, г. судья! *Судья.* Если вы еще разъ осмѣлитесь перебивать меня, я посажу васъ на хлѣбъ и на воду! *Яковъ.* Я лютеранинъ. *Судья.* Не состоите-ли вы въ родствѣ, свойствѣ или въ услуженіи у обвиненнаго? *Яковъ.* Я? Съ нимъ? Мнѣ это и въ голову не приходило, съ чего вы это взяли, г. судья? (смѣхъ въ публикѣ) *Судья.* Воздержитесь отъ неумѣстныхъ замѣчаній. Поднимите руку и присягните. *Яковъ.* Право, господинъ судья, это кажется мнѣ совершенно лишнимъ (смѣхъ въ публикѣ). *Судья.* (вскакиваетъ въ ярости и кричитъ). Я велю арестовать васъ, если вы еще разъ осмѣлитесь сдѣлать мнѣ какое-нибудь возраженіе. Поднимите руки и клянитесь (Яковъ поднимаетъ руку. Судья читаетъ форму присяги. Яковъ повторяетъ за нимъ). *Судья.* Обѣщаю и клянусь всемогущимъ Богомъ! *Яковъ.* Обѣщаю и клянусь всемогущимъ Богомъ! *Судья.* Сказать все, что я знаю. *Яковъ.* Сказать все, что я знаю. *Судья.* Ничего не утаить, что можетъ послужить къ разъясненію дѣла. *Яковъ.* Ничего не утаить, что можетъ послужить къ разъясненію дѣла. *Судья.* И говорить только одну истину. *Яковъ.* И говорить только одну истину. *Судья.* Аминь! *Яковъ.* Аминь! *Судья.* Ну, что вы имѣете сказать? *Яковъ.* Г. полковникъ приказалъ вамъ кланяться, и проситъ сегодня въ 8 часовъ къ нему на ужинъ. Онъ вчера убилъ дикую козу (Оглушительный смѣхъ въ публикѣ). *Судья.* Что-о-о? Такъ вы не свидѣтель? *Яковъ.* Нѣтъ, г. судья, я слуга г. полковника и явился къ вамъ съ приглашеніемъ, не найдя васъ дома, я пришелъ сюда. Когда я спросилъ васъ, жандармъ ввелъ меня сюда въ камеру (Общій смѣхъ).

— **Пьяницы-животныя.** Нѣкоторые ученые того мнѣнія, что пьянство—исключительная принадлежность человѣческой природы, явившееся вмѣстѣ съ добываніемъ огня еще въ то время, когда человекъ только что началъ приобрѣтать членораздѣльные звуки. Съ тѣхъ поръ, возлѣ человека сгруппировались животныя, превращенныя имъ въ домашнихъ, которыя подъ часъ опивались спиртными напитками. Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ современной жизни, достойныхъ вниманія. Въ одномъ семействѣ дѣти забавлялись съ кошкой, заставляя ее пить водку; мало-по-малу кошка такъ привыкла къ водкѣ, что каждый день послѣ обѣда требовала свою порцію. Выпивъ водку, кошка пьянѣла, падала и засыпала. Кошка эта жила не долго: она околѣла отъ болѣзни, прямо происшедшей отъ употребленія водки. Другой, не менѣе интересный опытъ, былъ произведенъ съ голубями, которыхъ кормили зернами, намоченными въ спирт. Эти голуби привыкли къ спиртнымъ зернамъ и всегда старались отыскать ихъ, когда имъ давали въ одно и тоже время и сухіе зерна, и вымоченныя въ спирт.

— **Оставленный въ вагонѣ ребенокъ.** Въ «Одесск. Вѣстникѣ» пишутъ: Недавно землевладѣлецъ одесскаго уѣзда Н. Я. Барановскій отправился съ поѣздомъ желѣзной дороги на стан-

цію «Выгода», чтобы отсюда ѣхать въ свое имѣніе. Одновременно съ нимъ вошла въ вагонъ (2 класса) съ маленькимъ ребенкомъ и корзиной молодая высокая брюнетка, лицо которой было закрыто густой вуалью. Занявъ въ вагонѣ мѣсто, дама тотчасъ же разговорилась съ г. Б—мъ и успѣла узнать его фамилію и мѣстожителство, а затѣмъ вышла изъ вагона розыскать на платформѣ свою няню, опасаясь, чтобы она не отстала отъ поѣзда, причемъ попросила г. Б—го присмотрѣть за ея ребенкомъ. Раздался третій звонокъ, поѣздъ двинулся, но молодая дама не возвратилась. Г. Б—ій и прочіе пассажиры подумали, что, можетъ быть, дама успѣла сѣсть въ какой-либо другой вагонъ, какъ это часто случается, но когда поѣздъ остановился на станціи «Гниляково», а дама къ своему ребенку все-таки не возвращалась, тогда порѣшили, что, должно быть, она осталась на одесскомъ вокзалѣ. Г. Б—ій былъ такъ внимателенъ въ участіи малютки, безмятежно тѣмъ временемъ уснувшего, что на свой счетъ послалъ съ слѣдующей станціи «Выгода» телеграму начальнику одесской станціи, прося розыскать на вокзалѣ неизвѣстную даму и объявить ей, что ребенокъ и корзина взяты имъ съ собою на выгодинскій вокзалъ. Каково же было удивленіе г. Б—го и другихъ, интересовавшихся участію малютки, когда съ одесскаго вокзала получена была отвѣтная телеграма, что никакой дамы на вокзалѣ отъ поѣзда не осталось. Тутъ только явилось подозрѣніе, что ребенокъ умышленно оставленъ былъ въ вагонѣ. Осмотрѣли корзину и ларчикъ окончательно открылся; на верху корзины лежало письмо, а подъ нимъ множество всевозможнаго дорогаго дѣтскаго бѣлья. Въ письмѣ неизвѣстная дама обращалась къ неизвѣстному благотворителю съ просьбою принять къ себѣ на воспитаніе ребенка, поясняя, что обстоятельства ея не позволяютъ болѣе скрывать у себя своего малютку, и высказывая желаніе, чтобы восьмимѣсячному сыну дано было при крещеніи имя «Владимиръ». Кромѣ того, въ письмѣ говорилось, чтобы лицо, принявшее ребенка на воспитаніе, увѣдомляло о немъ несчастную мать хотя разъ въ мѣсяцъ, адресуя письма въ Одессу, до востребованія. Екат. Мих. Кульчитской (фамилія вѣроятно вымышленная). Г. Барановскій, взростившій уже собственныхъ дѣтей, сжалился надъ прехорошенькимъ малюткой и исполнилъ просьбу незнакомки.

Предназначенная въ этотъ № гравюра: «Карлъ XII» отложена до слѣдующаго номера.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 13-й «Живописное Обозрѣніе» сданъ на городскую почту марта 30-го въ 7 часовъ утра, на иногороднюю почту марта 31-го въ 9 часовъ утра.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Козлы отпущенія (оконч.).—Стихотв. Звѣздочка.—Помпейскія ночи.—Народы Россіи (продолж.).—Изъ индійской жизни.—Иза (продолж.).—Стихотв. Листки изъ записной книжки.—Изъ Парижа.—Къ рисункамъ.—Книжныя новости.—Правительственные сообщенія.—Новости наукъ и жизни.—Объявленія.

Гравюры: Ариадна.—Финскій берегъ близъ Выборга.—Послѣ бала.—Наводненіе въ Сегединѣ.—Дитя Норвегіи въ горахъ.—Укусить.

Редакторъ-издатель Д. А. Карчъ-Нарчевскій.

Объявленія.

МАРШЪ РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

Оригинальное сочиненіе ФЛОРИАНА ГЕРМАНА (8 страницъ). Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 руб. 50 коп. Это музыкальное сочиненіе можно получать какъ въ конторѣ журнала «Живописное Обозрѣніе», такъ равно и въ музыкальныхъ магазинахъ Бернара, Бесселя, Юргенсона и др., въ С.-Петербургѣ.

№ 15. Томъ I.

На годъ, съ доставкою и пересылкою — 7 руб.;
на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб.
Отдѣльн. №№ по 20 к.

С.-Петербургъ, 14 Апрѣля 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новая
улица, домъ № 6.

Годъ VII.

Миланскій соборъ.

Листки изъ путевой книжки.
Ст. Е. Л. Маркова.

Вотъ я опять въ вагонѣ; уношусь на крыльяхъ пара по миланской дорогѣ изъ той горделивой Генуи, въ которой, по скромному мнѣнію самихъ генуэзцевъ, «mare senza pesci, monti senza legno, nomi senza fede, donne senza vergogna».

Окрестности Генуи — лабиринтъ зеленыхъ холмовъ. Ихъ живописныя вершины, уютныя долины ихъ подножій покрыты тысячами дачъ и фермъ; все эти домики поливаютъ красноватыхъ тоновъ, разнаго оттѣпка, какъ будто и они прониклись общимъ колеромъ красныхъ глинъ, на которыхъ стоитъ эта часть Италіи. Глазу такъ мягко и ласково отъ этихъ тоновъ, сливающихся въ одно гармоническое впечатлѣніе, со всею пейзажемъ горъ и зеленъ. А на сердце съ тою же ласкою дѣйствуетъ оживленная и разнообразная картина людскаго хозяйства. А волшебный желѣзный конь, на спинѣ котораго мы несемся, пыхтя и гремя, ныряетъ, между тѣмъ, изъ одного тунеля въ другой, прорѣзая горы, отдѣляющія Геную отъ плодородной долины По.

Вотъ, наконецъ, мы кончили эти подземныя скитанія по темнымъ склепамъ, и передъ нами разостлалась цвѣтущая равнина Ломбардіи. Ломбардія педаромъ съ глубокой древности манила къ себѣ варваровъ сѣвера. Послѣ сырой глуши лѣсовъ, болотъ и снѣговъ своей родины, спуститься съ бесплодныхъ альпійскихъ утесовъ въ благословенную страну свѣта, тепла, обилія, — разумѣется, германскому дикарю должно было представляться входженіемъ въ двери рая... Ломбардія красавицы была, конечно, не хуже любой Валькири, а изъ душистыхъ виноградниковъ По и Эча текла

струя вина, не менѣе вкусная, чѣмъ божественныя напитки Вальгалы...

Красота и обиліе Ломбардіи были, однако, ея проклятіемъ. Она казалась всею такою жемчу

Здѣсь встрѣчались и мѣряли свои силы югъ съ сѣверомъ, тевтонское племя съ романскимъ, цивилизація Рима съ варварствомъ кочевника, имперія съ напствомъ, но если съ Ломбардіи всегда начиналась опасность и гибель Италіи, то съ нея же за то начиналась и работа объединенія, возрожденіе великаго народа, растерзаннаго на клочки враждебными ему силами.

Съ этой точки зрѣнія, врядъли какая другая страна можетъ считать себя болѣе итальянскою.

Нужно изумляться, какимъ чудомъ, при подобныхъ историческихъ условіяхъ, сохранилась въ Ломбардіи ея высокая духовная и матеріальная культура, рѣзко отличающаяся отъ южныхъ частей Италіи.

Въѣзжая въ Ломбардію, вы сейчасъ чувствуете себя въ странѣ давней и тонкой цивилизаціи. Поля Ломбардіи напоминаютъ вамъ самыя обработанныя мѣстности современной Германіи и Франціи. Вся огромная равнина ея — одинъ сплошной садъ, одинъ превосходно воздѣланный огорокъ. Жилища на каждомъ шагу, не считая городковъ, вѣнчающихъ гребни хорошенеккихъ холмовъ, оснаженныхъ берега живописныхъ озеръ, здѣсь по всею полямъ разсыпаны, какъ часовые, одинокіе дома фермеровъ. Черезъ нѣсколько саженъ новый дворъ. Сель, сбитыхъ въ кучу, какъ у насъ въ Россіи, почти не видно вовсе. Но за то, кажется, нѣтъ одной десятины безъ домика.

А какіе дома! Это уже не мазанки хохловъ и не русскія избы съ соломенными крышами. Длинная галерея пѣз двухъ этажей каменныхъ арокъ, стоящихъ одна на другой, обыкновенно украшаетъ фасадъ дома, спасая комнаты отъ жару и служа для своихъ обитателей самымъ удобнымъ хозяйственнымъ пріютомъ, почти круглый день... Въ

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ. КАРТИНА ГРЮЦНЕРА.

Въ своей кельѣ.

Съ фотографическаго снимка рѣзано на деревѣ въ «Варшавской полиграфіи».

жиной, которую нельзя было уступить другому, за которую стоило бороться и умирать. Ломбардія была для исторіи непрерывнымъ полемъ страшныхъ столкновеній племенъ и царствъ...

этих длинных двухэтажных домах помѣщается все безъ исключенія хозяйство ломбардца, такъ что вы не видите около ни сараевъ, ни дворовъ, ни гумна. Это сообщаетъ необыкновенную чистоту и приличіе всему пейзажу и поселяетъ въ путешественникѣ впечатлѣніе какого-то исключительнаго благосостоянія. Архитектура сельскихъ домовъ Ломбардіи, своимъ господствомъ арокъ, напоминаетъ римскія постройки; точно какой-нибудь древній аквадукъ разсыпался на свои суставы и каждый изъ нихъ сталъ отдѣльнымъ домомъ. Но, вѣроятно, на характеръ архитектуры повліяли не одни родовыя преданія; низменная почва, затопляемая широкими разливами По и его притоковъ, баснословно урожайная, какъ нельзя болѣе пригодная для рисовыхъ плантацій, вынуждаетъ ломбардскаго хозяина поднимать свое жилище повыше отъ воды и сырости. Если неряшливый валахъ дунайскаго берега не умѣетъ избавляться отъ постоянныхъ наводненій Дуная, иначе какъ свайною постройкою своихъ хатъ, то итальянецъ, наследникъ великаго строительнаго гения Рима, разумѣется, долженъ былъ утвердить свой домъ на каменныхъ аркахъ...

Рѣки здѣсь все обдѣланы въ каменные набережные, всюду пересѣкаются прекрасныя шоссе, улицы деревень отлично вымощены, вездѣ отличные мосты и мостки; поля разбиты, какъ грядки огорода, на правильные участки, обнесенные живою изгородью, и по всемъ полямъ, куда глазъ ни глянетъ, все яблони, груши, сливы и персики... Они разсажены въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга, такъ что свѣтъ вполне свободно проникаетъ ихъ и способствуетъ паливу самыхъ ароматическихъ плодовъ, которыхъ не могутъ давать наши загустѣвшіе и засырѣвшіе сады. А такъ какъ все деревья воспитываются высокоствольными, то они ни малѣйшимъ образомъ не препятствуютъ обработкѣ поля и почти не затѣняютъ посѣвовъ...

Конечно, для того, чтобы поле обратилось въ садъ, требуются такія этнографическія и климатическія условія, которыя недостижимы теперь въ Россіи. У насъ самыя грубыя породы яблокъ требуютъ хорошей защиты отъ вѣтра и морозовъ, а урожай плодовъ не обезпеченъ у насъ отъ коммунистическихъ вкусовъ всякаго прохожаго и пробѣжаго даже караулами, собаками и оградами. У насъ, въ Россіи, мальчишки съ увлеченіемъ обрываютъ и ѣдятъ даже завязи яблокъ, въ орѣхъ величиною, а взрослые крестьяне съ дубьемъ ходятъ изъ «ночного» цѣлыми отрядами въ сады отрясать яблони на глазахъ сторожей. Интересно было бы знать, долго-ли бы уцѣлѣли у насъ не только плоды на полевыхъ деревьяхъ, но и самыя деревья. Русскіе хозяева перестаютъ сѣять въ поляхъ горохъ, макъ и подсолнухъ, значительнымъ образомъ оттого, что пѣть силъ укараулить ихъ отъ дружнаго и пастойчиваго хищничества окрестныхъ населеній, крѣпко вошедшаго въ нравы. Никто, конечно, и не думаетъ считать за воровство обобрать почью 2, 3 яблони; въ этомъ видятъ только удалую забаву и участники какой-нибудь почвой экспедиціи, не стѣняясь, хвастаются на другой день передъ сторожами сада и смѣются надъ ихъ нерасторопностью. Уваженіе же къ древеснымъ посадкамъ, не смотря на пустынность нашей степной полосы, доходитъ до того, что въ одномъ уѣздѣ, какъ мнѣ близко извѣстно, народъ въ одно лѣто повывергалъ и поломалъ нѣсколько тысячъ молодыхъ ракичь, посаженныхъ земствомъ по большимъ дорогамъ, съ цѣлью спасенія пробѣгающихъ зимою и стоявшихъ земству значительныхъ расходовъ.

Это обрисовывается въ очень опредѣленномъ свѣтѣ не одни нравы общества, а и степень нашего административнаго благоустройства.

Однако, признаюсь, цвѣтущая картина лом-

бардскаго хозяйства на меня производила не одно только хорошее впечатлѣніе. Эта безконечно раздробившаяся и обособившаяся мелкая собственность, которая одна дѣлаетъ возможнымъ обращеніе полей въ сады, при всей утѣшительной сторонѣ своей, дѣйствуетъ какъ-то непріятно на русскаго человѣка.

Наше врожденное чувство приволья и широты, нашъ взглядъ на лѣса, дуга и воды, какъ на что-то всемъ принадлежащее, оскорбляется этимъ лабиринтомъ акуратныхъ перегородокъ, которыя не даютъ нигдѣ шагу ступить, которыя всемъ и каждому напоминаютъ объ исключительной собственности и обращаютъ поэтому свободное лицо земли въ какіе-то лавочные ящички подъ ярлычками. Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, и самое воспоминаніе о свободныхъ формахъ природы, о степи, лѣсѣ, о звѣряхъ и птицахъ лѣсныхъ, исчезнетъ изъ головы человѣчества подъ непрерывнымъ дѣйствіемъ этого вѣчно дробящаго, вѣчно разрабатывающаго, вѣчно захватывающаго начала собственности. Міръ обратится въ правильно устроенную сельскохозяйственную фабрику, въ которой химія и механика будутъ, пожалуй, значить болѣе, чѣмъ свѣтъ солнца и дыханіе вѣтра, и въ которой нельзя будетъ напиться ключевой воды и полежать подъ тѣнью дуба, иначе какъ оплативъ входный билетъ въ какое-нибудь специальное «отдѣленіе сельскихъ удовольствій». Какъ ни плохо на нашей Руси, какъ ни мало въ ней благоустройства и удобствъ, а ей Богу, въ ней дышится и живетъ, во многихъ отношеніяхъ, гораздо отраднѣе, чѣмъ въ этомъ золотомъ плѣну, называемомъ цивилизованной Европой. Еще, слава Богу, у насъ вездѣ просторно и свѣжо, еще деспотическія мелочныя правила и предписанія не овладѣли на столько обстановкою человѣка, чтобы ему нельзя было вернуться отъ нихъ или даже вовсе не встрѣчаться съ ними. У насъ, дѣйствительно, не берегутъ ничего, истребляютъ многое своимъ невѣжествомъ, но самая возможность имѣть все, не смотря на это невниманіе и это невѣжество, — большое утѣшеніе. У насъ, къ счастью, еще много дичи кругомъ, а это значитъ — много будущаго. Бѣда, если въ историческомъ хозяйствѣ народовъ распадется послѣдній вершокъ земли и въ перспективѣ не останется ничего, кромѣ безконечнаго перепаживанья давно выпажанныхъ слоевъ.

Да, наша Русь еще дика, — но мы, по крайней мѣрѣ, не промѣняемъ ея своеобразной природной дичи на тщательно разбросанные квадратныя ломбардскихъ полей, гдѣ чувствуешь узко, гдѣ шагу тѣсно, гдѣ тебѣ говорятъ: «стой и не смѣй» на каждомъ вершкѣ.

Характеръ давней насиженности и домовитой полноты ломбардскаго хозяйства невольно заставилъ меня вспомнить бурную исторію этой мирной страны, обреченной быть вѣчнымъ слемъ брани. Наша Русь и въ этомъ отношеніи имѣетъ огромное, хотя отрицательное, преимущество. Для нея нашествіе врага никогда не можетъ быть такимъ гибельнымъ, какъ для странъ съ высоко цивилизованнымъ бытомъ. Наши соломенные, плетневые, глиняные и даже бревенчатые постройки, кое-какъ сколоченныя, нашъ нищенскій крестьянскій инвентарь, наша крестьянская жизнь съ ея отсутствіемъ всякаго домашняго удобства не въ состояніи понести непоправимаго ущерба даже и въ случаѣ полнаго истребленія русскаго селенія. Поле, теченіе рѣки, дорога также не поглощаютъ у насъ капиталовъ. Такъ что врагъ можетъ пройти съ огнемъ и мечемъ, сравнять все съ землею, и все-таки, смотришь, опять высыпаютъ, какъ грибы, дешевыя мужицкія избенки, опять на тысячи верстъ закладывается золотымъ моремъ кормилица-рожь, и терпкій мужицкій горбъ опять начнетъ улаживать свое лыковое и соломенное хозяйство.

Совсемъ не то, когда война свирѣпствуетъ въ странѣ, гдѣ каждый вершокъ требуетъ денегъ для своей воздѣлки, гдѣ на каждомъ вершкѣ гибнутъ плоды вѣковаго труда и сбереженій, гдѣ подъ ногами кавалеріи должны исчезать плодородные сады, а выстрѣлы ружей и пушекъ сокрушаютъ въ прахъ цѣнныя сооруженія, которыми полна страна и которыя сами полны всякихъ хозяйственныхъ цѣнностей. Конечно, это печальная выгода нашего отечества, но въ настоящую минуту тѣмъ не менѣе выгода, и трудно сомнѣваться, чтобы она хотя отчасти не содѣйствовала беззавѣтному самоотверженію нашего народа въ години военныхъ бѣдствій... Какой-нибудь житель смоленскихъ уѣздовъ во всякомъ случаѣ скорѣе рѣшится выжечь собственноручно свое достояніе и уйти въ лѣсъ съ рогатиной поджидать француза, чѣмъ обитатель этого плодороднаго и огромнаго сада, называемаго Ломбардіей.

Миланская толпа положительно очаровательна. Женщины, мужчины, все проникнуто какимъ-то особымъ типомъ благородства, веселости и красоты. Итальянцы ходятъ не совсемъ по-европейски и, повидимому, не такъ строго подчинены господствующей европейской модѣ.

Масса ихъ въ плащахъ, одна пола котораго перекидывается довольно граціозно на плечо, напоминающая несравненнаго Альмавиву. Шинели съ коротенькими пелеринами, какія носились когда-то и у насъ изъ подражанья, очевидно, также составляютъ національную особенность миланца, которую онъ не покидаетъ изъ минутной прихоти. Шляпы, если не обыкновенные черные цилиндры, то ужъ такія чисто итальянскія, бандитскія, безконечно-высокія, страшно широкополыя, почти съ острой тульей. Только и можетъ носить ихъ, не будучи смѣшнымъ, широкоплечій, статный итальянецъ, съ своимъ воинственнымъ видомъ и мужественною бородою. На другой болѣе мирной фигурѣ, это казалось бы шляпой арлекина. Женщины — красавицы и простая мѣщанка смотритъ аристократкой. У всехъ у нихъ необыкновенно благородное округленіе головы, напоминающее римскія головы музеевъ, и обильныя черныя косы, крутыя жгутами свернутыя наверху; но въ противоположность моимъ ожиданьямъ мнѣ мало попадалось женщинъ того худого, страстнаго южнаго склада, которымъ богатъ восточный югъ. Итальянки Ломбардіи скорѣе отличаются полнотою и цвѣтущимъ веселымъ видомъ. У нѣкоторыхъ молодыхъ дѣвушекъ меня поражають тотъ самый прозрачно-огненный отбѣтъ на выступающихъ чертахъ лица, который такъ любилъ и умѣлъ такъ мастерски изображать нашъ покойный Брюловъ, по гению и по вкусамъ гораздо болѣе итальянецъ, чѣмъ русскій.

Вы рѣдко увидите шляпу на итальянкѣ; большинство набрасываетъ на голову цвѣтную козыночку и этотъ простой уборъ на головѣ итальянки выходитъ очень граціозенъ.

Очарованью, которое производитъ миланская толпа, много помогаетъ и итальянскій языкъ. Мало того, что глазъ вашъ вездѣ обласканъ и обрадованъ красотой и граціей фигуръ, веселымъ огнемъ взглядовъ; ваше ухо также съ наслажденіемъ отдается плавному, музыкальному теченію рѣчи, которая, не смолкая льется кругомъ. Нужно слышать бойкій дружелюбный разговоръ съ молодой итальянкой, чтобы постигнуть всю гармоническую прелесть, все врожденное благородство итальянскаго языка. Слушая его на мѣстѣ, понимаешь, почему Италия всегда была страной цѣсни. Какія бы глубокомысленныя теоріи музыки ни изобрѣталъ неуклюжій тевтонъ сѣвера, какъ бы настойчиво ни приучалъ онъ міръ къ искусственному восхищенію

своею высоко-ученою дистормонією, понятною только не многимъ избранникамъ, назначаемую не для презрѣннаго настоящаго, а для великаго «будущаго», все-таки естественное ухо человѣчества, не подкупленное и не искаженное кабинетною доктриной, отзовется невольнымъ трепетомъ сердца не на хитроумную гармонизацію Рихарда Вагнера, а на живыя, понятно говорящія всякому, мелодіи итальянца. Народъ—соловей, народъ—пѣвецъ слышится въ каждомъ восклицаніи рыночной торговли, въ каждомъ небрежномъ напѣвѣ полусоннаго рыбака.

Уже въ вокзалѣ желѣзной дороги, Миланъ предсталъ мнѣ городомъ Леонардо. Безподобныя фрески, достойныя музеевъ, стоящія всѣхъ Крайновъ, Дюреровъ, Ванъ-Эйковъ и другихъ столь же почтенныхъ, сколь скучныхъ и пензящихъ реликвій германской живописи, обильно украшаютъ стѣны вокзала.

Каждая большая гостинница тоже полна художественности. Какъ въ Генуѣ, какъ въ Венеціи, и тутъ гостинницы большею частью въ старыхъ дворцахъ и отличаются средневѣковымъ великолѣпіемъ скульптурныхъ и живописныхъ украшеній.

Столовые особенно, онѣ помѣщаются обыкновенно въ высокихъ раззолоченныхъ залахъ нижнихъ этажей палатъ, покрытыхъ фресками, уставленныхъ статуями и растеніями. Миланская кухня также художественно хороша, какъ и столовыя миланскія гостинницы. Постели это торжественныя алтари богу сна, занимающіе центръ комнаты, осыпанные бадахинами, просторныя, удобныя, соблазнительныя, какъ нигдѣ.

Какъ ни обидно платитъ по франку за свѣчку, по 4 франка за горсть лучинъ, называемыхъ дровами и наполняющихъ крошечную, словно фарфоровую игрушечку, именующую въ Италіи печкою, какъ ни удивляетъ васъ обычай расплачиваться отдѣльно за каждый чехолъ и мѣшокъ, внесенный въ вашъ номеръ, за каждый пустой стаканъ и тарелку, вамъ поданную, однако, приходится сознаться, что рѣдко гдѣ вы найдете столько удобствъ, сколько въ гостинницахъ Милана.

Гостинницы, вокзалы,—вотъ дворцы новой господствующей силы — демократіи, недаромъ онѣ помѣстились въ палатъ старыхъ владыкъ, отжившихъ свой вѣкъ. Теперь каждый проходившій за нѣсколько франковъ пользуется тѣмъ, что было еще недавно удѣломъ немногихъ избранныхъ и приобретаемое рядомъ весьма сложныхъ и трудныхъ условій. Гостинницы вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ собою нейтральную почву, гдѣ сталкиваются всѣ языки, сословія и профессіи, смѣшиваясь мало по малу въ одинъ общій демократическій типъ европейскаго человѣка, имѣющаго одинаковую внѣшность, одинаковые вкусы и привычки.

Вотъ рядомъ со мною за роскошнымъ table d'hôte сидитъ съ одной стороны семейство шотландскаго лорда, а съ другой берлинскіе пивовары, и нѣтъ ничего мудренаго, что изысканный раздушенный господинъ, такъ ловко объѣдающій кончики спаржи напротивъ насъ,—просто на просто какой-нибудь marchand-tailleur изъ Парижа или Ліона, или commis-voyageur одного изъ большихъ магазиновъ, въ родѣ луврскаго. Они теперь ни въ чемъ не уступятъ лордамъ, даже въ привычкахъ роскоши. Даже лакеи гостинницъ, и тѣ приобрѣли тотъ общеевропейскій, демократическій типъ, въ которомъ почти не различить людей самаго разнообразнаго общественнаго положенія.

Отъ казанскаго татарина нашихъ петербургскихъ отелей до лакеевъ Милана и Константинополя—вы вездѣ находите тотъ же безупречный фракъ и бѣлоснѣжное бѣлье, ту же озабочен-

ную и приличную физиономію съ англійскимъ проборомъ, въ начисто подбритыхъ бакенбардахъ, напоминающую скорѣе придворнаго чиновника, чѣмъ лакея.

Впрочемъ, лакей европейской гостинницы имѣетъ свою лакейскую особенность, которую никто не можетъ довести до такого совершенства, какъ нѣмецкій лакей,—лакей по преимуществу, идеаль всякаго лакейства. Недаромъ швейцарскіе и парижскіе отели пишутъ на своихъ объявленіяхъ для вищей своей рекомендаціи, что «прислуга нѣмецкая». Нѣмецъ,—если не обидно такъ выразиться,—лакей по природѣ, по призванью; я всегда люблю съ тѣмъ вдохновеннымъ увлеченіемъ, съ которымъ онъ исполняетъ свое лакейское дѣло; мнѣ кажется, онъ гордится своимъ лакействомъ и оттого доводитъ его до виртуозности. Лакей-французъ грубъ, рѣзокъ, неопрятенъ, невнимателенъ; онъ точно старается придаться къ вамъ и отомстить хоть чѣмъ-нибудь за свое служебное положеніе, за ваше преимущество надъ нимъ. Онъ всячески норовитъ показать вамъ, что его услуга вамъ есть временная случайность, но что онъ черезъ это нисколько не расположенъ считать васъ за нѣчто, отъ него отличное, и надѣется, что завтра онъ будетъ въ вашей роли, а вы въ его.

Нѣмецъ же, напротивъ, проникается къ вамъ подобострастіемъ, разъ только вы очутились въ положеніи, требующемъ его услугъ. Онъ выводитъ васъ подъ ручки изъ коляски и вводитъ на лѣстницу; онъ на каждомъ шагѣ съ заискивающей улыбкою старается уловить и предупредить ваше желаніе; онъ осыпаетъ васъ своими Herrschafft'ами, gnädiger Herr'ами, и всякими титулами, какіе только есть у васъ, и никогда не упуститъ почтительно раскланяться съ вами, хотя бы встрѣчалъ васъ нѣсколько разъ за день.

Эта внутренняя потребность изобразить изъ себя безконечную внимательность и покорность къ вамъ, выработала въ нѣмецкомъ лакеѣ тотъ типъ нѣсколько забавнаго лакейскаго приличія и лакейской граціи, который въ большей или меньшей степени утвердился въ гостинницахъ Европы. Это мягкое сгибанье безъ нужды всѣхъ составовъ тѣла, эта кажущаяся торопливость на одномъ мѣстѣ, это торжественное движеніе локтей при подачѣ каждой малости, безшумное, плавное стремленіе и почтительное замираніе,—все это готовые плоды нѣмецкой лакейской науки, потому что нѣмецъ и лакейства не допускаетъ безъ науки.

О, сколько малодушныхъ юношей нашихъ провинцій, стремящихся всѣми помыслами къ гурбернскому или уѣздному дандизму, пришло бы въ отчаяніе отъ свѣтскаго совершенства этихъ европейскихъ лакеевъ, отъ ихъ лакейской развизности, отъ выкроекъ ихъ фраковъ, даже отъ ихъ французскаго и англійскаго языка.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Пасхальная дума.

Изъ Вл. Сырокомли. Стих. Д. Д. Минаева.

Христосъ воскресъ! Церквей трезвонъ пасхальный

Разноситъ эту вѣсть; сверкаютъ алтари.

Христосъ воскресъ!—И ты, нашъ духъ печальный,
Воскресни съ божествомъ и къ небу воспарь.

Могильный камень, сердце тяготившій,

Страхни съ себя, бѣднякъ, изъ мертвыхъ встань
живымъ:

Сомнѣнья ангель, гробъ твой сторожившій,

Увидя яркій свѣтъ, отступитъ передъ нимъ.

Христосъ воскресъ! Съ Христомъ явилось въ мірѣ
И солнце, наконецъ, изъ темныхъ зимнихъ тучъ
И, заигравши радостно въ эфирѣ,

Снѣгъ растопилъ въ поляхъ весенній первый лучъ.

Земная грудь согрѣлась и въ ней бьется
Пульсъ жизни молодой... Все зеленѣетъ вновь...
Что-жъ, развѣ сердце снова не забьется?
Разъ охладѣвъ въ груди, не закипитъ въ насъ
кровь?

Воспрянь-же ты, какъ Лазарь изъ могилы,
Усталая душа! Да сгинетъ мракъ почей!..
Пусть зимній ледъ, сковавшій наши силы,
Струями теплыми польется изъ очей.

Пусть озаритъ духовный свѣтъ прозрѣнья
Нашъ робкій умъ и мысль работаетъ опять,
Пусть наше сердце послѣ возрожденія
Двойнымъ биеніемъ начнетъ въ насъ трепетать.

За плугъ, за плугъ! Чего-жъ мы ожидаемъ?
На пашнѣ у себя обычный трудъ начнемъ:
Богъ дастъ, съ хорошимъ будемъ урожаемъ,
Польется сладкій медъ и молоко ручьемъ.

Съ Христомъ несли мы вмѣстѣ крестъ страданья
И въ гробъ сходили съ Нимъ, — но вотъ Хри-
стосъ воскресъ,

Онъ къ небу возлетѣлъ среди сіянья
И ждетъ всѣхъ насъ въ преддверіи небесъ.

Но неба нѣтъ безъ добрыхъ дѣлъ, однако,
Безъ горькихъ слезъ, утратъ, жертвъ тяжкихъ и
заботъ

И прежде, чѣмъ мы вырвемся изъ мрака,
Намъ кровь не разъ одинъ все сердце обольетъ;

Не разъ чело на грудь склоняться станеть
И выступитъ на немъ кровавый потъ не разъ,
Но хоть вѣнокъ терновый насъ изранитъ,
Въ день воскресенія онъ язвить не будетъ насъ.

Гдѣ въ прахъ падеть отъ мукъ язычникъ гордый,
Тамъ стоикъ-христіанинъ не падеть
И муки—это крылья вѣры твердой:
Возносить къ небесамъ орлиный ихъ полѣтъ.

У нашихъ плечъ трепещутъ крылья эти,
Мы надъ собой надзвѣздный видимъ край.
О, Иисусъ, о свѣтъ сладчайшій въ свѣтѣ,
Ты зрѣніе орла намъ для полѣта дай.

Пространство неба синяго глубоко,
Тамъ горы тучъ свѣтъ могутъ заслонять,
И зоркое парящемъ нужно око,
Чтобъ солнца навсегда во мглѣ не потерять.

Народы Россіи.

(Этнографическіе очерки.)

Ст. С. С. Шашкова.

VI.

Тунгусы.

Живой, сангвиническій, даровитый тунгусскій народъ, не смотря на свою малочисленность, вотъ уже 200 лѣтъ владѣетъ многочисленнымъ въ мірѣ государствомъ, Китаемъ, со всѣми входящими въ составъ его народами, въ томъ числѣ воинственными и многочисленными монголами. Тунгусы, покорившіе 1644 г. Китай, называются теперь манджурами; число ихъ въ ихъ отечествѣ, Манджуріи, простирается до 4,000,000, но кромѣ этого главнаго племени есть еще множество мелкихъ тунгусскихъ родовъ, разбросанныхъ по всему пространству Восточной Сибіри и кочующихъ подъ разными именами въ Охотскомъ поморьѣ (ламуты, чапогиры), по Амуру и въ нерчинскомъ краѣ (орочоны), по берегамъ Лены, Ангара и Енисея. Всѣхъ тунгусовъ въ Сибіри до 50,000 чел., но они нигдѣ не живутъ большими родами и, за исключеніемъ немногочисленныхъ осѣдлыхъ тунгусовъ черчинскаго края, кочуютъ по странѣ большею частью отдѣльными семействами, съ своими оленями или собаками, промышляя звѣри или рыбу. Шалашъ изъ бересты или, въ лучшемъ случаѣ, изъ оленьихъ шкуръ служитъ жилищемъ тунгуса, разбить и снять его можно скоро, возить при перекочевкахъ легко, но тунгусъ нѣрѣдко обходится даже и безъ это-

го легкаго крова и переходя въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ съ мѣста на мѣсто, останавливается для отдыха и ночлега гдѣ-нибудь подъ деревомъ, въ разселинѣ скалы, въ пещерѣ. Бродячестъ тунгусовъ нерѣдко приводитъ въ отчаяніе мѣстныхъ начальства, такъ какъ слѣдить за ними въ ихъ передвиженіяхъ невозможно и брать съ нихъ дань, ясакъ, чрезвычайно трудно; многіе тунгусы туруханскаго края, напр., уже много лѣтъ не платятъ ясака и живутъ вполне независимо, кочуя гдѣ-то на крайнемъ сѣверѣ: не гонятся же за ними полиціи на лыжахъ, двигаясь на которыхъ, тунгусъ можетъ поспорить въ неутомимости и скорости съ почтовой лошадей. При всей этой бродячей разрозненности семей, тунгусы обладаютъ вполне общественнымъ характеромъ и осѣдлые изъ нихъ составляютъ изъ себя дружныя родовыя общины. Въ нерчинскомъ краѣ главный промыселъ тунгусовъ бѣлкованье. Осень, начиная съ Покрова, считается самымъ лучшимъ для этого временемъ, потому что тогда бѣлка покрыта уже густою, пушистою шерстью и къ тому же удивительно распологается. Случается, вокругъ самки бѣгаетъ до тридцати дѣтенышей. Къ Николину дню промышленникъ возвращается домой. Удачный промыселъ окупаетъ не только ясакъ и всѣ повинности,—бережливый хозяинъ продовольствуется имъ круглый годъ. Такимъ образомъ, осень для ясачнаго инородца самое важное время въ году, имѣющее вліяніе и на порядокъ его домашней жизни. За мѣсяцъ уже начинаются приготовленія къ промыслу. Прежде всего промышленники, сговорясь между собою, составляютъ артели, отъ 4 до 5 человѣкъ. Очень рѣдко случается, чтобы въ отдаленныя мѣста отправлялся одинъ человѣкъ. Вся добыча раздѣляется между ними поровну, и тогда хозяинъ посылаетъ отъ себя одного или нѣсколькихъ работниковъ, присоединяетъ ихъ къ артели, снабжаетъ припасами и выдѣляетъ имъ часть изъ добычи. Въ каждой артели одинъ долженъ знать хорошо избранную мѣстность и назначается вожатымъ; тотъ же, кто не такъ мѣтко стрѣляетъ или идетъ въ первый разъ на промыслы, или же, что считается за самое важное въ промыслахъ, неудаченъ, назначается кочевникомъ. Его дѣло состоитъ въ томъ, чтобы смотрѣть за вещами и лошадьми. Прийдя на мѣсто, указанное вожатымъ, остаются на ночлегъ (обыкновенно ночлеги назначаются отъ пѣди до пѣди, 5—10 верстъ другъ отъ друга), кочевникъ разгребаетъ снѣгъ, раскладываетъ огонь, варитъ пищу, рубитъ дрова и сучья, таскаетъ ихъ на таборъ и устраиваетъ плетень для промышленниковъ. Товарищи, возвратясь къ вечеру, уже находятъ въ готовности мясо и чай. На слѣдующее утро вожатый назначаетъ, когда и гдѣ остановиться, послѣ чего всѣ расходятся по своимъ избраннымъ лѣсамъ, не перебивая, однакъ, другъ у друга; вслѣдъ за ними отправляется кочевникъ на указанное вожатымъ мѣсто. Артельные товарищи, сговорясь между собою, заранее назначаютъ для промысловъ главное мѣсто, скрывая это отъ другихъ, чтобы тѣ не могли предупредить и, прийдя прежде, перестрѣлять бѣлку. Смотря по отдаленности мѣста и продолжительности времени, разсчитываютъ количество припасовъ, назначая, какіе именно и сколько должно взять каждому; къ этому времени покупается корова и держится во дворѣ. Сельская жизнь принимаетъ тогда совершенно другой видъ. Всякое постороннее дѣло бросается и разговоръ о предстоящемъ путешествіи становится общимъ: вездѣ, у всякаго одинъ вопросъ: кто съ кѣмъ сговаривается идти, въ какія мѣста, кто будетъ удачливѣе въ промыслахъ? Словомъ, вниманіе и дѣятельность у каждого устремлены на одинъ предметъ. Въ дому не менѣе того измѣняется жизнь: женщины заготавливаютъ припасы и суша-

ри, пекутъ калачи, шьютъ, чинятъ, снаряжаютъ промышленника, который въ это время занятъ исключительно своими приготовлениями: чиститъ и приводитъ въ порядокъ винтовку, заготавливаетъ суму и вещи, необходимыя для охотника, хлопочетъ о собакахъ. Недѣли за двѣ передъ отправленіемъ собираются деньги для закупки пороха и свинца. Голова отъ каждаго инородческаго рода отправляется въ городъ закупать требуемое количество и раздаетъ между промышленниками. Обыкновенно полагается на одного человѣка 2 ф., и отъ 2—до 3 ф. свинца (поровну). Этого количества, какъ говорятъ, слишкомъ достаточно для всей осени, и промышленники набиваютъ бѣлокъ отъ 100 до 600 штукъ. По изготовленіи всѣхъ припасовъ и охотничьихъ снарядовъ, промышленники окончательно условливаются между собою о времени выхода. Тѣ припасы, которые идутъ въ отдаленныя мѣста, отправляются за недѣлю до Покрова, другіе же дня за два или за три. Для продолжительныхъ промысловъ, гдѣ нужно больше припасовъ, въ каждой артели есть одна или двѣ вычныя лошади; а что не умѣстится на нихъ, то увязывается въ торокахъ и въ переметныхъ маленькихъ сумкахъ подъ сѣдломъ. Собаки ведутся на сворахъ. Ихъ у каждаго промышленника двѣ или три, одна за бѣлкою и сободемъ, а другая за лисицею, медвѣдемъ и другими звѣрями. Въ подобной общинѣ живется сравнительно недурно, по отдѣльно кочующія семьи сплосъ и рядомъ ведутъ самую жалкую жизнь и вымираютъ отъ голода. Врангель во время своего путешествія встрѣтилъ тунгуса, который кочевалъ только съ одной дочерью. Когда отецъ, нерѣдко, по недѣлямъ пропадалъ на охотѣ за какимъ-нибудь оленемъ, дѣвушка оставалась одна въ маленькомъ сквозномъ шалашѣ, страдая отъ мороза и голода. Голодъ иногда доводитъ тунгуса до того, что онъ рѣжетъ и сѣдаетъ свою жену или ребенка. Но всѣ эти лишенія не ожесточили тунгуса и онъ сохранилъ свой мягкій веселый нравъ, свое расположеніе къ общительности. Даже кочуя отдѣльными семействами, тунгусы поддерживаютъ сношенія между собою посредствомъ своего рода почты. Такъ, напр., въ первобытномъ лѣсу вы встрѣчаете срубленное деревцо, въ зарубкѣ котораго торчитъ стрѣла концемъ внизъ. Это значитъ: я разставляю луки по близости. Если стрѣла смотритъ вкось къверху, то охотникъ ушелъ далеко. Вѣтка отъ куста, втиснутая такимъ же образомъ, указываетъ на присутствіе лица въ самомъ близкомъ разстояніи. Положенный черезъ слѣдъ сучокъ запрещаетъ идти дальше по этому направленію; чурбанъ, положенный на такомъ мѣстѣ, гдѣ прежде находился входъ въ чумъ, не позволяетъ или не совѣтуетъ устраивать тутъ чумъ. Лошадиная голова, нарисованная на снятой съ дерева корѣ, предлагаетъ искать лошадь, пропавшую на мѣстѣ привала и т. д. Общительность тунгусовъ безгранична и обѣднѣвшій тунгусъ переселяется жить со своимъ семействомъ къ болѣе достаточному и живетъ у него до тѣхъ поръ, пока ему вздумается приняться за промыселъ или перекочевать къ другому кормильцу. Прежде между тунгусами бывали богачи, но теперь, вслѣдствіе уменьшенія въ сибирскихъ лѣсахъ звѣря, они бѣднѣютъ больше и больше, чѣмъ не мало содѣйствуетъ и вліяніе русской культуры. Такъ, напр., въ сороковыхъ годахъ тунгусы, кочевавшіе у залива Аянъ въ числѣ 600 человѣкъ, были причислены къ Амгинской церкви, отстоящей отъ ихъ кочевья на 850 верстъ. Для исполненія христіанскихъ обязанностей, они должны были отправляться на назначаемое выѣзжавшимъ изъ Якутска священникомъ мѣсто. Этотъ выѣздъ часто бывалъ во время рыбной ловли, когда тунгусы запасаются пищею на цѣлую зиму. Выѣзжая въ

это время на назначаемое священникомъ мѣсто, они не успѣвали заготавливать припасовъ на зиму и принуждены были терпѣть голодъ. Для священника тунгусы должны были приготовить на Хаторскомъ урочищѣ 2 плота, на 15 лошадей каждаго, а на Чумаканѣ 10 лодокъ съ гребцами. Тоже было при разѣздахъ лекаря съ фельдшеромъ для прививки оспы. Для пріобрѣтенія свинца и пороха, тунгусы должны были выходить на встрѣчу ѣздившаго по округу исправника къ Нелькану, за 250 в. Если исправникъ выѣзжалъ лѣтомъ, то тунгусы, выѣзжая къ Нелькану, принуждены были бросать рыбную ловлю; если же выѣздъ исправника случался зимой, то не имѣли ни оленей, ни собакъ, многіе не могли выѣзжать къ нему. Для сбора ясака исправникъ ѣздитъ по стойбищамъ, имѣя съ собою по 5 и болѣе нартъ, слѣдовательно по 36—56 собакъ, которыхъ тунгусы должны были кормить собственными оленями. Въ сборѣ ясака не было ни системы, ни справедливости. Исправники брали ясакъ только съ тѣхъ тунгусовъ, которыхъ встрѣчали и брали съ нихъ все количество, слѣдуемое съ рода. Кроме того, на тунгусовъ падала особенная повинность продовольствія осѣдлыхъ русскихъ жителей. При каждомъ неуловѣ рыбы, а слѣдовательно, при каждой голодовкѣ, обыватели Гижиги отгоняли у инородцевъ цѣлыя табуны оленей.

Тунгусовъ сильно разоряютъ разные торгаша, русскіе, якуты и т. д., держащіе ихъ въ вѣчной кабалѣ. Тунгусъ беззаботно входитъ въ долги даже не по одной необходимости, какъ какой-нибудь остиакъ, но и по увлеченію. Тунгусъ большой лакомка и франтъ; тунгусскія женщины готовятъ изящные кисеты изъ вышитыхъ шкуръ, коробки изъ бересты, а тунгусъ ходитъ въ настоящемъ фракѣ, сдѣланномъ изъ оленьихъ кожъ, украшенномъ бусами, полосками сукна и конскими волосами; подъ фраккомъ для тепла надѣвается нижняя одежда, тоже расшитая бусами, которыми украшены также замшевые штаны и башмаки. Но тунгусъ не довольствуется для лакомства и франтовства произведеніями рукъ своихъ, а покупаетъ также иностранныя издѣлія, русскія, якутскія, китайскія, и разоряется на нихъ. «Впродолженіе всего моего путешествія, говоритъ Миддендорфъ, я видѣлъ только одного тунгуса, котораго считали богатымъ и у котораго не было долговъ. Впрочемъ, онъ перенялъ у якутовъ искусство наживаться торговлею. При своемъ легкомысленномъ, беззаботномъ характерѣ отцы ихъ, да и сами они, приучились вѣкогда расточать ежегодно, при даровомъ содержаніи, громадный доходъ, примѣрно въ 1,000 р. Мефистофели-якуты предлагали имъ все, чего душа требовала, водку и во всякое время кредитъ. Но дѣтская душа первобытнаго человѣка проситъ все, что видитъ, особенно у тунгуса, охотника до парядовъ и удовольствій. Онъ утопаетъ въ раздольѣ, наслаждаясь жирными рыбами и жирною дичью, а все-таки якутъ долженъ привозить ему на убой лошадей и сѣвъ оленей, даурецъ—окорока; все-таки ему необходимъ подвозъ масла и жира. Еще теперь вижу передъ собою сладкую фizioномію и моргающіе отъ восторга глаза моего караваннаго жоака, который какъ бы тающимъ отъ удовольствія голосомъ оправдывалъ тунгусовъ, когда меня почти возмутили лакомки, платившіе даурцамъ дорогія деньги за сметану. «Безцѣнно; вовсе не жаль дать соболя», говорилъ онъ, причмокивая. Кирпичный чай, который я взялъ съ собою, я и не рѣшался вынимать изъ мѣшка. «Это чай второго сорта», замѣтилъ тунгусъ, прихлебывая, когда я дѣйствительно вытащилъ второй сортъ, потому что мой кирпичный оказывался здѣсь негоднымъ и долженъ былъ припрятаться. Нужно было доставать самые лучшіе припасы для этихъ «дикарей», между которыми самые

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА ГРЮЦНЕРА.

Охотничьи рассказы.

Съ фотографического снимка рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политепажнѣ».

богатые, т. е. наиболѣе надѣлавшіе долговъ, возили съ собою обитые металлическими пластинками ящики съ фарфоровой посудой для чая, потому что они въ годъ употребляли до 10 фунтовъ его, слѣдовательно на 150 рублей (ассигн.). Какъ же поступаютъ бѣдняки? спросилъ я. Бѣднякъ тунгусъ не пьетъ чаю, отвѣтилъ спрошенный, но прибавилъ къ этому, если онъ поймаетъ соболя или найдетъ себѣ кредитъ, то ужъ онъ навѣрное тотчасъ-же купитъ себѣ чаю. Тоже самое было и съ одеждою. Даурцы должны были привозить на продажу тунгусамъ мѣха лисицъ и росомахъ для обшивокъ; даже весьма не прочныя одѣяла изъ заячьего мѣха, покрытыя ситцомъ, продавались тунгусамъ изъ Якутска рублей по 15—30. Но сукно съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе стало входить въ употребленіе, люди побогаче начали одѣваться въ полумшелковые зипуны и когда однажды на Шилкѣ, въ Горбицѣ, я нашелъ, что такой зипунъ слишкомъ дорогъ, потому что за него требовали 20 рублей, то какой-то заселенный тунгусъ тотчасъ же перекупилъ его. О разныхъ мелкихъ украшеніяхъ, поясахъ и цѣпочкахъ, а подавно женскихъ нарядахъ и говорить нечего». Торговцы выѣзжаютъ на заранѣе опредѣленные пункты и здѣсь устриваютъ небольшія, но веселыя ярмарки. Тунгусы въ это время путешествуютъ съ одной ярмарки на другую, расходясь по временамъ для охоты въ разные стороны и потомъ снова соединяясь въ назначенныхъ пунктахъ, питаются и кутят на общій счетъ, пока остаются запасы, состоящая въ стрѣльбѣ, танцяхъ, распѣвая пѣсни. Тунгусскіе танцы Миддендорфъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «Сначала образовался маленькій кружокъ, въ перемежку изъ мужчинъ и женщинъ, въ томъ числѣ и совершенныхъ старухъ, какъ попало, безъ замѣтнаго вліянія половыхъ отношеній. Схватились за руки и началась безыскусственная пляска, заключающаяся въ передвиженіи ногъ въ сторону. Вскорѣ, однакоже, круговая пляска стала оживляться, движенія обратились въ прыжки и скачки, все тѣло покачивалось, лица разгорались, восклицанія становились все восторженнѣе, одинъ старался перекричать другого; сбросили полшубки, сбросили набедренники. Въ заключеніе, всѣхъ обуяло бѣшенство. Нѣкоторые еще пытаются противиться, но вотъ уже и у нихъ голова начинаетъ покачиваться, то вправо, то влево, подъ тактъ, и вдругъ такой зритель, какъ будто прорвавъ твердый оплотъ, вторгается въ кругъ пляшущихъ. Все отрывочнѣе, все шумнѣе становятся движенія, да напѣвъ восклицаній: *hurjá, hurjá—hurgoj, hurgoj—hürgyj, hürgyj,—humgoj, humgoj—hakä, hakä—ahandö, ahandö—härga, härga*. Наконецъ весь кругъ разстраивается вслѣдствіе крайняго утомленія; ноги и голоса не дѣйствуютъ болѣе. Демонская сила пляски на морскомъ побережьи увлекла даже глядѣвшихъ на нее неуклюжихъ теляковъ, отъ головы до ногъ закутанныхъ въ тяжелыя собачьи шубы. Поглазѣвъ нѣсколько времени, они, какъ медвѣди, ринулись въ кругъ и, обнаживъ волосы верхнія части своего тѣла, вскорѣ спустили верхнюю часть мохнатой шубы на поясъ». При всемъ томъ, тунгусъ трудолюбивъ и безстрашенъ, онъ пробѣгаетъ на своихъ лыжахъ сотни верстъ, онъ ходитъ на медвѣдя съ одной рогатиной, безъ усталости гоняется за оленемъ и кабаргой, возитъ товары въ якутской области и никогда не унываетъ. Вотъ, напр., зимой, пріѣхавъ вечеромъ съ кушачами и товарами на ночлегъ, тунгусы въ одно мгновеніе развѣвываютъ оленей и въ порядкѣ раскладываютъ вещи, отпуская оленей искать себѣ корма подъ снѣгомъ. Затѣмъ, сходя въ лѣсъ съ топорами, притаскиваютъ на бивакъ пары срубленныхъ большихъ ливенницъ. Тонкія вѣтви обрубаются и складываются на снѣгу вмѣсто постелей, а стволы идутъ для костра. Изъ

средины ствола выкалываются смолистыя сухія лучины, которыя трютомъ и сѣрою доводятся до глѣни. Этотъ пучекъ окружаютъ другими лучинами и хвоей, и всѣмъ этимъ весьма быстро и ловко машутъ по воздуху, пока не вспыхнетъ пламя. Котелъ, наполненный снѣгомъ, уже виситъ на толстой вѣтви, воткнутой въ землю, вкось по вѣтру около костра. Черезъ нѣсколько минутъ чай уже готовъ. Вообще, эти французы Сибири, очень даровиты и я знаю не одного способнаго и въ высшей степени симпатичнаго человѣка, происходящаго отъ русско-тунгусскаго брака. Мать Шапова, напр., была изъ тунгусокъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Стихотворенія Кн. Дм. Голицына.

I.

Воспоминанье.

О давнопрошедшемъ дорогія грѣзы,
Вывали вы снова радости и слезы;
Вспомнилъ я про счастье, вспомнилъ про любовь,
Счастье и горе пережилъ я вновь.
Много было горя среди часовъ блаженныхъ,
Подавевъ страстныхъ, вздохомъ незабвенныхъ.
Вспомнились мнѣ взоры, полные огня...
Успокойся, сердце, не тревожь меня.

Радость предъ свиданьемъ, горе предъ разлукой,
Вы мнѣ были счастьемъ, вы мнѣ были мукой,
И всего лишиться радъ я на землѣ,
Чтобъ вернуть страданья и мученья тѣ.
Но теперь ужъ поздно, все давно пропало,
Только мою душу грусть не покидала,
Не угасла пскра чуднаго огня...
Успокойся, сердце, не тревожь меня.

Подъ крестомъ блестящимъ вотъ ея могла...
Рано умерла ты, рано полюбила!
Высоко витаетъ чистая душа,
Бога назначенье въ мірѣ соверша.
Я одинъ остался, я одинъ страдаю
И съ тобой свиданья въ смерти ожидаю;
Для меня нѣтъ жизни, нѣтъ сіянья дня...
Успокойся, сердце, не тревожь меня.

II.

Ночью.

Ты страдаешь опять, ты забыть не могла,
Ты покоя нигдѣ не находишь...
Мѣсяцъ свѣтитъ и ночь такъ чудесно свѣтла,
Что ты вышла и по саду бродишь.

Ты томима раздумьемъ, къ скамейкѣ пошла
И глядишь на ночную природу...
Мѣсяцъ свѣтитъ и ночь такъ чудесно свѣтла,
Звѣзды смотрятъ на тихую воду.

Онъ теперь далеко, ты-жь забыть не могла
Ни любовь, ни надежду на счастье...
Мѣсяцъ свѣтитъ и ночь такъ чудесно свѣтла,
Что природа не вѣритъ въ несчастье.

Ты съ него предъ разлукою слово взяла,
Что онъ вѣчно любить тебя будетъ...
Мѣсяцъ свѣтитъ и ночь такъ чудесно свѣтла,
Что навѣрно онъ клятву не забудетъ.

Помпейскія ночи.

Отрывокъ изъ очерковъ древней римской жизни,
Симонса. Переводъ Е. А. Сысоевой.

(Продолженіе.)

2) Травля.

Послѣ ужина, благородные гости эдила Прокула расположились на другомъ концѣ столовой, чтобы продолжать попойку и играть въ кости; но красавецъ Попидій Руфъ выскользнулъ, нѣкимъ незамѣченнымъ, изъ залы и принялся отыскивать подъ аркадами и на терасѣ хорошенькую танцовщицу, разжегшую въ немъ сладострастные помыслы.

При яркомъ лунномъ свѣтѣ онъ могъ ясно разглядѣть аллеи и дорожки парка на большое разстояніе; но какъ онъ ни напрягалъ зрѣніе, ни вблизи, ни вдали не было видно ни одного живого существа. Выругавшись такъ, что услышавъ его слова, даже дикіе звѣри плюнули бы съ отвращеніемъ, если бы они понимали языкъ людей, Попидій повернулъ назадъ въ залу. Вдругъ онъ точно окаменѣлъ на мѣстѣ: въ томъ отдѣленіи парка, гдѣ помѣщалась псарня эдила, раздавался оглушительный лай; собаки, почуявъ присутствіе чужого въ паркѣ, бѣшено заматались по огороженному крѣпкой рѣшеткой двору. Адская мысль промелькнула, какъ молнія, въ мозгу молодого развратника; поспѣшно подойдя къ рѣшеткѣ, онъ отдернулъ задвижку калитки и ласково кликнулъ двухъ собакъ по имени. Два испанскіе пса, страшнѣе голодныхъ волковъ, съ колючими ошейниками, въ нѣсколько прыжковъ очутились за оградой и, громко фыркая, принялись обнюхивать каждый камушекъ; затѣмъ, съ оглушительнымъ воемъ они кинулись въ аллею, по которой незадолго передъ этимъ пробѣжала Юба. Вслѣдъ за ними устремился и Попидій, раздраженный своей первой неудачей.

А Юба, между тѣмъ, испуганная отдаленнымъ сабачьимъ лаемъ, допосившимся до нея все ближе и ближе, ускорила шагъ и уже не въ припрыжку, а что есть духу помчалась къ желѣзнымъ воротамъ, запиравшимъ паркъ съ восточной стороны.

Собаки недалеко; ихъ хриплый лай раздается уже въ лавровыхъ кустахъ, откуда дѣвочка только что успѣла выбѣжать; подъ вліяніемъ ужаса и отчаянія, растерявшаяся Юба съ трудомъ протиснула свое эластическое тѣло между желѣзными прутьями рѣшетчатыхъ воротъ, просунула тутъ же и свой тамбуринъ, наполненный пѣтлями, и очутилась внѣ парка въ то самое мгновеніе, когда преслѣдовавшія ее собаки яростно набросились на ворота, чувствуя инстинктивно, что это непреодолимая преграда между ними и ихъ жертвой. Звѣри неистово царапали своими когтями желѣзные прутья, снѣсь пробиться сквозь нихъ; но широкія морды, а главное, ошейники съ острыми шипами дѣлали тщетными всѣ ихъ усилія. Полумертвая отъ страха, Юба черезъ нѣсколько секундъ скрылась совсѣмъ изъ вида.

Перейдя въ бродъ небольшой потокъ, протекавшій у подошвы горы, какъ-разъ за паркомъ, бѣдняжка въ изнеможеніи грянулась почти безъ чувствъ на противоположномъ берегу среди камыша, густые высокіе стебли котораго служили ей теперь надежнымъ убѣжищемъ.

Долго еще разносился въ ночной тишинѣ свирѣпый лай собакъ; но постепенно звуки эти стали ослабѣвать и, наконецъ, совсѣмъ замерли. Юба лежала неподвижно до тѣхъ поръ, пока ея волненіе совершенно успокоилось и сердце перестало стучать въ груди. Какъ только золотой рогъ луны скрылся за вершиной горы, она выползла изъ своего убѣжища и тихо пошла вдоль берега потока.

Но не успѣла она сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ одна ея нога вдругъ провалилась по колѣно въ яму, прикрытую сверху настилкой изъ камыша и хвороста; въ ужасѣ она употребляла всѣ усилія, чтобы вытащить ногу, но тщетно: въ ямѣ оказались клѣнцы, поставленные тутъ какимъ-нибудь охотникомъ для мелкаго пушного звѣря и серна, приходящихъ сюда на водопой по утрамъ, на зарѣ. Какъ ни билась несчастная Юба, но гибкія виноградныя плетви, обмотанныя нѣсколько разъ около рогатаго корня ивы, какъ змѣи впились въ ея нѣжную щиколотку и сжали ее, точно въ клещахъ. Пойманная среди темной ночи, какъ дикая серна, вдали отъ всякой помощи, бѣдняжка обратилась съ мольбой къ богинѣ Діанѣ, покровительницѣ охотниковъ, по-

томъ бросилась плашмя на землю и вытянула руку, чтобы достать со дна потока острый кремнистый камушекъ и перерѣзать имъ главную плеть клѣпцовъ. Но рука ея не доставала до воды.

Не имѣя силъ, чтобы разорвать плеть или распутать узелъ на корнѣхъ пшвы, Юба покорилась своей участи и опустила на землю, рѣшившись дожидаться утра. Вдругъ вдали снова раздались собачій лай, но уже вѣдъ предѣловъ парка; чей-то звучный мужской голосъ науськивалъ свирѣпыхъ звѣрей. Юбой опять овладѣлъ ужасъ; она перегнулась совсѣмъ назадъ, ухватила зубами главную плеть и принялась грызть ее, какъ пойманный въ силки мышонокъ. Ей удалось отдѣлать нѣсколько волоконъ отъ упругой плети; но неловкое положеніе тѣла вынудило ее снова выпрямиться и дать отдохнуть измученнымъ членамъ.

А собаки, между тѣмъ, напавъ на слѣдъ, мчались по противоположному берегу потока. Времени терять нельзя; еще нѣсколько минутъ — и начнется человѣческая травля. Въ порывѣ отчаянія, дѣвочка снова принялась грызть плеть, наконецъ, ухватила за нее обѣими руками, рванула, что было силъ и вытащила изъ ямы свою затекшую кровью ногу, все еще опутанную упругими лозами. Бережно поднявъ съ влажной, илистой земли свой драгоценный тамбуринъ съ цвѣтами, Юба, хромя, вышла на знакомую ей дорогу, которая вела въ самый безопасный кварталъ города Помпей; дорога эта называлась «улицей Гробницъ», потому что по обѣимъ сторонамъ ея возвышались великолѣпные мавзолеи, колумбаріи, колонады съ арками, гдѣ въ нишахъ хранились урны съ цѣлкомъ почтительныхъ гражданъ Помпей. На востокѣ заалѣли уже розовыя полосы — первый привѣтъ землѣ юного Феба, когда измученная дѣвочка дотопталась до мавзолея Скауріевъ, въ нишѣ котораго она и скрылась.

Изнемогая отъ нестерпимой боли въ ступнѣ, Юба тяжело опустилась на землю у окранный мраморнаго бассейна, украшавшаго входъ въ мавзолей, и, осторожно распутавъ плети, сковыкавши ея щиколотку, съ наслажденіемъ погрузила распухшую ногу въ свѣжую воду.

3) Праздникъ.

Давно уже граждане Помпей не наслаждались такимъ ленивымъ, неподобнымъ утромъ, не вдыхали такого бальзамическаго воздуха съ моря, какъ въ день именинъ любимаго императора Тита; казалось, боги Олимпа пожелали этимъ почтить любимца людей и осчастливить смертныхъ.

Помпея приняла праздничный видъ; улицы и площади ея богато разукрасились; чужеземцы и соплеменники сосѣди нахлынули толпами въ этотъ прекраснѣйшій изъ городовъ Кампаніи; гулъ отъ человѣческихъ голосовъ далеко разносился по воздуху; особенно шумно было на рыночной площади, въ форумѣ и въ прилежащихъ къ нему кварталахъ; сплошная масса людей издали казалась движущейся мостовой.

«Улица Гробницъ» — помпейская «Via Appia», названная такъ по великолѣпію и изяществу своихъ надгробныхъ памятниковъ, которымъ завидовали даже избалованные обитатели Рима, — превратилась въ этотъ день въ цвѣточную колонаду; подъ арками ея прогуливались теперь городская знать, высшіе представители гражданской и военной власти и гордые всадники *) съ своими жонами. Лавки, магазины, мастерскія и торговые склады, — все было заперто по случаю торжества.

Помпея праздничаетъ; родственные ей города — Стабія, Геркуланумъ и даже вѣчно весе-

лая, развращенная Байя, въ тайнѣ завидуя счастливой сосѣдкѣ, все-таки выслали туда своихъ гражданъ на пированье.

Легкіе двухколесные экипажи, открытыя и закрытыя носилки, колесницы въ четыре лошади, всевозможныхъ формъ повозки, всадники и пѣшеходы двигались взадъ и впередъ по улицѣ Гробницъ; шумъ, говоръ, веселыя восклицанія, непрерывная суэта представляли рѣзкій контрастъ съ окружающимъ это оживленное мѣсто царствомъ мертвыхъ. Быстро мчались раззолоченныя *) «cisia», а) запряженныя тремя мулами; за ними слѣдовали «rhedae» б) и «covini», в) переполненные нарядными красавицами; далѣе катили изящныя «servi» д) и «essedae», е) обыкновенно управляемыя самими владѣтелями дорогихъ лошадей. Дюжи рабы нумидійцы скакали впереди этихъ экипажей, оглушительно щелкали бичами, поднимали съ земли цѣлыя тучи пыли и разгоняли пѣшеходовъ, чтобы очистить дорогу для господъ; скороходы, высоко подобранные плащи, пробивали путь для носилокъ, которыя, обыкновенно, несли восемь невольниковъ; полулежащія въ нихъ красивыя молодыя женщины, привлекали къ себѣ всѣ взоры. Самыя же знатныя матроны не иначе показывались въ публикѣ, какъ въ закрытыхъ носилкахъ (lectica), съ прозрачными слюдовыми окнами, богато убранныхъ внутри дорогими коврами и шелковыми подушками; носить себя онѣ допускали только своихъ собственныхъ рабовъ (ostophorom), одѣтыхъ въ красныя ливреи; кругомъ нихъ, сверхъ того, бѣжала толпа лакеевъ (pedisequus), обмахивавшихъ носилки съ обѣихъ сторонъ павлиньими перьями.

Особенную торжественность этому зрѣлищу придавало шествіе мѣстныхъ трибуновъ, квесторовъ, цензоровъ и преторовъ, которые чинно выступали посреди улицы, гордо драпируясь въ свои palladium (верхняя одежда изъ бѣлой или пурпуровой тонкой ткани со многими складками, присвоенная только высшей знати). Ихъ сопровождала громадная свита кліентовъ и вольноотпущенниковъ, а по сторонамъ ихъ шли граждане Помпей, съ вѣнками розъ на головѣ.

Мавзолеи, ниши, арки и колонады усыпаны тысячами любопытныхъ зрителей; они съ восторгомъ любятъ на все это великолѣпіе и, не стѣняясь, вслухъ, обсуждаютъ двигающихся мимо нихъ людей. «Смотрите, смотрите! вотъ Диомеды, Скаури, Плинии, Руфы, Плавты, Прокулы, Фаустулы, Сирицы, Фабин, Церты... какіе они всѣ разряженные, какъ раздушены, что за роскошные экипажи, какія лошади! Это все богачи настоящіе или будущіе».

Помпейцы наизусть знаютъ имена и положеніе, достоинства и пороки, состояніе и родства каждаго изъ своихъ патриціевъ; при появленіи котораго либо изъ любимцевъ, народъ привѣтствуетъ его радостными криками или рукоплесканіями.

Фаустулъ и его пріятель Попидій Руфъ ѣдутъ верхомъ на превосходныхъ лошадяхъ, ловко лапиря между несметнымъ числомъ экипажей. Сильно замираетъ сердце у многихъ юныхъ дѣвицъ при встрѣчѣ съ «красавцемъ» Руфомъ, какъ его прозвали помпейскія женщины; яркимъ румянцемъ вспыхиваютъ ихъ щеки, когда юный фатъ подаритъ одну выразительнымъ взглядомъ,

*) а) Cisia — родъ открытой трехконной одноколки, гальскаго происхожденія.

б) Rhedae — по дошедшимъ до насъ свѣденіямъ, была объемистая, крытая колесница, въ двѣ или четыре лошади, съ мѣстомъ для багажа, въ родѣ нашей крытой брички.

в) Covini — бельгійская колесница, принявшая въ Римѣ форму легкой, открытой спереди телѣжки безъ козелъ, такъ что сидящій въ ней, самъ правилъ лошады или мулами.

д) и е) Servi и essedae — нѣчто въ родѣ нашихъ тильбюри или кабріолетовъ; ѣдущіе въ нихъ мужчины или сами правили лошадей, или правили ею невольникъ, сидѣвшій рядомъ. Прим. перев.

другую — легкимъ наклоненіемъ головы въ знакъ привѣта. Но кто же можетъ и сравниться съ Руфомъ? Онъ одинъ только умѣетъ такъ живописно и граціозно драпировать свою тогу; какіе у него чудесные волосы! какія благородныя черты лица! какая тонкая улыбка! Ему подобныхъ рѣшительно нѣтъ въ Помпѣи! Кровный аристократъ по рожденію, онъ съ ранней молодости сдѣлался баловнемъ женщинъ, которыя до безумія привязываются къ нему, несмотря на его пороки, а быть можетъ, даже ради нихъ.

Но въ это утро, онъ не смотритъ ни на одну красавицу, повидимому, даже и не думаетъ о пламенныхъ компеянкахъ, которыя, вѣроятно, не безъ умысла заставляютъ проносить себя по нѣскольку разъ мимо него. Руфъ почему-то разсѣянъ сегодня, отвѣчаетъ невпопадъ, ѣдетъ такой хмурый; прелестные темные глаза его спокойно бѣгаютъ по сторонамъ. Жестокій! ему стоило бы подать малѣйшій знакъ, выразить малѣйшее желаніе, и любая красавица пала бы въ его объятія; но, какъ сытая лисица, вдоволь наѣвшаяся фазановъ и жирныхъ бекасовъ, съ отвращеніемъ смотритъ на нихъ и ради разнообразія готова полакомиться мышонкомъ, такъ и Попидій Руфъ забралъ себѣ сегодня въ голову разставить сѣти совсѣмъ въ другой сферѣ. Не мѣнять его раззолоченныя колесницы и изящныя носилки; не среди пурпура и шелка ищетъ онъ свою жертву — нѣтъ; ему, какъ сытой лисицѣ, до смерти надоѣли фазаны, за которыми онъ такъ часто и успѣшно охотился; его соблазняетъ сегодня мышка, неуклюже ускользнувшая отъ вчерашней травли, которая теперь, никѣмъ почти не замѣчаемая, презирается толпою, какъ нищенка, осыпаетъ цвѣтами мимоѣдущіе экипажи, за что съ нею расплачиваются мелкой мѣдной монетой, — словомъ, его соблазняетъ африканка Юба.

— Купите цвѣтовъ, прекрасные господа, купите цвѣтовъ для вашихъ милыхъ! кричитъ смуглая дѣвочка, едва поспѣвая вдогонку за изящными essedae, въ которыхъ возсѣдаютъ расфранченные щеголи Помпей. Рабы публійцы отгоняютъ ее прочь бичами; она бросается въ противоположную сторону, гдѣ, воспользовавшись минутной остановкой вереницы экипажей, осыпаетъ букетами носилки эдила Прокула. Тотъ и не подозрѣваетъ, что всѣ эти розы и жасмины нарваны у него въ паркѣ и щедро платитъ за нихъ мелочью; но, взглянувъ въ огненные глаза дѣвочки африканки, эдилъ невольно вздрагиваетъ: онъ припомнилъ свой пиръ наканунѣ. «Не вчерашняя-ли это чародѣйка, околдовавшая насъ за ужиномъ?» спрашиваетъ онъ у красиваго всадника, который подскочилъ въ это мгновеніе къ его носилкамъ, едва сдерживая разгоряченнаго коня. То былъ Попидій Руфъ, еще издали замѣтившій Юбу. Пламенными взорами пожираетъ онъ теперь свою жертву; малютка кажется ему еще прекраснѣе, невиннѣе и соблазнительнѣе днемъ, чѣмъ при вечернемъ ламповомъ освѣщеніи. Юба молча подаетъ ему розу; онъ бросаетъ ей взамѣнъ цвѣтка золотой и, низко нагнувшись, страстно шепчетъ: «Скоро, прекрасное дитя, ты будешь торговать другими цвѣтами. Въ этомъ порукою я, Руфъ...»

Юба помертвѣла, взглянувъ въ лицо красавца. Да, это тотъ гость эдила, который всего болѣе испугалъ ее; у него такіе глаза, что проливаютъ человѣка насквозь, не воспламеняя сердца. Золотая монета, брошенная Руфомъ, жгла ей ладонь; она съ отвращеніемъ стряхнула ее на мостовую, точно ужалившую ее осу, и монета мгновенно вдавилась въ землю подъ тяжестью колесъ.

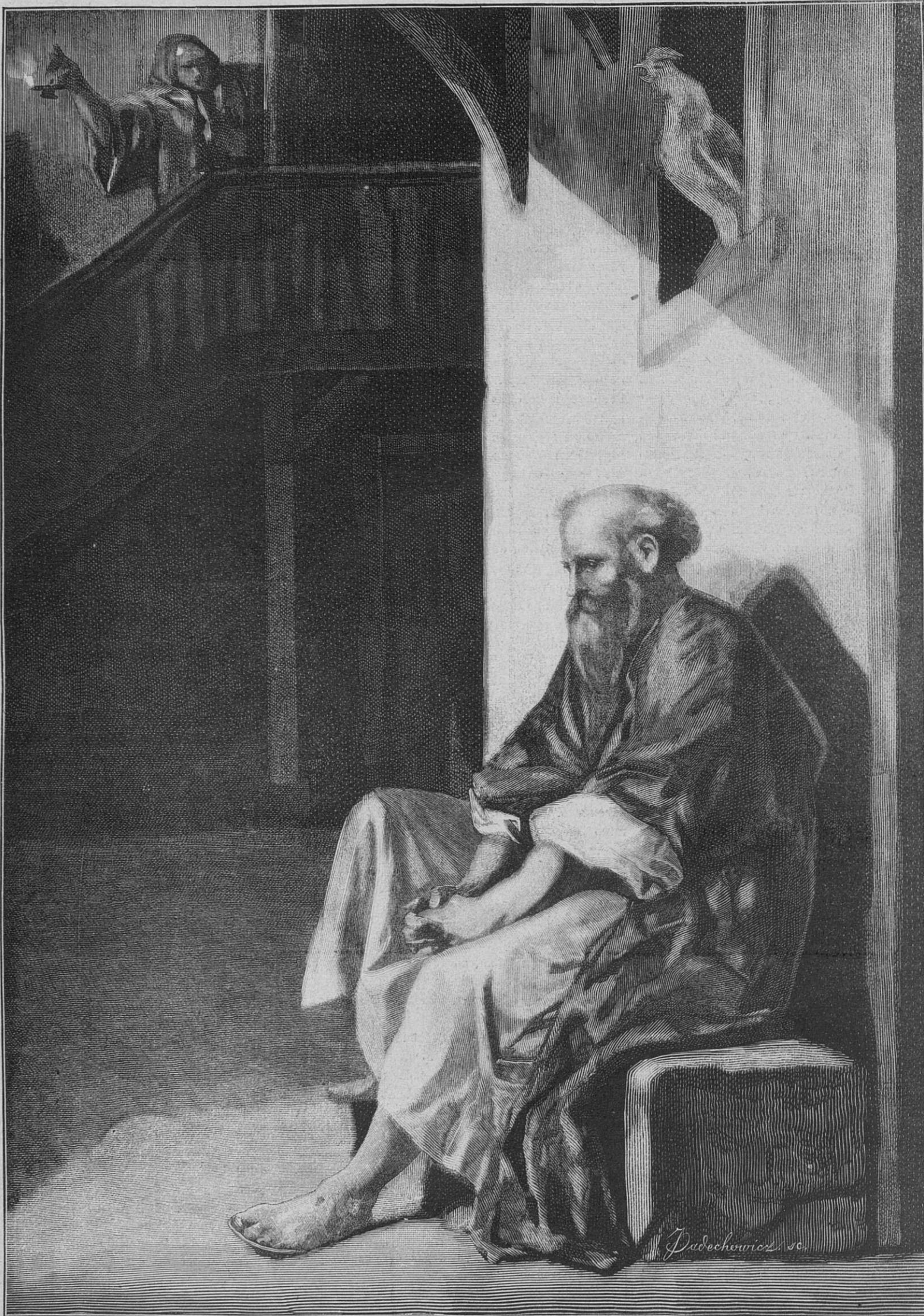
— Купите цвѣтовъ, хорошіе господа! закричала опять Юба, быстро шмыгая между экипажами и исчезая затѣмъ въ воротахъ, ведущихъ въ городъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

*) Всадниками могли быть только самые знатные патриціи; ихъ всего было три сотни (centuriae), по десяти взводовъ (turmae) въ каждой. Начальствовалъ ими трибунъ (tribunus celerum). Прим. перев.

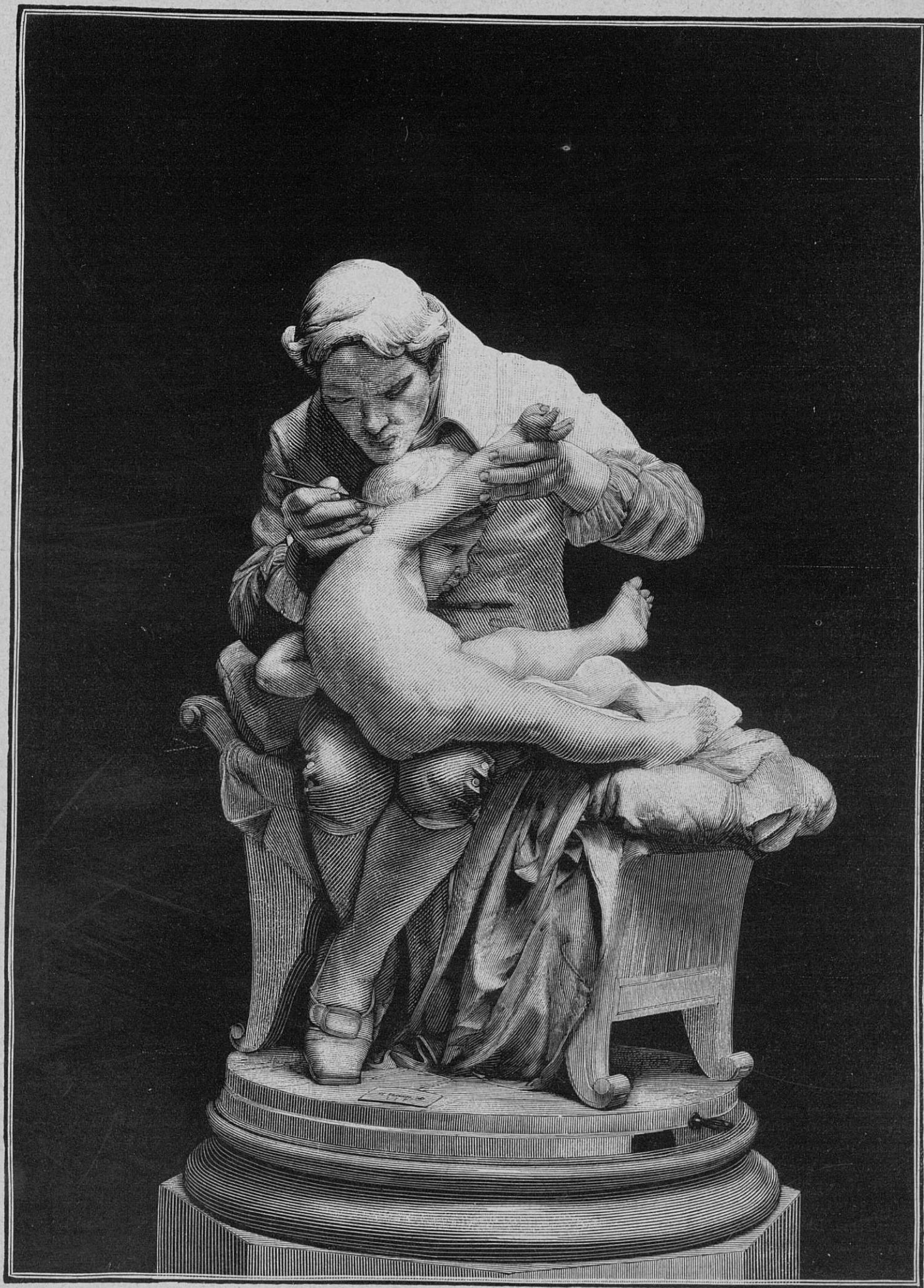
ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
РИСУНОКЪ ВИДА.

Апостолъ Петръ послѣ отреченія отъ Христа.
Рисоваль на деревѣ И. Т. Михайловъ. Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ».

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ
СКУЛЬПТУРА МОНТЕВЕРДЕ.

Дженнеръ, прививающій оспу.

По фотографіи Лаптева въ С.-Петербургѣ. Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской полигитпажнѣ».

Серватій и Панкратій.

Галиційскій разсказъ Захеръ-Мазоха.

(Окончаніе.)

Серватій, отецъ котораго умеръ скоро послѣ переселенія, явился отличнымъ, даже слишкомъ ретивымъ хозяиномъ. Онъ воспользовался каждымъ клочкомъ земли и приказалъ всахаты даже курганъ, носившій въ народѣ названіе «старой могилы» и вызывавшій разные преданія. Плугъ поднималъ здѣсь изъ земли нѣсколько польскихъ монетъ. Тогда Серватій тотчасъ же приказалъ сдѣлать серьезныя раскопки и здѣсь нашолся настоящий кладъ старопольскихъ и римскихъ монетъ, обломковъ римскаго оружія, древне-славянскихъ инструментовъ и посуды. Все это Серватій продалъ за дорогую цѣну въ Вѣнѣ, такъ что, пожалуй, его барышъ былъ лучше лотерейнаго выигрыша. Если Панкратій нашелъ довольно щедрые источники нефти, то Серватій натолкнулся на залежи каменнаго угля, обѣщавшія со временемъ обогатить его. Серватій, пріѣхавъ въ Лембергъ, былъ приглашенъ президентомъ на вечеръ, былъ представленъ дамамъ, понравился женѣ одного очень вліятельнаго генерала и при первомъ удобномъ случаѣ получилъ заказъ казенныхъ поставокъ, которыя значительно увеличили его благосостояніе. Панкратій въ свою очередь тоже около этого времени былъ посвященъ счастьемъ, явившимся къ нему хотя и въ менѣе привлекательной, но за то въ болѣе величественной и болѣе мощной формѣ. Въ Галицію прибылъ императоръ. Тогда еще не было никакихъ желѣзныхъ дорогъ и только богатые магнаты могли поспѣшить въ столицу, чтобы привѣтствовать государя. Сельское дворянство собиралось въ окрестныхъ городахъ. При пріемѣ императора въ Коломанѣ, конечно, присутствовалъ и Панкратій, и Серватій. Государь не сказалъ ни съ однимъ изъ нихъ ни слова. Да и могъ-ли онъ говорить съ ними? Тутъ было до тысячи или болѣе дворянъ и императору нужно бы было убитъ цѣлый день, чтобы имѣть возможность предложить каждому хотя только одинъ вопросъ оздоровья. Сами же мелкіе дворяне, въ родѣ Панкратія, конечно, не имѣли мужества заговорить съ государемъ, особенно въ тѣ времена разсвѣта, когда еще не существовало въ Галиціи государственныхъ гражданъ, а были только вѣрноподанные. Но когда на слѣдующій день императоръ оставилъ окружной городъ, Панкратій поѣхалъ домой по той же дорогѣ на своей не особенно красивой, но горячей четверкѣ и нагналъ экипажъ монарха въ ту минуту, когда одна изъ превосходныхъ императорскихъ лошадей сломала себѣ ногу, а императоръ едва успѣлъ выскочить изъ экипажа, понавшаго въ канаву, гдѣ и остались два задніе колеса кареты. Все это было бы несчастіемъ, еслибы кромѣ Панкратія здѣсь былъ и Серватій; но теперь это было рѣдкимъ и великимъ счастьемъ, такъ какъ Панкратій, вовсе не выказывая особенной дерзкой смѣлости, могъ тотчасъ-же выскочить изъ своего экипажа и, снявъ шапку, предложить монарху свое мѣсто. Монархъ милостиво кивнулъ головою и принялъ предложеніе. Панкратій сѣлъ на козлы, взявъ въ руки возжи и помчалъ императора въ Черновицъ. Монархъ заявилъ, что онъ никогда еще не ѣзжалъ такъ отлично и потребовалъ, чтобы Панкратій сказалъ, какой милости онъ желаетъ. Еслибы тутъ былъ Серватій, — бѣдный Панкратій попросилъ бы непременно орденъ, титулъ или вообще что-нибудь такое, изъ чего въ нашемъ краю ничего не сдѣлать землевладельцу. Но теперь онъ попросилъ, чтобы его величество позволило ему взять въ аренду на два-

цать лѣтъ казенную землю, примыкавшую какъ разъ къ его имѣнію. Предложенная Панкратіемъ арендная плата была далеко не ничтожна и монархъ, удивленный этою скромною просьбою, тотчасъ же далъ свое согласіе. Но Панкратій разсчиталъ хорошо, такъ какъ онъ въ первый же годъ почти удвоилъ доходность этой земли и значительно увеличилъ свое благосостояніе втеченіи немногихъ лѣтъ.

На слѣдующій годъ Панкратій и Серватій явились вмѣстѣ на сеймъ въ Лембергъ и этого было довольно, чтобы злой рокъ ухватилъ ихъ за полъ! Тогдашніе сеймы были просто роскошными выѣздами высшего духовенства и дворянства, комедіей для черни. Въ сеймовой залѣ представители страны отличались другъ передъ другомъ въ искусствѣ съ достоинствомъ молчать. Они молчали на все предложенія. Но на этотъ разъ все испытали очень непріятное ощущеніе, когда Серватій и Панкратій не удовлетворялись этимъ молчаніемъ во время слушанія предложеній правительственнаго предсѣдателя, а желая превзойти своихъ товарищей въ дѣлѣ чистосердечности, заснули и, прислонясь плечами другъ къ другу, начали наконецъ храпѣть на всю залу. Вслѣдствіе этого событія наши друзья втеченіи двухъ-трехъ лѣтъ не появлялись ни на сеймы, ни въ Лембергъ вообще. Потомъ въ сеймовой залѣ появился снова Серватій, но уже одинъ. Все взоры обратились на него, онъ почувствовалъ это, точно его кто-то ужалилъ, но онъ вынесъ испытаніе и, наконецъ, предсѣдатель избавилъ его отъ всеобщаго вниманія, начавъ читать какое-то правительственное предложеніе.

Была зима, въ нетопленной залѣ лежало между рамами и на подоконникахъ множество мухъ, застывшихъ въ зимней спячкѣ. Для сеймоваго засѣданія — въ то время всегда бывало только одно засѣданіе — зала была сильно натоплена и вслѣдствіе этого пробудилась къ жизни одна большая черная муха. Пѣсня этой единственной мухи была слышна, когда губернаторъ началъ читать и когда водворилась беззвучная тишина. Муха весело жужжала то тамъ то, тутъ и, наконецъ, избрала именно несчастную главу галиційскаго правительства для своихъ гимнастическихъ эволюцій, вызванныхъ преждевременно наступившей весной. Кромѣ самого губернатора никто въ залѣ не замѣтилъ этого, за исключеніемъ Серватія. Съ радостнымъ возбужденіемъ и напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ Серватій за граціозными движеніями маленькаго созданія; онъ видѣлъ, какъ муха сѣла на руку губернатора, на ту самую руку, которая держала столь важныя государственныя бумаги, однозвучно официальнымъ тономъ прочитываемыя передъ собраніемъ. Видѣлъ Серватій, какъ губернаторъ движеніемъ руки согналъ муху, какъ она черезъ минуту вернулась снова и, снова спугнутая, заняла мѣсто на губернаторскомъ ухѣ, подняла, подобно танцовщицѣ, сперва одну ножку, потомъ другую, обчищая попеременно свои крылышки. Губернаторъ удовольствовался только тѣмъ, что потрясъ нѣсколько разъ головою, какъ лошадь, преслѣдуемая оводами.

Но ему не удалось отогнать этими движеніями надоедливое созданіе; тогда онъ прибѣгнулъ къ помощи лѣвой руки, при чемъ ему удалось заставить муху покинуть его ухо и перемѣститься на его украшенную двумя пучками сѣдыхъ волосъ лысину. Напряженное вниманіе, съ которымъ слѣдилъ за всею этимъ Серватій, превратилось мало по малу въ удовольствіе, потомъ стало переходить въ веселость, по мѣрѣ того, какъ онъ слѣдилъ за безилудной борьбой губернатора, съ одной стороны желавшаго сохранить свое достоинство государственнаго человѣка, а съ другой — обезпеченнаго пазойливимъ насѣкомымъ до послѣдней степени. Наконецъ, когда муха,

снова прогнанная, пересѣла на носъ губернатора и стала перебирать на немъ всеми своими ногами, ползая взадъ и впередъ, Серватій, наблюдая за улыбающимся въ бѣшенствѣ лицомъ его превосходительства, подумалъ: «Удивительно, какъ это онъ не расхохочется. Его должно быть она чертовски щекочетъ». И онъ представилъ себѣ это такъ живо, что самъ громко расхохотался. Смѣхъ длился одну минуту; потомъ Серватій сдержалъ себя или, лучше сказать, задушилъ смѣхъ, всунувъ въ ротъ платокъ; тѣмъ не менѣе онъ возбудилъ всеобщее вниманіе. Его смѣхъ былъ перетолкованъ присутствующими какъ нѣчто, относившееся къ только что прочитанному губернаторомъ мѣсту. Самъ губернаторъ бросилъ на Серватія угрожающій взглядъ, тогда какъ члены Сейма смотрѣли на него не то съ испугомъ, не то съ удивленіемъ. Серватій съ этого дня прослылъ за человѣка съ свободомыслящею головою и съ смѣлымъ характеромъ и сталъ пользоваться среди дворянства большимъ уваженіемъ.

Настала весна, снѣгъ таялъ на Карпатахъ и тысячи пѣнящихся ручьевъ стекали въ долины. Все рѣки значительно поднялись, Днѣстръ срывалъ деревья, прибрежные камни, мельницы и дома, тогда какъ другія не столь большія рѣки уносили дрянные деревянные мосты и покрывали водой улицы.

Однажды утромъ Панкратій стоялъ на берегу рѣчечки, служившей границею его имѣнія съ западной стороны, и любовался зрѣлищемъ, какъ грязныя волны уносили балки, доски, сучья и другіе обломки деревьевъ. Вдругъ на дорогѣ показался легкій экипажъ, запряженный двумя жалкими, косматыми лошаденками; въ экипажѣ сидѣла невысокая, изящная дѣвушка, съ черными локонами и кроткими карими глазами; лошадыми правилъ, при помощи веревочныхъ возжей, старикъ-кучеръ. Онъ внезапно придержалъ лошадей, приложилъ руку къ глазамъ, наконецъ, поднялся совсѣмъ съ мѣста и черезъ минуту, снова опустившись на козлы, воскликнулъ, точно возсылая жалобу къ небу:

— Боже мой, здѣсь былъ мостъ; чортъ его, что-ли, унесъ.

Панкратій, все время погруженный въ разсматриваніе молодой дѣвушки, показавшейся ему такой привлекательной и воздушной, принялъ на себя миссію отвѣчать кучеру, вызвавшему къ небу.

— Мостъ унесъ не чортъ, сказалъ онъ, вѣжливо поклонившись молодой дѣвушкѣ, — по его смыслу водой.

— Чтожь тутъ дѣлать? пробормоталъ кучеръ, потирая себѣ лобъ. — Пожалуй, можно бы переѣхать вбродъ, но я не поручусь, чтобы лошади не захлебнулись.

Дѣвушка въ экипажѣ подняла къ небу глаза и скрестила на груди руки.

— Мы должны непременно переправиться туда, воскликнула она. — Мой отецъ опасно боленъ и я готова рискнуть всею, лишь бы не опоздать къ нему.

— Мы посмотримъ, сударыня, какъ это сдѣлать, пробормоталъ Панкратій. — Прошу только одной милости: довѣрьтесь мнѣ вполне.

Молоденькая красавица еще не могла и понять, въ чемъ дѣло, какъ Панкратій, этотъ блондинъ Геркулесъ, поднялъ ее изъ экипажа и понесъ на рукахъ надъ пѣнящейся водою. Вода достигала ему до груди, хотя человѣку обыкновеннаго роста она достала бы до подбородка; но онъ шелъ спокойно впередъ, не колебавшись ни на минуту и только взявши направленіе не прямо, а нѣсколько вкось по теченію, чтобы добраться вѣрнѣе до противоположнаго берега, который и былъ наконецъ достигнутъ. Когда Панкратій опустилъ на землю свою дорогую ношу, молодая дѣвушка была окончательно очарована

блѣкурнымъ исполнителемъ; онъ, однако, уклонился отъ всякихъ выраженій благодарности и, переправивъ при помощи ловкихъ указаній кучера съ лошадьми и экипажемъ на другой берегъ, буквально пустился въ бѣгство подъ предлогомъ, что ему нужно переодѣться. Прошло нѣсколько недѣль; блѣкурый Панкратій имѣлъ достаточно времени помечтать о молодой красавицѣ съ черными кудрями, какъ вдругъ однажды ея отецъ вѣхалъ въ ворота его дома, выскочилъ изъ экипажа, заключилъ его въ объятія, поцѣловалъ въ обѣ щеки и воскликнулъ:

— Вы устроите большое несчастье, господинъ благодѣтель, если только у васъ не явится намѣренія жениться на моей дочери, которая совсѣмъ врѣзалась въ васъ, совсѣмъ.

Послѣдовали объясненія, Панкратій поѣхалъ въ имѣніе старика и его появленіе было достаточно для того, чтобы распутать узелъ. Прелестная молодая дѣвушка безъ дальнѣйшихъ разговоровъ бросилась ему на шею и въ тотъ же вечеръ былъ рѣшенъ вопросъ о бракѣ.

Конечно, свадьба не могла обойтись безъ Серватія. Послѣ обѣденнаго стола наши друзья сожгли вмѣстѣ великолѣпный фейерверкъ и все сошло отлично; только ночью населеніе господскаго двора и гости, только что улегшіеся спать, причемъ мужчины спали, большею частью, въ повалку на солому, разсыпанной по полу танцевальной залы, услышали вдругъ крики ужаса:

— Пожаръ! Пожаръ!

При серебристомъ свѣтѣ мѣсяца быстро замелькали въ обширномъ саду фигуры, точно въ сценѣ тѣней въ «Робертѣ-дьяволѣ», причемъ всѣ выбѣжали въ однихъ рубашкахъ, за исключеніемъ одного господина, нашедшаго все-таки, не смотря на всеобщій страхъ, время надѣть свой цилиндръ на голову и натянуть на руки бальныя перчатки. Скоро оказалось, что горитъ просто овинъ, и хотя убытокъ былъ великъ, однако, жилища помѣщенія и жизнь людей не подверглись опасности.

Вскорѣ послѣ этого Серватій познакомился въ Лембергѣ съ молоденькой вдовой, высокой, роскошной и прекрасной женщиной лѣтъ двадцати двухъ, очень уважаемой всѣми и имѣвшей значительныя средства. Онъ завоевалъ ея сердце менѣе романтическимъ образомъ, чѣмъ Панкратій сердце своей молодой супруги. Молодая вдова была женщина съ лѣтницей. Серватій встрѣтилъ ее на одномъ вечерѣ и такъ рьяно услуживалъ ей, что она вдругъ воскликнула:

— Вы услужливый кавалеръ!

И затѣмъ на прощаніе съ обворожительной улыбкой пригласила Серватія бывать у нея. Серватій сдѣлалъ ей визитъ, потомъ сталъ бывать у нея ежедневно и оказался очень изобрѣтательнымъ человѣкомъ, стараясь облегчить ей жизнь, съ которой, какъ извѣстно, гораздо труднѣе справляться богатымъ, чѣмъ бѣднымъ и трудящимся. Была извѣстная поэзія въ томъ, какъ онъ подкладывалъ и поправлялъ вдовушкѣ диванныя подушки, тогда какъ она, улыбаясь, опускала на нихъ свою роскошную шею; была поэзія и въ томъ, какъ онъ подставлялъ ей подъ маленькія ножки скамеечку и во время чая кормилъ ее съ маленькой серебряной вилочки. Когда же наконецъ пришелъ день разлуки, отъѣзда къ своему хозяйству, — молодая вдова расплакалась. Она впервые въ жизни была взволнована, выходила изъ себя.

— Вѣдь я умру, если вы уѣдете! восклицала она.

Серватій съ сожалѣніемъ замѣтилъ, что его присутствіе въ имѣніи необходимо: тогда она отвѣтила ему съ любезной рѣшительностью:

— Ну, если вы не хотите остаться со мною, то я поѣду съ вами.

Серватій покраснѣлъ, она замѣтила его смущеніе и продолжала:

— Ахъ, я совсѣмъ и забыла, что это неприлично; но, право, я вообразила, что я что то въ родѣ вашей жены. А впрочемъ, почему же намъ и не повѣнчаться? Нашему браку ничто не можетъ воспрепятствовать?

— Рѣшительно ничто, пробормоталъ Серватій, въ радостномъ изумленіи.

Не смотря на несчастье на свадьбѣ Панкратія, онъ все таки былъ приглашенъ на свадьбу Серватія, но на этотъ разъ было рѣшено, что никакого фейерверка жечь не будутъ. Вѣнчаніе прошло безъ всякихъ приключеній, обѣдъ тоже, а вѣдѣ за нимъ и балъ, устроенный въ деревенной пристройкѣ къ дому, въ первомъ этажѣ которой съ давнихъ лѣтъ была предназначена для этой цѣли одна зала. До полночи ничто не нарушило веселья, но тутъ подтолкнулъ нечистый Серватія и Панкратія проплясать вмѣстѣ казачка. Отчего же, впрочемъ, и не плясать вмѣстѣ? Казачекъ далеко не то, что фейерверкъ. Но въ своемъ веселомъ увлеченіи пляской друзья такъ страшно притопывали, что изъ подъ ихъ подбитыхъ сталью каблуконъ сыпались искры и вдругъ съ страшнымъ трескомъ все веселое общество вмѣстѣ съ поломъ провалилось въ подвалъ. Къ счастью, уже заранѣе, хотя и случайно, были приняты мѣры противъ этого несчастья: гости должны были ночевать въ домѣ и во всемъ пространствѣ подъ танцевальной залой были посланы постели для слугъ и кучеровъ пріѣзжихъ гостей. Такимъ образомъ, всѣ упали на довольно мягкія подстилки и явилось только нѣсколько расквашенныхъ носовъ, синихъ шишекъ и — по правдѣ судя — излишнихъ обмороковъ.

Послѣ этого происшествія Панкратій и Серватій сами, наконецъ, стали бояться и не осмѣливались болѣе безплодно дѣлать вызовъ судьбѣ; они даже очень усердно стали избѣгать другъ друга. Но они скоро должны были понять, что никакія предосторожности не могутъ дать возможности обойти извѣстные таинственные законы природы и въ жизни нѣкоторыхъ людей, не смотря на всѣ добрыя намѣренія и предупредительныя мѣры, съ удивительною точностью повторяются извѣстныя событія и положенія.

Однажды Панкратій имѣлъ очень важное, неотложное дѣло вблизи отъ того мѣста, гдѣ жилъ Серватій. Понятно, что Серватій въ тотъ же день имѣлъ столь же важное дѣло по близости отъ Панкратія. Чтобы не произошло никакого несчастья, оба друга съ удивительнымъ, свойственнымъ имъ единодушіемъ приняли извѣстныя предосторожности. Точно по данному другъ другу слову, они рѣшились не брать съ собой ни лошадей, ни экипажей, а идти пѣшкомъ, ночью, безъ всякаго оружія, съ простыми дубинами въ рукахъ. Стояла прекрасная, нѣсколько душная лѣтняя ночь и потому экспедиція двухъ друзей имѣла сначала певинный характеръ пріятной прогулки. Къ сожалѣнію, друзья встрѣтились на томъ мѣстѣ, гдѣ бывали частыя нападенія грабителей и даже кровавыя убійства. Друзья встрѣтились, когда о бѣгствѣ или возвращеніи нечего было и думать. Каждый изъ нихъ увидалъ, что противникъ вооруженъ палкой, что противникъ остановился, что противникъ наблюдаетъ.

— Это, конечно, мазурикъ, если не разбойникъ, подумалъ Панкратій.

Серватій былъ очень далеко отъ какихъ-нибудь иныхъ мыслей, чѣмъ мысли его любимого, добраго друга. Такимъ образомъ, оба рѣшили въ удивительномъ согласіи слѣдующее:

— Для чего сразу начинать драку? Лучше внушить сначала уваженіе къ себѣ.

Они подняли палки и начали посвистывать, чтобы этимъ способомъ доказать, что они вовсе не трусятъ. Но при этомъ и тотъ, и другой принялъ противника за злодѣя, готового напасть на него и сзывающаго свисткомъ сообщниковъ. Оба

напали, оба повалились на землю и оба, лежа на землѣ, предлагали другъ другу кошельки. Только тутъ пришлось имъ посмѣяться, хотя у нихъ сочилась изъ головъ алая свѣтлая кровь. Но они смѣялись недолго, такъ какъ въ обоихъ пробудилось сожалѣніе другъ къ другу. Панкратій увидѣлъ рану, нанесенную имъ Серватію и началъ просить прощенія и громко сѣтовать, тогда какъ Серватій побѣждалъ къ ближайшему ручью, смочилъ въ немъ свой платокъ и началъ перевязывать рану своего друга.

«Ничто не поможетъ, это такая ужъ судьба!» На этомъ мудромъ изреченіи снова встрѣтились мысли Серватія и Панкратія, послѣ этого происшествія, и такъ какъ друзья очень любили другъ друга, то они рѣшились переносить свою судьбу съ терпѣніемъ, видясь хотя по разу въ годъ и считая одно несчастье въ году за небольшую важность.

Между тѣмъ, начало распространяться убѣжденіе, что Панкратій и Серватій, встрѣчаясь вмѣстѣ, приносятъ несчастье не только себѣ, но и другимъ. Ихъ друзья стали наблюдать и нашли, что, къ сожалѣнію, это предположеніе справедливо. Во время одной охоты на утокъ, когда оба друга были вмѣстѣ, сначала удача была на сторонѣ охотниковъ; никто не могъ запомнить, чтобы ему когда-нибудь удавалось въ нѣсколько послѣобѣденныхъ часовъ набить столько утокъ, какъ теперь. Особенно удачно охотились Серватій и Панкратій, которые, не смотря ни на что, успѣли въ одну лодку, стрѣляли вмѣстѣ несчастныхъ утокъ и лодка, вѣроятно, имѣвшая гдѣ-то течъ, все болѣе и болѣе наполнялась утками и водою. Вдругъ она пошла ко дну и охотники очутились по горло въ водѣ, едва успѣвъ поднять надъ головами свои ружья, тогда какъ убитыя утки, конечно, стали плавать кругомъ. Изъ подъ ихъ ногами подавался, ихъ товарищи орали во все горло, Панкратій дрожалъ, между тѣмъ, за жизнь Серватія, тогда какъ Серватій кричалъ ему: — «Держись за меня, не то захлебнешься!» — точно блѣкурый гигантъ нуждался въ поддержкѣ. Они и точно утонули бы, если бы не прибѣжали на помощь изъ деревни мужики и евреи, вытянувшіе утопавшихъ съ помощью длинныхъ жердей.

Потомъ Панкратій и Серватій встрѣтились на Пасхѣ въ помѣстьи одного изъ ихъ друзей, причемъ и ихъ жены сошлись здѣсь впервые вмѣстѣ и остались въ восхищеніи одна отъ другой. Воздушная жена Панкратія показалась высокой и полной супругѣ Серватія ангеломъ, а послѣдняя представилась первой царицею. Онѣ уже цаловали одна другую послѣ получасоваго знакомства, говорили другъ другу «ты» черезъ часъ, а еще черезъ полчаса всѣ поѣхали въ саняхъ Панкратія вмѣстѣ, такъ какъ оба мужа, блаженствуя отъ согласія женъ, забыли всѣ прошедшія неудачи и рѣшились провести веселые дни пасхальныхъ праздниковъ вмѣстѣ. Весело неслись они по снѣговой равнинѣ, при серебристомъ звонѣ колокольчиковъ, при веселомъ похлопываніи бича, при ясномъ и золотистомъ солнечномъ блескѣ, какъ вдругъ жена Панкратія, засмотрѣвшаяся на свою новоявленную подругу, увидѣла, что та полетѣла вверхъ, что, конечно, должно было особенно изумить «ангела», такъ какъ летанье въ сущности было его дѣломъ. Оба мужа закричали, кучеръ выругался, а сани уже успѣли перевернуться и всѣ сѣдоки лежали въ снѣгу.

Къ несчастью, полная супруга Серватія навалилась всѣмъ своимъ величественнымъ тѣломъ на маленькую воздушную жену Панкратія и обѣ не могли пошевелиться съ мѣста. «Ангелъ» страшно кричалъ, тогда какъ величественная дама ограничилась одними слабыми стономъ. Серватій и Панкратій, между тѣмъ, вскочили и послѣдній

быстро сталъ оцѣпывать своего друга, спрашивая въ испугѣ:

— Ты не ушибся, Серватій?

— Что мнѣ дѣлается, отвѣтилъ Серватій. — Какъ ты? Ты зашибъ себя что-нибудь?

Разговоръ шелъ бы въ этомъ родѣ довольно долго, если бы обѣ жены не начали громко и сердито просить о помощи. Только тутъ вспомнили оба друга, что надо помочь женамъ, что и было сдѣлано. Какъ только обѣ прекрасныя половины поднялись на ноги, такъ тотчасъ же поллился на мужей градъ упрековъ.

— О насъ вы совсѣмъ и забыли, любезные мужья и услужливые кавалеры, кричалъ «ангелъ».

— Оставить меня лежать и притомъ на этомъ маленькомъ бѣдномъ ангелочкѣ, который едва не задохся подо мною! говорила «царица» съ спокойной злобой, такъ какъ она не утруждала себя даже и тогда, когда ей было нужно выражать свой гнѣвъ.

— Но вѣдь нужно же было спросить сначала о гостѣ, отвѣтилъ Панкратій; это было его единственное оправданіе, которое онъ могъ придумать. Серватій же упорно молчалъ и подергивалъ при этомъ свой черный усъ.

— Тридцать лѣтъ ѣзжу, а никогда такого случая не было, говорилъ кучеръ, — тутъ, вѣрно, чортъ шутитъ.

Онъ сплюнулъ и перекрестился.

Однажды Панкратій заѣхалъ къ одному изъ помѣщиковъ въ окрестности Карпатскихъ горъ; окончивъ дѣла, собесѣдники принялись за выпивку и карты. Разговоръ былъ приправленъ страшными исторіями о разбойникахъ, которыя сообщалъ хозяинъ. Дѣйствіе разсказовъ было такъ сильно, что хозяину пришлось съ улыбкой увѣрять гостей, что уже втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ ничего подобнаго не происходило въ окрестностяхъ.

— Значитъ, вообще здѣсь нѣтъ болѣе разбойниковъ? спросилъ Панкратій.

— Нѣтъ и слѣдовъ ихъ, отвѣтилъ хозяинъ, сдавая карты и придерживая въ зубахъ трубку.

Вдругъ отворилась дверь и вошелъ Серватій. Оба друга воскликнули отъ радости, обнялись и поцеловались, но они еще не успѣли спросить одинъ другого о здоровьи и о женахъ, какъ послышался рѣзкій свистъ, въ разбитое стекло окна просунулись ружейные стволы и вычерненные лица показались въ дверяхъ. Нечего было болѣе дѣлать, какъ сдаться. Послѣ того какъ всѣ присутствующіе были обобраны, разбойники удалились съ сердечнымъ пожеланіемъ:

— Будьте здоровы!

Всѣ съ укоромъ взглянули на двухъ неудачниковъ, но Панкратій, который заплатилъ сильнѣе прочихъ, замѣтилъ съ громкимъ смѣхомъ:

— Ба, это ничего! Мы все-таки видѣлись, а за это не жаль заплатить и дороже!

Но ихъ пріятели думали иначе и пришли къ рѣшенію, которое должно было предупредить дальнѣйшія несчастія. Однажды величественная супруга Серватія пріѣхала къ Панкратію и имѣла долгое совѣщаніе съ маленькимъ ангелочкомъ. Слѣдствіемъ этого совѣщанія было то, что Серватій и Панкратій на слѣдующій же день встрѣтились въ домѣ одного изъ родственниковъ послѣдняго и здѣсь были уговорены сначала пріятелями, а потомъ и женами никогда и ни въ какомъ случаѣ не сходить въ мѣстѣ. Была минута, когда казалось, что бархатистые черные глазки ангелочка тщетно обращали молящій и томный взоръ къ великану Панкратію, и что мягкая, какъ бархатъ, ручка роскошной царицы, обрамленная мягкими мѣховыми рукавами, тщетно разглаживала мрачныя складки на загорѣломъ челѣ Серватія, — а она и дѣйствительно разглаживала его такъ усердно! Панкратій чуть не съ яростью воскликнулъ:

— Глупости! Ничто не поможетъ; наша судьба должна совершиться и что не сдѣлаемъ мы, то сдѣлаетъ случай.

— А я увѣренъ, сказалъ съ мрачной настойчивостью Серватій, — что если мы дѣйствительно не встрѣтимся пять лѣтъ, то на шестой мы сами убьемъ себя.

Тогда жена Серватія воскликнула съ такой силой, какую трудно было предполагать у этой спокойной, вѣчно лѣнливо говорящей дамы:

— Я знаю средство, единственное!

— Какое? воскликнули всѣ разомъ.

— Серватій и Панкратій должны дать клятву никогда не переходить Днѣстръ, такъ, чтобы Серватій жилъ только на лѣвомъ берегу, а Панкратій на правомъ, обдѣлывая здѣсь дѣла и наслаждаясь удовольствіями.

— Отлично, отлично! кричали друзья.

— Не воображайте, что Днѣстръ разлучитъ насъ, сказалъ Панкратій. — Мнѣ жаль бѣдный Днѣстръ, такъ какъ онъ ради насъ въ одинъ прекрасный день пересохнетъ и мы пройдемъ по его сухому дну, какъ евреи черезъ Чермное море, даже и не подозревая того, и несчастіе все таки совершится.

Тогда опять пришли въ движеніе и бархатные глазки и бархатная ручка и, наконецъ, Серватій и Панкратій согласились, тяжело вздыхая, дать клятву и простились другъ съ другомъ навсегда съ долгими поцелуями, съ крупными слезами на щекахъ.

Они сдержали слово и ни одинъ изъ нихъ съ тѣхъ поръ не переходитъ черезъ прекрасный, зеленоватый Днѣстръ и у нихъ не случается никакихъ стоящихъ упоминанія несчастій.

Есть люди, подсмѣивающіеся надъ этимъ и даже разсказывающіе, что наши друзья чувствуютъ непреодолимую водобоязнь. Но что знаютъ люди! Серватій и Панкратій лучше ихъ знаютъ, въ чемъ вся суть дѣла.

Священная война.

(I. Счастливая страна. II. Еретическая зараза. III. Предохранительныя мѣры. IV. Спасеніе душъ.)

Историческіе этюды Павла Скромнаго.

I.

ри обзоръ средневѣковой Европы взглядъ наблюдателя съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается на одномъ счастливомъ уголкѣ. Такое утѣшительное зрѣлище доставляетъ наблюдателю югъ Франціи — Провансъ и Лангедокъ. Уже въ X и XI вв. здѣсь существуютъ такіе учрежденія, которыя другимъ странамъ удалось вырабатывать только впоследствии, послѣ долгой и многотрудной исторической жизни, и такое благосостояніе, которое свидѣтельствуетъ о высшей степени цивилизаціи этой страны, сравнительно съ другими тогдашними странами. Южане пользуются удобствами жизни, совершенно неизвѣстными на сѣверѣ Франціи или въ Германіи; они ведутъ оживленную торговлю, развиваютъ промышленность и богатѣютъ въ такой мѣрѣ, что сѣверъ не можетъ подражать имъ, не то, что-бы соперничать съ ними. Тулуза и многіе другіе юж-

ные города обширны, благоустроены, хорошо населены и изящны, въ то время, какъ Парижъ представляетъ собою некрасивый, плохостроенный и малооживленный городъ. Жители юга наслаждаются покровительствомъ закона и гражданскою свободой, а на сѣверѣ еще царитъ право сильного. Наконецъ, — высшее доказательство благосостоянія народа — здѣсь же на югѣ начинается романская рѣчь и романская литература, и отсюда, какъ изъ колыбели, распространяется далѣе. Южане и въ этомъ отношеніи предупредили сѣверянъ и явились ихъ учителями. Провансъ и Лангедокъ опередили другія страны на пути цивилизаціи и, повидимому, назначены были для распространенія цивилизаціи въ другихъ странахъ.

Присмотримся поближе къ быту этой счастливой страны и опредѣлимъ въ общихъ чертахъ ея политическую и социальную организацію. Но прежде всего: — какія же условія способствовали ея развитію и процвѣтанію?

Природа этой страны можетъ быть названа, безъ преувеличенія, благодатною. Прекрасный климатъ и производительная почва щедро обезпечиваютъ трудъ; положеніе между морями поощряетъ къ торговымъ предпріятіямъ: все вмѣстѣ способствуетъ матеріальному благосостоянію. Страна находится между Франціею, Испаніею и Италіею и представляетъ естественную станцію между ними. Вслѣдствіе такого географическаго положенія, характеръ жителей получилъ общительность, предпримчивость и воспримчивость. Всѣ эти качества мы дѣйствительно замѣчаемъ у жителей юга. Они давно бросили національную замкнутость и религіозную исключительность, находятъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ другими народами и изъ этихъ сношеній извлекаютъ для себя многочисленныя выгоды въ матеріальномъ и духовномъ отношеніяхъ. Между ними по дѣламъ торговли толпится множество евреевъ, и южане не выказываютъ къ нимъ обычной въ средніе вѣки нетерпимости. Испанскіе сарадины точно также перѣдкіе гости, и южане, не смотря на постоянныя войны съ магометанами, не боятся заимствовать отъ нихъ многое въ практической жизни и въ научныхъ воззрѣніяхъ. Во всѣхъ большихъ городахъ юга были еврейскія и арабскія публичныя школы, и ученые евреи и арабы были самыми почтенными преподавателями. Классическая страна — Италія находилась въ частыхъ сношеніяхъ съ югомъ и немало способствовала его цивилизаціи. Знакомствомъ съ Италіею югъ Франціи возбуждался хранить и развивать свое коммунальное устройство и городское самоуправленіе.

Исторія цивилизаціи на югѣ началась несравненно раньше, чѣмъ на сѣверѣ. Еще во время римскаго господства южане познакомились съ древнею цивилизаціею и, нужно замѣтить, познакомились крѣпко и основательно. Благодаря владычеству римлянъ, югъ былъ образованною страной, когда сѣверъ еще находился въ первобытной дикости. Римское образованіе такъ привилось на югѣ, что это даже удивляло и самихъ римлянъ. Ювеналъ совѣтуетъ поэтамъ искать убѣжища въ Галліи. Тацитъ извѣстенъ цвѣтущія школы въ Марсели. Тулуза считалась галльскими Афинами и въ ней воспитывались родственники императорскаго дома. На югѣ учили и писали Евменъ и Авзоній, Лампрідій и Аннолинарій Сидоній. Здѣсь же, на югѣ, а не на сѣверѣ, прежде развилось христіанство и оно, какъ видно, упало на добрую почву; вскорѣ образовалась благоустроенная церковь и появилась новая христіанская литература. Высшее сословіе еще при римскомъ господствѣ сжилося съ римскими нравами и цивилизаціею, а города пріобрѣли коммунальное и республиканское устройство. Правда, послѣ римскаго господства основалось царство

ВЫСТАВКА 1879 Г. ВЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
КАРТИНА ЭДЕЛЬФЕЛЬДА.

Герцогъ Карлъ Шведскій.
Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской полиטיפажнѣ».

готовъ съ столицею Тулузою; но готы не разрушили римскихъ учреждений и даже сами не прочь были примѣняться къ римскимъ правамъ.

Вотъ условія, способствовавшія цивилизаціи страны и поставившія ее на первое мѣсто между другими европ. странами въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ. Позднѣйшія историческія обстоятельства точно также благопріятствовали процвѣтанію страны.

На югѣ не сложилось одного сильнаго государства, но основалось нѣсколько феодальныхъ государствъ и нѣсколько автономныхъ общинъ, цвѣтущихъ и благоустроенныхъ. Первое мѣсто между графствомъ тулузскимъ, столицею его была Тулуза, «благороднѣйшій городъ, царица всѣхъ городовъ въ мірѣ», какъ называютъ ее провансальскіе трубадуры. Графство тулузское находилось въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Капетингамъ. Но эти отношенія не имѣли никакого значенія во внутренней жизни государства. Имена сѣверныхъ королей, какъ сюзереновъ, украшали только заголовки государственныхъ актовъ, въ управленіи же страной графы тулузскіе были вполне самостоятельны. Не думайте, впрочемъ, что они пользовались абсолютною властью и могли злоупотреблять правомъ сильнаго. По отношенію къ Тулузѣ они имѣли не больше силы и вліянія, чѣмъ короли французскіе по отношенію къ нимъ. Ихъ власть была болѣе номинальною, чѣмъ дѣйствительною, управленіе ихъ ограничивалось строго опредѣленнымъ закономъ и для личнаго произвола не оставалось мѣста. Они, какъ и другіе дворяне и люди древняго рода, въ качествѣ почтенныхъ представителей городовъ и общинъ, пользовались привилегіями, хорошимъ содержаніемъ и богатыми пенсіями; къ нимъ относились съ большимъ почтеніемъ; но только пока они подчинялись закону. Община предъ ними не трепетала, и ихъ самихъ подчиняла своему вліянію. Такія отношенія сложились вслѣдствіе того, что раньше развитія феодальной системы здѣсь образовались автономныя коммуны, города вырабатывали полный кодексъ самоуправленія и имѣли средства защищать свои права и стародавніе обычаи. Городъ Тулуза даже имѣлъ право объявлять и вести войну, помимо согласія своего графа. Вотъ яркое доказательство, насколько южные города были самостоятельны по отношенію къ своимъ графамъ! Сначала феодалы не могли препятствовать развитію городского самоуправления и образованію общинъ, а потомъ, можно думать, и не хотѣли; по крайней мѣрѣ мы не видимъ борьбы между графами и общинами и скорѣе примѣчаемъ между ними согласіе и дружбу. Города оказываютъ династическую привязанность къ своимъ государямъ и правителямъ, а государи, въ свою очередь, являются усердными патріотами и защитниками городовъ въ виду вышней опасности.

Такимъ образомъ, свобода городовъ не стѣнялась властію свѣтскою; имъ посчастливилось охранить свою самостоятельность и отъ покушеній власти духовной. Епископы въ средніе вѣка были силою не духовною только, но и свѣтскою; политическими отношеніями они занимались перѣдко болѣе, чѣмъ своими духовными обязанностями. Ихъ отечество—Римъ, тамъ ихъ власть; туда тяготѣли они и туда клонились всѣ ихъ интересы. Понятное дѣло, что они не могли способствовать своеобразному развитію страны, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда это не было согласно съ интересами церкви и съ преобладаніемъ духовенства. Духовенство въ средніе вѣка вездѣ являлось антинаціональнымъ элементомъ. Не такъ было на югѣ Франціи. Здѣсь духовенство втянулось въ мѣстные интересы, не проявляло своего антинаціональнаго вліянія и нисколько не препятствовало своеобразному развитію общинъ. Въ-

роятно потому, что общины рано развились и окрѣпли, ихъ не могла стѣснять римская централизація. На югѣ долго, въ нѣкоторыхъ городахъ до XII вѣка, сохранился древній обычай избранія епископовъ народомъ. Весьма естественно, что народъ избиралъ то лицо, которое соотвѣтствовало его видамъ и избранный народомъ епископъ не желалъ являться противникомъ народа. Выборные епископы благословляли избраніе городскихъ сановниковъ, консуловъ, судей и вообще поддерживали своимъ авторитетомъ выборное начало и городское самоуправленіе. Провансальское духовенство настолько сжилось съ коммунальными формами городовъ-общинъ, что даже во время альбигойской войны епископы заключаютъ трактаты съ городскими сановниками, хотя между ними, конечно, бывали и еретики. Словомъ, города жили въ мирѣ съ духовенствомъ и духовенство не предпринимало ничего противъ самостоятельности городовъ: оно терпѣло развитіе всякихъ идей и направленій, допустило потомъ и развитіе страшнаго для Рима альбигойскаго ученія. За это-то провансальское духовенство впоследствии отъ папы и ревнителей правовѣрія такъ огульно порицается въ нерадѣніи и потворствѣ печестію.

Итакъ, южные города фактически пользовались свободою и самоуправленіемъ. Городское самоуправленіе опредѣлялось болѣе или менѣе точными законами и древними постановленіями, къ которымъ давно привыкло народонаселеніе. Города управлялись выборными сановниками. Это право осталось еще отъ римскаго владычества. Въ большинствѣ южныхъ городовъ правительственные права равномерно раздѣлялись между дворянами и горожанами. Въ Тулузѣ, съ незапамятныхъ временъ, избранный народомъ капитуль самостоятельно управлялъ всѣми дѣлами города, творилъ судъ и расправу. Въ XII в., мы видимъ, городомъ управляютъ 24 консула, выбранные по два изъ двѣнадцати городскихъ частей. Когда нужно, они собираютъ общее народное собраніе. Графъ не имѣлъ силы надъ рѣшеніями народного собранія; онъ присутствовалъ на немъ въ качествѣ свидѣтеля. Выбранные городскіе сановники составляли муниципальный совѣтъ, а изъ представителей родовъ состоялъ большой городской совѣтъ. Не надо думать, что эти учрежденія были похожи на теперешніе магистраты, думы, земскія собранія: юрисдикція ихъ была чрезвычайно широка. Они составляли и исполнительную, и законодательную власть; можно сказать, они были высшею властью. Городъ напоминалъ собою республику. Войско принадлежало городу, его водили въ бой консулы, они же заключали и мирные договоры. Городъ, какъ мы уже сказали, могъ вести войну независимо отъ графа. Городъ нанималъ рыцарей и удалялъ ихъ. Подобное же управленіе было въ Нарбоннѣ, Монпелье, Марсели, графствѣ Фуа, въ Арлѣ и проч.; разница состояла только въ количествѣ и названіи сановниковъ. Сановники выбирались не изъ одного какого-нибудь привилегированнаго сословія, а изъ всѣхъ гражданъ. Такъ, напр., въ Арлѣ было 12 выборныхъ сановниковъ и, между ними, по закону, должно было быть 4 рыцаря, 4 горожанина, 2 купца и 2 деревенскихъ жителя. Почти вездѣ на югѣ города имѣли автономныя права и республиканское устройство.

Полная свобода отъ вмѣшательства въ дѣла какихъ-нибудь постороннихъ вліяній была чрезвычайно благодѣтельна для процвѣтанія городовъ. Городъ велъ войну, когда она была необходима; заключалъ мирные и торговые трактаты, когда считалъ ихъ для себя выгодными. Такое управленіе очень рано изгнало произволъ и опредѣлило всѣ гражданскія отношенія цѣлесообразными законами, соотвѣтствующими духу и характеру народа. Кто сравнитъ жизнь этихъ горо-

довъ-республикъ съ жизнью городовъ сѣвера, найдеть значительную разницу, притомъ въ пользу юга. Рабъ, становясь на тулузскую почву, дѣлался свободнымъ. Судъ былъ скорый и правый; судопроизводство имѣло публичный характеръ. Для рѣшенія дѣла выбирались 12 человекъ, которыхъ нельзя было заподозрить ни въ дружбѣ, ни во враждѣ къ подсудимому. Предъ ними прочитывался обвинительный актъ, въ присутствіи подсудимаго. Каждый присяжный подавалъ свое мнѣніе; рѣшеніе составлялось по большинству голосовъ. Въ область суда никто не вторгался и рѣшеніе его не перемѣнялось вслѣдствіе постороннихъ вліяній. Присяжному, не явившемуся или не желавшему высказать своего мнѣнія, угрожала пеня или подозрѣніе въ гражданской нечестности. Всѣ другія учрежденія общинъ имѣли такой же привлекательный характеръ: они ограждали личность, имущество, свободу, давали просторъ дѣятельности, во всѣхъ отношеніяхъ вносили законность и честность. Эти учрежденія, привлекательныя и въ настоящее время, тогда имѣли обаятельную силу. Къ городу стремился деревенскій житель и получалъ въ немъ охрану отъ произвола феодала; къ общинѣ стремился рабъ, находилъ здѣсь новое отечество и становился полноправнымъ гражданиномъ. Потому-то общины и развиваются, потому-то народъ свыкается съ ними и геройски защищаетъ ихъ отъ всякихъ покушеній.

Вслѣдствіе республиканскаго самоуправленія и юридическихъ постановленій, достаточно обезпечивавшихъ личныя и имущественныя права каждаго гражданина, торговля и промышленность южныхъ городовъ находились въ самомъ блестящемъ положеніи и жители богатѣли и приумножали свое состояніе съ особенною быстротою. Каждый могъ съ усердіемъ трудиться въ полной надеждѣ, что онъ вполне воспользуется своимъ трудомъ; потому что хищничество и насиліе ему не угрожали ни откуда. Кромѣ того, здѣсь не было разорительныхъ феодальныхъ поборовъ, не было многочисленныхъ податей и налоговъ, такъ сильно стѣснявшихъ экономическій бытъ средне-вѣковаго человека. Прибавьте сюда: счастливое географическое положеніе страны, правильное устройство цеховъ, малостѣпенныя правила торговли, гарантіи и льготы для иностранныхъ купцовъ—и нѣсколько опредѣлится условія матеріальнаго процвѣтанія страны. Южные города были мѣстами для склада товаровъ и самыми оживленными рынками; сюда стекались, по торговымъ дѣламъ, люди всѣхъ странъ, племенъ и религій, здѣсь же можно было найти всевозможные товары. Здѣсь были доступны всѣ предметы комфорта и роскоши, когда въ другихъ странахъ нельзя было часто достать необходимаго. «Въ городахъ Лангедока и Италіи, такъ же какъ и въ зарождающихся коммунахъ христіанской Испаніи, можно было наслаждаться благами жизни въ то время, когда въ другихъ христіанскихъ странахъ нельзя было ручаться въ личной безопасности».

Всѣ вышеизложенныя условія самымъ благопріятнымъ образомъ отразились на характерѣ жителей и на цивилизаціи страны. Правы смягчились и общительность развилась. Характеръ жителей не имѣлъ рабскихъ чертъ. Южанинъ, выросшій подъ охраною закона, вдали отъ произвола, прекрасно сознавалъ свои права и свое человеческое достоинство. Благодаря матеріальному довольству и доступности предметовъ роскоши, обстановка жизни приобрѣла изящество, которое проглядывало, какъ въ обычномъ костюмѣ горожанъ, такъ и въ блескѣ общественныхъ празднествъ. Свободный и хорошо обеспеченный въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи южанинъ выказалъ особенный вкусъ къ наукѣ и искусству и въ этомъ отношеніи далеко опере-

диль сѣверянина и могъ явиться его учителемъ. Рыцари юга, славные своими бранными подвигами, прославились и какъ поэты; рука ихъ, привыкшая владѣть тяжелымъ мечемъ, съ искусствомъ владѣла и перомъ. На югѣ впервые заговорили на романскомъ языкѣ, здѣсь же впервые зазвучала и пѣсня трубадура. Провансальскій трубадуръ поетъ объ идеальной любви, безъ надежды на взаимность и награду; обожаніе женщины въ этихъ пѣсняхъ имѣетъ самый идеальный колоритъ. Для нашего времени это слишкомъ нѣжно, для реалиста, пожалуй, смѣшно; но, во всякомъ случаѣ, это лучше и сочувственнѣе грубости; это уже побѣда надъ варварствомъ. Постоянныя сношенія съ народами различныхъ племенъ и вѣроисповѣданій предохраняли провансальца отъ односторонности и исключительности; онъ не побоялся заимствовать многое отъ ученыхъ евреевъ и магометанъ-арабовъ. Во всѣхъ большихъ городахъ юга были школы съ учеными преподавателями евреями и сарацинами; послѣдователи Авицены и Аверроса распространяли мысли своихъ учителей въ Провансъ и Лангедокъ. Можетъ быть, это могло вредить правовѣрію, но, во всякомъ случаѣ, весьма способствовало образованію. Исключительно церковнаго духа въ наукѣ не могло быть, но свѣтская наука была значительно распространена въ народѣ. Масса народа такимъ образомъ выходила изъ-подъ опеки католицизма. И въ поэзіи, какъ въ наукѣ, провансальцы явились свободными отъ исключительно церковнаго направленія; они слагаютъ пѣсни не въ честь святыхъ и Богоматери, а въ честь подвига и дамы сердца. По тону пѣсни видно, что провансалецъ къ религіи относится свободно и нерѣдко съ легкомысліемъ. Такъ, напр., одинъ рыцарь поетъ: «Самъ Богъ бы изумился, когда бы я осмѣлился покинуть свою даму; Всевышній не знаетъ, что еслибъ я потерялъ ее, то никогда и ни въ чемъ не нашелъ бы счастья, и Онъ самъ не умѣлъ бы утѣшить меня». Другой утверждаетъ, что взглядъ его дамы приноситъ ему больше радости, чѣмъ попечительнѣйшія заботы 400 ангеловъ, которые пекутся объ его спасеніи. Дама для рыцаря выше всего, мысль о ней всецѣло занимаетъ его умъ: «если бы я такъ думалъ о Богѣ, если бы къ нему имѣлъ такую чистую привязанность, то, конечно, раньше кончины моей, даже впродолженіи цѣлой жизни былъ бы помѣщенъ Имъ въ рай». Да и рай безъ дамы оказывается мало привлекательнымъ для трубадура: «Если смерть застигнетъ меня внезапно, то послѣдняя молитва моя къ Богу будетъ не о раѣ, нѣтъ, я буду молить Его наградить меня, взаимнѣйшая рая, еще ночью въ ея объятіяхъ». Конечно, это слишкомъ сильно сказано. Но это не случайная фраза. Многіе провансальскіе поэты выражаются въ этомъ родѣ, слишкомъ непочтительно къ Богу и святымъ.

Вообще, нужно замѣтить, цивилизація провансальцевъ была не церковнаго направленія; между ними было сильно распространено порицаніе римской церкви и ея порядковъ. Провансальцы стали въ противорѣчіе съ господствующею цивилизаціею среднихъ вѣковъ — церковною, католическою, и поэтому должны были выдержать упорную борьбу съ Римомъ, представителемъ этой цивилизаціи. Они хотѣли обособиться отъ остальной католической Европы, и потому имъ нужно было защищать свою особность отъ Европы, предводимой Римомъ. Надъ Провансомъ тяготѣло самое ужасное въ средніе вѣка обвиненіе — обвиненіе въ ереси. Противъ счастливаго Прованса послышались проклятія изъ Ватикана и тысячи правовѣрныхъ готовились наказать отступниковъ. Мы увидимъ эту богатую страну разграбленною и опустошенною, преданною огню и мечу. Здѣсь, гдѣ царитъ свобода и законъ, поселится самый грубый произволъ и деспотизмъ; свободныя учре-

жденія, которыя недурно было бы заимствовать другимъ средневѣковымъ народамъ, будутъ уничтожены и мѣсто ихъ займетъ фанатизмъ инквизиціи.

По какому-же поводу Римъ и Европа обрушились на Провансъ? въ чемъ заключается злобредность провансальцевъ?

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Объ охраняющемъ сходствѣ животныхъ съ окружающей ихъ средой.

Давно уже извѣстенъ тотъ фактъ, что многія животныя, особенно насѣкомыя, представляютъ своимъ цвѣтомъ и наружнымъ видомъ поразительное сходство съ той средой, въ которой живутъ; но только со времени теоріи Дарвина, составившей въ наукѣ эпоху, мы получили возможность объяснить это замѣчательное явленіе. Прежде случаи охраняющаго сходства, столь часто встрѣчающіеся въ природѣ, считались аномаліями, игрою случая. Но съ тѣхъ поръ, какъ Дарвинъ доказалъ, что каждое явленіе органической природы, каждый органъ, каждая характерная форма или окраска, каждая особенность инстинкта, всякое соотношеніе группъ и видовъ между собою имѣютъ извѣстный смыслъ и значеніе, и если не въ настоящее время, то въ прежнія времена приносили пользу или отдѣльнымъ особамъ или цѣлымъ расамъ; — мы уже стараемся отыскивать смыслъ и цѣль даже въ такихъ фактахъ, которые на первый взглядъ кажутся мало значущими. Замѣтивъ, что дикіе кролики бываютъ всегда только сѣраго или коричневаго цвѣта, который способствуетъ имъ скрываться въ травѣ и палотникахъ, мы задаемся вопросомъ: есть ли это простая случайность или, напротивъ, результатъ естественнаго подбора, вліяющаго на окраску животныхъ въ томъ же направленіи, какъ и на внутреннее строеніе и механическое устройство ихъ? — Рѣшеніе этого частнаго вопроса логически вытекаетъ изъ слѣдующаго общаго положенія: способность дѣлаться до извѣстной степени невидимыми или мало замѣтными для многихъ животныхъ полезна, а для нѣкоторыхъ прямо необходима; не обладай они ею, многочисленные враги очень быстро совершенно истребили бы ихъ. Животныя, преслѣдуемыя другими, въ свою очередь должны быть такъ устроены, чтобы присутствіе или приближеніе ихъ было по возможности незамѣтно — иначе они должны бы были умереть съ голоду. По наружной окраскѣ животныхъ часто можно бываетъ заключить, являются ли они побѣдителями въ борьбѣ за существованіе, или погибаютъ въ ней. Въ очень большомъ числѣ случаевъ мы видимъ, что природа стремится производить такіа окраски, которыя или помогаютъ животнымъ скрываться отъ враговъ, или способствуютъ имъ овладѣвать добычею.

Такъ, почти всѣ животныя, населяющія пустыни, имѣютъ цвѣтъ пустыни: левъ, напр., долженъ быть почти незамѣтенъ, когда изъ-за камней и скалъ подстерегаетъ свою жертву; на этомъ же основаніи всѣ виды антилопъ песочнаго цвѣта; этотъ же цвѣтъ въ замѣчательной степени совершенства усвоенъ и верблюдомъ. Цвѣтъ перьевъ птицъ, живущихъ въ пустыняхъ, представ-

ляетъ поразительное сходство съ почвой того района, въ которомъ каждая изъ нихъ обитаетъ.

Животныя полярнаго пояса представляютъ такіе же разительные примѣры стремленія природы производить охраняющія окраски. Большая часть животныхъ, обитающихъ въ снѣговыхъ и ледовитыхъ мѣстностяхъ — бѣлаго цвѣта; таковы прежде всего сѣверный медвѣдь. Горностаи, альпійскій заяцъ и сѣверная лисица только зимою бѣлаго цвѣта, но за то они рѣдко встрѣчаются на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ снѣгъ лежитъ круглый годъ. Такимъ образомъ, и здѣсь мы видимъ сходство съ той средой, въ которой приходится жить этимъ животнымъ.

Между птицами хорошій примѣръ охраняющаго цвѣта представляетъ куропатка: лѣтомъ, когда она почти не летаетъ, а держится на землѣ, на каменистой почвѣ, перья ея имѣютъ цвѣтъ лишаевъ; зимою же она чисто бѣлаго цвѣта. Совы и козодои имѣютъ темную и пятнистую наружность, дѣлающую ихъ мало замѣтными днемъ и еще болѣе удобную ночью. Въ вѣчнозеленыхъ тропическихъ лѣсахъ мы находимъ цѣлыя группы птицъ зеленаго цвѣта. Самый рѣзкій и наиболѣе извѣстный примѣръ ихъ представляютъ попугаи; на востокѣ есть и зеленые голуби. Пресмыкающіеся тоже одарены охраняющимъ сходствомъ съ окружающей средой: нестрия пятна ящерицы и змѣи дѣлаютъ ихъ совершенно незамѣтными, когда онѣ спокойно лежатъ на землѣ, покрытой мхомъ и лишаями. Рыбы представляютъ тоже самое: плоскуши, напр., (скаты и морская камбала) имѣютъ цвѣтъ гравія или песка, на которомъ онѣ пребываютъ въ морѣ.

Но особенно рѣзко и совершенно проявляется принципъ принаровленія наружнаго вида къ окружающей средѣ въ мірѣ насѣкомыхъ. Тутъ попадаются поразительные примѣры охраняющаго сходства: припомнимъ только сѣрую и коричневую окраску моли и многихъ жуковъ, живущихъ на корѣ старыхъ деревьевъ. Темная и пятнистая окраска дѣлаетъ ихъ настолько похожими на кору, что ихъ почти невозможно отличить отъ нея. Многіе виды маленькихъ коричневатыхъ, крапчатыхъ долгоносиковъ (жуки) имѣютъ обыкновеніе скатываться, при приближеніи какого-нибудь предмета, съ листа на землю и втягивать лапки и щупальца. Вслѣдствіе этого маневра насѣкомое обращается въ маленькій овальный комочекъ, который даже при очень хорошемъ зрѣніи трудно отличить отъ камешковъ и комочковъ земли, между которыми оно лежитъ.

У бабочекъ очень интересно распредѣленіе цвѣта крыльевъ. Дневныя бабочки имѣютъ яркія и блестящія цвѣта только на верхней сторонѣ всѣхъ четырехъ крылышекъ, нижняя же сторона всегда окрашена однообразнымъ темнымъ цвѣтомъ. У ночныхъ бабочекъ яркую окраску имѣютъ только два заднія крыла, переднія же или верхнія крылья большею частью коричневатаго и только въ рѣдкихъ случаяхъ рѣзкаго или яркаго цвѣта. Такое распредѣленіе цвѣтовъ имѣетъ, безъ сомнѣнія, охраняющее значеніе: такъ какъ дневныя бабочки сидятъ почти всегда съ приподнятыми крыльями, то темный цвѣтъ нижней стороны до извѣстной степени охраняетъ ихъ отъ ихъ преслѣдователей, привлекаемыхъ яркими цвѣтами верхней поверхности. — Охраняющіе цвѣта и сходства насѣкомыхъ замѣняютъ имъ всѣ другія средства обороны, которыхъ онѣ лишены. Естественный подборъ проявляется здѣсь исключительно воспроизведеніемъ извѣстныхъ цвѣтовъ, пятенъ и рисунковъ. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется замѣчательная степень охраняющаго сходства въ мірѣ насѣкомыхъ.

Интереснѣйшій образецъ охраняющаго сходства представляетъ бабочка изъ семейства нимфы ирисъ, живущая на островѣ Суматрѣ. Верхняя сторона ея крыльевъ пурпурноокраснаго цвѣ-

та, а поперегъ переднихъ крыльевъ проходитъ широкая темнооранжевая полоса, такъ что во время полета насѣкомое очень замѣтно. Нижняя же сторона крыльевъ пепельно-сѣраго, коричневаго или желтаго цвѣта и имѣетъ видъ сухого или гнилаго листа. Переднія крылья вытянуты въ длину на подобіе листьевъ тропическихъ кустарниковъ и деревъ, заднія тоже вытянуты въ видѣ длиннаго узкаго хвоста. Посрединѣ крышекъ проходитъ выгнутая линія, напоминающая

рымъ относятся: саранча, кузнечикъ и стрекоза. Многие виды тропической саранчи имѣютъ цвѣтъ тѣхъ листьевъ, на которыхъ обыкновенно сидятъ, и обладаютъ, кромѣ того, такимъ расположеніемъ штриховъ на крыльяхъ, что сходство съ листьями почти совершенно. Первый изъ прилагаемыхъ рисунковъ изображаетъ бразильскую саранчу (*Pterochroza ocellata*), верхняя поверхность крыльевъ которой представляетъ это сходство въ значительной степени. На рисункѣ можно,

не видна, когда насѣкомое сидитъ на мѣстѣ, находясь пестрые круги, какъ у нашей дневной павлинки. Нашъ рисунокъ изображаетъ бабочку въ настоящую величину.

Еще разительнѣе это сходство съ листомъ у другого вида саранчи (родственного виду *Pterochroza*), которая тоже живетъ въ Бразиліи, по образцы которой привезены въ Европу пока еще въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Вторымъ рисункомъ даетъ очень хорошее представле-

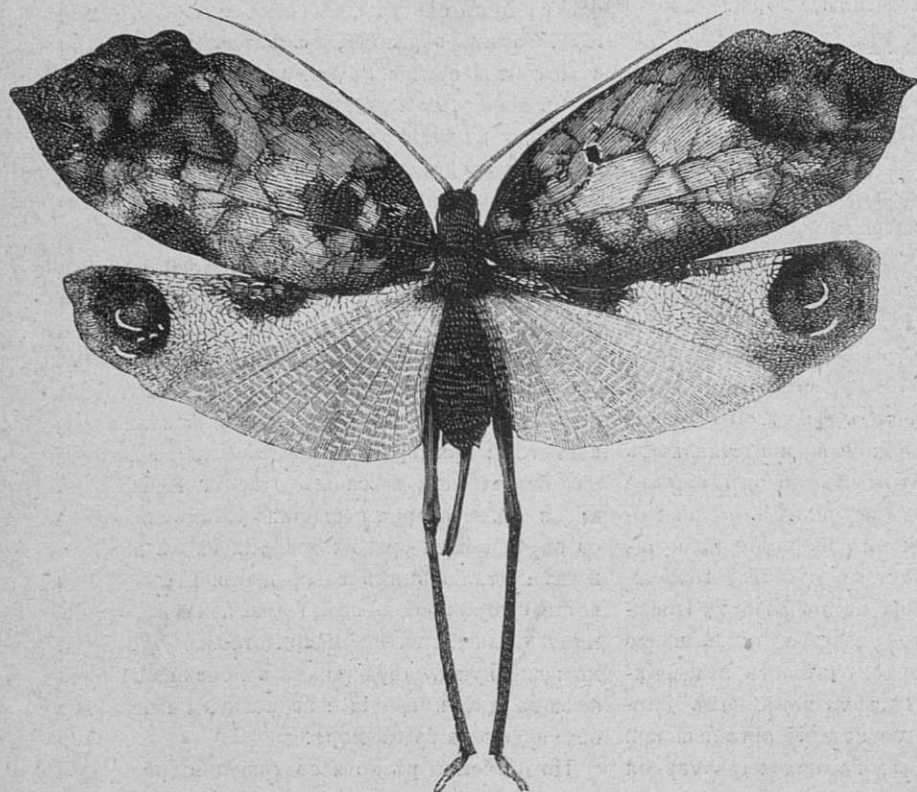

Рис. 1.

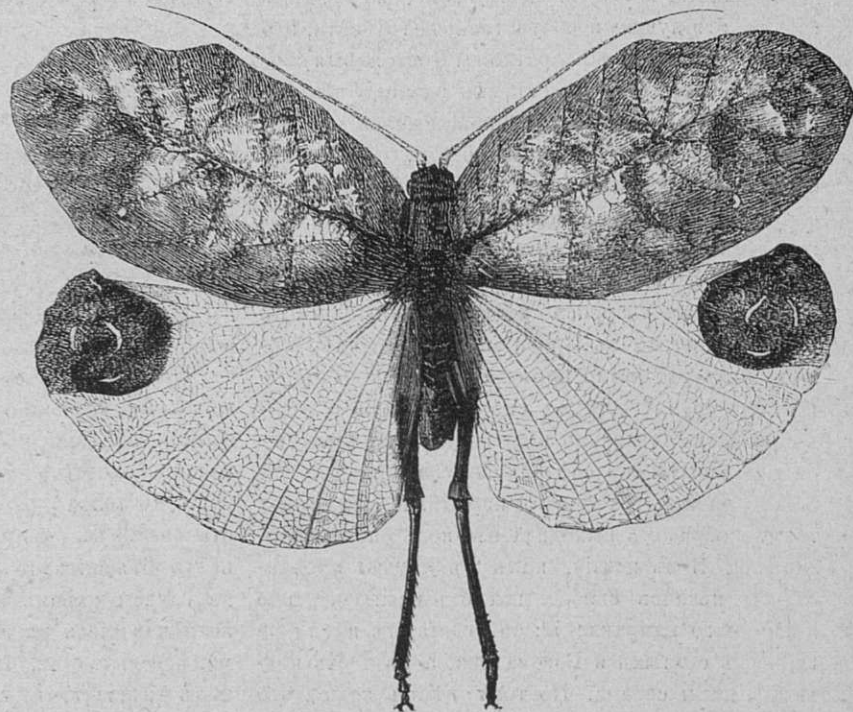

Рис. 2.

главную ось листа; отъ этой линіи отходятъ въ обѣ стороны косые штрихи на подобіе боковыхъ осей листа. Вълѣдствіе этихъ особенностей бабочка эта называется «листовою».

Англійскій естествоиспытатель Альфредъ-Россель Валласъ, приводя въ своей превосходной книгѣ «Путешествіе по Малайскому архипелагу» описаніе наружнаго вида этой бабочки, сообщаетъ также краткій разсказъ о томъ, какъ замѣчательно она умѣетъ прятаться. «Листовая бабочка, пишетъ онъ, — очень нерѣдко попадаетъ въ сухомъ кустарникѣ, но я много разъ напрасно старался поймать ее: пролетѣвъ нѣкоторое пространство, она забиралась въ кустъ между сухими листьями, и какъ осторожно я ни подкрадывался — никогда не могъ замѣтить ее до тѣхъ поръ, пока она не вылетала оттуда, чтобы спрятаться въ новомъ мѣстѣ. Разъ, наконецъ, мнѣ удалось точно замѣтить то мѣсто, на которое она опустилась, и хотя на нѣкоторое время я потерялъ ее изъ виду, все-таки увидѣлъ, наконецъ, какъ разъ передъ собою: въ спокойномъ положеніи она такъ походила на сухой листъ, повисшій на вѣткѣ, что, даже глядя прямо на нее, можно было ошибиться».

Мы прибавимъ къ этому, что величина листовой бабочки, окраска, форма, рисунокъ — все представляетъ такое удачное сочетание, что сходство ея съ листомъ почти абсолютно совершенно. Она представляетъ одинъ изъ разительнѣйшихъ примѣровъ того, какимъ образомъ — посредствомъ естественнаго подбора и переживанія особей, обладавшихъ наибольшимъ сходствомъ съ сухимъ листомъ, — постепенно выработался видъ, обладающій этимъ сходствомъ въ поразительной степени совершенства.

Мы находимъ подобные примѣры сходства съ листьями въ отдѣлѣ прямокрылыхъ, къ кото-

Рис. 3. Къ статьѣ «Объ охранительномъ сходствѣ животныхъ, съ окружающей ихъ средой».

конечно, видѣть только расположеніе штриховъ, дѣлающее крылышко похожимъ на листъ; въ натурѣ это сходство значительно усиливается окраскою, которая на рисункѣ не видна.

Верхняя поверхность крыльевъ этой саранчи матоваго свѣтло-зеленаго цвѣта; мѣста, окрашенные на рисункѣ темнымъ цвѣтомъ, представляютъ коричневатые пятна, такъ что даже при помощи искусства невозможно лучше изобразить полусохшій листъ. На нижней поверхности, которая

не о расположеніи штриховъ на верхней поверхности крыльевъ этого интереснаго прямокрылаго, но видъ живой бабочки возбуждаетъ сильнѣйшее удивленіе. Она тоже срисована въ настоящую величину. Верхняя поверхность крыльевъ коричневаго цвѣта и усыпана множествомъ сѣрыхъ и бѣловатыхъ точекъ, такъ что представляетъ разительное сходство съ сухимъ или гнилымъ листомъ, на которомъ выросли грибки. Расположеніе же штриховъ на крылышкахъ до такой степени похоже на настоящій листъ, что даже смотря въ дупо можно принять крылышко за буковый или дубовый листъ. Чарльзъ Дарвинъ, которому былъ посланъ очень удачный фотографическій снимокъ съ этой саранчи, написалъ въ отвѣтъ: «Мнѣ кажется, что въ этомъ насѣкомомъ лучше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ, представляется образецъ охраняющаго сходства».

Прилагаемые рисунки даютъ приблизительное понятіе о замѣчательныхъ случаяхъ охраняющаго сходства, встрѣчающихся въ природѣ. О томъ, что происхожденіе ихъ объясняется путемъ естественнаго подбора, было сказано въ началѣ статьи.

И з а.

Романъ А. Бувье.

(Продолженіе.)

Глава VIII.

Мрачное утро.

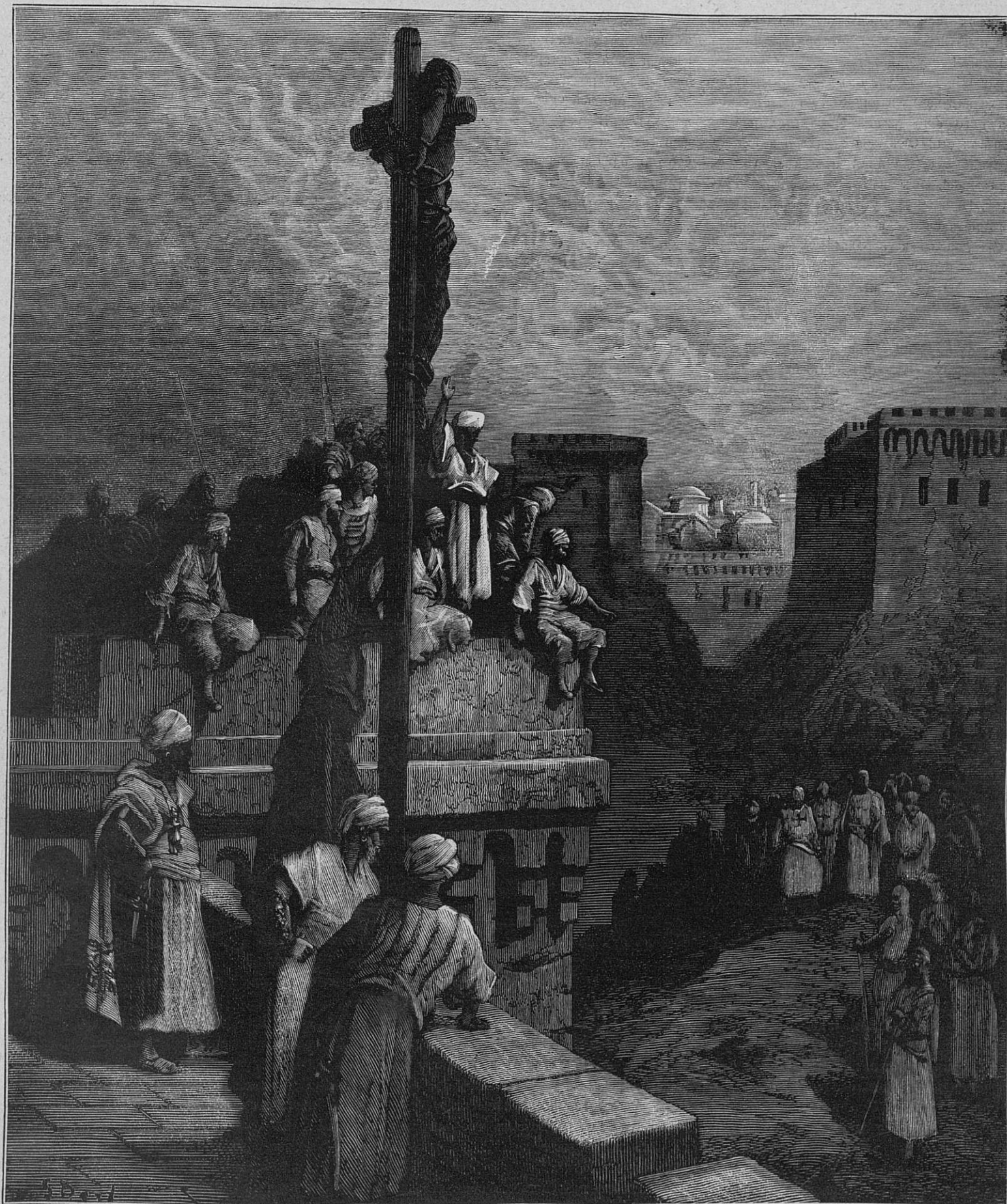
Слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ въ улицѣ Лакюзъ не подвигалось и Оскаръ Вершемонъ выходилъ изъ себя. Сыщикъ, который сначала повелъ дѣло такъ рѣшительно, подаль вдругъ въ отставку, и оно, затормозилось въ то самое время, какъ уже было близко къ блестящему окончанію.

Когда несчастнаго Мориса, послѣ его перваго вопроса, вынесли безъ чувствъ изъ кабинета слѣдователя и помѣстили въ лазаретъ Консьержери, Вершемонъ былъ очень взволнованъ. Его само-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ

КАРТИНА Г. ДОРÉ.

Жераръ д'Авень.

Изъ иллюстрацій къ «Исторіи крестовыхъ походовъ».

увѣренность была сильно поколеблена. Цѣлый день онъ спрашивалъ себя, не попалъ-ли онъ на ложный слѣдъ, но доказательства противъ Мориса были такъ многочисленны и непреложны, что онъ вернулся вскорѣ къ своей первой мысли, что Феранъ, несмотря на свою юность и неопытность въ дѣлѣ преступленія, былъ ловкій, искусный злодѣй.

Когда Морисъ оправился отъ своего обморока и его черезъ нѣсколько часовъ отвели въ тюремную келью, онъ все еще находился подъ потрясающимъ впечатлѣніемъ взводимого на него обвиненія и не переставалъ повторять:

— Убийца! Я, я убійца!

Впродолженіи всего дня онъ въ лихорадочномъ волненіи ходилъ взадъ и впередъ по кельѣ. Ночь была для него еще ужаснѣе; самыя мрачныя мысли терзали его. Онъ вспоминалъ о всѣхъ судебныхъ ошибкахъ, начиная отъ Каласа и до настоящихъ дней. Онъ видѣлъ уже себя въ судѣ и на плахѣ. Ни на минуту онъ не могъ сомкнуть глазъ. Онъ метался на постели, какъ безумный, въ самыхъ ужасныхъ страданіяхъ при одной мысли, что имя его будетъ навѣки опозорено. Онъ убійца! Неужели его недолговременная, но честная, работающая жизнь не могла убѣдить всѣхъ въ его невинности.

Въ послѣдующіе дни Мориса никто не беспокоилъ и тюремные надсмотрщики стали, повидимому, обращаться съ нимъ лучше, гуманнѣе. Молодой человѣкъ утѣшалъ себя мыслью, что вѣроятно новое разслѣдованіе доказало всю неосновательность взведеннаго на него обвиненія; онъ мало-по-малу успокоился и уже ожидалъ каждый день своего освобожденія, какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день, рано утромъ, его вывели изъ кельи и посадили въ карету между двумя полицейскими агентами. Выходя во дворъ Консьежери онъ замѣтилъ другую карету, въ которую сѣлъ Оскаръ Вершемонъ и его секретарь.

Морисъ съ удивленіемъ спрашивалъ себя, куда везли его. Кареты направились по набережной въ Бастильской площади и, миновавъ ее, вѣхали въ улицу Ла-Рокетъ. Морисъ съ безпокойствомъ подумалъ, что его переводятъ изъ Консьежери въ Ла-Рокетскую тюрьму. Но кареты проѣхали мимо тюрьмы. Морисъ терялся въ догадкахъ. Наконецъ показалось кладбище Отца-Лашеза. Кареты вѣхали въ боковыя ворота. Въ это раннее время кладбище было еще заперто для постороннихъ. Полицейскіе агенты вывели изъ кареты Мориса и къ нему подошелъ слѣдователь. Молодой человѣкъ смотрѣлъ на него съ безпокойствомъ.

— Феранъ, сказалъ Оскаръ Вершемонъ, — мы дали вамъ время одуматься. Упорствуете вы въ своемъ заpiresательствѣ?

— Болѣе мнѣ нечего говорить. Чего вы отъ меня хотите? Зачѣмъ меня привезли сюда?

— Вы сейчасъ увидите, сказалъ слѣдователь и прибавилъ, обращаясь къ полицейскимъ: — Слѣдуйте за нами и смотрите въ оба.

Пройдя часовню они остановились и Морисъ увидѣлъ раскопанную могилу и длинный дубовый гробъ, стоявшій подлѣ. Это неожиданное зрѣлище произвело на него мрачное впечатлѣніе, и онъ невольно вздрогнулъ, что не ускользнуло отъ вниманія Вершемона и его секретаря.

— Еще разъ, Феранъ, сказалъ слѣдователь торжественно, — передъ бездыханнымъ трупомъ вашей жертвы заклиная васъ сказать правду.

— Правду! правду! прошепталъ несчастный юноша, блѣднѣя, и крупныя капли холоднаго пота выступили у него на лбу.

Жаль было смотрѣть на него въ эту минуту. Онъ отвернулся, дрожа всѣмъ тѣломъ, но полицейскіе схватили его и силой потащили на самый край могилы. По знаку слѣдователя они сняли съ гроба крышку, предварительно отвинчен-

ную; одинъ изъ нихъ, сдернувъ съ мертвеца пожелтѣвшій саванъ, обнаружилъ мраморное носившее лицо красавицы Ленъ съ выдающимися скулами, выальными глазами и прилипшими къ губамъ губами.

— Феранъ, сказалъ снова слѣдователь, — признаетесь вы, наконецъ, что убили эту несчастную?

Морисъ ничего не отвѣчалъ. Ноги у него подкашивались и онъ дрожалъ, какъ уличенный преступникъ.

— Какъ! злодѣй, продолжалъ Вершемонъ, — въ васъ нѣтъ никакого человѣческаго чувства, нѣтъ и тѣни раскаянія. Только страхъ заставляетъ васъ дрожать.

Глаза Мориса тупо перебѣгали съ одного лица на другое. Вдругъ онъ застоналъ, поднялъ голову и, оттолкнувъ державшихъ его полицейскихъ, такъ что они едва не упали въ могилу, подошелъ къ открытому гробу и рѣшительно взглянулъ на мертвую Лену Меданъ.

— Наконецъ-то, прошепталъ слѣдователь, обращаясь къ своему секретарю.

— Я повторяю передъ этимъ трупомъ, произнесъ твердымъ голосомъ Морисъ, — то, что я вамъ уже прежде говорилъ. Я не убійца. Я никого не отравилъ. Я никогда не зналъ этой женщины. Чего вы отъ меня еще хотите?

Слѣдователь былъ поставленъ въ тупикъ. Онъ молча бросалъ вопросительные взгляды на своего секретаря.

— Передъ Богомъ и бездыханнымъ тѣломъ этой несчастной, продолжалъ Морисъ, — я клянусь, что никогда не видалъ ее и слѣдовательно не могъ отравить ее. Теперь дѣлайте со мною, что хотите, я больше не буду защищаться.

Искренній тонъ юноши снова подѣйствовалъ на Вершемона и онъ скорѣе для проформы, чѣмъ съ цѣлью опровергнуть торжественное заявленіе обвиняемаго, сказалъ:

— Такъ вы передъ трупомъ несчастной жертвы утверждаете, что никогда не знали и не видали ее, что не вы совершили убійство въ улицѣ Лакюэ?

— Да.

— Запишите, сказалъ слѣдователь, обращаясь къ секретарю.

Послѣдній вынулъ изъ кармана листъ бумаги, перо и чернилицу, облокотился на сосѣдній памятникъ и написалъ все, что слѣдовало. Морисъ и слѣдователь подписали протоколъ и возвратились къ каретамъ, пока могильщики завинчивали гробъ. Вершемонъ приказалъ везти Мориса въ зданіе судебныхъ мѣстъ и самъ отправился туда-же съ своимъ секретаремъ.

— Эта сцена совершенно растрогала меня, сказалъ онъ по дорогѣ: — юноша не можетъ такъ разыгрывать комедію. Я боюсь, что мы грубо ошибаемся. Надо начать слѣдствіе съизнова и поручить розыски другому сыщику, такъ какъ нѣтъ болѣе Бойе. Мы увидимъ, приведутъ-ли наши розыски къ тѣмъ же результатамъ.

— Вы получили протоколы обысковъ? спросилъ секретарь.

— Да, но въ нихъ ничего нѣтъ.

— Такъ мы не можемъ продолжать слѣдствія не имѣя никакихъ данныхъ. На чемъ же мы будемъ основываться?

— На одномъ важномъ обстоятельстве.

— На какомъ?

— Обыски ни къ чему не привели, но я имѣлъ причины полагать, согласно донесеніямъ сыщиковъ, что сестра обвиняемаго замѣшана въ дѣлѣ. Вѣдь она утромъ ходила въ аптеку за противоядіемъ. По этому я приказалъ привести ее и допросилъ вмѣстѣ съ вашимъ помощникомъ четыре дня тому назадъ. Она очень молода и симпатична; отдѣлавшись отъ испуга, который овладѣлъ ею сначала, она рассказала мнѣ откровенно все,

что ей было извѣстно. Она не понимала, что какъ ни маловажно ея показаніе, оно все же говорило противъ ея брата, въ невинности котораго она вполне убѣждена. Утромъ, послѣ совершенія убійства, она зашла по обыкновенію къ брату, чтобъ убрать его комнату и застала его въ постели почти умирающаго. Она поспѣшила оказать ему помощь, но онъ отказался объяснить ей причину своего страннаго недуга. Она не могла дать мнѣ никакихъ свѣдѣній о жертвѣ этого преступленія, но увѣряла, что ея братъ страстно любилъ молодую дѣвушку, на которой не могъ жениться и былъ неспособенъ имѣть связь съ другой женщиной. Она клялась, что ея братъ честный и благородный человѣкъ. Я позволилъ ей отправиться домой и она обѣщала мнѣ разузнать все, что можно, у сосѣдей. Она приписываетъ болѣзненное состояніе брата на другое утро послѣ преступленія въ улицѣ Лакюэ попыткѣ отравить себя съ горя, что любимая имъ дѣвушка выходила замужъ за другого. Отъ сосѣдей мы узнали, что около трехъ или четырехъ часовъ утра наружная дверь дома, гдѣ жилъ Феранъ, отворилась и тотчасъ затворилась, но кто вошелъ или вышелъ, неизвѣстно. Все дѣло заключается въ этомъ таинственномъ обстоятельстве и мы не можемъ вѣрить словамъ Ферана, пока онъ не поможетъ намъ разъяснить его.

— Но какъ?

— Вы недогадываетесь. Свидѣтели видѣли, что Феранъ между одинадцатью и двѣнадцатью часами ждалъ кого-то на Бастильской площади. Потомъ видѣли, какъ онъ взялъ подъ руку женщину, вполне отвѣчавшую примѣтамъ несчастной жертвы и, обнявъ ее, направился къ дому, гдѣ совершено убійство. Съ этой минуты мы теряемъ его слѣдъ. Онъ увѣряетъ, что вернулся къ себѣ домой, но въ такомъ случаѣ, что случилось съ женщиной?

— Можетъ быть, это была публичная женщина, съ которой онъ разстался у входа въ танцевальное заведеніе.

— Я вамъ повторяю, что она вполне подходила подъ примѣты Лену Меданъ. Она молода, прилична, съ изящными манерами. Наконецъ, мы теперь знаемъ, въ которомъ часу онъ вернулся къ себѣ, потому что около четырехъ часовъ утра лицо, живущее въ первомъ этажѣ того же дома, слышало, какъ наружная дверь отворилась и потомъ тотчасъ затворилась.

— Это очень важно. Но это лицо видѣло Ферана?

— Нѣтъ. Феранъ долженъ намъ выяснитъ эту тайну. Ему стоитъ только сказать, что онъ дѣлалъ отъ двѣнадцати до четырехъ часовъ и представить женщину, съ которой видѣли его на улицѣ.

— Да, одного его слова довольно, чтобъ доказать нашу ошибку.

— Какъ вы думаете, такъ и я. Все вѣдь говорить въ его пользу: прошлое, настоящее, трудовая жизнь, наружность, обращеніе, семейство. Признаюсь, что все это меня заставляетъ сомнѣваться въ его винѣ.

Въ эту минуту карета остановилась. Оскаръ Вершемонъ прямо пошелъ въ свой кабинетъ и, потребовавъ отъ секретаря дѣло о преступленіи въ улицѣ Лакюэ, сталъ внимательно пересматривать его.

Спустя нѣсколько времени, ему объявили о пріѣздѣ Мориса.

Печалью пораженный сценой на кладбищѣ и видя, что всѣ его увѣренія въ своей невинности не ведутъ ни къ чему, бѣдный юноша начиналъ предаваться мрачному унынію. Невидимая паутина опутала его со всѣхъ сторонъ. Очувтившись снова передъ слѣдователемъ, онъ тяжело вздохнулъ. Вершемонъ поднялъ голову и пристально

посмотрѣлъ на Мориса, который выдержалъ, не сморгнувъ, его взглядъ.

— Феранъ, сказалъ онъ, — отъ сегодняшняго допроса зависитъ ваша судьба. Вы утверждаете, что не знали Леа Меданъ. Хорошо, мы вамъ вѣримъ, но вы должны объяснить тѣ факты, которые вы сами признали.

Видя, что убѣжденіе слѣдователя въ его виновности нѣсколько поколебалось, Морисъ встрепенулся. Надежда воскресла въ его сердцѣ.

— Спрашивайте, поспѣшно сказалъ онъ, — я готовъ вамъ отвѣчать.

— Вечеромъ, 20 іюня, около одиннадцати часовъ, вы ждали женщину на углу Бастильской площади и Контрэскарпскаго бульвара; эта женщина пришла, вы взяли ее подъ руку и отправились въ улицу Лакюэ. Кто эта женщина?

Съ первыхъ словъ Морисъ почувствовалъ опасность и приготовился къ борьбѣ.

— Я не могу сказать, произнесъ онъ твердымъ голосомъ.

— Подумайте серьезно, Феранъ. Отъ вашего отвѣта зависитъ ваша свобода, ваша жизнь.

— Повторяю, я не могу ничего сказать.

— Значитъ эта женщина была Леа Меданъ, та несчастная, которую вы только что видѣли мертвою въ гробу.

— Нѣтъ, клянусь, что эта женщина не была Леа Меданъ.

— Она жива?

— Да.

— Такъ укажите на нее и вы спасены. Помните, Феранъ, что отъ васъ зависитъ ваша судьба. Одно ваше слово и слѣдствіе надъ вами будетъ прекращено.

— Я не могу ничего сказать.

— Полноте, это ужъ нелѣпо. Несомнѣнно, что эта женщина была Леа Меданъ и вы заманили ее въ западню съ цѣлью убить и ограбить.

Морисъ, какъ бы испуганный картиной преступленія, въ которомъ обвиняли его, закрылъ лицо руками и заплакалъ. На этотъ разъ Вершемонъ былъ выведенъ изъ терпѣнія и признавая, что Морисъ дѣйствительно былъ убійцей, такъ какъ онъ не могъ назвать женщины, сопровождавшей его, вдругъ перемѣнилъ тонъ и строго сказалъ:

— Феранъ, васъ видѣли около двѣнадцати часовъ съ Леей Меданъ; вы вернулись домой въ четыре часа, по словамъ вашего сосѣда. Скажите, что вы дѣлали все это время?

Морисъ молча плакалъ, поникнувъ головой.

— Да отвѣчайте же, прибавилъ съ нетерпѣніемъ слѣдователь.

— Я не буду говорить.

— То есть вы не можете. Въ двѣнадцать часовъ вы вошли въ квартиру Леа Меданъ и среди развратной оргіи, которую вы сами приготовили, вы отравили ее. Вы по ошибкѣ взяли другой стаканъ или должны были отвѣдать отравленное вино, чтобъ уничтожить всякое подозрѣніе въ несчастной. Совершивъ убійство, вы захватили все, что могли, и возвратились домой. Вотъ что вы сдѣлали въ эти четыре часа. Докажите, что я говорю неправду.

— Боже мой! Какъ это ужасно! но я не могу защитить себя. Вѣрьте чему хотите, я не буду васъ опровергать.

Оскаръ Вершемонъ пожалъ плечами, какъ бы говоря: «Я думалъ, что онъ силенъ и ловокъ, а онъ просто дуракъ».

— Вызовите завтра свидѣтелей, сказалъ онъ громко секретарю, который записалъ слова Ферана; — пора покончить съ этимъ дѣломъ. Оно теперь для насъ совершенно ясно. Утромъ мы отправимся съ обвиняемымъ на мѣсто преступленія. Феранъ, вы не имѣете болѣе ничего прибавить.

— Ничего. Повторяю, что я не виновенъ.

Вершемонъ махнулъ рукою и бѣднаго юношу отвели обратно въ тюрьму.

Едва онъ успѣлъ удалиться, какъ слѣдователю доложили, что его желаетъ видѣть молодая женщина. Спросивъ ее имя и узнавъ, что это Амели, онъ приказалъ тотчасъ пригласить ее.

Молодая дѣвушка вошла въ комнату. Она очень измѣнилась: ее розовыя щеки поблѣднѣли, подъ глазами были черныя полосы, а губы болѣзненно сжались. Для бѣдной работницы одинъ день, проведенный въ тюрьмѣ, стоилъ нѣсколькихъ лѣтъ.

— Что вы мнѣ скажете, дитя мое, — спросилъ Вершемонъ нѣжнымъ тономъ, посадивъ ее подлѣ себя.

— Выпустивъ меня три дня тому назадъ изъ тюрьмы, вы просили помочь вамъ розыскать истину. Я боялась, что не буду имѣть времени сдѣлать всѣ розыски, которые вы мнѣ совѣтовали, но, возвратясь на фабрику, я была встрѣчена такъ дурно своими товарками, которыя приняли меня за воровку, что я была принуждена просить разсчета у хозяина. Такимъ образомъ, я могла на свободѣ заняться справками, необходимыми для спасенія брата.

— И прекрасно. Вы что-нибудь нашли?

— Вы сейчасъ увидите. Я говорила о случившемся со всѣми сосѣдами, которые, между прочимъ, не знаютъ объ арестѣ брата и полагаютъ, что слѣдствіе о преступленіи въ улицѣ Лакюэ прекращено.

— А, вотъ что говорить. Какой причиной объясняютъ прекращеніе слѣдствія?

— Увѣряютъ, что убійство совершено высокопоставленными лицами, которыхъ не хотятъ компрометировать, и что тутъ замѣшана политика.

— На чемъ же основываются эти толки?

— Говорятъ, что эта женщина часто пріѣзжала въ домъ въ улицѣ Лакюэ съ пріятелями и пріятельницами, чаще всего съ молодымъ, красивымъ и приличнымъ брюнетомъ, который должно быть важная особа?

— Важная особа?

— Да. Однажды, уже давно, у двери дома остановилась и простояла около часа прекрасная карета, черная съ желтымъ, и съ гербами на дверцахъ.

— Кто въ ней пріѣзжалъ: мужчина или женщина?

— Мнѣ не могли сказать. Я вамъ передаю, что узнала продолженіи двухдневной болтовни съ сосѣдами, но все же это доказываетъ невинность моего брата. Онъ вѣдь не могъ находиться въ такомъ обществѣ.

Слѣдователь приказалъ знакомъ секретарю записать слова молодой дѣвушки.

— Милое дитя мое, сказалъ онъ, — вашъ братъ могъ бы легко выйти на свободу, еслибъ только разсказалъ намъ, что онъ дѣлалъ въ ночь 20 іюня.

— На всѣ мои разспросы объ этомъ, онъ отвѣчалъ, что вернулся домой и принималъ ядъ съ отчаянія, что любимая имъ дѣвушка выходила замужъ за другого на слѣдующій день.

— Это невозможно. Но продолжайте. Что вы еще узнали?

— Мнѣ разсказывали, что въ ночь убійства, около четырехъ часовъ, одинъ рабочій видѣлъ, какъ изъ дома въ улицѣ Лакюэ вышелъ молодой человекъ и побѣжалъ къ Контрэскарпскому бульвару, гдѣ дожидалась собственная карета.

— Отъ кого вы это знаете? спросилъ поспѣшно слѣдователь.

— Отъ прачки, живущей противъ Аустерлицкаго моста, по имени Денизы.

— Это очень важное обстоятельство. Повторите мнѣ ея подлинныя слова.

— Когда мы жили въ томъ кварталѣ съ братомъ, Дениза стирала на насъ. Я зашла къ ней,

она угостила меня кофе и на мой вопросъ, поймали-ли убійцу, отвѣчала, пожимая плечами: «Его никогда не найдутъ, и скажутъ, что бѣдняжка сама отравилась. Вѣдь это дѣло знатныхъ лицъ... Всѣ видѣли, что къ ней часто ходилъ патеръ».

— А! она вамъ это сказала. Видѣла она сама патера?

— Не знаю.

— Продолжайте.

— Она прибавила, что какъ бы тамъ ни говорили, но она убѣждена, что эту женщину отравили послѣ ночной оргіи очень важныя лица, до которыхъ не смѣютъ прикасаться. Къ тому же одинъ изъ кліентовъ Денизы положительно утверждаетъ, что въ ночь убійства изъ этого дома вышелъ какой-то человекъ, очень хорошо одѣтый и блѣдный, съ большимъ портфелемъ подъ мышкой. Онъ пустился бѣгомъ къ Контрэскарпскому бульвару и тамъ вскочилъ въ собственную карету, которая ждала его и тотчасъ поскакала. Разсказывавшій ей работникъ убѣжденъ, что это и былъ убійца.

— Дитя мое, вы дадите намъ адресъ этой женщины и если ваши слова подтвердятся, то вы спасли брата.

— Я увѣрена, что онъ будетъ спасенъ, иначе нѣтъ правосудія на землѣ.

— Прачка сказала вамъ имя своего кліента?

— Нѣтъ, отвѣчала молодая дѣвушка и продиктовала секретарю адресъ Денизы.

— Богъ же вы ничего не узнали? спросилъ судья.

— Нѣтъ, но я буду продолжать свои розыски.

Вершемонъ всталъ и проводилъ Амели до дверей. Когда она удалась, онъ приказалъ секретарю вызвать Денизу въ качествѣ свидѣтельницы.

Онъ жаждалъ поскорѣе открыть тайну этого дѣла, которое сначала его очень заинтересовало, но потомъ выводило изъ терпѣнія, такъ какъ не смотря на всѣ его усилія, то, что было открыто до сихъ поръ, основывалось на однихъ гипотезахъ, а не на достовѣрныхъ фактахъ. Вся сила обвиненія лежала въ томъ, что Морисъ не хотѣлъ объяснить, какъ онъ провелъ ночь 20 іюня. Каждый день, утромъ и вечеромъ, его допрашивали, сбивали, мучали, но онъ всегда отвѣчалъ одно:

— Я не могу ничего сказать.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Герцогъ Карлъ шведскій, оскорбляющій трупъ своего врага Флеминга.

артина, копія съ которой напечатана на 325 стр. настоящаго номера «Жив. Об.», находится на выставкѣ нынѣшняго года въ академіи художествъ въ С.-Петербур-гѣ:

Событіе, послужившее темой для картины, случилось въ 1597 году.

Борьба между католиками и реформатами продолжалась съ прежнимъ ожесточеніемъ. Внукъ Густава Вазы, Сигизмундъ наслѣдовалъ двѣ короны Швеціи и Польши, что, конечно, не могло нравиться его дядѣ, Карлу, герцогу шведскому, сдѣлавшемуся впоследствии шведскимъ королемъ подлѣ именемъ Карла IX. Вскорѣ Карлъ сталъ открытымъ врагомъ Сигизмунда, сына польки, ревностнаго защитника католицизма. Какъ и всѣ шведы, Карлъ былъ послѣдователемъ реформатскаго ученія и ненавидѣлъ католиковъ.

Старый баронъ Флемингъ, губернаторъ Финляндіи, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ союз-

никовъ Сигизмунда. Разбивъ финскихъ крестьянъ, принявшихъ сторону Карла, Флемингъ намѣревался напасть на самого герцога, но смерть остановила осуществленіе его плановъ. Его тѣло было поставлено въ склепъ капеллы замка Або, гдѣ должно было оставаться до заключенія мира, когда предполагалось перевезти его въ фамильный склепъ.

Вдова Флеминга, Эбба приняла командованіе надъ войсками своего покойнаго мужа. Энергичная, подобно своему мужу, она привела замокъ въ оборонительное положеніе, такъ что онъ въ состояніи былъ выдержать довольно продолжительную осаду. Между тѣмъ, Карлъ, уѣзжавшій въ Швецію, гдѣ ему удалось склонить на свою сторону сеймъ, воротился въ Финляндію, и началъ осаду замка Або. Мужественная Эбба сопротивлялась цѣлый мѣсяцъ, но, наконецъ, вынуждена была сдаться, потому что въ ея войскѣ стала развиваться деморализація. Ходили слухи объ измѣнѣ.

Герцогъ Карлъ овладѣлъ замкомъ 30 сентября 1597 года. Опасаясь засады, онъ заставилъ Эббу встрѣтить его на подъемномъ мосту и сопроводить всюду по замку. Прежде всего онъ велѣлъ вести себя въ склепъ капеллы. Распространился слухъ, что Флемингъ живъ, а гробъ наполненъ золотомъ и драгоценностями. По приказанію герцога открыли крышку гроба и онъ увидѣлъ, что тамъ дѣйствительно лежитъ трупъ его врага.

По народному преданію, герцогъ схватилъ трупъ Флеминга за бороду и, потрясая ее, сказалъ:

— Если бы ты былъ живъ, ты чувствовалъ бы теперь, что голова твоя не удержится на твоихъ плечахъ.

— Если бы мой господинъ и мужъ былъ живъ теперь, отвѣчала Эбба, — ваше высочество никогда не вошли бы сюда.

Таковъ сюжетъ драматической картины г. Эдельфельда, прекрасно выполненной. Очень хороша фигура вдовы, на лицѣ которой написана гордая мысль, что ей удалось своими словами отомстить врагу ея покойнаго мужа.

Жераръ д'Авенъ.

Представляемая нами гравюра принадлежитъ къ числу лучшихъ иллюстрацій, сдѣланныхъ Гюставомъ Дорэ для «Исторіи крестовыхъ походовъ», — эпохи, обильной драматическими событиями, которыми сопровождалась войны западно-европейскихъ крестоносцевъ противъ исламизма.

Арсуръ, приморскій городъ, лежащій между Цезареей и Яффой, отказался платить подать, наложенную на него христианами. Годфридъ Бульонскій, желая принудить городъ къ уплатѣ дани, осадилъ его. Хотя нѣсколько штурмовъ и были отбиты защитниками города, но они были до такой степени стѣснены осаждающими, что дальнѣйшее сопротивленіе оказывалось невозможнымъ. Тогда они рѣшились прибѣгнуть къ средству, которое, какъ полагали они, должно было спасти ихъ. На одной изъ стѣнъ, на которую преимущественно были направлены удары крестоносцевъ, жители Арсура установили высокій столбъ, прибили къ нему перекладину, такъ что образовался крестъ, и къ нему привязали Жерара д'Авеня, бельгійскаго рыцаря, оставленнаго въ городѣ Годфридомъ Бульонскимъ въ качествѣ заложника.

Понимая, что ему суждено умереть безславной смертью, Жераръ сталъ умолять Годфрида, что бы онъ спасъ его, снявъ осаду. Героическое сердце предводителя крестоносцевъ растрогалось при видѣ страдальца; но онъ не рѣшился купить жизнь своему несчастному товарищу измѣной своему

долгу. Онъ отвѣчалъ Жерару, что какъ онъ ни горюетъ объ его печальной участи, но совѣтуетъ ему подчиниться горькой долѣ и принять вѣнецъ мученичества. Ободренный словами Годфрида, Жераръ возвратилъ себѣ мужество и, рѣшась умереть безъ ропота, просилъ своихъ товарищей помолиться за него.

Однакожъ, мужественный Жераръ д'Авенъ не умеръ. Жители Арсура, растроганные его твердой рѣшимостью, сняли его со столба, къ которому онъ былъ привязанъ и, посадивъ его на хорошаго коня, отпустили къ іерусалимскому королю, Годфриду, который за это, по сдачѣ города, наложилъ на него легкія условія и избавилъ отъ обычнаго въ то время грабежа.

Долина гигантскихъ кактусовъ.

Эта любопытная долина лежитъ въ горахъ Биль-Вильямсъ, въ Соединенныхъ штатахъ, и составляетъ узкое, но очень длинное дефиле. Долина сплошь покрыта гигантскими кактусами, этими чудищами растительнаго царства, похожими по виду на гигантскіе канделябры.

Гигантскій кактусъ скорѣе дерево, а не кустъ, даетъ плодъ, называемый «петатайя», употребляемый въ пищу туземцами, живущими по берегамъ р. Колорадо. Гигантскій кактусъ обильно произрастаетъ въ штатѣ Сонора и въ южной Калифорніи. Онъ попадаетъ преимущественно на почвѣ тощей и каменистой; онъ достигаетъ наибольшаго роста въ такомъ случаѣ, если его корни ущемляются въ расщелинахъ скалъ. Форма его очень разнообразна и зависитъ отъ его возраста. Его обыкновенная толщина $1\frac{1}{2}$ фута; вышина же различна: средняя отъ 30 до 40 футовъ, но отдѣльные экземпляры достигаютъ до 60 футовъ.

Эти деревья, растущіе уединенно, на далекомъ разстояніи одинъ отъ другого, даютъ пейзажу очень странный видъ. Стволъ гигантскаго кактуса очень твердый и жесткій, употребляется мѣстными жителями для разнообразныхъ поделокъ.

Апостолъ Петръ. Въ настоящемъ номерѣ нашего журнала читатели встрѣтятъ нѣсколько именъ художниковъ, пользующихся вполне заслуженно громкою славою и извѣстностью въ Европѣ. Такою извѣстностью пользуется въ Европѣ французскій художникъ Бида, создавшій цѣлый рядъ иллюстрацій къ библіи. У насъ рисунки Биды извѣстны большинству публики только по литературнымъ отзывамъ о нихъ, изъ которыхъ самый лучший и самый обстоятельный сдѣланъ г. В. Стасовымъ о книгѣ Руфи въ IV томѣ «Еврейской библіотеки». Французскія же изданія съ рисунками Биды стоятъ сотенъ рублей и потому недоступны большинству. Мы надѣемся познакомить нашу публику съ нѣкоторыми изъ этихъ знаменитыхъ иллюстрацій и на первый разъ предлагаемъ рисунокъ, изображающій апостола Петра послѣ его отрѣченія отъ Христа. Конія съ этого рисунка сдѣлана нашимъ постояннымъ сотрудникомъ И. Т. Михайловымъ и гравирована въ «Варшавской полиграфіи». Кстати мы должны замѣтить здѣсь о «Варшавской полиграфіи». Нѣкоторые изъ нашихъ подписчиковъ спрашивали насъ, почему мы помѣщаемъ много «польскихъ» рисунковъ. На это мы должны замѣтить, что рисунки, рѣзанные въ «Варшавской полиграфіи», отнюдь не польскіе рисунки, а наши собственные, изготовляемые по нашему заказу. Мы дѣлаемъ рисунки въ «Варшавской поли-

тиграфіи», имѣющей граверовъ и въ Варшавѣ и въ Петербургѣ, потому что въ этомъ учрежденіи имѣются одни изъ лучшихъ мастеровъ по части рѣзбы на деревѣ. Услугами этой полиграфіи пользовалась и «Пчела», редація которой была довольно разборчива въ дѣлѣ выбора граверовъ. Хорошихъ граверовъ немного и потому ихъ приходится искать гдѣ бы то ни было.

Дженнеръ. На парижской всемирной выставкѣ статуя Монтеверде произвела одно изъ самыхъ сильныхъ впечатлѣній. Группа Монтеверде не принадлежитъ къ числу разныхъ классическихъ группъ и статуй въ родѣ разныхъ «Амуровъ и Пенхей», «Ариаднъ», «Фринъ» и т. п. Это сцена выхваченная изъ дѣйствительной, понятной всѣмъ жизни, это созданіе реальной школы. Дженнеръ пришелъ къ убѣжденію, что оспу надо прививать въ дѣтствѣ, чтобы застраховать отъ нея чело-вѣка въ будущемъ. Первый опытъ онъ дѣлаетъ на своемъ ребенкѣ. Онъ вѣрится въ свое открытіе, но сердце любящаго отца сжимается при мысли: «а что если я ошибаюсь?» Ребенокъ вѣрится отцу, но все-таки и въ немъ есть инстинктивный страхъ. Все это передано скульпторомъ замѣчательно правдиво, съ глубокимъ пониманіемъ и съ глубокимъ чувствомъ. Кромѣ поразительно прекрасной группировки, кромѣ экспрессивности лицъ, кромѣ новаго реального направленія, въ этой группѣ есть и другія достоинства: ея отдѣлка доведена до мелочной точности. Нѣкоторые цѣнители даже упрекали Монтеверде за то, что онъ отвлекаетъ зрителей отъ главной идеи статуи слишкомъ блестящимъ исполненіемъ такихъ подробностей, какъ чулки, кружева, пуговицы. Но этотъ упрекъ едва-ли справедливъ: неряшливо сдѣланныхъ художественныхъ произведеній и безъ того довольно и нужно благодарить тѣхъ, которые серьезно отдѣлываютъ въ мелочныхъ подробностяхъ свои статуи и картины.

Въ своей кельѣ и Охотничьи рассказы. Грюцнеръ — одна изъ современныхъ знаменитостей Германіи. Его сцены изъ монашеской жизни, его рисунки къ Фальстафу извѣстны въ Европѣ всѣмъ цѣнителямъ живописи. Это художникъ вполне оригинальный, надѣленный богатымъ запасомъ юмора и наблюдательности. Двѣ предлагаемыя нами копии съ его картинъ передаютъ характерныя черты его таланта. И этотъ упитанный монахъ, наслаждающійся пивомъ въ своей кельѣ, и этотъ охотникъ, рассказывающій небывальщины смѣющимся слушателямъ, — типы, выхваченные изъ жизни.

Правительственные сообщенія.

Въ «Правит. Вѣстн.» напечатано:

«2-го сего апрѣля, во второй день праздника Пасхи, послѣ литургіи, въ малой церкви Зимняго дворца было совершено благодарственное Господу Богу молебствіе, за спасеніе жизни Государя Императора и охраненіе Его десницею Всевышняго отъ руки злодѣя, дерзнувшаго посягнуть въ это утро на Августѣйшую Особу Его Величества. Вѣсть о семъ быстро разнеслась по городу, и не прошло двухъ часовъ времени, какъ Зимній дворецъ наполнился собравшимися туда военными и гражданскими чинами и дамами, желавшими увидѣть Государя и выразить Ему свои вѣрноподанническія чувства. По окончаніи молебна Его Величество изволилъ войти въ Бѣлую залу, гдѣ всѣ събѣжавшіеся уже были собраны. При вступленіи въ залу, Государь Императоръ былъ встрѣченъ громкими, восторженными и долго неумолкавшими восклицаніями. Вслѣдъ за тѣмъ Государь изволилъ произнести слѣдующія слова:

«Я глубоко тронутъ и сердечно благодарю за чувства преданности, выказанныя вами. Сожалѣю только, что поводомъ къ этому послужилъ столь грустный случай. Богу

удобно было въ третій разъ избавить Меня отъ вѣрной смерти, и сердце Мое преисполнено благодарности за Его милости ко Мнѣ. Да поможетъ Онъ Мнѣ продолжать служить Россіи и видѣть ее счастливою и развивающею мирно, какъ Я того желалъ бы. Благодарю васъ еще разъ».

«Лишь только потрясающее пѣвѣіе о покушеніи на священную жизнь Государа Императора разнеслось въ столицѣ, первоприсутствующими общими собраніями правительствующаго сената было выражено министру юстиціи желаніе гг. сенаторовъ отслужить благодарственное Господу Богу молебствіе за чудесное спасеніе драгоценныхъ дней Его Императорскаго Величества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣть счастье лично представиться Его Величеству для выраженія чувствъ глубочайшей вѣрноподданнической всепреданности и благоговѣйнаго благодаренія Всевышнему Промыслу, явившему знаменіе своей всемилосердной благодати охраненіемъ драгоценной для вѣрнопреданной Россіи жизни Его Величества.

«На всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ министра юстиціи послѣдовала собственноручная Его Императорскаго Величества надпись:

«Приму ихъ съ удовольствіемъ завтра въ 1/21, въ Моей пріемной».

«Во вторникъ, 3-го апрѣля, въ церкви правительствующаго сената, въ присутствіи наличныхъ сенаторовъ всѣхъ департаментовъ сената, министра юстиціи, товарища министра и оберпрокуроровъ, было отслужено благодарственное молебствіе, по окончаніи котораго всѣ департаменты сената собрались въ общее собраніе, и, по выслушаніи предложенія министра юстиціи о восполнѣніи высочайшаго соизволенія на личное представленіе гг. сенаторовъ Его Императорскому Величеству для принесенія вѣрноподданническихъ поздравленій, постановили слѣдующую резолюцію: «Выслушавъ съ благоговѣніемъ и благодарностью милостивыя слова возлюбленнаго Монарха, правительствующій сенатъ, во исполненіе Высочайшей воли, опредѣляетъ: отправиться въ полномъ составѣ всѣхъ департаментовъ правительствующаго сената въ зимній дворецъ, дабы повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества одушевляющія сенатъ чувства вѣрноподданнической преданности и благоговѣйнаго благодаренія Всевышнему Промыслу за спасеніе священной жизни Государа Императора, столь драгоценной для всѣхъ вѣрноподданныхъ Его Императорскаго Величества; для сохраненія же о семъ событіи въ лѣтописяхъ сената записать въ журналъ и составить особый протоколъ».

«Потомъ къ 12 1/2 часамъ въ зимнемъ дворцѣ, въ пріемныхъ комнатахъ Его Величества собрались гг. сенаторы, имѣя во главѣ министра юстиціи. По выходѣ Государа Императора изъ внутреннихъ покоевъ, старѣйшій изъ наличныхъ первоприсутствующихъ сенаторовъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Щербининъ, произнесъ слѣдующія слова:

«Всемилоостивѣйшій Государь. Позвольте мнѣ, одному изъ старѣйшихъ сенаторовъ, повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества задушевные, вѣрноподданническія наши поздравленія съ спасеніемъ драгоценной жизни Вашей.

Но никакія слова не въ силахъ выразить, во всей ихъ полнотѣ, тѣхъ скорбныхъ чувствъ, коими исполнились наши сердца при вѣсти о злодѣйскомъ покушеніи на эту жизнь, столь священную; тѣхъ пламенныхъ благодареній, которыя возсылаемъ къ Всевышнему, за проявленіе Своего милосердія къ Россіи, сохраненіемъ дней ея возлюбленнаго Царя; тѣхъ усердныхъ нашихъ молений, да продлитъ Господь на многіе и многіе годы эти дни, столь драгоценныя для блага многомилліонныхъ Вншихъ подданныхъ, для блага обогатворенной Вами Россіи»

«Государь Императоръ, милостиво выслушавъ привѣтствіе заслуженнаго сенатора и осчастлививъ его пожатіемъ руки, соизволилъ обратиться къ сенаторамъ съ нижеслѣдующими словами:

«Благодарю васъ за выраженныя вами чувства, въ которыхъ Я не сомнѣвался. Я увѣренъ, что вы Мнѣ поможете въ тяжелыхъ

«Петербургская городская дума, въ полномъ составѣ гласныхъ, имѣла счастье быть принятою Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ, 4-го апрѣля, въ часъ дня, въ бѣлой залѣ зимняго дворца.

«Привѣтствуя Его Величество, городской голова, отъ имени городской думы, высказалъ слѣдующее:

«Ваше Императорское Величество, Петербургъ глубоко потрясенъ и возмущенъ новымъ злодѣйскимъ покушеніемъ на жизнь священной особы Вашей. Все населеніе горячо благодаритъ Бога за милосердіе, въ третій разъ проявленное Россіи чрезъ спасеніе дорогой для нея жизни Вашей.

«Мы молимъ Господа, да хранитъ онъ Васъ на многія и многія лѣта для счастья обновленной Вами Россіи».

Слова эти были покрыты единодушнымъ «ура» всѣхъ гласныхъ.

По данному Государемъ Императоромъ знаку, воцарилась тишина, и Его Величество соизволилъ произнести:

«Благодарю васъ, господа, за чувства, выраженныя за васъ вашимъ головою. Я въ нихъ никогда не сомнѣвался. Обращаюсь къ вамъ, господа: многіе изъ васъ домовладѣльцы. Нужно, чтобъ домовладѣльцы смотрѣли за своими дворниками и жильцами. Вы обязаны помогать полиціи и не держать подозрительныхъ людей. Нельзя относиться къ этому спустя рукава. Посмотрите—что у насъ дѣлается. Скоро честному человѣку нельзя будетъ показаться на улицѣ. Посмотрите—сколько убійствъ. Хорошо Меня Богъ спасъ. Но бѣднаго Мезенцова они отправили на тотъ свѣтъ. Въ Дрентельна также стрѣляли. Такъ Я надѣюсь на васъ. Ваша помощь нужна. Это ваша обязанность».

«Отвѣтомъ на слова Монарха было повтореніе единодушнаго и искренняго «ура».

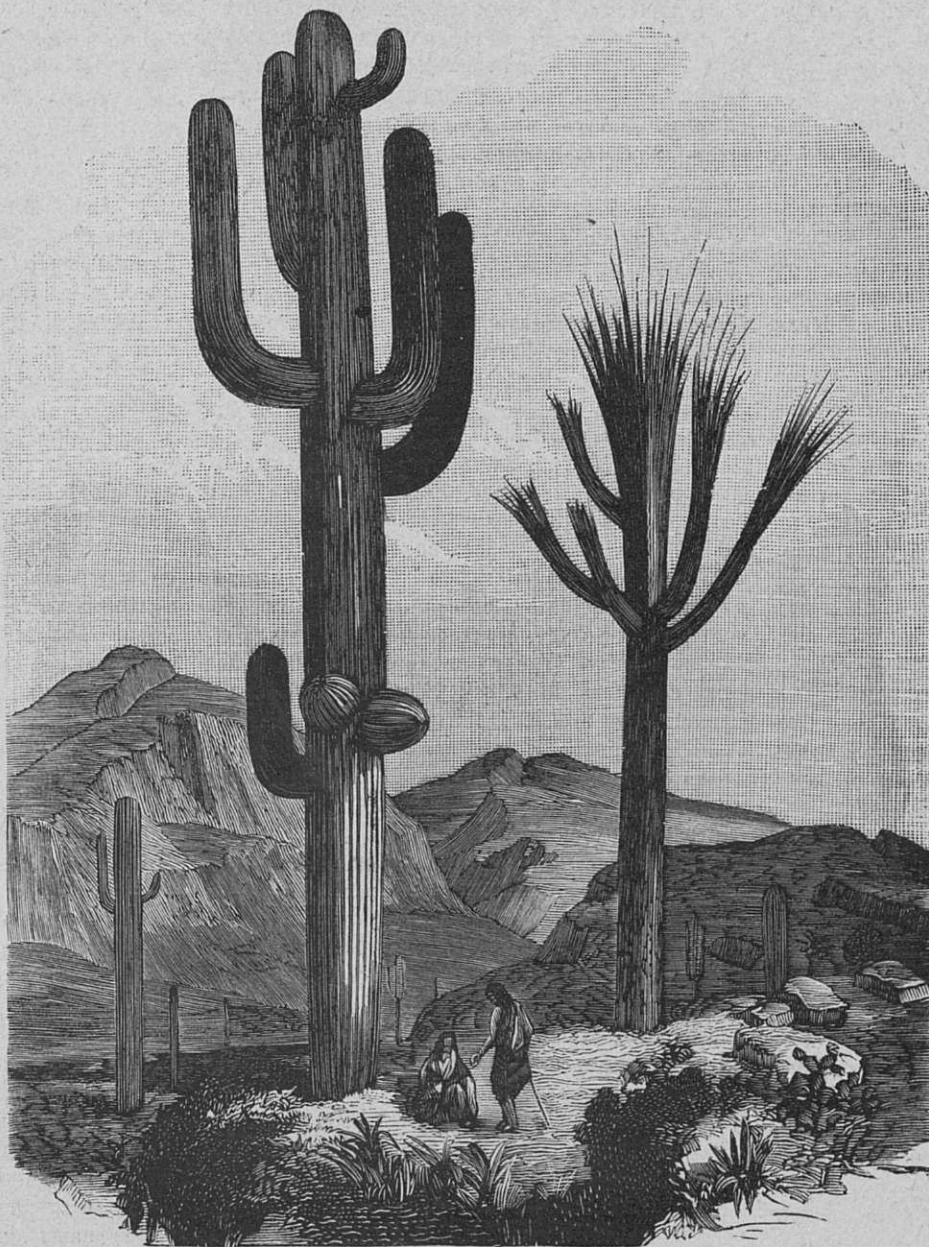
«Послѣ этого Государина Императрица, находясь въ сосѣдней комнатѣ, изволила пригласить городского голову и осчастливила его нѣсколькими милостивыми словами».

УКАЗЪ Правительствующему Сенату.

Событіи послѣдняго времени съ очевидностію указываютъ на существованіе въ Россіи если не многочисленной, то упорной въ преступныхъ заблужденіяхъ своихъ шайки зло-

умышленниковъ, стремящейся подорвать всѣ основы государственнаго и общественаго быта. Не ограничиваясь распространеніемъ путемъ печати, въ разсылаемыхъ тайно прокламаціяхъ, самыхъ возмутительныхъ ученій, клонящихся къ ниспроверженію догматовъ религіи, союза семейственнаго и правъ собственности, злодѣи эти неоднократно покушались на жизнь высшихъ сановниковъ Имперіи и другихъ лицъ, облеченныхъ правительственною властью. Наконецъ рядъ злодѣйствъ завершился преступнымъ покушеніемъ на Царубійство.

Такія злодѣянія и отсутствіе всякаго раскаянія въ тѣхъ изъ злоумышленниковъ, которые до настоящаго времени были обнаружены, обратили вниманіе Наме на необходимость прибѣгнуть къ исключительнымъ временнымъ мѣрамъ, какъ для примѣрнаго наказанія виновныхъ, такъ и для предоставленія лицамъ, облеченнымъ правительственною властью, особыхъ правъ, въ видахъ охраненія общественнаго порядка.

Долина кактусовъ.

обстоятельствахъ, которыя Мы теперь переживаемъ. Вы знаете, что положеніе дѣлъ серьезно. Необходимо будетъ принять для общаго блага чрезвычайныя мѣры, направленныя къ искорененію зла. Не слѣдуетъ падать духомъ. Надо продолжать идти своею дорогою, честно исполняя свой долгъ служенію Россіи. Я надѣюсь, что наши труды увѣнчаются успѣхомъ и что мы увидимъ Россію спокойною и счастливою».

«Громкое, неоднократно повторявшееся «ура» было отвѣтомъ на милостивыя слова Государа Императора со стороны представителей высшаго судебнаго сословія, съ благоговѣніемъ внимавшихъ указаніямъ Державнаго Вождя Россіи на обязанности всѣхъ преданныхъ слугъ престола и отечества, въ виду безумныхъ и преступныхъ попытокъ поколебать основы общественнаго порядка и благоденствія Россіи».

Съ этою цѣлью Мы признали за благо:

1) Назначить временныхъ генераль-губернаторовъ въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ, съ особыми чрезвычайными правами, означенными въ нижеслѣдующихъ статьяхъ. Тѣ же права предоставить временно генераль-губернаторамъ въ Москвѣ, Кіевѣ и Варшавѣ.

2) Генераль-губернаторамъ с.-петербургскому, харьковскому и одесскому подчинить губерніи: С.-Петербургскую, Харьковскую и Херсонскую. Независимо отъ этого, какъ симъ генераль-губернаторамъ, такъ равно и генераль-губернаторамъ кіевскому и московскому подчинить нѣкоторыя мѣстности изъ смежныхъ губерній, которыя будутъ указаны впослѣдствіи.

3) Во всѣхъ названныхъ мѣстностяхъ подчинить генераль-губернаторамъ всѣ мѣстныя гражданскія управленія въ томъ размѣрѣ, въ какомъ, на основаніи 46 ст. положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время, подчиняются главнокомандующему арміею губерніи и области, объявленныя на военномъ положеніи, а также учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ, по предметамъ, относящимся до охраненія порядка и общественного спокойствія.

4) Предоставить генераль-губернаторамъ лицъ гражданского вѣдомства, въ подвѣдомственныхъ имъ мѣстностяхъ, предавать военному суду, съ примѣненіемъ къ нимъ наказаній, установленныхъ для военного времени, независимо отъ случаевъ, упомянутыхъ въ указѣ Нашемъ отъ 9-го августа минувшаго года, и за другіе виды преступленій государственныхъ или противъ порядка управленія, равно и за совершеніе другихъ преступленій, общими уголовными законами предусмотрѣнныхъ, когда они признаютъ это необходимымъ, въ видахъ огражденія общественного порядка и спокойствія. По дѣламъ сего рода присвоить генераль-губернаторамъ права, предоставленныя ст. 1234, 1238 и 1241 XXIV свод. воен. пост. 1869 года главнокомандующему въ военное время.

5) Указанный порядокъ примѣнить ко всѣмъ дѣламъ, по коимъ не послѣдовало донимѣ преданія обвиняемыхъ суду.

6) Предоставить генераль-губернаторамъ право: а) высылать административнымъ порядкомъ изъ вѣренныхъ ихъ управленію мѣстностей всѣхъ тѣхъ лицъ, дальнѣйшее пребываніе которыхъ въ тѣхъ мѣстностяхъ они признаютъ вреднымъ; б) подвергать личному задержанію, по непосредственному своему усмотрѣнію всѣхъ лицъ, не смотря на званіе и состояніе, въ тѣхъ случаяхъ, когда они признаютъ это необходимымъ; в) приостанавливать или вовсе воспрещать изданіе журналовъ и газетъ, направленіе которыхъ будетъ ими признаваемо вреднымъ, и г) вообще принимать тѣ мѣры, которыя по мѣстнымъ обстоятельствамъ они признаютъ необходимыми для охраненія спокойствія во вѣренномъ имъ краѣ.

Правительствующій сенатъ къ исполненію сего не оставитъ сдѣлать надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ С.-Петербургѣ,
5-го апрѣля 1879 года.

ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

По военному вѣдомству, 7-го сего апрѣля: назначены, на основаніи Высочайшаго указа, данаго Правительствующему Сенату 5-го сего апрѣля, временными генераль-губернаторами: главнокомандующій дѣйствующею арміею, генераль-адъютантъ, инженеръ-генераль Тотлебенъ—одесскимъ, съ оставленіемъ въ званіи генераль-адъютанта и временно въ должности главнокомандующаго бывшею дѣйствующею арміею; генераль-адъютантъ, генераль-отъ-кавалеріи графъ Лористъ-Меликовъ—харьковскимъ, съ оставленіемъ въ званіи генераль-адъютанта; помощникъ Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго войсками гвардіи и петербургскаго военного округа, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-кавалеріи Гурко—с.-петербургскимъ, съ оставленіемъ въ

настоящей должности и въ званіи генераль-адъютанта.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатано сегодня слѣдующее правительственное сообщеніе:

«2-го апрѣля, около шести часовъ вечера, въ городѣ Ростовѣ-на-Дону произошли беспорядки. Изъ полученныхъ по сему предмету телеграммъ отъ прибывшаго въ Ростовъ екатеринославскаго губернатора, а также и отъ другихъ официальныхъ лицъ, оказывается, что буйство толпы приняло столь широкіе размѣры, что мѣстныя полицейскія средства оказались недостаточными и потребовалось прибѣгнуть къ воинской силѣ.

«Вызванные изъ Новочеркасска 160 казаковъ и военная команда изъ Таганрога и мѣстная полиція прекратили буйство, такъ что къ четыремъ часамъ утра 3-го апрѣля порядокъ въ городѣ былъ восстановленъ. Буйствующею толпою разбиты квартиры полицеймейстера, пристава и исправника, причѣмъ въ первыхъ двухъ все уничтожено и расхищено; въ полицейскомъ управленіи и въ двухъ полицейскихъ частяхъ всѣ текущія дѣла уничтожены, а вещественныя доказательства разхищены. Тотчасъ было приступлено къ разслѣдованію дѣла и приняты мѣры къ охраненію спокойствія въ городѣ и къ предупрежденію возникновенія беспорядковъ.

«По полученіи донесенія о происшедшихъ беспорядкахъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ, 4-го апрѣля, командированъ въ Ростовъ-на-Дону директоръ департамента полиціи исполнительной, тайный совѣтникъ Косаговецкій».

Новости наукъ и жизни.

— **Яковъ Артемьевичъ Старостинъ.** Намъ пишутъ о смерти молодого, подававшаго надежды поэта, Якова Артемьевича Старостина, произведенія котораго появлялись сначала въ журналѣ «Дѣло», потомъ въ «Семѣи и школѣ». Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ предложилъ намъ свои постоянныя услуги, но злой недугъ сводилъ его уже въ могилу. «У него катарръ желудка и легкихъ», сообщали намъ изъ Уфы отъ 21 февраля, и по милости этой болѣзни онъ почти не встаетъ съ постели болѣе 5 мѣсяцевъ. Отъ двадцатаго же марта получилось письмо съ лаконическимъ извѣстіемъ: «Яковъ Артемьевичъ Старостинъ 13 марта въ половинѣ двѣнадцатаго дня скончался». Старостинъ былъ хорошо образованъ, зналъ отлично иностранные языки, былъ ловкій диалектикъ, но жизнь его сложилась какъ-то неудачно, онъ мечталъ объ адвокатской дѣятельности, а судьба забросила его судебнымъ слѣдователемъ куда-то въ глушь, кажется, въ Уфу, откуда онъ постоянно жаловался на недостатокъ общества, на недостатокъ иностранныхъ книгъ, на то, что «руки опускаются». Къ этому нужно прибавить недостатокъ нравственной силы для борьбы съ обстоятельствами и сжиганье жизни съ отчаяніемъ. Мы не знаемъ, что осталось послѣ Старостина изъ его литературныхъ произведеній, — но то что онъ не переставалъ писать — это вѣрно. Намъ онъ передалъ нѣсколько оригинальныхъ произведеній, мы знали, что онъ переводилъ Фауста.

— **Женщины-преподавательницы.** Воспитанницамъ женской классической гимназіи г-жи Фишеръ, въ Москвѣ, окончившимъ полный курсъ, высочайше даровано право быть преподавательницами въ четырехъ младшихъ классахъ мужскихъ и во всѣхъ классахъ женскихъ гимназій.

— **Стипендіи.** Въ Вѣнѣ, въ февралѣ, умеръ артиллерійскій капитанъ русской службы, завѣщавшій медико-хирургической академіи капиталъ въ 500,000 руб., состоящій изъ недвижимаго имущества и пятипроцентныхъ выигрышныхъ билетовъ. Проценты съ этого капитала, говоритъ газета, предполагается обратить на учрежденіе казенныхъ стипендій въ военной медицинской академіи.

— **Торговый флотъ.** «Сынъ Отечества» передаетъ въ видѣ слуха, что на разсмотрѣніе правительства поступилъ проектъ общества балтійскаго торговаго мореплаванія, суть котораго состоитъ въ томъ, что общество, въ которомъ глав-

ными членами являются наши извѣстные коммерсанты, обязуется, въ теченіе 5 лѣтъ, въ Россіи, изъ всѣхъ въ ней приобретаемыхъ матеріаловъ, построить до 50 такихъ торговыхъ мореходныхъ судовъ, которыя въ случаѣ нужды могли бы легко быть обращаемы въ военныя.

— **Новая желѣзная руда.** Открытая въ александровскомъ уѣздѣ, екатеринославской губ., руда весьма богата содержаніемъ желѣза, превосходнаго качества, и самыя залежи занимаютъ весьма большое пространство. Для разработки этого богатства, въ Петербургѣ, по словамъ газеты «Правда», уже нашлось нѣсколько предпринимателей, которые въ настоящее время хлопочутъ объ организаціи акціонерной компаніи.

— **Наша экономическая отсталость.** Въ письмѣ одесскаго корреспондента «Молвы» сообщается слѣдующій замѣчательный фактъ: за перевозку одного пуда на судахъ «общества пароходства и торговли» платится тридцать коп., тогда какъ за перевозку того же пуда изъ Одессы въ Марсель девять коп., а изъ Одессы въ Лондонъ четырнадцать коп.

— **Землетрясеніе.** Газета «Кавказъ» передаетъ, что на пространствѣ между Тавризомъ и Тегераномъ недавно произошло нѣсколько сильныхъ землетрясеній. Говорятъ, разрушено болѣе тридцати деревень.

— **Человѣкъ, съѣденный собаками.** Въ калужскомъ уѣздѣ, въ селѣ Овчуровѣ, собаки, изъ породы овчарокъ, принадлежащія помѣщику Полторацкому, съѣли крестьянскаго 14-ти-лѣтняго мальчика, шедшаго къ священнику. Собаки до того остервенились, что пощадилъ лишь голову несчастнаго юноши, сожравъ всѣ мягкія части тѣла.

— **Отравленіе.** Въ «Соврем. Изв.» пишутъ изъ Смоленска: «На-дняхъ у насъ случилось происшествіе, надѣлавшее много шума въ городѣ и возбудившее самыя разнорѣчивыя толки и пересуды. Молодая дѣвушка, воспитанница VIII класса мѣстной женской гимназіи, съѣвши на тапочвальномъ вечерѣ у знакомыхъ мороженаго, вдругъ почувствовала себя нездоровою; оказалось, что въ мороженомъ былъ примѣшанъ ядъ. Благодаря подоспѣвшей медицинской помощи, ядъ не оказалъ вреднаго дѣйствія на молодую дѣвушку. Отравителемъ оказался молодой армейскій офицеръ мѣстнаго полка; причиною убійства была, какъ говорятъ, ревность. Убійца жилъ въ домѣ бабушки убитой. Здѣсь онъ познакомился съ молодой дѣвушкой, и между ними вскорѣ завязалась интимная переписка. Переписка эта продолжалась однако недолго и была прекращена самою дѣвушкою. Не получая отъ нея писемъ и видя постоянно возрастающую холодность съ ея стороны, офицеръ рѣшился отомстить ей; но, прежде, чѣмъ онъ привелъ въ исполненіе свой ужасный планъ, онъ удовлетворилъ свое оскорбленное самолюбіе, избивъ жившаго съ нимъ въ одномъ домѣ знакомаго, котораго онъ подозрѣвалъ въ соперничествѣ. Наконецъ, на балу онъ привелъ въ исполненіе и свою ужасную месть. Убійца былъ схваченъ. Медицинское освидѣтельствованіе нашло, что его умственные способности въ ненормальномъ состояніи, почему онъ и былъ отправленъ въ Москву для излѣченія».

— **Выходящее изъ ряду преступленіе.** «Бирж. Газ.» сообщаютъ, что въ посадѣ Пучежѣ, костр. губ., 24 марта совершено страшное преступленіе, и притомъ еще небывалое. Проживающій въ посадѣ временно крестьянинъ токаръ, совершенно слѣпой, страшно изрубилъ топоромъ свою жену и бывшаго вмѣстѣ съ нею молодого человѣка, лѣтъ 20, которые и отправлены въ больницу, но надежды на выздоровленіе нѣтъ, такъ какъ же-нѣ его нанесено до 16 ранъ; голова почти вся раздроблена. Преступникъ арестованъ. Преступленіе совершено утромъ въ банѣ, гдѣ слѣпой крестьянинъ засталъ свою жену съ молодымъ человѣкомъ въ отношеніяхъ, не позволительныхъ замужнимъ женщинамъ.

— **Принятіе на себя чужого преступленія.** Въ одесской судебной палатѣ пришлось приостановить разбирательствомъ одно дѣло по слѣдующему поводу. Въ с. Плоскомъ, тираспольскаго уѣзда, были задержаны и отправлены въ Одессу, Воцен-

ко и Подгородецкій, первый за бродяжничество, второй за дезертирство. По дорогѣ оба арестанта, замысливъ побѣгъ, сбили съ ногъ конвоированнаго, связали его и бросили около скирда сѣна. Черезъ пять мѣсяцевъ виновные были разсыканы и преданы суду. Во время засѣданія, ни потерпѣвшій, ни свидѣтели, ни подсудимый Вощенко не признали Подгородецкаго за то лицо, которое участвовало въ преступленіи вмѣстѣ съ Вощенко. Тогда подсудимый Подгородецкій заявилъ председателю, что, прибывъ въ тюремный замокъ, онъ встрѣтился съ настоящимъ Подгородецкимъ, который за 1 рубль подговорилъ его взять на себя преступленіе, на что онъ тѣмъ болѣе долженъ былъ согласиться, что Подгородецкій, въ случаѣ несогласія, угрожалъ убить его. При сличеніи фотографической карточки Подгородецкаго съ подсудимымъ, явившимся въ судъ, не оказалось ни малѣйшаго сходства.

— **Печальный случай.** «Совр. Изв.» сообщаютъ съ Урала слѣдующій фактъ: «Судебному слѣдователю N уѣзда поступило отъ волостнаго правленія донесеніе, писанное по принятому здѣсь трафарету, о томъ, что въ ночь на извѣстное число у N крестьянина похищены три быка и что подозрѣніе въ томъ похищеніи пало на одного изъ крестьянъ. Судебный слѣдователь, получивъ такое сообщеніе и выполнивъ нѣкоторыя предварительныя формальности, привлекъ виновника въ кражѣ къ суду и заключилъ потомъ въ замокъ, гдѣ онъ и томился нѣсколько мѣсяцевъ. Направляя дѣло по принадлежности и находя для большей полноты слѣдствія необходимымъ дополнить оное свидѣніемъ о стоимости быковъ, онъ написалъ доставить таковыя волостному правленію. Волостное правленіе не замедлило сообщить, что покраденные три быка стоили 40 коп... и о, ужасъ! слѣдователь видитъ и воочию убѣждается, что сказанные быки были существа не одушевленные, а деревянные подпорки, употребляемыя при постройкѣ крышъ, извѣстныя не только здѣсь, но и на всемъ пространствѣ земли русской подь именемъ быковъ.

— **Возмутительное преступленіе.** Оно совершено 28 ноября прошлаго года въ Антверпенѣ. Въ этотъ день, въ 9 часовъ вечера г-жа Фейенъ, прогуливаясь по аллеѣ Нотръ-Дамъ, была поражена разнесшимся въ воздухѣ раздрающимъ крикомъ. Она направилась тотчасъ же въ улицу Калью и здѣсь услышала еще два крика, выходящіе повидимому изъ сѣней дома вдовы Ван-Рой; далѣе она услышала паденіе тѣла въ сѣняхъ. Въ это время мимо проходила другая женщина.

— Послушайте, какой шумъ, сказала ей г-жа Фейенъ, — можно подумать, что кого-нибудь рѣжутъ.

Такъ какъ шумъ продолжался, она поднялась на ступеньки крыльца и приложила ухо къ замочной скважинѣ. Посреди потрясающихъ стонъ, она ясно различила восклицаніе женщины: «Охъ! Жонъ! Жонъ!»

Встревоженная этимъ, она побѣжала въ сосѣднюю кофейню звать на помощь; насилиу одинъ изъ посѣтителей рѣшился оторваться отъ партіи на бильярдѣ и пошелъ за нею послушать у дверей, но когда они пришли, шума уже не было слышно.

Возвратившись домой, г-жа Фейенъ, не входя въ комнаты, оставалась около $\frac{3}{4}$ часа наблюдать за домомъ Ван-Рой, но не видѣла, чтобы кто-нибудь выходилъ изъ него.

Въдесятомъ часу полицейскій агентъ де-Гульнь, проходя дозоромъ, услышалъ крики о помощи и тотчасъ же пошелъ къ г-жѣ Вермонъ, сестрѣ вдовы Ванъ-Рой; онъ зналъ, что у нея былъ другой ключъ отъ дома. Г-жа Вермонъ пошла за нимъ и открыла входную дверь. Ужасная картина представилась ихъ глазамъ. Въ глубинѣ сѣней лежалъ трупъ вдовы Ван-Рой. Волосы въ безпорядкѣ, тѣло распростерто на лѣстницѣ съ поспѣлымъ, сильно испаранымъ лицомъ и окровавленными губами. Было очевидно, что вдова Ван-Рой удушена. Легко было даже воспроизвести въ умѣ сцену убійства.

Несчастная жертва стояла, когда ей нанесенъ былъ страшный ударъ въ правый високъ твердымъ тѣломъ, вѣроятно, сжатымъ кулакомъ, и она

упала навзничъ на ступени лѣстницы. Убійца бросился на несчастную и придавилъ ее тяжестью своего тѣла; онъ зажалъ ей ротъ рукой, испараналъ лицо ногтями, и наконецъ, чтобы заглушить крики и удушить ее, всунулъ ей въ ротъ кусокъ ковровой скатерти. Убѣдившись, что вдова Ван-Рой умерла, де-Гульнь пошелъ далѣе, такъ какъ стоны и крики о помощи, слышанные имъ въ самомъ началѣ, продолжали раздаваться. Явившіеся на мѣсто происшествія помощникъ комиссара и нѣсколько сосѣдей прошли по коридору въ другую часть дома. Дверь, соединяющая два коридора, была не плотно заперта, а дверь залы отворена настежь. Въ этой комнатѣ посреди страшнаго безпорядка лежалъ на полу передъ открытымъ денежнымъ сундукомъ человекъ, находящійся, по видимому, при послѣднемъ издыханіи. Это былъ Джонъ Ретсинъ, внукъ вдовы Ван-Рой. Онъ лежалъ на спинѣ, веревка, обвивавшая шею, опутывала его тѣло. Онъ хрипѣлъ, изъ его горла вылетали неясные звуки. Еще новая жертва убійцы вдовы Ван-Рой. Разрѣзаютъ веревки, связывающія Ретсина въ трехъ различныхъ мѣстахъ и освобождаютъ его. Однакожъ, онъ не приходитъ въ себя. Приходятъ докторъ и судебный слѣдователь. Осмотрѣвъ Ретсина, докторъ говоритъ, что положеніе больного вовсе не опасно; пульсъ его спокоенъ, дыханіе правильно, и что, вѣроятно, больной притворяется. Слѣдователь снимаетъ допросъ и вотъ показаніе Ретсина: «Я провелъ, говоритъ онъ, часть дня съ бабушкой у тетки Вермонъ. Тамъ я попросилъ у нея два франка. Она мнѣ отказала. Однакожъ, я не имѣлъ большой нужды въ деньгахъ. Вечеромъ, проходя по улицѣ Калью, я замѣтилъ свѣтъ въ конторѣ, гдѣ бабушка часто проводила время. Я позвонилъ: она ввела меня въ залу, гдѣ мы долго разговаривали. Во время разговора я сказалъ ей, что мнѣ необходимы костюмъ, рубашки, лошадь и сѣдло. Выслушавъ съ ироніей мои требованія, бабушка согласилась дать мнѣ полотно на рубашки и пошла за нимъ вверхъ къ себѣ въ спальню. Я остался ждать ее въ залѣ, дверь этой комнаты, выходящая въ коридоръ, была приотворена. Проходитъ минутъ 10, а бабушка не возвращается. Это меня встревожило. Я только что собрался идти за нею, какъ вдругъ въ дверяхъ залы на меня напали двое неизвѣстныхъ. У одного изъ нихъ была вычерѣнная физиономія и колпакъ изъ бумажной матеріи на головѣ. Онъ схватилъ меня за горло и зажалъ мнѣ ротъ рукой, говоря: «Ни слова, или вы погибшіи человекъ». Я не имѣлъ времени закричать; они же вдвоемъ нагнули мнѣ веревку на шею, обмотали ее вокругъ тѣла, связали ноги и бросили на землю. Въ такомъ положеніи, лишенный возможности двинуться или закричать, пораженный ужасомъ, я слышалъ только ихъ шаги взадъ и впередъ, звонъ ключей и шумъ опрокинутыхъ стульевъ. Наконецъ, грабители ушли черезъ одну изъ дверей, выходящихъ на улицу Калью, не умѣю сказать черезъ которую, такъ какъ обѣ скрипнѣли. Послѣ ихъ ухода я пробовалъ освободиться, но напрасно. Однакожъ, мнѣ удалось, наконецъ, перевернуться на животъ, я сталъ тереться лицомъ о коверъ и такимъ образомъ, освободился отъ повязки, закрывавшей мнѣ глаза. Продолжая тереться лицомъ о полъ, я выдернулъ платокъ, которымъ былъ заткнутъ ротъ и немедленно началъ кричать о помощи. Эти-то крики услышалъ полицейскій агентъ де-Гульнь». Этотъ странный рассказъ рѣшительно не согласовался съ первоначальнымъ осмотромъ мѣстности. Какъ предположить, что вдова Ван-Рой была убита въ ночной тишинѣ чужимъ человекомъ, а ее внукъ, въ трехъ шагахъ отъ мѣста, гдѣ ее задушили, не слышалъ ни крика, ни шума, ни ея предсмертнаго хрипѣнія. И почему убійцы, найдя необходимымъ убить слабую старуху, оставили въ тоже время въ живыхъ здороваго и сильнаго молодого человека. Какая цѣль этого преступленія? Грабежа произведено не было: всѣ столы и ящики нижняго этажа, въ томъ числѣ и денежный сундукъ, были отперты и перерыты, но ничего не украдено. Въ денежномъ сундукѣ лежали бумаги на 20,000 франковъ на предъявителя и цѣнные украшения. На полу сосѣдней комнаты валялись ящики съ

серебромъ и корзины съ серебряной посудой. Предполагать мѣсть тоже было невозможно. У г-жи Ван-Рой было много друзей и ни одного врага. Откуда, наконецъ, вошли убійцы? Слѣдователь тотчасъ же осмотрѣлъ всѣ выходы дома и даже крыши сосѣднихъ домовъ. Въ задней части дома все было заперто. Со стороны улицы Калью ставни плотно закрыты, на дверяхъ ни малѣйшихъ признаковъ взлома. Все заставляло подозрѣвать Джона Ретсина во лжи, а слѣдовательно въ преступленіи. Слѣдствіе тотчасъ же было направлено противъ него и добыло неопровержимыя доказательства. Было дознано, что расточительный, развратный Джонъ Ретсинъ осаждалъ свою бабушку требованіями денегъ, сопровождая ихъ часто угрозами; утромъ, въ день преступленія, онъ не въ состояніи былъ заплатить часовщику 2 франка за починку часовъ. А послѣ преступленія у него нашли 160 франковъ. Далѣе въ печкѣ нашли спрятанную сумму въ 3,000 франковъ, которую, конечно, посторонній убійца не скрылъ бы такимъ образомъ, и наконецъ, было доказано, что Ретсинъ за нѣсколько дней передъ преступленіемъ купилъ веревку, подобную той, которой былъ скрученъ. Вдобавокъ на его одеждѣ были пятна крови. По всѣмъ этимъ даннымъ слѣдствіе признало, что Джонъ Ретсинъ убилъ свою бабушку для полученія наслѣдства, и въ настоящее время онъ явился къ отвѣту передъ ассизнымъ судомъ Антверпена. Ретсинъ упорно отрицаетъ обвиненіе въ ужасномъ преступленіи. Для доказательства его виновности вызвано болѣе 200 свидѣтелей и судебныя пренія, вѣроятно, займутъ не менѣе 15 засѣданій суда.

— **Леопардъ, освободившійся изъ клѣтки.** Недавно, въ одномъ небольшомъ городѣ Тюрингін, разыгралась трагическая сцена въ балаганѣ укротителя дикихъ звѣрей. Одинъ леопардъ выказывалъ меньшее, чѣмъ обыкновенно, повиновеніе приказамъ укротителя. Онъ грозно ревѣлъ и съ бѣшенствомъ метался въ своей клѣткѣ. Вдругъ два желѣзные прута сломались подъ напоромъ животнаго, и оно въ одинъ прыжокъ очутилось среди зрителей. Можно себѣ представить, какое произошло смятеніе. Всѣ бросились къ двери, чтобы спастись отъ опасности. Леопардъ на одно мгновеніе остановился какъ бы въ смущеніи, потомъ кинулся на заднихъ бѣглецовъ и своими когтями и зубами сталъ раздирать тѣла несчастныхъ, нисколько не пугаясь ихъ отчаянныхъ криковъ. Укротитель не замедлилъ явиться съ прислугой своего балагана и нанести нѣсколько ударовъ алебардой по головѣ звѣря, свирѣпости котораго, повидимому, усилилась при видѣ и запахѣ текущей крови. Яростное животное только тогда оставило свои жертвы, когда, отягченное ударами, упало на землю издыхая. Женщина и ребенокъ умерли отъ ранъ и испуга; четверо лицъ ужасно изувѣчены ранами на лицѣ и шеѣ. На все это леопарду понадобилось не болѣе четырехъ минутъ. Осмотръ изломанной клѣтки показалъ, что нѣкоторые желѣзные прутья были подплены съ очевидною цѣлью вызвать катастрофу. Подозрѣніе тотчасъ же пало на одного изъ прислужниковъ звѣринца, уже уволенного за то, что онъ, не смотря на многократныя предостереженія, предавался пьянству. Человекъ этотъ арестованъ.

— **Изъ заграничной судебной практики.** Въ одномъ изъ берлинскихъ ресторановъ какой-то молодой человекъ по ошибкѣ сѣлъ на новую шляпу, положенную на стулѣ, и совершенно раздвинулъ ее. Собственникъ шляпы жаловался судѣ и требовалъ уплаты. Судъ, однако, отказалъ ему въ искѣ, мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что стулъ не есть мѣсто для сохраненія шляпы, и тотъ, кто пользуется имъ для этой цѣли, дѣлаетъ это на собственный счетъ и страхъ.

— **Изобрѣтательность американцевъ.** Печатаніе объявленій обходится очень дорого въ Соед. шт. и объявляющіе изобрѣтаютъ способы писать ихъ какъ можно кратче и образнѣе. Вотъ образецъ подобнаго объявленія: «Друзьямъ и знакомымъ сообщаю, что вчера умерла моя жена, разрѣшившись отъ беременности мальчикомъ. Для послѣдняго я ищу здоровую кормилицу и я не прочь вступить въ переписку съ какою-либо дамою съ

цѣлю вступленія въ бракъ. Дама эта должна быть пріятнаго характера, средних лѣтъ, съ нѣкоторымъ состояніемъ, способная завѣдывать моимъ магазиномъ извѣстныхъ полотняныхъ товаровъ, въ которомъ всѣ заказы добросовѣстно выполняются въ двѣнадцать часовъ. Я намѣренъ ангажировать для моего магазина продавщицу съ жалованьемъ въ 250 долларовъ въ годъ, какъ только будетъ окончена распродажа моихъ товаровъ въ домѣ № 11, гдѣ отдается нѣсколько комнатъ за 500 долларовъ въ годъ.

— **Каулинъ.** Французскіе химики Савиньи и Колино нашли способъ извлекать изъ красной капусты краску одинаково пригодную какъ для промышленныхъ цѣлей, такъ и для печатанія и рисованія. Новая растительная краска совершенно безвредна и называется каулинъ. Ее получаютъ изъ листьевъ красной капусты и брокколи. Листья эти очищаются отъ жилокъ, разрѣзаются на мелкіе куски и кладутся въ кипящую воду, причемъ на три литра воды должно приходиться 1,500 граммовъ листьевъ. По истеченіи сутокъ листья вынимаются и подвергаются выжимкѣ; сокъ сливается въ ту же воду, въ которой варились листья. Получается синій экстрактъ, составляющій тотъ самый каулинъ, изъ котораго, при помощи различныхъ примѣсей, могутъ быть получены различныя краски. Примѣшивая, на примѣръ, два грама барита на 500 граммовъ холоднаго каулина, получаютъ ярко-свѣтлый зеленый осадокъ прямо годный для рисованія. И все это изъ капусты!

— **Смигмофонъ.** Варшавскія газеты сообщаютъ, что, 23-го марта, въ терапевтической клиникѣ городской больницы Св. Духа, въ присутствіи профессора варшавскаго университета, доктора медицины Лямбля, его ассистентовъ—врачей и многихъ студентовъ медицинскаго факультета того же университета, произведены были испытанія надъ новымъ аппаратомъ, названнымъ смигмофономъ, изобрѣтеннымъ извѣстнымъ варшавскимъ оптикомъ, Михаиломъ Никомъ. Аппаратъ этотъ или приборъ служитъ для изслѣдованія бѣшенія пульса, съ замѣчательною точностью, съ нѣкотораго даже разстоянія отъ человѣка, надъ которымъ производится изслѣдованіе. Главное достоинство этого аппарата заключается въ томъ, что при помощи его удары сердца бываютъ слышны ясно до такой степени, что въ очень большой залѣ, при помощи этого аппарата, во всѣхъ ея углахъ, на довольно далекомъ разстояніи отъ человѣка, слышны, какъ удары молотка о какое-нибудь твердое тѣло. Врачи, сидящіе у кровати больного или въ другомъ концѣ комнаты и не прикасаясь къ своему пациенту, при помощи этого аппарата можетъ считать точныя бѣшенія пульса, или удары сердца, опредѣляя ихъ съ математическою точностью и, на основаніи этихъ наблюденій, выводить свои вѣрныя и безошибочныя заключенія о болѣзни.

— **Непріятная встрѣча.** Изъ бѣжатабанской станицы (Тифл. Вѣстн.) сообщаютъ о слѣдующемъ происшествіи. Одинъ крестьянинъ изъ окрестной деревни Голоть-Убани продавалъ шкуру недавно убитаго огромной величины барса. Длина шкуры отъ основанія хвоста до оконечности морды $5\frac{1}{2}$ фут. Крестьянинъ оцѣнивалъ шкуру въ 150 руб. На лицѣ крестьянина, убишаго барса, видѣлись еще не совсѣмъ зажившіе слѣды глубокихъ царапинъ. По разсказамъ самого крестьянина, этотъ барсъ производилъ втеченіе всего прошлаго года большія опустошенія въ окрестныхъ деревняхъ. Онъ растерзалъ до 50 штукъ крупнаго скота. Всѣ жители околodka сначала подозрѣвали въ этихъ опустошеніяхъ расплодившихся волковъ и медвѣдей и нѣсколько разъ устраивали облаву, но никакъ не могли открыть присутствія въ околodka какого-нибудь крупнаго звѣря. Въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года въ горахъ выпалъ большой снѣгъ. Жители Голоть-Убани нашли на снѣгу свѣжіе слѣды какого-то крупнаго звѣря, но не могли опредѣлить какого именно. Ихъ собралось человѣкъ 12 и они, вооружившись топорами, пош-

ли выслѣживать звѣря. Слѣдъ на снѣгу вѣкорѣ привелъ ихъ къ одному скалистому откосу. Звѣрь недолго заставилъ себя ждать. Вдругъ раздалось возлѣ нихъ ужасное рычанье. Крестьяне обезумѣли отъ страха, когда услышали недалеко отъ себя хрустѣніе костей трехъ своихъ товарищей. Разсвирѣпѣвшее животное сдѣлало прыжокъ изъ скалистой пещеры и разомъ повалило подъ себя трехъ крестьянъ. Но тутъ одно обстоятельство спасло несчастныхъ отъ окончательнаго растерзанія. Снѣгъ оказался чрезвычайно глубокимъ. Три жертвы погрузились въ сугробы снѣга, самъ же звѣрь началъ метаться и вязнуть. Въ это время одинъ изъ родственниковъ подвергшихся нападенію, именно тотъ самый, который передавалъ мнѣ этотъ разсказъ, наскочилъ на завязшаго въ снѣгу звѣря и могучимъ ударомъ топора раскрылъ ему черепъ. Прежде чѣмъ барсъ испустилъ духъ, онъ еще успѣлъ лапою нанести обезсиленный ударъ по лицу крестьянина.

— **Потребленіе устрицъ въ Англіи.** Количество устрицъ, вывозимыхъ въ Англію изъ Америки, достигаетъ слѣдующихъ почтенныхъ цифръ: среднимъ числомъ въ день грузится на суда отъ 1,200 до 1,500 бочекъ. Около-же 7 декабря, къ рождественскимъ торгамъ, это число достигало до 2,600 бочекъ, вмѣстимостью отъ 31 до 36 галлоновъ.

— **Изъ бирманскихъ обычаевъ.** Бирманское духовенство пользуется большимъ почтомъ и, подобно высшимъ чинамъ имперіи, ходитъ подъ зонтиками и носитъ серьги съ драгоценными камнями. При религіозности бирманцевъ духовенство весьма многочисленно, такъ что въ столицѣ, Мандалаѣ, цѣлый большой кварталъ занятъ причудливыми постройками монастырей, въ которыхъ живутъ ихунги (священники). Въ одной изъ прежнихъ столицъ бирманской имперіи, Пагунѣ, находится до тысячи пагодъ, частью уже разрушившихся; многія имѣютъ грандіозныя размѣры и покрыты позолотою отъ основанія до вершины. «По смерти ихунги, говоритъ корреспондентъ газеты «Daily News», тѣло его опускаютъ въ бочку съ медомъ, въ которой оно остается до тѣхъ поръ, пока не перейдутъ въ медъ всѣ духовныя качества жреца Будды. Послѣ того, тѣло ихунги вынимаютъ и собравшійся народъ съ жадностью бросается пожирать медъ. Самый же трупъ, липонный уже своимъ духовнымъ качествамъ, превращается въ прахъ: подъ него кладутъ порошки и разрываютъ на мелкія части; чего не сдѣлаетъ порошекъ, то довершаетъ народъ, пекрашивая обрывки трупа на кусочки своими ножами и саблями».

— **Дипломы, выданные французскимъ женщинами.** «Gazette des femmes» сообщаетъ о числѣ ученыхъ дипломовъ, выданныхъ въ послѣднее время французскимъ женщинамъ: три диплома на доктора медицины, три на магистровъ науки, два диплома на кандидатовъ наукъ и словесности, шесть дипломовъ кандидатовъ науки и двадцать дипломовъ кандидатовъ словесности.

— **Долголѣтіе.** «Оренбургскій Листокъ», передаетъ о слѣдующемъ случаѣ долголѣтія: «Въ районѣ Талалыцкой станицы, именно въ Банномъ поселкѣ недавно умеръ казакъ Угрюмовъ 115 лѣтъ отъ роду. Покойный не помнилъ, когда былъ чѣмъ-нибудь болѣнъ. Въ послѣдніе годы недостатокъ зрѣнія и плохой слухъ препятствовали ему работать. Покойный былъ хлѣбопашецъ и хороший коноваль».

— **Реклама.** Въ одной американской газетѣ напечатана слѣдующая реклама: «Недавно воръ сдѣлалъ въ судѣ показаніе: «Г. президентъ, я не находился бы здѣсь, если бы не было проклятыхъ газетъ. Если мы врываемся куда-нибудь, газеты вездѣ лежатъ на полу, на столѣ; если наступимъ на нихъ, то онѣ такъ хрустятъ, что неудивительно, если насъ поймутъ». Къ этому газета отъ себя присовокупляетъ: «Вотъ новое доказательство, какъ необходимо абонироваться на газеты. А наша газета, именно, благодаря особенному свойству бумаги, хруститъ особенно шумно. Тѣмъ

не менѣе подписка всего 12 долларовъ, а отдѣльный номеръ — восемь центовъ».

— **Антропологическій музей въ Ліонѣ.** 2-го февраля нов. ст., въ Ліонѣ происходило торжественное открытіе антропологическаго и этнографическаго музея. Залъ университета (Faculté des sciences) былъ биткомъ набитъ публикой, собравшейся съ цѣлю послушать извѣстнаго д-ра Брокка. Среди публики находились мѣстные административныя власти, генералы Февріе и Бреаръ, и почти всѣ профессора университета. Первое слово принадлежало д-ру Тейсье, президенту общества любителей естествознанія, затѣмъ Лорте, — директору городского музея и, наконецъ, г. Брокка, изложившему въ общедоступной формѣ современное состояніе и цѣль антропологии.

— **Странное духовное завѣщаніе.** Недавно умеръ въ Самошеѣ, въ Штиріи, какъ извѣщаетъ газета «Grazer Tagespost», бывшій помѣщикъ Пульцахъ, дожившій почти до 90 лѣтъ. Онъ включилъ въ завѣщаніе свое, составленное нѣсколько лѣтъ назадъ, пунктъ въ томъ смыслѣ, чтобъ на третій день послѣ смерти ему отрубили голову и повернули ее въ гробу. Желаніе завѣщателя было исполнено и трупъ до погребенія обезглавили.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 14-й «Живописное Обозрѣніе» данъ на городскую почту апрѣля 7-го въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту апрѣля 8-го въ 12 час. 30 мин. пополуд.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Миланскій соборъ. — Стихотв. «Пасхальная дума. — Народы Россіи. — Стихотв. Кн. Дм. Голицына. — Помпейскія ночи (продолж.). — Серватій и Панкратій (оконч.). — Священная война. — Общественное сходствѣ животныхъ съ окружающей ихъ средой. — Иза (продолж.). — Герцогъ Карлъ шведскій, оскорбляющій трупа своего врага Флеминга. — Жераръ д'Авень. — Долина гигантскихъ кактусовъ. — Къ рисункамъ — Правительственные сообщенія. — Новости наукъ и жизни. — Объявленія. Гравюры: Въ своей кельѣ — Охотничьи рѣскажи. — Апостолъ Петръ послѣ отреченія отъ Христа. — Дженнеръ, прививающій оспу. — Герцогъ Карлъ шведскій. — 3 рис. къ ст. «Объ охранит. сходствѣ животныхъ, съ окружающей ихъ средой». — Жераръ д'Авень. — Долина кактусовъ.

Редакторъ-издатель Д. А. Карчъ-Карчевскій.

Объявленія.

Американскія ручныя мукомольныя мельницы въ частъ 30 фунтовъ. Цѣна 50 руб. Америк. ручныя мукомольныя мельницы въ частъ 90 фунтовъ. Цѣна 150 руб. Америк. ручныя мукомольныя мельницы съ сортировкой. Цѣна 175 руб. Мукомольныя мельницы для 2-хъ-конной силы, 9 пуд. въ часъ. Мукомольныя мельницы для 4-хъ-конной силы, 15 пуд. въ часъ.

Ручныя молотилки, вымолачивающія 250 сноповъ въ часъ, модель № 1-й цѣна 100 руб., модель № 2-й цѣна 110 руб.

Молотилка для 2-хъ и 4-хъ-конныхъ приводовъ. Новая широкая молотилка для 4-хъ-коннаго привода, вымолачивающая около 12 кулей въ часъ. Зернодробилки, отъ 20 руб.

Сельско-хозяйственныя машины и орудія. Пульзометры, пожарныя трубы, станки, разныя ленточныя пилы, все въ складѣ.

Депозитъ машинъ ЭД. ФЛУГЪ.

№ 11, Вознесенскій проспектъ, № 11.

Прейсъ-курантъ по востребованію бесплатно.

МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ М-мъ КРИХЪ.

(Спеціальность дамскихъ шляпъ и головныхъ уборовъ) Екатеринбургскій проспектъ (на углу Вознесенскаго) въ домѣ Челищева № 11^{1/2}.

Соломенные и касторовыя шляпы. Чистка и пердѣлка. Завивка перьевъ. Наколки, чепчики и т. п. по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ.

При этомъ номерѣ «Живописное Обозрѣніе» разсылаются гг. подписчикамъ приложеніе: «Парижскія Моды», Апрѣль.

№ 16. Томъ I.

На годъ, съ доставкой и пересылкою — 7 руб.;
на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб.
Отдѣльн. №№ по 20 к.

С.-Петербургъ, 21 Апрѣля 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новая
улица, домъ № 6. Годъ VII.

Миланскій соборъ.

Листки изъ путевой книжки.

Ст. Е. Л. Маркова.

(Окончаніе.)

Городъ Леонардо еще болѣе казался въ новой галерей Виктора-Эмануила, какъ разъ околотокъ соборной площади.

Это тоже сооруженіе, достойное Рима, во вкусъ Рима, въ размѣрахъ Рима.

Миланская галерея Виктора-Эмануила — тоже что Палероаль въ Парижѣ, тоже что наши жалкіе петербургскіе и московскіе «пассажы». Но Палероаль — грязная и безвкусная казарма, сравнительно съ этой галереей.

Арки необыкновенной высоты, необыкновеннаго благородства, полныя веселаго свѣта и легкаго воздуха, не гнетущія теменн человѣка, а поднимающія его духъ смѣлостью и широтою своего полета, обильно украшенныя самою изящною скульптурою, балюстрадами, архитравами, каріатидами, статуями, рядами лампъ, покрытыя чудными громадными фресками, яркими, какъ сама итальянская жизнь, наполненныя блестящими магазинами роскоши, — составляютъ эту галерею, этотъ миланскій «гостинный дворъ», такъ мало похожій на нашу пресловутую «ножевую линію» и «сундучный рядъ». Фрески изображаютъ въ громадныхъ фигурахъ 4 части свѣта, по четыремъ угламъ серединнаго павильона, крытаго стекломъ. Африка — это египетская пирамида, царство жгучаго солнца, пальмы песчаныхъ равнинъ. Азія — роскошь, нѣга, богатство. Америка — съ краснокожими индѣйцами, якоремъ, тюками — символами торговли. Европа — всемогущею царицею, съ кучей коронъ у ногъ, съ побѣдными лаврами, съ эмблемами наукъ и искусствъ, подчинившими ей міръ.

Глазъ не отрывается отъ этихъ фигуръ благороднаго рисунка и какого-то солнечнаго колорита.

Но, кромѣ фресокъ, въ верхнихъ предѣлахъ галереи стоитъ многочисленная мраморная семья великихъ итальянцевъ, прославленныхъ исторіей.

Тутъ Саванаролла и Юго-Фосколо, Данте и Вольтъ, Висконтій, строитель миланскаго собора,

и Кавуръ, строитель Италіи, — тутъ и Беккарія, и Галилей.

Только бритый Кавуръ въ своемъ фракѣ и панталонахъ выдѣляется какимъ-то неприятнымъ пятномъ среди этихъ монументальныхъ мантий и монументальныхъ бородъ.

Снаружи галереи — римскія триумфальныя ворота какого-нибудь императора-побѣдителя.

Когда вы пройдете сквозь всю галерею въ небольшой публичный садикъ, васъ сейчасъ же остановитъ, среди группъ зелени, памятникъ бѣлаго мрамора.

Мелкозернистый мраморъ такъ чистъ самъ по себѣ и такъ еще свѣжъ, что искрится, какъ сахаръ.

Величественная и прекрасная фигура мужа, облеченнаго въ длинную мантию, стоитъ надъ вами, вырѣзанная, будто живая, рѣзцомъ художника изъ дѣвственной бѣлизны этого мрамора.

Я много видѣлъ статуй великихъ людей, Гёте и Шиллера, Карла Великаго и Фридриха II, Колумба и Гутенберга. Но я не видѣлъ ничего подобнаго памятнику Леонардо да-Винчи въ садикѣ миланской галереи.

Это не статуя одного Леонардо да-Винчи, возобновителя наукъ и искусствъ. Это статуя идеальнаго человѣка, памятникъ цѣлому человечеству.

Маститый мужъ царственной осанки и классической красоты, съ длинною волнистою бородою, въ льющихся складкахъ широкой мантии, стоитъ живымъ воплощеніемъ генія, красоты, мудрости и счастья, гармонически слившихся въ одномъ человѣкѣ.

Тонкость и глубокая одухотворенность каждой черты лица заслоняетъ отъ васъ мраморъ, изъ котораго сдѣлана статуя, и переноситъ васъ прямо къ великому человѣку, котораго онъ изображаетъ. Даже атласъ его мантии ломается и серебрится въ изгибахъ, будто настоящій атласъ. Если бы меня спросили, кого изъ людей я считаю наиболѣе полно изображающимъ человечество во всѣхъ его главныхъ силахъ, я назвалъ бы Леонардо да-Винчи.

Его жизнь была какимъ-то волшебнымъ соединеніемъ условій, почти никогда не сочетаемыхъ въ одномъ человѣкѣ.

Великій живописецъ, скульпторъ, поэтъ, математикъ, натуралистъ, музыкантъ, онъ былъ въ то же время полнымъ счастливцемъ въ житейскомъ смыслѣ слова, рослый, сильный, красивый, богатый, большого здоровья, большого долголѣ-

тія, жилъ весело для себя, полезно для другихъ, любилъ много и самъ былъ много любимъ.

«Ессе homo!» Вотъ человѣкъ! можно бы было указать на него.

Художникъ, создавшій ему памятникъ, повидимому, вполне проникся этою идеею, и мраморный Леонардо въ своемъ зеленомъ саду производитъ на васъ тоже впечатлѣніе, какое вы выносите изъ изученія его жизни.

Я, наконецъ, на площади и передо мною миланскій соборъ. Хотя площадь и не особенно большая, но все-таки съ нея можно охватить глазомъ общій видъ великаго монумента. Это, по справедливости, памятникъ итальянскому генію.

Соборъ не разочаровалъ меня, какъ разочаровываютъ обыкновенно всѣ слишкомъ прославленные вещи; я безсознательно остановился на мѣстѣ, какъ только вышелъ изъ тѣснаго переулка, и передо мною вдругъ всталъ, загородивъ городъ и небо, великанъ изъ бѣлаго мрамора. Не думаю, чтобы кто-нибудь имѣлъ духу продолжать путь, увидавъ его съ такою внезапностью.

Это уже не наивная готика средневѣковыхъ германскихъ городовъ, меланхолическая, сосредоточенная, полная терпѣливаго смиренія и трогательной глубины. Это смѣлый полетъ религіозной мысли, проникнутой яркимъ антропоморфизмомъ языческихъ преданій, сверкающей всѣмъ жизненнымъ многообразіемъ, всѣмъ пластическимъ геніемъ античныхъ племенъ.

Тутъ все свѣтъ, радость, торжество, все принимаетъ формы счастливаго и прекраснаго человечества. Если это далеко не Парфенонъ по стилю, то оживотворяющая мысль Парфенона, населеннаго мраморными богами, полнаго множества и свѣта, олицетворяющаго эллину воочію радостную жизнь его Олимпа, — всецѣло проникаетъ и итальянскій храмъ.

Потребность сообщить всему форму живой жизни и прежде всего форму прекраснаго человѣка, — ставшая основнымъ качествомъ итальянскаго католицизма, наслѣдованная отъ идолопоклонника и художника римлянина, сдѣлала то, что въ миланскомъ соборѣ архитектура заслонена скульптурою въ такой мѣрѣ, о которой не имѣетъ понятія чистая нѣмецкая готика и которая гораздо болѣе напоминаетъ восточное искаженіе готики въ мавританскихъ городахъ Испаніи.

Миланскій соборъ — это настоящій музей скульптуры, это гора бѣлаго мрамора, обросшая лѣсомъ бѣломраморныхъ статуй.

Но хотя общая фizioномія его не производитъ той цѣльности и глубины сердечнаго впечатлѣ-

нія, какое произведутъ на васъ темныя, замшившіяся башни стараго Стефана или кельнскаго собора, однако, тѣмъ не менѣе, архитектура миланскаго собора, и помимо своихъ украшеній, поражаетъ своимъ величіемъ и недостижимымъ изяществомъ.

Несмотря на кажущуюся пестроту, все въ немъ просто, благородно и гармонично. Громадные размѣры частей теряютъ свое подавляющее впечатлѣніе отъ необыкновенной пропорциональности своей и художественной тонкости отдѣлки.

Тутъ ничего, кромѣ бѣлаго мрамора. Собственные каменоломни собора ежегодно доставляютъ ему массу этого драгоценнаго матеріала, которымъ онъ продолжаетъ додѣлывать еще неоконченные подробности своей архитектуры. Ежегодно соборъ употребляетъ миліоны для продолженія своего роста. Въ одной работѣ въ немъ лежатъ теперь миліарды франковъ. Мы платимъ сотни и тысячи за одну статую, за вазу, а тутъ около 8,000 отдѣльных статуй, изъ которыхъ большая часть принадлежитъ знаменитымъ профессорамъ Рима, Флоренціи, Венеціи. Тутъ нѣсколько статуй одного Кановы стоятъ баснословной цѣны.

Значительную часть своихъ доходовъ, не считая имуществъ и колоссальныхъ ежегодныхъ пожертвованій, соборъ извлекаетъ изъ постоянной продажи фотографическихъ карточекъ своихъ, описаній, панорамъ, изъ входной платы въ верхнія и нижнія галереи свои. Не понимаю, почему Мишле въ одной изъ своихъ книгъ ожесточенно нападаетъ на готику, за отсутствіе въ ней математической идеи. Я вполне раздѣляю его восхищеніе передъ геометрическимъ совершенствомъ шарообразнаго купола и нисколько не намѣренъ уменьшать великаго генія Брунелески, Браманте и Микель-Анджело, возсоздавшихъ этотъ благородный римскій стиль.

Но что готика, съ своей стороны, полна математики—это тоже вѣтъ всякаго сомнѣнія.

Каждая арка миланскаго собора смѣлая, свѣтлая, фантастическая, какъ небесная радуга, есть воплощенная геометрія. Только мудрымъ математическимъ расчетомъ можно было разрѣшать волшебную задачу—обратить эту тяжкую гору мрамора, покрывающаго цѣлую площадь, въ воздушную, къ небу стремящуюся скинію молитвы.

Взгляните на соборъ снаружи—это сквозное, бѣломраморное кружево, которое, кажется, держится однимъ чудомъ. Войдите внутрь собора—и тамъ ничего грузнаго, массивнаго, что объясняло бы вамъ съ очевидностью, какъ и чѣмъ держится вся эта каменная громада.

Стѣны прорѣзаны отъ пола до крыши почти сплошными окнами необычайной широты и вышины; внутри 6 рядовъ легкихъ высокихъ арокъ, образующихъ обширныя галереи. Конечно, колонны этихъ арокъ, если подойти къ нимъ поближе, не тоньше порядочной комнаты, но геній художника придавъ имъ такую стройность, что въ общей картинѣ онѣ кажутся едва не стволами пальмъ...

Каждая колонна продолжается выше крыши изящною рѣзною башенкою, увѣнчанною сверхъ своихъ стрѣльчатыхъ иглъ статуй того же бѣлаго мрамора. Издали, кажется, вѣтеръ дунетъ и въ прахъ разнесетъ все это бѣлоснѣжное кружево. А между тѣмъ, это несокрушимая твердыня. Въ каждой иглѣ, въ каждомъ завиткѣ маскированы мраморомъ желѣзные стержни, идущіе изъ сердца колонны, какъ костяной остовъ въ мясо.

Безчисленные ряды колоннъ собора, высокихъ до головокруженія, исполнены самой благородной простоты. Одинъ гладкій бѣлый мраморъ, безъ всякихъ украшеній.

Только на высотѣ, не доходя до свода, вѣнчаютъ ихъ такая же простая капитель. Эта капитель—рядъ бѣломраморныхъ святыхъ, тѣсною группою окружающихъ колонну и ниспосылаю-

щихъ оттуда на молящихся свое благословеніе. Трудно выдумать болѣе осмысленный и болѣе художественный орнаментъ для колоннъ храма... За то потолки, своды, хоры,—сплошное кружево мраморной рѣзбы, какое можно видѣть только гдѣ-нибудь въ Алгамбрѣ.

Алтари—тоже бѣлаго мрамора, безъ позолоты и пестроты. Около нихъ цѣлый Олимпъ статуй. У одного алтара полная библейская сцена Давида во рву львиномъ, и мраморные львы во весь ростъ производятъ потрясающее впечатлѣніе.

Среди сплошнаго бѣлаго мрамора стѣны, колонны, пологъ, сводовъ, алтарей, ступеней и рѣшетокъ, только золоченныя кафедры на черныхъ мраморныхъ грифахъ поразительнаго вкуса и рисунка чрезвычайно удачно отгѣняютъ общій колоритъ храма.

Золотисто-розовый полусвѣтъ, будто заря восходящаго солнца, разлитъ подъ его высокими сводами, навѣвая на душу впечатлѣніе сладостной таинственности и какого-то радостнаго замиранія, мало напоминающее тяжелое чувство смиренія и самоотреченія, которое испытываетъ молящійся въ сырой темнотѣ настоящаго готическаго свода. Быть можетъ, тотъ же раздражительно-заманчивый полусвѣтъ былъ разлитъ въ языческихъ капищахъ, въ которыхъ совершались когда-то чувственные таинства Изиды.

Громадные полотна цвѣтныхъ стеколъ, необыкновенной яркости, красныя, синія, золотыя, расписанныя фигурами, составляющія издали затѣйливые узоры, покрываютъ окна собора, и своимъ капризнымъ преломленіемъ лучей наполняютъ его тою фантастическою цвѣтною атмосферою, о которой я только-что говорилъ.

Главный алтарь, однако, очень теменъ. Два огромные массивные балдахина изъ зеленаго бархата накрываютъ его сверху, и изъ глубины его, какъ изъ глубины пещеры, сверкаютъ красноватые огни свѣчей и кадила. Золотое распятіе громадныхъ размѣровъ одиноко свѣтится въ вышинѣ среди темноты, и воображенію, уже смущенному всей обстановкой храма, чудится, что тамъ, въ таинственномъ мракѣ этой Святой Святынь, въ облакахъ кадила дима, въ мерцаніи священныхъ огней, присутствуетъ кто-то грозный и сильный, кому молится во всѣхъ далекихъ уголкахъ этой мраморомъ крытой площади колѣнопреклоненная толпа.

Прежде, чѣмъ подняться наверхъ, для полнаго впечатлѣнія, необходимо побродить по галереямъ, окружающимъ сзади и сбоку главный алтарь, и спуститься въ подземелье подъ алтаремъ, гдѣ хранится серебряная рака Карла Барромейскаго. Множество гробницъ знатныхъ и знаменитыхъ людей вѣданы, по обычаю, въ стѣны собора, и вся задняя галерея наполнена ихъ надгробными надписями и гербами. Въ тѣсной подвижной исповѣдальнѣ, изъ темнаго рѣзного орѣха, бритый монахъ въ очкахъ, съ неразлучными четками въ рукѣ, бросая украдкой на публику пронзительные взгляды, притворяется глубоко погруженнымъ въ исповѣдь какой-то низко преклонившейся передъ нимъ женской фигуры въ черномъ, которую фантазія охотно принимаетъ за молодую, плачущую красавицу.

Заплатите 25 сантимовъ и отдайтесь въ распоряженіе вашего чичероне... Вамъ, конечно, попадется тотъ самый болтливый, занескивающий, безсовѣстно хвастающійся Игнацъ, который, какъ всѣ вообще чичероне, въ состояніи ополить самыя великія произведенія генія.

Эта истрепанная помѣсь ломбардца съ австрійскимъ жидомъ, искренно воображалъ, вода меня по собору, что самъ онъ, Игнацъ, гораздо достойнѣе славы и любопытства туристовъ, чѣмъ Миланскій соборъ.

Онъ не давалъ мнѣ насладиться въ молчаніи ни однимъ детальемъ архитектуры, ни одною перспективою, открывавшеюся съ высоты, суча своимъ отвратительнымъ лакейски-канцелярскимъ языкомъ, то по-нѣмецки, то по-итальянски, то по-французски, чтобы ослѣпить меня своею ученостію, чтобы поразить меня своими близкими отношеніями ко всѣмъ владѣтельнымъ особамъ міра. Отъ русской императрицы онъ получилъ брильянтовую булавку, русскаго наслѣдника престола онъ водилъ 5 разъ на крышу собора; его, Игнаца, отлично знаютъ и въ Африкѣ, и въ Америкѣ. Европу уже онъ подразумевалъ само собою.

Но онъ, однако, напрасно думалъ, что своимъ воспоминаніями объ августѣйшихъ щедротахъ подвинетъ меня къ подвигу великодушія и, получивъ по окончаніи своихъ лекцій обычную скромную плату, конечно, долженъ былъ зло раскисаясь въ безплодномъ метаніи передъ свѣрнымъ невѣждою своего драгоценнаго бисера.

Но, несмотря на Игнаца и его ученія комен-таріи, было чѣмъ насладиться, путешествуя по мраморнымъ вершинамъ собора, среди безмолвнаго мраморнаго населенія.

Не знаю, что больше поражало меня во время этого странствованія: волшебство техники или прелесть впечатлѣнія. Въ Миланскомъ соборѣ не только стѣны и арки изъ мрамора, но даже крыша. Громадныя тесанныя плиты мрамора, въ квадратную сажень и больше, спаяны, какъ одна сплошная стеклянная поверхность. 500 ступеней идутъ все выше и выше по скатамъ этой мраморной горы, поднимаясь до послѣднихъ шпилей самыхъ высокихъ ея башенокъ. Каждый шагъ по этой чудесной горѣ ведетъ васъ къ чѣмунь-нибудь новому. Тамъ, гдѣ у вѣнскаго Стефана, или въ соборѣ Страсбурга, тяжело, бѣдно, голо, прозаично, здѣсь облегчено и оживлено деталями такого благороднаго вкуса, который не даетъ вамъ подозрѣвать ни утомительной длины корпуса, ни рѣзкости поворотовъ, ни однообразія матеріаловъ. Мраморныя пальмы, мраморные драконы, цвѣты и люди, окружаютъ васъ тѣснымъ строемъ во время вашего подъема. Безцѣнный музей статуй и барельефовъ скрывается на этихъ чуть не подблочныхъ высотахъ, словно онъ назначенъ для созерцанія ангеловъ, а не людей. Прозаическіе стоки съ крыши для дождя—это балюстрады художественной рѣзбы, которымъ бы было мѣсто на парадныхъ балконахъ любого царскаго дворца. Вмѣсто всякихъ водосточныхъ трубъ дивно высѣченные мраморные грифы и драконы ползутъ со стѣнъ и развѣиваютъ свои грозныя пасти, изъ которыхъ можетъ бить цѣлый фонтанъ.

Каждая лѣсенка скрыта въ сквозной башенкѣ тонкой мраморной рѣзбы, которую, кажется, можно поставить на письменный столъ, какъ драгоценную бездѣлушку. И всѣ эти отдѣльныя части, всѣ подробности и украшенія до такой степени идутъ одно къ другому, до такой степени вызываются необходимостью общаго, что вамъ дѣлается радостно на душѣ, и вы съ счастливымъ чувствомъ двигаетесь по почвѣ мрамора, въ этомъ лабиринтѣ мраморовъ, какъ въ живомъ многолудствѣ, наслаждаясь и необыкновеннымъ удобствомъ подъемовъ, совершенно скрывающихъ отъ васъ страшную высоту, на которой вы находитесь, и ласковою голубизною итальянскаго неба, охватывающаго тутъ васъ кругомъ, какъ пловца волны моря, и оригинальнымъ зрѣлищемъ огромнаго богатаго города, сдвинувшагося вдругъ такъ тѣсно къ вашимъ ногамъ, и широкою, безпредѣльною далью, въ туманахъ которой смутно сверкаютъ серебрянные ледники альповъ, темныя гребни Апеннинъ и Col di Ténia.

Я забрался на самую послѣднюю точку собора, дальше которой уже некуда лѣсть, въ ту цен-

тральную башню, на которой высится громадная изблизи, золоченная статуя Мадонны.

Соборъ посвященъ «*Mariae nascenti*».

Когда я покинулъ, наконецъ, это царство мраморныхъ боговъ и сошелъ, утомленный нервами гораздо болѣе, чѣмъ мускулами, съ его священныхъ высотъ, какъ Моисей съ вершинъ Синая, на грѣшную землю, я чувствовалъ, что увидѣлъ то, чего не видѣлъ и не могъ видѣть нигдѣ. Всѣ произведенія архитектуры, какія я видѣлъ до сихъ поръ въ столицахъ и большихъ городахъ Европы, казались мнѣ теперь жалкими попытками бездарности, сравнительно съ этою «*cosa la più stupenda, la più meravigliosa*», какъ величаютъ миланцы свое великое созданіе. Насколько бѣлый мраморъ Каррары благороднѣе и прекраснѣе темныхъ гранитныхъ массъ и сѣрыхъ песчанниковъ, изъ которыхъ строила свои соборы нѣмецкая готика, на столько же благороднѣе и прекраснѣе нѣмецкаго итальянскій геній пластики и зодчества.

Онъ создаетъ храмы жизни и радости, не храмы покаянія, не храмы—склепы.

Итальянецъ не стоитъ теперь на очереди исторіи, итальянцы теперь, такъ сказать, «народъ не въ случаѣ у судьбы». Оттого, быть можетъ, мы такъ мало цѣнимъ итальянца, съ такимъ незаслуженнымъ преувеличеніемъ относимся къ народамъ позднѣйшаго развитія. Мы въ этомъ случаѣ крайне односторонни, потому что беремъ вмѣсто цѣлаго человѣка только его сухую логику или его экономическую способность.

Но какъ въ семьѣ родныхъ братьевъ, ребенокъ полный тонкихъ талантовъ, блеска изобрѣтательности, энергической страсти и оригинальности, выдѣляется какимъ-то таинственнымъ ореоломъ изъ толпы своихъ степенныхъ братьевъ съ дюжинными привычками, съ дюжинными способностями и, несмотря на всю ихъ житейскую основательность, на всю безупречность ихъ благоразумія и трудолюбія, невольно заставляетъ смотрѣть на себя, какъ на существо вышей психикі и высшаго призванія, такъ и итальянецъ съ своими чуткими нервами, съ своею страстью, съ своимъ гениемъ творчества, выдѣляется изъ будничной толпы европейскихъ народовъ, быть можетъ, болѣе его благоразумныхъ.

Народъ—поэтъ, народъ—артистъ, онъ, несмотря на свое рабство, свой несчастія, свое житейское неумѣніе, сверкаетъ среди прозаическихъ народовъ сѣвера, какъ свѣжій изломъ бѣлыхъ мраморовъ на его Миланскомъ соборѣ среди тусклыхъ и мрачныхъ массъ дикаго камня.

Вѣдь и Гомеръ ходилъ пѣшкомъ, опираясь на посохъ, слѣпымъ нищимъ, просившимъ подающаго. Но въ немъ жилъ свѣтлый богъ, который озарялъ его сквозь его нищенскія лохмотья лучами олимпійскаго величія, и вотъ Гомеръ живетъ и будетъ жить еще тысячелѣтія, и его нищенская пѣсня нужна до сихъ поръ всѣмъ, извѣстна всѣмъ, радуется всѣхъ, а сытые основательные люди, снисходительно подававшіе ему милостыню давно истлѣли, никому неизвѣстны и никому ненужны, вмѣстѣ съ своимъ житейскимъ благоразуміемъ и своимъ житейскимъ добромъ...

Стихотворенія Владиміра Юрѣва.

Дорожныя картинки.

I.

Подъ полозьями легкихъ саней
Бѣлый снѣгъ, рассыпаясь, хруститъ
И, какъ рой драгоценныхъ камней,
При лунѣ яркимъ свѣтомъ блеститъ.

Безконечная степь предо мной,
Въ бѣлый саванъ одѣта она;
Только слышно копыто порой,
А въ душѣ и вокругъ тишина...

II.

Падаетъ снѣгъ на дорогу,
Вѣтеръ уныло гудитъ,
Какъ-то задумчиво, строго
Небо на землю глядитъ.

Воздухъ тяжелый, холодный...
Давитъ онъ бѣдную грудь!
Грустно мнѣ... Вьюга свободно
Снѣгомъ заноситъ мой путь...

III.

Ночь холодна и туманна,
Глухо шумятъ тополя;
Дождь мороситъ, орошая
Взрытые плугомъ поля.

Пусто на грязной дорогѣ...
Пусто, не видно людей...
Только вороны летаютъ
Стаей крикливой надъ ней.

Хоть бы собака завyla,
Хоть бы блеснулъ огонекъ
Или въ тѣлѣжкѣ на встрѣчу
Ѣхалъ бы мнѣ мужичокъ!

Нѣтъ, все заснуло глубоко!
Ночь все темнѣй и темнѣй,
Буду блуждать до разсвѣта
Безъ путеводныхъ огней...

Священная война.

(I. Счастливая страна. II. Еретическая зараза. III. Предохранительныя мѣры. IV. Спасеніе душъ.)

Историческіе этюды Павла Скромнаго.

(Продолженіе.)

II.

Вся цивилизація Прованса была нечестіемъ въ глазахъ Рима, но кромѣ этого въ Провансѣ напліи пріютъ многообразныя еретическія секты и направленія, преимущественно еретики, носившіе названіе «катаръ», т. е. чистыхъ. Разрушая города Прованса и Лангедока, церковь думала, что ратуетъ противъ нихъ. Эти средневѣковые дуалисты даже и получили названіе Альбигойцевъ, отъ города Альби, въ Лангедокѣ, гдѣ былъ главный притонъ еретиковъ.

Альбигойская ересь представляетъ цѣлую систему философіи религіи; она главнымъ образомъ занимается рѣшеніемъ вопросовъ: какъ произошелъ міръ и откуда зло въ мірѣ? Какова природа человѣка и каково его назначеніе? Альбигойцы дуалисты. Исходною точкою ихъ умозрѣній служитъ фактъ существованія зла въ мірѣ. Можно въ слѣдующихъ краткихъ положеніяхъ высказать содержаніе Альбигойскаго вѣроученія.

Видимый міръ полонъ зла и нестроений всякаго рода, здѣсь зло перевѣшиваетъ добро; и въ природѣ, и въ сферѣ человѣческихъ отношеній чрезвычайно много такого, что ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать благотѣльнымъ. Землетрясенія и наводненія, уничтожающія тысячи живыхъ существъ; пожары, истребляющіе послѣднее имущество бѣдняка; жестокія войны, обогряющія человѣческою кровью громадные пространства земли—кто можетъ признать все это добромъ? Обратите вниманіе на творенія, начиная съ ядовитой змѣи, заражающей смертельно, до малѣйшей мошки, причиняющей безпокойство, и вы убѣдитесь, что и въ ряду твореній далеко не все добро зѣло. Посмотрите на человѣка съ его добрыми порывами и дурными дѣлами, благими стремленіями и преступленіями, и для васъ будетъ ясно, что и въ этомъ микрокосмѣ нѣтъ гармоніи и порядка, а существуетъ разладъ, борьба какихъ-то противоположныхъ элементовъ и началъ. Фактъ существованія въ этомъ мірѣ зла и даже перевѣса его надъ добромъ очевиденъ и отрицать его нѣтъ возможности.

Но откуда все это? почему такъ организованъ міръ? Зачѣмъ въ немъ царитъ зло?—Міръ соз-

дался не самъ, онъ твореніе и, конечно, носитъ на себѣ печать творца. Твореніе указываетъ на творца, какъ дѣйствіе на причину. Этотъ міръ произошелъ отъ существа злого, потому и преисполненъ зла. Чтобы это непоказалось чистымъ умозрѣніемъ, Альбигойцы прибѣгаютъ къ св. Писанію и въ немъ находятъ указаніе на творца видимаго міра. Онъ называется въ св. Писаніи «Княземъ міра сего». Онъ полновластно царствовалъ въ ветхомъ завѣтѣ. Іегова, по мнѣнію катаръ, существо злое. Богъ, произведшій потопъ, погубившій Садомъ и Гоморру, давшій евреямъ законъ возмездія, безпощадно истреблявшій своихъ враговъ—ужели можетъ быть названъ добрымъ существомъ? Іегова ветхаго завѣта, онъ же и творецъ видимаго матеріальнаго міра—злое существо. Онъ сотворилъ матерію—злое начало. Все матеріальное—зло. Кромѣ зла физическаго, онъ виновникъ всякаго зла нравственнаго, на примѣръ, дурныхъ законовъ и постановленій. Оттого то ап. Павелъ и порицаетъ тѣхъ, которые соблюдаютъ законъ его. (Гал. 3. 10). Нечего слѣдовательно удивляться тому, что міръ исполненъ зла; міръ и долженъ быть таковымъ: потому что произошелъ отъ злого существа; составленъ изъ матеріи—злого начала и, наконецъ, назначенъ для того, чтобы служить мѣстомъ наказанія и мученія.

Разгадка найдена. Но какъ примирить все это съ понятіемъ о Богѣ, какъ о существѣ всесовершенномъ и благомъ? какъ же въ св. Писаніи говорится, что между твореніями Бога «вся добра зѣло»? Дѣйствительно, Богъ всесовершенное и благое существо; правда, что всѣ его творенія прекрасны, соглашаются Альбигойцы. Но онъ совсѣмъ другое существо, отличное отъ творца видимаго міра и Іеговы—ветхозавѣтнаго законодателя, въ твореніи матеріальнаго міра онъ не участвовалъ. Совершенный Богъ обитаетъ внѣ міра, въ царствѣ чистой духовности и свѣта. Онъ чистѣйшій духъ, чуждый всякой тѣлесности, преисполненный милости и любви; онъ чуждъ измѣненій, для него нѣтъ прошедшаго и будущаго; въ полнотѣ совершенствъ онъ недоступенъ нашему пониманію. Онъ творецъ невидимаго, духовнаго міра, преисполненнаго добра и красоты. Въ царствѣ его обитаютъ блаженные небожители, «тѣло ихъ состоитъ изъ тончайшихъ нитей духа, изъ котораго также состоитъ ихъ душа и умъ». Созданы они были всѣ въ единое мгновеніе въ началѣ всѣхъ вещей и съ перваго дня своего появленія удостоились лицезрѣть своего творца во всей его славіи. Вотъ истинный и нормальный міръ, въ которомъ, дѣйствительно, все прекрасно.

Такимъ образомъ, есть два бога—добрый и злой и два міра—духовный и матеріальный. Есть-ли какое нибудь соотношеніе между этими творцами и этими мірами? Есть: существо злое «князь міра сего» несостоятеленъ; онъ произошелъ отъ добраго Бога, онъ его твореніе. (Нужно замѣтить, что не всѣ катары учатъ такъ; нѣкоторые признаютъ совершенный дуализмъ). Творецъ видимаго міра одинъ изъ сотворенныхъ Богомъ духовъ (высшій). Онъ возмутился противъ своего творца, соблазнилъ другихъ, былъ низвергнутъ съ неба и, для своего обитанія, а равно и для другихъ падшихъ духовъ, сотворилъ землю. Точно также существуетъ тѣсное соотношеніе между міромъ духовнымъ и міромъ матеріальнымъ. Въ мірѣ матеріальномъ существуютъ частицы духовнаго начала. Такая смѣсь особенно наглядна выражается въ человѣкѣ: душа сотворена добрымъ Богомъ, а тѣло—злымъ. Духъ облекается въ тѣло, т. е. подчинился злу, вслѣдствіе паденія и послѣ паденія. Чтобы владычествовать надъ падшими душами, сатана облекъ ихъ въ гнусную матеріальную оболочку. Въ человѣкѣ отражаются два міра—добрый и злой, духовный и матеріальный, небесный и земной: этимъ и объясняется постоянная борь-

Отъѣздъ монашескаго имущества въ XVI вѣкѣ. Рѣзаль на деревѣ Бреддамуръ.

ба въ человѣкѣ. Пребываніе на землѣ есть мученіе за преступленіе, а земля—преисподняя, адъ (другого нѣтъ). Такимъ образомъ, грѣхопаденіе состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ соединеніи духа съ тѣломъ, съ матеріею. Грѣхъ въ смыслѣ наслѣдственной порчи, передаваемой отъ родителей дѣтямъ, нѣтъ. О грѣхѣ Адама—перваго человека нечего говорить; такъ какъ вслѣдствіе грѣхопаденія и появились люди на землѣ.

Въ системѣ Альбигойцевъ имѣетъ мѣсто и понятіе о спасеніи, въ частности похожее на католическое, но по существу совершенно отличное отъ него. Добрый Богъ не препятствуетъ падшимъ духамъ возвратиться опять въ его небесное царство; онъ даже способствуетъ освобожденію отъ узъ матеріи и спасенію всѣхъ падшихъ духовъ, т. е. всѣхъ людей. Предопредѣленіе о которомъ учили католическіе богословы, по мнѣнію Альбигойцевъ, немислимо и несомѣстно съ правильнымъ понятіемъ о Богѣ. Богъ, если онъ праведенъ и милостивъ, непременно долженъ ко всѣмъ относиться одинаково, онъ не можетъ подвергнуть безконечной гибели за временной грѣхъ, онъ долженъ спасти всякое свое созданіе. Догматы о предопредѣленіи альбигойцы рѣшительно ненавидѣли. По этому поводу одинъ еретикъ сказалъ такіа хульные рѣчи: «И если-бы такой Богъ, который позволилъ себѣ изъ тысячи людей имъ сотворенныхъ, спасать одного и осуждать остальныхъ, попался въ мою власть, то я сокрушилъ бы вѣроломнаго, разорвалъ бы его на части руками и зубами». Послѣ того, какъ падшіе духи тысячу лѣтъ страдали подъ властію «князя міра сего», Богъ рѣшилъ дать имъ средства избавленія отъ узъ матеріи. Для этой цѣли онъ послалъ на землю сына своего Иисуса Христа. Сатана хотѣлъ ему воспрепятствовать и потому въ то же время послалъ своего слугу—Іоанна Крестителя.

Кто же Иисусъ Христосъ по своей натурѣ? въ чемъ состоитъ его дѣло и какъ совершается спасеніе людей? Отвѣты на эти вопросы тѣсно связаны со всѣми основными понятіями Альбигойцевъ и чрезвычайно важны для характеристики ихъ системы. Мысли Альбигойцевъ объ этомъ, какъ и вся ихъ система вообще, напоминаютъ древній гностицизмъ и болѣе новое Павликианство, хотя онѣ менѣе послѣдовательны и скуднѣе поэтическими красками.—По мнѣнію Альбигойцевъ, І. Христ. тварь добраго Бога, лучшей изъ ангеловъ. Онъ посланъ, слѣдовательно посланный выше его; о равенствѣ лицъ Сына и Отца или о единствѣ ихъ существа, такимъ образомъ, не можетъ быть рѣчи. Иисусъ явился на землѣ, но не воплотился. Теорія воплощенія противна понятію о Богѣ и матеріи; хула на Бога. Невозможно, чтобы Божество облеклось въ тѣльное тѣло, приняло эту позорную оболочку, было заключено въ чревѣ жены. Христосъ пришелъ для спасенія людей, для освобожденія ихъ отъ узъ матеріи... А если бы онъ воплотился, то самъ связался бы съ матеріею, т. е. подчинился онъ злу и былъ-бы побѣжденъ имъ. Нѣтъ, Спаситель ничего не заимствовалъ отъ Маріи; на это онъ самъ указалъ, въ Канѣ Галилейской. «Что мнѣ и тебѣ, жено!» сказалъ онъ ей; т. е. что общаго между мною и тобою. Христосъ не родился и не имѣлъ человеческого тѣла: онъ шель съ неба съ своимъ небеснымъ тѣломъ къ Маріи, чрезъ ея ухо (Божественное слово входитъ въ уши человека—здѣсь символика) и чрезъ ухо же вышелъ изъ ней. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что Христосъ родился. Иисусъ не имѣлъ тѣла и слѣдовательно все, что говорится въ евангеліяхъ о его тѣлесныхъ дѣйствіяхъ надобно понимать символически, въ духовномъ смыслѣ. Ъсть, пить и страдать онъ не могъ, а если казался таковымъ, то это было призрачно, только по видимости; ученики осязали Христа: это былъ обманъ ихъ грубыхъ чувствъ. Всѣ чудеса Христа у Альбигойцевъ имѣютъ ал-

легорическое толкованіе. Больныхъ онъ не исцѣлялъ, онъ долженъ былъ радоваться разрушенію тѣла, онъ исцѣлялъ больныхъ духовно; слѣпой страдалъ духовною слѣпотою; гробница, изъ которой онъ вывелъ Лазаря, означаетъ мракъ грѣховный. Эта страсть видѣть во всѣхъ символы доведла Альбигойцевъ до такой смѣлости отрицанія, что имъ могли бы позавидовать самые крайніе послѣдователи Тюбингенской школы. Нѣкоторые Альбигойцы были согласны съ тѣмъ, что истинный Христосъ—фантазія, идеалъ, что онъ явился и открылся только въ своихъ ученикахъ, напр., въ апост. Павлѣ. Главное дѣло Христа не въ страданіи, котораго онъ не могъ терпѣть, и не въ смерти, которая для него безтѣлеснаго невозможна, а въ ученіи: онъ указалъ путь, далъ средства побороть матерію, отрѣшиться отъ чувственности, совершить спасеніе. Кто хочетъ спасти, долженъ слѣдовать ученію его (катаровъ) и вступить въ церковь его (въ общество катаровъ).

И въ частности ученіе Альбигойцевъ также рѣзко отличается отъ ученія церкви, какъ въ основныхъ принципахъ. Такъ, напр., таинство церкви католической они не признаютъ. Таинство евхаристіи для катаровъ немислимо по самой сущности ихъ доктрины. Если матерія—тѣло-грѣховность, если искупитель былъ чистый духъ, то, понятное дѣло нельзя говорить о пресуществленіи и о томъ, что вѣрные причащаются тѣла Христова. Противъ понятій о пресуществленіи Альбигойцы приводили слова Христа: Онъ сказалъ: «духъ животворитъ, плоть не пользуется ни мало»; и еще: «слово, которое я говорю вамъ, есть духъ и жизнь». Ясно стало быть, что тѣло не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого значенія для жизни вѣчной. Если же Христосъ говорилъ: «ядый мою плоть и пій мой кровь имать животь вѣчный», то разумѣлъ подъ тѣломъ и кровью свое ученіе, свое слово. Вкусать тѣло, значитъ проникаться ученіемъ, проповѣданнымъ чрезъ ангела Иисуса. Какъ-бы въ замѣнъ таинства евхаристіи у Альбигойцевъ былъ обрядъ освященія хлѣба. Они освящали въ своихъ молитвенныхъ собраніяхъ хлѣбъ, не въ память смерти Спасителя, а въ знакъ общенія вѣрующихъ и союза всѣхъ истинныхъ христіанъ, т. е. катаровъ. Это было, такимъ образомъ, нѣчто въ родѣ древне христіанскихъ агапѣ или вечерей любви. Альбигойцы ежемѣсячно въ своихъ собраніяхъ исповѣдывали грѣхи свои, но это не было покаяніе католиковъ; у нихъ кто нибудь перечислялъ грѣхи отъ лица всей общины. Альбигойцы отрицали и обряды католической церкви, особенно враждебно они относились къ иконопочитанію. Икона изображаетъ святаго тѣлесно, въ гнусной матеріальной оболочкѣ. Пока человѣкъ въ тѣлѣ, — развѣ онъ можетъ быть святымъ и блаженнымъ? Спаситель не родился отъ Маріи и поэтому нѣтъ нужды поклоняться предъ иконою Богородицы. Чтобы наглядно выразить порицаніе иконопочитанія, Альбигойцы въ своихъ книжкахъ и брошюркахъ рисовали Богородицу чрезвычайно безобразною, представляли ее, напр., кривою. Зрителю давалось этимъ понятіе униженіе Спасителя, который сдѣлался ея сыномъ. Крестъ, какъ орудіе казни и униженіе Христа, по мнѣнію Альбигойцевъ, долженъ быть ненавистенъ, а не почитаемъ и лабаемъ.

Культъ Альбигойцевъ былъ очень простъ и напоминалъ, если не по содержанію, то по простотѣ формъ, богослуженіе первенствующей христіанской церкви. Они для богослуженія собирались въ простыхъ комнатахъ, гдѣ стояли скамьи для вѣрующихъ, а на столѣ, покрытомъ бѣлою скатертью, лежало апокрифическое евангеліе Іоанна, разогнутое на первой главѣ. Еретики совершали богослуженіе подъ руководствомъ духовнаго лица. Сначала читали какую-нибудь гла-

ву изъ евангелія, потомъ объясняли, причемъ указывалось отличіе ученія Альбигойцевъ отъ католическаго богословія. Въ концѣ богослуженія еретики брали другъ друга за руки и, сдѣлавъ три земныхъ поклона, просили благословенія священнослужителя. Священникъ отвѣчалъ на это: «Богъ да благословитъ васъ, да содѣлаетъ изъ васъ истинныхъ христіанъ, да сподобитъ васъ блаженной кончины». Предъ расходомъ читали молитву Господню. Съ особеннымъ торжествомъ совершался обрядъ посвященія — (consolamentum). Посвящаемый испытывался предъ обществомъ троекратными вопросами въ твердости его вѣры и давалъ обѣты. Онъ обѣщался: «Служить Богу и его евангелію, никогда не обманывать, не клясться, не прикасаться къ женщинамъ, не спать раздѣтымъ, не убивать никакого животнаго, не ѣсть ни мяса, ни молока; ни спать, ни ѣсть безъ спутника; если попадется въ руки непріятеля, въ продолженіи трехъ дней воздерживаться отъ пищи и ни въ какомъ случаѣ не отречься отъ вѣры». Послѣ этихъ обѣтовъ посвящаемый благословлялся священнослужителемъ, на главу его возлагалось евангеліе и руки «совершенныхъ»; въ воспоминаніе данныхъ имъ обѣтовъ онъ препоясывался шерстянымъ шнуркомъ и получалъ поцѣлуй любви отъ всѣхъ присутствующихъ, кромѣ женщинъ. Посвященіе есть истинное духовное крещеніе, посредствомъ него душа освобождается отъ узъ матеріи и возсоединяется съ святымъ духомъ (ангеломъ хранителемъ). Душа, получившая посвященіе (consolamentum), по смерти тѣла, возвращается въ небесныя обители. Если же кому не удалось получить consolamentum, то, послѣ смерти тѣла, душа его остается здѣсь на землѣ и поселяется въ другое тѣло, даже въ животное, и совершаетъ такіа переселенія до тѣхъ поръ, пока не получитъ очищенія и посвященія. Катарамъ запрещено было убивать животныхъ, потому что этимъ насильственно прекращался процессъ очищенія. Согрѣшившему послѣ посвященія было возможно очистить себя чрезъ повтореніе акта посвященія. Многіе альбигойцы, чтобы не грѣшить послѣ посвященія морили себя голодомъ. Это считалось признакомъ святости и называлось «добрымъ концомъ».

Обѣты, даваемые при посвященіи, характеризуютъ мораль Альбигойцевъ. Нравственное, практическое ученіе Альбигойцевъ вытекаетъ изъ ихъ общихъ, теоретическихъ принциповъ. Мораль Альбигойцевъ строга и даже аскетически сурова. Если грѣхъ состоитъ въ подчиненіи матеріи, то, понятно, спасеніе можетъ совершаться посредствомъ борьбы съ матеріею и побѣды надъ нею. Всякое соотношеніе съ матеріею вредно: все, что нѣжитъ тѣло, даетъ ему силу и крѣпость, или доставляетъ удовольствіе—грѣхъ; грѣхъ—владѣть богатствомъ, грѣхъ—защищаться отъ нападенія. Пища животная недовольствительна. Брачныя отношенія, какъ самое грубое соприкосновеніе съ матеріею,—тягчайшій грѣхъ; особенно потому, что чрезъ половыя отношенія производится новое тѣло, новая темница для души. Моральныя предписанія Альбигойцевъ, по большей части, отрицательнаго характера и сводятся къ однимъ только запрещеніямъ того и другого; эта доктрина и могла только вырасти на почвѣ дуализма, изъ сознанія, что въ мірѣ все зло и грѣхъ. Исполненіе всѣхъ нравственныхъ правилъ Альбигойцевъ было обязательно только для еретиковъ, получившихъ посвященіе, для, такъ называемыхъ, совершенныхъ высшаго класса. Жизнь посвященныхъ представляетъ собою цѣль подвиговъ самоотреченія. Они удаляются въ уединенныя мѣста, живутъ въ лѣсахъ и пустыняхъ, или облеченные въ черную рясу, съ кожанымъ мѣшкомъ, наполненнымъ экземплярами новаго завіта на провансальскомъ языкѣ,—ходятъ для распространенія своей вѣры; ни связи общественныя, ни

заботы матеріальныя для нихъ недозволительны. Число «совершенныхъ» никогда не было значительно. Они соль земли, наставники общества, духовная аристократія, чистые между чистыми. Они никогда не произносятъ клятвы, безстрашно исповѣдуютъ свою вѣру предъ судилищемъ и, не предпринимая ничего для своей защиты и оправданія, съ радостію терпятъ мученіе и смерть. Еретиковъ низшаго класса, непринявшихъ еще посвященія, было чрезвычайно много: ими населенъ былъ почти весь югъ Франціи. Эти, такъ называемые, вѣрующіе жили въ брачномъ состояніи, несли общественныя должности; имъ дозволялось даже, въ необходимыхъ случаяхъ, поднимать оружіе для защиты себя и своихъ единоплеменниковъ. Они давали обѣтъ впоследствии получить consolamentum и, такимъ образомъ, совершенно вступили въ общество катаровъ, т. е. чистыхъ. Католическія полемисты и памфлетисты приписывали катарамъ разнаго рода преступленія и пороки. Но это совершенно несправедливо. Такого рода обвиненія всегда сыпались противъ людей, несогласныхъ съ общепринятыми убѣжденіями. Въ тѣхъ же самыхъ преступленіяхъ, въ которыхъ нѣкогда язычники обвиняли христіанъ, потомъ сами христіане стали обвинять всѣхъ раскольниковъ и сектантовъ. Мы изложили нравственныя правила Альбигойцевъ и, думаемъ, никто не найдетъ въ нихъ чего нибудь опаснаго и зловреднаго. Инквизиція, не смотря на всѣ тонкости слѣдствія, не нашла въ жизни Альбигойцевъ ничего дурнаго и противозаконнаго. Они могли съ правомъ прилагать къ себѣ названіе катаровъ, т. е. чистыхъ. Даже многіе католическіе писатели соглашались, что нравственностію Альбигойцевъ могъ удовлетвориться самый притязательный ригористъ. Власть свѣтская была довольна ими, какъ скромными, покорными и трудолюбивыми подданными, а въ народѣ они слыли подъ именемъ «добрыхъ людей». Какая лестная репутація. Думаемъ, столь привлекательный нравственный характеръ заставляетъ снисходительно относиться къ ихъ теоретическимъ заблужденіямъ.

Особенною строгостію нравственной жизни отличалось духовенство Альбигойцевъ. У нихъ была своя іерархія: епископы и священники, иначе называемые дяконами. Духовенство Альбигойцевъ имѣло на общество чрезвычайное вліяніе, авторитетъ не officialный, а чисто нравственный, основанный на достоинствахъ нравственной личности. Лица духовныя Альбигойцевъ были лучшія лица въ ихъ обществѣ: они обыкновенно принадлежали къ высшему классу, къ совершеннымъ, давали самыя строгіе обѣты и выполняли ихъ съ особенною точностію. Это были люди бѣдные, жившіе своимъ трудомъ, ничѣмъ не связанные съ міромъ; кромѣ дѣла благотворительности, которая они выполняли съ самоотверженіемъ, и проповѣди, которой они отдавались всецѣло. Епископъ съ дѣтства приготавливался къ своему высокому служенію. Съ самаго рожденія его отрывали отъ материнской груди и даже рѣдко поили коровьимъ молокомъ; для этой цѣли употребляли миндальное молоко; съ дѣтства онъ не вкушалъ мясной пищи; пищею его была рыба и растенія. До совершеннолѣтія будущій епископъ воспитывался вдали отъ міра, въ уединеніи, занимаясь молитвою и благочестивыми размышленіями. Въ зрѣломъ возрастѣ онъ давалъ обѣты и получалъ посвященіе (consolamentum). Нерѣдко еретики посылали своихъ будущихъ епископовъ и вообще духовныхъ лицъ въ католическіе университеты, чтобы они могли тамъ ознакомиться съ враждебнымъ имъ католическимъ богословіемъ. Вообще между Альбигойцами было сильно распространено образованіе и ихъ духовные не уступали тогдашнимъ католическимъ ученымъ. У Альбигойцевъ было, такимъ образомъ, для борьбы

съ церковью немало научныхъ средствъ, но еще болѣе средствъ чисто нравственныхъ. Народъ officialными учителями былъ оставленъ безъ всякаго наученія, но онъ жаждалъ религіознаго знанія; поэтому онъ съ особеннымъ вниманіемъ прислушивался къ проповѣди Альбигойцевъ. Безнравственная жизнь духовенства многихъ отталкивала отъ католической церкви и служила лучшимъ доказательствомъ, что нападки еретиковъ на церковь совершенно справедливы. Но самою лучшею рекомендаціею новаго ученія въ глазахъ народа была жизнь еретиковъ и нравственность ихъ учителей и проповѣдниковъ. Церковь католическая могла указать на св. Бернарда, какъ на мужа божія, который все презрѣлъ для славы божіей и спасенія другихъ; но Альбигойцы могли указать на многихъ самоотверженныхъ подвижниковъ и героев ихъ вѣры. Одинъ изслѣдователь говоритъ по этому поводу: «Популярность и могущество св. Бернарда повторялись въ Лангедокѣ въ нѣсколькихъ лицахъ».

(Продолженіе слѣдуетъ.)

(Продолженіе.)

Глава IX
Новый слѣдъ.

Молодая прачка Дениза, вызванная къ слѣдователю, подтвердила рассказъ Амели и прибавила, что она все это знаетъ отъ работника по имени Аристидъ Леблана.

— А вы вѣрите этому человѣку? спросилъ судья.

— О! г. Аристидъ никогда не лжетъ.

— Вы его близко знаете?

Дениза была хорошенькая работница, лѣтъ двадцати пяти, очень стройная и граціозная. Она покраснѣла слегка, но не смутилась и спокойно отвѣчала:

— О да, я очень близко...

— А... это вашъ...

— Мой любовникъ, да, сударь, отвѣчала смѣло молодая дѣвушка, кончая фразу Вершемона, который не рѣшался произнести такого рѣзкаго слова.

— И вы его часто видите?

— Еще бы. Я слава Богу свободна и онъ постоянно сидитъ у меня, когда не работаетъ и не катается въ лодкѣ. Онъ и теперь пришелъ со мною сюда и дожидается въ коридорѣ.

Слѣдователь позвонилъ и, къ удивленію Денизы, приказалъ позвать г. Аристидъ Леблана, находившагося въ коридорѣ.

— Зачѣмъ вы его зовете? спросила съ безпокойствомъ молодая женщина:— онъ ничего не сдѣлалъ дурнаго.

— Ему нечего и бояться, отвѣчала съ улыбкой слѣдователь.

Дверь отворилась и въ комнату вошелъ нашъ старый пріятель Шади. Онъ былъ весь красный,

какъ ракъ, и съ безпокойствомъ озирался по сторонамъ, недоумѣвая, зачѣмъ его позвали къ слѣдователю, такъ какъ онъ не получалъ повѣстки на явку. Даже улыбка Денизы не могла успокоить его.

— Аристидъ Лебланъ, сказалъ Вершемонъ,— прежде чѣмъ отвѣчать на мои вопросы, протяните руку и поклонитесь, что вы скажете только правду, одну правду, и ничего болѣе, какъ правду.

Шади протянулъ руку, но не могъ произнести ни слова. Его какъ будто обдали холодной водой.

— Что съ тобой? воскликнула Дениза,— тебя не съѣдятъ. Слѣдователь хочетъ только спросить у тебя, дѣйствительно-ли ты видѣлъ, какъ рано утромъ какой-то человѣкъ вышелъ изъ дома въ улицѣ Лакюз, гдѣ жила красавица.

— О! только-то, сказалъ Аристидъ и, протянувъ руку, повторилъ обычную формулу присяги.

— Вы проходили по улицѣ Лакюз утромъ 20-го іюня?

— Да, я шелъ на берегъ мыть свою лодку, которая стоитъ прямо противъ насъ, у Гаврской набережной.

— Но какъ же вы шли по улицѣ Лакюз на томъ берегу, тогда какъ лодка, по вашимъ словамъ, стояла прямо противъ вашего дома на Гаврской набережной?

Шади открылъ ротъ и въ смущеніи смотрѣлъ на Вершемона и Денизу.

— Нечего таиться отъ слѣдователя, сказала молодая женщина, слегка покраснѣвъ:— я ему уже все сказала.

— Вотъ видите, сударь, отвѣчалъ Шади,— я наканунѣ вечеромъ пошелъ предупредить Денизу, что черезъ два дня отправлюсь съ товарищами вверхъ по Марнѣ, и такъ какъ было очень поздно, то остался у нея ночевать. Вотъ почему утромъ я и шелъ по улицѣ Лакюз, гдѣ живетъ Дениза.

— Хорошо, значитъ вы шли по направленію къ набережной, сказалъ слѣдователь съ улыбкой.

— Да. Погода была прекрасная и я думалъ, какую веселую прогулку мы сдѣлаемъ въ воскресенье, какъ вдругъ меня толкнулъ господинъ высокаго роста, очень хорошо одѣтый и съ большимъ портфелемъ подъ мышкой. Онъ бѣжалъ къ набережной и не подумалъ даже извиниться. Я ему крикнулъ дурака и пустился за нимъ. Вы, можетъ быть, не знаете, что я терпѣть не могу, когда меня толкаютъ. Онъ повернулъ на Контрэскарпскій бульваръ, вскочилъ въ собственную карету и усакалъ. Я послалъ ему въ слѣдъ нѣсколько комплиментовъ, которые лучше не повторять, вотъ и все.

— И вы полагаете, что онъ вышелъ изъ дома, гдѣ совершено убійство?

— Да, изъ дома красавицы.

— Изъ дома красавицы? повторилъ вопросительно слѣдователь.

— Да, такъ звали въ околѣдѣ домъ, гдѣ жила эта женщина.

— Вы видѣли, какъ онъ вышелъ изъ двери.

— Нѣтъ, но вы сейчасъ поймете, почему онъ не могъ выйти изъ другого дома. Дениза живетъ два дома далѣе и когда я вышелъ отъ нея, то никого не было на улицѣ. Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и вдругъ за мною очутился этотъ господинъ. Онъ могъ выйти только изъ дома красавицы.

— Это логично. Скажите теперь, каковъ изъ себя этотъ господинъ?

— Онъ, вѣрно, не старъ, очень поворотливъ, статенъ, брюнетъ, довольно большого роста, прекрасно одѣтъ и въ высокой шляпѣ. Лица же его я не видѣлъ.

— А карета была наемная или собственная?

— Не стужу вамъ вѣрно сказать. Я въ ка-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА А. ГРЕЙЛЯ.

На колокольнѣ. Рѣзано на деревѣ въ ксилогр. завед. А. Шлипера, въ С.-Петербургѣ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА МЕЙССОНЬЕ.

ретахъ большого толка не знаю, не то, что въ лодкахъ. Я только замѣтилъ, что она черная съ желтымъ и очень красивая. На мой взглядъ, она собственная.

— Садясь въ карету, онъ сказалъ что-нибудь кучеру?

— Нѣтъ, дверца была открыта, онъ вскопчилъ въ нее и не успѣлъ еще ее закрыть, какъ карета понеслась.

— Куда, къ Бастильской площади?

— Да.

— Вы узнаете этого человѣка?

— Нѣтъ, сзади всѣ походятъ другъ на друга, кромѣ горбачихъ.

— Не припомните-ли вы еще чего-нибудь? Каждая малѣйшая подробность можетъ быть полезна.

— Нѣтъ, я вамъ все сказалъ и вы можете слѣдно вѣрить каждому моему слову. Этотъ день мнѣ довольно памятенъ.

— Отчего, спросилъ судья,

— Да я вытащилъ въ то же утро изъ воды молодую дѣвушку.

— Молодую дѣвушку? спросилъ слѣдователь.

— Шадіи разсказалъ въ двухъ словахъ, какъ онъ спасъ Сесиль.

— А отчего она бросилась въ воду?

— Отъ того, что не хотѣла выйти замужъ за жениха, приготовленнаго ей родителями... но, вѣроятно, холодная ванна отрезвила ее: она теперь замужемъ.

— Вы записали это показаніе? спросилъ съ оживленіемъ слѣдователь у секретаря и потомъ прибавилъ, обращаясь къ Шадіи:—какъ ее зовутъ?

— Прежде ее звали Сесиль Тюссо, а теперь г-жа Гударъ.

Вершемонъ взялъ адреса Тюссо и Гудара, предупредилъ молодыхъ людей, что ихъ опять вскорѣ вызовутъ и отпустилъ.

— Вотъ странное совпаденіе обстоятельствъ! сказалъ онъ, оставшись наединѣ съ секретаремъ.—Прочтите протоколы этого дѣла новому сыщику и скажите ему, чтобъ онъ изслѣдовалъ, нѣтъ-ли связи между этой попыткой самоубійства и нашимъ дѣломъ.

— Вы не будете продолжать сегодня допросы?

— Нѣтъ, на сегодня довольно, отвѣчалъ слѣдователь и, пока секретарь собиралъ бумаги, онъ, облокотясь на столъ, погрузился въ глубокую думу, такъ что не замѣтилъ, когда ушелъ секретарь.

О чемъ онъ думалъ? О преступленіи въ улицѣ Лакюзъ? Врядъ-ли; онъ такъ грустно вздыхалъ и руки его такъ нервно сжимались, что, очевидно, онъ находился подъ вліяніемъ искренняго горя.

— Э! любезный Оскаръ, что съ вами? раздалось вдругъ надъ его ухомъ.

Онъ вскопчилъ, какъ ужаленный, и увидалъ передъ собою своего стараго друга Матье-де-Талли, который вошелъ незамѣтно въ комнату.

— Неужели васъ такъ занимаетъ эта таинственная исторія? прибавилъ старикъ.

— Нѣтъ, слѣдствіе идетъ успѣшно и скоро окончится. Но вы хорошо знаете, что меня постоянно, и днемъ, и ночью, занимаетъ, мучаетъ и сводитъ съ ума.

— Какъ вы все еще влюблены.

— Увы!

— Но вѣдь вы съ нею въ отличныхъ отношеніяхъ. Она мнѣ сама говорила, что вы видите почти каждый день.

— Это правда, и минуты, проводимыя у нея, для меня самыя сладкія, но вмѣстѣ и горькія.

— Отчего же горькія?

— Эта женщина знаетъ, что я ей принадлежу душой и тѣломъ, а отъ нея я вижу только одни улыбки. Она почти говоритъ, что меня лю-

бить, но... прибавляетъ совершенно спокойно, что я не долженъ надѣяться ни на что болѣе.

— Про нее ходятъ легенды болѣе легкаго свойства и...

— Все это клевета. Это странная, упорная женщина. Самая тайна, окружающая ея жизнь, придаетъ ей еще большую прелесть. Каждый день я выхожу отъ нея съ твердымъ убѣжденіемъ, что завтра буду счастливъ, а это завтра никогда не приходитъ.

— Такъ вы влюблены не на шутку.

— Какая тутъ шутка. Я просто безъ ума отъ этой женщины, я боготворю ее. Что бы мнѣ ни говорили объ ней, я ничему не повѣрю. Это самая чистая, цѣломудренная изъ женщинъ. Я ее люблю... однимъ словомъ, я ее люблю и хочу обладать ею. Вы не повѣрите мнѣ, но, право, я наложу на себя руки, если не добьюсь своего.

— Полно, полно. Однако, вы правы, это безуміе. Вы, другъ мой, не мальчишка, и не должны поддаваться глупой страсти. Впрочемъ, вамъ еще рано отчаяваться.

— Но еслибъ вы знали, какъ я страдаю. Мы видимся почти каждый день, но...

— Она васъ приглашаетъ?

— Да, она находитъ мое общество пріятнымъ и называетъ меня своимъ меньшимъ братомъ. Я пріѣзжаю къ ней, мы говоримъ о всякихъ пустякахъ, потомъ сердце мое начинаетъ кипѣть. Обуреваемый страстью и вѣдъ себя отъ пламенной любви, я начинаю говорить ей съ одушевленіемъ о своихъ чувствахъ; она меня слушаетъ. Моя рука въ ея рукѣ, она въ моихъ объятіяхъ, наши губы почти лнутъ другъ къ другу. Я воспламеняюсь все болѣе и болѣе, жгучія слова льются у меня, она улыбается и слушаетъ. Ея улыбка, кажется, приглашаетъ меня идти далѣе. Я забываю все, но она быстро вскакиваетъ и звонитъ горничную. «Прощайте, Оскаръ, до завтра», говоритъ она все съ той же улыбкой и съ самымъ соблазнительнымъ, общающимъ все взглядомъ. Я ухожу, какъ пьяный или безумный, и нѣсколько часовъ стою подъ ея окнами. Я возвращаюсь домой съ страшной головной болью и на другое утро являюсь сюда круглымъ дуракомъ, ни на что неспособнымъ.

Матье-де-Талли внимательно выслушалъ своего молодого друга и, посмотрѣвъ на него пристально, сказалъ съ улыбкой:

— Однако, дѣло не такъ дурно идетъ, какъ я думалъ. Она просто кокетка и вамъ слѣдуетъ ждать удобнаго случая, вотъ и все.

— Но какъ имъ воспользоваться?

— Ну, ужъ вы спрашиваете у меня о такихъ вещахъ, которыя выходятъ изъ компетентности судьи.

— О! Не смѣйтесь. Я очень несчастливъ... очень несчастливъ.

Прошло четыре дня. Оскаръ Вершемонъ снова сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и слушалъ докладъ новаго сыщика Гюре. Онъ былъ очень задумчивъ, разсѣянъ и, очевидно, не обращалъ большого вниманія на разсказъ сыщика. Но вдругъ онъ поднялъ голову. Гюре объяснялъ, что, благодаря указаніямъ Шадіи, онъ попалъ на слѣдъ кареты, черной съ желтымъ.

— Вы ее нашли? спросилъ съ оживленіемъ слѣдователь.

— Да, это наемная карета и была въ тотъ вечеръ нанята дамой; имя этой дамы неизвѣстно, но она прислала за каретой отъ имени несчастной жертвы, которая обыкновенно нанимала ее.

— Странно.

— Со времени убійства кучеръ перешелъ къ другому хозяину и мнѣ пришлось долго искать его, но, наконецъ, я нашелъ его. Онъ очень хорошо помнитъ, что возилъ вечеромъ мужчину и даму къ концу Контрэскарпскаго бульвара.

— Мужчину и даму! Да это подрываетъ все, что мы до сихъ поръ открыли.

— Конечно. Впрочемъ, г. слѣдователь, я нисколько не хочу позорить моего предшественника, но я считаю, что разслѣдованіе велось имъ самымъ легкомысленнымъ образомъ.

— Вы думаете, что Морисъ Феранъ невиновенъ?

— Я этого не говорю; противъ него одинъ важный фактъ. Онъ признаетъ, что купилъ бутылки шампанскаго и отравилъ вино.

— Продолжайте свой разсказъ.

— Кучеру приказали пріѣхать къ подъѣзду концертнаго дома въ Елисейскихъ поляхъ въ 10 часовъ. Въ положенное время вышла дама, которую онъ уже возилъ два раза; ея примѣты вполнѣ подходять къ Леѣ Меданъ. Она опиралась на руку мужчины, который, судя по очень подробному описанію, нисколько не походитъ на задержаннаго вами юношу. Дама приказала кучеру ѣхать въ конецъ Контрэскарпскаго бульвара. На бульварѣ ему приказали остановиться противъ какой-то кофейни, мужчина вышелъ, и принесъ небольшую корзинку въ родѣ тѣхъ, въ которыхъ продаютъ устрицы.

— Вы были въ этой кофейнѣ?

— Да, тамъ смутно помнѣть, что четыре или пять мѣсяцевъ тому назадъ зашелъ господинъ отлично одѣтый, что-то выпилъ и попросилъ одного изъ слугъ поберечь корзинку, за которой и заѣхалъ черезъ нѣсколько часовъ. Но никто не знаетъ тамъ фамиліи этого господина.

— Что же еще показалъ кучеръ?

— Добравъ до конца Контрэскарпскаго бульвара, дама приказала остановиться, вышла первая и пока господинъ вытаскивалъ корзинку, она приказала кучеру пріѣхать на это самое мѣсто къ тремъ часамъ ночи. Кучеръ вернулся къ назначенному времени и не прошло четверти часа, какъ явился господинъ, котораго онъ привезъ вмѣстѣ съ дамой, и, вскопчивъ въ карету, крикнувъ изъ окна: «въ Рульское предмѣстье, скорѣе». Онъ поскакалъ; на углу бульвара господинъ велѣлъ остановиться, вышелъ, далъ кучеру двадцать франковъ на кофе и отпустилъ его, дожидаясь на улицѣ, пока кучеръ не исчезъ изъ вида.

— Все.

— Все. Кучеръ сообщитъ вамъ всѣ подробности, которыя вы найдете нужнымъ у него потребовать. Это вашъ свидѣтель и вы лучше меня съумѣете имъ воспользоваться.

— Вызовите кучера и хозяина кареты на послѣзавтра, сказалъ слѣдователь, обращаясь къ секретарю.—Это очень хорошія свѣденія, г. Гюре, продолжайте изысканія въ этомъ же направленіи.

— Но это еще не все.

— Что же у васъ есть еще?

— Узнавъ, что обыски производились вездѣ, кромѣ мѣста, съ котораго надо было начать, и прямо отправился въ мастерскую, гдѣ Феранъ работалъ и обыскалъ ее, правда, не безъ сопротивленія хозяина.

— Что же вы нашли?

— Письмо, но, признаюсь, я его не понимаю.

Съ этими словами сыщикъ подаль Вершемону старательно свернутое, извѣстное уже намъ, письмо Сесиль къ Морису.

Слѣдователь прочелъ его очень внимательно, сначала такъ же ничего не понимая, но мало-по-малу онъ сталъ соображать всю важность этого письма для объясненія, какъ провелъ ночь Морисъ, и почему онъ пытался отравить себя. Когда же слѣдователь дошелъ до того мѣста, гдѣ Сесиль заклинала юношу показать подъ клятвой, что она не была у него ночью 20 іюня, онъ невольно воскликнулъ:

— А! такъ вотъ наконецъ ключъ къ этой тайнѣ.

Секретарь и сыщикъ вопросительно взглянули на слѣдователя. Но Вершемонтъ былъ слишкомъ счастливъ своимъ открытіемъ, чтобъ подѣлиться имъ съ другими. Онъ хотѣлъ сохранить за собою всю честь обнаруженія великой тайны и рѣшилъ лично руководить слѣдствіемъ. По этому онъ замѣтилъ очень холодно и спокойно:

— Мое восклицаніе относится не къ этому письму, а къ вѣроятному осуществленію нѣкоторыхъ гипотезъ.

И онъ продолжалъ читать письмо. Дойдя до конца онъ глубоко задумался. Онъ ясно теперь видѣлъ, что Морисъ Феранъ ни въ чемъ не виновенъ и что все слѣдствіе пошло по ложному слѣду. Несчастный юноша приносилъ себя въ жертву данной имъ клятвѣ. Но все это не имѣло ни малѣйшаго отношенія къ убійству въ улицѣ Лакюзъ и Вершемонтъ рѣшилъ на другое же утро выпустить на свободу бѣднаго Мориса. Онъ написалъ даже и послалъ тотчасъ записку директору тюрьмы, съ просьбою обращаться съ Морисомъ лучше. Но онъ не передалъ письма Сесили секретарю для приобщенія къ дѣлу, а положилъ его въ свой портфель, вѣроятно, съ цѣлью отдать Морису.

— Г. Гюре, сказалъ онъ, обращаясь къ сыщику, — это письмо не имѣетъ значенія для дѣла, но вы напали на вѣрный слѣдъ. Дѣйствуйте энергично.

— Я долженъ еще сказать вамъ одно слово. Сегодня вечеромъ или завтра я получу свѣденія о человѣкѣ, который часто бывалъ въ домѣ въ улицѣ Лакюзъ, гдѣ совершенно убійство. Я имѣю полное основаніе подозрѣвать въ немъ одного изъ сообщниковъ преступленія. Если вы пошлете ему повѣстку, онъ скроется. Дайте мнѣ приказъ объ его предварительномъ арестѣ.

— Хорошо, я вполне полагаюсь на вашу осторожность, отвѣчалъ слѣдователь и, обращаясь къ секретарю, прибавилъ: — напишите приказъ объ арестѣ. Но какъ его зовутъ?

— Не знаю. Напишите просто объ арестѣ прикосновеннаго къ дѣлу объ убійствѣ въ улицѣ Лакюзъ.

— Хорошо, когда же я получу отъ васъ извѣстія? спросилъ слѣдователь, подписывая приказъ.

— Я надѣюсь, завтра, отвѣчалъ сыщикъ и удалился изъ комнаты.

— О, какъ я доволенъ сегодняшнимъ днемъ, весело сказалъ Вершемонтъ, потирая руки. — Бѣдный юноша, вотъ будетъ-то счастливъ!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Тайна смерти Беллы Пристлей.

(Съ англійскаго.)

I.

Нѣсколько молодыхъ людей, собравшись на лугу передъ домомъ владѣльца имѣнія, горячо разговаривали.

— Что за невѣроятная исторія? спросилъ одинъ, только что подошедшій къ нимъ; — расскажите мнѣ въ чемъ дѣло. Что случилось съ Чарли Гревилемъ?

— Съ нимъ ничего не случилось, отвѣчали ему, — но невѣста его, Белла Пристлей, пропала.

— Какъ пропала, когда я вчера утромъ съ ней разговаривалъ?

— Ну вотъ, со вчерашняго утра ее никто больше не видалъ, и бѣдный Чарли теперь въ состояніи близкомъ къ помѣшательству. Веландъ видѣлъ его и говоритъ, что онъ совсѣмъ сумасшедшій.

— Да, подтвердилъ Веландъ, — сегодня утромъ я провожалъ его на желѣзную дорогу и, дѣйствительно, онъ казался потеряннымъ.

— Куда же онъ поѣхалъ, и зачѣмъ?

— Въ Лондонъ за сыщикомъ. Онъ клянется, что,

хотя бы это стоило ему всего его состоянія, но онъ добьется толку и узнаетъ, что случилось съ его невѣстой.

— Непостижимо! переговаривались между собою молодые люди: — свадьба была назначена черезъ мѣсяцъ и вдругъ такой случай! М-ръ Пристлей чрезвычайно разстроенъ, а бѣдняжка Кора, сестра Беллы, не осушаетъ глазъ со вчерашняго дня. Очень жаль ихъ всѣхъ.

— Я полагаю, намъ не надо навязываться къ нимъ съ утѣшеніями; но просто самимъ отъ себя употребить всѣ старанія, чтобъ дознаться куда дѣвалась Белла.

— Это прекрасная идея; можетъ быть, намъ посчастливится напасть на слѣдъ. Но кто же знаетъ всѣ подробности объ этомъ? Гдѣ въ послѣдній разъ видѣли Беллу Пристлей?

— Я могу сообщить всѣ подробности, сказалъ Веландъ. — Я былъ тамъ въ это самое утро. Я сидѣлъ и разговаривалъ съ Корой на балконѣ и, на нашихъ глазахъ, Белла прошла по лугу отъ рѣки къ оранжереѣ и скрылась за кустами. До самого обѣда ее не хватились; но когда ни она, ни Чарли не явились къ обѣду, то всѣ предположили, что они вмѣстѣ гдѣ-нибудь гуляютъ и опоздали, такъ какъ это часто случалось съ ними. Но черезъ часъ послѣ обѣда Кора вошла нечаянно въ библиотечку и, къ удивленію своему, нашла тамъ Чарли, погруженнаго въ свои метафизическія книги. На ея вопросъ онъ отвѣчалъ, что съ самого завтрака не видалъ Беллы и все время, не вставая, сидѣлъ за чтеніемъ.

— И такъ пристально читалъ, что даже пропустилъ время обѣда, замѣтилъ кто-то. — Право, метафизика сведетъ его съума!

— Зачѣмъ осуждать его: онъ такъ несчастенъ!

Молодые люди разошлись, продолжая разговаривать.

II.

На слѣдующій день Чарли Гревиль возвратился изъ Лондона съ опытнымъ сыщикомъ м-ромъ Саундерсомъ. Послѣ долгаго семейнаго совѣщанія въ библиотекѣ между отцомъ Беллы, м-ромъ Пристлеемъ, Чарли и Саундерсомъ, было рѣшено не дѣлать гвалта, никого не допрашивать, а продолжать розыски втихомолку. Сыщикъ обратилъ вниманіе на тотъ фактъ, что недавно въ окрестности бродили цыгане; но м-ръ Пристлей покачалъ головою и сказалъ, что они только проходили мимо, но не останавливались въ этомъ краю. Саундерсъ все-таки занесъ замѣчаніе о цыганахъ въ свою памятную книжку, и просилъ хозяевъ предоставить ему полную свободу дѣйствовать, ходить по всему дому и по саду, и не сообщать до поры до времени никому о своихъ впечатлѣніяхъ. Разумѣется, его просили не стѣсняться и дѣлать все, что онъ сочтетъ за нужное.

— Угодно вамъ будетъ проѣхаться со мною по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ вы гуляли съ вашей невѣстой въ самое утро ея исчезновенія? спросилъ онъ у Чарли Гревиля.

— Очень охотно, отвѣчалъ тотъ. — Отправимся сейчасъ.

— Нѣтъ, я желалъ бы, чтобъ это было поздно вечеромъ; не надо, чтобъ насъ видѣли вмѣстѣ. Надо какъ можно меньше обращать на себя вниманіе до тѣхъ поръ, пока мы не отыщемъ...

— Развѣ вы надѣетесь отыскать? перебилъ Чарли. — О! если бы вы это сдѣлали, я бы озолотилъ васъ. Но я не вѣрю этому, не вѣрю!..

— Конечно, я не могу обѣщать. И такъ, часа черезъ два, когда смеркнется, я буду ожидать васъ здѣсь. А пока мѣсть я пройду одинъ.

Сыщикъ удался, думая про себя: «Мнѣ не въ первый разъ разгадывать подобныя загадки».

Долго, вплоть до сумерекъ, Саундерсъ ходилъ вокругъ дома, конюшенъ и службъ, кружась на

одномъ мѣстѣ, какъ гончая собака, выискивающая слѣдъ. Онъ уже собирался было идти въ домъ, какъ услышалъ гдѣ-то на задкахъ скрипъ забора и подкрадывающіеся шаги. По инстинкту сыщика, онъ тотчасъ спрятался въ удобномъ мѣстѣ, чтобъ видѣть и слышать, что будетъ происходить.

Происходило любовное свиданіе между какимъ-то высокимъ гайдукомъ и молоденькой горничной. Сначала шли обыкновенныя нѣжности влюбленныхъ, потомъ начались упреки.

— Вчерашней вечеръ ты не приходила, говорилъ гайдукъ, — и теперь хочешь сейчасъ уходить.

— И уйду, если ты будешь капризничать, возразила горничная Сесиль. — Право уйду, и не покажу какой подарокъ я тебѣ принесла.

— Покажи. Полно сердиться, Сесиль.

— Ну, вотъ смотри. Это золотое, хоть и сломано.

— Вещица дорогая. Гдѣ ты взяла ее?

— Ее носила бѣдная миссъ Белла, отвѣчала со вздохомъ Сесиль.

— Пропавшая-то?

— Да, и въ то самое утро эта вещица была на ней.

— Какже она у тебя очутилась?

— Должно быть миссъ Белла потеряла ее. Я нашла ее въ библиотекѣ. Теперь она никому не нужна, потому что кончикъ сломанъ...

Въ эту минуту съ той стороны, гдѣ стояла горничная раздался шумъ и голоса. Въ одно мгновеніе Сесиль шмыгнула вдоль забора и пустилась бѣжать, какъ спугнутая лань. Гайдукъ нагнулся, ища чего-то въ травѣ; но тутъ сыщикъ выступилъ изъ своей засады, и онъ, испугавшись, также припустился бѣжать. Саундерсъ, овладѣвъ позиціей, подошелъ къ самому тому мѣсту, гдѣ разговаривали влюбленные, присѣлъ въ траву и началъ шарить. «Навѣрное, онъ обронилъ эту вещь въ ту минуту, какъ послышался шумъ, разсуждалъ онъ самъ съ собой, — иначе зачѣмъ ему было нагибаться и искать. Желалъ бы я знать, что это за вещь?.. Но, можетъ быть, онъ ее нашелъ и убѣжалъ вмѣстѣ съ нею?.. Все-таки надо поискать... А! вотъ она! нашелъ!»

Съ послѣднимъ словомъ Саундерсъ вскочилъ и, поспѣшно спрятавъ что-то въ карманъ, пошелъ въ домъ. Онъ извинился передъ Чарли Гревилемъ, что отложить прогулку съ нимъ до слѣдующаго вечера, не объяснивъ по какой причинѣ. На другой день горничная Сесиль рассказывала по секрету своей подругѣ, что пріѣзжій господинъ изъ Лондона ухаживаетъ за нею.

— Кто бы подумалъ, говорила она смѣясь, — чтобъ такой солидный и ужъ не молодой джентльменъ былъ такъ падокъ до дѣвушекъ. Онъ ловитъ меня вездѣ, въ коридорѣ, на лѣстницѣ, въ саду, и говоритъ мнѣ разные комплименты. А еще всѣ думали, что онъ пріѣхалъ по дѣлу и будетъ отыскивать миссъ Беллу!

Саундерсъ, дѣйствительно, не оставлялъ въ покоѣ Сесиль, безпрестанно завязывая съ нею разговоръ. Между прочимъ, говорили они и объ исчезновеніи Беллы Пристлей, и о любви Чарли къ ней и объ отношеніяхъ членовъ семейства другъ къ другу. Молоденькая горничная, искренно жалѣвшая о пропавшей, охотно отвѣчала на всѣ эти вопросы.

На слѣдующій вечеръ, Саундерсъ и Чарли поѣхали вдвоемъ верхомъ по окрестностямъ. Во время этой прогулки разговоръ шелъ большею частью о занятіяхъ и вкусахъ Чарли. Они возвратились часа черезъ три, когда наступила ночь.

— Не позволите-ли вы мнѣ остаться въ библиотекѣ, сказалъ Саундерсъ Чарли. — Мнѣ нужно писать письма. Я никому этимъ не помѣшаю?

— Никому; сюда никто почти не входитъ,

кроме меня, отвѣчалъ Чарли.—Сидите хоть цѣлую ночь.

— Благодарю васъ, сэръ.

— Такъ вы дѣйствительно думаете, что вы попали на слѣдъ? продолжалъ Чарли, входя за нимъ въ библіотеку. — Или вы это такъ только говорите?

— Нѣтъ, я увѣренъ, что нашелъ настоящую нить, которая приведетъ меня къ открытію.

— Если такъ, помните, что я вамъ общалъ въ случаѣ успѣха. Покойной ночи.

И Чарли, съ сомнѣніемъ посмотрѣвъ на сыщика, оставилъ его одного въ библіотекѣ.

Но чрезъ минуту Чарли опять возвратился, взявъ съ полки библіотеки два толстые тома и ушелъ.

Саундерсъ внимательно прислушался къ его шагамъ, осторожно приотворилъ дверь и заглянулъ въ коридоръ, потомъ опять захлопнулъ ее, и, подойдя къ полкѣ, откуда Чарли взялъ книги, внимательно пересмотрѣлъ всѣ заглавія. Повидимому, онъ не нашелъ того, что должно было удовлетворить его любопытство, и сѣлъ къ столу, устремивъ глаза на чернильницу, и сѣлъ къ столу, гдѣ недоставало двухъ томовъ. Онъ подвинулъ къ себѣ бумагу, перо и чернилицу, но не писалъ, а что-то соображалъ.

Прошло часа два. Дверь отворилась и вошелъ лакей, неся подъ мышкою двѣ толстыя книги, — тѣ самыя, которыя бралъ Чарли, а въ рукахъ подносъ съ виномъ и закуской.

— Вотъ сэръ, м-ръ Чарли прислалъ вамъ закусить, сказалъ лакей.

— Это не мѣшаетъ, потому что я долго еще просижу, замѣтилъ Саундерсъ, потягиваясь и опуская перо въ чернилицу, — а м-ръ Чарли еще не спитъ? Онъ, кажется, читалъ?

— Да; онъ у насъ по цѣлымъ ночамъ читаетъ.

— Это очень нездорово; доктора ему не отсовѣтовали?

— Отсовѣтовали, да онъ не слушается. Покойной ночи, сэръ.

Слуга ушелъ; а Саундерсъ тотчасъ всталъ, чтобъ посмотрѣть заглавія принесенныхъ имъ книгъ. Онъ слегка засвисталъ, прочтя заглавные листы и внесъ что-то въ свою памятную книжку. Потомъ снова поставилъ книги на полку. До самого утра онъ оставался въ библіотекѣ.

III.

На слѣдующее утро Чарли Гревиль, придя къ завтраку, нашелъ на столѣ записку отъ Саундерса, въ которой тотъ увѣдомлялъ его, что принужденъ отлучиться сегодня на весь день, но прійдетъ обратно къ вечеру и проситъ м-ра Чарли прійти въ библіотеку въ одиннадцать часовъ вечера.

Въ то же время миссъ Кора Пристлей также получила записку отъ Саундерса, что ее очень удивило, и она любѣжала съ нею къ отцу.

— Папа, прочтите, что это значитъ? сказала она, — м-ръ Саундерсъ проситъ у меня особаго свиданія въ десять часовъ вечера.

— Онъ и мнѣ пишетъ объ этомъ, отвѣчалъ м-ръ Пристлей, показывая ей полученную имъ записку; — странно, что онъ проситъ хранить все это тайнѣ отъ бѣднаго Чарли и не говорить ему, что мы получили эти записки. Признаюсь, не люблю я сыщиковъ! Они всегда таинственно подкапываются подъ что-то... Но дѣлать нечего: если мы пригласили его, то должны ему повиноваться.

— Мнѣ страшно, папа!.. Вы думаете, что этотъ человѣкъ найдетъ Беллу?..

— Не знаю, дитя мое; у меня точно камень на сердцѣ.

Ровно въ десять часовъ вечера возвратился сыщикъ Саундерсъ и привезъ съ собою еще какого-то господина. Онъ позвонилъ у отдѣльнаго входа къ м-ру Пристлею, который отперъ самъ и молча ввелъ гостей въ свой кабинетъ.

— Я исполняю ваше предписаніе, м-ръ Саун-

дерсъ, сказалъ онъ; — теперь объясните, что именно вамъ нужно.

— М-ръ Пристлей, отвѣчалъ сыщикъ, — прежде васъ, что вамъ готовится ударъ. Но такъ какъ для васъ важнѣе всего выдти изъ неизвѣстности на счетъ участи вашей дочери, то...

— Это неоспоримо, прервалъ м-ръ Пристлей. — Продолжайте.

— Этотъ господинъ — докторъ, продолжалъ сыщикъ, указывая на своего спутника; — онъ можетъ намъ понадобится.

— Докторъ? повторилъ, блѣднѣя, м-ръ Пристлей. — Для кого же и для чего можетъ онъ понадобиться?

— Вы это узнаете. Теперь не угодно-ли вамъ попросить сюда вашу младшую дочь. Вы говорили ей о томъ, чего я отъ нея желаю?

— Да; вы писали мнѣ, что она должна одѣться въ платье сестры такъ, чтобъ какъ можно больше походить на нее.

— Именно, подтвердилъ Саундерсъ: — отъ этого сходства зависить исходъ дѣла.

IV.

Когда блѣдная, какъ мраморъ, Кора вошла въ комнату, спустя нѣсколько минутъ, всѣ, знавшіе ее сестру, могли бы принять ее за Беллу. На ней было бѣлое платье съ маленькимъ розовымъ бантомъ на груди; шея полуоткрыта и густые черные волосы зачесаны по образцу классическихъ статуй.

Саундерсъ молча осмотрѣлъ ее и сказалъ:

— Васъ ждетъ тяжелое испытаніе, миссъ. Готовы-ли вы выдержать его, чтобъ узнать тайну судьбы вашей сестры?

— Я готова исполнить мой долгъ, отвѣчала Кора, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— И такъ, позвольте еще попросить васъ объ одномъ. Приколите эту вещь къ себѣ въ волосы.

И онъ подаль ей длинную золотую шпильку, въ формѣ стилета, которая была куплена м-ромъ Пристлеемъ въ Неаполѣ. При видѣ этого украшенія, бѣдная дѣвушка залилась слезами.

— Эта шпилька была въ волосахъ у Беллы въ то самое утро! вскричала она.

— По этому-то вы и должны ее надѣть, сказалъ Саундерсъ.

V.

Чарли Гревиль, сидя въ своей комнатѣ, дожидаясь съ лихорадочнымъ нетѣреніемъ одиннадцати часовъ вечера — срока, назначеннаго ему Саундерсомъ для свиданія. Когда пробило одиннадцать, онъ всталъ и пошелъ въ библіотеку. Дверь была плотно затворена; Чарли на минуту остановился и прислушался, есть-ли тамъ кто; потомъ медленно повернулъ ручку двери и вошелъ, съ опущенными глазами.

Когда онъ поднялъ ихъ, трепетъ пробѣжалъ по его тѣлу. Глаза широко раскрылись, ноздри раздулись, губы задрожали; судорожнымъ движеніемъ руки, онъ откинулъ волосы со лба. Прямо передъ нимъ, освѣщенная лампой, сидѣла его невѣста, положивъ подбородокъ на руку и читая книгу.

Послѣ нѣсколькихъ секундъ оцѣпененія, несчастный молодой человѣкъ однимъ скачкомъ очутился возлѣ Кору и выхватилъ изъ ея волосъ золотую шпильку. Какъ бы въ недоумѣніи онъ повертѣлъ ее въ рукахъ и провелъ рукою по лбу, стараясь собрать блуждающія воспоминанія. Затѣмъ быстрыми шагами онъ пошелъ къ противоположной стѣнѣ, отворилъ потайную дверь, исчезъ на минуту въ темномъ пространствѣ и скоро вернулся оттуда съ дикимъ хохотомъ неся на рукахъ трупъ Беллы, убитой имъ самимъ.

Сыщикъ не ошибся. Чарли Гревиль былъ сумасшедшій. Наслѣдственное помѣшательство, пропустивъ его отца, явилось тѣмъ съ большею силою въ слѣдующемъ поколѣніи.

Саундерсъ и докторъ тотчасъ вбѣжали въ комнату и осторожно взяли изъ рукъ несчастнаго

тѣло Беллы, между тѣмъ, какъ м-ръ Пристлей поднималъ упавшую безъ чувствъ Кору.

Сыщикъ Саундерсъ объяснялъ потомъ слѣдующимъ образомъ, какъ онъ дошелъ до своей догадки:

— Меня съ перваго раза поразило выраженіе глазъ этого несчастнаго молодого человѣка; во время моей практики мнѣ не разъ случалось нападать на случаи помѣшательства. Родъ запятій Чарли Гревиль и разговоръ, который я имѣлъ съ нимъ, подтвердили меня въ этомъ подозрѣніи. Совершенно случайно въ мои руки попала золотая шпилька, принадлежавшая пропавшей дѣвушкѣ; и я, рассматривая ее, нашелъ на ея сломанномъ кончикѣ слѣды крови. Изъ разговора съ горничной, я узналъ, что она нашла эту шпильку на полу въ библіотекѣ, уже послѣ того, какъ пропала миссъ Белла. Развернувъ книги, которыя читалъ Чарли Гревиль, я нашелъ нѣкоторыя страницы слегка запачканными кровью, какъ будто ихъ перелистывали окровавленными пальцами. Книжки эти были: «Трактатъ о помѣшательствахъ». Чтобъ еще болѣе увѣриться въ моихъ подозрѣніяхъ, я сталъ разузнавать, не было-ли помѣшанныхъ въ роду Гревиль и получилъ утвердительный отвѣтъ. Преступленіе, по моему мнѣнію, совершено было такимъ образомъ: когда всѣ видѣли Беллу проходящую по лугу къ оранжереѣ, она, вѣроятно, пошла изъ оранжерей въ домъ и прямо въ библіотеку къ своему жениху; а тотъ, находясь въ припадкѣ умопомѣшательства, закололъ ее, вонзивъ ей въ самое сердце золотую шпильку, которая по своей длинѣ и остротѣ могла вполне замѣнить стилетъ. Кончикъ этой шпильки былъ найденъ потомъ въ сердцѣ покойницы. Смерть, вѣроятно, была мгновенная; изліяніе крови было внутреннее и наружу вышло только нѣсколько капель.

Намъ остается прибавить, что несчастный убійца совсѣмъ лишился разсудка послѣ этого случая и былъ помѣщенъ въ лечебницу.

Новая электрическая лампа.

ще весьма недавно практическое примѣненіе электрическаго свѣта встрѣчало почти непреодолимые препятствія и только два года тому назадъ инженеръ Яблочковъ оспаривалъ самую большую трудность, найдя возможность обходиться безъ сложныхъ регуляторовъ и дѣлать освѣтительную вольтовую дугу на нѣсколько болѣе слабыхъ источниковъ свѣта. Съ тѣхъ поръ электрическое освѣщеніе быстро пошло путемъ замѣчательныхъ усовершенствованій. Сначала пришли къ заключенію, что красивое и яркое пламя можно получить не только при помощи вольтовой дуги, но также раскаляя до бѣла уголь или металлическую проволоку, причемъ получается та громадная выгода, что при употребленіи угля напряженіе тока требуется несравненно слабѣе, чѣмъ для получения вольтовой дуги. Дѣленіе свѣта не составляетъ особой трудности, такъ какъ токъ можетъ одновременно, на нѣсколькихъ пунктахъ своего пути вызвать высокую температуру и зажечь столько же лампъ помощью особыхъ проводниковъ, лишь бы только въ каждомъ развѣтвленіи токъ встрѣтилъ одинаковое сопротивленіе.

Въ американскомъ ученомъ журналѣ «Scientific American» описана новая электрическая лампа Сьюера и Мэна, изображенная на прилагаемыхъ рисункахъ. На фигурѣ 1 мы видимъ эту лампу въ дѣйствиіи, причемъ, по словамъ американскаго журнала, на далекое разстояніе разливается нѣжный, бѣлый свѣтъ, не страдающій ни чрезвычайною яркостью вольтовой дуги, ни непріятнымъ и вреднымъ для зрѣнія миганіемъ пламени. Фигура 2 изображаетъ детали этой лампы. Наверху вертикально укрѣплена палочка

угля, которая раскаляется до бѣла электрическимъ токомъ, идущимъ снизу, какъ это показываетъ стрѣлка. Три плоскіе кружка размѣщены подъ горящимъ углемъ для защиты нижней части лампы отъ излишняго дѣйствія лучистой теплоты; этому помогаютъ мѣдныя проводники, расположенные винтообразно и представляющіе значительную лученепускающую поверхность. Весь механизмъ подставки весьма рельефно изображенъ на рисункѣ. Стрѣлки показываютъ, что токъ сначала идетъ снизу вверхъ, зажигаетъ уголь и возвращается внизъ по другому проводнику. Часть аппарата, проводящая токъ, тщательно изолирована въ подставкѣ. Стекланная трубка, заключающая въ себѣ пламя, герметически закрыта и наполнена чистымъ азотомъ, а потому уголь, защищенный отъ притока кислорода, совершенно не окисляется. Изобрѣтатели счумъли также избѣгнуть еще одного неудобства: въ лампахъ этого рода уголь, внезапно раскаленный токомъ, обыкновенно растрескивается, въ этой

детъ по направленію В. Когда А передвинется на пуговки 2,2, токъ раздѣлится: $\frac{1}{4}$ его пройдетъ черезъ лампу, остальные же $\frac{3}{4}$ пойдутъ черезъ В и уголь раскалится до темно-краснаго. Передвинувъ пластинку до пуговокъ 3,3, мы направимъ на уголь $\frac{1}{2}$ тока, который раскалитъ его до бѣло-краснаго цвѣта; на 4,4 получится $\frac{5}{8}$ тока и уголь доводится до бѣлаго каленія, а на 5,5 этотъ бѣлый цвѣтъ принимаетъ блескъ солнечнаго свѣта и лампа получаетъ тогда $\frac{3}{4}$ всего тока. И такъ, когда уголь разъ раскалится, то блескъ пламени возрастаетъ весьма быстро, при сравнительно маломъ усиленіи тока. Вычислено, что когда температура повышается въ арифметической прогрессіи, то яркость свѣта возрастаетъ въ прогрессіи геометрической. И такъ, если извѣстная температура даетъ электрический свѣтъ, равный блеску трехъ свѣчей, то, удвоивъ эту температуру, получимъ свѣтъ девяти свѣчей, а удвоивъ еще эту температуру, получимъ свѣтъ равный блеску 81 свѣчи. Этимъ

дѣй аппаратъ представляетъ сопротивление, потребное для проведенія $\frac{1}{100}$ части всего тока; остальная же часть раздѣляется по другимъ вѣтвямъ. Когда является необходимость прибавленія одной или двухъ лампъ въ данной системѣ, а слѣдовательно образованія новыхъ развѣтвленій тока, то должно соответственно усилить напряженіе общаго источника электричества. Изобрѣтатели и тутъ придумали особый родъ регулятора, который мгновенно усиливаетъ или ослабляетъ силу динамико-электрической машины, приводимой въ движеніе паромъ или же другою какою-либо двигательною силою. Во всякомъ случаѣ, нужно сознаться, что механизмъ новой лампы все-таки весьма сложенъ, а что касается неоспоримаго преимущества этихъ лампъ передъ всякими другими искусственными источниками свѣта и необыкновенной дешевизны этого рода освѣщенія, то объ этомъ трудно судить по описаніямъ, не имѣя подъ рукою данныхъ, доставленныхъ практикою. Энтузиасты-новаторы давнымъ-дав-

Фиг. 1. (Къ статьѣ «Электрическая лампа».)

же лампъ сила тока регулируется безпрестанно и поддерживается на извѣстной нормѣ. Последнюю роль выполняетъ особый аппаратъ, чрезвычайно остроумнаго устройства, изображенный на фиг. 3 и играющій самую важную роль во всемъ механизмѣ раздѣленія и регулированія свѣта.

Проведеніе тока по нѣсколькимъ отдѣльнымъ вѣтвямъ основывается главнымъ образомъ на томъ, чтобы каждая вѣтвь обладала одинаковой силой сопротивленія, поддерживаемой постоянно на одной и той же степени; тогда только каждая изъ лампъ данной системы можетъ быть зажжена или потушена отдѣльно, совершенно не влияя на другія лампы.

Положимъ, что горящая лампа представляетъ извѣстное сопротивление; когда эта лампа погаснетъ, то ее должно замѣстить новое сопротивление той же величины. Обратимся къ фигурѣ 4. Знакъ $+$ означаетъ токъ входящій, знакъ $-$ токъ выходящій. Если подвижная пластинка А коснется обѣихъ пуговокъ 1,1, то весь токъ уй-

объясняется, почему извѣстный постоянный токъ, раздѣленный на двѣ лампы, даетъ два пламени сравнительно менѣе яркіе, чѣмъ одно пламя первоначальное. Извѣстный токъ, сосредоточенный въ одной лампѣ, возбуждаетъ положимъ, пламя въ 100 свѣчей; но, будучи раздѣленъ на двѣ лампы, теряетъ по крайней мѣрѣ 80 сотыхъ, и каждая изъ двухъ лампъ дастъ свѣтъ едва въ 10 свѣчей.

Изобрѣтатели этой лампы намѣрены помѣстить проводники для электрическаго тока въ обыкновенныя газовыя трубы и, такимъ образомъ, примѣнить новое освѣщеніе въ большомъ размѣрѣ на улицахъ Нью-Йорка. Каждая лампа должна имѣть свой особый приборъ для регулированія свѣта; помощью ключа можно, по желанію, передвигать подвижную пластинку, сообразно тому, желаемъ-ли мы усилить или ослабить свѣтъ, или же, наконецъ, совершенно погасить лампу. Аппаратъ этотъ можно укрѣпить на стѣнѣ. Если вообще источникъ электричества назначается для поддержанія горѣнія въ 100 лампахъ, то каж-

но порѣшили: *percat* свѣтильный газъ и *fiat* электричество! Не отрицая возможности подобной замѣны, въ будущемъ, мы не находимъ одинаково въ данную минуту достаточно данныхъ для того, чтобы особенно увлекаться новѣйшими усовершенствованіями электрическаго освѣщенія.

Изобрѣтенія и открытія.

Ст. А. Невольскаго.

II.

Современная электроманія. — Новые опыты съ усовершенствованною лампою Сьюера и Мэна. — Секретъ приготовленія углей для электрическихъ лампъ. — Газъ или электричество? — Усовершенствованіе газоваго освѣщенія. — Новые чувствительные вѣсы. — Преміированный конкурсъ на изобрѣтенія. — Отопленіе городовъ паромъ. — Прорытіе Панамскаго перешейка. — Какъ оно повліяетъ на климатъ Европы. — Необыкновенное дерево. — Сколько добыто золота съ древнѣйшихъ временъ?

Можно подумать, что новѣйшіе изобрѣтатели руководствуются законами моды. Въ прошломъ

году былъ сезонъ фономаніи (телефонъ, микрофонъ, мегафонъ, фонографъ, фонометръ); въ нынѣшнемъ году мода измѣнилась: теперь сезонъ электроманіи.

Дѣйствительно, прогрессъ изобрѣтеній и усовершенствованій за послѣднее время выпалъ преимущественно на долю электрическаго освѣщенія. Иностранные научные журналы переполнены извѣстіями о новизобрѣтенныхъ электрическихъ лампахъ и различныхъ усовершенствованіяхъ въ приборахъ, служащихъ для электрическаго освѣщенія. Мы знакомимъ нашихъ читателей въ этомъ же номерѣ съ электрической лампой Сьюера и Мэна и уже поэтому обязаны не умолчать о новыхъ усовершенствованіяхъ въ устройствѣ электрическихъ лампъ. 20 февраля, въ нью-йоркскомъ обществѣ динамико-электрическаго освѣщенія демонстрировалась вновь усовершенствованная лампа Сьюера и Мэна. Изобрѣтатели теперь нѣсколько иначе укрѣпляютъ верхній уголь, самую лампу сдѣлали выше, да кромѣ того, нашли возможнымъ пользоваться динамико-электрической машиной, въ половину слабѣе той, которая употреблялась при первыхъ опытахъ. Результаты опытовъ довольно благоприятны: свѣтъ получился нѣжный, чистый, постоянный и очень удобно-регулируемый; число лампъ въ одной цѣпи значительно увеличено и, при дѣйствіи болѣе слабой машины, свѣтъ ихъ былъ тѣмъ не менѣе гораздо ярче. Сравнительные опыты съ пламенемъ газа и вольтовой дуги были опять-таки въ пользу этой лампы. Угли сгорали очень мало и, что весьма важно, такую лампу, въ случаѣ порчи ея, починить такъ же легко, какъ обыкновенную газовую горѣлку. Что касается дешевизны, то, къ сожалѣнію, опыты не перешли узкихъ границъ пробы и потому вопросъ о практичности этой лампы для болѣе обширныхъ цѣлей можно считать открытымъ.

Благодаря этимъ опытамъ сдѣлался извѣстенъ секретъ изобрѣтателей относительно приготовленія углей для изобрѣтенной ими лампы. Угли эти сѣро-стального цвѣта и имѣютъ твердую, какъ сталь, поверхность, хотя внутри они довольно мягки. Въ начальныхъ своихъ опытахъ, Сьюеръ бралъ тонкіе стержни кокса газовыхъ ретортъ и раскалялъ ихъ въ атмосферѣ свѣтлага газа. Угли, старая постепенно, одновременно покрывались снаружи особою оболочкою или налетомъ, не похожимъ по блеску и твердости ни на одинъ изъ извѣстныхъ видовъ угля. Экспериментаторъ заключилъ, что болѣе быстрый осадокъ такого налета на углѣ можетъ получиться въ болѣе густомъ, чѣмъ свѣтильный газъ, углеводородѣ и въ результатѣ долгихъ опытовъ констатировалъ тотъ фактъ, что желаемые имъ результаты получаются при нагреваніи электрическимъ токомъ угля въ растительномъ маслѣ до чрезвычайно высокой температуры. Самые лучшіе результаты далъ уголь изъ вербы, на которомъ весьма быстро осаждалась твердая оболочка — продуктъ разложенія масла раскаленнымъ угольнымъ стержнемъ.

Такимъ образомъ, дѣло электрическаго освѣщенія быстрыми шагами подвигается по пути усовершенствованій. Въ виду общаго интереса, въ Парижѣ затѣвается даже специальный журналъ «La lumière électrique», подъ редакціей Парвиля и, кромѣ зданія оперы, электрическіе фонари начали уставлять на площади Бастиліи, гдѣ 15 фонарей, въ видѣ пробы, будутъ горѣть впродолженіе одного года. Въ Миланѣ, съ 25 февраля, 24 электрическіе фонаря освѣщаютъ кафедральную площадь, а если вѣрить газетѣ «Демократъ», то вскорѣ цѣлый городъ Сан-Франциско озарится блескомъ электрическаго пламени. Можно пожелать самыхъ лучшихъ успѣховъ богатому американскому городу, тѣмъ болѣе, что цѣной его долларовъ міръ приобрететъ капитальное разрѣшеніе интереснаго вопроса: газъ или электричество?

Въ настоящее же время трудно справиться съ отвѣтомъ на такой ребромъ поставленный вопросъ, ибо успѣхи изобрѣтателей могутъ увѣнчаться внезапнымъ успѣхомъ и въ томъ, и въ другомъ способѣ освѣщенія. Но, подведя итогъ имѣющимся даннымъ, приходится нѣсколько ослабить современный, такъ сказать, электрическій оптимизмъ, тѣмъ болѣе, что Америка, гдѣ успѣхи электрическаго освѣщенія, повидимому, идутъ гигантскими шагами, породила много утокъ, въ особенности научныхъ. Но и отрѣшившись отъ такого скептицизма, все-таки нельзя разстаться съ мыслию, что до сихъ поръ болѣе ярко свѣтитъ энтузіазмъ новаторовъ, чѣмъ всевозможныя электрическія лампы. Сегодня читаешь объ одной лампѣ, которая своимъ свѣтомъ посрамила солнце, завтра встрѣчаешь описаніе другой, «превосходней всѣхъ прежнія попытки этого рода», а знаменитый Эдисонъ не перестаетъ угрожать изъ своей лабораторіи, что онъ откроетъ нѣчто такое, что произведетъ переворотъ въ существующихъ способахъ освѣщенія.

Неудивительно поэтому, что быстрый ходъ усовершенствованій и изобрѣтеній въ области электрическаго освѣщенія, сдѣланныхъ Ренье, Яблочковымъ, Эдисономъ, Вердерманомъ, Сьюеромъ и Мэномъ и усиленныхъ стоустою молвою, отрицательнымъ образомъ отразился на существующихъ предпріятіяхъ газоваго освѣщенія. Ежеминутно ожидали, что желтоватое, нерѣдко коптящее, химически вредное и всегда довольно дорогое газовое пламя уступитъ мѣсто бѣлому, соперничающему въ блескѣ съ солнцемъ и вдобавокъ чрезвычайно дешевому электрическому свѣту. Газовыя товарищества дрожали въ весьма понятной паникѣ, такъ какъ акціи ихъ въ Америкѣ и, въ особенности, въ Англіи начали падать съ поразительною стремительностью. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ и акціонеры опять стали вѣрить въ безопасность своихъ капиталовъ. Акціи газовыхъ компаній постепенно поднимаются и, если не произойдетъ что-нибудь неожиданное, то можно надѣяться, что онѣ достигнутъ опять той же цѣнности, съ которой онѣ пали такъ стремительно въ августѣ прошлаго года.

Разбирая хладнокровно и безпристрастно имѣющіеся на лицо факты, трудно по истинѣ понять, какими уважительными мотивами обусловилась эта паника. Законы электрическаго тока и возможность его примѣненія для практическихъ цѣлей давнымъ давно извѣстны; вновь же пока ничего не открыто такого, что бы могло капитальнымъ образомъ измѣнить установившія на этотъ счетъ воззрѣнія. Недавніе сравнительные опыты обнаружили и сильныя, и слабыя стороны теперешнихъ газовыхъ предпріятій. Ихъ сила въ ихъ повсемѣстномъ господствѣ; слабость — въ доставленіи свѣта, весьма мизернаго въ сравненіи съ электрическимъ свѣтомъ. Но почему бы не совершенствоваться и газовому производству? Все дѣло въ издержкахъ, но вѣдь подобный мотивъ не можетъ же считаться достаточно уважительнымъ въ дѣлѣ, въ которомъ одинаково заинтересованы наука, промышленность и общественная жизнь. Вотъ почему общества вправѣ домогаться лучшаго освѣщенія, разъ таковое признается возможнымъ. Лондонская газовая компанія «Фениксъ» приняла къ свѣденію эти соображенія и уже доказала на улицѣ Ватерлоо, чѣмъ можетъ быть газъ, если не пожалѣть издержекъ. Два газовые фонари на улицѣ Ватерлоо даютъ свѣтъ равный 500 свѣчей и сильнѣйшій свѣта всевозможныхъ электрическихъ лампъ, опыты надъ которыми были дѣлаемы на различныхъ пунктахъ Лондона. Единственный, но капитальный недостатокъ — это окраска газоваго пламени, зависящая отъ болѣе низкой температуры, по сравненію съ тою, которая развивается электрическимъ пламенемъ, дающимъ лучи различной преломляе-

мости. Этотъ недостатокъ отчасти устраненъ Ливзи, который газовое пламя усиливаетъ парами нафталина, побочнаго продукта при добываніи газа, при чемъ напряженіе газоваго пламени усиливается въ пять и, если вѣрить, даже въ двадцать разъ.

И такъ, вопросъ объ электрическомъ освѣщеніи проходитъ въ настоящее время періодъ испытаній. Газовыя общества получили отъ электричества благотѣльный импульсъ и торопливо взялись за свои реторты, чтобы доказать, что они могутъ доставить свѣтъ, по силѣ не уступающій электрическому. Что бы тамъ ни говорили, но трудно вѣрится въ дешевизну электрическаго освѣщенія, если, конечно, вывести заключеніе не на основаніи опытныхъ испытаній, и трудно вѣрится именно потому, что далеко не весь запасъ электричества, порождаемый одною машиною, потребляется пламенемъ лампы, но значительная часть тока теряется въ проводникѣ, а при введеніи въ цѣпь нѣсколькихъ лампъ, или же при дѣленіи тока на отдѣльныя лампы, сила свѣта каждой лампы уменьшается въ первомъ случаѣ пропорціонально квадрату, въ послѣднемъ же — пропорціонально кубу всего числа лампъ. При потребленіи извѣстнаго количества тока въ пламени электрической лампы, другое такое же, если не большее, количество тока непроизводительно затрачивается по пути только для поддержания пламени. Электрическая лампа должна удовлетворять тремъ важнѣйшимъ условіямъ: во 1) свѣтъ ея долженъ значительно превышать силою другіе источники свѣта; 2) продолжительность горѣнія должна соответствовать необходимости, не ограничиваясь продолжительностью ночи и, наконецъ, 3) свѣтъ долженъ не утомлять и не портить зрѣнія. До сихъ поръ ни одна электрическая лампа не удовлетворяетъ этимъ условіямъ.

Въ ряду другихъ новѣйшихъ изобрѣтеній заслуживаютъ вниманія новыя чувствительные вѣсы, остроумно придуманные Сежеромъ. До сихъ поръ взвѣшиваніе, какъ извѣстно, производилось помощью химическихъ вѣсовъ, но такіе вѣсы весьма дороги, такъ какъ трудно устроить такое коромысло, оба плеча котораго во всѣхъ отношеніяхъ были бы одинаковы. Идея вѣсовъ Сежера основана на законѣ гидростатики, по которому жидкость въ сообщающихся сосудахъ занимаетъ одинаковый уровень. Приборъ состоитъ изъ двухъ сообщающихся трубокъ разнаго діаметра, наполненныхъ ртутью. Если на поверхность ртути въ одной трубкѣ положимъ извѣстный грузъ, то ртуть въ другой трубкѣ поднимется на извѣстную высоту, которая обозначается чертою на скалѣ. Переменная тяжесть, можно получить на скалѣ цѣлый рядъ черточекъ, изъ которыхъ каждая соответствуетъ извѣстному вѣсу. Чашка съ взвѣшиваемымъ предметомъ спускается на поверхность ртути въ широкой трубкѣ, а въ узкой ртуть по скалѣ показываетъ вѣсъ. Обѣ трубки могутъ быть открыты, но можно узкую трубку съ дѣленіями дѣлать закрытою сверху. Въ послѣднемъ случаѣ получается обыкновенный барометръ и, при взвѣшиваніи, нужно принимать въ расчетъ давленіе воздуха и температуру и затѣмъ сдѣлать соответственную поправку. Вотъ и все несложное устройство этого прибора, могущаго имѣть весьма важныя и обширныя практическія примѣненія.

Соблазнившись успѣхомъ современныхъ изобрѣтателей, не захотите-ли, читатель, воспользоваться случаемъ явиться въ текущемъ году соискателемъ заманчивыхъ премій, опубликованныхъ во всеобщее свѣденіе въ журналѣ «Verhandlungen des Vereins zur Beförderung des Gewerbefleisses», 1879, Heft I, Januar, Redacteur Dr. Hermann Wedding, Berlin.

1) Серебряная медаль и 900 марокъ за изо-

брътненіе такой эмали, которая бы имѣла чистый красный цвѣтъ, была бы совершенно непрозрачна и пригодна для золота, серебра, мѣди и бронзы. Эмаль должна быть представлена въ кускахъ и наложенною на бронзу; куски эмали при пробѣ плавленія не должны терять своего первоначальнаго цвѣта, а также при полированіи не должны покрываться бурой пленкою. Въ случаѣ присужденія награды, изобрѣтатель обязанъ открыть химическій составъ эмали.

2) Золотая медаль и 3,000 марокъ за изобрѣтеніе тѣла, которое бы обладало всѣми важнѣйшими качествами каучука и могло бы замѣнить послѣдній при постройкѣ машинъ и въ химическихъ лабораторіяхъ, гдѣ каучукъ, какъ извѣстно, имѣетъ широкое примѣненіе.

3) Золотая медаль и 3,000 марокъ тому, кто изобрѣтетъ тѣло, имѣющее всѣ важнѣйшія качества гуттаперчи и пригодное для замѣны послѣдней при изолированіи телеграфной проволоки въ подземныхъ линіяхъ и подводныхъ кабеляхъ. Изобрѣтеніе это настолько важно и желательно, что одинъ изъ нѣмецкихъ промышленниковъ письменно обязался отъ себя лично выдать изобрѣтателю другіе 3,000 марокъ, если только изобрѣтеніе окажется совершенно удачнымъ и практичнымъ. Натуральная гуттаперча, какъ извѣстно, все болѣе и болѣе дорожаетъ и нѣтъ надежды на ея удешевленіе въ будущемъ, такъ какъ гуттаперчевые лѣса на экваторѣ истребляются съ крайней неосмотрительностью, а искусственное разведеніе гуттаперчевыхъ плантацій почему-то не встрѣчаетъ должнаго поощренія. А такъ какъ каучукъ и гуттаперча принадлежатъ къ группѣ такъ-называемыхъ углеводородовъ, продуктовъ, правда, растительнаго происхожденія, но близкихъ къ углеводородамъ минеральнымъ, какова, напр., нефть,—то поэтому изобрѣтеніе искусственныхъ каучука и гуттаперчи отнюдь не слѣдуетъ считать невѣроятнымъ.

Кромѣ того, министерство публичныхъ работъ и промышленности въ Германіи назначило премію въ 10,000 марокъ изобрѣтателю массы, которая бы вполне могла замѣнить гипсъ. Масса можетъ и не быть бѣлаго цвѣта, но должна быть легкою, прочною и тверже гипса и отливаясь такъ же хорошо, какъ и гипсъ. Цѣна массы не должна значительно превышать цѣну гипса, а отлитыя изъ нея произведенія искусствъ не должны страдать отъ мытья ихъ щелокомъ или мыломъ.

Заявленія объ этихъ изобрѣтеніяхъ сообщаются до 31 декабря 1879 г. по слѣдующему адресу: An das Verein der Beförderung des Gewerbfleisses. Berlin. Klosterstrasse, № 36.

Американскіе газеты и журналы много толкуютъ о проектѣ отопленія цѣлыхъ городовъ, проводя паръ изъ одного или нѣсколькихъ центральныхъ пунктовъ, въ родѣ того, какъ теперь проводится вода и газъ. Первые опыты были произведены въ городѣ Детроа, въ штатѣ Мичиганъ, и, по словамъ мѣстныхъ газетъ, дали результаты, превзошедшіе всѣ ожиданія. Упругость пара въ котлахъ, достигавшая 50 фунтовъ или $3\frac{1}{3}$ атмосферы на квадратный дюймъ, не уменьшилась нисколько, хотя длина трубъ доходила до 465 саженей. Такіе же опыты, съ подобнымъ же успѣхомъ, производились зимою этого года въ Нью-Йоркѣ. 50 домовъ, въ числѣ коихъ было зданіе громадной школы, одновременно отоплялось помощью одной трубы, исходящей изъ парового котла и достигающей длины $4\frac{1}{2}$ верстъ. Температура получалась вездѣ равномерная и пріятная. Такимъ образомъ, каждый домъ, каждая квартира будутъ снабжены особыми кранами, открывая которые по желанію можно пользоваться водою, свѣтомъ и теплотой.

Но вводя у себя рациональное отопленіе, наши заатлантическіе друзья собираются выморозить насъ, жителей старой Европы.

15 будущаго мая, въ Парижѣ съѣдется международная коммисія для обсужденія различныхъ плановъ и проектовъ, касающихся прорытія Панамскаго перешейка, а слѣдовательно соединенія Атлантическаго океана съ Великимъ. Это грандіозное предпріятіе, безъ сомнѣнія, сослужитъ большую службу торговлѣ и международнымъ сношеніямъ, такъ какъ для сообщеній Европы и Африки съ Азіей и Австраліей откроется новый краткій морской путь, взаимѣ теперешняго, огибающаго Южную Америку. Но для насъ, жителей Европы, важнѣе въ данномъ случаѣ оборотная сторона медали. Какъ извѣстно, къ Панамскому перешейку примыкаетъ глубоко вдаивающійся въ материкъ Америки Мексиканскій заливъ, въ которомъ, какъ въ громадномъ котлѣ, лучами тропическаго солнца нагревается масса воды, которая, затѣмъ, подъ именемъ Гольфштрема, въ видѣ гигантской рѣки теплой воды, съ начальной температурой въ 32° Ц., не смѣшиваясь съ болѣе холодною водою океана, направляется къ западнымъ и сѣверо-западнымъ берегамъ Европы. У Нью-Фаундленда это теченіе имѣетъ температуру въ $21 - 22^{\circ}$ и по срединѣ Атлантическаго океана даже лѣтомъ на $4 - 5^{\circ}$ Ц. превосходитъ температуру воды океана. Вся эта теплота воды Гольфштрема передается воздуху и переносится сѣверо-западными вѣтрами къ берегамъ Европы. Насколько ощутительно вліяніе Гольфштрема въ особенности для западныхъ концевъ Европы, можно видѣть изъ сравненія температуръ мѣстъ, лежащихъ на различныхъ географическихъ широтахъ. Во всей Англіи средняя температура зимы не падаетъ до точки замерзанія воды и даже на Шотландскихъ островахъ, подъ $60^{\circ} 42'$ геогр. широты (почти на одной широтѣ съ Петербургомъ), средняя зимняя температура держится около -4° Ц. Исландія, лежащая у полярнаго круга, въ январѣ имѣетъ ту же температуру, какъ и центральная Венгрія (47° сѣв. шир.), а температура Ирландіи ($51 - 52^{\circ}$ сѣв. шир.) въ это же время соответствуетъ температурѣ Ломбардіи (45°). Январская температура Украины (-5° Ц.), чрезъ Польшу, Литву, Эстляндію, Стокгольмъ, вдоль западныхъ береговъ Норвегіи далеко переходитъ за полярный кругъ. На полуостровѣ Корнвалісѣ (50°), на побережьяхъ Девоншира, подъ открытымъ небомъ растутъ мирты, камеліи и апельсиновые деревья, въ то время, когда даже въ Римѣ (42°) послѣднія нуждаются въ прикрытіи зимою.

Ограничиваясь только сказаннымъ нами о громадной услугѣ, оказываемой теплымъ Гольфштремомъ западнымъ и сѣверо-западнымъ странамъ Европы, мы и послѣ этого поймемъ справедливыя опасенія, давно высказанныя Мунке, что съ прорытіемъ Панамскаго перешейка откроется путь, по которому все теплое теченіе или часть его изъ Мексиканскаго залива проскользнетъ по другой сторону Америки въ Тихій океанъ, и понесетъ свое тепло къ восточнымъ берегамъ Азіи и Австраліи, которыя вовсе не нуждаются въ теплотѣ. Конечно, трудно предположить, чтобы вся масса теплой воды прорвалась чрезъ узкій каналъ, назначенный лишь для прохода кораблей, и хотя въ этомъ сомнѣніи мы должны почерпнуть утѣшеніе, что американцы не успѣютъ заморозить насъ окончательно, но тѣмъ не менѣе прорытіе Панамы не должно быть для насъ дѣломъ постороннимъ, ибо здѣсь идетъ ни больше, ни меньше, какъ объ измѣненіи средней годичной температуры Европы. Во всякомъ случаѣ, опасенія эти основательныя и серьезныя, чѣмъ, напр., опасенія, высказанныя при обсужденіи проекта наводненія алжирскихъ поттовъ. Гг. Мартенъ и Дезоръ ставятъ препятствіемъ осуществленію этого предпріянія то обстоятельство, что, наводнивъ потты, можно лишиться финиковъ. Генераль Фавѣ возразилъ на это, что тщательная ни-

велировка можетъ оградить финиковыя плантаціи отъ потопленія, а, наконецъ, если бы даже и пришлось лишиться финиковъ, то это малое зло должно ступаться передъ тѣмъ большимъ добромъ, которое принесетъ для страны это внутреннее море. Къ сожалѣнію, съ прорытіемъ Панамы, намъ, европейцамъ, придется, кажется, перефразировать на изнанку *bon mot* генерала Фавѣ.

Въ «Pharmaceutical Journal» недавно описывалось странное дерево *Carica papeya*, сокъ котораго обладаетъ способностью размягчать мясо. Теперь же лондонская газета «Colonies and India» цитируетъ корреспонденцію, помѣщенную въ «Royal Gazette», издающейся въ Джорджтаунѣ, столицѣ англійской Гвіаны, въ которой передаются новыя невѣроятныя подробности объ этомъ удивительномъ растеніи. «Лошадь, привязанная къ такому дереву, быстро теряетъ силы, а каждое нажатіе на тѣло животного оставляетъ послѣ себя неупругую впадину. Сокъ дерева способенъ размягчать сталь (!) и пока въ колоніи не былъ извѣстенъ процессъ отпусканія стали, кузнецы будто бы достигали этого, вбивая хрупкія желѣзные вещи дня на два въ это дерево. Твердое волокнистое мясо, завернутое на нѣсколько минутъ въ листья папайи, или просто повѣшенное на деревѣ, обращается въ мякоть. Сѣмена служатъ великолѣпнымъ средствомъ отъ глистовъ, но принятыя въ большомъ количествѣ своимъ сокомъ могутъ разрушить слизистую оболочку желудка. За исключеніемъ нѣкоторыхъ невѣроятныхъ подробностей, описываемое дерево, въ научномъ отношеніи, можетъ не подвергнуться подозрѣнію въ родствѣ съ американскими «утками» и очень возможно, что дальнѣйшія наблюденія прибавятъ нѣсколько новыхъ фактовъ къ интересному предмету, разработанному Дарвиномъ въ его «Насѣкомоядныхъ растеній» и прольютъ новый свѣтъ на сущность растительныхъ процессовъ и на аналогію послѣднихъ съ процессами животныхъ организмовъ.

Интересныя вычисленія даетъ газета «San-Francisco Era» относительно размѣра всей добычи золота съ древнѣйшихъ временъ. Все количество добытаго золота до начала христіанской эры исчисляется въ 4 миліарда долларовъ (около 6 миліардовъ рублей). Отъ этого времени до открытія Америки добыто другое такое же количество золота, и до 1852 г. еще на 9 миліардовъ долларовъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить продукцію золота въ Россіи, которая къ концу 1872 г. достигала миліарда долларовъ. Калифорнскіе и австрійскіе рудники увеличили это количество къ концу прошлаго года еще 5 миліардами, такъ что вообще къ 1 января 1879 года получено золота приблизительно на 23 миліарда долларовъ. Годичная потеря золота достигаетъ $\frac{1}{10}\%$ въ монетѣ и отъ 2 до 8 миліоновъ долларовъ чрезъ пожары, крушеніе кораблей и въ издѣліяхъ. Въ настоящее время въ міровомъ обращеніи имѣется благородныхъ металловъ на 13 миліард. дол. (7 золота и 6 серебра). Изъ нихъ 8 миліард. дол. находится въ монетахъ и слиткахъ, 3 миліарда въ покрывкахъ карманныхъ часовъ, остальное же количество въ посудѣ, украшеніяхъ и предметахъ роскоши. Изъ этихъ 13 миліардовъ, 7 приходится на Америку, 3 на Азію и Австралію, 2 на Европу и 1 на Африку. Какъ велико количество всего добытаго съ древнѣйшихъ временъ золота можно отчасти сообразить, прибѣгнувъ къ нѣкоторымъ болѣе нагляднымъ вычисленіямъ. Если бы все это количество перечеканить въ червонцы и послѣдніе уложить другъ подлѣ друга, то эта золотая ленточка въ длину равнялась бы 27,000 геогр. миль—что болѣе половины разстоянія земли отъ луны,—а слѣдовательно могла бы пять разъ охватить собою земной шаръ по экватору. Если бы нужно было счесть все это количество

золотой монеты, то, просчитывая по 50,000 штукъ въ сутки, не исключая воскресеній и праздни-ковъ, все-таки потребовалось бы 550 лѣтъ. Перевозка этого количества золота потребовала бы 69 поѣздовъ, каждый изъ 50 вагоновъ, поднимающихъ по 600 пуд.; а если бы сплавить всю эту массу металла, то получился бы слитокъ объемомъ въ 1,728 куб. метровъ или въ 61,024 куб. футовъ.

Много, однакожъ, золота на свѣтѣ и неужели же золотую монету вездѣ держатъ только въ нумизматическихъ витринахъ музеевъ и на выставкахъ мѣняльных лавокъ?

Помпейскія ночи.

Отрывокъ изъ очерковъ древней римской жизни, Симонса. Переводъ Е. А. Сысоевой.

(Окончаніе.)

4) Ночь въ Помпѣяхъ.

Вечеромъ того же дня, два закадычные друга, Фаустулъ и Попидій Руфъ, освѣжились ванной въ городскихъ термахъ, перемѣнили платье, подстригли себѣ волосы, надѣли свѣжіе вѣнки изъ розъ на голову и, взявшись подъ руку, отправились гулять по оживленнымъ улицамъ Помпей. Не легко далась имъ эта прогулка, несмотря на то, что скороходы не скупились на пинки и толчки, различая для нихъ дорогу въ толпѣ. Улицы, площади, рынокъ и форумъ были ярко освѣщены глиняными, висячими на цѣпяхъ, лампами; базилика утопала въ морѣ огня; изъ каждаго дома неслись звуки музыки и радостные крики, входныя двери ихъ были отворены настѣжъ, какъ бы приглашая гражданъ войти для отдыха. Сторожевыя собаки сидѣли крѣпко привязанныя на цѣпяхъ, чтобы не пугать посѣтителей, такъ какъ въ этотъ день всѣмъ разрѣшался свободный доступъ даже во внутренніе покои знатныхъ домовъ. Все это дѣлалось въ честь императора Тита. Фаустулъ и Руфъ, волей-неволей, вынуждены были держаться какъ можно ближе къ стѣнамъ зданій, потому что середина улицъ представляла сплошную массу движущихся людей.

Чтобы вырваться изъ тѣсноты, Фаустулъ и его другъ завернули въ Феристерію, обширную залу безъ мебели, гдѣ богатая молодежь Помпей устроила себѣ родъ клуба для игры въ мячъ и стрѣльбы въ цѣль изъ лука. Тысячи лампъ освѣщали аркады и колонны, окружавшіе залу; вдоль стѣнъ ея, на узенькихъ прилавкахъ, выложенныхъ мраморомъ, засѣдали пожилые люди, собравшіеся сюда для того, чтобы полюбоваться на состязаніе въ играхъ, столь любимыхъ всѣми. Вошедшихъ двухъ друзей привѣтствовали радостными восклицаніями; они, улыбаясь, раскланились съ публикой и повернули подъ аркады, гдѣ и продолжали свою прогулку. А между тѣмъ, въ залѣ, какъ птицы, летали, наполненные воздухомъ мячи, свистали набитые перьями раганісае, то и дѣло скрещивались кожаные шары, подбрасываемые ударомъ кулака или локтемъ играющаго. Каждый мячъ описывалъ непрерывныя дуги, такъ какъ игра въ томъ именно и заключалась, чтобы

не дать ему упасть на землю, иначе пришлось бы платить большой штрафъ.

Оба друга, небрежно прислонясь къ колоннѣ, нѣсколько минутъ слѣдили за ходомъ игры. Но вотъ Попидій Руфъ быстрымъ движеніемъ сбросилъ съ себя тогу и, прекрасный, какъ юный Антиной, сталъ въ средѣ играющихъ; подбѣжавшій прислужникъ рабъ подаль ему нѣсколько кожаныхъ перчатокъ на выборъ; онъ поспѣшно натянулъ одну изъ нихъ на руку и занялъ извѣстное уже ему мѣсто.

На лицахъ присутствующихъ невольно выразилось удовольствіе, когда этотъ прелестный юноша, такъ щедро надѣленный природою всевозможными дарами, выступилъ на арену, блистая

рукой. Какъ упруги его мускулы, какъ красиво выгибаются его грудь и бедра, какъ изящно поворачивается прекрасная, благородная голова на полной шеѣ! Мягкій мячъ какъ будто льется къ его тѣлу, какъ будто нарочно спѣшитъ попасть въ искусныя руки играющаго. Но вотъ Попидій закинулъ лѣвую руку за спину, выставилъ правую ногу впередъ, граціозно закинулъ голову, и въ этой пластической позѣ, едва замѣтнымъ движеніемъ правой руки, сталъ продолжать свою неподражаемую игру; мячъ то взлеталъ къ потолку, то быстро опускался, кружился на одномъ мѣстѣ и, какъ комета около своего солнца, вращался около головы, груди и плечъ играющаго съ такой страшной, неимоверной скоростью, что издали казалось, будто онъ раздвоился.

Окончивъ это блестящее вступленіе къ настоящей игрѣ, Руфъ сошелъ съ арены среди оглушительныхъ рукоплесканій, какъ побѣдитель-гладіаторъ, и гордо окинулъ глазами съ ногъ до головы своего, не менѣе искуснаго, соперника, выступившаго изъ толпы молодежи съ предложеніемъ сыграть съ нимъ одну партію въ мячъ на пари.

Модестъ Сирикусъ, молодой патрицій древняго помпейскаго рода, сбросилъ съ себя верхнюю одежду и покрѣпче подтянулъ пряжку пояса, чтобы придать своему стану больше гибкости. Оба противника взяли каждый по отбойнику въ родѣ ракетки волана изъ козьей шкуры, предварительно осматрѣвъ ихъ со вниманіемъ, такъ какъ въ подобныхъ играхъ важное значеніе имѣютъ удобство и прочность этихъ орудій. Состязаніе началось. Маленькій, жесткій кожаный мячикъ, ловко подбрасываемый отбойниками съ туго натянутой кожей, замелькалъ взадъ и впередъ, такъ что глазъ съ трудомъ могъ слѣдить за его полетомъ. Желая обмануть другъ друга, противники, какъ во время фехтованья, ежеминутно мѣняли направленіе удара, вслѣдствіе чего, мячикъ леталъ то вправо, то влѣво, то вверхъ, то внизъ, и постоянно ударялся объ отбойникъ, всегда кстати поставленный: опытные борцы зорко слѣдили за малѣйшимъ уклоненіемъ черненькаго шарика.

Попидій игралъ съ обычнымъ своимъ искусствомъ и хладнокровіемъ; но и Модестъ не терялъ изъ вида ни одного маневра своего ловкаго соперника и самъ на-

посилъ такіе неожиданные удары мячу, что Попидій долженъ былъ постоянно быть на сторожѣ; мячикъ прыгалъ по всей залѣ слышалось его шелканье о кожу отбойниковъ. Присутствующие не рѣшались держать пари за того или другого игрока—оба они стояли на одной ступени проворства и ловкости, ис втайнѣ большинство было на сторонѣ красавца Попидія.

Побѣда склонялась то въ пользу одного, то въ пользу другого; игроки начинали утомляться, какъ вдругъ Модестъ Сирикусъ, обманутый хорошо разсчитаннымъ, быстрымъ движеніемъ руки соперника, далъ маху и мячъ, подпрыгивая, покатился по песку.

Долго сдерживаемое, напряженное состояніе

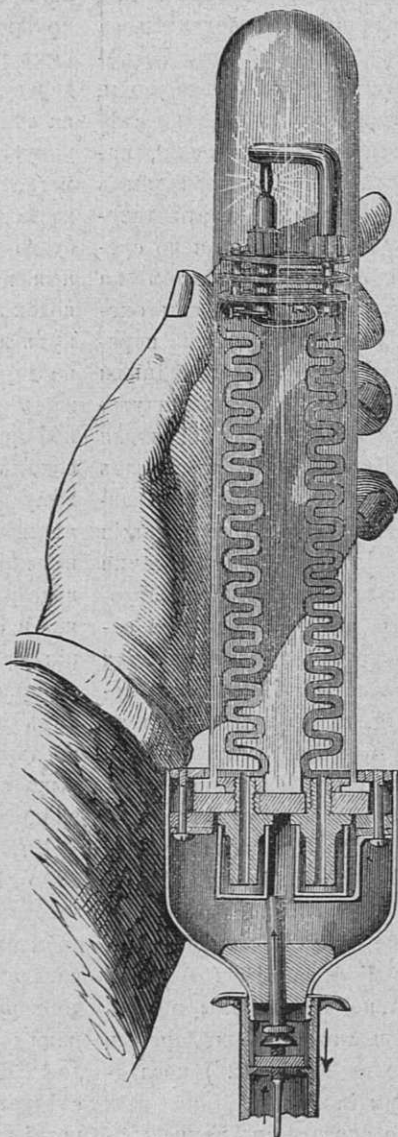

Рис. 2.

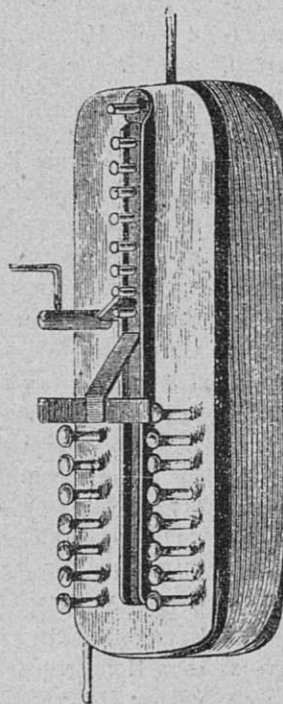

Рис. 3.

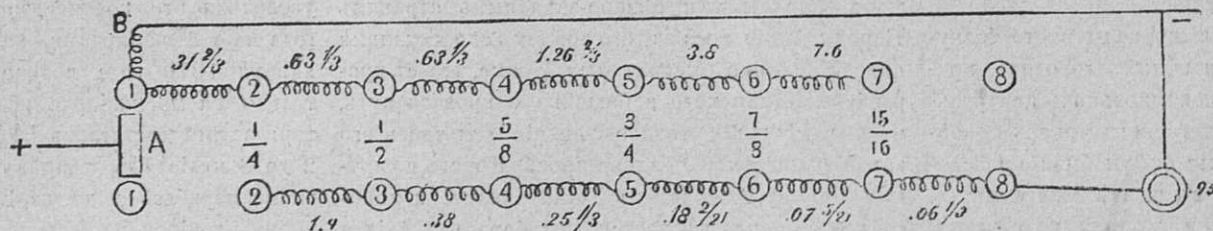

Рис. 4.

(Къ статьѣ «Новая электрическая лампа».)

красотой, гибкостью, ловкостью и силой. Многіе изъ молодыхъ людей незамѣтно удалились изъ круга, чувствуя, что состязаться съ Руфомъ имъ невозможно, такъ какъ онъ всегда и всюду выходилъ побѣдителемъ, особенно на аренѣ тѣлесныхъ упражненій.

Мало по малу и прочіе послѣдовали ихъ примѣру; кончилось тѣмъ, что Руфъ остался совершенно безъ соперниковъ. Исполинскій мячъ, какъ перо, перелеталъ у него изъ руки въ руку; онъ ловко бросалъ его то вверхъ, то внизъ, то въ сторону и, не давая упасть, подхватывалъ или кончиками пальцевъ, или цѣлой горстью, или согнутымъ локтемъ правой руки быстро перека-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
СКУЛЬПТУРА ФОКАРДИ.

Газетчики.

Съ фотографіи Гупиля. Рисоваль И. Т. Михайловъ. Рѣзано въ «Варшавской полиграфіи».

публики разрѣшилось громкими рукоплесканиями и, съ этой минуты, Попидій получилъ право занести въ свои таблицы еще новую побѣду.

Изъ феристеріи онъ перешелъ въ то отдѣленіе, гдѣ стрѣляли въ цѣль изъ лука; здѣсь его опытный глазъ немедленно остановился на изящномъ лукѣ изъ змѣдвенника, вырѣзанномъ и согнутомъ въ Кретѣ. Попробовавъ его крѣпость и упругость, Попидій прищуривъ одинъ глазъ, прицѣлился, и перистыя стрѣлы со свистомъ полетѣли одна за другой, поочередно вонзаясь въ центральную точку черной мишени и очень рѣдко уклоняясь отъ нея. Въ самое короткое время нѣсколько рядовъ стрѣлъ покрыли, точно щетиной, весь кругъ мишени. Послѣ этого не нашлось ни одного стрѣлка, который рѣшился бы вступить въ состязаніе съ такимъ мастеромъ своего дѣла, какъ Руфъ, съ особенной самонадѣянностью разсчитывавшій сегодня на счастье.

Попидій облекся опять въ тогу, живописно закинулъ на плечо одинъ ея конецъ и вышелъ, вмѣстѣ съ Фаустуломъ, изъ залы, чтобы снова окунуться въ уличный шумный потокъ. Они не шли, а поддались теченію толпы, которая пронесла ихъ почти до конца улицы; здѣсь утомленные, раздраженные толкотней, гамомъ и криками, они вступили, наконецъ, въ преддверіе дома эдила, гдѣ ихъ встрѣтили слуги и почтительно провели въ роскошный атриумъ съ безчисленными колонами.

«Купите цвѣтовъ, прекрасные господа!» заговорила смуглая дѣвочка, пріютившаяся на порогѣ залы, поднимая тамбурины, гдѣ еще уцѣлѣло нѣсколько букетовъ цвѣтовъ. «Попидій Руфъ!» съ отвращеніемъ пролетѣла Юба въ ту минуту, когда ея задумчивые глаза остановились на лицахъ молодыхъ людей, входившихъ въ комнату.

Какъ птичка цѣпенѣть предъ разинутой пастью удава и сидѣть на вѣткѣ, не имѣя силъ взмахнуть крылушками, такъ точно оцѣпенѣла и бѣдная дѣвочка подъ взглядомъ василисковыхъ глазъ развратника Руфа. Онъ остановился передъ нею на минуту и запечатлѣлъ на похолодѣвшемъ лбу ея одинъ изъ тѣхъ жгучихъ поцѣлуевъ, отъ которыхъ вся кровь приливаетъ къ сердцу, затѣмъ, выразительно шепнувъ ей: «до свиданія!»—скрылся въ слѣдующей комнатѣ. Юба тотчасъ же вскочила съ мѣста и опрометью бросилась бѣжать изъ проклятаго дома.

Лебедь фонтана, устроеннаго въ атриумѣ эдила Прокула, шумно выбрасывалъ въ этотъ вечеръ толстую струю благовонныхъ эссенцій, вмѣсто воды, и толстопузенькій мраморный мальчикъ напрасно силился зажать ротъ громадной птицѣ. Повидимому, хозяинъ съ умысломъ выставилъ на показъ всю роскошь внутренняго убранства своего дома; ему хотѣлось показать помпейцамъ, до какой степени велико его богатство. На бронзовыхъ, мраморныхъ и рѣзныхъ столахъ, консоляхъ и поставкахъ навалены были горы драгоценной посуды: кружки, амфоры, кубки, лохани, подносы, блюда, чаши, блюда и тарелки. Сиракузскіе ковры покрывали полъ изъ мозаики; подушки, въ чехлахъ изъ дорогой селевкійской шелковой матеріи, лежали на всѣхъ креслахъ и складныхъ стульяхъ; кушетки, софы и другія лежа исчезали подъ наброшенными на нихъ пантеровыми и львиными шкурами. Занавѣси изъ золоченой бродати и пушистыхъ шерстяныхъ матерій, выписанныхъ изъ Вавилона и Сидона, ниспадали толстыми, тяжелыми складками почти отъ самаго потолка до полу, закрывая входъ въ сосѣдніе покои, откуда долетали тихіе, сладкіе звуки флейты.

Какъ-то страшно сорвать который нибудь изъ этихъ золотистыхъ плодовъ, качающихся, точно въ саду Гесперидъ, на искусственныхъ зеленыхъ вѣтвяхъ! Никто не рѣшается прикоснуться къ дорогимъ винамъ, разносимымъ въ плоскихъ чашахъ хорошенькими дѣвочками, въ высокихъ пе-

редникахъ. «Сонъ это или дѣйствительность?» спрашиваетъ себя невольно толпа, пришедшая поглазѣть на баснословное великолѣпіе. Особенное любопытство плебеевъ возбуждаетъ несмѣтное число рабовъ и нарядныхъ слугъ, съ озабоченнымъ видомъ перебѣгающихъ черезъ залы и коридоры.

Попидій Руфъ и Фаустулъ, какъ короткіе знакомые эдила, безпрепятственно прошли въ саваедиумъ... Кому незнакомъ этотъ прелестный уголокъ, одинаково излюбленный и гордымъ патриціемъ, и послѣднимъ плебеемъ? Это ничто иное, какъ открытая, чаще всего круглая площадка съ колонами; потолкомъ служить небо; посрединѣ таинственно журчитъ фонтанъ; высокія деревья едва пропускаютъ туда, по вечерамъ, мягкій свѣтъ луны; въ аркадахъ же постоянный полумракъ и прохлада. Здѣсь, вдали отъ уличнаго шума, находятъ себѣ убѣжище спокойствіе, любовь и поэзія. Въ этомъ тихомъ уголкѣ такъ удобно вести задумчивую бесѣду, устроить нѣжную встрѣчу, назначить любовное свиданіе, не опасаясь ни любопытныхъ глазъ, ни непрошенныхъ гостей.

Войдя въ «каведіумъ», оба пріятеля разлеглись на покрытыхъ коврами кушеткахъ и принялись зѣвать, вздыхать, потягиваться, точно люди, съ наслажденіемъ отдыхающіе послѣ оконченныхъ дневныхъ трудовъ. Фаустулъ очень скоро заснулъ въ объятіяхъ Морфея, отъ Попидія же сонъ бѣжалъ; вахочась въ возбужденномъ состояніи, онъ ворочался съ боку на бокъ на своемъ мягкомъ ложѣ и никакъ не могъ отогнать отъ себя волнующихъ мыслей.

«Купите цвѣтовъ, прекрасные господа!» все еще слышится ему звучный голосъ хорошенькой африканки съ задумчивыми глазами, поразившими его прямо въ сердце. Не имѣя силъ болѣе владѣть собой, Руфъ осторожно приподнялся, чтобы не разбудить пріятеля, и потихоньку вышелъ изъ каведіума; осмотрѣвъ всѣ углы въ атриумѣ, на дворѣ, при входѣ, онъ нигдѣ не нашелъ Юбы: дѣвочка точно провалилась. А на улицѣ, между тѣмъ, по прежнему гудѣлъ народъ; Руфъ побѣжалъ туда и вмѣшался въ толпу.

Передъ аркадами магазина серебряныхъ дѣлъ мастера, неаполитанскаго грека Никомеда, изящный вкусъ и искусство котораго приобрѣли себѣ громкую славу, то и дѣло останавливались любопытные. Начоная отъ простого ковша, употребляемаго прислугой для питья, до великолѣпнаго колуна (холодильникъ для вина), отъ большой кухонной ложки до изукрашеннаго цѣпуста (черпалка для вина), отъ маленькаго ручнаго зеркальца до большого туалетнаго зеркала, отъ крошечной лампочки для алтаря пепатовъ до исполинскаго канделябра,—все было выставлено на показъ публикѣ. Тутъ же рядомъ, въ ящикахъ, за стекломъ, красовались браслеты для дамъ, запястья, застежки, золотые обручи, нанизываемые женщинами по нѣскольку штукъ на руку; за тѣмъ сотни цѣпочекъ, булавокъ, серегъ, пряжекъ, колокольчиковъ, гребней, поясовъ, жемчужныхъ нитей и отдѣльныхъ драгоценныхъ камней, ослѣпляющихъ глаза зрителей своимъ великолѣпіемъ.

Попидій Руфъ входитъ подъ эти аркады, торжественно выбираетъ браслетъ съ рубинами, отдаетъ требуемую сумму и тотчасъ же направляется къ площади рынка. Тамъ яркіе огни освѣщаютъ самую пеструю картину. Плюсуны и фокусники соперничаютъ другъ съ другомъ въ ловкости; гадальщики, снотолкователи, филлары, эквилибристы, акробаты, бѣгающіе по натянутому канату,—вызываютъ поочередно одобреніе публики. Густая толпа обступила красавицу гитану, уроженку пламенной Испаніи, и любитъ, какъ она ходитъ на рукахъ или перегибаетъ свое тѣло во всѣ стороны. Нѣтъ сомнѣнія, она часто исполняетъ свое трудное ремесло съ пустымъ желуд-

комъ, потому что не каждый же день, какъ сегодня, праздникъ, дающій выгодный заработокъ. Рядомъ съ нею неизбѣжный продавецъ мазей раскрывъ свой столикъ и предлагаетъ средства противъ всевозможныхъ болѣзней.

Помпея дивится, хохочетъ и рукоплещетъ всему, что происходитъ на базарной площади; тотъ, кто посмотрѣлся до-сыта, уходитъ въ ближайшую таверну закусить и побесѣдовать съ Бахусомъ.

«Купите цвѣтовъ, прекрасные господа!» раздавался среди гула тысячи голосовъ знакомый Попидію голосъ хорошенькой Юбы.

«Куда ты такъ спѣшишь, моя красавица?» сказалъ онъ, вытаскивая силой малютку изъ-подъ темнаго портика храма Фортуны. Онъ схватилъ ее на руки и взбѣжалъ вмѣстѣ съ нею по ступенямъ въ притворъ. Въ первое мгновеніе дѣвочка оторопѣла отъ ужаса и испуга и опомнилась лишь тогда, когда красавецъ-негодяй, опустивъ на полъ свою пошу, быстро втиснулъ ея топенькую лѣвую руку въ золотой обручъ съ рубинами.

Юба дико вскрикнула, сорвала съ себя браслетъ, какъ будто это была змѣя, обвинявшая ея руку во время сна, швырнула его на мостовую, съ отчаяннымъ усиленіемъ вырвалась изъ объятій Руфа и смѣлымъ прыжкомъ, миновавъ ступени, соскочила съ притвора прямо на улицу; за тѣмъ, съ быстротой молніи она исчезла изъ глазъ своего похитителя въ темномъ переулкѣ, гдѣ мракъ окуталъ ее своимъ покровомъ, а грязь мостовой скрала топотъ съ голыхъ ножекъ.

Тихо и страшно въ этомъ пріютѣ нищеты и горя; ни одна лампа не освѣщаетъ почернѣвшихъ, сырыхъ стѣнъ; по маленькой африканкѣ съ увѣренностью бѣжитъ по знакомой дорогѣ, легко перепрыгивая черезъ лужи и выбоины. Она благополучно минуетъ притоны разврата, потому что въ эту ночь и развратъ праздничаетъ.

Перебѣжавъ Воловій рынокъ, Юба достигла мрачныхъ аркадъ амфитеатра, заканчивавшихся городской стѣной, которая опоясывала Помпею съ сѣверо-восточной стороны. Въ этой мѣстности не было ни портиковъ, ни домовъ, ни даже какого нибудь выступа въ стѣнѣ, гдѣ бы дѣвочка могла найти себѣ убѣжище на ночь; тѣмъ не менѣе, она продолжала идти вдоль большой клоаки и, согнувшись чуть не вдвое, проскользнула въ темную дыру подъ своды амфитеатра.

Тамъ, среди покрытыхъ плесенью голыхъ стѣнъ,—почномъ пріютѣ совѣ, летучихъ мышей и жабы, на подстилкѣ изъ гнилой соломы лежала распростертая молодая женщина, мертвенно-блѣдное лицо которой слабо освѣщалось заржавленной лампой.

«Сестра! сестра! прошептала Юба, припадая къ лежавшей и слегка теребя ее,—встань, вотъ тебѣ вино и хлѣбъ изъ дворца эдила и немного меду для твоего малютки.... Проснись, сестра, я принесла денегъ, принесла тебѣ поклонъ отъ твоего вѣроломнаго соблазнителя Попидія Руфа!...»

Но сестра остается недвижной; часъ тому назадъ послѣдній вздохъ жизни вылетѣлъ изъ ея исхудалой груди.

Недалеко отъ умершей, въ углу закопшилось маленькое существо, обернутое въ тряпки; мальчуганъ тихо стоналъ въ предсмертныхъ судорогахъ; еще минута—и въ страшномъ подземельѣ водворилась могильная тишина.

Юба въ ужасѣ выбѣгаетъ оттуда и, въ припадкѣ безумія, совершенно безсознательно, снова направляетъ шаги къ широкой улицѣ «Гробницъ». Тамъ, пріютившись у портика одного изъ роскошныхъ мавзолеевъ, она опускается на землю и сидитъ молча, по прежнему протягиваетъ къ проходящимъ свои худенькія ручки, но ужъ не предлагаетъ цвѣтовъ, а только жалобно смотритъ на всѣхъ своими потускнѣвшими глазами. Мелкія мѣдныя монеты сыплются въ лежащій подлѣ нея

тамбурина. Этот неразлучный спутник Юбы умоляет теперь навсегда; уже не будут больше звенеть его бубенчики, не будет раздаваться его веселое бряцанье!...

Изъ Байрона.

Стих. Кн. Дм. Голицына.

Великое имя!... Нѣтъ, люди не правы!
Дни юности нашей, вот дни нашей славы,
И чудные марты двадцатаго лѣта
Дороже, чѣмъ лавры, чѣмъ лавры поэта.
Что значить вѣнокъ, если лобъ весь въ морщинахъ?—

Увядшій цвѣтокъ въ свѣжихъ майскихъ росинахъ.
Не нужно гирляндъ, коль чело устарѣло;
До славы, до славы какое мнѣ дѣло!
Молва!—если ты мнѣ пріятна бывала,
Не звукомъ своимъ ты мнѣ счастье давала;
Она, прочитавши мой стихъ безпокойный,
Узрѣла, что я ея сердца достойный.
Тогда тебя понялъ я въ формѣ прекрасной,
Красы ея блескъ былъ твой лучъ самый ясный.
И должное воздасть тебѣ я по праву:
Я понялъ любовь, я почувствовалъ славу.

Книжныя новости.

Д-ръ А. В. Щербаковъ. Черногорія и ея война съ Турками въ 1877—78 годахъ. Выпускъ первый Спб. 1879.

Небольшая книжка, состоящая изъ 20 главъ, подъ вышеназваннымъ заглавіемъ представляетъ весьма интересныя записки—воспоминанія д-ра А. В. Щербака, безпристрастнаго свидѣтеля войны черногорцевъ съ турками въ 1877—78 годахъ. Д-ръ Щербаковъ находился въ черногорскихъ войскахъ въ качествѣ врача, заведывавшаго перевязочнымъ пунктомъ и, въ тоже время, состоялъ корреспондентомъ «Новаго Времени». Мы вполне согласны съ г. Щербакомъ въ томъ, что онъ говоритъ въ предисловіи, предпосланномъ его запискамъ. «Вѣщныя условія, окружающія меня, говоритъ г. Щербаковъ, ставили въ необходимость весьма часто ограничиваться присылкой въ газету «Новое Время» преимущественно военныхъ реляцій, выпуская многое, имѣвшее значеніе характеристики соціально-бытовой стороны. Помимо этого, соображаясь съ временемъ и политическими обстоятельствами, приходилось многое недоговаривать, а объ иномъ и вовсе умалчивать». Издавая свои записки, д-ръ Щербаковъ хотѣлъ именно подѣлиться съ читателемъ впечатлѣніями и фактами въ той формѣ, въ какой они дѣйствительно происходили, и такимъ образомъ пополнить все то, о чемъ, по обстоятельствамъ отъ него независимымъ, въ свое время, онъ принужденъ былъ умалчивать совсѣмъ или что нужно было оставлять недоговореннымъ. Его книга написана умно, живо и бойко. Если за что-нибудь можно упрекнуть его, такъ это за излишнюю сжатость, за излишнюю краткость.

Извѣстнѣйшихъ похвалъ и корреспонденцій, печатавшихся въ свое время въ газетахъ, масса публики ознакомилась съ одной стороны съ черногорцами, а именно съ лучшей стороны. Изъ всей массы фактовъ и сужденій сложилось у публики о черногорцахъ особое понятіе, могущее быть въ главныхъ чертахъ охарактеризованнымъ слѣдующими словами: Черногорцы—это рыцарское племя, настоящіе рыцари безъ страха и упрека, предположенные добродѣтели и мужества и—только. О дикихъ ихъ привычкахъ, объ отрѣзываніи носовъ, объ ихъ отношеніи къ женщинамъ, о ихъ гнусныхъ поступкахъ съ герцеговинскими эмигрантами,—обо всемъ этомъ обыкновенно умалчивалось. Д-ръ Щербаковъ въ своей книжкѣ рассказываетъ все видѣнное имъ и, притомъ нужно замѣтить, смотритъ на происходящее вокругъ него съ точки зрѣнія объективной и безпристрастной. Это главная его заслуга. Послѣ прочтенія записокъ г. Щербака, читатель узнаетъ о многомъ, о чемъ до сихъ поръ намѣренно или не намѣренно умалчивалось.

Возьмемъ для примѣра нѣсколько фактовъ изъ книги г. Щербака.

Во главѣ лицъ, занимавшихся раздачею хлѣба и денегъ, присланныхъ изъ Россіи для эмигрировавшихъ въ Черногорію герцеговинцевъ, стоялъ воевода Матановичъ, который заботился главнымъ образомъ о приращеніи своего кармана, продавая хлѣбъ прибрежнымъ далматинцамъ и промѣнивая его на всякую гниль. Относительно денежныхъ субсидій можно сказать, что только ничтожныя крохи попадали на долю голодавшихъ. Ремонтровка дворца, военныя приготовленія штаба и т. п., врядъ-ли входившія въ расчетъ жертвователей, нужды поглощали почти все денежные присылки.—Или вотъ рассказъ г. Щербака, который мы цѣликомъ выписываемъ изъ его книги. Рассказъ этотъ крайне характеренъ. Г. Щербаковъ обѣдалъ въ гостинницѣ. Послѣ обѣда онъ заинтересовался доходящимъ до него изъ сосѣдней залы хохотомъ, гиканьемъ, восклицаніями и т. д. и вошелъ въ залу. Вотъ зрѣлище, которое предстало передъ его глазами: «Противъ открытой двери, у истерзаннаго билиарда, въ позѣ гладиатора, приготовившагося кинуться на свою добычу, стоялъ почтенный митрополитъ Иларіонъ, держа въ обѣихъ рукахъ кій. Съ потерянною надеждою смотрѣлъ онъ на непослушный шаръ, который въ одномъ мѣстѣ билиарда, представлявшаго изъ себя наклонную плоскость, вмѣсто прямой, принялъ самое нелѣпое направленіе. Нѣкоторые изъ входившихъ, на ходу, прикладываясь къ рукамъ митрополита; но онъ, не выпуская кія, молча и только изъ подлбья взглядывалъ на нихъ, будучи весь поглощенъ игрою».

Не безынтересенъ слѣдующій случай: въ селѣ Загредѣ было много раненыхъ и умиравшихъ. Г. Щербаковъ посѣщалъ туда. Во время исполненія церемоніи по одному убитомъ, неожиданно раздался проклятія, ругательства, и вслѣдъ затѣмъ глухой пистолетный выстрѣлъ. Выстрѣлилъ на воздухъ одинъ изъ герцеговинцевъ, чтобы привлечь побольше народу. Оказалось, что трое герцеговинцевъ обвиняли одного черногорца въ томъ, что онъ убилъ и отрѣзалъ носъ у ихъ товарища—тоже герцеговинца. Отрѣзанный носъ, съ шрамомъ, полученнымъ убитымъ въ прежнихъ сраженіяхъ, былъ на лицѣ у обвиняемаго. Кромѣ того, двое изъ обвинителей видѣли, издали, какъ этотъ черногорецъ убивалъ раненаго собрата. Герцеговинцы схватились уже за ятаганы, черногорцы тоже... Дѣло не окончилось кровавой развязкой благодаря только вмѣшательству стоявшихъ кругомъ. Порѣшили довести обо всемъ до свѣденія князя. Подобнаго рода случай, характеризующій всю необузданность дикихъ инстинктовъ черногорца, имѣетъ своей подкладкой обычай, въ силу котораго, отрѣзавшій извѣстное число вражескихъ носовъ съ верхней губой (верхняя губа необходима для доказательства, что носъ отрѣзанъ у мужчины, а не у женщины), пользуется правомъ на медаль. А медаль, по замѣчанію г. Щербака, для себялюбиваго черногорца, если не все, то очень многое,—его гордость, почетъ, слава и т. д.

Въ заключеніе приведемъ еще одинъ характерный случай: во время осады Никшича прославился своимъ умѣніемъ обдѣлывать свои дѣлишки министръ финансовъ Церровичъ. Онъ съ утонченностью и ловкостью достойныхъ лучшаго дѣла принялся за обчитываніе «войнниковъ». Жалованье приходилось войску въ размѣрѣ одного цванцига въ мѣсяцъ или два на каждого челоувѣка. Церровичъ, имѣвшій по словамъ черногорцевъ «при одной головѣ нѣсколько сотъ рукъ», исполнялъ эту операцію слѣдующимъ способомъ: онъ скупалъ въ Австріи необходимое число очень старыхъ и потертыхъ цванциговъ, собираемыхъ для новой отливки. Такой цванцигъ стоилъ отъ десяти до двѣнадцати крейцеровъ ниже дѣйствительной стоимости не потеряго (40 кр.). Подобнаго рода манипуляція давала возможность министру финансовъ выгадывать въ свою пользу отъ четверти до одной трети всей суммы, предназначенной къ раздачѣ.

Изъ приведенныхъ выше отрывковъ читатель видитъ, какого рода интересъ представляетъ книга д-ра Щербака, на которую—что рѣдко

случается у насъ—обратили вниманіе почти все журналы и газеты. Въ настоящее время находится въ продажѣ, къ сожалѣнію, только первый выпускъ, второй въ скоромъ времени будетъ отпечатанъ; чѣмъ скорѣе онъ поступитъ въ продажу, тѣмъ лучше, такъ какъ въ немъ, вѣроятно, дорисуетъ вполне картина черногорской жизни и черногорской войны.

Драма въ гнѣздѣ.

(съ французскаго.)

Драма, о которой будетъ рѣчь, настолько интересна, что я рѣшаюсь передать ея подробности моимъ читателямъ. Дѣйствующія лица въ ней—пернатые, свободно разсѣкающія своими крыльями воздушное пространство.

Въ моей крышѣ, между двумя окнами комнаты, большую часть года стоявшей пустою, помѣстилось гнѣздо. Архитекторы, его устраивавшіе, очень удачно избрали для него мѣсто: затишье и обезпеченность отъ вѣшняго нападенія; неминуемая опасность сломать себѣ шею остановить каждаго, кому пришла бы охота забраться въ это убѣжище счастливыхъ супруговъ, гдѣ блаженствуютъ они уже не первый годъ, возвращаясь сюда каждое лѣто изъ своего пребыванія въ южныхъ краяхъ, гдѣ они проводятъ время нашей зимы.

Гнѣздо было удобно и красиво. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсудилъ воробей въ концѣ марта нынѣшняго года, прилетѣвшій на нашу крышу. Этотъ драчунъ, забіяка, лѣнтяй, съ весьма шаткими понятіями о нравственности, имѣетъ самые своеобразные взгляды на права собственности. «Зачѣмъ я стану хлопотать о постройкѣ собственнаго гнѣзда, когда очень удобно могу расположиться въ уже готовомъ, чужомъ», порѣшилъ онъ и полѣзъ осматривать гнѣздо ласточки. Оказалось, что дверь нѣсколько узка для него. Не бѣда!—и онъ принялся расширять входъ, раззоряя своимъ клювомъ прочное сооруженіе, надъ которымъ потрудились талантливые строители—ласточки. Недолго поработалъ воробей и достигъ своей цѣли: расширилъ входъ и хотя красота и правильность постройки исчезли, но грабитель свободно могъ пролѣзть въ чужой домъ. Поворочался онъ въ ласточкиномъ гнѣздѣ, понѣжился и вылѣзъ изъ него довольный и счастливый, какъ бы говоря: «смотрите! я не затратилъ ни труда, ни денегъ, а приобрѣлъ себѣ прелестный домишко!» Веселый и торжествующій онъ громко прокричалъ и скрылся изъ моихъ глазъ.

На другой день онъ прилетѣлъ съ своей подругой. Какъ существо прекраснаго пола, подруга не мало поломалась и пококетничала прежде, чѣмъ рѣшилась войти во вновь приобретенное жилище. Наконецъ она вошла. Нѣкоторое время супруги горячо спорили: онъ казался уговаривать ее, она возражала. Споръ окончился поцѣлуями и парочка водворилась въ гнѣздѣ.

Всѣхъ насъ, обитавшихъ въ сосѣдствѣ съ гнѣздомъ, сильно скандализировало водвореніе въ немъ воробьевъ. Мы, привыкшіе къ спокойной цѣломудренной жизни ласточекъ, не могли примириться съ шумливой, суетливой и далеко не цѣломудренной жизнью воробьиной четы.

Такъ прошло восемь дней; воробья уже готовилась сдѣлаться матерью и ея супругъ боль-

шую часть дня проводить въ гнѣздѣ съ нею, какъ вдругъ на нашемъ дворѣ раздался радостный крикъ: «ласточки прилетѣли!» Мы, сосѣди гнѣзда, приветствовали ихъ съ особеннымъ сочувствіемъ. «Какъ-то примутъ наши ласточки вторженіе воробьевъ въ ихъ гнѣздо?» говорили мы.

Да не подумаютъ читатели, что все ниже-слѣдующее плодъ моего воображенія или что я прикрасилъ факты. Могу увѣрить, что все, о чемъ я буду говорить, я видѣлъ собственными глазами и передаю съ пунктуальной точностію.

Подлетѣли наши ласточки къ своему гнѣзду. Водворившіеся въ немъ грабители-воробы, чувствуя свою вину, съежились, притихли, не зная на что рѣшиться. Покружились ласточки вокругъ своего гнѣзда и спустились на землю. Громкими криками онѣ стали сзывать своихъ товарищей. Тѣ слетѣлись и расположились въ кружокъ. Образовался митингъ. Наши ласточки жалобнымъ голосомъ рассказали о постигшей ихъ невзгодѣ. Минутъ десять шли переговоры; слышалось то жалобное, то гнѣвное чириканье. Наконецъ водворилась полная тишина; очевидно, было принято важное рѣшеніе. Четверо изъ присутствующихъ поднялись и расположились вокругъ гнѣзда, съ цѣлю не выпускать воробьевъ. Остальные разлетѣлись въ разныя стороны.

Воробы притаились; видя грозныя лица часовыхъ, они съ замираніемъ сердца ждали, какую участь готовятъ имъ оскорбленные ими истинные владѣльцы гнѣзда.

Вскорѣ снова послышались крики ласточекъ и черезъ какую-нибудь минуту со всѣхъ сторонъ слетѣлось до двухсотъ птицъ. Каждая изъ нихъ несла что-нибудь въ своемъ клювѣ. У одной былъ комочекъ свѣжей глины, у другой камешекъ, у третьей листикъ, у четвертой соломенка и т. п. Часовые разступились, открывъ входъ въ гнѣздо, и вся прилетѣвшая армія принялась за работу. Ласточки стали складывать стѣну, чтобы замуровать въ гнѣздѣ грабителей. Несчастные воробы жалобно пищали, прося пощады, но ихъ неумолимые судьи и палачи молча работали до тѣхъ поръ, пока не убѣдились, что заключенные задохлись. Когда въ гнѣздѣ все смолкло, торжествующія ласточки съ громкимъ крикомъ разлетѣлись въ разныя стороны.

На работу замурованія ласточки употребили не болѣе десяти минутъ.

Отдыхъ. Мейссонье—одинъ изъ главныхъ представителей тѣхъ художниковъ нашего времени, которые тщательно изучаютъ и воспроизводятъ въ своихъ картинахъ сцены будничной жизни,—Мейссонье никогда не задается какими-нибудь тенденціозными сюжетами; содержаніе его картинъ всегда просто и не сложно; главная заслуга этихъ картинъ заключается въ изумительной вѣрной передачѣ дѣйствительности, въ неподражаемомъ мастерствѣ, въ безукоризненномъ письмѣ и рисункѣ. Это мастеръ въ полномъ смыслѣ этого слова. Помѣщенная въ настоящемъ номерѣ его картина—два всадника остановившіеся передъ таверной, чтобы напиться и отдохнуть,—полна той мелочной отдѣлки, которою отличаются всѣ произведенія этого художника. Онъ не выпустилъ изъ своей мастерской ни одной картины, если она казалась ему неудачною, недоконченною, хотя бы за нее предлагали ему цѣнители большія деньги. Мейссонье отличается вообще рѣдкою добросовѣстностію въ работѣ и его менѣе чѣмъ кого-нибудь можно упрекнуть за небрежность, за торопливость работы. Не смотря на это, онъ пишетъ цѣлую массу картинъ и, можетъ быть, это одинъ изъ самыхъ плодovitыхъ и наиболѣе вознаграждаемыхъ художниковъ. Онъ работаетъ около сорока лѣтъ, его картины оплачиваются среднимъ числомъ 50,000 фр. каждая, онъ пишетъ до пятнадцати картинъ въ годъ. Замѣчательно, что у него почти нѣтъ своихъ картинъ въ домѣ. «Онъ, по его словамъ, не такъ богатъ, чтобы имѣть картины Мейссонье».

Газетчики. Рядомъ съ картиною одного изъ представителей реализма мы помѣщаемъ копію съ скульптурнаго произведенія, отличающагося тѣмъ же направленіемъ. «Газетчики», какъ и «Дженнеръ», помѣщенный въ прошломъ номерѣ нашего журнала, ярко характеризуютъ то направленіе, по которому идетъ теперь скульптура. «Газетчики»—это сцена, выхваченная изъ будничной жизни, не прикрашенная, не облагороженная никакими измышленіями, но прелестная по своей правдѣ, по своему комизму. Два оборванца, въ разодранныхъ штанишкахъ, съ всклооченными волосами, на перебой предлагаютъ нумера газетъ: одинъ кричитъ проходящимъ, а другой не кричитъ только потому, что у него заката въ зубахъ мѣдная монета, которую онъ только что получилъ и еще не успѣлъ спрятать въ карманъ. На парижской всемирной выставкѣ эта группа обращала на себя такое же вниманіе, какъ «Дженнеръ», и мы считали не лишнимъ познакомить нашихъ читателей съ этими, совершенно новыми и крайне оригинальными произведеніями.

Празднику! Родное и близкое напоминаетъ вамъ, читатель, эта прелестная сцена въ храмѣ, эта русская дѣвушка, ставящая свѣчу «празднику». Здѣсь все пахнетъ Русью и этотъ потемнѣвшій образъ Богоматери въ массивномъ вѣнцѣ, съ бусами на шеѣ, и этотъ, тоже потемнѣвшій, образъ на аналоѣ, къ которому прикладывается ребенокъ, поднятый матерью, и этотъ бѣдный старикъ-крестьянинъ, набожно творящій крестное знаменье, и эта дѣвушка въ сарафанѣ, вся облитая свѣтомъ отъ горящихъ свѣчей, вся сіяющая и праздничная, вся чистая и наивная, какъ дитя. И невольно вспоминаются при видѣ этой картины поэтическія строки покойнаго Некрасова.

Храмъ божій на горѣ мелькнулъ
И дѣтски-чистымъ чувствомъ вѣры
Внезапно на душу пахнулъ.
Нѣтъ отрицанья, нѣтъ сомнѣнья,
И шепчетъ голосъ неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди съ открытой головою!
Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размывать русскую печаль!
Храмъ воздыханья, храмъ печали—
Убогій храмъ земли твоей:
Тяжеле стоновъ не слышали
Ни римскій Петръ, ни Козизей!
Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносилъ—
И облегченный уходилъ!
Войди! Христосъ наложитъ руки
И сниметъ волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы съ совѣсти больной.
Я внялъ... я дѣтски умилился..
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старья челомя,
Чтобы простилъ, чтобы заступился,
Чтобы освѣтилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ покаянній, предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ!

Картина г. Михайлова, находящаяся въ Москвѣ, рисована на деревѣ г. Малышевымъ и гравирована въ «Варшавской полиграфіи».

«На колокольнѣ» и «Отобраніе монастырскихъ имуществъ». Содержаніе этихъ картинъ читатель, конечно, пойметъ безъ всякихъ объясненій: и этотъ дѣдъ-звонарь съ внучкой на колокольнѣ, окруженные птицами, и эти воины времени реформациі, обирающіе драгоценности изъ завоеваннаго монастыря,—говорятъ сами за себя. Первая изъ этихъ картинъ—это копія съ простого рисунка, сдѣланнаго на деревѣ иллюстраторомъ А. Грейлемъ; вторая—есть копія съ очень большого художественнаго произведенія, написаннаго масляными красками художникомъ Гауппомъ.

Правительственные распоряженія.

Именной Высочайшій указъ, данный Правительствующему Сенату.

1879 года апрѣля 11-го. «Признавъ необходимымъ дѣло о совершенномъ 2-го сего апрѣля покушеніи на жизнь Наму направить къ суду въ порядкѣ, установленномъ ст. 1074 т. XV ч. I. Пуст. угол. судопр. (изд. 1876 года), Мы повелеваемъ учредить съ указанною цѣлю и въ опредѣленномъ приведенной статьѣ составѣ верховный уголовный судъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя департамента законовъ Государственнаго Совѣта, Нашего статс-секретаря, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Урусова.

Правительствующій сенатъ не оставитъ сдѣлать надлежащее къ исполненію сего распоряженіе».

Временныя правила о преданіи лицъ гражданскаго вѣдомства военному суду.

Приказъ Военнаго Министра.

(8 апрѣля 1879 г., № 79.)

Высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату 5-го сего апрѣля, повелѣно назначить временныхъ генералъ-губернаторовъ въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ, причемъ какъ этимъ генералъ-губернаторамъ, такъ равно и генералъ-губернаторамъ въ Москвѣ, Кіевѣ и Варшавѣ предоставлены временно особыя чрезвычайныя права по охраненію общественнаго порядка и спокойствія во ввѣренныхъ ихъ управленію мѣстностяхъ и въ томъ числѣ право предавать военному суду, съ примѣненіемъ къ виновнымъ наказаній, установленныхъ для военнаго времени, лицъ гражданскаго вѣдомства, независимо отъ случаевъ, упомянутыхъ въ Высочайшемъ указѣ отъ 9-го августа минувшаго года и за другіе виды преступленій государственныхъ или противъ порядка управленія, а равно и за совершеніе другихъ преступленій, общими уголовными законами предусмотрѣнныхъ, когда они признаютъ это необходимымъ въ видахъ огражденія общественной безопасности. Въмѣстѣ съ тѣмъ поименованнымъ выше генералъ-губернаторамъ, по дѣламъ сего рода, присвоены права, предоставленныя 1234, 1238 и 1241 ст. XXIV кн. с. в. п. 1869 года г. главнокомандующему въ военное время.

Независимо отъ сего, Государю Императору, въ видахъ достиженія наибольшей скорости въ движеніи и разрѣшеніи вышеозначенныхъ дѣлъ, благоугодно было повелѣть, чтобы къ производству сихъ дѣлъ въ военномъ вѣдомствѣ примѣнялись содержащаяся въ пятомъ раздѣлѣ военно-судебнаго устава (с. в. п. 1869 г., кн. XXIV) постановленія о судѣ въ военное время, съ соблюденіемъ при томъ ниже-слѣдующихъ временныхъ правилъ:

1. Разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ о лицахъ гражданскаго вѣдомства, предаваемыхъ военному суду, на основаніи Высочайшаго указа отъ 5-го апрѣля сего года, производить въ военно-окружныхъ или во временныхъ военныхъ судахъ, съ тѣмъ, чтобы полагаемые въ сихъ судахъ временные члены, въ опредѣленномъ 33 ст. XXIV кн. с. в. п. 1869 г. числѣ, были назначаемы, каждый разъ особо, по распоряженію генералъ-губернаторовъ, исключительно изъ штабъ-офицеровъ отъ войскъ, расположенныхъ въ томъ военномъ округѣ, въ которомъ долженъ производиться судъ.

2. Защита подсудимыхъ по дѣламъ сего рода возлагается, по избраніи самихъ подсудимыхъ или по назначенію предсѣдателя, на состоящихъ при военно-судебныхъ учрежденіяхъ кандидатовъ на военно-судебныя должности.

3. Согласно 403 ст. XXIV кн. с. в. п. 1869 г., въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе, предусмотрѣнное Высочайшимъ указомъ отъ 5-го апрѣля текущаго года, учинено столь очевидно, что не представляется надобности въ предварительномъ разясненіи обстоятельствъ преступнаго дѣянія, предоставить генералъ-губернаторамъ предавать обвиняемыхъ военному суду и безъ производства предварительнаго слѣдствія, на основаніи свѣденій, собранныхъ при дознаніи.

4. По полученіи предварительнаго слѣдствія или дознанія, военный прокуроръ обязанъ не позже какъ въ теченіи слѣдующаго дня, представить дѣло къ генералъ-губернатору съ своимъ заключеніемъ о дальнѣйшемъ направленіи оного.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА МИХАЙЛОВА.

„Празднику“.

Гравировано въ «Варшавской политипажнѣ».

5. Военный прокуроръ предлагаетъ военному суду обвинительный актъ втеченіи сутокъ со времени полученія имъ дѣла отъ генералъ-губернатора.

6. Судъ получивъ отъ военного прокурора дѣло вмѣстѣ съ обвинительнымъ по оному актомъ, обязанъ дать дѣлу дальнѣйшій законный ходъ немедленно и не позже какъ на слѣдующій день.

7. По дѣламъ сего рода свидѣтели, которые, по отдаленности отъ мѣста производства суда или по другимъ причинамъ, не могутъ явиться въ судъ втеченіи трехъ дней, не вызываются судомъ, а вмѣсто того прочитываются въ судебномъ засѣданіи показанія, данныя ими при предварительномъ слѣдствіи или при дознаніи, если только по обстоятельствамъ дѣла судъ не признастъ устнаго показанія такихъ свидѣтелей безусловно существеннымъ для дѣла.

8. Подробный приговоръ долженъ быть изготовленъ въ теченіи двадцати четырехъ часовъ послѣ провозглашенія сущности оного.

9. Жалобы и протесты на приговоры военныхъ судовъ подаются втеченіи сутокъ со времени объявленія приговора въ окончательной его формѣ. По подачѣ въ сей срокъ кассационной жалобы или протеста, все дѣло немедленно представляется къ генералъ-губернатору, которому предоставляется: или препроводить дѣло вмѣстѣ съ жалобой или протестомъ въ главный военный судъ, или открыть въ мѣстѣ нахожденія военно-окружного суда, для разсмотрѣнія жалобы или протеста, особое присутствіе, по правиламъ, изложеннымъ въ 60—62 ст. XXIV кн. с. в. п. 1869 г., или же, не давая дѣлу направления въ кассационномъ порядкѣ, окончательно подтвердить приговоръ военного суда; — и

10. Изложенныя въ предыдущихъ статьяхъ правила примѣняются и къ дѣламъ, подлежащимъ вѣденію военного суда на основаніи Высочайшаго указа Правительствующему Сенату отъ 9-го августа 1878 года.

Объявляя объ этомъ по военному вѣдомству для надлежащаго руководства и исполненія, прилагаю при семъ копію съ упомянутого выше указа Правительствующему Сенату, отъ 5-го апрѣля 1879 года.

Обязательное постановленіе временного петербургскаго генералъ-губернатора 8-го апрѣля 1879 года.

«Въ видахъ огражденія общественнаго порядка и въ силу Высочайшаго повелѣнія 5-го апрѣля сего года, признаю необходимымъ издать слѣдующія обязательныя постановленія:

I.

«1) У воротъ cadaго дома въ Петербургѣ долженъ находиться во всякое время, какъ ночью, такъ и днемъ, дежурный дворникъ.

«Примѣчаніе 1-е. Изъятіе изъ этого общаго правила допускается только по отношенію къ владѣльцамъ небольшихъ деревянныхъ домовъ по окраинамъ города, которымъ, съ особаго разрѣшенія петербургскаго градоначальника, можетъ быть предоставлено имѣть одного дежурнаго дворника на нѣсколько смежныхъ домовъ, занимающихъ небольшую относительно протяженіе по улицѣ.

«Примѣчаніе 2-е. У домовъ, входящихъ на двѣ улицы, должны быть дежурные дворники по каждой улицѣ, хотя-бы на одну изъ нихъ воротъ и не было.

«2) На обязанность дежурныхъ дворниковъ, кромѣ полнаго содѣйствія мѣстной полиціи въ исполненіи ея обязанностей, возлагаются въ особенности:

«а) наблюденіе затѣмъ, чтобы нигдѣ не было наклеиваемо объявленій, афишъ и т. п., безъ представленія надлежащаго на то разрѣшенія;

«б) наблюденіе, чтобы по тротуарамъ и мостовымъ не было разбрасываемо предметовъ, причиняющихъ вредъ, и

«в) задержаніе въ случаѣ надобности, съ помощью сосѣднихъ дворниковъ, лицъ, замѣченныхъ въ указанныхъ поступкахъ.

«3) Домовладѣльцы, виновные въ неисполненіи изложеннаго въ пунктѣ 1-мъ требованія, подвергаются денежному взысканію до 500 рублей.

«4) Дворники, за самовольную отлучку съ дежурства, а равно за недостаточный присмотръ за прилегающею къ дому мѣстностью, подвергаются:

За первый разъ—денежному взысканію до 25 руб., а при несостоятельности—аресту до семи дней; за второй разъ—высылкѣ изъ столицы на срокъ болѣе или менѣе продолжительный.

5) Обязательное постановленіе это вступаетъ въ силу чрезъ три дня по обнародованіи въ «Вѣдомостяхъ Петербургскаго Градоначальства и Полиціи».

II.

«1) Владѣльцы магазиновъ и лавокъ, въ которыхъ производится торговля оружіемъ, обязываются представить, втеченіи семи дней, со дня обнародованія настоящаго постановленія въ «Вѣдомостяхъ Петербургскаго Градоначальства и Полиціи», петербургскому градоначальнику подробныя вѣдомости всему, находящемуся въ ихъ магазинахъ и лавкахъ, а равно въ кладовыхъ, складахъ и иныхъ, принадлежащихъ къ нимъ, помѣщеніяхъ, огнестрѣльному (съ указаніемъ системъ) и холодному оружію и огнестрѣльнымъ припасамъ.

2) Со дня объявленія сего распоряженія воспре-

щается имъ продавать указанныя въ пунктѣ 1-мъ предметы иначе, какъ по предъявленіи покупателемъ полученнаго отъ градоначальника именнаго разрѣшенія, которое въ случаѣ заключенія торга, оставляется въ магазинѣ.

3) Магазины, вѣдомости по коимъ не будутъ представлены въ означенный срокъ, закрываются для торговли впредь до представленія оныхъ.

4) За продажу оружія и огнестрѣльныхъ припасовъ безъ указаннаго въ пунктѣ 2-мъ разрѣшенія, виновные подвергаются:

«За первый разъ—денежному взысканію до 500 руб., за второй—независимо отъ взысканія въ означенномъ размѣрѣ конфискаціи всего, находящагося въ магазинѣ и лавкѣ, оружія и припасовъ и запрещенію производить этого рода торговлю.

«5) Такому-же взысканію подвергаются торговцы оружіемъ, хотя и неизобличенные прямо въ продажѣ такового, но въ магазинахъ и лавкахъ которыхъ, по повѣркѣ, не окажется въ наличности предметовъ, показанныхъ въ вѣдомостяхъ, и не будетъ представлено соответственныхъ недостатку разрѣшеній на продажу (пунктъ 2-й).

«За храненіе оружія или припасовъ въ большемъ противъ указаннаго въ вѣдомости количества, владѣльцы магазиновъ и лавокъ подвергаются: въ первый разъ—взысканію до 500 р. и конфискаціи всего излишняго оружія или припасовъ, а во второй—штрафу до 500 р., конфискации всего находящагося въ магазинѣ или лавкѣ оружія и припасовъ и запрещенію производить этого рода торговлю.

III.

«1) Частныя лица, владѣющія огнестрѣльнымъ оружіемъ, обязываются заявить о томъ немедленно мѣстной полиціи и, затѣмъ, правомъ носить и хранить его у себя могутъ пользоваться лишь тѣ, кто получилъ особое на то разрѣшеніе петербургскаго градоначальника.

«2) Въ виду недостаточности опредѣленнаго уставомъ о нак., налаг. миров. суд., наказанія за нарушеніе изданнаго петербургскимъ градоначальникомъ, 3-го ноября 1878 г., обязательнаго постановленія о запрещеніи носить при себѣ оружіе, признаю необходимымъ, въ дополненіе къ нему, постановить:

«Лица, неимѣющія по закону или обязанности хранить или носить оружіе, за нарушеніе сего подвергаются, независимо конфискаціи оружія, денежному взысканію до 500 рублей, а при несостоятельности—аресту до 5-ти мѣсяцевъ.

«Временный петербургскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Гурко».

Въ «Приказѣ по с.-петербургскому градоначальству и полиціи», отъ 10 апрѣля, напечатано:

Въ разрѣшеніе вопросовъ, могущихъ возникнуть при примѣненіи изданныхъ нынѣ г. с.-петербургскимъ временнымъ генералъ-губернаторомъ обязательныхъ постановленій, объявляю:

1) Всѣ взысканія, указанныя въ означенныхъ постановленіяхъ, налагаются въ административномъ порядкѣ, и потому донесенія, а въ болѣе важныхъ случаяхъ—протоколы объ обнаруженныхъ нарушеніяхъ сихъ постановленій представляются мнѣ. 2) Денежные штрафы за такковыя нарушенія взыскиваются порядкомъ, указаннымъ въ уставѣ о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражд. части 2 т. X св. зак., изд. 1876 года. 3) Участковые пристава по полученіи отъ частныхъ лицъ заявленій о находящемся у нихъ огнестрѣльномъ оружіи, выдаютъ этимъ лицамъ, если признаютъ возможнымъ, удостовѣренія въ неимѣніи препятствій къ дозволенію имъ содержать у себя оружіе, съ тѣмъ, чтобы удостовѣренія и заявленія эти были представляемы самими заявителями, для полученія разрѣшительныхъ билетовъ, въ мою канцелярію. Если же гг. пристава затрудняются въ выдачѣ подобнаго удостовѣренія, то, не выдавая такового, предлагаютъ заявителямъ обратиться въ мою канцелярію и одновременно доносить мнѣ о причинахъ, по которымъ они не нашли возможнымъ выдать просимаго удостовѣренія.

Примѣчаніе. Удостоверенія выдаются возможно упрощеннымъ способомъ.

4) Въ случаѣ, если кто-либо обратится съ просьбой о принятіи отъ него принадлежащаго ему оружія, то гг. участковые пристава направляютъ такихъ лицъ къ смотрителямъ мѣстныхъ полиційскихъ домовъ, а сіи послѣдніе обязываются принимать отъ подобныхъ лицъ оружіе. Причемъ, во избѣжаніе могущихъ возникнуть впослѣдствіи недоразумѣній, все это оружіе, самими владѣльцами, вмѣстѣ съ подробною описью, должно быть укладываемо въ присутствіи смотрителя въ прочныя ящики, запечатанные печатями владѣльца и смотрителя. Снаружи ящиковъ должна быть сдѣлана надпись, кому именно таковое приналежитъ, а владѣльцу выдана отъ смотрителя квитанція въ принятіи отъ него одного или нѣсколькихъ ящиковъ съ оружіемъ. Тѣми же правилами слѣдуетъ руководствоваться въ случаѣ отобранія оружія, какъ за неразрѣшеніемъ имѣть такое, такъ и по другимъ случаямъ. Вмѣстѣ съ симъ, предлагаю гг. приставамъ представить мнѣ немедленно свѣдѣнія о находящихся въ ихъ участкахъ магазиновъ и лавкахъ, въ коихъ производится торговля огнестрѣльнымъ оружіемъ.

«Примѣчаніе. Вся переписка по этому поводу

сосредоточивается въ распорядительномъ отдѣленіи канцеляріи».

Въ «Вѣдомостяхъ Санктпетербургской Городской Полиціи и Санктпетбургскаго Градоначальства» напечатано слѣдующее:

«Въ разъясненіе порядка заявленій о находящемся у частныхъ лицъ оружіи и испрошенія разрѣшенія на право содержанія его у себя, объявляется:

«1) Владѣльцы оружія, лично извѣстные петербургскому градоначальнику, препровождаютъ свои заявленія къ нему непосредственно, съ подробною описью оружія, на содержаніе коего испрашивается разрѣшеніе.

«2) Остальные потомъ лица предъявляютъ свои заявленія въ мѣстныя участковыя управленія и, по полученіи отъ участковыхъ приставовъ удостовѣренія въ неимѣніи препятствій къ предоставленію имъ права содержанія оружія, препровождаютъ означенныя заявленія и удостовѣренія для полученія разрѣшительныхъ билетовъ въ канцелярію градоначальника, адресуя ихъ на имя градоначальника.

«3) Такой же порядокъ соблюдается по отношенію къ ходатайствамъ о выдачѣ разрѣшеній на покупку оружія и огнестрѣльныхъ припасовъ,—и

«4) Всѣ заявленія по этому предмету не подлежатъ оплатѣ гербовымъ сборомъ».

Въ «Вѣдомостяхъ Санктпетербургской Городской Полиціи и Санктпетбургскаго Градоначальства» объявляется, что комендантъ петербургской крѣпости увѣдомилъ, что, по установленному порядку, съ пробитіемъ вечерней зари, всѣ крѣпостныя ворота затворяются, съ прекращеніемъ сообщенія чрезъ крѣпость стороннихъ лицъ, и что ни днемъ, ни ночью не дозволяется входить лодкамъ въ Кронверкскій Пролитъ, составляющій главный крѣпостной ровъ, на берегахъ котораго находятся различныя помѣщенія и казенныя склады; почему сообщеніе съ крѣпостью отъ вечерней до утренней зари дозволяется только проживающимъ въ крѣпости и тѣмъ лицамъ, которымъ, по какому-нибудь случаю, имѣютъ надобность быть собственно въ крѣпости, а входят на лодкахъ въ Кронверкскій Пролитъ, безъ особаго разрѣшенія коменданта, вовсе не допускается.

Новости наукъ и жизни.

— Новая книга. Насъ просили напечатать, что въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ книга: «Шекспиръ. Критическое изслѣдованіе его мысли и его творчества», соч. Эдуарда Доудена, профессора англійской литературы въ дублинскомъ университетѣ, вице-президента «Новаго Шекспировскаго общества». Переводъ сдѣлалъ Л. Д. Черновой.

— Окончаніе процесса Джона Ретсина. Въ прошломъ №, въ замѣткѣ, озаглавленной «Возмутительное преступленіе», мы сообщили объ убійствѣ, виновникомъ котораго обвинительная власть признала Джона Ретсина и предала его суду. Судъ надъ нимъ состоялся и окончился оправданіемъ подсудимаго. За оправданіе подали голосъ 8, противъ оправданія 4 присяжныхъ. Своимъ оправданіемъ Ретсинъ обязанъ блистательной защитѣ извѣстнаго бельгійскаго адвоката Дельво, очень ловко разбившаго всѣ доводы обвиненія и доказавшаго, показаніями многихъ свидѣтелей, что Ретсинъ не только не могъ и не кутила, напротивъ, очень воздерженъ и склоненъ къ добрымъ дѣламъ. Такъ, онъ воспитываетъ на свой счетъ дѣвочку-сиротку. Дѣйствительно, какъ читатели могли убѣдиться изъ упоминаемой замѣтки, улики, собранныя обвиненіемъ, недостаточно-вѣски для произнесенія обвинительнаго приговора.

— Живая покойница. Въ іюнѣ, 1875 года, портной Л., въ Парижѣ, женился на дочери отставнаго артиллерійскаго полковника, восемнадцатилѣтней красавицѣ Адриенѣ. Это былъ бракъ по страстной любви и медовый мѣсяцъ юныхъ супруговъ продолжался цѣлый годъ, такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ мужъ. Въ іюнѣ, 1876 года, Л., по семейнымъ дѣламъ, отправился въ Бельгію. По возвращеніи, онъ, съ легко-понятнымъ изумленіемъ, узнаетъ, что его жена, чрезъ два дня по его отъѣздѣ, исчезла. Ничто, въ ея поведеніи не могло навести на мысль, что она ушла съ любовникомъ: казалось, она такъ сильно любила своего мужа; она постоянно твердила своимъ друзьямъ и знакомымъ, что наслаждается полнѣйшимъ счастьемъ. Чѣмъ же было объяснить ея исчезновеніе? Сколько ни думали и ни гадали мужъ, его родные и друзья, ничего не выдумали и порѣшили, что это дѣло темное.

Черезъ двѣ недѣли послѣ исчезновенія красавицы, въ моргъ, куда Л. заходилъ ежедневно, принесли трупъ женщины съ изуродованнымъ до неузнаваемости лицомъ. По нѣкоторымъ признакамъ Л. и родные его жены признали въ этомъ трупѣ Адриену. Былъ составленъ протоколъ, Л. выдали свидѣтельство о смерти его жены, а трупъ схоронили.

Несчастный вдовецъ былъ до такой степени пораженъ смертью своей жены, что нѣкоторое время даже опасались за его разсудокъ. Парижъ сталъ противенъ ему и онъ переѣхалъ на житье въ Нью-Йоркъ, гдѣ чрезъ годъ снова женился.

Въ январѣ нынѣшняго года, Л. вернулся въ Парижъ съ женою, съ намѣреніемъ снова поселиться въ родномъ городѣ. Нѣсколько дней тому назадъ, проходя по Елисейскимъ полямъ, онъ встрѣтилъ женщину, черты которой поразили его изумительнымъ сходствомъ съ его покойной женой, Адриеной. Женщина была одѣта роскошно и нѣсколько эксцентрично и, идя тихо по аллеѣ, разговаривала съ молодымъ человѣкомъ. Портной пошелъ за нею; продолжая всматриваться въ нее, онъ окончательно убѣдился, что это сама Адриена. Пройдя нѣсколько шаговъ, молодая женщина простилась съ своимъ собесѣдникомъ, сѣла въ ожидавшую ее великолѣпную коляску и уѣхала. Портной вскопчилъ въ фіакръ, приказавъ извозчику не отставать отъ коляски.

На Эйлаускомъ бульварѣ коляска остановилась предъ небольшимъ красивымъ домомъ, въ который вошла молодая женщина. Портной послѣдовалъ за нею. Дѣйствительно, это была Адриена. Она смутилась при видѣ мужа и съ нею сдѣлался нервный припадокъ. Придя въ себя, она дала слѣдующее объясненіе своему исчезновенію. Ее заманили въ западню. Двое мужчинъ завязали ей ротъ, усадили въ карету и увезли въ одинъ домъ въ Буживалѣ, гдѣ держали ее въ заключеніи три мѣсяца. Въ это время одинъ мужчина, имени котораго она никогда не могла узнать, совершилъ надъ нею постыдное насиліе. Вскорѣ онъ исчезъ и ей возвратили свободу. Опозоренная, страдающая, она узнаетъ, что мужъ ея уѣхалъ изъ Франціи. Не смѣя возвратиться къ своимъ роднымъ, она поступила въ модный магазинъ, гдѣ свела знакомство съ иностранцемъ кнѣземъ, съ которымъ она и до сихъ поръ состоитъ въ любовныхъ отношеніяхъ.

Разсказъ Адриены портной передалъ полиціи, которая и занята въ настоящее время изслѣдованіемъ его справедливости, а также розысканіемъ, кто была женщина, похороненная подъ именемъ Адриены.

— **Несчастный городъ.** Изъ Сегедина телеграфируютъ газетѣ «Times», отъ 3 (15) апрѣля: «Послѣ непрерывнаго дождя, шедшаго въ свѣтлое воскресенье, разразившаяся ночью сильная буря испортила работы по возобновленію развалинъ. Шестьдесятъ построекъ на столбахъ, выставленныхъ подрядчиками, разрушены; плоты съ матерьялами и провизіей снесены водою и шесть лодокъ потоплены. Работы на альфельдской дорогѣ, окончаніе которыхъ ожидалось черезъ день или два, также задержаны. Рѣки Тейса и Марошъ снова въ разливѣ. Изъ-подъ развалинъ вынуты еще восемь труповъ».

— **Монументъ.** Муниципальный Совѣтъ города Шинона постановилъ воздвигнуть статую Франсуа Раблѣ, родившемуся въ этомъ городѣ. Статуя будетъ отлита изъ бронзы и изображать знаменитаго французскаго сатирика въ сидячемъ положеніи.

— **Памятникъ.** Въ Глазговѣ открытъ памятникъ знаменитому путешественнику по Южной Африкѣ Давиду Ливингстону.

— **Паденіе люстры.** Въ парижской оперѣ произошла паденіи несчастный случай. Вскорѣ по окончаніи представленія оборвались канаты, на которыхъ висѣлъ гигантская люстра; она упала и раздробила все на своемъ пути. Если бы несчастіе это случилось во время представленія, то многіе поплатились бы жизнью. По этому дѣлу производится слѣдствіе.

— **Новый докторъ.** Г-жа Рогатенко, изъ Одессы, удостоена наднихъ бернскимъ университетомъ званія доктора медицины.

— **Новыя женскія гимназіи.** На разсмотрѣніе высшей государственной инстанціи поступаетъ, какъ передаетъ «Молва», составленный министерствомъ народнаго просвѣщенія проектъ положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ. Проектъ открытіе семиклассной гимназіи въ гор. Ташкентѣ и трехклассной прогимназіи въ г. Вѣрномъ. По проекту, женскія учебныя заведенія края будутъ подчинены туркестанскому генералъ-губернатору, которому предоставляется право назначать и увольнять не только высшихъ должностныхъ лицъ, но и преподавателей. Въ гимназіяхъ полагаются не начальницы, какъ это обыкновенно бываетъ, а директора, въ прогимназіяхъ же — инспектора. Комплектъ воспитанницъ не будетъ ограниченъ, но для вѣроисповѣданій проектируются исключенія.

— **Права женщинъ-врачей.** Пущенный газетами слухъ, что вопросъ о правѣ женщинъ-врачей на самостоятельную врачебную практику рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, по извѣстіямъ, дошедшимъ до «Врачеб. Вѣд.» изъ достовѣрныхъ источниковъ, лишень основаній. Напротивъ, разрѣшеніе практики женщинамъ-врачамъ, доселѣ окончившимъ курсъ медицинскихъ наукъ, должно послѣдовать, такъ какъ это разрѣшеніе заключено въ самомъ положеніи о женскихъ врачебныхъ курсахъ. Разрѣшеніе же вопроса вообще о правахъ женщинъ-врачей въ законодательномъ порядкѣ связано съ работами особой комисіи, предметъ занятій которой — вообще опредѣленіе круга полезной для государства и общества служебной дѣятельности лицъ женскаго пола.

— **Пятидесятилѣтній юбилей.** По словамъ «Нов. Вр.», празднованіе юбилея князя В. А. Долгорукаго началось 14 апрѣля въ 11 часу молебнымъ на дому, при всѣхъ представителяхъ Москвы, наполнившихъ биткомъ залы; служилъ со множествомъ духовенства и привѣтствовалъ юбиляра рѣчью митрополитъ Макарій. Въ 11 часовъ началось въ желтой залѣ поднесеніе адресовъ и подарковъ: сначала духовенство, потомъ петербургская депутація полка, гдѣ началъ служить юбиляръ, московское военное вѣдомство, дворянство, земство, городъ, собравшій 11 тысячъ на стипендіи, затѣмъ ученые, учебныя и благотворительныя общества и редакція ежедневныхъ газетъ. Предоставилось юбиляру болѣе 50 депутацій. Кромѣ подарковъ, состоявшихъ въ иконахъ, портфеляхъ, въ которые вложены адреса, кубкахъ, бранныхъ работы Овчинникова и другихъ мастеровъ, въ честь юбиляра учреждено множество стипендій, причемъ выражалось всеобщее желаніе, чтобы князь В. А. остался на своемъ мѣстѣ. Князь отвѣчалъ рѣшительно всѣмъ, стоя у стола, на которомъ сложенные были подарки и адреса; поздравленія продолжались до 6 часовъ вечера; затѣмъ былъ обѣдъ у губернатора въ честь юбиляра; въ 10 часовъ блестящій раутъ у юбиляра; залы едва вмѣщали приглашенныхъ. Москва была украшена флагами.

— **Наводненія.** «Московскія Вѣдомости» передаютъ слѣдующія подробности о московскомъ наводненіи: 10-го апрѣля Москва-рѣка вошла въ берега, но лишь въ той центральной мѣстности, гдѣ сжимають гранитныя набережныя, на окраинахъ же разливы продолжался до поздняго вечера. Особенно пострадало Дорогомилово, гдѣ даже на главной улицѣ вода возвышалась надъ окнами первыхъ этажей. По набережной обводнаго канала и частью примыкающихъ къ ней переулкахъ, въ пятомъ часу вечера, еще ѣздили въ лодкахъ. Въ какомъ положеніи были жители этой мѣстности Замоскворѣчья можно судить по тому, что къ нимъ втеченіи всего дня 9 апрѣля подѣлжала только одна лодка съ полицейскимъ офицеромъ, предложившимъ при его посредствѣ купить провизію. Многіе воспользовались этимъ предложеніемъ. Были и частныя лица, рѣшившіяся пробраться къ затопленнымъ на кое-какъ сколоченныхъ плоткахъ. Они раздавали желающимъ черныи и бѣлыи хлѣбъ. Порѣвѣ во весь день 9-го апрѣля и ночью на 10-е принесло громадное количество лѣса. Получено извѣстіе, что около Можайска наводненіемъ унесло двѣсти плотовъ со строевымъ лѣсомъ на сумму

въ 800,000 руб. Прирѣчныя деревни были затоплены. До какой степени наводненіе внезапно захватило жителей этихъ деревень можно судить потому, что вмѣстѣ со строевымъ лѣсомъ къ малому каменному мосту прибило телѣгу съ окованными колесами. Телѣга вогнана была напоромъ воды на лѣсъ. Въ ней было немного картофеля, съ полумѣрку. Убытки отъ наводненія не приведены еще въ извѣстность, но, несомнѣнно, что они весьма значительны. Въ складахъ, подвалахъ залито все, товары, провизія; въ домахъ подмочена мебель, въ лавкахъ товары. Движеніе прекращено не только по московско-брестской, но и по козловско-воронежской желѣзной дорогѣ, гдѣ сорвало мостъ. Выѣхавшіе изъ Бреста до наводненія приѣзжаютъ въ Москву по курской желѣзной дорогѣ. Разлитіе Москвы-рѣки причинило Москвѣ и окрестнымъ уѣздамъ миллионныя убытки. Водою залито, между прочимъ, нѣсколько водочныхъ складовъ и фабрикъ. Изъ Воронежа сообщаютъ, что вслѣдствіе половодья и небывалаго разлива рѣкъ, правильное движеніе на воронежско-козловской желѣзной дорогѣ прекратилось. Нѣкоторые мосты сорваны, другіе сильно повреждены.

— **Народное образованіе въ Японіи.** Въ 1876 году численность элементарныхъ школъ въ Японіи около 25,000, въ которыхъ занимались преподаваніемъ 52,000 учителей. Число учениковъ доходило до двухъ миліоновъ, такъ что всего приходилось 40 учениковъ на одного учителя. По отношенію къ количеству населенія приходится одинъ ученикъ на 16 жителей. Въ 92 школахъ преподаются иностранныя языки. Японскія учительницы воспитываются въ двухъ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— **Гигантское сооруженіе.** Послѣ того, какъ Нью-Йоркъ соединенъ только-что оконченнымъ громаднымъ мостомъ съ Бруклиномъ чрезъ Истъ-Риверъ, приступлено къ сооруженію еще болѣе громаднаго предпріятія для соединенія этой торговой столицы Союза съ Джерси-Сити, лежащимъ на противоположной сторонѣ Гудзонскаго залива. Масса пассажировъ и товаровъ, идущихъ чрезъ Джерси-Сити, должны перегружаться на суда и паровые паромы, чтобъ достигнуть Нью-Йорка. Для избѣжанія излишнихъ расходовъ и потери времени, между двумя этими городами будетъ проложенъ тунель подъ рѣкою Гудзонъ, съ двойнымъ рельсовымъ путемъ для паровой дороги. Тунель и подступы къ нему будутъ имѣть до трехъ съ половиною верстъ протяженія, при ширинѣ тунеля въ 26 футовъ и вышины 24 фута. Для осуществленія этого грандіознаго предпріятія собрано 10 милліоновъ долларовъ. Со стороны Джерси-Сити уже опущена береговая шахта, отъ которой начнутся подводныя работы. Постройку тунеля надѣются окончить въ два года.

— **Разводъ изъ-за обмана.** Въ Кельнѣ разбиравлось слѣдующее бракоразводное дѣло. Какая-то дѣвица заявила въ газетахъ, что имѣла капиталъ въ 6,000 гульденовъ, ищетъ мужа. Нашелся охотникъ, который, однако, объявилъ невѣстѣ, что онъ можетъ жениться лишь тогда, если она дѣйствительно обладаетъ капиталомъ въ 6,000 гульденовъ, которые ему необходимы для открытія торговли. Молодая клялась, что у нея эта сумма имѣется и что онъ получитъ ее тотчасъ послѣ свадьбы. Свадьба состоялась, но вскорѣ оказалось, что у молодой всего только 600 гульденовъ. Обманутый мужъ подалъ въ судъ, требуя расторженія брака, какъ заключеннаго обманымъ образомъ, и судъ согласился съ его мнѣніемъ, мотивируя свое рѣшеніе слѣдующимъ образомъ: «Существенный обманъ влечетъ за собой расторженіе брака. Существенный же обманъ составляетъ не только то, что вызванная имъ ошибка имѣетъ отношеніе къ лицу или его физическимъ качествамъ, относящимся къ брачной жизни. На сколько великій обманъ можетъ принести вредъ, онъ является причиною расторженія брака. Если бы обвиняемая могла доказать, что истецъ женился бы на ней и безъ приданнаго въ 6,000 гульденовъ, то объ обманѣ не могло бы быть и рѣчи. Но такъ какъ она хорошо знала, что истецъ женился на ней только изъ-за ея приданнаго, о чемъ онъ ей заранѣе заявилъ,

то неисполненіе ея обязательствъ влечетъ за собою уничтоженіе брачнаго договора».

— **Хитрость шута.** Въ одесской газетѣ «Правда» мы находимъ слѣдующее извѣстіе: Хогганъ былъ знаменитымъ придворнымъ шутомъ во время Генриха VIII и королевы англійской Елисаветы. Разъ онъ взялъ взаймы у послѣдней 500 фун. стерлинговъ съ условіемъ уплатить ихъ къ опредѣленному сроку. Однакожъ, условенный день уплаты давно прошелъ и королева, не смотря на просьбы должника, признала въ немъ дурного плательщика. Но ему не хотѣлось уплатить долгъ и онъ рѣшился прибѣгнуть къ хитрости, которая, по его мнѣнію, должна была вывести его изъ затруднительнаго положенія. Случайно узнавъ онъ, что королева пройдетъ въ извѣстный день мимо его дома. Онъ заказываетъ себѣ гробъ и условливается со своими товарищами снести его на кладбище. Къ назначенному дню все было готово. Хогганъ ложится въ гробъ и какъ только королева прошла мимо, друзья шутника подняли его, чтобы унести на кладбище. Королева, замѣтивъ похоронную процессію, вышедшую изъ дома ея шута, приближается къ ней и спрашиваетъ имя покойника. Каково было ея удивленіе, когда она узнала въ немъ своего шута и должника. «Ахъ, восклицаетъ она, неужели этотъ забавникъ умеръ? Я, кажется, не слышала, что онъ былъ боленъ; это былъ страшный плутъ, оставшійся еще должнымъ мнѣ 500 ф. ст.; однакожъ, Богъ съ нимъ, я ихъ охотно дарю ему». При этихъ словахъ Хогганъ приподымается изъ гроба и, обращаясь къ королевѣ, говоритъ: «Позвольте мнѣ, ваше величество, выразить вамъ всеподданнѣйшую благодарность; милость, которую вы оказали мнѣ теперь, столь велика, что сразу возвратила мнѣ жизнь».

— **Луковичныя растенія.** Въ прошломъ году вывозъ изъ Голландіи луковичъ тюльпановъ, глацинтовъ, нарцисовъ и другихъ лилейныхъ растеній простирался до миліона рублей. Въ окрестностяхъ Гаарлема, Эгмонта, Вельзена, Шотена, Блѣментаала и Геестеда болѣе 250 десятинъ земли заняты теперь для разведенія цвѣточныхъ луковичъ.

— **Новый подводный телеграфъ чрезъ океанъ.** Компанія французскихъ капиталистовъ намѣрена проложить новый трансатлантическій кабель, изъ Бреста въ Нью-Йоркъ. Капиталъ, необходимый для осуществленія этого предпріятія, простирается до сорока двухъ миліоновъ франковъ.

— **Новый телеграфный приборъ.** Быстрота передачи телеграмъ составляетъ одно изъ важнѣйшихъ условій телеграфнаго дѣла. Съ помощью прибора Морзе, самый лучшій телеграфистъ не можетъ передать болѣе двухъ тысячъ словъ въ часъ. Только механическимъ путемъ возможно ускорить передачу телеграмъ. Съ этою цѣлью изобрѣтенъ недавно электромеханическій аппаратъ, при помощи котораго можно передавать телеграммы съ быстротою шестидесяти тысячъ словъ въ часъ! Аппаратъ представляетъ собою соединеніе механизмовъ фортепьяно и швейной машины и снабженъ двадцатью восемью клавишами, соответствующими такому же числу буквъ и знаковъ. Вновь изобрѣтенный приборъ принадлежитъ обществу, основанному, въ началѣ нынѣшняго года, подъ фирмою «American Rapid Telegraph Company» съ капиталомъ въ три миліона долларовъ. Новая компанія намѣрена устроить къ концу года свои телеграфныя линіи между Бостономъ и Вашингтономъ чрезъ Нью-Йоркъ и отъ Нью-Йорка до Чикаго. вмѣстѣ съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго аппарата для передачи телеграмъ, компанія намѣрена примѣнить къ дѣлу новые проводы изъ стальной проволоки, гальванизованной мѣдью; такая проволока обладаетъ значительною растяжимостію и оказываетъ большее сопротивленіе электрическому току, чѣмъ желѣзная проволока. Новый приборъ, по увѣренію изобрѣтателей, дастъ возможность отправлять телеграммы одновременно по разнымъ направленіямъ и вызоветъ множество разнообразныхъ улучшеній въ телеграфномъ дѣлѣ, особенно введеніемъ почтовыхъ телеграфовъ.

— **Снарядъ для истребленія саранчи.** Въ Америкѣ изобрѣтенъ особый снарядъ для истребленія саранчи. Фамилія изобрѣтателя Петелеръ. Снарядъ дѣлается различныхъ величинъ и стоитъ, смотря по объему, отъ 40 до 50 долларовъ. Американскія газеты увѣряютъ, что съ помощью снаряда малаго объема въ продолженіи 8—10 дней можно совершенно очистить отъ саранчи площадь въ 500 акровъ. Снарядъ поставленъ на два колеса и состоитъ изъ ящика, имѣющаго восемь футовъ высоты, двадцать футовъ ширины въ верхнемъ и шестнадцать футовъ ширины въ нижнемъ концѣ; по бокамъ и сзади стѣнки его состоятъ изъ проволочной рѣшетки; спереди находится желѣзная доска съ небольшимъ подвижнымъ аппаратомъ для захватыванія саранчи. При движеніи аппарата, который везется одною или двумя лошадьми (смотря по величинѣ), саранча цѣлыми массами попадаетъ въ ящикъ и немедленно раздавливается здѣсь. Въ штатѣ Миннесота свѣдущіе люди уже высказались въ пользу этого снаряда и рекомендуютъ приобрѣтеніе его правительственнымъ и общиннымъ властямъ.

— **Страхование отъ оспы.** Въ Нью-Йоркѣ организуется страховое отъ оспы общество. Спекуляція эта вся зиждется на принципѣ: необходимо быть красивымъ. Понятное дѣло, что дѣвушка, обезображенная оспой, врядъ-ли назвала бы это преимуществомъ. Вотъ американцы и затѣяли обязать родителей вносить при рожденіи дитяти извѣстную сумму; если случится ребенку схватить какъ-нибудь оспу, то его вознаграждаютъ деньгами, въ размѣрѣ соответствующемъ надеждамъ, какія возлагались на утраченное благообразіе.

— **Лекарство отъ чахотки.** Венгерцы говорятъ, что у нихъ почти не бываетъ чахоточныхъ и приписываютъ это обстоятельство тому, что всѣ страдающіе грудью пьютъ въ Венгріи особый напитокъ, приготовляемый изъ овса. Напитокъ этотъ препятствуетъ будто бы развитію чахотки. Венгерскіе туристы занесли въѣсть объ этомъ въ Германію, гдѣ, по увѣренію нѣмецкихъ газетъ, венгерское лекарство было уже съ большимъ успѣхомъ примѣнено многими лицами. Нужно налить въ горшокъ 1½ литра теплой воды и положить въ нее 3 полныя чашки неперосѣянной овсяной муки и ложку кислаго тѣста. Затѣмъ горшокъ ставится въ теплое мѣсто, для того, чтобы масса могла придти въ броженіе. Черезъ нѣсколько дней, иногда уже по прошествіи сутокъ, напитокъ дѣлается совершенно прозрачнымъ и, можетъ быть, употребляемъ въ дѣло. Больные пьютъ его глотками, чашки по 3 или по 4 въ день. Во время приготовленія необходимо предварительно нѣсколько развести тѣсто водой и затѣмъ примѣшивать къ нему овсяную муку, прежде, чѣмъ влить все требуемое количество воды; неравномѣрное смѣшеніе можетъ задержать процессъ броженія. Напитокъ удается всего лучше, когда содержащій его горшокъ подвергается сверху легкому дѣйствію тепла, напримѣръ на шесткѣ; но, во всякомъ случаѣ, горшокъ не слѣдуетъ ставить въ жаръ, ибо тогда получится овсяный супъ. Напитокъ готовъ, когда мука осѣла на дно и при легкомъ прикосновеніи къ горшку на поверхности не появляются болѣе воздушныя пузырьки; его сливаютъ въ бутылки и, не закупоривая ихъ, ставятъ послѣднія въ прохладное мѣсто. Напитокъ этотъ увеличиваетъ аппетитъ и ослабляетъ лихорадку. При употребленіи его не требуется никакой особой діеты.

— **Мужеубійство.** Изъ Варшавы сообщаютъ въ «Голосъ»: «Надняхъ, во второмъ отдѣленіи мѣстнаго окружнаго суда, разбиралось уголовное дѣло о мужеубійствѣ. Молодой и способный ремесленникъ, женившись на молодой и хорошенькой дѣвушкѣ, почему-то бросилъ работу и началъ пьянствовать, слоняясь по кабакамъ и пивнымъ, отчего дома явилась нужда, которая еще болѣе усилилась, когда у нихъ родился ребенокъ. Нужда со дня на день увеличивалась; жена пробовала уговаривать мужа бросить пьянство, но онъ не обращалъ на ея просьбы ни малѣйшаго вни-

манія, продолжалъ пьянствовать и, возвращаясь домой всегда навеселѣ, не разъ оскорблялъ свою несчастную жену. Однажды она была такъ жестоко оскорблена, что не вытерпѣла и бросила въ мужа ножницами, причемъ однимъ концомъ онѣ вонзились въ бокъ ремесленнику, который упалъ на землю, обливаясь кровью, а на другой день умеръ въ госпиталѣ, куда былъ отправленъ на излеченіе. Подсудимая 23 лѣтъ, сидѣла во время суда съ ребенкомъ на рукахъ; она созналась въ преступленіи, но заявила, что не имѣла намѣренія убить мужа, разсказавъ подробно, дрожавшимъ голосомъ, все происшествіе. Докторъ Савори, какъ экспертъ, показалъ, что ударомъ ножницъ сердце было пробито и потому рана была безусловно смертельна; подсудимая же, въ моментъ совершенія ея преступленія, хотя и была въ раздражительномъ состояніи, но дѣйствовала въ сознаніи. Судъ, по выслушаніи обвиненія и защиты, призналъ ее виновною въ смерти мужа, вслѣдствіе явной неосторожности, и постановилъ объявить ей выговоръ въ присутствіи суда, а также подвергнуть ее церковному наказанію».

— **Старотурецкое наказаніе.** Недавно въ Константинополѣ возникли безпорядки, вызванные тѣмъ, что булочники требовали большихъ противъ назначенной полиціей цѣнъ. Османъ-паша—плевенскій левъ—въ сопровожденіи двухъ жандармовъ подѣхалъ къ одной булочной, предъ которою собралась толпа народа, почтительно разступившаяся предъ военнымъ министромъ. Убѣдившись въ основательности жалобы народа, Гази-Османъ, на основаніи древняго турецкаго обычая, велѣлъ прибить гвоздями лѣвое ухо булочника къ двери его лавки, и эта процедура была совершена при восторженномъ ликованіи толпы. Только черезъ полчаса освободили оравшаго во все горло булочника изъ его непріятнаго положенія. Эта варварская расправа, однако, сопровождалась хорошими послѣдствіями. Булочники, не испугавшіеся денежныхъ штрафовъ и арестовъ, струсили, и съ тѣхъ поръ жалобы на дороговизну хлѣба прекратились.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 15-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту апрѣля 14-го въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту апрѣля 15-го въ 1 час. по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Миланскій соборъ (оконч.).—Стихотв. Владимира Юрѣва.—Священная война (продолж.).—Иза (продолж.).—Тайна смерти Беллы Пристлей.—Новая электрическая лампа.—Изобрѣтенія и открытія.—Помпейскія ночи (оконч.).—Стихотв. Изъ Байрона.—Книжныя новости.—Драма въ гнѣздѣ.—Къ рисункамъ.—Правительственныя распоряженія.—Новости наукъ и жизни.—Объявленія.

Гравюры: Отобраніе монастырскаго имущества въ XVI вѣкѣ.—На колокольнѣ.—Отдыхъ.—4 рис. къ ст. «Электрическая лампа».—Газетчики.—«Празднику».

Редакторъ-издатель Д. А. Карчъ-Карчевскій.

Объявленія.

Въ книжномъ магазинѣ.

С. П. ГЛАЗЕНАПА.

(Новарской пер. № 15 въ С.-Петербургѣ)

продаются, между прочимъ, слѣдующія книги:

А. Додэ. Разсказы, иллюстрированные художникомъ Н. Богдановымъ. Ц. 1 р. 25 к. въ перепл. 1 р. 50 к. (Выписывающіе эту книгу изъ книжки, маг. С. П. Глазенапа за пересылку ничего не платятъ).

Капитанъ Кирилычъ. Сербскіе разсказы. Ц. 1 р. 50 коп. съ перепл. 1 р. 80 к.

Кретовичъ. Селитряный промыселъ на Волгѣ въ хозяйственномъ и административномъ отношеніяхъ. Ц. 75 коп. съ пер. 1 руб.

Узвелль. Исторія индуктивныхъ наукъ отъ древнѣйшаго и до настоящаго времени. ц. 8 р. 50 коп. съ пер. 9 р. 60 к.

Требованія исполняются немедленно. Постояннымъ покупателямъ уступка. Приѣмъ подписки на журналы и газеты.

№ 17. Томъ I.

На годъ, съ доставкою и пересылкою — 7 руб.;
на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсц. — 2 руб.
Отдѣльн. №№ по 20 к.

С.-Петербургъ, 28 Апрѣля 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новая
улица, домъ № 6.

Годъ VII.

Пожаръ въ Оренбургѣ.

телеграфъ *) принесъ намъ потрясающее извѣстіе: лучшая часть гор. Оренбурга выгорѣла. Вотъ извѣстія объ этомъ бѣдствіи, сообщенныя «Правительственнымъ Вѣстникомъ» 18 апрѣля. Телеграммы присланы

оренбургскимъ губернаторомъ на имя г. министра внутреннихъ дѣлъ.

«1) 16-го апрѣля, въ 11½ час. вечера. При сильной бурѣ и вѣтрѣ, городъ Оренбургъ съ 10-ти часовъ утра горитъ. Нѣтъ никакихъ средствъ спасти горящія части города. Пожаръ быстро переносится изъ одного пункта на другой. Вѣтеръ и буря не утихаютъ. Бѣдствіе страшное.

«2) 17-го апрѣля, въ 8 час. 40 мин. утра. Пожаръ, начавшійся въ Оренбургѣ, 16-го апрѣля, съ 10-ти часовъ утра, продолжался, при страшной бурѣ, день и ночь. Сегодня утромъ, продолжаютъ догорать дома на всемъ пространствѣ пожара. Буря утихла. Обгорѣла одна церковь, сгорѣли: двѣ церкви, окружный штабъ, артиллерійскія казармы, городская дума, инженерное управленіе, гостинный дворъ, телеграфная станція, учительскій институтъ, казенная и контрольная палаты, военно-окружной судъ и лучшія части города. Казенныя суммы и большая часть дѣлъ спасены. Повнесенные народонаселеніемъ убытки громадны. До сего времени найдены три обгорѣвшіе трупа. Болѣе половины населенія находится безъ крова и хлѣба. Погорѣвшіе размѣщаются въ баракахъ, за городомъ и въ лѣтнемъ помѣщеніи военной гимназій. О доставленіи печенаго хлѣба телеграфировалъ самарскому губернатору и распорядился по окрестнымъ станицамъ. Части пожарной команды, по требованію моему, прибываютъ сегодня изъ Самары; предполагаю организовать комитетъ для помощи бѣдствующимъ, но масса нуждающихся столь велика, что мѣстныхъ средства будутъ далеко недостаточны. Покорнѣйше прошу, какъ можно поспособіе, изъ казны или другихъ источниковъ. При пожарѣ, за принятыми мѣрами, не было случаевъ грабежа и нападѣній. Въ числѣ пострадавшихъ, находится весьма много должностныхъ лицъ всѣхъ вѣдомствъ».

*) Телеграммы обнародованы въ Петербургѣ въ то время, когда 16 № нашего журнала уже напечатался, вотъ почему онѣ вошли только въ 17 №. Ред.

По полученіи этихъ телеграммъ г. министр внутреннихъ дѣлъ передалъ выѣзжающему изъ Петербурга оренбургскому генералъ-губернатору 10,000 рублей для раздачи на первый случай наиболѣе пострадавшимъ жителямъ.

Затѣмъ 19 апрѣля тѣмъ же «Правительственнымъ Вѣстникомъ» напечатаны слѣдующія двѣ телеграммы.

1) Отъ министра Императорскаго Двора, изъ Ливадіи. Извѣстіе объ оренбургскомъ пожарѣ крайне огорчило Государя Императора. Его Величество изволилъ совершенно одобрить распоряженіе ваше о немедленномъ пособіи пострадавшимъ, и повелѣлъ мнѣ послать туда еще десять тысячъ отъ Его Имени. Въ Москву также послано мною десять тысячъ для пострадавшихъ отъ наводненія и пять тысячъ вообще для раздачи бѣднымъ.

2) Отъ оренбургскаго губернатора отъ 18-го апрѣля. Комитетъ оказанія помощи погорѣльцамъ открытъ и приступилъ къ своей дѣятельности. Помощь оказывается отводомъ помѣщеній въ артиллерійскихъ баракахъ и военной гимназій, выдачею хлѣба и продуктовъ, доставленныхъ изъ Самары. Причина пожара неосторожность. Денежныя суммы городского банка, общества взаимнаго кредита, отдѣленія Государственнаго банка спасены, за исключеніемъ въ послѣдствіи на незначительную сумму кредитныхъ билетовъ, исплѣвшихъ въ нестеряемомъ шкафу. Зданіе Государственнаго Казначейства не сгорѣло. Казенныя суммы въ сохранности; дѣлъ казенной палаты не было возможности спасти. Сгорѣли: 949 домовъ, двѣ церкви, мечеть, 4 мельницы, 292 лавки съ кладовыми, дегтярныя и угольные балаганы, мясной, овощной, лѣсной и дровяной базары. Кромѣ зданій, о коихъ уже извѣстно изъ моей телеграммы 16-го апрѣля, сгорѣли: женская гимназія, прогимназія, общественное собраніе, богадѣльня, помѣщеніе тургайскаго губернатора, первая полицейская часть, камера мирового судьи; зданіе контрольной палаты спасено отъ истребленія.

Такимъ образомъ, оказывается, что болѣе половины населенія значительнаго города осталось безъ крова и хлѣба! Оно нуждается въ быстрой и безотлагательной помощи. Конечно, многіе изъ нашихъ читателей пожелаютъ внести посильную жертву въ пользу нуждающихся погорѣльцевъ.

Редакція «Жив. Об.», въ свою очередь, принимаетъ на себя посредничество для передачи поступившихъ въ ея контору пожертвованій въ распоряженіе комитета, организованнаго для помощи бѣдствующимъ. Въ каж-

домъ № нашего журнала будетъ публиковаться, какъ о жертвователяхъ, такъ объ отправкѣ пожертвованныхъ денегъ и полученіи въ томъ квитанціи.

Пѣсня.

Изъ Гюнтера. Переводъ А. Комарова *).

Братъ, будемъ веселѣй!

Дни весны предъ нами

Путь далекій все сильнѣй

Золотятъ лучами.

Гробъ не ждетъ своихъ жильцовъ:

Кто успѣлъ нарвать цвѣтовъ—

Вѣнчай себя цвѣтами.

Быстро наша жизнь идетъ,

Гадко ей насилье

И судьбы суровой гнетъ

Придастъ ей крылья.

Можетъ быть, нашъ гробъ готовъ,

Избѣжать его оковъ—

Напрасное усилье!

«Гдѣ кружокъ друзей бывалъ?

Спросишь ты съ похмѣлья.—

Какъ и въ насъ, кинѣли въ нихъ

Юность и веселье».

Прахъ ихъ скрытъ сырой землей,

Души ихъ въ странѣ иной

Справляютъ новоселье!

Ищешь праотцевъ ты слѣдъ?

Справься на погостъ

И дадутъ тебѣ отвѣтъ

Стгнившія ихъ кости.

Утро близко,—но сейчасъ

Можетъ смерть отправить насъ

Къ любезнымъ предкамъ въ гости.

Будь, что будетъ,—все равно!

Пусть за мною слѣдомъ

Всѣхъ васъ съ ногъ сшибетъ вино:

Не уступимъ дѣдамъ!

Сохпеть въ горлѣ у меня,

Не лѣнитесь же, друзья,

И чокайтесь съ сосѣдомъ!

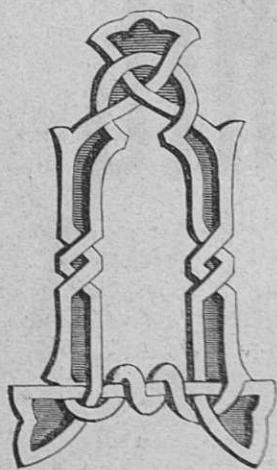
*) Гюнтеръ (1695—1723) одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ и самыхъ несчастныхъ поэтовъ старой Германіи. Онъ являлся прототипомъ тѣхъ загубленныхъ талантливыхъ личностей, силами которыхъ не умѣло воспользоваться общество и которые сами не умѣли подладиться къ жизни благодушествующаго бюргерства.

Милые бездѣльники.

Очерки А. Н. Соновнина.

Предисловіе.

а что вы мнѣ толкуете объ общественных интересахъ, объ общественной дѣятельности, когда у насъ бездѣльники на бездѣльничѣ сидятъ и бездѣльникомъ погоняютъ! сильно горячился одинъ господинъ среднихъ лѣтъ, споря въ обществѣ пріятелей о нашихъ общественныхъ дѣлахъ.

— Да, положимъ, что у насъ и много мерзавцевъ, началъ кто то изъ его противниковъ примирительнымъ тономъ.

— Да я вовсе же не про мерзавцевъ говорю, а про бездѣльниковъ, перебилъ его горячій спорщикъ. — Мерзавцевъ вездѣ непочатой уголь, гдѣ есть люди, а я говорю про бездѣльниковъ, т. е. про людей, которые ничего не дѣлаютъ, пальца о палецъ не ударятъ, лежатъ на боку до гробовой доски. Вотъ какого добра у насъ больше всего во всѣхъ сферахъ. Куда вы ни толкнитесь, вы всюду наткнетесь на такого бездѣльника. Иной — милѣйшій человѣкъ, а все таки бездѣльникъ. Что-жъ мудренаго, если при такихъ господахъ дѣла плохо двигаются впередъ и въ думахъ, и въ банкахъ, и вездѣ...

— Да почему же ихъ много именно у насъ? спросилъ кто-то спорщика.

— А я почему знаю!.. Можетъ быть, потому, что нигдѣ не можетъ быть легче, чѣмъ у насъ, прожить всю жизнь безъ дѣла. Мы, по своему благодушію, всегда готовы и пріютить, и накормить, и одѣть тунеядца и выгоняемъ его только тогда, когда ужъ окончательно убѣдимся, что онъ прохвостъ... Я, по крайней мѣрѣ, встрѣчалъ втеченіи своей жизни такую массу подобныхъ бездѣльниковъ, что изъ ихъ біографій можно бы книгу цѣлую составить.

— Чтожъ, расскажите что-нибудь изъ своихъ наблюденій, пристаи мы всѣ къ горячему спорщику. — Оно будетъ кстати: бесплодные споры надобны, а расходиться еще рано. Вы поможете убить время.

— Ну да, я такъ и зналъ, что сведется на это: помогать убивать время и убивать время — это какъ разъ занятіе русскаго бездѣльничества, сердито проговорилъ спорщикъ. — Впрочемъ, если хотите, буду рассказывать... будемъ убивать время...

И онъ началъ свои рассказы, которые я и передамъ читателю, прося его не забывать, что «наши бездѣльники», въ сущности, могутъ быть даже очень милыми людьми, добрыми малыми.

I.

Отставная царица.

Ежегодная ярмарка одного изъ большихъ южно-русскихъ городовъ должна была открыться черезъ два дня. Въ городъ набѣжали изъ ближайшихъ и отдаленныхъ мѣстностей помѣщики и купцы, евреи и татары, шулера и антрепренеры. Весь городъ пришелъ въ движеніе, вездѣ слышались самые разнообразные звуки, тутъ ругались, тамъ вколачивали какіе-то гвозди, въ третьемъ мѣстѣ немолчно звучали топоры, прилаживая къ чему-то какія-то доски. Но едва-ли не въ самой сильной степени отражались ярмарочный гамъ и ярмарочная суеда въ квартирѣ, занятой однимъ изъ нашихъ извѣстныхъ комиковъ тридцатыхъ годовъ Щелковымъ, пріѣхавшимъ въ городъ съ семьей, чтобы, по приглашенію мѣстнаго антрепренера, дать нѣсколько представленій. Щелковъ былъ хорошій мужъ и отецъ семейства, добрый

братъ и товарищъ, а потому никуда не бѣдилъ одинъ и всюду таскалъ съ собою вмѣстѣ со своими костюмами и париками цѣлое полчище разныхъ чадъ и домочадцевъ. Жена, дѣти, сестры, какой-то суфлеръ-товарищъ, гдѣ-то подобранный на дорогѣ сирота-мальчикъ, котораго куда-то хотѣли опредѣлить, вся эта пестрая толпа самыхъ разнохарактерныхъ лицъ сопровождала Щелкова и этотъ маленькій, толстенный и лысенькій добрякъ, вѣчно обливаясь потомъ, вѣчно суетясь, вѣчно стараясь вывести кого-то въ люди, выбивался изъ силъ, чтобы размѣстить и пристроить, чтобы накормить и успокоить свою «команду», а тутъ, какъ нарочно, подвертывался ему подъ руку какой-нибудь оборванный субъектъ съ разсказами о своемъ влеченіи къ театру и возникали новые хлопоты о спасеніи «таланта». «Талантъ», по большей части, оказывался какимъ-нибудь бездарнымъ проходнымъ, какимъ-нибудь кабачнымъ тунеядцемъ, обкрадывавъ своего благодѣтеля, производилъ дебоши и, наконецъ, исчезалъ. Но Щелковъ не смущался, не унывалъ и, мирно посасывая изъ длиннаго чубука трубку, добродушно замѣчалъ:

— Ну, прохвостъ оказался, ну испорченъ съ дѣтства до мозга костей, а талантъ, все-таки талантъ! Я вотъ и самъ чуть такимъ не сдѣлался, если бы не добрые люди. Право! Тоже хорошъ гусь былъ прежде, по Владиміркѣ бы пошелъ, если бы не благодѣтели. Ей Богу!

И Щелковъ рассказывалъ разные ужасы о томъ, какимъ негодяемъ готовился онъ сдѣлаться.

Теперь онъ нывѣчился и носился съ какой-то молодой, очень высокой, весьма дебѣлой женщиной, въ которой онъ провидѣлъ великія способности изображать царицъ въ классическихъ пьесахъ Корнеля, Расина, Озерова и Сумарокова. Онъ такъ и называлъ ее «царицей».

— Вы посмотрите, посмотрите! говорилъ онъ, захлебываясь отъ восторга, всѣмъ и каждому. — Вѣдь это царица, какъ есть царица! Что за фигура, что за движенія! Не ходитъ, а плаваетъ!

И дѣйствительно, Аглая Ивановна Акимова двигалась съ величественною медленностью, отличалась властительною привычкою пользоваться чужими услугами, съ невозмутимымъ спокойствіемъ героини классической трагедіи не занималась никакимъ будничнымъ дѣломъ. Къ семьѣ Щелкова она «пристала» случайно, какъ «приставала» случайно прежде и къ другимъ людямъ. Такъ «пристаютъ» на улицахъ бездомныя собаченки къ первому попавшемуся прохожему. Выросла она въ какой-то русской хлѣбосольной семьѣ купцовъ на пирогахъ и блинахъ, на калачахъ и сайкахъ, ни о чемъ не думая, ничѣмъ не волнуясь, распозалась въ ширину, вытягиваясь въ вышину, какъ ошара, приготовленная на хорошихъ дрожжахъ. Потомъ, послѣ смерти купцовъ-благодѣтелей, въ нее влюбился какой-то провинціальный актеръ Акимовъ и, тронутый ея одиночествомъ, ея печальнымъ положеніемъ, посватался за нее, а, можетъ быть, и не посватался, а просто она и къ нему «пристала» и пришлось жениться. Щелковъ былъ на этой свадьбѣ посаженнымъ отцомъ, такъ какъ въ Акимовѣ онъ видѣлъ «звѣзду, восходящую звѣзду!» Черезъ три-четыре года, Акимовъ, холившій и берегшій свою величественную супругу, умеръ отъ чахотки и супруга его отправилась на хлѣба къ «посаженному», т. е. къ Щелкову. Щелковъ не зналъ, что съ нею дѣлать, куда ее пристроить, какъ вдругъ его озарила мысль, что его «нареченная дочь» имѣетъ великія способности играть царицъ, и вотъ онъ началъ биться, отшлифовывая этотъ «алмазъ». Отшлифовать алмазъ было очень не легко, такъ какъ будущая классическая царица, выросшая безъ заботъ и тревогъ, не знала даже грамоты и очень равнодушно относилась ко всякой шлифовкѣ. Роли она должна была заучивать «съ голоса».

— Ну, экая важность! говорилъ Щелковъ. — И Семеновы не больно грамотны, а какіе самородки! Чистѣйшей воды алмазы!

Но сходство Аглаи Ивановны съ разными безграмотными самородками заключалось только въ ея безграмотности. На первомъ же дебютѣ она потерпѣла полное fiasco. Правда, она произвела нѣкоторый эффектъ, но этотъ эффектъ былъ крайне своеобразный: во время самаго страстнаго, а потому и самаго длиннаго монолога героя она прикрыла ротъ рукой «по-купечески» и безцеремонно зѣвнула. Эта неудача очень опечалила добродушнаго Щелкова, но нисколько не тронула Аглаю Ивановну.

— Вѣдь посмотрите на нее: царица, какъ есть царица! восклицалъ онъ, волнуясь. — А на сценѣ пень, сущій пень!.. Зѣваетъ-съ во время монологовъ, да еще ручкой изволитъ прикрываться!..

Аглая Ивановна со своей стороны говорила:

— И выдумалъ «посаженный» учить меня! Простое муча мученская! Да Богъ съ нимъ и съ театромъ, если каждый разъ надо такъ мучиться! И ходи-то такъ, а не этакъ, и говори-то Богъ знаетъ что, и на полъ-то падай!.. А! да Богъ съ нимъ, и съ театромъ-то съ этимъ!.. Знала бы, такъ и не мучилась бы этимъ ученіемъ!..

И она была права: для чего ей было утруждать свою персону, когда у «посаженного» можно было и спать, и ѣсть, и пить вволю, когда можно было сидѣть, ничего не дѣлая, и лущить подсолнечныя сѣмячки съ утра до ночи, глядя въ окно на ярмарочныя сцены, тараторя съ сестрами и племянницами «посаженного». Чего лучше? Это-ли не жизнь!

Но дебютъ Аглаи Ивановны не прошелъ безслѣдно. Ее увидѣлъ на сценѣ молодой помѣщикъ Александръ Петровичъ Дерюгинъ-Смирницкій и воспыпалъ къ ней любовью. Любовью онъ пропитался ко всѣмъ женщинамъ, которыя были выше его ростомъ, а выше его ростомъ были чуть не всѣ женщины, такъ какъ онъ по своей фигурѣ скорѣе могъ быть причисленъ къ разряду карликовъ, чѣмъ къ разряду людей средняго роста. Дебѣлая красавица съ плавными движеніями, съ роскошными формами были его слабостью. Маленькій, юркій, трусливый и сладенькій, онъ мѣлъ передъ подобными женщинами, но мѣлъ молча, бояливо, не смѣя признаться въ любви. Вѣроятно, и романъ съ Аглаей Ивановной кончился бы этимъ мѣлніемъ и не зашелъ бы далѣе, если бы Александръ Петровичъ не попалъ къ Щелкову однажды въ то время, когда въ квартирѣ кромѣ Аглаи Ивановны не было никого. Она встрѣтила гостя и величаво пригласила его присѣсть. Онъ молча принялъ предложеніе и замеръ въ умильномъ созерцаніи красотъ своей собесѣдницы. Всѣ онѣ были такія выпуклыя, что невольно бросались въ глаза.

— А вы въ городѣ или въ деревнѣ живете? спросила она его, погрызвая подсолнечныя сѣмячки.

— Въ деревнѣ-съ, отвѣтилъ онъ.

— Въ деревнѣ лучше, замѣтила она. — Я, если бы у меня была деревня, все бы тамъ жила. Тутъ притомнись въ этихъ платьяхъ. А тамъ падѣла холода и ходи себѣ или лежи въ жару.

Александръ Петровичъ не зналъ, что за одежду называетъ его собесѣдница «холодаемъ», но ему, вѣроятно, представилась эта одежда чѣмъ-то вродѣ костюма Евы и онъ сладко улыбнулся.

— Что-жъ у васъ и могла бы быть-съ деревня, началъ онъ, потупляя глаза, и не кончилъ.

— Да, вотъ если какой помѣщикъ същется, отвѣтила она съ величественнымъ спокойствіемъ.

— Какъ не съскается! захлебнувшись отъ восторга голосомъ сказалъ онъ.

Они помолчали. Александръ Петровичъ едва переводилъ дыханіе, глядя на обнаженные, тол-

стыя руки Аглаи Ивановны, на ея колышающуюся под узким лифомъ грудь, на ея рдѣвшія румянцемъ щеки.

— А вы женаты? вдругъ спросила она, прямо уставивъ на него глаза.

— Я-съ? переспросилъ онъ, потупляясь. — Я-съ?.. Нѣтъ-съ!..

Наступила пауза. Бѣлые, крупные зубы Аглаи Ивановны грызли сѣмячки.

— Отчего же? опять послышался ея вопросъ.

— На комъ же-съ? пробормоталъ онъ и засмѣялся.

Въ эту минуту вернулся кто-то изъ семьи Щелковыхъ и разговоръ былъ прерванъ. Минутъ черезъ десять гость ушелъ.

— А вы заходите къ намъ еще, сказала Аглая Ивановна ему на прощанье и протянула свою руку.

Гость шаркнулъ ножкой, пожалъ руку, потомъ быстро поцаловалъ ее и, красный, какъ піонъ, выбѣжалъ козликомъ изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько дней онъ былъ опять у Щелкова и опять бесѣдовалъ наединѣ съ Аглаей Ивановной. Среди разговора онъ рискнулъ взять ее за руку и пробормотать:

— Вы очаровательница!

— А вы женитесь на мнѣ, просто и спокойно отвѣтила Аглая Ивановна.

Дерюгинъ — Смирницкій замеръ отъ наплыва какихъ-то сладкихъ ощущений, а Аглая Ивановна встала передъ нимъ и погладила его по волосамъ.

— Вы ничего, хорошій, проговорила она.

Передъ самими его глазами ровномѣрно подымалась пыльная грудь, стянута узкимъ лифомъ; онъ не выдержалъ и скрылъ свое лицо на этой груди.

Отставная царица театральныхъ подмостковъ, благодѣтельницаваъ такимъ образомъ Дерюгина-Смирницкаго, поѣхала на покой въ его деревню Самодуровку, Лыково тожъ.

— Саша, а Саша! Да куда ты запропастился!.. Аксютка, гдѣ баринъ? Бѣги, паршивица, за баринкомъ...

Эти приказанія раздавались въ спальнѣ барскаго дома въ Самодуровкѣ и отдавала ихъ лѣнивымъ голосомъ сама отставная царица. Она лежала на постелѣ въ бѣломъ «холодаѣ», то есть въ какой-то широчайшей блузѣ съ греческими рукавами. И рукава, и сама блуза, все это висѣло на жирномъ, бѣломъ, выхоленномъ тѣлѣ. Это была не женщина, а большая, большая, бѣлая пуховая перина.

— Что тебѣ, Глашокъ?.. Ты звала меня? суетливо спрашивалъ Александръ Петровичъ, мелкими шажками вбѣгая въ спальню.

— Да, вотъ два часа битыхъ заснуть не могу, измаялась совсѣмъ. Почитай, что ты тамъ началъ про Кузьму Рощина вчера; авось, засну, отвѣтила Аглая Ивановна.

— Сейчасъ, сейчасъ, Глашокъ, засуетился Александръ Петровичъ. — Я прикорнулъ у себя немного... Я сейчасъ...

— Аксютка, ты на полъ положи мнѣ подушки, а то жара тутъ, приказала Аглая Ивановна.

Аксютка, босоногая крѣпостная дѣвка, поспѣшно разостлала на полу коверъ и положила подушки. Аглая Ивановна лѣниво поднялась съ постели, также лѣниво дошла до разостланнаго ковра и также лѣниво опустилась на полъ и легла на спину.

— Гоняй мухъ! Одолѣли проклятыя! проговорила Аглая Ивановна. — Да скажи ты, Саша, бабамъ, чтобы завтра въ лѣсъ за мухоморами шли. Тутъ помираешь отъ мухъ, а онѣ мухоморы побрать не могутъ.

Аксютка начала гонять надъ головой отставной царицы мухъ опахаломъ домашняго издѣлія.

Александръ Петровичъ приѣхалъ на скамѣчку и сталъ читать.

— Охъ, вотъ маета-то... разломилъ всю, а сна нѣтъ... вздыхала Аглая Ивановна. — Аксютка, позови Палашку, пусть волосы почешетъ.

Аксютка побѣжала за Палашкой.

— Чеши волосы!

Палашка сѣла въ изголовьи у Аглаи Ивановны и начала мелкимъ гребешкомъ почесывать барынь голову. Аглая Ивановна растегнула воротъ холодея, откинула вверхъ греческіе рукава, томно зажмурила глаза и мало по малу, при помощи чтенія и почесыванья головы, заснула сладкимъ сномъ съ блаженною улыбкою на лицѣ. Александръ Петровичъ махнулъ «дѣвкамъ» рукою, тѣ перестали чесать и обмахивать барыню. Съ минуты онъ посмотрѣлъ съ умильной улыбкой на роскошныя формы раскинувшейся передъ нимъ его супруги и на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты.

Онъ былъ вполне счастливъ: такой роскошной женщиной не обладалъ никто въ цѣлой губерніи.

Александръ Петровичъ былъ человѣкъ мягкій и добрый; крестьяне у него жили какъ у Христа за пазухой; онъ даже мечталъ что-то такое сдѣлать, чтобы имъ жило еще лучше. Но его женитьба измѣнила все, хотя онъ и самъ не замѣчалъ этой переменъ. Какъ многіе малолетние и слобосильные люди, онъ не любилъ показывать видъ, что имъ кто-нибудь управляетъ, что его кто-нибудь держитъ въ рукахъ. Онъ никогда бы не рѣшился сознаться даже передъ самимъ собою, что онъ попалъ подъ башмакъ жены. Подобно герою какой-то старинной пьесы, онъ могъ отъ страха спрятаться подъ столъ, но и тамъ онъ оказалъ бы, что онъ сидитъ подъ столомъ потому, что это правится ему. Такихъ самостоятельныхъ людей у насъ непочатой уголь. Онъ говорилъ: «Я балую Глашу, но у меня въ домѣ моя воля—законъ». Онъ не замѣчалъ только одного, что ему приходилось на каждомъ шагѣ вовсе отказываться отъ своей воли, чтобы имѣть возможность баловать жену. Она ему никогда ничего не приказывала, она только ласкала его, когда онъ былъ покоренъ ей, и была холодна съ нимъ, когда онъ не баловалъ ее.

— Вы у насъ настоящая королева! говорилъ исправникъ Аглаѣ Ивановнѣ. — Идете, какъ лебедь бѣлая. Взгляните—рублемъ подарите. Повелѣвать бы вамъ только!

— Ишь ты финтикъ самъ-то какой, а жену этакую подцѣпилъ! говорилъ Александру Петровичу отставной ротмистръ Павлищевъ, сосѣдь его по имѣнію.

— Ваша супруга—русская боярыня! съ чувствомъ замѣчалъ деревенскій священникъ Дерюгину-Смирницкому. — Степенная, величавая, а не то что кака-нибудь нѣмка поджарая!

Александръ Петровичъ слушалъ эти рѣчи и гордился своею супругою. Онъ, какъ во времена своего сватовства, все еще продолжалъ восхищаться ея роскошными формами, все еще не могъ пресытиться ея прелестями, все еще игралъ роль восторженнаго любовника, который бонется и повѣрить, что онъ имѣетъ право дѣйствительно обладать сводящимъ его съ ума сокровищемъ. Аглая Ивановна вовсе не была страстною женщиною, но она была именно изъ числа тѣхъ роскошно распустившихся женщинъ, которыя разжигаютъ страсти, будучи созданы только для этой чисто животной жизни, не направляя умовъ встрѣтившихся съ ними людей ни къ чему иному, кромѣ этихъ животныхъ инстинктовъ, не давалъ людямъ ничего, кромѣ возможности вволю насладиться этой животной жизнью. Это было тѣло и больше ничего. Когда Александръ Петровичъ провинялся въ чемъ-нибудь передъ Аглаей Ивановной, она не кричала, не бранилась, а только, тихо похлопывая, говорила:

— Поди ты, Саша! Не любишь ты меня! Не знала я, что ты такой! Вонъ другіе не такъ бы меня лелѣли да ласкали!

И затѣмъ она уходила въ свою спальню и запырлась. На всѣ просьбы и моленія Александра Петровича, чтобы она вышла, получался одинъ отвѣтъ:

— Я совсѣмъ расхворалась! Оставь ты меня, пожалуйста! На что я тебѣ пужна, ужъ если ты разлюбилъ...

Потомъ, когда дверь открывалась, когда Александръ Петровичъ бросался цаловать руки жены, она тихо отстраняла его и твердила:

— Не надо, не надо!.. Ужъ если разлюбилъ, то нечего и цаловать...

Это доводило Александра Петровича чуть не до сумасшествія. Онъ ползалъ передъ своею супругою на колѣняхъ и вымаливалъ прощеніе.

— Нѣтъ, нѣтъ, ступай! твердила она. — Ты Акулькѣ косы не хотѣлъ обрѣзать за то, что она меня измучила окаянная; вѣрно, Акулька-то тебѣ дороже, такъ и иди къ ней, а меня цаловать нечего, я посылая тебѣ... Только кто тебя ласкать-то будетъ такъ, какъ я. Гдѣ ты такую-то другую найдешь, какъ я. Если бы ты не обманулъ меня, ягненкомъ прикинувшись, я, можетъ быть, губернаторшей или предводительшей была бы. Вонъ про меня сама судыха сказала, что я точно молокомъ отпоенная, а ужъ у нея на что завидующіе глаза. Такъ такую-то жену другой мужъ на рукахъ бы носилъ, ножки и ручки у нея цаловалъ бы. И если бы ты еще самъ-то гусаръ, либо какой ни на есть видный человѣкъ былъ, а то вонъ всѣ смѣются, говорятъ: «за что вы только его, Аглая Ивановна, любите? Никакого въ немъ виду и представленія нѣтъ». Да, вотъ что люди-то говорятъ, а я, дура, къ тебѣ привязалась, къ обманщику...

Повелительница говорила и много, и долго, пересчитывая всѣ грѣхи своего вѣропопданнаго и выставляя на видъ всѣ свои заслуги. Александръ Петровичъ терялъ голову: стригъ косу Акулькѣ, сѣкъ Палашку, сдавалъ въ солдаты Ваську, лишь бы имѣть право наслаждаться любовью своею царицы.

Счастливая жизнь пошла въ домѣ. Захочетъ Аглая Ивановна пиръ устроить, проситъ мужа гостей созвать.

— Дорого это будетъ стоить, Глашокъ, робко замѣчаетъ онъ.

— Ну да, Саша, тебѣ всегда жаль для меня денегъ, для меня все дорого, замѣчаетъ она, вздыхая.

— Что ты, что ты, Глашокъ! восклицаетъ онъ поспѣшно.

И гости съываются, пиръ устраивается.

— Ну, ужъ и угостили же вы насъ? говоритъ кто-нибудь изъ гостей. — Вскочило вамъ въ копѣчку это празднество.

— Это все Саша, говоритъ Аглая Ивановна, ласково глядя на мужа. — Онъ у меня все самъ, меня ни къ чему и не подпускаетъ. Онъ вѣдь у меня—хозяинъ мой и тиранъ мой. Платья себѣ сама ни одного не купила, все онъ—и сѣздитъ, и купитъ.

— Избаловалъ онъ меня, совсѣмъ избаловалъ. Какъ-то только мнѣ безъ него жить будетъ, я ужъ и не знаю. А онъ вотъ не бережетъ себя, на охоту ѣздитъ, простужается.

Останутся супруги вдвоемъ, хочетъ Александръ Петровичъ поохотиться, Аглая Ивановна говоритъ:

— Саша, не ѣзди, простудишься ты, голубчикъ! Пожалѣй ты меня! Здоровье у тебя слабое; храни Господи, еще что-нибудь сдѣлается! Вѣдь я безъ тебя пропаду, тобой я только и держусь. Остапись лучше, почитай вотъ мнѣ что нибудь!

— Да я не надолго, робко замѣчаетъ мужъ.

— Видно, надоѣло тебѣ сидѣть со мною, вздыхаетъ жена.

— Полно, полно Глашокъ, что ты! восклицаетъ мужъ.

И мужъ остается, читаетъ, убаюкиваетъ жену чтеніемъ. А она говоритъ потомъ при немъ со сѣдямъ:

— Вѣдь до чего онъ бережетъ меня: на охоту пересталъ ѣздить. «Мнѣ, говоритъ, для тебя беречь себя пужно! Ты у меня, ровно дитя малое, неопытна, ничего не знаешь, ничѣмъ не управляешь. Тебѣ безъ меня и дня не прожить!» Охъ, набаловалъ меня, набаловалъ на бѣду.

Александръ Петровичъ глядитъ гордо, сознавая, что онъ дѣйствительно хозяинъ въ домѣ, что онъ относится къ женѣ, какъ баловникъ-отецъ, что онъ не далъ ей забрать себя въ руки.

И все счастливыѣ и счастливыѣ текла жизнь въ ихъ домѣ. Александръ Петровичъ уже безъ всякихъ просьбъ и слезъ жены предугадывалъ ея желанія, онъ уже самъ убѣдился въ слабости своего здоровья и потому не ѣздилъ на охоту, не кутилъ съ пріятелями. Аглая Ивановна, катаясь какъ сыръ въ маслѣ, все рѣже и рѣже подвергала мужа опалѣ и отлученію отъ себя и осыпала его нѣжными ласками, словесными заботами о его здоровьѣ.

Среди этого мирнаго затишья засталъ ихъ племянникъ Александра Петровича — молодой петербургскій чиновникъ по особымъ порученіямъ Петръ Васильевичъ Дерюгинъ-Смирницкій.

Въ домѣ дяди пріѣзжаго гостя встрѣтили радушно, но его поразило въ этомъ домѣ все, и безграмотная и вѣчно праздная тетка, и превращеніе дяди изъ веселаго человѣка въ какого-то запуганнаго старикашку, и таинственные толки дяди о запутанности его дѣлъ и о плохомъ состояніи его здоровья.

— Дѣла-то у меня, Петя, плохи, шепталъ старикъ, моргая глазами. Имѣньишко-то заложено и перезаложено, долгишки на сторонѣ есть, а здоровье-то schwach, очень schwach! Я ужъ и не ѣмъ почти ничего, чтобы желудокъ не засорить. Вотъ купилъ два лечебника, самъ, знаешь, хочу лечиться. Докторовъ вѣдь позовешь, такъ Глашу напугаешь. А я отъ нея все скрываю. Она у меня вѣдь, какъ ребенокъ, ничего не понимаетъ. Вотъ Гуфеланда теперь пробую, по его методѣ хочу пользоваться...

— Да полно вамъ, дядя, выдумывать небывалыя болѣзни! замѣтилъ племянникъ. — Ободритесь, выѣзжайте, разсѣивайтесь, и будете здоровы. Вы здѣсь хандру нажили, затворившись съ женою. Такъ нельзя. Вы вонъ даже газетъ не читаете.

— Ахъ, Петя, Петя! съ укоромъ сказалъ Александръ Петровичъ. — Ну, что я стану газеты читать, когда это Глашѣ никакого удовольствія не приноситъ? Она женщина, ее эта политика тамъ не занимаетъ, ей романы нравятся...

— Да вы ей и не читайте газетъ, а читайте ихъ для себя...

— Безъ нея-то? Что ты, что ты, Петруша!.. Да вѣдь она со скуки, голубушка, помретъ, если я буду все одинъ да одинъ про себя читать...

— А не выѣзжаете-то отчего?

— Да все нездоровится...

— Полноте, дядя, вы совсѣмъ здоровы.

— Да и нельзя Глашу одну оставить. Что же я за мужъ буду, если буду бросать жену...

— Ну, ѣздите съ ней...

— Петя, Петя, развѣ ты не видишь, что она женщина сырая, болѣзненная. Гдѣ ей выѣзжать!

— Набаловали вы ее, вотъ я вамъ что скажу, замѣтилъ племянникъ.

— Тсъ! тсъ! Что ты, что ты! замахалъ руками Александръ Петровичъ. — Я набаловалъ Глашу...

я!.. Вотъ выдумалъ... Ты этого ей не скажи... Она женщина слабая, болѣзненная, нервы тоже... Ахъ, ахъ, что придумалъ!.. Грѣхъ тебѣ, Петруша!..

Петръ Васильевичъ только пожалъ плечами и тономъ сожалѣнія промолвилъ:

— Жаль мнѣ васъ, дядя, очень жаль! Не такимъ вы были прежде...

Петръ Васильевичъ уѣхалъ отъ дяди, глубоко возмущенной всѣмъ, что онъ видѣлъ. Еще болѣе возмущали его жалобныя письма дяди, гдѣ старикъ писалъ, что онъ теперь и лѣтомъ фуфайку носить, что онъ выписалъ какую-то жизненную эссенцію и только ею поддерживаетъ жизнь, что онъ уже пересталъ ѣсть и мясо, такъ какъ это тяжело для его желудка.

— Несчастный старикъ! Поддался вліянію глупой бабы, разорился, оглубѣлъ, дошелъ до маніи, что онъ болѣнъ, говоритъ Петръ Васильевичъ. — Я бы проучилъ эту бабу. Пятьдесятъ лѣтъ провалялась на печи, жила на чужой шеѣ, пальца о палецъ не стукнула. И гдѣ, кромѣ Россіи, можетъ просуществовать такой паразитъ, какъ она? И вѣдь находились же дураки, которые всю жизнь поддерживали ее. Просто удивляться нужно нашей російской глупости, нашему благодушію!...

Но переписка дяди и племянника дѣлалась все рѣже, дѣла Петра Васильевича по службѣ становились все сложнѣе, онъ дѣлался все солиднѣе и наконецъ изъ него выработался типъ истого директора департамента. Невозмутимый, гладко выбритый, съ красивыми бакенбардами, серьезный по виду, онъ занимался теперь общественною службою и уже не волновался разными мелочами въ родѣ того, что какой-то его дядя одурѣлъ подъ вліяніемъ глупой бабы. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Петръ Васильевичъ Дерюгинъ-Смирницкій даже вовсе забылъ, что у него есть гдѣ-то на Руси какой-то дядя.

Былъ одинъ изъ праздничныхъ дней, когда Петръ Васильевичъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать визиты къ своимъ высокопоставленнымъ друзьямъ и пріятелямъ. Онъ довольно долго просидѣлъ у зеркала, подправляя бакенбарты, повязывая галстухъ и причесывая волосы на головѣ такъ, чтобы скрыть маленькую лысину въ пятакъ на затылкѣ. Смотрился въ зеркало, онъ замѣтилъ въ волосахъ на вискахъ пару сѣдыхъ волосъ, помолчился и началъ вылавливать ихъ, чтобы выдернуть этихъ предательскихъ вѣстниковъ приближавшейся старости. Довольно долго ускользали они изъ подъ его пальцевъ, наконецъ онъ захватилъ ихъ и сталъ отдѣлывать отъ нихъ попавшіеся подъ руку не сѣдые волосы, не желая лишать голову этого украшенія. Занятіе подвигалось впередъ медленно и такъ поглотило все вниманіе Петра Васильевича, что онъ не замѣтилъ вошедшаго въ комнату лакея.

— Тетушка вашего превосходительства изволили пожаловать, доложилъ лакей.

— Что? крикнулъ Петръ Васильевичъ и выдернулъ изъ головы штукъ пять зажатыхъ между пальцами волосъ.

Лакей повторилъ докладъ.

— Какая тетушка? Откуда? Нѣтъ у меня...

Но Петръ Васильевичъ не кончилъ. Въ комнату торопливыми шагами вошла высокая, толстая старуха и бросилась къ нему съ словами.

— Вотъ онъ мой голубчикъ, дорогой мой!

Петръ Васильевичъ не успѣлъ еще опомниться, какъ его уже сжимала въ объятіяхъ Аглая Ивановна, измявъ ему и воротнички и грудь крахмальной рубашки.

— Благодѣтель мой, одинъ ты у меня остался, никого больше нѣтъ у меня, у сироты! говорила она, цалуя его и орошая слезами его модный жилетъ.

Лакей съ глупой миной глядѣлъ на эту сцену.

— Ступай, болванъ! приказалъ Петръ Васильевичъ и освободился отъ объятій Аглаи Ивановны. — Какъ вы попали сюда? Что дядя?

— Умеръ, голубчикъ, умеръ! заплакала она. — Разорили насъ злодѣи, въ чужомъ домѣ и умеръ, нищая я теперь, едва дотащишься къ тебѣ сюда...

— Гдѣ же вы остановились? спросилъ Петръ Васильевичъ.

— Къ тебѣ, дорогой мой, пріѣхала, прямо къ тебѣ! Въ департаментъ была, узнала отъ добрыхъ людей. «Гдѣ, спрашиваю, живетъ мой племянникъ?» Сказали, спасибо имъ...

Петръ Васильевичъ въ волненіи заходилъ по комнатѣ. Онъ вовсе не признавалъ себя ея племянникомъ; она просто была жена его покойнаго дяди. Держать ее у себя — этого и въ голову ему не приходило.

— Мнѣ очень жаль, что я не могу вамъ предложить комнаты у себя, сухо началъ онъ. — Я живу...

— Ужъ гдѣ же мнѣ жить у тебя, дорогой мой! Развѣ я не знаю, что не у мѣста я здѣсь, говорила плача Аглая Ивановна. — Я только на день, на два... Пристать негдѣ было... денегъ нѣтъ на плату за постой... Пойду завтра хлопотать, чтобы въ богадѣльню пристроили... Помѣщикъ тутъ одинъ, по имѣнію знали его, графъ Посошковъ прозывается, мѣсто видное имѣетъ, подручный при министрѣ онъ у васъ, что-ли, его просить буду...

— Помилуйте, что вы, что вы, какъ можно! съ испугомъ воскликнулъ Петръ Васильевичъ. — Я съ графомъ Посошковымъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ...

— Ну, вотъ и слава Богу, я и скажу, что я тебѣ тетенька, онъ и опредѣлитъ. Мнѣ хоть бы въ мѣщанскую какую-нибудь богадѣльню попасть, все равно! говорила старуха покорнымъ тономъ.

— Да этого нельзя! волновался Петръ Васильевичъ, быстро ходя по комнатѣ. — Я не желаю, чтобы жена моего дяди христорадничала. Вы носите мою фамилию! Вы это поймите! Я не какой-нибудь Ивановъ или Ефремовъ, а Дерюгинъ-Смирницкій! Дерюгиныхъ - Смирницкихъ въ Россіи кромѣ меня нѣтъ... Это невозможно!

Онъ еще быстрѣе заходилъ по комнатѣ, потирая себѣ лобъ.

— Вотъ то бѣда, вотъ бѣда! охала Аглая Ивановна. — Правъ ты, голубчикъ, правъ, не слѣдъ мнѣ позорить тебя. Ужъ лучше умру съ голода, а въ богадѣльню не стану проситься. Ахъ, бѣда какая! Нѣтъ, ужъ я порядокъ знаю, не оконфужу тебя. Лучше съ голоду поколѣю. Мнѣ старушонкѣ что! Туда и дорога!

— Зачѣмъ же умирать съ голода... я помогу... сказалъ смягченнымъ голосомъ тронутый Петръ Васильевичъ. — Это мой долгъ...

— Ангелъ, ангелъ, дѣлай, какъ знаешь! воскликнула Аглая Ивановна, ловя его руку для поцалуя.

— Не надо, не надо, что вы! отдернулъ руку Петръ Васильевичъ.

Аглая Ивановна поцаловала его въ плечо.

— Я вамъ дамъ двадцать рублей въ мѣсяцъ, сказалъ онъ. — Какъ-нибудь устроитесь... ну, а тамъ посмотримъ...

— Двадцать рублей! Охъ, голубчикъ, разорю я тебя, старушонка несчастная, совсѣмъ разорю...

Послѣдовали новые поцалуй въ плечо. Петръ Васильевичъ былъ доволенъ, что могъ помочь старухѣ. Добрыя дѣла всегда пробуждаютъ благодушное настроеніе. Петръ Васильевичъ даже разсуждалъ, что онъ обязанъ помогать теткѣ, такъ какъ, не будь его, она попросилась бы въ богадѣльню, добила бы гдѣ нибудь вспомошествованья.

Черезъ два дня Аглая Ивановна помѣстилась въ комнатѣ отъ жильцовъ и сразу сошлась со

всякимъ бабьемъ, жившимъ по сосѣдству. Знакомства сводила она быстро съ первыми встрѣчными людьми, не гнушаясь ни дворникомъ, ни кухаркой, ни побирушкой. Она даже любила знакомыхъ «изъ простыхъ», такъ какъ имъ она называла себя «помѣщицей», «дворянкой», чуть не вдовой генерала. Здѣсь она узнала многое, а между прочимъ и то что въ Петербургѣ деньги можно вносить «на книжку» въ сберегательную кассу и что на нихъ идутъ проценты. Скопить денегъ — эта мысль зашла ей въ голову и безграмотная женщина стала цѣлыми днями высчи-

тить. Въ прошломъ году солдатъ выигралъ да только съ радости запилъ и повѣсилъ.

— А сколько рублей въ мѣсяцъ надо вносить, чтобы двѣсти рублей было черезъ годъ? спрашивала Аглая Ивановна.

— Да почитай, что всѣ двадцать, отвѣтили ей

— Охъ, не могу, родныя! Охъ, не могу голубушки! застонала она. — А коли ятнадцатъ откладывать — двѣсти не выйдетъ?

— Нѣтъ матушка, больше году ждать надо.

— Охъ, не могу двадцати откладывать, не могу!

— Зачѣмъ вы перебрались изъ свѣтлой комнаты сюда? спрашивалъ ее Петръ Васильевичъ.

— Охъ, батюшка, средствъ не хватало платить! Охъ, жить я не умѣю! стонала тетка. — У дяденьки твоего, какъ у Христа за пазухой, жила, ничего-то не знала, все-то готовое было, разсчитать теперь ничего не умѣю... Прежде все крестьяне тебѣ и принесутъ и сдѣлаютъ. А тут мужикъ — грабитель, за все-то содрать нарывать...

— Вы звали доктора? спросилъ Петръ Васильевичъ.

ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

В. Вотье.

тывать, сколько у нея будетъ «рублевъ», если она снесетъ въ сберегательную кассу пять «рублевъ» нынче, да пять «рублевъ» черезъ мѣсяцъ, да еще пять «рублевъ» черезъ мѣсяцъ; потомъ у нея шли расчеты, сколько «працентовъ» на пять «рублевъ» въ мѣсяцъ ей дадутъ и сколько «працентовъ» пойдетъ на эти «праценты».

— А вотъ коли у кого двѣсти рублей есть, говорили ей между тѣмъ старушонки, — такъ тотъ, матушка, выигрышный билетъ можетъ купить, на него и процентъ идетъ и выигрышъ въ двѣсти тысячъ идетъ. Каждый годъ, значить, это лотерея идетъ и кому присудятъ, тотъ и полу-

Но отъ мысли отложить двѣсти рублей она тѣмъ не менѣе не отказалась и начала отказывать себя во всемъ, чтобы скопить эти деньги.

Прошло мѣсяцевъ пять или шесть, какъ вдругъ Петръ Васильевичъ получилъ записку:

«Ваше Превосходительство тетенька ваша находится въ болѣзни и проситъ васъ простица съ нею. За симъ имѣю честь быть по порученію изъ квартирохозяйка Овдоля Силина».

Петръ Васильевичъ поскакалъ къ теткѣ и нашелъ ее въ очень плохомъ положеніи. Она едва говорила. Уголь, занимаемый ею, былъ тѣсенъ и сыръ.

— Охъ, нѣтъ... Охъ, заплатить нечѣмъ! стонала больная.

Петръ Васильевичъ приказалъ послать за докторомъ.

— Пожалуйста, только переведите больную въ другую комнату, а то неловко принять здѣсь доктора, сказалъ онъ хозяйкѣ. — Я заплачу, сколько будетъ нужно...

— Хорошо, батюшка, хорошо! засуетилась квартирная хозяйка.

Докторъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ больную и сказалъ, что у нея сильный упадокъ силъ и малокровіе отъ недостатка питанія и отъ плохого помѣщенія.

Петръ Васильевичъ заѣхалъ на другой день справиться о результатѣ докторскаго посѣщенія.

— Охъ, ничего не сказалъ, проговорила прерывающимся голосомъ больная. — «Бдите плохо, говорить, помѣщеніе дурно». Прописалъ что то. «Вы, говоритъ, чуть не умерли отъ голода». «Да изъ чего, говорю, я роскошничать-то стану, здѣсь за все и про все плати, а денегъ-то гдѣ взять?»... «Вы, говоритъ, не родня Дерюгину-Смирницкому, директору департамента?» Это какъ рецептъ-то сталъ писать да фамилью спросилъ. «Нѣтъ, говорю»... Солгала... охъ, на старости лѣтъ солгала... для тебя, дорогой мой... «Странно, говоритъ, я думалъ, что другихъ Дерюгинныхъ-Смирницкихъ нѣтъ. А то, говоритъ, я поѣхалъ бы къ нему попросить помочь вамъ!» Охъ, не надо, говорю, не надо!..

Петръ Васильевичъ кусалъ губы. Ему было неловко, что старуха лжетъ изъ за него. Онъ даже внутренне упрекалъ себя за то, что онъ давалъ ей только двадцать рублей въ мѣсяцъ. На эти деньги трудно вообще прожить, а ей это было еще труднѣе, такъ какъ она не умѣла разсчитывать, экономничать.

— Васъ надо въ больницу помѣстить, довольно ласково сказалъ онъ. — Я найму комнату тамъ.

— Охъ, хорошо... Только обносилась я вся... въ чемъ поѣду-то... бѣлье узлами связано... Мнѣ-то ничего, да тамъ-то увидать... узнають вѣдь, кто я... Охъ, ужъ лучше бы бросить меня около... а то только тебя въ изыанъ ввожу...

— Надо сдѣлать все, поторопиться надо, замѣтила племянникъ, прерывая больную.

— Вотъ тоже чепчикекъ бы какой ни на есть... да носовые платчики... а то въ тряпки сморкаюсь... изъ старыхъ сорочекъ нарвала.

Петръ Васильевичъ потерялъ голову; цѣлый день онъ разѣзжалъ за покупками, нанялъ нумеръ въ больницу для платящихъ, нанялъ карету и свезъ больную въ нанятое помѣщеніе. Дня два онъ былъ спокоенъ и даже благодумствовалъ, сдѣлавъ доброе дѣло, но на третій день явился сторожъ съ письмомъ отъ сестры милосердія, гдѣ его превосходительство просили прислать чаю, такъ какъ въ больницѣ для платящихъ чаю не полагается. Петръ Васильевичъ купилъ чаю и поѣхалъ къ теткѣ.

— Охъ, родной, прости, что побезпокоила! Два дня все поджидала.. Не хотѣлось просить сестру милосердія писать къ тебѣ.. не хочу, чтобы знали, что твоя тетка безграмотная.. мнѣ-то самой что... а вотъ тебя не хочу конфузить... И то сказала, что рука дрожитъ, такъ потому не могу писать... Ну, спасибо, что привезъ чайку старушонкѣ.. Теперь, кажется, ничего больше не надо..

Съ полчасъ Петръ Васильевичъ просидѣлъ у тетки. При выходѣ изъ ея номера онъ былъ остановленъ сестрой милосердія.

— Пожалуйста, навѣщайте нашу больную, а то она такъ скучаетъ. Мы ужъ ей и книги предлагали, но она плохо видитъ, хотя и хотѣлось бы ей почитать... ей очки бы нужно...

— Да, да, я куплю, въ смущеніи пробормоталъ Петръ Васильевичъ, поспѣшно раскланиваясь съ сестрой милосердія.

На слѣдующій день онъ не поѣхалъ къ теткѣ. Но уже вечеромъ его начали мучить вопросы:

— Не надо ли ей еще чего нибудь? Не станеть ли она опять просить за нее писать письмо? Не стануть ли говорить въ больницѣ, что онъ бросилъ и забылъ свою родственницу? Главный докторъ служить съ нимъ въ одномъ вѣдомствѣ и можетъ чортъ знаетъ что выдумать про него. Скверно тоже, если пораспросятъ ее; онъ вездѣ говоритъ о своей «фамили», о своемъ «родѣ», а тутъ вдругъ...

Онъ провелъ очень тревожно ночь и на слѣдующій день уже около полудня былъ у тетки.

— Ахъ, дорогой мой, не забылъ старуху, го-

ворила больная. — Я такъ и знала, что пріѣдешь. Я такъ и Аннѣ Павловнѣ Трошинской вчера говорю: «Знаю, что не оставитъ такъ тетку, что навѣдается».

— Гдѣ вы видѣли Анну Павловну? удивился Петръ Васильевичъ, услышавъ имя и фамилью одной знакомой аристократки-благотворительницы.

— Тутъ съ сосѣдкой я познакомилась, отвѣтила больная, а къ ней и пріѣзжала самая эта Трошинская. Ну, спросила о фамильи, о тебѣ заговорила.. «Родня, говорю, и благодѣтель.. Нашу, говорю, хлѣбъ-соль помнитъ... Еще молодымъ человекомъ гостилъ у насъ.. Молочкомъ отпаивался.. Важный, говорю, теперь человекъ.. Государствомъ ворочаетъ». «Знаю, знаю, говоритъ. Это ему честь дѣлаетъ, что старушку родственницу бережетъ»...

— Не надо-ли вамъ чего? спросилъ Петръ Васильевичъ, перебивая больную.

Въ его головѣ мелькала мысль о томъ, не жаловалась ли на что нибудь, не просила-ли чего нибудь старуха.

— Охъ, ничего мнѣ не надо! Долго-ли мнѣ и жить-то, вздохнула больная. — Вотъ только дни-то теперь такіе, великій постъ, поученье мнѣ какое-то принесла сестра милосердія. «Почитайте, говоритъ. Это крупно напечатано и съ слабыми глазами можно разобрать». Ну, а что я разберу, когда я грамоты не знаю. Не прочтешь, спрашивать будешь, сочтутъ за басурманку. Признаться-то, что читать не умѣю, — тебя, голубчика, оконфузить не хочется... Люди-то злы, скажутъ: «Вонъ у него какая тетка, изъ простыхъ, вѣрно, грамоты не знаетъ. Видно семья-то ихъ вся изъ грязи вылѣзла». Охъ, злы люди, злы... А почитать некому... Вонъ и книжка-то, не длинная, такъ, поученье пастырское...

Петръ Васильевичъ взялъ брошюру, повертѣлъ ее въ рукахъ, пробормоталъ что-то о томъ, что «это, вѣроятно, пустяки какіе нибудь», что «и сюда ханжи втерлись», и не то перѣшительно, не то небрежно проговорилъ:

— Я, пожалуй, прочту вамъ.

Ему было и досадно, и неловко взяться за роль чтеца священныхъ книгъ.

— Прочти, прочти, дорогой мой! сказала тетка и приподнялась на локтѣ.

Началось чтеніе поученія. Больная вздыхала и крестилась. Сцена дѣлалась все болѣе и болѣе комичною.

— Вотъ такъ-то твой покойникъ дядя мнѣ читалъ, бормотала тетка среди чтенія. — И хорошо ты читаешь, съ плавностью!.. Только мы другія книги читали. Этой не читали. То были про Кузьму Рощина, про Юрія Милославскаго, про Давида Коперфильда, тоже про Ревекку Шарпъ. Я тутъ съ сосѣдкой про эти книги говорила; она тоже читала...

Наконецъ Петръ Васильевичъ кончилъ чтеніе и поспѣшилъ уѣхать. Онъ былъ взволнованъ, раздраженъ и самъ смѣялся надъ собою.

«Нѣтъ, это чортъ знаетъ, что со мной дѣлается! бормоталъ онъ дорогою, сдвигая брови. — Въ чтецы еще къ ней приходится опредѣлиться. И еще она же одобряетъ. Съ плавностью читаешь! Этого не доставало!.. Но что же дѣлать-то, дѣлать-то что?.. Бросить ее, оборвать ей крылья-то... А что говорить-то она станеть?.. Языкъ-то у нея безъ костей... Это чортъ знаетъ что такое!..»

— Ахъ, а я въ васъ новыя достоинства открыла, говорила ему черезъ день Анна Павловна Трошинская, встрѣтивъ его въ одномъ домѣ. — Вы не только милый салонный говорунъ, но и добрый родственникъ. Я познакомилась съ вашей тѣтей. Милая старушка... Слышала, какъ вы у нея почти росли въ домѣ, гащивали въ деревнѣ у дробой старосвѣтской помѣщицы. Это мило, что вы

заботитесь о старикахъ. Впрочемъ, она и стоитъ того, такая ласковая и тихая... обожаетъ васъ...

Въ другомъ салонѣ главный докторъ больницы для платящихъ говорилъ Петру Васильевичу:

— Я очень радъ, что могъ помочь вашей теткѣ. Она теперь быстро станеть поправляться. Но я совѣтую вамъ свезти ее на дачу куда-нибудь въ Петергофъ или въ Ораніенбаумъ. Если она останется здѣсь, то болѣзнь можетъ повториться. Меня, признаюсь, даже удивилъ этотъ упадокъ силъ. Всѣ симптомы долгаго голоданія и...

— Да, да, поспѣшно перебилъ доктора Дерюгинъ-Смирницкій, — все наши милые посты и богомолья... Но я теперь прекращу эти дѣлнія и постныя масла.

— Да, это надо непременно прекратить, говорилъ докторъ.

Люди, совсѣмъ не знавшіе Аглаи Ивановны, но желавшіе подслужиться къ чиновному лицу, имѣвшему большія связи, считали теперь долгомъ спрашивать у Петра Васильевича:

— Мы слышали, что у васъ опасно больна ваша тетуська. Ну, что ея здоровье теперь?

И Петръ Васильевичъ чувствовалъ, что онъ уже не можетъ теперь отвертѣться отъ старухи-родственницы, что волей-неволей ему приходится нянчиться съ нею. Правда, Петръ Васильевичъ, взявъ ее изъ больницы на время въ свой домъ, пытался освободиться отъ нея, говоря, что ему неудобно держать ее у себя, но она сейчасъ же покорно соглашалась съ нимъ и замѣчала:

— Ужъ гдѣ же тебѣ, дорогой мой, возиться со мною, старушонкой! Ну, найми мнѣ уголокъ, а прокормиться кое-какъ теперь прокормлюсь. Вотъ и Анна Павловна Трошинская, и генеральша Мусатова приглашаютъ все къ себѣ. Я, старушонка, тамъ да здѣсь погощу и буду сыта... обносочки тоже какіе нибудь подарить.

— Ахъ, что вы говорите! Развѣ это возможно! при моемъ положеніи въ свѣтѣ! Не носили бы вы моей фамили, тогда мнѣ и дѣла бы не было до того, какъ вы живете, гдѣ попрошайничаєте. Но вы вспомните, что вы носите мою фамилю! восклицалъ нетерпѣливо Петръ Васильевичъ.

И точно: вѣдь онъ былъ не какой-нибудь Ивановъ или Ефремовъ, а Дерюгинъ-Смирницкій; Дерюгинныхъ-же-Смирницкихъ только и было въ Россіи, что онъ да она, жена его дяди, оставшая парица театральныхъ подмостковъ.

Такъ и прожила она всю жизнь, ничего не дѣлая и благосклонно принимая услуги окружающихъ.

(Продолженіе очерковъ слѣдуетъ.)

Венѣминъ Вотье.

Въ исторіи искусства вообще, а въ исторіи живописи въ особенности, послѣднія тридцать лѣтъ нашего столѣтія, составляющія безспорно эпоху, (подразумѣвая подъ этимъ словомъ переломъ не только въ способѣ передачи изыскаго, но и во взглядахъ на самое изысканое и цѣли искусства), требуютъ себѣ очень много мѣста. Отъ будущаго историка искусства будетъ постоянно ускользать изъ рукъ путеводная нить, безъ которой исторія чего бы то ни было, а тѣмъ болѣе искусства — немислима. Современному намъ историку доступны всѣ сокровища, оставшіяся послѣ отцовъ, дѣдовъ и самыхъ отдаленныхъ нашихъ предковъ. Ему стоитъ посѣтить Римъ, чтобы во очію убѣдиться, что Микель-Анжело дѣйствительно гений. Онъ можетъ передать всѣ мельчайшія по-

дробности его гениальных творений. Флоренція, Парижъ, Дрезденъ, Берлинъ и др. города гордятся своими музеями, доступными всѣмъ. Въ нихъ не трудно собрать всѣ данныя, необходимыя для исторіи. Этотъ богатый матеріалъ доступенъ историкѣ нашихъ дней. Будущій историкъ при составленіи исторіи искусства XIX вѣка очутится въ самомъ плачевномъ положеніи. Нашъ вѣкъ, который справедливо гордится своими завоеваніями въ области мысли и фантазіи, оставитъ послѣ себя безчисленное множество произведеній живописи и скульптуры, а все таки историкъ не будетъ въ состояніи пользоваться ими, по той простой причинѣ, что видѣть ихъ всѣ собственными глазами у него не будетъ никакой возможности. Стоитъ только обратить вниманіе на число художниковъ нашихъ дней, однѣ біографическія данныя которыхъ составили бы объемистую книгу, чтобы убѣдиться въ этомъ. Число не только присяжныхъ артистовъ, но и лицъ, посвящающихъ свободное отъ другихъ занятій время живописи или скульптурѣ, съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Послѣ каждого изъ нихъ останется довольно большое количество произведеній, которыя не будутъ сгруппированы въ музеяхъ или галереяхъ; онѣ будутъ во владѣніи частныхъ лицъ, составлять частную собственность, которая по характеру своему доступна только для небольшого кружка лично знакомыхъ съ владѣльцемъ произведенія. Чѣмъ же пользоваться? Волей неволей историкѣ искусства придется обратиться къ отзывамъ современниковъ, къ статьямъ, разбросаннымъ по газетамъ и журналамъ, къ обзорѣмъ всесмірныхъ выставокъ и т. п. источникамъ. Произведенія живописи и скульптуры современныхъ артистовъ разойдутся по бѣлу свѣту, одно увезутъ въ Америку, другое въ богатое частное помѣстье, десятое, быть можетъ, очутится въ залѣ какого нибудь Креза на Мадагаскарѣ, а Богъ вѣсть, можетъ быть, и на Канарскихъ островахъ, и, конечно, не будетъ никакой возможности не только видѣть извѣстную картину или статую, но и узнать, гдѣ она находится.

Все вышеприведенное положительно доказываетъ, что при составленіи самой коротенькой замѣтки о какомъ нибудь художникѣ необходимо доказывать истину и только истину во всей массѣ самыхъ разнорѣчивыхъ отзывовъ, такъ называемыхъ, критиковъ. Не такъ давно прошло то время, когда въ залахъ Академіи Художествъ была выставлена картина Г. Семирадскаго, снимокъ съ которой былъ разосланъ подписчикамъ на нашъ журналъ за прошлый годъ, подъ названіемъ «Свѣточіи Христіанства». Тогда легко можно было убѣдиться, что критики это вовсе не цѣнили искусства, это не люди, которыхъ обязанность объяснять публикѣ значеніе, достоинства и недостатки даннаго произведенія, — а что они просто шаловливые болтуны, очень часто безъ серьезнаго образованія, еще чаще не уважающіе искусства, люди, не говоря о его пониманіи, лишенные всякихъ данныхъ для вѣрной оцѣнки таланта художника. Чего, чего только г. г. критики не наговорили тогда? Одинъ кричалъ, что картина слишкомъ большая, другой, что Нерона слѣдовало помѣстить на первомъ планѣ, третій, найдя второстепенный недостатокъ и не обративъ вниманія на то, что вѣдь и на солнцѣ есть пятна, — порицалъ цѣлую картину и т. д. Въ итогѣ, за исключеніемъ немногихъ, всѣ жестоко ошибались, чему доказательствомъ можетъ служить награда, полученная Семирадскимъ на парижской всесмірной выставкѣ, и то вниманіе, какимъ пользовалась его картина во всѣхъ центрахъ цивилизаціи, гдѣ была выставлена. Подобныхъ примѣровъ много; всѣ они доказываютъ, что отзывамъ критиковъ не всегда можно вѣрить, особенно въ наше время, когда въ критики попадаютъ люди чаще случайно, нежели по достоинству. Къ этой,

какъ и ко многимъ другимъ сферамъ, вполне применимы слова Крылова: «бѣда коль пироги начинять нечию сапожникомъ...»

Эти мысли всегда возникаютъ въ головѣ и просятся на бумагу при составленіи біографіи живописца или скульптора. Онѣ необходимы для того, чтобы надлежаще освѣтить передъ непосвященной во всѣ тайны закулисной жизни артистовъ публикой тотъ тернистый путь, который суждено пройти человѣку, посвятившему свой талантъ и силы искусству. Нерѣдко единственной наградой такого избранника судьбы бываетъ ни на чемъ не основанная ругань критиковъ и полное забвеніе послѣдующихъ поколѣній.

Имя человѣка, которое стоитъ въ заголовкѣ настоящей статьи, со времени всесмірной парижской выставки 1867 года извѣстно всему образованному міру. Вотъ былъ удостоенъ тогда второй преміи за выставленные картины.

Веняминъ Вотье, швейцарецъ по происхожденію, французъ по воспитанію а по картинамъ живописецъ, принадлежащій дюсельдорфской школѣ, родился близъ Женевы, въ небольшомъ городкѣ Моргѣ 12 Апрѣля 1829 г. Первоначальное образованіе Вотье получилъ въ Женевѣ, гдѣ, по окончаніи общаго курса наукъ въ одной изъ мѣстныхъ коллегій, занимался около двухъ лѣтъ живописью на фарфорѣ и эмалировкою изящныхъ предметовъ роскоши. Это занятіе въ скоромъ времени надобно талантливому живописцу, чувствующему, что онъ способенъ на что нибудь болѣе важное. Въ 1849 году Вотье сталъ изучать живопись въ мастерской историческаго живописца Лугардона въ Женевѣ. Не долго, однако, пробылъ онъ здѣсь. Вотье, вполнѣдовѣнтіи прославившійся своими прелестными картинами, изъ которыхъ одна — «утренній туалетъ» — была помѣщена въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ нашего журнала, а другая — «школьники передъ судомъ учителя» — помѣщается въ настоящемъ номерѣ, — въ 1850 году отправился въ Дюсельдорфъ, гдѣ, подъ руководствомъ Рудольфа Йордана изучалъ жанровую живопись. 1856 года Вотье посѣтилъ Парижъ, гдѣ пробылъ годъ и затѣмъ поселился въ Дюсельдорфѣ. Вотъ перечень болѣе извѣстныхъ и прелестныхъ его картинъ: Пѣвчіе на хорахъ, Пароходъ у пристани, Прялка, Свиданіе въ шинкѣ, Воскресенье въ деревнѣ. (1858—1864); Послѣ похоронъ (1868); Первый урокъ танцевъ въ деревнѣ (1868) и наконецъ послѣдняя его картина: Передъ свадьбой у мера. Король Вильгельмъ пожаловалъ ему степень профессора, а многія академіи выбрали его своимъ членомъ.

Вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ Вотье трудится на избранномъ поприщѣ, картины его дѣйствительно прелестны и, не смотря на нѣкоторый успѣхъ перваго его произведенія, написаннаго еще въ 1855 году, Свадьба въ Шварцвальденѣ, — только въ послѣднѣе время обратили на его произведенія то вниманіе, котораго онѣ вполне заслуживаютъ.

Первое представленіе Ромео и Джульетты въ Лондонѣ.

Разсказъ. Переводъ съ французскаго.

Вечеромъ 23 іюля 1593 г. въ первый разъ давали «Ромео и Джульетту». Блэкфрайерскій театръ выказалъ при этомъ всю роскошь своихъ грубыхъ декораций и былъ украшенъ въ огромномъ количествѣ желтыми восковыми свѣчами, распространенными болѣе дыму, чѣмъ свѣту. Народу было много въ партерѣ и въ ложахъ, или, лучше сказать, на эстрадахъ, встроенныхъ дугобразно и образовывавшихъ вмѣстѣ ложи и галереи. Любимый народный актеръ, авторъ «Тита Андроника», «Генриха IV», «Безплодныхъ усилій въ любви» и «Сна въ лѣтнюю ночь», долженъ былъ

появиться на сценѣ съ произведеніемъ болѣе обширнаго полета, болѣе высокимъ по внутреннему смыслу. Эта пьеса должна была заставить молчать его клеветниковъ и сразу поставить его на такую высоту, которой еще не достигалъ ни одинъ изъ драматическихъ писателей. Королевская эстрада составляла особую залу, которая видимо выдѣлялась и отдѣлялась отъ общей залы, покрытой густымъ туманомъ табачнаго дыму; эта эстрада уже была занята вельможами и придворными дамами, которыхъ украшенія, блиставшія золотомъ и драгоценными камнями, казалось, распространяли болѣе свѣту, чѣмъ тусклые восковые свѣчи, едва освѣщавшія залу. Въ театрѣ слышался гулъ и ропотъ ожиданія и нетерпѣнія, ропотъ мысли, какъ бы проснувшейся отъ долгаго сна и ожидающей новой жизни; это былъ гулъ тысячи безпокойныхъ чувствъ, съ нервнымъ напряженіемъ ожидавшихъ поднятія занавѣса. Въ публикѣ никто еще не зналъ о внезапномъ арестѣ, постигшемъ Шекспира; а между тѣмъ сторонники старой драматической школы и вельможи, враждебно смотрѣвшіе на поэта, вооружились своимъ обычнымъ оружіемъ, т. е. были готовы пустить въ ходъ свистки и шиканье, чтобы унижить значеніе новой пьесы. Что же касается до народа, стоявшаго въ партерѣ, то, по правдѣ сказать, онъ ни о чемъ особенно не думалъ, и съ спокойнымъ довѣріемъ къ силамъ своего любимца-поэта, готовился насладиться торжествомъ дорогаго Уильяма. Солдаты, ремесленники, матросы и горожане въ ожиданіи спектакля курили, играли въ карты и вели веселые разговоры, порой угощаясь стаканчикомъ эля или водки. Но они все забывали, когда пьеса развѣтывалась передъ ними, — пьеса, красоту которой они могли и чувствовать, и цѣнить. Вообще, народъ — этотъ грубый обожатель петливой поэзіи имѣлъ, поистинѣ, искренніе сердечные порывы во время представленія драмъ Шекспира.

Между тѣмъ, вдали, въ темномъ углу партера, прислонившись къ одному изъ столбовъ, поддерживавшихъ хоры, стоялъ человѣкъ, терзаемый мучительнымъ ожиданіемъ. Это не былъ простой клеветникъ, не признававшій гения Шекспира, нѣтъ, это былъ его соперникъ, который, увы, чувствовалъ все его величіе; это былъ истинный поэтъ въ душѣ, сознавшій все громадное значеніе и превосходство шекспировскаго таланта, чувствующій, что возвыситься до Шекспира ему нельзя и мучающійся душевно этимъ превосходствомъ произведенія юнаго автора-соперника. Въ отчаяніи онъ восклицалъ: «ахъ, отчего этого не сдѣлалъ я!» Это былъ Марло, въ эту минуту сильно чувствующій два противоположныя ощущенія — и восторгъ поэта ко всему высокому и прекрасному и чувство собственнаго авторскаго достоинства!..

Но вотъ пріѣхала королева и спектакль начался. Съ перваго же дѣйствія пьесы всѣмъ собраніемъ овладѣлъ живой интересъ. Въ одно мгновеніе исчезли всѣ партіи за и противъ поэта: онъ былъ забытъ. Всякаго занималъ вопросъ, какъ эти два молодыхъ, любящія существа дышали счастьемъ среди невзгодъ и бурь, поднимаемыхъ взаимной враждой ихъ семействъ. Роль Джульетты въ это время исполняла Арріель, которая среди постигшаго ее несчастья (арестъ Шекспира) хотѣла отказаться отъ своей роли, но измѣнила свое намѣреніе: зная, что королева будетъ присутствовать на спектаклѣ, она рѣшилась, въ случаѣ, если пьеса понравится королевы, броситься къ ея ногамъ и испросить у нея прощеніе автору. По этому она рѣшилась употребить всѣ усилія, чтобы усовершенствовать свою игру. Театральныя увеселенія и празднества, устроенныя Елизаветой, большой любительницей драматической поэзіи, имѣли цѣлью выдвинуть

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА В. ВОТЬЕ.

Школьники передъ судомъ учителя.
Рѣзано на деревѣ въ ксилогр. завед. А. Шлипера.

Симонъ Ломлицкій, просящій милостыню на Пражскомъ мосту.

талантливыхъ людей, находившихся, вслѣдствіе монотонности и однообразія обыденной жизни, какъ бы въ какомъ-то сонномъ состояніи; но ни одно изъ этихъ представленій не имѣло такого успѣха, не достигло такъ своей цѣли, какъ драма «Ромео и Джульета». Повсюду чувствуется чарующее дѣйствіе искусства, всѣ объѣты тѣмъ чувствомъ симпатіи, въ которомъ смѣхъ возбуждаетъ смѣхъ, и слезы возбуждаютъ слезы. Несмотря однако на все это, къ концу спектакля недоброжелатели Шекспира, стали беспокоиться мыслью о скоромъ триумфѣ, готовившемся автору и начали пускать въ ходъ свое оружіе. Послышался рѣзкій звукъ шиканья и свистковъ, звукъ символическій, имѣющій сходство съ шипѣніемъ змѣи, которая, обвивъ тѣло несчастной жертвы, готовится вонзить ей въ сердце свое смертоносное жало. Но королева умѣла во всемъ цѣнить красоту, состоящую изъ величія и гармоніи, одинъ изъ признаковъ истинной драмы. Та, которая умѣла такъ мудро управлять государствомъ, умѣла также и восхищаться Шекспиромъ. И вотъ, она гнѣвно обращаетъ свои взоры въ ту сторону, откуда слышится роковое шипѣніе. Однимъ недовольнымъ движеніемъ своихъ бровей мгновенно достигаетъ она того, чего не могли произвести ни таланты, ни очевидная красота произведенія: свистки замолкаютъ мгновенно. — Но вотъ начинается пѣтое дѣйствіе, полное бурной страсти и вмѣстѣ съ тѣмъ такой искренней грусти. Оно прослушивается среди благоговѣйнаго молчанія. Одно чувство во всѣхъ сердцахъ; на всѣхъ глазахъ блистаютъ слезы восторга; всѣ, забывъ весь міръ и все ихъ окружающее, переносятся въ этотъ чудный міръ фантазій и поэзій, соединяющій въ эти минуты всю эту разнородную толпу въ одну общую одинаково настроенную семью. Наконецъ, занавѣсъ опускается и, сдержанный до этого мгновенія, энтузіазмъ разражается страшнымъ шумомъ. Громъ рукоплесканій раздается со всѣхъ сторонъ, аплодируютъ безъ устали и стучатъ ногами; волненіе, начавшееся въ партерѣ, переносится на галереи, достигаетъ громаднаго размѣра и грозитъ своимъ гуломъ потрясти самые своды. Но когда восторгъ немного утихъ и страсти успокоились, нѣсколько голосовъ, заглушая всѣ другіе, потребовали появленія автора. Электрическій толчекъ данъ; всѣ хотятъ видѣть автора, хотятъ воздать ему должную похвалу; всеобщая пламенная симпатія отовсюду стремится къ нему. Требуютъ автора...

Но на сценѣ нѣтъ отклика; все безмолвствуетъ. Снова вызываютъ; ждутъ, молчатъ, смотрятъ, прислушиваются, но занавѣсъ по прежнему неподвиженъ и, какъ бы ничего не слыша, остается безотвѣтнымъ. Обманутое ожиданіе толпы становится беспокойнѣе; болѣе громкіе, многочисленные крики раздаются со всѣхъ сторонъ... Между тѣмъ, въ промежутокъ времени, когда крики на мигъ пріутихли, раздается голосъ, выходящій изъ темнаго угла, голосъ глухой, рѣзкій, какъ бы вырывающійся изъ груди послѣ продолжительной томительной борьбы: «Да! автора!» Это былъ Марло, который, наконецъ, чувствуя себя побѣжденнымъ, преклонялся передъ этимъ высокимъ произведеніемъ, послѣ долгой борьбы, между гордостью и совѣстью, между чувствомъ, приводившимъ его въ восторгъ, и чувствомъ зависти. Онъ призналъ превосходство Шекспира, получивъ при этомъ смертельный ударъ, отъ котораго онъ долженъ былъ погибнуть, нѣсколько часовъ спустя. Этотъ голосъ произвелъ магическое дѣйствіе на все собраніе. Вся масса народа поднялась въ одно мгновеніе, какъ бы получивъ электрическій толчекъ; мужчины стали махать платками, женщины вынимали букеты и цвѣты, бывшіе у нихъ за поясомъ и въ волосахъ, чтобы бросить ихъ къ ногамъ великаго поэта; всѣ хотѣли видѣть Шекспира, хотѣли выразить ему

рукоплесканіями, что онъ великъ, прекрасенъ, что онъ дивный поэтъ, вполне достойный уваженія отечества и въ особенности, что онъ имъ любимъ. А на сценѣ, попрежнему, продолжается безмолвіе и тишина... Крики удваиваются и всеобщій энтузіазмъ грозитъ обратиться въ бунтъ. Боясь гнѣва королевы за безпорядокъ, происшедшій въ театрѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ, выходятъ на сцену директоръ театра и объявляетъ имя Шекспира. Но такъ какъ всѣ желали видѣть не его, но автора, то всеобщее неудовольствіе начинается опять выражаться, и не будь тутъ королевы, то трубы, бутылки и всевозможныя другія метательныя орудія полетѣли бы въ голову несчастнаго директора, чтобы заставить его сойти съ мѣста, на которомъ желали видѣть Шекспира. Однако, всеобщій ропотъ принуждаетъ Джонсона извиниться въ своемъ присутствіи и еще болѣе дрожащимъ голосомъ объявить публикѣ, что авторъ, по приказанію начальства, былъ арестованъ утромъ и отправленъ въ Тоуэръ. — Сказавъ это, директоръ удаляется со сцены. Таинственность этого арестованія дѣлаетъ его еще изумительнѣе. Всѣ поражены; повсюду распространяется негодованіе; всѣ голоса слились въ одинъ общій крикъ отчаянія и мести. Вся публика, — партеръ и ложи остаются тверды въ своемъ намѣреніи и дамы, по прежнему держатъ вѣнки и букеты, которые они хотѣли бросить поэту. И вотъ, вторично раздается единодушный, страстный, исполненный любви крикъ, который снова требуетъ «автора!»...

Въ это время по одной изъ темныхъ и узкихъ улицъ, примыкавшихъ къ заднему фасаду зданія театра, закованный въ цѣпи и окруженный стражей, проходилъ Шекспиръ. Получивъ формальное приказаніе о своемъ арестѣ въ судебной палатѣ, онъ направлялся теперь къ Тоуэру. Но вотъ онъ проходитъ мимо зданія, столь хорошо ему знакомаго. Двери театра, въ которые обыкновенно входятъ актеры открыты и восторженные и громкія восклицанія толпы достигаютъ до его слуха. Онъ останавливается, прислушивается и узнаетъ голосъ народа, его любимца, который его зоветъ... поэтъ приходитъ въ себя; нервный трепетъ пробѣгаетъ по его тѣлу... Дѣйствительно, произошло нѣчто необычайное, потому что сами стражи остановились въ удивленіи, какъ вкопанные; но вотъ клики удваиваются и какая-то сверхъестественная сила увлекаетъ туда Шекспира; мгновенно сшибаетъ онъ съ ногъ двухъ солдатъ, которые стараются его удержать и, бросившись въ двери, открытыя передъ нимъ, вбѣгаетъ на сцену. Долгія страданія, и душевные тревоги измѣнили его совершенно; онъ блѣденъ, какъ смерть; волненіе захватываетъ его духъ; сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по направленію къ эстрадѣ, почти обезсилѣвъ, онъ опускается на одно колено, упираясь одною рукою въ полъ и протянувъ другую къ народу въ знакъ благодарности и счастья. Два солдата, бросившись по его слѣдамъ, вбѣгаютъ на сцену и пораженные грознымъ видомъ толпы, становятся по обѣ стороны плѣнника и дополняютъ эту трогательную сцену. Красивое, выразительное лицо Шекспира придаетъ еще болѣе прелести этой картинѣ. При видѣ обожаемаго поэта, вызваннаго народнымъ голосомъ изъ темницы, восторгъ толпы достигаетъ крайнихъ предѣловъ: букеты, вѣнки со всѣхъ сторонъ падаютъ къ ногамъ Шекспира, руки котораго все еще закованы и самъ поэтъ, кажется, будто пришелъ, чтобы умереть среди цвѣтовъ своей славы. Минута была торжественная: всѣ притаили дыханіе, едва переводя духъ послѣ такого нравственнаго волненія. И вотъ, королева, объѣтая всеобщимъ энтузіазмомъ, забывъ на время свой санъ, и подавшись исключительно чувству женщины, срывается съ груди своей розу и бросаетъ ее къ ногамъ Шекспира... Въ эту минуту

занавѣсъ опускается. За сценой и въ залѣ начинается сильный шумъ, все болѣе и болѣе увеличивающійся. На сценѣ, тускло освѣщенной нѣсколькими фонарями, происходило странное движеніе: актеры въ восторгѣ бросаются въ объѣты Шекспира и прижимаютъ его къ груди; въ одно мгновеніе оковы его разбиты, и отброшены далеко въ сторону. Вотъ же время отрядъ, ведшій Шекспира въ Тоуэръ, входитъ на сцену; солдаты, вооруженные съ ногъ до головы, грубо выражаютъ свое желаніе увести поэта; но актеры не хотятъ его отдать безъ сопротивленія и заключаютъ его въ свою средину. Начинается всеобщая свалка: дерутся оружіемъ, кулаками и всѣмъ, что попадается подъ руку. Кулисы и декорации падаютъ, ломаются и добавляютъ еще больше шуму и безпорядку схваткѣ. Наконецъ, осажденные, друзья плѣнника и стража его — все это смѣшивается и съ шумомъ вываливается на улицу. Въ это время и публика начинаетъ выходить изъ театра. Королева, пришедши въ себя, приказываетъ дежурному офицеру принести ей на слѣдующій день отчетъ о дѣлѣ арестованія Шекспира и выходитъ изъ театра, съ намѣреніемъ разсудить это дѣло.

Но судъ народный приводитъ въ исполненіе свое намѣреніе скорѣе всякаго судилища. Весь народъ, бывшій въ партерѣ, въ нѣсколько минутъ былъ у двери, изъ которой выходилъ Шекспиръ. Вся эта публика, соединившись съ актерами, защищавшими Шекспира, тотчасъ стала на сторону послѣдняго, такъ что свалка эта начала принимать видъ бунта или открытаго возмущенія. Отрядъ вооруженный арбалетами *) быстро пришелъ на помощь первому отряду и далъ значительный перевѣсъ осаждающимъ; Шекспиръ въ это время находился опять подъ стражей двухъ офицеровъ, которые не могли вывести его изъ свалки, потому что толпа загородила всю улицу. Требованіе сдачи, произнесенное громкимъ голосомъ со стороны отряда, вызываетъ ругательства и хвастливыя угрозы толпы; тусклый свѣтъ свѣчей, выставленныхъ въ окнахъ нѣсколькими любопытными, и факеловъ, принесенныхъ зрителями этой схватки, освѣщаютъ всю эту суматоху. Въ это время изъ толпы выходитъ матросъ и вслѣдъ за крупнымъ ругательствомъ посылаетъ свою трубку въ лицо солдата, который на это отвѣчаетъ сабельнымъ ударомъ; и вотъ завязывается убійственная схватка; палки свистятъ надъ головами бойцовъ, камни летятъ со всѣхъ сторонъ, всѣ сражающіеся смѣшиваются въ одну общую массу и занимаютъ всю улицу. Между тѣмъ актеры не перестаютъ находиться въ первыхъ рядахъ сражающихся и сильно поддерживать драку; они еще не успѣли снять своихъ театральныхъ костюмовъ и дерутся старыми заржавленными шпатами. Скоро однако чувствуется недостатокъ въ оружіи и метательныхъ снарядахъ, такъ что начинаютъ кидать въ солдатъ факелами, которые, разумѣется, потухаютъ и оставляютъ обѣ стороны въ темнотѣ. Видя, что это обстоятельство увеличиваетъ суматоху и безпорядокъ и даетъ большое превосходство отряду, офицеры даютъ солдатамъ приказаніе стрѣлять въ упоръ; почти безоруженная толпа начинаетъ, видимо, отступать, и уже готова была обратиться въ явное бѣгство, если бы неожиданное обстоятельство не дало дѣлу другой оборотъ.

Вдали отъ толпы нѣкимъ свидѣтелемъ этой сцены былъ всадникъ, стоявшій въ заднихъ рядахъ народа и не могшій пробраться впередъ вслѣдствіе тѣсноты; замѣтивъ, что побѣда начинается клониться на сторону вооруженной силы и что стража уже хочетъ увлечь Шекспира, онъ дѣлаетъ сверхъестественное усиліе, перескакиваетъ черезъ массу тѣлъ раненныхъ и убитыхъ и достигаетъ того мѣста, гдѣ стоялъ Шекспиръ,

*) Самострѣлъ, лукъ, стрѣляющій пулями.

охраняемый двумя офицерами конвоя. — «Капитанъ», говоритъ онъ, обращаясь къ одному изъ нихъ, «извольте сейчасъ же прекратить кровопролитіе». — «Пусть прежде отступитъ народъ». — «Освободите сначала плѣнника». — «Чѣмъ именемъ даете вы намъ подобныя приказанія?» — «Именемъ королевы!» — «Гдѣ же прикажъ?» — «Вотъ онъ», сказалъ Генрихъ Соутгамптонъ (это былъ онъ), показывая пунцовую розу, брошенную Елизаветой автору «Ромео и Джульетты». — «Вы видѣли, продолжалъ онъ, также, какъ и всѣ, что королева дала ее въ знакъ благодарности поэту, который своимъ талантомъ сумѣлъ очаровать ее; берегитесь гнѣва ея, если вы будете обращаться, какъ съ преступникомъ, съ человѣкомъ, котораго она почтила вниманіемъ, должнымъ великому человѣку». — Дѣйствительно, офицеръ этотъ стоялъ въ это время за кулисами и видѣлъ восторженное движеніе королевы; по этому онъ счелъ благоразумнымъ уступить, боясь, въ случаѣ отказа, попасть въ немилость къ Елизаветѣ, суровость которой была всѣмъ извѣстна; и вотъ, посоветовавшись нѣсколько времени съ своимъ помощникомъ, онъ освобождаетъ Шекспира и даетъ отряду приказаніе отступить. Крики радости раздались со всѣхъ сторонъ. Друзья Шекспира, вооруженный народъ и вся публика, находившаяся въ партерѣ, громко выражали другъ другу радость побѣды и осыпали поздравленіями Шекспира, который вмѣстѣ съ своимъ благороднымъ избавителемъ съ триумфомъ былъ поднятъ на руки и отнесенъ народомъ въ таверну, подъ вывѣской «Сирена», гдѣ всѣ достойно отпраздновали побѣду неизбѣжными возліяніями въ честь Бахуса и особенно Камбринна *).

(Продолженіе.)

Глава X.

Гдѣ проводилъ вечера Гударъ.

Красавица Иза, вдова Сегленъ, занимала на Фриланскомъ бульварѣ два этажа въ высокомъ, новомъ домѣ. Входъ къ остальнымъ жильцамъ былъ чрезъ большія ворота, отворившіяся во дворъ, но у Изы былъ особый подъѣздъ на улицу.

Подниметесь, читатель, четыре ступени и войдемъ въ парадную дверь. Въ большой передней, выкрашенной подъ дубъ и мраморъ, на паркетномъ полу лежалъ волосной коверъ; одна дверь налѣво вела во внутреннія жилыя комнаты, куда проникали чрезъ маленькую узкую лѣстницу, другая направо въ громадную столовую и третья по срединѣ на мраморную лѣстницу, у подножія которой бронзовая статуя Авроры поддерживала массивный канделябръ. Наверху, при-

*) Cambrinus (Камбринъ) символическое лицо, чтимое любителями пива въ среднихъ вѣкахъ. Изображается сидящимъ на бочкѣ пива верхомъ, съ кружкой въ рукѣ.

мо съ лѣстницы входили въ маленькую гостиную, обитую алжирскими тканями и служившую курильной комнатой: здѣсь Иза принимала незнакомыхъ посѣтителей; друзей же проводила прямо въ большую гостиную. Изъ курильной дверь открывалась въ длинный коридоръ, уставленный цвѣтами и называемый галереей потому, что на стѣнахъ висѣло много картинъ современныхъ французскихъ живописцевъ. За этой галереей была большая гостиная, убранная въ современномъ вкусѣ, пелѣномъ, рѣжущемъ глаза подражаніемъ стилю Людовика XV съ золочеными бронзами, бѣлыми стѣнами, золотой мебелью, обитой краснымъ атласомъ, бѣлымъ ковромъ съ громаднымъ краснымъ букетомъ и потолкомъ, на которомъ были изображены красные цвѣты.

Рядомъ находился маленькій будуаръ, въ стилѣ помпадуръ; стѣны и мебель въ немъ были покрыты шелковой матеріей съ мелкими цвѣтами; а далѣе стояло только приподнять тяжелыя портьеры и вы переходили въ спальную, большую, великолѣпную комнату, обтянутую желтой съ краснымъ отливомъ шелковой матеріей. Громадная квадратная кровать съ балдахинномъ, занавѣсками и тремя ступенями, покрытыми темнымъ ковромъ, занимала заднюю стѣну, а прямо, напротивъ, висѣло огромное зеркало. Иза, по словамъ горничной, любила восхищаться своей красотой, лежа на черной бархатной простынѣ, съ распущенными волосами. Вся мебель въ комнатѣ была чернаго дерева и состояла изъ стола, четырехъ креселъ, кушетки и стариннаго рѣзного шкафа; на каминѣ блестѣла золоченая чрезъ огонь бронза временъ Людовика XIV. На потолкѣ, обтянутомъ той же желтой матеріей висѣла фламандская люстра; окна закрывали тяжелыя занавѣси того же цвѣта. Въ свѣтлый день лучи солнца, проникая чрезъ отверстія въ складкахъ занавѣсей падали золотистымъ дождемъ.

Разсказывали, что Иза иногда заперлась у себя въ комнатѣ и надѣвала странный костюмъ цыганки, не блестящій, роскошный, а грязный, въ лохмотьяхъ. Введя читателя въ жилище Изы, мы должны сказать, что эта свѣтская красавица, вдова банкира Сеглена, всѣмъ принимаемая за именитую представительницу аристократическаго рода графовъ Зинтскихъ, пріѣхала въ Парижъ въ обществѣ уличнаго гаера. Она сохранила въ томной, растлѣвающей жизни куртизанокъ свои прежнія дикія замашки. Бывали дни, когда дорогія благоуханія, которыми она вспрыскивала свое тѣло, жгли ее, когда тончайшее бѣлье кололо ее, и тогда она чувствовала необходимость днемъ щеголять въ нищенскихъ лохмотьяхъ, а ночью спать, какъ собака. Въ подобныя минуты она переставала быть женщиной, а становилась какимъ-то чудовищемъ распутства и ее тянуло вонъ изъ ея богатой, роскошной квартиры. Ей грустно было сидѣть въ великолѣпной столовой, отъ роскошныхъ блюдъ ее тошнило; въ блестящей спальнѣ ей было душно. Она жаждала воздуха, пыли, грязи; грудь ея могла бы дышать только въ зловонной атмосферѣ ярмарочнаго балагана. Она безумно желала ѣсть пальцами полугнилую колбасу и вонючій сыръ. Она задыхалась и не растегивала, а рвала на себѣ платье, чтобы дать просторъ своей роскошной груди. Ея прежняя цыганская жизнь возставала передъ ея глазами и манила къ себѣ.

Въ такіе дни, она надѣвала свой старинный костюмъ, состоявшій изъ полинявшаго краснаго бархатнаго корсажа съ тусклыми галунами, короткой юбки изъ пестрыхъ лохмотьевъ и желтыхъ кожаныхъ башмаковъ, чудовищно сидѣвшихъ на ея маленькихъ ножкахъ съ удивительно высокимъ подъемомъ. Шею, уши, и руки она унизывала странными, рѣжущими глаза, украшениями.

Потомъ съ дико-блестящими глазами, сладко-

страстно-улыбающимися губами и пламенной страстью въ сердцѣ, она отправлялась на какой-нибудь уличный праздникъ въ отдаленныя предместья Парижа, удивляя всѣхъ своей поразительной красотой и странными лохмотьями, слушая съ удовольствіемъ грязныя шутки и отвѣчая вызывающими, соблазнительными взглядами. Это была настоящая дикая, сластолюбивая цыганка, расточающая ласки только своимъ землякамъ. Такъ объяснялъ себѣ всякій непостижимое появленіе этой красавицы въ лохмотьяхъ среди уличнаго, ярмарочнаго разгула.

Въ одинъ изъ такихъ припадковъ, какъ называлъ докторъ эти безумные капризы свѣтской красавицы, ее сталъ упорно преслѣдовать какой-то человѣкъ, грубый, циничный, смѣлый въ дѣйствіяхъ и грязный на словахъ. Она хотѣла бѣжать, онъ нагналъ ее вдали отъ шумнаго праздника, сталъ грозить, пріѣхъ къ силѣ, едва не нанесъ ей побоевъ, готовъ былъ совершить преступленіе. Эта животная страсть побѣдила ее и среди подобной грязи возникла любовь. Этотъ человѣкъ сдѣлался ея тайнымъ любовникомъ.

Вотъ какъ Иза познакомилась съ Андрѣ Гударомъ, по прозвищу Кляча.

Они зашли въ какую-то плохенькую гостиницу за городомъ... Проснувшись въ этой грязной, зловонной трущобѣ, Иза сразу отрезвилась отъ своего безумнаго припадка. Ей стало стыдно и она вздрогнула отъ отвращенія. Она закрыла глаза и мысленно перенеслась въ свою роскошную спальню; грубыя лохмотья жгли ея тѣло, привыкшее къ тонкому надушенному бѣлью. Она встала, взглянула на себя въ зеленоватый осколокъ зеркала и нашла, что она далеко не такъ хороша, какъ всегда. Ей стало тошно. Ей казалось, что она никогда не жила подобной жизнью. Она одѣлась и поспѣшно вышла изъ комнаты. Было четыре или пять часовъ утра. Она взяла фiakръ и поѣхала домой.

Очтившись въ своемъ роскошномъ жилищѣ, она поспѣшно сбросила лохмотья и, умывшись духами въ громадной серебряной лохани, бросилась на бархатную простыню своей постели. Съ удовольствіемъ полюбовавшись на свою красоту въ великолѣпномъ зеркалѣ, она тотчасъ заснула. На другое утро она о всемъ забыла.

Черезъ нѣсколько дней она возвратилась къ обѣду, съ прогулки въ Булонскомъ лѣсу, задумчивая и озабоченная. Утромъ у нея были какіе-то господа, которые оставили ее послѣ долгой бесѣды очень не въ духѣ и, повидимому, свѣжій воздухъ не разогналъ ея дурного настроенія. Она не успѣла еще переодѣться, какъ раздался звонокъ и горничная доложила ей, что какой-то человѣкъ, по имени Андрѣ, желаетъ видѣть ее.

— Андрѣ! повторила она: — какой Андрѣ?

— Онъ ничего болѣе не сказалъ.

— Кто его прислалъ? Тѣ господа, которые были у меня утромъ?

— Не думаю. Онъ на нихъ не похожъ. Онъ смахиваетъ на небогатаго чиновника.

— И онъ тебѣ не сказалъ, что ему надо?

— Нѣтъ, но онъ увѣряетъ, что ему необходимо васъ видѣть.

— Проводи его въ курильную.

Горничная повиновалась. Черезъ минуту Иза вошла въ маленькую гостиную и увидѣла какого-то человѣка, стоявшаго у окна. Онъ смотрѣлъ въ садъ и былъ, очевидно, очень смущенъ.

— Вы желали со мною говорить, сказала она: — что вамъ угодно?

Онъ обернулся; Иза смутно признала въ немъ знакомаго и стала припоминать, гдѣ она могла видѣть его.

— Вы сочтете меня очень дерзкимъ, сказалъ онъ перѣшителнымъ голосомъ, глупо ворочая въ рукахъ шляпу, — но я никогда не подозревалъ... Вы, можетъ быть, не хотите узнать меня;

но это напрасно; никогда не надо забывать своих приключений. Къ тому же, праздники въ Нельи былъ недавно.

— А! воскликнула Иза, покраснѣвъ и насупивъ брови, но это продолжалось не болѣе двухъ секундъ и она, просіявъ, сказала съ улыбкой, прямо, смѣло: — А! это ты! Какъ ты меня нашелъ?

— Недѣлю тому назадъ, я тебя встрѣтилъ въ каретѣ въ Елисейскихъ поляхъ, отвѣчалъ Гударь, оправившись отъ смущенія, — и съ тѣхъ поръ я все слѣжу за тобою.

Иза посмотрѣла на него пристально.

«Это, быть можетъ, именно человѣкъ, какой нуженъ для нашего дѣла, подумала она: — онъ красавецъ... если его умыть, обтесать...»

И она громко сказала:

— Ты хорошо сдѣлалъ, что пришелъ и въ доказательство, что я рада тебя видѣть, ты останешься здѣсь обѣдать.

— Хорошо, сказалъ просто Андрэ и прибавилъ: — а что, здѣсь не принято цѣловаться?

— Отчего же, отвѣчала она и протянула свои прелестныя губы; — а какъ тебя зовутъ?

— Андрэ?

— А фамилія?

— Гударь.

— Ну, голубчикъ Андрэ, пойдемъ обѣдать, сказала Иза и, взявъ его за руку, повела внизъ по лѣстницѣ въ столовую.

Лакей широко отворилъ дверь передъ нею.

— Жанъ, сказала она, — поставьте еще приборъ, а принесъ кушанья, удалитесь. Мы обойдемся безъ васъ. Если кто позвонитъ, меня вѣтъ дома.

Гударю было очень неловко среди этой блестящей роскоши, онъ не смѣлъ сдѣлать шага, не зная, куда дѣвать свою порывистую шляпу и глупо улыбался. Иза взяла его шляпу, повѣсила ее на крючекъ въ передней и, толкая Гудара, остановившагося у дверей, воскликнула со смѣхомъ:

— Да иди же смѣйся. Мы будемъ одни и потолкуемъ откровенно за обѣдомъ.

Они сѣли за столъ другъ противъ друга. Слуга принесъ кушанья и ушелъ. Иза сама служила своему гостю. Но хотя Гударь находился съ глазу на глазъ съ нею, онъ не могъ разговаривать съ той же смѣлостью, какъ въ Нельи. Слова замирали у него на губахъ. Окружающая роскошь смущала его; красавица Иза подавляла его. Однимъ словомъ, ихъ роли перемѣнились; теперь она господствовала и небрежно звала его: голубчикъ.

Они мало говорили и молча ѣли.

— Я долго боялся позвонить, сказалъ онъ наконецъ.

— Отчего?

— Я боялся ошибиться.

— Почему ты меня узналъ?

— Спросивъ у сосѣдей, какъ тебя зовутъ, я узналъ про тебя странныя вещи.

— Что? спросила съ живостью Иза и, засмѣявшись, обнаружила два ряда прелестныхъ бѣлыхъ зубовъ.

— Что ты иностранка, что у тебя иногда бываютъ безумные капризы, что, вѣроятно, тебѣ покровительствуетъ полиція, иначе тебѣ не позволяли бы, переодѣвшись цыганкой, бѣгать по уличнымъ праздникамъ въ предмѣстьяхъ. Ты понимаешь, что, слыша это, я сказалъ себѣ: это она.

— Еще что тебѣ сказали?

— Еще говорили, что если я навожу справки, какъ поставщикъ, то необходимо тебѣ отпускать товаръ на чистые деньги. Наконецъ, мнѣ рассказывали, что никто не знаетъ, есть-ли у тебя любовникъ, но что къ тебѣ ѣздить очень важные господа. Однимъ словомъ, тебя считаютъ богатой иностранкой, но полоумной.

— Ты лучше ихъ знаешь, что я такое, отвѣчала Иза со смѣхомъ: — я свободна, независима и никто не можетъ помѣшать мнѣ дѣлать то, что я захочу. А ты чѣмъ занимаешься?

— Я безъ мѣста.

— А прежде, что ты дѣлалъ.

— Я служилъ комисіонеромъ, а теперь ищу мѣста. Но вѣдь мы здѣсь не для того, чтобъ говорить о дѣлахъ.

— Нѣтъ, напротивъ, поговоримъ о дѣлахъ. Ты прекрасно сдѣлалъ, что пришелъ.

— А я боялся, что ты меня прогонишь.

— Что бы ты тогда сдѣлалъ?

— Ничего. Но мнѣ ужасно хотѣлось видѣть твое лицо, когда ты меня узнаешь. Впрочемъ, признаюсь, я никогда не ожидалъ, что ты меня примешь такъ прекрасно.

— Отчего же не принять? Я добрая женщина. Если мы познакомились въ Нельи, то только потому, что ты мнѣ понравился, и я нашла тебя красивымъ. На другое же утро я убѣжала изъ боязни, что по неравенству нашихъ положеній всякая связь между нами невозможна.

— Я такъ и подумалъ: ты прекрасна и богата. Я бѣденъ.

— Но ты красавецъ, удивительный красавецъ. Если ты захочешь, я тебѣ найду мѣсто.

— Правда?

— Но то, что я тебѣ предложу, будетъ дѣло не легкое.

— Ничего, говори. Я для тебя все сдѣлаю.

— Это не для меня; мнѣ никого не нужно, отвѣчала Иза и прибавила съ улыбкой, протягивая ему руку: — мнѣ нужно тебя видѣть иногда, вотъ и все, но для этого я желала бы, чтобъ ты былъ счастливымъ.

— Какое это мѣсто.

— Это собственно не мѣсто. Знакомые господа... иностранцы, говорили мнѣ, что имъ необходимъ человѣкъ энергичный, рѣшительный, который не остановится ни передъ чѣмъ для достиженія своей цѣли.

— Съ такой программой можно далеко пойти.

— Это вѣроятно и нужно.

— А!

Наступило молчаніе. Иза налила вина Гударю и, перемѣнивъ тонъ, сказала:

— Ну довольно, не будемъ болѣе говорить объ этомъ. Пойди ко мнѣ, голубчикъ Андрэ, мы потолкуемъ о твоихъ дѣлахъ въ другой разъ.

Андрэ выпилъ вино и, обойдя столъ, сѣлъ подлѣ Изы. Она смотрѣла на него смѣло, безстыдно.

— Однако, у меня не дурной вкусъ, сказала она съ улыбкой: — ты очень красивъ.

Гударь принялъ этотъ комплиментъ безъ всякаго смущенія. Ему часто говорили, что онъ красавецъ. Они поцѣловались и стали болтать, произнося обычныя въ грубой любви пошлости. Но ни тотъ, ни другая не говорили о томъ, о чемъ бы желали. Наконецъ, Иза попросила Гудара рассказать подробности о его жизни: любилъ-ли онъ кого страстно, былъ-ли онъ ревнивъ. Она сама призналась, что была прежде очень ревнива, но вылилась отъ этого чувства, видя его ужасныя послѣдствія. Андрэ, въ свою очередь, рассказалъ, что онъ такъ же ревновалъ одного человѣка и убилъ его, отчего и вся его жизнь измѣнилась.

— Ты убилъ! воскликнула Иза, но безъ всякаго ужаса.

— Да, т. е. мы дрались и онъ умеръ отъ раны. Но я не хотѣлъ убить его, я только защищался.

— Тебя судили?..

— Нѣтъ, я убѣждалъ и меня никогда не преслѣдовали...

— Укоры совѣсти?

Гударь пожалъ плечами и громко разсмѣялся.

— Такъ тебя ничто не можетъ удержатъ?

— Ничто.

— Я убѣждена, что еслибъ люди, о которыхъ я тебѣ говорила, знали тебя, они не искали бы лучшаго человѣка.

— Послушай, Иза, хочешь сдѣлать мнѣ одолженіе? Поговори обо мнѣ и если я не гожусь, то чортъ съ ними.

— Слово тутъ мало, надо, чтобъ они питали полное довѣріе къ человѣку, котораго я имъ представляю.

— Знаешь ты, по крайней мѣрѣ, что надо для нихъ дѣлать?

— Все, отвѣчала Иза, пристально смотря на него.

Наступило минутное молчаніе.

— Хорошо, я готовъ на все, рекомендуй имъ меня, сказалъ Гударь, поднимая голову.

— Такому красавцу, какъ ты, должно быть очень скучно жить въ нищетѣ.

— О! да.

— Ты несчастливъ?

— Да, меня всѣ презираютъ и сердце мое полно ненависти и желаній...

— Я тебя люблю и дѣлаю тебя счастливымъ... Но теперь тебѣ пора идти.

— Какъ, ты меня гонишь?

— Да. Это необходимо. Ты придешь завтра. Я сегодня же вечеромъ займусь твоимъ дѣломъ.

— А теперь я такъ... и уйду? спросилъ Гударь съ глупой улыбкой.

— Не будь дуракомъ. Ты меня теперь нашелъ и мы всегда успѣемъ видѣться. Завтра ты получишь удовлетворительный отвѣтъ и можешь придти сюда вечеромъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ не будетъ стыдно тебя передъ слугами.

Эта грубая откровенность заставила Гудара покраснѣть и онъ бросилъ поспѣшный взглядъ на свою нищенскую одежду.

— Я скажу, продолжала Иза, — что человѣкъ, котораго я рекомендую, способенъ на все и желаетъ только, чтобъ ему хорошо заплатили.

— Да, да, это главное.

— Я скажу, что ты способенъ изъ ревности убить человѣка, который тебѣ заграждаетъ путь.

Гударь поднялъ голову и поблѣднѣлъ, но отвѣчалъ:

— Да, я буду ревновать тебя.

— Не говори пустяковъ.

Въ послѣднія минуты Гударь какъ-то лихорадочно пилъ вино, стаканъ за стаканомъ, словно желая забыться.

— Гдѣ ты живешь? спросила Иза, взявъ его за руку.

— На Вилетскомъ бульварѣ, № 44.

— Въ меблированныхъ комнатахъ?

— Да.

— Подъ своимъ собственнымъ именемъ?

— Да.

— Если я устрою тебѣ это дѣло, то завтра утромъ ты получишь письмо съ приложеніемъ. Ты тотчасъ перемѣни квартиру и приходи вечеромъ ко мнѣ.

— Хорошо, а теперь неужели мнѣ надо такъ и уйдти? сказалъ Гударь, сверкая глазами.

— Да, это необходимо.

Она встала и сама повела его въ переднюю.

— Хоть поцѣлуемся, сказалъ онъ.

Она поспѣшно поцѣловала его и, отворивъ наружную дверь, почти насильно вытолкала, говоря:

— До завтра.

Иза очень боялась пьяныхъ; ее пугало, что Гударь слишкомъ много выпилъ, потому она такъ скоро и сировала его. Возвратясь въ столовую она прошептала:

— Да, мнѣ такой человѣкъ и нуженъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Симонъ Ломницкій, просящій милостыню на Пражскомъ мосту.

На нашемъ рисункѣ, составляющемъ копію съ картины талантливаго чешскаго художника Чер-

Погибшій товарищъ.
Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политепажнѣ»..

мака, изображена сцена изъ жизни извѣстнаго чешскаго поэта С. Ломницкаго. Сцена эта живо рисуетъ ту эпоху и тѣхъ людей, среди которыхъ, въ концѣ XVI вѣка, пришлось жить и страдать одному изъ лучшихъ поэтовъ Чехіи. Ломницкій, страстно любившій родную страну, скорбилъ надъ гражданскимъ и политическимъ положеніемъ современнаго ему чешскаго общества; какъ честный человѣкъ и восторженный поэтъ и публицистъ, онъ не могъ не высказывать горькихъ истинъ, направленныхъ противъ современнаго зла, въ особенности противъ произвола, господствовавшего въ обществѣ. Ратуя за правду и за угнетенныхъ, Ломницкій былъ, наконецъ, принужденъ замолчать, и его поставили въ невозможность какой бы то ни было работой добывать средства для своего пропитанія. Его довели до крайняго положенія, въ которомъ поэту оставалось только сѣсть на Пражскомъ мосту для сбора подавній отъ тѣхъ, которые не сумѣли оцѣнить его таланта и его благихъ намѣреній, которые неумоимо преслѣдовали его. Отсюда происходитъ въ исторіи чешской литературы его прозвище: «нищій», — прозвище, отлично характеризующее не его, но невѣжественный мѣщанскій духъ того времени.

Чешскій художникъ избралъ сюжетомъ для своей картины моментъ этого публичнаго нищенствованія несчастнаго поэта. По срединѣ картины художникъ помѣстилъ благородную фигуру поэта, сидящаго съ протянутой рукой, съ лицомъ, изображающимъ глубокую скорбь и вмѣстѣ съ тѣмъ непреклонный характеръ. У ногъ поэта лежатъ его рукопись, перо, чернильница и посохъ. Передъ нимъ шляпа, изъ которой выпало нѣсколько монетъ, брошенныхъ, очевидно, съ пренебреженіемъ... можетъ быть, его преслѣдователями, которые проходили по каменному полотну моста. Ближайшіе къ Ломницкому фигуры — нищія. Позади его стоитъ красивая женщина, опечаленная и озабоченная... можетъ быть, вѣдѣвшее искренняго сочувствія и состраданія къ униженному бойцу за правду. Возлѣ нея, нѣсколько далѣе, какой-то фанфаронъ, мѣщанинъ-богачъ, повидимому, личный врагъ поэта, идетъ подъ-руку со своей разряженной женой, и бросаетъ на сидящаго страдальца гордый и презрительный взглядъ. Вдали, на фонѣ картины, виднѣется панорама богатой Праги. Налѣво, надъ мастерски изображенной фигурой какого-то полунагого нищаго, сидитъ задумчиво, съ книгами въ рукѣ, можетъ быть, одинъ изъ учениковъ Ломницкаго. Облокотившись одной рукой, смотритъ онъ на униженіе своего любимаго учителя и, вѣроятно, въ безсильномъ гнѣвѣ, раздумываетъ надъ средствами избавленія его отъ горя и нищеты.

Дума поэта.

Фантазія.

Изъ Владислава Сырокомли. Пер. Омулевскаго.

Тьма ночи вершины утесовъ покрыла,
Кругомъ все такъ мрачно, уныло такъ было, —
Такъ мрачно, какъ въ сердцѣ поэта самомъ,
Чинившаго хмуро перо за столомъ.

Въ смущенной душѣ онъ сбирался съ мыслями,
Онъ думалъ, что ихъ обезсмертитъ стихами!
Но мысли, чтобъ ванну не брать изъ чернилъ,
Подъ черепомъ узкимъ осѣли, какъ иль.

Онъ вѣщими въ небо уткнулся очами,
И вѣщими грызть сталъ перо онъ зубами,
И вѣщій въ чернилицу носъ окунуть,
И думалъ, все думалъ, пока не заснулъ.

Изъ Лондона.

(Письмо «Туристу»)

10 (22) апрѣля.

Вчера въ хрустальномъ дворцѣ выставленъ золотой лавровый вѣнокъ, который подносятъ

лорду Биконсфильду, какъ гласитъ объявленіе, 52,800 рабочихъ и работницъ Англіи въ знакъ ихъ уваженія и благодарности. Эта странная выставка трогательнаго залога народной любви къ государственному мужу въ храмѣ публичныхъ увеселеній, гдѣ обыкновенно потѣшаются лондонскую публику всевозможные гаэры и скоморохи, очень характеристичное явленіе общественной жизни Англіи и оно, какъ нельзя болѣе кстати, подоспѣло для моего перваго письма къ вамъ.

Неудача хитрозадуманнаго апотеоза лорда Биконсфильда, какъ нарочно совпала съ чувствительнымъ ударомъ, нанесеннымъ торіейской партіи открытымъ разрывомъ съ нею одного изъ ея столповъ лорда Дерби, который признается всѣми партіями за очень дѣловаго и честнаго администратора съ либеральными идеями насчетъ внутреннихъ реформъ, такъ что нѣкогда ожидали его вступленія въ министерство Гладстона. До сихъ поръ это событіе выразилось только тѣмъ, что бывший министръ иностранныхъ дѣлъ въ министерствѣ Дизраэли-Биконсфильда отказался отъ званія члена ланкаширскаго консервативнаго союза, почетнымъ президентомъ котораго онъ состоялъ вмѣстѣ съ первымъ министромъ. Хотя онъ самъ объясняетъ въ напечатанномъ въ газетахъ письмѣ этотъ рѣшительный шагъ тѣмъ, что, «не считая возможнымъ поддерживать въ Ланкаширѣ осуждаемую имъ въ палатѣ вѣдѣнную политику правительства, которой вообще сочувствуетъ такъ называемая консервативная партія», онъ «по крайней мѣрѣ, на время желаетъ остаться свободнымъ отъ всякихъ узъ партій»; но всѣ газеты, даже консервативныя, видятъ въ его словахъ и дѣйствіяхъ ясное доказательство окончательнаго разрыва съ торіями. Многие ожидаютъ, что онъ вскорѣ пересѣдетъ въ палатѣ лордовъ на скамью оппозиціи, а нѣкоторые органы торіевъ предсказываютъ образованіе подъ его предводительствомъ новой консервативной партіи, желающей вѣдѣннаго мира и внутреннихъ умѣренныхъ реформъ.

Это предсказаніе тѣмъ вѣроятнѣе, что въ послѣднее время въ рядахъ торіейской партіи, такъ энергично поддерживавшей столько лѣтъ всѣ чудовищныя фантазіи лорда Биконсфильда, стало замѣтно колебаніе и недовольство. Во время недавнихъ преній въ нижней палатѣ по поводу предложенія сэра Чарльза Дилке выразить порицаніе правительству за войну съ зулусами, хотя онѣ и окончились относительной побѣдой Биконсфильда, самыми ярыми противниками его политики явились два стойкіе консерватора: сэръ Генри Голландъ и сэръ Робертъ Пиль. Точно также даже такія чисто торіейскія газеты, какъ Standard и Pall Mall Gazette начинаютъ выражать безпокойство о послѣдствіяхъ «возвышенной иностранной политики Биконсфильда» и предостерегаютъ его о перемѣнѣ вѣтра, на что указываетъ лучше всего и вліяніе великаго флюгера англійской печати Times.

Всѣ эти признаки, а равно и поражение консерваторовъ на послѣднихъ частныхъ выборахъ въ парламентъ служатъ яснымъ доказательствомъ, что приближается конецъ основаннаго Биконсфильдомъ царства джингонизма, этой, по остроумному выраженію Дженкинса въ его сатирѣ «Торжество Джинго», «религіи эгонизма, честности, жестокости, лицемерія, хвастовства и лжи, искусно прикрываемыхъ личиной рыцарства, чести, патриотизма и прочихъ возвышенныхъ чувствъ». Съ другой стороны, рядомъ съ колебаніемъ консервативной партіи, остранившей себя столь долгой поддержкой изъ личныхъ видовъ далеко не безупречныхъ фантазій лорда Биконсфильда, замѣчается съ каждымъ днемъ все большее и большее усиленіе энергичной дѣятельности вигговъ или, какъ нынче называютъ ихъ, либеральной партіи. Долго, во время торжества джингонизма,

одинъ только Гладстонъ въ длинномъ рядѣ журнальныхъ статей, брошюръ и публичныхъ рѣчей, смѣло и стойко велъ борьбу съ тѣмъ, что онъ признавалъ несправедливымъ и вреднымъ для своей родины. Многие издѣвались надъ нимъ, считая его какимъ-то восторженнымъ мистикомъ, и непрактичнымъ дон-Кихотомъ, даже его товарищи, члены оппозиціи, не чувствовали достаточной храбрости, чтобъ компрометировать себя поддержкой его мнѣній. Либеральная партія пришла въ разстройство и втеченіи пяти лѣтъ неограниченно царилъ джингонизмъ. Наконецъ, либеральная партія очнулась, собралась съ силами, сомкнула свои ряды вокругъ вчерашняго одинокаго бойца и снова закинула борьбу въ виду наступающихъ въ будущемъ году общихъ выборовъ въ парламентъ, когда долженъ рѣшиться англійскимъ народомъ или той его частью, которая до сихъ поръ держитъ въ своихъ рукахъ судьбу страны, великій вопросъ, чему господствовать: джингонизму или либерализму; кому управлять страной: юркому Диззи или народному Вильяму. Въ ожиданіи этого окончательнаго, безапелляціоннаго приговора англійской націи, который, быть можетъ, силой обстоятельствъ будетъ произнесенъ и ранѣе будущаго года, либеральная партія старается ясно и опредѣленно поставить спорный вопросъ въ глазахъ всякаго англичанина. На дняхъ лучшіе ея ораторы: Брайтъ, Форестеръ, Вильямъ Гарткотъ и самъ Гладстонъ, въ цѣломъ рядѣ блестящихъ рѣчей, представили полную картину всѣхъ благъ, которыми надѣлило Англію правительство Дизраэли-Биконсфильда и разобрали со всѣхъ сторонъ, такъ сказать, по косточкамъ, пресловутую джингонскую политику.

Всѣ эти ораторы задаютъ торіейской партіи одинъ вопросъ: «Что вы сдѣлали для Англіи?» Брайтъ, вся жизнь котораго была вѣрнымъ исполненіемъ его девиза: «Будь справедливъ и ничего не бойся», оплакиваетъ, что пришли тѣ времена, когда каждый разъ являясь передъ своими избирателями въ Бирмингамѣ, онъ могъ порадоваться торжеству справедливаго принципа или издавію парламентомъ какого-нибудь благодѣтельнаго закона, или принятія правительствомъ полезной реформы. «Теперь, говоритъ онъ, — намъ радоваться нечему. Впродолженіи пяти лѣтъ своего существованія, настоящее министерство не провело ни одной важной государственной мѣры. Мы знаемъ, что существуетъ въ парламентѣ большинство, поддерживающее кабинетъ, въ которомъ засѣдаетъ положенное число министровъ, но парламентское большинство имѣетъ силу только сопротивленія всему хорошему, всему доброму, а члены администраціи, совѣтники короны, не способны или не хотятъ совѣтовать тѣ мѣры, которыя англійскій народъ вправе ожидать отъ своего министерства и своего парламента. Что же они дѣлаютъ? А что-нибудь они должны дѣлать, такъ какъ по газетамъ извѣстно, что министры собираются на совѣщанія два или три раза въ недѣлю и парламентъ съ министерскимъ большинствомъ въ шестьдесятъ голосовъ не можетъ быть совершенно празднымъ. Вотъ что они дѣлаютъ: ничего полезнаго внутри страны и все, что только можно вообразить дурного — извнѣ. Они измѣнили довѣрію страны, даромъ расточили кровь и деньги народа. Они омрачили мирное царствованіе королевы бесполезной войной въ трехъ частяхъ свѣта и опозорили честное имя Англіи, закатавъ турецкому деспотизму христіанское населеніе цѣлой страны, освобожденной русскимъ оружіемъ. Вотъ все, что они сдѣлали. Однимъ словомъ, впродолженіи пяти лѣтъ управленія Англіей, они показали себя нечѣлыми во внутреннихъ дѣлахъ и буйными, жестокими, несправедливыми во вѣдѣнныхъ дѣлахъ».

Повторяя тотъ же вопросъ: «Что сдѣлали торіи

для Англіи? сэръ Вильямъ Гарткортъ, одинъ изъ остроумнѣйшихъ ораторовъ оппозиціи, хотя скорѣе узкій, старый вигъ, чѣмъ современный либераль, отвѣчаетъ очень мѣтко и зло: «Они вступили въ министерство потому, что нація хотѣла отдохнуть. Какой же отдыхъ дали они въ продолженіи пяти лѣтъ бѣдной Англіи? Нѣтъ ни одной части свѣта, гдѣ бы наши интересы не подвергались ежедневно, по словамъ правительства, опасности и не требовалось бы энергичныхъ, дорого стоющихъ мѣръ для ихъ поддержки. Не проходитъ недѣли, чтобъ не возникала новая распря въ какомъ-нибудь отдаленномъ уголѣ земного шара. Мы живемъ среди лихорадочнаго трепета военныхъ экспедицій, сраженій, завоеваній и пр. Всегда гдѣ-нибудь намъ надо смѣнить эмира, свергнуть съ престола хедива, вступить въ борьбу съ дикимъ племенемъ или занять какую-нибудь страну однимъ или съ кѣмъ-нибудь вмѣстѣ. Каждое утро мы развѣтываемъ газеты, съ испугомъ, боясь, не получено-ли извѣстіе о новомъ истребленіи нашей арміи или о началѣ новой войны. Во всей странѣ тревога, безпокойство, смутеніе. Вотъ какой отдыхъ, какое спокойствіе дало намъ торійское правительство. Много лѣтъ тому назадъ, вотъ что говорилъ Дизраэли о правительственной системѣ Пальмерстона: «Не имѣя никакой внутренней политики, онъ принужденъ отвлекать вниманіе націи отъ внутреннихъ дѣлъ къ внѣшней политикѣ; онъ поддерживаетъ внѣшнюю политику, буйную и воинственную, чтобъ дома властвовать спокойно и безпреткновенно; отсюда чрезмѣрные расходы, тяжелые налоги и прекращеніе всякихъ социальныхъ улучшеній». Нельзя вѣрнѣе описать политической системы, господствующей у насъ уже пять лѣтъ».

Видоизмѣняя нѣсколько общій вопросъ, Форстеръ, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, въ кабинетѣ Гладстона, спрашиваетъ у торіевъ: «Вы называете себя умѣренными реформаторами, вы всегда говорили, что хотите реформъ, а мы революціи, что же вы сдѣлали въ пять лѣтъ вашего управленія? Вы имѣли сильное правительство и громадное послушное большинство въ палатѣ, что же вы дали странѣ? Вы могущественно сопротивлялись и уничтожали всѣ наши предложенія о реформахъ, а сами вы не провели ни одной вашей умѣренной, практической реформы. А въ началѣ громадное большинство страны, не принадлежащее ни къ какой партіи, ждало отъ васъ много полезныхъ улучшеній въ законахъ о погребеніяхъ, о муниципальных правахъ, ирландскихъ университетахъ, распредѣленія парламентскихъ мѣстъ и пр., и пр. Но вы не могли или не хотѣли провести ни одной самой незначительной мѣры, хотя ваши же сторонники охотно васъ поддерживали-бы. А тѣ мѣры, которыя вы предлагали, часто оказывались на столько нелѣпыми, что вы сами отъ нихъ отказывались и потомъ предлагали новыя, еще худшія».

Наконецъ, Гладстонъ вчера, въ тотъ самый день, когда торіи выкинули свой новоизобрѣтенный фортель, лавровый вѣнокъ, въ краткой, но чрезвычайно логичной и сдержанной рѣчи къ либераламъ Букса, представителемъ котораго былъ нѣкогда Дизраэли, ясно и опредѣленно поставилъ вопросъ, раздѣляющій правительство и оппозицію. «Современное положеніе Англіи, сказалъ онъ, — очень серьезное. Я не стану теперь произносить приговора о томъ, хороша или дурна система управленія торійской партіи, но скажу только, что она совершенно новая. Пять лѣтъ тому назадъ общественныя дѣла были переданы имъ, смѣю утверждать, въ порядкѣ. Не было нигдѣ недовольства и затрудненій, вездѣ царил заботливый и экономіи. Осторожно избѣгали тогда всякаго хвастовства и воинственнаго азарта, по имя Англіи уважалось во всемъ свѣтѣ. Серьез-

ныя прерѣканія съ Россіей были улажены и хотя Америкѣ уплатили большую сумму, съ которой намъ сначала нехотѣлось разставаться, но потомъ вышло на повѣрку, что мы этимъ приобрѣли искреннюю дружбу 40,000,000 нашихъ родичей. Съ тѣхъ поръ мы слышали много о британскихъ интересахъ, о славіи имперіи и пр.; политика правительства стала совершенно новая и, надо сознаться, замѣчательная. У насъ теперь на рукахъ, благодаря этой политикѣ война въ южной Африкѣ, война въ Афганистанѣ, обявительство защищать отъ Россіи и преобразовать Турцію съ помощью турецкаго правительства, затрудненія въ Бурмѣ и разговоръ о Мервѣ. И все это не только вопросы новые, которые никогда не существовали бы при прежней политикѣ, но и самый способъ дѣйствія правительства такъ же новый. Парламентъ не принималъ никакого участія въ войнѣ съ афганцами и съ зудусами, а такъ же въ принятіи Англіей на себя военнаго и нравственнаго протектората надъ Турціей. Парламентъ мало-по-малу доведенъ до роли регистратора. Конечно, онъ самъ въ этомъ виноватъ, но и правительство должно нести свою долю отвѣтственности. Торіи полагаютъ, что эта политика твердая и достойная; вскорѣ вся страна скажетъ правдѣ, или она ей или нѣтъ. Если страна согласится съ торіями и найдетъ, что эта система, управленія хорошая, мудрая и ведетъ къ славіи и благоденствію, то я покорюсь волѣ страны и не стану болѣе тревожить ее, я уже и то, говорятъ, многимъ надоѣлъ и не хочу быть вѣчно несчастнымъ. Но пока этотъ конечный приговоръ не произнесенъ, обязанность моя и всей либеральной партіи, какъ можно яснѣе разъяснить всякому англичанину, что вопросъ, который страна разрѣшитъ на будущихъ выборахъ, слѣдующій: цѣнитъ-ли англійскій народъ свободу или нѣтъ, предпочитаетъ-ли онъ осторожное, благоразумное управленіе страной, къ которому его приучило либеральное правительство или поддерживаетъ рискованную, опасную политику послѣдующихъ лѣтъ?»

Я уже выше сказалъ о вѣроятномъ отвѣтѣ Англіи на этотъ вопросъ и мнѣ слѣдовало бы перейти теперь къ описанію экономическаго и финансоваго состоянія Англіи, но это описаніе отлагаю до слѣдующаго письма.

Г. В. Дове.

Недавно телеграфъ принесъ печальное извѣстіе о кончинѣ Г. В. Дове: смерть похитила самаго знаменитаго представителя метеорологіи!

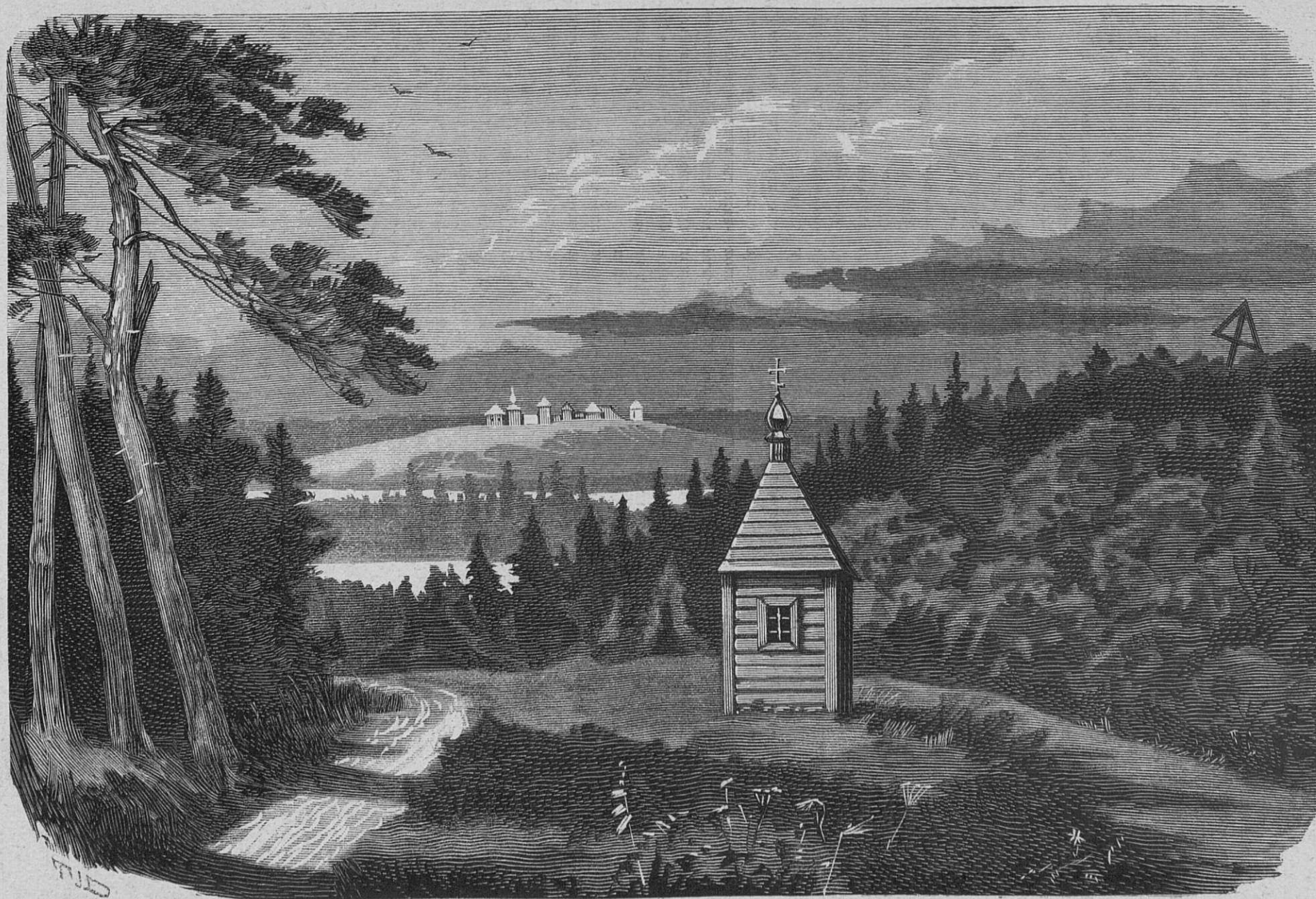
Дове родился въ Лигницѣ 6 октября 1803 г. Съ самаго юнаго возраста онъ посвятилъ себя специальному изученію физики и метеорологіи, съ которыми онъ не разставался всю свою жизнь. Первымъ его ученымъ постомъ была кафедра натуральной философіи (физики) въ кенигсбергскомъ университетѣ, гдѣ, впрочемъ, онъ пробылъ не долго, такъ какъ былъ приглашенъ въ берлинскій университетъ для занятія той же кафедрой. Здѣсь своими трудами ему удалось очень скоро составить себѣ почетное имя въ наукѣ. Изъ отдѣловъ физики его интересовали всего болѣе электричество и поляризація свѣта. Кромѣ того, онъ занялся сравненіемъ мѣръ длины и вѣса различныхъ націй. Всего же болѣе онъ прославился своими метеорологическими трудами.

Въ то время, когда Дове выступилъ на научное поприще, метеорологія находилась въ первобытномъ состояніи: она обнимала только одну отрасль современной намъ метеорологіи, именно — климатологію. Кэмпцъ однимъ изъ первыхъ показалъ путь и подалъ примѣръ тѣмъ разнообразнымъ изслѣдованіямъ метеорологическихъ явленій, которыя въ настоящее время обязательно производятся въ каждой метеорологической стан-

ціи. Это, впрочемъ, единственный путь, которому можно было слѣдовать въ то время, когда существовало незначительное число станцій и при томъ очень удаленныхъ другъ отъ друга; тотъ же путь привелъ къ практическимъ и полезнымъ результатамъ относительно роли, которую играютъ различные атмосферные агенты въ вопросахъ, относящихся къ земледѣлію и общественной гигиенѣ. Дове придавалъ этимъ изслѣдованіямъ самое обширное развитіе: собирая разбросанныя данныя въ періодическихъ изданіяхъ всѣхъ странъ, онъ получилъ результаты, относящіеся до каждой отдѣльной страны, на столько точные, на сколько позволяла наука и методы наблюденій того времени. Онъ послѣдовательно изучилъ и обработалъ наблюденія термометрическія и барометрическія, дожди, вѣтры, туманность и взаимодѣйствіе всѣхъ этихъ явленій, въ особенности же вліяніе направленія вѣтра на температуру и барометрическое давленіе на число и обиліе дождей. Въ численныхъ таблицахъ, которыя опубликовалъ Дове и которыя относятся до всѣхъ тѣхъ мѣстъ земной поверхности, гдѣ производились метеорологическія наблюденія, можно найти и неточныя числа, которыя въ большинствѣ случаевъ зависятъ отъ усложненныхъ и неизслѣдованныхъ условий, окружавшихъ наблюдателей; но тѣмъ не менѣе этотъ трудъ Дове настолько обширенъ, что до настоящаго времени другой подобный, который бы обнималъ всѣ современные метеорологическія наблюденія, еще не предпринять, и во многихъ случаяхъ приходится прибѣгать къ труду Дове, какъ къ лучшему еще и по настоящее время. Труды, въ которыхъ Дове изложилъ свои изслѣдованія (*Meteorologische Untersuchungen* и *Klimatologische Beiträge*) и статьи его, напечатанныя въ анналахъ Погендорфа, будутъ в теченіи долгаго времени классическими трудами по метеорологіи.

Имѣя въ рукахъ подобное собраніе наблюдательныхъ данныхъ, Дове естественно стремился найти между ними внутреннюю связь и вывести изъ нихъ общія послѣдствія. А. Гумбольдту пришла первому мысль соединить на картѣ непрерывною линіею всѣ тѣ точки на земной поверхности, у которыхъ средняя годовая температура одна и та же: эти линіи, названныя Гумбольдтомъ изотермами, представляли самымъ нагляднымъ образомъ распредѣленія температуры на земной поверхности; первые наброски этихъ линій были, конечно, несовершенны. Кэмпцъ дополнилъ пробѣлы для нашего сѣвернаго полушарія. Дове тоже взялся за этотъ вопросъ, и вывелъ болѣе точныя, болѣе совершенныя изотермы; результаты онъ изложилъ въ «Трактатѣ о распредѣленіи теплоты на поверхности земли». Сочиненіе это занимаетъ первенствующее мѣсто среди всѣхъ современныхъ трудовъ подобнаго рода. Дове могъ начертить не только годовыя изотермы для обоихъ полушарій, но и изотермы на каждый мѣсяцъ. Изъ этихъ изслѣдованій получились важныя результаты: мѣста южнаго полушарія сравнительно съ мѣстами сѣвернаго, лежащими подъ одинаковыми же широтами, обладаютъ болѣе холоднымъ климатомъ; отсутствіе большихъ континентовъ въ южномъ полушаріи придаетъ всѣмъ явленіямъ большую правильность, несуществующую у явленій сѣвернаго полушарія; наконецъ, въ южномъ полушаріи изотермы приближаются гораздо болѣе къ паралелямъ, чѣмъ въ сѣверномъ. Изъ тѣхъ же работъ Дове обнаружилась климатическая разниа между восточными и западными берегами континентовъ, а также разниа во вліяніи земли и океана на климаты. Тогда какъ океаны, состоящіе изъ прозрачнаго и жидкаго вещества — воды, нагрѣваются очень мало солнечными лучами, вслѣдствіе чего температура океановъ мѣняется немного

СОЛОВКИ.

Рисоваль и рѣзалъ на деревѣ Діаментовскій.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА К. РОДЕ.

Судья.

отъ одного сезона до другого, континенты, напротивъ, особенно въ большихъ широтахъ отличаются рѣзкими переѣнами крайнихъ температуръ — страшный холодъ зимою и невыносимая жара лѣтомъ. Наконецъ, новыя карты дали Дове возможность опредѣлить среднюю температуру каждой параллели, при чемъ выяснилось, что у нѣкоторыхъ областей, какъ, на примѣръ, у Сахары, средняя годовая температура гораздо выше средней годовой температуры соответствующихъ широтъ.

Изученіе картъ привело Дове ко многимъ другимъ результатамъ. Зимою Сибирь, а равно и возвышенныя плато центральной Азіи подвержены жестокому холоду, тогда какъ, въ то же время, пустыни и степи южной Африки (тамъ лѣто) имѣютъ весьма высокую температуру. Слѣдовательно воздухъ охлажденъ и сжатъ въ Азіи, а въ Африкѣ — разогрѣтъ и разрѣженъ; отсюда происходитъ движеніе воздуха съ сѣверо-востока къ юго-западу, — отъ мѣстъ, гдѣ воздухъ охлажденъ и болѣе тяжелъ, къ мѣстамъ, гдѣ онъ разогрѣтъ и болѣе легокъ. Лѣтомъ, наоборотъ, возвышенныя плато Азіи нагрѣваются гораздо болѣе, чѣмъ можно было бы ожидать, судя по ихъ широтѣ; вслѣдствіе этого воздухъ расширяется, поднимается вверхъ и вызываетъ югозападное воздушное теченіе. Вотъ вполне естественное объясненіе причинъ явленія вѣтровъ муссона, данное Дове. Муссоны существуютъ въ Индійскомъ океанѣ, и втеченіи нашихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ дуютъ самымъ правильнымъ образомъ съ юго-запада, а затѣмъ, зимою, дуютъ также правильно съ сѣверо-востока. Нѣчто въ родѣ этого происходитъ и въ областяхъ, прилегающихъ къ Сахарѣ, которая постоянно имѣетъ болѣе высокую температуру сравнительно съ ея широтою; отъ этого нагрѣтый, болѣе легкій, воздухъ поднимается и замѣщается воздухомъ, окружающимъ Сахару: происходятъ воздушныя теченія, направляющіяся со всѣхъ сторонъ къ Сахарѣ. Дове предвидѣлъ эти воздушныя теченія къ Сахарѣ, и позднѣйшія наблюденія вполне подтвердили его предположенія.

Въ своихъ работахъ, Дове часто возвращался къ изученію царства вѣтровъ. Онъ напечаталъ нѣсколько мемуаровъ о широко и о швейцарскомъ фѣнѣ, — вѣтрахъ, приписываемыхъ обыкновенно африканскимъ теченіямъ. Дове указалъ на несправедливость подобнаго объясненія, и въ послѣднее время доказано самымъ нагляднымъ образомъ, что названные вѣтры, — широко и фѣнъ, — явленія чисто мѣстныя и зависятъ отъ расположенія горъ. Дове же первый указалъ на то, что при фѣнѣ происходитъ вращательное движеніе воздуха.

При этомъ изученіи вѣтровъ, Дове открылъ извѣстный законъ, вполне объясненный позднѣйшими открытіями, которые въ то же время и уменьшили его значеніе. Мы говоримъ о такъ называемой «розѣ вѣтровъ». Изучая порядокъ, по которому измѣняется направленіе вѣтровъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, Дове замѣтилъ, что они не измѣняются одинаково часто въ обѣ стороны: на примѣръ, чаще бываетъ, что въ нашихъ широтахъ вѣтеръ отъ восточнаго переходитъ въ сѣверный не прямо черезъ сѣверо-восточный, а черезъ южный, западный, и послѣ этого уже дѣлается сѣвернымъ. Вообще въ нашемъ полушаріи вѣтеръ отъ восточнаго переходитъ на западный черезъ южный, что Дове сформулировалъ слѣдующими словами: вѣтеръ измѣняетъ свое направленіе вмѣстѣ съ солнцемъ. Обратный законъ имѣетъ мѣсто для южнаго полушарія. Позднѣйшія открытія и изслѣдованія въ области метеорологіи отняли у закона Дове его общность. Теперь извѣстно, что вокругъ центровъ наибольшаго и наименьшаго давленія, воздухъ движется по спиралямъ, которыя постепенно удаляются отъ центра наи-

большаго давленія, причемъ вращеніе, въ нашемъ полушаріи, происходитъ по видимому движенію часовой стрѣлки; спирали направляются къ центрамъ наименьшаго давленія и движутся въ этомъ случаѣ по направленію, обратному видимому движенію часовой стрѣлки, съ права на лѣво; кромѣ того, сами центры переѣщаются въ нашихъ областяхъ вообще съ запада на востокъ. Изъ этого слѣдуетъ, что законъ Дове справедливъ для наблюдателя, находящагося къ югу отъ траекторіи центровъ, и несправедливъ для наблюдателя, находящагося къ сѣверу отъ этой траекторіи. Въ Германіи, по особому ея положенію, въ большинствѣ случаевъ, изслѣдователь находится къ югу отъ траекторіи центровъ; ясно почему Дове ошибся, обобщая свой законъ, который справедливъ только для одного случая и одного мѣста.

Въ настоящее время вовсе не легко составить себѣ понятіе о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми пришлось бороться Дове во всѣхъ тѣхъ изысканіяхъ, о которыхъ мы упомянули. Метеорологія, наука новая, обладала лишь разбросанными данными, когда Дове принялся собирать ихъ въ одно стройное, цѣлое. Онъ принужденъ былъ начать съ климатологическихъ изслѣдованій; надо замѣтить, что эти изслѣдованія интересовали его всего болѣе въ продолженіи всей его жизни: наука объ общихъ движеніяхъ атмосферы, динамическая метеорологія, — какъ ее называютъ въ наше время, — родилась у него на глазахъ, но, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, чтобъ его обобщающій умъ могъ воспользоваться ими. До послѣднихъ дней своей жизни Дове посвящалъ свои труды метеорологіи и руководилъ всѣми метеорологическими станціями въ Пруссіи. Имя его навѣки связано съ метеорологіей.

Изъ Парижа *).

(Письмо Н. Тарже.)

Парижъ, по справедливости, гордится своими муниципальными учрежденіями, составляющими исполнительный органъ, руководимый муниципальнымъ совѣтомъ. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ учреждений подчинены непосредственно которому-нибудь изъ мэровъ-префектовъ. Гордится онъ также и своими общественными сооруженіями, дѣйствительно замѣчательными. Обзорѣніемъ этихъ учреждений и сооружений я и займусь въ этомъ письмѣ.

Въ Парижѣ, въ настоящее время, поражаетъ сравнительная съ другими континентальными европейскими столицами, слабость военнаго гарнизона, доходящаго всего до восемнадцати-тысячнаго состава, а это показываетъ, что настоящее французское правительство довѣрчиво относится къ настроенію населенія столицы Франціи, пугавшаго предшествовавшія правительства своимъ революціоннымъ задоромъ. Прибѣгая къ статистическимъ вычисленіямъ, скажу, что въ Парижѣ одинъ солдатъ гарнизона приходится на 112 человекъ общаго населенія города, тогда какъ въ нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ столицахъ отношеніе это выражается пропорціей 1 къ 18.

Городская администрація, конечно, не можетъ распоряжаться военными силами, составляющими парижскій гарнизонъ; все ея отношеніе къ нимъ заключается въ томъ, что она ремонтируетъ на счетъ городскихъ суммъ казармы, въ которыхъ живутъ войска; а за это городскіе жители избавлены отъ военнаго постоя въ частныхъ домахъ. Въ послѣдній отчетный годъ городъ истратилъ на ремонтъ казармъ, занятыхъ войсками, отопленіе и освѣщеніе ихъ всего 13,500 франковъ.

Для обезпеченія же общественнаго спокойствія въ столицѣ, городская администрація имѣетъ въ своемъ распоряженіи «республиканскую

гвардію», состоящую изъ 3 батальоновъ пѣхоты и 6 эскадроновъ кавалеріи, численностью въ 2,190 человекъ. Законъ 2 апрѣля 1849 года, дѣйствующій и до сихъ поръ, возлагаетъ на городскую казну половину издержекъ на содержаніе этой гвардіи, въ то время носившей названіе «муниципальной». Въ 1879 году эти издержки простирались до 3,168,800 франковъ, считая въ томъ числѣ наемъ помѣщенія для главнаго штаба, стоящей 20,750 фр. и 7,500 фр. на ремонтъ казармъ.

Пожарная команда Парижа, раздѣленная на 24 поста, состоитъ изъ 1,690 человекъ, командуемыхъ 50 офицерами. Содержаніе этой команды, имѣющей военное устройство, обходится городу въ 1,837,763 фр. 79 сант. Парижане не особенно довольны своими пожарными, извѣстными въ гривуазныхъ пѣсенкахъ подъ именемъ «саперовъ», и мнѣніе о необходимости преобразованія въ Парижѣ пожарной части по американскому образцу, съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе сторонниковъ.

Нельзя сказать, чтобы парижане славословили дѣятельность и своей муниципальной полиціи, хотя отношенія къ ней горожанъ значительно улучшились послѣ второй имперіи. Послѣднее слѣдствіе специально надъ дѣйствіями нѣкоторыхъ полицейскихъ агентовъ, стоившее мѣста министру внутреннихъ дѣлъ Марсеру и префекту полиціи Жюго, показало, что парижане были правы, выражая нѣкоторое недовѣріе къ своей полиціи. Новый префектъ Андриэ энергично принялся за дѣло и есть основаніе предполагать, что въ его рукахъ парижская полиція несравненно рѣже будетъ давать поводъ къ сѣтованіямъ на нее со стороны населенія, платящаго въ городскую казну значительную сумму на ея содержаніе.

Парижской муниципальной полиціи дѣла много и ея численный составъ весьма значителенъ. Она состоитъ изъ 7,756 агентовъ (въ томъ числѣ собственно «городовыхъ» 6,800; остальные чиновники въ полицейскихъ бюро, въ полицейскомъ контролѣ и пр.). Содержаніе ихъ обходится 15,387,650 фр., изъ которыхъ половина падаетъ на счетъ государственной казны.

Въ счетъ вышепоименованныхъ агентовъ не входятъ 81 полицейскихъ комиссаровъ, 95 ихъ помощниковъ и секретарей, 72 письмоводителя и 142 инспектора, содержаніе которыхъ обходится городу въ 1,120,100 франковъ. На центральную полицейскую администрацію городъ тратитъ въ годъ 1,309,738 франковъ.

Водоснабженіе въ такомъ громадномъ и густонаселенномъ городѣ, какъ Парижъ, чрезвычайно затруднительно. Было время, — оно давно уже миновало, — когда можно было довольствоваться водой изъ рѣкъ Сены и Марны, которую брали вездѣ, во всякомъ мѣстѣ, на всемъ протяженіи этихъ рѣкъ, протекающихъ среди города. Мало-по-малу вода, протекавшая въ чертѣ города, настолько испортилась, что стала оказываться вредной для здоровья. Пришлось подумать о водопроводахъ. Первый водопроводъ получалъ воду изъ Сены же ранѣе ея входа въ черту города. Но очень скоро этого водопровода оказалось недостаточно. Воспользовались сѣверными источниками, текущими съ холмовъ Бельвиля, Пре-Сен-Жерве и Менильмонтана. Затѣмъ былъ построенъ Аркельскій водопроводъ, приносящій въ Парижъ воду съ юга, изъ Френи и Рунжиса. Позднѣе вырытъ каналъ Уркъ, доставившій Парижу новое значительное количество воды. Но Парижъ все продолжалъ расти, а населеніе его все увеличиваться и болѣе чистая, чѣмъ прежде, вода, проведенная въ Парижъ, стала портиться. Парижская администрація съ новой энергіей принялась за дѣло водоснабженія: прежде всего устроенъ сен-морскій водопроводъ, снабжающій

*) См. №№ 12 и 14 «Жив. Об.».

водой р. Марны, а затѣмъ два громадныя резервуара: менильмонтанскій, въ который проведена вода изъ Дуиса, и монсурийскій, получающій воду изъ Ванна. Кромѣ того вырыты два артезианскіе колодца: въ Гренелѣ и Пасси. На этомъ пока окончились работы по водоснабженію Парижа, но, безъ сомнѣнія, ими не сказано еще послѣдняго слова и городской администраціи, вѣроятно, въ очень недалекомъ будущемъ придется подумать о сооруженіи новаго большаго резервуара, въ который придется провести воду изъ какого-нибудь болѣе отдаленнаго новаго источника.

Вода, доставляемая всѣми этими путями, далеко не одинаковаго качества. Лучшая вода получается изъ новѣйшихъ резервуаровъ: монсурийскаго, мениль-монтанскаго и сен-морскаго, а также изъ артезианскихъ колодцевъ: гренельскаго и пассійскаго. Эта лучшая вода употребляется преимущественно для питья и, конечно, ею пользуется болѣе достаточное населеніе. Вода изъ всѣхъ другихъ водопроводовъ, болѣе худшаго качества, употребляется для питья только болѣе недостаточною частью населенія и идетъ для домашнихъ надобностей, для фабрикъ, заводовъ и проч.

Количество воды, доставляемое Парижу его водопроводами, слѣдующее: изъ монсурийскаго резервуара получается въ день 100,000 куб. метровъ; изъ мениль-монтанскаго—22,270; сен-морскій водопроводъ доставляетъ изъ Марны ежедневно 36,000 куб. мет. для Парижа и 13,000 для Венсенскаго лѣса и квартала, его окружающаго; сенскій водопроводъ—24,000; урскій каналъ—115,135; артезианскіе колодцы: Гренельскій—346 и пассійскій 6,—378 куб. метр. Кромѣ того получается вода и прямо изъ рѣкъ. Всего Парижъ потребляетъ воды въ день 337,160 куб. метровъ (около 275,000 ведеръ).

Водопроводныя работы стоили Парижу громадныя деньги. Для примѣра возьмемъ два послѣднія сооруженія. Вода изъ Ванна для наполненія монсурийскаго резервуара, построеннаго въ 1875 году, проходитъ по трубамъ, длина которыхъ равняется 173 километрамъ (162 версты). Работы по проведенію воды и по устройству резервуара обошлись въ 48,700,000 франковъ. Въ мениль-монтанскій резервуаръ вода изъ Дуиса проходитъ по трубамъ, длиною въ 131 километр (122½ версты). Это сооруженіе, оконченное въ 1865 году, стоило городу 22,000,000 фр.

Водопроводныя сооруженія въ Парижѣ прекрасны, но система снабженія водой оставляетъ желать многого и возбуждаетъ ропотъ населенія справедливо сѣтующаго, что потребленіе воды обходится ему дорого. Къ сожалѣнію, муниципальный совѣтъ, связанный контрактомъ и принужденный затратить большія суммы на послѣдніе водопроводы, пока не можетъ ничего сдѣлать для удовлетворенія справедливыхъ требованій своихъ довѣрителей.

До второй имперіи городъ распоряжался самъ водоснабженіемъ, продавая воду изъ фонтановъ и получая условленную плату съ домохозяевъ, въ дома которыхъ проведена вода. Въ 1855 году, учредилась компанія, которая, по примѣру города, стала доставлять воду въ городскія предмѣстья. Оба учрежденія — городская администрація и компанія — не мѣшали другъ другу и дѣло шло ладно до 1859 года, когда предмѣстья вошли въ составъ города. Тутъ пошли споры и недоразумѣнія между городской администраціей и компаніей, окончившіеся заключеніемъ между соперниками договора 11 іюля 1860 года. Въ силу этого договора, заключеннаго на 50 лѣтъ, городъ, обязываясь отпускать воду по опредѣленной таксѣ (онъ, конечно, имѣетъ право уменьшить плату за воду, но съ компаніей долженъ расчитываться по таксѣ, обозначенной въ кон-

трактѣ), выкупалъ у компаніи всѣ ея сооруженія, за которыя уплачивалъ по 1,160,000 фр. въ годъ (т. е. 58,000,000 въ 50 лѣтъ). Но это еще не все. Компанія стала пайщикомъ города въ доходахъ отъ снабженія водой. Городъ платитъ ей по слѣдующему разсчету: съ дохода, превышающаго 3,600,000 фр. до 6 миліоновъ, компанія получаетъ 25%; за 7, 8 и 9-й миліоны — 20%; за 10 и 11-й — 15%; за 12-й — 10%; со всего остального дохода, превышающаго 12,000,000 фр., компанія получаетъ 5%. Въ послѣдній отчетный годъ, компанія, кромѣ 1,160,000 фр. ежегодной уплаты, получила еще 917,000 премій; всего 2,177,000 фр. Доходъ же города простирался всего до 8,034,300 фр. Но изъ этого дохода городъ обязанъ дѣлать значительные расходы, въ которыхъ компанія не участвуетъ. И выходитъ, что городъ работаетъ для обогащенія компаніи. Настоящая администрація можетъ утѣшать себя только тѣмъ, что не она заключила этотъ невыгодный контрактъ съ компаніей, а получила его отъ своихъ предшественниковъ, дѣйствовавшихъ во время второй имперіи, когда почти во всѣхъ предпріятіяхъ личный интересъ преобладалъ надъ общественнымъ.

Впрочемъ, есть надежда, что компанія согласится на уменьшеніе таксы за снабженіе водой. Муниципальный совѣтъ въ настоящее время ведетъ съ нею переговоры по этому предмету.

Остается еще прибавить, что изъ 70,000 парижскихъ домовъ, почти въ 30,000 до сихъ поръ еще не проведена вода. Эти послѣдніе дома находятся преимущественно въ предмѣстьяхъ, гдѣ водопроводы были устроены компаніей.

Съ водоснабженіемъ огромнаго города тѣсно связанъ вопросъ объ удаленіи изъ него нечистотъ. Прежде это дѣлалось очень просто: валили все въ рѣку и, удаляя изъ одного мѣста источники болѣзней, заражали ими другое, отчего опасность распространенія повальныхъ болѣзней нисколько не уменьшалась. Еще не такъ давно вода въ Сенѣ, въ чертѣ города Парижа, была до крайности испорчена. Нечистоты отвели дальше, но въ Сену же, у Асиера. Вода въ Сенѣ, въ городской чертѣ, стала снова чистою, но зато далѣе, у Асиера, Сен-Дени и Буживаля до того заразилась, что рыба въ ней сталадохнуть, а деревья и трава, растущіе по берегамъ, блекнуть и высыхать. Мѣстныя общины обратились къ парижскому муниципальному совѣту съ просьбой прекратить посылку къ нимъ парижскихъ нечистотъ. Въ дѣло вмѣшалась и государственная власть. Было рѣшено по возможности скорѣе избавить общины, заражаемыя парижскими нечистотами, отъ неприятнаго подарка, имъ посылаемаго; самыя же нечистоты обратить на пользу земледѣлія. Это можно было сдѣлать или прямо орошая, посредствомъ системы развѣтвленныхъ въ разныхъ направленіяхъ сточныхъ трубъ, этими нечистотами въ жидкомъ видѣ поля, прилегающія къ Парижу; или же, переработывая нечистоты химическимъ путемъ, отправлять удобреніе въ сухомъ видѣ, а жидкость, освобожденную отъ вредныхъ примѣсей, по прежнему спускать въ рѣку. До сихъ поръ вполне удалась только первая часть программы; вторая же, т. е. химическій способъ, приводитъ далеко не къ тѣмъ результатамъ, какихъ отъ него ожидали.

На прямое орошеніе жидкими нечистотами полей, окрестные жители Парижа смотрѣли сперва съ большимъ недовѣріемъ. Надо было доказать имъ во-очію, что не болѣзни и бѣдствія, какъ они предполагали, посылаетъ имъ Парижъ, а богатство. Городское управленіе завело образцовый огородъ и, орошая его жидкими нечистотами, выростило овощи такой величины и достоинства, какихъ до тѣхъ поръ не видывали. Такое наглядное доказательство пользы новаго удобре-

нія тотчасъ же подѣйствовало и земледѣльцы женевильской равнины не замедлили ввести его и у себя. Ихъ примѣру вскорѣ послѣдовали ближайшіе ихъ сосѣди. Разсчитывая, что и общины, лежащія далѣе, за сен-жерменскимъ лѣсомъ, отбросивъ рутину, примирятся съ нововведеніемъ, парижское городское управленіе поставило подъемныя машины большей силы, на что затратило въ прошломъ году 375,000 фр., такъ что теперь нечистоты въ жидкомъ видѣ могутъ быть удалены на очень значительное разстояніе отъ Парижа.

Ассенизаціонная сѣтъ сточныхъ каналовъ еще далеко не окончена въ Парижѣ; длина ея около 600 километровъ; но много еще улицъ не пользуются этой сѣтью; не мало есть домохозяевъ, не желающихъ воспользоваться ею, хотя бы и могли, проведя изъ своихъ домовъ трубы въ городскую трубу. И самому городу, чтобы закончить сѣтъ, придется провести еще 350 километровъ трубъ, на что потребуется затрата отъ 45 до 50 миліоновъ франковъ.

Много сдѣлано для оздоровленія Парижа, но еще очень многое остается сдѣлать. Не мало еще есть домовъ въ Парижѣ, служащихъ гнѣздами заразительныхъ болѣзней. Оздоровленіе этихъ домовъ составляетъ въ настоящее время задачу городского управленія. Но вопросъ, достигаютъ-ли исполнѣ въ этомъ отношеніи его усилія? Есть дома, оздоровленіе которыхъ возможно только въ такомъ случаѣ, если ихъ разберутъ, очистятъ зараженную почву и на оздоровленной почвѣ возведутъ новыя постройки.

Вопросъ объ удаленіи кладбищъ изъ черты городовъ не новый и въ Парижѣ онъ возникъ не сегодня. Въ первый разъ онъ поднятъ былъ префектомъ Гаусманомъ въ 1864 году, который убѣдилъ муниципальный совѣтъ приобрести въ Мери на Уазѣ участокъ земли въ 513 гектаровъ для обращенія его въ общее кладбище для Парижа. Земля была приобретена за 1,406,000 фр. Но затѣмъ дѣло о перенесеніи туда кладбища надолго замолкло и возобновилось только въ 1874 году, когда было рѣшено къ приобретенному участку прикупить еще 287 гектаровъ и весь участокъ отвести подъ кладбище, которое соединить съ Парижемъ желѣзной дорогой, съ специальнымъ назначеніемъ возить по ней покойниковъ. Мери лежитъ отъ Парижа въ 48 километрахъ (45 верстъ). На постройку этой дороги, на приобретение новаго участка земли и на необходимыя постройки для приспособленія участка для кладбища, по смѣтѣ исчисленъ расходъ въ 40 миліоновъ франковъ. Между тѣмъ городское управленіе въ состояніи было отдѣлить для этой цѣли изъ послѣдняго займа только 12 миліоновъ. Волею-неволею перенесеніе кладбища въ Мери отложено на неопредѣленное время и принята поумѣра: учреждены временныя кладбища въ Сент-Уэнѣ и Жентильи, которыя будутъ существовать только до открытія кладбища въ Мери. На парижскихъ же кладбищахъ цѣна за мѣста для могилъ настолько увеличена, что ими теперь могутъ пользоваться только очень богатые люди. Временныя кладбища находятся одно въ 8, а другое въ 10 километрахъ отъ Парижа.

Завелъ рѣчь о кладбищахъ, скажу нѣсколько словъ и о похоронахъ. Въ Парижѣ они обходятся очень дорого, благодаря существующей монополіи, узаконенной постановленіемъ 23 преріала XII года. Этотъ законъ гласитъ слѣдующее: «Церковныя фабрики и конекторіи пользуются исключительнымъ правомъ отпускать и сваривать траурныя колесницы, катафалки и вообще всѣ принадлежности погребенія». Въ постановленіи говорится далѣе, что они могутъ передавать свое право въ аренду съ согласія гражданскихъ властей. Еще далѣе: «суммы, получаемыя отъ пользованія

или передачи пользованія этимъ правомъ идти на поддержаніе церквей, на содержаніе мѣстъ успокоенія и на содержаніе священниковъ».

Дѣло въ томъ, что парижское духовенство, пользуясь своей монополіей, беретъ очень высокія цѣны за погребеніе и ничего не удѣляетъ на содержаніе кладбищъ, которое отнесено на средства городской казны. Въ виду этого, парижскій муниципальный совѣтъ не разъ уже обращался къ правительству съ просьбой объ измѣненіи закона XII года, но до сихъ поръ постоянно получалъ отказъ. Въ настоящее время онъ снова вошелъ съ представленіемъ. Вотъ, между прочимъ, мотивы, которыми совѣтъ подкрѣпляетъ свою просьбу. Какъ только гражданинъ умеръ, всѣ формальности, свидѣтельствуя объ его смерти, соблюдены и погребальный налогъ уплаченъ въ городскую казну, покойникъ переходитъ уже въ полное завѣдываніе духовенства, отпускающаго изъ своихъ заведеній все, что необходимо для похоронъ. А такъ какъ правомъ имѣть такіа заведенія пользуется только духовенство официально-признанныхъ вѣроисповѣданій, то лицамъ, не принадлежащимъ ни къ одному изъ этихъ вѣроисповѣданій, приходится все же обращаться къ этому духовенству и платить ему за услуги, которыхъ отъ него не получается. Точно въ такіа же условія поставлены и гражданскія похороны, дозволенные закономъ: духовенство получаетъ не только за отпущенныя изъ его заведеній принадлежности для погребенія, но и за церковную службу священниковъ на кладбищѣ, за проводы покойника до кладбища, которыхъ оно не исполняетъ. Много и другихъ доводовъ, и въ томъ числѣ, конечно, отказъ духовенства участвовать въ издержкахъ по содержанію кладбищъ, приводитъ парижскій муниципальный совѣтъ, но я перечислять ихъ не стану; довольно и приведенныхъ мною, чтобы согласиться, что существующій теперь порядокъ погребенія въ Парижѣ требуетъ существенныхъ реформъ.

Обозрѣніе всѣхъ другихъ общественныхъ построекъ и учреждений въ Парижѣ я отлагаю до слѣдующаго письма.

Наводненіе. Въ числѣ бѣдствій нынѣшняго года, наводненія играютъ не послѣднюю роль. Первое страшное наводненіе, надѣлавшее шуму во всей Европѣ, было не у насъ, а въ Венгріи, въ Сегединѣ. Потомъ не мало бѣдъ надѣлала у насъ Висла, а затѣмъ послѣдовало и разлитіе Москвы-рѣки, нанесшее громадныя убытки въ Москвѣ. Немудрено, что въ это время во всѣхъ европейскихъ иллюстраціяхъ появилось множество рисунковъ, касающихся наводненій. Одинъ изъ такихъ рисунковъ, относящихся къ Сегединѣ, мы помѣстили недавно; теперь мы помѣщаемъ видъ одной мѣстности, залитой Вислою. Художникъ изобразилъ прибрежную мѣстность именно въ ту минуту, когда на горизонтѣ опускается солнце.

Судья. Эта картина принадлежитъ къ числу многихъ юмористическихъ произведеній, пользующихся не малымъ успѣхомъ за границей. У насъ въ рукахъ находится нѣсколько образцовъ подобныхъ произведеній, вызывающихъ невольную улыбку. Содержаніе картины, какъ видите, весьма просто: дѣвочка, вооружившись дворницкой метлой, вводитъ порядокъ среди обитателей задняго двора, вздумавшихъ перессориться между собою. Судъ и расправа выходятъ скорые и радикальныя.

Погибшій товарищъ и Соловки. Два оригинальные рисунка, помѣщенные въ настоящемъ

номерѣ, не требуютъ никакихъ объясненій. Соловки, конечно, знакомы всѣмъ нашимъ читателямъ хотя по слухамъ, какъ одно изъ многихъ «святыхъ мѣстъ», куда стекается ежегодно не малое число богомольцевъ. Содержаніе картины «Погибшій товарищъ» тоже ясно само собою. Это милая и прекрасно исполненная сцена, отъ которой вѣетъ грустью и поэзіей.

Правительственныя распоряженія. ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

О порядкѣ производства дѣлъ о лицахъ гражданскаго вѣдомства, предаваемыхъ военному суду на основаніи Высочайшихъ указовъ 9-го августа 1878 года и 5-го апрѣля 1879 года.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 5-го апрѣля сего года, повелѣно назначить временныхъ генераль-губернаторовъ въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ, причемъ какъ этимъ генераль-губернаторамъ, такъ равно и генераль-губернаторамъ въ Москвѣ, Киевѣ и Варшавѣ предоставлены временно особыя, чрезвычайныя права по охраненію общественнаго порядка и спокойствія во вѣренныхъ имъ управленію мѣстностяхъ, и въ томъ числѣ право предавать военному суду, съ примѣненіемъ къ виновнымъ наказаній, установленныхъ для военнаго времени, лицъ гражданскаго вѣдомства, независимо отъ случаевъ, упомянутыхъ въ Высочайшемъ указѣ отъ 9-го августа 1878 года, и за другіе виды преступленій государственныхъ или противъ порядка управленія, а равно и за совершеніе другихъ преступленій, общими уголовными законами предусмотрѣнныхъ, когда они признаютъ это необходимымъ въ видахъ огражденія общественной безопасности. Въмѣстѣ съ тѣмъ поименованнымъ выше генераль-губернаторамъ, по дѣламъ сего рода, присвоены права, предоставленныя 1234, 1238 и 1241 ст. XXIV с. в. п. 1869 года главнокомандующему въ военное время.

Независимо отъ сего, Государю Императору, въ видахъ достиженія наибольшей скорости и быстроты въ движеніи и разрѣшеніи вышеозначенныхъ дѣлъ, благоутробно было повелѣть, чтобы къ производству сихъ дѣлъ въ военномъ вѣдомствѣ примѣнялись содержащіяся въ пятомъ раздѣлѣ военно-судебнаго устава (с. в. п. 1869 г. кн. XXIV) постановленія о судѣ въ военное время, съ соблюденіемъ при томъ нижеслѣдующихъ временныхъ правилъ:

1. Разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ о лицахъ гражданскаго вѣдомства, предаваемыхъ военному суду на основаніи Высочайшаго указа отъ 5-го апрѣля сего года, производить въ военно-окружныхъ или во временныхъ судахъ, съ тѣмъ, чтобы полагаемые въ сихъ судахъ временные члены, въ опредѣленномъ 33 ст. XXIV кн. с. в. п. 1869 года, были назначаемы, каждый разъ особо, по распоряженію генераль-губернаторовъ, исключительно изъ штабъ-офицеровъ отъ войскъ, расположенныхъ въ томъ военномъ округѣ, въ которомъ долженъ производиться судъ.

2. Защита подсудимыхъ по дѣламъ сего рода возлагается, по избранію самихъ подсудимыхъ или по назначенію предсѣдателя, на состоящихъ при военно-судебныхъ учрежденіяхъ кандидатовъ на военно-судебныя должности.

3. Согласно 403 ст. XXIV кн. с. в. п. 1869 г., въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе, предусмотрѣнное Высочайшимъ указомъ отъ 5 апрѣля текущаго года, учинено столь очевидно, что не представляется надобности въ предварительномъ разъясненіи обстоятельствъ преступнаго дѣянія, предоставить генераль-губернаторамъ предавать обвиняемыхъ военному суду и безъ производства предварительнаго слѣдствія, на основаніи свѣдѣній, собранныхъ при дознаніи.

4. По полученіи предварительнаго слѣдствія или дознанія, военный прокуроръ обязанъ, не позже какъ втеченіи слѣдующаго дня, представить дѣло къ генераль-губернатору съ своимъ заключеніемъ о дальнѣйшемъ направленіи онаго.

5. Военный прокуроръ предлагаетъ военному суду обвинительный актъ втеченіи сутокъ со

времени полученія имъ дѣла отъ генераль-губернатора.

6. Судъ, получивъ отъ военнаго прокурора дѣло, вмѣстѣ съ обвинительнымъ по оному актомъ, обязанъ дать дѣлу дальнѣйшій законный ходъ немедленно и не позже какъ на слѣдующій день.

7. По дѣламъ сего рода свидѣтели, которые по отдаленности отъ мѣста производства суда или по другимъ причинамъ не могутъ явиться въ судъ втеченіи трехъ дней, не вызываются судомъ, а вмѣсто того прочитываются въ судебномъ засѣданіи показанія, данныя ими при предварительномъ слѣдствіи или при дознаніи, если только по обстоятельствамъ дѣла судъ не признаетъ устнаго показанія такихъ свидѣтелей безусловно существеннымъ для дѣла.

8. Подробный приговоръ долженъ быть изготовленъ втеченіи двадцати четырехъ часовъ послѣ провозглашенія сущности онаго.

9. Жалобы и протесты на приговоры военныхъ судовъ подаются втеченіе сутокъ со времени объявленія приговора въ окончательной его формѣ. По подачѣ въ сей срокъ кассационной жалобы или протеста, все дѣло немедленно представляется къ генераль-губернатору, которому предоставляется или препроводить дѣло, вмѣстѣ съ жалобою или протестомъ, въ главный военный судъ или открыть въ мѣстѣ нахожденія военно-окружнаго суда, для разсмотрѣнія жалобы или протеста, особое присутствіе, по правиламъ, изложеннымъ въ 60 — 62 ст. XXIV кн. с. в. п. 1869 г., или же, не давая дѣлу направленія въ кассационномъ порядкѣ, окончательно подтвердить приговоръ военнаго суда; — и

10. Изложенныя въ предыдущихъ статьяхъ правила примѣняются и къ дѣламъ, подлежащимъ вѣденію военнаго суда на основаніи Высочайшаго указа Правительствующему Сенату отъ 9-го августа 1878 года.

Приказъ по войскамъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа.

(Въ С.-Петербургѣ, 20 апрѣля 1879 г. № 40.)

Отставной подпоручикъ Дубровинъ, состоя въ рядахъ 86-го пѣхотнаго вильманстрандскаго эрцгерцога австрійскаго Альбрехта полка, и прикрываясь почетнымъ званіемъ офицера, осмѣлился принадлежать въ то же время къ революціонной горсти злоумышленниковъ, стремящейся къ ниспроверженію основныхъ началъ государственнаго и общественнаго блага.

Внезапный обыскъ и разслѣдованіе открыли преступную связь эту, а при произведенномъ вслѣдъ затѣмъ арестѣ, Дубровинъ, сопротивляясь власти, ранилъ двухъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ, и даже покусился на жизнь начальника ихъ, штабъ-капитана Романовскаго.

Признанный петербургскимъ военно-окружнымъ судомъ виновнымъ въ этихъ преступленіяхъ, Дубровинъ, сего числа, въ С.-Петербургѣ, подвергнутъ смертной казни.

Настоящій случай очевидно доказываетъ существованіе въ средѣ безумцевъ стремленія къ сближенію съ войсками, дабы въ послѣдствіи навлечь на нихъ тяжкое обвиненіе въ соучастіи и единомысліи съ обнаруженными ими преступными заблужденіями.

Дѣйствуя скрытно и стремясь къ распространенію своего незаконнаго ученія, не останавливаясь предъ убійствомъ изъ-за угла, злодѣи эти, прикасаясь къ войскамъ, неминуемо должны упасть въ руки правосудія.

Священная обязанность арміи — служить надежною охраною государственной безопасности — тѣмъ легче можетъ быть достигнута, при всѣмъ извѣстной и неконно ея отличающей безпредѣльной преданности Престолу и Отечеству, чѣмъ будутъ строже въ ней внутренній порядокъ и дисциплина.

Напоминаю всѣмъ чинамъ временно вѣреннаго мнѣ округа, что при строгомъ исполненіи и уваженіи каждымъ служебнаго долга, доблестныя войска наши, страшныя врагамъ внѣшнимъ, имѣтъ сомнѣнія, будутъ столь же страшны и врагамъ внутреннимъ.

Приказъ этотъ прочесть въ ротахъ, эскадро-

нахъ, батареяхъ и командахъ предъ собраніемъ всѣхъ чиновъ.

Подписалъ: Временно-командующій войсками, генералъ-адъютантъ Гурко.

ПРИКАЗЫ

с.-петербургскаго градоначальника.

I.

Усматривая изъ получаемыхъ свѣдѣній, что дежурные дворники, которые, въ силу обязательнаго постановленія г. с.-петербургскаго временнаго генералъ-губернатора, отъ 8-го апрѣля, должны находиться, во всякое время, днемъ и ночью, у воротъ каждаго дома въ С.-Петербургѣ, не исполняютъ въ точности своего назначенія, отзываясь невѣдѣніемъ своихъ обязанностей, и озабочиваясь точнымъ, во всѣхъ частяхъ города, примѣненіемъ указаннаго обязательнаго постановленія, — признаю необходимымъ преподать для руководства какъ самихъ дворниковъ, такъ и чиновъ полиціи, на которыхъ лежитъ обязанность слѣдить за дежурными дворниками, слѣдующія указанія относительно обязанностей сихъ послѣднихъ:

1) Дежурные дворники, во все время нахождения на дежурствѣ, не должны спать.

2) Они должны находиться снаружи домовъ, не удаляясь ни подъ ворота, ни во внутрь дворовъ, но могутъ, въ предѣлахъ вѣреннаго ихъ наблюденію пространства, заниматься работою, какъ, напр., метеніемъ улицы и тротуаровъ, и т. п.

3) Находясь на своихъ мѣстахъ, они обязаны:

а) слѣдить, чтобы не было наклеиваемо гдѣ бы то ни было никакихъ объявленій, афишъ и т. п., безъ предьявленія надлежащаго на то разрѣшенія;

б) наблюдать, чтобы не было подбрасываемо какихъ либо вредныхъ предметовъ;

в) бдительно оберегать дома отъ пожаровъ;

г) задерживать и передавать полиціи лицъ, замѣченныхъ въ совершеніи указанныхъ проступковъ, или заподозрѣнныхъ въ намѣреніи совершить таковыя;

д) слѣдить за всѣми лицами, входящими въ дома и выходящими изъ нихъ, и, въ случаѣ появленія незнакомыхъ лицъ, удостовѣряться, куда и зачѣмъ они идутъ, и сообщать полиціи о тѣхъ, кто возбудитъ подозрѣніе, — и

е) наблюдать, чтобы въ домахъ не было сборищъ подозрительныхъ людей и о всѣхъ таковыхъ сборищахъ немедленно предупреждать полицію, припимая всевозможныя мѣры къ тому, чтобы предупрежденіе было сдѣлано своевременно, такъ, чтобы полиція имѣла возможность задержать виновныхъ въ составленіи таковыхъ сборищъ.

4) Дежурные дворники обязаны оказывать полное содѣйствіе чинамъ полиціи при исполненіи ея обязанностей, въ особенности въ дѣлѣ задержанія лицъ, намѣреющихся скрыться отъ преслѣдованія полиціи, или оказывающихъ ей сопротивление.

II.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ введено было употребленіе дворниками домовъ особаго знака, для удостовѣренія ихъ личности и принадлежности къ тому или другому участку.

Принимая въ соображеніе, что, со введеніемъ постоянныхъ дежурствъ дворниковъ необходимость въ постоянномъ надзорѣ за ними возрасла въ большей степени, и что всеобщее употребленіе дворниками означенныхъ знаковъ значительно облегчило бы таковой надзоръ, — признаю необходимымъ предложить гг. приставамъ приглашать гг. домовладѣльцевъ ввести вновь во всеобщее употребленіе означенные дворничіе значки и затѣмъ наблюдать, чтобы всѣ дежурные дворники были съ таковыми значками.

Подписалъ: с.-петербургскій градоначальникъ, свиты его величества генералъ-маіоръ Зуровъ.

Новости науки и жизни.

— **Открытие подписки.** Въ «Прав. Вѣст. напечатано: Во вниманіе къ значительности понесенныхъ городомъ Оренбургомъ убытковъ отъ пожара, бывшаго 16-го текущаго апрѣля, и бѣд-

ственному положенію жителей сего города, министръ внутреннихъ дѣлъ ходатайствовалъ о Высочайшемъ соизволеніи на открытіе повсемѣстной въ Имперіи подписки въ пользу погорѣльцевъ города Оренбурга. Въ 20-й день сего апрѣля послѣдовало на сіе Высочайшее разрѣшеніе.

— **Пожаръ въ Оренбургѣ.** Въ дополненіе къ извѣстіямъ, напечатаннымъ на 1-й стр. настоящаго номера приведемъ телеграмму, полученную г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, 21-го апрѣля, отъ оренбургскаго губернатора, изъ Оренбурга: «Пожаръ въ Оренбургѣ потушенъ, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, гдѣ еще глѣбѣтъ дерево подъ мусоромъ и камнями. Приняты энергическія мѣры къ окончательному потушенію. Погорѣльцы болѣею частью размѣщены. Безплатная раздача хлѣба продолжается, но ея размѣры будутъ ограничены самою крайнею необходимостью, такъ какъ торговля хлѣбомъ и мясомъ возстановилась, безъ возвышенія обыкновенныхъ цѣнъ, и во многихъ мѣстностяхъ приступлено къ временнымъ постройкамъ, при которыхъ рабочій классъ изъ погорѣльцовъ находитъ выгодные заработки. Городъ раздѣленъ комитетомъ на пять участковъ, съ назначеніемъ въ каждый попечителя и помощника, для собранія вѣрныхъ свѣдѣній о погорѣльцахъ и о размѣрѣ денежнаго пособія для нихъ. Не нахожу словъ для выраженія благодарности самарскому губернатору, распорядившемуся, на другой же день пожара, прислать пожарныя машины, и жителямъ города Самары, пожертвовавшимъ, по первому приглашенію губернатора, до восьми сотъ пудовъ хлѣба и другихъ продуктовъ. Пожертвованія поступаютъ отъ казачьихъ станицъ и общества желѣзной дороги. Казначейство, вмѣстѣ съ нѣкоторыми банками, открыло дѣйствія; нынѣ выяснилось, что въ отдѣленіи государственнаго банка, по вскрытіи неогоромаго шкафа, оказалось истѣвшихъ до трехсотъ тысячъ рублей кредитными билетами. Серебро, золото и процентныя бумаги въ сохранности».

— **Трехсот-пятидесятилѣтняя годовщина.** На родинѣ Шекспира, въ Стратфордъ на Эвонѣ, происходили 24-го апрѣля и въ слѣдующіе дни празднества въ память трехсотпятидесятилѣтней годовщины рожденія великаго англійскаго драматурга. Празднованіе дня рожденія Шекспира сопровождалось, какъ и всегда, представленіемъ его пьесъ, народнымъ гуляньемъ, танцами, иллюминаціей, фейерверкомъ и посѣщеніемъ его дома и шекспировскаго музея. Для представленій, начавшихся «Гамлетомъ», устроенъ новый весьма изящный театръ.

— **Императорское пожертвованіе.** Въ день своей серебряной свадьбы австрійскій императоръ Францъ-Иосифъ пожертвовалъ въ пользу десяти австрійскихъ университетовъ 300,000 флориновъ. Изъ процентовъ съ этой суммы будетъ составлять сорокъ стипендій въ триста флориновъ каждая. Сверхъ того, для дочерей офицеровъ предоставлено насчетъ императора двадцать ученическихъ мѣстъ.

— **Драгоценная находка.** Недавно Парижъ былъ изумленъ и обрадованъ драгоценной находкой. Оказалось, что въ грасскомъ госпиталѣ находятся три картины Рубенса, принадлежащія къ числу лучшихъ произведеній гениальнаго художника. Одна изъ этихъ картинъ изображаетъ «Воздвиженіе честнаго Креста»; другая «Возложеніе на главу Спасителя терноваго вѣнца»; третья «Распятіе на крестѣ». По справкамъ оказалось, что эти три картины были заказаны Рубенсу эрцгерцогомъ Альбертомъ для церкви св. креста іерусалимскаго въ Римѣ. Какимъ же образомъ онѣ попали въ грасскій госпиталь еще неизвѣстно.

— **Успѣхъ романа „Иза“.** Печатающійся въ нашемъ журналѣ романъ А. Бувые «Иза» въ прошломъ году помѣщался въ парижской газетѣ «L'Appel». Въ концѣ прошлаго года этотъ романъ былъ изданъ отдѣльной книгой. Въ настоящее время, когда не прошло еще и полугода со времени перваго изданія его, вышло въ свѣтъ уже двадцать пятое изданіе этого романа. Такой выдающійся успѣхъ доставался на долю немногихъ романовъ, даже и во Франціи.

— **Ученическія бібліотеки во Франціи.** Какъ быстро развивается во Франціи учебное дѣло,

можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Въ 1865 году (во время высшаго процвѣтанія второй имперіи) во Франціи существовало всего 400 ученическихъ бібліотекъ съ 179,000 томами. Въ настоящее время число этихъ бібліотекъ возросло до 20,000, а имѣющихся въ нихъ книгъ болѣе чѣмъ до 2,000,000 томовъ. Такимъ образомъ, число бібліотекъ увеличилось въ 50 разъ, а число томовъ почти въ 12 разъ.

— **Кулинарныя заслуги патеровъ.** Многимъ, вѣроятно, не приходитъ въ голову, что гастрономія своимъ развитіемъ много обязана католическому духовенству. Вотъ нѣсколько фактовъ, доказывающихъ заслуги его въ этомъ отношеніи. Устрицы вошли во всеобщее употребленіе благодаря абату Бонетару. Трюфель открытъ монахомъ Ландринномъ. Фабрикація шампанскаго началась по мысли абата Периньона. Знаменитыя безьерскія колбасы производятся по рецепту пріора Ламуру. Извѣстный бергуньонскій соусъ названъ по имени абата Бергуньо, который первымъ приготовилъ его. Флоньярскій пирогъ былъ приготовленъ абатомъ Флоньяромъ, передавшимъ секретъ его приготовленія нѣсколькимъ лицамъ. Конфекты, изготовляемыя въ Барѣ, дѣлаются по рецепту патера Ансельма. Гарусскій элексиръ составленъ монахомъ Гарусомъ. Неракскій паштетъ — изобрѣтеніе одного ахенскаго каноника; турецкое жаркое изъ свинины жарится по рецепту мармутьерскихъ монаховъ. Пышки изобрѣтены монахинями и пр. и пр. А ликеры? Всѣ лучшіе ликеры изготовляются въ католическихъ монастыряхъ, шартрезъ, трапистинъ, бенедиктинъ, бордосскій анисетъ и др. Изъ всего этого прямой выводъ, что католическое духовенство обладаетъ весьма развитымъ гастрономическимъ вкусомъ.

— **Музей пчеловодства.** Владѣлецъ имѣнія Рысове, люблинскаго уѣзда; зажиточный помѣщикъ Тосинскій, страстный любитель пчеловодства и замѣчательный пчеловодъ, предполагаетъ въ скоромъ времени устроить у себя пчельный музей, въ которомъ соберетъ все замѣчательное и рѣдкое по части пчеловодства. Въ этомъ музеѣ будутъ собраны всѣ новѣйшіе, равно и прежніе всѣхъ сортовъ и системъ ульи, а также и всевозможныхъ сортовъ и видовъ различныя приборы и инструменты, употребляемыя въ пчеловодствѣ.

— **Хороша постройка!** По словамъ газеты «Телеграфъ», 11 апрѣля, на москowsко-рязанской желѣзной дорогѣ обрушился только-что отстроенный и въ субботу, 7 числа, торжественно освященный вагонный сарай. Несчастій съ людьми не было; убытокъ значительный.

— **Сильное землетрясеніе.** Въ Персѣ, въ Міанерѣ, произошло, 2 апрѣля, землетрясеніе, которымъ совершенно разрушена двадцать одна деревня и сильно пострадала пятьдесятъ четыре деревни, причемъ погибло людей 922, овецъ 2,660, рогатаго скота 1,125, лошадей 124 и 35 верблюдовъ.

— **Долина смерти.** Въ настоящее время, по словамъ газеты «Daily News», долина Нила представляетъ долину смерти. Начиная отъ Сіута и до Нильскихъ Пороговъ, едва-ли найдется хотя одна деревня или городъ, гдѣ умершіе съ голоду не насчитывались бы десятками и даже сотнями. Многія изъ мелкихъ деревень совершенно обезлюдѣли и одѣ только развалившіяся глиняныя стѣны жилищъ свидѣтельствуютъ, что здѣсь нѣкогда были зажиточные люди! Въ принильскихъ городахъ видны толпы фелаховъ изъ окрестныхъ деревень; они пришли сюда искать помощи и труда, но не нашли ни того, ни другого, и на улицахъ умираютъ съ голоду, а оставшіеся въ живыхъ, питаются кислицею и выжимками сахарнаго тростника, до того отошались, сморщились и иссохли, что похожи скорѣе на муміи, нежели на живыхъ людей. Зато фелахъ платитъ немалыя подати. Имѣя земли не болѣе трехъ десятинъ, онъ долженъ внести 25 рублей поземельныхъ, отъ полутора до трехъ рублей подушныхъ съ человѣка, по 50 коп. соляного налога съ души и потомъ брать ежегодно тескере — свидѣтельство сельскаго общества, на каждаго члена семьи, платя за это по 1 руб. 55 коп. Всѣ эти налоги, взятые вмѣстѣ, составляютъ на семейство до 200 руб. Сверхъ того, фелахъ платитъ за свой скотъ,

за лодки и даже за пальмы. За каждую финиковую пальму, плодovitа-ли она или бесплодна, взимается отъ одного до двухъ рублей, сообразно ея вышины.

— **Голодъ въ Марокко.** Гундбургъ, еврейскій мисіонеръ въ Магадоръ, помѣстилъ въ англійскихъ газетахъ поистинѣ ужасающее описаніе голода, свирѣпствующаго въ этой части Африки. Тысячи голодающихъ, исхудавшіе до вида скелетовъ, являются въ зданіе мисіи за хлѣбомъ. Скотъ, верблюды, лошади, ослы, бараны и птицы вымираютъ громадными массами. Голодные собаки бросаются на людей. Въ мѣстности, на разстояніи 20 миль отъ Магадора, до 20 человекъ растерзаны собаками. Въ городѣ Магадорѣ не менѣе 1,300 человекъ погибли отъ голода, и на каждой улицѣ наталкиваешься на умирающихъ и на трупы умершихъ. Въ іудейскомъ кварталѣ почти всѣ дома превращены въ госпитали.

— **Л. О. Котелянскій.** Въ «Голосѣ» пишутъ: Въ ночь съ 14 на 15 апрѣля, скончался, въ Петербургѣ, отъ брюшнаго тифа, на 28 году отъ роду, недавно начавшій свою литературную дѣятельность, Левъ Осиповичъ Котелянскій. Онъ родился въ гор. Кременцѣ, волынской губерніи, и происходилъ изъ еврейскаго семейства. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ подольской гимназіи, гдѣ и окончилъ курсъ съ золотою медалью; послѣ того, онъ поступилъ въ петербургскій университетъ, на юридическій факультетъ, и въ 1877 году вышелъ изъ него со степенью кандидата. Будучи еще студентомъ, онъ принималъ участіе въ нѣкоторыхъ изъ столичныхъ газетъ и помѣстилъ нѣсколько белетристическихъ очерковъ въ издававшейся въ Одессѣ газетѣ «День». Первымъ его произведеніемъ, обратившимъ вниманіе публики, была повѣсть «Чиншевики», напечатанная въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ концѣ 1877 года. Уроженецъ юга Россіи, онъ съ особенною любовью обращался къ изслѣдованію южнорусской народной жизни. Ей былъ посвященъ и второй большой его трудъ — экономическій этюдъ «Очерки подворной Россіи», напечатанный тоже въ «Отечественныхъ Запискахъ». Намъ извѣстна еще повѣсть его «Два дня», назначавшаяся для журнала «Слово», и романъ, оставшійся также въ рукописи. Въ послѣднее время Котелянскій состоялъ сотрудникомъ газеты «Русская Правда», гдѣ велъ внутренній отдѣлъ.

— **М. Н. Зейфертъ.** 15 апрѣля, въ Петербургѣ, скончалась Марфа Николаевна Зейфертъ, извѣстная, какъ европейская хореографическая знаменитость, подъ именемъ Муравьевой.

— **Баронеса Бойе.** Въ «Голосѣ» напечатанъ слѣдующій некрологъ: Финляндскія газеты сообщаютъ, что въ Або недавно скончалась, 80-ти лѣтъ отъ роду, вдова бывшаго начальника санмихельской губерніи, баронеса Амалия Бойе, урожденная Енинъ, имѣвшая значительное состояніе и извѣстная своею общественною благотворительностью. Баронеса Бойе пожертвовала, при своей жизни и по завѣщанію, до 290,000 марокъ въ пользу разныхъ благотворительныхъ и преимущественно учебныхъ заведеній Финляндіи. Изъ означенной суммы 60,000 марокъ, подъ названіемъ «енинскаго фонда стипендій», завѣщаны александровскому университету, и 10,000 марокъ, подъ именемъ «фонда Бойе» — абоскому элементарному училищу. 33,000 марокъ баронеса пожертвовала сиротскому воспитательному дому въ приходѣ Кеури и 25,000 марокъ — пенсіонному учрежденію для престарѣлыхъ и безпомощныхъ женщинъ въ Або. Впрочемъ, этимъ еще не исчерпываются всѣ пожертвованія Бойе. По извѣстію, только-что появившемуся въ «Абоскихъ Вѣдомостяхъ», она, отказала 145,000 марокъ, изъ которыхъ болѣе половины (80,000) такъ называемымъ «rauvres honteux» въ родномъ городѣ баронесы, Выборгѣ. Изъ остальныхъ денегъ, 40,000 марокъ назначены народнымъ училищамъ выборгской губерніи для составленія фонда пособій бѣднымъ дѣтямъ, въ нихъ обучающимся, а 25,000 марокъ завѣщаны дополнительно на сиротскій домъ въ Кеури, который, слѣдовательно, получитъ всего 58,000 марокъ. Такимъ образомъ, общая сумма извѣстныхъ пожер-

тованій баронесы Бойе на благотворительныя и учебныя заведенія родины составляетъ почти полмиліона марокъ. Во время печальнаго обряда погребенія баронесы Бойе, умершей на четвертый день пасхи, у гроба ея пѣлъ многочисленный хоръ учениковъ абоскаго лицея, которому она много благодарствовала при жизни. Сверхъ того, передъ выходомъ погребальной процесіи на кладбище, особая депутація абоскихъ лицейцевъ прикрѣпила къ гробу большой вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ, съ надписью на бѣлой лентѣ: «Память о тебѣ будетъ вѣчно жить въ сердцахъ благодарнаго юношества».

— **Пѣвица Терриджи.** Число русскихъ артистовъ, пользующихся успѣхомъ за границей, возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Еще во время парижской всемірной выставки парижскія газеты превозносили новую звѣзду — молодую соотечественницу нашу, дѣвицу Гейротъ, театральное имя которой Терриджи. Она пѣла потомъ въ Букарештѣ, а теперь находится въ Венеціи, гдѣ газеты осипаютъ ее самыми единодушными похвалами, предсказывая ей самое блестящее артистическое будущее.

— **Бригада цвѣточницъ.** Нищенское положеніе лондонскихъ цвѣточницъ внушило мысль Джону Груму попытаться улучшить ихъ положеніе. Лондонскія дѣвушки цвѣточницы, Flower Girls, представляютъ самую разнородную, оборванную, голодную смѣсь, начиная съ старухъ, едва держащихся на ногахъ, кончая маленькими дѣвочками. Толпы этихъ цвѣточницъ собираются обыкновенно подлѣ биржи, у чаринкресскаго вокзала желѣзной дороги, въ Ислингтонѣ, на мостахъ и при входѣ въ клубы. Изъ этого разнороднаго народа составлена г. Грумомъ «Бригада цвѣточницъ». Цвѣточницы ежедневно являются въ контору «бригады», гдѣ получаютъ готовые уже букеты для своей торговли. Цвѣточницы, приобрѣвшія довѣріе, пользуются кредитомъ въ размѣрѣ 20 шиллинговъ, который возвращается ими по шиллингу въ недѣлю. Для нихъ же устроена копейная сберегательная касса. Изъ цвѣточницъ выбираются самыя ловкія, отличающіяся вкусомъ для составленія букетовъ; эти букетчицы обучаютъ другихъ составлять букеты. Такъ какъ главное условіе торговли букетами заключается въ томъ, чтобы цвѣты отнюдь не оставались въ нездоровыхъ помѣщеніяхъ, занимаемыхъ продавщицами, то цвѣточницы, ходящія въ составъ «бригады», обязываются брать букеты только изъ конторы и непроданные цвѣты не оставлять у себя дома, а возвращать въ контору, такъ какъ опытъ доказалъ, что посредствомъ цвѣтовъ легко разносится зараза отъ прилипчивыхъ болѣзней. Начало этого благотворительнаго предпріятія оказалось весьма удачнымъ; мистеръ Грумъ получаетъ ежедневно отъ множества дамъ заказы на букеты и цвѣты для украшенія комнатъ.

— **Султанша, живущая уроками.** По извѣстіямъ изъ Берлина, тамъ поселилась родная сестра султана Занзибарскаго, чтобы давать уроки арабскаго языка. Лѣтъ десять тому назадъ она тайно оставила Занзибаръ и вышла замужъ за гамбургскаго негоціанта Рюэа. Теперь она овдовѣла и имѣетъ двухъ дѣтей. Брать ея, султанъ, лишилъ ее ея доли наслѣдства за то, что она приняла христіанство; матеріальное положеніе ея теперь таково, что она принуждена давать уроки арабскаго языка.

— **Воровство изъ почтоваго вагона.** Изъ Владикавказъ пишутъ въ газету «Кавказъ»: «Надняхъ, въ почтовомъ вагонѣ, прибывшемъ вмѣстѣ съ поѣздомъ изъ Ростова, случился интересный казусъ. Изъ купѣ этого вагона, запечатого и запечатаннаго снаружи, неизвѣстно кѣмъ провернуто было коловоротомъ множество дыръ, такъ что образовалось отверстіе въ находящуюся по сосѣдству кладовую, гдѣ была денежная корреспонденція. Къ счастью, злоумышленникъ, вѣроятно, торопился, потому что захватилъ не особенно много, говорятъ, около шести тысячъ руб. Интересно, какъ онъ на ходу поѣзда могъ пачезнугъ изъ вагона и къ тому же почти днемъ, такъ какъ поѣздъ приходитъ сюда въ 8½ часовъ вечера».

— **Замѣчательные опыты.** Газета «Temps» со-

общаетъ слѣдующее о замѣчательныхъ опытахъ, произведенныхъ д-ромъ Шарко въ клиникѣ парижской женской больницы Salpêtrière: «Опыты эти пошли гораздо дальше смѣлыхъ открытій, сдѣланныхъ яко бы послѣдователями Месмера. Оказывается, что, не прибѣгая ни къ какимъ сверхъестественнымъ средствамъ, сколько-нибудь опытный врачъ можетъ, если ему заблагоразсудится, разыгрывать роль самаго таинственнаго чародѣя и приводить въ трепетъ непосвященную публику. У Бельвиля, надъ которымъ д-ръ Шарко производилъ свои опыты, имѣлись такъ называемыя «чувствительныя точки», внезапное возбужденіе которыхъ обуславливаетъ немедленный нервный приступъ. Внезапнымъ прикосновеніемъ пальца, д-ръ Шарко вызывалъ у одной молодой дѣвушки обмороки и летаргію, немедленно проходившіе при вторичномъ, болѣе сильномъ пожатіи «чувствительной точки». Другая молодая дѣвушка обладала настолько сильной нервной раздражительностью, что достаточно было взглянуть ей пристально въ глаза, чтобы привести ее въ летаргическое состояніе. Если потомъ у этой больной открывали глаза, съ нею дѣлалась катаlepsis; чтобы пробудить пациентку къ сознанію, достаточно было дунуть ей въ лицо. Лучъ электрическаго свѣта производилъ такое же дѣйствіе. У д-ра Шарко имѣлся камертонъ съ большимъ ящикомъ. Сажая на ящикъ двухъ больныхъ и приводя въ дѣйствіе камертонъ, докторъ возбуждалъ въ обоихъ своихъ пациентахъ приступы катаlepsis, проходившіе мгновенно, какъ только прекращались колебательныя движенія камертона. Сжимая одинъ изъ мускуловъ молодой дѣвушки, находившейся въ летаргіи, онъ возбуждалъ въ мускулѣ этомъ сильное сокращеніе. Если затѣмъ у пациентки открывали глаза, она впадала въ общее катаlepsическое состояніе; если открывали всего одинъ, напримѣръ, правый глазъ, катаlepsis проявлялась лишь въ правой сторонѣ тѣла и наоборотъ. Такимъ образомъ, опуская или поднимая одно вѣко, можно было вызывать одновременно въ обѣихъ половинахъ тѣла совершенно разнородныя болѣзненные проявленія. Другая пациентка, утратившая чувствительность всей правой половины тѣла, была подвергнута нѣсколькимъ уколамъ иглой, не вызвавшимъ ни какой боли, ни кровотеченія изъ ранокъ уколотой руки. Затѣмъ, когда ей надрѣли на эту руку золотой браслетъ, черезъ четверть часа изъ ранокъ показалась кровь, и вмѣстѣ съ тѣмъ боль отъ уколовъ стала ощутительною. Золото въ данномъ случаѣ само по себѣ не играло никакой особенной роли, такъ какъ желѣзные, цинковые и мѣдные браслеты производили такое же дѣйствіе. Въ случаяхъ нарушенія правильнаго воспріятія цвѣтовъ, Шарко, помощію магнита, приложеннаго къ больному глазу, возвращалъ ему эту способность, но если, напримѣръ, глазъ этотъ начиналъ воспринимать красный цвѣтъ, то здоровый глазъ пациента переставалъ различать фіолетовые оттѣнки. Когда возвращалась больному глазу возможность различать желтый, то здоровый глазъ переставалъ видѣть зеленый цвѣтъ».

— **Какъ вывести лошадь во время пожара.** Извѣстно, что во время пожара, лошадь не дается вывести себя изъ конюшни, а потому лучше всего въ этомъ случаѣ осѣдлать ее, ибо послѣ этого она, безъ малѣйшаго принужденія, оставляетъ конюшню.

— **Памятники.** Англія безпрестанно сооружаетъ памятники своимъ замѣчательнымъ дѣятелямъ. Въ настоящее время предстоитъ открытіе двухъ памятниковъ: 1) Гарвею, которому человечество обязано открытіемъ законовъ кровообращенія. На послѣднемъ митингѣ королевскій «колѣджъ» британскихъ врачей остановился уже на выборѣ статуи. Гарвей будетъ изображенъ стоя, во весь ростъ, опираясь правой рукою на грудь оленя, какъ бы прислушиваясь къ біеніямъ его сердца. 2) Тиндэлю, послѣдователю Лютера и первому переводчику библіи на англійскій языкъ. По выходѣ изъ университетовъ окефордскаго и кембриджскаго, гдѣ онъ слушалъ Эразма и Колета, Тиндэль принялся за переводъ библіи — дѣло опасное въ царствованіе Генриха VIII-го, такъ что первое изданіе «Новаго Заветъа» на ан-

гійскомъ языкѣ могло появиться не въ самой Англіи, а въ Вормсѣ, въ 1526 году. Посвятивъ всю жизнь свою переводу и изданію «Ветхаго и Новаго Заветѣ» и распространенію его въ Англіи, Тиндаль погибъ мученическою смертью въ Вильвордѣ, близъ Антверпена, въ 1536 году, агентъ Генриха, въ соглашеніи съ брюссельскимъ духовенствомъ, схватили ревностнаго послѣдователя Лютера и, послѣ долгаго заключенія въ темницѣ, задушили и сожгли его. Нѣсколько лѣтъ назадъ, Тиндалю поставленъ былъ памятникъ въ его родномъ городѣ Глостерѣ.

— **Осушка болотистаго озера.** Князь Торлопио предпринялъ около двадцати пяти лѣтъ назадъ работы по осушкѣ болотистаго озера Фуцино, лежащаго въ римской Катаньи. Работы эти, въ настоящее время оконченныя, потребовали затраты капитала въ 50 миліоновъ франковъ.

— **Мнѣніе Тиндаля объ электрическомъ освѣщеніи.** Лондонскій комитетъ для изслѣдованія электрическаго освѣщенія, въ засѣданіи 25-го апрѣля, пригласилъ профессора Тиндаля высказать мнѣніе свое о практичности этого освѣщенія. Профессоръ, изложивъ вкратцѣ исторію электричества и электромагнетизма, подтвердилъ свое убѣжденіе, что электрическій свѣтъ долженъ подвергнуться еще многочисленнымъ улучшеніямъ. Судя потому, что сдѣлано было Эдисономъ, есть основаніе полагать, по мнѣнію Тиндаля, что многія изъ существующихъ теперь затрудненій будутъ устранены. Но электрическій свѣтъ не можетъ обойтись безъ употребленія матовыхъ шаровъ, такъ какъ иначе онъ невыносимъ для глазъ. Употребленіе платиновыхъ проволокъ по системѣ Эдисона представитъ слишкомъ большой расходъ. Что касается газа, то, по мнѣнію Тиндаля, онъ никогда не можетъ быть вытѣсненъ электрическимъ свѣтомъ.

— **Судъ Линча.** 14 марта, въ фортѣ Скоттъ, близъ Кензасъ-Сити, негръ Гусъ-Гоуардъ, обезчестилъ 12-ти-лѣтнюю дѣвочку, былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму. Собралась толпа въ 3,000 человѣкъ, окружила тюрьму и, выломавъ дверь, овладѣла преступникомъ. На шею негра была наброшена веревка и его потащили на рыночную площадь. Сильный негръ всю дорогу сопротивлялся и успѣлъ веревку захватить зубами. Но его, все-таки, вздернули на фонарный столбъ, гдѣ онъ долго корчился, клялся и молился и, наконецъ, умеръ. Толпа не удовольствовалась этимъ: она сложила огромный костеръ и бросила на него трупъ повѣшеннаго, который горѣлъ до тѣхъ поръ, пока отъ него остался одинъ пепелъ.

— **Необычайно быстрая работа.** Вѣнская газета «Presse» извѣщаетъ, что суконный фабрикантъ Эмерихъ Дите, въ Гумпольцѣ (въ Чехіи), поднесъ императору Францу-Иосифу охотничій костюмъ, изготовленный втеченіи одиннадцати часовъ изъ шерсти остриженныхъ въ то же утро овецъ.

— **Выводъ жирныхъ пятенъ.** Жирныя пятна изъ шелковаго платя попробуйте вывести дома, если у васъ не имѣется хорошей красильни, которой можно поручить эту операцію. Возьмите желтокъ яйца, капните немного на пятно, покройте его затѣмъ полотняной тряпкой и смочите ее кипяткомъ. Затѣмъ, трите тряпочку рукой, помочивъ опять кипяткомъ. Тогда, снявъ полотно, обмывайте это мѣсто холодной водой. Темныя пятна происходятъ, вѣроятно, отъ сырости. Помочите матерію смѣсью изъ одной части нашатырнаго спирта и шестнадцати частей воды, потрите слабо пятна, чтобы влага прошла насквозь, и сполосните матерію въ чистой водѣ. Сухими средствами нельзя вывести пятна.

— **Гибель перелетныхъ птицъ отъ маяковъ.** Нѣмецкій орнитологъ Карлъ Руссъ сообщаетъ любопытныя наблюденія надъ гибельнымъ вліяніемъ, оказываемымъ огнемъ маяковъ на перелетныхъ птицъ. Какъ извѣстно, всѣ животныя, почти безъ исключенія, начиная отъ полиповъ и кончая млекопитающими, инстинктивно примааниваются огнемъ, свѣтящимся во мракѣ ночи, и

этимъ фактомъ давно и успѣшно пользуются уже въ различныхъ родахъ охоты. Птицы также испытываютъ такое влеченіе къ огню; для многихъ изъ нихъ оно оказывается гибельнымъ. На берегахъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей находится значительное количество маяковъ; отъ нихъ ежегодно гибнутъ тысячи перелетныхъ птицъ. Въ теплыя лѣтнія ночи совы и другія ночныя птицы, равно какъ маленькія пѣвчія птички, почему-либо пробужденныя отъ сна, постоянно кружатся вокругъ фонарей маяковъ или садятся на предохранительныя проволочныя сѣтки, которыми окружены дорогія стекла освѣтительныхъ аппаратовъ. Необходимость этихъ сѣтокъ очевидна изъ слѣдующаго. Съ концемъ лѣта начинается громадное переселеніе птицъ съ сѣвера въ болѣе теплыя края. Не проходитъ почти ни одной ночи, чтобы не слышалось сотрясеній и ударовъ въ проволочныхъ сѣткахъ маяковъ, ибо птицы, уклоняясь отъ своего пути, летятъ на свѣтъ и съ размахомъ ударяются о металлическое плетеніе. Однѣ изъ нихъ ломаютъ себѣ клювъ или разбиваютъ черепъ; другія попадаютъ головами въ отверстія сѣтки и удушаются въ нихъ; наконецъ, многія не убиваются сразу, но, обезнамятивъ отъ силы удара, падаютъ внизъ и расшибаются тамъ о камни или же становятся добычею кошекъ. Встрѣчаются, однако, и такія осторожныя особи, которыя безъ всякаго вреда усаживаются на сѣтки. И что же? Свѣтъ производитъ на нихъ такое чарующее впечатлѣніе, что онѣ сидятъ здѣсь по цѣлымъ часамъ и съ изумленіемъ глядятъ на огонь, не будучи въ силахъ отвести отъ него глазъ. Утромъ служащіе на маякахъ видятъ печальную картину. Подлѣ маяка лежитъ множество мертвыхъ птичекъ, и между ними постоянно встрѣчаются также журавли, дикія утки и дикіе гуси; журавлей губитъ ихъ длинный носъ, у гусей и утокъ всегда оказывается оторванною, нижняя половина клюва. Множество перелетныхъ птицъ зашибаютъ кромѣ того крылья и падаютъ на землю лишь въ послѣдствіи.

— **Предохраненіе мяса отъ порчи.** Уже давно извѣстно, что бора (богах) и борная кислота безвредны, почти индифферентна для организма (доказано это было проф. Панутомъ въ Копенгагенѣ). Бора отличается также сильными противогнилостными свойствами. Благодаря этимъ двумъ качествамъ, бору предлагаютъ теперь, какъ средство, способное предохранить мясо отъ порчи, разложенія. Для этой цѣли кусокъ мяса нужно обсыпать порошкомъ чистой бору. Бору, по отношенію къ мясу, надо брать такой пропорціи: $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ золотника бору на $2\frac{1}{2}$ ф. мяса. Бора сохраняетъ мясо, нисколько не измѣняя его составныхъ частей.

— **Средство для уничтоженія сырости.** Извѣстный въ Галичинѣ архитекторъ Иванъ Топольницкій, изобрѣлъ недавно весьма радикальное средство для уничтоженія сырости въ каменныхъ строеніяхъ, даже если эти строенія построены въ низменныхъ и совершенно сырыхъ мѣстностяхъ. Это средство изобрѣтатель назвалъ «Антигиграсмой»; это густая жидкость, въ видѣ массы. Мокрѣя, не только сырыя стѣны, покрытыя слоемъ этой жидкости, но прошествіи нѣсколькихъ дней, дѣлаются совершенно сухими и не пропускаютъ уже болѣе сырости, даже если стѣны эти будутъ находиться въ подвальныхъ этажахъ, и еслибъ, до смазки этой жидкостью, такіе стѣны были покрыты плесенью и поросли грибами. Опыты, произведенные надъ этимъ средствомъ въ Вѣнѣ, по словамъ львовскихъ газетъ, вполне подтвердили полезность этого изобрѣтенія, а въ самомъ Львовѣ, въ настоящее время, этимъ новымъ изобрѣтеніемъ г. Топольницкаго обезпечены отъ сырости стѣны всѣхъ сырыхъ казенныхъ и правительственныхъ зданій, притомъ весьма успѣшно.

— **Разсѣянность.** Генрихъ Гейне далъ Фердинанду Лассалю однажды рекомендательное письмо къ одной графинѣ въ Парижѣ, въ которомъ отзывался о немъ слѣдующимъ образомъ: «Мой другъ, г. Лассаль, податель сего письма, молодой

человѣкъ, съ выдающимися дарованіями; при самой замѣчательной учености, онъ одаренъ самыми обширными знаніями, величайшимъ остроуміемъ; къ этому прибавьте рѣдкую силу воли». Съ этимъ письмомъ Лассаль отправился къ прекрасной знатной дамѣ, которой онъ предварительно послалъ свою визитную карточку. Его просили обождать въ будуарѣ. Выходитъ графиня въ величайшемъ неглиже, съ голыми ногами въ туфляхъ, и говоритъ ему небрежно: «Ah, vous voilà, bonjour», опускается на диванъ, снимаетъ туфлю и протыгиваетъ гостю свою миниатюрную, розовую голую ножку. Лассаль, въ высшей степени пораженный такимъ страннымъ приѣмомъ, не потерялся, однако: онъ беретъ хорошенькую ножку, почтительно цѣлуетъ ее и говоритъ: «я восхищенъ, сударыня, такимъ новымъ способомъ знакомства; это гораздо красивѣе и въ особенности гораздо пріятнѣе и интимнѣе, чѣмъ цѣловать ручку!» Графиня вскакиваетъ, на ея прекрасномъ лицѣ изображается гнѣвъ. «Какъ вы смѣете? говоритъ она,—вы, мозольный операторъ!» Ошибка объясняется. Лассаль, по разсѣянности, послалъ вмѣсто своей карточки пошавшую къ нему, неизвѣстно какъ, карточку мозольнаго оператора.

— **Устрицы.** Изслѣдованія извѣстнаго зоолога Франка Бокленда приводятъ къ убѣжденію, что тѣло устрицъ состоитъ почти что исключительно изъ одного осмазона, вещества, составляющаго основную часть мяса. Этимъ объясняется большая питательность устрицъ и легкость, съ которою онѣ перевариваются. Зеленныя устрицы высоко цѣнятся любителями за ихъ тучность, пѣжность и вкусную сочность. Для развитія въ нихъ этихъ качествъ обыкновенныя мелкія устрицы сѣверной Франціи, тотчасъ по уловѣ ихъ, подвергаются особому содержанію, доколѣ, вслѣдствіе ожирѣнія, не пріобрѣтутъ зелено-сѣваго оттенка, почти исключительно замѣтнаго въ бронхіальныхъ ихъ листочкахъ. Изъ поддѣлокъ, вообще не придающихъ устрицамъ упомянутыхъ качествъ, кромѣ зеленого цвѣта, особеннаго вниманія заслуживаетъ подкраска этихъ моллюсковъ посредствомъ пропитыванія ихъ растворомъ мѣдной соли. Употребленіе въ пищу такихъ устрицъ, даже въ небольшомъ количествѣ, производитъ опасныя припадки мѣднаго отравленія, сильную боль подъ ложечкой, тошноту, рвоту, поносъ, упадокъ силъ, обморочное состояніе и т. д. Поэтому при выборѣ устрицъ должно быть весьма внимательнымъ и осторожнымъ, избѣгать такихъ, которыя представляютъ зеленый цвѣтъ, и болѣе или менѣе окрашены во всѣхъ своихъ частяхъ. Для вѣрнѣйшаго же опредѣленія подкраски мѣдью нужно взять какую-либо подозрительную устрицу, слить съ нея всю ея воду, вылить на нее ложку уксуса, воткнуть въ нее иголку, и оставить все на нѣсколько часовъ. Затѣмъ вынуть иголку, и если на ней окажется красноватый налетъ,—знакъ, что устрица обманная и ядовитая.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 16-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 21-го апрѣля въ 6 часовъ 15 минутъ утра, на иногородную почту 22-го апрѣля въ 1 час. по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Пожаръ въ Оренбургѣ. — Стихотвореніе «Пѣсня». — Милые бездѣльники. — Веняминъ Вотье. — Первое представленіе Ромео и Джульетты въ Лондонѣ. — Иза (продолж.). — Симонъ Ломницкій, просящій милостыню на Пражскомъ мосту. — Стихотвореніе «Дума поэта». — Изъ Лондона. — Г. В. Дове. — Изъ Парижа. — Къ рисункамъ. — Правительственныя распоряженія. — Новости наукъ и жизни.

Гравюры: В. Вотье. — Школьники передъ судомъ учителя. — Симонъ Ломницкій, просящій милостыню на Пражскомъ мосту. — Погибшія товарищъ. — Соловки. — Судья. — Наводненіе на Вислѣ.

Редакторъ-издатель Д. А. Карчъ-Карчевскій.

При этомъ номерѣ «Живоп. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ приложеніе: „Руководство къ Гигіенѣ“.

№ 18. Томъ I.

На годъ, съ доставкой и пересылкою — 7 руб.;
на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб.
Отдѣльн. №№ по 20 к.

С.-Петербургъ, 5 Мая 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новая
улица, домъ № 6.

Годъ VII.

Посмертныя стихотворенія Я. А. Старостина.

I.

Любка Безшабашная.

(Разсказъ судебнаго слѣдователя).

Привели. Дѣвчонка скромная,
Только, знаете, въ глазахъ
Что-то есть такое темное,
Что внушаетъ даже страхъ.
Видно, если разгуляется,
Такъ не трогай, берегись:
Тутъ натура разыграется,
А не взбалмошный капризь.
Я взглянулъ въ лице ей блѣдное
И подумалъ про себя:
«Эхъ, головушка побѣдная!
«Жизнь помаяла тебя».
Сталъ допрашивать — насунилась,
Нервно бровью повела,
Какъ-то сумрачно потупилась,
А потомъ и начала:
«Мнѣ разсказывать не для чего,
Съ кѣмъ спозналась: мало-ль къ намъ
Люду разнаго, бродячаго
Позаходить по ночамъ.
Стала я передъ Успѣніемъ
Замѣчать, что тяжела,
Съ той поры мнѣ жизнь мученіемъ
Пуще каторги была.
Прежде Любка Безшабашная,
Удалая голова,
Руки въ боки, рѣчь пустяшная,
Все бывало трень-трава;
Тутъ веселость забубенная
Приутихнула моя,
Стала грызть неутомонная
Сердце мнѣ тоска-змѣя.

Сердце мнѣ изгрызла люта!
Опостылили ширь,
И веселой ни минуты я
Не видала съ той поры.
Словно туча безразсвѣтная
Надо мною налегла,
Дума, дума непривѣтная
Крѣпко въ душу залегла;
Заслонила непроглядная
Красно-солнце отъ меня,
Изсушила безотрадная
Пуще полѣмья-огня.
Я носилась съ ней, угрюмою,
Какъ съ излюбленнымъ дитѣй;
Я ложилась съ этой думою,
Я вставала съ думой той.

Все-то, все припоминалося
Пережитое житѣ,
Какъ живое, представлялося
Все бывалое мое.
Какъ жива была родимая,
Словно цвѣтъ-и я цвѣла,
А она меня, любимая,
Пуще глазу берегла;
Да закралась истомная
Въ грудь мою любовь-тоска,
Стала горенка укромная
И тѣсна мнѣ и низка.
Охъ, та рѣчь да поступь милая!
Было мнѣ не въ ногу,
И на вѣки загубила я
Честь свою и красоту.

Ой, любовная зазнобушка!
Что дѣвичьей красоты,
Пуще чѣмъ людская злобушка,
Загубомъ сгубила ты.
Такъ недолго миловалась,
Со дружкомъ разсталась я:
Соразлучница сыскалася,
Подкольная змѣя.
Сколько слезъ тутъ было пролито!
Самъ онъ плакалъ заодно,
Самъ жалѣлъ, да видно воли-то
Надъ ретивымъ не дано;
И сказалъ онъ мнѣ: «голубушка,
Крѣпко я тебя любилъ,
А теперь прости мнѣ, Любушка,
Если въ чемъ я согрѣшилъ».

Какъ сказалъ онъ, обомлѣла я,
Ноги словно отнялись,
Слово вымолвить хотѣла я,
Только губы запеклись,
Ну, и только трудно охнула
Я въ отвѣтъ на рѣчь его,
Да на мѣстѣ тутъ и грохнула,
Не сказавши ничего.
Что потомъ со мною сталося, —
И сама не знаю я;
Со стыдомъ я распрощалась,
И безчестья не тая,
Стала дѣвкою пустяшною,
И меня народъ честной
Прозвалъ Любкой Безшабашною,
Удалою толовой.

Жизнь разгульную, веселую
Съ той поры я повела,
Зеленымъ виномъ тяжелую
Грусть-тоску я залила.

Что творила безобразія!
Эхъ, всего не разсказать,
Да случилась оказія,
Я опомнилась опять,
Стала думать: «если дѣтищемъ
«Богъ меня благословить,
«Что-то дамъ ему? — со вретисчемъ
«Напридачу вѣчный стыдъ:
«Станутъ всѣ его, безвиннаго,
«Попрекать моимъ стыдомъ,
«И ни въ чемъ-то не причиннаго
«Назовутъ всѣ байстрюкомъ».

И бывало на кусочушки
Такъ и рвется грудь моя,
Просто не было мнѣ мочушки,
Я была какъ не своя;
Какъ не думать я ни нудилась,
Дума лѣзла, не хотя,
И вездѣ-то мнѣ все чудилось
Это мертвое дитя.
Народилось несчастливое,
Я съ ума чуть не сошла,
Надрывалось ретивое,
А сдержаться не могла.
Видно, Божье наказаніе.....
И замолкла, задрожавъ.
Слово въ слово показаніе
Въ протоколъ записавъ,
Хоть рождалось сожалѣніе,
Вѣрный долгу своему,
Я вписалъ постановленіе:
Посадить ее въ тюрьму.

Въ стоячей водѣ.

(Отрывокъ изъ дневника.)

Разсказъ Н. Ф. Бажина.

I.

Должно думать, что это «просто нервы», какъ
говорить Димитрій Васильевичъ. Ни съ того, ни
съ сего найдешь вдругъ какое-то неудержимо
смѣшное настроеніе и съ каждою минутою ро-
стетъ, растетъ, растетъ, какъ разгорающійся ого-
некъ. Все, что ни скажутъ, и все, что ни сдѣла-
ютъ дорогіе ближніе, представляется въ это вре-
мя до такой степени смѣшнымъ, глуповатымъ, пош-
лымъ, что, кажется, вотъ-вотъ еще одно подобное
слово, еще одна послѣдняя капля и можно поте-
рять всякое терпѣніе, можно умереть отъ смѣха...
А потомъ этотъ веселый огонекъ начинаетъ гас-
нуть, гаснуть; становится все скучнѣе, скучнѣе,
тяжелѣе на сердцѣ, и, наконецъ, дѣло доходитъ

до того, что хочется даже вслапнуть самыми горькими слезами... О чем? Съ чего? Съ какой стати? Да такъ, ровно ни о чемъ и точно также ни съ того, ни съ сего: «просто нервы» и ничего больше.

На мужа нисходитъ, по временамъ, нѣчто вроде духа проповѣди и поученія. Я не знаю, вслѣдствіе какого именно внутренняго процесса его осяиваетъ это вдохновение: люди-ли покажутся ему въ это время умалившимися и поглупѣвшими, самъ-ли Димитрій Васильевичъ внезапно почувствуетъ себя выросшимъ и просвѣтлѣвшимъ умственно, но только онъ вдругъ начинаетъ держать себя, какъ суровый учитель среди неразумныхъ школьниковъ. Осанка у него дѣлается необыкновенно важною, лицо принимаетъ выраженіе строгости и глубокомыслія—и изъ устъ льются непонятнымъ потокомъ совѣты, наставленія, разъясненія, нравственныя истины, все самыя несомнѣнныя и общеизвѣстныя, какъ дважды два, все такія, противъ которыхъ никто даже и не подумаетъ возставать. Сначала я думала, что онъ просто дурачится и шутитъ, но потомъ увидѣла, что вовсе нѣтъ. Это у него, должно быть, нѣчто вроде припадковъ, какъ у другихъ бываютъ припадки ревматизма или подагры. Появляются они неожиданно, проходятъ совершенно безслѣдно. Прежде они были очень рѣдки и коротки, съ теченіемъ же времени становятся все чаще и продолжительнѣе, такъ что, напримѣръ, сегодняшній пароксизмъ длился у него, легко сказать, весь вечеръ, не прерываясь, хоть бы временно, ни дома, ни на улицѣ, ни даже въ гостяхъ у Лѣниныхъ. Добрыхъ семь-восемь часовъ! Плохо же выспался онъ послѣ обѣда, приписавъ же ему какой-нибудь особенный сонъ или, можетъ быть, во всемъ виновата пасмурная погода, — Господь его знаетъ...

— А сегодня надо поѣхать къ Лѣнинымъ; мы и такъ уже не были у нихъ въ прошлый четвергъ, довольно настоятельнымъ тономъ сказалъ онъ, выйдя изъ своего кабинета и протирая очки и глаза.

Я отвѣчала, что надо, такъ надо, ѣхать, такъ ѣхать, мнѣ все равно. Съ этого несчастнаго «все равно» и загорѣлся сыр-боръ, хотя, по всей вѣроятности, онъ точно также загорѣлся бы и со всякаго другого слова. Оказалось, что никакое другое выраженіе не антипатично до такой степени Димитрію Васильевичу, какъ именно это «все равно». Что это за «все равно»? Оно употребляется обыкновенно только въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ, или не даетъ себѣ труда основательно обдумать то, что говорить, или же когда онъ не хочетъ высказать прямо свое мнѣніе. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, разумѣется, одинаково нѣтъ ничего хорошаго. А между тѣмъ, отчего бы, кажется, мнѣ не сказать откровенно — хочу я ѣхать или не хочу. Хочу — прекрасно; не хочу — никто не будетъ меня принуждать и т. д. и т. д.

— А если для меня и въ самомъ дѣлѣ безразлично — ѣхать или не ѣхать? возразила я, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.

Ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть безразлично! Конечно, понятное дѣло, что я все еще нахожусь подъ вліяніемъ понесенной мною тяжелой утраты и мнѣ скучно, мнѣ тяжело безъ моей бѣдной Віруньки, мнѣ нигдѣ не можетъ быть особенно весело или хорошо; но что же дѣлать? Невозвратимаго не возратить, умершаго не воскресить, и, слѣдовательно, мнѣ остается только одно: постараться залѣчить мою сердечную рану. Не нужно отдаваться своему горю, нужно сдѣлать надъ собою рѣшительное усиліе; не нужно позволять себѣ оставаться наединѣ съ своими печальными мыслями и воспоминаніями, нужно быть постоянно въ обществѣ, среди новыхъ и новыхъ впечатлѣній, серединовыхъ и по-

выхъ интересовъ, среди шума и движенія жизни...

— Господи! Да отвяжешься-ли ты отъ меня? воскликнула я, смѣясь, и, наконецъ, начиная немного сердиться.

Нѣтъ, не отвяжется, потому что считаетъ этотъ вопросъ очень серьезнымъ. Къ тому же онъ, Димитрій Васильевичъ, право, не понимаетъ моего страннаго равнодушія рѣшительно ко всемъ нашимъ добрымъ знакомымъ. Вматриваясь въ мои отношенія къ нимъ, можно подуматъ, что по мнѣ рѣшительно все равно, хоть бы ихъ и не было никого. Серьезно! Могу-ли я, положа руку на сердце, назвать кого-нибудь изъ нихъ своимъ другомъ? Нѣтъ. Бываетъ-ли мнѣ хоть сколько-нибудь скучно, когда я долго не вижу того или другого изъ нихъ? Нѣтъ, никогда, такъ что, можно полагать, у меня нѣтъ ни малѣйшей искры привязанности ни къ кому...

— Да есть же, есть, успокойся, отвѣчала я, бросая, наконецъ, свою работу. — Поѣдешь ты, однако, къ Лѣнинымъ или не поѣдешь? Если поѣдешь, такъ я иду одѣваться.

Онъ проворчалъ, что «да, вотъ всегда такимъ образомъ» я отдѣлываюсь отъ него, когда онъ заговоритъ серьезно; однако, посмотрѣвъ на часы и замолчалъ на нѣкоторое время, очень не на долго. На улицѣ онъ придрался къ тому, что у меня голая шея, и началъ было распространяться о драгоцѣнности здоровья, но я на него крикнула. Тогда онъ привязался къ кучеру по поводу того, что экипажъ не былъ вымытъ и битыхъ четверть часа донималъ его рѣчью о томъ, что всякое дѣло дѣлается легко, когда оно исполняется въ свое заведенное время... Я искусила себѣ всѣ губы, стараясь не расхохотаться.

II.

Однакоже, у Лѣниныхъ мы совсѣмъ не нашли того шума и движенія, въ которыя, по словамъ Димитрія Васильевича, мнѣ необходимо слѣдовало окунуться, чтобы получить исцѣленіе. Правда, народу было достаточно. Петровъ съ женою, Ивановъ и его сестра, какой-то офицеръ съ неразборчивою фамиліею, похожею на Тра-та-ти, какой-то «начинающій писатель», котораго я назыву «скажете», потому что почти каждую изъ своихъ фразъ, за весьма рѣдкими исключеніями, онъ начиналъ: «но скажете», «а скажете» или просто «скажете». Была почтенная дама изъ провинціи съ двумя дочерями и однимъ большимъ сыномъ, были Аня и Маня, «подруги» Лѣнковой, былъ мрачный родственникъ Лѣниной, по обыкновенію, молча ходившій изъ комнаты въ комнату, молча жившій, молча ѣвшій, ни на кого не смотрѣвшій и, какъ мнѣ кажется, ничего не слушавшій. Потомъ пришли Карповъ и Сидоровъ или Лукинъ и Пантелѣевъ, право, я не умѣю еще твердо различать всѣхъ этихъ господъ другъ отъ друга... Однимъ словомъ, люда набралось даже слишкомъ много, но, потому-ли что на дворѣ сѣялъ мелкій октябрьскій дождь или потому что не доставало Кашина, умѣющаго наполнять звукомъ своего смѣха и голоса самыя обширныя комнаты, было тихо, очень тихо. Всѣ какъ-то сторонились другъ отъ друга и лѣзли въ разныя стороны; Петровъ бесѣдовалъ съ Ивановымъ, Карповъ съ Сидоровымъ, Аня перешептывалась съ Манею, Лѣниная видимо усиливалась поддерживать разговоръ съ почтенною дамою изъ провинціи, и всѣ эти отдѣльныя бесѣды были очевидно до крайности насильственны, потому что когда Лѣневъ спросилъ меня: «какъ вы поживаете, Варвара Сергѣевна?» взоры всѣхъ присутствующихъ моментально обратились на меня и, видимо, всемъ было ужасно интересно слышать, какъ, въ самомъ дѣлѣ, я поживаю...

Конечно, я съ благодарностью отвѣчала, что поживаю благополучно, и тогда все пошло своимъ прежнимъ порядкомъ. Лѣневъ немедленно оставилъ меня въ покоѣ; мрачный родственникъ,

остановившійся на мгновеніе, приступилъ къ продолженію своего путешествія; Петровъ заговорилъ съ Ивановымъ; Аня зашептала съ Манею; Лѣниная отыскала новый предметъ для поддержания разговора съ дамою изъ провинціи. А меня все сильнѣе и сильнѣе разбиралъ смѣхъ, привязавшійся ко мнѣ еще на улицѣ. Точно будто какой-то веселый бѣсенокъ утѣлся ко мнѣ на плечо и безъ устали смѣшилъ и дразнилъ меня, направляя мои глаза и уши именно въ ту сторону, гдѣ какъ разъ въ это мгновеніе говорилось или дѣлалось что-нибудь наиболѣе глупое и несообразное.

Случалось-ли вамъ когда-нибудь наблюдать въ вагонѣ, въ церкви или дома за человѣкомъ, который борется со сномъ, то уступая ему, то временно торжествуя побѣду, то опять изнемогая? Вотъ онъ задумывается, глубже, глубже, серьезнѣе и, наконецъ, киваетъ головой разъ, другой, третій... Затѣмъ вдругъ выпрямляется, озираясь вокругъ себя потускнѣвшими глазами и перемѣняетъ положеніе, видимо рѣшившись не поддаваться болѣе дремотѣ. Но черезъ какую-нибудь минуту онъ опять глубоко задумывается, опять голова его клонится все ниже и ниже, и когда дойдетъ до извѣстнаго предѣла, угрожающаго его равновѣсію, онъ опять вздрагиваетъ, опять выпрямляется и снова принимаетъ непоколебимое рѣшеніе бодрствовать... Именно этимъ же тяжелымъ путемъ борьбы, временнаго изнеможения и минутнаго оживленія шла и наша бесѣда. Обрывалась и снова завязывалась; схватывалась за какой-нибудь первый попавшійся предметъ и, не удержавшись за него, отчаянно бросалась къ новому предмету; начинала по временамъ подавать самыя блестящія надежды и потомъ вдругъ принималась гаснуть съ такою ужасающею быстротою, что становилось просто страшно. А между тѣмъ къ какимъ только чрезвычайнымъ усиліямъ мы не прибѣгали, чтобы не дать воцариться въ гостиную торжественному, но вмѣстѣ съ тѣмъ и позорному молчанію? Боже, Боже! Мы говорили о кружевахъ и немножко о политикѣ, о провинціальныя путяхъ сообщенія и о петербургскомъ гостининомъ дворѣ, объ умѣ животныхъ и о глупости человѣка, о русскихъ полотенцахъ и объ удовольствіяхъ заграничной жизни, о коврахъ и о сѣверномъ звѣздномъ небѣ, о тысячахъ высокихъ явленій и о цѣломъ миліардѣ маленькихъ, крошечныхъ, будничныхъ вопросовъ... Что станешь дѣлать? Иногда заговоришь о какихъ-нибудь пустякахъ и эти пустяки вдругъ начинаютъ разрастаться, разрастаться, разрастаться и, наконецъ, вырастаютъ до такой степени, что о нихъ можно съ жаромъ говорить отъ вечера до вечера и все-таки не кончить разговора, а иногда заведешь рѣчь о какомъ-нибудь великомъ вопросѣ самой, повидимому, бездонной и неисчерпаемой глубины, но онъ внезапно какъ-то съежится, отвернется и уйдетъ въ сторону.

Мужчины оказались въ этомъ случаѣ несравненно умнѣе насъ. Когда я вышла на минуту къ нимъ въ залу, моимъ глазамъ представилось отрадное зрѣлище цѣлой группы людей, не только не скучающихъ, но даже увлеченныхъ и глубоко поглощенныхъ своими мыслями. Они почти всѣ играли въ карты.

— Если бы ты зналъ, какъ я тебѣ завидую, тихо шепнула я мужу.

— Мм... сказалъ онъ, перебирая свою игру справа налево.

— Прогрываетъ ты или выигрываешь? спросила я.

— Мм... отвѣчалъ онъ опять и перебралъ карты слѣва направо.

— Ты играешь или вистуешь теперь? предложила я еще вопросъ.

— Мм... мм... повторилъ онъ въ третій разъ и озабоченно почесалъ затылокъ.

Я оставила его въ покоѣ. Мимиходомъ слышала, какъ Тра-та-ти, не принимавшій участія въ игрѣ, рассказывалъ тоже неигравшему «Скажете» о какомъ-то киверѣ, у котораго наверху «построено» углубленіе, вродѣ блюдечка, и въ мокрую погоду это блюдечко, конечно, наполняется водой... Въ гостинной быстрыми шагами приближался къ смерти разговоръ о зимнихъ рамахъ.

Наконецъ, берегъ, берегъ — ужинъ! Я несколько не хотѣла ѣсть, но мнѣ стало такъ легко, такъ хорошо при мысли, что вотъ еще одно послѣднее испытаніе и затѣмъ конецъ всему, конецъ «шуму и движенію жизни», конецъ «новымъ впечатлѣніямъ», конецъ всей этой общественной комедіи.

Мнѣ пришлось сидѣть за столомъ между мрачнымъ родственникомъ слѣва и одной изъ дочерей почтенной дамы справа. Молодая особа справа упорно смотрѣла въ противоположную сторону, поэтому я не осмѣливалась отвлекать ее вниманіе. Мрачный родственникъ, задрапировавшись въ салфетку, молча наливаль, рѣзалъ, пилъ, ѣлъ и до такой степени не обращалъ ни на что вниманія, что когда почтенная дама попросила его передать ей уксусъ, онъ молча пододвинулъ къ ней бутылку съ англійской горькой водкой. Лѣнчевъ, сидѣвшій нѣсколько наискосокъ отъ меня, сдѣлалъ двѣ-три отчаянныхъ попытки завязать хоть какой-нибудь общій разговоръ, но, потерпѣвъ рѣшительную неудачу, уткнулъ носъ въ тарелку и съ ожесточеніемъ накинута съ ножомъ и вилкой на кусокъ телятины.

— Однакоже въ вашихъ краяхъ завелись какіе-то звѣри... ѣдятъ... дикіе и кровожадные, вдругъ обратился онъ къ Петрову, видимо озабоченный свѣтлою мыслью, что еще не все потеряно и есть на свѣтѣ интересные предметы для разговора.

— А, да, да, отвѣчалъ Петровъ. Рысь... собаку съѣла...

— Кто собаку съѣла? спросила дама изъ провинціи, видимо пораженная, и даже отодвинула отъ себя тарелку.

— Рысь, отвѣчалъ Тра-та-ти.

— Рысь?! повторила она, очевидно, не понимая, что это за рысь, которая ѣсть собакъ.

Бесѣда оживлялась и оживлялась. На другомъ концѣ стола слышалась плавная, текучая и, разумѣется, наставительная рѣчь моего супруга, говорившаго съ такою спокойною увѣренностью, что, очевидно, онъ могъ бы проговорить хоть до утра, хоть сколько угодно.

— И отчего вы не пошли съ дамы, я не могу понять, говорилъ онъ. Я знаю, что вы не могли видѣть чужихъ картъ; никто изъ насъ не смотритъ въ чужія карты, но я все-таки не могу себѣ объяснить, какимъ образомъ вы могли сдѣлать подобный промахъ. Всякая игра имѣетъ свою прелесть только до тѣхъ поръ, покуда всѣ играющіе заинтересованы и, такъ сказать, увлечены ею, вотъ въ чемъ дѣло. Но какъ скоро хоть одинъ изъ играющихъ, — (потрудитесь передать мнѣ корзинку), — но какъ скоро кто-нибудь изъ играющихъ начинаетъ относиться къ ней небрежно (благодарю васъ) — она теряетъ всю свою прелесть и для остальныхъ игроковъ. Это неизбѣжно. Возьмите вы какое угодно дѣло, большое или маленькое...

— Но я попробовалъ возразить ему тотъ господинъ, Карновъ или Пантелѣевъ, къ которому онъ обращался съ своею рѣчью.

— ... вы увидите, что оно идетъ хорошо только до тѣхъ поръ, покуда всѣ участники этого дѣла относятся къ нему съ извѣстною любовью и внимательностью. Стоитъ же только...

— Но я совѣмъ и не думалъ, снова попробовалъ прервать его Карновъ или Пантелѣевъ, нѣсколько возвысивъ голосъ.

— ... стоитъ же только хоть одному изъ нихъ охладѣть и спустить рукава, съ суровою настойчивостью продолжалъ Димитрій Васильевичъ тоже начиная говорить громче, — тогда все конечно: примѣръ заразителенъ...

Я постаралась отвести свое вниманіе опять къ нашему концу стола и къ рыси, но оказалось, что рысь уже сошла со сцены. Говорилось о какомъ-то дяконѣ, съѣденномъ волками... И я не знаю, жалко-ли мнѣ стало этого дякона, жалко-ли мнѣ этихъ голодныхъ волковъ, или на меня не хорошо подействовала представившаяся мнѣ картина далекой провинціи, уже одѣтой бѣлоснѣжнымъ зимнимъ покровомъ, но только мнѣ стало скучно и съ каждою минутою эта скука росла, росла, росла...

Когда на возвратномъ пути домой, Димитрій Васильевичъ, все еще одержимый своимъ духомъ проповѣди, наставительно замѣтилъ мнѣ, что «ну, вотъ, все-таки новыя лица и вѣяніе жизни», — я коротко отвѣтила ему, что всѣ мы, сколько насъ ни было у Лѣнчевыхъ, должно быть, страшные дураки. Онъ, понятно, обидѣлся и немедленно принялся вразумлять меня. А я смотрѣла по сторонамъ, на темныя линіи улицъ, на запоздавшихъ пѣшиходовъ, на огоньки, изрѣдка свѣтившіеся то тамъ, то сямъ въ огромныхъ заснувшихъ домахъ, на мрачныя воды каналовъ съ отражавшимся въ нихъ свѣтомъ фонарей, — и мысль моя бродила отъ предмета къ предмету, отъ одной картины къ другой, изъ края въ край, какъ заблудившаяся душа, не находящая нигдѣ пристанища.

III.

Дѣйствительно, все дѣло жизни заключается, должно полагать, въ томъ, чтобы найти себѣ пристанище. Какое оно тамъ будетъ это пристанище, — тихое или бурное, скромное или пышное, временное или по гробъ жизни, — все равно, лишь бы только оно было подъ рукой во всякую данную минуту. Къ сожалѣнію, и въ этомъ отношеніи, какъ во всѣхъ другихъ, судьба далеко не одинаково благосклонна къ людямъ. Одни — и это, говорятъ, самые умные — чуть не сразу попадаютъ на свой настоящій шестокъ, такъ что въ дальнѣйшей жизни имъ остается только собирать плоды и ничего больше. Другіе, — не столько умные, сколько счастливые, — иногда и во всю свою жизнь не находятъ своего истиннаго мѣста, но за то одарены драгоцѣннѣйшею способностью чувствовать себя вездѣ одинаково хорошо и поэтому ни на одну минуту не остаются безъ пристанища. Наконецъ, третьи, не умные и не счастливые, — вродѣ меня, вѣчно ищутъ себѣ это пристанище, но нигдѣ его не находятъ, постоянно стучатся во всѣ двери, но ни одна изъ нихъ не отверзается передъ ними. Это именно тѣ самые люди, которыхъ принято называть безпутными и, какъ мнѣ кажется, совершенно по-дѣломъ...

Въ самомъ дѣлѣ, въ какія только двери я не пробовала стучаться и гдѣ только я не искала моего пристанища? Когда мой дядя остался со-вѣмъ одинокимъ и поэтому довольно жалкимъ старикомъ, я задумала сдѣлаться хорошей хозяйкой, чтобы окружить его всѣмъ тѣмъ комфортомъ, къ которому онъ привыкъ. Боже, съ какимъ рвеніемъ я принялась за это дѣло! Я проникла въ самую глубину всѣхъ домоводственныхъ тайнъ, ревностно изучила массу книгъ, посвященныхъ хозяйству, тѣсно сблизилась съ двумя или тремя лучшими хозяйками нашего городка, конала, сажала, пересаживала, солила, варила, мариновала, сдѣлала нѣсколько удачныхъ открытій, проявила всѣ признаки таланта и кончила наконецъ тѣмъ, что все это стало мнѣ до омерзѣнія противно. Дядя покатывался — хохоталъ надъ моимъ приключеніемъ, а я плакала самыми горькими слезами...

Потомъ я рѣшила посвятить себя на служеніе музыкѣ. По всѣмъ отзывамъ, способности къ ней у меня были, не доставало только техники и изученія. Прекрасно; если все зависитъ единственно отъ настойчивости, то за нею дѣло, разумѣется, не остановится. Я на цѣлый годъ всецѣло переселилась въ міръ музыки; цѣлый годъ, отъ ранняго утра до поздней ночи я наполняла квартиру и ея окрестности звуками рояля, доведя, вѣроятно, не одного сосѣда до меланхолическихъ домысленій о самоубійствѣ. Успѣхи мои были очень значительны; дальнѣйшіе плоды моихъ трудовъ обѣщали быть рѣшительно блистательными, но, увы, одушевлявшая меня любовь къ дѣлу вдругъ начала гаснуть, гаснуть, покуда, наконецъ, я не очутилась въ совершенномъ мракѣ отчаянія, разочарованія и презрѣнія къ самой себѣ. Мною овладѣла такая тоска, что на этотъ разъ дядя не только не смѣялся надъ моимъ увлеченіемъ, но даже заскучалъ самъ.

Далѣе слѣдуетъ исторія моей любви. Очень можетъ быть, что если бы судьба столкнула меня съ Димитріемъ Васильевичемъ немного раньше или немного позже, то ему ни въ какомъ случаѣ не пришлось бы вполнѣтвѣн раздѣлять всѣ превратности своей жизни съ такою безпутною особю, какъ я, потому что я не обратила бы на него никакого вниманія. Раньше, — какъ уже сказано, мнѣ не было дѣла ни до чего кромѣ музыки, позже — я, по всей вѣроятности, успѣла бы увлечься какою-нибудь новою фантазіею вродѣ изученія санскритскаго языка или астрономіи; но, на грѣхъ, Димитрія Васильевича угораздило предстать передо мною какъ разъ въ то самое время, когда я обрѣталась рѣшительно безъ всякаго нравственнаго пристанища. Сначала я услышала всеобщій говоръ о Димитріѣ Васильевичѣ. Всѣ говорили въ одинъ голосъ, что вотъ онъ, настоящий представитель молодого поколѣнія, вотъ онъ, герой труда и вотъ она истинная «сила», всюду прокладывающая себѣ прямую и широкую дорогу... Всѣ соглашались, что всякая другая натура на его мѣстѣ неминуемо надломилась бы еще въ дѣтствѣ, среди той невозможной семейной обстановки, въ которой ему приходилось расти; всѣ рассказывали напереывъ другъ передъ другомъ цѣлыя эпопеи о его бѣгствѣ изъ дома отчима, о его путешествіи въ Москву, о долголѣтней борьбѣ этого одинокаго ребенка за свое существованіе и, наконецъ, о его полнѣйшій побѣдѣ надъ всѣмъ и всеми... Исторія становилась въ высшей степени интересною, и вотъ, когда я была уже достаточно подготовлена всѣми этими рассказами, явился и самъ герой ихъ, скромный, молчаливый, симпатичный... Ахъ, Димитрій, Димитрій! Во свѣтъ ли мнѣ приснилось это или и на самомъ дѣлѣ въ тебѣ была таинственная «сила», которая меня очаровала? Впрочемъ, это глупости: въ извѣстной силѣ характера, въ способности неутомимо работать и прокладывать себѣ дорогу никто не откажетъ Димитрію Васильевичу даже и теперь, и если я усмотрѣла въ этой силѣ то, чего въ ней не было, то вольно же было мнѣ забыть старинную заповѣдь «не сотвори себѣ кумира...» Онъ не Богъ и не герой, а обыкновенный смертный...

Затѣмъ еще одно увлеченіе и покуда послѣднее: моя дочка... Это крошечное созданіе ухитрилось до такой степени овладѣть всѣмъ моимъ сердцемъ и всѣми моими помысленіями, что, право, мнѣ не оставалось даже и времени, чтобы интересоваться чѣмъ бы то ни было, не имѣвшимъ отношенія къ ней. Можетъ быть, это и очень нелѣзно, но еще въ то время, когда Вѣра не говорила ровно ничего, кромѣ какихъ-нибудь «бу» или «ма», я разговаривала съ нею по цѣлымъ часамъ о матеріяхъ самыхъ возвышенныхъ, и она ничего, кажется, такъ не любила, какъ эти бесѣды. Мы читали съ нею лучшія изъ стихо-

твореній, какія только были мнѣ извѣстны, и, ей-богу, глядя на мою внимательную и сосредоточенную слушательницу, можно было подумать, что она нисколько не хуже меня понимает все то, что слышитъ. Еще недавно, въ длинныя сентябрьскія сумерки мы прогуливались съ нею по саду и строили планы за планами, мечтанія за мечтаніями относительно того отдаленнаго времени, когда мы уже совершенно серьезно выступимъ въ безграничное море жизни... Въра видимо сочувствовала моимъ фантазіямъ; но, увы, зданіе нашего будущаго оказалось выстроеннымъ на пескѣ, и не дальше какъ черезъ какія-нибудь двѣ недѣли я проводила ее въ тотъ далекій край, гдѣ не существуетъ ни очарованій, ни разочарованій, нѣтъ ни тернистыхъ дорогъ, ни обманчивыхъ пристаней, а есть одинъ только безпредѣльный покой. Моя дочка навѣки ушла отъ меня и унесла съ собою мое послѣднее пристанище.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Судъ надъ Жанною д'Аркъ.

(Рис. стр. 388—389.)

ерра—французскій художникъ, извѣстный уже не первый годъ. Помѣщенная въ настоящемъ номерѣ нашего журнала, его картина представляетъ одну изъ сценъ, позорящихъ человечество. Это торжественная минута, когда докторъ теологій, подъ предѣлательствомъ Петра Кушена, Беворискаго епископа, осудили

великую патріотку, возвратившую престолъ королю и освободившую Францію отъ англичанъ, Жанну д'Аркъ на сожженіе на кострѣ. Средніе вѣка, это время безпрестанныхъ тревогъ и броженій полудикихъ и полубразованныхъ въ одно и тоже время предковъ нынѣшнихъ цивилизованныхъ европейскихъ народовъ, переполнены цѣлыми массами самыхъ жестокихъ поступковъ тѣхъ именно людей, которые занимали самыя видныя мѣста въ общественной іерархіи. Достаточно вспомнить тяжелыя времена инквизиціи, чтобы убѣдиться въ этомъ. XV столѣтіе въ исторіи Франціи составляетъ самую печальную эпоху. Англичане сумѣли ловко воспользоваться безсиліемъ страны и завладѣли всей почти сѣверной ея частью. Не трудно было предвидѣть, что вся Франція въ скоромъ времени сдѣлается достояніемъ сыновъ норманскихъ завоевателей. Тогда-то изъ среды французскаго народа выдѣляется личность, одаренная всѣми качествами, чтобы стать во главѣ французскихъ воиновъ,—это Жанна д'Аркъ. Она одушевляетъ французовъ, разбиваетъ громадныя полчища англичанъ, выгоняетъ ихъ изъ Орлеана, возвращаетъ этотъ городъ своему народу и ей одной былъ обязанъ своимъ спасеніемъ король Карлъ VII. Въ лагерѣ англичанъ не могли понять, какимъ образомъ женщина могла свершить такой подвигъ. Не долго думая, ее обвинили въ сношеніяхъ съ нечистыми силами и когда, послѣ сраженія при Компьенѣ 24 мая 1430 года, Жанна д'Аркъ попала въ плѣнъ къ Жану люксембургскому, вассалу Филипа, князя бургонскаго,—ее за большія суммы захватили въ свои руки и передали суду англичане, обвиняя ее въ колдовствѣ. Англіійскія деньги дѣйствовали на судей и, послѣ четырех-

мѣсячнаго слѣдствія и продолжительныхъ преній героиню-женщину передали огню. 30 мая 1431 года, на одной изъ площадей Руана, Жанну д'Аркъ сожгли на кострѣ.

Ненастье.

Стихъ Кн. Дм. Голицына.

Эй! не злисъ такъ сильно,
Вьюга, надо мною;
Пусть въ лѣсу деревья
Стонуть подъ тобою.
Жизнь мою давно ужъ
Сокрушила буре;
Я бреду печально,
Голову понуря.
Непогода злится,
Вѣтеръ злобно воетъ;
Быть опять несчастью:
Сердце снова поетъ.
Разгулялась вьюга,
Вѣтви гнутся низко.
Я не ошибаюсь:
Ужъ несчастье близко.
Сердце обузла
Сильная тревога;
Ждешь и молишь тишину
Помощи отъ Бога!

Священная война.

Историческіе этюды Павла Сиромнаго.

(Продолженіе.)

III.

Вслѣдствіе широкаго распространенія на югѣ Франціи, а равно и въ другихъ странахъ, сейчасъ изложенныхъ еретическихъ заблужденій, церкви римской угрожала серьезная опасность. Нельзя отрицать того, что для устраненія зла нужно было дѣйствовать рѣшительно и энергически. Но какъ дѣйствовать? вотъ вопросъ. Если распространилась зараза, нужно снѣшить на помощь, дѣлать заболѣвшихъ, предохранять здоровыхъ? Это право власти, это ея священная обязанность. Но опять—какъ выполнить эту обязанность? какъ воспользоваться этимъ правомъ? Здравый разумъ обязываетъ прежде всего найти причины болѣзни и устранить ихъ, условія распространенія заразы и дѣйствовать противъ нихъ. Безъ этого всѣ мѣры будутъ случайны, непоследовательны и малозначительны. Гдѣ же заключались причины возникновенія и развитія еретическаго нечестія? чѣмъ обуславливалось отпаденіе отъ церкви?

Ересь развилась и распространилась вслѣдствіе того, что римская церковь оставила народъ безъ наученія, безъ проповѣди, безъ просвѣщеннаго руководства. Іерархія смотрѣла на народъ, какъ на грубую толпу, которую нужно держать въ невѣжествѣ, которой надо приказывать, а не проповѣдывать; пастыри усердно стригли овецъ, но не пѣтали ихъ. Римъ, послѣ первыхъ опытовъ своей многоплодной цивилизаторской дѣятельности, послѣ распространенія христіанства и устройства церковей между европейскими варварами, будто истомленный, замолкъ. Онъ позабылъ свою просвѣтительную задачу и принялся за новую, административную; изъ благодѣтельной для народа школы онъ превратился въ деспотическое государство. Въ этомъ государствѣ народъ предъ аристократіею духовенства не имѣлъ никакихъ правъ, главнѣйшая его обязанность—безусловное повиновеніе этому началству. А началство выработало ложное убѣжденіе, что удобнѣе управлять невѣждами, и потому—мало того, что не учило народъ—запрещало ему учиться, закрыло отъ него даже книгу, которую далъ народу Христосъ. Странное

убѣжденіе, что невѣжество охраняетъ отъ ересей и расколовъ, что оно воспитываетъ главнѣйшія добродѣтели—послушаніе и повиновеніе, принесло свои плоды. Народъ самъ раскрылъ запрещенную книгу и сталъ съ жадностью читать ее, неподготовленный и никѣмъ не руководимый онъ превратно понялъ ее и примѣшалъ къ чистому содержанію ея свои старыя мифическія представленія и туманныя фантазіи. Изъ этого и составила ересь. Кто же виноватъ въ этомъ? Конечно церковь, которая не позаботилась изгнать просвѣщеніемъ изъ сознания народа языческія, мифическія представленія, которая не учила народъ читать и понимать слово Божіе. Народъ, неудовлетворяемый официальными учителями въ своихъ законныхъ стремленіяхъ къ религіозному знанію, нашелъ другихъ учителей и пошелъ за ними. Кто виноватъ въ этомъ? Конечно официальные наставники.

Вотъ первая и главная причина возникновенія и развитія ереси. Хотите дѣлать болѣзнь,—устраните эту причину. Припомните, что церковь учрежденіе образовательное и просвѣтительное, оснуйте христіанскую школу, дайте въ руки народа Писаніе и толкуйте его. Народъ пойметъ, что его ученіе заимствовано не изъ откровенія, а изъ старыхъ языческихъ представленій. Можетъ быть, вамъ нескоро придется вполне разубѣдить народъ, придется долго ждать; но вы же сами виноваты. Въ этихъ странахъ уже десять вѣковъ основана церковь, а вы не успѣли еще познакомить народъ съ духомъ христіанства, и оставили его съ языческими понятіями.

Еретики отдѣлились отъ церкви, потому что они приняли свѣтскій, государственный характеръ, потому что они недовольны были жизнью духовенства. Церковь борется съ императорами и королями за власть, она покоряетъ себѣ народы и облагаетъ ихъ податями и налогами. Власть духовныя судить не по закону, а по своимъ капризамъ, они гремятъ проклятіями противъ грѣшниковъ и за деньги прощаютъ грѣхи и обѣщаютъ вѣчное блаженство. Они порицаютъ роскошь женскихъ нарядовъ, а сами перещеголяли самыхъ богатыхъ и расточительныхъ гражданъ; обстановка жизни духовныхъ лицъ такова, что даже во снѣ не спится зажиточному горожанину. Красныя и бѣлыя наряды духовныхъ отличаются изысканностію, которой позавидуетъ любая франтиха. Ихъ помѣстья приносятъ имъ мѣшки стерлинговъ и солидовъ. На ихъ конюшняхъ стояли тысячныя лошади, лучшія всей знати. Буржуа прекрасно умѣли прожить сутки на два солида, а священники растрчивали громадныя суммы за поконъ съ раскрашенными плафонами, за старый ячменный хлѣбъ, который такъ любили въ то время, за рѣдкаго лосося, за изысканное кушанье въ родѣ соуса съ индѣйскимъ перцемъ и шафраномъ. Духовные не стѣснялись ежегодно перваго мая дарить своимъ возлюбленнымъ кольца, ожерелья, драгоценныя запястья. Еретики порицали роскошную жизнь духовныхъ, развратъ, нерадѣніе въ исполненіи обязанностей, высокомеріе и деспотизмъ. Въ народѣ духовные имѣли такъ мало уваженія, что ихъ считали хуже жидовъ. Въмѣсто того, чтобы сказать: лучше я буду жидомъ, чѣмъ сдѣлаю это, говорили: лучше я буду жидомъ. Кто виноватъ въ этомъ? Само же духовенство. Не ненависть къ церковному ученію побуждала еретиковъ порицать іерархію, а дѣйствительно дурная жизнь служителей церкви оттолкнула ихъ отъ церкви. Не провансальскіе еретики рисуютъ мрачными красками жизнь духовенства, а и другіе, болѣе почтенные, источники. Возьмите свѣтилъ церкви въ родѣ св. Бернарда, читайте постановленія соборовъ, пересмотрите письма Иннокентія III и для васъ будетъ ясно, какъ тяжело было жить въ лонѣ этой официальной церкви, какъ несносно было

подчиняться этой священной администраціи. Между усердными католиками и послушными сынами церкви было распространено убѣжденіе, что некому совершать евхаристію и нѣтъ достойныхъ для этого лицъ. Монахи, безъ всякаго правила, оставляли монастыри и, одѣтые по послѣдней модѣ, щеголяли въ мірѣ; монахины бродили по площадямъ и вмѣстѣ съ мужчинами посѣщали публичныя бани. Священники открыто жили съ любовницами и тотъ, у котораго была только одна, считался цѣломудреннымъ. Одинъ, современный, описываемой эпохѣ, епископъ, человѣкъ вполнѣ правотѣрный, такъ характеризуетъ лицъ духовныхъ: «Грабители, а не пастыри, новые Пилаты, а не прелаты; они не только пускаютъ волковъ въ стадо, но даже сами дружатся съ ними. Имъ надо сказать, вмѣстѣ съ апостолами: «врачъ, испѣли самъ себя; заповѣдую не красть, ты крадешь; говоря: не прелюбоудѣйствуй, ты самъ прелюбоудѣйствуешь. Невѣста Христова—церковь Божія отдана на поношеніе и любодѣйство тѣми, кои призваны охранять ее... У нихъ ночь въ домѣ разврата, а утро въ алтарѣ; ночью они касаются публичной женщины, а утромъ сына дѣвы Маріи». Но лучший источникъ для характеристики церковныхъ сановниковъ—рѣчи и письма папы Иннокентія III: ужъ его, конечно, нельзя заподозрить въ ненависти къ церкви и православію. Изъ этого почтеннаго источника мы узнаемъ, что священники дѣлались торгашами, лихоимцами, дѣлали фальшивую монету, разбойничали, святотатствовали... Фактовъ этого рода достаточно количество. А вотъ фактъ рѣдкій, но тѣмъ не менѣе весьма поучительный: «Одинъ епископъ нарбонскій, у котораго, по словамъ Иннокентія, Богомъ были деньги, подражалъ на войну съ разбойничьей шайкою».

Еретики говорили то же самое, что говорили почтеннѣйшіе изъ епископовъ и лучшій изъ папъ. Слѣдовательно, еретики ратовали противъ дѣйствительнаго зла, говорили сущую правду. Это должны были сознавать папа и высшіе церковные сановники. Для уничтоженія ереси нужно было удовлетворить законнымъ требованіямъ еретиковъ. Честному и желающему блага церкви правителю оставалось, въ виду еретическихъ справедливыхъ протестовъ, взвѣсить нужды церкви, исправить недостатки и заняться необходимыми реформами. Если еретики говорили правду, какъ можно было обвинять и наказывать ихъ за то, что эта правда для многихъ была непереносима? Найдена болѣзнь, надо лѣчить ее, а не наказывать того, кто сказалъ о ней.

Но эти разсужденія слишкомъ теоретичны, они оказываются приложимыми только къ идеальному правителю-мудрецу, а не къ обыкновеннымъ смертнымъ. Если еретики неповинны во лжи, то ихъ можно наказывать правды ради; такъ какъ правда имъ вещь слишкомъ непереносимая. Протесты снизу, хотя бы они были совершенно справедливы по своему содержанію, обыкновенно принимаются, какъ оскорбленіе, нарушеніе дисциплины, бунтъ. Учитель дѣлаетъ выговоръ ученику, если тотъ дурно учится. Это естественно. Но чтобы сказали, еслибы ученикъ сдѣлалъ выговоръ учителю за то, что тотъ дурно учитъ? Официальныя учителя-прелаты считали обличенія еретиковъ нечестіемъ и возмущеніемъ. Такого же взгляда на это дѣло держался и архіепископъ, святѣйшій папа Иннокентій III. Геніальный политикъ, лучшій изъ папъ, блестящій представитель среднихъ вѣковъ, по отношенію къ протестующимъ, противъ недостойной іерархіи и превратныхъ римскихъ порядковъ, провансальцамъ не явился идеальнымъ правителемъ-мудрецомъ и безпристрастнымъ мыслителемъ. Вмѣсто того чтобы приступить къ широкимъ реформамъ и къ устраненію вопіющихъ недостатковъ, онъ направлялъ свои, дѣйствительно громадныя силы, къ

сохраненію стараго порядка. Нужно было исправить іерархію, а онъ думалъ заставить молчать ея порицателей. Протесты еретиковъ побуждали Иннокентія, на зло имъ, сохранить старое и по-силнѣе затянуть удила. «Народъ ропщетъ на тягости», доносили царю еврейскому. «Скажите народу, что отецъ мой билъ его бичами, а я буду наказывать скорпіонами». Такъ отвѣчалъ царь еврейскій на запросъ со стороны народа; такъ отвѣчали въ подобныхъ же случаяхъ и другіе власти; изъ этого числа нельзя исключать и папу Иннокентія III. Онъ оказался неискустнымъ и слабымъ въ проведеніи цѣлесообразныхъ и благоудѣльных реформъ, но былъ достаточно силенъ и искусенъ, чтобы заглушить протесты и измыслить репрессаліи. Дѣло понятное: задавить легче, чѣмъ убѣдить. Противъ еретиковъ раздались громы изъ Рима и сильная рука бросила тысячи воиновъ въ Лангедокъ. Подъ развалинами замковъ и цѣлыхъ городовъ, въ крови провансальцевъ погибла ересь—или, лучше, ересь осталась,—погибли тысячи людей изъ трудолюбиваго и дѣятельнаго населенія, и въ томъ числѣ множество людей, неповинныхъ ни въ какой ереси. Словомъ, православіе восторжествовало. Печальное торжество! Оно послужило проклятіемъ для Рима и легло чернымъ пятномъ на личности знаменитаго папы.

Чтобы быть справедливыми, мы должны оговориться и замѣтить, что папа не сразу прибѣгъ къ жестокимъ мѣрамъ. Въ немъ было смутное сознаніе, что истина воспитывается наученіемъ и убѣжденіемъ, а не огнемъ и мечемъ, и онъ, надо отдать ему справедливость, въ первый періодъ своей борьбы съ еретиками, хотѣлъ дѣйствовать мѣрами кротости, проповѣдью и убѣжденіемъ. Съ этою цѣлю онъ писалъ посланія провансальскимъ епископамъ и побуждалъ ихъ проповѣдывать, вступать въ диспуты съ еретиками, воссоединять ихъ съ церковью. Для этой же цѣли онъ посылалъ на югъ специальныхъ легатовъ. Но, къ сожалѣнію, видѣлъ, что еретики остаются упорными въ своемъ нечестіи. Откуда это упорство? Допустить-ли, вмѣстѣ съ католиками, что дьяволъ окаменилъ сердца нечестивцевъ и сдѣлалъ ихъ вообще неспособными слышать истину и принимать ее? Власть духовная и усердные католики способны утверждать, что мѣры кротости и убѣжденія неприложимы къ еретикамъ вообще и къ альбигойцамъ въ частности. Но это увѣреніе опровергается историческими фактами. Прежде папы Иннокентія III въ Лангедокѣ дѣйствовалъ св. Бернардъ Клервосскій, дѣйствовалъ словомъ, личнымъ примѣромъ и силою убѣжденія. И дѣятельность его была многоплодна: множество еретиковъ оставили нечестіе и обратились къ церкви, какъ покорные сыны ея. Вотъ примѣръ, способный убѣдить, что на альбигойцевъ можно было дѣйствовать проповѣдью. Св. Бернардъ не велъ за собою крестоносной рати; онъ шелъ во всеоружіи богословскаго знанія, съ краснорѣчивымъ словомъ, вытекавшимъ изъ благочестиваго сердца; за святымъ не было рати, но онъ имѣлъ непреодолимое убѣжденіе въ святости своей миссіи, у него была апостольская ревность о благѣ ближнихъ, наконецъ, его проповѣдь подкрѣплялась примѣромъ его жизни—безупречной и святой. Вотъ условія успѣха миссіи св. Бернарда. Епископы и папскіе легаты не имѣли успѣха, потому что не имѣли этихъ качествъ. Они не могли научить и воспитать убѣжденія, потому что сами страдали недостаткомъ глубокаго и искренняго убѣжденія. Сановники церкви, какъ и всѣе другіе сановники, не годились въ дѣатели, когда требовалось повліять на состояніе человѣка. Притомъ же, нужно замѣтить, и въ научномъ отношеніи сановники церкви не имѣли рѣшительнаго перевѣса надъ еретиками; намъ извѣстно, что на мно-

гихъ диспутахъ еретики не безъ успѣха защищали свое ученіе и критиковали систему католическаго богословія. Странное дѣло: еретики успѣли образовывать ученыхъ наставниковъ и проповѣдниковъ, и церковь, не смотря на свое богатство и господство, не много имѣла таковыхъ между высшими сановниками! Папскіе легаты и епископы не имѣли ни рвенія, ни искусства въ проповѣди, да и самый внѣшній видъ ихъ дѣятельности мало располагалъ еретиковъ въ ихъ пользу. Проповѣдники явились въ Лангедокъ на богатыхъ колесницахъ, въ роскошныхъ одеждахъ, съ толпою слугъ. Это-ли наслѣдники галилейскихъ рыбаковъ? спрашивали неумѣвавшіе еретики. Этимъ проповѣдникамъ невозможно было пріобрѣсти на народъ такое же вліяніе, какое имѣли учителя еретиковъ, люди строгіе по жизни, аскеты, исполнявшіе въ точности обѣты нестяжательности и бѣдности. Даже сами католики сознавали, что такого рода миссія противъ еретиковъ обречена на безплодность. Діега, епископъ осмійскій, проѣзжая чрезъ Лангедокъ изъ Рима, видѣлъ, какъ легаты и епископы ведутъ дѣло миссіи, и умолялъ ихъ вести дѣло иначе; онъ совѣтовалъ бросить колесницы и оставить слугъ, а въ бѣдной одеждѣ, по примѣру апостоловъ, идти на проповѣдь. Прелаты не послѣдовали столь эксцентрическому совѣту, а между тѣмъ исполненіе его принесло бы не мало пользы дѣлу православія. Св. Доминикъ, съ босыми ногами, въ бѣдномъ одѣяніи, пошелъ въ глубь страны и сдѣлалъ не мало обращеній. Но, вѣрно, апостольскій духъ угасъ между церковными сановниками: помощниковъ св. Доминику находилось очень мало. Что могъ сдѣлать одинъ Доминикъ, когда въ Провансѣ и Лангедокѣ между еретиками находилось нѣсколько Доминиковъ и Бернардовъ? Какое значеніе могла имѣть его проповѣдь, когда еретики видѣли, что безпорядковъ, противъ которыхъ они ратовали, высшая власть не думаетъ устранять. Неудачи, постигшія внутреннюю миссію противъ еретиковъ, наглядно показывали безсиліе церкви, недостатокъ людей и ложность вѣсѣхъ ея порядковъ.

Но что же дѣлать папѣ? допустить распространеніе ереси? видѣть еще большія отпаденія?.. Если чего не могъ допустить всемогущій папа, такъ именно этого. Крестоносныя рати воюютъ магометанъ, подъ властью святого отца схизматическая Византія съ Константинополемъ. Заботы церкви простираются на покореніе и обращеніе невольныхъ—и допустить отпаденіе отъ вѣры и церкви странъ древнехристіанскихъ! Развѣ это возможно. Папа не имѣлъ силы произвести настоятельныя и необходимыя реформы, не умѣлъ дѣйствовать на еретиковъ силою убѣжденія, не находилъ людей способныхъ; но онъ владѣлъ политической силою; въ рукахъ его былъ свѣтскій мечъ. Этими средствами онъ рѣшился дѣйствовать для распространенія благочестія и спасенія душъ. Онъ поднялъ противъ еретиковъ священную войну. Сейчасъ увидимъ, насколько этотъ эпитетъ приложимъ къ альбигойской войнѣ; для чего была ведена война—для истребленія людей или для спасенія душъ—откроется изъ краткаго описанія войны.

Но прежде чѣмъ перейдемъ къ описанію фактовъ крестоносной войны, считаемъ нужнымъ опредѣлить взглядъ папы на еретиковъ и изложить выработанную имъ программу дѣйствій противъ нихъ. Взгляды папы ни въ какомъ случаѣ нельзя признать безпристрастными, а мѣры гуманными.

Въ описаніи еретиковъ папа неостоимъ, глубокое знаніе писанія даетъ ему возможность говорить о нихъ постоянно библейскимъ языкомъ, что, повидимому, усиливаетъ авторитетъ его рѣчи. Еретики для него змѣи и скорпіоны, они отравляютъ воздухъ своимъ ядовитымъ дыханіемъ, они

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.
РИСУНОКЪ П. СОКОЛОВА.

Морозовъ, одѣтый шутомъ.
Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской полициѣ».

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА ЛЮДЖИ САБАТЕЛЛИ.

Чума во Флоренции. 1348 г.

подмѣшиваютъ ядъ къ спасительному напитку, они — волки, вторгшіеся въ стадо Христово, ли-ицы, разоряющія вертоградъ Господень, они несравненно хуже жидовъ и сарациновъ etc., etc... Изъ буллъ и писемъ папы можно набрать цѣлыя листы такихъ «жалкихъ словъ». Но интересны не сами жалкія слова, а выводъ, который дѣлаетъ святой отецъ изъ случайно взятыхъ словъ писанія. Выводы эти полны софизмовъ; все, повидимому, основывается на словахъ писанія, а, въ сущности, все противорѣчитъ духу Христову. Еретикъ волкъ, змѣя, тати; и поступайте съ нимъ, какъ съ волками, змѣями и разбойниками. Таковы примѣры софизмовъ Иннокентія. Папа забываетъ, что *erga humanum est*; для него заблужденіе требуетъ не вразумленія, а наказанія; заблужденіе не теоретическій порокъ, недостатокъ познанія, а нравственная порча, злона-мѣренное искаженіе извѣстной человѣку истины. Еретикъ, по его мнѣнію, люди порочные и нечестивые; злодѣи, неспособные къ исправленію. Они достойны самаго высшаго наказанія. Если за лишеніе временной и печальной жизни наказываютъ смертію, то какому же наказанію должно подвергнуть того, кто лишаетъ вѣчной и блаженной жизни! Если за оскорбленіе величества наказываютъ лишеніемъ имущества и смертію, то сколь великое наказаніе должно постигнуть того, кто оскорбляетъ Господа! Изъ такихъ завѣдомо софистическихъ положеній дѣлается выводъ, что противъ еретиковъ каждому дозволено все.

Въ частности Иннокентіемъ выработаны слѣдующія мѣропріятія противъ еретиковъ. Жилище еретика объявляется внѣ закона, личность беззащитна, имущество конфискуется и изъ него одна часть выдается доносчику, другая судѣ, третья городу, гдѣ захваченъ еретикъ. Даже дѣти еретика отвѣтственны за грѣхъ родителя: они лишаются законнаго наслѣдства. Процессъ противъ еретика чрезвычайно простъ: еретика нужно захватить и представить для наказанія. Кто знаетъ еретика, обязывается объявить о немъ и препроводить его въ руки властей. За это онъ получаетъ награду: какъ вѣрный сынъ церкви, прощеніе грѣховъ; какъ слуга государства, репутацію благонамѣреннаго; кромѣ того, доносчикъ за свой подвигъ награждается изъ имущества обвиняемаго. Такимъ образомъ, всѣ выгоды побуждаютъ къ доносамъ, къ нанесенію вреда ближнему. Обвиняемому въ ереси нѣтъ никакой возможности оправдаться, хотя бы обвиненіе было незаконно: обвинителю выгодно поддерживать обвиненіе, а судѣ присудить къ наказанію. Кромѣ этого, замѣтите, что еретикъ лишается права апеллировать къ высшей власти и опротестовать рѣшеніе судьи, онъ лишается права имѣть адвоката. Хотя бы и оставили всѣ эти права за еретиками, при подозрительности властей и при общемъ страхѣ, ими трудно было воспользоваться въ свое оправданіе. Мѣры таковы, что вслѣдствіе ихъ множество невинныхъ должны погибнуть вмѣстѣ съ виновными; вмѣстѣ съ еретиками и многіе усердные католики, особенно тѣ, у кого доброе и сострадательное сердце. Кто, зная еретика, не представитъ его власти или не объявитъ о немъ, тотъ его соучастникъ; кто пріютитъ у себя еретика, подлежитъ наказанію вмѣстѣ съ нимъ. Всякое дѣло справедливости и милосердія по отношенію къ еретикамъ наказывается, какъ преступленіе: докторъ не долженъ давать больному еретикъ врачебной помощи; священнику запрещено хоронить еретика по христіанскому обряду; судья, нотаріусъ, адвокатъ лишаются своихъ должностей, если выкажутъ участіе въ пользу еретиковъ.

Думаемъ, не смотря на краткость нашего изложенія, понятенъ планъ, начертанный рукою первосвященника; при послѣдовательномъ про-

веденіи его нѣтъ возможности спастись еретику и должны пострадать многіе правовѣрные. Вызваны-ли столь жестокія мѣры настоятельною необходимостью? Нѣтъ, онѣ вызваны нежеланіемъ произвести необходимыя реформы и неспособностію высшихъ сановниковъ дѣйствовать другими болѣе приложимыми къ дѣлу и дозволенными мѣрами. Не будемъ разсуждать, дозволи-тельны-ли такія мѣры вообще противъ еретиковъ, и спросимъ, справедливы-ли они по отношенію къ провансальцамъ? Мы видѣли, что альбигойцы были люди добродѣтельные и хорошіе подданные; они имѣли грубые догматическія заблужденія, но были безупречны въ нравственномъ отношеніи и никому не вредили. Кто же далъ право теоретическую ошибку считать преступленіемъ противъ государства и общества? Если бы вышеизложенныя мѣры прилагались къ вредной для общества шайкѣ, онѣ были бы понятны, хотя и не совсѣмъ справедливы; но, замѣтите, онѣ прилагаются къ цѣлой странѣ. Если папа опасался, что изъ этой страны зараза перейдетъ въ другія, онъ имѣлъ право и силу оградить ее самыми тѣсными карантинными; но онъ порѣшилъ съечь всю страну съ жителями и явился, такимъ образомъ, не врачомъ, а грандіознымъ злодѣемъ. Вся провансальская страна по поводу ереси предана была мечу и огню... Непростительно было намѣстнику Христа забыть притчу Христа о плевелахъ!

(Окончаніе слѣдуетъ.)

(Продолженіе.)

На слѣдующее утро, хозяинъ меблированныхъ комнатъ, гдѣ жилъ Гударъ, съ удивленіемъ приводилъ къ нему почтальона съ денежнымъ пакетомъ. Можно себѣ представить радость молодого человѣка, когда, распечатавъ конвертъ, онъ нашелъ въ немъ банковый билетъ въ пятьсотъ франковъ и слѣдующую лаконическую записку:

«Одѣнься прилично и приходи вечеромъ.—Иза».

Гударъ едва не сошелъ съ ума отъ счастья; онъ никогда не имѣлъ въ рукахъ такой большой суммы. Наконецъ-то, онъ могъ осуществить свои мечты, одѣться прилично и вступить въ борьбу съ обществомъ, которое не допускало его въ свою среду.

Андре Гударъ получилъ воспитаніе у іезуитовъ и, выйдя изъ школы красивымъ, скромнымъ, но лѣнивымъ юношей, поступилъ по рекомендаціи своихъ наставниковъ въ торговый домъ, но тутъ вдали отъ строгаго надзора достопочтенныхъ отцевъ повелъ жизнь самую разгульную и его вскорѣ прогнали изъ конторы. Потомъ онъ шатался съ мѣста на мѣсто, вездѣ пользуясь самой дурной репутаціей. Страстно любя удовольствія, онъ посѣщалъ всевозможные публичные балы, игорные дома и другіе притоны разврата, причемъ, пользуясь своею красотой, онъ безстыдно эксплуатировалъ любовь женщинъ.

Когда онъ случайно встрѣтилъ Изу, то эта жизнь уже утомила его и онъ рѣшился разомъ покончить съ нею. Онъ хотѣлъ, во что бы ни стало, выйти изъ своего унижительнаго положенія и всюду искалъ случая однимъ ударомъ, какъ бы онъ рискованъ ни былъ, добиться богатства и положенія въ свѣтѣ. Долго этотъ случай не представлялся и Гударъ съ яростной злобой постоянно повторялъ себѣ:

— Надо что-нибудь сдѣлать! по что?

Наконецъ, онъ встрѣтилъ Изу и мы уже знаемъ, къ чему привело это странное знакомство.

Получивъ деньги, Гударъ тотчасъ отправился въ магазинъ готоваго платья, одѣлся съ головы до ногъ и нанялъ себѣ приличную комнату въ кварталѣ Марэ. Черезъ недѣлю никто его не могъ бы узнать, такъ онъ преобразился.

Пятьсотъ франковъ были только задаткомъ; впродолженіи двухъ недѣль, онъ каждый вечеръ отправлялся къ Изѣ, но что онъ тамъ дѣлалъ, осталось тайною. Только послѣ этихъ посѣщеній онъ возвращался въ кофейню улицы Тампля съ полными карманами и садился играть въ карты съ сосѣдними торговцами. Здѣсь онъ впервые познакомился съ Тюссо, который, видя, какъ этотъ прилично одѣтый молодой человѣкъ беззаботно бросалъ деньги, вскорѣ сблизился съ нимъ.

Дальнѣйшую исторію Гудара нечего разсказывать; читателямъ уже извѣстно, что онъ мало-по-малу сдѣлался другомъ дома у добродушнаго бронзовщика, давалъ ему займы деньги для приведенія въ порядокъ разстроенныхъ дѣлъ фирмы, спасъ его отъ банкротства цѣною безчестія жены, которая, однако, поддалась только самому грубому насилию и, наконецъ, послѣ многихъ лѣтъ позорной связи съ женою стала мужемъ дочери Тюссо, возбудившей его животную страсть своей юной невинной красотой. Мы уже видѣли, при какихъ странныхъ обстоятельствахъ состоялась эта свадьба и какое ненормальное положеніе установилось между молодыми послѣ свадьбы.

Время ничего не измѣнило въ ихъ жизни. Сесиль видѣла мужа иногда по утрамъ. Каждый вечеръ онъ уходилъ и возвращался поздно ночью, но Сесиль было все равно, гдѣ ея мужъ проводилъ вечера.

Гударъ часто бывалъ у Изы, но тамъ онъ уже не былъ прежнимъ пламеннымъ и смѣлымъ влюбленнымъ, напротивъ, онъ былъ скромнѣе и застѣнчивѣе. Время любовныхъ похощеній прошло; онъ былъ не любовникъ, а другъ Изы. Она не церемонилась съ нимъ, даже передъ своими служанками. Любовь къ Изѣ совершенно исчезла въ немъ; она же спокойно говорила съ нимъ объ его любовникахъ, а теперь у его молодой жены, съ которой она очень желала познакомиться.

Однажды, вечеромъ, Гударъ былъ болѣе обыкновеннаго выведенъ изъ себя разспросами Изы объ его счастливой жизни съ женою. Это нелѣпое положеніе мужа, въ сущности, не бывшего мужемъ, становилось ему невыносимымъ. Съ мыслию, что Сесиль прежде принадлежала другому, онъ уже примирился, утѣшая себя тѣмъ, что это случилось до ихъ свадьбы, когда она была еще свободна и, слѣдовательно, не она его обманула, но онъ самъ себя обманулъ. Что же касается интереснаго положенія Сесиль, увеличившаго только ея красоту, то оно нисколько его не отталкивало, а, напротивъ, еще болѣе возбуждало въ немъ животную страсть.

Возвратясь въ этотъ вечеръ домой, онъ былъ очень раздраженъ. Сесиль уже раздѣлась и сидѣла въ едва застегнутомъ пеньюарѣ, въ маленькой гостиной, находившейся рядомъ съ ея спальней. Услыхавъ, что дверь неожиданно отворилась, она съ удивленіемъ подняла голову и, увидавъ Гудара, вскрикнула и хотѣла убѣжать въ спальню. Но онъ удержалъ ее.

— Не уходи, сказалъ онъ нѣжно. — Мнѣ надо съ тобою поговорить.

— Я сейчасъ приду.

— Нѣтъ, останься.

Она повиновалась и, поспѣшно застегнувъ свой пеньюаръ, спросила:

— Что вамъ нужно?

— Сядь.

Она сѣла и пристально посмотрѣла на Гудара.

— Милая Сесиль, продолжалъ онъ, — я хочу имѣть съ тобою серьезное объясненіе.

— Я васъ слушаю.

— Да, но, пожалуйста, не перебивай. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ мы женаты и я, кажется, ни разу къ тебѣ не приставалъ. Но люди женятся не на одинъ день, а на всю жизнь, а потому намъ надо съ тобою объяснить разъ навсегда. Прошедшее прошло и если ты имѣла любовника, то ты тогда была свободна; ты вскорѣ будешь матерью и я принимаю на себя роль отца безъ всякихъ укоровъ и упрековъ. Я женился не на молодой дѣвушкѣ, а на молодой вдовѣ, вотъ и все. Выяснивъ этотъ вопросъ, я спрашиваю тебя, неужели мы всю жизнь будемъ жить отдѣльно?

— Вы объ этомъ хотѣли со мною говорить?

— Да, и ты видишь, какъ я съ тобою деликатенъ, сказалъ Гударъ, удивленный страннымъ тономъ Сесиль.

— Вы ошибаетесь, я не ваша жена; судьба принудила меня жить съ вами подъ однимъ кровомъ, но я никогда не буду вамъ принадлежать. Вы хотѣли занять мѣсто уже занятое, это дѣло ваше, но я принадлежу другому и никогда ему не измѣню. Что же касается васъ, то вы не ради меня, а ради своего собственного самолюбія, должны скрывать въ тайнѣ то, что происходитъ здѣсь. Иначе ваша роль была бы слишкомъ глупа.

— Да, я играю глупую роль и потому рѣшился положить этому конецъ, сказалъ Гударъ, насунивъ брови.

— Что вы хотите этимъ сказать.

— Я хочу сказать, что ты моя жена и будешь ею, волей или неволей.

— Вы съ ума сошли! воскликнула Сесиль, бросаясь къ дверямъ своей спальни.

Но Гударъ перерѣзалъ ей дорогу и съ шумомъ захлопнулъ дверь передъ самымъ ея носомъ.

— Вы, низкій человѣкъ, опять хотите начать прежнюю позорную игру, сказала Сесиль.

— Да, ты хотѣла взять свой револьверъ; шутишь, довольно этой комедіи, отвѣчалъ ей мужъ. — Госпожа Гударъ, я иду съ вами.

— Нѣтъ, я скорѣе убью себя.

И, говоря это, она старалась вырваться изъ рукъ Андре, который схватилъ ее. Сжавъ ему горло, она едва не задушила его, но онъ выскободился отъ нея и въ борьбѣ разорвалъ ей пеньюаръ. Стыдъ и злоба удвоили силы несчастной женщины; она успѣла вырваться и побѣжала къ дверямъ, но онъ настигъ ее, подставилъ ей погу и она упала на коверъ.

— Караулъ! рѣжутъ! закричала Сесиль, чувствуя, что всякая борьба была болѣе невозможна.

Въ эту минуту въ наружную дверь кто-то постучалъ. Собравшись съ послѣдними силами, Сесиль, лежа на полу, полуобнаженная, съ распущенными волосами, оттолкнула Гудара. Но онъ ничего не слышалъ, а съ дикимъ смѣхомъ повторялъ:

— Ты будешь моею, г-жа Гударъ.

Вдругъ онъ бросилъ ее и вскочилъ блѣдный, дрожа всѣмъ тѣломъ. За дверью кто-то громко сказалъ:

— Отворите во имя закона.

Эти слова мгновенно преобразили Гудара. Его лицо, за минуту передъ тѣмъ сіявшее дикимъ сладострастіемъ, теперь выражало самый низкій

страхъ. Что же касается Сесиль, то, пользуясь своею неожиданной свободой, она вскочила на диванъ и, прижавшись въ уголокъ, старалась прикрыть руками свое полуобнаженное тѣло.

Между тѣмъ служанка, услыжавъ стукъ въ наружную дверь, отворила ее и нѣсколько полицейскихъ бросились мимо нея прямо въ гостиную, гдѣ слышался странный шумъ. Не трудно представить себѣ ихъ удивленіе, когда они увидали почти обнаженную женщину, которая при ихъ входѣ въ комнату скрылась за занавѣсами окна. Сыщикъ Гюре, насунивъ брови, обвелъ быстрымъ взглядомъ всю комнату. Большая часть мебели была опрокинута, доскучки бѣлыя валялись на коврѣ, а на рукахъ Андре висѣло нѣсколько длинныхъ черныхъ волосъ запутавшихся въ его кольцахъ.

— Андре Гударъ? спросилъ сыщикъ, понимая, что тутъ происходило нѣчто необыкновенное, что необходимо было изслѣдовать.

— Это я, отвѣчалъ Гударъ.

— Именемъ закона, я васъ арестую, сказалъ Гюре, положивъ ему руку на плечо и толкнувъ его къ полицейскимъ, стоявшимъ у дверей. — А это что за женщина? прибавилъ онъ, указывая на Сесиль.

— Это моя жена, отвѣчалъ Гударъ, оправившись отъ своего смущенія. — Ваша обязанность арестовать меня, но вы не имѣете никакого права вмѣшиваться въ семейныя дѣла. Уже и то неприлично, что вы вошли сюда. Ступайте, я слѣдую за вами.

— Вы могли избавить насъ отъ входа сюда, еслибъ сами отворили намъ дверь, сказалъ сыщикъ, пожимая плечами, но, признавая всю справедливость протеста Гудара, онъ прибавилъ: — Хорошо пойдемте.

Полицейскіе увели Андре, а сыщикъ остановился въ дверяхъ и, обращаясь къ Сесиль, сказалъ:

— Извините, сударыня.

Дверь затворилась. Сесиль убѣжала въ спальную и, поспѣшно одѣвшись, возвратилась въ гостиную. Приотворивъ дверь, она стала прислушиваться къ разговору ея мужа съ полицейскими. Но она ничего не могла слышать, кромѣ словъ сыщика:

— Не хотите-ли проститься съ вашей женой?

— Это совершенно излишне, отвѣчалъ Гударъ: — ошибка, благодаря которой меня арестуютъ тотчасъ разъяснится и я вернусь домой прежде, чѣмъ жена замѣтитъ мое отсутствіе.

Вслѣдъ за этимъ наружная дверь съ шумомъ захлопнулась и служанка съ испуганнымъ лицомъ вошла въ гостиную, чтобы узнать, не надо ли чего-нибудь Сесиль, но, въ сущности, съ цѣлью развѣдать, зачѣмъ арестовали ея мужа. Но Сесиль не сказала ни слова о случившемся, а спокойно приказала ей идти спать.

Оставшись наединѣ, молодая женщина упала въ кресло, утомленная, разбитая. Страшная сцена позорнаго насилія, отъ котораго она была такъ чудесно спасена, снова предстала передъ нею. Несмотря на грозившую ей опасность, небо сжалилось надъ нею и спасло ее въ ту самую минуту, когда она, истощивъ всѣ усилія, должна была сдѣлаться жертвою ужаснаго насилія. Небо избавило ее отъ этого стыда. Эта мысль всецѣло овладѣла ею и она нисколько не думала объ арестѣ мужа. Она не спрашивала себя, зачѣмъ его арестовали въ такое позднее время, а только чувствуя себя свободной и счастливой, благоволала судьбу.

Однако, черезъ нѣсколько времени ее начало мучить опасеніе, что Гударъ могъ возвратиться. Уходя, онъ самъ сказалъ полицейскимъ, что вскорѣ вернется домой. До сихъ поръ она боролась съ нимъ и въ этотъ день ее спасла судьба, но она видѣла, что мужъ рѣшился покончить съ невыносимымъ для него положеніемъ. Она боялась,

что, возвратясь домой, онъ снова бросится на нее съ еще большимъ остервенѣніемъ и тогда уже ничто не избавитъ ее отъ него. Поэтому она рѣшилась разомъ порвать съ нимъ всякую связь. Теперь нечего было бояться скандала, его арестъ служилъ ей прекраснымъ предлогомъ и всѣ только пожалѣли бы ее.

Она позвонила.

— Милая Жюльета, сказала она пришедшей служанкѣ, — одѣньтесь, пожалуйста. Я не могу здѣсь оставаться; мнѣ страшно. Я отправлюсь къ родителямъ. Сложите въ узелъ мое бѣлье, а завтра вы придете за остальными вещами.

— О, сударыня, вы поступаете очень хорошо, отвѣчала служанка: — я такъ же боялась лечь спать. Еслибъ вы видѣли, какъ полиція грубо обращалась съ г. Гударомъ; вѣроятно, онъ сдѣлалъ что-нибудь очень нехорошее.

Сесиль не сказала ни слова, помогла Жюльетѣ собрать вещи и, надѣвъ пальто, вышла съ нею изъ дома. Вскорѣ онѣ достигли улицы Сен-Франсуа и служанка громко постучала въ ставни оконъ.

— Кто тамъ? спросилъ Тюссо, соскочивъ съ постели и высовываясь въ форточку.

— Это я, папа, отворите, отвѣчала Сесиль.

— Ты! Сейчасъ.

И Тюссо сталъ въ темнотѣ искать свои туфли, а испуганная Адель воскликнула:

— Боже мой! Что случилось?

— Я подозреваю въ чемъ дѣло, отвѣчалъ Тюссо, зажигая свѣчу, — она убѣжала отъ мужа и думаетъ, что я ее поддержу. Я ей задамъ!

— Но, можетъ быть, случилось какое-нибудь несчастье.

И, въ страхѣ, что произошло что-нибудь очень важное, г-жа Тюссо поспѣшно надѣла платье и сошла внизъ съ мужемъ.

— Зачѣмъ ты пришла въ такое позднее время? спросилъ Тюссо строгимъ тономъ, когда Сесиль вошла въ столовую.

— Я пришла почевать.

— Что? Что случилось? спросилъ Тюссо, насунивъ брови и широко открывая глаза.

— Моего мужа арестовали, отвѣчала спокойно Сесиль.

— Боже мой! За что? спросилъ ее отецъ съ испугомъ, а мать вздрогнула, зная, что Гударъ способенъ на все.

— Почему я знаю, отвѣчала молодая женщина, снимая пальто, и поправляя волосы, спустившіеся ей на лицо.

— Гдѣ ты ушиблась? спросила Адель, указывая на большой синякъ на одной рукѣ дочери.

— Это память мужа, отвѣчала она съ горькой улыбкой.

— Онъ тебя бьетъ? воскликнули ея родители въ одинъ голосъ.

— Онъ сегодня началъ.

— И за это его арестовали? спросилъ Тюссо.

— Нѣтъ, нѣтъ... но оставьте меня въ покоѣ. Я пойду къ себѣ въ комнату и засну. Завтра мы обо всемъ поговоримъ.

Она была такъ блѣдна и такъ лихорадочно дрожала всѣмъ тѣломъ, что родители отвели ее въ прежнюю ея комнату, отложивъ до завтра всѣ объясненія.

Оставшись одна въ маленькой комнатѣ, гдѣ протекло ея мирное дѣтство, Сесиль упала на колѣни и, простирая руки къ небу, воскликнула:

— О! Боже мой! Не покидай меня! Я столько выстрадала!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Маленькая служанка.

Разсказъ Натюля Мендеса. Пер. Н. Бѣлянова.

Вотъ та крошечная дѣвочка, тщедушная, рыжеватая, одѣтая въ лохмотья, съ большими и до-

бродушными глазами, которая носила дѣломъ въ замокъ свѣжія лица и молоко съ фермы. Входя въ кухню, она говорила: «вотъ!» и дожидаясь, стоя около двери, чтобы ей отвѣтили: «хорошо». Въ этотъ промежутокъ времени, она, перебирая своими тоненькими пальчиками шерстяной передничекъ, разсматривала кухонную посуду, вычищенная мѣдъ которой, казалось, горѣла на солнцѣ. Поваръ, весь въ бѣлой одеждѣ и съ своимъ важнымъ видомъ, казался ей какимъ-то страннымъ, почти воображаемымъ и далекимъ лицомъ, несмотря на то, что онъ находился около нея. Она была дочерью человѣка, работавшаго на фермѣ, и женщины, которая уже умерла. Немногіе знали, что ее зовутъ Жерменой; звали ее обыкновенно «Хворостинницей»; это названіе она заслужила хворостиной, которой имѣла обыкновеніе гонять гусей на дугъ, по тропинкѣ, окаймленной терновникомъ. Въ одну изъ своихъ однообразныхъ прогулокъ она встрѣтила священника съ молитвенникомъ подъ мышкой; духовный отецъ остановился около нея, ударилъ ее ласково двумя пальцами по щекѣ и сказалъ: «хе! хе!» Этотъ легкій ударъ, нанесенный ей, и это «хе! хе!» составляли почти всю ея исторію, которую она себя рассказывала ежедневно, такъ интересовало ее это происшествіе. Гуси, которыхъ она пасла, были очень злы въ отношеніи ея, въ особенности одинъ здоровенный гусакъ. У нея было большое желаніе пастись овецъ, такъ какъ онѣ не злы, кротки и съ ними можно было бы ей прыгать, но она была очень мала. Къ Пасхѣ ей только минеть 8 лѣтъ.

Однажды поваръ ей сказалъ: «Сегодня къ обѣду у нашихъ гости. Останься! Ты поможешь!» Это уже не то, что щелчокъ священника. Она почувствовала въ себѣ гордость; теперь она поняла, что начинается жить. Въ людской, гдѣ дали ей пообѣдать, получила она за труды вина; въ первый разъ пришлось ей пить «красную воду», какъ она называла этотъ напитокъ. Сдѣлавъ одинъ глотокъ, она скорчила гримасу и поставила стаканъ на столъ; по поварю, большой весельчакъ, не смотря на его торжественную наружность, поставилъ ее, потѣхи ради, выпить еще два или три глотка. Она напилась и начала безъ умолка болтать. Она рассказала окружающимъ ее достопамятный съ нею случай при встрѣчѣ съ священникомъ; какъ злые гуси прокусывали ей ея обнаженные икры почти что до самой кости. Ее заставили еще выпить; ей сдѣлалось худо; пришлось лечь на двухъ стульяхъ въ кухнѣ; поваръ сказалъ ей «дура», увидѣвъ ея положеніе. Лицо ея было блѣдно, худощавыя руки свои она свѣсила со стульевъ, глаза неподвижно обращены были на одну точку, но она ничего не видала и не понимала, она все время стонала, переносила ужасныя страданія. Люсьенъ, сынъ баронессы, въ кухнѣ которой она находилась, мальчикъ лѣтъ десяти, проходя мимо нея и увидѣвъ эту беззащитную, бѣдную, больную дѣвочку уцѣпнулъ ее сухощавую и красную руку до крови. Она вскрикнула и взглянула на него. Люсьенъ былъ одѣтъ въ платье изъ голубого бархата; большой кружевной воротничекъ, на которомъ шевелились его бѣлокурые локоны, окаймлялъ его бѣлую шею. Она улыбнулась, кивнула раза два, какъ бы въ знакъ согласія: она вспомнила своихъ гусей столь же злыхъ, но не столь милостивыхъ. Эта боль составляла ей какъ бы удовольствіе, потому что она подняла свою красную руку и долго и пристально на нее смотрѣла.

Впослѣдствіи баронесса заинтересовалась ею. Было рѣшено, что она поѣдетъ въ Парижъ съ своей будущей госпожей, имѣвшей цѣлью сдѣлать изъ нея маленькую горничную. Она очень обрадовалась, имѣя возможность видѣть Люсена, и опечалилась за своихъ злыхъ гусей. Она въ послѣдній разъ погнала ихъ пастись и сѣла на дугу

среди терновыхъ кустовъ. Она имъ рассказывала: «Вотъ я ѣду въ Парижъ, а вы останетесь»; она распустила ихъ по дугу и начала глядѣть то на поляну, гдѣ возвышались три пирамидальныхъ тополей, то на дугъ, то на горизонтъ, не обращая вниманія на то, что колючія вѣтви терновника кололи ей лицо, и не устранивъ ихъ колючекъ. Она безсознательно простилась съ окрестностью, пошла за изгородь, напилась воды изъ лужи; на дорогѣ она нашла пустое, сухое, прошлогоднее гнѣздо соловьевъ, которое она взяла, какъ воспоминаніе. Поочередно погладила она гусей и подумала, что хорошо было бы, если бы самый злой и здоровый гусакъ одѣтъ былъ въ бархатное платье съ кружевнымъ воротничкомъ, и поцѣловала эту злую и большую птицу.

Въ Парижѣ она жила въ углубленіи окна и занималась мѣткою платковъ и починкой тряпокъ. Ее научили шить, но чтенію не обучали. Дѣвушкамъ, въ положеніи Жермены, въ чтеніи небольшая благодать: чтеніе располагаетъ къ мысленію, а когда думаешь, починка рубашекъ идетъ не такъ хорошо. Прислуга не любила этой бѣдной дѣвочки, потому что она была молчалива, послушна и привязанна къ своей госпожѣ. Она все время сидѣла дома въ своемъ маленькомъ помѣщеніи, кромѣ воскресныхъ дней, когда отправлялась въ церковь. Она была очень набожна, сама того не понимая; ложась спать, каждый вечеръ она говорила: «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ...» Изъ многочисленныхъ улицъ Парижа одна только была ей знакома, — именно та, которая проходила у нея подъ окномъ; прохожіе казались ей людьми необыкновенными, совершенно другой расы, къ которой она не принадлежала; она удивлялась каретамъ; восхищалась мостовыми. Уже Пасха прошла два раза. Она все время шла. У нея все еще были прежніе добродушные и большіе глаза. Ни одна душа, казалось, не была такъ одинока, какъ эта бѣдная дѣвочка. Не смотря на все это, она не грустила. Изрѣдка она видала своего молодого господина, столь гордаго, такъ хорошо одѣтаго. Когда онъ появлялся въ комнатѣ, гдѣ она съ утра до вечера работала, то она трислась всѣмъ тѣломъ, продолжала шить, не поднимая головы и постоянно укалывая свои пальцы иглой, которой она управляла такъ ловко до его прихода. Въ одинъ прекрасный день Люсьенъ неожиданно сказалъ: «Идемъ играть». Она поднялась совершенно смущенной и до того, казалось, была поражена, что раскрыла ротъ, будто увидѣла передъ собой чудо. Онъ въ этотъ день одѣтъ былъ въ черную бархатную куртку съ золотыми украшеніями; они начали играть. Люсьенъ сидѣлъ верхомъ на опрокинутомъ стулѣ; а Жермена должна была изображать лошадь, впряженную въ тележку. Онъ былъ уже довольно тяжелъ, дѣвочка была еще очень слаба и очень скоро захыхалась, какъ бы находясь въ экстазѣ. Чтобы она подвигалась быстрѣе, онъ ударялъ кулакомъ по ея спинѣ, послѣ чего Жермена повторяла каждый разъ съ восторгомъ: «Боже мой! Боже мой!» Наконецъ, онъ сказалъ ей: «Мнѣ нужно было бы достать кнутъ». Она сбѣгала на кухню и принесла толстѣйшій бичъ, который употреблялся для выколачиванія платья. Люсьенъ воспользовался имъ; онъ былъ уже очень силенъ. Онъ ее стегалъ, она же бѣгала, приговаривая: «Ахъ, баринъ, баринъ!» Избитая, она плакала отъ радости. Вечеромъ на кухнѣ, пообѣдавъ съ остальной прислугой и сидя еще за столомъ, съ закрытыми глазами, она улыбалась, и слышно было, какъ она прошептала: «Какъ это было хорошо!» «Лакомка», отвѣтилъ ей на это поваръ.

Однажды Люсьенъ стащилъ изъ буфета бутылку испанскаго вина. Въ то время Люсьенъ уже курилъ тайкомъ папирсы. Его стали допрашивать, мальчикъ же отвѣтилъ: «я видѣлъ, какъ Жермена унесла бутылку». Баронесса призвала

маленькую служанку. «Это ты украла бутылку вина?» Люсьенъ же перебилъ: — «Это она!» Жермена сказала: «Да, это я». Баронесса ударила дѣвочку по щекѣ. «По дѣломъ», сказалъ Люсьенъ. «Да, по дѣломъ» отвѣтила Жермена.

Время пролетало. Жермена была все еще такая же тщедушная и маленькая, какъ и раньше. Дурная? да. На щекахъ у нея были веснушки, такъ же, какъ и на лбу и на носу. Ея большіе глаза были похожи на глаза овецъ. У нея было узкое, черное платье, которое спадало съ плечъ до пятокъ и одинъ только поясъ обозначалъ талію. Люсьенъ сдѣлался уже молодымъ человѣкомъ. Въ одинъ изъ долгихъ зимнихъ вечеровъ онъ пришелъ къ ней и сказалъ:

— Мать не хочетъ, чтобы мнѣ давали ключъ отъ большихъ дверей. Вслѣдствіе этого я бываю принужденъ звонить, а такимъ образомъ узнаю, что я возвращаюсь поздно, за что меня бранятъ. Послушай, ты не ложись, а когда я буду возвращаться, я ударю въ ладоши, ты придешь и отворишь мнѣ дверь безъ шума.

Дѣло было зимою. Она частенько дожидаясь его до утра, не смыкая глазъ, въ темной комнатѣ и ожидая сигнала. Дождавшись, она спускалась съ маленькой лампочкой въ рукахъ. Нужно было пройти дворъ того дома, въ которомъ они жили. Ночью иногда шелъ снѣгъ, она же для того, чтобы не произвести шума, снимала ботинки и ступала по снѣгу босикомъ. Холодный вѣтеръ охватывалъ ее и у нея часто зубъ не находилъ на зубъ. Она простудилась и насморкъ съ тѣхъ поръ не покидалъ ее. Она открывала дверь, снимая толстый поперечный засовъ, отчего мерзли ея руки. Люсьенъ же говорилъ:

— Ты меня всегда заставляешь ужасно долго ждать: я мерзну на дворѣ.

Однажды она ему сказала:

— Теперь я буду ожидать васъ на дворѣ.

Она такъ и сдѣлала. А зима была очень суровая.

Случилось въ одну ночь, что Люсьенъ возвратился навеселѣ. Онъ пріѣхалъ изъ маскарада. Онъ былъ очень хорошъ собою въ костюмѣ зеленого и розоваго цвѣтовъ — въ костюмѣ «мнѣ-она».

— О! воскликнула Жермена, подымая лампу. Они поднимались по черной лѣстницѣ; онъ постоянно натыкался на стѣну, напѣвая одинъ мотивъ изъ модной оперетки:

«Разъ проѣздомъ чрезъ Медонъ, юная поллячка...»

Она слушала и восхищалась. Онъ шелъ, спотыкаясь. Удерживаясь, онъ обернулся и посмотрѣлъ на Жермену. Онъ былъ пьянъ. Это была женщина. Чего же еще! Онъ схватилъ ее за талію и неожиданно поцѣловалъ въ губы. Она вздрогнула, какъ птица, расправляя свои перья, и упала на ступени съ лампой въ рукахъ, которая разбилась.

— Чортъ знаетъ, что за дура! вскрикнулъ Люсьенъ и убѣжалъ, боясь, чтобы шумъ не разбудилъ кого-нибудь и его не замѣтили.

Съ тѣхъ поръ она перестала работать въ углубленіи окна, близъ передней. Она пріобрѣла привычку сидѣть съ утра до вечера все на той же ступени черной лѣстницы и работать тамъ же. Прислуга стала смѣяться надъ нею, но она не обращала вниманія на это. Она сдѣлалась странною. Виденъ былъ какой-то огонь въ ея кроткихъ и уже не столь блуждающихъ глазахъ. Занимаясь шитьемъ, она вполголоса напѣвала все тотъ же мотивъ:

«Разъ проѣздомъ чрезъ Медонъ, юная поллячка...»

Она пѣла это то весело и скоро, то очень медленно съ сердечной томностью, отдѣляя слоги и протягивая звуки; тогда этотъ напѣвъ прене-полненъ былъ глубокой грусти.

«Юная полячка молвила: простите...»

Пѣла она и вдруг заливалась слезами. Она считала себя очень счастливой.

Люсьенъ сталъ серьезнѣе и началъ поговаривать уже о женитбѣ. Невѣста была богата и красива. Онъ въ нее влюбился.

— Жените насъ скорѣе, говорилъ онъ.

Ихъ женили и Жермена была назначена въ услуженіе новобрачнымъ, потому что она сама просила этой милости. Весь день свадьбы она провела въ брачной комнатѣ. Она выходила, сейчасъ же возвращалась, бѣгала, разставляла мебель, устанавливала въ жардиньеркахъ цвѣты, улыбалась и говорила:

— Здѣсь очень хорошо!

И никогда она не была такъ довольна. Одѣта она была въ черное шелковое платье, которое подарила ей новобрачная. Она постоянно повторяла:

— Господинъ Люсьенъ... Господинъ Люсьенъ... очень счастливъ... очень счастливъ...

Вечеромъ она подумала, что въ то время танцовали на свадьбѣ и она пустилась плясать, припѣвая подъ мотивъ вальса.

«Разъ проѣздомъ чрезъ Медонъ, юная полячка...»

Около полуночи она помогла раздѣться новобрачной. Комната съ ея палевыми обоями, очень слабо освѣщенная, была таинственна и чудесна.

— Какъ вы хороши, сказала она своей будущей госпожѣ.

Она поправила огонь; тщательно подровняла обѣ подушки брачного ложа, украдкой поцѣловала ту, которая была ближе къ краю, и съ улыбкой на губахъ сказала входившему Люсьену:

— Спокойной ночи, господинъ Люсьенъ.

Часъ спустя она вышла изъ дому. Она быстро шла все по прямому направленію. На улицахъ никого уже не было. Передъ этимъ шелъ дождь. Тучи стояли очень низко, было очень темно, по мѣстамъ впрочемъ выдѣлялись просвѣты, полные звѣздъ. Свѣтъ отъ фонарей отражался на мокрыхъ тротуарахъ. Она шла вдоль домовъ; была очень весела; на ходу она распѣвала и гуляла болѣе часу. Она услышала сильный, но пріятный и однообразный шумъ быстро текущей рѣки. Она пошла по Новому мосту; на серединѣ его она остановилась; посмотрѣла вокругъ себя, по никого не увидала и начала что-то бормотать. То, что она говорила, была молитва:

— Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится имя Твое...

Иногда она отрывалась отъ молитвы, чтобы перейти къ пѣснѣ. Она встала на паранетъ:

«Разъ проѣздомъ чрезъ Медонъ...»

Она посмотрѣла на воду, спяла передникъ, сорвала съ него ленту...

«Юная полячка...»

Свернула платье вокругъ своихъ худощавыхъ ножекъ, прикрѣпила его лентой, будто боясь, что кто-нибудь подматривалъ снизу.

«Молвила полячка: юноша простите... простите... Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ... простите... простите...»

И она печезла въ водѣ, которая въ этомъ мѣстѣ, отражал небо, казалось, была наполнена звѣздами.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ. СЪ АКВАРЕЛИ Г. ПЕРЕЙРЫ.

„Ромео и Джульета“.

Гравировано въ Барселонѣ.

Народы Россіи.

(Этнографическіе очерки.)

Ст. С. С. Шашкова.

VII.

Буряты.

Вѣтъ монголовъ, буряты, самое многочисленное инородческое племя Сибири, распадаются на нѣсколько большихъ родовыхъ общинъ; общее число ихъ въ Иркутской губерніи и забайкальской области простирается до 300,000 чел. Прежде все они были звѣроловы и скотоводы; но теперь болѣе и болѣе переходятъ къ осѣдлой жизни и хлѣбопашеству; и за Байкаломъ и

въ Иркутской губерніи нѣкоторые бурятскіе роды въ качествѣ земледѣльцевъ превосходятъ даже русскихъ крестьянъ, чему много содѣйствуетъ крѣпко-общинное устройство ихъ быта. Вотъ какъ, напр., устраиваютъ буряты артельную охоту въ Иркутской губ. Аба—это большая звѣро-промышленная артель, бывающая не каждый годъ, а преимущественно въ хорошіе, приплодные и урожайные годы. Обыкновенно съ осени собираются буряты, человѣкъ по 1,000 и 1,500 и болѣе, все одѣваются въ лучшую одежду, берутъ съ собой лучшіе луки и стрѣлы. Каждый несетъ съ собой въ общую складчину своего лучшаго, самаго жирнаго мяса, масла, сметаны и проч., и

все складывается въ общій артельный запасъ. Выбираютъ все изъ одного и того же рода болѣе опытнаго, всеми уважаемаго старика и назначаютъ его общимъ, главнымъ старостой и судьей артели. Старикъ этотъ, главный руководитель артели, принимаетъ отъ каждого провизію, вѣситъ ее на рукѣ; возьметъ передъ всеми на руку пудъ и трясетъ его на рукѣ, разузнавая такимъ образомъ, точно ли будетъ въ немъ пудъ. По старому обычаю требуется вѣсить именно на рукѣ. Затѣмъ вся большая артель разбивается на множество мелкихъ артелей, состоящихъ каждая человѣкъ изъ 20. Каждая частная артель выбираетъ своего частнаго артельного старшину. Передъ отправкой на промыселъ, на абу, каждая артель оставляетъ старнику, главному общему артельному старостѣ и судѣ, по одной шанкѣ, въ залогъ общей взаимной вѣрности и честности на промыселъ. Послѣ того, все мелкія артели, образуя одинъ общій, дружный союзъ, отправляются въ хребты на облаву, цѣлью охватывая большое пространство въ лѣсу. Вообще вся организація артели основана на строжайшемъ обезпеченіи взаимной вѣрности артельщиковъ. Главный артельный староста и судья строго наблюдаетъ за этимъ, а въ случаѣ спо-

ра, или вообще какого нибудь нарушенія артельнаго согласія,—судитъ ихъ, разбираетъ ссоры. Судъ происходитъ тогда, когда сходятся все въ какомъ нибудь лѣсномъ стойбищѣ. Если чуть кто изъ артели провинится въ чемъ нибудь,—то, на собраніи всей артели, берутъ у виновника шанку, кладутъ ее по серединѣ стойбища и, главный артельный староста или судья—старикъ, обращая глаза къ небу, кричитъ, взываетъ къ тэнгэри-бурхану, закликаетъ и обличаетъ виновнаго при всехъ, и наконецъ, стрѣляетъ изъ лука стрѣлою вверхъ въ воздухъ, надъ самой шанкой: если стрѣла упадетъ на шанку,—значитъ, обвиняемый дѣйствительно виноватъ. Точно также, если кто либо изъ артель-

щиковъ что-нибудь потеряетъ въ лѣсу, то нашедшій потерянную вещь непременно долженъ представить общему артельному старостѣ.

Тотъ, опять на общемъ сходбищѣ артели, кричитъ, громко спрашиваетъ, не потерялъ-ли кто чего-нибудь, или чья такая-то потерянная вещь? Потерявшій вещь артельщикъ выходитъ и получаетъ ее при всей артели. Въ лѣсу, на абѣ, есть особые выборные артельные хранители провизіи, выборные артельные приготовители пищи и т. п. Если кто въ лѣсу, на артельной абѣ, или хотя даже въ частной звѣропромышленной артели, первый застрѣлитъ звѣря, то не самъ его беретъ, а отдаетъ его другому для вклада въ артельный уловъ. Наконецъ, всѣ промысловые звѣри между всѣми артельщиками дѣлятся поровну, подъ контролем артельного судьи и старосты. Такова, въ общихъ чертахъ, бурятская звѣро-промышленная, облавная артель, называемая абой. То же начало регулируетъ весь скотоводческій и земледѣльческій бытъ бурята, какъ это подробно описываетъ Шаповъ, въ «Запискахъ Сибирск. Отдѣла Географическаго Общества». Ёдете вы по широкой степной пади или долинь, напр., кудинской, манзурской или ленско-ангиской, и кругомъ видите оазисы разбросанныя группы своеобразныхъ осмынутольных юртъ; подъ вечеръ или рано утромъ дымъ столбомъ стоитъ надъ ними. Кругомъ жердяныя загороди, а въ загородахъ все юрты, амбары и разныя другія строенія (большую частію перенятые изъ крестьянскаго домообзаводства, хотя часто съ оригинальными измѣненіями и особенностями самобытнаго бурятскаго мастерства). Вы войдите въ какой-нибудь улусъ, всмотритесь въ его внутреннюю организацію и связь съ другими соседними улусами,—и вы увидите живой архаическій остатокъ первобытной человѣческой общины. Внутренній строй и взаимоотношеніе улусовъ выражаютъ весьма ясно чисто первобытный, единокровный родовой генезисъ бурятской улусной общины и родовую федеративную связь ихъ между собою. Каждый улусъ обыкновенно состоитъ изъ нѣсколькихъ невысокихъ жердяныхъ загородей, представляющихъ большую частью видъ круга или эллипса. Въ каждой такой загороди стоитъ одна, двѣ, три и болѣе юрты съ разными пристройками—лабазами, амбарами, стойками, сараями или повѣтями, хлѣбопекарнями и т. п. Въ одной изъ этихъ юртъ живетъ старшій въ семьѣ бурятъ,—старикъ со старухой, иногда съ какими-нибудь сиротами родственниками. Въ другой рядомъ стоящей юртѣ живетъ сынъ этого старика съ своей женой и своими дѣтьми. Если у старика есть еще женатые сыновья, то и они живутъ въ особыхъ юртахъ, но все въ одной и той же общей загороди по обѣ стороны юрты отца (буряты часто строятъ юрты сыновьямъ, когда послѣднимъ еще только 12 или даже 6 лѣтъ). У всего этого единокровнаго, родового круга пашни, покосы, скотъ—все общее. Всѣ члены загороди работаютъ сообща. Иногда даже и обѣдаютъ вмѣстѣ. Вообще при всякой «жаренинѣ», при всякомъ сборѣ гостей, всѣ участвуютъ, какъ одна семья. Далѣе рядомъ, вблизи, въ другой подобной загороди живутъ ближайшіе родственники главы первой группы юртъ, напр., его братья съ своими семьями, съ своимъ единокровнымъ родомъ—и тутъ опять, въ одной общей загороди, по срединѣ стоитъ юрта старшаго въ родѣ, а по бокамъ—юрты его сыновей. Далѣе въ болѣе отдаленныхъ загородахъ живутъ болѣе отдаленные родственники, называемые уже «сосѣдями». Такимъ образомъ улусная родовая община, по мѣрѣ развѣтвленія родовыхъ линій, все болѣе и болѣе расширяется, распадаясь на особыя отдѣльныя загороди или группы юртъ, связь которыхъ съ центромъ ослабляется по мѣрѣ удаленія отъ него. Наконецъ наиболѣе отдаленные роди-

чи обособляются въ особый улусъ, усваивая ту же организацію, тотъ же слой улусной родовой общины. Но связь между улусами не прекращается окончательно. Вся группа подобныхъ улусовъ, болѣею частію лежащихъ вблизи другъ отъ друга, представляетъ изъ себя цѣлое, одинъ родъ или точнѣе союзъ родовыхъ общинъ, которыя въ свою очередь, состоятъ изъ болѣе мелкихъ частей—семей. Въ нѣкоторыхъ улусахъ встрѣчается еще слѣдующее видоизмѣненіе общиннаго устройства. Въ кулимканскомъ улусѣ перваго абаганатскаго рода, кудинскаго вѣдомства, а также и въ нѣкоторыхъ другихъ небольшихъ улусахъ, вмѣсто отдѣльныхъ юртовыхъ хозяйственныхъ построекъ существуютъ общинныя, всеулусныя: таковы, напр., общія всеулусныя хлѣбопекарни, общія кузницы, кладовыя или амбары и т. п.

Такова въ общихъ типическихъ чертахъ организація улусныхъ родовыхъ общинъ. Отклоненія отъ нея, встрѣчающіяся по мѣстамъ, вообще несущественны и относятся преимущественно къ размѣрамъ улусовъ, къ расположенію и особенностямъ находящихся въ нихъ юртъ и другихъ хозяйственныхъ построекъ и т. п. Организація не ограничивается соединеніемъ отдѣльныхъ, мелкихъ улусовъ въ большія родовыя общины,—эти послѣднія находятся, въ нѣкоторомъ отношеніи, въ общей федеративной связи другъ съ другомъ. Такъ, въ ленскомъ вѣдомствѣ, всѣ пять родовъ чернорусскихъ образуютъ союзъ; въ верхоленскомъ вѣдомствѣ первая и вторая половины перваго абызаевского рода, составляя одну большую родовую общину со вторымъ абызаевскимъ родомъ, образуютъ одинъ общій федеративный союзъ со всѣми другими соседними родами, именно съ первымъ буровскимъ, баендаевскимъ и двумя ользановскими. Сознаніе этой общей связи родовъ проявляется не только въ особенно важныхъ случаяхъ, какъ, напр., въ случаѣ ходатайствъ о какихъ-либо общихъ нуждахъ, въ равномерномъ распредѣленіи между всѣми членами союзныхъ родовъ общихъ затратъ, какъ это было, напр., въ 1782—1810 г., когда три рода, баендаевскій, первый и второй абызаевскій, «условились единоголосно» нести «за одно» всѣ расходы, разверставъ ихъ по душамъ, въ случаяхъ помощи пострадавшимъ отъ какого либо бѣдствія. Во всѣхъ улусныхъ общинахъ безродные сироты и бѣдняки не нищенствуютъ, а живутъ по чужимъ юртамъ и никому въ голову не приходитъ попрекать ихъ дармоуствомъ. «У брацкихъ», говорилъ одинъ крестьянинъ Шапову, все артельно; ломоть хлѣба они раздѣляютъ всѣмъ по ровнымъ кусочкамъ, кто бы ни случился въ улусѣ, мясо дѣлятъ всѣмъ». Пахатныя земли, сѣнокосы, лѣса находятся въ общинномъ владѣніи; хлѣбъ буряты продаютъ тоже артельно, родичи складываютъ въ обозъ до 5,000 пудовъ и везутъ на продажу; также поступаютъ они и со скотомъ, гоняемымъ въ городъ для продажи мясникамъ.

Но въ этихъ родовыхъ общинахъ деспотствуютъ родовые князьки, тайши, которые вмѣстѣ съ волостными писарями безжалостно обираютъ родичей въ свою пользу и корчатъ изъ себя важныхъ персонъ. Тайши, благодаря этому, живутъ на широкую ногу, нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ комфортабельные русскіе дома, выписываютъ даже газеты и пьютъ шампанское. Еще сильнѣе тайшей эксплуатируетъ забайкальскихъ бурятъ буддѣйское духовенство, чрезвычайно размножившееся въ Забайкальѣ съ XVIII в. при содѣйствіи русскихъ. Дѣло въ томъ, что буряты-буддисты нравственно тяготеютъ къ Тибету, гдѣ живетъ воплощеніе божества, далай-лама, откуда привозятся священныя книги, лекарства и пр. Чтобы образовать религіозный центръ въ самой Сибири, мы придумали должность главы мѣстнаго буддѣйскаго духовенства, бандидо-хамбо-ламы. На сходѣ

при селенгинской степной думѣ родоначальники бурятъ и депутаты 34 буддѣйскихъ приходовъ избираютъ на эту должность 3 кандидатовъ, изъ которыхъ одного утверждаетъ правительство. Буддизмъ распространился очень быстро. Въ 1741 г. за Байкаломъ было только 11 дацановъ (монастырей) и 150 ламъ и это число было утверждено комплектнымъ, но въ 1831 г. оказалось уже 85,000 буддистовъ и 3,514 ламъ, а въ 1848 г. 125,000 буддистовъ, 34 дацана и 4,500 ламъ. Къ каждому дацану приписаны приходъ и земли, отъ 350 до 1,500 десятинъ. Ламы получаютъ вообще большіе доходы и живутъ въ свое удовольствіе, содержа по нѣсколько любовницъ и воспитывая своихъ дѣтей, подъ именемъ племянниковъ, которымъ потомъ и передаютъ лучшія ламскія мѣста. Даже должность хамбы-ламы сдѣлалась такимъ образомъ наследственной, и предшественникъ нынѣшняго, Чойванъ-Дорджи-Иши-Чжамсуевъ, знаменитый своею глупостью и шестнадцати-пудовымъ тѣломъ, былъ сынъ своего предшественника и умеръ, обѣвшись на свадьбѣ своей дочери. Кромѣ своихъ родственниковъ, ламы забираютъ въ свое сословіе множество постороннихъ дѣтей, которыхъ родители отдаютъ по обѣту въ монастырь, гдѣ они и воспитываются, а черезъ нихъ буддѣйское духовенство поддерживаетъ свое вліяніе въ ихъ семьяхъ. Большинство ламъ совершенно невѣжественно и, читая свои священныя книги, написанныя по-тибетски, ничего не понимаютъ въ нихъ. Многіе ламы не слѣдуютъ никакой религіи и держатся буддѣйскихъ вѣрованій и обрядовъ только для наживы; для обирания народа, они ввели, заимствованные изъ шаманства и совершенно чуждые буддизму, гурумы, т. е. отчитыванья, закланія при родинахъ, похоронахъ, свадьбахъ, новосельѣ и т. д. За похороны, напр., ламы берутъ по 80 и болѣе головъ скота и случается, что послѣ смерти прихожанина они растаскиваютъ все его имущество, продаютъ даже его юрту, а семью его пускаютъ по міру. Не мало приносятъ вреда ламы и своею тибетскою медициною; ихъ врачебная практика очень обширна и доходна, у нихъ лечатся и русскіе, и я знавалъ даже нашихъ священниковъ, которые предпочитали ламу русскому лекару.

Желтая вѣтра, буддизмъ, господствуетъ только въ Забайкальѣ, масса же бурятъ иркутской губерніи до сихъ поръ слѣдуетъ черной вѣрѣ, какъ ламы называютъ шаманство. На первомъ планѣ въ шаманствѣ стоятъ стихійныя божества: «Отецъ—плѣшивое небо, и Мать—протяженная земля». Небо правитъ міромъ, по его волѣ зачинаются и рождаются великіе люди, какъ, напр., Чингисъ и другіе герои монгольской исторіи. Небо врагъ всего нечистаго и особенно злыхъ духовъ, которыхъ оно преслѣдуетъ своими громовыми стрѣлами, не щадя и тѣхъ предметовъ, даже людей, въ которыхъ демоны стараются спрятаться отъ грома. За небомъ, въ ряду божествъ, слѣдуютъ солнце и луна, которые имѣютъ на людей большое вліяніе и нерѣдко вступаютъ въ половой союзъ съ женщинами. Вотъ что разсказываютъ, напр., буряты иркутской губерніи: «Въ глубокой древности, въ дремучемъ лѣсу, жилъ съ женою и дѣтьми одинъ человѣкъ, кормившійся трудами рукъ своихъ. Однажды, въ его отсутствіе, мать послала свою дочь за водою на ключъ, находившійся далеко отъ юрты. Дѣвушка, пришедши на ключъ, заслушалась тамъ пѣнія птичекъ, прилетавшихъ пить. Мать, долго ждавши свою дочь, наконецъ, потеряла терпѣніе и вскричала: «чтобъ взяло ее солнце!» Едва она успѣла произнести это, какъ солнце и мѣсяцъ стали быстро спускаться съ своихъ мѣстъ на небѣ, стараясь опередить другъ друга. Дѣвочка одной рукой укрѣпилась за кустъ, а другою держала кувшинъ. Солнце схватило ее, но она держалась

такъ крѣпко, что выдернула кустъ. «Теперь, говоритъ солнце, есть у меня спутница, съ которою я могу весело проводить время». Но луна стала просить у солнца дѣвушку себѣ: «Я хожу одна, сказала она, да и притомъ ночью, а ночью путь опасенъ, ты же ходишь днемъ и можешь обойтись безъ спутницы». Солнце уступило дѣвушку и тихо, вмѣстѣ съ луною, поднялось на небо. Но на лунѣ показались съ тѣхъ поръ темныя пятна, которыхъ прежде не было». Одна монголка, въ лѣтописи Алтанъ Тобчи, говоритъ: «бывало, въ темную ночь, мѣсяцъ, въ видѣ мальчика, входитъ въ мою юрту и она озаряется свѣтомъ; поглаживъ животъ мой, онъ, выходя изъ юрты, превращался въ рыжую, лысую собаку, которая, облизываясь, выходила въ правую дверь. Соображая все это, я думаю, что дѣти мои родились по опредѣленію неба», т. е. прижиты съ мѣсяцемъ, посланнымъ небомъ. Солнце считается у бурятъ поборникомъ правды и они клянутся имъ, говоря: «видитъ солнце» или «видятъ Богъ и солнце». Солнечное затмѣніе объясняется тѣмъ, что какой-то чудовищный ракъ старается проглотить солнце, и буряты дѣлаютъ все, чтобы помѣшать этому. «Представьте себѣ, говоритъ очевидецъ, крикъ и вой во все горло болѣе 800 дикарей, при громѣ, визгѣ и пискѣ отвратительной музыки, бѣснующихся на пространствѣ какихъ-нибудь двухъ верстъ; прибавьте къ этому пальбу изъ ружей, стрѣльбу изъ луковъ, бросанье къ небу копій, топоровъ, ножей и палокъ, лай собакъ, ржанье коней, мычанье коровъ, блеянье овецъ, какъ бы дополнявшихъ тысячами голосовъ оглушительный оркестръ неустовыхъ хозяевъ, — наконецъ, палъ, пущенный старухами, которыя кидали головни въ страшнаго Раху». Кромѣ солнца и луны буряты поклоняются звѣздамъ, но такъ какъ это поклоненіе сливается съ культомъ предковъ, то мы скажемъ о немъ ниже.

Земля, которую монголы вообще и въ частности буряты олицетворяютъ въ лицѣ богини Этугень, считается богиней всякаго богатства и плодородія, почему называется матерью и золотою. Этугень — старуха и живетъ во внутренности земли. Разъ три брата охотились вмѣстѣ и пашли въ Болхонской горѣ (иркут. губ. идинскаго вѣдомства) отверстіе, дна котораго не было видно. Они рѣшились изслѣдовать это подземелье и спустились въ него старшаго брата Мадай. Онъ очутился въ подземной пещерѣ и примѣтилъ въ стѣнѣ ея дверь, чрезъ которую Мадай вошелъ въ великолѣпную комнату, облитую яркимъ свѣтомъ. Около стѣнъ этой комнаты стояли не закрытые сундуки, полные золота и серебра; по срединѣ было возвышеніе, на которомъ лежала старуха, Мать-Земля. Послѣ усерднаго ей моленія, Мадай набралъ сколько могъ золота, подаль братьямъ условный знакъ и былъ поднять. Желая пріобрѣсть себѣ и доставить братьямъ богатство, онъ нѣсколько разъ спустился въ подземелье и возвращался съ грудой золота. Но корыстолюбивые братья его захотѣли одинъ завладѣть золотомъ и, обрубивши веревку, на которой спускался Мадай, ушли домой. Мадай, брошенный въ подземелье, считалъ себя погребшимъ; три дня и три ночи провелъ онъ въ молитвѣ и такъ изнурился, что, упавъ, не имѣлъ силы подняться. Вдругъ камень, на которомъ онъ лежалъ, сталъ пошевеливаться, потомъ двинулся по направленію къ отверстію и скоро вынесъ Мадай изъ пещеры. Эта легенда показываетъ, что богиня Этугень владѣетъ сокровищами земли, покровительствуетъ несчастнымъ, любитъ добрыхъ и поклоняющихся ей. Отдѣльныя части земли, замѣчательныя горы, скалы, лѣса, рѣки служатъ также предметомъ поклоненія. При истокахъ Ангарты изъ Байкала, изъ воды, возвышается скала, извѣстная подъ именемъ шаманскаго камня, на которомъ живетъ душа знаменитаго ша-

мана Мунгуту-Зорина. Подозрѣваемаго въ преступленіи буряты сажаютъ въ лодку-душегубку и въ ней одного отправляютъ къ камню, о который разбиваются волны чрезвычайно быстрой Ангарты. Подозрѣваемый долженъ поклониться на камнѣ въ своей невинности, и если онъ благополучно возвращается на берегъ, то считается вполне оправдавшимся. Буряты присягаютъ еще передъ другой скалой, находящейся на Байкальскомъ островѣ Ольхонѣ и хранящей, по преданію, на своей вершинѣ котель Чингисъ-Хана. Буряты также поклоняются необыкновеннымъ почему-нибудь камнямъ, считая ихъ спустившимися съ неба. Около г. Балаганска (иркутск. губ.) лежитъ огромный бѣлый камень, которому буряты приносятъ жертвы, особенно во время засухи, и утверждаютъ, что во время жертвоприношенія или вскорѣ послѣ него бываетъ дождь. Этотъ камень, говоритъ легенда, спустился съ неба на одну гору, потомъ перешелъ къ югу, въ харгапайскій улусъ; харгапайскіе буряты тотчасъ принесли ему жертву; но она, вѣроятно, не была принята, и камень снова перешелъ къ сѣверу, гдѣ лежитъ и нынѣ. Лѣса, роши и деревья считаются тоже божествами или, по крайней мѣрѣ, священными мѣстопробываніями духовъ. Эти роши извѣстны у бурятъ иркутской губерніи, какъ жилища буманъ-бурхановъ, — т. е. «сошедшихъ (съ неба) божествъ». Проѣзжая мимо нихъ, буряты останавливаютъ лошадь, закуриваютъ трубку и поднимаютъ ее вверхъ, принося табачную жертву богу роши; этотъ обрядъ называется: поднять табакъ вверхъ. Буманъ-бурханамъ приносятъ общественныя и частныя жертвы во время засухи и просятъ о дождѣ, а во время продолжительнаго ненастья о ведрѣ. Дурная погода бываетъ оттого, что мимо этихъ мѣстъ проходитъ какая-нибудь женщина и, какъ существо нечистое, оскверняетъ ихъ. Поэтому бурятки всегда обходятъ и объѣзжаютъ роши буманъ-бурхановъ. Рѣки, какъ Ононъ и Селенга, минеральныя ключи, оз. Байкаль тоже служатъ предметами поклоненія. Монгольскіе курьеры, почти каждый годъ пріѣзжающіе въ Иркутскъ, берутъ изъ Байкала воду и увозятъ съ собою въ Монголію. Воду оз. Гузакула пограничныя буряты тоже употребляютъ вмѣсто лекарства отъ боли въ животѣ. Нѣкоторыя рѣчки и ручьи, по мнѣнію бурятъ, могутъ производить дожди. Около Тунки (иркутск. губ.) есть ручей Аршанъ-усунъ. Стоитъ побывать у него и на другой день начинается ненастье; оттого во время сѣнокоса никто не смѣетъ приближаться къ этому ручью. Минеральныя источники пользуются особеннымъ уваженіемъ шаманистовъ, которые считают ихъ мѣстами пребыванія буманъ-бурхановъ. Отправляясь на минеральныя воды, буряты берутъ съ собою вина, мяса, сметаны, вереса и пихтовой коры. Всякій долженъ около минеральнаго ручья привязать какой-нибудь лоскутокъ, потомъ брызгать въ ручей виномъ, а когда сварится мясо, то бросить кусокъ самаго жирнаго мяса въ воду и три ложки сметаны въ огонь. По совершеніи этихъ жертвъ начинается пирушка. Огонь — одно изъ главныхъ божествъ шаманства. Монголы еще въ древности олицетворяли огонь въ богинѣ Уть, царицѣ огня. Но личность этой богини не выяснена и понятіе о ней сливается съ понятіемъ объ огнѣ. Вотъ какъ изображается Уть въ шаманской свадебной молитвѣ. «Матерь Уть, царица огня, сотворенная изъ дерева пльма, растущаго на вершинахъ горъ Хангай-Хана и Бурхатъ-Хана! Ты, которая родилась при отдѣленіи неба отъ земли, произопла отъ стопы матери Этугень и создана царемъ тэнгріевъ! Матерь Уть, коей отецъ — твердая сталь, мать — кремень, предки — ильмовыя деревья; которой блескъ достигаетъ до неба и проникаетъ всю землю! Тебѣ, матеръ Уть, всегда взирающая вверхъ, при-

носимъ вино чапами и жиръ пригоршнями. Даруй благополучіе царевичу (жениху), царевнѣ (невѣстѣ) и всему народу. Поклоняемся! Огню очага приносятъ жертву каждый разъ, какъ только начинаютъ ѣсть, въ него нельзя бросать такіа вещества, отъ которыхъ идетъ худой запахъ и дымъ; нельзя на него плевать и лить воду, перешагивать черезъ него, замахиваться оружіемъ, вынимать ножомъ мясо изъ стоящаго на немъ котла, втыкать ножъ въ горящія дрова и т. д.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Въ Новой Гвиней.

Изъ путешествія Люи Трегана. Переводъ Н. М. Поль.
Глава I.

Мнѣ только что исполнилось двѣнадцать лѣтъ, когда я, выведенный изъ терпѣнія дурнымъ обращеніемъ отчима, рѣшился бѣжать изъ деревни, въ сѣверномъ департаментѣ, гдѣ я родился и жилъ, и сдѣлаться морякомъ. Разказы стараго садовника, служившаго въ молодости во флотѣ, и видъ моря, которымъ я любовался съ вершины холма, наблюдая, какъ оно вздымало къ сѣверу небу пѣну своихъ волнъ или блестяло, отражая въ себѣ яркіе лучи солнца, не мало способствовали этому рѣшенію. Какъ бы то ни было, а на зарѣ одного лѣтняго дня, я бѣжалъ съ моимъ единственнымъ другомъ, Филипомъ Риго. Намъ пришлось идти три дня до ближайшаго морского порта, и когда мы добрались, нѣсколько су, составлявшіе наше общее достояніе, были уже утрачены. Купеческое судно, стоявшее у пристани, ставило паруса, готовясь поднять якорь; голодъ придавъ намъ мужество взойти на бортъ «Надежды», гдѣ, къ нашей радости, насъ приняли юнгами.

Съ этого времени жизнь моя стала обыкновенною жизнью моряковъ. Я полюбилъ ремесло, которое избралъ. Двадцати одного года отъ роду я служилъ уже лейтенантомъ подъ начальствомъ Филипа, который, будучи старше меня, сталъ капитаномъ «Надежды». Мы сохранили нашу дѣтскую дружбу, которую омрачило одно только облако: я вступилъ въ Англію въ общество масоновъ и когда, спустя много времени, признался въ этомъ Филипу, онъ пришелъ въ такую ярость, что я счелъ своимъ долгомъ оставить его судно. Черезъ нѣсколько дней другъ мой явился за мною и ссора эта была скоро забыта. Мы были тогда въ Мельбурнѣ, въ Австраліи, и готовились къ путешествію на Луизіадскіе острова. Мы нагрузили корабль скотомъ, яркими ситцами, трубками, свистками, стекломъ и даже куклами, которыя надѣялись съ выгодною вымѣнять у туземцевъ на произведенія острововъ. Мы покинули Мельбурнъ въ мартѣ. Пройдя берегомъ Австраліи до залива Мортонъ, мы взяли къ сѣверу, направляясь, несмотря на противный вѣтеръ, къ юго-восточному мысу, образуящему юговосточную оконечность Новой Гвиней. Мы намѣревались обогнуть его, такъ какъ Луизіадскіе острова лежатъ на востокъ отъ него, и шли на всѣхъ парусахъ, въ надеждѣ прибыть въ гавань до начала равноденственныхъ бурь.

Мы были всего въ 150 лье отъ берега, какъ вдругъ барометръ опустился; тотчасъ же поднялся страшный вѣтеръ, бороздя море и разрывая въ клочья наши паруса. Несмотря на это, мы продолжали путь, но на слѣдующій день бури разразилась съ такою силою, что мы принуждены были спустить паруса. Громадныя волны хлестали по палубѣ, ломая все, унося нашъ скотъ. Къ вечеру, ярость урагана удвоилась: стало невозможнымъ управлять кораблемъ, который трещалъ отъ напора волнъ. Никогда еще ночь не казалась мнѣ такою продолжительною, какъ теперь, въ нетерпѣливомъ ожиданіи дня. Наконецъ

онъ насталъ, вѣтеръ уменьшился и мы ободрились.

Когда море нѣсколько успокоилось, мы стали осматривать, насколько мы пострадали: бока судна были мѣстами поломаны, люки сорваны, капитанская каюта совершенно испорчена. Одну изъ нашихъ шлюпокъ унесло волнами, а двѣ другія попортило. Намъ прочный корабль хорошо выдержалъ бурю, но онъ пострадалъ и было очевидно, что еще одна такая буря и онъ погибнетъ. Что было дѣлать? Вернуться-ли въ заливъ Мортонна или исправить насколько возможно поврежденія и продолжать путь? Мы такъ надѣялись на успѣхъ нашей экспедиціи, что рѣшились идти впередъ.

Три дня ушли на приведеніе въ порядокъ «Надежды», а на четвертый мы снова шли уже на всѣхъ парусахъ. На седьмой день послѣ бури, мы увидѣли горы Оуэнтъ-Стэнли, которыя прилегаютъ къ юго-восточному мысу. Мы были на западѣ отъ мыса и слѣдовательно сблизись съ пути; наступала ночь и погода портилась. Къ счастью, вѣтеръ дулъ съ юга и благопріятствовалъ намъ. Къ тому же мы были въ открытомъ морѣ и намъ нечего было опасаться. Мы ободрились и, убавивъ парусовъ, направились къ востоку, въ надеждѣ быть завтра не далѣе, какъ въ разстояніи пяти лье отъ мыса. Вѣтеръ все усиливался ночью и, когда насталъ день, море представляло ужасающій видъ. Мы задѣвали почти за мелкіе острова, близость которыхъ, при ярости волнъ, была очень опасна. Мы направились въ открытое море, держась къ сѣверо-сѣверо-востоку.

Черезъ часъ вѣтеръ совершенно стихъ, но только для того, чтобы задуть съ новою силою съ юго-юго-запада. Мы находились въ величайшей опасности: мачты, почти совсѣмъ оторванные, не могли болѣе служить; несмотря на всѣ наши успѣхи, ураганъ и волны уносили насъ къ берегу Новой Гвиннеи.

Когда настала ночь, въ полу-лье отъ насъ видѣлась гряда утесовъ; мы должны были погибнуть, если вѣтеръ не измѣнитъ направленія. Несмотря на это, мы всѣ отправились ужинать въ обычный часъ съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто и не существовало въ каждомъ изъ насъ убѣжденія, что ему не увидѣть болѣе солнечнаго свѣта.

Послѣ ужина я вышелъ на палубу: никогда еще не видалъ я моря въ такой ярости! Черныя волны вздымались, какъ горы, бросались на нашъ несчастный корабль, какъ бы желая поглотить его и заставляли его вздрагивать до самаго основанія. Вѣтеръ свистѣлъ и завывалъ въ снастяхъ; продолжительный трескъ расшатывалъ остова корабля, который, казалось, стоналъ и хрипѣлъ, какъ смертельно раненный. Въ то же время насъ пронизывалъ рѣзкій холодъ и глубокая тьма обволокла насъ, будто саваномъ. Вдругъ, покрывая собою рокотъ бури, раздался страшный крикъ: «Впередъ скалы!» Въ самомъ дѣлѣ, въ нѣсколькихъ метрахъ тянулся длинный утесъ, о который мы неминуемо должны были разбиться. Было бы безумствомъ бросить якорь, но мы рѣшились на это, какъ на послѣднее отчаянное средство. Въ эту минуту вѣтеръ, казалось, улегся и перемѣнилъ направленіе. Филиппъ рискнулъ тогда поставить все на карту; и едва раздалось его приказаніе держать къ берегу, какъ мы бросились по мѣстамъ, исполненные новой надежды. Корабль медленно заколебался подъ напоромъ руля. Несмотря на темноту, мы видѣли, какъ бѣлая пѣна волнъ разбивалась объ утесы и каждая минута казалась намъ вѣкомъ. Уже «Надежда» прошла самое опасное мѣсто и мы стали дышать свободнѣе, какъ страшнымъ ударомъ опрокинуло мачты и повалило ихъ на палубу. Увы! мы наткнулись на подводную скалу, которая пробила киль. Помощникъ капитана былъ убитъ, и мачты, унавь

въ море, поломали реи и часть палубы. Мы погибли!

Тогда началась сцена ужаса и смятенія: шлюпки были готовы, наполнены прѣсною водою и провизіею. Волны, заливавшія палубу, грозили снести ихъ: слѣдовало тотчасъ же спустить ихъ въ море и понадобилось все вліяніе Филиппа, чтобы заставить повиноваться ему, обезумѣвшій отъ страха экипажъ. Вода со всѣхъ сторонъ заливала насъ: Филиппъ подошелъ ко мнѣ при крикахъ нетерпѣнія и проклятіяхъ матросовъ. Онъ обнялъ меня и сказалъ:

— Да хранишь тебя Богъ, Треганъ! Намъ нужно разстаться и принять команду надъ шлюпками, можетъ быть, мы никогда болѣе не увидимся. Прощай!

Матросы спорили, кому войти въ шлюпку, которой предстояло отчалить первой. Когда она наполнилась, Филиппъ сѣлъ въ нее. Боже мой! какою ничтожною казалась она среди бурнаго моря! Едва были обрѣзаны канаты, соединявшіе ее съ кораблемъ, какъ огромною волною отнесло ее футовъ на тридцать. Затѣмъ поднялся новый валъ, весь обитый пѣной, грозный, kloko-чущій, а когда онъ разбился, Филиппъ и матросы его исчезли: вѣроятно, океанъ поглотилъ ихъ! Та же волна унесла вторую шлюпку и большую часть моихъ товарищей. Насъ оставалось только пятеро на разбитой кормѣ!

Я забылъ о собственномъ положеніи, горя о судьбѣ друга: я вспоминалъ о счастливыхъ годахъ, проведенныхъ вмѣстѣ и нетерпѣливо ждалъ смерти, которая соединила бы насъ! Черезъ нѣсколько часовъ ко мнѣ вернулось инстинктивное желаніе жить. Вѣтеръ утихалъ, море стало менѣ бурнымъ и остова «Надежды» еще держался. Можетъ быть, слѣдующій день принесетъ намъ спасеніе!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Изъ Парижа *).

(Письмо Н. Тарже.)

Хорошо-ли вымощенъ Парижъ? Большинство, конечно, дастъ на этотъ вопросъ утвердительный отвѣтъ. И оно будетъ право, однакожъ, не вполне. Пока остаются въ Парижѣ совсѣмъ немощенныя улицы (а такія встрѣчаются въ предмѣстьяхъ, недавно присоединенныхъ къ Парижу), выраженіе «Парижъ хорошо вымощенъ» не вѣрно, но что большая часть его мостовыхъ хороши, — это совершенно правильно.

Парижъ вымощенъ камнемъ и асфальтомъ; кромѣ того, значительная часть полотна улицъ шоссирована. Силошныхъ шоссе въ Парижѣ осталось уже немного; найдено, что шоссе въ большомъ городѣ представляетъ много неудобствъ и теперь ихъ передѣлываютъ такъ: средину полотна вымачиваютъ, бока же оставляютъ шоссированными.

Въ Парижѣ вымощено 5,900,000 кв. метровъ (около 1,250,000 квадр. сажень) и шоссировано 1,808,000 кв. метровъ.

Тротуары въ Парижѣ — гранитные и асфальтовые. Если при сооруженіи новыхъ тротуаровъ, домовладѣлец ставитъ гранитные тротуары, городская казна принимаетъ на себя третью часть расходовъ; если же асфальтовые, то одну шестую часть. Затѣмъ уже обязанность содержанія тротуаровъ въ исправности возлагается всецѣло на городскую администрацію.

Кстати, приведу здѣсь правила, касающіеся постройки домовъ въ Парижѣ, въ дополненіе къ тому, что объ этомъ предметѣ говорено мною въ предыдущихъ письмахъ. Правила эти регламентированы декретомъ 18 іюня 1872 года. Высшая мѣра высоты дома опредѣлена въ 20 метровъ (28 аршинъ); введена узаконенная норма, менѣ

*) См. №№ 12, 14 и 17 «Жив. Об.».

которой нельзя дѣлать двора; установлены правила для постройки выгребныхъ ямъ, этихъ гнѣздъ заразы, а также содержанія ихъ въ исправности, зачѣмъ строго наблюдаетъ городская администрація. Что касается оздоровленія домовъ, то, если будетъ признано, что какой-либо домъ, найденный вреднымъ для здоровья его обитателей, не можетъ быть оздоровленъ никакими средствами, городская администрація имѣетъ право и должна объявить его необитаемымъ и тогда хозяину останется только одно: снести его и на мѣстѣ его построить новый домъ. Окрашиваніе наружнаго фасада дома обязательно одинъ разъ въ 10 лѣтъ.

Содержаніе мостовыхъ, шоссе и тротуаровъ, а также кладка новыхъ мостовыхъ и тротуаровъ въ послѣдній отчетный годъ обошлись Парижу въ 10½ миліоновъ франковъ.

Распоряженіе метеніемъ и поливкой парижскихъ улицъ возложено на городскую администрацію. Она содержитъ отрядъ постоянныхъ рабочихъ (на которыхъ, кромѣ метенія и поливки улицъ, возлагается присмотръ и работа на шоссе) и, кромѣ того, нанимаетъ поденщиковъ, работа которыхъ опредѣлена въ 6 часовъ (одна смѣна работаетъ утромъ отъ 4 до 10 часовъ, а другая отъ 10 до 4 часовъ пополудни). Плата за шестичасовую работу: женщинамъ 1 фр. 20 сан., мужчинамъ отъ 1½ фр. до 1¾ фр. Постоянные рабочие получаютъ: старшіе отъ 105 до 110 фр., младшіе отъ 86 до 90 франковъ въ мѣсяцъ. Съ каждого изъ нихъ вычитаютъ ежемѣсячно: по 5 фр. въ сберегательную кассу и по 2 фр. въ кассу взаимнаго вспоможенія.

Поливка и метеніе улицъ обходится городу въ 5,450,000 фр., отчасти пополняемыхъ специальнымъ налогомъ на содержаніе улицъ, который въ 1879 году далъ городской казнѣ 2,600,000 фр. Этотъ налогъ вызвалъ много неудовольствій по причинѣ неравномѣрности его распредѣленія. Городская администрація сознала свою ошибку и учредила особую комисію, которой поручила выработать новую, болѣе справедливую систему обложенія этимъ налогомъ.

Перехожу къ освѣщенію. До средины XVI столѣтія въ Парижѣ уличнаго освѣщенія совсѣмъ не было. Въ 1558 году, парижскій парламентъ издалъ постановленіе, обязывающее домовладѣльцевъ на углахъ улицъ имѣть зимою, отъ 10 часовъ вечера до 4 час. утра, зажженный фонарь, прибитый къ стѣнѣ дома. Распоряженіе это, очень неоправдавшееся тѣмъ домовладѣльцамъ, на которыхъ падалъ расходъ, исполнилось очень недолго. Однакожъ, въ 1594 году, по распоряженію полиціи, въ каждомъ кварталѣ зажигалось уже постоянно по одному фонарю съ ноября по февраль. Въ 1617 году, срокъ уличнаго освѣщенія опредѣленъ съ 20 октября по 31 марта. Въ 1704 году, расходы по освѣщенію парижскихъ улицъ отнесены на счетъ государства. Въ 1774 году, когда уличное освѣщеніе передано снова въ распоряженіе городской администраціи, въ Парижѣ было 800 фонарей. Во время первой республики городская администрація съ особенною заботливостью относилась къ освѣщенію улицъ, такъ что въ V году республики въ Парижѣ насчитывалось уже 4,112 фонарей. Газовое освѣщеніе въ первый разъ примѣнено въ Парижѣ въ 1824 году, а въ 1855 году, было уже 6 конкурирующихъ между собою компаній газоваго освѣщенія. Въ этомъ году всѣ они соединились въ одну компанію и до сихъ поръ освѣщающую городъ. Въ настоящее время городъ уплачиваетъ за 40,000 газовыхъ рожковъ, освѣщающихъ улицы, площади, рынки и пр., — 5,800,000 фр. Но самъ городъ получаетъ за газовое освѣщеніе отъ компаніи и посредствомъ специального налога 8 миліоновъ франк. Такимъ образомъ, эта статья приноситъ городской казнѣ чистаго дохода 2,200,000 фр.

№ 19. Томъ I.

На годъ, съ доставкою и пересылкою — 7 руб.;
на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсца. — 2 руб.
Отдѣльн. №№ по 20 к.

С.-Петербургъ, 12 Мая 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новая
улица, домъ № 6.

Годъ VII.

Посмертныя стихотворенія Я. А. Старостина.

II.

Изъ Гейне.

Уймись, безумныя грезы!
Останьтесь въ морской глубинѣ!
Какъ часто въ почвой тишинѣ
Изъ глазъ исторгали вы слезы,
Обманчивымъ призракомъ счастья мана!
Что-жъ теперь вы меня среди бѣлаго дня
Пугаете, словно морскія видѣнья?
Останьтесь на вѣки вы тамъ подъ водой,
Туда же я брошу мои преступленья,
Туда же я брошу козлакъ шутовской,
Гремѣвшій давно надъ моей головою;
Я брошу туда чешую лицемѣрную,
Давившую душу мою маловѣрную,
Душу изнывшую,
Бога забывшую,
Все отрицавшую,
Душу больную, не знавшую
Сладости
Радости....
Гой-го! ужъ вѣтеръ въ парусъ дуетъ,
И къ мирной пристани спѣша,
Корабль несется, — и ликуетъ
Освобожденная душа.

III.

Болѣзнь.

Я изнемогъ въ борьбѣ упорной,
Но побѣдилъ меня недугъ,
И призракъ смерти, призракъ черный
Передо мной явился вдругъ.
Бывало, я въ припадкѣ дикомъ,
Съ тоской не въ силахъ совладать,
Съ безумнымъ воплемъ, буйнымъ крикомъ
Звалъ смерть къ себѣ, какъ благодать.
Но, напряженіемъ напраснымъ
Надломленъ, въ пытѣхъ жгучихъ мукъ
Я передъ призракомъ ужаснымъ
Невольный чувствую испугъ.

Въ стоячей водѣ.

(Отрывокъ изъ дневника.)

Рассказъ Н. Ф. Бажина.

(Продолженіе.)

IV.

Что же будетъ дальше? Конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что придетъ время и принесетъ съ собою какое-нибудь новое увлеченіе и новое пристанище, худшее-ли, лучшее-ли, чѣмъ прежнія, но куда это время не идетъ и куда это-

го пристанища нѣтъ, не остается ничего больше, какъ скучать, зѣвать, ворчать и придирааться.

— Я думаю, не занятъ-ли мнѣ изученіемъ нѣмецкаго языка, пресерьезно сказала я сегодня мужу, какъ бы испрашивая его совѣта.

Онъ принялъ мои слова также совершенно серьезно и отвѣчалъ, что «отчего же и нѣтъ», нѣмецкая литература одна изъ самыхъ богатыхъ литературъ и нѣкоторымъ образомъ неисчерпаемый кладъ всякой премудрости.

— Тѣмъ болѣе, что лингвистическія наклонности, должно быть, у насъ въ роду. У меня была одна тетушка, которая въ преклонныхъ уже лѣтахъ изучила пять языковъ и даже передъ самою смертью занималась переводомъ поэмы Камюэнса.

— Луизіады? полувопросительно замѣтилъ онъ.

— Кажется, отвѣчала я. А какъ ты думаешь, — не завести-ли намъ какихъ-нибудь собачекъ? Сегодня у Петровыхъ я сначала и не замѣтила, что у нее, въ комнатѣ устроено на кушеткѣ нѣчто вроде шатра или навѣса. А потомъ, смотрю, оттуда появляется цѣлое семейство маленькихъ собаченокъ: и рыжія, и бѣлыя, и всякія... Преприятно!

Должно быть, что на этотъ разъ Дмитрій Васильевичъ уловилъ въ моемъ голосѣ нѣчто сомнительное, потому что только покосился на меня, но не сказалъ ни слова. Вообще онъ становится довольно подозрителенъ и разговариваетъ со мной такимъ образомъ, какъ будто идетъ въ потмахъ, опасаясь ушибиться, или по очень ненадежному льду, который можетъ сломаться. Оно и понятно: третьяго дня я его совсѣмъ вывела изъ себя, вчера опять та же самая исторія, такъ что бѣдняга непремѣнно долженъ наконецъ спросить самого себя: «неужели же это такъ и пойдетъ, — каждый день, каждый день?»

Третьяго дня, возвратившись отъ Кашина, онъ съ видимымъ интересомъ передалъ мнѣ, что Кашинъ вовсе не случайно не былъ у Лѣниныхъ въ прошлый четвергъ, а они поссорились. Что такое? Оказалось, Кашинъ сказалъ кому-то нѣчто вроде того, что Лѣнины лѣзутъ вонъ изъ кожи, чтобы только не отстать отъ людей, которые гораздо богаче ихъ. Кто-то передалъ эти слова Сидорову, Сидоровъ пересказалъ ихъ Карповой, Карпова не утерпѣла, чтобы не сообщить Лѣниной, и пошло, и пошло: холодныя встрѣчи, язвительныя намеки, наконецъ, довольно крупное объясненіе и ссора. Теперь они не говорятъ, не кланяются и всячески избѣгаютъ встрѣчи другъ съ другомъ.

Я выслушала Дмитрія Васильевича до конца

и потомъ прехладнокровно отвѣчала ему, что не могу представить себѣ ничего возмутительнѣе той среды, въ которой мы вращаемся. Это какая-то стоячая вода, въ которой все до послѣдней степени однообразно, мелочно и пошло. Всѣ подсматриваютъ другъ за другомъ; всѣ высчитываютъ, кто что съѣлъ и много-ли на это истратилъ; каждое слово на счету и старательно взвѣшивается; постоянно зависть, сплетни, ссоры, дразни и вообще, чтобы сказать однимъ словомъ, лу—жа!

Нужно было видѣть, какое впечатлѣніе произвелъ на Дмитрія Васильевича этотъ маленький спичъ его безпутной супруги. Онъ не только покраснѣлъ отъ негодованія, но у него даже налились кровью и выступили жилы на лбу... Я съ ума сошла? Или, наконецъ, я требую того, чтобы люди перестали быть людьми, а превратились въ ангеловъ? Или, можетъ быть, по моему мнѣнію, для того, чтобы правильно судить о людяхъ, слѣдуетъ принимать въ соображеніе только ихъ недостатки и слабости, но никакъ не хорошія стороны? Да? Это ли я хочу сказать?

— Какія же у нихъ хорошія стороны? спросила я.

Бѣдняга такъ и остоленѣлъ посреди комнаты при этомъ вопросѣ.

— Да ты смѣешься надо мной?! обиженно и мрачно воскликнулъ онъ.

— Ни мало; я пресерьезно интересуюсь знать, — какія ты найдешь въ нихъ добродѣтели.

Онъ пожалъ плечами и въ высшей степени сердито отправился въ ужасно неблагоприятное путешествіе — на поиски за добродѣтелями и свѣтлыми сторонами нашихъ добрыхъ знакомыхъ. Но только что онъ съ торжествомъ вытаскивалъ на свѣтъ Божій какую-нибудь усмотрѣнную имъ добродѣтель, я немедленно возражала ему, что это даже и не добродѣтель, а нѣчто обязательное для каждого человѣка, желающаго жить въ обществѣ себѣ подобныхъ. Только что онъ съ видомъ побѣдителя указывалъ мнѣ на какую-нибудь свѣтлую черту NN или XX, я спокойно требовала отъ него фактовъ и доказательствъ, что эта свѣтлая черта существуетъ въ дѣйствительности, а не въ одномъ лишь его воображеніи... Каждому приводимому имъ факту, я противопоставляла другой фактъ совершенно противоположнаго значенія; на каждое «да» Дмитрія Васильевича я отвѣчала «нѣтъ» и, наконецъ, довела его до того, что онъ бросился въ кресло и, воскликнувъ: «чортъ знаетъ, что такое!» мрачно замолчалъ.

Вчера — опять подобная же исторія. Не помню

уже по поводу чего, мужъ заговорилъ о той газетѣ, въ которой Лѣнневъ состоитъ однимъ изъ главныхъ столповъ—сотрудниковъ. Я немедленно отвѣчала, что рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ Димитрій Васильевичъ можетъ говорить серьезно и спокойно объ этомъ органѣ, возмутительнѣе котораго трудно себѣ представить что либо. Въ передовыхъ статьяхъ проповѣдуется одно, въ фельетонахъ другое, въ отдѣлѣ внутреннихъ извѣстій третье, въ заграничной хроникѣ четвертое; ни убѣжденій, ни какого бы то ни было увлеченія хотя бы вопросами минуты, ни, наконецъ, простого, вѣшняго таланта изложенія, ничего, такъ что невольно изумляешься—съ какихъ только борковъ и сосенокъ набралась подобная безшабашная толпа—редакція.

Боже, Боже! Нужно замѣтить, что мужъ и самъ отъ времени до времени помѣщается въ этой газетѣ кое-какія спеціальныя статейки, и тогда только становится вполнѣ понятно, какое впечатлѣніе произвели на него мои дерзкія слова. Какъ?! Такъ за кого же послѣ этого я его принимаю?! Да извѣстны-ли мнѣ, наконецъ, условія, при которыхъ приходится работать этой толпѣ? Знаю ли я хоть то, что газета не принадлежитъ ни Лѣнневу, ни ему, Димитрію Васильевичу, а составляетъ собственность издателя, такъ что каждый изъ сотрудниковъ можетъ отвѣчать только за свои статьи, за свой отдѣлъ и т. д. и т. д. Онъ горячился битыхъ два часа и прогорячился бы, конечно, еще столько же, еслибы я, усердно занимавшаяся набиваніемъ ему папиросъ, не вздумала закурить одну изъ нихъ. Такъ какъ я никогда до сихъ поръ даже и не пробовала курить, то зрѣлище тоненькихъ струекъ дыма, исходящихъ изъ моихъ улыбающихся устъ, моментально повергло Димитрія Васильевича въ полнѣйшее остоленіе. Онъ стоялъ, смотрѣлъ, молчалъ и на лицѣ его ясно было написано, что въ его душу закрадывается сомнѣніе въ благополучномъ состояніи моихъ умственныхъ способностей. А меня разбиралъ смѣхъ.

V.

Однакоже, за изученіе нѣмецкаго языка я еще не принималась: думаю, не заняться-ли лучше китайскимъ, такъ какъ это несравненно оригинальнѣе и притомъ, говорятъ, труднѣе, слѣдовательно займетъ больше времени. Собачекъ тоже еще не завела и вообще тяну день за днемъ по старому, то есть безцутно толкаюсь изъ угла въ уголъ, зѣваю, немного злюсь, насмѣшиваюсь и задираю всѣхъ и каждого, въ надеждѣ что пройму хоть кого-нибудь, разозлю, выведу изъ себя, и такимъ образомъ завяжется оживленная бесѣда. Къ сожалѣнію, мужъ почти уже пересталъ попадаться на эту удочку. Должно быть, онъ рѣшилъ, что его супруга просто «чудить» и поэтому чѣмъ меньше обращать вниманія на ея выходки,—тѣмъ лучше будетъ. А жаль, напрасно! Въ этихъ выходкахъ онъ могъ бы почерпнуть много, очень много серьезныхъ и назидательныхъ вещей.

Сегодня забралась пить кофе къ Катѣ Лѣнневой, которую почему-то все-таки люблю немножко больше другихъ, несмотря на то, что она и препорядочная сплетница, и до того малодушна, что готова рыдать цѣлыя сутки изъ-за какой-нибудь шляпки, недоступной для нея въ данную минуту, и почти ни о чемъ не думаетъ иначе, какъ головою своего супруга, представляющагося ей чѣмъ-то неизмѣримо превышающимъ всѣхъ остальныхъ смертныхъ. Но за то въ ней много добродушія, веселости и, главное, искренности, благодаря которой, Катя никогда даже и не пробуетъ разыгрывать какой-нибудь роли или взбираться на ходули, а въ наше фарисейское и лицемерное время это, право, кое-что значитъ. Ея монета, можетъ быть, и не особенно цѣнна, но за то всегда настоящая.

Самого Лѣннева не было дома; поэтому Катерина Павловна могла дать полную свободу своему языку и сердцу и сколько угодно жаловаться мнѣ на тѣ обиды, огорченія, страданія, которыя выпали на ея долю за послѣднее время. Но, впрочемъ, ничего, не оказалось, все было старое. Дѣти совершенно избаловались и безпрестанно обижаютъ ее; прислуга ровно ни на что не похожа и говоритъ ей дерзости; деньги уходятъ точно въ какую-то пропасть и постоянно ихъ нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ даже на самыя необходимыя вещи; мужъ постоянно сторонится отъ нея, молчитъ и если, наконецъ, заговорить, то «тоже не на радость», потому что или начнетъ ворчать, или просто оборветъ какимъ-нибудь грубымъ словомъ.

— «Вздоръ!» «Дура!» «Глупости!» только отъ него и слышишь,—на что же это похоже!? вскричала Катерина Павловна и, стукнувъ чашкой о блюдечко, откинулась въ кресло.

Старая, скучная исторія вѣчно повторяющаяся каждый разъ, какъ только судьба сведетъ вмѣстѣ двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ считаетъ себя существомъ высшимъ, а второй совершенно простоудшно преклоняется передъ нимъ до того, что готовъ пожалуй поставить ему свѣчки...

— Ничего нѣтъ легче, какъ положить всему этому конецъ и сразу завести новые порядки, сказала я, послѣ нѣкотораго тягостнаго раздумья на ту тему, что страданія Кати, по всей вѣроятности, страданія неизлѣчимыя. Вѣдь давно уже извѣстно, что мужья только тогда нѣжны и внимательны къ своимъ женамъ, когда мы ихъ въ грошъ не ставимъ и помыкаемъ ими, какъ послѣдней тряпкой. Потому стоитъ вамъ только переимѣнить тонъ съ Адрианомъ Михайловичемъ: не говорить съ нимъ, а кричать на него, не просить его, а приказывать ему, ни капельки не заботиться о немъ, а, напротивъ, требовать, чтобы онъ окружалъ васъ всевозможными попеченіями. Какъ только онъ ступитъ два шага по комматѣ, прикрикните на него, что онъ невыносимо стучитъ ногами. Какъ только онъ вздумаетъ заговорить съ вами, заткните уши и гоните его прочь. Однимъ словомъ, тираньте, швыряйте его изъ угла въ уголъ, бейте его, и все будетъ отлично. Попробуйте эту систему, хотя бы только ради любопытства. Но, разумѣется, нужна нѣкоторая постепенность, и для начала необходимо ясно показать Адриану Михайловичу, что вы его нисколько не любите, ни капельки не уважаете и, главное, ни мало въ немъ не нуждаетесь...

Катерина Павловна сначала слушала меня серьезно, потомъ на ея лицѣ выразилось удивленіе и, наконецъ, она такъ и покатила со смѣха. Глупое созданіе! Право, даже досадно, что она до такой степени простоудшна и искренна. Съ ея граціозной и статной фигуркой, съ ея блестящими глазками и пухлыми щечками, безпрестанно покрывающимися яркимъ-яркимъ румянцемъ она могла бы великолепно исполнить начертанную мною программу и если не помыкать своимъ супругомъ, то, по крайней мѣрѣ, быстро поставить его въ должныя границы.

А вѣдь я, кажется, начинаю просто ненавидѣть Лѣннева, хотя мнѣ лично онъ не сдѣлалъ ничего дурного. Эта откинутаая назадъ голова, эта возмутительная привычка отчеканивать свои слова, какъ скоро его собесѣдникъ не совсѣмъ соглашается съ нимъ, эта пренебрежительная манера при разговорѣ съ кѣмъ бы то ни было разсѣянно бродить глазами по сторонамъ, какъ будто разговоръ нисколько его не интересуетъ... невыносимо! Со мной, конечно, онъ не осмѣливается продѣлывать ничего подобнаго, но все равно я злюсь, когда онъ позволяетъ себѣ обращаться такимъ образомъ съ другими или, лучше

сказать, когда эти другіе позволяютъ ему обращаться такимъ образомъ съ ними. И однакоже есть люди, которые любятъ его, есть очень много людей, которые за что-то глубоко уважаютъ его, тогда какъ онъ, я увѣрена въ этомъ, рѣшительно никого не любитъ кромѣ себя и ровно никого не уважаетъ, опять-таки за исключеніемъ своей собственной особы. Всѣ мужчины на его взглядъ или дурачки, или въ самомъ лучшемъ случаѣ очень дюжинныя личности; всѣ женщины, разумѣется впрочемъ только тѣ, которыя хоть одинъ разъ видѣли его, непремѣнно до безумія влюблены въ него. Боже мой! Да неужели же онъ думаетъ, что, между прочимъ, и я втайнѣ страдаю и вздыхаю о немъ? Неужели же онъ, хотя бы только мысленно, осмѣливается нанести мнѣ подобное оскорбленіе?

А между тѣмъ кажется что такъ... Въ послѣднее время, то есть съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я начала «чудить», въ обращеніи этого господина со мной произошла довольно замѣтная перемѣна. Бесѣда со мной ему доставляетъ, какъ видно, несравненно больше удовольствія, чѣмъ съ моимъ мужемъ; взоры его безпрестанно обращаются ко мнѣ; голосъ его отъ времени до времени изъясняетъ намѣреніе проникнуться задумчивостью, что впрочемъ удается ему весьма плохо, а наконецъ Адрианъ Михайловичъ все настойчивѣе и настойчивѣе начинаетъ подкапываться подъ моего законнаго обладателя, то дружески-шутливо подсмѣиваясь надъ нимъ, то какъ бы мимоходомъ выставляя на видъ какую-нибудь изъ его слабостей...

Сегодня, напримѣръ, заѣхавъ къ намъ вечеромъ и посидѣвъ съ полчаса въ кабинетѣ мужа, занятого работой, Лѣнневъ вышелъ ко мнѣ и съ тонкою улыбкою завелъ такую ехидно-добродушную рѣчь:

— Можно подумать, что въ головѣ у Димитрія Васильевича какіе-нибудь преграндіозные планы и замыслы насчетъ будущаго. Все работы и работы, предпріятія и предпріятія, деньги и деньги,—цѣлыя рудники денегъ. Кажется, что ни одинъ часъ не проходитъ въ вѣчность, не оставивъ ему столько-то и столько-то рублей...

Я глубоко вздохнула и отвѣчала, что, ахъ, еслибы я была болѣе дѣловой женщиной, то ни о чемъ бы больше и не думала какъ о деньгахъ, о деньгахъ, о деньгахъ! Съ ними все возможно сдѣлать, онѣ магическою силою вызываютъ жизнь и движеніе всюду, куда только ни появятся, имъ все служатъ, все поклоняются и такъ далѣе и такъ далѣе, цѣлый дифирамбъ презрѣнному металлу.

Такъ какъ я до сихъ поръ вовсе не отличалась сребролюбіемъ или среброуваженіемъ, то Лѣнневъ посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, потомъ засмѣялся и заговорилъ о томъ, что однакоже я худѣю и худѣю, глаза у меня сдѣлались большими, а лице совсѣмъ матово-блѣдное...

Досадно видѣть, что мужъ не только уважаетъ этого человѣка, не только дорожитъ его совѣтами и миѣніями, но даже смотреть на него какъ на лучшаго друга, ради котораго можно при случаѣ пойти на то, на что онъ не пошелъ бы ни для кого другого. Лѣнневъ же съ своей стороны видитъ въ немъ просто «дюжиннаго малаго», могущаго пригодиться и сегодня, и завтра...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Священная война.

Историческіе этюды Павла Сиромнаго.

(Окончаніе.)

IV.

Приступаемъ теперь къ описанію самой несправедливой и безчеловѣчной изъ войнъ. Исторія войны переполнена чрезвычайно интересны-

ми частностями и глубоко драматическими эпизодами. Мы изложимъ лишь вкратцѣ главные фазисы крестоносной войны, оставляя въ сторонѣ частности, какъ бы онѣ ни были интересны.

Начертавши вышележенный планъ истребленія ереси, для проведенія его въ дѣло, папа Иннокентій послалъ въ Лангедокъ легатовъ съ самыми широкими полномочіями: епископы обязывались подчиняться ихъ распоряженіямъ, а власть свѣтская по первому зову является къ ихъ услугамъ. Словомъ, страна была объявлена въ осадномъ положеніи и надъ нею назначено экстренное управление. Это нисколько не вызывалось обстоятельствами, а личности легатовъ не были достойны такого широкаго довѣрія. Легаты оказались людьми несправедливыми, своекорыстными и бичами страны; ими были недовольны въ Провансѣ власти свѣтскія и духовныя; на нихъ смотрѣли, какъ на тирановъ и угнетителей не только еретики, но и усердные католики. Это, впрочемъ, естественно: кто имѣетъ много правъ, тотъ очень часто дѣйствуетъ безправно. Безконтрольная дѣятельность папскихъ легатовъ опозорила самое дѣло церкви. Папѣ впоследствии пришлось много краснѣть за своихъ довѣренныхъ, которые воспользовались полномочіями, чтобы нарушить права другихъ, которые не утишали страсти, а возбуждали ихъ и осложняли дѣло для своекорыстныхъ цѣлей. Обращеніемъ еретиковъ легаты не занимались, задача ихъ была — напугать еретиковъ и наказать ихъ. Они изрекли не мало отлученій и interdiktovъ и множество еретиковъ рекомендовали свѣтской власти — для наказанія. Но этого оказалось недостаточно: власть свѣтская явно покровительствовала еретикамъ, какъ людямъ добрымъ и полезнымъ. Для успѣха святаго дѣла нужно было вмѣстѣ съ подданными уничтожить и правителей; стало желательнымъ, чтобы въ этихъ странахъ явилась новая власть и новое населеніе. Мысль грандіозная! Еѣ высказалъ еще въ 1208 г. папа Иннокентій въ письмѣ къ королю французскому Филиппу-Августу. Было задумано гигантское предпріятіе и папа имѣлъ достаточныя силы, чтобы выполнить его. Какимъ образомъ? Посредствомъ крестоваго похода въ еретическую страну. Папа приказалъ проповѣдывать крестовый походъ и проповѣдь не была бесплодна; слишкомъ много приманокъ было для крестоносныхъ воиновъ, хотя нельзя сказать, чтобы всѣ эти приманки были чистаго характера. Конечно, многихъ привлекали индульгенціи и полное отпущеніе грѣховъ, но несравненно больше участниковъ въ крестоносной войнѣ привлечено было надеждами на земныя блага. Все добытое въ бою, все награбленное у еретиковъ принадлежитъ крестоносцу. Послѣ этого всѣ разбойники и грабители считали выгоднымъ присоединиться къ крестоносному ополченію: въ простомъ грабежѣ за добычу ихъ ожидала кара церковная и гражданская, а въ крестоносной войнѣ такая же и даже большая добыча признается законною собственностію и благословляется церковью. Владѣнія заподозрѣнныхъ въ ереси или въ покровительствѣ еретикамъ графовъ принадлежатъ тому, кто ихъ завоюетъ. Понятное дѣло, послѣ такого объявленія, найдется не мало сильныхъ рыцарей, настолько корыстолюбивыхъ, чтобы подъ видомъ благочестія и подъ покровительствомъ церкви преумножить свои наслѣдственные владѣнія. Папа дѣйствовать на корыстолюбіе, и благоразумно поступалъ: эта приманка всегда оказывается довольно сильною. Право завладѣть церковными имуществами заставило въ XVI в. нѣмецкихъ князей защищать реформу больше, чѣмъ религіозные мотивы. Желаніе воспользоваться богатыми лангедокскими графствами, можетъ быть, болѣе, чѣмъ надежда приобрести

сти царство небесное, двинуло сѣверныхъ рыцарей на югъ. Папа возбудилъ худшіе инстинкты и впоследствии, какъ увидимъ, долженъ былъ терпѣть плоды этого.

Призывъ къ крестоносной войнѣ раздался съ особенною силою, послѣ того, какъ папскій легатъ, Петръ Кастельнаусскій, былъ убитъ въ Лангедокѣ, въ 1208 г. Кто его убилъ — осталось неизвѣстнымъ. Но существовало подозрѣніе, что въ этомъ дѣлѣ принималъ косвенное участіе Раймундъ VI, графъ тулузскій; по крайней мѣрѣ, такой слухъ распространяли монахи и въ этомъ родѣ увѣдомленъ былъ папа Иннокентій III. Теперь гнѣву папы не было предѣловъ, и онъ, въ своей буллѣ, обращая предположеніе въ положеніе и недоказанный слухъ въ дознанный фактъ, объявилъ войну противъ Раймунда тулузскаго. Поводъ незначителенъ, но слѣдствія были чрезвычайно важны. Благодатная страна юга теперь на цѣлыя двадцать лѣтъ была предана всѣмъ ужасамъ войны. Охотниковъ воевать съ еретиками, какъ и нужно было ожидать, нашлось не мало; коды знаменемъ креста собралась громадная армія. Раймундъ, въ виду силъ непріятеля, смирился, чтобы отвратить, хотя на время, угрожавшую опасность. Онъ раскаялся во всѣхъ взведенныхъ на него преступленіяхъ и даже согласился подчиниться унижительному церковному наказанію. Этотъ могущественный государь, въ Сентъ-Жилѣ, окруженный своими вассалами, на колѣняхъ умолялъ папскаго легата, аббата Миллона, о помилованіи, прочиталъ перечень своихъ грѣховъ, составленный, впрочемъ, легатомъ и обязался впредь во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ сообразоваться съ предписаніями церкви. Легатъ набросилъ на шею кающагося графа веревку и потащилъ его въ церковь, бичуя при этомъ розгами. Послѣ этой операціи легатъ разрѣшилъ графа именемъ господина папы Иннокентія III. Напрасное униженіе! Духовная власть не вѣрила раскаянію графа и, прощая его, повидимому, въ то же время готовила ему гибель. Легатъ принудилъ Раймунда подписать такія условія, которыя выполнить было чрезвычайно трудно, и въ такой формѣ, что къ графу можно было придраться при первомъ желаніи и обвинить его, въ чемъ угодно. Легатъ не замедлилъ увѣдомить объ этомъ папу; онъ писалъ въ Римъ въ томъ смыслѣ, что Раймундъ теперь совершенно въ его рукахъ, что онъ теперь уже не уйдетъ. Папа отдалъ приказаніе, чтобы Раймунда оставили въ покоѣ. Не думайте, чтобы папа въ данномъ случаѣ руководился милостію къ раскаявшемуся графу или гуманностію: ни того, ни другого нѣтъ. Причиною снисходительности Иннокентія къ графу былъ весьма злоехидный расчетъ: онъ хотѣлъ разобщить силы провансальцевъ, отдѣлить графа отъ его естественныхъ союзниковъ и истребить ихъ порознь. Папа преслѣдовалъ принципъ — *divide et impera*. Это не догадка: Иннокентій въ инструкціи легатамъ подробно и искренне изложилъ такой планъ. Изъ этого видно, что церковь не желала принимать раскаяніе и провансальцамъ крайне не расчетливо было оказывать ей повинновеніе.

Во всякомъ случаѣ графъ тулузскій на этотъ разъ оставленъ былъ въ покоѣ. Такъ какъ война была начата противъ Раймунда, то крестоносцамъ оставалось, торжествуя легкую побѣду, отправиться домой. Но этого не случилось. Церкви надобно было стать твердою ногою въ Провансѣ и Лангедокѣ и все приготовить къ окончательной гибели графа; надобно было, наконецъ, вознаградить защитниковъ святаго дѣла, которые приняли крестъ далеко не безкорыстно, не для однихъ только небесныхъ благъ. Вслѣдствіе всего этого, теперь припомнили, что и во владѣніяхъ другихъ графовъ и правителей Прованса и Лангедока живутъ еретики, и что другіе графы по-

кровительствуютъ имъ или сами принадлежатъ къ еретикамъ. Это было еще не разслѣдовано и не доказано, но руководители крестоносной войны имѣли такое выгодное для нихъ убѣжденіе. Война, начатая противъ графа тулузскаго, превратилась въ войну противъ всего Лангедока. Насколько это справедливо, не будемъ говорить; потому что вся эта война составляетъ сплошную громадную несправедливость. Приготовленія крестоносцевъ не пропали даромъ. Войско, все разоряя и опустошая на пути, устремилось на владѣнія графа Безьерскаго. Онъ просилъ мира, желалъ объясниться, но легаты объ этомъ и слушать не хотѣли: имъ нужно было лишить его владѣній. Крестоносная войска обложила Безье и начали, по благословенію церкви, самое дикое и безцѣльное кровопролитіе. Легатъ, въ донесеніи папѣ о взятіи Безье, наивно и съ достоинствомъ рассказываетъ о подвигахъ крестоносцевъ: «Наши не щадили, пишетъ легатъ, ни пола, ни возраста, болѣе 20,000 погибло отъ меча. Такъ страшно было божественное мщеніе противъ еретиковъ!» Дѣйствительно страшно. Въ одной церкви св. Магдалины было перебито 7,000 человекъ, а число всѣхъ избитыхъ въ Безье, можетъ быть, превышало цифру, обозначенную легатомъ. Говорятъ, самъ же папскій легатъ возбуждалъ крестоносцевъ къ безцѣльному убійству. Когда войны выражали опасеніе, какъ-бы вмѣстѣ съ еретиками не погубить католиковъ, легатъ остроумно замѣтилъ: «бейте кого попало, Богъ разберетъ своихъ!» Тогдашній способъ веденія войны вообще отличался грубостію и жестокостію, но легатъ и крестоносцы превзошли въ этомъ отношеніи даже свое время; ихъ подвиги были удивительны даже для привыкшихъ къ звѣрствамъ современниковъ. Послѣ погрома Безье, войска направилась на Каркасонъ, другую столицу графства. Здѣсь былъ Раймундъ Рожеръ, графъ Безье и Каркасоны, и городъ приготовился къ героической защитѣ. Погибель города была неминуема; но такъ какъ, все-таки, трудно было взять его, крестоносцы прибѣгли къ переговорамъ. Графу крестоносцы предлагали оставить городъ съ нѣсколькими рыцарями. На это благородный защитникъ Каркасоны отвѣчалъ, что онъ скорѣе согласится собственноручно перебить всѣхъ жителей и потомъ лишить себя жизни, чѣмъ пожертвовать для своего спасенія послѣднимъ изъ своихъ подданныхъ. Если такъ рыцарски честенъ былъ Раймундъ Рожеръ, то легатъ и крестоносцы нисколько не походили на него. Они вѣроломно захватили графа, приѣхавшаго въ лагерь для переговоровъ, и заключили его въ темницу, гдѣ онъ скоро умеръ, вѣроятно, отъ руки крестоносцевъ. Съ Каркасоною и другими городами графства поступили такъ же, какъ съ Безье. Послѣ графа тулузскаго и графа безьерскаго, въ Лангедокѣ сильнѣйшимъ владѣтелемъ былъ графъ де-Фуа. Крестоносцы бросились на него и его заставили покориться. При этомъ вездѣ льется кровь, нарушаются всякія права и совершаются жестокости. Такъ послѣ взятія Брома, глава крестоносцевъ Симонъ Монфоръ приказалъ ослѣпить болѣе 100 человекъ и вдобавокъ обрѣзать носы. Католическій историкъ войны при этомъ замѣчаетъ, что еретики вполне заслужили этого и что Симонъ Монфоръ кротокъ, какъ агнецъ. «Что же касается до благороднаго графа, то онъ никогда не предавался жестокостямъ и истязаніямъ; ибо онъ былъ самый кроткій изъ людей». Этотъ-то кротчайшій изъ графовъ, подъ руководствомъ нѣжнѣйшаго изъ легатовъ, продолжалъ опустошать Лангедокъ. Мы не пойдемъ за ними по ихъ кровавому пути...

Сейчасъ же послѣ завоеванія графствъ Безье и де-Фуа оказалось, къ чему клонится крестоносная война и въ чемъ должно состоять обращеніе въ православіе. Крестоносцы жгли и гра-

били города, разоряли и избивали жителей за ересь. Но конечная цѣль этимъ не достигалась: цѣль состояла въ томъ, чтобы видѣть на югѣ новыхъ правителей и новое населеніе. Папскій легатъ и приступилъ теперь къ выполнению этой цѣли: завоеванныя земли онъ предложилъ графамъ Бургундскому, Неверскому и С. Поль. Но они съ негодованіемъ отказались отъ этого неприличнаго подарка. Для католиковъ нуженъ былъ человекъ съ менѣе щекотливою совѣстью и большою жаждою незаконныхъ стяжаній. Какъ разъ таковъ былъ герой крестоносной войны, графъ Симонъ Монфоръ. Ему и отданы были церковью завоеванныя земли. Бѣдный графъ монфорскій, благодаря церкви, сдѣлался богатъ. Въ надеждѣ на большія пріобрѣтенія, онъ долженъ былъ изыскивать средства продолжать и затягивать войну. Усердіе его въ этомъ дѣлѣ потомъ уже не могли остановить папа и церковь.

Послѣ покоренія крестоносцами графовъ Безье и де-Фуа, Раймундъ тулузскій лишился своихъ союзниковъ, онъ обезсиленъ и, слѣдовательно, побѣда надъ нимъ легка. Симонъ желалъ съ Тулузою поступить такъ же, какъ съ Безье и де-Фуа, и пріобщить къ своимъ владѣніямъ владѣнія Раймунда. Но графъ тулузскій примирился съ церковью и получилъ разрѣшеніе, стало быть, неудобно было начинать противъ него непріязненные дѣйствія. Неудобно сдѣлать этого законнымъ образомъ — правда; но сильно можно пренебречь этимъ стѣснительнымъ обстоятельствомъ, а предлогъ, имѣющій видъ законности, всегда найдется. Легатъ, премудро предложившій Раймунду подписать неисполнимыя условія, могъ найти множество предлоговъ, и онъ нашелъ. Легатъ заявлялъ, что Раймундъ не истребилъ всѣхъ еретиковъ въ своихъ владѣніяхъ; такимъ образомъ, не выполнилъ условій примиренія съ церковью и снова повиненъ наказанію. Теперь Раймунду грозили не розги, какъ въ Сентъ-Жилѣ, а лишеніе владѣній; къ Тулузѣ уже протягивались корыстолюбивыя руки Симона монфорскаго. Раймундъ, видя, что ему не добиться справедливости отъ слугъ папскихъ, отправился въ Римъ къ самому господину. Папа принялъ графа очень любезно, повторилъ надъ нимъ разрѣшеніе и обѣщалъ удовлетворить его просьбамъ. Но все было напрасно. Иннокентій видѣлъ, что его легаты поступаютъ съ Раймундомъ несправедливо, можетъ быть, сожалѣлъ объ этомъ, но помочь ему не могъ: онъ развязалъ страсти и теперь уже не имѣлъ возможности положить имъ границы, началъ неправо дѣло и долженъ былъ видѣть его результаты. Свѣденія о дѣлѣ папа принужденъ былъ получать отъ людей, заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Онъ поручалъ нѣсколько разъ пересматривать дѣло Раймунда; но пересматривали тѣ же люди, которые обвиняли и утѣсняли его. Папа строго писалъ своему легату Арнольду, чтобы онъ не протягивалъ руки на хищеніе, чтобы графу тулузскому были возвращены его владѣнія. И по прежнему получалъ донесенія, что Раймундъ еретикъ, что онъ не исполняетъ условій, что онъ опасенъ для церкви. Было нѣсколько соборовъ, на которыхъ Раймунду предлагали такія условія, принятіе которыхъ равнялось отреченію отъ власти. Раймундъ условій не принималъ; а въ Римъ доносили, что онъ упорствуетъ и не признаетъ авторитета церкви. Съ Раймундомъ поступали нечестно и незаконно. Виноваты въ этомъ ближайшимъ образомъ слуги; но прежде всего самъ господинъ. Скажутъ, онъ не имѣлъ возможности остановить катившееся колесо; но зачѣмъ же онъ далъ ему первый толчекъ. Раймундъ вправдѣ былъ горько жаловаться на церковь и папу.

Послѣ того, какъ уступки, смиреніе и униженіе не приносили пользы, Раймунду оставалось одно: выступить съ оружіемъ въ рукахъ противъ своихъ враговъ. Несмотря на то, что время, по

нерѣшительности Раймунда и по излишней его довѣрчивости къ великодушію враговъ, было потеряно, онъ, все-таки, былъ не одинъ. Правда, большинство графствъ было разорено и большинство городовъ находилось въ рукахъ крестоносцевъ, но никто въ Провансѣ не былъ доволенъ господствомъ церкви и крестоносцевъ. Это господство внесло съ собою разореніе, лишеніе правъ, насилие и варварство. Весь Провансѣ былъ теперь союзникомъ Раймунда противъ крестоносцевъ. Города, благодаря прежнему своему свободному устройству и самоуправленію, нашлись въ затруднительныхъ обстоятельствахъ; они изобрѣли средства и начали тѣснить оставленные крестоносцами гарнизоны. Въ крайнихъ случаяхъ горожане рѣшались на великое самопожертвованіе: они жгли города и все свое достояніе, лишь бы это не доставалось крестоносцамъ. Такъ поступали не еретики, но даже и католики; и они были довольны старыми порядками и не желали новыхъ; подъ старымъ управленіемъ они пользовались свободой и благосостояніемъ, а подъ новымъ совершались всякаго рода насилія. Кому же принесли пользу крестоносцы и кого они облагодѣтельствовали? Война приняла національный характеръ: югъ защищалъ свои права, свою національную особность, свое благосостояніе, а сѣверъ, подъ видомъ благочестія, хотѣлъ все это уничтожить. Папа думалъ, что онъ борется противъ ереси, а на самомъ дѣлѣ онъ боролся противъ народности; онъ рассчитывалъ, что распространяетъ благочестіе, а на дѣлѣ уничтожалъ свободу; походъ предпринять былъ для спасенія душъ, а клонился къ истребленію громаднаго, цивилизованнаго населенія. Горожане возстали за своихъ государей съ самоотверженіемъ, пронскавшимъ изъ народной любви къ этимъ правителямъ, охранявшимъ права и свободу народа. Дѣло церкви по отношенію къ графу тулузскому и другимъ южнымъ правителямъ было до того несправедливо, что даже аррагонскій король Петръ, блестящій вонитель мусульманъ и покорный сынъ церкви, вмѣстѣ съ отлученнымъ и ослабленнымъ еретикомъ Раймундомъ, выступилъ противъ Симона Монфора. Но истомленные и ослабленные южане ни въ какомъ случаѣ не могли теперь выдержать борьбы съ Симономъ, котораго постоянно подкрѣпляли все новыя и сильнѣйшія крестоносныя полчища. Послѣ битвы при Мюрэ, гдѣ погибъ рыцарь, король аррагонскій, погибла послѣдняя надежда для Раймунда и всего юга. Симонъ Монфоръ занялъ владѣнія Раймунда, а несчастному графу приходилось подчиниться условіямъ, предложеннымъ ему папскимъ легатомъ, кардиналомъ Петромъ. Условія были таковы: графъ тулузскій навсегда лишается своихъ земель и долженъ доживать вѣкъ въ какой-нибудь другой странѣ; ему на содержаніе изъ доходовъ страны отпускается 400 марокъ ежегодно; вся земля, завоеванная крестоносцами, отдается Симону Монфору, какъ болѣе другихъ потрудившемуся въ священной брани; еще незавоеванныя владѣнія графа тулузскаго до совершеннолѣтія его сына должны быть управляемы повѣренными церкви, и потомъ переданы ему, если онъ будетъ достоинъ такой милости. Все это было утверждено папою, который, какъ мы знаемъ, примирился съ Раймундомъ, не считалъ его преступленія доказанными, порицалъ поступки противъ него своихъ легатовъ и Симона Монфора. Что же это такое: ложь со стороны папы или слабохарактерность? Можно думать, что папа не лгалъ, а въ слабохарактерности никто не можетъ заподозрить великаго администратора. Дѣло въ томъ, что всякій администраторъ находится по необходимости въ рукахъ своихъ слугъ и, въ концѣ концовъ, дѣлается, что имъ угодно.

Графъ тулузскій смирился; но не смирился кротчайшій изъ людей, работорецъ благочестія и

покорный сынъ церкви — графъ монфорскій. Несмотря на опредѣленія Латеранскаго собора, оставившаго прованскія владѣнія Раймунда за его сыномъ, Симонъ протягивалъ свою корыстную руку къ этому запрещенному плоду. Послушный сынъ церкви уже нѣсколько разъ захватывалъ запрещенное церковью, и все это ему удавалось. Онъ обыкновенно отъ каждаго несправедливаго прибитка удѣлялъ значительную часть церкви и тогда владѣлъ остальнымъ съ ея соизволенія и благословенія. Вѣроятно, въ надеждѣ на такого рода снисходительность папы Симонъ, прямо послѣ Латеранскаго собора, пожелалъ овладѣть скуднымъ наслѣдствомъ Раймундова сына; но теперь ему не удалось. Раймундъ бросилъ свою нерѣшительность и вздумалъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать свои права; на этотъ разъ дѣла его пошли успешно. Онъ вступилъ въ свои владѣнія съ испанскою помощію, а сынъ его въ Провансѣ нашелъ много приверженцевъ. Графы, прежніе союзники Раймунда, и города, страдавшіе отъ спасителей, опять возстали. Папа грозилъ возставшимъ отлученіемъ и наказаніемъ; но такъ какъ отъ соединенія съ церковью слѣдовали такіе печальные плоды и отъ мира съ нею одни только несчастія, — отлученія и угрозы не подѣйствовали. Между тѣмъ крестоносцы въ большемъ числѣ уже отправились на родину. Симонъ, въ ожиданіи помощи, засѣлъ въ Тулузѣ; а когда тулузцы стали сильно тѣснить его, то онъ зажегъ Тулузу и вышелъ изъ ней. Тогда пришелъ Раймундъ въ свою разрушенную столицу. Стѣны и укрѣпленія города были возобновлены съ удивительною скоростью. Подъ этими новыми укрѣпленіями, въ слѣдующемъ 1218 г., пашелъ свой конецъ Симонъ Монфоръ: онъ убитъ былъ при осадѣ города. Вскорѣ послѣ смерти своего врага, умеръ, испытавшій такъ много превратностей въ своей жизни, старый графъ тулузскій, Раймундъ VI. Онъ могъ предъ смертью утѣшиться тѣмъ, что отвоевалъ всѣ свои владѣнія, такъ несправедливо забранныя у него крестоносцами.

Сынъ и наслѣдникъ его, Раймундъ VII, наслѣдовалъ его владѣнія. Молодого графа рѣшительно ни въ чемъ нельзя было обвинить, и ему, какъ законному наслѣднику, а теперь и завоевателю, по праву принадлежало быть правителемъ. Но былъ другой наслѣдникъ, правда не столь древній и законный, сынъ Симона, Амори, и церковь признала эти земли за нимъ. Молодой Раймундъ, наученный опытомъ отца, не ожидая никакого толку отъ переговоровъ съ папами и монахами, началъ воевать съ Амори и довелъ его до того, что онъ, запертый въ Каркасонѣ, за свободный пропускъ отказался отъ всѣхъ владѣній, «пріобрѣтенныхъ въ четырнадцать лѣтъ его дому рукою отца, хитростію легатовъ и злобою монаховъ» (1224 г.). Амори обязался, кромѣ того, ходатайствовать о примиреніи Раймунда съ церковью. Но миротворецъ не думалъ объ исполненіи своего обязательства, да и невозможенъ былъ для графа тулузскаго миръ съ церковью; церковь не могла остаться покойною, пока въ Тулузѣ сидѣлъ сынъ Раймунда VI, пока югъ не утратилъ своей національной физіономіи. Если югъ не могъ удержать слабый сынъ Симона, то папа имѣлъ возможность предложить эти земли болѣе сильному человеку. Мы видѣли, что, еще при началѣ войны, папа предлагалъ эти земли королю французскому; они и не ушли изъ его рукъ. Филиппъ-Августъ съ чудеснымъ благоразуміемъ, не отрицая желанія принять крестъ и завладѣть землями еретиковъ, дожидаясь, какъ пойдутъ дѣла. Онъ предоставилъ другимъ дѣйствовать и тратить ихъ силы, въ надеждѣ, что, въ концѣ концовъ, труды и расходы ихъ принесутъ пользу ему. И дѣйствительно, надежда его сбылась: оказалось, что крестоносная армія и папа, Симонъ Монфоръ и легаты работали въ его пользу. Впро-

КАРТИНА Г. МАКАРТА.

чемъ, окончательно пришлось воспользоваться каштанами не ему, а его пріемнику, Людовику VIII. Амори уступилъ ему свои права на владѣнія графа тулузскаго. Права фиктивные и уступка фиктивная; но тѣмъ не менѣе это имѣло серьезное значеніе: владѣнія грабителя и ограбленнаго Людовикъ успѣлъ соединить съ своими родовыми землями. При этомъ произошло нѣсколько комическихъ фактовъ, прекрасно характеризующихъ римскую дипломатію. Дѣло было такъ: Раймундъ обратился къ папѣ для защиты своихъ родовыхъ владѣній противъ этого новаго претендента. Видно Раймундъ не уцѣломудрился прежними примѣрами папскаго заступничества: видно позабылъ несчастія отца и свои собственные, причиненныя этимъ пресловутымъ миротворцемъ. Какъ только онъ стоялъ съ оружіемъ въ рукахъ—все было хорошо; какъ обратился къ заступнику—все пропало. Папа Гонорій оказался снисходительнымъ и склонился на его сторону. За защиту и покровительство Раймундъ обязывался въ своихъ владѣніяхъ охранять права католической церкви, очистить край отъ ереси, возратить церквамъ и монастырямъ когда-либо принадлежавшія имъ имущества и выдать папѣ двадцать тысячъ марокъ. Онъ честно выполнилъ все эти условія; но папа медлилъ утвердить договоръ и, наконецъ, объявилъ противъ него крестовый походъ. Король французскій принялъ теперь крестъ, какъ прежде Симонъ Монфоръ. Раймундъ представлялъ легату, что онъ честно выполнилъ условія, предоставлялъ ему право самому розыскивать и наказывать еретиковъ. «Но его противникамъ, по выраженію Шлоссера, хотѣ-

лось, чтобы онъ отрекся не отъ мнѣній, а отъ владѣній, и потому они начали самую незаконную изъ войнъ, совершая въ ней одну несправедливость за другой. Раймундъ долженъ былъ уступить. Его лишили владѣній въ пользу французскаго короля, обязали истребить въ своихъ земляхъ (оставлена ему была самая малая часть) еретиковъ, онъ долженъ былъ пять лѣтъ въ Палестинѣ подъ знаменемъ креста воевать съ невѣрными, уплатить значительную сумму денегъ, и, наконецъ, за грѣхи,—какіе неизвестно,—ему пришлось подвергнуться такому же унижительному наказанію, которому подвергся прежде его отецъ: его въ Парижѣ всенародно предъ церковью бичевалъ папскій легатъ».

Теперь кончилась священная брань, предпринятая противъ ереси для спасенія душъ. Мы видѣли, что она ведена была безчеловѣчно, средствами самыми незаконными и ни въ какомъ случаѣ недостойна такого названія. Но достигла ли она, по крайней мѣрѣ, цѣли? Нѣтъ: недовольство церковію римскою растетъ все больше и больше и ненависть къ ней, правда, сначала скрытая и глухая, распространяется по всей Европѣ. Торжество церкви надъ провансальцами было одною изъ причинъ послѣдующаго паденія и униженія церкви. Сама церковь сознавала, что она не уничтожила войною ереси и не заставила уважать себя. Для того, чтобы поправить дѣло, она, послѣ священной войны, установила священную инквизицію, которая должна была служить къ постоянному оздоровленію страны отъ еретической заразы. Но это учрежденіе было проклятіемъ для папства.

Нубійскія женщины. По фотографіи рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

Смерть Клеопатры.

Стих. Кн. Дмитрія Голицына.

Волну разбѣгая и слѣдъ за собой
Въ шумящихъ водахъ оставляя,
Галера скользитъ среди темноты
Какъ чайка предъ бурей мелькая.
Темно и на небѣ свѣтило ночей,
Скрываясь за тучей густою,
Волнамъ не кидаетъ холодныхъ лучей,
Лишь звѣзды блестятъ надъ водою.
Со злобію вѣтеръ гудитъ въ парусахъ
И весла шумятъ, ударая.
Вздыхаясь, качаясь на бурныхъ волнахъ,
Всѣ мачты подъ вѣтромъ сгибая,
Галера къ Египту несется всю ночь,
Скользя надъ шумящей водою,
Царей Птолемеевъ коварную дочь
Впередъ увлекая съ собою.
Каюта большая убранствомъ блеститъ,
Камнями, парчей золотою;
На ложѣ богатомъ царица лежитъ
Сіяя красой роковою.
У ногъ двѣ невольницы молча сидятъ
И машутъ надъ ней опахаломъ
И перья, то плавно, то быстро скользятъ,
Сверкая алмазомъ, опаломъ.
Царица мечтаетъ, царица не спитъ,
Царица оставила битву,
Гдѣ пылкій Антоній ее защититъ
И шепчетъ царица молитву
Небеснымъ, могучимъ Египта богамъ:
«Пусть сгинетъ Антоній, страдая;
«Октавій надменный падетъ мнѣ къ ногамъ,
«Свой Римъ предо мной повергая!

* * *

Антоній не раненъ, Антоній бѣжалъ,
Послѣдно оставивъ сраженіе;
Отъ собственныхъ рукъ онъ въ отчаяньи
Паль,

Не въ силахъ снести униженіе.
Октавій могучій и флотъ и войска
Къ столицѣ Египта придвинулъ,
И горестъ царицы теперъ глубока,
Ее духъ надежды покинулъ.
Октавій безчувственъ, отъ власти страстей
Онъ, Цезарь, вполне застрахованъ,
Красой пораженный не палъ онъ предъ ней,
Броней незримой окованъ.
Въ огромной столицѣ, въ богатомъ дворцѣ
Царица Египта мечтаетъ;
Не видитъ ужъ счастья она на землѣ
И лучшую смерть избираетъ.
Не зная ужъ ей больше восторговъ любви,
За властью наступитъ мученье,
Участіе въ триумфѣ одно впереди,
Какъ славы враговъ украшеніе.
«Судьбой суждено мнѣ до смерти владѣть,
«Спасеніе осталось въ кончинѣ,
«И лучше царицей стою разъ умереть,
«Чѣмъ жить мнѣ рабой на чужбинѣ!»
И аспидъ въ рукахъ Клеопатры шипитъ,
Цвѣточное ложе оставивъ;
Съ улыбкой спокойной царица глядитъ
Къ груди его жало направивъ.
И, руку схвативши холоднымъ кольцомъ,
Ведетъ смертоноснымъ онъ жаломъ,
Махая подъ нею грозящимъ хвостомъ,
Какъ будто вода опахаломъ.
И вдругъ, развернувшись и грозно шипя,
Онъ съ жадностью жалитъ царицу
И, глядя, какъ жалитъ и жалитъ змѣя,
Она отстранила десницу.
Закрывши лѣнливо и томно глаза,
Подъ быстрымъ вліяніемъ яда
Она забывается сномъ навсегда,
Оставивъ тотъ міръ, гдѣ отрада
Была невозможна, гдѣ прежде она
Сіяла богатствомъ, красотою:

Отъ страшнаго плѣна на вѣкъ спасена
Она ядовитой змѣею.

Какъ далеко отъ насъ звѣзды?

Ст. С. П. Толиѣрова.

Предѣленіе разстояній звѣздъ отъ земли принадлежитъ къ самымъ труднымъ вопросамъ астрономіи. Какъ измѣрить тѣ громадныя,—можно сказать, безконечныя,—пространства, которыя отдѣляютъ насъ отъ звѣздъ, да и въ состояніи ли мы ихъ измѣрить непосредственно? — Къ сожалѣнію, мы принуждены дать отрицательный отвѣтъ: нѣтъ, не можемъ. Хотя, правда, и достигли того, что опредѣлили непосредственно разстояніе отъ Земли нѣкоторыхъ звѣздъ, но это опредѣленіе не выполнѣ точно, такъ какъ оно зависитъ отъ нашихъ инструментовъ и чувствъ, а относительно послѣднихъ можно сказать только то, что они сравнительно довольно грубы.

Какъ и чѣмъ измѣрять эти безконечныя разстоянія? Въ какихъ мѣрахъ выражать ихъ? Нельзя же мѣрять ихъ аршиномъ, потому что онъ слишкомъ малъ; нельзя также мѣрять ихъ и саженью или верстою, потому что это все такія единицы, которыя исчезаютъ передъ разстояніемъ ближайшей къ намъ звѣзды, и если мы сосчитаемъ, сколько аршинъ въ этомъ разстояніи, то получимъ столь громадное число, что затруднимся даже и прочесть его. Вслѣдствіе этого необходимо взять болѣе крупныя единицы. Самая крупная единица, которую мы измѣрили на Землѣ достаточно точно,—это ея экваторіальный поперечникъ; но Земля,—какъ бы велика она намъ, ея обитателямъ, ни казалась,—является безконечно малою въ сравненіи съ громадными звѣздными пространствами, и потому слѣдуетъ прибѣгнуть къ еще болѣе крупнымъ единицамъ, чѣмъ земной поперечникъ. Изъ подобныхъ единицъ, измѣренныхъ нами непосредственно въ небесномъ пространствѣ,—это разстояніе Земли отъ Солнца; въ своемъ среднемъ значеніи оно равно $20\frac{2}{3}$ милліонамъ географическихъ миль. Вотъ какими единицами приходится измѣрять разстояніе звѣздъ отъ Земли или Солнца. Но даже и эта единица является микроскопическою въ сравненіи съ разстояніями звѣздъ отъ Земли; тѣмъ не менѣе мы на ней остановимся.

Какія же имѣются средства или, лучше сказать, какая существуетъ возможность для приблизительнаго опредѣленія или для оцѣнки разстояній звѣздъ отъ Земли?

Земля, при годичномъ обращеніи вокругъ Солнца, постоянно мѣняетъ свое положеніе относительно него. Представимъ себѣ два положенія Земли, отстоящія одно отъ другого на полгода и мысленно соединимъ линіями звѣзду съ этими двумя положеніями Земли; тогда мы получимъ весьма острый уголъ, вершина котораго лежитъ въ центрѣ звѣзды, а стороны составляютъ упомянутыя линіи. Этотъ уголъ называется параллаксомъ. Очевидно, что чѣмъ ближе къ намъ звѣзда, тѣмъ больше параллаксъ, и наоборотъ, чѣмъ дальше она отъ насъ, тѣмъ меньше параллаксъ, а для безконечно-удаленной звѣзды онъ равенъ нулю; поэтому, опредѣляя параллаксъ различныхъ звѣздъ, мы тѣмъ самымъ опредѣлимъ ихъ разстояніе отъ Земли. Казалось

бы, что опредѣлить разстояніе звѣзды отъ Солнца весьма просто, но на дѣлѣ оказывается не такъ, потому что параллаксъ вообще весьма малъ и представляетъ значительныя затрудненія для его измѣренія; для всѣхъ извѣстныхъ звѣздъ онъ меньше одной секунды, а подобныя углы измѣряются съ трудомъ. Если параллаксъ больше или близокъ къ одной десятой секунды, то мы еще въ состояніи измѣрить его и за результаты измѣреній можно ручаться, но если параллаксъ меньше одной или двухъ десятыхъ секунды, то за измѣренія его мы не можемъ уже поручиться, и потому, какъ скоро параллаксъ какой-нибудь звѣзды меньше этой величины, мы не въ состояніи сдѣлать какого-бы то ни было заключенія о ея удаленіи отъ Земли. Тутъ лежитъ предѣлъ нашихъ изслѣдованій, за который грубость нашихъ чувствъ не позволяетъ намъ перешагнуть. Внутри же его лежитъ обширное поле изслѣдованій для астрономовъ-наблюдателей, которые, не смотря ни на какія средства, не могутъ изъ него выйти въ настоящее время. Предѣлъ этотъ является какъ бы заколдованнымъ. Нельзя надѣяться, чтобы и въ будущемъ можно было выйти изъ него, и на томъ основаніи, что въ настоящее время инструменты уже доведены до такой степени совершенства, что наши чувства сравнительно съ ними являются грубыми органами; къ тому же многія неизвѣстныя причины—какъ, напримеръ, атмосферныя вліянія, производятъ большія неточности, чѣмъ грубость нашихъ чувствъ; слѣдовательно, дальнѣйшее увеличеніе точности инструментовъ едва-ли принесетъ какую-нибудь пользу.

Изъ всего громаднаго количества звѣздъ (до девятой величины 324,000 приблизительно), видимыхъ въ обыкновенную трубу, только 13 имѣютъ параллаксъ, болѣе одной десятой секунды; всѣ же остальные, сколько намъ до сихъ поръ извѣстно, имѣютъ параллаксъ меньше одной десятой секунды; вслѣдствіе этого, разстоянія громаднаго большинства звѣздъ намъ неизвѣстны и нашему измѣренію недоступны. Желая, тѣмъ не менѣе, судить о ихъ разстояніи отъ Земли, нельзя слѣдовать естественному ходу—непосредственному опредѣленію разстояній, а необходимо избрать другой путь. Очевидно, что этотъ другой путь долженъ быть непременно умозрительный и иного быть не можетъ, такъ какъ непосредственнымъ путемъ можно измѣрить разстояніе лишь тринадцати звѣздъ.

Этотъ способъ опредѣленія разстояній звѣздъ отъ Земли основанъ на существованіи зависимости между видимою яркостью звѣзды и ея разстояніемъ отъ Земли.

Очевидно, что яркость звѣзды зависитъ отъ ея разстоянія отъ Земли: чѣмъ ближе звѣзда къ Землѣ, тѣмъ она для насъ ярче, и наоборотъ. Въ то же время яркость звѣзды безспорно зависитъ отъ величины послѣдней и отъ силы ея свѣта. Но такъ какъ мы не имѣемъ никакой возможности узнать размѣры звѣздъ, то и не можемъ сказать, которая изъ нихъ по объему больше, а которая—меньше; мы также не имѣемъ никакого основанія предполагать, чтобы ближайшія къ намъ звѣзды были больше, чѣмъ отдаленнѣйшія, и наоборотъ, чтобы отдаленнѣйшія были больше, чѣмъ ближайшія къ намъ звѣзды; и потому, мы полагаемъ, что большія и малыя по объему звѣзды одинаково разбѣяны по небесному пространству. То же самое и относительно ихъ абсолютной яркости или свѣтовой силы: мы не имѣемъ никакого основанія предположить, чтобы отдаленныя отъ насъ звѣзды обладали большею свѣтовою силою, чѣмъ близкія къ намъ звѣзды, или наоборотъ; поэтому мы также предполагаемъ, что среди звѣздъ и свѣтовая сила распределена вполне равномерно. Мы принуждены остановиться на этихъ предположеніяхъ и останавливаемся,

такъ какъ никакихъ другихъ сдѣлать не можемъ.

Итакъ, мы примемъ, что всѣ звѣзды, какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и по своей свѣтовой силѣ, равномерно распределены по небесному пространству; другими словами, мы допустимъ, что всѣ звѣзды равны между собою, какъ по объему, такъ и по свѣтовой силѣ. Чему равны эти общіе размѣры звѣзды, чему равна ихъ общая свѣтовая сила, — мы не знаемъ и не можемъ знать. Да для насъ оно и не важно, такъ какъ мы не будемъ имѣть дѣла съ абсолютными значеніями той и другой величины, а только съ относительными. При сдѣланномъ предположеніи оказывается, что чѣмъ ярче звѣзда, тѣмъ она къ намъ ближе и наоборотъ, чѣмъ звѣзда слабѣе, тѣмъ дальше она отъ насъ. Это явленіе для насъ неоспоримо не только съ качественной стороны, но и съ количественной: мы знаемъ, именно, что если разстояніе звѣзды увеличится въ два раза, то видимая ея яркость уменьшится въ четыре раза; если разстояніе увеличится въ три раза, то видимая ея яркость уменьшится въ девять разъ и т. д. Другими словами, мы знаемъ, что видимая яркость свѣтила уменьшается обратно пропорціонально квадратамъ разстояній. Такъ какъ намъ извѣстно, насколько видимая яркость звѣздъ первой величины больше видимой яркости звѣздъ второй величины, и насколько эта послѣдняя больше видимой яркости звѣздъ третьей величины и т. д., то легко узнаемъ, насколько звѣзды второй величины отстоятъ отъ звѣздъ первой величины, насколько звѣзды третьей величины отстоятъ отъ звѣздъ второй величины и т. д. Для этого стоитъ только сдѣлать расчетъ, насколько звѣзды второй величины должны отстоять дальше отъ звѣзды первой величины, чтобы отношеніе ихъ видимыхъ яркостей соответствовало какъ разъ дѣйствительному отношенію.

Мы знаемъ, что отношеніе видимыхъ яркостей звѣздъ двухъ смежныхъ величинъ равно 0,426. Это число показываетъ, что яркость звѣздъ, напримеръ, четвертой величины равняется 0,426-й части яркости звѣздъ третьей величины; яркость звѣздъ третьей величины составляетъ 0,426-ю часть яркости звѣздъ второй величины и такъ далѣе.

Поэтому, если мы примемъ разстояніе звѣздъ первой величины отъ Земли за единицу, и ихъ яркость тоже за единицу, то звѣзды второй величины, которыхъ яркость равна 0,426, должны быть удалены отъ Земли на 1,53 единицы, т. е. нѣсколько болѣе, чѣмъ въ полтора раза дальше звѣздъ первой величины. Такъ какъ яркость звѣздъ третьей величины настолько же слабѣе яркости звѣздъ второй величины, насколько яркость этихъ послѣднихъ слабѣе яркости звѣздъ первой величины, то звѣзды третьей величины должны быть въ 1,53 раза дальше звѣздъ второй величины или въ 2,35 разъ дальше звѣздъ первой величины. Поступая такимъ образомъ далѣе, мы получаемъ слѣдующую таблицу:

Звѣзды:	Среднее разстояніе:
1-й величины.....	1,00
2-й „.....	1,53
3-й „.....	2,35
4-й „.....	3,60
5-й „.....	5,51
6-й „.....	8,44
7-й „.....	12,93
8-й „.....	19,82
9-й „.....	30,37

Вотъ относительныя разстоянія звѣздъ различныхъ величинъ. Чтобы перейти отъ этихъ разстояній къ абсолютнымъ, необходимо знать абсолютное разстояніе звѣздъ какой-нибудь величины; зная же это разстояніе, мы сравнимъ его съ относительнымъ, которое приведено въ предъидущей таблицѣ, и тѣмъ опредѣлимъ среднее абсолютное разстояніе звѣздъ всѣхъ величинъ.

Выше мы замѣтили, что опредѣленіе абсолютныхъ разстояній звѣздъ или, другими словами, непосредственное опредѣленіе этихъ разстояній, весьма затруднительно, и до настоящаго времени опредѣлено разстояніе только одиннадцати звѣздъ. Приводимъ эти разстоянія, выраженные, какъ сказано выше, въ среднихъ полуоперечникахъ земной орбиты.

Звѣзды:	параллаксъ:	разстояніе:
α Centauri.....	0,790	229,183 полуопер.
β Cygni.....	0,51	404,441 „
№ 21285 Lal.....	0,51	404,441 „
№ 34 Groombr.....	0,31	665,370 „
№ 21258 Lal.....	0,26	793,327 „
№ 7415 Oeltz.....	0,25	825,058 „
№ 1830 Groombr.....	0,23	896,802 „
σ Draconis.....	0,22	937,566 „
Sivins.....	0,19	1,085,602 „
Wega.....	0,18	1,145,913 „
70 p. Ophinchii.....	0,16	1,289,155 „

Полагая, что среднее разстояніе звѣздъ первой величины отъ Солнца равно 229,200 полуоперечниковъ земной орбиты, мы получимъ слѣдующія абсолютныя разстоянія всѣхъ звѣздъ до 9-й величины включительно:

Звѣзды:	разстояніе:
1-й величины.....	229,200 полуоп.
2-й „.....	350,650 „
3-й „.....	538,600 „
4-й „.....	825,050 „
5-й „.....	1,262,800 „
6-й „.....	1,934,300 „
7-й „.....	2,956,500 „
8-й „.....	4,542,300 „
9-й „.....	6,960 200 „

Вспомнивъ, что полуоперечникъ земной орбиты равенъ приблизительно $20\frac{2}{3}$ милліонамъ географическихъ миль, можно себѣ представить, какія громадныя пространства отдѣляютъ насъ отъ звѣздъ, хотя самыхъ ближайшихъ. Для болѣе характеристики этихъ разстояній, покажемъ, во сколько времени доходитъ до насъ лучъ свѣта отъ звѣзды, пробѣгая въ каждую секунду времени приблизительно 40,000 географическихъ миль. Приводимъ таблицу, въ которой противъ каждой величины звѣзды стоитъ число, выражающее сколько лѣтъ требуетъ лучъ свѣта, чтобы пройти отъ звѣзды къ намъ:

Величина звѣзды:	Время прохожденія свѣта:
1-й.....	3,6 года.
2-й.....	5,5 „
3-й.....	8,5 „
4-й.....	13,0 „
5-й.....	19,9 „
6-й.....	30,4 „
7-й.....	46,5 „
8-й.....	71,5 „
9-й.....	109,5 „

Итакъ, лучъ свѣта отъ ближайшей звѣзды достигаетъ до насъ слишкомъ, чѣмъ въ три съ половиною года!

Народы Россіи.

(Этнографическіе очерки.)

Ст. С. С. Шашкова.

Стихійныя божества бурятъ въ значительной степени сливаются съ божественными предками, въ числѣ которыхъ видную роль играетъ Господинъ Порозъ (Буха Ноень), собственное имя котораго, Порозъ, дало поводъ къ превращенію его въ мифическаго порога, о которомъ вотъ что разсказываютъ бурятскія легенды: *)

Буха-Ноень, на третьемъ году своей жизни, отставъ отъ стада своего небеснаго хозяина, заблудился. Восемь разъ окруживъ все небо и не найдши потерянныхъ имъ изъ вида стада, Буха-Ноень спустился на землю. «Спустился онъ, говоритъ шаманская молитва, — со средины голубо-серебристаго неба, свѣтло-серебряною спиною касаясь высокаго неба, а серебряными ко-

пытами ступая по землѣ. Онъ поправляетъ шерсть свою, поворачиваясь на синемъ пескѣ; чешетъ шею свою о бѣлую, прямую березу. Рога у него величайшіе, а подшейникъ волочится по землѣ. Онъ размножилъ потомство Бурята и Бунгута, подобно водному источнику, подобно сѣту». Буха-Ноень, спустившись на землю для непосредственнаго управленія бурятами, остановился на сѣверномъ берегу Байкала и сталъ мычать такъ сильно, что затряслась земля и исколебалось море. Услышавъ этотъ ревъ, пестрый порозъ забайкальскаго владыки пришелъ къ Буха-Ноену и сталъ бодать его. Буха ушелъ отъ него въ Тунку и здѣсь на гольцахъ, волшебною силою, поставилъ свое каменное изображеніе. Затѣмъ онъ пошелъ на Саянскія горы, къ девяти югозападнымъ царямъ и женился на сестрѣ ихъ Буданъ. Отъ этого брака родилась вскорѣ дѣвушка, названная Шанданъ и отличавшаяся злымъ и жестокимъ характеромъ, почему и отдана замужъ за Эрнэнга, начальника злыхъ духовъ. Въ то время, какъ Буха-Ноень жилъ у югозападныхъ царей, пестрый порозъ пришелъ въ Тунку и, отыскавъ здѣсь статую Буха-Ноена, сталъ бодать ее, но не могъ повредить истукану. Потерявъ силы и своротивъ правый рогъ, пестрый порозъ возвратился къ стадамъ своего хозяина. Буха-Ноень считается непосредственнымъ правителемъ шамановъ, распорядителемъ ихъ жизни, подателемъ всякаго счастья. Вмѣстѣ съ женою своею Буданъ, онъ призывается при бракосочетаніяхъ. Тогда просятъ у нихъ жениху и невестѣ счастья, богатства, чадородія. Но не Буха Ноень стоитъ во главѣ предковъ-божествъ, а Эцэгэ-Маланъ-Тэнгри и жена его Экэ-Юрэнъ-Тэнгри, «Престарѣлый-Отецъ-Небожитель и Почтенная Мать Небожительница». Они живутъ на небѣ, въ огромныхъ палатахъ, съ сотнями дверей и тысячами оконъ, занимаются скотоводствомъ и благодѣтельствуютъ всѣмъ бурятамъ, если же кого они захотятъ наградить особенною милостью, то раскрываютъ двери неба, изъ которыхъ впродолженіи нѣкотораго времени льется чудный свѣтъ: если бурятъ, увидѣвъ его, успѣтъ попросить, то, чего бы ни захотѣлъ онъ, молитва его будетъ исполнена. У этой четы, кромѣ упомянутого уже божественнаго порога, есть еще божественный пастухъ Хуа Солбанъ, имѣющій большое вліяніе на бурятскій скотъ. Дзоль-Дзаягачи, (Счастье Дзаягачи) — духи покровители, свой у каждаго человѣка; они спасаютъ людей отъ опасности, содѣйствуютъ успѣхамъ ихъ предпріятій и т. д. Девять югозападныхъ царей, — божественные предки которыхъ монголы обожали еще въ древности. Нѣкоторые изъ нихъ называются даже собственными именами, напр., Старикъ Сагадай и жена его госпожа Сакилза. Одинъ изъ этихъ царей живетъ въ верховьяхъ Иркуты, другой при истокахъ Оки, третій на берегахъ Тагны, остальные на вершинахъ Саянскихъ горъ. Одни буряты говорятъ, что всѣ эти цари — дѣти Эцэгэ Малана, посланные имъ на землю для управленія бурятами, когда они поселились на сѣверной сторонѣ Байкала; по мнѣнію же другихъ, это были знаменитые шаманы, родившіеся въ одномъ мѣстечкѣ между рр. Иркутомъ и Тагной. 55 югозападныхъ и 99 сѣверовосточныхъ царей, управляющихъ разными мѣстностями Сибири; изъ нихъ выдаются, старинный шаманъ, «владыка истока Ангары, господинъ Мунгуту-Заринъ», живущій на Шаманскомъ Камнѣ, и «имѣющій подъ своею властью иркутскаго царя» (генералъ-губернатора). Девять югозападныхъ царей, по словамъ нѣкоторыхъ балаганскихъ шамановъ, произошли отъ «владѣтеля кузницы» — бѣлаго кузнеца, который живетъ теперь на Саянскихъ горахъ. Онъ такъ изображается въ одной шаманской молитвѣ, читаемой при жертвоприношеніи въ кузницѣ: «владѣтель

*) Эти легенды и шаманскія молитвы собраны и записаны для меня еще въ 1859 г., образованнымъ бурятомъ Н. С. Балдановымъ, моимъ школьнымъ товарищемъ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА Г. ГОЗАНГА.

Съ дровами. На деревѣ рисоваль Ф. Колларцъ.

Гутрюна даетъ Зигфриду волшебный напитокъ. Рѣзаль на деревѣ М. Веберъ.

кузницы, кривой господинъ, владѣтель наковальни, высокорослый господинъ, отъ краснаго камня выжавшій мягкое желѣзо, призывавшій серебряное небо Удай! отъ черно-краснаго камня выжавшій укладъ, призывавшій 55 югозападныхъ тэнгриевъ и происшедшіе отъ него девять кузнецовъ! Этотъ человекъ (имя хозяина кузницы) ради здоровья тѣлеснаго тебѣ молится! Есть еще на Саянскихъ горахъ Черный Кузнецъ; этотъ, первый изъ кузнецовъ, молился сатанѣ. Ему не молятся и онъ называется Чернымъ Владѣтелемъ. Кромѣ того, существуетъ еще Желтый Владѣтель, занимающій среднее мѣсто между чернымъ и бѣлымъ. Всѣ они были, по словамъ бурятъ, людьми и первые стали заниматься кузнечнымъ ремесломъ. Сношенія между этими божествами поддерживаетъ Гуйгэши (бѣгающій), котораго буряты называютъ также псправникомъ и курьеромъ. Къ этому же сонму духовъ принадлежитъ множество второстепенныхъ, личныя черты которыхъ рѣшительно исчезаютъ въ общей массѣ. Каждый холмъ, каждое дерево, каждая гора, каждый домъ имѣетъ своего хозяина (эжинъ). Всѣ эти духи имѣютъ большое вліяніе на людей, какъ видно изъ слѣдующей бурятской молитвы: «Держащіе эхо высокой горы, держащіе вѣтеръ широкаго моря, цари мон, живущіе на горахъ, божества мон, обитающіе на урочищахъ! Въ бѣдствіяхъ вы бываете для насъ опорою, въ скудные годы являетесь милостивы, въ тяжелые мѣсяцы доставляете обиліе. Когда сидишь въ юртѣ,—вы не опасны для насъ, когда находишься на улицѣ,—нѣтъ отъ васъ препятствія. Въ темную ночь вы даете свѣтъ, а въ жаркій полдень доставляете тѣнь. Худое удалите отъ насъ, приближаете одно доброе! Сдѣлавшіеся сами творцами, избавляющіе насъ отъ опасности! Вы не даете потѣть нашимъ тарелкообразнымъ лицамъ, содрогаться пуговицеобразнымъ сердцамъ нашимъ; вы—хранители головы, приготовители для рта. Черезъ двери вы пускаете въ юрту лучи свѣта, въ трубу показываете солнце». Кромѣ того въ глубокихъ мѣстахъ рѣкъ и озеръ, особенно въ Байкалѣ живутъ въ огромныхъ дворцахъ Ухунъ-хатъ, цари водъ, старцы, которые постоянно читаютъ книги и заботятся о благополучіи людей.

Во главѣ злыхъ духовъ стоитъ Эрленгъ. По бурятскимъ легендамъ, это былъ младшій сынъ Чингисъ-Хана, отличавшійся злымъ и упорнымъ характеромъ, за что и убитъ своимъ отцомъ. Послѣ смерти онъ сдѣлался владыкою темнаго царства, находящагося гдѣ-то на сѣверѣ, въ ужасной бездонной пропасти. Это мѣсто никогда не освѣщается солнцемъ и здѣсь царствуетъ вѣчная зима. Сдѣлавшись царемъ ада, Эрленгъ женился на дочери Буха-Ноена—Шанданъ. Владѣя легионами читкуровъ (демоновъ), Эрленгъ самъ и посредствомъ ихъ всячески старается вредить человеку. Читкуры безусловно исполняютъ волю своего владыки и за успѣхъ получаютъ отъ него награды. Разлетаясь по всему міру, демоны ссорятъ людей, вовлекаютъ ихъ въ преступленія, насылаютъ болѣзни, причиняютъ смерть. Но тэнгри, заботясь о благополучіи людей, преслѣдуютъ читкуровъ. Увидѣвъ демоновъ, летающихъ по землѣ, тэнгри собираютъ облака и посылаютъ на читкуровъ громъ и молнію. Читкуры стараются избѣжать небесной кары и съ этою цѣлью скрываются въ деревьяхъ, зданіяхъ, животныхъ, даже человекѣ. Но куда ни скрылись бы дьяволы, всюду постигнетъ ихъ роковой ударъ, сокрушивъ и то, гдѣ они спрятались. Тэнгри не щадятъ и человекъ, если читкуры изберутъ его мѣстомъ своего убійства. Къ злымъ духамъ принадлежатъ еще «тѣсные хозяева» (ойнъ-эжинъ), лѣшіе, души людей, заблудившихся и умершихъ въ лѣсу; души утопленниковъ или водяные (ухунъ эжинъ), а также Ада, Бахолдай и Альбинъ, души старыхъ дѣвокъ.

Всѣ упомянутые боги были, несомнѣнно, дѣйствительными предками, но въ настоящее время историческое воспоминаніе о нихъ уже въ сильной степени ослабѣло и смѣшалось съ мифами; но, кромѣ ихъ, буряты поклоняются новѣйшимъ предкамъ, душамъ недавно умершихъ людей, особенно шамановъ. Шаманы по древнему обычаю погребаются на горахъ и утесахъ, въ складенныхъ изъ валѣжнаго камня пещерахъ и гротахъ. Шамана сажаютъ туда во всѣхъ его доспѣхахъ и заваливаютъ входъ въ пещеру, оставляя лишь небольшое отверстіе. Отъ одного дерева къ другому протягиваютъ веревку и вѣшаютъ на пей бубень, лукъ, котелъ и другія принадлежности покойника. Потомъ обводятъ вокругъ могилы принадлежавшаго шаману коня девять разъ и убиваютъ его. Покойные шаманы караютъ и умерщвляютъ не только бурятъ, но и русскихъ. Схороненная недалеко отъ Балаганска шаманка ненавидитъ особенно балаганскихъ купцовъ; оттого-то они, какъ скоро приобретутъ кой-какое состояніе, то начинаютъ пить и шаманка скоро изводитъ ихъ. Преніе купцы, боясь ранней смерти, всегда подчивали виномъ покойницу и просили одну живую шаманку приносить умершей жертвы, что дѣлаютъ до сихъ поръ старые балаганскіе купцы. Эта шаманка была дочь одного бурята Булутскаго рода; вскорѣ послѣ ея выхода замужъ за бурята Онгоева рода, у нея заболѣли и отнялись обѣ ноги. Сдѣлавшись шаманкою, она превзошла своимъ чародѣйствомъ всѣхъ шамановъ. Она не ходила, а или скакала, или летала по воздуху, или ѣздила на дикомъ жеребцѣ. Часто въ Балаганскѣ, сидя на улицѣ, она посредствомъ чародѣйства вытаскивала изъ чулановъ русскихъ лучшіе съѣстные припасы и ѣла. Русскіе боялись ее, подчивали виномъ, и она выпивала за одинъ разъ цѣлую бочку. Русскіе не одинъ разъ пытались убить ее, но безуспѣшно; бросали ее связанную въ Анггару, но она выплывала изъ воды; бросали въ огонь,—не горѣла... Еще живой ей приносили жертвы и буряты, и русскіе. Душамъ знаменитыхъ шамановъ приносятъ даже общественныя жертвы и въ честь ихъ, какъ и въ честь другихъ боговъ, дѣлаются небольшіе деревянные, жестяные и мѣховые идолы, которыхъ буряты кормятъ, смазывая ихъ саломъ и т. д.

Буряты очень часто приносятъ своимъ богамъ жертвы. Вотъ, напр., какъ совершается кыргъ, жертвоприношеніе злымъ духамъ: въ полѣ ставятъ длинный березовый шестъ, за нимъ котлы съ виномъ, по лѣвую сторону которыхъ стоитъ жертвенное животное. Шаманъ троекратно призываетъ духовъ и приносить имъ вино. Затѣмъ разрѣзываютъ у животнаго грудь и, засунувъ во внутренность руку, жгутъ сердце и тѣмъ ускоряютъ смерть животнаго. Шаманъ, погрузивъ въ рану священную палку жодо и потомъ поднявъ ее къ небу, говоритъ: «будь за жизнь уплата, за тѣло подарокъ! счастье свое оставляй здѣсь, а несчастье уноси прочь! Долой! Лети скорѣе стрѣлы, легче пера!» Съ убитаго животнаго снимаютъ кожу, и надѣваютъ ее на шестъ, воткнутый въ землю; она виситъ до тѣхъ поръ, пока вороны и сороки не растаскаютъ ее. Мясо и кишки варятъ. Между тѣмъ устраиваютъ костеръ и жгутъ на немъ кости и жилы убитой скотины. По окончаніи троекратнаго призванія духовъ, съ предложеніемъ мяса, шаманъ беретъ деревянный ковшъ, кладетъ въ него кусочки, отрѣзанные отъ желудка и кишекъ, бросаетъ ихъ на тотъ огонь, гдѣ варилось мясо. Это жертва тѣмъ низшимъ духамъ, которые не смѣли подступитъ къ горящимъ на кострѣ костямъ, для вдыханія питательнаго запаха. Здѣсь шаманъ восклицаетъ: «носящимся на заревѣ горящаго огня, въ паряхъ кипящаго котла». Почерпнувъ изъ котла ковшомъ бульону, выливаетъ на огонь въ жертву тѣмъ

духамъ, которые не смѣютъ носиться надъ костромъ, а бѣгаютъ подъ нимъ. Шаманъ восклицаетъ: «шепчущіе подъ костромъ и дрожащіе подъ тѣнью, это вамъ!» Подойдя къ котламъ съ виномъ и махая ковшомъ, шаманъ кричитъ: «большое счастье отъ 90 царей; первое счастье отъ многихъ царей!» Хозяинъ подставляетъ руки и шаманъ кладетъ на нихъ ковшъ. Послѣ того, взявши отъ хозяина ведра съ мясомъ, становится на колѣни передъ костромъ и, склонивъ свою голову, начинаетъ призываніе сперва общее, а потомъ обращается къ тому духу, въ честь котораго дѣлается жертвоприношеніе, скачетъ, кривляется, громко произноситъ непонятныя слова, мычитъ и машетъ ведромъ около головы. Это значитъ, что духъ вселяется въ шамана и начинаетъ говорить его устами; хозяинъ беретъ ведро, а духъ, вселившійся въ шамана, рассказываетъ его устами о своихъ дѣяніяхъ и происхожденіяхъ; благодаритъ хозяина за почести, обѣщая ему разныя блага, или укоряетъ его за медленное исполненіе обѣтовъ и прощаетъ единственно по просьбѣ шамана. Успокоившись, шаманъ начинаетъ молитву: «призываю! призываю! Призываніемъ призываю счастье и благополучіе! Просится у пространнаго неба, у протяжной земли, у 90 югозападныхъ царей, у девяти бѣлыхъ старцевъ, у отца нашего Бухана-Ноена, у чрева матери нашей Буданъ-Хатунъ, просится у духа (которому приносили жертву), просится рабу такому-то долгія вѣкъ продолжительное благоденствіе, наслажденіе, радость, толстая кожа въ четверть аршина, крѣпкая, желѣзная жизнь! Просится, чтобы умоляемый духъ принялъ жертву и сдѣлался защитникомъ и хранителемъ! Просится исцѣленіе лэвъ, уничтоженіе немощей, большое скотоводство, семейное многолюдство». Подобныя жертвоприношенія невозможны безъ шамановъ, этихъ жрецовъ, знахарей и кудесниковъ, которые, по вѣрованію бурятъ, въ древности были гораздо могущественнѣе, чѣмъ теперь. Первый шаманъ назывался Хара-Гыргень. Это былъ знаменитѣйшій изъ шамановъ,—для него все было возможно—и мертвого воскресить, и бѣднаго обогатить. Богъ, видя такое могущество Гыргена и опасаясь, какъ бы онъ впоследствии не воспротивился ему, пожелалъ испытать его. Для этой цѣли онъ взялъ душу одной богатой дѣвицы. Когда она сдѣлалась отчаянно больна, вслѣдствіе взятія души, то отецъ ея обратился къ упомянутому шаману съ просьбою—исцѣлить больную. Собравши всѣ свои силы, Хара-Гыргень сѣлъ на бубень и полетѣлъ по сводамъ небеснымъ и по всему пространству ада преисподняго, отыскивать душу дѣвицы. Вдругъ онъ видитъ ее въ бутылкѣ на столѣ у бога, а бутылку богъ заткнулъ пальцемъ правой руки, чтобы душа не выскочила. Хитрый шаманъ превратился въ овода и сильно ужалилъ бога въ правую щеку, такъ что онъ отъ боли, схвативъ правой рукою щеку, выпустилъ изъ бутылки душу. Шаманъ воспользовался этимъ и возвратилъ душу умиравшей дѣвицѣ. Но разгнѣванный богъ ограничилъ могущество Хара-Гыргена, и съ тѣхъ поръ шаманы стали все хуже и хуже. Шаманы не составляютъ наследственнаго сословія и призываются на это служеніе духами, признаками чего служатъ явленія во снѣ знаменитыхъ шамановъ, частые обмороки, головокруженія и т. д. Избранный такимъ образомъ поступаетъ въ обученіе къ шаману, а потомъ посвящается посредствомъ особаго обряда, называемаго «омытіе тѣла», бѣя угаху. Шаманъ приноситъ жертвы, вызываетъ духовъ, ворожитъ, доходитъ до экстаза, продѣлываетъ разныя фокусъ, глотаетъ ножъ, показываетъ изо рта живую голову утки, дозволяетъ рубить себя топоромъ по животу, подложивъ подъ рубаху предварительное бересту и т. д. Шаманамъ вѣрятъ не только буряты, но и многіе русскіе.

Между бурятами давно уже распространяется христианство и все наши службы давно уже переведены на монгольский языкъ; но крещенные буряты, христиане только номинально, развѣ только немногими болѣе христиане, чѣмъ и чистые шаманисты, которые, обращаясь къ своимъ шаманамъ, не брезгаютъ и буддйскими ламами, ходятъ въ русскія церкви, ставятъ свѣчи передъ иконами, молятся Миколѣ и т. д. У бурятъ нѣтъ и признаковъ фанатизма, но поголовному ихъ обращенію въ христианство мѣшаютъ разныя постороннія обстоятельства и боязнь сдѣлаться русскими. Вообще буряты крѣпко держатся своей культуры, до сихъ поръ даже въ лѣтніе жары ходятъ въ овчинныхъ штанахъ и полушубкахъ, а если и носятъ рубаху изъ китайской дабы, то не смѣняютъ ее до тѣхъ поръ, пока она не сгниетъ и не свалится съ плечъ; до сихъ поръ, какъ при Чингисъ-Ханѣ, буряты ѣздятъ на своей двухколесной арбѣ, некованные колеса которой никогда не смазываются и невыносимо скрипятъ; до сихъ поръ буряты не отвыкъ отъ первобытной грязи и лакомятся, отыскивая языкомъ и зубами насѣкомыхъ въ своей одеждѣ; до сихъ поръ онѣ не вполнѣ вошли даже во вкусъ русской сивухи и больше довольствуется своимъ тарасуномъ (кумысъ) и араки,—виномъ, перегнанымъ изъ молока, чѣмъ кабачнымъ нектаромъ; до сихъ поръ онѣ крѣпко держатся старинныхъ обычаевъ и формально покупаетъ себѣ жену, на которую, впрочемъ, не жалуетъ денегъ, какъ говорится въ одной бурятской пѣснѣ:

Кударинская бочка омулей стоитъ сто рублей,
За хорошую дѣвку не жаль дать и тысячу.

Единственный прогрессъ бурятъ состоитъ въ замѣнѣ войлочныхъ юрты деревянными, въ замѣт-ной склонности къ осѣдлости, и въ распространеніи земледѣлія. Буряты, получившихъ порядочное образованіе, можно пересчитать по пальцамъ, да и большинство ихъ вышло какими-то неудачниками. Таковъ былъ, напр., талантливый Дорджи Банзаровъ, кончившій курсъ въ казанскомъ университетѣ. Онъ служилъ въ Иркутскѣ и умеръ отъ пьянства въ 1854 г. Ламы распустили слухъ, что передъ смертью этотъ безбожникъ раскаялся и снова обратился въ буддизмъ. Они такъ обрадовались этому случаю, что на похороны Банзарова налетѣли изъ Забайкалья въ Иркутскъ цѣлою стаею; притащили даже самъ шестнадцати-пудовый хамба-лама, о трудности путешествій для котораго можно судить потому, что въ экипажѣ дѣлались особые подмостки для его необъятнаго пуза. Но какъ ни медленно проникаетъ къ бурятамъ русская культура, нѣтъ сомнѣнія, что рано или поздно это племя сольется съ русскимъ населеніемъ. Буряты вообще способны, но очень флегматичны, не бойки, нѣтъ у нихъ ни веселыхъ пѣсень, ни музыкальных инструментовъ, а ихъ единственный танецъ состоитъ буквально въ топтаніи на одномъ мѣстѣ подъ однообразные звуки напѣва «ѣхоръ, ѣхоръ, ѣхоръ-я». Эти потомки грозныхъ завоевателей міра въ высшей степени тихи, покорны, уживчивы и цужно употребить особенныя усилія, чтобы вывести бурята изъ себя. Однажды я видѣлъ слѣдующую сцену на иркутскомъ базарѣ: мужикъ ударилъ бурята по щекѣ, а буряты подставилъ ему другую щеку, говоря вызывающимъ тономъ: «но, но, ошѣ бей», мужикъ еще ударилъ; буряты снова: «но, бей, бей, ошѣ бей»; мужикъ повторилъ, но тутъ уже буряты вышли изъ себя и самъ бросился на него. До какой степени буряты утратили свою древнюю воинственность, лучше всего можно видѣть на той части ихъ, которая обращена въ составъ забайкальскаго казачьяго войска. Эти карикатурные воины, эти увальни возбуждаютъ смѣхъ даже въ не военныхъ людяхъ и извѣстны въ Сибири подъ кличку унтоваго войска (унты—мѣховые сапоги) и

только офицеры изъ бурятъ напускаютъ на себя нѣкоторый задоръ и величаются своими погонями: «бидишь,—офицеръ» (звуконъ в и ф въ монгольскомъ лѣтъ). Гораздо успѣшнѣе казачьей цивилизаціи привелось къ бурятамъ приказное сутяжничество; они съ увлеченіемъ ведутъ тяжбы, обиваютъ пороги присутственныхъ мѣстъ, забѣгаютъ къ чиновникамъ съ задняго крыльца, и когда въ Сибири введется гласный судъ, адвокаты будутъ сильно наживаться около этихъ черномазыхъ сутягъ. За то буряты менѣе другихъ инородцевъ страдаютъ отъ кулаковъ-кабалителей.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Тихнарское мѣсторожденіе каменнаго угля.

(Ст. фонъ-Липхарда.)

Вопросъ о томъ: «какъ бы избѣгнуть необходимости потребленія заграничнаго каменнаго угля въ черноморскомъ бассейнѣ»—разрѣшается весьма просто съ проведеніемъ отъ гор. Кутанса въ Ткибульскую котловину, чрезъ долину Красной рѣчки, желѣзной дороги. Имѣя такія богатая залежи каменнаго угля (какія представляетъ снимокъ съ Тихнарскаго мѣсторожденія, помѣщенный на стр. 416), не болѣе, какъ въ 136-ти верстахъ отъ черноморскаго берега, Россія, на продолжительное время, обезпечена, въ Черномъ морѣ, своимъ собственнымъ минеральнымъ топливомъ.

Поспѣшнѣ воспользоваться этими громадными богатствами Закавказья было бы тѣмъ выгоднѣе для государства, что источники каменнаго угля, подобные Тихнарскому мѣсторожденію и залежамъ угля холма «Ургеби» и близъ Гелатскаго монастыря, въ долинѣ Красной рѣчки, могли бы удержать въ Россіи золото, расходуемое на покупку каменнаго угля въ Англіи.

Потеря звонкаго металла по этой статьѣ внѣшнихъ расходовъ Россіи—весьма значительна, такъ какъ ежегодное потребленіе въ Черномъ морѣ каменнаго угля, простираясь до 20,000,000 пудовъ, при условіяхъ самой пониженной цѣны въ 20 к. за пудъ, составляетъ капиталъ въ 4,000,000 металлическихъ, или же—по существующему курсу—5,280,000 бумажныхъ рублей.

Подчиняясь необходимости, въ которую Россія была поставлена въ періодъ слабаго развитія у нея горнаго дѣла, было простительно раздѣлять убѣжденіе, по которому углеснабженіе Россіи находилось въ зависимости отъ заграничныхъ каменноугольныхъ копей; продолжать же оставаться въ такомъ положеніи теперь было бы болѣе, чѣмъ непростительно и, чтобы вполнѣ оцѣнить всю сущность несообразности такого порядка вещей, необходимо упомянуть, что доставка закавказскаго угля съ момента извлеченія его изъ нѣдръ земли и до появленія его, напримѣръ, даже на рынкахъ Портъ-Саида и Суэза (при соединеніи указанныхъ выше каменноугольныхъ копей вѣтвью съ Потти-Тифлискою желѣзною дорогою и при достаточномъ для ихъ перевозки моремъ числѣ судовъ) потребуютъ не болѣе 7—8 дней; тогда, какъ на то же самое, для англійскаго угля будетъ расходоваться не менѣе 14 и даже 16-ти сутокъ. Вполнѣ соображая значеніе поговорки (тѣхъ же англичанъ) «time is money», т. е. «время—деньги», необходимо ко всему этому еще присовокупить, что, съ тѣмъ вмѣстѣ и продажная цѣна закавказскаго угля можетъ понижаться до такихъ предѣловъ, что продавать англійскій уголь сдѣлается положительно «убыточнымъ» притомъ, не только въ Черномъ морѣ,

но даже и по новому пути въ Индію, куда ежегодно требуется до 200,000,000 пудовъ каменнаго угля, по средней годовой цѣнѣ 20 к. за пудъ, т. е. не менѣе, какъ на сумму 40,000,000 металлическихъ рублей.

Смежность района бойкаго спроса на уголь съ черноморскимъ бассейномъ имѣетъ слишкомъ важное значеніе для обогащенія Россіи и, конечно, не слѣдовало бы далѣе отлагать соединеніе закавказскихъ каменноугольныхъ мѣсторожденій съ Потти-Тифлискою желѣзною дорогою, или даже съ тою дорогою, которую предполагалось бы выстроить для соединенія края съ Батумомъ. Но приступая къ осуществленію такого пути, необходимо дать ему то направленіе, которымъ обусловливалось бы не только наибольшее передвиженіе массъ каменноугольныхъ грузовъ, но и развитіе всѣхъ тѣхъ отраслей промышленности, которыя должны возникнуть тамъ, гдѣ каменный уголь можетъ быть добываемъ въ такомъ значительномъ количествѣ, какъ это представляется возможнымъ при эксплуатаціи 7-ми саженой толщѣ каменноугольнаго мѣсторожденія въ Тихнари. Это богатое мѣсторожденіе каменнаго угля находится у подошвы кряжа Накерали, близъ гор. Кутанса, и принадлежитъ московской торговой фирмѣ Клейнъ.

Рихардъ Вагнеръ.

Ст. П. В. Га—на.

Геніальный германскій композиторъ, знаменитый поэтъ текста своихъ музыкальныхъ драмъ, и талантливый писатель въ области музыки, Рихардъ Вагнеръ, родился въ Лейпцигѣ 22 мая 1813 года.

Желая дать болѣе реальное направленіе музыкѣ, Р. Вагнеръ не вводитъ въ свои оперы арій, дуэтовъ и тріо, обращая ихъ въ простыя музыкальныя декламации. Въ его операхъ почти нѣтъ примадоннъ, по нежеланію щеголять голосовыми партіями; онъ обращаетъ все вниманіе на оркестръ, т. е. на оркестровку, которая и должна, по его мнѣнію, производить впечатлѣніе на слушателей, при содѣйствіи всѣхъ другихъ аксессуаровъ. Для успѣшнаго исполненія оперъ Вагнера необходимъ оркестръ, доведенный до возможнаго совершенства, въ отличіе отъ оперъ итальянскихъ композиторовъ, у которыхъ голоса исполнителей стоятъ на первомъ планѣ. Кромѣ того Р. Вагнеръ избѣгаетъ сюжетовъ историческихъ, находя ихъ неудобными для сцены, потому, что музыка, какъ языкъ чувствъ, легко впадаетъ въ противорѣчія съ собою, если служить главнымъ средствомъ выраженія извѣстнаго историческаго факта: вотъ почему онъ беретъ сюжеты для своихъ оперъ изъ міра легендъ и преданій.

Являясь реформаторомъ въ оперной музыкѣ, Р. Вагнеръ, какъ нововводитель, отбросилъ все традиціи итальянскихъ композиторовъ, и смѣло вышелъ на избранный имъ путь, желая дать музыкальной драмѣ необходимое для нея единство и возможное сближеніе съ дѣйствительною жизнью. Въ Германіи называютъ его творцомъ музыки будущаго, и въ своемъ отечествѣ Р. Вагнеръ пользуется вполнѣ заслуженною славой, тогда какъ во Франціи и въ Италіи его талантъ еще не оцѣненъ по достоинству. Въ Россіи Р. Вагнеръ имѣетъ много поклонниковъ, въ особенности послѣ данныхъ имъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, въ 1863 году, концертовъ, имѣвшихъ замѣчательный успѣхъ, которые и приобрѣли ему горячихъ партизановъ въ средѣ нашихъ молодыхъ композиторовъ. Нѣсколько словъ о жизни и дѣятельности Р. Вагнера, какъ геніальнаго современнаго намъ композитора, будутъ, вѣроятно, прочтены съ интересомъ нашими читателями. Рисунокъ, помѣщаемый въ настоящемъ номерѣ и написанный на сюжетъ, взятый изъ капиталъ-

Тихнарское мѣсторожденіе каменнаго угля.

нѣйшаго творенія Вагнера: «Пора боговъ» напоминаетъ намъ дни послѣднихъ торжествъ Вагнера. «Пора боговъ» составляетъ окончаніе грандіозной драмы «Кольцо Нибелунговъ» (Der Ring des Nibelungen), поставившей автора ея на высоту такой композиторской славы, которой никто изъ его собратьевъ не достигалъ при жизни, если судить по той необычайной обстановкѣ, при которой давалась его четырехдневная драма. Че-

сколько сотъ тысячъ рублей, собранныхъ по подпискѣ, была представлена, въ августѣ 1876 года, эта грандіозная четырехдневная драма въ присутствіи многихъ коронованныхъ особъ, въ томъ числѣ двухъ императоровъ: германскаго и бразильскаго, и короля баварскаго, какъ ближайшаго покровителя таланта Вагнера, давшего послѣднему пожизненную пенсію и наибольшую сумму для устройства театра. Первые три аріи

Сынъ чиновника, служившаго въ Лейпцигѣ при полиціи, Р. Вагнеръ лишился отца, когда ему не было еще и года; мать его, оставшись вдовою, вскорѣ вышла замужъ за актера и живописца Гейера, и съ нимъ переехала въ Дрезденъ. Съ дѣтства Р. Вагнеръ занимался музыкой. Оставивъ фортепьяно, онъ отдался поэзіи, сочиняя трагедіи подъ впечатлѣніемъ прочитанныхъ имъ твореній Шекспира.

ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Рихардъ Вагнеръ.

Рѣзано въ «Варшавской политипажнѣ».

тыре большихъ драмы, въ сценическомъ отношеніи, могутъ быть играны отдѣльно одна отъ другой; онѣ называются, Вечеръ: «Золото Рейна» (Das Rheingold); 1-й день: «Валькирія»: (Die Walküre); 2-й день: «Зигфридъ» (Siegfried); и 3-й день: «Пора боговъ» (Götterdämmerung). Либретто въ стихахъ, написанное, какъ всегда, самимъ Вагнеромъ, для этихъ драмъ, составляетъ книгу въ 440 страницъ. Въ построенномъ нарочно для того театръ въ Барейтѣ (въ Баваріи), стоявшемъ нѣ-

представленій «Кольца Нибелунговъ» были полнѣйшимъ торжествомъ таланта Вагнера; и вотъ что говоритъ одинъ изъ музыкальных критиковъ о представленіи въ Барейтѣ: «вся драма представляется слушателю непрерывнымъ потокомъ «безконечной» мелодіи, передаваемой то голосами пѣвцовъ, то звуками инструментовъ оркестра».

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о главнѣйшихъ моментахъ жизни гениальнаго реформатора оперной музыки.

Прослушавъ пасторальную симфонію Бетховена, Вагнеръ снова занялся музыкой и серьезно изучалъ законы гармоніи. Шестнадцати лѣтъ онъ написалъ сонату для фортепьяно, квартетъ и арію. Сознавая недостаточность своего образованія, Р. Вагнеръ изучалъ философію и эстетику по возвращеніи изъ Берлина въ лейпцигскомъ университетѣ. Восемнадцати лѣтъ, онъ издалъ увертюру и симфонію, исполненныя въ Лейпцигѣ съ большимъ успѣхомъ. Принявъ въ 1834 г. долж-

постъ капельмейстера въ магдебургскомъ театрѣ, онъ дебютировалъ въ немъ небольшою оперой «Фей» (Die drei Feen), подражая и фантастическимъ сюжетомъ и стилемъ музыки—Веберу. Векорѣ написана была имъ и вторая опера «Палермская послушница» (Die Novice von Palermo), игранная въ 1836 году. Магдебургскія неудачи заставили Вагнера принять должность капельмейстера сперва въ Кенигсбергѣ, гдѣ онъ женился на актрисѣ Вильгельминѣ Плянеръ, а потомъ перѣхалъ въ Ригу, во вновь открытый тамъ театр. Написавъ въ 1838 г. текстъ для оперы «Риензи», сюжетомъ для которой послужилъ романъ Бульвера, подъ тѣмъ же названіемъ, и полагая, что въ Парижѣ только могутъ оцѣнить его талантъ, Вагнеръ уѣхалъ съ молодой женою изъ Риги, и лѣтомъ 1839 г. отправился сперва въ Лондонъ. Корабль, на которомъ ѣхалъ Вагнеръ, выброшенъ былъ бурей на норвежскій берегъ, что и подало ему мысль написать въслѣдствіи оперу «Корабль-привидѣніе» (Der fliegende Holländer). По пріѣздѣ въ Парижъ, Вагнеръ познакомился съ Мейерберомъ, давшимъ ему рекомендательныя письма; но, несмотря на то, положеніе Вагнера въ Парижѣ было весьма критическое. Втеченіи трехъ лѣтъ (1840—42) онъ сотрудничалъ въ газетахъ, и занимался переложеніемъ любимыхъ мелодій для игры на разныхъ инструментахъ. Въ это же время онъ окончилъ «Риензи» и написалъ еще увертюру къ «Фаусту», Гёте, а также и оперу «Корабль-привидѣніе» (Морякъ-скиталецъ). Благодаря настойчивости знаменитой пѣвицы Шредеръ-Девриенъ, опера «Риензи» была поставлена въ Дрезденѣ на королевскомъ театрѣ, подъ ближайшимъ руководствомъ Вагнера, прибывшаго нарочно для того изъ Парижа, въ 1842 году. Эта опера имѣла огромный успѣхъ, и доставила Вагнеру званіе придворнаго капельмейстера въ Дрезденѣ, гдѣ онъ и поселился. Въ 1843 г. была играна новая его опера «Корабль-привидѣніе», но особаго успѣха она не имѣла. Здѣсь же, управляя оркестромъ, Вагнеръ задумалъ свои музыкальныя реформы, которыя и начинаются съ «Тангейзера», поставленнаго въ Дрезденѣ въ 1845 году.

Эта опера имѣла громадный успѣхъ, хотя въ Парижѣ и въ Миланѣ публика не сумѣла оцѣнить ее. Содержаніе оперы поэтично. Дѣйствіе происходитъ въ средніе вѣка. Въ XIII столѣтіи слѣды языческихъ вѣрованій неизгладились еще въ народѣ. Богиня красоты и радости, Венера, по преданію имѣла жилище въ нѣдрахъ горы. Въ подземельи у нея былъ очаровательный дворецъ и туда, чарующимъ голосомъ, она заманивала путниковъ. Въ этомъ гротѣ, гдѣ самъ адъ облакался въ обаятельную прелесть, — вѣчная гибель грозила обольщенному. Тангейзеръ, рыцарь и пѣвецъ, на состязаніи миннезингеровъ одержалъ блистательную побѣду, и принцесса Елизавета влюбилась въ него. Къ несчастію, Тангейзеръ попадаетъ въ таинственный гротъ, и Елизавета забыта. Рыцарь сознаетъ свой грѣхъ и, желая замолить его, идетъ въ Римъ; но тамъ получаетъ отвѣтъ: «что кто разъ горѣлъ адскимъ огнемъ, для того нѣтъ уже спасенія». — Отверженный, онъ начинаетъ снова внимать голосу сиренъ; но его останавливаетъ похоронное пѣніе: это погребеніе Елизаветы, замолвившей его грѣхи. Дѣйствіе оперы открывается таинственнымъ гротомъ и его подземными прелестями. Сцена на землѣ начинается свѣжимъ утромъ и пѣніемъ пастуха, оканчивается же похоронными звуками. Чрезъ пять лѣтъ, послѣ Тангейзера, была поставлена въ Веймарѣ (1850) по настоянію Листа, новая опера Вагнера «Лоэнгрина», имѣвшая замѣчательный успѣхъ, и вызвавшая изъ временнаго забвенія его прежнія оперы. Замѣшанный въ политическія волненія 1848 года, Р. Вагнеръ долженъ былъ оставить Дрезденъ и, пробывъ короткое время въ Парижѣ, про-

жилъ три года въ Лондонѣ, гдѣ управлялъ филармоническими концертами. Въ 1850 г. Вагнеръ уѣхалъ въ Швейцарію, въ Цюрихъ, управляя концертами, пропагандировалъ творенія Бетховена. Въ это же время Вагнеръ окончилъ и текстъ легендарной исторіи «Кольцо Нибелунговъ», а также и оперу «Тристанъ и Изольда». Въ 1861 г. Вагнеръ былъ въ Парижѣ для постановки «Тангейзера, и получивъ въ 1863 г. разрѣшеніе вернуться на родину, нашелъ возможность энергичнѣе бороться съ своими противниками по профессіи. За Лоэнгриномъ явилась замѣчательная по объему и достоинству комическая опера «Нюрнбергскіе пѣвцы» (Die Meistersinger von Nürnberg) (либрето которой составило 140 печатныхъ страницъ), поставленная на мюнхенскомъ королевскомъ театрѣ въ 1868 г. съ большимъ успѣхомъ. Втеченіи слѣдующихъ четырехъ лѣтъ (1868—72), Р. Вагнеръ написалъ текстъ оперы «Фридрихъ красная борода», и еще другую, на сюжетъ изъ библейской исторіи; но онѣ не были поставлены на сценѣ. Къ числу небольшихъ его произведеній относятся: «пять пѣсень» для женскаго голоса, «маршъ» — посвященный королю баварскому; «Императорскій маршъ»; «Альбомъ для фортепьяно», и «Торжественный маршъ», написанный имъ по случаю столѣтія независимости Соединенныхъ штатовъ, исполненный въ Филадельфій въ 1876 году. Что касается литературныхъ произведеній Р. Вагнера, то самое замѣчательное изъ нихъ, по мнѣнію самого автора составляетъ брошюра, озаглавленная имъ «Музыка будущаго» (Zukunftsmusik).

Не перечисляя ихъ всѣхъ, скажемъ только о главныхъ. Въ 1860 г. онъ издалъ брошюру о необходимости учрежденія въ Мюнхенѣ нѣмецкой музыкальной школы; къ дню же столѣтія рожденія Бетховена, издалъ сочиненіе озаглавленное: «Вкладъ къ философіи въ музыкѣ» (Beitrag zur Philosophie der Musik). Брошюра подъ заглавіемъ «Жидовство въ музыкѣ» (Das Judenthum in der Musik) надѣлала ему много враговъ, и вызвала 170 печатныхъ критикъ, весьма злобнаго для Вагнера содержанія.

Въ своемъ сочиненіи «Опера и Драма», Вагнеръ подробно изложилъ теорію музыки, заключающейся въ сліяніи поэзіи и музыки, словъ и ихъ музыкальнаго выраженія.

Какъ на повѣйшее произведеніе Вагнера слѣдуетъ указать на его оперу «Персиваль», полный текстъ которой изданъ въ Лейпцигѣ въ 1878 г.; представленіе же ея назначено въ барейтскомъ театрѣ на 1880 годъ, такъ какъ музыка для послѣдняго дѣйствія еще не вполне окончена. Мѣсто дѣйствія этой музыкальной драмы (Вагнеръ не называетъ своихъ произведеній, для сцены, операми) близко напоминаетъ гористую мѣстность восточной Испаніи, описанную въ «Испанской легендѣ» (см. № 31 «Жив. Обзоръ» за 1878 годъ). Но характеры героев обихъ легендъ различны. У Вагнера всѣ хитрости очаровательныхъ дѣвъ волшебника остаются напрасными, и Персиваль не поддается искушенію, но, выдержавъ всѣ соблазны, дѣлается достойнымъ — совершать священнодѣйствія передъ чашей Граала. Полное собраніе сочиненій Р. Вагнера издано въ 1873 г. въ Лейпцигѣ, въ девяти томахъ. Жизнь и творенія его изданы Глазенапомъ въ Касселѣ, въ 1876 г., въ двухъ томахъ. Въ Барейтѣ Р. Вагнеръ живетъ на собственной виллѣ (Wahnfried) съ 1872 года, вторично женился въ 1870 г. послѣ кончины своей первой жены, на дочери знаменитаго Листа, бывшей прежде за Бюловымъ, также извѣстнымъ пѣвцомъ. Нашъ рисунокъ (стр. 413) изображаетъ тотъ моментъ послѣдней драмы «Кольца Нибелунговъ» (первое дѣйствіе, вторая сцена драмы «Пора боговъ»), когда Зигфридъ, одинъ изъ легендарныхъ рыцарей-героевъ, владѣющій талисманомъ быть неви-

димымъ, надѣвая на себя добытый имъ съ бою шлемъ, оставляетъ на время жену свою, Брунегильду, отправляется искать приключеній, и во время путешествія получаетъ приглашеніе остановиться въ замкѣ рыцаря Гунтера, на Рейнѣ. Его встрѣчаетъ, при входѣ, сестра Гунтера, Гутрюна, предлагающая ему, для подкрѣпленія силъ, напитокъ изъ роговиднаго кубка, наполненнаго волшебнымъ виномъ, имѣющимъ свойство заставить влюбиться до безумія въ ту, которая подаетъ этотъ напитокъ. Опорожнивъ кубокъ, Зигфридъ увлекается красотою Гутрюны и, забывъ совершенно о женѣ своей, подъ вліяніемъ волшебнаго напитка, дѣлаетъ ей предложеніе, а потомъ брату ея обѣщаетъ привести въ жены Брунегильду, въ которую такъ радушно принявшій его хозяинъ давно уже былъ влюбленъ и съ умысломъ приготовилъ волшебный напитокъ, погубившій въслѣдствіи не только Зигфрида, но и жену его Брунегильду.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Подкупъ.

Глава I.

Фирма Тюссо и К^о.

Встревоженный словами дочери и увѣренный, что она сама виновата во всемъ случившемся, Тюссо возвратился въ свою комнату въ очень дурномъ расположеніи духа. Онъ рѣшилъ на слѣдующее утро разузнать всю правду объ арестѣ зятя. По всей вѣроятности, Гударь былъ арестованъ по ошибкѣ или крики Сесиль привлекли въ ихъ квартиру полицейскихъ, хотя послѣднее обстоятельство было менѣе вѣроятно. Всего болѣе Тюссо сердилась Адель, которая, вмѣсто того, чтобы утѣшить его, бранила Андре и упрекала мужа, что онъ желалъ этой свадьбы. Тюссо легъ въ постель, но не былъ въ состояніи заснуть. Гударь въ его глазахъ не могъ быть преступникомъ: онъ такъ благороденъ, такъ добръ, такъ богатъ! Долго терзался Тюссо въ догадкахъ, но наконецъ воскликнулъ, прискѣвъ на постели:

— О! Господи!

— Что съ тобой? спросила съ испугомъ Адель.

— Я пари держу, что замѣшалась политика.

И въ газетахъ что-то писали...

Какъ ни нелѣпы были слова Тюссо, но онѣ отлично характеризуютъ эпоху. Вторая имперія ввела въ нашу общественную жизнь преслѣдованія ради политическихъ соображеній и если мы долго не видали своего пріятеля, то первая мысль, входившая въ голову, была: вѣрно и онъ замѣшанъ въ политику. По этому мысль, блеснувшая въ головѣ Клода, была совершенно естественна, но Адель пожала плечами.

— Я бы этого очень желала для насъ и для него, замѣтила она.

Какъ только разсвѣло, Тюссо отправился на

квартиру зяти, чтобы навести справки, а жена его тотчас встала и пошла в комнату дочери. Сесиль, как и следовало ожидать, провела очень дурно ночь; она была вся избита и чувствовала сильное изнеможение и нервное расстройство. Мы знаем, как она любила мать, и потому тотчас рассказала ей о всем случившемся. Потом они оба стали подыскивать причины ареста Гудара. Адель дала мысль, что, вѣроятно, его арестовали ради какой-нибудь постыдной истории обольщения молодой дѣвушки или насилья надъ замужней женщиной. Тут не было ничего невозможнаго, такъ какъ Андре почти никогда не бывалъ дома.

— По той или другой причинѣ онъ арестованъ, мнѣ все равно, воскликнула Сесиль;—я во всякомъ случаѣ освободилась отъ него.

— Если это ошибка, онъ скорѣй вернется.

— Мнѣ все равно. Чтобы ни говорилъ отецъ, я рѣшилась разстаться съ Гударомъ. Эта жизнь мнѣ не по силамъ.

— О, Боже мой! какой скандалъ.

— Какъ! ты, зная все, совѣтуешь мнѣ оставаться съ нимъ только для того, чтобы избѣгнуть скандала? Но вѣдь лучше умереть, чѣмъ жить съ этимъ человѣкомъ. Онъ началъ меня бить и теперь уже не остановится... Мнѣ стоитъ только заявить суду, что онъ нанесъ мнѣ тяжелые побои. На моемъ тѣлѣ есть явные слѣды, а онъ, конечно, не объяснитъ ихъ происхожденіе. Кромѣ того вторая причина развода—несоотвѣтствіе характеровъ.

— Твой отецъ этого никогда не допуститъ.

— Когда дѣло шло о спасеніи отца, я повиновалась, но теперь ничто не можетъ пошатнуть фирмы. Разводъ ничего не измѣнитъ, я имѣю свои права и права моего ребенка, отецъ котораго въ глазахъ свѣта Гударъ.

— Все это меня пугаетъ.

— Тутъ нѣтъ ничего страшнаго. Я по несчастью претерпѣла много горя, мой мужъ въ тюрьмѣ и я естественно хочу порвать съ нимъ всякія связи.

— Ты совѣтуешься съ отцемъ.

— Нечего мнѣ говорить съ бѣднымъ отцомъ, отвѣчала Сесиль, качая головой:—онъ долженъ согласиться на то, что я хочу.

Въ эту минуту изъ магазина послышался шумъ и Адель поспѣшно сошла внизъ. Тюссо вернулся внѣ себя отъ гнѣва. Онъ ничего не узналъ и, по глупости, первымъ рассказалъ привратнику дома, въ которомъ жилъ Гударъ, объ его арестѣ. Привратникъ ничего не видѣлъ. Гударъ постоянно уходилъ изъ дома и возвращался ночью, такъ что онъ на это не обращалъ вниманія. Правда, наканунѣ трое господъ спрашивали, гдѣ живетъ г. Гударъ, но онъ принялъ ихъ за пріятелей Гудара. Впрочемъ, арестъ былъ произведенъ такъ тихо, что никто въ домѣ ничего не зналъ.

— Ты видишь, тутъ непремѣнно пахнетъ политикой, прибавилъ Тюссо.

Эти слова вывели изъ терпѣнія Адель и она рассказала, что бѣдная Сесиль имѣла съ мужемъ ежедневныя сцены, что онъ ее билъ и что наканунѣ только арестъ Гудара спасъ ее отъ увѣчья. Клодъ могъ въ этомъ убѣдиться самъ по снѣлкамъ на ея тѣлѣ.

Тюссо былъ пораженъ этимъ неожиданнымъ извѣстіемъ. Какъ! Гударъ, его другъ, такой добрый и благородный человѣкъ, билъ свою жену? Это было невозможно. Однако, приходилось вѣрить очевидности. Тюссо любилъ свою дочь, свое единственное дитя, и ему было горько узнать, что она несчастлива. Очевидно, тутъ скрывалось что-то ему неизвѣстное и онъ рѣшился самъ переговорить съ дочерью и на основаніи того, что узнаетъ отъ нея, начать дѣйствовать.

— Къ тому же, замѣтилъ онъ съ чисто буржуазной неблагодарностью, — онъ мнѣ болѣе не

пужень. Его деньги находятся въ фирмѣ, онъ получаетъ большіе проценты, и эти деньги вѣдь столько же принадлежатъ моей дочери, сколько ему, еще болѣе ей, чѣмъ ему, такъ какъ она беременна и должна думать о своемъ сынѣ.

Почтеннаго бронзовщика смущала мысль, что онъ, отецъ, никогда не трогалъ пальцемъ своей дочери, а другъ, за котораго онъ отдалъ ее замужъ, смѣлъ ее бить. Какъ бы она ни была виновата, но бить ее нельзя. Развѣ мужчина можетъ бить женщину?

И Тюссо такъ горячился, что Адель видѣла съ удовольствіемъ, что, пожалуй, онъ скорѣй самъ предложитъ дочери разводъ. Она побѣждала сообщить эту радостную вѣсть Сесиль, а Клодъ, оставшись одинъ, сѣлъ за конторку и, закрывъ лицо руками, глубоко задумался.

«Въ сущности, что мнѣ Гударъ, размышлялъ онъ:—онъ мнѣ не пужень, фирма пойдетъ и безъ него. Онъ мнѣ только надоедаетъ своимъ хвастовствомъ, что все идетъ хорошо только по его милости. Это просто глупый кутила, который давно разорился бы, еслибъ я не помѣстилъ выгодно его денегъ. Слава Богу, я далъ ему хорошій доходъ. Надо быть такимъ дуракомъ, какъ я, чтобы согласиться дѣлить барыши пополамъ, когда онъ ничего не дѣлаетъ. Конечно, онъ мой зять, и я на это согласился только ради дочери. Но если онъ не ведетъ себя съ нею какъ слѣдуетъ, то нечего съ нимъ церемониться. Я убѣжденъ, что эта сцена произошла оттого, что онъ измѣняетъ своей женѣ. Онъ не долженъ, однако, забывать, что она моя дочь, и что ей семнадцать лѣтъ, а ему сорокъ! Я пари держу, что она, бѣдняжка, ревновала его... а онъ еще смѣетъ ее бить. Нѣтъ, этому не бывать. Я ей посоветую, въ интересахъ ея самой и ея ребенка, обратиться въ судъ... Я ей буду платить проценты съ капитала».

Въ эту минуту служанка принесла газету. Тюссо тотчасъ вспомнилъ о Гударѣ и о вѣроятности его ареста по политическимъ соображеніямъ. Онъ съ нетерпѣніемъ развернулъ газету и посмотрѣлъ прямо на тотъ столбецъ, гдѣ обыкновенно печатались извѣстія объ ежедневныхъ происшествіяхъ.

— Это что такое! воскликнулъ онъ, прочитавъ нѣсколько строкъ и бросился въ столовую, гдѣ уже находились Адель и Сесиль. — Ну, это уже слишкомъ!

— Что случилось? спросила Сесиль, едва державшаяся на ногахъ.

— Прочти! воскликнулъ Тюссо, подавая ей газету.

Сесиль взяла газету и стала читать. Но, по мѣрѣ того, какъ глаза ея пробѣгали по строчкамъ, она все блѣднѣла и, наконецъ, громко вскрикнувъ, упала безъ чувствъ на руки матери, подосѣвшей къ ней на помощь.

— Боже мой! Боже мой! вскричалъ Тюссо: — я всему виною!

Вотъ что было напечатано:

«Мы только-что узнали, что важный арестъ произведенъ въ кварталѣ Марэ; наконецъ, нашли одного изъ участниковъ въ таинственномъ преступленіи, въ улицѣ Лакюэ. Наши читатели, конечно, не забыли этого дѣла; главный виновникъ уже нѣсколько времени находится въ рукахъ полиціи—это работникъ бронзовщикъ, по имени Морисъ Феранъ. Сначала онъ сдѣлалъ важныя признанія, а потомъ сталъ все отрицать. Слѣствие по дѣлу объ убійствѣ несчастной Лен Меданъ очень искусно ведется слѣдователемъ, г. Оскаркомъ Вершемономъ. Лишь только узнали въ полусвѣтѣ, что это дѣло будетъ слушаться въ слѣдующую сессію, какъ безчисленное количество просьбъ о билетахъ посыпалось на предѣдателя суда, г. Матье-де-Талли. На этотъ процессъ будетъ также трудно попасть, какъ на пер-

вое представленіе новой пьесы. Читатели наши помнятъ, при какихъ странныхъ условіяхъ убитъ несчастная жертва и что она найдена была въ обнаженномъ видѣ. По всей вѣроятности, слѣствие на судѣ откроетъ много пикантныхъ подробностей, особенно для дамъ. Обвиняемый очень молодъ; ему двадцать лѣтъ и это одинъ изъ тѣхъ юныхъ красавцевъ, которые составляютъ лучшую забаву посятительницъ публичныхъ бавовъ. Его цинизмъ превосходитъ всякое вѣроятіе; сознавшись, что купилъ вино и приготовилъ ядъ, онъ увѣряетъ, что употребилъ этотъ ядъ только для себя и когда его уличаютъ во лжи, то онъ отрицаетъ, пожимая плечами: «докажите». Естественно, онъ отрицаетъ всякое знакомство съ несчастной жертвой. Мы постараемся сообщить читателямъ все, что выяснится на слѣдствіи по этому дѣлу, которое общааетъ увеличить собою число замѣчательнѣйшихъ процессовъ послѣдняго времени».

Конечно, не первая строка этой газетной статьи поразила Сесиль. Еслибъ ея мужъ былъ воромъ, мошенникомъ и убійцей, она не могла бы его болѣе презирать, чѣмъ уже презирала теперь. Какое ей было дѣло до человѣка, имя котораго она приняла только для того, чтобы лучше ему отомстить. Но ее глубоко взволновала вѣсть объ арестѣ Мориса Ферана и о страшномъ обвиненіи, взведенномъ на него. Это была, вѣроятно, ошибка, Морисъ не могъ быть преступникомъ. Къ тому же, названіе улицы Лакюэ, фактъ покупки вина и яда не доказывали-ли ясно, что ихъ попытка отравиться ввела полицію въ заблужденіе?

Все это такъ смутило ее, что она не могла произнести ни слова и упала въ обморокъ отъ испуга, изнеможения и усталости послѣ сильныхъ впечатлѣній, слѣдовавшихъ быстро одно за другимъ съ вчерашняго вечера. Адель поддержала ее и усадила въ кресло.

— Сесиль, моя милая Сесиль, нѣжно говорила она, стоя передъ нею на колѣняхъ и держа у ея носа флаконъ со спиртомъ, — очнись, открой глаза! Нѣтъ, она молчитъ, она умерла и мы въ этомъ виноваты, отдавъ ее замужъ за этого негодяя.

— Нѣтъ, я одинъ виноватъ, отвѣчалъ Тюссо: — она всегда думала о Морисѣ, а я далъ ей прочесть извѣстіе объ его арестѣ. Но я думалъ, что оно произведетъ на нее противоположное впечатлѣніе. Я хотѣлъ ей сказать: «ты видишь, какъ мы хорошо сдѣлали, что помѣшали тебѣ выйти замужъ за этого мальчишку, онъ долженъ былъ дурно кончить».

Тутъ Адель махнула ему рукой и онъ смолкъ. Сесиль между тѣмъ очнулась и, слыша слова отца, насунила брови. Онъ тотчасъ спохватился и прибавилъ:

— Ну, ну, красавица моя, Сесиль, успокойся. Нельзя вѣрить всему, что пишутъ въ газетахъ.

Сесиль ничего не отвѣчала и молча цѣловала мать, которая осыпала ее нѣжными ласками. Но черезъ нѣсколько минутъ она не выдержала и заплакала горькими слезами.

— Сесиль перестань, умолялъ ее отецъ;—я не хочу, чтобы ты плакала по моей винѣ.

— Оставь ее, сказала Адель: — слезы успокоятъ ее.

— Мама, помоги мнѣ дойти до моей комнаты, сказала Сесиль послѣ нѣкотораго молчанія, — но не тревожься, это пройдетъ. Мнѣ надо только отдохнуть.

— Да, успокойся, дитя мое, отвѣчалъ Тюссо, — и не сердись на твоего отца; я сейчасъ побѣгу и разужаю, за что арестовали твоего мужа и если газетное извѣстіе окажется вѣрнымъ, то мы рѣшимъ, что намъ дѣлать.

Сесиль слегка улыбнулась и, взявъ руку матери, пошла въ свою комнату. Уложивъ ее въ

постель и отослав служанку, Адель съѣла подлѣ нея.

— Ну что, ты лучше себя чувствуешь? спросила она пѣжно.

— Да, мама.

— Не хочешь ли чего нибудь?

— Да, отвѣчала Сесиль, вполголоса и смотря на мать съ пламенной мольбой; — я хотѣла бы, чтобъ ты послала за Амелі. Мнѣ надо съ нею поговорить о Морисѣ.

Эти неожиданныя слова удивили г-жу Тюссо. Ей казалось неблагоуразумнымъ, чтобъ Сесиль, уйдя изъ дома своего мужа, на другой же день видѣлась съ сестрою человѣка, который былъ ея любовникомъ, о чемъ зналъ и ея мужъ? Но Адель любила болѣе всего на свѣтѣ свою дочь и, чтобъ облегчить ея страданія, готова была на все. Излишне было говорить объ этомъ Тюссо, а проще, воспользовавшись его отсутствіемъ, исполнить тотчасъ желаніе дочери.

Между тѣмъ почтенный бронзовщикъ пос-

— Какое счастье, что я не перемѣнилъ фирмы. Въ хорошей бы я теперь былъ передрагѣ.

Повернувшись въ другую сторону, онъ отправился въ улицу Сен-Поль, гдѣ жила старуха Пальяръ и, взойдя въ третій этажъ, позвонилъ. Дверь ему отворилъ Люи Пальяръ. Хотя молодой человѣкъ только два раза видѣлъ Тюссо у своей матери, онъ тотчасъ его узналъ и, протянувъ руку, поблагодарилъ за посѣщеніе, полагая, что бронзовщикъ пришелъ выразить ему соболѣзнованіе объ его горѣ.

— А какъ здоровье вашей матушки? спросилъ Тюссо.

— Какъ, развѣ вы не знаете... развѣ вы не получали приглашенія...

— Какого приглашенія?

— Матушка умерла два мѣсяца тому назадъ.

— Не можетъ быть!

— Увы, это правда. Извините, если я вамъ не послалъ приглашенія на похороны. Я не зналъ адресовъ вѣхъ знакомыхъ матушки.

— Молодой человѣкъ, я только исполнилъ свой долгъ.

— Конечно, смерть матери нѣсколько не измѣнитъ условій, на которыхъ находятся у васъ деньги, напротивъ, я ихъ облегчу если возможно.

— Благодарю васъ. Вы, вѣроятно, нашли наши залогов?

— Какіе залогов? спросилъ съ удивленіемъ Люи.

Тюссо улыбнулся, какъ бы недовѣря словамъ молодого человѣка, но объяснилъ спокойно, что его зять, женись на его дочери, внесъ въ фирму пятьдесятъ тысячъ франковъ, но, имѣя только процентныя бумаги на сумму отъ восьмидесяти до ста тысячъ франковъ, съ которыми не хотѣлъ ни за что разстаться, онъ заложилъ ихъ старухѣ Пальяръ и получилъ подъ это обезпеченіе отъ нея шестьдесятъ тысячъ франковъ.

— Всѣ эти процентныя бумаги, различныя акціи и облигаціи, прибавилъ Тюссо,—находи-

Рис. 1. Къ статьѣ «Въ новой Гвинее».

пѣжно отправился въ полицейскую префектуру и съ нѣкоторымъ удивленіемъ узналъ, что Гударъ дѣйствительно арестованъ, какъ сообщникъ въ убійствѣ Лен Меданъ. Эта развязка была для него самая пріятная, такъ какъ въ случаѣ признанія виновнымъ зятя, онъ становился законнымъ опекуномъ своей дочери и полнымъ распорядителемъ общихъ капиталовъ фирмы.

«Я зналъ, что онъ кончитъ дурно, думалъ Тюссо, возвращаясь домой;—но лучше, что это случилось теперь, чѣмъ позже. Прежде всего необходимо подумать объ интересахъ моей дочери: собрать всѣ капиталы. Ахъ да, пойду-ка я прямо къ старухѣ Пальяръ; мы пропустили срокъ полученія по купонамъ. Необходимо привести все въ порядокъ.

Арестъ зятя по обвиненію въ убійствѣ и бѣгство дочери изъ дома мужа нѣсколько не тревожили его; онъ думалъ только о той пользѣ, которую могла принести ему ликвидація положенія, становившагося ему очень тягостнымъ, и онъ весело повторялъ:

— Вотъ ужасное извѣстіе! Добрая старуха скончалась! Какъ моя жена будетъ сожалѣть ее. Ваша мать знала мою жену еще ребенкомъ.

— Да, матушка мнѣ часто говорила объ ней.

— Ну, какъ бы то ни было, вы ея наслѣдникъ, поговоримте о дѣлахъ.

— А вы имѣли съ нею дѣла?

— Да; вы развѣ не знаете, что она три мѣсяца тому назадъ дала мнѣ займы шестьдесятъ тысячъ франковъ?

— О! воскликнулъ Люи,—вотъ гдѣ находятся шестьдесятъ тысячъ франковъ, которые, по словамъ нотариуса, она получила за продажу дома. Мы не нашли въ ея бумагахъ никакого документа и ни малѣйшей записки насчетъ этихъ денегъ. А вы теперь приходите и прямо говорите, что деньги у васъ. Это очень благородно, г. Тюссо. Вы по истинѣ честный человѣкъ.

Бронзовщикъ былъ очень удивленъ этими похвалами, но скромно отвѣчалъ:

— лись въ конвертѣ запечатанномъ почтатю, моей фирмы: К. Т.

— Я ничего не нашелъ въ бумагахъ покойной, воскликнулъ съ безпокойствомъ молодой человѣкъ и какъ-то странно посмотрѣлъ на Тюссо.

— У меня есть росписка г-жи Пальяръ, поспѣшилъ прибавить бронзовщикъ.

— А это дѣло другое! Но вы меня пугаете. Сумма большая и процентныя бумаги всѣ на предъявителя?

— Да!

— Боже мой! Намъ нельзя терять ни минуты. Принесите скорѣе росписку матери, въ ней конечно означены нумера бумагъ и мы сейчасъ поѣдемъ въ полицейскую префектуру.

— Хорошо, подождите меня, я сейчасъ вернусь.

И Тюссо, сломя голову, поскакалъ домой.

Пока онъ ѣздилъ, Люи Пальяръ для очистки совѣсти старательно осмотрѣлъ всѣ столы и комоды, куда мать могла спрятать эти бумаги, по

ничего не нашель. Его очень удивляло, что она не сказала нотаріусу о такой значительной сумѣ, но, не подозрѣвая кражи, подумалъ, что, вѣроятно, она или кому-нибудь передала эти документы или гдѣ-нибудь очень хитро ихъ скрыла. Но все же для предосторожности необходимо было тотчасъ заявить полиціи. Поэтому, какъ только Тюссо привезъ росписку г-жи Пальяръ, они оба отправились въ префектуру. Тамъ Тюссо не желая компрометировать себя родствомъ съ Гударомъ, просто объяснилъ, что пропавшія у покойной г-жи Маріанны Пальяръ процентныя бумаги были имъ даны ей въ залогъ.

На возвратномъ пути Люи вспомнилъ, что докторъ его матери былъ ея старый пріятель.

— Онъ былъ у нея передъ ея смертью, прибавилъ молодой человѣкъ, — и можетъ быть что-нибудь знаетъ.

Они заѣхали къ доктору, но онъ имъ не могъ ничего сообщить. Онъ помнилъ только, что ста-

вниманіе на его неожиданный отъѣздъ и, повторяю, я убѣжденъ, что онъ не обокралъ моей матери.

— Дѣлай, что хочешь, я тебѣ сказалъ мое мнѣніе и могу только прибавить, что такія бумаги не пропадаютъ.

Выйдя отъ доктора, Люи общалъ Тюссо навести всевозможныя справки и перешарить вездѣ въ домѣ, даже распороть матрацы.

— Во всякомъ случаѣ, вы ничего не потеряете, если я даже не найду этихъ бумагъ, прибавилъ онъ, успокоивая бронзовщика, и общалъ увѣдомить его немедленно о результатѣ поисковъ.

Пока Тюссо былъ занятъ этими розысками, Адель, повинувшись желанію дочери, отправилась за Амели, которую застала въ очень веселомъ настроеніи. Узнавъ г-жу Тюссо молодая дѣвушка побѣжала къ ней на встрѣчу.

— Вы пришли узнать объ немъ? воскликнула она.

— Увы!

Г-жа Тюссо поняла, что подруги желали остаться наединѣ и тихонько вышла изъ комнаты. Какъ только она удалилась, Амели спросила:

— Ты все еще любишь его?

Сесиль ничего не отвѣчала. Слезы душили ее.

— Ну, право, я васъ не понимаю. Онъ тебя такъ любитъ, что хотѣлъ себя убить.

Сесиль не могла удержаться отъ улыбки. Морисъ сдержалъ свое слово и даже сестрѣ не открылъ ихъ роковой тайны.

— Ты знаешь, что онъ арестованъ, продолжала Амели, — и вотъ за что: въ ту самую ночь, когда онъ хотѣлъ отравиться, въ домѣ противъ него найдена отравленной молодая женщина.

— Отравленной?

— Да. У лавочниковъ въ околodкѣ узнали, что молодой человѣкъ купилъ шампанскаго и ядъ. Подозрѣніе пало на Мориса и его арестовали. Но самое страшное, что онъ не могъ себя защищать.

Рис. 2. Къ статьѣ «Въ новой Гвинее».

руха очень желала поскорѣ видѣть сына, и говорила, что ей нужно съ нимъ поговорить, но о чемъ, не упоминала. Онъ совѣтовалъ обратиться прежде всего къ Бойе, который находился при умирающей и къ патеру, который исповѣдовалъ ее и адресъ котораго долженъ былъ знать Бойе.

— Но гдѣ я найду Бойе? воскликнулъ Люи, — онъ уѣхалъ изъ Парижа, я не знаю куда.

— А тебѣ не кажется, Люи, это исчезновеніе очень страннымъ? спросилъ докторъ, качая головой.

— О! отвѣчалъ молодой человѣкъ, — неужели вы думаете, что онъ на это способенъ. Я его не люблю, даже презираю его, но поручусь, что онъ не красть этихъ бумагъ.

— Но все же странно, что онъ уѣхалъ такъ внезапно.

— Вы знаете, какимъ ремесломъ онъ занимался; такихъ людей посылаютъ одинъ день сюда, другой день туда. Намъ нечего обращать

— Такъ это правда?

— Увы, да. Но, слава Богу, не далеко конецъ нашимъ несчастіямъ. Слѣдователь мнѣ только что объявилъ, что мой братъ честный, благородный человѣкъ и что его вскорѣ освободятъ.

Г-жа Тюссо тогда рассказала Амели въ двухъ словахъ, въ какомъ положеніи находилась ея дочь, узнавъ объ арестѣ Мориса. Вся злоба молодой дѣвушки на свою подругу мгновенно исчезла и она тотчасъ согласилась ѣхать къ Сесиль съ ея матерью.

По дорогѣ она все время весело болтала, предвкушая неописанное счастье снова обнять Мориса. Но увидавъ бѣдную Сесиль, она бросилась къ ней на шею и обѣ подруги долго молча плакали.

— Какъ ты перемѣнилась, сказала наконецъ Амели, смотря съ сожалѣніемъ на молодую женщину.

— Я такъ много страдала!

— Такъ это правда?

— Отчего?

— Отъ того, что, вѣроятно, ядъ, который онъ принялъ, подѣйствовалъ на его мозгъ и отнялъ у него память. Онъ помнитъ, что купилъ ядъ и хотѣлъ отравиться, но болѣе ничего. Ты понимаешь, ему говорятъ: «Вы были у этой женщины и отравили ее, потому что васъ встрѣтили съ нею въ улицѣ Лакюзъ, и утромъ на разсвѣтѣ, когда вы возвратились домой, привратникъ слышалъ, какъ ваша дверь хлопнула». Онъ на это отвѣчаетъ: «Нѣтъ, это неправда». Натурально, у него спрашиваютъ: «такъ расскажите, что вы дѣлали въ ночь на 30 іюня». Онъ только опускаетъ голову и говоритъ: «Я не могу ничего сказать»... Но Боже мой, что съ тобою?

Сесиль ужасно поблѣднѣла и, схвативъ за руки Амели, воскликнула страннымъ голосомъ:

— И потому, что онъ не можетъ объяснить, что онъ дѣлалъ въ эту ночь, потому что никто не подтвердилъ, что онъ небылъ въ эту ночь въ домѣ убитой женщины, его держать въ тюрьмѣ?

— Да.

— О! бѣдный, добрый, честный, мужественный Морисъ! Не бойся, Амели, мы спасемъ твоего брата.

— Слѣдователь далъ мнѣ сегодня надежду, что его скоро выпустятъ.

— А я тебѣ это подтверждаю.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

Не отвѣчая Амели и какъ бы говоря сама съ собою, Сесиль сказала:

— Я погублю себя, но его спасу.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Въ Новой Гвиней.

Изъ путешествія Люи Трегана. Переводъ Н. М. Поль.

Глава II.

Вошло яркое солнце и освѣтило землю, о которую волны разбивались съ оглушительнымъ шумомъ. Хотя она была отъ насъ не болѣе какъ въ четверти лье, взволнованное море пѣнилось и мѣшало намъ разглядѣть берегъ. Ближе къ намъ возвышался маленький островъ, у береговъ котораго разбился нашъ корабль.

Каждая волна уносила у насъ какую-нибудь доску; мы принялись строить плотъ, чтобы добраться до земли, окончили его къ полудню, и стали уже нагружать его самыми необходимыми вещами, какъ вдругъ на насъ напала цѣлая флотилія лодокъ. Спротивленіе было бесполезно, такъ какъ сидѣвшіе въ нихъ люди были вооружены палицами, копьями, луками и стрѣлами. Мы сдались безусловно и насъ тотчасъ же отвели въ лодку безобразнаго атлета, съ сумрачнымъ и жестокомъ лицомъ, котораго мы приняли за начальника этихъ дикарей. Онъ былъ большого роста, голова его была покрыта густою массою курчавыхъ волосъ. Побѣдители принялись грабить корабль съ величайшимъ проворствомъ. Нагружаясь добычею, они взяли нашъ плотъ на буксиръ и направились къ землѣ. Множество другихъ лодокъ выѣхало намъ на встрѣчу и, при видѣ насъ, находившіеся въ нихъ люди выражали сильное удивленіе, жестикулировали и выли, какъ демоны. Черезъ полчаса мы миновали утесы, замѣчательные наканунѣ несчастнымъ кормчимъ «Надежды» и увидѣли входъ въ небольшой заливъ, до такой степени скрытый скалами, что его невозможно было замѣтить въ открытомъ морѣ. Я долженъ былъ сдержать крикъ восхищенія, при видѣ чуднаго пейзажа, открывшагося моимъ изумленнымъ глазамъ, и на нѣсколько минутъ забыть, что я плѣнникъ и что смерть, быть можетъ, ожидала меня на этой очаровательной землѣ. Волны залива, гладкія и прозрачныя, какъ зеркало, отражали лучи палящаго солнца. Съ юга незамѣтно спускались высокіе холмы; закрывающіе доступъ къ морю; съ сѣвера и запада болѣе крутые берега образовывали рядъ высокихъ террасъ, со всѣхъ сторонъ видѣлась роскошная растительность. Вдалекѣ разстилался дымъ деревень, спрятавшихся въ лѣсу, а къ сѣверу я различилъ мирно пасущіяся стада. Селеніе, въ которомъ жили наши побѣдители, тянулось къ востоку и отражалось въ прозрачной водѣ залива; совершенно голые дикари бѣгали по берегу и помогли намъ пристать.

Очевидно, мы находились на берегу Новой Гвиней; но какая судьба ждала насъ? Были-ли мы добычею людоедовъ или только плѣнниками воинственнаго, но великодушнаго племени? Тщетно вопрошали мы суровыя лица, окружавшія насъ, чтобы подмѣтить въ нихъ какое-нибудь указаніе на участь, насъ ожидающую; мы могли

прочестъ на нихъ только любопытство, возбужденное бѣлизною нашей кожи.

Мы начинали жестоко страдать отъ голода; и когда дикари поняли, наконецъ, знаки, которыми мы просили у нихъ пищи, они принесли намъ финиковъ и мяса, которое я сталъ ѣсть, не забывая о его происхожденіи. Весь этотъ день мы оставались на попеченіи дѣтей, женщинъ и стариковъ, которые безъ усталости разглядывали насъ. Взрослые мужчины разгружали «Надежду», зная, что волны не замедлятъ разбить ее. Дѣйствительно, я узналъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, что она пошла подъ вечеръ ко дну такъ быстро, что дикари, находившіеся въ трюмѣ, не успѣли выскочить. Нѣкоторые изъ нихъ всплыли, какъ пробки, на поверхность, но большинство утонуло.

Когда настала ночь, намъ связали руки и ноги веревками, сдѣланными изъ древесной коры и заперли во второмъ этажѣ деревяннаго, хорошо построеннаго дома. Многочисленная стража размѣстилась внизу. Я не могъ заснуть, несмотря на усталость, до такой степени былъ возбужденъ воспоминаніями о Филинѣ и опасеніемъ за будущее. На разсвѣтѣ наши сторожа пришли убѣдиться въ нашей цѣлости и сохранности, но не обратили никакого вниманія на отчаянные знаки, которыми мы умоляли перерѣзать веревки, врѣзавшіяся намъ въ тѣло. Немного позднѣе пришелъ и предводитель, взявшій насъ въ плѣнъ, и велѣлъ освободить насъ отъ веревочекъ. Затѣмъ намъ принесли завтракъ, состоявшій изъ рыбы, мяса, и напитка слегка возбуждающаго, составленнаго, какъ я послѣ узналъ, изъ отвара листьевъ одного большого дерева, очень распространеннаго въ странѣ. Напитокъ этотъ оказался слабительнымъ, къ которому было примѣшано наркотическое средство. Мы не замедлили заснуть глубокимъ сномъ.

Когда мы проснулись, солнце уже высоко стояло въ небѣ и мы лежали, совершенно голые, среди пастбища, окруженнаго высокимъ заборомъ. Толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей окружала насъ и выражала, жестами удивленія, восхищенія или отвращенія, которое мы возбуждали. Какъ только замѣтили, что мы проснулись, намъ снова принесли пищу, отъ которой мы отказались, но къ ночи должны были принятъ за нее, потому что насъ мучилъ страшный голодъ. Вечеромъ намъ позволили забиться въ уголъ изгороди и бросили оханку свѣжей травы, точно мы были не люди, а скотъ.

Мы оставались около недѣли въ этой изгороди; ежедневно толпа праздноматающихся окружала нашу тюрьму и потѣшалась надъ нами. Дикари разсматривали насъ, какъ рѣдкихъ животныхъ въ звѣринцѣ, и пробовали заговаривать съ нами, что дало намъ возможность научиться нѣсколькимъ словамъ ихъ языка. Однажды мы указали имъ на солнце; они тотчасъ же отвернулись, подняли руки, какъ бы умоляя, и прошептали «Отару» т. е. «Великій Царь» или «Живущій».

Съ нами обращались недурно и въ пищу не было недостатка; послѣднее обстоятельство было очень пріятно, такъ какъ питье, которое намъ давали, возбуждало сильнѣйшій аппетитъ. Мы начинали уже представлять себѣ будущее въ мѣлкихъ мрачныхъ краскахъ, какъ вдругъ однажды замѣтили, что зрители, собравшіеся вокругъ насъ, многочисленнѣе обыкновеннаго и что каждый часъ раздаются въ деревнѣ какіе-то страшные крики. Цѣлую ночь слышались удары въ барабанъ, а на утро, когда мы проснулись, намъ снова связали руки и ноги. Отрядъ дикарей, вооруженныхъ острыми камнями, зорко сторожилъ насъ; я вздрогнулъ, видя звѣрское выраженіе ихъ лицъ и, будучи не въ силахъ преодолѣть овладѣвшій мною ужасъ, вскричалъ:

— Друзья, мы погибли!

Между тѣмъ наши стражи схватили насъ за голову и за ноги, вытащили изъ-за изгороди и перенесли на равнину, гдѣ собралось все населеніе вокругъ пня, тщательно поддерживаемаго двѣнадцатью голыми дикарями. Около сотни вооруженныхъ людей вышли намъ на встрѣчу и проводили до костра, на которомъ накачивались пять большихъ каменныхъ плитъ. Я понималъ тогда, какая судьба ожидала насъ и почувствовалъ, что волосы мои стали дыбомъ отъ ужаса.

Старикъ съ звѣрски-жестокимъ лицомъ, въ длинномъ передникѣ, исполнялъ обязанность верховнаго жреца при этой отвратительной церемоніи. Онъ подошелъ къ намъ, пощупалъ, внимательно разглядѣлъ насъ, затѣмъ велѣлъ поставить меня и четырехъ моихъ товарищей въ рядъ передъ огнемъ. Бѣдный матросъ, цвѣтущаго здоровья и, слѣдовательно, жирный, стоялъ первымъ на очереди; я былъ послѣднимъ.

Когда эти приготовленія окончились, трое помощниковъ главнаго жреца подошли къ намъ. Я кажется и теперь вижу ихъ, въ ихъ передникахъ, которые были нѣсколько короче, чѣмъ у ихъ начальника. Они принялись пѣть дикую пѣсню, и по временамъ вся толпа повторяла послѣдній припѣвъ, барабанъ забилъ и четверо сторожей бросились на моего несчастнаго товарища, потащили его, несмотря на его крики и сопротивленіе, оглушили страшнымъ ударомъ дубины и бросили еще трепещущаго на одну изъ каменныхъ плитъ!

Снова началось пѣніе; снова толпа подхватила припѣвъ; снова увидѣлъ я муки другого несчастнаго; мнѣ показалось, что зрители, воины и несчастныя жертвы завертѣлись и я совершенно потерялъ сознаніе того, что происходило вокругъ меня. Черезъ нѣсколько времени, я почувствовалъ, что меня схватили. Инстинктивно я поднялъ руки, чтобы защитить голову, наткнулся на руку верховнаго жреца и мнѣ показалось, что онъ сдѣлалъ тотъ знакъ, по которому масоны узнаютъ другъ друга. Руководясь послѣднимъ проблескомъ разсудка, я отвѣтилъ. Тотчасъ же старикъ подошелъ ко мнѣ, перерѣзалъ веревки, связывавшія мнѣ руки и ноги и, оборотись къ изумленной толпѣ, указавъ на меня, призывая солнце въ свидѣтели своихъ словъ и началъ длинную рѣчь, въ которой я могъ различить только безпрестанно повторявшееся слово «отару» Каждый разъ, какъ жрецъ произносилъ его, всѣ слушатели наклоняли головы, поднимали руки къ небу и какъ эхо повторяли «отару»

Окончивъ рѣчь освободитель мой знакомъ велѣлъ мнѣ слѣдовать за собою и я занялъ мѣсто возлѣ него за отвратительнымъ пиромъ, въ которомъ женщины и дѣти не принимали участія, между тѣмъ, какъ всѣ воины дѣлились остатками моихъ несчастныхъ товарищей. Подавленный вынесенными волненіями, принужденный оставаться спокойнымъ, я чувствовалъ что теряю разсудокъ, при отвратительномъ видѣ людей, пожирающихъ съ наслажденіемъ человѣческое мясо и приглашающихъ и меня слѣдовать ихъ примѣру.

Мнѣ казалось, что я грежу и я понималъ ясно только одно, что я спасенъ! Какъ благодарилъ я Бога за свое избавленіе. Но какимъ образомъ этотъ дикарь могъ знать тайны масонства и до какой степени могъ я довѣриться ему?

Пока я размышлялъ такимъ образомъ, верховный жрецъ всталъ и направился къ своему жилищу, взявъ и меня съ собою. Онъ ввелъ меня къ себѣ, и объяснилъ знаками, что я свободенъ и что, съ этихъ поръ, личность моя священна!

Глава III.

Я провелъ нѣсколько мѣсяцевъ между людьми, научился ихъ языку и велъ такую же

жизнь, какъ и они, охотятся и ловя рыбу. Селеніе, въ которомъ они жили, было восхитительно расположено: его звали Ражекъ и оно состояло изъ шестидесяти домовъ. Домъ верховнаго жреца, въ которомъ я жилъ, во многихъ отношеніяхъ отличался отъ жилищъ прочихъ начальниковъ. Онъ былъ больше другихъ и состоялъ изъ подземелья, куда имѣлъ доступъ только одинъ верховный жрецъ; нижняго этажа, въ 12 футовъ ширины и 20 длины, единственная комната котораго не имѣла никакого сообщенія ни съ подземельемъ, ни съ верхнимъ этажемъ; наконецъ, второго этажа, куда подымались по наружной, грубо сдѣланной лѣстницѣ. Въ немъ жили три женщины, каждая въ особой комнатѣ: это были жены верховнаго жреца Лаганкеу. Онъ одинъ пользовался правомъ имѣть столько женъ; слѣдующіе за нимъ сановники могли имѣть не болѣе двухъ и, слѣдовательно, верхній этажъ ихъ домовъ дѣлился только на двѣ части. Народъ жилъ въ убогихъ хижинахъ, состоявшихъ изъ одного этажа. Нѣкоторыя изъ хижинъ были окружены верандой или широкимъ, крытымъ балкономъ; подобными же верандами украшались первый и второй этажи домовъ, принадлежавшихъ начальникамъ. Это украшеніе служило наградою лицамъ, отличавшимся какимъ-нибудь подвигомъ и числомъ этажей и постройка веранды указывали на званіе и почетъ, которыми пользовался у племени ихъ владѣлецъ.

Лаганкеу по прежнему ласково обращался со мною: онъ возвратилъ мнѣ мою одежду и даже велѣлъ отдать мнѣ платья моихъ несчастныхъ товарищей, нѣсколько книгъ, бумаги и карандашей, награбленныхъ на «Надеждѣ». Я жилъ мирно, одушевляемый только одною мыслью: бѣжать и вернуться въ Австралію.

Однажды мы отправились на большую охоту, шли на три въ глубь страны и пришли къ подошвѣ высокаго холма, составлявшаго часть горной цѣпи, которая тянулась съ сѣвера на югъ. Страстно желая ознакомиться съ внутренностью страны, я уговорилъ охотниковъ подняться на холмъ; достигнувъ вершины, я увидѣлъ вдали вторую цѣпь горъ, снѣжныя вершины которыхъ терялись въ облакахъ. Я спросилъ, какъ онѣ называются, но туземцы мгновенно испуганно опустили головы и хранили глубокое молчаніе.

Только гораздо позднѣе, и послѣ долгихъ убѣжденій узналъ я, что эта цѣпь называется «Танаворку» и составляетъ часть большого королевства Контаръ, въ которомъ живутъ орангопоки. Дикари Ражека думали, что вѣтеръ доноситъ слова ихъ правителю Контара и такъ боялись его, что говорили о немъ не иначе, какъ дрожа. Любопытство мое было сильно возбуждено. Мало-помалу мнѣ рассказали, что одежда орангопоковъ сверкаетъ, какъ пламя и, подобно солнцу, освѣпляетъ тѣхъ, кто осмѣливается взглянуть на нихъ. Они непобѣдимы, и никто не рѣшается противодѣйствовать имъ, когда они дѣлаютъ набѣги по побережьямъ. Въ такихъ случаяхъ они сидятъ верхомъ на злыхъ духахъ, изъ пазухъ которыхъ пышетъ огонь и которые мчатся, какъ вѣтеръ.

Я заключилъ изъ этого разсказа, что орангопоки хорошо вооружены и носятъ металлическіе латы, что не удивило меня, такъ какъ я слышалъ въ Австраліи, что внутри Новой Гвиней находится несмѣтное количество золота и другихъ металловъ. Затѣмъ, когда я разъ перелистывалъ одну изъ книгъ, въ которой была картинка, изображавшая лошадь, одинъ дикарь подошелъ ко мнѣ и, указывая на нее, вскричалъ: «Эдзе, эдзе!» (злой духъ!) Я понялъ, что жители внутренней части страны имѣютъ лошадей. Очевидно, они должны быть до нѣкоторой степени цивилизованы. Съ этихъ поръ, готовый на все, лишь бы не оставаться въ Ражекѣ, я рѣшился бѣжать къ орангопокамъ, какъ только представится удобный случай.

Между тѣмъ Лаганкеу, который былъ очень уменъ и казалось понималъ превосходство европейцевъ надъ его соотечественниками, сталъ еще сильнѣе выражать мнѣ свою дружбу и распришивать о моей прошлой жизни, очевидно, считывая извлечь какія-нибудь полезныя указанія изъ моихъ разсказовъ. Удовлетворяя его любознательности я вызывалъ его на разговоръ, и такъ какъ въ немъ было замѣтно знакомство съ обычаями, въ которые я хотѣлъ посвятить его, я заключилъ, что у него былъ до меня плѣнникъ бѣлой расы, который научилъ его масонскимъ тайнамъ.

Во время одной изъ нашихъ бесѣдъ я заговорилъ о золотѣ и о томъ, какъ его добываютъ. Глаза жреца заблестѣли; во всей его фигурѣ выражалось живѣйшее любопытство, и онъ наконецъ сказалъ:

— Есть много золота въ королевствѣ Контаръ.

— Я такъ и думалъ, отвѣчалъ я.— Хорошіе ли рудокопы орангопоки?

— У нихъ есть свой способъ добывать золото, но мы могли бы научить ихъ, какъ добывать его въ большемъ количествѣ.

— Но они убьютъ насъ, если мы перейдемъ горы Тановорку?

— Нѣтъ, если мы научимъ ихъ разрабатывать ихъ россыпи. Я прожилъ много лѣтъ, прибавилъ онъ, указывая на свои сѣдые волосы, какъ бы въ доказательство того, что онъ успѣлъ изучить человѣческое сердце.

Съ этого времени мы задумали экспедицію въ королевство Контаръ. Его привлекала другая цѣль, чѣмъ меня. Несмотря на это, я рѣшился испытать съ нимъ счастья.

Онъ объявилъ своему племени, что идетъ совѣщаться съ Отару и беретъ меня въ помощники. Мы отправились въ сопровожденіи 10 человекъ, которые несли все, что у насъ было самаго драгоценнаго, держась къ сѣверо-востоку, проходя по землямъ многихъ племенъ, отдѣлявшихъ королевство Контаръ отъ селенія Ражекъ. Черезъ три дня пути, во время котораго почва все возвышалась, мы пришли къ краю пропасти, глубиною болѣе 100 футовъ. У ногъ нашихъ разстилалась на неизмѣримое разстояніе равнина, покрытая лѣсомъ, орошаемая многочисленными рѣками, впадавшими въ огромное озеро, прозрачныя воды котораго омывали подножіе того гребня, гдѣ мы стояли. Повидимому озеро это не имѣло истока, что заставило меня предположить, что оно изливается въ море какимъ-нибудь подземнымъ каналомъ и объяснить себѣ такимъ образомъ богатство растительности, покрывавшей весь берегъ. Высокая горная цѣпь закрывала горизонтъ и ограничивала равнину, на разстояніи болѣе двѣнадцати лье. Я не подозревалъ тогда, глядя на снѣжныя вершины Танаварку, что на склонахъ его живетъ многочисленное племя, и что я проведу тамъ нѣсколько лѣтъ жизни.

Королевство Контаръ начиналось этою равниною, представшею нашимъ очарованнымъ взорамъ. Мнѣ казалось, что передо мною второй рай земной. Столбы дыма подымались надъ высокими пальмами, открывая присутствіе человѣка: вездѣ разстилались тщательно обработанныя поля; вдали бродили стада антилопъ и бизоновъ, а въ прозрачномъ воздухѣ летали огромныя птицы съ яркими перьями.

Впрочемъ, чтобы достигнуть этой обѣтованной земли, нужно было спуститься съ крутого склона, на вершинѣ котораго мы стояли. Лаганкеу отослалъ нашу свиту, сказавъ, что страшная смерть ожидала того, кто осмѣлится направиться къ равнинѣ. Впрочемъ, бѣдняки не имѣли къ этому ни малѣйшей охоты, они едва рѣшились взглянуть на грозное королевство Контаръ!

Когда они скрылись изъ виду, мы нагрузили

на себя все взятыя съ собою вещи и бодро начали спускаться. Но не успѣли мы пройти ста метровъ, какъ насъ окружило человѣкъ 20 орангопоковъ, которые, казалось, выскочили изъ подъ земли. Они были маленькаго роста, но очень воинственнаго вида, одѣты въ широкую туніку, которая спускалась ниже коленъ. На нѣкоторыхъ были металлическіе нагрудники; у другихъ щиты тоже изъ метала; у всѣхъ были сабли, копье, лукъ и стрѣлы; все сидѣли верхомъ на маленькихъ, очень быстрыхъ лошадяхъ, бѣлой и буланой масти.

Насъ схватили въ одно мгновеніе и крѣпко связали веревками. Предводитель орангопоковъ спросилъ Лаганкеу, зачѣмъ онъ осмѣлился проникнуть въ страну Контаръ. За исключеніемъ нѣсколькихъ словъ, онъ говорилъ тѣмъ же нарѣчіемъ, что и жители Ражека; но послѣднее имѣло ортанное произношеніе, а собесѣдникъ нашъ говорилъ сквозь зубы.

Онъ сначала разсѣянно слушалъ отвѣтъ Лаганкеу, но напрягъ все свое вниманіе, какъ только понялъ, что дѣло шло о разработкѣ золотой руды. Онъ подаль знакъ своимъ воинамъ: они окружили насъ, спрятавъ въ ножны сабли и опустивъ копья; затѣмъ повели насъ по хорошо проведенной дорогѣ. Прежде отправленія въ путь, предводитель послалъ впередъ двухъ солдатъ; глядя, какъ они пустили въ галопъ своихъ маленькихъ лошадей, какъ развѣвались по вѣтру ихъ одежда, а на щитахъ отражались лучи солнца, я понялъ, какое могущественное впечатлѣніе производилъ видъ ихъ на невѣжественные и суевѣрные умы дикарей Ражека.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

«Нубійскія женщины» и «Съ дровами». Эти двѣ картины представляютъ яркій контрастъ: на одной вы видите женщинъ востока, съ сладострастными лицами, съ полными лѣнивой нѣги нѣбами на устахъ; на другой—передъ вами являются здоровыя женщины-работницы изъ окрестностей Гарца. Картина «Нубійскія женщины» принадлежитъ къ числу многихъ картинъ Г. Макарта, написанныхъ имъ во время путешествія по Египту и Нубіи.

Правительственныя распоряженія.

Указъ правительствующему сенату.

Именнымъ Нашимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату, въ 5-й день сего апрѣля, постановлено: независимо отъ губерній, ввѣренныхъ управленію названныхъ въ томъ указѣ генералъ-губернаторамъ, подчинить имъ еще нѣкоторыя мѣстности изъ смежныхъ губерній, которыя будутъ указаны въ послѣдствіи.

Нынѣ Мы признали за благо предоставить генералъ-губернаторамъ: московскому, варшавскому и кievскому, а также временнымъ: с.-петербургскому, харьковскому и одесскому распространять дѣйствіе вышеупомянутаго указа и на губерніи, входящія въ составъ мѣстныхъ военныхъ округовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда это окажется нужнымъ.

Правительствующій сенатъ къ исполненію сего не оставилъ сдѣлать зависящія распоряженія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Ливадія. 23-го апрѣля 1879 года.

Въ «Вѣдомостяхъ Санктпетербургской Городской Полиціи и Санктпетербургскаго Градоначальства» напечатанъ слѣдующій приказъ санктпетербургскаго градоначальника: «Обращаю вниманіе гг. приставовъ на допускаемое у нѣкоторыхъ домовъ дежурство, вмѣсто дворниковъ, женщинъ, и предлагаю имъ предупредить домохозяевъ, что дежурство женщинъ не допускается, и что нахожденіе у дома, вмѣсто дежурнаго дворника, женщины—будетъ признаваемо равносильнымъ отсутствію на дежурствѣ дворника, или его отлучкѣ съ своего мѣста».

Новости наук и жизни.

— **Пожаръ въ Оренбургѣ.** Въ «Пр. Вѣст.» напечатаны слѣдующія двѣ телеграммы, полученные отъ оренбургскаго генералъ-губернатора: 1) «Въ Оренбургѣ втеченіи апрѣля не было ни капли дождя; жестокая сушь и всеневные порывистые ураганы. Послѣ пожара 16-го апрѣля, истребившаго болѣе половины города, 26-го апрѣля, при сильномъ ураганѣ, случился второй пожаръ въ городѣ, быстро прекращенный энергіею пожарныхъ и военныхъ командъ. 30-го апрѣля, въ 10 часовъ утра, при страшномъ порывистомъ ураганѣ, загорѣлся казачій форштатъ съ мелкими скученными домиками и съ массою навѣсовъ, крытыхъ сѣномъ; не смотря на всѣ усилія, почти половина форштата сгорѣла, но количество сгорѣвшихъ домовъ не приведено еще въ извѣстность. 2) Въ половинѣ перваго начался пожаръ въ старой слободкѣ Оренбурга и, при порывистомъ вѣтрѣ и скученности деревянныхъ построекъ, не смотря на всѣ усилія, значительная часть слободки сгорѣла; количество сгорѣвшихъ домовъ не приведено еще въ извѣстность». Кромѣ того помѣщаемъ слѣдующее свѣдѣніе объ этомъ пожарѣ изъ «Оренбургскаго Листка»: «Бѣдствія населенія безпримѣрно велики. По приблизительному разсчисленію, убытковъ понесено городомъ минимумъ на 22,000,000 рублей, и нужна гигантская дѣятельность населенія и самыя напряженныя усилія администраціи, чтобы Оренбургъ хотя въ пять лѣтъ принялъ тотъ видъ, въ какомъ былъ до пожара. Къ сожалѣнію, эксплуатация и нажива уже запускаютъ когти своихъ заgreбистыхъ лапъ. Цѣны на строительные матеріалы повышаются, повышаются незамѣтно и цѣны на жизненные припасы и даже на квартиры. Есть такіе домовладѣльцы, которые гонятъ жильцовъ своихъ изъ квартиръ насильно и навязываютъ плату, вдвое-вчетверо болѣешую, противъ преждеусловленной, и которые не внимаютъ ни слезамъ вдовы, обремененной дѣтьми, ни отчаянному положенію бѣдняка. Мы предлагаемъ жителямъ Оренбурга (восклицаетъ редакція оренбургской газеты) сообщать въ редакцію «Листка» о всѣхъ случаяхъ притѣсненій и хищнической наживы богатыхъ и сильныхъ на счетъ убогихъ и слабыхъ. Пускай столбецъ газеты передастъ потомству о тѣхъ жестокосердечныхъ людяхъ, которые пользуются для наживы годиною общественныхъ бѣдствій. Да покроется имя этихъ хищниковъ позоромъ и да знаютъ о нихъ всѣ!»

— **Пожаръ въ Ирбитѣ.** Отъ пермскаго губернатора получены слѣдующія 2 телеграммы: 1) Пожаръ въ Ирбитѣ продолжался пять часовъ, сгорѣло жилыхъ домовъ 158, въ томъ числѣ женская прогимназія. Погорѣльцы размѣщены въ уцѣлѣвшихъ домахъ. Убытка 210,000 руб.; сумма застрахованія 140,000. О причинѣ пожара, которую относятъ теперь къ неосторожности, буду телеграфировать, по полученіи точныхъ свѣдѣній. 2) Въ Ирбитѣ, 1-го мая, въ восемь часовъ вечера, произошелъ другой пожаръ, которымъ истреблено четыре бѣднѣйшихъ квартала; причина пожара еще неизвѣстна. Вице-губернаторъ въ Ирбитѣ.

— **Пожаръ въ Уральскѣ.** Во всѣхъ газетахъ сообщена слѣдующая телеграмма отъ военнаго губернатора Уральской области: Сегодня, 29-го апрѣля, въ 2 часа дня, при сильной бурѣ, пожаръ истребилъ значительную часть Уральска. Никакія усилія пожарной команды и массы жителей не могли остановить разрушительной стихіи; пожаръ продолжается, и привести въ извѣстность число погорѣвшихъ нѣтъ возможности. Телеграфная станція сгорѣла и потому телеграмма посылается эстафетой до первой станціи желѣзной дороги. Донесу подробности по окончаніи пожара и принимаю мѣры сколько можно обезпечить пострадавшихъ пріютомъ и продовольствіемъ.

— **Саранча.** Въ газетѣ «Кавказъ» напечатано: «Проѣзжающихъ по поти-тифлисской желѣзной дорогѣ поражаетъ громадное число саранчи, еще молодой, неимѣющей пока опредѣленнаго нап-

вленія, скопившейся по обѣимъ сторонамъ дороги. Саранча эта въ нѣкоторыхъ мѣстахъ буквально покрываетъ густыми массаами появляющуюся растительность, и, вмѣсто зелени, глазамъ проѣзжаго представляются большія пространства бурога цвѣта, съ едва примѣтнымъ движеніемъ. Появившаяся въ мѣстной печати замѣтка о томъ, что поѣздъ желѣзной дороги долженъ былъ остановиться вслѣдствіе громаднаго количества саранчи, казалась намъ, прибавляетъ газета, невѣроятною; но мы изъ разспросовъ служащихъ при желѣзной дорогѣ узнали, что это обстоятельство вполне достоверно, т. е. явилась необходимость, для дальнѣйшаго движенія поѣзда, предварительное очистить рельсы отъ саранчи, раздавленной массы которой, покрывая густою скользкою жидкостью рельсы, весьма затрудняли движеніе».

— **Новыя оперы.** Г. Мусоргскій, по словамъ газеты «Новости» кончилъ свою комическую оперу «Сорочинская ярмарка» и надѣется окончить втеченіи лѣта «Хованщину», значительная часть которой уже совсѣмъ готова. Намъ, говоритъ «Нов. Вр.», удалось слышать нѣсколько отрывковъ изъ обѣихъ оперъ, отрывковъ, бесспорно, замѣчательно интересныхъ. Вѣроятно, постановка этихъ оперъ—или, по крайней мѣрѣ, «Сорочинской ярмарки»—долго не замедлится.

— **Новое общество.** Въ «Тверскомъ Вѣстникѣ» напечатанъ утвержденный правительствомъ уставъ литературно-музыкальнаго общества «Лад», предполагаемаго къ открытію въ скоромъ времени въ Твери.

— **Долголѣтіе.** Газета «St.-Petersburger Herald» извѣщаетъ, что въ воскресенье, 29-го апрѣля, въ Петербургѣ скончался г. Багъ, на сотомъ году отъ рожденія.

— **Убіеніе изъ фанатизма.** «Голосу» передаютъ изъ Люблина: «На дняхъ, вблизи деревни Лешковицы, въ рѣкѣ Вепрѣ, найденъ трупъ утопленницы, молодой женщины, повидимому, еврейки. Руки у нея связаны сзади веревкою, а на шеѣ обнаружены явные слѣды насилія. Очевидно, совершено было преступленіе самаго возмутительнаго свойства; при обыскѣ утопленницы, при ней нашли документы, изъ которыхъ узнала имя и фамилію этой несчастной жертвы. Она замужняя женщина, недавно вышедшая за христіанина и, передъ бракосочетаніемъ, перемѣнившая свою прежнюю, еврейскую религію на лютеранскую. Существуетъ предположеніе, что за это-то она и поплатилась жизнью».

— **Л. А. Пашкова.** Одесскій корреспондентъ «Голоса» сообщаетъ слѣдующее: 16-го апрѣля, въ пятомъ часу вечера, Л. А. Пашкова, въ квартирѣ своей, въ петербургской гостиницѣ, въ присутствіи гостей, покусилась на самоубійство и направила дуло револьвера въ сердце; однако, отъ толчка въ револьверъ одного изъ присутствовавшихъ, пуля не задѣла сердца, а прошла выше его, въ косомъ направленіи, къ плечу или къ подмышкѣ. Пуля не вынута; врачи говорятъ, что несчастная можетъ выздоровѣть. Жизнь г-жи Пашковой, писательницы, члена парижскаго географическаго общества, полна приключеній и довольно интересна. Изъ помѣщенныхъ въ парижскихъ и другихъ изданіяхъ біографій ея, считаемъ нелишнимъ извлечь кое-что для характеристики этой личности, имя которой произносилось въ салонахъ гораздо раньше, чѣмъ стало извѣстно въ литературномъ мірѣ. Ея первое произведеніе «Княгиня Вѣра Глинская» произвело впечатлѣніе даже на первоклассныхъ русскихъ романистовъ, а ея изслѣдованія восточнаго быта, напечатанныя въ различныхъ обзорѣніяхъ, и описаніе ея путешествія по Пальмирѣ дополнили ея извѣстность, какъ писательницы. Лидія Пашкова родилась въ Москвѣ. Отецъ ея, старинный баринъ, владѣлецъ, въ ту эпоху, семи тысячъ душъ, происходилъ отъ одного татарскаго князя. По несчастнымъ обстоятельствамъ ея мать должна была сдѣлаться артисткою, но вскорѣ сошла со сцены и вышла замужъ. Авторъ «Княгини Вѣры Глинской» наслѣдовала отъ отца деспотическій характеръ и получила почти муж-

ское воспитаніе. Живя въ своихъ помѣстьяхъ, отецъ до двѣнадцати лѣтъ одѣлывалъ Лидію по-мужски, училъ гимнастикѣ, верховой ѣздѣ и владѣть оружіемъ. Рано осиротѣвъ, она выдана была замужъ опекуномъ. Въ 19 лѣтъ она уже была разведена со своимъ мужемъ, и въ ея салонѣ собирались видные представители литературнаго міра Россіи. Прихотливая отъ природы, съ непоколебимымъ характеромъ, она скоро уставала и, не задумываясь, разбивала сегодня то, что вчера, казалось, служило ей кумиромъ. Вдругъ г-жа Пашкова оставила свою блестящую среду, вмѣстѣ съ своимъ вторымъ мужемъ, и провела цѣлый годъ въ уединеніи, живя на заводахъ его, на Уралѣ. Когда мужъ Пашковой былъ назначенъ русскимъ агентомъ въ Египтѣ, она послѣдовала за нимъ. Въ европейской колоніи, въ Египтѣ, она скоро заняла видное мѣсто. На первомъ балѣ, данномъ хедивомъ, ея красота и изящество произвели такое сильное впечатлѣніе на вице-короля, что онъ пригласилъ ее, вмѣстѣ съ мужемъ, за одинъ столъ съ собою—милость, которой не удостоивался прежде никто. Но прихотливой Л. А. Пашковой вскорѣ наскучаетъ Египетъ. Она бросаетъ дворъ хедива и отправляется путешествовать въ Яфу, Іерусалимъ, Дамаскъ и другія мѣста Леванта. Жизнь въ пустынѣ понравилась г-жѣ Пашковой, и она вторично принимаетъ путешествие въ Палестину, въ Сирію, потомъ отправляется къ развалинамъ Пальмиры—путешествіе тягостное и небезопасное, на которое не рѣшалась еще ни одна женщина. Пробывъ тамъ нѣкоторое время, она отправилась въ Неаполь и Римъ. Потомъ снова, послѣ плаванія по Греческому архипелагу, посѣтила свой любимый Ливанъ. Зимній сезонъ г-жа Пашкова провела въ Ментонѣ. Тамъ, занимаясь живописью и литературою, написала она цѣлый рядъ повѣстей, подъ заглавіемъ «Восточныя приключенія», которыя скоро появятся въ свѣтъ, и большой романъ «Israélite». Изъ Ментона, въ 1877 году, г-жа Пашкова отправилась въ кругосвѣтное плаваніе—въ Бразилію, Японію, Китай, Египетъ и потомъ черезъ Константинополь прибыла, въ концѣ 1878 года, въ Одессу. Оставленная мужемъ и всѣми близкими, видя свое безвыходное положеніе, безъ средствъ, которыхъ прежде было очень много, чуть-ли не милліоны, она рѣшилась на самоубійство.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 18-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 5-го мая въ 6 часовъ 30 минутъ, на иногороднюю почту 6-го мая въ 1 час. по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: «Посмертныя стихотворенія Я. А. Старости-на.—Въ стоячей водѣ (продолж.).—Священная война (оконч.).—Стихотвореніе «Смерть Клеопатры.—Какъ далеко отъ насъ звѣзды.—Народы Россіи.—Тихнарское мѣсторожденіе каменнаго угля.—Рихардъ Вагнеръ.—Иза.—Въ Новой Гвинее (продолж.).—Къ рисункамъ.—Правительственныя распоряженія.—Новости наукъ и жизни.—Объявленія.

Гравюры: Пубійскія женщины.—Съ дровами.—Гутриона даетъ Зигфриду волшебный напитокъ.—Тихнарское мѣсторожденіе каменнаго угля.—Рихардъ Вагнеръ.—2 рис. къ ст. «Въ Новой Гвинее».

Редакторъ-издатель Д. А. Нарчъ-Нарчевскій.

Объявленія.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу у книгопродавца-издателя А. Ф. Девриена, Спб., Вас. Остр., больш. просп. № 8, новая книга:

„Практическое руководство къ веденію Молочнаго Хозяйства“

В. Петерсена. Перев. со 2-го нѣмецк. изд. П. Костычева. Съ 26-ю политик. въ текстѣ. Цѣна 1 р. 25 к. (Эта книга представляетъ I-й томъ «Сельско-хозяйственной бібліотеки», на I-ю серію которой принимается подписка. Подписная цѣна за серію, состоящую изъ 6-ти томовъ, съ пересылкою 6 руб.).

Гг. иногородные, адресуящіе свои требованія прямо къ вышеказанному издателю за пересылку не платятъ.

При этомъ номерѣ «Живоп. Обзорѣн.» разсылается гг. подписчикамъ приложение: «Парижскія Моды», Май.

№ 20. Томъ I.

На годъ, съ доставкою и пересылкою — 7 руб.;
на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб.
Отдѣльн. №№ по 20 к.

С.-Петербургъ, 19 Мая 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новая
улица, домъ № 6.

Годъ VII.

Изъ стихотвореній Г. Гейне. *)

Переводъ Мих. Шелгунова.

Лирическая интермедія.

16.

О, скажи мнѣ, дорогая:
Ты не призракъ неземной,
Что порой поэтъ, мечтая,
Создаетъ въ полдневный зной?

Нѣтъ: не призракъ эти губки,
Этотъ милый блескъ очей
Не мечта. Такой голубки
Не создать мечтѣ моей.

Въ поэтической горячкѣ
Мы готовы создавать
И принцесъ въ волшебной спячкѣ,
И чудовищъ страшныхъ рать.

Но тебя, твоей головки,
Милой хитрости твоей
И невинныхъ глазъ плутовки
Не создать мечтѣ моей.

23.

Зачѣмъ это розы блѣдны по веснѣ,
Скажи, дорогая, зачѣмъ?
И рой незабудокъ въ зеленой травѣ
Зачѣмъ такъ печаленъ и нѣмъ?

Зачѣмъ такъ печально и пташка поетъ
Въ лазури далекихъ небесъ?
Зачѣмъ отъ цвѣтовъ запахъ трупа идетъ,
Безмолвенъ покинутый лѣсъ?

Зачѣмъ вотъ и солнце съ небесъ на поля
Такъ холодно, тупо глядитъ?
Зачѣмъ такъ сыра, такъ пустынна земля
И, словно кладбище, молчитъ?

Зачѣмъ весь изнылъ и измучился я,
Скажи мнѣ, мой другъ дорогой?
Скажи мнѣ, за что же, голубка моя,
Забытъ я, покинутъ тобой?

44.

Тебя я любилъ, тебя все я люблю!
Пусть міръ сокрушится, родная,
Изъ міра развалишь любовь та огнемъ
Поднимется къ небу, сверкая.

45.

Въ весеннее яркое утро
По саду одинъ я брожу.
Лепечуть чуть слышно цвѣточки,
Но мимо я нѣмъ прохожу.

Лепечуть чуть слышно цвѣточки
И ласковъ печальный ихъ взглядъ.
«Не гнѣвайся, блѣдный страдалецъ,
На нашу сестру!» говорятъ.

48.

Алѣетъ роскошное лѣто
На щечкахъ твоихъ, ангелъ мой,
Но въ маленькомъ миломъ сердечкѣ
Все дышетъ холодной зимой.

Измѣнится это съ порою,
Повѣрь, дорогая моя,
На щечкахъ настанутъ морозы,
А лѣто въ душѣ у тебя.

52.

Мнѣ снова приснилось: былъ май, надо мной
Привѣтливо звѣзды мерцали,
Вдвоемъ мы подъ липой сидѣли съ тобой,
И въ вѣрности клятвы давали.

И не было клятвамъ, обѣтамъ конца,
И шутки, и смѣхъ, и лобзанья;
Ты руку мнѣ въ кровь укусила тогда,
Примѣтой — на память свиданья.

Причудница съ ясной лазурью очей!
Малютка моя дорогая!
Ну, клятвы, положимъ, въ порядкѣ вещей,
Кусаться, что толку, родная.

63.

Гдѣ бы ни былъ я, все тьмою,
Какъ въ ночи, окутанъ я,
Съ той поры, когда землею
Скрыта милая моя.

Навсегда потухли очи
Милой — землю скрыла тьма,
Подо мной, чернѣе ночи,
Бездна ужасовъ полна.

Дѣла.

67.

Этимъ юношей учтивымъ
Не могу я нахвалиться:
Въ ресторанъ зайдешь, предложить
Устрицъ парой угоститься.

Какъ костюмъ его изящень,
По послѣдней спитъ онъ модѣ;
Утромъ карточку оставитъ
Каждый день, зайдя, при входѣ.

Говорить онъ, что извѣстель,
Какъ поэтъ, я по заслугамъ,
И что онъ когда угодно
Весь готовъ къ моимъ услугамъ.

Вечеркомъ, въ кружкѣ знакомыхъ
Вслухъ читаетъ, увлекаясь,
Онъ стихи мои и дамы
Дремлють, ими наслаждаясь.

Какъ намъ льститъ такая встрѣча,
Впрочемъ, это исключенье,
Вырождается замѣтно
Молодое поколѣнье.

78.

Точно ты такъ разсердилась
На меня, мой другъ коварный?
Всѣмъ я жаловаться буду
На твой правъ неблагодарный.

О, измѣнчивыя губки,
Какъ вамъ сердце подсказало
На того хулу, кто нѣжно,
Страстно васъ лобзаль, бывало.

82.

На бульварѣ Саламанки
Воздухъ свѣжій и душистый,
Тамъ съ моей прекрасной донной
Я гуляю въ вечеръ мгlistый.

Пылко обнялъ я красотку,
Что въ отвѣтъ ко мнѣ прижалась
И блаженнымъ пальцемъ слышала,
Грудь какъ гордая вздымалась.

Но тревожный, робкій шопотъ
Пробѣжалъ между вѣтвями
И ручей внизу долины
Вдругъ загрезилъ злыми снами:

Чуетъ сердце, мнѣ придется
Скоро быть въ странѣ далекой,
Не гулять мнѣ по бульвару
Съ сеноритой черноокой.

83.

Донъ Энрико, что красавцемъ
Прозывается, со мною
Обитаетъ по сосѣдству
За дырявою стѣною.

Млѣютъ дамы Саламанки,
Какъ идетъ онъ по бульвару,
Съ звономъ шпоръ, ведя съ собою
Дорогихъ бульдоговъ пару.

Но въ часъ вечера безмолвный
Сядетъ онъ, придя съ гулянья,

*) Надѣясь помѣстить цѣлый рядъ стихотвореній Гейне въ новомъ переводѣ Мих. Ник. Шелгунова, редакция въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ «Жив. Обл.» предложить читателямъ біографію и портретъ Гейне. Нумера, стоящіе надъ каждымъ изъ переведенныхъ стихотвореній, соответствуютъ нумерамъ, стоящимъ надъ тѣми-же стихами въ подлинникѣ.

У окна, въ рукахъ гитара,
Въ сердцѣ сладкія мечтанья.
Фантазируя, аккорды
Томно онъ беретъ рукою
И поетъ, мой слухъ терзая
Хуже кошачьяго вою.
(Продолженіе будетъ.)

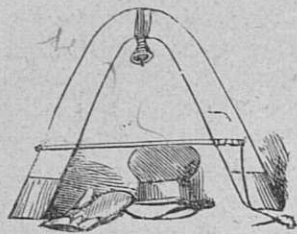
Въ стоячей водѣ.

(Отрывокъ изъ дневника.)

Разсказъ Н. Ф. Бакина.

(Продолженіе.)

VI.

пожалуй, было бы несравненно пріятнѣе для всѣхъ насъ, если бы этотъ старый товарищъ, явившійся изъ провинціи, оставался бы себѣ въ тѣхъ краяхъ откуда пріѣхалъ или, по крайней мѣрѣ, не показывался бы къ намъ. Онъ, безъ сомнѣнія, нашелъ моего мужа, измѣнившимся далеко не къ лучшему; мужъ, съ своей стороны, съ прискорбіемъ усмотрѣлъ, что его старый другъ ничего не забылъ и ничему не научился; а что касается до меня, то мнѣ это посѣщеніе принесло далеко не отрадныя мысли и воспоминанія.

Фамилія его Чусовъ. Одно время мнѣ такъ часто приходилось слышать всѣ его имена, что если бы я была попугаема, то навѣрное великодушно выучилась бы на всю жизнь произносить меланхолическимъ тономъ: «а что-то теперь подѣлываетъ Чусовъ?» «А гдѣ-то теперь находится Лаврентій Андреевичъ?» «А что-то думаетъ объ этомъ событіи Лаврентій?» Тогда мой мужъ безпрестанно вспоминалъ о Чусовѣ, много разсказывалъ о его жизни и нерѣдко какъ будто даже скучалъ о немъ, что было совершенно естественно, такъ какъ они почти два года прожили вмѣстѣ въ одной комнатѣ и, слѣдовательно, имѣли достаточно времени, чтобы привыкнуть другъ къ другу. Потомъ, какъ и все въ мірѣ, эти дружескія воспоминанія начали выѣтриваться новыми впечатлѣніями. Я давно замѣчаю, что отсутствующіе всегда и во всемъ виноваты: горе отсутствующимъ!

Отъ времени до времени къ намъ появлялись изъ провинціи какіе-нибудь проѣзжіе или пріѣзжіе товарищи мужа, и тогда начинались нескончаемые распросы и разсказы объ общихъ знакомыхъ, бывшихъ друзьяхъ и старыхъ пріятеляхъ, разсыпанныхъ по всему лицу земли. Въ жизни почти каждаго изъ нихъ оказывалось что-нибудь интересное, о чемъ стоило поразсказать: одни неожиданно получали наслѣдства и разомъ богатыли; другіе счастливо сочетались бракомъ и получали въ приданое какія-нибудь «сильныя руки»; третьи падали, поражаемые неудачами; четвертые возвышались; непрактическіе люди становились практическими, а увлекающіеся остепенялись и такъ далѣе, и такъ далѣе. По поводу каждаго изъ нихъ можно было сотню разъ воскликнуть: «кто бы могъ это думать!» или «кто бы могъ это ожидать!» Но какъ только рѣчь заходила о Чусовѣ, разсказчики только и могли сообщить о немъ, что онъ живетъ теперь въ такомъ-то городѣ и нисколько не перемѣнился. Все тотъ же и такъ же, повторяли они въ одинъ голосъ: все такимъ же цыганомъ таскается изъ края въ край безъ всякой видимой нужды и цѣли; все такъ же нисколько не заботится о завтрашнемъ днѣ; все тотъ же добрый малый и хорошій товарищъ; наконецъ, все такъ же невозможно разобрать—о чемъ онъ думаетъ, на что разсчитываетъ и серьезно ли говоритъ въ данную ми-

нуту или просто шутитъ и подсмѣивается надъ своимъ собесѣдникомъ. Въ концѣ концовъ, изъ всѣхъ этихъ разсказовъ неизбѣжно получалось то впечатлѣніе, что при всѣхъ способностяхъ и при всѣхъ симпатичныхъ сторонахъ характера Чусова, ни одинъ серьезный человѣкъ не можетъ ожидать отъ него рѣшительно ничего путнаго.

Мой супругъ, какъ человѣкъ несомнѣнно, очень серьезный, должно быть такъ и смотрѣлъ на него. Правда, появленіе Чусова видимо и взволновало Димитрія Васильевича, и всколыхнуло, воскресило въ немъ его добрыя воспоминанія о «старомъ, вѣрномъ товарищѣ». Но, увы, потомъ, когда послѣ всѣхъ обаяній, рукопожатій и представленій, этотъ старый товарищъ приступилъ къ разсказу о своихъ безконечныхъ перекочевкахъ, нужно же было, чтобы на моего супруга внезапно снизошелъ его невыносимый духъ поученія. Съ дружескимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма внушительнымъ упрекомъ заговорилъ онъ, что нельзя же человѣку весь свой вѣкъ мыкаться съ мѣста на мѣсто, не имѣя угла, гдѣ бы преклонить голову, не имѣя подлѣ себя ни одной души своей и близкой, не думая ни о черномъ днѣ, ни о возможныхъ случайностяхъ, въ родѣ болѣзни, и проч. и проч. Чусовъ молчалъ, смотрѣлъ и слушалъ, чисто какъ лукавый котъ на сторожѣ, уже намѣтившій свою добычу, но до поры до времени оставившій ее въ покоѣ. Дослушавъ до конца, онъ кротко отвѣчалъ, что «что же дѣлать»: обзавестись семействомъ ему все какъ-то не представляется «подходящаго случая», а что касается до своего угла и вообще до денегъ, то онъ почему-то никакъ не держится у него въ карманѣ...

— И то нужно, и другое нужно, и вообще всѣ расходы представляются необходимыми, говорилъ онъ.

Съ каждымъ его словомъ я краснѣла все больше и больше и, наконецъ, готова была прибить и его, и мужа. Говорилъ этотъ котъ самымъ серьезнымъ тономъ, какъ будто оправдываясь и, пожалуй, даже ожидая добрыхъ совѣтовъ, но нужно было только взглянуть въ его глаза, стоило только повнимательнѣе вслушаться въ нѣкоторыя изъ его выраженій, чтобы понять на какихъ иголкахъ я сидѣла. Къ счастью, Димитрій Васильевичъ тоже замѣтилъ, что его проповѣдь производить совсѣмъ не надлежащее впечатлѣніе и, насупившись, пересталъ подливать масла въ огонь,—замолчалъ.

Впрочемъ, можетъ быть, это случилось далеко не «къ счастью». Какъ извѣстно, отъ копѣчной свѣчки сгорѣла цѣлая Москва. Точно также, не случись этого маленькаго эпизода, первое свиданіе добрыхъ старыхъ товарищей, встрѣтившихся послѣ продолжительной разлуки, навѣрное, вышло бы и теплѣе, и искреннѣе. Теперь же моимъ мужемъ, долго не перестававшимъ хмуриться, овладѣлъ новый злой духъ,—духъ самаго упрямаго противорѣчія. Какія бы мнѣнія ни высказывалъ Чусовъ,—Димитрій Васильевичъ немедленно принимался оспаривать ихъ; какіе бы факты ни приводилъ Чусовъ въ подтвержденіе своихъ взглядовъ,—Димитрій Васильевичъ упорно относился къ нимъ съ недовѣріемъ. И такъ какъ систематическое противорѣчіе, во что бы то ни стало, никогда не доводитъ до добра, то, право, было даже тяжело слушать, къ какимъ только натяжкамъ и мелочнымъ придиркамъ ни приходилось прибѣгать моему супругу, чтобы хоть сколько-нибудь поддержать свои воззрѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ поколебать мнѣнія своего собесѣдника.

Напримѣръ, разговоръ зашелъ о какомъ-то Ходоревѣ, тоже старомъ товарищѣ, который, по мнѣнію Димитрія Васильевича, совсѣмъ опустился и неминуемо пропадетъ.

— Человѣкъ съумѣлъ сразу изгадить всю

свою жизнь, пренебрежительно говорилъ онъ. Помилуйте: прекрасную дорогу, открывавшуюся передъ нимъ, закрылъ для себя; со всѣми пересорился; жену сдѣлалъ несчастною; сидитъ себѣ теперь какимъ-то конторщикомъ или корректоромъ при жалкой газетикѣ и пьетъ съ наборщиками.

Чусовъ возразилъ на это, что, какъ видно, исторія Ходорева передана Димитрію Васильевичу не совсѣмъ вѣрно и небезпристрастно. По его словамъ, жена и теща Ходорева дѣйствительно открыли для него широкую дѣловую дорогу, но назвать ее «прекрасною» едва-ли можно. Почти при первыхъ шагахъ Ходорева по ней, отъ него потребовались довольно серьезныя нравственныя уступки,—а онъ не могъ согласиться на нихъ. Съ нимъ стали обращаться холодно, потому враждебно,—онъ бросилъ мѣсто. Со стороны жены и тещи начались нескончаемые жалобы, упреки, слезы, увѣщанія,—Ходоревъ еще разъ возвратился на эту «прекрасную дорогу». Онъ продержался на ней почти полгода и уже по одному этому можно думать, что человѣкъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы переломить себя, но, въ концѣ концовъ, все-таки не выдержалъ: дѣйствительно перессорился со всѣми, разошелся съ женой и окончательно отказался отъ предстоявшей ему карьеры.

Вотъ и все. Дѣло представлялось до послѣдней степени яснымъ. Одни свидѣтели изображали факты при одномъ освѣщеніи, другіе при иномъ, и такъ какъ мужъ не былъ самъ очевидцемъ этой исторіи, то ему оставалось только пожать плечами и сказать, что «если такъ, то, разумѣется, дѣло совсѣмъ другое». Но нѣтъ; покачавъ отрицательно головою, онъ заговорилъ, что идеалы и убѣжденія, конечно, и почтенны, и прекрасны, однако... не въ шайку же разбойниковъ попалъ въ самомъ дѣлѣ Ходоревъ... Очень можетъ статься, что ему дѣйствительно приходилось сдѣлать нѣкоторыя уступки, такъ какъ мы живемъ не на небѣ, а на грѣшной землѣ и практическая жизнь соткана не изъ лучшей мѣсяца, но что же изъ этого? Всѣ мы каждый день и каждый часъ дѣлаемъ какія-нибудь уступки, потому что безъ уступокъ немыслима жизнь въ обществѣ, невозможно никакое общее серьезное дѣло и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Разговоръ перешелъ къ этимъ «серьезнымъ дѣламъ» и къ жизни вообще, такъ что я начала уже думать, что Ходоревъ наконецъ брошенъ на дорогѣ; однако нѣтъ, онъ сейчасъ же опять появился среди насъ. Мужъ съ какимъ-то непонятнымъ ожесточеніемъ напалъ на «жалкую, бѣдную и бесплодную» жизнь людей, подобныхъ Ходореву. Они весь свой вѣкъ топчутся на одномъ мѣстѣ: не идутъ съ людьми, но не идутъ и сами по себѣ; не дѣлаютъ ничего для другихъ, но не достигаютъ ни до чего и лично для себя; живутъ всю жизнь какъ въ чужомъ, непривѣтливомъ домѣ и сходятъ въ могилу съ сердцемъ полнымъ горечи и холода... Чусовъ отвѣчалъ ему совершенно справедливо, что кромѣ жизни, такъ сказать, внѣшней и дѣловой, есть жизнь мысли, жизнь чувства, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа ни жалкою, ни бѣдною. Точно также нельзя сказать о ней, чтобы она была бесплодна. Человѣкъ, оставшійся чистымъ въ то время, когда все вокругъ него забрызгано грязью, является великою силою. Не только его мысль, но даже каждое его слово становится дѣломъ, потому что оно искренне, неподкупно и, слѣдовательно, не можетъ не оказывать болѣе или менѣе сильнаго вліянія на окружающихъ.

Что могло быть проще и понятнѣе этого? Однакоже Димитрій Васильевичъ не былъ расположенъ продать такъ дешево свою «практическую жизнь» и, защищая ее до послѣдней капли крови, не замедлилъ привести какія-то новыя возраженія

На силу — на великую мнѣ удалось, наконецъ, кое какъ спровести со сцены всѣ эти раздражающіе «міры», «жизни», «слова», «дѣла» и придать разговору болѣе мирное направленіе. Пошли рассказы о пережитомъ и переживаемомъ; голоса сдѣлались спокойнѣе; морщины на лбу Дмитрія Васильевича разгладились; я вздохнула свободно. Слава Богу, дружеская бесѣда старыхъ товарищей, встрѣтившихся послѣ долгой разлуки, приняла совсѣмъ приличный видъ!

Право, все это было довольно смѣшно и, когда Чусовъ ушелъ, я дала небольшую волю своему смѣху. Проводивъ гостя, Дмитрій Васильевичъ все еще въ нѣкоторомъ волненіи прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, подумалъ, наконецъ, пожалъ плечами и воскликнулъ нѣчто вроде того, что «вотъ онъ, цыганъ; настоящій безпутный цыганъ; вотъ человѣкъ ничего не забывшій и ни-чему не научившійся!»

— Да зачѣмъ же ему мѣняться? спросила я, смѣясь. — Вѣдь ты же самъ знавалъ его прежде за лучшаго человѣка во вселенной...

И мой смѣхъ, непонятный для него, и это замѣчаніе, къ которому онъ, какъ видно, вовсе не приготовился, разомъ приковали его къ мѣсту, повернули лицомъ ко мнѣ и кромѣ того лишили на время языка.

— Слѣдовательно, слава Богу, что онъ не мѣняется, продолжала я по этому совершенно безпріятственно. А что касается до того, что онъ цыганъ, такъ пускай его, если ему нравится такая жизнь. Право, около насъ такая масса людей, только и думающихъ, что о жалованьи, вознагражденіи, доходахъ, капиталѣ, вообще о деньгахъ, что даже пріятно встрѣтить человѣка, который не дорожитъ всѣмъ этимъ...

— Чему ты смѣешься?! спросилъ онъ наконецъ, но такимъ страннымъ, недоумѣвающимъ и какъ будто испуганнымъ тономъ, что мнѣ стало еще болѣе смѣшно.

— Ахъ, Дмитрій, Дмитрій! отвѣчала я. За что ты накинулся на этого лучшаго человѣка во вселенной, какъ Богъ знаетъ на кого? И денегъ-то онъ не копитъ, и семействомъ не обзаводится, и уступки не одобряетъ... Главное, уступки, уступки, уступки... уступки!..

Я хохотала до слезъ; а Дмитрій Васильевичъ какъ-то особенно высоко вздернулъ плечами, круто повернулся и опять началъ ходить взадъ и впередъ, глубоко засунувъ руки въ карманы, широко шагая и громко тоная.

— А, да, да, да! раздражительно восклицалъ онъ. И Ходоревъ, и Чусовъ, и ты, — все это братья и сестры; да, да, да! Родственные души, не находящія себѣ мѣста на землѣ и стремящіяся къ небу, — да, да, да!..

Онъ разсердился не на шутку и съ сердцемъ принялся допрашивать меня, что же непостижимаго въ томъ, если подъ вліяніемъ времени, жизни, опыта и проч., онъ дѣйствительно перемѣнился до такой степени, что теперь не можетъ согласиться съ тѣми взглядами, которые прежде раздѣлялъ съ Чусовымъ?

— И даже одобряешь уступки? спросила я, опять начиная смѣяться.

— Я готовъ еще разъ повторить все, что говорилъ ему: отъ слова и до слова! упрямо объявилъ онъ.

Все это вздоръ и вздоръ! Правда, я давно уже замѣтила, что мужъ не особенно самостоятеленъ въ своихъ мнѣніяхъ или, вѣрнѣе сказать, въ своей философіи. Теперь онъ находится подъ вліяніемъ Лѣйнева и по большей части говоритъ его устами; прежде онъ смотрѣлъ на все своими глазами; кромѣ того сегодня, слушая нашего гостя, я сдѣлала еще одно маленькое открытіе, именно, что въ то время, когда я только что познакомилась съ Дмитріемъ Васильевичемъ, онъ былъ, какъ кажется, простымъ отраженіемъ Чусова...

Это прискорбно, разумеется; но я знаю также очень хорошо и то, что чѣмъ бы устами ни говорилъ мой мужъ, какія бы странныя теоріи онъ ни развивалъ иногда, но все-таки это честный, добрый, не глупый человѣкъ и какъ только дѣло доходитъ до дѣйствія, его сердце и здравый разумъ всегда безошибочно говорятъ ему какъ слѣдуетъ поступить. Въ области широкихъ вопросовъ и обобщеній онъ бродитъ, какъ въ непроглядномъ туманѣ; въ обыкновенной будничной жизни онъ не нуждается ни въ чьемъ руководствѣ.

Горе не въ этой несамостоятельности; грустно то, что все окружающее его, насколько видитъ глазъ, все — это одна сплошная масса стоячей воды, никогда и ничѣмъ не освѣжаемой. Въ ней жизнь — мелка, въ ней интересы — жалки и среди всей этой пошлой обстановки незамѣтно черствѣетъ сердце, притупляется мысль и мельчаетъ весь характеръ человѣка, не увидѣвшаго во-время, куда онъ забрелъ... Вотъ что грустно!

VII.

Мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, начинаетъ казаться симпатичнымъ мой появившійся братецъ, какъ Дмитрій Васильевичъ изволилъ назвать Чусова. Очень можетъ быть, что «путнаго» и «серьезнаго» внутренняго содержанія въ немъ такъ же мало, какъ и во мнѣ, но за то онъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, живой человѣкъ, которому ничто человѣческое не чуждо. Литература, наука, искусство, жизнь въ общемъ ея теченіи и жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка — съ ея страданіями, удовольствіями, смѣшными или трогательными сторонами, — все ему близко и все его интересуетъ до такой степени, что чуть-ли не любимое его слово — «интересно...» Правда, иногда, когда я слушаю его неистощимые рассказы, полные наблюдательности и тонкаго знанія жизни, мнѣ невольно напрашивается на мысль сравненіе, что весь міръ для него — огромный театръ, а самъ онъ, Чусовъ, въ этомъ театрѣ зритель внимательный, умный и легко способный увлекаться отъ всего сердца ходомъ представленія. Конечно, по всей вѣроятности, по временамъ, ему должно становиться скучно быть все зрителемъ и только зрителемъ того, какъ порокъ торжествуетъ, а добродѣтель наказывается или наоборотъ, но... что же дѣлать, тогда у него есть, по крайней мѣрѣ, хоть то развлеченіе, что онъ можетъ анализировать свою собственную скуку и придти къ заключенію, что она вполне естественна. Слово «естественно» — также одно изъ его любимыхъ словъ. Когда какое-нибудь явленіе особенно поражаетъ его, онъ немедленно принимается съ нѣкоторымъ даже волненіемъ анализировать его, доискиваться до его причинъ и источниковъ и, добравшись до нихъ, сейчасъ же успокоивается на томъ, что оно вполне естественно.

Уже однимъ тѣмъ, что Чусовъ, какъ зритель на обширномъ театрѣ жизни, стремится видѣть сцену, по возможности, съ различныхъ сторонъ, до нѣкоторой степени объясняется его постоянное шатаніе съ мѣста на мѣсто. Но, кромѣ того, въ его характерѣ есть еще одна черта, не могущая не отражаться на всемъ складѣ его жизни; онъ насмѣшливъ и даже до такой степени, что Катя Лѣйнева совершенно вѣрно окрестила его бестіей. Дѣйствительно, это бестія умная, ядовитая, злая, хотя, какъ кажется, далеко не жестокая и ни въ какомъ случаѣ не имѣющая привычки бросаться на всѣхъ безъ разбора. Съ той же, напимѣръ, Катей Лѣйневой онъ только что не поддружился съ перваго же раза, хотя, очевидно, понялъ ее всю насквозь. Кашпша онъ тоже не тронулъ, хотя это толстое созданіе, болтливое, какъ баба, любопытное, какъ обезьяна, и биткомъ набитое всевозможными слабостями, но въ сущности мягкосердечное и непритязательное, постоянно является любимую мишенью для на-

смѣшекъ со стороны всѣхъ его знакомыхъ. Но какъ только передъ Чусовымъ появляется болѣе крупная и достойная вниманія личность, онъ не можетъ удержаться отъ искушенія, — немедленно ставитъ ей ловушку, захлопываетъ въ ней свою жертву и молча показываетъ публикѣ. Моему супругу онъ уже далъ легкій урокъ за его привычку читать непрошенныя наставленія. Надняхъ онъ совершенно зарѣзалъ важничающаго и хвастливаго Петрова, ловко заставивъ его дохвастаться до того, что, наконецъ, стало въ высшей степени совѣстно и самому Петрову, и всѣмъ присутствующимъ, за исключеніемъ, конечно, одного Чусова. А сегодня дѣло дошло уже и до Лѣйнева, самого Лѣйнева, всѣми уважаемаго и чтимаго Лѣйнева. Ахъ, какая дерзость; ахъ, какая дерзость!

Бѣдный Лѣйневъ! Онъ довольно давно не показывался къ намъ, потому что у него, по словамъ Кати, былъ «вотъ какой» огромный флюсъ, и, наконецъ, только сегодня нашелъ возможность появиться въ обществѣ въ своемъ обыкновенномъ видѣ, то есть безъ флюса, съ высоко поднятой головой и съ безгранично самоуверенностью во взорѣ. Бѣдный, бѣдный и еще разъ бѣдный! онъ, какъ видно, даже и не предчувствовалъ грозы, которая уже висѣла надъ его головою. Небрежно перекинувшись двумя, тремя фразами съ однимъ, съ другимъ, съ третьимъ, пошутивъ съ дамами насчетъ снотого благополучно прошедшаго флюса, онъ сѣлъ въ качальное кресло, которое, какъ на грѣхъ, стояло всего шагахъ въ пяти отъ Чусова. А Чусовъ въ это время мирно бесѣдовалъ съ Карповымъ о какомъ-то «интересномъ» происшествіи, которое съ перваго взгляда поражало своею неестественностью, но, безъ сомнѣнія, имѣло же свои естественныя причины. Лѣйневъ прислушался къ этому разговору и, поймавъ на лету одинъ изъ выводовъ Чусова, вдругъ произнесъ громко и положительно:

— Ни въ какомъ случаѣ!

Чусовъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ перевелъ на него свои глаза.

— Ни въ какомъ случаѣ! повторилъ Лѣйневъ и затѣмъ въ довольно отрывистыхъ выраженіяхъ, пояснилъ почему именно «ни въ какомъ случаѣ»; но, къ сожалѣнію, я, слушавшая весь этотъ разговоръ однимъ ухомъ и изъ пятого въ десятое, не могу передать всю сущность его возраженія.

Лицо Чусова приняло какое-то совсѣмъ особенное и чуждое ему выраженіе; въ его голосѣ тоже зазвучали новыя для меня нотки. И перѣшительно, и, пожалуй, смущенно, и не настаивая на своемъ собственномъ взглядѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто желая болѣе уяснить себѣ взглядъ Лѣйнева, онъ «осмѣлился» предложить ему одинъ вопросъ, потомъ другой, третій, еще и еще, все болѣе и болѣе заинтересовываясь бесѣдою умнаго человѣка. Умный человѣкъ преважно влѣзъ въ эту ловушку и, такъ долго засидѣвшись дома съ своимъ флюсомъ, разговорился даже больше, чѣмъ было нужно. Чусовъ попросилъ позволенія прервать его рѣчь и въ краткихъ словахъ сопоставилъ нѣкоторые изъ «заключеній», сдѣланныхъ его собесѣдникомъ. Первое изъ этихъ заключеній противорѣчило второму, третье уничтожало оба первыхъ и въ общемъ получалось нѣчто совершенно невообразимое. Ловушка захлопнулась съ такимъ потрясающимъ шелчкомъ, что на нѣкоторое время въ залѣ воцарилось глубочайшее молчаніе, и я не замѣтила только, всѣ-ли рты были разпнуты отъ изумленія или не всѣ. Наконецъ, раздался насильственный кашель моего супруга, поднимающійся всегда въ самыя критическія минуты; за этимъ кашлемъ начался говоръ...

— Каковъ?! воскликнула Катя Лѣйнева, до глубины души обидѣвшаяся за своего мужа, и отвлекла мое вниманіе отъ поднявшихся съ его стороны объясненій и разъясненій.

Мелькомъ я слышала только, что Лѣпневъ со-
слался въ свою защиту на статистическія дан-
ныя, а Чусовъ, уже совсѣмъ переставшій маски-
роваться, тотчасъ же отвѣтилъ ему цѣлымъ ря-
домъ этихъ данныхъ и цифръ, хранившихся, какъ
въ надежной кладовой, въ его удивительной па-
мяти, о которой я слыхала и прежде. Бѣдный,
ахъ, бѣдный Лѣпневъ! «Когда-бъ онъ зналъ, ког-
да-бъ онъ зналъ», на какую ужасную бестію ему
придется наткнуться...

Онъ былъ совсѣмъ жалокъ, когда, наконецъ,
унесъ свою шкуру отъ этой бестіи и присосѣ-
дился около меня къ чайному столу.

— Какъ вамъ нравится Чусовъ? спросила я
простоудшно.

Онъ опустил свои глаза долу, подумалъ, по-
жалъ плечами и потомъ отвѣчалъ:

— Знаете, въ семинаріяхъ бываютъ такъ на-
зываемые «геніи...» Это краспорѣчивые малые,
которые побиваютъ въ спорахъ всѣхъ своихъ
товарищей. Выйдя изъ бурсъ, они все-таки про-
должаютъ смотрѣть на себя, какъ на «геніевъ» и
поэтому не особенно пріятны въ обществѣ. Впро-
чемъ, я вообще не охотникъ до семинаристовъ.

— Но съ чего же вы взяли, что Чусовъ семи-
наристъ? сказала я, внутренне помирая со смѣха.
Онъ, напротивъ, воспитывался въ очень аристо-
кратическомъ семействѣ и, право, слѣды этого
воспитанія ясно замѣтны въ немъ...

— Н-не зна-ю, холодно процѣдилъ Лѣпневъ
сквозь зубы, кажется, замѣтивъ, къ своему удив-
ленію и вѣщему оскорбленію, что мои симпа-
тіи вовсе не на его сторонѣ.

Но этого мало. Сегодняшній день совсѣмъ чер-
ный день для бѣднаго Адриана Михайловича, ко-
торый, по всей вѣроятности, долго и долго его
не забудетъ. За ужиномъ Лѣпневъ рассказывалъ
о своей дачной жизни нынѣшнимъ лѣтомъ и, ме-
жду прочимъ, упомаялъ о змѣѣ, которая броси-
лась на одну женщину, работавшую въ полѣ, и
ужалила ее своимъ раздвоеннымъ жаломъ.

— Странно, какая же это могла быть змѣя?
задумчиво произнесъ Чусовъ.

— Этого я не знаю, отвѣчалъ Лѣпневъ ледя-
нымъ тономъ.

— Это очень интересно, такъ же задумчиво
продолжалъ Чусовъ: всѣ до сихъ поръ извѣстныя
змѣи просто кусаются зубами; раздвоенный
же языкъ ихъ совсѣмъ не опасенъ... Это должно
быть совершенно новая змѣя, невозмутимо серьез-
но умозаключилъ онъ и погрузился въ свою тарел-
ку, но въ то же мгновеніе опять поднялъ голову.

Сидѣвшая, какъ разъ напротивъ него, Аня, дѣ-
вушка веселая, не глупая и начитанная, но еще
совсѣмъ юная и поэтому не успѣвшая научиться
владѣть собой, издавала какой-то очень странный
звукъ, похожій на такъ-называемое прысканье
со смѣха, а затѣмъ страшно закашлялась, пода-
вившись или захлебнувшись, — не знаю. Катя
Лѣпнева поколотила ее по шеѣ, — напрасно. Кто-
то подаль воды, — тоже напрасно. Насилу-то — на
великую Аня кое-какъ справилась съ собой, уда-
лилась со сцены и все пришло, повидному, въ
порядокъ, но, увы, что на самомъ дѣлѣ скрыва-
лось подъ этимъ торжественнымъ выѣшнымъ по-
рядкомъ? Мой мужъ покашливалъ и былъ совсѣмъ
красенъ; Катя Лѣпнева смотрѣла мрачнѣе тучи;
а ея супругъ совсѣмъ поблѣднѣлъ и молчаливо пилъ
вино... Онъ, я полагаю, просто возненавидѣлъ
проклятую «бестію»...

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Минутой.

Стих. Е. Воронова.

Когда горе и грусть безысходныя
Подступаютъ къ уставшей груди —
И слагаются пѣсни свободныя
И я вижу — свѣтло впереди,

Все смолкаетъ — и злоба грызущая,
И прошедшіе годы невзгодъ,
Только слышится пѣсня растущая
И стремленье впередъ и впередъ.

Такъ легко, такъ свѣтло, такъ живительно,
Вереницей одна за другой
Мои думки, какъ пчелки, плѣнительно
Возстаютъ безъ конца предо мной...

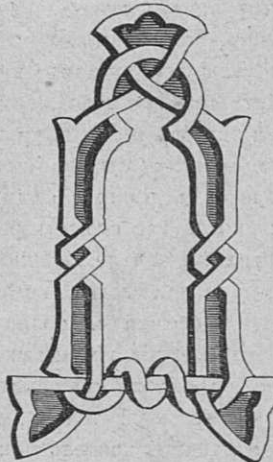
Всѣ обиды, всѣ помыслы черные,
Весь убогій мой жизненный путь,
Всѣ желанья, всѣ страсти позорныя
Оставляютъ уставшую грудь.

Только пѣсня все растетъ, возвышается...
Все, что въ жизни намъ душу живить,
Все свободно тогда выливается,
Все свободно тогда говорить.

И хоть мучится грудь надломленная,
И хоть жизнь изсыхаетъ и мретъ,
Что за дѣло, когда истомленное
Сердце чувствуетъ, вѣрить и ждетъ!

Рубенсъ.

Историческіе этюды Диллетанта.

I.

Въ группы народовъ были
главными работниками
современной европей-
ской цивилизаціи. Съ од-
ной стороны, народы ро-
манской расы: итальянцы,
французы, испанцы, пор-
тугальцы; съ другой —
германскіе народы: фла-
мандцы, голландцы, нѣм-
цы, скандинавы, англи-
чане. Представителями
художественнаго твор-
чества въ группѣ рома-
нскихъ народовъ, являют-
ся итальянцы; въ группѣ германскихъ народовъ —
фламандцы и голландцы. По этому изучая исторію
искуства въ средѣ этихъ двухъ группъ, мы въ
тоже время изучаемъ исторію современнаго ис-
куства въ ея величайшихъ представителяхъ. Но
раздѣлъ искусства въ эпоху возрожденія былъ
вызванъ, какъ тутъ, такъ и тамъ, особыми, спе-
ціальными условіями политическихъ и религіоз-
ныхъ переворотовъ. Вотъ почему Рубенсъ и фла-
мандская школа живописи станутъ намъ по-
нятны только тогда, когда мы уяснимъ себѣ
тотъ социальный и нравственный кризисъ, который
пришлось пережить Фландріи въ XVI столѣтіи.

До войны за независимость, испанскія нидер-
ланды склонялись къ религіозной реформѣ Лю-
тера. Въ 1566 году, шайки кальвинистовъ по
десяти тысячъ человѣкъ осаждали церкви Антвер-
пена и Гента, уничтожая церковныя украшенія
и образа. У костровъ, на которыхъ погибали ере-
тики, громадная толпа пѣла псалмы, убивала па-
лачей и часто освобождала жертвы католиче-
скаго фанатизма. Когда же герцогъ Альба сталъ
вводить порядокъ въ странѣ почти поголовной
рѣзней и страшнымъ терроромъ, то въ Нидер-
ландахъ вспыхнуло народное возстаніе. Но со-
противленіе испанскому правительству оказалось
неодинаково въ южныхъ и сѣверныхъ провинціяхъ.
На югѣ германская раса, раса независимости и
протестантизма, была съ примѣсью французской
крови: валонцы составляли почти половину на-
селенія. Къ тому же, природа на югѣ богаче, жизнь
легче, энергіи меньше и любовь къ матеріальному
благополучію значительно больше. Къ этому,
необходимо присоединить еще и то, что почти
вся аристократія осталась вѣрна католицизму.
Самые горячіе кальвинисты погибли въ сраже-
ніяхъ и на эшафотахъ, или перешли въ сѣвер-
ныя провинціи. Къ концу правленія герцога

Альбы болѣе шестидесяти тысячъ семействъ
эмигрировали. Антверпенъ потерялъ половину
своихъ жителей. Эта хирургическая операція
очистила страну отъ того, что испанцы называли
ея зароженой кровью; во всякомъ случаѣ, не-
сомнѣнно, что та часть крови, которая осталась,
была гораздо спокойнѣе... Въ исторіи народа
существуютъ моменты, когда онъ уподобляется
Христу, перенесенному Сатаной на верхушку
горы; ему приходится выбирать между героиче-
скою жизнію и жизнію буржуазнаго довольства.
На этотъ разъ искусителемъ былъ король Фи-
липпъ II съ арміей и палачами. Сѣверъ (Голлан-
дія) выбрали независимостью и героическую жизнь
свободнаго народа; югъ — удовлетворился католи-
цизмомъ и политической зависимостью. Эти раз-
личныя рѣшенія обусловливались характеромъ
населенія провинцій, ихъ различнымъ составомъ.
Послѣ выбора, различіе постепенно расло, и
вскорѣ двѣ отрасли одного и того же племени,
сдѣлались различными народами.

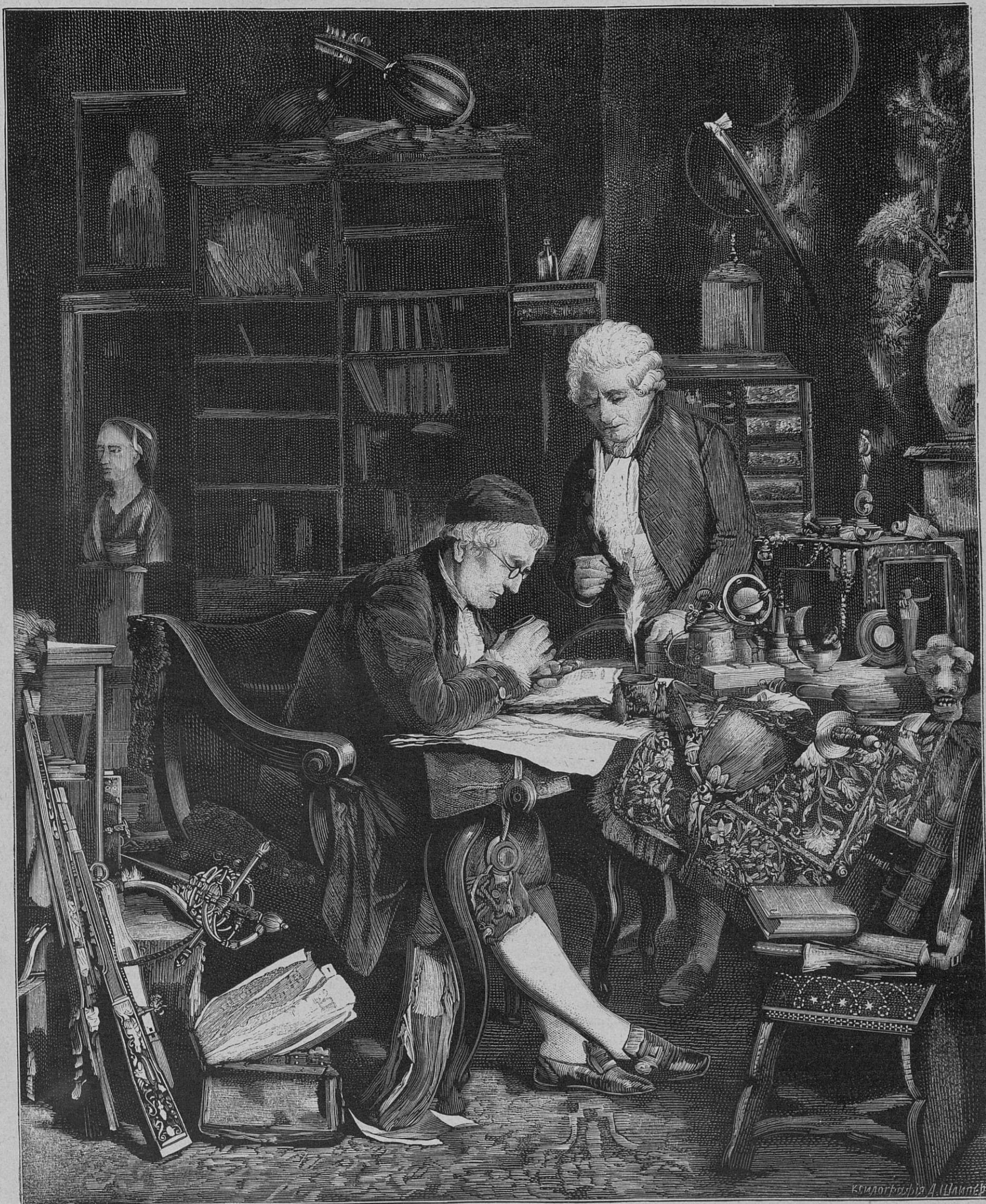
Такимъ образомъ, благодаря этому социальному
и нравственному кризису, южныя провинціи пре-
вратились въ Бельгію. Потребность социального
покоя и благосостоянія, склонность смотрѣть на
жизнь съ ея пріятныхъ и веселыхъ сторонъ,
стали господствующими. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ
въ простой хижинѣ, въ грязной товерѣ нельзя
смѣяться, пѣть, пить хорошее пиво? Развѣ не
весело присутствовать на католической мессѣ и
сообщать свои грѣшки покладистому іезуиту? Послѣ
взятія Антверпена Филиппъ II съ удоволь-
ствіемъ узнаетъ, что народъ сталъ благочестивъ;
монастыри основываются десятками; кармелиты,
капуцины, бенедиктинцы, іезуиты — наводняютъ
страну. Послѣднихъ въ особенности много: они
вводятъ новый католицизмъ, точно принаровлен-
ный къ положенію страны, имѣющей всѣ данныя
съ успѣхомъ бороться противъ протестантизма.
Будьте только покорны и послушны, — говоритъ
этотъ католицизмъ; во всемъ остальномъ вамъ
будетъ поможка. Обрядовая сторона лишена
торжественной строгости и пріятна. Украшенія
внутренности старыхъ, мрачныхъ церквей и по-
выхъ іезуитскихъ храмовъ становятся свѣтскими
и модными.

Вскорѣ и прежній деспотизмъ уступилъ мѣсто
относительной мягкости. Послѣ тираніи герцога
Альбы наступила эпоха умѣреннаго правленія
герцога пармскаго, вѣроятно, на основаніи того
правила, по которому, послѣ ампутаціи, послѣ
значительнаго кровопусканія, — пациентъ нуж-
дается въ средствахъ успокоительныхъ и возбуж-
дающихъ. Послѣ усмиренія Гента, испанцы за-
были о своихъ грозныхъ эдиктахъ противъ ереси.
Эрцгерцоги позволяютъ городамъ и корпораціямъ
устраиваться и управляться, какъ сами знаютъ.
Правительство становится полу-либеральнымъ и
почти національнымъ. Въ 1599 г. Филиппъ II
отдѣляетъ Фландрію отъ Испаніи и отдаетъ ее въ
собственность Альберту и Изабеллѣ. «Ничего ум-
нѣе не могли придумать испанцы, — пишетъ фран-
цузскій посланникъ; — страну нельзя было сохра-
нить, не давая ей этой новой формы». И Флан-
дрія начинаетъ процвѣтать. Сэръ Карльтонъ, по-
бывавъ въ Антверпенѣ въ 1616 г. находитъ
этотъ городъ въ цвѣтущемъ состояніи, очень
красивымъ, хотя и довольно пустыннымъ; онъ
никогда не видалъ сорока человѣкъ на улицѣ;
невидно ни каретъ, ни людей верхомъ на лошади,
ни покупателей въ лавкахъ; но дома прекрасно
содержатся, все опрятно и въ порядкѣ. Безопас-
ность вернулась, а вмѣстѣ съ нею и благосостоя-
ніе. Въ городахъ то и дѣло устраиваются тор-
жественныя процессіи, кермессы, празднества.
Прежнее благосостояніе не только вернулось, но
и увеличилось; другихъ заботъ не существуетъ,
не существуетъ и стремленій: религія отдается
въ руки церкви, а правленіе довѣряется всецѣло

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ШАРЛЕМОНА.

Любитель древностей.

Гравировано въ ксилогр. завед. А. Шлипера.

герцогу. Во Фландріи, какъ и въ Венеціи, политическія и социальныя перевороты ограничились всѣмъ человѣческимъ стремленіемъ — стремленіемъ къ матеріальному довольству, которое тѣмъ болѣе соблазнительно, чѣмъ ужаснѣе были несчастія недавняго прошлаго. Послѣ подобныхъ несчастій — продолжительный миръ кажется раемъ: наконецъ-то, думаетъ изстрадавшееся населеніе, — можно покойно спать въ постели, принадевать добро, пользоваться плодами рукъ своихъ, путешествовать, собираться, бесѣдовать безъ страха. Точно, открывается новая, радостная будущность; всѣ подробности и детали обыденной жизни принимаютъ живой интересъ, правятся; возвращаешься къ жизни и въ первый разъ живешь. Въ такіе-то моменты, по преимуществу, возникаетъ разцвѣтъ искусства и литературы. Громадное сотрясеніе, измѣнившее всѣ условія общественной и частной жизни, уничтожаетъ однообразіе привычки. Видишь то, чего прежде не видалъ, интересуешься тѣмъ, что прежде не могло интересовать. Человѣческая личность и ея судьба являются предметомъ изученія; замѣчаются существенныя черты его возродившейся природы, предрасположенія, инстинкты, тѣ особенныя силы, которыя опредѣляютъ расу и направляютъ исторію. Такимъ образомъ, воздвигается полный, опредѣленный идеалъ человѣка, идеалъ, вмѣщающій въ себѣ всѣ инстинкты и потребности цѣлаго народа. Фландрія по преимуществу была способна создавать такой идеалъ, потому что она пережила страшный социальный кризисъ и видѣла трагедіи дѣйствительности. Подобно Данту и Шекспиру, Рубенсъ, ребенкомъ, въ изгнаніи былъ свидѣтелемъ страшной социальной бури и крушенія цѣлой націи. Это воинствующее и боровшееся поколѣніе смѣнилось поколѣніемъ поэтическимъ и творческимъ. Эти дѣти принялись выражать словомъ и кистью энергію и завѣтныя стремленія міра, основаннаго отцами. Вотъ почему и фламандская живопись олицетворяетъ въ героическихъ типахъ чувственные инстинкты, грубое, матеріальное наслажденіе, неводержанность страсти, цвѣтущее и здоровое тѣло, реальные и часто грубые типы, свободу движеній, блестящія, лоснящіяся матеріи, небрежно раскинутыя и скомканныя драпировки.

Величайшимъ представителемъ этой школы является Рубенсъ; въ исторіи европейскаго искусства нѣтъ болѣе великаго и славнаго имени. Но онъ — не единичное, изолированное явленіе; вокругъ него и рядомъ съ нимъ мы встрѣчаемъ цѣлую группу живописцевъ, которыхъ талантъ имѣетъ много общаго съ талантомъ Рубенса, и если Рубенсъ кажется намъ теперь, — личностью стоящею особо, въ какомъ-то ореолѣ недостижимаго гения и недоступнаго величія, то только потому, что онъ полнѣе и всестороннѣе выражалъ общія стремленія и задачи своего времени и своего народа. Но тѣ же принципы, тѣ же стремленія и инстинкты руководили, какъ великими, такъ и второстепенными представителями фламандской школы живописи, и вотъ почему эта школа, — не есть случайное, индивидуальное проявленіе, а результатъ общаго національнаго развитія. Это дѣлается очевиднымъ какъ только мы обратимъ вниманіе на тѣсную связь, которая существуетъ между этою школою и общественною средой, взлелѣвавшей ее.

Съ одной стороны, несомнѣнно, что въ началѣ фламандская живопись подчиняется вліянію Италіи, и вслѣдствіе этого, мало-по-малу, принимаетъ характеръ католическій и языческій. Художники, по преимуществу, работаютъ для церквей и монастырей; поэтому ихъ живопись, по преимуществу, живопись религиозная, изображающая сцены Библии и Евангелія, но въ то же время, какъ и въ итальянской живописи, въ ней нѣтъ ничего христіанскаго, мистическаго; ея мадонны, муче-

ники, исповѣдники, ея Христосъ и апостолы являются героями цвѣтущаго здоровья, ограничивающимися заботами о настоящей жизни; ея рай — не болѣе, какъ Олимпъ фламандскихъ боговъ, упитанныхъ и жирныхъ, въ которыхъ бьетъ ключомъ здоровая кровь и животная жизнь въ полномъ разцвѣтѣ; они громадны, сильны, мускулисты, веселы, и ихъ Олимпъ — не болѣе, какъ народный праздникъ, фламандская кермесса. Причина такого направленія искусства понятна: какъ въ Италіи, такъ и во Фландріи, въ XVII столѣтіи, религія вырождается въ обрядность и внѣшнюю формальность; она сдѣлалась тою пластическою формою, въ которой всякій художникъ былъ воленъ вливать содержаніе, соответствующее его личнымъ стремленіямъ и чувственнымъ идеаламъ своего времени и народа. Рубенсъ ежедневно ходилъ въ церковь и жертвовалъ картины взамѣнъ indulgencies; но, затѣмъ, онъ возвращался къ своему поэтическому чувству естественной, языческой жизни и писалъ своихъ роскошныхъ Магдалинъ и жирныхъ сиренъ; такимъ образомъ, подъ католическою внѣшностью, вы встрѣчаете здѣсь языческія нравы, привычки, умъ и сердце.

Но, съ другой стороны, рядомъ съ этимъ итальянскимъ заимствованіемъ, фламандское искусство, — по преимуществу, искусство національное; въ немъ все держится одной основной идеей — идеей національной и новой; нѣтъ ничего искренняго, свѣжее, естественнѣе и откровеннѣе, какъ это своеобразное отношеніе къ природѣ и человѣчеству. Это искусство, кажется, не признаетъ никакихъ историческихъ традицій, никакихъ условныхъ нравовъ: въ картинахъ Рубенса вы то и дѣло встрѣчаете аллегорическія фигуры рядомъ съ дѣйствительными, историческими лицами, кардинала рядомъ съ голымъ Меркуріемъ; въ идеальныя небеса мифологіи и Евангелія онъ вводитъ вульгарныя, сладострастные лица, Магдалину, похожую скорѣе на фламандскую мамку, чѣмъ на святую, и тутъ же вы замѣчаете Цереру, которая шепчетъ на ухо своей сосѣдкѣ двусмысленную и сальную шутку; онъ совершенно не знаетъ никакой сантиментальности, онъ не избѣгаетъ изображенія ужаснаго, физическаго страданія и всѣхъ физическихъ симптомовъ агоніи въ пытки; онъ точно также не знаетъ нравственной щепетильности: его Минерва — здоровая мегера, могущая драться не хуже всякаго ярмарочнаго атлета, его Юдифъ — мясникъ въ юбкѣ, привыкшій рѣзать и убивать, его Парисъ — игривый экспертъ, понимающій прелести женскаго тѣла. У Рубенса, какъ и у всѣхъ художниковъ его школы, — всѣ животныя инстинкты здороваго организма выступаютъ на сцену; ихъ изгнали, какъ непривычныя и грубые, — онъ ихъ вводитъ, какъ правдивыя. Съ этой точки зрѣнія, художественная правда и реализмъ Рубенса поразительны; нѣтъ ни одного художника, который бы такъ близко и непосредственно подошелъ къ природѣ. Въ его кисти сосредоточивается, такъ сказать, вся человѣческая природа, за исключеніемъ, впрочемъ, высшихъ и идеальнѣйшихъ ея проявленій.

По той же причинѣ, и вслѣдствіе тѣхъ же условій, лежащихъ въ его натурѣ и въ окружающей его средѣ, онъ проникъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ великихъ художниковъ, въ существенный характеръ органической жизни. Въ этомъ отношеніи, онъ также превосходилъ венеціанцевъ, какъ венеціанцы превосходили флорентинцевъ. Онъ понимаетъ несравненно лучше итальянскихъ художниковъ возрожденіе, что органическая ткань есть вещество, безпрестанно разлагающееся и возобновляющееся; этимъ характеромъ, по преимуществу, отличается фламандское тѣло, лимфатическое, съ избыткомъ крови, рыхлое, быстрѣе разлагающееся и возобновляющееся, чѣмъ тѣло южнаго человѣка, итальянца или испанца, котораго сухія фибры и врожденная

воздержанность поддерживаютъ ткань. Вотъ почему никто лучше и полнѣе его не изображалъ пластическіе контрасты, проявленія и симптомы смерти, характеръ трупа, посинѣвшаго, съ запекшеюся кровью во рту, съ стеклянными глазами, почернѣвшими руками и ногами, вздутыми, обезформенными, потому что смерть коснулась ихъ раньше, чѣмъ другихъ частей тѣла; или же свѣжесть цвѣтущаго организма, блестящаго, здороваго и улыбающагося атлета, мягкость и гибкость молодого тѣла, спокойствіе молодой дѣвушки, въ которой страсть не ускорила еще движенія крови, не затуманила блестящихъ глазъ, нѣжный и розовый цвѣтъ дѣтскаго тѣла...

Точно также, въ изображеніи дѣятельности и душевныхъ движеній, онъ сумѣлъ понять глубже всякаго другого художника существенный характеръ животной и нравственной жизни, т. е. движеніе, которое пластическимъ искусствамъ приходится, такъ сказать, схватывать налету. Никто лучше его не придаетъ фигурѣ такую массу движенія, такой внезапный жестъ, такой бѣшеный порывъ, такую игру мускуловъ. Въ его фигурахъ, не только лицо, но положеніе тѣла, жестъ, поворотъ, — все выражаетъ внезапный наплывъ чувства или страсти; слышишь, точно, крикъ ихъ душевнаго волненія, во всѣхъ его мельчайшихъ и нѣзримѣйшихъ проявленіяхъ. Въ этомъ отношеніи, картины Рубенса — настоящій кладъ для поэта, белетриста, психолога; онъ также отчетливо отмѣчалъ въ лицѣ и жестѣ всѣ оттѣнки душевныхъ движеній, экспресій, какъ и разцвѣтшее довольство здороваго организма. «Послѣ страшныхъ религіозныхъ войнъ, — говоритъ Тэнъ, — эта тучная Фландрія, такъ долго разоряемая, достигла, наконецъ, мира и гражданской безопасности. Земли тамъ такъ плодородны, а люди такъ практичны, что сразу водворились и благоденствіе и благосостояніе. Всякій чувствовалъ это изобиліе и эту полноту, а контрастъ настоящаго съ прошедшимъ побуждалъ къ наслажденію грубыми животными инстинктами, пущенными, подобно лошадямъ или быкамъ, послѣ долгаго отоцанія, на хорошее зеленое пастбище. Рубенсъ въ самомъ себѣ чувствовалъ эти инстинкты и поэзія грубой, полной жизни, распушенной и удовлетворенной плоти, грубаго, гигагически разцвѣтшаго веселія, излилась въ непринужденной чувственности, страстной краснотѣ, бѣлизнѣ и свѣжести его нагихъ фигуръ. Для выраженія этого, Рубенсъ расширилъ туловище, утолстил бедра, изогнулъ бока, раскрасилъ щеки, растрепалъ волосы, зажегъ въ глазахъ пламя дикой, неуправляемой страсти, пустилъ въ ходъ весь содомъ шумныхъ пиршествъ, показалъ намъ разбитыя жбаны, опрокинутые столы, объятія, поцѣлуи, оргіи и полнѣйшее торжество скотскаго чувства, когда-либо выраженнаго кистью художника». Такова именно та знаменитая Кермесса, которая составляетъ украшеніе луврской галереи Парижа, и которая по нашему мнѣнію, является не только наиболѣе совершеннымъ произведеніемъ Рубенса, но и обнаруживаетъ самыя важныя и существенныя черты фламандской живописи и ея величайшаго представителя. Въ этой удивительной картинѣ, сравнительно незначительной, по своимъ размѣрамъ (въ особенности для Рубенса), какъ въ микрокосмѣ сосредоточены всѣ особенности фламандской народной жизни и чувство того матеріальнаго довольства, которое охватило всю страну, вскорѣ послѣ окончанія войны за независимость. Благодаря такому небывалому совершенству техники и такому великому гению, Рубенсъ могъ возвести въ пластическій идеалъ всѣ силы и стремленія возродившейся націи и расширить до небывалыхъ предѣловъ всѣ силы, которыя онъ находилъ вокругъ себя и въ самомъ себѣ, всѣ тѣ силы, которыя поддерживаютъ и обнаруживаютъ полноту жизни, нравственное и матеріальное довольство, по ко-

тория существуютъ въ дѣйствительности только отчасти и не вполне, составляя тѣмъ не менѣе весьма дѣйствительную сущность стремленій тогдашней фламандской жизни... Въ этомъ, между прочимъ, замѣчается дѣйствительный характеръ всякаго искусства: оно не простое воспроизведеніе и фотографія природы и жизни, а возведеніе въ идеалъ существующихъ чертъ этой природы и жизни... «Слишкомъ переполненная, слишкомъ упитанная жизнь тогдашней Фландріи, несомнѣнно стремилась къ возрожденію этихъ грубыхъ нравовъ, этихъ роскошныхъ тѣлъ, но достигла этого только на половину. Явились другія причины, удерживавшія порывъ разнузданной и чувственной силы. Во первыхъ, бѣдность: въ лучшія времена и въ лучшихъ странахъ всегда есть много людей, недостаточно питающихся, а голодъ, даже воздержаніе, нищета, скверный воздухъ и все что сопровождается бѣдностью, задерживаютъ развитіе чувственныхъ инстинктовъ: нуждающійся человѣкъ слабѣе и смиреннѣе. Вѣра, законъ, полиція, привычки, развившіяся изъ правильного труда, дѣйствуютъ въ томъ же направленіи; воспитаніе является на помощь. Изъ ста человѣкъ, которые, при стеченіи хорошихъ условій, могли служить образцами Рубенсу, едва-ли могли найтись пять или шесть, которые дѣйствительно приближались къ тому. Къ тому же, эти пятеро, или шестеро, на праздникахъ, гдѣ онъ могъ ихъ видѣть, были потеряны среди тысячи лицъ, болѣе или менѣе незнающихъ, болѣе или менѣе обыкновенныхъ; кромѣ того, въ ту минуту, когда бы онъ могъ смотрѣть на нихъ, ни въ ихъ позахъ, ни въ жестяхъ, ни въ выраженіи, ни въ распушенности не высказывался избытокъ разнузданнаго веселья. Для пополненія всѣхъ этихъ недостатковъ является искусство и пополняетъ пробѣлы, оставленный природой». Другими словами, Рубенсъ возводилъ на степень пластическаго идеала то, что въ жизни и въ дѣйствительности ему встрѣчалось только въ видѣ зародыша и намека...

Такое явленіе нельзя объяснить однимъ только вліяніемъ окружающей среды; необходимо, кромѣ того, чтобъ такое вліяніе встрѣтило особенно благоприятную почву исключительно умственной и нравственной организаціи. Эти совпаденія всегда рѣдкость въ жизни націй, но когда они являются, то возникаетъ великое искусство: живопись, скульптура, музыка или поэзія, и въ своихъ произведеніяхъ резюмируетъ всѣ идеальныя стремленія эпохи и народа. Рубенсъ, подобно индійскому богу въ покоѣ, освобождается отъ переполнишаго его творчества, создавая цѣлыя міры, въ которыхъ выражаются идеальныя стремленія его эпохи и его народа. Но во Фландріи—одинъ только Рубенсъ, какъ въ Англіи—одинъ только Шекспиръ. Какъ бы ни были велики другіе представители фламандскаго искусства—имъ недостаетъ полноты его гения и поэтому они воспроизводятъ только отдѣльныя частности той жизни, которая у Рубенса является въ такомъ полномъ и блестящемъ разцвѣтѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Проституція въ Египтѣ.

(M. G. Nicole. La prostitution en Égypte. Paris, 1878.)

Николь, послѣ продолжительнаго пребыванія въ Египтѣ, задумалъ написать пространное изслѣдованіе о нравахъ и учрежденіяхъ въ Египтѣ. Вотъ, что почтенный авторъ рассказываетъ, между прочимъ, о тамошней проституціи.

Между женщинами, сдѣлавшими себѣ профессію изъ проституціи, въ Египтѣ находится много такихъ,

которыя принадлежатъ къ различнымъ европейскимъ національностямъ; но въ противоположность Европѣ, проституція въ Египтѣ не регламентирована и не подчинена никакому полицейскому надзору, могущему охранить, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени общественное здорovіе. А между тѣмъ, было бы, какъ кажется, весьма естественнымъ, чтобъ представители различныхъ національностей вошли между собой въ соглашеніе по этому предмету. Ничего подобнаго, однакожъ, не было сдѣлано. Проститутки зависаютъ отъ своихъ консульствъ, изъ которыхъ каждое смотритъ на вопросъ о проституціи различно. Французское консульство, напр., запрещаетъ образованіе домовъ терпимости, вслѣдствіи чего проститутки этой національности прибѣгаютъ къ улицѣ, гостинницамъ, кафе и проч. Англичанки, численность которыхъ, впрочемъ, весьма незначительна, и жительницы Мальты, точно также зависящія отъ англійскаго консульства, — не подчинены никакому надзору. Что же касается итальянокъ, вѣномъ, венгерокъ, молдованокъ и другихъ, то хотя онѣ и пользуются почти полной свободой, онѣ тѣмъ не менѣе, предпочитаютъ принадлежать къ домамъ терпимости; но при мѣстныхъ полицейскихъ порядкахъ, эти дома, безъ особенныхъ затрудненій, уклоняются отъ надзора, что, разумѣется, не можетъ не вліять вредно на общественное здорovіе. Когда драка пришла къ концу, когда мальтійскіе, итальянскіе, греческіе матросы вволю почесали свои руки и кинжалы въ честь прекрасныхъ глазокъ какой либо уличной героини, — является мѣстная полиція и отправляетъ ихъ въ консульство. По временамъ, полиція принимается очищать тотъ или другой кварталъ отъ слишкомъ безпокойныхъ гнѣздъ проституціи, — но въ этомъ благомъ дѣлѣ, она обыкновенно встрѣчаетъ затрудненіе со стороны различныхъ кантуляцій (договоровъ европейскихъ державъ съ египетскимъ правительствомъ объ охраненіи правъ ихъ подданныхъ на египетской территоріи). Такъ, напр., въ 1873 году, губернаторъ Александріи отклонилъ просьбу о запрещеніи проституткамъ являться въ окрестностяхъ французскаго консульства, на томъ основаніи, что онѣ не имѣютъ никакой власти надъ иностранцами.

Приходящіе пароходы снабжаютъ постоянно европейскіе дома терпимости. Всякій пароходъ привозитъ цѣлыя десятки проституттокъ изъ Италіи и другихъ мѣстъ. Нерѣдко агенты прибѣгаютъ къ обманамъ; весьма часто случается, что въ Египетъ являются молодыя дѣвушки, которыми родители позволили отправиться въ Египетъ, довѣряясь подложному контракту, обѣщающему этимъ несчастнымъ честное и прибыльное занятіе. Много молодыхъ дѣвушекъ дѣлалась жертвами этой постыдной спекуляціи, которая процвѣтала бы, по всей вѣроятности, и въ настоящее время, если бы не энергическое вмѣшательство австро-венгерскаго консульства.

Не можетъ-ли объяснитъ этотъ послѣдній способъ вербовки того страннаго обстоятельства, что стало часто встрѣчаться въ Египтѣ, что европейки, побывавъ въ домахъ терпимости, дѣлаются вродѣ честныхъ женщинъ, живутъ спокойно съ своими любовниками, или даже выходятъ замужъ и пользуются всеобщимъ уваженіемъ? Онѣ во время, такъ сказать, встрѣтили спасителя. Или же, нельзя-ли это явленіе объяснить малою численностью европейскихъ женщинъ въ Египтѣ и крайней трудностью жениться на вполне порядочной дѣвушкѣ? Во всякомъ случаѣ, это явленіе указываетъ на своеобразную черту нравовъ, совершенно не встрѣчающуюся въ Европѣ, гдѣ, по большей части, проститутки роковымъ образомъ принуждены все больше и больше погружаться въ развратъ.

Что касается собственно туземной проститу-

ціи, то она, еще недавно, представляла собою формы, въ которыхъ существовала во времена Сесостриса. Несмотря на перевороты и завоеванія, несмотря на религіозныя постановленія, она сохраняла свой первобытный характеръ и свои древнія традиции. Подобно членамъ различныхъ промышленныхъ корпорацій, подобно гаерамъ, плясунамъ, рассказчикамъ, пѣвцамъ, ворами даже, — публичныя женщины составляли корпорацію, подчиненную шейку, который былъ ихъ официальнымъ представителемъ, заботился о ихъ интересахъ и платилъ причитающіяся съ нихъ подати. Мегеметъ-Али пресѣкъ источникъ этого дохода уничтоженіемъ проституціи. Публичнымъ женщинамъ былъ отведенъ на жительство Верхній Египетъ. Но эта мораль имѣла лишь временныя и, по большей части, вредныя послѣдствія. Прежде всего, необходимо замѣтить, что множество проституттокъ неизбѣжно должны были избѣгнуть отъ преслѣдованія полиціи. Такимъ образомъ открытая проституція замѣнилась тайной. Съ другой стороны, пороки, и безъ того свойственные востоку, быстро стали распространяться. Вслѣдствіе-ли этого плачевнаго результата, или же вслѣдствіе безпечности, но администрація принуждена была возвратиться къ прежней терпимости. Хотя декретъ Мегемета-Али не былъ взятъ назадъ, хотя проститутки не образуютъ уже отдѣльной корпораціи, какъ было прежде, то все-таки, онѣ могутъ открыто заниматься своей профессіей. Конечно, по временамъ, онѣ не избѣгаютъ минутныхъ припадковъ полицейскаго усердія, — но съ этимъ низшіе классы давно уже свыклись.

Само собой разумѣется, что въ Египтѣ не существуетъ ни тѣни какой-либо регламентаціи, или какихъ либо санитарныхъ мѣръ. Въ странѣ, гдѣ благоустроенная администрація на европейскій ладъ—дѣло почти совершенно неизвѣстное, проституція, само собой разумѣется, не можетъ быть регламентирована; къ тому же было бы, по меньшей мѣрѣ, странно, чтобы восточная администрація опередила европейскія консульства въ принятіи элементарнѣйшихъ мѣръ общественнаго здорovія. Нужно-ли, послѣ этого прибавлять, что число заболѣвающихъ сифилисомъ чрезвычайно велико въ Египтѣ? Болѣзнь распространена во всѣхъ классахъ общества. На всякомъ шагѣ встрѣчаешь несчастныхъ, которыхъ лицо обезображено. Египтяне обозначаютъ эту болѣзнь названіемъ эмбарекъ; они также называютъ ее болѣзнію козъ, верблюдовъ, франкскимъ зерномъ (теббъ франги). Слѣдуетъ прибавить, что слово франкскій относится ко всѣмъ европейцамъ безразлично; тѣмъ не менѣе, оно указываетъ на преданіе приписывать Европѣ происхожденіе болѣзни. Полнѣйшее невѣжество относительно происхожденія болѣзни, вмѣстѣ съ фатализмомъ, свойственнымъ востоку, не могутъ быть, во всякомъ случаѣ, энергическими стимулами для принятія предохранительныхъ мѣръ со стороны турецкой администраціи, даже въ томъ случаѣ, если бы она и не питала такого презрѣнія къ санитарному состоянію египетскаго населенія.

Мы уже сказали, что туземная проституція сосредоточена, по преимуществу, въ домахъ терпимости и на улицѣ. Дома, находящіеся, какъ и вездѣ, въ специальныхъ кварталахъ, не отличаются, въ большинствѣ случаевъ, ни опрятностью, ни комфортомъ. Тѣмъ не менѣе, при случаѣ и по заказу, нѣкоторые изъ нихъ украшаются всею восточною роскошью, въ ожиданіи визита высшихъ сановниковъ, пожелавшихъ покутить или богатыхъ иностранныхъ туристовъ. Арабки, египтянки, армянки, еврейки, черкешенки, абиссинки, — однимъ словомъ, весь персоналъ, при случаѣ, усиленный сосѣдними домами, фигурируетъ тогда въ живописныхъ костюмахъ, среди ковровъ

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Р. БОМПАНИ.

Древний пиръ.

Рѣзалъ на деревѣ Клосъ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ

КАРТИНА П. БРЕТОНА.

У источника.

Гравировалъ по фотографіи Гупиля А. Шлиперъ въ С.-Петербургѣ.

и люстры. Сладострастные пляски под звуки бѣшеной музыки, вермутъ и аракъ являются обычными элементами праздника, быстро переходящаго въ оргію.

Но, по большей части, дома терпимости представляютъ ужасающее зрѣлище. Тамъ обыкновенно видишь лежащими на циновкахъ неопрятныхъ, грязныхъ женщинъ, полунагихъ негрятенокъ, съ татуированными подбородками. Всѣ онѣ курятъ, кричатъ, бранятся, потряхивая браслетами изъ латуни и колье изъ стеклушекъ. Зимой ихъ можно замѣтить сквозь отверстие, продѣланное въ двери, сидящими вокругъ горячихъ угольевъ; онѣ сторожатъ прохожихъ и зазываютъ ихъ, крича: я абаби! (мой дружокъ). Таковъ общій видъ домовъ терпимости въ городахъ Дельты, въ Александрію, Каирѣ. Въ Верхнемъ Египтѣ проститутки живутъ въ хижинахъ, построенныхъ, по большей части, вокругъ какой либо маленькой круглой площади; тамъ живутъ жолтыя дочери Египта, абиссинянки съ бронзовымъ цвѣтомъ лица; черныя же женщины сидятъ у дверей, украшенные колье, коралловыми браслетами, раковинами, золотыми монетами въ волосахъ, тяжеловѣсными серьгами, и кольцами, продѣтыми въ носъ. Въ такомъ видѣ, онѣ ожидаютъ каравановъ, идущихъ съ береговъ Краснаго моря. Все это чрезвычайно живописно и можетъ быть настоящею находкою для художника; но все-таки, въ сущности,—это все тотъ же позоръ и та же нищета, которую мы видимъ въ Европѣ. Кажется, однакожъ, что восточная проститутка отличается безстыдствомъ тѣмъ болѣе наивнымъ, что оно, такъ сказать, присуще правамъ. Эта отличительная черта египетской женщины могла бы послужить интереснымъ предметомъ для болѣе обстоятельнаго изслѣдованія.

Кромѣ публичныхъ домовъ, проституція имѣетъ еще значительный персоналъ, циркулирующій по улицамъ, переулкамъ, площадямъ и даже полямъ. Съ лицами, покрытыми обязательнымъ борго, онѣ имѣютъ одно только средство соблазнять мужчинъ: взглядъ, которымъ и пользуются съ большимъ искусствомъ. Къ проституткамъ слѣдуетъ причислить также и всѣхъ тѣхъ женъ феллаховъ, которыя отдаются въ поляхъ первому встрѣченному. Наконецъ, существуетъ, кромѣ того, еще специальная категория проститутокъ: это—танцовщицы, гавази. Онѣ считаютъ себя принадлежащими къ высшей расѣ и обыкновенно хвастаются своимъ происхожденіемъ. Но дѣло въ томъ, что онѣ—самыя красивыя женщины Египта, и что на гробницахъ найдены были изображенія красивыхъ женщинъ, такого же типа красоты, исполняющими передъ фараономъ пляски, которыя и теперь еще не вышли изъ моды. Эти пляски, съ крайне обозначеннымъ характеромъ сладострастія, составляютъ самое сильное средство соблазна, въ собраніяхъ, посѣщаемыхъ исключительно мужчинами.

Проксenetизмъ (посредничество въ подобныхъ дѣлахъ) также весьма распространено въ Египтѣ. Оно олицетворяется въ драгоманѣ, который служитъ вамъ переводчикомъ, въ кучерѣ, который васъ везетъ, въ слугѣ или въ какомъ-нибудь подозрительномъ незнакомцѣ, который ходитъ за вами. Оно преслѣдуетъ васъ даже въ вашей комнатѣ, въ видѣ какой-нибудь старой сирьняки, предлагающей вамъ настоящую жемчужину гарема,—предложеніе, которое обыкновенно соблазняетъ наивныхъ туристовъ. Наконецъ, иногда посредникомъ является по просту мужъ, акрутъ, какъ называютъ его туземцы въ отличіе отъ простаго мараса, торгующаго только жонами другихъ.

Намъ остается указать на причины такого значительнаго распространенія проституціи въ Египтѣ. Однѣ относятся къ климату и къ особенностямъ темперамента расы: египтянки, по натурѣ, чрезвычайно сладострастны. Другія при-

чины относятся къ соціальной организаціи. «Проститутками» являются по большей части, говоритъ докторъ Клотъ-бей,—разводки, которыя не въ состояніи были переносить рабство брачной жизни, или тѣ, которыя не будучи въ состояніи вторично выйти замужъ, имѣютъ одинъ только источникъ существованія—проституцію». Проститутками бывають также рабыни, которыя, убѣжавъ изъ гарема, гдѣ ихъ преслѣдовала ревность законной жены, нашли себѣ убѣжище въ домѣ терпимости.

Полигамія, разводъ, рабство—вотъ условія, которыхъ не въ состояніи избѣжать египтянка. Если она родилась свободною, то она неизбежно попадетъ во власть властелина, который, имѣя средства населить свой гаремъ наложницами, вскорѣ покинетъ ее; или же, въ качествѣ единственной жены какого-нибудь бѣднаго человека, который разведется съ нею и женится на другой. Она сама выйдетъ замужъ за другого мужа, потомъ за третьяго, послѣ этого вторичнаго развода, и будетъ такимъ образомъ переходить съ рукъ на руки, пока не сдѣлается обыкновенной проституткой. Въ Египтѣ не рѣдкость встрѣтить мужчинъ, которые развелись съ двадцатью жонами; бывали случаи развода въ пятидесятый разъ. Такимъ образомъ разводъ для большинства замѣняетъ полигамію, которая доступна только для немногихъ. Но какую будущность можетъ представлять собою общество, гдѣ брачныя узы падаются въ такомъ презрѣніи и гдѣ даже бракъ является источникомъ проституціи?

Изъ моихъ воспоминаній.

Фридриха Шпильгагена *).

Последніе школьные годы.

въ другомъ мѣстѣ, въ очеркѣ «Изъ моего родного города», я сообщилъ нѣкоторые факты изъ моей жизни, которые пришли мнѣ на память въ

то время, когда я послѣ многихъ лѣтъ отсутствія посѣтилъ Штральзундъ,—древній городъ на берегу синяго Балтійскаго моря,—въ которомъ судьба—за что я ей вполне благодаренъ,—заставила меня провести дѣтскіе и юношескіе годы. Близкіе и далекіе дорогіе друзья, о которыхъ я больше всего думалъ, издавая мои воспоминанія и которымъ посвятилъ ихъ, поняли, какъ должно, этотъ даръ: какъ скромный матеріалъ для исторіи развитія человека, за литературною дѣятельностью котораго они такъ долго слѣдили съ полнымъ участіемъ,—то съ большимъ, то съ меньшимъ одобреніемъ, иногда даже съ рѣшительнымъ порицаніемъ—кто же не писалъ иногда invita Minerva?—Кому удавалось угодить одинаково всѣмъ. Друзья эти не переставали требовать, чтобы я не останавливался при самомъ началѣ на этомъ одномъ очеркѣ, но продолжалъ свои замѣтки, пока воспоминаніе, подобно червю чуръ долго бродившему вину, не потеряло своей

*) Извѣстнаго талантливаго романиста, автора «Одинъ въ полѣ не воинъ», «Семейство Гогенштауферовъ» и мн. др.

Пр. ред.

свѣжести. Последняя опасность—быть покинутымъ Мнемозиной—не пугала меня. Какъ ни причудлива моя память, но во всемъ, что касается дѣйствительныхъ событій,—а объ нихъ только и шла рѣчь,—я всегда могъ полагаться на ея вѣрность и точность, и до сихъ поръ сохранилъ это право. Но въ послѣдніе годы мнѣ недоставало ни случая, ни времени, ни расположенія взяться вновь за работу, предметомъ которой я былъ самъ. Съ 1874 г., когда стали появляться мои «Очерки», я долженъ былъ слѣдить за жизненными путями и изобразить судьбу множества людей, которыхъ я любилъ равною любовью, были-ли они хороши или дурны, умны или глупы, такъ какъ всѣ они были моими созданіями, а приподобной трудной работѣ, по моему мнѣнію, и авторъ долженъ скромно держаться на самомъ послѣднемъ планѣ, не выказывая по возможности своихъ личныхъ мнѣній, мыслей и чувствъ, т. е. поступать вполне противоположно съ тѣмъ, кто пишетъ, хотя отрывочную, исторію собственной жизни. Но даже самые ретивые, самые неутомимые романисты нуждаются по временамъ въ спокойствіи и отдыхѣ. Такое время наступило для меня позднюю осенью прошлаго года, и случаемъ было угодно, чтобы мнѣ напомнили самымъ неотступнымъ образомъ объ исполненіи даннаго мною обѣщанія. Мое путешествіе, предпринятое для отдыха, привело меня подъ конецъ въ Боннъ. Я намѣревался провести въ этомъ городѣ три дня, которые разрослись въ такое же количество недѣль.

Пока я проводилъ незабвенные часы въ кругу образованныхъ, умнѣйшихъ мужчинъ и очаровательныхъ и великодушныхъ женщинъ, я безпрестанно думалъ объ юношѣ, который за много лѣтъ передъ тѣмъ, прожилъ въ этомъ гостеприимномъ, разумномъ Боннѣ почти полныхъ пять семестровъ «для изученія наукъ», какъ гласила нѣкогда officialная пресса,—вѣчно одинокимъ и недовольнымъ, мучимымъ сомнѣніями въ достоинствѣ этой науки, пользѣ существованія, въ собственныхъ силахъ, болѣе, чѣмъ когда либо близкій къ отчаянію.

Отъ какого безчисленнаго ряда мрачныхъ дней былъ бы избавленъ этотъ юноша, еслибъ онъ могъ предчувствовать тѣ свѣтлыя, пріятныя часы, которые суждено было провести ему, взрослому человеку, въ этомъ самомъ городѣ.

Быть можетъ, эти мрачные дни не были просто случайностью, они явились, можетъ быть, по волѣ мудрой, предусмотрительной судьбы, которая желала до тѣхъ поръ ковать жизненнымъ молотомъ слишкомъ мягкій или слишкомъ хрупкій металлъ, которому былъ подобенъ мой талантъ, пока онъ не сталъ годенъ для прочныхъ поэтическихъ созданій?

Праздный вопросъ! Кто смѣетъ сказать: жизнь моя пошла бы такъ или иначе, развилась бы совершенно по другому, если бы въ ту или другую минуту дѣйствовало на меня то или другое явленіе! Валентинъ говоритъ, что случая не существуетъ и до нѣкоторой степени онъ правъ. Правда, пока мы живы, мы не можемъ освободиться отъ вліянія различныхъ отношеній, обстоятельствъ, происшествій, надъ которыми не можемъ имѣть ни малѣйшей власти; но почему всѣ эти отношенія, обстоятельства, происшествія производить на насъ именно это, а не другое дѣйствіе, можетъ быть объяснено только своеобразными свойствами нашего «я», съ его силами, стремленіями, наклонностями. Если изъ этихъ двухъ факторовъ оставить одного неизмѣннымъ, а во-второмъ, вмѣсто Петра взять Павла, то полученное произведеніе будетъ разниться отъ перваго на столько, на сколько Петръ отличается отъ Павла. По этому пресловутое если, по своему вліянію на человѣческую жизнь, играетъ въ сущности совершенно безобидную роль. Можно смѣло сказать, что это если, хотя бы и на-

ступило, оказало бы самое ничтожное, а может быть и не оказало бы совсѣмъ никакого вліянія на данную личность; быть можетъ, оно и дѣйствительно, но осталось незамѣченнымъ.

Все это очень избитыя истины. Но біографъ, а въ особенности автобіографъ хорошо сдѣлаетъ, если вполнѣ уяснитъ ихъ себѣ и сохранить въ своемъ сердцѣ, если онъ желаетъ противостоять некушенію призвать на помощь спасительное «если», въ тѣхъ случаяхъ, когда герой его не въ силахъ перепрыгнуть колючій барьеръ или выбраться изъ тинистаго рва. Въ моихъ воспоминаніяхъ о моемъ родномъ городѣ и годахъ юности, я еще довольно часто прибѣгалъ къ этому излюбленному средству; этимъ нарушалась если не правдивость самого автора, то, по крайней мѣрѣ, вѣрность сдѣланнаго имъ изображенія, и начертанная имъ картина получала слишкомъ субъективно-сентиментальную окраску.

Къ этому прибавилось еще другое обстоятельство. Когда я писалъ тотъ очеркъ, у меня не было ни малѣйшаго намѣренія дать что-нибудь законченное; я писалъ въ сущности для самого себя, самое большее, для нѣкоторыхъ ближайшихъ друзей, которымъ ясны были всѣ намеки, которые снисходительно смотрѣли на скачки и пробѣлы или пополняли ихъ бывшими у нихъ подъ рукою матеріалами.

Задумавъ составить краткій очеркъ моей жизни для большого круга читателей, я долженъ былъ придти къ убѣжденію, что не могу строить дальше на такомъ хрупкомъ фундаментѣ, а долженъ воздвигнуть еще другія опоры и заложить краеугольные камни, чтобы цѣлое получило необходимую устойчивость. Вслѣдствіе этого, я отступилъ отъ первоначальной мысли, внушенной мнѣ моимъ мѣстопробываніемъ: ввести читателя прямо въ университетъ; я долженъ просить его еще разъ послѣдовать за мною въ городъ, который я не могу назвать своей родиной, но съ которымъ связываютъ меня неразрывныя воспоминанія.

Я принужденъ снова возвратиться къ той колючей преградѣ, о которой я уже говорилъ, одной изъ труднѣйшихъ въ моей жизни; безспорно самой трудной изъ всѣхъ, предстоявшихъ мнѣ въ послѣдніе годы, проведенные въ родительскомъ домѣ.

Эта грозная преграда была наступившая необходимость выбрать себѣ окончательное призваніе.

Извѣстно, какъ безопасно принимается зачастую это важное рѣшеніе. Молодой человѣкъ окончилъ гимназію; ему предстоитъ послѣдній экзаменъ; онъ не лѣнился; онъ безъ сомнѣнія благополучно выдержитъ его, если и не получитъ блестящаго аттестата. А затѣмъ? По большей части рѣшаютъ, что юноша долженъ продолжать занятія. Спеціальная склонность къ той или другой отрасли знаній еще не обозначилась; по времени дорого, долженъ быть сдѣланъ выборъ—выборъ окончательный. Легко можетъ статься, что выборъ будетъ неудаченъ, но поправить впоследствии сдѣланную и замѣченную ошибку уже невозможно. Какимъ образомъ избѣжать ея? Взвѣшиваютъ, обсуждаютъ; всѣмъ склоняются то на ту, то на другую сторону, то останавливаются, пока какое-нибудь вліяніе не дастъ отвѣта,—часто не имѣющаго ничего общаго съ главнымъ вопросомъ—способностью къ данному призванію. Отецъ—юристъ, онъ можетъ слѣдить за занятіями сына, если тотъ избереетъ юридическій факультетъ, можетъ впоследствии содѣйствовать его карьерѣ и, стало быть... Или у матери религіозно-мистическое настроеніе и отецъ (впрочемъ, вполнѣ развитой человѣкъ) не можетъ не допустить мысли, какъ было бы хорошо, если бы его Карлъ, какъ кандидатъ филологіи или богословія, получилъ бы хотя скромное, но независимое мѣстечко; тѣмъ болѣе, что отъ высокочтимого маги-

страта, въ которомъ засѣдаютъ столько хорошихъ пріятелей, зависитъ полученіе священническихъ и учительскихъ мѣстъ, слѣдовательно... И такимъ-то образомъ Фрицъ, Карлъ, и другіе дѣлаются юристами, медиками, филологами и богословами, и при нѣкоторыхъ способностяхъ становятся вполнѣ пригодными дѣятелями. Если встрѣчаются выдающіяся личности, которыя какъ бы родятся, подобно поэтамъ, для извѣстной профессіи, за то во всѣхъ профессіяхъ существуютъ извѣстныя спеціализаціи труда, которыя требуютъ только добросовѣстнаго исполненія и приносятъ почетъ тому, кто исполняетъ ихъ, хотя бы въ отпавленіи этихъ обязанностей руки принимали болѣе участія, чѣмъ голова, между тѣмъ, какъ посредственный поэтъ не милъ ни людямъ, ни богамъ. Уже вслѣдствіе этого соображенія, я нахожу даже теперь, когда призваніе поэта, писателя, цѣнится почти также высоко, какъ и другія, совершенно въ порядѣ вещей, что благоразумные родители, хотя и привѣтствуютъ подобное призваніе въ сынѣ, какъ симптомъ высшей, духовной жизни, и оберегаютъ его, но оспариваютъ официально признать и оказать ему существенную поддержку. Я убѣжденъ, наперекоръ общепринятому мнѣнію, что врожденный поэтический талантъ долженъ также рано проявиться, какъ талантъ музыканта или художника; но проявленія его слишкомъ таинственны, и я не могу упрекать того, кто откажется истолковать ихъ, ссылаясь на то, что поэтическое дарованіе, даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ, требуетъ всего больше времени для развитія и полной зрѣлости, и что гений, наперекоръ всему достигнетъ далекой цѣли и выполнитъ свою высокую миссію.

Я повторяю: я посоветовалъ бы поступать также даже тѣмъ родителямъ, которые, благодаря счастливой судьбѣ, находятся въ самомъ центрѣ умственной жизни, и могутъ, безъ всякихъ предразсудковъ, обсудить и понять поэтическое дарованіе, обнаружившееся въ комъ либо изъ дѣтей.

Я указалъ уже, въ вышеупомянутомъ «Очеркѣ», что Штральзундъ не принадлежитъ къ числу подобныхъ центровъ, онъ отстоитъ даже далеко отъ нихъ, и къ той картинѣ, вѣрность которой я готовъ защищать, остается прибавить только нѣсколько штриховъ.

Въ Штральзундѣ было почти невозможно напасть на сумасбродную мысль: свернуть съ избитаго пути университетскихъ занятій съ попадающимися на немъ станціями и обязательными плабгаумами, въ видѣ перваго, втораго и третьяго экзамена, по которому съ незапамятныхъ временъ двигались благовоспитанные сынки патриціевъ и высшихъ чиновниковъ. Это было невозможнымъ даже тогда, когда обнаруживалось музыкальное или художническое дарованіе. Между моими школьными товарищами, по всей вѣроятности, было не мало такихъ, въ которыхъ обнаруживалось истинное призваніе, и которые, живя въ Берлинѣ, или другомъ большомъ городѣ, непременно попали бы сами въ должную колею или были бы направлены честолюбивыми родителями или друзьями,—а между тѣмъ всѣ они стали или должны были стать прекрасными юристами, отличными медиками, архитекторами-практиками. Въ Штральзундѣ были учителя музыки, которые при случаѣ могли написать романсъ или духовную мелодію; учителя рисованія, которые въ немногіе свободные часы пробовали свои силы на ландшафтахъ и портретахъ, но художниковъ, открыто служившихъ какому-нибудь искусству и живущихъ на средства, доставляемые этимъ искусствомъ, не существовало, сколько мнѣ извѣстно. При существующихъ условіяхъ жизни, это было бы для нихъ недостижимо.

Если музыканту или живописцу приходилось плохо въ средѣ, которая не оказывала имъ ни-

какого поощренія, то литературный талантъ въ этомъ городѣ буржуазно-практическихъ интересовъ находился въ такомъ уединеніи и отчужденіи, какъ Гейневская сосна на сѣверной, голой, покрытой снѣгомъ вершинѣ.

Я не упрекаю въ этомъ добрый, старый городъ, которому я обязанъ благодарностью, и отклоняю отъ себя всякое подозрѣніе въ желаніи упрекнуть въ чемъ либо кого бы то ни было: Я уже давно примирился со всѣми людьми и обстоятельствами, которыя на меня дѣйствовали и могу съ полною искренностью увѣрить, что въ моей душѣ не осталось ни малѣйшаго слѣда раздраженія или ненависти. И можно-ли поставить въ вину жителямъ какого-нибудь города, что въ стѣнахъ его, втеченіи цѣлыхъ десятилѣтій, не родилось ни одного поэта, и что вслѣдствіе этого дѣятельность, стремленія, желанія поэта лежатъ совершенно внѣ круга ихъ опыта и наблюденія? Можно-ли упрекать ихъ въ томъ, что когда появляется въ ихъ средѣ такое необыкновенное существо, они слѣдятъ за нимъ, покачивая головою, съ недоумѣніемъ и удивленіемъ, какъ мирные пастухи за кометой, внезапно вспыхнувшей на небесномъ сводѣ и промчавшейся по общезнѣстному, неизмѣнному пути? Въ Штральзундѣ не только не было ни одного писателя, на котораго бы начинающій талантъ могъ хотя бы изъ почтительнаго далека взирать, какъ на путеводную звѣзду,—не было даже возможности путемъ личнаго наблюденія составить себѣ понятіе о публицистѣ, журналистѣ, критикѣ, однимъ словомъ, литераторѣ. Разумѣется, городъ гордился фрейномъ, въ которомъ читались научныя лекціи; существовали и небольшіе кружки, въ которыхъ наслаждались чтеніемъ греческихъ или римскихъ писателей; отъ времени до времени, кѣмъ-нибудь изъ почтенныхъ сочленовъ издавалось или объемистое сочиненіе или небольшая монографія.

Но всѣ эти занятія были только второстепенными, побочными; никто не называлъ себя и не имѣлъ права называть писателемъ; я думаю даже, что каждый отклонилъ бы отъ себя это названіе, какъ не соответствующее его занятіямъ, если бы кто-либо вздумалъ надѣлать его имъ. Но никто не посягалъ на такую непочтительность, и характеристическимъ признакомъ можетъ служить то обстоятельство, что единственный человѣкъ во всемъ городѣ, котораго звали «литераторомъ» не былъ писателемъ, а человѣкомъ, имѣвшимъ ясно выраженныя литературныя наклонности и возможность удовлетворять своимъ вкусамъ, не будучи связаннымъ никакою службою. По всей вѣроятности, онъ не считалъ даже нужнымъ добиться докторскаго диплома, что было бы ему очень легко. Но имѣть какой-нибудь титулъ въ Штральзундѣ слѣдовало всякому, въ особенности патрицію, и поэтому, *faute de mieux* (за неимѣніемъ лучшаго), стали называть литераторомъ этого человѣка, стоявшаго совершенно особнякомъ. Названіе это давалось ему не въ смыслѣ поэта, но въ тоже время, съ нимъ не соединялось и насмѣшки; во всякомъ случаѣ, этого человѣка какъ будто окружала извѣстная атмосфера таинственности, исключительности, замѣтная, я думаю, всѣмъ жителямъ добраго, стараго города особенно же юношѣ, занимавшемуся втихомолку, между дѣломъ, литературными опытами.

Но въ этой атмосферѣ не было ничего увлекательнаго, не было ни малѣйшаго искушенія, не было даже и малѣйшей возможности вывести эти литературныя опыты на свѣтъ Божій. Здѣсь не было газеты, редакціи которой можно бы предложить фелетонъ, съ просьбою о сохраненіи инкогнито; оттого не было также «ирическихъ опытовъ», или «сердечной исторіи, не лишенной, при своей безыскусственности, нѣкоторыхъ достоинствъ»;

не существовало ни одного беллетристического издания, которое, во время недостатка въ матеріалѣ—имѣло бы «пріятную возможность познакомиться своих читателей съ юнымъ талантомъ» и т. д. Единственная газета, выходившая въ Штральзундѣ, не позволяла себѣ такой роскоши, какъ поэтическія приложенія, а краткое и незамѣтное существованіе «Зундинъ», еженедѣльной литературной газеты, издаваемой нѣкимъ фон-Зуковымъ, относится, сколько мнѣ помнится, къ концу тридцатыхъ или началу сороковыхъ годовъ, т. е. ранѣе того времени, чѣмъ я, воспитанникъ секунды, положилъ основаніе знаменитому кружку, описанному въ «Очеркахъ» или, будучи въ примѣ, шелъ тернистою поэтическою стезею съ товарищемъ, о которомъ я впоследствии разскажу подробно.

Въ добромъ городѣ были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы юныя поэтическія дарованія не только не возвышались къ небу, какъ могучія деревья, но тяжелымъ трудомъ, чтобы имѣть возможность пустить корни и произвести хоть пару чахлахъ листьевъ, завоевали бы себѣ немного мѣста подъ солнцемъ, воздуха и свѣта.

Меня спросятъ, быть можетъ, не существовало ли такой же точно атмосферы во множествѣ провинціальныхъ городовъ второй и третьей руки въ половинѣ сороковыхъ годовъ? Не существуетъ ли она и нынѣ? Я готовъ утвердительно отвѣтить на первый вопросъ и согласиться съ тѣмъ, что меня судьба не подвергала какимъ-нибудь исключительнымъ гоненіямъ. На второй же я долженъ категорически сказать—нѣтъ. Въ настоящее время во всякомъ городѣ съ 15—20,000 жителей, будь онъ также не производителенъ въ литературномъ отношеніи, какъ прежде Штральзундъ, въ единственной выходящей въ немъ газетѣ найдется все-таки мѣсто для фельетона, въ которомъ сталкиваются доморожденные лирики и романисты, перепечатывается то одна, то другая интересная статья изъ большихъ журналовъ, съ согласія автора или помимо его, и во всякомъ случаѣ, читатель получаетъ постоянныя свѣденія о всемъ, что появляется значительнаго, заслуживающаго вниманія въ литературномъ мірѣ. Читатели такой газеты могутъ, пожалуй, и совершенно обходиться безъ этихъ преимуществъ. Безчисленное множество иллюстрированныхъ и не иллюстрированныхъ журналовъ ежемѣсячно распространяются въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ по всей Германіи; никакая стѣна, никакія преграды не могутъ устоять передъ этимъ потокомъ. Онъ проникаетъ въ каждую деревню, во всякое уединенное помѣстье. Изъ этого потока могутъ черпать всѣ, кто хочетъ, а хотятъ почти всѣ. Потребность въ литературѣ распространилась повсемѣстно; она дѣйствуетъ, точно contagi, охватывающій подъ конецъ самые упорные организмы и иногда распространяющійся самымъ диковиннымъ путемъ. Мнѣ извѣстенъ случай, что одному ученому господину указалъ нѣкій тайный совѣтникъ на извѣстный романъ въ «Gartenlaube», который непременно слѣдовало прочесть всѣмъ. Тайному совѣтнику посоветовалъ это чтеніе одинъ генералъ, а генералу его слуга, который между прочимъ и получалъ газету, прошедшую отъ его мозолистой руки, черезъ столько аристократическихъ рукъ. Нѣтъ, теперь легче всякому деревенскому парню, для котораго самый процессъ чтенія составляетъ трудную задачу, сопровождаемую нѣкими движеніями губъ, принимать участіе въ современной литературѣ, чѣмъ въ то время самому ревностному ученику примы, считавшему высшимъ и рѣдкимъ счастьемъ, когда случайно въ руки его попадали творенія современнаго писателя. Но за то съ какимъ почтеніемъ относились тогда къ подобному сокровищу! Сколько разъ перечитывалась драгоценная книга, пока не затверживалось каждое слово:

«Книга пѣсенъ», Гейне, стихотворенія Фрейлигута, Уланда. А какъ далеко, какъ недостижимо далеко казался самъ поэтъ восторженному юношѣ, который никогда не видѣлъ въ лицо ни одного поэта, который едва могъ возвыситься до мысли, что поэтъ не сказочное существо, что это такой же человѣкъ, изъ плоти и кости, какъ и всѣ, кого онъ встрѣчаетъ на улицѣ! Вступитъ въ непосредственныя сношенія съ подобнымъ существомъ показалось бы ему также невозможнымъ, какъ достигнуть небесной звѣзды, блескомъ которой онъ любовался, или попросить покойныхъ Софокла или Горація лично объяснить какое-нибудь темное мѣсто или написать въ альбомъ «въ знакъ милостиваго вниманія». Богу, бѣднымъ почтальонамъ, и намъ самимъ извѣстно, увѣ! что мы, нынѣшніе писатели, не представляемся баснословными существами нашимъ юношамъ и юнымъ дѣвкамъ, которымъ слишкомъ хорошо знакомы наши адреса!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

(Продолженіе.)

Глава II.

Два важныя дѣла.

Слѣдователь Оскаръ Вершемонтъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, внимательно слушая докладъ агента, помогавшаго ему вести слѣдствіе, которое теперь вдругъ пошло быстро. Факты и свѣденія лились обильнымъ дождемъ.

— Такъ, г. Гюрэ, сказалъ онъ, — по вашему, теперь не должно уже быть ошибки.

— Никакой; кучеръ узналъ его; онъ и прежде возилъ его одинъ разъ въ улицу Лакюэ. Онъ-ли убійца? Это мы увидимъ, но достоверно, что въ ночь убійства, въ двѣнадцать часовъ, онъ былъ у Лей Меданъ и вышелъ отъ нея въ три или четыре часа утра.

— А какъ его зовутъ?

— Андрэ Гударъ. Онъ недавно женился, по извѣстному развратникъ и очень дурно обращается съ женою. Я уже передалъ вамъ подробности его ареста. До свадьбы онъ всѣхъ увѣрялъ, что живетъ процентами съ капитала, а женившись сдѣлался компаньономъ тестя. Всѣ собранныя о немъ свѣденія выставляютъ его съ очень нехорошей стороны. Онъ знакомъ со всѣми коготками высшего полета. Онъ началъ съ одной и прошелъ по всѣмъ; надо полагать, что долгое время это былъ единственный источникъ его доходовъ.

— Что же онъ говоритъ?

— Онъ сознается, что былъ у Лей Меданъ, но ушелъ рано, потому что на другой день онъ долженъ былъ жениться. Уходя, онъ оставилъ Лею въ постели. Въ отношеніи бутылки съ отравленнымъ виномъ, онъ ничего не можетъ сказать и полагаетъ, что ихъ принесли послѣ него. Вотъ почему необходимо еще не освобождать Ферана, который не можетъ объяснить, какъ онъ провелъ

ночь и сознается, что купилъ шампанское и положилъ въ него ядъ. Къ тому же и лавочники его признали.

— Вы правы.

— Что же касается Гудара, жена его бросила домашній очагъ и уѣхала тотчасъ послѣ ареста мужа, такъ что намъ пришлось послать за слесаремъ, чтобы войти въ ихъ квартиру для обыска.

— Нашли вы что-нибудь?

— Никакихъ прямыхъ уликъ. Но мы нашли много старыхъ счетовъ, уплоченныхъ спустя нѣсколько дней послѣ убійства въ улицѣ Лакюэ. Кроме того, Гударъ внесъ въ фирму своего тестя значительную сумму.

— Значительную?

— Да, пятьдесятъ тысячъ.

— Допрашивали вы его по этому предмету?

— Да. Онъ объясняетъ уплату счетовъ желаніемъ покончить передъ свадьбой всѣ старыя дѣла, а относительно происхожденія этой крупной суммы увѣряетъ, что выигралъ ее на биржѣ; онъ указалъ намъ на маклера, который подтвердилъ, что до преступленія Гударъ совершилъ нѣсколько счастливыхъ биржевыхъ операцій, но на сумму гораздо меньшую.

— А каково ваше мнѣніе относительно преступленія?

— Если не Гударъ совершилъ убійство, то онъ его подготовилъ и юноша былъ, быть можетъ, безсознательнымъ его сообщникомъ. Но сегодня случилось еще новое странное обстоятельство. Я узналъ, что третьяго дня заявлено въ префектурѣ о пропажѣ у нѣкоей Маріанны Пальяръ заложенныхъ у нея процентныхъ бумагъ, подъ тѣми же нумерами, которые похищены у Лей Меданъ.

— Это, можетъ быть, ошибка.

— Нѣтъ, я былъ у молодого человѣка, заявившаго о пропажѣ; онъ искренно объяснилъ, что ничего не зналъ объ этомъ закладѣ, такъ какъ его мать умерла скоропостижно, и былъ чрезвычайно удивленъ, когда къ нему явился господинъ, отдавшій ихъ его матери, въ видѣ обезпеченія за занятія у нея 60,000 фр., и показалъ ему подлинную росписку старухи, въ которой значились нумера бумагъ.

— Это очень странно.

— Еще страннѣе то, что лицо, заложившее эти бумаги, почтенный бронзовщикъ; его фирма Тюссо и К^о пользуется самой безупречной репутаціей, такъ что мнѣ даже неловко производить у него дознаніе.

— Вы правы; вѣроятно, бронзовщикъ купилъ эти бумаги прежде, чѣмъ мы наложили на нихъ запрещеніе.

— Но что же дѣлать?

— Очень просто, я приглашу его къ себѣ для объясненія о пропавшихъ процентныхъ бумагахъ, и, объяснивъ въ чемъ дѣло, вывѣдаю отъ него все, что намъ необходимо.

И, обратясь къ секретарю, Вершемонтъ приказалъ вызвать бронзовщика Тюссо, адресъ котораго представилъ сыщикъ.

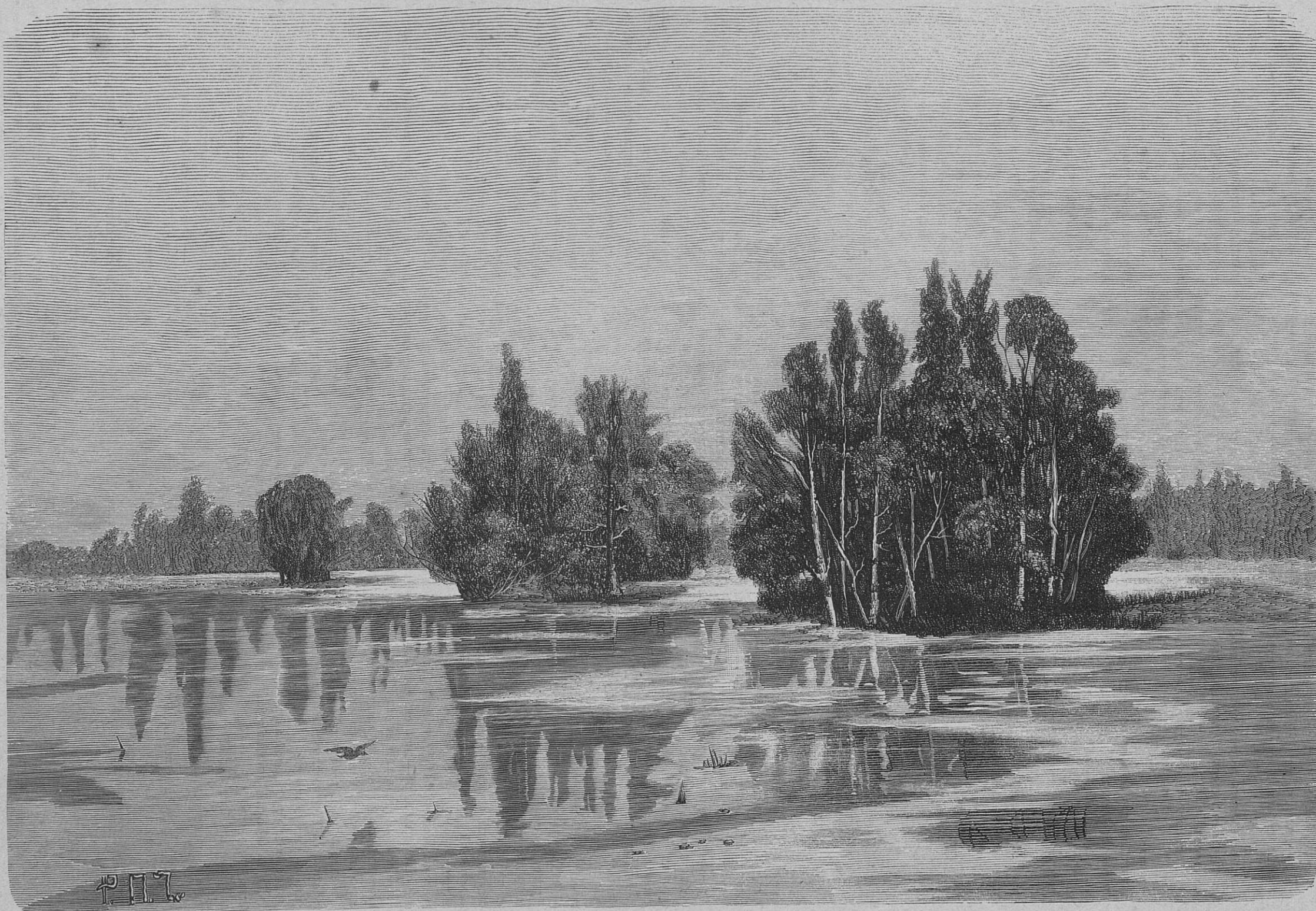
— Ну, Гюрэ, прибавилъ слѣдователь, — кажется, мы векорѣ окончимъ слѣдствіе. Дѣло идетъ на ладъ.

По уходѣ сыщика, Вершемонтъ, облокотясь на столъ, погрузился въ глубокую думу. Вѣроятно, занятый всецѣло преступленіемъ, изслѣдованіе котораго было ему поручено, онъ сопоставлялъ свѣденія, только-что добытыя, съ прежде выясненными фактами, стараясь освѣтить свѣтомъ логики и правды таинственную драму, причемъ требовалась особая осторожность, такъ какъ отъ этого зависѣла, если не жизнь, то доброе имя подозрѣваемыхъ. Предварительный арестъ, сдѣланный по ошибкѣ, часто губитъ человѣка на всю жизнь, случается, клеймитъ безцѣлемъ невиннаго человѣка. Конечно, молодой слѣдователь

ВЫСТАВКА АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ 1879 Г.

КАРТИНА Г. ОРЛОВСКАГО.

Половодье.

Рисоваль на деревѣ П. Чистяковъ, рѣзано въ «Варшавской полиטיפажнѣ».

хотѣлъ избѣгнуть этого, и потому такъ обстоятельно обдумывалъ всѣ мелочныя подробности дѣла. Но вотъ онъ взялъ перо, безъ сомнѣнія, чтобъ набросать кое-какія замѣтки. На чистомъ листѣ бумаги онъ написалъ крупно «Изъ», а потомъ мелко настрочилъ любовный сонетъ въ три куплета.

Занятый этимъ важнымъ дѣломъ, онъ не слышалъ какъ постучали въ дверь. Секретарь доложилъ ему объ этомъ.

— Войдите, сказалъ слѣдователь съ нетерпѣніемъ.

Вошелъ сторожъ,

— Зачѣмъ вы пришли, я васъ не звалъ, воскликнулъ гнѣвно Вершемонъ.

— Извините, это телеграма.

— Дайте.

И Вершемонъ прочелъ слѣдующее:

«Гавръ.

«Нѣкто представилъ сегодня мнѣ одну изъ акцій, нумера которыхъ заявлены вами. Мы задержали эту личность съ акціей. Что дѣлать?»

— Отвѣчайте, сказалъ слѣдователь, обращаясь къ секретарю, — чтобы тотчасъ прислали сюда этого человѣка.

И онъ снова занялся отдѣлкою своихъ стиховъ.

Секретарь написалъ отвѣтную депешу, отправилъ ее и, подождавъ нѣсколько времени, изъ боязни помѣшать слѣдователю обдумывать важное дѣло, наконецъ, рѣшился напомнить, что онъ долженъ былъ въ это утро допросить задержаннаго сыщикомъ арестанта. Вершемонъ былъ очень недоволенъ этой помѣхой, но, дѣлать нечего, повинаясь долгу службы, онъ приказалъ привести Гудара.

Андрѣ Гударъ со времени своего ареста принялъ на себя зарокъ молчанія. Онъ отвѣчалъ отрицательно на всѣ предложенные сыщикомъ вопросы, словно боясь попасть въ просакъ. Впрочемъ, онъ сознался, что былъ знакомъ съ Леею Меданъ и находился съ нею въ близкихъ отношеніяхъ.

Посаженный въ Консьержери, по содѣйствію съ камерой слѣдователя, чтобъ облегчить первые допросы, Гударъ просидѣлъ три дня безъ допроса. Только на слѣдующее утро, послѣ ареста, его вызвали въ пріемную и свели на очную ставку съ кучеромъ, который возилъ его 20 іюня, ночью, на Контрэскарпскій бульваръ. Увидавъ его, Гударъ поблѣднѣлъ.

— Узнаете вы этого человѣка? спросилъ Гюрэ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Андрэ:—лицо его мнѣ знакомо, но я не помню, гдѣ я видѣлъ его.

— Припомните, что 20 іюня вы взяли щегольскую наемную карету, въ 10 часовъ вечера, выходя изъ концерта въ Елисейскихъ Поляхъ, и приказали ѣхать на Контрэскарпскій бульваръ?

— Да, это я отлично помню.

— Вы не узнаете кучера этой кареты?

— Нѣтъ, я не обратилъ вниманія на кучера. Можетъ быть, это и онъ.

— А вы узнаете обвиняемаго? спросилъ сыщикъ у кучера.

— Совершенно.

— Хорошо, этого достаточно. Можете идти, васъ вызоветъ слѣдователь.

И Гудара отвели снова въ тюремную келью... Еще прошло два дня и двѣ ночи. Время шло для него невыносимо долго, особенно ночью, когда онъ метался на своемъ жесткомъ ложѣ, засыпая только на разсвѣтѣ. Особенно тревожила его мысль о томъ, что дѣлалось дома. Онъ боялся, чтобъ жена не возстановила Тюссо и чтобъ послѣдній, въ виду его ареста, не отправился бы къ женщинѣ, у которой находились его процентныя бумаги и, отрѣзавъ купоны, не пошелъ бы получить по нимъ деньги. Гударъ просилъ послать за кѣмъ-нибудь изъ его домашнихъ, но ему

объявили, что онъ находится подъ секретомъ до перваго допроса слѣдователя и ему предложили написать письмо. Зная, что этимъ способомъ ловятъ арестантовъ, такъ какъ всѣ письма читаются полицейскими агентами, Гударъ написалъ очень дипломатическое письмо женѣ, прося не распространять вѣсти объ его арестѣ, особенно не говорить объ этомъ ея родителямъ, и обѣщая вскорѣ вернуться домой, такъ какъ его невинность, конечно, вполнѣ выяснится. При этомъ онъ распространялся о легкомысліи, съ которымъ подвергаютъ непричастныхъ людей предварительному аресту и о частыхъ судебныхъ ошибкахъ.

Кромѣ этого официальнаго письма, онъ написалъ тайкомъ еще коротенькую записку и, написавъ на конвертѣ: «Очень нужное. Г-жѣ Сегленъ, Фридландская аллея», засунулъ его между матеріей и подкладкой своего сюртука.

На третье утро явился убирать его келью какой-то человѣкъ, очень походившій на стараго арестанта, съ лицемѣрнымъ лицомъ и предложилъ за небольшое вознагражденіе снести письмо или передать что-нибудь на словахъ. Въ первую минуту Гударъ обрадовался и хотѣлъ отправить съ нимъ записку, но потомъ, подозрѣвая, что сторожа подослали нарочно съ цѣлью вывѣдать что-нибудь, Гударъ написалъ письмо Тюссо, прося его рассказать всѣмъ, что онъ уѣхалъ изъ Парижа по торговымъ дѣламъ, и свято хранить ихъ финансовыя условія, обѣщая вернуться изъ тюрьмы на другой день.

Не успѣлъ онъ отдать эту записку тайнственной личности, какъ дверь кельи отворилась и два сторожа повели его къ слѣдователю.

Наконецъ-то онъ могъ объясниться и защититъ себя. Поэтому онъ съ понятной радостью послѣдовалъ за сторожами. По дорогѣ въ камеру слѣдователя, ему пришлось перейти большой дворъ зданія судовъ. Неожиданная мысль блеснула въ его головѣ. Онъ осмотрѣлся по сторонамъ и незамѣтно уронилъ на мостовую письмо къ Изѣ. То, что онъ предвидѣлъ, случилось. Не успѣлъ онъ войти въ галерею, какъ какой-то господинъ, проходя мимо, поднялъ съ мостовой письмо и, прочитавъ адресъ на конвертѣ, положилъ письмо въ ближайшій почтовый ящикъ.

Войдя въ кабинетъ слѣдователя, Гударъ принялъ на себя личину невозмутимаго спокойствія. Вершемонъ, поднимая голову съ бумаги, на которой были написаны стихи Изѣ, изумился, увидавъ передъ собою человѣка, изящно одѣтаго, съ приличными манерами и симпатичнымъ выраженіемъ лица. Но онъ вскорѣ оправился и, спросивъ у Гудара его имя, продолжалъ:

— Вамъ извѣстно, что надъ вами тяготѣетъ серьезное обвиненіе?

— Оно такъ серьезно и страшно, что я не хочу ему вѣрить и, признаюсь, очень удивленъ, что такъ долго вы меня не допрашивали. Одно моего слова будетъ достаточно, чтобы убѣдить васъ въ ошибкѣ полиціи.

— Вы знали Лею Меданъ?

— Да, она была моею любовницей.

— Долго?

— Слишкомъ два мѣсяца.

— Гдѣ вы обыкновенно видались съ нею?

— Въ ея временной квартирѣ, въ улицѣ Лакюз.

— А въ другой, постоянной ея квартирѣ, вы никогда не бывали?

— Никогда.

— Если вы были любовникомъ этой женщины, то почему вы соглашались видѣться съ нею только въ ея временной квартирѣ?

— Боже мой, потому что я былъ однимъ изъ ея любовниковъ. Вы знаете, что такое была Лея; я былъ для нея то, что эти дамы называютъ капризомъ.

— Странную роль вы разыгрывали.

— Я тогда былъ холостъ, свободенъ. Мои

средства еще не позволяли мнѣ содержать такихъ женщинъ, какъ Лея, и хотя я много издерживалъ на нее, но былъ очень радъ, что сошелся съ нею, только въ качествѣ ея каприза.

— Такъ вы были ея сердечнымъ любовникомъ?

— Нѣтъ, это не тоже самое. Я вамъ повторяю, что былъ ея капризомъ. Я ее зналъ впродолженіи слишкомъ двухъ мѣсяцевъ, а видѣлся съ нею всего четыре раза.

— Въ послѣдній разъ вы видѣли Лею Меданъ въ ночь убійства?

— Да.

— Отчего, узнавъ о катастрофѣ, вы не предложили своихъ услугъ правосудію къ розысканію злодѣевъ, хотя бы объясненіемъ, въ какое время вы отъ нея ушли.

— Потому, что на слѣдующее утро была назначена моя свадьба, но неожиданно она не состоялась; горе и смятеніе заставили меня забыть о своей бывшей любовницѣ, къ тому же въ это время я не читалъ газетъ. Только спустя мѣсяцъ я узналъ о смерти Лен; по моему мнѣнію, бѣдная красавица не убита, а погибла жертвою случайности.

— Какъ случайности?

— Да, она была иностранка, кажется, цыганка. Какъ всѣ ея соотечичи, она постоянно имѣла при себѣ различныя зѣлья. Прошу извиненія за подробности, которыя я долженъ вамъ объяснить, рискуя, что вы заподозрите меня въ желаніи оклеветать бѣдную покойницу, но я обязанъ сказать всю правду, чтобы очистить себя. У Лен была странная, глубоко развращенная натура; пожираемая сладострастіемъ, она часто принимала одуряющія зелья, которыя она сама приготовляла и разводила на шампанскомъ. Подъ влияніемъ этого рокового нектара, она видѣла сладострастные сны, приводившіе ее въ изнеможеніе. Сколько я ни уговаривалъ ее, она не могла разстаться съ этимъ растлѣвающимъ развратомъ и я приписываю ея смерть, особенно принимая во вниманіе то положеніе, въ которомъ ее нашли, чрезмѣрной дозѣ ея секретнаго нектара.

Вершемонъ внимательно изучалъ обвиняемаго, который говорилъ легко, спокойно съ полнымъ убѣжденіемъ въ справедливости своихъ словъ; а это ставило слѣдователя въ неловкое положеніе.

— Вы предполагаете, что ея смерть была случайная?

— Да.

— Не угодно-ли вамъ рассказать мнѣ, какъ вы провели вечеръ 20 іюня, гдѣ вы встрѣтили Лею Меданъ?

— За недѣлю передъ тѣмъ, 10 или 12 іюня, я завтракалъ съ нею въ Арменонвильскомъ павильонѣ и, не находя удобнымъ остаться въ кабинетѣ, но въ тоже время не желая принимать меня у себя, Лея...

— Но отчего она не хотѣла васъ принимать у себя?

— Я уже сказалъ вамъ, что она нехотѣла допустить моей встрѣчи съ ея содержателемъ и сердечнымъ любовникомъ.

— И эта роль случайнаго любовника вамъ нравилась? спросилъ съ презрительной гримасою Вершемонъ.

— Это единственная роль, которая могла мнѣ идти, отвѣчалъ послѣшно Андрэ, видя, какое впечатлѣніе произвели его слова:—я встрѣчаю хорошенькую женщину, находящуюся на содержаніи у другого, и я могу, если она согласна, любить ее временно и потомъ забыть, но я не желаю быть ея сердечнымъ любовникомъ. Если хотите, я былъ сообщникомъ ея измѣны любовнику.

Эти тонкости показались очень гнусными слѣдователю.

— Продолжайте, сказалъ онъ.

— Лея предложила мнѣ пріѣхать за нею 20 іюня въ 9 часовъ вечера на концертъ въ залѣ въ Елисейскихъ поляхъ, а оттуда мы должны были отправиться въ таинственный домъ въ улицѣ Лакюэ.

— Вы знали этотъ домъ?

— Да, я въ немъ былъ уже прежде одинъ разъ.

— Говорили вы ей о своей свадьбѣ?

— Сказалъ и именно по этому она и просила меня провести съ нею мой послѣдній холостой вечеръ.

— Продолжайте.

Облокотясь на столъ и кусая ногти, слѣдователь зорко слѣдилъ за всякой малѣйшей перемѣной въ лицѣ Гудара, а послѣдній, спокойный, мягкій, любезный, какъ бы не замѣчалъ проникающихъ взоровъ Вершемона.

— Я явился въ условленное мѣсто, встрѣтилъ Лею и она захотѣла тотчасъ уѣхать.

— Она была одна.

— Да.

— Но на концертъ, о которомъ вы говорите, дамъ не пускаютъ иначе, какъ съ кавалеромъ.

Гударь смутился.

— Быть можетъ, она съ кѣмъ-нибудь вошла, и онъ, увидавъ меня, скрылся.

— Намъ извѣстно, что Лея Меданъ вошла на концертъ подъ руку съ человѣкомъ вашего роста и была въ такомъ веселомъ возбужденномъ состояніи, что ее едва впустили.

— Это былъ не я, поспѣшно сказалъ Андрэ, съ первой дрожью.

— Продолжайте.

— Мы тотчасъ ушли; карета ждала ее. Вѣроятно, насъ возилъ кучеръ, съ которымъ меня ставили на очную ставку, такъ какъ онъ меня узналъ, но мнѣ небыло извѣстно, что эта карета наемная; я думалъ, что она ея собственная. Лея приказала кучеру везти, куда онъ самъ знаетъ, такъ какъ домъ въ улицѣ Лакюэ служилъ ей для удовольствія ея капризовъ и кучеръ возилъ туда не одного меня. Мы очень скоро доѣхали. Выходя изъ кареты, я напомнилъ Леѣ, что долженъ встать рано на слѣдующее утро и потому сказалъ кучеру, чтобъ онъ вернулся къ тремъ часамъ.

— Что же вы потомъ дѣлали?

— Мы вошли въ ея квартиру, гдѣ у нея всегда была провизія: пирожки и двѣ или три бутылки шампанскаго.

— Гдѣ все это стояло?

— Въ буфетѣ въ столовой. Она мнѣ сказала, что горничная, смотрѣвшая за порядкомъ въ домѣ, должна была наблюдать, чтобъ эта провизія была всегда на мѣстѣ.

— Хорошо, а потомъ?

— Она пододвинула столикъ къ постели и поставила на него подносъ. Мы легли, и ѣли и пили въ постели.

— Сколько было бутылокъ шампанскаго?

— Одна. Я знаю, что ихъ нашли двѣ и въ одной ядъ. Это обстоятельство именно и подтверждаетъ справедливость моего толкованія. Послѣ моего ухода она раскупорила вторую бутылку шампанскаго, влила въ нее своего секретнаго зелья... выпила по ошибкѣ слишкомъ много и...

— Такъ вино, вы утверждаете, было у нея.

— Да.

— Это очень важное обстоятельство.

— Я утверждаю, что эти двѣ бутылки шампанскаго стояли у нея въ буфетѣ.

— А что было въ маленькой корзинкѣ, которую вы держали въ рукахъ, идя по бульвару къ Леѣ Меданъ?

Андрэ снова смутился.

— Я не помню.

— Потрудитесь припомнить, сказалъ слѣдователь съ странной улыбкой.

— Повторяю, я незнаю, что вы хотите сказать.

Говоря это, Андрэ былъ очень смущенъ. Онъ чувствовалъ, что сдѣлалъ глупость, сказавъ явную ложь, которую поддержать будетъ невозможно. Это тотчасъ обнаружилось.

— Такъ вы, продолжалъ слѣдователь, отрицаете, что остановили кучера на бульварѣ, вошли въ кофейню, взяли маленькую старательно завязанную корзинку, которую вы оставляли на храненіи у лакея, вернулись въ карету, и съ корзинкой отправились къ Леѣ Меданъ.

— Боже мой, я прямо этого не отрицаю, но, увѣряю васъ, что не припоминаю этой мелочной подробности, неимѣющей никакого значенія.

— Вы полагаете, что эта подробность не имѣетъ никакого значенія, но я могу предполагать, что въ той корзинкѣ были пирожки и вино, составившіе вашъ ужинъ.

— Я самъ никогда не привезъ бы такую скудную провизію.

— Хорошо, мы васъ сведемъ на очную ставку съ слугою кофейни. А теперь вернемся къ вашему разсказу. Вы съѣли нѣсколько пирожковъ и выпили одну бутылку шампанскаго съ Леей Меданъ?

— Да.

— Въ которомъ часу вы ушли?

— На разсвѣтѣ, въ три или четыре часа.

— Она спала?

— Ахъ, нѣтъ, напротивъ, я почти насильно вырвался изъ ея объятій. Она не хотѣла отпустить меня, говоря, что я могъ бы остаться съ нею подольше, такъ какъ мы видимся въ послѣдній разъ.

— Она не высказывала желанія наложить на себя руки?

— Нѣтъ, я уже вамъ сказалъ, что невѣрю преднамѣренному самоубійству. Когда я ушелъ, она была въ такомъ положеніи... которое не легко объяснить, но оно ей было очень свойственно. Она пришла въ ярость оттого, что я не желалъ остаться.

— И вы думаете, что она осталась одна? Никто не могъ придти къ ней послѣ васъ?

— Я думаю, что никто.

— Вы полагаете, однимъ словомъ, что несчастная была подвержена болѣзненнымъ припадкамъ любострастія и искала удовольствія въ опасномъ снадобьи, котораго случайно приняла слишкомъ много, отчего и умерла.

— Да.

Сначала удивленный тономъ и манерами Гудара, Вершемонъ усумнился не ошибочно-ли его арестовали, но это впечатлѣніе вскорѣ исчезло и чѣмъ далѣе, тѣмъ слѣдователь болѣе и болѣе убѣждался въ его виновности.

— А я думаю, что въ дѣйствительности произошло такъ, сказалъ слѣдователь спокойнымъ тономъ:—вы среди оргіи опоиоли несчастную Лею Меданъ и, пользуясь ея безсознательнымъ положеніемъ, заставили ее выпить отравленнаго шампанскаго.

— Я ее отравилъ! Боже мой! Что вы говорите, воскликнулъ Гударь.

Слѣдователь улыбнулся, такъ прекрасно игралъ свою роль Андрэ, но не поддавался обману.

— Я вамъ разскажу подробно все, что случилось, сказалъ онъ:—вы обѣдали съ Леей Меданъ въ Арменонвилльскомъ павильонѣ въ этотъ день, 20 іюня, а не десять дней ранѣе, и напоили ее пьяной, пользуясь ея слабостью къ вину. Выйдя изъ ресторана вы поддерживали ее; она едва не упала въ саду, такъ что всѣ слуги засмѣялись; тогда вы послали за каретой и поѣхали въ концертъ. Тамъ Лея говорила громко и хохотала. Видя, что контролеръ обратилъ на васъ вниманіе, вы попросили ее быть потише. Вы оставались тамъ до десяти часовъ, когда за вами пріѣхала карета и оттуда отправились по

бульварамъ. На Монмартескомъ вы остановились передъ кофейней, гдѣ четыре часа передъ тѣмъ вы выпили стаканъ мадеры. Вы взяли у лакея оставленную у него корзинку, сѣли въ карету и поѣхали до Контрэскарпскаго бульвара... Имѣете вы сдѣлать какія-нибудь замѣчанія на первую часть моего разсказа.

— Я могу только повторить, отвѣчалъ Гударь, который становился тѣмъ хладнокровнѣе, чѣмъ обвиненіе принимало болѣе рѣзкій, определенный характеръ, — что я встрѣтилъ Лею только въ десять часовъ вечера въ концертѣ, гдѣ она назначила мнѣ свиданіе. Она не была пьяна, но въ возбужденномъ состояніи отъ похитившей ее любострастной болѣзни. Мы поѣхали по бульварамъ и, можетъ быть, я остановился у кофейни, куда я иногда захожу, но не въ этотъ день я оставилъ тамъ и взялъ корзинку, а нѣсколько дней передъ тѣмъ.

— Кучеръ видѣлъ, что вы вернулись изъ кофейни съ корзинкой.

— Кучеръ ошибся днемъ; онъ возилъ насъ въ улицу Лакюэ въ тотъ же часъ и прежде; тогда я дѣйствительно взялъ въ кофейнѣ корзинку съ устрицами, которую купилъ вечеромъ и оставилъ у лакея. Въ тотъ день мы условились съ Леей ужинать у нея дома.

— Хорошо, ваше показаніе записано; вы будете сведены на очную ставку съ кучеромъ и слугою. Придя въ домъ въ улицѣ Лакюэ, вы вынули изъ корзинки двѣ бутылки шампанскаго и пирожки. Сначала вы откупорили одну бутылку и выпили. Несчастная, опьянѣвъ, не знала удержаться, она раздѣлась до нага и вы продолжали спавать ее и, когда она совсѣмъ потеряла сознаніе, вы откупорили вторую бутылку съ отравленнымъ виномъ. Опьяненная виномъ и развратомъ, эта женщина, принадлежавшая вамъ тогда всецѣло, выпила отраву, которая, по изслѣдованію экспертовъ, оказалась страннымъ ядомъ, причиняющимъ въ одно и то же время смерть и удовольствіе. Несчастная въ вашихъ объятіяхъ почувствовала агонію; вы столкнули ее съ кровати и она упала на медвѣжью шкуру, гдѣ ее и нашли, словно спящую, съ веселой улыбкой. Вы же встали, поспѣшно одѣлись, обшарили всѣ столы, и похитили...

— А, я еще и воръ.

— Вы похитили пачку процентныхъ бумагъ и иностранную переписку въ портфель, потомъ вы вылили остатокъ отравленнаго шампанскаго въ каминъ и удались. Было три часа съ половиною и карета ждала васъ на Контрэскарпскомъ бульварѣ. Вы пустились по улицѣ бѣгомъ и толкнули одного работника, который, разсердившись, преслѣдовалъ васъ. Вотъ что произошло, Андре Гударь.

Лицо Андре оставалось неподвижнымъ, спокойнымъ; только на вискахъ жилы вспухли и сильно стучали.

— Боже мой! произнесъ онъ тихо, — мнѣ нечего отвѣчать; ваше пламенное воображеніе создало странную сцену. То, что случилось въ домѣ въ улицѣ Лакюэ имѣло только одного свидѣтеля: меня. Я вамъ сказалъ правду. Вы мнѣ не вѣрите и ваша фантазія дѣлаетъ меня прежде убійцей, а потомъ воромъ. Что же мнѣ сказать на это. Я воръ, я укралъ процентныя бумаги, но у меня сдѣлали обыскъ... что же ихъ нашли? Куда я ихъ дѣлъ? Мои расходы одни и тѣ же до преступленія и послѣ. Я бы еще понаря сочиненную вами сказку, еслибъ у васъ была хоть малѣйшая противъ меня улика.

— Кто же вамъ говоритъ, что у меня ея нѣтъ.

Гударь насупилъ брови.

— Вы вскорѣ будете стоять лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, которому вы довѣрили эти процентныя бумаги.

На этотъ разъ Гударь не могъ скрыть своего волненія и пристально посмотрѣлъ на слѣдователя, желая отгадать, говорилъ-ли онъ правду. Всѣ опасенія, терзавшія его со времени ареста, возникли въ его умѣ. Вѣроятно, старуха Пальяръ, по просьбѣ Тюссо, отрѣзала купоны отъ процентныхъ бумагъ, данныхъ ей въ залогъ, и ихъ задержали въ банкѣ вмѣстѣ съ представившимъ ихъ лицомъ. Но это смущеніе продолжалось не болѣе минуты и, вмѣсто признанія, котораго ожидалъ отъ него Вершемонъ, полагавшій, что онъ приперъ его къ стѣнѣ, Гударь сказалъ съ презрительной улыбкой:

— У васъ есть нумера процентныхъ бумагъ, украденныхъ у Леи. Это счастливое для меня обстоятельство. Если вы дѣйствительно схватили человѣка, продававшаго эти бумаги, то въ вашихъ рукахъ воръ, виновникъ того преступленія, въ которомъ вы меня обвиняете. Но я вполне убѣжденъ, что не было никакого преступленія и что, еслибъ Лея имѣла акціи или другія про-

— Я этого не отрицаю.

— Онъ подтвердитъ, что вы приказали ѣхать въ предмѣстіе Руль, а вы тогда жили въ улицѣ Риволи. Значитъ вы отъ Леи отправились не домой.

— Я поѣхалъ въ Булонскій лѣсъ, потому что было ужасно жарко и послѣ тревожной ночи мнѣ надо было подышать чистымъ воздухомъ. Приѣхавъ въ предмѣстіе Руль, я предпочелъ выйти изъ кареты и вернуться домой пѣшкомъ чрезъ Елисейскія поля. Кучеръ вамъ объяснитъ, что, выходя изъ кареты, я имѣлъ въ рукахъ только трость и что подъ мышкой у меня не было портфеля.

— Вы, можетъ быть, скрыли его подъ пальто. Вы отказываетесь объяснить намъ, что вы сдѣлали съ этими бумагами?

— Я не знаю о какихъ бумагахъ вы говорите.

— Такъ вы настаиваете на своей системѣ и утверждаете, что вы не совершали преступленія

— Уведите его, сказалъ сухо Вершемонъ.

Гудара увели. Онъ былъ внѣ себя отъ гнѣва. Его отвели обратно въ келью и вскорѣ перевезли въ Мазасъ. Сидя въ тюремной каретѣ, онъ кусалъ себя пальцы отъ злобы.

Оставшись одинъ, слѣдователь сдѣлалъ распоряженіе, чтобы ускорить дѣло и, вполне убѣжденный въ виновности Гудара, приказалъ вызвать на слѣдующій день всѣхъ свидѣтелей. Вторая телеграмма изъ Гавра уведомила объ отсылкѣ въ Парижъ человѣка, представившаго мѣняль процентныхъ бумагъ; всѣ онѣ не были найдены, но квитанція, оказавшаяся въ чемоданѣ арестованнаго, объяснила полиціи все дѣло. Онъ отказался отвѣчать на предложенные вопросы и только объяснилъ, что у него недавно умерла тетка въ Парижѣ и передъ смертью передала ему эти бумаги изъ рукъ въ руки, желая избавить его отъ зависти сына; у него нашли карточку съ именемъ полицейскаго сыщика Бойе.

— Это что значитъ? воскликнулъ Вершемонъ:

Къ статьѣ «Въ новой Гвинее».

центныя бумаги, она не держала бы ихъ въ своей временной квартирѣ въ улицѣ Лакюзъ, а потому вамъ будетъ трудно найти вора, совершившаго никогда не существовавшее воровство.

Вершемона начинало выводить изъ терпѣнія хладнокровіе и дерзость Гудара, который, повидимому, до того былъ убѣжденъ въ своей безнаказанности, что ему скорѣе надобѣдали вопросы слѣдователя, чѣмъ беспокоили его.

— Андре Гударь, сказалъ Вершемонъ,—повторяю, вамъ представить процентныя бумаги и личность, которой вы доверили ихъ. Скажите теперь, что вы сдѣлали съ бумагами, которыя вы унесли въ большомъ портфелѣ?

— Какія бумаги?

— Объемистую иностранную переписку.

— Я вамъ повторяю, что вышелъ отъ бѣдной Леи рано утромъ и отправился домой.

— Хорошо, кучеръ на очной ставкѣ съ вами покажетъ, что вы сѣли въ карету въ три съ половиною часа утра...

и ничего не похитили у Леи Меданъ, что она умерла случайно отъ принятаго ею самою яда и что у нея изъ дома ничего не пропало?

— Да.

— Хорошо, на сегодня довольно. Завтра васъ сведутъ на очную ставку со всѣми, кто васъ видѣлъ.

И, обращаясь къ секретарю, онъ прибавилъ:

— Приготовьте приказъ о переводѣ обвиняемаго въ Мазасъ.

— Но у васъ нѣтъ противъ меня ни одной улики, сказалъ Гударь, поднимая голову;—у васъ нѣтъ ни одного факта, который давалъ бы вамъ право держать меня подъ арестомъ. Я требую немедленнаго освобожденія и обязываюсь явиться, когда вы найдете это нужнымъ.

Слѣдователь только пожалъ плечами и махнулъ рукой сгорожамъ, чтобы они увели арестанта.

— Это несправедливо, продолжалъ Гударь,—вы во зло употребляете свою власть. Я не виновенъ. Вы отвѣтите... берегитесь...

— можетъ-ли быть, чтобы это былъ Бойе?

— О нѣтъ! замѣтилъ секретарь;—его карточку украли. Впрочемъ, этотъ человѣкъ прибудетъ сюда сегодня вечеромъ и мы все узнаемъ.

Въ эту минуту вошелъ въ кабинетъ сыщикъ Гюрэ.

— Ну что вы скажете? спросилъ Вершемонъ.

— Я принесъ важныя новости. Человѣкъ, который заявилъ о пропажѣ процентныхъ бумагъ,—Тюссо, тестъ Гудара.

— О!

— Гударь пользуется въ околѣдѣ ужасной репутацией. Онъ былъ любовникомъ матери, а потомъ женился на дочери. Сдѣлавшись компаньономъ своего тестя, онъ внесъ эти процентныя бумаги, и ихъ заложилъ у старухи Пальяръ подъ ссуду въ 60,000 фр. за очень высокіе проценты, но съ условіемъ, что бумаги останутся въ запечатанномъ конвертѣ и что Гударь лично будетъ отрѣзывать купоны.

— Онъ принялъ всѣ предосторожности.

— Семья его ничего не знает. Все члены ее очень почтенные люди и обмануты этим мошенником. Всего же тяжелее, что жена Гудара беременна.

— Бѣдные люди! Вы имъ ничего не сказали?

— Ничего. Я разспросилъ Тюссо только об отыскиваемыхъ имъ процентныхъ бумагахъ. Арестъ мужа, повидимому, не очень подѣйствовалъ на бѣдную женщину, а тесть полагаетъ, что Гударъ замѣшанъ въ какой-нибудь политической исторіи. Я такъ былъ взволнованъ, что не могъ хорошенько разспросить ихъ. Вамъ бы надо все ихъ вызвать завтра.

— Конечно. Приготовьте также приказъ объ освобожденіи Ферана, сказалъ Вершемонъ секретарю.

— Позвольте, замѣтилъ Гюрэ, — одинъ день болѣе или менѣе ничего не значитъ. Феранъ намъ понадобится при очныхъ ставкахъ завтра.

— Да онъ тутъ ни при чемъ.

Сказавъ это, слѣдователь ушелъ завтракать, а когда онъ вернулся, то слуга подаль ему надушенную записку. Взявъ ее, Вершемонъ покраснѣлъ и, чтобъ скрыть свое смущеніе, отошелъ къ окну. Распечатавъ конвертъ, онъ прочелъ слѣдующее:

«Любезный другъ! Вы меня забываете? Или вы разсердились? Мнѣ надо непременно видѣть васъ сегодня вечеромъ и разсѣловать.

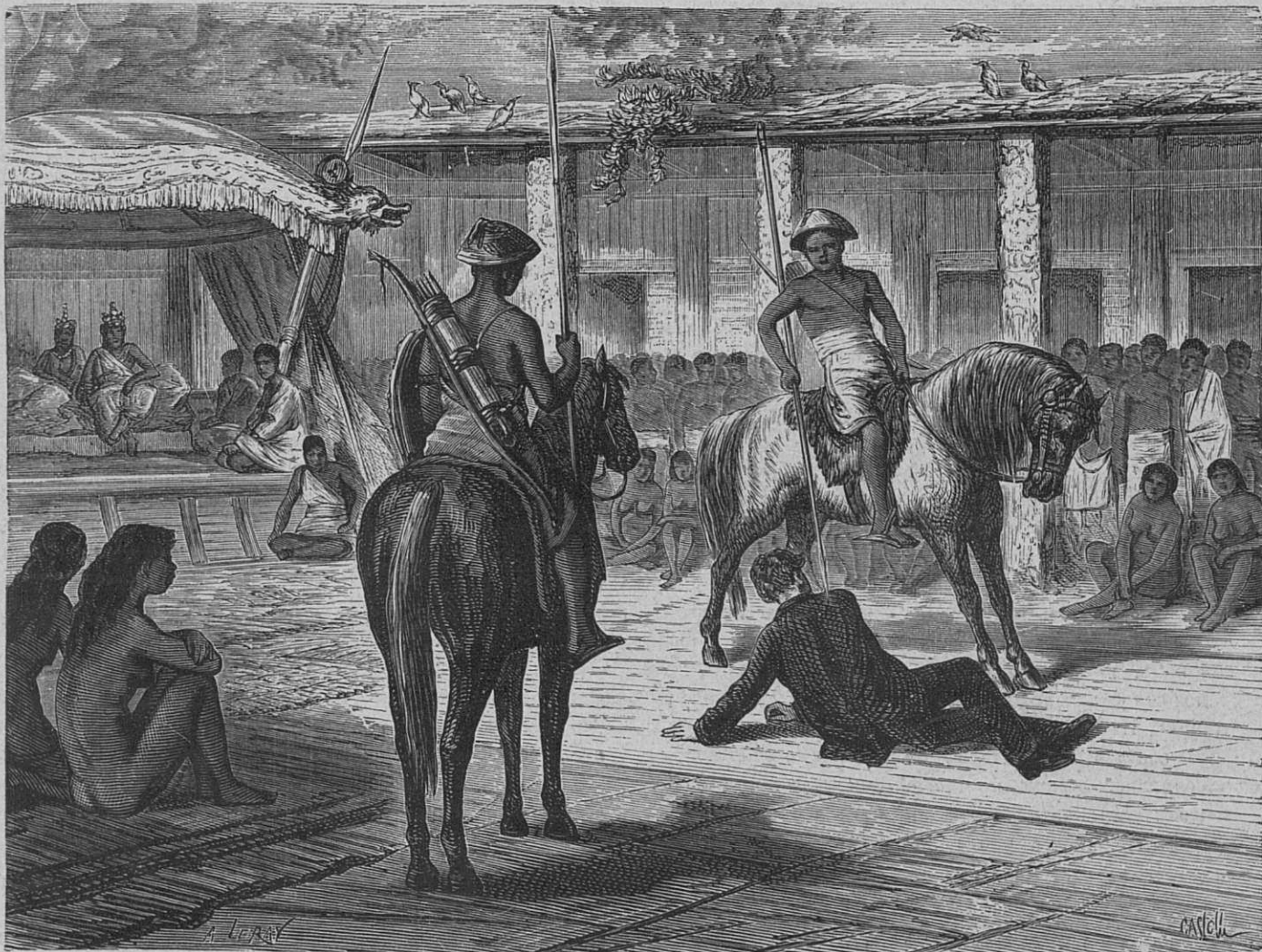
Иза».

— Буду, сказалъ Вершемонъ слугѣ.

Послѣ ухода слуги, онъ сѣлъ за письменный столъ и принялся приводить въ порядокъ дѣла. Но все его усилія что-нибудь сдѣлать были тщетны. Его руки дрожали, онъ не могъ ничего написать и каждую минуту вынималъ изъ кармана надушенную записку и жадно перечитывалъ ее.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

болѣе красивой формы. Вокругъ росли фиговые деревья, покрытыя плодами, и въ одномъ углу я отыскалъ большой бассейнъ проточной воды. Я не купался со времени выѣзда изъ Мельбурна и былъ вполне счастливъ, когда мнѣ позволили окунуться въ эту свѣжую воду. Пока я плавалъ, одна изъ красивыхъ птицъ, которыми я любовался издали, смѣло усѣлась недалеко отъ меня. Мнѣ сказали, что это уанку. На ея блестящихъ перьяхъ сіяли все цвѣта радуги, но крикъ ея пронзителенъ и неприятенъ. Когда мы тронулись въ дальнѣйшій путь, мнѣ и Лаганкеу подвели лошадь, а на другую навьючили нашъ багажъ. Четверо орангоуковъ поѣхали впереди, четверо по бокамъ, а остальные замыкали шествіе. Лошади наши пустились спокойною рысью, которая перешла вскорѣ въ быстрый галопъ и мы продолжали такимъ образомъ путь, гремя копытами и саблями. На пути мы встрѣтили отрядъ всадниковъ, направлявшійся къ востоку; обмѣнялись съ ними нѣсколькими словами; новопри-

Къ статьѣ «Въ новой Гвинее».

Въ Новой Гвинее.

Изъ путешествія Люи Трегана. Переводъ Н. М. Поль.

(Продолженіе.)

Глава IV.

Послѣ часа ходьбы, мы остановились у одного очень красиваго дома, окруженнаго высокими деревьями, которые защищали его отъ солнечнаго зноя. Нашъ отрядъ нашелъ тутъ обѣдъ, приготовленный развѣдчиками, и отдыхалъ часа два. Я изнемогалъ отъ усталости, такъ какъ мы съ Лаганкеу должны были нести на себѣ свой багажъ, вѣсомъ по крайней мѣрѣ въ 50 фунтовъ; но новость положенія помѣшала предаться сну и я сталъ разсматривать домъ, гдѣ мы находились, и который былъ просторнѣе видѣнныхъ мною до сихъ поръ въ Новой Гвинее.

Онъ былъ деревянный и состоялъ изъ подземнаго, нижняго и втораго этажа; наверхъ взбирались по наружной лѣстницѣ. Здѣсь также вокругъ cadaго этажа была веранда, но деревянные столбики, которые поддерживали ее, были

бывшіе смотрѣли на меня съ презрѣніемъ и любопытствомъ; затѣмъ, мы продолжали путь до вечера, а на ночь остановились въ домѣ, подобномъ тому, гдѣ былъ нашъ первый привалъ.

На разсвѣтѣ пришлось снова сѣсть на лошадь, къ великому моему отчаянію, такъ какъ болѣе года мнѣ не случалось ѣздить верхомъ и я былъ совершенно разбитъ. Наконецъ, къ четыремъ часамъ, мы проѣхали равнину и очутились у подошвы высокой горы Тонаворку. Я льстил себя надеждою, что мы достигли цѣли нашей экспедиціи. Каково же было мое удивленіе, когда послѣ нѣкоторой остановки, я увидѣлъ, что спутники мои вступили на довольно удобную дорогу, высѣченную въ скалѣ, которая вилась змѣйкою по бокамъ горы. Наши маленькія лошади бойко подымались по крутому склону и даже не замедляли шага. Мы продолжали путь до тѣхъ поръ, пока за темнотою нельзя было различить дороги; мы остановились въ маленькомъ домикѣ, гдѣ и провели ночь.

— Я не считаю его главнымъ преступникомъ, но онъ, вѣроятно, участникъ. Онъ знаетъ Гудара.

— Что вы говорите!

— Да, услыхавъ имя Гудара, онъ повернулъ голову. Къ тому же мы не можемъ еще объяснить того обстоятельства, что онъ купилъ пирожки и шампанское.

— Но вѣдь кучеръ вамъ сказалъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ Гударъ взялъ и понесъ корзинку къ несчастной Леѣ Меданъ.

— Конечно, Гударъ принесъ туда пирожки и бутылки въ корзинкѣ, но я думаю, что онъ поручилъ ихъ купить Ферану и что Феранъ, у котораго нашли сочиненіе Клода Бернара о ядахъ, составилъ ядъ.

— Нѣтъ, я увѣренъ, что вы ошибаетесь; но намъ нечего торопиться. Отложимъ его освобожденіе до завтрашняго допроса свидѣтелей.

— Вызвать молодую женщину?

— Нѣтъ, успеется и потомъ.

На слѣдующій день я взглянул на дорогу, по которой мы ѣхали вчера вечером: она тянулась по бокам пропасти метровъ въ тысячу глубиной! Мы поднялись болѣе, чѣмъ на три тысячи футовъ надъ равниной. Роскошное плато, покрытое растительностью, надъ которым разстилался дымокъ какого-то города, лежало еще выше; наши неутомимыя лошади скоро доставили насъ туда, но оно не было конечною цѣлью нашего путешествія. Это плато служило весеннимъ мѣстопробываніемъ короля орангоноковъ, а теперь была самая середина лѣта. Плато составляло основаніе грозной вершинѣ пика Тановорко, по имени котораго была названа вся цѣпь. Нужно было взобраться по бокамъ этого пика, чтобы достигнуть лѣтней резиденціи короля. Мы остановились въ городѣ лишь на столько времени, сколько было необходимо для отдыха. Меня поразили признаки извѣстной цивилизаціи; во всякомъ случаѣ, нельзя уже было считать дикарями орангоноковъ, которые весьма искусно провели каналы воды, стекавшія съ вершинныя горы; этимъ способомъ они защитили себя отъ наводненій и оплодотворили почву.

Когда мы подошли къ дефиле, которое намъ оставалось еще пройти, мы увидѣли отрядъ солдатъ, вышедшій изъ прилегавшаго, къ ущелью домика. Здѣсь мѣстность до такой степени укрѣплена самою природою, что и небольшой отрядъ войскъ можетъ отстоять ее противъ цѣлой арміи. Наконецъ, послѣ двухъ дней пути, мы достигли плато и города Кутаръ, гдѣ король основалъ свою лѣтнюю резиденцію.

Подойдя къ плато, сопровождавшіе насъ орангоноки поспѣшно сняли свои бамбуковыя шляпы, покрытыя тростниковою плетенкою. По приближеніи къ городу, они снова сняли ихъ и пробормотали нѣсколько словъ, и я узналъ въ послѣдствіи, что то, что я принялъ сначала за религіозный обрядъ, была почестъ, воздаваемая особѣ короля. Придя въ городъ, спутники мои замолчали; орангоноки считали неприличнымъ скоро ходить или говорить громко въ оградѣ священнаго города, по имени котораго называлась вся страна. Отсюда безъ сомнѣнія происходило величавое спокойствіе орангоноковъ, представлявшее такую рѣзкую противоположность съ подвижностью прибрежныхъ папуанцевъ. Наше прибытіе, по видимому, не вызвало особаго любопытства со стороны жителей, наполнявшихъ улицы, но многіе изъ нихъ привѣтствовали насъ, подымая ладонь къ глазамъ и пристально смотря на нее въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ.

Глава V.

Тысячи двѣ домовъ составляли городъ Кутаръ, въ которомъ по приблизительному расчету могло быть около 10,000 населенія, состоявшаго изъ класса воиновъ и предводителей и ихъ семей. Только они имѣли право жить въ немъ постоянно; орангоноки, принадлежавшіе къ другимъ классамъ, могли оставаться въ Кутарѣ только временно, на что получали предварительное разрѣшеніе. Кутаръ былъ самымъ лучшимъ городомъ орангоноковъ. Большинство домовъ были трехэтажные, окруженные верандами; дома нѣкоторыхъ высокихъ сановниковъ имѣли по пяти этажей, а въ королевскомъ дворцѣ ихъ насчитывалось семь. Многія изъ верандъ были не достроены; такъ какъ они указывали на званіе и заслуги владѣльца дома, то запрещалось оканчивать ихъ или прибавлять новыя безъ разрѣшенія короля, который обсуждалъ этотъ вопросъ со своими совѣтниками. Общій видъ города былъ довольно красивъ, но улицы такъ узки, что двгаться по нимъ приходилось съ большимъ трудомъ; это неудобство не имѣло впрочемъ, большого значенія въ Кутарѣ, гдѣ было запрещено торопиться.

До объявленія королевской воли касательно

меня, я былъ помѣщенъ у одного начальника, не особенно знатнаго, домъ котораго имѣлъ всего три этажа. Нижній этажъ состоялъ изъ двухъ комнатъ, имѣвшихъ обѣ около 15 футовъ ширины и 20 длины. Наружная лѣстница вела съ улицы во второй этажъ, а отсюда въ третій; въ каждомъ изъ верхнихъ этажей было также по двѣ комнаты. Полы были покрыты искусно сплетенными циновками, а стѣны украшены яркими перьями и звѣринными шкурами. Третій этажъ предназначался женщинамъ; во второмъ обѣдали. Когда гости разсаживались на полу на циновкахъ, невольникъ приносилъ кушанья или на большихъ, только что сорванныхъ листьяхъ, или на грубо высѣченныхъ каменныхъ блюдахъ. Считалось признакомъ дурного тона передавать что-нибудь сосѣду, и у каждого начальника, смотря по его званію, было нѣсколько рабовъ, чтобы помогать тому, кто служилъ у стола. Королю подавали кушанье въ шестомъ этажѣ, по крайней мѣрѣ, 12 прислужниковъ, а высокіе сановники обѣдали въ четвертомъ этажѣ.

У Кайгара, моего хозяина, была только одна жена и дочь 15 лѣтъ, по имени Лямлямъ, которая тотчасъ же внушила мнѣ живѣйшую симпатію своимъ нѣжнымъ видомъ. Всѣ трое изъяснялись ко мнѣ расположеніе. Они нѣсколько разъ возвращались къ вопросу, какимъ образомъ я сдѣлался бѣлымъ и есть-ли за предѣлами Кутара другая страна, кромѣ той, гдѣ жили кашы, т. е. грубые дикари—презрительное выраженіе, которымъ орангоноки обозначали прибрежные племена. Я рассказывалъ имъ объ Европѣ, о флотахъ, войскахъ, величинѣ городовъ, и мои слушатели, слышакомъ вѣжливые, чтобы противорѣчить мнѣ, но, очевидно, недовѣрявшіе тому, что я говорилъ, уходили отъ меня, раскланиваясь по туземному обычаю.

Я приобрѣлъ въ этихъ бесѣдахъ, болѣе основательное знакомство съ языкомъ и привыкъ къ произношенію орангоноковъ.

Недѣли черезъ двѣ, меня отвели къ одному начальнику, который, какъ мнѣ сказали, управлялъ всѣмъ округомъ, гдѣ добывали золото, и былъ вызванъ королемъ въ Кутаръ, для того, чтобы распросить меня. Послѣ продолжительной конференціи, меня проводили обратно въ домъ Кайгара, и хорошенькая дочь его казалась совершенно счастливою, объявляя мнѣ, что жизнь моя въ совершенной безопасности, съ тѣхъ поръ, какъ я былъ принятъ этимъ высокимъ сановникомъ. Время показалось мнѣ очень коротко со времени моего прибытія въ Кутаръ. Я былъ первымъ и до сихъ поръ единственнымъ*) европейцемъ, проникнувшимъ въ эти неизвѣданныя страны, и новизна впечатлѣній, странность положенія заслоняли собою опасную сторону событій. Я былъ еще нѣсколько разъ принятъ правительствомъ золотоноснаго округа, и въ одной изъ бесѣдъ, онъ объявилъ мнѣ, что самъ король выслушаетъ меня. Я спросилъ, будетъ-ли сопровождать меня верховный жрецъ кашы, Лаганкеу; начальникъ вовсе не заботился о немъ, и я не могъ ни увидѣть его, ни узнать, что съ нимъ стало.

Наконецъ насталъ день, въ который я долженъ былъ предстать передъ королемъ. На разсвѣтѣ меня разбудили звуки странной музыки, и я увидѣлъ туземцевъ, которые сновали по улицамъ, ударяя въ барабаны, или играя на маленькомъ треугольникѣ, по которому они ударили золотой палочкой. Толпа была многочисленна, такъ какъ обычное населеніе увеличилось людьми, пришедшими изъ окрестностей. Всѣ ходили взадъ и впередъ молча и мѣрными шагами. Я чуть было не сказалъ, что они были въ праздничныхъ на-

*) Въ настоящее время въ Новой Гвинее, какъ извѣстно, находится нашъ соотечественникъ, г. Миклуха-Маклай, посвятившій себя изслѣдованію этой совершенно незнакомаго европейцамъ страны.

Пр. Ред.

рядахъ, но весь ихъ нарядъ состоялъ въ полосѣ матеріи, спускавшейся отъ бедеръ до коленъ, такъ что они были почти нагіе. Вся эта масса народа должна была присутствовать въ очередномъ собраніи, бывавшемъ каждый мѣсяцъ, за исключеніемъ зимы, въ день полнолунія. Это собраніе открывается самимъ королемъ. Представленія же ему происходятъ на огромномъ дворцовомъ дворѣ.

Когда я вошелъ въ этотъ дворъ, я былъ пораженъ, увидя, что на женщинахъ нѣтъ даже и полоски легкой матеріи, замѣнявшей одежду. Онѣ были совершенно наги и казалось не испытывали ни малѣйшаго смущенія, хотя въ обыкновенное время, онѣ носятъ одежду и, сколько я могъ замѣтить, болѣею частью скромны и сдержанны. Въ глубинѣ двора возвышался огромный балдахинъ яркаго цвѣта; а подъ нимъ двѣ украшенные золотомъ скамьи, замѣнявшія тронъ, на которыхъ сидѣли король и королева. На первыхъ двухъ ступеняхъ трона короля стояли по 4 но или мудрыхъ; двое изъ нихъ, стоявшіе рядомъ съ королемъ, были старикъ съ сѣдыми волосами и величавымъ видомъ, внушавшихъ невольное почтеніе. Толпа народа наполняла весь дворъ, но отдѣлялась отъ балдахина стражею всадниковъ, которые съ опущенными пиками, ожидали только знака своего повелителя, чтобы ринуться на его подданныхъ, имѣвшихъ несчастье ему не понравиться.

Всякій, кто входилъ во дворъ, долженъ былъ тоже пройти сквозь рядъ стражей, сидѣвшихъ, неподвижно, какъ изваянія, на своихъ маленькихъ лошадакахъ. Подходя къ балдахину, слѣдовало броситься на животъ и ползти въ этомъ положеніи до самаго подножія королевскаго трона, гдѣ трижды привѣтствовали короля, подымая руку, но не осмѣливаясь взглянуть на него. Затѣмъ, стражъ дотрогивался концемъ коня, и по этому знаку, привѣтствовавшій короля продолжалъ двгаться, все время ползкомъ, до противоположной стороны балдахина, гдѣ позволялось встать и вмѣшаться въ толпу зрителей.

Моя очередь быть представленнымъ королю настала только черезъ четыре часа, и я смѣло направился впередъ. При видѣ меня вся толпа смолкла, въ ожиданіи того, что произойдетъ. Король наклонился къ престарѣлому ноо, стоявшему справа и сказалъ ему нѣсколько словъ; тотъ повторилъ ихъ другому ноо помоложе, занимавшему вторую ступень трона, а тотъ передалъ ихъ третьему, находившемуся съ края. Наконецъ послѣдній громко спросилъ меня:

— Какъ твое имя?

Отвѣтъ мой былъ принятъ третьимъ ноо слѣва, и слѣва же, слѣдуя прежней постепенности, достигъ до короля. Такой церемоніаль поддерживался во все время аудіенціи.

— Меня зовутъ Люи Треганъ.

— Изъ какой страны пришелъ ты?

— Изъ страны, лежащей за Великимъ Океаномъ.

Тутъ послѣдовало молчаніе и переговоры.

— Какъ ты сталъ бѣлымъ?

— Я всегда былъ имъ. Всѣ жители моей страны бѣлы.

Новое молчаніе и новое перешептыванье. Я нѣсколько разъ слышалъ слово эдзе и уже начиналъ находить утомительнымъ свое положеніе (я все еще лежалъ плашмя) и приѣмъ, сдѣланный мнѣ, менѣе привѣтливый, чѣмъ я ожидалъ.

— Что дѣлаютъ люди въ твоей странѣ?

— Они добываютъ золото изъ земли.

— Какимъ способомъ?

Длинное объясненіе, данное мною, было выслушано въ глубокомъ молчаніи.

— Хочешь-ли отприваться въ золотые рудники великаго короля (легкій шумъ далъ мнѣ по-

нять, что вся толпа почтительно склонилась) и показать рабамъ его, какъ добывать золото?

— Это мое величайшее желаніе.

Я почувствовалъ въ эту минуту легкій уколъ въ плечо, и удалился, довольный, что мнѣ можно было встать на ноги.

Когда я добрался до толпы народа, я былъ пораженъ зрѣлищемъ, представившимся теперь во всемъ великолѣпнѣ. Лучезарное солнце разливало потоки свѣта. Въ глубинѣ за балдахинномъ, возвышались огромныя пальмы, гибкія вѣтви которыхъ колебались при легкомъ вѣтрѣ; пестрые уанку порхали, гонимые другъ за другомъ. Я не могъ насмотрѣться на это обиліе красокъ!

Король поразилъ меня своимъ маленькимъ ростомъ; въ немъ не было и четырехъ футовъ, а жена его была еще меньше.

Наконецъ, приемъ окончился, и вся толпа распростерлась, когда король и королева отправились во дворецъ. Едва они исчезли, какъ самые знатные орангоноки съ женами окружили меня, прося отправиться съ ними и принять ихъ гостепріимство.

Но мнѣ удалось избавиться отъ ихъ настояній и я вернулся къ Кайгару, гдѣ нѣжная Лямлямъ съ безпокойствомъ ожидала меня. Она была въ восторгѣ, когда я выразилъ ей мое удовольствіе по поводу всего видѣннаго; но когда я заговорилъ о наготѣ женщинъ, причемъ высказалъ свое отвращеніе къ такому обычаю, она съ изумленіемъ посмотрѣла на меня.

— Если всѣ такъ ходятъ, отвѣчала она, — то что-же тутъ дурного?

— Въ нашей странѣ женщина считаетъ большимъ стыдомъ показаться нагою, сказалъ я.

Лямлямъ выразила мнѣ взглядомъ, что я огорчилъ ее, и я поспѣшилъ разъяснить ей, что понятія у разныхъ народовъ различны, также какъ и обычаи.

— Мы съ дѣтства привыкаемъ къ этому обычаю, сказала она, — только эдзэ (безумныя) отказываются слѣдовать ему и ихъ высылаютъ изъ Кутара. Впрочемъ, никому не дозволяется жить въ нашей странѣ иначе, какъ подчиняясь всѣмъ ея обычаямъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Любитель древностей. Въ числѣ многихъ выдающихся картинъ новаго времени картина Шарлемона, съ которой мы помѣщаемъ копію въ настоящемъ номерѣ, занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто. Фигуры и лица антикваріевъ, сотни разныхъ древнихъ и рѣдкихъ предметовъ, группировка и освѣщеніе всей массы самыхъ разнородныхъ вещей, все это исполнено превосходно на этой картинѣ. Мы очень рады, что наша гравюра вышла удачно и дающею повятіе о достоинствахъ подлинника.

У источника. П. Бретонъ—мастеръ рисовать поселянокъ, сельскія сцены, сельскую природу, не подкрашивая и не идеализируя дѣйствительности. Помѣщаемая нами картина, изображающая двухъ французскихъ поселянокъ, бесѣдующихъ у источника, была замѣчена на одной изъ послѣднихъ выставокъ въ Парижѣ, какъ произведеніе свѣжее и простое.

Древній пиръ. Читатели наши, конечно, помнятъ недавно помѣщенный у насъ «Помпейскія ночи», — эта картина изображаетъ одинъ изъ тѣхъ пировъ, который описанъ въ первой главѣ «Помпейскихъ ночей».

Новости наукъ и жизни.

— **Еврейскія колоніи.** Петербургскій банкиръ, г. Гинцбургъ, какъ сообщаетъ газета «Новости», обратился нынѣ въ одно изъ высшихъ государственныхъ учреждений съ ходатайствомъ о необходимости устройства въ центрѣ еврейскихъ колоній сельско-хозяйственной фермы. Какъ говорятъ, главная цѣль устройства такой фермы, по мнѣнію барона Гинцбурга, заключается въ томъ, чтобы дать еврейскимъ колоніямъ въ Россіи лучшую возможность развитія сельскаго хозяйства.

— **Жемчугъ въ Финляндіи.** По словамъ «Улеаборгской газеты», преподаватель навигаціоннаго училища въ Улеаборгѣ, К. Э. Лундेलинъ, вслѣдствіе поступившаго отъ него ходатайства, получилъ отъ начальника улеаборгской губерніи разрѣшеніе производить ловлю жемчуга во всѣхъ улеаборгскихъ водахъ. Капитанъ Лунделинъ еще зимою пытался, при помощи водолаза, искать жемчужныхъ раковинъ въ Гюринсальми и, между прочимъ, нашелъ тамъ прекрасныя черныя перлы. Теперь онъ приобрѣлъ удобныя водолазные аппараты и предполагаетъ въ увеличенномъ размѣрѣ заняться своимъ предпріятіемъ.

— **Народный театръ.** Во Флоренціи строится новый народный театръ; помѣщеніе рассчитано на нѣсколько тысячъ человѣкъ публики, а сцена будетъ еще обширѣе, чѣмъ въ миланскомъ Ла-Скала.

— **Грандіозный проектъ.** Губернаторъ штата Аризона, генералъ Фремонъ представилъ правительству проектъ, которымъ предполагается возратить воды калифорнскаго залива въ ихъ прежній бассейнъ южной Калифорніи. Благодаря этому плану, мѣстность, которая представляетъ нынѣ пустыню, будетъ превращена во внутреннее море 200 м. длиною, 50 миль шир. и 300 ф. глубиною. Проектъ этотъ одобренъ.

— **Станція на высотѣ четырехъ верстъ.** «Высочайшій обитаемый пунктъ на земномъ шарѣ», пишетъ корреспондентъ Boston-Journal, есть метеорологическая станція Пиксъ-Пика въ утесистыхъ горахъ (въ штатѣ Колорадо). Станція эта устроенная въ 1873 году правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ превосходно расположена и приспособлена къ научнымъ наблюденіямъ. Три офицера проводятъ цѣлый годъ на вершинѣ пика, возвышающагося надъ уровнемъ моря на 14.336 футовъ. Они занимаютъ домъ въ четыре комнаты. Никакого слѣда растительности не замѣтно на этихъ высотахъ, отстоящихъ на 20 миль отъ всякаго обитаемаго мѣста. На Пиксъ-Пикѣ всего лучше наблюдаемо было послѣднее солнечное затмѣніе.

— **Дѣйствіе электрическаго свѣта на зрѣніе.** Профессоръ Конъ, въ Бреславлѣ, производилъ недавно опыты надъ дѣйствіемъ электрическаго свѣта на глаза многихъ лицъ, съ цѣлью убѣдиться въ его вліяніи на зрительную воспримчивость и ощущение свѣта. Онъ нашелъ, какъ сообщаютъ въ «British Medical Journal», что буквы, пятна и цвѣта замѣчаются на гораздо большемъ разстояніи при электрическомъ свѣтѣ, чѣмъ при дневномъ или газовомъ освѣщеніи. Ощущеніе желтаго цвѣта усиливалось въ шестьдесятъ разъ по сравненію съ дневнымъ свѣтомъ, краснаго въ шесть разъ, зеленаго и синяго около двухъ разъ. Глаза, которые лишь съ трудомъ могли ощущать и различать цвѣта при дневномъ свѣтѣ или газовомъ освѣщеніи, видѣли лучше при электрическомъ свѣтѣ, и зрительная воспримчивость сильно укрѣплялась. Профессоръ Конъ заключаетъ по этому факту, что электрической свѣтъ окажется чрезвычайно полезнымъ въ мѣстахъ, гдѣ желательно, чтобы сигналы были видны на большомъ разстояніи. Машина, употреблявшаяся при опытахъ, была электро-магнитный аппаратъ Грамма, вращающійся 600 разъ въ минуту.

— **Обвалъ лавины.** Изъ Женевы телеграфируютъ газетѣ «Times», отъ 16 мая: «13 мая, громадная лавина съ Юнгфрау обрушилась на деревню Стуфенштейнъ, увлекши за собою цѣлый лѣсъ, и произвела сильнѣйшую панику въ окрестностяхъ. Сколько извѣстно, никто не погибъ при этомъ».

— **Землетрясеніе.** Въ Персіи было недавно страшное землетрясеніе. Главная катастрофа произошла въ округахъ: Гермерудъ, Буджагъ, Халахольскомъ, Серабскомъ и Ардабильскомъ, гдѣ всѣ селенія разрушены до основанія. Въ селеніи Арнеддегъ, владѣтель округа, начальникъ ирегулярной кавалеріи и братъ его погибли со своими семействами; бывшіе при нихъ 40 всадниковъ и жители селенія всѣ погибли.

— **Змѣиный дождь.** Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ выпадаютъ иногда кровавые дожди, желѣзные, пенелые, каменные, дожди саранчи и даже лягушекъ, но о змѣиныхъ дождяхъ до сихъ поръ не было слышно. Необычайное явленіе это замѣчено, какъ сообщаютъ американскія газеты, въ Мемфисѣ (въ Соединенныхъ Штатахъ), гдѣ количество выпавшихъ змѣй считаютъ миліонами, при чемъ величина ихъ была приблизительно около фута. Дальнѣйшихъ подробностей объ этихъ змѣяхъ пока еще не сообщаютъ. Одинъ старожилъ, 100-лѣтній старикъ, объявилъ, что онъ ни о чемъ подобномъ не слыхалъ втеченіи всей своей долгой жизни.

— **Американскіе порядки.** Корреспонд. «Пет. Вѣд.» пишетъ: Возьмемъ мы, для примѣра, здѣшній County Recorder's Office, въ которомъ свидѣтельствуется и вносятся въ книги совершаемыя у нотариусовъ купчія на недвижимую собственность и т. д. Здѣсь же вы можете навести справку, хороша-ли купчая, по которой владѣетъ лицо, продающее вамъ свою недвижимость, т. е. нѣтъ ли спору на данную недвижимость, не числится ли на ней какихъ-нибудь недоимокъ и т. д. Положимъ, вы живете въ town (что соответствуетъ русскимъ уѣзднымъ городамъ или селамъ)—R. Office помѣщается въ главномъ городѣ графства (соответствуетъ русскимъ губернскимъ городамъ) и вамъ необходимо получить подобную справку изъ Office. Вамъ не для чего подавать какихъ-нибудь прошеній, ждать, пока наведутъ справки, состоится какое-то опредѣленіе и т. д.—вы просто шлете телеграмму съ вопросомъ: хороша-ли такая-то недвижимость, чтобы ее можно было купить, и въ тотъ же день обыкновенно получаете лаконическій отвѣтъ «Yes sir» или «Good». Но вы не желаете телеграфировать, а отправляе-тесь въ R. Office. Никакихъ громадныхъ «дѣлъ» вы въ немъ не увидите, чиновниковъ, скрипачихъ перьями за длинными столами—тоже нѣтъ. Стоятъ только шкафы съ громадными переплетенными книгами, да весьма немного служащихъ вынимаютъ эти книги, справляются и даютъ отвѣты публикѣ. Если вы не желаете обратиться съ вашей справкой къ клерку, вы можете сами подойти къ шкафу, вынуть книгу, навести справку о покупаемой вами недвижимости, сдѣлать выписку—и вамъ никто ничего не замѣтитъ.

— **Ужасная мѣсть.** Въ «Совр. Изв.» рассказано о слѣдующемъ почти невѣроятномъ происшествіи. Рассказъ извлеченъ изъ журнала «L'Abeille des Pyrénées»: Извѣстный укротитель звѣрей, шведъ фон-деръ-Флигель, пріѣхалъ со своимъ звѣринцемъ въ Неаполь. Новое для неаполитанцевъ зрѣлище привлекало массу любопытныхъ, и народъ толпами шелъ смотрѣть на дикихъ звѣрей. Все, казалось, обстояло благополучно, но, увы! укротитель звѣрей, въ сущности, все-таки ничто иное, какъ слабый человѣкъ. Дѣло въ томъ, что фон-деръ-Флигель былъ женатъ; правда, женатъ онъ былъ на стокгольмской свѣтлокудрой дѣвицѣ, но эта блондинка не походила на своихъ соотечественницъ: она не удовлетворялась поэзіей, она жаждала утѣхъ болѣе существенныхъ. И вотъ, вслѣдствіе этой-то жажды, втеченіи какихъ-нибудь трехъ недѣль, г-жа фон-деръ-Флигель завела себѣ семерыхъ друзей. Мужъ, казалось, ничего не замѣчалъ. Напротивъ, какъ-то вечеромъ онъ объявилъ женѣ, что намѣренъ послѣ представленія угостить шампанскимъ нѣкоторыхъ обычныхъ почитателей звѣринца, и перечислил при этомъ имена всѣхъ женныхъ пріятелей. Звѣри въ этотъ вечеръ, сверхъ обыкновенія, страшно ревѣли, но укротитель какъ будто не слыхалъ этого. Когда представленіе окончилось, онъ съ веселой улыбкой обратился къ женѣ и сказалъ ей, что, ради смѣха, хорошо бы пить шампанское въ клѣткѣ на сценѣ звѣринца, доба-

вивъ, что онъ, конечно, позаботится, чтобы ни одинъ звѣрь не могъ прорваться туда. Предложеніе это очень понравилось женѣ и ея семейнымъ поклонникамъ: всѣ они весело хохотали надъ оригинальностью предстоящей пирушки. Фон-деръ-Флигель самъ приготовилъ угощеніе, а женѣ посоветовалъ войти къ нимъ только тогда, когда она услышитъ хлопанье пробоекъ. Затѣмъ онъ показалъ приглашеннымъ куда идти, и тѣ безъ всякаго страха вошли на сцену. Но укротитель остался за дверью. Черезъ минуту послышался короткій, сухой стукъ... Подъемная дверь затворилась... Вдругъ поднялись ставни и рѣшетки двухъ соседнихъ кѣтокъ, два огромныхъ тигра съ одной стороны, два льва-гиганта — съ другой, прыгнули къ кѣткамъ, гдѣ сидѣли беззаботные журы. Съ ужасомъ кинулись несчастные гости къ подъемной двери, но она не поддавалась. Отчаянные крики о помощи огласили звѣринецъ, а звѣри, между тѣмъ, облизываясь, смотрѣли на лакомые куски. Еще минута, и давно не кормленные, оголодавшіе хищники съ яростью ринулись на свои жертвы. Цѣлый потокъ крови оросилъ полъ кѣтки, человѣческіе крики, ревъ дикихъ звѣрей, хрюскъ разгрызаемыхъ костей, все перемѣшалось, слилось въ одинъ общій страшный невообразимый гулъ. Тутъ укротитель подвелъ къ кѣткамъ свою жену. — «Полюбуйся, Августа, сказалъ онъ ей, на своихъ любовниковъ; они всѣ здѣсь — всѣ семеро? Ты думала, что я былъ слѣпъ и ничего не видѣлъ, — напрасно: я ждалъ только удобнаго времени, чтобы отомстить за свою поруганную честь. Послушай, какъ хрустятъ ихъ кости! Неправда-ли славно пируютъ сегодня мои звѣрочки!» Въ ужасѣ отшатнулась бѣдная женщина отъ раздирающей душу ужасной картины и какъ безумная бросилась бѣжать отъ страшнаго, неслыханнаго концерта. Она ушла въ монастырь. Мужъ же ея въ скоромъ времени будетъ судиться уголовнымъ судомъ.

— **Бдоки.** Двое негровъ выиграли на дняхъ оригинальное пари. Дѣло происходило въ Парижѣ, въ ресторанѣ «Nouvelle Athènes». Гаптяне хвастали тѣмъ, что они безъ усталости, безъ перерыву, въ состояніи ѣсть 6 часовъ сряду. И дѣйствительно: они сѣли за столъ въ 12 час. и поднялись съ мѣстъ только въ половинѣ седьмого. Поглощено было: восемь битковъ съ приправой, 12 бараньихъ котлетъ, 8 ф. жареной телятины, 3 килограмма спаржи, яичница изъ дюжины яицъ, кружокъ голландскаго сыру, 12 ф. хлѣба и 15 бутылокъ вина. Эти субъекты доказали на дѣлѣ, что работаютъ, какъ негры.

— **Уродъ.** Бьернеборгская газета «Satakunta» передаетъ слѣдующій необыкновенный случай: Недавно въ Бьернеборгѣ жена одного моряка родила ребенка, у котораго недоставало мозга, слѣдовательно, и всей нервной системы. Затылка и спинного хребта совѣтъ не было. Спина, начиная съ нижняго таза, была совершенно открыта и по краямъ отверстія были жесткіе волосы. Лицо было довольно широкое и на немъ лѣвый глазъ необыкновенно большой, а правый — маленький и ниже естественнаго мѣстонахожденія. Ступня правой ноги обращена назадъ. Ребенокъ отправленъ въ анатомическій музей гельсингфорскаго университета.

— **Неудачная попытка.** 10-го мая, въ Константинополѣ, случилось слѣдующее происшествіе: Дѣйствіе происходило въ одномъ изъ уединенныхъ ресторановъ окрестностей Перы, гдѣ имѣются уютныя отдѣльныя комнаты, хорошенькій садикъ, хорошая кухня и скромная прислуга. Около трехъ съ половиною часовъ пополудни, въ этотъ ресторанъ пріѣхали четыре дамы; дамы были молоды, хороши собою и одѣты по-европейски; но туалетъ ихъ былъ не безупречнаго вкуса и по ихъ жестиамъ, по способу подымать платье и по ихъ манерамъ легко было узнать въ нихъ переодѣтыхъ турчанокъ. Дѣйствительно, это были дворцовыя невольницы, извѣстныя подъ названіемъ «сераялей»; кавалеры ихъ, двое турокъ изъ высшего класса, не замедлили къ нимъ присоединиться. Но удовольствіе, на которое они рассчитывали, было не продолжительное. За бѣдными сераялями слѣдили. Вскорѣ по пріѣздѣ ихъ, ре-

сторанъ и садъ было окружены многочисленными отрядами запѣтвѣвъ. Офицеръ запѣтвѣвъ потребовалъ немедленной выдачи виновныхъ. Сераяли пришли въ глубочайшее отчаяніе. Всѣ, находившіеся въ ресторанѣ, употребили всѣ средства спасти ихъ. Ихъ запертали въ скрытое мѣсто. Хозяинъ ресторана, въ качествѣ европейца, отказался впустить къ себѣ запѣтвѣвъ; но агенты власти имѣли столь точныя свѣденія и были такъ хорошо ознакомлены съ дѣломъ во всѣхъ его подробностяхъ, что, несмотря на протесты, защитники доведенныхъ до отчаянія сераялей вынуждены были... капитулировать. Тогда, въ этомъ обыкновенно столь мирномъ мѣстѣ, произошла раздирающая сцена. Кавалеры, забывъ свое достоинство, повалились въ ноги запѣтвѣвъ. Они стали умолять ихъ ничего не говорить и дозволить имъ бѣжать. Женщины отчаянно кричали, били себя въ грудь и рвали на себѣ волосы. Запѣтвѣвы набросили имъ на головы яшмаки, взятыя съ собою, и, такъ какъ женщины сопротивлялись, то запѣтвѣвы поволокли ихъ по алеймъ сада съ величайшею грубостью. Женщинъ посадили въ карету, соумышленниковъ ихъ въ другую, и теперь трудно будетъ узнать что-нибудь точное о развязкѣ этой драмы.

— **Какъ отучать куръ отъ сидѣнья на ящикахъ.**

У многихъ куръ, назначаемыхъ собственно для одной кладки яицъ, а не для высиживания цыплятъ, по временамъ появляется стремленіе къ высиживанію, вредно отзывающееся на ихъ производительности. Теплота, развивающаяся въ тѣлѣ курицы въ періодъ высиживания, обуславливаетъ большую дѣятельность жизненныхъ процессовъ въ ея организмѣ и, слѣдовательно, болѣе значительную потерю вещества, которая при томъ не вознаграждается, потому что птица перестаетъ приходить къ корму одновременно съ прочими, и довольствуется самою скудною пищею; вслѣдствіе этого, курица тощаетъ и дѣлается впоследствии даже неспособною нести яйца втеченіе продолжительнаго времени, пока не приобрететъ снова запаса силъ, необходимаго ей для требуемой производительности. Средства, употребляемые обыкновенно съ цѣлью уничтожить у курицы желаніе сѣсть на яйца, состоятъ въ томъ, что птицу купаютъ въ холодной водѣ, или же запираютъ одну въ холодное мѣсто на трое сутокъ, оставляя ее безъ воды и безъ пищи. Но, не говоря уже о вредѣ, наносимомъ самой курицѣ такими мѣрами, слѣдуетъ замѣтить еще, что онѣ никогда не ведутъ къ цѣли. Только что вынутая изъ воды курица, еще не обсохнувъ, снова сѣвшій сѣсть на избранное ею гнѣздо, а если, послѣ новаго заключенія на три дня безъ корма, она и перестаетъ сидѣть, то это происходитъ всегда насчетъ ея здоровья и, слѣдовательно, убытка для хозяина. Сверхъ того, при значительномъ куроводствѣ, потребовался бы цѣлый рядъ погребовъ для подобнаго одиночнаго заключенія курицъ, въ томъ случаѣ, если бы 20—30 изъ нихъ обнаружили разомъ стремленіе садиться на яйца. Вообще, вышеприведенныя мѣры указываютъ только на полное незнакомство хозяевъ съ существомъ самаго высиживания и привычками куръ. Каждая насѣдка прежде всего ищетъ спокойнаго и уединеннаго мѣста для своего гнѣзда; отнявъ у нея возможность устроиться такимъ образомъ, можно прогнать у нея и охоту сидѣть. При этомъ необходимо замѣтить, что сидѣнье курицы на гнѣздѣ втеченіе дня, равно какъ ея клохтанье и уклоненіе отъ пѣтуха, не составляютъ еще вѣрнаго признака ея желанія высиживать. Въ томъ случаѣ только, если птица остается на своемъ гнѣздѣ и на ночь, вмѣсто того, чтобы сѣсть на насѣсть съ прочими курами, можно считать ея желаніе высиживать не проходящею прихотью. Опытные хозяева даютъ слѣдующій совѣтъ: усѣвшихъ на гнѣзда куръ надо просто стогать прочь и отводить ихъ въ особую загородь, достаточно просторную для того, чтобы птицы могли въ ней расхаживать; загородь должна состоять изъ рѣдкихъ жердей, щели между которыми должны быть велики на столько, чтобы изъ отгороженнаго пространства открывался вполне свободный видъ на ос-

тальную часть двора съ бродящими по ней и собирающими кормъ курами. Запертыя съ вечера въ загородь куры не получаютъ, втеченіе слѣдующаго дня никакой пищи (одну только воду) и лишь къ вечеру (слѣд. черезъ 24 часа), когда прочія куры уйдутъ уже на насѣсть, ихъ выпускаютъ на дворъ, позволяя пользоваться остатками общаго корма. Нѣкоторые изъ бывшихъ въ заключеніи куръ сѣшаютъ, послѣ этого, въ мѣсто общаго ночлега; это служитъ вѣрнымъ признакомъ, что у нихъ пропала охота насѣдничать, и ихъ можно оставить въ покоѣ; но нѣкоторыя птицы, напротивъ, снова отыскиваютъ свои гнѣзда; этихъ куръ надо опять запереть; эту мѣру рѣдко приходится примѣнять 3—4 раза; большею частью, бываетъ достаточно 24—48 часовъ заключенія. Отдѣленіе насѣдничающихъ куръ не въ одиночку, а гуртомъ, въ загородь, представляетъ большія удобства; сообщаются съ другими, хотя бы тоже насѣдничающими курами, мѣшаетъ насѣдкамъ уединяться, и онѣ, волей-неволей, вовлекаются въ движеніе, причемъ у нихъ незамѣтно проходитъ охота сидѣть. Примѣръ прочихъ куръ, не насѣдокъ, свободно бродящихъ по двору и видимыхъ сквозь плетень, дѣйствуетъ на заключенныхъ и онѣ начинаютъ порываться къ нимъ. Остается прибавить, что этотъ методъ не влечетъ за собою никакихъ дурныхъ послѣдствій для птицы, какъ то свидѣлствуютъ практикующіе его хозяева. Лишеніе пищи втеченіи однихъ сутокъ не заставляетъ курицу отощать до потери силъ; она также не подвергается опасной простудѣ, столь частой при погруженіи въ холодную воду, и не лишается производительности на будущее время. Но необходимо замѣтить, что, для успѣшнаго отученія курицы отъ насѣдничанья, слѣдуетъ отучать ее не теряя времени; если курицѣ удастся просидѣть хотя только одну ночь на своемъ гнѣздѣ, то она придерживается несравненно упорнѣе своего стремленія, что имѣетъ свое вліяніе и на послѣдующіе приступы ея желанія сидѣть, обыкновенно усиливающимися съ ея возрастомъ. По той же причинѣ, слѣдуетъ отбирать для вывода цыплятъ особъ куръ, употреблявшихъ всегда почти однихъ и тѣхъ же, на томъ основаніи, что хорошая насѣдка (не только высидѣвшая яйца, но даже и просто водившая цыплятъ) рѣдко оказывается хорошою для кладки яицъ, вслѣдствіе наиболѣе сильно выработаннаго въ ней стремленія къ выводу дѣтенышей. Вышеупомянутый методъ отученія вполне пригоденъ также для утокъ и индѣекъ.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 19-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 12-го мая въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногородную почту 13-го мая въ 1 часъ дня.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: «Изъ стихотвореній Г. Гейне». — Въ стоячей водѣ (продолж.). — Стихотвореніе «Минуты». — Рубенсъ. — Проституція въ Египтѣ. — Изъ моихъ воспоминаній. — Иза (продолж.). — Въ Новой Гвиней (продолж.). — Къ рисункамъ. — Новости наукъ и жизни. — Объявленія.

Гравюры: Любитель древностей. — Древній пиръ. — У источника. — Половодье. — 2 рис. къ ст. «Въ Новой Гвиней».

Редакторъ-издатель Д. А. Карчъ-Карчевскій.

Объявленія.

МАРШЪ РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

Оригинальное сочиненіе ФЛОРИАНА ГЕРМАНА (8 страницъ). Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 руб. 50 коп. Это музыкальное сочиненіе можно получить какъ въ конторѣ журнала «Живописное Обозрѣніе», такъ равно и въ музыкальныхъ магазинахъ Бернара, Бесселя, Юргенсона и др., въ С.-Петербургѣ.

№ 21. Томъ I.

На годъ, съ доставкой и пересылкою — 7 руб.;
на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяцъ — 2 руб.
Отдѣлн. №№ по 20 к.

С.-Петербургъ, 26 Мая 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новая
улица, домъ № 6.

Годъ VII.

Рубенсъ.

Историческіе этюды Диллетанта.
(Продолженіе.)

II.

Рубенсъ родился 27-го Іюня 1577-го года, но не въ Антверпенѣ, какъ нѣкоторые утверждали и не въ Кельнѣ, какъ предполагали еще недавно, а въ Зигенѣ, небольшомъ городкѣ герцогства Нассаускаго, какъ доказали новѣйшія изслѣдованія. Вопросъ о мѣстѣ рожденія Рубенса вызвалъ въ свое время не лишнюю интереса полемику. Основываясь на одной фразѣ въ жизни описанія Филиппа Рубенса, брата нашего художника, извѣстнаго ученаго, нѣкоторые заключали, что онъ родился въ Антверпенѣ. Въ этомъ жизнеописаніи, написанномъ Брандтомъ, сказано, что антверпенское регентство вызвало Филиппа Рубенса и предложило ему мѣсто городского секретаря; но это предложеніе встрѣтило препятствіе, такъ какъ подобное мѣсто могъ занимать только настоящій брабансонецъ, на что возражали, что въ данномъ случаѣ могло быть сдѣлано исключеніе, въ пользу ученаго, котораго всѣ братья и сестры, мать и предки родились въ Антверпенѣ: «ubi fratres (значитъ и Павелъ-Петръ Рубенсъ, художникъ), sorores, utique patrens, aliiqve retro majores hunc aegrem primum hauserunt». Въ пользу Антверпена приводился еще и тотъ аргументъ, что если въ церковныхъ книгахъ Антверпена не сохранилось слѣдовъ о крещеніи художника, то это могло зависѣть отъ религіозныхъ волненій, во время которыхъ онъ родился. Въ пользу того, что Рубенсъ дѣйствительно родился въ Антверпенѣ, приводили еще и то, что онъ былъ антверпенскимъ гражданиномъ, такъ какъ не будучи имъ онъ не могъ бы принадлежать къ корпорации антверпенскихъ художниковъ. Но всѣ эти аргументы падаютъ въ виду слѣдующихъ соображеній: молчаніе церковныхъ книгъ объясняется вполне достаточно не только религіозными смутами, но также и вѣроисповѣданіемъ отца Рубенса (Іогана), изъ-за котораго онъ принужденъ былъ покинуть Антверпенъ. Что же касается гражданства, то несомнѣнно существовали исключенія и Рубенсъ, возвратившись изъ Італіи въ полномъ блескѣ своего таланта, болѣе чѣмъ кто-либо, имѣлъ право на подобное исключеніе.

Наконецъ извѣстно, что отецъ Рубенса покинулъ Антверпенъ въ 1568 году и жилъ въ Кельнѣ, гдѣ у него родился въ 1574 году сынъ Филиппъ; едва-ли возможно предположить, что Марія Пипелинкс нарочно отправилась въ Антверпенъ въ 1577 г., чтобъ родить тамъ великаго художника, тогда какъ извѣстно, что она возвратилась въ этотъ городъ только послѣ смерти Іогана Рубенса, въ 1587 году, послѣ умиротворенія Фландріи. Павелъ-Петръ Рубенсъ писалъ изъ Антверпена художнику Георгу Гельдору, которому поручено было просить Рубенса написать картину для одной кельнской церкви: «Если-бы мнѣ предоставлено было выбрать сюжетъ изъ жизни св. Петра, то я бы остановился на распятіи апостола головой внизъ. Мнѣ кажется, что тутъ можно сдѣлать кое-что необыкновенное. Тѣмъ не менѣе оставляю выборъ сюжета тому, кто будетъ платить за картину и когда уже будутъ опредѣлены размѣры картины. Я очень люблю Кельнь, гдѣ воспитывался до десятилѣтняго возраста, и часто ощущаю непреодолимое желаніе взглянуть на него». Изъ этого письма нѣсколько не слѣдуетъ, какъ предполагали нѣкоторые, что Рубенсъ пожертвовалъ картину въ память своего крещенія въ кельнской церкви св. Петра. Въ сущности фраза ровно ничего не доказываетъ, но она дала поводъ къ предположенію, что Рубенсъ родился въ Кельнѣ. Это предположеніе до такой степени сильно укоренилось, что въ Кельнѣ былъ отысканъ домъ, въ которомъ будто бы родился Рубенсъ, тотъ самый домъ, гдѣ умерла въ изгнаніи Марія Медичи. Еще недавно, путешественнику, проѣзжавшему черезъ Кельнь показывали домъ въ улицѣ Звѣздъ, очень бѣдной наружности, съ двумя надписями на нѣмецкомъ языкѣ, сдѣланными въ 1822 году Вальрафомъ. Первая надпись говорила, что Павелъ-Петръ Рубенсъ родился въ этомъ домѣ, другая, — что Марія Медичи, французская королева умерла въ немъ, въ той же самой комнатѣ, гдѣ родился художникъ. На этомъ основаніи, какъ водится, дѣлались самыя поэтическія сопоставленія, которыя, къ сожалѣнію, не могутъ уже имѣть мѣста съ тѣхъ поръ, какъ было несомнѣнно доказано, что Рубенсъ родился въ Зигенѣ, куда отецъ его съ семьей на время переѣхалъ.

Подобныя же споры возбудилъ и вопросъ о происхожденіи Рубенса. Одни говорятъ, что Рубенсъ происходилъ изъ дворянской семьи въ Штиріи: Варфоломей Рубенсъ, его дѣдъ, сопровождалъ Карла Пятаго на Вормскій сеймъ и блестялъ при брюссельскомъ дворѣ; отсюда, біогра-

фы, по преимуществу нѣмцы, заключаютъ, что роскошная манера художника есть слѣдствіе его дворянскаго происхожденія, развившаяся впоследствии близкимъ знакомствомъ съ придворной жизнью. Другіе, напротивъ того, думаютъ, что Рубенсъ принадлежалъ къ мелкой буржуазіи, — сословію трудолюбивому, чувственному, дѣятельному; отсюда, будто-бы, характеръ его живописи, лишенной идеализаціи. Несомнѣнно, что происхожденіе, т. е. унаслѣдованныя умственныя и нравственныя привычки, темпераментъ вліяютъ на развитіе художественнаго творчества въ томъ или въ другомъ направленіи, но кромѣ этихъ факторовъ существуютъ и другіе, едва-ли не важнѣйшіе. Къ нимъ, между прочимъ, принадлежатъ климатическія условія и социальное-политическое состояніе среды, въ которой развивается художникъ и которая ежедневно вліяетъ на него. По счастливому стеченію обстоятельствъ, рѣдко встрѣчающемуся даже въ лучшія, цвѣтущія эпохи, — всѣ эти причины тоже съ одинаковой силой и совершенно въ одинаковомъ направленіи вліяли на Рубенса.

Климатическія условія и выработавшіяся, благодаря имъ, человѣческій типъ благопріятствуютъ созданію въ искусствѣ идеальнаго типа красоты, но, съ другой стороны, въ такой же степени благопріятствуютъ и чувству красокъ. Для того, чтобъ понимать и любить живопись, необходимо, чтобъ глазъ былъ чувствителенъ къ формамъ и цвѣтамъ; вотъ почему Германія и Англія никогда не имѣли великой школы живописи. Въ Германіи слишкомъ значительное преобладаніе абстрактныхъ идей, привычка къ теоретическимъ выводамъ мѣшаютъ развитію чувствительности глаза; величайшій нѣмецкій художникъ, Альбертъ Дюреръ, несмотря на свое знакомство съ искусствомъ итальянскихъ мастеровъ, никогда не могъ выработать въ себѣ чувства формы, линіи его угловаты, колоритъ сѣръ, лица печальныя, неправильныя; постоянная работа страннаго воображенія, глубокое религіозное чувство, философскія обобщенія, постоянно просвѣчивающія въ его произведеніяхъ указываютъ на то, что его, какъ и вообще нѣмца, одна пластическая форма не удовлетворяетъ. Также самая особенность замѣчается въ различныхъ степеняхъ и съ различными оттѣнками у Кранаха, Корнелиуса, Каульбаха, Овербека, Кнауса. Въ Англіи же темпераментъ слишкомъ дѣятеленъ, воля слишкомъ сосредоточена, умъ слишкомъ утилитаренъ, чело- вѣкъ слишкомъ закаленъ въ борьбѣ, чтобы находить наслажденіе въ созерцаніи красивыхъ, едва уловимыхъ оттѣнковъ линій и цвѣтовъ. Ихъ

національний художникъ Гогартъ создавалъ только сатиры. Уильямъ прибѣгаетъ къ кисти не для воспроизведенія пластическихъ формъ, а для нарушенія характера, типа, чувства; даже въ пейзажѣ англичане видятъ только вѣншее проявленіе личнаго, субъективнаго чувства, — это особенно замѣтно въ ихъ величайшихъ пейзажистахъ, Констэблѣ и Тернерѣ, въ такихъ портретахъ, какъ Рейнольдсъ и въ настоящее время Миллэ; ихъ колоритъ чрезвычайно странный и непріятный, рисунокъ ограничивается воспроизведеніемъ деталей. Между народами германскаго происхожденія одни только фламандцы и голландцы любятъ форму и колоритъ, и эта любовь явилась вслѣдствіе особенныхъ климатическихъ условій, которыя не встрѣчаются ни въ Германіи, ни въ Англіи. Благодаря этимъ условіямъ, когда возникли благоприятныя обстоятельства, у нихъ могла возникнуть великая школа живописи; но такъ какъ они — германцы по происхожденію, то и ихъ искусство приняло германскій характеръ, а германцы отличаются отъ романскихъ расъ именно предпочтеніемъ психическаго содержанія формъ, правды — красивой декорации, грубой дѣйствительности со всѣми ея неправильностями — гармонической условности. Но такъ какъ голландцы и фламандцы по своему темпераменту, гораздо покойнѣе, практичнѣе, лимфатичнѣе, такъ какъ всѣ ихъ способности уравновѣшены, и они ограничиваются настоящимъ и совершенно лишены тревожнаго, мечтательнаго воображенія, — то и ихъ живопись естественно, принимаетъ черты того же характера. Въ богатой странѣ съ благотворной почвой, при широкихъ и свободныхъ правахъ, постоянно встрѣчая добродушныхъ, довольныхъ и цвѣтущія лица, — ихъ художники находятъ богатый и неистощимый матеріалъ, вполне соответствующій ихъ народному гению. Вотъ почему они невольно изображаютъ человѣка, окруженнаго благосостояніемъ, довольнаго собой и своей судьбой. Голландцы по преимуществу ограничиваются изображеніемъ комфортабельной мѣщанской обстановки богатой фермы, зелеными пастбищами, радостями прогулки среди веселыхъ полей, внутренностью таверны, — словомъ, всѣми мелочами и подробностями покойной, установившейся мѣщанской жизни. Такія условія какъ разъ подходятъ къ требованіямъ пластическаго искусства: слишкомъ значительное преобладаніе мысли или чувства по необходимости отодвигаетъ на второй планъ значеніе формъ. Напротивъ того, такое равновѣсіе создаетъ произведенія рѣдкой гармоніи: одни только греки, да три или четыре итальянскихъ мастера возвысились до подобной гармоніи. Фламандскіе и голландскіе художники, внося свои расовыя особенности, идутъ по ихъ слѣдамъ: они изображаютъ намъ человѣчество не абстрактно, вѣдь, такъ сказать, пространства и времени, а въ его полномъ, реальномъ типѣ.

Въ 1561 году въ антверпенскомъ совѣтѣ былъ старшиной Іоаннъ Рубенсъ. Онъ мирно и покойно жилъ съ женой, Маріей Пинелинкъ, на которой женился, возвратившись изъ путешествія по Италіи. Въ это время, Филиппъ II-й принималъ крайнія деспотическія мѣры, чтобы подавить свободу совѣсти, защищаемую бельгійскимъ дворянствомъ въ союзѣ съ дворянствомъ французскимъ, германскимъ и голландскимъ. Вспыхнула революція, которую герцогъ Альба принялся усмирять по своему; кровь лилась ручьями на площадяхъ и въ сраженіяхъ; на эшафотѣ падаютъ головы графовъ Горна и Эгмонта. Іоаннъ Рубенсъ, котораго подозревали въ сочувствіи протестантамъ и въ сношеніяхъ съ Вильгельмомъ Мрачнымъ, принужденъ былъ бѣжать въ Германію, гдѣ и родился великій художникъ.

Онъ воспитывался въ іезуитской коллегіи Кельна и возвратился въ Антверпенъ вмѣстѣ съ

матерью, только послѣ смерти отца, когда общественная буря утихла. Несомнѣнно, что отъ матери художникъ унаслѣдовалъ любовь къ порядку, заботы о матеріальныхъ интересахъ, ловкость и изворотливость въ характерѣ, благодаря которымъ, онъ впоследствии былъ такъ полезенъ, какъ политическій дѣятель и дипломатъ. Молодому челоѣку, сдѣланному нажомъ у вдовы графа Лалена, вскорѣ надѣла эта праздная жизнь и онъ пристрастился къ живописи. Онъ поступилъ въ мастерскую Адама фонъ-Ноорта, историческаго живописца, славившагося въ Антверпенѣ въ качествѣ колориста. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ изученія подъ руководствомъ Ноорта, Рубенсъ поступилъ въ мастерскую Отто-Вениуса, придворнаго художника эрцгерцога Альберта и инфанты Изабеллы, управителей Нидерландовъ. Слишкомъ ученый, чтобы быть своеобразнымъ и талантливымъ, Отто Вениусъ былъ блѣднымъ подражателемъ Корреджіо, и можно сказать, что молодой Рубенсъ воспринялъ отъ него только хорошія манеры, любовь къ литературѣ и неукротимое пристрастіе къ аллегоріи. Онъ проработалъ въ его мастерской около четырехъ лѣтъ, но желаніе болѣе широкаго и серьезнаго изученія заставило его уѣхать въ Италію. Отто Вениусъ представилъ своего любимаго ученика эрцгерцогу Альберту и инфантѣ Изабеллѣ, которые, удивленные хорошими манерами молодого художника, снабдили его рекомендательными письмами къ различнымъ коронованнымъ особамъ. Но, по мнѣнію Беллари, Рубенсъ обладалъ всѣми качествами, благодаря которымъ, могъ обойтись безъ всякихъ рекомендацій: «онъ былъ высокаго роста, красивъ, хорошо сложенъ; держалъ себя съ достоинствомъ, но любезно; съ пріятными, свѣтскими манерами, всегда хорошо одѣтый, онъ имѣлъ привычку носить на шеѣ золотую цѣпь». Въ Италію онъ уѣхалъ 9-го мая 1600 г.

Венеція, прежде всего, обратила на себя его вниманіе и онъ принялся изучать венеціанскихъ колористовъ. Вскорѣ онъ познакомился съ герцогомъ Мантуанскимъ, Винченціо Гонзаго и перѣхалъ въ Мантуу. Вся галерея герцога была наполнена произведеніями Джуліо Романо. По мнѣнію нѣкоторыхъ биографовъ, Рубенсъ старался подражать Джуліо Романо въ томъ, что было симпатичнаго его натурѣ: въ страстной энергіи. Но гдѣ можно найти у Джуліо Романо эту страстную энергію? Подобная энергія — исключительная особенность пылкихъ, дѣятельныхъ натуръ и часто замѣняетъ оригинальность: Тинторетто, Рембрандтъ и позднѣе французъ Делакруа, — вотъ гдѣ замѣчается страстная энергія. Но Джуліо Романо, несмотря на свое подвижное и богатое воображеніе, никогда не могъ освободиться отъ вліянія Рафаэля, котораго спокойный гений вездѣ искалъ идеальнаго покоя и гармоніи линий. Разсчитливый въ жизни, безстрастный и благоразумный, склонный къ практической дѣятельности, Рубенсъ точно также не отличался страстной энергіей. Излишнее пристрастіе къ міеологіи, картины громаднхъ размѣровъ, вліяніе Микель-Анджело и въ особенности то напускное величіе, которое характеризуетъ по преимуществу произведенія художниковъ времени упадка, — вотъ, по нашему мнѣнію, общія черты, существующія какъ у Рубенса, такъ и у Джуліо Романо. Первый несравненно жизненнѣе. Его Кермессы, Охоты, нѣкоторыя библейскія сцены, Сраженіе Амазонокъ, имѣютъ, за недостаткомъ настоящей страстной энергіи, по крайней мѣрѣ матеріальную смѣлость и чрезвычайную роскошь выполненія. — Три первыя картины Рубенса украсили мантуанскую церковь, а слѣдующія три, по желанію эрцгерцога, — церковь Santa Croce di Gerusalemme: «Вѣнчаніе терновымъ вѣнкомъ», «Распятіе», «Подъемъ Креста». Подчиняясь странной манерѣ Тинторетто, Рубенсъ не пригвоздилъ

погъ Христа; онъ пожертвовалъ исторической правдой съ цѣлью рельефнѣе изобразить судороги и конвульсіи физической смерти.

Недолго, однакожъ, жилъ Рубенсъ въ Мантуѣ: герцогъ Гонзаго далъ ему дипломатическое порученіе къ испанскому двору и Рубенсъ отправился въ Римъ. Тамъ онъ получилъ заказы картинъ отъ папы, кардинала Чиджи, Распильозо, Колонны, принцессы Скаламарры, отцовъ оракторіи. Затѣмъ онъ поѣхалъ во Флоренцію. Вліяніе, сдѣланное на него произведеніями и гениемъ Микель-Анджело, было такъ велико и неотразимо, что, по собственному его сознанію, онъ никогда не могъ отъ него освободиться. Изъ Флоренціи Рубенсъ отправился въ Болонію, но слишкомъ правильныи рисунокъ и строгая, нѣсколько сухая композиція Каррачей ничего не говорили его гению. Въ Миланѣ онъ сдѣлалъ своеобразную копию съ «Тайной вечери» Ліонардо-да-Винчи и написалъ картину для амброзіанской бібліотеки «Богоматерь съ Іисусомъ въ цвѣтахъ». Потомъ онъ посѣтилъ Геную, которой роскошь и дѣятельность напомнили ему Антверпенъ. Слава уже опередила его; сенатъ, дворянство, купечество наперерывъ угощали его и дорого платили ему за его произведенія. Художникъ сдѣлалъ рисунки церквей и дворцовъ Генуи и этотъ альбомъ, впоследствии, былъ обнародованъ въ Антверпенѣ, подъ заглавіемъ: «Palazzi antichi e moderni di Genova, raccolti e disegnati». Но печальное извѣстіе заставило его покинуть Италію: письмо изъ Антверпена извѣстило его объ опасной болѣзни его матери. Онъ уѣхалъ во Фландрію, но уже не засталъ ее (1608 г.).

Нѣтъ почти никакой возможности распредѣлить произведенія Рубенса въ хронологическомъ порядкѣ. Всѣ музеи и галереи Европы изобилуютъ его картинами и такъ какъ, по большей части, тогда на нихъ не выставлены, то едва-ли возможно точно указать, какія произведенія Рубенса принадлежатъ къ эпохѣ его пребыванія въ Италіи. Несомнѣнно только одно, что наиболѣе привлекательныя изъ его картинъ принадлежатъ именно къ этой ранней эпохѣ. Въ позднѣйшее время, желая удовлетворять безчисленнымъ требованіямъ, онъ не только менѣе тщательно отдѣлывалъ свои картины, но и композиции его, какъ по замыслу, такъ и по постановкѣ, менѣе обдуманны и законченны; къ тому же, въ послѣднее время, онъ слишкомъ часто прибѣгалъ къ помощи учениковъ и сотрудниковъ.

Весьма вѣроятно, что его «Свита войны» написана въ Италіи. Это — одно изъ лучшихъ его произведеній и имѣетъ огромное художественное значеніе. На этотъ разъ, это уже не простой эскизъ въ большихъ размѣрахъ, какъ другія его картины, а произведеніе вполне законченное, блестящее и глубокое. Правда, вся сцена имѣетъ характеръ аллегорическій; но если она не производитъ впечатлѣнія ужаса, то нисколько не теряетъ въ величіи. Война олицетворена въ ея естественномъ представителѣ — Марсѣ. Онъ въ кирасѣ, со шлемомъ и мечемъ въ рукѣ. Венера въ ужасѣ охватываетъ его рукой, стараясь удержатъ; къ ней присоединяются два розовыхъ амура. Но Марсъ вырывается; Венера не видитъ, что небо покрылось мрачными тучами, буря готова разразиться, и въ воздухѣ появилась цѣлая толпа гарпій и фурій съ зажженными факелами и онѣ увлекаютъ Марса впередъ. У погъ Марса уже видны жертвы войны: опрокинутая молодая женщина съ мадолой въ рукѣ, мужчина, поднимающій руку, въ которой держитъ циркуль, а за ними мать, въ отчаяніи прижимающая къ груди своихъ дѣтей. Но самой трагической и красивой фигурой является высокаго роста молодая женщина, одѣтая въ черномъ, съ открытою грудью, съ короной городского герба на головѣ; она выбѣгаетъ изъ открытаго храма, — вѣроятно, храма

Януса,—съ поднятыми къ небу въ отчаяніи руками,—въ ней нельзя не узнать страдающую, трагическую фигуру Отчизны... Эта картина Рубенса ни съ чѣмъ несравнима; ею онъ доказалъ, что нѣтъ такой высоты въ искусствѣ, до которой онъ не могъ бы подняться. Онъ, съ необыкновеннымъ искусствомъ, обозначалъ поэтическія контрасты; такъ, одѣвая въ трауръ эту трагическую фигуру отчизны и окружая ее мрачнымъ фономъ и аксесуарами,—онъ въ то же время сосредоточилъ всю роскошь своего блестящаго колорита на Венерѣ и голыхъ амурахъ... Въ техническомъ отношеніи, по мнѣнію знатоковъ, «Свита войны», еще выше его «Снятія со креста». Необходимо замѣтить также, что въ этой картинѣ, женскія фигуры удалась художнику значительно лучше мужскихъ. Въ этой особенноти замѣтно еще сильнѣе вліяніе Италіи...

Во Флоренціи же находится знаменитая его «Битва при Иври»; она, вѣроятно, принадлежит той же эпохѣ итальянскаго вліянія. Это не болѣе какъ эскизъ, но эскизъ гигантскій. Смотри на эту картину, кажется, что Рубенсомъ овладѣло бѣшенство вдохновенія, которое не ждетъ, и онъ приступилъ къ картинѣ, не намѣтивъ композиціи, предварительно, на холстѣ. Группы, типы, рисунки, цвѣта, эффекты,—все это онъ сразу безпорядочно ищетъ кистью. Онъ пишетъ и тутъ же исправляетъ: одна изъ лошадей имѣетъ двѣ головы, дающія лошади два различныхъ движенія: очевидно, что первымъ движеніемъ онъ остался недоволенъ, и, забывъ стереть первый эскизъ, придалъ новое движеніе лошади съ новой головой. Надъ головой Генриха IVъ выдѣляются два видѣнія: гений, простирающій пальмовую вѣтку королю и Марсъ, защищающій его своимъ щитомъ; оба движенія только намѣчены, но это обстоятельство придаетъ имъ еще больше фантастическаго ужаса. Король, вмѣсто сабли, держитъ въ рукѣ громъ; вся сцена происходитъ точно во снѣ, это какой-то мрачный и бѣшенный хаосъ, производящій на зрителя чрезвычайно сильное впечатлѣніе. И здѣсь-то яснѣе, чѣмъ гдѣ-либо, видно, въ какой совершенной степени Рубенсъ владѣлъ рисункомъ, въ неправильности котораго его упрекаютъ нѣкоторые пуристы. Никто еще съ такимъ совершенствомъ не овладѣлъ самой трудной стороной рисунка: передачей движенія, фигурой въ дѣйствіи.

Чрезвычайно любопытно сравнить «Тайную вечерю» Ліонардо-да-Винчи съ «Тайною вечерью» Рубенса, которую онъ написалъ въ подражаніе Ліонардо въ Миланѣ. Придерживаясь весьма близко композиціи великаго итальянца, Рубенсъ понимаетъ сцену совершенно своеобразно, и точно нарочно представляетъ оборотную сторону идей Ліонардо-да-Винчи. У послѣдняго, позади Христа, зритель видитъ открытое окно, въ которое виднѣя уголокъ сельскаго пейзажа. Рубенсъ помѣщаетъ сцену въ совершенно закрытой комнатѣ. У Ліонардо день, у Рубенса ночь и апостолы приступаютъ при трапезѣ при свѣтѣ огня. Восковыя свѣчи у Ліонардо расположены длиннымъ рядомъ, группами, по три въ каждой группѣ. Рубенсъ сосредоточиваетъ ихъ въ центрѣ круглаго стола, въ одной блестящей и яркой группѣ. Всѣ фигуры, не исключая и Христа, черты лица котораго, можетъ быть, не достаточно идеальны,—необыкновенны по силѣ выраженія. Но самой замѣчательной фигурой является несомнѣнно Иуда. Онъ сидитъ на первомъ планѣ, съ скрещенными ногами, облокотивъ голову на руку и глядя на зрителя безпокойнымъ и мрачнымъ взглядомъ, въ то время, какъ всѣ лица апостоловъ обращены къ Христу, передъ которыми стоитъ единственный сосудъ съ виномъ. Эти подробности, этотъ единственный сосудъ съ виномъ, эта книга, лежащая на возвышенномъ мѣстѣ, между двумя свѣчами,—указываютъ на стремленіе Рубенса

мотивировать религіозный характеръ сцены аллегоріей, въ то время, какъ у Ліонардо-да-Винчи, сцена лишена всякаго аллегорическаго характера и представляетъ собою только торжественное собраніе чрезвычайной простоты и естественности. При этой простотѣ и естественности, всѣ лица апостоловъ у Ліонардо не столько типичны, сколько выразительны и характерны. У Рубенса, напротивъ того, они по преимуществу, типичны, но этотъ прозаическій оттѣнокъ онъ подавляетъ аллегорическимъ и почти фантастическимъ характеромъ всей сцены.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

* * *

Стих. Кн. Дм. Голицына.

Полно! что томится
Грустію бездѣльной!
Смѣйся, наслаждайся
Жизнію бездѣльной.
Разсѣвай минуты
Скуки и печали,
Чтобъ, тебя завидя,
Веселы мы стали.
Не томись подъ гнѣтомъ
Несчастливой доли;
Грѣзамъ и мечтаньямъ
Сбыться суждено-ли!
Пусть подъ свѣтлымъ блескомъ
Смѣха позолоты
Намъ не будетъ видно
Муки и заботы.
Не хотимъ мы видѣть
Муки въ каждомъ взорѣ:
Безъ того гнетѣтъ насъ
Собственное горе.

Бой гладіаторовъ и травля звѣрей на аренѣ амфитеатра Помпеи, въ 79 г. по Р. Х.

Очеркъ Симонса, переводъ Е. А. Сысоевой.

I.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

«Если дозволитъ погода *), то будущаго 30 іюля, на аренѣ помпейскаго амфитеатра, трупною гладіаторовъ эдила Суэтія Церія, дано будетъ представленіе боя гладіаторовъ. За снѣмъ произойдетъ травля звѣрей. Мѣста для зрителей защищены пологомъ, который будетъ вспрыскиваться».

Такъ гласили объявленія **), появившіяся, втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, на углахъ улицъ, на колонахъ общественныхъ залъ, на стѣнахъ форума и зданія невмахіи ***)) и на оградѣ храма Изиды. Все это время, обитатели города Помпеи и его окрестностей находились въ лихорадочно-возбужденномъ состояніи, ожидая съ волненіемъ, какова-то будетъ погода.

Завтра, наконецъ, должно состояться обѣщанное зрѣлище, устраиваемое въ память умершаго отца эдила Церія; а между тѣмъ, вотъ уже трое сутокъ дождь льетъ, какъ изъ ведра, въ-

*) Приведенное здѣсь театральное объявленіе или программа (libellus) уцѣлѣло до сихъ поръ на стѣнѣ одного дома улицы degli Augustali, открытой въ Помпеи, и на альбомѣ, такъ называемаго, зданія навмахіи, на той же улицѣ. Альбомами (album) назывались бѣлыя дощечки или выбѣленные стѣны, на которыхъ писались объявленія о важныхъ городскихъ происшествіяхъ, для всенароднаго свѣденія.

**) Объявленія о подобнаго рода зрѣлищахъ обыкновенно появлялись за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ. Каждому зрѣлищу предшествовали торжественныя приготовленія въ видѣ жертвоприношеній, молитвъ, опросовъ авгуръ, украшеній домовъ и т. д. Толки, пренія о предстоящемъ празднествѣ и ожиданія его отодвигали на задній планъ всѣ прочія дѣла.

***)) Невмахіей (neumachia) называлось зданіе, окружавшее искусственный водоемъ, съ сидѣньями и галереями для зрителей. Тутъ давались представленія морскихъ битвъ.

теръ постоянно дуетъ отъ Леванта и нагоняетъ темныя тучи съ сосѣдняго моря, сѣрый туманъ окутываетъ вершины Везувія; ни малѣйшій солнечный лучъ не можетъ пробиться сквозь сгущенную атмосферу.

Дабы умилостивить разгнѣванныхъ боговъ, Юпитеру громовержцу приносятся цѣлыя гетакомбы жертвъ; на алтаряхъ пенатовъ день и ночь пылаетъ огонь; жрецы молятся и постятся, авгуры неутомимо роются во внутренностяхъ предназначенныхъ къ закланію животныхъ, отыскивая тамъ добрыхъ предзнаменованій. Напрасно! боги, повидному, не намѣрены смилостивиться надъ взывающими къ нимъ смертными; дождевыя тучи безъ устали извергаютъ потоки воды на Кампанью, напоая жаждущую землю освѣжающей влагой.

Помпея тоскуетъ, потому что день ужъ склоняется къ вечеру, а изъ трубъ водоемовъ, немолкая, журчитъ вода; только къ самому концу дня, небо нѣсколько прояснилось, туманы разсѣялись и колесница Феба снова тронулась въ путь. Всеобщій восторгъ разомъ охватилъ приунывшій городъ. «Смотрите! Фебъ улыбнулся намъ! Слава Юпитеру, слава всѣмъ богамъ!» восклицали тысячи голосовъ.

Улицы быстро наполнились ликующими горожанами,—мужчинами, женщинами, дѣтьми, зданія разукрасились гирляндами, храмы цвѣтами; на треножникахъ опять закурились фиміамы, глашатаи эдила громогласно возвѣщали, что бой гладіаторовъ неминуемо состоится завтра.

Гости, *) впродолженіи нѣсколькихъ дней, толпами валили въ Помпею со всѣхъ концовъ государства. Для непрерывно прибывающей публики мало было трехъ гостинницъ, а именно: подъ вывѣскою «Слона», въ Веселой улицѣ, незадолго передъ тѣмъ заново отдѣланной отпущенникомъ Сяттіусомъ, гдѣ за весьма умѣренную плату, какъ гласила вывѣска, можно было имѣть столъ, разные напитки и почлегъ; затѣмъ, гостинница Альбинусъ, у Геркулановыхъ воротъ, при которой, между прочимъ, находились просторныя конюшни, и, наконецъ, заѣзжій дворъ Іуніи Полибіи, гдѣ всегда было наготовѣ тридцать кроватей для почтенныхъ посѣтителей.

Приѣхавшіе издалека съ женами и дѣтьми, утомленные до нелзя поселяне **), равно какъ чернь, нашли себѣ убѣжища подъ главной лѣстницей форума, за оградами торговыхъ рынковъ и въ притворахъ храмовъ (prostylos); многіе ночевали въ своихъ дорожныхъ повозкахъ, окруженные лошадьми и вьючными мулами, подъ защитой развѣшенной, мокрой отъ дождя, одежды.

Всю ночь напролетъ, изъ открытыхъ оконъ ergastulis (родъ корцера, гдѣ запирались провинившіеся рабы богатыхъ и знатныхъ помпейцевъ) раздавалось пѣніе; это пѣли невольницы, приготовившія свѣжіе наряды своимъ господамъ. Отъ сильнаго возбужденія почти никто не спалъ въ городѣ; каждый прибиралъ, чистилъ, радился.

*) Въ дни подобныхъ празднествъ, въ Помпею набиралось такое количество гостей, что ими переполнялись всѣ городскіе дома и многіе принуждены были ночевать на открытомъ воздухѣ. Въ настоящее время, въ Помпеи открыты всѣ три упомянутыя гостинницы; на вывѣскѣ Слона уцѣлѣли даже изображеніе одного животнаго и надпись объ умѣренной цѣнѣ за постой.

**) Наплывъ приѣзжихъ въ Помпею бывалъ до того великъ, что каждый разъ нѣсколько человѣкъ гило отъ давки въ толпѣ. Съ ранней зари народъ тянулся вереницей, спѣша занять мѣста на скамьяхъ амфитеатра. Въ Римѣ, въ царствованіе Калигулы, однажды было задавлено сорокъ мужчинъ и женщинъ изъ знати. Дни гладіаторскихъ игръ считались большими праздниками; улицы и дома пустѣли; вся городская жизнь сосредоточивалась на аренахъ амфитеатровъ или цирковъ; воры нерѣдко пользовались этимъ обстоятельствомъ: для обезпеченія отъ нихъ горожанъ, при Августѣ, по улицамъ разставлялась стража.

Не спать даже дѣти въ эту ночь; имъ мерещатся пантеры, медвѣди, львы; далеко до зари повскакали они съ своихъ постелекъ и шумной гурьбой, безъ всякаго призора, уже бѣгаютъ по улицамъ. Наконецъ, наступаетъ давно желанное утро и застаётъ всю Помпею на ногахъ.

Въ базиликѣ пусто *); въ высшихъ судебныхъ учрежденіяхъ отложено произнесеніе приговоровъ по дѣламъ; художники и ремесленники не работаютъ; школа и гимнастическая зала закрыты; въ конюшняхъ, на мельницахъ, на поляхъ нѣтъ ни души.

Невольникъ, чернорабочій на кухнѣ, выгребаетъ горящую золу изъ-подъ очаговъ въ желѣзные чаны, изъ опасенія, чтобы въ опустѣвшемъ домѣ не случилось бѣды; привелъ все въ порядокъ, онъ уходитъ, запрастъ за собой ворота, замокъ громко звякаетъ и кругомъ водворяется мертвая тишина.

Какъ бурные потоки разлившейся весной рѣки, стремятся народныя волны со всѣхъ концовъ города по направленію къ амфитеатру: патриціи на носилкахъ, кліенты, женщины въ лектикахъ, молодежь верхомъ на лошадяхъ, знатные вельможи и рабы, старики и дѣти, богачи и бѣдняки, даже больные и калѣки забыли на этотъ день свои немощи, — и все это наводняетъ улицы Помпеи. Шумная толпа, напоминающая муравейникъ, движется къ востоку. Оставленные въ одиночество цѣпныя собаки поднимаютъ отъ тоски жалобный вой; забытые второпяхъ проголодавшіеся пѣтухи отчаянно дерутъ горло на дворахъ; стаи голубей и ласточекъ испуганно мечутся по крышамъ и стѣнамъ, пораженные могильной тишиной опустѣвшихъ домовъ.

Одинъ только Голконій, прозванный «ясновидцемъ», прикованъ тяжелой лихорадкой къ своему жесткому, предсмертному ложу.

— Подай мнѣ воды, мальчикъ, обращается онъ къ вѣрному своему рабу: — палящая жажда сжигаетъ мои внутренности.

— Я не могу исполнить твоего желанія, господинъ, отвѣчаетъ юный рабъ: — кружка твоя пуста, триклиніумъ закрытъ, на улицѣ не видно ни души, мнѣ некогда попросить достать воды изъ колодца.

— Гдѣ же Іануаріа, хозяйка дома, гдѣ мои дѣти?

— Твоя жена и твои дѣти еще на зарѣ ушли въ амфитеатръ, на травлю звѣрей Церія.

Голконій, забытый, брошенный своими ближними въ предсмертный часъ, устремляетъ безжизненный взоръ въ пространство. Вдругъ послышался какъ бы отдаленный раскатъ грома; земля дрогнула; раздался одинъ ударъ, затѣмъ другой; глиняная лампа съ трескомъ упала съ поставца; двери застонали на своихъ петляхъ.

— Что такое случилось, мальчикъ? съ трудомъ спрашиваетъ больной старикъ. — Мнѣ кажется, будто земля распадается...

— Успокойся, господинъ, это ничего, ничего! Сильный порывъ вѣтра покачнулъ домъ, отвѣчаетъ оторопѣвшій отъ страха рабъ.

Голконій съ усиленіемъ приподнимается на локти и поднимаетъ къ небу свои исхудалыя, дрожащія руки. Послѣднія искры жизни загораются въ его тусклыхъ глазахъ; онъ судорожно передергивается и начинаетъ говорить пророческимъ голосомъ:

— Смотри, сынъ мой, какъ гора вздулась; изъ ея отверстаго жерла сверкаютъ молніи; изъ пѣдръ ея вытекаютъ длинныя огненные ручьи; они медленно извиваются внизъ и пожираютъ все, что попадаетъ на пути. Ахъ, какое шипѣнье, какой чадъ, дымъ! О, ужасъ! огненная рѣка приближается! кровавый дождь застилаетъ свѣтъ! Смо-

три, дитя мое, — багровые языки лижутъ уже наши двери! Спаси меня, подай мнѣ жезлъ и плащъ! День гнѣва небесъ наступилъ. Помогите! помогите! я задыхаюсь! кричитъ Голконій и падаетъ на подушки.

Испуганный мальчикъ бросается къ постели, чтобы поддержать голову старика: — но въ рукахъ его уже трупъ.

Стараясь не смотрѣть въ лицо умершаго, юный рабъ обертываетъ его голову и грудь бѣлой тогой, укладываетъ его руки, оправляетъ ноги и, исполнивъ эту неприятную обязанность, торопливо выходитъ изъ комнаты, бѣжитъ къ заднимъ воротамъ дома и оттуда мчится, едва переводя духъ, по опустѣвшимъ улицамъ къ амфитеатру. Онъ боится пропустить первое отдѣленіе зрѣлища.

Отпущенникъ Калксъ укралъ, за два дня передъ тѣмъ, улей съ пчелами у сосѣда; вора засадили подъ крѣпкіе запоры въ тюремную баню.

Съ тоской смотритъ плѣнникъ изъ-за желѣзной рѣшетки своей камеры на зубчатую ограду амфитеатра. Сторожа и тюремный смотритель отправились туда спозаранку. Калксъ издали слышитъ сначала глухіе, затѣмъ все болѣе и болѣе, громкіе крики опьянѣвшихъ отъ восторга помѣянь; звуки трубъ явственно доносятся до его ушей. Нѣтъ силъ долѣе терпѣть! Схватившись руками за желѣзную рѣшетку окна, онъ начинаетъ трясти и раскачивать ее съ такой силой, что прутья выскакиваютъ изъ своихъ мѣстъ. Первый шагъ сдѣланъ; но вѣдь отъ башеннаго окна до земли далеко. «Лучше убитъ до смерти, чѣмъ не видать сегодняшней травли», думаетъ Калксъ. Смиривъ глазами глубину двора, онъ прыгаетъ внизъ и, оглушенный, падаетъ на мостовую.

Услыхавъ стукъ упавшаго тѣла, сторожевыя собаки заливаются громкимъ лаемъ. Чтобы не попасться имъ въ зубы, Калксъ черезъ силу подымается на ноги и, хромя, тащится къ воротамъ. Засовъ уже отдернутъ еще минута и онъ свободенъ; но вдругъ испанскій догъ налетаетъ на него сзади, впивается ему въ шею, повергаетъ на землю и рветъ въ клочки его голое тѣло. Несчастный барахтается, отбиваясь отъ свирѣпаго звѣря; въ порывѣ отчаянія, онъ хватается собаку за горло и съ нечеловѣческой силой, приданной ему страхомъ смерти, душитъ ее, выползаетъ за ворота и присаживается на нѣсколько минутъ, чтобы пучками нарваннаго травя остановилъ льющую изъ ранъ кровь. Затѣмъ, онъ трогается далѣе, стонетъ отъ боли, оставляетъ за собой кровавый слѣдъ на мостовой и все-таки думаетъ объ одномъ, какъ бы достигнуть скорее цѣли своихъ пламенныхъ желаній, какъ бы добраться до мраморныхъ скамеекъ амфитеатра, сидя на которыхъ, человѣкъ забываетъ свои горя и страданія.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Изъ моихъ воспоминаній.

Фридриха Шпильгагена.

Д а простится мнѣ это отступленіе, въ сущности необходимое, такъ какъ оно можетъ уяснить почему юноша, — начавшій уже съ 10—12 лѣтъ

свои поэтическіе опыты и въслѣдствіи только и жившій поэзіей, — хотя и увлекался по временамъ чудною мечтою, что онъ призванъ и будетъ поэтомъ, но не допускалъ мысли, что имѣетъ и право и обязанность устроить свою жизнь сообразно съ этимъ призваніемъ.

Если время и мѣсто вообще очень мало благоприятствовали развитію зарождающагося таланта, то духовная атмосфера моего родительскаго дома дѣйствовала на него совершенно подавляющимъ образомъ. Ни отецъ, ни мать моя не могли бы похвастать литературнымъ образованіемъ. Я могу высказать это безъ всякой непочтительности, такъ какъ я сознаю вполне, что сдѣлался тѣмъ, что я есть, только благодаря тому, что пронесхожу отъ нихъ; я имѣю право высказать это мнѣніе, такъ какъ на моихъ родителей не можетъ пасть и тѣни упрека, и долженъ непремѣнно сдѣлать это, иначе ходъ моего развитія остался бы совершенно непонятнымъ.

Мой отецъ былъ въ истинномъ и лучшемъ значеніи этого слова а self made man. Онъ былъ старшимъ сыномъ главнаго лѣсничаго графа Ш.; родился въ Тухеймѣ, близъ Гентина, и въ ранніе годы жизни долженъ былъ принять на себя отцовскую должность и заботы объ овдовѣвшей матери и младшихъ сестрахъ. Можетъ быть, эти самыя заботы побудили даровитаго, дѣятельнаго юношу, съ самоотверженіемъ взявшагося за нихъ, промѣнять мѣсто, которое занималъ его отецъ и нѣсколько предковъ подъ рядъ, на занятія архитектурой, представлявшей болѣе выгоды. Безъ сомнѣнія, въ то время паучьяя требованія отъ поступающихъ въ строительныя училища были меньше, чѣмъ теперь, — или же для моего отца было сдѣлано исключеніе, — что мнѣ кажется мнѣ вѣроятнымъ, — но я знаю достоверно, что онъ никогда не зналъ ни слова по гречески, а то немное, что онъ выучилъ изъ латыни въ школахъ и дома, было имъ въ послѣдствіи окончательно позабыто. Занятія его въ строительномъ училищѣ въ Берлинѣ и позднѣе были совершенно спеціальными, въ особенности такія, которыя могли пригодиться ему на практикѣ. Замѣчательная практическая способность и дѣльность, постоянно выказываемыя имъ, мало по малу доставили ему значительное положеніе въ обществѣ. Въ немъ жило полное сознаніе, что мѣсто это соответствуетъ его силамъ, а единственное честолюбіе его заключалось въ строжайшемъ, тщательномъ исполненіи своихъ обязанностей. Пробыть нѣсколько дней на охотѣ, страсть къ которой перешла ему по наслѣдству, или отдохнуть за партіей въ карты отъ дневныхъ трудовъ, узнать о томъ, что дѣлается на свѣтѣ изъ газетъ (которыя могли и не быть повыми), — вотъ чѣмъ ограничивался кругъ его интересовъ. Все, что лежало за предѣлами этого круга, онъ отвергалъ, безъ хвастовства, но рѣшительно; когда насильно втягивали его въ нелюбимую имъ среду, онъ относился недовѣрчиво и съ проніей, я думаю впрочемъ, не столько изъ врожденной антипатіи къ стремленіямъ и волненіямъ высшей духовной жизни, какъ изъ убѣжденія, что всякій обязанъ держаться своего мѣста, и что человѣкъ неученый долженъ стоять вдалекѣ отъ всѣхъ этихъ вещей. Быть можетъ, не всегда такъ было, пока онъ жилъ въ Магдебургѣ въ кругу старыхъ друзей, къ числу которыхъ принадлежали даровитые и истинно замѣчательные люди, какъ напр. генералъ Пфуль, оберъ-бургомистръ Фванке, товарищъ его юности и дальній родственникъ, и мн. др. Эта односторонность и рѣзкость выработалась, или проявилась въ немъ, когда онъ былъ переведенъ въ Штральзундъ (въ 1835 г.) и попалъ въ общество чуждыхъ ему людей, къ которымъ у него не могло лежать сердце, въ расположеніи которыхъ онъ сомнѣвался и какъ чужой имъ, пришелецъ, можетъ

*) Базиликой называлось общественное зданіе, служившее мѣстомъ для гласнаго суда и для торговыхъ сдѣлокъ.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ДРЕВНИХЪ МАСТЕРОВЪ.

КАРТИНА П. РУБЕНСА.

Peint par Rubens

Свита войны. Факсимиле гравюры Дюкло.

F. YVES & BARRET.

быть, не разъ былъ обманутъ въ своихъ справедливыхъ ожиданіяхъ. Такимъ образомъ, онъ не принималъ участія въ умственныхъ интересахъ, проявлявшихся эпизодически въ тихомъ, уединенномъ городкѣ; и я не помню, чтобы онъ старался вознаградить себя изученіемъ поэтическихъ произведеній за свое полу-добровольное, полу-вынужденное одиночество. Библиотека его, помѣщавшаяся въ шкафу, вмѣвшемъ одинаковые размѣры со шкафомъ, гдѣ хранились его охотничьи принадлежности, состояла исключительно изъ техническихъ сочиненій; онъ открыто возставалъ противъ чтенія романовъ; къ Шекспиру, за чтеніе котораго припался во время случайной болѣзни, онъ не чувствовалъ никакого влеченія; такъ что, за исключеніемъ сочиненій Шекспира, полученныхъ мною въ подарокъ въ день рожденія, и Шиллера, довольно-таки потрепаннаго, всѣ остальные книги были добыты мною, подчасъ какъ контрабанда.

Въ кажущемся противорѣчій съ этимъ отвращеніемъ къ поэзіи, стоитъ то обстоятельство, что отецъ мой обладалъ тѣмъ, что, по моему мнѣнію, составляетъ, *conditio sine qua non*, основаніе поэзіи и искусства: безграничною любовью къ природѣ, неудержимою потребностью быть съ нею въ постоянномъ, тѣсномъ общеніи; ея силы и проявленія приводили его въ постоянный восторгъ, онъ обладалъ самыми изощренными чувствами для наблюденія безчисленныхъ проявленій ея могущества и великолѣпія. Въ томъ, что онъ чувствовалъ себя совершенно дома въ зеленой чащѣ лѣса, что онъ зналъ каждое дерево, каждый кустарникъ, каждую травку, различалъ голоса птицъ, могъ найти самый незамѣтный слѣдъ дичи,—не было ничего удивительнаго: онъ выросъ въ лѣсу, былъ самъ лѣсничимъ. Но закинутый судьбою, на пятидесятомъ году жизни, на берегъ моря, онъ въ короткое время ознакомился съ моремъ и «твореніями его», какъ говоритъ Гомеръ. Ему предстояло здѣсь примѣнить свое искусство въ водныхъ постройкахъ, посредствомъ которыхъ онъ и прежде уже боролся съ наводненіями Эльбы. Съ тою же увѣренностью, съ какою онъ прежде брался за руль и правилъ челнокомъ по сѣрымъ волнамъ взбудоражившейся рѣки, онъ управлялъ на покрытыхъ пѣною волнахъ моря паруснымъ катеромъ, съ двумя гребцами, который предоставленъ былъ для развѣздовъ его, какъ старшаго окружнаго строительнаго чиновника. Онъ съ справедливою гордостью называлъ своимъ царствомъ маленький островокъ Рюдень, гдѣ находилась (находится и понынѣ) значительная лодманская станція, и за нѣсколько сотъ квадратныхъ саженей песчаныхъ дюнъ котораго онъ велъ неустанную, упорную борьбу съ моремъ. Но это случайно вырвавшееся слово, звучавшее притомъ шутливою ироніею, было единственнымъ выраженіемъ души, сокровенная жизнь которой состояла въ любви къ природѣ и восхищенію ею. Ему, человѣку дѣла, не приходило въ голову искать изящныхъ, краснорѣчивыхъ выраженій; иногда они проскальзывали въ его замѣткахъ, которыя онъ велъ съ величайшимъ стараніемъ о дѣловыхъ и хозяйственныхъ предметахъ; но черезъ нѣсколько же строкъ, онъ прерывалъ себя, какъ бы стыдясь выражать словомъ свои чувства, подобно цѣломудренному, застѣнчивому человѣку, который неохотно, и всегда въ самыхъ сухихъ выраженіяхъ говорить о женѣ, или возлюбленной. Онъ смотрѣлъ на подобныя изліянія также, какъ на прогулки, которыхъ не любилъ и на которыя почти невозможно было его вызвать. Онъ охотнѣе оставался цѣлыми днями въ своемъ рабочемъ кабинетѣ (изъ оконъ котораго, правда, могъ любоваться видомъ на прудъ, луга и поля), или отправлялся по дѣламъ въ городъ, пока охота или необходимія поѣздки по службѣ не вызывали его на

просторъ, гдѣ наединѣ съ собою онъ только и чувствовалъ себя легко, физически и нравственно. Смотрѣлъ-ли онъ на поэзію вообще, какъ на подобную безцѣльную прогулку? на попытку праздныхъ людей искусственно замѣнить общеніе съ природою и людьми, безъ всякаго труда дающіеся людямъ дѣятельнымъ?

Можетъ быть, процессъ, происходившій въ его душѣ, былъ не совсѣмъ такъ простъ, какимъ я его изобразилъ? Можетъ быть, въ немъ существовало болѣе или менѣе ясное сознаніе, что нельзя не только творить художественныя произведенія, но и вполне наслаждаться ими, когда не охваченъ полною струею современной жизни? А этого онъ никогда не могъ сказать о себѣ. Онъ былъ заброшенъ судьбою въ приморскій городокъ, гдѣ на долю его выпали только работа и одинокія нерадостныя думы. Судьбѣ угодно было, чтобы этотъ, уже старѣющійся человѣкъ, оставившій на родинѣ и въ Магдебургѣ друзей юности, товарищей его мощныхъ зрѣлыхъ лѣтъ, и нашедшій въ Штральзундѣ и Помераніи пріятныхъ знакомыхъ, преданныхъ и признательныхъ подчиненныхъ, неутомимыхъ товарищей на охотѣ—все, кромѣ истинныхъ друзей по сердцу,—привыкъ обходиться безъ той, кто была единственною страстью его сердца, чей гибкій умъ придавалъ и сохранялъ бодрость въ его слишкомъ мягкой душѣ, и облегчалъ ему, застѣнчивому, замкнутому, сосредоточенному человѣку, столкновенія съ обществомъ людей.

Скажу нѣсколько и о дорогой мнѣ матери. Лѣтъ на десять моложе отца, она, изъ страстной привязанности къ нему, развелась съ первымъ мужемъ, отъ котораго имѣла нѣсколькихъ дѣтей, разставшись съ нимъ дружески, и на сколько это возможно при подобномъ грустномъ шагѣ: по крайней мѣрѣ, отношенія разставшихся супруговъ и обонхъ мужей между собою всегда были исполнены достоинства, доброжелательны и даже пріязненны. Происходя изъ купеческой семьи, блестящее положеніе которой было уничтожено войной и послѣ ранней смерти отца (мать ея была три раза замужемъ, моя мать происходила отъ второго брака), попавъ къ роднымъ, быть можетъ, она получила слишкомъ поверхностное и неправильное воспитаніе. Во всякомъ случаѣ, она читала Гёте и Шиллера, Фоса и Тиде и цѣлый рядъ любимыхъ современныхъ писателей; въ молодости очаровывала слушателей звучнымъ и симпатичнымъ пѣніемъ, играла отлично на фортепьяно и бѣгло говорила по французски съ чистѣйшимъ акцентомъ, увлеченнымъ ею во время занятія Магдебурга французскими войсками. Все это было бы достаточнымъ «*accomplishments*» для менѣе даровитой женщины, чтобы доставить ей подобающее мѣсто въ обществѣ. Но природа надѣлила ее такимъ тонкимъ и изощреннымъ умомъ, такимъ быстрымъ соображеніемъ, такою непогрѣшимою способностью сужденія, легкостью и ловкостью въ способѣ выраженія, что она, надѣленная при рожденіи Афродитою—неувядаемою красотою и привлекательностью—должна была блистать вездѣ, гдѣ бы ни показалась. Безъ всякаго тщеславія, чуждаго ея наивной душѣ, она сознавала свои преимущества и это сознаніе придавало ей привѣтливую гордость и самоувѣренность, которыя не покидали ее ни при какихъ обстоятельствахъ жизни. Я не видѣлъ женщины, которая, при ея опытности, шла бы по жизненному пути съ такою полнѣйшею безпечною гениальнаго, избалованнаго судьбою ребенка, не боящагося никого и ничего.

Изъ тысячи характеристическихъ примѣровъ, приведу только одинъ. Когда, въ 1848 году, волны революціи достигли и Штральзунда, и тихій городъ пришелъ въ волненіе и движеніе, утромъ яснаго, майскаго дня вѣжалъ къ намъ, запыхавшись, одинъ знакомый. По его словамъ, чернь,

состоявшая по большей части изъ рабочихъ въ гавани, разбила окна у синдика Б. и, избравъ слѣдующею жертвою моего отца, шла къ нашему дому. Дѣйствительно уже доходили издали крики и свистки и съ каждою минутой становились все явственнѣе. Покушеніе на моего всѣми уважаемаго и любимаго отца было бы крайне негѣно, однакожъ, пріятель нашъ слышалъ, какъ имя моего отца произносилось съ угрозами очень многими. Всѣ мы были поражены, даже отецъ не могъ вполне скрыть нѣкотораго безпокойства, только мать сохранила полное самообладаніе; сидя за фортепьяно у самаго окошка (мы жили въ бель-этажѣ, и съ высокаго карниза противоположнаго почтового дома можно было видѣть всю комнату), она только на минуту сняла руки съ клавишъ, чтобы выслушать возбужденный разсказъ взволнованнаго друга. «Все это пустяки», сказала она и продолжала спокойно играть. Ее просили позволить, по крайней мѣрѣ, затворить окна. «Напротивъ», отвѣчала она, если вы вѣрите этому вздору, отворите и другія окна, намъ, по крайней мѣрѣ, не придется платить за выбитыя стекла.—«А какая опасность для васъ самихъ, если вы останетесь тутъ, какъ бы насмѣхаясь надъ толпой и подзадоривая ее къ большому неистовству?»—«Я ничѣмъ не могу лучше доказать, что у моего мужа чистая совѣсть; пусть они застанутъ меня за такимъ невиннымъ занятіемъ», возразила она, ни на минуту не переставая играть. Для дальнѣйшихъ разговоровъ уже не было времени: въ слѣдующую минуту передъ домомъ стояла толпа въ нѣсколько сотъ буйныхъ головъ, какія всегда находятся въ приморскихъ городахъ; прогремѣло неоднократное «ура!» и «многія лѣта!» г. совѣтнику. Мать закончила свою игру торжественными аккордами, усмѣхнулась, подошла къ окну и, поклонясь, поблагодарила толпу за овацію.

Это случилось уже въ то время, когда мать моя, вслѣдствіе перваго страданія, не поддававшаяся искусству докторовъ, смотрѣла на свою домашнюю жизнь, какъ на нѣчто чуждое, или даже какъ на необходимое зло; проводила недѣли и даже мѣсяцы въ деревнѣ у друзей, она искала спокойствія, котораго не могла дать ей жизнь въ городѣ и въ собственной семьѣ. Нечего и говорить, какимъ несчастіемъ для меня было это отчужденіе матери, въ то самое время, когда мнѣ предстояло рѣшить участь всей моей послѣдующей жизни, и когда я, не смѣя рѣшиться на выборъ профессіи, которая стала впоследствии цѣлью, задачею и всѣмъ внутреннимъ содержаніемъ моей жизни, опасаясь за мрачное будущее, такъ нуждался въ материнской дружбѣ, совѣтахъ и утѣшеніи. Двое младшихъ дѣтей, братъ, близко стоявшій ко мнѣ по возрасту, но значительно отставшій отъ меня по своему умственному развитію и сестра, еще совершенный ребенокъ, могли, въ этомъ отношеніи, обходиться безъ матери; двое старшихъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ уже много лѣтъ оставилъ родительскій домъ, а другой оставлялъ его въ это самое время, избрали безъ долгихъ колебаній и размышленій карьеру, къ которой влекли ихъ таланты, склонность и отцовскій примѣръ. Они находились въ счастливомъ положеніи, такъ какъ къ естественному авторитету отца, присоединялся еще авторитетъ, которымъ неизбежно и охотно пользовался старый, опытный мастеръ, относительно своихъ молодыхъ учениковъ и товарищей. Со мною дѣло было совершенно иначе. Я никогда не отвергалъ отцовскаго авторитета; напротивъ, я всегда чувствовалъ глубочайшее почтеніе къ этому превосходному человѣку и постоянно выражалъ ему это чувство; но уже въ то время я имѣлъ смутное сознаніе, въ вѣрности котораго теперь совершенно убѣжденъ: что ему пріятнѣе было бы встрѣтиться съ моей стороны,

такія же рѣзкости, какія позволялъ себѣ младшій братъ, или же горячее противорѣчіе старшаго, и что въ моемъ безупречномъ обращеніи съ нимъ, онъ видѣлъ только вознагражденіе за отсутствіе нравственнаго подчиненія, которое я самъ внутренне сознавалъ.

Въ этомъ заключался зародышъ неслыханно грустнаго для обѣихъ сторонъ разлада, по истинѣ трагическаго, такъ какъ онъ неизбежно долженъ былъ возникнуть при существующихъ обстоятельствахъ.

Я указывалъ уже, что отецъ мой принадлежалъ къ числу людей, которыхъ Жанъ-Поль называлъ «фѣмми духомъ», такъ какъ они не имѣютъ выраженій для міра внутреннихъ ощущений. Онъ нѣжно любилъ меня, скажу болѣе, онъ всегда гордился мною, ожидалъ многого отъ развитія живого и вдумчиваго мальчика, во многихъ отношеніяхъ опередившаго своихъ сверстниковъ, — я знаю все это отъ него самого, такъ какъ онъ писалъ мнѣ объ этомъ много лѣтъ спустя, когда отчаяніе за мою будущность смягчило цѣломудренную гордость его сердца. Впрочемъ, къ такому отчаянію не было настоящаго повода, но нѣкоторое сомнѣніе въ возможности осуществленія столькихъ высокихъ надеждъ закралось въ его душу. При этомъ онъ впалъ въ противорѣчіе, корень котораго лежитъ глубоко въ человѣческой душѣ и въ которое впадаетъ безчисленное множество родителей. Мы все ждемъ и надѣемся, что дѣти наши достигнутъ того, что по внѣшнимъ и внутреннимъ причинамъ осталось недоступнымъ для насъ самихъ, сознаемъ, что въ нихъ есть необходимые для этой цѣли задатки и силы, которыхъ не было въ насъ самихъ, и любимъ въ нихъ преимущественно тѣ свойства, въ которыхъ они сходны или тождественны съ нами. Я во многомъ походилъ на отца, начиная съ физическаго сложенія: на полголовы ниже его, но также широкъ въ плечахъ, съ тою же высокою грудью, тѣми же стройными, мускулистыми членами; подобно ему, въ молодости я не имѣлъ равнаго въ прыганьи и ходьбѣ, я былъ проворный пловецъ и такой же хорошій ѣздокъ на конѣ, какимъ онъ остался до сихъ поръ, не дурной стрѣлокъ, хотя и не имѣющій его соколинаго взгляда и безупречно вѣрной руки и, какъ онъ, неутомимый на охотѣ.

Уже по этому отецъ долженъ былъ симпатизировать мнѣ; но кромѣ того, между нами было глубокое, нравственное сродство, трудно опредѣляемое, замѣтное только участникамъ его, подмѣченное мною, и навѣрное моимъ отцомъ. Слѣдовало бы думать, что, когда къ физическимъ свойствамъ и нравственнымъ чертамъ, дѣлающимъ сына похожимъ на отца, присоединяются духовныя качества, хотя и недостающія отцу, по составляющія только дальнѣйшее развитіе его духовной природы, подобное проявленіе должно ему быть въ высшей степени приятнымъ; между тѣмъ вышло совершенно наоборотъ.

Отецъ, все менѣе и менѣе понималъ меня, чѣмъ далѣе я подвигался въ своемъ развитіи, какъ ни послѣдовательно шло оно. Я бы непремѣнно почувствовалъ это обстоятельство, если бы оно оставалось даже невысказаннымъ. Вполнѣ высказано оно, впрочемъ, и не было; но съ устъ отца срывались случайныя замѣчанія, не оставлявшія во мнѣ никакого сомнѣнія въ томъ, насколько чужды ему все мои помыслы и дѣйствія, какъ мало понималъ и одобрялъ онъ то, что казалось мнѣ самымъ дорогимъ, ради чего въ глазахъ моихъ жизнь только и имѣла цѣну.

То обстоятельство, что я не могъ говорить съ нимъ о моихъ школьныхъ занятіяхъ, было, конечно, наименьшимъ зломъ. Я самъ смотрѣлъ на нихъ уже въ то время, какъ на средство «добраться до источниковъ знанія». Всякій отецъ, не получившій средняго, а тѣмъ болѣе высшаго

университетскаго образованія, рано или поздно долженъ предоставить сыну, избравшему научную карьеру, идти своимъ путемъ. Подобные случаи встрѣчаются въ тысячахъ семействъ, и хотя не вполнѣ желательны, но не заключаютъ въ себѣ ничего вреднаго, разъ что отецъ раздѣляетъ стремленія сына; подобныя отношенія могутъ быть даже источникомъ чистой радости для обѣихъ сторонъ.

Почему же у насъ случилось иначе? Я совершенно увѣренъ въ томъ, что никогда не позволилъ себѣ относительно отца ни малѣйшаго тщеславія моимъ слабымъ знаніемъ латини и греческаго языка; онъ же, безъ сомнѣнія, предпочелъ бы, чтобы я, подобно моимъ старшимъ братьямъ, посвятилъ себя строительному искусству; тѣмъ болѣе, что въ дѣтствѣ я неутомимо возводилъ красивыя и фантастическія постройки изъ такъ называемыхъ брусковъ, постройки, которыя нравились даже взрослымъ, и притомъ, знатокамъ дѣла. Я помню, что одинъ изъ главныхъ авторитетовъ, изъ числа высшихъ должностныхъ лицъ въ вѣдомствѣ отца, разъ долго и глубокомысленно разсматривалъ одно изъ произведеній моего дѣтскаго творчества и затѣмъ, обратясь къ отцу, сказалъ: «Онъ будетъ когда-нибудь великимъ мастеромъ нашего искусства». Но это происходило уже давно; способность къ техникѣ, которую я неоднократно доказывалъ, казалось исчезла вмѣстѣ съ дѣтскими годами, а нелюбовь моя къ математическимъ выкладкамъ должна была убѣдить отца, что предсказаніе высокаго авторитета оказалось совершенно ошибочнымъ. По всей вѣроятности, ему больно было отказаться отъ любимыхъ надеждъ, а тяжелое сознаніе недостатка научнаго образованія, навѣрное не разъ тяготившее его въ жизни, со временемъ перешло въ рѣшительное отвращеніе къ книгамъ; но все-таки до сихъ поръ онъ позволялъ мнѣ надѣяться, что рѣшеніе — продолжать мои занятія — принято окончательно. Что же во мнѣ и моихъ дѣйствіяхъ смущало спокойствіе его души, до такой степени, что онъ, въ отношеніи меня, казался пристрастнымъ, нелюбящимъ? Безъ сомнѣнія, слѣдующее: онъ не могъ избѣжать опасенія, что научное образованіе, къ которому я стремился, никогда не будетъ направлено къ практической цѣли, что за всемъ этимъ скрывается нѣчто, чему онъ не можетъ дать подходящаго названія, и передъ чѣмъ строгій, солидный человѣкъ, ревностный чиновникъ, неимѣющій возможности дать своимъ дѣтямъ, при вступленіи ихъ въ жизнь, суровость которой онъ испыталъ на себѣ, ничего, кромѣ тщательной подготовки къ практической, обезпечивающей существованіе карьерѣ, — чувствовалъ ненормальный страхъ.

Что дѣлалъ я въ своей комнатѣ, проводя болѣе половины ночи при блѣдномъ свѣтѣ лампы? Я не могъ и не хотѣлъ говорить ложь, что просиживаю за латинскими сочиненіями, или греческими переводами; я отвѣчалъ правду, что зачитывался Натана, или Фауста и забывалъ о снѣ. «Не стоило жечь лампы», ворчалъ отецъ. Такія неестественныя замѣчанія казались мнѣ благодарнымъ въ сравненіи съ угрюмымъ молчаніемъ, которое мы обыкновенно хранили, когда бывали наединѣ... Но понималъ-ли бы онъ меня, если бы я попытался побѣдить смущеніе, которое я чувствовалъ передъ нимъ? Я увѣренъ, что нѣтъ. Онъ никогда не пускался въ то туманное море, по которому неслась безъ руля моя бѣдная ладья; никогда нога его не ступала на ту невѣдомую землю, которую я предполагалъ за этимъ туманнымъ моремъ, на тотъ чудный берегъ, который я казалось узнавалъ и видѣлъ, когда нѣсколько разсѣивались тучи.

Съумѣла-ли бы мать понять мои мечтанія? Я долженъ сказать: нѣтъ. Ея веселый умъ, пока она пользовалась здоровьемъ, былъ постоянно

занятъ дѣйствительною жизнью. Прирожденная бодрость ея души не измѣнила ей и въ болѣзни, напротивъ, отвернувшись отъ жизни, которая, повидимому, ничего болѣе не могла дать ей, она достигла высшей, духовной чистоты, философской созерцательности, сказалъ бы я, если бы, при этомъ выраженіи, можно было откинуть всякую мысль о знаніи, почерпнутомъ изъ книгъ; послѣднему слову мудрости, до которой она дошла, научила ее жизнь. Казалось, что этимъ словомъ было грустное ученіе о полнѣйшей суетѣ всего человѣческаго, но это только казалось. Когда она говорила о счастьи старости, неизмѣримо превосходящемъ счастье юности, о безмятежности сердца, которое ничего не желаетъ, не стремится ни къ чему, что можетъ дать только случай или борьба, а довольствуется самимъ собою, — въ словахъ ея не было ни малѣйшаго желанія научать другихъ или испортить имъ наслажденіе жизнью. Она знала и высказывала мысль, что нельзя всѣхъ мѣрять одною мѣрою, и выраженіе «время всему научить» было ей любимымъ.

Этимъ словами она навѣрное бы постаралась успокоить меня, если бы я повѣрилъ ей мои страданія. Но я этого не сдѣлалъ. Какъ ни старалась она снисходить ко мнѣ, обсуждая подобные вопросы, мнѣ было тяжело. Я могъ съ благодарностью и любовью цѣловать дорогую руку, но отвѣчать признаніемъ на признаніе, исповѣдать свой внутренній раздоръ, свои страстные желанія передъ этой ясной душою, — я не былъ въ состояніи.

Еще менѣе могъ я обратиться къ ея посредничеству между мною и отцомъ, втеченіи тѣхъ немногихъ лѣтъ, которыя ей суждено было прожить. Я чувствовалъ все яснѣе и яснѣе, что нуженъ былъ посредникъ между этими сердцами; одно изъ нихъ жаждало одиночества, чтобы вспыхнуть яркимъ прощальнымъ огнемъ, какъ потухающее пламя, а другое, болѣе привязанное къ жизни, къ земному, не могло сносить одиночества, чувствуя себя покинутымъ и страдая отъ этого сознанія. Такимъ образомъ юноша, въ тѣ годы, когда у всѣхъ людей возникаетъ стремленіе высказаться, а у нѣкоторыхъ доходить до мучительной потребности, долженъ бы молчать о томъ, что было для него единственною цѣлью жизни, или же обречь себя на грустныя, бесплодныя разсужденія съ самимъ собою, если бы благосклонная судьба не послала ему спутника, который шелъ тѣмъ же одинокимъ путемъ къ той же одинокой звѣздѣ, и въ которомъ онъ во многихъ отношеніяхъ видѣлъ своего двойника.

Но единственный другъ мой, казалось, посланный мнѣ самимъ небомъ, имѣлъ такое вліяніе на всю мою послѣдующую жизнь, что разсказать о немъ займетъ гораздо болѣе мѣста, чѣмъ могутъ мнѣ позволить размѣры этой статьи.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Ткачъ изъ Штейнбаха.

(Разсказъ Эрмана Шатріана, переводъ г-жи М. Минуть.)

— Вы мнѣ говорите объ нашей горѣ, скажутъ мнѣ однажды старый ткачъ Генрихъ, меланхолически улыбаясь; — но если вы желаете видѣть самую вершину, тогда надо зайти со стороны Саверна; ступайте по дорогѣ въ Дагсбергъ, сойдите въ Нидекъ, поднимитесь въ Сан-Діе и въ Ретуримеръ, вотъ тамъ вы увидите гору, дѣся, скалы, озера и пропасти. Говорятъ, будто лучшая дорога идетъ на Хонекъ; что-то мнѣ не вѣрится. Хонекъ возвышается на четыре тысячи футовъ, снѣгъ тамъ не таетъ до іюня; покатою горы отвѣсно спускаются въ ущелье Мюнстера, огромными черными скалами, а тамъ растутъ одни ели, снизу очень похожія на папоротники. Предъ вами откроется долина Эльзаса, Рейнъ,

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА С. ЛЮКАСА.

Новая покупка.

Гравировано въ ксилогр. завед. А. Шлипера.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ

КАРТИНА ФР. ГЮАРДА.

Семейныя драгоценности.

Гравировано въ ксилогр. завед. А. Шлипера.

бернскіе Альпы, озера Ретуримеръ, Лонгмеръ, потому горы, горы безъ конца! Сколько разъ я охотился въ этой прекрасной странѣ! Сколько я перебилъ зайцевъ, лисичъ, кабановъ, козулей вдоль этихъ лѣсистыхъ береговъ! А сколько тамъ въ верескѣ барсуковъ, рябчиковъ, сколько форелей въ озерахъ! Меня тамъ знали всѣ, отъ Мюнстера до Жирардмера; бывало прохожу и слышу: «вотъ Генрихъ! онъ опять весь увѣшался дроздами и перепелами». Придешь, бывало, усталый, на ферму—мнѣ очистить уголь у стола, придвинуть дощечку съ сыромъ; мой стаканъ наполнять бѣлымъ эльзаскимъ виномъ. Дѣвушки обнимали меня за плечи, старики жали руки и всегда обо всемъ спрашивали: «Что Генрихъ будетъ на покосъ ведро? водить-ли свиней на желуды, а быковъ на пажити?» А старушки живо прятали свои вѣники за дверь, чтобы пораспросить меня о новостяхъ.

Иной разъ, уходя, я вѣшалъ въ кухнѣ мате-рого зайца, съ желтыми большими зубами, съ рыжей шерстью, какъ сухой мохъ, или зимой оставлялъ старую лисицу, которую мнѣ приходилось дня по три, выслѣживать на морозѣ, пока я не убивалъ ее. Я всегда былъ другомъ всѣхъ тамошнихъ поселенцевъ. Да, славное было время! славные люди, хорошая сторона Вогезы!

— Почему же, Генрихъ, вы ушли изъ этой прекрасной страны, когда вы такъ ее любили?

— Да, видите, Христіанъ, человекъ ничѣмъ не удовлетворяется, да и къ тому же время подошло—я сталъ плохо видѣть, руки начали трестись: не одинъ заяцъ у меня ускользнулъ... Отали брать новыхъ сторожей, начали строить новые лѣсные домики... пошли составлять противъ меня протоколы... тутъ еще вмѣшались жандармы... меня принялись ловить—пу, я и отступился... взялъ нитки и челнокъ и отлично сдѣлалъ: я не раскаиваюсь, нѣтъ не раскаиваюсь!

При этихъ словахъ лобъ старика нѣсколько омрачился, онъ всталъ и началъ тихо ходить по маленькой комнатѣ, заложивъ за спину руки, съ блѣднымъ лицомъ и устремленными въ пространство глазами. Мнѣ казалось, что передо мной старый беззубый волкъ, съ иступившимися когтями, вспоминающій злон старыя славныя подвиги. По временамъ первая судорога пробѣгала по его губамъ. Послѣдніе лучи дня, скользя по станку ткача и по стѣнѣ, увѣшанной старыми гравюрами, придавали этой картинѣ таинственный видъ.

Вдругъ онъ остановился и посмотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо.

— Конечно, сказалъ онъ небрежно,—не очень охотно, принялся я опять за старое ремесло, да была другая причина.

Онъ присѣлъ къ маленькому окошку и тусклыми глазами смотрѣлъ на угасающій день.

— Разъ осенью, продолжалъ онъ,—въ 1827 г., часовъ около 11 вечера, я ушелъ изъ Жирардмера съ ружьемъ на плечѣ, въ Шлюхт. Это—дикое мѣсто между Хонеккомъ и Дьявольской скалой; тамъ постоянно вьются семьи хищныхъ птицъ; ястребы и даже орлы летятъ сюда отъ альпійскихъ тумановъ; но такъ какъ орлы вылетаютъ обыкновенно на разсвѣтѣ, то надо туда забираться очень рано, если хочешь накрыть ихъ. Тамъ въ углубленіяхъ пещеръ попадаются и лисичи и ласочки, куницы и много другихъ звѣрей. Въ два часа ночи я былъ уже на площадкѣ и шелъ по маленькой тропинкѣ, которую нужно отлично знать, потому что она ведетъ вдоль пропасти; масса влажнаго папоротника растетъ на обрывахъ скалы, а внизу черпятся вершины елей. Но въ такую позднюю пору, ничего не было видно,—ночь была такъ темна, хотъ глазъ выколи; нѣсколько звѣздочекъ сверкали надъ пропастью. Я слышалъ вблизи пронзительный крикъ куницы; эти животныя не избѣгаютъ свѣ-

та; иногда при свѣтѣ луны видишь двухъ или трехъ разомъ, какъ онѣ тусклымъ взбираются по скаламъ такъ увѣренно и смѣло, какъ по землѣ. Въ ожиданіи разсвѣта, я присѣлъ подъ дубомъ, чтобы покурить трубку. Въ воздухѣ было такъ тихо, что ни одинъ листокъ не шелохнулся, какъ будто все вымерло. Я отдыхалъ съ четверть часа, думая о разныхъ разностяхъ, вдругъ мнѣ показалось, что въ глубинѣ пропасти мелькнулъ свѣтъ. «Кой чортъ тамъ бродитъ», подумалъ я. Черезъ минуту свѣтъ показался яснѣе, пламя ярко освѣтило; ели и тѣни ихъ, колебаясь, отражались въ ручьи. Около огня обрисовалось нѣсколько фигуръ, снующихъ взадъ и впередъ, какъ муравьи. Это цыгане расположились на плоской скалѣ; они зажгли огонь, чтобы сварить похлебку прежде, чѣмъ тронуться въ путь. Вы не можете представить себѣ, Христіанъ, какъ чудесенъ былъ этотъ привалъ въ глубинѣ пропасти! Старые деревья, вѣтки плутокъ, терновникъ и жимолость, нависшіе надъ скалой, яснили въ воздухѣ; тысячи искръ летали надъ потокомъ и странный свѣтъ, двигаясь надъ сводомъ большихъ елей, какъ хороводъ блуждающихъ огоньковъ на Блоксбергѣ. Съ высоты, гдѣ я сидѣлъ, вся картина представлялась мнѣ небольшою ладонью, огонь и золото на темномъ фонѣ сумерекъ, были необыкновенно волшебны. Долго, смотря внизъ, я думалъ, что люди эти тоже, что насѣкомыя во мху; никогда еще это не приходило мнѣ въ голову. Наконецъ я поползъ между скалами, уцѣпился за кустарникъ, чтобы поближе разсмотрѣть этихъ людей. Я уже могъ разглядѣть старуху, сидящую у котла. Огонь освѣщалъ ее съ одной стороны; она обхватила свои худыя колѣни и смотрѣла въ котелъ. Трое, или четверо почти голыхъ дѣтей, ползали около нея, какъ лягушки. Дальше—мужчины и женщины, присѣвъ на корточки, дѣлали приготовления къ отъѣзду; они вставали, бѣгали, появлялись и исчезали въ полосѣ свѣта, чтобы бросить охапку листьевъ въ огонь, который быстро вспыхивалъ, разстилая массы дыма надъ долиной. Пока я смотрѣлъ на все это, дьявольская мысль промелькнула въ моей головѣ, мысль эта въ душѣ насмѣшила меня: «Хе, подумалъ я,—что если вдругъ упадетъ съ неба большой камень на эту кучку людей, какое бы лицо было у старухи, а другіе-то, каковы бы они тогда были, хе, хе, хе, смѣшно, неправда-ли?» Но я сейчасъ же подумалъ, что нужно быть мерзавцемъ, чтобы скатить обломокъ скалы и пустить имъ въ цыганъ, которые ничего не сдѣлали мнѣ худого. Къ несчастію, большущій камень лежалъ у моихъ ногъ, я его тихонько поталкивалъ... такъ, шутя...

Тутъ Генрихъ остановился. Онъ былъ очень блѣденъ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ продолжалъ:

— Видите-ли, Христіанъ, охота—дьявольская страсть: она развиваетъ инстинкты разрушенія, которые дремлютъ въ глубинѣ нашей натуры. Если бы я, втеченіи тридцати лѣтъ не привыкъ проливать безвинную кровь, то отъ одной мысли, что я могу раздавить кого-нибудь изъ этихъ несчастныхъ цыганъ, у меня волосы стали бы дыбомъ! Я сейчасъ же бы удалился, чтобы не поддаваться искушенію, но привычка убивать ожесточила меня... да къ тому же меня, правду сказать, подстрекнуло дьявольское любопытство: я представлялъ себѣ цыганъ съ разинутыми ртами отъ ужаса, бѣгающими взадъ и впередъ, подымая руки, крича, ползая на четверенькахъ по скаламъ, съ такими смѣшными лицами, съ такими странными судорогами, что я невольно толкалъ камень... сначала очень осторожно... наконецъ, я его столкнулъ на скату... Камень упалъ!.. сначала онъ медленно описалъ кругъ... я бы еще могъ его удержать... Я даже всталъ, чтобы броситься внизъ, но въ этомъ мѣстѣ скатъ былъ до того крутъ, что на второмъ поворотѣ, онъ про-

скочилъ уже три фута, потомъ шесть, и съ ужа-сающей быстротой покати́лся внизъ. Я стоялъ, дрожа, и чувствовалъ, что блѣднѣю: обломокъ опускался какъ разъ надъ огнемъ. Я его видѣлъ въ воздухѣ, потомъ я слышалъ, онъ подпрыгнулъ, какъ кабанъ. Это было ужасно! Я вскрикнулъ... Цыгане подняли головы, но уже было поздно! Въ эту минуту, обломокъ въ послѣдній разъ показался въ воздухѣ и огонь погасъ...

Генрихъ замолчалъ и устремилъ на меня угрюмый взоръ. Потъ каплями выступилъ на его лбу. Я ничего не говорилъ; я опустил голову, не смѣя на него смотрѣть... Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, старый охотникъ продолжалъ:

— Вотъ что я сдѣлалъ, Христіанъ, я это говорю только вамъ первому, послѣ исповѣди у стараго священника Готлиба въ Ширнекѣ, черезъ два дня послѣ этого случая. Этотъ священникъ сказалъ мнѣ: «Генрихъ, кровожадность васъ погубила. Вы убили старую женщину для потѣхи, изъ желанія посмѣяться... Это ужасное преступленіе. Бросьте ваше ружье, работайте, вмѣсто того, чтобы убивать и, можетъ быть, Господь когда-нибудь проститъ вамъ этотъ грѣхъ... Я понимаю, что патеръ былъ правъ: охота меня погубила. Я отдалъ свою собаку шеврогфскому башмачнику, ружье повѣсилъ на стѣну и вотъ... я взялся за челнокъ!

Ткачъ умолкъ. Мы долго сидѣли другъ противъ друга. Настала ночь; мертвая тишина царила въ деревушкѣ Штейнбахъ, а вдали, по дорогѣ въ Северы, во весь духъ несея тяжелый поѣздъ.

Въ девять часовъ за Штейнбахомъ показалась луна, я всталъ, желая уйти. Старый охотникъ проводилъ меня до порога своей хижины.

— Какъ вы думаете, Христіанъ, проститъ меня Господь? сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку.

Его голосъ дрожалъ.

— Много вы страдали, Генрихъ? Терпѣть, значить искупить.

Онъ смотрѣлъ на меня молча нѣсколько минутъ.

— Страдалъ-ли я? сказалъ онъ съ горечью.—Ахъ, Христіанъ, можете-ли вы меня объ этомъ спрашивать. Какъ вы думаете, можетъ-ли быть ястребъ счастливъ въ клеткѣ? Вѣдь нѣтъ, не правда-ли? Онъ будетъ скучать, даже несмотря на хорошій кормъ. Онъ видитъ небо черезъ рѣшетку тюрьмы, его крылья трепещутъ, кончается тѣмъ, что онъ умираетъ! И такъ, вотъ уже десять лѣтъ я сижу, какъ ястребъ!

Онъ нѣсколько минутъ молчалъ, потомъ вдругъ какъ-будто противъ воли увлекся.

— О! воскликнулъ онъ,—горы, лѣса, уединеніе, что за жизни!

Онъ простеръ руки къ далекимъ вершинамъ Вогезовъ, которыя черными массами рисовались на горизонтѣ, и крупныя слезы покатались изъ его глазъ. «Бѣдный старикъ», подумалъ я, уходя, бѣдный!»

Я поднялся въ гору и пошелъ по маленькой тропинкѣ, которая вилась среди вереска, вдоль по косогору.

О происхожденіи нравственныхъ чувствъ.

I.

Въ Парижѣ печатается и скоро поступитъ въ продажу книга Гюйо (Guyau) «La morale anglaise contemporaine; morale de l'utilité et de l'évolution», съ которой мы познакомимъ читателя по не большой статейкѣ, помѣщенной въ Revue politique et littéraire.

Въ новое время наибольшую услугу этикѣ оказали англійскіе мыслители. Изслѣдуя гене-

зисъ моральнаго чувства, они первоначально находили источникъ его въ воспитаніи. Такъ Стюартъ Милль думалъ, что нравственное чувство есть продуктъ привычекъ, привитыхъ дѣтямъ ихъ родителями, получившими, ихъ въ свою очередь тоже отъ родителей и т. д. Но, кромѣ моральнаго чувства, прививаемаго воспитаніемъ, Милль допускалъ еще и естественное нравственное чувство. Такимъ образомъ, оказывались какъ бы два источника нравственнаго чувства. Совѣтъ поэтому не есть исключительно привычка, но еще и нѣчто прирожденное, являющееся въ формѣ инстинкта; она не продуктъ исключительнаго воспитанія, но часть нашей природы.

По ученію Дарвина, животныя обладаютъ несомнѣнно социальнымъ общественнымъ инстинктомъ, который ими приобрѣтенъ или, по меньшей мѣрѣ, развитъ естественнымъ подборомъ. Естественный подборъ, дѣйствуя постоянно, видоизмѣняетъ этотъ инстинктъ и усиливаетъ его въ направленіи наибольшей выгоды. Наиболѣе важные основные элементы этого инстинкта—любовь и симпатія. Вначалѣ, и у животныхъ низшаго порядка, инстинктъ этотъ обнаруживается стремленіемъ къ извѣстнымъ установившимся и неподвижнымъ механическимъ дѣйствіямъ; но по мѣрѣ того, какъ поднимается лѣстница живыхъ существъ, инстинктъ этотъ становится шире и обнимаетъ сферу дѣйствій болѣе многочисленныхъ и менѣе установившихся или опредѣленныхъ. Общественныя животныя находятъ удовольствіе быть въ обществѣ себѣ подобныхъ, они предупреждаютъ другъ друга объ опасности, защищаютъ другъ друга и т. д.

Дарвинъ приводитъ нѣсколько подобныхъ любопытныхъ примѣровъ. Молодого генона или долгохвостую мартышку схватилъ орелъ; обезьянка удержалась за вѣтвь дерева и стала кричать о помощи; тогда стадо геноновъ набросилось на орла и начало щипать его перья; орелъ бросилъ добычу и улетѣлъ. Въ звѣринцахъ очень часто, если какая-нибудь обезьяна напалитъ и ее хотятъ наказать, то товарищи усиливаются спасти ее отъ наказанія. Въ одномъ звѣринцѣ былъ старый пеликанъ, совсѣмъ слѣпой и несмотря на то очень упитанный и жирный, потому что его кормили его товарищи. Тоже самое было замѣчено съ воронами и съ домашними пѣтухами. Эти примѣры симпатическаго и моральнаго инстинкта не выходятъ изъ области вида или рода, но Дарвинъ приводитъ примѣръ, когда привязанность обнаруживалась къ существамъ другого рода. Сторожъ одного зоологическаго сада показывалъ Дарвину глубокую рану, которую ему нанесъ бабунинъ въ то время, когда сторожъ стоялъ передъ его клѣткой на колѣняхъ. Маленькая обезьяна, любившая этого сторожа, жила въ той же клѣткѣ и чувствовала передъ своимъ сожителемъ паническій страхъ; какъ только она увидѣла своего друга въ опасности, она бросилась на обидчика подняла крикъ, начала его кусать и, рискуя собственной жизнью, дала возможность сторожу освободиться отъ бабуина.

II.

Факты мужества и преданности, замѣченные у животныхъ, Дарвинъ объясняетъ стремленіемъ къ пріятному и боязнью страданія. И въ дѣйствительности удовлетвореніе инстинкта представляетъ удовольствіе тѣмъ большее, чѣмъ сильнѣе самый инстинктъ. Вообще общественный инстинктъ принадлежитъ къ очень энергическимъ инстинктамъ, потому что онъ безусловно полезенъ для сохраненія вида и именно поэтому, благодаря закону подбора, онъ стремится къ развитію. Сколько, напр., нужно птицъ подавить въ себѣ разныхъ апетитовъ и желаній, чтобы удержаться втеченіи двухъ-трехъ недѣль на высиживаніи птенцовъ; птица удерживается здѣсь частію инстинктомъ, частію удовольствіемъ.

Есть еще элементъ, котораго до сихъ поръ мы не вводили въ вопросъ,—память и размышленіе. Предположите, что общественный инстинктъ вступаетъ въ борьбу съ какимъ-нибудь внезапнымъ сильнымъ желаніемъ,—напр., голодъ или страсть, ненависть—и общественные инстинкты у людей оказываются побѣжденными; но разъ чувство голода или ненависти удовлетворено—исчезаетъ удовольствіе, родившееся изъ этого удовлетворенія, а между тѣмъ общественные инстинкты остаются, потому что на ихъ сторонѣ все прошлое, всѣ привычки, накопившіяся медленно путемъ наслѣдственности. Противъ всего этого наслѣдственнаго накопленія стоялъ только одинъ моментъ удовольствія, исчезнушаго послѣ удовлетворенія. Какъ только разумъ путемъ размышленія опредѣлитъ совершившійся фактъ, сравнитъ его важность съ общественнымъ инстинктомъ, болѣе живучимъ, настойчивымъ и сильнымъ, онъ не можетъ не относиться съ нѣкоторымъ ужасомъ къ совершившемуся дѣйствію удовлетворенія мимолетнаго желанія.

По новѣйшей теоріи нравственности, созданной англичанами, нравственное существо характеризуется способностью сравнивать свои прошедшія и будущія дѣйствія, опредѣлять мотивы этихъ дѣйствій, одобрять одни изъ нихъ и отвергать другіе. До сихъ поръ призывъ къ сравненію поступковъ разсматривали, какъ одно изъ дѣйствій сознанія, но Дарвину же это дѣйствіе есть самосознаніе.

Въ моментъ дѣйствія человѣкъ, безъ сомнѣнія, способенъ слѣдовать по наиболѣе сильному импульсу и, несмотря на то, что импульсъ этотъ можетъ увлечь его на поступки болѣе благородные, онъ въ большинствѣ случаевъ заставляетъ удовлетворять собственнымъ желаніямъ насчетъ ближнихъ. Но послѣ удовлетворенія своимъ желаніемъ, когда человѣкъ сравнитъ прошедшія и ослабѣвшія впечатлѣнія съ своими болѣе продолжительными и прочными общественными инстинктами, онъ чувствуетъ себя недовольнымъ и принимаетъ болѣе или менѣе сильное рѣшеніе дѣйствовать въ будущемъ иначе. Въ этомъ и заключается сознаніе являющееся судьей прошедшихъ поступковъ.

Принявъ, что способность сравнивать свои прошедшія и будущія дѣйствія даетъ моральное существо, Дарвинъ весьма точно устанавливаетъ границу, приближающую и раздѣляющую человѣка и животное. Моральное чувство, говоритъ онъ, возникаетъ изъ дѣятельности умственныхъ способностей и глубины впечатлѣнія, которыя оставляетъ въ человѣкѣ совершившійся фактъ. Въ послѣднемъ собственно и заключается специальная особенность человѣка. Умъ его устроенъ такимъ образомъ, что онъ не можетъ не глядѣть назадъ и не представлять себѣ впечатлѣніе событій или дѣйствій принадлежащихъ прошлому. Но въ тоже время умъ человѣка постоянно смотритъ и впередъ. Изъ этого слѣдуетъ, что если одно изъ проходящихъ желаній подавить его общественные инстинкты, то наступитъ непременно моментъ, когда человѣкъ подумаетъ и сравнитъ ослабѣвшее впечатлѣніе прошедшихъ импульсовъ съ общественнымъ инстинктомъ, не потерявшимъ своей силы. Тогда онъ испытаетъ недовольство, вызванное неудовлетвореннымъ инстинктомъ и приметъ рѣшеніе дѣйствовать въ будущемъ иначе. Это и есть сознаніе. Нужно отмѣтить еще при этомъ и слѣдующую разницу между человѣкомъ и животнымъ. Соціальныя инстинкты влечетъ человѣка смутно помогать себѣ подобнымъ, но не опредѣляетъ заранѣе дѣйствій, которыми онъ имъ поможетъ; инстинктъ указываетъ только на конецъ, представляя человѣку самому опредѣлить средства. Человѣкъ, благодаря слову, можетъ сообщить точную и опредѣленную форму своимъ нуждамъ и желаніямъ и

поэтому всякій специальный инстинктъ утрачивается въ немъ свой *raison d'être*, а благодаря закону экономіи, которымъ пользуется постоянно природа, специальные инстинкты наконецъ перестаютъ существовать. Внутреннее стремленіе, которое побуждаетъ животное выполнять полезныя дѣйствія, тоже не дѣйствуетъ въ человѣкѣ непосредственно. Чувство симпатіи, дѣлая насъ чувствительными къ похвалѣ или къ порицанію, и побуждая поступать такъ или иначе, создаетъ въ насъ новаго двигателя и вспомогательный центръ для доброжелательныхъ импульсовъ.

Размышленіе, выражаемое словомъ—вотъ единственная сила, которая первоначальный инстинктивный импульсъ превратила постепенно въ моральное чувство. Наконецъ, традиція, превратившаяся въ общественное мнѣніе, одобрила и сохранила подъ именемъ нравственныхъ извѣстныхъ дѣйствій и поступковъ, имѣющіе стремленіе повышать общее счастье.

Такимъ образомъ, по Дарвину и по Бэну, нравственное чувство есть необходимость, созданная самою силою вещей; но предметы и матеріалы этого чувства, по той же силѣ вещей, существенно измѣнимы. Въ насъ не существуетъ никакой, такъ сказать, моральной точки, гдѣ бы соединились нераздѣлимо чувства и предметъ чувства, воли и предметъ воли; то и другое остаются раздѣленными и соединеніе ихъ всегда временное. Воля, какъ соединеніе инстинкта, разума и страсти, никогда не имѣетъ такой опредѣленной точки, къ которой бы она была приязана.

Въ подтвержденіе своей теоріи Дарвинъ указываетъ на развитіе моральныхъ чувствъ. Важность, придаваемая той или другой добродѣтели, всегда пропорціональна важности самой добродѣтели, какъ одного изъ условій существованія той соціальной группы, въ средѣ которой она практикуется. Добродѣтели соціальныя въ строгомъ или тѣсномъ смыслѣ, необходимы для поддержанія всего общества и наиболѣе элементарныя, были единственными, которыя уважались въ принципѣ первоначально. Добродѣтели же личныя или частныя, какъ, напр., умѣренность, скромность, были вначалѣ или неизвѣстны, или презирались. Соціальныя добродѣтели практиковались вначалѣ и возрождались, такъ сказать, въ нѣдрахъ одного племени или рода, а не въ взаимныхъ отношеніяхъ родовъ или племенъ. Ни одинъ родъ или племя не могли бы существовать, если бы измѣна, убійство, воровство явились бы въ немъ обычными дѣйствіями, понятно, что вначалѣ всѣ подобныя преступленія предовались вѣчному проклятію только въ предѣлахъ рода, но внѣ его вовсе не возбуждали подобныхъ же чувствъ.

Послѣ этого анализа сознанія и нравственныхъ чувствъ Дарвинъ спрашиваетъ, какой же принципъ слѣдуетъ связать научно съ моралью:—стремленіе къ личному счастью или эгоизмъ? Или же наибольшее всеобщее благо, какъ того хотѣли Бентамъ и Стюартъ Милль? Чтобы формулировать принципъ, на которомъ покоится мораль—выраженіе личное или общественное счастье оказывается неудовлетворительнымъ и нужно найти опредѣленіе болѣе широкое и менѣе объективное. Дарвинъ предлагаетъ выраженіе общее благо, понимая подъ нимъ будущее процвѣтаніе и физическое, и нравственное здоровье общества. «Выраженіе общее благо, говоритъ Дарвинъ, можетъ быть опредѣлено, какъ средство, которое позволяетъ въ извѣстныхъ условіяхъ существованія воспитать наибольшее число индивидовъ въ полномъ здоровьѣ и физической силѣ, одаренныхъ способностями настолько же совершенными, насколько и возможными».—«Когда человѣкъ, прибавляетъ Дарвинъ, рискуетъ собственной жизнью для спасенія жизни себѣ подобнымъ, будетъ бо-

лѣе справедливо сказать, что онъ дѣствуетъ для общаго блага, чѣмъ для счастья человѣческаго рода.

Но если объективное общее благо принимается, какъ единственный принципъ морали, тѣмъ не менѣе личное счастье существуетъ, какъ второй центръ дѣйствій и сохраняетъ свою важность. «Дѣйствительное общее благосостояніе и личное счастье обыкновенно сходятся, говоритъ Дарвинъ, и общество счастливое и удовлетворенное будетъ процвѣтать лучше, чѣмъ то, въ которомъ личное счастье не сливается съ общимъ благомъ. Въ первые періоды человѣческой исторіи желанія, выражавшіяся общиной, должны были вліять въ высшей степени на поведеніе каждаго изъ ея членовъ. Община, стремясь къ счастью поставила себѣ цѣлью принципъ наибольшаго счастья, и онъ служилъ очень важнымъ руководителемъ общественныхъ инстинктовъ и симпатій, являясь постоянно первымъ импульсомъ. Здѣсь Дарвинъ возвращается нѣкоторымъ образомъ къ принципу утилитаризма, и развивая его мысль, можно сказать, что борьба за существованіе является вмѣстѣ съ тѣмъ и борьбою за счастье. Въ этой борьбѣ, какъ бы возникаетъ нѣчто въ родѣ естественнаго подбора: разумъ по мѣрѣ своего развитія видитъ лучшія средства для достиженія счастья, а расширяющійся опытъ научается лучше пользоваться средствами для его достиженія. Люди замѣчаютъ все лучше и лучше связь причинъ и слѣдствій и наконецъ общество требуетъ добродѣтелей все болѣе и болѣе уточенныхъ. Этимъ способомъ является въ обществѣ, какъ бы конкуренція за добродѣтель, совершенно также, какъ въ борьбѣ за существованіе конкуренція силы; но въ нравственной борьбѣ силы, направленной на борьбу, будутъ и силами нравственными. Нравственный организмъ каждаго человѣка улучшается изъ поколѣнія въ поколѣніе и человѣчество приближается все болѣе и болѣе къ главной своей цѣли—наибольшаго счастья.

Такимъ образомъ оказывается, что между Дарвиномъ и школою утилитаристовъ несогласіе не такъ велико. «Послѣдній конецъ» у обоихъ дактринъ одинаковъ, ибо общественное счастье имѣетъ своимъ непремѣннымъ условіемъ общественное благосостояніе, общественное процвѣтаніе и здоровье всѣхъ членовъ. Разница лишь въ томъ, что когда придется указывать на двигателя, направляющаго людей къ этой крайней моральной цѣли, то утилитаристы указываютъ на эгоизмъ, а Дарвинъ на общественный инстинктъ. «Этимъ говоритъ Дарвинъ, устраняется упрекъ, что эгоизмъ служитъ основаніемъ наиболѣе благородныхъ побужденій нашей природы, если не называть эгоизмомъ удовлетвореніе, испытываемое всякимъ животнымъ, когда оно повинуетъ своимъ собственнымъ инстинктамъ и недовольство, если помѣшаютъ его удовлетворенію». Но вѣдь эгоизмъ никогда и не заключался въ чемъ-нибудь иномъ, кромѣ стремленія къ личному удовлетворенію откуда бы оно ни шло. Когда

Бентамъ называлъ нравственностію «регуляризацию эгоизма» — онъ, конечно, понималъ подъ этимъ также и удовлетвореніе симпатическихъ наклонностей, какъ и всѣхъ остальныхъ. И Гельвецій думалъ также, когда говорилъ, что человѣкъ великодушный «вынуждается» собственною природою помогать другимъ и что, страдая за другого, онъ только предпочитаетъ меньшее страданіе большому. Ту же мысль высказывалъ и Эпикуръ, когда совѣтывалъ мудрому умирать за своего друга, чтобы спасти себя отъ страданія потерять его. Утилитаристы брали слово эгоизмъ всегда въ этомъ широкомъ смыслѣ и человѣческое «я» предполагали состоящимъ изъ всѣхъ его инстинктовъ и наклонностей. Въ этомъ отношеніи между Дарвиномъ и утилитаристами нѣтъ большей разницы и главная заслуга Дарвина за-

Гудара не давало ему покоя и онъ видѣлъ самые страшные сны. Утромъ на разсвѣтѣ, онъ вставалъ и тотчасъ отправлялся собирать справки. Мы уже сказали, что онъ приписывалъ аресту Гудара политическій характеръ и потому; мало по малу онъ сталъ подозрѣвать, что не прикосновенны-ли къ дѣлу и процентныя бумаги. Письмо Гудара еще болѣе смутило его, такъ какъ оно предписывало ему быть какъ можно осторожнѣе и сдержаннѣе насчетъ этихъ процентныхъ бумагъ.

Однажды вечеромъ ему принесли повѣстку, приглашающую его къ слѣдователю. Это еще болѣе напугало его и послѣ самой безпокойной ночи, во время которой ему снилось, что онъ самъ посаженъ въ тюрьму, Тюссо утромъ разсказалъ обо всемъ, что случилось, женѣ. Она была поражена смертью старухи Пальяръ и пропажей процентныхъ бумагъ, но успокоила мужа, говоря, что ему лично бояться нечего. Облегчивъ свою душу чистосердечнымъ разсказомъ и, набравшись силъ отъ утѣшеній жены, почтенный бронзовщикъ отправился къ слѣдователю.

Какъ только онъ удалился Адель посиѣдила въ комнату Сесиль. Молодая женщина была все еще нездорова со времени ареста мужа и потому охотно согласилась съ Амели, что лучше не ходить къ слѣдователю, какъ она сначала хотѣла и не открывать ему тайны, которая, по ея словамъ, могла спасти, а лучше подождать не выпуститъ-ли его и такъ, согласно общапію слѣдователя. Онъ обѣ боялись, что усложненіе дѣла можетъ быть только повредить ему, вмѣсто оказанія помощи.

Узнавъ отъ матери о вызовѣ Тюссо къ слѣдователю и о пропажѣ процентныхъ бумагъ, которыя Гударъ отдалъ на сохраненіе старухѣ Пальяръ, Сесиль взглянула на дѣло очень серьезно.

— Отцу бояться нечего, сказала она,—по Гударъ можетъ быть укралъ эти деньги.

— Ты съума сошла? воскликнула г-жа Тюссо.

— Нѣтъ, я считаю его способнымъ на все, т. е. на все дурное.

Однако извѣстіе, принесенное отцомъ черезъ нѣсколько

часовъ, превзошло всѣ ея ожиданія.

Тюссо вернулся изъ суда блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ; онъ шатался, какъ пьяный, и въ изнеможеніи упалъ на стулъ. Глаза его безсознательно блуждали по сторонамъ, руки висѣли, какъ плетки.

Адель и Сесиль воскликнули съ безпокойствомъ въ одинъ голосъ:

— Боже мой! что случилось?

Онъ бросился къ нему, отерли платкомъ ему лобъ, на которомъ выступили крупныя капли холоднаго пота.

— Да, говори же, что случилось? повторила его жена.

— Папа скажите, не мучьте насъ, прибавила дочь.

— О! это ужасно! проговорилъ онъ наконецъ съ большимъ трудомъ.

ИЛЛЮСТРАЦИИ КЪ РОМАНУ „ИЗА“.

(Часть I, гл. X). — Если вы дотронетесь до меня, я застрѣлю васъ, какъ собаку. (См. № 5-й Жив. Обзор.)

ключается лишь въ новой формулѣ, которая даетъ возможность избѣгать слово эгоизмъ, пользующееся въ общественномъ мнѣніи популяриностью не особенно уважаемой.

Иза.

Романъ А. Буве.

(Продолженіе.)

Глава III.

Какъ Бойе умѣлъ выходить сухимъ изъ воды.

Съ того дня, какъ Тюссо узналъ объ исчезновеніи процентныхъ бумагъ, данныхъ на сохраненіе вдовѣ Пальяръ, онъ до крайности встревожился. Онъ не сказалъ объ этомъ ни слова въ семействѣ, но ему очень тяжело было держать втайнѣ такое дѣло. Онъ не спалъ по ночамъ; совпаденіе пропажи этихъ цѣнностей и ареста

— За что его арестовали? спросила Сесиль, съ нетерпѣніемъ. — Что же онъ воръ? Онъ укралъ эти процентныя бумаги?

— Да, да... онъ воръ, пробормоталъ бронзовщикъ, кивая головой.

— Боже мой! воскликнула г-жа Тюссо, — мы на вѣки обезпечены.

— Да, онъ воръ... но это еще не все.

— Какъ не все?

— Онъ убійца! произнесъ Тюссо, собравшись съ силами и поникъ головой.

Обѣ женщины вскрикнули отъ ужаса и закрыли лицо руками, точно преступникъ стоялъ передъ ними. Какъ далеко ни шли ихъ предположенія насчетъ виновности Гудара, но онѣ никогда не думали, чтобъ онъ могъ быть убійцей. Онѣ желали, чтобъ онъ совершилъ какое-нибудь важное преступленіе, чтобъ имѣть предлогъ къ разводу и ихъ желанія исполнились съ лихвою. Но имъ нельзя было предаваться отчаянію, надо было обдумать ихъ положеніе и рѣшить, какъ поступать. Сесиль казалась всего спокойнѣе; ея отношенія къ этому человѣку и прежде выражались только ненавистью и презрѣніемъ къ нему; все, что она отгадала и подозрѣвала, осуществилось. Теперь она на вѣки освободилась отъ него; это былъ большой скандалъ, но она будетъ предметомъ общаго уваженія и жалости. Конечно, объ ней будутъ говорить на судѣ и объяснять, ибо это въ интересѣ обвиненія, что Гударъ ей былъ ненавистнымъ и она хотѣла избѣгнуть брака съ нимъ самоубійствомъ. Если онъ съ обычнымъ ему цинизмомъ вздумаетъ отомстить ей, обезчестивъ ея имя разсказомъ о томъ, что онъ никогда въ дѣйствительности не былъ ея мужемъ и что ребенокъ, котораго она должна была родить, былъ не его, тогда, рѣшившись на все, она публично повѣдаетъ истину. Но послѣ этого, бросивъ перчатку обществу и не имѣя возможности отдѣлаться отъ имени мужа, она станетъ открыто жить съ отцомъ своего ребенка. вмѣстѣ съ этою мыслью въ ея головѣ возникла и другая. Гильотина могла сдѣлать ее вдовою, и эта мысль нисколько не испугала ее. Любимый ею человѣкъ знаетъ, ка-

кая она женщина и, съ радостью женившись на ней, смоетъ пятно, наложенное на ея имя бракомъ съ Андре.

Адель Тюссо была убита; она думала только о томъ, что скажетъ свѣтъ; всѣ люди, завидовавшіе счастливому возрожденію фирмы, теперь набросятся на нихъ, какъ стадо волковъ. Что скажутъ объ ея отношеніяхъ съ Гударомъ? Что откроетъ слѣдствіе? Румянецъ стыда покрывалъ ея щеки. Злодѣй, видя свою погибель и не щадя ничего, могъ изъ мести къ семьѣ Тюссо разсказать объ ея позорѣ? И при этой страшной мысли она не смѣла поднять глазъ на мужа.

Тюссо былъ человѣкъ положительный. Онъ желалъ, чтобъ его зять былъ скомпрометированъ, такъ какъ благодаря этому онъ могъ отдѣлаться отъ него. Пропитанный до мозга костей буржуазнымъ эгоизмомъ, онъ чувствовалъ себя не въ

своей тарелкѣ, когда былъ обязанъ выражать ему благодарность за спасеніе его отъ банкротства и былъ очень доволенъ, что могъ теперь говорить о немъ дурно. Но теперь его положеніе было совершенно иное. Убійство покрывало позоромъ не только Гудара, но и людей, которые изъ користи отдали дочь за перваго попавшагося негодяя. Что подумаютъ присяжные, преимущественно купцы, о человѣкѣ, который, имѣя дочь невѣсту, бросаетъ ее на шею мошеннику, не имѣющему никакого опредѣленнаго занятія и не могущему доказать, откуда или какъ онъ приобрѣлъ свое состояніе. Когда Тюссо нужны были деньги, онъ объ этомъ не думалъ. Тогда онъ говорилъ: «Человѣкъ, имѣющій деньги, малый честный!» Ему этого достаточно было, чтобъ подружиться съ Гударомъ и сдѣлать его своимъ

— Клодъ, къ тебѣ кто-то пришелъ.

Онъ тяжело вздохнулъ и поднялъ голову. Передъ нимъ стоялъ Люи Пальяръ. Ему было неловко и стыдно смотрѣть на него. Но молодой человѣкъ, подойдя къ нему и взявъ его за руку, сказалъ:

— Г. Тюссо, я не рѣшился остановить васъ, когда вы вышли изъ кабинета слѣдователя; вы были такъ взволнованы. Но намъ надо съ вами поговорить.

— Я въ вашихъ рукахъ, отвѣчалъ Тюссо глухимъ голосомъ, — но, клянусь, я былъ жертвою...

— Я въ этомъ убѣжденъ и потому именно пришелъ къ вамъ. Я все знаю. Вы такъ несчастны, что не мнѣ еще увеличивать ваше горе.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Тюссо, пожимая ему руку и смотря ему прямо въ глаза, съ цѣлью отгадать, на что онъ рѣшился.

— Матушка вамъ одолжила шестьдесятъ тысячъ франковъ подъ обезпеченіе цѣнности, которыя вамъ передалъ этотъ мошенникъ. Онѣ украдены и значить принадлежать не вамъ. Мы разорвемъ ваше условіе съ моею матерью и вы напишите новое обязательство, въ которомъ будетъ сказано, что я вамъ ссудилъ эти деньги подъ законопныя проценты на какой срокъ вамъ угодно. Согласны вы?

— О, г. Пальяръ, вы меня спасаете. Согласенъ ли я? Еще бы, я избѣгаю позора и теперь буду долженъ эти деньги не злодѣю, а вамъ.

Говоря это, Тюссо съ горячей благодарностью жаль руки молодому человѣку. Всѣ мрачныя мысли, угнетавшія его, мгновенно исчезли. Какое ему было теперь дѣло, что его зять убійца. Онъ совершенно отъ него отрекался. Его дочь несчастно вышла замужъ; по это случилось перѣдко и, взявъ ее съ ребенкомъ къ себѣ, онъ спасалъ свою честь. Вѣдь они ни въ чемъ не виноваты! Онъ былъ совершенно счастливъ. Онъ одинъ былъ теперь глава и собственникъ своей фирмы. Онъ занялъ шестьдесятъ тысячъ франковъ подъ небольшіе проценты и подъ гарантію своего честнаго имени; вотъ и все. Онъ теперь всемъ скажетъ, какой мошенникъ, негодяй и зло-

дѣй былъ его зять, осмѣливавшійся бить его дочь. Какимъ ужаснымъ свидѣтелемъ обвиненія явится онъ на судѣ и уже онъ находилъ, что если судъ найдетъ облегчающія обстоятельства для такого злодѣя, то нѣтъ болѣе правосудія на землѣ. Уже вдали мерещилась ему гильотина, залитая лучами восходящаго солнца. Его дочь будетъ вдовой и онъ найдетъ ей прекраснаго жениха, ибо на судѣ окажется, что Гударъ низко обманулъ его и что онъ вовсе въ немъ не нуждался, такъ какъ онъ одинъ могъ найти требовавшіеся ему деньги. Онъ разсказалъ даже, что, узнавъ объ арестѣ Андрэ, первой его мыслью было представить въ судъ подозрительныя денежныя цѣнности и съ этой цѣлью онъ отправился къ старухѣ Пальяръ.

Объ этихъ же самыхъ денежныхъ цѣностяхъ и въ это самое время былъ разговоръ въ пре-

ИЛЛЮСТРАЦИИ КЪ РОМАНУ „ИЗА“.

(Часть I, гл. X). Морисъ лежалъ блѣдный, посинѣлый, почти холодный.
(См. № 7-й Жив. Обзор.)

зятѣмъ. Но деньги, на которыя фирма возстановила свою репутацію, были забрызганы кровью, онѣ были добыты преступленіемъ. Правда, слѣдователь сказалъ ему, что эти деньги найдены, но ихъ должно возвратить тому лицу, у котораго онѣ украдены, т. е. наслѣдникамъ несчастной жертвы, и онъ снова оказывался разореннымъ, нищимъ. Только на прибавку онъ оказывался безсознательнымъ пріемникомъ краденаго и его дочь возвращалась къ нему съ ребенкомъ убійцы. Онъ былъ погубленъ, опозоренъ и не могъ даже жаловаться. Онъ хотѣлъ этого брака, вопреки желанію всей семьи. Онъ также не смѣлъ поднять глазъ на свою жену. Въ эти тяжелыя минуты Тюссо думалъ о самоубійствѣ.

Вдругъ позвонили и въ комнату вошелъ какой-то незнакомый Адельнъ человѣкъ. Она взяла за руку Сесиль и, выходя съ нею въ дверь, сказала:

фектурѣ между начальникомъ сыскной полиціи и бывшимъ сыщикомъ Бойэ.

— Какъ, это вы, Бойэ! воскликнулъ съ изумленіе его бывший начальникъ, при видѣ недавняго сыщика въ роли арестанта:—вы были такъ хорошо рекомендованы почтенными, набожными особами! Вы сами были такой набожный человекъ. Я не хотѣлъ вѣрить вашему аресту и думалъ, что это ошибка. Я не могу этого понять. Какъ вы, производя дознаніе, открываете, что извѣстныя цѣнности украдены и потомъ онѣ оказываются въ вашихъ рукахъ. Да вы сума сошли, вѣдь вы знали, что на эти процентныя бумаги наложено запрещеніе.

— Я прошу васъ принять это прежде всего въ мое оправданіе, отвѣчалъ Бойэ чрезвычайно спокойно:—если бы я похитилъ эти цѣнности, зная, что на нихъ наложено запрещеніе, я былъ бы или сумасшедшій, или кретинъ. Только въ Гаврѣ полицейскій комисаръ объяснилъ мнѣ, что эти цѣнности украдены, во время убійства въ улицѣ Лакюэ.

— Вы подтверждаете, какъ сказали въ первую минуту вашего ареста, что вы получили эти процентныя бумаги въ наслѣдство отъ покойной тетки за нѣсколько дней до вашей отставки?

— Да, я это подтверждаю и прошу позволенія объяснить это дѣло подробно. Вы меня давно знаете и не можете подумать, чтобы я былъ способенъ на преступленіе.

— Вы такой набожный человекъ, что я не могу быть дурного мнѣнія о васъ.

— У меня была тетка, которая замѣнила мнѣ мать,—послѣ смерти послѣдней. Она меня помѣстила въ училище святыхъ отцовъ. Моя честная жизнь и всегда примѣрное, нравственное поведеніе побудили почтенную женщину любить меня болѣе, чѣмъ ея родного сына, негодяя, ворюшку, который составлялъ несчастье всей ея жизни. До послѣдней ея минуты, я находился при ней. Ее звали Марія-Анна Пальяръ и она жила въ улицѣ св. Павла, № 40. Видя, что она умираетъ, я телеграфировалъ сыну; онъ явился, только чтобы получить наслѣдство. Вотъ какой человекъ мой двоюродный братецъ, Люи Пальяръ. Но законъ не позволяетъ матери лишиться наслѣдства своего сына, даже если онъ неблагодарное отродье, развратникъ, негодяй, ворюшка, свободный мыслитель, и оставить свое состояніе болѣе достойному родственнику. Къ тому же, моя достойная тетка едва умѣла грамотѣ. Она не оставила завѣщанія, а чувствуя приближеніе своей послѣдней минуты, она сказала мнѣ дрожащимъ голосомъ, бѣдная старушка (и Бойэ утеръ слезы платкомъ): «Дитя мое, я не хочу, чтобы неблагодарный, недостойный сынъ лишилъ тебя того, что я хотѣла оставить тебѣ. Законъ не позволяетъ мнѣ завѣщать тебѣ эти деньги, я передамъ ихъ тебѣ изъ рукъ въ руки и никто у тебя ихъ не отниметъ». Я отказывался взять эти деньги, но она принудила меня къ этому и я согласился, зная, что Господь внушилъ ей подобную мысль въ послѣднюю минуту ея жизни и далъ себѣ слово, что часть этой суммы я отдамъ на дѣло, угодное Богу. Тогда старуха приказала мнѣ открыть ящикъ въ комодѣ и вынуть оттуда конвертъ, запечатанный краснымъ сургучемъ и съ печатью К. Т. Въ немъ оказалась пачка разныхъ акцій и процентныхъ бумагъ, которыя она предназначала мнѣ и съ этой цѣлью запечатала. Я подаль ей пакетъ и она сказала: «Возьми, это для тебя; брось свою службу и живи свято во славу Божію». Потомъ, чувствуя, что она вскорѣ умретъ, добрая тетка просила меня сходить за патеромъ. Я хотѣлъ привести ея духовника, но она не пожелала этого, и я отправился къ первому попавшемуся патеру. Я попалъ къ святому человеку, абату Дютильелю, который только-что основалъ исправительный пріютъ для юношей отъ двѣнадцати

до восемнадцати лѣтъ, которые, благодаря дурному воспитанію, были приговорены къ тюремному заключенію за проступки противъ нравственности, но не за кражу. Вамъ, конечно, извѣстно это, поистинѣ, богоугодное дѣло, на которое я намѣревался пожертвовать большую сумму. Достойный патеръ исповѣдывалъ тетку и она ему сказала, что передала мнѣ эти деньги. Онъ мнѣ самъ сообщилъ это черезъ нѣсколько дней, когда зашелъ къ нему, чтобы внести часть оставленнаго мнѣ капитала на святое дѣло, принятое имъ. Этотъ достойный человекъ, правдивость котораго вы не можете заподозрить, подтвердитъ мои слова и для такой высокой цѣли нарушить тайну исповѣди, хотя, въ сущности, тетка сказала ему о подаренныхъ мнѣ деньгахъ не на исповѣди, а передъ нею въ разговорѣ.

— Абать все это подтвердитъ?

— Непремѣнно. Я долженъ еще прибавить и ссылаюсь въ этомъ на полицейскаго комисара въ Гаврѣ, что, какъ только я узналъ, что эти деньги украдены, я тотчасъ предложилъ ихъ возвратить всѣ сполна за исключеніемъ пяти акцій, внесенныхъ въ исправительный пріютъ для юношей, совращенныхъ съ истиннаго пути. Я считалъ себя богатымъ, я ошибся, вотъ и все; я не жалуюсь, я буду попрежнему зарабатывать свой кусокъ хлѣба. Позвольте мнѣ васъ просить, какъ моего прямого начальника, наведите справки у абата Дютильеля и примите меня снова на службу.

Все это было сказано такимъ чистосердечнымъ тономъ, что невозможно было сомнѣваться въ справедливости его словъ. Начальникъ сыскной полиціи былъ убѣжденъ въ его невинности.

— А старуха Пальяръ знала, откуда эти деньги? спросилъ онъ, однако, для большей осторожности.

— Нѣтъ, но она занималась разными дѣлшками, давала займы деньги, дисконтировала векселя. Вѣроятно, ничего не зная, она купила эти бумаги у мошенника, который ихъ укралъ.

— Ихъ можно было вездѣ разбѣгать?

— Конечно. Она, вѣроятно, дала ему денегъ подѣ залогъ этихъ бумагъ и, не получивъ уплату въ срокъ, сочла ихъ своей собственностью, не подозревая, что воръ нарочно не явился.

— Вы правы, Бойэ. Оставайтесь въ Парижѣ, на вашей прежней квартирѣ и приходите сюда каждый день. На этихъ условіяхъ я васъ освобожу.

— Если прикажете, я приведу къ вамъ абата Дютильеля.

— Это излишне. Я вамъ вѣрю.

Легко было на сердцѣ у Бойэ, когда онъ вышелъ изъ префектуры. Онъ прямо направилъ свои шаги въ улицу Ада и остановился передъ маленькимъ скромнымъ домомъ, походившимъ на жилище патера. На мраморной доскѣ надъ воротами красовались золотой крестъ и такая надпись: «Исправительный пріютъ для юношей, совращенныхъ съ истиннаго пути». Онъ позвонилъ; дверь отворилась и Бойэ вошелъ. Юноша, толстый, съ лоснящимся лицомъ, длинными волосами, и въ сюртукѣ, похожемъ на рясу, спросилъ пискливымъ дѣтскимъ голоскомъ:

— Что вамъ угодно?

— Абата Дютильеля.

— Пожалуйте, я васъ провожу.

Юноша повелъ Бойэ во второй этажъ. На одной двери видѣлась надпись: Общее собраніе, а на другой: «Кабинетъ директора». Въ послѣднюю дверь вошелъ юноша съ сыщикомъ. Ихъ встрѣтилъ человекъ лѣтъ сорока съ веселымъ, откормленнымъ лицомъ, съ быстрыми, хитрыми глазами, завитыми волосами и въ черной рясѣ. Увидавъ Бойэ, онъ привѣтливо улыбнулся и крѣпко пожалъ ему руку.

— А это вы, сынъ мой, сказалъ онъ,—войди-

те, мнѣ надо съ вами поговорить. Оставьте насъ, Гюставъ.

По уходѣ юноши, аббатъ продолжалъ:

— Любезный сынъ мой, я получилъ ваше письмо только сегодня. Оно меня очень встрѣвило, но я его понялъ и дѣйствовалъ бы, согласно вашей просьбѣ. Мы должны другъ друга защищать. Но меня очень удивило, что письмо ваше отправлено изъ провинціи, а пришло не по почтѣ.

— Я былъ подѣ строгимъ надзоромъ, но вы знаете, что мнѣ извѣстны разныя увертки. Сидя подѣ арестомъ, я написалъ къ вамъ письмо и спряталъ его въ карманъ, потомъ, путешествуя въ вагонѣ второго класса, я замѣтилъ одного вора, котораго я когда-то арестовалъ. Онъ такъ же призналъ во мнѣ знакомаго, но видя, что я сижу между двумя жандармами, принялъ меня за своего собрата. Я ему мигнулъ и положилъ на скамейку письмо и золотой, такъ, ловко, что жандармы не замѣтили. Онъ быстро схватилъ письмо и дѣло было въ шапкѣ.

— Когда вы пріѣхали?

— Нынѣшней ночью.

— А я получилъ письмо сегодня утромъ. Но поговоримъ подробно о вашемъ дѣлѣ.

Аббатъ Дютильель былъ не въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ архіепископомъ; онъ нѣсколько разъ былъ лишенъ права носить рясу и постоянно возвращался къ ней, не спрашивая ни у кого разрѣшенія. Два или три религіозныя общества, основанныя имъ, ликвидировались въ полицейскомъ судѣ. Но онъ не унывалъ. Новое общество, которое онъ только что пустил въ ходъ, было довольно странное. Цѣлью его было собирать каждый вечеръ по воскресеньямъ и буднямъ для нравственныхъ бесѣдъ юношей, которые были присуждены къ наказанію за проступки противъ нравственности. По выходѣ ихъ изъ тюрьмы агенты общества находили имъ занятія, записывали ихъ въ члены этихъ вечернихъ собраній и такимъ образомъ вырывали ихъ изъ безнравственной среды. Въ общихъ собраніяхъ общества они находили покровителей, такъ какъ въ обществѣ было много вліятельныхъ, знатныхъ членовъ, которые удостоивали по воскресеньямъ общія собранія своимъ посѣщеніемъ. На это святое дѣло пожертвовалъ Бойэ, по его словамъ, нѣсколько акцій изъ подаренной ему пачки цѣнностей старухой Пальяръ. Это предпріятіе обѣщало большія выгоды; члены общества жертвовали значительныя суммы; до сихъ поръ были только приходящіе юноши, теперь уже поговаривали объ устройствѣ пенсіонеровъ. Изъ всего сказаннаго читатели уже могли заключить, какого страннаго аббата мы имъ представили. Но они еще болѣе прозрѣли бы на его счетъ, еслибы мы могли открыть передъ ними справку о судимости аббата Дютильеля, какъ онъ извѣстенъ былъ въ полицейской префектурѣ.

— Поговоримъ, сказалъ аббатъ, облокачиваясь на каминъ.

— Вы меня поняли, сказалъ Бойэ:—когда тетка Маріанна стала умирать, то я привелъ ей патера изъ сосѣдней церкви, не желая звать ея духовника.

— Отчего вы не пришли за мною.

Гримаса сыщика ясно доказала, какъ мало онъ довѣрялъ директору исправительнаго пріюта для юношей, совращенныхъ съ истиннаго пути.

— Надо было торопиться и къ тому же, не все ли равно, кто ее исповѣдывалъ. Патеръ пришелъ, отпустилъ ей грѣхи и я не видалъ его съ тѣхъ поръ. На допросѣ я объявилъ, что вы исповѣдывали покойницу.

— Хорошо.

Бойэ передалъ аббату все, что онъ сказалъ въ префектурѣ о послѣднихъ минутахъ старухи

Пальяръ и подробно повторилъ все, что случилось на воображаемой исповѣди его тетки почтеннымъ аббатомъ.

— Хорошо, я все это запомню, сказалъ аббатъ;—но какъ вы на свободѣ.

Удовлетворивъ своему любопытству въ этомъ отношеніи, онъ замѣтилъ:

— Деньги, внесенныя вами, принадлежатъ нашему святому дѣлу. Вы были обмануты, но искренне пожертвовали намъ эти деньги. Мы ихъ сохранимъ.

— Это ужъ ваше дѣло.

— Будьте спокойны, я ихъ не отдамъ и вы вмѣстѣ съ нами получите барышъ.

— Я рассчитываю на васъ.

— А остальное вы должны были отдать. Ну, а какъ вы думаете, меня вызовутъ къ допросу.

— Боже мой, начальникъ, кажется, убѣдился въ справедливости моихъ объясненій, но можетъ быть, по дѣлу найдутъ нужнымъ ваши показанія.

— Вы можете исполнѣ надѣяться на меня.

— У васъ мое письмо?

— Вотъ оно, отвѣчалъ аббатъ, вынимая письмо изъ кармана.

— Отдайте мнѣ его.

— Съ удовольствіемъ, но чего же вы бонтаете? спросилъ аббатъ, видя, что сыщикъ зажегъ спичку и превратилъ въ пепелъ письмо.

— Вотъ видите никогда нельзя ручаться за завтрашній день; полиція производитъ обыски и не надо оставлять компрометирующихъ бумагъ.

— Вы правы, сынъ мой, и я приму это къ свѣденію, сказалъ аббатъ, повидимому, считавшій совершенно умѣстнымъ полицейскій обыскъ въ богоугодномъ учрежденіи.

— Г. аббатъ, сказалъ Бойзъ, вставая, — я не приду къ вамъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Можетъ быть, за нами будутъ слѣдить. Я бы васъ попросилъ даже приказать, чтобы, въ случаѣ собранія справокъ, всѣ служащіе здѣсь заявили, что мы съ вами не видѣлись со времени смерти моей тетки.

— Хорошо.

— Если случится что-нибудь новенькое, уведомьте меня.

— Спите спокойно, сынъ мой, промолвилъ аббатъ и проводилъ его до дверей.

Бойзъ вернулся на свою квартиру очень спокойный и веселый. Но его удивили слова приратницы:

— Я знала, что вы вернетесь сегодня.

— Отчего.

— Комиссіонеръ сегодня принесъ письмо на ваше имя.

— Комиссіонеръ! Что-бы это значило?

Онъ распечаталъ и прочиталъ:

«Милостивый государь, нѣкто пугающійся въ вашихъ услугахъ желаетъ васъ видѣть сегодня вечеромъ. Приходите въ шесть часовъ на площадь Согласія, къ статуѣ Лилъ. Если вы не можете придти, то назначьте другое свиданіе, напишите до востребованія:—К. Т.

— Ба! тѣ же буквы, какъ на печати, которой былъ запечатанъ конвертъ съ процентными бумагами. Я пойду непременно.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

О самовоспитаніи, умственномъ, физическомъ и нравственномъ. Совѣты юношамъ, вступающимъ въ жизнь и желающимъ серьезно подготовиться къ научной и общественной дѣятельности. Сочиненіе Джона Стюарта Блекки. Переводъ Паульсона. 1879 г.

Извѣстно, что всѣ печатные совѣты разныхъ профессоровъ и докторовъ имѣютъ печальную судьбу возбуждать нѣкоторое недовѣріе. Почему

это бываетъ, мы не беремся объяснить, но несомнѣнно, что и совѣты Джона Стюарта Блекки, профессора греческаго языка и литературы при Эдинбургскомъ университетѣ, будутъ встрѣчены у насъ, также, какъ встрѣчаются разные совѣты молодыми женщинами. Дѣло въ томъ, что эти совѣты юношамъ ни имъ и ни кому другому никакого добра не принесутъ, но весьма вѣроятно, что они внесутъ нѣкоторый какъ бы педагогическій сумбуръ въ ихъ юныя головы, еще недостаточно привыкшія къ правильному мышленію и поэтому могущія принять практическія правила ученаго профессора за суть практической мудрости, тѣмъ болѣе удобную, что она не требуетъ никакой предварительной и головоломной умственной работы. И въ самомъ дѣлѣ, кто не желаетъ, по крайней мѣрѣ, прослыть умнымъ, добродѣтельнымъ, физически здоровымъ? Обратитесь къ книжкѣ Блекки, изучите ее внимательно (а изучить ее легко, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ всего сто страницъ),—и безъ всякаго труда вы сдѣлаетесь и умнымъ, и добродѣтельнымъ, и здоровымъ. Чего же лучше? тѣмъ болѣе, что всѣ эти блага вы приобретете съ необыкновенной легкостью, убѣдившись, что знаменитое изрѣченіе Кузмы Пруtkова «всякому дѣлу нужно смотрѣть въ корень» гораздо легче выполняется, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. «Корень» всяческой практической мудрости, въ данномъ случаѣ преподносится вамъ ученымъ профессорамъ уже исполнѣ изготoвленными, жаренымъ и приправленнымъ, такъ что вамъ остается только его скушать. Возьмемъ для примѣра, хоть бы добродѣтель, къ которой «стремятся молодые люди, желающіе пользоваться божественнымъ даромъ жизни». Первая добродѣтель, по мнѣнію Блекки, есть повиновеніе. Будьте послушны и все пойдетъ прекрасно; изучите первое посланіе апостола Павла къ коринѣянамъ. «Всякая случайность или своевольное дѣйствіе есть трещина въ дверяхъ, которая, постепенно разширяясь, дастъ возможность войти хаосу». «Никакія другія качества не рекомендуютъ молодого человѣка въ такой степени его началству, какъ исправность и точность въ исполненіи всѣхъ возлагаемыхъ на него обязанностей». Но вы, можетъ быть, желаете узнать, какъ лучше всего достигать нравственнаго совершенствованія? Блекки объясняетъ вамъ все это въ «лучшемъ видѣ». Прежде всего, вамъ необходима нравственная сила. Ну, а если нравственной силы у васъ не обрѣтается? Чепуха, отвѣчаетъ Блекки, — дѣйствуйте, вотъ и весь разговоръ. «Поэтому, препояшьте чресла свои и скажите ту великую истину, что, какъ бѣгать можно научиться только посредствомъ бѣга, скакать посредствомъ скаканья и фехтовать посредствомъ фехтованья, такъ и жить нравственно можно научиться только, дѣйствуя нравственно при каждомъ представляющемся случаѣ». Для этого, читайте библію, ибо «это есть то сердечное образованіе, о которомъ съ такимъ краснорѣчіемъ говоритъ великій греческій язычникъ Платонъ», но никогда не читайте Теккерей. «Когда я посмотрю на нашихъ молодыхъ людей, развалившихся на диванѣ и зубоскальничающихъ надъ тѣми жалкими карриатурами человѣчества, которыми наполнены страницы Теккерей и другихъ популярныхъ романистовъ, то зачастую недоумѣваю, какого рода человѣческая жизнь можетъ развиваться изъ ранней привычки къ глумленію, или, въ лучшемъ случаѣ, къ забавѣ, въ такой возрастъ, когда серьезность и искреннее изученіе—единственное сѣмя, изъ котораго можетъ развиваться какое-либо благородство души въ будущемъ. Что касается меня, то я откровенно признаюсь, что никогда не могъ чему-либо научиться у Теккерей; даже лучшіе характеры его страдаютъ нѣкоторою ложностью, и

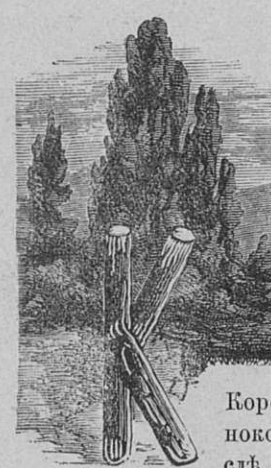
хотя они не производятъ на читателя того не-пріятнаго впечатлѣнія, какъ его дурные характеры, тѣмъ не менѣе, отнюдь не привлекательны». Поэтому, лучше всего, молодой человѣкъ,—заканчивая Блекки,—«оставайтесь» всегда вѣрны чувствую зависимости отъ верховнаго источника всѣхъ благъ. Это скорѣе и вѣрнѣе всего предохранитъ васъ отъ той пустой самоуверенности и той наглой заносчивости, которыя коренятся, болѣею частью, въ сухомъ, одностороннемъ и несогнѣтомъ любовью знаніи. Пусть то, что мы привыкли исполнять передъ трапезой (молитва), какъ священный обрядъ, исполняется нами передъ каждымъ важнымъ дѣланіемъ нашей жизни, но не формально только, а съ сердечною теплотою. Идите въ битву, смѣлый юноша, подобно Давиду, держа камень наготовѣ и прошу въ рукѣ; но рагуйте за правое, хорошее дѣло, а не за дурное. Меч-ли, перо-ли у васъ въ рукѣ, никогда не употребляйте ихъ въ духѣ дерзкой самонадѣянности или суетнаго самоуправленія, и какъ въ минуты великой радости, такъ и въ дни печали и отчаянія, будьте всегда готовы воскликнуть: «Благослови меня, о, благослови и меня, отецъ мой».

Таковы совѣты профессора греческаго языка, преподносимыя нынѣ русскому юношеству г. Паульсономъ. Все это, можетъ быть, и имѣетъ еще нѣкоторый смыслъ для Англіи, гдѣ пуританская и піетическая закваска составляетъ основу нравственнаго воспитанія,—но условія нашей общественной и частной жизни совершенно иныя, такъ что совѣты, Блекки не въ состояніи оказать ни малѣйшаго вліянія на русскихъ юношей. Мы поэтому недоумѣваемъ, зачѣмъ г. Паульсону понадобилось переводить книжку, которая очевидно рассчитана на эксплуатацію кормановъ не столько русскихъ юношей (обыкновенно, не имѣющихъ денегъ), сколько ихъ родителей.

Въ Новой Гвинее.

Изъ путешествія Люи Трегана. Переводъ Н. М. Поль. (Продолженіе.)

Глава VI.

ороля Кутара звали Хотаруоку, т. е. грозный царь красоты; слогъ у встрѣчающійся во множествѣ словъ въ языкѣ орангоноковъ значитъ «добрый», «красивый», «величественный». Королю было тридцать лѣтъ. Пять лѣтъ тому назадъ онъ былъ возведенъ на престолъ собраніемъ ноо.

Королевская власть у орангоноковъ не наследственна. После смерти короля, старѣйшины тайно собираются въ темной комнатѣ и избираютъ новаго короля изъ среды знатнѣйшихъ фамилій, наблюдая, чтобы избираемый не имѣлъ болѣе четырехъ футовъ росту. Я тщетно старался узнать причину этого нелѣпаго ограниченія: Орангопоки подчинялись ему, не разсуждая, и слѣдствіемъ его, конечно, явилось у знати стремленіе сколько возможно задерживать ростъ ихъ дѣтей. Теперь мнѣ стало ясно, почему орангопоки маленькаго роста: здѣсь, также какъ и вездѣ, всѣ остальные классы населенія слѣдовали примѣру знатныхъ. Возможно, что въ отдаленную эпоху ноо хотѣли обезопасить родину отъ господства короля, права котораго на престолъ состояли бы въ одной физической силѣ; но самыя мудрѣйшіе не могли сказать мнѣ, было-ли какое-нибудь основаніе въ моихъ соображеніяхъ.

Хотаруоку слылъ добрымъ королемъ. Онъ не успѣлъ еще заявить себя ничѣмъ замѣчатель-

нымъ, но въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ государство пользовалось миромъ, а слѣдовательно и благосостояніемъ; король рѣдко показывался народу и имѣлъ мало сношеній съ знатью. Изъ этого подданные его заключили, что онъ очень мудръ и, не разбирая, ему ли именно обязаны своимъ благополучіемъ, любили и уважали его болѣе, чѣмъ его предшественниковъ.

Я уже говорилъ о женѣ короля: всѣхъ женъ у него было 7, но 6 изъ нихъ никогда не показывались народу, который какъ бы не зналъ объ ихъ существованіи, до такой степени, что начальникъ нарушилъ бы должное уваженіе къ своей женѣ и дочерямъ, заговоривъ въ ихъ присутствіи объ этихъ королевскихъ женахъ. Многоженство было только терпимо; начальникамъ дозволялось имѣть по 4 жены, но немногіе пользовались этимъ разрѣшеніемъ, такъ какъ нужно было отдѣльное помѣщеніе и отдѣльная прислуга для каждой жены, а они рѣдко были въ состояніи выполнить это условіе.

Съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлся съ королемъ, доброта ко мнѣ Кайгара еще увеличилась. Мнѣ возвратили мою одежду, книги, бумагу, и я проводилъ дни, читая и рисуя, въ ожиданіи приказа ѣхать въ рудники. Лямлямъ застала меня разъ за такимъ занятіемъ; картинки въ книгахъ вызвали въ ней дѣтскую радость, а когда, я прочелъ ей рассказы, пересказывая его постепенно, она побѣждала за матерью, чтобы раздѣлить съ нею ея счастье и удивленіе. Съ тѣхъ поръ, мои хозяева стали съ большимъ довѣріемъ относиться къ моимъ рассказамъ объ Европѣ.

Лямлямъ также захотѣлось научиться говорить съ чудесной книгой. Я объяснилъ ей, что это невозможно, такъ какъ книга была написана на моемъ языкѣ, котораго она не пойметъ, и предложилъ показать ей, какъ пишутъ. Въ продолженіи цѣлаго дня я училъ ее держать карандашъ и выводить буквы; она была такъ способна, что вскорѣ могла складывать написанныя слова, и наконецъ, къ вечеру, была уже въ состояніи прочесть подобныя фразы, написанныя, конечно, на языкѣ орангопоковъ.

— Лямлямъ хороша и добра. Треганъ научитъ ее читать, общалъ я.

Когда она убѣдилась, что вполне понимаетъ написанное, она вырвала у меня бумагу и побѣждала къ матери похвастаться новоприобрѣтеннымъ знаніемъ и я долго слышалъ ихъ смѣхъ и радостные крики, въ перемежку съ составленными мною фразами, которыя Лямлямъ медлен-

поражавшіе меня предметы, напр. пикъ Тонаворку. Очень трудно дать понятіе о восхищеніи молодой дѣвушки, когда она узнала гору, — восхищеніи легко понятномъ, такъ какъ орангопоки и не подозрѣвали о существованіи искусства живописи.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ. КАРТИНА ЛАБРИШОНА.

Первая любовь.

Рѣзалъ на деревѣ Ключевскій.

по разбирала по складамъ.

Съ этого дня Лямлямъ ежедневно приходила брать у меня урокъ, и я съ удовольствіемъ занимался съ нею. Я показывалъ ей мои рисунки; хотя я никогда не учился основательно рисованію, но имѣя склонность къ этому искусству, могъ изображать достаточно похоже наиболѣе

мать о ней.

Глава VII.

Солнце показывалось уже на востокѣ, когда я оставилъ Кутаръ, и первые лучи его, позлащая сѣчную вершину Тонаворку, разсѣивали легкій туманъ, одѣвавшій гору словно покрываломъ. Впереди слѣдовали правитель Уарата или стра-

Благодаря этимъ занятіямъ, плѣтъ не казался мнѣ очень тяжелымъ. Прошло уже три недѣли со времени королевской аудіенціи, и такъ какъ не было дано никакихъ приказаній обо мнѣ, я началъ понимать, что я просто плѣнникъ, судьба котораго еще не рѣшена. Впрочемъ, я пользовался въ городѣ полною свободою: я часто выходилъ съ Кайгаромъ и могъ лично наблюдать обычаи Кутара. Городъ тянулся далеко, такъ какъ каждый домъ былъ окруженъ кучами деревьевъ. У каждого начальника былъ по меньшей мѣрѣ одинъ невольникъ, обязанный по вечерамъ бить въ барабанъ. Къ этому музыканту зачастую присоединялись двое другихъ: одинъ игралъ на дудкѣ изъ бамбука, другой на треугольнике; въ общемъ игра ихъ не особенно терзала уши.

Наконецъ, мнѣ объявили, что я черезъ недѣлю отправлюсь въ золотые рудники. Я съ удовольствіемъ принялъ это приказаніе, хотя меня и огорчала мысль, что я, можетъ быть, навсегда расстаюсь съ добрымъ Кайгаромъ и его семействомъ.

Я раздѣлилъ карандаши и бумагу съ Лямлямъ и оставилъ ей почти всѣ свои книги. Затѣмъ, когда наступилъ послѣдній вечеръ, который я могъ провести со своими хозяевами, я простился съ ними, дружески пожавъ имъ руки.

На другое утро, я окончивалъ послѣднія приготовленія къ отъѣзду, когда ко мнѣ вошла Лямлямъ съ заплаканными глазами. Это доказательство привязанности такъ тронуло меня, что я не въ силахъ былъ овладѣть собою и, обнявъ, поцѣловалъ ее нѣсколько разъ, общая всегда ду-

ны золота, съ прочими знатными лицами. Его сопровождали 20 хорошо вооруженныхъ солдатъ, верхомъ, также, какъ и всѣ мы, на маленькихъ лошадяхъ, отличавшихся твердымъ и быстрымъ шагомъ. Начальникъ не обращалъ на меня никакого вниманія; и я очень обрадовался, когда предводитель конвоя подозвалъ меня къ себѣ.

За 10 лье отъ города, мы остановились въ крошечной деревушкѣ, состоявшей изъ нѣсколькихъ низенькихъ домиковъ, гдѣ намъ передали 6 преступниковъ, приговоренныхъ къ работѣ въ рудникахъ. Ихъ размѣстили между солдатами, и я сталъ разсматривать ихъ, пока мы собирались въ путь. У одного изъ нихъ было хитрое и жестокое выраженіе, которое внушало положительное отвращеніе.

— Что онъ сдѣлалъ? спросилъ я у Ланны, начальника нашего конвоя.

— Онъ убилъ человѣка и укралъ все его имущество, затѣмъ убѣжалъ въ горы, а такъ какъ

требовалось не мало времени и искусства. Наконецъ мы объявили начальнику, что воля его исполнена. Онъ тотчасъ же приказалъ привести къ нему сына разбойника. — «Тебѣ очень хочется вернуться домой?» спросилъ онъ. — «Я покоряюсь волѣ моего господина» было отвѣтомъ. Начальникъ вздрогнулъ отъ удивленія. Передъ нимъ былъ не сынъ вора, а изумительно похожій на него человѣкъ, который долженъ былъ захватить его отца. Ловкаго малаго тотчасъ же послали въ горы. Увидѣвъ его, нашъ плѣнникъ бросился къ нему на встрѣчу, но каково было его удивленіе, когда онъ замѣтилъ, что возлюбленный сынъ такъ сильно сжимаетъ его, что ему невозможно освободиться изъ его объятій. Онъ принялъ его сначала за эдза, но вскорѣ понялъ въ чемъ штука и страшно развирѣблѣ. Не правда-ли славная штука, прибавилъ со смѣхомъ Ланна.

— А на сколько лѣтъ, спросилъ я, — приговоренъ этотъ убійца къ работѣ въ рудникахъ?

— О, срокъ его наказанія не опредѣленъ. Онъ

— Преступленіе въ тысячу разъ ужаснѣе!

— Мнѣ кажется это невозможнымъ. Что же именно?

Ланна понизилъ голосъ и, обнаживъ голову, отвѣчалъ торжественнымъ, исполненнымъ суевѣрнаго ужаса, голосомъ:

— Онъ сжегъ одну изъ роцъ, посвященныхъ Отару!

Это было первымъ намекомъ, по которому я могъ заключить, что у орангонокъ была какая-то религія. Я сталъ разспрашивать Ланну, но тщетно. Онъ хранилъ почтительное молчаніе.

Мы достигли оконечности плато, на которомъ возвышается Кутаръ, и остановились на полчаса въ тѣни крутой скалы. Затѣмъ мы стали взбираться по склону Тонаворку. Въ слѣдующіе 2 дня мы карабкались по узкимъ, крутымъ и скользкимъ тропинкамъ; по временамъ съ одной стороны являлись пропасти, дна которыхъ не было видно, а съ другой возвышались отвѣсныя и гладкіе утесы; но маленькія лошади наши не

Къ статьѣ «Въ новой Гвинее».

онъ очень силенъ, то намъ только хитростью удалось поймать его.

— Какою же хитростью?

— Мы знали, что онъ очень любитъ своего сына, мальчика 14 лѣтъ, совсѣмъ маленькаго роста. Начальникъ нашъ (тутъ Ланна снялъ шляпу) послалъ за этимъ мальчикомъ и велѣлъ задерживать его до тѣхъ поръ, пока найдутъ взрослого человѣка, совершенно похожаго на него, такого же роста, но чрезвычайно сильнаго. Это было очень трудно, такъ какъ для того, чтобы быть сильнымъ, необходимо быть большимъ. Несмотря на затрудненія, наконецъ нашли такого человѣка, какого намъ было нужно. Онъ былъ такъ силенъ, что ни одинъ изъ солдатъ моего отряда не могъ ни повалить его, ни, что всего важнѣе, вырваться изъ его рукъ; а между нами не мало очень сильныхъ людей. Надо однакожь было этому человѣку научиться манерамъ сына вора, который къ тому же хромалъ на лѣвую ногу. За выучку его взялся пекунный знахарь, на что по-

останется въ Уарата пока не соберетъ извѣстнаго количества золота, а затѣмъ онъ можетъ вернуться въ Кутаръ. Возвращеніе его зависитъ отъ удачи, столько же, какъ отъ искусства и настойчивости. Но вѣроятнѣе, что онъ совершитъ тамъ новыя преступленія и его подвергнуть смертной казни.

— Какъ это странно! замѣтилъ я. — Если онъ человѣкъ ловкій, онъ скоро добудетъ назначенное количество золота и снова вернется въ общество честныхъ людей...

— Что же тутъ страннаго? перебилъ Ланна. — Онъ не хуже другого. Если бы онъ оскорбилъ короля, его бы осудили на смерть; но въ комъ изъ насъ никогда не было помысла объ убійствѣ?

Что было возражать на такое откровенное заявленіе.

— А что сдѣлалъ этотъ молодой человѣкъ, съ кроткимъ умнымъ лицомъ, котораго связали вмѣстѣ съ убійцей? спросилъ я послѣ минутнаго молчанія.

спотыкались и казались неутомимыми.

Вечеромъ второго дня мы встрѣтили отрядъ воиновъ, спускавшійся съ горы; они несли королю золото изъ Уарата. Я спросилъ Ланну, не грозитъ-ли имъ опасность нападенія разбойниковъ.

— Еще недавно было сдѣлано нападеніе, а теперь не посмѣютъ, отвѣчалъ онъ съ странной улыбкой.

— Воры наказаны?

— Я скажу тебѣ объ этомъ послѣ.

Дорога наша пересѣкала густой лѣсъ и до насъ доносился нестерпимый запахъ, происхождение котораго я не могъ объяснить себѣ. Мой спутникъ остановилъ лошадь и, указывая на огромное дерево, сказалъ:

— Вотъ все, что осталось отъ разбойниковъ, пытавшихся отнять у отряда орангонокъ золото, которое они несли своему королю!

Къ вѣтвямъ дерева было привязано пять разлагавшихся труповъ. Огромный удавъ, покрай-

ней мѣръ 17 футовъ длины, обвивалъ ихъ своими кольцами и разсыпался прахомъ рядомъ съ своими жертвами.

Мы поспѣшили избавиться отъ этого ужаснаго зрѣлища, и черезъ часъ вступили въ долину, до того сжатую скалами, что солнечные лучи едва проникали въ нее.

Начальникъ нашего отряда пылливо осматривалъ многочисленныя разсѣлины и черезъ нѣсколько минутъ указалъ воинамъ узкую скалу, нависшую надъ долиной. Мгновенно весь отрядъ встрепенулся, и я увидѣлъ на скалѣ 6 вооруженныхъ людей, которые при шумѣ, произведенномъ нашими лошадьми, обратились въ бѣгство къ вершинѣ горы. Это были разбойники. Они взбирались по такой крутизнѣ, что ѣхать за ними на лошадяхъ было невозможно и они уже избѣгли преслѣдованія, когда одинъ изъ нихъ взобрался на крутой гребень и, считая себя въ безопасности, сталъ скливать прочихъ бѣглецовъ. Но одинъ изъ солдатъ прыгнулъ съ коня и, тихонько подбѣжавъ къ разбойнику, схватилъ его и потащилъ за собою.

Я въ волненіи слѣдилъ за этой борьбою, между тѣмъ, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ начальникъ Уарата съ друзьями, равнодушные ко всему, что не касалось непосредственно ихъ достоинства, разговаривали между собою такъ спокойно, какъ будто жизнь двухъ людей не находилась въ опасности. Внезапно раздался страшный крикъ, 20 разъ повторенный эхомъ. Разбойникъ и солдатъ, оба поскользнулись и, падая со скалы на скалу, дежали у нашихъ ногъ, не выпуская другъ друга изъ объятій. Ихъ подняли мертвыми *).

Солдаты спокойно раздѣли своего несчастнаго товарища и, взявъ его платье и оружіе, отправились въ путь, не подумавъ похоронить труны и съ такимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, какъ будто ничего не случилось.

— У короля однимъ врагомъ стало меньше, сказалъ мнѣ Ланна. — Правда, у него меньше и солдатомъ, но такъ какъ солдатъ у него больше, чѣмъ враговъ, то онъ въ барышахъ.

Я не зналъ, что отвѣтить. Это равнодушіе къ человеческой жизни производило на меня самое тяжелое впечатлѣніе. Я считалъ до сихъ поръ орангококовъ не вполне дикарями и опасался теперь, что впалъ въ горькую ошибку и что мнѣ на самомъ себѣ придется въ этомъ убѣдиться.

Глава VIII.

Дорога, по которой мы слѣдовали, становилась все болѣе и болѣе опасной; со всѣхъ сторонъ открывались зіяющія пропасти, и люди и лошади выказывали утомленіе. Къ тому же, холодъ становился чувствительнѣе. Наконецъ, взойдя на высоту, по крайней мѣрѣ 15,000 футовъ надъ уровнемъ моря, мы стали спускаться съ противоположнаго склона. Выше ни одинъ орангонокъ не рѣшался подняться.

— Тамъ, на верху, сказалъ мнѣ Ланна, — живетъ духъ Танаворку. Часто слышно, какъ онъ говоритъ съ собою и опасно было бы перешагнуть за черту горы, которую онъ оставилъ въ свое владѣніе.

Увѣряютъ, что матросы суевѣрны. Ни разу не встрѣчалъ я ни одного, который былъ бы суевѣренъ въ такой мѣрѣ, какъ орангонокъ. Они приписываютъ жизнь и сверхъ-естественную власть всему, что для нихъ непонятно, и хотя не поклоняются создаваемымъ ими богамъ, но испытываютъ передъ ними сильнѣйшій страхъ.

Видъ, разстилавшійся у нашихъ ногъ, былъ чудесенъ. Глазъ обозрѣвалъ всю ту часть Кутара, которую я уже зналъ, а на крайнемъ чертѣ горизонта виднѣлось озеро, замѣченное мною, когда я съ Лаганкеу оставлялъ Ражекъ. Съ наступле-

ніемъ ночи, мы были уже на нѣсколько сотъ метровъ ниже высшей точки, достигнутой нами, и расположились на ночь въ шалашѣ, грубо выстроенномъ изъ едва отесанныхъ бревенъ. Черезъ нѣсколько часовъ, насъ разбудили такіе страшные удары грома, что гора, казалось, колебалась отъ нихъ. Грохотъ повторялся безчисленными эхо; молніи съ такою быстротою слѣдовали одна за другой, что все небо казалось въ огнѣ; проливной дождь лилъ сквозь крышу и пронизывалъ насъ до костей. Вѣтеръ свистѣлъ и завывалъ въ ущеліяхъ горы и по временамъ раздавался какъ будто громкій плачъ и стоны. Часа черезъ два буря утихла, вѣтеръ улегся и я собирался снова заснуть, когда послышался новый ударъ, похожій на пушечный выстрѣлъ, за нимъ слѣдовалъ трескъ, казалось, надъ самою нашею головою. Ланна сказалъ мнѣ дрожащимъ голосомъ:

— Слушай! Танаворку говоритъ!

Я сталъ прислушиваться. Станный шумъ продолжался, похожій на шумъ, который я слышалъ въ полярныхъ моряхъ, когда ледяныя глыбы рушатся подъ вліяніемъ теплоты. Я заключилъ изъ этого, что на верху горы находится какой-нибудь глетчеръ, нѣкоторыя части котораго обрушились, подточенныя дождемъ.

Мои спутники овладѣли неописаннымъ страхомъ. Голосъ Танаворку возмущалъ его гнѣвъ и они съ нетерпѣніемъ ожидали утра, чтобы покинуть это грозное мѣсто.

Едва блѣдный лучъ солнца успѣлъ проникнуть въ шалашъ, какъ мы выскочили изъ него и стали немедленно спускаться. Былъ жестокий холодъ, тропинки превратились въ потоки и мы подвигались съ величайшею медленностію, тѣмъ болѣе, что поминутно приходилось обходить образовавшіеся ночью водопады. Солнце радужными цвѣтами отражало въ нихъ свои лучи; но, несмотря на всю красоту этой картины, я обрадовался, когда мы черезъ нѣсколько часовъ выбрались на болѣе ровную и безопасную дорогу.

Къ закату солнца мы значительно приблизились къ цѣли нашего путешествія. Стало теплѣе, почъ была великолѣпна. Я любовался безчисленными звѣздами, украшавшими синее небо, которыя Ланна называлъ искорками, прикрѣпленными Отару. Мало-по-малу востокъ окрасился розовымъ, постепенно усиливавшимся свѣтомъ. Вдругъ свѣтъ этотъ поблѣднѣлъ, затѣмъ снова усилился и въ тоже время я видѣлъ, какъ темнѣло и мѣняло форму облако, распростертое подъ отдаленнымъ никомъ. Я спросилъ у Ланны разъясненія этого страннаго феномена.

— Это огонь въ кухнѣ Танаворку, отвѣчалъ Ланна. — Онъ стрянаетъ себѣ обѣдъ.

Я долго наблюдалъ игру этого свѣта и убѣдился, что я присутствовалъ при изверженіи одного изъ дѣйствующихъ вулкановъ, которыхъ такъ много во внутренности Новой Гвиней. Я испытывалъ странное наслажденіе при мысли, что я первый европеецъ, любующійся чудесами этой неизвѣданной страны. Мысли мои перешли къ Франціи: я увидѣлъ въ воображеніи деревню, въ которой родился, вспомнилъ о матери, о другѣ моемъ Филиппѣ, спавшемъ вѣчнымъ сномъ на днѣ Океана! Если я не погибъ вмѣстѣ съ нимъ, если я здоровъ и невредимъ среди окружавшихъ меня дикарей, то благодаря покровительству Божію! И, въ порывѣ благодарности, я, который не молился втеченіи многихъ лѣтъ, опустился на колѣни среди моихъ спящихъ спутниковъ и горячая молитва вознеслась къ Творцу міра!

(Продолженіе будетъ.)

Къ рисункамъ.

«Семейныя драгоценности. Блѣднотца, исхудавшая барыня съ серьезнымъ и грустнымъ

лицомъ, приноситъ послѣднія семейныя драгоценности къ закладчику, оцѣнивающему ихъ «навѣсь», какъ и всякія другія серебряныя и золотыя вещи, стояція въ его глазахъ столько, сколько онѣ вѣсятъ. Этотъ простой сюжетъ прекрасно разработанъ въ предлагаемой въ настоящемъ номерѣ картинѣ англійскаго художника.

«Новая покупка» и «Первая любовь». Первая изъ этихъ картинъ напоминаетъ невольню картину «Любитель древностей», помѣщенную въ предѣдущемъ номерѣ нашего журнала: этотъ господинъ, любующійся новой покупкой, вѣроятно, тоже принадлежитъ къ числу «любителей древностей», къ числу «собираателей»; каждая приобретенная имъ вещь на нѣсколько дней приковываетъ къ себѣ его вниманіе, потомъ она ставится въ его музей, въ его галерею, въ его кладовую и забывается, уступивъ мѣсто какой-нибудь «новой покупке». Это своего рода дѣти, нянчащіяся съ каждой вновь приобретенной вещью, какъ эта дѣвочка нянчится со своей «первой любовью», съ новой куклой.

«Спутники войны». Картины, которыя будутъ приложены къ статьямъ о Рубенсѣ, объяснены въ самихъ этихъ статьяхъ о великомъ художникѣ. Мы только должны замѣтить, что эти картины являются вѣрнѣйшими копіями старинныхъ, очень цѣнныхъ гравюръ.

Новости наукъ и жизни.

— Верховный судъ. Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатано: «На основаніи ст. 587-й кн. 2-й, ч. 2-й, т. XV-го свод. зак., изд. 1876 года, симъ объявляется, что въ засѣданіи верховнаго уголовного суда, 25-го мая, назначено къ слушанію дѣло объ отставномъ коллежскомъ секретарѣ Александрѣ Константиновѣ Соловьевѣ, обвиняемомъ въ государственныхъ преступленіяхъ».

— „Ревизоръ“ на нѣмецкой сценѣ. Въ газ. «Новости» пишутъ: «Изъ Берлина сообщаютъ, что на-дняхъ, на сценѣ тамошняго Germania-theater, представлено было безсмертное произведеніе Гоголя, въ новомъ переводѣ знаменитаго германскаго драматурга Альберта Линднера, подъ названіемъ «Seine Excellenz» (его превосходительство). Піеса имѣла громадный успѣхъ. Вотъ какъ отзывался о ней театральныя рецензенты берлинскаго «Börsecourrier»: директоры главныхъ берлинскихъ театровъ жалуются на недостатокъ въ хорошихъ піесахъ, а не обращаютъ вниманіе на произведеніе такой блистательной техники, такой доведенной до совершенства характеристики, какъ гениальная концепція «Ревизора». Они жалуются на скверныя дѣла, но оставляютъ твореніе такой неподражаемой комической силы, какъ комедія Гоголя. Далѣе рецензентъ разбираетъ піесу, которую онъ восторгается, но указываетъ на странность помѣщенной въ ней рекламы въ пользу германскаго генераль-почтмейстера Стефана. Въ третьемъ дѣйствіи, почтмейстеръ русскаго уѣзднаго города говоритъ, что онъ устроилъ свою почтовую контору согласно идеямъ гениальнаго германскаго генераль-почтмейстера!... Не правда-ли, эта вставка въ комедію Гоголя безподобна!...»

— Монументъ Пушкину. Онъ къ 1-му октября будетъ совершенно готовъ, а 16-го числа того-же мѣсяца, какъ предполагаютъ, должно совершиться его открытіе. Фигура поэта будетъ отлита къ 20-му іюля и тогда доставится въ Москву; два самые большіе камня для монумента, въ 1,600 и въ 1,700 пуд., уже на мѣстѣ, и доставлены въ Москву, по николаевской желѣзной дорогѣ, на чугунныхъ платформахъ.

— Стоимость нашихъ крейсеровъ. По словамъ газеты «Новости», крейсера наши, приобретенные въ Америкѣ: «Европа», «Азія», «Африка» и «Забіяка», стоили всего 53,000,000 франковъ или 22,922,500 кредитныхъ рублей, такъ что среднюю стоимость для насъ cadaго изъ нихъ можно считать въ 5,730,626 рублей, т. е. не меньше, чѣмъ стоитъ новый броненосецъ, совре-

* Рисунокъ, слѣдующій къ этому мѣсту статьи будетъ помѣщенъ въ слѣдующемъ номерѣ «Жив. Об.».

менного типа, для океанскаго плаванія. Причиной такой дороговизны судовъ послужило, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что пришлось израсходовать много лишнихъ денегъ на путешествие и продолжительное пребываніе заграничной команды и офицеровъ, такъ какъ въ вышеприведенную цифру включены расходы на плаваніе «Цимбри», передѣлку крейсеровъ, добавочное содержаніе офицеровъ и проч.

— **Новая желѣзная дорога.** Въ «Финляндской Официальной Газетѣ» напечатано высочайшее повелѣніе, отъ 7-го апрѣля 1879 года, о постройкѣ желѣзной дороги между Таммерфорсомъ и Николайстадомъ (Вазою).

— **Боровичская желѣзная дорога.** «Молва» слышала, что главное общество российскихъ желѣзныхъ дорогъ намѣрено приобрести въ собственность боровичскую желѣзную дорогу, которая беретъ свое начало отъ станціи Угловки Николаевской желѣзной дороги и можетъ быть доведена до Боровичскихъ пороговъ.

— **Телефонъ.** Между Петербургскою и Павловскою станціями царскосельской желѣзной дороги установлено телефонное сообщеніе. Г. Клопперъ, машинистъ и начальникъ механической мастерской дороги, въ видѣ опыта, устроилъ телефонное сообщеніе надъ телеграфною проволокою и опытъ увѣнчался успѣхомъ.

— **Фальшивый чай.** «Одесскому Вѣстнику» пишутъ изъ Шклова: «За послѣднее время почти во всей моголевской губерніи сталъ продаваться чай по очень низкой цѣнѣ. Потребителей оказалось очень много, несмотря на отвратительный его вкусъ. Чай этотъ обратилъ на себя вниманіе. Его изслѣдовали и нашли, что это просто трава «скрыпенъ», произрастающая во всѣхъ лѣсахъ губерніи. Вскорѣ потомъ удалось напасть и на фабриканта, еврея Флора.

— **Изверженіе Этны.** Изъ Мессины сообщаютъ, что на западномъ склонѣ Этны образовался новый кратеръ, изъ котораго сильно истекаетъ лава. Окрестнымъ мѣстностямъ угрожаетъ опасность; населеніе спасается бѣгствомъ.

— **Обвалъ горы.** Въ ночь съ 9-го на 10 мая, вслѣдствіе сильнаго и продолжительнаго дождя, обрушилась значительная часть пригородной площадки горы, извѣстной подъ названіемъ Туменой. Обвалъ произошелъ отъ размягченія земли дождевыми ручьями. При этомъ съ людьми не было несчастій, если не считать нѣсколько незначительныхъ ушибовъ; но за то до нѣкоторой степени повреждено нѣсколько домовъ, стоявшихъ вблизи горы, а другимъ, находящимся далѣе отъ мѣста обвала, угрожаетъ пока опасность; вслѣдствіе чего, всѣ жители этихъ домовъ переехали въ другія, болѣе безопасныя помѣщенія.

— **Аэролиты.** Нѣкоторые иностранныя газеты сообщаютъ на-дняхъ, какъ о «небываломъ фактѣ», о смерти одного человѣка въ Америкѣ, убитаго въ полѣ аэролитомъ; это вовсе не безпримѣрный фактъ и Гумбольдтъ, въ своемъ «Космосѣ», упоминаетъ о трехъ такихъ случаяхъ: именно въ 1559 году 4 сентября, монахъ въ Кремѣ, въ 1650 г., другой монахъ въ Миланѣ и въ 1674 г., два шведскіе матроса, находясь на кораблѣ, были убиты слетѣвшими съ неба аэролитами.

— **Новое скорострѣльное ружье.** На оружейной фабрикѣ, въ Штейрѣ, было испробовано ружье съ новоизобрѣтеннымъ механизмомъ, съ помощью котораго выпускается 38 выстрѣловъ въ продолженіи 52 секундъ, тогда какъ лучшія до сихъ поръ извѣстныя ружья втеченіи минуты даютъ не болѣе 24 выстрѣловъ.

— **Ласточки.** Въ газетѣ «Illustration» напечатано: 15 марта, въ Парижѣ получена изъ Ниццы депеша, извѣщавшая о томъ, что ласточки прилетѣли. Дѣйствительно, вскорѣ десять или двѣнадцать ласточекъ показались со стороны люксембургскаго сада и близъ обсерваторіи. Появленіе ихъ было привѣтствовано медицинскимъ факультетомъ съ восторгомъ. Факту прилета ласточекъ французскіе медики придаютъ чрезвычайно важное значеніе. Какъ извѣстно, за послѣднее время вся Европа была встревожена толками о заразѣ, угрожающей съ русской и турецкой границъ. Между тѣмъ, согласно повѣрью, перешедшему къ намъ еще изъ среднихъ вѣковъ, пер-

вымъ признакомъ незараженности атмосферы служить возвращеніе ласточекъ. Говорятъ, что во время прежнихъ холерныхъ эпидемій, всюду, гдѣ эти граціозныя птички рѣшались въ воздухъ, не было никакихъ повальныхъ болѣзней. Не даромъ Шатобрианъ кормилъ ласточекъ мухами, Беранже воспѣвалъ ихъ въ стихахъ, Фелисьенъ Давидъ переложилъ ихъ на музыку, Гренвилъ изобразилъ ихъ въ своихъ иллюстраціяхъ къ баснямъ Лафонтена, а кондитеръ Марка выдѣлываетъ ихъ изъ шоколада! Теперь и медицинская академія при- вѣтствуетъ ихъ какъ самое благопріятное указаніе для общественнаго здоровья.

— **Помѣшательство изъ религіознаго фанатизма.** Чарльсъ Фриманъ, членъ религіозной конгрегаціи «Второго пришествія», свихнулся съ ума, вслѣдствіе проповѣдей, произнесенныхъ въ общемъ собраніи сектантовъ и совершенныхъ тамъ же церемоній «для пробужденія христіанскаго духа». Подъ впечатлѣніемъ этихъ проповѣдей, Фриманъ, вернувшись домой, заперся въ своей комнатѣ, откуда вышелъ только по прошествіи недѣли, объявивъ домашнимъ, что онъ сподобился воспринять «великое откровеніе» и съ той минуты не ѣлъ и не пилъ. Онъ заявилъ, что Господь предсталъ предъ нимъ и повелѣлъ ему принести въ жертву дочь его, пятнадцатилѣтнюю Эдди, которая черезъ три дня должна была воскреснуть. Идѣйствительно, несчастный схватилъ свою дочь, положилъ ее на столъ, изъ котораго сдѣлалъ родъ жертвенника, и кухоннымъ ножомъ пронзилъ ей сердце, обливъ кровью ея этотъ жертвенникъ; затѣмъ онъ вытолкнулъ на улицу всѣхъ своихъ домашнихъ и, оставшись дома одинъ, барикадировалъ всѣ двери и окна. Имѣя при себѣ оружіе, онъ объявилъ, что положить на мѣстѣ всякаго, кто только попытается вмѣшаться въ его дѣла. Въ этомъ вооруженномъ положеніи онъ выжидалъ воскресенія дочки своей. Въ день отхода послѣдней почты, полиція, окружившая его домъ, не могла еще схватить преступника. Въ Нью-Йоркѣ происшествіе это надѣлало много шума.

— **Удалой охотникъ.** Изъ спасопреображенской волости, петрозаводскаго уѣзда, сообщаютъ, что крестьянинъ, деревни Кургановой-Сельги, Федоръ Петровъ, одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ охотниковъ, идущихъ, обыкновенно, на медвѣдя одинъ-на-одинъ, съ рогатиною, винтовкою и собакою, — втеченіи двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ, убилъ въ своемъ обществѣ пятерыхъ медвѣдей и трехъ медвѣжатъ.

— **Новый способъ стирки бѣлья.** Д-ръ Кесневъ доказываетъ, что сода, употребляемая въ стиркѣ бѣлья, разрушительно дѣйствуетъ на его ткани, причемъ послѣднія желтѣютъ, и поэтому обращаетъ вниманіе на средство, употребляемое въ Германіи и Бельгіи, которое состоитъ въ слѣдующемъ: 2 фунта мыла распускаютъ въ 25 гарпцахъ горячей воды, но послѣдняя не должна быть настолько горяча, чтобы въ нее нельзя было опустить руки. Къ образовавшемуся раствору прибавляютъ три большихъ ложки амоніа и одну ложку лучшаго терпетиннаго масла. Смѣсь эту слѣдуетъ быстро мѣшать, и для этой цѣли удобнѣе всего можетъ служить березовый вѣнчикъ. Бѣлье, назначенное въ стирку, слѣдуетъ мочить въ этой смѣси въ продолженіи трехъ часовъ, въ посудѣ, тщательно прикрытой деревянной крыш- кой. Бѣлье, вышензложеннымъ способомъ, великолепно отмывается безъ обычныхъ трепій, прачка вытряхиваетъ во времени и трудѣ.

— **Ловля выдръ.** Какъ извѣстно, выдра любитъ заглядывать во всевозможныя норки, находящіяся въ берегахъ посѣщаемыхъ ею водъ. Пользуясь этимъ, для поимки животнаго устраиваютъ искусственныя норы, служащія отличными ловушками. Такая нора состоитъ изъ кирпичной или деревянной трубы, длиною около 5 футовъ, при ширинѣ въ 6—7 дюймовъ и высотѣ въ 9 дюймовъ. Входное отверстіе трубы должно находиться тотчасъ надъ водной поверхностью, но не худо, и даже полезно, если это отверстіе заливается водою по временамъ; слѣдуетъ только придавать трубѣ наклонное положеніе такимъ образомъ, чтобы задній конецъ трубы лежалъ выше и вода могла бы стекать снова прочь. Если труба деревянная, то ея внутреннюю поверх-

ность слѣдуетъ покрывать слоемъ глины въ $\frac{1}{2}$ д. толщины. Въ задней оконечности трубы продѣлывается деревянная дверца, черезъ которую вынимаютъ пойманную выдру; дверца прикрывается камнемъ или другой тяжестью. Въ передней оконечности трубы, незамѣтно снаружи, а именно дюймахъ въ 6 отъ устья, находится опускаемая дверца, висящая на веревкѣ и опускающаяся тотчасъ же отъ толчка, получаемого ею при входѣ животнаго въ ловушку. Такія западни держатся по 20 лѣтъ и болѣе, устройство ихъ не дорого и звѣрь постоянно попадаетъ въ нихъ.

— **Новый путь на сѣвѣрь.** Въ Канадѣ полковникъ Деннисъ намѣревается осуществить относительно сѣверной Америки проектъ, подобный тому, какой удалось привести въ исполненіе профессору Норденшельду относительно Сибири. Дѣло идетъ объ открытіи, путемъ Гудзонова залива, торговаго пути между Европой и равниной Саскачевана; море свободно отъ льда въ этихъ мѣстахъ съ первыхъ чиселъ іюля до конца сентября. Иоркская факторія, самое важное торговое учрежденіе на берегу Гудзонова залива, находится въ такомъ же разстояніи отъ Ливерпуля, какъ и отъ Нью-Йорка, и съ Принцемъ Альбертомъ на Саскачеванѣ ее легко соединить желѣзною дорогой въ 400 миль длины. Такъ какъ въ Девисовомъ проливѣ находится изобильное количество каменнаго угля, то для проектируемой линіи нѣтъ ничего легче, какъ учредить складъ его въ упомянутомъ мѣстѣ. Бассейнъ Саскачевана заключаетъ въ себѣ пространство въ 400 квадр. миль способной къ обработкѣ земли; страна эта орошается Саскачеваномъ, Биверомъ, Инсомъ, Атабаской и множествомъ маленькихъ рѣкъ; въ округѣ Фортъ-Провидансъ, расположенномъ на 58 град. параллели, значитъ въ самой сѣверной части страны, получается лучшая на всемъ континентѣ рожь. Съ другой стороны, полковникъ Деннисъ надѣется, что отъ осуществленія его проекта разовьется рыболовство въ Гудзоновомъ заливѣ и оживится эксплуатація обширнѣйшихъ основныхъ лѣсовъ, которые тянутся по сосѣдству съ этимъ заливомъ. Наступившимъ лѣтомъ будетъ отправлено судно съ цѣлю удостовѣриться, на сколько съ практической стороны выполнимъ планъ полковника Денниса.

— **Ледяной промыселъ въ Нью-Йоркѣ.** Въ «New York Herald» напечатаны слѣдующія свѣденія о торговлѣ льдомъ въ Нью-Йоркѣ: Рѣка Гудсонъ доставляетъ обыкновенно годовой запасъ около 1.500,000 тоннъ. Число людей, занимающихся его добываніемъ, простирается до 12,000, что, полагая плату каждому рабочему въ 1 долларъ 25 центовъ въ день и 40 рабочихъ дней въ сезонъ, представитъ сумму въ 600,000 долларовъ. Въ этой цифрѣ не значатся расходы на лошадей, телеги, магазины и материалы употребляемые для этой промышленности. Сезонъ въ нынѣшнемъ году былъ особенно благопріятенъ: 2.500,000 тоннъ льду было добыто изъ Гудсона 14,000 рабочими съ помощью 900 лошадей. Запасъ, нынѣ находящійся въ магазинахъ, простирается до 2.077,000 тоннъ. Весь этотъ запасъ сложенъ не исключительно въ городѣ и предмѣстьяхъ, но въ районѣ, изъ котораго городъ Нью-Йоркъ получаетъ свое обычное продовольствіе. Нѣкоторыя изъ компаній, производящихъ эту торговлю, дѣйствуютъ съ большими капиталами. Такъ, главная имѣетъ въ своемъ распоряженіи 2 миліона долларовъ (2½ миліона рублей), 500 повозокъ и отъ 1,100 до 1,200 лошадей. Заработанная плата вощикамъ 11 долларовъ въ недѣлю. Работа измѣняется по времени года. Лѣтомъ она продолжается отъ 10 до 12 часовъ въ день. Осенью и весной она оканчивается черезъ 3 или 4 часа; тѣмъ не менѣе заработная плата одна и таже втеченіи всего года. Въ субботу люди и животныя работаютъ до 10 и до 11 час. вечера.

— **Бумажныя колеса для вагоновъ.** Объ нихъ сообщено слѣдующее въ «Жур. Мин. Путей Сообщ.». Извѣстно, что въ послѣднее время, бумагу стали примѣнять, какъ строительный матеріалъ; такъ на выставкѣ въ Берлинѣ красовался цѣлый домъ, построенный изъ одной лишь бумаги, а также бумажныя бочки, предназначенныя для перевозки жидкостей и порошкообразныхъ

тѣль. Теперь фирма Браунъ, въ Шеффилдѣ, занимается изготовленіемъ бумажныхъ колесъ для желѣзнодорожныхъ вагоновъ. Приготовленіе такихъ колесъ состоитъ въ слѣдующемъ: два круга толстой бумаги, или вѣрнѣе, картона склеиваются между собою и втеченіи пяти часовъ сдавливаются силою въ 400 тоннъ. Изъ-подъ прессы кругъ вынимается сырой, а потомъ уже просушивается на тепломъ воздухѣ; послѣ того, къ кругу прибавляется еще по одному листу, съ повтореніемъ той же операціи прессованія и просушки до тѣхъ поръ, пока не получится дискъ, длиною въ $3\frac{1}{2}$ дюйма, который обтачивается и снабжается въ центрѣ чугунною ступицею. Въ концѣ концовъ, дискъ обхватываютъ стальнымъ ободомъ, подъ давленіемъ 150-ти тоннъ и тогда уже прикрѣпляютъ къ вагону. Такія колеса были уже испытаны, приспособленіемъ ихъ къ вагонамъ кампаніи Пульмана. Сдѣлавъ пробѣгъ на разстояніи около 500,000 верстъ, бумажныя колеса доказали свою прочность. Каждое колесо стоитъ 425 франковъ.

— **Новый видъ мошенничества.** Въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ кievской губерніи, читаемъ въ «Голосѣ», съ преобладающимъ еврейскимъ населеніемъ, организовалось весьма интересное «общество», считающее въ своей средѣ довольно много членовъ-евреевъ, имѣющее складочный и оборотный капиталы, правильную организацію, дисциплинированныхъ агентовъ, обширную клиентуру и грозящее распространить свою дѣятельность за предѣлы скромнаго городишка, въ районъ котораго ему, повидимому, становится тѣсно. У васъ пропадаетъ, напиримѣрь, цѣнная вещь изъ дома, лошадь изъ конюшни, деньги изъ бумажника и проч. и проч. Черезъ прислугу вы можете легко возвратить похищенное: вамъ стоитъ только обратиться къ любому агенту почтенной ассоціаціи, уплатить ему впередъ, конечно безъ свидѣтелей, извѣстный процентъ за «комиссію», и вещь ваша будетъ вамъ возвращена въ томъ самомъ въ видѣ, какомъ вы видѣли ее передъ исчезновеніемъ. Если предметомъ «операціи» были «денежные знаки», то вамъ даже не надо и уплачивать впередъ, а лишь предоставить право удержатъ «куртажные» изъ капитала, и тогда, капиталъ безъ «куртажныхъ» будетъ вамъ доставленъ безъ замедленія. Если же до свѣденія бюро общества дойдетъ, что вы обратились, для отысканія вашей пропажи, къ содѣйствію полиціи или иныхъ установленныхъ властей, вы, тѣмъ самымъ, лишаетесь права на полученіе обратно вашей пропажи, которая или безслѣдно исчезаетъ, или измѣняетъ форму до неузнаваемости.

— **Древность очковъ.** Въ газетѣ «Телеграфъ» пишутъ: «Говорятъ, что употребленіе очковъ впервые началось въ Китаѣ еще въ самой глубокой древности. Дѣйствительно, на старинныхъ китайскихъ фарфоровыхъ издѣліяхъ встрѣчаются изображенія мандариновъ съ очками на носу, задѣтыми за уши посредствомъ снурковъ, съ тирми на концахъ. Въ Европѣ же очки впервые появились въ Италіи, въ началѣ XIV столѣтія. Эти первоначальные очки, изобрѣтеніе которыхъ приписывается флорентинцу Сальвино дель-Армати, состояли изъ двухъ круглыхъ стеколъ, вдѣланныхъ въ оправы надѣвавшіяся на уши; стекла были выпуклыя или вогнутыя, смотря по надобности; оправы же отличались грубостью отдѣлки. Несмотря на всѣ несовершенства этихъ очковъ, они вошли однако же въ большое употребленіе, въ особенности въ Венеціи, и сдѣлались даже украшеніемъ и отличіемъ. Въ Испаніи, напиримѣрь, носить очки считалось признакомъ знатности и учености, а франты при этомъ дѣлали очки громадныхъ размѣровъ. Изъ Италіи очки перешли во Францію и другія страны. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ очки были значительно усовершенствованы. Во времена французской республики очки также служили, какъ предметъ украшенія, но эта мода скоро исчезла. Въ Россіи очки вошли въ употребленіе съ XVIII вѣка, но преимущественно, какъ предметъ необходимости, въ послѣдствіи же стали носить ихъ для франтовства, а извѣстный московскій чудодѣй Демидовъ въ 1770 годахъ дошелъ даже до того, что

нарядилъ въ очки всю свою прислугу и даже лошадей. Въ древности очки извѣстны не были, и у римлянъ ихъ замѣняли шлифованные вогнутые камни, такъ извѣстно, напиримѣрь, что Неронъ любилъ смотрѣть на бой гладиаторовъ сквозь шлифованный изумрудъ».

Пожертвованія въ пользу погорѣльцевъ гор. Оренбурга: Отъ неизвѣстнаго изъ Каменецъ-Подольска 3 р.; фельдшера Вилимовича 50 к.; вахмистра Литвиненко 20 к.; Рубцова 15 к.; Семена Левченко 15 к.; Ивана Демченко 20 к.; А. Бинерта 1 р.; К. Пикуля 20 к.; М. Шура 40 к.; Ефима Червенко 20 к.; Редакціи «Жив. Обозр.» 25 р.; Николая Сучкова 5 р.; В. А. Даго 2 р.; А. А. Шлипера 1 р.—Итого 39 руб. Означенныя деньги отправлены въ «Комитетъ оказанія помощи погорѣльцамъ» въ Оренбургъ.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 20-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 19-го мая въ 6 часовъ 15 минутъ, на иногороднюю почту 20-го мая въ 1 часъ по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

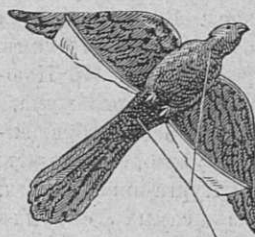
Статьи: Рубенсъ (продолж.).—Стихотвореніе «Кн. Дм. Голицына».—Бой гладиаторовъ и травля звѣрей на аренѣ амфитеатра Помпеи, въ 79 г. по Р. Х. Изъ моихъ воспоминаній.—Ткачъ изъ Штейнбаха.—О происхожденіи нравственныхъ чувствъ.—Иза (продолж.).—Книжныя новости.—Въ Новой Гвинее (продолж.).—Къ рисункамъ.—Новости наукъ и жизни.—Объявленія.

Гравюры: Свита войны.—Новая покупка.—Семейныя драгоцѣнности.—2 рис. къ ром. «Иза».—Первая любовь.—1 рис. къ ст. «Въ Новой Гвинее».

Редакторъ-издатель Д. А. Карчъ-Карчевскій.

Объявленія.

БУМАЖНЫЙ ЯСТРЕБЪ.

Троицкій пер., 11.) Дюжина 3 руб. перес. за 8 фун. ушаков. 40 к.—1 экз. съ объясненіемъ 40 к.

Этотъ ястребъ при самомъ слабомъ вѣтрѣ на обыкн. тонк. ниткѣ подымается на высоту болѣе 1,000 фут. и такъ хорошо подражаетъ полету настоящ. ястреба, что уже издавна употребляется въ Англіи на охотѣ для запугиванія куропадокъ.—Спусканіе ястреба оч. легко и можетъ служить забавой, какъ для маленькихъ дѣтей, такъ даже и для взрослыхъ.—Иногородн. высыл. только дюжин.

Въ мастерской большой выборъ учебн. пособій игръ и занятій для дѣтей, дѣтск. книгъ и классн. мебели.

Поступило въ продажу новое—посмертное изданіе:

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. А. НЕКРАСОВА

съ портретомъ, факсимиле, біографіею, приложеніями, примѣчаніями и т. д. Спб. 1879. Тип. М. Стасюлевича. Т. I. LXXXII и 318; т. II: 417; т. III: 404; т. IV: 131 и ССХ. Біографія, въ первомъ томѣ, составлена А. М. Скабичевскимъ; примѣчанія, въ четвертомъ томѣ, были приготовлены отчасти самимъ поэтомъ и дополнены С. И. Пономаревымъ.

Четыре тома, на обыкнов. бумагѣ: 7 руб. въ оберткѣ, и 9 руб. въ перепл. съ перес. 8 р. и 10 р. На веленовой бумагѣ: и 12 руб. въ переплѣтѣ. Съ перес. 14 р.

Главный складъ изданія: Книжный магазинъ Типографіи М. Стасюлевича, въ Спб., Вас. Остр. 2-я лин. 7.—Книгопродавцамъ учебнымъ заведеніямъ обычная уступка.

Съ 1879 года издается въ Москвѣ новый ежемѣсячный, музыкальный журналъ.

СЪ ПРЕМІЯМИ.

„ЛИРА“

объемомъ не менѣе двадцати страницъ въ номерѣ. Срокъ выхода—середина каждаго мѣсяца.

Цѣль изданія—доставить лицамъ, неимѣющимъ возможности слѣдить за выходомъ новыхъ піесъ и притомъ лишеннымъ возможности тратить большія деньги на ноты—дешевое періодическое изданіе, дающее каждый мѣсяцъ цѣлый рядъ новыхъ піесъ болѣе и менѣе трудности. Желая возможно ближе подойти ко вкусу публики, жур-

налъ заключаетъ въ каждомъ своемъ номерѣ нѣсколько новыхъ салонныхъ піесъ въ двѣ и четыре руки, нѣкоторые танцы лучшихъ композиторовъ, романсы и піесни, и отъ поры до времени будутъ помѣщаться дуэты со скрипкой, флейтой и пр.

При недорогой подписной цѣнѣ, журналъ этотъ можетъ легко искупить необходимость тратить на покупку нотъ (вообще дорогихъ теперь) и такимъ образомъ, этотъ общедоступный журналъ дѣлается необходимымъ журналомъ каждой семьи, любящей музыку.

Подписная цѣна: за годъ съ доставк. и перес. 6 р.
» » безъ » » 5 р.

Отдѣльный номеръ..... 75 к.

Иногородные, желающіе пріобрѣсть одинъ номеръ присылаютъ 40 марокъ двухкопѣчнаго достоинства.

Объявленія для напечатанія въ журналѣ музыкальнаго и общаго содержанія принимаются исключительно въ Центр. Конторѣ Объявл. на б. Дмитровка д. Бучумова.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи на Пречистенкѣ при книжномъ и нотномъ магазинѣ «Учебныя Пособія», въ Театр. Библ. Разсохина. Газетн. пер. д. Шаблыкина и во всѣхъ музыкальных магазинахъ Россіи. Издатель Д. Мансфельдъ.

„СОВРЕМЕННОСТЬ“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Съ 1-го февраля перешла къ новому издателю А. А. Старчевскому и вполне преобразована.

Въ редакціи принимаетъ участіе А. В. Старчевскій, оставившій редакцію газеты «Сынъ Отечества» въ началѣ 1877 г.

Подписка продолжается; подписная цѣна за годъ 6 р. съ пересылкою и доставкой на домъ. Гг. иногородные благоволятъ обращаться прямо въ редакцію газеты «Современность» въ Спб. въ Свѣчномъ пер., домъ № 9, кв. 18, на имя издателя А. А. Старчевскаго.

Газета «Современность» издается безъ предварительной цензуры. Въ ней будутъ помѣщаться: I. Передовыя статьи по вопросамъ политическимъ, учебно-воспитательнымъ, церковно-общественнымъ, юридическимъ, литературнымъ и др. Обозрѣнія: внутреннее, имѣющее своимъ предметомъ обсужденіе болѣе крупныхъ фактовъ изъ современной общественной жизни; иностранное и политическое. II. Правительственныя распоряженія, касающіяся всѣхъ вообще вѣдомствъ; III. Хроника, въ которую войдутъ разныя слухи и свѣдѣнія о событіяхъ, преимущественно, столичной жизни. IV. Журнальные и газетные толки, или выдержки изъ статей, заслуживающихъ почему-либо особеннаго общественнаго вниманія. V. Внутреннія извѣстія, гдѣ первое мѣсто будетъ предоставлено разнаго рода корреспонденціямъ, чуждымъ всякихъ личностей и провинціальнымъ дразгъ а также интереснымъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи, извѣстіямъ, заимствованнымъ изъ другихъ газетъ. VI. Судебный отдѣлъ, въ которомъ будутъ печататься обстоятельныя отчеты о болѣе или менѣе замѣчательныхъ и поглаголюющихъ общественное вниманіе судебныхъ процессахъ. VII. Иностранныя извѣстія, касающіяся политической и внутренней жизни разныхъ чужеземныхъ народовъ. VIII. Разныя мелкія извѣстія, изъ внутренней и иностранной жизни, имѣющія юмористическій или анекдотическій характеръ. IX. Фельетонъ, въ которомъ, между прочимъ, будетъ помѣщаться обзоръ текущей журналистики, какъ свѣтской, такъ и духовной, а равно и статьи ученаго и беллетристическаго характера. X. Биржевыя свѣдѣнія въ каждомъ субботнемъ № газеты. Словомъ, со стороны редакціи будутъ употреблены всѣ усилія къ тому, чтобы ея газета имѣла живой и разнообразный интересъ, и, полностью сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній, могла вполне удовлетворять любознательности всѣхъ тѣхъ, которые не имѣютъ или времени читать, или средствъ выписывать дорогія ежедневныя изданія.

Въ книжномъ магазинѣ.

С. П. ГЛАЗЕНАПА.

(Новарской пер. № 15 въ С.-Петербургѣ)

продаются, между прочимъ, слѣдующія книги:

А. Додэ. Разказы, иллюстрированныя художникомъ Н. Богдановымъ. Ц. 1 р. 25 к. въ перепл. 1 р. 50 к. (Выписывающіе эту книгу изъ книжн. маг. С. П. Глазенапа за пересылку ничего не платятъ).

Капитанъ Кирильчъ. Сербскіе разказы. Ц. 1 р. 50 коп. съ перес. 1 р. 80 к.

Кретовичъ. Селитряный промыселъ на Волгѣ въ хозяйственномъ и административномъ отношеніяхъ. Ц. 75 коп. съ пер. 1 руб.

Узвелъ. Исторія индуктивныхъ наукъ отъ древнѣйшаго и до настоящаго времени. ц. 8 р. 50 коп. съ пер. 9 р. 60 к.

Требованія исполняются немедленно. Постояннымъ покупателямъ уступка. Пріемъ подписки на журналы и газеты.

№ 22. Томъ I.

На годъ, съ доставкой и пересылкою — 7 руб.;
на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб.
Отдѣльн. №№ по 20 к.

С.-Петербургъ, 2 Іюня 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новая
улица, домъ № 6.

Годъ VII.

Въ стоячей водѣ.

(Отрывокъ изъ дневника.)

Разсказъ Н. Ф. Бажина.

(Окончаніе.)

VIII.

Разумѣется, онъ его возненавидѣлъ, какое же могло быть сомнѣніе въ этомъ! И при томъ не одинъ только онъ возненавидѣлъ Чусова, но его возненавидѣли въ болѣе или менѣе сильной степени и многіе другіе... Все это такъ просто, такъ «естественно», что человѣкъ, болѣе проникательный, чѣмъ я, предсказалъ бы возникновеніе этой ненависти сейчасъ же, какъ только Чусовъ ступилъ ногой въ этотъ кругъ стоячей воды.

Онъ видитъ, что эта стоячая вода — простая лужа, а совѣтъ не море, и говорить это такъ откровенно, какъ я никогда не говорила даже моему супругу. Развѣ же это не совершенная обида? Они всѣ, наши добрые друзья и знакомые, привыкли смотрѣть сами на себя и другъ на друга, какъ на соль земли, какъ на солнце жизни, а Чусовъ говоритъ, что придетъ лѣто, лужа высохнетъ, и тогда что будетъ съ нами? Развѣ же это не кровавое оскорбленіе. Онъ, наконецъ, бьетъ ихъ не только всѣхъ вмѣстѣ, съ чѣмъ еще можно было бы кое-какъ примириться, онъ бьетъ ихъ и каждого порознь, а этого нельзя ни простить, ни забыть, потому что личное самолюбіе всегда не сравненно чувствительнѣе самолюбія корпоративнаго. Чусовъ бьетъ ихъ, какъ какихъ-нибудь мухъ, и, разумѣется, эти обиженные мухи не могутъ чувствовать къ

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ. КАРТИНА Ш. БРОШАРА.

Источникъ любви.

Чусову никакого расположенія...

И вотъ они поднялись на него войною. Сначала заговорили довольно робко, что Чусовъ странный человѣкъ, что онъ, очевидно, слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ и что потому съ нимъ не всегда пріятно встрѣчаться... Потомъ, ободряемые звукомъ своихъ собственныхъ голосовъ, они начали дѣлаться смѣлѣе и смѣлѣе. Одинъ разсказывалъ, напримѣръ, что онъ падняхъ встрѣтилъ, кажется, Чусова, проѣзжавшаго на извозикѣ и громко кричавшаго что-то самымъ пьянымъ голосомъ, а кто-нибудь изъ слушателей сейчасъ же подхватывалъ, что «этотъ господинъ» и вообще не принадлежитъ къ обществу трезвости. Другому вспоминался при случаѣ чей-то разсказъ о какой-то очень сомнительной связи Чусова съ одною особою, а кто-нибудь изъ окружающихъ приводилъ кстаті давно извѣстные слова, что «Чусовъ измѣняетъ, но не измѣняется». Третій задумывался вслухъ надъ таинственнымъ вопросомъ о происхожденіи Чусова и объ его отношеніяхъ къ тому аристократическому семейству, въ которомъ онъ воспитывался; а слушатели хоромъ отиѣчали, что «этотъ человѣкъ» вообще таинственный человѣкъ...

Ахъ, какая все это гадость, гадость и гадость! Обвиненія заключались не въ фактахъ, потому что фактовъ на самомъ дѣлѣ не было никакихъ. Вся тяжесть обвиненій сосредоточивалась въ тонѣ обвинителей,

въ ихъ многозначительныхъ взглядахъ, въ суровости ихъ лицъ, въ этихъ «вообще», въ этихъ многоточіяхъ послѣ каждого слова, намекавшихъ какъ бы на то, что обвинители думаютъ и знаютъ несравненно больше, чѣмъ говорить. Стоячая вода мутилась больше и больше; а когда вода мутна и когда воображеніе достаточно настроено въ извѣстномъ направленіи, тогда въ этой водѣ можно увидеть рѣшительно все, что гнѣздится въ разстроенномъ воображеніи человѣка.

Никогда еще наша стоячая вода не казалась мнѣ до такой степени гадкою, какъ именно теперь, когда въ ней зашевелились всѣ эти оскорбленныя самолюбія и пошли подсматриванія, догадки, толки, дразни, дразни и дразни. Меня одолевала и тоска, и злоба; мнѣ въ самомъ воздухѣ мерещилось что-то и подозрительное, и скверное; мои нервы расходились до послѣдней степени и, наконецъ, сегодня я потеряла все мое самообладаніе. Можетъ быть, это и не совсѣмъ похвально, но за то, я полагаю, вполне «естественно», какъ и все въ мірѣ.

Вечеромъ, у Лѣниныхъ, къ которымъ мнѣ страшно не хотѣлось ѣхать, Петровъ опять завелъ рѣчь о Чусовѣ.

— Да, кстати, сказалъ онъ: Чусовъ предлагаетъ свои услуги въ качествѣ учителя, Власовскому, директору пансіона, и Власовскій спрашивается у меня объ этомъ господинѣ... Презатруднительное положеніе!.. Положимъ, Чусовъ, все-таки мой товарищъ, но... съ другой стороны, о немъ ходятъ такіе слухи и ихъ столько, что я, право, не знаю—какъ мнѣ быть...

Петровъ—совсѣмъ ограниченный человѣкъ, но рядомъ съ этою добродѣтелью въ немъ есть довольно хитрости и трусости, руководимый которыми онъ никогда не выдвигаетъ на первый планъ свою собственную особу, а по возможности старается толкнуть впередъ кого-нибудь другого и пойти за чужою спиною. Такъ и въ этомъ случаѣ: онъ, по всей вѣроятности, намѣревался просто выслушать чужіе отзывы, затѣмъ передать ихъ этому Власовскому и, такимъ образомъ, остаться совершенно въ сторонѣ...

— Эти рекомендаціи вообще прещекотливое дѣло, сказалъ Лѣневъ, задумчиво укладывая въ видѣ баланса чайную ложечку на кончикъ одного изъ своихъ пальцевъ. Рекомендовать человѣка—значитъ поручиться за него; слѣдовательно, рекомендовать позволительно только, такъ сказать, каменную гору, на которую можно твердо положиться...

Гадина, гадина!.. Слово было теперь за моимъ супругомъ и, конечно, самое вѣское слово, потому что онъ зналъ Чусова и дольше, и лучше, чѣмъ всѣ другіе. Но ему было не такъ-то легко высказать свое мнѣніе. Съ одной стороны, передъ его умственными очами стоялъ, конечно, уже не настоящій Чусовъ съ хорошими и дурными чертами своего характера, а только уродливый призракъ мутной воды, созданный изъ слуховъ, намековъ, недомолвокъ и преувеличеній. Съ другой стороны—доброе сердце Димитрія Васильевича видимо смущалось тѣмъ обстоятельствомъ, что, можетъ быть, вѣчно безалаберный Чусовъ уже сидитъ безъ денегъ и поэтому мѣсто, о которомъ идетъ рѣчь, для него очень дорого въ данную минуту. Наконецъ, съ третьей стороны, на мужа не могло не оказывать нѣкотораго давленія только-что высказанное Лѣневымъ мнѣніе о рекомендаціяхъ,—такое гладкое, такое вѣское, такое, повидимому, справедливое.

— Да, конечно, произнесъ, наконецъ, Димитрій Васильевичъ. Положимъ, для Чусова, можетъ быть, очень важно заручиться этимъ мѣстомъ, но... дѣйствительно, рекомендовать человѣка... котораго...

Весьма можетъ статься, что я не потеряла бы всего моего хладнокровія, если бы мужъ не ям-

лилъ до такой степени; но слышать, какъ онъ тянулъ изъ себя каждое слово было просто невыносимо.

— Ахъ, господа, господа! Какъ же сильно, должно быть, разобидѣлъ всѣхъ васъ этотъ злой Чусовъ! воскликнула я. Признайтесь!..

Лѣневъ искоса посмотрѣлъ на меня и, обратившись опять къ своей ложечкѣ, снисходительно заговорилъ ей:

— Дѣло вовсе не въ насъ, Варвара Сергѣевна. Дѣло въ томъ, какъ я имѣлъ уже честь сказать, что рекомендовать человѣка—значитъ брать его на свою отвѣтственность...

— Неправда! отвѣчала я. Все дѣло именно въ васъ или, лучше сказать, въ томъ, что вы совсѣмъ ослѣплены вашими личными чувствами и отношеніями къ Чусову. Кто васъ проситъ о рекомендаціи, о похвальномъ аттестатѣ или о чемъ нибудь подобномъ? Васъ просто спрашиваютъ—знаете ли вы что нибудь о человѣкѣ и если знаете—то что именно... И вы съ совершенно спокойною совѣстью можете отвѣчать на этотъ вопросъ, что, по общимъ отзывамъ, Чусовъ добрый малый, хорошій товарищъ, талантливый учитель всегда умѣвшій заслужить любовь и уваженіе своихъ учениковъ. Но, быть можетъ, вы хотите быть божественно безпристрастными? Въ такомъ случаѣ, никто вамъ не мѣшаетъ прибавить, что онъ человѣкъ и слѣдовательно не лишенъ нѣкоторыхъ слабостей; что о немъ, какъ и о всякомъ изъ насъ, ходятъ кое какіе толки и слухи, въ которыхъ нѣтъ, впрочемъ, рѣшительно ничего, кромѣ «вообще», «кажется», «кто-то рассказывалъ», «что-то кому-то почудилось» и такъ далѣе въ этомъ родѣ. Пустыя, пошлыя, темныя дразни и ни одного факта...

Я видѣла, что взоры всѣхъ присутствовавшихъ устремились на меня и были полны любопытства и изумленія; я подмѣтила двѣ-три тонкія усмѣшки, ясно говорившія, что эти усмѣхавшіеся люди съ торжествомъ восклицали мысленно: «а, такъ вотъ въ чемъ дѣло!» Но и эти взгляды, и эти усмѣшки только подливали еще больше горечи моимъ словамъ.

Пусть ихъ воображаютъ, что они открыли Новый Свѣтъ; пусть ихъ воображаютъ, что я по уши влюблена въ Чусова; пусть ихъ воображаютъ, что хотятъ. Мнѣ все равно, а для нихъ все таки однимъ интересомъ и однимъ предметомъ для разговора больше.

IX.

И такъ они и въ самомъ дѣлѣ открыли, что я влюблена въ Чусова... О, они такіе провицательные, умные, зоркіе люди, что отъ нихъ не можетъ укрыться ни малѣйшее движеніе души человѣческой. И я не сержусь на нихъ за это открытіе; мнѣ только грустно немного, а по временамъ даже и очень много, что они подѣлились своимъ открытіемъ съ моимъ мужемъ, которому вовсе не нужно было бы знать о немъ. Самъ онъ никогда бы не дошелъ до него своимъ собственнымъ умомъ и сердцемъ; но когда онъ замѣтилъ, что ЛЛ смотритъ на него съ душевнымъ соболѣзнованіемъ, ММ. обращается съ нимъ какъ съ очень несчастнымъ человѣкомъ, а НН. старается ободрить его,—тогда бѣдный Димитрій Васильевичъ поневолѣ раскрылъ свои глаза шире и, такъ какъ кругомъ довольно темно, то увидѣлъ... призракъ. Боже мой, Боже мой! Все мое сердце полно тоски, горечи, отвращенія; я ушла бы, не знаю, какъ далеко отсюда, чтобы только не видѣть и не слышать всей этой неисчерпаемой пошлости; а они открыли, что я преисполнена блаженства любви и жажду поцѣлуевъ, ласкъ, объятій... Чего же въ самомъ дѣлѣ больше?..

X.

Какъ видно, это открытіе сдѣлано уже довольно давно, но я до сихъ поръ не замѣчала ничего, потому что мнѣ, ей Богу, не хотѣлось ни

смотрѣть на то, что дѣлается, ни вслушиваться въ то, что говорится вокругъ меня. Правда, я видѣла какъ въ туманѣ, что мужъ держитъ себя со мною, какъ-то особенно сухо и холодно, но развѣ у него мало причинъ быть недовольнымъ моимъ поведеніемъ, въ особенности же съ послѣдняго четверга у Лѣниныхъ? Правда, мнѣ припоминается теперь одинъ день, когда Димитрій Васильевичъ держалъ себя особенно странно, былъ раздражителенъ, золъ и, наконецъ, спросилъ меня дрожащимъ голосомъ: «съ кѣмъ это я проѣзжала сегодня утромъ по такой то улицѣ?» Но такъ какъ я не была не только на этой улицѣ, но даже вообще не показывала носа ни на какую улицу уже въ теченіи цѣлой недѣли, то такъ ему и отвѣчала, не придавая никакого значенія ни его раздражительности, ни его придирчивости. Мало ли что можетъ показаться человѣку? Наконецъ, мало ли у него всякихъ дѣлъ, которыми я давно уже перестала интересоваться, потому что вся ихъ суть оцѣнивается во столько то рублей за часъ, за мѣсяцъ или за годъ, и мало ли неприятностей бываетъ изъ за всѣхъ этихъ дѣлъ?

А между тѣмъ его безпокоили совсѣмъ не дѣла; передъ нимъ уже стоялъ во всемъ своемъ величіи призракъ сдѣланнаго ими сообща открытія.

Вчера Димитрій Васильевичъ совершенно неожиданно зашелъ ко мнѣ въ комнату въ то время, когда я писала записку Катѣ Лѣниной. Нужно сказать, что у Кати есть мать и сестры, находящіяся въ очень не блестящемъ положеніи относительно средствъ къ жизни, есть кромѣ того цѣлая масса маленькихъ личныхъ нуждъ,—но почти никогда не бываетъ ни одного свободного гроша въ карманѣ. Иногда она занимала у меня маленькія суммы денегъ, иногда же, когда и я сидѣла безъ денегъ, я давала ей какія нибудь болѣе или менѣе цѣнныя бездѣлушки, браслеты, перстни, серьги, которыя можно было заложить до болѣе благоприятныхъ временъ. Объ одной-то изъ подобныхъ операцій я и писала ей въ отвѣтъ на полученную отъ нея записку. Но такъ какъ Катя, изъ страха передъ своимъ супругомъ, закликала меня всѣми святыми, чтобы я никогда, никому не проговорила объ этихъ операціяхъ и, сколько мнѣ помнится, взяла съ меня торжественное обѣщаніе, что я не скажу объ этомъ даже моему мужу, то теперь, когда онъ вошелъ въ мою комнату, я машинально прикрыла эту записку рукой. Димитрій Васильевичъ замѣтилъ это движеніе и просто впился своими глазами въ несчастную записку.

— Кому это ты пишешь? спросилъ онъ, перенося наконецъ свой взглядъ на меня.

— Лѣниной, отвѣчала я и положила на записку книгу.

Онъ пристально, пристально посмотрѣлъ мнѣ въ глаза: потомъ отвернулся; походилъ по комнатѣ и поговорилъ о холодной погодѣ, о зимнихъ рамкахъ, о ковртѣ подъ моимъ столомъ, но его взглядъ какъ будто притягивался какою-то необъяснимою силою къ запискѣ, лежавшей подъ книгой. Я это видѣла, и мною начало овладѣвать тяжелое чувство ожиданія или, пожалуй, безпокойства, точно передъ грозю.

— Странное дѣло, а мнѣ ужасно интересно было бы хоть взглянуть на это письмо, сказалъ онъ, вдругъ остановившись съ насильственной улыбкою на губахъ.

Я такъ и знала...

— Очень жаль, отвѣчала я начиная волноваться; но я не могу тебѣ показать эту записку, потому что не имѣю права...

— Ага! произнесъ онъ точно съ торжествомъ. Мнѣ почему-то сразу подумалось, что это письмо не къ Катеринѣ Павловнѣ, не къ Катеринѣ Павловнѣ...

Такъ вотъ что! Вся кровь моя закипѣла и за-

стучала въ грудь, въ виски. Какое право имѣлъ онъ оскорблять меня такъ грубо и жестоко, когда я никогда, ни разу не подавала ему ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ моей искренности и правдивости?

— Мнѣ не пужно даже видѣть всего письма; съ меня достаточно было бы только двухъ, трехъ строчекъ, даже одной первой строчки. «Милая Катя» или «Дорогая Катерина Павловна», — этихъ словъ для меня было бы довольно, продолжалъ онъ между тѣмъ и съ просьбою, и, рядомъ съ нею, съ прошептомъ.

— Но еслибы мнѣ достаточно было пошевеливать пальцемъ, чтобы разъяснить все то, что тебѣ думается или кажется, я не сдѣлала бы этого! Слышишь ли, понимаешь ли ты это? воскликнула я видя себя.

— Ага, ага! повторилъ онъ наблюдая меня съ прежнимъ торжествомъ, какъ будто бы я сама выдавала себя, что называется, головою. Да, я понимаю!..

— Да, я понимаю! сказалъ онъ еще разъ и началъ быстро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, опустивъ голову, комкая попеременно одну руку въ другой и задѣвая за мебель.

Я сидѣла передъ своимъ столомъ, какъ оглушенная громомъ и потерявшаяся. На одну секунду во мнѣ промелькнула мысль, что, можетъ быть, дѣйствительно будетъ лучше и для него, и для меня, если я отдамъ ему эту несчастную записку. Но вся моя гордость возмущалась этимъ, все мое существо вздрагивало отъ негодованія... И когда я мелькомъ взглянула на совершенно бѣлое лицо мужа, на его посинѣвшія губы и на блуждавшіе глаза, все еще не перестававшіе обращаться къ запискѣ, — я взяла ее и бросила въ топившійся каминъ. Онъ было кинулся схватить ее, но, увидѣвъ, что уже поздно, остановился.

— Да, да, это лучше всего, съ горькою насмѣшкою сказалъ онъ, облокотился на каминъ и прикрылъ глаза ладонью.

Я ушла изъ комнаты.

XI.

Что я буду дѣлать? Что мнѣ слѣдуетъ дѣлать?

Я не знаю, что мнѣ нужно дѣлать, но я знаю только то, что ни въ какомъ случаѣ не буду оправдываться ни однимъ словомъ, ни однимъ взглядомъ, еслибы этотъ взглядъ могъ объяснить и все, и навсегда. Пусть ихъ думаютъ что угодно, пусть и онъ воображаетъ, что хочетъ, такъ какъ сегодня появился одинъ призракъ, завтра можетъ появиться другой, послѣ завтра третій и этому не будетъ конца... Я знаю только то еще, что если мнѣ еще суждено возвратитъ когда бы то ни было мое прежнее вліяніе на мужа, то не оправданіями и не разъясненіями я возвращу его...

Тяжело и гадко... Тяжело и гадко до такой степени, что, право, я желала бы быть дѣйствительно влюбленной въ Чусова или въ кого бы то ни было, потому что тогда у меня были бы крылья, на которыхъ я могла бы улетѣть далеко — далеко отъ всего того, что тяготитъ и терзаетъ меня теперь. Но, у вы, у меня нѣтъ этихъ крыльевъ; я не только не люблю Чусова, но иногда мнѣ кажется даже, что я никогда бы не была въ состояніи смотрѣть на него, какъ на дорогого и вѣрнаго друга.

Онъ уменъ; онъ несомнѣнно честный человѣкъ; его по временамъ можно просто заслушаться, въ особенности когда на него находится злое настроеніе; его никто не упрекаетъ въ мелочности; наконецъ, въ нашихъ взглядахъ и чувствахъ, дѣйствительно, есть много родственнаго, но при всемъ этомъ отъ него вѣетъ на меня просто холодомъ.

Чусовъ — зритель на обширномъ театрѣ жизни... Но жизнь не сцена. Въ жизни — если идетъ борьба, то сражаются не картонными мечами; въ жизни — если появляется злодѣй, то онъ по-

является не затѣмъ только, чтобы, произведя извѣстное впечатлѣніе на публику, сейчасъ же превратиться за кулисами въ прекраснаго милаго, — и если въ жизни раздается вопль отчаянія, боли, скорби, то онъ раздается не затѣмъ, чтобы вызвать рукоплесканія цѣнителей. А Чусовъ — зритель, зритель и больше ничего, какъ зритель. Когда я слушаю его увлекательные рассказы о томъ, что онъ видѣлъ и встрѣчалъ въ своей жизни, я часто поднимаю на него глаза и съ недоумѣніемъ всматриваюсь въ его непроницаемое лицо. Какимъ образомъ этотъ человѣкъ, такъ тонко понимающій всѣ движенія ума и сердца своихъ ближнихъ, никогда не почувствовалъ въ себѣ желанія выйти изъ роли зрителя и броситься на сцену? Какъ могъ онъ не увлечься никогда ни состраданіемъ, ни злобою, ни хотя бы минутною вспышкой негодованія, ничѣмъ? А тому, кто не увлекается самъ, трудно увлечь когонибудь другого...

XII.

Мнѣ бросилось въ глаза, что Лиза, пришедшая приготовить мнѣ постель, смотреть и взволнованною, и сердитою, и кромѣ того казалось, что она какъ будто бы только что всплакнула. Я стала разспрашивать ее. Сначала Лиза отрывисто твердила только, что «нѣтъ» и «ничего», но такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ она опять собиралась расплакаться, то я не отставала отъ нея и, наконецъ, узнала нѣчто такое, что лучше было бы не знать. Оказалось, что Димитрій Васильевичъ только что подвергнулъ ее цѣлому допросу объ образѣ моей жизни: и куда я хожу, и съ кѣмъ переписываюсь, и не посылала ли я Лизу съ записками къ Чусову... Насколько можно было заключить изъ горячаго, но совершенно безсвязнаго монолога этой глухенькой дѣвушки, Димитрій Васильевичъ сперва допрашивалъ ее довольно повелительно и даже грозно, потомъ попробовалъ закупить ее хорошимъ подаркомъ и, наконецъ, началъ чуть не со слезами жаловаться, что онъ самый несчастный человѣкъ, что въ немъ никто не хочетъ принять участія, что онъ не можетъ довѣриться «никому, никому, никому...»

Ахъ, какъ все это хорошо; ахъ, какъ все это до послѣдней ступени гадко! Положимъ, что, по словамъ Лизы, онъ смотрѣлъ сильно пьянымъ и все еще продолжалъ пить, сиди однако за столомъ, но, на мой взглядъ, дѣло становится отъ этого только гадче и отвратительнѣе. Увидитъ до такой степени самого себя; оскорбитъ самымъ возмутительнымъ образомъ эту простую и честную деревенскую дѣвушку; забрасывать грязью меня — и даже не понимать, что такое онъ дѣлаетъ... Возможно-ли же упасть еще ниже этого?

Нѣтъ, я уѣду... Очень можетъ быть, что помимо этого бѣгства есть еще какія-нибудь другія средства покончить со всѣмъ этимъ, но я ихъ не вижу, я имъ не вѣрю. Я не вѣрю, напимѣрь, въ благотворную силу такъ называемыхъ «объясненій»; я ихъ ненавижу; но положимъ, что какъ бы ни возмущалась этимъ моя гордость, я покорюсь, снизойду до нихъ и объясню все, насколько это въ моихъ силахъ... Что же будетъ дальше? Дальше все пойдетъ опять по старому: опять та же жизнь стоячей воды, опять тоска, скука, снова сплетни, дразни и, наконецъ, появленіе какого-нибудь новаго призрака, новыя объясненія... Нѣтъ, Богъ съ ними, съ этими объясненіями...

Или, можетъ быть, я должна сдѣлать какія-нибудь уступки, «безъ которыхъ немислима жизнь въ обществѣ»? Какія же? Убѣдить себя, что жизнь стоячей воды имѣетъ свою прелесть? Почтительно склониться передъ тѣмъ, что кажется мнѣ смѣшнымъ и пошлымъ? Молчать и соглашаться въ то время, когда я считаю нужнымъ возвысить голосъ и протестовать? Но что же мнѣ дѣлать, если я не могу и не могу этого?!

Нѣтъ, я уѣду, а онъ пусть идетъ своею старою дорогою, если она ему такъ нравится. Я уѣду, но... только... слезы душатъ, слезы рвутся изъ глазъ при одной только мысли объ этомъ бѣгствѣ отъ человѣка, котораго я любила, котораго мнѣ и до сихъ поръ еще безкопечно жаль...

XIII.

Я колебалась; я, быть можетъ, колебалась бы и до сихъ поръ, если бы мой мужъ, мой добрый мужъ, не поспѣшилъ ко мнѣ на помощь и не разсѣялъ бы разомъ всѣ мои сомнѣнія... Спасибо ему; за все, за все спасибо!

Третьяго дня я была у старухи няньки, ходившей за моею Вѣрой и съ тѣхъ поръ ставшей для меня своимъ и даже очень дорогимъ человекомъ. Старуха что-то расхворалась; кромѣ того она соскучилась, давно меня не видя, и сегодня прислала ко мнѣ дѣвочку, чтобы узнать — не случилось-ли со мной чего-нибудь худого. Я пошла къ ней и просидѣла у нея часа полтора. Вышла я отъ нея задумчивая, вся поглощенная моими колебаніями: «ѣхать, не ѣхать?» машинально смотрѣла себѣ подъ ноги, когда спускалась по крутой лѣстницѣ и, конечно, вся вздрогнула когда на первой же площадкѣ встрѣтилась лицомъ къ лицу съ Димитріемъ Васильевичемъ. Бѣдный, бѣдный! Какъ видно, онъ до крайности заинтересовался появленіемъ ко мнѣ таинственной посланницы — дѣвочки, ѣхавъ слѣдомъ за мною по улицамъ, прослѣдилъ меня до самой квартиры няни и потомъ все время сторожилъ на площадкѣ!.. Однако же, ему не дешево стоять всѣ эти причуды его фантазіи. Лице у него было совсѣмъ зеленое, похудѣвшее и искаженное, глаза смотрѣли совсѣмъ дикими, а губы запылись и по этому казались просто черными.

— Ага! воскликнулъ онъ опять, замѣтивъ какъ я вздрогнула. Можетъ быть, и я могу войти туда?!

Я пожала плечами и хотѣла молча пройти мимо, но онъ схватилъ меня за руку и такъ стиснулъ ее, что она еще и теперь болитъ.

— Можетъ быть, и я могу войти туда, туда?! повторилъ онъ указывая рукою вверхъ.

— Да сдѣлай милость, иди, куда ты хочешь, только оставь меня, тихо отвѣчала я.

Онъ оттолкнулъ меня и бросился наверхъ, а я пошла домой. Не знаю, былъ-ли онъ у няни; не знаю, производилъ-ли онъ и тамъ свое слѣдствіе; не знаю также — какое впечатлѣніе на старуху произвело оно, если было... ничего не знаю, да и, право, все равно, что-бы тамъ ни происходило...

Я начала собираться въ дорогу.

Часовъ въ пять мужъ пришелъ съ Лѣпневимъ. Они затворились въ кабинетѣ, долго говорили тамъ, порою громко, порою чуть не шепотомъ, потомъ ушли оба вмѣстѣ. Я поспѣшно привела къ концу мои сборы, одѣлась, наконецъ уже пошла въ сопровожденіи Лизы изъ дома и нарочно черезъ черную лѣстницу, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь. Но только что я растворила дверь, передо мною, точно изъ стѣны, появились опять они, и мужъ, и Лѣпневъ. Они, должно быть, ходили къ Петрову, какъ нарочно переѣхавшему недавно въ этотъ же домъ.

— Я такъ и зналъ! воскликнулъ мужъ.

Я до такой степени растерялась отъ этой неожиданности, что молча позволила отгнѣснить себя сперва обратно въ коридоръ, потомъ въ комнату. Мужъ поставилъ на столъ свѣчу и, обернувшись ко мнѣ, прислонился плечемъ къ стѣнѣ.

— И такъ, вы хотѣли уѣхать? спросилъ онъ.

— Да, я ѣду, отвѣчала я.

— Ёдете! выразительно повторилъ онъ съ горечью и съ насмѣшкою въ голосѣ. Ахъ, правда, великая правда, что я былъ до сихъ поръ добрымъ, мягкосердечнымъ и вѣчно уступчивымъ

теленкомъ, а вы именно вслѣдствіе этого являлись столь твердою женщиною... Вы были даже слишкомъ, слишкомъ твердою женщиною. Вы видѣли, что я схожу съ ума, теряю голову, страдаю невыносимо, — по молчали... Какое вамъ до этого дѣло? Если бы вамъ стоило только пошевелить пальцемъ, чтобы все разъяснить, вы и тогда не сдѣлали бы этого? Да? Вы, кажется, такъ сказали недавно? И наконецъ теперь: какое вамъ дѣло до того, что вы топчете въ грязь мое доброе имя и дѣлаете меня басней города? Вы рѣшили уѣхать и уѣдете! Нѣтъ, вы не уѣдете! Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Пора положить конецъ всему этому; и онъ будетъ положенъ!..

Онъ подошелъ тяжелыми шагами къ двери, повернулъ ключъ и положилъ его въ карманъ.

И этотъ звонъ замка, и это доброе имя, которое я, я топтала въ грязь, и это твердое рѣшеніе исправить меня, принятое, какъ видно, по совѣту добрыхъ друзей и, наконецъ, это обвиненіе во всемъ и во всемъ меня, только меня... это было что-то ужасное. Казалось, что для меня оборвалась послѣдняя нить, на которой я еще держалась. Слезы брызнули у меня изъ глазъ, текли неудержимо, и казалось, что съ каждою изъ этихъ капель вокругъ меня становилось все темнѣе, темнѣе, темнѣе, точно я опускалась въ самую бездну безотраднѣе отчаянія... Да и на самомъ дѣлѣ я дошла до самой глубины этой бездны.

Не знаю долго-ли я плакала среди мертвой тишины, стоявшей въ комнатѣ и въ квартирѣ, но, наконецъ, меня какъ будто пробудилъ гудокъ на какой-то фабрикѣ или, можетъ быть, на желѣзной дорогѣ, протяжный, заунывный и съ какимъ-то воемъ сверлившій воздухъ. Я встала и подошла къ двери.

— Неужели вы серьезно не хотите выпустить меня? спросила я.

Онъ пожалъ плечами и съ горькою усмѣшкою смотрѣлъ на меня.

— Неужели вы такъ-таки и не скажете ни одного слова, чтобы объяснить эту грустную исторію? спросилъ онъ.

Я смотрѣла на него; онъ смотрѣлъ на меня, по-прежнему прислонившись плечемъ къ стѣнѣ и заложивъ руку въ карманъ, въ которомъ лежалъ ключъ.

— Хорошо; пусть будетъ по вашему, сказала я горько. Я объясню все, если хотите.

Дрожащимъ голосомъ я напомнила ему, что мнѣ уже давно тяжело и скучно. Мнѣ потому было тяжело и скучно, что я уже много, много времени не вижу около себя рѣшительно ничего кромѣ дразнѣ, пошлости, сплетень, борьбы мелкихъ и гадкихъ самолюбій, постоянной погони за деньгами, за деньгами, только за деньгами и общей зависти со стороны всѣхъ другихъ къ тому, кто оказывался болѣе счастливымъ въ этой погонѣ. Ни одного человѣка, на котораго можно было бы взглянуть съ уваженіемъ; ни одного поступка, который можно было бы назвать возвышеннымъ, ни одной идеи, которою можно было бы увлечься хоть на минуту; ничего, ничего и ничего, на чемъ хоть изрѣдка отдохнуло бы сердце... Вспоминается-ли онъ теперь — сколько разъ я высказывала ему все это? Но онъ не могъ или, лучше сказать, не хотѣлъ понять меня, и мою тоску, мое недовольство готовъ былъ объяснить всѣмъ, чѣмъ угодно, только не ея истинными причинами. Приѣхалъ Чусовъ. Онъ обошелся не особенно бережно съ мелкими самолюбіями нашихъ добрыхъ друзей, и, разумеется, они вооружились противъ него всѣ поголовно, — сплетничали, перешептывались, подбирали всевозможныя дразнѣ и слухи, изъ всѣхъ силъ старались раздуть въ пламя, каждую попадавшуюся песчинку, которую они принимали за искру. Я не выдержала, наконецъ, и сказала, что это гадко. Тогда все обрушилось

на меня. А! Она заступается за человѣка, слѣдовательно влюблена въ него... Къ тому же она давно уже скучаетъ и худѣетъ; у нея давно уже идутъ безпрестанныя столкновенія и недоразумѣнія съ ея супругомъ... Да, да, конечно, понятно, какія же могутъ быть еще сомнѣнія! Этотъ грязный потокъ захватываетъ наконецъ и его, моего мужа. Онъ наноситъ мнѣ одно оскорбленіе за другимъ: отказывается вѣрить моимъ словамъ, пытается слѣдить за моею перепискою, допрашиваетъ прислугу, слѣдитъ за мною по улицамъ... И за что? За что все это? Солгала-ли я когда-нибудь передъ нимъ хоть въ одномъ словѣ? Дала-ли я ему хоть малѣйшій поводъ сомнѣваться въ моей правдивости? Не было-ли для него всегда открыто все мое сердце?..

Я какъ будто задохнулась на минуту отъ охватившаго меня отчаянія, горя, гнѣва; горло у меня сдавило; слезы опять рвались изъ глазъ.

— Выпустите же меня наконецъ изъ этого позора, ада! вскричала я. Выпустите! Я не хочу, я не могу здѣсь оставаться! Вы мнѣ всѣ противны, гадки, гадки!.. Я васъ ненавижу!..

Мужъ, шатаясь, отперъ дверь.

Рубенсъ.

Историческіе этюды Диллетанта.
(Продолженіе.)

III.

Возвратившись въ Антверпенъ, послѣ смерти матери, Рубенсъ поселился въ аббатствѣ св. Михаила, гдѣ была похоронена его мать. Вскорѣ, однако, имъ овладѣла тоска по Италіи; онъ собирался вернуться туда, но, не желая лишиться такого художника и въ особенности ловкаго дипломата, въ трудныхъ политическихъ обстоятельствахъ, эрцгерцога оставилъ его при себѣ съ огромнымъ денежнымъ вознагражденіемъ. Рубенсъ, тѣмъ не менѣе, выговорилъ себѣ право жить въ

Антверпенѣ, гдѣ и женился на дочери богатаго антверпенскаго сенатора, Изабеллѣ Брандтъ, которой портреты слишкомъ часто попадаются въ картинахъ художника. Рубенсъ купилъ большой домъ и перестроилъ его въ итальянскомъ стилѣ: между дворомъ и садомъ возвышалась ротонда съ полукруглымъ окномъ и пантеоновскимъ фонаремъ на верхушкѣ. Въ этомъ музѣ, куда вела роскошная лѣстница, Рубенсъ помѣстилъ рѣдкости, собранныя имъ въ путешествіяхъ: картины, статуи, бюсты, мадонны, драгоценныя камни. Богатство росло вмѣстѣ съ извѣстностью: «не было такого принца, который бы не желалъ имѣть у себя его картины».

Перестройка его дома была причиной появленія одного изъ величайшихъ его произведеній: «Снятіе со креста» въ Антверпенскомъ соборѣ. Дѣло въ томъ, что около 1610 года, Рубенсъ купилъ клочекъ земли, принадлежавшей въ то время братству ружейниковъ. Желая, по возможности, даромъ увеличить свой домъ, онъ захватилъ также и часть земли своихъ сосѣдей. Процессъ былъ неизбеженъ, но Роккоксъ, его другъ, прежній бургомистръ, уговорилъ ружейниковъ войти въ сдѣлку съ художникомъ: было рѣшено, что Рубенсъ напишетъ картину для капеллы ружейниковъ въ соборѣ. Эта трехстворчатая картина есть знаменитое «Снятіе со креста».

Главная картина состоитъ изъ девяти лицъ: работники на верхушкѣ двухъ лѣстницъ осторожно спускаютъ тѣло Христа, при помощи савана, конецъ котораго придерживается однимъ работникомъ зубами, другимъ — лѣвой рукой. Грузно облокотившись на крестъ, они нагибаются, поддерживая свободной рукой тѣло, кото-

рое съ своей стороны поддерживаетъ св. Іоаннъ у подножья креста. Одна изъ ногъ Спасителя покоится на плечѣ Магдалины, касаясь ея рыжихъ волосъ. Іосифъ Аримафейскій и Никодимъ, стоя другъ противъ друга по срединѣ лѣстницы, образуютъ съ работниками четвероугольникъ мощныхъ, но довольно обыкновенныхъ фигуръ. Богоматерь стоитъ у подножья креста и протягиваетъ руки къ сыну. На землѣ валяется падшій креста и стоитъ мѣдный сосудъ, гдѣ въ свернувшейся крови пахотятся терновый вѣнокъ и гвозди. Толпа удалась съ Голгофы въ сумерки. Небо мрачное и темное, — точно трауръ природы послѣ казни, — пронизано молніей, освѣщающей плечо одного работника, котораго смѣлое положеніе напоминаетъ манеру Вольтерре. Если бы этотъ свѣтъ былъ значительно шире, то «Снятіе со креста» напоминало бы стиль Рембрандта, но блѣдный цвѣтъ тѣла Спасителя въ контрастѣ съ блескомъ савана, образуетъ здѣсь одно господствующее освѣщеніе, которому подчинены, слѣдуя венеціанской манерѣ, второстепенныя, частныя освѣщенія, сосредоточенныя на остальныхъ фигурахъ внизу креста. Рембрандтъ въ большинствѣ случаевъ прибѣгалъ къ одной массѣ свѣта; Рубенсъ, подобно венеціанцамъ, напротивъ того, располагаетъ почти всегда нѣсколько свѣтовыхъ пятенъ въ искусной постепенности; вслѣдствіе этого, вниманіе, сосредоточенное сразу на различныхъ частяхъ картины, скоро утомляется.

Удивительное по композиціи, необыкновенное по колориту, «Снятіе со креста» не заключаетъ въ себѣ ничего христіанскаго. Всѣ его фигуры — атлеты, крѣпкіе здоровьемъ и мускулами. Лесюэръ, не говоря о другихъ, значительно глубже понималъ логіку христіанства; онъ на столько же ниже Рубенса смѣлостью, энергіей и блескомъ, на сколько выше его по выразительности чувства. Конечно, сцена у Лесюэра ослаблена тѣмъ, что лица разбросаны, но сколько выраженія у него въ каждомъ лицѣ! Но какое дѣло Рубенсу до всѣхъ этихъ мистическихъ требованій? Развѣ онъ не поэтъ жизни, здоровья и силы? Думаете-ли вы, что онъ любилъ своихъ предшественниковъ, старыхъ фламандскихъ мастеровъ съ ихъ мистическими святыми? Сильные, могучіе люди, гребцы, кузнецы, крестьяне Фландріи въ его картинахъ вѣчно будутъ жить въ качествѣ апостоловъ, святыхъ мучениковъ, или палачей. Юпитеръ, Геркулесъ, Антиной, Меркурій будутъ попеременно являться въ образѣ Спасителя.

Столь же значительна по величавой, драматической композиціи другая картина Рубенса: «Соруженіе креста». Едва-ли найдется другое произведеніе живописи XVI вѣка, въ которомъ этотъ моментъ представленъ съ такой потрясающей силою. Толпа стражниковъ съ большимъ усиленіемъ поднимаетъ съ земли качающійся крестъ съ пригвожденнымъ на немъ Искупителемъ; слѣва стоять пышные всадники, справа — святая жена, пораженная ужасомъ; цѣлое рѣзко освѣщено величавыми массами свѣта и поражаетъ, точно внезапный вопль неизмѣримой скорби.

Выполняя различныя щекотливыя дипломатическія порученія, Рубенсъ очень часто обязанъ былъ усиломъ ихъ своей кнети, а привычка къ придворной жизни увеличивала блескъ его стиля и безъ того уже блестящаго. Въ 1619 году, тринадцатилѣтнее перемиріе, заключенное между Голландіей и Испаніей, кончилось. Истощенная Бельгія стремилась къ миру. Одна только національная партія волновалась еще въ Голландіи, подъ вліяніемъ Барневельта, который вскорѣ погибъ на эшафотѣ. Время крайне благоприятствовало интригамъ принца оранскаго: спѣеваемый честолюбиемъ, онъ хотѣлъ тайно сойтись съ Испаніей, а эрцгерцога Альбертъ не мѣшалъ ему. Но, увлекшись надеждой союза съ Англіей, Филиппъ III слушалъ только графа Гондамора, сво-

Садъ любви. Факсимиле гравюры Лемпрёра. (Къ статьѣ «Рубенсъ».)

его посланника въ Лондонъ. Этотъ послѣдній сообщалъ, что принцъ уэльскій, вполнѣдствіи Карль I, рѣшился сдѣлать въ пользу Испаніи нападеніе на Голландію и просить руки Инфанта. Съ своей стороны, Людовикъ XIII, съ цѣлью противовѣса вліянію Англіи, поддерживавшей французскихъ протестантовъ, предлагалъ испанскому королю наступательный союзъ противъ Голландіи. Филиппъ не зналъ, на что рѣшиться, но эрцгерцогъ энергично дѣйствовалъ въ пользу примиренія: госпожа Тсеркваэсъ, «*femme noble, très catholique et d'âge fort sage*», служила ему посредницей съ принцемъ оранскимъ, которому осталось только назначить себѣ вознагражденіе за отступленіе, когда Филиппъ умеръ. Необходимость въ мирѣ была такъ велика, что по окончаніи перемирія не было сейчасъ же приступлено къ возобновленію военныхъ дѣйствій; переговоры продолжались: Рубенсъ и госпожа Тсеркваэсъ были самыми дѣятельными дипломатическими агентами. Рубенсъ надѣялся примирить Изабеллу съ національной партіей; онъ думалъ, что инфанта Изабелла, освободившись отъ испанскаго вліянія, сумѣетъ возвратити Бельгію благосостоянію и миръ. Таковы были мотивы, подавившіе въ Рубенсѣ всѣ другія патріотическія соображенія. Усложненія тридцатилѣтней войны, вмѣшательство Риншелье въ управленіе Франціей, увеличеніи затрудненій. Французскій агентъ въ Брюсселѣ указывалъ на опасное вліяніе художника на умъ Изабеллы, а вполнѣдствіи объяснялъ всю его политическую дѣятельность денежными выгодами. Другой агентъ въ Гагѣ, Эспесъ, представлялъ его, какъ дѣятельнаго интригана.

Въ Антверпенѣ, освобожденный на время отъ дипломатической дѣятельности, Рубенсъ много работалъ. Обыкновенно, онъ вставалъ въ четыре часа утра, отправлялся въ церковь, а затѣмъ въ мастерскую. Такъ какъ онъ очень боялся вліянія фды на воображеніе, то былъ очень воздержанъ въ пищѣ. Вечеромъ, въ хорошую погоду, онъ любилъ прогуливаться верхомъ на лошади около городскихъ фортификацій. Рубенсъ поддерживалъ обширную переписку съ художниками и учеными всей Европы: въ Италіи съ Алемандромъ, и скульпторомъ Дюкеснуа; во Франціи — съ Дюпюи и, въ особенности, съ Пейрескомъ, извѣстнымъ въ свое время провансальскимъ антикваріемъ. При посредничествѣ Пейрески, Рубенсъ получилъ во Франціи привилегію на продажу своихъ гравюръ, что вызвало процессъ, въ которомъ его обвиняли въ томъ, что онъ, при помощи своихъ гравюръ, намѣренъ наживать во Франціи громадныя суммы. Оба ученица друга передавали взаимно другъ другу политическія извѣстія, открытія, новости наукъ, искусствъ, литературы. Въ одномъ письмѣ Рубенсъ благодаритъ своего друга за пересылку точныхъ копій надписей, отысканныхъ на античныхъ плитахъ, — *la diva vulva copale di pariliani*; въ другомъ — пересылаетъ Пейреску, въ Провансѣ, механизмъ вѣчнаго движенія, — *perpetuum mobile*, — изобрѣтеніе одного его пріятеля, приводящее его въ восторгъ. Въ третьемъ письмѣ сообщаетъ ему свои соображенія относительно теоріи человѣческаго лица, о химическихъ открытіяхъ, о бракѣ солнца съ луной и гармоніи міровъ.

Слѣдуя этой теоріи человѣческаго лица, — безпорядочному сборнику воспоминаній и мыслей, записываемыхъ Рубенсомъ на поляхъ своихъ альбомовъ, — мужчина, созданный по подобію Божію, есть прототипъ красоты въ природѣ; красота женщины играетъ только второстепенную роль; это, такъ сказать, плохое подражаніе, хотя женская красота и превосходитъ красоту мужчины изяществомъ и граціей. Со времени паденія, человѣкъ постоянно подвергался постепенному вырожденію и поэтому все болѣе и болѣе приближался къ чертамъ различныхъ животныхъ. Тутъ

мы видимъ одно изъ безчисленныхъ противорѣчій Рубенса, который сначала говоритъ, что типъ человека абсолютенъ и независитъ отъ природы; потомъ, что онъ составленъ изъ всѣхъ элементовъ природы. Онъ сводитъ человѣческую фигуру на геометрическіе принципы: кубъ, шаръ, пирамиду. Шаръ является прототипомъ головы, кубъ — туловища, а оконечности, подчиняясь законамъ пирамиды, постепенно суживаются. Древніе, по его мнѣнію, знали три типа мужской силы: во-первыхъ, Гераклъ фарнезскій, которому скульпторъ придалъ самыя характерныя черты льва, быка и лошади. Во второмъ типѣ, превосходящемъ первый изяществомъ, грудь болѣе развита, плечи шире, руки длиннѣе, мускулы туловища развитѣе. Третій типъ отличается болѣе сухой организаціей, величиной костей, длиной головы, развитіемъ рукъ и сухожилій, плоскостью живота; примѣръ такого типа: гладиаторъ, наносящій ударъ своему противнику. Четвертый типъ физической красоты существуетъ, по мнѣнію Рубенса, только въ идеалѣ художниковъ, — это Христосъ, который долженъ соединять въ себѣ всѣ черты, разбросанныя въ различныхъ типахъ.

Отъ шара берутъ свое начало округленныя формы женщины, болѣе изящныя, вѣжныя и граціозныя. Тѣмъ не менѣе, Рубенсъ слишкомъ часто придаетъ женщинѣ мужскія формы, въ чемъ его не разъ уже упрекали. Даже своихъ дѣвъ онъ изображаетъ красавицами крѣпкаго, мускулистаго сложенія. Такова, напр., его Магдалина въ картинѣ: «Христосъ въ гробу»; это — женщина атлетъ какой-нибудь фламандской таверны. Несомнѣнно, что Рубенсъ понималъ физическую красоту слишкомъ условно, подчиняясь въ этомъ отношеніи идеалу древней греческой скульптуры. Впрочемъ, — таковъ вообще характеръ пластики въ эпоху возрожденія. Средніе вѣка низвели чело-вѣческое тѣло на послѣднюю степень вырожденія и подчинили пластическую красоту нравственно-мистическимъ проявленіямъ. Немудрено, потому что, когда чело-вѣчество очнулось отъ этого мистическаго сна среднихъ вѣковъ, и возвратилось къ созерцанію природы и жизни, — то языческое міровоззрѣніе должно было занять первенствующее мѣсто и пластическая красота древнихъ отодвинула на второй планъ всѣ другія проявленія живого организма. Тѣмъ не менѣе, исключительное и преувеличенное поклоненіе древне-греческой пластикѣ не мѣшало живописи возрожденія въ Италіи и въ Нидерландахъ развиваться свободно и постепенно измѣнять самый характеръ древняго искусства. Какъ бы ни было велико это поклоненіе, люди не могли уже ограничиться одними только пластическими формами: наплывъ новыхъ идей, новой культуры, новыхъ религіозныхъ, нравственныхъ понятій сдѣлалъ свое дѣло; одни, какъ Леоардо-да-Винчи, замѣчали въ чело-вѣческомъ лицѣ проявленіе страсти, типическія особенности, индивидуальный характеръ; другіе, подобно Микель-Анджело, выражали трагическую энергію борьбы; третьи, подобно Рафаэлю, нравственную гармонію, душевное равновѣсіе, нѣсколько холодный, но высокій идеалъ нравственной красоты; четвертые, подобно Корреджіо и вообще венеціанцамъ, — идеализировали грацію и нѣгу; пятые, подобно Рембрандту, — душевную драму; шестые, наконецъ, подобно Рубенсу, — разгулъ животныхъ инстинктовъ и страстей.

Поэтому, въ произведеніяхъ Рубенса насъ нерѣдко поражаетъ тяжеловѣсность и пошлый характеръ нагихъ фигуръ, какъ, напр., въ изображеніяхъ вакханалій, встрѣчаемыхъ во многихъ галереяхъ; но, при этомъ, чувственная сила и радость расхаживающаго чело-вѣческаго животнаго до такой степени преобладаетъ, что эта полнота и нерѣдко неуклюжесть формъ не кажутся намъ противными. Превосходные образцы подобнаго

рода картинъ Рубенса, можно видѣть въ мюнхенской галерей, и между прочимъ, изображеніе пяти маленькихъ веселыхъ геніевъ, тянущихъ фруктовый вѣнокъ, затѣмъ похищеніе дочерей Левкаанна Касторомъ и Поллуксомъ, и уснувшіе послѣ охоты на морѣ, на которыхъ сладострастно поглядываютъ фавны. Въ блейнгеймской галерей есть превосходное «Похищеніе Прозерпины», — одно изъ лучшихъ произведеній Рубенса въ этомъ родѣ, отличающееся сдержанностью въ формахъ и полнотой пылкой страсти.

Весьма интересны въ этомъ отношеніи картины Рубенса, находящіяся въ Мадридѣ, въ особенности богатая коллекція герцога Пастраны. Любопытно, что большая часть произведеній Рубенса въ этой коллекціи, — не болѣе какъ эскизы большихъ картинъ мадридской картинной галереи. Только эскизы несомнѣнно принадлежатъ самому Рубенсу; картины же — по большей части работы его учениковъ, что объясняется тѣмъ, что картины были предназначены служить образцами для ковровъ. Но эскизы — верхъ совершенства, по колориту и размашистости кисти. Къ такимъ эскизамъ, на первомъ планѣ, принадлежитъ «Садъ любви». Нѣтъ вѣроятно другой картины, которую бы Рубенсъ такъ облюбилъ какъ эту. Существуетъ два варианта этой картины: вариантъ дрезденской галереи и вариантъ герцога Пастраны. Этотъ послѣдній вариантъ, съ котораго снимокъ мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ «Живописнаго Обозрѣнія», — отличается отъ другихъ только нѣкоторыми деталями, но весьма существенными: расположеніе фигуръ, хотя слѣдуетъ тому же порядку, значительно свободнѣе и проще; композиція гораздо живописнѣе. Скульптурная фигура фонтана въ дрезденскомъ вариантѣ изображена въ сидячемъ положеніи; амуръ внизу, — просто идеаленъ по свѣжести и бѣлизнѣ кожи, по цвѣту здоровью и розовому тѣлу. Въ этой картинѣ, все манитъ глаза, все зоветъ къ счастію и нѣгѣ. Фигуры — необыкновеннаго изящества, выраженія лицъ — страстнаго довольства. Почти невозможно объяснить двойственное впечатлѣніе, вызываемое картиной: она неокончена, эскизна, а между тѣмъ всѣ детали необыкновенно продуманы и головы выписаны съ чрезвычайною тщательностью...

Примирившись съ своимъ сыномъ, Людовикомъ XIII, въ Англемѣ, и возвратившись въ Парижъ, Марія Медичи, пожелавшая обогатить свой люксамбургскій дворецъ произведеніями великаго художника, пригласила Рубенса, по рекомендаціи барона Вика (Vicq), нидерландскаго посланника и заказала ему исторію своей жизни въ 21 картинѣ. Но вмѣсто дѣйствительной исторіи, Рубенсъ создалъ нѣчто вродѣ аллегорической поэмы, каждая картина которой отвѣчаетъ отдѣльной пѣснѣ. Композиція сложная, странная, во многомъ вычурная, гдѣ соединены на землѣ, въ океанѣ, на Олимпѣ и христіанскомъ небѣ, — божества, стихіи и абстрактныя идеи. Аллегорія была въ модѣ; Рубенсъ, еще въ мастерской Отто Веніуса, пристрастился къ аллегоріи и слишкомъ часто злоупотреблялъ ею. Онъ разсыпалъ повсюду эмблемы, и населилъ землю, небо и воды лицами, которыя точно удивлены, что встрѣчаются вмѣстѣ. Одни, совершенно голыя фигуры, любятъ своимъ красивымъ тѣломъ; другія, — въ широкихъ драпировкахъ, гордятся своею роскошью. Золото, драгоцѣнности, бархаты, атласъ играютъ на солнцѣ, отражаютъ его, или поглощаютъ его лучи. Но безъ подробнаго описанія невозможно уяснить себѣ смыслъ этихъ аллегорій. Женщина, играющая на віолончели — это Гармонія, настраивающая всѣ способности Маріи Медичи. Три парки у Рубенса превращаются въ добродушныхъ старушекъ, которыя прядутъ золотыя и шелковыя нити дней ребенка, взлѣлѣннаго

богами. Меркурій спускается съ небесъ вмѣстѣ съ краспорѣчьемъ. Фонтанъ Кастальскій льетъ струями поэзію. Вотъ на облакахъ Юпитеръ и Юнона: они бесѣдуютъ о бракѣ флорентійской принцессы съ Генрихомъ IV; амуръ показываетъ принцу портретъ Маріи Медичи, Гименей хвалитъ ея красоту, Франція восторгается ея добродѣтелями, въ то время какъ два другихъ амура снимаютъ съ короля каску и шлемъ, какъ бы удаляя отъ его влюбленного сердца всѣ заботы о войнѣ. Въ другомъ мѣстѣ, марсельскій епископъ подъ балдахиномъ встрѣчаетъ молодую королеву. Въ голубой туникѣ, усыпанной золотыми лиліями, Франція привѣтствуетъ королеву на мосту изъ барокъ. Для защиты галлерей, на которой находится королева, Нептунъ явился въ Марсель вмѣстѣ со своей подводной семьей: тремя сиренами, красавицами съ рыбьими хвостами, сладострастно играющими въ водѣ, которая пѣнится вокругъ нихъ; жирные тритоны резвятся въ раковинахъ, въ то время какъ Слава, плававшая въ небесахъ, озаренныхъ провидѣніемъ, извѣщаетъ о счастливомъ прибытіи.

Дальше, мы видимъ городъ Ліонъ. На колесницѣ, везомой двумя львами, на которыхъ сидятъ амуръ, городъ идетъ на встрѣчу королю и королевы, которые въ видѣ Юпитера и Юноны сидятъ на Олимпѣ, король — на спинѣ орла, королева на колесницѣ, запряженной двумя павлинами. Затѣмъ, Меркурій, богъ краснорѣчія и воровства, — весьма удачное совпаденіе, встрѣчающееся еще и понѣмѣ, — нестѣсняется предлагать, въ костюмѣ Адама и въ сопровожденіи кардинала Ларошфуко вѣтку оливы Маріи Медичи, въ знакъ примиренія съ ея сыномъ, Людовикомъ XIII. Боже простая и нестоль вычурная картина изображаетъ Генриха IV, передающаго управленіе Маріи Медичи. Портреты на этой картинѣ — верхъ искусства. Рубенсъ, можетъ быть, нѣсколько менѣе, чѣмъ Фанъ-Дейкъ, любилъ свои портреты драпировать въ горный цвѣтъ, вслѣдствіе чего черты и блескъ лица еще болѣе выделяются. Королева одѣта въ лиловое платье, чрезвычайно эффектное. Художникъ, точно играя, сосредоточиваетъ въ этихъ аллегорическихъ картинахъ, всѣ источники своего декоративнаго и театральнаго стиля: сильные эффекты, всякаго рода неожиданности. Перенесенныя въ настоящее время въ Лувръ, эти картины и теперь еще удивляютъ смѣлостью манеры и роскошью колорита. Это коллективное произведеніе, — единственное въ исторіи искусства, — было выполнено лѣтъ двадцать пять тому назадъ на гобеленовыхъ коврахъ.

Въ Парижѣ Рубенсъ познакомился съ герцогомъ Букингамомъ, фаворитомъ Карла I, столь извѣстнымъ своими любовными приключеніями, политическимъ безуміемъ и роскошью. Вскорѣ отношенія Рубенса и Букингама сдѣлались очень близкими и Рубенсъ уступилъ своему другу за сто тысячъ брабантскихъ флориновъ (100 тысячъ голландскихъ флориновъ по Губракену; десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ по Вальполю), — коллекцію, составлявшую славу кабинета художника. Между другими драгоценностями тутъ находились: 19 картинъ Тиціана, 13 — Веронеза, 8 — Пальмы, 17 — Тинторетто, 3 — Ліонардо да Винчи, 3 — Рафаэля, 3 — Рубенса самаго. Губракенъ и Сандратъ находятъ, что Букингамъ заплатилъ за коллекцію слишкомъ дорого и обвиняютъ великаго художника, первый — «въ умѣншіи добывать деньги всѣми позволенными и непозволенными средствами», второй въ томъ, что «онъ не былъ щедръ и слишкомъ тщательно оберегалъ свой кошелекъ». Дѣло въ томъ, что не будучи такъ скупъ, какъ Рембрандтъ, Рубенсъ, тѣмъ не менѣе имѣлъ большую слабость къ золоту. Онъ всегда жаловался, что получаетъ гроши за свои картины, какъ будто бы искусство должно служить цѣлью исключительно для добыванія денегъ. Не успѣлъ

онъ окончить свою люксамбургскую галерею для Маріи Медичи, какъ уже жалуется своему другу Пейреску, что ему еще не заплатили: «Io mistuffo di questa corte», пишетъ онъ. Потомъ выражаетъ боязню, что будетъ скомпрометированъ въ глазахъ Ришелье своими политическими мнѣніями и вслѣдствіе этого потеряетъ выгодный заказъ; но тутъ же не перестаетъ восхвалять Букингама, пропически противопоставляя его щедрость скупости монарховъ. Одинъ алхимикъ, хваставшійся тѣмъ, что открылъ философскій камень, предлагаетъ подѣлиться съ нимъ барышами, если художникъ возьметъ на себя издержки на выдѣлку камня: «Ну пѣтъ! уже вы меня извините! — отвѣчаетъ Рубенсъ, — вы запоздали лѣтъ на двадцать: я и безъ васъ отыскалъ философскій камень на моей палитрѣ». Его жажда денегъ была такъ велика, что онъ не успѣвалъ обдумывать сюжеты своихъ картинъ, торопясь ихъ выполнять; онъ работалъ по заказу, такъ сказать, по столбу-то за аршинъ холста, точь въ точь какъ самый вульгарный и бездарный декораторъ. Не мудрено, что большинство его картинъ отличается эскизностью, неоконченно и только помѣчено.

По примѣру Рафаэля, Рубенсъ воспитывалъ въ кругъ себя цѣлую семью молодыхъ художниковъ, сдѣлавшихся впоследствии великими мастерами: Фанъ-Дейкъ, Жордансъ, Крайеръ, Фанъ-Эгмонтъ, Квединъ, Фанъ-Уденъ, Снейдерсъ. Въ то время, какъ одни работали по жанру и исторіи, другіе посвящали себя пейзажу и животнымъ. Усвоивъ себѣ манеру и приемы учителя, они очень часто обманывали знатоковъ. Такъ, громадные картины люксамбургскаго дворца, набросанныя Рубенсомъ въ Парижѣ, были написаны его учениками въ Антверпенѣ втеченіе двухъ лѣтъ, и только закончены самимъ Рубенсомъ.

Кромѣ того, желая прославиться гравюрой, Рубенсъ воспиталъ точно также цѣлую школу превосходныхъ рѣшниковъ: Вольверта, Поля Дюпона, Вестермана и самъ съ успѣхомъ занимался офортомъ. Слава его была такъ велика, что ему заказывали даже виньетки для книгъ, и онъ принималъ заказы, если они хорошо оплачивались. На антверпенскомъ рынкѣ, если вѣрить Вейерману, продавались тысячи гравюръ работы Рубенса, болѣею частью, подложныя.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Дума.

Стих. Кн. Дм. Голицына.

Мгновенья въ жизни есть, когда душѣ противно
Все то, что для другихъ и цѣль, и идеаль,
Все то, что и тебѣ казалось чудно, дивно,
Все то, что ты любилъ, все то, о чемъ мечталъ.
Тогда въ мечтахъ твоихъ проносятся тревожно
Все прошлое твое, всѣ прошлыя мечты;
Просмотришь съ грустью ихъ, поймешь, какъ бы

ло ложно

Все то, во что, дитя, такъ слѣпо вѣрилъ ты.
Хоть мертвы и молчатъ всѣ прежнія желанья,
Хранимъ мы навсегда о нихъ воспоминанья,
Какъ часто мы хранимъ поблѣкшіе цвѣты.

Хоть пользы въ этомъ пѣтъ, — не можетъ быть
забыто

Служившее для насъ и цѣлью, и мечтой,
И въ памяти о немъ навѣкъ страданье скрыто,
Коль въ буряхъ не угасъ въ груди огонь святой.
Счастливы люди тѣ, въ которыхъ пѣтъ печали,
Которымъ не дано стремленій никакихъ;
Ни счастья, ни любви они не ожидали,
Ни муки, ни тоска не созданы для нихъ.

Весь вѣкъ свой проживуть безъ вѣры, безъ надежды,
Забываясь объ одномъ — о шикѣ ихъ одежды,
Презрѣнная толпа и фатовъ, и шутихъ!

И въ прошломъ ложно все, и въ будущемъ, навѣрно,

Не сбудутся опять безумныя мечты.

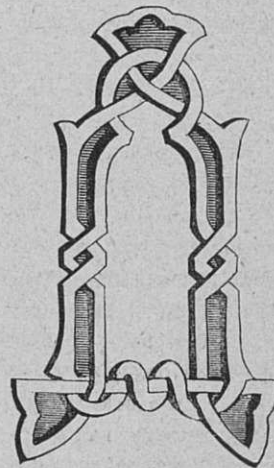
Такъ пошло все кругомъ, смѣшно и лицемерно,
Что счастье на землѣ искать бросаешь ты.
Надежды гаснетъ лучъ и вѣру заглушаетъ
Давленіемъ своимъ невѣріе людей,
Подъ дриздами земли, блѣднѣя, исчезаетъ
Забтая любовь съ поэзіей своей.
Тогда ничѣмъ душа не можетъ оживляться,
И плакать хочешь ты, и хочется смѣяться
И съ жизнью, и съ людьми покончить поскорѣй.

Бой гладіаторовъ и травля звѣрей на аренѣ амфитеатра Помпеи, въ 79 г. по Р. X.

Очеркъ Симонса, переводъ Е. А. Сысоевой.

II.

Арена.

ругъ Скаурій предлагалъ намъ на сегодняшнее представленіе мѣста въ своей ложѣ; мы прыгаемъ къ длинному хвосту публики и карабкаемся по большой лѣстницѣ на самую верхнюю галерею амфитеатра. Въ закрытыхъ и открытыхъ корридорахъ (vomitorium), по временамъ, такая давка, что намъ приходится пролагать себѣ дорогу силой. Но вотъ, толпа начинаетъ рѣдѣть, мы пробираемся вперёдъ и получаемъ, наконецъ, возможность окинуть глазомъ всю арену *).

Пораженные изумленіемъ, мы смотримъ сначала внизъ: передъ нами раскинулась обширная площадь, на которой должны происходить игры и битвы **). Подымая постепенно глаза, мы видимъ тысячи людей, собравшихся сюда подъ вліяніемъ жаднаго любопытства, чтобы присутствовать при зрѣлищѣ безпримѣрнаго презрѣнія къ смерти, дикой отваги и кровавой борьбы. Надъ верхней галереей наше вниманіе привлекаетъ къ себѣ исполосный пологъ (velum), натянутый надъ всей ареной, мягкія колебанія котораго производятъ пріятную прохладу ***). Искренній восторгъ возбуждаютъ въ насъ группы красавицъ, женщинъ и дѣвушекъ въ бѣлыхъ одеждахъ ****). На колонахъ и столбахъ, окружающихъ арену, разставлены треножки, съ курящимися въ нихъ аравійскими благовоніями; гирлянды розъ связываютъ ихъ между собой. Порталы живописно украшены военными трофеями и арматурой. Сиракузскіе ковры тяжелыми, роскошными складками драпируютъ кресла и ложи почетныхъ лицъ; бахрама этихъ ковровъ полощется въ чашахъ съ

*) Въ Помпѣи, при двадцатитысячномъ ея населеніи, въ амфитеатрѣ было устроено мѣстъ болѣе, чѣмъ на 15,000 зрителей. При раскопкахъ, развалины его найдены въ сѣверо-восточномъ углу города. Въ звѣриныхъ клѣткахъ лежало восемь львиныхъ скелетовъ. Описываемыя нами сцены происходили за 4 недѣли до изверженія Везувія.

**) Поверхъ ограды, опоясывающей арену, была поставлена проволочная рѣшетка, на случай, чтобы разгорячившіеся звѣри не выскочили изъ арены. Въ римскомъ циркѣ Неронъ приказалъ вызолотить эту рѣшетку и въ каждую петлю вставить по куску янтаря.

***) До сихъ поръ неизвѣстенъ секретъ, какимъ образомъ древніе греки и римляне умудрялись такъ хорошо натягивать громадные пологи, иногда изъ очень тяжелыхъ матерій, надъ аренами гиподромовъ и амфитеатровъ, безъ всякой поддержки посрединѣ. Удобство этого полога заключалось въ томъ, что болѣе круглое отверстіе въ центрѣ его, служило проводникомъ свѣжему воздуху и солнечному свѣту извнѣ и спертый атмосферѣ изнутри. Прим. пер.

****) Женщинамъ и дѣвушкамъ, обыкновенно, отводилась крытая галерея въ 3-мъ ярусѣ.

Прим. перевод.

водою, которая льется туда изъ разинутыхъ пастей исполинскихъ львиныхъ головъ.

Эллиптической формы арена, гладко усыпана толстымъ слоемъ песку, который быстро и легко всасываетъ въ себя потоки крови, готовые пролиться здѣсь по волѣ эдила, желающаго почтить этимъ способомъ, память умершаго своего отца.

Бросимъ теперь общій взглядъ на присутствующую въ амфитеатрѣ публику. Прежде всего, остановимъ наше вниманіе на ярусахъ, занятыхъ рабочимъ классомъ. Отъ сплошной массы головъ, просто рябитъ въ глазахъ; красильщики, пекари, кузнецы, шорники, цехи валяльщиковъ, продавцы фруктовъ, зеленщиковъ, полунагіе носильщики, погонщики муловъ и домородные невольники (родившіеся отъ рабовъ того же хозяина) сидятъ въ перемежку съ солдатами, поварами и поселянами. Нѣтъ уголка свободнаго. Разнощники винъ и закусокъ, съ большимъ усиліемъ, противис-

красавица Атланта, гречанка съ острова Хіоса и толстая Гераклея изъ Неаполя. Всѣ четыре торгуютъ любовью и занимаютъ одинъ маленькій домикъ, позади Волвьего рынка.

Смотрите, смотрите! Вотъ вошла Абиганль, прекрасная собой, еврейка изъ Геркуланума, дочь богатого ювелира Мераоба *). Изящная фигура ея, закутанная въ дорогія ткани и кружева, вызываетъ восторги въ помпейской молодежи; такому стану могла бы позавидовать сама Юнона, если бы только Абиганль не хромала. При входѣ въ ложу, красавица въ смущеніи опускаетъ глаза, потому что помпеянки смотрятъ съ презрѣніемъ на очаровательную еврейку. Не далеко отъ нея сидитъ Ромула, — неутѣшная вдова, скульптора Нолана. Вотъ что разсказываютъ про нее въ Помпѣхъ: въ предмѣстьи Августы-Феллицы, въ улицѣ Гробницъ, на небольшомъ дворикѣ, выросшемъ въющимися растеніями и виноградными

Кто не знаетъ Виталіи, дочери богатого ткача Пулхера? Она вырядилась въ самыя драгоцѣнныя ткани, издѣлія ея отца. Нѣтъ возможности пройти равнодушно мимо нея и цѣлаго роя веселыхъ, смѣющихся молодыхъ дѣвушекъ: Дорисы, Дамалисы, Маріи Руссы, Энафры *). Всѣ мужчины отъ нихъ безъ ума. Ихъ обступили юные художники и, вѣрно, сговариваются съ ними, какъ бы устроить свиданіе въ новыхъ садахъ термъ, чтобы поиграть тамъ, потанцевать и полакомиться медовыми пирожками и фалернекимъ виномъ.

Смотрители (designatores) **) просятъ насъ не задерживать публику и идти дальше, такъ какъ общее нетерпѣніе все усиливается, и крики становятся громче. Издали доносятся трубные звуки; они возвѣщаютъ о приближеніи эдила съ его свитой. Ахъ, какъ тамъ внизу сверкаютъ золото, шелкъ и пурпуръ! Это ложи патриціевъ и всадниковъ ***).

Гора Благодать.

киваются въ этой массѣ зрителей и громко предлагаютъ свои товары. Всѣ, вновь прибывающіе, встрѣчаются извѣстными насмѣшками; хохотомъ или ревомъ толпы сопровождается каждое ничтожное происшествіе.

Сойдемъ нѣсколько ступеней внизъ; одежда, разговоры, манеры — все свидѣтельствуетъ, что мы попали въ болѣе образованный кругъ публики; тутъ сидятъ преимущественно крупныя торговцы. Вотъ Атиметъ, знаменитый серебряныхъ дѣлъ мастеръ; искусно вычеканенные кубки, посуда и канделябры, украшающіе поставцы помпейскихъ богачей, куплены у него. Какой онъ пахмуренный! Немудрено: его единственный сынъ Муцій проживаетъ въ Римѣ, въ безпутномъ обществѣ, все, что отецъ пакапливаетъ трудами. Выгляните влѣво: вонъ сидитъ Марціа, извѣстная танцовщица и гетера Помпей; рядомъ съ нею очаровательная, русая Амарилль изъ Галліи; далѣе —

лозами, въ мраморной нишѣ, стоитъ урна съ пепломъ, а подъ нею надпись: «Этотъ памятникъ воздвигнутъ погибшему въ пламени Нолану его неутѣшной супругой». Скульпторъ Ноланъ умеръ отъ отравы, обѣдая дома съ тремя своими пріятелями; часъ спустя, его триклиніумъ сторѣлъ до тла. Вдова его, Ромула тотчасъ облеклась въ траурныя одежды и ровно семь дней и семь ночей, приносила жертвы богамъ, въ память погибшаго въ пламени супруга. Пожаръ истребилъ всѣ слѣды мужеубійства, и теперь, рядомъ съ неутѣшной вдовой, сидитъ уже второй мужъ.

Пустимся далѣе, въ глубь амфитеатра. Задерживаемые иногда передней толпой и подталкиваемые задней, мы не идемъ, а двигаемся непроизвольно, и въ это время, передъ нашими глазами, появляются все болѣе и болѣе интересныя группы.

*) Одна греческая надпись гласитъ, что Мераобъ былъ единственный еврей въ Помпѣхъ.

Право, подумаешь, что Олимпъ выслалъ своихъ богинь на этотъ праздникъ! ****) Вѣдь это Юноны,

*) На углу улицы Фортуны, откопанной въ Помпѣхъ, на стѣнѣ перистилля дома одного ткача шерстяныхъ матерій, до сихъ поръ уцѣлѣли нацарапанныя имена упомянутыхъ дѣвушекъ, съ обозначеніемъ рода ихъ занятій.

**) Designatores — это наши капельдинеры; они указывали мѣста зрителямъ и продавали марки. Мѣста въ амфитеатрахъ и циркахъ были нумерованныя и отдѣлялись одно отъ другого бороздками.

***). Чтобы получить право на занятіе почетнаго мѣста, надо было заручиться бронзовой маркой, съ обозначеніемъ группы ложи, номера сидѣнья и яруса. Иногда на такихъ маркахъ, выдаваемыхъ только эдилами, или децемвирами, обозначалась даже программа представленія.

****) Страсть римскихъ женщинъ къ театральнымъ представленіямъ составляла, какъ говорить Ювеналъ, самое больное ихъ мѣсто. Онѣ истощали все свое искусство на то, чтобы обратить на себя вниманіе во время зрѣлищъ. Роскошныя туалеты, драго-

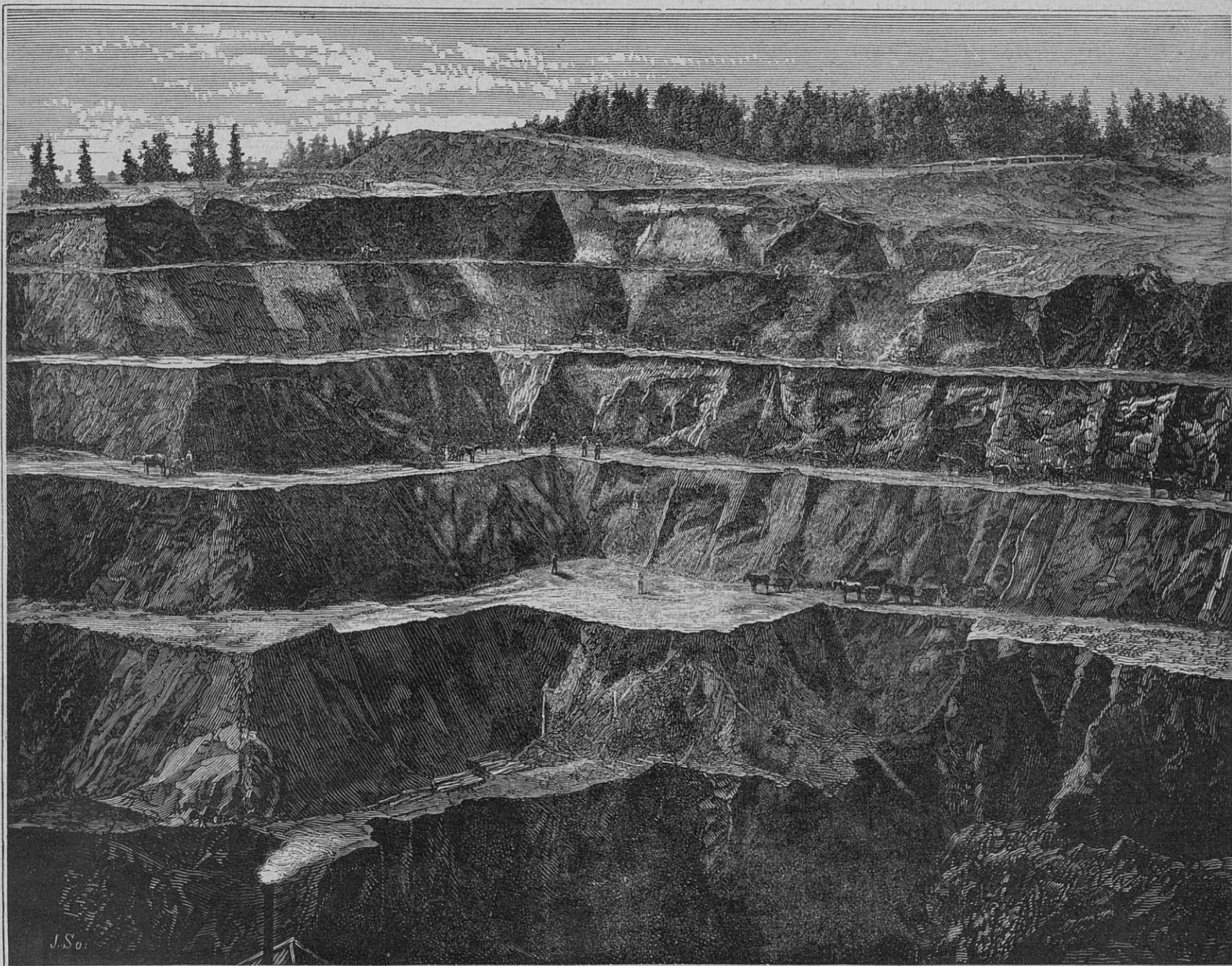
Цереры, Минервы! А кто эта Діана, которой недостаетъ только лука и стрѣлы? Это Юлія Феликса, дочь Спурія, богатѣйшая наслѣдница въ Помпѣяхъ *). Она сію минуту сошла съ своихъ посплотовъ и граціозно опустилась на подушки ложи; какимъ тревожнымъ, озабоченнымъ взглядомъ она окидываетъ еще пустую площадь арены; грудь ея высоко вздымается, глаза горятъ, дышетъ она прерывисто... Быть можетъ, она тоскуетъ по своему возлюбленному, который уѣхалъ далеко отъ нея? Или, она потеряла безцѣнную жемчужину изъ своей діадемы? Нѣтъ, не то! Черный быкъ, выращенный ею въ Капуѣ, на скотномъ дворѣ ея отца, долженъ сегодня, во время травли звѣрей, биться съ пантерой **). Нунціата Фаустула и добыть новые лавры для знаменитой, и безъ

пейскіе аристократы: Скаврій, Альбини, Плиніи, Диомеды, Церіи, Фабіи и Руфы.

Знатное семейство Истацидіевъ *) промѣняло прохладу дачи въ Байѣ на городской шумъ; на все время празднествъ оно переселилось въ свой роскошный помпейскій дворецъ. Семья эта только что прибыла въ полномъ составѣ въ амфитеатръ и усѣлась въ своей родовой ложѣ, около самой арены. При появленіи этихъ высшихъ представителей помпейской аристократіи, всѣ присутствующіе поднимаются съ мѣстъ, причемъ мужчины громко привѣтствуютъ ихъ. Молодые патриции и красивые всадники, чуть не съ боя, ловятъ ласковое слово изъ устъ гордой Юліаны, благосклонный взглядъ черноокой, задумчивой Лалаглен, возможность дотронуться до края одежды

тесъ на станокъ Пансы *). Что это, не обманываетъ-ли меня зрѣніе? Ярусомъ выше сидитъ Мэта, актриса Мэта съ прокушенной щекой. Вы спросите, что это значитъ? Видите-ли, живя въ Римѣ, Мэта была любовницей Сальвія Отона, человека женатаго. Какъ-то разъ, въ термахъ Агриппы **), она столкнулась съ его женой и вступила въ рукопашный бой съ нею; соперница получила страшныя раны отъ руки Мэты и тут же умерла; Мэта бѣжала изъ Рима и благополучно перебралась въ Помпею, гдѣ стала извѣстна подъ теперешнимъ своимъ именемъ; въ Римѣ же ее звали Летиція Альба, «блѣдная Летиція». На прокушенной щекѣ у нея до сихъ поръ шрамъ.

Мимоходомъ поклонимся Наволеѣ Тихѣ, девяти-

Гора Благодать.

того, своей госпожи.

Точно такой же блестящей обстановкой, равно какъ поразительной красотой, свѣжестью и любезностью своихъ дочерей, сестеръ и женъ отличаются сегодня присутствующіе на зрѣлищѣ помпѣйскія украшенія, различныя притиранья, цвѣтъ подушекъ, число невольницъ, свита — все это чрезвычайно обдуманно подбиралось, для произведенія должнаго эффекта. Даже христіане съ увлеченіемъ посѣщали увеселительныя мѣста. Овидій считалъ театръ гнѣздомъ разврата

*) Юліи Феликсѣ, дочери Спурія, принадлежало множество домовъ въ Помпѣяхъ. При раскопкахъ 1866 года, найдено слѣдующее объявленіе: «На землѣ, принадлежащей Юліи Феликсѣ, отдаются въ аренду, отъ сего 14 августа, срокомъ на 5 лѣтъ: 1 публичная баня, 900 лавокъ и комнатъ» и т. д.

**) Судя по рельефу, найденному въ 1812 году, на гробницѣ Скавривъ, бывовъ травли пантерами.

пламенной Цециліи Истацидіи. Всѣ три сестры говорятъ по-гречески, какъ это принято въ высшемъ кругу, и одѣты, какъ подобаетъ при такомъ торжествѣ, въ бѣлыя туники. Окружающіе отъ нихъ безъ ума.

Одинъ только Панса, безпутный кутила, совершенно равнодушенъ ко всѣмъ вообще прелестямъ; утоная въ мягкихъ подушкахъ своего ложа, онъ не то дремлетъ, не то страдаетъ спазмами въ желудкѣ. Вся Помпея знаетъ, что онъ откармливаетъ у себя въ прудѣ муренъ кровью невольниковъ. Онъ кривоногій! Школьники его квартала намалевали, третьяго дня, на его дверяхъ латинскій X съ слѣдующей надписью: «Полюбуй-

*) Семейство Истацидіевъ принадлежало богатый мавзоль въ улицѣ Гробницъ, въ Помпѣяхъ.

постодухлѣтней матронѣ съ серебряными кудрями; остановимся на минуту передъ ложами весталокъ, скрытыхъ подъ густыми покрывалами ***), и вступимъ, наконецъ, въ назначенную намъ ложу Скавривъ.

Отчего это публика вдругъ такъ взволновалась? Какіе страшные крики! Точно ревъ бурнаго моря. А-а! въ амфитеатръ вступаетъ эдиль Церій,

*) «Considerate statum Pansae». Эта надпись, сдѣланная рукою школьника, уцѣлѣла до сихъ поръ на дверяхъ отрытаго въ Помпѣяхъ дома.

**) Термы Агриппы, въ Римѣ, были выстроены за 25 лѣтъ до Р. X. Ихъ остатки видны и теперь сзади Пантеона.

***) Весталки и жены императоровъ пользовались правомъ смотрѣть на кровавыя сцены на самомъ близкомъ разстояніи; ложи ихъ тѣсно примыкали къ самой рѣшеткѣ арены.

въ сопровожденіи своего чахоточнаго, 17-лѣтнаго сына, и его встрѣчаютъ оглушительными, неумолкаемыми привѣтствіями и рукоплесканіями. Высшіе сановники города, закутанные въ праздничныя, бѣлыя тоги, окружаютъ эту важную особу; тутъ вы увидите трибуна Тита Клеменса съ своими совѣтниками, старика Паквина Прокула съ трясущейся головой, Попилія Руфа, Помпонія Фаустина и др.

Шествіе открывается трубачами; за ними слѣдуютъ жрецы съ жертвеннымъ тельцомъ и орудіями для жертвоприношенія.

Въ то время, пока эдилъ, хозяинъ праздника, шествовалъ, при восторженныхъ крикахъ народа, въ свою почетную ложу по лѣстницѣ, устланной коврами и усыпанной лепестками розъ, жрецы окончили молитвы и принесли жертвы, а авгуры добились благоприятныхъ предзнаменований. Легкія облака дыма курились еще надъ алтарями; между тѣмъ, зрители верхнихъ галерей, измученные ожиданіемъ, вслухъ осыпали проклятіями слишкомъ долго длившуюся священную церемонію. Но вотъ, наконецъ, загремѣли желѣзныя рѣшетки арены.

Кораксъ, краснобродый распорядитель (lanista), опоясанный мечомъ, открываетъ торжественное шествіе 20 паръ гладиаторовъ, предназначенныхъ къ единоборству; за ними слѣдуетъ такое же число самнитовъ, фракійцевъ, галловъ и конныхъ гладиаторовъ, сражающихся цѣлыми массами. Ихъ стальные шлемы, мечи, щиты, металлические наожники и наручники сверкаютъ на солнцѣ; никакая узкая одежда не стѣсняетъ ихъ членовъ.

Второе отдѣленіе составляютъ мирмилонъ, съ изображеніемъ рыбы на шлемахъ; ретираріи, съ сѣтями, трезубцами и малыми мечами, вмѣсто всякаго оружія; преслѣдователи (secutores) въ гладкихъ шлемахъ съ забралами и кривыми ножами и, наконецъ, парматы съ большими мечами.

Третья, послѣдняя группа, производитъ непріятное впечатлѣніе. Это совершенно нагіе люди, вооруженные только крючьями и короткими копьями; щитовъ у нихъ нѣтъ. Гордые гладиаторы по призванію не яшкуются съ ними никогда, народъ презираетъ ихъ, на арену ихъ пускаютъ не иначе, какъ подъ стражей; они даже не осмѣливаются принять участіе въ общемъ шествіи и робко останавливаются у входа на арену.

Эти несчастные преступники, приговоренные къ смерти, и изъ милости только допущенные къ травлѣ, носятъ названіе звѣроборцовъ (bestiarii). Убийцы, фальшивые монетки, разбойники и воры, заклеянные судомъ, будутъ сегодня мѣяться силами съ дикими звѣрами, на потѣху помпеянъ. «Хвала тебѣ, Церій! умирающіе привѣтствуютъ тебя!» восклицали всѣ участники триумфальнаго шествія, проходя мимо ложи эдила. Распорядитель, при оглушительномъ звукѣ трубъ, разставляетъ гладиаторовъ по группамъ, смотря по тому, кто съ кѣмъ долженъ сражаться *).

*) Вотъ вкратцѣ перечисленіе различныхъ родовъ гладиаторовъ: Самниты — въ шлемахъ съ забралами и съ крыльями, большой продолговатый щитъ, стальной наручникъ на правой рукѣ и такой же наожникъ на лѣвой ногѣ, мечъ короткій, на тѣлѣ плетеный набедренникъ. Фракійцы — маленькій щитъ (pagma), на обоихъ ногахъ наожники, шлемъ съ забраломъ, кривая сабля. Мирмилонъ иначе галлы — тяжело вооруженные, вмѣсто гребня на шлемѣ рыбы. Ретираріи — трезубецъ, сѣть, голова не покрытая, на лѣвой рукѣ кожаный, или металлическій наплечникъ. Ретираріи считались самыми презрѣнными гладиаторами. Преслѣдователи, secutores — гладкій шлемъ съ забраломъ, небольшой щитъ и мечъ. Дерутся всегда съ ретираріями. Звѣроборцы — съ непокрытой головой, безъ щита и безъ панциря, крючковатая копыя. Когда одинъ изъ двухъ бойцовъ признавалъ себя побѣжденнымъ и оставался еще живымъ во власти своего противника, послѣдній обязанъ былъ предоставить публикѣ право рѣшить вопросъ о жизни или смерти его жер-

Помпея не запомнить такого удивительнаго выбора бойцовъ; это все первоклассныя знаменитости. Такъ, напр., парматъ Канксъ, изъ Равенны, одержавшій уже 30 побѣдъ на аренѣ; могучій Бебриксъ, родомъ галлъ; Экзохъ, прозванный непобѣдимымъ; великанъ Араксъ, изъ Капуи, извѣстный въ цѣлой имперіи, какъ силачъ; Трексъ изъ Рима и Гопломахъ изъ Сициліи, — оба верхомъ на лошадяхъ, Ненимъ, Ипполитъ и др., — словомъ, цѣлый отрядъ знаменитостей. Публика напрягаетъ вниманіе, дѣлится на партіи. Бой начинается.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Народы Россіи.

(Этнографическіе очерки.)

Ст. С. С. Шашкова.

IX.

Остяки.

въ туруханскомъ краѣ енсейской губерніи, въ нарымскомъ округѣ томской и въ березовскомъ тобольской губерніи живетъ финское племя остяковъ, всего до 30,000 человекъ. Остяки распадутся на множество родовыхъ общинъ, члены которыхъ считаются родственниками, сообщая владѣть разными угодьями и помогаютъ другъ другу въ нуждѣ. На Оби остяки ловятъ рыбу также общинами и даже ѣдятъ ее изъ общихъ котловъ, не обращая вниманія на то, много-ли, мало-ли каждый изъ нихъ добылъ рыбы. Нищенства въ культурномъ смыслѣ этого слова у остяковъ нѣтъ, и каждый немущій можетъ зайти въ первую юрту земляка и кормиться въ ней, безъ всякихъ церемоній. Преступленій между остяками тоже почти не бываетъ, а мелкіе споры и ссоры разбираются наслѣдственными родовыми князьями, которые въ обдорскомъ краѣ подчинены утвержденному въ этомъ званіи имп. Екатериною II князю обдорскому, и кондинскому. Кромѣ родства, членовъ рода соединяютъ между собою общее владѣніе рыболовными и другими угодьями и родовыя божества. Остяки поклоняются нѣсколькимъ стихійнымъ богамъ, напр., главному богу, Турму, небу, но не приносятъ имъ жертвъ и вообще имѣютъ дѣло только съ второстепенными божествами, въ культѣ которыхъ видно первобытное поклоненіе предкамъ. Каждый родъ имѣетъ своихъ отдѣльных боговъ, идолы которыхъ нерѣдко держатся въ особой юртѣ, представляющей собою первичную форму храма. Въ определенное время этими идолами приносятъ жертвы, смазывая ихъ рожи кровью и жиромъ. Въ честь каждаго уважаемаго покойника непременно дѣлается идолъ, которому поклоняются въ продолженіи трехъ лѣтъ, потомъ зарываютъ его въ землю. И всѣ остяцкіе идолы, конечно, произошли такимъ же образомъ, съ тѣмъ только различіемъ, что время и фантазія народа превратили многихъ изъ изображаемыхъ ими покойниковъ въ духовъ-покровителей рода, изъ которыхъ одинъ заботится объ оленіихъ стадахъ, другой покровительствуетъ рыболовству и т. д. Кромѣ этихъ родовыхъ божествъ, есть и общія, въ числѣ которыхъ первое мѣсто у остяковъ тобольской губерніи занимаетъ «кормилица Обь». Остяки разныхъ родовъ осенью сходятся вмѣстѣ для торжественныхъ жертвоприношеній этой божественной рѣкѣ. Къ числу общихъ боговъ притѣ. Просьба о пощадѣ выражалась поднятіемъ вверхъ большого пальца, а маханіе платками зрителей служило знакомъ, что помилованіе даровано побѣжденному.

надлежитъ также медвѣдь, передъ головой котораго остяки обыкновенно приносятъ очистительную присягу, говоря: «если лгу, пусть съѣстъ меня медвѣдь». Миссіонерская дѣятельность между остяками началась еще въ XVIII в. и многіе изъ нихъ уже крещены, хотя въ сущности остаются язычниками. Ихъ сильно стѣсняютъ обязательные церковные обряды и требы. Въ березовскомъ краѣ, напр., время великаго поста самое удобное для ловли проточной рыбы; въ это время остякамъ необходимо идти по разнымъ протокамъ, верстъ за 100 и болѣе отъ своихъ жилищъ. Но въ тоже самое время духовенство настоятельно требуетъ остяковъ въ церковь на говѣніе, а въ случаѣ ихъ упорства, прибѣгаетъ къ немедленному и строгому содѣйствію земскаго начальства. Прежде остякъ молился даромъ, на родины и похороны денегъ не требовалось, теперь онъ живъ, а ему предлагаютъ купить заблаговременно покойнической вѣнчикъ. Суевѣрный остякъ отбивается руками и ногами: «я жить хочу, умирать нѣтъ!» и оканчиваетъ разговоръ о вѣрѣ заключеніемъ, что «русская вѣра дорога!» Въ миссіонерскихъ отчетахъ постоянно обозначается, что для остяковъ существуютъ даже особыя школы, сообщаются цифры учащихся и т. д. Но вотъ въ 1864 г. начальникъ тобольской губерніи ѣздилъ по березовскому краю и «былъ крайне пораженъ невѣжествомъ состояніемъ инородцевъ. Не смотря на то, что тамъ давно уже существуетъ русское управленіе и русскіе торговцы, и промышленники давно уже посѣщаютъ этотъ край и даже живутъ вблизи инородцевъ, образованность нисколько не коснулась послѣднихъ, и они остаются почти въ томъ же первобытномъ состояніи, какъ были назадъ тому сотни лѣтъ. Дикое невѣжественное состояніе сѣверныхъ инородцевъ причиною тому, что пьянство и другіе самыя отвратительныя пороки распространены между ними до послѣдней крайности. Пороки эти, ведя за собою бѣдность и болѣзни, способствуютъ раззоренію края и уменьшенію народонаселенія, которое замѣчается ежегодно и видимо ведетъ къ тому, что оставленное въ настоящемъ состояніи племя сѣверныхъ инородцевъ наконецъ исчезнетъ». Имѣющіяся нынѣ училища для инородцевъ, продолжаетъ начальникъ губерніи, — существуютъ болѣе на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ. Такихъ училищъ два: въ кондинскомъ монастырѣ и въ Обдорскѣ, кромѣ того учится 1 остякъ въ березовскомъ приходскомъ училищѣ, въ сургутской же школѣ нѣтъ ни одного. Остяки неохотно отдають въ школы своихъ дѣтей, а которые и отдавали-бы, то содержатъ нечѣмъ. Между тѣмъ изъ числа всѣхъ инородческихъ училищъ въ одномъ только кондинскомъ учащіеся пользовались даровымъ помѣщеніемъ и содержаніемъ. Въ лучшее время этого училища въ немъ было не болѣе 10 остяковъ, которыхъ обыкновенно брали въ школу насильно, при содѣйствіи земской полиціи. Самое обученіе производилось очень небрежно. Мальчики учились по три, по четыре года, и все-таки, по выходѣ изъ школы, едва умѣли читать и писать, а проживъ года два дома, въ юртахъ, совсѣмъ позабыли грамоту. Въ настоящее время это училище, получая отъ казны ежегодное пособіе, существуетъ только на бумагѣ и не имѣетъ ни одного ученика... Въ Обдорскѣ при миссіоніи находится очень мало инородческихъ учениковъ. Приходскія училища, хотя и были учреждены при многихъ церквяхъ березовскаго округа, но духовенство, не получая никакого вознагражденія за свои труды, не только занималось ими неохотно, но даже постепенно прекращало занятія свои по школамъ, такъ что въ настоящее время не существуетъ училищъ ни при одной церкви».

Семейная жизнь остяка въ высшей степени

груба; онъ покупаетъ себѣ жену, какъ вещь, платя за нее отъ 20 до 100 оленей, можетъ, въ случаѣ недостатка, купить себѣ нѣсколько женъ и дѣлаетъ съ ними, что ему угодно. Жена не только рабыня, но и существо печистое, которое должно держаться подальше отъ мужчинъ; если женщина, напр., садится не на свое мѣсто, то его приходится очищать окуриваньемъ. Мужъ иногда бьетъ жену просто ради забавы, отъ нечего дѣлать, какъ рассказываетъ въ имѣющейся у меня рукописи хорошій знатокъ остяцкаго быта, нарымскій учитель Осиповъ: «Представьте себѣ кружекъ пьяныхъ остяковъ, сидящихъ за обѣдомъ вокругъ котла. Вдругъ одинъ изъ мужчинъ вскакиваетъ и начинаетъ бить свою жену, таскаетъ ее за волосы по землѣ, топчетъ ногами и т. д. Жена не издаетъ никакого стога и только по временамъ вскрикиваетъ: айга, айга (больно, больно)!... Уставъ, остякъ садится снова къ котлу; жена поднимается съ земли и садится тутъ же». Большинство остяковъ ведетъ крайне жалкую жизнь, пробиваясь мелкимъ рыболовствомъ или охотой на звѣря, перенося всевозможныя лишения, сплошь и рядомъ голодая до смерти. Вотъ, напр., васюганскіе остяки, промысляющіе бѣлку. «Представьте себѣ, пишетъ очевидецъ, — это несчастное семейство, которое должно жить подъ открытымъ небомъ, вырывъ подъ густымъ деревомъ яму въ снѣгу и устлавъ ее вѣтвями хвойнаго дерева. Эти бѣдняки въ своихъ рубищахъ кое-какъ отогрѣваютъ у костра свои закопченныя члены. Женщины въ это же время часто разрѣшаются отъ беременности. Несчастная мать, не имѣя никакого пріюта и для прочихъ своихъ дѣтей, должна согрѣвать новорожденного на своей холодной груди и кормить его на открытомъ воздухѣ, имѣющемъ градусовъ 45 мороза». Третьяковъ въ своемъ описаніи туруханскаго края говоритъ, что ему «однажды пришлось встрѣтить трехъ остяцкихъ вдовъ и при нихъ шесть малолѣтнихъ дѣтей, которыя, будучи нагими, со вздутыми животами и коростами, образовавшимися на груди отъ постоянного пребыванія близъ огня, глотали ивовую кору. Одна изъ женщинъ лежала больная, а остальные, изнеможенные, подходили на привидѣнія». Жилище остяцкой семьи — зимой юрта, обложенная землей, или землянка, лѣтомъ — сквозной шалашъ изъ бересты или древесныхъ вѣтвей. Даже русскіе въ тѣхъ мѣстахъ живутъ въ такихъ помѣщеніяхъ, о которыхъ въ Европѣ и понятія не имѣютъ и которыя такъ описываетъ Третьяковъ: «Вступая въ зимовье, путешественникъ сначала спускается въ яму, потомъ, согнувшись въ три погибели, входитъ въ сѣни, — онѣ столь низки, что приходится идти согнувшись. По бокамъ сѣней находятся низкіе бревенчатые амбарушки съ дверками, на подобіе небольшого ставня; въ одной изъ амбарушекъ находятся собаки; тамъ онѣ спятъ на ледяномъ полу, образовавшемся изъ ихъ мочи. Повидному, собачье жилище никогда не очищается и ледъ тамъ едва-ли совершенно растаиваетъ лѣтомъ. Какое же тутъ должно быть зловоніе въ теплое время! Другая амбарушка служитъ кладовой для домашняго скарба. Внутренность избы, сложенной изъ толстаго лѣса, который отъ дыма весь почернѣлъ, вовсе непривлекательна. Отъ плошки съ рыбнымъ жиромъ и горящей въ ней свѣтильни больше срада и копоти, чѣмъ свѣта. Небольшая, сбита изъ глины, печь стоитъ безъ трубы; надъ челою ея, на подкладинахъ, сушатся дрова. Въ окнахъ вмѣсто рамъ вставлены льдины, отъ таянія которыхъ идетъ сырость и стекаетъ постоянно вода. Къ самому потолку на шестахъ развѣшаны для сушки сѣти. Вотъ печь затопляется, внутренность избы наполняется дымомъ, который не успѣваетъ выходить въ отверстіе, сдѣланное въ потолкѣ. Изъ непривыкшихъ глазъ текутъ потоки слезъ.

Къ тому же въ верхней половинѣ избы становится такъ жарко, что разгорается голова. Смолла, разогрѣваясь на потолкѣ, начинаетъ капать вмѣстѣ съ сажею. Изъ стѣнъ, плохо проконопаченныхъ, ужасно дуетъ». Можно себѣ послѣ этого представить, каково жить въ юртѣ остяка!

Но почему же бѣдны остяки? Въ Оби, Енисей, Нарымѣ и др. рѣкахъ, по которымъ кочуютъ они, такое множество рыбы, что ею свободно могла бы кормиться вся Сибирь, въ лѣсахъ много звѣря, кедровыхъ орѣховъ и т. д. Дѣло въ томъ, что русскіе колонисты давно уже вытѣснили остяковъ изъ всѣхъ ихъ лучшихъ угодій, завладѣли ими, а самихъ остяковъ обратили въ кабалу. Нѣкоторыя угодья крестьяне отнимали просто силою, другія — остяки отдавали имъ въ залогъ за долгъ, который, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, дѣлался неоплатнымъ, угодья превращались въ собственность кредиторовъ, а остяки въ вѣковѣчныхъ кабальныхъ работниковъ ихъ. Въ березовской тундрѣ, напр., давно уже торгуютъ ижемскіе зыряне и торгуютъ такъ успѣшно, что всѣ олени стада остяковъ перешли въ ихъ собственность, а остяки превратились въ ихъ наемныхъ пастуховъ, работающихъ за долгъ. Васюганскіе остяки тоже служатъ работниками у русскихъ. «Здѣсь они, пишетъ Осиповъ, окончательно гибнутъ и матеріально, и нравственно. Если они попадаютъ въ срокъ, какъ здѣсь называется такая работа, то они считаютъ себя окончательно погибшими и становятся до того апатичными, что если кто укоритъ такого работника въ лѣности или дурномъ поступкѣ, то остякъ отвѣтитъ: «что же такое, — я вѣдь срочовой!» Одни только кетскіе инородцы пользуются болѣе счастливымъ положеніемъ, благодаря священнику села Максимояровскаго. Священникъ доставляетъ имъ съѣстные припасы, оружіе, платитъ за нихъ ясакъ, а они ежегодно отдають ему всю свою добычу — тысячи пудовъ орѣховъ, тысячи бѣлокъ и др. звѣрей. Всѣ эти товары священникъ продаетъ купцамъ». Вообще торговля съ русскими неблагоприятно подѣйствовала на остяковъ. Остякъ пуждается въ хлѣбѣ, въ желѣзѣ, ему хочется табаку и водки, всѣмъ этимъ снабжаетъ его по дорогимъ цѣнамъ купецъ и отбираетъ все напромышленное имъ, скидывая за него со счетовъ только незначительную часть долга, который съ каждымъ годомъ растетъ все больше и больше. «Старый долгъ — гнилой долгъ», говоритъ остякъ и продолжаетъ забирать у купца, осуждая на вѣчную кабалу не только себя, но и свое потомство. Вотъ какъ, по свидѣтельству официальныхъ документовъ, велась эта торговля лѣтъ 40 назадъ. Съ 1810 по 1831 г., протоіерей Вергуновъ велъ обширную торговлю сукномъ, холстомъ, чаемъ, сахаромъ, медомъ, солью, крупою, хлѣбомъ, табакомъ, мѣхами. Березовскій округъ простирается болѣе, чѣмъ на 2,000 верстъ, и на всемъ этомъ пространствѣ торговалъ Вергуновъ; его причетники развѣзжали всюду на обывательскихъ, безъ платежа прогоновъ. Они продавали инородцамъ и водку по 40 р. ведро, покупая ее въ Березовѣ по 5 р. ведро. Наповѣ инородцевъ, они забирали у нихъ, что попадалось. Кромѣ того, инородцы покупали много водки у березовскихъ обывателей, преимущественно у откупщиковъ. Прежде, чѣмъ инородецъ отправлялся въ городъ за водкой, онъ долженъ былъ являться къ застѣдатель, и тотъ, за извѣстную сумму, давалъ инородцу дозволеніе ѣхать за водкой. Собиралось нѣсколько инородческихъ семей и отправлялось въ Березовъ. Здѣсь инородцы останавливались у знакомаго обывателя, который велъ ихъ представлять разнымъ чиновникамъ. Сначала шли къ городничему; городничій спрашивалъ — сколько имъ нужно водки и, сообразно съ количествомъ ведеръ, назначалъ количество потребныхъ ему мѣховыхъ даровъ; затѣмъ онъ давалъ

остякамъ дозволенную записку къ откупщику на отпускъ водки. Отъ городничаго остяковъ вели къ исправнику и ко всѣмъ другимъ важнымъ чиновникамъ, а если ихъ водилъ казакъ, то и къ начальнику казачьей команды. Вездѣ повторялась та же исторія, что и у городничаго. Наконецъ, инородцы добираются до откупщика и закупаютъ нѣсколько сотъ ведеръ водки. Закупивъ водки для отвоза въ стойбища, инородцы покупаютъ еще для гулянки въ самомъ городѣ. Начинается безобразное пьянство, во время котораго хозяева инородцевъ отбавляютъ изъ ихъ посуды много водки, добавляя эти посудины водой. Пропивъ все, что можно пропить, инородцы отправляются домой. Едва отъѣдутъ они версты двѣ-три, какъ уже встрѣчаютъ на дорогѣ чиновниковъ, у которыхъ они не были. Чиновники останавливаютъ дикарей, начинаютъ допрашивать — какъ смѣли они покупать водку, грозятъ имъ судомъ, приказываютъ имъ вернуться въ городъ и т. д. Инородцы удовлетворяютъ этихъ господъ, чѣмъ могутъ, — деньгами, звѣринными шкурами, отпряженными отъ саней оленями или снимаемою съ себя одеждою. Инородцевъ отпускаютъ. Проѣдутъ они версты три, — вдругъ на дорогѣ стоитъ нѣсколько верховыхъ казаковъ съ обнаженными саблями, а «другіе казаки, нагоняя ихъ, скачутъ на лошадяхъ и приводятъ инородцевъ въ безмѣрный страхъ, забираютъ все, что осталось у нихъ изъ денегъ или вещей; буде же мало того, они снимаютъ съ нихъ половину одежды и забираютъ даже часть купленного ими вина, и тогда только отпускаютъ инородцевъ въ ихъ жилища». Чиновникъ Палашковский, ѣздившій въ Березовъ для изслѣдованія этихъ злоупотребленій, пишетъ, что, какъ чиновники, такъ и мѣщане, купцы, казаки возили къ инородцамъ водку и, спавшая инородцевъ, забирали все, что могли найти у нихъ цѣннаго. Особенно обширную виноторговлю велъ обдорскій отдѣльный застѣдатель. Конкурентовъ, такимъ образомъ, было много; они ссорились и доносили другъ на друга. Березовскій откупщикъ, страдавшій отъ этой конкуренціи, подавъ слѣдователю Палашковскому докладную записку. Откупщикъ изображалъ въ ней необходимость дозволить виноторговлю съ инородцами, «такъ какъ вино для большинства ихъ необходимо». Путемъ такой торговли, всѣ остяки давно уже попали въ руки кабалителей, которые нерѣдко играютъ въ тундрѣ роль всевластныхъ хановъ. Вотъ, напр., каковъ былъ въ туруханскомъ краѣ купецъ Салтановъ. Онъ такъ хорошо ознакомился съ мѣстностью, что развѣзжалъ безъ провожатаго по пустыннымъ тундрамъ, пренебрегая всевозможными опасностями, неразлучными при путешествіяхъ въ столь суровой странѣ зимою. Недовольствуясь выгодами, Салтановъ желалъ среди полудикаго населенія разыгрывать роль властителя и даже полубога; такъ, иногда, усѣвшись въ передній уголъ избы, онъ приказывалъ, стоящимъ въ почтительномъ отдаленіи жителямъ, ставить передъ нимъ зажженные свѣчи и молиться на него. «Кланяйтесь Салтанову, говорилъ онъ предстоящимъ, — безъ Салтанова пропадете вы, какъ собаки, не спасетъ васъ самъ Богъ!» Съ несправными должниками Салтановъ поступалъ столь же дико и жестоко: не довольствуясь употребленіемъ ихъ въ работы при себѣ, онъ запродавалъ ихъ другимъ, или расправлялся съ ними собственноручно. Впослѣдствіи, когда между жителями свирѣпствовала повальная горячка, и значительная часть ихъ вымерла, а остальные со страху разбѣжались, Салтановъ, развѣзжая по опустѣвшимъ зимовьямъ и кочевьямъ, обиралъ не только тѣ вещи, которыя хранились у жителей въ сундукахъ и амбарахъ, но даже снималъ съ мертвецовъ жемчугъ, соболѣи мѣха и другія цѣнныя вещи.

(Продолженіе будетъ.)

О ВЫБОРѢ КНИГЪ *).

Рѣчь Фредерика Гаррисона, переводъ
М. К. Цебриковой.

Въ обычаѣ у людей, имѣющихъ хоть какую-нибудь связь съ литературой, восхвалять передъ мыслящими мужчинами и женщинами, ищущими знанія, безконечно благотворное дѣйствіе литературы, чудодѣйственное вліяніе прессы и страсть къ чтенію. Я далекъ отъ того, чтобы отвергать вліяніе хорошихъ книгъ, или отговѣрывать читать лучшія; но я часто думаю о томъ, что мы забываемъ оборотную сторону этой блестящей точки зрѣнія на литературу—злоупотребленіе книгъ, изнурительную растрату жизни въ безцѣльномъ чтеніи, или даже, быть можетъ, ядовитое вдыханіе литературнаго мусора въ видѣ мыслей худшихъ людей.

Развѣ книга можетъ быть чѣмъ-нибудь болѣешимъ, нежели человѣкъ, написавшій ее. Самый свѣтлый геній, быть можетъ, никогда не вложитъ все лучшее, что есть въ душѣ его, въ свою печатную страницу; а многіе изъ знаменитыхъ писателей порой вкладывали и худшее. Развѣ всѣ люди могутъ быть желанными товарищами, тѣмъ менѣе учителями, которыхъ стоитъ выслушать, чей совѣтъ имѣетъ цѣну? Или, оставивъ въ сторонѣ положительно дурныя книги, не находимся ли мы при многочисленности книгъ и писателей въ постоянной опасности быть увлеченными скорѣе возбуждающими сторонами литературы, нежели основательными, любопытствомъ узнать что либо, пользующеся случайною извѣстностью, что либо имѣющее только одну цѣну—новизну. Набивать нашъ умъ только пошлымъ, только любопытнымъ въ силу новизны, значитъ набивать его самою непитательною пищею и закрывать его для укрѣпляющей, здоровой пищи. Происходитъ-ли наше пренебреженіе къ великимъ произведеніямъ отъ того, что мы ничего не читаемъ, или отъ нашей неисправимой привычки читать мелкія, результатъ выходитъ одинъ и тотъ же, и это—незнаніе величайшихъ произведеній литературы міра. Пренебрегать прочными основами знанія ради измѣняющихся частностей его, значитъ не знать ничего, что бы стоило знать: результатъ одинъ и тотъ же. Если мы вовсе не упражняемъ нашъ умъ серьезнымъ изученіемъ, или истощаемъ его безсильной жадностью къ пустымъ и отрывочнымъ «свѣденіямъ»—дѣло столь же плодотворное, какъ свистанье. Изъ обѣихъ крайностей я предпочитаю первую; по крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ умъ не изнуренъ и открытъ для новыхъ впечатлѣній.

Но есть еще большее. Даже для тѣхъ, кто избѣгаетъ празднаго времяпровожденія—чтенія пошлыхъ книгъ—чрезвычайно трудно (и трудность эта растетъ день ото дня вслѣдствіе многочисленности книгъ) опредѣлить, какой родъ книгъ выбрать для чтенія? Въ какомъ порядкѣ,

въ какой связи читать ихъ, съ какою цѣлью? Даже люди, поставившіе цѣлью читать лучшія книги, приходятъ въ затрудненіе, видя безграничное поле выбора. Если великій Ньютонъ говорилъ, что ему кажется будто онъ всю жизнь собиралъ пѣсколки раковинъ на берегу, въ то время какъ безграничный океанъ истины, неизвѣстный ему, простирался передъ его глазами, то насколько болѣе безграничнымъ долженъ показаться для насъ океанъ литературы, неизмѣримость границъ которой нашъ глазъ не можетъ проникнуть, передъ которой и трудолюбіе оказывается безполезнымъ, если нѣтъ критическаго смысла, метода, дисциплины; гдѣ такъ безконечно важно то, что стоитъ заучить и запомнить, и такъ ничтожно то, что мы можемъ прочесть. Увы, большая часть нашего чтенія оставляетъ въ насъ самовоспитаніи такъ же мало слѣда, какъ пѣна, поднимающаяся около кили плывущей лодки. Что касается меня, то я считаю самымъ полезнымъ слѣдствіемъ чтенія—знаніе, чего мы не должны читать, чего мы не должны заносить въ расчищенное мѣсто почвы, приготовленное для плодотворнаго знанія. Въ литературѣ болѣе, чѣмъ во всемъ другомъ, мы не видимъ лѣса изъ-за деревьевъ.

Талантливый человѣкъ, который добылъ отъ книгъ болѣе пользы, чѣмъ большая часть современниковъ его, недавно сказалъ: «Приобрѣтайте привычку къ чтенію, все равно, что бы вы ни читали; привычка къ чтенію хорошихъ книгъ придетъ, когда вы составите себѣ привычку читать плохія». Я не могу согласиться съ нимъ. Я думаю, что привычка къ празднему чтенію, ослабляетъ умъ и лишаетъ его силы для здороваго чтенія; я думаю, что привычка разумнаго чтенія приобретается съ трудомъ и требуетъ сильной рѣшимости и усилій, и я утверждаю, что привычка читать ради чтенія, а не ради того, что приобретается чтеніемъ, есть самая нездоровая изъ нашихъ привычекъ. Ради чего страдаемъ мы отъ традиціоннаго лицемернаго уваженія къ литературѣ,—къ литературѣ въ цѣломъ,—т. е. включающей въ себѣ равныя доли полезнаго и бесполезнаго. Есть книги и книги, писатели и писатели, читатели и читатели. Почему мы хвалимся нашею способностью поглощать печать, какъ наши дѣды хвалились способностью поглощать порвейныя, когда есть способъ поглощенія печати, при которомъ нельзя научиться чему-нибудь хорошему?

Великій Мильтонъ сказалъ, и слова эти стали однимъ изъ лозунговъ англійской расы: «убить хорошую книгу почти тоже, что убить человѣка». Но онъ тоже сказалъ, что «будетъ зорко слѣдить за тѣмъ, какъ книги ведутъ себя, равно какъ и люди и строго судить ихъ, какъ судятъ злодѣевъ»... Да, тѣ, которые отдають немногіе драгоценные часы отдыха на чтеніе пошлыхъ книгъ, убиваютъ хорошія. Они дѣлаютъ все, что могутъ, чтобы «уничтожить драгоценную кровь великаго духа, сохраненную для жизни за предѣлами его жизни».

Совершенно справедливо, что въ республикѣ слова должна быть полная свобода сношеній и духъ равенства. Каждый читатель, который беретъ книгу, свободно входитъ въ область духа людей прошлыхъ вѣковъ и настоящаго времени; жизнь ихъ, въ границахъ обнародованныхъ мыслей ихъ и даже за этими границами, открыта для него. Онъ не церемонится съ ними; онъ можетъ написать, если хочетъ «рифмоплеть» на своемъ томѣ Шелли и пинкомъ ноги швырнуть Байрона въ уголъ. Онъ слушаетъ какъ ораторствуетъ Бёркъ, догматизируетъ Джонсонъ, Вордсвортъ мечтаетъ на скатѣ холма, Вальтеръ Скоттъ рассказываетъ свой шотландскій повѣсти, не спросивъ позволенія ни у кого, не платя пошлины. Въ республикѣ литературы нѣтъ при-

вileгированныхъ сословій, каждый человѣкъ, написавшій книгу, въ извѣстномъ смыслѣ авторъ, и книга есть книга, хоть бы въ ней не было ничего, и каждый человѣкъ, способный разбираться въ грошовый журналъ—въ извѣстномъ смыслѣ читатель. «Все читатель» похожъ на могильщика въ Гамлетѣ, онъ за панибрата со всѣми великими мертвецами, онъ гладитъ черепъ шута, хлопаетъ по щекамъ лорда, леди, или придворнаго, и употребляетъ имя могущественнаго цесаря для того, чтобы учить ребятъ латинскимъ склоненіямъ.

Но такое благородное равенство всѣхъ писателей и всѣхъ читателей имѣетъ и опасную сторону. Оно дѣлаетъ насъ очень неразборчивыми въ отношеніи книгъ и даже пріучаетъ пренебрежительно относиться къ великимъ людямъ прошлаго. Люди, болѣе разборчивые въ отношеніи своихъ друзей и знакомыхъ—олицетворенная неразборчивость въ отношеніи книгъ, которыми они насыщаютъ свой умъ. А книги имѣютъ такое большое вліяніе на образованіе нашего ума и даже нашего характера. Мы не приведемъ всякаго негодяя въ домъ, только потому, что онъ пріятный собесѣдникъ, съ которымъ весело поболтать часокъ; а мы возьмемъ печатные мемуары такого же негодяя и пойдемъ его очень пріятнымъ малымъ, когда онъ разрѣзаетъ на страницы и переплетенъ въ сафьянъ. Я не хочу морализировать о вредѣ завѣдомо дурнаго чтенія; я беру ту часть литературы, которая безвредна, занимательна и даже слегка поучительна. Но что именно заслуживаетъ выбора, въ громадной массѣ литературы? Огромная порція въ ней книги, которыхъ мы никогда не будемъ въ состояніи читать; крупный процентъ книги, которыхъ не стоитъ читать. Книги, имѣющія жизненный интересъ, составляютъ ничтожную долю въ массѣ, и мы это знаемъ. И однако мы читаемъ каждую книгу, какъ будто всѣ книги равно честны и цѣнны. Увы! книга никогда не будетъ чѣмъ либо болѣею, чѣмъ написавшій ее человѣкъ, и такъ какъ значительный процентъ человечества пишетъ теперь книги изъ побужденій и цѣлей такъ же разнообразныхъ, какъ и человѣческая дѣятельность, книги, собственно какъ книги, имѣютъ а priori, пока достоинство ихъ не доказано, такое же право на вниманіе и почтеніе, какъ дома, локомотивы, картины, скрипки, шляпки и другіе полезные, или пріятные плоды человѣческой изобрѣтательности. На полкахъ нашихъ библиотекъ есть великія книги, въ которыхъ «хранится драгоценная кровь великаго духа», но самая извѣстность имени его, дѣлаетъ насъ равнодушными къ нему; мы не интересуемся тѣмъ, что каждый долженъ былъ прочесть и беремъ то, что кажется намъ нѣсколько эксцентричнымъ по заглавію, или ради имени автора, только на томъ основаніи, что мы никогда не слышали его. Затрудненія литературнаго знакомства такъ же велики, какъ и свѣтскаго, прештствія найти истинныхъ друзей такъ же велики, и равно велика и опасность затеряться въ вавилонскомъ смѣшеніи языковъ вѣчно смѣняющейся массы существъ. Книги не мудрѣе людей; истинную книгу не легче найти, чѣмъ истиннаго друга; дурныя и пошлыя книги не менѣе нахально навязчивы и всюду распространены, чѣмъ пошлые и дурные люди, искусство хорошо читать, такъ же долго и трудно изучается, какъ и искусство хорошо жить. Люди, которые на дружескую погу сходятся съ каждымъ авторомъ, попадающимъ къ нимъ въ руки, такъ же рискуютъ даромъ потратить время, какъ и люди, отдающие его каждому прохожему на улицѣ. Человѣкъ, безцѣльно бродящій въ многолюдномъ городѣ, болѣе одинокій изъ людей; такъ же и человѣкъ, хватающійся за каждую попадающуюся ему книгу.

*) Предлагаю читателямъ въ нѣсколько сокращенномъ переводѣ рѣчь, сказанную Гаррисономъ въ Лондонскомъ институтѣ, о безсистемномъ чтеніи, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о причинахъ, побудившихъ перевести эту рѣчь. Гаррисонъ съ юморомъ и обстоятельностью англичанина указываетъ на зло многочитанія, которое развиваетъ пресса безъ убѣжденій, прессы промышленина; такое чтеніе—опіумъ мысли. Ораторъ указываетъ на средство укрѣплять мысль чтеніемъ великихъ писателей, имѣющихъ міровое значеніе. Рѣчь Гаррисона бьетъ во многомъ по больному мѣсту нашего общества и вотъ почему мы перевели ее.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА ПАВСТА.

Кегли. По фотографии Ласадра, рѣзалъ Ботъ.

Это опасность, грозящая намъ въ наше время. Сильное давленіе требованій жизни, наша головокружающая промышленная организація, или диз-организація принесли намъ и въ этомъ,—какъ и почти во всемъ,—свои затрудненія и недостатки. Почти во всемъ обширная возможность и гигантскія средства умножить наши продукты, приносятъ съ собою новыя опасности и тревоги, которыхъ мы часто сначала не замѣчаемъ. Наши громадные города, гдѣ нагромождены богатства и требованія и удобства жизни, доведены до той степени, какая не спилась праотцамъ нашимъ, кажется, сами собою порождаютъ новыя формы болѣзней, истощенія, разочарованія, или рисковъ,—жизни и такихъ, съ какими мы не въ силахъ помѣряться. Такъ и громадное количество современныхъ книгъ вообще не благоприятно нашему знакомству съ лучшими. Я, съ очень смѣшаннымъ удовольствіемъ, выслушиваю глашатаевъ, выкрикивающихъ рекламы книгамъ, выходящимъ ежедневно изъ подъ печатнаго станка; изъ книгъ, выпускаемыхъ изъ Патеръ-Настеръ-Роу, въ нѣсколько лѣтъ можно сложить пирамиду, вышиною съ куполъ св. Павла. Какъ отыщу я, въ этой горѣ литературы, истинно полезную книгу, и если отыщу ее, какъ заставить другихъ прочесть ее? Нилъ, самъ по себѣ, еще не хлѣбъ для египтянъ, но безъ него они умерли бы съ голода; однакожъ, Нилъ можетъ разлиться слишкомъ многоводно и египтянамъ будетъ грозить уже не голодъ, а потопленіе.

Никогда еще, впроложеніи 200 лѣтъ, не было такъ практически трудно отыскать въ книгахъ то, что для насъ жизненно-важно узнать, какъ теперь, и это не отъ неурожая, но отъ чрезмѣрнаго урожая печатнаго матеріала. Результатъ одинъ и тотъ же—поставлены-ли мы въ физическую невозможность получить нужную намъ книгу, или задавлены массой ненужныхъ книгъ. Нуженъ сильный характеръ и здоровая голова, чтобы сохранить присутствіе духа въ свирѣтствующей вокругъ насъ литературной бурѣ. Мы теперь читаемъ на рынкѣ, скорѣе, на какой-то паровой фабрикѣ печатнаго матеріала, гдѣ непрестанно посягае около насъ сырые печатные листы, если не на какой-то шумной ярмаркѣ книгъ, гдѣ книгопродавцы заманиваютъ насъ движущимися куклами, а трубы соперничающихъ лавчонокъ оглушаютъ наши уши съ утра до ночи. Сопоставьте съ пандемоніумомъ Лейпцигской улицы, или Патеръ-Настеръ-Роу образъ Мильтона, который въ своемъ уединеніи въ Гортонѣ, провелъ пять лѣтъ, перечитывая всѣхъ древнихъ писателей и создавая «Потерянный рай».

Я не на столько заносчивъ, чтобы утверждать, что большая часть современной литературы, сама по себѣ, не стоитъ того, чтобы читать ее, что проза ея не удобочитаема, не интересна и даже не высокопоучительна; что стихи не музыкальны, не граціозны, не поэтичны. Я утверждаю, напротивъ, что большая часть современной литературы такого рода, что очень трудно противостоятъ ей, и несомнѣнно, что она даетъ намъ много свѣдѣній. Но многимъ, быть можетъ, покажется не разумнымъ мое утвержденіе, что приличная удобочитаемая книга еще не всегда полезна. Многіе назовутъ меня обскурантомъ за то, что я рискую высказывать такое сомнѣніе. Но вопросъ, подавляющій меня своею важностью, въ томъ: какія книги, при небольшой долѣ времени, остающейся у насъ на чтеніе, представляютъ для насъ жизненный интересъ? Каждая книга, которую мы беремъ безъ всякой цѣли, есть потерянный случай прочесть книгу съ цѣлью, каждая кроха отрывочныхъ свѣдѣній, которою мы набиваемъ себѣ голову, безъ малѣйшаго сознанія цѣнности этой крохи, большею частью занимаетъ мѣсто полезнаго знанія. Теперь несомнѣнно, что знаніе, т. е. накопленные мысли и

наблюденія человѣчества, доросло до того неизмѣримо громадныхъ границъ, что даже ученые, отдавшие всю жизнь наукѣ, могутъ подбирать только крохи, падающія со стола истины. Они могутъ работать только на какой нибудь полосѣ обширнаго поля, въ то время, какъ люди, которые среди дѣятельной жизни могутъ отдать только немногіе часы досуга наукѣ, едва ли въ состояніи получить понятіе объ обширности и о безконечной малости клочка его, который они могутъ пройти. Мы знаемъ, что одна книга можетъ разниться цѣною отъ другой, такъ же какъ бриліантъ отъ прибрежной песчинки; мы это знаемъ о міриадахъ населяющихъ міръ книгъ, и потому мы и имѣемъ безконечное множество случаевъ потратить безцѣльно наши усилія, изнурить нашъ умъ, не обогативъ его. И я часто, въ минуту унынія, слѣжу за потокомъ современной литературы, который смываетъ все прошлое.

Я помню, когда я былъ очень юнымъ студентомъ въ коллегіи, какъ одинъ юноша не въ духѣ парадокса, но съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ доказывалъ передъ обществомъ серьезныхъ студентовъ, чудовищный тезисъ, что изобрѣтеніе книгопечатанія было однимъ изъ величайшихъ бѣдствій, когда-либо посѣщавшихъ человѣчество. Онъ доказывалъ, что исключительная надежда на печатный матеріалъ уничтожила высшій способъ обученія—живое слово. Онъ утверждалъ, что рожденіе многочисленнаго класса, который видитъ въ произведеніи книгъ средство доставать деньги, а не общественный долгъ, размножило число книгъ ради самихъ писателей, а не ради читателей, что постоянная надежда на книги, какъ на дешевое и общее средство, много способствовала ослабленію силы памяти, что она уничтожила жажду общей культуры вкуса и потребность художественнаго выраженія во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Наконецъ, онъ доказывалъ, что внезапное умноженіе всѣхъ родовъ печатнаго матеріала имѣло губительное вліяніе на порядокъ мысли и разрушало систематическое знаніе и систему воспитанія.

Я далекъ отъ такого незрѣлаго взгляда. Разумѣется, я признаю, что изобрѣтеніе книгопечатанія было однимъ изъ важнѣйшихъ фактовъ жизни человѣчества. Безъ него всемірный социальный прогрессъ, истинно демократическое просвѣщеніе и образованіе народа были невозможны, или шли бы крайне медленно, даже если бы избранная горсть, представительница культуры, что весьма вѣроятно, подвинула бы знанія до настоящей точки его и безъ книгопечатанія. Мы считаемъ Гуттенберга однимъ изъ членовъ въ короткомъ спискѣ исключительныхъ благодѣтелей человѣчества, однимъ изъ членовъ великаго хора людей, чья работа преобразовала условія жизни, чья работа, разъ она сдѣлана, не повторяется. Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что вещи, которыя нашъ юный и пылкій другъ считалъ роковою опасностью для человѣчества, всѣ необходимы и неизбежны и составляютъ часть великаго переворота ума, которымъ человѣкъ вышелъ изъ средневѣковаго невѣжества къ болѣе полному пониманію жизни и міра.

Но однако есть и смыслъ въ этой мальчишеской анафемѣ противъ печати и смыслъ этотъ истиненъ по нашей винѣ. Мы сами создаемъ зло и мы сами причиною того, что я могу сказать, что искусство книгопечатанія не было благимъ, чистымъ отъ примѣси зла. Я утверждаю что его нужно употреблять на пользу для того чтобы оно было благомъ, что оно налагаетъ великую отвѣтственность, требуетъ разума, самообладанія и мужества, чтобы противостоятъ искушеніямъ и опасностямъ его. И дѣйствительно, мы легко можемъ обратить его въ тормазъ прогресса, въ проклетіе человѣчества. Способность слышать каждое слово, которое когда либо было произ-

несено на нашей планетѣ, можетъ уничтожить мысль; человѣческія способности и силы ума не увеличиваются отъ простого умноженія матеріала знанія или удобствъ для передачи его. Телефоны, микрофоны, паровые печатные станки могутъ оставить человѣческій мозгъ задавленнымъ отъ усилій охватить все, и всетаки онъ не станетъ ни больше, ни сильнѣе, чѣмъ мозгъ людей, которые слышали, какъ проповѣдывалъ Моисей, и видѣли, какъ Аристотель или Архимедъ размышляли надъ нѣсколькими свитками полусгнившихъ рукописей. Пока какой нибудь новый Ньютонъ или Уаттъ не изобрѣтетъ машину для увеличенія силы человѣческаго ума, каждый новый снарядъ для увеличенія работы его будетъ новымъ запросомъ на его напряженіе, новою областью, которую онъ долженъ будетъ приводить въ порядокъ и которую онъ долженъ будетъ управлять.

И такъ—я говорю это съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ—первая интеллектуальная задача нашего вѣка заключается въ томъ, чтобы привести въ порядокъ и сдѣлать полезнымъ обширное царство печатнаго матеріала. Организовать наше знаніе, систематизировать наше чтеніе, спасти отъ безпощаднаго потока чернилъ безсмертныя мысли величайшихъ умовъ—это дѣло необходимости, иначе производительная изобрѣтательность человѣчества, наконецъ, приведетъ насъ къ безграничному хаосу. Знать только то, что случайно всплываетъ до насъ въ безконечности знанія—значитъ не знать ничего. Читать первую попадающуюся въ руки книгу изъ хаоса книгъ, значить неучиться ничему. Переворачивать страницы 10,000 томовъ—значитъ быть практически равнодушнымъ ко всему, что есть хорошаго.

Но я замѣчаю, что затронулъ предметъ, который такъ великъ и важенъ, что ему не мѣсто въ этой бесѣдѣ. Организовать знаніе, систематизировать наше чтеніе, сдѣлать выборъ книгъ для общаго изученія—значитъ составить цѣлую систему воспитанія. Система воспитанія подразумеваетъ философскую систему, взглядъ на обязанности и права человѣка, какъ нравственнаго и социальнаго общества, словомъ—религію.—Передъ такою великою задачею, рѣшать которую должно для общей массы слушателей съ такими различными идеями и потребностями, съ такою глубокою рознью мнѣній, даже относительно нашей точки отправленія,—передъ такою задачей, какъ общая теорія воспитанія, я предпочитаю отступить. Я избралъ свой путь и избралъ учителя. Но убѣждать всѣхъ принять систему воспитанія Огюста Конта, значить убѣждать принять позитивизмъ.

Я не останавливаюсь на этомъ фактѣ, который вызываетъ на мысль, на тяжелое предчувствіе, даже на отчаяніе,—знакомомъ фактѣ литературныхъ обычаевъ и признанномъ въ литературной профессіи. Фактъ этотъ слѣдующій: предметы, безконечно ничтожныя сами по себѣ, люди, событія, общества, явленія, ничуть не болѣе цѣнные, чѣмъ міриады другихъ предметовъ, носящихся около насъ, какъ воробьи надъ крышей, прославляются, преувеличиваются и увѣковѣчиваются, ставятся подъ литературный микроскопъ, освѣщаются фокусомъ литературнаго волшебнаго фонаря, не ради того, что они сами по себѣ есть, но единственно ради того, чтобы занять и развлечь общество, показавъ ему, какъ можно продѣлать все это. Такой фактъ изумляетъ и ужасаетъ меня до того, что я теперь не стану распространяться о немъ, потому что не могъ бы сказать все, что хотѣлъ бы сказать.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Въ Новой Гвинее.

Изъ путешествія Люи Трегана. Переводъ Н. М. Поль.

(Продолженіе.)

Глава IX.

а другой день мы пришли въ долину, покрытую роскошной растительностью. Огромныя деревья росли въ ней и составляли пріятный контрастъ съ деревьями болѣе возвышенной области, похожими на карликовыя сосны. Къ несчастію, эта очаровательная долина кишѣла змѣями и мы должны были остерегаться, пока не выбрались на большую равнину, гдѣ провели послѣднюю ночь нашего путешествія. Въ этой равнинѣ было нестерпимо жарко и я съ удовольствіемъ замѣтилъ въ ней тѣ же растенія, что и въ Кутарѣ. Равнина эта оканчивалась проходомъ, образованнымъ высокими и плодородными холмами. Когда мы достигли его, часамъ къ 10 утра, то мнѣ и плѣнникамъ объявили, что сейчасъ мы вступимъ въ ужасное мѣсто и намъ завязжутъ глаза. Я было отказался, такъ какъ самыя зловѣщія мысли начали одолевать меня, но Ланна подтвердилъ, что предосторожность эта необходима, и что я не подвергаюсь ни малѣйшей опасности. Я покорился, и мнѣ показалось, что солдатъ, взявшій за поводъ мою лошадь, повелъ ее въ противоположномъ направленіи. Но мнѣ было невозможно убѣдиться въ этомъ, тѣмъ болѣе, что лошади наши пошли такимъ скорымъ галопомъ, что я принужденъ былъ обѣими руками ухватиться за гриву. Наконецъ, по прошествіи получаса мы остановились и съ меня сняли повязку. Мы находились въ концѣ дефиле и намъ объяснили, что мы прошли знаменитую долину змѣй, о которой мнѣ рассказывали въ Кутарѣ, какъ объ очень опасномъ мѣстѣ; намъ завязали глаза, чтобы избавить отъ напраснаго страха.

Я остался не вполне удовлетвореннымъ этимъ объясненіемъ. Какимъ образомъ нашему конвою удалось невредимо миновать ужасное ущелье? Не было-ли другой дороги, которую скрыли отъ меня, съ цѣлью поставить въ совершенную зависимость отъ правителя округа, и отъ преступниковъ, чтобы предупредить ихъ бѣгство? Я раздумывалъ объ этомъ, когда Ланна предложилъ мнѣ осмотрѣть часть пройденной нами дороги. Я согласи́лся принять это предложеніе и онъ привелъ меня ко входу въ долину, растительность которой превосходила своимъ богатствомъ все, что я до сихъ поръ видѣлъ: вершины огромныхъ деревьевъ достигали болѣе ста футовъ; пальмы простирали свои легкія и гибкія вѣтви, и кисти пунцовыхъ цвѣтовъ, во множествѣ покрывали вѣтви кустарника съ яркозелеными листьями. Я выступилъ впередъ, очарованный, восхищенный, какъ вдругъ Ланна закричалъ мнѣ:

— Остановись, Треганъ. Берегись!

Я отступилъ въ испугѣ, и увидѣлъ у подножія пальмы огромную змѣю, свернувшуюся въ клубокъ. Я съ любопытствомъ разглядывалъ ея кольца и чувствовалъ въ то же время, что все тѣло мое покрывается холоднымъ потомъ, но вдругъ пріятель мой отдернулъ меня назадъ, вскрикнувъ отъ ужаса. И было чего: огромный боа разъ шесть обвился вокругъ дерева, подъ которымъ я стоялъ. Очевидно, я разбудилъ чудовище, и оно, вытянувъ шею, повисло въ воздухѣ головою, раскачивая свое отвратительное тѣло; въ немъ было по крайней мѣрѣ 20 футовъ длины!

Мы согласи́лись присоединиться къ нашимъ спутникамъ, и преступникамъ дозволили взглянуть издали на боа, жертвою котораго я едва не

сдѣлался. Могли-ли рискнуть несчастные на побѣгъ изъ Уараты послѣ подобнаго зрѣлища? Развѣ имъ не было извѣстно, что тѣ, которые рѣшались проникнуть одни и безъ оружія въ долину Змѣй, еще никогда не возвращались оттуда. Что касается лично меня, я все болѣе убѣждался, что конвой нашъ не подвергалъ себя этой опасности, а выбралъ другую дорогу, которую со временемъ мнѣ можетъ быть удастся узнать.

Мы шли теперь по дорогѣ, отбѣенной высокими деревьями. Внезапно послышался отчаянный крикъ. Я инстинктивно поднялъ глаза къ вершинѣ дерева, откуда повидимому онъ раздался и остолбенѣлъ отъ ужаса, увидѣвъ несчастнаго, привязаннаго къ вѣтвямъ, отбивавшагося отъ змѣи, которую онъ старался удавить. Но пресмыкающееся, яростно шипя, вытягивало жало. Я умолялъ Ланну помочь страдальцу.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ непреклонно. — Это преступникъ: онъ долженъ вытерпѣть казнь! Ему все же легче, чѣмъ приговоренному къ голодной смерти, или растерзанію птицами!

Я пустил лошадь вскачь, чтобы бѣжать отъ этого страшнаго зрѣлища; но не успѣлъ я проѣхать и четверти лье, какъ повые стоны заставили меня вздрогнуть! Стая хищныхъ птицъ парила надъ деревомъ, а осужденный собирался съ послѣдними силами, чтобы оттолкнуть коршуна, разрывавшаго ему тѣло. Увидѣвъ насъ, онъ сталъ умолять о пощадѣ; но начальникъ продолжалъ путь такъ спокойно, какъ будто ничего не слышалъ, и я долженъ былъ слѣдовать за нимъ съ печальною мыслью, что и моя жизнь зависитъ отъ произвола подобнаго деспота!

Широкая рѣка, Ирфакъ, загрозила намъ дорогу; чтобы перебраться на другой берегъ ея, нужно было вѣхаться на мостъ, не болѣе трехъ футовъ шириною, состоявшій изъ бревенъ, положенныхъ на надутыя воздухомъ кожи. Теченіе заставило эти мостки принять форму полукруга, касавшагося краями береговъ; ступивъ на мостъ, я почувствовалъ, что ухожу въ воду. Несмотря на это, я слѣдовалъ за моими спутниками, которые весело переправлялись, заботясь болѣе о лошадяхъ, чѣмъ о себѣ.

Къ поводьямъ лошадей привязали длинную веревку и вогнали ихъ въ рѣку. Солдатъ бросился вилась, схватилъ за конецъ веревку, и переплылъ на другой берегъ, вытащивъ не безъ труда бѣдныхъ, испуганныхъ животныхъ. Испытаніе, которому онъ подверглись, не помѣшало имъ, по выходѣ изъ рѣки, проскакать полтора часа въ галопъ, по направленію къ сѣверу, послѣ чего мы наконецъ остановились. Мы прибыли въ Уарату!

Глава X.

Прибывъ въ Уарату, я напрасно искалъ слѣдовъ лагеря, въ окрестностяхъ рудниковъ, какъ я видѣлъ въ Австраліи. Здѣсь не было ничего подобнаго. Рудокопы цѣлый день работали въ розсыпяхъ, а вечеромъ возвращались въ Уарату. По имени этого города была названа и вся окрестная страна. Меня помѣстили въ домѣ начальника этой провинціи. На другой же день мы осмотрѣли съ нимъ золотыя рудники. Вся окрестная страна была очень гориста и, очевидно, подверглась какому-нибудь вулканическому перевороту. Золото находилось въ особенности въ долинахъ и по скатамъ холмовъ, и рудокопы довольствовались тѣмъ, что разрывали землю на два, или три фута глубины и собирали найденные самородки. Костюмъ ихъ состоялъ изъ одежды, общей всѣмъ орангоукамъ и отличался только болѣею неопрятностью.

Я объяснилъ начальнику, что много золота находилось въ отбрасываемой землѣ.

— Тѣмъ лучше для тебя, если ты говоришь правду, отвѣтилъ онъ грозно. — Слова нельзя пускать на-вѣтеръ!

— Дайте мнѣ дерева и инструментовъ, и я докажу вамъ истину моихъ словъ.

Я намѣревался устроить для промыванія золотоносной земли, на подобіе тѣхъ, которые употреблялись въ Мельбурнѣ и были извѣстны рудокопамъ подъ своеобразнымъ именемъ Длиннаго Тома. Въ мое распоряженіе предоставили нѣсколько кусковъ дерева и острия кремневыхъ орудій и я устроилъ снарядъ, состоящій изъ трехъ отдѣленій: первое имѣло около 6 футовъ длины и отдѣлялось отъ второго рѣшеткой въ 6 или 8 дюймовъ высоты; второе отдѣленіе, такое же длинное и узкое въ верхней части, расширялось и образовало тазъ со множествомъ отверстій, наконецъ третье отдѣленіе помѣщалось подъ этимъ тазомъ и состояло изъ тонкаго грохота. Каждый день начальникъ и Ланна приходили слѣдить за успѣхомъ моей работы. Ланна, продолжавшій по прежнему выказывать мнѣ большую дружбу, посвѣтовалъ остерегаться этого деспота.

— Впрочемъ, прибавилъ мой пріятель, — онъ не сдѣлаетъ тебѣ ничего дурного, если, какъ я увѣренъ, ты успѣешь въ своемъ предпріятіи.

— А въ такомъ случаѣ сколько времени придется мнѣ здѣсь остаться?

— Къ несчастію, это зависитъ совершенно отъ твоего врага. Онъ одинъ имѣетъ доступъ къ королю; онъ можетъ сказать о тебѣ все, что ему вздумается и, слѣдовательно, попытается оставить тебя здѣсь навсегда, если это покажется ему выгоднымъ. Есть-ли у тебя друзья въ Кутарѣ?

— Да; Кайгаръ.

— Онъ можетъ быть тебѣ очень полезенъ. Не отчаивайся, если даже правитель окажется тебѣ враждебнымъ.

Когда снарядъ былъ оконченъ, его снесли къ подошвѣ холма, откуда стекалъ маленькій ручеекъ, воду котораго я по произволу спускалъ въ мой аппаратъ по желобу, сдѣланному изъ древесной коры. Приготовленія были теперь приведены къ концу: я далъ знать объ этомъ правителю и просилъ его присутствовать при первомъ опытѣ. Онъ явился въ сопровожденіи Ланны и большой свиты.

Я велѣлъ наполнить нѣсколько горшковъ землею, взятою съ мѣста, богатаго самородками; высыпалъ ее въ первое отдѣленіе, и, когда она, по моему мнѣнію, была достаточно промыта, отвелъ въ сторону желобъ и выбросилъ оставшіеся камни и мусоръ. Какова была моя радость, когда золота оказалось нѣсколько золотниковъ. Я подалъ его начальнику, который жадно схватилъ золото; затѣмъ, разсчитывая, по этой первой находкѣ, на обиліе метала, я снова выпустилъ воду и тщательно промылъ слой земли, покрывавшей всѣ три отдѣленія. Черезъ нѣсколько минутъ я прекратилъ промываніе: теперь остался только тонкій слой песку, подъ которымъ блестѣло золото. Я пересыпалъ все осторожно въ большое глиняное блюдо. Начальникъ не терялъ изъ виду ни одного моего движенія; онъ, подобно мнѣ, замѣтилъ металлическій отблескъ и слѣдовалъ за мною, когда я отправился на берегъ ручья, чтобы въ послѣдній разъ промыть свое сокровище. О, счастье! снова я показалъ промытый золотой песокъ.

Начальникъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. Онъ подозрѣвалъ меня въ обманѣ и заставилъ меня промыть новое количество земли, которую самъ принесъ. Онъ долженъ былъ убѣдиться, когда я достигъ такого же результата, какъ и въ первый разъ, но теперь золотого песку было значительно меньше.

Я объяснилъ правителю, что количество промытаго золота зависитъ отъ богатства жилъ, и онъ остался такъ доволенъ, что пригласилъ меня къ обѣду, который, право, пришелся мнѣ по вкусу.

Впрочемъ, онъ не снизошелъ до того, чтобы отобѣдать въ одно время со мною, но велѣлъ подать мнѣ обильный обѣдъ въ комнатѣ, сосѣдней съ тою, гдѣ самъ обѣдалъ.

Вечеромъ, когда я остался наединѣ съ моимъ другомъ Ланной, который не менѣе меня радовался моимъ успѣхамъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Теперь ты внѣ опасности, такъ какъ я могу сообщить королю и твоимъ друзьямъ все, что ты сдѣлалъ. Твои заслуги слишкомъ велики, чтобы остаться не вознагражденнымъ.

Увы! Черезъ нѣсколько недѣль Ланну отослали въ Кутаръ, для доставки золота. Я поручилъ ему отдать Лямлямъ пустой бамбукъ, въ который вложилъ письмо, надеясь, что она съумѣетъ прочесть его. Я съ горестью расстался съ моимъ единственнымъ другомъ, и долженъ былъ остаться одинъ въ Уаратѣ!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

должна будетъ преклониться», думалъ онъ. Къ тому же и не было положительныхъ доказательствъ его виновности. Вотъ только бумажныя цѣнности сильно запутывали его. Онъ утверждалъ, что онѣ принадлежали ему; нумера же ихъ оказались записанными Леею потому, будто бы, что она, имѣвшая знакомство на биржѣ, съ большей выгодой, чѣмъ онъ, могла вести биржевую игру. И она вела эту игру для него, Гудара, его фондами и, благодаря ей, онъ получилъ значительные барыши. Спрошенный по этому поводу биржевой маклеръ подтвердилъ, что Лея, при его посредствѣ, покупала и продавала бумажныя цѣнности; приобрѣла черезъ него и тѣ, о которыхъ идетъ рѣчь. Далѣе маклеръ показалъ, что она всегда дѣйствовала отъ своего имени и никогда не говорила, что передаваемые ему фонды принадлежать другому лицу. Андре, конечно, стоялъ на своемъ.

Вершемонъ былъ уже вполне убѣжденъ въ виновности Гудара въ ту минуту, когда онъ получилъ извѣстное намъ приглашеніе Изы пріѣхать

ей лучшее доказательство своей истинной любви къ ней. Замѣтивъ, что на лицѣ Оскара выразилось изумленіе, Иза съ дѣтской наивностью поспѣшила добавить, что обожаетъ выдающиеся уголовные процессы; что она любитъ по вечерамъ читать рассказы о нихъ, и волненіе, испытываемое ею отъ этого чтенія, доставляетъ ей большое удовольствіе: ей кажется, что она смотритъ очень интересную мелодраму.

Замѣтивъ, какое дѣйствіе произвели ея слова на молодого слѣдователя, она повела прямую атаку.

— Я кажусь вамъ ужасной, не правда-ли? сказала она дрожащимъ голосомъ. — У меня идеи и вкусы несвойственные женщинамъ.

— У васъ нѣтъ привязанности, нѣтъ семьи, отвѣчалъ онъ съ чувствомъ, пожимая ей руку; — вы поневолѣ судите объ обществѣ только по его порокамъ.

— А если у меня есть привязанность.

— Въ самомъ дѣлѣ? воскликнулъ Вершемонъ,

Къ статьѣ «Въ новой Гвинее». (См. № 21 Жив. Об.).

Иза.

Романъ А. Бувье.

(Продолженіе.)

Глава IV.

Цѣна любви Изы.

Долго тянулось слѣдствіе по дѣлу Лен Медантъ безъ всякаго опредѣленнаго результата, но, какъ это часто случается, одно, повидимому, ничтожное обстоятельство дало драгоценное указаніе и помогло направить дѣло на настоящій путь. Допросъ Гудара и очные ставки убѣдили слѣдователя въ его виновности.

Андре, прекрасно понимавшій, что ему трудно вывернуться, не потерялъ, однакожъ, присутствія духа и на всѣ вопросы слѣдователя отвѣчалъ спокойно и хладнокровно. Впрочемъ, его болѣе всего поддерживала увѣренность, что ему втайнѣ будутъ покровительствовать и какими бы то ни было средствами выручать его изъ бѣды. «Иза позаботится найти такихъ могущественныхъ покровителей, передъ которыми судебная власть

къ ней. Молодой слѣдователь не замедлилъ отправиться къ ней и, разумеется, нашелъ ее еще болѣе прекрасной, но также и съ большими странностями, чѣмъ обыкновенно. Пылко, страстно онъ заговорилъ о любви. Сначала она, повидимому, выслушивала его благосклонно, но внезапно измѣнила тонъ и заставила его избрать другую тему для разговора. Она наотрѣзъ объявила ему, что онъ, какъ слѣдователь, обязанъ знакомить любимую женщину со всѣми подробностями слѣдствія по такому интересному и таинственному дѣлу, какъ убійство Лен Медантъ. Онъ, правда, рассказывалъ ей кое-что о фактахъ, добытыхъ слѣдствіемъ по этому дѣлу, но всегда говорилъ сдержанно, утаивая самое интересное. Но пора покончить съ недомолвками, она хочетъ знать все, рѣшительно все.

Говоря это, Иза бросала на молодого человѣка нѣжные, вызывающіе взгляды и закончила свою рѣчь правоученіемъ, что, рассказывая женщинѣ обо всемъ, что ее интересуетъ, мужчина даетъ

смотря на нее съ безпокойствомъ.

— Да, у меня есть братъ, который нѣкогда заботился обо мнѣ... а я забыла его... можетъ быть, онъ умеръ отъ нищеты, проговорила она прерывисто, со слезами на глазахъ. — Но оставимъ его, поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

— Бѣдняжка!.. Напротивъ, будемъ говорить о немъ. Я отыщу его. Какъ полагаете вы, въ Парижѣ онъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, въ другой разъ мы возвратимся къ разговору о немъ... когда мы лучше узнаемъ другъ друга... когда вы освободитесь отъ этого ужаснаго дѣла... Такъ вы ничего не расскажете мнѣ?

— Я уже рассказывалъ вамъ обо всемъ, что было можно рассказать.

— И вы не хотите выслушать моихъ совѣтовъ, можетъ быть, они на что-нибудь пригодятся.

— Какое вы дитя!

— Освободитесь-ли вы, наконецъ, отъ этого

дѣла? когда оно окончится и мы будемъ видѣться чаще? Скоро вы кончите ваше слѣдствіе?

— Въ концѣ этой недѣли.

— Наконецъ-то!

— Такъ вамъ будетъ пріятно видѣть меня чаще?.. Иза, развѣ вы не знаете, что видѣть васъ, для меня величайшее наслажденіе... я желалъ бы находиться вѣчно подлѣ васъ... но для этого необходимо, чтобы вы любили меня.

— Можетъ быть, я и полюблю васъ. Я требую отъ мужчины, чтобы онъ весь предался мнѣ; вы любите меня, и для васъ должны быть закономъ моя воля, мой капризъ. Мужчина, котораго я люблю, обязанъ мнѣ повиноваться. Любящій меня мужчина долженъ доказать мнѣ свою любовь какой-либо жертвой, какимъ-нибудь безумнымъ поступкомъ; любовь ко мнѣ онъ долженъ поставить выше всякихъ расчетовъ, благоразумія, выше своей фамиліи, своего состоянія, наконецъ, выше всего на свѣтѣ... тогда и я почувствую ее и ничто уже не удержитъ меня: я отдамся ему всецѣло, я буду

дей, я вышла замужъ за г. Сеглена, всѣ завидовали намъ. Мой мужъ, правду сказать, велъ безумную жизнь, кидаюсь въ самыя смѣлыя спекуляціи; домъ у насъ былъ поставленъ на княжескую ногу. Привыкшая въ дѣвичество къ суровой воздержности нашей дикой жизни, я, конечно, была очарована роскошью и излишествами, которыми окружилъ меня Сегленъ. Онъ любилъ и уважалъ меня; онъ предоставлялъ мнѣ полную свободу, а я была почти ребенокъ, но я умѣла пользоваться ею, по крайней мѣрѣ, я осталась достойною довѣрія моего мужа... а какъ льстили мнѣ мужчины... чего только не говорили они мнѣ... Я увлеклась до самозабвенія новой для меня жизнью, безумно расточая деньги; я приобрѣла привычки къ роскоши, отъ которыхъ при всемъ желаніи не могу отстать, и проживаю теперь капиталъ, составляющій все мое достояніе.

— Бѣдняжка! но вѣдь это безуміе.

— Ба! или я приобрѣту новое состояніе, или умру, когда у меня ничего не останется.

тельная будущность; бѣгите отъ меня, пока есть еще время; если я полюблю васъ, я васъ погублю; забудьте меня, потому что я чувствую, что полюблю васъ.

— Вы говорите, что для меня будетъ несчастьемъ, если вы полюбите меня; напротивъ, Иза, это жизнь, это моя осуществленная мечта. Если бы вы знали, какой безмѣрной радостью вы наполнили мое сердце, рассказавъ мнѣ, что вы, блестящая, прекрасная, жили въ свѣтѣ, не зная его; окруженная на каждомъ шагу соблазнами, вы не пали, а остались той же чистой и прекрасной, какой были, ведя жизнь почти дикую, патриархальную. Если бы вы чувствовали, какой пламень горитъ во мнѣ, какъ я ревновала васъ и какъ легко мнѣ теперь послѣ вашихъ признаній.

— О! возразила Иза, съ ловко сыграннымъ негодованіемъ, — я никого не любила.

Оскаръ держалъ обѣ ея руки въ своихъ рукахъ. Онъ сидѣлъ на кушеткѣ подлѣ нея; обнявъ

Къ статьѣ «Въ новой Гвинее».

его рабою.

Слушая эту страстную рѣчь, молодой слѣдователь улыбался снисходительной улыбкой, точно съ нимъ говорила не женщина, а ребенокъ.

— Иза, любовь можно почувствовать, только отдавшись ей.

— Я это знаю.

— Кто любить, тотъ ревнуетъ...

— О, я сама ревнива... и позволяю ревновать себя... Я не боюсь самаго строгаго разслѣдованія моей вдовьей жизни; въ ней невозможно найти предлога для ревности; я не чувствую за собою никакой вины.

Вершмонъ посмотрѣлъ пристально въ ея чудные глаза, стараясь прочесть въ нихъ. Онъ не смѣлъ вѣрить тому, что слышалъ.

— Ваша жизнь возбуждаетъ толки, сказалъ онъ. — Ваше обращеніе находятъ слишкомъ свободнымъ.

— Развѣ я не имѣю права жить, какъ хочу. Когда, привезенная сюда однимъ изъ моихъ дя-

— О, до этого не дойдемъ.

— Признаюсь, иногда я ужасаюсь пропасти, къ которой стремлюсь, но остановиться не могу. Я говорю вамъ это, Оскаръ, потому, что вы любите меня, и что эта любовь должна привести васъ къ гибели. Я была причиной раззоренія моего мужа, и я чувствую, ничто не можетъ остановить меня въ моихъ желаніяхъ... Я вѣдьма, я гублю все, что меня любитъ.

— Вы, прелестная, искренняя, чистая, вы созданы для счастья людей.

— Повторяю вамъ, я приношу гибель и раззореніе.

— Я буду безмѣрно счастливъ, погибнувъ ради васъ.

— Слушайте, Оскаръ, я начинаю любить васъ; вы несравненно умнѣ пошляковъ, окружающихъ меня; между тѣмъ, я приношу несчастье... Я покинула брата и онъ вѣрно погибъ; я раззорила мужа... Вмѣстѣ съ собою я приношу несчастье... вы добры, вы молоды, вамъ предстоитъ блиста-

ее за талію, онъ привлекъ ее къ себѣ. Глаза его разгорѣлись.

— Иза, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, — вы сводите меня съ ума; я люблю васъ страстно и увѣренъ, если мечта моя не осуществится, я убью себя... Иза, не обманывайте меня, будьте искренни, я люблю васъ такъ сильно, что могу все выслушать... Во время вашего вдовства, дѣйствительно не было ни одного мужчины, который могъ бы гордиться вашей любовью?

— Клянусь моими предками, не было, отвѣчала Иза, такимъ искреннимъ тономъ, что невозможно было сомнѣваться.

— Иза, я васъ люблю и сдѣлаю для васъ все, что вы хотите! вскричалъ Оскаръ, крѣпко сжимая ее въ своихъ объятіяхъ. — Если бы моя карьера послужила препятствіемъ нашему счастью, я брошу ее. Я очень богатъ и мы можемъ жить вполнѣ независимо; ваша страсть къ роскоши можетъ быть удовлетворена... Всякое желаніе твое будетъ исполнено, Иза, если ты полюбишь меня.

Иза провела рукой по волосамъ молодого человека; она смотрѣла на него съ улыбкой, но въ ея глазахъ уже не было прежняго огня.

— Желала бы я вѣрить вамъ, сказала она спокойно.

— Вы сомнѣваетесь во мнѣ?

— Я не говорю объ этихъ обѣщаніяхъ, которыя не могутъ ни увеличить, ни уменьшить любви... Я уже сказала, что могу почувствовать сильную любовь, если буду имѣть доказательство, что тотъ, кому я дамъ ее, способенъ всѣмъ пожертвовать для меня.

— И я сдѣлаю это.

— Я постараюсь найти случай получить это доказательство... я скажу тогда: если вы меня любите, вы должны сдѣлать то-то... Надо, чтобы это было настолько важнымъ для васъ, что когда твоя любовь остынетъ, ты вспомнилъ бы, что у насъ есть общая тайна, обязывающая насъ всегда жить вмѣстѣ.

Вершемонъ съ тревогой смотрѣлъ на нее, желая угадать, что она хотѣла сказать.

— Но, Иза, можно подумать, что вы желаете, чтобы я совершилъ преступленіе.

— И чтожъ! вы отступите передъ нимъ?

Говоря это, Иза наклонилась надъ Оскаромъ, стоявшимъ теперь на коѣняхъ передъ нею; свой страстный взглядъ она устремила въ его разгорѣвшіеся глаза; ея прерывистое дыханіе касалось щеки Оскара и казалось ему нѣжнымъ поцѣлуемъ.

Прелестная Иза была ловкая кокетка, умѣвшая выставить во всемъ блескѣ удивительную красоту; она очаровывала также граціей каждаго своего движенія; она отлично знала, какую чарующую прелесть имѣютъ ея улыбки, каково могущество ея взгляда. Каждый жестъ у нея былъ рассчитанъ на то, чтобы какъ возможно лучше выказать красоту ея гибкаго стана и восхитительныхъ формъ.

Могъ-ли скромный, въ отношеніи женщинъ, не испорченный еще развратомъ Вершемонъ устоять противъ этой сирены. Прошло не болѣе двадцати секундъ, какъ она стояла, наклонившись надъ нимъ, а его мозгъ воспалился, подобно тому, какъ воспаляется онъ вслѣдствіе отравы наркотическими средствами, секретъ приготовленія которыхъ (лучше сказать нѣкоторыхъ) добытъ отъ индѣйцевъ сѣверной Америки. Умъ Оскара сталъ работать какъ-то странно, аномально; исчезла всякая логика и замѣнилась какими-то безумными представленіями. Наконецъ и эта странная работа окончилась въ мозгу Оскара. Молодой человѣкъ забылъ все въ мірѣ, кромѣ дивныхъ глазъ, устремленныхъ на него, и отвѣчалъ самымъ спокойнымъ тономъ на рѣшительный вопросъ, предложенный ему Изой:

— Нѣтъ, я не отступлю, ни передъ чѣмъ не отступлю... для тебя, которую я люблю, которая доводитъ меня до безумія; я сдѣлаю все, что ты захочешь, Иза; приказывай, я буду повиноваться... я люблю тебя, безумно люблю...

И онъ нѣсколько разъ повторилъ: «люблю тебя, люблю». Иза упивалась музыкальностью тона этихъ словъ и, какъ любопытная птичка, граціозно поворачивала свою голову то въ ту, то въ другую сторону, точно она слушала мелодическую пѣсенку.

— О, какъ я люблю тебя, еще разъ повторилъ онъ, стоя на коѣняхъ, обхвативъ ея станъ и прижимая ея грудь къ своей воспаленной головѣ.

Иза быстро освободилась изъ его объятій и встала. Онъ остался стоять на коѣняхъ. Поднявъ его голову за подбородокъ одной рукой и положивъ другую ему на лобъ, она сказала нѣжно:

— Довольно безумія... довольно, не то и я сойду съ ума... Вставай же!

И она убѣжала на другой конецъ будуара и расположилась покойно въ креслѣ. А онъ, под-

нявшись, подошелъ къ ней, декламируя стихи, въ которыхъ изливалъ свою любовь.

— Ну, будетъ, сказала она весело, — перестаньте, г. де-Вершемонъ; садитесь подлѣ меня и поговоримъ серьезно о дѣлѣ, отнимающемъ у васъ все время, объ этомъ безконечномъ слѣдствіи... Я хочу знать все... Судите сами, каждый разъ, какъ прѣзжаетъ ко мнѣ подруга, знаящая, какъ и всѣ, что вы у меня очень частый гость...

— А! это замѣтили...

— Еще бы, и прибавляютъ кое-что на нашъ общій счетъ; но вы знаете, какъ я отношусь къ сплетнямъ и злословію. Продолжаю; милыя подруги каждый разъ говорятъ мнѣ: «Вы должны знать, нашли-ли истиннаго виновнаго? На чемъ остановилось слѣдствіе объ этомъ убійствѣ?» И если я отвѣчаю, что сама знаю не болѣе ихъ, онѣ хмурятся, предполагая, что мнѣ все извѣстно, но я не хочу говорить.

— И васъ порадуетъ, если вы будете въ состояніи удовлетворить этихъ любопытныхъ?

— Очень порадуетъ... я даже буду гордиться этимъ, мой милый слѣдователь.

— Ну, моя милая Иза, завтра, по окончаніи моихъ занятій въ судѣ, я захвачу дѣло съ собою и принесу...

— И вы будете работать...

— Здѣсь... Почему же нѣтъ... Правда, входя къ вамъ, я теряю голову, но вы мнѣ поможете.

— Еще бы! Какъ я буду счастлива, если намъ удастся спасти невинно-обвиняемаго.

— Да, мы должны сдѣлать это.

Иза проводила его до дверей и, подставивъ ему свою щеку для поцѣлуя, сказала:

— До завтра!

Потомъ она возвратилась въ будуаръ и, сѣвъ подлѣ письменнаго стола, глубоко задумалась.

— Какъ я достигну этого? сказала она громко.

Долго она сидѣла задумавшись; но временамъ на губахъ ея появлялась торжествующая улыбка; временами она хмурилась. Наконецъ, она поднялась и поправила свои волосы.

— Да, онъ непременно придетъ, сказала она снова громко.

Затѣмъ опять сѣла къ столу и принялась писать. Письмо должно быть вышло очень длинное, потому что она писала очень долго.

Между тѣмъ, молодой слѣдователь, идя домой, все еще не могъ придти въ себя отъ испытанныхъ ощущений. Сколько ни старался онъ думать о чемъ-нибудь другомъ, мозгъ его отказывался работать въ иномъ направленіи. Только одна Иза занимала его теперь. Какая странная женщина! Кажется, она любитъ, готова забыться въ его объятіяхъ, — онъ счастливъ; но, вдругъ эта любящая женщина становится строгой, недоступной, драпируясь во вдовье покрывало; судя съ вѣнней стороны, ее можно принять за куртизанку, но въ тоже время она слѣдуетъ принципамъ строгой морали; странность ея вкусовъ оупьяняетъ ее; добрая, нѣжная, она съ страстнымъ любопытствомъ перечитываетъ описанія уголовныхъ процессовъ и такое чтеніе развлекаетъ ее. Когда вечерняя свѣжесть нѣсколько успокоила раздраженные нервы Вершемона, онъ рѣшилъ, что всѣ странности Изы объясняются ея вдовствомъ. По натурѣ она страстна, чувственна и, между тѣмъ, насильственно заглушаетъ въ себѣ проявленіе чувствъ и страстей. Все это казалось ему теперь естественнымъ, но не могъ онъ понять, почему такое одуряющее вліяніе производитъ ея поцѣлуй въ губы... сколько нѣги, страсти въ этомъ поцѣлѣ. Глаза молодого человѣка снова загорѣлись; онъ снова чувствовалъ на себѣ вліяніе этого поцѣлуя. Снова онъ былъ очарованъ и, не въ силахъ сдержать свое волненіе, онъ заговорилъ вслухъ стихами, которые посвятилъ ей.

Онъ былъ побѣжденъ; онъ это чувствовалъ и не пытался вступить въ борьбу: онъ сдался на

капитуляцію безъ всякихъ условій. Онъ чувствовалъ, что сдѣлаетъ все, что ни потребуетъ она отъ него; онъ видѣлъ теперь ясно, что ему, вѣроятно, придется пожертвовать служебной карьерой, но чтожъ изъ этого: любовь Изы слишкомъ большое вознагражденіе за всякую потерю и ея достаточно, чтобы наполнить жизнь.

Оскаръ де-Вершемонъ былъ не старъ: ему не было еще сорока лѣтъ, а по виду ему казалось гораздо меньше его лѣтъ. Высокій, стройный, онъ отличался изысканными манерами; движенія его были спокойны и красивы; одѣвался онъ хорошо и со вкусомъ. Голова его была очень красива; въ голубыхъ глазахъ выражалась нѣжность; въ спокойномъ состояніи его глаза казались нѣсколько сонными; но когда Вершемонъ вступалъ въ споръ или находился подъ вліяніемъ страсти, глаза его загорались и ярко блестя. Носъ у него былъ прямой и красивый; ротъ средней величины; губы нѣсколько толстыя; зубы маленькія. Вершемонъ, принадлежа къ судебной корпораціи, по принятому въ ней обычаю, брилъ усы и подбородокъ, но носилъ небольшіе бакенбарды, которые были свѣтло-русого цвѣта; лицо его представляло собою нѣсколько удлинненный овалъ и на немъ выражалось здоровье, обусловленное разумной, умеренной жизнью въ провинціи; русые волосы у Вершемона были густы и шелковисты.

Изъ этого описанія наружности Оскара де-Вершемона видно, что онъ былъ красивъ и физически вполне достоинъ прекраснаго существа, которому онъ готовъ былъ пожертвовать собою. Жизнь въ провинціи, гдѣ къ тому же Вершемонъ рѣдко бывалъ въ женскомъ обществѣ, развила въ немъ застѣнчивость, которую онъ чувствовалъ всегда въ присутствіи женщинъ. Должность слѣдователя не закалила его сердца и на него еще производили сильное впечатлѣніе пороки и развратъ. Впрочемъ, онъ почти что начиналъ дѣятельность слѣдователя, такъ какъ слѣдствіе по убійству Леи Меданъ было первымъ значительнымъ дѣломъ, ему порученнымъ. Онъ еще не успѣлъ привыкнуть къ обычаямъ парижскаго суда, къ парижской жизни и выглядѣлъ слишкомъ скромнымъ.

Оскаръ де-Вершемонъ былъ послѣднимъ отпрыскомъ старинной фамиліи, представители которой всегда избирали карьеру воина. Его мать, послѣ смерти своего мужа, Мишеля де-Вершемона, убитаго въ Африкѣ, посвятила всю свою жизнь воспитанію сына, котораго пожелала избавить отъ печальной случайности сдѣлаться жертвой войны. Благодаря ея вліянію, изъ Оскара вышелъ скромный, застѣнчивый и цѣломудренный молодой человѣкъ: къ характеру мужчины, воспитаннаго подъ руководствомъ женщины, очень часто прививаются нѣкоторыя черты, отличающія женскій характеръ. Оскаръ изучалъ право въ провинціальномъ университетѣ и во время университетскаго курса жилъ у матери. До встрѣчи съ Изой онъ былъ влюбленъ послѣдовательно въ горничную и въ двухъ замужнихъ женщинъ, которыя сами объяснились ему въ любви. Въ промежуткѣ между этими привязанностями случился съ нимъ маленькій скандалъ: его похитила вдова, несравненно старше его лѣтами, которую съ этихъ поръ прозвали «воровкой дѣтей». По окончаніи курса, онъ нѣсколько лѣтъ служилъ въ провинціи, пока, наконецъ, благодаря сильной протекціи, не былъ переведенъ въ Парижъ.

По своему происхожденію, Оскаръ принадлежалъ къ древнему дворянству. Родоначальникъ этой фамиліи, Элоа, получилъ графское достоинство отъ Карла Лысаго въ 857 году. Затѣмъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ предковъ Оскара отличился на военномъ поприщѣ. Во время первой революціи одинъ изъ братьевъ, графъ Эли

де-Вершемонъ вступилъ въ перипску съ штабомъ арміи принца Конде, былъ арестованъ, судимъ и казненъ 5 января 1793 года; а другой братъ, Мишель, въ это же время получилъ отъ національнаго конвента почетную саблю за блистательные подвиги, совершенные имъ въ сраженіяхъ съ многочисленными неприятелями Франціи. Отъ этого послѣдняго и происходилъ Оскаръ де-Вершемонъ, имѣвшій полное право на графскій титулъ, но онъ довольствовался частичкою «де», которую отбросилъ вмѣстѣ съ титуломъ его предокъ, Мишель, демократъ по убѣжденію.

Оскаръ де-Вершемонъ былъ назначенъ судебнымъ слѣдователемъ въ Парижъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти его матери. Его считали миліонеромъ и ему было обезпечено быстрое повышение по службѣ. Иза должна была разбить его карьеру.

Придя домой, Оскаръ пытался-было думать о слѣдствіи по дѣлу Леи Меданъ, но образъ Изы стоялъ передъ нимъ и мысли его снова остановились на этомъ прелестномъ существѣ, за обладаніе которымъ онъ былъ готовъ заплатить всѣмъ, даже своею жизнью.

«Отчего я не встрѣтилъ ее въ то время, когда она прибыла въ Парижъ съ своимъ дядей, чистая цѣломудренная? думалъ онъ. — Вѣчно терзаетъ меня мысль, что ранѣе меня былъ другой, которому отдавала она свои ласки, свои поцѣлуи... Но какой я безумецъ!.. Развѣ не высокое блаженство быть любимымъ ею и теперь... Вотъ что я сдѣлаю: я куплю небольшой домъ, великолѣпно его обмѣлирую и когда она согласится любить меня, я введу ее туда, но съ тѣмъ, чтобы она тотчасъ же сбросила всю свою одежду и надѣла ту, которую я ей подарю. Я хочу, чтобы все до башмаковъ, она имѣла только отъ меня. Она продастъ все, что имѣетъ, а съ деньгами можетъ сдѣлать, что ей заблагоразсудится, но съ момента вступленія въ мой домъ, она будетъ имѣть все только отъ меня... будетъ моею и только моею...»

Но тутъ ему пришло на мысль, что все это безумныя мечты. Онъ бросился на диванъ, схватился за лобъ и спросилъ самого себя вслухъ:

— Чего она хочетъ отъ меня? Какого доказательства любви потребуетъ она? На какое преступленіе она натолкнетъ меня?

Теперь мысль о преступленіи казалась ему уже менѣе страшною, но все-таки онъ задрожалъ.

— Это ужасно! вскричалъ онъ. — Но я способенъ на все для этой женщины. Какъ справедливо выраженіе: «прежде всего ищите женщину!»

И онъ растянулся на диванѣ, мечтая объ Изѣ, счастливый, не смотря на страданія.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Новости науки и жизни.

— **Крестьянки-акушерки.** Въ надеждинскомъ родовспомогательномъ заведеніи, въ мартѣ мѣсяцѣ, послѣдовалъ выпускъ воспитанницъ, окончившихъ курсъ на крестьянскомъ отдѣленіи этого заведенія. Воспитанницы обучаются акушерству практически, и въ то же время проходятъ курсъ акушерства по теоріи, у профессора Красовскаго. Многія изъ нихъ очень опытны въ своемъ дѣлѣ и намѣреваются держать экзаменъ въ медико-хирургической академіи на званіе городской акушерки. Нѣкоторые состоятъ стипендіатками отъ земствъ.

— **Пріятное извѣстіе.** «Въ газету «Сибирь» пишутъ изъ Нижнеудинска: «Не только въ нашемъ городѣ, но и по всему нижнеудинскому округу, кабачники слезно жалуются, что народъ начинаетъ меньше пить вина, чѣмъ прежде. Такъ, напримѣръ, въ кабакахъ, гдѣ въ былые годы выходило среднимъ числомъ 100 и болѣе ведеръ въ мѣсяцъ, нынѣ выходитъ максимумъ 60.

— **Наводненіе на Амурѣ.** Въ «Прав. Вѣст.» напечатано: Исправляющій должность амурскаго губернатора телеграфируетъ: вода Амура и притоковъ вышла изъ береговъ; затопила луга, пашни; прервала сообщенія селеній, испортила телеграфную линію; жители перваго полка оставляютъ дома. Благотѣшенску угрожаетъ серьезная опасность; уровень воды выше нѣкоторыхъ мѣстъ города, защищеннаго береговыми насыпями. Между жителями бригады начинается голодъ; приняты всѣ мѣры къ предотвращенію бѣдствій; вода продолжаетъ возвышаться.

— **Наводненія въ сѣверной Италіи.** Изъ Рима сообщаютъ, что въ Сѣверной Италіи происходятъ сильныя наводненія. Рѣки По, Танаро, Бельбо вышли изъ береговъ. Въ Туринѣ домамъ, расположеннымъ по берегамъ р. По, угрожаетъ опасность быть затопленными. Окрестности Александрии залиты водой; самъ городъ въ опасности. При Асти потонули даже нѣсколько людей. Въ то же время изъ Мантуи телеграфируютъ, отъ 2-го іюня: «Почти весь городъ подвергся наводненію. Вслѣдствіе принятыхъ мѣръ есть надежда на предотвращеніе болѣе значительныхъ бѣдствій. Плотины на лѣвомъ берегу Минчіо угрожаютъ опасность». Окрестности Пиаченцы затоплены.

— **Изверженіе Этны.** Изъ Рима телеграфируютъ газетѣ «Times», отъ 1-го іюня: «Изверженіе Этны обѣщаетъ быть продолжительнымъ. Образовалось до тридцати новыхъ кратеровъ, покрывающихъ нѣсколько квадратныхъ миль и извергающихъ лаву. Мѣстность вокругъ Кастильоне сильно пострадала. Лава приблизилась на разстояніе километра къ рѣкѣ Альканторѣ. На Везувіи также начинается изверженіе, которое усиливается. Оба вулкана весьма рѣдко извергаютъ лаву одновременно». По послѣднимъ извѣстіямъ, изверженія Этны принимаютъ все большія размѣры. Ручьи лавы достигли уже русла рѣки Алькантары и слились съ ея водами. Донъ-Монъ (Педимонте?) уничтоженъ. Теперь лава угрожаетъ Казелло. Виллы всѣми покинуты и отчасти разрушены. Пепельный дождь прекратился. Подземный шумъ удвоился. Взрывы продолжаются. Прибыло множество иностранцевъ, желающихъ взглянуть на грозное зрѣлище. Всякія надежды на жатву исчезли.

— **Страшный ураганъ.** Въ Канзасѣ и Небраскѣ (въ Соединенныхъ Штатахъ) свирѣпствовалъ надвѣхъ страшный ураганъ, причемъ убито 40 чел., ранено болѣе 100 чел. и уничтожено 50 зданій. Выходимъ и вообще различнымъ видамъ имущества нанесенъ чувствительный ущербъ.

— **Саранча на Кавказѣ.** Изъ села Геокчай, отъ 8-го мая, изъ отряда, шедшаго въ составъ войскъ текинской экспедиціи, пишутъ въ газету «Кавказъ»: «Съ саранчею мы встрѣтились по дорогѣ къ Елисаветполю; она насъ атаковала на станціи Дзигомской въ такомъ громадномъ количествѣ, что привела всѣхъ въ ужасъ. На почлегѣ не давала покоя никому: такъ, ружья, вещи и сами люди были покрыты слоемъ ея; она лѣзла въ ротъ, въ носъ, въ уши и всюду, куда только было возможно. Офицеры поселились въ домѣ,

думая, что тамъ спасутся отъ нея; но не тутъ-то было, она ихъ и тамъ доняла. Саранча шла густою массою на протяженіи 26-ти верстъ, все уничтожая на пути».

— **Счастливо-пронесшаяся бѣда.** 23-го мая, на Выборгской сторонѣ едва не произошла страшная катастрофа, послѣдствіемъ которой было бы не мало жертвъ. Вагонъ конно-желѣзной дороги, полный пассажировъ, слѣдовалъ изъ Лѣснаго къ клиникѣ, по Большому Самсоніевскому проспекту. Подѣхавъ къ мѣсту пересѣченія линіи дороги съ финляндскою желѣзною дорогою, кучеръ вагона, видя, что шлагбаумъ не закрытъ, смѣло сталъ переѣзжать путь, но публика, сидѣвшая на имперіалѣ замѣтила, что поѣздъ на всемъ ходу, шедшій въ Петербургъ, около нихъ. Жена же сторожа бросилась затворять передъ вагономъ шлагбаумъ но благодаря тому, что ей помѣшали, вагонъ успѣлъ переѣхать рельсы финляндской желѣзной дороги и лишь только миновалъ ихъ, какъ поѣздъ перелетѣлъ на разстояніи одного аршина отъ вагона. Успѣлъ жена сторожа запереть передъ вагономъ шлагбаумъ, онъ не имѣлъ бы возможности переѣхать путь и тогда бы поѣздъ неминуемо налетѣлъ бы на омнибусъ и послѣдствія были бы ужасны. Публика была сильно напугана и взволнована неосмотрительностью сторожа.

— **Столѣтіе тамбовской губерніи.** Сентября 16-го 1779 года повелѣно было генералъ-губернатору володимірскому и тамбовскому, графу Воронцову, «на основаніи учрежденій 7 ноября 1775 года, образовать тамбовское намѣстничество, составивъ оное изъ 15 уѣздовъ, а именно: тамбовскаго, шадскаго, кадомскаго, темниковскаго, козловскаго, лебедянскаго, усманскаго, новохоперскаго, борисоглебскаго, елатомскаго, кирсановскаго, моршанскаго, спасскаго, липецкаго и гвоздынскаго. Въ слѣдствіе сего городъ Елатому съ уѣздомъ, отчисливъ отъ рязанскаго къ сему намѣстничеству, а липецкій желѣзные заводы, дворцовые села: Кирсаново, Моршу, экономическое село Спасское, и однодворческое Гвазды переименовать городами, подъ именами Липецка, Кирсанова, Моршанска, Спасска и Гваздова». Основаніе Кирсанова произошло вначалѣ XVIII вѣка, когда открытъ былъ здѣсь Красинскій желѣзный заводъ, а при немъ водворены были переведенцы изъ села Цанья, елатомскаго уѣзда. Первый поселенецъ, или осадчикъ этого поселка былъ крестьянинъ Хрисанфъ, или по просторѣчю Кирсанъ Зубехинъ; по его имени и поселокъ получилъ названіе Кирсанова. По упраздненіи завода въ 1733 году селеніе обращено въ дворцовое вѣдомство; а при открытіи тамбовской губерніи переименовано въ уѣздный городъ. Гербъ: въ верхней части щита тамбовскій, а въ нижней—двѣ птицы, травники, въ голубомъ полѣ, въ знакъ того, что окрестности города изобилуютъ этими птицами. Нынешній Липецкъ—новый городъ, получившій начало во времена Петра Великаго; но онъ стоитъ на развалинахъ города болѣе древняго, бывшаго удѣломъ князей рода черниговскаго. Петръ обратилъ вниманіе на чужинныя липецкія руды и устроилъ здѣсь, на мѣстѣ древняго городища, казенный заводъ, на которомъ должны были отливаться пушки, ядра и другіе артиллерійскіе и морскіе снаряды и принадлежності. Онъ самъ неоднократно посѣщалъ заводъ, работалъ на немъ, а въ 1700 г. открылъ здѣсь и цѣлебные источники, вполнѣдствіи послужившіе основанію развитія благосостоянія Липецка. Въ 1755 г. липецкій заводъ, а также заводы воренскій, козыминскій, новопетровскій и грешинскій, былъ пожалованъ въ собственность оберъ-шталмейстеру князю Репнину, а отъ него опять купленъ въ казну въ 1769 году; при учрежденіи же тамбовской губерніи, заводское селеніе переименовано въ городъ, подъ именемъ Липецка. Дѣйствія липецкаго завода продолжались до времени учрежденія луганскаго завода, куда вполнѣдствіи перевезена была большая часть заводскихъ принадлежностей и заготовленного здѣсь чугуна. Здѣшніе минеральные источники также были оставлены безъ вниманія, такъ что одинъ изъ нихъ засорился вовсе; только въ 1804 г., настойчивостью городского вра-

«Кегли» и «Источникъ любви». Двѣ иностранныя картины, помѣщенные въ настоящемъ номерѣ нашего журнала, какъ бы навѣяны весною. Одна изъ нихъ принадлежитъ кисти нѣмецкаго художника Пабста и выхвачена изъ нѣмецкой жизни. Кегли—это любимая игра нѣмцевъ и художникъ представилъ живую картину этой игры, сопровождаемой питьемъ пива, смѣхомъ и оживленіемъ присутствующей толпы. Совсѣмъ другого рода картина французъ Брошара, это аллегорическое изображеніе наслажденія любовью, написанное во вкусѣ временъ Вато, Буше и тому подобныхъ художниковъ. Подобныя картины очень удаются французамъ и отличаются граціей.

ча Вандера, они приведены въ надлежащее устройство и приобрѣли себѣ извѣстность. Въ нижней части щита герба Лицеца—большое липовое дерево. Мѣстность, занимаемая Моршанскомъ, начала заселяться не ранѣе половины XVII столѣтія, послѣ построения Тамбова и Козлова. До этого времени сюда наѣзжали только сторожевые люди, высланные изъ Шацка. Впослѣдствіи земли эти пожалованы были рязанскимъ архіереямъ и здѣсь основалось село Морша, при учрежденіи монастырскихъ штатовъ 1764 г., поступившее въ дворцовое вѣдомство. Селеніе это, по выгодному положенію на р. Цнѣ, сдѣлалось однимъ изъ центровъ хлѣбной торговли. При учрежденіи тамбовской губерніи, оно было назначено уѣзднымъ городомъ и названо Моршанскомъ. Въ нижней части щита герба его—два небольшие четвероконечные якоря, въ голубомъ полѣ, въ знакъ того, что въ городѣ находится спокойная для судовъ пристань. Какъ извѣстно, Моршанскъ истребленъ былъ нѣсколькими лѣтъ тому назадъ пожаромъ, но теперь отстроился.

— **Рѣчь К. Э. Линдемана.** Приступая къ изученію какой-нибудь науки мы, естественно, задаемъ себѣ прежде всего вопросъ: какія цѣли преслѣдуетъ эта наука? какими методами и средствами располагаетъ она для достиженія этихъ цѣлей? и, наконецъ, каковъ составъ фактовъ, принадлежащихъ этой наукѣ? Читая вступительную лекцію къ курсу зоологій, профессоръ Петровской земледѣльской и лѣсной академіи К. Э. Линдеманъ, попытался отвѣтить на сколько возможно точно на поставленные выше вопросы, чтобы дать слушателямъ, по возможности, полное и ясное понятіе, о современной зоологій. Эта рѣчь, напечатанная нынѣ отдѣльною брошюрою, содержитъ въ себѣ рядъ фактовъ, имѣющихъ конечную цѣль доказать, что различныя формы позвоночныхъ животныхъ связаны между собою кровнымъ родствомъ, что онѣ произошли одна отъ другой, вслѣдствіе постепеннаго усовершенствованія.

— **Сельско-хозяйственная библиотека.** На дняхъ появился первый томъ первой серіи изданія А. Ф. Девриена «Сельско-хозяйственная библиотека», содержащій переводъ сочиненія К. Петерсена «Практическое руководство къ веденію молочнаго хозяйства». Въ составъ библиотеки войдутъ отдѣльныя, краткія общепонятныя и исключительно практическія руководства и монографіи по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства: земледѣлію, скотоводству, сельско-хозяйственной экономіи, ученію о сельско-хозяйственныхъ машинахъ и орудіяхъ, садоводству, строителъному дѣлу, лѣсоводству (для сельскихъ хозяевъ не специалистовъ), по различнымъ отраслямъ сельско-хозяйственной промышленности и проч. Нѣкоторые изъ такихъ руководствъ и монографій будутъ представлять оригинальныя сочиненія, другія будутъ составлены на основаніи лучшихъ иностранныхъ сочиненій по данному предмету и наконецъ третьи состоятъ изъ переводовъ, выдающихся произведеній иностранной литературы, съ примѣненіями къ русскому сельскому хозяйству. Каждая отдѣльная книга будетъ по своему содержанію, составлять самостоятельное сочиненіе, а всѣ книги сельско-хозяйственной библиотеки представлять собою полную картину и вмѣстѣ съ тѣмъ справочную энциклопедію сельскаго хозяйства во всѣхъ его отрасляхъ. Каждая серія будетъ состоять изъ 6-ти книгъ, представляющихъ отдѣльныя руководства, а каждая книга отдѣльно, будетъ продаваться по 1 р. 25 к.

— **Новый трудъ по ботаникѣ.** Хотя пермская губернія была изслѣдована въ ботанико-географическомъ отношеніи Палласомъ, Георги, Лесингомъ, Лепехинымъ, Фалькомъ, Успенскимъ, а въ послѣднее время О. Е. Клеромъ и П. Н. Крыловымъ, но всѣ эти изслѣдователи преимущественно изучали растительность Урала и уѣздовъ, прилегающихъ къ нему съ запада и востока; такимъ образомъ уѣзды, болѣе отдаленные отъ Ура-

ла, какъ ирбитскій и камышовскій, въ ботаническомъ отношеніи остались до сихъ поръ вовсе не изслѣдованными. А потому полезный вкладъ въ ботанико-географическую литературу, представляющій напечатанный, въ видѣ четвертаго выпуска седьмого тома «Трудовъ» общества естествоиспытателей при импер. казанскомъ университетѣ мемуаръ Ю. Шелля—списокъ явнотрачныхъ растений окрестностей тащичаго завода. Опредѣленія провѣрены Р. Э. Траутфеттеромъ.

— **Пособіе для преподавателей-офицеровъ.** Л.-гв. гренадерскаго полка, поручикъ Даничъ составилъ книжку, подъ заглавіемъ «Ходъ занятій при обученіи чтенію и писанію въ ротныхъ школахъ и учебныхъ командахъ. Какъ составляющая плодъ личныхъ занятій автора съ командою, она является прекраснымъ пособіемъ для занятій молодыхъ офицеровъ, которые, окончивъ курсъ и въ военномъ училищѣ, не всегда способны къ самостоятельному преподаванію и вынуждены обучаться у старшихъ по полку товарищей.

— **Руководство для машинистовъ.** Начальникъ службы подвижнаго состава и мастерскихъ тамбово-саратовской желѣзной дороги, инженеръ-технологъ Н. О. Текштренъ выпустилъ на дняхъ, вторымъ исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ, свое «Руководство для желѣзно-дорожныхъ машинистовъ». Оно дополнено постановленіями министерства путей сообщенія, касающихся машинистовъ, описью необходимыхъ приспособленій для ремонта паровозовъ и вагоновъ и пр.

— **Новая книга.** Преподаватель Уманскаго училища земледѣлія и садоводства, В. А. Поггенполю составилъ обширное сочиненіе подъ заглавіемъ «Картофель, его культура, сохраненіе, болѣзни и сорта». Этотъ трудъ имѣетъ преимущественно въ виду Россію, а извѣстно какую роль играетъ культура картофеля въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ. Текстъ снабженъ изображеніями важнѣйшихъ сортовъ. Авторъ написалъ книгу сообразуясь съ новѣйшими изслѣдованіями. Читатель найдетъ въ трудѣ г. Поггенполя, подробныя свѣдѣнія о способахъ размноженія картофеля, обработкѣ и приготовленіи почвы къ посѣву, посадкѣ, способахъ воздѣлыванія, уборкѣ и сбереженіи, о болѣзняхъ картофеля и вредящихъ ему насѣкомыхъ. Нынѣ извѣстно до 600 сортовъ картофеля, легко отличающихся другъ отъ друга по своимъ внѣшнимъ признакамъ. Въ сравненіи съ болѣзнями картофеля, причиняемыми паразитными, грибами вредъ, наносимый насѣкомыми-паразитами, вообще не столь значителенъ; исключеніе составляютъ только жуки-щелкунчики, колорадо, картофельный жукъ. Посѣвъ въ Россіи въ 1871 г. доходилъ до 8.320,000 четвертей и сборъ до 30.161,000 четвертей. Цѣна книги 2 р.

— **Ужасная мать.** Въ Николаевѣ (херс. губ.), какъ сообщаетъ мѣстный «Вѣстникъ», случилось слѣдующее происшествіе: 14 мая, къ доктору Должанскому обратились съ просьбою пожаловать къ больному ребенку мѣстнаго ходатая по судебнымъ дѣламъ, Штиливерка. Придя въ домъ г. Штиливерка, г. Должанскій нашелъ ребенка уже мертвымъ, причемъ мать его просила выдать свидѣтельство на погребеніе. Пока докторъ колебался, не видя причины смерти, квартиранты Штиливерка сказали ему, что нужно не свидѣтельство для погребенія, а освидѣтельство ребенка, потому что онъ умеръ отъ истязаній. Услышавъ это заявленіе, г. Должанскій тотчасъ же далъ знать въ полицію и вмѣстѣ съ депутатомъ, назначеннымъ г. полицімейстеромъ, произведенъ былъ наружный осмотръ трупа, а затѣмъ было произведено форменнымъ порядкомъ и вскрытіе, которое обнаружило, что у ребенка отъ ударовъ тупымъ орудіемъ переломано было 11 реберъ и однимъ изъ нихъ повреждены легкія, слѣдствіемъ чего и была смерть ребенка. Въ настоящее время дѣло это находится въ рукахъ слѣдователя.

— **Новый видъ самоубійства.** «Кавказъ» передаетъ слѣдующій необыкновенный случай самоубійства: одинъ изъ крестьянъ селенія Амамлы,

александропольскаго уѣзда, облившись фотогономъ, поджогъ себя лучинкою и сгорѣлъ въ видѣ факела.

— **Средство отъ подагры.** Въ «Аугсбургской газетѣ» напечатано письмо, слѣдующаго содержанія: «28 марта, въ одну изъ самыхъ мучительныхъ минутъ, зашелъ ко мнѣ товарищъ и упомянулъ о какомъ-то новомъ средствѣ, входящемъ теперь въ моду: обѣ уколѣ больного мѣста пчелою. Какъ ни наивенъ показался мнѣ его совѣтъ, но боль превозмогла—я согласился, и приладилъ небольшую коробочку къ больной ногѣ такъ, что могло выползти только по одной пчелѣ. Чтобы извлечь оттуда насѣкомое, я капнулъ медомъ на ногу—приманка помогла, и—уколъ слѣдовалъ а уколомъ. Спустя нѣкоторое время, какъ только унялась боль отъ ужаленія, я повыдергивалъ изъ опухоли жало, и ломота была какъ рукою снята. Въ тотъ же день я могъ встать съ постели, и безпрестанно приступилъ къ отправленію своихъ обязанностей (я лѣсничій). Дней 5 еще продолжался жаръ въ ногѣ, но боль не возобновлялась уже цѣлыя шесть недѣль. Довожу этотъ случай до свѣдѣнія всѣхъ ревматиковъ, и желаю искренно, чтобы жало пчелы исцѣлило ихъ такъ же скоро, какъ меня».

— **Черная роза.** Нидерландскому садоводу Ванъ-Далену удалось, послѣ 23-хъ-лѣтнихъ трудовъ, вывести розанъ съ цвѣтами чернаго цвѣта. На послѣдней цвѣточной выставкѣ, въ Амстердамѣ, красовалось 12 его гершковъ, представлявшихъ собою 12 постепенныхъ переходовъ отъ сѣрожелтого до черноугольного оттѣнка цвѣтовъ. Ванъ-Даленъ никому не хотѣлъ открывать своего секрета, хотя лейденское помолотическое общество предлагало ему за его секретъ 15,000 гульденовъ. Говорятъ, однако, что у Ванъ-Далена давно уже живетъ въ домѣ экономка, которая, заинтересовавшись тайною, подсматривала за своимъ хозяиномъ и проникла его секретъ; она предлагала уплатить ей за сворованную тайну 50,000 гульденовъ, но до сихъ поръ Ванъ-Далену удавалось уговаривать ее не открывать секрета, оставаться жить у него; недавно онъ женился на своей экономкѣ и завѣщалъ ей послѣ своей смерти все свое состояніе (до 100 тысячъ гульденовъ). И все изъ-за розы!

— **Испанскіе разбойники.** Газетѣ «Standart» телеграфируютъ изъ Мадрида, отъ 29 мая: «Сегодня, рано утромъ, почтовый поѣздъ, шедшій изъ Сарагосы въ Мадридъ, былъ остановленъ разбойниками при входѣ въ туннель, близъ Калатайюда, въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ столицы. Пассажирамъ приказано было оставаться спокойными, въ то время, какъ шайка вытаскала денежный ящикъ желѣзнодорожной компаніи съ 16,000 рупіями. Нѣкоторые изъ разбойниковъ были верхомъ и успѣли уйти прежде, чѣмъ могли отправить за ними въ погоню гражданскую гвардію и войска».

ОТЪ КОНТОРЫ. № 21-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 26-го мая въ 6 часовъ 20 минутъ, на иногороднюю почту 27-го мая въ 1 часъ по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Въ стоячей водѣ (оконч.).—Рубенсъ (продолж.).—Стихотвореніе «Дума».—Бой гладиаторовъ.—Народы Россіи.—О выборѣ книгъ.—Въ Новой Гвиней (продолж.).—Иза (продолж.).—Къ рисункамъ.—Новости наукъ и жизни. Гравюры: Источникъ любви.—Садъ любви.—2 рис. Гора Благодать.—Кегли.—2 рис. къ ст. «Въ Новой Гвиней».

Редакторъ-издатель Д. А. Нарчъ-Карчевскій.

Объявленія.

МАРШЪ РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ. ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

Оригинальное сочиненіе ФЛОРИАНА ГЕРМАНА (8 страницъ). Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 руб. 50 коп. Это музыкальное сочиненіе можно получать какъ въ конторѣ журнала «Живописное Обозрѣніе», такъ равно и въ музыкальныхъ магазинахъ Бернара, Бесселя, Юргенсона и др., въ С.-Петербургѣ.

№ 23. Томъ I.

На годъ, съ доставкой и пересылкою — 7 руб.;
на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб.
Отдѣльн. №№ по 20 н.

С.-Петербургъ, 9 Іюня 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ Новая
улица, домъ № 6.

Годъ VII.

Изъ стихотвореній Г. Гейне.

Переводъ Мих. Шел-нова.

(Продолженіе.)

Новая весна.

29.

Жилъ былъ разъ король престарѣлый
Съ суровой душою, съ сѣдой бородой;
Тотъ старый король обвинчался
Съ царевной-красой молодой.

Былъ нажъ, молодой и прекрасный
Кудрявый, живой, съ беззаботной душой.
Онъ всюду носилъ шлейфъ атласный
Царицы своей молодой.

Ты слышалъ ли старую пѣсню?
Звучить такъ отрадно, такъ грустно она:
Они полюбили другъ друга,
Обоимъ имъ смерть суждена.

35.

О не думай, что предъ свѣтомъ
Разболталъ я страсть мою,
Если роемъ звучныхъ пѣсень
Я красу твою пою.

Подъ горой цвѣтовъ душистыхъ
Глубоко я въ землю скрылъ
Эту пламенную тайну,
Этотъ тайный сердца шептъ.

Коль предательскія искры
Брызнуть вдругъ изъ подъ цвѣтовъ, —
Чтожъ, — безвѣрный свѣтъ то пламя
За стихи принять готовъ.

Дома.

23.

Какъ можешь ты спать безмятежно,
Ты знаешь, что я еще живъ,
Вдругъ старый мой гнѣвъ пробудится
И сброшу я цѣпи, разбивъ.

Ты знаешь ли старую сказку,
Казъ разъ, полуночной порой,
Мертвецъ свою милую силой
Въ могилу увлекъ за собой?

Повѣрь мнѣ, мое дорогое,
Мое золотое дитя,
Я живъ и несчетно сильнѣе
Загробныхъ всѣхъ призраковъ я.

27.

Проходятъ чредой поколѣнья,
Идутъ за годами года,
Любовь же, что въ сердцѣ храню я,
Какъ прежде, сильна и жива.

Хоть разъ бы тебя мнѣ увидѣть
И, бросившись бурно къ ногамъ
Твоимъ, простонать, умирая:
«Я васъ обожаю, мадамъ»

71.

Мы съѣхали подъ ночь въ каретѣ
Съ почтоваго вмѣстѣ двора
И, крѣпко прижавшись другъ къ другу,
Шутили, смѣясь, до утра.

Когда-жъ разсвѣло, удивились
Нежданной мы вещи съ тобой:
Сидѣлъ между нами въ каретѣ
Амуръ, нашъ попутчикъ слѣпой.

Лирическая интермедія.

23.

Тебѣ рассказали не мало
Они, принимаясь вздыхать,
Но что мою душу терзало
Они не могли передать.

Съ значительнымъ видомъ качали
Печально они головой,
И злымъ, и худымъ меня звали,
Ты вѣрила имъ, ангель мой.

Но самого наидурного
Изъ нихъ ни одинъ и не зналъ:
Что пошлаго было и злого
Во мнѣ, — отъ другихъ я скрывалъ.

24.

И липа цвѣла, и рыдалъ соловей,
И солнце привѣтно смѣялось землѣ,
Ты съ жаркимъ лобзаньемъ, рукою своею
Обнявши меня, прижималась ко мнѣ.

Чу! воронъ прокаркала, опали листы,
И солнце глядѣло съ небесъ въ полуснѣ,
И холодно молвилъ тебѣ я: «прости»,
И свѣтски-учтиво присѣла ты мнѣ.

36.

Слагаю я пѣсни-малютки
Изъ скорби моей несказанной,
И быстро на крылышкахъ звонкихъ
Летятъ они къ сердцу желанной.

И, къ милой нашедши дорогу,
Летятъ ко мнѣ вновь со слезами,
Рыдая, сказать не хотятъ мнѣ,
Что въ сердцѣ увидѣли сами.

46.

Любовь моя яркимъ сіяньемъ
Въ зловѣщей горитъ красотѣ,
Такъ схожа съ печальнымъ сказаньемъ,
Что слышалъ я разъ въ темнотѣ:

«Любовники робко блуждали
Въ роскошныхъ волшебныхъ садахъ,
Въ кустахъ соловьи рокотали,
Катилась луна въ небесахъ».

«И рыцарь предъ дѣвой нѣмой,
Склонившись, въ томлени лежитъ;
Предсталъ великанъ предъ четою
И робкая дѣва бѣжитъ».

«Палъ рыцарь въ крови. Торжествуя,
Ушелъ великанъ во дворецъ»...
Когда лишь въ могилу сойду я,
Увижу я сказкѣ конецъ».

58.

Подъ бурею стонуть деревья
И сыро во мракѣ ночномъ,
Скачу я въ лѣсу одиноко,
Окутавшись сѣрымъ плащемъ.

Скачу я стрѣлою и мысли
Тѣнятся толпой предо мной,
Легко меня мчатъ и привольно
Къ жилищу моей дорогой.

Чу! лаютъ собаки и слуги
Съ свѣчами встрѣчаютъ меня,
По лѣстницѣ быстро взбѣгаю
Я, шпорами громко звеня.

А въ комнатѣ тихой уютно,
Тепло и цвѣты на окнѣ,
И милая ждетъ, не дожидется,
Спѣшитъ она, вскрикнувъ, ко мнѣ.

А вѣтеръ свиститъ межъ деревьевъ
И слышится говоръ вѣтвей:
Чего тебѣ, всадникъ безумный,
Съ безумной мечтою твоей.

(Продолженіе будетъ.)

Рубенсъ.

Историческіе этюды Диллетанта.

(Продолженіе.)

IV.

Въ іюль 1626 года, Рубенсъ потерялъ свою
жену, Изабеллу Брандтъ. «Да, — пишетъ онъ, — я
потерялъ прекраснѣйшую подругу; можно было, —
впрочемъ, что я говорю? — должно было ее лю-
бить, потому что у ней не было ни одного поро-
ка, свойственнаго ея полу». Но Гурбакенъ про-
нически замѣчаетъ, что у его жены былъ, напро-
тивъ того, одинъ весьма существенный женскій
порокъ: Изабелла любила въ одно и тоже время
и своего мужа, и Фанъ-Дейка, его ученика. Гово-
рять, что вносльдствіи художникъ отомстилъ Иза-

беллы за эту невѣрность въ своей картинѣ «Страшный судъ», гдѣ мы видимъ дьявола, который, захвативъ Изабеллу въ свои лапы, тащитъ ее въ адское пламя.

Въ Голландіи, однако, снова возгорѣлась война. Замѣшательства въ Германіи благоприятствовали ей. Ришелье старался изолировать Испанію, въ то время, какъ Филиппъ IV хлопоталъ о союзѣ съ Англіей. Получивъ новое дипломатическое порученіе, Рубенсъ отлично понималъ, что Испаніи необходимъ сильный союзникъ, могущій защитить ее отъ предприимчиваго генія Ришелье. Желая съ этою цѣлью видѣться съ Балтазаромъ Жербе, англійскимъ посланникомъ, Рубенсъ предпринялъ художественное путешествіе по Голландіи. По присутствіи Рубенса понадобилось въ Мадридѣ и онъ отправился туда въ августѣ 1628 года. Въ перепискѣ этой эпохи, Рубенсъ удивляется распушенности двора, дерзости дворянства и предсказываетъ паденіе испанской монархіи. Въ Испаніи онъ написалъ: «Похищеніе сабинянокъ», «Примиреніе римлянъ съ сабинянами», «Торжество церкви», — сюжетъ, прежде обработанный Тиціаномъ для Филиппа II, «Венеру и Адониса», «Диану и Актеона», «Похищеніе Европы» — своеобразная копія Рубенса съ Тиціана — произведеніе чрезвычайно любопытное и остроумное по своему образному замыслу, переведенное, такъ сказать, на фламандскій языкъ съ итальянскаго оригинала, по выраженію Менгса. Оригиналъ этой картины предназначался для принца Уэльскаго, впоследствии Карла I, который, однакожъ, никогда его не получалъ, потому что вмѣсто того, чтобы жениться на Инфантѣ, какъ надѣялись въ Испаніи, онъ получилъ руку Генриетты французской. По просьбѣ герцога Оливареца, Рубенсъ декорировалъ капеллу кармелитовъ, затѣмъ написалъ «Мученіе св. Андрея» для фламандской капеллы, пять портретовъ Филиппа IV и Елизаветы Бурбонской, портретъ Оливареца и грандовъ. По приглашенію Іоанна, герцога Брагантскаго, впоследствии короля Португальскаго, Рубенсъ отправился на его дачу въ Виллаваціоза. Многие фламандскіе и испанскіе придворные сопровождали художника. Но принцъ, узнавъ о такой многочисленной компаніи, выслалъ одного изъ своихъ придворныхъ на встрѣчу Рубенсу, извиняясь, что не можетъ его принять, такъ какъ спѣшныя дѣла требуютъ его присутствія въ Лиссабонѣ. Въ тоже время, онъ просилъ Рубенса, принять отъ него подарокъ въ 50 пистолей. Улыбаясь скупости монарха, Рубенсъ выразилъ сожалѣніе, что не можетъ видѣть своего Амфитріона, и отказался отъ пятидесяти пистолей, прибавляя, что позаботился взять на дорогу тысячу.

Простившись съ дворомъ, Рубенсъ повезъ съ собой новыя инструкціи, касающіяся предполагаемаго союза съ Англіей. Въ Испаніи деньги въ то время были такъ дороги, что Филиппъ IV вознаграждалъ Рубенса только орденами, да титулами, что, разумѣется, не особенно поправилось художнику, несмотря на то, что король вручилъ ему, за его дипломатическіе труды кредитивъ на Инфанту, или, вѣрнѣе, на «добрыя бельгійскія провинціи, которыхъ гордость заключалась въ томъ, что онѣ никогда не допускали протеста векселей своихъ монарховъ». 12 мая, Рубенсъ пріѣхалъ въ Парижъ; черезъ нѣсколько дней спустя, — въ Брюссель, а оттуда отправился въ Лондонъ. Но въ Лондонѣ художникъ не засталъ уже въ живыхъ своего друга Букингама, убитаго Фельтономъ. Карлъ I скоро подружился съ Рубенсомъ: между королемъ и посланникомъ было рѣшено, что Испанія и Англія вышлютъ одновременно посланниковъ къ испанскому и англійскому дворамъ, въ ожиданіи officialнаго заключенія мира, и, въ то время, какъ Коттингтонъ, выѣхавъ въ Мадридъ, донъ Карлосъ Колома направлялся въ Лондонъ.

Исполнивъ и это порученіе, Рубенсъ возвратился въ Антверпенъ и снова появился въ Лондонѣ только во время ратификаціи мира, въ декабрѣ 1630 года. Желая выразить художнику свое уваженіе, Карлъ сдѣлалъ его рыцаремъ и подарилъ ему великолѣпную саблю и алмазное кольцо.

Пребываніе Рубенса въ Лондонѣ послужило сильнымъ импульсомъ развитія искусства въ Англіи. Тогда-то именно стали основываться тѣ великолѣпныя собранія и коллекціи, какъ частныя, такъ и общественныя, которыя, въ настоящее время, славятся во всемъ мірѣ. Въ царствованіе Карла, цѣны картинъ и другихъ предметовъ искусства утроились въ Европѣ. По совѣту Рубенса, англійскій король приобрѣлъ самыя лучшія картины въ Голландіи и коллекцію герцога Мантуанскаго, которая ему обошлась въ 20 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Живопись потолковъ Уайт-Голла, исполненная Рубенсомъ, особенно рѣзко выдѣляется тѣмъ ложнымъ аллегорическимъ стилемъ, которымъ такъ справедливо упрекали великаго фламандца. Въ «Апофеозѣ Якова I» депутаты изображаютъ изъ себя Добродѣтели, а Благоразуміе въ видѣ Аполлона держитъ въ рукѣ рогъ изобилія. Однажды, одинъ изъ приближенныхъ ко двору дипломатовъ, заставъ Рубенса за работой, сказалъ ему: «По всему видно, что посланникъ его католическаго величества, по временамъ, развлекается живописью». На это Рубенсъ не безъ колкости отвѣчалъ: «Я, по временамъ, развлекаюсь дипломатіей».

Къ произведеніямъ лучшей поры, слѣдуетъ отнести два напестольныхъ изображенія, перешедшія изъ іезуитской церкви въ Антверпенъ, въ вѣнскую галерею Бельведера: въ этихъ картинахъ изображены чудеса, совершенныя Игнатіемъ Лойолой и Ксаверіемъ надъ больными чумой и одержимыми бѣсами. Излишняя полнота композиціи здѣсь, до извѣстной степени, вредитъ сдержанному характеру группировки, но, съ другой стороны, драматизмъ различныхъ моментовъ дѣйствія, вполне выдержанъ, а наиболѣе выдающіяся фигуры обоихъ святыхъ отличаются значительнымъ достоинствомъ, спокойствіемъ и какою-то особенно торжественною обстановкою. Къ замѣчательнѣйшимъ картинамъ Рубенса, въ вѣнской галерей, слѣдуетъ также отнести, между прочимъ, изображеніе св. Амвросія, воспрещающаго входъ въ храмъ императору Θεодосію. Въ мюнхенской галерей хранится, по всей вѣроятности, самое значительное число картинъ Рубенса, и по нимъ наглядно можно судить о различныхъ направленіяхъ этого мастера. Въ числѣ этихъ картинъ, правда, не найдется такихъ, которыя бы могли сравниться съ его мастерскими антверпенскими произведеніями, но взаимно этого, онѣ могутъ служить превосходными и замѣчательными образцами изображеній буйной страсти и насильственнаго, физическаго напряженія. Въ числѣ ихъ необходимо упомянуть, въ особенности нѣсколько небольшихъ, почти эскизно написанныхъ картинъ и преимущественно одну битву амазонокъ. На картинѣ представлена теряющаяся вдаль рѣка, черезъ которую перекинутъ на высокой аркѣ мостъ; дикіе орды всадниковъ и амазонки, преслѣдуемые греками, несутся по немъ. Въ самой серединѣ завязывается бой: слѣва, на переднемъ планѣ, амазонокъ преслѣдуютъ внизъ по рѣкѣ, справа — другія, вмѣстѣ съ лошадьми падаютъ съ крутого берега въ пѣнящіяся волны. Несмотря на густыя массы сражающихся, композиція этой картины, тѣмъ не менѣе, совершенно понятна, группы превосходно распределены, исполненіе мастерское и въ особенности превосходно написаны пейзажъ, видимый сквозь арку моста, вода и другіе аксесуары. «Обращеніе Павла» — чрезвычайно бойко набросанная и, несмотря на обиліе фигуръ, тоже весьма ясно изложенная композиція. Представленъ караванъ, идущій по дорожѣ и внезапно поражаемый свѣтомъ съ неба. Впереди и отдѣльно отъ провожатыхъ, лежитъ Павелъ, поверженный на землю; движеніе ужаса, лошади ставшія дыбомъ, одежды, развѣваемые бурей, — все представлено чрезвычайно удачно. Такая же композиція, съ фигурами въ натуральную величину, исполненная рукою Рубенса и отличающаяся рѣдкою сдержанностью въ формахъ и колоритѣ, хранится въ Лейт-Кортѣ, близъ Бристоля. — Менѣе привлекательная по запутанности расположенія, но, впрочемъ, необыкновенно эффектная картина «Сенахеримъ съ войскомъ, поражаемый среди ночи ангеломъ Господнимъ». За то весьма замѣчательна большая картина: «Самсонъ, выдаваемый Далилой». Лишонный волосъ, атлетъ вскакиваетъ съ коварнаго ложа и въ порывѣ безсильной ярости, старается разорвать узы, которыми онъ связанъ; со всѣхъ сторонъ онъ окруженъ стражей, снѣгающей его удерживать. Въ сторонѣ лежитъ Далила, облокотясь на подушки, — роскошная фигура въ прозрачной одеждѣ, съ полунасмѣшливымъ, полубоязливымъ видомъ, она оглядывается назадъ на побѣжденнаго Самсона, отъ котораго, изъ опасенія, служительница старается ее удалить. Наконецъ, въ высшей степени мастерскимъ произведеніемъ необходимо признать группу всадниковъ въ натуральную величину, въ схваткѣ съ двумя львами; картина производитъ особенно потрясающее впечатлѣніе по крайнему напряженію физическихъ силъ и страсти, при исполнѣн обдуманной передачѣ дѣйствія. Не менѣе эффектна другая картина, написанная въ 1612 году, и представляющая охоту на волковъ; въ ней Рубенсъ изобразилъ свою первую жену верхомъ на лошади. — Рубенсъ всегда великъ и неподражаемъ тамъ, гдѣ требуется передать рѣшительную энергію, готовность къ дѣйствію и живое чувство; фигуры его проникнуты точно внутреннимъ свѣтомъ, внутреннею силою и радостью; въ нихъ прорывается какъ будто отблескъ чувственнаго восторга, который въ отдѣльности примиряетъ насъ съ менѣе привлекательными произведеніями его кисти и позволяетъ намъ весьма легко отличать руку великаго мастера отъ работы помогавшихъ ему учениковъ, старавшихся усвоить себѣ его манеру. Съ этою восторженною любовью ко всему живому связана и многосторонность Рубенса. Онъ былъ не только величайшимъ историческимъ живописцемъ, но и портреты его чрезвычайно замѣчательны во многихъ отношеніяхъ. Его пейзажи — точно блестящій отблескъ дѣйствительности; его изображенія животныхъ — могучія трагедіи изъ естественной исторіи. При такой крайней самостоятельности и оригинальности генія, немудрено, что по отношенію къ прочимъ школамъ своего времени, Рубенсъ занимаетъ совершенно независимое положеніе. Онъ наивнѣе и несравненно менѣе подчиняется обыкновеннымъ законамъ стили, чѣмъ итальянскіе эклектики, хотя послѣдніе превосходятъ его благородствомъ и сдержанностью. Даже въ крайностяхъ, у него меньше проглядываетъ преднамѣренности, рѣзкости и грубости, чѣмъ у натуралистовъ, но за то меньше и потрясающей демонической страстности. Онъ превосходитъ испанцевъ теплотою, необыкновенной прозрачностью и ясностью колорита; но, съ другой стороны, свойственный ему натурализмъ — запальчивѣе, не такъ тонокъ, не такъ благороденъ и многостороненъ.

Однако, новое волненіе снова возникло въ валлонскихъ провинціяхъ; дѣло Голландіи пользовалось большимъ сочувствіемъ фламандскихъ провинцій; торжествующій Ришелье усиленно интриговалъ, соря золотомъ. Рубенсъ снова сдѣлался дипломатомъ и на этотъ разъ отправился вести переговоры съ Голландіей, отъ имени Испаніи, съ паспортомъ, даннымъ ему принцемъ

оранскимъ; но депутаты штатовъ заявили Изабеллѣ о своемъ желаніи вести переговоры съ голландцами, безъ содѣйствія и участія испанцевъ, и возстали противъ чрезвычайныхъ полномочій, данныхъ Рубенсу. Герцогъ Аршотъ отіравился къ Рубенсу съ требованіемъ возвратить немедленно данныя ему полномочія. Въ этомъ дѣлѣ Рубенсъ показалъ себя съ несомнѣмъ хорошей стороны; онъ уступилъ безъ всякихъ возраженій и обнаружилъ смиреніе и слабость, недостойныя великаго художника. Это, однакожъ, не помѣшало герцогу Аршоту написать ему записку, въ которой весьма характерно выступаетъ словесное нахальство тогдашняго высшаго дворянства. Приводимъ записку въ оригиналѣ: «J'eusse bien pu obmettre de vous faire l'honneur de vous répondre pour avoir si notablement manqué à votre devoir de venir me trouver en personne sans faire le confident à m'escire ce billet qui est bon pour personnes égales, puisque j'ay esté depuis unze heures jusqu'à douze heures et demi à la taverne, et y suis retourné le soir à cinq heures et demi, et vous avez eu assez de loisir pour me parler. Tout ce que je puis vous dire, c'est que je seray bien aise que vous appreniez dorénavant comme doivent escrire à des gens de ma sorte ceux de la vostre, etc.» (Я бы могъ и не дѣлать вамъ чести отвѣчать вамъ, вслѣдствіе того, что вы такъ уклонились отъ вашего долга, который заключался въ томъ, что вы лично должны были явиться ко мнѣ, вмѣсто того, чтобъ строить изъ себя моего пріятели и писать мнѣ записку, которая только умѣстна между равными, тѣмъ болѣе, что я находился съ одиннадцати часовъ до половины перваго въ тавернѣ и возвратился туда въ пять съ половиною часовъ, — такъ что у васъ было достаточно времени поговорить со мною. Все, что я могу вамъ сказать, — это то, что буду очень радъ, если вы, наконецъ, научитесь, какъ должны писать людямъ моего положенія — люди вашего сорта... и проч.). Нидерландское правительство, имѣло слабость отозвать своего посланника, который, возвратившись на этотъ разъ уже окончательно къ искусству, нашелъ въ немъ удовлетвореніе, котораго не давала ему политика. Смерть инфанты Изабеллы освободила его навсегда отъ сношеній съ дворами. Въ декабрѣ 1630 года, въ Антверпенѣ, онъ женился въ третій разъ на красивой молодой дѣвушкѣ, Еленѣ Форманъ, отъ которой имѣлъ пять человѣкъ дѣтей; но, если вѣрить Вейерману, Рубенсъ вскорѣ замѣтилъ, что «дворъ, красивая молодая женщина и подагра, — три благодѣянія, безъ которыхъ отлично можетъ обойтись пожилой человѣкъ». Портретъ Елены Форманъ, помѣщаемый нами въ настоящемъ № «Живописнаго Обозрѣнія», есть, собственно говоря, факсимиле гравюры Шуберта, съ рисунка Рубенса. Извѣстно, что этотъ рисунокъ послужилъ первоначально эскизомъ для одной изъ женскихъ фигуръ въ картинѣ «Садъ любви», съ которой наши читатели уже знакомы. Оригиналь рисунка находится въ вѣнской галерей Бельведера. Въ флорентинской галерей Uffizzi находятся замѣчательные портреты его двухъ женъ: Елены Форманъ и Елизаветы Брандтъ. Если судить по громадному количеству портретовъ второй жены Рубенса, то приходится заключить, что первая жена, Елизавета Брандтъ, не внушала ему особенной любви; но за то ея портретъ, хранящійся во Флоренціи, — писанъ, очевидно, съ любовью и интересомъ. Въ портретѣ Елены Форманъ замѣчательно только ея граціозное и кокетливое платье, волосы, украшенные жемчугомъ и цвѣтами. Платье — на половину черное, на половину желтое, замѣчательно роскошно, съ полукрытой грудью, по модѣ тогдашняго времени. За то голова, хотя и прекрасно написана, поражаетъ нѣкоторой сухостью и рѣзкостью тона. Совершенно другое видимъ мы во

флорентинскомъ портретѣ Елизаветы Брандтъ. Она одѣта очень просто въ шелковое платье, но это, можетъ быть, единственный портретъ работы Рубенса, который былъ написанъ съ такимъ тщаніемъ и такъ сочно. Живопись замѣчательна по блеску и колориту.

Кардиналь-инфантъ Фердинандъ, братъ Филиппа IV, послѣ Нордлингской битвы, занялъ мѣсто управителя Нидерландами, послѣ смерти инфанты Изабеллы. Антверпенъ встрѣтилъ его въ маѣ 1635 года съ большимъ торжествомъ. Распорядитель торжества, Рубенсъ, самъ сочинилъ эскизы, слегка раскрашенные, одиннадцать триумфальныхъ арокъ, поставленныхъ на пути шествія. Въ 1636 году, Рубенсъ написалъ одну изъ своихъ лучшихъ и послѣднихъ картинъ: «Мученіе св. Петра», для кельнскаго собора. «Ваша слава и ваша извѣстность, милостивый государь, — писалъ Рубенсъ своему соотечественнику Дюкеснуа, котораго статуя вызывала въ то время фуруры въ Римѣ, — отражаются на всей нашей націи. Если бы мои лѣта и подагра не задерживали меня здѣсь, то я бы немедленно отіравился наслаждаться собственными глазами произведеніемъ, столь достойнымъ похвалы. Но такъ какъ я не могу доставить себѣ этого удовольствія, то сохраняю, по крайней мѣрѣ, надежду видѣть васъ вскорѣ посреди насъ и несомнѣваюсь, что наше дорогое отечество будетъ гордиться произведеніемъ, которымъ вы его обогатили. Дай Богъ, чтобъ это случилось прежде, чѣмъ смерть, которая вскорѣ закроетъ мои глаза навѣки, отыметъ у меня невыразимую радость созерцать чудеса, создаваемые этой гениальной рукой, которую я цѣлую отъ глубины моего сердца». Едва-лишь это письмо было отіравлено, какъ Рубенсъ умеръ отъ припадка подагры, 30 мая 1640 года, шестидесяти лѣтъ и одиннадцати мѣсяцевъ отъ роду.

Рубенсъ былъ высокаго роста и красиваго сложенія. Его красивое лицо, мужественное и довольно правильное, было симпатично и выразительно; оно оживлялось свѣжимъ цвѣтомъ кожи, густыми, темными волосами и живыми, блестящими глазами. Звукъ его голоса былъ пріятенъ и, кромѣ того, онъ нравился своими любезными и открытыми манерами. Красивыя черты его лица, его борода, и приподнятые усы, и круглая шляпа съ широкими полями, — знакомы всякому. Въ этомъ отношеніи онъ представлялъ изъ себя дѣйствительный типъ фламандца en beau, — мягкаго и спокойнаго по темпераменту. Онъ превосходно владѣлъ семью языками: фламандскимъ, латинскимъ, итальянскимъ, французскимъ, англійскимъ, нѣмецкимъ и испанскимъ, но онъ предпочиталъ говорить и писать на первыхъ трехъ языкахъ, въ особенности на итальянскомъ. На своихъ картинахъ онъ подписывался всегда по-итальянски: Pietro Pauolo Rubens. Его письма очень интересны и почти всегда писаны съ легкимъ оттенкомъ ироніи. Они указываютъ на обширное и разнородное образованіе великаго художника.

Въ его кабинетѣ, послѣ его смерти, найдены были значительныя богатства: шесть золотыхъ цѣпей и нѣсколько дорогихъ перстней, — подарки различныхъ коронованныхъ особъ, алмазныя *сгондон де чареау*, подаренныя ему Карломъ I, цѣною въ десять тысячъ экю. Рѣзныя вещи изъ слоновой кости и горнаго хрустала, древнія и новыя медали, ониксы, сердолики и болѣе двухъ сотъ тридцати картинъ итальянскихъ, фламандскихъ и голландскихъ художниковъ; въ числѣ этихъ картинъ было 93 работы самого Рубенса. Вся эта коллекція была продана болѣе, чѣмъ за миллионъ флориновъ.

Рубенсъ былъ первымъ во всѣхъ родахъ живописи: въ исторіи, аллегоріи, жанрѣ, пейзажѣ, портретахъ, звѣряхъ и цвѣтахъ. Подобный тому рогу изобилія, который художникъ такъ часто изображалъ въ своихъ произведеніяхъ, какъ символъ

собственного генія, — онъ неистощимъ. По примѣру большинства колористовъ, онъ всегда красками дѣлалъ свои эскизы, вслѣдствіе этого, его контуры не всегда достаточно отчетливы и точны. Превосходя венеціанцевъ въ освѣщеніи и свѣжести тоновъ, Рубенсъ, однакожъ, сильно уступаетъ имъ въ гармоніи, умѣ, изяществѣ и величіи. Его колоритъ иногда слишкомъ рѣзокъ. Въ фонахъ, Рубенсъ ближе всего приближается къ гармоніи: они составлены, точно изъ гармоническаго соединенія всѣхъ цвѣтовъ. Чрезвычайно жалъ, что Рубенсъ мало занимался жанромъ, тѣмъ болѣе, что тѣ немногія жанровыя картины, которыя были написаны имъ, — въ высшей степени замѣчательны. Здѣсь мы напомнимъ только достаточно извѣстную, безподобную картину ранней поры и, такъ сказать, первой манеры художника: «Наказаніе амура» и луврскую «Кермессу», о которой мы уже говорили. Рубенсъ не менѣе великъ также и въ портретной живописи. Произведенія его въ этомъ родѣ отличаются такимъ же свѣжимъ и здоровымъ пониманіемъ природы, какъ и большая часть его историческихъ картинъ, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ художникъ не злоупотребляетъ аллегоріей. Въ англійскихъ галереяхъ, частныхъ и общественныхъ, въ Парижѣ, въ значительнѣйшихъ галереяхъ Германіи, встрѣчаются превосходные портреты его кисти. Къ самымъ знаменитымъ произведеніямъ великаго художника въ этомъ родѣ принадлежитъ такъ-называемый (впрочемъ, ошибочно) «Chapeau de paille» (соломенная шляпа), принадлежавшій сэру Роберту Пилу, а нынѣ находящійся въ National Gallery, — портретъ молодой дѣвушки (дѣвочки Linden, по мнѣнію Бюргера), на лицѣ которой шляпа съ широкими полями бросаетъ полутѣнь. Освѣщеніе этого портрета — вершъ совершенства. Сэръ Робертъ Пилъ заплатилъ за этотъ портретъ 35,000 фунтовъ стерлинговъ (245,000 р.), — самая значительная сумма, когда-либо заплаченная за поясной (*demi-figure*) портретъ. Въ дрезденской галерей есть превосходный портретъ сыновей Рубенса. Въ галерей Питти во Флоренціи хранится одинъ изъ превосходнѣйшихъ портретовъ, въ которомъ Рубенсъ изобразилъ себя, брата своего Юстуса и Гуго-Гроція. Въ петербургскомъ эрмитажѣ мы имѣемъ 15 портретовъ, работы Рубенса, изъ которыхъ нѣкоторые весьма замѣчательны.

Пейзажи Рубенса дали новый толчокъ этому роду живописи. Они, по большей части, изображаютъ особенности нидерландской природы; въ нихъ мастерски переданы формы почвы, особенности растений, движеніе и въ особенности прозрачность воздуха.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Народы Россіи.

(Этнографическіе очерки.)

Ст. С. С. Шашкова.

(Продолженіе.)

Не всѣ еще рыболовныя угодья остояковъ перешли въ руки русскихъ, многія числятся ихъ собственностью и сдаются ими въ аренду по самымъ низкимъ цѣнамъ русскимъ купцамъ и крестьянамъ. Не имѣя ни большихъ неводовъ, ни лодокъ, остояки сами не могутъ эксплуатировать этихъ угодій, какъ слѣдуетъ, и поневолѣ сдаютъ ихъ крупнымъ промышленникамъ, которые на Оби выручаютъ обыкновенно до 200% на затраченный капиталъ, заставляя владѣльцевъ этихъ угодій работать на своихъ промыслахъ за нищенскую плату. Нерѣдко арендаторы вовсе завладѣваютъ угодьемъ и ничего не платятъ его собственникамъ. Такъ, напр., въ березовскомъ округѣ остояки филинскихъ юртъ отдали крестьянамъ въ аренду на тридцать лѣтъ часть своихъ сѣнокосовъ. «Когда прошелъ, пишутъ въ своей

просьбѣ осятки, коротный срокъ, то мы неоднократно упоминаемымъ крестьянамъ отъ короткому траву косать! Сверхъ того, въ бору нашемъ, при лѣсныхъ гнѣздахъ, безъ дозволенія нашего стрѣляютъ бѣлку, вырубаютъ лучшій лѣсъ, ловятъ птаху, а въ рѣчкѣ Волоковой промышляютъ рыбу, чѣмъ дѣлаютъ намъ крайнюю бѣду и въ промыслахъ недостатокъ. Вотъ вамъ и аренда!..

Для снабженія инородцевъ дешевымъ хлѣбомъ правительство устроило въ разныхъ мѣстахъ тундры казенные хлѣбные магазины, но получение изъ нихъ хлѣба сопряжено съ многими формальностями и злоупотребленіями, а завѣдующіе магазинами вахтера, заводятъ обыкновенно свою торговлю, закабалютъ инородцевъ и страшно богатѣютъ. Напр., въ селѣ Тогурѣ, въ 1860 г., умеръ вахтеръ Нестеровъ, казакъ, сильно нажившійся отъ своей, повидимому, незначительной должности. Нестеровъ нажилъ четыре отличныхъ дома въ Тогурѣ, одинъ въ Нарымѣ; у него 250 прекрасныхъ лошадей, кромѣ рабочихъ, множество рогатаго скота, свиней, птицы и т. д. Онъ вступалъ въ казенные подряды на поставку хлѣба, соли, пороха, велъ значительную торговлю мѣхами и орѣхами, поставлялъ на пароходы тысячи сажень дровъ, содержалъ почтовую гоньбу отъ Нарыма до Томска. Въ 1860 г., онъ сгорѣлъ въ собственномъ домѣ. Но осятки долго не вѣрили въ его смерть: они видѣли, какъ Нестеровъ, въ его красной рубахѣ, былъ унесенъ въ воздухъ чертами; долго они боялись, что этотъ вахтеръ снова явится къ нимъ и снова начнетъ торговать съ ними!.. Другой, такой же вахтеръ одного магазина, вывезъ въ Нарымъ, въ 1864 г., своихъ, нажитыхъ имъ въ тундрѣ, товаровъ: на 1,000 р. сер. орѣховъ, на 180 р. сер. лосиныхъ кожъ, 7,000 бѣлокъ и 40 соболей! Кромѣ купцовъ и вахтеровъ не упускаютъ случая поживиться на счетъ беззащитнаго осятка всѣ, кому онъ только представится. Вотъ, напр., какъ собирается ясакъ, по описанію Осипова: «Въ началѣ мая всѣ инородцы съѣзжаются къ церквямъ для уплаты повинностей и хлѣбныхъ долговъ. Здѣсь происходитъ раскладка ясака: затѣмъ, старшины, собравъ ясачнаго звѣря, отправляются въ Нарымъ, сдавать ясакъ мѣстному засѣдателю. Старшины пріѣзжаютъ съ своими кандидатами, десятниками и расходчикомъ, который завѣдываетъ общественными деньгами и выдаетъ ихъ, куда слѣдуетъ, по приказанію старшины. Сдача ясака очень затруднительна для инородцевъ, особенно, если взять во вниманіе, что ясачнаго звѣря принимаетъ не самъ засѣдатель, а знакомый съ этимъ дѣломъ приемщикъ изъ казаковъ... Избѣжать всѣхъ недостатковъ мѣха, къ которымъ можно придаться при приѣмѣ ясака, весьма трудно. Поэтому, осятку необходимо приобрести благоволеніе приемщика, безъ чего послѣдній можетъ не найти ни одного звѣря, годнаго въ ясакъ. Старшины живутъ въ Нарымѣ съ ясакомъ по мѣсяцу и по два, или за отсутствіемъ засѣдателя, или за его недосугомъ. Часто случается, что старшина искушается зеленымъ виномъ, и во время его пьянства, у него съ квартиры обыватели воруютъ всѣ общественныя суммы. Въ такомъ случаѣ старшины обыкновенно прибѣгаютъ къ займамъ у нарымскихъ купцовъ. Обязательства составляютъ на цѣлую волость и купцы берутъ огромные проценты, за 100 получаютъ 150». Почти всѣ служащіе въ осяцкихъ округахъ сильно наживаются.

Осятки вообще одно изъ самыхъ бѣдныхъ и несчастныхъ инородческихъ племенъ и едва ли не чаще всѣхъ другихъ инородцевъ страдаютъ отъ голодовокъ, доводящихъ ихъ до смерти и людоедства. Таковъ былъ, напр., голодъ 1814—1816 г. въ туруханскомъ краѣ, о которомъ мы имѣемъ самыя подробныя officialныя свѣдѣнія.

Голодъ доходилъ до того, что инородцы убивали и ѣли другъ друга. Такъ, два крещеныхъ осятка съ матерью, сестрою и двумя братьями въ началѣ 1816 г. откочевали въ глубь тундры. Мать ихъ отправилась вмѣстѣ съ дочерью въ село Тазовское за хлѣбомъ и рыбою, но вернулась съ пустыми руками и безъ дочери, объявивъ своему семейству, что она дорогой умерла; по всей вѣроятности, мать съѣла свою дочь. Вскорѣ умеръ съ голоду одинъ изъ ея сыновей; семья нѣсколько дней питалась его мясомъ. Вышло это мясо, и снова голодная смерть начинаетъ угрожать несчастнымъ. Мать велѣла убить другого своего сына, съѣли и этого. И снова мучительный голодъ, и снова голодная смерть угрожаютъ несчастнымъ. Мать снова приказываетъ одному изъ оставшихся сыновей убить другого и, раздраженная его отказомъ, бросается на него съ ножомъ; но братья зарубили ее топоромъ и тѣломъ матери нѣсколько дней поддерживали свои слабыя силы. Они таскались по тундрѣ, отыскивая труповъ или живыхъ людей. Дорогою они наткнулись на тѣло осятка; съѣли его и приѣхавъ въ с. Тазовское, сами объявили обо всемъ, что сдѣлали, и отдались въ руки власти. Въ это же время на р. Часолкѣ, въ 800 верстахъ отъ тазовской церкви, кочевалъ осятъ съ женою, однимъ сыномъ и двумя дочерьми. Голодъ заставилъ родителей зарѣзать и съѣсть всѣхъ своихъ дѣтей и еще одного, встрѣтившагося имъ на дорогѣ осятка. Подобныхъ случаевъ было множество и такія голодовки нерѣдко случаются вплоть до послѣдняго времени. Вмѣстѣ съ голодомъ осятковъ сильно истребляютъ болѣзни, особенно сифилисъ. Въ березовскомъ краѣ онъ свирѣпствовалъ уже въ началѣ XVIII в. Спутникъ Филофея Лещинскаго, Новицкій, пишетъ, что «осятковъ презрительное жепорачительство низвело ихъ власти въ нещѣльный нечистоты недугъ. Человѣку гниlostію сѣдаетъ уста, носъ, ноги, и многимъ все тѣло, даже до костей. Жестокою сею язвою выщипая ихъ часть поражена. Егда кого начнетъ сія болѣзнь язвити, то онъ нетокмо не имѣетъ попеченія о исцѣленіи, но ниже, ради облегченія болѣзни, язвы согнившія чимъ прикрывать; но, не ради о семъ, берестомъ гниющую обвивъ язву, за промысломъ идетъ, и доселѣ ходитъ, донележе язвою весь пораженъ—падаетъ». Въ тридцатыхъ годахъ настоящаго вѣка лекарь Вѣляевскій ѣздилъ въ Березовъ для изслѣдованія сифилиса и нашелъ, что нѣтъ ни одного инородца, который не былъ бы зараженъ имъ. Полудикіе осятки ходили безъ носовъ, ушей, губъ; не гнушались своимъ безобразіемъ, они вступали между собой въ бракъ, приживали дѣтей и тѣмъ дѣлали сифилисъ неотъемлемою принадлежностью своего племени. Въ настоящее время сифилисъ проявляется у нихъ весьма разнообразно. У большинства осятковъ, особенно у женщинъ, — третичный сифилисъ въ видѣ глазной болѣзни. У дѣтей онъ проявляется струпами по тѣлу, преимущественно на головѣ; у взрослыхъ — ранами по лицу и тѣлу, отсутствіемъ носа и гнусливостью, у стариковъ — ломотою въ костяхъ и тою же глазною болѣзью. Еще болѣе, чѣмъ сифилисъ, истребляютъ осятковъ голодный тифъ и оспа, которыя иногда сводятъ въ землю чуть не поголовно инородческое населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей, какъ было, напр., во время оспы 1851 и 1852 г. «Между инородцами, рассказываетъ Третьяковъ, — дѣйствіе оспы было ужасное. Безъ всякаго пособия, даже безъ главнаго спутника въ жизни инородца — огня, въ холодной юртѣ или шалашѣ, занесенномъ снѣгомъ, среди вонючихъ отрепьевъ лежитъ убогое семейство осятка. На обнаженныхъ частяхъ тѣла этихъ несчастныхъ кожа во многихъ мѣстахъ отъ непрерывнаго чесанья ободрана; по сторонамъ видны кровавыя пятна и слѣды крови, слизанной голодными собаками. Всклощенные гус-

тые пряди волосъ, отдѣлившіяся у многихъ вмѣстѣ съ кожей отъ головы, лежатъ въ беспорядкѣ. Картина медленной смерти, нарушаемая по временамъ глухими стонами и кашлемъ, завываньемъ собаки и свистомъ вѣтра, невыразимо печальна въ суровой пустынѣ... Въ то же время встрѣчаются иныя картины смерти. Инородцы, устрешенные оспою и уже ощущая въ себѣ ея дѣйствіе, бросаютъ родной чумъ и стремятся на своихъ быстроногихъ оленяхъ въ самыя отдаленныя мѣста, съ надеждою избѣгнуть неминуемой смерти; но смерть преслѣдовала ихъ по пятамъ, и они умирали, сидя въ своихъ санкахъ». Нѣтъ сомнѣнія, что масса осятковъ рано или поздно должна вымереть. Инородцевъ считалось:

въ 1816 г. 1832 г. 1838 г. 1864 г.

Въ томскомъ окр.	10135	9724	—	—
» тогурскомъ отд.	2111	1808	—	—
» туруханск. краѣ	—	—	7740	7483

Всѣ эти цифры далеко не точны, но тотъ фактъ, что осятки мало-по-малу вымираютъ, не подлежитъ сомнѣнію.

Но какъ ни скудна природа, окружающая осятковъ, какъ ни убійственно ихъ положеніе, этотъ мирный, добродушный народъ какъ-то умѣлъ сохранить до послѣдняго времени почти дѣтское незлобіе и даже нѣкоторую веселость характера, дѣлающія его очень симпатичнымъ. Вотъ, что, напр., рассказываетъ Кастрень: «Въ хижинѣ начальника, говоритъ филологъ путешественникъ, встрѣтила насъ веселая, открытая и невинная задумчивость, которая заставляетъ любить и низкую юрту и бѣдныя одежды осятковъ. Стоитъ только посмотреть, съ какимъ благодушіемъ даже древніе старики, смиренно кланяясь и снимая шапки, приглашаютъ войти въ ихъ плохія юрты. Женщины и молодыя дѣвушки привязываютъ собакъ, метутъ юрты, принаряжаются, чешутъ головы, заплетаютъ косы и вообще приводятъ въ порядокъ волосы, которые въ рабочіе дни всклокочены и падаютъ на лицо. Мужчины надѣваютъ свои лучшія заячьи шубы, а дочери Евы просто ходятъ въ длинной пестрой рубашкѣ съ небольшимъ воротничкомъ, который застегивается на груди. Но самъ князь не заботится о своей вѣншности и выходитъ въ истасканной шубенкѣ, потому что у него нѣтъ лучшей. Прошлой зимой охота была не добычлива, всего 150 бѣлокъ, 4 соболя и нѣсколько лисъ и волковъ попало въ его западни или было убито его стрѣлами, и если подумаешь, что пудъ муки стоитъ здѣсь 5 р. ассигнаціями, то простишь нѣсколько дыръ на тулупѣ. Кромѣ того, внушающій уваженіе видъ князя и благородное, прямое сердце его прикрываютъ маленькіе грѣшки его одежды. Поэтому нѣсколько прищурившись войдемъ въ юрту, чтобы познакомиться съ княжескимъ семействомъ. Первый попался на глаза отецъ княгини — это дряхлый сѣдой старикъ, который, казалось, позади очага былъ занятъ тѣмъ, что давалъ мудрыя совѣты двумъ веселымъ мальчикамъ, своимъ внукамъ. Княгиня сидитъ въ самомъ отдаленномъ углу, и чтобы скрыть свое замѣшательство отъ нашего прихода, она начинаетъ ласкать маленькаго ребенка, и на ней нѣтъ другого мундира, кромѣ рубашки, и нѣтъ другого украшенія, кромѣ невинности сердца. Я сѣлъ на предложенное мнѣ мѣсто передъ очагомъ, рядомъ съ княземъ, который молча принялъ бутылку съ водкой, переданную мною его попеченію. Когда нѣсколько плотковъ водки мало-по-малу развязало врожденную осяцкую флегму, князь началъ рассказывать о зимнихъ заботахъ и трудахъ. Онъ употребилъ всѣ свои силы, и все-таки достигъ жалкаго успѣха. Не думая о томъ, чтобы отдохнуть въ землянкѣ, съ первымъ уже снѣгомъ онъ отправился въ лѣсъ. Во время своихъ походовъ по лѣсу и полямъ

онъ только въ крайнемъ случаѣ разставляетъ свою палатку изъ древесной коры, а обыкновенно ночь проводилъ на мокромъ снѣгѣ. Можно представить себѣ отчаяніе его, когда послѣ дневныхъ трудовъ, ложась у огня, разложеннаго ожидающей дичи женой, онъ не приносилъ ей даже куропатки. Небольшой запасъ муки и сохраненной рыбы скоро вышелъ и часто княжеское семейство принуждено было питаться волчьимъ мясомъ.

«Когда князь окончилъ свою ереміаду, старикъ, сидѣвшій за очагомъ, началъ рассказывать о прелестяхъ прошедшаго времени. Его собственная, давно уже пролетѣвшая юность, сдѣлалась для него какимъ-то сказочнымъ сномъ, и онъ говорилъ о полетѣ шамановъ по воздуху, о предсказаніяхъ духовъ, о спорахъ вѣдьмъ, какъ будто все это видѣлъ собственными глазами и слышалъ собственными ушами.

«Поговоривъ такимъ образомъ нѣсколько времени, насъ дружески пригласили посмотреть на стрѣльбу изъ лука. Здѣсь на полѣ стоятъ молодые люди въ одинъ рядъ и жилистыми руками пробуютъ крѣпость тетивы. За юношами стоитъ рядъ цвѣтушихъ дѣвицъ. И нерѣдко юноша, пустившій стрѣлу въ далекую ледяную цѣль, пускаетъ другую, болѣе нѣжную, въ сердце дѣвушки. Здѣсь показывали силу, столь необходимую для дикаря, и хлопотали менѣе о томъ, чтобы мѣтко попасть въ цѣль (хотя и на это остилки мастера), но скорѣе о томъ, чтобы показать силу руками. Поэтому нерѣдко пускали стрѣлы въ пустое пространство, гдѣ одна стрѣла догоняла другую, подобно летящимъ соколамъ. Съ восхищеніемъ смотрѣли дѣвицы на каждую, ловко пущенную стрѣлу и продолжительнымъ «гее!» приветствовали счастливаго стрѣлка. Насколько пріятно звучало это одобреніе въ ушахъ юношей, можно было судить по раскраснѣвшимся ихъ щекамъ».

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Изъ моихъ воспоминаній. Фридриха Шпильгагена.

II.

Первая дружба.

Подобно древней, позабытой сагѣ
Всплываетъ дружба вновь и первая любовь.
Гѣте.

Не часто случается, чтобы кто-нибудь могъ съ точностью объяснить, гдѣ, когда и какъ онъ увидѣлъ впервые своего школьнаго друга. Несмотря на свое кажущееся однообразие, эпизоды школьной жизни слишкомъ часто смѣняются другъ друга, точно камешки въ калейдоскопѣ, или же, подобно туманнымъ картинамъ, измѣняются непримѣтно, пока мало-по-малу не выяснится все отчетливѣе и отчетливѣе одинъ образъ — образъ друга — такъ что дѣйствительно трудно отдать себѣ отчетъ, какъ онъ возникъ.

Въ моей душѣ, изъ хаоса воспоминаній, всплываетъ рѣзко очерченный и ярко освѣщенный образъ Адальберга М.; протекшіе годы не смогли сгладить ни одной черты, и я вижу его, будто вчера, при той же обстановкѣ, какъ я увидѣлъ его впервые. Это было въ Секундѣ, во время большой перемѣны, въ началѣ семестра. По обычаю класса, ученики размѣшались, смотря по

успѣхамъ въ латинскихъ ex tempore. Поступившій съ воли, новичекъ завоевалъ себѣ почетное мѣсто на срединѣ второй скамейки, какъ разъ тамъ, гдѣ выступала большая колонна, оканчивающаяся смѣлымъ завиткомъ, и поддерживающая сводчатый потолокъ.

Онъ сидѣлъ, прислонясь къ этой колоннѣ; тусклый свѣтъ ранняго осенняго дня, падавъ сквозь большія окна прямо на его тонкое лицо, которое, блѣдное по природѣ, казалось совершенно безкровнымъ. Рѣзко очерченныя губы маленькаго красиваго рта, презрительно вздрагивали; изъ-подъ бровей, словно проведенныхъ тонкою кистью,

не могъ равнодушно видѣть неравной борьбы; всякое мученіе, причиняемое человѣку или животному, всегда приводило въ волненіе мою кровь и состраданіе къ покинутому, одинокому, беззащитному передъ нападеніями безчисленныхъ противниковъ, вихнуло яркимъ огнемъ. Я высказалъ то, что въ подобныя минуты срывается отъ избытка сердца съ устъ горячаго юноши; какъ бы то ни было, но слова мои имѣли убѣдительную силу: заговорилъ-ли въ товарищахъ стыдъ или нѣтъ, — но отъ новичка отстали и сѣроголубые глаза испытующимъ взоромъ взглянули на страннаго человѣка, который показался ему: «одинъ среди чудовищъ съ любящей душой».

Эти слова поэта, какъ онъ мнѣ рассказывалъ послѣ, невольно пришли ему на память, внушенные моимъ появленіемъ въ критическую минуту; всю его жизнь, я оставался для него, если не единственнымъ, то лучшимъ и самымъ дорогимъ другомъ; и я увѣренъ, что когда преждевременная смерть смыкала его глаза, послѣднія мысли его принадлежали молодой женѣ и ребенку, и я, далекий, ничего не подозревающій другъ, стоялъ у его смертнаго ложа — «видимый его душевнымъ взоромъ», и онъ простился со мною съ тою любовью, которая могла угаснуть только съ жизнью.

Ахъ! эта любовь не легко доставалась ему, какъ не легко доставалось и все въ жизни! Она часто бывала для него источникомъ горя, какъ только онъ, гордый, сомнѣвался въ моей взаимности, ревнуя часто безъ всякой причины, нерѣдко, впрочемъ, и основательно, къ новымъ друзьямъ, къ которымъ я, по его мнѣнію, привязывался съ большею любовью, къ свѣту, которымъ я, по словамъ его, слишкомъ увлекался и который своими приманками совращалъ меня съ узкаго пути къ нашей общей высокой цѣли. Въ это время онъ бывалъ рѣзокъ и суровъ со мною, пропозывалъ меня, какъ ледяной ноябрьскій вѣтеръ усталого путника, металъ въ меня самыя острыя стрѣлы, какъ разгнѣванный Аполонъ. Но когда онъ видѣлъ, что я бодро иду впередъ, преодолевая преграды, — тогда въ душѣ его не было мѣста для ревности, а только радость, лишенное всякой зависти одобреніе, восхищеніе наполняли ее, какъ будто и не бывало времени, что онъ шелъ однимъ путемъ со мною — повидимому, далеко опередивъ меня, — для того только, чтобы все болѣе и болѣе отстать, потерявъ подъ собою почву, цѣпляясь за колючіе терніи, подвигаясь одиночными,

нечеловѣческими усиліями, никогда не утоляя успѣхомъ горячей жажды, переходя до самой смерти отъ одной надежды къ другой, и, подъ-конецъ, трудясь на тяжеломъ поприщѣ врача, въ заботахъ о женѣ и ребенкѣ, почти забывъ о прежнихъ стремленіяхъ и надеждахъ, что будущее, — которое, по словамъ Леопольда Шефера, и зовется будущимъ оттого, что непременно должно сбыться, — настанетъ и для него и увѣнчается лавровымъ вѣнкомъ пылающей лобъ поэта. «Я зналъ многихъ такихъ, говоритъ Фрейлигратъ; — кто изъ насъ не зналъ ихъ? Кто изъ насъ, оглядываясь на прошлое, не вспомнитъ усталого, разбитаго товарища, которому мы такъ охотно

КЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ ДРЕВНИХЪ МАСТЕРОВЪ. КАРТИНА П. РУБЕНСА.

Елена Форманъ, жена Рубенса.

Факсимиле съ рисунка Іосифа Шуберта.

также насмѣшливо, презрительно смотрѣли сѣроголубые глаза, то на того, то на другого изъ стоявшихъ или сидѣвшихъ около него учениковъ, избравшихъ новичка цѣлью своихъ школьныхъ насмѣшекъ, которыя бывають такъ безобидно поверхностны и въ то же время поражаютъ такъ безпощадно глубоко. Тутъ онъ глубоко затронулъ, это я видѣлъ. Новичекъ былъ мнѣ такъ же чуждъ, какъ и другимъ, я не успѣлъ еще помѣняться съ нимъ ни однимъ словомъ; его долговазая, сухая фигура, съ узкою грудью, узкими плечами, угловатыми движеніями, самое выраженіе его старчески-умнаго, блѣднаго лица, были мнѣ также мало симпатичны, какъ и другимъ, — но я никогда

готовы помочь, хотя помочь ему можетъ одинъ Богъ, — товарища, одиноко, безсильно погибающаго, если только онъ не въ состояніи найти спасенія на одномъ изъ тѣхъ попріицъ, гдѣ твердая воля можетъ доставить не однимъ избраннѣйшимъ успѣхъ, вознаграждающій за труды и стараніе».

Въ чемъ тутъ дѣло? въ недостаткѣ-ли истиннаго дарованія или желѣзной, энергической воли? или же имъ не доставало того, что, по пословицѣ, необходимо человѣку, въ особенности юношѣ и что, по просту, зовется счастьемъ?

Отвѣты на эти вопросы, число которыхъ легко увеличить, смотря по каждому отдѣльному случаю и взгляду на искусство, будутъ очень различны, но я думаю, что всегда возможно придти къ извѣстному соглашенію. Пусть благосклонный читатель сочтетъ слѣдующія строки попыткой установить между мною и имъ подобное соглашеніе, которое, мнѣ кажется, еще желательнѣе, въ виду того, что намъ все время грозила бы опасность утратить взаимное пониманіе на томъ сбивчивомъ пути, по которому мы съ нимъ пойдемъ. Я того убѣжденія, что самъ Лессингъ, вопросъ, выведенный ему художникомъ Конти «могъ-ли бы Рафаэль быть величайшимъ гениемъ въ живописи, если бы родился безрукимъ», считъ совершенно празднымъ, не заслуживающимъ серьезнаго обсужденія. То, что происходитъ и творится въ душѣ человѣка, родившагося съ опредѣленной склонностью къ извѣстной отрасли искусства и не обладающаго органами, необходимыми для нея, превосходить человѣческое пониманіе и не поддается никакому обсужденію. Физиологамъ извѣстно, что глухонѣмые, потому именно и нѣмы, что не слышатъ, что ухо ихъ не воспринимаетъ звуковъ, которые должны быть воспроизведены органами рѣчи. Если недостатокъ одного чувства обрекаетъ находящееся въ зависимости отъ него чувство къ совершенной недѣятельности, то можно принять съ полною увѣренностью, что при совершенномъ уничтоженіи органа, служащаго орудіемъ какой-нибудь внутренней способности, самая способность эта останется въ неразвитомъ, зародышномъ состояніи. Случай, вродѣ глухоты Бетховена, гдѣ органъ слуха измѣнился, или уничтожился уже послѣ достиженія имъ полной зрѣлости таланта и высшей степени искусства, могутъ служить только доказательствомъ вліянія случайнаго недостатка на дальнѣйшее развитіе художественной дѣятельности. Можно заранѣе сказать, что это вліяніе настанетъ несомнѣнно, и несомнѣнно окажется гибельнымъ. Мы ежедневно можемъ замѣтить на опытѣ, какъ самое произношеніе оглохшихъ людей, мало по малу, становится совершенно неяснымъ. Такимъ образомъ, внутренняя способность къ искусству и внѣшнее ея проявленіе тѣсно связаны другъ съ другомъ, поддерживаютъ и дополняютъ одно другое; и если Конти основательно жалуется, «какъ много теряется во время продолжительнаго перехода изъ глаза черезъ посредство руки въ кисть», то совершенно увѣренно можно измѣнить это выраженіе и радоваться, какъ много выигрываетъ художникъ, при обратной передачѣ впечатлѣній. Кисть—это волшебный жезлъ, таинственно манящій и указывающій, гдѣ скрыта сокровенная прелесть линий, формъ и красокъ, которую ни за что не открылъ бы, безъ ея помощи одинъ испытующій взоръ; рука, осязая, научаетъ скрипача интерваламъ, незнакомымъ его внутреннему уху, а звукъ собственнаго голоса указываетъ артисту модуляціи, которыхъ онъ не въ силахъ придумать при нѣмомъ изученіи своей роли. Великіе мастера въ каждой отрасли искусства, стали великими только потому, что довели внѣшній органъ, орудіе ихъ таланта, путемъ непрестаннаго упражненія до высшаго предѣла дѣятельности. Но, какъ они сами под-

чинаютъ и поработаютъ себѣ механической органъ, въ той же мѣрѣ и они сами зависятъ отъ него и вполнѣ подчиняются ему; онъ овладѣваетъ всѣмъ ихъ существомъ. Да, можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что человѣкъ, отъ рожденія одаренный извѣстнымъ талантомъ, лишенъ возможности выбора, развивать-ли этотъ талантъ или нѣтъ, его влечетъ непреодолимое стремленіе; онъ долженъ быть художникомъ и, прибавимъ мы, не можетъ быть ничѣмъ инымъ. Если великіе художники и занимались чѣмъ-либо инымъ, кромѣ своего искусства, то это было чисто случайное занятіе, не затрагивающее или только слегка затрагивающее ихъ внутреннее бытіе; или же они подчиняли его совершенно своей главной, преобладающей внутренней жизни. Если внѣшнее побужденіе, вслѣдствіе котораго они занимались вещами, до которыхъ имъ, въ сущности, не было никакого дѣла (и которыя они вслѣдствіи этого плохо и понимали), было слишкомъ велико, то это неизбежно отражалось на ихъ искусствѣ. Возникшія при такихъ неблагоприятныхъ, враждебныхъ искусству условіяхъ, произведенія ихъ имѣютъ часто поразительное сходство съ произведеніями дилетантовъ, т. е. людей, не имѣющихъ внутренняго, непреодолимаго стремленія къ творчеству и вслѣдствіе этого никогда не достигающихъ полнаго развитія творческой способности и техники, хотя при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что знатоки всегда легко отличать, небрежное, неоконченное произведеніе мастера, отъ болѣе отдѣланнаго произведенія дилетанта.

Если въ обыденной жизни никто не требуетъ и не ожидаетъ отъ архитектора, живописца, ваятеля, музыканта—будь онъ композиторъ, или виртуозъ—актера, что бы онъ рядомъ съ искусствомъ имѣлъ еще другую дѣятельность; если находятъ совершенно-естественнымъ, что они вполнѣ отдаются своему искусству и объясняютъ ихъ успѣхи этимъ обстоятельствомъ, и вытекающей изъ него возможности ежедневно, ежедневно упражняться въ ихъ спеціальности, то по какому-то странному стеченію обстоятельствъ все это, если не примѣняется къ поэтическому творчеству, то только съ большими ограниченіями и существенными измѣненіями. На эту арену можетъ не только вступить всякій, но обязанъ бороться и одержать побѣду, выказать себя мастеромъ и поддержать свою славу, не пройдя предварительныхъ ученическихъ степеней, если возможно, то безъ всякой подготовки, единственно силою своей могучей воли и природнаго гения. Почему-жъ бы и нѣтъ? Вѣдь онъ кончилъ курсъ въ училищѣ, въ университетѣ, (если и нѣтъ, бѣда не велика), какъ и всякій другой, прочелъ Шиллера, Гете; судилъ и рядилъ, о книгахъ, драмахъ; у него явилась идея, есть много свободнаго времени (а поэзіей можно какъ разъ заняться на досугѣ); зачѣмъ же дѣло стало? нужно только чернилъ, бумаги, да перьевъ, и вотъ черезъ нѣсколько времени готовы романъ, повѣсть, драма, рядъ сонетовъ, и романистъ, драматургъ или лирикъ является готовымъ, во всеоружіи, какъ Паллада Афина изъ головы отца Зевса. Является и остается готовымъ, хотя бы прошли долгіе годы, пока не вспомнить, что онъ, между прочимъ, поэтъ. Почему ему вторично не подтвердить это блестящимъ доказательствомъ, если это ему угодно? Поэтъ не скрипачъ, который не бравъ недѣлю смычка, чувствуетъ, какъ будто ему приходится учиться сначала! Ничто подобное можетъ случиться съ скульпторомъ, съ живописцемъ: они, бѣдные, зависятъ болѣе, или менѣе отъ легкости, съ которою рука повинуется велѣніямъ ихъ гения: они находятся въ непрестанной борьбѣ съ технической стороною искусства. Въ поэзіи это не имѣетъ такого значенія; можетъ ли быть даже рѣчь о какой бы то ни было

техникѣ? Указанія, даваемые великими поэтами, стоятъ всѣхъ толстыхъ томовъ, написанныхъ теоретиками о поэтическомъ творчествѣ. «Я чувствую, говоритъ Гёте словами Франца въ своемъ «Гёцкѣ»,—то, что дѣлаетъ поэтъ: полное, однимъ ощущеніемъ переполненное сердце». Обладаетъ-ли кто такимъ «переполненнымъ сердцемъ» долженъ рѣшить самъ! Этимъ полагается даже предѣлъ всякой критикѣ: кто можетъ видѣть чужое сердце? Все остальное «прахъ и суета» или же легко достигается, стоитъ лишь ударить палецъ о палецъ. Версификація?—пустяки! у насъ поэтическое удареніе совпадаетъ съ удареніемъ слова и баста! Что знали о версификаціи веселые пѣвцы, ремесленники, солдаты и tutti quanti, которымъ мы обязаны пѣснями изъ «Knaben Wunderhorn»? Они пѣли, «какъ поетъ птица, живущая на вѣткѣ» отъ «избытка сердца», неподражаемо просто и неподражаемо хорошо. Если же кто хочетъ отрѣшиться отъ свойственной намъ формы простой пѣсни и нарядиться въ чужія перья, взятыя за гекзаметръ и пентаметръ, право не нужно слушать цѣлаго курса о греческой и римской лирикѣ, а схему терцинъ, сонетовъ и пр. можно выучить въ полчаса. Еще меньше хлопотъ съ драматическимъ ямбомъ. Въ сущности, вѣдь это разбитая на правильные ряды, которые, пожалуй, зови хоть стихами, проза: одной стопой больше или меньше—случайная ошибка въ рифмахъ, да покажите же мнѣ актера, который замѣтитъ это, или театральную публику, которая этимъ оскорбится! А кто изъ благоразумныхъ, идущихъ впередъ съ вѣкомъ людей станеть теперь писать какую-нибудь вещь въ стихахъ, разсчитывая болѣе на Шиллеровскую премію, чѣмъ на сценическій успѣхъ! Что же касается сценической техники, тутъ есть, пожалуй, чему поучиться, только ради Бога не у эстетиковъ или критиковъ; а у людей практическихъ: режиссеровъ, актеровъ, бутафоровъ; они вамъ съ непогрѣшимой вѣрностью скажутъ во второмъ актѣ, вызовутъ ли васъ въ концѣ третьяго.

Ломать себѣ голову надъ сочиненіемъ повѣстей и романовъ, самая глупая вещь въ мірѣ. Уловить духъ подобныхъ литературныхъ произведеній еще легче, чѣмъ приобрести чутье въ медицинѣ. Нѣтъ надобности изучать ни большаго свѣта, ни мелкихъ людей, вообще не слѣдуетъ ничего изучать, если только возможно избѣжать этого; стоитъ только придумать какую-нибудь исторію (а это можетъ всякій) и дать волю перу разгуляться на два, или три тома. Бываетъ иногда, что изучаютъ столько всякой всячины, что эти познанія не умѣщаются въ соотвѣтствующіе отдѣлы философіи, естествознанія, исторіи! Зачѣмъ же дѣло стало? форма, въ которую выливаютъ это содержаніе, такъ удобна, покладиста, растяжима, что о ней можетъ быть рѣчь только съ внѣшней стороны: раздѣленіи на главы, книги, томы. Внутреннихъ законовъ, которые необходимо соблюдать, техники, которую слѣдовало бы изучать, не существуетъ, а если и есть, то она дается инстинктивно, такъ же легко, какъ умѣнье ѣсть и пить, а тѣ, кто утверждаетъ, что нужно и то, и другое, и пятое, и десятое—глубокомысленные дураки, отравляющіе собственную жизнь и желающіе закрыть другимъ широкое поле дѣятельности.

Я, вовсе этого не желая, впалъ въ сатирической тонъ, но трудно, почти невозможно не впасть въ него, видя, съ какимъ легкомысліемъ, тщеславіемъ, самомнѣніемъ, тупымъ равнодушіемъ къ строгимъ законамъ искусства, даже нескрываемымъ презрѣніемъ именно къ этимъ законамъ, дикая толпа врывается въ священный храмъ, словно въ трактиръ. Должно-ли, нужно-ли чувствовать состраданіе къ этимъ легкомысленнымъ смѣльчакамъ, нестройный крикъ и бурные воз-

гласы которыхъ, заглушаютъ голосъ истиннаго жреца, такъ что толпа не знаетъ, куда ей стремиться и доверчиво преклоняетъ колѣна передъ ложными алтарями ложныхъ боговъ? Нѣтъ пощады легкомысленнымъ смѣльчакамъ! Они, по большей части, не только остаются безнаказанными, но иногда получаютъ награду и воздаяніе за дерзкія дѣянія въ одобреніи, лишенной чутъя, критики, въ заискиваніи издателей-спекуляторовъ, для которыхъ успѣхъ—все; если случайно кто и поплатится несбывшимися мечтами, обманутыми надеждами, потерянными годами, быть можетъ, даже цѣною разбитой и испорченной жизни—*Wohl ist jener fürwahr der gebührenden Strafe gefallen*
Dass doch jeder so falle, wer solcherlei Thuns sich erfrechte! *)

Нѣтъ! ни пощады, ни состраданія дерзкимъ!

Но не всѣ они виновны въ этомъ грѣхѣ, вина ихъ состояла, быть можетъ, въ отсутствіи убѣжденія, что искусство есть служеніе одному богу, первая заповѣдь котораго гласитъ, чтобы не было другихъ боговъ, кромѣ его одного. Они думали, что достаточно отъ времени до времени, когда позволяютъ ихъ земныя дѣла, приближаться къ этому богу и приносить ему жертвы; но богъ отвергъ ихъ приношенія, какъ ни былъ искрененъ даръ. Иначе и не можетъ быть: кто хочетъ имѣть успѣхъ, не обусловливаемый злобою дня и не проходящій вмѣстѣ съ нею, долженъ служить искусству отъ всего сердца и помышленія, всѣмъ существамъ своимъ, до конца дней. И въ такомъ случаѣ не всегда удастся достигнуть высшей ступени, быть можетъ, подобно скромному «Эфескому ювелиру» Гёте, придется «работать надъ изображеніемъ оленей и животныхъ, украшающихъ колѣни его богини»; но все же онъ станетъ мастеромъ своего дѣла, отдѣленнымъ непродолимою пропастью отъ начуновъ-дилетантовъ и людей, осужденныхъ, несмотря на ихъ способности и самыя лучшія желанія, быть вѣчными ремесленниками, вслѣдствіе недостатковъ въ постоянномъ упражненіи.

Если иногда и удается сразу произведеніе,носящее печать истиннаго творчества, не смотря на недостаточную предварительную подготовку,—слѣдуетъ быть очень осторожнымъ въ произнесеніи приговора: при внимательномъ изученіи, эта подготовка оказывается гораздо значительнѣе; на высоту, которой разомъ достигъ художникъ, ведутъ многія ступени, случайно скрытыя отъ нашего взора, но тѣмъ не менѣе существующія и составляющія единственный, возможный человѣку путь къ этой вершинѣ,—иначе онъ долженъ сойти на нее прямо съ неба, что невозможно предположить, не допустивъ возможности чуда.

Наконецъ, одно удачное произведеніе выводитъ иногда человѣка изъ ряда ремесленниковъ-подмастерьевъ, но стать мастеромъ онъ можетъ только послѣ цѣлаго ряда прочныхъ, художественныхъ произведеній,—прочныхъ и художественныхъ, не смотря на всѣ возраженія проницательной, позитивной критики. Если, по словамъ Гёте, «одинъ человѣкъ никогда не овладѣвалъ всѣмъ искусствомъ», и оно составляетъ общую собственность и достояніе всѣхъ художниковъ, при чемъ каждый изъ нихъ неизбежно доходитъ до предѣла, гдѣ начинается область другого, и искусство остается вѣчнымъ, хотя служители его преходящи, то *mutatis mutandi* тотъ же законъ распространяется и на отдѣльныхъ художниковъ. Ни въ одномъ изъ своихъ произведеній художникъ не бываетъ тѣмъ, чѣмъ онъ въ состояніи быть; всегда остается избытокъ творческой способности, которая не исчерпывается въ одномъ произведеніи, а достигаетъ своего конечнаго

*) Подѣломъ тотъ понесъ заслуженную кару; пусть постигнетъ она всякаго, кто посягнетъ на дерзкое дѣло.

предѣла, свойственнаго всему земному, только въ цѣломъ рядѣ твореній. Какъ великъ рядъ ихъ? Слѣпой случай часто играетъ тутъ роль, но не настолько часто, какъ думаютъ. Гейневскіе князья генія — Рафаэль, Моцартъ, Байронъ, какъ ни было коротко ихъ жизненное поприще, успѣли сполна заплатить за свою земную славу; они заплатили по счету, даже не взглянувъ на него, съ царскою щедростью, вдвое, втрое, втысячу разъ дороже! Кто рѣдко вынимаетъ золото изъ своего кошелька и нерѣшительно, колеблясь, отдаетъ его — осмотритесь сначала хорошенько, прежде чѣмъ воздавать ему королевскія почести, онъ вѣрно лишь оруженосецъ короля, и на монетѣ, которую онъ платитъ, навѣрное найдется изображеніе того, кто больше его. Этихъ-то большихъ хранить ихъ геній, пока они не исполнятъ всю свою жизненную задачу, и нерѣдко допускаетъ и то, чего бы не должно: чтобы дрожащая отъ старости рука и ослабѣвшая способность къ творчеству измѣняли и не исполняли велѣній вѣчно юнаго сердца и богатаго мыслями разума. Чѣмъ выше художникъ, тѣмъ онъ плодовитѣе, сравнительно съ продолжительностью его жизни и произведеніями другихъ художниковъ; не плодовитый великій художникъ представляетъ *contradictio in adjecto*, потому что искусство—его жизнь и художественныя произведенія—необходимое проявленіе его жизненной силы. Художникъ тотъ, кто можетъ творить; а кто можетъ, желаетъ и обязанъ творить.

Вотъ, что я могу отвѣтить на затруднительный вопросъ, почему отстаютъ и терпятъ неудачу, повидимому сильныя и въ высшей степени усердные путники на трудномъ, крутомъ пути искусства. Потому, какъ былъ поставленъ вопросъ, видно, что отвѣтъ не подходитъ къ единичному случаю, въ особенности, — въ чемъ едва-ли нужно оговариваться,—отдѣльнымъ выраженію его не могутъ быть примѣнены ко мнѣ или къ моему другу. Въ отвѣтѣ этомъ, я могъ и желалъ только указать, въ какомъ направленіи, юнона, за развитіемъ котораго мы слѣдимъ, отыскивалъ во мракѣ, ошущую себя дорогу,—отыскивалъ медленно, нерѣшительно, вѣчно боясь, что слабый свѣтъ, мелькающій на горизонтѣ, окажется блудящимъ огонькомъ; не довѣряя собственнымъ силамъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, когда къ нему присоединился спутникъ, далеко превосходящій его по силѣ и съ безпечною легкостью или гениальною отвагою преодолевающій препятствія, которыя казались непобѣдимыми для него самого.

Сначала я не узналъ въ немъ поэта; по крайней мѣрѣ, онъ не принималъ участія въ литературномъ кружкѣ секунды, который такъ нуждался въ творческихъ силахъ. Быть можетъ, я стѣснялся ввести угрюмаго чудака въ кружокъ друзей, къ которымъ онъ такъ мало подходилъ своимъ несообщительнымъ нравомъ и странными манерами. Но съ тѣхъ поръ прошло уже два года; надъ давно оконченными дѣяніями кружка я поставилъ крестъ, какъ надъ могилой; кружокъ этотъ на вѣки распался; люди, которые составляли его, уже не могутъ быть названы друзьями въ настоящемъ смыслѣ этого слова, они только спутники пройденнаго школьнаго пути. У меня остался только одинъ другъ и товарищъ, и этотъ другъ именно тотъ нелюбимый чудакъ.

(Продолженіе будетъ.)

Бой гладіаторовъ и травля звѣрей на аренѣ амфітеатра Помпеи, въ 79 г. по Р. Х.

Очеркъ Симонса, переводъ Е. А. Сысоевой.

III.

Гладиаторы.

По знаку распорядителя загремѣли трубы; съ прыткостью тигра, съ отвагою льва, бойцы кидаются другъ на друга и, прикрываясь спереди щитомъ, стараются отыскать слабыя стороны противника, чтобы вѣрнѣе поразить его. Мечи звенятъ, ударяясь одинъ о другой, пыль поднимается столбомъ, глазъ съ трудомъ успѣваетъ слѣдить за быстрыми движеніями сражающихся.

Каиксу, маленькому, коренастому пармату, много дѣла; его противникъ Вебриксъ такъ ловко увертывается и такъ мастерски направляетъ каждый свой ударъ, что не даетъ ему времени опомниться. Вниманіе публики, почти исключительно поглощено этими двумя знаменитыми гладіаторами. Побѣда клонится попеременно, то на ту, то на другую сторону. Вебриксъ напрягъ всю свою могучую силу и нанесъ такой страшный ударъ, отъ котораго могъ бы мгновенно свалиться самый здоровый быкъ; но мечъ его снова встрѣтилъ щитъ Каикса и разлетѣлся на куски. Обезоруживъ врага, парматъ всадилъ ему въ бокъ свой короткій мечъ по самую рукоятку; потокъ густой черной крови заструился изъ раны пораженнаго гладіатора и онъ палъ на землю, прямо на свой щитъ.

При видѣ первой крови, всей массой зрителей овладѣло какое-то бѣшенство; крики ея перешли въ дикій ревъ; побѣжденный не имѣлъ ни силы, ни возможности попросить у публики пощады посредствомъ извѣстнаго жеста — поднятія вверхъ большого пальца. «Крови! крови!» ревла толпа, — и Каиксъ нанесъ новый ударъ противнику въ горло. Вздрагивавшіе еще трупъ падшаго гладіатора подоспѣвшіе служители поволокли съ арены при помощи трезубца, вонзивъ его въ грудь несчастной жертвы. Списокъ побѣдъ Каикса увеличился еще одной побѣдой и лавровый вѣнокъ украсилъ наглый лобъ его.

Центромъ общаго вниманія сдѣлался теперь равенецъ Экзохъ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ слава о немъ гремитъ, точно о знаменитомъ полководцѣ. Эдилъ Церій выписалъ его въ Помпею за огромную сумму; не смотря на юные годы гладіатора за нимъ насчитываютъ уже до 60 побѣдъ; сегодня ему предстоитъ бой съ «капуанскимъ» медвѣдемъ Араксомъ. Хвастливый и дерзкій Экзохъ заранѣе обязуется уложить прежде двухъ фракійцевъ для развлеченія публики, и, дѣйствительно, скорѣе играя, чѣмъ сражаясь, онъ проворно отправилъ перваго изъ нихъ къ пращамъ.

— Нѣтъ спора, толковали знатоки дѣла, что Экзохъ искусный гладіаторъ; но онъ слишкомъ горячъ и торопливъ; сейчасъ видно, что это воспитанникъ равенской школы *). Положительно недостойно такого славнаго бойца, при первой же схваткѣ, всаживать въ грудь противника весь клинокъ меча, по самую рукоятку; раненный не имѣетъ времени, умирая, опуститься съ приличной граціей на свой щитъ, а главное, публика лишается черезъ это случая полюбоваться на самое эффектное зрѣлище—предсмертную агонію побѣжденнаго.

Второй фракіецъ точно такъ же быстро, какъ и его предшественникъ, погибъ отъ желѣзнаго кулака Экзоха, не успѣвъ попросить у зрителей пощады, да и не могъ бы, потому что тѣ были слишкомъ увлечены побѣдителемъ и своими криками заглушили бы стоны раненаго. Экзохъ имѣлъ полное право хвалиться, что онъ сразу сдѣлался любимцемъ помпеянъ.

*) Гладіаторскія школы находились въ Римѣ (такъ называемая, императорская), затѣмъ въ Равенѣ, Капуѣ, Пренестѣ и Александріи. Начальниками надъ ними были прокураторы. Школы управлялись на основаніи очень строгихъ домашнихъ законовъ, примѣняемыхъ съ такой суровостью, которая доходила до жестокости. Гладіаторовъ хорошо кормили, а приставленные къ нимъ врачи постоянно наблюдали затѣмъ, чтобы они не нарушали діететическихъ правилъ. Провинившихся воспитанниковъ привязывали на желѣзную цѣпь, жгли раскаленнымъ желѣзомъ, съ цѣлью приучать ихъ тѣло переносить физическую боль.

Второй фракіецъ точно такъ же быстро, какъ и его предшественникъ, погибъ отъ желѣзнаго кулака Экзоха, не успѣвъ попросить у зрителей пощады, да и не могъ бы, потому что тѣ были слишкомъ увлечены побѣдителемъ и своими криками заглушили бы стоны раненаго. Экзохъ имѣлъ полное право хвалиться, что онъ сразу сдѣлался любимцемъ помпеянъ.

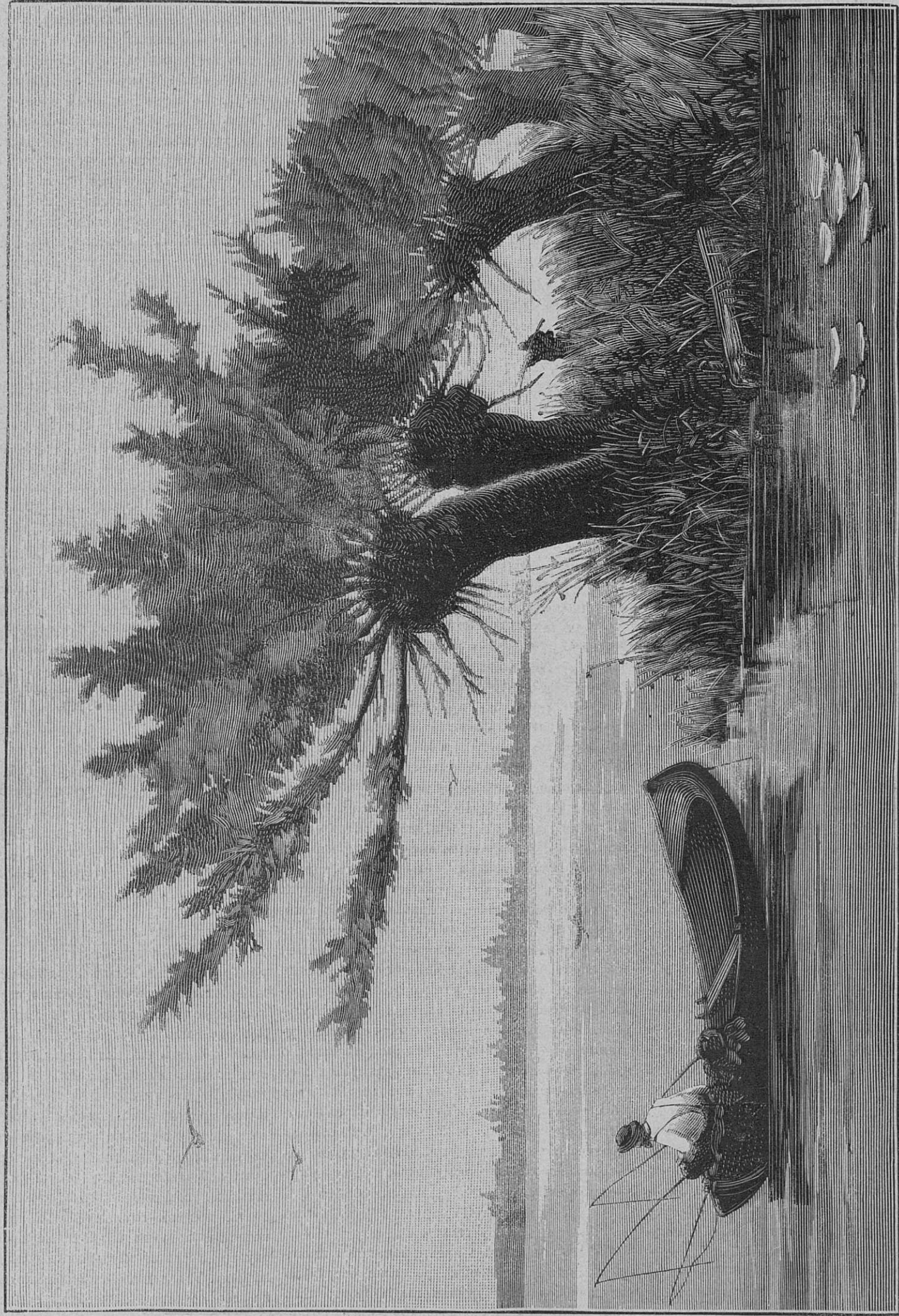
ПАРИЖСКИЙ САЛОНЪ 1874 ГОДА.
КАРТИНА ЖЕРОМА.

Сотрудничество. Картина, удостоенная большой почетной медали.
По фотографии Гупиля, работа Вотье.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРАНДАШНЫЙ РИСУНОКЪ НЕРО. ЛЕВА.

Видъ изъ окрестностей Петербурга.
Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской полигипажнѣ».

Но вот на арену выходит великанъ Араксъ; его руки и ноги поросли черными волосами, въ плечахъ кося сажень, весь обликъ его наводитъ ужасъ. Экзохъ хохочетъ при видѣ такого двуногаго дикаго звѣря.

— Смѣйся! смѣйся! презрѣнный равенецъ! кричитъ ему Араксъ. — Попробуешь ты сегодня медвѣжьихъ лапъ и зубовъ. Чего стоишь, подходи, если у тебя еще душа въ пятки не ушла!

Экзохъ быстро припалъ на лѣвое колѣно, прикрывъ почти всего себя большимъ продолговатымъ щитомъ и, опершись о правое колѣно рукою, вооруженной короткимъ мечемъ, выжидалъ, чтобы его противникъ вышелъ первый. Араксъ изгибался вправо и влево, стараясь ударить, или колънуть черепаху, — такъ назывался способъ обороны, принятый Экзохомъ, — но тщетно: какъ онъ ни вертѣлся, вездѣ его мечъ встрѣчалъ блестящую, гладкую поверхность щита противника. Наконецъ, это ему надоѣло и онъ напрягъ все свои силы, чтобы повалить Экзоха на землю; но тотъ, точно каменная тумба, непоколебимо выдерживалъ каждый его напоръ. Капуанскій медвѣдь все болѣе и болѣе горячился; въ порывѣ слѣпноты бѣшенства, онъ забылъ прикрыть свое тѣло; вдругъ мечъ равенца сверкнулъ на солнцѣ и прежде, чѣмъ зрители успѣли уловить движеніе руки Экзоха, конецъ его меча вошелъ въ бедро противника.

— Сдавайся, презрѣнный капуанецъ, оружію Равены! гаркнулъ Экзохъ, вскакивая, пастушая ногой на брюхо павшаго врага и вторично всаживая мечъ во внутренности умирающаго уже Аракса.

Помпеяне совершенно обезумѣли отъ восторга. «Слава нашему Экзоху! Долой Капу!» раздавалось отовсюду. Герой дня, отсалютовавъ публикѣ окровавленнымъ мечемъ, удалился со сцены. «Помогите! помогите!» послышалось вдругъ съ верхнихъ галерей амфитеатра; зрители, какъ одинъ человѣкъ, вскочили съ своихъ мѣстъ, блѣдые, перепуганные; у всѣхъ мелькнула тайная мысль, не случилось-ли какой-нибудь катастрофы, не разгнѣвались-ли боги, не придется-ли отложить увлекательное представленіе.

«Что такое? что случилось?» спрашивалъ каждый у своихъ сосѣдей. «Ничего, ничего особеннаго, слава Юпитеру: двѣ женщины изъ народа, съ грудными дѣтьми, свалились съ верхней галереи на мостовую улицы и ихъ раздавила упавшая балка». «Только-то? И такъ много шума изъ двухъ бабъ!» «По настоящему, слѣдовало бы запретить черному народу посѣщать амфитеатръ», толковали между собой аристократы, снова устремляя все свое вниманіе на арену.

Гонломахъ, прекрасный сицилианецъ, выѣзжаетъ верхомъ, чтобы биться съ римляниномъ Трексомъ. «Кто хочетъ держать съ нами закладъ?» крикнули сотни женскихъ голосовъ. Мы стоимъ за Гонломаха, онъ долженъ побѣдить!» Золотыя пряжки и цѣпочки, драгоценные пояса и булавки, жемчужныя ожерелья поднимались высоко кверху, въ знакъ того, что эти вещи идутъ въ закладъ. Прекрасный полъ съ жаднымъ любопытствомъ готовился слѣдить за борьбою ловкихъ всадниковъ.

Малорослая лошадь Трекса была необыкновенно увертлива и послушна; за то Гонломаху безпрестанно приходилось подстрекать своего грузнаго коня ударами копыя.

— Да помогутъ тебѣ боги, храбрый Гонломахъ! восклицали сторонники красиваго сицилианца.

— Какъ ловко Трексъ управляетъ своимъ конемъ! кричала противная партія.

Звякнули копыя, обѣ лошади взвились на дыбы, на всадникахъ затрещали латы.

— Клянемся Стиксомъ, Трексъ раненъ!.. его конь слабѣетъ! Смотрите! копыя ихъ разлетѣлись! Смѣлѣе, Гонломахъ, смѣлѣе!.. ревутъ возбужденные зрители.

Дѣйствительно, у обоихъ всадниковъ копыя разлетѣлись въ куски. Ловко сдѣлавъ вольтъ, они, какъ по командѣ, выхватили изъ ноженъ мечи и, въ одно мгновеніе, снова бросились другъ на друга; разсвирѣпѣвшія ихъ лошади столкнулись грудъ съ грудью, впилась зубами въ шею одна другой и, визжа, грызлись, не уступая въ ярости своимъ всадникамъ.

Вдругъ Гонломахъ перегнулся черезъ сѣдло, схватилъ за холку лошадь своего противника и пригнулъ ей голову книзу; Трексъ потерялъ равновѣсіе и, прежде, чѣмъ успѣлъ оправиться, страшный ударъ меча разсѣкъ ему пополамъ, сначала забрало шлема, а затѣмъ, черепъ. Погибъ бѣдный римлянинъ! Лошадь побѣдителя гордо взвилась на дыбы, какъ бы сознавая, что она тоже способствовала одержанію побѣды. Женщины неистово кричали, махали платками, руками и кидали красавцу Гонломаху деньги, драгоценности, цвѣты и банты изъ лентъ.

Забытый публикой, лежитъ Трексъ посреди арены, рядомъ съ своимъ конемъ, который лижетъ его раны. Въ темномъ уголкѣ одной изъ верхнихъ галерей, притаилась молодая дѣвушка, родомъ римлянка и горько оплакиваетъ умершаго гладиатора, изуродованный трупъ котораго крѣпкими готовятся тащить по песку въ *spoliarium* (раздѣвальня, гдѣ съ убитыхъ снимали оружіе).

Водяныя помпы приведены въ дѣйствіе, благоуханный дождь орошаетъ амфитеатръ и освѣжаетъ спертый воздухъ; водометы высоко выбрасываютъ струи розовой и шафранной воды, трубы гремятъ, восторгу публики нѣтъ мѣры.

— Слава Церію, отцу города! Слава хозяину праздника, щедрому расточителю удовольствій, другу народа! восклицаютъ старые и молодые помпеяне.

Толпы самнитовъ, которыхъ можно узнать по высокому гребню ихъ шлемовъ и по развѣвающимся на нихъ перьямъ, выбѣгаютъ на арену, по знаку распорядителя строятся въ боевой рядокъ и, при громѣ трубъ и воинственныхъ кликовъ, вступаютъ въ состязаніе съ такою же толпою парматовъ. Глядя на быстрыя, ловкія движенія гладиаторовъ, неопытный зритель подумалъ бы, что на его глазахъ происходитъ воинственная пляска, а между тѣмъ, это былъ бой на смерть. По закону, ни одинъ гладиаторъ не смѣлъ оставлять арены до тѣхъ поръ, пока не получалъ почетной раны. Прошло нѣсколько минутъ, и груды труповъ выросли на напоенномъ кровью пескѣ. Зрители превратились въ дикихъ звѣрей; вскочивъ на свои мраморныя сидѣнья, они во все горло кляли павшихъ, превозносили побѣдителей и ругались надъ всѣмъ человѣчествомъ. Зрѣлище смѣнялось зрѣлищемъ; ретираріи съ сѣтями билась, поочередно, съ мирмилонами и съ секуторами. Вотъ падаетъ знаменитый Гермесъ, опутанный сѣтью Непимуса, который троекратно пронзываетъ ему грудь легкимъ трезубцемъ; со свистомъ взвивается арканъ Иполита и, какъ рыба, пойманная на крюкъ удочки, бьется и корчится несчастный противникъ его, задыхаясь въ веревочной петлѣ, затянутой могучей рукой силача-гладиатора. Наконецъ, объявляется перерывъ представленія.

IV.

Антрактъ.

Взрыта вся площадь арены, испещрена темными багровыми лужами крови; *spoliarium* сверху до низу переполнено трупами гладиаторовъ; нѣтъ туда прохода даже крѣпикамъ — все полно. Усталые, обезображенные ранами побѣдители, шествуютъ медленнымъ, торжественнымъ шагомъ вокругъ арены, направляясь, при громѣ трубъ, въ главные ворота, на перевязочный пунктъ. Лица ихъ искажены отъ физической боли; но ни малѣйшей жалобы, ни единого стога не вырывается изъ ихъ судорожно сжатыхъ губъ, потому что

по предписанію гладиаторскихъ законовъ, они обязаны пренебрегать всякаго рода страданіями; мало того, нѣкоторые изъ нихъ съ завистью смотрятъ на товарищей, получившихъ большее число ранъ, чѣмъ они.

Пользуясь антрактомъ между борьбою людей и звѣриной травлей, чернь бурнымъ потокомъ хлынула изъ амфитеатра, запрудивъ собою *vomitorii* (выходныя лѣстницы) и коридоры; всѣ бѣгутъ въ трактиры, либо въ свѣстные лавки *) чтобы пицей и питьемъ подкрѣпить истощенныя силы. Во время антракта арену усыпали свѣжимъ слоемъ песку и тщательно стерли всѣ слѣды, проехавшихъ тутъ побойщъ. Затѣмъ на сцену выступилъ извѣстный акробатъ Сепумій **) съ своею труппою, чтобы, въ видѣ отдыха, занимать почтенную публику ловкими и искусными тѣлодвиженіями и играми. Зрители съ удовольствіемъ смотрѣли на прыжки черезъ обручи, хожденіе на рукахъ, игру съ кольцами и кинжалами. Тѣло Сепумія точно безъ костей; нѣтъ такого положенія, котораго оно не могло бы принять. А время, между тѣмъ, бѣжало незаметно; солнце сильно склонилось къ западу, съ моря потянуло свѣжестью.

Гостепріимный эдилъ приказалъ разносить по ложамъ аристократовъ различныя печенья, лакомства, охлажденные свѣгомъ напитки, плоды, медъ, сладкія вина. Дамы, весело разговаривая, обмѣнивались визитами, или принимали у себя въ ложахъ молодыхъ поклонниковъ.

Антрактъ нѣсколько затянулся; въ публикѣ проявляется нетерпѣніе. Но вотъ затрубилъ рогъ — первый сигналъ. Шурша тяжелыми складками своихъ дорогихъ одеждъ, красавицы помпеянки, спѣшатъ занять принадлежащія имъ мѣста.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Орѣхотворки и чернильные орѣшки.

(Статья А. В. Е.—ва.)

днимъ изъ самыхъ важныхъ подспорій литературы и письменности въ наши времена служить матеріалъ для графическаго изображенія ея, который, несмотря на свою необыкновенную прочность и споркость, еще замѣчательнѣе по

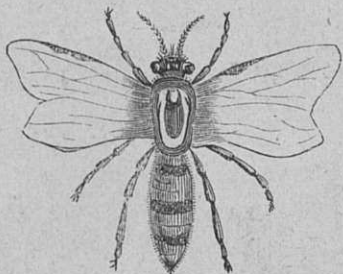
своей дешевизнѣ и простотѣ обработки. Всякій, я думаю, догадается, что я говорю о чернилахъ, — веществѣ почти незамѣнимомъ даже въ наше изобрѣтательное время. Никакіе составы, никакое вещество въ природѣ до настоящаго времени не могло не только вытѣснить чернилъ, но даже замѣнить ихъ, хотя нѣсколько. Ни прославленная тушь китайцевъ, ни различныя краски древнихъ не выдерживаютъ сравненія съ нашимъ простымъ общепотребительнымъ составомъ — смѣси желѣзнаго купороса съ отваромъ чернильныхъ орѣшковъ, дающей чернила. Техника побочными манипуляціями на сколько могла уже усовершенствована этотъ простой составъ, придавъ ему еще болѣе превосходныхъ качествъ, которыя все-таки не препятствуютъ ему по дешевизнѣ и споркости быть доступными всякому. Такая дешевизна происходитъ, очевидно, изъ обилія и дешевизны самихъ матеріа-

*) Вокругъ амфитеатра, во время зрѣлищъ, устраивались временныя трактиры, бараки съ различными товарами и свѣстными припасами и переносныя кухни; тутъ же бродили толпы знахарей, гадалщиковъ и гетеръ.

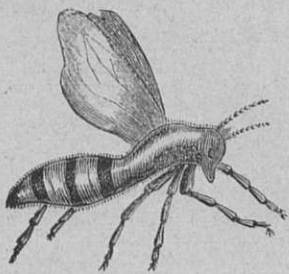
**) Сепумій былъ знаменитый акробатъ Помпей; на одной изъ стѣнъ отрытаго города до сихъ поръ уцѣлѣла надпись, содержащая въ себѣ восторженные похвалы его искусству.

ловъ, входящихъ въ составъ чернилъ; зеленый (железистый) купоросъ или, выражаясь химически, растворъ сѣрноокислаго желѣза (Fe SO^4) составляетъ необходимый товаръ каждой желѣзной лавки, а чернильные орѣшки въ изобиліи выдѣляются многочисленными насѣкомыми—орѣхотворками или чернильными мухами, какъ ихъ обыкновенно называютъ. Объ этихъ-то послѣднихъ мы поговоримъ подробнѣе. Орѣхотворки (*Cynipidae Gallicola*) образуютъ обширную группу, заключающую въ себѣ множество видовъ, имѣющихъ сильное семейное сходство, хотя и довольно опредѣленно отличающихся между собою: величиною, формою, цвѣтомъ; различія, впрочемъ, подчасъ такъ малы, что замѣтны только подъ микроскопомъ. Всѣ орѣхотворки принадлежатъ къ обширному энтомологическому отряду перепончатокрылыхъ (*Hymenoptera*) и характеризуются небольшимъ ростомъ (менѣе 3^{мм}), сильно сжатымъ съ боковъ туловищемъ, и зазубреннымъ на вершинѣ жесткимъ яйцекладомъ или сверломъ, спрятаннымъ въ особенномъ углубленіи туловища, съ помощью котораго самки кладутъ яички въ растительныхъ тканяхъ. Микроскопически ихъ можно охарактеризовать еще тѣмъ, что крылья ихъ имѣютъ мало жилокъ, никогда не имѣютъ лучевой жилки, а грудь покрыта обыкновенно жесткими короткими волосками. Для насъ особенно важна орѣхотворка дубовая (*Cynips quercus folii*), которая во многихъ мѣстахъ почти исключительно доставляетъ чернильные орѣшки, весьма богатые таниномъ, веществомъ вяжущаго дубильнаго вкуса. Фигура 1 представляетъ этотъ видъ орѣхотворки, наичае встрѣчающійся, а потому и наиболѣе извѣстный; фиг. 2 изображаетъ тоже насѣкомое сбоку, а фиг. 3 орѣхотворку Колара *), немного увели-

Фиг. 1.

Фиг. 2.

Фиг. 3.

ченную. Орѣхотворка дубовая для невооруженнаго глаза не представляетъ ничего привлекательнаго; она кажется простою маленькою мушкою чернаго цвѣта; но за то подъ микроскопомъ блещетъ всеми цвѣтами радуги, удачно сочетанными и оттененными съ большимъ вкусомъ. Черный цвѣтъ тѣла получаетъ серебристый отблескъ отъ большихъ бѣлыхъ блестящихъ густо усѣянныхъ волосковъ. Сложные глаза блещутъ своими отдѣльными многочисленными хрусталиками; ножки и сажки, составленные изъ цѣли суставовъ, представляютъ весьма красивые сложные органы. Крылья же, отражая и переливая солнечные лучи, блестятъ радужными цвѣтами, переливающимися подобно цвѣтамъ жемчуга, а небольшія черныя жилки оттеняютъ границы этихъ цвѣтовъ. Про большіе виды орѣхотворокъ этого сказать нельзя; будучи больше по величинѣ, они подъ микроскопомъ не представляютъ

*) Коларъ—знаменитый энтомологъ.

ничего особеннаго, кромѣ полосокъ и черточекъ на крыльяхъ, которыя у меньшихъ видовъ придаютъ неотразимую прелесть радужнымъ переливамъ. Самки орѣхотворокъ, какъ мы уже выше сказали, снабжены зазубреннымъ твердымъ яйцекладомъ, помѣщающимся въ особенной выемкѣ брюшка, который у видовъ настоящихъ орѣхотворокъ имѣетъ спиралеобразную форму. Съ помощью этого яйцеклада самка, когда придетъ время кладки яицъ, что обыкновенно совпадаетъ съ періодомъ полного сокообращенія въ листьяхъ дуба, прокалываетъ въ листѣ, обыкновенно возлѣ жилки, небольшое отверстіе, которое и расширяетъ двойнымъ движеніемъ яйцеклада; когда образуется достаточная полость, она раздвигаетъ половинки яйцеклада, кладетъ въ эту послѣднюю яйцо, обыкновенно одно, и обливаешь его особенною раздражающею жидкостью и улетаетъ къ другому мѣсту, гдѣ производить подобную же операцію и такъ дальше.

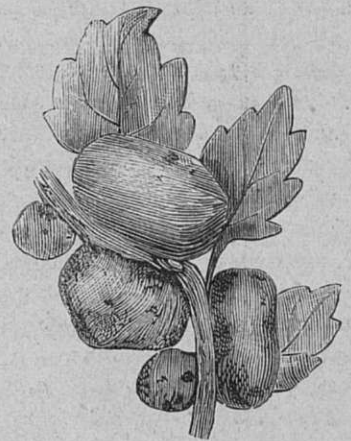
Раздражающая жидкость эта, влитая во внутрь листа, начинаетъ возбуждать дѣятельность тканей и видоизмѣнять ихъ; какъ отъ ужаленія осы или пчелы нашего тѣла, которая также, прокалывая кожу, вливаютъ раздражающую жидкость, пораженное мѣсто начинаетъ пухнуть, такъ и ткани листа начинаютъ образовывать ячейки, наполненные жидкостью, обуславливающія набуханіе поверхности листа. Надуваніе это продолжается до тѣхъ поръ, пока не образуется сферическое болѣе или менѣе гладкое тѣло, которое мы называемъ чернильнымъ орѣшкомъ. Ф. 4 представляетъ нѣсколько такихъ орѣшковъ,

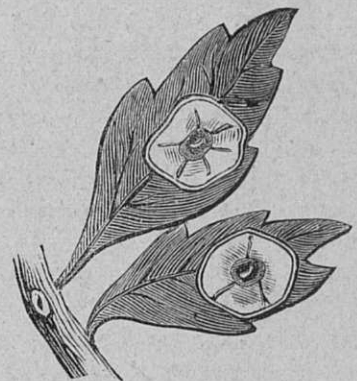
Фиг. 4.

такъ называемыхъ вишневыхъ, сидящихъ на самыхъ листикахъ и при основаніи ихъ; орѣшки эти особенно многочисленны на самыхъ молодыхъ дубахъ и на отпрыскахъ, вообще на частяхъ дерева съ наиболѣе сильнымъ сокообращеніемъ, гдѣ и орѣшки достигаютъ наибольшихъ размѣровъ. Другой видъ орѣхотворки *C. terminalis* производитъ на дубовыхъ вѣткахъ, особенно при основаніи листьевъ, замѣчательные губчатые, мягкіе, многокамерные орѣшки, которые называются обыкновенно дубовыми яблоками и достигаютъ, несмотря на незначительную величину насѣкомаго, производящаго ихъ, величины небольшого яблочка или картофелины. Ф. 5 представляетъ нѣсколько такихъ дубовыхъ яблокъ. Цвѣтъ тѣхъ и другихъ, т. е. вишневыхъ орѣшковъ и яблочковыхъ чрезвычайно разнообразенъ; одни изъ нихъ зеленого, другіе бѣлаго, красного, оранжеваго, желтаго цвѣтовъ съ различными переходами и оттенками. Поверхность вишневыхъ орѣшковъ гораздо глаже и блестяще, чѣмъ поверхность яблочковыхъ, которые часто при томъ еще имѣютъ неправильную форму съ глазками и вообще очень походятъ на картофелину. Сходство «дубоваго яблока», особенно правильной сферической формы, что, впрочемъ, бываетъ рѣдко, и красиваго яркаго цвѣта, съ настоящимъ плодомъ увеличивается еще тѣмъ, что оно гораздо плотнѣе и крѣпче вишневаго орѣшка и весною часто маленькіе листики окружаютъ его

на подобіе околоплодника или плодовой чашечки. Если мы разрѣжемъ пополамъ одинъ изъ чернильныхъ орѣшковъ какого бы то ни было вида, что и показано на ф. 6, то онъ окажется со-

Фиг. 5.

Фиг. 6.

стоящимъ изъ рыхлаго мясистаго вещества, обернутаго слоемъ того же вещества, только болѣе отвердѣлаго, съ расходящимися неправильно лучами еще болѣе твердой консистенціи; и въ самомъ центрѣ его замѣтимъ маленькую кожистую ячейку древеснаго сложенія, въ серединѣ которой окажется маленькая жирная бѣлая личинка, изогнутая по формѣ ячейки и происшедшая изъ того яичка, которое, какъ мы уже ранѣе видѣли, положила заботливая мать. При разрѣзѣ дубоваго яблока мы встрѣтимся съ нѣсколькими сферическими ячейками, окруженными болѣе твердою массою, и въ серединѣ каждой изъ нихъ по маленькой личинкѣ *). Мясистая, окружающая ячейку масса и есть матеріалъ, изъ котораго различными манипуляціями добывается сокъ, весьма богатый таниномъ и служащій одною изъ главныхъ составныхъ частей чернилъ. Этимъ же сокомъ вмѣстѣ съ губчатою древесинною массою и питается личинка, когда выдунется изъ яичка, положеннаго матерью въ самую середину; имъ питается, растетъ и, когда вырастаетъ, прогрызаетъ себѣ дорогу и выходитъ на свѣтъ. Упомянутая выше Коларова орѣхотворка производитъ на дубѣ, преимущественно на черешкахъ листьевъ и первичныхъ вѣточкахъ маленькіе гладкіе орѣшки темнаго цвѣта сферической формы, сидящіе притомъ обыкновенно группами отъ двухъ и трехъ до нѣсколькихъ десятковъ (ф. 7). Еще

Фиг. 7.

*) Иногда случается, что во всемъ многокамерномъ дубовомъ орѣшкѣ не встрѣтишь ни одной личинки, а только одни остатки ихъ, какъ это найде-

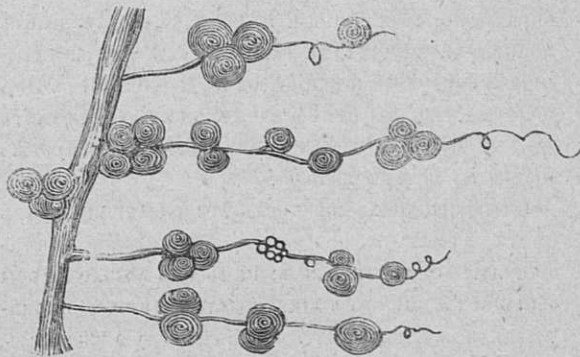
болѣе странные и красивые орѣшки производятъ маленькая блестяще-окрашенная съ красными пожками орѣхотворка розовая (*C. rosae*), которую часто относятъ въ отдѣльный отъ орѣхотворокъ родъ *Rhodites*, основываясь на томъ, что у нея усики не булабовидные, какъ у орѣхотворокъ, а щетинообразные и челюстныя щупальцы имѣютъ 4 членика, а не 5, какъ у послѣднихъ. Розовая орѣхотворка кладетъ свои яички въ листья розъ или шиповника. Каждое яичко окружается особымъ орѣшкомъ и всѣ они

Въ серединѣ маленькихъ орѣшковъ, по этому, можно часто встрѣтить умершія личинки и даже куколки орѣхотворокъ въ видѣ сферическихъ маленькихъ предметовъ различнаго цвѣта и величины. Замѣтимъ при этомъ, что розовая орѣхотворка предпочитаетъ изъ всѣхъ розъ стебли *Rosae caninae*. Весьма близкое, по своему виду къ орѣхотворкѣ дубовой, насѣкомое (*C. quercus pedunculi*) строитъ жилище своему будущему потомству еще оригинальнѣе. Оно дѣлаетъ уколы на стебляхъ дубовыхъ цвѣтовъ и цвѣтоножкахъ

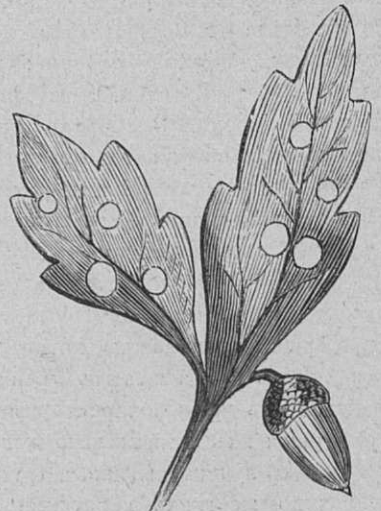
многовѣтвистыми волосками, какъ орѣшки розовой орѣхотворки, а листообразными отростками, которые, покрываясь замѣчательною правильностью большой орѣшкой, какъ черепицы на крышѣ, образуютъ еще на верхушкѣ листовую коронку въ родѣ ананасной. Эта обертка и покрывка, служа насѣкомому, какъ бы обшивкою жилища и защитой противъ непогодъ и зимнихъ холодовъ, обманываетъ неопытнаго наблюдателя своимъ сходствомъ съ большимъ желудемъ, за которые ихъ часто принимаютъ. Еще чаще, чѣмъ

Фиг. 8.

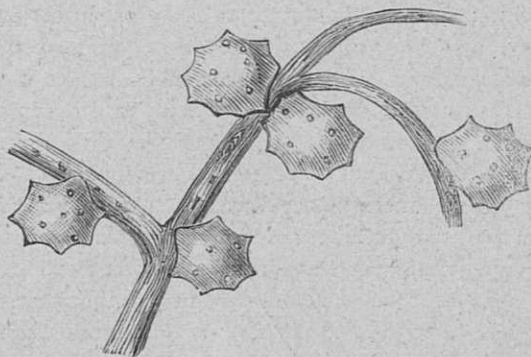
Фиг. 9.

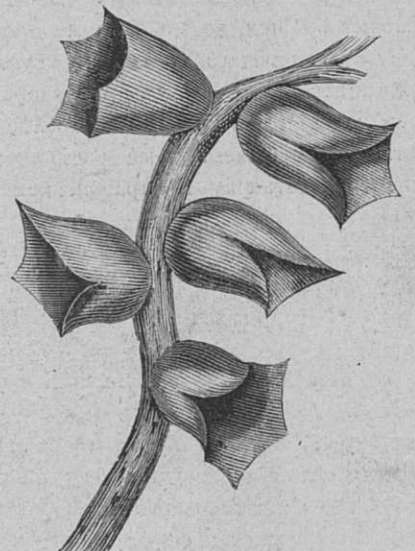
Фиг. 10.

Фиг. 11.

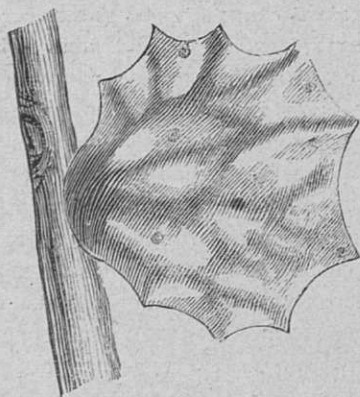

Фиг. 12.

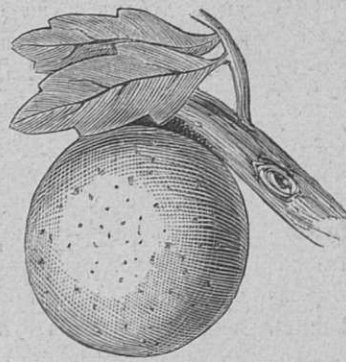

Фиг. 13.

сливаются въ одну общую массу, носящую часто названіе «розовой губки». Эта масса, какъ и представлено на ф. 8, по всей своей поверхности покрыта длинными многовѣтвистыми волосками, сидящими такъ густо, что нельзя отличить самой формы общаго орѣшка; происхожденіе этихъ волосковъ весьма загадочно и до сихъ поръ не объяснено удовлетворительно, даже гипотетически. Число орѣшковъ въ одной губкѣ очень велико, обыкновенно около полусотни; эти первичные орѣшки, будучи величиною не болѣе горошины, наполняютъ собою форму вторичнаго орѣшка величиною съ лѣсное яблоко. Вся поверхность вторичнаго орѣшка покрыта маленькими дырочками, обозначающими выходъ насѣкомаго, успѣвшаго развиться; такія же отверстія замѣчаются по одному и на каждомъ маленькомъ первичномъ орѣшкѣ. Множество личинокъ розовой орѣхотворки, по различнымъ причинамъ неразвившихся вполнѣ, гибнетъ внутри орѣшковъ, не будучи въ состояніи прогрызть себѣ дороги. Но было мною въ одномъ экземплярѣ яблока, хранящагося у меня; виною этому было нѣсколько наѣздинокъ (*Ichneumon*), которые уничтожили личинокъ орѣхотворокъ.

Фиг. 14.

Фиг. 15.

мужскихъ сережекъ дуба, такъ что образовавшіеся вслѣдствіе этого орѣшки располагаются какъ смородинки на плодовомъ стебелькѣ, что и дало поводъ назвать ихъ смородинными орѣшками. Эти послѣдніе, изображенные на ф. 9, бываютъ часто кромѣ обыкновеннаго зеленаго цвѣта еще яркочерными и блѣднорозовыми, что еще болѣе довершаетъ сходство ихъ съ смородиною вѣткою. На дубахъ средней и южной Европы водятся еще одна любопытная орѣхотворка, которая производитъ малые и большіе оберточные орѣшки, покрывающіеся въ зрѣломъ возрастѣ не

эти послѣдніе, встрѣчаются даже въ нашихъ дубовыхъ лѣсахъ въ казанской и симбирской губерніяхъ, такъ называемые блестящие орѣшки, которые по своей круглой формѣ, плоскостности и блеску походятъ на металлическія блестки и усеиваютъ верхнюю и въ особенности нижнюю поверхность дубоваго листка. Орѣшки эти, на подобіе грибовъ или пуговокъ, сидятъ на коротенькой ножкѣ, при основаніи которой находится маленькая, открытая Реомюромъ, личинка орѣхотворки *C. longipennis*, называемой также въ честь ученаго, открывшаго ее *C. Reaumurii*.

Реомюровы или блестящие орѣшки, представленные на фиг. 10, желтаго или красноватаго цвѣта, имѣютъ на своихъ краяхъ маленькіе валики, усаженные нѣжными волосками, небольшое углубленіе въ серединѣ и всѣ покрыты тончайшею шелковистою паутиною. Близко къ блестящимъ орѣшкамъ подходятъ орѣшки *Cynipis Malpighi* (ф. 11), которые, будучи чечевицеобразной формы и желтаго цвѣта, отличаются отъ реомюровскихъ острымъ краемъ, выпуклою серединою, всѣ покрыты нѣжнѣйшими волосками и прикрѣплены къ нижней сторонѣ дубоваго

листка своею серединою. Самыми знаменитыми и наиболее употребительными орѣшками будутъ, безъ сомнѣнія, орѣшки левантскихъ дубовъ, величиною равные орѣшкамъ коларской орѣхотворки, немного грушевидной формы, не столь гладкіе, какъ послѣдніе, и покрытые нѣсколькими короткими твердыми острыми иглами (ф. 12). Эти орѣшки, самые употребительнѣйшіе въ торговлѣ, дѣлятся сообразно своему цвѣту на черные, бѣлые, синіе и зеленые; послѣдніе, по своей сравнительной бѣдности таниномъ, цѣнятся дешевле. Особый видъ орѣшковъ оригинальной формы представленъ на ф. 13 и принадлежитъ орѣхотворкѣ многоугольной (*C. polyseca*). Ихъ форма походитъ на конусъ, усѣченный плоскостью, то перпендикулярно, то нѣсколько наклонно оси и сидящій острымъ основаніемъ на вѣткѣ. Смотря по количеству твердыхъ иголъ, сидящихъ не на всей поверхности конуса, а только на плоскости его сѣченія, орѣшки дѣлятся на треугольные, пентагональные, гексагональные и т. д. На нашей

вовсе на приготовленіе чернилъ, но извѣстномъ не менѣе другихъ. Я говорю о прославленномъ «юганомъ содомскомъ яблокѣ», «яблокѣ мертвого моря», «плодѣ содомо-гоморекомъ» — русскихъ паломниковъ. Это орѣшекъ, величиною съ предидущій, совершенно сферическій, гладкій, ярко-раскрашенный, иногда подходящій по виду къ лучшему сорту зрѣлыхъ яблокъ. Заманчивый съ виду, онъ, будучи раскусенъ, производитъ на наши вкусовые органы непріятное вяжущее ощущеніе, усиливается еще сухостью вещества внутри яблочнаго, похожаго съ виду на золу. Это и подало, вѣроятно, поводъ къ старинной сказкѣ, которой долго вѣрили и на которую указываетъ его народное названіе, связавшее съ историческимъ мѣстонахожденіемъ этого яблока его непріятныя свойства. Вествудъ разрѣшилъ загадку, открывъ, что эти проклятые плоды производитъ одна орѣхотворка *C. insana*, живущая на нѣкоторыхъ дубахъ Сиріи. Фигура 15 представляетъ такое яблоко въ немного уменьшенномъ видѣ.

бѣлый макъ, изъ котораго преимущественно добывается опій, обращающійся въ торговлѣ, подвергается нападенію орѣхотворки маковой. Вествудъ описалъ видъ орѣхотворки, нападающей на рѣпу; мнѣ пришлось видѣть орѣхотворку, производящую цѣлую колонію орѣшковъ на дикомъ орѣшникѣ, вида которой по причинѣ его мелкости я различить не могъ, хотя по нитевиднымъ усикамъ и морщинистой груди ее надо бы было отнести не къ настоящимъ орѣхотворкамъ, а къ жильцамъ (*Inquilina*). Есть, впрочемъ, еще и другія растенія, на которыхъ орѣхотворки производятъ орѣшки; но только одинъ дубъ, по большей содержимости вяжущихъ веществъ, способенъ питать потомство орѣхотворокъ чернильныхъ, при помощи которыхъ и добывается исключительно танинъ. При этомъ дерево не страдаетъ и многими наблюдателями даже было замѣчено, что тѣ дубы здоровѣе, крѣпче и долговѣчнѣе, которые сплошь усѣяны орѣшками различныхъ видовъ орѣхотворки. Величина орѣш-

Къ статьѣ «Въ новой Гвинее». (См. № 22 Жив. Об.).

фигурѣ представлено нѣсколько различныхъ орѣшковъ съ неодинаковымъ количествомъ рожковъ, отъ которыхъ и самыя насѣкомыя получили названіе многоголыхъ. Еще болѣе, чѣмъ послѣдній видъ орѣшковъ, отличается своею твердостью и деревянностью постройки родъ средне-германской орѣхотворки (*C. Hungarica*), которая особенно многочисленна на дубахъ средне-дунайской или венгерской низменности, отъ которой она и получила названіе. Орѣшекъ этой послѣдней, величиною въ грецкій орѣхъ, состоитъ изъ столь плотной массы, что едва поддается даже острому ножу, чему способствуютъ еще твердѣйшія ребра неправильной формы, расходящіяся лучеобразно отъ основанія и обходящія продольно, иногда меридіонально весь орѣшекъ. Ребра этого орѣшка, какъ видно на ф. 14, кромѣ своей неправильности хода, еще неровны и образуютъ на нѣкоторыхъ промежуткахъ рога съ острыми и жесткими концами. Остается еще сказать объ одномъ извѣстномъ орѣшкѣ, хотя и не употребляемомъ

Разсматривая до сихъ поръ только орѣхотворокъ, живущихъ на воздушныхъ наземныхъ частяхъ дуба, мы скажемъ и объ орѣхотворкахъ, выращивающихъ своихъ дѣтей на подземныхъ частяхъ дуба. Такъ *Cynips aptera* образуетъ грушевидный орѣшекъ немного болѣе горошины и располагаетъ множество ихъ въ видѣ пучка орѣховъ на развѣтленіяхъ корня дуба; *Cynips quercus-radicis* строитъ многокамерный орѣшекъ огромной величины, содержащій множество насѣкомыхъ въ средней части корней и т. д. Вествудъ упоминаетъ объ одномъ орѣшкѣ *Cynipis quercus-radicis*, имѣющемъ 5 дюймовъ длины и дюймъ съ четвертью ширины, съ болѣе чѣмъ полутора тысячею орѣхотворокъ.

Кромѣ описанныхъ нами видовъ дубовыхъ орѣхотворокъ, есть еще множество другихъ, которыя выбираютъ для жилищъ своихъ дѣтенышей другія растенія; но такъ какъ онѣ не имѣютъ такого значенія, какъ орѣхотворки дубовыя, то мы ихъ коснемся только отчасти. Такъ извѣстно, что

ковъ вообще не представляется пропорціальною величиной или числу насѣкомыхъ, производящихъ ихъ; такъ, самые мелкіе орѣшки производятъ наиболѣе крупныхъ орѣхотворокъ, тогда какъ огромные — едва замѣтныхъ простому глазу. Съ другой стороны дубовое яблоко и шиповниковая губка содержатъ въ себѣ личинокъ не болѣе, какъ мелкіе колоніальные орѣшки, а крупный венгерскій орѣшекъ всего одну орѣхотворку. Разнообразіе окрасокъ различныхъ видовъ орѣшковъ, не смотря на одинаковость матеріала, еще до сихъ поръ не выяснено съ достаточною ясностью, хотя изслѣдовано и срисовано въ особенности Гамершидтомъ болѣе 400 видовъ. Всѣ орѣхотворки маленькія, живыя насѣкомыя, живутъ не долго и векорѣ послѣ кладки яицъ умираютъ. Орѣшки могутъ служить самыми характеристическими признаками различныхъ видовъ, которые по нимъ различаются весьма определенно. Число яицъ, какъ мы уже выше видѣли, разнообразно, отъ одного и до нѣсколькихъ сотъ,

даже тысячъ. Къ сожалѣнію, многія изъ полезныхъ намъ орѣхоторокъ погибаютъ, еще не вышедши въ свѣтъ, или вслѣдствіе окружающихъ условій или вслѣдствіе нападенія паразитовъ особенно ихнемвоновъ—этихъ бичей личиночныхъ насѣкомыхъ. Эти паразиты кладутъ, подобно орѣхоторкамъ, свои яйца, но только не въ растенія, а въ живыя тѣла личинокъ другихъ насѣкомыхъ; изъ яйца вылупившіяся личинки съ удивительной быстротою уничтожаютъ своихъ хозяевъ, питааясь жировою тканью послѣднихъ, гдѣ часть ихъ закоконировывается, а случается выходить и до закоконирования.

Для полученія чернильныхъ орѣшковъ въ томъ видѣ, въ какомъ они обращаются въ торговлѣ, или убиваютъ насѣкомое, или ожидаютъ его выхода. Левантскіе орѣшки и наши обыкновенные самые употребительные по большому проценту заключающагося дубильнаго вещества и чернильной кислоты. Орѣшки эти въ очищенномъ видѣ подвергаются отваркѣ и къ полученному отвару прибавляютъ сѣрнокислаго желѣза. Это и будутъ главные составныя части чернилъ, къ которымъ еще для густоты прибавляютъ немного клея и для предупрежденія появленія плѣсени небольшое количество сулемы или креозота, имѣющихъ свойство убивать попадающихъ въ смѣсь органическихъ зародышей. Пропорція смѣси обыкновенно такова: 6 унцій толченыхъ орѣшковъ, 4 унціи зеленого купороса (сѣрнокислаго желѣза) и 4 унціи гумми-арабика на 7 бутылокъ воды; количество же сулемы или креозота произвольно, хотя часто ихъ вовсе не прибавляютъ. Отваръ дубовой коры и даже чайныхъ листьевъ съ извѣстной пропорціею сѣрнокислаго желѣза даетъ также чернила, но далеко низшаго достоинства, какъ по прочности, такъ и по слабой интенсивности цвѣта, чѣмъ отваръ толченыхъ чернильныхъ орѣшковъ. Обиліе орѣхоторокъ, безвредность ихъ по отношенію къ питающимся деревьямъ, легкость добыванія составныхъ частей чернилъ и простота ихъ приготовления при достаточной, до сихъ поръ не замѣнимой прочности и спорокости, не оставляютъ желать ничего лучшаго, и чернила, вѣроятно, если не никогда, то весьма долгое время не будутъ замѣнены ничѣмъ лучшимъ и дешевѣйшимъ, такъ какъ употребленіе ихъ повсемѣстно и опирается на общезвѣстные полезныя качества этого продукта.

Въ Новой Гвинее.

Изъ путешествія Люи Трегана. Переводъ Н. М. Поль.
(Продолженіе.)

Глава XI.

Правитель назначилъ меня смотрителемъ работъ и мнѣ, къ счастью, было много дѣла, говорю, къ счастью, такъ какъ жизнь моя была чрезвычайно однообразна. Въ первый годъ моего пребыванія я заставлялъ орангоновъ устраивать снаряды для промывки золота, училъ ихъ пользоваться ими, указывалъ, какъ рыть колодцы, для разработки руды. Мнѣ удалось это послѣднее предпріятіе, такъ что милость, которою я пользовался, значительно увеличивалась. Впрочемъ, руды были баснословно богаты: разъ я съѣлъ на огромный обломокъ кварца, на которомъ обыкновенно отдыхали рудокопы. Я машинально ударилъ по немъ своимъ кремневымъ молоткомъ, скала треснула, обнаруживъ великолѣпную жилу чистѣйшаго золота. Мнѣ удалось отдѣлить нѣсколько частицъ, которыя я отнесъ правителю и онъ далъ мнѣ разрѣшеніе добывать отсюда золото. Я пробовалъ сначала разбить скалу, но только переломалъ всѣ молотки. Тогда я рѣшился прибѣгнуть къ средству, употребляемому во Франціи при обжиганіи известняковъ: я положилъ на нѣсколько дней куски кварца въ рас-

каленную печь и когда потушили огонь, кварцъ рассыпался, а золото отдѣлилось.

Несмотря на все мое усердіе къ труду, время тянулось для меня съ отчаянною медленностью. Меня окружали преступники, проигрывавшіе все золото, которое они находили, и я съ сокрушеніемъ видѣлъ, что пороки игры производятъ среди дикарей такіе же бѣдствія, какъ и среди цивилизованныхъ націй. Несчастные вскорѣ утратили энергію, необходимую для возвращенія свободы. Нѣкоторые пытались бѣжать, но умирали отъ голода и истощенія въ горахъ или погибали въ долинахъ Змѣй. Другіе воровали сумму, необходимую для ихъ выкупа: преступленіе ихъ вскорѣ открывалось и, по приказанію правителя ихъ привязывали къ деревьямъ, гдѣ ихъ пожирала змѣя или хищныя птицы. Иногда ихъ оставляли умирать голодною смертію!

Провинція Уарата очень плодородна. Здѣсь въ изобиліи встрѣчались бананы, финики, кокосовые орѣхи, виноградъ. Я много охотился и занимался рыбною ловлей: очень полезныя развлеченія, такъ какъ рѣка Ирфакъ и лѣса, росшіе по ея берегамъ, доставляли намъ нашу главную пищу, дичь и рыбу.

Въ концѣ второго года моего пребыванія въ Уаратѣ, офицеръ, прибывшій изъ Кутара, привезъ мнѣ подарокъ. Это была шляпа, сплетенная изъ тонкой соломы, какъ носили всѣ туземцы. Я не сомнѣвался, что это работа Лямямъ, и съ удовольствіемъ принялъ подарокъ. Около этого же времени, у меня было отнято званіе смотрителя, неизвѣстно за что, и передано орангоноку, которому я долженъ былъ подчиняться.

Уже прошло около года, съ тѣхъ поръ, какъ я впалъ въ немилость у правителя, когда внезапно послѣдовало изверженіе одного угасающаго вулкана. Впродолженіи нѣсколькихъ дней, воздухъ былъ необыкновенно тяжелъ; наконецъ, однажды вечеромъ, небо покрылось густымъ и бѣднымъ дымомъ, и изъ кратера вырвался столбъ пламени, въ нѣсколько сотъ метровъ высотой. Зрѣлище было ужасающее: потоки лавы текли по скатамъ горы, сжигая все на пути и убивая множество орангоновъ, которые, обезумѣвъ отъ страха, не подумали даже о бѣгствѣ. Изверженіе продолжалось нѣсколько дней; я думалъ даже, что лава дойдетъ до города Уарата, но жители его отдѣлились только страхомъ.

Туземцы начали понемногу забывать испытанную опасность, какъ вдругъ впродолженіи нѣсколькихъ дней пошелъ дождь, а послѣ него начался томительный зной. Нѣсколько опытныхъ рудоконовъ съ безпокойствомъ поглядывали на Ирфакъ, который спокойно катилъ свои воды, но предвѣщалъ страшное наводненіе. Я по опыту зналъ, что можно опасаться подобной случайности. Часто, во время таянія снѣговъ на вершинахъ горъ, Ирфакъ, въ который стекали всѣ воды этого склона Тонаворку, наводнился въ нѣсколько часовъ и выходилъ изъ береговъ. Такъ какъ городъ Уарата стоялъ лѣе на три отъ рѣки, я не придавалъ значенія этимъ зловѣщимъ предсказаніямъ. Разъ ночью, спокойный сонъ мой былъ прерванъ глухимъ и продолжительнымъ ревомъ, похожимъ на шумъ, образуемый прибоемъ волнъ. Шумъ этотъ все усиливался, я выбѣжалъ изъ дома и увидѣлъ на улицѣ обезумѣвшую толпу, мечущуюся взадъ и впередъ со стенами и криками, что подходитъ духъ Тонаворку. Началось наводненіе, сильнѣе и грознѣе всѣхъ предшествовавшихъ. Солдаты съѣли уже на лошадей и спаслись на высокихъ холмахъ, лежащихъ въ двухъ лѣе отъ Уарата, но было бы безуміемъ спасаться бѣгствомъ, не имѣя лошади. Я снова вошелъ въ домъ и отправился въ верхній этажъ. Не прошло и четверти часа послѣ моего пробужденія, какъ вода достигла города, опрокидывая дома и снося всѣ преграды! Шумъ былъ

страшный: къ реву разъ яренныхъ волнъ примѣшивались крики несчастныхъ, застигнутыхъ въ нижнихъ этажахъ и зловѣщій трескъ разрушающихся домовъ. Погибло около 150 человѣкъ, но такъ какъ вода достигла 6 футовъ высоты, то работы въ рудникахъ надолго приостановились и я все сильнѣе желалъ вернуться въ Кутаръ. Увы! казалось, что этому желанію никогда не суждено сбыться: прошло 4 года и я ничего не слышалъ ни о Кайгарѣ, ни о Лямямъ, ни о Ланнѣ! Около этого времени, огромный удавъ вышелъ изъ долины Змѣй и опустошалъ страну. Отрядъ охотниковъ, къ которому принадлежалъ и я, рѣшился напасть на него. Съ этою цѣлью, мы отправились изъ Уараты, въ 8 часовъ утра, вооруженные пиками, саблями, луками и стрѣлами, въ сопровожденіи множества зрителей, готовыхъ помочь намъ, если мы останемся побѣдителями, и бѣжать въ случаѣ неудачи. Мы надѣялись застигнуть чудовище около полудня, когда оно изнемогаетъ отъ зноя. Перейдя Ирфакъ, мы съ предосторожностями вступили на дорогу, куда обыкновенно отводили приговоренныхъ къ смерти и гдѣ видѣли нашего врага. Но, по мѣрѣ приближенія, рвеніе моихъ спутниковъ угасало. Видя это, я предложилъ отправиться на поиски съ нѣсколькими желающими, остальнымъ въ это время отдохнуть.

Предложеніе мое было принято, и я отправился съ 4 смѣльчаками, разглядывая кустарники, деревья, изучая каждую неровность мѣстности. Прошло около получаса, какъ вдругъ лошадка, на которой я ѣхалъ, начала дрожать; я предупредилъ одного изъ моихъ спутниковъ, но онъ отвѣчалъ мнѣ:

— Ты подъ деревомъ, на которомъ есть скелетъ. Твоя лошадь увидѣла его и испугалась.

Объясненіе было правдоподобно. Я понукаю лошадь, но она дрожитъ сильнѣе, ржетъ и пьитается. Я сталъ отыскивать, что могло напугать ее, и встрѣтилъ блестящіе глаза удава, который раскачивался въ 20 футахъ надъ моею головою, и медленно приближался ко мнѣ. Я хотѣлъ бѣжать: лошадь моя стояла, какъ вкопанная; хотѣлъ вскрикнуть: голосъ замеръ въ груди! И я остался на мѣстѣ, между тѣмъ чудовище приближалось...

Къ счастью, насъ еще раздѣляло небольшое разстояніе и чудовище, своими движеніями, оторвало нѣсколько листьевъ и тѣмъ привлекло вниманіе моихъ спутниковъ. Они замѣтили змѣю, которую до сихъ поръ принимали за огромный высохшій сукъ, такъ какъ вся нижняя часть ея туловища была скрыта въ зелени, и вырвали меня и лошадь изъ оцѣпленія, которое нами овладѣло. Мы посигналили тогда сообщить о нашемъ открытіи остальному отряду, но когда мы явились для нападенія на врага, онъ уже обвился вокругъ вершины дерева и смотрѣлъ на насъ своими страшными глазами. Орангоноки остановились въ почтительномъ отдаленіи и, признаюсь, на этотъ разъ, я послѣдовалъ ихъ примѣру. Но не могли же мы оставаться въ оборонительномъ положеніи, пока удаву не заблагодаримъ броситься на насъ. Не удалось ли хитростью заманить его на землю? Мы рѣшились попытаться, и привязали къ дереву, близехонько отъ змѣи, несчастную старую лошадь, а сами принялись пускать стрѣлы въ верхнія вѣтви дерева, откуда мы намѣревались выжить удава. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія, отвратительное животное стало разворачивать свои кольца, и медленно протянуло голову къ несчастной лошади, которая дрожала всѣмъ тѣломъ. Мы скрылись нѣсколько поодаль и ожидали, съ поднятыми копытами, самой безопасной минуты для нападенія, когда удавъ совершенно обовѣетъ свою жертву.

Я воспользовался этимъ временемъ, чтобы слѣзть съ лошади, которая не внушала мнѣ болѣе

довѣрія. Наконецъ, настала благоприятная минута, мы всѣ бросились впередъ, но одна часть отряда, увлекшись своимъ рвеніемъ, слишкомъ забѣжала впередъ, а другая отъ страха осталась сзади, и я, не замѣчая этого, очутился одинъ возлѣ удава и ударилъ его копьемъ. Не успѣлъ я нанести ему второго удара, какъ ужъ онъ бросилъ свою первую добычу и кинулся на меня. Испуганный этимъ неожиданнымъ нападеніемъ, оглушенный криками товарищей, которые, вмѣсто того, чтобы помочь мнѣ, разбѣжались во всѣ стороны, я потерялъ голову и побѣждалъ въ свою очередь. Но хладнокровіе не замедлило явиться ко мнѣ; между мною и удавомъ было порядочное разстояніе, я зналъ, что маленький притокъ Ирфака пересѣкаетъ дорогу и направился къ нему, надѣясь спастись быстротою бѣга; но что я буду дѣлать, если удавъ бросится за мною вилавъ, какъ, по рассказамъ, дѣлають эти змѣи?

Я слышалъ за собою чудовище; еще нѣсколько метровъ и оно догонитъ меня, но я уже достигъ рѣки! Я нырнулъ съ разбѣга и нѣсколько минутъ оставался подъ водой, не рѣшаясь выплыть на поверхность. Когда мнѣ захватило дыханіе, я собралъ весь остатокъ силъ, чтобы доплыть до другого берега. Но я попалъ изъ Сциллы въ Харибду: въ нѣсколькихъ взмахахъ руки отъ меня, я увидѣлъ голову крокодила. Я снова нырнулъ, и на этотъ разъ, когда я выплылъ, оба врага мои исчезли; я могъ, наконецъ, выбраться на землю! Но какое зрѣлище ожидало меня! Удавъ обвился вокругъ крокодила и оба чудовища боролись въ водѣ, которая уже успѣла окраситься ихъ кровью. Наконецъ, земноводное было побѣждено и я увидѣлъ, какъ удавъ сдвинулъ его. Я оставилъ берегъ, дрожа при мысли, что меня могла постигнуть участь крокодила, и направился къ товарищамъ, которымъ рассказалъ, какимъ образомъ избѣжалъ я смерти. Мы дождались, пока удавъ проглотилъ свою добычу, и когда онъ совершенно оцѣпенѣлъ отъ пищеваренія, намъ удалось отрубить ему голову, не подвергаясь ни малѣйшей опасности. Я смѣялся удава и остолбенѣлъ: въ немъ было около 10 метровъ длины!

Наше возвращеніе въ Уарату было настоящимъ торжествомъ. Въ мою честь били въ барабанъ, раздавались хвалы, но томившая меня жажда свободы, не дала мнѣ насладиться этою кратковременною славой.

Глава XII.

Во время бѣгства отъ удава, я разорвалъ платье и соломенную шляпу, присланную мнѣ Лямлямъ, которую я носилъ постоянно, въ воспоминаніе о ней, и такъ какъ очень дорожилъ ею, то принялся чинить ее, на сколько хватало умѣнья. Каково же было мое удивленіе, при видѣ листа бумаги, высунувшагося изъ прорванной шляпы! Я теперь вспомнилъ, что и прежде замѣчалъ, будто что-то шуршало въ ней, когда до нея дотрогивался; я не обратилъ вниманія на это обстоятельство и теперь опасался, что отъ времени стерлось то, что мнѣ писала Лямлямъ. Я не сомнѣвался, что это было письмо, иначе, къ чему бы ей класть въ шляпу простую бумажку. О, счастье! Легко было прочесть слѣдующія слова, написанныя круглымъ почеркомъ:

«Лямлямъ посылаетъ поклонъ своему другу Трегану! Слова ея друга дошли до нея, но ничего не сказали ей, потому что она еще не научилась читать ихъ. Дружба (не вѣрнѣе-ли любовь), которую она питаетъ къ нему, заставила ее приняться за ученіе и теперь слова Трегана стали ей понятны и обрадовали ея сердце. Какъ Лямлямъ была бы счастлива, увидѣвъ лицо своего друга! Она безпрестанно думаетъ объ утрѣ, въ которое Треганъ покинулъ Кутаръ! Кайгаръ, отецъ Лямлямъ, повысился въ должности и засѣдаетъ теперь въ темномъ покоѣ Ноо. Онъ другъ Трегану, и испросилъ ему у короля позволеніе

вернуться въ Кутаръ. Король послалъ объ этомъ приказъ правителю Уараты. Черезъ мѣсяцъ, Лямлямъ увидитъ лицо своего друга и будетъ счастлива! Лямлямъ кланяется своему другу Трегану!»

Бѣдная, маленькая Лямлямъ! Прошло около двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ она писала мнѣ, около двухъ лѣтъ она ожидала меня! Но почему же правитель не отправилъ меня, какъ ему было приказано королемъ? Очевидно, какой-нибудь важный интересъ заставлялъ его удерживать меня, но въ чемъ состоялъ онъ? Не желалъ-ли онъ выйти изъ подчиненія королю Кутара и стать независимымъ? Ничто не могло быть легче. Я уже давно былъ убѣжденъ, что какой-нибудь проходъ, извѣстный только солдатамъ, находящимся вблизи долины Змѣй, соединяетъ Уарату съ Кутаромъ; занявъ этотъ проходъ, правитель могъ въ свою очередь сдѣлаться королемъ страны золота. Если у него существовало это намѣреніе и онъ находилъ нужнымъ, для его исполненія, держать меня въ постоянной зависимости, или даже умертвить, то кто могъ ему препятствовать? Я рѣшился, во что бы то ни стало, выйти изъ этого положенія и обратиться къ помощи Лямлямъ; но какимъ образомъ доставить ей мое письмо? Правитель не позволитъ мнѣ этого; офицеры, отправляющіеся въ Кутаръ, не осмѣлятся взять его тайно, притомъ же, въ продолженіи двухъ лѣтъ, у меня была отнята всякая возможность сообщаться съ ними.

Я обратился къ слѣдующей уловкѣ: въ большой самородокъ, который, благодаря терпѣнію, мнѣ удалось разломить на-двое и выдолбить, я спряталъ въ пустоту письмо къ Лямлямъ, потомъ скрѣпилъ совершенно незамѣтно обѣ половинки цементомъ, который не могъ долго держаться. Я отшлифовалъ золото и, положивъ его въ стволъ бамбука, отнесъ къ правителю, прося позволенія отослать его Кайгару, въ знакъ благодарности за его прошлую доброту ко мнѣ. Правитель долго вертѣлъ въ рукахъ самородокъ, прежде, чѣмъ отвѣтилъ мнѣ; наконецъ, не замѣтивъ ничего подозрительнаго, позволилъ въ своемъ присутствіи отдать его офицеру, который въ скоромъ времени долженъ былъ везти золото въ Кутаръ. Я успокоился, только когда онъ оставилъ Уарату и сталъ надѣяться, что хитрость моя послужитъ къ возвращенію свободы.

Но прошло уже 4 мѣсяца, а я все еще не получалъ извѣстій отъ Лямлямъ; правитель держалъ меня постоянно вдали отъ города, во время прихода или ухода войска, и я уже терялъ всякую бодрость, когда узналъ наконецъ, что вскорѣ ожидаютъ отрядъ, подъ предводительствомъ Ланна. Въ тотъ же день меня послали въ самый отдаленный рудникъ. Я повиновался, но вечеромъ вернулся тайкомъ и тотчасъ же направился въ ту часть города, гдѣ располагались солдаты. Какова была моя радость, когда я увидѣлъ Ланну! Онъ встрѣтилъ меня выраженіемъ самой искренней дружбы; и я, не колеблясь, рассказалъ, какъ я несчастливъ, вслѣдствіе дурного обращенія правителя, и повѣрилъ ему мои опасенія, возбужденныя письмомъ Лямлямъ. Ланна выслушалъ меня съ видомъ глубочайшаго удивленія: ему было извѣстно, что король, 2 года тому назадъ, позволилъ мнѣ вернуться въ Кутаръ, но онъ думалъ, что я предпочелъ остаться въ Уаратѣ, какъ правитель донесъ королю. Рѣшеніе это не удивило его, такъ какъ большинство орангококовъ, поселившихся въ странѣ золота, не желали болѣе покидать ее, но очень огорчило, такъ же какъ и прочихъ друзей моихъ въ Кутарѣ.

Я объяснилъ ему, что не только ничего не зналъ объ оказанной мнѣ королемъ милости, но даже ослушался данныхъ мнѣ приказаній, вернувшись въ Уарату.

— Что за цѣль правителю обращаться съ то-

бою подобнымъ образомъ? спросилъ Ланна. — Не оскорбилъ-ли ты его?

— Ничего не знаю.

— Онъ, можетъ быть, сердится на тебя за то, что въ послѣднее время ты нашелъ мало золота.

— Мало золота! вскричалъ я, вскочивъ, какъ ужаленный. — Мало золота! Да съ тѣхъ поръ, какъ я въ Уаратѣ, я каждый годъ веду счетъ всему золоту, добытому подъ моимъ наблюденіемъ, и никогда еще не находилъ его въ такомъ количествѣ, какъ въ 2 послѣдніе года.

— Берегись, Треганъ! отвѣчалъ Ланна серьезно. — Я твой другъ и готовъ забыть то, что ты сказалъ. Но если бы кто другой услышалъ тебя, страшная смерть была бы карою за обвиненіе, которое ты рѣшился произнести противъ своего начальника!

— Мнѣ все равно! Я повторяю, что болѣе всего золота я добылъ въ 2 послѣдніе года, и въ особенности въ годъ наводненія Ирфака.

Ланна долго молчалъ, наконецъ, спросилъ меня:

— Сколько фунтовъ золота получилъ правитель въ годъ наводненія?

Я отвѣтилъ.

— О, Треганъ, отвѣчалъ онъ такимъ тихимъ и дрожащимъ голосомъ, что я едва могъ разобрать его слова; — много менѣе двухъ третей этого количества отосланы королю. Тутъ кроется какое-то предательство, и изъ опасенія, чтобы оно не раскрылось, правитель держитъ тебя въ плѣну. Но я освобожу тебя и ты повторишь самому королю то, что ты мнѣ сказалъ, такъ какъ никто изъ его подданныхъ не имѣетъ права захватывать то, что принадлежитъ ему. Пока отправляйся на свой постъ, чтобы не замѣтили твоего отсутствія. Я навѣщу тебя черезъ недѣлю и мы потолкуемъ.

Я вернулся въ рудникъ, который мнѣ было поручено разрабатывать, лежащій въ 5 лье отъ Уараты, и проработалъ тамъ цѣлую недѣлю, считая дни, которымъ, казалось не будетъ конца. Наконецъ, Ланна явился ко мнѣ! Онъ рѣшился взять меня съ собою и назначилъ сойтись черезъ 2 дня за Ирфакомъ, не далеко отъ долины Змѣй.

Право не знаю, какъ могъ я распоряжаться, рабочими въ послѣдніе дни, проведенные мною въ Уаратѣ. Радость отуманила меня и я создавалъ планъ за планомъ, не сомнѣваясь въ томъ, что они должны сбыться. То улыбалось мнѣ нѣжное личико Лямлямъ, то меня назначали ноо, иногда я мечталъ даже, что я возвращаюсь во Францію, богатый, увѣнчанный славой!

Къ концу второго дня, я отослалъ рабочихъ въ глубь страны, велѣвъ имъ оставаться до новаго приказанія; самъ же, какъ только они скрылись изъ виду, отправился къ Ирфаку, сдѣлавъ большой обходъ, чтобы не дать замѣтить своего удаленія. Я благополучно перешелъ Ирфакъ и до заката солнца пришелъ ко входу въ долину Змѣй, гдѣ меня уже ждалъ посланный Ланной! Согласно моимъ ожиданіямъ, проводникъ и не думалъ идти страшною долиною, а провелъ меня узкимъ ущельемъ, называемымъ проходомъ Монакимъ, такъ хорошо закрытымъ лианами и кустарникомъ, что его невозможно было замѣтить. Этотъ проходъ служилъ единственнымъ средствомъ сообщенія съ Кутаромъ. Спустивъ часть ходьбы, мы пришли въ ту равнину, гдѣ мнѣ завязывали глаза, когда везли въ Уарату! Тутъ встрѣтилъ я Ланну и его отрядъ и мы рѣшили переночевать, чтобы завтра съ разсвѣтомъ подняться на Тонаворку. Я былъ, наконецъ, свободенъ, но мнѣ казалось, что буду я въ безопасности только тогда, когда горы отдѣлятъ меня отъ моего мучителя!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ

КАРТИНА Э. ФРЕРА.

A detailed black and white engraving of a 18th-century classroom. A teacher stands on a small platform, gesturing towards a large globe hanging from the ceiling. He holds an open book. Several students are gathered around him, some standing and some sitting on the floor, looking intently at the teacher. A large chandelier hangs from the ceiling, illuminating the scene. The room has wooden walls and a large window in the background. The engraving is signed 'H. Marten del.' in the bottom left corner and 'R. B. Smith sculp.' in the bottom right corner.

Шиллеръ, читающій „Разбойниковъ“ въ кругу школьныхъ товарищей. Рѣзать на деревѣ Брендамуръ.

И з а.

Романъ А. Буве.

(Продолженіе.)

Глава V.

Ищите женщину.

На слѣдующій день Вершемонъ, исполняя свое обѣщаніе, явился къ Изѣ, захвативъ съ собою знаменитое дѣло объ убійствѣ Лей Меданъ. Иза наградила его за послушаніе поцѣлуемъ въ губы, отъ котораго тотчасъ же помутилась голова у бѣднаго слѣдователя. Не успѣвъ онъ сѣсть у письменнаго стола въ ея будуарѣ, какъ она наклонилась надъ нимъ, задрывая своими волосами его лобъ. Находясь подъ магнетическимъ дѣйствіемъ ея глазъ, Оскаръ не замедлил передать ей всѣ подробности и закончилъ свой разсказъ слѣдующимъ выводомъ:

— Истиннымъ виновнымъ я считаю Андре Гудара, хотя, долженъ сознаться, противъ него нѣтъ положительныхъ уликъ, если не считать цѣнностей, попавшихъ къ нему, по его объясненію, самымъ естественнымъ путемъ. Можетъ быть, онъ и правъ: у насъ нѣтъ несомнѣнныхъ доказательствъ принадлежности этихъ бумагъ Лей Меданъ. Онъ былъ любовникомъ этой женщины; онъ провелъ съ нею часть той ночи, когда совершилось преступленіе: вотъ на что опирается слѣдствіе.

Выслушавъ внимательно это заключеніе, Иза сѣла на стулъ противъ Оскара и задумалась.

— Бѣдный! сказала она меланхолическимъ тономъ.

— Морисъ? спросилъ слѣдователь.

— Нѣтъ, Андре, отвѣчала она;—бѣдный, онъ, очевидно, жертва любви къ этой женщинѣ; его преслѣдуютъ и мучаютъ за то, что онъ былъ у нея, никакихъ другихъ доказательствъ противъ него найти невозможно.

— Милая Иза, ваша романтическая натура побуждаетъ васъ симпатизировать этому человѣку, но, сомнѣваться невозможно, настоящій преступникъ — онъ.

— Ошибаетесь, мое сужденіе совершенно здравое... Какую цѣль могъ преслѣдовать онъ, убивая эту женщину? Вы говорите: у него нашлись денежные бумаги, принадлежавшія убитой. Но вѣдь онъ объяснилъ вамъ, что не имѣя знакомыхъ между биржевыми маклерами и зная, что его любовница ловко ведетъ биржевыя дѣла, онъ передалъ ей свои фонды для биржевыхъ спекуляцій. Развѣ не естественно было ему избрать своимъ повѣреннымъ женщину, которую онъ любилъ... Кто могъ подать ему лучший совѣтъ...

— Вы правы... Вы драгоценный товарищъ для слѣдователя... Дѣйствительно, любящая женщина всегда даетъ вполне искренній совѣтъ.

— Чтобы правильно судить, лучше всего поставить себя на мѣсто людей, которыхъ мы судимъ... Я представляю себя Леей Меданъ; я имѣю любовника, котораго люблю... но у меня есть обязательныя связи, дающія мнѣ средства къ жизни; чтобы сохранить ихъ, я нанимаю въ отдаленномъ кварталѣ небольшую квартиру, которую меблирую просто, но изящно,—вѣдь въ ней приходится не жить, а только наслаждаться. И, вы полагаете, что посѣщая временно эту квартиру съ своимъ любовникомъ, я буду таскать съ собой денежные бумаги, цѣнностью въ восемьдесятъ тысячъ франковъ!..

— Вы снова правы... Я преклоняюсь предъ логикой вашего здравого смысла, вполне искренно сказалъ слѣдователь и сталъ съ смущеніемъ перелистывать дѣло. Иза отлично замѣтила, что ея слова произвели должное впечатлѣніе на Вершемона.

— У Лей Меданъ были похищены брилліанты значительной цѣны и вы не нашли ни одного камня изъ похищеннаго, что дало бы вамъ руководящую нить. Лей Меданъ была отравлена,

вѣроятно, былъ произведенъ обыскъ у этого человека, котораго вы называете...

— Андре Гударъ.

— Да, у этого Гудара... вы не нашли у него слѣдовъ яда, не нашли никого, кто бы могъ указать, что продалъ ему вино.

— Это правда.

— Какая цѣль для него заключалась въ преступленіи? Положеніе его было обезпеченное, счастливое.

— Преступленіе давало ему это обезпеченіе.

— Неправда. По вашимъ же словамъ, на слѣдующее утро послѣ преступленія долженъ былъ состояться его бракъ... надо быть извергомъ, чтобы ночью убить одну женщину и на слѣдующее же утро жениться на другой. Гударъ заранѣе взялъ свои фонды, потому что онъ обязался внести извѣстную сумму въ предпріятіе своего тестя, который имѣлъ постоянную нужду въ деньгахъ, такъ какъ много разъ уже занималъ ихъ у своего будущаго зятя... Ясно, что воровство не могло побудить Гудара на преступленіе.

— Вы поражаете меня на каждомъ шагу, но вы правы, Иза; только отъ женщины и можно услышать такое ясное, справедливое сужденіе... За вами еще окончательный выводъ изъ дѣла.

— Я не думаю, чтобы Лей Меданъ убила ради грабежа. Говорятъ, она была политическимъ агентомъ какого-то иностраннаго правительства; можетъ быть, она знала болѣе, чѣмъ нужно, и потому захотѣла отдѣлаться отъ нея. Мало сочувствительный убійца, конечно, не задумался захватить ея брилліанты.

— Допуская это, что же заключаете вы?

— Я заключаю, что вы пошли по ложной дорогѣ. Гударъ вовсе не причастенъ къ этому дѣлу. Арестовавъ его, вы нанесли ему большой ущербъ.

— Это не важно, сказалъ Вершемонъ небрежно.

— Истинный виновный, по моему, Морисъ Феранъ. Слышали, какъ онъ выходилъ изъ своей квартиры и входилъ въ нее ночью; виноторговецъ показываетъ, что Феранъ купилъ у него шампанское; самъ обвиняемый признается, что онъ отравилъ вино; наконецъ, онъ не можетъ объяснить, какимъ образомъ провелъ время въ ночь убійства.

— Но въ тотъ самый часъ, когда Гударъ, по его сознанию, шелъ съ Леей Меданъ, Мориса видѣли съ другой женщиной.

— Безъ сомнѣнія, его сообщницей. Кто могъ натолкнуть его на это преступленіе? Конечно, женщина. Она заставила его совершить преступленіе и доказательствомъ служить письмо, которое находится у васъ. Эта женщина отдалась Ферану подъ условіемъ, что онъ совершитъ преступленіе, необходимое ей по какимъ-нибудь соображеніямъ. Зачѣмъ ему было исчезать изъ Парижа на другой день преступленія, еслибъ онъ не былъ виновенъ.

— Вы меня ужасаете, Иза. Вы бросаете новый свѣтъ на все; да, вы правы; это письмо имѣетъ иной смыслъ, чѣмъ кажется съ перваго взгляда...

— Перечитайте со вниманіемъ это письмо.

Оскаръ, порывшись въ своемъ портфель, досталъ письмо и прочелъ медленно, вслухъ. Пока онъ читалъ, Иза стояла, опершись рукою на его плечо и наклоняясь такъ, что ея щека касалась его волосъ. Понятно, всѣ мысли его обратились къ ней и онъ прочелъ письмо машинально.

— Ну, остаетесь вы при прежнемъ мнѣніи? спросилъ онъ.

— Милый Оскаръ, поймите, что это письмо обдумывалось и долго писалось; чтобы добиться въ немъ истиннаго смысла, его слѣдуетъ почти перевести, т. е. употребить столько же времени, какъ на чтеніе шифрованнаго письма съ неизвѣстнымъ шифромъ... Я укажу вамъ только на

фразы, которыя для меня и теперь слишкомъ ясны.

И, проведя рукою почти у самыхъ губъ Оскара, она указала на фразу: «Вотъ послѣдняя милость, которую я прошу у тебя, Морисъ», и далѣе: «Морисъ, дай мнѣ клятву, что всегда, при всякихъ обстоятельствахъ, ты будешь утверждать, что я не была у тебя ночью 20 іюня, что ты меня не видалъ въ этотъ день... и т. д.»

— Мнѣ кажется, это довольно ясно, сказала Иза.

Оскаръ утвердительно кивнулъ головою.

— Слушайте, продолжала Иза,—вы доверяете мнѣ. Это слѣдствіе меня занимаетъ. Доверьте мнѣ это письмо до завтра; я дешифрирую его и, увидите, послѣ этого, вы сочтете свое слѣдствіе оконченнымъ... я убѣждена, что въ этомъ письмѣ заключается разгадка всего дѣла.

Вершемонъ колебался, не потому, чтобы онъ не доверялъ Изѣ, но ему какъ-то неприятно было давать такую работу любимой женщинѣ. Иза обезпечило это колебаніе и она съ нѣкоторой досадой спросила:

— Ужъ не боятесь-ли вы, что я злоупотреблю вашимъ довѣріемъ?

— Что вы говорите! Но меня тревожитъ, что вы станете занимать свой умъ такой скучной работой.

— Напротивъ, я съ удовольствіемъ займусь этой работой. Если я, работая нѣсколько часовъ, найду доказательство преступленія, которое вы такъ долго ищите, неправъ-ли я буду гордиться? Наконецъ, я уже достаточно убѣдительно доказала вамъ, что истинный виновный тотъ, котораго вы намѣрены освободить... тогда какъ этотъ несчастный Летардъ Эваръ страдаетъ за чужое преступленіе.

Иза то забывала совѣтъ фамилію Гудара, то называла ее иначе. Слѣдователь, не увлеченный ею, какъ Вершемонъ, тотчасъ бы разгадалъ, что это съ ея стороны уловка, что она желаетъ показать, что незнакома съ Гударомъ. Но Вершемонъ, разумеется, ничего не замѣчалъ и судьба обоихъ замѣшанныхъ въ дѣло вполне зависѣла отъ Изы; влюбленный слѣдователь готовъ былъ мыслить ея мыслями; въ ней онъ уже видѣлъ теперь драгоценную помощницу, которая уяснитъ ему запутанные факты слѣдствія. Онъ не замѣчалъ, что ему приходится бороться съ защитникомъ обвиняемаго,—и съ такимъ, которому онъ, слѣдователь, безусловно подчиняется. Оскара теперь уже занимало, что любимая имъ женщина принимаетъ на себя обязанность слѣдователя, и онъ передалъ ей письмо.

Оскаръ не замѣтилъ, какой огонь блеснулъ въ глазахъ молодой женщины, какая довольная улыбка появилась на ея губахъ, когда она нѣсколько дрожащей рукою брала изъ его рукъ письмо, которое тотчасъ же спрятала за свой корсажъ.

— Это письмо писано женщиною, сказала она,—и, какъ вы ни проницательны, все-таки кое-что для васъ, какъ для мужчины, осталось въ немъ не разгаданнымъ; я же въ состояніи буду разъяснить это; нѣкоторыя слова имѣютъ свою специальную важность для женщины; въ письмѣ къ любимому человѣку всегда можно найти фразы, темныя для всѣхъ, однакожь, понятныя для него; вотъ эти-то фразы я и должна выяснить; надѣюсь, что сумѣю найти путеводную нить... Да, мой милый слѣдователь, я хочу показать вамъ, до чего можетъ доходить ловкость женщины... Я съ большимъ вниманіемъ изслѣдую это письмо, которому вы, кажется, придаете мало значенія.

Послѣднія слова она сказала съ удареніемъ и пристально взглянула на Оскара.

— О, теперь я смотрю на него иначе, сказалъ онъ,—прежде я не думалъ даже присоединить его къ дѣлу, видя въ немъ только частную тай-

пу, которая может внести раздоръ въ семью; я былъ намѣренъ возвратить завтра свободу молодому человѣку и отдать ему это письмо.

— Завтра вы думали освободить его... какое счастье, что вамъ вздумалось принести сюда дѣло... А это письмо подлинное?

— Это оригиналъ. Копіи съ него я не снималъ.

— А! воскликнула Иза и легко вздохнула. Она облокотилась на письменный столъ, смотря прямо въ глаза молодому слѣдователю, который нѣжно улыбался ей.

— Посмѣйте сказать, что вы не можете работать здѣсь, продолжала она; — осмѣйтесь еще утверждать, что я не могу быть полезнымъ для васъ секретаремъ.

— Секретарь полезный и прекрасный, который всю работу беретъ на себя, съ которымъ время летитъ и работа спорится... А доволенъ-ли прелестный секретарь этимъ вечеромъ?

— Еще бы не быть довольной. Я угадала истину, я спасла, можетъ быть, невиновнаго... Я счастлива, потому что мнѣ, кажется, удалось сдѣлать доброе дѣло.

— Конечно, нѣтъ лучшаго наслажденія, какъ спасти невиновнаго.

— Такъ, но мнѣ хотѣлось бы узнать...

И, говоря это, Иза пристально посмотрѣла на своего собесѣдника, затѣмъ спросила:

— Не изъ одной-ли любезности вы соглашаетесь со мною?

— О, нѣтъ, мой другъ...

— Такъ же, какъ и я, вы считаете невиновнымъ этого... этого...

— Андре Гудара.

— Да; такъ мнѣ удалось васъ убѣдить?

— Впрочемъ, милая Иза, вамъ и не предстояло большого труда разубѣждать меня. Я говорилъ вамъ, какъ мнѣ трудно было составить опредѣленное мнѣніе и представить оконченное слѣдствие въ судъ. Я могъ опереться только на одно обстоятельство: денежные бумаги, находящіяся въ рукахъ Гудара. Биржевой маклеръ утверждаетъ, что эти бумаги куплены имъ для Леп Меданъ. Но, я понималъ, что такое доказательство довольно шатко и меня брало сомнѣніе. Не забывайте, что это мое первое серьезное дѣло въ Парижѣ; очень неловко будетъ, если я провалюсь на немъ, тѣмъ болѣе, что я самъ съ увѣренностью утверждалъ, что имѣю въ рукахъ настоящаго виновнаго. Не долженъ-ли я благодарить васъ, что вы поправили мою ошибку. Съ проницательностью, свойственною женщинамъ, съ полнымъ безпристрастіемъ, — вы не знаете, ни того, ни другого изъ обвиняемыхъ, — вы говорите мнѣ: «вотъ настоящій виновный». Оцѣнивъ тонко показанія свидѣтелей и полицейскихъ агентовъ, мною вамъ прочитанныя, вы быстро установили правильный взглядъ на дѣло; въ письмѣ, которому я не придавалъ особаго значенія, вы усмотрѣли важный документъ; я считалъ это письмо доказательствомъ невиновности, вы-же увидѣли, напротивъ, доказательство преступленія Мориса Ферана, который, признаюсь, меня очень заинтересовалъ, тогда какъ другой вселилъ во мнѣ антипатію своимъ цинизмомъ.

— Слѣдовательно, теперь вы вполне убѣдились?

— Да, моя милая, вмѣстѣ съ тѣмъ, я чувствую, что униженъ въ собственныхъ глазахъ. Вамъ достаточно было одного часа, чтобы открыть то, что мы искали и не могли найти втеченіи шести мѣсяцевъ...

— Ну, я вполне счастлива, сказала она ребяческимъ тономъ.

Затѣмъ она задумалась и на нѣсколько минутъ водворилось молчаніе. Оскаръ съ беспокойствомъ слѣдилъ за нею.

— Что съ вами, Иза? спросилъ онъ.

— Я думаю объ одной фразѣ, сказанной вами.

— О какой?

— «Съ полнымъ безпристрастіемъ, сказали вы, потому что вы не знаете ни того, ни другого».

— О, я хотѣлъ этимъ сказать, что вы лично не допрашивали обвиняемыхъ, какъ я, и не могли быть подкуплены симпатичными отвѣтами того или другого.

— Не защищайтесь, я такъ и поняла вашу фразу. Впрочемъ, я обладаю даромъ, при которомъ я гарантирована отъ вліянія на меня симпатичныхъ или антипатичныхъ наружностей. Я фizioномистка. По первому впечатлѣнію я дѣлаю всегда правильное заключеніе о человѣкѣ. До сихъ поръ мнѣ не приходилось ошибаться.

— Это счастливая способность.

— Да, и я хочу употребить ее на пользу нашего дѣла, сказала она смѣясь. — Желаете?

— Какъ же это?

— Не запрещено видѣть арестованныхъ?

— А! я понимаю. Нельзя сказать, чтобы это и дозволялось, но я имѣю возможность обойти запрещеніе... подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ.

— Необходимо, чтобы мы пошли вмѣстѣ.

— Въ такомъ случаѣ, всякое затрудненіе устраняется.

— И такъ, любезный Оскаръ, вы доставите мнѣ возможность увидѣть обоихъ обвиняемыхъ.

— Да, мнѣ будетъ очень интересно узнать, какое впечатлѣніе произведетъ каждый изъ нихъ на васъ.

— И вы позволите мнѣ говорить съ ними?

— Это нѣсколько труднѣе, но вы будете со мной, и я вамъ разрѣшу. Если бы вы были одинъ, то смотрителя запретили бы вамъ разговаривать съ обвиняемыми, несмотря на то, что вы имѣли бы разрѣшеніе видѣть ихъ.

— Но это необходимо. Вы знаете, я почти цыганка, а наше племя обладаетъ даромъ предвидѣнія. По лицу, по рукамъ, по голосу мнѣ нетрудно опредѣлить, на что способенъ человѣкъ. Но для болѣе вѣрнаго заключенія мнѣ необходимо говорить съ нимъ.

— Вы этого хотите, такъ и будетъ сдѣлано.

— Когда?

— Надѣюсь, вы не потребуете, чтобы мы отпразднели сейчасъ? сказалъ онъ смѣясь.

— Нѣтъ; поѣдемте завтра.

— Пусть будетъ такъ; это рѣшено, сказалъ Оскаръ и пристально посмотрѣлъ въ глаза Изѣ.

— Вы что-то хотите сказать мнѣ, замѣтила она.

— Едва-ли мнѣ нужно говорить вамъ, что не одно только желаніе работать въ вашей квартирѣ привело меня сюда; прежде всего я, разумеется, желалъ видѣть васъ, говорить съ вами о васъ... Неужели не настало еще время, когда вы отвѣтите на мое пламенное признаніе въ любви...

— Уже поздно, сказала она, смѣясь, — я устала, а мнѣ еще предстоитъ поработать для нашего дѣла... До завтра.

— Что вы говорите?

— Вы напомнили мнѣ о времени...

И она пожала плечомъ звонка.

— Жюстина васъ проводитъ, продолжала она.

— О, злая!

— До свиданія! До завтра!

Она подставила ему свои прелестныя губы; онъ поцѣловалъ ихъ и покорно послѣдовалъ за Жюстиной, появившейся въ эту минуту.

Оставшись одна, Иза заперла на ключъ свою дверь, сѣла подлѣ письменнаго стола и, вынувъ изъ секретнаго ящика небольшую шкатулку, сказала вслухъ:

— Да, будемъ работать.

Шкатулка была наполнена склянками, высушенными травами и тому подобными предметами.

Иза, воспитанная въ цыганскомъ таборѣ, умѣла составлять и лекарственныя снадобья и яды. Выливъ по нѣскольку капель изъ разныхъ скляночекъ на блюдечко и смѣшавъ ихъ, Иза взяла письмо Сесиль, расправила его тщательно, внимательно перечитала, затѣмъ, обмакнувъ въ сдѣланную ею микстуру кисточку, провела ею въ различныхъ мѣстахъ письма. Окончивъ эту операцію, она зажгла спиртовую лампочку и, держа надъ ней письмо, высушила его. Во время сушки письма по комнатѣ распространился довольно пріятный запахъ. Когда все окончилось, Иза, рассматривая письмо, осталась вполне довольна своей работой: никому не могла придти въ голову мысль о намѣренной порчѣ письма; всякій долженъ былъ подумать, что на письмо нечаянно упалъ флаконъ съ духами, разбился и залилъ его; крѣпкіе духи разлѣли чернила и въ письмѣ исчезли не только отдѣльныя буквы и слова, но даже цѣлыя фразы. Но за то остались тѣ именно фразы и отдѣльныя слова, полныя и неполныя, которыя, безъ связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ, могли навести на сомнѣніе; наконецъ, ловко поддѣлавъ почеркъ (а для такой работы всегда можно подыскать искусныхъ людей), можно было написать вмѣсто уничтоженнаго все, что заблагоразсудится.

Эти думы проходили въ головѣ Изы, когда она, съ видимымъ удовольствіемъ, рассматривала свою работу.

— Если понадобится можно будетъ возстановить стертые мѣста, сказала она, лукаво улыбаясь.

И она положила письмо на мраморный туалетный столикъ, стоявшій рядомъ съ большимъ туалетомъ. На этомъ столикѣ находилось много флаконовъ съ духами и водами. Иза, какъ и многія женщины, имѣла привычку, прочитавъ письмо, прятать его за корсажъ, что разъ подало поводъ къ слѣдующему мадригалу.

— Любопытный, что вы рассматриваете? Письмо? спросила Иза, замѣтя, что одинъ изъ ея поклонниковъ не спускаетъ глазъ съ ея корсажа, послѣ того, какъ она спрятала туда письмо.

— Нѣтъ, шкатулку, отвѣчалъ спрошенный.

Иза, говоримъ мы, часто прятала письма за свой корсажъ. Когда она раздѣвалась въ своемъ будуарѣ, письмо падало на полъ; она поднимала его, иногда рвала, но чаще клала подъ который нибудь изъ флаконовъ, замѣнявшихъ, такимъ образомъ, пресъ-папье. Тоже она сдѣлала и съ письмомъ Сесиль, которое положила подъ пустой флаконъ, разбивъ его предварительно ножницами. Объ этой ея привычкѣ зналъ Вершемонтъ и, слѣдовательно, очень легко было объяснить ему случайность съ письмомъ Сесиль. Какъ только ушелъ Оскаръ, разсѣянная и забывчивая по натурѣ, Иза перестала думать о письмѣ, такъ какъ у нея явилось желаніе поскорѣ лечь въ постель. Утромъ, одѣваясь, она нашла письмо на полу и, такъ какъ у нея прошла охота работать надъ нимъ, она, по обыкновенію, положила его подъ флаконъ; кто-нибудь нечаянно задѣлъ за флаконъ, онъ упалъ, разбился, духи вылились на письмо и мѣстами выѣли чернила... Эта басня, конечно, покажется весьма правдоподобной Оскару... Порѣшивъ съ этимъ, Иза стала раздѣваться, не тревожа горничной... Распустивъ волосы, рассыпавшіяся по ея обнаженнымъ плечамъ, Иза залюбовалась собою въ зеркало. Надо замѣтить, что Иза была сама влюблена въ свою красоту.

— Пора, сказала она, улыбаясь, — завтра онъ окончательно сойдетъ съ ума и сдѣлаетъ все, что я захочу.

На слѣдующее утро Иза, совсѣмъ одѣтая, въ назначенный часъ съ нетерпѣніемъ ожидала Вершемонта. Передъ тѣмъ она написала длинное письмо, которое спрятала подъ корсажъ. Когда карета Оскара подъѣхала къ подъѣзду, Жюстина, караулившая его, выбѣжала и объявила, чтобы

онъ не выходилъ, что госпожа ея совсѣмъ готова и сейчасъ сойдеть. Иза дѣйствительно не заставила себя ждать. Она сѣла подлѣ Оскара и карета тронулась.

Иза была весела и смѣялась всю дорогу: ее такъ занимало, что она увидитъ, наконецъ, тюрьму.

— Кстати, мой юный секретарь, прилежно-ли вы работали вчера вечеромъ? спросилъ шута Вершемонъ.

— Надъ чѣмъ? въ свою очередь, спросила она, наивно.

— Какъ, надъ чѣмъ? А надъ письмомъ, васъ заинтересовавшимъ...

— О, я объ немъ не думала. Какъ вы ушли, я почувствовала себя сильно утомленной и тотчасъ же легла въ постель.

— Надѣюсь, вы не потеряли этого письма?

— Ничто не потеряется у насъ... я отдамъ вамъ это письмо сегодня вечеромъ... я имѣю привычку класть всѣ письма у себя на туалетномъ столикѣ; конечно, и оно лежитъ тамъ... Боже! какой странный у меня характеръ. Вчера это письмо меня до крайности интересовало, а теперь я его забыла, совсѣмъ забыла.

— Смѣю надѣяться, что есть, однакожъ, вещи, которыя вы никогда не забываете.

— Напримѣръ?

— Ваши обѣщанія?

— Мои обѣщанія, отвѣчала она нѣжно пожмая ему руку, — ихъ я никогда не забываю.

— Когда же онѣ осуществляются?

— Какъ только я получу доказательство, котораго потребую.

— Но если случая не представится, или же, придется ожидать его слишкомъ долго?

— Ничто не мѣшаетъ вамъ ускорить его.

— Вотъ какъ! сказалъ онъ такимъ тономъ и глаза его загорѣлись такимъ сильнымъ огнемъ, что Иза невольно отодвинулась отъ него. Она видѣла, что Оскаръ становится смѣлѣе, что онъ привыкъ къ ней и что отъ него можно ожидать рѣшительнаго шага. Наступилъ психологическій моментъ, которымъ слѣдовало воспользоваться, поставивъ свои условія; иначе всѣ ея усилія могутъ пропасть даромъ.

Они пріѣхали въ Консьержери. Идя подъ руку съ Оскаромъ по коридорамъ тюрьмы, Иза приняла на себя грустный видъ; Вершемонъ, чувствуя, что ея рука дрожитъ въ его рукѣ, сталъ ободрять ее. Когда отперли дверь кельи Гудара и слѣдователь сказалъ:

— Гударь, вы...

Раздался отчаянный крикъ. Иза, взглянувъ на Гудара, лишилась чувствъ. Прибѣжали смотрителя и сторожа и всѣ занялись подаіемъ помощи несчастной женщинѣ, подвергнувшейся сильному нервному припадку. Ее снесли въ контору, гдѣ наконецъ удалось привести ее въ чувство.

— Мой другъ, распорядитесь, чтобы меня поскорѣе отвезли домой, сказала она Оскару; — затѣмъ какъ только освободитесь отъ служебныхъ занятій, пріѣзжайте ко мнѣ; я должна говорить съ вами о томъ, чего не могу сказать здѣсь.

Оскаръ повиновался. Онъ приказалъ кучеру отвезти Изу къ ней домой, и тотчасъ же вернуться за нимъ. Когда карета скрылась изъ виду, Оскаръ, волнуемый безпокойствомъ, отправился не въ судъ, а взявъ фіакръ, поѣхалъ къ себѣ.

Что же дѣлалъ Гударь? Услышавъ, что отворяется дверь его кельи, онъ былъ сильно изумленъ, увидѣвъ Изу подъ руку съ судебнымъ слѣдователемъ. Точно также его удивилъ и даже устранилъ крикъ Изы и на нѣсколько минутъ онъ до того остолебенѣлъ, что не могъ пошевелиться. Когда же заперли дверь его тюрьмы, онъ замѣтилъ на полу письмо. Быстро поднявъ его, онъ улыбнулся и сказалъ:

— А! отлично! Здѣсь вѣроятно разъясненіе... Распечатать конвертъ и, прислушиваясь и осматриваясь, не наблюдаетъ-ли кто-нибудь за нимъ, онъ принялся за чтеніе письма.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Сотрудничество. Имя Жерома — французскаго художника, принадлежащаго къ числу европейскихъ знаменитостей — не разъ появлялось на страницахъ нашего журнала. Предлагаемая въ настоящемъ номерѣ картина этого художника получила на выставкѣ 1874 года большую почетную медаль, и она вполне заслуживаетъ этой награды. Ея содержаніе очень просто: въ среднемъ кабинетѣ сидятъ два господина, занятые какимъ-то ученымъ трудомъ. Но дѣло не въ этомъ содержаніи, а въ той мелочной отдѣлкѣ деталей, въ той вѣрности этихъ деталей изображаемой эпохи, которыми всегда отличаются всѣ картины Жерома. Это произведеніе дѣйствительно переноситъ васъ въ кабинетъ ученаго давно минувшихъ временъ, написанный отчетливо, вѣрно, съ глубокимъ знаніемъ эпохи.

Видъ изъ окрестностей Петербурга. Г. Неровлевъ представилъ на выставку академіи художествъ нѣсколько карандашныхъ рисунковъ. Одинъ изъ этихъ рисунковъ — видъ изъ окрестностей Петербурга — мы помѣщаемъ здѣсь. Нева, мысокъ съ старыми деревьями, жалкая лодченка съ одинокимъ рыболовомъ-петербуржцемъ, вотъ содержаніе этой простой картины, напоминающей окранны Петербурга съ ихъ жиденькой природой, съ ихъ коломенскими и гаванскими жителями, съ ихъ скромными развлеченіями въ родѣ рыбной ловли съ собственной лодченки.

Пациентъ. Картина Фрера выхвачена изъ дѣтской жизни. Дѣти являются докторами, пациентомъ является кукла, лекарствомъ служатъ, вѣроятно, вода или что-нибудь подобное. Дѣти — это маленькія обезьянки, передразнивающія взрослыхъ, и кому изъ насъ не приходилось лечить такимъ образомъ свои куклы, кормить ихъ пирогами, сдѣланными изъ песку, водить ихъ въ гости къ чужимъ кукламъ? Счастливые годы!

Шиллеръ, читающій «Разбойниковъ». Одинъ изъ величайшихъ и благороднѣйшихъ поэтовъ Германіи, Шиллеръ началъ писать довольно рано. Уже на девятнадцатомъ году жизни, онъ, находясь въ училищѣ «Karlsschule», написалъ своихъ знаменитыхъ «Разбойниковъ», которые и были прочитаны имъ впервые въ кругу товарищей, встрѣтившихъ это страстное произведеніе съ величайшимъ энтузіазмомъ. Шарфштейнъ, Капфъ, Петерсенъ и другіе его пріятель пророчили ему блестящую будущность и не ошиблись: «Разбойники» произвели громадное впечатлѣніе и влияние на общество, хотя и заставили бѣжать поэта изъ Штуттгарта и вызвали оригинальное приказаніе герцога, запретившаго Шиллеру «писать комедіи или, вообще, что-нибудь подобное». Къ счастью человечества, подобные умные приказы могутъ отдаваться, но никогда не исполняются тѣмъ, къ кому они относятся. Картина, помѣщаемая нами въ настоящемъ номерѣ нашего журнала, передаетъ тотъ моментъ, когда Шиллеръ впервые прочелъ товарищамъ «Разбойниковъ».

Новости наукъ и жизни.

— Стихотвореніе Пушкина. Въ послѣдней книжкѣ «Русск. Старинны», приведена слѣдующая, нигдѣ не напечатанная эпиграмма Пушкина на

извѣстную, въ свое время, актрису Колосову, эпиграмму, записанную со словъ А. М. Каратыгиной:

Все плѣняетъ насъ въ Есфирѣ:
Упоительная рѣчь,
Поступъ важная въ порфирѣ,
Кудри черныя до плечъ;
Голосъ нѣжный, взоръ любви...
Набѣленная рука,
Размалеванныя брови
И широкая нога!

— Картина Мункачи. Извѣстный венгерскій художникъ Мункачи продалъ въ Вѣнѣ знаменитую свою картину «Мильтонъ, диктующій дочерямъ «Потерянный Рай», пріобрѣтшую громадную извѣстность на парижской всемірной выставкѣ прошлаго года, за 200,000 фр.

— Машина для вышиванія. Въ Петербургѣ, въ Солянѣмъ городкѣ (въ помѣщеніи русскаго технического общества) выставлена фабричная машина для вышиванія Заурера и сына, изъ Арбона, въ Швейцаріи. Машина эта исполняетъ всевозможные виды вышиванія на тюлѣ, на кисей, на разнаго рода полотняныхъ, бумажныхъ, шелковыхъ и шерстяныхъ матеріяхъ, на сукнѣ и бархатѣ разноцвѣтными нитками, шелками, серебромъ и золотомъ. Особенно интересна эта машина для хозяевъ золотошвейныхъ мастерскихъ и другого рода вышивокъ, а также для составителей рисунковъ для такого рода издѣлій, такъ какъ рисунки для работы на этой машинѣ должны быть болѣе настоящей величины, а машина съ математическою точностью дѣлаетъ стежки 432-мя иглками сразу, въ шесть разъ меньше противъ рисунка. Машина эта обшиваетъ также фестоны, прокалываетъ глазки (отверстія) и производитъ заразъ прошивки такой длины, какая требуется для отдѣлки самаго большого платя.

— Изверженіе Этны. Изъ Мессины телеграфируютъ «Агентству Рейтера», отъ 6-го іюня: Изверженіе Этны уменьшается и разливъ лавы почти прекратился. Потокъ лавы, однакожъ, все еще течетъ по направленію къ Алькантарѣ, отъ которой онъ раздѣляется пространствомъ только во сто метровъ. Лава движется съ среднею быстротою пятнадцати метровъ въ часъ. Сильный грохотъ и густой дымъ, выходящій изъ горы, заставляютъ опасаться, что изверженіе можетъ получить новую напряженность. Изъ Катаньи телеграфируютъ, отъ 6-го-же іюня: «Изверженіе Этны почти совершенно прекратилось. То же должно сказать и о теченіи лавы; не замѣчается никакихъ подземныхъ ударовъ, а слышенъ только слабый шумъ. Изъ главнаго кратера поднимается еще дымъ».

— Обильный уловъ рыбы. «Голосу» пишутъ изъ Астрахани, что въ нынѣшнемъ году слѣдуетъ ожидать значительнаго пониженія цѣнъ вообще на весь рыбный товаръ и особенно на сельди. Уловъ рыбы былъ чрезвычайно удачный, и мѣстные рыбопромышленники ожили, ожидая хорошихъ барышей послѣ значительнаго застоя въ дѣлѣ, вызваннаго осеннею паникою. Однакожъ несмотря на повторяющіеся извѣстія о всема обильномъ уловѣ рыбы въ тѣхъ мѣстахъ, откуда она доставляется въ Петербургъ, цѣны въ немъ на рыбу безобразно-высоки и не только не понижаются, но постоянно усиливаются.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 22-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 2-го іюня въ 6 часовъ 30 минутъ, на иногороднюю почту 3-го іюня въ 1 часъ по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Изъ стихотвор. Г. Гейне. — Рубенсъ (прод.). — Народы Россіи (продолж.). — Изъ моихъ воспоминаній. — Бой гладиаторовъ. — Орѣхотворки и чернильные орѣшки. — Въ Новой Гвиней (продолж.). — Иза (продолж.). — Къ рисункамъ. — Новости наукъ и жизни.

Гравюры: Елена Форманъ, жена Рубенса. — Сотрудничество. — Видъ изъ окрестностей Петербурга. — 1 рис. къ ст. «Въ новой Гвиней». — Пациентъ. — Шиллеръ, читающій «Разбойниковъ» въ кругу школьныхъ товарищей.

Редакторъ-издатель Д. А. Карчъ-Карчевскій.

№ 24. Томъ I.

На годъ, съ доставкою и пересылкою — 7 руб.;
на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсца. — 2 руб.
Отдѣльн. №№ по 20 к.

С.-Петербургъ, 16 Юня 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новая
улица, домъ № 6.

Годъ VII.

Изъ прошлаго.

Стих. Б. Левина.

Испыталъ я въ дѣтствѣ горе и невзгоды,
Пролилъ я не мало въ эту пору слезъ,
Но въ убогомъ домѣ мнѣ съ семьей въ тѣ годы
Лучше и привольнѣй, чѣмъ теперь жилось.
Мы простые люди, намъ не много нужно,
Чтобы жить покойно: бѣдность не бѣда,
Если есть работа и желанье дружно
Биться съ нищетою съ помощью труда.
А у насъ въ то время было рукъ не мало:
Жили нераздѣльно мы семьей одной,
Подъ одною кровлей, и за то, бывало,
Мать съ отцемъ и дядя со своей женой,
Всѣ мы, начиная съ бабки престарѣлой,
Проводившей вѣчно за вязаньемъ дни,
Ни одной минуты не были безъ дѣла,
Вплоть до поздней ночи съ утренней зари.
Въ захолустьи тихомъ на краю столицы,
Какъ гнѣздо, лѣнились нашъ уютный кровъ,
Часто въ немъ являлись труженниковъ лица,
Часто въ немъ звучали рѣчи бѣдняковъ.
Поразмыкать горе, попросить совѣта,
Провести въ бесѣдѣ мирной вечерокъ,
Съ жаждою участія, ласки и привѣта,
Приходили люди въ этотъ уголокъ.
Это были дѣти чернаго народа,
Внесшіе въ столицу въ глубинѣ души
О тебѣ, деревня, о тебѣ, природа,
Дорогую память изъ родной глуши.
Имъ-то горемычныхъ многимъ я обязанъ:
Испытавши въ дѣтствѣ нѣжность ихъ заботъ,
Въ ихъ лицѣ съ народомъ я былъ рано связанъ,
Ихъ любя всѣмъ сердцемъ, я любилъ народъ.
Сидя съ ними вмѣстѣ на порогѣ дома,
Слыша ихъ рассказы каждый божій день,
Я узналъ отчизну, стала мнѣ знакома
Жизнь ея далекихъ, бѣдныхъ деревень.
Гаснеть день, бывало, сонъ смѣняетъ грезы
И подъ звукъ гармоникъ ночью вижу я
Волгу съ бурлаками, зимніе обозы,
Бѣдныя деревни, мирныя поля...
Утромъ просыпался я подъ шумъ веселый:
Слышались мнѣ взвизги твердаго сверла,
Тукалъ равномерно молотокъ тяжелый,
Заливалась свистомъ звонкая пила.
Звукъ тѣхъ сливался въ мощные аккорды
Музыки великой — музыки труда
И подъ тактъ ихъ мѣрный, я рукой не твердой
Первый стихъ сложилъ свой въ дѣтскіе года.
Но на свѣтѣ съ счастьемъ рядомъ ходить горе:
Охватило пламя ночью нашъ пріютъ,

Превратило въ золу огненное море
Все, что созидалъ нашъ многолѣтній трудъ.
Одного изъ близкихъ посреди крушенья
Придавило балкой, брата и меня,
Сонныхъ, полуголыхъ, въ шумѣ и смятеньи,
Мать едва успѣла вырвать у огня.
Утро озарило насъ въ открытомъ полѣ
Передъ грудой пепла и въ послѣдній разъ
Здѣсь мы распрощались съ нашей прежней долей,
Съ людомъ, окружавшимъ въ дни былые насъ.
Всѣмъ пришлось искать намъ крова и спасенья
Въ незнакомыхъ семьяхъ, по чужимъ угламъ...
Такъ пловцовъ во время грознаго крушенья
Прибываютъ волны къ разнымъ берегамъ.
За одной бѣдою новыя стремятся:
Насъ въ подвальный уголъ загнала нужда,
Сырость, холодъ, голодъ стали къ намъ врываться,
Жертвъ у насъ искала алчная нужда.
И свершилась скоро первая утрата,
Призракъ блѣдной смерти увидалъ и я:
Надъ могилой свѣжей — надъ могилой брата,
Весь въ слезахъ, стоялъ я, бѣдное дитя.
Безъ друзей, безъ брата, въ незнакомой школѣ,
Въ новой обстановкѣ, дикаремъ смотря,
Я скорбѣлъ о прежней невозвратной долѣ,
Точно отъ отчизны былъ оторванъ я.
Вѣчно одинокій, тихій, молчаливый,
Отъ дѣтей счастливыхъ робко сторонясь,
Испыталъ я чувство бѣдности стыдливой,
Прячущей заплаты отъ нескромныхъ глазъ.
Книги, а не дѣти стали мнѣ друзьями,
Послѣ дня ученья, чуть не до зари
Я сидѣлъ надъ ними и не разъ слезами
Орошались щеки блѣдныя мои.
Я искалъ отвѣтовъ на свои сомнѣнья,
Спрашивая страстно: отчего судьба
Одному даруетъ только наслажденья
И ведетъ другого къ участи раба?..
Битва съ нищетою — тягостная повѣсть!
Но блаженъ, кто можетъ каждому сказать,
Что отъ грязныхъ пятенъ сердце, умъ и совѣсть
Въ этой страшной битвѣ могъ онъ отстоять.
Въ этомъ-то бодрѣемъ, сладостномъ сознаньи
И нашла опора для моей семьи
Въ тяжкую годину злого испытанья,
Въ трудовыя ночи, въ трудовые дни.
Не видали люди, какъ мы голодали,
Нашихъ горькихъ жалобъ не слыхалъ народъ;
Мы умѣли молча выносить печали,
Мы сносили молча длинный рядъ невзгодъ.
И, всеневно видя бодрую работу,
Я къ трудамъ упорнымъ привыкалъ и самъ,

Въ пѣсняхъ изливая горе и заботу,
Въ пѣсняхъ отдаваясь радужнымъ мечтамъ.
Не было въ тѣхъ пѣсняхъ строгого искусства,
Ловкихъ оборотовъ, вычурныхъ стиховъ;
Въ нихъ сказалось просто искреннее чувство,
Къ страждущему люду въ нихъ была любовь.
Въ нихъ я проклиналъ страстно все, что вызывало
Гнѣвные порывы въ сердцѣ молодомъ;
Въ нихъ одно желанье вновь и вновь звучало,
Чтобъ добро въ грядущемъ взяло верхъ надъ
Зломъ.
Мои пѣсни-дѣти въ молодые годы,
Какъ ни угнетала тяжкая нужда,
Мнѣ послали силы вынести невзгоды
И пойдти дорогой вольнаго труда.
Не чужою волей мнѣ тотъ трудъ навязанъ,
Не чужимъ желаньемъ тотъ намѣченъ путь,
Я, какъ птица въ полѣ, всѣмъ себѣ обязанъ,
И спины предъ ближнимъ не зачѣмъ мнѣ гнуть.
Съ той поры, какъ сталъ я признаннымъ поэ-
томъ,
Не заходить больше голодъ въ мой пріютъ,
Я не поднимаюсь по утру съ разсвѣтомъ,
Рукъ мнѣ не мозолитъ грубый черный трудъ.
Я живу, какъ баринъ, между господами
И вполнѣ, быть можетъ, былъ бы счастливъ я,
Еслибъ я, встрѣчаясь съ новыми друзьями,
Лишнимъ на пути ихъ не считалъ себя.
Правда, эти люди, подчиняясь модѣ,
Ради фразъ цвѣтистыхъ, ради громкихъ словъ,
Горячо толкуютъ о простомъ народѣ,
Выражаютъ жалость къ долѣ бѣдняковъ,
О реформахъ разныхъ говорятъ, какъ пишутъ,
За словомъ не лѣзутъ никогда въ карманъ,
Только жалъ, что ложью возгласы ихъ дышатъ
И въ порывахъ страстныхъ слышится обманъ.
Отъ горячихъ споровъ и отъ толковъ модныхъ
Ни добра, ни худа я въ душѣ не жду:
Ими не пособишь среди массъ народныхъ
Уничтожить горе, истребить нужду,
Да къ тому-жъ я знаю, что, друзья, вамъ нуженъ,
Болѣе чѣмъ благо этихъ темныхъ массъ,
Въ обществѣ кокотокъ у Бореля ужинъ
Въ кабинетѣ, скрытомъ отъ нескромныхъ глазъ.
Въ вашихъ пышныхъ залахъ все-то мнѣ чужое,
Радости и горе, злоба и любовь
И, томимый скукой, я свое былое,
Какъ въ темницѣ узникъ, вспоминаю вновь.
Предо мной проходятъ тѣни за тѣнями
Тѣхъ, съ кѣмъ росъ я мирно въ дѣтскіе года,
Съ кѣмъ пдти пришлось мнѣ разными путями,
Съ кѣмъ горячимъ чувствомъ я живу всегда.

И какимъ восторгомъ это сердце бьется,
Если хоть на время въ ясный вѣшній день
Мнѣ порой, какъ птицѣ вольной, удастся
Унести въ затишье мирныхъ деревень
И въ твоихъ объятыхъ, наша мать-природа,
Въ золотистомъ морѣ колосистой ржи,
Посреди простого, честнаго народа
Позабыть о мірѣ происковъ и лжи.

Милые бездѣльники *).

Очерки А. Н. Соновнина.

II.

Идолъ.

динъ изъ первыхъ встрѣтившихся мнѣ въ жизни бездѣльниковъ былъ чисторусскимъ человѣкомъ, звали его Псоемъ Сысоевичемъ Расторгуевымъ. По званію, онъ былъ купецъ; по роду торговли, онъ былъ хлѣбный торговецъ. У него было въ

одномъ изъ нашихъ провинціальныхъ городовъ нѣсколько лабазовъ, мелочныхъ и овощныхъ лавокъ. Жилъ онъ въ собственномъ своемъ домѣ, но проводилъ все время зимою въ лабазѣ, лѣтомъ у дверей лабаза. Я его зналъ втеченіи тридцати лѣтъ и постоянно видѣлъ сидящимъ на одной и той же скамейкѣ, выкрашенной голубою краской, съ шашечной доской по срединѣ сидѣнья. Когда бы я ни приходилъ сюда, я заставлялъ его на этой скамьѣ, или со стаканомъ чаю въ рукахъ, или передвигающимъ лѣниво шашки, или съ руками, сложенными на брюхѣ, въ состояніи полного спокойствія.

Въ народѣ его звали «идоломъ» и, дѣйствительно, это было самое подходящее для него названіе.

Псой Сысоевичъ имѣлъ большія денежные средства, но онъ нажилъ свои капиталы не самъ, такъ какъ купцы Расторгуевы — его предки — издавна слыли первыми богачами въ городѣ. Онъ только шелъ по дорожкѣ, протоптанной отцами, и умножалъ свои доходы. Впрочемъ, я неправильно выразился: онъ не умножалъ даже своихъ доходовъ, а только смотрѣлъ, какъ они умножались. Въ извѣстное время его прикащики, повѣренные и агенты скупали по дешевой цѣнѣ хлѣбъ у крестьянъ; въ извѣстное время къ нему пріѣзжали промотавшіеся помѣщики и обнищавшіе крестьяне продавать хлѣбъ ниже дѣйствительной рыночной цѣны; въ извѣстное время его служащіе увозили скупленный за безцѣнокъ хлѣбъ для продажи его по дорогой цѣнѣ. Онъ говорилъ про эти торговые операціи, что это «заведенная машина», что «такъ это все колесомъ и идетъ». После каждой подобной сдѣлки ему привозились отчеты; онъ пересчитывалъ деньги и запиралъ ихъ въ сундукъ. По минованіи надобности въ наличныхъ деньгахъ, онъ посылалъ прикащика купить тѣ или другія процентныя бумаги, пересчитывалъ эти бумаги и запиралъ ихъ въ сундукъ. Этимъ и оканчивались всѣ его дѣла: заведенная машина работала изъ года въ годъ одинаково, ровно, безъ исправленій, безъ починокъ. Каждую изъ своихъ дѣловыхъ операцій онъ совершалъ не безъ успѣховъ, крихты, вздыхая и охая. Съ крихтѣньемъ, вздохами и оханьями пересчитывались деньги, отпирались и закрывались сундукъ, выслушивались отчеты прикащиковъ, велись переговоры съ посятителями, и чѣмъ больше отrostало его брюхо, чѣмъ сильнѣе заплывали жиромъ его глаза, чѣмъ значительнѣе отвисалъ его подбородокъ, тѣмъ больше крихтѣнья, вздоховъ и оханій вылетало изъ его груди при каждомъ движеніи. Казалось,

онъ несъ непосильное и тяжелое бремя и этимъ бременемъ была его собственная утроба.

Въ жизни «идола» былъ только одинъ и то весьма непродолжительный періодъ тяжелой и утомительной дѣятельности. Этотъ періодъ начался съ того памятнаго дня, когда отецъ «Псойки» замѣтилъ однажды женѣ, что «пора начать обучать ихъ лоботряса и оболтуса грамотѣ». Лоботрясы и оболтусы были никто иной, какъ Псой Сысоевичъ или Псойка, какъ называлъ его отецъ, или Псоинька, какъ называла его мать, или идолъ, какъ его тайкомъ называли уже и тогда сидѣльцы, прикащики, мальчики и слуги. Когда родитель оболтуса изрекъ эту знаменательную фразу, мать оболтуса быстро заморгала глазами, а самъ оболтусъ сталъ натирать кулаками свои глаза и черезъ минуту въ комнатѣ начался цѣлый концертъ плача и причитаній.

— Единственное родное дѣтище изъ дому гонять станемъ! Начнутъ его шпынять разные оглашенные разбойники! Заморятъ его проклятые стракулисты! Кто его, голубчика нашего, тамъ приласкаетъ! Со сволочью разною компанію водить будетъ!

Въ этомъ родѣ полился цѣлый потокъ жалобъ со стороны матери.

— Намедни Васю Терешина въ школѣ такъ избили, что подъ глазомъ во какая шишка вскочила! А Митку Власьева инспекторъ поролъ, поролъ, такъ что тотъ два дня сѣсть не могъ! Не своя, такъ и порять, а я то же не дамъ всякому голоштанному! Имъ деньги вонъ какія платить, а они порять!

Въ этомъ родѣ сопѣлъ оболтусъ, капризно махая руками и болтая ногами.

Но глава семейства стукнулъ по столу кулакомъ и крикнулъ:

— Молчать!

Плачь стихъ.

— Яйца курицу учить вздумали! раздражительно продолжалъ родитель. — Захочу — въ Сибири учиться будетъ, не захочу — болваномъ безграмотнымъ вѣкъ скоротаетъ!

Жена и сынъ, присмирѣвъ, слушали поучительныя рѣчи главы семейства. Гнѣвъ родителя по-немногу утихъ.

— Чего разревѣлись? болѣе мягкимъ тономъ продолжалъ онъ. — Нѣшто я не знаю, какъ мнѣ надо своего сына воспитать? Капиталовъ у насъ, что-ли, нѣтъ, что я стану его по улицамъ гонять? На домъ учитель ходить будетъ, пока нужно. Не Богъ-вѣсть чѣму и учить-то нужно. Для своего обихода ученіе нужно, а не для чего другого.

У матери оболтуса и у самого оболтуса отлегло на душѣ. Ученіе дома не могло существеннымъ образомъ измѣнить строя жизни оболтуса, а жилъ онъ до этой поры такъ: вставалъ онъ со своей мягкой пуховой постельки въ девятомъ часу; умывался и осынялся крестнымъ знаменіемъ; одѣвался и причесывался при помощи старой пиньки; пилъ чай съ калачиками, сайками, кренделями и домашними булками; въ дурную погоду сидѣлъ и смотрѣлъ, какъ вышиваетъ дѣвка Гапка, какъ вяжетъ чулокъ нянька, какъ гадаетъ на картахъ, или хозяйничаетъ, или шьетъ пелены мать; въ хорошую погоду выходилъ въ теплой одеждѣ, въ высокихъ сапожкахъ на дворъ или на улицу и смотрѣлъ, какъ дерутся мальчишки, какъ они играютъ въ бабки, въ лапту или въ городки, какъ кучеръ чиститъ лошадей и моетъ экипажи, какъ прачка полощетъ бѣлье на пруду; потомъ въ двѣнадцать часовъ онъ обѣдалъ и опять смотрѣлъ на вязанье, на шитье, на вышиванье, на гаданье, на драку, на чистку лошадей; въ пять часовъ опять ѣли и пили чай, а затѣмъ шло опять смотрѣнье на чужія занятія; вечеромъ ужинали и пили чай, а потомъ няня раздѣвала его, гладила ему грудь и животикъ, убажала его сказ-

ками, крестила его, бормоча: «да воскреснетъ Богъ и расточится врази его» и онъ засыпалъ. Въ субботу, утромъ, вся семья вмѣстѣ отправлялась въ домашнюю баню, гдѣ старая няня парила и оболтуса, и его отца, и его мать. Подъ праздники, вечеромъ, вся семья ѣздила въ церковь монастыря къ вечернямъ и ко всенощнымъ. Въ праздники, утромъ, вся семья ѣздила въ ту же церковь къ обѣднямъ. Праздники отъ будней отличались еще тѣмъ, что ѣли еще больше, пекли два пирога, и съ рыбой, и съ вареньемъ и подавали на столъ разныхъ сладостей. Бѣлый и румяный, высокій и толстый не по лѣтамъ, съ коротенькими пальцами, съ ямочками на щекахъ, на рукахъ и на подбородкѣ, оболтусъ смотрѣлъ лоснящимся упитаннымъ тельцомъ и почти никогда не хворалъ, не считая тѣхъ случаевъ, когда онъ мучился животикомъ. Нянька говорила, что это «съ глазу», и потому доктора въ этихъ случаяхъ не приглашали, а просто нянька спрыскивала больного съ уголька богоявленской водицей, растирала ему рукой съ полчаса животикъ въ одну сторону, поила его настоемъ какой-то горькой травы и укрывала тремя одѣялами и лисьей шубой. На слѣдующій же день болѣзнь проходила и приступы ея дѣлались съ годами все рѣже и рѣже: должно быть, животикъ оболтуса все болѣе и болѣе привыкалъ и къ дурному глазу, и къ невообразимой смѣси поросятъ подъ хрѣномъ со сметаной, домашнего кваса съ ледкомъ, пироговъ съ солеными груздями и соленой рыбой, борщей со свищиною, кислыхъ щей съ жирною грудиною, бараньихъ боковъ съ кашею и тому подобныхъ яствъ. Оболтусъ, въ сущности, никогда не игралъ, такъ какъ у него характеръ былъ степенный и болѣе созерцательный, такъ какъ у него не было охоты утомлять себя и такъ какъ у него не было товарищей, а были подъ рукою только «мальчишки», «сволочь», «сволочные». Онъ любилъ только смотрѣть, какъ играли, или занимались, или дрались другіе и потому устраивалъ для себя цѣлые спектакли. Онъ садился у воротъ отцовскаго дома и повелительно приказывалъ:

— Ей вы, что въ бабки не играете!

Мальчишки начинали играть въ бабки: онъ смотрѣлъ на нихъ и улыбался.

— Ванька, Ванька, вонъ Костыка идетъ! Отдуй его, подлеца, чтобъ не жилилъ, какъ третеводнясь! слышалась новая строгая команда.

Начиналась драка: онъ смотрѣлъ на нее и у него разгорались глазенки.

Иногда кто-нибудь изъ мальчишекъ докладывалъ ему:

— А сегодня кучеръ Семенъ крысу во какую Жучкой травилъ. Ужъ было потѣхи!

Оболтусъ начиналъ тяжело дышать и сопѣть отъ волненія и шелъ къ кучеру Семену.

— Ты это чего крысу безъ меня затравилъ? ругалъ его оболтусъ. — Вотъ возьму да тятенькѣ пожалуюсь! Задасть!

— Да вы еще почивали, Псой Сысоевичъ, объяснялъ кучеръ Семенъ. — Другую поймаю — позову васъ. У насъ этого добра много; при хлѣбномъ дѣлѣ находимся.

И точно, на слѣдующій же день для Псоиньки устраивали травлю.

Любилъ онъ тоже, когда другіе говорятъ и рассказываютъ и потому подсаживался къ компаніи жепщницъ, окружавшихъ странницу, и къ компаніи кучеровъ, обсуждавшихъ вопросъ задняго двора и конюшенъ, и къ компаніи молодыхъ дѣвушекъ, впервые посвятившихъ его на зарѣ его жизни въ тайны гульбы и разврата. Впрочемъ, къ нему ничто не приставало: онъ даже и развратнымъ не сдѣлался, потому что это нарушило бы его созерцательныя склонности; онъ только любилъ смотрѣть на чужой разгулъ и развратъ. Въ сущности, онъ былъ духомъ чистъ и невиненъ; онъ способенъ былъ развлекаться самими невинными

*) См. № 17.

удовольствіями,—такъ ему доставляла неописанное удовольствіе во время прогулки по общественному саду возможность вымазать углемъ усы и бороду у бюста сатира, поставленнаго въ этомъ саду; такъ же приходилъ онъ въ восторгъ, когда ему удавалось воткнуть въ разинутой ротъ этого же сатира какой-нибудь окурокъ папиросы; въ этихъ случаяхъ онъ хохоталъ до слезъ, держась за бока. Это, конечно, свидѣтельствовало о чистотѣ и невинности души. Этого строя жизни не могло нарушить существенно ученіе дома, долженствовавшее начаться теперь.

На слѣдующій же день послѣ знаменательнаго рѣшенія родители оболтуса былъ торжественно отелуженъ на дому молебень св. Козьмѣ и Дамьяну, послѣ чего была подана плотная закуска, а затѣмъ началось и ученіе. Ученіе было не легкое: мучился отъ него оболтусъ, мучился отъ него и учитель оболтуса. Ученикъ выбивался изъ силъ, чтобы научиться держать въ коротенькихъ, пухлыхъ пальцахъ грифель, карандашъ или перо и выводить каракули буквъ; въ учителя же лѣзли изъ рукъ раздражаемаго неудачею оболтуса тетради и книги, причемъ нерѣдко наносились и пинки ногами брыкавшагося ученика. Ученика бросало въ потъ отъ получасоваго сидѣнія на урокъ въ согнутомъ положеніи; учитель же прилагалъ всѣ старанія, чтобы протянуть законный часъ на урокъ и не заслужить брани и попрековъ хозяина за то, что онъ даромъ деньги беретъ. Къ счастью оболтуса, ученіе продолжалось не особенно долго. Въ одинъ прекрасный день, онъ самъ своимъ умомъ рѣшилъ, что учиться ему довольно, и сказалъ объ этомъ учителю. Жалкій, забитый приказный, исправлявшій при немъ обязанности учителя, даже струсилъ отъ такого рѣшенія ученика.

— Какъ же это такъ довольно? проговорилъ онъ упавшимъ голосомъ.—Только до самой сути, до грамматики добираться стали и вдругъ — довольно.

— Да такъ вотъ и довольно! настаивалъ ученикъ.—Ты такъ и тятенькѣ объяви, что, молъ, выучилъ.

— Нѣтъ, ужъ я этого грѣха на душу не возьму, лгать не стану.

— Ну, такъ я и самъ скажу.

Ученикъ захлопнулъ книгу съ широкимъ вздохомъ, точно свалилъ съ плечъ тяжелую ношу, и вышелъ изъ комнаты.

— Ты что рано урокъ кончилъ? спросилъ его отецъ.

— Я, тятенька, все равно-съ больше ничему не выучусь, рѣшительно объявилъ сынъ.

— Болванъ! проговорилъ отецъ.—Дранъ еще не былъ.

— Это, тятенька, какъ вамъ угодно-съ, а только вы даромъ деньги за меня платить будете, потому я теперь и читать, и писать, и въ арифметику знаю, а этой грамматики мнѣ не надо...

— Ты потолкуй еще! пригрозилъ отецъ.

— Мнѣ бы теперь къ лабазу привыкать, потому что это дѣло наше вѣковѣчное, храбро продолжалъ сынъ.

— Ну, ну, еще что скажешь! постучалъ отецъ кулакомъ по столу.—Учить туда же, паршивецъ! Тѣмъ не менѣе учителю отказали.

— Граматику-бы еще пройти-съ, жалобно протестовалъ учитель.

— Что, видно деньги-то любишь получать, замѣтилъ хозяинъ.—Еще бы, сидишь въ теплѣ, чаю дають, деньги платятъ, какъ не любить этого! Только мы, братъ, не по грамматикѣ деньги-то наживали. Ты-то ее знаешь?

— Какже-съ не знать, робко отвѣтилъ учитель.

— А денегъ-то ея много нажилъ? Безъ сапогъ ходишь со своей грамматикой-то, философствовалъ отецъ семейства.—Читать-то да писать хорошо выучилъ?

— Хорошо-съ, ваше степенство, отвѣтилъ почкорно учитель, глядя въ землю.

— Ну, а считать умѣетъ?

— Умѣетъ-съ, ваше степенство... Вотъ дробей бы...

— Я тебя спрашиваю о счетѣ... Считаешь?

— Считаешь-съ...

— Ну, и баста!

Такъ на томъ и покончили.

Уроки прекратились; оболтуса посѣдили въ лабазѣ на ту самую голубую скамью съ шашечницей по серединѣ, на которой я видѣлъ его, спустя десятокъ лѣтъ. На этой скамьѣ сидѣлъ онъ зимою въ лабазѣ, на ней онъ сидѣлъ лѣтомъ у лабаза. Зимой онъ пилъ чай и игралъ въ шашки съ прикащиками и молодцами, лѣтомъ онъ пилъ чай и смотрѣлъ, какъ голуби и воробьи подпрыгиваютъ и дерутся у лабаза, подбирая крупу, овесъ, ячмень или рожь, какъ лошади, впряженная въ телѣгу, отмахивается хвостомъ отъ мухъ и оводовъ или прыдетъ ушами, сонливо прищуривая глаза, какъ мальчишки играютъ въ бабки или шлепаютъ по лужамъ, засучивъ по колѣна штанишки. Сидя на этой скамьѣ, онъ учился торговать, обдѣлывалъ крупный дѣла, прикидывалъ и скидывалъ на счетахъ, обчитывалъ кого слѣдовало, толковалъ о событіяхъ въ городѣ, въ Рассеѣ, въ Европѣ. Единственный и балованный сыночекъ у отца и матери, вѣчно всемъ уболагодворенный и сытый до отвала, онъ не былъ ни золь, ни раздражителенъ, ни нервенъ. Онъ смотрѣлъ на все и на всѣхъ съ равнодушіемъ сытаго животнаго, ничѣмъ не волнуясь, ни любовью, ни ненавистью. Иногда передъ нимъ происходили печальныя исторіи: какой-нибудь разоренный помѣщикъ запродалъ на корню рожь, какой-нибудь обнищавшій мужиченко кланялся изъ-за лишней копѣйки за продаваемый хлѣбъ, — онъ смотрѣлъ на нихъ равнодушно, не прибавляя ни полущки къ объявленной цѣнѣ, и только въ крайнихъ случаяхъ съ нѣкоторымъ вѣтерпѣніемъ замѣчалъ:

— Ну, ну, не проклажайся, проваливай! Сказалъ не рука, значитъ, и толковать нечего!

Когда несчастные продавцы уходили, онъ замѣчалъ:

— Плутъ нонича народъ: онъ тебя коли пожемъ пырнуть не можетъ, такъ слезами донять хочетъ! Нюни распустишь, а ты зазѣвайся онъ тебѣ карманы-то и выворотить!

Онъ подавалъ гроши нищимъ, но это дѣлалось какъ бы по обычаю, какъ будто подаваніе полущекъ нищимъ входило въ число его торговыхъ операций. Сожалѣнія или какого-нибудь другого чувства эти люди въ немъ не пробуждали и изъ нихъ онъ особенно благоволилъ только къ одному спившемуся съ круга приказному, который умѣлъ ловить пятаки на лету ртомъ и отличался способностью слизывать языкомъ съ мостовой брошенный на нее гривенникъ. Этому приказному подавались болѣе крупныя подачки. Провиасъ ему еще одна Богъ вѣсть откуда заброшенная въ городъ дѣвочка-итальянка, ходившая съ шарманщикомъ. Оборванная до-нельзя, съ грязнымъ тѣломъ, просвѣчивавшимся сквозь лохмотья, она кривлялась, пѣла и плясала какой-то циничный танецъ подъ звуки шарманки,—идолу это нравилось и разъ онъ даже пригласилъ дѣвочку съ шарманщикомъ во дворъ, гдѣ онъ и его молодцы натѣшились вволю надъ выходками развращеннаго ребенка, которому была брошена за потѣху красненькая. Эта потѣха служила съ недѣлю предметомъ шутокъ и остротъ въ лабазѣ.

— Ишь вѣдь чѣмъ ухитрится бестія-нѣмецъ хлѣбъ добывать! смѣялся Псой Сысойчъ.—Нѣтъ, наши не дошли еще до такихъ штукъ. Сытъ еще народъ!

Одинъ изъ мальчишекъ лабаза въ угоду молодому хозяину даже перенялъ нѣкоторыя изъ са-

мыхъ грязныхъ выходокъ дѣвочки-бродяги и потѣшалъ ими идола.

Былъ у оболтуса и свой періодъ «бурь и волнений», когда оболтусу исполнилось восемнадцать лѣтъ и когда его для окончанія коммерческаго образованія послали въ русскій коммерческій университетъ—на нижегородскую ярмарку. Правда, дѣла и здѣсь онъ не дѣлалъ, такъ какъ всѣ дѣла лежали на опытныхъ прикащикахъ, но онъ учинялъ здѣсь или, вѣрнѣе сказать, заставлялъ учинять подвластныхъ ему людей «карамболи». Разъ онъ «накатился» такъ, что вдругъ приказалъ бить зеркала въ трактирѣ: перебили зеркала, расплатились и увезли его въ занятый имъ номеръ... Правда, и здѣсь онъ былъ почти постоянно зрителемъ, а не дѣятелемъ, но онъ усталъ даже смотрѣть и командовать и воротился домой съ еще большимъ стремленіемъ къ миру и покою.

— Степенный у васъ, матушка, сынокъ выросъ, начали говорить его матери знакомыя купчихи.

— Нечего Бога гнѣвить, отвѣчала мать,—какъ красная дѣвушка, смиренъ. Да не въ кого и быть-то другимъ; сама я не смутьянка, не хабалка какая-нибудь была, а мой Сысой Псойчъ, сами знаете, его не тронь, такъ ужъ онъ то и по-давно никого не тронетъ. Сидитъ въ своемъ лабазѣ, при своемъ дѣлѣ и ни въ какія дѣла не мѣшается. У насъ, матушка, и своихъ дѣловъ не оберешься.

— Знаю, знаю, тысячныя дѣла! вздыхала собесѣдница.

— Не стану Бога гнѣвить, есть достатокъ, соглашалась хозяйка.—Не первый годъ дѣло ведемъ, не прощались какіе-нибудь, отъ отцовъ заводъ всему пошолъ. Тоже вотъ и про себя скажу, ину пору съ ногъ собьешься, одну провизію выдаючи. Тоже всѣхъ накормить надо, и прикащиковъ, и молодцовъ, и мальчишекъ. Ртовъ-то много, а держимъ не въ проголодь, своего чловѣка не обидимъ.

И мать Псой Сысоевича пускалась въ разсужденія о своихъ добродѣтеляхъ.

— Ну, ужъ и королевичъ же писанный вышелъ у васъ Псой Сысоевичъ, тараторила одна изъ городскихъ свахъ.—Бѣлый, румяный, полный, точно огурчикъ, съ грядки не сорванный. Ужъ такого-то жениха и въ Москвѣ днемъ съ огнемъ не найдешь. Гдѣ-то только ему невѣсту найдешь по плечу.

— Что же, можетъ, Богъ и пошлетъ, вздыхала мать Псой Сысоевича.—Мы за богатствомъ не погонимся, была бы дѣвка здоровая да смиренная, а деньги и у самихъ есть. На ихъ вѣкъ хватить.

— Что говорить! Что говорить! соглашалась сваха.—Поди-ка, тоже на кого-нибудь засматривается. Въ порѣ чловѣкъ, тоже все такое на умъ идетъ.

— Не стану врать; не примѣчала что-то, отвѣчала мать завиднаго жениха.—Онъ у насъ смиренникъ, прокатается на пролеткѣ, послушаетъ, какъ молодцы ину пору поютъ, въ гіатрѣ посидитъ вечеръ, вотъ и все, а чтобы компанію съ кѣмъ-нибудь особенную водить, такъ этого у него нѣтъ. На подъемъ тяжелъ. Да ему и не для чего себя угруждать: захочетъ—всякій къ нему придетъ.

— Что говорить, что говорить, миллионщикъ! кивала головой въ знакъ согласія сваха.

Всѣ эти разговоры наводили на мысль, что и точно Псой Сысоевича пора женить. Только онъ самъ и не заикался объ этомъ, и не задумывался, какъ будто онъ былъ вполне увѣренъ, что его женятъ во время и безъ его хлопотъ и усилій. И дѣйствительно, свахи одна за другою все чаще и чаще стали навѣщать его мать. Наконецъ, нашлись и подходящіе невѣсты. Ихъ было двѣ и

мать не знала, которую выбрать изъ нихъ. Посоветовалась она съ мужемъ, мужъ тоже не могъ рѣшить. Призвали самого Псою Сысоевича и предложили ему рѣшить, которую изъ двухъ невѣстъ онъ желалъ бы взять въ жены. Псой Сысоевичъ отвѣтилъ, что ему все равно, такъ какъ обѣ онѣ «видныя, здоровыя и изъ себя красивыя».

— Я только сомлѣваюсь одно, ко двору-ли намъ будетъ Анна Спиридоновна, замѣтилъ онъ. — Она черноволосая, а у насъ, тятенька, сами знаете, и коровы черныя, и лошади вороныя не ко двору. Помните, позавчерашній годъ Жучку завели, ужъ, кажется, собака простая, а и то сбѣсплась и сдохла.

— Ну, дуракъ, къ чему невѣсту приговнялъ, замѣтилъ отецъ, разсмѣявшись отъ остроумнаго замѣчанія сына.

— Нѣтъ-съ, я, ей Богу, въ серьезъ говорю, разбитнымъ тономъ проговорилъ сынъ. — И вы, и маменька, и я, всѣ русые... да у насъ и изъ прикащиковъ-то ни одного нѣтъ черноволосаго, всѣ какъ есть подъ одну масть...

— Ну, чтожь, значить и надо брать не Анну Спиридоновну, а Марью Ивановну, рѣшилъ отецъ.

Такъ и совершилось это дѣло безъ всякихъ усилій со стороны Псою Сысоевича, хотя это дѣло, по словамъ свахи, и было не легкое, такъ какъ изъ-за самаго этого дѣла свахи, по ихъ же словамъ, «всѣ ноженъки оббили, всѣ пороги обѣгали, всѣ подошвы обтрепали».

Повидимому, Псой Сысоевичъ совершенно равнодушно, совершенно безучастно мѣнялъ свою холостую жизнь на жизнь жепатаго человѣка и, въ дѣйствительности, новая жизнь не многимъ должна была отличаться отъ прежней жизни, если не считать важною переменною замѣну односпальной кровати двуспальной и введеніе въ его спальню поваго лица. Но какъ бы то ни было, молодые прикащики и немногіе товарищи Псою Сысоевича настроились наканунѣ свадьбы на какой-то плачевный тонъ:

— Теперь, братъ, прощай! говорили они ему. — Теперь, братъ, и близко будетъ локоть, а не укусишь! Препней волюшки молодецкой не вернешь!

Псою Сысоевича это такъ разстрогало, такъ ему жаль стало этой волюшки, что онъ всплакнулъ даже на чьемъ-то плечѣ и крикнулъ:

— Я сегодня завихрюсь! Катай во всю Ивановскую, чтобы было чѣмъ молодость помянуть!

И справилъ онъ «мальчишникъ!» И баня, и шампанское, и пѣсенники, и цыганки, и «карамболъ», и «шкандаль», и «дебашъ», все тутъ смѣшалось въ какую-то безшабашную, безумную оргію. Это творились Псоємъ Сысоевичемъ поминки по вольной волюшкѣ, которую онъ никогда и не думалъ пользоваться до этого дня. И долго, долго вспоминалъ онъ этотъ день и казалось, ему что это былъ не одинъ день, а цѣлый рядъ пережитыхъ дней, что это былъ не день, а цѣлая молодость.

Этотъ безумный неожиданный разгулъ не смутилъ ни отца, ни мать Псою Сысоевича и они, вздыхая, говорили:

— Тоже не легко съ волюшкой-то разставаться... Не легко жену-то себѣ навязать. Еще какая она тамъ будетъ—Господь знаетъ... Въдь это на вѣкъ!..

И они всплакнули тоже.

Послѣ женитьбы жизнь Псою Сысоевича, окончательно установилась, опредѣлилась, вошла въ свою колею «на вѣкъ». Это была жизнь спокойная, однообразная, животная. Въ ней не проявлялось никакихъ новыхъ стремленій, никакихъ новыхъ надеждъ, никакихъ новыхъ порывовъ, точно онъ былъ не человѣкъ, а только одна утроба, всегда съ избыткомъ насыщаемая и потому всегда спокойная въ своей сытости. Только иногда проявля-

лось что-то такое, что намекало на какую-то неудовлетворенность, на какое-то бессознательное пробужденіе человѣка въ сытомъ животномъ. Эти проявленія были странны: разъ они выразились въ томъ, что Псой Сысоевичъ вдругъ запыль, закутилъ. Но отецъ, мать и жена начали его тотчасъ же лечить, стали поить водкой, настоенной на девяти клопахъ, и водкой, настоенной землею съ могилы какого-то тезки Псою Сысоевича, пробовали его возить къ знахарямъ, подняли какую-то чудотворную икону, заставили сходить куда-то въ монастырь на поклоненіе къ мощамъ, стали по совѣту какого-то фельдшера обвертывать его въ смоченныя горячей водой простыни, — и послѣ всѣхъ этихъ истязаній «болѣзнь» прошла, обычная жизнь вошла въ свою колею. Въ другой разъ Псою Сысоевичу вдругъ пришло въ голову, что у него есть богатство, но почта мало, и онъ началъ бредить полученіемъ медали. Начались жертвованія на пріюты, на богадѣльни, знакомства съ лужными людьми, — и мечта сбывлась: медаль получила. Недѣли двѣ Псой Сысоевичъ даже спалъ съ медалью. Но потомъ она ему надоѣла и опять, не думая ни о ней, ни о почетѣ, онъ зажилъ жизнью безъ желаній, довольный и міромъ и собою. Былъ еще одинъ случай, когда Псой Сысоевичъ вышелъ изъ своего благодушно безмятежнаго настроенія и чуть не умеръ отъ удара. Это было въ тотъ памятный день, когда его впервые въ глаза назвали «идоломъ». Назвалъ его идоломъ простой мужикъ, худой и мрачный съ виду, пившій запоемъ отъ бѣдности или бѣдствовавшій отъ запоя, пришедшій продавать послѣдній хлѣбъ за безцѣнокъ. Псой Сысоевичъ сотни разъ покупалъ за безцѣнокъ чужой хлѣбъ и этотъ мужикъ тоже не впервые уступалъ за безцѣнокъ свой хлѣбъ. Но вышло на этотъ разъ какъ-то такъ, что Псой Сысоевичъ, сбывая цѣну, слишкомъ грубо и рѣзко сказалъ ему: «проваливай, проваливай, если говорить, что не рука», а мужикъ — болѣе онъ былъ, что-ли, — ни съ того, ни съ сего возчувствовалъ эти слова и разразился желчными упреками. Въ обыкновенное время въ этихъ случаяхъ разговоры имѣли наивно и дружески благодушный характеръ.

— Да накинъ, Псой Сысочъ, гривну-то, говорилъ вкрадчивымъ тономъ мужикъ.

— Гривенъ-то этихъ у меня для васъ не припасено, отвѣчалъ добродушно-пронически Псой Сысоевичъ.

— Такъ-то оно такъ, да самъ знаешь, какое наше житье, почесывался мужикъ въ раздумьи. — Тебѣ что гривна?

— Да то же, что и тебѣ, отвѣчалъ торговецъ. — У насъ курса въ государствѣ одна и для купца, и для мужика.

— Это что говорить! Да цѣну-то ты не по божески назначаешь, мялся мужикъ.

— А ты туда иди, гдѣ праведнѣе, совѣтовалъ Псой Сысоевичъ.

— Да кудажь пойдешь, ты у насъ одинъ, говорилъ мужикъ.

— Ну, такъ и отдавай, а то проваливай! отвѣчалъ Псой Сысоевичъ. — И чего ты томишь-то меня? Просилъ я тебя рожь-то привозить?

— Чего просить!

— У меня-то вонъ отъ этой ржи-то анбары ломятся!

— Извѣстное дѣло, у кого-жь ей и быть, какъ не у тебя.

— Ну, такъ на что же она мнѣ, твоя-то рожь? Помру я безъ нея, что-ли?

— Зачѣмъ помирать.

— Ну, такъ и отваливай!

— Да чего ужъ, бери, бери! Давай деньги!

— Смотри, кошель-то цѣль-ли, какъ-бы не прорвался отъ эфтихъ денегъ-то, шутилъ Псой Сысоевичъ.

Такъ дѣло и порѣшалось мирно и ласково. А теперь случилось что-то необычайное. Псой Сысоевичъ былъ чѣмъ-то раздраженъ и, ни съ того, ни съ сего, прикрикнувъ на мужика, а мужикъ, тоже ни съ того, ни съ сего, вдругъ началъ ругаться:

— Идолъ ты окоянный! Иуда Искаріотскій! Подавиться бы тебѣ сиротскими слезами! Смотри, утроба-то лопнетъ! Ишь брюха-то своего таскать не можешь! Пра-во, и-долъ!

Псой Сысоевичъ сдѣлался багровымъ отъ этой неожиданной, незаслуженной ругани и вскопился съ сжатыми кулаками и какимъ-то хриплымъ крикомъ. Но мужикъ не сробѣлъ и продолжалъ ругаться:

— Дратся, что-ли, хочешь? Такъ нѣтъ, не на такого напалъ. У самихъ руки есть! Тумака довольно, такъ такъ и разсыплешься. Ишь ожирѣлъ съ чужого-то хлѣба, идолъ... пра-во, и-долъ!

Къ несчастью, въ лабазѣ кромѣ мальчишки никого не было и Псою Сысоевичу нечего было думать о защитѣ. Онъ грузно опустился на свою голубую скамью и, тяжело переводя духъ, только бормоталъ:

— Да я бы съ тебя тыщи не взялъ за такія рѣчи! Да я бы тебя за нихъ въ бараній рогъ согнулъ! Окоянный!

А мужикъ все еще ругался и ругался. Наконецъ онъ плюнулъ, еще разъ повторилъ: «чтобъ тебѣ подавиться!» и ушелъ.

Псой Сысоевичъ заболѣлъ съ огорченія.

Но всѣ эти проявленія какихъ-то внутреннихъ тревогъ съ теченіемъ времени повторялись все рѣже и рѣже, тѣло все росло и росло и располагало духъ къ спокойствію и лѣни, жизнь все болѣе и болѣе принимала форму какого-то механическаго процесса.

Когда я познакомился близко съ Псоємъ Сысоевичемъ, онъ былъ уже окончательно ходячей утробой. Всѣ его дѣйствія походили на однообразныя, условныя дѣйствія машины; вся его жизнь состояла изъ извѣстныхъ обычаевъ, обрядовъ, совершаемыхъ сегодня такъ же, какъ вчера; всѣ его разговоры напоминали какіе-то отрывки изъ невѣдомаго кодекса мудрыхъ изрѣченій, изъ прописныхъ истинъ; всѣ его сужденія сложились въ какія-то пословицы, поговорки и присловья; въ его рѣчахъ не было ни оригинальности, ни самобытности, ни наблюдательности, но онъ говорилъ все съ степеннымъ видомъ, серьезнымъ и рѣшающимъ тономъ и его считали всѣ умнымъ человѣкомъ, къ нему шли за совѣтомъ, который очень часто носилъ на себѣ характеръ темныхъ и двусмысленныхъ совѣтовъ оракула. Псой Сысоевичъ говорилъ: «Народъ теперь избаловался, потому—воля!» «Сынки-то понче спускаютъ тятенькины имѣнія, потому строгости нѣтъ». «Нѣмецъ хитеръ, обезьяну выдумалъ, только ему до русскаго далеко, колбаснику». «Французъ поджаръ, шелкоперство у него на умѣ». «Англичанка намъ что: не отпусти хлѣба съ годъ—съ голоду подохнешь». «Учить много мелюзгу-то начали, оттого и смятеніе въ умахъ». «Свой-то домъ обстрой прежде, а не заглядывай въ чужой, гдѣ тамъ каплетъ». Изъ подобныхъ изрѣченій состояла вся рѣчь Псою Сысоевича и спорить съ нимъ было невозможно, потому что онъ на возраженія отвѣчалъ:

— А ты не мудри, а покоряйся да слушай, что умные люди говорятъ! Умные-то люди прежде насъ, дураковъ, жили.

Ученые комментаторы произведеній разныхъ великихъ писателей считаютъ, сколько различныхъ словъ является въ сочиненіяхъ того или другого автора. Если бы они вздумали сосчитать, сколько словъ находилось въ распоряженіи Псою Сысоевича, то они удивились бы ихъ крайне малому количеству и при томъ многія слова, бывшія въ распоряженіи Псою Сысоевича, были оче-

Вакханалія. (Къ статъѣ Рубенсъ. Факсимиле гравюры Сутмана.

видно непонятны ему самому и произносились имъ потому, что они ему почему-то нравились. Такъ онъ говорилъ: «Это фармазонство одно!» или: «Станешь такъ-то банкировать, такъ и все спустишь!» или: «Что ты мнѣ рацей разводишь!» или: «Ботвинничаешь только, лежа на печи». Но чѣмъ болѣе сжатыми дѣлались его приговоры, чѣмъ бессмысленнѣе становились его изрѣченія оракула, чѣмъ сосредоточеннѣе становилась его созерцательно утробная жизнь, тѣмъ съ большимъ уваженіемъ смотрѣли на него.

— Святой жизни человѣкъ! говорили про него странники. — Практическій русскій умъ! рассказывали про него обираемые имъ помѣщики. — Степенный человѣкъ! толковали про него его собратья-купцы.

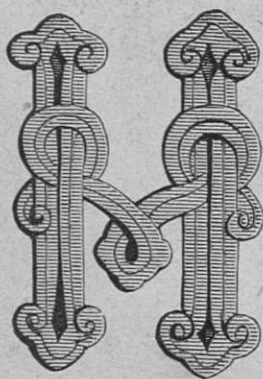
Только шальной пропонца-мужиченко, когда-то такъ неожиданно обругавшій Псея Сысоевича, продолжалъ коситься на него и, проходя мимо его лабаза, сдвигалъ брови и мрачно бормоталъ:

— Ишь, идолище!

Рубенсъ.

Историческіе этюды Диллетанта.
(Окончаніе.)

V.

аши этюды о Рубенсѣ были бы, конечно, неполны и не закончены, если бы мы забыли обратить болѣе обстоятельное вниманіе на картины Рубенса, находящіяся въ петербургскомъ эрмитажѣ, гдѣ хранятся шестьдесятъ одна картина великаго фламандскаго художника. Известно, что эрмитажная

галерея картинъ была основана императрицей Екатериной II; известно также, что названіе эрмитажа, было дано государыней нѣсколькимъ большимъ зданіямъ, прилегающимъ къ Зимнему дворцу и состоящимъ изъ трехъ различныхъ частей. Первая часть образуетъ павильонъ, построенный въ 1765 году, французскимъ архитекторомъ Валленъ де-ло Моттъ и соединенный съ Зимнимъ дворцомъ крытой галлереей съ портретами императорской фамилии Романовыхъ. Вторая часть эрмитажа, соединяющаяся съ павильономъ аркой въ формѣ моста, была построена десять лѣтъ спустя архитекторомъ Юріемъ Матвѣевичемъ Фельтеномъ для картинной галереи; въ настоящее время въ этомъ зданіи помѣщаются картины французской школы. Впослѣдствіи Екатерина II присоединила къ этому зданію ложи Рафаэля, — вѣрный и точный снимокъ, — по размѣрамъ и фрескамъ, — знаменитыхъ ватиканскихъ ложъ. Эти копии были заказаны императрицей вскорѣ послѣ ея возшествія на престолъ, въ эпоху, когда живопись Ватикана еще вполне сохранилась. Воспроизведенныя на холстѣ эти картины, составляютъ вѣрные снимки римскихъ фрескъ, съ тою только разницей, что гербъ Леоны Х былъ замѣненъ русскимъ императорскимъ гербомъ. Три значительныя коллекціи вошли въ основаніе настоящей эрмитажной галереи. Первая коллекція принадлежала нѣкогда Крозъ и состоитъ изъ четырехъ сотъ картины лучшихъ мастеровъ. Между ними находятся эскизы Рубенса, картинъ, изъ жизни Маріи Медичи. Около того же времени Екатерина приобрѣла коллекцію картинъ графа Брюля, перваго министра Августа II, короля польскаго и курфирста саксонскаго; тутъ опять мы встрѣчаемъ нѣсколько Рубенсовыхъ картинъ (по каталогу №№ 552, 559, 560). Въ 1779 году императрица приобрѣла для эрмитажа галерею Гоуттоны-голла, дворца лорда

Роберта Вальпола, въ которой находится тринадцать картинъ Рубенса и между прочимъ знаменитые эскизы триумфальныхъ арокъ, построенныхъ для встрѣчи въ Антверпенѣ кардинала-инфанта Фердинанда. Императрица, кромѣ того, пользовалась всѣми продажами, желая пополнить эрмитажъ. Императоръ Павелъ I, не многимъ увеличилъ галерею, основанную Екатериной, но между картинами, приобретенными имъ, находится знаменитый «Тигръ», — одна изъ лучшихъ картинъ Рубенса (№ 554). Въ настоящемъ своемъ видѣ собраніе картинъ Рубенса дополнено было Александромъ I и Николаемъ.

Прежде всего, скажемъ нѣсколько словъ объ эскизахъ, послужившихъ украшеніемъ триумфальныхъ антверпенскихъ арокъ 1635 года. Всѣхъ эскизовъ мы имѣемъ десять. Первыхъ пять изображаютъ «Пять статуй императоровъ и королевъ Габсбургскаго дома». По серединѣ мы видимъ Фридриха III въ коронѣ и со скипетромъ въ рукѣ; на пьедесталѣ внизу надпись: «Imp. C. Friderikus 3». На лѣво отъ него король Альбертъ, въ кирасѣ, со шлемомъ, вооруженный мечомъ; внизу: «Imp. C. Albertus». Направо императоръ Рудольфъ, въ лавровомъ вѣнкѣ, вооруженный; правая рука опирается на большой мечъ, въ лѣвой — шаръ; на пьедесталѣ надпись: «Imp. Rudolphus». Рядомъ съ нимъ императоръ Карлъ пятый, въ такомъ же видѣ и съ орломъ; на пьедесталѣ надпись: «Imp. C. Carolus 5». У самаго края, съ лѣвой стороны — Фердинандъ II, въ лавровомъ вѣнкѣ, съ мечомъ и скипетромъ, наступивъ ногой на змѣю; внизу: «Imp. C. Ferdinandus 2». Всѣ статуи въ нишахъ. Затѣмъ, небольшой эскизъ: «Кардиналъ-инфантъ Фердинандъ, прощающійся съ Филиппомъ IV», — триумфальная арка въ стилѣ возрожденія и украшенная, по обѣимъ сторонамъ, аллегорическими фигурами, представляющими, первая «Общественное спасеніе» (Salus publica) и вторая: «Безопасность» (Securitas); по серединѣ кардиналъ-инфантъ прощающійся съ Филиппомъ IV. Фердинандъ одѣтъ въ красную мантию, испанскій король — въ горномъ испанскомъ костюмѣ. Рядомъ съ ними — Геркулесъ, Поллада, Гений торговли и Побѣда, имѣющая шлемъ съ головой медузы. Налѣво двѣ женщины, изображающія Фландрію и Брабантъ; рядомъ съ ними, лежащій левъ (гербы Льва), ожидающій молодого героя. «Побѣда кардинала-инфанта» — два варианта, имѣющіе между собой весьма мало сходства. «Триумфъ кардинала-инфанта» — триумфальная арка, украшенная колонами, надъ которыми поставлены два бюста, представляющіе юность кардинала и дворянское достоинство. Послѣдній эскизъ — самый наружный, по нашему мнѣнію; это «Городъ Антверпенъ или отъѣздъ Меркурія». Подъ триумфальною аркою стоитъ Меркурій, готовящійся летѣть; два крошечныхъ гения стараются удержать его, ухватившись за его хламиду. Городъ Антверпенъ, олицетворяемый красивой молодой женщиной на колѣнахъ, точно печалится отъѣздомъ Меркурія. На право — богъ Шельды, за нимъ — корабль. На право, въ пещерѣ Бѣдность въ видѣ цѣлой семьи хлѣбопашцевъ; на лѣво, въ другой пещерѣ — Богатство, олицетворяемое двумя женскими фигурами, изъ которыхъ одна сыплетъ на мантию другой сокровища изъ рога изобилія. На верху триумфальная арка заканчивается двумя аллегорическими фигурами, олицетворяющими Шельду и Богатство, и двумя тритонами, держащими флаги съ гербами города и антверпенскаго маркизата.

Перечислять въ подробности всѣ шестьдесятъ картинъ Рубенса, находящіяся въ эрмитажѣ, — нѣтъ никакой возможности. Мы, по этому, при-
нуждены только указать на пять эскизовъ изъ жизни Маріи Медичи; подобные же эскизы, въ большомъ количествѣ, хранятся въ Мюнхенѣ. Изъ пятнадцати портретовъ Рубенса, находящихся въ

эрмитажѣ, — многіе не болѣе, какъ, эскизы бюстовъ, или просто — первоначальные этюды, едва-лишь набросанные. Между ними выдѣляется одинъ этюдъ головы старика, размѣръ которой вдвое больше натуральной величины, — настоящее чудо по своеобразной, смѣлой живописи и въ особенности по колориту. Великолѣпенъ также портретъ графа Лонгеваля и портретъ молодой женщины; затѣмъ, превосходные историческіе портреты Филиппа IV и его жены Елисаветы французской. Кромѣ того, мы имѣемъ въ эрмитажѣ нѣсколько замѣчательныхъ портретовъ Изабеллы Брандтъ, которые, однакожъ, не могутъ сравниться съ поразительнымъ портретомъ Елены Форманъ, — составляющимъ украшеніе эрмитажа. Портретъ этотъ принадлежалъ коллекціи Вальпола и во многомъ напоминаетъ знаменитую «Chapeau de paille». Елена Форманъ представлена въ черной шляпѣ, украшенной перьями и одѣта въ черное атласное платье съ лиловыми лентами. Въ правой рукѣ она держитъ страусовое перо, служащее ей вѣеромъ. Ваагенъ пред-
почитаетъ этотъ портретъ портрету «Chapeau de paille».

Въ эрмитажѣ хранятся также два лучшихъ пейзажа Рубенса. «Радуга» (Arc-en-Ciel), — повтореніе съ вариантами сюжета, къ которому Рубенсъ нѣсколько разъ возвращался въ картинахъ, находящихся въ Луврѣ, въ Питтѣ, Мюнхенѣ и въ коллекціи маркиза Гертфорда. Петербургскій варьянтъ, меньшихъ размѣровъ, чѣмъ пейзажи Лувра и маркиза Гертфорда, — по нашему мнѣнію, однако-же, превосходитъ ихъ правдой впечатлѣнія и болѣе изящной живописью. Второй пейзажъ, «Le Charriot des Carriers», — безъ всякаго сомнѣнія, самый замѣчательный пейзажъ Рубенса. Общій эффектъ картины заключается, прежде всего, въ борьбѣ сумерекъ съ приближающеюся ночью; солнце скрылось и луна блѣдными, холодными лучами чуть-чуть освѣщаетъ пейзажъ изъ за деревьевъ, стоящихъ на заднемъ планѣ. Это одна изъ тѣхъ смѣлыхъ, казалась бы, невыполнимыхъ задачъ, которыя Рубенсъ такъ часто разрѣшалъ какимъ-то непонятнымъ напѣтомъ гения. Не менѣе замѣчательны, хотя и не такъ поразительны по эффекту, выборъ линий, расположеніе сновъ на первомъ планѣ и рисунокъ деревьевъ, принимающихъ подъ вліяніемъ освѣщенія, странные, полу-фантастическія силуэты. Тяжелое движеніе телѣги, нагруженной камнемъ, колеса которой вязнутъ въ песокъ, испугъ лошади, замѣшательство всей этой группы среди тишины дикой мѣстности, которая, кажется, сдѣлается сценой трагедіи, когда ночь совершенно наступитъ, этотъ тяжелый сельскій трудъ, совершающійся въ таинственной обстановкѣ, — все это производитъ чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе, котораго не возбуждаетъ, на сколько намъ известно, ни одинъ пейзажистъ, за исключеніемъ развѣ Рюиздала, въ его волшебномъ видѣніи «Еврейское кладбище», — въ дрезденскомъ музеѣ.

Коллекція картинъ Рубенса въ эрмитажѣ такъ богата, что она можетъ дать почти новое и законченное понятіе, о разностороннемъ гениѣ великаго фламандца. Мы указали на его портреты и пейзажи, но въ эрмитажѣ мы можемъ изучить его также, какъ анималиста. Въ этомъ отношеніи, эрмитажъ обладаетъ однимъ превосходнымъ этюдомъ: «Львица, лежащая между двумя львами». Известно, съ какимъ удовольствіемъ Рубенсъ изображалъ животныхъ, въ особенности дикихъ звѣрей кошачьей породы, которые прельщали его граціей движеній, гордостью положеній, блескомъ шерсти. «Львица» эрмитажа, тѣмъ болѣе замѣчательна, что она написана исключительно однимъ Рубенсомъ, безъ всякаго участія его ученика Снейдерса, и, за исключеніемъ нѣсколько тяжеловатого колорита, Рубенсъ виденъ здѣсь во всѣхъ своихъ особенностяхъ; этотъ чудесный

этихъ, лучше чѣмъ непосредственное наблюденіе надъ дикими звѣрями въ какомъ-нибудь «Jardin des plantes», знакомить насъ съ особенностями характера и движеній ихъ.

Одна изъ первоклассныхъ картинъ эрмитажа: «Авраамъ, отсылающій Агарь» невольно напоминаетъ другую, знаменитую картину Рубенса, находящуюся въ Луврѣ: «Вѣгство Лота». Первая какъ бы составляетъ pendant второй. Картина Лувра носитъ надпись: 1625 г. Хотя «Авраамъ» и не имѣетъ этой надписи, но очевидно, что картина эрмитажа, принадлежитъ той же эпохѣ; это доказывается лучше всего, общимъ расположеніемъ композиціи, распредѣленіемъ и движеніемъ фигуръ. Въ исполненіи, это сходство еще замѣтнѣе: та же фактура, тѣ же цвѣта. «Авраамъ» — одна изъ тѣхъ маленькихъ картинъ, въ которыхъ Рубенсъ, совершенно сосредоточивая свое вниманіе на рисункѣ и формѣ, достигалъ той удивительной законченности, которую мы никогда не встрѣчаемъ въ картинахъ большихъ размѣровъ. Кажется, будто рука мастера, наклонъ жизни, нѣсколько устала, и что она съ видимымъ наслаженіемъ принимается за детальную живопись.

«Поклоненіе волхвовъ», — одинъ изъ тѣхъ сюжетовъ, которые особенно любилъ Рубенсъ, благодаря разнообразію типовъ, богатству и роскоши восточныхъ костюмовъ, среди бѣдной, но живописной обстановки, въ которой родился Спаситель. Парижъ, Антверпенъ, Брюссель, Малинь, галерея Марльбору, имѣютъ варианты и повторенія, болѣе или менѣе удачныя, этой картины. Несомнѣнно, что варианты Брюсселя и Малины — самые лучшіе. Картина эрмитажа, хотя и сочиненная Рубенсомъ, вѣроятно, однакожъ была исполнена учениками. Рядомъ съ этой большой картиной находится небольшой эскизъ того же сюжета, довольно законченный эскизъ, но бывшій, по всей вѣроятности, первой идеей «Волхвовъ» малинской и брюссельской галерей.

Къ тѣмъ же коллективнымъ произведеніямъ учениковъ, просмотрѣнныхъ и дополненныхъ Рубенсомъ, слѣдуетъ причислить четыре Богородицы, принадлежащія къ той церковной живописи, гдѣ участіе многихъ лицъ совершенно уничтожило всякую художественную индивидуальность, — столь рѣзкую между учениками Рубенса; произведенія безличныя и, такъ сказать, сборныя, въ которыхъ лишь общая концепція, расположеніе фигуръ и общій тонъ обнаруживаютъ руку Рубенса. Къ той же категоріи произведеній, хотя и въ гораздо меньшей степени, принадлежитъ также большая картина: «Снятіе со креста», — повтореніе, болѣе или менѣе точное и удачное, знаменитой картины антверпенскаго собора. Это второе «Снятіе» имѣетъ свою исторію, не подлежащую никакому сомнѣнію: городъ Брюгге подарилъ эту картину императрицѣ Жозефинѣ, которая помѣстила ее въ Мальмезонѣ; отсюда-то именно картина и перешла въ Петербургъ, вмѣстѣ со многими величайшими произведеніями различныхъ школъ, между которыми слѣдуетъ упомянуть объ «Антверпенскихъ ружейникахъ» Теньера, знаменитой «Коровѣ» Поля Поттера и четырехъ лучшихъ картинахъ Клода Лорена, могущихъ сравниться только съ самыми знаменитыми картинами этого мастера, находящимися въ англійскихъ собраніяхъ. Въ петербургскомъ «Снятіи со креста» кисть Рубенса весьма замѣтна, но картина рѣшительно не выдерживаетъ критики, въ сравненіи съ антверпенскимъ произведеніемъ.

Эрмитажъ гораздо богаче мнѳологическими картинами Рубенса. Тутъ мы имѣемъ пять первоклассныхъ картинъ: «Венера и Адонисъ», «Персей и Андромеда», «Торжество Вакха», «Вакханалія» и «Тигръ». Никогда еще великій фламандскій язычникъ не изображалъ съ такой интенсивностью и жизнью «движеніе здороваго тѣла, бархатный оттѣнокъ кожи, граціозныя округло-

сти женскаго тѣла». Первая изъ этихъ картинъ поразительно блестяща по исполненію и колориту и можетъ служить великолѣпнѣйшей иллюстраціей къ поэмѣ Шекспира того же названія. Движеніе богини, сходящей съ колесницы, чтобы удержать Адониса, — исполнено дѣйствительно божественной граціи; красивый охотникъ изображенъ съ такой же граціей и роскошью; вся композиція, лебеди, запряженные въ колесницу Венеры, собаки Адониса, пейзажъ на заднемъ планѣ, пейзажъ, въ которомъ замѣтно вліяніе, если не кисти Брегеля, — все въ этой блестящей картинѣ исполнено почти недосыгаемаго совершенства.

«Персей», движеніемъ фигуръ, сценичностью дѣйствія, напоминаетъ мюнхенскаго «Кастора и Поллукса», а также, по замѣчанію Ваагена, «Прозерпину», которая погибла въ бленгеймскомъ пожарѣ 1861 года.

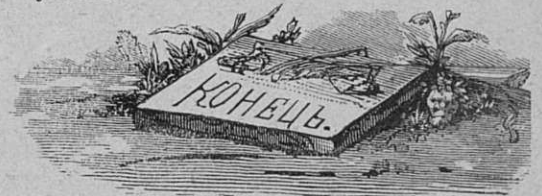
«Тигръ» — одно изъ любимѣйшихъ произведеній великаго мастера, который любилъ, въ подобнаго рода фантазіяхъ, давать волю всѣмъ капризамъ своего блестящаго воображенія. Лучшая изъ этихъ фантазій «Четыре части свѣта» находится въ вѣнскомъ бельведерѣ. Въ эрмитажѣ, азіатская рѣка олицетворена классическимъ старцемъ и царственнымъ тигромъ; важнѣйшія фигуры, составляютъ превосходныя этюды голаго тѣла, — изобиліе, тритонъ, двое дѣтей, играющихъ въ водѣ; одно изъ этихъ дѣтей принадлежитъ къ обычному фламандскому типу Рубенса, другое — съ насмѣшливымъ и тонкимъ выраженіемъ лица, напоминаетъ одного изъ ангеловъ, внизу Спистинской мадонны Рафаэля.

Въ «Торжествѣ Вакха» замѣчается та тяжеловатая пошлость, которая такъ рѣдко встрѣчается у Рубенса; въ ней скорѣ видѣнъ темпераментъ Жорданса. Но по остроумію композиціи, картина несомнѣнно напоминаетъ Рубенса. Юный, но уже пресыщенный здоровьемъ, съ тяжелыми и грузными формами, съ лицомъ, напоминающимъ молодого Вителія, Вакхъ сидитъ на бочкѣ вина и держитъ кубокъ, наполняемый виномъ вакханкой; изъ этого переполненнаго кубка, вино льется широкой струей въ открытый ротъ молодого Сатира, который подкрался тайкомъ; нѣсколько дальше, неизбѣжный Силень обнимаетъ громадную амфору, въ то время, какъ дерзкій, наивнравичный мальчишка, точно продолжаетъ вакхическій водопадъ, съ нахальствомъ и безстыдствомъ бронзоваго собрата (shocking!) стоящаго на одной изъ площадей Брюсселя. Эта подробность, нѣсколько грубая и неприличная, достаточно ясно указываетъ на участіе Жорданса въ этой странной, но остроумной фантазіи.

Въ «Вакханаліи» — рисунокъ которой мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ «Живописнаго Обозрѣнія», — мы снова встрѣчаемъ, безъ всякой примѣси, великую кисть Рубенса. Никогда еще празднество бога Пана не было изображаемо съ большимъ величіемъ и усиліемъ. Это, такъ сказать, поэма опьяненія, опьяненія сверхъестественнаго, колоссальнаго: это бредъ оргіи въ проявленіяхъ самой грубой чувственности. Было бы, впрочемъ, совершенно излишне настаивать на этомъ характерѣ картины, если бы нѣкоторые цѣломудренныя критики (по преимуществу нѣмцы) не громили своимъ негодованіемъ это лучшее произведеніе великаго художника, подобно тому, какъ они, съ такимъ же наивнымъ, но цѣломудреннымъ непониманіемъ, громили «Кермесу», эту фламандскую вакханалію, составляющую гордость луврской галереи. Конечно, цинизмъ и смѣлость очень велики. На словахъ едва-ли возможно безъ помощи рисунка, дать понятіе тупое безсиліе и слабость пузатаго Силена, котораго поддерживаютъ, качаясь съ одного бока на другой, негрятанка, сатиръ и фавнъ, — группа, обезумѣвшая отъ вина, не могущая держаться на ногахъ подъ тяжестью опьяненія...

Эта великолѣпная вакханалія, — можетъ быть, одно изъ самыхъ оригинальныхъ произведеній Рубенса, — невольно напоминаетъ слова Фромантена, въ его біографіи Рубенса. «Стоитъ только вникнуть въ его произведенія, даже самыя грубыя, чтобы выдѣлить изъ нихъ идеальныя черты. Рубенсъ очень близокъ къ землѣ, ближе, чѣмъ кто-либо другой изъ великихъ мастеровъ. Онъ такъ чувствененъ, такъ матеріаленъ и такъ грубъ, что многіе не въ состояніи уловить его духовныхъ порывовъ. Видишь, по-большей части только то, что привизываетъ этотъ духъ къ землѣ, къ дѣйствительности, — колоссальныя мускулы, небрежный рисунокъ, пошлыя тѣны, жирное, чувственное тѣло. И только послѣ нѣкотораго вниманія, замѣчаешь, что Рубенсъ имѣетъ свою формулу жизни, стиль, идеалъ, и что этотъ идеалъ находится на его палитрѣ, — мы бы, въ свою очередь, охотно прибавили, что этотъ идеалъ и стиль живутъ въ самыхъ основныхъ чертахъ натуры фламандца...

Этимъ замѣчаніемъ мы закончимъ наши этюды о Рубенсѣ.

Вой гладіаторовъ и травля звѣрей на аренѣ амфитеатра Помпеи, въ 79 г. по Р. Х.

Очеркъ Симонса, переводъ Е. А. Сысоевой.

(Окончаніе.)

V.

Травля звѣрей.

торично прозвучать рогъ, и этотъ знакомый сигналъ, далеко разносясь по вечернему воздуху, магически дѣйствовалъ на бѣгущую массу зрителей, подгоняемыхъ одной мыслью, какъ бы не опоздать къ новому представленію.

Подобно бурнымъ волнамъ вздувагося весной потока, который съ ревомъ несется со скалы на скалу, стремясь въ бездну; — шумныя волны народа вливаются со всѣхъ сторонъ въ амфитеатръ. Лѣстницы, ведущія въ галлерей, сверху до низу покрыты суетящимися людьми; гулъ голосовъ и стукъ безчисленныхъ человѣческихъ ногъ совершенно заглушаютъ ревъ и вой дикихъ звѣрей, запертыхъ въ клѣткахъ, гдѣ ихъ безпрестанно раздражаютъ ударами желѣзныхъ прутьевъ.

Львы и пантеры рычали, медвѣди выли, собаки лаяли, по ихъ всѣхъ перекричала восторженная публика, когда сигнальная труба прозвучала въ третій разъ. Водометы забили опять, опять закурился фиміамъ на треножникахъ; лихорадочное возбужденіе зрителей ежеминутно росло, въ ожиданіи травли дикихъ звѣрей *).

Синистули ременные бичи венаторовъ, и подъ хлесткими ударами ихъ изъ открытыхъ клѣтокъ выбѣжало цѣлое стадо газелей **). Обрадовавшись свободѣ послѣ долгаго заключенія, красивыя животныя граціозными прыжками разлетѣлись по аренѣ. Но не долго продолжалось это веселье, вслѣдъ за газелями примчалась стая голодныхъ исполинскихъ псовъ, и началась травля. Обезумѣвъ отъ страха, бѣдныя животныя заметались во всѣ стороны; нѣкоторые изъ нихъ понеслись кругомъ арены; но собаки налетали

*) Первая травля дикихъ звѣрей была устроена въ Римѣ Фульвіемъ Нобиліоромъ, лѣтъ 10 спустя послѣ введенія боя гладіаторовъ.

**) Симахъ травилъ газелей шотландскими собаками.

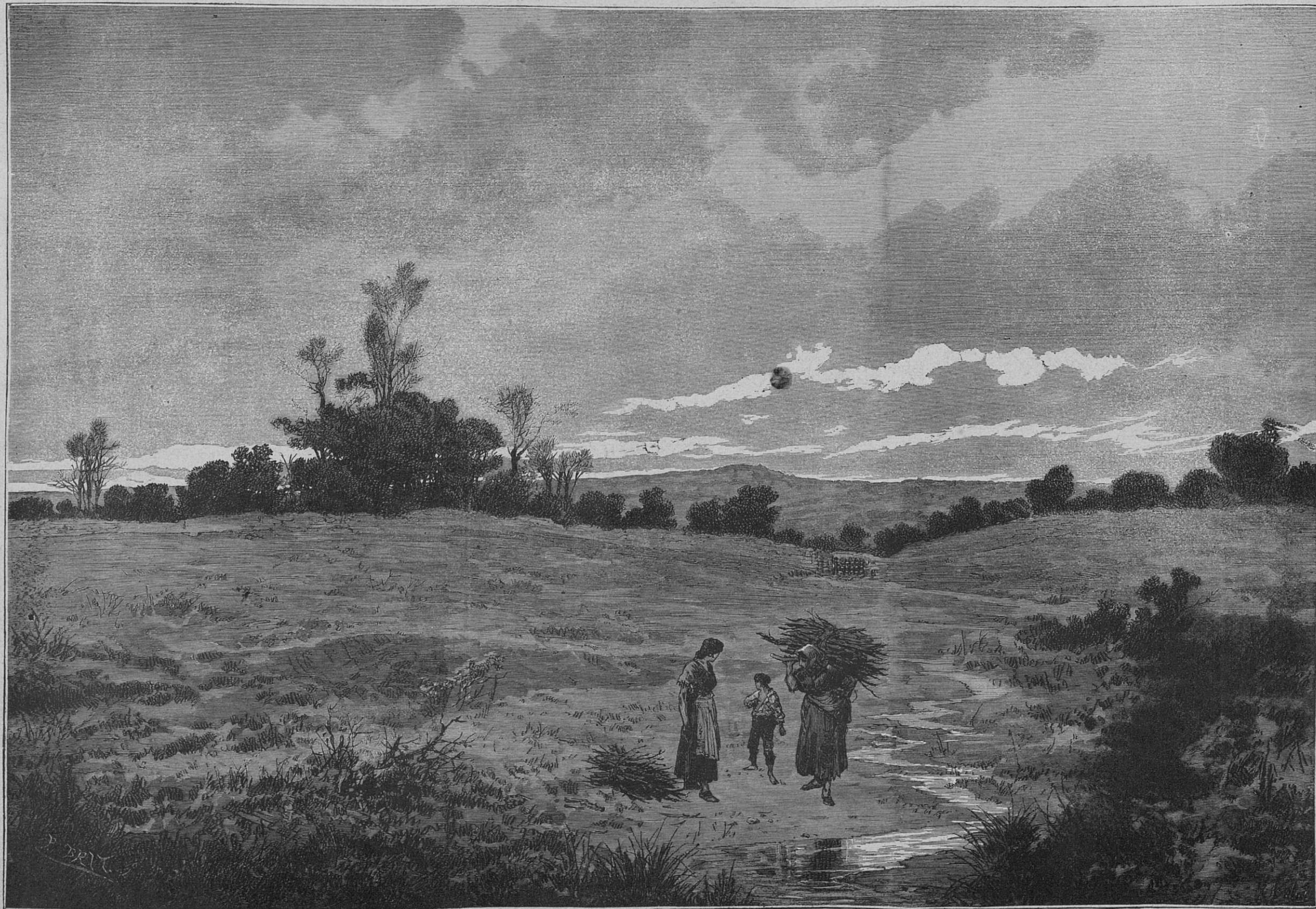
ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА ЯРОСЛАВА ЧЕРМАКА.

Герцеговина въ 1877 году. Рѣзано на деревѣ по фотографіи.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА Р. БАЛАКА.

Валежникъ. Гравировалъ на деревѣ Бритъ въ Барселонѣ.

на нихъ сзади, какъ ураганъ, и рвали на клочки. Выбившись изъ силъ, искусанный, трепещущія лани поворачиваютъ назадъ и, сбившись, наконецъ, въ кучу, обращаютъ на публику свои большіе, кроткіе глаза, точно умоляя ее о пощаде. Тщетно! Крики палачей и лай собакъ испугиваютъ ихъ, онѣ снова бѣгутъ, падаютъ и тотчасъ же дѣлаются жертвами голодныхъ собакъ. Ликуетъ Помпей, любуясь на это зрѣлище.

Между тѣмъ на аренѣ завязывается ловкая борьба—человѣка съ звѣремъ. Медвѣдь силится стряхнуть повязку, наброшенную на его морду ловкимъ звѣроборцемъ; но оглушенный учащенными ударами гладиаторскаго кулака по лбу и переносицѣ, онъ падаетъ въ изнеможеніи рядомъ съ своей самкой, которая корчится и катается по песку отъ адскихъ мученій: внутренности ея прободены копьемъ другого гладиатора. Жалобные стоны медвѣдья разрываютъ душу; ихъ не могутъ даже заглушить кимвалы и трубы.

Ненасытнымъ, страстнымъ взоромъ слѣдятъ зрители галерей за этой неравной, жестокой борьбой человѣческаго лукавства съ грубой силой.

— Леа, Леа идетъ, львица Діомеда! 10 тысячъ сестерцій за Леа! Кто хочетъ держать закладъ противъ насъ? кричитъ партія молодыхъ патриціевъ изъ ложи игроковъ въ мячъ.

Тысячи рукъ мгновенно поднялись надъ головами зрителей.

— Согласны! держимъ! раздалось изъ галерей.—Долой игроковъ въ мячъ! долой Леа!.. Держимъ 20 тысячъ, что Леа будетъ убита! орутъ хоромъ члены общества стрѣльбы въ цѣль *) и, вслѣдъ за тѣмъ, градъ мучныхъ шариковъ летитъ внизъ, осыпая ложу ненавидимыхъ pilarii (такъ назывались любители игры въ мячъ).

Могучими прыжками, едва касаясь земли, влегла знаменитая львица на арену; 4 стрѣлка изъ лука (sagittarii) предназначены къ битвѣ съ нею. Зрители не могутъ оторвать глазъ отъ великолѣпнаго звѣря. Обѣжавъ кругомъ часть арены, Леа вдругъ остановилась, понявшись назадъ къ стѣнѣ ограды и, усѣвшись на заднихъ лапахъ, точно окаменѣла.

Изъ верхнихъ галерей раздались свистки, хоть и ругательства.

— Экая дрянь! Прочь презрѣнную кошку!..

Какъ гладиаторы-звѣроборцы ни старались раздражить львицу зажженными пучками соломы и развѣвающимися платками—все было напрасно! Величественная Леа не трогалась съ мѣста; она точно не замѣчала окружающихъ ее людей, точно ничего не слышала и только страстно, не отрывая глазъ, смотрѣла на входные ворота арены.

— Видите! видите! Леа труситъ, робѣетъ! Позоръ старому Діомеду! восклицали стрѣлки.

— Неправда! неправда! она сейчасъ прыгнетъ! Впередъ, Леа, впередъ! громко кричала противная партія.

— Прочь лѣнливую пумидіанку! загремѣла, наконецъ, публика со всѣхъ сторонъ, видимо начинавшая терять терпѣніе.

Тогда одинъ изъ гладиаторовъ натянулъ лукъ, и мѣткая стрѣла, пролетѣвъ со свистомъ довольно большое разстояніе, впиалась, дрожа, въ лѣвый бокъ львицы; та вспрыгнула, какъ ужаленная и до того жалобно завывала, что всѣ зрители затрепетали; затѣмъ, шатаясь и оставляя за собой кровавый слѣдъ, бѣдная Леа подползла къ дверямъ своей клѣтки, бросила послѣдній, прощальный взглядъ на двухъ слѣпыхъ дѣтенышей, только что накануне, ночью, рожденных ею, простонала раза два и издохла.

Въ тоже мгновеніе балки, поддерживавшія навѣсъ надъ галереями, затрещали; пологъ, натя-

нутый надъ ареной, сильно заколыхался отъ налетѣвшаго вихря, ударилъ громъ, и отъ одного этого удара земля какъ будто дрогнула. Но толпа не замѣчала того, что совершалось въ природѣ, все вниманіе ея было поглощено сценами, происходившими на аренѣ.

Туда вбѣгаетъ быкъ, съ которымъ едва могутъ сладить два служителя, назначенные ему въ проводники; глаза у него повязаны бѣлымъ платкомъ, выхоленное туловище украшено тонкой, расшитой перевязью, въ поздри продѣто золотое кольцо.

— Да здравствуетъ Бріарій, быкъ Юлія Фелiksa! заголосила публика.

Молодой быкъ отвѣтилъ глухимъ ревомъ на этотъ радостный привѣтъ, гордо мотнулъ головой и началъ бить себя хвостомъ по бедрамъ. Повязка свалилась съ его глазъ; проводники стрѣмглавъ бросились за ограду, гладиаторы-звѣроборцы схватились за спасительныя кольца; быкъ отряхнулся и осмотрѣлся кругомъ. Покамѣстъ онъ одинъ на аренѣ не надолго. Раздается рѣзкій свистокъ, распахивается дверь звѣрника и изъ-подъ ложи весталокъ,—сначала крадучись, подзкомъ, а затѣмъ, эластичными прыжками, доказывавшими силу и гибкость мускуловъ, выскакиваетъ на арену пантера Фаустула.

Замѣтивъ рогатаго врага, неподвижно стоявшаго посреди площадки, пантера припала къ землѣ, спина ея съежилась и выгнулась, точно у кошки, глаза загорѣлись; тихо и осторожно она принялась кружиться около быка, стягивая постепенно круги. Бріарій зорко слѣдилъ за каждымъ движеніемъ звѣря, не подымая головы.

Юлія Фелiksa блѣднѣетъ, кровь стынетъ въ ея жилахъ, она едва переводитъ духъ; въ порывѣ волненія, она судорожно схватывается за руку ближайшую невольницу и вырываетъ у нея флаконъ съ солями. Объ закладъ уже никто не бьется, такъ какъ вся Помпея держитъ сторону красавца быка; мужчины же тайнѣ думаютъ не столько о быкѣ, сколько о томъ, чтобы прекрасная дочь Спурія осталась довольна. Рогатому бойцу расточается градъ похвалъ и ласковыхъ именъ; у всѣхъ одно желаніе, чтобы ему удалось поборотъ лукавую кошку.

«Пантера прыгнула!» раздался въ амфитеатрѣ вопль тысячи голосовъ. И дѣйствительно, описавъ въ воздухѣ дугу, пантера въ одинъ мигъ перелетѣла разстояніе, отдѣлявшее ее отъ противника. Но быкъ не дремалъ; онъ принялъ на рога это дитя степей и, могучимъ взмахомъ своей исполинской шеи, высоко подбросилъ пантеру. Оглушенная, раненая, она грянулась на песокъ, визжа, мяукая, каталась на спинѣ и вздымала облака пыли своимъ хвостомъ; съ трудомъ оправившись, она собралась было повторить прыжокъ, но преслѣдуемая ударами роговъ своего противника, заматалась вправо и влево. Быкъ горячо напиралъ, кошка дрожала отъ бѣшенства; злобно мурлыкая, она царапала землю передними лапами, шерсть ея оцѣпнилась, налитые кровью глаза свѣтились. У возбужденныхъ до пельзы зрителей сперлось дыханіе.

Быкъ все болѣе и болѣе горячился; пантера начала отступать, при этомъ ударила задомъ объ ограду арены, въ одно мгновеніе опрокинулась на спину и выставила наружу свои четыре лапы, вооруженныя страшными когтями. Не долго думая, быкъ отвернулъ немного морду, вонзилъ лѣвый рогъ свой въ брюхо пантеры и сталъ бороздить ей внутренности до тѣхъ поръ, пока всѣ кишки не вывалились наружу и звѣрь не издохъ. Съ пѣной у рта, весь дрожа отъ напряженія, побѣдитель быкъ долго еще топталъ ногами свою жертву; сердитымъ рычаньемъ встрѣтилъ онъ подосѣвшихъ служителей, которые бичами погнали его къ выходнымъ воротамъ. Тучи бантовъ изъ лентъ полетѣли вслѣдъ за Бріаріемъ.

Лишь только онъ скрылся, публика точно ошалѣла отъ восторга; всѣ вскочили съ мѣстъ, начали жать другъ другу руки, разсыпаться во взаимныхъ поздравленіяхъ. Амфитеатръ дрожалъ отъ рукоплесканій и криковъ различныхъ партій; Юлія Фелiksa принимала въ своей ложѣ привѣтствія Помпеи; къ ней со всѣхъ сторонъ неслись цвѣты; грудь молодой красавицы высоко вздымалась отъ едва сдерживаемаго волненія.

Но этотъ перерывъ не понутру остальной публикѣ; она громко требуетъ новыхъ зрѣлищъ, новыхъ наслажденій; программа праздника не вся еще выполнена; за рѣшеткой звѣрника скрыты массы четвероногихъ, предназначенныхъ для травли; впереди ожидаются сцены еще болѣе дикаго характера.

Арену вновь полпваютъ водою, чтобы дать улечься густымъ облакамъ пыли; изъ верхнихъ галерей несутся пѣвучіе возгласы разнощиковъ съ орѣхами, огурцами, медомъ, лакомствами и фаустипіановскими винами, охлажденными снѣговой водой. Охотниковъ на всѣ эти товары нашлось множество, такъ какъ отъ пыли и снѣгаго подъ полотнянымъ навѣсомъ воздуха, дышать тяжело.

Солнце низко опустилось; по послѣдній лучъ его какъ-то проникъ въ прорѣху полога арены и жгучій свѣтъ обдалъ нѣкоторыя мѣста въ галереѣ. Началась сумятица; зрители, обезпеченные незванымъ гостемъ, закрывали лица руками, кляли Феба и, не будучи въ силахъ выдержать его огненнаго прикосновенія, принялись перелѣзывать черезъ сидѣнья, ища тѣнистаго убѣжища; сосѣди грубо отталкивали ихъ, били даже, и эта борьба грозила превратиться во всеобщее сраженіе. Дѣти спорили съ родителями, отстаивая темный уголокъ, мужчины и женщины дрались изъ-за нѣсколькихъ вершковъ тѣни, а между тѣмъ, неумолимый Фебъ продолжалъ безжалостно обжигать смертныхъ.

Кулачный бой разгорался не на шутку; дѣти и женщины безъ умолку визжали; каждый отстаивалъ почти цѣною жизни мѣсто, не понавшее подъ жгучій лучъ солнца. Но вотъ по знаку эдила привели въ дѣйствіе водяныя помпы и разгоряченный пологъ надъ зрителями обильно смочили живительной влагой. Публика жадно подставляла руки и платки подъ импровизированный дождь, брызнувшій внутри амфитеатра и съ наслажденіемъ мочила себѣ лицо и голову водою.

Зазвучали охотничьи рога; начались новыя травли; свирѣпыхъ вепрей преслѣдовали охотники на прекрасныхъ лошадяхъ; сначала они просто гоняли ихъ по аренѣ, затѣмъ травили до изнеможенія, а подъ конецъ прикалывали копьями, или душили арканами. Цѣлое стадо старыхъ лосей пало также въ этотъ вечеръ, замученное до смерти; звѣроборцы вскрывали длинными пожами внутренности гордыхъ животныхъ съ вѣтвистыми рогами, у полуживыхъ еще вытаскивали совѣмъ горячую печень и, сжимая ее въ окровавленномъ кулакѣ, съ торжествомъ показывали ликующей публикѣ.

Медвѣдей травили собаками, или били ихъ, доводя до бѣшенства; сотни оленей, израненные, съ ободранными шкурами, съ разрубленными ушами, металась въ ужасѣ по аренѣ; къ рогамъ ихъ были привязаны зажженные смоляные вѣнки; струи горящей смолы обдавали шею и голову бѣдныхъ животныхъ, и тѣ, обезумѣвъ отъ боли, разбивали себѣ лбы о каменные стѣны ограды. А ненасытной толпѣ и этого казалось мало; жажущіе крови люди, требовали новыхъ и новыхъ зрѣлищъ. Опять грянули трубы, закричали петли, дверецъ желѣзныхъ клѣтокъ, гдѣ содержались дикіе звѣри...

Но вдругъ раздался оглушительный подземный трескъ; можно было подумать, что обрушились гигантскія скалы; стѣны и колонны амфитеатра

*) Любители игры въ мячъ и стрѣлки имѣли въ Помпеевѣ нѣчто въ родѣ клубовъ.

дропнули; затѣмъ, все стихло, смолкло и успокоилось *).

— Что такое было? спрашивали другъ у друга тѣ изъ помпейцевъ, кто прежде опомнился.

— Разгнѣванный Зевсъ потрясъ своими грѣдами, проговорилъ кто-то изъ толпы, и это мѣня, какъ стрѣла, облетѣло всю арену.

— Зевсъ прогнѣвался, идемъ молиться въ храмы! крикнули перепуганные смертные и повалили изъ амфитеатра въ ближайшіе храмы, чтобы умилостивить разгнѣванного бога молитвами и жертвами.

Ложи и галереи быстро опустѣли; столбы пыли, позолоченные лучами заходящаго солнца, стояли надъ ареной; водометы перестали бить и послѣднія ихъ жемчужныя капли тихо падали въ гладкіе мраморные бассейны. На скамьяхъ не осталось ни души; только гдѣ-то высоко, въ углу одной изъ галерей, на ступеняхъ каменной лѣстницы лежалъ распростертый трупъ Калкса, вырвавшегося изъ тюрьмы, искусааннаго собаками, вора; онъ умеръ во время представленія.

VI.

Эпилогъ.

Солнце окупилось въ море и потухло; мертвая тишина объяла амфитеатръ и такъ недавно еще оживленная его окрестности; совы и летучія мыши шмыгали по чернымъ стѣнамъ гигантскаго зданія и по его портикамъ, поднимая, по временамъ, возню подъ сводами мрачныхъ арокъ. Ночь быстро надвинулась и задернула своимъ покровомъ все ужасы дня, заглушивъ послѣдніе вздохи еще борющихся со смертію живыхъ тварей.

По опустѣвшимъ ступенямъ каменныхъ лѣстницъ арены осторожно крадется шакаль, привлеченный сюда запахомъ труповъ. Вотъ тутъ вздрагиваетъ медленно окользящій забытый звѣрь, рядомъ съ нимъ блещитъ кинжалъ, убитаго гладиатора; на кровавыхъ лужахъ выходятъ и лопаются пузырьки зловонныхъ газовъ, отравляя собою воздухъ.

Помпей успокоился; уличный шумъ мало-помалу смолкъ и только вдали, въ предмѣстьяхъ лаютъ и воютъ дворовыя собаки.

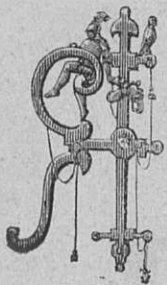
Легкія облака дыма, пересѣкаемыя зигзагами молній, вьются изъ жерла Везувія и поднимаются столбомъ къ темносинему небу; внутри горы хлопочетъ и кипитъ огненная масса, то вздуваясь до самыхъ краевъ кратера, то падая съ грохотомъ опять внизъ. Жатва зрѣть, по не готова еще для серна.

Скоро, скоро наступитъ день, когда городъ Помпей, дошедшая до послѣдней степени разврата, позора и нечестія, погибнетъ, забытая на вѣки!

О ВЫБОРѢ КНИГЪ.

Рѣчь Фредерика Гаррисона, переводъ
М. К. Цебриковой.

(Окончаніе.)

перехожу отъ всѣхъ системъ воспитанія, отъ мыслей объ общественномъ долгѣ, отъ размышленій о литературной профессіи, къ болѣе общимъ и легкимъ темамъ. Я буду говорить только о болѣе легкой сторонѣ чтенія, по поводу которыхъ существуетъ какое-нибудь согласіе. Я далекъ отъ требованія, чтобы все время наше было отдано научнымъ книгамъ; на-

*) Землетрясенія, о которыхъ въ ту эпоху не имѣли еще яснаго понятія, начались въ Помпѣи незадолго до гибели города, засыпаннаго пепломъ въ 79 г. по Р. Х., въ часъ пополудни. Такъ какъ въ эту пору почти все городское населеніе находилось въ амфитеатрѣ, то большинство зрителей имѣло возможность спастись бѣгствомъ въ открытомъ полѣ. Вотъ чѣмъ объясняется то обстоятельство, что при раскопкахъ въ Помпѣи, сравнительно, найдено очень незначительное количество труповъ.

противъ, я считаю, что поэтическая сторона литературы еще болѣе пужна для ежедневнаго употребленія. Я беру книги, которыя возбуждаютъ воображеніе, волнуютъ чувство, трогаютъ сердце: книги искусства, фантазіи, идеаловъ, приносящія наслажденіе и духъ жизни. И здѣсь пошли книги, лишь бы онѣ были новы, книги, заглавія которыхъ кидаются намъ въ глаза на столбахъ объявленій, вытѣсняють безсмертную поэзію и пафосъ человѣческой расы, портятъ нашъ вкусъ для тѣхъ художественныхъ произведеній, которыя отражаютъ домашній міръ и ослабляютъ наше наслажденіе вѣчными твореніями гения. Старый Гомеръ есть истинный источникъ чистаго поэтическаго наслажденія всѣмъ, что есть естественнаго, простаго и достойнаго въ жизни. Онъ вводитъ насъ въ міръ человѣческой силы, чистоты и граціи. Гомеръ одинъ изъ немногихъ поэтовъ, духъ которыхъ можетъ быть сохраненъ въ переводѣ. Многіе мужчины и женщины скажутъ, что читали Гомера, но очень немногіе снова брались за него съ новымъ наслажденіемъ. Теперешнее поколѣніе, читающее семнадцатый романъ Золя, не станетъ читать Гомера, какъ не станетъ читать клинообразныя надписи. Для Гомера и его типа первобытнаго героя во всей красотѣ, простотѣ и радости его, культурное современное поколѣніе такъ же мертво, какъ мертва балованная балльная красавица для цвѣта вереска, или развѣванія царскихъ кудрей.

Отвращеніе, которое праздная культура вызываетъ ко всему, что есть мужественнаго и чистаго въ героической поэзіи, есть истинная психологическая проблема. Исслѣдованіе до какой степени зудъ къ новой печати лишаетъ насъ силы наслаждаться старыми пѣснями, пропѣтыми на зарѣ человѣческаго воображенія, составить еще не написанную главу исторіи человѣческаго ума. Попросите мужчину или женщину, тратящихъ половину жизни на чтеніе разныхъ періодическихъ изданій и новыхъ поэмъ, прочесть книгу Гомера все равно, что просить мальчика изъ лавки мясника насвистывать Аделанду Бетховена. Шумъ и болтовня, круженіе и легкомысліе окружающей насъ жизни одолеваетъ насъ. Общество, которое вѣчно болтаетъ, теряетъ самую способность интересоваться чѣмъ бы то ни было, кромѣ первыхъ изданій послѣдняго вышедшаго романа. Какъ плевели въ притчѣ о сѣятелѣ, вѣчная болтовня о книгахъ заглушаетъ сѣмя, посѣянное въ величайшихъ книгахъ въ мірѣ.

Я говорю о Гомерѣ, но 50 другихъ великихъ поэтовъ и творцовъ вѣчной красоты могутъ равно служить мнѣ доказательствами. Говоря съ восторгомъ о Гомерѣ, Шекспирѣ, Мильтонѣ, или о другихъ признанныхъ учителяхъ міра, я не хочу догматически настаивать исключительно на двухъ, трехъ именахъ. Наше наслажденіе великими міровыми поэтами въ наше время серьезно страдаетъ отъ привычки выбирать какое-нибудь особенное свойство, какую-нибудь школу искусства, какъ предметъ неумѣренныхъ похвалъ, еще хуже, какъ предметъ такихъ же порицаній. Каждый юный джентльменъ, который перенялъ штучку напизывать прилагательныя, будетъ клясться, что Марлоу высокъ, а Мурильо гнусенъ. Отличительная черта рациональной критики сохранять трезвость тона при обсужденіи великихъ произведеній, признавать великія качества въ должной мѣрѣ, чувствовать, какъ красоты возназначаютъ за недостатки, и какъ недостатки уравниваютъ красоты. Вѣрное сужденіе предполагаетъ опредѣленіе, въ какомъ отношеніи къ суммѣ человѣческой культуры и постояннаго поступательнаго движенія вѣковъ, находится данное произведеніе и творецъ его въ суммѣ всѣхъ своихъ произведеній. И въ этомъ отношеніи мы всегда найдемъ, что міръ правъ, — міръ вѣковъ

новой исторіи и міръ всѣхъ европейскихъ націй вмѣстѣ. Невѣроятно, но крайпей мірѣ, чтобы юноша, едва переставшій подбирать латинскіе стихи, могъ уничтожить приговоръ цивилизованнаго міра, и еще болѣе невѣроятно, чтобы Мильтонъ, Мольтеръ, или Фильдингъ, были бы смѣщены поэтомъ, который былъ неизвѣстенъ столѣтіе, или два. Я знаю, что по модѣ нашего времени, я не долженъ бы былъ говорить вамъ о поэзіи, если я не приготовился открыть оставшіяся тайною для свѣта красоты какого-нибудь неизвѣстнаго гения, недавно открытаго. Я отказываюсь разбирать гиперболическія эксцентричности неизвѣстныхъ гениевъ, и единственнаго качества — силы — еще недостаточно на то, чтобы привести меня въ восторгъ. Очень можетъ быть, что ни одинъ великій мастеръ-живописецъ никогда не писалъ куричью слѣпоту, какъ такой-то, или бахромѣ платя, какъ другой, что у этого поэта есть единственная, свойственная ему, крайне тонкая черта, а у другого неопредѣлимая музыкальность. Я все-таки остаюсь не убѣжденнымъ, хотя бы человѣкъ, неспособный видѣть все это и долженъ былъ уйти въ мѣсто плача и скрежета зубоваго.

Я противъ всякаго скрежета зубоваго, будь то за, или противъ какого-бы то ни было кумира. Я стою за людей, за всѣхъ людей, которые волновали человѣчество до глубины души его, которые учили поколѣнія за поколѣніями и создавали нашу жизнь. Если я наслаждаюсь Гомеромъ, я люблю и Фильдинга, и Ричардсона, и Стерна, и Гольдсмита, и Дефо. То, что я сказалъ о Гомерѣ, я скажу въ нѣсколько ослабленной степени о великихъ древнихъ писателяхъ, доступныхъ намъ въ переводѣ: объ Эсхилѣ, Аристофанѣ, Виргили и Гораци. То, что я сказалъ о Шекспирѣ, я скажу о Кальдеронѣ, о Мольтерѣ, о Корнель, Вольтерѣ, Альфіери, Гётѣ, о тѣхъ драматургахъ, которые поставили себѣ цѣлью идеализировать великіе типы общественной жизни и фазисовъ исторіи человѣчества. Мы должны остерегаться, чтобы поклоненіе несравненному Шекспиру не сдѣлало насъ слѣпыми къ значенію великихъ художниковъ, которые въ другомъ мірѣ и съ другими цѣлями представили развитіе цивилизаціи въ серіи драмъ, гдѣ единство немногихъ великихъ типовъ челоѣка и общества выставлено такимъ блестящимъ языкомъ и такими утонченными чертами. То, что я сказалъ о Мильтонѣ, я скажу о Дантѣ, о Аріосто, о Петраркѣ и о Тассо; я скажу не менѣе и о Боккачіо и Чосерѣ, Камонсѣ и Спенсерѣ, Раблѣ и Сервантесѣ, о Жиль-блэзѣ и «Вѣкфильдскомъ священникѣ», о Байронѣ и Шелли, о Гётѣ и Шиллерѣ. Мы не должны также забывать чудесную идеализацію пробуждавшейся мысли и первобытныхъ обществъ, картины другихъ расъ и типовъ жизни, отдаленныхъ отъ нашихъ; всѣ первобытныя легенды, пѣсни, сказки, пословицы, аполги и изрѣченія, которые дошли до насъ отъ давно протекшихъ вѣковъ: древнія идилліи еврейской расы, повѣсти Греціи, среднихъ вѣковъ, востока: пѣсни Нибелунговъ, романы древняго феодализма, смерть Артура, баллады первыхъ народовъ Европы.

Я заявляю, что не принадлежу ни къ какой школѣ въ особенности; я не осуждаю никакую школу, я не отвергаю ни одну. Я за школу великихъ людей; я противъ школы всѣхъ маленькихъ великихъ людей. Я цѣню Вордсворта и Байрона, Бернса и Шелли, Боккачіо и Мильтона, Беніана и Рабле, Сервантеса и Данте, Корнеля и Шекспира, Гольдсмита и Гётѣ. Я стою за приговоръ міра и утверждаю, что въ дѣлѣ, такомъ гуманномъ и великомъ, какъ высшая поэзія, сужденіе европейскихъ націй хорошо опредѣлено послѣ одного, или двухъ столѣтій постояннаго чтенія и обсужденія. Пусть кто хочетъ увѣряетъ, что нельзя считать образованнымъ, если не знать Фра-Анджелино, Уэбстера, Марлоу, Книгса,

Выборъ.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской полиграфіи».

Гейне, или Омара Кайяма, — все это были замѣчательные таланты, но второклассные, и каждый имѣлъ свой оригинальный и неподражаемый талант. Но занятый дѣлами своимъ свѣтъ, который не розыскиваетъ поэтовъ, какъ собиратели коллекцій розыскиваютъ рѣдкости, можетъ отложить знакомство съ второстепенными свѣтилами до того времени, когда онъ хорошо познакомится съ первостепенными.

Я говорю о великихъ, о славныхъ именахъ, о тѣхъ, которые заняли величайшую арену въ исторіи и въ общей природѣ человѣка. Когда мы станемъ считать эти имена, признанные единодушно голосомъ Европы, мы насчитаемъ отъ 30 до 40, и въ числѣ ихъ будутъ многіе плодотворные писатели. Я просматривалъ одинъ отдѣлъ литературы — поэзію; но и въ немъ мы можемъ составить списокъ томовъ въ 100, не менѣе. Стихотворенія и вышній родъ романовъ — родъ литературы, который не только выдерживаетъ повторенное чтеніе, но истинное значеніе котораго можетъ быть оцѣнено частнымъ чтеніемъ. Нельзя сказать, что мы знаемъ Шекспира, Мольера, или Сервантеса, если прочли ихъ только разъ, урывками. Безсмертные и міровые поэты должны читаться и перечитываться, пока ихъ музыка и духъ не станутъ частью нашей природы; о нихъ надо размышлять, пока мы живемъ въ мірѣ, который они создали для насъ. Какъ древній еврейскій пѣвецъ слышалъ небеса, исповѣдывающія славу Творца, такъ и въ длинномъ свиткѣ поэзіи, мы видимъ преобразованнымъ силу и красоту человѣчества, его радости и печали, его величіе и борьбу, длинную повѣсть жизни нашего рода.

Я прохожу мимо книгъ религіи и морали. Я не буду говорить о библіи, о нравственныхъ разсужденіяхъ Сократа, Аристотеля, Конфуція, объ исповѣди св. Августина и графѣ Божіемъ, о великихъ философскихъ видѣніяхъ, которыя были открыты очамъ Бэкона и Декарта, о мысляхъ Паскаля и Вовенарга, Дидро и Юма, Кондорсе и де-Местра, о проблескахъ человѣческой природы, такъ какъ онѣ изображены въ «Путешествіи пилигрима», въ Фаустѣ, или Квинѣ, о глубокихъ изліяніяхъ сердца великихъ мистиковъ всѣхъ вѣковъ и расъ, будь то мистицизмъ Давида, или Іоанна, Магомета или Будды, Фелелона или Шелли.

Я говорю только о книгахъ для чтенія въ часы отдыха. Я говорю о книгахъ, надъ которыми мы можемъ плакать и смѣяться, по которымъ мы учимся жизни и потомъ снова плачемъ и смѣемся, въ которыхъ есть юморъ, истина, человѣческая природа во всѣхъ проявленіяхъ своихъ, картины великихъ фазисовъ исторіи человѣчества, и во всемъ этомъ — здоровые уроки честности, мужества, любви, терпѣнія. Такихъ книгъ, — я говорю о книгахъ, признанныхъ голосомъ всего человѣчества за несравненные и безсмертные книги, — есть цѣлая библіотека, доступная каждому человѣку, въ каждомъ настроеніи духа, и каковы бы ни были вкусъ и знанія его. На то, чтобы узнать хорошо эти 100 томовъ, или около того, о которыхъ я говорю, нужны годы изученія. Но кто можетъ сказать, что книги эти читаются такъ, какъ ихъ должно читать, что мы не пренебрегаемъ ими ради чего-нибудь въ новой обложкѣ, что кипится намъ въ глаза на выставкѣ въ книжной лавкѣ. Это обвиненіе относится не только къ празднымъ и ничего не читающимъ людямъ; но и самые ненасытные чтецы читаютъ часто безъ малѣйшей пользы. Они, разумѣется, прочли много лѣтъ тому назадъ всѣ знаменитыя произведенія, обсудили ихъ и поставили на полку навсегда. Они будутъ читать безконечныя диссертациі объ этихъ авторахъ, будутъ писать статьи объ ихъ произведеніяхъ и высказывать самую ученую критику въ разговорахъ; но имъ никогда не придетъ на мысль, что книги эти имѣютъ повседневную и

вѣчную цѣну; что музыка этихъ произведеній должна западать въ душу силою постоянного возобновленія впечатлѣній; что мы должны жить въ нихъ и съ ними для того, чтобы идеальный міръ ихъ окружалъ насъ и въ средѣ нашего реального міра; что великія мысли ихъ должны ежедневно поднимать насъ снова и снова, и великодушныя страсти ихъ согрѣвать насъ часъ за часомъ, такъ же какъ намъ каждый день нуженъ свѣтъ солнца, такъ же какъ нашей крови каждый день нужна теплота его. Когда я вижу людей, забывающихъ вѣковую мировую поэзію и роющихся въ кучкѣ быстро исчезающаго и вновь накапливающаго сора, я вспоминаю великолѣпную сцену изъ «Путешествія пилигрима», гдѣ путники видятъ старика, который разгребаетъ соръ и пылъ и за этимъ дѣломъ не видитъ ангела, предлагающаго ему золотой вѣнецъ и драгоценныя камни.

И мы также не видимъ золотого вѣнца и драгоценныхъ камней изъ-за соломы и сора ближайшей книжной лавки. Едва-ли достанетъ жизни на то, чтобы изучить такъ, какъ слѣдуетъ, великія творенія человѣческаго гения. Многіе-ли изъ насъ могутъ назвать 10 именъ, которыя бы они знали вполнѣ, т. е. всѣ произведенія ихъ и все значеніе ихъ. Возьмемъ, на примѣръ, хотя троихъ наиболѣе доступныхъ и извѣстныхъ — Сервантеса, Мольера, Фильдинга. Мы назвали здѣсь трехъ поэтовъ, соединяющихъ въ себѣ глубокое пониманіе человѣческой природы съ самымъ неподражаемымъ остроуміемъ. Во всѣхъ троихъ, какъ ни различны они другъ отъ друга, есть тотъ же безграничный пафосъ, братское состраданіе къ человѣческимъ слабостямъ, врожденная симпатія ко всему добру въ человѣчествѣ. Знать Дон-Кихота, значитъ прослѣдить тайну его двойственного міра, значитъ знать самую трагикомедію человѣческой жизни, контрастъ идеального съ реальнымъ, рыцарства съ здравымъ смысломъ, героическихъ ошибокъ съ вульгарною полезностью, прошедшаго съ настоящимъ, невозможнаго возвышеннаго съ пошлостью заунывнаго. И однако для сколькихъ читателей Дон-Кихотъ не болѣе, какъ смѣхотворная книга. Мольера читаютъ такимъ же образомъ и такъ же отзываются о немъ; мы смѣемся и хвалимъ. Но какъ мало мы изучаемъ эту превосходную галерею человѣческихъ характеровъ, эти мастерскіе типы почти каждаго соціального явленія, этого симпатичнаго и справедливаго судью лжи, глупости, тщеславія, притворства и неискренности, этотъ трагическій образъ честнаго человѣка, рожденнаго слишкомъ поздно для своего времени, слишкомъ гордаго, слишкомъ справедливаго для того, чтобы быть полезнымъ своему времени. Фильдинга называли «Гомеромъ въ прозѣ человѣческой природы». И этотъ приговоръ справедливъ, однакожь, какъ часто мы забываемъ красоту самоотверженія, источникъ доброты, мужественную бодрость и здоровье, которыя служатъ основаніемъ его шутокъ и сатиры, потому что поглощены смѣхомъ надъ юморомъ его, или просто раздражены его грубостью. Разъ мы прочли великія творенія, мы считаемъ ихъ вполнѣ прочитанными, мы воображаемъ, что знаемъ ихъ. Мы всего разъ возьмемъ Мильтона и прочтемъ одну книгу того «голоса, звучащаго какъ море»; но мы 50 разъ возьмемъ журналъ, гдѣ пишется что-нибудь о Мильтонѣ, или бабушкѣ Мильтона; мы возьмемъ нѣсколько книгъ, набитыхъ любопытными фактами въ родѣ фактовъ о разныхъ домахъ, въ которыхъ жилъ поэтъ, или о дѣтскихъ болѣзняхъ его первой жены.

И въ то время какъ свитокъ именъ великихъ людей, еще не прочтенъ нами, мы постоянно обыскиваемъ землю, чтобы пайдти что-нибудь новое или забытое. Блестящія статьи постоянно прославляютъ какое-нибудь маленькое свѣтило. Те-

перь вошло въ моду приходить въ восторгъ отъ неизвѣстныхъ драматурговъ временъ Елизаветы, отъ утонченности мелкихъ писателей времени королевы Анны. Все это прекрасные люди, и въ свое время писали превосходныя вещи, и всѣмъ этимъ можно наслаждаться, но только когда мы исчерпали все лучшее. Но когда встрѣчаешь толпы эстетическихъ дѣвицъ, которыя стрекочутъ о Гринѣ и Джонѣ Фордѣ (авторахъ, которыхъ, я надѣюсь, онѣ не читали), то съ удивленіемъ спрашиваешь: знаютъ-ли онѣ Лира, или Альцеста. Такъ какъ изъ 10 «всепитающихъ читателей» только одинъ, и это самое большее, усвоилъ себѣ все лучшее, что онъ прочелъ, то эта погоня за чѣмъ-нибудь любопытнымъ нѣсколько преждевременна и, быть можетъ, искусственна.

По той же причинѣ я прихожу въ изумленіе отъ той степени фантастическаго любопытства, до которой люди, и далеко не необразованные, доводятъ манію собиранія рѣдкихъ книгъ, выносивая всѣ углы литературы. Одинъ говоритъ: «Сегодня я попалъ на очень любопытную книгу; о ней упоминается въ примѣчаніяхъ Religio Medici; въ цѣлой Англіи кромѣ этого есть всего одинъ экземпляръ». Другой говоритъ: «Я издаю жизнь прачекъ англійскихъ королевъ». Когда книга выйдетъ, то за нею явится богатая коллекція книгъ о прачкахъ и стиркѣ за нѣсколько столѣтій, съ цѣлью уяснить моду гладить манжеты въ первой половинѣ средневѣковаго періода. Недавно я досталъ для одного русскаго ученаго рукописный экземпляръ очень рѣдкаго произведенія Грина, современника Шекспира. «Похороны» Грина я считаю за очень жалкій и ничего не стоящій образецъ стихотворныхъ строфъ, какіе можно очень часто видѣть; и такъ какъ онъ покоился сномъ смерти, впродолженіи почти трехъ столѣтій, то я и предоставилъ бы ему быть собственнымъ могильщикомъ. Но эта неблагоуханная мертвечина была выкопана изъ могилы; теперь она переведена на русскій языкъ и издана въ Москвѣ къ чести и славѣ русскаго профессора, чтобы доставлять наслажденіе и поучать русскую публику. Тотъ или другой собиратель, цѣною труда полжизни и половины состоянія, собралъ коллекцію старинныхъ драмъ, и кажда изъ нихъ ничтожна по языку, интригѣ, чувству и цѣли, — коллекцію, которая въ сущности гораздо болѣе нелѣпа и не интересна, чѣмъ фарсы и пантомимы послѣдняго 50-лѣтія.

Собираніе рѣдкихъ книгъ и забытыхъ авторовъ, быть можетъ, самая нелѣпая изъ всѣхъ маній нашего времени. Въ сравненіи съ нею можно сказать многое за коллекціи стараго фарфора, или рѣдкихъ жуковъ. Фарфоръ иногда бываетъ очень красивъ, а жуки, по крайней мѣрѣ, иногда забавны. Но рѣдкія книги, вслѣдствіе именно этого свойства, всегда не стоящія ничего книги, и рѣдкость ихъ обыкновенно заключается въ томъ, что типографія надѣлала какихъ-нибудь ошибокъ въ текстѣ, или что въ немъ есть что-нибудь особенно гадкое или нелѣпое. Выказывать глубокий интересъ къ забытымъ авторамъ и неизвѣстнымъ книгамъ, есть большею частью признакъ — не того, что человѣкъ исчерпалъ все, что даетъ извѣстная литература, — но что онъ не способенъ истинно цѣнить величайшія произведенія величайшихъ писателей міра. Эта библіоманія овладѣваетъ разумными существами и до того искажаетъ ихъ смыслъ, что въ умѣ большаго ея человѣчества существуетъ для книгъ, а не книги для человѣчества. Есть книга, которую эти больные могли бы прочесть съ пользою для себя — о похожденияхъ великаго собирателя книгъ, жившаго нѣкогда въ Ла-Маншѣ. Для библіомана, а иногда и для ученаго, книга становится фетишемъ или кумиромъ и стоитъ поклоненія человѣчества, даже и въ томъ случаѣ, если она ненужна никому; разъ книга существуетъ,

то какъ же не оказать ей вѣжливость, пригласивъ ее занять мѣсто на полкѣ. Великія книги, разумѣется, распространенныя книги; къ нимъ библиоманы и книгопродавцы относятся съ презрѣніемъ. Чѣмъ болѣе ужаснымъ выродкомъ литературы оказывается какой-нибудь рѣдкій томъ, тѣмъ болѣе рвутъ его книгопродавцы изъ рукъ друга. Цивилизація создала совершенно организованный аппаратъ, цѣлый классъ людей и кодексъ идей для опредѣленной цѣли—унижать великія творенія. Она давитъ ихъ горами маленькихъ книгъ и даетъ почетное мѣсто литературной падали.

Я думаю, что въ основаніи всего этого лежатъ шумъ и суета жизни, вѣчные спутники промышленнаго урагана, въ которомъ мы кружимся безъ передышки. Въ связи съ нимъ является и литературная хлыщеватость, которая происходитъ отъ занятій литературою безъ всякой общественной цѣли или систематическаго убѣжденія. Читать вслѣдствіе раздраженія отъ какого-нибудь мозгового зуда, а не вслѣдствіе желанія составить себѣ понятіе; взбираться, какъ юный членъ альпійскаго клуба, на вершину какого-нибудь неизслѣдованнаго безплоднаго пика культуры; употреблять книги какъ опиумъ, какъ средство возбуждать пріятное умственное щекотаніе, а не какъ средство возвышать нашу природу; чесать языкомъ въ вѣчной литературной болтовнѣ, чтобы избѣжать усилій укрѣпить умъ мышленіемъ—вотъ наши обычаи въ вѣкъ совершенно хаотическаго воспитанія. Мы читаемъ, какъ ослѣпѣлый поэтъ слагалъ стихи: «Для тревожнаго сердца и мозга есть отдыхъ въ размышленіи рѣчи,—печальномъ механическомъ упражненіи, которое, какъ наркотическія средства, притупляетъ боль».

Мы, для кого паръ и электричество сдѣлали почти все, кромѣ одного—не дали намъ болѣе крупный мозгъ и сердце; мы, кому нужны новыя вещи, о которыхъ бы мы могли говорить чаще, чѣмъ дѣтямъ нужны игрушки для того, чтобы ломать ихъ,—мы не способны читать книги, которыя видѣли около себя въ дѣтствѣ: Мольера или Шекспира. Въ наше время работающіе черезъ силу мужчины и женщины требуютъ занятія, которое избавило бы ихъ отъ мысли и въ то же время избавляло ихъ отъ погруженія во мракъ. И вотъ почему дошло до того, что намъ нужны тысячи новыхъ книгъ каждый сезонъ, въ то время, когда у насъ нѣтъ лишняго часа для величайшихъ твореній. Но я касаюсь предмета слишкомъ серьезнаго для нашей цѣли—воспитаніе длинная и тернистая тема.

Философъ, котораго я цѣню, предложилъ способъ остановить неразборчивое чтеніе, и я считаю его достойнымъ вниманія. Онъ выбралъ небольшую коллекцію для постояннаго и общаго чтенія. Онъ составилъ свой списокъ «съ цѣлью направлять наиболѣе мыслящіе умы въ выборъ книгъ для постояннаго употребленія». Онъ говоритъ, что и умъ и нравственный характеръ жестоко страдаютъ въ настоящее время отъ неправильнаго чтенія. Выборъ его не имѣлъ цѣлью вытѣснить другой родъ чтенія или спеціальнаго изученія. Онъ хотѣлъ только составить свой списокъ, какъ типъ здороваго содержательнаго чтенія, пригоднаго для общаго образованія и ежедневныхъ занятій. Принципы, на основаніи которыхъ онъ дѣлалъ свой выборъ, слѣдующіе: онъ дѣлилъ свой списокъ на четыре отдѣла: поэзію, науку, исторію, религію. Сначала онъ избиралъ лучшіе изъ всѣхъ великихъ отдѣловъ человѣческой мысли, такъ, чтобы въ воспитаніи ни одинъ изъ нихъ не отсутствовалъ. Потомъ онъ собиралъ вмѣстѣ величайшія книги, имѣющія всемірное и прочное значеніе, только величайшія и наиболѣе живучія. Далѣе онъ мѣрялъ значеніе книгъ не только блескомъ ихъ, или научнымъ матеріаломъ, но и тѣмъ,

насколько онѣ представляли типическую главу въ исторіи мысли, какой либо преобладающей фазисъ исторіи; или онъ мѣрялъ ихъ степенью идеализаціи человѣка и природы, и тою гармоніей, какую они вносили въ нашу нравственную и умственную дѣятельность. Наконецъ, пробнымъ камнемъ общаго значенія книги было постоянное отношеніе, какое она имѣла къ европейской цивилизаціи.

Несомнѣнно намъ нужна такая твердая точка опоры въ огромномъ и постоянно увеличивающемся потоцѣ литературы; безъ нея все, что есть великаго въ литературѣ, будетъ потоплено маленькими книгами. Намъ нужно указаніе, чтобы не блуждать по необозримой водяной пустынѣ. Безъ него мы будемъ читать все и не знать ничего; мы будемъ съ любопытствомъ останавливаться на томъ, что случайно попадается на глаза, и равнодушны ко всему, что полезно. Имѣя такой каталогъ передъ глазами, мы благодаря постоянному указанію его, увидимъ, какъ, несмотря на наше ненасытное поглощеніе печати, мы бродимъ, какъ безпокойные духи около рубежа елисейскихъ полей, гдѣ живутъ великіе люди и ведутъ великія бесѣды.

При осадѣ Никшича *).

(Ст. др-а А. В. Щербакъ.)

Глава I.

революционные слухи о движеніи турокъ къ Никшичу, вызвавшія перемѣну въ дислокаціи черногорскаго войска, производили на князя подавляющее впечатлѣніе. Первое время онъ даже думалъ бросить совсѣмъ осаду и отправить все войско на Крстацъ, но настоячивые совѣты полковника Боголюбова, предлагавшаго сѣзуть блокадное кольцо, чтобы тѣмъ побудить никшичанъ къ скорѣйшей сдачѣ, немного сдерживали печальные порывы

князя. Новое извѣстіе изъ Мостара, что въ Гацко собралось не 16 батальоновъ турокъ, какъ говорили прежде, а только 6, измѣнило грустное настроеніе духа князя и даже вызвало въ немъ желаніе приступить къ болѣе энергичнымъ дѣйствіямъ. Вслѣдствіе этого князь рѣшилъ взять Чаджалицу штурмомъ. Узнавши объ этомъ цетинско-негушскій батальонъ, расположившійся лагеремъ вокругъ княжеской стоянки, послалъ немедленно своего командира Божко, упрости

князя назначить ихъ на штурмъ, на что и было получено согласіе, но когда стали вызывать охотниковъ, то вышелъ весь батальонъ. Пришлось прибѣгнуть къ жребію, но тутъ явилось новое осложненіе; другіе черногорскіе батальоны, провѣдавъ о заманчивомъ штурмѣ, тотчасъ же послали своихъ начальниковъ заявить князю, что несправедливо назначать на штурмъ одинъ только цетинско-негушскій батальонъ, который и безъ того пользуется привилегіей состоять при его особѣ. Въ средѣ собравшихся командировъ, поднялся отчаянный споръ о неоспоримыхъ правахъ каждаго изъ нихъ, пока князь не разрубилъ гордіева узла назначеніемъ по жребію съ каждаго батальона опредѣленнаго числа людей, что въ общей сложности составляло 300 чел. Охотниковъ собрали передъ княжескимъ шатромъ, угостили ракіей съ бараниной и объявили, чтобы они были готовы къ вечеру слѣдующаго дня. Черногорцы пришли въ восторгъ и заранѣе высчитывали сколько они посякутъ «турецкихъ главъ».

Военное совѣщаніе о штурмѣ князь назначилъ послѣ полудня и послалъ за Врбицей, который долженъ былъ пріѣхать съ Требежской Главницы. Вскорѣ показался съ другой стороны и Вукотичъ *). Появленіе его повергло черногорцевъ въ большое уныніе. «Ничего не буде», слышалось со всѣхъ сторонъ. И дѣйствительно, Вукотичъ прямо объявилъ, что штурмовать, по его мнѣнію, не слѣдуетъ и что вообще онъ противъ рѣшительныхъ мѣръ, влекущихъ за собою большую потерю людьми, тогда какъ представляется возможность достигнуть тѣхъ же самыхъ результатовъ однимъ только выжиданіемъ.

— Успѣхи русскихъ войскъ гарантируютъ наши интересы, торопиться нечего,—турки навѣрно будутъ отступать безъ боя, говорилъ Вукотичъ, стараясь убѣдить князя.

А Врбица, напротивъ, доказывалъ, что способъ осады, котораго держатся черногорцы, послѣ взятія турецкихъ блокаузовъ и послѣ занятія позицій повлечетъ за собою въ общей сложности большую потерю не только во времени, но также и въ людяхъ. Каждый день въ черногорскихъ шанцахъ оказывалось по нѣскольку человѣкъ раненыхъ и убитыхъ, тогда какъ осада не подвигалась ни на шагъ. Между тѣмъ медлительность блокады даетъ возможность туркамъ собрать силы и двинуть ихъ на подмогу Никшичу, а отсутствіе резервовъ у черногорцевъ вынуждаетъ ихъ отвлекать и безъ того незначительныя силы отъ осажденнаго города, для занятія позицій въ Дужскомъ проходѣ, съ цѣлью воспрепятствовать движенію непріятеля. Такимъ образомъ у черногорцевъ останется растянутый осадный кругъ съ небольшими силами, имѣющими при себѣ только легкую, горную артилерію, которая не въ состояніи нанести существеннаго вреда никшичанамъ. Тогда какъ сѣзуженіе блокаднаго кольца занятіемъ посредствомъ штурма Чаджалицы, Петровскихъ Главницъ и Осанджидина гроба, находящихся въ нѣ-

горцы перестрѣливались съ турками, не нанося имъ существеннаго вреда. Еще менѣе потерь причиняли турки черногорцамъ. Въ сущности, во весь этотъ первый періодъ осады все дѣло ограничивалось отдѣльными схватками. Надоѣстъ черногорцу сидѣть за скалами или въ траншеяхъ и онъ кричитъ туркамъ, не пожелаетъ-ли кто-нибудь изъ нихъ помѣряться съ нимъ одинъ на одинъ. Случалось, вызовъ принимался и со стороны турокъ выходилъ боецъ. А то турки дѣлали вылазки небольшими кучками, но всегда неудачно. Въ концѣ іюля получило извѣстіе, что турки намѣрены направить изъ Мостара и Гацко вспомогательный корпусъ на помощь Никшичу. 8 батальоновъ изъ осаждающей черногорской арміи были отдѣлены къ Дужскому проходу. Такимъ образомъ осадный корпусъ уменьшился почти на половину.

Прим. Ред.

*) За Вукотичемъ князь послалъ секретно, нѣсколькими часами раньше, чѣмъ за Врбицей.

скольких стахъ саженьхъ отъ города, запретъ ружейными выстрѣлами не только все улицы, а слѣдовательно и проходы къ колодцамъ (цистернамъ) и хлѣбному магазину, но даже и окна домовъ. При такомъ положеніи Никшичъ долго держаться не можетъ, а долженъ будетъ сдаться, доказывая Врбица. Разсчитывать на большія потери при штурмѣ нѣтъ основанія: все зависитъ отъ ловкости и неожиданности нападенія. При этомъ онъ привелъ въ примѣръ занятіе Требежской Главницы, которое стоило только 2 раненыхъ.

Несмотря однако на все его краспорѣчивые доводы, князь склонился на сторону Вукотича и раздумалъ штурмовать Чаджалицу. Отмѣна штурма сильно разозлила собранныхъ охотниковъ, не успѣвшихъ еще разойтись по своимъ батальонамъ. «Велика срамота за насъ», говорили многіе изъ нихъ, отправляясь съ горя купаться въ рѣку. Другіе втихомолку разносили Вукотича на чемъ свѣтъ стоитъ. Одинъ только Божко Мартиновичъ, который въ случаѣ штурма долженъ былъ бы предводительствовать черногорцами, долгое время хранилъ философское молчаніе и наконецъ проговорилъ, зѣвая: «Воевода Петровло добро пушить дуванъ» *). А затѣмъ онъ снова полѣзъ на четверенькахъ въ свою колыбу (шатеръ изъ вѣтвей), гдѣ онъ постоянно спалъ, выползая изъ нея только для того, чтобы взглянуть на своихъ вѣчно галдящихъ юнаковъ.

Чтобы загладить непріятное впечатлѣніе, произведенное на черногорцевъ отмѣной штурма, князь созвалъ всехъ охотниковъ къ своему шатру. Когда все собралось, онъ высказалъ въ краткой рѣчи, что все его дѣйствія клонятся ко благу черногорцевъ, а потому печалиться имъ нечего. Затѣмъ онъ выразилъ желаніе полюбоваться ихъ ловкостью и посмотрѣть, который изъ нихъ лучше перепрыгиваетъ черезъ лошадь.

На лужайкѣ близъ княжеской палатки, разостлали струку и принесли нѣсколько подушекъ; князь прилегъ на нихъ, а Вукотичъ съ длиннѣйшимъ чубукомъ подѣлъ возлѣ. Мигомъ разбудили музыкантовъ, вѣчно спящихъ отъ долгаго бездѣйствія, и привели лошадь. По желанію князя, первымъ долженъ былъ перепрыгнуть черезъ нее адъютантъ его, Блажо Петровичъ. Сдѣлавъ предварительно нѣсколько скачковъ на мѣстѣ, онъ готовился уже разбѣжаться, какъ вдругъ музыка грянула персидскій маршъ. Но тромбоны, вѣроятно, съ просопья, заревѣли слишкомъ рано, за ними въ догонку загудѣли некстати другія трубы и вышелъ такой дикій концертъ, что бѣдный конь въ одну минуту взвился на дыбы и сталъ неистово рваться отъ державшихъ его колюховъ, поводя испуганными глазами на окружающихъ. Вышло маленькое замѣшательство, но оно длилось не долго. Трубы смолкли, коня успокоили, закрывъ ему глаза, музыканты начали осторожно наигрывать изъ «Трубадура» и скаканье началось. Черногорцы изощрились другъ передъ другомъ въ прыжкахъ, ободряемые ласковыми словами князя. Только бѣдному Блажо какъ-то не посчастливилось: на третьемъ или на четвертомъ прыжкѣ, онъ растянулся пластомъ на землю, а тутъ какой-то черногорецъ съ противоположной стороны нечаянно прыгнулъ ему прямо на спину. Натѣшившись вдоволь эквилибристикой своихъ юнаковъ, князь, въ сопровожденіи Вукотича и Блажо, отправился назадъ въ палатку, а утѣшенные охотники принялись за другую игру, которая напомнила имъ грузинскую «пахту» **). Къ нимъ присоединился цетинско-пегушскій батальонъ съ командиромъ Божко, ко-

торый хотя и не принималъ активнаго участія въ игрѣ, но слѣдилъ съ большимъ интересомъ, чтобы все происходило правильно. Веселое оживленіе, шумъ, смѣхъ и остроты ни на минуту не умолкали. Негодованіе за несостоявшійся штурмъ было на время забыто. Вскорѣ затрубили вечерній рожокъ, задымили костры и дѣти Черной Горы разбрелись по своимъ колибамъ. Два дня спустя послѣ этого, князь вторично назначилъ штурмъ, но уже безъ всякихъ прелюдій. Охотникамъ, выбраннымъ въ прошлый разъ, было приказано подкрасться ночью къ Чаджалицѣ, сажень на 200 и, спрятавшись въ травѣ, ждать условленнаго сигнала, послѣ котораго они должны были оставить ружья на мѣстѣ и броситься на гарнизонъ съ одними ятаганами. Охотники однако просидѣли всю ночь, не дождавшись условленнаго сигнала, и съ разсвѣтомъ принуждены были отползти назадъ. Дѣло въ томъ, что ночью была получена депеша объ одномъ изъ нашихъ неудачныхъ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. Князь впалъ въ раздумье и вторично отмѣнилъ штурмъ. Между черногорцами и герцеговинцами поднялся сильный ропотъ. Князя упрекали громко въ нерѣшительности. Герцеговинцы прислали отъ себя депутацію, упростили его свѣтлость дсзволить имъ однимъ расправиться съ злополучной кулой, но получили за это выговоръ и приказаніе не совѣщаться съ совѣтами и предложеніями туда, гдѣ ихъ не спрашиваютъ. Затѣмъ, поручивъ распоряженіе осадой Вукотичу, князь уѣхалъ въ Цетинье, объявивъ предварительно въ штабѣ, что онъ пробудетъ въ столицѣ нѣсколько дней, гдѣ ему удобнѣе будетъ провѣрить все разпорѣчивые слухи о движеніи турокъ къ Никшичу, и обѣщая что скоро вернется назадъ.

Глава II.

Монотонная лагерная жизнь близъ Студеницкихъ Главницъ, подъ палящими лучами жгучаго лѣтняго солнца, становилась съ каждымъ днемъ все скучнѣе и однообразнѣе. Иногда опытъ съ динамитомъ доставлялъ еще нѣкоторое развлеченіе. Послѣ оглушенія порядочнаго количества рыбъ, имъ стали разрывать заброшенные турками блокгаузы; но съ отъѣздомъ князя и это удовольствіе прекратилось.

Обыкновенно лишь только занималась утренняя заря, на всехъ черногорскихъ позиціяхъ выстрѣлы начинали постепенно смолкать и все погружалось въ неодолимую дремоту. Кто засыпалъ подъ камнемъ или подъ кустомъ; кто подъ струкой *), растянутой на двухъ концахъ ружейныхъ козель.

Одинъ только княжескій батальонъ, осужденный на полнѣйшее бездѣйствіе, принимался чуть-ли не въ сотый разъ перечислять свое оружіе и обновлять свои колыбы свѣжими вѣтвями или травой. Что же касается до штабныхъ обывателей, то большинство изъ нихъ развлекалось сливицею (водка) и непомѣрнымъ количествомъ маленькихъ чашекъ чернаго кофе, продаваемыхъ красивыми маркитантками, расположившимися по краямъ лагеря подъ сѣнью импровизированныхъ навѣсовъ изъ прутьевъ ивняка. Тутъ въ числѣ постоянныхъ посѣтителей можно было встрѣтить Феврье съ Вивальди. Французъ и итальянецъ были неразлучны въ амурныхъ похиженіяхъ, которыя представляютъ на черногорской почвѣ слишкомъ скользкій и опасный путь, чтобы пускаться одному странствовать по немъ.

Другая часть публики устранилась иначе: «Times'a» пропадали цѣлые дни на охотѣ за перепелами; «Politische Presse» и «Correspondenz» упивались ароматомъ и прохладой горняго монастыря Остроги, а корреспондентъ «Новаго сада», таинственно бродя въ средѣ народной, составлялъ мифическую эпопею черногорской войны. Одна только военная агентура мало видо-

измѣнила свой образъ жизни. Оба представителя Россіи и Австріи *) мирно поселясь рядомъ въ палаткахъ, постоянно чертили, рисовали, писали, изрѣдка исчезая на нѣсколько времени изъ лагеря для рекогносцировки и съѣмки плановъ. Огромная зрительная труба на штативѣ, направленная на Чаджалицу у входа палатки русскаго военнаго агента, служила какъ бы успокоительнымъ средствомъ: посмотришь въ нее и Чаджалица очутится передъ самымъ носомъ, такъ близко, какъ будто уже взята черногорцами. Князю очень нравилась эта труба. Нѣсколько разъ она стояла возлѣ его шатра, но унтеръ-офицеръ конно-гренадерскаго полка Пильгунъ, состоявшій при Боголюбовѣ, никогда не давалъ ей тутъ долго заставаться и великій вечеръ бережно относилъ ее обратно во свояси. Однажды князь прислалъ къ Боголюбову двухъ перениковъ **) съ просьбою научить ихъ складывать и разбирать соблазнительный инструментъ. Съ этого момента труба уже не появлялась у палатки. «Никакъ нельзя, вещь казенная», говорилъ Пильгунъ, тщательно упаковывая ее въ чемоданъ полковника. Прекрасная труба часто напоминала имъ не менѣе прекрасный бинокль, который воевода Мама Врбица взялъ у меня только на два часа для осмотра позицій во время сраженія у Пресики; сколько я ему потомъ ни напоминалъ объ этомъ биноклѣ, какъ ни настаивалъ на томъ, чтобы онъ возвратилъ мнѣ его, все было напрасно; пришлось убѣдиться въ справедливости пословицы: что съ возу упало, то пропало. Очень ужъ понравился мой бинокль Врбицѣ. Въ этомъ отношеніи инстинкты русскаго богатыря Алеши Поповича, характеризуемаго былинной: «Глаза завидушіе, руки загребушія», и т. д. иногда съ неудержимой силой прорывались и у богатырей Черной Горы.

Нашъ санитарный лагерь, расположенный рядомъ съ княжеской стоянкой, наполнялся съ ранняго утра больными, тащившимися сюда не только съ окружающихъ позицій, но и съ далекихъ мѣстъ Беране. Раненыхъ же приносили ночью или до зари. Преобладающими болѣзнями были желудочно-кишечные катары и перемежающіе лихорадки. Гнилой хлѣбъ да болотистая мѣстность близъ нѣкоторыхъ позицій служили постоянными источниками заболѣваній. Одѣтые въ истасканные гунины ***) въ грязныхъ лохмотьяхъ вмѣсто бѣлья, больные имѣли самый жалкій видъ. Вслѣдствіе этого рубахи изъ санитарнаго склада, скоро вошли въ число самого потребительнаго медикамента, которымъ Красный крестъ въ изобиліи надѣлялъ нуждавшихся. Слухи о «дѣшыхъ кошуляхъ» (рубахахъ) скоро разнеслись между черногорцами и герцеговинцами на позиціяхъ и депутація за ними стали неотступно штурмовать нашъ лагерь. Послѣ полудня наплывъ больныхъ обыкновенно прекращался. Тяжелые больные относились въ походный лазаретъ доктора Студитскаго или оставались отлежаться нѣсколько дней на мѣстѣ въ нарочно-устроенныхъ для нихъ шалахахъ.

Длинный знойный день наконецъ смѣняется вечеромъ. Легкій вѣтерокъ слегка шуршитъ засохшими листьями колыбъ, навѣвая живительную прохладу. Изъ лагеря потянулись оживленные группы черногорцевъ, — одни идутъ купаться въ рѣкѣ, другіе собирать сухія вѣтки и колючки для костровъ. На крутомъ гребнѣ Требежницы показывается бѣлый дымокъ, за нимъ другой, третій, — черезъ нѣсколько секундъ раскати-стымъ грохотомъ доносятся пушечные выстрѣлы;

*) Всѣхъ, упоминаемыхъ здѣсь иноземцевъ, авторъ подробно описалъ въ своей книгѣ «Черногорія и ея война съ турками въ 1877—78 г.». Пр. ред.

**) Переники составляютъ почетную стражу, но иногда замѣняютъ нашихъ жандармовъ.

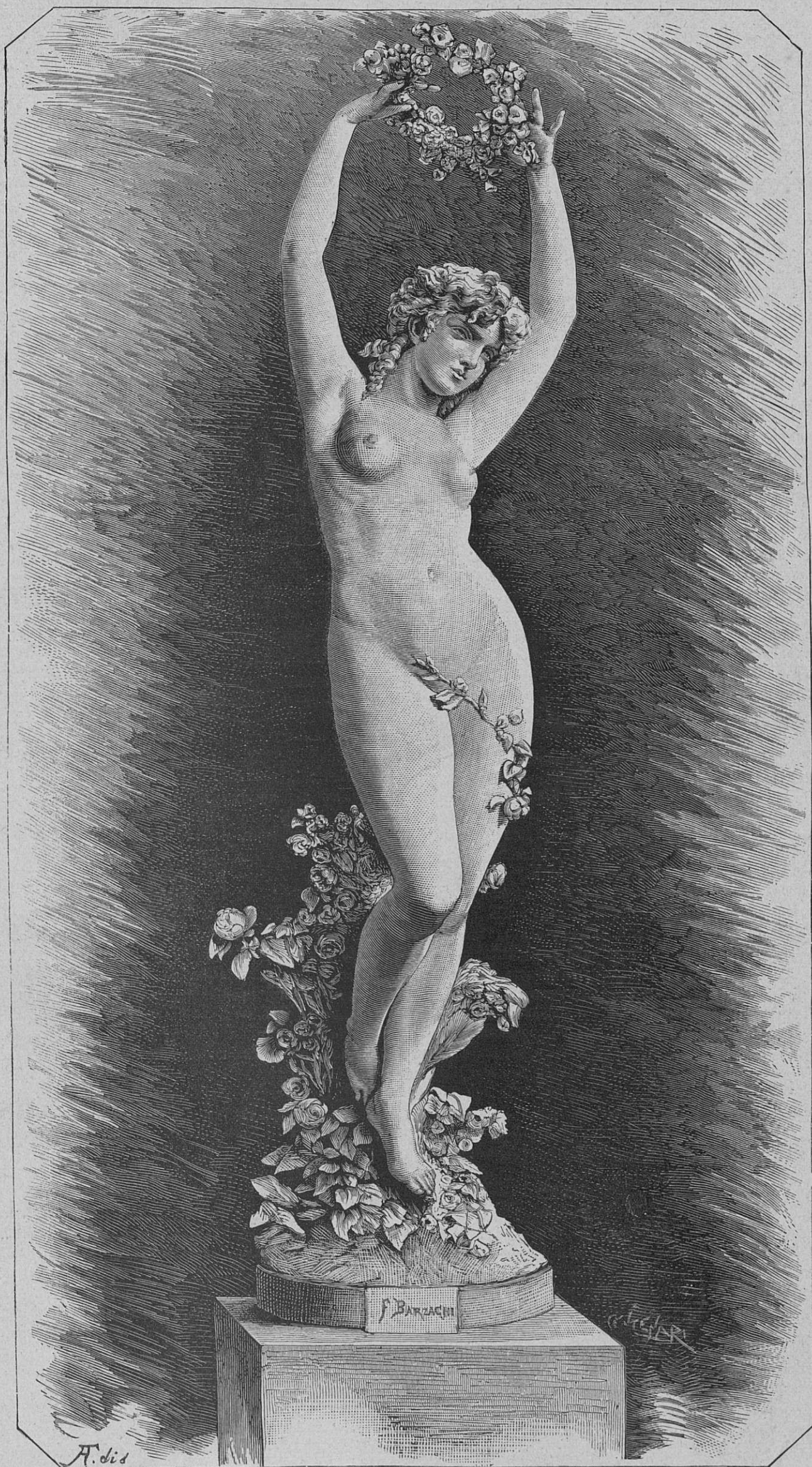
***) Гунина — верхнее платье, сходное съ черкескою, но безъ патронташа.

*) Воевода Петръ (Вукотичъ) отлично курить табакъ.

**) Игра эта состоитъ въ томъ, чтобы вытащить жгутъ изъ подъ ногъ стоящаго, не получивъ самому удара отъ него.

*) Родъ нашего пледа.

дымки застилаютъ всю гряду и осадный концертъ начался.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, возвращаясь на бивуакъ къ вечернему чаю, послѣ безплодной охоты за коростелями, которые прилетали на ночь къ самымъ палаткамъ и надѣлали намъ своимъ пронзительнымъ чириканьемъ, я засталъ у костра, кромѣ нашей обычной компаніи *), еще трехъ новыхъ собесѣдниковъ въ черногорскомъ костюмѣ. Двое изъ нихъ были братья А. и К. Узатисы; третій В. К—ій. Всѣ трое русскіе добровольцы. Старшій изъ братьевъ Узатисъ-Алексѣй **), высокій и стройный, съ беззапятною удалю глубокихъ симпатическихъ глазъ, удалю чуждой театральныхъ подмосковъ, — которую такъ рѣдко встрѣтишь между представителями нашей военной интеллигенціи, — въ черногорскомъ платьѣ и вооруженіи, которыя казались его обычнымъ костюмомъ; онъ внушалъ къ себѣ сразу полное довѣріе. Младшій братъ его, съ блѣднымъ лицомъ и впадою грудью, производилъ впечатлѣніе больного мальчика. Оба брата очутились въ Черногоріи случайно. Старшій сопровождалъ младшему, которому доктора предписали для здоровья южный климатъ. Пробывъ нѣсколько времени въ Сербіи, они были уже на пути въ Италію, когда вспыхнула война. Долго не задумываясь, братья отправились въ Черногорію. Страна эта была имъ и ближе, да и климатъ подходилъ для больного. Тутъ они встрѣтили знакомаго черногорца, съ которымъ еще сошлись въ Сербіи, и, поступивъ рядовыми въ тотъ батальонъ, гдѣ онъ находился, присоединились къ его дружеству, не давая знать о своемъ существованіи никому изъ высшихъ черногорскихъ властей. Еще до поступленія въ батальонъ, съ А. Узатисомъ случилось непріятное приключеніе, къ которому онъ, впрочемъ, отнесся довольно философски. Дѣло въ томъ, что остановившись переночевать въ Рьскѣ у одного черногорца, довольно извѣстной фамиліи, онъ былъ обокраденъ имъ ночью почти до чиста. Къ счастью, у младшаго брата оставался еще небольшой запасъ денегъ. Извѣстіе объ этомъ приключеніи дошло до князя, который тогда же и узналъ объ ихъ пребываніи въ Черногоріи. Его свѣтлость принялъ близко къ сердцу случившуюся съ ними непріятность и приказалъ передать имъ черезъ своихъ приближенныхъ, что имъ будутъ возвращены пропавшія деньги. Но обѣщаніе это, кажется, и до сихъ поръ еще не приведено въ исполненіе.

Обладая значительной силой, ловкостью и большимъ тактомъ, А. Узатисъ сразу поставилъ себя на твердую ногу въ черногорскомъ батальонѣ. Не уступая никому ни въ скорости ходьбы, ни въ мѣткой стрѣльбѣ, онъ отвѣчалъ на хитрость хитростью, на намеки намекомъ, высказываясь на столько, на сколько онъ считалъ это для себя выгоднымъ, никогда не обнаруживая вполнѣ ни своихъ мыслей, ни намѣреній. Убѣдившись что его не проведешь, черногорцы восчувствовали къ нему нѣкотораго рода уваженіе. Когда, напримѣръ, въ рассказѣ о какомъ-нибудь военномъ событіи, плодотворная фантазія черногорца увлекала его слишкомъ далеко, Узатисъ немедленно отвѣчалъ на это какимъ-нибудь повѣтствованіемъ, въ которомъ доводилъ описаніе небылицы до размѣровъ еще чудовищнѣе и фантастичнѣе, и черногорецъ сразу понималъ, что изловленъ на враньѣ—враньемъ соста. Черногорцы очень скоро освоились съ А. Узатисомъ, какъ съ человекомъ вполнѣ понявшимъ ихъ характеръ, но

*) Отрядъ заведующій мною состоялъ: изъ двухъ студентовъ моихъ помощниковъ, Павловскаго и Зильберга; двухъ студентовъ герцеговинцевъ и переника Деки.

**) Алексѣй Узатисъ съ конца сентября находился у Скобелева. Отличился въ многихъ дѣлахъ и былъ награжденъ Георіевскимъ крестомъ.

вмѣстѣ съ тѣмъ они его нѣсколько побаивались, считая его очень умнымъ. Его красивое дорогое оружіе то же внушало къ нему немалое почтеніе, а нѣсколько отважныхъ выходовъ, которыми онъ самъ не придавалъ особеннаго значенія, заслужили ему прозвище Юнака Алексѣя.

Третій доброволецъ производилъ какое-то странное впечатлѣніе. Одѣтъ онъ былъ въ староватый, потертый черногорскій костюмъ, при громадномъ палашѣ съ боку, принадлежавшемъ нѣкогда, какъ утверждалъ теперешній его владѣлецъ, Родригу Диану. Обнаженный конецъ палаша, безъ куска ноженъ, вѣроятно, свидѣтельствовалъ о горячихъ схваткахъ съ сарацинами, въ которыхъ кромѣ клинка и ножны принимали участіе. Это оружіе было у него единственнымъ воспоминаніемъ объ Италиі, въ которой онъ провелъ лѣтъ 15. Черногорцы, съ которыми онъ дѣлилъ всѣ трудности и лишенія походной жизни, относились къ нему хотя и добродушно, но нерѣдко подшучивали надъ нимъ, въ особенности послѣ подареннаго ему «облачнаго коня». Подарокъ былъ сдѣланъ ему при слѣдующихъ обстоятельствахъ: однажды князь, гардуя на своемъ конѣ, замѣтилъ въ средѣ бѣжавшихъ за нимъ перениковъ и К—го. Подозвавъ его къ себѣ и, разспросивъ его о разныхъ дѣлахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, князь въ заключеніе обѣщалъ подарить ему лошадь. Обѣщаніе было дано въ присутствіи приближенныхъ. Прошло много времени и конь былъ забытъ. Какъ-то случайно (на стоянкѣ подъ Никшичемъ) К—ій опять попался на глаза князю. Его свѣтлость, будучи въ веселомъ настроеніи, вспомнилъ свое обѣщаніе и немедленно послалъ его на Требежницу къ Машѣ Врбицѣ, съ приказаніемъ отъ себя: выдать коня нашему добровольцу. Врбица обѣщала исполнить волю князя, но стала оттягивать изодня въ день. Черногорцы знали про подарокъ, такъ какъ К—ій успѣлъ уже описать въ самыхъ яркихъ краскахъ всѣ достоинства своего будущаго Буцефала. А между тѣмъ коня все нѣтъ. Посыпались тогда со всѣхъ сторонъ намеки и насмѣшки: «Камо твой конь? Василій, за Бога кажи, камо твой лене конь?» приставали къ нему. Раздосадованный К—ій отвѣчалъ имъ, что конь его «во облаце». Случилась какъ-то гроза. Раскаты грома, при непрерывной молніи, гудѣли не умолкая, дождь лилъ, какъ изъ ведра. Укрывшись въ своей колибѣ, К—ій слышитъ, что его настойчиво вызываютъ, обѣщая сообщить ему интересную новость. Едва успѣлъ онъ выползти изъ маленькаго отверстія колибы, какъ черногорцы его сейчасъ окружили; одинъ изъ нихъ, указывая на грозовыя тучи, объявилъ, что подаренный ему конь, наконецъ, отысканъ, но потому ему не достался, что св. Ілія припретъ его къ тремъ другимъ въ своей колесницѣ и катить теперь безъ удержу. Окружающіе разразились гомерическимъ смѣхомъ. Шутка эта такъ понравилась черногорцамъ, что они повторяли ее каждый разъ, когда гроза разражалась надъ лагеремъ.

На другой же день, послѣ убійства пона Мило, К—ій послалъ вызовъ туркамъ на Мегданъ, но охотниковъ не нашлось. Да и вообще отъ дѣлъ, гдѣ требовалась личная храбрость, онъ никогда не отказывался.

Съ новыми знакомыми мы сошлись очень скоро. А. Узатисъ на первыхъ же порахъ предложилъ мнѣ отправиться, вмѣстѣ съ нимъ и его братомъ и еще съ двумя изъ батальона, посмотрѣть Быржскій шанецъ, который черногорцы сложили въ одну изъ послѣднихъ ночей. Укрѣпленіе это было самое передовое изъ всѣхъ другихъ черногорскихъ укрѣпленій и, въ недалекомъ разстояніи отъ турецкой крѣпости. Желая воспользоваться возможностью подробнѣе осмотрѣть изъ него городъ, я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе. Выбравъ день (5 августа), мы двинулись часовъ

въ пять пополудни и, пройдя версты съ полторы полемъ, подошли къ позиціямъ Студенитскихъ Главицъ, гдѣ былъ расположенъ невесинскій батальонъ. Часть его спала за каменьями, другая же играла въ мячъ. Командиръ батальона, знакомый мнѣ, узнавъ наше намѣреніе, принялся было сначала отговаривать насъ отъ него, но убѣдившись въ безплодности своихъ совѣтовъ, далъ намъ въ проводники одного черногорца. Этотъ послѣдній, предупредивъ насъ, чтобы мы шли за нимъ въ одиночку и дѣлали бы все то, что будетъ дѣлать онъ, отправился впереди. Перейдя черезъ хребетъ перваго холма, мы скоро, спустились въ узкое ущелье, изъ котораго шла въ гору маленькая тропинка, извивавшаяся между глубокими трещинами и обломками скалъ. По бокамъ ея, во многихъ мѣстахъ, каменная стѣна образовывала проходы, сажени въ 2 шириною, открывая собою съ одной, или двухъ сторонъ турецкіе шанцы, расположенные на второй цѣпи Студенитскихъ Главицъ. Мѣста эти служили мишенью непріятельскимъ пулямъ, изъ нихъ турки настойчиво подкарауливали проходящихъ и стрѣляли по нимъ. Двое черногорцевъ, несшіе провизію въ шанецъ, были уже убиты такимъ способомъ. Дойдя до проходовъ, проводникъ нашъ сталъ ползти, вытягиваясь на колѣняхъ. Мы всѣ последовали его примѣру, за исключеніемъ А. Узатиса, который, не выдержавъ ползанья, быстро перескочилъ за скалу. Въ ту же минуту нѣсколько пуль чмокнулись о камни, но къ счастью ни одна изъ нихъ не задѣла насъ. Проползши нѣсколько переходовъ, мы остановились, чтобы передохнуть минуту. Кругомъ тишь. Только изрѣдка высоко надъ головой прожужжитъ шальная пуля, вѣроятно, своя же съ Требежницы. Съ этого мѣста тропинка исчезала. Оставалось еще проползти крутой скатъ, защищенный съ одной стороны естественной скалой, съ другой же — грядой каменьева, наложенныхъ черногорцами, противъ ближайшаго турецкаго шанца — Шайтанъ. Мы прокарабкались еще съ четверть часа, какъ вдругъ передъ нами, почти вертикально, высунулся уступъ скалы съ полукруглой каменной оградой на вершинѣ; свободный конецъ ея входилъ въ широкую трещину, имѣвшую въ себѣ нѣчто въ родѣ лѣсенки, около сажени вышины. Это былъ Быржскій шанецъ. Старикъ баряктаръ *), заведующій маленькимъ укрѣпленіемъ, оказался моимъ старымъ пріятелемъ. Вмѣстѣ съ другими черногорцами, онъ принялъ насъ очень дружелюбно, приговаривая изрѣдка: «Накрени главу, за Бога» (наклони голову, ради Бога). Смотри на это орлиное гнѣздо, я удивлялся не столько отвагѣ строителей, сколько громадной силѣ и ловкости, потребовавшихся на выворачиваніе камней, чтобы сложить довольно высокую ограду. И все это дѣлалось ночью, подъ непрерывнымъ градомъ пуль, хотя и шальныхъ, но все-таки убивавшихъ черногорцевъ. По странной случайности, во время этой постройки, раненыхъ не было. Спустя нѣсколько времени, баряктаръ, подводя меня къ передней стѣнѣ, вынулъ изъ середины ея небольшой четверугольный камень, во многихъ мѣстахъ испещренный пулями, и, указывая на образовавшуюся дыру, проговорилъ: «Нема, Богамъ, лепше варошъ у све Црногору» **). Я приложилъ глазъ къ этому отверстию и увидѣлъ красивую панораму. Внизу, за передовымъ непріятельскимъ шанцемъ и крѣпостью, построенный на высокомъ холмѣ (первый около 200, вторая около 500 шаговъ отъ Быржскаго шанца), раскидывался городъ Никшичъ, скучиваясь болѣе къ крѣпости; зеленныя группы маленькихъ садовъ и огородовъ, пестрѣя между домами, придавали ему съ перваго взгляда оживленный видъ, но мертвая

*) Знаменосецъ.

**) Нѣтъ, ей Богу, прекраснѣе города во всей Черногоріи.

тишина, заложенные камнями окна и полѣйшее безлюдье на улицахъ накладывали на него какой-то траурный отпечатокъ. Никшичское поле тянулось еще на версту за городъ, гдѣ уже начинались горы и черногорскія позиціи. Позади и сбоку Биржскаго шанца находились 2 большихъ турецкихъ укрѣпленія: Шайтанъ и Круглое. Удачно брошенная граната съ крѣпости, могла бы снести всю ограду шанца, а гореть оставшихся черногорцевъ, подверглась бы растрѣпанію съ трехъ сторонъ. Но турки, сколько ни ухищрались, а въ шанецъ попасть не могли; имѣя впереди крѣпости свое же укрѣпленіе, имъ приходилось дѣлать слишкомъ тупой уголъ при наводкѣ орудія, такъ что всѣ снаряды только перелетали черезъ шанецъ, папугствуемые въ догонку «пасыхъ сыновъ», со стороны черногорцевъ.

Наступалъ вечеръ. Приближалось то время, когда и черногорцы остерегались ходить въ шанецъ, а потому насъ стали торопить, отправиться въ обратный путь. Сдѣлавъ набросокъ съ города въ свою памятную книжку, я испытывалъ бы вполне пріятное ощущеніе, если бы не мысль о предстоящемъ пути. А тутъ еще угораздило какого-то черногорца, выстрѣлить по замелькавшей между камнями фескѣ. Последовали отвѣтные выстрѣлы. Непріятное шелканье пуль о камни дѣлалось все чаще и чаще; надо было убираться. Послѣ долгаго мытарства, мы, наконецъ, благополучно возвратились въ лагерь. Возлѣ княжескаго шатра горѣлъ большой костеръ. Князь только-что пріѣхалъ изъ Цетинье и уже посылалъ за мною. Приведя истерзанннй костюмъ мой, по возможности, въ благообразный видъ, я отправился въ палатку его свѣтлости. Князь былъ очень оживленъ и въ веселомъ настроеніи духа. Онъ только-что получилъ депешу о высланныхъ ему изъ Петербурга русскихъ орудіяхъ; подъ греческимъ флагомъ онѣ вышли изъ Триеста и скоро будутъ доставлены въ Виръ-Базаръ. Увидѣвъ меня, князь немедленно заговорилъ о необходимости перемѣститься санитарному отряду завтра же на другую стоянку, у разрушенной кулы Озриничи, а съ наступленіемъ вечера, отправить герцеговинцевъ съ носилками въ обходъ Чаджалицы по лѣвую ея сторону, за первый склонъ Студенинскихъ холмовъ, гдѣ они будутъ прикрыты отъ пуль. «Чаджалицу возьмемъ штурмомъ», сказалъ онъ, любезно прощаясь со мною.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Иза.

Романъ А. Бувье.

(Продолженіе.)

Глава VI.

«Спаси моего брата и я полюблю тебя».

Пріѣхавъ къ Изѣ, Оскаръ, по тревожному выраженію лица Жюстина, замѣтилъ, что происходитъ что-то неладное.

— Что случилось, Жюстина, спросилъ онъ.

— О, сударь, графиня вернулась въ страшномъ состояніи; большого труда намъ стоило высадить ее изъ кареты; мы съ мужемъ почти внесли ее въ ея спальню; тотчасъ же съ нею случился нервный припадокъ и я послала за докторомъ.

— Что же онъ сказалъ?

— Сперва его озадачило состояніе больной, но, разспросивъ графиню, онъ понялъ, какая у нея болѣзнь. Должно быть, она испугалась чего-нибудь. Вы вѣрно знаете, что тамъ произошло?

— Я знаю столько же, сколько и вы.

— Докторъ прописалъ ей лекарство, которое подействовало на нее успокоительно и она заснула.

— Значитъ, ей лучше...

— О, да, она теперь спитъ. Она приказала, какъ вы пріѣдете, тотчасъ же просить васъ къ

ней; но она слишкомъ потрясена и, я полагаю, лучше оставить ее пока въ покоѣ.

— Да, вы правы. Но что могло на нее подействовать? Видъ тюрьмы? Или этотъ арестантъ? Ей сдѣлалось дурно именно въ то время, какъ она увидѣла его...

— Когда графиня возвратилась больная, намъ прежде всего пришло на мысль, не случилось-ли чего-нибудь съ вами: намъ извѣстно, что графиня къ вамъ очень привязана.

Оскаръ покраснѣлъ немного, а Жюстина, намѣренно заговорившая о привязанности къ нему Изы, продолжала:

— Надѣюсь, вы извините меня, что я обратилась съ распросами къ кучеру; онъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ. Видя графиню одну, мы съ мужемъ естественно могли подумать, что съ вами случилось несчастье.

— Такъ вы говорите, что у нея былъ нервный припадокъ...

— Я думаю, это все оттого, что графиня ведетъ теперь слишкомъ затворническую жизнь. Еще недавно она была весела, беззаботна, ѣздила часто въ гости, принимала гостей у себя. Но съ нѣкотораго времени графиня совершенно измѣнилась; она думаетъ только о васъ; ожидая васъ, она находится въ тревожномъ состояніи. А такъ какъ она вообще очень скрытна и не желаетъ никому довѣрить о своихъ чувствахъ, то и немудрено, что нервы ея страдаютъ. Можетъ быть, не хорошо, что я болтаю вамъ объ этомъ, но меня серьезно беспокоитъ здоровье графини; я готова вынести брань за мою нескромность, лишь бы я была убѣждена, что здоровье моей доброй госпожи поправится.

Покраснѣвшій до корней волосъ, Оскаръ положилъ въ руку горничной билетъ въ пятьдесятъ франковъ и сказалъ:

— Не бойтесь ничего, Жюстина, вы прекрасно сдѣлали, что рассказали мнѣ обо всемъ этомъ.

Жюстина показала видъ, что не желаетъ брать денегъ.

— О, сударь, вы очень добры, но этого не нужно...

— Возьмите, Жюстина, возьмите... Иза въ постели?

— Нѣтъ. Когда ей сдѣлалось лучше, послѣ пріема лекарства, она, по приказанію доктора, взяла холодный душъ, потомъ одѣлась въ платье, легла на кушетку въ будуарѣ и заснула.

— Слѣдовательно, ей гораздо лучше?

— О, да; подымитесь къ ней, можетъ быть, она проснулась.

— Пойдемъ вмѣстѣ.

Они вошли въ будуаръ на цыпочкахъ, боясь разбудить Изу, которая еще спала или притворялась спящей.

— Оставьте меня одного, я подожду, пока она проснется, сказалъ Оскаръ Жюстинѣ.

Жюстина вышла. Оставшись одинъ, Оскаръ расположился противъ Изы и сталъ поглядывать глазами спящую красавицу.

Въ будуарѣ царствовалъ полусвѣтъ, и потому на всемъ здѣсь лежалъ отпечатокъ таинственности. Иза была очаровательна, одѣтая въ бѣлый шелковый пеньюаръ, вышитый золотомъ и шелками; она лежала въ такой граціозной позѣ, что вполне обнаруживалась вся прелесть ея фигуры; верхнія пуговицы пеньюара были разстегнуты, что дѣлало Изу еще болѣе соблазнительной для несчастнаго Оскара, съ восхищеніемъ смотрѣвшаго на нее. Онъ таялъ; онъ хотѣлъ броситься къ ней, заключить ее въ свои объятія и горячими поцѣлуями разбудить ее, но не трогался съ мѣста: любовь и страсть приковали его къ полу. Наконецъ, Иза открыла глаза; осмотрѣвшись съ удивленіемъ вокругъ себя, точно она не могла понять, какимъ образомъ очутилась здѣсь, и, увидя Оскара, закрыла глаза рукою и залилась слезами.

— Боже мой! Боже мой! воскликнула она.

Удивленный и испуганный, Оскаръ ринулся къ ней.

— Иза, мое дитя, что съ вами? О чемъ вы плачете? Отвѣчайте, не убивайте меня; послѣдніе два часа я не живу, а мучаюсь. Не я-ли причинилъ вамъ горе? Говорите, не мучьте меня...

Молодая женщина спустила свои ноги съ кушетки и, взявъ за руки Оскара, усадила его подлѣ себя. Глаза ея были полны слезъ.

— О, нѣтъ, мой другъ, нѣтъ, не вы, отвѣчала она.—Напротивъ, отъ васъ, моего друга, я жду поддержки и совѣта... Еслибъ вы знали, какъ я страдаю.

— Не плачьте, Иза, моя прелестная, дорогая подруга.

И онъ заключилъ ее въ свои объятія; положивъ голову къ нему на грудь, Иза неудержимо рыдала. Стараясь утѣшить красавицу, Оскаръ все крѣпче и крѣпче сжималъ ее въ своихъ объятіяхъ; кровь прилила къ его мозгу, онъ совершенно потерялъ самообладаніе.

— Полноте, Иза, сказалъ онъ дрожащимъ, прерывистымъ голосомъ.—Откройте мнѣ причину вашего страданія... Иза, слышишь, я желаю все знать... Говори же, моя дорогая.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы меня любите, и я рискую потерять вашу привязанность ко мнѣ.

— Ты знаешь, что это невозможно. Говори же.

— Если бы вы знали, что я чувствую теперь; лучше бы для меня было умереть. Это—угрызения совѣсти; внутренній гласъ говоритъ во мнѣ: ты причина всего...

— Не плачь же, Иза, моя возлюбленная.

И онъ цѣловалъ ее въ глаза, точно желалъ стереть своими поцѣлуями обильно катившія изъ ея глазъ слезы.

— Посмотри на меня своими прелестными глазами, продолжалъ онъ, — успокойся и скажи, что заставляетъ тебя страдать. Ты не знаешь сама, что говоришь, тебя трудно понять... Будь разсудительна... Скажи, что случилось?

— Вы не оттолкнете меня, еслибъ я совершила недостойный поступокъ... вы не перестанете любить меня, не смотря ни на что?

— Боже мой! ты пугаешь меня... Не мучь же меня, говори скорѣе.

— Ну, такъ слушайте.

И, вырвавшись изъ его рукъ, она упала передъ нимъ на колѣни, ломая свои руки.

— Боже мой! Что же наконецъ это такое? вскричалъ онъ, совершенно озадаченный и потрясенный.

— Оскаръ, заговорила она прерывистымъ, умоляющимъ голосомъ, точно виновная,—арестованный, котораго показали вы мнѣ сегодня, зовется вовсе не Андре Гударъ; это — товарищъ моей юности, котораго я, неблагодарная, забыла въ счастіи. Его имя Георгій Грегоро.

И, сдѣлавъ это признаніе, которое, казалось, выговорила съ трудомъ, она, обезсиленная, уткнулась головой въ кушетку.

— Такъ это-то! О, я понимаю ваше горе, сказалъ Оскаръ, поднимая ее.—Не плачьте, дорогой другъ. Теперь ясно, почему случился съ вами припадокъ, такъ сильно меня испугавшій.

Показывая видъ, что не слышитъ его словъ, Иза, держа свои колѣни обѣими руками, глухо повторяла:

— Онъ!.. онъ!.. въ тюрьмѣ!

— Будьте благоразумны, Иза; находится въ подлѣйственной тюрьмѣ еще не составляетъ безчестія. Вы точно предчувствовали, что защищаете близкаго вамъ человѣка, когда вчера такъ логично и разумно доказывали его невиновность.

— О, теперь я еще болѣе убѣждена, что Грегоро невиновенъ.

— Слушайте моя дорогая, горячо-любимая Иза, вчера я убѣдился въ его невинности и уже го-

товъ былъ освободить его, но сегодня получилъ новое донесеніе... Не тревожьтесь моя милая, придется подождать только нѣсколько дней... я отдамъ приказаніе, чтобы съ нимъ обращались какъ можно лучше.

Иза задрожала, услышавъ, что Оскаръ говоритъ о новыхъ фактахъ, обвиняющихъ Гудара.

— Его обвиняютъ... Оскаръ скажите, какую еще новую клевету взвели на него?

— Не печальтесь, моя милая; я говорю вамъ, что все устроится.

— Я все-таки хочу знать.

— Вы знаете, Иза, что Андре Гударъ отказывался отвѣчать на наши вопросы, пожималъ только плечами, когда его уличали на очныхъ ставкахъ; онъ велъ безпутную жизнь; онъ настаиваетъ, что денежные бумаги принадлежатъ ему, а вы сами говорили, что онъ бѣденъ...

— Я этого не говорила; я сказала только, что онъ безумецъ, безпутный; онъ страстный игрокъ, но я убѣждена, что онъ неспособенъ на преступленіе. Но говорите же, какое новое обвиненіе вы получили противъ него?

Оскаръ вынулъ изъ кармана небольшую записку, подписанную Гюре, и прочелъ слѣдующее: «Я не приду сегодня въ судъ; мы напали на новый слѣдъ; если мы не ошибаемся, мы будемъ имѣть подавляющее доказательство, опровергающее Гударъ не можетъ. Надѣюсь, представить его вамъ завтра».

— Они безумцы.

— Мы узнаемъ это завтра, сказалъ Оскаръ. — Не будемъ болѣе говорить объ этомъ; если, какъ я надѣюсь, это будетъ возможно, я завтра же выпущу его.

Послѣдовало непродолжительное молчаніе.

— Милая, дорогая Иза, продолжалъ Оскаръ, нѣжнымъ тономъ, — какое смертельное безпокойство испыталъ я сегодня; если бы вы знали, какое мученіе причинили мнѣ ваши слезы... Какъ я люблю тебя, Иза, и какая безумная страсть одолеваетъ меня; если бы ты знала, какой огонь пожираетъ меня, когда я держу тебя въ своихъ объятіяхъ...

И онъ обнялъ ее страстно, прильнувъ своимъ пылающимъ губамъ къ ея щекамъ. Онъ совсѣмъ потерялъ рассудокъ.

— Никогда, Иза, я не чувствовалъ того, что чувствую теперь, подлѣ тебя; мнѣ кажется, что говоря тебѣ просто: «я тебя люблю», я этимъ далеко не выражаю того, что дѣйствительно чувствую. Иза, ты не отвѣчаешь мнѣ; Иза, посмотри на меня, скажи мнѣ что-нибудь... Иза, я сойду съ ума.

Иза казалось, только что вышла изъ забытья; ея взглядъ встрѣтился со взглядомъ Оскара и въ немъ выразилось изумленіе, точно она удивилась, какимъ образомъ это случилось, что она находится въ объятіяхъ Оскара; быстро высвободившись, она въ каждую свою руку взяла руку молодого человѣка, потомъ наклонилась къ нему такъ, что ея лицо пришло въ уровень съ его лицомъ; глаза ея горѣли, губы дрожали и она сказала съ такимъ выраженіемъ, котораго передать невозможно:

— Вы любите меня?

— О, да, я тебя люблю страстно, до обожанія.

— И я люблю тебя, если ты захочешь; какъ мнѣ нужна, что восполнѣетъ изъ этого; я могу любить только страстной любовью, способной на всякія жертвы... но припомни, что ты мнѣ сказала...

— Что тутъ припоминать... Приказывай и я буду повиноваться.

— Нѣсколько дней тому назадъ ты сказала: я исполню всякое желаніе твое, Иза, лишь бы ты полюбила меня.

— Повторяю это и теперь.

Случайно или намѣренно, но только одна изъ

рукъ Изы освободила руку Оскара и онъ могъ снова заключить красавицу въ свои объятія.

— Я въ свою очередь сказала тебѣ: я повѣрю только въ ту любовь, которая не испугается никакой жертвы.

— Приказывай, моя обожаемая Иза... приказывай, я все исполню, потому что люблю тебя.

И онъ покрылъ ее поцѣлуями.

— Я сказала тебѣ, что хочу такой жертвы, которая была бы настолько важна для тебя, что если бы любовь твоя остыла, ты вспомнилъ бы, что у насъ есть общая тайна, обязывающая насъ жить вмѣстѣ.

— Говори же, чего ты хочешь; но прежде возврати мнѣ поцѣлун, который я далъ тебѣ.

— Ну хорошо, сказала Иза, цѣлуя его, — если ты захочешь, я буду твоей... я тебя люблю, Оскаръ.

Молодой человѣкъ обезумѣлъ отъ счастья, но въ эту минуту Иза, вырвавшись отъ него, отошла шага на два въглубь комнаты и сказала:

— Освободи сейчасъ Георгія... Андре Гударъ... и возвращайся ко мнѣ... тогда я буду твоей навсегда.

— Что говоришь ты?

— Это то доказательство любви, которое я отъ тебя требую. Спаси моего брата и я полюблю тебя.

Оскаръ растерянно смотрѣлъ на Изу, точно не понимая, что происходитъ передъ нимъ. Она требовала отъ него той именно жертвы, какую онъ не въ состояніи былъ исполнить.

— Ты слышишь меня, Оскаръ, продолжала Иза; — сегодня утромъ ты спросилъ меня, когда осуществится мое обѣщаніе. Я отвѣчала, когда будетъ принесена требуемая мною жертва. Ты замѣтилъ, что, можетъ быть, придется долго ждать. Я сказала, что отъ тебя будетъ зависѣть, чтобы дѣло не откладывалось въ долгій ящикъ. Оскаръ, если ты меня дѣйствительно любишь, ты тотчасъ же освободишь Георгія.

— Это невозможно.

— Въ такомъ случаѣ, прощай.

— Иза, вы требуете отъ меня подлости. Развѣ можете вы полюбить безчестнаго человѣка...

— Я полюблю того, кто меня любитъ... Прощайте, Оскаръ, или до свиданія... Жюстина получить необходимыя приказанія... Если Георгій будетъ свободенъ, ты можешь придти ко мнѣ сегодня вечеромъ... И такъ до вечера...

И, бросивъ ему нѣжную, вызывающую улыбку, она быстро исчезла изъ комнаты.

— Это ужасно! вскричалъ Оскаръ, вскакивая съ кушетки и сдергивая съ себя галстухъ, душившій его. Шатаясь, какъ пьяный, онъ взялъ свою шляпу и пошелъ къ выходу. Идя по улицѣ, онъ громко повторялъ:

— Никогда! никогда!

Между тѣмъ его воспаленный мозгъ работалъ въ иномъ направленіи: будуаръ Изы, она сама, объятія, поцѣлуи — все это возставало предъ нимъ въ дивномъ ореолѣ; затѣмъ являлась келья въ Консержеріи. Изъ кельи надо было выпустить арестанта и взамѣнъ получить любовь обожаемой женщины... Подъ мучительнымъ давленіемъ этихъ мыслей Оскаръ все болѣе и болѣе ускорялъ шагъ, не замѣчая, что встрѣчные останавливаются и смотрятъ на него съ удивленіемъ.

Стоялъ конецъ осени; день былъ холодный, а Оскаръ шелъ съ распахнутой грудью, безъ галстуха; онъ безпрестанно снималъ шляпу и утиралъ крупныя капли пота на своемъ лбу. Мудрено-ли, что многимъ встрѣчнымъ приходило на мысль, ужъ не помѣшался-ли онъ.

Наконецъ, онъ остановился. Не возвратился-ли къ нему рассудокъ? О нѣтъ, страсть окончательно поборолъ его. Онъ, правда, пошелъ спокойнѣе, но вотъ какія мысли роились въ его головѣ: «Несчастная, думалъ онъ, — она была по-

трясена, увидя брата въ тюрьмѣ, обвиняемаго въ страшномъ преступленіи... Она обвиняетъ себя, что покинула его. Она добра, какъ женщина, она руководится движеніями своего сердца; спасеніемъ несчастнаго изъ тюрьмы, она думаетъ загладить свой проступокъ противъ него... Она знала его хорошимъ человѣкомъ и не можетъ повѣрить, что онъ сталъ дурнымъ. Между тѣмъ, онъ негодяй... Онъ, конечно, не убійца, котораго мы отыскиваемъ, но все же онъ негодяй... Въ сущности, чего же она требуетъ отъ меня? Только справедливости... Я не имѣю положительныхъ доказательствъ противъ него и долженъ его освободить, учредивъ только за нимъ надзоръ. Я злоупотребляю моей властью, если буду еще держать его въ тюрьмѣ... И съ чего это мнѣ пришло въ голову, что она требуетъ отъ меня подлаго поступка... Я потерялъ тогда рассудокъ и какъ я былъ смѣшонъ и грубъ, говоря: «это невозможно». Она права сегодня, какъ и вчера. Своимъ честнымъ сердцемъ она угадала истину и она требуетъ отъ меня никакъ не подлости, а, напротивъ, хорошаго дѣла, справедливости...»

«Но если я исполню ея желаніе, продолжалъ онъ думать, — и освобожу этого человѣка... а завтра я узнаю, что выпустилъ убійцу... Завтра не принадлежитъ мнѣ... Держа въ тюрьмѣ человѣка, противъ котораго нѣтъ никакихъ доказательствъ, я злоупотребляю своей властью... тѣмъ болѣе, когда я убѣдился вчера, что истинный виновный другой... Сверхъ того, этотъ человѣкъ не французскій подданный; арестъ его можетъ вызвать непредвидѣнные осложненія... Надобно разъяснить все это...»

Онъ остановился и, опершись на парапетъ набережной, сказалъ вслухъ:

— Бѣдная женщина! Какъ должна была скорбѣть ея моя грубая выходка! Чѣмъ загладю я свою вину? Исполнивъ ея желаніе... но этого слишкомъ недостаточно.

Взглядъ его машинально скользнулъ по водѣ; пріятная улыбка осыпала его лице: онъ мечталъ о блаженствѣ раздѣленной любви.

Мы уже говорили о томъ, что Оскаръ де-Вершмонъ до такой степени ревновалъ Изу къ ея прошлому, что желалъ не только помѣстить ее въ новой квартирѣ, но даже дать ей весь новый гардеробъ, сдѣланный на его счетъ. Послѣ того, какъ Иза въ первый разъ подала ему надежду, онъ купилъ для нея небольшой красивый домъ въ аллеѣ Шальо; онъ заказалъ модисткѣ, у которой была мѣрка Изы, цѣлый гардеробъ для нея; онъ накупилъ ей брилліантовъ. На всѣ эти закупки пошло нѣсколько сотъ тысячъ франковъ. Конечно, не изъ своего жалованья (700 фр. въ мѣсяцъ) производилъ онъ эти расходы; мы уже говорили, что, благодаря многимъ полученнымъ наслѣдствамъ, Вершмонъ обладалъ состояніемъ въ нѣсколько милліоновъ франковъ.

Все это дѣлалось втайнѣ отъ Изы, которой готовился сюрпризъ, но модистки болтливы и Иза узнала часть тайны. Она, правда, не знала о покупкѣ дома, но и того, что дошло до ея свѣденія, было достаточно, чтобы составить понятіе о щедрости Оскара.

— Пора дѣйствовать, сказала себѣ Иза: — надо ковать желѣзо пока оно горячо.

И мы знаемъ уже, что она не теряла даромъ времени.

Оскаръ теперь пріятно улыбался, размышляя о сюрпризѣ, который онъ сдѣлаетъ своей красавицѣ. Наконецъ, точно быстрое рѣшеніе созрѣло въ его мозгу, онъ отправился далѣе.

«Надо внимательно пересмотрѣть дѣло, думалъ онъ дорогой, — и сдѣлать то, что слѣдуетъ».

Придя къ такому рѣшенію, онъ пріосанился и спокойной поступью вошелъ въ судъ. Его позднее прибытіе удивило сторожей. Большая часть чиновниковъ уже отправилась по домамъ.

Оскаръ очень обрадовался, найдя въ кабинетѣ своего секретаря.

— Какъ я радъ, что вижу васъ, сказалъ слѣдователь, — напишите...

Онъ остановился, но тотчасъ же продолжалъ:

— Предъ вами лежитъ дѣло Андре Гудара, кажется?

— Да.

— Дайте его мнѣ... я получилъ новыя разъясненія... Этотъ человѣкъ жертва ошибки... Напишите скорѣе приказъ объ его освобожденіи.

— Приказъ объ освобожденіи? спросилъ озадаченный секретарь.

— Да, пожалуйста поторопитесь.

Говоря это, слѣдователь покраснѣлъ и сталъ пересматривать бумаги, избѣгая встрѣтиться со взглядомъ секретаря; послѣ прочтенія каждой бумаги онъ пожималъ плечами. Секретарь написалъ приказъ; слѣдователь подписалъ его и, смотря на часы, сказалъ:

— Поѣзжайте сами, иначе могутъ отложитъ

— Вы знаете графиню Сеглинъ-Зинтскую.

— Это моя благодѣтельница.

— Ей вы обязаны своей свободой.

— Я свободенъ! О, благодарю васъ!

— Данныя ею о васъ свѣденія дали мнѣ возможность освободить васъ отъ тюремнаго заключенія.

— Считаю себя правымъ, я страдалъ отъ заключенія, но не сомнѣвался, что скоро буду освобожденъ.

— Я совѣтую вамъ немедленно поблагодарить г-жу Зинтскую.

— Мой первый визитъ будетъ къ ней.

Онъ вышелъ, а слѣдователь вздохнулъ и опустилъ глаза въ землю. Секретарь, озадаченный освобожденіемъ Гудара, собиралъ бумаги, намѣреваясь уходить домой.

— Слѣдствіе о немъ прекращено по приказанію выше? спросилъ онъ.

Слѣдователь еще ниже опустилъ голову, чтобы скрыть краску на своемъ лицѣ.

тѣмъ въ его воображеніи возсталъ очаровательный образъ Изы и дѣло объ убійствѣ въ улицѣ Лакюзъ было совершенно забыто.

Сѣвъ въ карету, онъ отправился въ улицу Шальо, въ домикъ, купленный имъ для Изы, гдѣ съ нынѣшняго дня онъ намѣревался поселиться вмѣстѣ съ нею. Для официальнаго міра онъ оставлялъ за собою свою квартиру въ улицѣ Бопъ, меблированную въ строгомъ, суровомъ вкусѣ, вполне подходящемъ къ серьезнымъ занятіямъ слѣдователя. Жизнь въ этой квартирѣ въ послѣднее время казалась ему скучной, монотонной, тяжелой. Со времени встрѣчи своей съ Изой онъ разлюбилъ охоту, доставлявшую ему большое удовольствіе и для которой онъ ѣздилъ въ свой старинный фамильный замокъ въ Пуату. Теперь онъ заботился только объ одномъ: полюбить-ли его графиня Зинтская. Онъ могъ надѣяться, что достигнетъ своего желанія, потому что Гударъ освобожденъ...

Но возвратимся къ Гудару. Когда онъ узналъ

ИЗЪ ЖИВОПИСНОЙ РОССИИ.

Выборгъ.

до завтра исполненіе приказа, и привезите сюда Гудара.

Секретарь вышелъ, качая головой; ему казался нѣсколько легкомысленными распоряженія его начальника.

Оставшись одинъ, Оскаръ собралъ всѣ бумаги, относящіяся къ процессу Гудара и положилъ ихъ въ свой портфель.

— Виноватъ онъ или нѣтъ, сказалъ онъ, — но въ ту минуту, когда я подписывалъ приказъ объ его освобожденіи, у насъ не было никакихъ доказательствъ.

Придя къ такому рѣшенію, онъ успокоился, отворилъ окно и задумался. Услышавъ шумъ, онъ обернулся. Вошелъ Гударъ въ сопровожденіи секретаря. Вершемонъ быстро заперъ окно и сказалъ, обращаясь къ Гудару:

— Почему, Гударъ, вы скрыли ваше настоящее имя?

— Во Франціи я всегда носилъ имя Андре Гудара. Настоящее же мое имя Георгій Грегоро.

— Нѣтъ. Я окончательно убѣдился въ винѣ другого. Гюре ошибся, а Бойе былъ правъ.

— Виновный — Морисъ Феранъ?

— Да; у меня въ рукахъ письмо женщины, его сообщницы, подтверждающее обвиненіе. Завтра я передамъ его вамъ... Вы можете идти; я же пробуду здѣсь еще нѣсколько минутъ; мнѣ надо написать письмо.

Секретарь удалился. Окончивъ письмо, Оскаръ вложилъ его въ конвертъ, на которомъ написалъ слѣдующій адресъ: «Графинѣ Сеглинъ-Зинтской, въ Фрилантскую улицу». Выйдя на улицу онъ прежде всего отыскалъ посылнаго, которому поручилъ отнести письмо по адресу, а затѣмъ направился домой.

Дорогой, его, разумѣется, осаждала мысль объ освобожденіи Гудара. Сперва онъ обвинялъ себя въ легкомысліи, но мало-по-малу различными софизмами успѣлъ убѣдить себя, что поступилъ правильно и гуманно и что дѣйствительный убійца Лен Меданъ никто другой, какъ Феранъ. За-

отъ слѣдователя о своемъ освобожденіи, онъ ни на минуту не сомнѣвался, что Оскаръ руководился не убѣжденіемъ въ его невиновности, а дѣйствовалъ подъ влияніемъ Изы, которой онъ, очевидно, слѣпо повиновался. Впрочемъ, Гударъ точно также ни на минуту не сомнѣвался, что рано или поздно его непременно освободятъ и ему не придется сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ. Этимъ и объясняются его спокойствіе и нежеланіе отвѣчать на вопросы, которые могли его компрометировать. Онъ самъ былъ твердо убѣжденъ, что противъ него не найдется ни одной положительной улики. Даже и денежные бумаги не могли служить доказательствомъ его вины. Онъ могъ представить свидѣтелей, что ему случилось спекулировать на биржѣ въ товариществѣ съ Леей Меданъ. Оставался одинъ кучеръ, возившій его въ ночь убійства, но Гударъ и не отрицалъ, что былъ у Лен Меданъ и оставилъ ее на разсвѣтѣ живой и здоровой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ не сознавать, что положеніе

его все-таки шаткое. По тону слѣдователя онъ видѣлъ, что тотъ въ душѣ убѣжденъ въ его вину. Онъ не высказалъ обычнаго сожалѣнія, что держалъ подъ арестомъ невиннаго; не посовѣтовалъ даже быть на будущее время болѣе осторожнымъ. Изъ его словъ скорѣе можно было вывести заключеніе, что онъ совѣтуетъ ему, Гудару, какъ можно скорѣе исчезнуть изъ Парижа. Но что думать о будущемъ... Гударъ былъ свободенъ и этого для него было довольно.

— Свободенъ! свободенъ! повторялъ онъ про себя, идя по улицѣ.

Онъ слишкомъ долго былъ взаперти и немудрено, что у него явилось желаніе идти пѣшкомъ, и потому онъ не поѣхалъ, а пошелъ къ Изѣ.

Когда онъ позвонилъ у квартиры Изы, Жюстина, узнавшая его, сказала ему:

— Идите скорѣе, графиня васъ ожидаетъ.

Онъ вошелъ въ будуаръ и протянулъ Изѣ обѣ свои руки. Она очень холодно пожала ему руку, но онъ, зная ея капризы, не смутился такимъ пріемомъ.

— Я освобожденъ и пришелъ поблагодарить тебя.

— Ты видишь, я сдержала свое обѣщаніе; твоя неосторожность едва не погубила тебя.

— Это правда.

— Намъ нельзя терять времени; скоро можетъ сюда придти одинъ человѣкъ, который не долженъ встрѣтиться съ тобою здѣсь. Ты точно послѣдовалъ инструкціи, которую я сообщила тебѣ въ моемъ письмѣ? Съ тебя снимали допросъ?

— Почти никакого; онъ спросилъ о моемъ настоящемъ имени; я отвѣчалъ, какъ сказано въ твоёмъ письмѣ; я приготовился отвѣчать и на другіе вопросы, но онъ, видимо, желалъ скорѣе кончить; и вышло, что я же какъ будто оказывалъ ему одолженіе, оставляя его въ покоѣ.

— Ты понимаешь, нѣтъ и рѣчи о доказательствѣхъ твоей невинности. Сегодняшнюю ночь, завтра и послѣ-завтра тебѣ нечего бояться. Онъ явится ко мнѣ и я надѣюсь, что удержу его у себя весь завтрашній день. Послѣ-завтра воскресенье. Слѣдовательно, въ твоёмъ распоряженіи почти три дня; воспользуйся ими и уѣзжай какъ можно дальше отсюда. Есть у тебя деньги?

— Почти ничего.

— Я дамъ тебѣ. Вотъ три тысячи франковъ; уѣзжай и пиши ко мнѣ... по пѣмекки.

И она вручила ему три свертка съ золотыми монетами.

— Спасибо! сказалъ онъ, пряча деньги въ карманъ.

— Будь благоразуменъ; уѣзжай сегодня же ночью; я не въ состояніи буду спасти тебя во второй разъ.

— До свиданія, Иза; ты не поцѣлуешь меня?

— Изволь, но только поскорѣе... пиши тотчасъ же; я буду тревожиться до тѣхъ поръ, пока не узнаю, что ты въ полной безопасности.

Она съ неудовольствіемъ подставила ему свои губы; онъ это замѣтилъ. Они поцѣловались и, когда онъ намѣревался уходить, она сказала:

— Не заходи къ себѣ домой... тамъ твои худшіе враги.

— Это могу тебѣ обѣщать.

Гударъ вышелъ отъ Изы въ самомъ дурномъ расположеніи духа; онъ рассчитывалъ на иной пріемъ. Иза съ трудомъ скрывала свое презрѣніе къ нему.

— Иза, ты заплотишь мнѣ за этотъ пріемъ, ворчалъ онъ, идя по улицѣ,—я запишу его на твой счетъ; но прежде я вытяну съ тебя много денегъ; а потомъ мы посмотримъ, какъ можно будетъ поступить; ты горько раскаешься, что была со мной неблагодарной.

Онъ зашелъ къ парикмахеру, гдѣ выбрилъ и

выстригся, затѣмъ взявъ извозчика и отправился въ улицу Сен-Франсуа.

«Почему бы мнѣ и не поѣхать туда, подумалъ онъ;—мнѣ надо свести тамъ счеты».

Черезъ десять минутъ по его уходѣ посыльный принесть Изѣ письмо отъ Оскара де-Вершмона.

— Требуется отвѣтъ? спросила Жюстина.

— Нѣтъ, м-ль, отвѣчалъ посыльный.

Зитворивъ за нимъ дверь, горничная отнесла письмо своей госпожѣ. Придвинувъ лампу Иза стала читать его, а прочитавъ залилась веселымъ хохотомъ и, передавая письмо Жюстинѣ, сказала:

— Прочти, Жюстина, онъ совсѣмъ спятилъ съ ума... ха, ха, ха!

Горничная прочла и тоже захохотала.

— Ха, ха! Вотъ идея! сказала она.—Ха, ха! какъ смѣшно... Надѣюсь, этотъ любитъ васъ, сударыня.

— Да, но уже слишкомъ!

— Ревнуетъ къ прошлому! Надо отдать ему справедливость, онъ мило извиняется въ своей ревности.

— Вотъ тайна, которой онъ хотѣлъ удивить меня... Какова идея. Ха, ха, ха!

И, раскинувшись на кушеткѣ, Иза долго весело хохотала.

— Ну, Жюстина, надо приготовиться, моя милая... Я дала обѣщаніе, слѣдуетъ его исполнить... Завтра мы будемъ богаты.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Герцеговина въ 1877 году. Талантъ Ярослава Чермака, одного изъ выдающихся художниковъ славянскаго происхожденія, въ достаточной степени извѣстенъ нашимъ читателямъ по нѣсколькимъ копіямъ съ его картинъ, помѣщеннымъ у насъ въ журналѣ. Еще недавно мы помѣстили копіи съ его картинъ «Ограбленная» и «Симонъ Ломницкій». Картина, помѣщаемая въ настоящемъ номерѣ нашего журнала, есть какъ бы символическое изображеніе Герцеговины, такъ много потерпѣвшей въ 1877 году, во время возстанія. Развалины, воткнутыя на колья головы, сломанная пушка, сгнившій человѣческій черепъ, скорбящіе люди, сваленный въ кучу домашній скрабъ, все это говоритъ о недавно перенесенныхъ бѣдствіяхъ страны, жители которой не сегодня, такъ завтра, должны идти съ протянутой рукой за подаяніемъ. Картина производитъ мрачное и тяжелое впечатлѣніе.

Съ хворостомъ. Эта картина принадлежитъ кисти испанскаго художника. Сюжетъ ея простъ: бѣдная семья набрала въ чужомъ лѣсу охапки хворосту и пробирается, озираясь, съ этой добычей по полю. Но, несмотря на простоту содержанія, эта картина исполнена замѣчательно: пейзажъ, вечернее освѣщеніе, небо, покрытое тучами, все исполнено на ней превосходно. Наша гравюра принадлежитъ рѣзцу барселонскихъ гравировъ и потому она безукоризненно вѣрно передаетъ красоты подлинника. Взгляните, напримеръ, на воду ручья — это настоящая вода, она, кажется, движется, сверкая и искрясь. Вообще, нѣкоторыя испанскія гравюры, какъ мы уже не разъ говорили, крайне оригинальны и хороши.

Выборъ. Богатство или любовь? вотъ вопросъ, тысячу разъ появлявшійся и появляющійся, когда дѣло идетъ о брачныхъ союзахъ, и художники уже не разъ писали картины на эту тему. Въ послѣднее время обратила на себя вниманіе въ Парижѣ картина Вели, написанная на эту же тему, и уже нѣсколько заграничныхъ иллюстри-

рованныхъ изданій помѣстили копіи съ этой картины, крайне поэтической, замѣчательно исполненной, полной глубокаго смысла. Всѣ четыре фигуры на картинѣ прелестны и граціозны,—и юноша съ мандолиной, поющій о любви, и старикъ, шепчущій молодой дѣвушкѣ о богатствѣ и власти, и маленький напикъ, грустно стоящій передъ ней съ короной, предлагаемой ей старикомъ. Кого выберетъ она, эта прелестная дѣвушка? вотъ вопросъ, невольно рождающійся при взглядѣ на картину и, право, грустно сознаться, что въ нашъ практическій вѣкъ обыкновенно выбираютъ старость и богатство, а молодость и любовь оставляютъ про запасъ для закулисныхъ похожденій.

Богиня цвѣтовъ. Статуя, копію съ которой мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ, принадлежитъ къ числу многихъ изящныхъ изображеній граціозныхъ формъ,—изображеній, служащихъ для украшенія садовъ и домовъ современныхъ представителей капитала. Не имѣя серьезнаго и долговѣчнаго значенія, эти статуи и статуетки ласкаютъ глазъ своею изящностью, своею граціею. Именно этими качествами отличается и «Богиня цвѣтовъ», которой, вѣроятно, суждено красоваться въ какомъ-нибудь паладо среди тропическихъ растений, среди бронзы и бархата.

Описаніе Выборга будетъ помѣщено въ 25 № «Жив. Об.».

Новости наукъ и жизни.

— Смерть принца Наполеона. Принцъ Люи-Наполеонъ, сынъ Наполеона III, убитъ. Вотъ подробности его смерти, передаваемыя телеграфомъ: За нѣсколько дней до своей кончины, принцъ еще ходилъ на рекогносцировки вмѣстѣ съ товарищами-офицерами; на одной изъ нихъ онъ подвергся серьезной опасности; вліяніе имѣли отчасти непривычка къ верховой ѣздѣ, отчасти слабость его послѣ болѣзни, при вообще слабомъ тѣлосложеніи. На послѣдней рекогносцировкѣ, онъ вмѣстѣ съ другими офицерами, доѣхавъ верхомъ до пункта назначенія, слѣзъ съ лошади. Вдругъ какъ изъ земли выросли зулусы, которые незамѣтно подползли въ высокой травѣ. Офицеры бросились къ лошадямъ, вскочили на ходу и ускакали благополучно. Принцъ Наполеонъ, вскакивая на лошадь, вѣроятно, неудачно занесъ ногу и потерялъ равновѣсіе; видѣли только, какъ онъ упалъ навзничъ, лошадь же его ускакала вѣдѣ за другими. Принцъ пробѣжалъ еще около полуверсты, сейчасъ же былъ настигнутъ зулусами, которые тутъ же пронзили его своими копьями; неизвѣстно, оставили-ли зулусы трупъ, или англичане отбили его. На немъ оказалось семнадцать ранъ, и лѣвый глазъ проколотъ. Вмѣстѣ съ принцемъ погибло двое рядовыхъ.

— Новая учебная заведенія. Въ гг. Бобровѣ, Бахмутѣ, Елисаветградѣ и Акерманѣ учреждаются четырехъ-классныя мужскія прогимназіи, а въ городѣ Острогжскѣ — шести-классная прогимназія, съ приготовительными при нихъ классами, и четырехъ-классныя мужскія прогимназіи въ городахъ: Ташкентѣ, Вѣрномъ и Нарвѣ преобразовываются въ шести-классныя, а вторая с.-петербургская шести-классная прогимназія — въ полную гимназію. Мѣропріятія эти будутъ приведены въ дѣйствіе съ 1 іюля 1879 года.

— Геологическое учрежденіе. По словамъ «Новаго Времени», въ правительственныхъ сферахъ предположено приступить къ надлежащей разработкѣ вопроса объ организаціи въ Петербургѣ особаго геологическаго учрежденія.

— Открытіе подписки. Медицинскій совѣтъ, желая выразить глубокое уваженіе, питаемое имъ къ заслугамъ почетнаго своего члена, доктора-медицины и хирургіи, тайнаго совѣтника Пирогова, какъ на научномъ, такъ и на практическо-врачебномъ и высшемъ педагогическо-административномъ поприщѣ, и для ознаменованія исполнявшагося пятидесятилѣтняго юбилея дѣятельности этого медика, ходатайствовалъ объ открытіи подписки на составленіе капитала, употребленіе котораго будетъ зависѣть отъ количества собран-

ной суммы. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу такого ходатайства, всемилоостивѣйше соизволилъ, 9-го марта нынѣшняго года, на открытіе повсемѣстной между врачами и другими почитателями Пирогова добровольной подписки, для составленія помянутаго капитала, съ тѣмъ, чтобы положеніе объ употребленіи собранныхъ денегъ было представлено на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ.

— **Милліонная кража.** Въ «Правит. Вѣстникѣ» напечатано: 4-го іюня, въ 9 часовъ утра, при входѣ казначея и банковыхъ чиновниковъ въ кладовую херсонскаго казначейства, обнаружено похищеніе кредитныхъ билетовъ, принадлежащихъ отдѣленію государственнаго банка. Похищеніе сдѣлано чрезъ подкопъ изъ сосѣдняго дома, на протяженіи около пятнадцати саженъ непосредственно въ кладовую. Подробною повѣркою обнаружено, что изъ кладовой казначейства похищено суммъ отдѣленія государственнаго банка — одинъ милліонъ пятьсотъ семьдесятъ девять тысячъ шестьсотъ восемьдесятъ восемь рублей, — п, кромѣ того, бланковъ паспортовъ: для мѣщанъ и крестьянъ на сроки до 3-хъ лѣтъ три листа, до двухъ — 26, до одного 6 и до полгода — 120, для подлежащихъ призыву до одного года 108 листовъ, до полгода 96, кратковременныхъ билетовъ для мѣщанъ и крестьянъ 313 листовъ и для подлежащихъ призыву 122 листа и отсрочекъ 12, а также одинъ бланкъ патента на трактирное заведеніе въ 70 рублей и раскурочныхъ марокъ 125 штукъ. Подозрѣніе пало на квартировавшихъ въ домѣ, изъ котораго сдѣланъ подкопъ и скрывавшихся во время обнаруженія кражи. Тотчасъ были приняты самыя энергическія мѣры, при помощи войскъ, къ розыску похитителей. 6-го іюня министръ внутреннихъ дѣлъ получилъ отъ херсонскаго губернатора телеграммы слѣдующаго содержания: 1) Успѣшными розысками мѣстной городской полиціи, прокуратуры и войскъ, задержаны подъ Херсономъ главные виновники и большая часть похищенныхъ въ кладовой казначейства денегъ. 2) Изъ числа похищенныхъ въ кладовой губернскаго казначейства денегъ найдено и сдано отдѣленію государственнаго банка милліонъ шестьдесятъ шесть тысячъ триста восемь рублей. Въ добавленіе къ этому извѣстію, извлекаемъ изъ свѣдѣній объ этомъ происшествіи, напечатанныхъ въ «Голосѣ» слѣдующія подробности: «Рядомъ съ большимъ каменнымъ зданіемъ, въ которомъ помѣщается губернское казначейство, находится домъ Комсннхъ. Недѣли двѣ назадъ, около 24-го мая, въ домѣ Комсннхъ поселилась дама, назвавшаяся женою доктора Никитина. У этой дамы была въ услуженіи кухарка, именемъ Марія; у кухарки — грудной ребенокъ. Къ этой дамѣ приходили, въ понедѣльникъ, 4-го іюня, два штукатура, для какихъ-то поправокъ въ квартирѣ. По воскресеньямъ, обыкновенно, въ казначейство никто не ходитъ и кладовая остается цѣлый день запертою. Покража была обнаружена вчера, въ понедѣльникъ, въ десять часовъ утра. Немедленно по указаніямъ подкopa, бросились въ домъ Комсннхъ. Тамъ — ни дамы, ни кухарки, ни ея грудного ребенка не оказалось. Въ квартирѣ г-жи Никитиной былъ найденъ только пепелъ отъ сожженной одежды. Подкопъ, при помощи котораго сдѣлана покража, идетъ изъ кухни квартиры Никитиной. Длина подкона, отъ кухни дома Комсннхъ до кладовой казначейства, семь саженъ, одинъ аршинъ, восемь вершковъ. Подземный ходъ продолженъ на глубинѣ немногимъ болѣе саженъ; онъ почти квадратный — въ аршинъ вышины и ширины. Земля вынослась на чердакъ въ кухню и въ среднюю комнату. Для притока воздуха въ подземный ходъ устроена особая труба, соединяющаяся съ отдушникомъ кухонной печи, выходящей одною стороною на дворъ дома». О поимкѣ совершившихъ преступленіе въ томъ же «Голосѣ» находимъ такое извѣстіе: «Преступникъ, совершившій кражу изъ казначейства, открытъ; при немъ найдено денегъ болѣе милліона. Остается нерозысканнымъ еще одинъ узелъ съ деньгами. По городу толпы народа сопровождаютъ преступника; лицо его повязано полотенцемъ. Слѣдствіе производится. На разсвѣтъ того же дня, въ восьми верстахъ отъ Херсона, въ степи, на баштанѣ,

задержаны главные виновники кражи изъ казначейства: неизвѣстная дама и штукатуръ Алексѣй Колименко. При нихъ, въ куренѣ, найдены два мѣшка съ кредитными билетами на сумму 1,066,000 рублей и почти все бланки и, такъ-называемыя, раскурочныя марки. Наканунѣ арестована жительница одного изъ окрестныхъ хуторовъ, Щербаченкова, подозрѣваемая въ укрывательствѣ.

— **Убийство.** 25 мая, въ Гродненскомъ переулкѣ, въ Петербургѣ, были убиты отставной чиновникъ Власовъ и кухарка его Александра Семенидъ, оба люди старше (каждому за 60 лѣтъ). У Власова, по слухамъ, было много денегъ, которые онъ давалъ взаймы подъ векселя. По осмотру квартиры оказалось, что деньги, принадлежавшія Власову, похищены. 7 іюня былъ арестованъ прапорщикъ Ландсбергъ, подозрѣваемый въ убійствѣ, а 9 іюня онъ признался въ совершеніи преступленія. Извлекаемъ изъ «Новаго Времени» слѣдующія свѣдѣнія объ этомъ происшествіи: «Ландсбергъ явился въ квартиру Власова съ цѣлью убить его и похитить свой долговой документъ въ 5 тысячъ рублей. Исполнивъ этотъ замыселъ, онъ увидѣлъ въ портфелѣ процентныя бумаги, и у него блеснула мысль овладѣть ими. Оба убійства совершены ножомъ, который онъ, вмѣстѣ съ бывшимъ у него заряженнымъ револьверомъ и ключемъ отъ квартиры, бросилъ въ тотъ же вечеръ въ канаву у Таврическаго сада. Деньги оставлены имъ въ деревнѣ. Револьверъ, по указанію Ландсберга, отысканъ. Онъ имѣлъ намѣреніе покончить съ собой, если бы ему помѣшали исполнить задуманное дѣяніе. Къ этому считаемъ не лишнимъ прибавить нѣкоторыя подробности, характеризующія личность преступника. Въ кабинетѣ Ландсберга среди разныхъ бумагъ оказался романъ Поль-де-Кока. Въ романѣ изображенъ какой-то мазурикъ высшей пробы, который, вращаясь въ великосвѣтскихъ салонахъ, совершаетъ разныя плутни, но удачно хоронитъ концы и преступная жизнь его остается безнаказанной. Два французскія романа, принадлежащія перу Густава Эмара и озаглавленные: «Мѣткая пуля» и «Развѣдчикъ» дополняютъ незатѣйливую бібліотеку Ландсберга. Въ ящикѣ письменнаго стола у него хранился католическій молитвенникъ на польскомъ языкѣ, съ надписью на польскомъ же языкѣ, сдѣланною его сестрою. Надпись выражала просьбу никогда не разставаться съ этимъ молитвенникомъ. Въ этомъ же ящикѣ сохранилась цѣлая масса бумажныхъ орденонъ, которыми въ видѣ значковъ дамы надѣляютъ танцовщицъ кавалеровъ. На другое утро послѣ преступленія, въ 11-мъ часу Ландсбергомъ было впервые объявлено объ отпускѣ въ деревню. Деньщикъ началъ продолжать укладку вещей въ дорожные чемоданы, такъ какъ Ландсбергъ ранѣе того самъ уложилъ на низъ сюртучную пару. Когда все было готово, Ландсбергъ, вмѣстѣ съ деньщикомъ Гусевымъ, сѣлъ въ наемную карету, кучеру которой приказано было ѣхать на вокзалъ варшавской желѣзной дороги, но съ оговоркою остановиться на Невскомъ, у Гостинаго двора. Ландсбергъ вышелъ изъ кареты и пошелъ въ одну изъ находящихся здѣсь мѣняльныхъ лавокъ. Онъ предложилъ для размѣна два пятипроцентные билета, въ 500 рублей каждый, и на сочувственное замѣчаніе хозяина лавки, увидѣвшаго просачивающуюся кровь чрезъ повязку, бывшую на правой рукѣ, не испытываетъ-ли послѣдствій боли, Ландсбергъ, какъ передаютъ, отвѣчалъ: «это ничего, при нашихъ занятіяхъ это дѣло обыкновенное». Во время дознанія, вѣроятно, предвидя, что будутъ наведены справки на мызѣ, Ландсбергъ выразилъ просьбу — по возможности, щадить его мать и не говорить ей ничего о происшедшемъ. Въ четвергъ, 7-го іюня, въ 6 часовъ вечера, какъ только получено было официальное извѣщеніе о состоявшемся увольненіи Ландсберга со службы, — послѣдовало его препровожденіе въ домъ предварительнаго заключенія».

— **Возмутительное преступленіе.** На дняхъ отставной солдатъ П. С — въ, служащій дворникомъ въ одномъ изъ домовъ Спасскаго переулка, въ Петербургѣ, часовъ въ 6 вечера, пригласилъ, какъ передаетъ «Биржевая Газета», проживавшую въ этомъ же домѣ молодую дѣвушку для мытья

половъ въ квартирѣ конторщика, отлучившагося на дачу и поручившаго произвести эту операцію въ его отсутствіе. Дѣвушка, которой за мытье посулили рубль, согласилась, и когда пришла въ пустую квартиру, С — въ заперъ дверь на ключъ и совершилъ преступленіе, обезчестившее дѣвушку. Безпорядокъ и побитая посуда въ квартирѣ показываютъ отчаянную борьбу невинной еще дѣвушки, но борьба не помѣшала, однако, совершенію преступленія, такъ какъ сила была не на сторонѣ защищавшейся; квартира же была заперта. Совершивъ преступленіе, дворникъ С — въ выпроводилъ дѣвушку, внавшую въ безчувственное состояніе, на лѣстницу, заперъ двери квартиры и отправился въ дворничью, гдѣ и легъ спать. Въ 9-мъ часу, дѣвушка усмотрѣна была спящею на той же лѣстницѣ проходившими двумя мастеровыми, которые, не добившись отъ нея толку при распросахъ, подумали, что она хмѣльна, и проводили ее въ прачешную. Неизвѣстно, кто нашелъ дѣвушку въ прачешной, но около часа ночи дано было знать объ этомъ полиціи, которая и явилась для составленія протокола. С — въ былъ арестованъ, а пострадавшую А. Г. отвезли въ Обуховскую больницу, гдѣ, по освидѣтельствованіи ея, найдены весьма серьезныя внутреннія поврежденія, благополучный исходъ которыхъ сомнителенъ.

— **Самосожженіе.** Въ сел. Павловкѣ, екатеринославской губерніи одна солдатка, порѣшивъ лишить себя жизни, уговорила своихъ дѣтей и мать старушку (больше никого въ домѣ не было) пойти гулять, а сама, заперевъ на крючокъ двери, влѣзла въ печь, заранѣе для этой цѣли, сильно потопленную. Явившаяся полицейская власть вытащила изъ печи трупъ, сгорѣвшій въ уголь. Говорятъ, что причиною этого самоубійства была тоска по мужѣ.

— **Безпристрастный судья.** Въ «Кіевляннѣ» пишутъ: Въ камерѣ одного изъ уздѣныхъ мировыхъ судей подольской губерніи недавно разбиралось дѣло по жалобѣ служанки этого судьи на его жену за клевету и ругательство. Пославъ повѣстки обвиняемой и потерпѣвшей, живущимъ тутъ же съ судьею, онъ послѣ судоуговоренія постановилъ рѣшеніе, по которому, признавая свою жену виновной въ клеветѣ и ругательствахъ, приговорилъ ее къ штрафу въ 50 руб.

— **Полярный конгрессъ.** Въ октябрѣ, въ Гамбургѣ соберется международный полярный конгрессъ съ цѣлью организаціи экспедиціи къ сѣверному полюсу. Въ конгрессѣ будутъ участвовать выдающіеся мореплаватели и ученые Европы.

— **Экспедиція къ сѣверному полюсу.** 3 іюня пароходъ «Виллемъ Барендсъ» отправился изъ Амстердама во вторую экспедицію къ сѣверному полюсу съ научной цѣлью. На пароходѣ находится 14 почтовыхъ голубей; первый будетъ выпущенъ въ Нордкапѣ. Первая экспедиція, предпринятая этимъ же пароходомъ, имѣла нѣсколько комическій характеръ, такъ какъ члены ея ограничили сооруженіемъ привезеннаго съ собою памятника на Новой Землѣ, чтобы запечатлѣть въ памяти жителей острова, а прежде всего бѣлыхъ медвѣдей, что одинъ голландецъ Геескеркъ перезимовалъ тамъ двѣсти лѣтъ тому назадъ.

— **Страхъ неурожая.** Въ «Молвѣ» напечатано слѣдующее извѣстіе съ низовьевъ Волги: «Точно гдѣ-то Божій обрушился на низовья Волги вообще. Едва населеніе успѣло успокоиться отъ паники, навѣянной появленіемъ въ астраханской губерніи загадочной эпидеміи, какъ новое бѣдствіе угрожаетъ всему южному Поволжью — всеобщій и полный неурожай. Нужно замѣтить, что прошлая зима была у насъ только по календарю: продолженіи января и февраля епѣтъ хотя и надалъ нѣсколько разъ, но, пролежавъ дней четыре, пять, снова исчезалъ; морозы хотя и были, но тоже незначительные и непродолжительные. Такимъ образомъ втеченіи зимнихъ мѣсяцевъ, земля оставалась почти совершенно сухою. Сначала думали, что наступающая весна быть можетъ пополнить недостатокъ влаги въ землѣ, и дѣйствительно въ концѣ марта были раза два небольшіе дожди; но затѣмъ насталъ апрѣль, прошелъ вотъ уже весь почти май, — а дождя ни

капли. Въ настоящее время весь Приволжскій край, начиная отъ Саратова до Астрахани, представляетъ голую безжизненную пустыню; озимые хлѣба взошли было и, пока въ почвѣ сохранялась кой-какая влажность, укрѣпились и держались; по наступившей въ маѣ жары и бездождіе въ конецъ изсушили всю растительность; нѣкоторые изъ яровыхъ хлѣбовъ совсѣмъ не взошли, а что и взошло, то въ настоящее время тоже пошло.

— **Страшная буря.** Въ варшавскихъ газетахъ мы находимъ слѣдующее извѣстіе: 2 іюня, послѣ полудня, по направленію отъ австрійской границы двигалась въ предѣлы Привислинскаго края страшная буря. Буря разразилась близъ Ченстохова проливнымъ дождемъ, продолжавшимся нѣсколько часовъ и причинившимъ страшныя опустошенія и громадные убытки. Буря эта преимущественно разразилась надъ слѣдующими мѣстностями: Порай, Мышковъ, Мржиглова, Пиллица и Заверць, которыя послѣ продолжительнаго ливня обратились буквально въ обширное море. На другой день, т. е. 3 іюня, можно было еще видѣть на мѣстѣ катастрофы, какъ вода, стекавшая съ возвышенныхъ окрестностей Варги, уносила части хатъ и другихъ построекъ, а также деревья, вырванные съ корнями. Варшавско-вѣнская желѣзная дорога, между Параемъ и Мышковымъ, сильно повреждена, а на протяженіи между Мышковымъ и Заверцьемъ почти совершенно уничтожена; пять мостовъ сорваны, полотно размыто, телеграфныя проволоки порваны, столбы повалены. Чтобъ имѣть понятіе объ этой ужасной бурѣ, какой давно не запомнятъ въ краѣ, достаточно сказать, что насыпь желѣзной четырехверстной дороги вся цѣликомъ снесена, а желѣзныя мосты черезъ рѣку Варту, длиною въ 11 сажень, уничтожены до основанія, такъ что и слѣдовъ его не осталось; унесенъ водою даже каменный фундаментъ моста. Только благодаря особой находчивости машиниста, управлявшаго поѣздомъ, Романа Бабинскаго, не погибъ курьерскій поѣздъ, шедшій во время бури отъ австрійской границы къ Варшавѣ: поѣздъ этотъ былъ остановленъ имъ почти въ то самое время, когда одинъ изъ ближайшихъ впереди поѣзда мостовъ уже былъ снесенъ водою. Машинистъ хотѣлъ было подать поѣздъ назадъ, но и этого сдѣлать было невозможно, потому что мостъ, черезъ который только-что пролетѣлъ поѣздъ, былъ также сорванъ водою и поѣздъ долженъ былъ остановиться. Ливнемъ этимъ снесено нѣсколько водяныхъ мельницъ, стоявшихъ на рѣкѣ Варгѣ и Пржемшѣ. 3 іюня съ утреннимъ поѣздомъ изъ Варшавы отправлены на мѣсто катастрофы 16 рабочихъ, для устройства хотя временныхъ мостовъ. Движеніе поѣздовъ на залитомъ водою пространствѣ варшавско-вѣнской желѣзной дороги едва-ли можно будетъ возстановить ранѣе, какъ черезъ двѣ недѣли. Вся залитая водою мѣстность представляетъ до сихъ поръ еще страшное зрѣлище: луга, поля, огороды, строенія—все подъ водою или въ водѣ. Пассажиры курьерскаго поѣзда, застигнутаго въ полѣ бурей и до сихъ поръ тамъ стоящаго, одни на сбитыхъ доскахъ перебрались по водѣ въ соседнія деревни, расположенныя на возвышенныхъ мѣстностяхъ, а другіе и до сихъ поръ сидятъ въ вагонахъ, ожидая помощи. Страшная эта буря болѣе всего, послѣ желѣзной дороги, нанесла вреда и убытковъ мѣстнымъ крестьянамъ, потери которыхъ, хотя еще и не приведены въ извѣстность, должны быть очень громадны. Болѣе подробныхъ извѣстій еще не имѣется пока, такъ какъ съ залитою мѣстностью нѣтъ сообщенія.

— **Азіатское общество.** Число существующихъ у насъ ученыхъ обществъ въ скоромъ времени увеличится новымъ — азіатскимъ. Въ числѣ учредителей его состоятъ, по слухамъ, многія вліятельныя лица въ обѣихъ столицахъ, въ Сибири и въ Туркестанскомъ краѣ. Существующія загранично азіатскія общества поставили себѣ задачею изученіе Азіи въ историческомъ, археологическомъ, лингвистическомъ, литературномъ и этнографическомъ отношеніяхъ, и этой же

программы намѣрены держаться лица, проектирующіе учрежденіе у насъ азіатскаго общества. Кромѣ того учредители желаютъ приходить на помощь и другимъ ученымъ обществамъ въ вопросахъ, касающихся Азіи въ какомъ либо изъ вышеупомянутыхъ отношеній. Въ Москвѣ и въ Туркестанскомъ краѣ предполагается основать въ послѣдствіи отдѣлы, задачею которыхъ будетъ устройство азіатскихъ музеевъ, по образцу имѣющагося при академіи наукъ.

— **Русско-китайскій словарь.** На дняхъ появился русско-китайскій словарь, составленный первымъ драгоманомъ императорской миссіи въ Пекинѣ П. С. Поповымъ. Онъ посвященъ памяти архимандрита Палладія, бывшаго начальника пекинской духовной миссіи. У насъ имѣлся только одинъ, ставшій уже библиографическою рѣдкостью, словарь члена пекинской духовной миссіи о. Исаи Поликина. По неимѣнію въ Петербургѣ въ достаточномъ количествѣ китайскаго шрифта, словарь печатался по способу М. Ц. Алисова. Наборъ или скорѣе печатаніе первой копій производилось литографію тушью, и затѣмъ обыкновеннымъ литографическимъ способомъ съ нея получилось извѣстное количество копій. Переписывали автору китайскій текстъ члены китайскаго посольства. Словарь изданъ на средства, отпущенныя министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

— **Екатерингофъ** (замѣтка Н. Н. Вакуловскаго). Гулянья въ Екатерингофѣ извѣстны вѣроятно каждому петербуржцу. Екатерингофъ—твореніе рукъ императора Петра I, а потому изъ уваженія къ его памяти желательна поддержка этого парка. Петръ Великій построилъ въ 1711 г. дворецъ на томъ мѣстѣ устья Невы, гдѣ въ 1703 г., командуя лично канопирскими лодками, онъ овладѣлъ двумя шведскими судами. Назвавъ мѣстность «Екатерингофомъ» въ честь своей супруги Екатерины, онъ подарилъ его ей. Петръ I часто ѣздилъ въ Екатеринговъ изъ Петергофа лѣтомъ. Начало гуляній въ Екатерингофѣ принадлежитъ къ его же времени. При Петрѣ I рѣшено устраивать въ Екатерингофѣ праздники встрѣчу весны, причемъ иллюминировать садъ. Преемники Петра поддерживали Екатерингофъ и забытъ былъ этотъ садъ только въ концѣ прошлаго столѣтія, но въ началѣ текущаго снова слава Екатерингофа прогремѣла на всю Россію. Въ губернаторство Милорадовича здѣсь пускались воздушные шары и устраивались блистательныя иллюминаціи. Въ послѣдніе года екатерингофское гулянье потеряло прежній характеръ и кромѣ большаго скопленія народа, не представляетъ ничего любопытнаго. Представители высшаго общества и вообще особы со средствами катаются въ экипажахъ, гуляетъ же исключительно рабочій народъ. Можетъ быть, паденію гуляній споспосововала застройка парка. Въ послѣдніе годы выросли много новыхъ деревянныхъ домовъ. Прежнія дачи обратились въ дома, обитаемые уже круглый годъ. Въ Волынкиной деревнѣ, на мѣстѣ сторѣвшаго завода Штиглица и на берегу Екатерингофской рѣчки, противъ сахарнаго завода Кеннига, сооружены колоссальныя фабричныя зданія. Особенно грандіозенъ со стороны парка видъ бумаго-придильни г. Кеннига, сооруженной на пустопорожнемъ мѣстѣ, принадлежавшемъ ему на берегу Екатерингофской рѣчки. Новые заводы оказали вліяніе на увеличеніе числа публики въ Екатерингофѣ по праздникамъ, но за то они же причиняютъ большое неудобство: при извѣстномъ направленіи вѣтра, дымъ отъ заводскихъ трубъ стелется надъ паркомъ. Это бы все еще ничего, но худо то, что самый паркъ постепенно принялъ непривлекательный видъ. Скамейки отчасти исчезли, загородки развалились, такъ называемый «монплезиръ» пришелъ въ ветхость. Деревья, находящіеся на алеѣ вдоль Екатерингофской рѣчки приходятъ подкрѣплять подпорками; грустно будетъ если эти многолѣтніе гиганты рухнутъ отъ сильнаго вѣтра. Бывшій оранжерейный островокъ остается безъ всякаго назначенія. Когда-то здѣсь былъ цвѣточный садъ съ оранжереями; теперь же разрушенъ существовавшій мостъ на островъ и онъ совсѣмъ зади-

чалъ; запущенъ и «Березовый» островъ. Проѣздъ въ лодкѣ въ дворцовый каналъ претражденъ постановкою при входѣ въ каналъ воротъ. Вообще паркъ приходитъ все больше и больше въ упадокъ. Пруды проросли водяными растеніями. Воздухъ въ части парка, прилегающей къ прямой дорогѣ, крайне испорченный. Окружающая паркъ рѣчка недопускаетъ нынѣ проѣзда на лодкѣ, такъ она обмелѣла.

— **Ядовитыя змѣи.** Въ газету «Дрозба» передаютъ изъ Александрополя о чрезмѣрномъ количествѣ ядовитыхъ змѣй, появившихся въ тѣхъ краяхъ. Въ короткій періодъ времени отъ укушенія ихъ произошли пять смертныхъ случаевъ.

— **Лекціи о разводѣ.** Въ «Kölnische Zeitung» сообщаютъ, что А. Наке предпринимаетъ путешествіе по Франціи, съ цѣлью читать лекціи въ разныхъ городахъ по тому же вопросу, по поводу котораго онъ съ такимъ успѣхомъ выступилъ въ палатѣ, т. е. по вопросу о разводѣ. Интересъ, возбуждаемый самимъ вопросомъ, и краснорѣчивое изложеніе Наке обѣщаютъ ему, повидимому, большой успѣхъ.

— **Примѣръ, достойный подражанія.** По словамъ мѣстныхъ газетъ, финляндскій сенатъ, по докладу инспектора рыбныхъ ловель въ Финляндіи, профессора Мальмгрена, учредилъ, подъ его предѣлительствомъ, комисію для изысканія мѣръ, при помощи которыхъ можно было бы предупредить, или хотя уменьшить образованіе льда на днѣ рѣкъ Кемп, Ійо, Улео и другихъ сѣверныхъ остроботнѣйскихъ рѣкахъ, гдѣ мечутъ икру разныя лососы и сиговья породы рыбъ, на которыхъ разрушительно дѣйствуетъ этотъ ледъ. Комисіи разрѣшено приглашать въ свои засѣданія, на правахъ совѣтательныхъ членовъ, разныхъ специалистовъ и жителей, знакомыхъ съ рыболовствомъ и ходомъ рыбы въ водахъ Сѣверной Остроботніи.

— **Пожертвованія въ пользу погорѣльцевъ гор. Оренбурга:** Отъ крестьянина Михаила Долбенева, изъ Богуслава, 5 руб.; отъ Н. Бобен — 4 руб. — Итого 9 рублей. Означенныя деньги отправлены въ «Комитетъ оказанія помощи погорѣльцамъ», въ Оренбургъ.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 23-й «Живописнаго Обозрѣнія» сдать на городскую почту 9-го іюня въ 6 часовъ 30 минутъ, на иногороднюю почту 10-го іюня въ 1 часъ по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Стихотвор. «Изъ прошлаго». — Милые бездѣльники. — Рубенсъ (оконч.). — Бой гладиаторовъ (оконч.). — О выборѣ книгъ (оконч.). — При осадѣ Никшича. — Иза (продолж.). — Къ рисункамъ — Новости наукъ и жизни. — Объявленія. Гравюры: Вакханалія. — Герцеговина въ 1877 году. — Валежники. — Выборъ. — Богиня цвѣтовъ. — Выборъ.

Редакторъ-издатель Д. А. Нарчъ-Нарчевскій.

Объявленія.

НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.

Карманные солнечныя часы. или «Регуляторъ часовъ», замѣняющій часы, угломѣръ и компасъ, полезенъ каждому. Съ наставленіемъ, привилегированъ. Цѣны съ пересылкою: 2 руб., съ ходомъ на агатѣ 3 руб., такой же большій 4 руб., посеребренный 5 руб., позолоченный 6 руб. Адресъ: въ гор. Вытегру Олонек. губ., Юсифу Андреевичу Милевскому.

УЗОРЫ

МАЛОРОССІЙСКІЕ И РУССКІЕ.

Изданія В. Ф. 10 большихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ до 175 рисунковъ, въ красивомъ и прочномъ футлярѣ, продаются во всѣхъ книжн. магазинахъ. Складъ изданія въ «Книжн. магазинъ для иногородныхъ», Невскій, № 44, противъ Гостиного двора. Цѣна 1 р. 75 к., съ пересылкой 2 руб.

№ 25. Томъ I.

На годъ, съ доставкой и пересылкою—7 руб.;
на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб.
Отдѣльн. №№ по 20 к.

С.-Петербургъ, 23 Іюня 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новая
улица, домъ № 6.

Годъ VII.

Изъ стихотвореній Г. Гейне.

Переводъ Мих. Шел—нова.

(Продолженіе.)

Лирическая интермедія.

30.

И очи, лазурный цвѣтовъ голубыхъ,
И щечки, румяныя розъ дорожныхъ,
И ручки, лилей бѣлоснѣжныхъ морскихъ,
Цвѣтутъ и цвѣтутъ съ каждымъ днемъ все
пышнѣй,

Одно лишь сердечко засохло у ней.

40.

Услышу ли пѣсни той звуки,
Что пѣла когда-то она,
И грудь моя скорби и муки,
Какъ прежде бывало, полна.
Влечетъ меня тайно желанье
Въ высокія дебри лѣсовъ,
Въ слезахъ тамъ я вылью страданье,
Тамъ горе не знаетъ оковъ.

50.

Они о любви толковали,
Усѣвшись за чайнымъ столомъ.
Изяществомъ дамы блистали,
Мужчины топчайшимъ умомъ.

Совѣтникъ сказалъ: «латоничной
Любовь наша быть лишь должна!»
Съ улыбкой взглянувъ прощичной
На мужа, вздохнула жена.

Ввернулъ и пасторъ свое слово:
«Сказать я могу, какъ совѣтъ,
Что много любить не здорово!»
Тутъ барышня: «какъ такъ?» въ отвѣтъ.

Графиня, подавъ чашку чаю
Барону, рѣшилась сказать:
«Любовью—я такъ полагаю—
Не страсть ли вѣрнѣе назвать!»

Твое за столомъ лишь мѣстечко,
Родная, осталось пустымъ,
А какъ бы премило, сердечко,
Любовь описала ты имъ.

Дамъ.

55.

Ужели въ моихъ поблѣднѣвшихъ чертахъ
Прочесть не могла ты страданья,
Ты хочешь, чтобъ гордыя эти уста
Унизило слово признанья.

Нѣтъ, горды уста эти, могутъ они
Шутить лишь, лобзать и смѣяться;
Ихъ холодны рѣчи, а сердце въ груди
Готово отъ мукъ разорваться.

85.

Восходитъ ужъ солнце вдали за горою
И стадо прошло, позвонками гремя;
Овечка моя дорогая, съ тобою
Еще разъ желалъ бы увидѣться я.

Пытливо на верхъ обращаю я взоры—
Прости навсегда, дорогая моя!
Напрасно! нигдѣ не колышутся шторы;
Ты спишь, и во снѣ тебѣ вижусь ли я?

Къ «Дамъ».

4.

Мадамъ, обращаюсь я къ вамъ съ просьбой одной:
Позвольте больному поэту,
Забывшись, усталой прилечь головой
На грудь лебединую эту!

«Какъ смѣли вы въ обществѣ, сударь, рѣшиться
Ко мнѣ съ предложеніемъ такимъ обратиться!»

Власьева.

Разсказъ Баранцевича.

I.

алантливый композиторъ умеръ. Человѣкъ, однимъ движеніемъ пальцевъ приводившій въ трепетъ восторга сердца слушателей, сдѣлался добычей тлѣнья, превратился въ ничто. Уже никто не увидитъ эту маленькую, пехудалую, какъ бы сотканную изъ однихъ нервъ фигуру, никто не увидитъ больше этой ласковой, почти дѣтской улыбки, этихъ большихъ, черныхъ глазъ, блестящихъ искрами ума и чувства. Уже онъ не кинетъ больше въ публику чарующихъ волшебныхъ звуковъ, уносившихъ человека въ міръ грезъ и фантазій.

Незадолго до своей болѣзни онъ игралъ еще, окруженный блестящей свитой своихъ поклонниковъ. Никогда еще онъ не игралъ такъ! Дивные звуки лились изъ подъ пальцевъ, а кругомъ, не смотря на присутствіе многочисленнаго общества, было тихо. Никто не шевелился, все затаили дыханіе... Въ нѣмомъ восторгѣ внимали все

его лебединой пѣснѣ. И вдругъ, среди глубокой тишины болѣзненно прозвенѣла лопнувшая струна. Онъ всталъ, блѣдный, и механически, какъ бы повинувшись безотчетному чувству, дотронулся до клавиши и повторилъ звукъ. Словно электрический токъ потрясъ присутствовавшихъ, какъ бы одно смутное предчувствіе какой-то бѣды явилось у всехъ. Все встало и окружило его.

— Что съ вами?

— Вы больны?

— Вамъ дурно?

Онъ обвелъ всехъ смутнымъ, потухшимъ взглядомъ и вдругъ, съ выраженіемъ нестерпимой боли, взялся за грудь.

— Да, мнѣ худо... Струна лопнула...

И, тихо поклонившись, пошелъ изъ залы. На порогѣ одинъ изъ друзей остановилъ его.

— Послушай... На тебѣ лица нѣтъ!.. За докторомъ!..

Онъ слабо улыбнулся и спросилъ:

— Правда, дисгармонія—смерть?

И, не ожидая отвѣта, прибавилъ:

— Я ее услышалъ сейчасъ...

...Это была какая-то странная болѣзнь, продолжительная и мучительная, не поддававшаяся леченію никакихъ знаменитостей.

И вотъ, наконецъ, его не стало. Его рояль, къ которому онъ уже не прикасался, стоитъ въ углу залы, оспротѣвшій, покрытый густымъ слоемъ бѣлой пыли; самъ онъ, съ спокойной улыбкой смерти на губахъ, маленький и иссохшій, лежитъ въ богатомъ гробу, окруженномъ тропическими растеніями и теплящимися восковыми свѣчами.

И тихо, тихо такъ въ залѣ. Только слышно монотонное, протяжное чтеніе монаха, да потрескиванье нагорѣвшихъ свѣчей.

II.

А въ другихъ комнатахъ происходитъ какая-то сдержанная суета, отдаются вполголоса приказанія. Странно, къ чему эта сдержанность, эта тишина? Никакой шумъ не разбудитъ уснувшего на вѣки, никакія, самыя сильныя выраженія горя не возвратятъ его къ жизни.

Нѣсколько портныхъ снѣшно шьютъ женѣ и дѣтямъ траурныя платья, друзья хлопчатъ о похоронахъ, рассылаютъ приглашенія.

Плачущая вдова сидитъ въ своемъ кабинетѣ, окруженная дѣтьми и нѣсколькими избранными знакомыми. Съ печальной улыбкой снисходительно слушаетъ она ихъ утѣшенія и по временамъ ей кажется, что горе, постигшее ее, начинается какъ бы уменьшаться.

— Мама, мама, развѣ ты не напишешь Власевнѣ? спрашиваютъ дѣти.

— Друзья мои, отвѣчаетъ мать, — я вѣдь не знаю, гдѣ она? Да это, должно быть, такъ далеко отсюда, что она не успѣетъ пріѣхать.

— Кто эта Власевна? съ удивленіемъ спрашиваютъ окружающіе.

— Это его кормилица.

— Ахъ, мама, папаша такъ любилъ ее. Помнишь, когда онъ былъ совѣтъ, совѣтъ болѣнь, онъ все спрашивалъ: не пріѣхала-ли Власевна?

— Да, она всегда пріѣзжаетъ въ это время. Но я боюсь, она опоздаетъ...

Мысль о скорыхъ похоронахъ мужа вызываетъ слезы, она подноситъ къ глазамъ тонкій батистовый платокъ.

— Ахъ, если-бъ она пришла завтра, лепечутъ дѣти: — не плачь мама, она придетъ, непременно придетъ!..

И она пришла. Талантливый человѣкъ слишкомъ занятъ былъ своими сочиненіями, слишкомъ часто отдавался весь интересамъ своей общественной дѣятельности и въ коллоритѣ шумной артистической жизни подолгу забывалъ о кормилицѣ. Только передъ смертью, въ часы мучительныхъ страданій, подводя итоги своей жизни, онъ вспомнилъ о ней и пожелалъ ее видѣть. Но она помнила его, помнила каждый часъ, каждое мгновеніе. Въ глухой, далекой деревушкѣ, одинокая въ своей ветхой избенкѣ, сидя за прялкой и напрягая свое старческое зрѣніе, она мыслью уносилась въ шумную столицу и отдаленныя, туманныя картинны дѣтства ея милого Саши одна за другою мелькали передъ нею. И доброе, старое сердце билось безпрѣдѣльною материнскою любовью и тревожныя, заботливыя думы роились въ головѣ.

Но какъ только наступала весна, только что надъ залитымъ водою полемъ поднималась звонкая, трепещущая пѣсня жаворонка и журавли рѣзкими криками будили утренній прозрачный воздухъ, Власевнѣ уже не сидѣлось въ избушкѣ, плохо жужжало веретено въ ея рукахъ и все чаще и чаще выходила она на большую дорогу и, прикрываясь руками отъ солнца, подолгу смотрѣла по направленію къ столицѣ. И едва успѣвали просохнуть размытыя водой дороги, Власевна надѣвала котомку, зашнуровывала избушку и, усердно помолясь на все четыре стороны, пускалась въ дальнюю дорогу.

Она пришла... Истомленная и иззябшая, въ стоптанныхъ лаптяхъ и заплатанной сермягѣ, она пришла и увидѣла своего маленькаго Сашу — въ гробу, окруженномъ облаками ладоны. Священникъ читалъ молитвы, зала была наполнена родными и знакомыми, множествомъ важныхъ лицъ, украшенныхъ звѣздами и орденами.

Пришибленная, уничтоженная горемъ, не видя никого, кромѣ своего Саши, Власевна протолкалась сквозь толпу, приблизилась къ гробу и упала на грудь покойнаго. И слезы побѣжали по ея морщинистымъ, обветрившимся, заглубленнымъ щекамъ и горячими каплями падали на эту высохшую, изстрадавшуюся грудь.

III.

Печальный cortege тянется по главной улицѣ города. Мѣрно раскачиваются въ воздухѣ страусовыя перья балдахина, среди массы вѣнковъ и цвѣтовъ чуть виднѣтъ маленький гробъ композитора. Въ уваженіе къ таланту покойнаго множество военныхъ и статскихъ въ орденахъ шествуютъ за колесницей. Представители кружка меломановъ смѣшались съ корпораціей музыкантовъ, артистовъ, художниковъ и писателей. Все въ полномъ траурѣ, съ крепомъ на шляпахъ, живописно группируются въ «толпу» въ

почтительномъ отдаленіи отъ убитой горемъ вдовы, поддерживаемой двумя генералами въ широкихъ красныхъ лентахъ.

И тутъ же плетется Власевна. Въмѣсто сермяги на ней какой-то капоть, въ которомъ она путается, вмѣсто лаптей старыя барынины ботинки, жмущія ей ноги. Но нельзя же было пустить ее за гробомъ въ нарядѣ, въ которомъ она пришла изъ деревни. И безъ того щепетильный графъ Z морщится и косится на бѣдную Власевну, а извѣстные салонныя хлыщи князя X отпускаютъ на ея счетъ разныя шуточки. Но что ей за дѣло до всего этого. Развѣ она видитъ всѣхъ этихъ господъ? Развѣ она понимаетъ немѣстность своего присутствія? Только этотъ гробъ видитъ она съ лежащимъ въ немъ ея милымъ Сашей, да эту колесницу, увозящую навсегда единственно любимое, дорогое существо. И объ одномъ только думаетъ и жалѣетъ Власевна, что не ей пришлось закрыть глаза дорогому сыну, что не она приняла его послѣдній вздохъ...

Гробъ опустили въ могилу, забросали землею и покрыли насыпью множествомъ цвѣтовъ. Со вдовой дѣлается обморокъ, около нея собирается кучка родныхъ и знакомыхъ и все стараются привести ее въ чувство. И вотъ она открываетъ глаза, взглядомъ обводитъ окружающихъ, пожимаетъ нѣкоторымъ руки, благодаритъ за участіе. Ее доводятъ до ограды, заботливо сажаютъ въ карету. Дверцы хлопнули, карета покатила. Все группы идутъ къ своимъ экипажамъ. Послѣдній актъ драмы кончился, можно измѣнить выраженіе лицъ, вздохнуть свободнѣе, поговорить. И лица, за минуту передъ тѣмъ олицетворявшія грусть, самое трогательное участіе, принимаютъ обычное выраженіе.

— Какъ, баронесса, и вы почтили память нашего друга?

— Еще бы нѣтъ! Помните это скерцо, написанное покойнымъ для меня?

— Какъ же, помню! Прелестно, прелестно! Однако, вы утомлены, баронесса. Позвольте мнѣ отыскать вашу карету?

— О, какъ вы любезны!

— Смотрите же, не забудьте, сегодня у насъ собраніе, говорить полная, красивая дама своему элегантному кавалеру.

— Какъ можно забыть, ваше превосходительство, — дѣло прежде всего.

— То-то, смотрите же, я на васъ рассчитываю (лукавая, поощрительная улыбка скользитъ по хорошенькимъ губкамъ дамы), поступило прошеніе, будутъ горячіе дебаты. Я ужъ не знаю, какъ мы удовлетворимъ этихъ несчастныхъ!

Элегантный кавалеръ бормочетъ что-то о помощи божіей, дама насмѣшливо грозитъ ему пальчикомъ и садится въ карету...

Вдругъ страшный вопль и причитанья въ голосѣ поражаютъ слухъ отъѣзжающихъ. Князя X, состоящаго у всѣхъ на побѣгушкахъ, посылаютъ узнать причину. Князь молодежато поправляетъ въ глазу монокль и, помахивая тросточкой, идетъ разыскивать. Онъ приходитъ на свѣжую могилу композитора и видитъ этотъ уморительный капоть, распростертый на сырой землѣ.

Они уѣхали. Они забыли ее на могилѣ. Да и объ ней-ли было имъ думать? У всякаго есть свои думы, свои заботы, свое дѣло. Жизнь не даетъ много времени для размышленій и наблюденій. Колесо все катится и катится, оставляя за собою незамѣтно пройденный путь, и въ свою очередь докатится до могилы. А куда пусть мертвые хоронятъ мертвыхъ.

И Власевна долго еще голосила на могилѣ своего Саши. Только теплый, ласкающій вѣтеръ

теребилъ полы ея капота, только весеннія, золотыя облачка быстро чередовались надъ нею въ неизмѣримомъ голубомъ пространствѣ.

А кругомъ была та мертвая тишина, какая бываетъ только на кладбищахъ. Казалось, что все лежавшіе тутъ подъ крестами и памятниками спали глубокимъ сномъ и ихъ тяжелое дыханіе какъ бы слышалось надъ землею.

Причитанья Власевны вызвали стараго кладбищенскаго сторожа изъ его теплой сторожки. Онъ послушалъ по вѣтру, пылливо посмотрѣлъ во все стороны своими поделѣловатыми глазами и медленными шагами пошелъ на голосъ.

— Бабка, а бабка, ты что-жъ это на чужой-то могилѣ?

— Не на чужой я, батюшка старичекъ, а на своей.

— Какъ на своей, вишь господина схоронили.

— Это сыночекъ мой, старичекъ!

— Сынь?

— Родной мой сыночекъ, родной голубчикъ! Выкормила я его же-ла-а-ннаго!.. Только и радости-то было, что въ ѣмъ голубчикъ!.. Дитятко мое, сокровище мое неоцѣненное!.. На кого-то ты меня покинулъ теперь, старую...

Въ душной каморкѣ, куда привелъ ее сторожъ, Власевна рада была подѣлиться своимъ горемъ хотя съ этимъ, чуждымъ ей человѣкомъ.

— Охъ, старичекъ, старичекъ, покачивала она своей сѣдой головой, вотъ ужъ не сладка была жизнь голубчика моего. Вѣкъ-то свой одинъ-одиношенекъ такъ и прожилъ, хоть и много было народу около. Барыня-то, Богъ ей прости, не любила его сердечнаго. Все только гости, да гулянья, да балы, да обѣды. Все-то разныя новыя новости, да выдумки, да наряды и все-то все изъ его кармана. Измучили его, въ конецъ измучили, а онъ, голубчикъ, такой слабенькій былъ, худенькій. Бывало скажешь это ему жалѣючи: «родной ты мой, что тебѣ съ ними со всѣми, и безъ того ночи сидишь, исхудалъ, извелся совѣтъ, успокойся хоть Бога для, брось ты ихъ!» А онъ, сердечный, засмѣется только: «погоди, Власевна, успокоюсь, навсегда успокоюсь». Вотъ и успокоился! Охти-хти! Въ послѣднее-то время болѣнь сталъ, скучный такой сдѣлался, кажись, свѣтъ ему не милъ... А въ домѣ-то все пиры да банкеты, деньгамъ изводъ только. Каждый вечеръ господъ понаѣдетъ видимо-невидимо, какой ужъ тутъ покой! Онъ-то, сердечный, сидитъ играетъ, а гости слушаютъ, да потомъ хлопъ-хлопъ въ ладоши и хвалить начнутъ, и поздравлять, и листки эти самые на память просить. А все кто, все барыня ихъ наводила, барыня-то больше всего голубчика моего сокрушала. Нравъ-то у нихъ розный былъ. Онъ-то, желанный, все больше къ дому склонность имѣть, а она, фить-фить, по гостямъ и поѣхала! На наряды одни что денегъ выходило, — страсти! А начнетъ онъ ей резоны представлять, и-ихъ ты, Боже мой, какъ всполыхнется моя барыня, застучитъ, затопчетъ ногами и сейчасъ какъ бы это помретъ, обморокъ это у нихъ называется. Ну, онъ и сдается голубчикъ, сердечушко-то золотое у него было. А ей и на руку, — дѣлается, что хочетъ. А тутъ еще разныя слухи пехорошіе пошли, — заскучалъ мой родненькій пуще того... И такой онъ былъ, голубчикъ, что чуть что неладно, сейчасъ болѣзнь ему приключится. Такъ и извелся желанный!..

Власевна вспоминала дѣтскіе дни своего питомца, плакала и рассказывала, сторожъ пыталъ посогрѣйкой, сочувственно покачивая головой, а большой сѣрый котъ взобрался ему на плечо и терся, мурлыкая, о его сухую, морщинистую шею.

IV.

Весна промчалась, наступило жаркое благодатное лѣто. Пышно распустились густолиствен-

ныя деревья, сочная, густая трава переполнилась лазоревыми цвѣточками.

Весело щебечуть птицы на кладбищѣ, словно гимнъ поютъ надъ умершими. Вѣвны изъ живыхъ цвѣтовъ и иммортелей, положенные весною на могилу композитора, засохли и разсыпались, но пучекъ вербы, посаженный Власьевной, разросся въ порядочный кустикъ. И старуха чуть-ли не каждый день посѣщаетъ могилу питомца. Живя у вдовы, она мало беспокоитъ семью композитора. Рано утромъ, взявъ краюшку хлѣба, она выбирается тихонько изъ кухни и направляется за городъ. Она приходитъ на кладбище, когда восходящее солнце косыми лучами золотитъ макушки кладбищенской церкви и наводитъ на бѣлые кресты легкія, причудливыя тѣни. Расположившись у подножія огромнаго вяза, растущаго подлѣ могилы, она сидитъ неподвижно, но нѣсколько часовъ, понуривъ голову и беззвучно шевеля своими старческими, высохшими губами. Молитву-ли шепчетъ она или разговариваетъ съ покойнымъ, припоминая слова, которыя она говорила ему, ребенку, Богъ знаетъ, только когда уже солнце начинаетъ склоняться къ западу, длинныя тѣни пойдутъ отъ могилъ и крестовъ и воздухъ сдѣлается ароматно-влажнымъ, Власьевну можно видѣть на пыльной дорогѣ, ведущей отъ кладбища къ городу.

V.

Однажды, придя на могилку, она увидѣла людей, прибывшихъ раньше ея. Эти люди привезли съ собою глыбы сѣраго камня, предназначеннаго для сооружеія памятника композитору.

Весь тотъ день Власьевнѣ было не по себѣ. Она уже привыкла къ тишинѣ, къ торжественному безмолвію въ царствѣ мертвыхъ, привыкла къ неумолчному щебетанью птицъ, къ трещанью кузнечиковъ въ высокой, волнистой травѣ, къ жужжанью пчелъ.

Но въ этотъ день кладбище оглашалось рѣзкими, непривычными звуками: каменотесы стали обдѣлывать камни. Подъ ударами молотковъ, каменные брызги разлетались по сторонамъ и падали въ траву, звенящіе звуки ударовъ не смолкали до вечера.

Одинъ изъ рабочихъ заплѣлъ пѣсню. Малиновка, прилетавшая каждое утро на соседнюю могилу и распѣвавшая тамъ свои звонкія пѣсни, прилетѣла и теперь, нѣсколько разъ съ удивленіемъ повертѣла своей красивой головкой, какъ бы присматриваясь къ незнакомымъ людямъ, испорчула, улетѣла и не возвращалась болѣе.

Тяжелое чувство испытала въ тотъ день Власьевна. Камни были готовы, рабочіе принялись расчищать мѣсто. Одинъ изъ нихъ своей тяжелой ногой наступилъ на ея вербу, нагнулся и, выдернувъ ее, сильнымъ взмахомъ руки откинулъ въ сторону.

Тоскливо сжалось сердце бѣдной старухи, слезы крупными каплями выступили на глаза и далеко до заката солнца брела Власьевна домой.

VI.

Осенью, когда холодный вѣтеръ несъ съ сѣвера то дождь, то снѣгъ, не таявшій на обледѣвшихъ мостовыхъ города, — умерла Власьевна. Она умерла въ темномъ и тѣсномъ углу, въ которомъ пріютила ее вдова, умерла тихо, съ сознаниемъ, и послѣднее слово, вылетѣвшее изъ ея остывшей груди, — было воспоминаніе о Сашѣ.

Ее похоронили, гдѣ хоронятъ простыхъ, бѣдныхъ людей, далеко отъ церкви, около побурѣваго отъ непогоды, полуразвалившагося забора. На могилѣ поставили крестъ и забыли объ ней.

Забыли и о композиторѣ, на могилѣ котораго величественно возвышается громадный мраморный памятникъ съ полнымъ изображеніемъ талантливаго человѣка. На памятникѣ нѣтъ вѣсковъ и осенній, порывистый вѣтеръ раскачиваетъ чугунную рѣшетчатую дверь, которая

тоскливо визжитъ на своихъ проржавѣвшихъ петляхъ.

На расчищенной, убитой камнемъ площадкѣ памятника нѣтъ ни травинки, не видно ни малѣйшаго признака жизни: все мертво и холодно, какъ эта каменная глыба, подъ которую легъ человѣкъ, проявившій при жизни столько тепла, восторженнаго чувства. И тяжело, должно быть, лежать ему подъ этой тяжестью, придавившей его на вѣки!..

Зачѣмъ не положили его тамъ, подлѣ деревенской старухи, у развалившагося забора? Пришла бы вновь золотая весна и волнистой зеленой муравою покрыла бы его могилу. Выросла бы въ головахъ у него развѣсистая верба, въ вѣтвяхъ ея птицы распѣвали бы свои пѣсни и утомленный прохожій не разъ отдохнулъ бы подъ ея благодатной тѣнью, и, какъ знать, быть можетъ, память о талантливомъ человѣкѣ долѣе сохранилась бы въ сердцахъ людей?

Патеръ Грегоръ.

Психологическій очеркъ. Е. Вербера.

амать объ этомъ человѣкѣ горитъ во мнѣ, какъ спокойное, нѣмое, мрачное пламя. Иногда, днемъ и среди людей я не чувствую его, но ночью и въ одиночествѣ, оно становится жгучимъ. Патеръ Грегоръ, твой образъ стоитъ непоколебимымъ въ моемъ воспоминаніи. Пусть такъ и будетъ. Останься во мнѣ ты, человѣкъ пламени!

Патеръ Грегоръ былъ капуцинскій монахъ и я тоже. Нашъ монастырь, одинъ изъ древнѣйшихъ, висѣлъ на узкомъ, обросшемъ травой, склонѣ горной цѣпи, вышиной въ четыре тысячи футовъ.

Разростаясь, мало-по-малу, онъ, если смотрѣть изъ долины, представлялъ живописную картину. За высокой стѣной, подъ темной черепичной крышей, возвышалось бѣлое двухэтажное зданіе; несовсѣмъ посрединѣ, на стройной, темнокрасной башенкѣ маленькой часовни, блестѣлъ позолоченный шаръ и надъ нимъ крестъ. Сзади монастыря, круто подымалась горная цѣпь, такъ круто, что елки, полосами покрывающія ее, казалось, росли одна надъ другой. Прислонившись къ часовнѣ, но больше и выше ее, и безъ башенки, стояла церковь, бѣдныя украшенія ея были сдѣланы набожной рукой. Эта сторона монастыря не имѣла стѣны и церковь была открыта для каждого. Пройти къ обители можно было по двумъ крутымъ, каменнымъ тропинкамъ, сходящимся на круглой площадкѣ, гдѣ двухсотлѣтнее каштановое дерево, простирало свои вѣтви почти до входа въ самую церковь. Здѣсь находилась темная, низкая, деревянная калитка, въ маленькой крытой галереѣ съ шестью ступеньками; черезъ эту калитку былъ ходъ въ длинный, плитнякомъ выложенный коридоръ, коего окна смотрѣли въ садъ, простиравшійся почти до скалистой стѣны. Снѣгъ и дождь надѣлали глубокихъ рытвинъ на этой естественной границѣ. Лѣтомъ, послѣ сильныхъ грозъ, и въ особенности весной, когда солнце лобызало снѣгъ, и воды съ шумомъ катились и просачивались сквозь трещины гранитныхъ массъ.

Тогда-то, въ безсонныя ночи, слушалъ я изъ своей кельи многообразные голоса водъ, и они сливались съ тѣми голосами, которые, мало-помалу, поднимались со дна моей души и пугали меня.

Скалистая стѣна поднималась безформеннымъ гребнемъ и внизу ея торчали массы огромныхъ камней, которыя съ угрожающимъ видомъ смотрѣли на монастырь и на узкую долину. Одна изъ этихъ массъ, въ особенности притиснутая съ обѣихъ сторонъ двумя другими скалами, мощная, черная и надтреснутая, была похожа на пасть каменнаго чудовища.

Со стороны долины и съ правой стороны насъ окружали снѣговыя горы. Такъ огромны, такъ мощны стоятъ они, что, кажется, за ними конецъ міра. Стѣна выдвигается черная, зубчатая скала о пяти уступахъ и упрямо тѣснится къ долинѣ; рядомъ съ ней стремится горный ручей и съ шумомъ и ревомъ катитъ черныя волны свои по скалистымъ массамъ. Это ущелье всегда казалось мнѣ входомъ въ царство проклятій. Когда мнѣ долго случалось напряженно смотрѣть въ эту сторону — душа жаждала благодатной защитницы. У насъ въ монастырѣ была защитница — юная Матерь Божія. Она висѣла въ черной рамкѣ въ нашемъ коридорѣ между св. Францискомъ и апостоломъ Павломъ. Окна коридора находились въ нишѣ и скудный свѣтъ падалъ черезъ круглыя небольшія отверстія съ маленькими стеклами, соединенными между собой оловянными переплетами. Свѣта было немного, но немного его и нужно было для картины Богоматери, потому что она сама была вся свѣтъ и сіяніе.

Святая Марія переходила черезъ воду, и волны оставались спокойными подъ обаяніемъ смиреннаго сердца Маріи. Правой рукой придерживала она свое голубенькое платьице и розовыя ножки отражались въ водѣ; изъ-подъ блѣдно-алаго платка ниспадали ея прекрасныя золотисто-каштановыя волосы и надъ головкой ея парило нѣжное сіяніе святыхъ. Чело ея блистало кротостію, а на устахъ покоилась улыбка небесной любви. Марія шла, опутивъ взоры, и меня мучилъ вопросъ, какіе могли быть ея глаза: голубые, или черные. «Ахъ! если бы она хотя разъ приподняла вѣки, думалъ я.

Когда я поступилъ въ этотъ монастырь, філіальный главному, мнѣ было 26 лѣтъ, а капуциномъ я уже пробылъ 8 лѣтъ. Двѣнадцати поступилъ я въ духовную семинарію, а черезъ 6 лѣтъ, въ орденъ капуциновъ. Капуцины занимались молитвой, проповѣдью и исповѣдью, раздачей хлѣба бѣднымъ, посѣщеніемъ больныхъ и изученіемъ наукъ. Філіальный монастырь былъ трудной ступенью; часто ночью подъ снѣгомъ и дождемъ призывали патеровъ къ больнымъ и умирающимъ въ уединенныя хижины и хутора. Не всѣ могли переносить подобные труды и часто меня, молодого и здороваго, посылали вмѣсто заблѣвшаго патера. Всего насъ было 14 капуциновъ въ обители и должность пріора исправлялъ патеръ Грегоръ. Когда я въ первый разъ увидалъ его, дрожь прошла по всѣмъ моимъ нервамъ, но то была не дрожь боязни, а дрожь притягательной силы. Онъ производилъ впечатлѣніе не столько монаха, сколько человѣка, тяжело когда-то страдавшаго и имѣвшаго громадное самообладаніе. Его большіе, черные, глубоковпавшіе глаза имѣли такой пронизывающій взглядъ, какого я въ жизнь не видалъ. Патеръ Грегоръ медленно поднималъ глаза, когда съ нимъ говорили, но разъ поднявъ, онъ останавливалъ ихъ на говорящемъ, съ такою властью и такой огненной глубиной, что не всякій могъ ихъ переносить. Патеръ Грегоръ говорилъ мало, но то, что онъ говорилъ, было полно могущества и грустнаго величія. Онъ былъ средняго роста и сильно сложенъ, но спина согбенная. Голову держалъ онъ такъ, какъ чело-

вѣкъ, охотно думающій о смерти. Въ лицѣ его все было прекрасно и многозначительно, строеніе костей тонко, лобъ властительный, носъ благородной формы, губы полны и тверды, но какъ часто все это исчезало передъ могуществомъ его глазъ. Когда онъ слушалъ говорящаго, — а онъ умѣлъ слушать, — казалось, будто онъ слушаетъ не ухомъ, а глазами. Многія приказанія отдавалъ онъ не словомъ, но движеніемъ руки. Патеръ Грегоръ вступилъ въ орденъ капуциновъ на 35 году, а теперь ему шелъ 50, но его согбенность и сѣдѣющая борода дѣлали его на видъ старше его лѣтъ. Онъ не часто и не охотно проповѣдывалъ, за то былъ ревностнымъ духовникомъ и посѣтителемъ больныхъ. Когда въ полночь мы сходились въ часовню на молитву, патеръ Грегоръ былъ единственнымъ, на чьихъ чертахъ не были замѣтны слѣды сна, и при возвращеніи съ горъ, послѣ утомительной ходьбы, — его поступъ былъ, какъ и всегда, тверда и полна достоинства. Случалось, онъ читалъ по цѣлымъ днямъ, а иногда смотрѣлъ

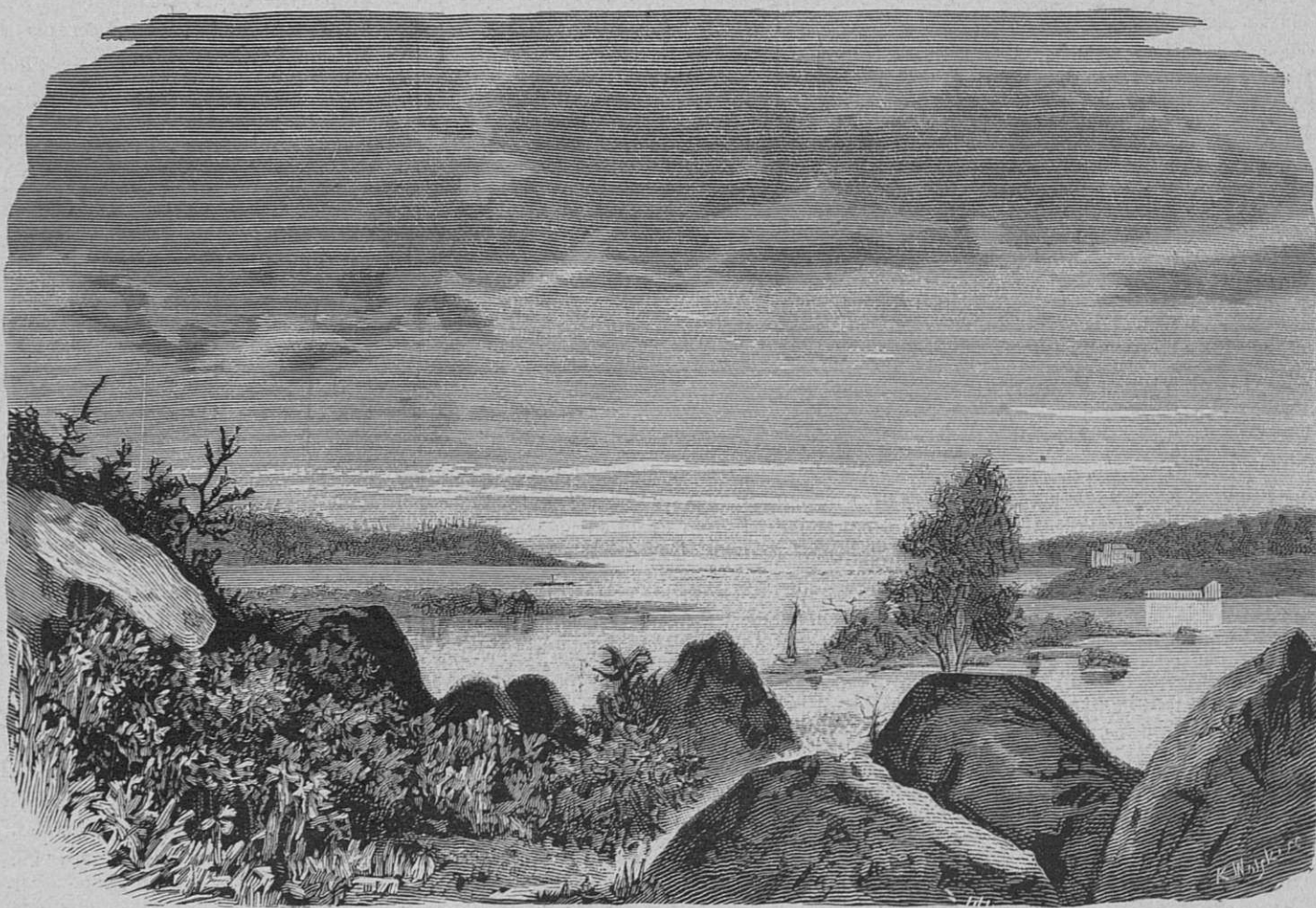
валъ тамъ — я это чувствовалъ. Молчаніе, наложенное на уста его, скрывало то, что именно онъ могъ тамъ видѣть и слышать, но не могло скрыть того, что онъ дѣйствительно тамъ былъ и что-то видѣлъ. Какъ бѣденъ былъ я въ моей неопытности! Что если небо въ сущности оказалось бы не такимъ, какимъ представляла его себѣ моя набожная душа; что если, въ упованіи на другую, лучшую жизнь, я упущу эту! Если міръ не былъ такимъ дурнымъ, какъ мнѣ о немъ сказали! Исповѣдуя, я всегда слышалъ такіе невинные грѣхи и такое искреннее раскаяніе. Вѣрно люди въ монастырскихъ стѣнахъ были не хуже тѣхъ, которые жили въ монастырѣ. Что если свои жизненные силы и жизнь свою расточалъ я ради мечты! О! еслибъ мнѣ случилось дойти до этого сознанія — я долженъ бы былъ сойти съ ума.

Мысли эти работали во мнѣ, какъ воды въ слояхъ камней, когда они ихъ разрыхляютъ. Тайное отчаяніе порою потрясало мое сердце и мрачная

его текла среди молитвы и благоуханій. Онъ возростилъ шпалерникъ изъ розъ въ 5 фут. вышины — свободно растущій, который проходилъ во всю длину сада, и когда, подъ вліяніемъ извѣстныхъ атмосферическихъ явленій, розы цѣлыми часами благоухали особенно сильно, онъ говорилъ: «розы молятся». Это поражало меня, но я ему не вѣрилъ. Благоуханіе розъ совершенно иначе проникало въ мои чувства. То не была молитва, а тихое опьяненіе. Патеръ Антонъ не былъ мной доволенъ. «У него жесткія руки и онъ причиняетъ боль цвѣтамъ», сказалъ онъ патеру Грегору. Тогда настоятель призвалъ меня къ себѣ. Въ то утро онъ видѣлъ меня предъ Маріей, идущей по водѣ, и, тихо положивъ мнѣ руку на плечо, спросилъ: «ты изучаешь живопись, патеръ Іозіасъ?»

Я ничего не отвѣтилъ ему; опутивъ глаза, пошелъ я въ ораторію (такъ называли мы свою часовню), гдѣ мнѣ надо было громко читать молитву. Но глаза мои отуманились; буквы въ молитвенникѣ были точно огненные, огонь пожиралъ

ИЗЪ ЖИВОПИСНОЙ РОССИИ.

Окрестности Выборга, по дорогѣ въ Саймскій каналъ

вдалѣ за горы, какимъ-то невыразимымъ взглядомъ, туда, гдѣ вершина скалистаго хребта выступала изъ сѣровъ черной или темнокрасной массой. Патеръ Грегоръ имѣлъ прошедшее, но никто его никогда не узналъ; глубоко схоронилъ онъ его въ душѣ. Должно быть, ужасно, когда встаютъ мертвецы! Я думаю, что въ душѣ патера Грегора они иногда вставали и пробовали его силы, потому что бывали дни, когда ниже клонилась его голова, потомъ онъ медленно поднималъ взоръ — и глаза его будто говорили: все погребено.

Я страдалъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какой-то тоской, тоской по неизвѣданномъ. Я ничего не видалъ въ мірѣ: то равнодушіе, съ которымъ я всегда слушалъ разговоры патеровъ о свѣтскихъ дѣлахъ, покинуло меня въ тотъ день, когда я впервые стоялъ предъ лицомъ патера Грегора. Громовая стрѣла ударила мнѣ въ душу. О! за этими горами, за которыми я никогда не переступалъ — вѣрно существовалъ рай, полный благоуханія, красокъ и музыки. Патеръ Грегоръ бы-

обстановка монастыря, вливала печаль въ мою душу. У капуциновъ нѣтъ ни органа, ни гѣны, никогда не слышалъ я иной музыки, кромѣ завыванія южнаго вѣтра, вырывающагося изъ ущелій и жиденькій звукъ нашего небольшого колокола отдавался уныніемъ въ моемъ сердцѣ.

Патеръ Грегоръ замѣчалъ, что что то во мнѣ происходило, хотя онъ и не оказывалъ мнѣ особеннаго участія, однако, часто глаза его останавливались на мнѣ взоромъ полнымъ пониманія. Когда ему случалось давать мнѣ какое-нибудь порученіе, мнѣ казалось, будто глубокий голосъ его звучалъ мягче, нежели при обращеніи его съ другими монахами, и однажды онъ сказалъ мнѣ:

— Патеръ Іозіасъ, я думаю, что ты слишкомъ много сидишь надъ книгами и вдумываешься въ нихъ! Я хочу дать тебѣ другое занятіе: начини помогать патеру Антону въ его садовой работѣ. Потомъ онъ подаль мнѣ руку и пожалъ мою: пожатіе это говорило: я понимаю тебя. Патеръ Антонъ былъ счастливѣйшій изъ всѣхъ капуциновъ. Онъ любилъ цвѣты, какъ отецъ своихъ дѣтей, и жизнь

мой мозгъ; руки оледѣли и обезсилѣли и голосъ пропалъ.

— Патеръ Іозіасъ, ты себя дурно чувствуешь; ступай въ свою келью, сказалъ патеръ Грегоръ.

Шатаясь, поднялся я на лѣстницу и въ кельи своей бросился на полъ.

«Горе мнѣ возопило что-то внутри меня, я потерялъ. Въ чей я власти? Ангелы, которымъ я пересталъ вѣрить, помогите мнѣ! Марія, идущая по водѣ, возьми меня за руку, чтобъ я не утонулъ! Подними на меня взоры и уничтожь меня молніей небеснаго гнѣва! Отними сладость отъ устъ Твоихъ, она отравляетъ меня!»

Судорога въ груди поглотила избытокъ душевнаго страданія, я всталъ и растворилъ окно. Горы были какъ бы овѣяны блѣдно-золотыми, ароматными испареніями, ихъ ужасы смягчены, ихъ рѣзкія формы подернуты покрываломъ. Мнѣ стало легче. Мое сердце смягчилось и я могъ плакать. О, слезы, благодѣтельныя разрывательницы мученія! Когда я послѣ обѣда вошелъ въ келью патера Грегора, онъ, полный думъ, стоялъ у окна-

Я чувствовалъ, что наступилъ часъ, въ который мнѣ падо было высказаться передъ нимъ, и былъ доволенъ.

— Ты страдаешь, патеръ Іозіасъ? спросилъ онъ тономъ участія.

— Да, я страдаю.

— Чѣмъ же страдаешь ты?

— Болью, которая названія не имѣетъ.

Патеръ Грегоръ, не поднимая глазъ, провелъ рукой по бородѣ.

— То не тѣлесная боль? не правда-ли? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, патеръ Грегоръ. Я болѣнъ духомъ.

— Съ какихъ поръ?

— Простите ту смѣлость, съ которой я отвѣчу вамъ. Я болѣнъ съ тѣхъ поръ, какъ васъ увидѣлъ.

Настоятель нѣкоторое время молчалъ, потомъ сказалъ:

— Объясни мнѣ это.

— Вы пробудили человѣка въ монахѣ.

— Я не помню, чтобы я когда-нибудь говорилъ съ тобой болѣе, нежели съ другими патерами.

— Правда, вы это-го не дѣлали, но вы могущественны, даже когда молчите. Что-то особенное разлито во всемъ существѣ вашемъ, что-то такое, чего не имѣютъ другіе монахи; патеръ Грегоръ, я чувствую, что вы тамъ, внѣ стѣнъ монастыря, наслаждались жизнью всей полнотой вашихъ силъ. Это-то повело меня къ размышленію, вселило сомнѣніе въ мое призваніе монаха и породило въ сердцѣ моемъ пламенное стремленіе къ земному раю, который для меня затворенъ.

— Земной рай, кротко возразилъ онъ, патеръ Іозіасъ, можешь-ли ты опредѣлить мнѣ, что ты представляешь себѣ подъ этимъ именемъ?

— Противоположность монастыря.

— Ты откровенный монахъ, патеръ Іозіасъ. Слѣдовательно, одно изъ твоихъ представлений о раѣ есть, напимѣръ, свобода дѣйствій?

— Да.

— И еще: духовная свобода?

— Да.

— Потомъ: общеніе съ людьми, удовольствія, путешествія, суета, изящныя манеры, искусство, друзья и — женщина? У тебя уже не хватаетъ духа отвѣтить: да?

Я молчалъ.

Настоятель раза два прошелся по комнатѣ, затѣмъ онъ остановился передо мной и спросилъ.

— Ты честолюбивъ?

— Не знаю.

— Испытай себя: если бы ты былъ увѣренъ, что когда-нибудь будешь настоятелемъ, человѣкомъ силы и могущества, у котораго въ рукахъ много нитей и который могъ бы создать много великаго для блага людей и процвѣтанія церкви, удовлетворилъ-ли бы тебя тогда монастырь?

— Но сердце мое, мое сердце! воскликнулъ я.

— Твое сердце? Тебѣ дозволено любить все человѣчество. Неужели же сердцу твоему недостаточно любить всѣхъ людей?

— Патеръ Грегоръ, что же я получу отъ нихъ за это?

— А! Ты требуешь взаимности. Если больной, которому ты оказалъ помощь, котораго подкрѣ-

Я молчалъ и онъ продолжалъ:

— Всмотрись въ меня, видишь-ли, что сдѣлалъ изъ меня рай, къ которому ты стремишься. Я скажу тебѣ, что можно найти въ томъ раю: страданіе, страданіе, страданіе!

— Но здѣсь я тоже страдаю! Здѣсь я одинокъ.

— И ты воображаешь, что тамъ не будешь одинокимъ? Чѣмъ сильнѣе ты будешь чувствовать, чѣмъ глубже вдумываться, тѣмъ болѣе будешь одинокимъ!

— А друзья? семейство?

— Друзья! сказалъ настоятель съ горечью. — Друзья — это вампиры, которые высасываютъ кровь до послѣдней капли и, когда у тебя ничего больше не останется и дать имъ будетъ нечего, они бросятъ тебя нищимъ и убогимъ у дороги. Семейство? Ты подразумеваешь жену и дѣтей? — Ихъ у меня никогда не было.

— И нѣтъ въ васъ стремленія имѣть ихъ?

— Патеръ Іозіасъ, въ монастырѣ можно получить все, что тамъ имѣется, въ мірѣ же много такого, чего получить нельзя.

Онъ подошелъ къ окну.

— Подойди, тихо сказалъ онъ и указалъ на горы, туда вдаль за горы рвутся твои мечты, не правда-ли?

— Да, отвѣтилъ я, вздохнувъ.

— Такъ бѣги! по помни одно: въ мірѣ процвѣтаетъ лишь зло, или посредственность, возвышенный же человѣкъ или избранныкъ страдаетъ. Какъ будто въ горячкѣ стапелъ неудержимо тянуть тебя къ дружбѣ и къ любви; но будь мудръ! Раздѣли потокъ своихъ чувствъ на многіе, мелкіе ручьи, сегодня отдай малую часть своего сердца, завтра другую, но никогда всего сердца за-разъ. Это для того, чтобы ты, когда не-пробуешь всѣхъ наслажденій и вдругъ пробудишься отъ опьяненія больнымъ, ни-

щимъ и окажешься въ пустынѣ — ты могъ бы сказать: я вѣдь никогда ничего серьезнаго и не желалъ.

— Я не понимаю васъ, патеръ Грегоръ.

Онъ постотрѣлъ на меня и его взглядъ меня смутилъ.

— Есть люди, сказалъ онъ, которые ничего не дѣлаютъ на половину; у нихъ цѣльныя мысли, цѣльное слово и цѣльное сердце. Надо бы думать, что подобнымъ людямъ должно все удаваться, не правда-ли? Но имъ рѣдко что удается. Ихъ сажаетъ на мель разбѣнность другихъ. Кто мало ставитъ на карту, мало и проигрываетъ; а кто все ставитъ — все и теряетъ. Если ты такой че-

ИЗЪ ЖИВОПИСНОЙ РОССИИ.

Выборгъ.

Цейхгаузъ и лавки для хлѣбной торговли.

пилъ словомъ утѣшенія, поцѣлуешь твою руку и благословитъ тебя, то тебѣ этого не достаточно? Ты хочешь, чтобы онъ любилъ тебя больше, чѣмъ другихъ, ты хочешь, чтобы онъ ступалъ свое я для тебя, такъ же какъ ты ступалъ для него. Ты думаешь, что тамъ, въ мірѣ, не безвозмездно любятъ! Ты думаешь, что каждое чувство тамъ находитъ взаимность, каждое доказательство любви — признательность. Патеръ Іозіасъ, ты еще ничего не знаешь о жизни. Ты молодъ и жаждешь... жаждешь наслажденій! Я понимаю это. Но ты знаешь, ты далъ обѣтъ на жизнь и смерть, и только бѣгство, избавитъ тебя отъ монастыря.

ловѣкъ, то оставайся жажущимъ и не пробуй утолить жажду! Каждый человѣкъ, который думаетъ и чувствуетъ—страдаетъ, гдѣ бы онъ ни былъ. Но здѣсь страдаютъ менѣе; страдаютъ тише, нежели тамъ, въ мірѣ.

— Патеръ Грегоръ, развѣ земной рай не такой, какимъ его представляетъ себѣ молодой затворникъ-монахъ?

— Земного рая вовсе не существуетъ, патеръ Іозіасъ. — Ты знаешь, что въ пустынѣ есть миражи, которые страннику кажутся дѣйствительностью, такіе миражи называются фата-моргана. Твой земной рай и есть фата-моргана. Имъ наслаждаются, но лишь желаніемъ, въ грезахъ, а не въ дѣйствительности!

— Простите мнѣ еще вопросъ, отецъ пріоръ! Любовь тоже фата-моргана?

— Прекраснѣйшая и ужаснѣйшая изъ всѣхъ. У нея кроткій ликъ, волшебныя, пламенные очи и они выпиваютъ душу твою до дна.

— Но есть же высокая, благородная любовь?

— Патеръ Іозіасъ, эфиръ воспламеняется и становится душой отъ дыханія божества; безсмертная сторона человѣка всходитъ и растетъ, когда его коснется возвышенная любовь. Но тогда-то и являются страданія! Высшее и лучшее не созрѣваетъ на землѣ, оттого-то не удается и возвышенная любовь. Являются злые люди, болѣзни, несчастные случаи всякаго рода — и гасятъ ее. Поэты говорятъ, что любовь сильнѣе смерти; это знаютъ только тѣ, которые умерли и вновь воскресли.

— Твердо-ли вы вѣрите въ воскресеніе?

— Монахъ! что ты осмѣливаешься спрашивать? Какая польза тебѣ въ томъ, вѣрю я или не вѣрю? Если ты силенъ — иди свободно; если слабъ — бери посохъ и опирайся на него! Если недостаточно тебѣ этой жизни — надѣйся на другую! Онъ скрестилъ руки и черезъ минуту спросилъ:

— Что ты намѣренъ дѣлать? бѣжать, или остаться?

— Я хочу испытать себя.

— А! ты въ нерѣшительности.

— Дайте мнѣ время.

— Сколько хочешь.

Я сдѣлалъ движеніе, чтобы удалиться, но онъ взялъ меня за руку.

— Подымай иногда взоры туда, къ тѣмъ одинокимъ высямъ, гдѣ орлы вьютъ свои гнѣзда, и потомъ опусти ихъ на долину, гдѣ воробьи и куры роются въ тучной почвѣ и клювомъ и ногтями сеоряты другъ съ другомъ изъ-за червяка, и задай себѣ вопросъ: чѣмъ предпочиталъ бы ты быть: воробьемъ или орломъ!

— Патеръ Грегоръ, вчера, ночью, возвратясь въ келью, послѣ вечерней молитвы, увидалъ я на небѣ звѣзду, какую никогда еще не видывалъ. У нея были огненные лучи, иные зеленоватые и холодные, какъ сталь, другіе горячіе и яркіе, какъ пламя. Вы—подобная звѣзда! О, скажите же мнѣ, какъ пришли вы къ рѣшенію сдѣлаться капуциномъ?

Онъ протянулъ руки впередъ, взялся за подоконникъ и сказалъ, вперяя вдаль свой непостижимо глубокий взоръ:

— Однажды, ночью, когда отвращеніе охватило меня, я покинулъ городъ, въ которомъ жилъ долгое время. Густой туманъ спускался и скрывалъ дорогу, по которой я шелъ. Позади меня мерцали праздничные огни, передо мною зіяла темная ночь. Голова моя горѣла, въ ней все перепуталось; сердцу было холодно, оно устало и я шелъ безъ цѣли, безъ надежды. Я думалъ только одно: идти все впередъ, пока силы не сломаются; одно изъ двухъ: или умру, или все выяснится внутри меня. И такъ я шелъ, мало отдыхая, семь дней и семь ночей. Наконецъ, на седьмую ночь я изнемогъ. Когда я снова пришелъ въ себя, я

оказался въ этой долинѣ; божіе солнце воспламенило зубчатыя вершины горъ. Надо мной парило облако въ зеленовато-голубомъ небѣ. Въ этомъ облакѣ было глубокое, воронкообразное отверстіе, изъ него золото и пламя било ключемъ, а противъ меня, будто въ благоуханіяхъ, мерцалъ монастырь. Орелъ съ дикимъ крикомъ влетѣлъ въ воронку этого облака и затѣмъ начался кроткій благовѣстъ монастырскаго колокола. Мнѣ почудилось, будто при этомъ звукѣ улеглись всѣ мои мученія. Сострадательный голосъ коснулся моего слуха: — «Поѣшьте хлѣба и глотните молочка!» И я увидалъ крестьянку; она стояла на колѣняхъ возлѣ меня и подавала мнѣ кринку съ молокомъ; я выпилъ молока и съѣлъ немного хлѣба. — Какой это монастырь наверху, спросилъ я ее. — «Монастырь капуциновъ. Трудная жизнь монаха въ здѣшнихъ горахъ. Они дѣлаютъ много добра бѣднымъ и больнымъ». Женщина, положивъ около меня кусокъ хлѣба, ушла, я же заснулъ и проснулся лишь при благовѣстѣ къ вечерней молитвѣ. Тогда я всталъ и увидалъ горную стѣну, отдѣляющую долину отъ всего остального міра, и почувствовалъ себя сильнымъ. Снова взглянувъ на монастырь, я ощутилъ будто грудь моя и руки сдѣлались стальными! Тамъ хочу я ожидать смерти, сказалъ я себѣ, и твердыми шагами направился къ монастырю, подымаясь по крутизнамъ. Я остановился около каштановаго дерева и по ту сторону горъ бросилъ міру свое презрѣніе. «Прощайте вы, суетные, воскликнулъ я, вы, подозрительные, мелкіе и ничтожные; вы, высокомерные завистники, низкіе клеветники; вы, невѣрные, ненавистники и враги, лишенные достоинства и мужества! Теперь я освобожденъ отъ васъ. Вы не достанете высоко парящаго орла!» И такъ... заключилъ онъ тихо, и такъ я сталъ капуциномъ.

— Обрѣли-ли вы здѣсь покой, патеръ Грегоръ? спросилъ я робко.

Онъ своими огненными глазами глянулъ глубоко въ любопытствующую мою душу и отвѣтилъ: — Я искалъ уединенія и обрѣлъ его здѣсь.

— Патеръ Грегоръ, сталъ просить я, дайте мнѣ трудную работу, которая утомила бы меня.

Онъ снова провелъ рукой по бородѣ и сказалъ:

— Вода постоянно просачивается вдоль задней скалы, вырой во всю длину садовой стѣны ровъ, чтобы вода не застаивалась и стекала бы свободно. Да не изучай живописи такъ пристально. Теперь ступай, патеръ Іозіасъ, и если случится снова попасть въ душевную невзгуду — скажи мнѣ.

— Какъ мнѣ благодарить васъ за вашу доброту, патеръ Грегоръ.

— Я ничего не дѣлаю изъ-за благодарности, патеръ Іозіасъ, но если ты дѣйствительно питаешь ко мнѣ чувства признательности, то вырази ихъ тѣмъ, чтобы меня больше никогда не разспрашивать о моей жизни и о душѣ моей.

Затѣмъ онъ отпустилъ меня нѣмымъ поклономъ.

Я точно во снѣ поднялся въ свою келью. Солнце садилось за тучи и туманъ медленно окутывалъ горныя вершины; подошли сумерки, а съ ними и вечерняя молитва. Когда я вошелъ въ часовню, монахи уже были въ сборѣ.

— Патеръ Іозіасъ, можешь-ли ты теперь творить молитву? спросилъ пріоръ. Я открылъ книгу и началъ читать; онъ самъ говорилъ отвѣтные строфы; голосъ его звучалъ еще глубже и полнѣе укрѣплялъ мою душу; я взглянулъ на него—его лицо было блѣднѣе обыкновеннаго, но то не была слабость. Поднявшись съ мѣста, онъ былъ тѣмъ мужемъ, передъ которымъ монахи опускаютъ взоры.

(Продолженіе будетъ.)

Кантъ и его мнѣніе о женщинахъ.

лишкомъ сто лѣтъ тому назадъ, въ извѣстный часъ послѣ обѣда, по улицамъ города Кёнигсберга ежедневно прогуливался человѣкъ очень скромной наружности. Эту прогулку онъ совершалъ съ такой неизмѣнной точностью, что горожане повѣряли по ней свои часы; мѣстные нищіе еще раньше подмѣтили какъ акуратность, такъ и щедрость господина, выходившаго гулять всегда въ одно и тоже время. Всѣхъ ихъ онъ одѣлалъ милостыней, и они толпами стекались, на такъ называемую «дамбу философовъ» и, наконецъ, до того надоели ему, что онъ вынужденъ былъ измѣнить свой маршрутъ.

Что же это была за личность, появленіе которой на кёнигсбергскихъ улицахъ привлекало къ себѣ вниманіе всѣхъ обывателей города? Это былъ Имануилъ Кантъ, величайшій изъ германскихъ философовъ, заслужившій славу въ исторіи наукъ и, преимущественно, въ исторіи нѣмецкой философіи.

Кантъ обладалъ умомъ глубокимъ, обширнымъ и въ высшей степени оригинальнымъ; память у него была громадная, воображеніе необыкновенно богатое, сила его анализа была такъ могуча, что онъ не только отдавалъ себѣ совершенно ясный отчетъ въ своихъ собственныхъ идеяхъ, но даже въ разговорѣ съ другими, умѣлъ тотчасъ угадать, что именно вполнѣ усвоено его собесѣдниками и что знакомо имъ лишь поверхностно. Лекціи его, преимущественно логики, отличались поразительной ясностью; избравъ предметомъ публичнаго чтенія какойнибудь нравственный, или богословскій вопросъ, Кантъ изъ философа превращался въ пламеннаго, краснорѣчиваго оратора. «Сколько разъ, говоритъ его біографъ Яхманъ, онъ насъ разстрогивалъ до слезъ! какъ онъ умѣлъ волновать наши сердца! какъ умѣлъ возвышать наши души и заставлять сознавать необходимость безусловнаго подчиненія законамъ нравственности! Намъ часто казалось во время лекцій, что этотъ мудрецъ—вдохновенный пророкъ,—такъ неотразимо дѣйствовалъ онъ на своихъ многочисленныхъ слушателей. Можно положительно сказать, что во всей его аудиторіи не было ни одного человѣка, который не сдѣлался бы лучше подъ влияніемъ его нравственныхъ лекцій». Кантъ поучалъ какъ словомъ, такъ и дѣломъ; вся его жизнь могла служить образцомъ добродѣтели. Готовясь къ смерти, онъ сказалъ, что спокойно предстанетъ предъ Богомъ, будучи твердо убѣжденъ, что во всю свою жизнь умышленно не сдѣлалъ никому зла. Онъ умеръ 80 лѣтъ и никогда не былъ женатъ; въ лучшей, по изложенію и по задушевности тона, біографіи Канта, составленной Куно Фишеромъ, замѣчается поползновеніе приписать великому философу нѣкоторыя черты чудака—холостика. Но это несправедливо; если Кантъ не женился, то не вслѣдствіе пренебреженія къ браку или скрытой меланхоліи; напротивъ, онъ очень любилъ женское общество, охотно разговаривалъ съ дамами и умѣлъ цѣнить красоту, хотя никогда не поддавался сердечнымъ увлеченіямъ; если же онъ остался холостымъ, то причиной тому была бѣдность въ молодые года, а послѣ, когда онъ разбогатѣлъ, то, по собственному выраженію, ужъ негодился для брака. Судя по тому, какъ онъ хорошо устроилъ свое домашнее хозяйство подъ старость, съ какимъ радушіемъ ежедневно угощалъ у себя нѣсколькихъ друзей за обѣдомъ, можно догадываться, что онъ до конца дней чувствовалъ потребность въ семейномъ кругу.

Есть много поводовъ предполагать, что строгая, почти педантическая акуратность въ до-

машинѣ быту, слабое здоровье, требовавшее абсолютнаго покоя и, наконецъ, слишкомъ серьезные умственные занятія, возможны только при невозмутимой тишинѣ, — все это способствовало тому, что Кантъ боялся внести чуждый элементъ въ свою жизнь. На бракъ вообще онъ смотрѣлъ, какъ на естественную потребность человѣка, но терпѣть не могъ, когда его самого сватали; разъ даже онъ не на шутку разсердился и уѣхалъ изъ гостей послѣ того, какъ одинъ изъ присутствующихъ позволилъ себѣ прямо заговорить съ нимъ въ этомъ смыслѣ.

Изъ біографіи Канта, написанной Францомъ Шубертомъ, мы видимъ, что нѣкоторые женщины имѣли огромное вліяніе на складъ характера и на всю жизнь этого философа; во главѣ ихъ стоитъ его мать Анна Регина, рожденная Рейтеръ. «Я никогда не забуду своей матери, говорить самъ Кантъ, потому что она насадила и воспитала во мнѣ первый ростокъ добра, открыла мое сердце впечатлѣніямъ природы, пробудила мои понятія и расширила ихъ кругъ, ея наставленія имѣли спасительное вліяніе на всю мою жизнь». Анна Регина Кантъ, была женщина мало образованная и даже не блестящихъ способностей; но она обладала необыкновенною женственностью и такимъ умственнымъ чутьемъ, что, не имѣя никакихъ научныхъ свѣдѣній, она умѣла, все время ежедневныхъ прогулокъ съ малюткой сыномъ, объяснять ему всевозможныя явленія природы, и тѣмъ пробудила въ немъ любовь къ прекрасному и жажду знанія. Пietetически-религіозное настроеніе матери не прошло безслѣдно для сына; свободный мыслитель, творецъ «Критики чистаго разума», выработалъ въ себѣ всѣ необходимыя качества, чтобы сдѣлаться не только отличнымъ педагогомъ, но и благочестивымъ наставникомъ. Мать Канта была также причиной того, что юноша сынъ, при поступленіи въ университетъ, унесъ въ душѣ самый чистый и свѣтлый образъ женщины, вследствие чего, онъ съ неподдѣльнымъ, глубокимъ уваженіемъ относился всегда къ женскому полу.

Но такая безхитростная система воспитанія, и вліяніе женщины, жившей болѣе сердцемъ, чѣмъ умомъ, притомъ не получившей ни малѣйшаго свѣтскаго образованія, не могли бы никогда выработать изъ Канта того тонкаго и вѣрнаго наблюдателя женщинъ, какимъ онъ высказался впоследствии въ своихъ сочиненіяхъ. Очевидно, что для этого потребовались другого рода вліянія, именно, женщинъ лучшаго круга, личностей высокообразованныхъ. Такъ оно и было. Втеченіи 9 лѣтъ, съ 1746 по 1755 г., Кантъ жилъ, въ качествѣ домашняго учителя, въ разныхъ богатыхъ помѣстьяхъ въ окрестностяхъ Кёнигсберга. Сначала онъ поступилъ къ барону фон-Хюльзену, сыновья котораго продолжали учиться у Канта и послѣ того, какъ онъ занялъ кафедру въ университетѣ. Замѣчательно то, что эти воспитанники Канта были одними изъ первыхъ прусскихъ помѣщиковъ, отказавшихся отъ крѣпостнаго права надъ своими крестьянами. Затѣмъ, онъ перешелъ въ домъ графа Кейзерлинга. Это мѣсто имѣло особенно благоприятное вліяніе на развитіе его; такія женщины, какъ графиня Кейзерлингъ, представляютъ рѣдкое явленіе; прекрасная собой, умная, блестяще образованная, обладательница громаднаго состоянія, она играла первую роль въ высшемъ кругу кёнигсбергскаго общества и давала ему тонъ. Незамѣтно, съ необычайнымъ тактомъ, она и все ея семейство, сумѣли втянуть Канта въ свой оборотъ, тѣсный кружокъ и произвести въ характерѣ этого врага какихъ бы то ни было стѣсненій и свѣтскихъ требованій такой рѣзкій переворотъ, что впоследствии, онъ самъ уже старался выработать въ себѣ изящество манеръ и иной складъ рѣчи, чтобы ничѣмъ не отличаться

отъ окружавшей его аристократической среды. Долгимъ пребываніемъ въ домѣ Кейзерлинговъ можно отчасти объяснить развитіе въ Кантѣ изумительнаго таланта одинаково увлекательно передавать самыя простыя, обыденныя вещи и самыя серьезные вопросы изъ области литературы и науки; онъ такъ ясно и удобопонятно излагалъ ихъ, что приковывалъ къ своимъ словамъ вниманіе даже людей малоразвитыхъ. Вращаясь долго въ самомъ избранномъ обществѣ, Кантъ сдѣлался утонченно вѣжливымъ кавалеромъ.

Нельзя умолчать и еще объ одной семьѣ, гдѣ женщина имѣла также смягчающее вліяніе на глубокаго мыслителя. Жена старшаго лѣсничаго кёнигсбергскаго округа, фрау Вобезеръ, и мужъ ея, оба честные и образованные люди, сумѣли поставить на такую ногу свой домъ, что онъ сдѣлался любимымъ мѣстомъ сборища кёнигсбергскихъ ученыхъ, и въ томъ числѣ Канта. Здѣсь послѣдній научился отъ опытной хозяйки искусству соединять съ самой скромной обстановкой комфортъ и изящество вкуса. Куно Фишеръ пишетъ, что никто лучше Канта, не умѣлъ придать такъ много живого интереса вопросамъ домашняго хозяйства, о которомъ онъ особенно любилъ говорить съ молодыми женщинами.

Кантъ былъ вообще неохотникъ до переписки, поэтому уцѣлѣли только два письма его, адресованныя къ женщинамъ. Въ первомъ письмѣ къ фрейлинѣ Кноблаухъ, онъ высказываетъ свой взглядъ на ясновидца Сведенборга; другое письмо къ фрау фон-Функъ заключаетъ въ себѣ безподобное, утѣшительное назиданіе по поводу смерти ея сына, одного изъ любимѣйшихъ учениковъ Канта.

Кромѣ этихъ двухъ писемъ, у Канта есть сочиненіе, вполне выясняющее его взглядъ на женщинъ и его мнѣніе о нихъ, оно озаглавлено: «Мысли о возвышенномъ и прекрасномъ» и написано во время пребыванія на дачѣ у лѣсничаго Вобезера. Наслаждаясь лѣтними вакаціонными мѣсяцами, въ 1769 г., и живя въ кругу радушныхъ, умныхъ хозяевъ, Кантъ съ увлеченіемъ разрабатывалъ выбранную имъ тему, вотъ почему и самое изложеніе такого серьезнаго труда, носитъ на себѣ печать художественности; обороты рѣчи изящны, мысли подчасъ гениальны; философская терминологія упрощена до нельзя и вполне доступна даже непосвященнымъ въ эту науку людямъ. Кантъ говоритъ, что мужчина долженъ быть олицетвореніемъ благородно-возвышенныхъ чувствъ, а женщина олицетвореніемъ всего прекраснаго. Относительно характера обоихъ половъ, Кантъ утверждаетъ, что одно изъ рѣзкихъ различій между ними, заключается въ томъ, что въ женщинѣ, гораздо ранѣе развивается любовь къ изящному и къ блеску; дѣвочки съ малыхъ лѣтъ охотно рядятся и очень довольны, когда ихъ красиво одѣнутъ; онѣ опрятнѣе мальчиковъ, по причинѣ крайней воспримчивости ко всему тому, что возбуждаетъ физическое отвращеніе; онѣ очень любятъ смѣяться, шутить и дольше сохраняютъ наклонность интересоваться пріятными пустяками, тогда какъ мальчики ранѣе становятся серьезными. За то молодая дѣвушка рано начинаетъ понимать приличіе и инстинктивно чувствуетъ, какъ надо держать себя въ обществѣ, умѣетъ владѣть собой и рѣдко проговорится; юноша же въ этомъ возрастѣ почти всегда необузданъ, неуклюжъ и страшно застѣнчивъ.

По мнѣнію Канта, женщины надѣлены совершенно одинаковымъ количествомъ ума съ мужчинами, съ тою только разницею, что у первыхъ умъ болѣе блестящъ, а у вторыхъ — болѣе глубоокъ. Имѣя въ виду такое свойство женскаго ума, Кантъ совѣтуетъ налегать сначала на развитіе нравственныхъ чувствъ въ молодой дѣвушкѣ, а затѣмъ уже развивать ея голову. Онъ

находитъ, что мужчины, стараясь развивать умъ женщины въ ущербъ ея сердцу, наносятъ ей вредъ, потому что истинное ея призваніе не мудрствованіе, а чувство.

Въ нравственныхъ качествахъ обоихъ половъ, Кантъ находитъ слѣдующее различіе: добродѣтель въ женщинѣ прекрасна, добродѣтель въ мужчинѣ благородна; женщина избѣгаетъ зла часто не по принципу, а потому, что оно внушаетъ ей отвращеніе; точно также добродѣтель въ ея глазахъ потому хороша, что она есть нравственная красота. Для женщины тягостнѣе всего то, что обязательно; она ничего не любитъ дѣлать по принужденію, потому что это такъ должно. Кантъ изъ своихъ собственныхъ наблюденій вывелъ заключеніе, что женскому свободному уму нестерпимы всякаго рода приказанія и стѣсненія; женщина любитъ дѣлать только то, къ чему сама чувствуетъ склонность, что ей нравится. Искусство воспитателей состоитъ въ томъ, чтобы заставить ее полюбить то, что хорошо.

Оскорбленія, несчастія одинаково вызываютъ въ ея нѣжной душѣ скорбь, выражаемую слезами; у мужчины же слезы горести или счастья служатъ признакомъ недостатка характера и физической слабости. Снисходительность Канта къ женщинамъ доходитъ до того, что онъ даже извиняетъ кокетство и суетность, проявляющіяся у нихъ въ чрезмѣрной склонности къ щегольству, находя, что то и другое придаютъ особенную прелесть наружнымъ достоинствамъ женщинъ. Опрятность, стыдливая скромность, враждебное цѣломудріе и любовь къ порядку ставятся Кантомъ очень высоко при изчисленіи женскихъ добродѣтелей; затѣмъ, онъ съ увлеченіемъ говоритъ о способности женщинъ быть пріятными, веселыми и остроумными хозяйками дома, чего рѣдко достигаютъ мужчины. Даже перейдя границу молодости, прибавляетъ онъ, женщина не теряетъ своего обаянія; она становится центромъ семьи, печется о всѣхъ окружающихъ, руководитъ удовольствіями молодежи, развлекаетъ стариковъ, соображается со вкусами и желаніями каждаго, совершенно забывая о себѣ. Поставьте на ея мѣсто мужчину однихъ съ нею лѣтъ и вы не отыщете въ немъ ни одного изъ этихъ пріятныхъ качествъ. Пожилая женщина нерѣдко бываетъ привлекательнѣе молодыхъ дѣвушекъ; ей слѣдуетъ только не насиловать себю природу, а соображаться всегда съ ея требованіями.

Коснувшись брачной жизни, Кантъ говоритъ, что истинно счастливое супружество возможно только тогда, когда мужъ и жена составляютъ одно нравственное цѣлое, руководимое умомъ мужчины и оживляемое сердцемъ женщины. Тамъ, гдѣ бракъ основанъ лишь на взаимной страсти, о прочности счастья нечего и думать; съ той минуты, какъ первый пылъ остынетъ и супруги почувствуютъ узмы свои обязательными, бракъ становится ярмомъ. Вообще излишняя нѣжность можетъ скоро опротивѣть, и потому, чтобы продлить обоюдное счастье, нужно умѣть сохранять какъ можно долѣе свѣжесть супружескихъ отношеній. Женщина, черезъ бракъ приобретаетъ свободу, мужчина же, напротивъ, теряетъ ее. На вопросъ, кто долженъ быть главою въ семьѣ, — Кантъ отвѣчаетъ: жена должна царствовать, а мужъ управлять, потому что любовь властвуетъ, а умъ руководитъ. Хорошій мужъ долженъ быть лояльнымъ и преданнымъ министромъ своей возлюбленной монархини; онъ обязанъ безпрекословно выслушивать ея мнѣнія, желанія и только осторожно намекать, что денегъ, напримѣръ, въ кассѣ неостанетъ на исполненіе такихъ-то прихотей, что есть государственныя нужды, гораздо болѣе настоятельныя, требующія безотлагательнаго удовлетворенія, и т. д., словомъ, милая

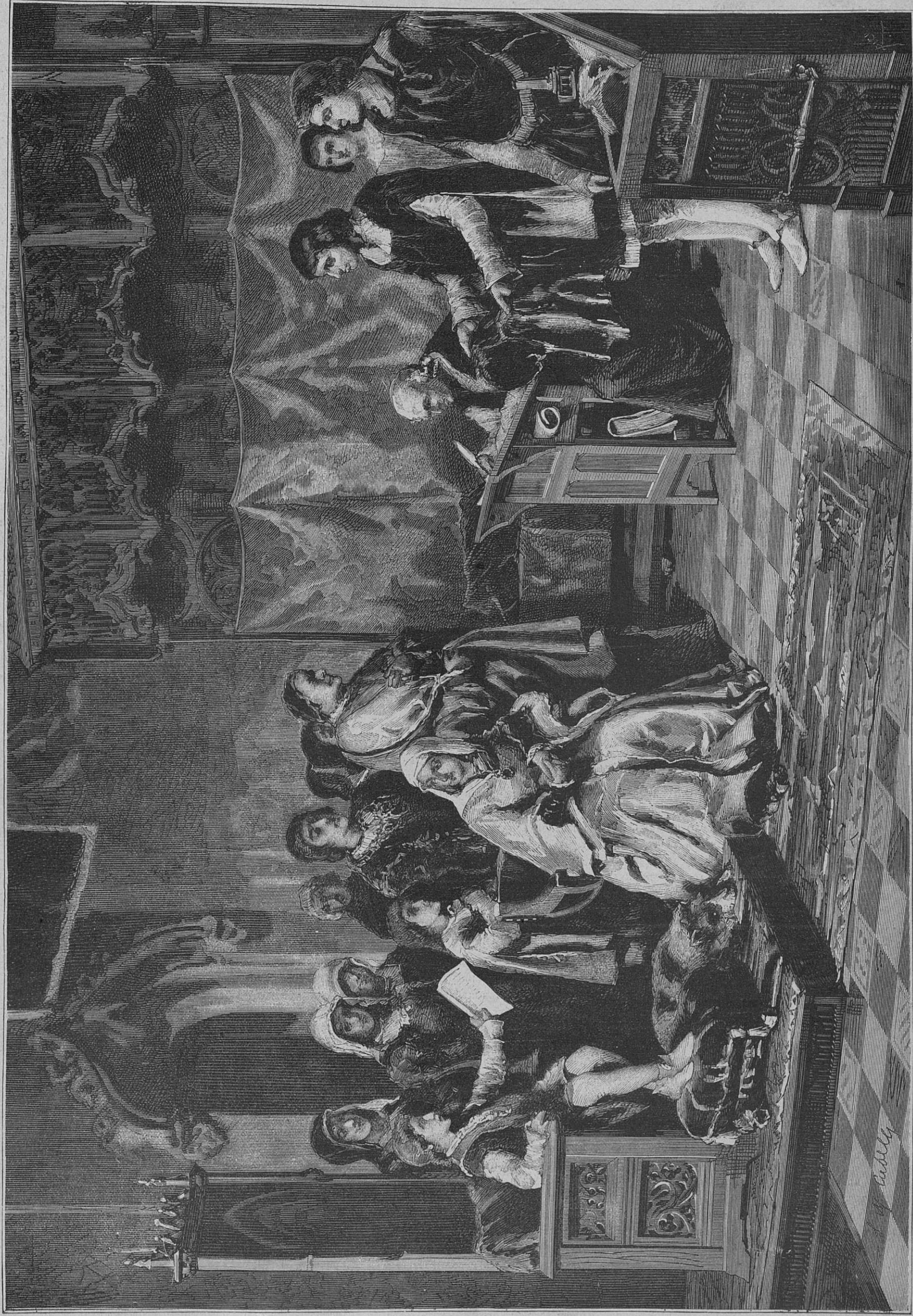
ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ
КАРТИНА А. РОТТА.

Въ мастерской башмачника. Рѣзать на деревѣ Пааръ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА МАРТИНЕЦА КУБЕЛЬСА.

Обучение принца Дона Хуана. Ръзано на деревѣ въ Барселонѣ.

царица можетъ дѣлать все, что ей угодно, но на одномъ условіи, чтобы министръ руководилъ ея волей. Мужчина приобрѣтаетъ, женщина—сберегаетъ. Практическая жизнь приучаетъ женщину къ самообразованію и къ дисциплинѣ, мужчину же—никогда.

Въ вопросѣ объ образованіи и воспитаніи женщинъ Кантъ совершенно расходится съ Руссо, заявившемъ, что женщина всю жизнь остается взрослымъ ребенкомъ. Мудрый швейцарецъ, вѣроятно, потому выразился такъ, говоритъ Кантъ, что у него на глазахъ были одні французенки, и я убѣжденъ, что ему, какъ горячему поклоннику прекраснаго пола, было прискорбно, что онъ не могъ выработать другого, болѣе уважительнаго мнѣнія о женщинахъ.

Признавая женщину олицетвореніемъ прекраснаго, Кантъ проводитъ ту мысль, что развитіе ея умственныхъ способностей должно идти другимъ путемъ, чѣмъ у мужчинъ. Изысканія искусства, исторія, языки, словомъ, все болѣе поэтическое, легкое, вотъ что должно входить въ область ея познаній; утомительный же, усидчивый ученый трудъ совершенно убиваетъ женственность. Женщинамъ, изучающимъ греческій языкъ, или ведущимъ диспуты о механикѣ, недостаетъ только бороды для полнаго сходства съ мужчиной и для приданія ихъ лицу того глубокомыслия, за которымъ онѣ, повидимому, такъ усердно гонятся. Отвлеченныя математическія понятія, даже геометрія, по мнѣнію Канта, вовсе не нужны женщинамъ, мало того,—вредныя, потому, что усиленная работа мозга ослабляетъ восприимчивость сердца, и женщина перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ природа назначила ей быть.

Такого рода сужденіе великаго мыслителя, говоритъ профессоръ Витте, не слѣдуетъ принимать за отрицаніе способности женскаго ума къ болѣе широкому развитію, чѣмъ та рамка, въ которой женщина была поставлена въ эпоху, современную Канту; онъ подтверждаетъ только этимъ сужденіемъ вышеприведенную мысль, что женщина есть олицетвореніе прекраснаго, и потому опасается, чтобы гоняясь за отвлеченными, серьезными знаніями, она не утратила лучшей своей красоты—женственности. Законъ, говоритъ Кантъ въ своей антропологіи, признаетъ женщину, в теченіи всей ея жизни гражданки—несовершеннолѣтнею; отецъ, мужъ, братья считаютъ ея естественными руководителями; воевать она не можетъ, не можетъ также лично защищать свои права на судѣ; будучи даже королевой, она, для важныхъ государственныхъ распоряженій, обязана имѣть представителей изъ мужчинъ. Но признанная закономъ несовершеннолѣтней въ официальныхъ общественныхъ сношеніяхъ, женщина у себя въ семьѣ полновластная распорядительница; тутъ выступаетъ уже на первый планъ право слабаго, чтить и защищать которое мужчина призванъ, такъ сказать, самой природой. Но слово слабый, Кантъ относитъ только къ физической сторонѣ женщины, отнюдь не отвергая присутствія въ ней внутреннихъ, душевныхъ силъ. Чтобы выполнить какъ слѣдуетъ обязанности жены и матери семейства, говоритъ Кантъ, требуется перѣдко громадная сила воли и много умѣнья держать себя съ достоинствомъ.

Вдумавшись хорошенько во все то, что написано Кантомъ о женщинахъ, мы убѣдимся, что онъ вполне сочувствовалъ вопросу, тогда еще не затронутому въ обществѣ, но теперь ярко выступившему на первый планъ, и очень серьезно относился къ нему. Если онъ нѣсколько узко смотрѣлъ на степень образованія женщины, за то во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ ему нельзя не отдать справедливости въ томъ, что проводимые имъ взгляды до сихъ поръ могутъ служить компасомъ при обсужденіи такого важнаго во-

проса дня, какъ вопросъ о значеніи женщины въ семьѣ и въ обществѣ.

По Финляндіи.

Выборгъ. — Мон Рерос. — Иматра. — Кюрекоски. — Поѣздка въ Куопіо. — Саймскій каналъ. — Саймское озеро. — Южная часть. — Нейшлотъ. — Средняя часть. — Путахарво. — Сѣверная часть. — Куопіо. — Elias Lönnrot. — Вильманстрандъ. — Симола.

Первымъ финляндскимъ городомъ на пути изъ Петербурга въ Финляндію, является Выборгъ. Городъ этотъ расположенъ въ глубинѣ Выборгскаго залива, составляющаго часть Финскаго и состоитъ изъ собственно города и двухъ форштадтовъ: петербургскаго и выборгскаго. Городъ, при въѣздѣ, производитъ очень пріятное впечатлѣніе; улицы правильны, хотя и не широки, и хорошо вымощены. Дома большею частью двухэтажные, каменные и деревянные. Городъ, годъ отъ году, увеличивается и украшается, увеличивается и число жителей. Изъ зданій въ Выборгѣ особенно замѣчательны: двѣ русскія церкви; изъ нихъ одна кладбищенская—расположена на горѣ, въ петербургскомъ форштадтѣ, близъ станціи желѣзной дороги; другая—полковная (соборъ Спаса Преображенія) болѣе въ центрѣ города съ высокою колокольнею, съ которой открывается великолѣпный видъ на городъ и на заливъ; соборъ окруженъ небольшимъ, тѣнистымъ садомъ, около котораго находится городская площадь. Лютеранская церковь построена на склонѣ горы, около другой городской площади. Кромѣ того въ городѣ есть одна римско-католическая церковь и нѣсколько финскихъ кирокъ. Черезъ Выборгскій заливъ устроено два моста: одинъ городской, другой—желѣзнодорожный. Оба они замѣчательны по легкости своей наводки и разводки, что дѣлается безпрестанно только однимъ человекомъ и времени употребляется не болѣе 5 минутъ.

Въ сторонѣ отъ городского моста, на отдѣльномъ островкѣ, находится старинная крѣпость Выборга. Часть зданія подновлена; въ ней помѣщаются арестанты и нѣкоторые присутственные мѣста, другая часть крѣпости остается въ развалинахъ. При входѣ въ крѣпость, услужливый сторожъ, старикъ-артиллеристъ (въ крѣпости устроены сараи для склада снарядовъ и пороха), вызвался показать мнѣ зданіе. Мы вошли; на дворѣ работали арестанты въ цѣпяхъ и кандалахъ; они носили ящики съ ядрами. По старой полусгнившей лѣстницѣ, мы поднялись въ первый этажъ крѣпости; тутъ помѣщается артиллерійскій архивъ. Мы пошли выше; съ верхняго этажа видъ чудесенъ и чрезвычайно разнообразенъ; видно: заливъ съ тѣсомъ мачтъ кораблей, которые постоянно приходятъ и отходятъ, массы людей, работающихъ при нагрузкѣ и выгрузкѣ судовъ, съ крикомъ поднимающихъ тяжести, массу пассажировъ и буксирныхъ пароходовъ, снующихъ по всѣмъ направленіямъ, величественно идущій поѣздъ по желѣзнодорожному мосту, блестящіе куполы русскихъ церквей, освѣщенныхъ солнцемъ, движеніе на набережной и—какъ контрастъ этой веселой, полной жизни, картины,—высокая, старинная, угрюмая и полуразвалившаяся башня, стоящая рядомъ съ крѣпостью. Еще въ 1872 году, при празднованіи двухсотлѣтняго юбилея Петра Великаго, во время илюминаціи ея и крѣпости, произошелъ пожаръ, отъ котораго сгорѣла вся внутренность башни. По ту сторону моста находится мѣсто гуляній выборгскихъ жителей, такъ называемый Promenade. Въ этомъ саду устроены бесѣдки, павильоны; путешественникамъ показываютъ, между прочимъ, камень, съ котораго Петръ Великій, будто-бы, осматривалъ заливъ; на немъ выдолблена надпись: П. В. (Петръ Великій). Въ городѣ есть ка-

менный театръ, на которомъ играютъ только нѣмецкія и шведскія труппы.

Изъ окрестностей города замѣчательнѣе садъ Монрепо, находящійся на берегу залива (Mon-Repos), помѣстье барона Николаи. По воскресеньямъ входъ въ садъ бесплатный; въ будни за него платятъ 40 пенни въ пользу бѣдныхъ города. Садъ устроенъ съ большимъ вкусомъ и содержится въ большомъ порядкѣ. Между прочимъ, въ немъ поставленъ настоящимъ владѣльцемъ сада, барономъ Павломъ, гранитныйobeliskъ въ память его предковъ. На обелискѣ высѣчены латинскія надписи, изъ которыхъ видно, что дѣдъ и прадедъ барона Павла убиты, одинъ подъ Кульмомъ, а другой подъ Аустерлицомъ, сражаясь противъ французовъ. На горѣ устроена очень высокая бесѣдка; это самый высокій пунктъ во всемъ Выборгѣ; съ верхней площадки ея видѣнъ городъ, расположенный какъ бы амфитеатромъ на склонѣ горы; а въ ясную погоду видѣнъ даже Травезундъ, торговая гавань Выборга, отстоящая отъ него въ 12 верстахъ. На берегу находится пристань; далѣе идетъ самый домъ барона Николаи, большой двухэтажный, деревянный, украшенный многими рѣзными фигурами; передъ домомъ большой партеръ, покрытый самыми разнообразными цвѣтами; онъ имѣетъ видъ яркаго ковра; при домѣ находятся обширныя оранжереи. На отдѣльномъ островкѣ, который плотомъ соединяется съ домомъ, устроенъ фамиліный склепъ бароновъ Николаи: часовня сдѣлана изъ чернаго мрамора, фундаментомъ ей служатъ, обросшія мохомъ, гранитныя скалы. Изъ Мон-Repos были вывезены гранитныя колонны, украшающія Казанскій соборъ. Мон-Repos былъ основанъ военнымъ губернаторомъ Финляндіи Ступининымъ; потомъ Фридрихъ-Вильгельмъ-Карлъ, (впослѣдствіи король Виртембергскій), бывшій одно время генералъ-губернаторомъ старой Финляндіи, значительно увеличилъ и украсилъ садъ.

Въ Выборгѣ болѣе 7,000 жителей; большинство финны и шведы; русскихъ немного, и они почти все поселились на выборгскомъ форштадтѣ, черезъ который идетъ дорога въ Мон-Repos.

Выборгская крѣпость была основана шведскимъ государственнымъ правителемъ Торкелемъ Кнутсономъ, который хотѣлъ окончательно присоединить Финляндію къ Швеціи; во время войнъ русскихъ со шведами, русскіе нѣсколько разъ пытались взять выборгскую крѣпость, но всегда безуспѣшно и только въ 1710 г., послѣ долговременной осады съ суши и съ моря, крѣпость сдалась. Съ тѣхъ поръ Выборгъ навсегда присоединенъ къ Россіи.

Фабрикъ и заводовъ въ городѣ мало. Все значеніе его торговое, и значеніе это очень велико, благодаря желѣзной дорогѣ, соединяющей его съ Петербургомъ, и положенію его у залива.

Пробывъ для три въ Выборгѣ, я отправился на Иматру. Пароходъ, идущій на Иматру, отходитъ отъ рыбацкой набережной (по шведски fiskarstrand, fiskar—рыба, strand—пристань). Въ два часа раздался третій звонокъ, пароходъ завертѣлъ колесами и мы двинулись. На пароходѣ было много пассажировъ, но изъ нихъ, какъ оказалось послѣ, на Иматру ѣхали, кромѣ меня, только четверо,—все русскіе.

Въ заливѣ пароходъ идетъ по широкому фарватеру и, пройдя подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ, входитъ въ губу Суаменведенпохиа; идетъ мимо дачъ, которыми Выборгъ окруженъ съ этой стороны, проходитъ мимо Мон-Repos; множества маленькихъ, чрезвычайно живописныхъ островковъ и громадныхъ гранитныхъ глыбъ и камней, которые возвышаются надъ поверхностью воды; затѣмъ у мѣстечка Лавола входитъ въ первый плъзъ Саймскаго канала. У самаго плъза находится красивая дача Громе; каменный домъ ея окруженъ зеленью и деревьями. Мы пошли

дальше. Послѣ часового переезда изъ Выборга, находится пристань Юстила; здѣсь многіе выборгцы нанимаютъ лѣтомъ дачи. При Юстилѣ устроены три шлюза Саймскаго канала, каждый по 9 фут., но для сокращенія времени общество пароходовъ заставляетъ идти пассажировъ около полуверсты пѣшкомъ и по ту сторону шлюзовъ сѣсть на другой пароходъ. Около нихъ на лѣвомъ берегу стоитъ мраморный памятникъ, въ честь устроителей канала, ихъ имена вырѣзаны золотыми буквами.

Второй пароходъ, принадлежащій тому же обществу, былъ величиною съ большую лодку, но съ чрезвычайно быстрымъ и легкимъ ходомъ. Мы вошли въ озеро Серки; при устройствѣ канала, озеро это значительно подняли. Пройдя опять нѣсколько шлюзовъ и озеро Раутъ-ярви (т. е. желѣзное озеро), мы пришли въ мѣстечко того же имени. Здѣсь мы пересѣли въ экипажъ и въ немъ доѣхали до Иматры. Тридцатичетырехъ верстный переездъ отъ Раутъ-ярви до Иматры, совершается въ дилижансѣ; дорога идетъ съ горы на гору, мимо многихъ озеръ; деревень тутъ, какъ и во всей Финляндіи нѣтъ, но отдѣльных хуторовъ очень много, такъ какъ всѣ финны селятся посреди своихъ участковъ. Горы покрыты лѣсомъ, большею частью хвойнымъ, но встрѣчается и лиственница. Вдоль дороги много каменоломенъ. Поля рѣдки, потому что каменистая почва мѣшаетъ урожаю, а холодный климатъ часто не даетъ дозрѣвать хлѣбу.

На Иматру мы приѣхали вечеромъ. Погода была прекрасная. Луна свѣтила ярко. Мы всѣ тотчасъ же пошли на водопадъ.

Водопадъ Иматра находится на р. Вуоксѣ, недалеко отъ ея выхода изъ озера Сайма. Собственно водопадъ находится въ гранитномъ ущельи, длиною около 300 ф., а шириною болѣе 60. На $\frac{1}{2}$ версты выше и ниже ущелья необыкновенно быстрое теченіе Вуоксы идетъ по порогамъ. Стѣны ущелья, или вѣрнѣе разсѣлины горы, отвѣсно падаютъ внизъ, образуя безпрестанные впадины и изгибы. Вода, мчась съ обыкновенною быстротою по покатоу руслу рѣки, падаетъ на громадные каменные глыбы, которыя находятся посреди рѣки, отбрасывается назадъ въ впадины стѣнъ, кипитъ, пѣнится и образуетъ страшный водоворотъ. Потомъ, бѣлая отъ пѣны, она тремя уступами скатывается внизъ, образуетъ второй водоворотъ, за которымъ мало-по-малу утихаетъ и входитъ въ свое обыкновенное русло.

Несмотря на названіе водопада, Иматра не имѣетъ ни одного сколько-нибудь значительнаго паденія, но за то узкое русло Вуоксы, имѣетъ много выступовъ и впадинъ. Масса воды, врываясь въ болѣе узкое русло по наклонному дну, разбивается то объ неровности дна, то объ изгибы стѣнъ ущелья, шумитъ и стремится найдти себѣ исходъ. Зрѣлище самое разнообразное, оно мѣняется на каждомъ шагѣ: тутъ водоворотъ, тамъ волна разбивается о камень, здѣсь вода съ шумомъ и брызгами падаетъ съ уступа, дальѣ, отхлынувъ отъ крутого праваго берега, стремится затопить лѣвый, болѣе отлогій.

Хорошъ водопадъ при лунѣ, но еще лучше онъ при восходѣ солнца, когда исчезаетъ ночной туманъ, и пѣна и брызги принимаютъ красноватый оттѣнокъ.

Переездъ съ одного берега на другой теперь можно совершить въ корзинѣ, надъ водопадомъ; она устроена на колесахъ, которыя катятся по туго натянутымъ канатамъ. Переправа черезъ Вуоксу совершается за двѣ версты до водопада на паромѣхъ. На лѣвомъ берегу замѣчательны такъ называемые колодцы, или горшки, исполновъ; это — камни, обточенные водою внутри винтообразно, а снаружи совершенно гладко. Происхожденіе ихъ объясняется тѣмъ, что прежде

уровень воды былъ выше ущелья, которое составляло только впадину дна. Вода сносила громадные камни съ ближайшихъ горъ, отрывала отъ нихъ осколки и, постоянно вертя ими въ своихъ водоворотахъ, мало-по-малу винтообразно вырѣзала внутренность этихъ камней. Послѣ обмеленія эти камни остались, и теперь служатъ колодцами; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ болѣе аршина въ діаметрѣ. Для болѣе удобнаго осмотра водопада устроено нѣсколько бесѣдокъ; особенно красивъ видъ съ бельведера, откуда видна вся великолѣпная картина водопада, и съ корзины во время переезда. На правомъ берегу находится гостинница и отъ нея, постоянно спускаясь, ведетъ дорожка къ камню, съ котораго видны всѣ три уступа водопада.

Версты 3 или 4 внизъ, Вуокса образуетъ еще пороги Валикоски и Кюрекоски. Это Иматра въ миниатюрѣ, та же пѣна, тѣ же водовороты только въ меньшемъ видѣ. Видъ на эти пороги особенно хорошъ съ вершины горы, около которой они находятся.

Посѣтивъ Валикоски и Кюрекоски, мы вернулись въ гостинницу и отправились въ Выборгъ тѣмъ же путемъ.

На слѣдующій день я сѣлъ на пароходъ, идущій въ Куопіо. Путь изъ Выборга въ Куопіо протекаетъ по Саймскому каналу и озерамъ. Саймскій каналъ начинается у самыхъ воротъ Выборгской крѣпости, идетъ по сѣверной оконечности Выборгскаго залива, проходитъ по многимъ мелкимъ озерамъ и кончается у мѣстечка Лауритсала, отстоящаго на 5 верстъ отъ города Вильманстранда. Каналъ этотъ стоилъ Финляндіи около 3-хъ миліоновъ руб.; работа началась въ 1845 г. и продолжалась 11 лѣтъ; при работахъ постоянно участвовали 4000 рабочихъ. Открытіе канала послѣдовало 26 августа 1856 г. Еще въ XVI вѣкѣ, шведскій намістникъ въ Финляндіи, Эрнстъ Белько, приступилъ къ прорытію канала, но, по недостатку средствъ, работы были остановлены. Около этого стараго канала прорытъ теперь существующій. Затѣмъ въ царствованіе Карла IX, при управленіи Финляндіею Яковомъ де-ла-Гарди, вторично было приступлено къ работамъ, но также безуспѣшно. Тогда этотъ вопросъ былъ оставленъ и только въ 1826 г., нѣсколько крестьянъ куопіоской губерніи обратились къ правительству съ просьбой, разрѣшить прорытіе канала; два года велись переговоры, но соглашеніе не состоялось. Потомъ въ 1845 г. выборгскій губернаторъ Рамзай и выборгскіе купцы опять обратились къ правительству съ прошеніемъ о прорытіи канала; правительство асигновало 3 миліона руб. и работы начались. Главнымъ руководителемъ работъ былъ американецъ Эриксонъ. Въ настоящее время сборъ съ проходящихъ по каналу судовъ и пароходовъ достигаетъ до 300,000 р. Саймское озеро на 250 ф. выше уровня водъ въ Финскомъ заливѣ; по этому въ каналѣ устроено 28 шлюзовъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ у шлюзовъ устроены мосты, которые при проходѣ судовъ, или поворачиваются, или накатываются на берегъ. Устройство шлюзовъ великолѣпно; какъ матеріалъ употреблены только гранитъ, чугунъ и дубъ; длина шлюзовъ болѣе 100 ф., ширина около 25, а глубина болѣе 9 ф. Вдоль всего канала идетъ дорога бичевникъ, очень хорошо устроенный; онъ, впрочемъ, нѣсколько разъ переходитъ съ одного берега на другой. На всемъ протяженіи канала большое движеніе; изъ Вильманстранда и др. сѣверныхъ городовъ, а также изъ многихъ лѣсопильнъ и каменоломенъ, расположенныхъ около канала, идетъ лѣсъ и гранитъ, а изъ Выборга хлѣбъ и соль. Мѣстность, по которой идетъ каналъ, начиная отъ Лауритсала, ровная; встрѣчаются луга и лиственный лѣсъ; отъ станціи Рейхе она пересѣкается невысокими холмами, а

отъ Юстилы переходитъ въ гористую, покрытую густымъ лѣсомъ. Для переезда по каналу на пассажирскихъ пароходахъ требуется около 10 часовъ.

Небольшое мѣстечко Лауритсаль помѣщается у конца Саймскаго канала, на пути изъ Сердобоя въ Вильманстрандъ. Видъ изъ гостинницы мѣстечка очень живописенъ; видны: озеро Сайма и окрестности, оживленные по самому положенію пункта. Въ мѣстечкѣ замѣчательна пивоварня; пиво это подъ названіемъ Lamitsal-öle, расходуется по всѣмъ окрестнымъ городамъ въ большомъ количествѣ. Постоявъ немного у Лауритсала, мы направились въ Вильманстрандъ, который находится нѣсколько верстъ дальѣ. Послѣ короткой остановки въ Вильманстрандѣ, мы пошли дальѣ, по самому большому озеру Финляндіи, Саймѣ.

Собственно Сайма не есть отдѣльное озеро, а только общее названіе для множества большихъ озеръ и плесовъ, находящихся на одномъ уровнѣ, но отдѣленныхъ другъ отъ друга проливами, болѣе или менѣе широкими, образующихъ въ совокупности огромную водяную поверхность, протяженіе которой отъ входа въ Саймскій каналъ до Варкавскихъ пороговъ, составляетъ болѣе 200 в., а путь отъ Вильманстранда до Куопіо, впрочемъ, по извилистому фарватеру, доходитъ до 400 в. Наибольшая ширина этого внутренняго моря находится въ его южной части, гдѣ она достигаетъ 100 в. Уровень саймскихъ водъ вездѣ одинаковъ, но онъ на 250 ф. выше уровня моря и на 200 ф. выше Ладожскаго озера.

Въ географическомъ отношеніи саймскія воды раздѣляются Нейшлотскими и Пуумальскими проливами на три части: южную, среднюю и сѣверную.

Южную часть составляетъ собственно Сайма и многія другія мелкія озера, изъ которыхъ наиболѣе значительны: Лиеввеси, Ланивеси и др. Длина доходитъ до 95 в., а ширина до 45 в. Береговая мѣстность состоитъ изъ голыхъ гранитныхъ утесовъ и мелкоколѣсистыхъ холмовъ; правый берегъ гористъ и покрытъ болѣе крупнымъ лѣсомъ.

Въ западной части находится много острововъ, изъ которыхъ нѣкоторые населены и воздѣланы. Судоходство по этой части саймскихъ водъ совершенно свободно и нигдѣ не встрѣчаетъ препятствій. Фарватеръ мелокъ только у гор. Сант-Михеля, лежащаго на сѣверо-западномъ берегу южной части водъ.

Южная часть соединена съ среднею Пуумальскимъ проливомъ, имѣющимъ въ ширину около $\frac{1}{2}$ версты и не болѣе одной длины; берега пролива воздѣланы; они возвышены и частью лѣсисты. Въ проливѣ устроена пристань для судовъ; около нея построенъ деревянный мостъ, соединяющій оба берега.

Средняя часть состоитъ изъ двухъ большихъ озеръ: Пихля-веси и Пууру-веси, соединенныхъ плесомъ Устраселька. Первое озеро, извѣстное впрочемъ и подъ нѣсколькими другими названіями, тянется на разстояніи 70 в. отъ пролива Пуумана до города Нейшлота; оно покрыто островами, частью засѣянными и обработанными, и узкими проливами, между которыми многіе судоходны. Западный берегъ гористъ и скалистъ, восточный болѣе песчанъ; оба они покрыты лѣсомъ. Чтобъ сократить путь изъ Нейшлота въ Пуумалу, еще въ концѣ XVIII ст. были прорыты 4 небольшіе канала, черезъ перешейки нѣкоторыхъ заливовъ; они не глубоки и по нимъ въ настоящее время проходятъ только небольшія лодки. Параллельно западному берегу идетъ необыкновенно пересѣченная, почтовая дорога изъ Пуумалъ въ Нейшлотъ.

Второе озеро Пууру-веси, имѣющее болѣе 50 в. въ длину и около 20 въ ширину, отличается отъ предыдущаго песчаными и болотистыми

берегами. Черезъ озеро проходитъ Пумахарь-скій хребетъ, который раздѣляетъ озеро на двѣ части; хребетъ возвышается на 200—300 ф. надъ уровнемъ озера и въ свою очередь пересѣкается пятью проливами; черезъ 2 изъ нихъ сдѣланы мосты; черезъ остальные переправа совершается на паромѣхъ. По самому хребту идетъ дорога въ Нейшлотъ. На восточномъ берегу озера находится значительная пристань Путикко; она соединена шоссею дорогой съ Сердоболемъ.

Наконецъ средняя часть, посредствомъ Нейшлотскихъ проливовъ, соединяется съ сѣверной. Ихъ три; фарватеръ пролегаетъ по восточному, имѣющему 150 сажень въ ширину. Городъ Нейшлотъ расположенъ между восточнымъ и среднимъ проливами. Воспользовавшись большою остановкою парохода, я отправился осмотрѣть городъ и крѣпость. Крѣпость стоитъ на отдѣльномъ островкѣ, который мостомъ соединенъ съ городомъ, построеннымъ на другомъ островѣ. Крѣпость была основана шведскимъ полководцемъ Титомъ, во второй половинѣ XV в., съ цѣлью защитить проливы, которые составляютъ единственное соединеніе сѣверныхъ водъ съ южными. По абосскому миру, эта крѣпость досталась Россіи. Въ 1788 г. шведы осадили ее и оставили безъ воды; но комендантъ крѣпости, родомъ турокъ, не сдался и выдержалъ осаду. Шведы принуждены были удалиться безъ успѣха. Тогда же, послѣ снятія осады, въ крѣпости былъ прорытъ каналъ, но въ настоящее время онъ, какъ и самая крѣпость, приходитъ въ ветхость и не возобновляется. Нѣкоторыя вѣднія укрѣпленія сдѣланы Суворовымъ, по приказанію Екатерины II, когда ожидали войну со Швеціею. Двѣ главныя башни носятъ названіе Кирхъ и Клокъ, изъ чего можно заключить, что въ первой помѣщалась церковь, а во второй колокольня. Впослѣдствіи онѣ служили мѣстомъ заключенія государственныхъ преступниковъ. На воротахъ крѣпости еще и теперь видна чугунная, четырехугольная доска съ неясными очертаніями шведскаго герба. Самый городъ ничѣмъ не отличается; оживленъ только во время навигаціи; имѣетъ болѣе 1000 ж. Съ прорытіемъ Саймскаго канала значеніе и торговля его значительно увеличились. Около города много лѣсопильныхъ мельницъ.

Пройдя Нейшлотскій проливъ, пароходъ вошелъ въ сѣверную и послѣднюю часть Саймскихъ водъ. Она состоитъ изъ трехъ большихъ озеръ: Эловесси, Оривесси и Такаселька. Берега ихъ, начиная отъ Нейшлота, гористы, покрыты скалами, а болѣе къ сѣверу болотисты и лѣсисты. Населеніе довольно рѣдкое; жители занимаются преимущественно лѣсоводствомъ и гонкою срубовъ въ Вильманстрандъ и Выборгъ.

Въ составъ Саймскихъ водъ входитъ также и озеро Каловесси, на берегу котораго расположенъ губернской городъ Куопіо. Въ городъ есть протестантская церковь, очень древнее зданіе, и православная часовня. Городъ имѣетъ около 3000 ж.; красивъ и великъ, конечно, сравнительно съ другими городами Финляндіи. Онъ отстоитъ на равномъ разстояніи отъ Петербурга, Гельсингфорса и Торнео. Русскихъ очень мало, большинство жителей финны и шведы. Къ западу отъ города находится нѣсколько маленькихъ островковъ, теперь соединенныхъ между собой насыпями; тамъ устроенъ большой садъ, въ которомъ собираются по вечерамъ мѣстные жители; по праздникамъ играетъ музыка. Недалеко отъ города находится гора Пуіо, самый высокій пунктъ города, на горѣ устроенъ бельведеръ; видъ съ верхней площадки великолѣпенъ; городъ какъ на ладони; на пристани видны дымящіеся пароходы, на озерѣ бѣдующіеся паруса. Въ подзорную трубку можно хорошо видѣть горы, находящіеся по ту сторону озера.

Куопіо соединенъ съ Выборгомъ посредствомъ пароходовъ, которые совершаютъ правильные рейсы между этими городами. Пробывъ въ Куопіо сутки, я возвратился назадъ на пароходѣ «Elias Loenurgt», который ходитъ только между Вильманстрандомъ и Куопіо. Это самый большой пароходъ на Саймскихъ водахъ: чтобы провести его по шлюзамъ Саймскаго канала, необходимо было выламывать камни и послѣ его прохода вновь вставлять ихъ, это было единственное средство доставить его на мѣсто его назначенія.

Изъ Куопіо въ Вильманстрандъ мы ѣхали сутки; отъ 10 ч. вечера до 2 утра пришлось стоять на якорѣ близъ Нейшлота; ночь была слишкомъ темна, небо занесло черными тучами и лопмана не брались благополучно провести судно. Устройство «Elias Loenurgt» и другихъ пароходовъ очень хорошее. Все необыкновенно опрятно, удобно и не дорого. Проѣздъ изъ Вильманстранда до Куопіо, въ отдѣльной каютѣ стоитъ 20 марокъ. На всѣхъ пароходахъ хорошій столъ. Приѣхавъ въ Вильманстрандъ часовъ въ 10 утра, я, отправился осматривать городъ. Онъ расположенъ на полуостровѣ съ трехъ сторонъ обмываемомъ озеромъ Саймою, а съ четвертой, въ древности, былъ окруженъ валомъ, остатки котораго сохранились еще и теперь. Въ городѣ двѣ церкви: православная и лютеранская съ высокой колокольней. Въ Вильманстрандѣ около 1500 жителей; есть хорошая гостинница «Societet-huset»; въ ней помѣщается городской клубъ.

Вильманстрандъ былъ взятъ русскими въ 1741 г., а въ 1747 г. по Абосскому миру окончательно присоединенъ къ Россіи. Изъ Вильманстранда я поѣхалъ сухимъ путемъ до станціи Симола, на линіи финляндской желѣзной дороги. Это разстояніе въ 20 верстъ, дѣлается въ 1½ часа; дорога идетъ съ горы на гору, мимо трехъ озеръ, иногда по голому граниту; въ Симоли пришлось долго ждать поѣзда, я воспользовался этимъ временемъ и пошелъ взглянуть каменоломни, устроенныя недалеко отъ станціи. Наконецъ засвисталъ поѣздъ по направленію изъ Гельсингфорса и я, миновавъ Выборгъ, возвратился въ Петербургъ.

При осадѣ Никшича.

(Ст. др-а А. В. Щербанъ.)

(Продолженіе.)

Глава III.

а другой день (7 августа), съ восходомъ солнца, мы были уже на новомъ мѣстѣ, близъ разрушенной кулы Озриничи. Спустя полчаса, палатки были разбиты, куполообразные остовы колибъ, перенесенные герцеговинцами со старыхъ мѣстъ, переплетены свѣжей травой и бивуакъ нашъ былъ совсѣмъ готовъ.

Стоянка князя тоже была перенесена на другое мѣсто, съ котораго открывались кромѣ Чаджалицы и часть города. Она находилась въ полуторѣ верстѣ отъ нашего лагеря. На этотъ разъ, князь, въ пріятномъ ожиданіи скорого прибытія русскихъ пушекъ, на которыя черногорцы возлагали большія надежды, повидимому, отказался отъ прежняго нерѣшительнаго образа дѣйствій, дававшего въ результатъ бесполезную, ежедневную потерю въ людяхъ, принялъ, вопреки совѣтамъ Вукотича, — мнѣніе Врбичи и Боголюбова *);

*) Последніе, какъ было говорено выше, стояли за сжугленіе блокаднаго кольца, на что требовались атака и штурмъ нѣкоторыхъ неприятельскихъ позицій.

тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время турки сдѣлались крайне безцеремонны. Ободраемые извѣстіемъ о прибытіи къ нимъ скорой помощи изъ Герцеговины и царившей кругомъ осадной спячкой, они втянули на свой круглый шанецъ два орудія, которыми стали порядкомъ беспокоить черногорцевъ, желая вытѣснить ихъ съ позицій нѣкоторыхъ холмовъ Студенитскихъ Главицъ, скрытыхъ ими отъ крѣпости, передней грядой.

Въ 5 часовъ по полудни, съ черногорскихъ батарей на Требежской Главицѣ и на Студенитской *) былъ открытъ перекрестный, артиллерійскій огонь, какъ по кулѣ Чаджалицѣ, на половину уже разрушенной прежней бомбардировкой, такъ и по окружавшимъ ее шанцамъ. Черезъ нѣсколько времени, по приказанію князя, подкатили еще одно орудіе къ развалинамъ часовни у подножія холма. Уцѣлѣвшая въ ней стѣна, съ окномъ, замѣнила брустверъ и амбразуру. Близость разстоянія батарей, въ особенности послѣднихъ, давала возможность всѣмъ снарядамъ ложиться замѣчательно мѣтко. Каменная ограда шанцевъ во многихъ мѣстахъ была уже разшатаана. Кулу застигало густое облако сѣраго дыма отъ загорѣвшейся крыши. Наступали сумерки. Артиллерійскій огонь все продолжался. Въ это время 300 выборныхъ охотниковъ въ средѣ которыхъ были и трое русскихъ добровольцевъ **), раздѣлившись на три группы и скрываясь въ густой травѣ, незамѣтно подерались шаговъ на двѣсти къ Чаджалицѣ. По условному звуку сигнальной трубы, охотники должны были, сдѣлавъ залпъ, броситься съ трехъ сторонъ на Чаджалицу, съ ятаганами: большая часть съ фронта, а остальные съ обонхъ фланговъ.

Ночная мгла смѣнила вечернія сумерки. Гулъ орудій не ослабѣвалъ, перемѣшиваясь съ ружейнымъ трескомъ неприятеля. Изъ за Черныхъ Горъ медленно выплывала яркая луна. Освѣщая своимъ желтоватымъ блескомъ долину, она скользила по ея поверхности, наполненной исполинскими тѣнями ближайшихъ горныхъ высотъ. Ружейные огоньки тускнѣли, сливаясь въ ровномъ, мягкомъ сіяніи луны. Вдругъ затрубилъ протяжный рожокъ... орудія замолкли, — раздались дружный перекатный залпъ... Огоньки на Чаджалицѣ какъ-то порывисто зачастили, мѣстами совсѣмъ замирая.

Дикіе возгласы: «Напредъ Соколе! напредъ!» рѣзко выдѣляются, и черногорцы съ неумолкаемымъ крикомъ «Ура! Живіо!» цѣпляясь за каменья, быстро карабкаются по обрывистому холму Чаджалицы. Гарнизонъ кулы завидя тѣзущихъ ***), помчался въ городъ, — кто не успѣлъ, того убили. Бѣглецовъ преслѣдовали вплоть до городскихъ построекъ, нѣсколькихъ поймали. Потеря черногорцевъ ограничилась двумя ранеными и однимъ убитымъ, почти столько же, сколько они теряли ежедневно на позиціяхъ. Завладѣвъ Чаджалицей, охотники стали немедленно складывать изъ камней брустверъ, обращенный къ городу, втащили два орудія и турецкая кула превратилась въ черногорскую батарею.

Одновременно со штурмомъ Чаджалицы, чловѣкъ 30 черногорцевъ, возбужденные побѣдоносными криками своихъ собратій, вышли изъ маленькаго шанца, находившагося по склону Требежской Главицы, впереди большой черногорской батареи и, помимо всякаго распоряженія, кину-

*) Батареи на Студенитской Главицѣ были устроены за нѣсколько часовъ до начала дѣла. Участвовали всего 6 орудій: 3, на Требежнѣ, 2, на Студенитѣ и 1 у подножія послѣдней.

**) Божко Мартиновичъ хотя и старался скрыть всѣ подробности штурма отъ добровольцевъ, чтобы честь штурма принадлежала только однимъ черногорцамъ, но дружество ихъ, не смотря на строгое приказаніе молчать, все выдало.

***) Въ числѣ ихъ былъ также архимандритъ Серафимъ.

лись на ближайшій непріятельскій шанецъ Петровскихъ Главицъ. Турки, неожиданныя нападенія съ этой стороны, въ полнѣйшей паникѣ, безъ одного выстрѣла, стремительно укрылись въ другой, по сосѣдству, шанецъ, — хотя ихъ было вътрое болѣе нападавшихъ, которые замаскировали свою численность безостановочными выстрѣлами изъ револьверовъ. На разсвѣтъ черногорцы увидѣли въ какое критическое положеніе они себя поставили. Окруженные съ двухъ сторонъ непріятельскими укрѣпленіями, причемъ уголъ одного изъ нихъ упирался въ каменную глыбу стѣны занятаго ими шанца, — черногорцы не имѣли возможности, безъ прямого риска для себя, ни выйти изъ него за провизіей, ни получить ее извнѣ, такъ какъ первая черногорка, принесшая сыну хлѣбъ, была убита. Помимо этого, они должны были постоянно бодрствовать, рискуя въ противномъ случаѣ быть перерѣзанными турками, которыхъ было въ 7 разъ больше, чѣмъ ихъ. Обѣ стороны, не рѣшаясь стрѣлять другъ въ друга, пустили въ дѣло камни. Изъ 10 черногорцевъ, отвѣтившихся отправиться за водою, 9 были ранены, а одинъ убитъ. Съ наступленіемъ слѣдующей же ночи, они кое-какъ выползли изъ преждевременно занятаго ими шанца и вернулись въ лагерь. Здѣсь ожидало ихъ наказаніе за своевольный поступокъ: князь приговорилъ ихъ простоять нѣсколько часовъ, со связанными назадъ руками, для примѣра другимъ. Наказаніе это было перенесено ими очень легко и повидимому даже не безъ удовольствія, такъ какъ окружающіе стали сейчасъ же угощать ихъ кофеомъ и ракіей, причемъ подносили, конечно, посудину къ губамъ виновныхъ, лишенныхъ возможности дѣйствовать руками; клали имъ кусочки жареной баранины въ ротъ, приговаривая: «Боггами юнаце!» и наконецъ всунули имъ въ зубы закуренныя папироски.

Для черезъ два послѣ взятія Чаджалицы, князь отправилъ Пейко *) переговорить съ никшичанами и предложить имъ добровольно сдаться. «Вы ясно видите, что взять Чаджалицу господарю нашему ничего не стоило, говорилъ Пейко пришедшимъ, на бѣлый парламентскій флагъ, туркамъ; — такимъ же образомъ отберутся отъ васъ другія укрѣпленія, — тогда — горе вамъ. Если же сдадитесь добровольно, васъ отпустятъ съ миромъ и позволятъ вамъ забрать все ваше движимое имущество. Подумайте, какъ это будетъ хорошо (Боггами помыслите какъ-то врло добро). Если же вы, къ своему злополучію, захотите упорствовать, то нашъ свѣтлый князь, соболѣзнуя о вашихъ ни въ чемъ неповинныхъ дѣтяхъ и женахъ, предлагаетъ вывести ихъ за городъ, — мы позаботимся объ ихъ довольствѣ и безопасности. Въ случаѣ же, если и это для васъ неудобно, то господарь нашъ снисходитъ къ вамъ до того, что предлагаетъ отвести всѣхъ въ окраину города, обозначивъ выборное мѣсто краснымъ полумѣсяцемъ. Дома эти будутъ тогда священны для нашихъ пуль». «О Боггамми! Боггамми! какъ время мѣняетъ людей! мы вѣдъ пріятелями когда-то были, кофе и ракію вмѣстѣ пили», закончилъ свою рѣчь Пейко, покуривая трубку и меланхолично провожая глазами удалявшихся никшичанъ. Черезъ часъ турки прислали одного изъ своихъ съ отвѣтомъ, который гласилъ слѣдующее: «Благодаримъ князя за великодушіе; не сдадимся ни подъ какимъ видомъ, тѣмъ болѣе, что ожидаемъ скорую и вѣрную помощь. О дѣтяхъ и женахъ сами позаботимся». Раздосадованный неудачными переговорами Пейко ругнулъ въ сердцахъ посла собачьимъ сыномъ и поручилъ передать это названіе всѣмъ горожанамъ.

Взятіе Чаджалицы, замыкавшей блокадный полукругъ черногорскихъ ретраншементовъ, окру-

жавшихъ Никшичъ съ юга, исключало всякую попытку непріятеля на вылазку съ этой стороны и давало возможность черногорцамъ, сосредоточивъ большую часть своихъ силъ, приступить къ атакѣ укрѣпленій сѣверо-восточной окраины города. Штурмъ крѣпости былъ мыслимъ только съ этой стороны, такъ какъ профили ея, въ другихъ мѣстахъ, представлялись неприступными.

Сѣверо-восточная часть Никшича выходя непосредственно въ поле, представлялась почти открытой. Кромѣ крѣпости, господствующей надъ городомъ, эта часть была защищена еще тремя укрѣпленіями: съ лѣваго фланга рядъ шанцевъ, на невысокихъ Петровскихъ холмахъ, близъ Требежской Главицы; съ фронта редутъ Облій или Хасанджидинъ Гробъ почти у городской черты; а на правомъ флангѣ, по дорогѣ къ мосту, черезъ Зету, редутъ Джинковацъ, въ нѣсколько траншей.

Черногорскія позиціи на этой сторонѣ, подъ вѣденіемъ А. Вукотича, располагались частью на протяженіи горней линіи, окаймлявшей долину съ сѣвера на западъ, съ господствующей высотой «Дракова лука», на которой была горная батарея изъ двухъ орудій, — частью же впереди высохшаго русла Быстрицы и возлѣ кулы Дуклы, по близости моста, черезъ Зету, соединявшаго Дужское военное шоссе съ протяженіемъ его къ городу. Непосредственно за этой кулой, долина носила названіе Горняго Поля. Центръ черногорскихъ позицій, на западной сторонѣ сосредоточивался въ началѣ Никочанскихъ Главицъ, вблизи Студенитскихъ, по правому берегу Зеты, а въслѣдствіи у Махмудской кучи, на лѣвомъ берегу. Въ недалекомъ разстояніи отсюда, сходились двѣ тропы изъ Грахова въ Дугу и Никшичъ, сливавшіяся съ Дужскимъ шоссе. Въ разстояніи версты отъ Хасанджидина Гроба болѣе къ сѣверо-востоку на Никшичскомъ полѣ, выступали два высокіе каменные бугра: Великій и Малый Умакъ, занятые черногорцами. Они какъ бы замыкали собою второй блокадный полукругъ.

Нѣсколько дней послѣ штурма Чаджалицы съ обѣихъ сторонъ происходило почти полное затишье. Князь долго не рѣшалъ въ какое мѣсто удобнѣе будетъ перенести стоянку, чтобы находиться близъ мѣста новыхъ предполагаемыхъ операций. Послѣ различныхъ соображеній выборъ его остановился на Горнемъ Полѣ... Но прежде чѣмъ перемѣститься туда, князь хотѣлъ непременно дожидаться прибытія русскихъ орудій на Сливну. Цѣлый батальонъ черногорцевъ былъ уже посланъ къ Острогу и въ Бѣлонавличъ для поправки пути, по которому должны были прибыть ожидаемыя съ нетерпѣніемъ русскія «топы».

Наконецъ, 12-го августа, получивъ извѣстіе, что орудія уже въ Ріекѣ, князь немедленно послалъ туда М. Врбицу «на встрѣчу» для надзора и ускоренія доставки. Въ тотъ же день, вечеромъ, послѣ отъѣзда Врбицы, турки съ Петровскихъ Главицъ, стали кричать черногорцамъ на Требежцу, что «Машо Врбица донесетъ топь у Торбица», но что это ихъ нисколько не пугаетъ, такъ какъ они сами имѣютъ «завѣтныя лѣсныя топы», которыя до этого времени были спрятаны а теперь черногорцы познакомятся съ ними.

Съ перваго разу кажется страннымъ, какъ могъ непріятель такъ быстро провѣдать о мисіи Врбицы, но необходимо принять во вниманіе, что во все время осады Никшича передовой цѣпи не существовало и княжескій лагерь рѣдко охранялся часовыми, такъ что охотники изъ никшичанъ, переодѣвшись въ черногорскій костюмъ и владея ихъ языкомъ, могли спокойно разгуливать по лагерю, въ особенности до взятія Чаджалицы, возлѣ которой былъ проходъ изъ города. Случалось, что турки передавали черногорцамъ, сказанное княземъ цетинскому батальону или коман-

диру его Божко, наприкладъ, послѣ эввилибристическихъ упражненій его съ лошадыю, взаимныя штурма Чаджалицы, турки, пародируя слова князя, стали подтрунивать надъ черногорцами и увѣрять ихъ, что они скоро перескочатъ совсѣмъ съ Никшичскаго поля въ Бѣлонавличъ. Однажды, вечеромъ, нѣсколько черногорцевъ замѣтили незнакомую имъ личность, но, повидимому, ихъ же собрата, вблизи навѣса, за которымъ ужиналъ штабъ; вниманіе ихъ было случайно привлечено тѣмъ, что незнакомецъ въ сидячемъ положеніи старался незамѣтно подкрасться къ ужинавшимъ, но лишь только онъ увидѣлъ, что за нимъ слѣдятъ, какъ тотчасъ же исчезъ въ густой травѣ. Черногорцы въ первую минуту оторопѣли, но потомъ немедленно кинулись за нимъ въ погоню, по направленію къ Чаджалицѣ. Однако, лазутчикъ какъ будто провалился съвозъ землю, — пропалъ безслѣдно. Божко, съ этого же вечера, началъ было дѣятельно разставлять часовыхъ, но потомъ бросилъ эту мѣру, вѣроятно, въ надеждѣ, что турки болѣе уже не рискнутъ на такіе выходы. Нужно, однако, замѣтить, что черногорцы, въ этомъ отношеніи, нисколько не уступали никшичанамъ. Находились смѣльчаки, знавшіе турецкій языкъ, которые, переодѣвшись, пробирались къ самымъ окнамъ домовъ въ городѣ и тамъ подслушивали разговоры, рассказывая потомъ собравшемуся дружеству, у костра, свои приключенія. Одному удалось даже стащить цѣлое око табаку, который сейчасъ же стали раскуривать, находя его самымъ лучшимъ во всей Черногоріи. Нѣкоторые герцеговинцы, въ этомъ отношеніи, изощрялись до артистической тонкости, проникая не только въ частные дома, для подслушанія интересныхъ разговоровъ, но и въ засѣданіе турецкаго военнаго совѣта, и т. д. Романическая исторія купца Чирича, относящаяся по времени къ началу герцеговинскаго возстанія, одна изъ самыхъ популярныхъ. Посаженный въ подземную тюрьму Мостара, какъ одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ возстанія, Чиричъ вскорѣ бѣжалъ изъ нея, выдавая себя, по дорогѣ, за секретаря австрійскаго консула. Доѣхавъ благополучно почти до австрійской границы, онъ вдругъ узнаетъ, что пограничнымъ кордономъ задержанъ турецкій офицеръ, коротко ему знакомый прежде. Не долго думая, онъ преобразуется въ сторбленную старуху, покупаетъ двухъ барановъ и гонитъ ихъ на продажу въ ближайшее пограничное австрійское село. Его пропустили, не обративъ на него никакого вниманія. Послѣ этого, онъ сталъ появляться въ Мостарѣ подъ разной гримировкой, смотря по тому, въ какой роли ему было удобнѣе фигурировать, содѣйствуя освобожденію изъ тюремъ своихъ заключенныхъ собратій. Какъ только началась война Черногоріи съ Турціей, Чиричъ прибылъ сюда и сталъ въ ряды герцеговинскаго батальона Лазаря Сочичи.

Сообразно нѣкоторымъ измѣненіямъ, послѣдовавшимъ въ блокадѣ Никшича, а также и свѣдѣніямъ, полученнымъ княземъ о движеніи турокъ къ востоку на Бероне, въ дислокаціи черногорскаго войска были произведены новыя перемѣны. Большая часть герцеговинскихъ батальоновъ была отозвана съ Крстаца и размѣщена на позиціяхъ у Никшича, а мѣсто ихъ заняли наполовину черногорскіе батальоны. Численность войска, окружавшаго съ юга Никшичъ, уменьшена, а съ сѣверо-восточной стороны увеличена. Главная часть силъ, имѣвшая значеніе резерва, стянута къ Горнему полю въ Дугѣ. Три четы, по 200 человекъ каждая, отправились на востокъ къ Тары, Дермитору и Невесинье.

Въ ожиданіи прибытія русскихъ орудій противъ Никшича пока еще ничего не предпринималось. Наконецъ, 16-го августа, вечеромъ, съ Планиницы стали доноситься громкіе крики, — показала большая толпа черногорцевъ, медленно

*) Пейко хотя и былъ разжалованъ, но теперь снова по немногу начиналъ приобретать расположеніе князя.

спускавшаяся къ Сливнѣ. За ней выступала вторая. «Русскія топы долазали...» раздались голоса, возлѣ насъ и мы всѣ устремились къ Сливнѣ, гдѣ тогда находился князь съ Вукотичемъ и нѣсколькими штабными. Часть цетинскаго батальона также примчалась, такъ что народу собралось множество. Первая группа, человекъ въ 30, несли дуло девятифунтоваго орудія, за ними другая, такая же, принесла двѣ четырехфунтовыя и лафеты съ колесами. Скоро появились и наши 8 фейерверкероу съ банниками и разною другою мелочью. Едва сдерживаемые присутствіемъ князя и перениковъ, черногорцы то и дѣло продирались впередъ, чтобы поближе разглядѣть.

Подъ привычными руками русскихъ артиллеристовъ, съ помощью черногорскихъ топжаровъ, орудія были скоро собраны и двѣ девятифунташки съ двумя четырехфунтовыми, во всей красѣ предстали передъ глазами зрителей. «О! го! го! Врло лени топы!»—посыпались со всѣхъ сторонъ одобренія. «Если теперь русскія пушки не подѣйствуютъ, то самъ великій дьяволъ съ 300,000 мелкихъ чертей будутъ безсильны противъ никшичанъ», замѣтилъ многозначительно переникъ мой Дѣко, болѣе всѣхъ ерзавшій возлѣ орудій. Снарядовъ въ этотъ день успѣли принести только нѣсколько штукъ, на показъ князю. Вѣшнѣй видъ шорохи,—ея шарообразная голова на цилиндрическомъ тѣлѣ, вызвалъ даже какое-то умиленіе въ черногорцахъ. «А Боггами лени кумпуръ», говорили они нѣжно смотря на шороху, и прищелкивая языкомъ. Но когда одинъ изъ фейерверкероу началъ объяснять, пересыная русскія фразы черногорскими словами, что ядро шорохи послѣ разрыва тѣла можетъ пролетѣть еще «ужастъ» какую даль, тогда умиленіе черногорцевъ перешло въ дикіе возгласы радости и восторга. «Ай, добры руссі!» повторяли они, похлопывая товарищески по плечу союзника, когда онъ закончилъ свое повѣствованіе. Тотъ только ухмылялся, приговаривая: — «Чудные, право чудные, и все-то имъ въ диковину». Одни топжары были невозмутимы, съ гордостью поглядывая на расходившуюся пѣхоту.

Осмотрѣвъ орудія, князь приказалъ отвезти ихъ на мѣсто. Мигомъ выпряглись нѣсколько десятковъ черногорцевъ и, сопутствуемые фейерверкерами, торжественно покатили за сѣверный склонъ Требежской Главницы.

Несмотря на позднее время, князь отдалъ приказаніе сняться лагерю и перейти въ Горнее Поле. Наступала ночь, свѣтлая, лунная. Донесившаяся перестрѣлка съ позиціи, по временамъ, то ослабѣвала, то учащалась. Порою длиннымъ метеоромъ мелькнетъ огненный слѣдъ летящей бомбы съ никшичской крѣпости по направленію къ Чаджалицѣ, но не достигнувъ цѣли вспыхнетъ короткимъ пламенемъ разорвавшася снаряда и два гула одинъ за другимъ покроютъ на мгновеніе сухой ружейный трескъ. Обозлившаяся Чаджалица разсыплется горохомъ и, блеснувъ молніей, съ визгомъ шлетъ отвѣтъ противнику. Затѣмъ опять долгая пауза молчанія.

Оживленная вереница цетинско-негушскаго батальона, весело покуривая трубки и папирсы, быстро стянулась къ новой стоянкѣ; за нею и мы. Предстояло сдѣлать верстъ 12 въ обходъ непріятельскихъ позицій праваго фланга. Батальонъ, вытянувшись тонкой змѣйкой, рассчитывалъ незамѣтно пройти за Никочанскія Главницы, по сверкнувшее пламя на Кругломъ турецкомъ шанцѣ и вслѣдъ затѣмъ пронзительное шипѣніе пролетѣвшей надъ нашими головами гранаты, убѣдили насъ въ невозможности обмануть зоркость турокъ; однако, въ это время намъ удалось скрыться отъ непріятельскихъ глазъ, оглябая склонъ одного изъ горныхъ отроговъ, а черезъ полчаса насъ догналъ посланный отъ князя, съ приказаніемъ переночевать на пути, а утромъ, дождав-

шись его свѣтлости, отправляться дальше. Задымились костры. Божко въ этотъ разъ, вспомнивъ, вѣроятно, недавній случай съ непріятельскимъ лазутчикомъ, разставилъ часовыхъ и всѣ мы скоро предались мирному сну.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

И з а.

Романъ А. Бувые.

(Продолженіе.)

Глава VII.

Семейная сцена.

Съ того дня, какъ Клодъ Тюссо видѣлся съ Люи Пальярромъ и заключилъ съ нимъ новое болѣе мягкое условіе, т. е. возвращать долгъ когда захочетъ и сколько захочетъ и за небольшие сравнительно проценты, радость опять вернулась въ его домъ. Просьба о разлученіи съ мужемъ получила исходъ, желаемый Сесилью; спокойствіе возвратилось въ семью бронзовщика, отъ зятя совершенно отреклись и даже имя его никогда не поминалось; обращаясь къ молодой женщинѣ, называли ее г-жа Сесиль. Клодъ нѣсколько разъ видѣлся съ агентомъ Гюре, даже помогать ему въ его розыскахъ и узналъ о важныхъ обвиненіяхъ, тяготѣвшихъ надъ его зятемъ; сомнѣніе было невозможно и несчастье это радовало Клода. Съ жестокостью мстящаго буржуа онъ желалъ, чтобы зять его былъ уже въ Кайенѣ, такъ какъ онъ «не смѣлъ надѣяться»—подлинное его выраженіе—на гильотину.

Вечеромъ, въ который мы вводимъ читателей въ обширную столовую Клода Тюссо, — въ тотъ самый вечеръ какъ Андре выпустили на свободу,—у бронзовщика готовился праздникъ. Это былъ день св. Сесили; дурные дни наконецъ прошли, рады были первому предлогу повеселиться и позабавить бѣдную женщину — его жертву. Извѣстїи получались успокоительныя; утромъ этого дня Амели ходила къ слѣдователю и нашла только его секретаря, который встрѣтилъ ее съ веселой улыбкой и увѣрилъ, что черезъ нѣсколько дней Морисъ выйдетъ оправданный отъ взводимого на него обвиненія. Сесиль въ домъ отца вернулась къ своимъ прежнимъ привычкамъ; твердо рѣшившись разстаться съ брачною жизнью, она перевезла назадъ свое приданое, весь свой гардеробъ и заняла прежнюю комнату. Сколько тихой радости доставляло молодой женщинѣ сознаніе, что она въ безопасности, вдали отъ мучителя, что она любима и уважаема всѣми; съ какимъ облегченіемъ смотрѣла она теперь въ будущее; она будетъ воспитывать своего малютку, не опасаясь ревнивой метительности обманутаго мужа. Сесиль была не изъ забывчивыхъ. Придя въ себя послѣ всѣхъ преслѣдовавшихъ ее несчастій, она удивилась, какъ осталась еще жива; тогда она вспомнила о храбрецѣ, бросившемся за нею съ моста, чтобы спасти ее и захотѣла его видѣть. Шади явился и, весь красный отъ удовольствія, принимая вторичную благодарность за свое доброе дѣло, согласился поступить къ Тюссо, который увѣрялъ, что ему необходимо рѣзчикъ. Въ короткое время храбрый малый сдѣлался какъ бы членомъ семьи бронзовщика; это былъ человекъ, пользующійся ихъ полнымъ довѣріемъ; онъ не проводилъ цѣлый день у станка, а занимался выдачами и полученіями и эта разнообразная дѣятельность какъ нельзя болѣе шла къ его живой натурѣ.

Столовая была блистательно освѣщена; на бѣлоснѣжныхъ скатертяхъ сверкали фаянсъ и хрусталь; во всѣхъ концахъ комнаты громадныя букеты выставили на показъ большое разнообразіе цвѣтовъ и разливали тонкій аромат. Всѣ сѣли воспользоваться днемъ именинъ молодой женщины, чтобы засвидѣтельствовать ей свою симпатію, увѣрить ее, что позоръ несчаст-

наго, имя котораго ей приходилось носить, не падалъ на нее; свидѣтельства эти были очень многочисленны; столовая была буквально завалена цвѣтами. Сесиль пришлось спуститься въ мастерскую поблагодарить рабочихъ, изъ которыхъ каждый поднесъ по букету «бѣдной маленькой патронессѣ», а Тюссо угостилъ ихъ пуншемъ. Сесиль чокнулась съ каждымъ изъ нихъ и день такимъ образомъ уменьшился часа на два. Сесиль чувствовала себя счастливой, она ожидала, убѣждаясь, какъ всѣ любятъ ее.

Тюссо самъ въ сопровожденіи Шади отправился на рынокъ покупать провизію, и съ самаго ихъ возвращенія, т. е. съ десяти часовъ утра, двѣ кухарки заняты были изготовленіемъ обѣда. Давно уже въ домѣ не раздавалось такъ много смѣху.

Число приглашенныхъ было ограничено. Оно состояло: изъ Люи Пальяра, основателя новой фирмы, который часто повторялъ Тюссо: «Если вамъ надо еще г. Тюссо, вы не стѣсняйтесь, у меня есть свободныя деньги». Затѣмъ Амели Феранъ, друга и неразлучной спутницы Сесили. Наконецъ Шади, который сказалъ Тюссо:

— Хозяинъ я беру въ свое завѣдываніе вина; поставте всѣ бутылки около меня, я съумѣю распорядиться ими. Увидите, что скучать не будутъ.

Тюссо понятно взялся разрѣзать, а г-жа Тюссо угощать. Сесиль занимала середину стола между Люи Пальярромъ и Шади, а Тюссо, напротивъ дочери, сѣною къ входной двери, сидѣлъ между г-жею Тюссо и Амели... Когда пріотворилась кухонная дверь, впуская въ столовую ароматный запахъ соусовъ и жареныхъ, цвѣты были забыты въ комнатѣ раздавался шепотъ одобренія.

— Катерина, весело кричалъ Тюссо, — «сжели при красотѣ такой и пѣть ты мастерица, ты былабъ у насъ царь-птица». Ну, дѣтунки, я думаю, мы хорошо пообедаемъ.

И Тюссо обжорливо провелъ языкомъ по губамъ.

Понятно, за супомъ водворилось молчаніе, которое предшествуетъ великимъ дѣяніямъ, каждый опустилъ голову надъ тарелкой и нѣкоторое время слышенъ былъ только стукъ ложекъ, ударяющихъ о фарфоръ. Послѣ супа Шади всталъ, выпрямившись какъ «і», и поднимая стаканъ:

— Милостивые государи и государыни, пью за св. Сесиль, сказалъ онъ.

— За св. Сесиль! повторили присутствовавшіе, чокаясь стаканами.

— И за скорое и благополучное разрѣшеніе нашей маленькой хозяйки, продолжалъ Шади.

Стаканы были осушены, и Тюссо потихоньку сказалъ Пальяру:

— Вотъ несчастье... то, что намъ остается отъ негодя... Бѣдняжка!

Сесиль и Адель обѣ слышали; онѣ съ улыбкой обмѣнялись взглядомъ; Тюссо не подозрѣвалъ, что думы о ребенкѣ служили величайшимъ утѣшеніемъ для Сесили.

Шади отлично справлялся съ ролью виночеррія; веселыя шутки не умолкали; Адель Тюссо пришлось со смѣхомъ замѣтить Шади, чтобы онъ былъ поосторожнѣе; Пальяръ былъ очень любезенъ съ кроткой Амели, сидѣвшей съ нимъ рядомъ; Тюссо читалъ лекцію объ анатоміи птицы. Онъ приготовлялся, засучилъ рукава рубашки, кухарка поставила передъ нимъ громадную лпдѣйку, пестрый животъ которой достаточно объяснялъ запахъ трюфелей, разнесшійся по комнатѣ.

— Чортъ возьми! въ восторгѣ восклицалъ Шади, держа въ каждой рукѣ по бутылкѣ, — еслибы улицы мостили такимъ матеріаломъ, я ходилъ бы на зубахъ.

У Тюссо кончикъ носа былъ влаженъ отъ испаринны, вздутыя губы блестѣли, какъ отполиро-

важны; одной рукой онъ всадилъ громадную вилку въ грудь индѣйки и, помахивая другой, вооруженной кухоннымъ ножомъ, продолжалъ свою рѣчь:

— Дѣти мои, знаете-ли почему это называется индѣйкой? Нѣтъ? потому что это курица...

— Ха, ха, ха, отлично! разразился громкимъ смѣхомъ Шади.

— Ты смѣешься, Шади, тутъ нѣтъ ничего смѣшнаго; ты прервалъ меня, я хотѣлъ сказать называютъ ее индѣйкой, потому что это курица, вывезенная изъ Индіи; сначала говорили индѣйская курица, потомъ просто индѣйка, оттого-то мы и теперь употребляемъ это слово въ женскомъ родѣ.

— А я буду всегда говорить индюкъ, вставилъ Шади.

Раздался звонъ колокольчика.

— Кто бы могъ придти въ такой поздній часъ? спросилъ Тюссо;—жаль, что двери не заперты; посмотри Шади.

Шади собирався встать, какъ дверь отворилась, впуская мужчину; увидѣвъ его, Сесиль вскочила, какъ ужаленная, съ блестящими глазами и испуганнымъ видомъ она закричала:

— Вы здѣсь? что вамъ надобно?

Мы уже говорили, что Тюссо, его жена и Амели сидѣли спиной къ дверямъ, напротивъ Сесиль; Шади и Пальяръ около нея лицомъ къ двери и изъ нихъ она одна знала вошедшаго Андре, который, прислонившись къ припертой имъ двери, со скрещенными руками, шляпой на головѣ, суровымъ взглядомъ и дерзкимъ видомъ, сказалъ:

— Такъ вотъ какъ! пока я сижу тамъ, здѣсь пируютъ!

Услышавъ этотъ голосъ, Адель и Тюссо живо обернулись; всѣ поднялись съ мѣстъ, переглядываясь, не смѣя понять. Въ себя Тюссо закричалъ:

— Ты, здѣсь... ты убѣждалъ, негодяй... Уходи, или тебя сейчасъ арестуютъ... Шади, бѣги, зови полицію.

— Ну, это слишкомъ! и ты величайшій глупецъ... Я здѣсь въ своей семьѣ, я хочу и буду говорить и меня выслушаютъ... Я знаю все, что вы дѣлали, что худшія обвиненія представили противъ меня вы. И я уйду... но не прежде какъ отплативъ зломъ за причиненное мнѣ зло; мнѣ нечего бояться, нечего болѣе терять, я...

Сесиль, понимая, что намѣревался сдѣлать несчастный, быстро подойдя къ нему, сухимъ короткимъ тономъ сказала:

— Ни слова болѣе и уходите прочь...

Андре захохоталъ.

— Я бы совѣтовалъ замолчать вамъ, г-жа Гударъ, сказалъ онъ,—вамъ, никогда не бывшей моей женой... Производите дѣтей сколько вамъ будетъ угодно... Но если ты не была моей женой, твоя мать...

Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ докончить, Сесиль, схвативъ со стола большой ножъ, бросилась къ нему. Замахнувшись ножомъ, готовая ударить, она закричала:

— Еще одно слово, Андре, и я убью васъ.

Сомнѣваться въ словахъ молодой женщины было невозможно. Гударъ понялъ это по блеску ея глазъ, по энергіи ея движеній; онъ не кончилъ, но, инстинктивно отодвинувшись, поднялъ руки, чтобы отпарировать ударъ.

Легко понять какое впечатлѣніе произвела эта сцена. Одна Адель Тюссо, услышавъ слова Гудара: «но если ты не была моей женой, твоя мать...», опустилась на стулъ и склонила голову, уничтоженная грозившей ей опасностію. Тюссо ничего не понималъ; видя дочь съ ножомъ въ рукѣ, замахнувшуюся на Гудара, онъ, какъ и другіе, бросился, чтобы предупредить катастрофу. Все произошло такъ быстро, что онъ даже не слы-

шалъ послѣдней фразы Андре. Онъ видѣлъ въ происшествіи только ненависть и глубокое отвращеніе Сесили къ своему мужу. Шади и Пальяръ бросились къ Сесили, чтобы обезоружить ее, но, съ глазами метавшимися молніи, дрожащими губами, молодая женщина грозно потрясала ножомъ, отказываясь разстаться съ нимъ. Видя, что ее хотѣтъ обезоружить при Гударѣ, зная, что онъ молчитъ только изъ страха передъ нею, она сказала Шади:

— Нѣтъ, оставьте мнѣ ножъ! Выгоните этого несчастнаго или я убью его. Я убью его, если онъ произнесетъ хотя одно слово.

— Ну, это дѣло иное, сказалъ Шади,—я беру за это...

И, пока Пальяръ удерживалъ Сесиль, почти обезумѣвшую отъ ярости, Шади бросился на Гудара.

— Пустите меня, не вмѣшивайтесь не въ свое дѣло! кричалъ Гударъ.—Я здѣсь у себя; я хочу быть здѣсь, и прежде, чѣмъ уйти, хочу, чтобы этотъ дуракъ зналъ...

Сесиль, невѣроятнымъ усиліемъ, высвободившись изъ рукъ Пальяра, бросилась опять съ крикомъ:

— Онъ долженъ умереть...

— Тебѣ запрещено говорить, молчи же... и ступай вонъ, сказалъ Шади Гудару и нанесъ ему сильный ударъ кулакомъ по лицу; между ними завязалась борьба. Повинуясь Сесили, Пальяръ вытолкнулъ ихъ обоихъ въ коридоръ и заперъ за ними двери.

Гударъ, освободившись изъ сильныхъ рукъ Шади, побѣжалъ на улицу, говоря:

— Идемъ же, идемъ...

— Тебѣ нечего приглашать меня, отвѣчалъ Шади, слѣдуя за нимъ.

Здѣсь они опять бросились другъ на друга. Надо сказать, что если удары наносились одинаково, они не одинаково принимались; съ каждымъ ударомъ силы Шади казалось возрастали, Гударъ же становился слабѣе. Раздавались тяжелые удары кулаковъ по тѣлу, крики ярости, проклятій, изрыгаемые Гударомъ.

— Чортъ тебя побери, негодяй! кричалъ Шади.—Я тебѣ отплачу за это. Я устрою славную похлебку изъ твоей морды.

Говоря это, сильный, проворный Шади повалилъ противника въ канаву и прижалъ его ко лѣноту.

— Сдавайся, ты видишь, что я могу сейчасъ покончить съ тобою, сказалъ онъ.

Вдругъ, не понимая, какъ это случилось, Шади почувствовалъ себя приподнятымъ и откатился на три шага назадъ; онъ быстро поднялся, чтобы встать въ оборонительное положеніе, какъ увидѣлъ Андре, спасающагося со всею быстротою своихъ ногъ. Съ обезображенной физиономіей плутъ успѣлъ только сказать, показывая издали кулакъ:

— Берегись, негодяй... Я еще отплачу тебѣ.

Приводя въ порядокъ свою одежду, Шади увидѣлъ на землѣ аккуратно сложенную бумажку; онъ ее поднялъ.

— Что это такое... Письмо. Если нужно, онъ придетъ за нимъ, тогда мы посмотримъ... Наши счеты еще не сведены.

Кажется невѣроятнымъ, что два человѣка допускали бороться двухъ другихъ, не спѣша къ нимъ на помощь. Когда Пальяръ по приказанію Сесили вытолкнулъ ихъ въ коридоръ и заперъ за ними двери, она обратилась къ нему шепотомъ:

— Умоляю васъ, г. Пальяръ, останьтесь и не пускайте моего отца.

Много усилій потребовалось Пальяру не пустить бронзовщика.

— Я самъ хочу съ нимъ имѣть дѣло; я—глава семьи; онъ насъ оскорбилъ, я никому не

давалъ права защищать меня. Пустите меня Пальяръ, пустите же.

— Нѣтъ, г. Тюссо, нѣтъ. Не вамъ сводить съ нимъ счеты; и если Шади не сумѣетъ дать ему заслуженный урокъ, тогда я, котораго онъ обокралъ, обманулъ мать, я долженъ потребовать отъ него объясненія...

— Пожалуйста, пойдемте хотя посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

Тогда Сесиль, взявъ своего отца за руку, сказала почти со слезами:

— Отецъ, это я не хочу, чтобы ты шелъ... Просту тебя... развѣ ты не видишь какъ меня волнуютъ подобныя сцены... Ты вѣдь не желаешь мнѣ зла?

— Нѣтъ, малютка... конечно нѣтъ! Г. Пальяръ, будьте такъ добры, посмотрите, что дѣлаетъ Шади...

Дверь отворилась и Шади вошелъ въ печальномъ видѣ, съ лицомъ въ крови, въ разорванной одеждѣ и особенно съ окровавленными кулаками, хотя на нихъ не было ни царапины. Да, у Шади были сильныя, мозолистыя руки, которыя замѣняли добрый молотокъ, и онъ отлично работалъ ими.

— Ну? спросили его.

— Если онъ и теперь также бѣжитъ, онъ долженъ быть далеко. Если же онъ не желаетъ быть узнаваемъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней, онъ можетъ быть спокоенъ, я позабочусь измѣнить его физиономію.

— Мой бѣдный мальчикъ, сказалъ Тюссо, пожимая его покрытыя кровью руки.

— О, пустяки! Я пойду въ кухню, немного свѣжей воды и все кончено. Я заперъ дверь, чтобы намъ не мѣшали обѣдать.

— Да, ты правъ, сказалъ Тюссо,—не стоить болѣе объ этомъ думать. Пора за столъ, завтра увидимъ, что намъ дѣлать.

Всѣ снова сѣли за столъ. Сесиль была уже возлѣ матери и обнимала ее.

— Мое бѣдное дитя, я думала, что мы всемъ погибли! сказала шепотомъ Адель.

— Будь храбрѣе, мама, теперь все кончено.

— Дорогая моя, что ты хотѣла сдѣлать?

— Я бы убила его, еслибъ онъ произнесъ хотя одно слово. Никогда я не чувствовала того, что въ ту минуту... возьми мои руки, посмотри, онъ какъ въ огнѣ.

— О, моя бѣдная Сесиль, ты вся горюшь и дрожишь. Что съ тобою?

— Ничего, все спасено... Будь веселѣе, отецъ смотри на насъ.

Дѣйствительно, Тюссо съ безпокойствомъ подошелъ къ нимъ:

— Что такое? Ты больна, Сесиль?

— Успокойся отецъ... я немного взволнована.

— Моя милая, храбрая дочка, и есть отчего. Никогда я не видѣлъ тебя такою. Нѣтъ, чортъ возьми, я желалъ бы лучше быть твоимъ другомъ, чѣмъ врагомъ.

Шади появился умытый и почищенный, съ подбитымъ глазомъ, но веселый по обыкновенію.

— Хозяинъ, сказалъ онъ со смѣхомъ,—не съѣшьте всего безъ меня, мой апетитъ усилился.

— За столъ, говорилъ Тюссо,—и прочь всѣ мрачныя мысли. Завтра я позабочусь, чтобы подобныя сцены не повторялись. За столъ...

Всякій занялъ свое мѣсто, но обѣдъ продолжался уже не такъ весело, какъ начался. Амели, замѣтивъ блѣдность Сесили, подошла къ ней и тихо сказала:

— Ты больна?

— Да, я не хорошо себя чувствую. Не говори ничего; сейчасъ, ссылаясь на мое положеніе, я попрошу позволенія удалиться; ты проведешь у насъ эту ночь; боюсь, что ночью мнѣ будетъ худо, а я не хочу беспокоить мать.

Г-жа Тюссо съ тревогой смотрѣла на дочь.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА М. РЮИНАРА.

Въ Бельфорѣ 3-го сентября.

Рѣзаль на деревѣ Моллеръ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ

КАРТИНА АНДРИОЛЛИ.

Наблюдатель-туристъ.

— Что такое Амели? спросила она.

— Я говорила Сесили, что она, вѣроятно, устала отъ всѣхъ этихъ волненій, и что, въ ея положеніи, ей слѣдовало бы отдохнуть.

— Амели права, замѣтилъ Тюссо.

Разрѣшеніе получено; Сесиль съ своей пріятельницей вышли изъ-за стола, обѣдъ весело продолжался.

Около полуночи, когда еще всѣ сидѣли за столомъ, Амели спустилась сказать, что Сесиль чувствуетъ себя дурно и что немедленно надо послать за докторомъ.

— Черезъ десять минутъ онъ будетъ здѣсь, сказалъ Шаді.

— Это вслѣдствіе потрясенія, отвѣчала Адель. — Бѣдное дитя!.. Тюссо, Тюссо, я боюсь.

— Боже мой! воскликнулъ Тюссо, стуча рукою по столу, — если съ нашей Сесилью случится несчастіе, такъ же вѣрно, какъ то, что я называюсь Тюссо, я убью его.

Пріѣхавшій докторъ не долго осматривалъ; онъ объявилъ матери, что тягостныя волненія произвели въ молодой женщинѣ сотрясеніе, вслѣдствіе чего она должна разрѣшиться раньше времени и потому онъ проведетъ ночь у ея постели. На вопросъ Тюссо, не ожидаетъ-ли онъ какихъ-нибудь усложненій, докторъ отвѣтилъ, что теперь нельзя еще ничего сказать. Лихорадочное, чрезвычайно возбужденное состояніе, въ которомъ находилась Сесиль, беспокоило его, но онъ будетъ около нея и родители могутъ успокоиться. Тюссо согласился идти спать, такъ какъ пользы отъ него все равно было немного. Адель и Амели остались около Сесили, готовые помогать доктору по первому его слову. Шаді пробовалъ было замѣтить, что все случается къ лучшему, что если г-жа Сесиль разрѣшится прекраснымъ мальчикомъ, не мѣшаетъ привѣтствовать его появленіе на свѣтъ хорошей пѣсенкой — какъ Генриха Наварскаго — и что не лучше-ли ожидать окончанія за столомъ; къ тому же это, пожалуй, необходимо; если доктору понадобится послать куда нибудь, у него подъ рукою будутъ люди. Но мысль эта не привилась; беспокойство овладѣло всѣми, и причина его была совершенно понятна. Сесиль едва перешла въ седьмой мѣсяцъ беременности. На это Шаді, желая возвратитъ если не веселье, по крайней мѣрѣ спокойствіе, разсказалъ, что точно также появился на свѣтъ Вольтеръ и что это не помѣшало ему дожить до глубокой старости. Ничто не удавалось и Шаді, взявъ подъ руку Люи Пальяр, вернулся домой.

Ужасную ночь провели бѣдные родители. Тюссо не могъ заснуть отъ безпокойства; онъ пошелъ узнать о состояніи больной и нашелъ жену и Амели въ слезахъ. Положеніе Сесиль быстро ухудшалось и мать ясно видѣла, что дочь ея находится между жизнью и смертью... Пришлось прибѣгнуть къ сильнымъ средствамъ и бѣдная Сесиль родила мертвого младенца. Къ утру все было кончено, она заснула, всѣ успокоились; когда же она проснулась, пришлось опять бѣжать за докторомъ. Сесиль разрѣшилась отъ бремени, но не была спасена; докторъ, осмотрѣвъ ее внимательно, покачалъ головой. Серьезная болѣзнь перешла въ другую, еще болѣе серьезную. Горячка овладѣла мозгомъ молодой женщины, бредъ не прекращался, она не слышала, не понимала, не узнавала никого; по цѣлымъ часамъ, она, передъ испуганной матерью, выпрямившись на постели, казалось искала чего-то около себя, повторяя:

— Онъ умеръ... совсѣмъ холодный... Морисъ... Морисъ, слышишь-ли ты меня... Тамъ, тамъ, кричала она, указывая въ уголъ алькова, — отними-те же его, они хотятъ его гильотинировать... это его трупъ. Видите, видите, его гильотинируютъ...

И, выпуская крикъ ужаса, она безъ чувствъ падала на руки испуганной матери.

Утромъ, послѣ праздника и разрѣшенія Сесили, когда надѣялись, что ей лучше, Амели попросила у г-жи Тюссо позволенія удалиться, чтобы заняться дѣлами брата, котораго надѣялась скоро увидѣть на свободѣ. Адель горячо поблагодарила ее, говоря, чтобы она не спѣшила возвращаться, что теперь торопиться не для чего. Амели направилась къ зданію суда; и въ этотъ разъ она увидѣла только секретаря слѣдователя, но обращеніе его съ нею совершенно измѣнилось. Онъ сказалъ ей:

— Дитя мое, надо разстаться съ надеждой, которую мы вамъ дали; противъ вашего брата наслѣдъ тяжелыя улики... Теперь уже судъ рѣшитъ его судьбу.

Легко понять какое дѣйствіе произвели эти слова. Амели ухватила за спинку стула, чтобы не упасть; обильныя слезы полились изъ ея глазъ и она, всхлипывая, повторила:

— Тяжелыя улики... его будутъ судить... О, Боже мой, Боже мой! мы вѣрно прокляты!

Секретарь сдѣлалъ знакъ сторожу, который вывелъ ее изъ кабинета слѣдователя. Въ длинномъ коридорѣ она опустилась на скамью и предавалась отчаянію. Вдругъ одно слово поразило ея слухъ и она выпрямилась.

Люди, призванные въ судъ по своимъ дѣламъ, съ сожалѣніемъ смотрѣли на молодую, красивую дѣвушку, плакавшую и стонавшую въ своемъ углу; они спросили о ней у сторожа, и, между рыданіями, бѣдная дѣвушка услышала, какъ тотъ отвѣтилъ, понижая голосъ:

— Это сестра убійцы женщины въ улицѣ Лакюз.

Тогда она вскочила, какъ помѣшанная, вытерла глаза рукавомъ и суровымъ тономъ сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ, вы лжете... мой братъ не убійца... я сестра честнаго человѣка.

И, съ блуждающими глазами, блѣдная, растрепанная, она побѣжала къ своей пріятельницѣ Сесиль. У нея она думала найти утѣшеніе и надежду. Не сказала-ли та ей однажды, когда она разсказывала объ обвиненіи, тяготѣвшемъ надъ ея братомъ, потому только, что онъ не хотѣлъ объяснить, какъ провелъ ночь на 20 іюня, что она поможетъ ей спасти его: какъ сейчасъ слышитъ она слѣдующія фразы; Сесиль говорила: «И потому, что онъ не можетъ объяснить, что дѣлалъ въ эту ночь въ домѣ убитой женщины, его держать въ тюрьмѣ?» — Да! отвѣчала она. — «О, бѣдный, добрый, честный, мужественный Морисъ», сказала Сесиль. — Не бойся Амели, мы спасемъ твоего брата». — Слѣдователь далъ мнѣ сегодня надежду, что его скоро выпустятъ. — «А я тебѣ это подтверждаю». — Что ты хочешь этимъ сказать? — И Сесиль прибавила въ полголоса, какъ бы про себя: «Я погублю себя, но его спасу».

Въ минуту отчаянія, спѣша къ своей пріятельницѣ, Амели припомнила весь этотъ разговоръ; Сесиль знала что-то, что могло спасти ея брата; теперь, когда она узнаетъ, что для него всякая надежда потеряна, она, не колеблясь, явится къ слѣдователю, чтобы оправдать его. Это была послѣдняя надежда молодой дѣвушки, и, по мѣрѣ того, какъ она приближалась къ улицѣ Сен-Франсуа, увѣренность ея возрастала; сомнѣніе невозможно, одно слово Сесиль — и братъ ея спасенъ. Она пришла къ Тюссо въ самую опасную минуту кризиса. Тюссо рыдалъ, Адель плакала и молилась а прислужница сказала удивленной дѣвушкѣ: «Полагаютъ, что г-жа Сесиль умретъ». Теперь не за одного уже брата, но и за свою подругу несчастная испустила раздражающій стонъ.

— А, мы всѣ прокляты, и онъ погибъ! вскричала она и упала безъ чувствъ. Ее окружили; Люи Пальяр, пришедшій рано утромъ, чтобы узнать о состояніи больной, специально занялся Амели, когда къ ней, наконецъ, возвратилось сознание.

Онъ хотѣлъ успокоить ея опасенія за подругу, говоря, что встревоженные родители преувеличиваютъ дѣйствительно существующую серьезную опасность, но что надежда еще не потеряна. Она слушала и смотрѣла на него, какъ помѣшанная. Люи боялся, не сошла-ли несчастная съ ума, такъ странны были ея движенія, неестествененъ ея взглядъ; онъ продолжалъ говорить о болѣзни Сесиль, какъ вдругъ она прервала его:

— Не за нее одну я страдаю... мой братъ погибъ.

Въ этотъ разъ уже Пальяръ ничего не понималъ и попросилъ объясненія. Бѣдняжка со слезами разсказала о тяжкомъ обвиненіи, взводимомъ на брата. Признаніе это заставило содрогнуться молодого человѣка, но онъ быстро оправился; увѣренія молодой дѣвушки, что во всемъ этомъ кроется ошибка, убѣдили его, такъ какъ между ними существовала уже тайная симпатія. Онъ утѣшалъ ее, увѣряя, что посвятитъ себя оправданію Мориса. Она разсказала, что возвратилась только-что отъ слѣдователя съ печальнымъ извѣстіемъ, что она надѣялась на свою подругу, которая можетъ спасти ея брата, и находитъ Сесиль при смерти.

— Но почему же, когда г-жа Сесиль сказала вамъ это, вы не настаивали, чтобы она немедленно заявила о томъ слѣдователю?

— Она предлагала, но слѣдователь обѣщавъ мнѣ, что братъ не сегодня, завтра будетъ выпущенъ, такъ какъ найденъ настоящій виновникъ.

— Лишнее оправданіе не испортило бы дѣла.

— Я же вамъ сказала, что мы условились съ Сесилью употребить это средство лишь въ крайности.

— Почему?

— Не знаю... Но я слышала, какъ она сказала: я погибну, но его спасу... Есть вещи, на которыхъ нельзя настаивать, особенно въ щекотливомъ положеніи Сесили по отношенію къ моему брату. Они были женихомъ и невѣстой, когда тотъ бездѣльничалъ, котораго вы видѣли вчера, надѣлалъ столько зла.

— И надѣлаетъ еще въ будущемъ... Теперь, м-ль Амели, сказалъ Люи Пальяр, становясь передъ нею и беря ее за обѣ руки, — не плачьте и посмотрите хорошенько на меня; на моихъ плечахъ сидитъ голова честнаго человѣка, который думаетъ, что говорить. Во мнѣ вы найдете вѣрнаго друга и я обѣщаю, чего бы мнѣ это ни стоило, мы спасемъ вашего брата.

— О, какъ вы добры, г. Люи.

Люи Пальяр привлекъ ее къ себѣ и нѣжно поцѣловалъ. Амели заплакала сильнѣе.

— Вы разсердились, м-ль Амели?

Она подняла на него свои прекрасные, влажные глаза и, покраснѣвъ, какъ вишня, сказала:

— Нѣтъ, это отъ волненія... Такъ странно встрѣчать людей съ добрымъ сердцемъ.

— Да, я чувствую тоже самое привидѣ васъ, бѣдняжка.

Онъ смотрѣлъ на нее, а она въ смущеніи опустила глаза, такъ какъ руки ея были все еще въ его власти; наконецъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, она сказала:

— Извините меня, г. Люи, я должна навѣститъ Сесиль.

Онъ выпустилъ ея руки. Она быстро направилась къ комнатѣ своей подруги.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Въ Бельфорѣ. Съ тихой грустью на лицѣ, ставитъ молодая дѣвушка на балконъ своего дома французское знамя съ надписью «3 сентяб-

ря. Также грусть выражается на лицѣ ея братишки-ребенка. О чемъ они вспоминаютъ въ эту минуту?.. Вы помните кровавую и страшную драму франко-прусской войны съ ея Мецомъ, Седаномъ, взятіемъ Парижа? Когда эта война затихла на время, когда начались переговоры о мирѣ, Пруссія потребовала у Франціи сдачи въ вѣчное владѣніе пруссаковъ Меца, Страсбурга и Бельфора. Нужно было имѣть твердость и настойчивость Тьера, ловкаго дипломата, горячаго патриота, чтобы отстоять который-нибудь изъ этихъ городовъ, удержавъ его въ рукахъ Франціи. И вотъ онъ отстоялъ Бельфоръ. Городъ остался французскимъ, онъ не достался пруссакамъ, ему не пришлось испытать участи значительной части Эльзаса и Лотарингіи, гдѣ стали опрессачивать народъ, уча его проклинать Францію, склоняя его перемѣнить и языкъ, и вѣру и былыя традиціи. За эту услугу Бельфоръ будетъ еще долго-долго съ глубокой благодарностью вспоминать о Тьерѣ и каждое 3 сентября—день смерти этого человѣка—будетъ торжественнымъ днемъ траура и скорби для этого города. Вотъ сюжетъ милаго и ловкаго рисунка французскаго художника Рюннара.

Обученіе принца дон-Хуана. На прошлогодней выставкѣ въ Мадридѣ эта картина получила первую премію, какъ произведеніе замѣчательно исполненное въ техническомъ отношеніи, вѣрное по аксессуарамъ времени, прекрасное по группировкѣ. Это страница изъ прошлой испанской жизни, когда цѣлый штатъ собирався во-кругъ принцевъ королевской семьи во время ихъ уроковъ. Тутъ являлись и учитель изъ какихъ-нибудь иезуитовъ, и мать принца, и придворныя дамы, и придворные мужчины, и пажы. Ребенокъ слушалъ публичную лекцію и отвѣчалъ уроки также публично, давая окружающимъ лицамъ возможность видѣть и направленіе его обученія, и степени усвоенныхъ имъ знаній. Наша копія съ этой картины исполнена въ Барселонѣ.

Наблюдатель-туристъ. Съ прекраснымъ талантомъ иллюстратора Андриолли наши читатели знакомы въ достаточной степени и потому намъ нечего распространяться о немъ. Андриолли умѣетъ схватывать типичныя черты людей и одинъ изъ такихъ подмѣченныхъ имъ типовъ является на нашемъ рисункѣ. Это наблюдатель-туристъ, останавливающийся съ разинутымъ ртомъ, съ видомъ удивленія, съ серьезностью знатока передъ каждымъ старымъ камнемъ, передъ каждой заржавѣвшей желѣзной дверью, передъ каждымъ полуразвалившимся зданіемъ. Такихъ наблюдателей-туристовъ вы встрѣтите въ Европѣ на каждомъ шагу и въ особенности среди англичанъ.

Въ мастерской башмачника. Это одна изъ легкихъ шуточныхъ картинъ нѣмецкой школы, которыхъ въ послѣднее время плодится не мало въ Германіи. Эти картины очень милы и вызываютъ улыбку, когда онѣ не имѣютъ претензій на серьезное значеніе въ искусствѣ, когда онѣ являются въ видѣ небольшихъ эскизовъ для украшенія кабинета или въ видѣ гравюръ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, для развлеченія читателей. Но этотъ легкій жанръ, конечно, былъ бы страшенъ, если бы подобная комическая сценка явилась на какой-нибудь выставкѣ въ видѣ большой картины. Это нѣчто въ родѣ разсказовъ гг. Ивана Горбунова и Павла Вейнберга: эти разсказы очень милы, когда имъ посвящено не болѣе двухъ страницъ; они были бы болѣе чѣмъ странны, если-бы который-нибудь изъ нихъ превратилъ въ цѣлую книгу.

Выборгъ. Видъ Выборга мы прилагаемъ къ статейкѣ «По Финляндіи». Въ теплые лѣтніе дни прогулка въ Выборгъ, на Иматру и въ Куопіо представляетъ для петербуржцевъ много приятныхъ сторонъ. Финская природа съ ея строгой

тишиной, съ ея величественными скалами съ соснами, Саймскій каналъ съ его чудными окрестностями и замѣчательными шлюзами, все это крайне интересно. Кромѣ двухъ рисунковъ Выборга, помѣщенныхъ въ настоящемъ номерѣ, у насъ были помѣщены въ нынѣшнемъ году: берега Выборга, весь Выборгъ, Иматра, и въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ мы помѣщаемъ видъ части Саймскаго канала.

Новости наукъ и жизни.

— **Отмѣна паспортныхъ стѣсненій на прусской границѣ.** Въ Прав. Вѣст. напечатано: «Императорскимъ королевскимъ повелѣніемъ 14-го (2-го) іюня, распубликованнымъ въ Берлинѣ 18-го (6-го) іюня, отмѣнены всѣ особыя мѣры относительно паспортовъ, установленныя при переѣздѣ прусской границы, по случаю бывшей въ астраханской губерніи эпидеміи, кромѣ обязательнаго визированія паспортовъ, которое оставлено въ своей силѣ».

— **И. С. Тургеневъ.** Одесской газетѣ «Правда» пишутъ изъ Парижа, что Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ выбранъ оксфордскимъ университетомъ въ почетные доктора этого заведенія и ѣдетъ на дняхъ туда на торжественный приемъ. На сколько намъ извѣстно, такой чести не удостоивался пока ни одинъ русскій, и И. С. Тургеневъ является первымъ русскимъ докторомъ оксфордскаго университета.

— **Макашинъ.** Въ «Сарат. Спр. Листкѣ» сообщены слѣдующія свѣдѣнія о литераторѣ, саратовскомъ мѣщанинѣ Макашинѣ, умершемъ въ Саратовѣ, въ бѣдности: «Макашинъ, нигдѣ не окончившій курса, былъ самоучкой (какъ онъ самъ себя называлъ), но, не взирая на это, обладалъ несомнѣннымъ литературнымъ дарованіемъ и писалъ очень недурные очерки и разсказы въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ въ «Современникѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ» и др. изданіяхъ, пользовавшихся въ то время значительнымъ авторитетомъ и большимъ вліяніемъ среди читавшей публики. Макашинъ черпалъ сюжеты для своихъ произведеній преимущественно изъ бытовой стороны жизни Саратова и его выдающихся въ торговомъ мѣрѣ жителей. Многіе извѣстные наши коммерсанты, уже теперь сошедшіе со сцены, описаны были Макашинымъ въ яркихъ краскахъ и поучительныхъ образахъ... Не мѣшало-бы почтительно память умершаго, хотя-бы изданіемъ его очерковъ...»

— **Лордъ Биконсфильдъ—драматургъ.** Въ «Кристалльномъ Дворцѣ», въ Лондонѣ, предполагалась къ постановкѣ, 19-го іюня, трагедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, подъ названіемъ: «Графъ Маркосъ», написанная лордомъ Биконсфильдомъ. На представленіе ея получено особое разрѣшеніе извѣстнаго автора.

— **Любопытный фактъ.** Московскій корреспондентъ газеты «Новое Время» сообщаетъ, что «15 лѣтъ тому назадъ, одному изъ служащихъ при Маломъ театрѣ, г. Матвѣеву, отдана была какимъ-то неизвѣстнымъ господиномъ пьеса для переписки. Г. Матвѣевъ переписалъ, но неизвѣстный заказчикъ и до сихъ поръ не является, а пьеса оказалась вещь весьма порядочной. Заглавіе ея—«Не съ деньгами жить, а съ добрыми людьми». Драма въ пяти дѣйствіяхъ». По всей вѣроятности, авторъ этой драмы внезапно умеръ, не успѣвъ сообщить роднымъ, что отдалъ свою драму переписать, а они, можетъ быть, и не знали, что онъ занимается литературою. Любопытно, принималъ-ли г. Матвѣевъ какія-нибудь мѣры къ отысканію неизвѣстнаго заказчика?»

— **Благополучно - окончившаяся тревога.** 8-го іюня, въ Пензѣ, въ лѣтнемъ театрѣ, во время спектакля упала со стѣны лампа. Разбившись, она обила керосиномъ даму, сидѣвшую въ ложѣ. Керосинъ воспламенился, въ публикѣ проне-слось роковое слово «пожаръ», и всѣ бросились бѣжать, тѣсясь у выхода. Но, къ счастью, все окончилось благополучно. Какой-то молодой человѣкъ (жалѣемъ, что не можемъ сообщить его имя) съ самоотверженіемъ бросился въ ложу, прямо черезъ барьеръ изъ партера и, сбросивъ

съ себя сюртукъ, накиннулъ его на загорѣвшееся платье дамы и потушилъ огонь; а потомъ приставъ первой части, г. Крыловъ, своею шинелью накрывъ горѣвшій въ ложѣ керосинъ, прекратилъ дальнѣйшее распространеніе огня. Публика успокоилась и потомъ спектакль окончился безъ всякихъ тревогъ.

— **Мало присудили!** «Пет. Листокъ» передаетъ слѣдующую сцену, разыгравшуюся въ камерѣ мирового судьи 13 участка въ Петербургѣ: Во время засѣданія 6-го іюня старичекъ Некрасовъ, который остался недоволенъ приговоромъ, по которому его жену присудилъ судья на двѣ недѣли подъ арестъ, за растрату ввѣренныхъ ей вещей, подходитъ къ судѣ. Судья. А вамъ что? Некр. Жалобу, батюшка... Судья. На кого?.. Некр. Да на вашу милость... Судья. Вотъ какъ!.. за что-же?.. Некр. Да женушку-то мою, безстыдницу, мало присудили... Судья. Ваша фамилія—Некрасовъ?.. Некр. Такъ точно, батюшка. Судья. Такъ вы недовольны рѣшеніемъ и находите, что слѣдовало-бы присудить къ аресту на болѣе продолжительный срокъ?.. Некр. Какъ-же, батюшка, слѣдовало-бы... вѣдь я хоть куды (старикъ 80 лѣтъ), а она, безстыдница, не хочетъ жить со мной... Судья. Ладно, мы увидимъ... Только напрасна жалоба... Некр. Охъ, родной, не напрасная!..

— **Землетрясеніе въ Катаніи.** Въ «Daily News» сообщаютъ, что 17-го іюня произошло сильное землетрясеніе въ провинціи Катаніи, около Ачи-Риля. Пять деревень совершенно разрушены, десять человѣкъ убито, множество ранено. Жители массами бѣгутъ изъ округа.

— **Ураганъ.** Изъ Валокъ (харьковской губ.) пишутъ въ газету «Голосъ» о слѣдующемъ бѣдствіи, постигшемъ жителей: нѣсколько дней назадъ въ 11 час. дня поднялся сильный вѣтеръ съ дождемъ, который, мало-по-малу, перешелъ въ ураганъ; послѣ того пошелъ градъ при сильныхъ, разразившихся одинъ за другимъ, громовыхъ ударахъ. Температура воздуха все болѣе и болѣе понижалась, такъ что къ двумъ часамъ сдѣлалось холодно. Вслѣдъ за страшнымъ громовымъ ударомъ, при сильномъ ураганѣ, началъ падать градъ, крупнѣе лѣсного орѣха, который черезъ четверть часа смѣнился проливнымъ дождемъ. Городъ, находящійся на низменной мѣстности, былъ залитъ водою, которая выступила изъ канавъ и потоками устремилась по улицамъ, снося попадавшіеся экипажи и телѣги, срывая мостики и тротуары, мѣстами прорывая глубокія рытвины и заноса цѣлыя улицы землею. Печальную картину представлялъ городъ, когда пересталъ ливень: масса домовъ съ сорванными крышами, холодныя деревянныя постройки обрушились; ледники и погреба залиты водою, деревья обломаны; овощи и зелень съ огородовъ унесена водою, домашняя птица (гуси, утки и проч.) побиты градомъ. Что касается хлѣбовъ, прекрасные всходы которыхъ подавали надежду на отличный урожай, то ихъ постигла участь еще печальнѣе: сначала они были смяты ураганомъ, а потомъ побиты градомъ, такъ что отъ нихъ нельзя даже ожидать возвращенія затратъ. Послѣдній громовой ударъ убилъ наповалъ двѣнадцатилѣтняго мальчика вмѣстѣ съ лошадыю, верхомъ на которой онъ ѣхалъ. Громовые убытки, нанесенные этимъ бѣдствіемъ, пока еще не приведены въ извѣстность. Старожилы здѣшней мѣстности не запомнятъ такой грозы.

— **Весь городъ пьянъ.** Недавно избранный секретарь сѣверо-американскаго сената, бывшій издатель газеты «American», получилъ изъ родного города Нашвилля, отъ живущихъ тамъ многочисленныхъ друзей и знакомыхъ, поздравительную депешу, слѣдующаго содержанія: «Весь городъ пьянъ по случаю вашего избранія».

— **Почти столѣтніе невѣста и женихъ.** Въ Гластонбери (въ Коннектикутѣ) возвѣщено о бракосочетаніи адвоката Амоса Паркера, 86 лѣтъ, съ миссъ Юліей Смитъ, которая на нѣсколько мѣсяцевъ старше своего жениха. Она единственная, остающаяся въ живыхъ изъ знаменитыхъ дѣвицъ Смитъ. Знаменитостью своею эти дѣвицы обязаны тому, что впродолженіи полулѣта штатъ принужденъ былъ ежегодно за-

хватывать и продавать ихъ коровъ, чтобы получить слѣдующій съ нихъ налогъ, такъ какъ сестры Смитъ, вѣщеніи своего продолжительнаго существованія, постоянно утверждали, что онѣ не обязаны платить податей до тѣхъ поръ, пока имъ не будетъ предоставлено право голоса. Новобрачная, которой не болѣе 86 лѣтъ, на видъ кажется столѣтнею. Она скорблена, вся въ морщинахъ, глуха и страдаетъ хроническимъ катаромъ, но сохранила всю ясность и энергію ума и остается непоколебимо въ своей рѣшимости не платить налоговъ. Впрочемъ, захватъ коровъ не наноситъ ей чувствительнаго ущерба, такъ какъ она, получивъ наслѣдство отъ своихъ четырехъ сестеръ, владѣетъ теперь значительнымъ состояніемъ.

— **Клятвы у дикарей.** Номады сѣвера употребляютъ три рода оправданій. Такъ въ менѣе важныхъ случаяхъ, достаточно повернуть ножъ въ солнцу и протестовать противъ обвиненія въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «если я виновенъ, то пусть солнце сдѣлаетъ больнымъ мое тѣло, какъ могъ бы это совершить этотъ ножъ!» Вторая форма клятвы заключается въ томъ, что, взойдя на гору, обвиняемый призываетъ на себя смерть, потерю дѣтей и оружія, накликиваетъ неудачу на охотѣ и т. п., въ случаѣ несправедливости своихъ показаній. Но самый торжественный обрядъ обусловливается питьемъ крови собаки, убитой и сожженной стариками. «Если я виновенъ, да погибну, подвергнусь сожженію и буду выброшенъ какъ эта собака», говоритъ при этомъ приносящій клятву. На островѣ Суматрѣ текстъ присяги немного различается отъ предшествовавшего: «если измѣню моему слову, пусть буду зарѣзанъ, какъ это животное, и погибну, подобно сердцу, которое теперь поѣдаю», говоритъ, получившій вызовъ, отвѣтчикъ. Обычай бедуиновъ тоже своеобразенъ въ этомъ отношеніи. Напримеръ, обокраденный ведетъ подозрѣваемого къ шейку или кади и тамъ предлагаетъ принести торжественную присягу. Въ случаѣ согласія, обвинитель чертитъ на пескѣ кругъ секиномъ (монета) или ножомъ, проводитъ по срединѣ двѣ перекрестныя линіи, вступаетъ туда самъ правою ногою и заставляетъ сдѣлать тоже самое обвиненнаго, который долженъ повторять слѣдующія слова: «Ялянусь Аллахомъ, въ Аллахѣ и помощью Аллаха, что не бралъ такой-то вещи и что она не находится въ моемъ владѣніи». Для большаго эффекта отвѣтчикъ кладетъ въ кругъ муравья и немного шерсти верблюда, выражая этимъ надежду не лишиться никогда ни запасовъ на зиму, ни верблюжьяго молока. Замѣчательно, что легковѣрные бедуины производятъ все это вдали отъ своихъ жилищъ, дабы магическое свойство присяги не повредило цѣлому племени. Хотя среди дикарей существуетъ повлѣніе будто клятвопреступникъ подвергается болѣзнямъ и даже смерти, однако они охотно обходятъ правило. На берегахъ Гвиней, тѣ, которые намѣрены не исполнять клятвенныхъ обещаній, прибѣгаютъ обыкновенно къ жрецамъ, стараются заручиться ихъ разрѣшеніемъ. Поэтому, заставляя приносить присягу надъ питемъ, которое способно якобы причинить смерть, въ случаѣ обмана, заинтересованная сторона заручается клятвою жреца, что онъ не освободитъ отвѣтника отъ исполненія обязательствъ. Въ Абисиніи существуютъ почти тѣже повѣрія. Одинъ военачальникъ, проговоривъ клятву, сказалъ потомъ своимъ приближеннымъ: «слыхали-ли вы какую у меня вынудили присягу. Прекрасно: я ее смываю съ моего языка». Съ этими словами, онъ вытеръ языкъ, сцѣпилъ и считалъ себя свободнымъ отъ сдѣланныхъ обещаній.

— **Каменные постройки въ деревняхъ.** На разсмотрѣніе правительства, по словамъ «Новаго Времени», внесенъ проектъ устройства частнаго товарищества, дѣятельность котораго будетъ заключаться въ распространеніи въ селеніяхъ каменныхъ построекъ, какъ способствующихъ къ уменьшенію числа пожарныхъ случаевъ, и съ этою цѣлью, въ выдачу крестьянамъ ссудъ на постройку каменнымъ зданій и пріемъ этихъ по-

слѣднихъ на страхъ равно какъ и находящагося въ нихъ имущества. Кругъ дѣйствій товарищества предполагается ограничить петербургскою и смежными съ нею губерніями. Ссуды на постройки предполагается выдавать съ предоставленіемъ права производить ихъ погашеніе по частямъ, съ платежомъ небольшихъ процентовъ, подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы построенныя зданія страховались въ продолженіи извѣстнаго числа лѣтъ обязательно въ товариществѣ. Въ видахъ доставленія наибольшаго удобства крестьянамъ къ возведенію каменныхъ построекъ, товарищество имѣетъ въ виду устраивать собственные кирпичные заводы и затѣмъ будетъ выдавать часть ссуды кирпичемъ въ нужномъ для постройки количествѣ, по возможно-дешевымъ цѣнамъ. Изъ прибылей же общества предполагается отдѣлять извѣстный процентъ на образованіе капитала для пособія погорѣльцамъ.

— **Новыя телеграфныя линіи.** Въ «Нов. Вр.» сообщаютъ, что особая коммисія по выработкѣ нормальнаго бюджета для распространенія телеграфной сѣти, окончила свои занятія. Линіи, предлагаемыя къ сооружеію, раздѣлены на три категории, на сооруженіе ихъ опредѣлено отпустить миллионъ ежегодно. Изъ него 840,000 рублей употребляютъ на сооруженіе линій первой категоріи, т. е. для соединенія съ общемою сѣтью уѣздныхъ городовъ и другихъ важныхъ пунктовъ. Ко второй категоріи отнесены населенные пункты, имѣющіе меньшее значеніе, къ третьей же линіи въ окраинахъ важныя преимущественно для правительства. Сооруженіе линій первой категоріи потребуетъ до 4.200,000 р., второй—2.260,820, третьей—4.853,950. Первая заключается 21,340 вер. линій, 24,380 верстъ проводовъ и 410 станцій, вторая 6,485 верстъ линій, 18,411 проводовъ и 129 станцій, третья 6,662 версты, 12,822 проводовъ и 90 станцій. Коммисія обратила вниманіе на необходимость удешевленія телеграфнаго тарифа. Въ составъ коммисіи входили представители отъ телеграфнаго вѣдомства, министерства финансовъ и государственнаго контроля.

— **Приборъ для сцѣпленія вагоновъ.** Въ министерство путей сообщенія представленъ приборъ для автоматическаго сцѣпленія вагоновъ на желѣзныхъ дорогахъ. Рабочіе, сцѣпляющіе вагоны, при нынѣшнихъ способахъ, нерѣдко платятся за это жизнью, попадая между буферами, такъ какъ для сцѣпленія одного вагона съ другимъ, при нынѣшней системѣ, необходимо, чтобы рабочіе находились между вагонами; новый же приборъ, изобрѣтенный В. И. Колчакомъ и состоящій изъ вагоннаго крюка и петли, обезпечиваетъ безопасность и жизнь желѣзнодорожной прислуги, сокращаетъ время и уменьшаетъ число рабочихъ, необходимыхъ при сцѣпленіи вагоновъ. Для составленія поѣзда по новому прибору, достаточно локомотивомъ только сблизить, до слабаго нажатія на буфера, рядъ стоящихъ вагоновъ на дорогѣ, чтобы всѣ они, безъ участія рабочихъ, были сцѣплены. Такою автоматическою сцѣпкою достигается также и самое прочное соединеніе одного вагона съ другимъ.

— **Лѣстница, очень удобная во время пожара.** Одинъ изъ саратовскихъ юристовъ г. Б., по словамъ мѣстной газеты, изобрѣлъ «безконечную веревочную лѣстницу», которая будетъ чрезвычайно полезна для оказанія помощи при пожарахъ, особенно-же обитателямъ верхнихъ этажей, которые очень часто платятся своею жизнью за невозможностью выйти изъ объятаго пламенемъ дома. Устройство снаряда весьма несложно: на два цилиндра, внутри которыхъ находятся металлическіе прутья, надѣваются двѣ параллельно идущія кольцеобразныя веревки различной, смотря по обстоятельствамъ, величины, пересѣкаемыя при этомъ перпендикулярными-же ступенями. Для большаго удобства, къ симъ кольцеобразнымъ веревкамъ по сторонамъ прикрѣпляются различной величины петли. Во время пожара, одинъ конецъ этой лѣстницы, вмѣстѣ съ цилиндромъ, опускается съ извѣстнаго этажа на землю, а другой прикрѣпляется къ какому-ни-

будь отверстию, окну, двери и проч. При помощи двухъ скобокъ по ступенямъ и петлямъ, такимъ образомъ приспособленной лѣстницы, очевидно легко спустить все, что потребуется.

— **Опасность зараженія отъ дѣтскихъ игрушекъ.** Въ «Голосѣ» напечатано: «Дѣтскія игрушки, давно обращаютъ на себя вниманіе врачей, какъ носители случайныхъ заболѣваній. Вліяніе красокъ на игрушкахъ, настолько очевидно для всякаго, что употребленіе многихъ цвѣтвыхъ воспрещено административными постановленіями. Но не одна только окраска обращаетъ на себя вниманіе. Въ заграничной печати поднятъ весьма существенный вопросъ о возможности передачи болѣзни путемъ игрушекъ, прикладываемыхъ къ губамъ, или вкладываемыхъ въ ротъ для полученія звука (свистульки, трубы съ фарфоровыми и другими наконечниками и проч.). Конечно, работники игрушекъ могутъ сдѣлаться виновниками зараженія, но по отношенію къ нимъ подобная вѣроятность низводится почти къ 0. Зато продавцы игрушекъ, покупатели и проч. подымаютъ возможность передачи заразы до болѣе, чѣмъ почтенныхъ размѣровъ. Довольно вспомнить, сколько ртовъ попробуетъ достоинство игрушки, сколько губъ приложится къ ней втеченіи одного часа, не говоря о цѣломъ днѣ, чтобы признать возможность передачи заразы мундштукомъ игрушки. Каждый прикащикъ, продавая игрушку, попробуетъ полизать, или поцѣловать; ту же операцію продѣлываетъ ребѣнокъ и покупатель, и никто изъ нихъ, или очень немногіе оботрутъ привлекательную попку, прежде полученія предмета изъ рукъ въ руки. Возможность зараженія мундштуками для пашпортъ, табачныхъ трубокъ и проч., давно извѣстна и занесена на столбцы каждаго учебника. Вѣроятность же переноса заразы сходными съ ними предметами почему-то упускалась изъ вида и только въ нынѣшнемъ году, докторъ Галипшъ поднялъ этотъ важный вопросъ на одномъ изъ столбцовъ парижскаго журнала. Въ виду значительности числа заболѣваній среди взрослыхъ и дѣтей всевозможныхъ возрастовъ, заявленіе парижскаго врача, имѣетъ большое практическое значеніе».

— **Изъ японскихъ нравовъ.** Императрица японская Гарекко (весна), учившаяся въ юности ткацкому искусству, соткала недавно собственноручно, двѣ штуки шелковой матеріи для костюмовъ мужу и свекрови. — Надняхъ та-же императрица раздавала ученицамъ аттестаты при выпускномъ экзаменѣ и обратилась къ дѣвушкамъ съ слѣдующей рѣчью: «съ самаго основанія школы, учителя преподавали свой предметъ съ большимъ усердіемъ, и ученицы занимались такъ старательно, что я съ радостью выдаю имъ удовлетворительные аттестаты. Человѣкъ, къ сожалѣнію, созданный такъ, что довольствуется и посредственными результатами. Но, не смотря на то, что образованіе ваше теперь считается оконченнымъ, я все-же надѣюсь, что вы постоянно будете стремиться къ пополненію прибрѣтенныхъ познаній».

ОТЪ КОНТОРЫ. № 24-й «Живописнаго Обозрѣнія» сланъ на городскую почту 16-го іюня въ 6 часовъ утра, на иногороднюю почту 17-го іюня въ 1 часъ дня.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Изъ стихотвореній Г. Гейне. — Власьева. — Патеръ Грегоръ. — Кантъ и его мнѣніе о женщинахъ. — По Финляндіи. — При осадѣ Никшича (продолж.). — Иза (продолж.). — Къ рисункамъ. — Новости наукъ и жизни. — Объявленія. Гравюры: Окрестности Выборга. — Выборгъ. — Въ мастерской башмачника. — Обученіе принца Дона Хуана. — Въ Вельфорѣ 3 сентября. — Наблюдатель-туристъ.

Редакторъ-издатель Д. А. Карчъ-Карчевскій.

Объявленія.

Черногорія и ея война съ Турціей съ 1877—78 г. Д-ра А. В. ЩЕРБАКЪ. ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ. Цѣна 1 р. 25 к. Продается въ книжномъ магазинѣ Кехрибаджи. Невскій, № 32.

№ 26. Томъ I.

На годъ, съ доставкою и пересылкою — 7 руб.;
на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсц. — 2 руб.
Отдѣльн. №№ по 20 к.

С.-Петербургъ, 30 Іюня 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новая
улица, домъ № 6.

Годъ VII.

Ненастье.

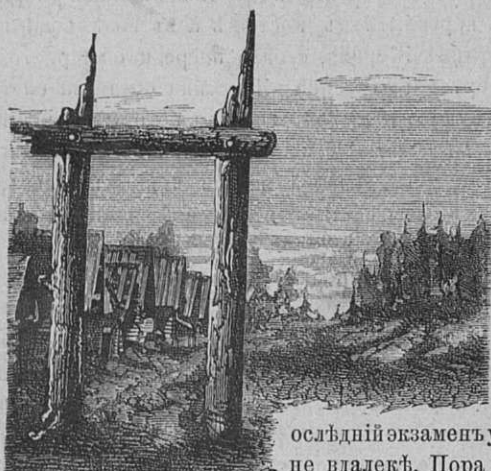
Стих. Кн. Дм. Голицына.

Собралися тучи,
Вѣетъ непогодой,
Тяготитъ ненастье
Надо всей природой.
Голубое небо
Скрылося за тучей,
Туча засверкала
Молніей могучей.
Давитъ непонятно
На душу ненастье,
Точно предвѣщаетъ
Буря мнѣ несчастье.
Ей! расчисти вѣтеръ
Небо голубое,
Чтобъ опять сіяло
Солнце золотое;
Появись надежда —
Въ горѣ утѣшенье,
Чтобъ исчезло съ тучей
Тяжкое мученье,
Чтобъ въ душѣ, какъ въ небѣ,
Все сверкало чудно,
Чтобы жить на свѣтѣ
Не было такъ трудно.

Изъ моихъ воспоминаній.

Фридриха Шпильгагена.

(Продолженіе.)

ослѣдній экзаменъ уже не вдалекѣ. Пора по-
полнить извѣстныя пробѣлы въ нашихъ позна-
ніяхъ, открывшіяся при ближайшемъ наблюденіи
нашему критическому оку, изощренному пред-
стоящимъ испытаніемъ. Мы рѣшили заняться
сообща дѣломъ, не столько труднымъ, сколько
требующимъ терпѣнія, и съ этою цѣлью усѣлись
въ комнаткѣ Адальберта: я на краю постели, онъ

на шагъ отъ меня (въ этой комнаткѣ 4 шага въ
ширину и 8 въ длину) за маленькимъ, шаткимъ,
покрытымъ книгами и тетрадями столомъ, при
мерцающемъ свѣтѣ маленькой лампочки, и вотъ
Адальбертъ вытягиваетъ толстую тетрадь in folio.
Въ этой толстой тетради не скрыто, граматиче-
ской, исторической или математической, вообще
никакой школьной премудрости; это новая пяти-
актная трагедія Адальберта «Розамунда». Онъ
читаетъ очень скверно, торопясь, сухимъ, без-
звучнымъ голосомъ, безъ малѣйшей модуляціи,
не дѣлая даже попытки отгнѣнить рѣчь одного
отъ рѣчи другого. При этомъ худощавое туло-
вище его раскачивается равномернѣе, то нагиба-
ясь, то выпрямляясь, а узкія руки, охватываю-
щія угловатое колѣно правой ноги, заложенной
сверху лѣвой, съ тою же правильною мятни-
кой слѣдятъ за движеніями всего тѣла. Все это
мелочи, на которыя не слѣдовало бы обращать
вниманія; я употребляю всевозможныя усилія не
отвлекаться ими, но онъ слишкомъ мѣшаютъ мнѣ
и въ высшей степени портятъ впечатлѣніе чте-
нія. Я нахожу вполне доказаннымъ, «что отъ
декламации зависитъ успѣхъ оратора». Начиная
съ секеты, я долженъ былъ декламировать на
всѣхъ школьныхъ актахъ и прилежнымъ упраж-
неніемъ выработалъ себѣ дѣйствительное умѣніе.
Мнѣ такъ хочется попросить друга позволить мнѣ
читать, но не рѣшаюсь перебить его, несмотря
на то, что плохая дикція мѣшаетъ мнѣ иногда
понять самый смыслъ словъ. Къ этому присоеди-
няется еще гораздо худшее обстоятельство, въ
которомъ я, къ сожалѣнію, долженъ убѣдиться
въ глубинѣ души. Я не въ состояніи слѣдить за
изображаемымъ положеніемъ дѣйствующихъ лицъ;
я чувствую непріятное сознаніе, что всѣ эти
Розамунды, Гельмхисы, Альбионы и прочіе, съ
ихъ дѣйствіями, стремленіями и желаніями, въ
сущности, нисколько меня не интересуютъ, вовсе
не касаются меня, и словоохотливое выраженіе
ихъ чувствъ и страстей не находитъ ни малѣй-
шаго отголоска въ моей груди; участіе, которое
они возбуждаютъ во мнѣ, совершенно косвенное,
вызванное исключительно сочувствіемъ ко всему,
что касается моего гениальнаго друга.

Несмотря на это, мое восхищеніе такъ непод-
дѣльно, и убѣжденіе въ томъ, что я не въ со-
стояніи создать ничего подобнаго, такъ искренне,
что я даже теперь, когда представляется такой
удобный случай, не въ силахъ отнестись къ
Адальберту съ тою же ѣдкой критикою, съ ка-
кою онъ отнесся въ началѣ нашей дружбы къ
моимъ произведеніямъ.

Дѣло было вотъ какъ. Я далъ ему, между про-
чимъ, прочесть большую повѣсть, которая въ
свое время возбудила величайшій энтузіазмъ въ
нашемъ кружкѣ. На другой день я съ сердеч-
нымъ трепетомъ вошелъ въ его комнату. — «Ну,
твой приговоръ?» — «Вотъ онъ», отвѣчалъ Адаль-
бертъ, указывая на заглавіе. Онъ зачеркнулъ
мое имя и вмѣсто него выставилъ Клаурень.
Этотъ приговоръ былъ въ высшей степени не-
справедливъ. Онъ могъ оправдываться только
болѣзненною сентиментальностью, въ которой я
дѣйствительно былъ грѣшенъ; но его вовсе не
заслуживала честная, чуждая всякаго легкомы-
слія, направленная къ добруму, прекрасному, благо-
родному, идея цѣлаго произведенія, которой
вполнѣ соответствовалъ восторженный, пылкій,
исполненный длинныхъ періодовъ слогъ. Не об-
ращать вниманія на частности и бить дубиной
тамъ, гдѣ довольно хлопотки, было совершенно
во вкусахъ моего друга, и я, какъ уже сказано,
принялъ этотъ ударъ, не поморщась, какъ прини-
маютъ заслуженное наказаніе, хотя и превы-
шающее должную мѣру и основанное на не со-
всѣмъ вѣрныхъ мотивахъ. Другъ мой, тронутый
моимъ смиреннымъ молчаніемъ, началъ объяс-
нять и мотивировать свой приговоръ. Онъ нахо-
дилъ, что Евгений, такъ звали моего героя, по-
хожъ на меня и нравился ему въ предѣлахъ
этого сходства. Но сходство это невелико, такъ
какъ я ставлю своего героя въ столкновеніе съ
личностями, которыхъ до сихъ поръ Адальбертъ
не имѣлъ, да, говоря откровенно, и не желалъ
бы имѣть чести встрѣчать: итальянскими разбой-
никами, французскими мародерами и т. п. Мои
маркизы, графы и графини съ ихъ преувеличен-
ною любезностью или чопорною важностью ему
не нравились, и онъ не могъ повѣрить, чтобы
люди въ дѣйствительности такъ думали, говорили
или дѣйствовали.

— Правда, прибавилъ онъ, — мнѣ трудно объ
этомъ судить, такъ какъ я никогда не бродилъ
по площади св. Марка въ Венеціи, никогда не
катался по лагунамъ и, къ моему великому благо-
получію, не принималъ ни малѣйшаго участія въ
знаменитомъ дѣлѣ на Аркольскомъ мосту, кото-
рое стоило жизни твоему Евгению.

Наконецъ, собравъ во едино всѣ эти разроз-
ненныя стрѣлы ироніи онъ воскликнулъ:

— Однимъ словомъ, ты написалъ какую-то
фантазію о мѣстностяхъ, въ которыхъ никогда
не былъ, о лицахъ, подобныхъ которымъ никогда
не встрѣчалъ, кромѣ того перенесъ дѣйствіе въ
такую эпоху, о которой могъ составить себѣ

понятіе, только прочитавъ съ трудомъ и поверхностно съ полдюжины книгъ, и вслѣдствіе всего этого, повѣсть твоя такакая блѣдная, неудачная, безцвѣтная, насквозь пропитанная скукою вещь.

— Я самъ вижу теперь, что написалъ вздоръ, перебилъ я ретиваго зонта, — но что повѣсть должна была выйти вздоромъ вслѣдствіе приведенныхъ тобою причинъ, съ этимъ я не могу согласиться. Если писатель обязанъ изображать только то, что онъ видѣлъ и пережилъ, то творчеству его скоро конецъ. А какъ же твой Сауль? твой...

— Это совсѣмъ другое дѣло, возразилъ Адальбертъ.

— Докажи!

Адальбертъ не успѣлъ привести доказательствъ, такъ какъ на сосѣдней церкви пробило 8 и пора была вернуться въ школу, узкая дверь которой, къ счастью, приходилось какъ разъ противъ окна комнатки моего друга.

Въ жизни бываютъ моменты, про которые можно съ увѣренностью сказать, что они рѣзко дѣлятъ наше существованіе на два періода.

Подобнымъ критическимъ моментомъ были для меня тѣ нѣсколько минутъ, когда я стоялъ, положивъ руку на ручку двери, а Адальбертъ, поспѣшно укладывая книги и тетради, уничтожалъ сарказмами мою блѣдную повѣсть и мое юное авторское самолюбіе.

Но въ этомъ случаѣ, эти два жизненные періода, не слѣдовали непосредственно одинъ за другимъ, между ними лежала широкая, повидимому, безплодная полоса, тянувшаяся долгіе годы.

Я сказалъ уже, что не имѣлъ ничего противъ жестокаго осужденія, постигшаго мой трудъ, и былъ несогласенъ только съ основными доводами этого рѣшенія. Но вскорѣ я убѣдился, что прощательный другъ мой и въ этомъ случаѣ оказался правъ, и что повѣсти и драмы вещи совершенно различныя, возникающія совершенно различнымъ способомъ и вслѣдствіе этого, подчиняющіяся различнымъ условіямъ, такъ что то, что хорошо для однихъ, совсѣмъ не годится для другихъ.

Возникновенію этого мнѣнія въ высшей степени способствовало то обстоятельство, что я, по своимъ дружескимъ отношеніямъ къ Адальберту, легко могъ слѣдить за процессомъ творчества юнаго драматическаго писателя. Ходульность и чопорность моихъ образовъ преслѣдовали меня уже раньше и я тотчасъ же согласился съ доводами моего друга: я пытался изобразить не только то, чего никогда не испытывалъ въ дѣйствительности, но чего и не переживалъ въ собственной душѣ. Ей была совершенно чужда и ненависть къ французамъ, которой былъ исполненъ мой герой, (австриецъ), и страстная любовь и терпѣливое страданіе героини, и дявольская хитрость моего злодѣя—іезуита. Теперь, когда мнѣ открыли глаза, я самъ нашелъ все это безвкуснымъ, смѣшнымъ вздоромъ. До всѣхъ этихъ лицъ въ сущности мнѣ не было дѣла; они были схематическими фигурами, блѣдными тѣнями. Но какой интерес могли представить для меня выведенные другомъ моимъ Сауль и Давидъ, Авессаломъ и Абнеръ? положимъ, эти обряды были знакомы моей дѣтской фантазіи и самая мѣстность, гдѣ происходило дѣйствіе, была до нѣкоторой степени извѣстна мнѣ, за то, выведенные затѣмъ на сцену богатыри древней германской мифологіи были мнѣ совершенно чужды и вдобавокъ несимпатичны; я не понималъ смысла этихъ образовъ, они казались мнѣ чудовищны, неясны, подчасъ скучны, но я никогда не находилъ ихъ безвкусными и смѣшными; я приписывалъ только своей винѣ недостатокъ интереса къ нимъ; моей вѣтренности, легкомысленности, которая не позволяла мнѣ углубиться въ нихъ.

Какая же причина этого рѣзкаго различія впечатлѣній производимыхъ на меня двумя художественными произведеніями, имѣвшими между собою полнѣйшее сходство въ томъ, что образы, выведенные въ нихъ, нисколько меня не занимали.

Стараясь отвѣтить на этотъ вопросъ, я попрошу благосклоннаго читателя не подозревать меня въ желаніи приписать неопытному юношѣ свои позднѣйшія мысли и болѣе глубокое знаніе. Я вполне убѣжденъ, что въ то время, я именно такъ думалъ и чувствовалъ, какъ постараюсь изобразить, при чемъ охотно допускаю, что въ то время я не былъ бы въ состояніи выразить мои ощущенія или уяснить ихъ причину. При томъ же новыя убѣжденія возникли во мнѣ не въ формѣ ясныхъ представленій или опредѣленныхъ понятій, но въ видѣ расплывающихся образовъ, въ полномъ значеніи этого слова.

Когда Адальбертъ читалъ мнѣ свои драматическія произведенія (что происходило всегда по вечерамъ) и я слушаю его съ полускрытыми глазами, сидѣлъ на краю постели, во мнѣ часто возникала иллюзія, будто бы на стѣнѣ, на которую падала тѣнь его, скользя еще другія тѣни, совершали причудливыя движенія, соответствующія словамъ дѣйствующихъ лицъ. Если наступала сцена, которой я не понималъ или чересчуръ длинный монологъ—неясные образы исчезали и я видѣлъ на стѣнѣ только тѣнь моего друга, то увеличивающуюся, то уменьшающуюся, смотря по тому, наклонялся или выпрямлялся онъ во время своего чтенія. Если выведенное въ драмѣ положеніе вызывало въ моей памяти подобное же положеніе, въ которомъ находились герои моей повѣсти, или разговоръ напоминалъ слова, вложенныя мною въ уста моихъ дѣйствующихъ лицъ—я снова видѣлъ тѣни на стѣнѣ. Но онѣ казались мнѣ уже не такими расплывчатыми, а болѣе опредѣленными, двигались спокойнѣе и разнѣреннѣе, такъ что я поэтому самому не могъ ихъ смѣшать съ образами, возникающими непосредственно при слушаніи моего друга. Кромѣ того, въ нихъ замѣчалась еще другая особенность. Дѣйствующія лица Адальберта всегда отличались гигантскими размѣрами, всегда выходили изъ рамки на стѣнѣ; мои же держались постоянно въ рамкѣ, не переходя границъ обыкновеннаго человѣческаго роста, такъ что оставалось мѣсто для аксесуаровъ, деревьевъ, мебели; я замѣтилъ вскорѣ, что эти аксесуары постоянно повторялись и слѣдовательно находились въ необходимой связи съ этими образами.

Эти странныя видѣнія повторялись настолько часто, что я могъ убѣдиться, что ихъ правильность не могла быть случайною и указывала на извѣстное отношеніе между поэзіей моего друга и моей собственной.

Казалось, что образы его отличаются отъ моихъ и качественно, и количественно: его—крупнѣе, сильнѣе моихъ, болѣе склонные распыляться и терять опредѣленные размѣры, что объяснялось ихъ туманностью и неуловимостью. Этому способствовала и неопредѣленность мѣста дѣйствія его фигуръ, такъ что онѣ походили на осяіановскихъ духовъ, посящихъ надъ туманною землею и ищущихъ себя воплощенія. Все это находилось въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ сущностью, природою и условіями существованія моихъ собственныхъ образовъ. И тутъ-то я понималъ, почему мои произведенія еще до приговора моего друга, не удовлетворяли меня, а теперь были мнѣ просто противны, какъ противны мнѣ всякая ложь и неправда. При этомъ, возникшее во мнѣ убѣжденіе, что недостатки эти зависятъ не отъ свойствъ моего духа или фантазіи, а являются неизбежнымъ слѣдствіемъ недостаточнаго знанія свѣта и узкости круга моей опытности доставило мнѣ мало утѣшенія. Хорошо было смѣяться Адальберту, пожелавшему, чтобы я

присоединилъ къ прочимъ моимъ качествамъ крылья утренней зари—онъ не пужался во вѣшнемъ мірѣ, онъ, какъ Прометей, на перекоръ судьбѣ, на зло богамъ, создавалъ своихъ людей.

Изъ какого матеріала? это былъ второй вопросъ, представлявшійся мнѣ при наблюденіи его творческой дѣятельности. Не было-ли и здѣсь такого же различія между творчествомъ моего друга и моимъ? Хотя я принялся за свой трудъ безъ всякой предвзятой мысли, но мнѣ стало совершенно ясно, что я вездѣ, гдѣ только могъ, воспользовался своимъ знаніемъ свѣта и человѣческаго сердца, и что немногое достойное похвалы въ этихъ ученическихъ работахъ, заключалось въ сходствѣ съ дѣйствительностью. Но какимъ опытомъ могъ воспользоваться мой другъ, который никогда не посѣщалъ никакого общества, чье сердце, на сколько мнѣ было извѣстно, пылало любовью только къ своимъ созданіямъ, который видѣлъ свѣтъ только «по праздникамъ», когда мнѣ удавалось, при помощи моего краснорѣчія, вытащить его на прогулку; онъ, который какъ мнѣ самъ говорилъ и чему я вполне вѣрю, никогда не садился на лошадь, не бралъ въ руки ружья, на всякую охоту смотрѣлъ, какъ на глупость, и котораго невозможно было представить себѣ въ веселомъ кругу, подъ руку съ хорошенькой дѣвушкой, что могъ онъ внести извинѣ въ свою одинокую келью, гдѣ, затворивъ дверь и зажегши лампу, на шаткомъ столѣ у печки, просиживалъ на пролетѣ цѣлыя ночи, писалъ безъ усталости и клалъ перо только на минуту, чтобы потереть острые колѣни своими тощими руками, пока воспаленныя глаза пробѣгали еще невысохшую страницу? Все казалось мнѣ непонятнымъ въ его дѣятельности; между творчествомъ и его созданіемъ я не могъ уловить никакой связи и мнѣ, съ дѣтства недопускавшему чудесъ, оставалось принять только мнѣніе, что при драматическомъ творствѣ все совершается иначе, чѣмъ при писаніи романа, при чемъ я не забывалъ принять въ соображеніе и неоспоримую гениальность друга.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

И з а.

Романъ А. Бувые.

(Продолженіе.)

Глава VIII.

Ночь любви.

Была чудная осенняя ночь; вечеромъ палъ туманъ, но черезъ нѣсколько часовъ онъ разсѣялся и атмосфера тотчасъ же преобразилась; пропизывающая холодная сырость тумана замѣнилась влажной теплотой; можно было вообразить себя въ концѣ лѣта. Иза, въ своей уборной, въ первобытномъ костюмѣ и въ позѣ Фрины на картинѣ Жерома, стояла посреди обширнаго серебряннаго бассейна. Жюстина обдавала ея трепещущую кожу благовоніями, которыми она имѣла обыкновеніе душиться; изъ подъ приподнятой лѣвой руки, залитой массой черныхъ волосъ, во всемъ блескѣ выглядывала смѣющаяся головка. Иза спросила у своей горничной:

— По крайней мѣрѣ холодно-ли сегодня вечеромъ?

— Къ счастью, нѣтъ, отвѣчала та съ улыбкой. Есть отъ чего и такъ простудиться съ подобными фантазіями. Какое платье прикажите приготовить?

— Самое скромное, ты понимаешь Жюстина, это все равно брошенная вещь. Но торопись, онъ ждетъ.

И Жюстина пропустила черезъ голову красавицы рубашку, обшитую кружевомъ, прозрачную, какъ паутина.

— О вы будете готовы, вашъ туалетъ не сложенъ.

Иза присѣла; горничная надѣла на ея чудныя, точно выточенные ноги шелковые чулки, обула ихъ въ маленькія, комнатныя туфли. Иза встала и подошла къ зеркалу.

— Я сама уберу голову, дай мнѣ то длинное черное бархатное платье.

— Въ родѣ капота... напоминающее покроемъ монашескую рясу.

— Именно... въ одну секунду его можно сбросить... скорѣе...

Иза, настоящая артистка, причесывала свои великолѣпныя волосы; она ловко сдѣлала прическу, самая безыскусственность которой затруднило бы лучшаго парикмахера; однимъ движеніемъ она могла распустить ее и наводнить свои плечи тяжелою блестящею массой. Жюстина принесла платье, которое она быстро надѣла. Никакія слова не передадутъ красоту Изы въ роскошной бархатной драпировкѣ безъ всякаго украшенія, безъ всякой драгоцѣнности, обязанную всѣмъ себѣ самой. Жюстина принесла кружевную косынку, которую она накинула на голову на манеръ мантили, частью прикрывъ ею лицо. Она была готова.

Войдя въ будуаръ, она взяла ключъ отъ маленькой шифоньерки—крошечный золотой ключикъ, немного болѣе обыкновеннаго часового, и спрятала его въ волосахъ.

— Вѣроятно мнѣ нельзя будетъ вернуться раньше нѣсколькихъ дней, сказала она;— ты сама выметешь каминъ, чтобы никто не видѣлъ слѣдовъ бумагъ, которые мы сожгли передъ отъѣздомъ... и до завтра.

Иза спустилась съ лѣстницы. Карета ее ждала. Она вошла въ нее. Жюстина приказала кучеру ѣхать на площадь Согласія, на уголь моста и черезъ нѣсколько минутъ карета остановилась. Тотчасъ же изъ другой кареты, стоявшей не подалеку, вышелъ мужчина и спросилъ у кучера, не даму-ли онъ привезъ.

Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ открылъ дверцу.

— Вы-ли это Иза? сказалъ Оскаръ Вершемонъ.—Дайте мнѣ руку... пойдете.

Онъ помогъ ей выйти и подвелъ къ другой каретѣ, которая немедленно тронулась, какъ только они оба сѣли.

— Иза, довольны-ли вы мною?

— Да... видите, я исполнила свое обѣщаніе...

— Еслибъ вы знали, Иза, какая лихорадка овладѣла мною; условленный часъ прошелъ, и я думалъ уже, что вы не пріѣдете.

— О, когда я дала слово, я держу...

— Ты обѣщаешь любить меня?

— Я васъ люблю и вы это знаете...

— И всегда ты будешь любить меня?

— Всегда...

— Еслибъ ты знала, что ты для меня, моя жизнь, моя будущность... еслибъ я не могъ обладать тобою, я убилъ бы себя, Иза... Жизнь безъ тебя мнѣ немислима.

— Не говори глупостей... Отчего вы не пріѣхали ко мнѣ?

— Послушай, Иза, и не смѣйся надо мною...

Обвивъ рукою ея талью, онъ привлекъ ее къ себѣ; она не сопротивлялась; она смотрѣла на него съ тихою улыбкой и во взглядѣ ея Оскаръ читалъ любовь.

— Иза, я люблю тебя страстно, продолжалъ онъ.—Никогда, ничего я не видѣлъ около тебя, что могло бы возбудить мои подозрѣнія—а между тѣмъ я ревную... Я ревновалъ тебя къ окружающему...

— Какимъ образомъ?

— Да, ревновалъ къ твоимъ мыслямъ... Я знаю, что ты вольна располагать своею жизнью, что я не имѣю права рыться въ твоёмъ прошломъ.

— Мое прошлое безупречно; сначала какъ

честной дѣвушки, потомъ какъ честной женщины...

— Вѣрю тебѣ, Иза; но я ревную къ твоему умершему мужу; всѣ эти вещи, вся мебель, вся обстановка, посреди которыхъ ты живешь, напоминаютъ о немъ ежеминутно; воспоминаніе о немъ живетъ въ домѣ... мысль эта для меня невыносима; это сумасшествіе, это ребячество, это глупость; но чтоже дѣлать, я не могу иначе... я страдаю. Ты счастлива, всѣ капризы твои исполняются, я не выношу мысли, что не мнѣ ты обязана этимъ...

— Большое дитя, сказала чистосердечно Иза,—но мысли мои неразлучны съ вами съ того дня, какъ я васъ увидѣла.

— И это правда? Послушай, Иза, для меня мученіе думать, что ты прежде принадлежала другому; что другой держалъ тебя въ своихъ объятіяхъ; что другой говорилъ съ тобою, какъ и я; что другой срывалъ съ твоихъ губъ такіе поцѣлуи, какъ и я...

— Замолчите, сказала Иза, шаловливо закрывая ему ротъ своей рукой,—вы заставите меня рассказать такія вещи, которые я должна скрывать.

— Расскажи, расскажи, прошу тебя, моя дорогая, возлюбленная, еслибъ ты знала, какая чудная музыка твои слова.

— Хорошо, когда я выходила замужъ, я не знала того, котораго мнѣ предназначали; это былъ чисто дѣловой бракъ. Когда я пріѣхала въ Парижъ, мнѣ показали не мужчину, котораго я могла полюбить, но мужчину, который долженъ быть моимъ мужемъ. Насъ обвѣнчали; все было готово, устроено, а я не знала Сеглена. Думаете-ли вы, что любовь возможна въ подобномъ бракѣ? Я уже говорила вамъ, Оскаръ, что я никогда не любила, пока не встрѣтилась съ вами; развѣ вы не имѣете доказательствъ моей глупости?

— Бѣдная, хорошая, дорогая возлюбленная... Мы вмѣстѣ пойдѣмъ по цвѣтущей дорогѣ любви...

— Мужъ былъ для меня другомъ, товарищемъ; онъ требовалъ отъ меня пріятнаго общества свѣтской женщины, подруги у домашняго очага, утѣшенія въ своихъ болѣзняхъ... И я только этимъ и была для него...

— И это правда... да?

— И вы думаете, что любить можно два раза, что сердце можно дѣлить на кусочки, чтобы каждому дать часть его? Ахъ, какъ смѣшны мужчины, видя въ любви такую бездѣлицу.

— Ты восхищаешь меня, Иза...

Все это говорилось такъ чистосердечно; она казалась такой честной, чистой; въ дрожаніи голоса слышался какъ бы стыдъ, смущеніе и страсть. Оскаръ былъ счастливъ, онъ слушалъ, упивался ея словами; они падали капля за каплей и каждое изъ нихъ, какъ капля алкоголя, усиливало огонь, пожиравшій его.

— Наконецъ, я хочу, моя Иза, чтобы ты мнѣ была обязана всѣмъ... Ты не сердись, что я бросаю все для тебя?

— Я!.. я хочу того, чего вы хотите.

— О, тебѣ не придется раскаяваться; твоя жизнь будетъ однимъ долгимъ счастьемъ... Я везу тебя къ тебѣ же. Разъ какъ-то ты мнѣ сказала, что безпечная, привыкшая къ роскоши, не заботясь о будущемъ, ты издержала капиталъ. Покинь же свой домъ тѣмъ, которымъ ты должна, ты найдешь новое жилище. Я хочу принять тебя, какъ отецъ принимаетъ свое дитя, нагою. У дверей ты сбросишь свои сандалии; съ платьемъ, которые ты бросишь въ огонь, ты сожжешь прошлое и войдешь въ новую жизнь, жизнь любви и счастья, которую я буду проводить у ногъ твоихъ.

— Мнѣ стыдно за тѣ глупости, которые я заставляю васъ дѣлать... я такъ смущена доказа-

тельствами вашей любви, тогда какъ сомнѣвалась...

— О, моя Иза, я счастливъ, что могу дать тебѣ все для тебя необходимое. Я богатъ, а жилъ, какъ скряга, безъ радости, безъ увлеченій. Я увидѣлъ тебя и узналъ, что такое жизнь; я почувствовалъ въ себѣ струны, о существованіи которыхъ не подозрѣвалъ. Если бы знала, какое наслажденіе любить; но моя любовь почти какъ любовь школьника; она поглощаетъ всѣ мои мысли. Я съ ума схожу, я счастливъ, что держу тебя на своей груди, въ моихъ рукахъ, у моихъ губъ. Счастье, о которомъ я столько мечталъ, я его испытываю, я его чувствую... О, Иза, я счастливѣйшій изъ смертныхъ...

И онъ цѣловалъ ее... и она возвращала ему его поцѣлуи и между поцѣлуями онъ повторялъ:

— Я люблю тебя...

Она извивалась въ его рукахъ, какъ бы трепеща отъ волненія, которое силсилась подавить; она говорила дрожащимъ голосомъ:

— Ты всегда меня такъ будешь любить... ты клянешься?

— Я люблю тебя... буду любить... и умру за тебя... Иза моя, я люблю тебя. Мнѣ кажется, что никогда въ жизни не возобновится этотъ часъ неизрѣченнаго счастья. Я желалъ бы не просыпаться завтра...

— О, къ чему говорить о смерти въ этотъ часъ...

Карета остановилась.

— Мы пріѣхали къ вамъ, сударыня, сказалъ Оскаръ.—Графиня Сегленъ-Зинтская не существуетъ болѣе... Будьте добры, сойдите г-жа Иза, баронеса де-Во, графиня де-Вершемонъ.

Иза была такъ поражена, что сдѣлала невольное движеніе назадъ. Какую гримасу изобразили бы на своемъ лицѣ предки, мужественные рубрики, при странной любезности, съ которой онъ, этотъ выродившійся потомокъ, этотъ членъ суда, принималъ свою любовницу взятую съ вѣтру. Какъ должны бы привскочить въ своихъ саркофагахъ эти предки, закаленные воины; иначе объяснялись въ любви къ красавицамъ тѣ, которые увлекали въ свои альковы женъ старыхъ друзей; тѣ, которые требовали два часа, чтобы узнать цвѣтъ подвязки герцогини Клевской; тѣ, которые помогали королю Франциску весело проводить жизнь; тѣ, которые участвовали въ оргіяхъ регента и жилали при дворѣ Людовика XIV и XV. Да, ихъ прахъ, ихъ кости должны были содрогнуться, слыша послѣдняго, недостойнаго потомка, бросающаго ихъ славное имя къ ногамъ великолѣпной Изы!

Иза быстро поднялась до высоты своего положенія; она вышла изъ кареты, отлично разыгравая волненіе. Спустилась на землю, она оглянулась вокругъ, темнота ночи пугала ее, и пока карета уѣзжала, она, содрогаясь, приблизилась къ Оскару, говоря ему шепотомъ:

— Гдѣ мы? я боюсь...

Боязнь и Иза! Выходя изъ кареты, она взглядомъ окинула садъ; у прекрасной молдаванки были настоящіе кошачьи глаза и въ молодости, проведенной на дорогахъ, она ночью издали различала грозящую ей опасность. Сходя на землю и цѣпляясь за руку Оскара, какъ бы прося его защиты, она два раза повернула голову и этого было достаточно. Она замѣтила, терявшіяся въ темнотѣ, высокія деревья, наполовину обнаженныя осеннимъ вѣтромъ, фонтанъ, окруженный кустарниками, передъ мрачной массой дома. Все было тихо, но сквозь щели дверей и рѣшетчатыхъ ставень виднѣлся свѣтъ; внутренность дома была освѣщена и тяжелыя драпировки у оконъ и дверей пропускали слабый отблескъ. Въ этотъ поздній часъ домъ казался величественнѣе, садъ обширнѣе. Иза задрожала отъ радости, а Оскаръ принялъ это за страхъ.

— Не бойся, Иза, ты здѣсь у себя...

— Войдемъ скорѣе, я боюсь... мнѣ холодно...

И она первно прижималась къ нему; онъ взялъ ее за руки.

— Иза, ты согласна на то, о чемъ я прошу тебя?

— Да, отвѣчала она, — я ваша раба.

Они дошли до крыльца. Опустивъ голову на его плечо, Иза бросала всюду любопытные взгляды: она увидала роскошную лѣстницу, украшенную рѣзьбой балюстраду, громадныя вазы, золоченныя маркизы, большія бронзовыя статуи, подерживавшія лампы. Когда дверь отворилась, она бросилась къ тяжелымъ портьерамъ, скрывавшимъ входъ.

— Это мое, я у себя, говорила она.

Они были въ прихожей, въ домѣ царствовало молчаніе; конечно, Оскаръ удалилъ всѣхъ слугъ; прихожая мягко освѣщалась небольшою лампой, спускавшейся съ потолка; Оскаръ заперъ дверь и увидѣлъ Изу, не смѣвшую сдѣлать ни шага впередъ, смущенную, съ поднятыми руками, чтобы скрыть цѣломудренную краску, безъ сомнѣнія выступившую на лицѣ... Пожраемый лихорадкой Вершемонтъ подошелъ къ ней, говоря умоляющимъ тономъ:

— Прости моему капризу... Иза, такъ какъ съ этого часа ты моя жена... Ты не сердись... я золь на себя за краску стыда, которую вызываю на твоёмъ лицѣ...

А Иза стояла безгласная, опустивъ еще ниже голову, какъ будто ея смущеніе увеличилось; по ней пробѣжала какъ бы нервная дрожь... Оскаръ, увидѣвъ это, взволнованно заговорилъ:

— Иза... Иза... пожалуйста... умоляю тебя...

— Я ваша... дѣлайте со мною, что хотите... но я не смѣю...

И опять дрожь пробѣжала по ней и она спрятала свое лицо на груди молодого человѣка, совершенно потерявшаго голову. Ухватившись за воротъ бархатнаго платья онъ разорвалъ его пополамъ; онъ былъ какъ помѣшанный, повторялъ съ неистовствомъ:

— Я рву твоё прошлое, Иза...

Пристыженная и смущенная Иза съ крикомъ бросилась за высокую портьеру двери, теряя по дорогѣ туфли. Оскаръ поднялъ куски батиста и бархата, красныя атласныя туфли. Руки его были полны; толкнувъ дверь, ведущую въ залъ, освѣщенный лишь ярко пылавшимъ огнемъ въ каминѣ, онъ бросилъ все это въ огонь. Ярко вспыхнуло пламя и при свѣтѣ его, повернувшись, онъ увидѣлъ, дурно скрытое портьерой безподобное созданіе, лишившее его разсудка... Никакой мраморъ Праксителя не могъ превзойти великолѣпнѣе живую статую, бывшую передъ его глазами; въ восторгѣ онъ подбѣжалъ къ ней, и какъ она прятала свое лицо, въ очаровательной позѣ, стараясь сдѣлаться меньше и скрыться въ драпировкѣ, онъ взялъ ее на руки... Иза ухватилась за воротъ, затопляя его плечи своими волосами и пряча свое лицо на его шеѣ... Онъ поднялся съ нею въ первый этажъ, пронесъ чрезъ залу, будуаръ, слегка освѣщенные небольшими лампами.

— Ты опять сдѣлалась чистой и непорочною... Иза моя... жена моя...

Онъ выпустилъ ее у дверей комнаты, точно такой же какъ въ ея домѣ, съ такою же большою кроватью, такими же обоями и занавѣсками, такимъ же чернымъ бархатомъ, на которомъ она любила нѣжиться. Изъ дверей сосѣдней комнаты неслись ароматныя пары... Оскаръ, приподнявъ портьеру, сказалъ:

— Иза, вотъ твоя комната... ты здѣсь у себя... Ты найдешь все нужное... Черезъ нѣсколько минутъ я возвращусь.

И онъ ушелъ, опустивъ за собой портьеры.

Иза не ожидала этого; она теперь уже дѣй-

ствительно была смущена; но Оскаръ не видѣлъ ее, онъ былъ въ сосѣдней комнатѣ. Съ трудомъ удержавшись Иза отъ громкаго взрыва хохота. Но тотчасъ же придя въ себя, не забываясь уже о своей наготѣ, она побѣжала по комнатѣ, осматривая и любуясь всѣмъ; она вошла въ комнату, откуда выходили ароматныя пары; это была уборная, гдѣ ее ожидала ванна, наполненная теплою душистой водой. Оскаръ хотѣлъ очищенія до конца. На креслѣ здѣсь ее ждало новое бѣлье, похожее на то, которое онъ уничтожилъ. Иза, не колеблясь, погрузилась въ ванну, счастливая, улыбаясь окружавшей ее роскоши и безпрестанно повторяя:

— И все это мое... мое... нѣтъ болѣе кредиторовъ!.. спокойная жизнь, безъ борьбы...

Съ нею въ водѣ дѣлались судороги счастья... наклонивъ назадъ голову, чтобы вода, слегка ею волнуемая, ласкала ея шею, она увидѣла толстый шнурокъ сонетки; ей пришла фантазія позвонить, и хотя она была увѣрена, что въ домѣ никого нѣтъ, кромѣ нея и Оскара, она дернула за шнурокъ... Почти тотчасъ же отворилась дверь и вошла женщина. Иза даже вскрикнула отъ удивленія.

— Сударыня, меня звали? спросила женщина по-молдавански.

Говорившая была одѣта, какъ горничная въ богатыхъ домахъ на дальней родинѣ Изы, въ сельскомъ костюмѣ, бросавшемся въ глаза. Какое удовольствіе доставляло Изѣ говорить на своемъ родномъ языкѣ. Черезъ двѣ минуты она уже знала, что молодая молдаванка пріѣхала только сегодня утромъ изъ своего отечества, откуда Оскаръ выписалъ трехъ прислужницъ, не знавшихъ ни слова по-французски. Вниманіе было утонченное; оно понравилось и раземѣшило Изу. Съ помощію новой камеристки она одѣлась, затѣмъ войдя въ свою комнату, заперла дверь и въ скважину мебели спрятала золотой ключикъ отъ шифоньерки.

Оскаръ, донеся Изу до дверей ея комнаты, сдѣлалъ страшное усиліе; волненіе этого дня было слишкомъ велико, онъ чувствовалъ себя разбитымъ; одно время, поднимаясь по лѣстницѣ съ Изой на рукахъ, онъ думалъ что упадетъ; какъ далеко нешло его воображеніе, дѣйствительность превосходила сны. Когда портьера опустилась за Изой, онъ, шатаясь, опустился на диванъ; съ трудомъ переводя дыханіе, онъ сорвалъ съ себя галстукъ, оторвалъ пуговку у воротника; онъ задыхался. Волненіе было черезъ-чуръ сильно для спокойнаго слѣдователя; жизнь его слишкомъ круто измѣнилась, чтобы не почувствовать сотрясенія. Здѣсь онъ оставался въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, потомъ, немного оправившись, подошелъ къ окну подышать свѣжимъ воздухомъ; наконецъ услыша запирающуюся дверь уборной, онъ улыбнулся и пошелъ нетвердыми шагами къ двери... «Съ открытыми глазами онъ шелъ въ лучезарномъ снѣгѣ»...

Онъ постучалъ ему не отвѣтили; онъ вошелъ, приближаясь безъ шума. Комната освѣщалась только матовой лампой, подвѣшенной къ люстрѣ; при мягкомъ ея свѣтѣ онъ увидѣлъ Изу, своимъ ослѣпительнымъ тѣломъ рѣзко выдѣляющуюся на черномъ бархатѣ постели; она представлялась спящей, давая понять, что это не болѣе, какъ игра, такъ какъ глаза ея были полузакрыты и она улыбалась. Оскаръ приблизился, пожиралъ ее глазами, любуясь ею, опускаясь на колѣни, онъ страстно воскликнулъ:

— Какъ я счастливъ, Иза!.. какъ я люблю тебя!

Спустя три дня послѣ только что разсказанныхъ нами событій, агентъ Гюре появился въ Фриланской аллеѣ, прося позволенія поговорить съ вдовою Сегленъ. Привратникъ отвѣтилъ ему, что у ея квартиры особенный входъ съ улицы,

но что она заперта и покинута уже третій день. Всѣ слуги отпущены и вдова Сегленъ-Зинтская возвратилась на свою родину, въ Молдавію; управляющему дѣлами поручено продать всю движимость для уплаты кредиторамъ и продажа состоится черезъ двѣ недѣли. Раздосадованный агентъ удалился, ворча про себя:

— Напрасно они говорятъ, что я ошибся, я увѣренъ, что у насъ въ рукахъ былъ настоящій виновникъ... Онъ ухалъ вмѣстѣ съ нею въ самый день выхода на свободу... Ну, чтожъ, все равно! я теперь на слѣду и не упущу ее изъ виду; это для моего личнаго удовлетворенія... а также и для того человѣка, котораго хотѣтъ заставить заплатить за этихъ негодяевъ... Намѣренное были распоряженія свѣше... мы посмотримъ... Во всякомъ случаѣ распродадутъ черезъ двѣ недѣли, я приду посмотрѣть на эту распродажу.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Въ Новой Гвинее.

Изъ путешествія Люи Трегана. Переводъ Н. М. Поль.

(Продолженіе.)

Глава XIII.

Подъемъ на Тонаворку былъ очень затруднителенъ; стояла жестокая зима. Впрочемъ, температура нѣсколько повысилась, когда мы стали спускаться. По временамъ гора понижалась; мы могли различать тогда обработанныя поля и, исполненные новаго мужества, ускоряли путь; наконецъ, мы увидѣли первые дома Кутара! Я свободенъ! Я увижу Кайгара и Лямлямъ! Отъ радости я забылъ и свой плѣнъ и все, что выстрадалъ.

Мы прибыли въ Кутаръ въ 3 часа. Но что произошло въ немъ? Жители смѣялись и громко говорили на улицѣ; останавливались, чтобы посмотреть на меня, и открыто высказывали удивленіе по поводу моего возвращенія. Я изумился и спросилъ Ланну, что значитъ эта перемена. Оказалось, что король оставилъ городъ и переселился въ зимнюю резиденцію; по существующему обычаю, жители Кутара могли спать съ себя сдержанность, къ которой ихъ обязывало присутствіе повелителя.

Услышавъ это объясненіе, я почувствовалъ, что сердце мое сжалось при мысли, что Кайгаръ и Лямлямъ тоже, можетъ быть, ухали. Какъ ни желалъ я немедленно отправиться въ ихъ домъ, но долженъ былъ послѣдовать за Ланной во дворецъ, куда онъ отправился для сдачи золота, привезеннаго изъ Уараты. Дорогою, другъ мой предложилъ мнѣ прожить у него все время, которое я долженъ провести въ Кутарѣ, пока король не потребуетъ меня, и я съ благодарностью принялъ его приглашеніе.

Прибывъ во дворецъ, мы встрѣтили тамъ нѣсколькихъ старѣйшинъ, которые окружили меня, поздравляя съ возвращеніемъ и предлагая свое гостепріимство. Конечно, я отказался, поблагодаривъ за радушный пріемъ, и послѣдовалъ за Ланной. Придя въ домъ моего друга и оставшись съ нимъ вдвоемъ, я тотчасъ же заговорилъ о томъ, что мнѣ надо пойти къ Кайгару. Ланна расхохотался надъ моимъ нетерпѣніемъ и не удерживалъ меня. Увы! я увидѣлъ, что цыновки, служившія дверями, спущены и завязаны; никто не откликнулся на мой зовъ, и я вернулъ грустный и недовольный. Я понималъ тогда, до какой степени любилъ Лямлямъ. Какъ это случилось? Зачѣмъ мнѣ привязываться къ туземцѣ, если я надѣюсь вернуться во Францію? Но мысль о возвращеніи не наполняла меня прежнею радостью. Чтобы вернуться на родину, нужно покинуть Лямлямъ, а я нигдѣ, даже во Франціи, не найду болѣе кроткой, и преданной подруги! Къ тому же возвращеніе во Францію казалось такъ мало вѣроятнымъ! Слѣдовало-ли, ради такой несбы-

НАРОДНЫЕ ТИПЫ.

Худулы въ Карпатскихъ горахъ.
Рѣзалъ на деревѣ Хмѣльницкѣй.

точной надежды, отказываться отъ счастья жениться на Лямлямъ? Я видѣлъ передъ собою правильный овалъ ея лица, ея большіе, кроткіе, задумчивые глаза, черные и гладкіе волосы. Цвѣтъ лица у нея былъ оливковый, какъ у всѣхъ орангонокъ, но гораздо свѣтлѣе. Думы о ней не дали мнѣ заснуть всю ночь.

На другой день я отправился къ старѣйшинѣ, который управлялъ Кутаромъ, въ отсутствіе короля. Я подробно разсказалъ ему о количествѣ золота, добытаго въ Уаратѣ, во время моего пребыванія тамъ. До короля дошло менѣе двухъ третей его! Обстоятельство это показалось столь важнымъ старѣйшинѣ, что онъ потребовалъ моего немедленнаго отправленія въ зимнюю резиденцію короля. Я съ радостью согласился и поѣхалъ въ сопровожденіи Ланны. Черезъ 2 дня мы доѣхали туда. Домъ короля стоялъ среди красивыхъ домиковъ, обитаемыхъ ноо, и казармъ, занятыхъ солдатами. Воздухъ былъ такъ тепелъ, какъ весною на югѣ Франціи, а по голубымъ водамъ озера Амба скользили лодки; каждая изъ нихъ имѣла на себѣ палатку, убранную яркими перьями, такъ что издали казалось, что вода покрыта стаей птицъ.

Пока королю докладывали о моемъ приѣздѣ, я отправился къ Кайгару. Онъ собирался въ совѣтъ ноо, но успѣлъ обнять меня, при чемъ глаза его наполнились радостными слезами. Онъ сказалъ мнѣ, что Лямлямъ получила присланный мною подарокъ и нашла письмо. Она была очень больна, но теперь поправляется и будетъ рада видѣть меня. Въ настоящую минуту она каталась по озеру.

Только что Кайгаръ оставилъ меня, я отправился на небольшой холмъ, возвышающійся надъ озеромъ и сталъ разглядывать всѣ проѣзжавшія лодки. Ланна пошелъ со мною. Угадавъ, какое чувство волновало меня, онъ дружески поемѣивался надъ моею любовью къ Лямлямъ.

— Тебѣ придется подчиниться нашимъ обычаямъ, если ты хочешь на ней жениться, сказалъ онъ.

— Какимъ обычаямъ?

— Ты долженъ сдѣлаться такимъ же цвѣтнымъ, какъ и мы, и одѣваться, какъ всѣ орангоки.

— Мнѣ не трудно будетъ принять костюмъ орангонокъ, отвѣчалъ я, смѣясь и показывая на мою европейскую одежду, которая, несмотря на все мое стараніе, превращалась въ лохмотья. — Что же еще нужно?

— Поклониться Отару.

Я не успѣлъ отвѣтить, какъ къ берегу подѣхала лодка, и Ланна, схвативъ меня за руку, проговорилъ тихо:

— Вотъ Лямлямъ.

При видѣ ея, вся кровь моя прилила къ сердцу и я не могъ рѣшиться, несмотря на одобреніе Ланны, подойти къ ней, заговорить съ нею въ присутствіи ея матери и сопровождавшихъ ихъ женщинъ. Я вернулся къ Кайгару, и около часа пробылъ одинъ, раздумывая о прошлой жизни и о своей любви, какъ вдругъ отодвинулась циновка, закрывавшая входъ въ комнату, и на порогѣ показалась Лямлямъ, еще красивѣе и граціознѣе, чѣмъ прежде. На минуту она осталась въ нерѣшимости, потомъ подбѣжала ко мнѣ, дала обнять себя и покрыть поцѣлуями свое милое лицо, повторяя шопотомъ:

— О! Треганъ, какъ радостно бьется мое сердце! Какъ Лямлямъ рада, что видитъ своего друга!

Мы продолжали разговаривать; пришелъ Кайгаръ и сказалъ, что завтра я буду принятъ королемъ.

На другой день я представился королю, то есть, пролежалъ передъ нимъ на животѣ, пока ноо спрашивали меня въ его присутствіи объ

Уаратѣ и золотыхъ рудникахъ и передавали ему мои отвѣты. Когда я объяснилъ имъ, какъ я научилъ рудокоповъ промывать золотоносную землю и добывать такимъ образомъ болѣе золота, по всему собранію пронесся удивленный шепотъ; а когда я перечислилъ громадное количество золота, доставленнаго мною правителю, негодованіе овладѣло всѣми, не исключая и самого короля. Очевидно, правитель Уарата былъ измѣнникъ и бунтовщикъ; было рѣшено немедленно, собрать совѣтъ ноо, чтобы обсудить мѣры, которыя слѣдовало принять. Совѣтъ пришелъ къ заключенію, что надо было весною захватить измѣнника и отдать его на растерзаніе змѣямъ. Старый ноо, отличившійся во многихъ войнахъ, посовѣтовалъ занять всадниками проходъ Монакимъ, но предосторожность эту сочли излишней. Меня благодарили и прославляли. Я воспользовался этимъ, чтобы просить у Кайгара руки Лямлямъ. Онъ, казалось, былъ очень обрадованъ моимъ предложеніемъ, но прежде, чѣмъ дать согласіе, долженъ былъ испросить разрѣшенія ноо. Въ совѣтѣ рѣшили, въ награду за мои заслуги и подъ условіемъ, что я приму всѣ обычаи страны, дать мнѣ званіе старѣйшины третьяго разряда и дозволить жениться на дочери ноо.

Между тѣмъ, правитель Уараты сбросилъ личину и окончательно пересталъ присылать золото въ Кутаръ. Противъ него было собрано войско. Начальство надъ нимъ было вѣрено предумыслительному ноо, который требовалъ занять проходъ Монакимъ, а я и Ланна были назначены его помощниками. Пришлось отложить мою женитьбу; и я былъ очень радъ, когда король, вернувшись въ Кутаръ, велѣлъ намъ выступить противъ врага.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Лѣтніе загородные театры *).

I.

Въ длинномъ ряду причинъ, замедляющихъ развитіе драматическаго искусства въ Россіи, безъ сомнѣнія, не послѣднее мѣсто занимаетъ слабость обмѣна артистическихъ силъ между различными мѣстностями русскаго государства. Наши артисты склонны къ осѣдлости и неподвижности. Мы не говоримъ, конечно, о мелкихъ сошкахъ театральнаго міра, не говоримъ о начинающихъ провинціальныхъ актерахъ. Вѣчное кочеваніе этихъ несчастныхъ тружениковъ изъ одного

на другой край нашего обширнаго отечества много разъ изображено и въ романахъ, и въ комедіяхъ. Г. Островскій увѣковѣчилъ типъ этого неустанно странствующаго и неустанно голодающаго провинціального актера, этого своего рода театральнаго вѣчнаго жиды, въ лицахъ выведенныхъ имъ въ комедіи «Лѣсъ» актеровъ Счастливецъ и Несчастливецъ. Но едва артистѣ или артисту удалось выбиться изъ ряда, посредственностей, едва удалось приобрести имя и обезпеченное положеніе, какъ сейчасъ же проявляется стремленіе ограничить свою дѣятельность однимъ какимъ нибудь городомъ, много двумя, тремя излюбленными мѣстами, между которыми только и совершаетъ она или онъ свои артистическія передвиженія, никогда не выходя, въ своихъ путешествіяхъ, изъ заранѣе опредѣленнаго района.

Въ западной Европѣ, артистическое дѣло поставлено иначе. Выдающійся французскій, англійскій, нѣмецкій, или итальянскій артистъ, навѣрное не застрянетъ на всю жизнь въ томъ горо-

дѣ, гдѣ судьба привела его впервые выступить на театральные подмостки, онъ, или все равно и она, объѣздитъ не только область, гдѣ лежитъ этотъ городъ, но и всю Европу, побываетъ, пожалуй, и въ Америкѣ. У насъ о такихъ отважныхъ предпріятіяхъ мало кто смѣетъ и мечтать. Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Д. М. Леопольдъ предприняла артистическую поѣздку въ Китай, въ Японію и въ Америку, то объ этой поѣздкѣ у насъ говорили и кричали чуть ли не какъ о путешествіи Ливингстона. У насъ артистка или артистъ можетъ пройти долгую и блистательную артистическую карьеру, составить себѣ громкое имя въ провинціи и не быть всемъ извѣстнымъ, иначе какъ по наслышкѣ, ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, мало того даже и обмѣнъ драматическихъ сюжетовъ между Петербургомъ и Москвою до нельзя слабъ, несмотря на то, что казенные театры обѣихъ столицъ состоятъ подъ однимъ и тѣмъ же управленіемъ и переводить время отъ времени артистовъ изъ одной столицы въ другую, театальной дирекціи стоило-бы не дорого.

Если будутъ разрѣшены въ Петербургѣ и Москвѣ частные театры, это конечно, повліяетъ на наплывъ въ столицы лучшихъ драматическихъ силъ провинціи. Но пока они еще не разрѣшены, хотя существованіе ихъ терпится, такъ сказать, лишь въ зародышной, или скоропреходящей формѣ. Частные театры въ зародышѣ — это клубныя сцены, частные театры въ эфемерной, скоропреходящей формѣ — это лѣтніе загородные театры. Лѣтомъ всѣмъ загороднымъ окрестностямъ Петербурга, т. е. тѣмъ мѣстностямъ, въ которыя переселяется часть посѣщающаго театры петербургскаго населенія, разрѣшается обзаводиться настоящими частными театрами, со всѣми тѣми правилами, какія присвоены частнымъ провинціальнымъ театрамъ. Какъ велика потребность въ этихъ частныхъ театрахъ видно изъ того, что число этихъ театровъ съ каждымъ годомъ растетъ, и въ нынѣшнемъ году, напримѣръ, ихъ ужъ можно насчитать до десятка.

При короткомъ срокѣ своего существованія, продолжающагося всего какихъ нибудь два, три мѣсяца, эти лѣтніе театры, конечно, не могутъ принести существенной пользы развитію русскаго драматическаго искусства, ни въ смыслѣ значительнаго обновленія репертуара, ни въ смыслѣ составленія специальныхъ труппъ, которыя могли бы успѣть сыгратъ и повысить уровень исполненія пьесъ достиженіемъ того ансамбля, отъ присутствія котораго такъ выгодно проваливаются дѣльныя и хорошія пьесы на русскихъ театрахъ.

Единственная служба, какую могутъ пока сослужить театальному дѣлу лѣтніе загородные театры — это привлеченіе на свои подмостки, такихъ выдающихся драматическихъ силъ, которыхъ мы, вѣроятно, никогда не увидѣли бы зимою на подмосткахъ Александровскаго, или Мариинскаго театровъ. Правда, и зимою московскія и провинціальныя знаменитости могутъ появляться въ Петербургѣ на клубныхъ сцѣнахъ, но зимою клубныя сцены еще несравненно бѣднѣе и мизернѣе лѣтнихъ загородныхъ сценъ частныхъ театровъ, и имъ еще труднѣе выпустить на своихъ сценахъ ту, или другую звѣзду крупной величины, чѣмъ дирекціямъ, напр., павловскаго и ораниенбаумскаго театровъ, двухъ наиболѣе благоустроенныхъ и обладающихъ средствами лѣтнихъ загородныхъ театровъ.

Поэтому, понятно, что и павловскій и ораниенбаумскій театры, наперерывъ другъ передъ другомъ, стремятся приподнести публикѣ спектакли съ участіемъ той, или другой драматиче-

*) Статья эта предназначалась для № 25 Жив. Об., но была отложена по недостатку мѣста. Пр. Ред.

ской знаменитости. Крупными талантами, какъ известно, далеко не богата въ данную минуту русская актерская семья. Еще на роли резонеровъ, комическихъ стариковъ и старухъ найдется и въ столицахъ и въ провинціи немало талантливыхъ исполнителей, найдется, пожалуй, на Руси немало талантливыхъ ingénue, — ампула, на которое теперь такъ велики и спросъ и предложеніе, но разъ вы начнете перебирать и столичныхъ, и провинціальныхъ артистокъ и артистовъ, съ достоинствомъ могущихъ занять ампулу первыхъ драматическихъ актрисъ и первыхъ драматическихъ любовниковъ — перечень будетъ очень недологъ. Талантливыхъ — любовниковъ, въ настоящее время въ Россіи, не насчитается и пяти; дѣйствительно крупно талантливыхъ артистокъ, на первыя драматическія роли, не насчитается и десяти: г-жи Федотова и Ермолова въ Москвѣ; Савина и Васильева въ Петербургѣ, г-жи Стретовой, Немирова-Ральфъ, Мельникова, Самойлова и Глѣбова въ провинціи, больше, кажется, пока некого и назвать. Понятно, какой интересъ возбуждаетъ каждый разъ въ Петербургѣ пріѣздъ, хотя бы на короткое время, одной изъ упомянутыхъ, проживающихъ внѣ Петербурга, артистокъ. Изъ перечисленныхъ иногороднихъ артистокъ, петербургская публика всего лучше знакома съ г-жами Стретовой и Глѣбовой, менѣе же съ г-жами Мельниковой и Немировой; г-жа Федотова прежде не разъ наѣзжала въ Петербургъ, но теперь уже три года въ немъ не была; г-жа Ермолова въ первый разъ показала петербургской публикѣ въ прошломъ году, когда она сыграла нѣсколько спектаклей въ Павловскѣ, нѣсколько спектаклей въ Ораніенбаумѣ и одинъ спектакль въ благородномъ собраніи. Въ нынѣшнемъ году она снова появилась въ ораніенбаумскомъ театрѣ, гдѣ и сыграла пока 4 раза, затѣмъ уѣхала недѣлю на двѣ въ Воронежъ, а оттуда, въ началѣ іюля, снова вернется еще на нѣсколько спектаклей въ Ораніенбаумъ.

Г-жа Ермолова, если не ошибаемся, самая молодая изъ выше названныхъ 8 талантливыхъ артистокъ, г-жа Ермолова на сценѣ не болѣе 8 лѣтъ, на первыхъ драматическихъ роляхъ не болѣе 6 лѣтъ, а между тѣмъ въ настоящее уже время смѣло можетъ конкурировать не только съ любой изъ наиболѣе опытныхъ и даровитыхъ драматическихъ актрисъ, но даже и съ самою Г. Н. Федотовой, всѣмъ, какъ известно, признанною первою актрисой въ Россіи. Мы далеки отъ мысли сколько-нибудь умолять безспорно громадное дарованіе г-жи Федотовой, но это нисколько не мѣшаетъ вырасти, наряду съ нею и на подмосткахъ той же сцены, другому крупному молодому таланту.

Г-жа Ермолова — природная москвичка; она дочь суфлера Малаго театра, воспитанница московскаго театральнаго училища, исторія ея развитія и возвышенія на сценѣ, слишкомъ общая и обыкновенная исторія, черезъ которую прошло большинство лучшихъ нашихъ артистокъ. Какъ водится, г-жа Ермолова предназначалась не въ драматическую труппу, а въ балетъ, она даже и фигурировала въ балетѣ передъ выходомъ изъ школы. По выходѣ, ей удалось попасть на драматическую сцену, къ которой, съ самыхъ раннихъ лѣтъ она чувствовала неодолимое призваніе. На драматической сценѣ ее сначала постигла участь всѣхъ начинающихъ и не пользующихся сильною протекціею актрисъ. Она бы долго продержалась на второстепенныхъ, или третъстепенныхъ роляхъ, еслибъ счастливый случай не далъ ей возможности сыграть за г-жу Федотову двѣ, три крупныхъ роли. Не та-ли же исторія повторяется очень часто на нашихъ глазахъ, не то-ли же было, не далѣе прошлаго года въ Петербургѣ, съ г-жей Ва-

сильевой, которой только по болѣзни г-жи Савиной перепало на долю нѣсколько крупныхъ ролей.

Какъ бы то ни было, разъ только г-жѣ Ермоловой посчастливилось появиться въ хорошей роли, успѣхъ ея и симпатіи къ ней московской публики росли постоянно.

Нечего и доказывать, что изящная внѣшность, счастливая паружность и звучный, пріятнаго тембра, голосъ — такія существенно важныя, для полноты сценическаго успѣха, качества, обладать которыми вовсе не лишнее даже и самымъ даровитымъ артисткамъ, особенно когда имъ, по роду своего ампула, приходится постоянно изображать на сценѣ красивыхъ женщинъ, подкупающихъ и актеровъ, и зрителей своимъ изяществомъ и симпатичностью. Положимъ, всѣмъ намъ хорошо извѣстны и понятны и такіе случаи, когда лишняя внѣшней привлекательности женщина, силою своею таланта, при исполненіи роли очень красивой женщины, заставляетъ зрителей забывать, о несоотвѣстствіи внѣшности артистки изображаемому ею лицу, но для того, чтобы доводить до этого зрителя, нуженъ слишкомъ сильный талантъ.

Болѣе благопріятной, для сценическаго успѣха въ первыхъ драматическихъ роляхъ, внѣшности, чѣмъ та, какою природа надѣлила г-жу Ермолову, конечно, нечего и желать, красивое, умное, выразительное лицо, стройный станъ, изящность манеръ, строго выработанная мимика и звучный симпатичный голосъ, таковы природныя данныя г-жи Ермоловой. Къ сожалѣнію, этотъ прекрасный отъ природы голосъ г-жи Ермоловой не подвергся, повидимому, до сихъ поръ такой тщательной обработкѣ, какой подверглась мимика артистки. Съ голосомъ этимъ г-жа Ермолова не всегда можетъ совладать, нервность, игры мѣшаетъ ей иногда соразмѣрять силы голоса на большую пьесу и иногда у нея просто не хватаетъ голоса на сильные драматическіе монологи въ концѣ пьесъ, какъ, напримѣръ, случилось съ нею на нашихъ глазахъ въ послѣднемъ актѣ «Безприданницы». Развитіе голоса, постановка его, какъ выражаются музыкальные педагоги, и изученіе, такъ сказать, правилъ экономіи голоса при предстоящемъ ему сильномъ трудѣ — вотъ надъ чѣмъ, по нашему мнѣнію, необходимо еще поработать г-жѣ Ермоловой. Если она приметъ и за эту работу, съ тою энергіею и усидчивостью, какую она проявляетъ въ выработкѣ мельчайшихъ деталей исполняемыхъ ею ролей, то мы не сомнѣваемся, что и въ этомъ отношеніи она достигнетъ блестящихъ результатовъ, до которыхъ, какъ извѣстно, не сразу достигаютъ и оперныя артистки.

Многіе изъ петербургскихъ рецензентовъ упрекаютъ г-жу Ермолову въ однотонности ея дикціи. Указавши на необходимое, по нашему мнѣнію, для развитія этой дикціи, мы, однако, не можемъ согласиться съ мнѣніемъ, чтобы дикція г-жи Ермоловой была болѣе однотонна и однообразна, чѣмъ дикція нѣкоторыхъ другихъ изъ нашихъ выдающихся артистокъ. Кому неизвѣстно, что и дикція г-жи Федотовой не совершенна; что дикція г-жи Савиной, а еще болѣе г-жи Васильевой, имѣютъ каждая такія специфическія особенности, что любой театралъ, часто видѣвшій этихъ артистокъ, зажмуривъ глаза или повернувшись спиною къ сценѣ, безошибочно отличить, которая изъ артистокъ говоритъ. Роли первыхъ драматическихъ актрисъ именно такія роли, въ которыхъ всего менѣе приходится артисткамъ мѣнять и природную наружность, и природный голосъ. Постоянно исполняя такія роли артисткамъ, даже и самымъ талантливымъ, всего труднѣе привыкать къ перемѣнѣ голоса, но спрашивается, много-ли мы назовемъ и актеровъ, способныхъ хорошо мѣнять голосъ и гримироваться такъ, чтобы сразу нельзя было узнать самого актера?

Переходя отъ внѣшнихъ къ внутреннимъ качествамъ игры г-жи Ермоловой, мы можемъ сказать по видѣннымъ нами ролямъ г-жи Ермоловой, (а мы видѣли ее въ разное время, по крайней мѣрѣ, въ 10 разнообразныхъ серьезныхъ роляхъ), что каждая новая роль, исполняемая ею, все болѣе и болѣе приводитъ къ убѣжденію, что г-жа Ермолова соединяетъ въ себѣ съ сильнымъ природнымъ дарованіемъ, такой запасъ трудолюбія и привычки добросовѣстно готовить и обдумывать свои роли въ мельчайшихъ ихъ подробностяхъ, что это рѣдкое сочетаніе служитъ лучшимъ ручательствомъ за дальнѣйшее развитіе таланта г-жи Ермоловой до самой высокой степени.

Всѣмъ извѣстно, что даровитыя артистки и артисты въ Россіи, болѣею частью, дѣлятся на двѣ категоріи. Или большой природный талантъ и никакой школы, никакого ни обще-человѣческаго, ни специально-артистическаго развитія, и играетъ этотъ большой талантъ, инстинктивно, потрясая зрителей сценами, истиннаго смысла и значенія которыхъ, случается, онъ самъ не сознаетъ; или крошечное дарованіе отъ природы, а иногда и полное его отсутствіе, но упорный, долгіи трудъ, выработавшій изъ артиста, или артистки то, что называется умнаго искусственнаго исполнителя, или исполнительницу, умѣющихъ эффектно выражать чувства и положенія, но не способныхъ вкладывать собственную душу, собственные чувства въ личность изображаемаго героя, или героини драмы. Въ г-жѣ Ермоловой мы видимъ рѣдкое и счастливое сочетаніе качествъ обѣихъ категорій. Въ ней масса природнаго чувства, природной женственности и поэтичности, она никогда не играетъ ни одной роли по наитію, какъ Богъ на душу положитъ, а тщательно изучаетъ и обрабатываетъ каждую новую роль, до мельчайшихъ подробностей изображаемаго характера.

Попробуемъ подтвердить эти общіе выводы наши о свойствахъ игры г-жи Ермоловой краткимъ разборомъ послѣднихъ 4-хъ ролей, только что исполненныхъ ею на сценѣ ораніенбаумскаго театра. Эти 4 роли представляютъ собою 4 совершенно различныхъ женскихъ типа и всѣ эти различные типы были переданы г-жею Ермоловой съ такою художественною правдою и простотой, что изъ всѣхъ 4-хъ спектаклей, публика вынесла полное эстетическое наслажденіе.

Изъ четырехъ исполненныхъ г-жею Ермоловой ролей, наибольшій матеріалъ для драматическихъ эффектовъ представляетъ, конечно, роль Тучиной въ комедіи «Послѣдняя жертва»; положеніе молодой вдовы, страстно полюбившей негоднаго фата и проходимца, беззастѣнчиво обирающаго обольщаемыхъ имъ женщинъ, до такой степени, сама по себѣ, драматична, что роль Тучиной удастся и выходить эффектно въ исполненіи и менѣе талантливыхъ артистокъ. Въ исполненіи г-жи Ермоловой созданъ виолетъ художественный типъ. Какой поразительной правдой дышала ея игра въ той сценѣ, гдѣ ей приходится выпрашивать денегъ для своего недостойнаго любовника, у влюбленнаго въ нее и ужасивающаго за нею старика Прибыткова; а также въ сценѣ, когда Тучиной совершенно случайно попадаетъ въ руки пригласительный билетъ на свадьбу ея возлюбленнаго Дульчина съ дѣвицею Ириною Лавровною Прибытковой. Мы видѣли и очень хорошихъ и посредственныхъ исполнительницъ въ роли Тучиной до г-жи Ермоловой, мы видѣли не разъ, въ высшей степеніи эффектное и потрясающее нервы зрителей, исполненіе этихъ сценъ, но никогда мы не видѣли такого простого и жизненнаго, при полномъ отсутствіи рутинныхъ пріемовъ, исполненія, какое дала намъ г-жа Ермолова. Вызвать громкія рукоплесканія въ упомянутыхъ сценахъ, повторяемъ, моментъ и артистка

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ЧАУЧА.

Спящая красавица.

Рѣзано на деревѣ по фотографіи въ «Варшавской политипажнѣ».

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА ЧАУЧА.

Спящая красавица.

Рѣзано на деревѣ по фотографіи въ «Варшавской полиטיפажнѣ».

средняго дарованія, но возвыситься до такой простоты и безыскусственности, до каких доходитъ въ этихъ мѣстахъ г-жа Ермолова, могутъ только очень крупныя таланты.

Еще болѣе труда удержаться отъ фальшивыхъ сценическихъ эффектовъ предстояло г-жѣ Ермоловой въ значительно устарѣвшей, для нашего времени, переводной драмѣ «Дитя». Выборъ этой пьесы г-жею Ермоловой нельзя назвать счастливымъ и удачнымъ. Положимъ, фабула драмы взята изъ очень трогательнаго и поэтическаго святочнаго разсказа гениальнаго англійскаго романиста Ч. Диккенса, но фабула эта разведена неизвѣстнымъ передѣльвателемъ такою бездною ненужныхъ, а подчасъ и совсѣмъ нелѣпыхъ мелодраматическихъ эффектовъ, которые не только не вызываютъ слезъ, на что рассчитывалъ неумѣлый передѣльватель, но только смѣшатъ зрителей, а потомъ, въ концѣ концовъ, и наводятъ на нихъ скуку. Обстановка и ансамбль, съ какимъ, подобная пьеса могла быть исполнена въ Ораніенбаумѣ, конечно, оставили желать очень много. Г-жѣ Ермоловой пришлось выносить всю пьесу чуть-ли не одной на своихъ плечахъ. Она мужественно и съ достоинствомъ вышла и изъ этого труднаго положенія, но все-таки, искренно уважая артистку, мы бы совѣтовали ей избѣгать постановки такихъ пьесъ, тѣмъ болѣе на сценахъ, не располагающихъ богатыми средствами, ни въ смыслѣ состава труппы, ни въ смыслѣ декоративномъ и механическомъ.

На другой день, послѣ представленія «Дитяти», ораніенбаумская публика видимо съ наслажденіемъ отдохнула отъ этой мелодрамы на вполне человѣческой и современной пьесѣ А. Н. Островскаго «Безприданница». Когда эта пьеса впервые появилась на сценѣ въ истекшемъ зимнемъ сезонѣ сперва въ Москвѣ, а затѣмъ и въ Петербургѣ, театральные рецензенты раздѣлились на два лагеря — одни превознесли новую пьесу г. Островскаго до небесъ, другіе въ концѣ ее захаяли. Мы позволимъ себѣ думать, какъ имѣли уже случай это высказать еще зимою въ другомъ мѣстѣ, что оба эти мнѣнія одинаково несправедливы. «Безприданница» несомнѣнно много выше предшествовавшихъ ей позднѣйшихъ твореній г. Островскаго; характеръ Лариссы, характеръ Карандышева глубоко и жизненно задуманы авторомъ, обстановка, въ которой выросла Лариса при такой развратной маменькѣ, какъ вдова Загудалова, намѣчены нѣсколькими мастерскими штрихами, напоминающими манеру творчества г. Островскаго въ лучшую эпоху развитія его таланта; но «Безприданницѣ» не хватаетъ той законченности и отдѣлки, какими отличаются прежнія, лучшія пьесы г. Островскаго. Смотри «Безприданницу», вы видите кисть великаго мастера въ контурахъ, но вы видите также, что великій мастеръ только и намѣтилъ контуры, набросилъ нѣсколько глубоко-художественныхъ эскизовъ, но не додѣлалъ, не дорисовалъ картины.

При такой незаконченности послѣдняго творенія г. Островскаго, артисткамъ, изображающимъ главную въ пьесѣ роль Лариссы, представляется обширное поле для самостоятельной работы надъ возсозданіемъ цѣльнаго типа изъ бѣгло-набросаннаго авторомъ абриса.

Въ лицѣ г-жи Ермоловой намъ привелось видѣть уже третью Лариссу; до г-жи Ермоловой мы видѣли въ той же роли г-жъ Савину и Васильеву. Отдавая полную справедливость исполненію и г-жи Савиной, и г-жи Васильевой (которой, скажемъ мимоходомъ, эта роль удалась лучше, чѣмъ г-жѣ Савиной), мы не можемъ не сказать, что г-жа Ермолова превзошла обѣихъ даровитыхъ петербургскихъ артистокъ. Какъ у г-жи Савиной, такъ у г-жи Васильевой, напри-
мѣръ, первый актъ проходилъ почти безслѣдно,

настоящую игру обѣ артистки начинали лишь со втораго акта, такъ что первый актъ, при исполненіи его на александринской сценѣ, казался всеѣмъ зрителямъ скучнымъ, растянутымъ и плохо сдѣланнымъ, характеръ Лариссы въ этомъ актѣ совсѣмъ невнятнымъ; непонятными оставались ни ея увлеченіе Паратовымъ, ни ея рѣшимость выдти замужъ за нелюбимаго ею и никакими достоинствами не отличающагося жениха Карандышева. Обо всемъ этомъ зрители узнавали изъ длинной и скучной бесѣды Вожеватова съ Кнуровымъ, но какъ и почему все это произошло, оставалось для нихъ, какъ и для Кнурова, которому Вожеватовъ объ этомъ разсказываетъ, совсѣмъ непонятнымъ. Г-жа Ермолова, въ первомъ же своемъ разговорѣ съ Карандышевымъ, такъ рельефно обрисовала характеръ представляемаго ею лица, переходы отъ чувства невольнаго отвращенія къ жениху къ восторженному увлеченію Паратовымъ, который представляется пылкому воображенію, невиданной лучшей людей, дѣвушка какимъ-то чуть ли не сказочнымъ героемъ, были такъ мастерски проведены г-жею Ермоловой, что послѣ перваго же акта личность Лариссы была вполне ясна и понятна для публики. Не могло болѣе оставаться никакихъ сомнѣній и недоумѣній о томъ, какимъ образомъ дѣвушка эта увлеклась Паратовымъ и какъ, покинутая своимъ идеаломъ, она бросилась на шею первому понавшемуся мужчине, лишь бы вырваться изъ той грязной среды, въ какой принуждала ее жить развратная мать. Послѣ такой мастерской и правдивой постановки роли, изъ которой ясно, какъ глубоко изучена она артисткой, г-жа Ермолова во всю пьесу остается безусловно вѣрна разъ задуманному ею типу; въ игрѣ ея вы не найдете особенно эффектно выдающихся отдѣланныхъ мѣстъ, все обработано силою одинаково чисто и умно; нигдѣ ни разу не проскальзываетъ стремленія воспользоваться для большаго успѣха тѣмъ или другимъ особенно поддающимся для театральнаго эффекта мѣстомъ, чѣмъ не пренебрегаютъ, воспользоваться иногда и даровитыя артистки. Г-жа Ермолова играетъ такъ, что, глядя на нее, вы невольно чувствуете, что она совсѣмъ вошла, воплотилась въ изображаемый ею типъ, она какъ будто дѣйствительно живетъ жизнью изображаемаго ею лица, думаетъ его мыслями, она какъ будто совершенно забываетъ о сидящихъ передъ нею зрителяхъ, и никогда вы не подмѣтите въ игрѣ ея ни малѣйшаго поползновенія порисоваться какимъ-нибудь внѣшнимъ эффектомъ.

Заклчила г-жа Ермолова первую серію своихъ гастролей въ ораніенбаумскомъ театрѣ, комедіей «На порогѣ къ дѣлу». Роль честной и симпатичной идеалистки Лониной, конечно, несравненно легче прочихъ ролей, ею исполненныхъ. Нечего, слѣдовательно, и говорить о томъ, что г-жа Ермолова была безподобна и въ роли Лониной, вложивъ въ нее столько искренняго чувства, что заставила всю залу пережить съ благородною дѣвушкой, попадающею въ грубую и необразованную среду, всю тяжесть обидъ и огорченій, которая терпитъ эта хорошая дѣвушка, самоотверженно рѣшающаяся на всякія жертвы и страданія, ради служенія тому народному дѣлу, къ которому она такъ искренно считаетъ себя призванною.

По возвращеніи своемъ въ Ораніенбаумъ, г-жа Ермолова, предполагаетъ сыграть роль Рахили въ извѣстной трагедіи Гюцкова «Уріель Акоста» и, если удастся, Василису Мелентьеву или Марію Стюартъ. О дальнѣйшихъ представленіяхъ г-жи Ермоловой мы своевременно дадимъ отчетъ читателямъ «Жив. Об.», въ одномъ же изъ ближайшихъ номеровъ будетъ помѣщенъ портретъ этой даровитой и симпатичной артистки,

которую очень желательно почаще видѣть въ Петербургѣ. Уже и въ минувшемъ сезонѣ шла рѣчь о приглашеніи г-жи Ермоловой къ участію въ спектакляхъ с.-петербургскаго собранія художниковъ; съ удовольствіемъ сообщаемъ, что въ предстоящій зимній сезонъ, петербургская публика, можетъ быть, увидитъ талантливую артистку, такъ какъ, по слухамъ, г-жа Ермолова согласилась принять участіе въ нѣсколькихъ спектакляхъ въ с.-петербургскомъ собраніи художниковъ.

Милые бездѣльники.

Очерки А. Н. Соковнина.

III.

Членъ общества.

пѣ навязали хлопоты по дѣлу о покупкѣ одного имѣнія, въ одномъ изъ поземельныхъ банковъ. Я вспомнилъ, что одинъ изъ моихъ старыхъ знакомыхъ, генералъ, Алексѣй Николаевичъ Рязанцевъ, находящійся не у дѣла въ государственной службѣ и только числящійся гдѣ-то, состоитъ членомъ правленія этого поземельнаго банка. Я поѣхалъ къ нему за справками на домъ. Меня встрѣтилъ привѣтливо, какъ стараго знакомаго, его камердинеръ и сказалъ:

— Генералъ занимается.

По лицу степеннаго старика скользнула какая-то неопредѣленная усмѣшка.

— Такъ передайте ему мою карточку, сказалъ я, передавая визитную карточку.

— Хорошо-съ, отвѣтилъ камердинеръ и тотчасъ же прибавилъ: — Да вы обождите минутку, можетъ быть, и примутъ васъ-то.

— Нѣтъ, зачѣмъ же отрывать отъ дѣла, сказалъ я.

— Ничего-съ! Я доложу! проговорилъ камердинеръ съ тою же усмѣшкой и пошелъ докладывать.

Черезъ минуту онъ воротился.

— Просятъ въ рабочій кабинетъ! проговорилъ онъ.

Я направился къ кабинету. На встрѣчу мнѣ уже шелъ молодцоватой походкою плотный, высокій человѣкъ въ синихъ панталонахъ съ красивыми лампасами и въ бархатномъ щеголеватомъ пиджакѣ. Черные завитые волосы, свѣжій цвѣтъ лица, быстрыя движенія, веселая улыбка, — все это дѣлало его крайне молодежавымъ. Это былъ Алексѣй Николаевичъ Рязановъ.

— Очень радъ, очень радъ видѣть васъ! быстро заговорилъ онъ, дѣлая мнѣ уже издали привѣтливый жестъ рукою. — Какъ нельзя болѣе кстати завернули. Дадите совѣтъ, посмотрите...

— Готовъ служить, тѣмъ болѣе, что и самъ хочу просить вашего добраго совѣта, отвѣтилъ я, пожимаая протянутую мнѣ руку.

Я переступилъ порогъ генеральскаго рабочаго кабинета, въ которомъ я былъ впервые, и остановился въ недоумѣніи. Весь кабинетъ былъ заставленъ, заваленъ и загроможденъ шкапами и этажерками съ древнимъ оружіемъ, съ костюмами разныхъ націй, съ гипсовыми головками и торсами; на полу валялись шелковыя драпировки, куски дорогихъ кружевъ, какіе-то римскіе сосуды, окна были снизу закрыты темными заставками, по срединѣ комнаты стоялъ мольбертъ съ начатой картиной, черезъ кабинетъ тянулася плотно задернутая драпировка изъ тяжеловѣсной старинной ткани.

— Смотрите, критикуйте, браните, но только не отдѣлывайтесь банальными похвалами! весело сказалъ хозяинъ, вводя меня въ рабочую ком-

нату. — Я, видите-ли, фантазирую: изображаю Клеопатру въ минуту ея смерти...

Я подошелъ къ картинѣ. На полотнѣ, большихъ размѣровъ, была уже вполнѣ написана во весь ростъ голая женщина, приложившая къ груди змѣю. Богатая обстановка, цвѣты, масса тканей, окружали красавицу-царицу. Картина была педурна, немного фривольна, немного шикантна: на Клеопатрѣ недоставало нѣсколько одежды, точно она не успѣла прикрыться послѣ купанья

— Ну, что? спросилъ хозяинъ.

Я сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній.

— А тѣло? Вѣдь, кажется, живое? спросилъ онъ, заглядывая мнѣ въ глаза, какъ страстный художникъ, желающій угадать затаенное мнѣніе строгаго критика.

— Да... гдѣ вы добыли такую роскошную патуру? спросилъ я.

Хозяинъ какъ-то неопредѣленно повертѣлъ рукой въ воздухѣ около лба.

— Фантазія, фантазія, mon cher! проговорилъ онъ. — Юное воображеніе создало!.. Подсказали воспоминанія... Кое-что добавилъ отъ себя...

— Воображеніе у васъ очень вѣрно природѣ, замѣтилъ я. — Мнѣ остается только удивляться, когда у васъ хватаетъ времени на искусство при массѣ вашихъ сухихъ практическихъ занятій.

— А! Вѣдь я это долго работалъ, урывками, минутами. Это мой отдыхъ. Полчаса, часъ въ день — вотъ и весь отдыхъ! говорилъ хозяинъ, вздыхая, какъ человѣкъ, сильно занятый и сожалеющій о недостаткѣ свободнаго времени. — Вы курите?

— Если позволите!

— О, пожалуйста, пожалуйста!

Онъ подаль мнѣ папиросы и спички.

— Такъ хорошо?

— Очень хорошо!

— А ваши замѣчанія я приму къ свѣдѣнію! Вы правы, что драпировокъ слишкомъ много и потому мало воздуха. Теперь я понимаю, отчего мнѣ все казалось, что это нѣсколько тяжеловато... Да, да, вотъ тутъ убавить драпировки, просвѣтъ сдѣлать... Это правда...

Онъ смолкъ и залюбовался своею картиною.

— А я пріѣхалъ къ вамъ не безъ цѣли, сказалъ я. — Есть дѣло!

— Недобрый человѣкъ: безъ дѣла и не заглянулъ бы? любезно замѣтилъ хозяинъ. — Но все же радъ, что хоть дѣло привело васъ сюда!

— Мнѣ хотѣлось бы узнать нѣкоторыя подробности объ имѣніи наслѣдниковъ Миклашевскихъ, сказалъ я.

Алексѣй Николаевичъ сдѣлалъ серьезное лицо дѣловаго человѣка.

— Да, это дѣло не заслушано еще въ судѣ... Тяжба тамъ, сказалъ онъ.

— Тяжба? спросилъ я.

— Да... Кто-то изъ нихъ что-то тамъ оспариваетъ, отвѣтилъ онъ, смотря на меня уже съ недоумѣніемъ.

— А я и не зналъ, что у Миклашевскихъ идетъ дѣло въ судѣ...

— Да, братъ, кажется, что-то говорилъ, что это въ его отдѣленіи, сказалъ хозяинъ. — Миклашевскіе или Малышевы... помню что-то такое...

— Нѣтъ, вы, вѣроятно, спутали фамилію... Имѣніе Миклашевскихъ заложено у васъ въ банкѣ...

— А, да, да, да! перебилъ меня хозяинъ. — Они его выкупаютъ... просили, чтобы не въ очередь...

— Нѣтъ, оно назначено въ продажу, сказалъ я.

— Въ продажу?... съ недоумѣвающимъ видомъ повторилъ онъ. — Ну, да, сперва они хотѣли выкупить, а потомъ увидели, что не стоитъ, такъ какъ имѣніе дряннѣе рѣшили продать его... Да, да, въ продажу оно назначено...

— Мнѣ поручили купить его, сказалъ я.

— Да? Чтожъ, и прекрасно, покупайте! Пріѣзжайте въ правленіе. Тамъ вамъ все скажутъ.

Какъ я ни добивался, я ничего не узналъ отъ Алексѣя Николаевича, относительно имѣнія Миклашевскихъ. Онъ не зналъ ни о какихъ обезпечивающихъ это имѣніе контрактахъ и арендахъ, ни о какихъ препирательствахъ по поводу этого имѣнія между наслѣдниками, ни о чемъ, что онъ, по видимому, долженъ бы былъ знать, какъ членъ правленія банка, гдѣ это имѣніе дѣлало не мало хлопотъ и возбуждало много переписки, втеченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ.

Другой разъ случай привелъ меня опять къ Алексѣю Николаевичу. Я былъ избранъ въ одномъ благотворительномъ обществѣ въ попечители богадѣльни, въ которой и Алексѣй Николаевичъ былъ то же попечителемъ. Я попалъ къ Алексѣю Николаевичу въ его пріемный день. Входя въ пріемную комнату, я засталъ съ десятокъ просителей, стоявшихъ смиренно у стѣны. Алексѣй Николаевичъ въ военной генеральской формѣ съ серьезнымъ и дѣловымъ видомъ, говорилъ съ каждымъ по очереди. Онъ былъ неузнаваемъ: его осанка была важна, лицо было строгаго, голосъ довольно суровъ и отрывистъ.

— Bonjour! проговорилъ онъ, увидавъ меня. — Пройдите въ мой рабочій кабинетъ, я сейчасъ кончу.

Я прошелъ въ кабинетъ. Тамъ теперь стояла на мольбертѣ новая картина: изгнаніе Евы и Адама изъ рая. Картина была только что начата. Я усѣлся передъ нею и закурилъ папиросу. Изъ пріемной раздавался голосъ Алексѣя Николаевича:

— Обратитесь къ секретарю! Я-съ этимъ не занимаюсь, это возложено на секретаря нашего комитета. Онъ вамъ сдѣлаетъ что нужно... Да не могу-съ, не могу, это тамъ все дѣлается по порядку, на основаніи правилъ и циркуляровъ нашего общества... У насъ уставъ и нужно дѣйствовать сообразно съ нимъ... Прочтите уставъ и вы увидите, что можно и чего нельзя...

Въ этомъ родѣ фразы сыпались съ устъ Алексѣя Николаевича передъ каждымъ просителемъ. Сидя въ кабинетѣ, я слышалъ, кромѣ его рѣчей, какой-то неясный шорохъ за драпировкой и мнѣ показалось, что она шевелится. Наконецъ хозяинъ вошелъ въ кабинетъ.

— Вы не повѣрите, до чего меня утомляютъ эти пріемные дни, сказалъ онъ, растегивая куртку и тяжело вздыхая. — Всѣ идутъ ко мнѣ, точно я Богъ всемогущій, и по тому, и по другому дѣлу... Вѣдь понимаете, у меня столько дѣлъ, столько дѣлъ на рукахъ... Не могу же я разорваться...

— Да вы, кажется, состоите членомъ столько учреждений, спросилъ я.

— Ахъ, членъ семидесяти коммисій, обществъ, клубовъ, собраній и еще чего-то, весело засмѣялся онъ, закуривъ папиросу. — Нѣтъ, право же, это мнѣ надо! Дайте мнѣ отдохнуть, дайте духъ перевести!.. Вотъ взгляните!

Онъ указалъ на грудѣ печатныхъ листовъ.

— Что это?

— Повѣстки и приглашенія на общія собранія, засѣданія, обѣды и ужины, пояснилъ онъ. — Я-съ, батенька, въ трехъ коммисіяхъ председательствую, въ двухъ распорядительныхъ комитетахъ состою членомъ, въ пяти благотворительныхъ обществахъ состою попечителемъ, гдѣ-то кого-то ревизую... 'A la fin des fins я не знаю иногда куда ѣхать и потому не ѣду никуда. Это вѣдь, наконецъ, утомительно, невыносимо!

Онъ походилъ по комнатѣ.

— А вы обратили вниманіе на мою новую работу? спросилъ онъ, спустя минуту.

— Какъ же! Смотрѣлъ все время! отвѣтилъ я. — Граціозная вещь выйдетъ.

— Да? весело проговорилъ онъ. — Мнѣ тоже

казалось! Немного во французскомъ вкусѣ. Это мнѣ, кажется, удастся. Досадно только, что приходится часто отрывать... Я, право... какъ бы это сказать... J'ai manqué ma vocation. Mon fort, c'est la peinture, а я, какъ видите-съ, членъ, членъ... и больше ничего...

— Кстати о членствѣ. Я выбранъ вашимъ товарищемъ по попечительству въ воздвиженской богадѣльнѣ, сказалъ я.

— Право? C'est charmant, c'est charmant! обрадовался онъ и даже пожалъ мнѣ очень крѣпко руку. — Такъ вы ужъ дѣлайте, голубчикъ, что тамъ надо! Я былъ тамъ разъ, старики эти и старухи такая ветошь, Мафусаилы какіе-то; какія-то тряпки на всѣхъ; пахнетъ чѣмъ-то такимъ... чортъ знаетъ, чѣмъ пахнетъ... Это отлично, что теперь вы тамъ... Это, знаете, все провѣтрить надо, вычистить... Чисто авгіевы конюшни... Да, кстати, вы, пожалуйста, осторожнѣе дѣйствуйте, меня уже наказали тамъ...

— Какъ такъ? спросилъ я.

— Да кто-то укралъ тамъ что-то, а можетъ быть, и не укралъ вовсе. Que sais-je? Знаю только, что сказали, что украли и что я долженъ пополнить что-то. Ну, я далъ тамъ сколько-то, пополнили, но вѣдь это непріятно, это разорительно... Такъ вы осторожнѣе съ этими, какъ ихъ тамъ зовутъ, экономами, что-ли...

— А развѣ это экономамъ укралъ?

— Да я не знаю, кто: экономъ, экономка, смотритель, сторожъ... Украли просто что-то и нужно было уплатить — вотъ и все... Ну, да все это глупости. Люди хотятъ ѣсть — вотъ и все... Я возвращаюсь опять къ своей картинѣ. Какъ вы думаете, не сухъ-ли будетъ пейзажъ? Не голо-ли? Я боялся опять загроздить аксесуарами главную группу... Вы мнѣ тогда задали головоломку за драпировки!.. Мнѣ кажется тутъ важнѣе всего прозрачный южный воздухъ, теплота освѣщенія... Кстати, вы не повѣрите, до чего тяжело писать при нашемъ воздухѣ, при нашихъ вѣчныхъ сумеркахъ... Вотъ ужъ истинно несчастная мысль построить здѣсь въ этой Ингерманландіи столицу... Я часто думаю, насколько бы мы ушли впередъ, если бы тогда была взята не Ингерманландія, а Константинополь... Босфоръ, близость Греціи, синее небо Юга... А! теперь трудно и представить, куда бы мы ушли тамъ...

Я опять ничего не могъ добиться у него по дѣлу попечительства надъ богадѣльней.

— Видѣли-съ сударь? съ таинственной улыбкой спросилъ меня камердинеръ, когда я вышелъ отъ генерала.

— Что? спросилъ я.

— Картину-то.

— Видѣлъ!

— А жидовку показывали-съ?

— Какую жидовку?

— А съ которой рисуютъ-то.

— Нѣтъ не видалъ.

Старикъ покачалъ головой.

— За драпировку, вѣрно, спрятали! соображалъ онъ. — Прячутъ-съ! Все говорятъ: это я изъ головы! А чего изъ головы, когда каждый день, въ самомъ то есть растерзанномъ видѣ, жидовка передъ нимъ сидитъ. Баловство какое завелось! И какой-то баринъ еще ѣздитъ, тоже на нее смотреть да подрисовываетъ. Деньги ему за это платять. А срамота одна! Совѣмъ не барское дѣло, голую бабу у себя въ кабинетѣ по цѣлымъ часамъ держать.

Я понялъ, почему мнѣ казалось, что драпировка въ кабинетѣ шевелится.

Алексѣй Николаевичъ Рязанцевъ происходилъ изъ богатой семьи и уже въ дѣтствѣ слылъ «красавчикомъ». Воспитанный въ одномъ изъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній, онъ рано вышелъ въ офицеры и примкнулъ къ кружку

тогдашней «золотой молодежи». Съ этой минуты кончились его занятія и началась привольная жизнь, полная самых громких похощений, самых баснословных кутежей. Первый танцоръ на балахъ, первый кандидатъ въ любовники среди дамъ, онъ былъ извѣстенъ всему Петербургу. За него на одномъ изъ пикниковъ подрались какіе-то барыни; его хотѣлъ убить чей-то мужъ, но дуэль была во время остановлена; ему разъ пригрозили, что его отправятъ за шалости на Кавказъ, но какая-то бабушка спасла его отъ этой невзгоды. Служака онъ былъ плохой, но все-таки по очереди и при помощи связей, онъ дотянулъ до генеральскаго чина и въ этомъ чинѣ былъ куда-то причисленъ, хотя занятій никакихъ не получилъ. Но у него было достаточно и частныхъ занятій. Въ качествѣ богача, онъ былъ акціонеромъ разныхъ обществъ, въ качествѣ человека со связями, онъ выбирался въ члены разныхъ филантропическихъ учреждений, въ качествѣ покровителя наукъ и искусствъ, онъ сдѣлался членомъ разныхъ ученыхъ и художественныхъ обществъ. Списокъ обществъ, гдѣ онъ состоялъ почетнымъ, непремѣннымъ или пожизненнымъ членомъ, могъ бы занять не одну страницу. Покровительствовать онъ былъ готовъ всѣмъ и всему: открывался новый клубъ, онъ хлопоталъ о разрѣшеніи устава этого клуба; учреждалась ученая экспедиція, онъ давалъ деньги и тоже хлопоталъ объ ея устройствѣ; нужно было составить коммерческое предпріятіе и здѣсь онъ забрасывалъ словцо о концессіи или выбирался въ члены какой-нибудь ревизіонной комиссіи, какъ лицо съ положеніемъ въ свѣтѣ и съ солиднымъ чиномъ. Хлопоты его всегда ограничивались тѣмъ, что онъ замолвить кому надо словцо, устроить для кого надо свиданіе съ нужнымъ лицомъ, дать кому слѣдуетъ обѣдъ во время. Дальше этого его заботы не шли. Съ теченіемъ времени число разныхъ собраній, комиссій, засѣданій, комитетовъ, ревизій, гдѣ онъ принималъ участіе, все росло и росло и, наконецъ, дѣло дошло до того, что Алексѣю Николаевичу приходилось бы работать по двадцать четыре часа въ сутки ежедневно, если бы онъ вздумалъ только бѣгло прочесть тѣ бумаги, доклады, протоколы и постановленія, къ которымъ ему нужно было прилагать свою подпись. А у него кромѣ этихъ «дѣлъ» были ежедневно завтраки у знакомыхъ, обѣды по подпискѣ, ужины у Бореля и Дюссо, выѣзды на балы и на спектакли, пикники и занятія живописью, къ которой онъ пристрастился съ тѣхъ поръ, какъ увидалъ у одного художника натурщицу-еврейку. Эта натурщица и этотъ художникъ, писавшій за него большую часть его картинъ, отнимали у него не мало времени. Вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ только подписывать дѣла, не провѣряя ихъ, не зная ихъ, не читая ихъ. Тѣмъ не менѣе Алексѣй Николаевичъ имѣлъ почти всегда дѣловое, озабоченное и серьезное выраженіе лица и былъ постоянно на чеку, точно онъ постоянно собирался совершить что-то важное, нетерпящее отлагательства. Мягкій, какъ всѣ женолюбцы, и благодушный, какъ всѣ сытые съ колыбели люди, онъ умѣлъ быть строгимъ съ служащими и иногда нагонялъ страхъ на нихъ за бездѣтельность. Разъ я присутствовалъ при подобной сценѣ.

— Я васъ держу затѣмъ, чтобы вы дѣло дѣлали! кричалъ онъ на одного изъ своихъ служащихъ. — Я не люблю-съ неаккуратныхъ людей, мнѣ не нужны манкирующие своими обязанностями служащіе! Я самъ-съ занятъ съ утра до ночи и потому не потерплю упущеній! У меня сотни дѣлъ и я успеваю, а вы за однимъ сидите и не можете посидѣть во время. Вы по мѣсяцамъ тянете дѣла, которыхъ можно сдѣлать въ день! Если вамъ не угодно служить, какъ слѣ-

дуетъ, — подавайте-съ въ отставку! На такіе мѣста, какъ ваше, есть сотни кандидатовъ!

Служащій бормоталъ какія-то оправданія.

— Мнѣ-съ не извиненія нужны, мнѣ нужны факты вашей дѣятельности! горячился Алексѣй Николаевичъ. — Кто беретъ на себя извѣстныя обязанности, тотъ долженъ строго исполнять свой долгъ. Обязанностей никому не навязываютъ насильно. Я въ послѣдній разъ дѣлаю вамъ это замѣчаніе!

Когда служащій удался, Алексѣй Николаевичъ долго еще не могъ успокоиться.

— Вы не можете представить, что это за народъ, говорилъ онъ мнѣ, ходя по комнатѣ. — Получаютъ жалованье и бьютъ баклуши! Никакого чувства долга, никакого сознанія важности своихъ обязанностей! Они бьютъ баклуши, они дармоѣдничаютъ, а я одинъ, я не могу услѣдить за всѣми! На дняхъ баронеса фон-Таубе упрекаетъ, что я не опредѣлилъ еще ея protégé въ училище. Вы вѣдь знаете ее — насадить, такъ не скоро отдѣлаешься отъ нея! А этотъ господинъ, изволите-ли видѣть, заложилъ дѣло объ этомъ мальчикѣ подъ сукно. Вы понимаете, насколько неприятно выслушивать жалобы женщины, и притомъ хорошенькой женщины...

Онъ усмѣхнулся лукавой и двусмысленной улыбкой и тотчасъ же прибавилъ съ серьезнымъ видомъ:

— Впрочемъ, вы не думайте, что тутъ лично баронесса играло роль! Нѣтъ, но вы понимаете, если дѣло по просьбѣ баронессы исполняется такъ плохо, то какъ же затягиваются дѣла простыхъ смертныхъ, неимѣющихъ прямыхъ сношеній со мною. Вѣдь если ея дѣло положили подъ сукно, то дѣла разной бѣдноты, которая имѣетъ несчастіе de tomber sous la patte какого-нибудь изъ этихъ господъ, и вовсе бросаются. Я это хочу вывести, я слѣжу, я докапываюсь. Но вѣдь я одинъ, я одинъ, а ихъ, этихъ господъ служащихъ, у меня десятки, сотни!

Онъ опять тревожно заходилъ по кабинету.

— Да, я иногда удивляюсь, какъ вы успѣваете справляться со всѣми дѣлами, замѣтилъ я.

— А! привычка, mon cher, привычка! пожалуй плечами Алексѣй Николаевичъ. Я дѣлаю въ минуту то, на что другой потратитъ часъ. Глазъ приглядѣлся, рука набилась! Потомъ я занимаюсь ночью, замыкаюсь у себя въ кабинетѣ одинъ. Я знаю, что это мнѣ вредно, но что же вы станете дѣлать! Кромѣ того je suis un homme d'habitude, у меня все рассчитано, все совершается въ извѣстные часы. Я не могу быть безъ дѣла, не могу просрочить часу, или у меня все пойдетъ à tort et à travers. Вся ошибка людей не въ лѣни, а въ неумѣнн распредѣлить время, быть точными, не откладывать ничего, что надо сдѣлать сейчасъ... А кстати! Вы куда отъ меня!

— Домой! отвѣтилъ я.

— Такъ я васъ подвезу! Я ѣду въ засѣданіе общества страхованія отъ саранчи.

— А вы и тамъ членъ?

— Мой другъ, гдѣ же я не членъ! разсмѣялся Алексѣй Николаевичъ. — Меня треплютъ, разрываютъ на клочки... Но, entre nous, я усталъ, усталъ! Хотѣлось бы отдохнуть, пожить для себя, отдаться живописи... Но что же вы прикажете дѣлать, если нѣтъ людей, нѣтъ дѣловыхъ серьезныхъ умовъ, нѣтъ честныхъ гражданъ! На одного взваливаютъ, какъ на вола, сотни дѣлъ и обязанностей, а другіе бьютъ баклуши, пользуются жизнью, пожинаютъ плоды чужого труда. Тяжелое время мы переживаемъ: вы представьте себѣ, что я изъ-за общественныхъ обязанностей, не могъ самъ слѣдить за дѣтьми, жить семейною жизнью, а семья — о, это великое слово!.. Мы теперь живемъ въ такіе времена, когда нужно поддерживать семью, нужно строго воспитывать въ ней юношество, нужно сдѣлать ее опло-

томъ противъ разныхъ заблужденій... Но долгъ гражданина прежде всего.

Въ этомъ духѣ Алексѣй Николаевичъ говорилъ всю дорогу до моего дома и его лицо приняло нѣсколько мрачное выраженіе, точно у него творилось что-то скверное на душѣ во время этихъ толковъ о семейномъ очагѣ.

Этотъ очагъ у Алексѣя Николаевича былъ. Но, Господи, что это былъ за очагъ.

Алексѣй Николаевичъ не женился, но его женили, чтобы спасти его отъ какой-то падшей женщины, забравшей его въ руки, чтобы остепенить его отъ кутежей, чтобы увеличить его состояніе, чтобы сдѣлать еще болѣе важныя связи въ свѣтѣ. Александра Ивановна Бѣлопольская, — такъ звали невѣсту Алексѣя Николаевича, тоже не выходила за него замужъ, а выдавалась за него, потому что ее нужно было выдать замужъ одному вліятельному лицу того времени. Съ перваго же дня супружества молодые зажили на двѣ половины въ роскошномъ домѣ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ — этихъ мѣсяцевъ было очень мало — у нихъ явилось въ домѣ три отдѣленія: отдѣленіе мужа, отдѣленіе жены и отдѣленіе ребенка съ его мамкой, англичанкой и штатомъ прислуги. Иногда мужъ и жена не видались по цѣлымъ днямъ и порой мужъ, отправляясь къ женѣ, узнавалъ, что у нея находится въ гостяхъ одинъ изъ ея вліятельныхъ родственниковъ, и круто поворачивалъ назадъ, отрывисто приказывая лакею подать карету: не попавъ къ женѣ, онъ ѣхалъ къ прежней любовницѣ. Иногда жена не выходила изъ своей половины, приказывая сказать мужу, что у нея мигрень, но въ эти дни, выдавши ее замужъ вліятельный родственникъ, имѣлъ доступъ къ молодой женщинѣ, не смотря на ея мигрень. Ходилъ даже такой анекдотъ, что одинъ изъ старыхъ свѣтскихъ остряковъ, услыхавъ отъ Алексѣя Николаевича, что у Александры Ивановны мигрень, съ наивнымъ видомъ замѣтилъ:

— А я его встрѣтилъ, кажется, на лѣстницѣ.

Онъ встрѣтилъ уходившаго отъ Александры Ивановны ея вліятельнаго родственника.

Впрочемъ, небеса благословили этотъ союзъ и въ дѣтяхъ недостатка не было. Два сына и двѣ дочери родились у Ризанцевыхъ, втеченіи какихъ нибудь восьми лѣтъ супружеской жизни, и были сданы на руки нянекъ, мамокъ, гувернантокъ, гувернеровъ и слугъ, такъ какъ у Алексѣя Николаевича были на рукахъ общественныя обязанности, а Александра Ивановна должна была по своему положенію поддерживать свѣтскія связи. Такимъ образомъ мужъ и жена или ѣздили по цѣлымъ днямъ, или принимали на своихъ половинахъ гостей. Они знали, что у нихъ были дѣти, и дѣти знали, что у нихъ были родители, потому что дѣти каждое утро обязаны были приходить къ родителямъ и говорить:

— Bonjour, maman! Bonjour, papa!

Нѣсколько ближе узнали родители старшаго сына, когда онъ не могъ выдержать никуда экзамена и долженъ былъ опредѣлиться въ одинъ изъ конныхъ гвардейскихъ полковъ вольноопредѣляющимся. Еще ближе узнали они его, когда имъ предъявили его векселей на тридцать тысячъ. Между отцомъ и сыномъ послѣдовало крупное объясненіе въ нѣсколько вульгарномъ тонѣ.

— Тебѣ еще учиться, а не кутить нужно! горячился отецъ.

— А я думаю, что мнѣ нужно жить, пока я молодъ, отвѣтилъ сынъ. — Вы живете, тамап живете, значить, и я хочу жить,

— Я откажусь за тебя платить долги, я это въ газетахъ напечатаю, сказалъ отецъ.

— Вы знаете, что крестный отецъ положилъ на мое имя независимый капиталъ, отвѣтилъ сынъ. — Я трачу не ваши деньги.

Крестнымъ отцомъ юноши былъ тотъ вліятельный родственникъ, посѣщенія котораго къ Александру Ивановичу совпадали съ посѣщеніемъ мигрена.

— Я все знаю, но мотать тебѣ не позволю, крикнулъ отецъ.

— Я, рара, кажется, и не просилъ на это позволенія, отвѣтилъ сынъ.

— Вонъ! крикнулъ отецъ.

— Гдѣ это вы научились такъ кричать! сказалъ сынъ, пожимая плечами и удаляясь изъ комнаты.

Послѣ этого объясненія послѣдовало объясненіе родителей между собою. Отецъ назвалъ сына идиотомъ, болваномъ, сказалъ, что въ фамиліи Рязанцевыхъ не было никогда такихъ глупцовъ и невѣждъ, на что мать съ проницательностью отвѣтила, что, вѣроятно, сынъ не имѣетъ никакихъ общихъ чертъ съ этой фамиліей, кромѣ страсти къ кутежамъ и праздности.

— Потому что, вы, конечно, не станете отрицать, что эти качества онъ наслѣдовалъ отъ васъ, закончила она.

Долги сына, однако, заплатились, заплатились и еще новые векселя, выданные имъ, и дѣла пошли обычнымъ порядкомъ.

Но наученный опытомъ, отецъ посѣдѣлъ отдать въ закрытое заведеніе младшаго сына и просилъ начальство заведенія, держать юношу въ строгости. Повидимому, все пошло хорошо: юноша былъ запертъ въ училищѣ по цѣлымъ недѣлямъ, онъ находился подъ надзоромъ учителей и начальниковъ, его окружала привилегированная молодежь, онъ обязательно приготовлялъ уроки, онъ аккуратно переходилъ изъ класса въ классъ. Отецъ былъ спокоенъ за его участь.

— Да, правильное образованіе много значитъ, говорилъ онъ. — Какъ бы ни воспитывали дѣтей дома, а все-таки дома нѣтъ той правильности, той дисциплины, которая господствуетъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Дома всегда бываютъ поблажки, меньше строгости, меньше страха. Я Сержемъ очень, очень доволенъ!

И дѣйствительно, Сержъ росъ приличнымъ, выдресированнымъ, серьезнымъ мальчикомъ. Онъ держалъ себя умѣло, чинно, ловко и немного свысока относился ко всѣмъ. Я нѣсколько разъ заставлялъ этого юношу у Алексѣя Николаевича и удивлялся его сдержанности. Онъ говорилъ даже съ отцомъ съ серьезнымъ достоинствомъ благовоспитаннаго барича. Отецъ, какъ видно, гордился имъ и нерѣдко говорилъ, что въ его Сергѣ много общаго съ дѣдомъ, съ дипломатомъ былыхъ временъ, Николаемъ Алексѣевичемъ Рязанцевымъ. И точно, юноша выросъ человекомъ вполне благовоспитаннымъ. Это понялъ Алексѣй Николаевичъ вполне, въ одинъ изъ памятныхъ для него вечеровъ.

Какъ-то цѣлая компанія старыхъ кутиль, извѣстныхъ всему Петербургу, являющихся неизменно на всѣ первыя представленія и бенефисы въ театры и въ лѣтнія увеселительныя заведенія, пріѣхала съ дамами къ Дороту. Въ числѣ пріѣхавшихъ былъ и Алексѣй Николаевичъ, какъ не-

премѣнный членъ этой компаніи. Онъ сбросилъ на руки слуги пальто и поднялся съ своей дамой подъ руку въ залу, чтобы пройти въ отдѣльныя комнаты, и остановился въ недоумѣніи: черезъ залу проходилъ тоже съ дамой подъ руку его Сержъ, окруженный толпой товарищей. Молодежь шумѣла и смѣялась. Сержъ взглянулъ, прищуривъ глаза, на отца и тотчасъ же развязно заговорилъ со своей дамой, точно не узнавъ отца. Алексѣй Николаевичъ смутился и выпустилъ руку своей спутницы, сдѣлавъ шагъ по направленію къ своему сыну, но сынъ, не моргнувъ глазомъ, прошелъ мимо и исчезъ со своей компаніей въ другія комнаты. Алексѣю Николаевичу было какъ-то не по себѣ, у него исчезла всякая веселость; онъ слышалъ въ сосѣднихъ комнатахъ смѣхъ, пѣніе и говоръ сына и не могъ самъ повѣсничать въ своемъ кружкѣ. Но сынъ, повиди-

Алексѣй Николаевичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Да вѣдь и ты же, вѣроятно, видѣлъ меня, проговорилъ онъ.

— Я, рара, стараюсь не видать того, чего мнѣ не нужно видѣть, или, по крайней мѣрѣ, не говорить объ этомъ, сухо отвѣтилъ сынъ, принимаясь за завтракъ.

Отецъ посмотрѣлъ на его спокойное лицо и смутился еще болѣе. Черезъ минуту онъ заговорилъ снова:

— Мнѣ очень досадно, что я тебя встрѣтилъ въ подобномъ мѣстѣ, въ такой компаніи!

— Въ какой компаніи? проговорилъ сынъ, вопросительно поднимая глаза на отца. — Это были люди нашего круга...

— Но эти кутежи не доводятъ...

Алексѣй Николаевичъ не кончилъ фразы, такъ

какъ сынъ, кончивъ котлету, положилъ ножъ и вилку и взглянулъ на отца, откинувшись на спинку стула.

— Мы мужчины и потому намъ нечего особенно церемониться, проговорилъ юноша. — Мнѣ девятнадцать лѣтъ и ты, конечно, понимаешь, что я не монахъ, не отшельникъ, не скопецъ. Я точно также знаю, что и ты — *passez moi le mot*, cher rара, — чуть не холостякъ.

При послѣдней фразѣ сынъ вздохнулъ не безъ грусти.

— Значитъ, продолжалъ онъ, — очень понятно, что мы можемъ иногда случайно столкнуться въ извѣстныхъ мѣстахъ, въ извѣстной обстановкѣ, при которыхъ намъ, отцу и сыну, не особенно хотѣлось бы встрѣчаться. Но что же дѣлать: *il faut faire bonne mine à mauvais jeu*!

Онъ вдругъ улыбнулся.

— Мнѣ вспомнилась прекуръзная исторія, совсѣмъ веселымъ тономъ, улыбаясь только глазами, продолжалъ онъ. — Я съ Пьеромъ Барнауловымъ, надняхъ, поѣхалъ поужинать къ Клемансъ Роберъ... Ты, конечно, знаешь ее? Не глупая женщина, съ ней всегда можно, не зѣвая, *causer théâtre et chiffons*... Пьеръ Барнауловъ вздумалъ за ней пріударить. Но вообрази, только мы успѣли за ужиномъ, какъ ей докладываютъ, что къ ней пріѣхалъ самъ Павелъ Петровичъ...

— Отецъ? проговорилъ Алек-

сѣй Николаевичъ.

— Да, онъ своей собственной особой, подтвердилъ сынъ. — Ну, конечно, пришлось бросить ужинъ и ретироваться черезъ черную лѣстницу. Пьеръ и не зналъ, что его батюшка уже съ недѣлю, какъ отвоёвалъ Клемансъ отъ Офросимова...

— Объ этомъ же весь городъ говорилъ, не удержался отъ замѣчанія Алексѣй Николаевичъ.

— Да, весь городъ, но къ намъ въ училище не сразу доходятъ всѣ городскія новости, отвѣтилъ сынъ.

Отецъ и сынъ помолчали. Алексѣй Николаевичъ все еще чувствовалъ себя какъ-то неловко передъ своимъ сыномъ-дипломатомъ. Наконецъ, сынъ чуть-чуть потянулся и поднялся съ мѣста.

— Ахъ, скорѣй бы кончить курсъ! проговорилъ онъ. — Надо будетъ поскорѣй жениться. Всѣ

Балъ у Изы. (Гл. II. Часть II.)
(Рис. къ роману «Иза» № 10 Жив. Об.)

мому, нѣсколько не былъ смущенъ встрѣчей съ отцомъ и продолжалъ потѣшать свою компанію, вызывая ея смѣхъ и аплодисменты своими шутками, своими куплетами.

Кое-какъ дотянувъ вечеръ, Алексѣй Николаевичъ вернулся домой.

На слѣдующее утро онъ встрѣтился съ сыномъ за завтракомъ. Тотъ, по обыкновенію, спокойно и сдержанно проговорилъ ему, садясь за столъ:

— Bonjour, rара!

Алексѣй Николаевичъ молча пожалъ протянутую ему руку сына и не зналъ, какъ начать разговоръ. Наконецъ, онъ спросилъ:

— Гдѣ ты былъ вчера?

— У Дорота, отвѣтилъ сынъ.

— А! Значитъ, я не ошибся! сказалъ отецъ.

— А ты меня видѣлъ? спросилъ сынъ.

эти Клемансы хороши для тѣхъ, кто привыкъ сорить деньгами, а когда ихъ мало...

— Да, кстати, перебилъ сконфуженно отецъ, — я тебѣ, можетъ быть, мало даю карманныхъ денегъ...

— О, не беспокойся! отвѣтилъ сынъ. — Я не изъ числа расточителей! На мелкія глупости у меня съ избыткомъ хватаетъ того, что ты даешь. Наконецъ, я въ такихъ лѣтахъ, когда во всѣхъ этихъ любовныхъ похожденияхъ деньги играютъ еще послѣднюю роль.

Онъ пожалъ руку отца и вышелъ.

Алексѣй Николаевичъ стоялъ съ какимъ-то потеряннымъ выраженіемъ лица: онъ еще разъ убѣдился, что онъ вовсе не знаетъ своихъ собственныхъ дѣтей, что ему нужно поближе войти въ свою собственную семью.

— Экипажъ поданъ! доложилъ лакей, прерывая эти мысли.

— Экипажъ? съ недоумѣніемъ спросилъ Алексѣй Николаевичъ, точно сквозь сонъ.

— Ваше превосходительство въ засѣданіе хотѣли ѣхать, пояснилъ лакей.

— Въ засѣданіе? пробормоталъ про себя Алексѣй Николаевичъ, припоминая что-то. — Ахъ, да, сегодня общее собраніе въ обществѣ призрѣваемыхъ сиротъ... Да, да, надо ѣхать!

И онъ поѣхалъ рѣшать судьбы призрѣваемыхъ сиротъ, слушать отчеты о ихъ положеніи, подписывать протоколы и отчеты о суммахъ, расходимыхъ на ихъ содержаніе.

Генрихъ Гейне.

(Биографическій очеркъ.)

Въ августѣ 1764 г., родной братъ извѣстнаго банкира Соломона Гейне, Самсонъ, приѣхалъ по торговымъ дѣламъ, въ Дюссельдорфъ съ рекомендательными письмами къ торговому дому Гельдернъ. Родоначальникъ этого

дома, Исаакъ Ван-Гельдернъ, былъ обязанъ прибавкой ванъ, или фонъ не дворянской грамотѣ, а просто тому, что былъ родомъ изъ Гельдерна. Дворянство Исаака заключалось не исключительно въ его благородномъ образѣ мыслей и въ великодушныхъ чувствахъ. Исаакъ ванъ-Гельдернъ былъ очень богатый человѣкъ, другъ и корреспондентъ извѣстнаго банкира Опенгейма въ Боннѣ и такъ же, какъ Опенгеймъ заботился постоянно объ улучшеніи печальнаго положенія своихъ соплеменниковъ, евреевъ. Сынъ его Лазарь, продолжая дѣла своего отца, отличался тѣми же нравственными качествами. Вообще это была семья очень хорошихъ людей, въ которой нравственные достоинства передавались наследственно отъ отца къ дѣтямъ. У Лазаря было два сына и дочь. Когда отецъ и старшій сынъ умерли, младшій — Симонъ наследовалъ медицинскую практику своего отца и пользовался большимъ уваженіемъ у евреевъ и христіанъ, какъ врачъ и какъ человѣкъ. Сестра его, Бетти, родившаяся въ ноябрѣ 1771 года, жила въ его домѣ и завѣдывала хозяйствомъ. Красивая, задушевная, привѣтливая и умная, она была любимцею всей семьи. Совершенно удовлетворенная тѣмъ небольшимъ кругомъ дѣятельности, которую давало ей домашнее хозяйство, она почти не обращала вниманія на ухаживателей, которыхъ у нея было много, несмотря на ея почти 30-лѣтній возрастъ и не думала выходить замужъ. Разъ братъ ея пригласилъ къ обѣду Самсона Гейне, на котораго Бетти произвела сильное впечатлѣніе. Онъ сталъ учашать свои визиты и кончилъ тѣмъ, что предложилъ Бетти свою руку и сердце. Молодой, красивый, стройный, живого темперамента и честнаго сердца, Самсонъ, не отличаясь

особеннымъ умомъ, умѣлъ заставить любить себя. Онъ плѣнилъ Симона ван-Гельдерна, и его родныхъ и знакомыхъ своими душевными качествами. Друзья и родные Ван-Гельдерна приняли участіе въ сердечномъ дѣлѣ Самсона Гейне и Бетти дала ему свое согласіе, ужъ конечно не потому, чтобы не любила его. Влюбленные были обвинены въ февралѣ 1779 г., а 13 декабря того же года у нихъ родился сынъ, которому дали имя Гарри. Впослѣдствіи, принявъ христіанство, Гарри перемѣнилъ свое имя, на имя Генриха. Любопытно, что на своихъ сочиненіяхъ, Гейне никогда не выставлялъ вполне своего имени.

Во всю жизнь Генрихъ Гейне сохранилъ самое свѣтлое воспоминаніе о своемъ отцѣ домѣ и о Дюссельдорфѣ: «я родился въ немъ (въ Дюссельдорфѣ), рассказываетъ Гейне въ «Путевыхъ картинкахъ», — и когда я вспомню о своемъ родномъ городѣ, то мнѣ такъ и кажется, что мнѣ нужно сейчасъ идти домой. Если я говорю: идти домой, то думаю объ улицѣ и о томъ домѣ, въ которомъ я родился. Въ этомъ домѣ вамъ покажутъ комнату, въ которой я увидѣлъ свѣтъ божій, на дворѣ уголъ для куръ, куда меня обыкновенно запералъ отецъ, когда я таскалъ виноградъ, и коричневую дверь, на которой мать учила меня писать мѣломъ буквы... Сударыня, кончаетъ Гейне, если я сдѣлался знаменитымъ писателемъ, то это стоило большого труда моей матери». Гейне сохранилъ самое любящее, нѣжное и благодарное воспоминаніе о своей матери. Вліяніе этой превосходной, умной и тонко чувствовавшей женщины на молодого поэта было громадно. Максимилианъ, братъ Генриха Гейне, рассказываетъ, между прочимъ, что мать приучила ихъ не ѣсть въ гостяхъ все то, что имъ клали на тарелку. Это, оставляемое на тарелкѣ, называлось на ихъ семейномъ языкѣ «уваженіемъ»; точно также не позволяла она, чтобы дѣти, когда ихъ приглашали на кофе, накидывались на сахаръ: изъ порціи сахара, слѣдовало оставлять хоть одинъ кусокъ. Разъ мать, въ солнечный лѣтній день, отправилась съ дѣтьми за городъ пить кофе. Кончивъ кофе и выходя изъ сада, Максимилианъ замѣтилъ, что въ сахарницѣ остался большой кусокъ сахара. Думая, что никто не видитъ, Максимилианъ поспѣшно стащилъ кусокъ, но увы, Генрихъ оказался свидѣтелемъ преступленія, и испуганный побѣжалъ къ матери и сказалъ ей: «мама, мама, вообрази себѣ — Максъ съѣлъ «уваженіе!» Я получилъ отъ матери пощечину, замѣчаетъ Максъ, о которой у меня сохранилось воспоминаніе на всю жизнь».

Мать Гейне, съ особенной любовью, читала сочиненія нѣмецкихъ патріотовъ и не пропускала ни одного случая, чтобы не обращать вниманія своихъ подрастающихъ дѣтей, на печальное политическое состояніе тогдашней Германіи и, въ особенности, мелкихъ государствъ. «Объщайте мнѣ, повторяла она не разъ дѣтямъ, не искать себѣ отечества въ маленькомъ государствѣ; изберите большой городъ, въ большой странѣ, но сохраните навсегда нѣмецкое сердце для нѣмецкаго народа». Постоянная привязанность, которую сохранили къ ней и сыновья, явилась въ нихъ не потому, что она холила и берегла ихъ въ дѣтствѣ, а потому, что она была постоянной участницей въ ихъ дѣтской жизни и истиннымъ, предусмотрительнымъ другомъ, когда они достигли зрѣлости.

Генрихъ Гейне былъ распушеннымъ, своевольнымъ и довольно дикимъ ребенкомъ; его умственные способности развились довольно рано и такъ же рано обратили на него вниманіе. Отцу доставалось не мало хлопотъ, чтобы обузывать Гарри. Если въ сосѣдствѣ случалась какая-нибудь шалость, то было несомнѣнно, что маленький Гейне, или стоялъ въ главѣ шалуновъ, или принималъ въ шалости самое дѣятельное участіе. Обыкновенное

средство, которое принималъ отецъ, заключалось въ томъ, что онъ запералъ Гарри въ уголъ для куръ. Впрочемъ, это наказаніе очень скоро перестало дѣйствовать, потому, что маленький Гарри умѣлъ отлично устроиться въ своемъ заключеніи. Обыкновенно онъ начиналъ пѣть пѣтухомъ и всѣ сосѣдніе пѣтухи поднимали въ слѣдъ за нимъ крикъ. Такимъ образомъ тюрьма, изъ мѣста наказанія превратилась въ мѣсто дѣтскихъ игръ и впослѣдствіи Генрихъ Гейне, въ одномъ стихотвореніи къ сестрѣ, припоминаетъ ей это дорогое для него, по воспоминаніямъ дѣтства, прошлое. «Дитя мое, говорилъ онъ, мы были дѣти и двое маленькихъ дѣтей, мы забирались въ курятникъ и зарывались въ солому. Кричали мы пѣтухами и проходили-ли кто: — кука-реку? такъ всѣ и думали, что это кричатъ пѣтухи. Лари на дворѣ обвѣшивали мы всякимъ тряпьемъ, и располагались въ нихъ на житье и обзаводились домкомъ. Старая кошка сосѣда часто ходила къ намъ въ гости; мы ей бывало кланялись чинно, встрѣчали ее комплиментомъ. Мы объ ея здоровьи спрашивали заботливо и привѣтливо. Такъ бесѣдовали мы потомъ со многими старыми кошками...»

Еще сильнѣе, чѣмъ тюремное заключеніе отца, дѣйствовали на маленькаго Гарри наказанія его матери. Ее боялись не только ея собственные дѣти, но и сосѣдніе; въ особенности, если они что-нибудь напроказили съ ея дѣтьми. Разъ одинъ мальчикъ кинулъ такъ неудачно камень, что расшибъ до крови голову маленькому Гарри. На крикъ сына приѣжала мать, и виновникъ бѣды едва убѣжалъ отъ ея страшной угрозы: «гдѣ этотъ злой мальчишка, который разбилъ голову моему Гарри... я его утоплю?» кричала возбужденная мать... Когда впослѣдствіи въ бонскомъ университетѣ авторъ пробитой головы напомнилъ объ этомъ Гарри, тотъ съ ироническимъ смѣхомъ отвѣтилъ: «кто знаетъ, можетъ быть, все это было къ лучшему! если бы ты не попалъ мнѣ въ поэтическую жилку и не пробилъ бы дыры въ моей головѣ, можетъ быть, я никогда не былъ бы поэтомъ!»

Генрихъ Гейне развивался и росъ въ тотъ періодъ, когда Германія находилась въ полнѣйшемъ хаотическомъ состояніи. Французскіе идеи о свободѣ и равенствѣ и революціонная проповѣдь, которую вносили въ Германію, и французскіе книги и Наполеоновскіе завоеванія, проливали въ Германію такую путаницу понятій, что все въ ней перемѣшалось и никто наконецъ не зналъ своего мѣста. По словамъ Гейне, «французы повернули къ верху ногами всѣ тогдашнія границы государствъ и каждый день государства перекрашивались въ новый цвѣтъ. Тѣ, которые были голубыми, превратились внезапно въ зеленые, а нѣкоторые даже въ кроваво-красные. Продукты измѣнились тоже: гдѣ бѣгали прежде только зайцы, да одичавшіе мальчишки, теперь стали расти цикорій и свекла. Измѣнились даже народные характеры: нѣмцы стали привѣтливы и уступчивы, французы перестали говорить комплименты; англичане не выбрасывали больше своихъ денегъ за окно, венеціанцы перестали лукавить; князьямъ слѣдовало повышенія: прежніе короли получили новую форму, новыя королевства пеклись какъ булки и многія изъ владѣльцевъ, выгнанные изъ своихъ домовъ, должны были снискивать себѣ хлѣбъ уже другимъ способомъ». Этотъ порядокъ вещей: — французскіе идеи, униженіе Германіи, безвыходность социальная, политическая и даже личная, наложили свою печать на всѣхъ людей того времени и на всю поэтическую дѣятельность Гейне.

Гейне, вмѣстѣ съ Берне, принадлежатъ къ творцамъ той «молодой Германіи» которая больше всего повліяла на политическое и общественное воспитаніе нѣмцевъ.

Гейне называли даже пѣмецкимъ Байрономъ, но онъ далеко не былъ имъ. Положеніе Германіи было далеко ниже, во всѣхъ отношеніяхъ, положенія Англіи. Въ Германіи все было меньше, уже, въ ней все было жалко и мизерно, начиная съ политической жизни и кончая литературой. Литературная школа, въ которой воспитывались Гейне и Берне, и злополучное берлинское остроуміе, меньше всего были способны развить серьезность мысли и серьезность чувствъ. Они не могли даже создать настоящаго человѣческаго достоинства. Трагизмъ Германіи самъ не вѣрилъ въ себя:—это было скорѣе страданіе невѣрующаго сомнѣнія, душевнаго упадка и безвѣрія въ свои силы. И это-то общее психическое состояніе отразилось на всемъ душевномъ фонѣ Гейне и на всей его поэзіи. Въ лордѣ Байронѣ, трагическій характеръ его рожденія и вся его трагическая судьба, развили необыкновенную гордость и преувеличенное чувство личнаго достоинства. Подобной черты не было въ Гейне. Въ немъ скорѣе было много суетности и того остроумія, которое нерѣдко перерождалось въ карикатуру и связывало его съ берлинской школой. Гордая натура Байрона не позволяла ему дѣлать хотя малѣйшую уступку, малѣйшую поддѣлку подъ правду, тогда какъ Гейне, во всю свою жизнь, обнаруживалъ весьма замѣтное равнодушіе къ правдѣ. Подчиняясь впечатлѣніямъ минуты онъ отрицалъ или утверждалъ правду и неправду, смотря по обстоятельствамъ. Даже Берне, отличавшійся болѣе прямымъ характеромъ, казался Шлейермахеру афектированнымъ и фальшивымъ даже въ молодости, когда онъ по собственнымъ своимъ словамъ былъ еще «очень вѣрующъ и глупъ».

Въ Байронѣ все безприветливое, что являлось въ его жизни и въ его поэзіи, было въ сущности протестомъ противъ національных недостатковъ англичанъ, противъ ихъ ханжества и фарисейства. Лично Байронъ никогда не лишился чувства чистоты и искусственная грязь, въ которую онъ иногда опускался, не приставала къ нему. Гейне же, какъ говоритъ Гервинусъ, разставшись съ романтическими идеалами первой молодости, утратилъ чувство чистоты и ему пришлось отдаваться крайностямъ ненависти и любви и создавать себя изъ этого славу. Онъ тщеславился своимъ языческимъ политизмомъ въ области любви, онъ смѣялся надъ чистотой такихъ, людей какъ Берне, и объявилъ открытую войну строгой морали, и религіи, которые, по его словамъ, служили только маской двоедушія. Наконецъ между великими миссіями, по саркастическому замѣчанію Берне, первая роль, которую онъ принялъ на себя въ драмѣ возрожденія міра—была роль антихриста. Вольтеръ же былъ не больше, какъ его предтеча.

Въ числѣ странностей Байрона замѣчалась наклонность къ эпикурейству; но онъ никогда изъ эпикуризма не дѣлалъ философіи своей жизни. Гейне напротивъ, дѣлалъ «счастіе» мѣркой всему. Во внутренней борьбѣ, между каждой личной наслажденія и послѣдними остатками романтическаго увлеченія, «счастливая жизнь» обнаруживала всегда окончательное вліяніе на его рѣшенія.

Послѣ увлеченій молодости, Байронъ пришелъ наконецъ къ цѣли своей жизни и явился истиннымъ бойцемъ за начало, которое проповѣдывалъ. У Гейне не было ничего подобнаго въ характерѣ; онъ самъ говорилъ о себѣ, что душа его изъ каучука, что она мѣняется каждую минуту, что она то погружается въ безконечное, то дѣлается микроскопической. Ни въ одну эпоху своей жизни Гейне не имѣлъ твердой точки опоры, ни въ идеализмъ и въ реализмъ, ни въ религію. Для него точно не было ничего святаго, ничего такого, къ чему бы онъ относился серьез-

но. «Не оскорбляйте его подозрѣніемъ, говоритъ Берне, считать способнымъ на какое-нибудь убѣжденіе; онъ думаетъ, что ничего не бояться, ничего не уважать, не любить, не ненавидѣть и не имѣть никакихъ принциповъ значить имѣть черты, создающія великій характеръ». Последнее обвиненіе, которое дѣлаетъ ему Берне—обвиненіе, въ аристократизмѣ.

Но если все это такъ, что же заключалось въ Гейне такого, что поэзія его и до сихъ поръ сохраняетъ свой высокій интересъ и доходитъ до сердца? что за причина, что изъ всѣхъ иностранныхъ поэтовъ, его больше всѣхъ любили и переводили у насъ? Въ Гейне чувствуется трагизмъ изстрадавшагося человѣка, подавленнаго болѣзненнымъ настроеніемъ цѣлой эпохи, выразителемъ которой онъ и явился. Въ немъ накопилась нескончаемая горечь, выражающаяся злой насмѣшкой надъ всѣмъ и непризнающей ничего святаго. Это—изстрадавшаяся душа, которая и сама не знаетъ, отъ чего она страдаетъ, не знаетъ этого и никто другой. Въ поэзіи Гейне чувствуется горе болѣзненное, тяжелое, но не доходящее до той искренности, которая позволила бы ему высказаться въ формѣ. Ему точно стыдно своихъ страданій и слезъ, и чтобы скрыть ихъ, онъ надѣваетъ на себя арлекинскій костюмъ и переходитъ постоянно изъ строгаго тона въ шутовство. Говорить ли Гейне о любви, онъ смѣется и надъ нею. Онъ впадаетъ изъ противорѣчій въ противорѣчіе и изумленный читатель, наконецъ, не знаетъ какимъ его словамъ и чувствамъ вѣрить. Впрочемъ, одно стихотвореніе довольно ясно даетъ понять ту роль, которую, какъ думалъ Гейне, онъ выполнилъ въ жизни.

Не пора-ль изъ души старый вымести соръ,
Изъ давно прожитаго наслѣдія?

Вѣдь съ тобою, мой другъ, какъ искусный актеръ

Я разыгрывалъ долго комедію.

Романтическій стиль отражался во всемъ,—
(Былъ романтикъ въ любви и въ искусствѣ я)

Паладинскій мой плащъ весь блисталъ серебромъ,

Изливалъ я сладчайшія чувства.

Но вѣдь странно, что вотъ и теперь, какъ гожусь

Ужъ не въ рыцари больше, въ медвѣди я,
Все какой-то безумной тоскою томлюсь,
Словно прежняя длится комедія.

О мой Боже! должно быть и самъ я не зналъ,
Что я былъ не актеръ, а страдающій,
И что съ смертною язвой въ груди, представлялъ

Я все сцену: «Боецъ умирающій».

Даже умирая Гейне остался вѣренъ своему вѣчно капризному, измѣнчивому, пронически-шутковому тону...

Гейне умеръ въ ночь съ 16 на 17 февраля 1856 года.

Три дочери Ноя.

(Мусульманское сказаніе, почерпнутое изъ древняго историческаго сочиненія «Таварихъ Табарі».)
(Ст. Н. Стремоухова.)

Между прочимъ, въ книгѣ, жизни рода человѣческаго написано слѣдующее:

Прекратился великій потопъ, ниспосланный Аллахомъ на людей въ наказаніе за всѣ ихъ прегрѣшенія. Все погнѣло въ бурныхъ потокахъ,—одинъ лишь ковчегъ Ноя уцѣлѣлъ отъ гнѣва могущественнаго Мстителя. Остановился же ковчегъ на вершинѣ самой высокой горы (въ Средней Азіи существуетъ преданіе, которое гласитъ, что ковчегъ остановился на горѣ Казы-Гуртъ, находящейся на почтовомъ тракѣ между Чемкентомъ и Ташкентомъ).

Когда воды соединились въ большія моря и рѣки, просочились въ нѣдра земныя, густыми облаками поднялись на небо, когда земля просохла и нарядилась въ новую роскошную одежду, когда наконецъ вѣтры освободили лазуревый сводъ отъ грозныхъ черныхъ тучъ, тогда вышелъ Ной со своимъ семействомъ изъ ковчега, вышли всевозможныя твари земныя и, новая жизнь водворилась на землѣ. Прошли года, родъ человѣческій быстро расплодился и, о потопѣ осталось одно лишь воспоминаніе.

У Ноя кромѣ сыновей была еще одна дочь, красоты необыкновенной. Станомъ своимъ не уступала она стройному талу (тополю), тѣло ея было бѣлѣ снѣга, нѣжныя пуха и тверже мрамора; шея какъ у лебедя, губы краснѣ коралловъ, а зубы точно жемчуги; до полу спускалась ея волнистая, черная съ снѣговатымъ отливомъ коса; правильными черными дугами, изгибались ея брови; а большіе сладострастные глаза, точь въ точь два брилліанта, ослѣпляли и очаровывали своимъ блескомъ. Однимъ словомъ, болѣе прекраснаго существа, невозможно было пайти на землѣ. Смѣхъ ея, вселялъ счастье и радость, голосъ же ея походилъ на какую-то волшебную музыку,—какъ опьяняющій, чудотворный напитокъ, пропиткалъ онъ по всѣмъ жиламъ въ самую душу человѣка и наполнялъ неземнымъ блаженствомъ.

Далеко разнеслась молва о чудесной красотѣ дочери Ноя и, многіе восплали желаніемъ увидѣть красавицу и удостовѣриться въ справедливости слуховъ.

И вотъ однажды къ дому, занимаемому семействомъ великаго патриарха, на прекрасномъ ворономъ аргамакѣ, подѣхалъ статный молодой воинъ. Золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями блестя его роскошный нарядъ;—по всему было видно, что происхожденія онъ былъ знаменитаго, рода знатнаго и что пріѣхалъ изъ далекихъ странъ. Соселъ воинъ съ коня и вѣжливо попросилъ, у маститаго старца гостепріимства всего на одинъ день.

— Будь дорогимъ гостемъ! отвѣтилъ ему святой мужъ.—Хотя мы тебя не знаемъ, все-таки всѣ мы тебѣ рады. Оставайся сколько хочешь, дѣлай, что вздумаешь,—ни въ чемъ не будетъ тебѣ отказа!

Незнакомецъ поблагодарилъ и переступилъ порогъ. Онъ прослышалъ о красотѣ дочери Ноя, и пріѣхалъ полюбоваться на нее. Какъ только появилась красавица, молодой воинъ сразу позналъ всю прелесть сильной любви. Объ отъѣздѣ уже не было и рѣчи: день протекалъ за днемъ, а незнакомецъ и позабылъ о возвращеніи на родину. Не будучи въ силахъ долѣе скрывать зародившееся въ немъ чувство, онъ признался во всемъ Ноею и попросилъ его дочь, себѣ въ жены. Къ отъѣзду не было причинъ,—молодой человѣкъ удовлетворялъ всѣмъ условіямъ. Получивъ согласіе и уговорившись на счетъ дня свадьбы, воинъ, вполне счастливый, отправился въ обратный путь.

Не прошло и дня, какъ новый посѣтитель предсталъ передъ жилищемъ нашего прародителя. Также изъ далекихъ странъ прибылъ онъ съ многочисленною свитою. Ни красотой, ни знатностью, ни богатствомъ онъ не уступалъ, только что отъѣхавшему воину, такъ какъ, судя по обстановкѣ, онъ навѣрно происходилъ изъ какого-нибудь царскаго рода.

И этотъ молодецъ прельстился красотой дочери Ноя, и онъ сталъ просить ее себѣ въ жены. Умоляющимъ голосомъ, принялся онъ упрашивать праотца, людей согласиться на его предложеніе, обѣщая всю жизнь нѣжно заботиться о женѣ своей.

Почтенный старецъ, несмотря на всѣ мольбы, уже хотѣлъ отказать на отрѣзъ; но потомъ ему сдѣлалось жаль молодого человѣка и, онъ сильно задумался о томъ, какъ поступить въ такомъ затруднительномъ случаѣ.

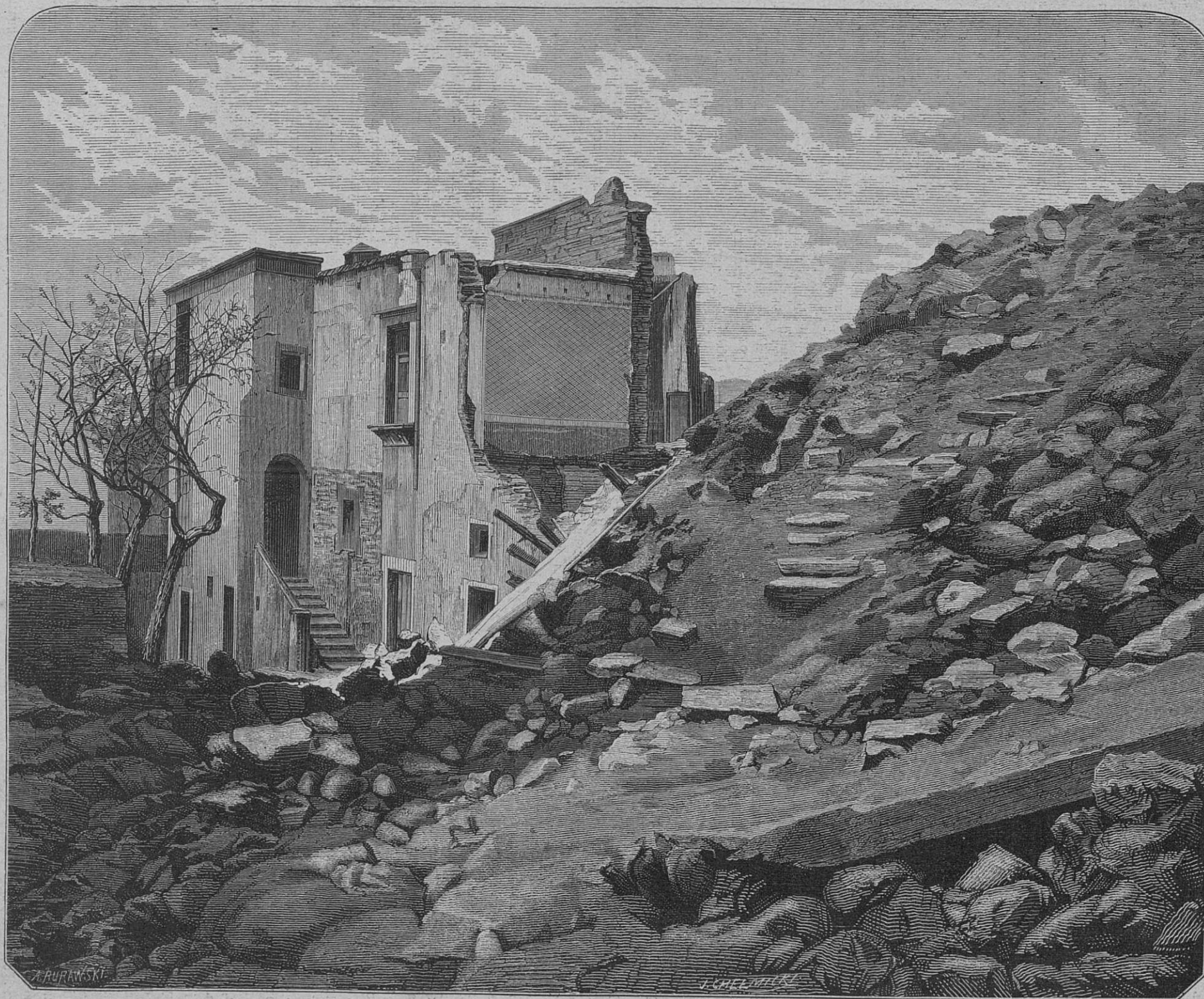

ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА 1879 ГОДА.
КАРТИНА ЛЮМИЭ.

Смерть Храма. Ръзалъ на деревѣ А. Шлипперъ въ С.-Петербургѣ.

С. Себастьяно послѣ послѣдняго изверженія Везувія.

Рѣзалъ на деревѣ г. Хелмицкій въ Варшавѣ.

«Какъ же я отдамъ ему дочь свою, когда общалъ ее другому? Что скажутъ люди про мою справедливость?» мысленно разсуждалъ онъ самъ съ собою. «А вдругъ первый женихъ откажется! пришло ему въ голову. — Тогда пожалуй дочь моя, не скоро принцетъ себѣ мужа... Лучше соглашусь. Если оба явятся за нею, то можно будетъ выбрать того, который окажется достойнѣйшимъ».

И онъ согласился.

На слѣдующій день, вновь прибывшій, вполнѣ ослѣпленный полученнымъ согласіемъ, покинулъ жилище святаго мужа и вернулся къ себѣ на родину, чтобы достойнымъ образомъ приготовиться къ свадьбѣ, которая была назначена на тотъ самый день, когда должна была произойти свадьба перваго жениха.

Не совѣмъ еще скрылся онъ изъ глазъ благочестиваго семейства, какъ съ противоположной стороны появилась новая группа всадниковъ. По ихъ узкимъ одеждамъ и по страннымъ уборамъ на лошадяхъ, не трудно было признать въ нихъ жителей далекихъ заморскихъ странъ. Впереди всѣхъ ѣхалъ молодой бѣлокурый человѣкъ, весь покрытый золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями; это былъ сынъ могущественнаго царя. Въ немъ сразу угадалъ Ной третьяго жениха. Когда и этотъ юноша высказалъ ему свою пламенную любовь къ несравненной красавицѣ и сталъ просить ее въ жены, старецъ уже не колеблясь далъ ему свое согласіе.

«Если я согласился на предложеніе первыхъ двухъ, то нѣтъ причины отказывать и третьему», подумалъ онъ и назначилъ тотъ же самый день свадьбы, который былъ опредѣленъ для первыхъ двухъ.

Вскорѣ и этотъ женихъ отъѣхалъ въ свои страны.

Послѣ его отъѣзда, все семейство Ноя окружило своего родоначальника и стало смѣяться надъ его поступкомъ, предсказывая великія затрудненія въ будущемъ.

— Аллахъ не оставитъ меня! просто отвѣтилъ Ной. Но въ душѣ онъ все-таки не былъ спокоенъ — развязка сильно его озабочивала.

Время между тѣмъ, слѣдую предопредѣленію Аллаха, шло себѣ незаметно, и день, назначенный для свадьбы, приближался.

Въ давно минувшіе вѣка существовалъ одинъ весьма важный обычай, который свято соблюдался всѣми безъ исключенія, а именно: женихъ обязанъ былъ за нѣсколько дней до свадьбы прислать отцу невесты разные драгоценные подарки, и между прочимъ, непременно, великолѣпную корзину съ лучшими цвѣтами.

И вотъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, Ной получаетъ разомъ три корзины съ цвѣтами и три подарка, самые лучшіе, какіе только могли существовать на свѣтѣ. Все семейство онѣмѣло отъ удивленія и восторга и рѣшительно не знало, которому изъ подарковъ дать предпочтеніе. Наконецъ супруга Ноя, преодолевъ свое смущеніе, обратилась къ мужу съ упреками и въ порывѣ негодованія назвала его даже сумасшедшимъ и глупымъ, навлекшимъ на ихъ семью позоръ и посмѣяніе. Тогда только старикъ очнулся и понялъ всю необдуманность своего поступка.

Въ великомъ волненіи, тайкомъ, покидаетъ онъ домъ свой и скрывается въ горахъ. Тамъ, отыскавъ уединенное мѣсто, святой мужъ приноситъ искреннее раскаяніе въ своемъ грѣхѣ и умоляетъ Аллаха, помочь ему въ неожиданной бѣдѣ. Молится онъ день, молится другой; наконецъ на третій, Аллахъ сжалился надъ нимъ.

— Ты поступилъ не по лѣтамъ своимъ, внушительно сказалъ ему всемірный Судья. — Ты, какъ мальчишка, далъ волю пылкому воображенію, за это и страдаешь! Но, во вниманіе къ твоему искреннему раскаянію, я помогу тебѣ. Иди спокойно домой и сдѣлай то, что я тебѣ

прикажу... Запри въ одномъ сараѣ вмѣстѣ твою дочь, твоего осла и твою собаку! На слѣдующее утро увидишь что будетъ!

Небесный гласъ умолкъ.

Ободренный милостью Аллаха, старецъ возвращается къ себѣ и въ точности исполняетъ данное ему повелѣніе. Утромъ отворяетъ онъ сарай и, пораженный удивленіемъ, останавливается у входа: передъ нимъ вмѣсто одной дочери три, и всѣ до того похожи одна на другую, что онъ не въ состояніи отличить настоящей своей дочери.

Послѣ такого чуда уже никто не осмѣлился болѣе порицать святаго мужа; всякій чувствовалъ, что ему покровительствовала сила не земная.

Наконецъ собрались всѣ женихи; всѣ три свадьбы были отпразднованы съ подобающимъ великолѣпіемъ и съ соблюденіемъ всѣхъ обычаевъ, и затѣмъ вскорѣ молодые разѣхались, — каждая парочка въ свою сторону.

Но этимъ затрудненіе Ноя еще не окончилось. У него былъ драгоценный поясъ, доставшійся ему отъ самого Адама. Этотъ-то поясъ старецъ общалъ дать въ подарокъ своей дочери, еще до пріѣзда жениховъ. Но такъ какъ у него разомъ вмѣсто одной, явилось три дочери, то онъ и не зналъ, которую изъ нихъ ослѣпить завѣтнымъ поясомъ. Подумавъ престарѣлый Ной и рѣшилъ посѣтить всѣхъ трехъ дочерей, въ надеждѣ, что Аллахъ уважитъ ему настоящую.

Послѣ долгаго странствованія приходитъ онъ къ третьему зятю, сыну могущественнаго царя; его встрѣчаютъ и принимаютъ съ большимъ почетомъ; дочь сама готовитъ ему угощеніе.

Улучивъ удобную минуту, старецъ спрашиваетъ своего зятя:

— Ну, скажи пожалуйста? Какъ живешь? доволенъ-ли моею дочкою?

— Все хорошо, всѣмъ былъ-бы доволенъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, — только въ одномъ бѣда... почти съ перваго же дня я убѣдился, что дочь ваша меня ненавидитъ. Она такая злая! постоянно кричитъ, постоянно бранится, — ничѣмъ ее не уговоришь.

«Знаю, знаю! подумалъ старецъ. — Это собачій характеръ; не дочь она мнѣ, а собака!»

Изъ приличія погостивъ нѣсколько дней и, совершенно убѣдившись, что у жены царскаго сына много собачьихъ привычекъ, Ной произнесъ неохотно нѣсколько утѣшеній и отправился въ дальнѣйшій путь.

Совершенно измученный, добрался онъ до втораго зятя, у котораго былъ принятъ еще съ большимъ радушіемъ.

— Пришелъ я къ тебѣ, зятюшка, заговорилъ онъ, утоливъ свой голодъ по истинѣ царскимъ угощеніемъ, — чтобы узнать, доволенъ-ли ты своею судьбою? Какъ нравится тебѣ моя дочь?

Весело разсмѣялся юноша и отвѣтилъ:

— Да что и говорить тестюшка, всѣмъ я доволенъ; даже могъ бы назвать себя несчастливѣйшимъ человѣкомъ, если-бы не одна бѣда: моя жена очень добрая, но, къ несчастью, страшно упряма и лѣнлива, ни къ какому дѣлу ее не приучишь.

«Нечего сомнѣваться, это осель» подумалъ тогдашній старикъ и сталъ торопиться приготовленіями къ дальнѣйшему странствованію.

Приходитъ наконецъ Ной къ первому своему зятю съ радостью въ сердцѣ, съ надеждою увидѣть настоящую свою дочь. И дѣйствительно, онъ не ошибся. Напировавшись до сыта, насладившись вполнѣ нѣжностью молодой парочки, онъ смѣло вопрошаетъ юнаго воина:

— Скажи мнѣ по совѣсти, пришла-ли тебѣ по сердцу моя дочь?

Тутъ воинъ бросился старику на шею и принялся со слезами на глазахъ благодарить за да-

ванное ему счастье. Въ самыхъ пылкихъ, отборныхъ выраженіяхъ описалъ онъ всевозможныя качества своей жены и завѣрялъ, что въ ней нѣтъ рѣшительно никакого недостатка.

Другого отвѣта и не ждалъ Ной. Онъ мысленно поблагодарилъ Аллаха за его милости и немедленно подарилъ женѣ своего зятя драгоценный поясъ Адама.

Этотъ поучительный разсказъ изъ жизни древнихъ святыхъ мужей, читалъ однажды знаменитый Шакиръ-Ханъ. Читалъ онъ съ увлеченіемъ, напрягая весь умъ свой. А умъ его славился на нѣсколько тысячъ фарсанговъ (фарсангъ — 8 верстъ) въ окружности. Когда же дошелъ онъ до развязки, то глубоко задумался; и задумался онъ такъ сильно, что никакія государственныя дѣла, никакія развлеченія, однимъ словомъ, ничто не могло оторвать его отъ великихъ мыслей, которыя священная книга заронила въ его просвѣщенную голову. Думалъ же онъ такъ:

«Великъ родъ человѣческій! Не найти такого мудреца, который былъ бы въ силахъ пересчитать всѣхъ людей, существующихъ на этомъ свѣтѣ!.. Вотъ, напримѣръ, мое теперешнее желаніе кажется и не особенно головоломное, а чтобы исполнить его, — сколько трудовъ придется понести, можетъ быть, ничего и не добьешься... Какое громадное число женщинъ разсыпано по всѣмъ странамъ! а которыя изъ нихъ происходятъ прямо отъ настоящей дочери Ноя, — не скоро узнаешь. У меня много женъ, — есть-ли одна между ними, которую можно было бы считать прямымъ потомкомъ Ноя? Во чтобы то ни стало, я хочу разрѣшить эту задачу и не успокоюсь, пока не узнаю истинны!»

Такъ какъ ханъ былъ человѣкъ рѣшительный и не любилъ ничего откладывать въ долгій ящикъ, то онъ и приступилъ немедленно къ исполненію своего намѣренія. Но всѣ его усилія оказались напрасными, — тайна не разъяснилась. Онъ отшатнулся отъ своихъ женъ, — всѣ онѣ казались ему или ослами или собаками, — и съ досады и съ отчаянія сталъ чахнуть и болѣть; никакіе мудрецы и доктора не могли помочь своему любимому государю. Его земное существованіе прекратилось бы скоро, если бы одному сановнику не пришла счастливая мысль привести къ хану женщинъ съ разныхъ странъ свѣта, — можетъ быть, изъ разговора съ ними, или по какимъ-нибудь другимъ признакамъ, возможно будетъ рѣшить загадку. Хану совѣтъ понравился, онъ сразу повеселѣлъ.

Черезъ нѣсколько дней передъ нимъ представили три женщины: ингузка *), туркестанка и аравитянка, всѣ одинаково прелестныя. Ихъ помѣстили въ ханскій гаремъ.

Первое время ханъ не могъ примѣтить ничего особеннаго, что помогло-бы ему разрѣшить трудную задачу; снова началъ онъ отчаиваться и былъ уже готовъ отказаться отъ всего и покончить съ собою.

— Никогда не переживу этого позора; чтобы каждый былъ вправѣ смѣяться надо мною! воскликнулъ онъ.

Но вотъ самый пустячный случай натолкнулъ его на настоящую дорогу.

Зорко наблюдая за тремя красавицами, онъ замѣтилъ, что онѣ постоянно просыпаются съ восходомъ солнца, несмотря на то, что ихъ никто не будилъ. Это обстоятельство тѣмъ болѣе его удивило, что красавицы ни въ чемъ не нуждались, жили въ роскоши, не имѣли никакихъ заботъ, — а потому, повидимому, имъ не было необходимости лишаться самаго сладкаго, утренняго сна и покидать мягкое роскошное ложе, призы-

*) Ингузками мусульмане прежде называли всѣхъ европейцевъ безъ исключенія.

вавшее къ пѣтѣ и бездѣйствію. Ханъ рѣшилъ отъ амѣхъ гурій *) добиться разъясненія.

Свои разспросы онъ началъ съ ингилизки. После нѣкотораго колебанія она отвѣтила такъ:

— Мудрый ханъ! Тебѣ одному могу повѣдать мою тайну. Передъ сномъ я люблю крѣпко поужинать; отъ этого первы мои сильно возбуждаются и я съ первыми лучами солнца уже не въ состояніи болѣе сомкнуть глазъ. Вотъ причина, почему я такъ рано встаю.

Царь-хану сдѣлалось противно.

«Она навѣрно происходитъ отъ собаки, подумалъ онъ,—такъ какъ обладаетъ одною изъ главныхъ привычекъ этого животнаго—обжорливостію.

Затѣмъ наступила очередь уроженки Туркестана. Нисколько не стѣсняясь, молодая женщина дала слѣдующее объясненіе:

— На зарѣ меня всегда будить крикъ осла. Въ это время во мнѣ появляется сильнѣйшая жажда и я поневолѣ должна встать, чтобы напиться воды.

«Нѣтъ! и она не принадлежитъ къ настоящимъ женщинамъ; безъ сомнѣнія она приходится сродни ослу», рѣшилъ мудрый ханъ и поспѣшилъ допросить представительницу благословенной Аравіи.

Долго не соглашалась очаровательная аравитянка исполнить просьбу могущественнаго хана; но когда онъ началъ умолять ее самыми нѣжными, ласковыми словами, тогда она уступила и повѣдала слѣдующее:

— Я сплю всегда при открытыхъ окнахъ, сплю очень крѣпко. Обыкновенно подъ утро начинается дуть легкій вѣтерокъ. Когда наступаетъ пора возгнать отъ сна, вѣтерокъ тихо затрогиваетъ правую серьгу мою; серьга качается и я просыпаюсь. Если же я не встаю, вѣтерокъ прикасается къ лѣвой серьгѣ, если же и это не въ состояніи прервать мой сонъ, тогда онъ срыгаетъ съ лица моего тонкій вуаль, которымъ я прикрываюсь... послѣ этого я уже не могу спать.

Разсказъ красавицы привелъ въ неописанный восторгъ Шакыр-хана.

— Ты и есть та настоящая женщина, которую я ищу! воскликнулъ онъ.—Ты будешь моею единственною женою!

Такимъ-то случайнымъ образомъ и открылась истинная женская порода.

Таварихъ-Табари одно изъ историческихъ сочиненій наиболѣе распространенное между среднеазиатскими мусульманами; оно полно всевозможныхъ древнихъ сказочныхъ преданій, до которыхъ средне-азіяты большіе охотники.

Спящая красавица. Кому не приходилось въ дѣтствѣ среди сказокъ о «Красной шапочкѣ» о «Котѣ въ сапогахъ», о «Мальчикѣ съ пальчикѣ» читать и сказку о «Спящей красавицѣ», жившей въ очарованномъ замкѣ, гдѣ все уснуло мертвымъ сномъ, и пробужденной черезъ долгіе годы своимъ суженымъ? Къ этой-то сказкѣ существуетъ нѣсколько иллюстрацій Чауча, изъ которыхъ мы беремъ двѣ: сцену, когда героиня сказки приходитъ къ колдунѣ, и сцену, когда ее пробуждаетъ ее суженый. Эти иллюстраціи Чауча прелестны, поэтичны и напоминаютъ манеру нашего Зичи въ его иллюстраціяхъ къ Донъ-Жуану.

Хуцулы. Среди славянскихъ народовъ русины занимаютъ не послѣднее мѣсто и насчитываютъ

*) Гурій—прелестныя женщины, населяющія рай Магомета.

въ своей семьѣ до 3,100,000 душъ. Они живутъ въ восточной Галиціи и сѣверо-восточной Венгріи по обѣ стороны Карпатскихъ горъ. Среди нихъ племя хуцуловъ сохранило болѣе всего и древне-славянскій типъ, и древнеславянскіе нравы, и національное одѣяніе. Мы представляемъ группу хуцуловъ въ ихъ своеобразныхъ нарядахъ.

С. Себастьяно. Наши читатели уже не разъ читали въ «Новостяхъ наукъ и жизни» объ изверженіяхъ Этны и Везувія, напугавшихъ въ послѣдніе годы не на шутку мѣстныхъ жителей. Одно изъ мѣстъ, наиболѣе пострадавшихъ въ послѣднее время отъ Везувія,—есть мѣстечко С. Себастьяно, еще недавно цвѣтущее, прелестное по постройкамъ, а теперь... читатель видитъ по этой грудѣ развалинъ и обгорѣвшихъ оливковыхъ деревьевъ, что осталось отъ этого мѣстечка.

Смерть Храма. Исторію Храма мы отлагаемъ до № 27.

СМѢСЬ.

— Новый громадный пожаръ. Въ «Правит. Вѣстн.» напечатана слѣдующая телеграмма изъ Иркутска: «Городъ Иркутскъ 22 сего іюня опустошенъ страшнымъ пожаромъ. Сгорѣло четырнадцать кварталовъ. Множество жителей осталось безъ крова. Помощь оказывается».

— Памятникъ Лермонтову. Въ «Листѣхъ для почитателей кавказскихъ минеральныхъ водъ», комитетъ по сооруженію въ Пятигорскѣ памятника Лермонтову, возобновляетъ съ окончаніемъ войны и водвореніемъ мира, приглашеніе почтить память славнаго поэта своими приношеніями. Въ настоящее время, капиталъ на сооруженіе памятника простирается до 4,258 рублей.

— Новыя произведенія Ф. Боденштедта. Ф. Боденштедтъ пишетъ намъ, между прочимъ: «Въ минувшемъ году, я началъ переводъ, оконченный нынѣ, твореній персидскаго поэта, жившаго въ XI вѣкѣ, котораго, не смотря на малую его извѣстность, я признаю за величайшаго гения, по слѣдъ Фирдуси, въ странѣ персовъ. Имя его—Омаръ Шейямъ (Omar Cheijam), и я увѣренъ, что о немъ много будутъ говорить съ появленіемъ моей книги. Въ настоящее время я оканчиваю эпическое стихотвореніе: «Пѣнь о Герменгофѣ» (Das Lied vom Hermenshof), въ которой должна отразиться Германія, какъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» отразилась Россія».

— Новое общество. По словамъ «Молвы», нѣкоторыми изъ преподавателей нашихъ средне-учебныхъ заведеній выработанъ проектъ устава «общества для вспоможенія нуждающимся ученикамъ петербургскихъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ», дѣятельность котораго, не ограничиваясь пособіями ученикамъ одного какого-либо учебнаго заведенія, будетъ распространяться на воспитанниковъ всѣхъ петербургскихъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, причемъ помимо выдачи единовременныхъ и постоянныхъ денежныхъ пособій недостаточнымъ ученикамъ, а также выдачи учебныхъ пособій и платья, задачей этого «общества» будетъ устройство для воспитанниковъ упомянутыхъ заведеній квартиръ, на которыхъ, смотря по степени ихъ недостаточности, они помѣщались бы за недорогую плату, или совершенно безвозмездно.

— Любители охоты. По словамъ «Нов. Вр.», въ Петербургѣ учреждается центральное общество любителей охоты, при которомъ предполагается имѣть особый «охотническій клубъ».

— Прогрессъ крестьянъ-финновъ. «Нов. Вр.» сообщаетъ, что между крестьянами, ближайшихъ къ Петербургу селеній, начинаютъ входить въ употребленіе земледѣльческія орудія новыхъ улучшенныхъ образцовъ. Орудія этого рода первоначально, по большей части, появляются въ финскихъ селеніяхъ, и затѣмъ уже, по примѣру ихъ, заводятся русскими крестьянами. Вообще крестьяне-финны видимо идутъ впередъ въ дѣлѣ улучшенія приемовъ сельскаго хозяйства и во многихъ другихъ случаяхъ являясь инициаторами полезныхъ нововведеній; такъ, между прочимъ, съ нѣкоторыхъ поръ въ нѣкоторыхъ изъ финскихъ

селеній петербургскаго уѣзда, крестьяне начали разводить для продажи въ аптекарскія лавки различныя лекарственныя растенія, что доставляетъ имъ источникъ довольно порядочныхъ доходовъ.

— Дѣти-убійцы. «Голосу» пишутъ изъ старорусскаго уѣзда: «28-го мая, въ деревнѣ Суховѣ, старорусскаго уѣзда, трое мальчиковъ, 9, 10½ и 11-ти лѣтъ, пасли скотъ въ полѣ и, отъ нечего дѣлать, играли въ свайку (киданіе ножа въ землю), причемъ заспорили и побранились, и старшіе прибили девятилѣтняго; во время же драки, отнимая ножъ, обрѣзали ему руку. Обиженный мальчикъ отошелъ въ кусты и заплакалъ. Десятилѣтнему обидчику пришло въ голову, что побитый, придя домой, будетъ жаловаться,—поэтому онъ предложилъ товарищу убить его, на что тотъ согласился. Одиннадцатилѣтній взялъ два камня и бросилъ ихъ въ плакавшаго. Отъ полученнаго удара, девятилѣтній мальчикъ упалъ безъ чувствъ, а десятилѣтній, взявъ ножикъ, буквально отрѣзалъ ему голову, которая найдена была потомъ на разстояніи двухъ аршинъ отъ туловища. Во время ужасной операціи отдѣленія головы отъ туловища, убійцамъ показалось, что трупъ хватается за нихъ руками и они стали рубить пожемы по рукамъ трупа; а потомъ, взглянувъ на голову, убійцы увидели, что глаза направлены на нихъ и имъ показалось, что голова шевелится; поэтому, они начали рубить и голову, сначала по лицу, а потомъ по затылку. Трупъ найденъ былъ на другой день, и мѣстный жгловскій волостной старшина собралъ улики настолько ясныя, что обвиняемые должны были сознаться и чистосердечно рассказали, какъ было дѣло».

— Ребенокъ-поджигательница. «Голосу» передаютъ изъ Пензы: «Въ короткое время было три покушенія на поджогъ дома Назарова: 22-го мая, 6-го и 12-го іюня. Въ этотъ-то послѣдній разъ и удалось поймать виновницу. Оказалось, что поджогъ совершала 13-ти-лѣтняя дѣвочка, ученица портнихи. По ея показанію, она вынуждена была на этотъ поступокъ по настоянію одного мальчика, который изъ мести на самоубійца, проживавшаго въ этомъ домѣ, задумалъ наказать его пожаромъ; онъ обѣщалъ ей за это пять копѣекъ, а въ противномъ случаѣ, если она не исполнитъ его просьбы, или выдастъ его, то онъ «напуститъ на нее такую тоску, что она утопится». Вслѣдствіе этихъ угрозъ, несчастная дѣвочка рѣшилась исполнить требованіе негодяя.

— Наказанные ловеласы. Изъ Мышкина (Ярославской губерніи) въ газету «Новости» пишутъ о слѣдующемъ подвигѣ молодой дѣвицы: «Въ прилагающемъ къ нашему городу лѣсѣ, куда мышкинцы ежедневно отправляются на гулянье, 10-го сего іюня произошла кровавая сцена. Молодая дѣвушка, служанка мѣстнаго обывателя С., отправилась въ упомянутый лѣсъ нарѣзать свѣжихъ вѣшниковъ. Тамъ къ ней подошли два, прогуливавшіеся по лѣсу, молодые субъекта, сыновья мѣстныхъ обывателей, К. Т. и В. З., и сдѣлали ей безстыдное предложеніе за извѣстную плату. Дѣвушка отвергла его. Тогда молодые люди, пользуясь безлюднымъ мѣстомъ, вознамерились употребить насилие. Одинъ изъ нихъ, К. Т., бросился первый на дѣвушку, съ цѣлью сбить ее съ ногъ и привести въ исполненіе свое намѣреніе. Дѣвушка, защищаясь, схватила лежавшій у ногъ ея толстый березовый сукъ и ударила имъ К. Т. такъ сильно, что тотъ, обливаясь кровью, упалъ безъ чувствъ на землю. Этотъ рѣшительный отпоръ не остановилъ другаго юношу, В. З. Какъ бы въ отмщеніе за товарища, онъ бросился съ остервенѣніемъ на дѣвушку и началъ наносить ей удары бывшей въ его рукахъ палкой. Въ защиту отъ втораго наглеца, дѣвушка употребила бывшій въ рукахъ ея ножъ; въ принадлежъ отчаянія, она ударила своего противника пожемы въ щеку и тѣмъ отразила его. Все это произошло въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Побѣдивъ, такимъ образомъ, одна двоихъ ловеласовъ, дѣвушка вообразила, что она убійца. Съ этой мыслью она приближалась въ городъ и рассказала обо всемъ своимъ хозяевамъ, которые тотчасъ же дали знать о случившемся полиціи. Вскорѣ дѣло разъяснилось. Молодые люди, хотя и остались живы, но

полученныя ими раны очень серьезны и, вѣроятно, навсегда обезобразятъ ихъ. Одинъ изъ нихъ, К. Т., оказался съ раздробленной челюстью, причѣмъ не досчитывается всей стороны зубовъ; другой, В. З., получилъ глубокий разрѣзъ щеки и носа. О происшествіи этомъ составленъ протоколъ и представленъ куда слѣдуетъ».

— **Громадный транспортъ чая.** «Правда» сообщаетъ, что во второй половинѣ этого мѣсяца, на пароходѣ «Феронія», прибудетъ грузъ чая, который слѣдуетъ чрезъ Одессу транзитомъ въ Москву и для перевозки его уже нанято на одесской желѣзной дорогѣ двѣсти вагоновъ, которые приспособляются для этой цѣли. Считая, что каждый крытый вагонъ поднимаетъ 600 пуд. груза, оказывается, что вся партія чая заключаетъ въ себѣ до 120,000 пудовъ вѣсу.

— **Если не утка, то важное открытіе.** «Пет. Газета» сообщаетъ, что Америка подарила въ послѣднее время свѣту новое, неожиданное открытіе, которое можетъ имѣть великія послѣдствія: найдено средство приостанавливать жизнь на продолжительное время. Средство это — особый растительный ядъ, который, будучи введенъ въ организмъ, прекращаетъ жизнь до тѣхъ поръ, пока она снова не будетъ возбуждена другимъ ядомъ. Ученый Ротюръ произвелъ весьма удачный опытъ надъ собакою, которая была имъ подвѣргнута, не испытавъ ни конвульсій, ни боли, временной смерти — вирожденіе цѣлѣхъ сутокъ, а потомъ, чрезъ посредство противоядія, снова ожила и начала ходить, какъ будто съ нею ничего не случилось.

— **Взрывъ котла.** 3-го іюня на Штеттинской пристани случилось слѣдующее ужасное происшествіе: «Винтовой пароходъ «Орфей», долженъ былъ въ 4 часа утра отплыть съ грузомъ и пассажирами въ Кенигсбергъ. За нѣсколько минутъ до отхода, съ страшнымъ трескомъ лопнулъ котелъ, и все, что было вблизи, полетѣло къверху. Болѣе 12-ти человѣкъ погибло ужасною смертію; по большей части это были пассажиры. Одинъ изъ нихъ былъ отброшенъ почти на 1,000 шаговъ, и тѣло его, падая, пробило крышу. Головы и разорванныя части тѣлъ были разбросаны на далекое разстояніе; куски отъ котла и машины попали въ весьма отдаленныя части города, а паровая труба, перелетѣвъ чрезъ Одеръ, упала вблизи желѣзно-дорожнаго вокзала. Носовая часть и корма парохода, равно какъ и грузъ, вовсе не пострадали, по крайней мѣрѣ, судя по первому поверхностному осмотру. Въ числѣ пассажировъ находилась, между прочимъ, одна женщина, которая съ своими четырьмя дѣтьми ѣхала въ Кенигсбергъ; такъ какъ было свѣжо, то все они примостились поближе къ машинѣ, и тутъ погибли ужасною смертію. Никто не знаетъ причины взрыва котла; капитанъ еще не всходилъ на пароходъ, а такъ какъ кочегары, бывшіе при машинѣ, по всей вѣроятности, тоже убиты, то настоящая причина несчастія едва-ли когда-нибудь и откроется».

— **Почтовые голуби.** Подъ заглавіемъ «Летучая почта съ Нордкапа», въ шведскихъ газетахъ помѣщено извѣстіе, что нидерландская шхуна «W. Varents», недавно отправившаяся въ новую полярную экспедицію, взяла съ собою, на этотъ разъ, 12 почтовыхъ голубей, которые будутъ выпущены на свободу по минованіи шхуною сѣвернаго берега Нордкапа. По означенному случаю, нидерландскій консулъ обратился въ нѣкоторыя шведскія газеты съ ходатайствомъ печатно оповѣстить объ этомъ жителей Швеціи и просить ихъ, чтобы они, при поимкѣ такихъ голубей въ шведскомъ королевствѣ, немедленно отправляли ихъ въ дальнѣйшій путь и извѣщали о ихъ пролетѣ нидерландское консульство въ Стокгольмъ, или ближайшаго нидерландскаго вице-консула. На крыльяхъ голубей выжжено клеймо съ названіемъ шхуны.

— **Дань, платимая морямъ и океанамъ.** Подъ этимъ заглавіемъ въ одесской газетѣ «Правда» напечатана слѣдующая замѣтка: «Въ Парижѣ существуетъ учрежденіе, цѣль котораго — собираніе данныхъ о крушеніяхъ судовъ всѣхъ націй

и о причинахъ ихъ крушеній. Изъ отчетовъ этого учрежденія, носящаго названіе Veritas, мы выписываемъ слѣдующія данныя, показывающія число ежегодно погибающихъ судовъ. Вотъ эти данныя:

	Парусн.	Паров.
Въ 1872 г. погибло судовъ	2682	188
» 1873 г. » »	2165	204
» 1874 г. » »	1999	131
» 1875 г. » »	1524	153
» 1876 г. » »	1398	132
» 1877 г. » »	1649	115
» 1878 г. » »	1268	110

Итого въ семь лѣтъ 12.685 1.033

Полагая, что въ каждомъ суднѣ помѣщается товаровъ на 200.000 рублей, не считая стоимости судна, — въ среднемъ 100.000 рублей, — мы получимъ, что море ежегодно поглощаетъ товаровъ на 332.000.000 рублей, и, считая, что экипажъ каждого судна, включая и пассажировъ, состоитъ изъ 20 человѣкъ, мы получимъ ужасающую цифру въ 33.200 человѣкъ, погибающихъ ежегодно въ океанѣ и моряхъ».

— **Мужественные мореплаватели.** Въ «Levand Herald» извѣщаютъ о прибытіи въ Босфоръ двухъ американцевъ гг. Кларка и Векона, архитекторовъ изъ Бостона, которые совершенно одни приплыли изъ Регенсбурга по Дунаю на маленькомъ кутерѣ «Dorian», вмѣстимостію только въ двѣ тонны, настоящей орѣховой скорлупѣ, не болѣе какъ въ три, четыре метра длиной. Американцы эти купили свою маленькую яхту въ Лондонѣ въ прошедшемъ году, въ августѣ переправились на ней черезъ Ламаншъ до Антверпена, оттуда каналомъ добрались въ Роттердамъ до Рейна, по которому проплыли до Майнца. Такъ какъ въ каналѣ, соединяющемъ Рейнъ съ Дунаемъ, оказалось недостаточное воды, то «Dorian» пришлось перевезти по желѣзной дорогѣ до Регенсбурга, и когда онъ прибылъ туда, то время года было уже неблагоприятно для дальнѣйшаго плаванія, почему гг. Кларкъ и Веконъ провели зиму въ Германіи и въ мартѣ поплыли внизъ по Дунаю. Такъ какъ ихъ было только двое, то ночью они прекращали плаваніе, чтобы не слишкомъ уставать, и вслѣдствіе этого на путешествіе отъ Регенсбурга до Константинополя имъ потребовалось два мѣсяца. 27-го апрѣля они остановились въ Галацѣ; 1-го мая они вступили въ Черное море черезъ Георгіевское гирло; 13-го достигли Варны, испытавъ сильную бурю, а 15-го утромъ здравые и невредимые прибыли въ Босфоръ. Неустрашимые путешественники пробудутъ въ Константинополѣ два или три дня и затѣмъ поплывутъ въ Архипелагъ и Грецію. На борту «Dorian» они помѣщаются въ маленькой каютѣ, гдѣ стоять нельзя, но гдѣ устроены двѣ удобныя постели. Въ углу маленькая петролейная печь, на которой они готовятъ себѣ кушанье, и библіотека съ сотней книгъ и множествомъ географическихъ картъ.

— **Громадная рыба.** Близъ с. Золотого, на Волгѣ, однимъ рыбакомъ поймана громадныхъ размѣровъ бѣлуга, вѣсомъ приблизительно около 60 пудовъ. По спадѣ воды, она была захвачена на отмели, такъ что для рыбака не представилось никакихъ затрудненій овладѣть ею.

— **Къ статистикѣ народнаго образованія.** Школъ въ Англіи 58,075, ихъ посѣщаютъ 3.000,000 учениковъ. Деньги отпускаются на школы отчасти правительствомъ, отчасти вносятся самими учениками и получаютъ отъ добровольной подписки гражданъ, что все вмѣстѣ взятое составляетъ 65.000,000 франковъ. Австро-Венгрія уже ввела у себя обязательное первоначальное обученіе, впрочемъ, исключая Трансильваніи, Кроаціи и нѣкоторыхъ другихъ венгерскихъ провинцій, гдѣ первоначальное образованіе еще и до сихъ поръ въ большемъ пренебреженіи. Въ Австріи существуетъ 29,272 школы съ 3.050,000 учениками, что составляетъ 8 на 100 народонаселенія. Общая сумма расхода на первоначальное образованіе въ этомъ государствѣ простирается до 70.000,000 фр. Въ Бельгіи, съ 1850 года, число школъ увеличилось

вдвое. Въ настоящее время тамъ существуетъ 8,300 школъ и 670,000 учениковъ, что составляетъ 12 на 100 всего народонаселенія. Бельгія одно изъ государствъ, которое тратитъ болѣе другихъ на первоначальное образованіе, а именно 25,000,000 франк. Въ Голландіи 3,734 школы и 444,707 учениковъ; по народонаселенію составляетъ 11 на 100. Сумма денегъ, отпускаемая государствомъ на школы, 15,318,136 фр. Въ Германіи всѣмъ дѣтямъ отъ 6 до 14-лѣтняго возраста посѣщать школу обязательно. Въ настоящее время въ этомъ государствѣ существуетъ 6,000 школъ; учениковъ 6.000.000 что составляетъ на каждую школу 719 учениковъ и 14 на 100 народонаселенія. Государство это тратитъ ежегодно на первоначальное образованіе народа 140.000,000 фр. Греція: 1,380 школъ, посѣщаемыхъ 95,000 учениками; 6 на 100 народонаселенія. Отпускается правительствомъ 2,000,000 фр. ежегодно. Въ Даніи всѣ граждане, достигшіе 15-лѣтняго возраста умѣютъ читать и писать. Всѣхъ школъ 2,917 учениковъ 260,000, — 13 на 100 народонасел. Расходъ на школы 5,500,000 фр. ежегодно. Испанія по отношенію первоначальнаго образованія за послѣднее время обнаружилъ громадный прогрессъ. Въ настоящее время въ этомъ государствѣ существуетъ 29,038 школъ, посѣщаемыхъ 638,288 учениками, что составляетъ 9 на 100 народ. Сумма расходовъ простирается до 26.000,000 франк. ежегодно.

— **Женщина въ роли гусыни.** Шведская областная газета «Oskarhamus Posten», а за нею и многія стокигольмскія газеты, рассказываютъ любопытную исторію о шестидесяти-лѣтней старухѣ Маріи Ионасдоттенъ, изъ селенія Глансгультъ, кронoberгскаго округа. Недавно Марія Ионасдоттенъ, которая находится въ живыхъ еще и теперь, повредила себѣ ногу и принуждена была пролежать шесть недѣль въ постели. Узнавъ, во время своей болѣзни, о смерти гусыни, едѣвшей на яйцахъ, домовитая старуха просила положить ихъ на свою постель и тамъ цѣлѣныя двѣ недѣли заботливо и прилежно согрѣвала яйца своимъ тѣломъ. Слѣдствіемъ ея нѣжныхъ материнскихъ попеченій, было происхожденіе на свѣтъ семи рѣзвыхъ гусенятъ, которыхъ она старательно воспитала и которые, втеченіи многихъ дней, не отходили отъ нея ни на минуту. Газеты, откуда мы заимствовали это извѣстіе, сообщаютъ, что гусенята и потомъ чувствовали постоянную привязанность къ своей пріемной матери.

— **Мальчикъ, да не тотъ.** Купецъ желавшій нанять мальчика для посылокъ, прибылъ къ дверямъ своей квартиры объявленіе со словами: «Здѣсь нуженъ мальчикъ». На слѣдующее утро у дверей нашли корзинку съ новорожденнымъ младенцемъ, на груди котораго лежалъ клочекъ бумаги съ лаконическою надписью: «вотъ мальчикъ!»

ОТЪ КОНТОРЫ. № 25-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 23-го іюня въ 6 часовъ 20 минутъ, на погородную почту 24-го іюня въ 12 часовъ дня.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Стихотвореніе «Ненастье». — Изъ моихъ воспоминаній (продолж.). — Иза (продолж.). — Въ Новой Гвинее (продолж.). — Лѣтніе загородные театры. — Милые бездѣльники. — Генрихъ Гейне. — Три дочери Ноя. — Къ рисункамъ. — Смѣсь. — Объявленія.

Гравюры: Хуцуды въ Карпатскихъ горахъ. — 2. Спящая красавица. — Балъ у Изы. — Смерть Хрома. — С. Себастьяно послѣ послѣдняго изверженія Везувія.

Издатель Н. И. Шульгинъ.

Редакторъ Д. А. Карч-Карчевскій.

Объявленія.

Черногорія и ея война съ Турціей съ 1877—78 г.

Д-ра А. В. ЩЕРБАКЪ.

ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ. Цѣна 1 р. 25 к.

Продается въ книжномъ магазинѣ Кехрибаджи. Невскій, № 32.

При этомъ номерѣ «Живоп. Обозрѣн.» разсмѣляется гг. подписчикамъ приложеніе: „Руководство къ Гигіенѣ“.

РНБ

РЖФ

1

м/ф

124

Низ

1879

~1-26